

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ**

**И С Т О Р И Я
ТАТАР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН**

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ V

**Татарский народ в составе
Российского государства
(вторая половина XVI–XVIII вв.)**

**КАЗАНЬ
2014**

УДК 93/99
ББК 63.3
И90

Подготовка и издание книги осуществлены в соответствии с Распоряжением
Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.03.2014 г. № 466-р

Научный совет издания:

<i>Дмитрий Васильев</i> (Институт востоковедения РАН)	<i>Сергей Кляшторный</i> (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
<i>Иштван Вашари</i> (Венгрия, Будапештский университет)	<i>Марк Крамаровский</i> (Государственный Эрмитаж)
<i>Искандер Гилязов</i> (Казанский (Приволжский) федеральный университет)	<i>Булат Кумеков</i> (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)
<i>Людмила Гмыря</i> (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)	<i>Евгений Кычанов</i> (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
<i>Иштван Зимоньи</i> (Венгрия, Сегедский университет)	<i>Айша Рорлих</i> (США, Южнокалифорнийский университет)
<i>Андреас Капеллер</i> (Австрия, Венский университет)	<i>Анне Стальсберг</i> (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологии)
<i>Сергей Каштанов</i> (Институт всеобщей истории РАН)	<i>Вадим Трепалов</i> (Институт российской истории РАН)
<i>Михаэль Кемпер</i> (Нидерланды, Университет Амстердама)	<i>Юлай Шамильоглу</i> (США, Висконсинский университет)
	<i>Сигурд Шмидт</i> (Археографическая комиссия РАН)

Главный редактор

Рафаэль Хакимов (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Научные редакторы тома

Искандер Гилязов (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Бахтияр Измайлов (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Ответственный секретарь тома

Бахтияр Измайлов (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Редакционная коллегия тома:

<i>Искандер Гилязов</i> (Казанский (Приволжский) федеральный университет)	<i>Дамир Исаков</i> (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)
<i>Искандер Измайлов</i> (Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ)	<i>Айдар Ногманов</i> (Институт Татарской энциклопедии АН РТ)
<i>Бахтияр Измайлов</i> (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)	<i>Дина Мустафина</i> (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
<i>Файзулхак Ислаев</i> (Институт развития образования Республики Татарстан)	<i>Рафаэль Хакимов</i> (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

ISBN 978-5-94981-188-7

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.

ВВЕДЕНИЕ

Искандер Гилязов

Вторая половина XVI – XVIII вв. – для истории татар время по-настоящему переломное. После завоевания таких тюрко-татарских государств, как Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, для татар за сравнительно короткое время полностью поменялись исторические декорации – в широком масштабе они превратились из государствообразующего этноса в подчиненных русского царя, что не могло качественным образом не изменить экономическую, социальную, политическую жизнь татар и их этническую психологию.

В целом, с одной стороны, эта эпоха стала для татар серьезнейшей исторической трагедией, но с другой стороны, она выявила у них удивительные способности к созиданию, возрождению, адаптации к новым условиям жизни. Хотя татары подвергались жесткому давлению в экономической, социальной, политической и духовной сферах на протяжении XVII–XVIII вв., они сумели выстоять, и, как ни удивительно, их можно в определенной степени рассматривать как создателей «новой» России, внесших свой неоценимый вклад в развитие Российского государства.

Понятно, что для Русского государства продвижение в Поволжье, Приуралье, Сибирь было большим политическим успехом. Сбылись планы, начало которым положили еще в X в. честолюбивые киевские князья Святослав и Владимир: Волга на всем своем протяжении стала русской рекой, т.е. оказалась под русским контролем. С этого времени для Русского государства открылись широкие возможности не только для использования природных богатств Среднего и Нижнего Поволжья, ведения торговли по всему Волжскому торговому пути, но и для продолжения масштабного наступления на Восток, продвижения на необъятные просторы Урала и Сибири.

Завоевание татарских ханств Поволжья принесло России немало выгод как политических, так и экономических. Было прекращено многолетнее военно-полити-

ческое противостояние с наследниками могущественной Золотой Орды. Московское государство значительно укрепило свой международный авторитет. Завоевание новых и плодородных земель («подрайская земля», по выражению дворянского идеолога XVI в. Ивана Пересветова) позволяло увеличить доходы казны, начать широкую русскую колонизацию (освоение) новых территорий и эксплуатацию новых государственных подданных. Этот весьма значительный успех, однако, имел и другую сторону – пожалуй, именно с завоевания Казани Русское государство начало развиваться по так называемому экстенсивному пути, т.е. развиваться не за счет внутреннего творческого потенциала, разумного использования внутренних ресурсов (например, хозяйственного совершенствования того, что уже есть), а больше за счет расширения территорий и использования результатов колонизации новых земель. До поры до времени такой экстенсивный путь развития оправдывал себя, но уже к концу XVII в. стало очевидно общее экономическое отставание России от передовых европейских стран.

Для наступления на Казань был выбран очень удачный момент, когда основные внешние соперники России либо оказались ослабленными, либо просто-напросто не решились поднять голос в защиту Казани или Астрахани. Лишь Османская империя попыталась было организовать поход на Москву с целью вынудить ее вернуть независимость татарским ханствам. В 1569–1570 гг. русско-турецкие отношения обострились именно по этой причине, а Турция – настолько угрожала безопасности России, что Иван Грозный даже был вынужден обещать вернуть самостоятельность Астрахани. Но это обещание так и осталось невыполненным – уже в конце 70-х – начале 80-х гг. XVI в. Османская империя ослабла так, что и не вспоминала более о поволжских проблемах.

Так или иначе, татарские ханства Поволжья остались в составе России, и этот

факт можно в целом оценивать как крупный военно-политический успех Русского государства.

В советское время, когда историю трактовали в рамках коммунистической идеологии и государственного политического заказа, оценка присоединения (чаще употреблялось именно выражение «присоединение», а не «завоевание») Казанского ханства преподносилась с точки зрения так называемой исторической перспективы. Было не принято говорить об отрицательных последствиях присоединения к Русскому государству, и в трактовке советской историографии практически все нерусские народы, как оказалось, присоединились к Русскому государству добровольно. Целый сектор истории народов СССР в тогдашнем академическом Институте истории СССР Академии наук почти исключительно занимался этой проблематикой. Но поскольку в татарской истории реально присутствовала война, в результате которой татары оказались в составе Московского государства, и отрицать это было невозможно, – то тут появилась эта самая пресловутая историческая перспектива. О каких-либо отрицательных последствиях завоевания, как правило, предпочитали умалчивать, или упоминать вскользь.

В современной исторической науке вообще основательно пересматриваются стереотипы недавнего прошлого. Мы знакомимся с новыми подходами, с новыми трактовками, которые нередко оказываются лишь элементарно перевернутыми на 180 градусов позициями вчерашнего дня. Иногда, таким образом, изменялась лишь полярность исторических оценок, когда вместо белого цвета стали использовать черный, и соответственно наоборот. Но есть и такие сюжеты исторического прошлого, которые требовали именно такого кардинального пересмотра, причем не в силу конъюнктурных соображений, а исходя из требований максимальной объективности. К таким сюжетам, бесспорно, относится и вхождение территории Среднего Поволжья в состав Русского государства.

Потеря Казанского и других ханств стала для татар настоящей исторической трагедией, последствия которой сказывались и, пожалуй, сказываются, в жизни нашего

народа и по сей день. Конечно же, сегодня в этом сюжете мы полностью отказываемся от трактовки советской исторической науки. И в то же время в оценке тех событий XVI в. все-таки стоит выявить разные стороны, если мы хотим быть по-настоящему объективными и хотим уважительно оценивать свое прошлое.

Перед походом на Казань Москва провозгласила целью похода отмщение «безбожным бусурманам за безвинно пролитую кровь христианскую», так что здесь официально превалировал идеолого-политический мотив мести. Такую позицию представлял, например, главный церковный идеолог похода на Казань митрополит Макарий, благословивший русское войско на это «святое дело». Она постоянно декларировалась и самим царем Иваном Грозным. Та же мысль звучит и в «Казанской истории». Но в реальности, понятно, Москва стремилась к политическому завоеванию и уничтожению Казанского ханства, а также к контролю над волжским торговым путем, захвату новых плодородных земель (не зря дворянский идеолог Иван Пересветов именовал Среднее Поволжье «подрайской землицей»). Так что поход Ивана Грозного и последующие мероприятия новой власти в экономической сфере для татар не мог принести ничего, кроме потери главенствующей экономической роли в регионе.

После завоевания в крае довольно быстро формируется русское землевладение – помещичье и монастырское. Правда, шаги русской администрации были поначалу достаточно осторожными и сравнительно гибкими – захватывались и осваивались поначалу покинутые, пустующие земли, владельцы которых либо погибли, либо бежали. По мере усиления и укрепления русской власти мероприятия в сфере землевладения становились все более жесткими. Уже имели место прямые захваты земель ясачного населения, а право земельной собственности все более и более увязывалось с политической и религиозной лояльностью землевладельцев. Понятно, что эта земельная политика касалась и имела наиболее значительные последствия для татарских землевладельцев, пытавшихся по-своему находить выход из создавшейся ситуации.

Для низшего слоя сельского населения, для основной массы ясачных татар, все в общем обстояло не так трагично – поначалу даже норма ясака при Иване Грозном не была изменена, ясак платился теперь русскому царю, но в таком же объеме, «как и при Магметамине царе».

Когда в рамках всего Русского государства стал формироваться и развиваться абсолютизм, тогда формируется и общая тенденция усиления феодальной эксплуатации трудового населения. И если в первые десятилетия после завоевания протест местного населения носил в основном характер национально-освободительный («Казанская война» 1552–1557 гг., «черемисские» войны 70-80-х гг. XVI в.), то в XVII–XVIII вв. этот протест уже носит определенно социальный характер (особенно явственно это проявилось в ходе восстаний под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева). Как видим, отрицательные экономические последствия для сельского населения сказывались далеко не сразу. Кроме того, они не имели явственно антиатарской направленности и носили, скорее, общероссийский характер, и потому объединяли и сближали татарских крестьян с трудовой массой других национальностей, испытывающих в то же время примерно такие же трудности.

Но наиболее интересную метаморфозу после русского завоевания переживала татарская торговля. Конечно, после радикального и трагического изменения политических декораций она не могла не испытать шока и поначалу находилась в состоянии полного застоя. Волга как основная торговая артерия Восточной Европы теперь полностью стала подконтрольна Русскому государству. Развивать внешнеторговые операции с мусульманскими странами в сложившейся социальной и политической ситуации вряд ли было возможно в полном масштабе.

В то же время на протяжении XVII в. наблюдается явственная симпатия русского правительства по отношению к татарской торговле, которая, в результате, довольно быстро возродилась в новом виде и в новом качестве, но на основе старой традиции. Понять и объяснить подобное, в общем,

не так сложно. Московское государство не могло не знать об уровне развития международной торговли, складывавшейся в Среднем Поволжье на протяжении веков. И оно вполне разумно и прагматично решило использовать эту традицию в свою пользу. В XVII–XVIII вв. татарская торговля, в том числе и внешняя, развивалась и в рамках Русского государства довольно успешно. С одной стороны, она приносила доход самим татарским торговцам, а с другой – приносила товар и деньги в Русское государство, в определенной степени усиливала российское влияние на мусульманском Востоке (особенно в Средней Азии), и, тем самым, реально готовила будущую политическую экспансию России в этом направлении. Отсюда и все законодательные мероприятия в поддержку татарской торговли – и основание пригородных торговых слобод, и особый статус торгующих татар, и даже поддержка татарских торговцев в некоторых случаях конфликта с русскими купцами. В таких условиях татарская торговля развивалась довольно быстрыми темпами. Заметный интерес к сфере торговли проявляли и бывшие землевладельцы, стремившиеся в осложнившейся для себя обстановке включиться в более прибыльное и более спокойное занятие торговлей. Когда мы говорим, что в конце XVII – начале XVIII вв. наблюдалось фактическое разложение татарского феодального класса, то параллельно можно отмечать и подъем татарского торгового сословия, во многом обеспечивавшего в XVIII в. экономический подъем у татарского населения. Именно татарские торговцы стали у истоков мануфактурной промышленности, и благодаря им произошли заметные сдвиги в культурно-духовной сфере со второй половины XVIII в.

Таким образом, если говорить об экономических последствиях завоевания Казанского ханства Русским государством, то не все они должны восприниматься абсолютно однозначно. В каждом случае необходима своя более уточненная трактовка и дифференциация.

Если в исторической литературе затрагиваются социальные последствия завоевания Казанского ханства, то чаще и больше в ней рассматривается историческая

судьба татарского феодального класса в XVI–XVII вв. На протяжении второй половины XVI–XVII вв. служилые татары были искусственно поставлены в такие условия, что они, ради выживания, были вынуждены либо принимать христианство, либо постепенно отрывать от земли, обретая новое социальное качество. Так шел процесс, именуемый в исторической науке разложением, распадом татарского феодального класса. Он довольно давно привлекает внимание отечественных историков – его анализировал, например, в своих трудах известный татарский историк Газиз Губайдуллин. С распадом татарского господствующего класса формировалась совершенно новая социальная ситуация, серьезно повлиявшая на акценты и приоритеты экономического, социального и культурно-религиозного развития. Реальное исчезновение феодального класса как единого и сплоченного социального организма, например, привело к тому, что постепенно ведущей экономической силой в обществе становились торговцы и предприниматели, а не землевладельцы; что в сфере развития культуры из-за отсутствия главного социального заказчика и потребителя освободившуюся нишу занимает мусульманское духовенство. А последнее, понятно, значительно изменило на протяжении XVI–XVII вв. лицо и характер татарской духовной культуры.

Худо-бедно, отмеченный сюжет привлекал и привлекает внимание историков. И, наоборот, явно обделенным вниманием и по сей день остается еще одно важное социальное последствие завоевания Казанского ханства – это потеря татарами своей полноценной городской структуры.

Как известно, после событий 1552 г. татары в основной массе были вынуждены покинуть Казань – единственный крупный город ханства. Казань постепенно превратилась в город с русским населением. И, таким образом, на протяжении XVI–XVII вв. татарское население Среднего Поволжья стало в абсолютном большинстве сельским. Понятно, что все это произошло не случайно, а продуманно и планомерно. Татарам, как отмечал еще Адам Олеарий, запрещалось под страхом смертной казни вступать на территорию Кремля. В самом городе и

его ближайшей округе, так же, как по берегам крупных рек и по стратегически важным дорогам, татарам селиться не позволялось. Сделано это было для того, чтобы не дать татарам возможности в обозримом будущем создать более или менее полнокровную оппозицию.

Когда мы говорим о завоевании русскими войсками Казани, то, как правило, наши размышления строятся вокруг потери государственности и возможностей ее возрождения. Но одним из трагичных по своим масштабам последствий потери государственности стала для татар потеря городской прослойки и городской культуры. Это, действительно, нанесло колоссальный урон всему дальнейшему существованию татарской нации в условиях Русского государства. Потенциальные возможности города, городских условий для полнокровного и полноценного развития любой нации трудно переоценить. Фактически в одночасье татары лишились своей городской структуры, превратившись лишь в сельский народ. Понятно, что возможности сельской структуры для прогресса в социальной, экономической и культурной сферах ограничены и не сопоставимы с городскими. Отсюда и пошло одностороннее, а значит, и замедленное развитие этих направлений у татар в рамках Российского государства.

Единственным отголоском существовавшей некогда традиции стала Старотатарская слобода, основанная по личному повелению Ивана Грозного. Но обратим внимание на то, что поселиться здесь было позволено лишь 150 семьям лояльных татар. Создана слобода была исключительно из меркантильных соображений: поддерживать тех, кто помог русскому царю в завоевании ханства. Однако жители слободы не только жили вне пределов города (это сейчас слобода находится почти в центре Казани), но и получили особый статус – они не стали горожанами, их стали именовать «торгующими татарами» или же «татарами, имеющими право торговли». А в первой четверти XVIII в., в период петровских преобразований, жители слобод вообще были включены в состав государственных крестьян (хотя право ведения торговли и было за ними закреплено). Несколько сотен

жителей Старотатарской слободы и основанной в середине XVIII в. Новотатарской слободы, которых и горожанами можно считать исключительно условно – это все, что осталось у татар от процветавшей некогда городской структуры. Поэтому на протяжении десятилетий прогресс татарской культуры определяли подвижники из сельской среды, прежде всего представители духовенства. Но возможности сельского жителя, занятого тяжелым физическим трудом, для культурного совершенствования исключительно ограничены.

Возрождалась же эта структура долго и с большими трудностями. Развитие татарской экономической структуры, прежде всего торговли и мануфактурной промышленности, в конце XVIII – начале XX вв., общие изменения в социально-политической ситуации в стране (особенно после буржуазных реформ 60–70 гг. XIX в.) постепенно приводили к тому, что, несмотря на все имеющиеся сложности, во многих городах Российской империи формировалась прослойка татарского городского населения. Статус этих татар-горожан был разным – среди них были купцы, мещане, ремесленники, наемные рабочие. К началу XX в. среди татар выделялись, например, уже и богатые финансисты-банкиры, и представители интеллигенции – врачи, учителя, писатели, проживавшие в городах.

Если сравнивать имеющийся в нашем распоряжении исторический материал, то вполне обоснованно можно полагать, что последствия событий XVI в. имели в социальной сфере гораздо более трагический эффект, чем в экономической жизни, и, что даже более важно, оказывали влияние на ход татарской истории очень долгое время.

Конечно же, упоминая вышеуказанные явления, не следует слишком категорически выпячивать только отрицательные для татар последствия завоевания Казани. Следует учитывать, что российская экономика того времени в целом развивалась более динамично, чем казанская, поэтому присоединение Среднего Поволжья способствовало постепенному включению и татарского населения в общероссийское экономическое развитие. Гораздо более активными стали в крае и межэтнические контакты татар с

другими народами, в первую очередь с русским, например, в хозяйственной и культурной сферах, что благотворно влияло на все народы. Татары сыграли свою важную роль в событиях начала XVII в., когда речь фактически шла о самом существовании самостоятельного Русского государства. Несмотря на многочисленные сложности, они сумели наладить свою экономическую и культурную жизнь. Определенная часть татарского служилого сословия интегрировалась в состав правящей верхушки России. Настоящий том «Истории татар» представляет один из самых сложных и противоречивых этапов истории нашего народа.

* * *

В подготовке данного тома приняли участие видные в своей области специалисты как из Казани, других городов России, так и зарубежных стран. При формировании структуры тома, определении концепции исследования активное участие принимали доктор исторических наук Р.С.Хакимов, И.А.Гилязов, Р.Р.Салихов, Д.М.Исхаков, Ф.Г.Ислаев, И.К.Загидуллин, кандидаты исторических наук И.Л.Измайлов, А.И.Ногманов, Д.А.Мустафина, Б.И.Измайлов.

Редколлегия тома старалась придать коллективному труду цельный характер, но при этом не стремилась навязать авторам свое видение проблем и интерпретацию тех или иных событий. Данный том, безусловно, не претендует на исчерпывающее освещение всех поднятых проблем, связанных с историей татарского народа этого периода, поскольку не все из них подкреплены необходимым количеством источников и уровнем разработанности в историографии.

Редколлегия надеется, что представленный том будет содействовать дальнейшему изучению истории татарского народа второй половины XVI–XVIII вв., и приветствует конструктивные замечания и предложения, которые будут полезны при последующих исследованиях и публикациях.

Документы для приложения к тому подготовлены И.А.Гилязовым, Д.А.Мустафиной, Б.И.Измайловым.

Поиск и первоначальный подбор иллюстративного материала к тому осуществлен С.Ю.Измайловой, Б.И.Измайловым,

Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой. Окончательный подбор иллюстраций и их тематическое размещение проведены Б.И.Измайловым.

Списки источников и литературы, сокращений, именной и политико-географи-

ческий указатели составлены Б.И.Измайловым.

Редколлегия выражает особую благодарность Национальному музею Республики Татарстан за любезное предоставление иллюстративного материала к данному изданию.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§1. Историографический обзор

Бахтияр Измайлов

Изучение истории татарского народа второй половины XVI–XVIII вв. в отечественной и зарубежной историографии неразрывно связано с проблемой становления самого Российского многонационального государства, которая по глубине и числу исследовательских задач, концептуальных подходов и многообразию оценок относится к едва ли не самому сложному для изучения периоду. Длительный процесс завоевания и последующего включения в российское имперское пространство Волго-Уральского региона и Сибири с их различными по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам населением стал ключевым этапом формирования всей российской государственности и наложил отпечаток на складывание ее специфического социального и полиэтничного облика. Кроме того, можно, вслед за некоторыми современными авторами, сказать, что современное Российское государство возникло в результате завоевания Среднего Поволжья, а идеологема «Москва – Третий Рим» на долгое время стала основой его политической программы. Исследование начального этапа формирования Российской империи необходимо и для понимания ее дальнейшего развития в период с конца XVIII – начала XX вв.

Изучение завоевания Казанского ханства и всего Среднего Поволжья является одной из давних и устойчивых традиций в отечественной исторической науке, начатой еще с середины XVIII в. Дореволюционные историки уделяли преимущественное внимание завоеванию Казанского края, в особенности победоносной осаде Казани в 1552 г., и последующей политике Российского государства на завоеванных территориях, оставляя без внимания его последствия для нерусских народов, в том числе для татар. К числу первых исследователей, обратившихся к этой теме, можно отнести В.Н.Татищева, А.И.Лызлова, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина и др. [Татищев, 1994-1996; Лызлов, 1990; Щербатов, 1789; Карамзин, 1989]. Как

правило, это были крупные государственные деятели и политики, обосновывавшие в своих трудах экспансионистские амбиции Российской империи. Часто история для них служила лишь поводом для подтверждения тех или иных государственных притязаний и захватов.

Эти «последние летописцы» обращались к истории завоевания тюрко-татарских государств Русским царством исключительно в плане утверждения новой имперской идеологии. Захват Казанского ханства, ставшего первым крупным регионом, включенным в состав России, имел для них во многом и символическое значение, как начало поступательного продвижения православного Русского государства на мусульманский Восток. Основные положения этой концепции, изложенные в целом ряде летописных и историко-публицистических произведений и вплетенные в общую структуру формирующейся имперской идеологии, были призваны оправдать и придать легитимность захвату Поволжья в глазах своего народа и европейских держав. Отсутствие критического анализа источников, в первую очередь русских летописей, во многом предопределила зависимость дореволюционных историков XVIII – начала XIX вв. от формы изложения материала в них. Характерной чертой дворянской историографии этого периода было ограничение круга ее интересов исключительно вопросами политической истории – войны, дипломатия, завоевания, в то время как социально-политические и экономические аспекты общества практически не изучались.

Определенную роль в переосмыслении всей истории Российской империи, не только в узких рамках становления и расширения Московского царства, а как могущественной евразийской державы, сыграли академические экспедиции XVIII в. Начиная с 20-х гг. XVIII в. в России по инициативе М.В.Ломоносова и по разработанной им программе организуется несколько экс-

педиций в отдаленные районы страны под руководством ведущих ученых Академии наук. Академические экспедиции заложили фундамент в освоение имперского пространства, не только в хозяйственно-экономическом и географическом плане, но и в научном.

Исследование истории Сибири связано с именем выдающегося российского историка немецкого происхождения, участника Второй Камчатской академической экспедиции 1733–1743 гг. Г.Ф.Миллера. Г.Ф.Миллер первым приступил к систематическому изучению источников по истории Сибири. Всего им было обследовано более двадцати архивных фондов сибирских городов и частных коллекций, собран уникальный актовъй материал по истории Сибири XVI–XVIII вв., который позволил выявить ценнейшие русские (в частности, Ремезовская летопись, или «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская»), монгольские и татарские рукописи. Многочисленные оригиналы и копии документов, собранные Г.Ф.Миллером, легли в основу коллекции, получившей название «Портфели Г.Ф.Миллера» [РГАДА, ф.199]. Итогом многолетних изысканий ученого стало издание в 1750 г. первого тома фундаментального труда – «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена» [Миллер, 1750; 1937; 1941]. При этом Г.Ф.Миллер, как представитель западноевропейской науки, отмечал и страшные последствия похода Ермака и последующей колонизации региона для самих сибирских народов, что вызвало резкую критику со стороны российского научного сообщества [Матвеев, Татауров, 2012, с.4–5].

Первым, кто специально обратился к истории Казанского и Астраханского ханств, был первый русский член-корреспондент Академии наук, участник Оренбургской академической экспедиции 1734–1737 гг. П.И.Рычков. Им были написаны труды по археологии, этнографии и истории Поволжья, Урала и Прикаспия [Рычков, 1762; 1767б; 1774]. В ходе Оренбургской экспедиции, проводившей исследования природных ресурсов края, П.И.Рычков составил историко-географические описания, которые

сопровождал историческими справками и комментариями. Изданная им книга «Опыт Казанской истории древних и средних времен» для своего времени была написана на хорошем академическом уровне с использованием как русских, так и восточных источников. Несмотря на отсутствие критического анализа источников, работы П.И.Рычкова стали важным этапом в изучении истории Казанского и Астраханского ханств, а также народов, которые вошли в состав Российского государства после их завоевания.

Зарождение и формирование научных основ исторической науки, публикации и критический подход к анализу источников, открытие Казанского университета в первой половине XIX в. дали мощный толчок развитию провинциальных исследований по истории Волго-Уральского региона и населявших его народов. С использованием концептуальных подходов, унаследованных от историков XVIII в., были предприняты попытки осветить наиболее важные аспекты истории города Казани и завоевания Казанского ханства. В 1834 г. вышла в свет книга «Краткая история города Казани» адъюнкта кафедры российской словесности Казанского университета М.С.Рыбушкина [Рыбушкин, 1834]. Первая часть книги охватывала период от основания города до взятия его войсками Е.Пугачева.

Событием в изучении истории Казанского края стал выход в 1847 г. книги в трех частях врача порохового завода Николая Баженова «Казанская история» [Баженов, 1847]. Автор значительно расширяет рамки своего исследования, фактически рассматривая всю историю Поволжья. При этом история Поволжья и Казанского ханства рассматривалась им через призму российской истории. Как писал сам Баженов, он «держался истории Государства Российского, сохраняя историческую сущность и хронологический порядок» [там же, ч.1, с.3]. Источниками при создании работы, как указывал сам историк, были татарские рукописи и устные предания, многие неясные моменты из которых он трактовал по-своему. Однако созданная Баженовым работа и ее событийная канва дают основания полагать, что автор использовал в большей степени русские летописи и «Казанскую

историю». Вся работа, как и у его предшественников, сводится к хронике военно-политических событий между Москвой и Казанью, в которых последняя выступает как завоеватель и зачинатель политических конфликтов и «уже здравый рассудок требовал ослабления силы ее» [там же, ч.1, с.95]. Казанскую войну 1552-1557 гг. Н.Баженов характеризовал как народную и жестокое подавление волнений считал абсолютно закономерным актом: «Да и можно ли было щадить вероломных и злых врагов, когда не смотря на победы Русских, ни от кого не было покорности» [там же, ч.2, с.9].

В трудах М.С.Рыбушкина и Н.Баженова была продолжена мысль об особой цивилизаторской миссии Русского государства. Таким образом, создание первых работ по истории Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. показало, что без кардинального расширения источниковой базы исследований и новых концептуальных подходов историки будут находиться в плену летописных рассказов о событиях военно-политической истории. Понимание этого и осознание некоторой «исчерпанности» летописного материала замедлили рассмотрение истории этой проблемы.

Среди всех работ первой половины XIX в. особняком стоят историко-этнографические труды К.Фукса – «Краткая история города Казани» (1817 г.) и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (1844 г.) [Фукс, 1844; 1914; 2005]. Эти работы содержат записи произведений устного творчества поволжских народов, где, пусть в искаженной форме, зафиксировалось историческое прошлое. К.Ф.Фукс, воспитанный на классической немецкой историографии, строил свои выводы на рационалистической западноевропейской концепции и, хотя опирался при создании своей книги о Казани на русские летописи и татарские письменные источники и фольклор, был достаточно свободен от национальных пристрастий. В его трудах освещена история татарского населения Казанского края и сделаны подробные этнографические очерки. Особенно ценны его заметки о численности татарского населения Казани в конце XVIII – начале XIX вв. и их торгово-промышленной деятельности.

Во второй половине XIX в. основные подходы к пониманию истории России и места в ней истории нерусских народов, в частности татар, начинают определять представители господствовавшей в историографии того времени «государственной школы». Рассматривая государство как основную движущую исторического прогресса, историки этого научного направления стремились к прославлению успехов страны в приобретении территорий и продвижению российской цивилизации. Сама эта, имперская в своей основе, концепция требовала, чтобы авторы не только очень критично относились к культуре нерусских стран и общин, попавших под власть Российского государства, но и стремились минимизировать их вклад в развитие империи. При этом российская историография этого периода продолжала находиться под глубоким влиянием исторических идей и идеологических утверждений московских летописей XV–XVI вв. В этих летописях российские историки обеспечивались готовой концептуальной рамкой ранней русской истории. Тем не менее, можно указать, что в этот период начал проявляться интерес к изучению причин и последствий процесса присоединения народов Волго-Уральского региона к Российскому государству.

Важной вехой в познании истории России и, в какой-то степени, вошедших в нее народов стала «История России с древнейших времен» (выходившая в 1851–1879 гг.) профессора Московского университета С.М.Соловьева. Один из ярких представителей «государственного направления» российской историографии, С.М.Соловьев считал невозможным понимание истории народа без изучения истории государственной власти. Государство он провозглашает главной движущей силой общественного развития [Ермолаев, 1965, с.34]. Соловьев вводит в концепцию государственной школы два новых элемента: постоянную и непрекращающуюся борьбу русского народа с кочевыми племенами Востока («борьба леса со степью») и, как следствие, связанный с ней процесс русской колонизации на территории Восточно-Европейской равнины и Сибири («наступление леса на степь») [там же]. Тюрко-татарские государ-

ства воспринимались им как неизбежное и неприятное препятствие на пути Российской державы к славе и величию. По его мнению, захват Казанского ханства «был священный и необходимый подвиг, совершенный для защиты христианства от ислама» [Соловьев, 1960, с.475].

Дальнейшее развитие концепция «государственной школы» получила в трудах В.О.Ключевского, одного из крупнейших русских историков. Он в своих лекциях, ставших основой «Курса русской истории» (1904–1910 гг.), развивал точку зрения С.М.Соловьева на извечное противоборство России со степными народами. Придавая большое значение географическому фактору в историческом процессе, он еще более, чем его предшественники, акцентировал внимание на военном противостоянии с кочевыми народами, на непримиримом характере «борьбы леса со степью». По В.О.Ключевскому, вплоть до начала XX в. «История России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский, 1987, т.1, с.50], а сам процесс колонизации в его понимании был «процесс хозяйственного освоения и заселения новых территорий» [Ключевский, 1987, т.1, с.50–53]. Ключевский указывал на ведущую роль в колонизационных процессах экономических и политических составляющих, а другие стороны жизни общества являлись производными от них. При этом признавалось как стихийно-народное, так и организованное правительством освоение новых земель. Скорее всего, определяющую роль в этом сыграла сама концепция «борьбы Леса со Степью», которой ученый следовал буквально и последовательно. Поэтому он писал, что с завоеванием Казанского и Астраханского ханств «русскому земледельческому труду обширные пространства дикого поля, невозделанного степного чернозема...» и подчеркивал, что борьба с кочевниками имела огромное историческое значение для судеб европейской цивилизации: «Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого...» [Ключевский, 1987, т.2, с.284]. Другой стороной концепции В.О. Ключевского было то, что Российское государство понималось им именно

как русское. По его мнению, сначала в процессе соединения и ассимиляций возникает народ, объединенный сознанием духовного единства, а «когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона», тогда возникает государство [Ключевский, 1987, т.1, с.42]. Тем самым подчеркивалась мысль о том, что народ – создатель государства – является основой и субъектом истории, а другие народы, попавшие в орбиту его влияния – лишь объекты цивилизации и колонизации. Подобные взгляды, несомненно, являлись сутью его «государственнических» идей и, благодаря авторитету автора, оказали огромное, определяющее влияние на всю последующую историографию, особенно в части понимания и оценки колонизации Среднего Поволжья русским населением.

Примером этого влияния могут служить, в частности, труды историка Н.И.Костомарова. Он также следовал в русле концепции об отрицательном влиянии Степи (под которой он понимал также и Казань) на Русь. По его мнению, борьба с кочевниками была основной причиной, препятствовавшей развитию на Руси «народного самобытного строя» [Мавродина, 1983, с.19]. «Русь была окружена чужеземцами, – писал Н.И. Костомаров, – готовыми вмешиваться в ее дела. С востока, как тучи, одна другой мрачнее, выходили полчища степных кочующих народов Азии, жадных к грабежу и истреблению» [там же, с.19]. Иными словами, квинтэссенцией взглядов «государственной школы» являлся производный от этой концепции взгляд на историю Казанского ханства, как на представительство диких варваров, извечно разорявших Русь и живших за счет этого грабежа. Нельзя, впрочем, не заметить в этих взглядах весьма примечательного сходства с церковно-православными мифологемами XV–XVI вв., к которым они, в конечном счете, и восходят.

Таким образом, в российской историографии была утверждена идея о сдерживании тюрко-татарскими государствами экономического и политического развития Руси, препятствии формированию русской цивилизации и культуры. Лишь с присоединением Волго-Уральского региона и Сибири

у Русского государства начинается новый этап ее развития, связанный с освоением и колонизацией присоединенных территорий.

Со второй половины XIX в. появляются работы, в которых подробно рассматривается сам процесс колонизации Поволжья и Приуралья. Этапной работой этого периода стала книга яркого представителя демократического направления в русской историографии Н.А.Фирсова [Фирсов, 1869], в которой на основе подробного анализа российского законодательства раскрываются социально-экономическое положение народов Среднего Поволжья (татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов), их обязанности и повинности, политика христианизации, правительственная и вольная колонизация. Вслед за А.П.Щаповым Н.А.Фирсов представлял народ как основную силу исторического процесса и развивал идею о народной колонизации Среднего и Нижнего Поволжья и минимальном участии самого государства в этом процессе [Фирсов, 1866, с.69]. Особое внимание историк уделял взаимовлиянию колонизации на русское и нерусское население. Н.А.Фирсов одним из первых начал изучать социально-экономические последствия русской колонизации. В отличие от большинства представителей государственной школы, завоевание Волго-Уральского региона историк объяснял стремлением русского государства к эксплуатации покоренных народов. Кроме того, по его мнению, именно усиление христианизации приводило в Поволжье к бунтам и восстаниям местных народов.

Впервые международные и межэтнические отношения в регионе Среднего Поволжья получили детальное освещение в 1877 г., после выхода в свет двух трудов профессора Г.И.Перетятковича [Перетяткович, 1877; 1882]. Хотя труды также были написаны в духе колонизационной концепции, для второй половины XIX в. его работы внесли существенный вклад в изучение народов Среднего Поволжья. Перетяткович, скорее под влиянием историографической традиции, чем на основании собственных данных, писал о том, что «земледелием казанские татары вряд ли занимались охотно и с усердием. Земледелие у казанских татар и в настоящее время находится в плохом

состоянии, а любимое и успешное занятие их – торговля» [Перетяткович, 1877, с.123]. После присоединения Казанского и Астраханского ханств, по мнению историка, продолжилось естественное движение русского народа в Поволжье [там же, с.232].

К теме русской колонизации обращался в своих лекциях, которые были опубликованы уже после его смерти под названием «Русская колонизация Северо-Восточного края», профессор С.В.Ешевский [Ешевский, 1900а]. Историк рассматривал историческое значение колонизации Поволжья и полагал, что проникновение русского народа происходило мирным путем. Вопросы русской колонизации Оренбургского края изучались историком и краеведом В.Н.Витевским [Витевский, 1897]. В своей обстоятельной книге «И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года» он рассмотрел не только процесс колонизации Сибири, Оренбургские экспедиции и строительство оборонительных линий, но и дал обширную информацию об этносоциальном облике края, его экономической активности, а также изучил ход и последствия татаро-башкирских восстаний 1735–1740, 1755–1756 гг. Тема истории завоевания Сибирского ханства и колонизации Сибири получила освещение в исторических трудах таких ученых, как П.А.Словцов [Словцов, 1886], П.И.Небольсин [Небольсин, 1849], В.К.Андриевич [Андриевич, 1889], П.Н.Буцинский [Буцинский, 1889] и ряда других.

За редким исключением, дореволюционные историки были едины в трактовке присоединения Волго-Уральского региона и Сибири как естественного хода событий и колонизационного движения русского народа на восток.

Важным этапом в становлении российской историографии Поволжья и татарского народа стало проведение в Казани в 1877 г. IV Всероссийского Археологического съезда, на котором был решен вопрос о создании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Общество, начав свою работу в 1878 г., развернуло активную деятельность по изучению культуры, истории и этнографических особенностей народов Поволжья, Урала и Сибири. За время работы Общества был со-

бран и опубликован ценный материал об общественном и семейном быте, хозяйственных занятиях, религиозных верованиях и фольклоре народов Волго-Уральского региона и Сибири. К различным историческим событиям, связанным с историей татарского народа, народному фольклору, этнографии обращались в своих трудах Д.А.Корсаков [Корсаков, 1889], Н.П.Загоскин [Загоскин, 1891; 2005], М.И.Пинегин [Пинегин, 2005], Н.Ф.Катанов [Катанов, 1895-1896; 1898; 1905] и др. Особо стоит отметить исследование Н.П.Загоскина по истории Казанского края в Смутное время [Загоскин, 1891]. Основные положения концепции Н.А.Фирсова в историко-этнографическом плане развивал И.Н.Смирнов, издавший монографии «Вотяки», «Мордва», «Черемисы», «Пермяки» [Смирнов, 1889; 1890; 1891; 1895]. Важный источниковый материал по истории татарского служилого сословия был опубликован в исследовании академика В.В.Вельяминова-Зернова [Вельяминов-Зернов, 1863; 1864; 1864а; 1866; 1887].

Изучение ислама, восточных языков, этнографии нерусских народов, политики и последствий христианизации связано с казанским миссионерским востоковедением второй половины XIX – начала XX вв. и деятельностью Казанской духовной академии. Работы известных ученых-миссионеров П.В.Знаменского [Знаменский, 1910], Е.А.Малова [Малов, 1878; 1885], Я.Д.Коблова [Коблов, 1908; 1916], А.Ф.Можаровского [Можаровский, 1880], прежде всего, сообщают о конфессиональной политике России и православной церкви в отношении мусульман и других неправославных народов, но в тоже время содержат уникальную информацию по истории и этнографии народов Поволжья. Важным исследованием по истории татарского народа в XVI–XVIII вв. стала книга церковного историка А.Ф.Можаровского, в которой подробно рассмотрена роль православной церкви и ее иерархов в просвещении и христианизации народов Волго-Уральского региона с момента завоевания Казанского ханства [Можаровский, 1880]. Истории Новокрещенской конторы XVIII в. посвящено исследование профессора и православного миссионера Е.А.Малова, который на основании многочислен-

ных источников собрал и проанализировал этапы и итоги функционирования этой организации в Поволжье [Малов, 1878].

В трудах миссионеров главенствующая роль в колонизации Волго-Уральского региона и Сибири отводилась христианизации, а успех в освоении новых земель зависел от сотрудничества государственной власти и православной церкви. Так, известный церковный историк П.В.Знаменский отмечал: «Завоевание Казанского ханства, пролагавшее церкви путь на неизмеримый восток, – событие столь же важное для Русской церкви, как, например, открытие Америки для церкви западной» [Знаменский, 1888, с.460].

Параллельно с научными трудами русских ученых в последней четверти XIX – начале XX вв. появляется и татарская историография, следовавшая своей традиции. К.Насыри, Ш.Марджани, Г.Ахмеров, Х.Атласи, Р.Фахреддин, и другие описывали историю казанских татар, опираясь главным образом на тюркский фольклор и арабо-письменные исторические документы, а также на народные генеалогии-шеджере, сочинения восточных авторов и, частично, на труды русских историков и летописи.

Следует особо выделить труды выдающегося татарского просветителя К.Насыри, собиравшего и опубликовавшего уникальный фольклорный и этнографический материал по истории татарского народа [Насыров, 1880; Насыри, 1977].

Основоположник исторической науки татарского народа Ш.Марджани создал ряд ценных трудов по истории Булгарского и Казанского ханств, наиболее значительным из которых является «Мустафад аль-ахбар фи ахфали Казан ва Булгар» [Марджани, 1989]. При работе над сочинениями по истории местного края Марджани опирался на сочинения русских историков и русские летописи, но для восстановления ряда событий он обращается к огромному количеству первоисточников: старинным монетам, ярлыкам, устным и письменным преданиям, надписям на надгробных камнях, шеджере, легендам и преданиям. Для изучения истории татар XVIII в. особенно важное значение имеют сведения Ш.Марджани о деятельности Магометанского Духовного

собрания и изложение биографий наиболее авторитетных представителей татарского общества. В определенном смысле этот труд является источником для понимания прошлого татарского народа, написанного практически современником этих событий, сохранившим некоторые важные детали для понимания структуры татарского общества и духовных исканий того времени.

Бесценными для истории татарского народа являются публикации известного историка Х.Атласи, который на основе разнохарактерных источников рассмотрел историю Казанского и Сибирского ханств, практически заложив основы татарского взгляда на политические события этих ханств, на причины их завоевания и последствий [Атласи, 1993; 2005].

Оценивая достижения национальной историографии конца XIX – начала XX вв., можно констатировать ее неоспоримые успехи, самым главным из которых следует признать само сложение исторической дисциплины у татар. Несмотря на слабость концептуальной основы, отсутствие фундаментального анализа роли социальных и экономических факторов и слабость источниковой базы, усилиями этих ученых была подготовлена база для перехода на качественно новый уровень исследований. Кроме того, в трудах татарских ученых были освещены многочисленные сюжеты истории татарского народа, которые не нашли отражения в российской историографии того времени.

В 20-е гг. XX в. отечественная историография пережила резкий и болезненный перелом. Социальная революция 1917 г., гражданская война и создание новой, советской государственности на основе коммунистической идеологии, потребовали перемен в понимании прошлого. Особое значение имели провозглашенное большевиками право наций на самоопределение, создание национально-территориальных автономий и национальных республик, которые пробудили интерес к истории отдельных народов Советского государства и его переоценке с точки зрения национально-освободительной и классовой борьбы. Произошел осязаемый всплеск научного интереса не только в целом к новым проблемам научного

познания, но и, в частности, к этнической истории татар. Этот период связан, прежде всего, с изменением концептуальных основ отечественной исторической науки и утверждением марксистской методологии в исследованиях историков.

Первым, кто применил новую идеологию в практику исторического исследования, стал историк-марксист, профессор и академик М.Н.Покровский. Он выступил с резкой критикой концепций русского исторического процесса, созданных дореволюционными историками, в первую очередь представителями «государственной школы», в частности, против базовой теории «государственной школы» – «борьбы леса со степью», и подверг критике всех исследователей, в трудах которых так или иначе была отражена эта теория – Б.Н.Чичерина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского. Основной вывод, сформулированный им, заключался в том, что борьба «леса» со «степью» в истории России не было. Возникновение этой теории у целого поколения русских историков он связывал со стремлением «доказать, что государство в России не было созданием господствующих классов и орудием угнетения всей остальной народной массы», и таким образом исключить из исторического процесса элементы классовой борьбы, подменив их утверждением, что государство «представляло собою общие интересы всего народа, без различия классов», доказывая это примерами борьбы с внешним врагом [Покровский, 1933, с.108–109].

Историософской основой для его работ, как и его последователей, был социально-экономический подход на основе трудов К.Маркса, Ф.Энгельса с преувеличенным вниманием к материальным факторам и интересам, определяющих по отношению к явлениям политического и культурного плана. Он подчеркивал, что Россия не была «национальным государством», а была разделена сословно-классовыми перегородками, где каждый слой общества имел свои интересы и политическую позицию [Покровский, 1933, с.168–205]. Увлекался он и социологическими схемами – теорией «торгового капитала» и доказывал существование различных «партий» в средневековом

обществе – «боярской», «дворянской», «торговой» и т.д. Данный подход, который стал активно внедряться в Советском Союзе в 1920-е гг., позволил историкам от изучения фактов политической истории перейти к пониманию механизмов функционирования общества. Одновременно, следуя за работами и В.И.Ленина, М.Н.Покровский развивал взгляд на Россию как на «тюрьму народов», чья захватническая колониальная политика была основой формирования и развития российского государства (см.: [Покровский, 1933, с.226–235]). Антиимпериалистический и интернационалистический пафос его работ заключался в пересмотре истории формирования империи и входивших в нее народов. Взгляды Покровского оказали огромное влияние на многих историков 20–30-х гг. XX в. и открыли новое направление в отечественной историографии.

Историки, занимавшиеся историей Поволжья, не могли не откликнуться на эти новые тенденции, тем более, что многие из этих положений, в частности вопросы «колонизации», были в фокусе их интересов уже довольно давно. В 1920-е гг. выходят работы Н.Н.Фирсова, в которых он постарался объективно подойти к раскрытию истории татарского народа и отойти от подходов прежней «государственной» школы [Фирсов, 1921; 1926].

В своем вступлении к «Чтениям по истории Среднего и Нижнего Поволжья», изданным в 1921 г., Н.Н.Фирсов раскрывает и политическую подоплеку своей работы в связи с «вопросом о самоопределении народностей и об автономии отдельных частей России», отмечая, что «истинное право на автономию политическую может дать лишь прошлое области, ее история» [Фирсов, 1921, с.3]. Однако знание истории татарского народа для него не было самоцелью, а являлось необходимым дополнением истории целого, т.е. Советской России. «Не ради самой части и тех политических целей, которые для нее ставятся, но и ради целого, к которому они принадлежат, в данном случае ради лучшего познания России, которая, при всем разнообразии своих частей, представляет исторически сложившееся единство», – писал Н.Н.Фирсов [там же]. В своей работе Н.Н.Фирсов подчеркнул важность изучения

истории Поволжья и его присоединения к Российскому государству, поскольку это событие коренным образом повлияло на развитие всей Восточной Европы.

Падение Казанского ханства Н.Н.Фирсов связывал, в соответствии с теорией торгового капитала, с экономическим упадком. На решающей стадии борьбы между двумя торговыми капиталами большую роль в пользу Москвы сыграли два фактора: значительный человеческий ресурс и превосходство в военном деле. «Независимая коммерческая Казань, – подводил итог Н.Н.Фирсов, – перестала существовать, несмотря на то воодушевление, которое сумело вызвать в последнюю минуту в ее защитниках мусульманское духовенство: порох и научное умение пользоваться им в международной борьбе оказались сильнее религии» [там же, с.23–24].

Н.Н.Фирсов рассматривал все народы, в том числе и самих русских, как единую эксплуатируемую государством массу с общими целями и воззрением. В соответствии с этим положением народные восстания XVII–XVIII вв. представлялись им как революции, своего рода предтечи Октябрьских событий.

Вопросам колонизации Поволжья XVI–XVII вв. и истории мордовского народа посвящены исследования профессора А.А.Гераклитова [Гераклитов, 1923; 1926; 1931].

Особой вехой в изучении Казанского ханства и его присоединения к России стал выход в 1923 г. фундаментального труда М.Г.Худякова [Худяков, 1990], который стал первым подробным и цельным изложением этого средневекового татарского государства. Исследование вышло в годы, когда идеи марксизма уже внедрялись в историческую науку, что позволило М.Г.Худякову, применив их, представить новую концептуальную модель истории Казанского ханства и его завоевания.

Падение Казанского ханства, в соответствии с этой моделью, Худяков связывал с экономическими причинами: «...причина завоевания Казанского ханства со стороны России коренилась именно в экономических, торговых сношениях: одно государство стремилось завладеть рынком, товарами и капиталами другого, и борьба была решена в пользу той стороны, которая ока-

залась сильнее» [там же, с.240]. Саму борьбу русских с казанцами он предлагает рассматривать в русле длительной борьбы за Поволжье, где история Казанского ханства лишь один из этапов этой борьбы. По мнению Худякова, Казанское ханство не смогло выдержать экономической конкуренции по нескольким причинам: во-первых, на всем протяжении своего существования Казанское государство занимало одну и ту же территорию, в то время как Русское государство непрерывно расширялось, тем самым увеличивая свой производственный потенциал; во-вторых, Москва отрезала Казань от пушного рынка на севере и теперь сама играла решающую роль в торговле; в-третьих, ослаблению государства способствовал консервативный олигархический строй, который не развивал, в достаточной мере, военное дело [там же, с.243]. Причины столь большой разницы в развитии Худяков искал в расовых особенностях славянского и татарского населения: «причины застоя могли быть чисто биологическими и объясняться расовыми признаками болгаро-татар», в то время как «сформировавшаяся народность великороссов развивала свою деятельность весьма интенсивно», население Казанского ханства переживало застой, который был свойственен всему «азиатскому Востоку» [там же, с.244]. В отличие от большинства исследователей М.Г.Худяков отметил и ужасающие последствия завоевания ханства для татарского и других народов.

К этому времени относится появление целой плеяды татарских историков, таких как Газиз Губайдуллин, Али Рахим, Акдес Курат и др., с именами которых связан новый этап формирования татарской исторической мысли. Крупнейшим татарским историком 20–30-х гг. XX в. по праву считается Г.С.Губайдуллин – первый профессиональный татарский историк и профессор университета. Несомненно, под влиянием своего учителя, профессора Н.Н.Фирсова, Г.С.Губайдуллин рассматривал историю с позиции теории торгового капитала, следуя в русле нового направления в отечественной историографии [Губайдуллин, 1926; 1930; Газиз, 1994].

Для Г.С.Губайдуллина методологическая основа теории торгового капитала стала тем фундаментом, на котором выстраива-

лась концепция формирования и развития татарского народа. Как писал сам историк: «Историю всех народов определяет экономическая жизнь. Она есть причина многих, если не всех, явлений жизни. Поэтому изучение истории татар должно сопровождаться исследованием экономического развития» [Газиз, 1994, с.20]. Новая методология позволила избавиться от характерных для татарской историографии слабости концептуальной основы и отсутствия фундаментального анализа роли социальных и экономических факторов в татарской истории. Предпринятый Г.С.Губайдуллиным анализ истории татарского народа производился на основе обновленного подхода, учитывающего методологические позиции, разработанные исторической наукой первой трети XX в., с опорой на широкое привлечение впервые введенного в научный оборот архивного материала, что в итоге позволило создать более сложную и полноценную картину прошлого татар.

В соответствии с теорией торгового капитала большую роль в истории Г.С.Губайдуллин придавал торговым путям. В этой концепции ключевое значение играло представление о Среднем Поволжье как месте пересечения торговых путей между Европой и Азией, что и предопределило появление мощного татарского торгового сословия. За обладание этим ключевым торговым пунктом и шла постоянная борьба между крупнейшими государствами Восточной Европы, начиная с Хазарского каганата и заканчивая Российской империей. В результате от степени развития и активности торгового сословия зависело экономическое благополучие каждого государства.

В концепции Г.С.Губайдуллина татарский торговый класс выступал в виде некоей движущей силы, своего рода ядра будущей нации. Если на протяжении XVII-XVIII вв. складывались условия для консолидации татарской нации, то уже к концу XVIII в. происходит трансформация татарского этноса феодального типа в этнос буржуазного общества. У татарского народа этот процесс имел свои особенности. В частности, татарская буржуазия рекрутировалась прежде всего из сословия служилых татар, в связи с чем переняла целый ряд социальных цен-

ностей, различных политических, идейных и культурных традиций, присущих этому сословию.

В своем исследовании Г.С.Губайдуллин выделяет четыре этапа формирования татарского торгового сословия. В завоевании Казани историк видел не препятствие в развитии татарского торгового класса, а, наоборот, дополнительный стимул. Благодаря этому на развалинах разлагавшегося татарского феодального класса в XVII в. усиливается новый общественный татарский торговый элемент, а именно «торгующее дворянство», которое получает и новое название, а именно «служилые торговые татары» [Губайдуллин, 1925, с.87]. Завершается формирование торгового класса к концу XVIII в., когда начинаются господство торгового капитала и развитие промышленности у татар.

Г.С.Губайдуллин одним из первых начал изучать вопрос об участии нерусских народов в народных движениях XVII–XVIII вв. [Гэзиз, 1923; 1923а; Губайдуллин, 1930]. В его концепции татаро-башкирские восстания первой половины XVIII в. в большей степени представлялись как результат борьбы феодализма с торговым капитализмом, а не национально-освободительная война.

Труды Н.Н.Фирсова, М.Г.Худякова и Г.С.Губайдуллина утверждали концепцию М.П.Покровского об «абсолютном зле» завоевательной политики Русского государства, действовавшего в интересах господствующих классов. Сами народы (русские, татары и др.) в ней выступали лишь как колониально угнетенная масса.

К представителям татарской историографии этого периода можно отнести и труды известных тюрко-татарских историков Акдеса Нигмета Курата [Kurat, 1954; 1966] и Габдуллы Баттал-Таймаса [Battal-Taumas, 1966], которые хотя и вышли гораздо позже в эмиграции, но, тем не менее, органически связаны с работами татарских ученых конца XIX – начала XX вв. Труды Акдеса Курата в этом отношении весьма показательны и отражают общую тенденцию изучения истории татарского народа в контексте всемирной и общетюркской истории. Несомненно, исторические сочинения Х.Атласи и Г.Ахмерова оказали серьезное влияние на представление А.Курата о ключевых этапах

развития татарского народа. Не случайно в своей статье «Казанское ханство» он сделал посвящение «Истории Казани» Хади Атласи. Библиография, приведенная А.Куратом в своих работах, свидетельствует о том, что, даже находясь в Турции, он продолжал следить за новейшими работами, выходящими по теме Казанского ханства. В то же время, не имея возможности находиться в постоянном научном контакте со своими коллегами из России, он был вынужден полагаться на наиболее значимые работы по этой теме, в частности исследование М.Г.Худякова.

В первые десятилетия советской власти появились труды по истории татарской литературы и просвещения. В 1923 г. выходит работа «Очерки истории образованности и литературы волжских татар» Дж.Валиди, в которой освещались вопросы истории образованности, культуры и литературы татарского народа [Валидов, 1923]. В середине 20-х гг. XX в. выходит совместный труд Г.Губайдуллина и Г.Рахима по истории татарской литературы [Рэхим, Гэзиз, 1924].

В 30-х гг. XX в. советскими историками была подготовлена серия материалов по истории отдельных республик: в 1930 г. издаются «Материалы по истории Карельской АССР», в 1932 г. – «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», «Материалы по истории ТАССР» [Материалы ТАССР, 1932], в 1936 г. вышли в свет «Материалы по истории Башкирской АССР» [МИБ, 1936], а в 1937 г. – «История Татарии в документах и материалах» [История, 1937]. Публикация документов по истории того или иного края в условиях репрессий в отношении научной интеллигенции, разгрома «школы Покровского» и отсутствия единого идеологически выверенного издания в виде «Очерков истории СССР» являлась едва ли не единственным способом, развития исторической науки в республиках, при этом не делая обобщающих выводов. Во введении к материалам по истории Татарии отмечалось, что народы Среднего Поволжья не имеют своей написанной истории и изданный сборник призван в определенной степени восполнить этот пробел. Здесь же отмечалось, что «аннексионистско-колониаторская политика царизма видела в народах Советского Сою-

за лишь объекты захвата и эксплуатации, изображала их дикими народами, ждавшими «цивилизаторской» деятельности царизма, и не признавала за ними права на свою историю» [История, 1937, с.3]. Издание материалов, включавших большое количество архивных документов, стало важным этапом в освещении истории татарского народа и Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. К сожалению, данное направление, как и творческие поиски отечественных историков, были прерваны политическими репрессиями и последовавшим торжеством прежних подходов «государственной школы» в их советском исполнении.

Первым шагом на этом пути стал заказ на создание учебника истории и гражданской истории СССР. 27 января 1936 г. в центральных газетах страны были опубликованы документы о реформе исторического образования и замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР». В них были заложены основные параметры, по которым следовало излагать историю российского государства. В первую очередь, это указание на прогрессивное развитие страны от феодализма к социализму, от раздробленности к «национальному великорусскому государству». 22 августа 1937 г. в публикации постановления жюри правительственной комиссии по учебнику истории СССР положение «абсолютное зло» подвергается критике и заменяется определением «наименьшее зло». С этого времени присоединение территорий и народов, в том числе Волго-Уральского региона и Сибири, к Российскому государству рассматривалось как «наименьшее зло» по сравнению с угрозой поглощения Персией, Турцией и другими государствами. В частности, историки С.В.Бахрушин и К.В.Базилевич отмечали прогрессивность создания многонационального государства [Бахрушин, 1942; 1949; Базилевич, 1952]. И.И.Смирнов отмечал, что присоединение Среднего Поволжья было вынужденной оборонительной мерой Российского государства от угроз со стороны Турции [Смирнов, 1948, с.18]. Иными словами, с некоторыми вариациями в виде ритуальных фраз об интернационализме, возрождались прежние имперские подходы.

Одновременно стали формироваться коллективы для создания республиканских историй. Одной из первых попыток в советское время написать историю Среднего Поволжья и татарского народа стала работа «Очерки по истории ТАССР», как подготовительная к созданию полноценной истории республики. Работа над ней началась сразу после создания Татарского Института языка, литературы и истории в 1939 г. Война и отсутствие кадров профессиональных историков несколько затормозили работу над ней, но в годы войны в работу по ее созданию включились находившиеся в эвакуации ученые-историки из Академии наук СССР во главе с Б.Д.Грековым и С.В.Бахрушиным. К 1944 г. основные очерки были подготовлены казанскими историками, в частности Н.Ф.Калинином и Х.Г.Гимади, совместно с учеными из Москвы – А.П.Смирновым, Б.Д.Грековым и С.В.Бахрушиным. В этой работе трактовка основных событий татарской истории, по сравнению с трудами 1920-х гг., была кардинально изменена: подчеркивалась болгарская основа татарского народа, критиковалась завоевательная политика монголов и ханов Золотой Орды, говорилось о неизбежности и прогрессивности вхождения Поволжья в состав России. Однако осенью 1944 г. эти подготовительные материалы были подвергнуты критике и забракованы. Вскоре после этого появилось знаковое не только для исторической науки, но и для всей гуманитарной сферы Татарии постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. (подробнее см.: [Измайлов, 1996а; Леушин, 1996]). В нем указывался целый ряд ошибок в освещении истории татар и татарской литературы. В соответствии с этим подходом основные разделы истории были кардинально переработаны, а некоторые исключены.

Вышедшая в 1951 г. «История Татарской АССР» давала руководящие указания для трактовки различных периодов истории. Например, история Казанского ханства и периода XVI–XVIII вв. в учебнике рассматривалась в узко региональном аспекте и с точки зрения классовой борьбы и прогрессивного характера завоевания Среднего По-

волжья Русским государством. Важнейшим сюжетом для этого периода была совместная социальная борьба народов края во главе с русским народом против царизма. Этот учебник вскоре после смерти И. Сталина (март 1953 г.) был изъят из пользования, поскольку перестал отвечать новой линии коммунистической партии. В условиях начавшейся борьбы нового партийного руководства против «культы личности Сталина» обилие цитат из его сочинений считалось «идеологической ошибкой». Исправленный (т.е. не содержащий ссылок на Сталина, а в остальном оставшийся без всяких правок) вариант его появился в 1955 г. Учитывая время, в которое появилась «История Татарской АССР», в ней излагалась не столько история татарского народа, сколько история классовой борьбы. По мнению авторов, Казань с самого своего основания была обречена на захват быстро развивающимся Русским государством. Причем сам захват показан как прогрессивный, поддержанный населением шаг и единственный выход для Казанского ханства: «присоединение Казани к Русскому государству имело громадное исторически-прогрессивное значение» [История ТАССР, 1955, с.158]. Если ранее захват Казанского ханства рассматривался как «абсолютное зло», то теперь речь шла уже не о захвате, а о прогрессивном характере присоединения. В соответствии с теорией так называемого «меньшего зла» – присоединение Казанского ханства к Москве спасало народы Среднего Поволжья от «опасности быть поглощенными деспотическим и варварским турецким феодализмом, который на многие столетия отбросил бы назад развитие их производительных сил и культуры» [там же]. Этим присоединением Россия наносила серьезный удар по захватническим стремлениям Турции, которая намеревалась распространить свое господство на Кавказ, Поволжье и Среднюю Азию.

По мнению авторов учебника, русский и нерусские народы быстро установили хозяйственные, экономические и культурные связи, что вызывало озабоченность и беспокойство «русских и татарских феодальных верхов». Характерно, что восстания второй половины XVI в. в учебнике

оценивались как «реакционное национальное движение» в противовес крестьянским восстаниям и выступлениям народных масс XVII–XVIII вв., направленных против «угнетателей» [там же]. «История Татарской АССР» 1955 г. открыла целую эпоху аналогичных изданий (1960, 1968, 1973, 1980 гг.). Важнейшим сюжетом для этого периода была совместная социальная борьба народов края во главе с русским народом против царизма в XVII–XVIII вв. Этот труд являлся не просто учебником по истории для вузов, он, по традициям советского времени, устанавливал определенную норму в трактовке прошлого и расставлял акценты идеологического характера. Подобного рода труды в 1950-х гг. появились практически во всех автономных республиках Волго-Уральского региона, и трактовка их была довольно идентичной, за исключением некоторых деталей местной истории.

В русле этих установленных рамок в 40–50-е гг. XX в. начали создаваться исторические труды по конкретным вопросам истории Волго-Уральского региона и Сибири в XVI–XVII вв. В этом смысле наиболее показательны труды Х.Г. Гимади [Гимади, 1955, с.5], В.И. Шункова [Шунков, 1946], А.П. Григорьева [Григорьев, 1948], Н.Ф. Калинина [Калинин, 1955], С.В. Бахрушина [Бахрушин, 1955], К.Я. Наякшина [Наякшин, 1955], А.А. Преображенского [Преображенский, 1956], А.Н. Усманова [Усманов, 1960] и др. В них, как правило, говорилось о закономерности и прогрессивном значении присоединения народов края, хотя раскрывались также особенности русификаторской политики и христианизации в регионе.

Данная концепция нашла детальное отражение в работах ученых автономных республик в 1960–1980-е гг. В них подчеркивались и получали дополнительное обоснование тезисы об опасности турецкого порабощения Среднего Поволжья, о добровольном вхождении народов в состав России и о прогрессивности последствий этого шага для нерусских народов Волго-Уральского региона [Тихомиров, 1958; 1962; 1973; Айплатов, 1967а; 425-летие добровольного, 1977; 400 лет вместе, 1958; Сафаргалиев, 1964]. Утверждение о безусловной прогрессивности создания мно-

гонационального государства для борьбы с внешними врагами привело к тому, что отрицательные стороны присоединения практически не рассматривались или отрицались. Историки автономных республик Поволжья в соответствии с партийно-правительственными постановлениями стали обращать больше внимания на изучение исторического развития народов после присоединения, всесторонне освещать значение их вхождения в состав России. Стало «модно» говорить на торжествах и научных конференциях, проводившихся в честь то одного, то другого «добровольного» присоединения, о «великой дружбе народов». В гипертрофированной форме тезис о добровольном вхождении был представлен в трудах В.Д.Димитриева, который выявил высокую политическую сознательность чувашских крестьян, установивших военно-политический союз с Русским государством [Димитриев, 1976, с.16]. В трудах татарских историков неприменимый к Казанскому ханству тезис о добровольном вхождении заменялся идеей о прогрессивном характере присоединения [Алишев, 1990, с.14–15]. При этом все народы Волго-Уральского региона и Сибири рассматривались в контексте классовой борьбы против царского правительства, которое проводило политику христианизации, национального угнетения и жестоко эксплуатировало многонациональные крестьянские массы. Другие аспекты истории XVI–XVIII вв., такие как консервация сословно-социального строя, усиление и отрицательные последствия установления крепостнического строя, отставание экономического и политического развития страны, практически не были в фокусе внимания историков.

Вместе с тем, в 60–80-е гг. были созданы новые условия для расширения диапазона исторических исследований и усложнения тематики научных исследований в связи с вводом в научный оборот новых источников. Объектом внимания историков стали новые направления и темы, был несколько ослаблен идеологический диктат. Однако следует подчеркнуть, что приоритетными направлениями продолжали оставаться социально-экономические процессы, аграрная история, классовая борьба, проблемы рассе-

ления и взаимодействия народов при общем доминировании идеологием «государственного интернационализма».

С конца 60-х гг. XX в. особое внимание исследователи уделяют обстоятельному анализу этнической истории народов Волго-Уральского региона и Сибири, их социально-экономическому и культурному развитию в XVI–XVIII вв. [Айплатов, 1966; 1967б; Бусыгин, 1966; Гришкина, 1977; Козлова, 1978; Мокшин, 1977; Преображенский, 1972; Сепеев, 1975, Тарасов, 1983 и др.]. В работе У.Х.Рахматуллина рассматривается формирование небашкирского населения в Башкирии в XVII–XVIII вв. [Рахматуллин, 1988]. В это же время выходят и труды по этнической истории татарского народа и его этнотерриториальных групп [Татары, 1967; Мухамедова, 1972; Мухаметшин, 1977; Валеев, 1980; Томилов, 1981].

В работах исследователей продолжал существовать тезис о прогрессивном характере присоединения к России, процессы формирования народов и их общественно-экономическая жизнь. К одним из редких попыток преодолеть принятые в историографии идеологические догмы о мирном присоединении Поволжья можно отнести попытку татарского ученого С.Х.Алишева, который рассматривал эту проблему как сложный процесс, сочетающий мирные и немирные этапы [Алишев, 1971; Алишев, 1975; Алишев, 1990]. Но его взгляды оставались на периферии общего течения исторических изысканий советских историков и не создали устойчивой традиции, поскольку являлись недостаточно обоснованными источниковедчески и в целом непоследовательными.

Одним из наиболее разработанных направлений в 1960–80-х гг. стало изучение социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Сибири. Возникновение русского землевладения в Среднем Поволжье и земельно-иммунитетную политику Российского государства исследовал известный советский историк С.М.Каштанов [Каштанов, 1970а]. В своей работе он отметил, что правительственная земельная политика проводилась в пользу служилого сословия и церкви, основных опор государства в Среднем Поволжье.

Большую роль в исследовании политики Российского государства в Поволжье, в частности в отношении нерусских народов, сыграли работы чувашского историка В.Д.Димитриева [Димитриев, 1959; 1974; 1977; 1982; 1983; Чувашия, 1986]. В своих работах он также затрагивал вопросы формирования системы управления в Поволжье и способы умиротворения края царским правительством.

Изучением государственной системы управления в Казанском крае во второй половине XVI–XVII вв., его эволюции и специфики занимался профессор И.П.Ермолаев, опубликовавший в 1982 г. фундаментальную монографию по этой теме [Ермолаев, 1982]. Монография стала заметным явлением в историографии Среднего Поволжья и до сегодняшнего дня является непревзойденной по данному вопросу.

К традиционным темам советской историографии относилась история формирования сословий в России. Несмотря на большое количество обобщающих работ по истории крестьянства и служилого сословия, на региональном уровне до 60-х гг. эти вопросы оставались малоизученными. Большой вклад в изучение сословной структуры татарского общества сделали историки Е.И.Чернышев, Р.Н.Степанов, С.Х.Алишев, Х.Х.Хасанов. Казанский историк Е.И.Чернышев на основе широкого круга источников рассмотрел землевладение татар и социальную структуру татарской деревни во второй половине XVI–XVII вв. [Чернышев, 1963]. Одним из первых к теме статуса и эволюции сословия служилых и ясачных татар обратился историк Р.Н.Степанов [Степанов, 1964]. К сожалению, история татарского служилого сословия не оформилась в отдельное направление исторического исследования, и число работ по этой тематике оставалось невелико. Впоследствии к этому вопросу обратился в своих публикациях С.Х.Алишев [Алишев, 1984; 1990]. Феодальное землевладение и социальные категории населения в Казанском уезде во второй половине XVII в. получили подробное освещение в диссертационном исследовании Д.А.Мустафиной [Мустафина, 1985]. Стоит также отметить работу Е.В.Липакова по казанской служилой корпорации, в осно-

ве своей русской, в конце XVI – первой половине XVII вв. [Липаков, 1989].

Важным вкладом в изучение татарского крестьянства второй половины XVIII в. стало диссертационное исследование И.А.Гилязова [Гилязов, 1982].

Концептуальное понимание специфики становления капитализма в татарском обществе предложил Х.Х.Хасанов [Хасанов, 1977]. Взяв за основу теорию торгового капитала Г.С.Губайдуллина, он дополнил ее большим количеством архивных материалов и пересмотрел в соответствии с марксистско-ленинским учением о нации и национальных отношениях. Х.Х.Хасанов подробно остановился на предпосылках появления и формирования татарской буржуазии, возникновении мануфактурного производства в XVIII в.

К концу 1950-х гг. усилиями целого ряда ученых (В.И.Мальшев, М.Н.Тихомиров, Д.С.Лихачев и др.) происходит становление археографии как специальной историко-филологической дисциплины, а по всей стране активизируется деятельность в области полевой археографии. Способствовали этому создание в 1956 г. Археографической комиссии РАН и ее региональных отделений и филиалов, выпуск «Археографического ежегодника». С 1960-х гг. начались комплексные работы по выявлению и публикации арабографических тюркоязычных письменных источников XVI–XVIII вв. Большую роль в развитии современного татарского источниковедения сыграл М.А.Усманов, под руководством которого с 1964 г. по 1989 г. были организованы археографические экспедиции для сбора рукописей на тюркских и восточных языках. За это время была проведена колоссальная работа по выявлению и введению в научный оборот письменных источников по истории и литературе татарского народа в архивах и библиотеках различных городов страны. Материалы археографических экспедиций легли в основу целого ряда публикаций М.А.Усманова, среди которых монография «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.» [Усманов, 1972]. Изучение татарских исторических источников продолжили и ученики М.А.Усманова – З.С.Миннуллин [Миннуллин, 1988] и Р.А.Шайхиев [Шай-

хив, 1990]. Важное значение для изучения социально-экономической истории Казанского края имело издание текста Писцовой книги 1602–1603 гг., выполненное Р.Н.Степановым [ПК КУ, 1978].

В то же время продолжалось изучение такого традиционного для советской историографии направления, как классовая борьба, высшей формой которой считались крестьянские войны, стихийные восстания и «бунты» [Андрущенко, 1969; Крестьянские войны, 1974; Мавродин, 1974; Смирнов, 1974; Буганов, 1976; 1977]. В причине всех народных восстаний XVII–XVIII вв. советские историки видели классовый антагонизм между народными массами (вне зависимости от их этноконфессиональной принадлежности) и феодальной верхушкой. При этом в классовой борьбе русский народ, как наиболее прогрессивный, занимал ведущую роль. История участия народов Волго-Уральского региона в народных выступлениях XVII–XVIII вв. широко освещена в трудах А.П.Чулошников, Н.Р.Романова, И.Г.Акманова, Н.М.Кулбахтина [Чулошников, 1936; 1940; Романов, 1958; Акманов, 1968; 1977; 1978; 1987; Кулбахтин, 1984], а также в публикациях источников, в первую очередь посвященных восстанию под предводительством Е.Пугачева [Крестьянская война, 1972; Крестьянская война, 1973; Крестьянская война, 1974; Крестьянская война, 1975; Документы ставки, 1975; Овчинников, 1980; Воззвания, 1988]. Участие татар в Пугачевском восстании детально рассмотрено в публикациях С.Х.Алишева [Алишев, 1967; 1968; 1973; 1976].

В этот период значительный прорыв произошел в изучении татарской культуры и письменной истории татарского народа Поволжско-Уральского региона в XVIII – начале XIX вв. Большую роль в расширении источниковедческой базы сыграли исследования М.И.Ахметзянова по рукописным источникам и шежере [Ахметзянов, 1981; 1991а]. Приоритет в изучении арабографических печатных изданий на тюркских языках принадлежит известному книговеду А.Г.Каримуллину, автору фундаментальных трудов по истории татарского книгопечатания [Каримуллин, 1971; 1992]. В его работах впервые рассмотрена история татарского письма и рукописной книги, способствовавших по-

явлению первых печатных изданий на татарском языке. Кроме того, А.Г.Каримуллин разработал концепцию «национальной книги». Изучению начального этапа формирования официально-делового стиля татарского литературного языка, татарских официально-деловых документов XVII–XVIII вв. и языка татароязычных документов посвящены труды Ф.М.Хисамовой [Хисамова, 1981; 1990]. В 1960–1970-е гг. первым в Поволжье доктором искусствоведения Ф.Х.Валеевым закладываются основы татарского искусствознания [Валеев, 1969]. Традиции татарской архитектуры и ее стилистические особенности на примере г. Казани были изучены Н.Х.Халитовым [Халитов, 1989].

Ценность исследований советского периода по истории татарского народа в XVI–XVIII вв. заключается в том, что советскими историками был накоплен значительный фактический материал, досконально рассмотрены социально-экономические процессы в Волго-Уральском регионе.

В начале 90-х гг. XX в. в исторической науке на постсоветском пространстве произошли глубокие изменения. Полноценный диалог с западной наукой привел к разработке новых методов исторического познания. В результате решительного пересмотра методологических основ отечественной исторической науки появилась возможность восполнить многие пробелы в историографии и обратиться к темам, которые либо находились под запретом, либо оказывались вне рамок советской историографии. Плюрализм в методологии повлек за собой расширение проблематики исследований по истории татарского народа второй половины XVI – XVIII вв., что в свою очередь поставило перед историками задачу более детального изучения архивных материалов и поиска новых источников. В 90-е гг. XX в. историки Татарстана сумели конструктивно пересмотреть ряд ключевых проблем этнополитической истории татарского народа и его государственности. Были отброшены господствовавшие в советские годы идеологические схемы, что позволило раскрыть сложные вопросы в истории татарского народа.

Обозначился резкий поворот в изучении тюрко-татарских ханств и последствий их

завоевания как для этих государств и народов, так и самой России. На рубеже XX–XXI вв. обозначился интерес российской исторической науки к изучению средневековых тюрко-татарских государств (Казанское, Астраханское, Сибирское ханства, Ногайская Орда), а также к вопросам присоединения народов и территорий к России [Трепавлов, 2002; 2004; 2007а; 2012; Хорошкевич, 2003; Зайцев, 2004; 2006; Исхаков, Измайлов, 2005; Исхаков, 2006; 2009; Матвеев, Тагауров, 2012; Бахтин, 2012; Рахимзянов, 2009; Эхмэтжанов, 2002; 2009 и др.]. Основной обозначившейся тенденцией стало изучение тюрко-татарских государств не только как «препятствия» для экспансионистской политики Российского государства, но и как активных участников международных отношений XV–XVI вв. с собственными внешнеполитическими интересами и особенностями взаимодействия с другими странами.

Попытка пересмотра дореволюционных и советских историографических традиций в отношении присоединения к России того или иного народа и региона привела в 1990–2000-х гг. к острой дискуссии историков по этому вопросу (напр., см.: [Присоединение Среднего Поволжья, 2003; Татарский народ, 2003]). Определенную политизированность обсуждению придали и возобновившиеся юбилеи «добровольных вхождений», отмеченные в некоторых российских республиках и областях (в 2007 г. – в Башкирии и Адыгее; в 2011 г. – в Бурятии и др.), и противоположный им по духу «День памяти и скорби татарского народа», ежегодно проводимый татарскими общественными организациями 12 октября по случаю захвата Казани в 1552 г. войсками Ивана Грозного. В российской историографии оценки характера присоединения Волго-Уральского региона разделились столь же полярно, начиная от резкого осуждения захвата Казанского ханства (напр., см.: [Имамов, 1994; Алишев, 1999]) до традиционных взглядов о добровольности вхождения некоторых народов (напр., см.: [Айплатов, 1996; Димитриев, 2001]). В то же время в ряде работ подчеркивались сложность и неоднозначность процесса присоединения Казанского края, но при этом территориальная экспансия

Российского государства объяснялась вынужденным оборонительным шагом [Бахтин, 2001; Свечников, 2002]. Тем не менее, в начале 2000-х гг. наметился пересмотр трактовок присоединения народов к России в пользу более сложного подхода, рассматривающего восприятие народами своего российского подданства и царской власти [Трепавлов, 2007].

В 1990-е гг. широкому кругу российских историков стали доступны достижения западной историографии по вопросу присоединения народов к Российскому государству. Приоритет в изучении этой проблематики принадлежит американской русистике. Особый интерес представляет исследование американского историка Я.Пеленски, который изучил вопрос о выработке московскими политическими кругами XVI в. идеологии Московского царства в целом и различных идеологических обоснований завоевания Казанского ханства в частности. По его мнению, завоевание Средней Волги и имперская политика русских царей по «собираанию земель» превратили Московское национальное государство в многонациональное [Pelenski, 1967, 1974]. Стоит также выделить изданную на русском языке в 1995 г. работу профессора Бингемтонского университета Нью-Йорка А.Доннелли, посвященную присоединению Башкирии к России и механизмам управления этим краем [Доннелли, 1995]. К последним исследованиям в данной области относится книга М.Романиэлло, посвященная формированию Российской империи в XVI–XVII вв. и влиянию на этот процесс завоевания Казани в 1552 г. [Romaniello, 2012].

К проблемам взаимоотношений Московского и Казанского государств в XVI–XVII вв. и становления Российской империи обращались и европейские историки [Keenan, 1965; Nolde, 1952; Lemercier-Quelquejau, 1972; Kappeler, 1982; Каппелер, 1996]. Из западных исследователей особо следует выделить швейцарского историка А.Каппелера, труды которого по истории России, формированию национального самосознания и национальных движений народов, входивших в ее состав, заложили концептуальные основы интерпретации истории Российской империи XVII–XVIII вв. в европейской истори-

ческой науке. А.Каппелер рассматривал процесс формирования Российской империи как попытку организации и управления полиэтничным пространством. По мнению А.Каппелера, захват Казанского ханства положил начало превращению Московского государства в «мультирелигиозную и полиэтничную империю» [Каппелер, 1996, с.23; 2004, с.54–112]. Тогда как сам процесс превращения в многонациональную империю был сложным и неоднозначным, что в некоторой степени объясняется поиском оптимальных механизмов интеграции каждого присоединенного инонационального региона.

На современном этапе, когда узкорегionalные советские подходы к изучению татарского народа (в частности, концепция болгаро-татарской преемственности) показали свою несостоятельность, появилась необходимость представить более широкую картину прошлого татарского народа. Важное значение для понимания истории татарского народа во второй половине XVI–XVIII вв. приобретает изучение расселения и формирования этнотерриториальных групп татар, их численности и социальной структуры. Из чисто этнографической, предполагавшей более статичную картину жизни локальных общин, эта тема превратилась в историческую проблематику, рассматривающую развитие этнотерриториальных групп татарского народа в динамике и взаимодействии друг с другом. Ключевую роль в разработке исторической демографии татарского народа, изучении расселения и формирования этнотерриториальных групп татар, в том числе и татар-кряшен, сыграли фундаментальные труды известного этнолога и историка Д.М.Исхакова [Исхаков, 1990; 1990б; 1992; 1993; 1993а; 1994; 1995; 1997б; 1998; 2014].

Важная заслуга в изучении проблем заселения татарами Оренбуржья в XVIII в. принадлежит оренбургскому историку Д.Н.Денисову [Денисов, 2004; 2005]. Казанским исследователем Г.Л.Файзрахмановым на основе изучения археологических, письменных и других исторических источников была подготовлена монография по политической и этнической истории западно-сибирских татар, начиная с древнетюркского населения и до начала XX в.[Файзрахманов, 2002].

С изучением формирования этнотерриториальных групп татар тесно связана и проблема исследования социальной структуры татарского общества. Малоизученные в советское время татарские служилое сословие и купечество становятся предметом пристального изучения. Особый интерес представляет сословие служилых татар, представители которого сыграли немаловажную роль в становлении Российского государства в XVII–XVIII вв. и являлись носителями различных политических, идейных и культурных традиций, во многом повлиявших на формирование татарской нации. В современной историографии татарского служилого сословия с той или иной степенью глубины разработаны такие аспекты, как история формирования этого сословия, численность и правовой статус его представителей, регионы проживания, особенности землевладения и хозяйственной деятельности, характер службы и государственных повинностей [Гришин, 1995; 2000; 2005; 2009; Гилязов, 1995; Исхаков, 1998; Амерханова, 1998; Амерханова, 2010; Ногманов, 2002; Хамамото, 2004; Габдуллин, 2006; Беляков, 2009; Беляков, 2011; Тычинских, 2010; Рахимзянов, 2009; Галлямов, 2001; Кадыров, 2010; Сенюткин, 2001; Акчуринов, 2011; Сабитов, Акчуринов, 2013 и др.]. Тем не менее, несмотря на обилие работ по этой теме, необходимо констатировать, что изучение татарского служилого сословия находится на ранней стадии становления и требует дальнейшего комплексного анализа.

Формированию татарского дворянского сословия и его особенностям посвящены работы историков Р.Р.Хайрутдинова, И.Р.Габдуллина, С.Х.Еникеева, С.В.Думина, А.В.Белякова, Г.А.Двоеносовой и др. [Хайрутдинов, 1997; Габдуллин, 2006; Еникеев, 1999; Думин, 1988; 1994; Беляков, 2011; Двоеносова, 2001]. В 2010 г. в Казани состоялась всероссийская конференция «Татарские мурзы и дворяне: история и современность», на которой, в том числе, затрагивались вопросы формирования татарских дворянских родов в XVI–XVIII вв. [Татарские мурзы, 2010].

В 1990-е гг. в России значительно возрос интерес к купеческому сословию и наиболее ярким его торгово-промышленным династиям. Роль и определяющее значение татарского предпринимательства в татарском

обществе в XIX в. предопределили интерес исследователей к процессу его формирования во второй половине XVIII в. К татарскому купечеству и его торгово-промышленной деятельности в своих трудах обращались Л.М.Свердлова, Р.Р.Салихов, Р.Р.Хайрутдинов, И.З.Файзрахманов, М.Хамамото, Н.Б.Андреева, Г.Р.Зиннимова, Б.И.Измайлов и др. [Свердлова, 1991; 1998; Салихов, 2004; Салихов, Хайрутдинов, 2005; 2010; Хамамото, 2011; Андреева, 2006; Зиннимова, 2010; Файзрахманов, 2013; Измайлов, 2009а; 2012].

Изучение структуры и внутренней организации системы местного управления государственными крестьянами Казанской губернии в конце XVIII – начале XIX вв. было рассмотрено Р.Р.Хайрутдиновым. Особый интерес представляет обращение автора к системе управления татарским населением, и в первую очередь государственными крестьянами [Хайрутдинов, 2002].

В начале 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени не ослабевает интерес к концептуальным проблемам формирования татарской нации, особенно к периоду XVII–XVIII вв. [Исхаков, 1995а; 1997б; 1998; Хабутдинов, 2001; 2008 и др.]. Ключевыми и определяющими трудами по изучению становления и трансформации татарской нации в XVII–XVIII вв. стали работы известного татарского историка Д.М.Исхакова [Исхаков, 1995а; 1997б; 1998; Исхаков, Измайлов, 2007а]. В его концепции на протяжении XVII – XVIII вв. происходило формирование социальной структуры волго-уральских татар и появление предпосылок «институционализации каналов влияния некоторых социальных групп на все общество (татарское. – *Б.И.*)» [Исхаков, 1997б, с.69–70]. По мнению Д.М.Исхакова, период XVIII – начала XIX вв. стал одним из ключевых для сложения татарской нации.

С начала 1990-х гг. формировалось восприятие ислама в России как неотъемлемой части российской культуры и общества. Ислам в Российской империи в XVII–XVIII вв., его общественно-политическая роль, государственная религиозная политика, межконфессиональные отношения, становление религиозных институтов и целый ряд других аспектов получили детальное изучение в трудах современных ученых

[Ислам, 2006; Ислам и мусульманская культура, 2006; Азаматов, 1996; 2000; Арапов, 2001; 2004; Хабутдинов, 2001; 2003; 2008; 2010; Юзеев, 2001; Ислаев, 2001; 2004; Мухаметшин, 2003; Загидуллин, 2007; ОМДС, 2011; Адыгамов, 2005; Идиятуллина, 2005; Франк, 2008; Кемпер, 2013; Фаизов, 1995; Фаизов, 1999; Набиев, 2002].

За последние несколько лет, хотя и не без серьезного влияния политической конъюнктуры, изучение империй превратилось в одно из наиболее динамично развивающихся направлений исторической науки, а сам концепт «империя» прочно утвердился в современной научной литературе гуманитарного профиля [Российская империя, 2004; Российская империя, 2005; Новая имперская история, 2004; Имперские и национальные модели, 2007 и др.]. Данное направление представляет пространство Российской империи не в категоричной формуле «тюрьма народов», но как поле, на котором выстраивались отношения центра и периферий, формировались особенности управления национальными регионами и окраинами. В этой концепции воссоздание многообразных форм взаимодействия имперских властей и местных сообществ позволяет представить, как Россия, изначально формировавшаяся как моноконфессиональное государство, постепенно приобретала черты империи с единым социокультурным пространством и неоднородной гетерогенной административной структурой. Волго-Уральский регион занимает особое место в создании и формировании Российской империи. Вопросы включения отдельных норм мусульманского права в систему российского законодательства и судопроизводства, реализации религиозных прав мусульман в гражданских учреждениях и армии, взаимодействия власти и национальных элит, эволюции российской национальной политики нашли отражение в отечественной историографии, но по мере привлечения новых источников открываются неизвестные ранее факты данной тематики [Ногманов, 2002; Ибнеева, 2006; Тихонов, 2008; Волго-Уральский регион, 2011 и др.].

С начала 1990-х гг. различные аспекты духовной и материальной культуры татар Волго-Уральского региона и Сиби-

ри изучались в работах Н.Х.Халитова, Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой, Ф.М.Хисамовой, Х.Ю.Миннегулова, М.Н.Фархшатов, М.И.Ахметзянова, Я.И.Ханбикова и др. [Халитов, 1991; 2012; Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990; Хисамова, 2012; Миннегулов, 1993; Фархшатов, 1991; 1996; Ахметзянов, 1996].

В целом, следует сказать, что изучение прошлого татарского народа в период позднего средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) прошло значительный путь от первоначальных описаний и представлений о нем как объекте воздействия политики царской власти до понимания самоценности истории татарского народа как одного из акторов полиэтничной Российской империи. За это время сменилось несколько концепций: от обосновываю-

щих необходимость присоединения Волго-Уральского региона и Сибири до теорий, показывающих сложность и трагичность процессов завоевания и колонизации этих регионов, которые не всегда имели для нерусских народов прогрессивный характер. За последние десятилетия в разы возросла источниковедческая база для исторических исследований, появился ряд новых стратегий для изучения нарративных практик, показывающих многомерность и многоплановость событий и явлений прошлого. Все это позволило представить историю татарского народа в более комплексном и объемном виде, не как некое региональное явление, а как полноценную часть общегосударственной истории России, а татарский народ не полноправный субъект истории не только нашей страны, но и всей Евразии.

§2. Источники XVI–XVII вв.

Дина Мустафина, Ильяс Мустакимов

Воссоздание исторического прошлого татар во второй половине XVI–XVII вв. – задача не из простых, ибо в пространственном отношении в этот период они были достаточно «распылены». В середине XVI в. татарские этноконфессиональные группы населяли или входили в состав ряда политических организмов – Московского государства, Ногайской Орды, Сибирского и Крымского ханств, Османской империи и Великого княжества Литовского (Речи Посполитой). Поэтому выявление источников неправомерно ограничивать лишь территориальными рамками Волго-Уральского региона и даже Российского государства, ведь ликвидация Крымского ханства, раздел Речи Посполитой и присоединение к России значительной части османских территорий с татарским населением произойдут лишь в конце XVIII – начале XX вв., а часть буджакских татар никогда не входила в состав России. В последние годы вышли публикации о проживании представителей этнических групп, именующих себя татарами, в Иране и Афганистане. Однако, ввиду недостатка в настоящее время достоверных сведений по истории этих этнических групп, татары Ирана и Афганистана в данной работе не рассматриваются.

В отечественной историографии до 80-х гг. прошлого столетия господствовала точка зрения, согласно которой гибель Приказа Казанского дворца и съезжих (приказных) изб (палат) на местах, т.е. в поволжских, уральских и сибирских уездах, привела к полному исчезновению источникового материала, отражающего прошлое татар в XVI – начале XVIII вв. Исследованиями последних десятилетий доказано, что это не так. Дело в том, что сложившаяся к середине XVI в. в Российском государстве система делопроизводства обусловила своеобразное «тиражирование» документального материала, изготовление копий для передачи из одного приказа в другой, ибо каждый из приказов ведал определенной сферой государственного управления. В ведении Поместного находились, к примеру, вопросы обеспечения жалованьем служилых людей, а организация и контроль за их службой осуществлялись Разрядным приказом. Поскольку объектом внимания служило одно и то же сословие, то, естественно, для реализации своих функциональных задач они должны были обмениваться информацией. Приказы, носившие территориальный характер, к числу которых относился и При-

каз Казанского дворца, обладали полнотой власти на вверенной им территории. Поэтому все другие учреждения, исполняя свои функции, запрашивали нужные им сведения у этого территориального приказа или получали у него разрешение на сбор определенной информации. Проведя эту работу, копию составленных документов непременно передавали указанному ведомству. А это означает, что интересующие нас материалы могли отложиться в фондах самых различных приказов. Что действительно подтверждается практикой архивных поисков, и науке уже известно множество источников по истории Волго-Уралья, отложившихся в фондах Разрядного, Поместного, Вотчинного и других приказов. Конечно, уцелело главным образом то, в чем были заинтересованы государственные структуры, и разнородный материал, имевший отношение к доказательству феодальных прав Православной церкви на землю и крестьян.

К исследованию истории татар в период постепенной интеграции постордынских ханств в состав нового политического образования – Российского государства – и развития в другой пространственной системе традиционно привлекались письменные источники преимущественно на русском языке. Ибо, действительно, сведения о социально-политических, хозяйственно-экономических и идеологических процессах, протекавших в регионах компактного проживания татарского населения, нашли отражение в русском официальном и неофициальном летописании, исторических произведениях и хронографах, нормативно-правовых и актовых материалах. Вполне естественно, что результаты функционирования системы органов государственной власти и управления в централизованном Русском государстве документировались преимущественно на русском языке. Однако и татарский язык применительно к делопроизводству в постордынских государствах и к сфере межгосударственных контактов с калмыками, монголами и, по всей видимости, и с маньчжурами, со странами Востока вытеснен еще не был.

Конечно, утрата постордынскими ханствами политической независимости и превращение части татар в одно из ряда российских этноконфессиональных сообществ

(или групп) привели к тому, что эти юрты перестали быть субъектом официальных межгосударственных контактов, а их население – объектом специального внимания зарубежных географов и путешественников. Вместе с тем в сочинениях средневековых историков и географов, записках и трудах западноевропейских и восточных авторов, выполненных на самых различных языках, присутствует интереснейший материал по истории и о современном авторам повествований состоянии различных этнических групп татарского народа, отражается восприятие татар другими этносами.

Уместно вспомнить и издавна сложившуюся традицию составления баитов, дастанов и других произведений устного народного творчества, сохраняемых и передаваемых коллективной памятью народа, а также традицию составления Шеджере (родословий), сохраняющуюся до наших дней. Да и в целом то обстоятельство, что понятие «источник» не сводится лишь к письменным материалам, что оно гораздо шире и разнообразнее, хотя по мере приближения к нашим дням именно указанный тип источников становится преобладающим над всеми другими типами. Но это не означает необходимость игнорирования, недооценки значения выявленных эпиграфических и вещественных памятников, данных языка, этнографических сведений и прочих свидетельств для воссоздания сложнейшей картины прошлого. Однако претендовать на исчерпывающий охват и характеристику всей палитры уцелевших источников в рамках небольшого очерка невозможно, поэтому ограничимся лишь общим обзором наиболее показательных памятников уцелевшего письменного-графического наследия, помогающего представить татар не только во времени, но и в пространстве.

* * *

Известный науке источниковый комплекс по истории татар во второй половине XVI–XVII вв. можно представить, применив к нему различные принципы классификации. В зависимости от степени известности и тиражирования его можно разделить на опубликованные и неопубликованные материалы. Исходя из языка текстов, диф-

ференцировать татарские, русские, османские, персидские, польские, немецкие, английские, голландские, китайские источники и т.д. Следуя логике типо-видовой систематизации источников, выделить: а) нарративные памятники (летописные записи, историко-географические и исторические сочинения); б) картографические материалы; в); законодательные памятники; г) акты в узком значении этого слова; д) делопроизводительные материалы, включая материалы специального документирования.

Существенную часть уцелевших свидетельств середины и второй половины XVI–XVII вв. составляет нарративный материал – это, прежде всего, русские летописи и хронографы. Практически в каждом из повествований, чьи сообщения хронологически совпадают с событиями рассматриваемого периода, можно обнаружить прямые или косвенные свидетельства о татарах. К числу наиболее информативных следует отнести: Летописный свод 1518 г. [ПСРЛ, 28], «Летописец начала царства царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси» [ПСРЛ, 29], Патриаршую или Никоновскую летопись и Царственную книгу [ПСРЛ, 13], «Историю о Казанском царстве Казанский летописец» ([ПСРЛ, 19; Дубровина, 1989]), Львовскую летопись [ПСРЛ, 20, ч.2], «Новый летописец» [ПСРЛ, 14], Отрывок русской летописи 7060 г., дополняющий Софийскую вторую летопись [ПСРЛ, 6], Устюжский летописный свод [Устюжский, 1950; Сербина, 1946, с.239–270; Азбелев, 1960, с.270–287], Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. [ПСРЛ, 37], Синодик Ермаковым казакам, Строгановскую, Есиповскую, Ремезовскую и Кунгурскую летописи, Сибирский летописный свод [Сибирские летописи, 1907; ПСРЛ, 36; Дворецкая, 1957, с.467–482] и ряд других (библиографию см.: [Тихомиров, 1960; Казакевич, 1976, с.294–356; Дергачева-Скоп, 1965; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006; Ромодановская, 2002; Клосс, 1980; Прошлое будущему, 1992]). Изложение политических событий в хронологической последовательности в XVII в. «обогащается» появлением текстов разрядных записей, посольской документации, фольклорных материалов, литературных произведений и пр. Проникновение

документального материала и литературных произведений в летописание было связано с желанием восполнить или расширить зафиксированную информацию и свидетельствует о неизменности стремления летописцев в первую очередь отразить внешние сношения Российского государства.

Особую группу нарративных источников составляют различного рода путевые записки, информационный потенциал которых в отношении истории татарского народа остается использованным не в полной мере. Авторы большей их части были европейцами (дипломаты, политики или католические прелаты, торговцы и оказавшиеся на русской службе авантюристы) и лишь в отдельных случаях – это османские подданные. В центре внимания авторов XVI в. находились два активных участника геополитических процессов в Восточной Европе – Российское государство и Крымское ханство, в знании которых особенно нуждались правители западных государств. Конечно, европейцев в России интересовали не собственно этноконфессиональные группы татар, о них писали в связи с характеристикой внешне- или внутривосточного положения в этой стране, при описании торгового пути на Восток, или регистрируя увиденное в пути следования посольства через Россию в восточную страну. Крымское ханство и его жители становились объектом специального внимания авторов и как сопредельное, представлявшее военную опасность государству, и как территория, входившая в зону влияния турецкого султана. Азовские татары упоминались в связи с геополитическим значением Азова и борьбой за право обладания этим ключевым пунктом.

Наиболее известным и не теряющим своей источниковой ценности отображением загадочной Московии являются «Записки о Московитских делах...» немецкого барона С.Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг. с поручениями от императора Священно-Римской империи Максимилиана I и эрцгерцога Фердинанда и предоставившего образованной части европейского общества историко-географическую, социально-политическую и этнологическую информацию о России и ее соседях (см. об этом подробнее: [Гербер-

штейн, 1988]). Об этих записках уместно вспомнить потому, что многие иностранцы, впоследствии побывавшие в России, будут находиться под обаянием этого не лишнего объективных недостатков труда и не усложнят свои задачи расширением и уточнением его информации. Отдельная глава этого достаточно беспристрастного для своего времени сочинения, основанного на доступных автору источниках, рассказах компетентных собеседников (включая великого князя, князя С.Ф.Курбского, посла Г.Истому и др.) и собственных наблюдениях, посвящена истории, состоянию, отдельным историческим личностям, нравам и обычаям различных этноконфессиональных сообществ татар.

Заслуживают упоминания записки «О нравах татар, литовцев и москвитян» («De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum») Михалона Литвина, посла Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, составленные в 1548–1551 гг.¹ Они служат ценным источником для сравнительно-сопоставительного изучения традиций и обычаев этносов, оказавшихся в центре наиболее ярких событий борьбы за политическое верховенство между осколками Джучиева Улуса. Внимание автора этого историко-этнографического сочинения было сфокусировано на крымских татарах. М.Литвина восхищали их военные походы, стратегия и тактика ведения боя, организация переправ через реки, выносливость, воздержанность, справедливость и прочие добродетели татар. Словом, он представил крымские порядки и нравственные устои населения ханства образцом для подражания. Вместе с тем в крымских татарах он увидел и главного противника Ли-

¹Трактат М.Литвина был написан на латинском языке, науке известны лишь его фрагменты. Они были опубликованы в 1615 г. в Базеле. Отдельные части записок, касающиеся этногенеза литовцев и этнографической характеристики татар, были воспроизведены в 1626, 1627, 1630 и 1642 гг. Первый перевод сочинения на русский язык С.Д.Шестакова был издан Н.Калачовым в 1854 г., в 1929 г. трактат увидел свет на литовском языке в переводе Й.Иониаса. В 1994 г. был издан русский перевод В.И.Матузовой с комментариями С.В.Думина, Ю.А.Мыщка, И.П.Старостиной, М.А.Усманова и А.Л.Хорошкевич в серии иностранных записок о Руси и России. См. об этом: [Михалон Литвин, 1994].

товского княжества, способного выставить 30-тысячное войско и одержать победу, в том числе благодаря уловкам, военной хитрости и коварству. Интересно, что Литвин отметил самоидентификацию татар, считавших себя принадлежащими к скифскому племени. Представил татар как некую этническую общность, раздробленную на «орды» или «народы», среди которых не было единства, они все враждовали друг с другом. Союзу перекопских, белгородских, добруджских татар, по наблюдениям Литвина, противостояли все остальные – ногаи Крымской стороны, ногаи Заволжской стороны, астраханские, казанские, поддерживаемые Шейбани-ханом (Бухара и Самарканд) «казахские» татары.

В числе сочинений торговых агентов европейских государств, запечатлевших информацию о татарах, следует назвать записки Энтони Дженкинсона (1529–1610(?) второго после Р.Ченслера посланника английской королевы Марии Тюдор, а затем и Елизаветы I к правительству Ивана IV. Целью прибытия этого агента являлось согласование с царем маршрута торговых контактов англичан с восточными странами – Ираном, Китаем, Средней Азией и Индией. Свои путевые заметки и наблюдения о географии и состоянии российского народа и его соседях, составленные в 1557, 1561, 1566 и 1571 гг. и в ходе поездки в Иран и Среднюю Азию в 1558–59 и в 1562–64 гг. он свел в сочинение «Путешествие»². А так-

² Записки Э.Дженкинсона впервые были опубликованы на английском языке в 1589 г. в составе сборника «Главные плавания, путешествия и открытия английской нации... за 1500 лет», подготовленного к изданию Р.Хаклюйтом (Гаклюйтом). Включены они были и в первый том трехтомника, изданного в едином переплете в 1599–1600 гг.: [Hakluyt, 1599]. Затем увидели свет в составе пятитомника «Hakluyt's collection of the early voyages, travels, and discoveries of the English nation. A new edition, with additions. 5 vols. London, 1809–12», вышедшего в 1809–1812 гг.; были опубликованы гаклюйтовским обществом в 1886 г. [Early Voyages, 1886]. Напечатаны в 1903–1905 гг. [Hakluyt, 1903], в 10-томном сборнике, опубликованном в 1927–1928 гг. в Лондоне-Нью-Йорке. Русский перевод части записок о путешествии Дженкинсона в Россию в 1571–1572 гг. был осуществлен С.М.Середониным [Середонин, 1884, с.73–91]. Орывки из более ранних записок были переведены и опубликованы Ю.В.Готье [Дженкинсон, 1937; Дженкинсон, 1938].

же составил одну из первых карт Московии, на которой были локализованы населенные пункты, приведена гидрографическая сеть, отмечены земли и народы, пунктиром указаны границы областей. В его записках отражены наиболее значимые события истории отдельных этноконфессиональных групп татар (казанских, ногайских, крымских), обрисован род их занятий, состояние торговли с акцентом на предметы ввоза и вывоза. Обращает на себя внимание его свидетельство об умерших из-за голода ногайцах и астраханских татарах, о продаже оставшихся в живых в рабство, а также то обстоятельство, что на его карте Казанское ханство было включено в состав Московского государства, а Астраханское – еще нет. Возможно, что это было продиктовано относительной неопределенностью судьбы этой окраинной земли.

К числу известных и часто используемых историками трудов относится «Описание Татарию» Мартина Броневского (ум. в нач. XVII в.), присланного в Крым в качестве посла польского короля Стефана Батория к хану Мухаммед-Гирею II. По существу оно является физико-географическим описанием полуострова с приведением пространственных сведений историко-этнографического характера за примерно 100 лет, предшествующих пребыванию автора в 1578–1579 гг. в ханстве (русские переводы см.: [Московский телеграф, 1826; Броневский, 1867; Броневский, 2005]). Свои личные наблюдения автор дополнял сведениями античных географических обзоров, в первую очередь – «Географии» Страбона, письменных и эпиграфических памятников, не дошедших до нас произведений XVI в. Наряду с сообщением об орографии, гидрографии, природных богатствах, животном мире, климате в сочинении обрисованы города с имевшимися в них топографическими объектами, описаны структура и особенности управления, порядок выбора ханов, их происхождение, воспитание, быт и образ жизни. Отмечены особенности сбора ополчения, организации походов, тактики ведения войн, награждения воинов, выкупа пленных, деления татар на этнические группы. Заслуживает внимания и упоминание о выплатах сопредельных государств

ханству, свидетельствующих о политическом и военном статусе Крыма.

В 1588–1589 гг. в России находился полномочный представитель королевы Елизаветы Джайлс Флетчер (ок.1549–1611) ([Флетчер, 1905; Флетчер, 1906; Английские, 1937; Проезжая по Московии, 1991; Флетчер, 2002; Карацуба, 2007, с.53–68]). На него была возложена задача по урегулированию конфликта с Англо-Московской компанией (Muscovy Trading Company), случившегося по вине одного из ее членов. С этой миссией он не справился, но составил компилятивный опус «О Русском государстве» («Of the Russe Common Wealth»), в котором привел физико-географический абрис России, включая Поволжье, ее сословного и административного устройства, пространственного размещения, рода занятий, нравов и общественного устройства населения, в том числе татарского. К последнему он отнес крымских и ногайских татар, черемису, мордву, черкес и «щелкал» (очевидно, это – кумыки).

Большинство иностранцев, оказавшихся на царской службе во второй половине XVI в., – лифляндцы Иоганн Таубе и Элерт Крузе, вестфалец Генрих фон Штаден, Якоб Ульфельдт и др. – не смогли преодолеть отрицательной притягательности личности и политики Ивана IV, ставших главной темой их сочинений [Послание Иоганна, 1922; Штаден, 1925; Штаден, 2008; Якоб Ульфельдт, 2002; Сибирь в известиях, 1941]. Сведения об этносах, населяющих Россию, сводятся к отдельным обмолвкам об их образе жизни, роде занятий и штрихам, рисующим взаимоотношения постордынских государств между собой и с Россией. Чаще всего эти авторы вспоминают о татарах в связи с указанием причины смены внутриполитического курса царя (поход крымского хана на Москву в 1571 г.).

Столь же скупы на известия о татарах и сочинения очевидцев и активных участников событий Смутного времени: о них вспоминают лишь в ходе изложения факта смерти Лжедмитрия II и роли в этом ногайских татар. Однако записки этого периода – «Состояние Российской империи» находившегося на русской службе француза Жака Маржерета [Маржерет, 1859; Россия,

1982; Маржерет, 2007], дневники и воспоминания авантюриста Конрада Буссова из Германии [Буссов, 1961; Буссов, 1998], известные как «Московская хроника», – интересны отражением исторических условий включения бывших ханств в состав другого политического организма. Исключением из этого ряда являются сочинения дворянина Петра Петрея де Ерлезунда (1570–1622) [Петрей, 1857; Петрей, 1976; Петрей, 1997], перед которым шведский король последовательно ставил задачи, связанные со сбором сведений и извлечения выгоды из сложного положения, в котором Россия оказалась в Смутное время. Длительное пребывание в стране (с 1601 по 1604, в 1607, 1608, с 1609 по 1610, в 1612 и 1613 гг.) способствовало накоплению значительного объема информации о России, которую он обобщил сначала в книге «Достоверная и правдивая реляция», затем – в книге «История о великом княжестве Московском, происхождении великих князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил П. Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года». Кроме собственных донесений, Петрей использовал материалы русских летописей, дипломатических актов, а также многое из того, что он узнал у Исаака Массы, Максима Бэра, Конрада Буссова. Источниковая ценность его сочинений определяется не только проявленным им интересом к внутривосточным событиям в России, к обороноспособности городов и т.д., но и представлением обычаев, нравов, одежды и быта поволжских, ногайских и крымских татар.

Целый ряд произведений западных авторов XVII столетия появился в результате традиции неутомимого стремления европейского торгового капитала проложить путь в Московию и через Московию на Восток. В ряду подобных трудов необходимо назвать «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей» голландского торговца Исаака Массы (ок.1587–1635) [Масса, 1937; Масса, 1997; Масса, 2007, с.424–431]. И.Масса выбрал

неудачное время для достижения своей цели и задержался в России с 1601 г. по 1609 г., но с задачей сбора разведывательных данных справился блестяще. Несмотря на сложную обстановку, он сумел составить представление о внешнеполитических успехах и внутривосточном развитии Московского государства начиная со времени правления Ивана IV и до времени правления Василия Шуйского. Его труд интересен восприятием развития и обострения взаимоотношений Москвы с постордынскими татарскими государствами – Казанским и Астраханским ханствами, с Большой Ногайской Ордой, утраты последними независимости. А также изложением попыток населения Казанского ханства (в ходе «черемисских войн») и крымского хана (походы 1555, 1571 гг.) восстановить утраченные позиции, рассказом о расстановке сил в астраханском походе 1569 г.

Из путевых заметок иностранцев наиболее основательными и содержательными являются записи немецкого путешественника и ученого Адама Олеария (1603–1671), сведенные в книгу «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» [Олеарий, 1861; Олеарий, 1906; Олеарий, 2003]. Россию он посетил в составе шлезвиг-гольштейнского посольства в Москву в 1633–1634 гг. и в Иран (Персию) в 1635–1639 гг. В Казани и Астрахани Олеарий побывал по пути в Персию в 1636 г. и обратно в 1638 г. Добросовестный и наблюдательный от природы, он дал достаточно полное изложение политического и общественного состояния России в целом и Поволжья в частности. Комплекс сведений об истории, географии, топонимии, этнографии земель, через которые он проезжал, составлялся с учетом возможной практической востребованности, поэтому сопровождался картами и зарисовками с натуры. Примечательно, что Олеарий различает татар крымских (или перекопских), касимовских, казанских, черемисских, ногайских, заволжских, болгарских, калмыцких, черкасских, дагестанских. Излагает историю завоевания татарских ханств, Астрахань представляет столицей Ногайской Татарии, приводит опорные факты из повседневной жизни, обычаев, одежды, отличающие их

друг от друга. Его книга стала своего рода справочником для решившихся повторить его путь в Персию в последующем. Например, для голландского парусного мастера Яна Янсена Стрейса из Нидерландов (Стройс, 1630–1694), дважды побывавшего в России (в 1668–1673 и 1675–1676 гг.) и пересекшего ее от Новгорода до Астрахани. В своем повествовании об истории, образе жизни, социальных взаимоотношениях и этнографических особенностях татарского населения всего Поволжья, о роли поволжских городов во внутрироссийской и транзитной торговле с Востоком Стрейс придерживался канвы записок А.Олеария [Стрейс, 1935].

Поиском относительно малозатратного и безопасного пути в Персию были озабочены не только представители торгового капитала, но и правители европейских держав, заинтересованные в союзе с Персией в борьбе против Османской империи. Появление путевых заметок Стефана Какаша (ум. в 1613 г.) и Георга Тектандера (ум. в 1614 г.) было связано с реализацией этой задачи и явилось результатом направления их австрийским императором Рудольфом II для закрепления достигнутой договоренности о таком союзе с персидским шахом Аббасом [Какаш, Тектандер, 1896]. Маршрут посольства, вышедшего из Праги, пролегал через Силезию, Польшу, Мазовию, Литву в Москву, далее на Казань и вниз по Волге до Астрахани и т.д. Любопытно, что в Казань послы прибыли спустя четыре месяца с момента начала путешествия (24 декабря 1602 г.), а на дорогу от Казани до Астрахани через Самару, Саратов, Царицын по Волге потратили 16 дней. Их записки интересны как упоминанием фортификационных сооружений: двойного кольца укреплений в Казани, обветшавших деревянных крепостных стен и древних татарских памятников и усыпальниц в Астрахани, так и указанием на разный образ жизни астраханских татар – оседлый и кочевой. Ограничившись приведением информации о соляном промысле оседлых, авторы записок перешли к изложению наблюдений о природно-географических и климатических особенностях прилегающей к Астрахани степи, сложившихся условий сохранения жизни, о кочевом быте,

перемещениях и характере торговых операций ногайских татар.

Тема ногайских татар всплывает довольно неожиданно в дневниковых записях краковского шляхтича Станислава Немоевского (ок. 1560–1620) [Записки Немоевского, 1907; Записки Немоевского, 2006]. Оказавшись в России как доверенное лицо сестры Сигизмунда III, шведской королевы Анны, с заданием продать часть ее драгоценностей Лжедмитрию I и задержанный силою обстоятельств на три года (с 18 апреля 1606 г. по 2 октября 1608 г.), он коротал время за фиксацией увиденного и услышанного. Не покидавшему его желанию быстрее оказаться на родине мы обязаны изложением встречи с романовским служилым татаринном, сыном ногайского бека Юсуфа – мирзой Элем, отправленного своим дядей Исмаилем в 1564 г. в Россию. Оно свидетельствует об использовании ногайских мирз в военных кампаниях, понесенных ими потерях, насильственном удерживании в России, а также о расселении ногаев на Дону.

Из записок европейцев, поступивших на службу (русскую, или польскую), информативными представляются два сочинения. Первое – это «Описание Украины», написанное военным инженером французом Гийомом Левассером де Бопланом (1595–1685), привлеченным к строительству укреплений в Речи Посполитой (1632–1648) [Описание Украины, 1896, с.289–388; Гийом Левассер, 2004]. В нем он поделился своими представлениями о жителях Крымского ханства, рассказал об организации управления, поведал о городах, образе жизни, облике, одежде, пище, обычаях народа, об особенностях тактики ведения ими войны, их вооружении.

Второе – «Дневники» Патрика Гордона, британского подданного, находившегося на русской службе в 1661–1664 гг. [Патрик Гордон, 2001; Патрик Гордон, 2002; Патрик Гордон, 2005; Патрик Гордон, 2009]. Источниковая ценность этого сочинения бесспорна, и обусловлена географической и хронологической широтой, точностью в изложении событий, отличной информированностью, наблюдательностью и беспристрастностью составителя, а также приве-

дением текстов официальных и частных писем, свидетельств о службе, межгосударственных договоров, полковых списков, прошений, счетов, рисунков обороны чигиринской крепости и т.д. Эти ежедневные записи, составившие шесть томов, воссоздают геополитическую обстановку в Восточной Европе во второй половине XVII в., исторические условия, в которых существовали и действовали польско-литовские и крымские татары. В сюжетах о военных кампаниях (войны с Речью Посполитой в 1655–1660 гг., Чигиринские и Азовские походы) изложены особенности стратегических и тактических приемов крымских татар в ходе военных действий, приведены сведения о процедуре обмена пленными, об отдельных исторических личностях. Источник неоценим и для представления внутривосточной ситуации в России, причин и характера социальных конфликтов, в том числе с участием волго-уральских татар. Содержит информацию о пространственной организации, численности, военных качествах, вооружении, верованиях приуральских «башкирских» татар (см. также анализ дневника Патрика Гордона: [Брикнер, 1878]).

Отдельные произведения европейских авторов привлекают внимание рассказами о социальных конфликтах, в которых приняли участие и татары. Так, сочинение Якоба Рейтенфельса «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии», составленное около 1676 г., примечательно сведениями об участии народов Волго-Уральского региона в крестьянской войне под предводительством Степана Разина (сочинение впервые было опубликовано в 1680 г. на латинском языке в Падуе, на русском языке – в 1906 г. См.: [Рейтенфельс, 1906]). Информация же автора о географии, политическом устройстве, экономике Русского государства, в том числе Среднего и Нижнего Поволжья, оригинальностью не отличается. «Дневник» секретаря австрийского посланника Гваринента – Иоганна Георга Корба (1672–1741) о пребывании в России в 1698–1699 гг. обращает на себя внимание упоминанием похода крымцев под Азов, мятежа сосланных в город стрельцов и привлечения ими на свою сторону крымских татар (записи были

опубликованы на латинском языке в 1700–1701 гг. в Вене, на русском языке – в 1867, 1906, 1997 гг. См.: [Дневник поездки, 1867; Корб Иоганн Георг, 1906; Корб Иоганн Георг, 1997]).

Особого упоминания заслуживает «Описание Черного моря и Татарии» монаха Эмиддио Дортелли д'Асколи, составленное в 1634 г. [Описание Черного моря, 1902, с.91–134]. Его записи основаны главным образом на личных наблюдениях, продолжавшихся на протяжении десяти лет, поэтому, помимо информации физико-географического, этнографического, административно-территориального, социально-экономического, податного, военно-стратегического характера, в них присутствует попытка ее систематизации и осмысления. Автор приводит свое понимание этимологии понятия «татары», отмечает их деление на крымских (старожильцев) и ногайских (более поздних пришельцев), их веротерпимость, гостеприимство, рассказывает о природных катаклизмах, повлиявших на качество жизни и численность татар, упоминает о бальнеологических свойствах крымской земли.

Наконец, необходимо упомянуть о дневниковых записях находившегося на русской службе датского подданного, выходца из Нидерландов (Голландии) Эверта Исбранта Идеса (1657–1707(?)), известного под именем Елизария Елизариева сына [Исбрант Идес, 1967; Идес, 2010]. Он возглавил посольство правительства Петра I в Китай (1692–1695 гг.). Оно было организовано с целью установления торговых сношений с Китаем и выяснения судьбы Нерчинского договора. Его дневник «Путешествие из России в Китай», ставший первым сочинением о неведомых Европе областях России, содержит ценные сведения по географии, истории, этнографии Урала и Сибири, в том числе – немало интересного об «уфимских и башкирских татарах».

Весьма информативным является и сочинение голландца Корнелия де Бруина (1652 – после 1711) «Путешествие через Московию» [Корнелий де Бруин, 1873; Корнелий де Бруин, 1989]. Его путешествие началось в июле 1701 г. из Амстердама. Через Архангельск, Москву и далее по Волге он спустился до Астрахани, ранней весной, во

второй декаде апреля 1703 г., пересек границу и прошел Иран, Восточную Индию, побывал на островах Цейлон и Ява, и через четыре года проделал обратный путь, завершив его в начале октября 1708 г. Помимо историко-этнографических зарисовок, основанных на собственных наблюдениях, он оставил более трех сотен (320) бесценных рисунков и картин.

Корпус используемых исследователями путевых заметок восточных (мусульманских) авторов, содержащих сведения о татарах, невелик. Если не принимать во внимание единичные упоминания о ногаях, имеющиеся в записках флотоводца Сеиди Али Рейса, в конце зимы-начале марта 1556 г. возвращавшегося через ногайские кочевья из Самарканда и Бухары в Стамбул [Seydi Ali Reis, 1999, с.137–139] и вспомнить условность отнесения к османским авторам Павла Алеппского, написавшего «Путешествие патриарха Макария» [Крачковский, 2004, с.687 и др.], а также – преимущественно географический характер сочинения османского энциклопедиста XVII в. Мустафы б. Абдуллаха Кятиба-челеби (Хаджи-халифы) «Джихан-ньюма» («Мироуказатель») [Кятиб Челеби, 1732, с.375–376; Джихан-Ньюма, 1973], то одним из немногих произведений, относящихся к этому разряду, является труд османского путешественника Эвлия Челеби (1611–1682(?)) «Сейяхат-наме» (Повествование о путешествии) ([Эвлия Челеби, 1961; 1979; 1983; 1999; 2008], об источниковой ценности памятника см.: [Григорьев, 1974; Григорьев, Фролова, 1968]).

Вместе с тем содержащиеся в них крупинки информации в совокупности расширяют наше представление о прошлом¹. Сочинение Сеиди Али, скажем, наводит на размышления о причинах презрительно-опасливого отношения к кочевникам, не считавшим зазорным ограбить-обобрать своих единоверцев [Мустакимов, 2008, с.15]. Характерно, что Павел Алеппский дважды посетил Мо-

сковское государство, сопровождая своего отца, антиохийского патриарха Макария, и свои заметки о первом пребывании в стране написал на арабском языке. Их путь в Россию пролегал по территории Молдавии и Украины, и, разумеется, им приходилось встречаться как с христианами, так и с мусульманами – крымскими татарами; его информаторами становились и те, и другие. Указанное обстоятельство, помноженное на собственные наблюдения, позволило ему вникнуть в крымско-московские и крымско-казацкие взаимоотношения, придало доказательность его сведениям о крымских и касимовских татарах, о крещении касимовского царевича Сеид-Бурхана б. Арслана, мать которого – Фатима-султан – происходила из рода сеидов [Муркос, 1898].

Интересные сведения по истории и географии татарских юртов запечатлел в вышеназванном труде Хаджи-халифы (1600–1657). Он, в частности, упомянул о факте обращения казанских татар к султану Селиму II (1566–1574 гг.) с просьбой оказать содействие в борьбе против «неверных московитов» и отметил подсказанный ими тактический ход для достижения победы: прорыть канал и соединить Дон и Волгу (об этом см.: [Мустакимов, 2008, с.11]). Широкую известность получил также его библиографический словарь «Кяшф аз-зонун», или «Раскрытие сомнений относительно имен книг и отраслей наук», не утративший своей научной ценности и в наши дни. В нем приведен перечень заглавий почти 14 500 книг на различных восточных языках (арабском, персидском, османском и тюрко-татарском) 8 000 авторов, указаны годы их смерти и в некоторых случаях и другие биографические сведения [Крымский, 1902, с.950–951].

Сведения о татарах приведены во 2-м, 7-м и 8-м томах десятитомного сочинения упомянутого османского автора Эвлия Челеби. Путешественник посетил Северный Кавказ, Поволжье, Подонье, Причерноморье и Крым дважды – в 1641–1642 и в 1666–1667 гг. Первый вояж последовал вслед за назначением его в качестве кетхуды к трабзонскому вали – Омеру-паше. Вернувшийся из поездки в Измит, Челеби 19 августа 1640 г. был направлен в Трабзон. Его путь

¹Ради полноты картины необходимо отметить существование датированного 1573 г. агиографического сочинения «Джадат ал-ашикин» Шариф ад-Дина Хусайна Шарифи, в котором присутствует информация о ногаях («узбеках»), Астраханском и Крымском ханствах. См.: [Муминов, 2012].

к месту назначения пролегал по южному берегу Черного моря с заходом в прибрежные города и крепости. В Трабзоне он сумел войти в состав посольства в Мегрелию, вероятно организованного в связи с подготовкой похода на Азов. На обратном пути, добравшись до Гони, Челеби присоединился к янычарам, направлявшимся в Анапу, к месту сбора турецких войск для направления на Азов. Из Азова он проследовал в Бахчисарай, где переждал зиму 1641 г., и через Балаклаву, пережив кораблекрушение и долгую болезнь, во второй половине октября 1643 г. добрался до Стамбула.

Второе его путешествие по территории, заселенной татарами, началось в 1665–1666 гг. в составе посольства, возглавляемого Фазылом Ахмед-пашой, в Австрию. Имея за плечами опыт странствий по Османской империи, Кавказу, Австрии, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Швеции, опыт участия в ряде военных походов, Челеби получил разрешение крымского хана Мухаммед-Гирея IV проехать через Перекоп на территорию Крымского ханства. Последовавшее смещение хана весной 1666 г. привело к продолжению его путешествия на восток и северо-восток уже вместе с опальным ханом. Переплыв Керченский пролив, он оказался на Таманском полуострове, из крепости Тамань через Кабарду проследовал в Дагестан. Пройдя Азербайджан, Северный Иран, переплыв Каспийское море, осенью 1666 г. Челеби добрался до Астрахани, а затем и до Казани, Алатыря и, видимо, до Можайска. Затем зимой по Подонью он прибыл в Азов, оттуда пошел на юг, побывал в ряде черкесских и ногайских областей, и через земли хатукайцев, жанеевцев и шегаков вернулся в крепость Тамань, из которой по замерзшему Керченскому проливу перебрался на Крымский полуостров и добрался до Бахчисарая. Оттуда отбыл в Перекоп и весной 1667 г. пустился в путь на Стамбул через украинские земли и крепость Измаил.

Несмотря на присутствие определенного высокомерия к другим этносам, информационный потенциал записок этого незаурядного человека обладает объективностью, высокой точностью и репрезентативностью. Он оставил очень подробные

и действительно уникальные сведения по исторической географии, истории, культуре и образу жизни буджакских, крымских, литовских, астраханских, казанских татар, однако должную оценку они все еще не получили. Особого внимания заслуживают его повествование о городах, насыщенное топографическими и историческими данными, описания фортификационных и культовых сооружений, внешнего облика, быта, жилищ, предметов домашнего обихода, оружия, одежды, пищи, обычаев, фольклора различных крымчан и соседствующих с ними племен и народов. Интересны его наблюдения о характере взаимоотношений Крымского ханства с ногайскими татарами, о контроле ханом степи – кочевий ногайских родов адиль, шайдак, ормит и связанной с ними (уплата ногайцами подати за выпас стад, поставка в Крым масла, меда, рогатого скота, овец, ягнят и ясыря) системе жизнеобеспечения, о существовании различных этноконфессиональных групп, объединяемых понятием «татары», об этногенезе крымских татар.

Еще одной группой источников нарративного характера являются исторические произведения. В силу объективных причин традиции составления исторических произведений у татар, оказавшихся в составе Российского государства, стали затухать, для придания им нового импульса, их качественного перерождения требовалось время. Вместе с тем наступивший застой в какой-то мере может быть компенсирован трудами османских и крымских авторов (об отложившихся в фонде библиотеки ИВ РАН рукописях см.: [Дмитриева, 1975; Дмитриева, 2002; Istanbul Kutuphaneleri, 1944]).

Позволим себе назвать некоторые из них. Во-первых, это «История хана Сахиб-Гирея» («Тарих-и Сахиб Гирай хан») Бадрад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед-Кайсунизаде Нидаи-эфенди, более известного как Реммал-ходжа [Tarich-i Sahib, 1973; Зайцев, 2005, с.48–87; Зайцев, 2009, с.69–83; Зайцев, 2009а, с.66–67]. Личность автора и круг его интересов, побудительные причины составления хроники, источниковая основа, отличительные особенности, стиль и содержание сочинения Реммал-ходжи

тщательно проанализированы усилиями ряда ученых – В.Д.Смирнова, З.Абрахамовича, Ш.Ф.Мухамедьярова, В.Остапчука, И.В.Зайцева и др. Названный труд, основанный на собственных данных, официальных актах, фетх-наме и зафер-наме, был составлен в 1551–1553 гг. и представлял собой панегирик погибшему хану. При всей относительности датировок событий этот памятник является ценным источником о крымской политике, об организации военного дела, образе жизни и быте населения ханства, географических условиях его обитания и т.д. Он помогает понять подоплеку и причины крымских походов в 1541 г. на Москву, в 1546 г. на Астрахань и Ногайскую Орду, преемственность политической линии взаимоотношений Крыма с другими юртами, Москвой и Стамбулом. И с этой точки зрения незаменим для ретроспекции многих процессов, получивших продолжение и развитие в XVI–XVII вв. Ко всему прочему он является одним из звеньев историографической традиции в постордынском пространстве, позволяющим определить вектор ее последующей эволюции.

К изучению истории правящей верхушки Крымского ханства может быть привлечено сочинение эмира Абу-Мухаммеда Мустафы ал-Дженнаби (ум. в 999/1590–1591) «Летопись ал-Дженнаби», или «Подарок умного и приношение образованного», написанное на арабском языке. К сожалению, знакомство с этим произведением ограничивается лишь извлечениями, опубликованными В.В.Вельяминовым-Зерновым и В.Г.Тизенгаузеном [Вельяминов-Зернов, 1863, с.374–376; Абу Мухаммад, 1884, с.238–239], и указанием последнего на присутствие информации о крымских правителях.

Лапидарная информация о хане Кучуме и Сибирском юрте присутствует в сочинении османского историка XVI в. Сейфи Челеби «Таварих» («Летопись»), извлечение из которого опубликовано Т.И.Султановым [Султанов, 2005, с.254–278].

Заслуживает упоминания труд османского автора Абдуллаха б. Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак» («Летопись Кипчакской степи»), датируемый временем правления Мурада IV (1623–1640), но не ранее 1638 г. (критический текст этой хроники был опубликован

А.Зайончковским [Zajaczkowski, 1966; Зайончковский, 1969]). Он выполнен в соответствии с традициями, с учетом трудов предшественников, и имеет сложную композицию: состоит из вступления, описания Дешт-и Кипчака, генеалогии Чингизидов и краткого экскурса в историю Крыма, начиная с хана Хаджи-Гирея, и заключения. Источниковое значение его обусловлено тем, что его автор был очевидцем обрисованных событий, так как приходился сыном наместнику Кафы. В поле его зрения оказались военная организация крымских татар, их воинское мастерство, наиболее яркие внутривосточные события начала XVII в., из описания которых просматриваются отношение османского подданного к крымскому народу в целом, восприятие им борьбы за власть, развернувшейся между Мухаммед-Гиреем и Джанибек-Гиреем [Zajaczkowski, 1966, с.18–19; Turan, 1984].

Наиболее известным произведением является сочинение улема Сейида-Мухаммеда Ризы (ум. 1755/56 г.) «Семь планет в известиях о царях татарских» («Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар»), завершенное в 1737 г. [Казем-бек, 1832; Сейтягьяев, 2002]. Сложный в композиционном отношении труд базируется на широчайшем спектре источников (трудах арабских, персидских, турецких и невыявленных сочинениях крымских историков). После краткого вступления Мухаммед Риза представляет картину сотворения мира, затем приводит краткое изложение истории Дешт-и Кипчака, Монгольской империи, Золотой Орды и Крымского ханства. Повествование о Крымском ханстве представляет собой сжатое изложение истории правления семи крымских ханов. Оно открывается рассказом о хане Менгли-Гирее I и завершается событиями середины XVIII в. периода правления Менгли-Гирея II (с 871/1466 по 1150/1737 г.). Главной задачей автора было доказать преемственность политической власти Гиреев от золотоордынских ханов. Именно этой цели служили приведение генеалогии хана Менгли-Гирея, акцент на освещении политики ханов, проводивших независимый или параллельный от османского султана курс, причин кризисов наследования и упадка Крымского ханства. Источниковое значе-

ние памятника не ограничивается лишь возможностями изучения политических событий, он содержит сведения о внутренней жизни ханства, взаимоотношениях внутри ханской семьи, о быте, нравах крымского общества, а также этнографический материал о народах, с которыми Крым вступал в различные контакты. Во второй половине XVIII в. это сочинение подверглось переработке и легло в основу «Краткой истории Крымского ханства». Оба варианта были составлены на османско-турецком языке (подробнее см.: [Смирнов, 2005, с.35; Зайцев, 2009, с.97–127]).

Наконец, это «Тарих-и Ислам-Гирай» («История хана Ислам-Гирея III») служителя ханской канцелярии Кырымлы Хаджи-Мухаммеда Сенаи, составленный в 1648–1651 гг. на османско-турецком языке ([Nadzy, 1971; Сенаи, 1998], характеристику источника см.: [Зайцев, 2009, с.127–132]). После небольшого вступления Сенаи повествует о назначениях на высокие должности, последовавших после воцарения Ислам-Гирея хана, отмечает внутреннюю стабильность в Крыму, Черкесии и Ногайской Орде, наступившую в годы его правления. Рассказывает о военных событиях периода правления этого хана (1644–1654): набегах на Северный Кавказ (Черкесию), российские окраины и Азов, об участии в союзе с силами Б.Хмельницкого в войне против Речи Посполитой, приводит генеалогию хана. Источник дает возможность представить государственную структуру ханства, социальную стратификацию, особенности организации военных действий, состав войска, проливает свет на случавшиеся в нем конфликты и их разрешение, а также отражает взаимоотношения Крыма с Османским государством и стремление хана довести до сведения ведущих европейских государств весть об одержанных победах. Памятник интересен формой подачи материала, скрупулезностью в передаче дат и маршрута продвижения войск, поэтически-вкраплениями.

Тема представителей крымской династии ханов, характера взаимоотношений османских правителей с Крымом и другими государствами Евразии поднимается еще в целом ряде нарративных памятников,

жаждущих внимательного исследователя: в сочинении Хюсейна Хезарфенна «Телхис ал-бейан фи каванин-и ал-и Осман» («Изложение сути законов османской династии») [Hezarfen, 1998; Орешкова, 1990, с.228–305; Кащенко, Лотаков, 2010, с.11–18], заметках о событиях 1684–1703 гг., составленных в начале XVIII в. Дервиш Мехмед-Гиреем б. Мубарек-Гиреем, родным братом хана Мурад-Гирея (1678–1683) и двоюродным братом хана Саадет Гирей-хана III Кривого (1691) (см. описание и характеристику: [Зайцев, 2009, с.153–154]), литературных памятниках, посвященных истории Османского государства, в сочинении османского историка конца XVII – начала XVIII вв. Мехмед Фундыкклылы «История Сияхдара», охватывающем период времени с 1655 по 1720 гг. [Silâhdâr, 1928], в произведении крымского хрониста Абд ал-Гаффара ал-Кырыми «Умдат ал-ахбар ал-мутабар» (или «Умдат ал-ахбар фи тарих ат-татар»), завершеном в 1157/1744 г.¹, в хронике истории Крымского ханства «Гульбун-и ханан» («Розовый куст ханов»), составленной еще одним представителем ханского рода султаном Халим-Гиреем (об этом произведении см.: [Зайцев, 2009, с.183–186]).

Из названных авторов следует выделить Х.Хезарфенна, происходившего из сословия мусульманских богословов и правоведов (улемов). Своим историко-правовым трактатом, судя по названию, носившим характер письменного доклада, он стремился оказать воздействие на султана, не отягчавшего себя проблемами государственного управления и осуществлением контроля над госаппаратом. В соответствии со своей задачей он проследил изменение во времени государственных порядков, в том числе и Крымского ханства, и дал рекомендации по преодолению царившего беззакония. В этом контексте Х.Хезарфенн сообщил об утрате

¹Часть источника, относящаяся к истории Золотой Орды и Крымского ханства, опубликована турецким историком Неджибом Асымом. См.: [Кырыми, 1924]. Краткую характеристику личности ал-Хаджжа Абд ал-Гаффара б. ал-Хаджжа Хасан б. ал-Хаджжа Махмуда б. ал-Хаджжа Абд ал-Ваххаба ал-Кырыми и его сочинения см.: [Зайцев, 2009, с.179].

чингисидами (крымскими ханами) монопольного права на выдачу ярлыков – актов, имевших высшую юридическую силу [Почекаев, 2009, с.39]. Данное произведение остается слабоизученным. Хотя интерес к нему уже проявлен: С.Ф.Орешкова перевела на русский язык и опубликовала две главы: «О законах крымских ханов, законы августейшего похода и султанские законы» и «Разъяснения законов о благородных улемах и порядке выдачи султанских указов» (подробнее об «Изложении» см.: [Кашенко, Лотаков, 2010, с.11–18]).

Среди татарского населения Российского государства продолжали бытовать дастаны, байты и родословные (шеджере). Первые принадлежали к устным (фольклорным) произведениям. Они посвящались историческим личностям, сочинялись по «горячим» следам исторических событий: в случае наступления трагического конца – смерти конкретной личности, в связи с трагедией войны и ее следствиями (героизм, гибель, плен). Возникали в ответ на стихийные бедствия (пожары, голод, наводнения и т.д.) и на развитие социальных явлений и движений. Как правило, их авторы оставались анонимными. Народ хранил в памяти имена своих героев, поэтическими приемами фиксировал события, ставшие поворотными в историческом развитии, предавал порицанию трусов и предателей, выражал сочувствие храбрецам и, несмотря на запреты, передавал свое творчество другим поколениям. Науке известны такие дастаны и байты, несущие информацию о татарском этносе рассматриваемого времени, как: «Ильдан и Гөлдан», «Славная девушка Тукбика», «Тимер Батыр», «Чура батыр», «Казан тарихы» («История Казани»), «Алдар и Зухра» и многие др. [Березин, 1862, с.41–56; Образцы народной литературы, 1872; Образцы народной литературы, 1896; Ананьев, 1900, с.1–38; Ананьев, 1909, с.1–29; Орлов, 1945; Жирмунский, 1974; Аксауыт, 1977; Татар халык ижаты, 1983; Татар халык ижаты, 1984; Сикалиев, 1994; Урманчеев, 1984; Татар халык ижаты, 1987; Кырымтатар, 1991; Ногайдынъ кырк баытири, 1991; Чура батыр, 1993; Башкорт халык ижады, 2002; Башкорт халык ижады, 2004]. Научное значение этой группы источников

обусловлено отражением системы представлений этноса об исторических событиях, системы ценностей, сформировавшейся в сознании людей, их коллективного менталитета. Специалисты считают, что народные исторические предания стали той базой, на которой возродилась исламская историография в Волго-Уральском регионе [Франк, 2008, с.27].

Вторые сводились к фамильным генеалогиям, поколенным записям, иногда сопровождаемым комментариями. Составление шежере во второй половине XVI–XVII вв. оставалось востребованным потому, что и в составе Российского государства определение социального статуса человека зависело от степени знатности его происхождения, диктовалось необходимостью юридического оформления прав собственности на землю. В XVIII в. шежере служили доказательством и правовым основанием для официального признания принадлежности к дворянскому сословию и закрепления привилегий [Ахметзянов, 1991а; Әхмәтжанов, 2009; Әхмәтжанов, 2012]. Постепенное размывание служилой привилегированной прослойки феодального класса у татар, инкорпорация части аристократии в состав российского дворянства, утрата другой частью феодальных прав, разорение и трансформация в податное сословие сопровождалась переходом единичных представителей в священнослужители. Именно с последними было связано продолжение историографической традиции составления родословий в последующем [Шайхиев, 1981, с.3–7; 1982, с.73; 1985, с.186–190].

Характерным свидетельством географии историографического пространства татар служит «Трактат о генеалогии» («Шаджара Рисаласи»), возникший в XVII в. в Сибирском ханстве и рисующий последние десятилетия существования этого Юрга¹. Выявлено пять списков шаджара: у татарского населения Сибири (Тобольск и с. Бегишево Вагайского района Тюменской области) и в фондах древлехранилищ Санкт-Петербурга

¹Тексты «Шаджара рисаласи» впервые были опубликованы В.Радловым в 1877 г., затем Р.Фахрутдиновым – в 1909 г. Последние по времени публикации см.: [Бустанов, 2009, с.34–48; Бустанов, 2009а].

и Казани. Их содержание и языковые особенности подтверждают правоту исследователей, считающих устойчивым явлением появление и распространение фольклорных произведений в XVII в. именно в Сибири. Источниковая ценность памятника определяется содержанием информации о конфессиональной ситуации в государстве, о взаимоотношениях хана Кучума с правителем Бухары Абдуллою ханом, с Москвой и Касимовским ханством.

Фольклорный и генеалогический материал, литературные тексты и выписки из различных религиозных сочинений, и сведения по истории, географии, этнографии, топонимике, о взаимоотношениях сибирских татар с казахами и калмыками содержатся в рукописи, известной как «Тетрадь Ахмет-жана Гизетдина». Эта рукопись состоит из двух частей, первая известна под названием «Бараба иле» («Барабинская история»), вторая – «Туралы Тубыл халкы» («Тобольское городское население») [Усманов, Шайхиев, 1979, с.85–103].

Вместе с тем в конце XVII в. была принята и попытка возрождения жанра исторических повествований: в Среднем Поволжье создается историко-легендарное произведение «Дафтар-и Чингиз-наме». Оно состояло из шести дастанов, включающих генеалогии и исторические события, связанные с Чингис-ханом, ханом Джанибеком и его сыном Бердибеком, Аксак Тимуром (Тамерлан), Идигеем и предводителем антимонгольского движения кыпчаков Поволжья – Бачманом. Ограничение анонимным автором хронологических рамок изложения лишь золотоордынским периодом, думается, было продиктовано стремлением напомнить и прославить деяния правителей периода становления и развития татарской государственности, сделав акцент на их моральных качествах и мировоззренческой стойкости. Объективно это сочинение свидетельствовало о сохраняющихся оппозиционных настроениях в татарском обществе (анализ источника см.: [Усманов, 1972; Ivanics, Usmanov, 2002; Мустакимов, 2009, с.122–131]).

«Дафтар», а также появившийся в 1602 г. в Касимове «Сборник летописей» джалаирица Кадыр Али-бека дают возможность

говорить о сложении двух тенденций в развитии исторической и общественно-политической мысли у татар в XVII в. Целью автора «Сборника», достаточно вольно обращавшегося с историческими фактами, было доказательство правомерности претензий на касимовский престол сибирского царевича Ураз-Мухаммеда и восхваление царя Бориса Годунова, пожаловавшего ему это ханство в обход младшего брата царя Мустафы б. Кайбулы – Арслан-Али. Структура «Сборника» была хорошо продумана и соответствовала давним традициям. Он состоял из трех частей: вводной, перевода и переложения «Джами'ат-таварих» Рашид ад-Дина с 14 дастанами о Чингис-хане с его потомками и оригинального, состоящего из 9 дастанов авторского сочинения об Ураз-Мухаммеде-хане. При этом восемь из девяти дастанов-повестей, посвященных чингиздам и Эдигею, должны были подготовить читателя к восприятию последней повести, ради которой и был задуман этот труд. Присутствие сведений о быте касимовцев, царивших нравах, политическом устройстве, о взаимоотношениях с московским царем делает этот памятник разноплановым ценным источником по истории постордынской знати¹.

Уцелевший картографический материал, рисующий пространственное размещение татар в XVI–XVII вв., носит узко-региональный и приблизительный характер. При этом изображение отдельных регионов Восточной Европы (России, Сибири, Крыма) отличается отсутствием передачи полной и точной гидрографической сети, топонимических сведений, сети дорог и локализации населенных пунктов. Определенное представление о татарах, о государственных образованиях, в состав которых они входили, можно получить по получившим распространение в Западной Европе картам Московии и сопредельных стран. Все

¹В 1854 г. арабографичный оригинальный вариант памятника был опубликован на тюрко-татарском языке (язык оригинала). См.: [Березин, 1854]. В 90-е гг. XX в. были произведены транслитерация текста на кириллицу и переводы на современные казахский и татарский языки. См.: [Кадыргали Жалаир, 1997; Сыздыкова, 1989; Сыздыкова, Қойгелдиев, 1991; Мирастан биш сәхифә, 2011, с.8-36].

они основывались на более ранних русских чертежах и расспросах сведущих лиц. Не претендуя на полноту наблюдений, отметим, что карта Баттиста Аньезе 1525 г. была основана на сведениях Д.Герасимова, карта Антония Вида 1542 г. выполнена с помощью И.В.Ляцкого, карта Московии С.Герберштейна 1546 г. базировалась на чертеже Д.Герасимова, общем чертеже Московии 1523 г. и «карте княжеств» И.В.Ляцкого 1526 г., карта Э.Дженкинсона 1562 г. восходила к русскому чертежу 1497 г., карты Исаака Массы 1612 г. и Гесселя Герритса 1613 г. основывались на чертеже царевича Федора, восходящем к чертежу Д.Герасимова 1523 г., карта Гийома Делиля 1706 г. была составлена благодаря содействию графа А.А.Матвеева. Волго-Уральский регион нашел отражение также на картах Николаса Витсена 1665 г., Марко Кронелли 1680 г., Христофера Вейгеля 1698 г. [Аминова, 1998, с.75–86]. Все упомянутые карты отличают присутствие погрешностей в отражении гидрографии, неточность сведений, слабая топонимическая нагрузка. Что свидетельствует о плохом знании иностранцами физико-географических особенностей окраин Российского государства и отсутствии заинтересованности у русской стороны в приведении точной и полной информации.

Стремление визуализировать территорию Московского государства после включения в него двух татарских ханств привело к составлению после 1552 г. первого полного свода географических и этнографических сведений о России и сопредельных государствах XVI–XVII вв. – «Книги Большому чертежу» для собственных внутренних нужд¹. В ней были отражены земли от Западной Двины на западе и до Сибири включительно на востоке, Крыма и Бухары на юге. Свод был составлен как военно-дорожная карта, поэтому в центре внимания

изготовителей находились преимущественно транспортные магистрали – сакмы (сухопутные дороги) и реки, приводились другие справочные сведения, нацеленные на ориентирование и узнавание. До наших дней дошла лишь новая редакция, изготовленная в 1627 г. в Разрядном приказе, хотя известно, что обветшавший подлинник Книги перерисовывали еще около 1600 г. Указанная же причина обусловила составление в 1667 г. «Чертежа Сибирския земли» тобольским воеводой стольником П.И.Годуновым (отличительной особенностью карты было то, что она была «перевернута»: север находился внизу, а юг – наверху. См.: [Полевой, 1976, с.213–227; Катионов, 2007; с.217–226; История научно-картографического, 1998]). Чертеж уцелел в русской копии в одном из четырех вариантов рукописного атласа С.Ремезова и в иностранных копиях – шведских и немецкой (Класа Иогансена Прютца, Фрица Кронемана, Эрика Пальмквиста и Г.А.Шлейсинга) [Кусов, 1978, с.513–520].

Наиболее известной картой Северного Причерноморья и Крыма второй половины XVI столетия является карта «Таврика Херсонесская, в наше время называемая Перекопской или Газарией» (*Tauricia Chersonesus Nostra aetate Przepocpsca et Gazara*), составленная в 1554 г. фламандским картографом и географом Герардом Кремером (1512–1594), известным под именем Герхарда Меркатора [Алейнер, Ларионова, 1962; Хинкис, Зайченко, 2012, с.5–9]. Эта территория найдёт отражение и в первом географическом атласе, опубликованном в 1570 г. Абрахамом Ортелиусом (1527–1598) в книге «Зрелище круга земного» и в 1657 г. в атласе В.Блау (1654–1660) [Кусов, 1978, с.513–520; Московское государство, 2007; Чертежи Земли, 1993; История познания, 2002].

Заслуживает упоминания и изображение Крыма на карте французского военного инженера Гийома Левассера де Боплана (1595–1685), составленного на основе собственных наблюдений и инструментальных съемок. Первоначальный рукописный вариант генеральной карты Украины 1639 г. был издан в 1648 г. Карта имеет высокую точность и достаточно информативна благодаря тому, что составитель отслеживал

¹О дореволюционных изданиях см.: [Брокгауз, Ефрон, 1896, т.15, с.466]. См. об этом подробнее: [Сербина, 1945, с.129–147; Сербина, 1947, с.290–324; Книга Большому Чертежу, 1950]. Характеристика памятника содержится в ряде исследовательских работ. См., напр.: [Петров, 1950, с.74–165; Барандеев, 1987, с.76–85; Саратов, 2003, с.68–83; Пестерев, 2006, с.72–75].

конфигурацию дорог и рек, места слияния рек, размещение населенных пунктов относительно других элементов географической основы [Ляскоронский, 1901; Kohlin, 1964, p.87–88]. На его данных была основана и карта Я.Сандрарта, изданная в 1687 г. Характерной чертой европейских карт, изображавших Крым, было приведение топонимов на двух языках, это удвоение названий было преодолено во второй половине XVII в. [Kohlin, 1960, p.88–94; Kohlin, 1964, p.87–88].

Сибирь была представлена, помимо карт И.Массы, И.Витсена, на карте, составленной Идесом Избрантом. Прошедший картографическую подготовку, Идес пользовался картой И.Витсена, в которую вносил коррективы и уточнения. Издана она была вместе с текстом описания и переиздана в 1727 г. [Кордт, 1899; Кордт, 1906; Кордт, 1910; Постников, 1985; Постников, 1989; Картографирование Сибири, 2003].

Законодательный материал по истории российских татар-мусульман второй половины XVI–XVII вв. представлен актами, возникшими в правовом пространстве Российского государства. В силу того, что для всех мусульман обязательны были правовые предписания, выводящиеся на доказательной основе и восходившие к четырем основным источникам: Корану, Сунне, иджме и кыясу, взаимоотношения внутри мусульманского общества продолжали регулироваться нормами Шариата. Царское правительство не ставило задачи кардинального пересмотра этих норм, и они продолжали бытовать во всех татарских ханствах как до, так и после утраты ими политической самостоятельности. Социально-правовое положение татар в Литовском княжестве и Речи Посполитой регулировалось нормативными документами названных государств, прежде всего конституциями 1670 и 1673 гг. короля Михаила Вишневецкого, 1674 и 1678 гг. короля Яна III, 1736 г. короля Августа III, 1768 и 1775 гг. Станислава Понятовского и 1786 г. (извлечения из конституций статей о литовских татарах, произведенные в XIX в. см.: [Садретдинова, 1999, с.305–306]).

Законотворчество царского правительства второй половины XVI в., вызванное

присоединением двух татарских ханств, правомерно рассматривать, выделяя в нем две составляющие: светскую и религиозную. Первая была связана с необходимостью организации управления и функционирования присоединенного региона в составе Русского государства, и была облечена в форму наказов воеводам. Вторая в качестве желаемой модели поведения новых подданных определяла принятие ими христианства, формулировала и корректировала методы достижения этого, отраженные в предписаниях воеводам и архиепископу.

Науке известны шесть наказных памятей XVI в. (одна – 1583 г., четыре – 1585 г.) и шесть наказов XVII в. (1613, 1649, 1677, 1685, 1686, 1697 гг.), выданных из Приказа Казанского дворца казанским воеводам [Ермолаев, 1980]. В этих источниках нашли отражение общие принципы и задачи управления, военные, хозяйственно-экономические, финансово-податные обязанности и судебно-полицейские функции воеводы. Наказы являются превосходным источником не только для представления системы местного управления, круга полномочий и функций представителей царской власти, но и позволяют судить о социальной стратификации общества, о наличии и состоянии укреплений, о делопроизводстве, о круге материальных ценностей, за которые нес ответственность воевода. Наконец, указы позволяют представить род занятий населения и отношение власти к местному населению (анализ наказов воеводам см.: [Димитриев, 1974, с.284–419]).

Из предписаний второй группы до наших дней дошла наказная памятка архиепископу Гурию, датированная 1555 г., и сохранился инициированный обращением митрополита Гермогена указ царя Федора Иоанновича от 18 июля 1593 г. Первый документ свидетельствует об оформлении в регионе двух ветвей власти (светской и церковной), о границах их полномочий, отражает видение верховной властью решения вопроса о привлечении местного населения к православию. Второй документ «подводит» своеобразный итог проведению политики христианизации, отражает ее результаты, дает основание говорить о слабом участии в ее реализации светской ветви власти, о

наступившем ужесточении курса, а также служит важным источником для изучения взаимоотношений, установившихся между местным и пришлым (русским) населением.

Законодательных актов первой половины XVII в., в которых объектом внимания становятся татары, немного: это боярский приговор от 2 июля 1615 г. и три указа – от 16 июля 1622 г., 30 апреля 1635 г. и от 12 января 1641 г. Их содержание значительно разнообразнее, чем содержание актов предыдущего столетия, но в целом они отражают нормы материального права. Основной акцент в них сделан на установлении прав собственности на земельные приобретения, совершенные служилыми татарами в годы Смуты, прав собственности на православных холопов, прав полного или частичного (временного) отчуждения татарами поместных жеребьев и, наконец, на установлении обязанностей службы – приборе новокрещеных татар. Эта группа источников, являющаяся одним из звеньев воздействия царского правительства на служилых татар, отражает зигзаги и противоречивость политики в их отношении в рассматриваемый период [Ногманов, 2002, с.229; Ногманов, 2005, с.215].

Как известно, закрепление юридических прав российского феодального сословия было осуществлено в Соборном уложении 1649 г., ряд статей которого прямо или косвенно отражает правовой статус феодальной верхушки татар и ясачного большинства. Данный памятник незаменим для представления политической организации, общей картины социальной структуры и правового положения основных сословий, общественных отношений и их правового регулирования, судебно-административной системы, сложившихся в Российском государстве, в состав которого были интегрированы татары. Без этого невозможно понять формирование правового статуса, определить место в социальной структуре и выявить динамику отношения власти к татарскому населению (анализ источника см.: [Маньков, 1980]).

На протяжении второй половины XVII в. в поле зрения верховной власти татары попадали чаще всего в связи с последующей регламентацией и пересмотром их прав

собственности на землю. Правительство царя Алексея Михайловича обращалось к этой теме 7 раз, царя Федора Алексеевича – 9 раз, царей Ивана и Петра Алексеевичей – 7 раз (подсчеты по: [Ногманов, 2005, с.193–214]). Эта группа указов несет на себе печать изменений, происходивших во внутри- и внешнеполитической жизни государства, как ни одна другая группа законодательных актов. Заинтересованность в служилых татарах определялась потребностью решения внешнеполитических задач, охраны рубежей государства и необходимостью официальной реакции на социальные движения. Упомянутые акты свидетельствуют, о том что позиция власти в отношении служилой части нерусского населения стала более четкой: заинтересованности в сохранении этой категории у нее становится все меньше и меньше. Указы дают возможность распутать клубок причин, предопределивших характер этого правительственного курса, в котором религиозная составляющая занимала первое место. Наибольший интерес в этом отношении представляют указы 80-х гг., предусматривавшие лишение некрещеного служилого земельной собственности. В материалах законодательства рассматриваемого периода дисперсно отражены степень самостоятельности отдельных представителей служилой знати, социальное положение ясачных татар, торговая деятельность татарского населения. Отражен в них и перечень служебных обязанностей служилого сословия [ПСЗ–1, т.1–4; Материалы по истории России, 1890; Законодательные акты, 1986; Законы Российской империи, 1999; Законодательство Екатерины, 2000 и др.].

Одним из самых многочисленных, разнообразных видов источников, на которые может опираться исследователь истории татар, являются акты. Они были обязательным элементом правового пространства государства, ибо представляли собой документы, в которых фиксировались те или иные соглашения или экономические сделки, совершенные двумя контрагентами (сторонами) в пределах, допускаемых законом. Естественно, перемены во властной структуре, изменения в социально-правовой сфере приводили к утрате актами своего

значения и функций, т.е. к утрате ими юридической силы. Хранение такого документа становилось бессмысленным. Документы гибли в пожарах. К тому же социально-политические катаклизмы сокращали численность тех, кто прибегал к регулированию имущественных отношений – материально обеспеченную часть общества. Погибали документы и во время стихийных бедствий, в пожарах. Именно поэтому практически не удастся обнаружить актовый материал Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, составленный до середины XVII в. как на татарском, так и на русском языках. Крымское же ханство функционировало в других исторических условиях, сохраняя правовые традиции и совершенствуя культуру делопроизводства под влиянием османского [Абзалов, 2011, с.190]. К тому же ко времени аннексии Крыма в России существенно повысился уровень организации архивного дела. Свидетельством тому сохранение части ханского архива, отложившегося в фондах РНБ (г. Москва), Ялтинского историко-литературного музея, Рукописного отдела Института восточных рукописей РАН, различной документации в фондах РГАДА.

В Волго-Уральском, Сибирском регионах наряду с разнородными актами на русском (указными, жалованными, ввозными, послушными, разъезжими, опасными, поступными, меновными, купчими, полюбовными грамотами) составлялись частные акты и на татарском языке (завещания, дарственные, мировые, купчие, жилые, подрядные, заемные, отдельные записи и верющие письма). В Крыму языком документов был татарский и османско-турецкий, в Польско-Литовском государстве – русский язык. Известная часть актов, включая делопроизводственные материалы, опубликована в десятках изданий [ААЭ, т.1–4; АИ, т.1–5; ДАИ, т.1–12; АЮБ, т.1–3; АЮ; Памятники, 1891; ДММ, т.1–4; Материалы Приказа Казанского дворца, т.1–6; АВК, т.31; Kurat, 1940; Васильева, 1993, с.44–45; Документы Казанского края, 1990; Казанские документы, 2008; Казанские документы, 2010; Le khanat de Crimée, 1978; Мустакимов, 2008, с.49–253; Восточная Европа Средневековья, 2009, с.386–427], но еще большая их часть, отложившаяся в

фондах архивов ряда городов Волго-Уралья, Москвы и Санкт-Петербурга, в зарубежных древлехранилищах, особенно в архивах и библиотеках Белоруссии, Украины, Венгрии, Австрии, Румынии, Турции и Польши, остается за рамками исследовательского поиска. В ряду публикаций документальных материалов особого упоминания заслуживает сборник документов XVI, XVIII вв. и второй половины XIX в. из древлехранилищ Турции – архива и библиотеки Музея дворца «Топкапы» и Османского архива при Премьер-министре Турецкой Республики. В нем приведены факсимиле, тексты и переводы документов, преимущественно не вводившихся в исследовательский оборот. Документы XVI–XVIII вв. в подавляющем большинстве случаев представлены султанскими указами. Их сведения помогают лучше понять борьбу за политическое верховенство, развернувшуюся на постордынском пространстве между осколками Джучиева Улуса, цели сторон в этой схватке, позицию Османской империи, истинные мотивы султана в астраханском походе 1659 г., причины заинтересованности османских правителей в присоединении Нижнего Поволжья в целом, восприятие мусульманами Османской империи, отношение османов к населению татарских ханств и многое другое. Основным адресатом документов являлись крымские ханы, лучше информированные о положении дел в других татарских ханствах, о планах Москвы и осознававших их опасность для татарского мира (эта мысль была высказана еще в 1976 г. [Bennigsen, Lemercier-Quellejau, 1976, p.225–228], об информационном потенциале вошедших в сборник документов см.: [Мустакимов, 2008, с.8–47]).

Интерес к актам предопределен отражением ими соблюдения законодательных норм, состояния и динамики социально-экономических отношений, правового, материального и других аспектов положения различных слоев населения, отношения к ним власти, их представлений о власти. В них приводится информация о службе и быте, социальном статусе, родственных связях служилых, о земельных пожалованиях и совершенных ими сделках. Они содержат сведения о реализации феодального права

на зависимых людей, о взаимоотношениях служилых людей с другими категориями населения и т.д.

Важной составной частью средневековых татарских актов являются официальные документы – ярлыки [Усманов, 1979]. До наших дней дошла лишь одна из ветвей – крымско-татарского происхождения, представленная преимущественно двумя видами ярлыков [Березин, 1872, с.10–23; Смирнов, 1913, с.140–178; Смирнов, 1918, с.1–19; Усманов, 1979, с.31–56]. К первой группе уместно отнести ярлыки, выданные правителям иностранных государств – России, Речи Посполитой, Священной Римской империи, Дании и др. В их числе выделяются послания (мохаббат-наме) и договоры (шарт-наме и гахед-наме). Эти ярлыки составлялись или с целью извещения, или с целью оказания определенного воздействия. В договорных же грамотах фиксировались соглашения, достигнутые сторонами после дипломатических или военных способов достижения определенной цели [Иванич, 2006, с.169, прим. 1; Kołodziejczyk, 2011].

Во вторую группу можно включить ярлыки, выданные конкретным лицам – тарханам. Как правило, выдача тарханских грамот осуществлялась в случае восшествия на престол очередного хана, который подтверждал привилегии того или иного лица, предоставленные правителем-предшественником. Тарханские грамоты выдавались также в тех случаях, когда требовалось подтвердить право на привилегии наследников лиц, ранее удостоенных этих льгот [Березин, 1872; Фаизов, 2003]. Эти грамоты затрагивают интересы конкретного лица и дают возможность судить о круге, размерах предоставляемых привилегий, об особенностях правовой системы, социальной структуры общества.

Следует отметить, что в последние годы благодаря деятельности архивной службы РТ научная общественность стала знакомиться с текстами султанских посланий иноземным и вассальным правителям и текстами султанских указов османским чиновникам, зарегистрированными в «Реестрах важных дел» (Умур-и мюхимме дефтерлери, сокращенно – Мюхимме дефтерлери). Боль-

шая часть дошедших до нас томов отложилась в Османском архиве при ведомстве Премьер-министра в Стамбуле (см. об этом подробнее: [Мустакимов, 2008, с.27–32]). Несмотря на имеющиеся пробелы, «Мюхимме дефтерлери» содержат уникальные сведения об османско-крымских и османско-ногайских связях, о дипломатических контактах Османского государства с Россией, Речью Посполитой и другими странами, а также Крымского ханства с указанными государствами. Особую ценность эти материалы имеют для исследования политической организации, социально-политического и хозяйственно-экономического развития Крымского государства, для рассмотрения военных конфликтов, которые инициировало или приняло активное участие в них вышеуказанное ханство.

Тесно связаны с актами не менее значимые по информативности делопроизводственные материалы, написанные на староосманском и русском языках. В числе первых особо следует упомянуть копии приказов различных османских органов управления, в особенности Великого императорского совета, и копии ответов на послания крымских ханов, в числе вторых – челобитные и акты специального документирования – разрядные, посольские, писцовые и переписные книги.

Дошедшие до наших дней челобитные подразделяются на просительные, явочные и известные. В числе их подателей фигурируют служилые и ясачные люди, представители монастырей, посада и дворцовых сел. В силу причин, вызвавших их появление, они незаменимы для установления наиболее определяющих вопросов, значимых и «болезненных» как для конкретного человека, так и для определенной группы людей. Ведь, в сущности, челобитные являлись побудительной «причиной» для принятия властными органами решений по самому широкому спектру вопросов и отношений, определявших условия и характер существования человека в средневековом обществе. Будучи способом защиты человеком или группой людей своих прав, они предшествовали наделению человека землей, юридическому закреплению за владельцем земли, разрешению спорных ситуаций, свя-

занных с насильственными захватами земель, выделению прожитков и отпуску со службы для поиска сбежавших зависимых людей и т.п. Поэтому без их привлечения невозможно воссоздать полную картину эволюции общественных отношений и социально-экономической политики правительства и т.д.

Ценный материал для изучения использования служилых татар в военных кампаниях Российского государства XVI–XVII вв. предоставляют разрядные книги или разряды. Они относятся к числу материалов специального делопроизводства, создававшихся в Разрядном приказе на базе первичных исходных документов в виде хронологически последовательного изложения извлечений из официальных распоряжений, других официальных документов, с целью фиксации главным образом повода и порядка организации войска, регистрации назначения служилых на службу. Практика составления так называемых «служебных книг» или разрядов ко второй половине XVI в. получила достаточное развитие. Но первоначальные варианты их не обнаружены. До наших дней дошли три разновидности разрядных записей: 1) выписки из подлинных официальных разрядов, сделанные для подтверждения своего места в социальной иерархии на случай местнических разбирательств; 2) краткие редакции, т.н. «государевых разрядов» середины XVI – начала XVII вв. и 3) компилированные частные редакции. Часть книг опубликована (например, см. дворцовые разряды с 1632 по 1655 г.: [Повседневные, 1769; Дворцовые разряды, 1850; Милюков, 1901; РК 1475–1605, т.1; т.2; т.4; РК 1550–1636, т.1; т.2; РК 1559–1605; РК 1475–1598; РК 1598–1638]). Имеющаяся в упомянутых книгах информация о назначениях воевод на военно-административную службу в города отражает особенности и характер организации местных органов власти, помогает представить звенья и эволюцию административного управления, составить пофамильный перечень местной администрации в бывших татарских юртах. Упоминания о направлении служилых татар вместе с остальными служилыми к месту сбора войск, или на театр военных действий свидетельствуют о широте простран-

ственного размещения татарских служилых корпораций в России. Из разрядов можно извлечь сведения о примерной численности касимовских, темниковских, ценских, кадомских, городецких, арзамасских, алатырских, казанских, свияжских, романовских, новгородских и других служилых татар, привлеченных к военной службе, об осуществляемом над ними контроле со стороны прикрепленных голов, явном признаке присутствия недоверия к неправославным воинам.

Таковыми же «вторичными» по времени создания, как и разрядные книги, являются так называемые «посольские книги» по связям России с другими странами. Следует отметить, что в последние годы изучение и введение в исследовательский оборот документации дипломатических ведомств основных субъектов-участников, вовлеченных в водоворот геополитики в Евразии – России, Крыма Османского государства и Речи Посполитой, – получили новый импульс (о составленных и сохранившихся посольских книгах см.: [Описи царского архива, 1960; Опись архива, 1977; Обзор посольских книг, 1990; Путешествия, 1954; Рогожин, 1994], также см. исследования: [Лисейцев, 2003а; Лашков, 1891, Новосельский, 1961; Юзефович, 1988 и др.]). Во многом это предопределено тем, что в совокупности эти материалы воссоздают целостную картину межгосударственных взаимоотношений, сравнительный их анализ раскрывает истинные намерения и интересы, позволяет понять дипломатический гамбит всех участников «игры».

На Посольский приказ возлагались задачи организации дипломатической службы, регулирования и контроля над сношениями с другими странами и укрепления позиций России на международной арене. Характер деятельности этого внешнеполитического ведомства обусловил появление множества актов и делопроизводственных материалов. Первоначально документы составлялись на отдельных листах и, в целях предупреждения возможной утраты, листы одной «тематике» склеивались по узкой части друг к другу, образуя длинную ленту – столбец, или свиток, сворачивавшийся в рулон. В повседневной практике пользоваться таким

свитком было неудобно, поэтому нужные материалы столбцов стали выборочно переписывать в хронологической последовательности в тетради, которые затем сшивались в книги. То есть эти книги, состоящие из материалов текущего делопроизводства, создавались специально для нужд дипломатической практики путем выборки из первоначального комплекса актов и делопроизводства документов, необходимых для осуществления деятельности Посольского приказа. Вместе с тем хранились отдельные листы и столбцы с первоначальными текстами, включая написанные на языке оригинала. До наших дней дошли 766 посольских книг по связям России почти с 30 государствами. Обращает на себя внимание, что сохранившиеся книги по сношениям с Крымом (82 книги) количественно уступают лишь Речи Посполитой (256) и Швеции (127). Любопытно, что в описи архива Посольского приказа, выполненной в 1673 г., крымские дела занимали второе место по количеству документов после польско-литовских дел. Дипломатические контакты с Ногайской Ордой отражены в 13, с Турцией в 28, с Калмыцким ханством в 6, с Молдавией и Валахией в 5 книгах и т.д. (сведения по подсчетам Н.М.Рогожина: [Рогожин, 2003]). В них изложено содержание сказок-донесений вернувшихся по указанию руководителя посольства служилых татар, отправленных с послом для поддержания связи с центральным внешнеполитическим ведомством – Посольским приказом. Представлены тексты документов, дающих право пересечения границы и перемещения по территории государства («любительные»), тексты грамот, удостоверяющих наделение должностного лица правом проезда («проезжие», за известные прогоны или без прогонов) при сопровождении посла. Приведены переводы посланий правителей главам других государств, иногда и их предполагаемым наследникам; тексты грамот иноземным правителям и лицам, обладающим определенной реальной властью (сыновьям и родственникам, иногда супруге правителя); тексты шертных записей, т.е. договорных грамот с обещаниями не воевать с Россией, не поддерживать ее недругов и пребывать в политическом пространстве Москвы. Пред-

ставлены перемирные договорные грамоты с изложением условий достигнутого мира; указы, или инструкции посланникам с перечислением поручений, последовательности их выполнения и надлежащей реакции на возможные трудности и осложнения, с подробными ответами на вероятные вопросы к послу. Наконец, в посольских книгах содержатся тексты докладных записок, отчетов российских послов о пребывании в стране назначения, так называемые «статейные списки» (см.: [Новосельский, 1961]). Перечисленные акты и записи принято подразделять на две группы документов: «приезд» и «отпуск». Само их именование указывает на то, что к первой группе относились материалы, связанные с прибытием и приемом чужеземных посольств, а ко второй – составленные в связи с организацией и отправкой посольства в другую страну. Весь этот «готовый» свод документального материала по истории развития дипломатических контактов не только помогает представить сложившееся соотношение сил на международной арене и наступивший перевес одной из сторон во взаимоотношениях между двумя странами, но и отражает ту модель и видение конкретных событий, которые царское правительство хотело донести до правителей других стран. Кроме того, эти материалы несут информацию о политическом устройстве стран, экономическом состоянии, физико-географических особенностях и пределах их территорий, характере и роде занятий населения, повседневном быте и нравах, социальных конфликтах и стихийных бедствиях, постигавших ту или иную страну, и т.д. Не менее интересны записи о приходе гонимых с сообщением о вступлении чужеземного посольства в российские пределы, поименном ранжированном перечне прибывших в страну послов с указанием лица, которое они представляют, информация об отправлении встречающих, факте прибытия дипломатов и купцов в Москву, их размещении, официальном приеме, позволении купцам торговать, отправлении русского посольства в другую страну и т.д. Материал посольских книг интересен также отражением бытования золотоордынских элементов в церемониале приема послов и сохранения терминов татарского про-

исхождения в дипломатической практике вплоть до начала XVIII в., а также отражением роли служилых татар в связях России с мусульманским Востоком. К сожалению, подавляющая часть этого ценнейшего комплекса источников все еще остается вне исследовательской практики, несмотря на широкий спектр его информационного потенциала. Задачей будущего остается также скрупулезное фронтальное сопоставление информации всех уцелевших дипломатических документов при изучении истории татарских юртов. Ждут внимательного исследователя нуждающиеся в уточнениях переводы на русский язык текстов грамот, написанных на татарском, османском и других восточных языках.

Не менее значимым источниковым потенциалом обладает еще один комплекс делопроизводственных материалов – писцовые книги, представляющие собой материалы учета земель и населения в целях организации податного обложения, осуществлявшиеся в Российском государстве. В последние годы наблюдается всплеск интереса и к этому комплексу источников, отложившемуся преимущественно в фонде Поместного приказа РГАДА. Следует отметить, что именно в годы второй волны валовых описаний (1550–1580 гг.) татары оказались существенно «распылены» по территории Российского государства и выявление информации о них в материалах переписей представляется делом многотрудным. Что касается регистрации земель бывших ханств, то таковые Астраханского ханства не выявлены. Уцелевшие материалы землеустроения в бывшем Казанском ханстве носят не сплошной, а «лоскутный» характер. Это было обусловлено тремя причинами: во-первых, изменением структуры землевладения во-вторых, произошедшим делением на уезды и последующим административно-территориальным переустройством; в третьих, утратой или позднейшей переработкой приказными служащими первичного текста. Так, ясачные земли, юридический статус которых в результате завоевания не изменился, регистрировались в соответствии со сложившейся системой обложения обособленно, в специальных книгах, именованных «ясачными» (ни

одна из подобных переписей не выявлена). Земли, на которых были размещены служилые люди, пожалованные монастырям угодья, и дворцовые владения учитывались в других книгах. Результаты фиксации монастырских и дворцовых земель могли сохраниться и в виде сотных выписей, и в виде дозорных книг. Во второй половине XVII в. описанием дворцовых земель занимались приказ Большого дворца и Хлебный приказ, оформлявшие свои материалы в отдельных книгах. До нас дошли писцовые материалы по Казанскому и его «внутренним» уездам (Лаишевскому, Тетюшскому, Сарапульскому), а также по Свияжскому, Чебоксарскому, Малмыжскому, Козьмодемьянскому, Пензенскому, Алатырскому, Кунгурскому, Симбирскому, Уфимскому, Нижегородскому и Самарскому уездам, земли которых ранее входили (полностью или частично) в состав Казанского ханства. Часть этих писцовых записей была опубликована [Шишонко, 1872; Список, 1877; СПС 1565–1567; Материалы ТАССР, 1932; ПК КУ, 1978; ПК КУ, 2001; Города России, 2002, с.337–390; ПК КиКУ, 2006; ПК КУ ЗД, 2009; ПК АУ, 2012].

Материалы писцового делопроизводства – это сложный и многоплановый источник, беспристрастно отражающий масштаб изменений, произошедших, прежде всего, в феодальном землевладении, их последствий, а также особенности социально-политических и этноконфессиональных перемен, наступивших в результате колонизации и хозяйственного освоения Среднего Поволжья. Поскольку каждое последующее описание представляет собой своеобразный срез социально-экономического состояния примерно одной и той же территории, то сравнение писцовых сведений позволяет проанализировать численность, характер расселения, динамику материальной обеспеченности и социального положения служилой части татарского населения – служилых мурз, служилых татар и служилых новокрещен.

Таким образом, даже беглый экскурс в область источников XVI–XVII вв. о татарах показывает, что к настоящему времени усилиями многих российских и зарубежных историков накоплен большой важности источниковый комплекс, потенциал которого далеко не исчерпан.

§3. Источники XVIII в.

Бахтияр Измаилов

С конца XVII в. и на всем протяжении XVIII в. в России происходят значительные изменения в характере исторических источников и видовой структуре их комплекса, что современными исследователями связывается как с глубокими преобразованиями в российском обществе, так и с длительным переходом от средних веков к Новому времени [Источниковедение, 1998, с.318–319]. На смену летописанию, актовому материалу и путевым заметкам XVI–XVII вв. приходят научные сочинения, мемуаристика, художественная литература, статистика, массовый делопроизводственный материал и существенно изменившееся по своему характеру законодательство. При изучении истории татарского народа XVIII в. историки оперируют достаточно широким и разнообразным по видовой структуре кругом источников. Источниковая база исследования истории татарского народа XVIII в. включает в себя широкий комплекс архивных и опубликованных письменных материалов, который можно разделить на несколько основных групп: 1) законодательные и подзаконные акты; 2) материалы Уложенной комиссии 1767–1768 гг.; 3) делопроизводственная документация; 4) учетно-статистические документы; 5) частноправовые акты; 6) историко-географические сочинения российских ученых; 7) документы личного происхождения; 8) публицистика массовых народных движений; 9) татарская художественная литература.

Ключевую роль в изучении истории государственной власти и управления в России в XVIII в., а также ее многочисленных народов, в том числе и татарского населения, играют законодательные и подзаконные акты. Эта группа источников включает в себя несколько разновидностей законодательных актов, сложившихся в XVIII в.: а) манифесты и указы; б) регламенты и учреждения; в) уставы и регламенты; г) подзаконные акты, циркуляры и распоряжения центральных и региональных властей. К этой же группе источников относятся про-

екты и обсуждения законодательных актов и кодификации законодательства.

В отечественной историографии манифесты рассматриваются в качестве высшего законодательного акта, который издавался только монархом и провозглашал наиболее важные события в жизни Российского государства, такие как вступление императора на престол, об изменениях в императорской семье, объявление войн и заключение мира, а также начало важнейших реформ. По мнению некоторых современных исследователей, широкая тиражированность манифестов XVIII в. делала их источником информации для населения, в эпоху когда газеты еще не получили широкого распространения [Источниковедение, 1998, с.337]. Среди источников этой категории одним из наиболее значимых для истории татарского народа является манифест Петра I, опубликованный 15 июля 1722 г. в Астрахани на татарском, турецком и персидском языках (подробный анализ и публикацию текста см.: [Первое тюрко-татарское, 2010], а также [Каримуллин, 1992, с.62–75]). Этот манифест стал первым тюрко-татарским печатным изданием в России, а его появление связано с внешнеполитической деятельностью российского императора в Закавказье и Дагестане. Публикация Петром I манифеста перед самым началом Персидского похода 1722–1723 гг. должна была в какой-то мере придать легитимность военным действиям русских войск в глазах населения Персии и Кавказа и по возможности предотвратить волнения среди местных жителей. По мнению известного историка М.А.Усманова, анализирующего данный источник, персидский вариант манифеста адресовался иранцам, персоязычным жителям и чиновникам, а турецкая версия – азербайджанцам и османско-турецким чиновникам Северо-Западного Кавказа. Тюрко-татарская версия предназначалась разноязычному населению региона, включая кумыков, ногайцев и балкар [Усманов, 2010, с.24].

К наиболее многочисленной разновидности законодательных актов относятся

указы, которые регулировали практически все сферы государственной и общественной жизни. Указы могли издаваться как самим монархом, получая статус «именных», так и от его имени Сената. Среди наиболее значимых для татарского населения указов можно выделить – указ от 17 июня 1773 г. «о терпимости всех вероисповеданий» [ПСЗ–1, т.19, №13996]; указ от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» [там же, т.22, №15936]; указ от 22 сентября 1788 г. «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими» [там же, №16710].

Еще одной разновидностью законодательных актов являлись регламенты и учреждения, которые определяли организацию, состав, компетенцию и деятельность государственных учреждений (напр., Регламент Главного магистрата 1721 г., Генеральный регламент 1720 г., Учреждения для управления губерний 1775 г.). Так, утверждение Петром I 28 февраля 1720 г. «Генерального регламента» определило коллежскую систему делопроизводства и заложило в России основополагающие принципы работы с документами: правила регистрации, контроль за исполнением документов, порядок составления, удостоверения и хранения [ПСЗ–1, т.6, №3534]. Заложенные в «Генеральном регламенте» принципы делопроизводства оставались практически неизменными на всем протяжении XVIII в. и были основополагающими, в том числе, и для таких учреждений, регулировавших различные аспекты жизни мусульманского населения, как Оренбургское магометанское духовное собрание и Татарские ратуши г. Казани и Оренбурга.

Важной вехой в истории Российского государства стал выход указа «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. [там же, т.20, №14392], который установил единообразие в системе управления на всей территории империи. Впервые в «Учреждениях для управления губерний...» произошло разделение местного управления на администра-

тивно-полицейские органы, хозяйственно-административные, судебные и органы социального обеспечения. Данный указ во многом предопределил появление в Казани в 1781 г. и Сеитовской слободе под Оренбургом в 1784 г. органов самоуправления слободских татар – Татарских ратуш.

К уставам и регламентам относились законодательные акты кодифицирующего характера, которые регулировали определенную сферу деятельности или отрасль права (напр., Воинский устав 1720 г., Устав о векселях 1729 г. и т.д.).

Среди всех опубликованных источников наиболее полно законодательные акты XVIII в. представлены в «Полном собрании законов Российской империи», подготовленном в 1830 г. специальной комиссией во главе с М.М.Сперанским [ПСЗ–1], и «Своде законов Российской империи» [СЗРИ, 1832], первое издание которого в 15 томах произошло в 1832 г. В «Свод законов Российской империи» вошли действующие законодательные нормы, систематизированные для практических нужд чиновничьего аппарата тематически, в отличие от хронологического принципа «Полного собрания законов».

Все последующие публикации законодательных источников производились в соответствии с проблематикой каждого конкретного исследования (напр.: [Российское законодательство, 1986; 1987]). Богатое документальное отображение отдельных аспектов истории татарского народа и системы государственного регулирования ислама в XVIII в. представлено в ряде тематических сборников документов, посвященных государственному регулированию ислама [Сборник законов, 1899; Арапов, 2001; Ислам, 1998; Императорская Россия, 2006], взаимодействию мусульман, мусульманского духовенства и военного ведомства Российской империи [Абдуллин, 2009], правам сословий [Блосфельд, 1901; Законы Российской империи, 1999]. Перечень законодательных актов о татарах Среднего Поволжья и Приуралья второй половины XVI–XVIII вв. также приведен в монографии А.И.Ногманова [Ногманов, 2002, с.194–217]. Детальное изучение формирования государственной политики в отношении мусульманского населения по материа-

лам законодательных актов было проведено в работах А.И.Ногманова, Д.Ю.Арапова и И.К.Загидуллина [Ногманов, 2002; Арапов, 2004; Загидуллин, 2007].

Важную роль в детализации и разъяснении практики применения законодательства XVIII в. играли подзаконные нормативные акты – циркуляры, постановления, инструкции и предписания центральных и региональных властей. Особую ценность представляют постановления и предписания Сената, восполнявшие некоторые лакуны в сфере законодательства. Одной из наиболее полных публикаций этих материалов является сборник документов «Сенатский архив» (в 15 томах), включавший, в том числе, тексты указов, не вошедших в «Полное собрание законов», и протоколы Сената [СА, 1888–1913]. Государственная политика в отношении иноконфессиональных народов нашла отражение и в издании «Докладов и приговоров, состоявшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого» [Доклады и приговоры, 1892]. Изучение документов Сената поясняет порядок применения действующего законодательства, а также аспекты формирования имперской религиозной политики.

Ключевое влияние русской православной церкви на выработку религиозной политики государства и подготовку правительственных законоположений в этой сфере обуславливает интерес к изучению постановлений Святейшего Синода. Большая часть постановлений и распоряжений, а также других разнообразных документов из архива Синода была обработана и издана под заглавием «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи» во второй половине XIX – начале XX вв. в результате работы особой комиссии [ПСПиР–1]. Как отмечает А.И.Ногманов, переключаясь по составу документов с «Полным собранием законов», часть законодательных актов в нем представлена в пространной редакции [Ногманов, 2002, с.11]. Деятельность Синода, архиереев различных епархий, православных миссионеров в XVIII в. отражена в «Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода» [ОДДСС, 1868–1914].

Комплексное изучение всех разновидностей законодательных актов позволяет не только проследить эволюцию внутриполитического курса Российского государства по отношению к исламу и мусульманскому населению, но и осветить различные аспекты истории татарского населения и реконструировать правовое поле, в котором оно находилось.

Особую группу источников представляют материалы Уложенной комиссии 1767–1768 гг., созданной Екатериной II для проведения кодификации законодательства и создания нового Уложения взамен устаревшего Соборного уложения 1649 г. Несмотря на то, что материалы Уложенной комиссии 1767–1768 гг. по своему предназначению относятся скорее к законодательным источникам, тем не менее, по значимости для изучения социально-экономического и политического развития Волго-Уральского региона и его народов выделяются в отдельную группу.

Документы и материалы, отложившиеся в результате деятельности Уложенной комиссии, образуют единый комплекс источников, который делится на три группы: а) выборы депутатов от различных сословий в комиссию; б) указы депутатам от избирателей; в) материалы обсуждений в Уложенной комиссии, выступления депутатов, дополнения к наказаниям и различные проекты.

Основная масса архивных материалов Уложенной комиссии, включающая делопроизводство этого учреждения, хранится в РГАДА (ф.342), а также в некоторых региональных архивах (напр., [ЦГИА РБ, ф.И–1]). Часть материалов заседаний и отдельные указы депутатам были опубликованы Русским императорским историческим обществом [Сб.РИО, т.4, 8, 14, 32, 36, 93, 115, 134, 147]. Пристальное внимание отечественных историков к истории участия народов Российской империи в Уложенной комиссии способствовало публикации значительной части наказов депутатам от различных сословий и регионов [Пугачевщина, 1929; МИБ, 1940; МИБ, 1960; Крестьянская война, 1975; Белявский, 1975; 1982; Возвзвания, 1988; Иванов, 1993; Кулбахтин, 2005 и др.].

Изучение материалов Уложенной комиссии имеет давнюю историографическую

традицию. В зависимости от смены концептуальных воззрений менялся и взгляд на роль Уложенной комиссии в истории России. Если дореволюционные историки в первую очередь изучали предпосылки ее появления и саму деятельность Уложенной комиссии, политические требования различных сословий [Флоровский, 1887; 1915; Латкин, 1887; Семевский, 1901; Покровский, 1910 и др.], то в работах советских исследователей эта тема преломлялась через призму классово-войны борьбы, обострившейся накануне крестьянской войны 1773–1775 гг. (напр., см.: [Белявский, 1965]). Основной тенденцией современной историографии данной темы стало изучение участия народов Российской империи в Уложенной комиссии [Иванов, 1993; Кулбахтин, 2005; Васильев, 2000; Васильев, 2001; Ислаев, 2001, с.180–198; Ислаев, 2003; Кулбахтин, 2006].

Материалы Уложенной комиссии 1767–1768 гг. являются уникальным комплексом документов, которые, с одной стороны, демонстрируют опыт взаимодействия поликонфессионального населения с имперской властью, а с другой – являются важным источником для изучения социально-экономического и политического развития мусульманского населения Волго-Уральского региона в XVIII в. Стоит отметить, что данный источник не исчерпал свой источниковый потенциал и обращение к архивным материалам фонда Уложенной комиссии в РГАДА и региональным архивам представляется весьма перспективным направлением научной деятельности.

К наиболее массовым и информативным видам источников относятся документы делопроизводства высших, центральных и местных государственных учреждений. Комплекс делопроизводственных материалов возникает как результат целенаправленного и осмысленного создания документов, которые обеспечивают выработку и исполнение решений по различным вопросам в процессе деятельности управленческого аппарата. Непрерывный процесс создания документов являлся неременным атрибутом и основным связующим элементом всего государственного механизма. Если законодательные акты позволяют очертить правовое поле, в котором существовало татарское

население, то освоение делопроизводственной документации дает представление о реальной практике исполнения законов.

Весь комплекс делопроизводственной документации представлен различными уровнями управления, начиная от высших государственных учреждений до органов местного управления. При этом нужно иметь в виду, что количество дел, подробности фиксации фактов и событий в документах зависели от уровня инстанции, на котором эти дела формировались и рассматривались. Сама структура делопроизводственной документации неоднородна и включает в себя целую группу разновидностей, обеспечивавших принятие и реализацию управленческих решений: распорядительные документы (предписания, инструкции, распоряжения), отчетно-исполнительные (отчеты, донесения, рапорты), материалы внутреннего письмоводства государственных учреждений (журналы заседаний, переписка).

К высшим учреждениям в системе государственного управления Российской империи относился Правительствующий Сенат, представлявший из себя совокупность центральных и местных учреждений исполнительной, законодательной и судебной власти. Кроме законодательных актов в архиве Сената концентрировалось и большое количество текущей делопроизводственной документации. Учитывая плохую сохранность документов местного управления в XVIII в., материалы Сената и его учреждений являются одними из ключевых источников по общественно-политической истории мусульманского населения Волго-Уральского региона в XVIII в. [РГАДА, ф.248].

Большой интерес представляют документы конца XVIII – начала XIX вв., сконцентрированные в фонде первого департамента Сената, который занимался наблюдением за порядком исполнения законов, делами государственного и местного управления, ревизиями финансового состояния различных губерний [РГИА, ф.1341, оп.1]. Здесь же отложились прошения представителей татарского служилого сословия о причислении их к российскому дворянству.

Материалы сенаторской ревизии М.Г.Спиридова и И.В.Лопухина представ-

ляют важные и достоверные статистические сведения о численности и национальном составе населения Казанской губернии конца XVIII – начала XIX вв. [РГИА, ф.1537]. Повышает информативную значимость сенаторской ревизии и целый ряд сопутствующих ей материалов, в числе которых обращения и жалобы татарского населения по различным вопросам социально-правового характера.

Важнейшим комплексом делопроизводственных материалов являются документы Святейшего Синода, в которых не только отражены вопросы деятельности самого Синода, различных епархий и православных миссионеров в XVIII в., а также регламентации жизни православных верующих, в том числе крещеных татар, но и раскрывается механизм разработки и реализации религиозной политики по отношению к мусульманскому населению [РГИА, ф.796]. Среди сохранившихся делопроизводственных материалов Синода особый интерес представляют дела о состоянии епархий, монастырей, духовных учебных заведений и случаях богохульства в Казанской губернии, а также отчеты православных иерархов во время крестьянской войны под руководством Е.И.Пугачева [там же, оп.205]. Значительная часть комплекса документов Святейшего Синода была опубликована в 1868–1914 гг. в Санкт-Петербурге в многотомном сборнике «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода» [ОДДСС, 1868–1914].

Среди центральных государственных учреждений особое место занимали органы политического розыска – Преображенский приказ (1695–1729), Тайная розыскных дел канцелярия (1731–1762) и Тайная экспедиция Сената (1762–1801). Через канцелярии этих учреждений проходил весь комплекс дел о государственных преступлениях, общественных настроениях, допросах и пытках политических преступников, а также о массовых народных восстаниях XVIII в., участие в которых приняла значительная часть различных сословных и этнических групп мусульман [РГАДА, ф.7, оп.1, 2]. Документы фонда Тайной канцелярии для изучения истории татарского народа, в

первую очередь, являются источником, демонстрирующим реакцию мусульманского населения на религиозную и социально-экономическую политику Российского государства в XVIII в. Материалы следственных дел канцелярии сохранили для исследователей воззвания и публицистические трактаты руководителей народных выступлений второй половины XVIII в., в числе которых письмо Батырши на имя императрицы Елизаветы Петровны. Исключительную ценность представляет следственное дело «о возмутителе в Башкирии мулле Абдулле Мазгялдине или Батырше», хронологически охватывающее события с 1754 г. по 1757 г. [там же, оп.1, д.1781]. Изучение материалов этого дела позволяет уточнить причины, ход и географию распространения восстания Батырши, биографические данные его активных участников и целый ряд других аспектов.

Участие татарского населения в восстании Е.И.Пугачева также нашло отражение в документах и материалах следственных дел Тайной экспедиции, показывая через документы, включая воззвания восставших, и следственные дела причины недовольства широких слоев населения, в том числе нерусского, а также требования и идеалы этой социально-классовой и идеологической борьбы [РГАДА, ф.6].

Многочисленные аспекты хозяйственно-экономической и общественной жизни татарского населения отложились в делопроизводственных документах ряда центральных учреждений – Мануфактур-, Берг- и Коммерц-коллегий, Адмиралтейств-коллегии, Военной коллегии и других, которые хранятся в нескольких центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Большое значение для изучения адмиралтейской конторы Казанской губернии, социального положения татарского населения и выполнения им корабельной повинности играют документы делопроизводства Адмиралтейств-коллегии [РГАВМФ, ф.201, 212, 227; 237, 238].

Разнообразные сведения об участии народов Волго-Уральского региона в военных кампаниях, топографические и экономические описания губерний, статистические материалы по учету населения, сведения о

рекрутской повинности отложились в обширном фонде Военно-учетного архива [РГВИА, ф.454].

Делопроизводственные материалы местного управления до 1775 г. представлены документами губернских и провинциальных канцелярий, которые контролировали исполнение сословных повинностей, исправность поступления налогов и меры по благоустройству края. Представляют интерес документы внутреннего письмоводства Казанской губернской канцелярии [РГАДА, ф.407], Свияжской [там же, ф.441], Уфимской [РГАДА, ф.452], Симбирской [РГАДА, ф.443, оп.1–3; ГАУО, ф.818] провинциальных канцелярий. Журналы, справки из законов и текущего делопроизводства, судебные дела, в первую очередь, позволяют воссоздать процесс управления татарским населением, инкорпорации его в имперское правовое пространство.

Реформа системы местного управления 1775 г. привела к децентрализации власти и появлению разветвленной сети судебных, исполнительных и сословных учреждений, что, в свою очередь, расширило массив делопроизводственной документации в регионах. Произошло разделение местного управления на административно-полицейские органы (губернское правление, городская полиция, земские суды), хозяйственно-административные (казенная палата, уездные казначейства), судебные (всесословные палаты уголовного и гражданского суда, сословные суды) и органы социального обеспечения (приказ общественного призрения). Делопроизводственная документация органов местного управления является важнейшим источником по истории и экономическому развитию различных регионов и его народов.

Важнейшее значение для изучения мусульманского духовенства, государственно-исламских отношений и религиозной жизни татарской общины конца XVIII в. имеют материалы фонда Оренбургского магометанского духовного собрания [ЦГИА РБ, ф.И–295].

Большую источниковедческую ценность для изучения социально-экономического развития татарского населения, эволюции его сословного статуса, функционирования

мусульманской общины во второй половине XVIII в. имеют делопроизводственные документы органов самоуправления Татарских слобод в Казани и Оренбурге – Татарских ратуш. Наиболее полно сохранились документы делопроизводства Казанской татарской ратуши [НАРТ, ф.22], среди них журналы, протоколы, книги для записи входящих указов, книги для записи верящих писем и договоров, приходо-расходные книги, объявления купеческих капиталов, а также отдельные дела. Журналы позволяют очертить круг вопросов, подлежащих ведению Казанской татарской ратуши, представить ее место в системе городских и губернских органов управления, а также проследить эволюцию некоторых ее функций. Без изучения журналов невозможно реконструировать деятельность различных структур и должностных лиц, от которых не сохранились цельные комплексы документов, таких как голова татарского общества, купеческий и мещанский старосты, выборные, Сиротский татарский суд и др. Протоколы, в отличие от журналов, содержат подробное изложение вопроса, хода его обсуждения, с записью каждой из сторон и обоснованное решение, вынесенное по нему. В фонде ратуши протоколы представлены как отдельными документами, так и в составе журналов. Частично протокол может повторять сведения журналов, однако в нем имеется дополнительная информация, уточняющая детали механизма рассмотрения и решения того или иного дела. В нем фиксировались показания свидетелей, оправдания ответчиков и справки по тем или иным вопросам. Большинство протоколов связано с взысканием денег по векселям и долгам. Протоколами также назывались записи о выборе и утверждении в Казанскую татарскую ратушу новых присутствующих, выборах в заседатели Оренбургского магометанского духовного собрания. Важный комплекс делопроизводственной документации составляют книги верящих писем и договоров, содержащие не только дополнительные сведения о нотариальной деятельности Казанской татарской ратуши, но и социально-экономической жизни жителей Татарских слобод. Зафиксированные приходо-расходные книги отражают финансовую

сторону деятельности Казанской татарской ратуши. Книги на записку паспортов и купеческие объявления о состоятельности раскрывают социальный состав подведомственного населения. Фактически документы Казанской татарской ратуши представляют собой «ключ» к истории всей татарской общины г. Казани. В них заключена важная информация о повседневной жизни обывателей Татарских слобод конца XVIII – середины XIX вв.

Среди наиболее значимых и масштабных публикаций документов из различных центральных и региональных архивов стоит выделить «Материалы по истории» Татарской и Башкирской АССР, в которых комплекс источников был структурирован по хронологическому и проблемному принципу [История, 1937; МИБ, 1936; МИБ, 1956 и др.].

К наиболее массовому виду источников относятся учетно-статистические документы XVIII в., включающие материалы фискального, хозяйственного учета и статистики. Масштабные преобразования государственного управления и системы налогообложения, увеличение численности населения и рост производства в XVIII в. поставили перед российским правительством непростую задачу совершенствования системы фискального и хозяйственного учета. В новых условиях территориально-статистические описания, оформляемые в XVII в. писцовыми и переписными книгами, оказались малопригодными. В XVIII в. оформилась новая система административно-финансового учета, что привело к росту разного вида учетной документации.

Основным источником о численности и сословном составе населения Российской империи, а также отдельных ее народов служат материалы ревизий или подушной переписи. Необходимость замены подворной системы учета населения на подушную возникла после переписи 1710 г. и ландратской переписи 1716–1717 гг., зафиксировавших сокращение количества дворов как фискальных единиц. Указ о проведении первой ревизии был издан Петром I 26 ноября 1718 г. [ПСЗ–1, т.5, №3245], и всего за XVIII столетие было проведено 5 ревизий (1719, 1744, 1762, 1782, 1794 гг.). Первоочередной целью

ревизий для государства являлся учет податного населения для сбора подушной подати и выполнения воинской повинности.

В отечественной исторической науке комплекс ревизского учета разделяется на несколько видов:

1) ревизские сказки как первичные материалы учета населения;

2) перечневые ведомости, результат обобщения данных ревизских сказок губернскими органами (с 1775 г. губернскими казенными палатами);

3) окладные книги и генеральные таблицы, содержащие сводные данные в общероссийском масштабе [Источниковедение, 1998, с.410].

Основная масса материалов ревизского учета сосредоточена в фонде Российского государственного архива древних актов [РГАДА, ф.350] и ряде региональных архивов, в которых имеются сведения и о татарском населении (с 1775 г. в фондах губернских казенных палат) [НАРТ, ф.3; ГАОО, ф.98; ЦГИА РБ, ф.И–138 и др.]. Копии ревизских сказок также могли отправляться для сведения и учета населения в магистраты, ратуши и уездные суды. Например, в фонде Казанской татарской ратуши отложилась ревизская сказка Старой и Новой татарских слобод г. Казани за 1782 г. (НАРТ, ф.22, оп.2, д.1100, 1101).

Отвечая главным образом фискальным целям, ревизские сказки фиксировали только податное население, исключая из переписи духовенство, дворянство и с 1775 г. купечество. Кроме того, на протяжении всего XVIII в. менялся формуляр ревизских сказок, в который включались дополнительные параметры учета населения. При работе с результатами ревизий следует также иметь в виду, что в них население фиксировалось не по этническому или религиозному признаку, а по сословному статусу. Данное обстоятельство усложняет работу исследователям при уточнении численности народов. Несмотря на сложность работы с источником, именно ревизский учет до организации демографической статистики являлся основным источником статистических сведений о движении народонаселения Российской империи в XVIII в. (см.: [Кабузан, 1971; 1990; Троицкая, 1995 и др.]), а также

по исторической демографии народов Волго-Уральского региона и Сибири [Исхаков, 1980, 1990б, 1993, 1995, 2014; Кузеев, 1974; Томашевская, 2002].

В связи с экономическими преобразованиями и активной внешней политикой Петра I в начале XVIII в. начинается учет и промышленного производства. С 1724 г. указ Сената на законодательном уровне предусматривал предоставление владельцами ведомостей о промышленных заведениях в Мануфактур- и Берг-коллегии, а затем в Сенат. Хотя систематический сбор ведомостей так и был налажен, тем не менее, в фондах Мануфактур-коллегии [РГАДА, ф.277] и Берг-коллегии [РГАДА, ф.271] сохранились сведения за разные годы о промышленных предприятиях Волго-Уральского региона, среди которых имеются данные о фабриках и заводах татарских владельцев.

Наиболее важным источником учетно-статистических документов XVIII в. являются материалы Генерального межевания. Генеральное межевание, предпринятое по манифесту Екатерины II с конца 60-х гг. XVIII в. и продолжавшееся в первой половине XIX в., стало первым крупномасштабным хозяйственно-экономическим обследованием состояния земель Российской империи. Значительным и наиболее информативным документом являются «Экономические примечания к Генеральному межеванию», обобщившие весь материал работы губернских и уездных землемеров: цифровой, экономической и географической [РГАДА, ф.1355]. В Казанской губернии генеральное межевание проходило с 1793 г. по 1803 г. В материалах межевания приводятся довольно полные сведения о количестве земельных угодий, принадлежавших различным социальным группам населения, их хозяйственных особенностях, численности населения и его промысловых занятиях. Документы Генерального межевания являются одним из основных источников по истории татарского крестьянства Среднего Поволжья [Гилязов, 1982].

Учетно-статистические источники при сопоставлении их с данными других документов раскрывают существенные аспекты исторической демографии, географиче-

скую и социальную динамику татарского населения.

Параллельно с официальным делопроизводством в XVIII в. широкое распространение имели татарские частноправовые акты, являющиеся ценнейшим источником по семейно-брачным, имущественным, торговым и социально-правовым отношениям в татарском обществе. Татарские частноправовые акты являлись письменными юридическими документами, в которых оформлялись экономические и социальные взаимоотношения, деловые сделки и обязательства, права и целый ряд других частных отношений. Несмотря на отсутствие законодательно утвержденных формуляриков, достаточно единообразное оформление татарских частных актов свидетельствует о давней традиции фиксации частноправовых отношений в татарском обществе, уходящей корнями ко времени существования тюрко-татарских государств. Изучение этого вида источников позволило исследователю З.С.Миннуллину прийти к важному выводу, что частный порядок регулирования различных отношений посредством татарских актов в XVII – первой половине XIX вв. в значительной степени дополнял существующую государственную систему документирования частноправовых отношений [Миннуллин, 1988, с.72]. При этом по мере унификации и детальной регламентации Российским государством общественной и частной жизни своих подданных происходят изменения и в функционировании татарских частноправовых актов в той или иной сфере общественных отношений. Например, с конца XVIII – начала XIX вв. по мере усиления татарского купеческого капитала, включения его в общеимперскую экономику и появления сословных органов самоуправления доля участия татарских частноправовых актов при фиксации торгово-кредитных операций уменьшилась за счет официального оформления, а в области брачно-семейных и наследственных отношений оставалась на прежнем уровне.

Возникнув из практических потребностей, частноправовые акты фиксировали отдельно взятый факт, не отражая при этом динамику и развитие событий, что в значительной степени ограничивает их источни-

ковые возможности. Отсутствие светских учреждений и особенности функционирования татарских частных актов в XVIII в. повлияли на степень их сохранности и привели к тому, что основная масса их была утеряна. Лишь незначительная их часть, преимущественно в копиях, отложилась в ряде фондов региональных архивов. Например, отдельные частноправовые акты, как на татарском, так и в копиях на русском языке, можно найти в фондах Казанской татарской ратуши (ф.22) и Казанского татарского словесного суда (ф.37) Национального архива Республики Татарстан.

Отдельную группу источников представляют историко-географические сочинения российских ученых и путешественников XVIII в., в которых содержатся уникальные по своей широте этнографические сведения о народах Волго-Уральского региона и Сибири, особенностях их быта, хозяйственного уклада и религиозной жизни.

По мере расширения и укрепления границ Российской империи в XVIII в. перед правительством остро встал вопрос освоения новых территорий, а также изучения этнического многообразия ее окраин. Колонизация «Азиатской» России в XVIII в. совпала по времени со становлением самой российской академической науки, в связи с чем научный интерес ученых к изучению имперских окраин имел и чисто практическую цель – выявить природные богатства страны. Начало планомерному изучению Волго-Уральского региона и Сибири было положено участниками Академических экспедиций 1733–1743 гг. – Второй Камчатской (1733–1743 гг.) и Оренбургской (1734–1737 гг.).

Освоение Оренбургского края было тесно связано в первую очередь с геополитическими и торгово-экономическими интересами России на ее юго-восточных окраинах, а потому одной из важнейших целей Оренбургской экспедиции являлось определение места для основания будущих городов и строительства заводов. Одновременно участники экспедиции провели огромную научно-исследовательскую работу в области истории, географии, экономики, этнографии, лингвистики и т.д. Руководителем Оренбургской экспедиции стал один из основателей отечественной географической науки

И.К.Кирилов (1689–1737). Еще в 1727 г. им была подготовлена книга «Цветущее состояние Всероссийского государства в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий», которая стала первым опытом статистико-экономического описания России. Одна из частей издания была посвящена описанию Нижегородской, Казанской, Астраханской, Архангельской и Симбирской губерний [Кирилов, 1831].

Работу И.К.Кирилова по изучению истории Волго-Уральского региона и населявших его народов продолжил выдающийся российский географ и историк П.И.Рычков (1712–1777). При написании своих трудов П.И.Рычков использовал, как собранные членами Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг. исторические материалы, так и собственные сведения [Рычков, 1758; Рычков, 1762]. В своих работах он приводит данные о татарских селениях, их численности и сословном составе [Рычков, 1758].

Вторая Камчатская экспедиция В.Беринга стала прорывом в изучении академической наукой территории Сибири и Дальнего Востока. Наибольшую ценность для истории Сибири представляют работы Г.Ф.Миллера. Кроме обследования сибирских архивов Г.Ф.Миллер (1705–1783) собирал устные предания некоторых сибирских народов, описал их обряды и обычаи, составил богатую этнографическую коллекцию. Среди большого числа трудов этого историка внимание исследователей истории Волго-Уральского региона привлекает описание языческих народов Казанской губернии и влияния на них татарского населения, которое было сделано в 1733 г. по пути следования экспедиции из Петербурга в Сибирь [Миллер, 1791].

Изучение Волго-Уральского региона и Сибири было продолжено во второй половине XVIII в. В 1768–1774 гг. было организовано пять академических экспедиций – 3 оренбургских и 2 астраханских, во главе которых стояли П.С.Паллас (1741–1811), И.И.Лепехин (1740–1802), С.Г.Гмелин (1744–1774), И.А.Гильденштедт (1745–1781) и И.П.Фальк (1732–1774). В Среднем Поволжье побывали оренбургские отряды И.И.Лепехина, П.С.Палласа, Н.П.Рычкова, И.П.Фалька (подробнее о работе экспедиций в Поволжье см.: [Гилязов, 1982а]). Опубли-

кованные впоследствии журналы и «дневные записки» путешествий этих ученых имеют важное значение для изучения истории, духовной и материальной культуры, особенностей хозяйствования татарского народа в XVIII в. [Лепехин, 1771; 1795; Паллас, 1773; 1786; Рычков, 1770; Фальк, 1824].

Важной вехой в изучении многочисленных народов Российской империи стало издание в 1776 г. первого научного этнографического труда в России «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» Иоганна Георги [Георги, 1776]. Прибывший в Россию по приглашению Академии наук, И.Г.Георги в составе академической экспедиции совместно с профессором И.П.Фальком занимался исследованием Поволжья, Приуралья и Прииртышья. После болезни и смерти И.П.Фалька И.Георги в 1772 г. был назначен в помощь академику П.С.Палласу. После своего возвращения в Петербург с 1775 г. И.Георги начал издавать в журнале «Открываемая Россия» свои зарисовки быта, культуры и религиозных воззрений различных народов Поволжья, Приуралья и Сибири, которые он делал во время путешествия. Огромный интерес к этим публикациям общественности заставил И.Георги дополнить собственные путевые записки заметками других путешественников по России. В результате с 1776 г. по 1780 г. в Петербурге были изданы на немецком языке четыре тома его знаменитого описания всех народов Российской империи «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten» («Описание всех народов Российского государства, их быта, вероисповедания, обычаев, жилищ, одежды и остальных отличий») [Georgi, 1776–1780]. Первые три главы книги были переведены на русский язык и вышли под названием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» [Георги, 1776]. В этом труде были собраны и обобщены все имевшиеся на тот момент этнографические сведения о народах

Российской империи, всего более 60 этнических групп. Особого внимания заслуживают сопровождавшие описание народностей иллюстрации, собственноручно выполненные ученым. Издание заслужило похвалу Екатерины II, которая велела послать И.Георги медаль и сказать, что она с «прекрасным удовольствием» читала русский перевод его книги [Ибнеева, 2006, с.114].

Исследования, сделанные учеными XVIII в., относятся к числу наиболее важных источников по истории и культуре народов Волго-Уральского региона и Сибири. Академичность и беспристрастность описаний быта, хозяйственного уклада и религиозной жизни относят эти сведения в разряд не просто научных трудов, но и важных первоисточников, большая часть которых находит подтверждение в массе других видов источников.

Документы личного происхождения, так или иначе относящиеся к истории татарского народа XVIII в., крайне малочисленны и представлены в основном воспоминаниями, дневниками и письмами высокопоставленных российских чиновников. Интересные дневниковые записи о путешествии Екатерины II по Волге в 1767 г. оставил находившийся в ее свите граф В.Г.Орлов, брат фаворита императрицы Г.Г.Орлова [Орлов, 1908]. Дневник раскрывает некоторые подробности императорского путешествия по Волге, передает эмоциональную атмосферу и дух екатерининской эпохи.

Большую роль в раскрытии мировоззрения и процесса формирования имперской идеологии Екатерины II играют письма императрицы к ее приближенным [Сб.РиО, т.9; т.15, с.1–6, 22–126; Письма, 1873;], а также иностранцам Вольтеру и барону М.Гримму [Сб.РиО, т.10, с.204; Письма, 1878, с.53–65, 92–93, 112–224].

На общем фоне панегирических по тону записок и воспоминаний российских вельмож выделяются своей откровенностью в описании российских реалий дневники венесуэльца Франсиско де Миранда, пробовавшего в России с 26 сентября 1786 по 7 сентября 1787 г. [Миранда, 2001]. В своих дневниках американский путешественник подробно и в ироничной форме описывает все увиденное им в России, дает язвитель-

ные характеристики некоторым государственным деятелям и в подробностях рассказывает о нравах императорского двора. В декабре 1786 г. де Миранда вместе с князем Г.А.Потемкиным совершил поездку по Крыму [Альперович, 2001, с.7]. Излагая, в первую очередь, перипетии своего путешествия по России, Ф. де Миранда в своих мемуарах сохранил для современных исследователей и чрезвычайно интересные сведения о крымских татарах и имперской политике в отношении мусульманского духовенства Крыма в конце XVIII в.

Ключевую роль в изучении российской имперской политики в Оренбургском крае и Казахской степи в XVIII в. играют документы личного происхождения государственных деятелей, чьими руками эта политика реализовывалась, – заместника Оренбургской губернии И.И.Неплюева [Неплюев, 1893], генерал-майора А.И.Тевкелева [Журналы, 2005; Разные бумаги, 1852], советника Уфимского наместнического правления Д.Б.Мертваго [Мертваго, 2006], первого муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) М.Хусаинова [Вяткин, 1939]. Несмотря на то, что документы написаны сухим канцелярским языком и являются в первую очередь служебными записками, важно, что многие события в них описываются через восприятие и оценочные суждения современников, содержат уникальные свидетельства и детали, часто не нашедшие отражения в других источниках. Отдельно стоит выделить служебные журналы муфтия М.Хусаинова о его дипломатической поездке в Малый Жуз в 1790 г., в которых раскрываются роль мусульманских духовных лиц, как агентов российского правительства, в Казахской степи.

Документы личного происхождения играют скорее вспомогательную роль, но при этом содержат порой уникальный, почти отсутствующий в других источниках материал, позволяющий обогатить и расширить наши представления о некоторых аспектах истории татарского народа.

В Новое время в России сфера возникновения исторических источников расширяется не только за счет документов личного происхождения, но и создавшихся в области общественных отношений, таких как автор-

ские публицистические произведения и публицистика массовых народных движений. К числу основных и наиболее массовых источников, возникающих в общественной сфере, относится публицистика массовых народных движений, представленная манифестами, указами и воззваниями руководителей крестьянских восстаний XVIII в.

Ключевыми источниками изучения общественно-политической жизни татар середины XVIII в. являются публицистические произведения обличительного и программного характера в виде воззваний Батырши и муллы Мурада.

Основным источником является не столько само воззвание Батырши к мусульманскому населению, составленное весной 1755 г., сколько написанное им в ноябре 1756 г. письмо императрице Елизавете Петровне, представляющее собой социально-публицистический трактат. Наиболее полная публикация письма Батырши, а также исследование его языковых и литературных особенностей стали заслугой известного профессора Г.Б.Хусаинова [Письмо Батырши, 1993]. По своему содержанию письмо Батырши является историко-политическим, социально-экономическим, этико-философским трактатом о Волго-Уральском регионе середины XVIII в. Причины, ход и последствия восстания 1755 г., а также личность его идеолога Батырши получили достаточно обстоятельное изучение в трудах отечественных историков [Васильев, 1974; Акманов, 1995а; Алишев, 1999; Ислаев, 2001; 2005 и др.].

В меньшей степени изучены воззвания муллы Мурада, который в 1760-х гг. выступал с призывами о «возобновлении града Болгара» и создании справедливого царства для всех народов [Алишев, 1990, с.252; Исахаков, 1997б, 68–69; Гайнутдинов, 2000; Франк, 2008, с.65 и др.]. По некоторым данным, свои идеи он развивал в этико-философском трактате, который распространялся среди мусульманского населения Поволжья [Татарская литература, 1999, с.192]. Отдельные выписки из этого произведения, а также речи муллы Мурада сохранились в материалах следственного дела под названием «О действиях муллы Мурада и его сообщников», сохранившихся в фонде Сената [РГАДА, ф.248, оп.113].

Значительное место среди документальных источников по истории участия мусульманского населения в восстании 1773–1775 гг. занимают манифесты и указы Е.Пугачева и его ставки. По мере расширения социальной и национальной базы восстания появилась большая часть манифестов и воззваний на татарском языке. В советское время была опубликована основная масса повстанческой документации [Пугачевщина, 1926; 1929; 1931; Крестьянская война, 1973; Документы ставки, 1975; Крестьянская война, 1975; Воззвания, 1988 и др.]. Кроме того, предпринятый советским историком Р.В.Овчинниковым источниковедческий анализ каждого документа, их сопоставление с данными других источников, выявление места и времени возникновения позволили реконструировать содержание и назначение более сотни утраченных манифестов [Овчинников, 1980]. Основополагающая роль в изучении содержания повстанческих документов на татарском языке принадлежит известному историку С.Х.Алишеву [Алишев, 1973].

Особую группу источников представляет татарская художественная литература XVIII в. Сложные социально-политические условия существования татарского народа на протяжении XVIII в. наложили отпечаток на развитие художественной литературы этого периода. Переход к новому времени сопровождался видоизменениями и трансформацией традиционных жанров и появлением новых, более соответствовавших эстетическим запросам общества. Наряду с байтами, песнями и другими жанрами фольклора создавались письменные памятники различных жанров и форм. Особенностью развития литературы этого времени является появление, наряду с сочинениями духовного характера, новых произведений, в которых сочетались религиозные и светские мотивы, нашли отражение краски и черты реальной жизни, поэтика оживилась изобразительны-

ми средствами из фольклорной традиции. Все эти произведения являются важнейшим источником по истории духовной культуры татарского народа, его мировоззрения, чаяний и настроений в условиях ужесточения имперской политики и национально-религиозного гнета.

Несмотря на то, что до настоящего времени дошла лишь малая часть литературного наследия татарского народа XVIII в., усилиями нескольких поколений историков, филологов и литературоведов была восстановлена целостная картина развития татарской литературы этой эпохи, открыто и изучено творчество наиболее ярких ее представителей [Татар әдәбияты, 1963; Татар әдәбияты, 1984; Татар поэзиясе, 1992; Миннегулов, 1993; Татар әдәбияты, 1996; Татарская литература, 1999; Татар әдәбияты, 2006; Татар әдәбияты, 2012].

Таким образом, выявленный на сегодняшний день комплекс источников XVI–XVIII в., включающий разнообразные по своему составу и степени репрезентативности материалы, позволяет достаточно полно реконструировать историю татарского народа в раннее Новое время. В то же время нужно отметить, что источниковая база этого периода далеко не исчерпана и не является окончательной, а поиск новых источников является одной из основных задач современных исследователей. При этом расширение круга источников происходит не только в результате открытия новых архивных документов государственных учреждений, но и за счет выявления литературных, художественных и фольклорных произведений самого татарского народа. Кроме того, разнообразие тематики исследований и обновление методологического инструментария на современном этапе являются оптимальной предпосылкой для постановки новых вопросов и углубления научного поиска в области истории татарского народа в изучаемую эпоху.

Раздел I

Присоединение татарских государств к Московскому царству

ГЛАВА 1

Завоевание Среднего Поволжья и его социально-политические последствия

§1. Взятие Казани: причины, ход, последствия

Искандер Измайлов

Предпосылки Казанской войны (1545–1552 гг.). К середине XVI в. не только Москва объединила все территории Северо-Восточной Руси, включая такие крупные и мощные центры, как Тверь и Новгород, но и подавила княжескую оппозицию внутри правящей семьи, без серьезных потрясений пройдя через череду междоусобных войн и мятежей. Отныне центром всех русских земель стала Москва, которая в 1546 г. приобрела новый статус – царства. Подготовка к коронации царской короной велась еще в период княжения Ивана III, но так и не была реализована. Лишь спустя почти пятьдесят лет московские власти решились короновать нового великого князя царским венцом, подчеркивая тем самым его равнозначность с императорами Рима и Византии, а также ханами Золотой Орды. Новый статус царя точно вписывался в политическую стратегию московских властей на захват новых территорий, прежде всего бывших земель Киевской Руси, а также в мессианскую идеологию «Третьего Рима».

Сразу после воцарения молодой царь Иван IV начал реформы, которые предлагали ему ближайшие советники – князь Адашев, ставший главой правительства, митрополит Макарий, а также духовник и наставник царя Сильвестр. В результате реформ были частично упорядочены землевладение и система управления, проведена военная реформа, приведшая к возникновению полков регулярной царской армии – стрельцов, созданных по аналогии с полками турецких янычар. Вместе с тем, реформы выявили большое недовольство, существовавшее в среде основной опоры

самодержавия – дворян. После окончания длительных и кровавых междоусобных войн на Руси остался значительный контингент военных, которые привыкли воевать, но в мирной жизни практически не имели средств к существованию. Те небольшие земельные владения, которыми правительство наделяло дворян, часто не могли не только обеспечить их средствами, необходимыми для поддержания боеготовности, т.е. «конно и оружно» прибывать на царскую службу, но и прокормить их семьи. После передела владений в 1550 г. практически весь резервный земельный фонд был истощен. Необходимо было либо срочно найти им земельные уделы, либо начать новую войну.

Идеологическим выразителем этих интересов стал публицист Иван Пересветов, прямо утверждавший в челобитной царю: «Да слышал про ту землицу, про Казанское царство, у многих воиников, которые в том царстве Казанском бывали, что про нее говорят, применяют ее подрайской земли угодием великим. Да тому весьма удивляемся, что таковая землица у сильного царя под пазухой, а в недружбе...; хотя бы таковая землица и в дружбе была, никак бы ее не можно терпеть за такое угодие» [Пересветов, 1956, с.167]. Историки давно спорят, был ли это реальный человек, либо за этим псевдонимом скрывался кто-то из идеологов «Избранной Рады». В последнее время довольно убедительно была сформулирована мысль, что автор этого сочинения, взяв реальную челобитную царю, переписал ее, превратив в дворянский манифест. Естественно, что таким «дворянским публицистом» мог быть и сам царь Иван Васильевич [Аль, 2002, с.122–196]. Как бы то ни было,

но то, что программа, заложенная в этом сочинении в отношении Казанского ханства, была впоследствии выполнена полностью, само по себе уже может свидетельствовать, что автором ее был не просто безвестный «воинник», а идеолог, напрямую имевший отношение к формированию государственной политики. Сформулированная программа прямо и недвусмысленно декларировала, что даже если Казань «и в дружбе была бы», то ее и в этом случае следовало захватить из-за ее плодородия.

Военному захвату Казани также предшествовала серьезная подготовка со стороны московских церковных и светских идеологов, включавшая целый ряд положений («исконные русские земли», «Казань – вотчина русских князей» и т.д.), которые концентрировались вокруг политической доктрины «Москва – Третий Рим» (подробнее см.: [Измайлов, 1992, с.50–62; Плюханова, 1995, с.171–202; Синицина, 1998]). Для внешнего мира московским царем постоянно утверждался тезис о том, что Казань – «наш юрт», и говорилось о праве русского царя ставить на его престол своих ставленников [Sevcenko, 1967, p.541; Pelenski, 1967; Pelensky, 1974; Измайлов, 1992, с.50–62]. Право это вытекало, по мысли имперских идеологов из того факта, что земли Волжской Булгарии в свое время подчинялись киевским и владимирским великим князьям, которых московские цари считали своими предками. Уже в «Разрядной книге» сформулирована идеологема и военная цель похода на Казань: «...поискати отчины прародителей своих, великих князей русских, земли Болгарские Владимира и другага Владимира Манамаха и ваясившаго во всем великого князя Дмитрея Ивановича Донского, иже победу творящего на сопротивных, иже не покоряющееся ему» [РК 1475–1605, т.1, ч.3, с.416].

Важнейшим идеологическим основанием, своего рода внешнеполитической частью доктрины «Третьего Рима» являлось стремление расширить пределы православного мира, покорить и христианизировать покоренные народы, тем самым «цивилизуя» их [Измайлов, 1992, с.59–62]. Идеологическая доктрина войны христианства против ислама явно прослеживается

в посланиях митрополита Макария Ивану IV, стоявшему под Казанью. Так, он писал, подчеркивая вину казанцев: «...еже с помощью божиею и заступлением мужественнее тебе царю, и царскы добре стояти и со всем христоролюбивым воинством противу супостатъ своих безбожных Казанских Татар, твоих изменников и отступников, иже всегда неповинне проливающих кровь христоянскую и оскверняющих и разоряющих святыя церкви». Далее он, сравнив «святую и чистую нашу и пречистнейшую веру нашу крестьянскую греческого закона» с солнцем и светом, прямо называет татар исчадиями ада и предлагает «христоролюбивому воинству» вернуть их обратно в геенну огненную: «На ню всегда свирепеетъ гордыи он змии вселукавыи враг Диавол, воздвизаетъ на нь лютую брань погаными твоими недруги, Крымским царемъ и их пособники поганых языки Крымских и Казанских Татар, их же последя зреть во дно адово, идеже имуть наследовати огонь негасимыи и тму кромешную» [ПСРЛ, 29, с.86–87]. В той же дьяволоборческой стилистике выдержаны все другие послания Макария царю, что позволяет считать идею «священной войны» одной из важнейших идеологических составляющих обоснования «Казанской войны» [Pelensky, 1974; Шмидт, 1977, с.25–62; Хорошкевич, 2003, с.101–113].

К тому времени выявилась геополитическая слабость России. Она оказалась на периферии Европы и в стороне от главных торговых путей к Балтике и Средиземноморью. Требовалось не просто появиться на границе Европы, но и включиться в международную торговлю и политику. На этом пути перед Москвой встали непреодолимые препятствия. Ливония в то время казалась достаточно сильной державой, которую готовы были поддержать Швеция и Польша, главным образом, чтобы не дать изменить баланс сил в Прибалтике, а Крым при поддержке Турции отразил все попытки русских войск продвинуться на юг в Причерноморье. Взоры московского правительства устремились на восток к Казани, которая переживала далеко не лучшие времена. Поэтому военная активность и начало «Казанской войны» четко совпадают с заключением перемирия с Речью Посполитой.

В этот период аристократия Казани оказалась безнадежно разделена на группировки. В надежде сохранить свою власть и независимость, часть аристократии предпочитала опереться на Москву, а другая – на Крым и Ногайскую Орду. В результате обострения междоусобных распрей ханский престол переходил от одного хана к другому, а сила татарских родов слабела во внутренней борьбе. Обычной стала политика, когда проигравший клан почти полностью истреблялся победителями.

Непосредственно завоеванию предшествовал целый ряд драматических событий, когда с 1546 г. московское правительство начало проводить политику установления в Казани своего вассального правителя, а после провала этих планов перешло к подготовке завоевания. События этого периода нашли достаточно полное отражение в отечественной и зарубежной литературе (см.: [Худяков, 1990, с.142–154; Шмидт, 1964; Pelensky, 1974; Шмидт, 1977; Хорошкевич, 2003, с.66–113]). Важным этапом на этом пути стали устранение хана Шейх-Али с казанского трона и попытка привести казанских татар к присяге царю Ивану IV Васильевичу. Фактически это уже само по себе означало полное политическое и идеологическое подчинение населения Казанского ханства русской администрации. Подобная ротация была прямым и явным нарушением всех норм и правил, существовавших в Казанском ханстве. Это было грубым попранием всех прав и традиций государственности – на ханский престол могли входить только потомки Чингиз-хана из рода Джучидов, а правителем Казани мог быть исключительно мусульманин. Попытка принудить татарскую элиту принять в качестве хана московского царя не могла окончиться ничем кроме как мятежом. Расплатой за него, несомненно, и это отчетливо понимали все участники исторической драмы, было непосредственное и решающее военное столкновение.

Казанское восстание и правление хана Ядыгара. Сначала часть казанской аристократии поддержала присягу русскому царю, надеясь свергнуть власть Шейх-Али, но позже одумалась и попыталась восстановить независимость Казани. 9 марта 1552 г.

в Казани произошло восстание во главе с эмирами Чапкыном Отучевым, Али ибн Нарыком, Исламом, Дербышем и сейидом Кул-Шарифом и «тюменским» (возможно, мангытским) беком Кебеком. Восставшие перебили русский гарнизон и начали активные военные действия против русских войск. Они нанесли несколько поражений отдельным отрядам русских войск и осадили крепость Свияжск. Вскоре огнем восстания было охвачено все Среднее Поволжье. На трон Казани весной 1552 г. восставшие казанцы возвели астраханского султана Ядыгара-Мухаммада.

Казанцы сразу после восстания стали готовиться к обороне – обновлять укрепления, собирать войска и искать поддержку союзников. Войска казанцев состояли из ногайской конницы хана Ядыгара-Мухаммада (3 тыс. всадников) и ополчения татарской знати (до 10 тыс. воинов). По словам князя А.Курбского: «казанский царь закрылся в крепости с тридцатью тысячами отборного войска, со всеми духовными и светскими боярами и со своим двором. Другую половину войска он оставил вне крепости в лесах вместе с теми, кого прислал ему на помощь ногайский улугбек, а их было две тысячи и несколько сот человек» [ПЛДР, 1986, с.239].

К сожалению, в Казани практически не осталось пушек, поскольку весь арсенал был вывезен Шейх-Али в Свияжск. В тылу русских войск с Арского поля должна была действовать конница мурзы Япанчи с ополчением Арских беков, численностью до 5 тыс. всадников (подробнее о тактике обороны татар см.: [Исхаков, Измайлов, 2005, с.67–79]).

Эти события показали русскому царю, что присоединить Казань мирным путем не удастся, и он начал подготовку к широкомасштабной войне на полное завоевание и истребление всех оказывающих вооруженное сопротивление. Не исключено, что нарочито оскорбительная попытка возвести на казанский трон московского царя, как раз и преследовала цель вызвать мятеж и войну. В ее огне должна была погибнуть активная военно-политическая элита татар, а ставшие свободными от владельцев земельные владения должны были перейти московскому правительству.

Поход на Казань. Несколько месяцев потребовалось для сбора и подготовки войск. Видимо, все войско было разделено на части и двигалось к местам соединения с главными силами своими дорогами. Значительная часть из них должна была выйти к р. Сура, а другая – по Волге двигаться прямо в Свияжск.

Задержка главных сил была вызвана также необходимостью отразить атаку крымских войск под руководством хана Девлет-Гирея, стремившихся оказать давление на Москву. Однако попытка крымского хана сорвать планы русских войск не удалась. Его войска, неизвестной численности, подошли к Туле и, частично переправившись через Оку, начали разорять окрестности. О последующих событиях известно из противоречащих друг другу сообщений князя Андрея Курбского и самого царя Ивана IV. Как бы то ни было, но, услышав о приближении русского войска, хан Девлет-Гирей увел основную часть своего войска за Оку и двинулся в Крым. Приукрашивая свои успехи, князь Курбский впоследствии писал о том, что «устрашенный» хан бежал, бросая артиллерию и обозы, хотя царь обвиняет его в бездействии и медлительности перед лицом хана. Единственное боевое столкновение произошло 23 июля 1552 г. между частью крымского войска под командованием Ак-Мухаммад-оглана, разорвавшего окрестности Тулы и оказавшегося в тылу русского войска. Он завязал бой, намереваясь прорваться через строй русского войска. После полуторачасового боя это ему удалось, причем нанеся большой урон войскам Курбского [ПЛДР, 1986, с.69]. По словам же самого Курбского, он окружил треть, или около того, крымского войска и навязал ему сражение, разбив полностью. В этом бою даже сам князь Курбский получил многочисленные ранения, в том числе в голову [ПЛДР, 1986, с.233]. После этого царь вынужден был дать войску восьмидневный отдых, после чего продолжил поход [РК 1475–1605, т.1, ч.3, с.416]. За это время он не только приводил в порядок полки, но и ожидал подтверждения ухода крымской конницы от границ Московии. Только убедившись, что угроза южным рубежам миновала, царь продолжил поход.

Главные силы русского войска начали поход на Казань 1 июля 1552 г. двумя колоннами из Коломны. Русскими войсками командовали сам царь Иван IV и его воеводы князя Ю.И.Шемякин, В.С.Серебряный, С.В.Шереметев, А.М.Курбский, А.Б.Горбатый-Шуйский, М.И.Воротынский, дьяк И.Г.Выродков и др. Состояли они из отрядов поместной конницы и пеших ратников. По словам самого царя, бояре в поход шли неохотно, приведя с собой недостаточно воинов. Иван IV указывал, что недосчитался более 15 тыс. человек (см.: [ПЛДР, 1986, с.61]) и стрелецких полков (около 5 тыс.). Артиллерийский наряд и пехота на судах двигались по Волге прямо к Свияжску, а вторая часть поместного войска самостоятельно собиралась близ Суры. Очевидно, что в составе этого войска были и служилые татары из Мещерского края – конница Шейх-Али (около 2–3 тыс. всадников).

Обе части войска соединились на р. Сура и двинулись на восток. К Свияжску они подошли 13 августа. Здесь, по словам князя Курбского, к войску присоединились новые силы, «те, что прибыли с пушками, и крепостные – с немалым войском ... С ними и пятнадцать тысяч конницы вышло навстречу, и великое множество пехоты, а сверх того несколько батальонов варваров, только что признавших власть царя (волей или неволей, а признали), числом до четырех тысяч: их селения и деревни были вблизи этой крепости» [ПЛДР, 1986, с.235]. Таким образом, общая численность русского войска, включая обозную прислугу, составляла, видимо, около 40–50 тыс. человек. Под «варварами» А.Курбский имел в виду, несомненно, ту часть военно-служилой элиты Казанского ханства, которая волей-неволей присоединилась к московскому войску. Часть ее оказалась в Москве в качестве заложников после репрессий Шейх-Али, часть имела владения на Горной стороне. Нет оснований преувеличивать их роль в русском войске. Служилые татары играли важную, скорее политическую, чем военную роль. Они должны были продемонстрировать определенную лояльность царской власти к служилым татарам, вызвать брожение в рядах защитников Казани.

После непродолжительного отдыха войска начали переправу через Волгу и, не встречая сопротивления, закончили ее 20 августа, став лагерем у стен Казани.

Казань для того времени была передовой в фортификационном отношении крепостью. По словам автора историко-литературной повести «Казанская история»: «Град же Казань зело крепок, велми, и стоит на месте высоце, промеж двою рек Казани и Булака» [Казанская история, 1954, с.128]. Крепость Казани в XV–XVI вв. занимала почти всю территорию современного Кремля, ограничиваясь с юга укреплениями, шедшими по краям так называемого «Тезицкого оврага». Укрепления его состояли из глубокого (до 3 м) рва и вала, поверх которого были наставлены дубовые стены в виде тарасов (6–7 м шириной), заполненных землей – «... согражден в 7 стен, в велицех и толстых древесех дубовых; в стенах же ссыпан внутри хрящ и песок и мелкое камение» [Казанская история, 1954, с.128]. Укрепленная площадь города достигала 13 га. Внутри крепости раскопками был выявлен целый ряд построек. Город имел в основном деревянную застройку.

В северо-восточной части Кремля выявлены остатки укрепленного царского двора, который занимал большую часть Кремлевского холма и для защиты которого использовались более ранние белокаменные укрепления. В нем находилась белокаменная мечеть (мечеть Нур-Али) с высоким минаретом, близ которой располагались ханские мавзолеи. Все они имели подквадратную форму и были сложены из белого камня. Внутри были вскрыты богато орнаментированные резные гипсовые надгробия, под которыми в двух гробах, вложенных один в другой, располагались захоронения, совершенные по мусульманскому обряду. Здесь же, внутри крепости, обнаружены остатки деревянных сооружений – усадеб (дома и хозяйственные постройки), а также большого белокаменного здания (возможно, ханского дворца) [Ситдииков, 2002, с.160–206; Ситдииков, 2006, с.113–121]. Особо следует подчеркнуть, что в северо-восточной части Кремля археологическими раскопками были выявлены деревянные конструкции, которые уверенно можно интерпретировать

как раскат – наклонную горизонтальную площадку для размещения артиллерийской батареи с целью ведения массированного орудийного огня. Наличие ее показывает высокий уровень фортификации казанцев и приспособления ими своих укреплений к современным методам обороны с использованием огнестрельной артиллерии [Ситдииков, 2002, с.172–173].

Ближе к южной части крепости у Тезицкого оврага находились мечеть и медресе Кул-Шарифа. С юга и юго-запада к крепости примыкал обширный посад. Посад Казани уже в середине XV в. был обнесен стеной и рвами (ширина 15–20 м высота 3–4 м), которые неоднократно подновлялись и перестраивались. По словам автора «Казанской истории»: «Толстина же градная от реки, от Казани и от Булака трех сажен, и те бо места ратным неприступны ... токмо со единыя страны града с поля Арскаго приступмал; но туда стена градная была в толстину 7 сажен, и перекопана окола ея стремнина велика и глубока» [Казанская история, 1954, с.128].

Окружение города и начало осады. Русские войска 22 августа начали окружать город и сразу же подверглись нападению татар. В ходе боя конные и пешие казанские стрелки сделали вылазку и попытались помешать развертыванию войск, но были оттеснены в город. Отбив вылазку, русские полки полностью окружили город и 23 августа начали планомерную осаду.

Передовые отряды русской армии начали осадные работы, которые неоднократно прерывались вылазками казанцев. В частности, согласно летописи: «...стрельцы по воеводскому повелению на другой стороне Булака к городу закопалися во рвы и не даде из города Тотаром вылазати. И баня камена, Даирова зовома, под под городцкою стеною, и в бане стали казаки воеводцкою посылкою. И пушки х турам которым у тех стен бытии привезли» [ПСРЛ, 29, с.97].

Через два дня, 25 августа, ертоул (т.е. передовой полк) был отправлен за Казань на Арское поле, а полк правой руки – на другую сторону Казанки, чуть ниже города. По словам А.Курбского: «и войску христианскому приказано было двигаться тремя группами через названную речку Булак.

И вот, наведя мосты через нее переправился вначале передний полк, который называют у них обычно ертоул, в составе его было около семи тысяч отборного войска с двумя полководцами ... князем Юрием Пронским и князем Федором Львовым из рода князей Ярославских. Пришлось им с трудом взбираться прямо на эту гору, на Арское поле между городом и упомянутым озером Кабаном» [ПЛДР, 1986, с.237]. Все эти перемещения сопровождалось вылазками казанцев, пытавшихся нанести урон осаждавшим и не дать им установить блокаду города. Так, тот же А.Курбский писал: «А когда начал другой полк – большой – переходить по мостам через реку, царь казанский выпустил из города на первый помянутый полк конницы около пяти тысяч, а пеших более десяти тысяч, конные татары с копьями, а пешие с луками. И тотчас ударили татары в середину полка христиан на половине горы и рассекли его, прежде чем перестроились полководцы, которые с двумя с лишним тысячами взойшли уже было на гору. И наши крепко сразились с ними, и бой был немалый. Тут же подоспели другие стратеги с нашими пешими ружейными стрелками, и дали отпор и конным и пешим басурманам, и гнали их, избивая, до самых крепостных ворот...» [ПЛДР, 1986, с.237, 239]. В одной из таких схваток был тяжело ранен воевода ертоула князь Юрий Иванович Шемякин.

Активность казанцев затрудняла и сковывала действия русских войск, но подавляющая численность позволяла им отражать атаки обороняющихся и, даже неся потери, продолжать окружение города.

Постепенно к 26 августа весь город был взят в плотную осаду. По данным «Разрядной книги», войска и артиллерия расположились вокруг города «верст по пятнадцати во все стороны» [РК 1475–1605, т.1, ч.3, с.420]. Передовой и большой полки встали на Арском поле, полк правой руки с частью легкой конницы – на правом берегу р. Казанка, сторожевой – у устья р. Булак; полк левой руки – вдоль стен посада по р. Булак, отряды Шейх-Али – близ Большого полка, а потом переместились к Арскому полю, резервный Царский полк – за полком левой руки на Царевом лугу. Основные силы казанцев также были сосредоточены близ

Царских и Арских ворот, а также у Аталыковых ворот и на Булаке.

Следующим шагом царских войск стало сооружение против Ханских, Арских, Аталыковых и Тюменских ворот специальных укреплений, состоявших из высоких валов и башен, стоявших напротив казанских воротных башен. На них были отправлены полки князей М.И.Воротынского и Ф.Троекурова.

После сооружения валов (29 августа) на них были установлены орудия. Обстрел города, который вели с валов около 150 пушек, а с высоких деревянных башен – туров до 10 пушек и 50 тюфяков, наносил большой урон стенам города и его защитникам. Это была новая, невиданная еще в Восточной Европе, тактика осады, которая к тому времени активно применялась в Европе. Русские войска обучались ей немецкими мастерами, непосредственно участвовавшими в боевых действиях под Казанью.

В ответ казанцы отвечали огнем из пушек и пищалей, делали вылазки, стремясь разрушить туры и укрепления.

Вылазки казанцев поддерживались атаками конницы Япончи со стороны Арского поля. Вот как описывает эти вылазки участник осады князь Андрей Курбский: «...когда вынесут на высокую башню в крепости их громадное басурманское знамя и начнут им махать, тогда... ударят басурманы боевым порядком со всех сторон из лесов со всей мощью и быстротой по христианским полкам. А в это же время из крепости через все ворота делались вылазки на наши шанцы, при этом так крепко они и храбро сражались, что трудно поверить». И далее он сетует: «И действительно, ежедневно в течение трех недель происходило это несчастье, так что зачастую не давали нам употребить крайне скудное наше питание» [ПЛДР, 1986, с.240–241].

Однако артиллерийский огонь наносил слишком сильный урон осаждаемым. Не имея возможности противостоять ему, казанцы решились на отчаянный шаг. В ночь на 30 августа казанцы собрали свои лучшие отряды у Царских ворот и внезапно атаковали русские позиции. Атака увенчалась успехом. Не ожидающие ночного штурма русские отряды были разбиты и бежали,

бросив укрепления и артиллерию. Казанцы попытались увезти часть пушек в крепость, а туры подожгли. В это время на выручку русским войскам двинулся Большой полк и другие резервы. Вот что пишет тот же А.Курбский: «И однажды сделал вылазку сам Карачи с ханским двором, и с ними чуть ли не десять тысяч войска, на наши шанцы, где стояли в укрытии тяжелые орудия, сами бояре с царским двором, а с ними около десяти тысяч войска, и в такой вступили жестокий и крепкий бой против христиан, что всех наших отогнали было далеко от пушек. Но... подоспело дворянство Муромского воеводства, поскольку стан его располагался где-то поблизости. И тотчас они опрокинули карачей со всеми их силами...» [ПЛДР, 1986, с.240–241].

Во время этого боя казанцы понесли тяжелые потери. Был убит один из организаторов обороны бек Ислам Нарыков из клана Аргын, а также военачальники Сюнчелей-батыр и Башканда. Эти потери оказались невосполнимыми, и больше казанцы долгое время не предпринимали подобных крупных атак, ограничиваясь действиями небольших отрядов. В то же время и осаждавшие, потеряв часть осадных башен, усилили их охрану и не старались слишком близко продвигать их к стенам. Одновременно русское командование поняло, что одним обстрелом города нельзя принудить татар сдаться. Было решено осуществить полную блокаду города.

Поход на Арск. Стремясь обезопасить себя от нападений конницы мурзы Япанчи, русские войска численностью до 10 тыс. воинов под командованием князя А.Горбатого-Шуйского 30 августа начали поход на его лагерь. В стремительном кавалерийском бою отряд мурзы Япанчи был разбит и отступил к Арску. Потом, собрав силы, он вновь атаковал русский лагерь, но во время боя сам Япанча, очевидно, погиб. Отбив атаку татарской конницы, русские войска 6–8 сентября двинулись на Арск. Летописец так описывал этот поход вглубь татарских земель: «... и пошли воеводы, наперед полки пошли пешие стрельцы и казаки, и как пришли на Высокую гору к острогу, а острог бе их рублен городнями и землею насыпан, а в ыном месте многими засеками засече-

но, а зделан промеж непроходимых болот» [ПСРЛ, 29, с.101]. Судя по археологическим данным, речь шла о Камаевском городище, который контролировал бассейн р. Казанки. Это городище действительно было хорошо укрепленным местом с укреплением в виде тарас со рвом и предстенными укреплениями. В верхнем слое городища выявлены незахороненные остатки человеческих скелетов, находки оружия и следы пожара. Все это в целом, свидетельствует о катастрофической гибели городища во время вооруженного штурма [Бурханов, Измайлов, 1999, с.135–138].

Разоряя городки и села, уничтожая их жителей, русские отряды прошли Арскую даругу [РК 1475–1605, т.1, ч.3, с.422–426]. Карачи-бек из клана Кыпчак Явуш – глава Арской даруги, отступил, не приняв боя. В результате похода были разорены основные земли Казанского ханства, убито и взято в плен множество служилых татар и мусульман. По данным источников, всего было убито и взято в плен «князей арских 12, и воевод черемиских 7, и земских людей лутчих избравше сотников старейших 300, и всех до 5 000 человек» [Казанская история, 1954, с.132–133]. Этот погром в определенной мере снял угрозу осаждающим город русским войскам. Одновременно он уничтожил базы снабжения казанского гарнизона людскими ресурсами и продовольствием, а также обезглавил их военное сопротивление в Приказанье.

Блокада и подготовка решающего штурма. Обезопасив себя с тыла, русские войска установили полную блокаду Казани и начали осадные работы и постоянные штурмы, разрушая стены города и изматывая силы защитников.

Одним из главных успехов русских войск было то, что им удалось частично отвести Казанку от стен города и 4 сентября взорвать главный колодец города, затруднив снабжение осажденных чистой водой. Это был первый взрыв порохового заряда, заложенного в туннель под стены города. Русские летописи глухо говорят, что руководил этими туннельно-взрывными работами немецкий мастер, «Размысла именуема хитра, навычна градцкому разорению» [ПСРЛ, 29, с.100]. Европейская тактика ведения осад-

ных работ, доселе невиданная здесь, доказывала свою эффективность. Против подобной тактики осады казанцы были бессильны и не смогли ничего ей противопоставить.

Одновременно валы и пушки передвигались все ближе к стенам. По словам летописи: «Воеводы же став по рву против Царевых (Ханских) ворот, Арских и Аталыковых также и Тюменских, по всему рву и туры утвердиша» [ПСРЛ, 29, с.103]. В ответ на атаки осажденные, по словам летописи, «беспрестанно» стреляли «из пушек, из пищалей, и из луков» и отвечали яростными контратаками. В одной из таких контратак под командованием мангыта князя Зейнаша 26 сентября они не только нанесли серьезное поражение части войск, но и захватили контрвзвальные укрепления, уничтожили пушки и сожгли одну из осадных башен.

Пытались ослабить блокаду и отдельные отряды из Луговой стороны, действующие в тылу осаждающей армии. 10 сентября большой отряд черемис подошел к русскому лагерю и ударил с тыла. После кровопролитного боя, захватив табуны лошадей и часть обозов, они отступили, уходя от преследования.

Учитывая приближающуюся позднюю осень и зиму, осаждавшим требовалось добиться крупного успеха или отступить от стен города.

«Казанское взятие». Ранним утром 30 сентября мощный взрыв уничтожил часть стены между Арских и Царских ворот, начав решающий штурм города. По данным «Казанской истории», царь собрал из всех полков «юнош свирепосердых и крепкооружных, полк велик 100 000 силных бойцев, и уготавлиет тех пеших к приступу града, овех со огненным стрелянием, овех с копыи и с мечи, овех с секиры, и с мотки, с лествицы, и с багры, и со многообразными хитростями градомными...» [Казанская история, 1954, с.146].

В образовавшуюся в обороне крепости брешь выдвинулись части Большого и Передового полков. Летописец писал, что русские войска подступили к городу, но встретили ожесточенное сопротивление: «И бысть сеча зла и ужасна, и грому сильну бывшую от пушечного бою и от звуку и вопу от обоих людей и от трескости оружия, и от

множества огня и дымного курения и згустившюся дыму, и укрыи дым град и люди» [ПСРЛ, 29, с.104].

Тем не менее, защитникам крепости удалось выбить русские полки из города. Участник тех событий А.Курбский позже напомнил царю, что тот повел себя далеко не как храбрый ратник и умелый полководец, а как испуганный юнец и только вмешательство опытных князей спасло положение русских войск. Осаждавшие все же сумели закрепиться на разрушенных стенах и подготовить силы для новой атаки.

Между тем, городские укрепления Казани были в значительной мере уничтожены и не представляли единой системы обороны. Летописец писал: «Мосты (имеются в виду стены между башнями. – *И.И.*) же у Царевых ворот и у Аталыковых и Нагайских и через всю ночь горело, выгорела стена городная, обгоре и земля из города сыпаса, бе бо весь град насыпан землей и хрящом» [ПСРЛ, 29, с.104]. Ночью осажденные попытались восстановить стену напротив разрушенной и поставить на ней все оставшиеся пушки и пищали.

Иван Грозный предъявил горожанам ультиматум, но, по данным источника, защитники ответили отказом: «Не покоримся, пусть на стенах и на башне Русь, а мы другую стену поставим и все помрем или отсидимся» [ПСРЛ, 29, с.104].

Повторный штурм города был начат русскими полками утром 2 (12 по новому стилю) октября. Русские войска взорвали еще несколько новых, более мощных пороховых мин под стенами города, теперь уже у Аталыковых и Ногайских ворот. В результате подрыва были разрушены значительные участки стен и нанесен страшный урон защитникам. Летописец писал: «...виде градцу стену подкопом вырвану, и страшно убо зрением земля, яко тма, и на великую высоту восходящее и многие бревна и люди на высоту возметающе поганых» [ПСРЛ, 29, с.106].

Оборона города была прорвана в нескольких местах, и сражение перешло на улицы Казани. Силы защитников иссякали, и они уже не могли оказать организованного сопротивления. Бой, по словам летописца, был жестокий и кровавый: «бьющихся... во

всех местех ото всех ворот мужествене, за руки имаяся, копыя и саблями, и теснотах ножи режуще. Во многих улицах с обеих сторон крестияном и Татаром ударившееся во многи копыя и на многу чяс стояще на копиях. Ни единым поступившим» [ПСРЛ, 29, с.107]. Соппротивление казанцев было ожесточенным, но очаговым. Постепенно, шаг за шагом, квартал за кварталом, русские полки продвигались по городу, уничтожая его защитников.

Последним центром обороны горожан стал укрепленный Ханский двор, куда отошли все оставшиеся силы татарского войска. Жестокая битва разгорелась близ ханского двора у Тезицкого оврага и мечети. Здесь, отчаянно сражаясь, погибли сейид Кул-Шариф и учащиеся медресе. Русская летопись пишет: «И приближа крестияне к мечете ся х Кулшерифу х Тезицкому (о) врагу, и туто с Кулшерифом-молною многие неверные совокупившееся и зле бьющееся. И божим милосердием одолеваху православнии Кульшерифа, со всеми его побиша. Татарове же побегоша вси на царев двор, воины же православнии приближешся х цареву двору и сечаху нещадно нечестивых мужей и жон удолием кровь течяху. Убиша Кулшерифа съ его полком. И Татаром собравшемся на Цареве дворе, и видев свою конечную погибель и реша друг другу: «бежим убо из города скоро от них, яко бог поборает с ними, множество наших умроша» [ПСРЛ, 29, с.107].

Видя безнадежность сопротивления, хан Ядыгар-Мухаммад с беком Зейнашем, возможно улуг карачи-беком, сдались в плен. Вместе с ними сдались в плен и их семьи, а также часть горожан.

Часть защитников, воспользовавшись тем, что войска стали грабить город, бросились через Елбугины ворота и, с оружием в руках переплыв реку Казанка, атаковали строй русских войск. Полк А.Курбского, который должен был прикрывать реку, не ожидал подобной стремительной атаки и дрогнул. На помощь ему устремились другие отряды. Тем не менее, часть вооруженных защитников города, прорвавшись через строй русских полков, ушла в леса. Летописец писал об этом событии: «И побегоша вси к Елбугиным воротам и нача з гра-

да метатися и в ворота пробиватися, и многие люди сметалися и за Казань бежяние устремилися. И в том месте были воеводы боярин князь Петр Михайлович Щенятев, и напустил на них полком своим, и многих у них убиша. А воевода князь Андрей Михайлович Курбской выеде из города и вслед на конь и гна по них, и приеха во всех в них. Они же его с коня сбив и его секоша множество и приидоша по нем замертво многие, но божим милосердием последи оздравел. Татарове же побежяша на рознь к лесу. ... Бояре же и воеводы божимъ милосердием побили множество поганых и тамо (о)не толико множество побили, от реки от Казани и до леса и в лесе многие мертвые лежаща, и многие утекли, многие ранами ранены» [ПСРЛ, 29, с.107–108].

Последние очаги сопротивления в городе пали. Участник этих событий князь А.Курбский писал, что на взятие стен и подавление остатков сопротивления в городе «прошло четыре часа или более того» [ПЛДР, 1986, с.253].

Жители Казани, оставшиеся в живых, были перебиты или уведены в плен, а город полностью сожжен и разграблен. Летописец писал: «В полон же повеле царь имати жены и дети малые, а ратных за их измены избити всех и столь множество взяша полону Татарского, якоже всем полком Русским наполнитися, у всякого человека Русского полон Татарской бысть. ...А побитых во граде толико множество во граде лежаше яко по всему граду не бе где ступати не на мертвых...» [ПСРЛ, 29, с.108]. Псковский же летописец сообщал: «И высекоша всех татар во граде до 20 000, а прочих поплениша; а город весь выгоре от зелиа» [ПСРЛ, 5, с.233]. В разрядных книгах также приводилось весьма яркое описание кровавого ужаса, царившего на улицах города в момент его взятия: «...бьющее татар по улицам, мужей и жен по дворам, а иных изъ ям выволакивающее и секуще их без милости и одираху до последняя наготы... безчисленное богатство взяша, и в полон многих мурзиных жон и детей взяша» [РК 1475–1605, т.1, ч.3, с.436–437].

Уже через два дня, едва «город Казанской вычистили от множества трупия мертвых», состоялся торжественный въезд в за-

воеванный город царского кортежа. Царь выбрал место в цитадели, где и собственноручно заложил «церковь во имя... Благовещения», которая была освещена уже 6 октября [ПСРЛ, 13, с.204–205]. После этого отягощенное добычей и пленными войско начало движение назад в Москву. Наступившие холода и бездорожье привели к тому, что войско, возвращавшееся неудобной дорогой вдоль Волги, потеряло значительную часть коней и другой добычи, что вызвало недовольство служилых людей [ПлДР, 1978, с.261]. После торжественного въезда в Москву и молебна в Успенском соборе Кремля 5 и 8 ноября состоялся совет «о устройении Казани», а на пиру царь раздал различные пожалования участникам похода на 48 тыс. рублей, распределил кормления и земельные владения в Казанском крае, которые получила по преимуществу родовитая знать.

Оборона Казани показала высокое военное-инженерное искусство татар, сумевших почти семь недель – 42 дня, вести оборону против численно превосходящей и хорошо оснащенной русской армии. Взятие Казани не означало окончания сопротивления татар – борьба продолжалась еще почти пять лет. К 1556 г. восставшие были обескровлены, основные центры сопротивления сожжены. Взятие Казани лишило эту борьбу единого центра и военно-технических средств (порох, пушки и т.д.). Поэтому, несмотря на героическое сопротивление населения Казанского ханства, судьба государства и всего Среднего Поволжья была предрешена.

Причины и последствия падения Казанского ханства. В чем же причина окончательного поражения Казани? Разумеется, тут сыграл роль целый комплекс причин. В чисто военном плане бросается в глаза несопоставимость численности русских и казанских войск. Истребление казанской знати и внутренние противоречия между родами, потеря союзников – Крыма и Ногайской Орды – привели к тому, что во время осады 1552 г. казанцы не смогли мобилизовать в армию значительные силы. Кроме того, сама эта война со стороны России носила иной характер, чем в предыдущие годы, – это была тотальная война на уничтожение, полное завоевание и покорение Поволжья,

и в ней казанцы, так и не понявшие ее суть, победить не могли.

Взятие Казани и последующие войны нанесли страшный удар по татарскому народу, от которого он долгие десятилетия не мог оправиться. Кроме потери государственности, уничтожения городской культуры и многих других достижений цивилизации, татарам был нанесен огромный демографический удар – по современным исследованиям, татарское население Казанского ханства потеряло около одной трети своей численности [Исхаков, 1993, с.23]. Это отчетливо понимали современники событий. Так, известный международный обозреватель Юбер Ланге писал в августе 1558 г. Жану Кальвину в Женеву, что «воинственность Ивана IV еще усилилась благодаря ряду удачных войн с татарами, которых он, говорят, побил до 300 или 400 тысяч» [Платонов, 1998, с.145]. Справедливо оценивая нравственные итоги завоевания Казани и его драматические последствия, советский историк М.Г.Худяков прямо писал: «Чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссально гекатомбою человеческих жертв закончился «крестовый поход» христоролюбивого воинства против казанцев, первое выступление русского государства на путь территориальных завоеваний. Кроме огромного количества человеческих жизней, насильственно унесенных в могилу, кроме бесчисленных слез, страданий и горя, пережитых казанским народом, печальный день 2 октября знаменовал собою гибель материального благосостояния, накопленного целыми поколениями, и утрату культурно-бытовых ценностей... Богатству народа был нанесен страшный удар, от которого он едва ли мог бы оправиться» [Худяков, 1990, с.153–154].

Взятие Казани стало первым шагом Русского государства к завоеваниям на Востоке, превратив его в империю. Завоевание Казани знаменовало конец политики реформ Ивана Грозного и переход его к самодержавному правлению. На историческое сознание русского народа взятие Казани, Астрахани и, позже, покорение Сибири, оказали глубокое влияние. За краткий исторический период русский народ нанес поражение своим

давним противникам-татарам и занял их обширные земли, поставив себя вровень с великими народами прошлого. Недаром как в официальных кругах, так и в фольклорной среде взятие «царственного града» Казани неразрывно связано с приобретением Русским государством царского статуса. Вскоре после взятия Казани в отправленной в Речь Посполитую грамоте московские бояре именовали Ивана IV не только «царем», но и «великим государем», добавив и «казанское титло», указав, что оно «писано впервые» (цит. по: [Хорошкевич, 2003, с.116]). Тем самым, царские притязания московских правителей обрели реальные очертания, поскольку они стали владеть «царским» престолом. Это был важный военно-дипломатический успех молодой империи.

Тем не менее, в русском фольклоре не так много радостных и торжественных победных песен о блистательных завоеваниях и завоевателях Поволжья и Сибири [Измайлов, 1998, с.35–38]. Более того, можно сказать, что бесконечные войны, походы и взаимное истребление не оставили в исторической памяти русского народа чувства торжествующего победителя. В исторической памяти русского народа эти песни получили своеобразное преломление и больше напоминают противопоставление официальному славословию в адрес хвастливых победителей. И в ответ на рассказ о красотах «подрайской землицы казанской» народ устами героини одной из таких песен напоминает о костях простых людей, на которых построено это здание славы Ивана Грозного, омываемое бесконечным потоком крови и слез:

*Не обманывай, добрый молодец:
Я сама давно про то ведаю, что Казань
Город на костях стоит,
Казаночка – речка кровава течет,
Мелки ключики – горячи слезы,
По крутым горам все головы,
Молодецкие, все стрелецкия*

(цит по: [Исторические песни, 1960, с. 110–111])

Для татарского народа завоевание Казани – не просто трагическая страница истории, но и поворотный момент в его прошлом.

Жестокая и самоотверженная борьба, низкое предательство, страдания беззащитных людей, потеря былой славы и свободы, надежда на освобождение – все эти переживания составляют основу представлений татар о своем шестнадцатом веке и нашли отражение в целом цикле исторических песен баитов. Наиболее близки они по своему характеру к традиционным народным плачам. Как правило, все баиты повествуют о горестной судьбе народа и его трагической борьбе с завоевателями («Баит Казани», «Чура-батыр», «Песня хана Мухаммед-Амина об Аксак-Тимуре») или отдельного человека («Песня хана Шейх-Али (Шигали) о его везирах», «Баит о Сююн-бике», «Баит Ханэк-султан») [Урманчеев, 1984, с.220–234]. Появились они, очевидно, довольно давно и были написаны современниками горестных событий. Во всяком случае, английский торговый агент и дипломат Джером Горсей, бывавший в Поволжье по торговым делам во время жизни в России (1573–1591 гг.), отмечал, что Иван Грозный «... покорил всех татарских князей и их земли и обратил в свое подданство многих знатных людей; это разорение до сего дня служит темами для скорбных рассказов и песен среди тех народов» [Горсей, 1990, с.51].

Наиболее выразителен и колоритен баит (или историческая песня) о Чура-батыре. Одна, несколько искаженная и переосмысленная его версия, включена и в состав более широкого по замыслу баита об истории Казани («Казан баете» или «Казан тарихы»). В нем кратко пересказывается история Казани от падения Булгара под ударами Аксак-Тимура до борьбы с русским нашествием. Строго говоря, сам баит «Чура-батыр» не является сообщением о завоевании Казани или об отношениях с Русью. Это, скорее, витиеватая устная история, преломившая действительные события прошлого, особенно такого трагического, как завоевание Казани, в памяти народа, содержащая даже предупреждение относительно опасности предательства национальных интересов [Paksoy, 1986, с.252–265]. Соответственно и пафос этого баита – в прославлении героев, сражавшихся и погибших во время освободительной войны, персонификация их общего образа в памяти народа.

§2. Казанская война 1552–1557 гг.

Игорь Ермолаев, Искандер Измайлов

Захват Казани и разорение окрестностей нанесли тяжелый удар по всей государственности Казанского ханства, но при этом стали лишь началом длительного процесса присоединения региона. С одной стороны, значительная часть сил татар не принимала участия в обороне Казани из-за относительной удаленности от Приказанья, а с другой – после взятия Казани нашлись силы, готовые к сопротивлению новой власти и способные организовать вооруженную борьбу. Кроме того, новая казанская администрация стала давать не только основание для отторжения, но и причину для повсеместного восстания.

Сразу после взятия Казани перед царским правительством встала проблема умиротворения и подчинения территории Казанского ханства, превращения его из враждебного края в «подрайскую землицу». Уже на третий день состоялся совет во главе с царем, который обсуждал эти вопросы. Спустя десять лет после этого события князь А.Курбский писал: «И вошел царь в совет об устроении нововзятого города. И советовали ему все мудрые и разумные, чтобы со всем воинством пробыл там зиму до самой весны: ведь из Русской земли доставлено было галерами много запасов, да и в той земле было бесчисленное количество продовольствия. Тем самым царь в конец уничтожил бы басурманское воинство, покорил бы себе царство, усмирил бы навеки землю...» [ПЛДР, 1986, с.260–261]. Этот совет предполагал продолжение военных походов для усмирения местного населения, превентивно подавляя волю и способность к сопротивлению. Однако, по словам А.Курбского, были и другие «советчики» – «шурья», братья царевны Анастасии Данила и Никита Романовичи Захарьины, которые советовали вернуться в Москву и позволить умиротворять край руками воевод и местных князей. Вполне очевидно, они полагали, что активная фаза войны закончена, а нахождение царя вдали от столицы может привести к мятежу и даже государственному перевороту.

Воеводами в Казани оставались князь Александр Борисович Горбатый, Василий Семенович Серебряный, окольный Алексей Данилович Басманов. Они должны были поддерживать порядок во вверенном им крае, для чего с ними оставили 7050 детей боярских, стрельцов и казаков. Самим городом управлял окольный Иван Безсонов. Несколько меньший по численности гарнизон был оставлен в Свияжске, где воеводами оставались князь Петр Иванович Шуйский, Борис Иванович Салтыков-Морозов и Григорий Петрович Звенигородский, а сама крепость вверялась заботам боярина Семена Заболоцкого и князя Дмитрия Жижемского. Наличие большого числа князей и бояр не могло не вызвать трений между ними. Едва получив разряд, оставшиеся в Казани воеводы начали спор о «местах» [РК 1475–1605, т.1, ч.3, с.441, 442, 448–449].

Существуют различные взгляды на причины резкого подъема вооруженного сопротивления новой власти. Одни полагают, что оно было вызвано усилением налогового гнета, другие – склоняются к политическим мотивам. При этом есть мнение, что завоевание Казанского края если не стало благом для народов края, то хотя бы не вызвало усиления налогового гнета (см.: [Бахтин, 2012, с.323–325]). В идеале это, возможно, было справедливо, но в условиях неупорядоченного управления, разорения основных земель ханства и непрекращающегося вооруженного сопротивления любые действия новых властей по взиманию ясака не могли не вызвать вооруженного противостояния.

Можно не сомневаться, что восстание, широким фронтом разлившееся уже в декабре 1552 г., было направлено против вхождения Казанской земли в состав России, за восстановление независимости. Собственно экономические требования были не самыми главными. Не случайно, обвиняя своих бояр в измене весной 1553 г., Иван IV вспоминал при этом «казанское дело» [ПЛДР, 1986, с.52–55]. Что касается поводов, то можно догадываться, что они были вызваны конкретными действиями царской администра-

ции – началом сбора ясака. Во всяком случае, сразу же после сообщения о подавлении первого этапа восстания в конце 1552 г. воевода А.Б.Горбатый, говоря о посылке детей боярских в Арскую и Побережную стороны для сбора ясака, с удовлетворением констатирует, что «ясаки събрали сполна и привезли к воеводам» [ПСРЛ, 13, с.527].

Если правильно наше предположение, то становятся понятными основные пружины политических действий в Казанском крае в первые месяцы после его присоединения к России. Вскоре после успешного завершения осады Казани воеводы посылают отряды детей боярских для сбора ясака, народ отказывается его платить, возникают частные конфликты, которые очень быстро переходят в вооруженное выступление против новой власти. Но возникает вопрос, почему народ отказался платить привычный ясак – ведь царь постановил оставить норму ясачных сборов, «как было при Магмеделиме царе», т.е. при казанских ханах [ПСРЛ, 13, с.222; ПСРЛ, 29, с.205]. Очевидно, тут сыграли свою роль многие факторы – военные действия разорили богатейшие земли ханства, и требования выплатить ясак даже по умеренной норме просто не могли быть выполнены. Но царские воеводы стремились реализовать свои кормления и обогатиться за счет завоеванных земель, где они временно правили. Кроме того, сыграла свою роль агитация сохранившейся татарской военно-служилой знати.

Мы мало осведомлены и о социальном составе восставших. Известно лишь, что в Арской стороне предводителями были «Тугаевы дети с товарищи» [ПСРЛ, 13, с.229; ПСРЛ, 29, с.214]. Несомненно, это были крупные феодалы, поскольку летопись знает их имена, и, по-видимому, дети крупного сановника Казанского ханства, возможно, погибшего во время одного из казанских походов Ивана IV – в 1552 г. или ранее. Таким образом, они имели социальные и многие другие причины (в том числе, наверняка, и личные) ненавидеть новую администрацию в крае и бороться против подчинения ей. Народ принял участие в этом выступлении господствующих кругов, ибо эти круги пока еще были народу ближе по крови и понятнее по языку и вере,

чем русское дворянство, с оружием в руках пришедшее на их родину и начавшее свое управление краем со сбора пусть привычной, но достаточно тяжелой и опостылевшей народу дани (ясака). В этих условиях и в конкретной обстановке 1552 г. поднять народ на борьбу было нетрудно, но это участие народа на начальном этапе восстания, вместе с тем, не было активным и широким, ибо иначе царским сановникам не удалось бы так быстро справиться с ним.

Таким образом, первый этап борьбы в декабре 1552 г. окончился полной победой царской администрации. Но царские воеводы торжествовали преждевременно. В действительности восстание подавлено не было; была подавлена лишь первая его вспышка, но жестокость, проявленная при этом (большое число «побитых» и повешенных), послужила лучшим стимулятором для его разрастания, а политика воевод (любой ценой собрать ясак) всячески способствовала и, можно сказать, даже помогала агитации отдельных остатков феодальной знати бывшего Казанского ханства против присоединения к России.

Полностью собрать ясак, несмотря на победную реляцию князя А.Б.Горбатого в декабре 1552 г., так и не удалось. Через два месяца, в марте следующего года, князь Горбатый уже пишет царю иное: «Казанские люди... ясаков не дали и ясатьчиков, которые ясаки на Луговой збирали... побили» [ПСРЛ, 13, с.230; ПСРЛ, 20, с.540]. Начался новый этап восстания. Отличительной его чертой было соединение сил восставших Арской даруги и Луговой стороны. Кстати, обращает на себя внимание, что центром движения была Арская даруга. С одной стороны, это был политический центр бывшего ханства, где имела владения значительная часть служилых татар, а с другой – она была довольно сильно разорена во время осады Казани. Наложение обоих факторов привело к всплеску непримиримого противостояния. Активное участие на всех этапах восстания принимала Луговая сторона, иногда движение разрасталось до района Горной стороны, но в основном Горная сторона сохраняла верность России и в дальнейшем стала опорой для подавления движения на левобережье Волги.

Весной 1553 г. восставшие уже представляли такую силу, что смогли разгромить посланные против них стрелецкие и казацкие отряды (и, вероятно, немалые, судя по скупым, но тревожным словам донесений в Москву о положении в крае). Бой произошел у засеки на Высокой горе и завершился полной победой повстанцев: царская армия была разбита «наголову» и потеряла 350 стрельцов и 450 казаков, т.е. около 1000 человек [ПСРЛ, 20, с.540]. Не исключено, что местом сбора восставших была Иски-Казань (Камаевское городище) – домениальное владение казанских ханов. Тем самым захват его имел для населения Приказанья важное символическое значение – восстановление ханства. Руководителями восстания в этот период были Зензеит или Усеин сеит (Хусейн-сейит), Сарый-богатырь (Сары-батыр), Таокмыш шихзяда (Токтамыш шахзаде) [ПСРЛ, 20, с.540, 547]. Судя по именам – это в основном мелкая служилая знать и религиозные деятели.

После этой победы восставшие, в составе которых называется вся левобережная часть бывшего Казанского ханства, построили укрепленный лагерь («городок»), на реке Меша в 70 верстах от Казани, который стал центром восставшего края. Восстание перекинулось и на Горную сторону. В марте 1553 г. свияжский воевода князь П.И.Шуйский сообщал царю, что «приходили на Горную сторону арьские люди и луговые Зен-Зеит да Сарый-богатырь с товарищи». Против них направлен отряд служилых людей и верных царскому правительству «горных людей» во главе с воеводой Б.И.Салтыковым-Морозовым, уже имевшим опыт карательных действий против восставшего народа. Надеясь на свою численность и хорошее вооружение, воевода не подготовился должным образом к походу, рассчитывая, видимо, на легкую победу над плохо вооруженными повстанцами. Однако «в то время снеги были велики», и воевода со своим отрядом попал в засаду татар, которые маневрировали, передвигаясь «на ртах» (т.е. лыжах). В результате боя воевода Салтыков-Морозов был полностью разгромлен и потерял убитыми 256, включая 36 «сынов боярских» и их людей 50, а также 170 «горных людей» [ПСРЛ, 13,

с.230]. Кроме того, в плен попало еще 200 человек, вместе с самим воеводой, который был отправлен «в башкирские улусы, в дальнюю черемису за 700 верст за Казань». Это поражение сковало действия русских войск и позволило восставшим блокировать гарнизоны Свияжска, Васильсурска и позволило распространить военные действия на муромскую, нижегородскую и вятскую земли, и даже осаждают некоторые русские города [ПСРЛ, 13, с.230, 528; ПСРЛ, 20, с.540; Казанская история, 1954, с.174]. Эти успехи восставших были бы невозможны без поддержки со стороны части населения Горной стороны, в первую очередь служилого сословия – татар и черемис.

К весне-лету 1553 г. восстание только нарастало. Фактически кроме отдельных крепостей у Русского государства не было в Среднем Поволжье и Приуралье опорных баз – вся остальная территория восстала. Но в этот момент стали сказываться негативные моменты. Несмотря на широкий размах, единого командования и авторитетного лидера, каким мог бы быть какой-то чингизид или татарский аристократ, восстание не имело. Оно носило раздробленный и региональный характер. Добившись победы в своем регионе, восставшие часто устраивали стычки с нейтральными или лояльными русским соседними местными властями или вторгались в русские земли. Попыткой как-то восстановить какой-то значимый центр в Приказанье можно считать попытку повстанцев создать новую столицу: «город себе поставили на Меше, а от Казани от города 70 верст; и землю стены насыпали, хотяше тут отсидеться» [ПСРЛ, 13, с.230].

Отсутствие лидера вело к тому, что повстанцы не получили должной международной поддержки. Ногайская Орда, в лице нурадина Исмаила, отвергла призывы о помощи, надеясь на получение 2 тыс. рублей и кормления с Казани, как это было обещано царем еще в ноябре. Но часть ногаев, видимо, присоединилась к борьбе с русскими войсками, особенно в Прикамье и Предволжье [Трепавлов, 2002, с.258–259; Трепавлов, 2004, с.177–199]. Кроме того, крымский хан проявлял активность, оказывая дипломатическое давление на Москву. Он прямо при-

зывает ногайского бия Юсуфа и астраханского хана начать спланированное наступление на Москву. Как бы то ни было, но основная часть служилых татар поддержала повстанцев и вела дело к восстановлению Казанского ханства. Для царской власти это было неприемлемо. В качестве превентивной меры в Москве были крещены казанские ханы, попавшие в плен – Утямыш-Гирей (8 января ставший Александром) и Ядыгар-Мухаммад (26 февраля 1553 г. ставший Симеоном Касаевичем). Тем самым династия казанских ханов прервалась. Теперь восставшие, если мечтали восстановить ханство, должны были думать о новой кандидатуре на ханский трон.

Положение российских властей в завоеванных, но не покоренных регионах было чрезвычайно сложным. Вместо «подрайской земли», раздачи земель и притока налогов эта война требовала все новых и новых средств на содержание воинских контингентов и крепостей. По мнению российского историка второй половины XVIII в. М.М.Щербатова, приблизительно к этому времени относится и ухудшение бытового положения в крепостях: «перемена воздуха и обильство рыб приключали смертельные болезни обретающимся в Казани воинам» [Щербатов, 1789, ч.2, с.11]. О моровой язве, случившейся «вскоре по взятии Казани», сообщают и некоторые другие историки, например Г.С.Суровцов [Суровцов, 1828, с.75]. Не исключено, что уже тогда в царском правительстве обсуждался вопрос оставить Казань и вывести оттуда войско, как это обсуждалось спустя двадцать лет после сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 г. [ПЛДР, 1986, с.278–279].

Царское правительство не на шутку забеспокоилось. По-видимому, местные власти были деморализованы. На помощь воеводам, которые после активных действий восставших в марте 1553 г. остались практически без военной опоры, из Москвы были направлены новые отряды боярских детей и казаков. Причем, организовывались настоящие военные действия. Было решено ударить по восставшему краю с двух сторон – с Вятки и с верховий Волги, чтобы взять его в кольцо. Во главе отрядов служи-

лых людей, направленных с Вятки, царь поставил брата своего любимца Д.Ф.Адашева, которому было приказано «прийти в Каму и стояти по Каме и по Вятке реке и искати над ызменники» [ПСРЛ, 13, с.321; ПСРЛ, 29, с.216]. По Волге навстречу Д.Ф.Адашеву были направлены отряды казаков. Эта карательная акция принесла для царского правительства и местных властей в Казанском крае положительные результаты. Адашев, которому предназначалась основная роль в военных действиях, соединился с вятскими служилыми людьми, занял основные опорные пункты на Вятке, Каме и Волге и не давал возможности маневрировать силам восставших. В результате была снята осада с основных волжских крепостей, а местные отряды и ногаи потерпели ряд поражений [ПСРЛ, 13, с.231].

Весной, как обычно, в мае, царь рассмотрел вопрос о назначении воевод в Казанский край на следующий год. Характерно усиление административной и военной воеводской власти. Если в октябре 1552 г. в Казань было определено 6 высших должностных лиц, то в мае 1553 г. послано уже 9, причем все должностные лица были заменены новыми. Характерно, что если в октябре 1552 г. были оставлены воеводы просто для «годования», то в мае 1553 г. обязанности воевод были четко разграничены: четверо воевод определены быть «на выласке», двое – «в городничих», двое – «в городе» и один был дьяк [РК 1475–1598, с.138, 139; РК 1550–1636, с.24, 25]. Такая же картина наблюдалась в Свияжске, где сменилось уже три состава воевод (первая – в 1551 г., вторая – в 1552, третья – в 1553 г.). В первой смене было 9 воевод, во второй – только 5 [РК 1550–1636, с.12, 15]. В 1553 г. в Свияжск было назначено уже 7 воевод, причем так же, как в Казани, все прежние (кроме одного – П.И.Шуйского) были заменены на новые лица [РК 1475–1598, с.139–140; РК 1550–1636, с.25–26]. Вновь назначенные воеводы должны были прибыть в Казанский край во главе двух больших армий, одной из которых командовал Ю.М.Булгаков, определенный главным воеводой в Казань, командующий другой – назначенный товарищем главного воеводы в Свияжск И.М.Троекуров (главный воевода Свияжска

П.И.Шуйский был оставлен воеводой на второй срок и должен был встречать армии в Свияжске). Командиры всех полков должны были «годовать» в Казани или в Свияжске, т.е. при самом формировании армии она предусматривалась как постоянно действующая в течение года военная карательная сила в крае.

В ходе борьбы с восставшими произошли новые изменения в расстановке сил. Правительство поняло большую уязвимость Казани (она была расположена в самом центре вооруженного восстания), и потому, по-видимому, вскоре казанская крепость была еще более усилена (из Свияжска были переброшены два полка: И.М.Троекурова и В.С.Мезецкого). Кроме того, в Казань был направлен опытный политический деятель, хорошо знакомый с обстановкой в крае и особенностями его управления – П.И.Шуйский, который до этого был определен свияжским воеводой. Но и этого показалось мало. В августе 1553 г. царь направляет в Казань С.И.Микулинского, тоже хорошо знакомого с положением дел в крае [РК 1475–1598, с.141].

Однако обстановка в Казанском крае накалялась, посланных военных сил оказалось недостаточно. В конце лета (август – сентябрь 1553 г.) началось формирование еще одной армии для борьбы против «арьских изменников». Эта армия двинулась в поход в декабре 1553 г. [РК 1475–1598, с.141].

Особенно тяжелая обстановка в конце 1553 г. сложилась около Казани. В связи с этим, кроме перевода П.И.Шуйского из Свияжска в Казань, который был осуществлен летом 1553 г., в декабре царь направляет из Свияжска полк Ю.И.Кашина «на луговую сторону и на арские места воевать». Таким образом, из семи назначенных в Свияжск воевод к декабрю там осталось не более трех – остальные находились в районе боевых действий около Казани. Понимая сложность обстановки, царь укрепляет армию и верными русскому трону служивыми татарами: «с городецкими князи и мурзы и со всеми мещерскими людьми» направляется князь Ф.И.Татев, а «с служивыми татары» – Ф.В.Вокшерин [РК 1475–1598, с.143–144].

Одновременно царь пытался разорвать союз восставших казанских людей с но-

гайскими и разгромить Астраханское ханство. С этой целью в начале 1554 г. для похода к Астрахани стала готовиться армия, в составе которой находился претендент на астраханский престол, ставленник России, Дербыш-Али. Эта армия должна была выступить в поход, «как лед вскроется». Еще до выхода армии, в марте, «в нагаи Исмаилно-мурзе и ко всем мурзам» [ПСРЛ, 13, с.234–235; ПСРЛ, 29, с.224–225] Иван IV направил своих послов для мирных переговоров (подробнее см.: [Зайцев, 2004, с.147–154]). Летом 1554 г. временный успех сопутствовал царским войскам и в Астрахани, где им удалось захватить город и посадить на престол Дербыш-Али [Зайцев, 2004, с.150–154].

Обстановка требовала кардинальных мер. Против казанских людей было собрано огромное войско «больше тридцати тысяч» воинов, во главе его стояли, по словам участника этого похода князя А.М.Курбского, «немало стратегов, светлых, храбрых и родовитых мужей» [ПЛДР, 1986, с.272–273]. По сути, это было второе завоевание Казанского ханства. Во главе войска, выступившего 6 декабря 1553 г. из Нижнего Новгорода, стояли лучшие полководцы того времени. Большой полк возглавлял С.И.Микулинский-Пуныков и П.В.Морозов. В Свияжске к ним присоединился Ю.И.Кашин. В передовой полк был назначен И.В.Шереметев – Большой и окольный Л.А.Салтыков. В Казани к ним присоединился Ф.И.Умной-Колычев. Строжевой полк вели А.М.Курбский и М.И.Вороной-Волынский, к которым в Казани присоединился Д.М.Плещеев [РК 1475–1605, т.1, с.461–462]. Из Казани войска выступили после небольшого отдыха тремя корпусами: на Высокую Гору, на Арск и далее на Вятку, на Луговую сторону и на Предволжье – «побережную сторону», т.е. туда, где, по словам А.М.Курбского, «казанские князья с басурманским воинством и другими язычниками вели поготовку к войне» [ПЛДР, 1986, с.272–273]. Продвижению войск способствовала малоснежная зима, открывшая лесные дороги. Восставшие, число которых князь Курбский оценивал в пятнадцать тысяч человек, хотя и уступали в численности и вооружении лучшим русским полкам, но

оказывали яростное сопротивление. Сам А.М.Курбский писал позднее, что «они вступали в сражения с нами и нашими передними полками, так что сражались мы, как я помню, чуть не двадцать раз» [ПЛДР, 1986, с.272–273]. Героическое сопротивление не могло остановить наступление: «и хоть было им удобно как знакомым со своей землей, а особенно упорно сражались те, кто приходил из лесов, везде с помощью божьей бывали они разбиты от христиан» [там же]. В ходе десятидневного похода царские войска заняли все укрепленные места, включая Арск. Наступление карателей вынудило население бежать, оставив даже укрепленные городки. Так, крепость на Меше была оставлена, немногие жители, которых застало царское войско, были уничтожены, а укрепления сожжены – «и город на Меше сожгли и людей в нем, немногих застав, побили, а иные из него выбежали; и окрестные тут села все повыжгли и людей повыбили, и город до основания разорили» [ПСРЛ, 13, с.239].

Военные действия зимой 1553/54 г. происходили на значительной территории края. Они захватили всю область между реками Илеть и Ашит на западе и Вяткой и Камой на востоке и юго-востоке. По словам того князя Курбского, «преследовали мы их целый месяц, а передние полки наши гонялись за ними даже за Уржум и за реку Мет, за большие леса, а там даже до башкир, которые растянулись по реке Каме вверх по направлению к Сибири» [ПЛДР, 1986, с.272–275]. Иными словами, военные действия распространились на район Уржума и подошли к Вятскому краю. Только «вверх по Волге, по Кокшагам и по Руткам» было спокойно. Совместные концентрированные усилия привели к временному успеху. Князь Курбский писал, что «тогда перебили мы больше десяти тысяч мусульманских воинов с их атаманами, тогда и знаменитых христианских кровопийц, Янчуру Измайльятнина и Алеку Черемисина, и других князей их немало мы побили» [ПЛДР, 1986, с.274–275]. Автор «Царственной книги» также говорит, что «...во многих местех Казанские люди, и имали четных людей 6 человек, а в полон взяли робят и женок Татарского полону 15 000» [ПСРЛ, 13, с.239]. Все

Заказанье и Предволжье были разорены, а сопротивление подавлено. Невозможность сопротивления и желание сохранить жизни мирного населения вынудили часть руководства повстанцев пойти на мирные переговоры: «и пришли в воеводам Усеин-Сеит да Таокмыш-Шихъязда да Сарый-Богатырь и за всю Арьскую сторону и Побережную добили челом, что им государю дань давати и от Казани неотступным быти и до своего живота; и на том въеводам правду дали» [ПСРЛ, т.13, с.239]. Центр восстановления ханства в Заказанье был уничтожен, а его движущая сила – служилые татары – были в значительной мере или выведены из родного края и испомещены в различных российских землях, или покорились новой власти. Тем самым организованное в Заказанье сопротивление практически прекратилось. Недаром князь Курбский отмечал, что «с тех пор стала Казанская земля смиряться и покоряться нашему царю» [ПЛДР, 1986, с.274–275].

25 марта некоторые отряды вернулись в Москву «со пресветлою победою и со многжайшими корыстями» [ПЛДР, 1986, с.274–275]. Успех этого военного похода был несомненным, но окончательной победы он не принес. Край в целом оставался непокоренным. Итоги его стали очевидными и самому царю, который считал, что воеводы превысили свои полномочия. Трудно подозревать царя и его окружение в излишнем человеколюбии. Но и им было очевидно, что чрезмерная жестокость будет только вызывать новое сопротивление и непримиримость.

Так и случилось. С осени 1554 г. начинается новый этап повстанческого движения. Характерной приметой его было еще более широкое распространение восстания, в район которого оказалась включенной «черемисская луговая сторона» (Предказанье) с бассейнами рек Ветлуги и Рутки, ранее не воевавшая с царскими войсками. Для царского правительства становилось уже привычным к осени формировать большую армию для похода «на луговых людей». В 1554 г. во главе армии был поставлен князь И.Ф.Мстиславский. К военным действиям в Казанском крае были также привлечены городские «князи и мурзы и з казаки» (во главе – Ф.В.Сысеев и А.Сеит-мурза), каси-

мовские «царевы шигалеевы люди» (во главе – князь Арай), «темниковские люди» (во главе – князь Е.Тенишев), служилые татары (во главе – Т.Ф.Игнатъев), и одновременно был объявлен сбор ратных людей в Великом Устюге, Соли Вычегодской, Вятке, Перми [РК 1550–1636, с.39–40].

Эта громадная армия действовала в Казанском крае в течение всей зимы 1554/55 г., видимо, с переменным успехом, ибо источники не сообщают о крупных поражениях, подобных гибели двух царских отрядов в 1553 г., но не упоминают и о победах царской армии. Должно только отметить, что характер армии, расстановка военных сил, стратегические и тактические рисунки движения так, как они известны из разрядных книг и летописей, не позволяют относиться к действиям этой армии как к локальному событию, – по всем признакам эта была настоящая военная операция против восставших «казанских людей».

В ходе этой кампании особенно четко прослеживается все более укореняющаяся практика царского правительства бороться против «казанских людей» силами казанских же людей. В августе 1554 г. воевода М.В.Глинский писал царю, что «на луговых изменников» посылали из Казани «всех арских и побережных людей и с Нагорною» (т.е. всех перешедших на сторону России служилых татар из Арской, Побережной и Нагорной сторон. – *И.Е., И.И.*). Во главе этих сил были поставлены видные представители аристократии бывшего Казанского ханства князь Кебеняк и мурза Кулай. Но, несмотря на то, что Кулай ранее уже доказывал свою верность российскому царю, на этот раз опыт не удался: «казанцы солгали, царю государю изменили», они не только «на изменников не пошли», но соединились с ними и «тех арских людей черных, которые государю прямы были, побии многих» [ПСРЛ, 13, с.245; ПСРЛ, 20, с.552].

Несмотря на неудачу августовской кампании, казанские воеводы последовательно проводили генеральную линию правительственной политики в только что присоединенном крае – править с помощью перешедших на сторону царя метных служилых людей. В октябре 1554 г. М.В.Глинский сообщил в Москву, что воеводы снова

посылали «на изменников – на Кобе-улана с товарищи» казанских князей Еналея Чигасова и Еналея Моматова. Вместе с отрядами стрельцов под командованием сотника А.Бортенева, казанских жильцов (служилых русских людей казанского гарнизона) и новокрещенов (из числа крестившихся нерусских людей) под командованием И.Мохнева они «побии изменников наголову и живых поймали». Таким образом, на этот раз предприятию царских воевод сопутствовал определенный успех.

Отряды казанских воевод при участии местных феодальных сил, перешедших на сторону царя, сумели пленить руководителей повстанцев князя Курман-Алия, князя Кебенка (по-видимому, имеется в виду перешедший двумя месяцами ранее на сторону повстанцев князь Кебеняк), мурзу Кулая Данина (Кулай-мурза?), мурзу Чебака Базтаргаева и «иных многих князей и мурз и казаков и сотных князей». Все плененные были казнены («и воеводы их велели всех побити»). Причем воеводы отмечали, что многих татар, которые «не прямили государю», арские и побережные люди «перемали сами» и «сами побивали», а многих приводили к воеводам и «сами резали их и побивали перед воеводами». Всего осенью 1554 г. в ходе боев было уничтожено 1560 «именных (именитых. – *И.Е., И.И.*) людей, князя да кирзу, да сотного князя, да лутчего казака» (т.е. из числа князей, мурз, сотских и верхов служилого сословия. – *И.Е., И.И.*) [ПСРЛ, 13, с.247; ПСРЛ, 29, с.233]. Этот перечень показывает, что основной движущей силой вооруженного выступления было служилое сословие. Податное население просто не могло вести сколько-нибудь регулярную вооруженную борьбу.

Одновременно с ослаблением базы восстановления в Заказанье усилилось движение в Луговой стороне. Здесь, видимо, еще сохранились остатки военно-территориальной структуры, функционировавшей в период Казанского ханства, а удаленность от центра страны поставила их в определенный вакуум власти. Поэтому во главе сопротивления русской экспансии стали представители военно-служилого сословия: «а луговые сотники Мамич-Бердей с товарищи в город не пошли (т.е. повинную не

принесли. – *И.Е., И.И.*) и воруют по-старому» [ПСРЛ, 13, с.247; ПСРЛ, 29, с.233]. Судя по имени, «луговой сотный князь» Мамич-Берды был аталыком и, возможно, знатным татарским аристократом. По словам князя Курбского, Луговая сторона была способна собрать войско в двадцать тысяч воинов [ПЛДР, 1986, с.280–281]. Даже если это преувеличение, но силы луговых сотников были довольно значительными, чтобы контролировать все Приказанье. Отряды Мамич-Берды напали на волжские и камские суда и продолжали держать в напряжении Казань и Свияжск [ПСРЛ, 13, с.245; ПСРЛ, 20, с.552]. В результате территория, охваченная вооруженной борьбой, не сокращалась, а, напротив, все более расширялась. К осени 1554 г. повстанцы действовали уже около стен Казани.

Царское правительство упорно продолжало вносить рознь в ряды восставших, разжигать между ними ненависть, натравливать одних на других, привлекать к борьбе против восставших верхи местного нерусского населения. Осенью 1554 г. Иван IV направил в Казань послание «со своим жалованием з золотыми и тем татаром, которые прямо служат государю» [ПСРЛ, 13, с.247; ПСРЛ, 29, с.233]. В результате царскому правительству удалось восстановить одну часть казанских феодалов против другой.

1 марта 1555 г. казанский воевода М.В.Глинский сообщал царю, что «луговые люди приходили на Арскую сторону войною; и арьские люди, остроги поделав, от них отбилися, а с ними в острогах были стрельцы..., из пищалей побивали многих луговых; а луговые воевали села татарские и пошли (т.е. вернулись. – *И.Е., И.И.*) на Луговую». В том же месяце свияжский воевода М.И.Воротынский доносил, что он посылал «горних людей» с Ф.Баскаковым «в головах» против восставших Луговой стороны: «а горних ходило семсот человек на ргах (лыжах. – *И.Е., И.И.*); и пришли безвестно (т.е. неожиданно. – *И.Е., И.И.*), повоевав, людей побили и в полон поймали и животину побили и пришли (вернулись. – *И.Е., И.И.*)... здорово» [ПСРЛ, 13, с.246; ПСРЛ, 29, с.233].

Следовательно, несмотря на широкий размах восстания, единства в рядах повстанцев не было. Кроме того, нельзя не

учитывать классовых различий среди восставших. Ведущую роль в движении против Москвы составляли князья и мурзы, которые не нашли последовательной поддержки со стороны народных масс. Во всяком случае, источники свидетельствуют, что некоторая часть «арьских людей черных», т.е. феодально-зависимого населения, несшего феодальные повинности и платящего налоги, «прямят» царю Ивану IV, не объединяются с татарскими феодалами в самый разгар вооруженной борьбы. И такие факты не были единичными: они отмечаются и «на Каме», и около Казани. Тем самым, часть служилых татар, видя неудачи вооруженной борьбы, стала переходить на сторону царского правительства, подрывая военную базу восстания.

К весне 1555 г. в Москву все чаще стали приходиться победные реляции царских воевод. В середине апреля командующий армией князь И.Ф.Мстиславский доносил царю о своих победах в Казанском крае. Он сообщал о том, что «во всех волостех от воевод война была и многих людей поймали и побили» [ПСРЛ, 13, с.246; ПСРЛ, 20, с.552; ПСРЛ, 29, с.232].

Борьба за политическое будущее Среднего Поволжья затронула весь юго-восток Восточной Европы, прежде всего низовья Волги и Крым. Как уже отмечалось, в 1554 г. (вероятно, летом) царские войска захватили Астрахань и попытались укрепиться в ней. Но это был временный успех. Уже осенью русский ставленник на астраханском престоле Дербьш-Али изменил России и вместе с ногайскими феодалами разгромил находившийся в Астрахани отряд Л.Мансурова, последний с трудом сумел бежать «на плотке» всего с семью людьми из целого отряда. Той же зимой 1554/55 г. к Астрахани была направлена «многая рать». Город снова перешел в руки русских воевод, которые укрепили земляную крепость [Зайцев, 2004, с.158–168]. Весной 1555 г. царское правительство еще более расширило военные действия против соперников России на Средней Волге – был организован поход «на крымские улусы». Но, несмотря на такие активные и широкие действия, говорить о нормализации обстановки в Казанском крае было нельзя. После целого года дей-

ствия посланной сюда царской армии успехи ее были в целом незначительными.

В сентябре 1555 г. царь направляет на Среднюю Волгу новые контингенты войск под командованием князей А.М.Курбского и Ф.И.Троекурова. Для усиления этих войск воеводы Казани и Свияжска Ф.И.Бутурлин и С.И.Гагарин должны были направить служилых людей в гарнизоны стрельцов и казаков [РК 1550–1636, с.49]. Но, несмотря на такое большое внимание царского правительства к усмирению края, несмотря на большие контингенты войск, которые постоянно находились в крае вот уже третий год, несмотря на лучшие полководческие силы, направляемые сюда, значительных успехов правительственным войскам добиться пока не удавалось. К весне 1556 г. князь П.И.Шуйский доносил царю, что «арские люди и побережные государю изменили и стрельцов побили» [ПСРЛ, 13, с.265; ПСРЛ, 29, с.244]. Таким образом, снова бушевало восстание. Одним из его руководителей в этот период стал Мамич-Берды. К этому времени из Ногайской орды на помощь восставшим людям Арской и Побережной сторон пришел небольшой ногайский отряд и стал действовать на Луговой стороне [ПСРЛ, 13, с.255–256; ПСРЛ, 29, с.244].

Самым же главным событием этой осени стало не только призвание ногайского отряда, но и формальное призвание на ханский трон нового султана – «царевича Ахполбея». Личность его и его роль в событиях Казанской войны довольно туманны, поскольку источники чрезвычайно отрывочны и противоречивы (см.: [Худяков, 1990, с.155–158; Димитриев, 1999, с.117–119; Трепавлов, 2001, с.258–260; Трепавлов, 2004, с.177–199; Бахтин, 2012, с.368–370]). Но как бы то ни было, восстание перешло на новый уровень, поскольку была сделана попытка создать новый центр власти и привлечь на свою сторону ногаев и крымского хана, т.е. сделать конфликт международным. Но эта попытка не удалась. Сам Мамич-Берды говорил, что «взял был из Нагай царя, и царь им не учинил некоторые помочи, и он царя убил и всех Нагай побил, да сложася с арскими людьми, а сам пошел на Горную сторону тех отводить от царя и великого князя» [ПСРЛ, 13, с.269–270; ПСРЛ,

20, с.571–572]. По словам А.М.Курбского, Мамич-Берды, перед тем как велел отрубить голову «царевичу Ахполбею» и водрузить ее на кол, сказал: «Взяли мы тебя с двором твоим на царство, чтобы защитил ты нас; ты же со своими больше быков и коров поел, чем пользы принес. Так пусть теперь на высоком колу царствует твоя голова!» [ПЛДР, 1986, с.280–281]. Очевидно, что за этой казнью стоят какая-то интрига и противоречия между различными лидерами восставших Луговой стороны. Как вспоминал А.М.Курбский: «Избрали они потом себе атаманов из своих и с ними упорно сражались да воевали года два, а после то снова примирятся, то снова войну начнут» [там же]. Кажется, что на этом этапе восстание не только локализовалось, но и превратилось в некую военную вольницу, живущую войной.

Правительство в свою очередь сделало попытку локализовать район восстания и остановить вмешательство в его развитие со стороны Ногайской орды и Крымского ханства. Видимо, с этой целью в низовья Волги в марте 1556 г. были направлены стрелецкие и казацкие отряды под руководством И.Черемисинова и М.Колупаева. Одновременно в рейд по Волге «для Исмаиля и Астороханского дела» отправились 500 казаков во главе с атаманом Л.Филимоновым.

Центром восстания продолжало оставаться Заказанье – Арская сторона. Но этот регион был обескровлен. Руководство повстанцев на протяжении всего восстания старалось включить в район активного движения Горную сторону. В 1556 г. восставшие в количестве около двух тысяч человек под командованием Мамич-Берды начали активные военные действия против горных людей, верных российскому царю. Тогда «горные люди Алтышь сотник с товарищы» применили военную хитрость. Они пригласили Мамич-Берды для переговоров о форме, якобы, совместных действий против правительственных войск, но во время пира «побили» его отряд, а его самого «изымав, к государю привели» (т.е. арестовали и выдали царским воеводам. – *И.Е., И.И.*). За это «государь горных людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил» [ПСРЛ, 13, с.269–270; ПСРЛ, 20, с.571–572].

После пленения Мамич-Берды царские войска стали добиваться заметных успехов. В апреле казанский воевода П.И.Шуйский сообщал об успешных действиях царских отрядов. Через месяц, в мае, был предпринят поход на Арское. На Меше произошел решающий бой, в котором царские войска встретились с основными силами повстанцев, во главе которых находится «Девлякмырза» («Кулай-мурзин брат»). Исход боя был не в пользу повстанцев: «Девлюка съ всеми товарищи побили и самого жива помимали и многих его товарищов переимали». После этой победы воевода П.В.Морозов в течение 10 дней проводил карательные операции против восставших: «Все арские места повоевал и побил многих людей и полноном вывел безчислено много» [ПСРЛ, 13, с.269; ПСРЛ, 20, с.571–572].

В следующие месяцы подобные операции продолжались. В июне тот же воевода П.В.Морозов вместе с Ф.И.Салтыковым возглавил отряды, в составе которых были «дети боярские ис Казани и с Свияжского города обои – и переменные, и старые, и годовалщыки, и татарове, и новокрещены, и казаки, и стрельцы». Эти объединенные царские силы совершили опустошительный поход «за Арское, за Ошит, за Уржум и к Вятке». Немного не дойдя до Вятки, они «воевали безчисленно много и полон имали, женькы да робята, а мужиков всех побивали» [ПСРЛ, 13, с.270; ПСРЛ, 20, с.572; ПСРЛ, 29, с.247].

Это было апофеозом действия царских войск. Казанский воевода направил в разные стороны остававшиеся в Казани силы, которые «въ многих местех воевали и побивали, и Арскую сторону и Побережную до конца в нуже учинили». После того как основные очаги восстания были разгромлены и все активные участники движения почти поголовно перебиты (указания на то, что «мужиков всех побивали», встречаются очень часто), «достальные все прешли в Казань и били челом за свои вины» (т.е. изъявляли покорность. – *И.Е., И.И.*) [ПСРЛ, 13, с.270; ПСРЛ, 20, с.572; ПСРЛ, 29, с.247].

Хотя восстание еще не прекратилось, но уже прошло свою кульминационную точку. По мере того, как от него отходит служилое сословие, оно затухает. Отдельные

вспышки продолжались, а иногда даже распространялись далеко за пределами края. Весной 1557 г. из Казанского края идут еще тревожные сведения об отдельных волнениях. Сохранились данные о сообщениях («отписках») из Казани, Свияжска и Чебоксар о новой вспышке восстания в Луговой стороне: «приходили луговые на арские места и на Горнюю сторону въ многие места». Но силы уже были неравны. Царские войска, по-видимому, без особого труда «их побили наголову» и «ежеден» совершали походы «на Луговую воевати и везде... воюют и здорово приходят во всю зиму и весну». В плен к царским войскам попал один из остававшихся предводителей восстания – «Ахметек-богатырь» (в других местах – «Ихметек». – *И.Е., И.И.*) [ПСРЛ, 13, с.282; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.255].

К маю 1557 г. сообщения о восстании полностью прекращаются. Все охваченные в предшествующие годы движением области приносят повинную. При этом участники восстания из черных людей обращались с просьбой, «чтоб государь ясак велел имати, как прежние цари имали», т.е. на тех условиях, которые Иван IV установил в октябре 1552 г. [ПСРЛ, 13, с.282; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.255–256]. Царь соглашается; горным людям, как уже отмечалось, за их сотрудничество с местной администрацией и царскими войсками царь «полегчил», т.е. дал льготы в ясаках.

Начинаются приезды делегаций от верхов казанского общества. Некоторые татарские князья (Казимир, Кака, Янтимир и др.) даже приезжали к самому царю, который их жаловал: «Вин им отдал и грамоту жалованную дал, как им государю вперед служити» [ПСРЛ, 13, с.282; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.256].

Но подавляющее большинство служилых татар в ходе борьбы 1552–1557 гг. было физически уничтожено, а некоторая часть, по-видимому высшая аристократия, эмигрировала в Крым. Во всяком случае, кроме многочисленных упоминаний о полном «побитии», источники указывают: «Казанские люди лутчие, их князи и мурзы, и казаки, которые лихо делали, все извелися» [ПСРЛ, 13, с.282; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.256]. Н.М.Карамзин, подробно рассмотревший

ход восстания, подчеркивал, что при его подавлении царские воеводы безжалостно расправлялись с восставшими, особенно с их руководителями – «именитыми людьми». Об этом говорят действия воевод – князей И.Ф.Мстиславского и М.В.Глинского в 1554 г., когда они «захватили 1600 именитых людей, князей, мурз, чиновников татарских и всех умертвили» [Карамзин, кн.2, т.8, стлб.134]. Подводя итоги войны, Карамзин сделал вывод: «вожди их (восставших. – *И.Е., И.И.*) погибли все без исключения» [там же, стлб.135].

По мере угасания восстания местная администрация получала возможность проводить мероприятия по укреплению правительственного аппарата. Прежде всего, нужно было создать прочную военную опору в крае, обезопасить его от возможности повторения событий, подобных восстанию пятидесятых годов. Стоило несколько утихнуть восстанию, как казанский воевода П.И.Шуйский в апреле 1557 г. поставил «на Каме в Лаишеве город» и организовал в нем гарнизон из стрельцов и новокрещенов.

Еще в ходе войны, в 1555 г., была поставлена крепость Чебоксар. Она имела большое стратегическое значение как второй после Свияжска опорный пункт на путях от Нижнего Новгорода в Казань. О строительстве этой крепости было решено в ходе казанского восстания (а, может быть, и ранее – во время обратного похода Ивана IV из Казани осенью 1552 г.). Во всяком случае, при отправлении архиепископа Гурия в мае 1555 г. в царском приговоре о пути его движения и действиях в это время сказано: дойди «до нового места Чебоксар, иде же благоволит бог граду быти на Чебоксар», устроить «стан дневной» (т. е. остановиться на день. – *И.Е., И.И.*) и посоветоваться с воеводами, «где быти святой соборной церкви Введению Пречистой, и на том месте поставити полотняная церковь и назнаменати [наметить] место, где граду [крепости] быти» [ААЭ, т.1, с.258].

Укрепляется и сама казанская крепость. Успешный штурм ее войсками Ивана IV показал, что эта крепость не может считаться неуязвимой для оружия середины XVI в. Поэтому сразу же после завоевания Казани стал возводиться новый кремль. Но рабо-

ты, по-видимому, шли очень медленно: не хватало мастеров, рабочих рук, материалов. Поэтому в следующие годы, в самый разгар борьбы с восставшими людьми Луговой стороны, предпринимаются попытки ускорить строительство каменной крепости.

15 декабря 1555 г. новгородским дьяком Ф.Еремееву и К.Дубровскому направляется указ, в котором говорится, что царь «велел есми псковскому дьяку Шершню Билибину да старостам псковским Богдану Ковырину да Семену Мизинову, да с ними церковному и городовому мастеру Поснику Яковлеву, да каменщиком псковским Ивашку Ширию с товарищи к весне в Казани новый город Казань камен делати». Для этого приказано было составить смету о цене железа и найме рабочих, а также «прибрати двесте человек псковских каменщиков, стенщиков да ломцев, сколько будет человек пригоже» [ДАИ, т.1, с.136]. Крепостные стены казанского кремля строились несколько лет. В середине 60-х гг., во время писцового описания, они еще не были достроены: часть стен была уже каменная, но некоторая часть еще продолжала оставаться дубовой. При строительстве новых стен территория Кремля была увеличена.

Несмотря на то, что первые годы после вхождения Казанского края в состав России были связаны с вооруженной борьбой части служилых татар бывшего ханства, местным управлением были предприняты усилия организовать нормальное экономическое функционирование разоренного края. Некоторые шаги нам известны. Казанский воевода, например, построив г. Лаишев, «новокрещеном велел тут пашню пахати»; то же самое он сделал около Казани, разделив земли казанского хана и высшей аристократии на русского царя, казанского архиепископа, казанского наместника (и воевод), архимандрита и дворян: «У города у Казани и по пустым селом всем велел пашни пахати русским людем н новокрещеном» [ПСРЛ, 13, с.283; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.256].

Одновременно проводятся и первые хозяйственно-организационные мероприятия. П.И.Шуйский распределил села, принадлежавшие ранее казанским ханам и верхушке феодалов – князьям, между царским (дворцовым) владением, наместничьим (вое-

водским), церковным и поместным: «и пахати учили на государя и на всех русские люди и на новокрещены и на чювашу» [ПСРЛ, 13, с.283; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.256].

Прекращение вооруженной борьбы в Казанском крае весной 1557 г. позволило правительству уделить больше внимания продолжающейся борьбе на Нижней Волге. Царское правительство стремилось в неустойчивой еще политической обстановке 50-х гг. не допустить проявления недовольства ногайских феодалов и не спровоцировать их на восстание, подавить которое на столь далекой окраине России было бы трудно. Между тем, на Волге действовали многочисленные отряды «вольных» донских казаков. В мае в низовья Волги был направлен правительственный отряд казаков атамана Л.Филимонова с целью «беречь, чтоб казаки не воровали и на нагайские улусы не приходили». Но Филимонов был убит, а казаки Филимонова объединились с «вольными» казаками, действовавшими на Волге. «Разбои» продолжались. Была разграблена «государева казна», которая предназначалась для Астрахани, а сопровождающий ее стрелецкий отряд Е.Ржевского разбит. Тогда царь направил из Казани А.Ершова, Б.П.Губина и казанского стрелецкого голову Д.Хохлова «з детьми боярскими и з стрелцы и с казаки, а велел тех воров с Волги згнати, а кого изымают, тех побити» [ПСРЛ, 13, с.283; ПСРЛ, 20, с.583; ПСРЛ, 29, с.256]. Таким образом, сразу же начали приниматься меры для защиты новой окраины России от действий казаческих отрядов Дона и Волги. Вместе с тем цель посылки отрядов Ершова, Губина и Хохлова из Казани говорит о том, что это было сделано в виде крайней необходимости, а вовсе не потому, что эти военные отряды были не нужны в Казани, хотя нельзя не признать, что без прекращения восстания в Казанском крае посылка отрядов из Казани была бы невозможна.

Таким образом, включение Среднего Поволжья (точнее – центральных районов бывшего Казанского ханства) в состав России нельзя рассматривать как факт, относящийся только к 1552 г., к походу Ивана Грозного на Казань. Это было только началом, удачным для Москвы, но началом. После этого царскому правительству предстояло выдер-

жать четыре с половиной года тяжелейшей борьбы со значительной частью населения Казанского края, возглавляемого местными феодалами. Именно в условиях этой борьбы в Среднем Поволжье складывались структура и формы местного управления.

Например, к весне 1554 г. относится мероприятие правительства по дальнейшему формированию системы управленческих органов в Казанском крае. Учитывая сложность политической обстановки и особенности окраинного края в основном с нерусским населением, правительство решило создать оригинальную и еще не применяемую повсеместно систему воеводского управления с выделением из числа воевод «больших» и «меньших», с разделением воевод на городовые (осадные) и полевые (так называемые воеводы «на вылазке»), с отсутствием соподчиненности воевод разных городов в организационном отношении друг другу, с волной отмены местничества не только в период военных действий, но и в мирное время. Указ по этому комплексу вопросов был издан в апреле 1554 г. [РК 1475–1598, с.145]. Этот указ не закончил еще оформления принципов структуры местной власти, но явился одним из важнейших элементов ее формирования.

Очень крупным мероприятием административного характера было образование в 1555 г. Казанской епархии во главе с архиепископом, который должен был стать высшим церковным представителем в крае и взять на себя функцию идеологического «воспитания» населения в нужном для царизма духе.

Поражение вооруженного сопротивления российской власти показало, что без единого центра, несмотря на героизм и самопожертвование восставших, оно не имело шансов на успех. Постепенное уничтожение движущей силы восстания – татарского военно-служилого сословия и привлечение оставшихся в живых на сторону Москвы – привели к подавлению сопротивления в Заказанье и Предкамье. Дольше всего сопротивление продолжалось на окраине ханства, на Луговой стороне, где сохранялись традиции казанского управления и где население сохраняло традиции воинского ополчения, когда народ в значительной степени являл-

ся воинским сословием. Попытки царского правительства унифицировать их и низвести к тягловому сословию вызвали недовольство и постоянное вооруженное противостояние. Причиной поражения восставших стала гибкая политика царского правительства, использовавшего военное подавление с системой привлечения на свою сторону служилых татар. Лояльным служилым людям Арской и Луговой сторон правительство обещало снижение налогового бремени и даже освобождение от него на определенное время.

§3. Черемисские войны 70–90-х гг. XVI в.

Александр Бахтин

Антимосковские вооруженные выступления народов Среднего Поволжья второй половины XVI в. часто называют Черемисскими войнами, поскольку в них наибольшую активность приняли черемисы, под которыми в первую очередь подразумеваются марийцы. Впервые термин «черемисская война» встречается в обыском списке 1555/56 г. вятского наместника Семена Сукина. Дема и Патрикей Челищевы заявили воеводе, что их семья еще в 1511 г. получила южнее Котельнича на оброк речки и «как деи те речки на оброк взяли Сидорко с товарищи, и в тех реках они рыбы на оброк не лавливали для казанские черемисы войны и оброку не плачивали» (цит. по: [Каштанов, 1970а, с.184]). Впоследствии термин часто встречается в источниках [Каштанов, 1970б, с.479–480; Анпилогов, 1977, с.103, 191, 200, 208; Верещагин, 1906, с.14; Кибардин, 1912, с.32].

После присоединения Казанского ханства и подавления восстания 1552–1557 гг. царская администрация до поры старалась не вмешиваться в жизнь луговых марийцев. Там не было построено городов, и представители администрации появлялись лишь наездами. О слабости царской власти на Луговой стороне свидетельствуют многочисленные факты вооруженных инцидентов. В 1560 г. на Луговой стороне произошло значительное восстание, к которому присоединились и татары. В Москве всерьез опасались нападений «казанских людей» на Казань. Для подавления восстания силами казанского и чебокс-

Неблагоприятно для восставших складывалась и международная обстановка. Ногайская Орда занимала выжидательную позицию, не поддерживая восставших. Крымское ханство пыталось организовать антимосковскую коалицию, но после захвата Астрахани русскими воеводами оказалось втянутым в борьбу за Нижнее Поволжье. Все это оставило население Казанского ханства один на один с военной машиной Московского царства, фактически предопределив его падение и постепенное включение во внутреннюю систему новой империи.

сарского гарнизонов был организован поход трех полков [РК 1475–1605, т.2, ч.1, с.86–87]. Писцовая книга по г. Казани 1565–1568 гг. сообщает о часто возникающей «заворошине» (волнениях) и регулярных нападениях луговых и кокшайских черемис на служилых татар и чуваш, вынужденных укрываться в Казани. На этот случай администрация выделила им покосы возле города [Материалы ТАССР, 1932, с.48, 52]. Продолжались набеги марийских отрядов и на русские территории. Галицкий летописец сообщает о том, что в 1568 г. «приходила пешая черемиса». При отражении набега погиб воевода В.Ф.Чюредов [Кунцевич, 1905, с.603]. Немец опричник Генрих Штаден писал, что «от луговой и нагорной черемисы» частым ограблениям подвергались проплывавшие по Волге суда [Штаден, 1925, с.98].

Черемисские войны 70-90 гг. XVI в. были вызваны целым комплексом причин. Поволжские народы стремились вернуть утраченную независимость и восстановить Казанское ханство. Но если в восстании 1552–1557 гг. эта задача была основной и определяла его освободительный характер, то в последующих выступлениях она постепенно вытесняется антифеодальной мотивацией.

Учитывая сложную политическую обстановку в крае, правительство стремилось действовать взвешенно и гибко. Христианизация, например, проводилась осторожно, без грубых насильственных приемов, пре-

имущественно методами убеждения и предоставления крестившимся экономических льгот и пожалований. В наказной памяти первому казанскому архиепископу Гурию, выданной в 1555 г., рекомендовалось «всякими способами, как возможно, архиепископу татар к себе приучать и приводить их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводить» (курсив наш. – А.Б.) [ААЭ, т.1, с.261]. Эпизодические акции насильственного обращения в христианство могли происходить в отношении пленных во время подавления восстаний. В то же время потенциальная угроза язычеству и исламу сохранялась, мечети разрушались, на их месте строились церкви, развернулась православная миссионерская деятельность.

Фискальная система в Российском государстве была поставлена значительно лучше, чем в Казанском ханстве. Оно располагало центральным ведомством с многочисленным штатом чиновников, занимающихся сбором налогов, и могло проводить регулярные описи хозяйства населения с использованием татарских налоговых книг. Поэтому даже без увеличения норм ясака, только за счет более совершенной фискальной системы и организации сбора, могло произойти увеличение объема собираемых налогов. Однако необходимость уплаты налогов не могла стать основной причиной восстания. После подавления восстания 1552–1557 гг., с целью поднятия хозяйства, налоговые льготы были предоставлены всему ясачному крестьянству Поволжья. Об этом свидетельствует наказ, данный осенью 1565 г. отъезжающему в Польшу русскому послу В.М.Желнинскому, который на вопрос о казанских делах должен был отвечать, что «ясачные люди были на лготе, что были воеваны, а ныне лготы отсидели» [Сб. РИО, т.71, ч.3, с.323]. Факт освобождения населения Среднего Поволжья от налогов был широко известен. Так, в апреле 1571 г. улан Ян-Магмет говорил крымскому хану Девлет-Гирею: «У московского де казанские люди все в воле и пожалованы добре и дани с них никоторые не емлет» [РГАДА, ф.123, кн.14, л.31]. Отдельные группы нерусского крестьянства Поволжья имели налоговые льготы вплоть

до 1570–1575 гг. [СПС 1565–1567, с.67, 69; Karpeleer, 1982, s.102]. Широко практиковалось трехлетнее освобождение от налогов за принятие православия [Документы Удмуртии, 1958, с.353–354]. Даже в середине 70-х гг. нормы ясака оставались на уровне начала века. В жалованной грамоте 1574 г., выданной чувашским и марийским крестьянам, администрации предписывается взимать налоги «по старине» [История Марийского края, 1992, с.48].

В то же время повинности существенно возросли. Особенно это сказывалось на Горной стороне. В крае полным ходом шло строительство городов, к участию в котором привлекалось местное население. Необходимость оперативной связи, нужды обороны и экономики требовали содержания в надлежащем состоянии дорог и мостов. Объем перевозок значительно возрос, поэтому подводная и ямская повинности стали намного обременительнее, чем раньше. Новой для поволжского населения явилась повинность по сооружению и защите засечной черты, начатой возводиться между Тетюшами и Алатырем в конце 60-х гг. [Димитриев, 1988, с.37; Алишев, 1990, с.183].

Оставаясь полуслужилим сословием, поволжские крестьяне вынуждены были нести на себе тяготы многочисленных войн, которые вела Россия. По царскому указу призывались «летом на дальнюю службу с трех дворов по человеку, а зимою з дву дворов по человеку, а на тамошнюю на ближнюю службу против нагай и против...¹ з двора по человеку» [История Марийского края, 1992, с.48]. В ливонских походах участвовало до 20–30 тыс. воинов из нерусского населения [ПСРЛ, 13, с.349, 364; 14, с.309; 20, ч.2, с.593; т.21, с.133; т.29, с.304–305; т.31, с.133–134; Сб. РИО, т.71, ч.3, с.154, 323; РК 1475–1605, т.2, ч.1, с.18, 39, 42–43, 109, 113; ч.3, с.464, 466, 474, 479–480; т.3, ч.1, с.62, 75–76, 83; ч.2, с.159; Ключевский, 1991, с.68–69]. Население Среднего Поволжья стало тяготиться затянувшейся неудачной войной, отвлекавшей мужчин от семей и хозяйства.

¹ В этом месте из-за ветхости документа слово не читается, по смыслу там могло быть написано «крымцев».

Другая причина восстаний была вызвана действиями местной администрации и служилых людей в отношении поволжского населения. На местах гибкая и прагматичная правительственная политика извращалась чиновниками, среди которых имелось немало ставивших личное обогащение выше государственных интересов и рассматривавших Среднее Поволжье не как новую часть России, а как завоеванную враждебную страну. Этому способствовало то, что это был первый присоединенный к России регион с компактным проживанием нерусского населения. Оно в массе своей не знало русского языка, слабо представляло принятые в России порядки, не было знакомо с законодательством. Служилые люди старались обобрать местных крестьян. Злоупотребление властью, вымогательство и взяточничество расцвели в Поволжье до невиданных размеров. В судах и учреждениях брались взятки («посулы и поминки»), сборщики ясака производили дополнительный сбор в свою пользу и для высших должностных лиц. Г.Штаден писал о чиновниках, что «в Казанском и Астраханском приказах или царствах они изрядно набили себе кошину и в окрестных улусах луговой и нагорной черемисы» [Штаден, 1925, с.82]. Побывавший в 1588 г. в России английский путешественник Д.Флетчер пишет, что «царь заботится, чтобы тамошние жители не имели оружия, ни денег и для того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго» [Флетчер, 1905, с.73]. Голландский купец И.Масса, говоря о ногайцах и черемисах, также отмечает, что «московиты порой жестоко притесняли их». Однако несколькими строками ниже он написал о том, что «московиты даровали им значительные привилегии, весьма ими ценимые, и благосостояние их росло» [Масса, 1937, с.29]. Так голландец охарактеризовал политику русского правительства в целом и действия администрации на местах. Доходило до открытого мошенничества. Удмурты, например, «платили подати каждому русскому, приехавшему к ним в сапогах». Из-за чего налоги приходилось уплачивать «по четыре и более раз в год» [Спицын, 1888, с.52; Ле-

генды и предания, 1941, с.91]. Чувашские и татарские предания содержат рассказы о сборе ясака, во время которого у крестьян уводили последних животных, а их самих за недоимки «подвергали телесным наказаниям, били розгами, обливали ледяной водой» [Насыри, 1977, с.42–43; Дмитриев, 1986, с.36–37]. Старались не отстать от русских чиновников в обирании тяглого населения и татарские служилые князья и мурзы. Они захватывали их земли и собирали в свою пользу «украдом» подати. Так, князь Башканда Нарушев противозаконно взимал с марийской волости Нали Кукмор «дорогильные пошлыны» и со свадеб «куняшную пошлыну» [ПК КУ, 1978, с.15; Мухамедьяров, 1958, с.22; Тихомиров, 1962, с.488, 496].

О том, каких масштабов достиг произвол, свидетельствуют царские указы воеводам от XVII в. Это грамоты казанским воеводам за 1613, 1649, 1677, 1686 и 1697 гг.; чебоксарскому за 1613 г.; свияжскому за 1624 г.; царевokokшайскому за 1628 г.; кокшайскому за 1645 г. Сюда же можно присовокупить наказную грамоту, выданную курмышскому воеводе в 1701 г. [Дмитриев, 1982, с.12–19]. Судя по тому, что практически во всех наказах в очень категоричной форме и многократно приказывается не допускать злоупотреблений в отношении нерусского населения, что оно должно было иметь широкое распространение. В грамоте указывается: «во всяких делех татар и чувашу и черемису для своей корысти ни в чем не жесточити, и над толмачи и над приставы смотрети и беречи накрепко, чтоб они в Свияжском городе и уезде ездя для государева дела, татаром и чуваше и черемисе продаж и убытков и насильств и налогов никаких ни в чем не чинили, и кормов своих и конских никаких даром не имали, а покупали б корм свой и конский ценою, чтоб в том татаром и чуваше и черемисе от толмачей и от приставов продаж и убытков напрасных не было». Над детьми боярскими и над приказными людьми предписывалось осуществлять строгий надзор, чтобы они «татаром и чуваше и черемисе в сборе налогов и обид и тесноты никакие не делали». И самому воеводе строжайше указывалось «татаром и чуваше и черемисе обид и продаж и тесноты никакие потому ж

не чинити... и посулов и поминков ни у кого не от чего не имати никоторыми делы. И во дворе у себя руским людем и татаром и черемисе никакова изделья делати не велети... А людем бы напрасныя тягости и налогов и насильства ни от кого ни в чем не было» [там же, с.8–9].

Запреты, содержащиеся в прочих наказах грамотах, дополняют картину распространения произвола. Интересна в этом отношении грамота кокшайскому воеводе А.П.Суровцеву от 1645 г. В ней, кроме запрета на вымогание «поминков и посулов», содержится требование следить за тем, чтобы «приставы б и толмачи и всякие люди на черемису изменных и никаких дел напрасно ниhto ничево не затевал». Речь идет о ложных обвинениях против представителей местного населения с целью завладения их имуществом. Из той же грамоты известно, что служилым людям случалось захватывать марийцев, отвозить их в иные города и там продавать в холопы. Для полноты картины следует сказать, что и сами марийцы промышляли захватом русских людей для последующей продажи или насильно удерживали их в своих селениях. Так, воеводе предписывается следить за тем, чтобы «кокшайская черемиса русских людей нигде не побивали и не бусурманили и из городов не свозили, не продавали, и во дворах бы себе черемиса однолично русских людей не держали». Задолжавших «татар и чувашу, и вотяков и башкирцов, и черемису, и мордву, и их жен, и детей», и их ясачные земли указывалось «в закладные записи, и в кабалы, и иные крепости» не писать. Видимо, это тоже имело место. В грамоте требовалось, «чтоб сверх государевых указных податей в Кокшайском с посадцких и со всяких уездных ясачных людей никаких зборов не было и никому б ничего без государева указу не давали». Добиваясь того, чтобы не было «насильств» над нерусским населением, царь «у государевых и всяких дел велел быть руским людем старостам и целовальникам за крестьяным целованьем добрым и пожиточным, а не вором, и ябедником, и не горланом, и не бражником» [История Марийского края, 1992, с.112–119].

Произвол вызывал недовольство Ивана IV: «вниде в слух благочестивому царю,

что многие грады и волости пусты учинили, и наместники и волостели изо многих лет, презрев страх божий и государевы уставы, много злокозненных дел на них учиниша, и не быша им пастыри и учителя, но сотворишась им гонители и разорители» [ПДРВ, ч.1, с.202]. Иваном Грозным предпринимались неоднократные попытки прекратить произвол. Неуверенный в честности чиновников царь пожаловал поволжскому населению право «бить челом к нам мимо бояр и воевод. И яз, царь и великий князь, выслушав их челобитья, велел им указ свой учинити и от бояр и от воевод оборон велю учинити, хто кого изобидит» [История Марийского края, 1992, с.48–49]. Однако существенных успехов достичь так и не удалось. Произвол представителей русской администрации стал одной из основных причин повстанческого движения. Особенно широкий размах он получил на Горной стороне [Тихомиров, 1962, с.436].

В какой-то мере развитию повстанческого движения способствовала опричная политика Ивана Грозного. По свидетельству А.Шлихтинга, по приказу царя коварным образом были потоплены сотни заподозренных в измене служилых татар [Шлихтинг, 1934, с.74]. Размещение опальной русской знати в Среднем Поволжье утесняло землевладение местного населения [Документы Казанского края, 1990, с.38].

Тяжелое положение населения Среднего Поволжья усугубляли грабежи разбойников, пожары, неурожай, эпидемии и эпизоотии [Димитриев, 1986, с.12–14]. В 1566/67 гг. «прииде на Казанские да на Свияжские да на Чебоксарские места мышь малая с лесов, что тучами великими, и поядоша на поле хлеб всякой и не оставиша ни единого колоса; да и не токмо по полев хлеб поядоша, но и в житницах и закромах хлеб поядоша, людем же и хлеба не дадуше ясти от множества их: отгоняху от себя метлами и убиваху, но и тем их не можаше отгонити, но паче множае пребываху» [ПСРЛ, 13, с.405; 29, с.353]. В писцовой книге по Свияжскому уезду часто упоминаются мордовские, татарские и чувашские выморки [СПС 1565–1567, с.71; Список, 1877, с.62–64 и др.], образовавшиеся как вследствие военных действий, так и стихийных бедствий.

Существенно большее участие, чем ранее в подготовке восстаний в Поволжье, приняли Ногайская Орда, Крымское ханство и стоящая за ним Турция. На восточных границах сибирский хан Кучум готовился к войне и провоцировал на восстание коренное население Приуралья [Преображенский, 1972, с.20]. Активизация политики этих стран в Поволжье произошла под воздействием казанских и астраханских эмигрантов и постоянных обращений оппозиции из народов завоеванных ханств. В Крыму находились казанские князья Спат, Ямгурчей Ази, улан Аль-Махмет (Ахмамет) и другие. Из Астрахани туда бежал мурза Ярлыгаш (Ахлыгаш). Эмигранты имели большое влияние при ханском дворе. Аль-Махмет стал аталыком у царевича Адыл-Гирея [РГАДА, ф.123, кн.11, л.191, 193–193об.]. Они поддерживали связь с оставшимися на родине единомышленниками и строили планы восстановления независимости ханств, подбивали хана и султана к вмешательству в поволжские дела, т.к. понимали, что только своими силами изгнать русских не смогут. Обоснованием служило то, что Казань и Астрахань – это бывшие мусульманские города, а русские, захватив их, разрушили мечети, понастроили церквей, преследуют правоверных и изводят мусульманскую веру [РГАДА, ф.89, кн.2, л.18]. В обмен за помощь в освобождении родины они соглашались признать турецко-крымскую зависимость и посадить на престолы в Казани и Астрахани крымских царевичей [Щербатов, 1789, ч.2, с.124; Карамзин, 1989, кн.3, т.9, с.24, 65]. Эмигранты пугали хана тем, что русский царь хочет покорить Крым: «И ты де ведаешь и сам, что в московских великих князях такова дородна и счастлива не бывало. С тобою де был в недружбе, а сколько царств поимал. Взял де Казань да Асторохань, да немцы. И король де вступился за немцы, и он де у короля взял лутчей город Полотеск. А черкасы де он же силел, а нагаи де ныне служат ему и на войну с ним ходят. А ныне де с тобою сказывает миритца вечным миром, и пишет х тебе, чтоб еси с ним недруга его короля воевал. И только де тебе с ним помиритца и короля выдати, и хоти и не станешь ему на короля пособляти, и короля де не станет от него на один год. И коли де он короля извоует и тебе де он вперед

станет ли такую казну давать. И опричь де тебя кого уж ему будет воевать... И как де он короля извоует и нашему де юрту от него не пробыти. А казанцом де он шубы давал, и вы де тем шубам не радуйтесь, после деи того и Казань взял» [РГАДА, ф.123, кн.11, л.231об.–232об.; кн.13, л.42об.–43].

Крымское ханство и Османскую империю не устраивали успехи России на востоке. Там думали о возрождении татарских ханств в Поволжье в качестве турецко-крымских вассалов и старались любым путем разжечь новое восстание в Поволжье [Jorga, 1910, s.113; Кушева, 1950, с.243–245; Кушева, 1963, с.191–192, 207–211; Бурдей, 1956, с.201–205]. Затянувшаяся неудачная для России Ливонская война внушала надежду на то, что получится изгнать русских из Поволжья. Велась работа по объединению всех антирусских сил на юго-востоке Европы. На ханский престол в Казани Девлет-Гирей предполагал посадить сына Адыл-Гирея и ссылался при этом на волю султана Сулеймана [РГАДА, ф.123, кн.11, л.186об.–187об.]. «Только де Казань дана мне будет и яз на Казани сяду и казанцом де как под нашею рукою не быти крепким. А яз де учиню сотников и десятников, а укреплю де, что будет крепко у меня в грозе», – делился своими планами царевич [РГАДА, ф.123, кн.14, л.31об.].

При этом Девлет-Гирей опасался укрепления турецкого влияния в Поволжье и вел свою политическую игру. Он не был последовательным в оказании помощи поволжскому населению в его борьбе за освобождение. Хан предлагал царю Ивану на выбор или передать ему Казань и Астрахань, или присылать такие же поминки, какие шли хану Магмед-Гирею (1515–1521) [РГАДА, ф.123, кн.11, л.365; Щербатов, 1789, т.5, ч.4, с.52–55]. Князь Сулеш говорил хану, что царь Иван «не токмо де тебе даст Казань, не даст с Казани ни дерева. Будет похощь со царем и великим князем доброго дела и ты дей посылай с тем на чем бы меж вас доброе дело случилось». А русскому послу в Крыму А.Ф.Нагому он говорил о том, что «царь Казань вмешает того для, чтоб ему царь и великий князь дал казну магмет-киреевскую..., а царь де да и мы ведаем и сами, что государь ваш царю Казани не даст»

[РГАДА, ф.123, кн.11, л.180об.–182об.]. Мурза Мустафа говорил послу: «И ведаем де и сами, что государь ваш царь Казани не даст да и карачеи де и уланы и князи и мирзы все о том царю отговаривали, чтоб царь ко государю вашему о Казани не посылал» [там же, л.185об.–186]. Однако от громогласно объявленного заявления хан уже не хотел отказываться.

Попытки давления на Москву встречали резкий отпор. Афанасий Нагой в ответ на эти требования говорил: «То, господине, слово бесплодное к делу доброму не пристойит. Изначала царство Казанское и Азтроханское свои были. И которые, господине, недружбы государю нашему царю и великому князю от них приходили, и государь наш за то стал, и те земли бог поручил государю нашему. А те царства были опричние. А от Азы-Гирея¹ царя по се время не слыхали есмя, что те царства были х Крыму,...» [РГАДА, ф.123, кн.10, л.97]. А Иван Грозный писал: «Мы, государи великие, бездельных речей говорить и слушать не хотим,... города и земли за чашею и за хлебом не емлютца...» [РГАДА, ф.123, кн.11, л.352; Соловьев, 1989, кн.3, т.5–6, с.581–582].

Польско-литовский король пытался перекупить «дружбу» крымского правителя. Крымский князь Сулеш, сетуя на малый размер присланных из Москвы подарков, объяснял русскому послу: «А так царю со государем вашим чего для миритца и королева казна чего для у себя терять. Татарин любит то, хто ему больши даст, тот ему и друг» [РГАДА, ф.123, кн.10, л.120об., 130–131, 161об.].

В 1565 г. от луговых черемис Лаиша и Ламбердея в Бахчисарай прибыл Коштевлей улан, обратившийся к хану с просьбой предпринять поход на Казань. Он заверял хана в готовности черемис поднять восстание с подходом крымских войск [РГАДА, ф.123, кн.12, л.71–71об.].

Осенью 1566 г. от луговых сотников Адая Шамаршинского и сына знаменитого марийского вождя Мамич-Бердея Качака в Крым был направлен брат Адая Тогилдей. Он вез зашитую в одежду грамоту «от все луговые черемисы». Тогилдей добрался

сначала до Ногайской Орды, а потом с ногайским посольством, с Коштевлей уланом и Ахкобе уланом выехал в Крым. Однако до хана марийский посланец не доехал, при переправе через Волгу на них напали казыевцы, и Тогилдей утонул вместе с грамотой. Но с ее содержанием успели ознакомиться Коштевлей и Ахкобе. Они и сообщили хану, что луговые черемисы просили в ней прислать к ним царевича «с воинскими людьми» и убеждали хана в том, что как только царевич придет в Поволжье, так сразу же они отступят от московского государя, перебьют всех русских служилых людей по селам и станут промышлять над казанским острогом. Явно преувеличивая, они сообщали хану, что «в сборе у них луговой черемисы 60 000» [РГАДА, ф.123, кн.12, л.28–28об.; Соловьев, 1989, кн.3, т.5–6, с.530, 579, 581–582].

Султан в послании крымскому хану от 9 февраля 1568 г. обосновывал необходимость похода к Астрахани не только препятствиями, которые чинятся хорезмским паломникам, но и желанием освободить татарские ханства. «Область Казань и Эждерхан издавна находилась в руках ногаев. У меня, – писал султан, – имеются подробные сведения о причине попадания этой области в руки презренных неверных, о татарских мирзах, оставшихся на завоеванных землях и вне их, и о том, когда и по какой причине эти земли были утеряны. В связи с тем, что завоевание этой области является важнейшим из дел, моя государева мысль также утвердилась в необходимости, с помощью Господа Всевышнего, ее завоевания» [Мустакимов, 2008, с.143–144].

В декабре 1568 г. в Москву поступило известие, что в Бахчисарай приезжали казанский крещеный татарин Иванча, прежнее имя Мустафа, и черемисы с Горной стороны Алиш и еще один, имя которого узнать не удалось. Они сообщили, что выехало их из Казани татар и черемис 10, по другим известиям – 7 человек. Они везли хану грамоты от заговорщиков, предполагавших поднять восстание. Но в пути их ограбили, находящиеся на русской службе ногайцы во главе с Эль мурзой и зашитые в халаты грамоты пропали. После этого они трое продолжили свой путь, а остальные

¹ Хаджи-Гирея.

вернулись назад. Посланцы просили хана взять их под свою защиту и предпринять поход на Свияжск. Они убеждали, что «как де увидят царев шелом и казанские де люди от царя и великого князя все отступят и будут все твои». По словам посланцев, к восстанию готовы были примкнуть до 70 000 человек. Повстанцы брали на себя задачу перекрыть все коммуникации и никаких войск и припасов из Москвы в Казань не допустить. Они уверяли хана в том, что «город Свияжск не крепок, войск русских в Казани находится только три тысячи человек, а в Свияжске и того меньше». По заверениям посланцев, объединенным силам будет легко овладеть этими городами. Падение же Свияжска и Казани откроет хану дорогу на Астрахань, в которой также находится не столь большой русский гарнизон. Отпустив их, хан направил в Среднее Поволжье своего человека с посланием к заговорщикам и дал задание держать его в курсе подготовки к восстанию [РГАДА, ф.123, кн.13, л.154–156; 171–172об.; Щербатов, 1789, т.5, ч.2, с.188–189, 193–194].

Русской разведке стало известно о содержании ханского письма представителям поволжской знати: марийскому сотнику Адаю Шамаршинскому, Алею Угреватому, Епанче с братьями, Семену Хозяшеву, Чапкун абызу, Девлет Кильдею Кривому и некому арскому князю. «А в ерлыкх деи царь писал х казанским людем, что его турской с своею ратью и с крымскими людьми посылает к Асторохани. И как деи пойду к Асторох[ани]...[и вы от москов]ского отступ[итесь]...», – писал хан [РГАДА, ф.123, кн.13, л.242–242об.; Бахтин, 2003, с.120–129]. Среди заговорщиков, наряду с марийским старшиной, было немало представителей татарской служилой знати.

Турецко-крымский поход на Астрахань в 1569 г. провалился не без усилий хана, но в 1571 г. произошло большое вторжение Девлет-Гирея в Россию. Хан объявил русским послам, что этим походом он хочет добиться передачи ему Казани и Астрахани [РГАДА, ф.123, кн.14, л.27об.–28]. 24 мая Девлет-Гирей подошел к Москве, сжег посад и разграбил окрестности, погибло много крестьян и горожан. Покидая сожженную Москву, хан писал Ивану Грозному: «А Ка-

зань осталась юрт отцов наших, а Асторохань юрт мой. А которые цари там были, те моего роду, а колко там царей ни бывало, и мы им пособники были: снаряд есми им и всякое надобье даывавали. Величеством своим и счастьем собрався с ратью на твою землю поход мой. Жгу и пустошу то все для Казани и Асторохани... и захочешь с нами з душевною мыслью в дружбе быти, и ты б наш юрт Асторохань и Казань отдал. А хочешь казноу и кунами все светное богатство нам давати, ино не надобно. Желание наше Казань и Асторохань, а куны и богатство приемне с прахом ровно. И в сей дороге толко не дашь, и мы послами своими розменимся. А посол мой стреленая моя стрела». Хан с угрозой писал, что теперь он узнал дороги к Москве, и если царь не отдаст ему Казань и Астрахань, он вновь придет со своим войском [РГАДА, ф.123, кн.13, л.407–408об.]. Весьма точно представил русским послам позицию хана Девлет-Гирея крымский улан Ян-Магмет: «И царь ныне стал на то, что ему просить Асторохани и Казани. А хоти ныне князь великий и отдаст Казань и Асторохань, а и тем царя не утешит же, а ведь государь бусурманской, хотя и правду даст, а князь великий ему и Казань и Асторохань даст, царю и тогды воевати ж» [там же, кн.14, л.30об.].

В стамбульском архиве обнаружены датированные 7 октября 1571 г. копии посланий Селима II русскому царю Ивану Грозному и крымскому хану Девлет-Гирею. В первом послании султан, используя успех крымского похода, ультимативно требует освобождения Казани и Астрахани от русских, ибо эти города испокон веков были владениями мусульман. Он пишет, что если царь Иван не исполнит его требование, то не будет возможности для мирных и дружественных взаимоотношений между Россией и Османской империей [Усманов, 1995, с.93–101]. В письме Девлет-Гирею султан отдает распоряжение о новом вторжении в Россию с целью освобождения упомянутых городов. При этом указывается, куда и какими силами необходимо наступать и кто из военачальников должен участвовать в походе [там же]. Летом 1572 г. Селим II в новом письме в Москву вновь потребовал передачи Казани и Астрахани, на том

основании, что это мусульманские города [РГАДА, ф.89, кн.2, л.225–227]. Послания турецкого султана не оставляют сомнения в том, что Османская империя выступала организатором и координатором антирусских акций.

В августе 1571 г., от едущего в Турцию гонца А.К.Шейна, а тому в свою очередь от янычара-перебежчика, беглого русского полоняника и пленных крымских татар, стало известно о посылке из Азова с бухарскими купцами в Астрахань и Казань лазутчиков – Кучук-Безергена, который был новокрещеном из казанских татар и перебежал в Крым, и турецкого чауша Мустафы. Они должны были связаться с астраханскими татарами, а также разведать, что собой представляет крепость, выяснить численность ее гарнизона и определить уязвимые места. После этого Мустафа должен был остаться в Астрахани, а Безерген продолжить путь сначала в Ногайскую Орду, а затем в Казань. «А перезывати ему в Козани и в Азсторохани князей и мурзы и козаков на турецкого царя имя, – писал А.К.Шейн, – и турецкого царя им жалованья сказывати и грамоты с ним от турецкого царя в Асторохань и в Казань посланы. Которые азстороханские и казанские князи и мурзы и козаки похотят служить турецкому царю и тем людям велено быти в Азсторохани и в Козани готовым. А дожидатьца турецких и крымских и нагайских людей приходу. А мысль турецкого царя: посылати ему война к Асторохани на лето...» [РГАДА, ф.89, кн.2, л.210, 212об.–213об.]. Однако запланированного вторжения турецкого войска из-за войны в Европе, в которой увязла Турция, не произошло.

Успех крымцев послужил сигналом к началу восстания в Поволжье. На эту взаимосвязь обратили внимание еще современники. С сожжением Москвы Девлет-Гиреем связывает начало восстания Г.Штаден [Штаден, 1925, с.61, 115]. Восстание, видимо, началось в декабре 1571 г., во время мобилизации на Ливонский фронт и сбора ясака. 1 декабря царь послал в Казань В.В.Тюфякина и Г.Ф.Мещерского с приказом «собрать в Казани казанских князей, татар, и черемису, и мордву» и привести их в Новгород для наступления против шведов [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.291]. Размещенных в Поволжье

5–7 тыс. царских войск оказалось недостаточно не только для подавления восстания, но и для какого-либо серьезного противодействия ему. К лету 1572 г. восстание стало неудержимо распространяться во все стороны – в Нижнее Поволжье и Приуралье. Видимо, зимой и весной восставшие представили под свой контроль большую часть территории Среднего Поволжья и блокировали русские гарнизоны. За оружие взялись астраханские татары и ногайцы. Отряды повстанцев стали осуществлять набеги на вятские, пермские, нижегородские и костромские земли. Галицкий летописец сообщает о том, что 29 июня черемисы напали на городки Чухломского уезда Судай и Павлуво [Кунцевич, 1905, с.604]. В одном из марийских преданий говорится о том, что марийцы под руководством «Акмазика пошли и перерезали всех русских военачальников» [НРФ МарНИИ, оп.1, №328, л.75].

На Каме действовал большой отряд повстанцев. Костяк его состоял из 40 черемис, к отряду примкнули татары, манси и башкиры. Строгановская летопись отмечает, что «черемиса... подговориша остяков и башкирцов и буинцев множество» [Сибирские летописи, 2008, с.5]. Восставшие нанесли существенный урон владениям Строгановых. Действуя возле городков Конкора и Кергедана, они убили 87 торговых людей и «ваташиков» [ДАИ, т.1, с.175]. Г.Штаден писал о восстании: «Тогда поднялся народ обеих царств¹ и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел с собою великое множество русских полоняников, не считая тех, которые были убиты насмерть» [Штаден, 1925, с.115]. В сохранившихся фрагментарно нижегородских дозорных книгах говорится, что «пожжены от черемисских людей войны» и разорены в Березопольском стане деревни Купалище и Устиньино, а также село Новинки и Дудин монастырь со всеми его вотчинами [Анпилогов, 1977, с.103, 191, 200, 208]. По писцовой книге 1590/91 гг., в Зауольской и Везломской волостях насчитывалось 200 селений и 112 пустошей, запустевших от эпидемии 1571 г. и нападе-

¹Имеются в виду Казанское и Астраханское царства.

ний черемис [Писцовые материалы, 1997, с.4–5, 78]. По Суре и Волге восставшими были разорены владения и побиты крестьяне Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря [АИ, т.1, с.400–401]. Рост запустения от стихийных бедствий 60–70-х гг. и «черемисской войны» хорошо виден на примере Нижегородского уезда. Если в 1565 г. там было 1117 бортовых сел и деревень (живущих вытей) и посопных сел и деревень (живущих вытей) 522,25, то в 1578 г. осталось 337 и 100 соответственно [Кудряшова, 2009, с.96–97].

Марийцы в этом восстании играли ведущую роль и предпринимали весьма отдаленные походы. Например, имеются сведения о том, что они вместе с татарами и ногайцами принимали участие в блокаде Астрахани [АЗР, т.3, с.165].

Тактика повстанцев не претерпела существенных изменений. Ставка делалась на партизанских методах борьбы – засадах, уничтожении небольших отрядов противника, неожиданных набегах вглубь русских территорий и блокировании крепостей. Все пути были перерезаны восставшими. Как и прежде, они уклонялись от открытых сражений с крупными силами правительственных войск, не штурмовали городов и ограничено действовали по рекам. Наряду со стихийностью в их действиях прослеживается организованность и скоординированность. Перед русским правительством и народом снова возник призрак возрождения Казанского ханства.

В восстании 1571–1574 гг. причудливо переплелись освободительные и антифеодалные мотивы. Причем для луговых марийцев и татар восстание оставалось борьбой за возвращение свободы и независимости, тогда как население Горной стороны выступало в первую очередь против феодальной эксплуатации. Различия в целях борьбы определили раскол движения на радикальное и умеренное крыло. Это предопределило в дальнейшем поражение восстания.

Правительство заранее позаботилось о принятии необходимых мер. Города были укреплены, имели достаточный для длительной осады запас вооружения, боеприпасов и продовольствия, были усилены

гарнизоны. Удержание крепостей и на этот раз дало возможность подготовиться к подавлению восстания. Это же помогло удерживать часть местного населения от участия в восстании.

Важнейшей задачей было создание благоприятных для подавления восстания внешнеполитических условий. Наибольшую опасность представляли крымцы. Не дождавшийся обещанной передачи ему Астрахани Девлет-Гирей летом 1572 г. решил повторить сокрушительный поход на Москву. По словам Г.Штадена, он был так уверен в своем успехе, что «дал своим купцам и многим другим грамоту, чтоб ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспощадно, ибо он царь и государь вся Руси» [Штаден, 1925, с.115]. В своем сочинении Штаден излагает проект завоевания Русского государства. Для него это казалось возможным, поэтому он предупреждает европейских монархов, что необходимо опередить крымского хана, который при помощи турецкого султана, ногайцев, татар и черемис «рассчитывает захватить русскую землю» [там же, с.60–62]. В конце июля 1572 г. крымцы смогли прорваться за Оку, но в битве при Молодях потерпели серьезное поражение. По возвращении в Крым хан написал Ивану Грозному письмо, в котором постарался умалить победу русских и повторял требование передачи ему Казани и Астрахани, подчеркивая, что крымцы до самой смерти будут тягаться из-за этих городов. Но понимая, что после поражения ему трудно чего-либо добиться, Девлет-Гирей сменил тон. Хан писал, что русская земля и так велика, и поступиться двумя городами для Ивана Грозного ничего не стоит: «И царь бы и великий князь дал мне Казань и Асторохань, а не даст Казани и Асторохани и он бы дал одну Асторохань для того, что ему сором от брата своего от турецкого, что со царем и великим князем воюетца, а ни Казани ни Асторохани не возмет и ничего с ним не учинит. И толко деи царь и великий князь даст мне Асторохань, и яз и до смерти на царя и великого князя земли ходити не стану. А голоден деи не буду, с левую деи мне сторону литовской, а з другую сторону черкасы. И яз деи стану тех воевати и от них еще сытей буду, ходу мне в те земли только два

месяца взад и вперед. И царь бы и великий князь со мною помирился, дал мне Асторохань для того, что мне сором от турского» [РГАДА, ф.123, кн.14, л.153об.–164об., 168об.–169об.; АЗР, т.3, с.167].

На настойчивые требования отдать хану Казань и Астрахань Иван Грозный отвечал, что против России «ныне одна сабля – Крым», а если отдадим ему завоеванное нами, «тогда другая сабля будет Казанская земля, третья сабля астороханская, четвертая нагаи, а толко Литва не помирится, ино пятая сабля будет» [РГАДА, ф.123, кн.14, л.180].

Тогда же была устранена угроза нападения сибирского хана Кучума. Он захватил на Урале подвластную Строгановым область Тахчеи и ликвидировал там их слободку. В Сибирь из Москвы был направлен с посольством Третьяк Чубуков, который дипломатическими методами сумел на некоторое время удержать хана от вторжения в русские земли. Это позволило незамедлительно приступить к подавлению восстания. В Приуралье из стрельцов, охочих людей, казаков и верных правительству хантов и манси были сформированы отряды, приступившие к операциям против восставших. При этом широко практиковалось переманивание повстанцев на свою сторону предоставлением амнистии, налоговых льгот и пожалованием конфискованного у участников восстания имущества. Необходимо было посылать отряды «войною ходити и воевать наших изменников, на черемису и на остяков и на вотяков и на нагай, которые нам изменили, от нас отложились». Из грамоты хорошо видно, что правительство настойчиво проводило политику по расколу повстанцев и привлечению их на свою сторону. Неоднократно указывалось на необходимость «воевать» только тех, «которые нам изменили», с самого начала в состав карательных отрядов требовалось привлекать «остяков и вогуличь, которые нам прямят». Тех же повстанцев, которые прекратили борьбу и «приходят к своим товарищем приказывати, чтоб они от воров отстав нам прямили». Если за ними уже была вина, запрещалось казнить и приказывалось оберегать и даже пожаловать: «а которые будут и поворовали, а ныне похотят нам прямити и правду свою

покажут, и вы б им велели говорити и приказывати наше жалованное слово, что мы их пожалуем, пени им отдадим да и во всем им полегчим, а оне бы нам тем правду свою показали, чтоб своими головами собрався, с охочими ходили вместе воевати наших изменников..., а которого повоюют, и тому того живот, а жены их и дети им в работу». Строго приказывалось у них «того полонского живота однолично отъимать не велели никому» [ДАИ, т.1, с.175–176]. Благодаря принятым мерам восстание в Приуралье вскоре было подавлено. Посланные против восставших отряды «овых побиша, иных живых взяша и всех к шерти их приведоша, что им государю во всем прямити и бытии подручным и оброки государю давати и супротив супостатов государевых стоять за нево государя без измены и аманатов у них поймав, в свои городки и в Пермь к воеводам государевым послали» [Сибирские летописи, 2008, с.5–6, 52].

Для подавления восстания в Среднем Поволжье была сформирована войсковая группа из пяти полков, которые собирались в Нижнем Новгороде и Муроме. Серьезность и значимость похода отмечались записью в разрядах: «в том походе боярам и воеводам быть без мест». Такие указания часто сопровождали разряды казанских походов, что было связано с трудностями предприятия и тем значением, которое правительство придавало событиям в Поволжье.

С наступлением зимы 1572 г. войска выступили в поход «на изменников на казанскую на горную и луговую черемису». Когда войска пришли в Поволжье, к ним присоединились отряды местных гарнизонов, в составе которых имелись и оставшиеся лояльными царю представители нерусского населения, в том числе «и голова Василий Яковлевич Кузьмин Короваев во главе со служилыми татарами» [ПСРЛ, 34, с.226; РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.335–336].

Никаких подробностей зимнего похода источники не сохранили. Только в марийском фольклоре рассказывается о трагических событиях на Вятке и Шурме, где марийцы во главе с Акмазиком оказали упорное сопротивление: «в Шурме произошло сражение, очень сильное, упорное. Марийцы оказались побежденными. Акмазик и его

жена Унави были казнены... После подавления марийцев произошла поголовная резня» [ИРФ МарНИИ, оп.1, №328, л.79]. Во время похода Арск был превращен в крепость и стал опорой администрации на Арской стороне [ПСРЛ, 34, с.226]. Охваченные восстанием районы подверглись опустошению, повстанцы вынуждены были «бить челом» государю «о своих винах» [ПСРЛ, 34, с.226; РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.335–336]. На этом завершился первый этап Второй Черемисской войны. Он характеризовался наибольшим размахом и числом участников.

В сентябре–октябре на рязанские места приходили крымские царевичи [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.355; Новосельский, 1948, с.431]. В историографии имеются утверждения о том, что они хотели соединиться с восставшими [Османская империя, 1984, с.266; Lemercier-Quelquejau, 1972, p.555–559]. Ногайцы продолжали действовать против Астрахани. На помощь луговым марийцам прибыл ногайский отряд, возглавляемый мурзами Ямгурчеем, Айшеркулом абызом, Ишторой богатырем, Кудайгулом и муллою Алеем [ПДРВ, ч.11, с.214, 276]. Иностранная поддержка позволила продолжить восстание.

Летом 1573 г. из Курмыша «в черемису» было направлено войско из трех полков численностью 8000 человек. Его возглавили воеводы И.С.Туренин и Ф.М.Лобанов-Ростовский [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.336]. Поход успеха не достиг. В декабре 1573 г. оршанский староста Филон Кмита Чернобыльский, ссылаясь на сообщения своей шпионской агентуры в России, доносил польскому королю Генриху Валуа и литовским панам о разгроме наголову русского войска черемисами и о том, что повстанцы и ногайцы «Казань дей запевне облегли» [АЗР, т.3, с.164].

Иван Грозный убедился в необходимости нового большого похода. С этой целью правительство как всегда позаботилось сначала о создании благоприятных для наступления внешнеполитических условий. На помощь Астрахани послали войска. Русским удалось деблокировать город и очистить Волгу от повстанцев «бронную рукою аж до Казани» [АЗР, т.3, с.185]. Осенью польская агентура докладывала о подавлении восста-

ния в Нижнем Поволжье и захвате русскими столицы Ногайской Орды – Сарайчика [АЗР, т.3, с.185; ПДРВ, ч.11, с.179]. Вскоре был уничтожен и ногайский отряд, действовавший совместно с марийцами. В письме ногайскому князю Дин-Ахмаду Иван Грозный писал об этом: «...которые нам казанские земли Свяжского города горние люди прямили, сведав их воровство и без нашево ведома на них ходили, да их побили» [ПДРВ, ч.11, с.214, 276]. Ногайцы были вынуждены отказаться от активной помощи повстанцам.

После заключения перемирия на западном фронте со шведами появилась возможность приступить к подавлению восстания в Поволжье. 6 сентября царь с царевичем «приговорили, как даст бог на зиму бытии походу на Казанскую землю». К зиме значительные силы правительственных войск были сосредоточены в Муроме, Елатье, Плесе, Нижнем Новгороде и Шуе [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.347–350].

Иван Грозный был тонким прагматичным политиком и старался использовать в замирении края не только силу, но и дипломатию. Прежде чем отдать приказ о начале карательной акции, он направил к повстанцам парламентаров «спросить, что же думают они делать и хотят ли они быть у него в послушании, или нет. Если они хотят быть ему послушными, то пусть захватят всех начальных людей, которые начали эту игру. А коли нет – он пойдет на них со всем своим войском и уничтожит их. И пусть они отпустят еще на свободу всех русских» [Штаден, 1925, с.115]. Повстанцам, прекратившим сопротивление, объявлялась амнистия. В выданных правительством жалованных уставных грамотах обещалось упорядочить систему налогов и повинностей, устранить притеснения со стороны администрации и служилых людей. Суд должен был вершиться «безволокитно» и «беспошлинно», с обязательным участием выборных представителей от местного населения. Жителям также давалось право напрямую, в обход администрации, жаловаться царю на притеснения [История Марийского края, 1992, с.47–49]. Предложенные условия устроили умеренное крыло восставших: «...горная и луговая черемиса, государю все добили

челом за свою вину, в Муром приехав, и государь их воевать не велел и к шерти их бояря привели» [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.350]. Иван Грозный приветливо встретил представителей повстанцев и «жалованье дей або поминки великие им дал», а после принесения присяги они получили еще «дары великие... и были чествованы через несколько дней великими достатки». Для того чтобы «дары давать татаром», Ивану Грозному пришлось конфисковать товары у русских купцов, т.к. казна была истощена, а экономика страны разорена войной и опричниной и находилась в кризисе [АЗР, т.3, с.165–166, 168, 170]. Присутствовавшие на мирных переговорах представители повстанцев «заявили от имени своей земли, что они готовы захватить главарей, и пусть великий князь пошлет за своими русскими пленниками и всех их выведет» [Штаден, 1925, с.115]. Для принятия присяги у прекративших восстание в Муром были присланы князь И.Ф.Мстиславский и глава Посольского приказа дьяк Андрей Щелкалов [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.350]. Участники восстания не только соглашались прекратить сопротивление, но и обязывались участвовать в окончательном замирении края и отправиться воевать на Ливонский фронт [АЗР, т.3, с.166, 168, 170]. В XVIII в. П.И.Рычков в Уфимской губернии записал предание о марийском князе Атурае и прочих вождях, которые участвовали вместе с русскими в покорении народов, живших по р. Белая [Сепеев, 1975, с.26].

Непримиримая же часть повстанцев, преимущественно луговые марийцы и татары, не сложили оружие и еще в течение 1574 г. предпринимали отчаянные попытки переломить ситуацию. Этому благоприятствовали возобновление военных действий на западе и вторжения крымских татар и малых ногаев на рязанскую Украину [РК 1475–1605, т.2, ч.2, с.355, 358–359, 368]. Под Казанью повстанцы сожгли Зилантов монастырь, церкви и крестьянские дворы и увели в плен монастырских крестьян [АИ, т.1, с.354]. Возле Нижнего Новгорода составившим удалось разбить высланный против них отряд, убили «дворян 36 человек, а иных в полон взяли» [ДРВ, ч.18, с.85].

В апреле 1574 г. на Луговую сторону был совершен поход царских войск. В ходе его

на Волге, в устье рек Большая и Малая Кокшаги, был построен Кокшайск, призванный контролировать речные пути и марийские земли. Город возводили Василий Власьев и Афанасий Есипов. На годованье остались князь А.Д.Палецкий и Я.Г.Наумов, которые охраняли строительство и завершали разгром повстанцев. Восстание прекратилось. Рядовые участники движения были амнистированы, «начальных же людей» Иван Грозный «приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле» [Штаден, 1925, с.115].

Восстанием 1571–1574 гг., известным как Вторая Черемисская война, был охвачен обширный район Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья. В нем приняли участие представители самых различных этнических и социальных групп нерусского населения. Плечом к плечу сражались марийцы, татары, удмурты, чуваша, манси, башкиры, ногайцы и др. В отрядах повстанцев были крестьяне, татарские феодалы и родовая знать. Характер восстания был по преимуществу освободительным, однако на этот раз присутствовала заметная антифеодалная направленность, особенно проявившаяся среди повстанцев Горной стороны.

После подавления восстания 1571–1574 гг. царская администрация считала, что наступило удобное время для ликвидации «автономии» луговых марийцев. Их начали все более ставить под контроль, построили город Кокшайск, разоружили и отняли даже лучших лошадей, которых можно было использовать в бою. В селения к марийцам, для присмотра за ними, поставили голов [РГАДА, ф.127, кн.9, л.152–153об., 160]. Утрата независимости привела к оттоку марийского населения на Урал [Сепеев, 1975, с.41]. Позиции России в Приуралье были еще слабы, и это позволяло марийцам обрести там снова свободу и даже производить набеги. Их разбойные действия на уральских реках приобрели такой размах, что в 1576 г. правительство вынуждено было направить специальную судовую рать во главе с князем Н.В.Тюфякиным и головой Б.Нарышкиным, чтобы усмирить «непокорных черемис и чтобы отучить их от нападения на

пермские пределы» [Преображенский, 1972, с.23; Шишонко, 1881, ч.1, с.73].

В Поволжье назревало новое восстание. Уцелевшая верхушка оппозиционной знати тайно поддерживала связь с Крымом и Ногайской Ордой. Новый крымский хан Мухаммед-Гирей II Жирный (1577–1584) готовился к нападению на Россию, сносился с недовольными в Поволжье и провоцировал восстание [Карамзин, 1989, кн.3, т.9, с.246; Щербатов, 1789, т.5, ч.3, с.212]. В Ногайской Орде после смерти в мае 1578 г. князя Дин-Ахмада к власти пришел его брат князь Урус (1578–1590), отличавшийся взрывным, неуравновешенным характером и антирусской позицией. Он открыто пошел на заключение с Крымом и Турцией антирусского союза. Это было вызвано усиливающейся русской колонизацией Поволжья и нападениями казаков [ПДРВ, ч.11, с.179, 220, 231–232; РГАДА, ф.127, кн.8, л.252об.–253, 377, 384об., 388об., 390об.; кн.9, л.44об.–45, 61об., 164, 167–168об.; кн.10, л.29–31об., 37, 65–65об., 127об., 140об.–141об., 145, 147 об.]. Обедневшее Русское государство уже не могло покупать мир с ногайцами посылкой щедрых подарков. Жалованье ордынской знати постоянно сокращалось [ПДРВ, ч.11, с.182, 191, 205, 208, 218, 226–228, 230, 236, 251, 272; РГАДА, ф.127, кн.9, л.99; кн.10, л.90]. Даже лояльные Москве ногайские мурзы не были в состоянии полностью контролировать своих людей. Они писали русскому царю о том, что «опричь государева жалованья нечем людей своих уимати» [ПДРВ, ч.11, с.183; РГАДА, ф.127, кн.9, л.46об., 48–48об.]. Русских дипломатов в Орде оскорбляли и избивали, обычным стало их ограбление. Ногайцы стали регулярно участвовать с крымцами, азовцами и малыми ногаями в нападениях на русские границы [ПДРВ, ч.11, с.199–200, 209–212, 223, 228, 236–237, 249, 266, 273, 275, 285–289, 292, 304, 307–308; РГАДА, ф.127, кн.8, л.340, 347 об.; кн.9, л.170, 173об., 192–193об., 268–269; кн.10, л.4–5 об., 17 об.–18, 20об.–22, 25об.–26об., 35об., 39об., 45об.]. Они начинают кочевать в опасной близости от Казани [ПДРВ, ч.11, с.260]. Ногайские отряды вторгаются в Приуралье и пытаются собирать дань с хантов, башкир и удмур-

тов, уже находившихся в подчинении русской администрации [РГАДА, ф.127, кн.8, л.214об., 234об., 271об., 274об.–275, 332, 391; кн.10, л.131об.]. «Из Казани писали, что приходили нагайские люди по реке по Каме на башкирцы и на остяки Казанского уезда и людей убивать почали и грабить и башкирцы и остеки собрався иных побили, а трех-четырех живых взяли» [там же, кн.8, л.275, 285об.].

В конце 1579 г. – начале 1580 г. русско-ногайские противоречия достигли критической точки. «Урус князь нарядился и захотел идти воевати на государеву Украину на мещерские места и на рязанские, ... на Алатырь и на Темников». В начале 1580 г. ногайским князем «в луговую черемису» были присланы четверо посланников во главе с Баубеком Купчаком. Им было поручено склонить марийцев к совместным действиям против русских: «...чтоб черемиса с Урусом князем за один с государем завоеватися». Но луговые марийцы еще не были готовы на восстание, поэтому отказались от преждевременного выступления: «нам деи со государем царем и великим князем не воеватца. И так наших вин перед государем много, он к нам сторожей приставил и лутчие лошади у нас все поимал» [там же, кн.9, л.152–153об., 160]. Несмотря на отказ черемис, князь приготовился к походу и 29 августа «на коня сел». Обеспокоенные мурзы собрались в его ставке «да с коня ссадили» и с трудом убедили не начинать войну с русским царем. Но Урус и его сторонники лишь отложили поход до зимы, рассчитывая совершить нападение на Астрахань и русские Украины [там же, л.153об., 154, 156об.–157, 167, 222об., 225об., 238 об.]. Весной 1581 г. около 25 тыс. ногайских воинов соединились с крымцами и напали на белевские, коломенские и алатырские места. В августе 600 ногайцев разоряли мордовские села. Примерно в это же время нападению азовцев и ногайцев вновь подверглись алатырские места [там же, кн.10, л.30 об.–31 об., 58об., 61об.–65, 68, 86об., 140, 146об.–154, 160об.–169, 172–174об., 256–258, 267, 273–280; ф.123, кн.19, л.251; Новосельский, 1948, с.432]. Обострение русско-ногайских отношений дошло до того, что князь Урус продал русского посла П.Девочкина и его

свиту в рабство в Среднюю Азию [РГАДА, ф.127, кн.10, л.140об., 162–162об.].

Подстрекательные сибирским ханом ханты и манси собрались в отряд из 680 человек во главе с мурзой Бегбелием Агтаковым и 22 июля атаковали Сыльвянский острог и чувовские городки «и ту окрест живущих села и деревни поплениша и пожгоша и в полон многих людей и детей поимаша». Строгановы спешно собрали отряд и разгромили восставших, «многих у городков поимаша» и «на переходах многих побиха, а иных многих переимаша и мурзу их Бегбелия Агтакова взяша жива». После такого поражения ханты и манси «добили челом и вину свою принесли» [Сибирские летописи, 1907, с.9–10, 57–58].

Активизация ногайцев и крымцев и успешное наступление на западном фронте польского короля Стефана Батория, который осадил Псков и угрожал Новгороду, создали благоприятные условия для начала нового восстания в Поволжье и Приуралье. О том, что такое восстание назревает, русское правительство знало. Еще в марте 1581 г. оно направило соответствующие предупреждения в Нижний Новгород [РГАДА, ф.127, кн.9, л.290–291об., 269об.].

Осенью, во время сбора ясака и мобилизации на Ливонский фронт, подняли восстание луговые марийцы. В Соловецком летописце имеется такая запись: «В лето 7090... Того же году завоевалася з государем черемиса накрепку» [Корецкий, 1981, с.240; Тихомиров, 1951, с.228]. Зимой 1581/82 г. чебоксарский и свияжский гарнизоны попытались подавить восстание своими силами. Большой и передовой полки собирались в Чебоксарах. Большой возглавлял Иван Андреевич Ноготков-Оболенский, передовой – Иван Григорьевич Вольтинский. Сформированный в Свияжке сторожевой полк руководился князем Тугушем Девлет Бахтызовичем [РК 1475–1605, т.3, ч.1, с.208]. Можно полагать, что составляли его в основном поволжские жители. Поход потерпел неудачу. Иван Грозный был раздосадован и приказал публично бить палками уцелевших воинов [Флоря, 1999, с.380]. После этого восстание перекинулось и на Горную сторону. К нему присоединились татары, удмурты, чуваша и башкиры. Отряды восставших начали нападения

на русские территории. Повстанцы «воздвигоша рать и плениша многие города... пришедше на пределы Российского государства, якоже и прежде, пленующе намнозе», – пишет летописец [ПСРЛ, 14, с.3]. Они угрожали Хлынову, были сожжены деревни всего в трех верстах от города. В дозорной и писцовой книгах начала XVII в. по Вятской земле упоминаются запустевшие в 80-е гг. «от черемисской войны» деревни, например, Кирдяпино [Верещагин, 1906, с.14; Кибардин, 1912, с.32]. В городе было выделено 24 двора для беженцев [Луппов, 1958, с.74]. Шведский путешественник П. Петрей, писал о вятчанах, что черемисы «часто нападают на них с огнем и мечом и приносят домой много добычи» [Петрей, 1865, кн.4, с.44]. Он пишет, что повстанцы могли «выставить в поле 20 тысяч войска». По его словам, это были умелые и мужественные люди, когда они «идут на неприятеля, вооружаются все, и мужчины и женщины, стреляют назад и вперед себя в неприятеля, который и обращается в бегство» [там же, с.29]. Из-за того, что администрация потеряла контроль над Средним Поволжьем, казна в 1582 г. недополучила 102 пуда меда [Документы Казанского края, 1990, с.42]. Дозорная книга дворцовых сел и деревень по Нижегородской земле за 1588/89 г. сообщает о степени разорения этой приграничной области. Крупный массив дворцовых и оброчных земель Правобережья Нижегородского края оказался почти полностью разорен: всего 2,5% ранее окультуренных земель распахивалось к моменту описания. Положение было настолько критическим, что сеньориальная рента в 80-х гг. там не взималась [Писцовые материалы, 1997, с.4]. В 14 селах, 116 деревнях и 70 пустошах на 1044 жилых крестьянских двора приходилось 616 пустых и мест дворовых, «а двory пожгла черемиса». Из-за «черемисской войны» многие крестьяне вплоть до 1592 г. находились «на льготе». Нижегородские дозорные книги по вотчинным и помещичьим владениям сохранились фрагментарно, но и они свидетельствуют о серьезном ущербе, причиненном вторжением восставших марийцев. В 7 деревнях и 2 пустошах черемисами было сожжено 47 домов, а в селце Егорьевском – храм и поповский с пономарским дворами [Анпилогов,

1977, с. 6–21, 24–35, 43–44, 47–48, 51–59, 62–63, 66, 110–113, 118, 122, 125, 126, 206, 270, 272, 273, 340, 394]. Только церковью, по дозорной книге, было сожжено шесть [там же, с.17, 19, 52, 63]. Грамота Троице-Сергиева монастыря от марта 1592 г. сообщает о сожжении черемисами храма на р. Пьяне [Шумаков, 1898, с.15]. Успехи повстанцев были настолько ощутимыми, что в разрядных книгах вновь появился позабытый термин «казанские крайны» [РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.7, 14].

Обеспокоенное правительство вынуждено было принимать срочные меры. 15 января 1582 г. оно заключило перемирие с Польско-Литовским государством. Это высвободило силы для подавления восстания.

Благоприятно для России складывалась и ситуация в Крыму, где разгорелась борьба за власть между сыновьями и внуками Девлет-Гирея [Новосельский, 1948, с.34]. Из-за этого крымские татары не могли совершать набеги.

Ногайцы оказывали поддержку восставшим, нападая на русские границы. В 1582 г. их отряды появлялись под Новосилем, вторгались в Приуралье, подходили к Каме. Но направленное летом из Казани войско из двух полков на Каму вынудило их отступить [там же; РК 1475–1605, т.3, ч.1, с.224].

Были усилены гарнизоны близких к очагу восстания городов – Галича, Юрьевца Польского и др. 15 апреля «в плавную» на Волгу направили войско во главе с Ф.М.Лобановым, Н.Г.Давыдовым и И.К.Елизаровым. Ладейные русские рати заняли переправы по Волге, Каме и Вятке и сковали действия повстанцев [РК 1475–1605, т.3, ч.1, с.224; ч.2, с.7, 16; РК 1559–1605, с.190].

Осенью против восставших послали сразу два войска. Одно – «луговые черемисы воевать», другое – «горней черемисы воевать». Всего в походе участвовало 8 полков [РК 1475–1605, т.3, ч.1, с.220, 224, 225; ч.2, с.5–7]. Когда войска прибыли в Поволжье, к ним присоединились отряды из местного населения. Участие представителей поволжского населения, преимущественно служилых татар, в подавлении восстаний подтверждается грамотами и писцовой книгой Казанского уезда за 1602–1603 гг. [ПК КУ, 1978, с.158, 172–173; Документы Казан-

ского края, 1990, с.50]. Но еще до выступления войск между воеводами разгорелся местнический спор, который продолжался и во время похода [РК 1475–1605, т.3, ч.1, с.220, 225; ч.2, с.5–10]. Несогласие между воеводами помешало добиться успеха. Воеводы объясняли свою неудачу тем, что не смогли успешно действовать против повстанцев из-за «великих снегов». Но такое объяснение не удовлетворило царя. По словам находившегося во время Смуты в России польского шляхтича Станислава Немоевского, Иван Грозный на заседании думы приказал главным воеводам И.М.Воротынскому и Д.И.Хворостинину раздеться донага, надеть женское платье и потом заставил их крутить жернова и молотить муку до ночи [Записки Немоевского, 1907, с.159].

Операции против восставших приняла затяжной характер. По словам летописца, повстанцы «аки звери суровости противияхуся против рати московские» [ПСРЛ, 14, с.34]. Восставшие использовали партизанские методы борьбы и наносили царским войскам ощутимый урон. Летописец так написал об этом: «...аки змеи ядаху человека жалы своими, тако же и они погании побиваху московских людей, овогда на станах, овогда на походех; бояре же и воеводы не можаху их обратити» [там же]. Восставшие не только оборонялись, но и совершали дерзкие набеги. В Галицком летописце сообщается о появлении отрядов черемис на правом притоке Унжи р. Виге в Костромской земле [Кунцевич, 1905, с.604]. Не исключено, что повстанцы могли доходить и до Арзамаса. В разрядных книгах зафиксировано усиление его гарнизона и назначение воеводы «для вылоски» [РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.23]. О разорениях сообщается в актах нижегородского Печерского и Благовещенского монастырей [Акты нижегородских монастырей, 1848, с.24]. Тем не менее, к весне 1583 г. восстание на Горной стороне было подавлено. В источниках больше не упоминается о карательных походах туда. Произошло завершение первого этапа восстания, характеризующегося высокой активностью повстанцев, охватом значительной территории и наибольшим числом участников.

Как и раньше, правительство широко использовало при подавлении восстания вер-

ное поволжское население. В одной из грамот Иван Грозный приказывает воеводам взять из казны 65 рублей «для тотарского расходу, чем вам поить и кормить свияжских тотар» [РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.15–16]. Во всех случаях, когда упоминаются казанские и свияжские люди необходимо понимать под ними не только русских, но и местных поволжских жителей. За участие в борьбе с восставшими в апреле 1582 г. арский князь Багиш Якушев был пожалован волостью Терси на р. Иж [Гришкина, 1988, с.30]. Служилые татары Янгильдей Енандаров и Бакрач Янчурин в своей челобитной с просьбой о пожаловании их земельными владениями в 1595 г. обосновывали свои претензии заслугами в сражениях с черемисами [Документы Казанского края, 1990, с.49–59].

На втором этапе Третьей Черемисской войны правительство переходит к активным наступательным действиям и впервые проводит летнюю кампанию. 14 апреля 1583 г. на Волгу направили ладейную рать из трех полков для блокады речных путей и переправ. Тогда же была поставлена крепость Козьмодемьянск, призванная взять под контроль Волгу и населенную марийцами территорию. Летом в новом городе сосредоточилось войско, которое совершило карательный поход против луговых марийцев. Половина всех сил состояла из гарнизонов поволжских городов [РК 1559–1605, с.195, 197–199]. Пришедшие на Луговую сторону войска выделили из своего состава мобильные ертаульные отряды во главе с меньшими воеводами и нанесли ощутимые удары по восставшим. Отряд из большого полка возглавляли Федор Янов и Петр Пивов и стрелецкий голова Федор Мясоедов, наемными литовцами руководил Смирный Вышеславцев. Из передового полка в ертаул назначили Тимофея Лачинова. Летопись сообщает, что «тогда Луговую сторону воевали и многие улусы по Луговой стороне разорили... и татар и черемисы побили много». Однако и русские понесли потери, были ранены даже меньшие воеводы. Федора Янова «ранили копьем по горлу», а Петра Пивова «ранили из лука по руке» [ПСРЛ, 34, с.229]. Марийцы не сложили оружие и продолжали сопротивление.

7 ноября Иван Грозный и бояре приговорили послать зимой 1583/84 г. «воевать луговую черемису» новое войско из пяти полков [ПСРЛ, 34, с.229; РК 1559–1605, с.201; РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.25–26]. 25 декабря войска были готовы и в начале января 1584 г. выступили «в Казань луговые черемисы воевать» [РК 1559–1605, с.201]. Луговая сторона в очередной раз подверглась опустошению, но повстанцы отчаянно сопротивлялись. Весьма точно отразил происходившее великий русский историк Н.М.Карамзин: «...бунт черемисский продолжался до конца Иоанновой жизни с остервенением удивительным: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, сии дикари свирепые, озлобленные, вероятно, жестокостию царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и в вертепах, летом и зимою, хотели независимости или смерти» [Карамзин, 1989, кн.3, т.9, с.246]. Несмотря на многократные карательные походы, к лету 1584 г. восстание луговых марийцев так и не было подавлено. Польский посол в Москве Лев Сапега в письме папскому легату Болоньети от 10 июля писал о том, что «черемисы свергли иго» [Соловьев, 1989, кн.4, т.7, с.196–197].

После смерти 18 марта 1584 г. Ивана Грозного на трон вступил его слабоумный сын Федор (1584–1598). От его имени страной стал управлять хитрый и властолюбивый шурина царя Борис Годунов. Новое правительство начало использовать не только силу, но и дипломатию. По словам Н.М.Карамзина, «Годунов более умом, нежели мечом смирил мятежников, уверив их, что новый царь, забывая старья преступления, готов, как добрый отец, миловати и виновных в случае искренняго раскаяния» [Карамзин, 1989, кн.3, т.10, с.14–15].

Летом 1584 г. в Марийский край было направлено новое войско: «Того же году июля в 20 день послал государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси воевод своих в Казань, а велел им быть на три полки и воевать луговую черемису. И тогда были воеводы по полком: в большом полку окольничей и воевода князь Дмитрий Петрович Елецкой да Микифор Павлов сын Чечбюгов; в передовом полку Роман Михайлов сын Пивов да Федор Ельчанинов; в сто-

рожевом полку князь Иван князь Михайлов сын Борятинской да Василей Биркин» [РК 1475–1598, с.346; РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.38; РК 1559–1605, с.213]. Назначение первым воеводой Д.П.Елецкого не было случайным. Для окончательного замирения края как нельзя лучше подходила кандидатура опытного воеводы и дипломата, завершившего Ливонскую войну. Целью воевод было не только подавлять восставших, но и построить в центре марийских земель новую крепость.

О строительстве города свидетельствует летописная запись под 7092 (1584) г.: «Того же году и в Черемисе Царев город» [Тихомиров, 1951, с.94]. 22 ноября 1584 г. в Посольском приказе был дан наказ отъезжающим к польско-литовскому королю Стефану Баторию послам князю и боярину Ф.М.Троекурову и думному дворянину М.А.Безнину отвечать: «Казань и Астарахань и ныне в государя нашего воле потому ж, как и у отца государя нашего у великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в послушанье были. И на тех двух государствах сидят государские воеводы, и церкви и монастыри устроены. И ныне Казань и Астарахань в государя нашего воле» [РГАДА, ф.79, кн.15, л.426об.–427]. «А нечто учнут говорить: Государя вашего воеводы ныне для чего были на Казанской земле? И послом говорити, что далние волости луговые, которые поддались ко Сибири, учили было воровати, и государь наш посылал воевод своих князя Дмитрея Петровича Елецкого с товарищи те волости укрепити и воров сыскав перевешати. И государя нашего воеводы тех волостех изменников всех сыскав казнили, а в большой волости в Тутаеве, от которой все воровство ставилось, город поставили. И Казанская вся земля во всей государя нашего воле утвердилась, а ясаки платят государю нашему по-прежнему» [РГАДА, ф.79, кн.15, л. 427–427об.; Карамзин, 1989, кн.3, т.10, прим. 30].

10 февраля 1585 г. приставам Ивану Васильевичу Кобылину и Постнику Огареву было поручено встретить польско-литовского посланника, едущего к Москве. Предполагалось, что посланник может интересоваться событиями в марийских землях, и объяснялось, как приставам необходимо

отвечать: «И нечто спросит, для чего государь сего лета в Казань рать свою посылал? И Ивану и Постнику говорить: Поворовали было луговые люди и дани сполна давати не почали. И городовые воеводы ис Казани и ис пригороды казанских с прибыльными людьми войною на них ходили и воевали. И они, узнав свои вины, государю добили челом, и дань дают по-прежнему. И в Луговой стороне велел государь поставити город, имя ему Царев город» [РГАДА, ф.79, кн.15, л.554об.–555].

Осенью 1584 г. в построенный город направили на воеводство князя Ивана Андреевича Ноготкова-Оболенского с войском и припасами [РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.47; РК 1475–1598, с.349]. В крае еще было неспокойно, поэтому в разрядной книге указывается, что воеводы «в казанские места ходили луговые черемисы воевать» [РК 1559–1605, с.213], но восстание уже пошло на убыль. Сменявшие друг друга рати обескровили повстанцев, их отряды были разбиты, селения разорены, а в центре земель возведена крепость. Существенной помощи от Крыма, Турции, Ногайской Орды не последовало. Сибирское ханство получило смертельный удар от казаков Ермака и доживало последние дни. Использование в замирении края не только силы, но и дипломатии стало давать результаты. Сложившим оружие были обещаны амнистия и щедрые подарки [Щербатов, 1789, т.6, ч.1, с.14]. Летопись сообщает, что марийцы «к такому праведному государю, без войны и без крови приидоша вси покорением и прошаху милости» [ПСРЛ, 14, с.36; Татищев, 1966, т.6, с.282]. В одной из летописей говорится, что «в лето 7093 добили челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси черемиса вековым миром» [Тихомиров, 1951, с.228].

В конце февраля в Речь Посполитую был направлен гонец Иван Всеволожский. Ему в наказе поручили говорить, что государь «по Волге и по Каме по реке и на Луговой стороне многие города поставил и многих князей и детей боярских в Казани и по городом казанских пригородов устроил» [РГАДА, ф.79, кн.15, л.608]. Далее в наказе вновь сообщается о Цареве городе на Кокшаге и впервые упоминается о Царевосан-

чурске: «А нечто спросят: для чего государь сего лета в Казань рать свою посылал? И Ивану говорити: Поворовали были луговые люди дальние, дани сполна давать не почали и к воеводам в Казань и в пригороды в казанские ходить не почали. И государевы воеводы ис Казани и ис пригородов казанских с прибыльными людьми войною на них ходили и их воевали. И они, узнав свои вины, государю добились челом, и дань дадут по-прежнему. И в Луговой стороне велел государь поставити за то два города Царева» [там же, л.608–608об.].

О строительстве Царевосанчурска в разрядной книге под 1585 г. записано: «Тово же году по государеву указу поставили город Санчурской на Луговой стороне, а для береженья воинских людей воеводы были по полком: в большом полку воеводы князь Григорей Осипович Засекин да Меньшой Григорьев сын Волынской; в передовом полку Микифор Павлов сын Чепчюгов да Иван Ермолаев сын Товарыщев; в сторожевом полку Замятня Ондреев сын Безстужов» [РК 1475–1605, т.3, ч.2, с.64–65; РК 1550–1636, с.19]. В летописи конца XVI в., опубликованной М.Н.Тихомировым, написано, что в «(70)93¹ году поставлен Шанчюгин» [Тихомиров, 1951, с.94]. Окончательное прекращение марийцами восстания могло случиться весной 1585 г.

Дольше всего сопротивление продолжалось в Приуралье, где власть русской администрации была еще слаба и куда отступили уцелевшие повстанцы. Там продолжали восстание башкиры, татары, восточные марийцы, ханты и манси. Летом 1585 г. против них из Казани направили войско. Во главе верных правительству татар стоял голова Федор Иванович Туров. Голова Залешенин Никифорович Волохов командовал отрядами, прибывшими из Костромы, Суздаля, Ярославля, Владимира, Арзамаса и других верхневолжских городов. «И они ходили до селяных озер, и бився с башкирцы, возвратишася назад». В следующем 1586 г. эти же головы с отрядами, «которые преж сего были с ними», вновь по приказу царя совершили поход на Урал и «з башкирцы и з

сибиряны билися и бився... острог поставили». Так было положено основание Уфимской крепости на реке Белой [Корецкий, 1968, с.128].

Особенностью восстания было незначительное участие в нем и роль родовой и феодальной знати, которая или погибла в предшествующих восстаниях, или навсегда покинула регион. Те же, которые уцелели, были или выведены в центральные районы России, или своей усердной службой смогли зарекомендовать себя верными сторонниками правительства. Третья Черемисская война была в большей степени крестьянской, нежели предыдущие восстания, и во многом уже антифеодальным по характеру выступлением, но по форме еще оставалась национальным.

Вернувшиеся после поездки летом 1586 г. в Польшу Федор Михайлович Троекуров, Федор Андреевич Писемский и дьяк Дружина Петелин сообщали, что пань Рады говорили им о том, что казанские люди не подчиняются московскому государю. На это русские послы возражали, говоря, что «казанские люди все служат государю нашему по-прежнему. А после преставления отца своего государь наш в Казанской земле поставил многие города и укрепил казанские города так, как преж тово казанские люди николи крепки и послушны не бывали. И то таки не так же как вы говорите» [РГАДА, ф.79, кн.15, л.363].

Последняя, Четвертая Черемисская война произошла зимой 1591/92 г., когда Россия вела тяжелую войну против Швеции и Крыма. Король и хан договорились о совместном выступлении против России и в 1590 г. начали войну. Крымцы в 1591 г. смогли в последний раз прорваться к Москве [ПСРЛ, 15, с.10–14; РГАДА, ф.123, кн.19, л.186об.–187; Новосельский, 1948, с.433].

Восстание началось, как всегда, в начале зимы и было сравнительно небольшим. В разрядной книге имеется лишь краткая запись о том, что «зимою изменили государю казанские луговые черемисы 12 волостей» [РК 1475–1605, т.3, ч.3, с.25]. По словам И.Масса, они разоряли окрестности городов, но представляли собой «развращенную шайку, подстрекаемую несколькими негодьями, бывшими ее атаманами» [Масса,

¹7093 г. соответствует 1 сентября 1584 г. – 31 августа 1585 г.

1937, с.36]. Против восставших направили войско из трех полков, сформированное преимущественно из немецких, литовских и польских наемников и гарнизонов понизовых поволжских городов. Большой полк возглавляли В.В.Головин и голова Л.Д.Ладженский. Во главе передового полка стояли Ф.В.Головин и голова Б.В.Воейков. Над сторожевым полком поставили П.П.Головина и некоего голову, имя которого в разрядах не называется. Лишь только стало известно о приближении войск, «мятежники сами разошлись и рассеялись» [там же; РК 1475–1605, т.3, ч.3, с.25].

Видимо, прямым следствием похода стало возведение еще одной крепости на марийской земле – Яранска. По охвату территории, количеству участников, жесточечности и продолжительности это восстание не сопоставимо с прочими, но оно завершило эпоху Черемисских войн, растянувшуюся на 40 лет, и было органично с ними связано, поэтому должно рассматриваться вместе с ними. С окончанием этого небольшого и самого бескровного восстания Черемисские войны завершились, хотя и в последующие годы марийцы неоднократно брались за оружие. Так, персидский дипломат Орудж-бек Баят, проехавший по Волге в 1599 г., оставил запись о том, что в Казани и Нижнем Новгороде имеются сильные гарнизоны и там постоянно опасаются нападений татар и турок(?) [Проезжая по Московии, 1991, с.172–176]. Очевидно, дипломат под турками имел в виду черемис, наименование которых он или не знал, или забыл. Выступления поволжского населения происходили и в XVII и XVIII вв., но характер их был уже иным. Если во время Черемисских войн восставшие в той или иной мере стремились к достижению независимости, то впоследствии народные восстания приобрели антифеодальный ха-

актер и слились с антикрепостническим движением русского крестьянства, посадского населения и казачества.

Негативным следствием завоевания Среднего Поволжья стало сокращение численности коренного населения погибшими, эмигрировавшими и принудительно выведенными из края. Определить эти изменения не представляется возможным, но указываемые писцовыми книгами пустоши свидетельствуют о их многочисленности. По мнению Д.М.Исхакова, только татар за полвека уменьшилось примерно со 120–240 до 120–170 тыс. [Исхаков, 2005, с.59]. Многие навсегда покинули родину, ушли на Урал и в иные места. Оставшиеся скорбели о потере независимости. Английский путешественник Д.Горсей, в 1573–1591 гг. неоднократно бывавший в России по делам Московской компании, написал о завоевании Поволжья, что «это разорение до сего дня служит темами для скорбных рассказов и песен среди тех народов» [Горсей, 1990, с.51]. В ходе событий второй половины XVI в. произошло перемещение татарского населения из-под Казани, в том числе и в марийские земли. Этому способствовали союзнические отношения между марийцами и татарами. Группа татар появляется на р. Вятка близ Уржума и Малмыжа, в современном Параньгинском районе Республики Марий Эл, именуемая ципьинско-малмыжской подгруппой. Частично местное марийское население было ассимилировано татарами [Татары, 1967, с.39–40; Исхаков, 1995, с.270–271].

Прекращение Черемисских войн означало окончание борьбы за Поволжье, ставшее частью Российского государства. Этому способствовала и утрата интереса к Среднему Поволжью со стороны мусульманских государств, ранее активно принимавших участие в событиях региона.

ГЛАВА 2

Присоединение Нижнего Поволжья к Московскому государству

Вадим Трепавлов

До середины XVI в. Россия находилась далеко от волжских низовьев и не вмешивалась активно в тамошние дела. Политическое присутствие Москвы стало ощущаться с 1540-х гг. Один из свергнутых астраханских ханов, Дервиш-Али, поселился на Руси под покровительством царя. К тому времени в Московском государстве обреталось уже несколько царевичей из Хаджи-Тархана, и русское правительство могло выбирать из них желательного претендента на ханствование (обширный опыт посажения зависимых монархов был отработан в Казани). Ногаи настаивали на воцарении Дервиш-Али, уверяя, что он будет верен и им, и Ивану IV. Царь долго колебался, потому что вмешательство в дела Астрахани, выступление против тогдашнего астраханского хана Ямгурчи грозили вылиться в конфликт с Крымом. Да и выгодная торговля по Волге, ввоз волжской рыбы на Русь, активная работа рынков Астрахани удерживали русское правительство от войны.

Однако после взятия Казани московское правительство решило распространить свое влияние на все Поволжье. В отношении Астраханского ханства не действовали доводы, которые могли оправдывать завоевание ханства Казанского. Комплекс реальных и надуманных причин этого завоевания (прекращение татарских набегов; освобождение из плена множества русских невольников; пополнение земельного фонда для раздачи дворянам плодородных угодий; овладение торговыми путями; торжество православия над исламом) был не применим к Астрахани, за исключением разве что последнего пункта. Нижневолжский юрт всегда являлся для России сравнительно безопасным, отдаленным, был окружен не благодатными пашнями, а полупустынями. Поэтому для обоснования астраханской кампании возникла иная идея – о тождестве татарской

Астрахани с древней Тмутараканью – уделом князя Мстислава Владимировича (XI в.) и потому якобы исконной вотчиной великого государя [Соловьев, 1989, кн.3, с.468].

* * *

Дервиш-Али приехал в Москву в октябре 1551 г. На царской аудиенции он бил челом, чтобы государь «учинил его на Астарахани». Но царь, подумав с боярами, решил «пожаловати Дервиша царя городом Звенигородом», куда тот и отбыл в марте 1552 г. [Собрание, 1819, с.48–50]. Ногайским союзником было послано сообщение, что астраханец милостиво принят и пожалован; царь просил отправить в Звенигород семью Дервиш-Али (которая жила в Ногайской Орде) и обещал со временем послать на Астрахань свое войско «в судех, со многими пушками и пищальми» [Посольские, 2006, с.81, 82].

Если глава ногаев, бий Юсуф, без энтузиазма отнесся к затее войны России с Астраханским ханством (и неминуемой ссоры с Крымом), то для его брата и фактического соправителя, нурадина¹ Исмаила, план посадить там на престол Дервиш-Али превратился в навязчивую идею. В 1551–1552 гг. Исмаил многократно предлагал царю Ивану идти на Ямгурчи, заменить его на Дервиш-Али (как когда-то на Шейх-Али в Казани) и обещал свою помощь. Приемы убеждения он придумывал разные: то заверял адресата в нерушимой преданности претендента, своего «сестринича», царю и ногаям; то предлагал держать в Москве сына Дервиш-Али в залог лояльности отца; то приводил в пример кабардинцев, которые в свое время дважды сажали ханов в Астрахани.

¹ Нурадин – второе после бия лицо в Ногайской Орде, правитель поволжских кочевий и глава правого крыла ополчения.

Иван IV не отказывался и даже поддакивал, напоминая о своей прежней дружбе с Ак-Кобеком, но всякий раз твердо заявлял, что на первом месте для него сейчас стоит «казанское дело». А вот после взятия Казани он решил взяться за решение астраханского вопроса. Его постоянно торопил Исмаил, который недоумевал, почему царь держит Дервиш-Али в Звенигороде и ни отпускает его в Ногайскую Орду, ни снаряжает рать на Нижнюю Волгу. Исмаил напоминал, что одним ногам не под силу захватить Хаджи-Тархан, так как у них нет огнестрельного оружия.

Наконец было решено, что русское войско двинется по реке в судах, а ногайская конница берегом. Если удастся взять город, то царским «воеводам посадити на Астрахань царя Дербыша, а Исмаилу сына или племянника» – видимо, на пост беклербека при хане. Сразу после этого Исмаил должен начать вооруженную борьбу с бием Юсуфом. Окончательно эти условия были закреплены на переговорах ногайского посольства в русской столице в октябре 1553 г. (см.: [Книга, 1850, с. 73–75; Летописец, 1895, с.11; Никоновская, 1904, с.235; ПСРЛ, 29, с.225; Посольские, 2006, с.131, 133; РГАДА, ф.181, оп.1, д.49, л.177 об., 178]. Непосредственным поводом к войне стал «бесчестный» прием (арест и ссылка на морской остров) Ямгурчи-ханом московского посла С.Авраамова – вопреки прежним ханским намерениям шертовать царю Ивану [Никоновская, 1904, с.235; Зайцев, 2006, с.147, 160].

Царь наметил завоевание Астраханского юрта на ближайшую весну. В официальное идеологическое оправдание войны входила и оборона ногайских союзников от набегов хана Ямгурчи (см.: [ПСРЛ, 21, с.653; Лызлов, 1787, с.197; РГАДА, ф.181, оп.1, д.49, л.177 об.].

В феврале 1554 г. к Исмаилу был послан Микула Бровцын. Он должен был конфиденциально («приступяся... блиско, молвить... тихо») изложить план кампании и участия в ней исмаиловых ногаев. На них возлагалась задача дожидаться армию воеводы Ю.И.Шемякина-Пронского у Переволоки; затем отрядить часть людей на корабли, а остальным идти к Астрахани; по взятии ее

назначить туда бека («своего князя доброго, которой бы умел юрт здержати»), а также выделить необходимую свиту и охрану для нового хана Дервиш-Али. При хане был предусмотрен русский советник, но если Исмаил и Дервиш-Али не увидят в нем необходимости, то пусть отправят его на Русь. Тех астраханцев, что наверняка побегут из города, надлежит успокоить и убедить вернуться. После устройства дел Исмаилу предлагалось послать Ивану IV свои предложения по укреплению нового режима в ханстве, «чтобы на нем Дербыш царь вперед жил неподвижно» [Посольские, 2006, с.141, 142].

После ледохода войско князя Шемякина-Пронского выступило на юг. Оно насчитывало 30 тыс. человек [Зайцев, 2006, с.152]. Но ногайских союзников на условленном месте встречи не оказалось. Исмаил не рискнул принять участие в походе, потому что как раз в это время, летом 1554 г., началась его ожесточенная борьба с бием Юсуфом. «Сказание» о взятии Астрахани кратко сообщает, что он «завоевался» и оттого не явился к Переволоке [РГАДА, ф.181, оп.1, д.49, л.177 об.]. М.Бровцын, все еще сидевший в ставке нурадина, рассказал впоследствии об этом подробнее. Хотя Исмаил и велел своему писцу скопировать царский план войны, но заявил, что «ему не до Астрахани, [а] до себя». Правда, чувствуя вину перед московским союзником, он послал верховых искать на Волге Дервиш-Али и Пронского, чтобы объяснить ситуацию и, может быть, отговорить их от продвижения к Хаджи-Тархану, но те уже ушли вперед, не дождавшись ногаев [Посольские, 2006, с.153, 154].

2 июля 1554 г. столица ханства была занята русскими без малейшего сопротивления¹. Ямгурчи бежал в азовские степи (русские поспешно и ошибочно объявили, будто он утонул в Волге [Сб. РИО, т.59, с.448, 450]). В юрте воцарился Дервиш-Али. При нем состоял наместник-протектор – давний

¹И.В. Зайцев предполагает, что это событие в официальных русских документах могло быть искусственно приурочено к церковному празднику Ризоположения Пресвятой Богородицы, тогда как действительное занятие Астрахани произошло позже [Зайцев, 2006, с.153, 154].

знаток татарских и ногайских проблем, искусный дипломат Петр Тургенев. Поскольку ногаи не приняли участия в кампании, вопрос о введении должности беклербека «князя» даже не поднимался. И вообще интересы Ногайской Орды были в целом проигнорированы. Те сорок тысяч алтын (по русскому счету 1200 рублей), что когда-то заволжские бии пробовали взимать с Астрахани, Дервиш-Али должен был теперь ежегодно отчислять в Москву, вместе с овцами, лошадьми и тремя тысячами осетров¹.

В улусы юрта были разосланы грамоты с гарантиями безопасности для населения. Оно, первоначально напуганное приходом «неверных», стало возвращаться на свои прежние места. При упоминании об этом событии источники называют 17000 (или 7000) «черных и кочевных» людей – простолюдинов, 3000 представителей мусульманского духовенства и 500 представителей правящей элиты – беков, мирз и огланов [Зайцев, 2006, с.159]. К царским воеводам прибыла депутация от татарской знати с изъявлением своей готовности подчиниться и служить московскому царю и новому хану Астрахани.

Первое время Дервиш-Али соблюдал лояльность к старшим государям – Ивану IV и Исмаилу (тот в конце 1554 г. сверг Юсуфа и стал ногайским бием). Он доводился последнему племянником по матери, а с недавних пор еще и зятем, мужем дочери. Исмаил высказывал в переписке с царем полное удовлетворение и предлагал дальнейшее сотрудничество по укреплению власти Дервиш-Али и русско-ногайского союза. В частности, до Ивана IV доводилась мысль об охране астраханцами волжских переправ, «чтобы водным путем не пришли к Астрахани» враги, а сам Исмаил обязался «полю рати не пустити» [Посольские, 2006, с.155, 156]. Рать ожидалась и со стороны Крыма, и от свергнутого Ямгурчи-хана.

Однако союзнические настроения у русского и ногайского ставленника вскоре поухли. Недолго пожив под унижительным присмотром московских резидентов и под постоянной угрозой крымского вторже-

ния, Дервиш-Али решил сменить патрона и демонстративно стал налаживать связи с Бахчисараем. Тем более, что к этому его подвигала коалиционная политика крымского хана Девлет-Гирея I. В противовес бию Исмаилу Дервиш-Али задумал поддержать «казачествующих» ногайских мирз – сирот бия Юсуфа, которые уже успели к тому времени убедить Девлет-Гирея предоставить им помощь против Исмаила, убийцы их отца. При крымском дворе обретался и Ямгурчи. Бывший хан однажды уже направил своих пищальников в составе совместного войска Юсуфовичей и Ямгурчи на свержение Дервиш-Али и изгнание русских из Астрахани. Хотя они и были отбиты от города, Дервиш-Али решил более не злить многочисленных и агрессивных крымцев.

Из Бахчисарая он пригласил к себе в наследники-калги царевича Хаспулад-Гирея, а Юсуфовичам обещал помогать против Исмаила. Обрадованные «казаки» прогнали от себя Ямгурчи², с астраханским же правителем заключили шертное соглашение о союзе против бия. Дервиш-Али помог им переправиться через Волгу с Крымской (западной) стороны на Ногайскую (восточную).

Соответственно у него произошел полный разрыв с русским протектором Тургеньевым, который пытался отговорить своего подопечного от рискованных авантур. По одним сведениям, Тургеньев сам выехал из Астрахани, превращающейся во враждебное России государство, по другим, был выгнан Дервиш-Али [Посольские, 2006, с.156, 157, 177]. Узнав о смене политиче-

² Неудачный ногайско-крымский приступ к Астрахани состоялся осенью 1554 г. После этого Ямгурчи исчез из виду, и лишь почти через год появились известия о его гибели. Кремлевское дипломатическое ведомство хвастливо приписало себе инициативу убийства хана (см.: [Сб. РИО, т.59, с.479]). Однако посольские донесения гласят, что «Ямгурчя царя Гази мирза убил» [Посольские, 2006, с.177]. Следовательно, московские интриги здесь, скорее всего, ни при чем: основатель Малой Ногайской Орды в Предкавказье Гази б. Урак в то время не имел никаких контактов с русскими властями.

Имя предпоследнего хана сохранилось в астраханской топонимике: Ямгурчиев мост через реку Кутум, Ямгурчиева (Огурчиева) слобода [Зайцев, 2006, с.171].

¹ Сведения источников о размерах астраханских выплат и анализ см.: [Зайцев, 2006, с.163].

ской ориентации вассального хана, Иван IV направил на юг отряд стрелецкого головы Григория Кафтырева. Тот встретил по дороге Тургенева, и вместе они въехали в Астрахань. Город был безлюден: все жители во главе с ханом бежали, напуганные слухами о царском приказе расправиться с ними. После объявления об «отдаче» (отмене) государем выплаты астраханцами дани за текущий год беженцы возвратились.

Новым представителем московского царя был назначен Леонтий Мансуров. Он устроил свою резиденцию в «малом городе у Волги» – одном из двух обнесенных камышовыми стенами городков, из которых, вероятно, состоял Хаджи-Тархан того времени. В другом городке жил Дервиш-Али¹.

В начале 1556 г. астраханский хан пошел на прямой разрыв со своим московским покровителем. По его приказу были убиты царские гонцы, а Мансуров едва успел уплыть на судах от татар, неожиданно напавших на «малый город» [ПСРЛ, 20, ч.2, с.568].

Так Дервиш-Али превратился в противника Ивана IV. Ценой уступок и интриг он сумел избежать войны с Крымом, но навлек на себя новую экспедицию с севера.

Между Посольским приказом и ставками высших ногайских мирз засновали гонцы. Кочевники и Москва разрабатывали очередной план усмирения Астраханского ханства. Правда, опыт сотрудничества с ногаями во время предыдущего занятия Хаджи-Тархана (1554 г.) не позволял Ивану IV рассчитывать на активную помощь из степи; к тому же Исмаил, по вине Дервиш-Али, вынужден был теперь сражаться с прорвавшимися за Волгу племянниками. Поэтому на сей раз от бия требовались не войска, а лишь пять-шесть агентов-информаторов, которые осели бы в городе после будущего занятия его воеводами и сообщали бию обо всех тамошних делах. Кроме того, в случае поражения в династических схватках Исмаилу предлагалось не искать себе иного убежища, кроме Астрахани. Воеводам же будет дан приказ «в Астарахани всем покоити» бия и «промышляти заодин» против

его недругов. Если Астрахань царю взять не удастся, то для поселения главе Ногайской Орды предназначалась Казань [Посольские, 2006, с.187, 188, 211].

Исмаил со своей стороны настаивал на радикальном решении астраханского вопроса. Он призывал направить в волжские низовья большое войско и уничтожить город со всем населением («одново б дыму не оставил еси»). А если Иван Васильевич решит, будто после этого «бес царя (хана. – В.Т.) и бес татар быти нелзе», то пусть посадит на трон служилого царевича Кайбулу, сына одного из астраханских ханов Ак-Кобека; «а похочешь татар – ино татар мы добудем» [Посольские, 2006, с.203, 204, 208].

25 сентября 1556 г. русская армия вновь, как и два года назад, без единого выстрела и каких-либо препятствий заняла опустевшую столицу юрта. Хан и жители бежали, спасаясь от вражеского наступления. Перед этим они «выжгли» город. Место династии Чингисидов заняли царские воеводы Иван Черемисинов и Михаил Колупаев.

«Казачествующие» сыновья покойного ногайского бия Юсуфа решили заглядить вину перед Москвой – свое участие в крымском походе на Астрахань осенью 1554 г. и опоре на ренегата Дервиш-Али. Бежавший астраханский хан был разгромлен ими. Пушки, присланные ему из Крыма Девлет-Гиреем, мирзы отобрали и привезли воеводам в Астрахань. А «Дербыш побежал в Азов, а оттоле к Меки» [Книга, 1850, с.105, 106]². Сыновья его (так же, как и часть астраханской знати) укрылись в османских владениях [Путешествия, 1954, с.89; Зайцев, 2006, с.174].

* * *

Ордынский Хаджи-Тархан стоял на западном берегу Волги и после присоединения к России подвергался опасности крымского нападения. В 1558 г. началось возведение новой Астрахани на противоположной стороне, на которой обитали дру-

¹Аргументированное предположение о такой топографии татарской Астрахани XVI в. высказано И.В.Зайцевым [Зайцев, 2006, с.167, 168].

²Отправление в хадж было символическим поступком. С IX в. в мусульманском мире действовал порядок, в соответствии с которым паломничество правителя в Мекку означало его демонстративный отказ от престола и признание своего поражения в борьбе с противниками.

жественные ногаи. Возвращение прежнего тюркского населения, оставившего город в сентябре 1556 г., стало теперь еще более проблематичным. Часть беженцев полонили донцы и ногаи¹, часть удалилась во владения Гиреев и Гази б. Урака, и лишь некоторые вернулись назад. Но в целом повторного заселения ими Астрахани на новом месте не произошло. Возможно, в истории ее тюркского населения возникла пауза, которую астраханский историк В.М.Викторин назвал «интерстадиалом» и которая была прервана в первой трети XVII в. массовой миграцией на Нижнюю Волгу жителей распадающейся Ногайской Орды (см.: [Викторин, 1991, с.48, 49])².

Правитель Ногайской Орды ничем не проявил себя во время завоевания ханства. Однако его претензии и притязания к царю Ивану были настолько велики, как будто это он обеспечил присоединение Нижнего Поволжья к России. Десятилетия спустя его потомки именно так и думали: «Прадед наш Исмаил князь вместе с государевыми людьми Астарахань взял» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1635 г., д.4, л.55], не имея для этого никаких оснований. Иван IV вынужден был терпеливо разбирать бесконечные обращения бия. Шло выяснение отношений по следующим вопросам: участие ногаев в управлении юртом; взимание в их пользу определенных платежей; судьба астраханских тумачков; строительство нового ногайского города.

Из одного из посланий бия от сентября 1558 г. явствует, что перед решающим походом русских на Астарахань в 1556 г. между

ним и царем существовала договоренность о разделе собственности и власти: «Взяв Астарахань, животы (т.е. имущество. – В.Т.) было имати тебе себе, – пишет Исмаил Ивану, – а голову (т.е. главенство. – В.Т.) отдати было тебе мне» [Посольские, 2006, с.279]. Но Иван IV забрал все управление покоренным «царством» в свои руки. Впрочем, в сохранившихся документах кануна похода нет данных о подобных условиях и соглашениях. Да и годом раньше Исмаил предлагал на место астраханского хана не себя, а служилого царевича Тохтамыш б. Шейх-Аулиара, который, дескать, был бы любезен местным жителям и полезен для борьбы с Крымом. Царь и на этот раз оставил идею с вассальным монархом без внимания [Вельяминов-Зернов, 1863, с.427]. Столь же безуспешно пытался добиться от него «Темир Кутлуева царева» престола мирза Али б. Юсуф в 1557 г. [Посольские, 2006, с.240]. Но проекты интронизаций были единичными. Гораздо более настойчиво бий обсуждал финансовые вопросы.

Уже цитировались его высказывания о причитающихся ему выплатах, которые шли в пользу ногаев в прежние времена, «в Астарахани коли царь был и царевичи». Исмаил называл то точную сумму (сорок тысяч алтын), то две трети тамги (торговой пошлины). «И яз жидал астарахансково взятия, – делился он чаяниями с Иваном IV, – тово для: яз был надеялся всю Астарахань себе. И ныне изо всее тамги не дал ничево» [Посольские, 2006, с.248, 258, 260, 279, 328]. В намерения поживиться доходами он посвятил воеводу Ивана Черемисинова, но получил отпор. «Не дам тебе ни пула без государева ведома! – жестко отрезал тот. – Пошли... о том ко государю» [Посольские, 2006, с.248]. Государь же сперва недоумевал («А что будто мы тебе хотели Азторохань дати, и то в слове не бывало; также и о тамге слово не бывало»), а затем принимался объяснять, почему удовлетворение запросов Исмаила невозможно. Во-первых, коммерция в завоеванных областях пока не развернулась – «в Астарахани ещо тамги мало, торг не бывал...». Во-вторых, все те скудные сборы, что удастся получить, тратятся на жалованье служилым людям, и после этого не остается и десятой части доходов, а

¹ В наказе Мокею Лачинову, который направлялся к «казачеству» ногайскому мирзе Али б. Юсуфу в феврале 1557 г., содержится просьба Ивана IV освободить астраханских «черных людей», что попали в руки Юсуфовичей при разгроме ими Дервиш-Али, и отпустить их жить обратно в Астарахань (если они того пожелают) [Посольские, 2006, с.239]. Осенью 1557 г. Исмаил просил царя выдать ему весь астраханский полон, который отобьет у донских казаков русская рать. Бий рассчитывал, что приток новых подданных станет ему подспорьем, чтобы «юрта строити» [Посольские, 2006, с.258].

² Вопрос остается дискуссионным см.: [Джуманов, 2009; Сызранов, 2010]. Впоследствии за счет переселений в регион некоторых улусов Малых Ногаев составились этнические общности карагашей и кундровцев (см.: [Небольсин, 1852, с.77–108; Викторин, 1983; Идрисов, 2005]).

не то что одной или двух третей. В общем, «и ныне тебе тамги давати нечего. А нечто вперед учнет у людского жалования тамги оставатися, – пробовали подсластить отказ царские посланцы, – и государь тогда тебе велит давати что ся учнет оставати» [Посольские, 2006, с.267, 287, 288].

Твердо стояли правительство и воеводы в вопросе о территориях. Исмаил пытался убедить их, будто отдельные местности и острова волжской дельты являлись местом кочевания его предков, проживавших некогда в астраханских пределах; кроме того, он просил передать в его владение оба берега волжской протоки Бузан, подчеркивая при этом минимальность своих пожеланий («Не токмо что Бузан – яз надеялся тово, что ты мне дашь все устья волжские»). Русские требовали доказательств, а их не было. Из Москвы веско отвечали: «Про те есмья места сыскати (сведений. – В.Т.) не могли. И то есмья не слыхали, чтоб нагаиские мурзы были в Асторохани»; «А о Бузане есмья сыскавали, ино сказывают: изстари по Бузану был рубеж астороханской при прежних царех... И ты б с своеи (т.е. восточной. – В.Т.) стороны по Бузану людем своим велел кочевати, а за Бузан бы не перелазили»; «Бузан изстари астороханских людей пашни... и Исмаил бы в Бузан не вступался» [Посольские, 2006, с.260; РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.45, 45 об., 49–50, 56 об., 57, 80 об.–81 об., 111 об., 112, 115, 133 об.].

Немного большую сговорчивость Москва проявила по тумакам – оседлым переселенцам из Ногайской Орды. Видимо, в годы междоусобиц и голода в Ногайской Орде середины 1550-х гг. их скопилось в Астраханском юрте значительное количество. И вот теперь бий предлагал передать ему все права на управление тумаками, а для удобства поселить их в одном месте – на Бузане. Царь не возражал против ногайского подданства этой категории оседлых (мы-де их не держим – «люди они волные»), но противился их размещению на Бузане. Было опасение постоянных ссор их с местным населением, ведь «Бузан у астраханских людей – весь корм». Иван Васильевич рекомендовал Исмаилу расселить подданных по Яику, в глубине ногайских владений. Очевидно, тот внял совету, так как в 1562 г. сообщал о

своих тумаках, которые «живут по Яику... и приходят на Волгу холстов покупать» [Посольские, 2006, с.337; РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.12 об., 13, 26 об., 35–36, 56 об.].

Ко всем этим проблемам добавлялась мечта Исмаила о собственном городе в окрестностях Астрахани и взимании всех доходов от него в бийскую казну (вместо астраханской тамги). Русская сторона все взывала к рассудительности знатного собеседника и пыталась отговорить: «У города другой город как ставити?»; «А города блиско Асторохани ставить непригож» и т.п. [Посольские, 2006, с.267, 268; РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.26, 26об.].

В целом, почти все домогательства главы ногаев получить доступ к управлению или финансам бывшего Астраханского ханства закончились неудачей. Следует, наверное, согласиться с мнением Е.Н.Кушевой: неуступчивость московских инстанций оказалась успешной и непоколебимой из-за шаткого положения Исмаила в Ногайской Орде (Кушева, 1950, с.246; Кушева, 1963, с.193). Хотя формально он и остался победителем, сохранив высший пост, все-таки врагов среди сородичей у него появилось больше, чем у любого его предшественника-бия.

* * *

Русское завоевание Хаджи-Тархана возмутило крымцев. Идея вызволения его из рук «неверных» десятилетиями тлела в Бахчисарае, и Гирей то и дело заводили об этом разговор, а в 1569 г. безуспешно попытались вместе с турками отвоевать город¹. В грамотах Ивану Грозному хан Девлет-Гирей I неоднократно заявлял о своих правах на Астраханский юрт. Сначала он утверждал, будто Гирей имели там вотчинные владения наряду с потомками Тимур-Кутлуга: «А блиско Асторохани у Волги по берегу дедов наших юртов и вод не видал еси. В ыное время отцы наши, а в ыные времена Темир-Кутлуев род владели ими, а они нам не в чюжих же» («деды» и «отцы» – здесь в значении «пред-

¹Об этой проблеме в контексте русско-крымских и отчасти русско-турецких отношений второй половины XVI в. см. подробно [Виноградов, 2007], в общем контексте отношений между мусульманскими государствами – см.: [Беннигсен, Бериндей, 2009; Каррер д'Анкос, 2009].

ки». – *В.Т.*) Затем он (как и впоследствии его преемник Мухаммед-Гирей II) объявил себя законным и наследственным претендентом на завоеванные царем поволжские ханства: «А Казань и Асторохань наши юрты были, из наших рук взяла еси»; «а прежних наших дедов и отцов юрты были Крым и Асторохань»; «а просили есмья... Астороханского юрта того для, что тот юрт изстари прародителей наших» и т.п. Москва уверенно парировала, что «у крымских царей николи Казань и Асторохань не бывала, и от их роду на Казани и на Асторохани не бывали, и от своих рук царей не посылавали» [РГАДА, ф.123, оп.1, д.13, л.175; д.14, л.38 об., 159 об., 177; д.15, л.367].

Эта отповедь, однако, являлась небезупречной. Во-первых, на протяжении первой половины XVI в. в Казани правили три хана из династии Гиреев. Во-вторых, известно о двукратном занятии Хаджи-Тархана крымскими войсками, причем в 1523 г. именно «от своих рук» хан Мухаммед-Гирей I посадил на астраханский трон своего сына Бахадур-Гирея (правда ненадолго, поскольку почти сразу после этого оба Гирея были убиты ногаями).

В 1572 г. крымский вельможа объяснил русскому послу, что настойчивость Девлет-Гирея объясняется заботой о сохранении престижа в глазах османского падишаха: «А не даст (Иван IV хану. – *В.Т.*) Казани и Асторохани, и он бы дал одну Асторохань для того, что ему сором от... турецкого, что он со царем и великим князем воюетца (здесь подразумевалось прежде всего сожжение татарами Москвы в 1571 г. – *В.Т.*), а ни Казани, ни Асторохани не возьмет и ничего с ним не учинит» [РГАДА, ф.123, оп.1, д.14, л.169–169об.]. Впрочем, это была не единственная причина крымских притязаний на Нижнее Поволжье.

Только после многолетней дипломатической кампании и ценой значительного увеличения «поминок» (подношений) русской стороне удалось добиться прекращения подобных, пусть и декларативных, притязаний Бахчисарая на бывший Хаджи-Тархан.

* * *

С самого начала правления русских воевод в завоеванном Астраханском ханстве

обнаружились противоречия в их ногайской политике. Чем бы ни прельщал царь бия Исмаила, склоняя его к поддержке завоевания Нижнего Поволжья, в действительности интересы степных соседей учитывались Москвой в наименьшей степени.

Уже в сентябре 1556 г. воеводы новоприсоединенного «царства» И.Черемисинов и М.Колупаев рапортовали, что «укрепились в городе», дабы «безстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрелцов розставили, и отняли всю волю у Нагай и у астраханцев рыбные ловли и перевозки все» [Никоновская, 1904, с.274]. Исмаил, отбивавшийся тогда от враждебных мирз, не имел ни сил, ни времени отстаивать какие-то свои полномочия в Астрахани перед грозным московским покровителем. В мае 1557 г. он прислал к воеводам сыновей для торжественного объявления «правды» от лица бия и всех мирз его лагеря. Они обещали «прямить во всем» государю и даже побратались с Иваном Черемисиновым. Следующую зиму Исмаил провел возле города; его улусы «торговали и зимовали... поволно и полюбовно» [Книга, 1850, с.109; Летописец, 1895, с.71; Никоновская, 1904, с.281].

При учреждении воеводского управления нижеволжским наместникам предписывалось жить с кочевыми соседями в дружбе, и «торг бы добр давали ногаям». При междоусобных конфликтах на востоке следовало отряжать в помощь Исмаилу стрельцов, а в случае его поражения предоставлять ему приют у городе [Посольские, 2006, с.236, 254, 261, 262]. Уверенные в этих гарантиях, ногаи сначала доверчиво «и кочевали, и зимовали... под Астраханью, торговали и зимовали во всю зиму в Астрахани поволно и полюбовно» [Книга, 1850, с.109].

Но идиллии в отношениях кочевников с царскими наместниками не получалось. Астраханское воеводство пока являлось в сущности российским анклавом. Очутившись в далекой степи, в окружении чуждого кочевого мира, воеводы стремились сразу поставить себя как мощную силу, грозную для жителей соседних юртов. Не прошло и года после учреждения русской администрации в Астрахани, как Черемисинов ногайские «улусы воевал и в полон поимал». Он грабил и захватывал в плен номадов, ко-

торые пытались перебраться на Крымскую сторону через подведомственную ему переправу. Пленных ногаев держали в городе, некоторых продавали «во многие земли».

Не только для выгоды от работоторговли астраханцы совершали набеги на восток. После бегства татарского населения из юрта требовалось заселить бывшую столицу ханства и ее окрестности, чтобы русский гарнизон мог получать содержание и пропитание от местных жителей, не полагаясь во всем на поставки из «верховых» городов. Уже в результате привода полона из первых походов, очевидно, начало формироваться население приастраханских «юртов». Едва ли царские доверенные функционеры, даже оказавшись на огромном расстоянии от столицы, рискнули бы пойти на конфликт с ослабленной, но еще могущественной Ногайской Ордой ради одной наживы. Очевидно, основная цель их действий сводилась к заселению пустого города и его окрестностей, увеличению количества податных людей. Ведь и Исмаил в одном из писем проговорился, что воевода переманивает к себе «наших людей татар, а оманывает их: яз деи вас стану кормити». Позже от описания «бесчинств» Черемисинова бий перешел к просьбам о его замене [Посольские, 2006, с.253, 259, 260].

Иван Черемисинов был заменен Иваном Выродковым. Но у нового воеводы отношения с ногаями складывались еще драматичнее. В отличие от своего предшественника он позволял эмигрантам из Орды переправляться на правобережье. Многие оседали в Астрахани, и воевода отказывался выдавать (высылать) их обратно в степи. Те ногаи, что селились в пределах действия его власти, начинали платить ясак хлебом и рыбой, естественно, в городскую казну, а не в ставку бия. Все это удвоило возмущение Исмаила. Он требовал от царя выговорить наместнику «с лаею» и перестать действовать против его, Исмаила, выгоды [Посольские, 2006, с.298]. Среди прочих, в Астрахани обосновались некоторые сыновья Юсуфа, что тоже выводило бия из себя.

В 1560 г. Выродков «в Сараичюк послал людей войною... да поймали полон». Неоднократно случались мелкие стычки

между ногаями и русскими астраханцами из-за рыбных ловель, охотничьих угодий и проч. Со временем претензии к царским наместникам накапливались. В Астрахань бежали из Орды русские, литовские и немецкие полоняники; воеводы не только отказывались выдавать их обратно, но даже не возвращали мирзам лошадей, на которых совершались побегии. Английский дипломат и путешественник Э.Дженкинсон заметил, что воеводы могли пойти, в крайнем случае, лишь на выдачу нерусских беглецов; русских же освобождали и брали под свою защиту. Для увеличения славянского населения подвластных владений И.Черемисинов склонил к побегу всех русских из владений Исмаила [Английские, 1937, с.267; Посольские, 2006, с.259; РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., д.8, л.4]. Свою кавалерию царская администрация Нижнего Поволжья пополняла путем регулярных угонов ногайских табунов, что тоже вызывало недоумение и протесты кочевых правителей. Не гнушались служилые и грабежом стойбищ [Посольские, 2006, с.313; РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.8; д.7, л.11об.].

Подобные инциденты осложняли и без того непростое положение Исмаила среди мангытской аристократии. «И от которых от своего рода отстал есми тебя для – и яз тем учинился в просмех, и все они мне смеютца, видя войну Ивана Выродкова» [Посольские, 2006, с.324]. Не выдержав нападений русских и нападков ногаев, бий уже начал подумывать о союзе с Бахчисараем. И хотя Выродков не пропустил его посольство к Девлет-Гирею, в Москве поняли, что на Нижней Волге зреет тяжелый конфликт, и в очередной раз постановили сменить наместника в Астрахани. Летом 1561 г. на воеводу была наложена опала, и его, арестованного, увезли ко двору. Астраханские дела возложили на Игнатия Заболоцкого и Григория Злобина. Через несколько месяцев Ивану IV была доставлена грамота Исмаила, в которой он обвинял новых назначенцев в организации угона горожанами ногайских лошадей [РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.8]. Таким образом, отношения между русской администрацией новоприсоединенного «царства» и соседними кочевниками почти сразу были отмечены спорами и скандалами.

Инициатива военных походов в степь исходила от воевод, в столице о ней ничего не знали. Иван IV расвирипел, когда выяснил из писем мирз, что множество ногаев находится в астраханском плену. В 1564 г. воеводам было приказано освободить всех [РГАДА, ф.127, оп.1, д.7, л.14об., 21]. Однако массового возвращения их в Орду, видимо, не произошло, и ногаи расселились в «юртах» под городом.

Недовольство ногайской стороны, как правило, не распространялось дальше жалоб в Москву. Ссориться с воеводами номадам было и опасно, и невыгодно, хотя изредка они добивались опалы особо бесцеремонных наместников. Через Астрахань поступали к ним хлебные и прочие припасы от царя, а с 1580-х гг. и денежное жалованье для биев и мирз.

Важнейшей функцией российских властей был контроль над переправами через нижнюю Волгу, в первую очередь над Астраханской. Эта переправа действовала с незапамятных времен (может быть, с эпохи Великого Шелкового пути), и торговые караваны еще в Золотой Орде «возились» с берега на берег в окрестностях Хаджи-Тархана. Воеводы должны были следить за тем, чтобы противники Больших Ногаев не проникли на левобережье, за обеспечением проезда ногайских посольств, а также улусов, кочевавших часть года на Крымской стороне. Для этого выделялись специальные суда, охрана и перевозчики.

За несколько десятилетий сложилась четкая система осуществления и оплаты переправы, отразившаяся в наказных инструкциях воеводам. На волжские протоки высылались стрелецкие дозоры, дабы никто не сумел форсировать реку в обход заставы и таможенного поста. Устанавливались пошлины за перевоз с пешеходов (1 деньга), с каждой лошади и коровы (по 2 деньга), с телят, овец, возов с поклажей. При отсутствии у проезжих денег допускалось взимание платы скотом («и всякою рухлядью»). Обязательным условием было предъявление перевозчикам «проезжей астраханской грамоты с царской печатью Царства Астраханского», без которой переправа не разрешалась. Лишь бий Большой Ногайской Орды или его послы могли перемещаться

с берега на берег беспрепятственно и бесплатно [АИ, т.3, с.203, 204; ДАИ, т.2, с.87, 88]. Все ограничения касались и русских, и ногаев-кочевников, и юртовцев – полуседлых жителей астраханской округи, которых становилось все больше за счет мигрантов из Ногайской Орды.

Спасаясь от голода и разорения, ее жители в конце 1550-х гг. собирались под защиту русской администрации. Существенной помощи от воевод они тогда не получили [Английские, 1937, с.171, 172], но возможность пользоваться заступничеством стрельцов, торговлей на городском рынке, полями и рыбными ловлями привлекала массы обнищавших степняков. Волжские низовья традиционно служили зимовьем для улусов правого крыла, и ежегодно на несколько месяцев подданные ногайского нурадина подходили к Астрахани. Воеводы никогда не возражали против этого, а, кажется, напротив, видели в сезонном приближении к ним кочевников шанс увеличить число обитателей воеводства, переманить их в «юрты». «А вы и ваши люди приходят к нашей вотчине к Асторохани, кабы к своему городу, кочуют и зимуют, – писал Иван IV мирзе Ураз-Мухаммеду в 1581 г. – А наши воеводы по нашему (в тексте «вашему». – В.Т.) крепкому заказу нигде ничем не крянут их» (т.е. не препятствуют им. – В.Т.) [РГАДА, ф.127, оп.1, д.9, л.268 об.].

Первые упоминания о «юртах» замечены в свидетельствах о начале 1580-х гг. Клерк английской торговой компании К.Бэрроу описал пожар, случившийся в феврале 1580 г. «в поселении ногайских татар в 3/4 мили от астраханской крепости, называемом юртом». По словам англичанина, тамошние ногаи в количестве 7 тыс. человек являются «вассалами русского царя» [Английские, 1937, с.266]. Можно предполагать, что именно в то время определилась правительственная политика по организации «юртов» (дотоле это оказывалось самодеятельностью воевод).

Весной 1582 г. в город из Москвы была прислана группа астраханских татар во главе с неким Токой Илевым. Местные власти были обязаны разместить их с комфортом и почетом. В задачу Илева со товарищи входила вербовка номадов в служилые татары –

«они б себе из нагайских улусов товарищев прибавляли и на нашу службу вперед прибирали». Никого из новонабранных ногаев не следовало отпускать в столицу. Они должны были жить тут же, под присмотром воевод, в качестве «юртовских людей», из которых замыслилось сформировать целую служилую прослойку: «людем бы юртовским держали береженье великое; а нам (царю. – *В.Т.*) они к службе добре добры, чтоб их поболши строити (т.е. лучше организовать. – *В.Т.*), а на службе их было болши того» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.10, л.248 об., 249].

Юртовцы делились на пятерки-табуны во главе с табунными головами. В город они допускались без оружия, небольшими группами и в сопровождении приставов – и только в послеобеденное время, когда прекращали работу базары. Во избежание каких-либо конфликтов с властями «юрты» запрещалось обносить укреплениями (лишь во второй половине XVII в. из-за калмыцких набегов их разрешили окружить изгородью). Вооружение юртовцам выдавалось только на зимнее время, когда ожидался приход калмыков; к лету оно изымалось. По мере распада Большой Ногайской Орды под Астраханью стали селиться не только рядовые улусники, но и мирзы, получая название астраханских. Сначала они имели право вершить суд над юртовцами, но со временем функция судебной «расправы» перешла к воеводам. От этих мирз в город выделялись заложники-аманаты.

Институт и вся система заложничества были заимствованы русскими из тюркоордынской государственности, которая, в свою очередь, унаследовала их из старой мусульманской практики отношений с кочевниками. Первые аманаты были даны ногайским бием Урусом и мирзами крымскому царевичу Мурад-Гирею, присланному Иваном IV в Астрахань летом 1586 г. для налаживания, в том числе, расстроенных отношений с Большими Ногаями. Урус, в то время решивший замирился с Россией, согласился послать заложников именно царевичу–Гирею. Вряд ли он отправил бы родичей непосредственно к воеводам. Но на практике ногайскими аманатами стали расправляться именно они.

Определенные в аманатство по жребию и уговорам родственников, мирзы добровольно соглашались селиться на Закладном дворе на определенный срок (чаще всего на год), до замены другим мирзой, «а неволею... послать в Астрахань в заклады им не уметь» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1623 г., д.1, л.44]. Отправляться в аманаты на долгое время вызывались лишь безулусные аристократы. Тем же, под началом у которых находилось скотоводческое население, в случае долгого отсутствия грозил распад удела. Мирза Джан-Мухаммед б. Дин-Мухаммед сетовал, что обретался в закладе более пяти лет, и за это время «улусных... моих людей на поле без меня недруги мои от меня отзывали» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., д.3, л.12].

По мере ослабления ногаев в системе аманатства все более стал проявляться воеводский произвол. В заложники могли попасть малолетние мирзы, чего ранее не допускалось (двух детей или подростков воеводы уравнивали с одним взрослым); все чаще Закладной двор становился местом заточения для обвиненных или заподозренных в «измене государю»; порой там содержались жены и дети «отступников». Если для оберегания от калмыков или от враждебных мирз в улусы посылались стрелецкий отряд, то гарантией его безопасности в степи тоже служили дополнительные аманаты.

На протяжении второй половины XVI в. порядок отношений астраханских властей с ногаями складывался во многом стихийно, из самого факта близкого соседства их. В начале XVII в. началось постепенное и официальное делегирование воеводам полномочий Посольского приказа по связям с биями и мирзами. По указу царя Б.Ф. Годунова от декабря 1602 г., воеводы отныне должны были представлять монарха в сношениях с Большой Ногайской Ордой, для чего в переписке с ее предводителями не просто рекомендоваться князьями и воеводами, а использовать малый царский титул: «Божиею милостию великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя, его царского величества от боярина и воеводы Астороханского» [Акты, 1914, с. 223].

Бию Иштереку и мирзам сообщили, что теперь обо всех своих делах им надлежит обращаться не в Москву, а в Астрахань, а уже воеводы станут извещать государя, который через воевод же будет объявлять свои решения [Акты, 1918, с.99; РГАДА, ф.127, оп.1, 1604 г., д.3, л.52].

Общий объем компетенции и обязанностей воевод стал очерчиваться в наказах, выдаваемых им в Москве при назначении. Предписывалось привлекать в сферу своего надзора улусы Больших Ногаев, разбредаящиеся по степям, пресекать грабежи и бесчинства стрельцов и «жилецких людей» по отношению к номадам, разбирать внутринагайские конфликты, исправно содержать и переменять аманатов и т.д. [АИ, т.3, с.211–215, 254–258]. Именно астраханским воеводам было доверено введение в должность последних ногайских верховных правителей – биев, нурадинов, кековатов и тайбуг.

* * *

В начале XVII столетия в Нижнем Поволжье появляются калмыки. Они отделились от монголов-ойратов. После крушения Монгольской империи в конце XIV в. ойраты кочевали на западе современной Монголии. В первой половине XV в. они, теснимые восточными монголами и китайцами, отступили на запад, утратили обширные пастбища; их знать вступила в междоусобную борьбу. В то время они делились на пять племенных объединений: чоросы (они же джунгары), хошуты, торгоуты, дербеты и хойты. Возглавляли их князья-тайши. На территории Северо-Западного Китая чоросы образовали Джунгарское ханство. Аристократия прочих ойратских племен не получила власти в Джунгарии. Дербеты, торгоуты и хошуты снялись с места и начали медленно продвигаться к северу и к западу. Эту отколовшуюся часть ойратов стали называть калмыками.

В начале XVII в. пояса калмыки подошли к русским владениям в Сибири. Иногда они решались на набеги, но чаще старались ужиться с воеводами мирно. Те тоже были заинтересованы в дружественных отношениях с новыми соседями, так как хозяйство в только что основанных русских

поселениях было еще неразвито, и власти стремились наращивать торговлю с кочевниками, налаживать поставку из степи шерсти, войлока и продовольствия. Большую проблему представляли калмыцкие нападения на башкир и сибирских татар, которые, переходя в подданство к царю, надеялись, в том числе, и на защиту от кочевников. Из Москвы шли указы наместникам всемерно оборонять подвластные народы от калмыков, но самим не вторгаться во владения тайшей, стараться склонять их к мирному сотрудничеству.

Прикочевав к сибирским пределам, калмыки увидели, что земли с лучшими, самыми плодородными пастбищами уже заняты: на них распространилась власть России. Воевать с ней, как с ногаями, у тайшей решимости и сил не хватало. Выход они увидели в обращении в формальное российское подданство. Сначала шли долгие переговоры с воеводами сибирской крепости Тара, а в феврале 1608 г. послы нескольких тайшей явились в Москву к царю Василию Шуйскому. Тот позволил калмыкам кочевать в пределах Московского государства, по рекам Иртышу, Оми и прочим, «где похотят», при этом подчеркнув, что отныне они обязаны находиться под его властью «навек не отступны». За это ближние русские гарнизоны будут оборонять их кочевья от ногаев, казахов и монголов.

В 1610–1620-х гг. от общей массы ойратов отделились еще несколько племенных объединений и двинулись к Волге. Предводителям их пришлось иметь дело с русской администрацией Астрахани. Они были весьма воинственными, возглавляли многочисленную конницу. Воеводы прилагали немало усилий, чтобы обезопасить подведомственный край от пришельцев. Да и правительство пыталось убедить волжских тайшей перекочевать к Иртышу, где по договору должны были кочевать калмыки. Но вскоре эти уговоры прекратились, потому что калмыцкая кавалерия привлекла внимание московских стратегов. В то время шла тяжелая война с Польшей, и нужны были дополнительные войска. Кочевников можно было использовать как для защиты южных рубежей государства, так и на европейском театре военных действий.

Начался длительный обмен послами и грамотами, в которых обе стороны выдвигали свои условия. Калмыки просили закрепить за ними уже фактически занятые земли в Нижнем Поволжье, а царь требовал от них давать в Астрахань заложников, с чем тайши категорически не соглашались: «Как-де свет стал, и калмыки-де никому аманатов не давывали, да и впредь того не будет!..» (цит. по: [Батмаев, 1993, с.98]). Наконец, после взаимных уступок двумя шертными договорами 1654 и 1657 гг. было завершено вхождение калмыцкого народа в состав России. Сразу его представители направились на военную службу – сражаться под началом царских воевод. Надолго с тех пор участие в войнах стало одной из основных государственных обязанностей калмыков. Из казны тайшам за это шло жалованье.

В течение XVII в. основная масса калмыков собралась на нижней Волге и образовала там новое владение во главе с ханом, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства. В 1664 г. правительство официально признало существование Калмыцкого ханства. Царь удостоил его лидера Мончака булавой и знаменем – символами государственной власти. Это вассальное ханство располагалось по обеим сторонам Волги от Астрахани до Самары и Царицына, охватывая донские и уральские степи. Оно делилось на улусы трех главных племен: Торогоутовский, Дербетовский и Хошоутовский. Улусы, возглавлявшиеся князьями-нойонами, делились в свою очередь на округа-аймаки под руководством зайсангов.

Калмыкия находилась далеко от Центральной России, в засушливых степях, поэтому русского населения там почти не было. Воеводы ближайших городов практически не вмешивались в дела ханства.

Положение стало меняться в первой половине следующего столетия. Власти взяли курс на постепенное ограничение автономии калмыков, распространение в их среде христианства. Постепенное хозяйственное освоение Нижнего Поволжья приводило к изъятию из оборота обширных пастбищ и рыболовецких угодий. Эти изменения воспринимались степняками болезненно, у значительной части народа крепло убеждение в

бесперспективности дальнейшего пребывания в пределах России. В 1771 г. большинство калмыков откочевало на восток, на когда-то оставленную родину в Центральной Азии (так называемый «торгоутский побег»). Значительная часть их погибла в пути от болезней и стычек с казаками. Остальные были расселены китайской (цинской) администрацией в провинции Синьцзян, на территории бывшей Джунгарии.

Те остатки населения Калмыцкого ханства, что остались на Волге, занимали, естественно, гораздо меньшую территорию на правом берегу. Само ханство было ликвидировано, а его земли вошли в Астраханскую губернию. Теперь калмыки перешли под управление русских чиновников, хотя на низшем уровне сохранили самоуправление и традиционное деление на улусы, аймаки и хотоны. В течение XIX в. и эти рудименты самостоятельной жизни сошли на нет.

* * *

Продвижение России в Поволжье в XVI в. имело следствием вступление в непосредственный, повседневный контакт с инокультурным тюрко-мусульманским миром, а также организацию управления, налогообложения, религиозной политики и т.д. по отношению к многочисленному неславянскому населению, не знакомому с нормами внутригосударственных отношений внутри Руси. Перед московским правительством вставала задача адаптации новоприсоединенных земель и народов к новой геополитической ситуации – пребыванию их в пределах России, «под высокой рукою белого царя».

В заселении русскими Поволжья и Урала проявились черты, характерные впоследствии при освоении восточных регионов. Происходило сочетание организованных (санкционированных властями) и стихийных миграционных процессов. Стремление перебраться на Волгу и за Волгу диктовалось поиском свободных земель, социальным расслоением, усилением крепостничества в центральных районах государства, правительственными репрессиями против участников массовых движений (Разинщина, раскол), стихийными бедствиями – засухами, голодом, и т.п.

В Саратовском крае сначала присутствовало лишь сезонное русское население во временных «зимницах»: оброчные охотники, рыболовы, бортники. Постепенно, с середины XVII в., там появляются и постоянные жители новопостроенных сел и деревень. К обретению постоянного жительства побуждала и правительственная политика по строительству новых укреплений и городов с 1630-х гг. – для защиты от казаков и кочевников. Со временем здесь тоже образовались монастырские села рыболовов, а в конце XVII в. – и собственно монастырские земельные владения.

Нижнее Поволжье поначалу служило в основном военным форпостом государства с соответствующим составом русского населения. На протяжении первого столетия после завоевания Астраханского ханства это была почти безлюдная страна. В середине XVII в. А.Олеарий отмечал, что ниже Тетюшей (120 верст от Казани) вплоть до Астрахани «не видно ни одной деревни» [Олеарий, 2003, с.327]. Стремление закрепить за собой Волжский путь ставило перед правительством задачу соорудить здесь систему городов-крепостей. С середины XVII в. внедряется обычная для южного российского пограничья практика строительства сплошных укрепленных линий для защиты сельскохозяйственных поселений. Лишь тогда в регионе стало расти русское население, активно осваивающее местные ресурсы. Однако полноценное сельскохозяйственное и промысловое освоение развернулось только после исхода калмыков в 1771 г. [Дубман, 1999, с.212; Любавский, 1996, с.282, 283].

В «Казанском царстве» второй половины XVI–XVII вв. русские составили сплошной этнический массив вокруг Свияжска, позднее также около Тетюшей и по узкой береговой полосе вдоль Волги. На остальной территории они проживали чересполосно с местными народами. Не удалялись от Волги русские и в Астраханском крае. Они обжидали ее берега, острова, протоки и рукава, а окрестные степи, неудобные для земледелия, оставались за кочевниками.

Природно-климатические условия Среднего Поволжья обеспечивали довольно мягкую адаптацию привычных для

русских хозяйственных укладов. Однако чем дальше на восток и на юг, тем больше усилий, кооперации и изобретательности требовалось для экономического освоения новоприсоединенных территорий. Экономическое положение переселенцев осложнялось их первоначально малой численностью. Поэтому в некоторых местностях заниматься земледелием приходилось даже горожанам и жителям пограничных крепостей. Но были районы, мало пригодные для хлебопашества. В 1767 г. воевода Сызрани докладывал Сенату о причинах хлебного дефицита, среди которых значилась такая: местные жители, «оставя хлебопашество, промышляют рыбью... потому что сей промысел менее и легче требует работы, нежели земледелие, к чему сим подают и потомкам своим попользование» [Самарское, 2000, с.189]. Свидетельство об этом находим и у П.Палласа, отметившего в следующем году, что главными занятиями самарцев являются скотоводство, бахчеводство и рыболовство [Самарское Поволжье, 2000, с.207, 208]. Путешественник XVII в. Я.Стрейс указывал на ведущее значение рыбы в хозяйстве астраханцев. В частности, он отмечал, что во время постов они заменяют скоромное животное масло рыбьей икрой [Стрейс, 1935, с.211].

Из центральных районов России крестьяне перенесли в Поволжье привычное трехполье. Лишь в малолюдных обширных степях практиковался перелог – экстенсивная система, причем без правильного чередования озимых и яровых и с поверхностной обработкой почвы.

Скотоводство в больших масштабах развивалось прежде всего в степных районах. «Плодородная, приятная и чрезмерно изобильная травами страна вдоль (заволжских рек. – В.Т.) Сока, Кинели и Самары», по словам академика Палласа, «изо всех мест, способных к заведению хороших овечьих заводов, в России есть самое лучшее... место. Здесь и простые российские овцы гораздо лучше обыкновенных и шерстью чище...» [Самарское Поволжье, 2000, с.199]. В этих благодатных условиях заключалась одна из причин малой приверженности жителей Самарского Поволжья к земледелию. По соседству с воинственными кочевниками при-

ходило постоянно думать о сохранности стад. Надолбы, установленные в крепостях (Саратове, Царицыне) для обороны, одновременно служили и загонами для скота.

Татарский «след» заметен в организации рыболовства. Волжская красная рыба была ценнейшим и знаменитым товаром; правда, к середине XVIII в. ее численность упала, и рыбопромышленники переключились на сома, сазана, леща, судака и др. Самый обширный и доходный промысел исстари сложился в низовьях Волги.

Наиболее привлекательным уловом на Волге и Яике считалась крупная рыба. В волжских низовьях на лососей и осетров, идущих вверх на нерест, издавна устанавливали учуги (забойки, юры) – деревянные перегородки по ломаной (чтоб вода не сносила) линии поперек реки. Русские астраханцы были убеждены в старом, татарском происхождении этого устройства [Марков, 1966, с.186; Минх, 1900, с.313, 314]. Рыба сталкивалась с преградой и грудилась вдоль учугов, а рыбаки с лодок могли из кишаше-го сонма отобрать самых крупных и ценных особей.

Славянские новоселы переняли этот способ ловли у местных тюрок и в начале XVII в. монополизировали его. В ответ на жалобы мирз правительство приговаривало ногаям «очюги во рыбной ловле отказати, что им учюги быти нелзе, а государево жалованье и опричь очюга к ним (мирзам. – *В.Т.*) будет» [НКС, 1619 г., д.2, л.207, 219]. Сначала улусники пользовались учугами за определенную плату воеводской администрации [НКС, 1635 г., д.2, л.168]. Но затем в низовьях утвердились русские откупщики. Они ставили стражу на берегах Волги и протоков, и кочевникам не оставалось ничего иного как орудовать «неводом и сетью, и удою» – индивидуальными приспособлениями, которые уже не обеспечивали массовой добычи рыбы.

Но и оставшиеся рыбацкие места ногаяв привлекали алчные взоры рыбопромышленников, и воеводская канцелярия с Посольским приказом то и дело разбирались с претензиями. Стоило береговой охране заметить на берегу степняка с сетью или даже с удочкой, как тот подвергался грабежу и «насилству». Не привыкшие к столь хищ-

ническому отношению к угожьям, кочевники недоумевали: и так маршруты прохода ценной рыбы уже отобраны астраханцами, а что осталось – «и в тех... водах большой рыбы – белуг и осетров, и шедрин, опроче мелкие рыбы, – николи не бывает» [Акты, 1918, с.143; ДАИ, т.2, с.151; РГАДА, ф.127, оп.1, 1604 г., д.3, л.207; 1626 г., д.1, л.23; 1631 г., д.2, л.52; д.3, л.20]. Но откупщики стремились упрочить свою монополию на волжскую рыбу.

* * *

В русских и восточных средневековых источниках подчинение Астраханского ханства отнесено к 1554 г., когда войска Ивана IV впервые заняли Астрахань и ханом стал покорный поначалу, фактически назначенный царем Дервиш-Али. После этого в царский титул Ивана Васильевича было добавлено «Астраханский», что впервые фиксируется в сентябре 1554 г., когда посольства с вестью об астраханской победе были направлены из Москвы в Бахчисарай и Вильну [Хорошкевич, 2004, с.121; Филюшкин, 2006, с.206]. Король Сигизмунд-Август поздравил московского «коллегу» с тем, что тот «город Астарахань и всю орду Астараханьскую взял и опановал, и от себе Дербиса царя и воевод своих посадил». В инскрипции королевской грамоты адресат назван великим князем в том числе «Козаньским, Астраханьским» [Книга, 1843, с.96, 97].

После завоевания поволжских ханств русский царь (великий князь) в иерархической структуре организации власти в определенном смысле заменил прежних татарских ханов. Парадигма его отношений с неславянскими подданными свидетельствует об использовании привычных для них институтов власти именно для включения в число царских подданных. Казанское и Астраханское ханства формально не прекратили своего существования, просто их правителем теперь считался московский царь. Иван IV писал в первом послании Андрею Курбскому об этих: «те царствия нашему государству во всем послушны учинишася» (цит. по: [Флоря, 2003, с.42] – т.е. не уничтожены, но сохранились, превратившись в «послушные» части государства. В самом

деле, оба эти территориальные образования (как и «Сибирское царство») дожили до петровских областных реформ начала XVIII в., когда уступили место губернскому и провинциальному делению.

Иностранные наблюдатели во второй половине XVI–XVII в. понимали ситуацию именно таким образом: «Казанцы и астраханцы у реки Волги в прежние времена имели своих царей... Потом их покорил под свою власть Иван Васильевич... Титул их московский царь употребил для себя и называет себя царем той и другой страны» [Даниил, 1876, с.59–60]; «по завоевании этих незначительных государств русские великие князья получили титул царя» [Юль, 1899, с.157]. То есть царь Казанский и царь Астраханский – это именно татарские титулы, перенятые победителем, и царь здесь – это хан.

Особый статус татарских царств порой проявлялся неожиданным образом. В 1631 г. астраханский архиепископ Макарий заявил, будто Астраханское царство древнее Московского и поэтому должно иметь привилегии – вплоть до обретения независимости. Таким образом, Макарий считал русскую Астрахань наследницей ханского юрта. И это при том, что население города в то время было исключительно русским, а татарам из опасения мятежных замыслов запрещалось даже ночевать в нем [Карабущенко, 1995]¹. В чем-то похожие идеи вызревали в среде воеводской администрации и служилой аристократии «Казанского государства» в период Смуты начала XVII в. Правда, в том случае причина крылась в намерении сохранить истинное православие в условиях польской интервенции и всеобщего хаоса [Ермолаев, 1982, с.85, 91]. Некоторая тенденция к сепаратизму определенно заметна на протяжении первого столетия существования Астраханского воеводства.

В течение очень долгого времени степи вдоль волжских берегов оставались малонаселенными. В 1745 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась выявить беглых подданных, переписать и поселить их на Волге в «пустых местах». Таковых набра-

лось 3 тыс. человек, которые по прибытии на новое место жительства были обложены подушным окладом [Черняева, 1914, с.112].

Славянские мигранты заселяли территории завоеванных Казанского и Астраханского ханств и распавшейся к середине XVII в. Ногайской Орды. Они оседали вперемежку со старым тюркским населением. Их взаимное влияние проявлялось в самых разнообразных аспектах, в различных сферах культуры. Одним из наиболее ярких признаков русского освоения Поволжья стало использование образа Волги в песенном и былинном фольклоре. Это культурное освоение – как вольными казаками, так и российскими подданными – проявилось в формировании своеобразного культа реки (см. подробно: [Трепавлов, 1997]).

Песенный материал XVII–XIX вв. дает широкую панораму развития образа великой реки. Причем если в поздних произведениях Волга присутствует только как ритуальный элемент, как абстрактная «матушка», то в песнях XVII–XVIII вв. еще чувствуется новизна волжского ландшафта для славянских поселенцев. Русские первопоселенцы, в том числе казаки – выходцы из России, долгое время не могли воспринимать великую реку в ее низовьях с такой же теплотой, с какой к ней относились местные кочевники. Для казаков и крестьян-новоселов она выступала как грозная стихия со своим характером, к которому требовалось приноровиться (недаром говорили: «Волга ину пору мать, а ину мачеха» [Волга, 1937, с.155]). На пустынные степные просторы они поначалу смотрели с настороженностью. От тех, вероятно, времен, сохранились поговорки: «Ахтуба² пуста, а без караула не гуляй», «Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть близ неводолге» [Терещенко, 1853, с.52; Старинные, 1899, с.92]. Волжские низовья продолжали оставаться для русских «чуждедальней стороной» даже тогда, когда Волга превратилась в «матушку» и для пришельцев-славян. Вот, например, народная песня «Сиротка»:

Воспоила, воскормила меня Волга-матушка,

¹ Впрочем, возможно, что обвинения против Макария были необоснованно выдвинуты его противниками.

² Ахтуба – левый рукав нижней Волги.

*Воспитала меня легка лодочка ветля-
ненька,
Возлелеяли меня мамки-няньки волны
быстрые,
Взростила меня чужа дальна сторона
Астраханская* [Волга, 1937, с.81].

Показательна здесь оценка Астрахани как далекого и чужого края. Расположение ее на отдаленных рубежах государства побуждало сопоставлять ее с другими окраинами: «Астрахань далече, а Сибирь и дале того» [Старинные, 1899, с.77].

«Сиротка» – это, в сущности, монолог разбойника. Долгое время укромные места на волжских берегах к югу от Самары служили обиталищем вольных казаков, а затем еще и приютом для различных изгоев и беглецов. Данное явление отразили пословицы: «Платил долги, а не минул Волги», «Коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу» [Старинные, 1899, с.133; Даль, с.343], т.е. либо в бурлаки, либо в разбойники. В XIX в. были записаны многочисленные народные песни, отразившие разбойную «колонизацию» Поволжья.

*Куда глянешь – наша вотчина, от Козлова
до Саратова,
до родимой Волги-матушки,
До родимой Волги-матушки, до широко-
го раздольица, –*

Там нам смерти нет, ребятушки (цит. по: [Милюков, 2006, с.247]).

*Далеко, далеко степь за Волгу ушла,
В той степи широко буйна воля жила...
С казаком-бурлаком там водилась она* [Легенды, 1969, с.11].

Особенно долго манили «лихих людей» обширные степи левобережья. Частые и массовые разбои на реке и по ее берегам продолжались вплоть до 1840–х гг. – до открытия пароходного движения [Черняева, 1914, с.111, 118]¹. Позднее асоциальные элементы, скапливавшиеся в регионе, сочли более привлекательным заработок в качестве бурлаков и грузчиков во время навигации и хлебного сплава. С учетом многочисленности подобного населения центральные и местные власти установили в этих местах облегченный паспортный режим [Смирнов, 1999, с.34, 35].

При миграциях в Среднее и Нижнее Поволжье перед русскими объективно встала необходимость контактов с местными народами. В этом обширном регионе постепенно формировалась своеобразная цивилизационная модель, в которой черты славянской государственности сочетались с политическими традициями Востока. Этот синтез стал одной из важнейших характеристик российской цивилизации.

¹О разбоях и грабежах как постоянном факторе жизни Нижнего Поволжья XVI–XVII вв. см.: [Карабушенко, 2009, с. 58–64].

ГЛАВА 3

Покорение Сибирского ханства и начало колонизации Сибири

Дамир Исхаков, Зайтуна Тычинских

Начало присоединения такого громадного региона России, как Сибирь, не может рассматриваться вне контекста истории татарского народа, ибо без ликвидации Сибирского юрта, государствообразующее татарское ядро которого далеко не случайно Г.Ф.Миллером было названо «первейшим и главнейшим народом в Сибири» [Миллер, 1999, с.166], его невозможно было реализовать. Именно сибирские татары длительное время контролировали большую часть огромных просторов Западной Сибири [Матвеев, Татауров, 2012]. Но дело не только в этом, а еще и в том, что само понятие «Сибирь» имеет непосредственное отношение к татарам и их этническим предкам. Известно, что в XIV – начале XV вв. в Золотой Орде существовала особая «область», именованная «Ибир-Сибирь»/«Сибир-Ибир», чье название сохранилось в известном татарском фразеологизме «*ыбыр-чыбыр*», фактически соответствующем мифологическому «маленькому народцу». Так как понятие ибир в данном случае можно рассматривать как вариант понятия *сибир*, есть основания полагать, что ставший к началу XIV в. этниконом термин «Сибирь» восходит к этнониму «*шибир*»/«*шибер*», упоминающемуся в монгольских хрониках с XIII в. как наименование одной из групп «лесных народов», подчиненных в 1207 г. в ходе завоевательного похода Джучи. В свою очередь, в этом этнониме можно видеть модификацию хорошо известного среди гунно-болгарских племен этнонима *савир/сабир/сувар*. Последний отложился у сибирских татар (у них существовала волость Супра), обских угров (этноним супра), северо-восточных башкир (у которых известен эпоним Субра). В исторической памяти сибирских татар также присутствует народ «*сытыр*», выступающий их

предшественником, этническим компонентом или историческим ядром (обзор проблемы см.: [Исхаков, 2006, с.51–54]). К XV в. в русской летописной традиции фиксируются понятия «Сибирь» или «Сибирская земля», в последнем случае как княжество, расположенное «вблизи Тюмени» [Исхаков, 2011, с.16–19]. В более поздних «Сибирских летописях» уже проводится мысль, что «страна Сибирская», «земля Сибирская» или «царство бесерменское в Сибири», под которыми подразумеваются Сибирский юрт Тайбугидов и Сибирское ханство, получили свое название по столичному центру этого владения – «граду Сибири» [ПСРЛ, 36], который имел и другие названия (*Искер, Каишлык*).

* * *

Проблема присоединения Сибири к Московскому царству в отечественной историографии оказалась в числе политизированных, ее оценка менялась в зависимости от общей или текущей политической конъюнктуры от «завоевания» до «освоения» или «колонизации», для характеристики которых исследователи пользовались и более нейтральными маркировками (взятие, приобретение, присоединение и др.). Концепция присоединения огромных восточных территорий за Уралом через завоевание преобладала в дореволюционной историографии, продолжая развиваться вплоть до 1940–1950-х гг. и в советский период. Во второй половине XX в. в советской историографии доминирующей стала точка зрения о добровольном вхождении сибирских народов в состав Русского государства. Этот концепт окончательно утвердился в стране к 1970-м гг. Но в последние десятилетия XX в. в связи с изменением идеологических установок и ростом национального самосознания наро-

дов, а также развертыванием тогда в стране национальных движений был осуществлен пересмотр точки зрения о преимущественно мирном и добровольном характере приобретения Московским государством сибирских территорий (обзор историографии см.: [Скрынников, 1982; Зуев, 2007]).

Ключевым событием, положившим начало колонизации Сибири, было завоевание Московским царством Сибирского ханства. Несмотря на все разнообразие оценок относительно приобретения сибирских земель, по поводу включения в состав Московского государства территории Сибирского ханства в российской историографии особых расхождений нет – оно признается завоеванием. Однако взятие русскими после Казанского и Астраханского ханств Сибирского юрта, также одного из наследников Золотой Орды, было не одномоментным актом, а довольно длительным по времени процессом, занявшим фактически всю вторую половину XVI в., которое в целом завершилось после гибели хана Кучума около 1598 г., когда Борис Годунов принял титул «царя Сибирского» [Успенский, 2000, с.44–50, 96]. Но и после этого еще Кучумовичи долго боролись с завоевателями за восстановление своего потерянного юрта, хотя в сложившихся к XVII в. условиях это было уже делом бесперспективным.

Политическая ситуация в Приуралье и Западной Сибири в 1550-х – начале 1580-х гг. Взаимоотношения Московского царства и Сибирского юрта. После кровопролитного завоевания Казанского ханства, в ходе подавления начавшихся в 1553 г. на его территории восстаний, русские войска дошли в погоне за восставшими за «Уржум и Мешь-реку, за великие леса, и оттуда аж до башкирского народа, что на Каме реке вверх к Сибири обитает» [Курбский, 2001, с.67]. В итоге, ряд приуральских групп, известных в русских источниках XVI – начала XVII вв. как «остяки», ранее контролировавшихся Казанским ханством, изъявили покорность Москве [Усманов, 1960, с.72–73; Преображенский, 1972, с.17], что продвинуло сферу влияния Московского государства в Среднем Приуралье и в северной части Южного Приуралья к рубежам Сибирского юрта, которому подчинялись и некоторые районы

приуральской зоны [Усманов, 1960, с.57; Томилов, 1981, с.17–18; Матвеев, Татауров, 2012, с.58, 71]. В Ногайской Орде, игравшей тогда существенную роль в Приуралье, в ходе взятия русскими войсками Астрахани обострилось противоборство бия Юсуфа со своим братом Исмаилом, в конце 1554 г. завершившееся в ходе их стычки гибелью ногайского князя. Данное обстоятельство положило начало противостоянию различных группировок в этом государстве [Трепавлов, 2002, с.270–271], явно ослабив, но полностью не ликвидировавшему влияние ногайцев в Приуральско-Западно-Сибирском ареале.

В таких экстраординарных условиях в Москве и появились послы Тайбугидов, правивших тогда в Сибирском юрте. Согласно русским летописям, прибывшие в январе 1555 г. от Сибирского князя Тайбугида Едигера сибирские послы Тягригул и Паньяда поздравили Ивана IV со взятием Казани и Астрахани и «били челом государю от князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон от всех заступил и дань свою на них положил, и дорогу (даругу. – *Д.И. З.Т.*) своего прислал, кому дань собрати...». Иван IV, выслушав предложение послов о том, что им «давати государю со всякого черного человека по соболу да дороге... по белке... сибирской», вынес решение – «их князя и всю землю Сибирскую взял за себя во свое имя и от сторон ото всех дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собрати» [ПСРЛ, 29, с.233; ПСРЛ, 13, с.248]. Выехавший в Сибирский юрт с «жаловальным ярлыком» московский посол Дмитрий Куров (Непейцын) должен был «князя Едигера и всю землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять и з дорожскою пошлиною». Речь, таким образом, шла об установлении московского сюзеренитета над Сибирским юртом, где с конца XV в. власть находилась в руках династии сибирских князей – Тайбугидов из клана буркут [Трепавлов, 2007, с.101; Исхаков, 2011]. Но у Тайбугидов, решивших перебраться под защиту Московского царства, мог существовать иной верховный сюзерен, к 1555 г. оказавшийся недееспособным. В этой связи об-

ращает на себя внимание запись в «описи» архива Посольского приказа за 1563–1564 гг.: «Столпик Сибирской 7072 году привозу к Москве *сибирского* Муртазы *царя* татарина Ташкина» [Копылов, 1989, с.79]. Так как сын тюменского хана Ибрагима (Ибака/Ивака) Муртаза в данном случае назван «сибирским царем», имея наследственное право на престол Сибирского юрта, точнее Тюменского ханства, на этот факт следует обратить внимание. Но где правил хан Муртаза к 1555 г., нам точно не известно (анализ проблемы см.: [Исхаков, 2006, с.62–64]). Правда, в готовящейся сейчас к печати рукописи продолжателя «Чингиз-наме» хивинского историка Утемиша-хаджи (XVI в.) есть данные о том, что Шибаниды – сыновья тюменского хана Ибрагима Сары султан и Муртаза султан, «став взрослыми, подчинили себе весь Мавераннахр, между [рек] Инрек и Сувнак Дерйа-и Тур, [где Муртаза] стал ханом в юрте Элифа». Так как далее в источнике отмечается, что сын Муртазы Кучум-хан «воевал в Туркестане в стороне Отрара со всем мамлакатом казахов», став «великим падишахом в юрте Тайбуги Ишдеке» [Миргалеев, 2014, с.65], то не исключено, что сам Муртаза вначале правил где-то на юге, но не в Сибирском юрте (не зря, видимо, Г.Ф.Миллер, опираясь на исторические предания сибирских татар, считал, что Муртаза являлся «ханом Большой Бухары» [Миллер, 1937, с.196]). Однако это не означает, что он не мог быть сюзереном правителя Сибирского княжества Едигера Тайбугида. Хотя есть и другая точка зрения на этот вопрос – В.В.Трепавлов, например, высказывал мнение о том, что до 1552 г. сюзеренами Тайбугидов являлись казанские ханы [Трепавлов, 2007, с.101]. Но все же это мнение обосновано недостаточно. Скорее, надо говорить о том, что в условиях династических распрей, происходивших в 1550-х гг. среди Шибанидов за владение городом Бухарой и Бухарским вилайетом [Исхаков, 2006, с.63], сибирский князь Едигер в 1555 г. попытался поменять своего верховного сюзерена, тем более, что московские завоевания середины XVI в. на него явно оказали сильное впечатление (см. выражение из русских летописей «здоровали государю... на царствие на Казанском и на Астраханском», произ-

несенное от имени его представителей: [ПСРЛ, 13, с.248]). Тут нельзя исключать и влияния на правителя Сибирского юрта Едигера имевшего промосковскую ориентацию и ставшего бием Ногайской Орды Исмаила, который был в родстве с Едигером Тайбугидом (сестра Исмаила стала одной из жен отца Едигера [Трепавлов, 2002, с.310], кажется, и сам Едигер был женат на дочери ногайского бия). Но на деле попытка сибирского князя Едигера перейти под московский протекторат объясняется больше политикой Шибанидов при бухарском хане Абдулле II (в 1551–1583 гг. он правил от имени своего отца), стремившегося подчинить все бывшие владения дома Шибана Бухаре [Трепавлов, 2002, с.372]. Очевидно, эта задача в сибирском направлении была возложена на Муртазу и его сыновей, создавших прямую угрозу правлению в Сибирском юрте князя Едигера – уже в ноябре 1557 г. от последнего было в Москве получено известие, что его земли «воевал Шибанский царевич» [ПСРЛ, 13, с.285; ПСРЛ, 29, с.251]. Едигер явно боялся потерять свою власть, ибо он в послании в Москву просил, чтобы «царь и великий князь (Иван IV. – Д.И., 3.Т.) пожаловал, ...дань с них имел, а их бы с Сибирские земли не сводил» [Сб. РИО, т.59, с.479–480].

Московский царь сполна воспользовался актуальной политической ситуацией – уже в тексте грамоты, отправленной 22 июня 1555 г. в г. Вильно, в титулатуре Ивана IV появился новый элемент – «вся Сибирские земли повелитель» [Сб. РИО, т.59, с.470]. Между тем, посланный в Сибирский юрт Дмитрий Куров (Непейцын) пробыл там более года и вернулся в ноябре 1556 г. в Москву вместе с татарским послом Бояндой. Однако вместо обещанных 30 700 собольих шкурок (по числу указанных Едигером ясачных людей) посол привез всего 700. В письме Ивану IV Едигер объяснял, что не смог собрать всю дань в связи с непрерывной войной с Шибанидами, которую он вел в этот период. Между тем, вернувшийся из Сибири русский посол Непейцын сообщал, что «им было возможно сполна дань прислати, да не захотели» [ПСРЛ, 13, с.276]. Московский царь не захотел понять намека Едигера и оказать ему помощь против Шибанидов, не приняв

объяснения сибирского посла и посадив его под стражу. Ивана IV интересовала лишь возможность получения дани, поэтому в Сибирь были посланы служилые татары Девлет-Хозя и Собаня Резановы, чтобы «во всем перед ним, государем, исправили» [ПСРЛ, 13, с.276]. В это же время были отправлены послы за данью и к югорским князьям [Копылов, 1989, с.71].

Далее летописи сообщают, что уже в сентябре 1557 г. посланные царем служилые татары вернулись в Москву. Вместе с ними прибыли и посланник сибирского князя Едигера Истемир с «товарищи», которые «привезли дань сполна», т.е. 1000 соболей и дружную пошлину в 160 соболей [ПСРЛ, 13, с.285]. Это посольство вручило в Москве «шертную грамоту ... со княжею печатью», в которой Едигер писал о том, что он стал «холопом» московского царя, положив «на всю свою землю... ежегод... дань... со всей Сибирской земли давати» [ПСРЛ, 29, с.258]. Данным документом были официально оформлены вассальные отношения Сибирского юрта с Московским царством. Обращает на себя внимание то, что тогда же аналогичные отношения были установлены между Московским царством и Ногайской Ордой [Скрынников, 1982, с.108]. Вряд ли это совпадение случайно. Сибирского посла Боянду выпустили из-под стражи и вместе с ним отправили в Сибирский юрт татар за следующей данью. Уже в ноябре 1558 г. служилый татарин Собан Резанов и сибирский посол снова привозят в Москву дань [ПСРЛ, 13, с.313], сообщив, что к зиме придёт дань за следующий год. Но этого не случилось, зато в Москве в 1558 г. практически одновременно оказались послы от Сибирского князя Едигера (Чибиген/Чигибень) и от Шибанида Муртазы, а также от его старшего сына Ахмет-Гирея (Ташкин и Мамин шейх). Статус Муртазы в данном случае не вполне ясен, хотя некоторые исследователи полагают, что он к тому времени, уже будучи ханом, «перевел свои кочевья в лесостепи между Тоболом и Иртышем», начав «приводить в подданство южные улусы сибирского юрта» [Копылов, 1989, с.72]. Даже если хан Муртаза правил в качестве «сибирского хана» недолго, к 1563 г. он явно являлся уже реальным правителем Сибирского юрта, а

князь Едигер и его брат-соправитель Бекбулат были убиты, скорее всего, младшим сыном Муртазы Кучумом [Скрынников, 1982, с.109; Копылов, 1989, с.73; Исхаков, 2006, с.63]. Не исключено даже, что некоторое время князь Едигер оставался у власти, признав хана Муртазу правителем. Надо отметить, что у Г.Ф.Миллера, опиравшегося на предания сибирских татар, изложены две версии смены власти в Сибирском юрте. Согласно первой, после смерти Едигера и Бекбулата в этом княжестве стал править сын последнего Сейдяк, которого затем Кучум вынудил бежать в Бухару. По другой версии, после смерти Едигера осталась его беременная жена, но между знатью не было согласия относительно того, кому править, и знатные татары «отправили посольство к хану Большой орды Муртазе, прося прислать им в князья (выделено нами. – *Д.И., 3.Т.*) одного из своих сыновей». Тот прислал Кучума, который и был признан ханом [Миллер, 1937, с.196]. О том, что на Сибирский юрт Шибанидам было приглашение, может свидетельствовать и следующее место из Патриаршей (Никоновской) летописи, в которой в сообщении о приходе посла от князя Едигера Чигибена в 1563 г., сказано: «Сибирские люди (после приезда посла в Москву. – *Д.И., 3.Т.*) ... изменили... взяли на Сибирь царевича» [ПСРЛ, 13, с.313]. То, что это событие произошло где-то до сентября 1563 г., видно из ответного послания Ивана IV ногайскому князю Исмаилу, в котором московский царь о зяте ногайского князя, т.е. о Едигере, говорит в прошедшей форме («был на Сибири на нашем юрте»), указав, что хочет посадить там оказавшегося в московском плену внука Исмаила – явно сына Едигера, от ногайской княжны (см.: [Копылов, 1989, с.73]). Проблема, однако, заключается в том, что в приведенном выше летописном сообщении о «взятии» на Сибирский юрт царевича, он назван «Едигером, царевичем Казанским». Даже если полагать, что тут имя князя Едигера ошибочно слито с титулом «царевич», определение его как казанского султана требует объяснения. Единственно возможное в данном случае толкование – это ошибка переписчика летописного текста, прочитавшего вместо «казанский» [царевич] «казанский», так как,

согласно «Сибирским летописям», Кучум, «побивший» сибирских князей Едигера и Бекбулата, «прииде степью ис Казачьей орды» [ПСРЛ, 36, с.32, 48].

Таким образом, вассальные отношения, установленные между Тайбугидами и Московским царством в 1555 г., были прерваны не позже 1563 г. реставрацией на престоле Сибирского юрта Шибанидов, чему московская сторона, занятая Ливонской войной, не смогла помешать. Так как за спиной сибирских Шибанидов стояла среднеазиатская ветвь дома Шибана в лице бухарского хана Абдуллы II, фактически наметилась конфронтация Москвы и Бухары за контроль над богатым пушными ресурсами регионом. Далеко не случайно, Иван IV в своем послании ногайскому князю Исмаилу от 22 сентября 1563 г. сообщал: «...мы вперед хотим того юрта (Сибирского. – *Д.И., 3.Т.*) доступати... и внуком твоим промыслити, чтобы он вперед на том юрте был» (цит. по: [Копылов, 1989, с.73]). С другой стороны, до Москвы доходили известия, что «хвалитца де сибирский салтан [и] Шибаны идти на Пермь войною» (из грамоты Ивана IV от 2 января 1564 г.: [Скрынников, 1982, с.109]). На самом деле, после прихода к власти хана Кучума со стороны Сибирского юрта по отношению к соседним русским владениям «задору никоторого не было» [Преображенский, 1972, с.18].

Мы точно не знаем, когда Кучум б. Муртаза стал ханом в Сибирском юрте, и правил там все время после 1563 г., ибо, как отмечает Г.Ф.Миллер, к нему ханом Муртазой с войском был послан Ахмет-Гирей, в отряде которого находились и религиозные деятели [Миллер, 1937, с.194], после прибытия которых Кучум якобы уступил своему старшему брату сибирский престол, что могло произойти, например, в 1574 г. [Исхаков, 1997, с.57; Исхаков, 2006, с.64]. Но за исключением названного периода, Кучум являлся реальным правителем Сибирского ханства, многое сделал для его укрепления [Копылов, 1989, с.76; Матвеев, Татауров, 2012].

Однако Московское царство не собиравлось отказываться от Сибирского юрта, признавшего ранее вассалитет от него. Поэтому в 1569 г. из Москвы к «сибирскому царю» был отправлен татарин Айса с гра-

мотой, очевидно, с целью зондирования почвы по поводу будущих взаимоотношений. Сохранился ответ хана Кучума на это послание от 1570 г., в котором отмечаются старые дружественные связи их отцов, когда «гости ходили на обе стороны». Хан, предлагая восстановить эти отношения, считал возможным даже признать того своего «братом старейшим», однако ни слова не написал о даннических отношениях, назвав себя «вольным человеком», добавив: «ныне похошь миру, и мы помиримся, похошь воеватися, и мы воюемся» [Собрание, 1819, с.52]. Судя по информации князя Ромадановского, привезшего из Перми указанную грамоту хана Кучума в Москву, тот через своего человека сообщил, что он воюет с «казанским царем», и если тот победит, то ему не быть у власти, тогда «сядет на Сибири... царь Казацкий». Действительно, в 1569 г. казахский хан Хакк-Назар и его брат Шигай совершили крупный поход на Ногайскую Орду [Исин, 2004, с.84], очевидно, создавший угрозу и для Сибирского юрта. Отсюда, скорее всего, примирительный тон Кучума, говорившего: «...ныне дань собираю, ... вашему царю и великому князю послов пошлю» [Исхаков, 2006, с.178]. Видимо, у бухарского хана Абдуллы, занятого внутренними проблемами, не было тогда возможности оказания помощи Сибирскому юрту. В этой ситуации хан Кучум по всей видимости, осведомленный о поражении турецко-крымских войск в 1569 г. в ходе их похода на Астрахань и оказавшийся под давлением казахов [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.102], решил восстановить прежние даннические отношения с Москвой, ибо в его послании от 1571 г. было сказано: «... чтобы его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имел по прежнему обычаю» [Собрание, 1819, с.63]. Это предложение совпадало с интересами московской стороны, в послании хану Кучуму за март 1571 г. сформулированному так: «... прежь сего Сибирской Едигерь князь на нас смотрель, и зь Сибирские земли со всее, на всякь годь дань к нам присылалъ». В итоге Иван IV, выслушав «челобитье» хана, его «под свою руку... и во оберегание принял, и дань на него положилъ, на год по тысяче

соболей, да посланнику... тысяча белок». После того, как соглашение с ханом Кучумом было подкреплено «шертью» сибирского посла Таимаса, с ними за данью в Сибирский юрт отправился московский посол Т.Чебуков, который повез грамоту от Ивана IV, где «Сибирскому начальнику» Кучуму царю было обращено «милостивое слово, любовное жалование и добрая мысль» с обещанием «великого защищенья... всего улуса людям» [Собрание, 1819, с.63–65]. Обещанный ясак, отправленный в 1571 г. из Сибирского ханства в Москву, тем не менее, оказался последним знаком вассальной зависимости Кучума [Преображенский, 1972, с.20], явно знавшего о поражении Московского царства в 1571 г. от крымцев, сжегших столицу дотла в ходе своего похода на Москву, а на следующий год совершивших новое вторжение на русские земли [Скрынников, 1982, с.111]. В условиях «черемисского бунта» в Среднем Приуралье летом 1572 г., на владения Строгановых вначале напал пелымский князь, за спиной которого явно стоял хан Кучум, а после ответных действий людей Строгановых в районе р. Чусовая в 1573 г. брат хана Кучума султан Маметкул совершил поход на Урал (он приходил туда после 20 июня того же года), затронувший владения Строгановых и мансийское население, платившее дань Московскому государству. Однако надо иметь в виду, что указанному вторжению войск Сибирского ханства в этот район предшествовало убийство московской стороной «торговых людей» из Сибири с удержанием бывшей у них пушнины (она была передана в казну царя) [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.109]. Не исключено также, что в 1572 г. московские войска совершили и неудачный для себя рейд в Сибирский юрт [Преображенский, 1972, с.23; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.104]. Эти столкновения московской стороны с сибирскими татарами были связаны с борьбой за контроль над ясачным населением Урала [Преображенский, 1972, с.21], скорее всего, ранее входившим в орбиту влияния Сибирского юрта. После того как в ходе наступления в 1573 г. войск во главе с султаном Маметкулом на уральскую зону у них в плену оказались и были убиты московские люди –

посол Т.Чебуков и сопровождавшие его служилые татары, следовавшие в недружественное тогда Сибирскому юрту Казахское ханство [Скрынников, 1982, с.112], первый относительно мирный период взаимоотношений Московского царства с Сибирским ханством закончился.

По-видимому, Строгановы, получившие под свой контроль огромную территорию на Урале, в ходе своего продвижения в Сибирь были заинтересованы в усилении поддержки из Москвы и после прихода войск Маметкула на их владения, специально отправили центральной власти сообщение о том, что сибирский султан не только «побил» московских «данных остяков» (это были на самом деле тюркские группы Сылвенско-Иренского бассейна и района р. Чусовая, ранее зависевшие от ногайцев, связанных с Казанским ханством, частично – с Сибирским юртом), забрав с собой женщин и детей в полон, но и о том, что сибирские татары занимались «проведыванием дороги», чтобы в дальнейшем «идти ратью на Пермь» [Миллер, 1937, с.339]. Но надо иметь в виду, что по грамоте от 1574 г. Строгановым московской стороной уже начали передаваться земли в Зауралье, в том числе в бассейне р. Тобола («в Сибирской Украине, меж Сибири и Нагаи»), объявленные пустыми, но ранее, скорее всего, контролировавшиеся ногайцами [Скрынников, 1982, с.111–117], с разрешением строить там укрепления [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.104]. То есть через Строгановых Московское государство пыталось просочиться в Зауралье, что, конечно, затрагивало интересы Сибирского юрта.

Но между 1574–1580-м гг. на уральско-сибирской границе других столкновений не наблюдалось, что, видимо, объяснялось занятостью хана Кучума внутренним обустройством своего юрта – известно о двух (в 1572 и 1574 гг.) приходах из Бухарского ханства исламских миссионеров в Сибирь, в составе последнего находился и брат хана Ахмет-Гирей, как уже было сказано, возможно, севший даже на сибирский престол (или ставший соправителем Кучума), затем убитый после четырехлетнего правления (1574–1578 гг.) своим тестем – султаном Шигаем, братом казахского хана Хакк-Наза-

ра (Шигаи стал после убийства этого хана в 1580 г. казахским ханом). Реальные направления интересов хана Кучума видны из того, что он также был женат на одной из дочерей хана Шигаи, выдав в 1577 г. свою дочь за ногайского мирзу (это – Акмирза, лидер восточных ногайцев, глава Шихмаевичей). Тогда же старший сын сибирского хана – Али – женился на дочери ногайского бия Дин-Амета [ПДРВ, ч.11, с.189, 193]. Эти данные говорят о важности в этот период для Сибирского юрта контактов с казахами и ногайцами, особенно с последними. Правда, при встрече в 1577 г. в Ногайской Орде сибирского хана с русскими посланниками первый сообщил: «...Кучюм хочет впредь государю Царю и Великому князю в дружбе быть... в том правду дати» [ПДРВ, ч.11, с.189]. Поэтому, бытующие в историографии высказывания о якобы неоднократных набегах хана Кучума на пермские земли и на владения Строгановых в 1570-х гг. следует признать «историографическим мифом» [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.214]. Более того, когда после двух походов (1581–1582 гг.) на уральские земли, подконтрольные Строгановым и Москве, пелымских отрядов, в составе которых во время последнего рейда могли быть и татары [Скрынников, 1982, с.134–135], центральной властью Строгановым было дано разрешение наказать пелымского князя, но по отношению к хану Кучуму, как это видно из грамоты от 16 ноября 1582 г., предписывалась иная политика – вернуть обратных отправленных по их инициативе в Сибирь казаков во главе с Ермаком для службы в Перми Великой, при этом московские власти укоряли Строгановых за то, что они «задирали» местное население, «ссорили» московские власти с «Сибирским салтаном» [Миллер, 1937, с.342]. Москва, испытывавшая серьезные трудности на завершающей стадии Ливонской войны, не была заинтересована в осложнении своих отношений с ханом Кучумом. Последний тоже был настроен дружески – в марте 1578 г. ногайский бий Дин-Ахмет получил из Москвы послание, в котором он извещался о появлении там летом посла Кучума, с указанием: «А присла Кучюм царь... о том, что которая наша дань была на Сибирской земле издавна... и он

давать хочет, а нам бы гнев свой отложить и держать к нему свое жалованье» [ПДРВ, ч.11, с.281]. Отправленный в Сибирь московский даруга Д.Лачинов, скорее всего, привез эту дань.

Не исключено, что расположенность Кучума к дружбе с Москвой имела конкретные причины, в частности, из ногайских дел видно, что как раз в это время сын Уруса, бывшего тогда в Ногайской Орде нуреддином, воевал с Сибирским юртом и вообще предлагал Ивану IV при поддержке русских дальше «Сибирь воевати» [ПДРВ, ч.11, с.268–269]. Это было сделано без ведома Уруса и бия Ногайской Орды Дин-Ахмета. Однако Москва не поддержала Хан-мирзу, что еще раз показывает нежелание русской стороны конфликтовать с ханом Кучумом. Вскоре Кучум выдал свою дочь за сына умершего в 1578 г. бия Дин-Ахмета Ураз-Мухаммеда, промосковская ориентация которого хорошо известна [Трепавлов, 2002, с.322–323, 372–273], что подтверждает сказанное. Да и в целом хан Кучум, зависевший от бухарского хана Абдуллы II, после укрепления его союза в 1579 г. с ханом Хакк-Назаром, затем с Шигаем, не желавшими обострения отношений с Москвой [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.107], фактически действовал в их фарватере, притом, что ногайцы (по крайней мере, их часть) подталкивали его в другом направлении.

Но у конфронтации Строгановых с Сибирским юртом имела своя внутренняя логика – во время второго похода в 1582 г. на Урал сибирских отрядов, в составе которых, скорее всего, находился и сын хана Кучума Али с «сибирскими людьми», у них на р. Чусовая произошло столкновение с дружиной Ермака, нанятой Строгановыми для обороны своих владений. После этого отряд султана Али ушел к Соли Камской, оттуда к Чердыни, где появился в сентябре 1582 г. Скорее всего, именно тогда Строгановы, которым не было дела до других московских владений, подсказали Ермаку направление дальнейшего рейда его дружины в условиях, когда хан Кучум остался без сильнейшей части своей армии [Скрынников, 1982, с.135–136]. Поэтому военная экспедиция Ермака, начатая осенью 1582 г. по инициативе Строгановых, этих русских кон-

кистадоров, не укладывалась в рамки длительное время выстраиваемой московской стороной восточной политики [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108]. Действительно, к концу 1570-х гг. Москвой уже во многом были подготовлены условия для начала мирного присоединения Сибири, а хан Кучум к 1578 г. явно был готов признать себя вассалом Московского царства, возобновив выплату дани. Но сибирский поход Ермака прервал этот процесс, направив взаимоотношения Московского царства с Сибирским ханством в военное русло.

Поход Ермака и завоевание Сибирского ханства. 1 сентября 1582 г. Ермак и его товарищи, «призванные» ранее на службу Строгановыми, имея в своей дружине 840 человек (у Ермака было 540 человек, 300 ратников дали Строгановы), вооруженных пищальями и пушками, с необходимыми запасами зимней обуви, одежды, продовольствия, снабженные местными проводниками и переводчиками с местных языков (татарского, мансийского, хантыйского, пермяцкого) отправились в сибирскую экспедицию. Как считают сибирские исследователи А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров, поход отряда атамана Ермака не был чем-то необычным ни для населения Западной Сибири, ни для правящей элиты Сибирского ханства. Многие жители этого государства наверняка слышали от своих предков историю о большом походе, который по приказу Ивана III в 1483 г. совершила судовая рать воевод Федора Курбского и Ивана Салтыкова-Травина. Надо думать, и в XVI в. русские отряды московитов пересекали Камень (Уральские горы) в стремлении завладеть пушными богатствами и грабили местное население, отнимая у него самое ценное – сибирские меха. С другой стороны, и отряды татар, вместе с союзными им хантыйскими и мансийскими князьками, так же регулярно пересекали Камень в противоположном направлении с целью получения дани с местного населения и добычи. В связи с этим сообщением о том, что идет русский отряд, местным населением было первоначально воспринято достаточно спокойно, что подтверждают мирный приход казаков в Тарханский городок и встреча Ермака с Кутугаем, знатным татаринном, присланным туда ханом Кучумом для

сбора налогов. Обращает на себя внимание и то, что Кучум не приказал вернуть из похода ушедшее на камские городки войско Сибирского ханства под руководством султана Маметкула. Данный факт связывается с тем, что хан действительно рассчитывал на мирный исход дела [Матвеев, Татауров, 2012, с.80].

Поход Ермака по сибирским землям подробно описан в известной работе Р.Г.Скрынникова [Скрынников, 1982], поэтому остановимся лишь на основных его моментах. Отряды казачьего атамана Ермака вышли из Нижне-Чусовского городка купцов Строгановых. Плывая вниз по р. Тура, казаки захватывали татарские городки и разбили их отряды, которые бежали от русского войска, снабженного огнестрельным оружием, малоизвестным в Сибири. Не случайно, характеризуя причины быстрого завоевания Сибири Ермаком, русский историк С.М.Соловьев ограничивается единственной, но исчерпывающе объясняющей фразой – «Ружье победило лук и стрелы».

Перейдя из Туры на р. Тавду, отряды Ермака в устье Тавды нанесли очередное поражение татарам. Продвижение казаков по Туре и Тоболу до Иртыша прошло без остановок. Мелкие стычки, не принесшие значительного урона ни той, ни другой стороне, произошли, по данным сибирских летописей, у Караульного и Березовского яров, у Бабасанских юрт, у Карачинского городка и т.д.

Между тем хан Кучум, поджидая подхода русских казаков, укрепился недалеко от столицы ханства – г. Искера. Навстречу Ермаку, который уже подошел к Тоболу, Кучум выслал войско царевича Маметкула, которое Ермак также разбил в урочище Бабасан, на берегу Тобола. Спускаясь по Туре и Тоболу, казачья дружина вышла к Иртышу. Следующая битва произошла уже на Иртыше, где войско под руководством Маметкула вновь потерпело поражение. Здесь казаки взяли городок Атик-мурзы. Казачьи отряды продвигались все ближе к столице Сибирского ханства – Искеру, перед которым была устроена специальная засека, препятствующая продвижению противника.

Решающая битва состоялась 23–25 октября 1582 г. на правом берегу реки, у

Чувашского мыса, на территории современного г. Тобольска. Кучумовцы численно превосходили казаков, казаки же имели преимущество в вооружении, боевой выучке и дисциплине. Ермак предпринял ночную атаку на позицию противника, задействовал артиллерию. Остяцкие и вогульские отряды бежали в страхе от огнестрельного оружия. Ранение царевича Маметкула, руководившего татарским войском, предопределило исход битвы. Казаки в ожесточенном длительном бою одержали победу. В ночь на 26 октября Кучум покинул Искер и ушел в неизвестном для казаков направлении. В этот же день отряды Ермака вошли в опустошенную столицу ханства.

По мнению А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова, поражение войск Кучума в решающем сражении – битве у Чувашского мыса предопределили именно пассивные действия Тайбугидов. Они обращают внимание на то, что в сибирских летописях, описывающих данное событие, кроме имени Маметкула, который бился до последней возможности, нет упоминаний имени ни одного знатного татарина. Под руководством Маметкула оказались лишь преданная ханская гвардия, а также хантыйские и мансийские князьки со своими слабо вооруженными воинами, которые в большинстве своем сбежали в первую же ночь. Очень возможно, что тайбугидская знать под разными предлогами не пришла на помощь Кучуму и не привела под Чувашский мыс своих воинов, что существенно ослабило силы хана. После ранения, которое Маметкул получил в ходе сражения, хан был вынужден вывести свою гвардию, поскольку как опытный военачальник и политик не имел права потерять в битве с Ермаком свою единственную опору – преданную гвардию. Наверняка, он прекрасно понимал, что даже если ценой этой потери он справится с Ермаком, то останется ни с чем против военных отрядов Тайбугидов. Такое положение вещей объясняет и то обстоятельство, что после сражения на Чувашском мысу Кучум сразу же отступил с оказавшейся враждебной ему территории – Тобольского Прииртышья, вскоре оказавшись в Омском Прииртышье, где проживало поддерживавшее его население [Матвеев, Татауров, 2012, с.82].

Сохранилось татарское предание, записанное Н.Ф.Катановым, в котором сообщается, что когда хан Кучум потерпел поражение, он направился на восток. На просьбы Кучума о помощи и предложение уйти с ним в подданство Бухары тарские мурзы якобы ответили отказом. Далее от тарских татар Кучум пошел к аялыным татарам и затем на юг – к барабинцам [Катанов, 1895–1896, с.9–10]. Таким образом, эта легенда указывает на восточные владения хана Кучума. Среди немногих известных представителей татарской знати в «Сибирских летописях» упоминается князь Бегиш. Он был одним из тех татарских предводителей, кто дал сильный отпор Ермаку. И.Фишер пишет об этом событии следующее: «Жители между крепостью Сибирью и рекою Вагаем приведены были уже прежде в подданство. Но далее вверх более было труда. Бегаш, знатный татарин, в тамошних странах первый, вознамерился противиться Ермаку. Он имел жилище свое позади восточного высокого берега Иртыша у озера, которое получило от него свое имя. Услыша о приближении казаков, привел он себя в наилучшее состояние, чтоб принять их храбро. Он стал с татарами своими на пригорке, и в сем положении ожидал Россиян. Дошло до кровопролитного сражения, на котором победа была долго сомнительна, пока россияне наконец, овладев пригорком, татар сбили...» [Фишер, 1774, с.154–155]. В ноябре султан Маметкул с отрядом попытался напасть на казаков, отошедших от города, но потерпел поражение.

Обосновавшись в Искере, Ермак вел себя как новый владетель государства – принимал шерть (клятву на верность), накладывал дань. Ермак направил в Москву посольство во главе с Иваном Кольцо с богатыми дарами, поспешившее объявить о присоединении к Московскому государству нового края. В тексте послания Ермака Ивану IV (по Погодинскому летописцу) значит: «Писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержцу... что царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти татар и остяков и вагулич ... по их верам на том, что им быть

под его царскою высокою рукою до веку» [Сибирские летописи, 1907, с.281–282]. Согласно преданиям, Иван Грозный, получив сообщение о взятии Сибири, торжественно встретил посольство Ермака, простил им прежние прегрешения, совершенные казаками в московских владениях и отправил богатые дары и жалованья, в т.ч. Ермаку – два панциря и шубу с собственного плеча. На воеводство в Сибирь Иван IV направил князя Семена Болховского и Ивана Глухова с 300 служилых людей, но фактически воеводой в Сибири оставался Ермак. Силой и дипломатией казаки обязали платить дань Москве татарские улусы, остяцкие и вогульские волости по Туре, Тоболу, Тавде, Иртышу, Нижней Оби.

Весной 1583 г. Ермак вновь начал военные действия, разбил отряды Маметкула в его стане на р. Вагае, а самого царевича взял в плен. Известно, что плененный Маметкул в 1584 г. был отправлен в Москву в сопровождении отряда казаков под предводительством атамана Грозы. В столице сибирский султан был принят царем Федором и, поступив на русскую службу «полковым воеводою», принимал участие в 1590 г. в шведском походе, а также в походах по усмирению татар [Голодников, 1882, с.8].

Летом 1583 г. Ермак предпринял покорение татарских поселений вдоль Иртыша и Оби, он взял также столицу хантов Назым. Весной 1584 г. он отправил Богдана Брязгу с казаками вниз по Иртышу. Брязга с боями прошел по северным татарским улусам – Надцинскому, Карбинскому, Туртасскому и Уватскому, покорив татар и собрав ясак. Поход Брязги по остяцким землям продолжался до весны 1585 г., когда были покорены все остяцкие земли по Иртышу и, достигнув Оби, он в мае 1585 г. вернулся в Искер.

Сам Ермак весной 1584 г. организовал походы вниз по Иртышу и на берега Оби. С боями он дошел до низовьев р. Тавды, где обложил ясаком оставшихся в живых татар. Между тем, силы Ермака, вынужденного непрерывно воевать в течение двух лет, истощались. Неся потери людьми, испытывая постоянно нехватку продовольствия, недостаток обуви и одежды, отряды Ермака постепенно стали терять боеспособность. Кучум же, откочевавший в недоступные для

стругов Ермака верховья рек – Иртыша, Тобола и Ишима, все время пристально следил за действиями и передвижениями Ермака и его дружин, старался неожиданными нападениями на части отрядов Ермака наносить ему урон.

Вслед за уничтожением отряда Никиты Пана в Назыме (лето 1583 г.) были убиты вернувшиеся из Москвы Иван Кольцо и Яков Михайлов (март 1584 г.), а также понес большие потери, хотя и разбил кучумовский отряд, атаман Мещеряк (лето 1584 г.). В ночь с 5 на 6 августа 1585 г. погиб и сам Ермак, вышедший с небольшим отрядом в 50 человек к Иртышу и попавший в организованную ханом Кучумом засаду. Согласно Есиповской и Ремезовской летописям, Ермак утонул в устье Вагая под тяжестью доспехов. Также сибирские летописцы приводят и татарскую версию гибели Ермака, по которой Ермак пал от рук воина Кучума – могучего и храброго мурзы Кучугая (Кутугая), при ночном нападении на казачий лагерь «устремившегося за Ермаком в струг, стругу же отплывашу от берега и плывушу по реки, они же показаша между собою брань велию, сразишеса друг с другом». С саблею в руках Ермак «нача одолевати» Кучугая, отражавшего сабельные удары копьем, но затем у казачьего атамана развязался ремень шлема и обнажилось горло. В этот момент «Кучугай прободе в гортань» Ермака [Сибирские летописи, 1907, с.321]. У вагайских татар существует также предание о гибели Ермака от стрелы отважного мергеня (лучника) Кугутая.

Казаков в Сибири оставалось так мало, что воевода Глухов и единственный из оставшихся в живых атаманов Матвей Мещеряк решили 15 августа 1585 г. оставить г. Искер и отплыть по Иртышу и Оби, а затем через Уральский хребет перебраться в московские земли. Таким образом, через два года после завоевания Сибирь была Московским царством потеряна.

После гибели Ермака хан Кучум сразу начал восстанавливать свою власть. Показательно, что в информации из русских источников, датированной 1586 г. и связанной с обоснованием необходимости строительства на р. Белой г. Уфы, сказано: «...беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государе-

ву вотчину... в башкирцы, учал кочевати и ясак...с башкирцев почал... имати» [Исхаков, 2006, с.148]. Скорее всего, сибирский хан собирал в данном случае ясак с той территории, которая ранее была подконтрольна Сибирскому юрту (зона Сибирской дороги Уфимского уезда). Уже к лету 1590 г. он взял под контроль значительную часть своих прежних владений – лесостепную и степную зоны от р. Тобол до Оби и провел переселения податного населения с севера на юг по долине р. Иртыш. Здесь появились новые укрепленные татарские населенные пункты. Хан снова обложил остяков ясаком, что было важно для экономического укрепления его власти и для переустройства государства в новых условиях. Ему также удалось урегулировать отношения со своими южными соседями – ногайцами, казахами Казахского ханства. Таким образом, хан Кучум в 1585–1594 гг. сумел возродить Сибирское ханство в новых границах и на новых территориях. Однако это государственное образование оказалось менее жизнеспособным. Несмотря на это Кучум в борьбе с русскими отрядами и с примкнувшими к ним татарами продержался в этом неравном поединке до 1598 г. [Матвеев, Татауров, 2012, с.47–53].

В 1590-х гг. верные Кучуму аялындыцы побросали свои поселения и по приказу хана стали строить новые городки на других местах. Наиболее известным таким населенным пунктом стал Черный городок, основанный после того, как русские вынудили Кучума покинуть Тарское Прииртышье и отступить дальше на юг. «Кучум, узнав о намерении русских построить город на реке Таре, отправил царевича Алея к аялындыцким татарам, чтобы ввиду наступления русских отвести их в места более безопасные по верхнему Иртышу, где в то время находился сам хан. Алей собрал 150 человек этих татар и повел их на остров, называемый Черным, где они поставили небольшой городок, в котором с ними вместе зазимовали еще 50 человек малгородцев. Самыми видными из этих аялындыцких татар были два есаула, Мамык и Сейткул, и два князца, Зуюндук и Илгулуй. Из этого городка они ходили на озеро Вузюково, чтобы ловить там рыбу для хана. Между ханским становищем и город-

ком на острове Черном ежедневно ездили туда и обратно люди» [Миллер, 1999, с.288]. В декабре 1594 г. русский отряд, состоявший из 276 человек, во главе с письменным головой Борисом Доможировым при первом же нападении взял татарский Черный городок, но хан Кучум при этом успел скрыться [Миллер, 1999, с.289].

Вторичное завоевание Сибири. Не получая никаких известий из Сибири, Борис Годунов, фактически управлявший при царе Федоре государственными делами, принял решение послать в ханство Кучума нового воеводу и новый военный отряд. Русским было необходимо заново завоевывать Сибирское ханство, местное население после ухода казаков из Искера восстановило свою независимость. В этих условиях перед воеводами ставилась задача построения крепостей и острогов как опорных укрепленных пунктов для контроля над регионом.

Летом 1585 г. в Сибирь был послан воевода Иван Мансуров с отрядом стрельцов и казаков. Но в Искере тогда правил вернувшийся сын хана Кучума царевич Али. В летописях сообщается, что после гибели Ермака и ухода казаков из Искера Али занял столицу. Он явился в пустой город с «воинскими людьми» – татарами, сохранившими ему преданность. Когда суда Мансурова вошли в Иртыш, на его правом берегу, у Чувашского мыса, находились вооруженные татары. Воевода узнал, что казаки оставили Искер и ушли вниз по Иртышу. Он приказал двигаться вслед за ними. Достигнув Оби, отряд Мансурова срубил деревянный острог (Обской городок) и зазимовал в нем, а весной, когда вскрылись реки, ушел обратно в московские владения.

Вслед за Мансуровым из Москвы были посланы в Сибирь стрелецкие головы – Василий Сукин, Иван Мясной, Даниил Чулков с тремя сотнями воинов и с запасом огнестрельного оружия. Эти отряды не стали подходить к столице Кучума на Иртыше, а дошли вверх по Туре до бывшей татарской столицы Чимги-Тура и в устье р. Тюменки основали крепость Тюмень (1586 г.), а через год – в 1587 г., в устье р.Тобол, в 15 верстах от Искера письменный голова Данила Чулков основал крепость Новую Сибирь (Тобольск). Эти остроги стали базами всего

дальнейшего продвижения русских по Сибири.

После ухода ермаковых казаков из Искера возобновляется борьба Шибанидов и Тайбугидов. Она выразилась в поочередных захватах столичного города сначала Али, затем Тайбугидом Сеид-Ахмедом (Сейдяком), который появился из «Бухарской земли» и, согласно Ремезовской летописи, «пришел во град, и победив Алея и воинство его, и кровь отца своего Бекбулата отмстил, и прием отчину отцову, и пребываша во граде» [Сибирские летописи, 1907, с.338–339, 345].

Согласно Погодинскому списку Есиповской летописи, пришедший «из Бухары» «со всем своим домом» к «граду Сибири», т.е. Искеру, князь Сейдяк б. Бекбулат не просто его взял, но и «царевича Алея взял и прочих кучюмовых сынов седьм убил и из града изгнал», завладев «отчиной отца своего Бекбулата Казыева» [Сибирские летописи, 2008, с.289]. Эта информация отчетливо показывает, что война с казаками Ермака в Сибирском юрте была отягощена внутренним противоборством Шибанидов и Тайбугидов, причем у последних явно имелись свои покровители «в Бухаре» или «в Бухарской земле», под которыми, однако, скорее всего, подразумеваются казахи, так как в русских летописях вместе с князем Сеид-Ахмедом фигурирует «царевич Казачьи Орды Салтан», имя которого известно – это был Ураз-Мухаммад. Когда в 1587 г. на берегах Иртыша русскими был заложен Тобольский острог (Новая Сибирь), в Искере уже правил Тайбугид Сеид-Ахмед (Сейдяк), сын Бекбулата. Восстановленное Тайбугидское государство, однако, просуществовало недолго. Уже осенью 1587 г. Сеид-Ахмед и его союзники, казахский царевич Ураз-Мухаммед и бывший кучумовский карача Кадыр-Али бек из клана джалаир, попали в русский плен. Сибирские летописи сообщают об этих событиях следующее. Сеид-Ахмед вместе с Ураз-Мухаммедом и Кадыр-Али беком забавлялись ястребиной охотой на Княжьем лугу, неподалеку от русского острога. Данила Чулков, узнав об этом, пригласил Сеид-Ахмеда вместе с товарищами на пир, где вероломно их связал, а сопровождавший Сеид-Ахмеда отряд перебил. Искер вскоре был сожжен тобольскими

стрельцами Данилы Чулкова и больше татарами не заселялся. Оценку этим событиям и кратковременному правлению Сеид-Ахмеда дает казанский историк Г.Л.Файзрахманов: «Прогнав из столицы Али и заняв престол, Сейдяк не оправдал надежды сибирских татар, облегчил покорение своего народа» [Файзрахманов, 2002, с.205].

В 1590-е гг. в Сибири создается сеть русских крепостей. Занимая стратегически господствующие высоты и ключевые пункты на реках, они становились прочной военно-оборонной основой для дальнейшей колонизации края и для контроля за местным населением. В конце XVI в. происходили неуклонное последовательное движение русских и закрепление гарнизонных точек в первую очередь по рекам Туре, Пышме, Тоболу, Тавде, а затем по Лозьеве, Пелыму, Сосье, Таре, Кети и Оби. В процессе освоения новых территорий Москва выбрала стратегию фронта, путем создания острогов-форпостов на вновь присоединяемых землях. В данном случае использовался опыт освоения Волго-Уральского региона.

Многочисленные попытки хана Кучума в 90-е гг. XVI в. накопить силы и изменить ситуацию, нападая на скопления русских сил, или взять крупную русскую крепость, заканчивались поражением, ибо русские гарнизоны были гораздо лучше вооружены и имели явный численный перевес над войсками хана Кучума. Таким образом, постепенно военная и политическая инициатива переходила на сторону русских.

В 1594 г. был заложен новый укрепленный пограничный центр – г. Тара, строительство которого имело огромное стратегическое значение в процессе освоения и удержания сибирских территорий и в борьбе с ханом Кучумом, что он прекрасно понимал и попытался этому помешать. В 1594 г. царь Федор направляет в Сибирь князя Андрея Елецкого, чтобы на месте или рядом с татарским городком Ялымом основать город.

Среди сибирских городов г. Тара имел особое значение вплоть до конца XVII в., играя роль военного форпоста и преграды на пути Кучумовичей, калмыцких и других «воинских» людей. Он был построен, как замечает П.И.Небольсин, «чтоб совершен-

но уничтожить вредное его (Кучума. – *Д.И., З.Т.*) для нас влияние в этих краях», когда было «велено – в центре подвластных Кучуму волостей поставить новый город Тару» [Небольсин, 1849, с.116], т.е. главной целью постройки русского города было «Кучума царя истеснить». В строительстве Тары принимали участие служилые татары, сюда были стянута из Казани, Свяжска, Тетюш, Тюмени, Тобольска, Таборов и Кошуков рать, состоявшая из 1200 человек конных и более 500 пеших служилых людей. «Тут были и Ермаковы казаки, и стрельцы, и польские казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары» [Небольсин, 1849, с.116]. Царь дал Елецкому 147 пехотинцев. Из Уфы было отправлено 300 башкир, 100 казанских и 100 заинских татар под началом Мамлы Мальцева. Конное войско, отправленное в Сибирь под командованием Мамлы Мальцева, насчитывало 554 человека. Все эти люди сначала были доставлены в Тобольск, где к ним присоединился Андрей Елецкий со своими людьми. Общий состав войска, направленного на строительство Тары, насчитывал 1541 человек. Более двух третей (1030 человек) отряда составляли татары и башкиры, и только 511 человек – русские, поляки, литовцы и др. Когда строительство города было завершено, 550 конников Мамлы, 50 конников Баязита, 300 конных и 150 пеших иртышских татар, 50 конных тюменских татар, 50 конных татар из Таборы и Кошуков были отправлены назад. А 50 татар во главе с Байбахты были оставлены зимовать во вновь построенном городе Таре [Атласи, 2005, с.81–82].

Москва также предпринимает шаги для умирения возможных союзников Кучума, в том числе Пелымского князя Аблегери-ма, для чего на его землях строится город Пелым. Самого князя и его семью предполагалось «приманить Пелымского князя Аблегери-ма, да сына его большого Тагая, да племянников его и внучат.... приманив, извести, и лутчих его людей, которые самые пушие, от которых смута была...», «и жоны и дети их и люди воевать и побивать, и городок его жечи», кроме младшего сына с семьей, которые должны были стать аманатами в Тобольске [Миллер, 1999, с.340–341]. В 1593 г. на покорение союзника

хана Кучума князя Пелымского княжества Аблегери-ма был направлен отряд во главе с воеводами Н.Траханиотовым и П.Горчаковым. В результате этого похода Пелым был покорен, а сын и внук Аблегери-ма были направлены в качестве пленников в Москву. Правитель «Пегой Орды», которая объединяла племена селькупов и кетов в бассейнах Нарыма и Оби и насчитывала более 400 человек, князь Воня упорно отстаивал свою независимость от Москвы. В русских документах конца XVI в. говорилось, «что ясаку с себя и с своих людей не дает». Не желая подчиняться Москве, князь Воня заключил союзнический договор с подкочевавшим к «Пегой Орде» ханом Кучумом. Вскоре и этот сильный союзник Кучума был разбит на Средней Оби. Для покорения Пегой Орды русские построили в центре владений селькупов город Нарым.

Вслед за Пелымским утрачивает независимость и Кодское княжество. В 1593 г. в нижнем течении Северной Сосьвы отрядом служилых людей во главе с воеводой Никифором Траханиотовым был основан новый опорный пункт – г. Березов. На следующий год во владениях князя Бардака был построен город Сургут. Затем при помощи кодских хантов казаки начинают присоединение новых территорий в низовьях Оби, где в 1595 г. был построен Обдорский городок.

В 1604 г. в нижнем течении Томи был поставлен город Томск, который стал главной опорной базой для освоения и обороны Среднего Приобья. В 1618 г. на земле кузнецких татар появилась небольшая крепость – Кузнецкий острог. Он в дальнейшем вырос, стал центром отдельного уезда, но вплоть до начала XVIII в. оставался крайним и самым отдаленным русским городом на юге Западной Сибири. Как считает известный историк Н.И.Никитин, постройка Кузнецка завершила первый этап присоединения Сибири к России. С ним связывают включение в состав Российского государства почти всех западносибирских территорий и коренное изменение политической обстановки в Зауралье [Никитин, 2001, с.17].

Таким образом, тактика русского продвижения в Сибирь в этот период была основана на организации опорных пунктов в центре присоединяемых территорий, откуда

затем велось уже дальнейшее наступление на новые, еще неосвоенные территории.

Гибель ханства. После пленения Сейдяка Искер опустел. В 16 верстах от бывшей столицы Сибирского ханства была основана русская столица Сибири – г. Тобольск, который с 1590 г. выходит из подчинения Тюмени и становится центром воеводства. В Тобольске скапливаются значительные военные силы, направляемые в Сибирь из России.

Хан Кучум, потеряв власть в Искере, по-прежнему представлял серьезную угрозу для новых русских владений, кочуя по степи и совершая время от времени нападения на русские остроги и татарские волости, признавшие власть Москвы. Центральная власть и сибирские воеводы неоднократно предпринимали действия для подчинения Кучума как дипломатическими, так и военными методами. Одним из методов стало стремление склонить хана Кучума признать русское подданство. Но хан Кучум всячески отвергал переговоры. Попытки убедить Кучума перейти на службу Русскому государству предпринимались вплоть до конца 90-х гг. XVI в. Как считают исследователи, Московское государство не оставляло надежду мирным путем решить ситуацию в связи со стремлением избежать крупных людских потерь до окончательной застройки и укреплением своей власти в Сибири, а также со стремлением получить Кучум-хана в виде подданного, власть над которым дополнительно повысила бы авторитет России на международной арене [Рябина, 2011, с.92]. В связи с чем в документах 1593–1594 гг. русским воеводам при строительстве города на р. Тара предписывалось не только опасаться набегов хана Кучума, но и уговаривать его перейти в российское подданство: «...а будет добьет челом и договор станет, и сына царевича даст в заклад, и отпустит ко государю к Москве...» [Миллер, 1999, с.348]. Однако хан до последнего не оставлял надежды найти помощь, в том числе и военную, чтобы отвоевать свое ханство. Поэтому, даже потеряв многих близких, он отказывается от лестных предложений русской власти: «не поехал Деи я к Государю, по Государеве грамоте, своею волею, в кое деи пору я был

совсем цел, а за саблюю деи мне к Государю ехать не по что». Другим методом борьбы с Кучумом было стремление «Кучюма царя истеснить» [АИ, т.2, с.7]. Для этого ясачные волости, платившие дань Кучуму, переводили в полное русское подданство [Миллер, 1999, с.247–249], строили на этих землях новые русские остроги.

Для поимки хана Кучума предпринимались значительные усилия, но они не увенчались успехом. В 1591 г. отряд, состоявший из тобольских служилых людей во главе с воеводой Владимиром Кольцовым-Мосальским, настиг войско хана Кучума на Ишиме и нанесли ему поражение у озера Чиликула. Хану Кучуму удалось уйти. Однако это событие значительно уменьшило его дальнейшую военную активность, хан даже начал пытаться восстановить отношения с Москвой – сохранилась грамота хана от 1593–1594 гг., в которой он просил московского царя его пожаловать, передать ему Сибирский юрт как вассальное владение, просил к нему из плена отпустить султана Маметкула [Скрынников, 1982, с.216]. На самом деле это было, скорее всего, маневром попавшего в безвыходное положение сибирского хана, просившего в 1595–1596 гг. помощи у бухарского хана Абдуллы. Но тот ему ничем помочь не мог, будучи занят борьбой за Хорезм [Скрынников, 1982, с.216–217]. В 1595 г. войско Кучума потерпело еще одно поражение от отряда во главе с воеводой Борисом Доможировым. Кучум вновь избежал пленения. В 1597 г. отряды Кучума пытались захватить Тару, но безуспешно. Он все еще пытался договориться с русской властью, что видно из его грамоты, отправленной в 1597 г. воеводам г. Тары: «И ныне попытаем миритца... и язъ хочю правдою помиритца». Но одновременно Кучум и пугал русские власти: «...а с Нагаи есьмя в соединенье, и только с обеих сторон встанем, и Княжая казна шатнетца» [Собрание, 1819, с.131]. В послании московского царя Федора, с другой стороны, ему предлагалось стать служилым царем, даже давалось обещание устроить его в Сибирском юрте [там же]. Но Кучум не соглашался, видимо не доверял московской стороне. Тогда хан Кучум восстановил свою власть в Барабе, но против него в 1598 г. был организо-

ван поход, возглавляемый тарским воеводой А. Воейковым.

В августе 1598 г. объединенный русско-татарский отряд, общей численностью в 400 человек (И.Щеглов называет гораздо большую цифру, а именно – «700 человек русских и 300 татар»: [Щеглов, 1883]) под предводительством тарского воеводы Андрея Воейкова, вышел из Тары и после долгих поисков и мелких стычек с противником в Барабинской степи обнаружил неподалеку от устья р. Ирмени на Оби главные силы хана Кучума, составлявшие более 500 человек. В ходе длительного и ожесточенного сражения войско Кучума было разбито. Большая часть семьи хана Кучума попала в плен. Из поименной росписи пленных, присланной воеводой А.Воейковым от 4 сентября 1598 г., известно, что в ходе этой битвы были взяты в плен пять сыновей хана (царевичи Асманак, Шаим, Бибадша, Молла, Кумыш), восемь царич «Кучюмовых жен» и столько же дочерей [АИ, т.2, с.6]. Кроме семьи хана Кучума, среди пленников были названы дочь и две внучки ногайского князя, пять князей и мурз. Плененные Кучумовичи были отправлены в Москву. Из документа также следует, что были убиты 6 князей, 10 мурз, 5 аталыков (также, видимо, князей), тесть хана с «товарищи». Кроме того, были убиты 150 «служилых людей», пытавшихся вплавь перебраться через Обь, да еще 50 человек, взятых в плен, «побиша», некоторых «перевешали», убили также брата Кучума Илiten султана и сына хана [Исхаков, 2006, с.193–194].

В «Наказе» от 1598 г. русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину было велено говорить об этих событиях следующее: «...государевы наши люди зашед Кучума царя на поле, побии на голову самого Кучума царя да брата его Илitenя царевича и детей его и племянников и с ним трех царевичей и многих князей, и мурз и всяких людей побии болши шти тысяч человек, а пяти царевичей Кучумовых детей Асманака царевича з братьею, десять царич Кучюмовых и детей его жон да восемь царевых Кучюмовых дочерей, лутших мурз болши трехсот человек живых взяли и к государю нашему царю и великому князю Борису Федоровичу всея России самодерж-

ца привели, а улусы Кучумовы разорили...» [ТВОРАО, 1892, т.21, с.50–51]. Хану Кучуму и на этот раз удалось уйти. С ним были его сын Али и некоторые приближенные. Погоня Воейкова за Кучумом не дала результатов, ничего не добились и отправленные на переговоры с ханом послы. На предложение примирения с русским царем, отправленное из Тары с сейидом Тул-Маметом, хан Кучум ответил отказом, заявив, что уходит к ногайцам, а сына [Алия] отправляет в Бухару [АИ, т.2, с.7].

Эта победа стала важнейшим этапом в продвижении русских в Сибирь. В историографии нет серьезных свидетельств о том, что было с Кучумом после этих событий, сохранились лишь сбивчивые и противоречивые сообщения о том, когда и где он умер. После поражения хан Кучум бежал к верховьям Иртыша и, по версии С.У.Ремезова, по пути «похитил у калмыков коней многое число». Однако калмыки настигли обидчика, и «многих кучумлян побиша и коней, свои стада отняша». С небольшим числом своих сторонников Кучум направился в Ногайскую землю, где был убит, а его люди «придоша ко граду Тобольску и приложася ясак платити, овии же крестисася во христианство и поверстаны в службу в новокрещенский список, овии же мурзы и мурзичи, 300 человек поверстаны в службу и оклад им учинен по 15 рублей и по 7-ми. И поставиша русского голову, чиновника» [ПЛДР, 1989, с. 567–568]. Г.Ф.Миллер пишет о двух версиях направлений его бегства – «в Казакскую Орду» и к ногайцам (мангытам) [Миллер, 1999, с.293]. В связи с этим точно определить дату и место смерти хана Кучума невозможно, да и имеющиеся источники противоречат друг другу. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича называется 1598 г., другие же историки, исходя из того, что сын Кучума Али в 1601 г. стал ханом, определяют дату смерти Кучума 1601 г. Татарский историк Х.Атласи вслед за Абуль-Гази считал, что хан Кучум умер в племени мангытов (с которым были связаны правители Бухары). Не исключено, что эти места были родиной Кучума, куда он, потеряв свое ханство, и ушел, скорее всего, умирать. «Он не унижился до того, чтобы свою свободу, которую ценил превыше всего, променять

на что-то другое. Как и всякий великий человек, он признавал лишь победу или смерть. Неволе хан предпочел смерть» [Атласи, 2005, с.81–82]. Думается, в этих словах Х.Атласи отражается реальная оценка Кучума как выдающейся исторической личности, государственного деятеля, который, даже потеряв свой юрт, в течение почти двух десятилетий не переставал сражаться за него, несмотря на все посулы предпочел скитания и борьбу, который, потеряв все – государство, близких, не отступил от своих принципов и позиций. Хотя уже в 1597 г. хан понимал, что проиграл – в его грамоте воеводам г. Тары, сказано: «...а Сибирь не язь отдаль, сами есте взяли» [Собрание, 1819, с.131]. Историк XIX в. П.И.Небольсин дает аналогичную оценку личности Кучума: «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком, в этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, ни падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени, и тайно, и явно, и, наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед тем, кого он считал своими притеснителями и врагами...» [Небольсин, 1849, с.114]. Современные историки также близки к этим позициям: «Хан Кучум в 1585–1594 гг. ценой невероятных усилий сумел возродить Сибирское ханство в новых границах и на новых территориях. Однако это государственное образование оказалось менее жизнеспособным. Несмотря на это, Кучум, в борьбе с русскими отрядами и с примкнувшими к ним татарами, продержался в этом неравном поединке до 1598 г. И вряд ли в Евразии нашелся бы какой-нибудь другой исторический деятель, который в такой ситуации сделал бы больше» [Сибирский сборник, 2012, с.86].

Тем не менее, следует признать, что приведенные выше оценки личности Кучума не вполне типичны для российской историографии и на сегодняшний день в России еще нет объективной характеристики роли хана Кучума. До сих пор в исторической литературе встречаются отголоски средневековых историографических традиций XVII в., исторические стереотипы, направленные исключительно на оправдание колонизации

Сибири, для чего идеализировались одни персонажи истории, которые противопоставлялись другим, защищавшим свои родные земли от завоевателей.

Несмотря на некоторые разночтения относительно даты смерти хана Кучума б. Муртазы – около 1599–1600 гг., московская сторона, как это отмечается в статейном списке русского посольства во главе с А.И.Власевым в Священную Римскую империю, уже считало Сибирское царство своим владением [Трепавлов, 2012, с.69], а в титулатуре Бориса Годунова появился новый элемент – титул «царь Сибирский» [Успенский, 2000, с.49–50, 96], внешним выражением которого было наличие у московских государей «Сибирской короны» [Файзрахманов, 2002, с.102], неизвестно, изготовленной специально или захваченной в Сибирском юрте в ходе его завоевания. В конечном счете, изображение этой короны, как одно из важных символов российского государства, оказалось на «гербе державном», согласно именному указу 1667 г. «О титуле царском и о государственной печати», на котором были изображены «три коруны, знаменующие три великие Казанское, Астраханское и Сибирское славные царства» [Соболева, 2006, с.187].

Сибирский юрт (Сибирское ханство) пал по ряду причин. Прежде всего, хан Кучум и его потомки «были обречены в контексте начавшегося кризиса степной государственности под давлением расширяющихся оседлых государств. Этот процесс был закономерен для исследуемого периода, и гибель Сибирского ханства стала одним из компонентов постепенного исчезновения феномена кочевого могущества в Евразии [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108–109]. Можно согласиться и с мнением А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова о том, что этот наследник Золотой Орды опирался на золотоордынские традиции государственной организации, которые уже сходили на нет, хан Кучум «не успел создать... выстраивая в Западной Сибири полноценное по меркам Средней Азии государство... нечто более адекватное вызову эпохи» [Матвеев, Татауров, 2012, с.224]. Однозначно, Московское царство в экономическом и военном отношении было намного сильнее Сибирского

ханства. В военном плане следует заметить, что сибирские татары, вооруженные согласно степным традициям и использовавшие старые тактики военных действий, оказались не готовы к использованию противником новых видов оружия (огнестрельного, прежде всего), новой тактики (опора на военные городки) [Худяков, 2000, с.268–271; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108]. Еще одной причиной падения Сибирского ханства надо признать существование в нем внутреннего противостояния Тайбугидов и Шибанидов, восходящего еще к концу XV – началу XVI вв. Похоже, что не была завершена и консолидация кочевого (полукочевого) и оседлого населения ханства. Ислам, который в период правления хана Кучума еще только укоренялся, не успел стать сплачивающей идеологией для всех жителей государства. Да и Шибаниды, по-видимому, «не смогли предложить единой идеологии, которая смогла бы всех сплотить» [Маслюженко, Рябинина, 2009, с.108]. Наконец, ставший частью исламского мира Сибирский юрт в лоне исламской цивилизации оказался в ту эпоху, когда она в целом клонилась к упадку.

Борьба Кучумовичей. С гибелью Кучума борьба за власть в Сибири не закончилась, она продолжалась почти в течение всего XVII в., а возглавили ее сыновья и внуки Кучума. Они представляли значительную опасность для новой власти, так как татары и другие сибирские народы видели в них законных владетелей страны.

О числе сыновей Кучума «Погодинский летописец» сообщает: «А у царя Кучюма было всех десеть сынов» [ПСРЛ, 36, с.133, 137]. В.В.Трепавлов приводит их приблизительный список: Али («Алей»), Канай, Алтынай, Ишим (Иш-Мухаммед), Хаджим (Азим), Абул-хайр, Асманак, Ханчубар, Бибадша (Бий-Падишах), Кедай, Кубей-Мурад, Чувак, Мулла, Шаим (Шех-Мухаммед) [Трепавлов, 2012, с.62]. Несколько другой список султанов-Кучумовичей приводит продолжатель Утемиша-хаджи. В его списке 8 имен, 6 из которых совпадают с данными русских источников [Миргалеев, 2014, с.65]. Кучумовичи, сначала под руководством отца, а после его смерти самостоятельно, пытались противостоять все усиливавшемуся присут-

ствию Московского государства в Сибири [Трепавлов, 2012, с.62].

Они кочевали с верными себе группами в степях и верховьях Ишима, Иртыша и Тобола, иногда доходили до Яика и Уфимского уезда. Узнав о смерти отца, царевич Али, который в тот момент находился скорее всего, где-то в верховьях р. Тобол, объявил себя ханом. О признании ханом Али той частью татар, которые были с ним, говорит один из русских документов – грамота уфимского воеводы М.Нагого тюменскому воеводе Л.Щербатову от марта 1601 г.: «А брат де их большой Алей царевич, Кучюмов сын, а оне де называют его царем» [(Миллер, 2000, с.196)]. Ханский титул у Али б. Кучума отмечен и у продолжателя Утемиша-хаджи [Миргалеев, 2014, с.65], что подтверждает сообщение русского источника. Ш.Марджани, источники которого в данном случае неизвестны, также отметил Али среди сибирских ханов [Мәрҗани, 1989, с.186; Трепавлов, 2012, с.67]. Однако ханский титул Али признали, видимо, не все татары: в 1603 г. татарский информатор сообщает русским, что «его двор, лутчие люди», кочевавшие в другом месте с султанами Канаем и Азимом, считают, что царем лучше бы поставить другого сына Кучума, Каная, поскольку «царица Чепшан», мать Али, рода незнатного [Миллер, 2000, с.209]. Московская сторона также не горела желанием признать за Али монархический статус, которым некогда обладал Кучум. Примечательно рассуждение В.В.Трепавлова относительно последовательности определения русского царя владетелем и, таким образом, включения в его титул новых дополнений: «В свое время Иван IV превратился в «царя Казанского» при жизни последнего хана Казани Ядгар-Мухаммеда. Но он проиграл Москве войну, попал в плен, находился в государевой свите, был обращен в христианство и, хотя продолжал именоваться царем, своим смирением как бы оправдывал переход своего ханства под власть победителя. Последний астраханский хан Дервиш-Али при приближении русского войска, бросив свой город, «побежал в Азов, а оттоле к Мекки (Мекке)». В случае же с непокоренным российским правителям Кучумом пришлось дожидаться его смерти, чтобы

официально заявить о своем праве на его юрт», что произошло не ранее 1599–1600 гг. [Трепавлов, 2012, с.72, 69]. Показательно, что именно в начале 1600 г. оказавшийся еще в 1588 г. в русском плену вместе с сибирским князем Сейит-Ахметом Тайбугидом казахский султан Ураз-Мухаммад был внезапно интронизирован в Касимовском ханстве, престол которого уже длительное время (примерно с 1590 г.) оставался незанятым [Беляков, 2011, с.274]. Видимо, тогда в этом не было особой надобности. Так как к 1600 г., как отмечает сибирский выходец Кадыр-Али бек, «падишаху» Борису Федоровичу подчинялся и «презол Туры» (*Tahme Turu*), под которым явно подразумевается Сибирское ханство [Кадыр Гали бэк, 2011, с.10], не исключено, что сам акт интронизации в Касимовском ханстве казахского султана, в чьем окружении находились выходцы из Сибирского юрта, был связан с фактическим присоединением Сибирского ханства к Московскому государству. На этом фоне обращает на себя внимание и передача Касимовского ханства в 1614 г. вслед за Ураз-Мухаммадом собственно сибирскому царевичу, внуку хана Кучума, Араслану б. Али [Беляков, 2011, с.274].

Но Кучумович Али хан вряд ли мог рассчитывать на поддержку Бухарского ханства, где после кончины в 1598 г. в ходе похода казахского хана Таукела против Бухарского ханства хана Абдуллы II престол перешел к его сыну Абд Аль-Мумину, уже в 1599 г. убитому мятежными эмирами. Пришедший затем на его смену престарелый дядя последнего – Пир-Мухаммед хан правил недолго, и после него к власти в этом государстве вообще пришла другая династия – Аштарханидов, под чьей властью оказалась и часть казахов. Однако столкновения казахов из других групп с Аштарханидами продолжались, что свидетельствует о замыкании в этот период интересов бухарских династий на Средней Азии [История Казахстана, 2010, с.405–410].

Похоже, что кочевая ставка Али, находившаяся сначала в верховьях Ишима, затем переместилась восточнее, «близко к Сибири к Тобольскому городу» [Трепавлов, 2012, с.65], а в 1603 г. она уже была «от Тюмени за 7 дней» [Миллер, 2000, с.209].

В 1603 г. Али получил помощь от ногайцев и собирался напасть на Тюмень [Миллер, 2000, с.211], но его удержало известие, что русские отпустили из плена нескольких жен Кучума, чего он и хотел добиться своим выступлением. Однако, судя по не очень ясному сообщению, содержащемуся у продолжателя Утемиша-хаджи, его союз с ногайцами оказался недолговечным. Вот что там отмечается: «Для сбора войска (или для его объединения) Галихан пришел к известному Иштирак-беку (ногайский бий, в 1600 г. ставший правителем Ногайской Орды на основе пожалования царя Бориса. – Д.И., З.Т.). Однако, тот сказав, что «сын моего брата не может меня привязать к себе, не помог ему, забрав деньги, которые остались от великого отца». Тогда Али, «потеряв надежду, положив на спину своей лошади тело умершего при переходе через известный переход Джан Себук на р. Яике сына, похоронил его в крепости Уфи, расположенной на берегу Ак Идели» [Миргалеев, 2014, с.65, перевод подкорректирован нами]. Кроме прочего, это известие показывает, что Али временами находился в Южном Приуралье, где имелись зависимые от него группы, возвращаясь, тем не менее, «на Тобол реку» вблизи «от Тюмени» (1605, 1607, 1608 гг. – см.: [Миллер, 2000, с. 223, 231, 234, 243]). В конце концов, он в 1608 г. попал к русским в плен, оказавшись затем в Московском царстве, был пожалован поместьем под Ярославлем, сохраняя титул «царевича сибирского», в конце жизни перебравшись к своему внуку в г. Касимов.

После Али ханом объявил себя его брат Ишим, что произошло своеобразно: он в 1601 г. по поручению своих старших братьев приехал в Уфу с другим братом Кубей-Мурадом в связи с подготовкой к сдаче русским властям всех Кучумовичей. Но тогда договориться не удалось, а Ишима и его брата переправили в центр Московского царства, где они прожили некоторое время, затем, видимо, оттуда бежали [Беляков, 2011, с.251–346]. Известно, что для укрепления отношений с калмыками Ишим женился на дочери калмыцкого тайши. Однако у продолжателя Утемиша-хаджи Ишим назван только султаном, с указанием, что «во времена Гали-хана их юрт расстроился и распался» [Миргалеев, 2014, с.65].

леев, 2014, с.65]. Хотя русские власти знали, что Ишим являлся «царем» (см. грамоту за 1616 г.: [Миллер, 2000, с.274]), они предпочитали именовать его «царевичем», ибо титул «царя сибирского» уже принадлежал московскому правителю.

В этот период случались постоянные восстания местного населения бывшего Сибирского юрта. В 1609 г. готовилось совместное восстание тобольских, тюменских, туринских татар, верхотурских, пелымских, березовских и сургутских вогулов и остяков. Тюменские татары надеялись на помощь в восстании калмыков, рассчитывая вместе с ними захватить город Тюмень и перебить в нем всех русских. Однако заговор был раскрыт прежде, чем восстание успело вспыхнуть, зачинщики же восстания поплатились жизнью. В 1616 г. «изменили» тюменские служилые и ясачные татары Терсяцкой волости.

Из Тюмени за ними был отправлен отряд, который возглавлял атаман Степан Молчанов, конных казаков вместе с «литвой» и служилыми татарами. Восстание было подавлено. Тогда Ишим «царь», с которым были калмыкские тайши и 500 человек «воинских людей», хотел идти «войною на сибирские города и на Уфу» (октябрь 1616 г.) [Миллер, 2000, с.274]. В следующем году «изменили» ясачные татары Янтура с «товарищи» из Тюменского уезда, для подавления которых были направлены казаки и служилые татары. В те годы хан Ишим, тесно связанный с калмыками, продолжал находиться явно недалеко от юрта своего отца, например, в 1623 г. он кочевал «на Тобол реке», в 7 дней пути «от Тюмени» [Миллер, 2000, с.348]. Далее по источникам видно, что русским властям в 1629 г. «изменили» татары «верхних волостей» (Барабинской, Чацкой и др.) Тарского уезда, частично ушедшие к калмыкам [Миллер, 2000, с.399–401]. К тому времени непокорные сибирские татары уже находились под руководством Аблая б. Ишима. В 1629 г. тобольский воевода А.Трубецкой отправил в Барабу сына боярского Дмитрия Черкасова и юртовского служилого татарина Аиткула Кизылбаева для приведения «к шерти» изменивших татар, «чтобы им быть под государевою царскою высокою рукою по-прежнему» [Миллер,

2000, с.401]. В том же году в г. Таре подняли восстание юртовские и волостные татары. Сражение с восставшими татарами произошло у озера Чан. В этом сражении «многих побили и в языцех живых и в полон многих поимали, и русской полон, что было они поимали в Тарском уезде в деревнях, отбили и лошади и коровы отогнали». Оставшиеся в живых «изменники» ушли к барабинскому князю Когутайке, который вскоре направил в Тобольск челобитчиков «бити челом государю о винах своих». Тогда же из Тобольска в Ниж. Ницынские слободы было отправлено предупреждение о том, что «из Тарских волостей» может появиться Кучумович – царевич Аблагерим (Аблайгерим) (он был сыном хана Ишима) с «колмацкими людьми» [Миллер, 2000, с.417], что говорит о продолжающемся нахождении Кучумовичей среди калмыков [Миллер, 2000, с.418–419].

В ноябре 1631 г. внуки Кучума – царевичи Аблайгирем и Давлеткирей со своими союзниками–калмыками произвели нападение на Тарский уезд. Для помощи подвергшимся нападению волостям из Тобольска и Тары были высланы служилые люди. Войско, состоящее из служилых людей и татар, возглавляли письменный голова Федор Шаррапов, татарский голова Иван Внуков и сын боярский Богдан Аршинский. Из Тары против калмыков были отправлены голова Ярофей Заболоцкий, татарский голова Воин Дементьев, атаман Влас Калачников, сын боярский Григорий Бакачов с тарскими служилыми людьми, литвой, конными казаками и юртовскими служилыми татарами. Соединившись у р. Ишим, служилые люди погнались за калмыками. В этом сражении им удалось разбить отряды калмыков и захватить много пленных, которые затем были доставлены для продажи в Тару [Миллер, 2000, с.448, 459]. Затем в том же году на тарские волости вновь напали калмыки вместе с людьми царевича Ишима. В 1632 г. из Тюмени был предпринят новый поход против калмыков под предводительством головы служилых татар Ильи Бакшеева и казачьего атамана Ивана Воинова. На р. Тобол состоялось сражение, в котором победу одержали казаки. За эту победу последовала щедрая государева награда: «велели придати нашего жалованья голове татарскому Илье Бак-

шееву к прежнему ево к годовому окладу к 10 рублем рубль, атаману Ивану Воинову к 12-ти рублем рубль же, да Илье Бакшееву указали есмя дати в приказ 3 рубли, а достальным тюменским служилым людем: детем боярским и литве и конным казакам и юртовским служилым татаром в приказ же денгами 119 рублей». Весной 1633 г. «в поход на кучумовых внучат, а с ними на изменивших государю тарских юртовских татар и на воинских колмыцких людей, которые воевали в Тюменском уезде Алыбаевы юрты», был направлен отряд, который состоял из 90 человек «литвы и конных казаков» и 100 юртовских служилых татар [Миллер, 2000, с.462–463, 466]. В сентябре 1634 г. произошло новое нападение калмыков на Тару. Почти все русские и татарские деревни, расположенные близ города, были сожжены дотла, а жители, не успевшие укрыться в городе, попали в плен или были убиты [Миллер, 2000, с.479].

В 1635 г. к Чубаровой слободе пришли калмыки и с ними тарские и тюменские татары, возглавляемые детьми царевича Ишима. Они «слободу выжгли, и которых де служилых людей и пашенных крестьян и их жен и детей захватили в слободе, побили, а иные в полон поимали; и в другой де слободе, на Артабанове мысу выжгли 18 дворов, а к острожку приступали». Против них из Тобольска были направлены головы Борис Толбузин и Михаил Байкашин, из Тюмени Илья Бакшеев, из Тары Григорий Байкачев с тобольскими, тюменскими и тарскими служилыми людьми и юртовскими татарами. Они «колматских многих людей побили и полон поимали, а Кучумовых внучат не сошли, потому что де кочюют с калмацкими тайшами с Шуктеем да с Менрытаем во многих людех...» [Миллер, 2000, с.500–501]. Из Тобольска и Тюмени тогда посылались военные отряды на поиск «кучумовых внучат», но найти их было трудно, ибо находились они далеко от г. Тюмень [Миллер, 2000, с.506, 516–518].

Брата названного выше Аблагерима Давлеткирея местные власти пытались уговорить уйти под русские руки [Миллер, 2000, с.519–520], но он явно не хотел подчиняться, замыслив нападение на русские владения, а с ним находились многие татары «тю-

менские», «тарские», «уфимские». В 1641 г. царевич Давлеткирей произвел нападение на русские и татарские волости. Против него был предпринят поход служилых людей, возглавляемый Ильей Бакшеевым: «и те де служилые люди сошли его Девлеткирея в колмацких кочевьях, и с ним был бой и ...голова татарской Илья Бакшеев со служилыми людьми многих колмацких людей побили и языки поимали» [Миллер, 2000, с.130, 555, 559].

Одно из самых крупных выступлений произошло в 1648 г. под руководством царевича Давлеткирея. Последнее, и очень серьезное, восстание имело место в 1662–1664 гг., когда поднялись башкиры, к которым примкнули последние несломленные Кучумовичи. Был план захватить все русские города, столицей сделать Тобольск, посадив туда на трон Давлеткирея. Но эти планы не имели под собой реальной основы. С огромным трудом восстание было подавлено, причем с особой жестокостью.

Под влиянием Кучумовичей среди нерусского населения Западной Сибири в течение всего XVII в. жила надежда на восстановление Сибирского ханства «как при Кучуме царе». Как писал известный русский историк С.В.Бахрушин: «Это свидетельствует о том, что Сибирское ханство, несмотря на свою слабость, представляло собой жизненный организм. Нельзя вычеркивать из истории СССР историю этого ханства. Жители Западной Сибири в течение всего XVII в. считали себя связанными с династией Кучума и не раз поднимали восстания для восстановления Кучумова государства. Все это показывает, что уже до русских в Западной Сибири связи государственного устройства были достаточно крепки» [Бахрушин, 1955].

Оценивая итоги длительной и упорной борьбы детей и внуков хана Кучума за возвращение ханства, известный московский историк В.В.Трепавлов заключает, что «наследникам хана Кучума «не повезло» с эпохой. Они оказались на пути двух мощных встречных исторических процессов XVII в. – восточной экспансии Московского государства и западной миграции ойратов. Обе эти политические силы неизмеримо превосходили лагерь соратников царевичей—«казаков» по многочисленности участников,

ресурсной оснащенности, определенности целей и планов, дипломатической искусственности лидеров... Очутившись между русским молотом и калмыцкой наковальней, сибирско-татарские династы не имели никаких шансов на успешный реванш, возрождение своего утраченного юрта» [Трепавлов, 2012, с.143].

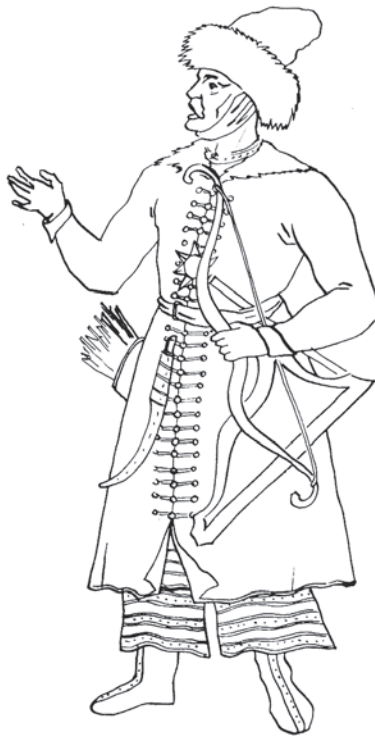
Дальнейшая судьба наследников Кучума сложилась по-разному. Известно, что уже с 1582 г. в плен попали родственники хана Кучума. Для привлечение оставшихся в Сибири Кучумовичей в Московском государстве им предоставлялись различные привилегии. При государственных приемах при царском дворе они пользовались почестями, как сибирские царевичи, им отводились места выше бояр, они жаловались поместьями, вотчинами и кормом. Многие сибирские выходцы жили в г. Касимов [Беляков, 2011, с.300]. Бывший сибирский хан Али б.Кучум по его челобитной 1641–1642 гг. тоже поселился там (скорее всего, во дворе своего внука Сейид-Бурхана) (умер в 1649 г. [Беляков, 2011, с.301]).

В 1614 г. царь Михаил Федорович, как уже говорилось, назначил правителем в Каси-

мовское ханство кучумовича Арслана – сына Али. Арслан правил в Касимове с 1614 г. по 1626 г. После его смерти там же правил правнук Кучума Сайид-Бурхан, по крещении носивший имя Василий Арсланович (умер в 1679 г.). У него было две дочери – Евдокия и Домна. Евдокия вышла замуж за М.К.Нарышкина, брата царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I, Домна была замужем за князем Ю.Я.Хильковым. Род князей пошел и от второго сына Кучума – Алтаная, у которого были два сына, именовавшиеся царевичами – Дост-Солтан (после крещения Петр) и Иш (Алексей). Сын Кучума Абулхайр после пленения в 1591 г. также постоянно жил в России. В 1600 г. он был крещен под именем Андрей. Сын его – Федор Андреевич Ноготков. Сын Ф.А.Ноготкова – сибирский царевич Василий Федорович, отец царевича сибирского Романа Васильевича. Царевичи женились на боярских дочерях, обзаводились вотчинами и поместьями и, таким образом, ассимилировавшись, пополняли слой высшей российской аристократии. Некоторые из них остались мусульманами, войдя в состав касимовских татар [Шарифуллина, 1991].

Раздел II

Татарский народ в составе Русского государства во второй половине XVI–XVII вв.

ГЛАВА 1

Государственная политика колонизации Волго-Уральского региона и Сибири во второй половине XVI – XVII вв.**§1. Инкорпорация татар в российское правовое пространство во второй половине XVI – первой половине XVII вв.***Айдар Ногманов*

С завоеванием Казанского ханства перед русским правительством встала сложная проблема приобщения его населения к социально-экономическому и политическому строю России.

У московских правителей был определенный опыт взаимодействия с нерусскими этносами, который мог быть использован в начальный период колонизации Среднего Поволжья. Финно-угорские племена (карелы, меря, мурома, весь, ижорцы, вепсы, зыряне (коми), пермяки, остяки (ханты), вогулы (манси), самоеды (ненцы), саамы, мордва) задолго до взятия Казани оказались под властью Москвы. Кроме финно-угорского компонента этническую картину Московского государства дополнял тюркский компонент, представленный отдельными группами служилых татар, в разное время оказавшихся на службе у русских князей.

Из-за недостатка источников сложно определить правовой статус нерусского населения в Московском государстве. В частности, чрезвычайно бедны и отрывочны сведения о положении финно-угорских народностей. По свидетельству С.Герберштейна, московские правители практически не вмешивались в их внутренние дела, предоставив им право жить по своим обычаям и законам, довольствуясь признанием своего верховенства и выплатой дани [Герберштейн, 1988, с.152, 157, 163, 203]. Вместе с тем, факты свидетельствуют о том, что в процессе взаимной аккультурации финно-угорское население испытывало сильное воздействие восточных славян, не только в форме экономического и административного влияния, но и в форме язы-

ковой и религиозной ассимиляции [Каппелер, 1996, с.19].

Больше информации сохранилось о татарах (в реалиях XIV–XVII вв. социоэтноним, обозначавший военную знать Золотой Орды и позднесолотоордынских государств. – *А.Н.*), которые с XIV в. стали переходить («отъезжать») на службу к русским князьям. Последствия этого перехода были разными и во многом обуславливались выбором религиозной принадлежности. Татары, принявшие православие и осевшие при дворах московских правителей, активно интегрировались в русскую среду и ассимилировались в течение двух-трех поколений. Перемена веры являлась для них условием вхождения в московскую феодальную элиту. Подобным путем прошли предки Годуновых, Сабуровых, Державиных, Урусовых, Юсуповых, Баскаковых и десятков других известных русских дворянских родов.

Татарские служилые люди, не пожелавшие оставить ислам, концентрировались в нескольких татарских анклавах, возникших в различных местах современной Центральной России. Как правило, они формировались вокруг русских городов¹, в разное время переданных в кормление татарским «царям и царевичам». Население этих анклавов впоследствии стало известно как служилые татары.

¹Примечательно, что среди таких городов были Кашира и Звенигород, по исторической традиции передававшиеся в наследство старшим сыновьям московских князей. Кроме того, в разное время в качестве уделов татарских ханов и их потомков упоминаются г. Юрьев-Польский и Сурожский стан (совр. г. Истра Московской обл.).

Наиболее важным из татарских анклавов являлось Касимовское ханство, выполнявшее в российской геополитике XV–XVII вв. исключительную, ни с чем не сравнимую функцию. По мнению О.В.Зотова, Касимов был главным «кессоном» для «плавной, неспешной ассимиляции» Московией все более возрастающей в составе ее подданных татарской элиты [Зотов, 1993, с.116], питомником полиэтнического и поликонфессионального начала ранней империи [там же, с.121]. Московские князья не вмешивались во внутренние дела Касимовского ханства и других татарских анклавов при соблюдении их правителями политической лояльности. Во многом поэтому, несмотря на наличие заметного татарского компонента в феодальной элите Московского государства, мы не обнаруживаем следов его присутствия в законодательстве. Это в полной мере относится и к другим этническим группам. Их статус не был определен писаными законодательными нормами, регулируясь юридической традицией, политической конъюнктурой и другими факторами.

В Судебнике 1550 г. – главном правовом своде Московского государства – лишь в одной статье упоминаются нерусские люди, и то не подданные русских царей, а иноземцы, прибывшие в Москву по торговым или дипломатическим делам. Ст. 27 кодекса регламентировала порядок разрешения судебных споров между ними и русскими людьми [Российское законодательство, 1985, с.101]. Есть основания считать, что статья изначально писалась под европейцев и включение ее в московское законодательство обуславливалось желанием содействовать развитию торговых и дипломатических отношений с Западом. Из-за отсутствия источников трудно судить, насколько эта норма, в более кратком виде впервые встречающаяся в Судебнике 1497 г. [Российское законодательство, 1985, с.61], применялась по отношению к выходцам из Казанского и других татарских ханств, прибывавших в Московию по посольским и торговым делам. В любом случае, после 1552 г. казанские татары даже теоретически выпали из сферы действия указанной статьи, поскольку превратились в подданных русских царей.

Отсутствие писаных законодательных норм не означало отсутствия позиции у русских правящих кругов в отношении мусульман. Она складывалась десятилетиями и определялась обычным для эпохи Средневековья неприятием людей иной веры. В случае с казанскими татарами на это наслаивались исторические обиды, геополитические амбиции великих московских князей, стремление русских бояр и дворян завладеть новыми плодородными землями («подрайской землицей»), желание купцов захватить торговый путь по Волге на Восток и т.д.

Особое влияние на власть оказывала позиция русской церкви, рассматривавшей Среднее Поволжье как поле для ведения миссионерской деятельности. Начиная с 1549 г. из церковных кругов все чаще раздавались призывы к борьбе против инаковерующих казанских татар и к распространению православия, а в 1549–1550 гг. в источниках добавляется и мотив освобождения христианских пленников [Kappeler, 1982, p.79]. Он был самодостаточен и понятен даже для русского человека XIX в. (см.: [Соловьев, 1989, кн.3, т.6, с.461]), не говоря уже о современниках, для которых эти призывы играли мобилизующую роль.

Идеологические установки и сам строй церкви в середине XVI в. наиболее полно отражены в Стоглаве – сборнике постановлений поместного собора 1551 г. Решения собора, составившие сто глав, оформлены в виде ответов высших иерархов церкви на вопросы Ивана IV о церковном «строении». В числе вопросов, рассмотренных Стоглавом, была борьба с «ересями», суевериями и пережитками язычества. Отношение к исламу и мусульманам нашло отражение в вопросе 21, обозначившем озабоченность верховной власти следующим явлением: «... люди в церквях божиих в соборных и приходных стоят без страха и в тафьях (тюбетейках. – А.Н.), и в шапках, и с посохи» [Российское законодательство, 1985, с.273]. Обычай входить в церковь в шапках стал следствием увлечения московского общества восточным одеянием, в первую очередь турецкими модами [Батунский, 1983, с.174]. Неудивительно, что против данного новшества резко выступили иерархи православной церкви, в частности Сильвестр

и митрополит Макарий, которого в литературе считают автором вопроса [Российское законодательство, 1985, с.425].

Совокупная позиция высшего православного духовенства по данной ситуации была сформулирована в главе 39 «О тафьях безбожного Махмета» Стоглава, установившей запрет на ношение тюбетеек православными людьми [там же, с.301]. Помимо категорического неприятия русской церковью мусульманских обычаев, причиной запрета могла стать текущая политическая ситуация, а именно военное противостояние Москвы и Казани, принявшее к тому времени необратимый характер.

Отношение к исламскому миру, как враждебному проявилось и в решениях Собора по вопросу о выкупе русских пленных, число которых в XV–XVI вв. в связи с многочисленными войнами было весьма значительным. Состоятельные люди, попавшие в плен, могли откупиться сами. Выкуп же рядовых пленных являлся делом боярства, духовенства, населения, организуемым по инициативе царя. Это объяснялось главным образом заботой о финансовом и экономическом благосостоянии государства, страдавшем от уменьшения числа плательщиков подати; его хозяйственными и военными потребностями [Шмидт, 1961, с.34]. Однако религиозный мотив здесь также имел важное значение, о чем свидетельствует вопрос 10 «О полоненниках», поставленный Иваном IV перед Собором (см.: [Российское законодательство, 1985, с.270]). Выкуп пленных из мусульманского плена, в том числе из Казани, преподносится царем как богоугодное дело, против чего иерархи православной церкви, конечно, не могли возражать, согласившись помогать светской власти в сборе средств (см. гл. 72 Стоглава о выкупе пленных: [там же, с.350]).

Эти конкретные примеры характеризуют общее состояние русского законодательства в середине XVI в. Несмотря на то, что установления верховной власти уже имели форму законов и были сведены воедино в Судебниках 1497 и 1550 гг., правоотношения в Московском государстве определялись преимущественно нормами обычного права, ориентированными на русского православного человека. Механическое перенесение

их на территорию Казанского ханства означало неизбежный конфликт с правовыми традициями населявших его народов, прежде всего татар. Издавна приняв ислам, они восприняли и мусульманское право (шариат), рамки которого не ограничивались законодательными установками. Аккумулировав в себе правовые, моральные и религиозные нормы, шариат пронизывал все сферы жизни татарского общества, регламентируя не только публичные, но и частные отношения, поведение отдельно взятого человека или групп людей в различных ситуациях.

В этих условиях русскому правительству предстояла сложная работа по адаптации московского законодательства к условиям многоэтнического и поликонфессионального Среднего Поволжья. Процесс замещения прежних правовых норм новыми не мог быть быстрым. Выступления и протесты нерусского населения вынуждали власть вести более сдержанную политику, а коренные различия в политической традиции, религии, языке и культуре затрудняли интеграцию. Можно с уверенностью утверждать, что после 1552 г. на территории бывшего Казанского ханства наступил переходный период, когда параллельно сосуществовали прежние и новые правовые нормы.

Ввиду полной гибели архива Приказа Казанского дворца XVI–XVII вв. и делопроизводственной документации приказных палат и изб поволжских городов судить о формах сосуществования двух правовых систем и их эволюции во времени можно лишь с большой долей условности. Несомненно, нормы московского права вводились прежде всего в наиболее важных для закрепления русского господства областях – сфере управления, судопроизводстве, земельном праве.

Первым управленческим решением Ивана IV после завоевания Казани стало разделение территории Казанского ханства на две административные области: вся левобережная часть вошла в Казанский уезд, а правобережная – в Свяжский уезд. Приблизительно в 1555 г. из последнего выделился Чебоксарский уезд. Каждый уезд подчинялся непосредственно Москве, был самостоятельным в отношении друг к другу. Вместе с тем в официальных документах они часто

выступают как один район Русского государства – Казанская земля [Чувашия, 1986, с.68]. В исторической литературе в качестве синонима данного понятия часто используется также термин «Казанский край» [Ермолаев, 1980; Ермолаев, 1982; Документы Казанского края, 1990 и др.].

Для управления Казанской землей в Москве был создан Казанский дворец, или Приказ Казанского дворца. Он представлял собой универсальный орган, осуществлявший на присоединенной территории функции всех других отраслевых приказов, управлявших русскими землями, ведая административно-политическими, судебными, военными, фискально-финансовыми делами, строительством городов-крепостей, раздачей вотчин и поместьев, военной и сторожевой службой дворян, детей боярских, стрельцов, казаков, нерусских служилых людей, сбором ясака, несением повинностей тяглым населением, ямской службой и т.п. [Димитриев, 1986б, с. 51].

Управление на местах осуществлялось Казанским дворцом через воевод, являвшихся начальниками гарнизонов и наделенных административной, фискальной и судебной властью (подробнее о принципах организации местного управления Казанским краем см.: [Ермолаев, 1982]). Важно отметить, что именно Казанская земля стала местом формирования системы воеводского управления, с 1610-х гг. распространенной на всю территорию Российского государства. Данный факт делает историю края чрезвычайно значимой в политическом развитии России. Отметим, что количество назначаемых воевод варьировалось от 3 до 5 в Казани и Свияжске, 1–3 – в Чебоксарах, 1–2 – в других городах. В так называемые пригороды Казанского уезда (Арск, Тетюши, Лаишев, Алат) посылались либо воеводы, либо головы (военная и административная должность в России XVI–XVII вв. – *А.Н.*). Для управления местным населением назначались специальные «татарские головы» из русских дворян и детей боярских. Они вершили суд среди нерусского населения края, «докладывая бояр и воевод, приговаривая с их лутчими людьми, которые будут выбраны землею вправду без поноровки». Головы также возглавляли отряды ясачных людей

в военных походах. Под «лутчими людьми» в Казанской земле подразумевалась местная феодальная прослойка: татарские мурзы, чувашские, марийские, удмуртские сотные и десятные князьки и тарханы, которые, кроме участия в суде, назначались сотниками и пятидесятниками нерусских волостей и сотен. Из ясачных людей выбирались сельские старосты.

Выборность должностных лиц низового уровня говорит о присутствии в Казанском крае элементов земского управления, введенного в России в середине XVI в. Однако земские учреждения как таковые здесь не прижились. Антимосковские выступления нерусского населения, периодически вспыхивавшие на протяжении второй половины XVI столетия, требовали сильной правительственной власти, которую могло обеспечить лишь воеводское управление.

Непременным условием введения данной системы являлись ликвидация ханского аппарата управления и отстранение местных феодалов от административной власти. Этому в значительной степени способствовала так называемая «Казанская война» 1552–1557 гг., представлявшая собой восстание нерусских народов против вхождения земель бывшего Казанского ханства в состав России (об этих событиях см.: [Ермолаев, 1982, с.16–26]). В ходе подавления мятежей большая часть татарской феодальной элиты была физически уничтожена. Только осенью 1555 г. погибло 1560 «именных людей» – татарских князей, мурз, сотных князьков и лутчих казаков» [Димитриев, 1983, с.102]. Никоновская летопись, подытоживая рассказ о событиях 1552–1557 гг., пишет: «казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися» [ПСРЛ, 13, с.222]. Оставшихся в живых представителей татарской знати, в чьей лояльности были сомнения, перевели на жительство во внутренние области Московского государства. Тем самым были созданы условия для беспрепятственного насаждения русской системы управления на землях бывшего Казанского ханства. Вместе с тем особый статус ханства как первого иноземного государства, включенного в состав Московии, обусловил сохранение на его территории элементов прежней

управленческой системы. Наиболее показательным из них было использование названия «Казанское царство» не только в титуле русского царя, но и в управленческой терминологии. По мнению А.Каппелера, это обуславливалось тем, что необходимо было как можно незаметнее связать власть царя с властью хана и таким образом укрепить собственный авторитет в существующих представлениях о законности [Kappeler, 1982, s.97].

В местном управлении тоже сохранились свои особенности. По крайней мере, для нерусских областей Москва переняла административную систему ханства. В дальнейшем они управлялись косвенно через представителей местной знати, сотников и пятидесятников, которые зависели от городских воевод, но не зависели от других местных чиновников. Между низшими административными единицами («пятидесятни» и «сотни») и «уездом» в Казанском уезде сохранились традиционные даруги (дороги). К традициям системы управления, налогообложения и повинностей, заимствованным из ханской эпохи, В.Д.Димитриев относит ясачное обложение, медвяный и куничные оброки с пошлинами, ратную повинность не только служилого, но и ясачного населения [Димитриев, 1986а, с.71]. Утверждение о том, что на местах многое осталось без изменений, исходит также из того, что в первые десятилетия после завоевания ханства соглашения между нерусскими еще писались на татарском языке и датировались по мусульманскому календарю [Kappeler, 1982, s.97].

В целом система управления, сложившаяся в Казанском крае после 1552 г., сочетала в себе элементы прямого и косвенного господства над покоренными народами. Модель управления Московского государства насаждалась на захваченной территории постепенно, с учетом местных условий. Существующие отношения, в том числе социально-правового плана, были изменены лишь в той степени, насколько это было необходимо для возможности непрерывного перехода власти.

Правовой основой деятельности русской администрации являлись Судебник 1550 г., царские указы и указы воеводам. При этом

Судебник, в силу объективных причин не учитывавший местные реалии, выступал в роли некоего правового ориентира, алгоритма действий в тех или иных ситуациях. На его авторитет опирались представители центральной и местных властей, однако оперативное решение многочисленных управленческих вопросов в большей степени осуществлялось посредством царских указов и наказов воеводам. Указы в массе своей представляли собой распоряжения по конкретным текущим проблемам, не оставившие след в законодательстве. Наказы, как правило, представляли собой публично-правовые документы комплексного характера, затрагивавшие разные сферы управления, благодаря чему они признаны ценными источниками для изучения политики самодержавия в средневожском регионе.

По мнению И.П.Ермолаева, практика письменных наказов появилась не сразу и первое время они давались в устной форме [Ермолаев, 1982, с.39]. Возможность составления первого письменного наказа исследователь относит к 1555 г. [там же, с.40], ссылаясь на фразу «а воеводом... творити по государеву наказу во всем...» [ААЭ, т.1, с.259] в «наказной памяти» Ивана IV архиепископу Гурию, отправленному в мае 1555 г. в Казань для организации деятельности вновь учрежденной Казанской епархии. Реконструировать детали наказа в какой-то степени помогает Уставная грамота волостям Казанской земли 1574 г., введенная в научный оборот В.Д.Димитриевым [Димитриев, 1986, с.65–75]. Грамота появилась по следам восстания 1571–1573 гг. как проявление царской «милости» его участникам, пришедшим с повинной. Эти обстоятельства роднят ее с наказом П.И.Шуйскому, вышедшим во время «Казанской войны» 1552–1557 гг. Согласно грамоте воеводы и другие представители местной администрации были обязаны обеспечивать поступление налогов от ясачных людей, выполнение ими повинностей (прежде всего городского дела, т.е. обязанность заготавливать и вывозить строительный лес, возводить города (крепости) и остроги) и несение воинской службы, осуществлять меры по предотвращению антиправительственной борьбы, устанавливая слежку за поведением

ем местного населения, подавлять народные выступления, пресекать грабежи и разбои.

По содержанию грамота 1574 г. перекликается с наказами казанским воеводам XVII в. К сожалению, наказы, написанные ранее 1613 г., не сохранились, однако есть основания считать, что их содержание в основном должно быть стереотипным [Димитриев, 1986б, с.53]. Основной идеей, заложенной в наказы, являлось поддержание русского господства в Казанской земле и обеспечение контроля за ее еще неспокойными областями. С этой же целью уже в первые годы после присоединения края к России нерусскому населению запретили заниматься кузнечным и серебряным делом во избежание изготовления оружия. Был также установлен запрет на продажу оружия и военного снаряжения, железа, меди, свинца, олова, ограничена продажа металлических орудий труда [Димитриев, 1977, с.55–65]. В управлении широко использовался институт аманатов: от общин ясачных людей брались в города заложники, отвечавшие своей головой за платеж ясака и поведение общинников. Они содержались в аманатных (татарских) дворах [Димитриев, 1983, с.101]. Институт аманатов просуществовал в Казанском крае до конца XVII столетия и в последний раз упоминается в Наказе 1686 г. воеводам П.С.Урусову и А.П.Соковнину [Димитриев, 1974, с.373].

Судопроизводство на территории бывшего Казанского ханства также осуществлялось по Судебнику 1550 г., царским указам и наказам воеводам. Суд, как уже отмечалось, вершили головы из русских дворян и детей боярских при участии выборных от нерусского населения «лутчих людей». Уставная грамота 1574 г. содержала положения, запрещающие царской администрации наносить обиды местному населению, принимать от него подношения и взятки, предписывала управлять и судить безволокитно. В случае нарушения законов, допущения насилия и произвола боярами, воеводами, дьяками и головами населению предоставлялось право жаловаться непосредственно царю, который обещал оберегать нерусских подданных от произвола [Димитриев, 1986а, с. 65–75]. Конечно, все это в большей степени имело фор-

мальное, а не практическое значение. Круг вопросов, разбираемых в суде, согласно той же грамоте 1574 г., ограничивался уголовными преступлениями («лихоимство» и грабеж), а также преступлениями против государства («воровство»). Таким образом, за рамками официального суда оставался широкий спектр отраслей гражданского права, в том числе имущественного и семейного. Это позволяет предположить, что еще довольно долго после 1552 г. судопроизводство (по крайней мере, в нерусских волостях Казанской земли), наряду с русским законодательством, осуществлялось по нормам шариата у татар и нормам обычного права – у языческих народов.

Для упрочения своей власти в крае правительство не последнее место отводило православной церкви. А.Каппелер обращает внимание на трактовку в русских летописях событий, связанных с походом 1552 г. на Казань и завоеванием города. В изображении летописцев они предстают в форме крестового похода против ислама [Каппелер, 1996, с.28]. В связи с этим алгоритм действий московских властей после военной победы был во многом предопределен. Казань, как и немного позднее Астрахань, «сделавшись городами русскими, вместе с тем должны были сделаться городами христианскими» [Соловьев, 1989, кн.4, т.7, с.66]. Уже первые мероприятия властей на территории покоренного Казанского ханства носили выраженный антимусульманский характер. Спустя считанные месяцы после взятия Казани, 8 января 1553 г., в Москве состоялось крещение бывшего казанского хана Утямыш-Гирея. В конце февраля того же года был крещен другой казанский хан – Едигер (Ядыгар-Мухаммад). Тем самым создавались предпосылки для начала активной христианизации местного населения, поскольку в глазах последнего прежние «законные» властители ханства уже не могли служить знаменем борьбы за веру [Каштанов, 1970а, с.164–165].

Одновременно правительство предприняло шаги по укреплению позиций православной церкви в завоеванном крае, прежде всего путем насаждения здесь монастырского землевладения. 1 февраля 1553 г. Иван IV пожаловал три иммунитетные

грамоты крупнейшему духовному феодалу Русского государства – Троице-Сергиеву монастырю. Одна из грамот представляла ему «место под церковь и под двор» в казанском кремле. С.М.Каштанов отмечает неординарность данного решения, поскольку царь, как правило, не выдавал грамот на основание монастырями церквей [там же, с.165]. Появление грамоты подобного содержания автор связывает с тем, что монастырю и церкви отводилась роль политического и идеологического форпоста в центре завоеванного Казанского ханства. Кроме Казани, Троице-Сергиев монастырь получил земельные пожалования в Свияжске и на примыкавшей к нему территории. В 1554–1555 гг. жалованные грамоты на земли в Казанском крае получили также Казанский Спасо-Преображенский, Свияжский Богородицкий и Успенский Зилантов монастыри [там же, с.172–174]. Активная раздача земельных угодий русским монастырям в Казанском крае продолжалась в течение 1550–1570-х гг. Земельные пожалования монастырям в 1550-е гг. концентрировались в южных пригородах Казани и Свияжска, в районах к юго-востоку и югу от Казани, в крайних южных пунктах освоенной Казанской земли – в Тетюшах, Камском устье и Закамье, а также на тех участках побережья Волги, где имелись переправы с Горной стороны на Луговую и с Луговой стороны через Казанку к г. Казани. Проанализировав состав территорий, в пределах которых располагались земельные дачи, С.М.Каштанов пришел к выводу о целенаправленном характере пожалований: церковно-монастырское землевладение внедрялось там, откуда удобнее всего было наступать на Казань. Эти важные в стратегическом отношении участки правительство стремилось сделать вотчиной монастырей и церкви для того, чтобы никакие внутренние и внешние враги царя не могли найти здесь опору при попытках захвата бывшей столицы Казанского ханства [Каштанов, 1970а, с.174]. В данном районе, столь беспокойном и отдаленном от центра, важно было иметь экономически сильные монастыри. Поэтому правительство редко отказывало им в «новых дачах» [Мустафина, 1985, с.80].

Одним из ключевых событий в процессе превращения Среднего Поволжья в часть «великой» России стало учреждение 3 февраля 1555 г. Казанской епархии. Значимость ее образования в глазах правительства подтверждает тот факт, что в церковной иерархии казанская архиепископия была поставлена на второе место после новгородской и выше ростовской [ПСРЛ, 13, с.250]. Главой епархии был назначен игумен тверского Селижарова монастыря Гурий. Перед выездом к месту назначения в мае 1555 г. он получил царскую «наказную память» – инструкцию, определявшую круг обязанностей и полномочий духовного пастыря [ААЭ, т.1, с.259–261]. Она является первым законодательным документом, дающим представление о религиозной политике, проводимой царским правительством на территории бывшего Казанского ханства. Согласно памяти, главной миссией Гурия в Казани являлось крещение нерусского населения, в первую очередь татар. На содержании документа, безусловно, сказалась общеполитическая ситуация в крае, охваченном «Казанской войной» 1552–1557 гг.

Чтобы не давать лишних поводов к возмущению, предписывалось воздержаться от насильственной христианизации и крестить только тех татар, которые сами пожелают. Наиболее способных из крестившихся полагалось обучать «христианскому закону», всячески оберегать и «привечать», вплоть до приглашения к архиепископскому столу [ААЭ, т.1, с.259]. Среди нерусского населения намеренно распространялись слухи, что у архиепископа можно найти справедливость от произвола светских властей. Платой за заступничество являлось принятие крещения. Наказная память специально оговаривала, что в случае, если татарин в чем-либо провинился и «прибежал» к архиепископу, его не следовало выдавать воеводе, если он пожелает перейти в православие. По договоренности духовных и светских властей такие ситуации искусственно провоцировались. Светские власти путем различных ухищрений вынуждали провинившихся искать защиту у церкви: «Да держати архиепископу совет с наместником и воеводами: на которых татар будет у них опала невеликая, а похотят которых

ограбят казнию, а до казни не дойдут, и они б (воеводы) о тех сказывали архиепископу, и архиепископу тех от вины отпрашивать, хотя ему от них и челобитья не будет» [там же, с.260]. Полномочия Гурия были столь велики, что позволяли «отпрашивать» у наместника даже приговоренных к смертной казни.

Кроме обязанностей духовного пастыря над «воеводами, детьми боярскими, новокрещенными», архиепископ имел право вмешиваться в дела местного управления [ААЭ, т.1, с.260]. Чтобы стимулировать деятельность Гурия, ему было назначено большое по тому времени жалованье [Соловьев, 1989, кн.4, т.7, с.68]. Таким образом, роль православной церкви в Казанском крае не ограничивалась сферой духовных дел. А.Д.Градовский справедливо отмечал, что в системе государственного управления на местах «центры духовного управления имеют... такое же, если не большее значение, чем административные центры» [Градовский, 1899, с.372–373].

Содержание «наказной памяти» 1555 г. в совокупности с данными других источников показывает, что уже в первые годы утверждения самодержавия в Среднем Поволжье сложилась практика, при которой принятие православной веры стало условием прощения или смягчения наказания для мусульман и язычников, совершивших преступления. Этот прием давления на нерусское население оставался в арсенале царского правительства и в последующие столетия. Менялся лишь состав преступлений, за которые можно было рассчитывать на снисхождение.

В этот же период разрабатываются и опробываются различные формы поощрения крестившихся. Отсутствие источников не позволяет судить о том, какие из них использовались непосредственно на территории Казанского края. Однако есть основания считать, что методы и формы стимулирования новокрещенных были универсальны для различных регионов проживания нерусских народов. Представление о них дает царская грамота вотякам Сырянской волости Слободского уезда (северная часть Вятской земли), датированная февралем 1557 г. Она обещала вотякам за принятие православной

веры «дати льгот на три года» и содержала детальный перечень повинностей и сборов, от которых освобождались крестившиеся [История, 1937, с.147]. Важным моментом документа является упоминание о трехлетнем сроке льготы, который в дальнейшем стал стандартом и при Петре I получил законодательное закрепление [ПСЗ–I, т.6, №3637].

Вполне вероятно ситуация, когда различные формы стимулирования крещения первоначально опробовались на территории бывшего Казанского ханства, а затем уже были распространены на Вятскую землю и другие регионы. Косвенным подтверждением тому являются результаты миссионерской деятельности Гурия, которые С.М.Соловьев оценивал как вполне успешные [Соловьев, 1989, кн.4, т.7, с.68]. В условиях, когда центральная власть предписывала воздерживаться от насильственной христианизации, добиться успеха можно было лишь при помощи материальных стимулов.

Говоря о политике государства в Среднем Поволжье во второй половине XVI в., необходимо учитывать тот факт, что практические интересы и возможности светской власти в регионе не всегда совпадали с интересами православного духовенства. Если у русской церкви миссионерская функция всегда пребывала на первом месте, то Приказ Казанского дворца и воеводы на местах должны были соотносить свои идеологические пристрастия с объективными реалиями. В частности, при выстраивании отношений с татарским населением приходилось учитывать турецкий фактор. Русские посланники в Стамбуле пытались довести до сознания османских владык, являвшихся духовными лидерами мусульманского мира и хранителями святынь в Мекке и Медине, мысли о непритеснении мусульман в России. В 1570 г. посол Ивана IV Иван Новосильцев докладывал султану Селиму II (1566–1574): «... теперь государь наш посадил в Касимове-городке царевича Саип-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял; а если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булата среди своей земли в бусурманском

законе устраивать» [Соловьев, 1989, кн.3, т.6, с.586]. В 1584 г. в Стамбул был отправлен посланник Благов с целью известить султана Мурада III (1574–1595) о восшествии на престол царя Федора Ивановича. В письме к султану особо подчеркивалось, «... что вере магометанской нет нигде тесноты в России: в Касимове – мечети, владеет там магометанин Мустафалей» [Соловьев, 1989, кн.4, т.7, с.262].

Подобные заявления были в известной степени лукавством. Касимов исторически являлся своего рода резервацией, в которой русское правительство руководствуясь дипломатическими соображениями, сохраняло видимость татарской автономии, в том числе в вопросах веры. Терпимое отношение к мусульманам в Касимове не гарантировало подобного подхода к населению бывшего Казанского ханства. Вместе с тем, нельзя не согласиться с С.Б.Сенюткиным, отмечавшим, что миссионерская деятельность в Нижегородском крае во второй половине XVI в. осуществлялась не столько силами светской администрации, сколько монастырями [Сенюткин, 2001, с.23]. Есть основания полагать, что в Казанском и Свияжском уездах ситуация была аналогичной.

Многочисленные обязанности казанских воевод, главной среди которых являлось недопущение малейших проявлений сепаратизма со стороны нерусских народов, заставляли их проводить максимально взвешенную политику, не допуская перегибов на религиозной почве. Прагматизм светских властей вызывал недовольство русской православной церкви, представители которой обвиняли местную администрацию в бездеятельности. Выражением этого недовольства стала грамота царя Федора Ивановича казанским воеводам И.М.Воротынскому и А.И.Вяземскому от 18 июля 1593 г. [ААЭ, т.1, с.436–439]. С наказной памятью 1555 г. их разделяют почти четыре десятилетия, что позволяет подвести некоторые итоги миссионерской деятельности в Казанском крае во второй половине XVI столетия.

Главным из них было образование особой группы нерусского населения – новокрещен – из числа служилых татар и ясачных людей. Большинство новокрещен приняли христианскую веру под влиянием

царских указов, предоставлявших льготы крестившимся иноверцам [История, 1937, с.147]. Для многих, прежде всего для татар, переход в православие был формальным актом, о чем свидетельствует послание казанского митрополита Гермогена Федору Ивановичу, цитируемое в грамоте 1593 г. [ААЭ, т.1, с.436].

Особое беспокойство Гермогена вызвало восстановление ислама утраченных позиций, проявившееся в возобновлении строительства мечетей, в том числе в Казани. «Да прежде сего, – говорится в тексте грамоты, – от казанского взяты в сорок лет, не бывали в Татарской слободе мечети, а ныне де учили мечети ставити близко посаду, всего как из лука стрелить» [там же, с.437]. Делалось это, по мнению Гермогена, при прямом попустительстве казанских воевод. Их он обвинял в забвении указов Ивана Грозного и самого Федора Ивановича, запрещавших подобное строительство [там же, с.438].

В челобитной нет ссылок на конкретные запретительные акты, однако их существование вполне вероятно. Государство вряд ли допустило бы распространение конкурирующей с православием идеологии, несмотря на провозглашенный в наказной памяти 1555 г. принцип добровольной христианизации нерусского населения. Мечети же, как материальное воплощение ислама, были наиболее уязвимы для преследований.

Интересна распорядительная часть грамоты. Не столько часто цитируемым в литературе приказом воеводам – «и вы б мечети татарские все велели посметати, вперед татарам мечети однолично ставити не велели...» [Фирсов, 1866. с.213–214; Можаровский, 1880, с.26–27; Григорьев, 1948, с.226–286; Исхаки, 1991, с.23 и др.], сколько мерами в отношении новокрещеных: «в Казанском уезде и в пригородах переписать всех новокрещен с женами и детьми и с людьми», перевести их всех в Казань и велеть строить себе «дворы» в специально отведенной для их жительства слободе «меж русских людей, а татар бы близко не было» [ААЭ, т.1, с.437]. В необходимых случаях предписывалось применять насилие. Нежелающих покидать насиженные места «велели давать на поруки, а иных и в тюрьму са-

жали, и дворы им в слободе однолично всем ставити велели» [там же]. Особое внимание обращалось на соблюдение новокрещеными христианской обрядности. Неисполнение обрядов и поучений «духовных отцов» оборачивалось репрессиями со стороны светских властей, которым предписывалось таких «смирят, в тюрьму сажати, и бити, и в железа и в чеши сажати» [там же, с.438].

Подобные предписания в отношении новообретенных «братьев по вере» свидетельствуют о низкой эффективности миссионерской деятельности в Казанском крае. Обратившиеся в христианство татары не выполняли его обрядов. Да и численность их была незначительна, если новокрещеных со всего Казанского уезда предполагалось поселить в одной слободе, под бдительным оком светских и духовных властей. Таким образом, к концу XVI столетия основной заботой правительства и русской церкви в Среднем Поволжье являлось не дальнейшее распространение христианства, а стремление удержать в православной вере ранее крещеных представителей нерусских народов.

Анализ миссионерской деятельности в крае вплоть до начала XX в. показывает, что успехи или неудачи этого процесса во многом определялись личными качествами возглавлявших его людей, а также характером взаимодействия духовных властей со светской администрацией. Уже во второй половине XVI в. установилась прямая зависимость между результатами христианизации и степенью участия в ней государства. Увеличение количества крестившихся в те или иные периоды практически всегда являлось следствием активной поддержки со стороны светской администрации. И, наоборот, без содействия государства результаты миссионерской деятельности, как правило, оказывались плачевными. Не случайно митрополит Гермоген обвинял воевод И.М.Воротынского и А.И.Вяземского в «недосмотре» со строительством мечетей.

Методы и средства христианизации также в немалой степени зависели от исторических условий и особенностей среды, которой прививалось православие [Макаров, 1973, с.48]. Пик антимусульманской активности в Казанском крае совпал с пер-

выми годами русской колонизации, когда повсеместно разрушались мечети, разгонялись муллы. Столкнувшись с вооруженным сопротивлением нерусского населения, с 1555 г. самодержавие переходит к более взвешенным формам миссионерской деятельности, сделав ставку на добровольную христианизацию. Однако как только ислам начал восстанавливать позиции, сразу последовало указание «все мечети посметати». Подобная цикличность, чередование периодов жесткого давления на ислам с периодами относительной веротерпимости, была характерна для государственно-исламских отношений и в XVII–XIX вв.

В социальной политике царского правительства второй половины XVI в. важное место занимало отношение к татарской феодальной знати. Именно эта часть татарского общества являлась носителем традиций государственности и, соответственно, являлась потенциально опасной для Москвы. Наиболее активные и деятельные ее представители были уничтожены в ходе походов Ивана IV и «Казанской войны» 1552–1557 гг. Некоторая часть, по-видимому, эмигрировала в Крым [Ермолаев, 1982, с.25]. Оставшихся в живых, в чьей лояльности были сомнения, перевели на жительство во внутренние области Московского государства. Процесс переселения был непростым, подчас сопровождался насилием. Новгородская вторая летопись сообщает о 60 казанских татарах, которых на несколько лет заточили в новгородские тюрьмы. В 1555 г. они были крещены или, в случае отказа, утоплены [ПСРЛ, 3, с.157]. Подобная жестокость объясняется тем, что это, вероятно, были пленники, захваченные во время взятия Казани или в ходе «Казанской войны» 1552–1557 гг.

В целом переселение татар в центральные районы России происходило без эксцессов, сопровождаясь верстанием на службу и испомещением. Когда в начале 1570-х гг. крымский хан Девлет-Гирей стал требовать от Ивана IV вернуть Казань и Астрахань, посланник царя в Крыму боярин А.Нагой ответил на это требование словами: «В Казани, в городе и на посаде, и по селам государь наш поставил церкви, навел русских людей, села и волости раздавал детям боярским в поместья; а больших и средних ка-

занских людей, татар всех вывел, подавал им в поместья села и волости в московских городах, а иным – в новгородских и псковских» [Соловьев, 1989, кн.3, т.6, с.580]. Н.П.Павлов-Сильванский сообщает о наделении служилых татар поместьями в Каширском, Пронском и Зарайском уездах [Павлов-Сильванский, 2000, с.93]. О географии их испомещения позволяют судить и законодательные акты XVII в., в которых упоминаются «московские», «боровские», «серпуховские», «коломенские», «каширские», «ярославские», «романовские» татары [ПСЗ–1, т.1, №86]. Оторванность от родины, материальная зависимость от государства, русское окружение вынуждали переселенцев приспособляться к новым реалиям и в конечном итоге обеспечивали их лояльность верховной власти.

Физическая гибель и выселение из Казанского края представителей высшей и средней татарской феодальной знати, по сути определявших ее лицо, предопределил судьбу оставшихся. Подавляющую их часть составляли низшие слои татарского служилого класса, владевшие небольшими поместьями. Для них завоевание Казанского ханства обернулось сменой одного феодального сюзерена на другого. Анализ источников показывает, что при раздаче земель русским служилым людям, архиепископу и монастырям московское правительство ограничилось угодьями, принадлежавшими ханской семье и враждебно настроенным по отношению к Москве татарским аристократам. Материальные интересы мелких земельных собственников не были затронуты, что способствовало их относительно безболезненному встраиванию в новую феодальную вертикаль.

Таким образом, феодалы бывшего Казанского ханства, с которыми русским властям предстояло выстраивать отношения, в целом были лояльны московскому правительству. Этот фактор следует учитывать при анализе политики, проводимой в Казанском крае во второй половине XVI в. После 1557 г. она не могла быть столь жесткой, как в предшествующие пять лет. Главной целью правительства являлось сохранение и «замирение» завоеванной территории. Оно любой ценой стремилось избежать новых выс-

туплений нерусского населения, особенно с началом в 1558 г. Ливонской войны, в которой были задействованы основные силы русской армии. В связи с этим следует согласиться с А.Каппелером, характеризовавшим политику центральной власти в регионе как сдержанную и осторожную [Karpelet, 1982, s.121].

Без помощи татарской феодальной знати и феодальной верхушки других нерусских народов царское правительство было не в состоянии управлять ясачным населением Среднего Поволжья и взимать с него налоги. Поэтому служилым татарам предоставили права, чем-то напоминавшие права русского служилого класса (но не сливались с ними). Они наделялись поместьями и вотчинами «...на основаниях совершенно одинаковых с дворянами и детьми боярскими» [Владимирский-Буданов, 1905, с.127], жаловались «бортными ухажеями» и «бобровыми гонями», владели перевозами, кабаками и т.д. [Ермолаев, 1982, с.64]. Значительная часть татарских феодалов, главным образом из Казанского уезда, являвшихся ясакодержателями в ханстве, с вхождением в состав России оформили свои земли как поместья [Димитриев, 1983, с.103]. Это подтверждают и материалы писцовых описаний [ПК КУ, 1978, с.39]. Служилым татарам отошла и часть экспроприированных у татарской аристократии земель. Отдельные татарские князья и мурзы, потомки феодалов эпохи Казанского ханства, сохранили свои родовые старинные вотчины, получив жалованные грамоты от русских царей. Писцовая книга Казанского уезда 1603 г. знает пять вотчинников-татар, а в отстоящей от нее на четыре десятилетия книге С.Волынского (1646 г.) их насчитывается трое [Мустафина, 1985, с.41].

В феодальном обществе права на землю различных категорий населения подразумевали выполнение определенных обязанностей. Татарские феодалы, выжившие в событиях 1552–1557 гг., несли военную, дипломатическую, погранично-сторожевую, отчасти полицейскую службу, участвовали в административном управлении. В военных походах они либо включались в полки дворянского ополчения, либо возглавляли сотни и отряды ополчения ясачных

людей Казанской земли [Димитриев, 1983, с.103]. Источники сообщают об участии служилых татар в охране русско-шведских рубежей в 1555 г. [ДАИ, т.1, с.128–131], в походах на Ливонию в 1558 г. [ПСРЛ, 13, с.290], в Литовскую землю в 1562 г. (под руководством хана Шах-Али, воевод И.В.Шереметева и И.М.Воронцова) [там же, с. 340] и в 1563 г. (под началом воеводы В.А.Бутурлина) [там же, с.385], в походе 1565 г. на Великие Луки (во главе с Шах-Али, воеводами И.Д.Бельским и Д.Р.Юрьевым) [Синбирский сборник, 1844, с.6–7]. 1 декабря 1571 г. Иван IV послал воевод В.В.Тюфякина и Г.Ф.Мещерского в Казань, велел им «собирали в Казани казанских князей и татар и черемису и мордву; а собрав, велел им за собой в Великий Новгород итти на спех...» [там же, с.33]. Известно также об участии казанских татар в походах против крымцев и других сражениях [РК 1475–1598, с.155–227; Димитриев, 1963, с.134–135; Беляев, 1846, с.17–18]. По свидетельству Р.Н.Степанова, «в XVI столетии не было ни одного военного похода московского правительства против ливонцев, литовцев, крымских татар, где бы ни участвовали многочисленные татарские конные отряды» [Степанов, 1964, с.63]. Выставляемые в качестве заслонов, используемые в разведывательных операциях, они, безусловно, несли тяжелые потери. Возможно, таким образом претворялась в жизнь не декларируемая открыто, но реализуемая на практике линия на постепенное истребление наиболее дееспособной части татарского мужского населения.

Предоставление земельных пожалований и других привилегий взамен военной и прочей службы позволяло самодержавию контролировать и манипулировать татарской феодальной знатью. Возвышая служилых татар над другими группами населения Казанского края, правительство решало двуединую задачу. Во-первых, создавало социальную прослойку, на которую опиралось в административных и военных делах. Во-вторых, подготавливало условия для религиозной и этнической ассимиляции татарской феодальной верхушки. Если в первые десятилетия после завоевания Казанского ханства вероисповедание не играло существенной роли при определении земельных

пожалований и других привилегий [Фирсов, 1866, с.109], то с течением времени ситуация меняется. Чем прочнее становилась связь татарского феодального класса с русским служилым сословием, чем больше он попадал в зависимость от государства, тем яснее проявлялось стремление последнего связать материальное и социальное положение служилых татар с их религиозной принадлежностью. С этой целью активно использовались методы материального стимулирования, в частности наделение крестившихся земельными угодьями и крестьянами (см.: [Мустафина, 1985, с.111]).

В целом к концу XVI столетия царское правительство добилось определенных успехов в интеграции народов бывшего Казанского ханства в состав Русского государства. Приверженность осторожной политике, сохранение элементов пресчетственности в управлении, налогообложении, социальной структуре населения позволили выработать формы сосуществования, отвечавшие интересам как государства, так и нерусских народов. Миссионерские устремления православной церкви, столь заметные в начале 1550-х гг., в дальнейшем сдерживались светской властью, поскольку объективно противоречили курсу на сохранение стабильности и безопасности русского господства в Казанском крае.

Эта политика в целом продолжилась и в первой половине XVII в., чему в немалой степени способствовали события начала столетия. Бурный период правления Ивана IV подорвал социально-экономическое положение России, в первую очередь ее внутренних районов. Последующие десятилетия усугубили состояние дел до такой степени, что была поставлена под сомнение сама российская государственность. Неурожай и вызванный ими многолетний голод, восстание под руководством Ивана Болотникова, «самозванцы», польская и шведская интервенция вызвали невиданный ранее кризис власти и общества, из которого Русское государство выходило долго и мучительно.

В этот период отчетливо проявилась одна из важных тенденций в политике самодержавия по отношению к татарам. В сложные для российской государственности времена,

связанные с войнами, народными восстаниями, неурожаями, эпидемиями болезней и т.п., внимание правительства к этой группе населения неизменно ослабевало. Данному утверждению не противоречит тот факт, что татары, особенно служилые, представлявшие значительную воинскую силу, были на виду на протяжении всего Смутного времени (см.: [ААЭ, т.1, с.161–183, 194, 198, 203–206 и др.; Сенюткин, 2001, с.46–67]). Они принимали активное участие в восстаниях 1606–1611 гг., направленных против центральной власти. В то же время татарский служилый элемент присутствовал в войсках, верных царю Василию Шуйскому.

Подтверждением значимой роли татар в событиях начала XVII в. является приглашение их представителей на Земский собор 30 июня 1611 г., который определил государственное устройство и политические порядки в России в период иностранной интервенции. Подписи татарских мурз имеются и на «приговоре» собора 1613 г., избравшего на престол Михаила Романова [Черепнин, 1978, с.173–174, 230]. Забегая вперед, отметим, что это едва ли не единственные в XVII в. очевидные свидетельства участия татар в принятии законодательных решений.

Вместе с тем, очевидно, что в условиях «смуты» сменявшие друг друга в Москве правящие группировки мало заботили нерусские народы, проживавшие на окраинах государства. Системная законодательная деятельность в государстве в этот период практически прекращается, подменяясь множеством административных распоряжений, часто противоречащих друг другу, по текущим злободневным вопросам. За два десятилетия после появления грамоты царя Федора Ивановича 1593 г. не вышло ни одного законодательного документа, оказавшего значимое влияние на правовое и социально-экономическое положение татарского населения, его духовную жизнь. Лишь по мере выхода России из кризиса татары вновь оказались в поле зрения законодателей.

Первым по хронологии в ряду подобных законодательных актов стоит указ 1615 г., узаконивший земельные приобретения та-

тарских служилых людей периода Смутного времени [Законодательные акты, 1986, с.86]. Происходили они как посредством пожалований от официальных властей, так и путем самовольного захвата пустующих земель, принадлежавших ранее русским помещикам. Подобная практика получила столь широкое распространение, что центральная власть была вынуждена определиться в данном вопросе, издав соответствующий указ. При этом одновременно с татарскими были узаконены земельные захваты, осуществленные русскими помещиками [там же, с.85]. Легитимизация коснулась даже земельных пожалований, произведенных «самозванцами». Делалось это в целях сохранения стабильности российского общества и консолидации господствующего класса страны.

Указ 1615 г. положил начало серии законодательных актов, касающихся землевладения и землепользования татарского населения. Такой интерес со стороны официальных властей был обусловлен объективными причинами и общими тенденциями в развитии законодательства. XVII столетие занимает важное место в развитии феодально-крепостнического строя России. Для этого периода характерны укрепление феодальной собственности на землю, дальнейшее расширение частно-владельческого, главным образом, поместного землевладения. Законодательство фиксировало и направляло указанные процессы, что нашло отражение в правовых актах, адресованных представителям татарского феодального класса – князьям, мурзам и служилым татарам.

Из законодательных актов первой половины XVII в. следует отметить указ «О запрещении дворянам и детям боярским покупать, принимать и заклад и нанимать поместные земли татар», состоявшийся не позднее 30 апреля 1635 г. и дающий ценную информацию о состоянии татарского землевладения в обозначенный период [там же, с.165–166]. Непосредственным поводом к выходу указа стала челобитная арзамасских мурз и татар на «арзамасских же мурз и татар, что те мурзы и татарове, не хотя государевы службы служить, поместья свои и вотчины продали, и заложили, и в наем на многие лета отдали московским и иных го-

родов дворяном, и детям боярским, и всяких чинов людем» [там же].

Реакцией правительства на данное прошение стало введение тотального запрета на совершение сделок с землями татарских феодалов, который можно оценивать двояко. С одной стороны, запрет имел положительное значение для татарского землевладения. Создавалось нечто вроде особого земельного фонда, перераспределение земель в котором было возможно только внутри татарского феодального класса. Такое обособление позволяло избежать размывания земельных пожалований, перехода их в руки русских помещиков и, соответственно, способствовало сохранению татарского служилого сословия как особой этносоциальной категории. С другой стороны, установление подобного порядка ущемляло владельческие права татарских феодалов. Н.А.Фирсов сравнивал введенные ограничения с тем, что «если бы было узаконено, что платою получаемую за труд нельзя пользоваться на правах полного ее собственника, нельзя на нее приобрести у одних людей то, что у других можно» [Фирсов, 1866, с.110]. Из-за этого земля теряла в глазах татарских землевладельцев значительную долю своей ценности.

Введение запрета на операции с земельной собственностью нерусских феодалов предполагало, что и владения русских служилых людей перераспределялись только между ними, однако на практике это было не так. Анализ источников показывает, что данная правовая норма появилась довольно рано, однако из-за ее неудовлетворительного исполнения верховной власти приходилось дублировать запреты на земельные операции русских феодалов с нерусскими. Одним из первых подобных правовых актов стал боярский приговор, состоявшийся не позднее 27 ноября 1613 г. и предписавший отдавать выморочные поместья иноземцев только иноземцам [Законодательные акты, 1986, с.82]. Интерес к данному законодательному акту не случаен. В XVII столетии правовое положение иноземцев было во многом сходно с положением служилых татар, что обуславливалось фактором вероисповедания. В отличие от XVIII в., когда иностранцы активно инкорпориро-

вались в русскую правящую элиту и на их религиозную принадлежность не обращали особого внимания, отдавая приоритет профессиональным качествам, в XVII в. принадлежность к неправославным конфессиям играла значимую роль в плане карьеры и отношения со стороны окружающих. Немцев, англичан, датчан и других европейцев, находящихся на русской службе, в основном в качестве военных специалистов [Калинычев, 1954, с.64–66], терпели, но никогда не считали «своими», поскольку каноны их веры, хотя и христианские по сути, не признавались в государстве, опорой которого являлось православие. В сходном положении находились и татары-мусульмане. Указанное обстоятельство позволяет проецировать законодательные акты, адресованные иноземцам, на татар, и наоборот. Было в порядке вещей, когда правовая норма, касавшаяся одной из двух упомянутых групп, в последующем распространялась на другую. В частности, прообразом указа 1635 г. можно считать указ «О запрещении иноземцам продавать и обменивать данные им поместные и вотчинные земли», вышедший не позднее 8 мая 1630 г.

Появление указа 1635 г. говорит о попытках правительства законодательным путем поддержать нерусское землевладение, однако на практике продолжался захват татарских и иноземческих земель русскими помещиками – как законными, так и незаконными средствами. Несмотря на то, что потеря земли подрывала существование нерусских служилых людей как особой военно-служилой корпорации, а также налоговую платежеспособность ясачного населения, правительство здесь было бессильно. Оно не могло действовать прямо вопреки интересам русского служилого дворянства, главной опоры своего господства. Межэтнические сделки продолжали совершаться, причем в основном в пользу русских владельцев. Не случайно указ 1635 г. был адресован, прежде всего, русским дворянам и «детям боярским» [Законодательные акты, 1986, с.166].

Содержание указа свидетельствует и о таком важном явлении, как уклонение татарского служилого класса от воинской службы. В документе сообщается, что неко-

торые арзамасские мурзы и татары, продав, заложив или сдав в наем свои поместные и вотчинные владения, «пошли жить в Казань и в Свияжской и в Казанской пригороды, и живут в татарских и черемисских деревнях» [Законодательные акты, 1986, с.166]. Следует отметить, что татары не являлись в этом плане исключением. В царствование Михаила Федоровича, ознаменованное тяжелыми войнами, русское войско все более обнаруживало свою несостоятельность. Ратные люди (дворяне, «дети боярские», иноземцы, казаки), испомещенные в разных областях государства, по словам С.М.Соловьева «не желали расстаться с теплым, покойным углом, и семейством для дальнего, трудного и опасного похода» [Соловьев, 1990, с.262], поэтому многие из них «объявлялись в нетях» (т.е. прятались, скрывались. – *А.Н.*).

Появление указа 1635 г., вероятно, связано с событиями русско-польской войны 1632–1634 гг. В войске боярина Б.М.Шейна, осаждавшем Смоленск, в 1632 г. состояло 1667 татар [Чернов, 1954, с.169]. К лету 1633 г. после ряда неудач из войска началось массовое дезертирство [Павлов-Сильванский, 2000, с.164]. Чтобы избежать поражения в помощь Шейну в спешном порядке организовали поход «всех татар, атаманов, казаков, новокрещен» под командованием князей Д.М.Черкасского и Д.М.Пожарского [ААЭ, т.2, с.292–300]. С.М.Соловьев сообщает, что в составе войска должны были выступить «казанских мурз и татар 275 человек, свияжских мурз, татар и новокрещенных – 205, из Курмыша татар и тарханов – 155, касимовских татар – 508, темниковских – 550, кадомских – 347, алаторских – 359, арзамасских – 220» [Соловьев, 1990, с.269], т.е. всего 2619 человек.

Состояние источников не позволяет судить о том, сколько служилых людей было собрано в конечном итоге для участия в походе и сколько из них непосредственно участвовало в боевых действиях. Очевидно, правительство было вынуждено оставить часть служилых татар-алатырцев на местах, поскольку война на западе не могла заслонить существующую угрозу нападения степняков Крыма и Приазовья [Сенюткин, 2001, с.69]. Однако нет сомнений в том,

что часть служилых татар уклонилась от службы, иначе бы указ 1635 г. не состоялся. Возможно, персонафицированный характер законодательного документа был обусловлен тем, что наибольшее число уклонистов пришлось на Арзамасский уезд. Нет достоверных сведений и о последствиях для татар выхода данного указа. Известна лишь мера наказания за подобные проступки. По русским законам, за бегство с поля битвы служилого человека у него отнималась половина поместного и денежного оклада. За двукратный побег из полка виновного карали, кроме наказания кнутом, убавкой 50 четвертей поместного оклада; наконец, за третий побег он лишался всего поместья [Павлов-Сильванский, 2000, с.164].

Помимо нежелания воевать, типичного и для русских служилых людей, были и другие причины уклонения татар от ратной службы. По свидетельству Е.И.Чернышева, к середине XVII в. подавляющее большинство служилых татар не имело крестьян. К примеру, в 1646 г. в Казанском уезде насчитывалось 619 дворов служилых татар-помещиков. Из них 449 помещиков (72,3%) не имели крестьян и бобылей [Чернышев, 1963, с.182]. Да и из оставшихся 170 едва ли можно было считать 25 человек с более или менее значительными поместьями. Большинство служилых татар владело земельными угодьями, однако в их распоряжении было лишь один-два крестьянских двора или два-три дворовых человека, обслуживавших помещика, но не обрабатывавших землю [там же]. Кроме недостатка рабочих рук, татарское землевладение сталкивалось с проблемой малоземелья, отчасти объяснимой несправедливым вознаграждением за службу. Нижегородский историк А.М.Орлов отмечает: «Если к концу XVI века земельные владения русских служилых людей составляли не менее 100 четей (четвертей), то татары, независимо от титула, наделялись поместьями, не превышающими 15–20 четей, как правило, на пустошах, без крестьян» [Орлов, 1992, с.61–62]. Понятно, что доходы с этих поместий были мизерными и не обеспечивали достойного существования владельцев. В этих условиях выглядит естественным желание татар каким-то образом сбыть эту землю, избавив-

шись тем самым от обязанности служить, а нередко – погибать за нее.

Размышляя о причинах оставления татарами поместий, не следует забывать еще об одной отличительной черте политики Русского государства. Она выражалась в стремлении оторвать служилых татар от привычной обстановки, способствовавшей консолидации татарского феодального класса, сохранению его этнической и религиозной самобытности. Из-за этого татар испомещали в средней полосе России, в областях с русским населением. Поэтому оставление ими поместий и бегство на историческую родину можно расценивать как форму сопротивления грозящей русификации и ассимиляции.

Еще один сюжет, заслуживающий внимания при рассмотрении законодательной политики первой половины XVII в., – отношение государства к исламу и его последователям. По мнению А.Каппелера, в этот период правительство не прилагало видимых усилий для изменения религиозного статуса в пользу православия, поскольку переходы в христианство если и совершались, то лишь отдельными представителями татарской аристократии, получавшими за это деньги или землю [Kappeler, 1982, s.166]. В то же время анализ законодательных источников показывает, что ситуация в религиозной сфере не была столь благоприятной для мусульман.

В период Смутного времени миссионерская деятельность в Среднем Поволжье в силу объективных причин переживала упадок. Однако с возвращением в 1619 г. из польского плена отца царя Михаила Романова Ф.Н.Романова (1554–1633) ситуация начала меняться. «Властительный, сильный деятельною волей, политическим опытом и государственным умом, Филарет Никитич... стал в сане святейшего патриарха вторым «великим государем», который «на деле всякими царскими делами и ратными владел до своей кончины», – писал об этой исторической фигуре А.Е.Пресняков [Пресняков, 1990, с.18]. Сосредоточение светской власти в руках главы Русской православной церкви негативно сказалось на положении татарской феодальной знати. Именно при Филарете были предприняты первые шаги

по ограничению ее владельческих прав. Особенно ярко это проявилось в указе, вышедшем не позднее 16 июля 1622 г. [Законодательные акты, 1986, с.113]. Комментируя данный законодательный акт, В.М.Панеях пишет: «Вызванный религиозным фанатизмом и нетерпимостью, указ был подготовлен, вероятно, под влиянием патриарха Филарета» [Законодательные акты, 1987, с.146].

Непосредственной целью указа 1622 г. являлось уничтожение практики совместного проживания помещиков и вотчинников мусульман с принадлежавшими им православными холопами. Для этого всю холопью массу, находившуюся в собственности некрещеных татар, разделили на две части. Низшая часть холопьевого контингента, названная в указе «пашенными» холопами, оставалась во владении татарских помещиков. Однако им запрещалось проживать в «господских дворах» и предписывалось селиться вне господских усадеб, в специально отведенных для этого отдельных дворах. Что касается второй категории – «служилых холопов», то ими татарам запрещалось владеть вовсе, безотносительно от места проживания. Обосновывалось это тем, что в походной военной жизни невозможно было избежать контактов, совместного ночлега и трапезы православных холопов и их некрещеных господ. Чтобы «татаровя русских людей некоторыми мерами не бусурманили и православной крестьянской веры не поругались» [Законодательные акты, 1986, с.113], было решено законодательным путем устранить саму возможность возникновения подобных ситуаций. Необходимо отметить, что попытки оградить православных от влияния мусульман предпринимались и ранее. В частности, в указе 1622 г. есть ссылка на прежние законодательные установления, повелевавшие русских православных людей «от татар... освободити на волю» [там же]. Время выхода этих указов неизвестно, однако, судя по ситуации начала 1620-х гг., они не выполнялись.

Иначе, чем с русскими людьми, решалась ситуация с холопами-латышами, находившимися в зависимости у татарских помещиков и пожелавшими принять православие. Законодатели запрещали латышам

креститься, если выяснялось, что их намерение переменить веру было вызвано желанием избавиться от холопей зависимости [там же]. Включение данного ограничения в указ 1622 г. говорит о противоречивости законодательного документа. С одной стороны, указ является наиболее ранним из известных правовых актов, запрещающих нехристианам владеть православными зависимыми людьми. С другой, оставление холопов-латышей в собственности мусульман свидетельствует о том, что в первой четверти XVII в. принятие православия или намерение это сделать еще не стали фактором, гарантирующим освобождение от кабалы. Постепенно угроза лишиться зависимых людей, принявших христианство, превратилась в сильнейший рычаг давления на нерусских феодалов и средство побуждения их самих к перемене веры.

Подобные противоречия в законодательстве, по мнению А.Каппелера, являлись следствием колебаний в политике и оборонительной тактике правительства, которое в первой половине XVII столетия проявляло терпимость к неправославным, одновременно ограждая христиан от языческих и исламских влияний [Kappeler, 1982, s.165]. Соглашаясь в целом с данным утверждением, необходимо подчеркнуть, что появление указа 1622 г. все же являлось нарушением сложившегося статус-кво и обозначило тенденцию к наступлению правительства не только на ислам, но и на другие распространенные в Российском государстве конфессии. На рубеже 1627–1628 гг. появился указ «О запрещении неправославным иноземцам владеть православными людьми, живущими в городских дворах» [Законодательные акты, 1986, с.138]. По содержанию он аналогичен указу 1622 г. и распространяет нормы, предусмотренные в отношении татар, на всех иноземцев, проживавших в России. Впоследствии эти нормы вошли в Соборное уложение 1649 г. [ПСЗ–I, т.1, №1, с.128–129]. Таким образом, есть основания утверждать, что на татарах «обкатывались» законоположения, получившие затем общегосударственное применение.

Для объективности картины следует отметить, что правовые ограничения 1620-х гг. коснулись лишь служилых татар,

владевших холопами православного исповедания. Остальных они не затронули. Кроме того, необходимо четко определить суть введенных ограничений. Их нельзя назвать религиозными ограничениями в буквальном смысле этого слова, поскольку они не ущемляли религиозных чувств татарских феодалов. Точнее будет характеризовать их как ограничения владельческих прав по религиозному признаку. В этом принципиальное отличие ситуации 1620-х гг. с фактами, имевшими место в г. Романов (совр. г. Тутаев Ярославской обл.) спустя два десятилетия.

В октябре 1647 г. местный воевода А.А.Малышкин заключил в тюрьму романовских служилых татар Д.Исупова, Д.Янсырыкова и Ч.Мамедкулова. Их заковали в железо и насильно принуждали креститься в православную веру. Не в силах «претерпеть муки от него, романовского воеводы, от Олексея Малышкина», татары согласились на крещение, однако, выйдя на свободу, обратились к царю Алексею Михайловичу с жалобой на действия воеводы и просьбой: «...пожалуй нас, холопей своих, не вели, государь, нас сильно крестить в православную христианскую веру, а вели, государь, нам быть в своей басурманской вере» [ДАИ, т.3, с.118].

В данном конкретном случае имело место уже прямое ущемление религиозных прав татарского населения. В оправдание верховной власти следует отметить, что действия А.А.Малышкина происходили без ее ведома, по инициативе самого воеводы. А.Каппелер считает этот факт вообще единственным примером насильственного крещения татар в первой половине XVII в., причем случившимся не в Среднем Поволжье, а на Верхней Волге [Kappeler, 1982, s.165]. Вместе с тем, показательное отношение царя и его окружения к свершившемуся событию. В грамоте А.А.Малышкину от 21 декабря 1647 г. Алексей Михайлович милостиво «увещевает» романовского воеводу, не наказывая и не смещая его с должности за самоуправство [ДАИ, т.3, с.119]. Более того, он вполне определенно высказался в поддержку действий А.А.Малышкина, хотя и призвал его впредь придерживаться добровольных методов христианизации.

В этом отношении грамота 1647 г. перекликается с «наказной памятью» 1555 г. казанскому архиепископу Гурию.

Итак, в первой половине XVII в. религиозная политика государства испытывала довольно серьезные колебания. В целом центральная власть не прилагала видимых усилий к изменению религиозной ситуации в пользу православия, однако отдельные попытки ущемления прав иноверцев, преимущественно представителей татарской феодальной элиты, имели место. Фактором,

сдерживавшим антимусульманские устремления русских правящих кругов, были военные интересы государства, проводившего активную внешнюю политику. Отряды служилых татар и других нерусских народов играли заметную роль в традиционной военно-поместной системе. Ограничение владельческих прав татарских феодалов вело к их обнищанию, а следовательно, невозможности нести воинскую службу. Эти соображения вынуждали правительство избегать форсированного наступления на ислам.

§2. Татарское население в российском законодательстве во второй половине XVII в.

Айдар Ногманов

Соборное уложение 1649 г. о правовом положении татарского населения Поволжья. Среди законодательных источников, определявших положение татар в Российском государстве во второй половине XVI – XVII вв., особое место занимает Соборное уложение 1649 г. От прочих законодательных актов феодальной эпохи оно отличается не только большим объемом, но и ролью в истории российского права. Уложение стало итогом всему предшествующему законодательству Московского государства [Владимирский-Буданов, 1905, с.231], важнейшим кодексом, изданным государственной властью в допетровский период [Филиппов, 1912, с.297]. Это позволяет использовать данный законодательный памятник не только для анализа российского законодательства середины XVII столетия, но и для реконструкции правовых норм предшествующего периода, что особенно важно, учитывая его бедность законодательными материалами о татарах.

Уложение дает важную информацию по социально-правовой, экономической и политической истории России. В то же время его содержание не отражает многие реалии времени. Составители кодекса, следуя сложившейся традиции, стремились регламентировать, прежде всего, отношения, которые являлись приоритетными для целей государственного и общественного порядка [Дебольский, 1904, с.86]. Поэтому в Уложении видное место отведено определению

понятий государственного суверенитета, безопасности, подданства, военного долга, государственных политических преступлений, детально разработаны вопросы материального и процессуального права, судопроизводства. Особое внимание законодатели уделили регулированию земельных правоотношений, регламентации прав и обязанностей различных категорий населения, в первую очередь дворянства как господствующего военно-служилого класса.

Вместе с тем в нем практически не нашли отражение разделы права, связанные с общественными отношениями. В частности, нет систематического изложения семейного права, тесно связанного с обычным и церковным. В Соборном уложении 1649 г., таким образом, не были представлены области законодательства, в которых различия между русским и нерусским населением были наиболее существенны. В целом моноэтническая ориентация кодекса очевидна. Уложение создавалось под русского дворянина, посадского человека, крестьянина, холопа и т.д. Однако полностью проигнорировать факт превращения России в многонациональное государство законодатели не могли. Отношение власти к нерусским народам проявилось, прежде всего, в разделах кодекса, регламентирующих религиозную сферу и земельные правоотношения.

Поддержание авторитета православной церкви как важнейшего атрибута самодер-

жавной власти – одна из главных идей, заложенных в Соборном уложении. Не случайно в своеобразной классификации преступлений, зафиксированной в нем, на первое место поставлены преступления против церкви (гл. I – «О богохульниках и о церковных мятежниках»), а уже затем идут преступления против государства и особы государя (гл. II), против порядка управления (гл. III–IX) [Маньков, 1980, с.217].

Именно Уложение 1649 г. закрепило за православием статус официальной государственной религии, одновременно предоставив русской церкви исключительное право миссионерской пропаганды в государстве. В нем пока отсутствовали нормы, столь характерные для законодательства XVIII в., согласно которым устанавливались наказания для татар, склонявших в мусульманство языческие народы Поволжья [ПСЗ–1, т.8, №5333; т.11, №8664; т.13, №9631]. Однако уже жестко пресекались любые подобные действия в отношении русского населения. «А будет кого бусурман какими-нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит и по своей бусурманской вере обрежет, а същется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия», – гласит ст. 24 гл. XXII «Указ, за какие кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнить, а чинити наказание» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.156].

Включение статьи подобного содержания в общероссийский кодекс – явление весьма показательное. Оно свидетельствует о признании правительством факта существования мусульманской проблемы в России и одновременно выражает его позицию в данном вопросе. Может быть, с формальной точки зрения было более уместным поместить данную статью в главу I, посвященную религиозной тематике [там же, с.3]. Однако ее наличие в главе, объединяющей статьи, карающие виновных за совершение тяжких уголовных преступлений, само по себе примечательно и наводит на определенные размышления.

Многоконфессиональность Российского государства нашла отражение и в других статьях Уложения, в частности, связанных с судопроизводством. В ходе судебных разби-

рательств, допросов и «обысков» показания свидетелей, истцов и ответчиков необходимо было заверять, приводя их к присяге. В таких случаях русские люди целовали крест, «иноземцы» христианского вероисповедания «ставили» крест, а «князи, и мурзы, и татары, и чуваша, и черемиса, и всякие ясачные люди» присягали «по их вере по шерти» [там же, с.71]. Понятие «шерть» означало присягу мусульман на Коране, язычников – по своему обычаю. Применительно к народам Поволжья подобный порядок впервые зафиксирован в указе, вышедшем не позднее 31 марта 1625 г. [Законодательные акты, 1986, с.123–124], однако не вызывает сомнений, что у него гораздо более ранняя история. В Соборном уложении принятие присяги «по шерти» встречается в ст. 161 гл. X «О суде» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.41] и ст. 3 гл. XIV «О крестном целовании» [там же, с.71].

Наличие этих статей в кодексе позволило М.М.Федорову и А.Г.Манькову сделать вывод о том, что в Соборном уложении 1649 г. были признаны обычаи нерусских народов и юридически зафиксирована возможность применения их обычного права [Федоров, 1978, с.20–24; Маньков, 1980, с.236]. Соглашаясь с данным утверждением, необходимо все же подчеркнуть, что для самодержавия этот шаг был вынужденным. Законодатели пришли к выводу, что присягу нужно требовать в соответствии с той религией, которую исповедует человек, дающий показания. В противном случае она никак его не свяжет.

Большое внимание в Соборном уложении уделялось регулированию земельных правоотношений, в частности, поместным землям как одной из господствующих форм феодальной собственности (гл. XVI, включающая 69 статей) [ПСЗ–1, т.1, №1, с.74–87]. Статьи 41–45 непосредственно касаются татарского населения Поволжья [там же, с.80–81]. Разумеется, их содержание не дает целостной картины правового статуса татар-землевладельцев. В них получили отражение лишь те положения, которые выделяли эту группу из всего российского феодального класса. Несомненно, что на татар распространялись нормы, зафиксированные и в других статьях этой главы, в первую очередь – регламентирующие положение иноземцев, состоящих на русской службе.

Выше уже говорилось о сходстве указов, адресованных представителям данной социальной прослойки, с законодательными актами о татарах. Фактор вероисповедания обусловил то обстоятельство, что в правовом отношении служилые татары были ближе к иноземцам, нежели к русским служилым людям. Это дает основания с некоторой долей условности считать правовые нормы, касающиеся иноземцев, применимыми и к татарскому населению. Из 69 статей гл. XVI «О поместных землях» понятие «иноземцы» встречается в содержании десяти статей (3, 13, 14, 16, 18, 19, 30, 31, 32, 46. – *А.Н.*). Из них лишь ст. 14 обособляет их положение в земельном вопросе. Согласно этой статье, выморочные земли иноземцев, оставшиеся после отдачи определенной части «на прожиток» жене и детям, было велено отдавать беспоместным и малопоместным «иноземцам» того же рода. Запрещалось отдавать такие земли кому-либо другому. В то же время, чтобы уравновесить ситуацию, повелевалось «русских людей поместей иноземцом не давать» [там же, с.76]. Таким образом, Соборное уложение окончательно оформило и закрепило известную по указам 1610–1620-х гг. норму, в соответствии с которой поместья «иноземцев» обращались только в своем кругу, а владения русских помещиков – в своем [Законодательные акты, 1986, с.82, 85, 96–97].

Исключением из этого правила являлись лишь статьи о замужестве. Например, ст. 18 разрешала вдове «иноземца» выходить замуж за русского со своим прожиточным поместьем, которое подобным образом закреплялось в русском роду [ПСЗ–1, т.1, №1, с.77]. Цель введения такого порядка заключалась в стремлении государства вовлечь в служебный оборот земли, отдаваемые «в прожиток» семье служилого человека после его смерти. На первый взгляд, обратная ситуация наблюдается в ст. 19. Вдова русского дворянина или «сына боярского» выходит замуж за «иноземца» со своим прожиточным поместьем, и оно также «справливалось» за ее новым мужем. Однако есть существенная деталь, делающая нормы, устанавливаемые этими двумя статьями, далеко не равноценными друг другу. Согласно ст. 19 «иноземец» обязательно должен был

быть крещеный: «А будет за которого за крещеного иноземца стоворят за муж вдова дворянская, или сына боярского жена с прожиточным свои поместьем: и той вдове по тому же с прожиточным своим поместьем за крещеного иноземца за муж итти велено» [там же].

Остальные статьи, в которых упомянуты «иноземцы», посвящены наделению жен умерших «в прожиток» из поместий (ст. 13), то же – из выслуженных вотчин (ст. 16), наделению «в прожиток» жене и детям убитого на службе (ст. 30), умершего на службе (ст. 31), умершего дома (ст. 32) [там же, с.76, 78–79]. Вспомоществование оказывалось в тех же размерах и на тех же условиях, что и русским служилым людям. Это указывает на то, что преобладающей тенденцией в середине XVII в. было невыделение материальных прав помещиков-иноземцев из общей законодательной практики. Имеются подтверждения этому, относящиеся непосредственно к татарскому населению Волго-Уральского региона. Так, содержание ст.45 гл. XVIII «О печатных пошлинах» свидетельствует о том, что пошлины, взимаемые с челобитных нерусского населения бывшего Казанского ханства, не отличались от других [там же, с.105]. Между тем полной идентичности социального статуса как татар, так и иноземцев со статусом русских землевладельцев не было. Иначе законодатели просто не выделяли бы их в кодексе отдельно.

Существующие отличия в наибольшей степени проявились в ст. 41–45 гл. XVI «О поместных землях» [там же, с.174–187]. Фактически они представляют собой обобщенные и обработанные положения уже известных нам законодательных документов первой половины XVII в., регулирующих земельные права нерусских феодалов Поволжья. Так, ст. 41, окончательно закрепившая за татарскими и мордовскими служилыми людьми приобретенные ими в период Смутного времени бывшие поместные земли русских феодалов [там же, с.80], является переложением указа 1615 г. [Законодательные акты, 1986, с.85]. Розданные этим людям в прежние времена запустевшие «старинные» русские земли оставались за татарами при условии несе-

ния службы. Так же, как в ст. 14 относительно «иноземцев» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.76], закон запрещал впредь раздавать русские поместные земли представителям господствующих классов татарской и мордовской национальностей. В равной мере воспрещалось изъятие земель, отведенных этим народам [там же, с.80].

По мнению А.Г.Манькова, в запрете правительством каких-либо операций с землей вне сословно-этнических рамок отразилось стремление верховной власти сохранить и укрепить среди народностей Поволжья позиции местных феодалов как свою опору [Маньков, 1980, с.61]. Особенно ярко это проявилось в ст. 43, запрещавшей всем разрядам русских служилых людей, начиная с бояр, отчуждать любыми способами (покупка, мена, аренда. – *А.Н.*) поместные земли «князей и мурз» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.80–81]. Подобная практика уже встречалась нам в указе, вышедшем не позднее 30 апреля 1635 г. [Законодательные акты, 1986, с.165–166], что дает основание считать его одним из источников рассматриваемой статьи Уложения. Однако создатели кодекса пошли дальше авторов упомянутого указа, распространив действие запрета на ясачные земли, принадлежащие чувашам, марийцам, удмуртам и башкирам. Включение в кодекс подобных норм означало, с точки зрения законодателей, закрепление статуса собственности царя за территорией обитания ясачных народов [Маньков, 1980, с.61].

Влияние указа 1635 г. ощущается и при рассмотрении ст. 45. Помимо прочего, в указе констатировался факт того, что служилые мурзы и татары стремились различным образом избавиться от принадлежащих им земель, чтобы тем самым освободиться от несения службы. Отношение правительства к данному явлению в середине 30-х гг. XVII в. нашло выражение в установлении запрета на совершение подобных операций, выраженного в самом общем виде. В ст. 45 главы XVI Уложения 1649 г. этот запрет сформулирован предельно ясно: «мурзам и татарам своих поместий не пустошить, и самим из тех поместий в иные города, и в села, и в деревни ни куды не бегать и от служеб не отбывать: а жить в своих поместьях и вотчинах, и владеть им мурзам и та-

тарам всякому своим помещьем, где кто помещен по дачам» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.81].

Включение подобных норм в состав кодекса свидетельствует об обеспокоенности царского правительства распространенностью указанного явления. Время, прошедшее с момента издания указа 1635 г., лишь усугубило ситуацию. Из содержания ст. 45 следует, что отдельные татарские помещики уже сознательно, путем использования различных мер воздействия (наложения непомерных налогов, грабежа и насилия), вынуждали своих крестьян к бегству [там же]. Поместья приходили в запустение, и татары, сдав их каким-либо образом русским людям или просто бросив на произвол судьбы, скрывались от службы. Для уличенных в намеренном совершении подобных деяний Уложение определяло «чинить наказание, что государь укажет» [там же]. Как мы видим, какой-либо конкретной кары закон не устанавливал. Однако, надо полагать, она была весьма серьезной и никак не меньше наказания, предусмотренного за укрывание беглых: «...да и тем, у которых мурзы и татары учнут жить в беглах, потому же чинить жестокое наказание, и приказывать им накрепко, чтобы они впредь у себя беглых мурз и татар не держали» [там же]. Таким образом, содержание ст. 43 и ст. 45 главы XVI «О поместных землях» указывает на юридическое оформление к середине XVII в. существования особого земельного фонда, в который входили поместья нерусских феодалов. Земли из этого фонда находились под патронажем верховной власти, они не могли отчуждаться русскими служилыми людьми и перераспределялись только внутри представителей данной группы населения.

Правило это не было безусловным. Создатели Соборного уложения предусмотрели исключение из него, заложив в ст. 44 следующую правовую норму: «...а которые князи и мурзы, и татаровя, и мордва и чуваша, и черемиса и вотяки крестились в православную христианскую веру: и у тех, у новокрещенов поместных земель не отымать, и татарам не отдавать» [там же]. Трактовать смысл данного установления можно по-разному. Неясно, за какие конкретные провинности изымались земли у нерусских феодалов.

лов. Как бы то ни было, статья определенно гарантировала провинившемуся прощение и сохранение поместной земли в обмен на принятие им христианства. Тем самым правительство в угоду религиозным интересам нарушало провозглашенный им же принцип неделимости земельного фонда, принадлежащего нерусским народам, поскольку крестившийся татарин, чуваш или мордвин переходил в другую, закрытую для бывших единоверцев корпорацию. Одновременно получила развитие тенденция, известная с 1550-х гг., согласно которой принятие крещения становилось платой за освобождение от наказания или сохранение определенных привилегий.

Наличие этноконфессионального неравенства внутри российского служилого класса прослеживается также в ст. 42 [там же, с.80]. Согласно ей, у служилых татар изымались так называемые оброчные земли, т.е. те, с которых они уплачивали государству определенный сбор и которые не принадлежали им юридически. При этом целью правительства, по мнению А.Г.Манькова, было намерение передать эти земли русским дворянам в поместье [Маньков, 1980, с.64]. Укрепляя подобным образом русское дворянское землевладение, государство не только ослабляло позиции нерусских феодалов Поволжья, но и сознательно приносило в жертву свои фискальные интересы, поскольку оброчные земли были существенным источником денежных поступлений в казну [Маньков, 2003, с.85].

Отношения земельной собственности, выраженные в ст. 41–45 гл. XVI «О поместных землях», являются наиболее примечательными в Соборном уложении, в них проявилась политика царского правительства по отношению к татарскому населению, и прежде всего к его феодальной верхушке. Помимо них, а также статей, касающихся сферы духовных дел и порядка приведения к присяге, татары практически не фигурируют в кодексе, даже там, где это было бы вполне логичным. К числу таких разделов, на наш взгляд, принадлежит гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.8–13], в которой нет правового обособления по этническому признаку. Анализ содержания статей, входящих

в нее, приводит к выводу, что отношение государства к служилым людям определялось лишь тем, «поместный» ты человек или «по прибору». Так, в зависимости от этого устанавливались меры взыскания за повинности: у поместных уменьшался поместный оклад, у служилых «по прибору» – денежный [там же, с.11]. Татары могли быть как среди «поместных», так и среди «кормовых» людей.

Можно было бы ожидать упоминания о них в гл. IX «О мытах и перевозах» [там же, с.14–17]. Занятие татар торговым промыслом – тема особого разговора. Это подтверждает отрывок из таможенной грамоты 1633 г., регулировавшей сбор пошлин в г. Гороховец (совр. Владимирская обл.): «... а учнут приезжать в Гороховец, из Казани и из иных городов, татарове и черемисы с товарами, и с их товаров таможенных пошлин имать со всякого товара по тому же, что и с русских людей» [ААЭ, т.2, с.362]. В упомянутой главе Соборного уложения фигурируют следующие категории служилого люда: дворяне, дети боярские, иноземцы, «всякие служилые люди». Возникает вопрос: к какой из категорий следует отнести служилых татар и представителей других народностей Поволжья. Однако нет сомнений в том, что они, как и русские служилые люди, пользовались привилегиями и освобождались от платы за мыты, перевозки и мостовщину [ПСЗ–1, т.1, №1, с.14].

Этническая принадлежность не учитывается и в такой важной части Соборного уложения 1649 г., как гл. XI «Суд о крестьянах» [там же, с.62–69]. Среди владельцев крестьян, упоминаемых в ней, перечислены: «патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, монастыри, бояре, окольничие, думные (дворяне), комнатные люди, стольники, стряпчие и дворяне московские, дьяки, жильцы и городовые дворяне, дети боярские и иноземцы, и всякие вотчинники и помещики» [там же, с.62]. Невыделение в перечне собственников князей, мурзы и прочих нерусских владельцев свидетельствует о преобладании в рассматриваемый период сословно-классовых интересов над этноконфессиональными в данной области права, точно так же, как в большинстве других, не столь существенных сферах, как земельные отношения и религия.

Понятие «татарин» встречается в тексте Уложения в 14 статьях [там же, с.41, 71, 80–81, 105, 129, 133, 137]. Между тем термин «иноземцы» фигурирует в 35 статьях, «мурзы» – в 5, «люди ясачные» – в 3, «чуваши, черемисы, вотяки» – в 4, «иноверцы» и «басурман» – в одной. Наименования «татары», «татаровя», «татарчонки» широко употребляются в гл. XX «Суд о холопах» (в содержании 6 статей), одной из самых больших в кодексе (119 статей) [там же, с.114–137]. Следует, однако, воздержаться от прямой идентификации этих «татар» с татарами, проживавшими на территории бывшего Казанского ханства. Например, в ст. 98 говорится о купленных людях «татарского полона» [там же, с.133], ст. 99 сообщает о «татаровях, купленных на Дону» [там же], статьи 117–118 – о «татарах и татарчонках», приобретенных в Сибири и Астрахани [там же, с.137]. Конечно, нельзя полностью исключить запись коренного населения Среднего Поволжья в холопы. Однако основными поставщиками зависимых людей нерусского происхождения в центральные районы страны следует считать приграничные области, причем не обязательно речь идет о тамошнем татарском населении. А.Г.Маньков отмечает: «Разумеется, под понятие татар могли попадать представители других народностей указанных областей» [Маньков, 1980, с.115]. Это происходило потому, что и в рассматриваемый период, и гораздо позднее нерусское население южных и восточных окраин России даже в официальных документах именовалось общим этническим понятием «татары» [Российское законодательство, 1985а, с.409–410].

В главе XX Соборного уложения представлена законодательная практика более ранних лет. Например, в ст. 70 нашел отражение известный нам по указам 1620-х гг. принцип: «А иноземцам некрещеным на Москве и в городах держати у себя во дворах иноземцев же всяких разных вер; а русским людям у иноземцев некрещеным, по крепостям и добровольно в холопстве не быти» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.128–129]. Согласно ст. 74, татар, видимо, дозволялось держать у себя в холопстве как нерусским, так и русским владельцам. Единственным требованием при оформлении купчих на них

в Холопьем приказе было то, чтобы «татарове, на кого именем те купчие написаны, тех купчих не лживили» [там же].

Заслуживают внимания ст. 117 и 118, в которых отменялось действие указа Михаила Романова 1623–1624 гг., запрещавшего покупать, принимать в дар и насильственно крестить татар, проживавших в Сибири и в районе Астрахани [Законодательные акты, 1986, с.118]. Соборное уложение восстановило прежний порядок в данном вопросе. В указанных регионах татар отныне мог приобрести любой желающий, за исключением «воевод и всяких приказных людей, которые... у государевых дел будут в Сибири и в Астрахани» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.137]. Из ст. 117 и ст.118 следует, что купленных людей не возбранялось приводить к крещению. В то же время ст. 97 запрещала перепродажу холопов, принявших православие [там же, с.133]. Это объяснялось тем, что купчими грамотами оформлялось похолопление только неправославных людей, а холопская зависимость православных по Соборному уложению 1649 г. могла быть оформлена исключительно служилой кабалой и лишь при согласии лица, дающего на себя кабалу, а не путем насильственного привода в приказ.

Формальный запрет на перепродажу новокрещеных холопов не препятствовал их переходу от одного владельца к другому. Согласно ст. 96, не возбранялось передавать холопов безденежно, оформляя на них данные грамоты [там же]. Не знало ограничения и право наследования (ст. 100) [там же]. В целом положение неправославных холопов в меньшей степени регулировалось законом, чем статус православных холопов. Государство строго следило за тем, чтобы не были задеты интересы христианской религии, но практически отдавало на откуп владельцам судьбы холопов-иноверцев.

Итак, Соборное уложение 1649 г. вообрало в себя почти вековой опыт законодательного регулирования жизни населения бывшего Казанского ханства. Анализ законодательного памятника показал, что в целом линия официальных московских властей заключалась в признании за нерусскими народами Среднего Поволжья основных прав русского населения, разумеется, в рамках соответствующих сословных

категорий. Общие тенденции в развитии законодательства того времени обусловили то обстоятельство, что понятие «татары» встречается на страницах Соборного уложения 1649 г. преимущественно в лице феодальной верхушки, правовое положение которой было сопоставимо с положением русских служилых людей. В то же время государство сознательно обособляло татарских князей, мурз и служилых татар, превратив их в замкнутую этносословную прослойку. Права нерусских феодалов на свободное распоряжение земельными владениями, за которые они несли службу, ограничивались. При прочих равных условиях закон всегда становился на сторону православного человека, когда на ситуацию влиял религиозный фактор.

Законодательство второй половины XVII в. о татарах. Соборное уложение 1649 г. не только аккумулировало законодательный опыт предшествующего времени, но и определило вектор развития российского права во второй половине XVII в. Дореволюционные историки права (М.Ф.Владимирский-Буданов, В.И.Сергеевич, Н.П.Загоскин, И.Д.Беляев, В.Н.Латкин и др.) прямо относили законодательство указанного периода к «эпохе Уложения». Многие законодательные акты этого времени генетически связаны со статьями кодекса и содержат многочисленные ссылки на него. Преемственность прослеживается и в приоритетах законодательной политики.

Для законодательства второй половины XVII в., как и ранее, было характерно численное преобладание актов о землевладении и землепользовании. По подсчетам А.Г.Манькова, в Полном собрании законов Российской империи в период 1649–1696 гг. насчитывается 330 таких актов (из общего числа 1458, охватывающих 25 объектов правового регулирования) [Маньков, 2002, с.33]. Данная закономерность справедлива и в отношении татарского населения. Акты о земле составляют значительную часть указов этого времени о татарах. В них нашел отражение целый ряд вопросов, связанных с землевладением и землепользованием татарского населения, в частности проблема испомещения татарских служилых людей.

Законодательные материалы показывают, что процесс наделения земель, поместьями и вотчинами различных разрядов феодалов во второй половине XVII в. протекал с меньшей интенсивностью, чем в первой половине века [Маньков, 2002, с.33]. Это было связано, прежде всего, с внешнеполитическими обстоятельствами. Россия практически непрерывно вела войны с Польшей, Швецией, Турцией, подвергалась набегам крымских татар, что вызывало необходимость пополнения рядов феодального класса. Требовали этого и все расширяющиеся окраины страны. Татарские служилые люди также были вовлечены в процесс испомещения, поскольку по-прежнему занимали заметное место в русском войске. По годовой росписи 1651 г., общее число ратных людей в Русском государстве составляло 133 210 человек, из них татар насчитывалось 9 113 человек (6,8%) [Чернов, 1954, с.167].

Факты наделения поместьями татар, впервые попавших в поле зрения правительства, встречаются в законодательстве первой половины 1650-х гг., когда русское правительство готовилось к войне за воссоединение Украины и изыскивало новые людские резервы. В этот период появляются указы о верстании новиков (подростков из дворян, детей боярских и городских казаков в России в XVI–XVII вв. – *А.Н.*). Юридические последствия верстания состояли в том, что с этого момента начиналась обязательная служба новика, и нередко случалось, что он сразу же посылался куда-нибудь на службу и что верстаный получал право на определенный ему земельный оклад и денежное жалованье [Калинычев, 1954, с.56]. В качестве примера подобных актов можно привести указ Алексея Михайловича от 20 октября 1652 г., который повелел «на Москве новиков детей боярских всех городов, и новокрещенов, и татар верстать поместьями и денежными оклады» [ПСЗ–1, т.1, №86]. Среди нерусских служилых людей, упомянутых в документе, были «новокрещены и татарове московские, боровские, серпуховские, коломенские, коширские, калужские», а также «ярославские и романовские новокрещены и татарове». Законодательный акт не затронул города, расположенные по Волге ниже Нижнего Новгорода,

поэтому служилые татары Казанского края, видимо, не попали под его действие.

Из текста указа 1652 г. следует, что размеры выделяемых татарам поместных и денежных окладов были практически идентичны окладам русских служилых людей и зависели, главным образом, от степени удаленности от Москвы выделяемых поместий. По этой причине земельные и денежные оклады ярославских и романовских татар были выше, чем оклады татарских служилых людей, испомещаемых вблизи Москвы. Для московских, боровских, серпуховских, коломенских, каширских и калужских новокрепченцев и татар размеры земельного пожалования колебались от 250 до 70 четвертей (для служилых) и от 200 до 50 четвертей (для неслужилых); денежные оклады составляли от 8 до 4 для служилых и от 7 до 4 для неслужилых. Земельные оклады ярославских и романовских татар были установлены в размере от 300 до 100 четвертей (для служилых), от 250 до 100 четвертей (для неслужилых); соответственно, их денежные оклады колебались от 10 до 5 руб. для служилых и от 8 до 4 руб. для неслужилых [ПСЗ–1, т.1, №86]. Непременным условием верстания являлось наличие у татарских новиков доказательств того, что они являлись детьми «служилых отцов» [там же].

Случаи первичного наделения поместьями людей во второй половине XVII столетия были единичными [Маньков, 2002, с.33]. Преобладающей формой пожалования в этот период являлась прибавка к уже имевшимся даче или окладу. В годы войны с Польшей (1654–1667) именные указы подобного содержания следовали один за другим. Причем указы приходились на начальные годы войны и часто носили характер широкообещательных обещаний вознаграждения за примерное исполнение воинского долга, своеобразных манифестов агитационного назначения [там же, с.34]. В документах подобного содержания, вошедших в Полное собрание законов, отсутствуют прямые упоминания о служилых татарах [ПСЗ–1, т.1, №160, №220, 264], хотя последние принимали активное участие в военных действиях [АМГ, т.2, с.429, 433, 436, 519, 523 и др.]. Пожалования татарским служилым людям также имели место,

причем как в земельной (см. «Государева грамота боярину, князю Я.К.Черкасскому о поверстании розных городов детей боярских, новокрепчен, татар, белозерцев и поместных казаков» от 26 июля 1656 г. [АМГ, т.2, с.520, 545–547 и др.]), так и в денежной форме (указом от 27 октября 1658 г. были пожалованы за службу романовские татары из расчета 15 руб. на человека [там же, с.628–629]).

Во второй половине XVII в. получило широкое распространение пожалование поместья в вотчину в качестве награды за службу. Указом от 1 февраля 1667 г. размер пожалования вотчинами был определен по чинам: боярам – 500 четвертей, окольников – 300, думным дворянам – 250, думным дьякам – 200, остальным чинам – по 20 со 100 четвертей [ПСЗ–1, т.1, №404]. На основании этого акта 20 марта 1667 г. был принят указ, согласно которому всем служилым чинам, участвовавшим в русско-польской войне начиная с 1654 г., разрешалось перевести из поместий в вотчины по 20 четвертей с каждых 100 четвертей поместного оклада [там же, №404]. В числе разных категорий служилых людей, упомянутых в указе, не было татар, вследствие чего они оказались исключенными из процесса перевода поместных земель в вотчинные. Это упущение было исправлено лишь через пять лет, надо полагать – после настоятельных обращений. Указ Алексея Михайловича от 29 марта 1672 г. распространил действие указа от 20 марта 1667 г. на романовских мурз и татар, а также на дьяков, подьячих [там же, №512].

Упоминание о последних позволяет считать опоздание с награждением татарских служилых людей недоразумением. Однако тот факт, что в тексте указа названы лишь романовские мурзы и татары, можно трактовать как нежелание правительства расширять татарское вотчинное землевладение. Подобная тенденция прослеживается и в отношении поместного землевладения. Начиная с 1660-х гг. из указов об испомещении служилых людей и о верстании «новиков» постепенно исчезают упоминания о татарах [там же, №450, №615]. По мнению Д.А.Мустафиной, правительство во второй половине XVII в. уже не желало дальнейшего развития и расширения сословия слу-

жилых татар, которым не особенно доверяло [Мустафина, 1985, с.64]. Последним из законодательных актов в составе Полного собрания законов, предусматривавших увеличение поместных и денежных окладов татарских служилых людей, является указ от 29 сентября 1678 г. [ПСЗ–1, т.2, №732]. Он распространялся на участников русско-турецкой войны 1676–1681 гг., получивших ранения в боях под г. Чигирином, столицей Запорожской Сечи (совр. Черкасская обл. Украины) [ПСЗ–1, т.2, №732]. В перечень категорий, которым согласно указу предоставлялась земельная и денежная компенсация, входили «новокрещены, мурзы и татары».

Важной частью законодательной практики второй половины XVII в. являлось обеспечение государством прав наследования земельной собственности. В случае смерти служилого человека его поместье распределялось между женой и детьми в пропорциях, предусмотренных Соборным уложением 1649 г. [ПСЗ–1, т.1, №1, с.78–79]. Татары наследовали землю на тех же основаниях, что и русские служилые люди, причем поместья могли передаваться по наследству не только супругам и детям, но и внукам (напр., поместье служилого татарина Уразамета Тлевлеева в д. Средние Алаты [ДММ, 1950, с.139–140]). Иллюстрация тому – ситуация с наследством князя К.Еникеева, владевшего поместьями в Темниковском, Касимовском и Кадомском уездах. У К.Еникеева остались жена по имени Куляша, сын «недоросль Ураз» и дочь (в документе без имени. – *А.Н.*). Спустя некоторое время после смерти мужа Куляша решила выйти замуж за касимовского мурзу И.Чанышева, что побудило воеводу г. Темников произвести раздел имущества покойного. В ходе описи его поместий выяснилось, что за К.Еникеевым числилось 300 четвертей пашни (по 100 четвертей в каждом из уездов), подлежащих разделу. Из этого поместного оклада 6/10 (180 четвертей) достались сыну Уразу, 1/10 (30 четвертей) – вдове Куляше, 1/20 (15 четвертей) – дочери. Прожиточный надел Куляши после выхода замуж должен был быть присоединен к поместью И.Чанышева. В январе 1672 г. данное решение

было юридически оформлено в приказной избе г. Темников [ДММ, 1950, с.417–418].

Несмотря на то, что земельная политика в отношении татар в целом соответствовала общей линии правительства в отношении феодального класса страны, в ней имелись специфические моменты, связанные с вероисповеданием данной группы населения. В законодательстве второй половины XVII в. прослеживается устойчивая тенденция к наступлению государства на земельные права феодалов-мусульман. Уже вскоре после принятия Соборного уложения 1649 г. наметились признаки отступления от нормы, предусматривавшей обращение земель нерусских помещиков лишь внутри данной социальной группы. В Полном собрании законов нет документов 1650–1660-х гг., отражающих развитие этого процесса у татар. Однако размывание принадлежащего им земельного фонда можно реконструировать по законодательным актам, касающимся «иноземцев», в положении которых было много общего с татарскими служилыми людьми.

Первым шагом в данном направлении стал указ Алексея Михайловича от 1651 г., разрешивший некрещеным вдовам и «девка-иноземкам» сдавать свои прожиточные поместья новокрещеным родственникам (сыновьям, братьям, племянникам, зятьям), а также в «русские роды» за то, чтобы «тем людям с тех их поместей государевы службы служить, и их вдов и девок кормить, и замуж выдавать с приданым» [ПСЗ–1, т.1, №73]. Тем самым, прагматичное желание правительства связать земельные пожалования со службой конкретных людей, а заодно обеспечить семьи, потерявшие кормильца, сузило сферу действия ст. 14, 41 и 43 гл. XVI «О поместных землях» Соборного уложения 1649 г. [там же, №1, с.76, 80], открыв лазейку для перехода земель нерусских феодалов в руки русских помещиков.

Указ 1653 г. «О дозволении иноземцам продавать вотчины всем русским подданным христианского закона» установил запрет на продажу некрещеным «иноземцам» вотчин, принадлежавших другим «иноземцам» [там же, № 113]. Этот шаг правительства, надо полагать, нанес сильнейший удар и по татарскому вотчинному землевладению. По существу, был взят курс на его

полную ликвидацию. В случае продажи нерусскими феодалами вотчин они в любом случае попадали в руки русских или новокрещенов. Постепенно поместная форма землевладения должна была полностью вытеснить вотчинную, а татары, соответственно, обрекались на службу. Таким образом, процесс слияния поместий и вотчин, набравший все больший размах в российском обществе, для нерусской его части носил принудительный характер и проводился в жизнь ускоренными темпами.

Указы 1651 и 1653 гг. А.Капелер считает первыми шагами в сторону ограничения землевладения некрещеных инородцев [Karpeleg, 1982, s.176]. В логической связи с ними он рассматривает попытки оживления миссионерской деятельности в середине 50-х гг. XVII в. В частности, исследователь обратил внимание на действия рязанского архиепископа Мисаила, насильственно крестившего мордву и татар в Шацком и Тамбовском уездах. Историк обращает внимание на поддержку действий Мисаила государством [там же]. Анализ источников показывает, что эта поддержка была весьма серьезной [ДММ, 1940, с.297–298]. Мисаил получил не только одобрение верховной власти, но и царскую грамоту, санкционировавшую крещение нерусских народов, на которую он ссылался во время миссионерской деятельности. Помощь ему оказывали «государевы служилые люди», охранявшие архиепископа, а также, вероятно, принуждавшие татар и мордву к принятию православия [там же].

В отдельных случаях верховная власть сама инициировала христианизацию нерусского населения. Так, по указу царя Алексея Михайловича от 11 июля 1660 г. в гг. Темников и Керенск был послан стольник Л.Р.Ермолов для крещения тамошних татар. Побудительные мотивы данного решения неясны. Возможно, он был вызван провинностями татарского населения, связанными с воинской службой, о чем говорит публикация упомянутого документа среди материалов Разрядного приказа, относящихся к русско-польской войне 1654–1667 гг. [АМГ, т.3, с.115–116].

С середины 70-х гг. XVII столетия объектом религиозного давления вновь становят-

ся земельные права татарских феодалов. Не позднее января 1676 г. вышел указ Алексея Михайловича «Об оставлении вотчин и поместий, отобранных у татар и других иноверцев за теми, кому они отданы, и о приискании новокрещенам из выморочных вотчин» [ПСЗ–1, т.1, №616]. Из содержания документа неясно, за какие провинности у татар были изъяты их земельные владения. Вероятнее всего, за нарушение служебного долга, наиболее массовым проявлением которого был побег со службы. В зависимости от вины он наказывался дифференцированно, вплоть до полной конфискации поместий [там же, т.1, №1, с.9]. Не исключено также, что при Алексее Михайловиче была осуществлена попытка отчуждения земельных владений у нерусских феодалов по религиозным мотивам. На эту мысль наводит фраза из указа: «которые татарские и иных иноземцев поместья и вотчины розданы в роздачу русским людям и новокрещенам за крещение в православную веру, и тем быть за теми по даче; а прежним помещикам бусурманам не давать» [там же, т.1, №616]. По-видимому, таким образом правительство пыталось побудить бывших владельцев к принятию православия.

Указ, вышедший не позднее января 1676 г., является одним из последних законодательных актов царствования Алексея Михайловича [ПСЗ–1, т.2, с.1029]. Курс на ущемление землевладельческих прав помещиков-мусульман, обозначенный в нем, получил продолжение в земельном законодательстве царя Федора Алексеевича. Несмотря на недолгий срок правления (с января 1676 по апрель 1682 г.), для татарского населения оно стало временем тяжелых испытаний. В силу болезни (он не мог самостоятельно передвигаться. – А.Н.) Федор был фактически заперт в стенах дворца и не мог участвовать в охоте и других активных царских развлечениях. Его уделом были чтение и общение с «книжниками», в подавляющей массе представителями духовенства. На эту деталь обратил внимание С.М.Соловьев, отмечавший, что в воспитании царя «преобладал элемент церковный» [Соловьев, 1991, с.176].

Именно воспитанием Федора Алексеевича объясняется религиозная нетерпимость,

отличавшая политику государства в отношении татар на рубеже 1670–1680-х гг. Наиболее явно она проявилась в сфере землевладения и землепользования, причем давление испытывали не только татарские служилые люди, но и другие «иноверцы», входящие в российский феодальный класс. «Статьи о вотчинах» от 29 марта 1680 г. закрепили окончательный отход от норм Соборного уложения 1649 г., признававших приоритет наследования имущества (включая поместья и вотчины) за ближайшими родственниками, вне зависимости от их вероисповедания. Отныне в вопросах наследования крещеные родственники обладали правом первенства перед некрещеными, даже более близкими по степени родства [ПСЗ–1, т.2, №814]. Установление этого принципа прямым образом затрагивало интересы татарского служилого класса.

Следующим шагом в наступлении на его землевладельческие права стал указ от 16 мая 1681 г. [там же, №867], представляющий собой наиболее яркое в XVII в. проявление антимусульманских настроений в русской правящей элите. Известный миссионер А.Ф.Можаровский рассматривал указ как «решительную меру правительства об отобрании раз и навсегда у некрещеных помещиков и вотчинников поместий и вотчин, населенных православными крестьянами» [Можаровский, 1880, с.34]. Особый интерес к документу вызван тем обстоятельством, что он является одним из немногих законодательных актов XVII в. о татарах, реализация которого хорошо прослеживается по документальным источникам.

Указ от 16 мая 1681 г. предписывал «низовых городов у мурз и татар, и у мурзинских и у татарских жен, и у недорослей, и у девок, поместья и вотчины с крестьяны и с бобыли отписать нас себя отобрать великого государя». Обосновывалось это тем, что «мурзы и татарове в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят многие налоги и обиды, и принуждают их к своей бусурманской вере и чинят осквернение». Крестьяне и бобыли, которые на татарских «помещиков и вотчинников изделия делали и подати платили», отныне должны были «те изделия делать и подати платить на великого государя» [ПСЗ–1, т.2, №867]. Это был первый

документ, столь решительно ущемлявший права татарских помещиков, однако не первый в своем роде. В Полном собрании законов присутствует указ от 21 сентября 1653 г. об отписке в казну «поместий и вотчин у немцев, некрестившихся в православную христианскую веру» [ПСЗ–1, т.1, №103]. Речь в нем идет о поместьях в Арзамаском уезде, принадлежавших полковникам А.Крафтеру и А.Томолтону, подполковнику Ю.Англери, прапорщикам И.Англери, И.Арфатову и А.Мелдери, переводчику Я.Нелборху. Согласно указу, поместья вместе с крестьянами изымались за то, «что они, некрещеные немцы, им крестьяном чинили всякую налогу и утеснение в нашей православной христианской вере греческаго закона, и крестьянским душам многое осквернение» [там же].

Как видим, формулировки мотивов изъятия поместий у немцев и татар были практически идентичны. Однако истинные причины конфискации, на наш взгляд, были различны. Можно предположить, что провинность «немцев» была связана не с верой, а с их служебными обязанностями, поскольку поместья отбирались бесповоротно. Объяснить конфискацию религиозными причинами можно было проще и убедительнее, чем «изменой» и другими деяниями. В отличие от указа 1653 г., указ 1681 г. предусматривал возможность сохранения татарскими помещиками зависимых людей при условии принятия ими православной веры. Дополнительным стимулом к этому должно было стать денежное вознаграждение, выплачиваемое в следующих размерах: мурзам – 10 руб., их женам – 5 руб., детям – 2,5 руб. Вдвое меньшее жалованье ожидало неродовитых служилых татар и их домочадцев [там же, №867]. Таким образом, издание указа 1681 г. было обусловлено исключительно религиозными мотивами.

С целью смягчения негативной реакции татарских феодалов им объявлялось, «что испомещены они будут, а вместо взятых поместий и вотчин по рассмотрению иноверцами же темниковскою и кадомскою мордвою, и о том впредь его великого государя указ будет впредь» [там же]. Самой мордве указ велел довести следующее: за крещение в православную веру обещались «во всяких

податях» льготы на шесть лет, если же не захотят креститься, – «отданы будут в поместья и вотчины некрещеным татарам и мурзам» [там же].

Таким образом, с выходом указа от 16 мая 1681 г. перед татарами и мордвой встала проблема выборы веры. Приверженность религии предков грозила татарским помещикам потерей зависимых людей, мордве – превращению в таковых. Переход же в православие сулил материальные выгоды и тем, и другим. Нетрудно предположить, какой выбор был предпочтителен. В этих условиях шансы татарских служилых людей, отказавшихся креститься, на получение обещанных крепостных оказывались весьма призрачными. Почувствовав, куда качнулся маятник правительственной политики, свою лояльность власти поспешили обозначить романовские татары, загодя обратившиеся к Федору Алексеевичу с просьбой о крещении. За такое «волеизъявление» их ждала щедрая награда. Именной указ от 21 мая 1680 г. определил: писать романовских татар «княжым» именем; «быть им у великого государя в стольниках»; жаловал им «поместные и денежные оклады против их братий, таких же новокрещенов», а также возвращал поместья и вотчины, отписанные ранее «за их вины и за отъезд со службы»; определил не посылать их на «государеву» службу в течение трех лет [там же, №823]. Формулировки пожалования указывают на истинные мотивы крещения этой группы татар – стремление вернуть земельные владения, конфискованные за прежние провинности. В свою очередь, щедрость, проявленная верховной властью, свидетельствует о ее высокой заинтересованности в социальной и культурной интеграции татарской знати.

Анализ законодательных источников показывает, что романовские татары были неодинокими в стремлении принять христианство, а также то, что указу от 16 мая 1681 г. предшествовали другие правительственные акты миссионерской направленности. Подтверждение тому находим в царской грамоте ядринскому воеводе Л.Г.Ефимьеву от 15 февраля 1681 г. В ней сообщается, что «Ядринского уезду и иных городов и уездов мурзы, татары и мордва, и иных вер иновер-

цы многие крестятся в православную христианскую веру греческого закона» [ДАИ, т.8, с.310–311], причем стимулом к крещению являлось вознаграждение, обещанное за принятие православной веры.

Однако миссионерские устремления правительства не соответствовали материальным возможностям казны. Из-за отсутствия необходимого фонда свободных земель указ от 21 мая 1680 г. о привилегиях романовским татарам не был реализован в полной мере. С выходом же указа от 16 мая 1681 г. ситуация изменилась кардинальным образом. Уже 24 мая 1681 г. состоялся указ, повелевший выделять новокрещеным обещанные поместья из числа тех, которые подлежали изъятию у их же родственников и земляков, отказавшихся креститься по указу от 16 мая 1681 г. [ПСЗ–1, т.2, №870]. Кроме того, отказавшиеся креститься высылались на жительство в г. Углич, где их следовало разместить на постоянных дворах, а кормить и содержать должны были родственники, «которым за крещение в православную христианскую веру, тех мурз и татар поместья и вотчины отданы» [там же]. Таким образом, новых «поместных и денежных окладов» не последовало, а вознаграждение новокрещеным осуществлялось за счет перераспределения земельных владений внутри романовских татар. По сути, данное решение означало сознательное натравливание одних татарских феодалов на других.

О финансовой несостоятельности правительства и местных властей говорит и грамота Л.Г.Ефимьеву. В ней сообщается, что новокрещеным «...нашего великого государя, жалованья, за недоборы денежной казны, за крещение им в городех не дано, а иным дано не сполна против указных статей» [ДАИ, т.8, с.310–311]. Поскольку крестившиеся «били челом» о награде, а экономическая ситуация в стране была такова, что «денежную казну собрать вскоре немочно», было решено вместо жалованья «... им новокрещеном мурзам и татаром и всяким служивого чину людем, в нашей великого государя службе давать льготы на шесть лет, а ясашным людем в ясаке, и во всяких подотях, в плотеже льготы на шесть лет же. А нашего великого государя денежного жа-

лованья, и соболой, и сукон за крещение не давать» [там же].

Сроки, отпущенные на реализацию указа от 16 мая 1681 г., не были оговорены в самом документе. Однако С.М.Соловьев сообщает, что «в феврале 1682 года подьячие и приставы ездили по татарским деревням и объявляли мурзам и татарам, их женам, недорослям и девкам указ государев, чтоб они упрямство свое отложили, во св. веру греческого закона крестились и били челом государю о поместьях своих и вотчинах до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитен о поместьях и вотчинах не подадут, у тех поместья и вотчины и всякие угоды будут отняты и розданы тем мурзам и татарам, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля» [Соловьев, 1991, с.237].

Установление предельного срока для крещения, безусловно, стимулировало процесс христианизации. В дальнейшем главной заботой властей стало урегулирование проблемы перехода земельной собственности из рук в руки. Об этом говорит челобитная романовских мурз и татар Федору Алексеевичу «О даче им за крещение земель их родственников», поданная царю в начале 1682 г. [История, 1937, с.176–177]. Анализ документа показывает, что в процессе передачи поместий и вотчин от некрещеных к новокрещеным нарушался родственный принцип, в результате многие поместья и вотчины попали к посторонним людям. Податели прошения (представители разных ветвей родов князей Мустафиных и Девлеткильдеевых, а также служилых татар Шахеевых) просили царя не отдавать родственные поместья «в чужие роды», а велеть «те родовые и выслуженные поместья и вотчины отдавать нам, холопом твоим, родственным в род против своего великого государя указу и Соборного Уложения, чтоб нам, холопом твоим, крестясь в православную христианскую веру, твоей великого государя службы, не отбыть» [там же].

С этим документом перекликается другая челобитная, поданная в том же 1682 г. уже царю Петру Алексеевичу [там же, с.177–178]. Просителями в ней выступают «разных городов новокрещеные», которые хлопотали о передаче в награду за креще-

ние поместий некрещеных родственников. Челобитная содержит ценную информацию, позволяющую конкретизировать религиозную ситуацию конца 1670-х – начала 1680-х гг. Из нее, в частности, следует, что не позднее 1679 г. в места проживания татар были посланы «великого государя грамоты», побуждавшие местные власти призывать мурз и татар «во святую православную христианскую веру». Эти грамоты «обнадеживали» крестившихся «государским жалованьем, поместьями своими, и отцовскими, и братными, и родственными и крестьяны» [там же, с.177]. Крестившиеся в 1679, 1680, 1681 гг. и часть крестившихся в 1682 г. получили обещанное вознаграждение. Что касается подателей челобитной, то они крестились, вероятно, уже после 25 февраля 1682 г., и потому вместо обещанных поместий и вотчин получили лишь по 10 рублей денежного жалованья, что и стало причиной обращения к властям [там же, с.178].

Необходимо подчеркнуть, что указы, побуждавшие креститься ясачные народы Поволжья, не имели конкретного адресата. Об этом говорят формы вознаграждения за крещение – деньги, меха, ткани. Они носили универсальный характер и могли быть даны любому человеку, вне зависимости от социальной принадлежности, в то время как главным видом поощрения татарских служилых людей в XVII в. являлось наделение землей или прибавление поместного оклада. Миссионерские устремления правительства Федора Алексеевича были столь сильны, что оно было готово идти на серьезные материальные издержки. Ввиду отсутствия в казне «живых» денег власть объявила об освобождении на 6 лет служилых людей от государственной службы, ясачных людей – от выплаты ясака и других податей. Упоминание о шестилетней льготе встречается и в указе от 16 мая 1681 г., который обещал мордве Кадомского и Темниковского уездов за крещение в православную веру «во всяких податях дано будет льготы на шесть лет» [ПСЗ–1, т.2, №867]. Видимо, этот срок был признан правительством оптимальным для стимулирования процесса христианизации. Отметим, что в XVIII столетии государство было скупее и предоставляло льготы лишь на три года (см.: [Ногманов, 2002, с.103]).

Из-за скудости источников трудно судить о последствиях этих указов для ясачного населения. Больше информации о их влиянии на татарский феодальный класс. Под угрозой конфискации земли и высылки в другие регионы многие служилые мурзы и татары приняли христианство. В особенности это коснулось старых татарских княжеских родов, проживавших в Темниковском, Кадомском, Шацком и Керенском уездах (Еникеевы, Мамлеевы, Ишеевы, Енгальчевы, Кугушевы, Девлеткильдеевы, Кашаевы и др.). Крестившиеся татарские помещики с разной степенью успеха стремились закрепить за собой поместья, ранее принадлежавшие некрещеным родственникам, – это была общая тенденция.

Каковы были причины, побудившие русское правительство на рубеже 1670–1680-х гг. повести решительное наступление на мусульман и их земельные права? Указ от 16 мая 1681 г. обосновывает это необходимостью защиты русских крестьян от «налогов и оскорблений» татарских помещиков, которые насильно «принуждают их к своей бусурманской вере и чинят осквернение» [ПСЗ–1, т.2, №867]. Такое обоснование отражает неприязнь московского правительства к господству «неверных» помещиков над православными крестьянами. Однако оно не объясняет почему эта аномалия, которую терпели в социальной структуре христианского государства, должна была быть уничтожена именно теперь [Karpelev, 1982, s. 248].

Помимо отмеченной личной религиозности Федора Алексеевича здесь, вероятно, сказалось влияние русско-турецкой войны 1677–1681 гг., усилившей, как это неоднократно случалось в истории России, антиисламские настроения в русской правящей элите. Вместе с тем война пробудила симпатии к туркам среди российских мусульман [Соловьев, 1991, с.226.]. Симпатии к единоверцам были одной из причин дезертирства татарских служилых людей под Чигирином, которое А.Каппелер называет поводом к насильственному крещению романских татар [Karpelev, 1982, s.248]. По его же мнению, Бахчисарайский мир (13 января 1681 г.) развязал московскому правительству руки для того, чтобы свести счеты с «неблагодарны-

ми мусульманами России» [там же]. Таким образом, наступление государства на татарских землевладельцев было вызвано совокупностью причин, имеющих отношение к их вероисповеданию.

Трудно предугадать дальнейшее развитие событий, если бы не ранняя смерть Федора Алексеевича, скончавшегося 27 апреля 1682 г. Спустя месяц указом Петра и Ивана Алексеевичей от 29 мая 1682 г. было приказано вернуть мурзам и татарам половину отобранных поместий и вотчин [ПСЗ–1, т.2, №923], а 13 июля того же года «великие государи пожаловали мурз и татар поместьями и вотчинами другую половину по прежнему», за исключением земель, уже отданных новым владельцам [ПСЗ–1, т.2, №944]. Идя на подобный шаг, верховная власть выразила пожелание, чтобы татарские помещики, «видя их великих государей милость, им великим государям служили, а ко крестьянам никаких налог, и православной христианской вере тесноты не чинили» [там же].

Столь поспешный поворот государственной политики также нуждается в объяснении. По всей видимости, на развитии событий сказался политический кризис, вызванный борьбой за престол двух семейных кланов – Милославских и Нарышкиных. Изъятие в 1681 г. земель у татарских феодалов, как уже отмечалось, было во многом продиктовано антимусульманской позицией Федора Алексеевича и его ближайшего окружения. С уходом из жизни царя к власти пришли новые, более прагматичные люди, среди которых выделялся В.В.Голицын. Они по-прежнему были заинтересованы в услугах татарских служилых людей. На фоне активизации российской внешней политики, обратившей свое внимание на Черное море, нельзя было пренебрегать такой значительной воинской силой. 26 мая 1682 г. царевна Софья Алексеевна была объявлена регентшей при юных Иване и Петре Алексеевичах [ПСЗ–1, т.2, №920], а уже три дня спустя вышел указ о возврате служилым мурзам и татарам первой половины отобранных поместий. Впрочем, его появление вряд ли вызвало удивление, поскольку смена власти на Руси всегда сопровождалась раздачей пожалований, обещанием послаблений, прощением провинностей и т.д.

Нельзя забывать и о том, что в 1681–1684 гг. в Приуралье развернулось восстание нерусских народов, поводом к которому послужил указ от 16 мая 1681 г. Восстание охватило территорию от среднего течения р. Исеть до Волги, от верховьев р. Яик до среднего течения Камы и Чусовой [Башкортостан, 1996, с.151]. Воспоминания о «разбойнике» Степане Разине были еще сильны в российских правящих кругах, и дальнейшее религиозное давление на мусульман грозило обострением ситуации в беспокойном регионе.

Начав с возврата татарам изъятых поместий и вотчин, правительство Софьи Алексеевны взяло курс на возрождение прежних правовых традиций. 20 октября 1682 г. вышел указ «О недаче русским помещикам оброчных, ясашных, покидных татарских земель в поместье» [ПСЗ–1, т.2, №959], запрещавший испомещение русских служилых людей на запустевших землях коренных народов Поволжья. Согласно указу оброчные и ясачные земли подлежали передаче «чуваше, и мордве, и татаром на оброк», а «поместные покидные земли в поместье мурзам и татаром по Уложению» [там же]. Если запрет отдавать русским помещикам ясачные земли объяснялся интересами государственного фиска (в грамотах-указах этого времени встречается мысль о том, что «ясак оброку прибыльнее» [Мустафина, 1985, с.100]), то распоряжение о передаче поместных земель «мурзам и татаром» демонстрировало заинтересованность правительства в их материальном достатке, а значит и боеспособности, поскольку снаряжались татарские служилые люди из своего кармана.

При Софье Алексеевны были вновь пересмотрены приоритеты в порядке наследования поместий и вотчин, принадлежавших некрещеным мурзам и татарам. Указ от 17 марта 1686 г. [ПСЗ–1, т. 2, №1179] установил следующие принципы передачи наследства:

1. После смерти некрещеного татарина ему в первую очередь наследовали некрещенные дети и внуки.
2. После детей и внуков право наследования переходило к другим некрещеным родственникам.

3. После некрещеной родни, если таковой не было, право наследования переходило к крещеным родственникам.

Особо оговаривалось «челобитчикам-чужеродцам, мурзам и татарам некрещеным, таких поместий и вотчин, мимо новокрещенов не отдавать, чтобы такие поместья из роду новокрещенов не вышли» [там же]. Таким образом, в вопросах наследования законодательно признавалось первенство некрещеных родственников перед крещеными, т.е. этнический критерий был поставлен выше религиозного. Однако полного возврата к прежним правовым нормам не произошло, поскольку указ 1686 г. исключал возможность передачи поместий и вотчин в руки помещиков-единоверцев после смерти всех родственников-мусульман.

В отношении ясачных людей во время правления Софьи Алексеевны также происходил откат на прежние позиции, правда, не под воздействием законодательных решений, а, скорее, естественным путем. Анализ источников показывает, что некоторая часть ясачных татар в числе других народов Поволжья польстилась на льготы, обещанные правительством, прежде всего – на шестилетнее освобождение от податей и повинностей. Однако переход в православную веру был для них не более чем формальным актом, о чем свидетельствует грамота казанского митрополита Адриана архимандриту Козьмодемьянского Спасо-Юнгинского монастыря Мисаилу [ДММ, 1940, с.72]. Документ предписывал собрать с приходских священников «скаски», в которых бы фиксировались «годы, и месяцы, и числа, кто в веру христианскую крестился, когда, и в какое время, оставя христианскую веру, обратились к прежней своей басурманской вере, и кто из них новокрещены ныне живут, и имена их до крещения, и в крещенье как были» [ДММ, 1940, с.72]. Датировка грамоты (ноябрь 1687 г.) во многом объясняет ее содержание: именно в этом году истекал шестилетний льготный срок для тех представителей нерусских народов Казанского края, которые крестились после выхода указов 1681 г.

В целом анализ законодательных и документальных источников 1680-х гг. показывает, что попытка массовой христианизации

народов Среднего Поволжья, предпринятая в царствование Федора Алексеевича, не увенчалась успехом. Отсутствие религиозного рвения у преемников царя в сочетании с объективными причинами, вынуждавшими власть сдерживать процесс христианизации, привело к тому, что к концу правления Софьи Алексеевны (29 января 1689 г.) религиозная ситуация в крае вернулась к состоянию середины 1670-х гг. Руководством для властей в местах проживания нерусских народов стал указ «О крещении иноверцев только по свободному их желанию без всякого принуждения...», состоявшийся 5 апреля 1685 г. [ПСЗ–1, т.2, №1117] и по смыслу идентичный «наказной памяти» архиепископу Гурию 1555 г. [ААЭ, т.1, с.259–261].

Последний из указов Софьи Алексеевны и всего XVII столетия, регулирующих земельные правоотношения у татар, датирован 20 марта 1688 г. и носит название «О несправе за русскими людьми поместий и вотчин в казенных городах» [ПСЗ–1, т.2, №1287]. Указ запрещал раздачу татарских земель в поместья «московского чина людям». Исключение было сделано для новокрещеных, «которые крестились из мурз тех же городов», а «в московском чину написаны они для крещения православных христианская верь». Им разрешалось наследовать владения родственников, однако запрещалось продавать, менять или сдавать свои поместья и вотчины кому-либо из русских или новокрещеных других городов [там же]. Нормы, установленные указом, имели локальное значение и действовали на ограниченной территории. На это указывает оговорка в тексте документа: «в иных городах, кроме казенных городов, всякие земли давать русским людям и новокрещенным по-прежнему» [там же]. О каких городах идет речь, из указа неясно. Возможно, имеются в виду те города, в которых в массовом порядке испомещались служилые татары после падения Казанского ханства – Касимов, Темников, Романов. Локальность действия указа от 20 марта 1688 г. подтверждает общий вывод об успехе политики правительства по ограничению землевладельческих прав помещиков-нехристиан, проводимой во второй половине XVII в. После выхода Соборного уложения 1649 г.

самодержавие делало уступку за уступкой русскому дворянству. Зафиксированный в кодексе принцип неделимости земель нерусского населения систематически нарушался последующими указами. Поместья и вотчины татарских феодалов свободно переходили в руки русских служилых людей. Наличие «казенных» городов, в которых переход земель был запрещен, свидетельствует лишь о противоречивости и сложности этого процесса. Несмотря на смягчение земельной политики в правление Софьи Алексеевны, полного возврата к ситуации конца 1640–х гг. не произошло. Были лишь устранены перегибы, имевшие место при царе Федоре Алексеевиче.

Земельная проблематика, тесно связанная с религиозной, доминирует в законодательстве второй половины XVII в. Вместе с тем, в нем нашли отражение и другие проблемы, связанные с жизнью татарского населения. После актов о земле наибольшее количество узаконений правительства приходится на войско и военные действия [Маньков, 2002, с.33], что обусловлено большим количеством крупных и мелких военных конфликтов, в которых принимала участие Россия. В указанный период она последовательно воевала с Речью Посполитой (1654–1667 гг.), Швецией (1656–1661 гг.), Крымским ханством (1672, 1687, 1689, 1695, 1696 гг.), Турцией (1677–1681 гг.). В военных действиях активно участвовали татары, служившие как в полках дворянской конницы «старого строя», так и в полках «нового строя» (рейтарских, драгунских и солдатских), число которых в вооруженных силах непрерывно увеличивалось [Павлов-Сильванский, 2000, с.201]. Например, в период русско-польской войны 1654–1667 гг. много татар служило в полках воеводы Е.Челищева, полковников В.Челюстина (драгуны) и Т. Шаля (рейтары), а рейтарский полк под командованием полковника Х.Мынгауса был целиком укомплектован татарами [АМГ, т.3, с.337–338, с.446]. Известно, что в рейтарах служили свияжские [там же, с.171], «алаторские и темниковские» татары [там же, с.337–338].

Общие вопросы регулирования воинской службы в XVII столетии нашли отражение в главе VII Соборного уложения 1649 г.

[ПСЗ–1, т.1, №1, с.8–13], нормы которой действовали до принятия Воинского артикула 1715 г. В ней нет упоминаний о татарских служилых людях, что говорит об отсутствии значимых отличий в их правовом статусе от русских и «иноземцев». Это подтверждают и законодательные акты второй половины XVII в., если и упоминающие татар, то, как правило, вместе с другими категориями служилого люда. В большинстве случаев это указы «Об отсрочке русским и иноземцам во всяких судебных делах по 1-е января ... года для службы». Они довольно многочисленны [ПСЗ–1, т.1, №90, 110, 118, 214, 219, 245, 283, 293, 321, 349, 472, 544, 548, 590, 591 и др.], но бедны в тематическом и содержательном плане. Подобные распоряжения были обычным явлением в условиях практически не прекращавшихся войн. Основным предназначением этих документов являлось оповещение служилых людей об очередном походе и необходимости подготовки к нему. Указы распространялись на все категории служилого класса и представляют интерес, прежде всего, с точки зрения изменения формулировок, обозначающих те или иные группы служилых татар. С течением времени они эволюционировали в сторону упрощения. Помимо данной группы законодательных актов, единичные упоминания о татарах встречаются в указах о верстании новиков [ПСЗ–1, т. 1, №86 и др.].

Значительно большую информацию о татарских служилых людях, их положении в русской армии дают «Акты Московского государства», содержащие документы о военных кампаниях XVII в., в частности о русско-польской войне 1654–1667 гг. [АМГ, т.2, 3]. Часть этих документов оформлена в виде указов верховной власти и формально может быть отнесена к категории законодательных актов. Однако по содержанию они в основной массе представляют распоряжения по текущим вопросам воинской жизни, не устанавливающие юридические нормы, как правовые акты, вошедшие в Полное собрание законов. Вместе с тем эти источники ценны для исследования применения действующего военного законодательства на практике, а также влияния реальных военных событий на эволюцию законодательных норм.

Анализ документов, содержащихся в «Актах...», подтверждает высказанное утверждение, что законодатели придерживались позиции невиделения служилых мурз и татар среди прочих категорий служилых людей. Равенство соблюдалось в системе поощрений за службу, определявшихся не этническим происхождением, а социальным статусом служилых людей и возможностями казны [АМГ, т.3, с.71, т.3, с.119]. Не было различий в системе наказаний за нарушение воинского долга, выражавшееся главным образом в бегстве со службы [АМГ, т.3, с.397, 408, 446–447], в размере компенсаций за «полное терпение» (нахождение в плену. – *А.Н.*), а также «кормовых денег» женам и детям погибших в боях [там же, с.188]. Список сопоставимых черт этим не исчерпывается. Причиной сохранения указанного равенства являлось использование военной силы татарских служилых людей в войнах на западе и на пограничных укреплениях на южных и восточных рубежах государства. Хотя относительная численность татар в призывах на военную службу постепенно уменьшалась, московское правительство стремилось поддерживать равновесие в отношениях с данной группой населения.

Аналогичным образом выглядит ситуация с торговыми правами татарского населения. Обращение к источникам показывает, что Соборное уложение 1649 г. не упоминает татар в разделах, касающихся торговли (см. гл. IX «О мытах и о перевозех, и о мостах» и гл. XVIII «О печатных пошлинах»), [ПСЗ–1, т.1, №1], хотя такие упоминания есть в главах, посвященных землевладению и землепользованию, зависимым людям, религии. Татары не фигурируют и в важнейших для данной области права законодательных актах второй половины XVII в. – Торговом уставе 1653 г. [ПСЗ–1, т.1, №107] и Новоторговом уставе 1667 г. [ПСЗ–1, т.1, №408]. На наш взгляд, это объясняется тем, что татарские торговые люди уже на ранней стадии интеграции в состав Российского государства были поставлены в одинаковое положение с русскими купцами. Поэтому правительству не было необходимости издавать специальные указы, регулирующие татарскую торговлю. Свидетельства существования данного ра-

венства обнаруживаются в различных аспектах торговой деятельности.

Во все времена основополагающим условием для успешного развития торговли являлась адекватная фискальная политика властей. Пошлины, налоги, акцизы и другие инструменты этой политики, устанавливаемые правительством, наглядно характеризуют его отношение к различным субъектам торговых операций. Имеющиеся источники свидетельствуют об отсутствии в XVII столетии зависимости между величиной таможенных сборов и этнической принадлежностью торговцев – подданных Русского государства (см. таможенную грамоту 1633 г., регулировавшую сбор пошлин в г. Гороховец (совр. Владимирская обл.) [ААЭ, т.1, с.362]).

Другим важным условием для занятия торговлей является свобода передвижения. Анализ «наказов» казанским воеводам XVII в. [Димитриев, 1974, с.284–414] показывает, что в Казанском крае в указанный период она строго регламентировалась. Однако имевшиеся ограничения носили всеобщий характер, распространяясь как на русских торговцев, так и на нерусское население. Все желающие куда-либо выехать, не только торговые, но и служилые люди, должны были получить у воевод специальное разрешение – «проезжие грамоты». Все решения на этот счет записывались в Приказной палате в особую книгу, а самим выезжающим давались отписки. В случае выезда без них нарушившие приказ считались беглецами и их следовало «сажать в тюрьму и чинить им наказание, смотря по человеку и по вине» [там же, с.293].

Всеобщий характер имела норма, запрещавшая русским людям и «иноверцам» «у себя во дворах держать на продажу корчемное питье». Таких людей без различия происхождения было велено «по торгам бить кнутом и сажать в тюрьму до государева указа, а животы, переписав, запечатывать» [там же, с.297].

Вместе с тем равенство в основополагающих элементах торговой деятельности не исключает наличия специфических черт в торговле татарского населения. Татарское общество в XVI–XVII вв. не было однородным. В нем существовали такие

категории, как князья, мурзы, служилые татары, ясачные татары. В религиозном отношении сложилось деление на мусульман и православных – новокрещеных. Были татары, проживающие в сельской местности (уездные), и татары, приписанные к городам. Отличалась широтой и география торговых операций. Уже в первой половине XVII в. торгующих татар из Казани можно было встретить в различных частях России, от г. Гороховец на западе [ААЭ, т.1, с.362], до г. Тобольск и Тара на востоке [История, 1937, с.237–238]. Поэтому при исследовании торговых прав татарского населения необходимо учитывать разные факторы: сословную и религиозную принадлежность участников торговых операций, место постоянного проживания, место ведения торговли и т.п. Все эти качественные показатели важны, поскольку условия для ведения предпринимательской деятельности татарами Казанского уезда отличались от реалий жизни их соплеменников в Уфимском уезде и, тем более, в Сибири.

Анализ законодательства показывает, что в торговле, как и других сферах жизни татарского общества, во второй половине XVI – XVII вв. основным действующим лицом выступали представители татарского служилого сословия. Торговые отношения среди ясачного населения по материалам Полного собрания законов практически не прослеживаются, что говорит не об отсутствии таковых в принципе, а лишь о специфике привлекаемых к рассмотрению источников. По своему социально-правовому положению ясачные татары не выделялись среди других категорий крестьянства России (за исключением случаев, где играл роль религиозный фактор. – *А.Н.*). В связи с чем их торговая деятельность полностью вписывалась в законы, регулировавшие торговые промыслы крестьянского сословия (подробнее об этом см.: [О переходах, 1857, с.85–100]). Нас же более привлекают специфические моменты в политике правительства, которые были заметнее в документах, касавшихся служилых татар.

Они обладали немалыми возможностями для занятия торговлей, о чем свидетельствуют указы от 1 марта 1672 г. и 9 августа 1677 г. об уничтожении тарханских грамот [ПСЗ–1,

т.1, №507; т.2, №699]. Согласно этим документам, служилые мурзы и татары входили в число тарханов и пользовались правом беспопытной торговли и всяких промыслов в «низовых» городах, наряду с патриархом, митрополитами, крупнейшими монастырями и русскими служилыми людьми. В силу краткости упомянутых указов, состоящих фактически из распорядительной части, кроме констатации факта наличия тарханов среди татар, другой информации о них почерпнуть не удается. В связи с этим трудно судить о применимости указов к тем или иным частям служилого татарского сословия, а также о времени и условиях предоставления татарам данной привилегии. За пределами Среднего Поволжья и Приуралья татары довольно часто упоминались в качестве участников торговых операций. В качестве примера подобных указов можно назвать жалованную грамоту астраханскому татарину Мухаммед Юсуфу Касимову от 13 июня 1667 г. «О дозволении ему... приезжать в Москву торговать впредь на десять лет» [ПСЗ–I, т.1, №411]. Отметим также указы 1693 и 1698 гг., регулировавшие сбор пошлин в сибирских городах [там же, т.3, №1474, №1654], и царские указы воеводам различных регионов: тобольскому, верхотурскому, тюменскому [там же, №1594; №1595, №1670]. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в России декларации правительства часто расходились с действительностью. Начиная с XVI в. верховная власть неоднократно пыталась ликвидировать институт тарханов, и сохранение его к 1670-м гг. свидетельствует о безуспешности этих попыток [Петров, 1922; Каштанов, 1965; Каштанов, 1986].

Более конкретную и потому значимую информацию о торговых правах татарского населения дает грамота царей Петра и Ивана Алексеевичей, данная в ноябре 1685 г. казанскому воеводе князю И.И.Голицыну [ПСЗ–1, т.2, №1143]. Появление грамоты связано с конфликтом на почве торговых отношений, возникшим у жителей Татарской слободы г. Казани с русскими земскими старостами и посадскими людьми. Документ примечателен тем, что зафиксированные в нем события получили логическое продолжение в XVIII – начале XIX вв., найдя

отражение в законодательстве. Особый интерес в этом плане представляет Высочайше утвержденный доклад Сената «О беспрепятственной торговле казанских слободских служилых татар, по силе данных им жалованных грамот» от 7 августа 1763 г. [там же, т.16, №11888], в котором приведены тексты грамоты 1685 г.¹, а также генетически связанной с ней грамоты 1698 г., не вошедшей по каким-то причинам в Полное собрание законов. Сопоставление этих источников позволяет не только восстановить детали событий конца XVII в., но и проследить дальнейшее развитие ситуации, в том числе изменения, произошедшие в сфере торговых прав татарского населения в целом.

Содержание грамоты 1685 г. свидетельствует о вариативности политики правительства в отношении разных групп татарского феодального класса. В отличие от других служилых татар, для которых ратная служба являлась условием владения землей и крепостными крестьянами, жители Татарской слободы г. Казани несли ее за право торговать «...всякими товарами, вместо их великих государей денежного и хлебного жалованья» [ПСЗ-1, т.2, №1143]. Судя по источникам, эта практика возникла не позднее начала 1620-х гг., вероятно, вследствие событий Смутного времени. К концу XVII столетия торговля превратилась для казанских слободских татар в основной источник существования [ПСЗ-1, т.2, №1143]. При этом татары были освобождены от податей и повинностей, которые несли русские посадские люди Казани. Последние, оказавшись в невыгодном конкурентном положении, стремились ликвидировать привилегии татар и неоднократно обращались в Москву с жалобами, пытаясь распространить налоговое тягло на жителей Татарской слободы. Первая подобная попытка русских посадских людей датируется 1622 г. [ПСЗ-1, т.16, №11888]. Затем они повторялись в 1654 г., 1669 г. и, вероятно, вскоре после смерти царя Алексея Михайловича (30 января

¹В указе 1763 г. грамота И.И.Голицыну ошибочно датирована 22 мая 1685 г., поскольку князь И.И.Голицын исполнял функции воеводы в Казани с 4 сентября 1685 г. по 4 мая 1686 г., после чего был по болезни отпущен в Москву.

1676 г. – *А.Н.*), поскольку 4 сентября того же года его преемник царь Федор Алексеевич дал казанским служилым татарам охранную грамоту, призванную оградить их от притязаний русских посадских людей. В этом не дошедшем до нас законодательном акте, кроме подтверждения факта предоставления татарам торговой привилегии, содержалась регламентация порядка ведения ими торговых операций.

Смерть самого Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) вызвала новые апелляции русских посадских людей, уже к царям Ивану и Петру Алексеевичам, последовавшие в 7191, 7192 и 7193 гг. (7191 г. – 1 сент. 1682 – 31 авг. 1683 гг.; 7192 г. – 1 сент. 1683 – 31 авг. 1684 гг.; 7193 г. – 1 сент. 1684 – 31 авг. 1685 г. – *А.Н.*). Цель их, со слов слободских татар, заключалась в том, чтобы «их московскою волокитою изволочить, чтоб с торгового их промысла тягло на них положить, и с ними посадскими людьми службы служить, и в стрелецких деньгах помогать, и дворы их переписать и положить в тягло с промыслу их, против их посадских людей» [ПСЗ–1, т.2, №1143]. Ответом на первую из челобитных стал несохранившийся указ Ивана и Петра Алексеевичей (факт его существования подтверждает отрывок из грамоты 1685 г.: «с тех их торгов и с лавок и с анбаров со всяких торговых промыслов пошлыны имать по прежнему их великих государей указу и по новоустановленным торговым статьям» [ПСЗ–1, т.2, №1143]), подтвердивший статус–кво в данном вопросе, что вызвало новые обращения русских торговых людей и ответные шаги татарского населения с целью защиты своих прав. Результатом рассмотрения тяжбы в Москве стало распоряжение казанскому воеводе князю В.Д.Долгорукому решить вопрос согласно «Уложению и новоуказным статьям». Выполнение его затруднялось тем, что Соборное уложение 1649 г., как и «новоуказные статьи» (имеются в виду Торговый устав 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г. – *А.Н.*), не содержали каких-либо указаний относительно татарской торговли. В итоге, В.Д.Долгоруков «им земским старостам отказал словесно, для того, что... в Соборном уложении и в новоуказных статьях про служилых татар не написано» [там же].

Назначение в сентябре 1685 г. на должность казанского воеводы И.И.Голицына стало причиной нового этапа противостояния служилых татар Татарской слободы и русских посадских людей г. Казани. Грамота, посланная И.И.Голицыну в ноябре 1685 г., была призвана положить конец тяжбе. Воеводе было указано: «по прежним их великих государей указам и по приговору бояр и воевод их татар оберегать по прежнему, и казанским посадским людям обид им татарам и тесноты чинить не велеть, чтобы им татарам никакого утеснения не было, и на земской двор с них татар, которые объявились в службах и дворы под ними белые, тягла имать не велели по тому, что они служилые люди, а не тяглые и не черной слободы...» [там же]. Последняя фраза объясняет причину подобного исхода дела. Государство встало на защиту интересов более высокой в социальном отношении категории населения, поставив в данном конкретном случае сословно-классовые интересы выше религиозных и этнических. Как отмечает А.Г.Маньков, право-привилегия для господствующего класса являлось отличительной чертой феодального законодательства и судопроизводства [Маньков, 2002, с. 165].

Вместе с тем, не следует забывать, что издание документа пришлось на годы правления царевны Софьи Алексеевны, отмеченного смягчением политики в отношении мусульман. Упоминание в тексте грамоты 1685 г. «великих государей» являлось не более чем данью традиции, в действительности, как отмечает А.Г.Маньков, «при Иване и Петре именные указы не принимались и даже не санкционировались ими, все делалось от их имени правящими лицами – Софьей и В.В.Голицыным, а позднее Л.К.Нарышкиным» [там же, с.30]. В любом случае конфликт разрешился в пользу казанских слободских татар. И.И.Голицыну было велено сделать копию с присланной грамоты и «оставить в Казани в приказной палате для ведома иных бояр и воевод», а подлинник ее отдать татарам-челобитчикам [ПСЗ–1, т.2, №1143]. Этот документ в течение многих десятилетий бережно хранился в Татарской слободе, оберегая право ее жителей на свободную торговлю от посягательств различных лиц и органов. Пос-

ледня в XVII в. попытка подобного рода была отмечена в 1698 г., однако грамота царя Петра Алексеевича от 15 июля того же года, адресованная казанскому воеводе князю П.Л.Львову, в очередной раз подтвердила статус-кво в данном вопросе [там же, т.16, №11888].

Источники не дают информации о том, каким образом жители Татарской слободы использовали данные им привилегии. Можно предположить, что весьма активно. По крайней мере, есть свидетельства об их деловых отношениях, в том числе не вполне законных, с купцами иноземных государств. В опубликованном В.Д.Димитриевым наказе казанским воеводам М.Л.Плещееву и В.Л.Пушечникову 1677 г. сообщается о том, что «в Казани многие торговые люди, не являсь в таможене с товарами своими, проезжают в Татарскую слободу тайно, по ночам, и товары свои складывают в той слободе у татар. И в том казанском таможенным пошлинам чинитца убыль многая» [Димитриев, 1974, с.368]. Под торговыми людьми, которые пользовались услугами слободских татар, следует понимать купцов мусульманского вероисповедания как из южных областей страны (Астрахань, Кизляр и др.), так и из сопредельных мусульманских государств. Татарские торговые люди умели извлекать выгоду из ситуации, когда, с одной стороны, права азиатских купцов на торговлю во внутренних областях России были ограничены, а с другой, среднеазиатские ханства в определенные периоды не впускали на свои рынки «кафиров», т.е. немусульман [Губайдуллин, 1926, с.60].

Уникальность ситуации с торговыми правами казанских слободских татар заключается в том, что их привилегии не распространялись на служилых татар, проживавших вне Казани. Попытки торговых людей из разных мест воспользоваться грамотой 1685 г. для повышения экономической конкурентоспособности неизменно пресекались правительством [Ногманов, 2002, с.85–86]. Примечательно также, что указанные в грамоте привилегии просуществовали до 1820-х гг., несмотря на то, что в течение XVIII в. казанские слободские татары пережили процессы серьезной социальной трансформации.

В Полном собрании законов среди указов второй половины XVII в., помимо законодательных актов о служилых татарах, отложилось небольшое число документов, относящихся к двум полярным в социальном отношении категориям татарского населения: так называемым татарским царевичам, являвшимся элитой татарской феодальной знати, и ясачным татарам, несущим государственное тягло и обслуживающим представителей господствующего класса. В силу немногочисленности этих документов они дают лишь фрагментарное представление о положении указанных групп в российском государстве. Однако без их учета общая картина законодательной деятельности правительства в отношении татар будет неполной.

Наиболее примечательный из актов, касающихся татарских царевичей, – именной указ касимовскому воеводе И.Литвинову от 11 июля 1651 г. [ПСЗ–1, т.1, №65]. Заголовок указа – «О надзоре за касимовским царевичем и его людьми, и о воспрещении им иметь какие-либо сношения с магометанами других государств» – красноречиво говорит о его содержании. Даже через сто лет после ликвидации Казанского и Астраханского ханств московским правящим кругам грезилась татарская опасность, пусть даже в лице такого марионеточного персонажа, каким был к середине XVII в. касимовский царевич. Указ воеводе Литвинову обрекал его поднадзорного на почетное заточение. Почетное – потому что касимовские царевичи занимали видное место при царском дворе, и без них, а также сибирских царевичей, не обходилось ни одно сколько-нибудь значительное торжество в Москве. Например, касимовский царевич Василий Арсланович и его сын Никифор Васильевич упоминаются в указе от 1 сентября 1667 г. в числе участников церемонии по случаю вступления в совершеннолетие царевича Алексея Алексеевича [там же, №415], а также в «Чине поставления на царство» Федора Алексеевича от 18 июня 1676 г. [там же, т.2, №648]. Примечательно, что везде они фигурируют перед самыми родовитыми русскими боярами, непосредственно за представителями царствующего дома Романовых. Заточение – потому что свободно располагать собой татарские царевичи

не могли. Касимовскому воеводе вменялось в обязанность следить за каждым их шагом: «...беречь и разведывать того, чтоб к касимовскому царевичу и к людям его из которых бусурманских государств, или от нагайских людей, и от черемисы, о каких делах присылки или совета и с царевичевыми сеиты и с иными людьми совета и ссылки не было и не скрали б его никто» [там же, т.1, №65].

В российской политике татарским царевичам отводилась роль «свадебных генералов», предъявляемых при необходимости послам соседних мусульманских государств как свидетельство терпимого отношения к исламу, поскольку, хотя сами царевичи и были православными, их ближайшее окружение составляли мусульмане. В конце августа 1653 г. тогдашний правитель Касимова Сеид-Бурхан перешел в христианство, возможно при некотором давлении со стороны царя Алексея и патриарха Никона. Он получил христианское имя Василий, но в противовес прежней традиции продолжал возглавлять Касимовское царство (ханство), хотя большинство его подданных оставались мусульманами. Василий умер около 1679 г. После его смерти Касимовом номинально правила его мать, Фатима-Султан. Когда она умерла (ок. 1681 г.), Касимовское царство перестало существовать, а г. Касимов с округой был переведен под русскую администрацию, однако касимовские татары получили разрешение оставаться мусульманами.

В реальности пожизненный титул «царевича» являлся фикцией и давал его носителю не более чем почетное место в Родословной книге, новая редакция которой была составлена по указу от 13 сентября 1686 г. [ПСЗ–1, т.2, №1207]. Единственное в Полном собрании законов упоминание о занятии касимовскими царевичами государственных должностей относится к 17 мая 1715 г., когда вышел именной указ Петра I, предписывавший царевичу Ивану Васильевичу ведать Рудным приказом [там же, т.5, №2908].

В меньшей степени, чем татарские служилые люди, ощущали на себе внимание правительства ясачные татары. Немногие законодательные акты, адресованные этой

группе татарского населения, показывают, что социальное положение ясачных татар было сопоставимо со статусом русских людей, несущих государственное тягло. Они часто упоминаются вместе, как правило, в актах общегосударственного значения. Например, ст. 22 указа «О продаже питей» от 18 июля 1681 г., преследовавшего цель ликвидировать злоупотребления в сфере торговли вином, предписывала: «а у чьих крестьян и бобылей, и у монастырских служек, и ясачных татар и мордвы съшутся винные кубы и котлы, а про винное курение кто не същется: и те кубы и котлы взяты на его великого государя безденежно, да с них же имать пени, по пяти рублей на человека» [там же, т.2, № 879]. Ст. 20 указывала различным категориям русских крестьян, а также ясачным татарам, мордве и марийцам «покупать вино всем в тех городах на кружечных дворах, которых городов и уездов они жители... и отнюдь нигде про себя... вина не курить, и винокурных кубов и котлов у себя им не держать, и у кого есть винные кубы и котлы, им продать» [там же].

Всеобщий характер имели законодательные акты, запрещавшие самовольное переселение в другие места, подобные указу 1682 г. «Об оставлении посадских людей, крестьян, татар, мордвы в тех дворцовых селах и городах, в которых они по последним переписным книгам записаны» [там же, №980]. Одинаковые наказания в отношении беглых, независимо от их религиозного и этнического происхождения, предусматривал «Сыщиков наказ» от 2 марта 1683 г. [там же, №998]. Вместе с другими категориями зависимого населения России ясачные татары были освобождены указом от 19 марта 1686 г. [там же, №1180] от платежа «проестей и волокит» по судным делам, платили рублевый сбор с каждого двора по указу от 19 октября 1686 г. [там же, №1216] и т.д. Таким образом, в тех сферах, где так или иначе просматривались фискальные интересы государства, оно не делало различий между русским, татарским или марийским крестьянином. В то же время иное, чем у русских, вероисповедание не давало правительству возможности осуществить полную правовую унификацию ясачного населения Поволжья. На протя-

жении всего рассматриваемого периода мусульманская религия оставалась фактором, определявшим отношение царского правительства к служилым и ясным татарам и объединявшим эти социальные группы с точки зрения закона.

В целом законодательная деятельность Российского государства в отношении татарского населения во второй половине XVII в. была достаточно активна и содержательна. Подавляющая часть указов этого времени, как и в более ранний период, посвящена регулированию землевладельческих прав татарской феодальной верхушки. После выхода Соборного уложения 1649 г. политика правительства в данной сфере,

несмотря на значительные колебания и противоречивость отдельных принимаемых решений, приобретает все более выраженный антимусульманский характер. В то же время, в тех областях (военная служба, торговля, налогообложение и др.), где влияние религиозного фактора не было столь значимым, государство не обособляло татар от других категорий населения. Поддержание равенства в правах диктовалось и соображениями безопасности, стремлением не давать поводов для антирусских настроений, хотя всегда имели место противоречия между сдержанной политикой правительства и вырвавшимися на практике злоупотреблениями и произволом местного управления.

§3. Религиозная политика Российского государства

Файзулхак Ислаев

Религиозная ситуация в Волго-Уральском регионе коренным образом изменилась после завоевания Казанского ханства, когда ислам потерял роль господствующей религии и был вынужден приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам. В результате покорения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств борьба с исламом превратилась во внутрироссийскую проблему. Одновременно с этим православному Российскому государству также было необходимо выработать новую политику по отношению к завоеванным иноверцам. Российская политическая элита была единодушна в том, что в России должны быть один православный царь и одна православная религия. Распространение православия среди этих народов стало основой религиозной политики Российского государства на вновь завоеванных восточных землях.

Суть религиозной политики российского государства после завоевания Казанского ханства царь Иван Грозный сформулировал следующим образом: «...И новопросвещенный град Казанский по воле его святой данной нам, сохранил во имя святое и утвердил бы в нем благоверие истинной закон христианской и неверных бы обратил к истинному христианскому закону» [ПСРЛ, 20, с.536].

В полном соответствии с духом того времени русский человек исключал не-

христиан из числа полноценных людей. По справедливому мнению А.Я.Гуревича, «культурным, благоустроенным миром, на который распространяется божье благословение, был лишь мир, украшенный христианской верою и подчиненный церкви. За его пределами пространство утрачивало свои позитивные качества, там начинались леса и пустоши варваров, на которые не распространялись божий мир и человеческие установления. Такое членение по религиозному признаку определяло поведение не только крестоносцев, но и русских просветителей среди иноверцев, которые считали, что методы, недозволенные в христианских землях, были допустимы в походе против язычников. Однако поскольку Христос умер за всех, в том числе и за неверных, церковь полагала своей важной миссией обратить нехристиан на путь истины, даже если они сами того не желали» [Гуревич, 1972, с.68–69]. Так действовала православная церковь среди иноверцев – новых подданных Российского государства.

Для этого в 1555 г. Собор сановников Российской церкви в присутствии Ивана Грозного принял решение учредить в мусульманском и языческом крае Казанскую православную епархию с включением в нее города Казани с окрестными улусами, Свияжск с Нагорной стороной, Васильгород

и всю Вятскую землю. Первым руководителем был назначен архиепископ Гурий – игумен Троицкого Селижарова монастыря. Ему помогали архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря Герман (бывший архимандрит Старицкого монастыря) и архимандрит Казанского Спасо-Преображенского монастыря Варсонофий (бывший игумен Песношского монастыря). Выдающийся русский историк С.М.Соловьев писал: «Этот духовный поход Гурия в Казань соответствовал отправлению греческого духовенства из Византии и Корсуня для просвещения Руси христианством при Владимире; он был завершением покорения Казани, великого подвига, совершенного для торжества христианства над мусульманством: понятно, что он совершился с большим торжеством» [Соловьев, 1989, т.7–8, с.66].

Колонизация края и христианизация татар-мусульман осуществляются одновременно. В Казани, Свяжске и крае произошли фундаментальные перемены. Казань становится русским городом, центром православной жизни. В Кремле, городе и его окрестностях появились многочисленные церкви и монастыри. Еще в условиях «Казанской войны» – борьбы народов бывшего Казанского ханства за возвращение утраченной государственности, с лета 1555 г. под руководством архиепископа Гурия, первого руководителя Казанской епархии, в крае развернулась активная миссионерская деятельность церкви среди татар-мусульман и языческих народов Поволжья. Основные задачи по христианизации татар-мусульман были сформулированы Иваном Грозным в «Наказной памяти» архиепископу Гурию [ААЭ, т.1, с.259–261]: «А которые татаровя похотят креститись своею волею, а не от неволи, и ему тех велети крестити, а лутчих держати у себя в епископье и поучати всему крестьянскому закону, и покоити их как мочно, а иных раздавати по монастырем». Кроме этих мер, были предусмотрены и меры стимулирующие переход, как угощение изысканными явствами и вином от архиепископского стола, освобождение опальных от наказания, а некоторых переселения в целях предотвращения «измены» крестив, «отослать к государю и великому князю» [там же].

Неотложные проблемы по распространению православия оперативно решались на самом высоком уровне, часто с участием самого Ивана Грозного. В ответ на просьбу архиепископа Гурия об обеспечении создаваемых монастырей содержанием Иван Грозный 5 апреля 1557 г. писал, «чтоб старцы не нужны были руками работати, и земли орати, семена снедаемые сеяти, и во житницы гниющие собирати и да орют сердца, сеют словеса Божия, словеса чиста и собирают души в жилища вечное учением, сии до наследят царство небесное и благоя вечная: а на тое просите, а быхом дали есма отчины в Арских и Ногайских и нагорных волостей пустых да гожих, сколько пригоже; оные возьмите: а коли увидите, что мало, ино пишите ко мне, а я на дело доброе не пожелаю и не откажу. Благо есть сия речь ваша, ежи старцам дети обучати, то есть долг всех вас; туне есть чернец ангелом подобный именоватися. Несть бо им сравнения ни подобия никое гожде, а подобитися апостолам, их же Господ наш Иисус Христос после учити и крестити люди неведущия, и се есть долг ваю. Учите же младенцы не только читати и писати, но читаемое право разумевати, и да могут и иные научати и басурманы» (цит. по: [Можаровский, 1880, с.8]).

Вполне естественно, что реализация пожеланий царя по распространению православия среди иноверцев Казанского края привела к тому, что их центрами стали вновь основанные монастыри. Непосредственными организаторами выступили архимандрит Спасо-Преображенского монастыря отец Варсонофий и архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря отец Герман. Как свидетельствует житие святителя Казанского края Гурия, «и многие неверны в веру приведе, и крести их множество и жены и дети». Деяния Варсонофия на ниве просвещения иноверцев были более утонченными, так как он «неверных приводил во Христову веру, бе бо, якоже и преди рекохом навик писанию срацынскому, и мухамедова скверныя предания срацыном добре ведый, и языками многими ведяще глаголати, и стязася с неверными, и укоряя их, и препирая, и ко крещению приводя, уча и наказуя веровати во святую Троицу, Отца

и Сына и Святого Духа» [Творения Ермогена, 1912, с.31–51].

Первая волна крещения татар-мусульман связана с завоеванием Казанского ханства и последовавшей борьбой народов края за восстановление утраченной государственности в 1552–1557 гг. Не случайно появление многих татарских селений в Волго-Уральском регионе связано с крещением татар Иваном Грозным и начавшейся миграционной волной. Были крещены многие участники освободительной борьбы, волей случая оказавшиеся в плену у русских войск. В тех конкретных условиях они могли сохранить свою жизнь только путем крещения.

Важное место уделялось крещению татарских феодалов – князей-мурз. Покорители Казанского ханства, осознавая, что без помощи местной элиты управлять завоеванным обширным краем невозможно, стали стимулировать переход в православие лояльных к новой власти мурз и биев. Смена религиозной идентичности, т.е. принятие татарскими феодалами православной веры, была лучшим доказательством верной службы Московскому государству. Среди крещеных мурз-князей первая перепись зафиксировала Василия Асан Мурзина в дер. Большие Мимери.

В результате активной колонизации края появилось значительное количество русских феодалов вместе со своими крестьянами. Они в основном расселялись в бывших татарских аулах. В Свияжском уезде русские помещики стали владельцами 6 сел, 24 деревень, 6 починков, 4 пустоши, всего было 3 двора помещиков, 5 дворов людских, 485 крестьянских, 34 беспашенных, а людей во всех 543 человека [СПС 1565–1567].

Переселенные в Поволжье из центральных районов русские вместе с бывшими пленными русскими оказались в селениях вместе с татарами, марийцами и чувашами, «и пьют с ними и едят содного и женятся у них, да многие же де Руские люди, сверстные и недоросли, живут у Немец по слободам и по деревням, добровольно и в деньгах» [ААЭ, т.1, с.436–439].

Татарская деревня Нурдулатово (ныне Нурлат Зеленодольского района РТ), бывшее владение Казанского хана Мухаммед Амина, принадлежала Свияжскому стрелец-

кому сотнику Булату Иванова сына Шерапову (судя по фамилии, имени и отчеству – сын крещеного татарина. – *Ф.И.*). После разгрома Казанского ханства в деревне жили татары и чувашаи, а вместе с ними в своих дворах – бывшие пленные «Якуш Масаметев, Филя Папетречев, Афонасько конной мастер, Костя, Гаврилко, а отцов своих имен хто котораго рода сказали – не помнят, да полоняники ж, Кондрашка и Васька Фомин». Как свидетельствует писцовая книга, русским пленным было приказано свои дворы перенести на другую отмежеванную землю, чтобы не жить вместе с татарами [СПС 1565–1567].

В Свияжском уезде полностью новокрещенской деревней названа дер. Ширданы, а его жителями – Сергей Тикеев и Игнаш Тамачиков с «товарищы новокрещены» [там же].

Часть татарских феодалов была переселена в центральные районы Русского государства. Так в Великом Новгороде появилась Татарская слобода, где поселились крещеные и некрещеные мурзы.

В результате таких настойчивых усилий доля новокрещеных среди служилых мурз и татар в начале XVII в. доходила до 40%, в то время как крестившиеся среди ясачных татар составляли 4–5% [Галлямов, 1995, с.13].

Итоги 40-летней деятельности православной церкви по христианизации иноверческих народов Поволжья были подведены в грамоте царя казанским воеводам от 18 июля 1593 г. А само появление данного документа связано с деятельностью известного священнослужителя, тогда казанского митрополита Гермогена, позже – патриарха Всея Руси. Первые достоверные известия о Гермогене относятся ко времени его служения священником в Казани – в конце 1570-х гг. – при Гостинодворской церкви святителя Николая Чудотворца. В 1587 г., после смерти жены, постригся в монахи в Чудовом монастыре в Москве, был переведен в Казань и определен архимандритом Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 г. назначен митрополитом Казанским и Астраханским.

С этого времени начинается его энергичная деятельность по активизации религиозной жизни в Казанском крае, особенно

в контексте продолжения христианизации народов Поволжья. Для этого он широко использовал пантеон местных православных святых, погибших или пострадавших за православную веру. Тогда в Казанском крае единственным святомучеником считался Авраамий Болгарский. Казань должна была стать не только административным центром завоеванного края, но и, общим религиозным центром, местом сосредоточения местных святынь. 9 января 1592 г. Гермоген направил Патриарху Иову письмо, в котором сообщил, что в Казани не совершается особое поминовение православных воинов, погибших за православную веру и Отечество под Казанью в 1552 г., и просил установить определенный день памяти воинов. Одновременно он сообщал о трех мучениках, пострадавших в Казани за христианскую веру, из которых один был русский, по имени Иоанн, плененный татарами, а двое других, Стефан и Петр, новокрещеные татары. Свяtitель просил разрешения вписать их в синодик, читавшийся в неделю Православия, и петь им вечную память. Патриарх полностью поддержал предложения Гермогена, прислал указ от 25 февраля, которым предписывал «по всем православным воинам, убитым под Казанью и в пределах казанских, совершать в Казани и по всей Казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в неделю Православия». Было предложено вписать в тот же синодик и трех мучеников казанских, а день их памяти поручалось определить Гермогену [ААЭ, т.1, с.436–439].

По инициативе казанского митрополита в сентябре 1592 г. мощи основателя Свяжского Богородицкого монастыря архиепископа Германа, позже казанского архиепископа, были перенесены из Москвы в Свяжск; в октябре 1595 г. увековечены первые святители края путем открытия мощей основателя Казанской епархии Гурия и первого архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Варсонофия в Кремле. Гермоген составил житие святителей Гурия и Варсонофия, которое является важным источником для изучения истории православия в крае, процессов христианизации

его народов. По его инициативе на месте явления Казанской иконы был сооружен каменный храм.

Под особым вниманием энергичного Гермогена оказались новокрещеные татары. Он попытался духовным просвещением поставить новокрещеных на путь православия. 12 февраля 1591 г. он собрал новокрещеных Казанского уезда в соборной Богородицкой церкви, где читал им проповеди и учил праведной христианской жизни. Однако эти усилия не принесли желаемого результата. В источниках указывалось, что новокрещеные продолжают «жалеть», (скорбят. – *Ф.И.*), что они «от своей веры отстали, а в православной вере не утвердились, живут с неверными вместе, от церкви далеко, и не вместе с православными» [ААЭ, т.1, с.436–439]. Естественно, такое двойственное положение новокрещеных привело к тому, что «татары не только не крестятся в православную веру, а ругают христианскую веру», а в «Татарской слободе начали мечети ставить близко посаду» [там же]. Самое неприятное для Российского государства заключалось не только в том, что татары-мусульмане православно-го учения не принимают и не отказываются от татарских обычаев, но и новокрещеные татары фактически «отстали» от христианской веры.

Митрополита особенно беспокоил тот факт, что многие русские (бывшие пленные и работники. – *Ф.И.*) живут вместе с татарами, «пьют с ними и едят с одного» и создают семьи, женившись на татарских девушках. Естественно, русские, пожелавшие создать семьи с мусульманками в татарских селениях, были вынуждены сменить свою религиозную идентичность, поскольку брак мог быть только религиозным. Такое же положение сложилось с переселенными из Прибалтики в Поволжье немцами, литовцами, у которых в силу разных причин в зависимом положении (добровольно или в силу экономических причин) оказались молодые и взрослые русские люди. И здесь самым тревожным для русской церкви стало то обстоятельство, что даже русские люди, «также хрестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру, а у немец в римскую и в люторскую веру» [ААЭ, т.1, с.436–439].

Неудовлетворенный таким положением, Гермоген в 1593 г. обратился с письмом к царю и патриарху Иову, что в Казани, Казанском и Свияжском уездах среди новокрещеных татар в религиозном отношении сложилась тревожная ситуация. Основная проблема заключалась в том, что новокрещеные из местных народов, прежде всего татары, приняв православную веру, не посещали церкви, не носили креста, в своих домах не держали икон, а также не имели духовных отцов и отказывались приглашать православных попов в свои дома.

Особенно не удовлетворяло казанского митрополита то обстоятельство, что нет преемственности продолжения православной веры среди новокрещеных, по существу не происходит воспроизводства принятой веры последующими поколениями. Новокрещеные татары в случае рождения детей «к роженицам попов не зовут», стараются своих детей не крестить, умерших хоронят на татарских кладбищах. Нетерпимая ситуация сложилась при создании новокрещеными новых семей. Гермоген жаловался, что женихи и невесты после венчания в церкви «снова венчаются в своих домах попы татарскими», т.е. совершается обряд бракосочетания – «никах» – татарскими муллами. Таким образом, новокрещеные татары получали одновременно благословение от священника и муллы. Митрополит обратил внимание и на то, что новокрещеные татарские мужчины «и с женками и с девками с некрещеными живут мимо своих жен».

Таким образом, здесь зафиксированы случаи многоженства, отвергаемого православными, но вполне допустимого среди мусульманского населения. Оказалось, что эта исламская традиция продолжала существовать и среди новокрещеных. К тому же с детьми, рожденными от некрещеных матерей, не совершается обряд крещения, тем самым отвергается важнейшая православная традиция, хотя, «родив женка или девка робенка, живет с ним в одной избе и пьет и ест из одного судна, а молитвы роженице и робенку нельзя дать, для того, что добывают не у крещеных, и те новокрещенские добытки у полонянок некрещены умирают» [ААЭ, т.1, с.436–439]. К тому же, новокрещеными не соблюдались и православные

посты как в великие праздники, так и еженедельные воздержания в пище по средам и пятницам [там же]. Естественно, такое формальное двойственное положение новокрещеных привело к тому, что «татары не только не крестятся в православную веру, а ругают христианскую веру» [там же].

Все эти обозначенные проблемы с новокрещеными татарами можно было решить только совместной работой православной церкви, казанских и свияжских воевод и местной администрации. Именно царская грамота, обязательная для исполнения как для светской администрации, так и для православной церкви, могла стать тем документом, на основе которого можно было существенно изменить ситуацию с новокрещеными в крае. В результате была предложена целая программа административных и религиозных мер для коренного улучшения религиозного состояния новокрещеных в Казани и уездах.

Для начала было необходимо уточнить точную численность новокрещеных с помощью детей боярских и священников. Для этого в самом городе Казани, окружающих город слободах, в Казанском уезде планировалось проведение переписи новокрещеных. При этом было предложено не ограничиваться учетом только мужского населения, как это практиковалось в подобных случаях ранее, а записать «по именам, с женами и с детьми и с людьми, служилых и черных людей». Таким образом, под бдительным оком церкви и местной администрации оказывались не только каждый новокрещеный, но и его семья с детьми и все окружение, включая зависимых работников.

Было предложено снова собрать всех новокрещеных в Казани и провести с ними разъяснительную работу о том, что «крещены они во имя Отца и Сына и Святого Духа, по их воле и челобитью» [ААЭ, т.1, с.436–439]. Особый акцент делался на то, что они крещены добровольно, по их собственной просьбе, и дали обещание, что будут крепко соблюдать православную христианскую веру.

Впервые была предложена кардинальная мера по ограничению влияния татар-мусульман на новокрещеных путем переселения и создания особой слободы. Для этого

в городе Казани, в удобном месте, в «остроге или за острогом, меж Руских людей, а Татар бы близко не было», решено было построить новокрещенскую слободу, а в слободе построить православную церковь, назначив в нее попа, дьякона, пономаря и проскуриницу. Самое главное – все служители этой новой церкви обеспечивались со стороны государства финансовой поддержкой. При этом государство все расходы по переезду и строительству домов переложило на самих новокрещеных. Строительство слободы было поручено самим новокрещенам из разных сословий Казанского уезда и пригородов. Они, в зависимости от материального достатка, должны были «дворы ставити самим», по их возможностям («изможенью»), по одному двору, а иным и два-три. Для тех, кто отказывался от переселения, были сформулированы наказания и карательные меры, вплоть до заключения в тюрьму: «а те, которые дворов строить не начнут», их велели давать на поруки, а наиболее упорных «и в тюрьму сажали» [ААЭ, т.1, с.436–439].

Для повседневного наблюдения за новокрещеными предложено назначить доброго «сына боярского, которой от службы поотбыл» (т.е. отставного военного из детей боярских. – *Ф.И.*), приказали ему наблюдать за тем, чтобы «новокрещены беречи того накрепко, чтоб они крестьянскую веру держали крепко».

В грамоте были сформулированы четкие требования по соблюдению православной веры, по существу своеобразный кодекс поведения новокрещеного: регулярно посещать церкви, держать дома иконы, носить кресты, постоянно приглашать попов в свои дома, иметь духовных отцов, умерших хоронить у церкви, создавать семьи только с русскими и крещеными [ААЭ, т.1, с.436–439].

Под особым вниманием государства и церкви оказывались дети новокрещеных. По достижении совершеннолетия предложено женить их только на русских или «меж собою на крещеных», дочерей «давать за русских же людей» и за новокрещеных. Был наложен строгий запрет на возвращение в ислам, общение с татарами, с немцами, с ними «не ели и не пили», содержать в своих хозяйствах «черемис, чуваш, немецких и литовских пленных» [там же].

Под особый надзор снова были взяты дети, рожденные новокрещеными от некрещеных татар или немецких пленных. Их всех предложено было крестить, а не пожелавших креститься «татар, чуваш, черемис отпустить или продать единоверным татарам», черемисам и чувашам; всем новокрещеным предложено приходиться на проповеди к митрополиту Гермогену, слушать часто его поученья; новокрещеных, отказывающихся соблюдать нормы христианской веры, велено «смирят, в тюрьму сажати, и бити, и в железа и в чеши сажати, а на иных и заповеди имати, а иных отсылать к Гермогену для наложения им опитемьи по правилам святых Апостол, чтобы всех новокрещеных утвердить в христианской вере, а от татарской веры отучить и «оштрафити» [там же].

Были решены и вопросы наделения земель новокрещеных, которые неизбежно возникали в случае их переселения в особую слободу. Имеющим пашни в Казанском уезде новокрещеным, живущим от Казани далеко, было предложено отдать их татарам-мусульманам, взамен им дать земли татар, живущих вблизи Казани. В случае невозможности такого обмена пашенные земли новокрещеным было предложено дать из дворцовых сел.

Самые радикальные меры были предложены в отношении татарских мечетей, которые сохранились в татарских селениях и Татарской слободе г. Казани. Эта мера была сформулирована таким образом: «мечети татарские все велели посметати и впредь татарам мечети однолично ставити не велели, конечно б есте мечете татарские извели» [там же]. Таким образом, была поставлена задача разрушения всех татарских мечетей.

Этот документ свидетельствует о том, что утверждение православия среди народов бывшего Казанского ханства проходило в сложных условиях, требовал постоянных усилий как со стороны светских властей, так и со стороны православной церкви. Намеченные в грамоте радикальные меры по устройству новокрещенских дел среди татар не были полностью реализованы, так как в России наступила время смуты – «бунташный» XVII в. – время тяжелейших для всех народов испытаний. Но контуры религиозной политики были довольно четко обозна-

чены, церковь и светская власть ждали только наступления соответствующих условий.

Тем не менее, на всем протяжении XVII в. продолжалась христианизация иноверческих народов России в различных регионах. В 1603 г. были крещены чувовские остяки (пермские татары) мурза Баим, Кулак и Казак Артыбашев и тагильский остяк Обайтко Комаев. Новокрещеным было выдано «по два сукна середних, да по рубашке, да по сапогам». Они были вызваны в Москву представиться государю. Из столицы они вернулись осыпанные подарками: наиболее знатный из них – мурза Баим, получил 5 рублей, «сукно доброе и тафту добрую», остальные – по 3 рубля и «по сукну добром», и их было предписано поверстать в Верхотурье на стрельцы [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.99–100].

Переход мурз и служилых татар в православие стимулировался не только материальными благами, но и насилием. Об этом свидетельствует жалоба романовских служилых татар царю Алексею Михайловичу, что «романовский воевода Олексий Малышкин посадил нас, холопей твоих, в тюрьму и мучил, сажал в чепь и в железа и нудил нас, холопей твоих, сильно креститься в православную христианскую веру; и не мога мы, холопи твои, претерпеть муки от него ... подали мы челобитную, чтобы нас... крестить в православную христианскую веру; а мы, холопи твои, хотим быть в своей басурманской вере... Не вели, государь, нас сильно крестить в православную христианскую веру, а вели, государь, нам быть в своей басурманской вере» [ДАИ, т.1, с.118].

Ситуация в новокрещенских селениях существенно не изменилась. Перепись 1747 г., проведенная в Казанском уезде, выявила чуть больше 50 их селений: Азек, Азяновская, Арпа, Полведен, Шуман, Ачи, Бимерь, Большая Сая, Большой Ус, Буртек, Воня, Енасалы, Ия Верхняя, Ия Нижняя, Ия Средняя, Икшерма (Еловая), Ички Казань, Ишери, Казанбаш, Казыли Верхние, Казыли Нижние, Казыли Средние, Камышлы, Карамыш, Кебечь Малая, Кизыл (Красная), Кишметево, Ковали, Колкомери, Красный Яр, Мааметь (Поповка), Нырсывары, Отрячь, Мамадышево, Веденское (Кырлай), Елань Большая, Никольское (Ачи), Черемыш, Чю-

рилино, Уланово, Саиря Большая, Покшино, Серди Старые Верхние, Серди Новые, Старой Кобыккопыр, Ташкирмень, Черемша Малая, Черемыш Большая, Хозяшево, Чаллы, Чеча Новая, Шигаева, (Ковали) [ПК КУ, 2001]. Почти во всех этих селениях население было смешанным как по религиозным, так и по этническим признакам.

В середине XVII в. было ужесточено законодательство для предотвращения возврата новокрещенных в ислам. Соборное уложение 1649 г. предусматривало предоставление льгот новокрещеным и узаконило систему притеснений и репрессий в отношении тех, кто отказался переходить в православие. Самое жестокое наказание предусматривалось за отказ от православия и возвращение в прежнюю веру, особенно в отношении тех, кто «будет кого бусурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом, русского человека к своей бусурманской вере обрежет, и того бусурманина по сыску казнить, сжечь огнем безо всякого милосердия» [ПСЗ–1, т.1, №1, с.41, 80–81, 105, 156].

В эти годы монастыри продолжают оставаться центрами христианизации мусульман. Об этом свидетельствует письмо патриарха Никона в октябре 1654 г. настоятелю Нижегородского Печерского монастыря архимандриту Герасиму: «И по нашему Святительскому благословию... достоин же Архимандриту Герасиму проповедать Слово Божие всем православным христианам и агарянам (мусульманам. – *Ф.И.*), дабы агаряне познали в Троице Славимого Бога» [Нижегородская ярмарка, 1833, с.48].

80-е гг. XVII в. – время очередной попытки крестить все татарское служилое сословие. Именным указом царя Федора Алексеевича от 21 мая 1680 г. было велено крестить в православную христианскую веру романовских мурз и татар. Причиной монаршего решения стало их добровольное обращение к царю с желанием креститься, так как они познали «истинную веру греческого закона». За добровольное крещение мурзы просили «писать княжим именем», т.е. называться русскими князьями. Мурзам сохранили княжеские имена, обещали им должности стольников с назначением жалованья и освободили от государевой службы на три года [ПСЗ–1, т.2, с.267].

Через год, 16 мая 1681 г., было решено поместья и вотчины мурз и служилых татар (с крестьянами и бобылями) отписать на Великого Государя. Фактически это означало экспроприацию земельных владений служилого сословия. При этом речь шла не только о самих мурзах и служилых татарах, но и об их женах, вдовах и детях. Служилые татары участвовали во многих войнах, нередко погибали, оставляя поместья и вотчины, полученные за службу российскому государю, своим наследникам. Основной причиной такого поворота стало то, что мурзы и служилые татары «чинят многие налоги и обиды своим крестьянам, принуждают их к своей басурманской вере, чинят осквернение, крестьян заставляют производить всякие изделия на себя, а податей не платят» [ПСЗ–1, т.2, с.312–313].

На первый взгляд кажется, что законодатель этим указом решил прекратить нелегальное, не облагаемое государством, производство товаров и увеличить поступление налогов. Однако эта финансово-экономическая мера имела и духовную подоплеку: мурз и служилых татар обвинили в том, что они принуждают к своей басурманской вере православных крестьян. В случае крещения мурзы не только сохраняли прежние поместья, вотчины и крестьян, но и награждались денежной премией: мурзы получали по 10 рублей, жены – 5, а дети по 2,5 рубля. Денежное вознаграждение за крещение служилым татарам назначалось в два раза меньше – по 5, 2,5 и 1,25 рубля соответственно. Этот указ закрепил практиковавшееся и ранее денежное награждение за переход в православие.

Через 8 дней, 24 мая 1681 г., были внесены изменения в предыдущее решение. Данное решение касалось непосредственно романовских и ярославских мурз и служилых татар. Крещеным мурзам и служилым татарам было велено передать поместья и вотчины своих же некрестившихся родственников. При этом степень родства особой роли не имела, так как упоминались и деды, и отцы, и братья родные, и двоюродные, и племянники. Если мурзы и служилые татары «упрямством своим» не пожелают креститься, то их вместе с женами, детьми и «людьми басурманской веры» предписы-

валось высылать в г. Углич и размещать там на постоянных дворах. А кормиться они там должны за счет своих же бывших поместий, которые отписывались новокрещеным мурзам и служилым татарам; если же они пожелают креститься, то «велено их крестить, а поместья и вотчины им вернуть» [ПСЗ–1, т.2, с.315]. Новизна данного решения заключалась в том, что земельные владения служилого сословия передавались крещеным родственникам, а отказавшиеся креститься мурзы и служилые татары с разных мест собирались в Угличе. Тем самым правительство продолжало оказывать давление на служилых татар.

Однако и эти меры не дали ожидаемых результатов. Последующие события показали, что правительство было раздражено поведением мурз и служилых татар, которые отнюдь не торопились принять православную веру. Были приняты дополнительные меры. 19 февраля 1682 г. Курмышскому «подьячему и приставу со товарищи» было велено ехать в Курмышский уезд «во все мурзинские и татарские деревни» для того, чтобы татары и мурзы «упрямство свое отложили, и во святую благочестивую христианскую веру греческого закона крестились». Мурзы и служилые татары Курмышского уезда должны были до 25 февраля, т.е. в течение одной недели, креститься и бить челом государю о своих поместьях и вотчинах, чтобы крестившимся оставили земельные владения. Если же они до указанного срока не крестятся и государю челобитные не подадут, то их поместья и вотчины будут немедленно переданы тем мурзам и служилым татарам, которые к 25 числу успели сменить веру. Выполнять это решение приходилось в рекордно короткое время, поэтому им приходилось ездить наспех, «днем и ночью, неотложно» [АИ, т.8, с.311–312].

Эффективность принятых решений невозможно оценить из-за недостатка источников. Можно допустить, что мурзы и служилые татары продолжали упорствовать, не торопились менять веру предков, пытались сохранить исламскую веру и оказывали воздействие на тех, кто принимал крещение. Мурза Сюняк Еникеев отказался отдать крещеному сыну Семену долю своего богатства, «ко крещению его, Семена, не отпуская, едва

от него ушел, а отец веры татарской, сейчас очами ослеп и многим мурзам и татарам раскол чинит, чтоб они в православную христианскую веру не крестились, а веровали в свою бусурманскую веру». Земли отца были переданы крещеному, а остальных сыновей за некрещение лишили наследства, «чтобы это всем был урок и за образец» [Еникеев, 1999, с.92, 100]. Судя по жалобе крещеного мурзы на своего отца, данный документ показывает, что Сюняк Еникеев вел соответствующую работу среди мусульман против их христианизации.

Однако ситуация вокруг крещения мурзы и служилых татар коренным образом изменилась к лету 1682 г. Причиной тому стали неожиданная смерть царя Федора Алексеевича, последовавшая 27 апреля, и развернувшаяся борьба за престол, которая сопровождалась стрельцким бунтом. Вероятно, одна из противоборствующих сторон решила заручиться поддержкой татарского служилого сословия. В обмен на верность им было разрешено сохранить веру предков, но за это они теряли половину своего богатства. 29 мая 1682 г. был обнародован указ об оставлении за мурзами и татарами половины поместий, если они даже не будут креститься, а вторую половину «отписать на государя» [ПСЗ–1, т.2, с.403]. Здесь виден взаимный компромисс: мурзы и служилые татары готовы были уступить государству половину своего поместья или вотчины, зато сохраняли веру предков, но за эту уступку они оказывали военную поддержку в сложный период борьбы за российскую корону.

Новое правительство, пытавшееся найти дополнительную опору среди служилого сословия в борьбе против стрельцкого бунта, 13 июля 1682 г. издало новый указ – о возвращении служилым татарам и мурзам вто-

рой половины их поместий и вотчин. За возвращение своих поместий и вотчин мурзы и татары должны были, прежде всего, верно служить государям, своим крестьянам не чинить дополнительных налогов и не преследовать христианскую веру [ПСЗ–1, т.2, с.456].

Таким образом, мурзы и служилые татары получили возможность вернуть свои потерянные земельные владения и сохранить веру предков. На наш взгляд, не будь чрезвычайной, неожиданной смены царской власти и стрельцкого бунта, татарские мурзы и служилые татары не получили бы возможности сохранить свое материальное богатство и верность исламу.

К сожалению, нам не удалось обнаружить статистические данные о мурзах и служилых татарах, принявших православную веру после этих мер. Тем не менее, часть мурз крестилась, сохранив княжеский титул. Среди военно-служилого сословия встречаются фамилии известных татарских мурз: капитан князь Борис Бабичев, вахмистр князь Афанасий Енгальчев, поручик князь Василий Макулов, капрал князь Михаил Енгальчев, вахмистр князь Семен Енгальчев, князь Федор Кудашев, майор князь Иван Тугучев, князь Андрей Манцырев, князь Андрей Еникеев и др. [ДиП, т.1, с.75, 121, 139, 237, 397; т.2, с.56, 74, 76, 285]. Большинство из них обрусели и стали частью российской элиты. Мурзы и служилые татары, которые не захотели принять православную веру, стали переселяться в Закамье, Заволжье, на Урал и в Сибирь.

Таким образом, за полтора века государство и православная церковь последовательно реализовывали религиозную политику, сформулированную царем Иваном Грозным и дополненную другими правителями, однако особых успехов она не достигла.

§4. Организация административно-территориального и военного управления Казанским краем

Игорь Ермолаев

Создание основ управления. После падения ханской Казани 2 октября 1552 г. под ударами войска Ивана Грозного первой заботой царя стали разработка программы правительства и структуры органов управле-

ния в крае, создание условий для укрепления царской власти в Казани и распространения ее на всю территорию бывшего ханства.

Удаленность Казанского края от центра страны и враждебное на первых порах отно-

шение большинства населения к московскому господству требовали создания особой системы местного управления, не похожей на управление другими областями и, вместе с тем, не противоречащей традиционным принципам. Эта система должна была сочетать в себе военный характер и гражданские формы управления, полноту власти местных органов и отказ от изживших, уже даже в центре России принципов кормления, которые повсеместно вызывали недовольство населения.

Другими словами, нужно было решить такие задачи, какие еще не вставали перед российским царским престолом, – ведь Казань была не просто новым приобретением царя, она была центром экономически и политически развитого края с большим культурным наследием, края, долгое время игравшего ведущую роль на востоке и юго-востоке Восточной Европы, края с нерусским населением, к тому же исповедующим совершенно иную, чем христианство, религию – мусульманство.

Несомненно, структура и форма управления были разработаны царем и его приближенными еще до присоединения края в октябре 1552 г. Прежде всего, была утверждена общая структура управления, во главе которой должны были стоять двое воевод: один для военных походов, неизбежность которых (хотя бы в первое время) была ясна, другой – для гражданского управления. Ясно, что власть этих двух начальников должна была четко соотноситься: один должен подчиняться другому (споров между ними допускать было нельзя, ибо Москва была очень далеко, и рассчитывать только на нее как на центр управления было невозможно). Следовательно, местное управление в Казани по существу должно было в определенной степени стать для края и центральным. Вместе с тем решение основных проблем необходимо было оставить за царем, за Москвой, чтобы не создать из Среднего Поволжья еще одно подобие удельного княжества.

Со 2 по 11 октября 1552 г. (даты отъезда) царем и его приближенными решался основной комплекс вопросов об управлении краем, на что указывает «Казанский летописец» («Истории о Казанском царстве»):

«Царь князь великий пребысть в Казани, взяв град... устраяя и уверяя и уряжая» [ПСРЛ, 19, с.174].

Летописные сведения дают довольно подробную информацию о деятельности Ивана Грозного в Казани в эти дни. Вскоре после взятия города он въехал в него и остановился «на царевом», т.е. ханском, дворе [ПСРЛ, 13, с.220; ПСРЛ, 20, ч.2, с.531; ПСРЛ, 29, с.109, 204]. После торжественной церковной службы царь возвратился «на свой двор за город, где прежде стоял» [ПСРЛ, 13, с.220, 221; ПСРЛ, 29, с.110, 205]. Здесь, в стане войска, состоялся победный пир. На следующий день, 3 октября, Иван IV пишет послания в Москву: своей жене Анастасии, митрополиту Макарию, брату Юрию Васильевичу. Одновременно он направляет «по всем улусом черным людей ясачным жалованные грамоты опасные (т.е. гарантирующие безопасный въезд. – *И.Е.*), чтобы шли к государю, не бояся ничего». Царь решил не ломать сложившуюся в Казанском ханстве систему управления: он требовал от черных ясачных людей только выражения верности ему, «а они бы ясаки платили, яко же и прежним казаньским царем» [ПСРЛ, 13, с.221; ПСРЛ, 20, ч.2, с.532; ПСРЛ, 29, с.110, 205]. В ответ «арские люди» прислали двух казаков, а с «Луговой стороны» «черемиса приехала к государю бити челом». Посланные просили Ивана IV дать им «царево жалованное слово» (видимо, какие-то гарантии). Царь принял делегации и затем направил в эти области для переговоров своих представителей. К «арским людям», например, были посланы сын боярский Никита Казаринов и «Камай-мырза казаньской» [ПСРЛ, 20, ч.2, с.532; ПСРЛ, 29, с.110, 205].

Видимо, Иван IV хотел править новым краем через русских людей, но с помощью представителей татарской аристократии, надеясь таким образом замирить и укрепить за Россией край руками татарских мурз и князей. Он еще не предполагал неизбежности массового и длительного восстания Казанской земли, в ходе которого должны были исчезнуть все крупные представители татарской аристократии бывшего Казанского ханства – одни в кровопролитных сражениях, другие в крымской и иной эмиграции.

Большое идеологическое значение в последующем управлении Казанским краем царь придавал православной церкви. 4 октября, после того как «город Казаньской вычистили от множества трупиа мертвых», Иван IV снова въехал в город и «своима руками царьским» водрузил в крепости крест и «обложил» (т.е. заложил) храм Благовещения, затем он возглаголил крестный ход «по стенам градским». 6 октября таким же торжественным образом была освящена соборная церковь Благовещения.

В тот же день, 6 октября, конкретно решался вопрос о составе местного управления: царь «выбрал... воевод, кого ему оставити после себя в Казани». Главным («болшим») воеводой на предстоящий год («на годование») был назначен боярин князь А.Б.Горбатый (ему было приказано «в царевом месте управляти»), вторым главным воеводой назначался князь В.С.Серебряный. Назначение князя А.Б.Горбатого не было случайным, так как он неоднократно принимал участие в походах на Казань и был хорошо знаком с казанскими местами. Кроме того, царь оставил «иных воевод многих, да с ними... дворян своих болших и детей боярьских многих и стрелцов и казаков» [ПСРЛ, 13, с.221]. Оставлены два главных воеводы, из них один «болший» — «в царевом месте», с ними много других воевод (т.е. дворянское войско, стрелецкие и казацкие отряды). Таким образом, к 6 октября основная проблема Иваном IV была решена.

В последующие дни продолжалось практическое решение вопросов об управлении. 10 октября вернулись посланные к арским людям Н.Казаринов и Камай-мурза вместе со «многими» арскими людьми. Официальный источник сообщает, что царь милостиво принял представителей «черных людей и арьских», «пожаловал» их, обещал «ясаки на них... имати прямые, как было при Магмеделиме царе», отдал распоряжение князю А.Б.Горбатуму привести ясачников «к шерти... и ясаки на них имати и во всем их управливати» [ПСРЛ, 13, с.221–222; ПСРЛ, 20, ч.2, с.533, ПСРЛ, 29, с.110, 205]. В тот же день подобная процедура состоялась в отношении луговых людей «из Як и изо многих мест» [ПСРЛ, 13, с.222]. После того как «правду ото всех черных людей дали»

[там же], царь счел возможным отправиться обратно в Москву, т.е. посчитал свою задачу в Казанском крае выполненной.

Таким образом, четко вырисовываются основные организационные моменты в создании местного управления в Казанском крае: 1) торжественное празднование победы (2–3 октября); обращение к арским и луговым людям с призывом принять подданство, переговоры с их представителями (наверняка, верхами общества); направление на места (в улусы) своих представителей (3 октября); 2) заложение православного храма в городе, освящение стен крепости и первой построенной в городе церкви (4–6 октября); организация состава управления Казанским краем (6 октября); 3) прием делегаций от арских и луговых людей, выражение ими «верноподданных» чувств («правду... дали») (10–11 октября).

Состав органов управления был объявлен 6 октября, а уезжая из Казани 11 октября, царь «приказал боярину своему и воеводе князю Александру Борисовичу [Горбатуму] с товарищы все творити по своему царьскому наказу» [ПСРЛ, 13, с.516].

По всей видимости, наказ был дан в устной (и, скорее всего, секретной) форме, в нем царь поставил перед «болшим» воеводой А.Б.Горбатым задачи и основные принципы их решения. В дальнейшем, видимо, частично они будут повторены в «наказной памяти» архиепископу Гурию, текст которой дошел до нас. Состояли эти задачи и принципы, по-видимому, в мирном закреплении края за Россией (используя привычные формы управления для народа и сохраняя основные привилегии для местных феодалов при условии отказа их от мусульманской религии) и постепенном превращении Среднего Поволжья с помощью церковной организации как идеологической силы в часть «великой» России.

Вероятно, схожий по сути наказ (приказ) царь дал и свияжскому воеводе П.И.Шуйскому. Летопись сообщает о нем так: царь «приказывал боярину и воеводе князю Петру Ивановичю [Шуйскому] горних людей управливати и ясаки имати, и во всем их беречи велел, и горним людем всякую управу велел чинити в Свияжском городе, а луговым и арским велел управу в Казани

чинити; а о смесных делех горним с казаньскими государь велел ссылатися воеводам казаньским с свиязьскими и свиязьским с казаньскими» [ПСРЛ, 13, с.222, 516–517].

Царю казалось, что основные проблемы присоединения Казанского края решены. Во всяком случае, в речи, обращенной к митрополиту и «освященному» собору, после возвращения в Москву Иван IV сказал: «Изо всех казаньских предел вси земьские люди, арьские и луговые, нам добили челом и обещалися нам до века дане давати» [там же, с.225, 520]. Вскоре после возвращения из казанского похода царь тяжело заболел, и ожидали его кончину. Но могучий организм справился с недугом, и Иван IV поправился. Во время болезни среди придворных группировок началась борьба за власть. Это послужило началом нового этапа политической борьбы в России и в дальнейшем было использовано официальной властью для укрепления самодержавия.

Организация местных органов власти. Уже в самый момент завоевания Казани была создана единственно логичная форма управления в еще окончательно не замиренном под господством русского царя крае – форма военного управления через привычные в России должности воевод как военных начальников. Правда, в первое время местное управление, созданное Иваном IV в Среднем Поволжье, внешне носило привычную для России оболочку наместнической власти (во всяком случае, первые казанские воеводы иногда назывались наместниками), но фактически было военным воеводским управлением. Организация управления в Поволжье с самого начала не имела основного атрибута власти наместника – права на кормление и бесконтрольное управление.

В дальнейшем (и очень быстро) элементы наместнического управления, не успев сложиться и развиться, отмирают, а воеводское управление, наряду с привычными функциями военных органов, начинает приобретать и черты гражданского управления. Первое время характеризуется сочетанием и даже конкуренцией этих задач (во всяком случае, сначала более почетными, кажется, были для воеводы военные обязанности), но

очень скоро функции гражданского управления в воеводских органах в Среднем Поволжье побеждают и становятся сначала преобладающими, а в дальнейшем основными. Воеводское управление, введенное в Казанском крае, как гражданское, чуть ли не впервые в России, показало свою жизнеспособность в Среднем Поволжье с нерусским составом коренного населения, а в дальнейшем (в начале XVII в.) было распространено и на всю Россию.

Бывшая территория Казанского ханства первоначально была разделена на два воеводства – Казанское и Свияжское. Оба воеводства были независимыми друг от друга и равноправными в своих отношениях с центральной властью. Но постепенно с конца XVI в. определяется более важное политическое значение казанских воевод. Тем не менее, вплоть до конца XVII в. Свияжск никогда не входил в число «казанских пригородов». Цель, которую преследовало правительство в завоеванном крае, хорошо выразил историк второй половины XVIII в. М.М.Щербатов. Он считал, что царь «такое разделил правление вновь завоеванных народов между наместников своих казанского и свияжского, и самым сим разделением отлуча их от единого начальства и следовательно... старался и между сими самими народами меньше сообщения произвести» [Щербатов, 1789, кн.5, ч.1, с.423–424].

Во второй половине XVI в. административное управление возглавлялось «большим» воеводой, который концентрировал в своих руках всю полноту власти в крае. Рядом с ним были «меньшие» воеводы, число которых было различно в разных городах и в разные годы. Обязательным элементом воеводского управления в крупных политических центрах края были дьяки (один или два). Но вскоре (не позднее начала 80-х гг. XVI в.) терминология начинает изменяться – названия «большие» и «меньшие» воеводы заменяются названиями «воеводы с товарищи», что, по-видимому, начинает свидетельствовать о зарождении элементов представления о коллегиальности форм воеводского управления.

В первое время, в 50–60-е гг., назначались раздельно воеводы «городовые»

(иногда они назывались «городничими» или воеводами «в остроге», «острожными») и воеводы «на вылазке», «походные» (для мобильных военных операций на территории уезда). Это, видимо, диктовалось беспокойным политическим положением края в первые два-три десятилетия после его присоединения к России. Позднее такое разделение исчезнет.

Смена воевод обычно происходила осенью, а указ царя об этом (так называемая роспись воевод по городам) составлялся весной, чаще всего в мае. Однако война 1552–1557 гг. и черемисские восстания в 70-е и 80-е гг. по причине военного положения крепостей Казанского края заставляли власть действовать по ситуации. На многочисленные перемещения воевод в это время часто указывают разрядные книги. Об одном из перемещений (воеводы Б.Ю.Сабурова из Свияжска в Казань) сохранилась самостоятельная царская грамота от 30 ноября 1581 г. Это самая ранняя из известных нам грамот на этот предмет [ДАИ, т.1, №127, с.183–184; РК 1559–1605, с.184–185]. Она носит название «наказной» и в какой-то степени, следовательно, является собой не только приказ о назначении, но и «наказную память» об управлении.

Функции воевод и их действия определялись наказами, которые выдавались сначала царем, а потом центральным органом по управлению Поволжьем («понизовыми городами») – Приказом Казанского дворца.

Основное направление российской политики во вновь присоединенном крае, характер управления им и соотношение власти воевод и архиепископа раскрывает «наказная память», выданная архиепископу Гурию. В наказной памяти Гурию говорилось: «А воеводом, и детем боярским, и новокрещеном, и гостем, и торговым людем [в Казани] жити б[e]режно, и творити по государеву наказу во всем, и воевод слушати, а воеводам их беречи во всяких делех безо всякия хитрости. А архиепископа всем слушати, и повиновалися б во всем духовном наказании; да воеводы ж с архиепископом, а архиепископ с ними о всяких государьских делех советовали любовно, безо всякия хитрости. А новокрещеных всегда поучати страху бо-

жию и к себе приучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всем, да и протчии, видя невернии таковое благочестие и б[e]режение и жалование новопросвещенным, поревнуют христьянскому праведному закону и просветятся святым крещением...» [ААЭ, т.1, №241/1, с.259].

Таким образом, в этом документе расчленяются границы светской и духовной властей: воеводам указывается «беречи» «во всяких делех» служилых людей, новокрещенов и торговых людей, а архиепископу вменяется в обязанность «новокрещеных всегда поучати страху божию и к себе приучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всем». Особенно подчеркивается, что воеводы должны «о всяких государьских делех» советоваться с архиепископом «любовно, без всякия хитрости» [там же].

Среди обязанностей казанских и свияжских воевод на первое место во второй половине XVI в. должны быть, без сомнения, поставлены военные вопросы. Об этом очень конкретно и недвусмысленно говорят как «наказные памяти» (в частности, уже упоминавшаяся «память» Сабурову от 1581 г.), так и писцовое описание Казани и Свияжска, сделанное в 1565–1568 гг. писцами Н.В.Борисовым и Д.А.Кикиным.

Воеводы отвечали за безопасность города и посада. Городские (крепостные) ворота ежевечерне, с заходом солнца, запирались, а ключи от ворот передавались воеводе (иногда этот воевода называется городничим), везде выставлялись «сторожа» – караулы. Воеводы должны были каждую ночь объезжать город («больший» воевода один раз, а «меньшие», «переменяясь во всю ночь»): «по всем сторожам около всего посаду всегда на первом часу ночи [т.е. сразу же после захода солнца] объезжает воевода да с ним дети боярские его полку», а в течение ночи «из светлицы ездят головы и дети боярские по тем же сторожей, досматривают на сторожах людей» [Материалы ТАССР, 1932, с.1, 45]. Мало того, контроль за острожными (посадскими) воротами воеводы обязаны были осуществлять постоянно и днем: «а в день от боярина и воеводы большого и ото всех

воевод по вся дни по всем острожным сторожам около посаду объезжают дети боярские, пересматривают на сторожах людей» [там же, с.45]. Кроме того, воеводы выполняли и функции обеспечения общественного порядка внутри посада и города («полицейские» функции) [там же].

В документах (особенно в писцовых книгах) прослеживается, что, кроме ответственности за военную безопасность в уезде, кроме обеспечения общественного порядка внутри города и на посаде, одной из обязанностей воевод было руководство хозяйственной жизнью города – торговыми операциями, строительным делом и т.д. [там же, с.42].

Одним из важнейших полномочий воевод было наделение поместьями служилых людей («испомещение» их) на основе верстания их центральной властью — «государевых присыльных грамот» [Список, 1877, с.62]. В писцовой книге по Свияжскому уезду прямо говорится: «В Свияжском городе боярин и воевода князь Андрей Иванович Ростовской и все воеводы да дьяк Иван Безсонов верстали поместья детей боярских свияжских старых жильцов» [СПС 1565–1567, с.115]. Кроме того, одной из основных обязанностей воевод было составление списка служилых людей уезда и контроль за их службой.

Казанский край был районом многоэтничным, и это накладывало отпечаток на организацию управления в нем. Но среди официальных документов XVI в., адресованных воеводам, почти не встречается таких, где бы специально говорилось о нерусском населении и отношении к нему органов местной власти. Тем большую ценность представляет обнаруженная и опубликованная В.Д.Димитриевым уставная грамота, данная в феврале 1574 г. на имя казанского воеводы П.А.Булгакова, о принципах управления нерусским (прежде всего, ясачным) населением края [Димитриев, 1963, с.134]. Действие грамоты должно было распространяться на всю территорию Казанского края: Казанский, Свияжский и Чебоксарский уезды.

Этой грамотой правительство запрещало воеводской власти применять насилие по отношению к местному нерусскому на-

селению, требовать от него приношений, допускать «волокиту» при решении дел. Грамота допускает даже право подачи царю «мимо бояр и воевод» челобитных в случае, если местные власти «какое насилство кому учнут чинити» [там же, с.136]. Такая «забота» о нерусском населении станет понятной, если вспомнить, что грамота была дана сразу же после потрясшего край восстания 1571–1574 гг.

Одной из важных функций воевод было право суда в уезде. О том, что воеводы «понизовых» городов занимались судными делами уже во второй половине XVI в., свидетельствует грамота от 1571 г., требующая от курмышского воеводы И.Загрязского выслать в Москву пошлинные деньги с судных дел. Суд производился в Москве (в приказе) или передавался местным воеводам. Процесс гражданского суда не имел, по-видимому, каких-либо отличительных особенностей.

Все это показывает, что воеводы обладали широкой и иногда почти не контролируемой властью в рамках управляемого ими уезда. Правда, фактическое положение не соответствовало их юридическим правам. Формально (по закону, по наказным памятям) политическая власть воевод была довольно ограничена: все определялось царскими грамотами и указами. Воеводы без царского указа не имели права предпринимать никаких действий.

Важным и отнюдь не второстепенным элементом воеводского управления были дьяки. Они участвовали в управлении вместе с воеводами, вместе руководили хозяйственной жизнью города и уезда: предоставляли земли в оброчное содержание, собирали оброк в казну, управляли плотниками и кузнецами, давали разрешения «прикашивать луга» годовальщикам и т.д. Уже в этом перечне прав и обязанностей, составленном на основании писцовой книги Борисова и Кикина, раскрывается картина громадной сферы и объема деятельности дьяков.

Отличие функциональных обязанностей дьяков и воевод заключалось, видимо, в том, что воеводы больше занимались делами политическими, осуществляли общее руководство, а дьяки – более конкретное

с уклоном в хозяйственные вопросы [Ермолаев, 1982, с.45].

Дьяки ведали и всей документацией (к чему воеводы, кажется, не прикасались и за что не несли никакой ответственности; более того, воеводы нередко были просто неграмотны). Вся документация сосредоточивалась в дьячей, или съезжей, избе, и следили за ней дьяки. Не случайно писцы требовали именно у дьяков книги росписи лугов, а расписав порозжие дворы, отдали свои записи опять – таки дьякам: «И писцы тем дворам пустым и хоромам письмо и чем которые хоромы ценены, порознь книг написав, выпись отослали в Казань к диакам Кузьме Федорову да Омене Васильеву» [Материалы ТАССР, 1932, с.12].

При воеводах и дьяках, которые были прямыми представителями верховной власти в городах и вновь созданных крепостных центрах края, имелись делопроизводительные учреждения, центральными среди которых являлись съезжие избы с аппаратом подьячих и большим количеством других должностных лиц приказного характера. На страницах писцовой книги 1565–1568 гг. мы встречаем указания на широкий набор правительственных зданий управленческого характера («изб»). Кроме дьячьей избы, которая являлась основным центром управления, известно много других «изб». В Казани это: «изба сторожевая» у каждых ворот, «изба таможенная» в торговом центре, «изба таможенная» на «дворе татарском» (недалеко от Татарской слободы), «изба дворничья», где, по-видимому, сидели приказчики Татарской слободы, «зеленая» (пороховая) и «казенная» палаты, «государевы житницы», где хранились хлеб и другие продукты для выплаты натуральной части жалованья служилым людям (в Казани было 10 житниц) и др. [там же, с.3–4, 7–8, 10, 11, 12, 14, 45, 48, 56].

Административный аппарат воевод включал в себя много должностных лиц. При перечислении состава местной администрации обычно употреблялась формула «государевы воеводы и дьяки и все приказные люди» [Суворов, 1863, стлб.587]. В общем смысле приказными людьми являлись и сами воеводы и дьяки. В отписках друг к другу они часто так себя и на-

зывают. Но в более узком и специальном смысле этого термина к приказным людям надо, в первую очередь, отнести подьячих. Подьячие составляли основу административного аппарата воеводского управления. Они подразделялись по различным органам управления: подьячие избные, подьячие житничные, подьячие площадные и др. В середине 60-х гг. в Казани известно пять дворов избных подьячих, двор житничного и двор площадного подьячих: по-видимому, были и другие.

В источниках часто фигурируют толмачи. Они, по-видимому, вели дела с «инородцами». В разрядных книгах они перечисляются вместе с дворянами и детьми боярскими, а также с подьячими [РК 1598–1638, с.263–264]. Это говорит о том, что они, скорее всего, были по происхождению русскими людьми, хорошо владеющими языками народов Среднего Поволжья. Перечисление толмачей вместе с подьячими говорит о том, что они являлись частью приказного управления «иноязычного» края, каким в то время было Среднее Поволжье. Некоторые толмачи становились, видимо, довольно заметными фигурами и получали звание «жалованных» [СПС 1565–1567, с.47].

Большую роль в управлении играли годовальщики. Ими были князья и дети боярские, как правило иногородние, в основном из «верховских городов» [Материалы ТАССР, 1932, с.4]. Дворы их помещались в городе (кремле), и это указывает на их привилегированное положение среди приказных людей. Приезжали они на определенное время (чаще всего на год, откуда и возникло их название). Годовальщики, вероятно, выполняли различные функции по поручениям воевод и дьяков. Одна из основных, видимо, была связана со сбором ясака с нерусской части населения края. Источники свидетельствуют, что исполнение этих обязанностей нередко поручалось центральной властью специально присланным людям. Годовальщиками, по-видимому, были и часто упоминаемые в писцовых книгах «государевы таможенники» [Материалы ТАССР, 1932, с.14, 35, 56, 59]. Например, в свияжской таможенной избе служили таможенники, которых писцовая книга несколько раз называет «годовыми» или «го-

родовыми» и о которых сообщает: «годовые таможенники собирают онбарщину» [СПС 1565–1567, с.36, 49, 50]. По-видимому, они присылались из Москвы, и должность их, как и воевод, была срочная.

Таможенники играли большую роль в управлении. Именно они производили оклад оброка с торгов, они отдавали лавки на оброк, их данными пользовались «большие писцы» (в частности, Борисов и Кикин) при описании Казани и Свияжска. Они составляли таможенные книги (о книгах таможенника Ивана Афанасьева имеется прямое указание в тексте писцовой книги Борисова и Кикина) [Материалы ТАССР, 1932, с.56, 59, 67]. В 70–80-е гг. XVI в. обязанности иногородних «годовальщиков» все чаще, как нам кажется, стали поручаться местным служилым людям («казанцам»), прежде всего детям боярским, а термин «годовальщики» стал постепенно дифференцироваться и заменяться более специальными терминами — «недельщики», «выемщики», «отдельщики» и т.д.

Разовыми поручениями, которые обычно давались детям боярским, были должности отдельщиков. Так, одним из первых отдельщиков в Казани был сын боярский Василий Караваев, казанский «старожилец», который переписывал и отделял луга еще до приезда писцов Н.В.Борисова и Д.А.Кикина, т.е. до 1565 г. Имена многих отдельщиков, направляемых в уезды для отделений земли в поместный оклад служилым людям, сохранились. Служилые люди по поручению воевод и дьяков составляли также дозорные и межевые книги, приправочные, отказные книги, участвовали в проводимых правительством писцовых описаниях. Кроме писцового описания, сделанного Борисовым и Кикиным в 60-е гг. XVI в., широко известно описание Ивана Болтина, проведенное в первые годы XVII в. (1602/03 г.). В описании принимали участие также и другие лица, в частности, Осип Аркатов и подьячий Иван Турусов. Руководитель переписи Иван Болтин был одним из авторитетных лиц переписного дела, столь развитого в XVI–XVII вв.

Очень важной и авторитетной приказной службой была «приказничья». В Казани приказчики известны в Татарской слободе,

там их в момент описания было четверо: Артемий Строельский, Иван Товарищев, Иван Головачев, Михайло Волков. Приказчикам поручалось и управление дворцовыми селами, которых было так много в Казанском крае. В Свияжском уезде, например, в селе Бусурманская слобода упоминается слободской приказчик Федор Ситцкий, в дворцовом селе Рождественском – приказчик Казарин Мачехин. Приказчики назначались во многие дворцовые села.

Должность приказчика была достаточно ответственной и почетной. На эту должность назначались «по государеве Цареве грамоте и по наказу» воевод. Приказчики, в основном, были из дворян.

Приказными людьми, а может быть, частично и выборными (земскими), были целовальники. В писцовой книге Борисова и Кикина упоминаются «целовальники ценовные», которые оценивали пустые дворы, целовальники «у бань», которые «банное збирают, а собрав отдают в государеву казну дьяком». Выбирались они часто из состава посадских людей (при описании уезда упоминаются имена казанских целовальников: «банник» Истома Парфенов, «посадские люди Паня Лобастников с товарищи»).

Гарнизонам стрельцов управлял голова стрелецкий, ему подчинялись сотские («соцкие»). Сотни делились на пятидесятни и десятни, во главе которых стояли стрелецкие пятидесятники и десятники. Сотские являлись не только чисто военными должностными лицами, но и исполняли дела гражданского управления. В Свияжске, например, за связь (транспорт) отвечал «соцкой ямской», который, вероятно, управлял Ямской слободой. В волостях, населенных ясачным нерусским населением, управление осуществлялось также через сотников и десятников. Это предположение подтверждается уставной грамотой от февраля 1574 г., в которой упоминаются «десятный князь» Ертоул, стоящий во главе Сюддырской волости, и Килдиш Енаев, возглавлявший Ишлейскую волость. В.Д.Димитриев считает, что некоторые из сотенных и десятных князей из чувашей и марийцев, хорошо известных из летописных материалов более раннего времени (до середины XVI в.), «сохранили свои звания и после присоединения Казан-

ского ханства к России и обычно возглавляли волости» [Димитриев, 1963, с.131].

Большое значение в приказном управлении имели «сторожа». Они были приписаны к каждому правительственному зданию, в Казани, например, встречаются упоминания о сторожах церковных, палатных, избных, житничных, тюремных и т.д. По социальному положению «сторожа», по-видимому, принадлежали к низшим категориям служилых людей и верхушке посада. Существовали и другие приказные должности – дворника, перевозчика, палача и др.

Итак, после присоединения Среднего Поволжья к России созданное здесь управление строилось по воеводскому принципу с несколькими воеводами и дьяками. В крупных городах (типа Казани и Свияжска) обычно было не менее двух воевод и двух дьяков, в более мелких городах могло быть меньшее количество высших должностных лиц уезда. При воеводах и дьяках, которые были прямыми представителями верховной власти в крае и назначались в города и вновь созданные крепостные центры, имелись съезжие, или дьячьи, избы (приказные палаты, светличные палаты) с аппаратом подьячих и большим количеством других должностных лиц приказного характера. Нужно отметить, что в XVI в. не были еще выработаны четкие принципы структуры воеводского управления. Наблюдается много случайного, трудно проследить какие-то общие закономерности и черты. Применительно к этому времени можно скорее, говорить об отдельных учреждениях, но не о системе их. Но одно является несомненным: в Среднем Поволжье не получили развития органы дворянского местного самоуправления, определенная тенденция к развитию которых в центральных районах страны наблюдалась в середине XVI в. Ни один из источников не позволяет говорить даже предположительно о наличии в Среднем Поволжье органов губного, земского управления, редко встречаем выборных лиц управления.

В созданной структуре администрации края отсутствуют и наместнические органы с их кормленным принципом управления. Все как будто говорит о своеобразном воеводском управлении, которое к этому вре-

мени еще не существовало в России в целом (в общероссийском масштабе оно было введено лишь спустя 50–60 лет, в 10-х гг. XVII в.).

Источники дают возможность утверждать, что в течение второй половины XVI в. в Казанском крае происходило становление воеводской системы, оформлялись структура и состав органов местного управления, определялись их функции и правовые нормы. Таким образом, создание воеводской системы управления в России в определенной степени было связано с историей Казанского края во второй половине XVI в.

Оформление Приказа Казанского дворца как центрального учреждения по управлению Поволжьем. Оформление центрального учреждения по управлению Казанским краем – Приказа Казанского дворца, в отличие местных органов управления в крае, до настоящего времени не имеет должного освещения в трудах историков. Нет никаких свидетельств о существовании в 50-е и начале 60-х гг. XVI в. специального органа по управлению Казанским краем в Москве. Можно предположить, что в первое время его не было, а функции центрального и местного управлений в этот период концентрировались в руках «большого воеводы» (наместника) Казани.

На эту мысль наводят логика исторического развития и размышление о параллелях. В частности, вскоре после присоединения Среднего, а затем и Нижнего Поволжья и Приуралья в составе России оказалась Западная Сибирь. Хотя эта территория была от Москвы значительно дальше Казанского края, но здесь не было создано центральное учреждение для его управления. Оно было поручено одному из уже имевшихся центральных органов – Посольскому приказу, а в дальнейшем передано Приказу Казанского дворца (упоминания об этом начинаются с 1599 г.). Лишь в 1637 г. создается специальный Сибирский приказ, когда почти вся территория Сибири вошла в состав России, и управление ею из Приказа Казанского дворца стало затруднительным. Другими словами, даже Сибирь, край, требующий централизации и специализации управления значительно больше, чем Поволжье, в течение многих десятилетий не имел сво-

его центрального органа и довольствовался совмещением управления в существующих приказах – Посольском, затем Казанского дворца. Вероятнее всего, подобная ситуация на начальном этапе имела место и с Поволжьем.

Вместе с тем не нужно забывать, что в середине XVI в., а точнее – в начале 50-х гг., преобразования по замене старых наместнических органов управления еще не были завершены (земская реформа, отменившая должность наместника, точнее – введшая органы и принципы, резко ограничившие власть наместников, была проведена лишь через три года после присоединения Казани к России – в 1555 г.). Поэтому в момент завоевания Казани должность наместника формально еще не была отменена, а наместник концентрировал в своих руках не только всю полноту местной власти, но и определенную степень центральной власти, являясь доверенным царя.

Кроме того, процесс создания органов приказного центрального управления был в значительной степени бессистемен и случаен, поэтому в XVI в. и даже в XVII в. не были выработаны единые формы и принципы деятельности приказов как центральных органов власти, они создавались без плана, а иногда и без достаточной логики.

Все это дает нам основание высказать предположение, что оформленного центрального органа по управлению Поволжьем в 50-е и начале 60-х гг. не существовало. В этот период край был окраиной России, в которой по существу сохранялась военная обстановка, а потому здесь решались в основном военные задачи, задачи упрочения российской власти и укрепления военных органов. Всем этим кругом вопросов в середине XVI в. занимался Разрядный приказ. Именно Разрядный приказ был центральным органом, осуществлявшим связь между царем и Боярской думой с органами низших ступеней. Об этом свидетельствуют сведения о связи по своему служебному положению с Разрядным и Посольским приказами должностных приказных людей, ведавших делами Казанского края в 50-е и начале 60-х гг. [Ермолаев, 1982, с.54].

Таким образом, первоначально между местной воеводской администрацией и вер-

ховной властью не было, по-видимому, специальных управленческих учреждений, а существовал лишь контроль отдельных лиц над деятельностью местных органов управления. Но вскоре возникла необходимость создания централизованного управления всей присоединенной в Поволжье и Приуралье территорией. Такой орган формировался постепенно и нашел свое окончательное выражение в Приказе Казанского дворца.

От середины 60-х гг. XVI в. встречаются уже первые бесспорные свидетельства существования «Казанской избы» – прообраза будущего Приказа Казанского дворца. В книге посольских сношений с Литвой и Польшей отмечается, что 16 августа 1565 г. «князь Иван [Дмитриевич Бельский] велел приставу Казарину Трегубову итти з гонцом (Ленартом) в Казанскую избу дожидатися стола» (цит. по: [Лихачев, 1888, с.76]).

Казанская изба была создана, по-видимому, вскоре после окончания серии восстаний в Среднем Поволжье в 50-е гг. С.О.Шмидт довольно убедительно относит время ее образования к концу 50–началу 60-х гг. XVI в. (не позднее февраля 1561 г.) [Шмидт, 1957, с.265–266]. От 60-х гг. сведений о деятельности Казанской избы практически не обнаружено, но с начала 70-х гг. упоминания об этом центральном органе становятся постоянными. В 1570 г. дьяком Приказа Казанского дворца был Андрей Щелкалов (об этом говорит грамота к воеводам Васильгорода В.Ф.Бахтеярову-Ростовскому и М.И.Клочкову [Юшков, 1898, с.180–181]), дьяками этого же приказа были Кирей Горин и Хотен Шапкин, действовавшие в 1572 г. [Веселовский, 1975, с.125, 537; Ермолаев, 1980, с.19–20]. Не подлежит сомнению, что в 1576/77 г. А.Щелкалов вновь являлся дьяком Приказа Казанского дворца: в одном из документов этого года (рописи «польских» сторожей) упоминается, что «олаторские сторожи в приказе у диака у Андрея у Щелкалова в Казанском дворце» [АМГ, т.1, с.21]. Андрей Щелкалов подписал большое количество грамот царя, направленных в Казань и Свияжск в 1574–1585 гг. [Ермолаев, 1980, с.21–32]. Дьяками Казанского дворца были Грязной, Ивашев и Дружина Петелин, подписывавшие направляемые в Казань, Свияжск и другие города Поволжья в 80-е гг.

документы [Веселовский, 1975, с.214, 408; Ермолаев, 1980, с.26, 29, 34].

Джайлс Флетчер, побывавший в России в конце 80-х гг. XVI в. (1568–1589 гг.), в своих записках «О государстве Русском» называет Казанский дворец уже как постоянно функционирующее государственное учреждение, в ведении которого «находятся царства Казанское и Астраханское с другими городами, лежащими по реке Волге». Лицом, стоящим во главе этого приказа, Флетчер называет Дружину Пантелеева (он путает фамилию дьяка Петелина) и характеризует его как человека «замечательного» (т.е. незаурядного) «по уму и расторопности в делах политических» [Флетчер, 1906, с.36; Штаден, 1925, с.82].

О постоянном функционировании Приказа Казанского дворца применительно к 90-м гг. XVI и началу XVII вв. говорят уже многие документы. В это время одновременно встречаются различные названия Приказа: Казанский дворец, Казанский и Мещерский дворец, Приказ Казанского дворца. Все эти названия были равнозначными и обозначали одно и то же учреждение, которое существовало на протяжении всего XVII в.

Первоначально Приказ Казанского дворца управлял всей территорией бывших ханств Казанского и Астраханского, т.е. всеми «понизовыми» землями, в состав которых входили не только Среднее и Нижнее Поволжье, но и «мещерские» города по Оке. По мере присоединения к России новых земель в Сибири территория, находившаяся в ведении Приказа Казанского дворца, постоянно расширялась и, в конце концов, стала трудно управляемой. В 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ, который и стал ведать всей Сибирью, а в дальнейшем некоторые города бывшего Астраханского ханства были изъяты из ведомства Приказа Казанского дворца и переданы в управление Посольского приказа. В результате в ведении Приказа Казанского дворца остались Среднее и Нижнее Поволжье и Приуралье (Башкирия).

В целом по материалам разрядных книги мы обнаружили следующие сведения о компетенции Приказа Казанского дворца. По мере создания новых крепостей в Повол-

жье в каждую из них назначался воевода, и она включалась в состав «Казанского» или «Астраханского царства», как условно и по традиции продолжали называть Среднее и Нижнее Поволжье во второй половине XVI – начале XVII в. Сведения о назначении воевод в эти города появляются со следующих годов: Свияжск – с 1551 г., Казань – 1552, Чебоксары – 1555, Алатырь, Курмыш, Астрахань – 1565, Тетюши – 1572, Кокшайск – 1574, Лаишев, Арск, Арзамас (Арзамас лишь иногда упоминали среди городов, подведомственных Приказу Казанского дворца, обычно он входил в число городов Новгородской чети) – 1576, Алаты – 1583, Царевококшайск, Царевосанчурск, Козьмодемьянск – 1586, Самара и Уфа – 1587, Терки (Терский городок), Царицын (Царев город), Саратов, Цивильск – 1590, Уржум, Яранск, Ядрин, Калом – 1594, Яик (собственно Яик в составе Приказа Казанского дворца упоминается лишь два года) – 1595, Койса – 1597, Малмыж и Оса – с 1610 г. [Ермолаев, 1982, с.57]

Все эти города, расположенные в бассейне Волги и ее притоков ниже Нижнего Новгорода, стали называться «понизовыми», как и вся область – «низ». С.Ф.Платонов отмечал, что «под именем «низа» или «понизовых городов» слыли, во-первых, города, находящиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского царства, на обоих берегах Средней Волги и на правом берегу Нижней Камы и Вятки, а, во-вторых, города, поставленные на Нижней Волге, начиная от Самары, и на Каспийском побережье» [Платонов, 1937, с.78].

По существу в течение второй половины XVI в. район поволжских городов, включенных в Приказ Казанского дворца, оформился полностью. В XVII в. произошло некоторое увеличение числа городов (Симбирск, Пенза, Саранск, Черный Яр, Красный Яр, Белый Яр, Бирск и др.), но никакого изменения в территории не наблюдалось. Таким образом, можно утверждать, что район «понизовых городов» оформился во второй половине XVI в. и включал в себя следующие группы городов с прилегающими к ним территориями: 1) Свияжск и Казань с пригородами (в составе казанских пригородов еще во второй половине XVI в.

стали упоминаться Тетюши, Лаишев, Арск, Алаты, Малмыж, Оса); 2) Сурско-Волжское междуречье (Васильгород, Чебоксары, Алатырь, Курмыш, Козьмодемьянск, Ядрин, Цивильск, позднее – Симбирск и Пенза) и Самарская Лука (Самара); 3) «Луговая сторона», или левобережье Волги (Кокшайск, Царевококшайск, Царевосанчурск, Яранск); 4) Приуралье (Уфа, позднее – Бирск); 5) Нижняя Волга (Астрахань, Терки, Царицын, Саратов, позднее – Черный Яр, Дмитриевск); 6) «Мещерские города» (Шацк, Темников, Касимов, Кадом, Елатьма, Мокшанск).

Компетенция Приказа Казанского дворца была своеобразной и весьма высокой. Он был не просто областным приказом, подобно четям, а приказом особого характера, который был центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни Поволжья. По характеристике, данной Н.Ф.Демидовой, «Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление подведомственной ему территории, ведал натуральными сборами с нерусского населения, контролировал составление ясачных книг» [СИЭ, т.11, стлб.560]. К этому можно добавить, что он ведал и военно-организационными (разрядными) вопросами, что обычно входило в исключительную компетенцию Разрядного приказа и было чуть ли не единственным исключением в общей компетенции приказов России. Ни один из других областных приказов по полноте своей компетенции не мог сравниться с Казанским дворцом. Приказ обладал даже в определенной степени функциями внешнеполитическими. По свидетельству Котошихина, он ведал «войским делом и опасением от турецкой и персической границы и от калмыков и башкирцев» [Котошихин, 1906, с.92], т.е. защищал Россию от Турции, Персии и еще не вошедших в состав России кочевников юго-восточных степей Европы.

Уникальность Приказа Казанского дворца по сравнению с другими центральными приказами заключалась в «национальной» специфике этого государственного учреждения. Приказ ведал территорией со значительным и разнообразным коренным нерусским населением, где основной зада-

чей царского правительства было не только русифицировать и христианизировать край, но и формировать общую «национальную» политику России. Особенностью Приказа Казанского дворца по сравнению с другими центральными учреждениями России того времени являлась сфера его компетенции. С самого начала он становится территориальным органом, в то время как большинство других органов были ведомственными, а немногочисленные территориальные органы, как правило, не обладали всей полнотой власти на подведомственной им территории. Приказ Казанского дворца, напротив, имел всю полноту власти по всему кругу вопросов управления. Его власть распространялась не только на территорию бывших Казанского и Астраханского ханств, но и включала в себя частично Нижегородский край и мещерские города, а до 1637 г. – всю территорию Сибири.

Таким образом, в целом географические границы ведомства Приказа Казанского дворца не были неизменными, но территория «Казанской земли», «Казанского царства» или Казанского края (все эти названия в XVI—XVII вв. были равноценны, а в дальнейшем составили понятие «Среднее Поволжье») всегда всеми частями входила в ведение Приказа Казанского дворца.

Само понятие «Казанский край» возникло после присоединения Казанского ханства к России. Правда, этот термин установился далеко не сразу. После присоединения Среднего Поволжья к России долгое время не существовало конкретного названия присоединенной к России территории бывшего Казанского ханства. Называлась она различно: «Казанское царство», «Казанская земля», «Казанские места» или просто «Казань» (по обычаю XVI—XVII вв. область часто называлась именем главного города, ее центра: Великий Новгород, Великая Пермь и т.д.). Постепенно из этих терминов все чаще стал применяться термин «Казанская земля» [Димитриев, 1963, с.135–136].

После завоевания Казани в 1552 г. вся территория бывшего ханства современниками стала четко разделяться на несколько частей. Обычно называются три части: Горная, Луговая, Арская. Но летописные памят-

ники сообщают еще о четвертой части – Побережной.

Несомненно, что Горной стороной русские летописцы называли правобережную часть территории бывшего Казанского ханства – Свяжск с прилегающей к нему территорией, а Луговая, Арская и Побережная стороны являлись левобережьем Волги. Вероятно, что Побережная сторона – это территория вдоль берега Волги к югу от Казани (до устья реки Камы), Луговая – это территория к западу и северо-западу от Казани (в основном населенная марийцами), а Арская сторона – это территория по течению реки Казанки (к северо-востоку и востоку от Казани) вплоть до среднего течения Вятки.

Одновременно со «стихийным» выделением в составе Казанского края этих частей было введено официальное государственное разделение края на два уезда – Казанский и Свяжский, которые первоначально, но недолго, назывались «сторонами», а затем получили привычные для России наименования «уездов». В каждом уезде было свое воеводское управление.

Внутреннее членение средневожских уездов сформировалось также не сразу. Наряду с привычными для центральной России терминами «волости» и «станы», здесь существовали и другие, в частности, «четверти», «дороги». Уже в одном из ранних документов (письме Ивана IV архиепископу Гурию от 5 апреля 1559 г.) территориальные единицы в крае называются в одном месте «четвертями», в другом – «волостями» (упоминаются Арская и Ногайская четверти, Арская, Ногайская и Нагорная волости). Наряду с волостями, некоторые части Среднего Поволжья (но далеко не вся его территория) применяли понятие «стан» (о терминах «стан» и «волость» см.: [Ермолаев, 1982, с.61]).

В центральной же части бывшего Казанского ханства, которая после присоединения к России составила в основном территорию Казанского и Свяжского уездов, уезд чаще всего делился на «дороги».

Дороги как территориально-административные единицы возникли, по-видимому, из дорог как транспортно-географических понятий. В писцовой книге 1565–1568 гг.

в Казанском уезде упоминаются следующие дороги: Ташкабацкая большая, Кадышевская, Галицкая, Кокшагская, Шигалеевская, Салмачская, Кеземетевская [Материалы ТАССР, 1932, с.49, 50, 51, 53]. Кроме того, Борисов и Кикин в Свяжском уезде называют такие дороги, как Ногайская, Иски-Юрточная, Чувашская верхняя, Чувашская средняя, Арская, Алацкая и Атызская. Но вскоре наиболее важные транспортные магистрали начинают одновременно иметь административный смысл.

В писцовой книге 1602–1603 гг. мы видим уже вполне сложившееся административное понятие дорог. Эта книга выделяет в Казанском уезде следующие дороги: Арскую, Зюрейскую, Ногайскую, Алатскую и Галицкую [ПК КУ, 1978, с.39, 66, 116, 153, 160]. Это практически уже известные нам дороги по писцовым описаниям 60-х гг. XVI в. Но одновременно термин «дорога» продолжает иметь и транспортно-географическое значение. Так, та же писцовая книга упоминает Уржумскую дорогу, которая явно не является административным понятием [там же, с.164].

Приказ Казанского дворца существовал до проведения первой областной реформы Петра I и прекратил свое существование после создания Казанской губернии (1708 г.), которая включила в себя почти всю территорию, подведомственную Приказу Казанского дворца.

Таким образом, территория бывшего Казанского ханства, присоединенная к России под названием «Казанское царство» или «Казанская земля», почти сразу же была разделена на два уезда, которые позднее (по мере основания новых политических центров) разделялись на новые уезды. Уезды, в свою очередь, делились на более мелкие части, из которых наиболее распространенными были «дороги», а также «волости» и «станы». Во второй половине XVI в. и начале XVII в. административно-территориальное деление еще не получило своего завершения и не приобрело единообразия. Однако именно в это время в Среднем Поволжье заложились основы административно-территориальных понятий и единиц, которые получили свое развитие и завершение в XVII в.

§5. Формирование политики управления сибирскими татарами и Сибирью в конце XVI–XVII вв.

Дамир Исхаков, Зайтуна Тычинских

Включение в XVI в. обширных полиэтничных территорий в состав Московского царства требовало особого внимания правительства к аборигенному фактору. По мнению известного сибирского историка А.С.Зуева, в основе инородческой политики в Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII вв. лежало сочетание сотрудничества (в первую очередь, с нерусскими военно-политическими элитами) и прямого насилия и администрирования [Энциклопедия Сибири, 2014].

Причем если методы насилия и администрирования возлагались обычно на представителей местной власти, то верховная власть позиционировала себя как нейтральная сторона, проводившая политику сотрудничества. Демонстрацией лояльного отношения к покоренным сибирским правителям стал организованный в Москве прием плененной в ходе «взятия Сибири» семьи хана Кучума. Насколько важен был данный акт для российских правителей, говорят описанные в источниках известия о том, что для создания пышности и торжественности церемонии въезд сибирских пленников было приказано сопровождать эскорту богато и пышно одетых дворян. Позаботились и о достойном представлении сибирских царей и царевичей, для которых были специально сшиты наряды. Впоследствии бывшие сибирские царевичи, как отмечалось, получили надель в Касимовском ханстве, становились правителями этого «царства», а также получили земли в других частях московских владений.

Для управления коренными народами Западной Сибири русские власти первоначально сохранили в своей основе старое административное деление, в т.ч. и механизм сбора ясака. Родоплеменная знать была освобождена от уплаты ясака, и за ней сохранялись прежние привилегии. Как известно, территория, где проживало аборигенное сибирское население – остяки, вогулы (ханты, манси), делилась на «области»

или «княжества», центрами которых были укрепленные городки или городища, объединяющие вокруг себя окрестные селения. Во главе этих «княжеств», которых в XIV в. на территории Югры насчитывалось около 60, стояли князья [Мартынова, 1991, с.129]. Аналогичные образования, именуемые улусами, существовали среди татарского населения (Карачин улус, улус Кулары и пр.). Они объединяли под своим началом несколько селений-«юртов». Во главе улусов стояли князья или башлыки (старшины). Как считает Н.А.Балюк, в процессе колонизации административные образования инородцев – «улусы», княжества приводились в русское подданство в качестве ясачных волостей [Балюк, 1997, с.26–27]. Опираясь на сведения «Сибирских летописей», Д.М.Исхаков сделал предположение о том, что в Сибирском ханстве татары делились на две категории: тех, кто жил по улусам, и тех, кто жил по волостям. Живущими по волостям он определяет ясачных татар, живущими по улусам – прежде всего, служилых татар [Исхаков, 2002, с.9].

В 1593–1594 гг. упоминаются татарские ясачные волости Курдак, Соргач, Отуз, Тав, Урус, Токуз, Супра, Аялы [Миллер, 1999, с.352]. В 1595 г. были известны еще волости Чангул, Лугуй, Люба, Келема, Тураш, Кирпики, Бараба, а также Малогородская волость [Миллер, 1999, с.358, 362]. В одном русском документе за 1598 г. многие из этих волостей перечисляются как существовавшие при хане Кучуме: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая, Чатская (Чаты) и Колмакская (Колмаки) [Исхаков, 2004, с.81; АИ, т.2, с.2–4]. В самом начале XVII в. называются еще некоторые другие татарские волости: Кинырская, Теренгульская, Бачкурская, Терсяцкая, Иленская, Япанчинская, Купкозинская и Ядринская [Миллер, 2000, с.184, 194, 198, 209, 221, 274]. Проблема

в том, что некоторые из названных волостей вначале упоминаются или как городки, или как отдельные деревни. Поэтому не вполне понятно, какие из них были настоящими волостями. Но ясно, что ряд из них в реальности были волостями, обычно это крупные образования, где насчитывалось несколько сот ясачных людей.

На начало XVIII в. известны следующие волости сибирских татар. По Туринскому уезду: Япанчина, Куртумова, Илясова, Индричеева; по Тюменскому уезду: Кинырский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская; по Тарскому уезду: Саргач, Тебендя, Котлубахтина, Я-Иртиш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллары), Коурдак, Аялы; по Тобольскому уезду: Ясколба и Лоймытомак, Вачиер, Аремзян, Карбина и Ук, Би-Туртас, Кул-Туртас, Уват, Надцы, Лобутан, Калым, Кошуки, Ашла (Лаймы), Бабасан (на Нерде), Бабасан (Отдельная), Кречатники на Ашле, Кречатники на Вагае (Капканы), Кречатники (без указания места жительства), Индерь, Уват, Супра [Долгих, 1960, с.59]. Тогда же ряд туземных волостей Тобольского уезда были объединены русской администрацией. Так, к 1629 г. в одну волость были объединены Би-туртас, Културтас и Уват, Ясколба и Лаймы-томак – в другую, Карбина и Ук – в третью [Долгих, 1960, с.59]. Как можно заметить, число волостей, называемых на начало XVIII в., по сравнению с предыдущим столетием значительно увеличивается. Вероятно, причина этого в том, что в наиболее ранних документах были указаны именно волости. Но известно, что сибирские татары жили как «по волостям», так и «по улусам».

В результате колонизации в основном сохранилось прежнее территориальное деление аборигенов. Еще С.В.Бахрушин писал о том, что в Сибири для обложения местного населения ясаком русские воспользовались теми административными единицами, которые существовали до ее присоединения. «В ясачных волостях Тобольского и близлежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в состав прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князья и старшины,

отцы и деды которых служили Кучуму» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.52]. Функцию основной фискальной единицы стала выполнять волость. По всей вероятности, многие из прежних улусов также были преобразованы в волости. Русское государство после присоединения Сибири стремится «полностью охватить всех аборигенов Сибири сбором ясака и всемерно увеличить его поступление в государственную казну» [Файзрахманов, 2002, с.227].

В населении присоединенных территорий государство видело прежде всего налогоплательщиков ясака, и лишь затем представителей иной веры и другой этнической принадлежности. Главной целью на начальном этапе формирования аборигенной политики являлось обложение ясаком, который имел не только финансовое значение, обеспечивая пополнение казны пушниной, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти. Обе эти составляющие ясака, на наш взгляд, имели равное значение.

Приводясь к «шерти», аборигены должны были платить ясак и хранить верность, взамен чего российский государь предоставлял им право проживать и хозяйствовать в районах их исконного обитания, а также обещал держать их «в своем царском милостивом призрении» и «оберегать накрепко». Русская сторона трактовала шерть как признание аборигенами своего подданства, те же могли воспринимать ее в зависимости от своей военной силы и характера взаимоотношений с русской властью как равнозначный союз или мирный договор [Энциклопедия Сибири, 2014].

Большое значение уделялось организации системы ясачного сбора. Для Московского государства данный вопрос имел первостепенное значение, в связи с чем сибирским воеводам предписывалось: «...а как учнут разбирать государеву ясачную и поминочную соболиную казну и всякую мягкую рухлядь, после приемных цены разбирать лучшие соболи к лучшим соболям, а худые соболи к худым соболям, а средние соболи к средним соболям, а лисицы черные к черным, а чернобурые к чернобурым, а бурые к бурым, а красные к крас-

ным, а бобры к бобрам, а ярцы к ярцам, а кошлоки к кошлокам; а разбирая ценить Сибирскою прямою ценою, а недорогою, чтоб Государеве всякой мягкой рухляди на Москве по Московской цене перед Сибирскою ценою была прибыль, а убыли в цене не было; а разобрав и оцеля, присылать тое Государеву ясачную и поминочную всякую мягкую рухлядь ко Государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичу к Москве за своими печатями, а ценовые росписи той всякой мягкой рухляди за своими руками и рухлядь подписывая, с которой волости и с кого именно та рухлядь взята и на которой год...

А будет на Таре учнут торговые люди Государеву ясачную и поминочную и всякую мягкую рухлядь ценить дорогою ценою, а по московской цене будет у которой мягкой рухляди перед Сибирскою ценою убыль: и Государь за тое Сибирскую мягкую рухлядь по Сибирской цене велит деньги доправить на них на князя Федора и Неупокою и на ценовщиках, которые тое рухлядь ценят...» [ПСЗ–1, т.3, с.571].

В период службы на должности тобольского воеводы Юрия Сулешева, в 20-е гг. XVII в., была проведена перепись ясачных людей, что значительно повысило поступление в государственную казну «мягкого золота» [ПСЗ–1, т.3, с.572].

Назначенным в Тару воеводам князю Федору и Неупокою было предписано «с ясачных людей ясачную и поминочную мягкую рухлядь собирать неоплошно с великим радением». Сборщикам ясака, направляемым в ясачные волости, полагалось переписывать в ясак захребетников и недорослей, которые пока не были записаны в ясак, но на «лешие промыслы» ходили. Также было предписано, что если будут поступать жалобы и недовольства переписчиками, которые могут записывать в ясак малолетних и старых и увечных, т.е. тех, кто «от ясаку отбыли» и на лесные промыслы уже не ходят, то «таких малых и старых увечных ясачных людей велети ставити перед собой, их досматривать самим и, сверх своего досмотру, про таких ясачных людей сыскивать и ясачным лучшим людям про них допрашивать, мочно ли тем ясачным

людям ясак платить или не мочно». Сверх того, что таких людей осматривали воеводы, «про таких ясачных людей велено посылати из Тобольска для сыску и осмотру письменных голов, а письменным головам те обыски велено привозити в Тобольск, и с Тобольску те Воеводские и письменных голов сыски и досмотры присылати к Государю к Москве» [ПСЗ–1, т.3, с.572].

Малочисленность русских вооруженных сил в Сибири, значительная территориальная дисперсность военно-административных пунктов, существовавшая в течение всего XVII в. постоянная угроза отпадения Сибири от центра, обязывали российское правительство предпринимать меры по установлению прочных административных, политических и экономических связей с «дальней сибирской вотчиной».

Тобольск с конца XVI в. являлся связующим звеном между новой государевой вотчиной и центром, объединяя сибирские города под своим началом [Коньков, 2001, с.78]. Центральные власти стремились назначать на должность главного сибирского воеводы особо доверенных лиц. Не случайным было назначение на должность тобольского воеводы Ю.Я.Сулешева. При этом учитывалось и его татарское происхождение, которое «могло способствовать решению проблем аборигенного населения», а также «его организаторские способности, личные качества, проявленные боярином на государственной службе в предшествовавший период...» [Балюк, 1997, с.87].

Еще в период борьбы с ханом Кучумом русские власти стремились ослабить силы сибирского хана, переманивая его «лучших людей» на русскую сторону: «а от Кучюма царя лутчих людей отговаривать, чтобы ехали к государю служить ...а государеву им великое жалованье будет» [Небольсин, 1849, с.118]. Привлечение на свою сторону татарской военно-служилой знати для Московского государства имело огромное значение. Поэтому действия местной власти были направлены на то, чтобы выполнять установку центрального правительства. Для этих целей привлекались и уже перешедшие на русскую службу тобольские татары.

Была предусмотрена система поощрений и льгот: «...а которые от царя приедут и тех жаловать, и сукна давать и хлебца. И которые князьки и Татарове государю служат и в город к воеводам приходят ясаки платят, и про всякие вести про Кучума царя, и про его умышление и про Ногай, учнут приходя сказывать – и тех татар поить и кормить государевым запасом и береженье к ним и ласку держат великую и отпускати их к себе домой не задерживая» [Небольсин, 1849, с.118].

Формирование татарского военно-служилого контингента отвечало нуждам колонизаторской политики московской власти, которая «для продвижения вглубь Сибири и объясачения жителей», использовала бывших вассалов хана Кучума, «предоставив им за это ряд прав и преимуществ» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2. с.163]. Как отмечал С.В.Бахрушин, татарская военная знать, «безболезненно перешла на царскую службу, переменяв без резкого перерыва одного господина на другого» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.165]. Наградой для бывших сибирских мурз, теперь «лутчих людей», становятся сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это служилые татары несли военную службу новому сюзеру – московскому государю. Характер условно прямого подчинения служилых татар царю подчеркивался возможностью и правом их прямого обращения через челобитные с жалобами и просьбами. В ответ обычно верховной властью было гарантировано заступничество.

Конечно, на первых порах не все в отношениях с новой властью складывалось ровно и гладко. Так, Г.Ф.Миллер сообщает, что в 1595 г. «с Тюмени ушли 50 человек служилых татар с женами и детьми», которые, захватив с собой еще 30 ясашных татар, живших в уезде, направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола. Для возвращения татар из Тюмени был отправлен отряд русских и татар во главе с Семейкой Вязьминым и служилыми татарами Какшарой, Майтмасом и Бахтураской. Им было поручено уговорить беглецов вернуться, «чтоб они ехали на Тюмень и жили

по своим юртом и по волостям по прежнему, и нашу службу служилые татарове служили, а ясашные люди ясак платили по прежнему, и велим им дати вперед наше денежное жалованье...» [Миллер, 1941, с.148]. Посланные казаки встретили этих людей на реке Исети, однако все усилия вернуть их были напрасны. Виновным за свой уход татары называли толмача Митю Токманеева, будто бы сказавшего, что в Сибирь едут новые воеводы и везут царский указ о том, чтобы 12 самых богатых и знатных татар убить, других же с женами и детьми сослать на Тару, а всех остальных заставить пахать пашню. С таким ответом 26 июня 1595 г. посланники возвратились в Тюмень. Виновник происшествия толмач М.Токманеев за то, что «смуту и ссору в служилых людех и ясашных татарех учинил», был сурово наказан [Миллер, 1941, с.12, 149]. В 1609 г. «за приставы» были посажены лучшие служилые татары – Ямбулат, Тохтамыш и Кизылбай. У них было «поимано» оружие – луки и стрелы. В 1626 г. служилый татарин Аткачарко Ахманаев вместе с другими служилыми людьми бежал из Тюмени, и вскоре он внезапно напал на Тюменский уезд и отогнал у ясашных татар лошадей.

Однако, как отмечает С.В.Бахрушин, на открытую измену служилые татары решались редко. Двойственное положение, в котором пребывали вчерашние вассалы хана Кучума, а затем и их потомки, отражают отношения служилых татар с Кучумовыми царевичами на протяжении всего XVII в. С одной стороны, они служили информаторами Кучумовичам: «от тобольских татар пересылки к царевичам многие бывают, а царевичи за пересылки подарки многие присылают» [Бахрушин, 1955, т.3. ч.2, с.174]. С другой стороны, они добросовестно информируют русскую администрацию о планах и действиях сибирских царевичей и «изменников». А в 1661 г. тарские служилые и захребетные татары даже предлагали свои услуги для того, чтобы «поймать» царевича Давлет-Гирея [там же].

На первых порах государство всячески старалось поощрять служилых татар и оберегать их интересы, в том числе и от

представителей местной власти. Когда в 1598 г. воевода Ефим Бутурлин «мимо государеву указу» наложил на юртовских татар ясак по 10 соболей с человека и «не в меру, но по большому окладу» наложил ясак на тобольских «кречатников», которые прежде «за ясак давали кречеты», а после обложения ясаком «государю изменили, побежали», служилые татары обратились к царю с челобитной, в которой жаловались, что «у них вотчин никаких нет и соболями не промышляют» и прежде ясака с «них не имали». Царь освободил юртовских татар от ясака, а новым воеводам предписал произвести розыск об этих незаконных действиях Ефима Бутурлина и велел «за то на Ефима опалу свою государеву положить». Из Москвы поступило предписание воеводам «льготить и беречи...» юртовских татар, и чтобы «... они б жили в государевом жалованье безо всякого сумнения и юрты свои полнили» [Бахрушин, 1955, т.3. ч.2, с.167]. Так продолжалось до конца XVII в. «Имянной указ» царей Ивана и Петра Алексеевичей от 21 января 1696 г. гласил: «будет по розыску явится, что ясачные люди разбрелись в дальние страны и изменили от воеводских нападков и тех воевод, которые по совершенным уликам будут тому вины – за то самих казнить смертью же» [Оглоблин, 1900, с.314].

Особое внимание власти обращали на предотвращение возможных вооруженных выступлений, для чего предпринимались различные меры предосторожности. Так, еще в августе 1596 г. воеводе Г. Долгорукому в Тюмень была направлена особая грамота, в которой был оговорен порядок торговли бухарцев и ногайцев в Тюмени: «...а торговати бы есте им велели за городом в посаде или за посадом... А того есте за ними смотрели и берегли накрепко, чтоб они заповедным товаром: доспехи, и панцири, и саблями и ножи и топоры с юртовскими и ясашными татары не торговали... велели смотреть... опричь торговли, никаких разговорных речей не говорили...» [Оглоблин, 1900, с.220]. Подобная грамота была направлена в 1596 г. и во вновь построенный город Тару. В грамоте предписывалось

«с приходящих на Тару бухарских и ногайских торговых людей (с лошадьми и разными товарами) не брать никаких пошлин, но наблюдать за ними, чтобы они «в городе никаких крепостей и людей не рассматривали и не лазучили, и с русскими людьми с татарами опричь торговли некоторых разговорных речей не говорили, и нужи б сибирской некоторые не ведали» [там же].

В раскрытии заговоров, подобных событиям 1609 г., большую роль играли доносы. В 1609 г. ясачный татарин Туринского острога Баигара Кензин доносил тюменскому воеводе Матвею Годунову на тюменского служилого татарина Бекмаметку Казанкина и на ясачного татарина Туринского острога Янгурчу, что «тот татарин Бекмаметку Казанкин приезжал к ним Янгурче с товарищи, а говорил де им: у вас де лошади и сайдаки и сабли готовы ли, а у них де у тюменских все готово, а умышленье де их то: хотят государю изменить...» [Миллер, 1941, с.209].

В течение XVII в. служилые татары постоянно использовались для подавления выступлений среди ясачного и служилого населения. Перешедшая на службу к новому хозяину сибирская военно-служилая элита не только верой и правдой исполняла свои обязанности, но и принимала деятельное участие «в пресекании шатости и измен», как с помощью дипломатических переговоров, так и вооруженным путем.

На протяжении длительного периода (с конца XVI в. по конец XVII в.) постоянную угрозу для сибирских волостей представляли набеги калмыцких отрядов, которые грабили русские и татарские поселения, захватывали пленников. Высочайшими указами из Москвы тобольскому, тюменскому и тарскому воеводам было приказано оказывать вооруженное противодействие калмыкам и держать их на известном расстоянии от русских пределов [Миллер, 1941, с.30]. Для этих целей из казаков и татар (как служилых, так и ясачных), а также из русских «охочих» людей было собрано войско. Весной 1607 г. это объединенное войско нанесло калмыкам значительный урон, хотя, как замечает Г.Ф.Миллер, «и не такой, который заставил бы их уйти от близкого соседства

с русскими» [Миллер, 1941, с.30]. Особо напряженная ситуация складывалась в отношениях с калмыцкими улусами в первой половине XVII в. Как замечает Г.Ф.Миллер, при господствовавшей в то время в Московском государстве смуте такое большое число внешних врагов могло легко привести к общему восстанию сибирских народов, если бы против этого своевременно не принимались меры [Миллер, 1941, с.32].

Уже в первой половине XVII в. в Тобольском и Тарском уездах была организована система застав и острогов для отражения набегов калмыков. Калмыки, как мы уже видели, часто объединялись с сыновьями, затем и с внуками Кучума и совершали совместные походы на тобольские и тюменские волости. Они направляли свои силы главным образом в сторону рек Иртыш и Тобол. Для защиты от набегов Кучумовичей и калмыков были организованы отряды казаков и служилых татар. Около 1631 г. для защиты от набегов калмыков и Кучумовичей в Тарском уезде были построены остроги Каурдатский, Тебендинский, Ишимский, в Тобольском – Вагайский и Тарханский. Тарханский острог «был укрепленным местом у сибирских татар и назывался Тархан-кала» [ТГВ, 1859, с.4]. На месте древней татарской крепости Чубар-тура в 1624 г. была построена слобода Чубарова. В эти остроги из Тобольска направлялись казаки-годовальщики. Крупные партии годовальщиков направлялись из Тобольска в Тару, которая в первые десятилетия XVII в. находилась в наиболее опасном из всех сибирских городов положении. Так, в 1632 г. из Тобольска в Тару было послано 100 человек во главе с сыном боярским Иваном Шульгиным: 40 литвы и конных казаков и 60 юртовских служилых татар. Несколько позже туда было направлено еще 50 человек: 20 стрельцов и пеших казаков и 30 юртовских служилых татар. В 1661 г. в Атбашский острог сроком на один год был отправлен отряд, который состоял из 40 человек литвы, новокрещеных, конных казаков и татар [Пузанов, 2005, с.109]. А в 1669 г. туда же на годовую службу было послано 40 тобольских служилых людей – 28 литвы, казаков и новокрещеных и 12 служилых

татар. В Чубаровскую слободу из Тюмени ежегодно направлялось по 10 стрельцов и пеших казаков, а с ними 10 конных казаков [Пузанов, 2005, с.111].

В целом исследователи выделяют три района Западной Сибири, куда обычно направлялись годовальщики. Первый район – в треугольнике трех русских крепостей: Томск-Кузнецк-Красноярск, где на протяжении всего XVII в. шла борьба с енисейскими киргизами, за которыми стояли монголы и ойраты. Во-вторых, это Тарский уезд, где русским приходилось воевать с Кучумовичами и ойратами. В-третьих, это юго-запад Сибири – Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский уезды, где происходили столкновения с Кучумовичами и ойратами, а позднее – с башкирами и вогулами [Пузанов, 2005, с.116].

По всей видимости, именно дипломатическими расчетами и политической дальновидностью московской власти объясняется и то, что активных насильственных мер по христианизации татар, в т.ч. и бывшей военно-феодалной знати – служилых татар, в Сибири, в отличие от Казанского ханства, не предпринималось. Генеральную линию конфессиональной политики Московского государства в отношении сибирских инородцев в течение XVII в. можно определить словами из указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей, направленного тобольскому воеводе П.С.Прозоровскому, а также из грамоты на имя митрополита Павла от 5 апреля 1685 г. В указанных документах говорилось: «Для того, что Сибирь государство дальнее и состоит меж бусурманских иных вер многих земель, чтоб тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не ожесточить...» [Андреевич, 1889, с.331–333]. По всей видимости, именно исходя из этих установок сибирские служилые татары остались мусульманами.

Высочайшими грамотами тобольским митрополитам было предписано «неволею никаких иноземцев крестить не велеть». Однако на месте эти распоряжения часто не соблюдались. В связи с этим от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы на местную духовную власть, стремившуюся всеми способами увеличить

паству. В ответ на эти жалобы государи приказали воеводам взять под свое наблюдение, «чтоб неволею в православие иноземцев не обращали».

Во главе противодействия активной христианизации татар вставали служилые татары под началом Авазбакея Кульмаметева. Так, по челобитью тобольских служилых, захребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмаметева с товарищами в 1686 г. из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и лишь после рассмотрения их воеводой направлять эти прошения к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дожидаясь из приказной избы памятей – тех людей не крестить» [Андреевич, 1889, с.331–333]. Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от единоверцев с тем, чтобы, изменив веру, избавиться от наказания или от прежней кабалы.

В наказе тобольскому воеводе от 1697 г. в очередной раз подтверждаются распоряжения о недопустимости насильственного обращения в православие: «насильством никого не крестить».

С начала XVIII в. наступает новый этап колонизации Сибири, который А.В.Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского», или эпохой конфессионального захвата [Головнев, 1995, с.90]. В первой четверти XVIII в. начинает активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» [Огрызко, 1941, с.27]. В 1706 г. Петр поручает митрополиту Филофею Лещинскому ехать к осякам и вогуличам с «проповедью Евангельскою» для того, чтобы «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их

местах строить церкви, часовни и ставить иконы». Самых осяков и вогулов было велено «от мала до велика крестить». В итоге миссионерской деятельности Ф.Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м гг. XVIII в. основная часть осяцкого и вогульского населения Березовского края была крещена [Огрызко, 1941, с.48]. Наряду с вогулами, осяками, якутами указ 1714 г. предписывал крестить и татар [Щеглов, 1883]. При тобольском и сибирском митрополите Филофее Лещинском были крещены в 1718–1720 гг. туринские татары, а в 1720 г. – обские и чулымские татары. По приводимым Ф.Т.Валеевым данным, за 10 лет (с 1749 г. по 1758 г.) в Тобольской губернии было обращено в христианство 2500 человек обоего пола [Валеев, 1993, с.173–174].

Служилые татары оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 г. Ф.Лещинский писал в Синод о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [Огрызко, 1941, с.68]. Другой ревностный православный креститель – митрополит Сильвестр Гловацкий, сообщал в Синод о том, что когда в 1753 г. дворовая девка татарина Мусы Маметнарова захотела креститься вместе с малолетним сыном, Муса Маметнаров, узнав об этом, для отвращения от крещения чинил «бесчеловечные мучения и побои жжением огнем». Такие же побои, по словам митрополита, «учинил» другой татарин Медяских юрт–Кутумов за попытку «вернуться в христианство Григорию Елбаеву» [Лотфуллин, Ислаев, 1998, с.120]. В.П.Клюева приводит сведения о том, что сохранились челобитные на имя митрополита Павла от новокрещенных Павла Крупенина «с товарищи» (16 человек), перешедших в православие в 1755 г., с жалобой на татарского голову Сабанакова и бухарского старшину Алимова «...Восприяли мы, нижайшие, православную христианскую веру. А понеже на нас по восприятии святого крещения по происку и домогательству татарского головы Азбакея Сабанакова и, да бухарско-

го старшины Муллы Алимова положен умеренной ясак. А именно по 2 рубля в год. Которой они с нас спрашивают с немалою строгостию, ...угрожают держать под караулом...» [ГУТО ГАТ, ф.156, оп.2, д.265, л. 3–3об.; Ключева, 2002, с.186–188]. В этой же челобитной говорится: «При чем они, Сабанаков и Алимов, произносят и такие еще к поруганию христианской веры речи, что де хотя мы и крестились, а ис-под их власти не вышли, и что де хотят, то с нами, новокрещеными, они и делают, и впредь делать будут» [ГУТО ГАТ, ф.156, оп.2, д.265, л.3–3об.].

Таким образом, татары-мусульмане в Сибири оказывали упорное сопротивление насильственному крещению. В то же время нельзя не отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар в целом и служилых татар в частности проходил гораздо мягче, чем в отношении служилых татар Поволжья, и менее успешно, чем в отношении языческих народов Сибири. В этот же период, как известно, проходила активная кампания по христианизации служилых татар в бывших Казанском и Касимовском ханствах. Политика насильственной христианизации в Поволжье была направлена на устранение инородческого служилого землевладения, на котором была основана социальная мощь татарской служилой аристократии [Степанов, 1964, с.55]. «Мягкость» же в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была обусловлена рядом причин, и прежде всего тем, что в Сибири не сложилось дорусское служилое землевладение, отсутствовал класс феодалов-землевладельцев, который мог бы представлять реальную социальную силу. А также такими факторами, как сравнительная малочисленность служилых татар, необходимость для власти как социальной, так и военной поддержки татарской аристократии, значительная отдаленность от центра огромной по размерам сибирской вотчины, постоянная угроза ее отпадения, необходимость в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» даже в XVIII в.

Русская колонизация также стала важным социально-политическим фактором,

определившим дальнейшее экономическое развитие сибирских народов. На смену прежней системе отношений постепенно приходили новые, хотя в определенной степени, на первых порах, продолжавшие прежние традиции. Московское государство, будучи земледельческим и стремящимся внедрить земледелие на присоединенной территории, сыграло существенную роль в трансформации хозяйственно-культурного облика сибирских народов. Наиболее значительные изменения наблюдались в отношении феодальной верхушки бывшего Сибирского ханства. Феодальный слой Сибирского государства лишился своих господствовавших позиций, сравнительно немногочисленный контингент татарской военно-служилой знати был преобразован в служилое сословие. Происходили существенные изменения в хозяйственном укладе служилых татар.

Военно-служилая знать Сибирского ханства в период Тюменского и Сибирского ханств, вместе со своими улусными людьми, вела полукочевой образ жизни, что во многом сказалось на непрочности внутривосударственных отношений Сибирского юрта. Если в других татарских государствах (особенно в Казанском ханстве) социальная мощь феодальной знати была основана на землевладении и связанной с ним военной службе хану, то в Сибирском юрте «землевладение» больше подразумевало под собой владение промысловыми угодьями, а также занятия военными набегами с целью обложения данью соседних племен.

Таким образом, вотчинные владения сибирско-татарской знати были основаны не на оседлом земледельческом хозяйстве, а на своеобразном синтезе полуоседлого скотоводческо-охотничье-земледельческого хозяйства. Думается, что во многом по этой причине проблемы, связанные с закреплением земельных владений и землепользованием, встали перед сибирско-татарской знатью уже с приходом в Сибирь русских.

Ситуация с сибирской татарской элитой в результате колонизации Москвой Сибирского ханства была несколько иная, чем

в Поволжье. Прежняя татарская знать осталась на верхах аборигенного общества, однако, как верно заметил С.В.Бахрушин, «связь их с прежними улусами, которые они некогда возглавляли, порвалась» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.163]. Так, один из основателей известного рода служилых татар Кульмаметевых – Келмамет, пришел на русскую службу, «оставя в отечестве своем вотчины и заводы» [ГУТО ГАТ, ф.329. оп.13, д.7, л.98]. В другом документе сообщается о свидетельстве «в сыску 1333 человек старожилов, беломесных казаков и крестьян», о том, что земли, на которых были построены 9 русских острогов и слобод, «те земли и угодья были сибирского царя Кучума улусных людей; и после царя Кучума и взятыя Сибири, исстари теми землями владели тобольские и тюменские служилые и ясачные татара для промыслов...» [Памятники Сибирской истории, 1882, с.79–80].

Некоторые же «вотчинные» земли татарских «владельцев» к новым хозяевам переходили по поступным. Так, например, тобольский служилый татарин Бекмамет Кайдаулов в 1666 г. поступился митрополиту Устюга Великого Архангельского Пахому за тридцать рублей «на Исете реке своею вотчиною и пашенною землею и санными покосы по речке Бешкиле с рыбными ловлями и всякими угодьями...» [РГАДА, ф.199, д.481, ч.6, л.57]. На приобретенных монастырем землях были поселены крестьяне.

Наградой для бывших сибирских мурз, отныне «лутчих людей», становились сохранение привилегированного положения тарханов и выдача государева жалованья (денежного и хлебного). За это они и несли военную службу новому сюзеру – московскому государю.

С завоеванием Сибири становится актуальным вопрос о правовом закреплении земельных наделов и угодий. До этого в Сибири, где плотность населения была невелика – по данным П.Буцинского, в начале XVII в. число ясачных людей «...в семи уездах не превышало и 4000 человек» [Буцинский, 1999, с.25–26], а в земельных ресурсах не было недостатка, вопрос о закреплении угодий не стоял так остро.

Вполне правомерен вывод Н.А. Халикова о том, что «свидетельство о внедрении земледельческой культуры с приходом русских вполне допустимо интерпретировать и как вынужденную меру, сопровождавшую возросшую плотность населения и сокращение скотоводческих, охотничьих и рыболовных угодий» [Халиков, 2002, с.63].

С увеличением численности населения и становлением земледелия как одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности татар Прииртышья проблема правового закрепления земельных наделов требовала решения. Поэтому можно говорить о том, что становление татарского служилого (и инородческого) земледержания происходило одновременно с формированием системы служилого землевладения в Сибири в целом.

На первых порах правительством держание земли служилыми людьми не регламентировались, хотя с самого начала государственная политика была направлена на то, чтобы служилых «в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахали и впредь бы с Руси хлебных запасов посылати меньше» [История казачества, 1995, с.179]. Уже начиная с конца XVI в. в царских указах предписывалось выделять участки для хлебопашества прибывшим на постоянное жительство казакам и стрельцам. Подобной политики насаждения земледельческой практики правительство придерживалось и по отношению к инородческому населению. Так, узнав, что татары около Тюмени и в Табаре по р. Тавде занимаются пашней, Борис Годунов в 1599 г. назначил Тагильские юрты на пашню с тем, чтобы вместо ясака с них взимать хлебом «для казенных житниц». Однако татарам «пашня не полюбилась». Уже по вторичному прошению табаринские татары были освобождены от пашни и причислены в ясак, некоторые же из тюменских татар от новой повинности даже бежали в Исетскую степь [Словцов, 1838., с.2–21].

Естественно, что земельные и прочие наделы вновь прибывавшим русским казакам выделялись из земельных угодий, ранее принадлежавших татарам. Несмотря на то, что некоторые исследователи от-

мечают, что поселившиеся в Сибири «по указу» или «по прибору» казаки получали землю лишь «порозжую», т.е. «ту, относительно коей татары не могли показать фактическое пользование» [Андроников, 1911, с.3], и «местные власти при отводе пахотных и сенокосных угодий для русского населения стремились, по возможности, не затрагивать земельные интересы татар» [Бакиева, 2000, с.21–22], на деле возникали многочисленные споры по определению границ участков, самовольному захвату наделов и т. д. По наблюдению В.И.Шункова, если в начале XVII в. русские слободы и деревни находились в окружении огромных территорий ясачных волостей, то уже к концу XVII в. «...ясачные волости попали в окружение русских слобод» [Шунков, 1946, с.6]. Как отмечает Н.А.Томилов, процесс этот сопровождался со стороны русских захватом угодий. На Тоболе русские на промысловой территории татар занимались охотой, собирали хмель, снимали орлиные гнезда, а зажиточные слободчики сгоняли татар с пашни, отнимали сено, ломали двери у юрт. В связи с этим, царскими властями не раз указывалось, что «...в монастыри русским служилым и никаким людям, и татарам и остякам никаких земель, и сенных покосов, и никаких угодий в вклад давати и продавати не велено» [Томилов, 1981, с.35]. Известны были случаи, когда в результате судебного разбирательства тюменским и тобольским татарам, а также бухарцам возвращали земли, занятые русскими. Продажа и аренда земли у татарского населения вплоть до начала XIX в. была запрещена. Тем не менее, процесс перераспределения земель между татарами и русскими продолжал развиваться. Около городов татары теряли свои угодья быстрее, чем в отдаленных местах. Особенностью заселения территории русскими, как отмечает Н.А.Балюк, являлось образование части русских поселений в местах, давно и прочно обжитых татарами. Так, русская деревня Карачинская расположилась близ Карачина городка, где находился улус думного советника Кучума. Близ юрт Буйдалинских, Медянской, Тоболтуринских, Турбинских воз-

никали русские деревни: Медянская, Турбинская, Буйдалинская и др. Близ городка князя Бегиша уже в конце XVI в. русские переселенцы возводят Бегишевский погост. Подобные примеры можно привести по городкам князей Абалака, Аремзяна, где впоследствии были основаны русские деревни [Балюк, 1997, с.42].

Татары подавали многочисленные челобитные, в которых указывали на притеснения. Часто для защиты прав на свои земли служилые татары обращались непосредственно к верховной власти. В результате в начале XVIII в. «Высочайшими грамотами от великих князей, царей и государей...» было предписано «живущим в деревнях вверх и вниз по Иртышу и Тоболу рекам домами тобольским служилым татарам владеть своими землями со всеми угодии, а русским людям никому в те их земли и во всякое угодие не вступать, и никаких обид им не чинить а которые живут в Тобольске под горою на нижнем посаде меж русскими людьми, тем жить в тех же местах по-прежнему, чтобы им от переводу лишней тягости и разорения не было» [ГУТО ГАТ, ф.329, оп.13, д.7, л.103об.]. По уложению 1697 г. предписывалось «мурзам и татарам своих поместий не пустошить, и самим из тех своих поместий в иные города и в села и в деревни никуда не бегать, а жить в своих поместьях и вотчинах, и владеть им мурзам и татарам всякому своим поместьем, где кто испомещается по дачам» [ГУТО ГАТ, ф.329, оп.13, д.24, л.2]. Правительственным указом 1708 г. определялось, что «буде кто владеть иноземскими землями хотя по каким указам и грамотам, или по каким крепостям и данным, и те все земли взять и отдать им иноземцам во владение по-прежнему» [там же].

Таким образом, формально государство оберегало права на земли и угодья инородческого служилого и ясачного населения. Делалось это для того, чтобы «ясачных людей от государева жалованья не отгонять и тем бы их не оскорбить», и чтобы «нашей государеве службы и подводные гонбы не отбыть» [Андроников, 1911, с.39, 56].

Согласно правительственным указам, вся земля за Уралом считалась собствен-

ностью государства. Как русских крестьян, так и сибирских инородцев закон рассматривал как «водворившихся» на казенных землях. Причем собственность государства была не номинальной. Верховная власть не только декларировала, что в «Московском государстве и в Сибири с земель служилые всякого чина служат Наши, Великого Государя, службы, а крестьяне пашут десятинные пашни и платят оброки, а даром землями никто не владеет» (указ 20 июня 1701 г.), но и на деле осуществляла права собственника. Условием владения землей у служилых людей было несение ими службы с одновременным лишением всего или части хлебного жалованья [История казачества, 1995, с.182].

Владение землей для служилых татар, как и для русского служилого сословия, осуществлялось на основании несения службы. Во многих документах, закреплявших земельные права, подчеркивалась условность характера владения землей. Так, в них говорилось, что «дачи пожалованы предкам... служивым татарам от казны вместо хлебного жалованья и фуража» [ГУТО ГАТ, ф.329, оп.13, д.7, л.279об.]. Государство закрепляло за служилыми татарами их «вотчинные земли и угожья», но одновременно оговаривало, что условием владения этими вотчинными землями является служба. Как отмечает И.Н.Андроников, «все обязанности покоренных по отношению к покорившей их Москве... заключались в «службе»: под видом ли обработки земли для пополнения царских житниц, под видом ли ясака, вносимого пушниную, а затем деньгами, или же, наконец, в виде действительной службы в царском войске» [Андроников, 1911, с.2–3].

Первые планы на сибирские земли были составлены правительственными органами еще в конце XVI–начале XVII вв. Границы землепользования определялись в ходе оформления писцовых и переписных книг, выписи из которых выдавались переписчиками на руки. При всех спорах на протяжении XVIII – начала XX вв., выписи служили для татар доказательством их прав на землю. Границы угодий обозначались в записях естественными урочищами:

озерками, болотами, колками и т.д. Вплоть до XVIII – начала XIX вв. правительство рассматривало «данные» на татарские земли как документ, закрепляющий за землевладельцами право спокойного и прочного владения землей, которой до того времени владельцы эти пользовались фактически, по обычному праву, но без ограждения от посторонних притязаний правом формальным. «Данные» выдавались и на земли «порозшие», никем не занятые. В XVIII – начале XIX вв. правительство предоставляло татарам право свободного распоряжения занятыми землями. Земли татар считались «вотчинными», исстари состоявшими в их владении. Единственным ограничением в распоряжении татар землей было запрещение ее продажи русским. Между самими татарами никаких препятствий по купле-продаже, закладу земель правительство не ставило, и акты на эти сделки совершались фактически беспрепятственно, однако при условии, что право на владение землей было закреплено «данными» [Андроников, 1911, с.58]. По указу Сибирской губернской канцелярии от 26 июля 1732 г. предписывалось: «впредь русским людям на татарских и других иноземцов землях, на которых они живут и промысел имеют, жить татарам и другим иноземцам таковые свои земли русским людям продавать запрещено» [ГУТО ГАТ, ф.329, оп.13, д.24, л.2].

В конце XVI – начале XVII вв. официально фиксированные нормы отвода земель служилым людям отсутствовали, поэтому величина участков в хозяйствах служилых сильно варьировала. В первой половине 1620-х гг. в Западной Сибири она колебалась от 0,75 дес. до 121 дес. на один двор [История казачества, 1995, с.180]. Н.А.Балюк приводит сведения, что в среднем на двор русских служилых приходилось 15,7 дес. пашенных земель [Балюк, 2002, с.15].

Уже в начале XVII в., по реформам тобольского воеводы Ю.Я.Сулешева (1623–1625 гг.), служилое землевладение в значительной мере ставится под контроль властей. Земельные участки служилым людям стали отводиться, как правило, в размерах, которые соответствовали их хлебному

окладу. В дальнейшем официальные нормы отвода земли уменьшаются. Так, в 1696 г. было предписано «сибирских городов служилым людям за хлебные оклады» отводить: дворянам и детям боярским – по 10 дес. пахотных угодий в одном поле (30 дес. в трех полях) и сенных покосов на 600 копен (что составляло около 30 дес.), конным казакам – по 6,5 дес. в поле и покосов на 200 копен. С 1732 г. по указу Сибирской губернской канцелярии конным казакам стали отводить надел пахотной земли в 5 дес., хотя на практике часто допускались отступления от установленных норм [История казачества, 1995, с.180].

Что касается служилых татар, то по «Дозорной книге г. Тары» (первая четверть XVII в.) можно наблюдать размеры земельных владений тарских служилых татар в XVII в. [РГАДА, ф.214, Оп.1, д.1182, л.284 об., 352 об.]. Размеры запашки, производимой тарскими служилыми татарами, были незначительными. В целом они не превышали 6 дес. (по 2 дес. в трех полях). Средний размер пашни, приходившейся на один двор служилых татар, был около 3 десятин. Все тарские служилые татары несли службу «с пашни» и получали только денежное жалованье. По данному делу также видно, что были нередки случаи завладения татарскими угодьями русскими казаками. Служилые направляли челобитные царю с жалобами на причиненные обиды. Так, «тарские служилые татаровья Талайко Кучуков, Копландейка Черегеев с товарищами... подали челобитную а в челобитной их написано с прошлых лет поле дедов и отцов своих владеют они татаровья пашенною и непашенною землею в межах подле речки Великую Кыртищу реке, а по другую сторону с пашни казакам Миткою Косаревым и подле болота... А в нынешнем ж... году по челобитной Тарского отставного конного казака Анички Кузнецова отдана та их вышеписанная татарская земля ему Аничке без розыску...» [РГАДА, ф.214, оп.1, д.1182, л.349об.]. Часто прибегали к свидетельству однообщинников о владении землями «исстари», что и являлось основанием для дальнейшего владения угодьями. Так же было и в этом случае. В итоге «по

указу великого государя... велено вышеписанною пашенною и непашенною землею владеть служилым татарам Талайке Кучукову и Копландейке Черегееву с товарищи по-прежнему» [РГАДА, ф.214, оп.1, д.1182, л.349–350об.].

Пашенные угодья томских служилых татар также были небольшими. Размеры пашни, обрабатываемой томскими служилыми татарами Малой Байкульской волости, проживавшими вверх на реке Томе на Черной речке, в XVII–начале XVIII вв. в среднем были немногим больше одной дес. на двор [Малиновский, Томилов, 1999, с.449–456]. Томские служилые татары указывали, что владели своими угодьями они «без крепости», и с этих владений не платили в казну денежных и хлебных податей.

«Переписные книги» сына боярского Ф.Бовыкина 1672 г. позволяют рассмотреть размеры пашенных угодий в XVII в. тобольских служилых татар на примере татар юрт Турбинских, по которым видно, что на одно хозяйство служилых татар юрт Турбинских Тобольского уезда приходилось в среднем по 5 дес. земельных угодий, из которых обрабатываемой пашни было 4,5 дес. Средний размер возделываемой пашни захребетных татар юрт Турбинских составлял около 3 дес. Кроме того, в совместном владении служилых и захребетных татар находилось более 30 дес земельных угодий близ юрт Турбинских, которыми они владели «без крепости», а также многочисленные сенные угодья, которые также состояли в общем держании [Андроников, 1911, с.7–10].

В XVII в. происходят кардинальные изменения и в хозяйственном укладе сибирских татар. Эти изменения были связаны, прежде всего, с русской колонизацией Сибири и государственной ориентацией в целом хозяйства юга Сибири как земледельческого. Несмотря на то, что земледелие у татар существовало еще в дорусский период, оно не играло значительной роли в хозяйственном комплексе сибирских татар даже в благоприятных для земледелия южных районах. Татарское хозяйство в XVII в. продолжает оставаться многоукладным, но «в экономике нерусского населения Сибири

земледелие принимает все более устойчивый характер» [Андроников, 1911, с.7–10]. В XVII в. начинает формироваться система инородческого земледержания, при которой верховным собственником земли выступает государство, дающее земли татарам либо «за службу», либо «за уплату ясака».

Таким образом, с конца XVI в. начинает формироваться государственная политика, направленная на политическую, административную, экономическую интеграцию вновь присоединенных сибирских территорий и татарского населения Сибири к Московскому государству.

ГЛАВА 2

Экономическая, социальная и этнотерриториальная структура татарского общества и его эволюция**§1. Этнотерриториальные и этнокультурные группы татар и их взаимодействие***Дамир Исхаков*

Начиная со второй половины XVI в., когда в результате русского завоевания Поволжья, затем и Западной Сибири были разрушены социально-политические основы татарских ханств (Казанского, Астраханского, Сибирского, Касимовского), а Ногайская Орда вступила в полосу затяжного кризиса и деконсолидации, возникли предпосылки для массовых миграций тюрко-татарского населения этих государств, этнокультурного взаимодействия и смешения его этнических групп. Наиболее интенсивно эти процессы проходили в Волго-Уральском регионе, где во второй половине XVII в. в ходе постепенной трансформации сложившихся в поволжских ханствах татарских этний (народностей) происходило становление нового этноса волго-уральских татар, формировавшегося в результате консолидации татар казанских, астраханских, касимовских, мещерских, а также этнически близких к ним групп северо-западного Приуралья. За рамками этого этнокультурного взаимодействия, наиболее интенсивно проходившего в Новое время, остались сибирские татары, чье этническое сближение с волго-уральскими татарами в тот период еще было незначительным из-за отсутствия в XVI–XVII вв. сколько-нибудь существенной миграции представителей последних в Западную Сибирь.

Образование этноса волго-уральских татар – этнического ядра будущей татарской нации – происходило под воздействием различных причин, среди которых можно выделить миграционные, демографические, этнокультурные и социально-политические факторы. Из них первые две группы пред-

посылок этнических процессов, происходивших среди тюрко-татарского населения Волго-Уральского региона во второй половине XVI–XVIII вв., рассматриваются отдельно, здесь внимание будет сосредоточено на факторах этнокультурного и социально-политического характера.

* * *

Этнокультурные факторы. Главная трудность анализа проблемы «переформатирования» этнокультурных структур татарских этний, сложившихся еще в рамках прежних этнополитических объединений, в новый этнос волго-уральских татар, заключается в том, что прямых данных об этнокультурной трансформации средневековых татарских этнических общностей в русский период из источников получить невозможно. Поэтому для описания этого процесса предварительно необходимо создать определенную теоретическую модель этнических изменений среди татар Волго-Уральского региона в XVI–XVII вв. Она была выработана на основе материалов по традиционной культуре, собранных в ходе подготовки многотомного «Историко-этнографического атласа татарского народа» [Татары, 2001, с.11–25, 135–141; Татары Поволжья и Урала, 2002, с.52–166; Тартарика, 2008, с.112–118, 138–151].

Предлагаемый аналитический подход к изучению проблемы становления этноса волго-уральских татар базируется на выделении в границах Волго-Уральского историко-культурного и географического региона особой «татарской» этнокультурной области, состоящей из трех «первичных» или

«генетических» подобластей (казанско-татарской, мишарской и касимовской) и одной «вторичной», имеющей переходный между тремя подобластями характер. Можно думать, что казанско-татарская и мишарско-татарская этнокультурные подобласти восходят к соответствующим средневековым этниям, а касимовская, имеющая смешанные культурные параметры, делающие ее промежуточной между указанными двумя ареалами, отражает культурные параметры населения зоны «столичного» округа Касимовского ханства, сумевшего, несмотря на свою относительную немногочисленность, сохранить в среде преобладающего татарско-мишарского окружения свои особые этнокультурные параметры.

Но для понимания содержания тех этнических процессов, которые в XVI–XVII вв. привели к формированию этнической общности волго-уральских татар, оказалось важным выявление существования в регионе отмеченного выше переходного (смешанного) этнокультурного ареала, состоявшего из двух этнокультурных зон – средневожской и приуральской, из которых первая является результатом массовых миграций татар начиная со второй половины XVI в. в пределах Поволжья, где происходило этническое взаимодействие казанских, касимовских, астраханских татар и татар-мишарей, а вторая, из-за сложности этнической структуры населения различного происхождения, прежде всего в северо-западной части Уральской зоны окончательно сложившаяся лишь в XVIII в., отражает этнокультурные контакты выходцев из Среднего Поволжья с местным тюркским населением. Об этом свидетельствует то, что в Приуральской зоне наряду с этнокультурными особенностями, присущими средневожской зоне, отчетливо прослеживается воздействие на татар-переселенцев этнически разнокомпонентного местного населения, в конечном счете ставшего одним из существенных этнических слагаемых приуральских татар [Исхаков, 1990, с.4–12].

Смешанная этнокультурная подобласть у татар в Волго-Уральском регионе сложилась в результате сближения в XVI–XVII вв. этнических территорий ранее самостоя-

тельных татарских этний бывших ханств, когда вследствие миграций возникли ареалы чересполосного и совместного (в общих селениях) расселения разных этнотерриториальных групп татар. Последние в новых местах расселения подверглись языковым и культурным изменениям и по своим этнокультурным параметрам, несмотря на определенную общность с «материнскими» этниями, уже не могут рассматриваться в их структуре, фактически являясь этнокультурными подразделениями этноса волго-уральских татар. По мере формирования этой новой этнической общности ранее самостоятельные татарские этнические образования пережили процесс превращения в субэтноты или иные (этноконфессиональные, как в случае кряшен, этносословные, как в случае тептярей, приуральских мещеряков, частично – башкир) группы. Несмотря на такие изменения, у субэтнотсов, т.е. казанских, касимовских и мещерских (мишарей) татар, еще сохранялся значительный потенциал самостоятельного развития, так как в ареалах своего первоначального сложения они обладали не только определенной компактностью расселения, но и культурно-языковыми особенностями, осознаваемыми представителями данных этнических образований. Перемешивание в ходе миграций XVI–XVII вв. этнокультурных подразделений «генетического» характера могло даже привести к временному усилению этнокультурной однородности, следовательно, к большей консолидированности старых этнических «ядер» названных выше субэтнотсов, чего не наблюдалось в Приуралье – там, наоборот, шла этносословная дифференциация переселенцев, сопровождавшаяся их проникновением в состав башкирского сословия.

В условиях масштабных этнических процессов XVI – начала XVII вв. в среде татар Волго-Уральского региона происходили изменения и в их самосознании. Основным их направлением было постепенное распространение самоназвания «татары», правда, еще «опутанное» земляческими, конфессиональными и сословными номинациями.

Так, постепенное «расщепление» мишарской общности на ряд слабо связанных

между собой территориальных групп привело к возникновению у них локальных самоназваний, близких к этниконам и «привязанных» к отдельным российским уездам: кэчимнэр – касимовцы, төмән/төмәннэр – темниковцы, алатыр/алатырлар – алатырцы (детальнее см.: [Исхаков, 1993а]). Несомненно, эти земляческого типа наименования подрывали общетническое самосознание татар-мишарей (можар/мешер/мишар или мешерских татар), взамен которому все чаще применялся общий этноним «татар», в том числе и под воздействием русской администрации.

У казанских татар, сохранивших значительную территорию сплошного расселения в Волго-Камье, такой «локализации» самоназвания не произошло, не считая группы нукратских (каринских) татар, оказавшихся с конца XV в. в составе Вятской земли (затем в Хлыновском и Слободском уездах). В источниках казанские татары в XVI–XVII вв. выступают как «служилые» и «ясачные», представители последней группы до 1670-х гг. в писцовых и переписных книгах, а также в актовых материалах XVI – середины XVII вв. фигурируют и как «ясачные чуваша», относительно которых далее будет дано отдельное разъяснение (по проблеме в целом см.: [Исхаков, 1988]). Кроме того, крещеные татары (кряшены) с течением времени также приобрели специфическое этноконфессиональное самосознание, что было характерно прежде всего для тех татар, которые были обращены в православие во второй половине XVI – XVII вв. (так называемые «старокрещеные»).

Более сложная ситуация была характерна для тюрко-татарского населения Приуралья, где можно говорить об изменении у части переселенцев, прежде всего из казанских татар, их этнического самосознания. Это произошло из-за вхождения их в сословные группы тептярей и башкир (вотчинников). В данном случае следует говорить о том, что сословная принадлежность у татар, вошедших в эти сословные образования, начала доминировать с течением времени в их этническом самосознании, хотя и не вытеснив полностью первоначального наименования. Но отно-

сительно этносословной группы тептярей, которая в XVI – XVII вв. еще только складывалась, можно думать, что самосознание принадлежности к ней у ее представительей все же окончательно сложилось лишь в XVIII в. [Исхаков, 2014, с.166–173], что оставляет возможность для разных трактовок проблемы этнической принадлежности и этнического самосознания тептярей (например, см.: [Якупов, 1998; 2002]). Когда речь идет о тех приуральских татарах, которые вследствие социальных процессов оказались в группе «башкир», не следует забывать о том, что это происходило на северо-западе Приуралья, где сами башкиры обладали значительной этнической спецификой (о чем см. далее), находясь, к тому же, в тесных этнокультурных связях с переселенцами из Среднего Поволжья.

Относительно этнической специфики башкирского населения данного ареала следует сказать, что в XVI – начале XVII вв. в северной зоне Приуралья (в Среднем или Пермском Приуралье), а также несколько южнее, по источникам отчетливо прослеживается существование у кунгурских татар (население Сылвенско-Иренского бассейна, входившее в состав Кунгурского уезда) и у тулвенских (гайнинских) башкир (относились к Осинской даруге Уфимского уезда), а также у ряда других башкирских кланов (кушчи, балыкчи, сызгы, упей, юматы) общего этнического компонента, фиксируемого в различных документах русского происхождения как «остяки» (от тюрко-татарского иштэк/үштэк), в отдельных башкирских родословных – как «иштэк» [Исхаков, 1998, с.114–140]. А вот социальная верхушка у этих групп имела «татарское» происхождение, восходя к «татарам» политий Шибанидов или к ногайской знати [Исхаков, 1998, с.162; Исхаков, 2012]. Имея в виду важную роль, которую ногайцы играли в государстве Шибанидов (включая Сибирское ханство), данный аспект рассматриваемой проблемы забывать не стоит. Кроме того, до 1630-х гг. в этой зоне находились части Ногайской Орды [Трепавлов, 1997а; Исхаков, 1998, с.140–174], а для социальной верхушки ногайцев, как установлено,

было характерно не только «мангытское», но и «татарское» самосознание [Исхаков, 1998, с.164–165], что сильно усложняет вопрос об этнической дифференциации тюркского населения Приуралья во второй половине XVI – первой трети XVII вв., т.е. до окончательного ухода ногайцев на правый берег Волги. Сюда еще следует добавить, что Сибирское ханство также контролировало некоторые районы Приуралья (по-видимому, во второй половине XVI в. территорию более поздней Сибирской даруги Уфимского уезда), куда были переселения из среды сибирских татар, что также необходимо принять во внимание, ибо речь идет о существовании в этом ареале татарского населения, и до начала переселения туда начиная со второй половины XVI в. татар-выходцев из Среднего Поволжья.

В целом, для северо-запада Приуралья применительно к XVI – началу XVIII вв. можно говорить о делении тюрко-татарского населения данной зоны на ряд этносословных групп («остяков/иштяков», «башкир», «тептярей», «мещеряков», «служилых» и «ясачных» татар, последние из которых могли именоваться и «ясачными чувашами»), ни одну из которых невозможно отождествлять полностью с конкретным этносом более позднего времени. Тем более, что в реальной жизни все они находились в процессе этнокультурного взаимодействия, (особенно на северо-западе Приуралья), приводившего к зыбкости тут этнических границ, что не всегда учитывается современными узко этнически ориентированными исследователями из Башкортостана (критику такой позиции см.: [Большая ложь, 2010]). Поэтому для приуральских татар скорее можно говорить о доминировании в исследуемое время локального самосознания с сильным этносословным оттенком, когда объединяющим началом выступал конфессиональный фактор – принадлежность большинства тюрко-татарского населения Приуралья к мусульманской умме, приводившей к бытованию конфессионализма «мөселман».

Эволюция этнического самосознания татар Волго-Уральского региона в ходе формирования этноса волго-уральских татар

шла в направлении постепенной выработки у них общей для всего этнического массива «татарской» идентичности, возникавшей не на пустом месте, ибо ранее она была характерна для представителей сословия служилых татар, но в условиях XVI – XVII вв. из-за характерности тогда сословных, субэтнических, другого рода местных и конфессиональных делений, присущих практически всем средневековым сообществам, «опутанной» иными номинациями. На избавление от такого рода локальных и другого типа наименований влияли не только внутриэтнические процессы, но и причины внешние, также способствовавшие усилению у волго-уральских татар чувства своего единства.

Одним из таких «сплывающих» факторов было исповедование большинством татар региона ислама. Поэтому принадлежность, за исключением христианизированных групп кряшен, к мусульманской умме, когда соседи, кроме башкир и ногайцев (до 1630-х гг.), являлись язычниками или христианами православного толка, явно объединяла волго-уральских татар, у которых конфессионим «мусульмане» (мөселман, мөселманнар) выступал одним из важнейших компонентов их этнического самосознания. Но этот фактор не срабатывал в Приуралье, где этнические границы отчасти из-за этого оставались неопределенными.

Другим существенным объединяющим началом для рассматриваемой этнической общности выступало функционирование у волго-уральских татар общего культурного пространства, обладавшего и «высокой» стратой – литературой, основанной на поволжском тюрки (она обслуживала и башкир), деловой письменностью, использовавшейся и в дипломатической практике Русского государства [История татарского народа, 2009, с.388–395; Хисамова, 2012].

Определенным объединяющим началом для волго-уральских татар выступали и представления уже многочисленного к концу XVII в. в регионе русского населения и работников государственной администрации, не различавших отдельные этнические группы татар, особенно к середине

XVII в., одинаково называя как казанских, так и мещерских татар просто «татарами», видя в мусульманском населении Среднего и Нижнего Поволжья представителей одного и того же этноса. Даже в Приуралье собственно татары, за исключением входивших в различные сословные структуры групп (тептярей, мещеряков, отчасти и башкир), местной администрацией все чаще маркировались этнонимом «татары».

При складывании этнической общности (народности) волго-уральских татар между казанскими и мещерскими татарами (а по соседству с последними – касимовскими), а также тюрко-татарским населением Приуралья этнокультурные различия еще сохранялись, поэтому представители разных субэтнических и иных образований различали друг друга по культурно-бытовым и языковым особенностям, сохраняя тем самым определенные представления о локальной этноспецифике. Но даже при наличии у татар внутриэтнических делений, конфессиональной обособленности крышен, невыраженности этнических границ на северо-западе Приуралья постепенное распространение общего этнонима «татары», сопровождавшееся этнокультурными изменениями, стимулировавшими этническое сближение ранее обособленных групп татар Волго-Уральского региона, привели к завершению к концу XVII в. формирования этноса волго-уральских татар. Это была феодальная народность, имевшая некоторые особенности, для выяснения которых надо еще рассмотреть вторую группу факторов становления данной этнии.

Социально-политические факторы.

Уже установлено, что этнополитические общности, сложившиеся в рамках позднезолотоордынских тюрко-татарских государств, обладали присущей для средневековых обществ социальной стратификацией на «благородных» (аксөяк) и «чернь» (кара халык), в ряде случаев имевшей этнословный характер, когда слой феодалов в широком смысле слова состоял из собственно «татар» – золотоордынских групп с клановым делением, а крестьянское (ясачное) население восходило к дозолотоордынским этническим формированиям

[Исхаков, 1998; Татары, 2001]. Хотя этническое взаимодействие между этими двумя основными стратами татарских обществ фактически привело еще на позднезолотоордынском этапе к становлению ряда самостоятельных, но близкородственных этний [Исхаков, 2009], из-за сословного характера деления на страты феодалов и тяглого населения, тем более в условиях продолжавшихся в XV–XVII вв. контактов верхнего «татарского» слоя разных тюрко-татарских государств [Татары, 2001, с.124–135], оно дожило до периода русского завоевания, получив после этого отражение в массовых источниках, созданных русской администрацией (в писцовых и переписных книгах, актовых материалах и др.). Так как в них содержатся не характерные для более позднего времени этнические маркировки, применявшиеся по отношению прежде всего к ясачной части этносов Волго-Уральского региона, в том числе к татарам [Исхаков, 2012а, с.442–448; Исхаков, 2007], трактовка этнических (на самом деле – этнословных) категорий второй половины XVI–XVII вв. остается дискуссионной. В связи с тем, что становление этнической общности волго-уральских татар было связано и с преодолением указанного этнословного деления, восходившего к более ранней истории, эта проблема должна быть рассмотрена в связи с трансформацией социальной структуры татар Волго-Уральского региона после русского завоевания.

Применительно к казанским татарам необходимо разобраться с так называемыми «ясачными чувашами» – податным, крестьянским преимущественно населением Казанского и отчасти Свияжского уездов (т.е. центральной части бывшего Казанского ханства, в XVII в. по инерции довольно часто именовавшейся еще «Казанским царством»), а также территории бывшей Вятской земли, преобразованной позже в Хлыновский и Слободской уезды. В действительности рассматриваемое население со второй половины XVI–XVII вв. фиксируется и на территории Уфимского уезда, куда оно переселялось из Среднего Поволжья [Исхаков, 1985; Шигапов, 2010]. Проблема заключается в том, что

эта, достаточно многочисленная группа, именовавшаяся «ясачными чувашами» между 1510–1670-ми гг., затем в русских источниках начинает называться «ясачными татарами», образуя вместе со служилой группой казанско-татарскую часть этноса волго-уральских татар.

По данной, весьма непростой, проблеме были сформулированы четыре основные гипотезы – об их чувашской, татарской, болгарской и удмуртской этнической принадлежности [Исхаков, 1988]. На сегодня последнюю точку зрения из-за недостаточной аргументированности можно уже отбросить [Исхаков, 2010]. А вот первые три гипотезы – на самом деле они взаимосвязаны – необходимо проанализировать. Заметим, что к настоящему времени главная трудность при обращении к этой теме заключается в продолжающихся спорах чувашских и татарских историков, когда первые считают «ясачных чувашей» этническими чувашами, впоследствии ассимилированными татарами [Дмитриев, 2004, с.100; Иванов, 2005, с.105–106; Родионов, 2008; Егоров, 2012], а вторые полагают, что так именовали в русских документах ясачных татар или одну из этнословных групп казанско-татарской этнии, восходящей к волжским булгарам [Исхаков, 1998].

Так как рассматриваемый вопрос уже был предметом отдельного нашего изучения [Исхаков, 1988; Исхаков, 1998; Исхаков, 2012а; Исхаков, 2014], здесь мы ограничимся приведением итоговых заключений относительно подлинной этнической принадлежности «ясачных чувашей».

Эта группа населения отмечается в писцовой книге г. Казани и ее уезда 1565–1568 гг., затем в писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. (см.: [Материалы ТАССР, 1932; ПК КУ, 1978]). Но ближе к середине XVII в. термин «ясачные чувашаи» в документах начинает заменяться понятием «ясачные татары», что, однако, произошло не сразу. К примеру, при описании Галицкой даруги Казанского уезда в 1678 г. в заголовке описания стоит формула «чувашские деревни и починки (перечисляются 24 селения). Однако, когда перечисляются жители названных селе-

ний, они то и дело называются «ясачными татарами», хотя в заключительной части писцовой книги 1678 г. опять именуется «ясачными чувашами» [РГАДА, ф.1209, ед.хр.6447, л.378–444]. Аналогично обстоит дело и с населением двух деревень Алатской даруги Казанского уезда: когда речь идет об их жалованных грамотах за 1604 г., они маркируются как «ясачные чувашаи», но когда писцы говорят о современном им периоде (т.е. о 1677 г.), жители этих деревень опять называются «ясачными татарами» [РГАДА, ф.1209, ед.хр.6483, л.221–227]. Таких примеров можно привести множество.

Изучение расселения «ясачных чувашей» в XVI–XVII вв. показывает, что за отдельными исключениями они сосредоточивались на территории Казанского и Свияжского уездов (но следует помнить, что в последнем уезде жили и этнические чувашаи). Так как ситуация со Свияжским уездом более сложная, следует отметить, что из упоминаемых в писцовой книге Свияжского уезда 1565–1567 гг. 33 селений, из которых население 22 названо «чувашами», 11 – «татарами и чувашами», 6 – «татарами» [СПС 1565–1567], в большинстве позже жили только татары. В г. Казани, согласно писцовой книге 1565–1568 гг., эти «чувашаи» также отмечаются в «Татарской слободе» (150 дворов). Опрос, проведенный в ходе рассматриваемой переписи, показал, что «в те татарские дворы татарова и чювашаи приезжают жить зимою или в заворошню» [РГАДА, ф.1209, ед.хр.643, л.210–233], что свидетельствует об их связи с сельским «ясачно-чувашским» населением Казанского уезда. В начале XVII в. «ясачные чувашаи» фиксируются фактически на всей территории Казанского уезда (частично, как было отмечено, и в Уфимском уезде). По отдельным даругам Казанского уезда они расселялись довольно неравномерно (см. таблицу 2.1), больше концентрируясь по территориям Арской и Зюрейской даруг. Число смешанных (татарско-чувашских) селений по даругам было примерно одинаковым; исключение составляет лишь Галицкая даруга, но она сама по себе была небольшой по размерам.

Таблица 2.1

Расселение «ясачных чувашей» по даругам Казанского уезда в начале XVII в.*

Даруги	Селения с населением	
	«ясачно-чувашским»	«татарским» и «ясачно-чувашским»
Галицкая	10	7
Алатская	11	21
Арская	35	19
Зюрейская	43	21
Ногайская	18	23
Итого	117	91

*Подсчет наш. Источники см.: [Исхаков, 1998].

Изучение существующих источников позволяет сделать следующие основные выводы применительно «ясачных чувашей» Казанского уезда второй половины XVI – середины XVII вв.: представители этой группы исповедовали ислам (что сразу же не позволяет рассматривать их как этнических чувашей); они были татароязычными (см. также: [Әхмәтжанов, 1998]); расселение «ясачных чувашей» совпадает с ядровым ареалом формирования казанских татар; в этой зоне они численно намного (где-то четырехкратно) превосходили служилых татар; они являлись структурной частью – низовым слоем, казанско-татарской этнии, имевшей булгарские этнические истоки. К сказанному следует добавить и наблюдения известного казанского историка Е.И.Чернышева, уже довольно давно на основе изучения источников отметившего, что на территории Казанского уезда XVI – XVII вв. в непосредственной близости от казанских татар надо было бы искать не этнических чувашей, а марийцев, волости которых вплотную примыкали к зоне проживания казанских татар на Луговой стороне. Он же обосновывал заключение о том, что термин «ясачные чувашаши» не имел этнического значения, являясь социальной категорией, синонимичной понятию ясачного (тяглового) населения [Чернышев, 1963]. Несмотря на обоснованность этих наблюдений, ему тогда не удалось объяснить причину именованья указанных ясачников именно «чувашами». Правда, Е.И.Чернышев выдвинул предположение, что это на-

именование было присвоено ясачным татарам служило-татарским населением, позже, по его мнению, оно было усвоено через него и русской администрацией. Сейчас эту гипотезу можно усилить на основе лингвистики. В частности, Р.Г.Ахметьяновым было выяснено, что в некоторых тюркских языках понятие «*şuaş*» (отсюда – чуваш/чюваш) применяется для обозначения тяглового населения – «земледельца/пахаря/крестьянина» [Ахметьянов, 1995].

Учитывая и приведенные выше выводы Е.И.Чернышева, исходя из сказанного можно утверждать, что в период Казанского ханства термином «чуваш/чюваш» представители феодально-татарской страты обозначали ясачников-земледельцев тюркского происхождения, унаследованных от прежнего Булгарского вилайета Улуса Джучи. Если учесть, что у этнических чувашей и крестьянского (ясачного) сословия казанских татар имелся общий этнический компонент в лице потомков волжских булгар, можно объяснить и появление общего наименования, «перекрывающего» чувашей и казанских татар. Этому могла способствовать и особенность первой переписи, проведенной в центральной территории бывшего Казанского ханства в 1565–1568 гг. после русского завоевания, – она началась с Нагорной стороны (Свияжского уезда) – где в пограничной зоне между чувашами и ясачными татарами еще могла сохраняться этнокультурная близость (переходное состояние), из-за чего русские переписчики не смогли

отделить две этнические группы друг от друга. Такое вероятно и потому, что перепись на территории Свияжского и Казанского уездов проводилась одними и теми же переписчиками, что усиливает возможность влияния субъективного фактора на определение этнической принадлежности переписываемого населения. К тому же переписи второй половины XVI – середины XVII вв. фиксировали не этническую, а сословную принадлежность завоеванного населения, когда первый параметр зависел от второго, но он, скорее всего, определялся по косвенным данным (на основе языка, эндо- и экзоэтнонимов, культурно-бытовых особенностей и т.д.).

В таких условиях использование наименования «*şıaş*», явно бытовавшее уже в период Казанского ханства, применительно к тяглой группе казанских татар, имевшей этническую близость к части чувашей, вполне вероятно, особенно из-за продолжавшегося сохраняться в начальный период после русского завоевания отчетливого подразделения казанских татар на феодальную и крестьянскую страты. Похоже, что в результате фиксации этой этносословной маркировки за определенной частью крестьянского населения Казанского края, в дальнейшем из-за записывания их владений в писцовых и переписных книгах, являвшихся главными источниками, закреплявшими права на землевладение, она вошла в государственный документооборот и сохранялась вплоть до 1670-х гг., иногда, пережиточно, и позже. Массовую замену термина «ясачные чуваше» в писцовых и переписных книгах 1670-х гг. Казанского края следует объяснять двумя причинами. Во-первых, к этому времени могли измениться представления русской администрации, в том числе и из-за происходивших в Среднем Поволжье среди татар этнических процессов, уже четко различавшей этнические границы между народами Волго-Уральского региона. Во-вторых, этому способствовало и уменьшение с течением времени этнокультурной дистанции (в целом различий) между служило-татарской и ясачно-татарской частями населения региона, не в последнюю очередь потому, что постепенная ликвида-

ция российской властью служило-татарского сословия, сопровождавшаяся «спуском» многих представителей татарского феодального класса в разряд крестьян (так называемые «лапотные» князья и мурзы), способствовала этому.

Схожая описанному этническая ситуация была характерна не только для ареала расселения казанских татар, но и для районов проживания татар-мишарей в Среднем Поволжье и для северо-западных зон Приуралья. Так как тут в каждом конкретном случае имелась своя местная специфика, положение дел в этих зонах следует рассмотреть отдельно.

Как уже было отмечено, в русскоязычных документах к началу XVII в. тюркское население исторической Мещеры (Мещерского юрта или Касимовского ханства) в основном именовалось «татарами», весьма часто с определением по названию того уезда, в котором они жили. Тем не менее, у самих татар этой группы существовало отчетливое осознание их этнического единства: так, князья, мурзы и татары Алатырского уезда в 1618 г. считали своими «братьями» князей, мурз и татар Касимовского, Кадомского, Шацкого, Темниковского и Арзамасского уездов [Герасимов, 1931, с.22], т.е. фактически всех основных районов формирования этнических групп мишарей.

В начале XVII в. в деловых актах Русского государства для обозначения тюрко-татарского населения исторического Мещерского юрта (Мещеры) применялось еще одно сложное определение – «татары Мещерских городов», сокращенной формой которого было «Мещерские татары». Здесь ясно видно, что главной частью номинации является этноним «татары». Однако, применительно к зоне Мещерского юрта в ходу был еще один термин – «мещеряки» или «мещеряне», очень похожий на этноним, но без татарского составного. Вследствие того, что в конце XVI–XVII вв. так могли именовать не только татар мещерских уездов, но и мордву, а также русских, живших там, это понятие, скорее, следует рассматривать как этноним, возникший по образцу «казанцы», «астраханцы», «крымцы», от более раннего политонима, восходящего к другому названию г. Касимова – Мещерский городок

(детальнее см.: [Исхаков, 1998, с. 183–212]). Несмотря на такое заключение, нельзя не видеть наличие в этом понятии определенного этнического составного (этникон этим и отличается), восходящего к наименованию «Мещера» (от него известны и формы «можар»/ «мачяр»), связанному исторически с одной из групп (кроме мордвы) ясачного населения Касимовского ханства. Так как она в рассматриваемой зоне вошла и в состав русских (так называемая «русская мещера»), речь идет о второй – низовой страте населения прежнего Мещерского юрта, ставшего также частью этнической общности татар-мишарей.

Применительно к этой группе можно говорить о том, что в литературе она обычно возводится этнически к домонгольским буртасам [Чекалин, 1892; Чекалин, 1897; Васильев, 1960]. Остатки их сохранялись в Мещере и в XVII в. (на территориях Кадомского, Темниковского и Алатырского уездов), где они отмечаются среди ясачного населения между 1596–1682 гг. [Исхаков, 1998, с.213–214]. Затем они фиксируются и в Свияжском уезде, очевидно, оказавшись там в ходе переселений с территории мещерских уездов. Для того чтобы яснее представить, как они фигурируют в документах конца XVI–XVII вв. (до начала 1670-х гг.), приведем несколько примеров. Так, в «Списке отводной выписи», полученной в 1596 г. князем Кулунчаком Еникеевым, речь идет о «буртасских татарах»; правда, из другой выписи за 1623 г. выясняется, что это были, скорее всего, жители д. Буртас, обозначенные и как «посопные татары» [Исхаков, 1998, с.213–214], что важно. Дело в том, что в грамоте, отправленной в 1682 г. на имя стольника князя И.С.Кугушева, ему предписывалось отдать новому воеводе г. Кадома «новокрещеным и мордве и буртасам имяные списки и ясачные книги по чему с буртас и мордвы собирают ясак» [Черменский, 1911, с.277]. Хотя отсюда еще неясно, имеют ли упоминаемые в данном случае ясачные буртасы отношение к упомянутым выше «посопным татарам», из другого документа вытекает утвердительный ответ на этот вопрос. Вот что сказано в выписи из писцовой книги Дм.Пушечникова и А.Костяева 1626–1628 гг.: «... в Ола-

торском уезде, в Верхосурском стану д. Нагаево, Чулпаново тоже..., а в ней буртасы, посопные татаровя... А всего в д. Ногаева и в выставках 17 дворов буртасских, посопных татар». Это селение существовало еще в 1614 г., и в нем по «Приправочной книге» Г.Норова числились 42 буртасских двора; к 1658 г. «те буртасы, посопные татаровя ... сошли жить в иные места» [Исхаков, 1998, с.231]. Несмотря на то, что это население было и не слишком многочисленным [Акчурина, 2012, с.48], оно не путалось со служило-татарским населением мещерских уездов, во всяком случае в «Писцовой книге поместным землям Алатырского уезда» 1624–1626 гг., посвященной описанию служило-татарского землевладения (см.: [ПК АУ, 2012]), оно не указано.

Несмотря на отсутствие других прямых сведений об этой страте мишарской этнической общности, совпадение времени функционирования термина «ясачные буртасы»/«посопные татары» со временем фиксации в Казанском крае понятия «ясачные чуваша» позволяет предположить, что мы имеем дело с однопорядковым явлением. Но, скорее всего, в отличие от казанских татар, среди мещерских татар эта группа растворилась быстрее. То, что уже к началу XVII в. буртасы маркировались как «посопные татары», свидетельствует именно об этом. Но для более раннего периода эта этносословная страта у постепенно складывавшейся этнической общности мещерских татар явно существовала.

В рамках этнии татар-мишарей Мещерского юрта, затем – мещерских уездов, необходимо выделить и сумевшую сохранить свою этническую обособленность группу «столичных» татар, проживавших в г. Касимове и его уезде. Неполную интеграцию ее в окружавшее тюрко-татарское население мишарской общности следует объяснять продолжением пополнения касимовцев вплоть до середины XVII в. выходцами из Ногайской Орды, казахских ханств и сибирских татар [Исхаков, 1993, с.66–85]. Несмотря на этнокультурные связи касимовских татар с мишарями, они сохранили самосознание своей отличности от них. Показательно также подразделение касимовских татар на три подгруппы («белый»

и «черный» аймаки, а также «кара зыбынар» [Исхаков, 2001, с.289–298]), подчеркивающее не только былое их этносословное деление, но и наличие в структуре этой группы этнического включения из числа ясачного населения мещерского (буртасского) происхождения.

Надо отметить, что несмотря на существование в XVI–XVII вв. определенного противопоставления в рамках формирующейся этнической общности волго-уральских татар «городецких», т.е. мещерских и «казанских» татар, на самом деле реальных этнических различий между ними было не так много. Недаром русский автор «Казанской истории», рассказывая о хане Шах-Али, во второй половине XVI в. подчеркивал, что у того с «казанцами» «...род бе един, варварский (т.е. татарский. – Д.И.), и язык един, и вера едина» [Казанская история, 1954, с.66].

Теперь обратимся к этнической ситуации в изучаемое время на северо-западе Приуралья. Тема эта достаточно дискуссионная прежде всего потому, что в литературе при ее анализе присутствуют подходы, основанные на механическом увязывании этнических и сословных групп XVI–XVII вв., отмечаемых в этой зоне, с этнокультурными формированиями более позднего времени, что неприемлемо. С методологической точки зрения в данном случае целесообразно исходить из выводов ряда исследователей, в т.ч. из Башкортостана, отмечавших незавершенность этнической консолидации башкир к XVI в. [Кузеев, Гарипов, Моисеева, 1985; Кузеев, Моисеева, 1984]. Об этом писали и другие исследователи [Юсупов, 1956; Исхаков, 1998]. Московским историком В.В.Трепавловым высказывалось мнение о фундаментальном делении башкир на «иштяков» (северо-западные башкиры) и на собственно «башкир» (юго-восточная часть башкирского этноса) [Трепавлов, 1997а, с.11], что является модификацией последней позиции. Об этом же приходилось писать и нам [Исхаков, 1998, с.113–174]. Сюда же следует добавить и необходимость обозначения роли Ногайской Орды и ее населения в этнических процессах, происходивших в Приуралье вплоть до 1630-х гг.

Прежде всего отметим, что в конце XVI–XVII вв. в пределах северо-запада Уфимского уезда (территории Осинской, частично Сибирской и Казанской даруг) и в Сылвенско-Иренском междуречье (на территории Кунгурского уезда) в русских, изредка тюркских документах проживавшее там ясачное население называется «остяками» (от тюрко-татарского иштэк/үштэк) и «татарами», а также «башкирами». Тут в ряде случаев упоминаются и «ногайцы»/«ногаи» (подробно см.: [Исхаков, 1998, с.113–140; Исхаков, 1990а, с.380–391]). Но разнообразие встречающихся в документах этнонимов далеко не точно отражает реальную этническую картину тюркского населения этого ареала. Дело в том, что для обозначения одних и тех же этнических групп в источниках применялись разные номинации. Так, в северной части Приуральской зоны – в Среднем или Пермском Приуралье, так называемые «остяки», выделяемые в писцовых и переписных книгах, актовых материалах второй половины XVI – первых десятилетий XVII вв., затем начинают «расщепляться» на «башкир» (бассейн р. Тулвы – гайнинские башкиры) и на «татар» (бассейн р.Сылвы и Ирени), что было не случайно – в формировании этих групп приняли участие золотоордынские татары из владений Шибанидов, а также ногайцы [Исхаков, 2012, с.46–51; Исхаков, 2013]. Но в XVII в., особенно в первой его половине, эти деления тюркского населения еще были неустойчивыми. Так, тулвенские (гайнинские) и другие (кушчинские, балыкчинские, сызгинские и т.д.) башкиры параллельно могли именоваться и «татарами». Кроме того, в Пермском Приуралье во второй половине XVI в. иногда синонимом термина «башкиры» могло выступать и понятие «ногаи»; таким же образом существовала взаимозаменяемость номинаций «татары» и «ногаи». А вот наименования «ногайцы» и «остяки» не пересекались, сохраняя свою самостоятельность (см. также: [Трепавлов, 1997а]), что свидетельствует о том, что под ними скрывались разные этнические образования. На самом деле последнее явление было характерно и для более южных районов Приуралья. Так, в шеджере племени

юрматы (запад Уфимского уезда), написанном в 1564–1565 гг., отдельно указываются группы «иштяков» (иштэк) и «ногайцев» (нугайлар), находившихся уже в процессе смешения, но еще окончательно не консолидированные в единую общность (см.: [Башкирские шеджере, 1960, с.29]). Если еще учесть, что ногайцы, точнее их социальные верхи (служилая часть), могли именовать себя и «татарами» [ПДРВ, ч.9, с.209], объяснение этнической ситуации, существовавшей в Приуралье в XVI–XVII вв., оказывается делом далеко не простым.

В стремлении преодолеть трудности, существующие при трактовке встречающихся в источниках применительно к приуральскому населению в XVI–XVII вв. разнообразных этнонимов, отдельные исследователи попытались высказать гипотезу о тождественности понятий «остяк/иштяк» и «башкир» [Кузеев, 1968, с.243–244; Кузеев, 1974, с. 203–209]. Но анализ источников не позволяет согласиться с этим мнением.

Прежде всего, необходимо учитывать возможность фиксации в имеющихся документальных материалах несовпадающих традиций русской и ногайской идентификации приуральского населения. Например, в дискуссии, происходившей в 1586 г. после построения г. Уфы между московской стороной и ногайским князем Урусом относительно государственной принадлежности ясачного населения Уфимского уезда, последний отмечает, что из Москвы ему писали «...чтобы (ему) с башкурдов и остяков дани никак не имати...(если)...пошлю...данщика (для того, чтобы собрать дань, т.е. ясак. — Д.И.)...», с башкирцев и остяков..., тех моих данщиков велишь побити» [Пекарский, 1872, с.8]. Тут князь Урус, правитель Ногайской Орды, пересказывает послание из Москвы поэтому, относительно этнических групп он использует номинации, характерные для русской администрации (но не исключено, что уже в московском послании могли учесть представления ногайцев об этом населении). Но далее в источнике князь Урус переходит к собственным представлениям: «И с тех остяков не только отец мой Исмаиль князь от Идегея и по сее

время с остяков дань мы имывали» [там же]. Как видим, для русских существовали «башкурды» и «остяки», а для Уруса — только «остяки». Другие документы говорят об этом же [Исхаков, 1998, с.161]. Когда русские по отношению к рассматриваемым группам (а они затем частично вошли в состав приуральских татар) применяли иногда понятие «остяк», они скорее следовали ногайским представлениям. Далее, в источниках встречаются случаи (один указан выше), когда понятия «башкиры» и «остяки» по отношению к местному населению северо-западного Приуралья употребляются как и самостоятельное. Вот пример из «Отписки» пермского воеводы Г.В.Лодыгина от 1618 г.: «...в Чердынском... уезде на речке Сылву и на Ирень...приезжают и торгуют торгом русские торговые люди и Казанских и Уфимских уездов татара и остяки и башкирцы и Сылвенские и Иренские и Уфимского уезду тотара и остяки..., и Казанского... уезду тотара и остяки и башкирцы у Сылвенских и Иренских тотар и остяков покупают мягкой рухляди» [СПб. ФИРИ, ф.122, оп.1, ед.хр.448].

В итоге, если оставаться в рамках точки зрения о синонимичности понятий «башкир» и «остяк/иштэк», приведенные факты объяснению не поддаются. Поэтому при трактовке этнической ситуации в Приуралье в XVI–XVII вв., в том числе в целом проблемы кристаллизации тут приуральских татар, следует обратиться к уже рассмотренной модели этнословной стратифицированности татарских средневековых этний, тем более, что вся зона Приуралья входила до русского завоевания в состав позднезолотоордынских тюрко-татарских государств (Казанского и Сибирского ханств, Ногайской Орды). В связи с этим особого внимания заслуживает информация о клановой (волостной) структуре местного населения. Такая работа была проведена нами ранее [Исхаков, 1985; Исхаков, 1998; Исхаков, 2006].

Оказалось, что локализованные на северо-западе Приуралья клановые группы, маркированные в XVII в. как «башкиры», подразделяются на две группы. В первую входят те из них, которые прямо или косвенно восходят к родоплеменной номенклатуре Ногайской Орды и политий Шибанидов.

За редким исключением это кыпчакские и кыпчакизированные монгольские этнические подразделения. Вторую группу образуют те кланы, которые имеют тюрко-угорские (включая и булгаро-угорские) этнические истоки. По всей видимости, именно представители первой группы в источниках XVI–XVII вв. и именовались «ногайцами» и «татарами». Как указывалось, из-за того, что социальные верхи ногайского общества могли номинировать себя и как «татар», между этими двумя категориями на самом деле разницы не было (это относится и к территории Ногайской даруги Казанского ханства, частично вошедшей после образования Уфимского уезда в состав его Казанской даруги). Иное дело с ясачниками. Именно они, как представляется имея тюрко-угорские корни, длительное время сохраняя определенную этнокультурную специфику (например, позднее принятие ислама: [Исхаков, 1998; Исхаков, 2004а]), в источниках второй половины XVI–середины XVII вв. могли определяться как и «остяки/иштяки», скорее всего на основе их эндоэтнонима иштэк/үштэк, хорошо известного и ногайцам. Консолидация этой субстратной этнословной общности с «ногайской» или «татарской» (включая и сибирских татар) общностями, выступавшими верхней стратой приуральского татарского населения, продолжалась вплоть до первых десятилетий XVII в., возможно и позднее. В исторических преданиях башкир это состояние этнического взаимодействия «ногаев» (они, как указывалось, могли выступать и как «татары») и «башкир» обозначалось формулой «ногаи и башкиры как бы составляли один народ» [Александров, 1885]. Поэтому до окончательного ухода населения Ногайской Орды в 1630-х гг. из Приуралья эти две этнические группы, за отдельными исключениями, на основе источников отделить друг от друга практически невозможно. Что касается исключений, то они следующие. Во-первых, четыре клана (мангыт, найман, конграт и кыпчак), имевшие золотоордынское (тюрко-монгольское) происхождение, к тому же игравшие важную роль в политиях Шибанидов, с башкирами не смешивались [Ис-

хаков, 2009; Исхаков, 2009а, с.24–30]. Это важно иметь в виду потому, что Шибаниды также контролировали Приуралье до их массового переселения в Среднюю Азию между 1509–1511 гг. [Исхаков, 2006, с.61]. Кстати, усиление роли ногайцев в этом ареале, скорее всего, произошло именно после этого события. Во-вторых, несмотря на невыраженность этнических границ между ногайцами и башкирами, среди кланов, входивших в Ногайскую Орду и в русское время выплачивавших ясак, т.е. бывших ясачным населением, имеется группа (это племена минг, бурзян, усерган, тамьян и кыпчак), в фольклоре которой обнаруживается устойчивое бытование этнонима «башкорт» [Исхаков, 1998, с.162–163]. Это может свидетельствовать о том, что у башкирской этнической общности некое ядро все же существовало и в составе Ногайской Орды, но оно было сосредоточено не на северо-западе Приуралья, где доминировали «иштяки», но имелись «шибаны» и «ногайцы», а значительно южнее.

Вот в эту, еще окончательно не консолидированную этническую массу, со второй половины XVI в. начали вливаться переселяющиеся из Среднего Поволжья татары, ставшие еще одним составным этнических процессов на северо-западе Приуралья. Причем число этих переселенцев было немалым уже в первой трети XVII в. Так, согласно сохранившимся переписным материалам по Уфимскому уезду, в 1631–1632 гг. здесь численность плательщиков ясака из башкир составляла 6188 дворов, а представителей тептяро-бобьельской группы насчитывалось 8355 дворов [Исхаков, 2014, с.218]. В связи с тем, что к началу XVIII в. среди тептярей относительно преобладали татары [Исхаков, 1979], есть основания полагать, что так же обстояло дело и в XVII в. Причем татары-переселенцы в основном оседали тогда в северо-западной зоне Приуралья, где проживали этнически близкие к ним группы местного населения (ногайцев можно рассматривать как вариант «татарского» сословия золотоордынского происхождения, а «остяко/иштякское» население – как вариант потомков булгар с большим угорским компонентом).

В результате переселений ясачное население казанско-татарского происхождения оказалось здесь не только в составе тептярей, но вошло и в число башкир-вотчинников. Этот факт был установлен в свое время У.Х.Рахматуллиным [Рахматуллин, 1988], вскрывшим и механизм превращения «татар» в «башкир»: продвигавшиеся из Среднего Поволжья в направлении Восточного Закамья татары в первое время как выходцы из Казанского уезда продолжали вносить «оброк» в Казань, но выплачивали дополнительные платежи и в Уфу; при этом через некоторое время администрация Уфимского уезда эти оброчные угодья начинала рассматривать как равнозначные с башкирскими ясачными землями, внося их в существующие ясачные книги, когда происходило их слияние с башкирскими ясачными угодьями [Рахматуллин, 1973; Рахматуллин, 1981]. Об этом же писали и другие исследователи (обзор публикаций см.: [Исхаков, 2014, с.196]). Заканчивалось это тем, что указанное оброчное население (оно состояло не только из татар) начинало именоваться «башкирами». Так, в Приуралье вместо этнической группы башкир во второй половине XVI–XVII вв. сформировалась этносословная группа башкир, включившая в свой состав новых вотчинников, на северо-западе региона во многом состоявших из татар (см., например: [Большая ложь, 2010]). Демографические данные подтверждают этот вывод: в первой трети XVIII в. в Уфимском уезде лиц из башкирского сословия оказалось практически в два раза больше, чем тептярей [Исхаков, 2014], что возможно только в том случае, если в XVII в. часть тептярей оказалась в первом сословии.

Таким образом, во второй половине XVI–XVII вв. приуральские татары оказались этнически очень близки к северо-западным башкирам, развиваясь фактически в общем этнокультурном поле с последними, вырабатывая с ними единую традиционную культуру и народно-разговорный язык, по всем своим базовым признакам являвшиеся татарскими.

* * *

Этнос волго-уральских татар являлся феодальной народностью, социальная

структура которой из-за того, что татарские феодалы практически слились с крестьянством, к концу XVI – началу XVII вв. стала неполной. В этом заключалась одна из специфических особенностей данного этноса.

По сравнению с татарскими этнополитическими общностями периода ханств, волго-уральские татары являлись более крупной этнией, занимавшей более значительную территорию и имевшую иную этнокультурную структуру: не «вертикальную», основанную на социальных стратах, а «горизонтальную», опирающуюся на субэтнические, новые сословные и конфессиональные, не связанные с соподчинением, деления. Кроме того, ближе к последней четверти XVII в. среди татар Волго-Уральского региона возникла группа торговцев, что свидетельствовало о начале появления у них слоя буржуа.

Эти факты как будто бы говорят о том, что в волго-уральских татарах надо видеть более развитый, чем народности предшествующего времени, этнос. Однако отсутствие собственной государственности, невыраженность внутриэтнической стратификации не позволяют сделать такой вывод. Не подтверждается и высказанный в литературе тезис о большей консолидированности волго-уральских татар: если ликвидация этносословных страт, характерных для средневековых татарских этний, свидетельствует в пользу данного мнения, то образование в процессе миграций XVI–XVII вв. у татар Волго-Уральского региона ряда новых территориальных подразделений при распаде старых этносов на многочисленные, слабо связанные сообщества и группы, говорит об обратном.

Поэтому, основные отличия волго-уральских татар от этносов предшествующего времени надо искать не в их большей консолидированности и развитости, а в демографических параметрах, размерах этнической территории, в усилении однородности социальной структуры, ее динамики (появление слоя торговцев и мещан) и новом – «горизонтальном» внутриэтническом делении, основанном уже на территориальности.

§2. Служилые татары Волго-Уральского региона

2.1. Служилые татары: правовое положение, численность и особенности хозяйственной деятельности

Андрей Беляков

История служилых татар в России XVI–XVII вв. на настоящий момент является одной из наименее изученных проблем в отечественной историографии. Мы можем назвать ряд работ, затрагивающих тот или иной аспект данной темы [Беляков, 2009; Беляков, 2011; Исхаков, 1998; Акчурина, 2011; Сабитов, Акчурина, 2013; Тычинских, 2010; Ногманов, 2002; Габдуллин, 2006]. Однако комплексного исследования этой группы населения России XVI–XVII вв. до настоящего времени не проводилось. Поэтому в ряде случаев мы можем только сформулировать наиболее общие и важные для нас вопросы и наметить пути их решения. При этом, наметившийся в последнее время активный ввод в научный оборот новых источников по истории татар в России подчас заставляет нас кардинально пересматривать прежние концепции.

Ключевыми моментами в истории служилых татар в России следует признать: определение их правового статуса; выявление регионов проживания; фиксацию особенностей хозяйственной деятельности и материального положения; установление их численности и источников формирования данной категории населения; выяснение форм внутренней самоорганизации служилых татар, их значения и роли в военном деле и деле управления государством.

Правовое положение. Одной из специфических особенностей Московского царства являлось то, что его полноправные подданные могли исповедовать только православие. В данном случае понятия «подданство» и «вероисповедание» подменяли друг друга. Для того чтобы выездный (или же коренной) иноземец воспринимался в России полноправным подданным, он должен был в обязательном порядке стать православным. Расширение границ государства и планомерная правительственная политика привлечения на службу иностранцев обусловили формирование особого социального

слоя России – «служилых иноземцев». Появление этой группы потребовало оформления специального законодательства, признававшего за иноземцами самостоятельный юридический статус. Всех иноземцев условно можно было разделить на «внутренних» и «внешних». К «внутренним» относились представители народов, вошедших в состав Российского государства вместе с территориями, на которых они проживали. Как правило, они контролировались территориальными приказами (Казанского дворца, Сибирский приказ и др.). «Внешние иноземцы», не имевшие собственной территории, управлялись в специально созданных для них или в ведомственных приказах. Это в большей степени относится к иноземцам западноевропейского происхождения. Правовые нормы, применяемые как к первым, так и ко вторым, почти всегда были едиными, будь то язычник, мусульманин, католик или протестант [Опарина, 2007, с.10; Орленко, 2004, с.44–101]. Некоторые отличия имела практика применения права отъезда из России. Мусульманину сделать это было несколько проще, нежели европейцу. В частности, этому способствовало отсутствие четких границ. Данные наблюдения в основном соответствуют реалиям второй половины XVI–XVII вв. Хотя, возможно, начало формирования подобных правил следует отнести уже к рубежу XV–XVI вв. Отличие «внутренних иноземцев» или же «полуподданных» (термин, предложенный Т.А.Опариной) от полноценного подданного заключалось в невозможности иметь в домашнем услужении православных (данное правило первоначально не распространялось на крестьян, работавших на помещичьей земле) [Орленко, Опарина, 2005]. По косвенным данным, подобная практика появилась еще в XVI в. и впервые была отмечена в 1589 г. [Беляков, 2004]. Скорее всего, подобная норма возникла не позднее середины XVI в. и была связана с появлением в России зна-

чительной группы иноземцев, испомещаемых за службу. Нельзя не отметить тот факт, что многократное повторение одного и того же указа на протяжении нескольких десятилетий, скорее всего, свидетельствует о низкой степени его фактического исполнения. Жесткие меры по контролю за его соблюдением проводились только после очередного его издания [Орленко, 2004, с.36, 73]. При этом запрещения налагались и на отдельные категории православного населения. В данном случае речь идет о казанских новокрещенах, которым по царскому указу от 18 июля 1593 г. запрещалось «у себя держать некрещеных татар, марийцев, чуваш и немцев» [Загидуллин, 2007, с.50]. Это требование было направлено на более полное ограничение контактов вчерашних мусульман с любым неправославным населением.

Помимо этого в России существовал особый земельный фонд, земли которого раздавались только неправославным служилым людям. Впервые подобные земли зафиксированы в начале XVII в. Однако косвенные данные позволяют предположить возникновение особого земельного фонда значительно раньше. В деле о поместье Килмамета мирзы князь Кулунчакова сына князь Еникеева сказано: «...издревне татарская, а не детей боярских земля» [РГАДА, ф.1167, оп.1, д.367, л.22]. Здесь особо следует отметить, что в отличие от внутренних, коренных, районов русского государства на его окраинах, где проживало большое количество «инородцев» (применение данного термина к рассматриваемому нами периоду следует признать явной модернизацией), описание земельного фонда производилось по отдельности для каждого этноса. Так в Восточной Мещере для земель русских и татарских помещиков, а также мордвы и бортников (особая категория православного населения) существовали отдельные писцовые книги, а их описание проводилось по различным административным единицам (беляки, станы, волости и др.), произвольно накрадывавшимся друг на друга [Беляков, 2013; Гераклитов, 2013; ПК АУ, 2012]. С.П.Орленко справедливо отметил, что существование подобного земельного фонда приводило к правовой коллизии в Соборном уложении (ст. 3 и ст.14, гл. XVI). По одной

из них, велено «иноземские [поместья] иноземцам беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцев, иноземских поместий никому не давать. А русских поместий иноземцам не давать», по другой – разрешалась мена поместьями между русскими и иноземными (иноверными) помещиками [Орленко, 2004, с.77]. Следует отметить, что до настоящего времени не предпринималось попыток по локализации данного земельного фонда. На настоящий момент мы с уверенностью можем говорить о его наличии только в Мещере.

Существовало еще одно, знаковое, отличие между подданным и полуподданным. Иноземец не мог стать членом государева двора. Это была привилегия исключительно православных людей. Однако и здесь, вероятно, можно встретить отдельные исключения. Так, среди опричников Ивана Грозного мы видим несколько мусульман [Список, 2003, с.56].

Таким образом, главным правовым отличием для служилых татар была более чем ограниченная возможность карьерного роста. Крещение и, как следствие, переход в полноценное подданство для них в ряде случаев становились трамплином для значительного повышения своего статуса и роста материального благосостояния [Беляков, 2003; Опарина, 2007; Хамамото, 2004; Hamamoto, 2009].

Отдельно следует сказать об отношении центральных властей к насильственному крещению внутренних иноземцев, в том числе служилых татар. Здесь трудно согласиться с утверждением о том, что Москва вела целенаправленную политику на всяческое ущемление прав неправославных подданных (в том числе мусульман) [Ногманов, 2002, с.17–64]. В целом центральные власти стремились проводить взвешенную, прагматичную политику по данному вопросу. Государство было заинтересовано прежде всего очередь в гарантированных налоговых поступлениях и возможности охраны своей территории. Отдельные «экстремистские» действия тех или иных представителей православной церкви редко находили поддержку у царя, хотя такие лица и подвергались не наказанию, а только строгому одергиванию.

Особенно агрессивно в этом вопросе вели себя ревнители древнего благочестия (боголюбцы): духовник царя протопоп Благовещенского собора в Кремле Стефан Вонифантьев, темниковский протопоп Даниил Никитин (Микитин), рязанский архиепископ Мисаил, сибирский архиепископ Симеон [Воздвиженский, 1820, с.86–97, 116; Морохин, 2003; РГАДА, ф.131, оп.1, 1648 г. д. 21; ф.1167, оп.1, д.864, л. 10; д.1353]. В некоторые периоды бороться с этой тенденцией было более чем сложно, и власти вынужденно шли на те или иные более чем ограниченные (а часто временные) меры [Орленко, 2004, с.140–168].

Однако на настоящий момент за весь период XVI в. и большую часть XVII в. мы можем говорить о наличии только одного ограничительного законодательного акта, направленного, в том числе, и против помещиков-мусульман. Это указ 1622 г. о запрещении некрещеным татарам селить в своих дворах православных холопов [Законодательные акты, 1986, №119, с.113]. Ситуация несколько меняется только во второй половине 70-х гг. XVII в. Появляются указы, запрещающие татарским помещикам владеть православными крестьянами и адресованные в отдельные регионы Русского государства (Верхнее Поволжье, а затем в Понизовые города, в первую очередь Мещеру) [ПСЗ–I, т.1, №616, с.1029; т. 2, №867, с.312–313]. Но эти попытки по целому ряду причин не были доведены до конца и постепенно сворачивались. Решение «национального вопроса» в среде служилого сословия будет окончательно произведено только в начале XVIII в. Петром I [ПСЗ–I, т.5, №2734, с.66–67; №2920, с.163]. Но и в этих случаях насильственное крещение не допускалось [ПСЗ–I, т.5, №3410, с.726–727].

Таким образом, следует признать, что на протяжении XVI–XVII вв. в российском законодательстве отсутствовали специальные нормы, касающиеся исключительно служилых татар. При этом мы должны признать наличие у них особого земельного фонда, а также тенденции к постепенному полному запрещению владения мусульманами православными зависимыми категориями населения.

Регионы проживания. Долгое время исследователи вполне успешно стремились обнаружить особые регионы компактного проживания служилых татар. Однако при накоплении фактического материала подобная картина рушится. Оказывается, что «татарский след» можно обнаружить практически во всех уездах Европейской России, где имелось поместное землевладение. Но при этом у нас все же имеется возможность установить логику первоначального расселения данной группы населения. Их селили по берегам Оки (Новый Ольгов Городок, Серпухов, Кашира, Коломна, Касимов) и прилегающим пограничным территориям (Звенигород, Юрьев-Польский и др.). Таким образом, они становились защитой от постоянных военных набегов со стороны соседей, в первую очередь Казанского и Крымского ханств.

Однако в XVII в. места компактного, или относительно компактного проживания татар начинают сокращаться. Причин этого несколько. Это, конечно же, постепенный добровольный переход служилых татар, проживавших небольшими анклавами среди русского населения, в православие. Как пример можно привести бордаковских татар (Рязанский уезд) [Азовцев, 2003, с.31–32; Беляков, 2011, с.252]. Такая же судьба постигла и новгородских татар. Здесь следует подчеркнуть, что новгородские земли на протяжении большей части XVI в. использовались для расселения различных групп служилых татар. При этом в регионе помещали как вполне лояльных добровольных выходцев, так и оказывавших сопротивление Москве при завоевании Казанского и Астраханского ханств или вскоре после этого. При этом процесс христианизации в регионе по неустановленным причинам протекал очень интенсивно. Другой причиной стали события Смутного времени, приводившие, порой, к полной смене населения тех или иных уездов. Именно тогда, к примеру, исчезают дорогобужские татары, помещенные здесь Борисом Годуновым [РГАДА, ф.131, оп.1, 1622 г., д.4].

Постепенно формируются пять основных регионов компактного проживания служилых татар: Верхняя Волга (в первую очередь Ярославский, Романовский и Рос-

товский уезды), коренные территории бывшего Казанского ханства, Мещера с прилегающими территориями, Нижняя Волга (Астрахань) и Сибирь.

Ярославль еще на рубеже XVI–XVII вв. превращается в своеобразную «татарскую столицу». В городе селят большое число знатных кормовых татар (получавших содержание в виде поденного корма и питья. – А.Б.) [Беляков, 2011, с.298–300]. Мы видим здесь Чингисидов и их родственников, значительное количество ногайских мирз. Причина надления города подобным статусом, по-видимому, кроется в том, что через него проходил речной путь на Восток. Окские берега, по которым долгое время проходил главный оборонительный рубеж государства, старались не показывать посольствам с Востока. К тому же рядом, в г. Романове, вскоре после октября 1564 г. испоместили выезжих ногайских мирз, ставших впоследствии родоначальниками князей Юсуповых и Кутумовых. Вместе с мирзами здесь же разместили их военные отряды общей численностью 225 человек [Трепавлов, 2002, с.291; Трепавлов, 2003, с.333–335, 342–350; Моисеев, 2004; Акты служилых, 1997, №307, с.298–299]. Несколько позднее служилые татары начинают фиксироваться в Ростовском и Суздальском уездах.

Из-за гибели архивов у нас очень мало информации о служилых татарах Казанского уезда и прилегающих территорий. О мещерских татарах сведений сохранилось значительно больше. В целом, благодаря уровню сохранности документов по Мещере, мещерские татары являются некой «эталонной» группой для изучения всего явления служилых татар в России XVI – XVII вв. К тому же именно касимовские, кадомские и темниковские татары активно колонизировали земли к востоку и юго-востоку от первоначальных мест своего проживания. Причину данного явления, в первую очередь, следует искать в общем росте численности татар данного региона и нехватке земель и угодий, необходимых для их хозяйственной деятельности. В конечном итоге именно кадомские и темниковские татары стали активно осваивать территорию Алаторского и Арзамасского уездов. Мещерские же татары составили костяк на территориях, состав-

лявших впоследствии Тамбовскую, Пензенскую и Симбирскую губернии.

В Темниковском и Кадомском уездах татары, скорее всего, поселились в конце XIV в. Их приход связывают с именем князя Бехана, пришедшего сюда со своим отрядом в это время. Подавляющее большинство известных «княжеских» родов региона восходят к нему [Акчурина, 2011; Сабитов, Акчурина, 2013]. В настоящее время точно неизвестно, когда и как регион окончательно попал в сферу влияния Москвы. Можно только утверждать, что данный процесс был мирным. Судя по всему, достаточно рано, возможно, уже с конца XIV в., регион попал в состояние «мягкого» протектората. Постепенно давление из Москвы росло, и в XVI в. мы уже наблюдаем в регионе режим управления, вполне сопоставимый с иными территориями Московского государства, пусть и с отдельными региональными особенностями, сохраняющимися еще и в XVII в.

В Касимове татары появились в середине XV в., с момента возникновения традиции селить в городе и жаловать доходы с города и уезда тому или иному татарскому царю или царевичу. До настоящего времени идут споры о статусе касимовских Чингисидов и о природе его возникновения [Вельяминов-Зернов, 1863; Вельяминов-Зернов, 1864; Вельяминов-Зернов, 1866; Вельяминов-Зернов, 1887; Беляков, 2011; Рахимзянов, 2009]. Постепенно город приобретает некоторые дополнительные функции для ряда мусульман, проживающих в России. В XVI в. он становится куругом – местом сосредоточения родовых гробниц и обслуживания династического некрополя Чингисидов в России [Беляков, 2011, с.292–297]. Некое сакральное значение город играл и для мусульман не имевших отношения к «золотому роду» (алтан уруг – одно из наименований потомков Чингизхана) [Гордлевский, 1927].

История астраханских татар также еще не написана. Мы можем только сказать, что первоначально местное тюркское население вполне лояльно отнеслось к завоевателям. Благодаря этому структура управления регионом и военная организация тюркского населения, в целом, были сохранены. Здесь в общих чертах повторилась история

с присоединением Мещеры. Однако после неудачного крымско-турецкого похода на Астрахань 1569 г., когда часть местной верхушки поддержала турецкую экспансию, первоначальные свободы были значительно урезаны.

Служилые татары Сибири также, в целом, относительно мирно приняли новую власть. Здесь было несколько причин. Но главной следует признать тот факт, что в окружении хана Кучума и его потомков преобладали сарты, выходцы из Средней Азии [Трепавлов, 2012, с.7, 20, 23]. Поэтому для местных народов одни завоеватели попросту заменили других. К тому же центральные власти, заинтересованные в скорейшем замирении края и бесперебойном получении пушнины, принимали меры (не всегда действенные, однако) по защите земель, принадлежащих местному населению, от русских переселенцев [Тычинских, 2010].

Численный состав и источники пополнения. Это одна из наиболее сложных проблем в исследовании служилых татар. В настоящее время мы не имеем возможности оценить подлинные суммарные размеры татарских отрядов на службе у Москвы. Дело в том, что имеющиеся в нашем распоряжении источники зачастую не разделяют собственно татарские отряды. В ряде случаев сюда могут примешиваться и православные бортники, и мордовские подразделения [Беляков, 2009; Беляков, 2013а]. В любом случае их численность бывала в отдельные периоды более чем значительной. Однако ее ни в коем случае нельзя преувеличивать. Это было несколько тысяч воинов. Но общая численность татарской конницы никогда, даже в самые благоприятные годы, не подходила к 10000 человек. Даже если учитывать специально приглашаемых для участия в военных кампаниях ногайских мирз [Книга, 2004; РК 1475–1605, т.2, ч.3]. Следует отметить, что на протяжении XVI–XVII вв. отдельные служилые татары с постоянно меняющейся интенсивностью переходят в православие, что также сокращало их численность. Дело в том, что, как правило, после крещения они сразу, или через непродолжительное время, сливались с русским служилым городом. К тому же между владельцем отряда и его казаками могли воз-

никать определенные трудности, в первую очередь финансового характера. Мы можем наглядно видеть этот процесс на примере романовских татар. В начале XVII в. на долю Барай мирзы Кутумова приходилось 100 человек романовских казаков. По указу 1615–1616 г. татары были «освобождены и поместьями росписаны», на них дали ввозные грамоты. В 1620–1621 г. по настоячивому челобитью мирзы вернули ему его казаков с землями. Однако служилые татары не хотели подчиняться своему мирзе, произвольно, по своему желанию, сокращавшему размеры их содержания. К тому же вскоре Барай мирзу лишили доходов с г. Романова, из которых часть денег шла на жалованье 26 кормовым казакам. Недовольство росло. Одной из форм неповиновения стало крещение. К 1631–1632 г. 15 человек приняли православие и ушли со своими поместьями в русский служилый город. Другие просто не ходили на службу. В 30–40-е гг. XVII в. Барай мирза мог выставить на службу одновременно не более 35–40 человек [РГАДА, ф.131, оп.1, 1621 г., д.16].

Здесь следует отметить, что татарин в России XVI–XVII вв. – это, скорее, не этническая, а конфессиональная характеристика. Зачастую к служилым татарам приписывали всех мусульман. В этом плане показателен список новгородских татар, отправленных в 1602 г. на встречу датского королевича Ганса, предполагаемого жениха царевны Ксении. Мы видим среди них как собственно татар, так и черкес («черкашенин»), «арапов», ногев, бухарцев [Селин, 2014, с.306–308].

Среди темниковских, кадомских и алатырских татар следует видеть значительную часть «отатарившейся» мордвы. По крайней мере, в середине XVII в. документы называют служилую мордву тарханами и постоянно смешивают их со служилыми татарами [ПК АУ, 2012; РГАДА, ф.1167, оп.1, д.1438]. Действительно, службу они ведут вместе. Поэтому постепенно мордву перестают выделять отдельно. Она окончательно сливается со служилыми татарами. В этой связи следует обратить внимание еще на один момент. В темниковской книге сбора пошлин за ставление меда и варение пива 1603–1604 г. упоминаются служилые

татары, получавшие разрешение на ставление меда «на моленье» (искаженное от мордовского «моляны» – дохристианские мордовские религиозные праздники. – А.Б.) [РГАДА, ф.1167, оп.2, д.1]. Логичнее всего предположить, что часть мордвы, решившую стать государевыми служилыми людьми, стали называть татарами, дабы отличить от мордвы, продолжавшей платить государственные подати.

Региональные татарские корпорации не были абсолютно статичными. Можно наблюдать определенные перемещения отдельных ее членов в другие регионы, подчас более чем отдаленные. Так, из Мещеры человек мог по тем или иным причинам переселиться в Сибирь [Тычинских, 2010, с.82–83]. Хотя чаще можно наблюдать иной процесс – выезд тех или иных татар (как мы уже сказали, правильнее – мусульман) на имя московского государя из сопредельных государств. Следует особо отметить и тот факт, что с этнической точки зрения служилые татары в XVI–XVII вв. не представляли собой нечто единое.

Материальное положение и особенности хозяйственной деятельности. На настоящий момент это один из наименее исследованных вопросов в истории служилых татар. Здесь сразу же следует оговориться, что в каждом регионе имелись свои особенности. По возможности мы будем их оговаривать. Однако основная информация у нас имеется по Восточной Мещере (Кадомский и Темниковский уезды).

Традиционно считается, что основой благополучия служилого человека являются наличие значительного земельного надела и хорошая обеспеченность крестьянскими руками, чтобы ее обрабатывать. Однако у служилых татар это работало далеко не всегда. Для начала перечислим все формы материального содержания татарской конницы. Это поденный корм (получали кормовые служилые татары), поместные оклады, годовое денежное жалованье, пожизненное наследственное пожалование сбора доходов с определенных территорий, ежегодные фиксированные выплаты, государевы дачи для совершения конкретного военного похода, обладание вотчинами бортными ухеями. Рассмотрим их по отдельности.

Государевы дачи для совершения конкретного военного похода. Данный вид жалования был типичен для XV – начала XVI вв. Позднее он фиксируется только один раз. В 1555 г. такие выплаты полагались татарскому военному отряду в 1500 человек во главе с астраханским царевичем Абдулой б. Ак-кобеком, отправленному в шведский поход [Беляков, 2011, с.263–264.].

Поденный корм и пить. Его могли получать как знатные мирзы, так и рядовые служилые татары (казаки), не имевшие поместий. Размеры данного жалования зависели от большого количества факторов – в первую очередь от знатности человека, оклада его отца (если он был), а также личных заслуг. Чаще всего поденный корм получали знатные выходцы. Абсолютное большинство здесь выезжие ногайские мирзы, но известен он и у рядовых татар.

Поместный оклад и реальное землевладение. Это главный индикатор, позволяющий нам определить место человека в служилой среде. Здесь следует говорить отдельно об окладах выездей знати и татар рангом пониже. Максимальный возможный оклад для мусульманина равнялся 2000 четей. Но его мог получить только Чингисид. На оклад немногим более 1000 четей претендовала часть ногайских мирз (дети и внуки биев), а также знатные крымские выходцы (Яшлавские и Кулюковы). Оклады остальных не превышали 1000 четей, как и у русских служилых людей. В 40-е гг. XVII в. в Мещере оклады колебались в пределах от 25 до 700 четей [РГАДА, ф.210, оп.9, стлб. 184, столпик 5]. При этом оклад в подавляющем большинстве случаев не указывал на реальные размеры землевладения. За исключением татарской служилой верхушки, земли в пользовании было значительно меньше. При этом бросается в глаза тот факт, что у значительной части татар (в первую очередь мирз) соотношение между реальной запашкой и количеством сенокосов серьезно отличалось от общегосударственного «стандарта», по которому наиболее часто на одну четь пашни приходилось две копны сена. Здесь же соотношение могло достигать 1:40 и даже 1:100. Общее количество сенокосов в Мещере на одного человека могло достигать 4500 копен. Это дает

повод предположить, что в Мещере долгое время скотоводство играло более важную роль, нежели земледелие. Кстати, ту же тенденцию мы наблюдаем и у сибирских татар [Тычинских, 2010, с.273–279].

Размеры новичных поместных окладов зависели от окладов отцов. Как правило, оклады детей изначально были несколько ниже, но со временем могли расти. В 40-е гг. XVII в. наибольшие оклады в Мещере имели дети героев Смуты [РГАДА, ф.210, оп.9, №184, столпик 5].

Также следует отметить, что наши наблюдения верны по отношению к служилым корпорациям, подчинявшимся непосредственно московскому государю. Если же мы говорим об отрядах, принадлежавших Чингисидам или романовским мирзам, то здесь имелись свои особенности. На содержание военных дворов выделялся особый земельный фонд, земли из которого раздавал уже владелец отряда. Интересна судьба подобных земель. В Касимове Чингисидам удалось полностью захватить их и включить в состав своих поместий. В Романове также фиксируются подобные попытки. Но они остаются неудачными. Возможно, причину этого следует искать в крещении части романовских татар. После крещения они вместе со своим поместьем уходили в русский служилый город [Беляков, 2013б].

На настоящий момент абсолютно непонятно, как вела свое хозяйство значительная часть служилых татар. Крестьян, как правило, имела только верхушка корпораций. При этом более чем странным выглядит соотношение пашни к наличным крестьянам. Можно встретить поместье в 100 четей, в котором нет ни одного крестьянина, и в тоже время имеются владения, где на 20–30 четей приходится до 25 крестьян. Мы можем предположить, что земли сдавались в аренду. Следует помнить, что подчас не все подростки дети служилых татар сразу же шли служить. Какое-то время, судя по всему, они оставались на хозяйстве.

Что касается размеров реального землевладения, то они сильно различались. Можно встретить поместья в несколько четей, и даже одну–две. Но встречаются и крупные владения до 1000 четей. Наиболее массовыми являются поместья в 10–20 четей.

При бегстве в соседние регионы фиксируются брошенные поместья до 20 четей. Имеются случаи, когда поместья в роде не фиксируются на протяжении нескольких поколений. При этом его представители несли службу и явно входили в верхушку своих корпораций. Скорее всего источником их благосостояния являлись «вотчины бортные ужожи».

Годовое денежное жалованье. Это также своеобразный индикатор положения его обладателя. В настоящее время наибольшая информация у нас имеется по кадомским татарам. В 1621 г. у них фиксируется годовое денежное жалованье в диапазоне от 2 до 18 рублей (сведения о самых крупных окладах не сохранились, но они вряд ли будут многим больше) [РГАДА, ф.210, оп.9, №1084, стлб.1]. Однако в более поздний период фиксируется значительное количество татар, которые десятилетиями остаются неверстанными. Это ставит перед нами вопрос о том, насколько данный вид содержания был важен и выплачивались ли эти деньги вообще. Хотя отдельные представители татарской верхушки получали выплаты ежегодно. Это так называемые четвертики [РГАДА, ф.210, оп.9, №184, столпик 5]. Татары, переведенные в XVII в. в полки иноземного строя, по-видимому, получали денежное жалованье значительно регулярнее.

Вотчины бортные ужожи. Они представляли собой обширные лесные участки, на которых росли взрослые деревья, пригодные для того, чтобы вырубить в них дупло, в надежде, что в нем поселится пчелиный рой. Такие деревья помечались особым знаком, знаменем владельца, указывающим на право собственника. В Мещере и прилегающих регионах бортничество долгое время являлось основной формой хозяйствования позаимствованной у мордовского населения. Они продавались, закладывались, давались в приданое. У служилых татар «бортные ужожи» документально фиксируются с середины XV в. [Акчурун, Абдурахманов, 2011]

Очень мало известно о природе «бортных ужожей». В частности, точно неизвестно, на что распространялись права собственности: только на бортные деревья или

на всю территорию. Непонятно, кто имел право рубить небортные деревья. Однако известно, что часто в том или ином ужоже фиксируются обширные сенокосы и пашня. А вот право охоты и рыбной ловли всегда оговаривалось отдельно. При этом важно помнить, что бортные ужожи могли принадлежать как служилым татарам, так и мордве, русским бортникам помещикам, а также и помещичьим крестьянам. Можно предположить, что на рубеже XVII–XVIII вв. именно вовлечение в пашенное сельское хозяйство территорий ужожей стало основой богатства татарских мирз, принявших христианство.

Пожизненное наследственное пожалование сбора доходов с определенных территорий, ежегодные фиксированные выплаты. У этого вида доходов мы можем выделить не менее четырех разновидностей. Татарские цари и царевичи, жаловавшиеся доходами с городов, получали все доходы, шедшие до этого московскому государю [Беляков, 2011, с.265–297]. Романовские мирзы получали фиксированные суммы, собиравшиеся с «посаду, и с Романовскаго уезду ямских денег и тамги, и с кабаков, и иных доходов» [Акты служилых, 1997, №307, с.298–299; Моисеев, 2004]. Отдельным кадомским и темниковским мирзам отдавались в пожизненное наследственное пользование доходы, собираемые с отдельных мордовских беляков [Акчурин, Ишеев, 2008]. Темниковские князья Еникеевы, помимо доходов с беляка, получали деньги с городского посада, таможи и кабака. При этом в двух последних случаях право на фиксированную часть дохода получал весь род.

Таким образом, мы видим, что имущественное положение служилых татар серьезно разнится. Здесь также следует отметить, что в нашем распоряжении имеется относительно полная информация только по XVII в. По более раннему периоду сведения отрывочны. При этом, говоря о размерах землевладения, следует отметить, что одновременно фиксируются два диаметрально противоположных процесса. С одной стороны, при каждом очередном разделе происходит дробление поместий. Но наряду с этим, благодаря концентрации в одних руках выморочных поместий своих родственников

и брошенных земель татар, отъехавших в иные регионы страны, отмечено возникновение крупных владений, которые, по-видимому, существовали еще в XVI в., но не фиксируются в начале XVII в.

Служилые татарские цари и царевичи. Особую группу служилых татар в России представляли Чингисиды. Выше мы уже затрагивали отдельные аспекты их проживания в России. Однако на некоторых моментах следует остановиться подробнее.

Институт служилых татарских царей и царевичей возник еще в XV в. Однако на XVI в. приходится его расцвет. Окончательно формируются формы их использования в государственных целях. Отрабатывается система их материального обеспечения. Складывается их внутренняя иерархия. На первом месте, безусловно, находились большеордынские Чингисиды (в России их называли астраханскими), далее шли крымские и казанские. С остальными дело обстояло сложнее. Их история и генеалогические связи были практически неизвестны в Москве. Поэтому с определением статуса подобных царевичей (к примеру, сибирских и казахских Шибанидов) на первом этапе возникали сложности. Но здесь в каждом конкретном случае учитывалась политическая целесообразность. Во второй половине XVI – XVII вв. в России известны казанские, астраханские, хивинские, казахские и сибирские Чингисиды. При этом если XVI в. прошел при явном преобладании выходцев из Астрахани (Темуркутлуевы царевы дети), то в XVII в. это, безусловно, сибирские Шибаниды. Всего за рассматриваемый период известно около 150 представителей золотого рода. Однако несколько десятков из них умерли в младенчестве или раннем детстве, оставив нам только свое имя. Другие оставили тот или иной след в русской истории. Здесь необходимо назвать казанских ханов Шах-Али б. Шейх-Аулеар и Ядгар-Мухаммед б. Касай (Касим) (Симеон Касаевич), касимовских царей Саин-Булата б. Бек-Булата (Симеон Касаевич), Ураз-Мухаммеда б. Ондана и Арслана б. Али, крымского царевича Мурад-Гирея, сибирского царевича Алтаная б. Кучума, хивинского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда.

Завоевание Казанского и Астраханского ханств создало ситуацию, когда Чингисидов уже не рассматривали как возможных русских ставленников на соседние татарские престолы. Теперь их стремились использовать для решения иных целей. В первую очередь это, конечно же, повышение престижа московского государя как царя царей. Здесь было несколько возможностей подчеркнуть данный тезис: назначение того или иного царя или царевича номинальным полковым воеводой в действующую армию, их присутствие на аудиенциях, даваемых послам, а также на многочисленных дворцовых церемониях [Беляков, 2011, с.115–129]. Наиболее яркой страницей в служилых Чингисидов XVI в. следует признать великое княжение Симеона Бекбулатовича (1575–1576 гг.). Исследователи продолжают спорить об истинной природе этого события, но факт остается фактом – 11 месяцев Россией, пусть и номинально, правил Чингисид [Беляков, 2011а]. Нельзя не упомянуть и о касимовском и казанском хане Шах-Али б. Шейх-Аулеаре, образ которого был идеализирован для того, чтобы показать русским подданным, что собой представляет истинный вассал [Беляков, 2011, с.387–388].

Однако одновременно с этим они становились заложниками своего высокого статуса. По установившимся правилам честию они уступали только Калитичам, а в XVII в., при новой династии, исключительно царю и его детям. Как следствие, даже после принятия православия они оставались в определенном вакууме. Они не могли занимать никаких государственных должностей, существовали ограничения для заключения ими браков, их жизнь была освобождена от многих проблем и сложностей, но при этом детально регламентирована. Последнее в первую очередь касалось передвижения по стране. Образно говоря, они жили в своеобразных золотых клетках, и от них не требовали полета.

В XVII в. в статусе служилых Чингисидов происходят серьезные изменения. Им перестают жаловать доходы с городов. Они лишаются собственных военных отрядов. Царевичей перестают показывать дипломатам. Власти пытаются экспериментировать со статусом крещеных царевичей. Однако

окончательно слить их с остальной титулованной знатью Москва не решилась. А при Алексее Михайловиче наступил определенный ренессанс в положении татарских царевичей. Московский государь стремился воссоздать ситуацию второй половины XVI в., но так, как он понимал. Всех различных царевичей крестили, в ряде случаев насильно. Они становятся постоянными участниками дворцовых церемоний, а в ряде случаев на крестных ходах даже подменяют московского царя. Особенно заметно это становится при Петре Алексеевиче, часто покидавшем Москву. Помимо прочего, татарские цари становятся свойственниками Романовых, женись на родных сестрах московских цариц. А вот возрождение традиции назначения Чингисидов номинальными полковыми воеводами было признано неоправданным, и от него отказались.

Нельзя не сказать и о том, что крещеные Чингисиды подарили России двух местночтимых святых – Федора Мелекдаировича Долголядского (Казанская династия) и Якова Васильевича Касимовского (Сибирская династия) [Беляков 2010; Беляков, 2012].

В целом, «гибель» института служилых Чингисидов практически совпала с воцарением Петра I. Но это произошло не одновременно, а постепенно, практически незаметно. Но началось оно более чем знаково. Местнический спор между князем М.А.Голицыным, не принявшим участия в крестном ходе из-за сибирского царевича Григория Алексеевича, послужил отмене института местничества [Эскин, 2009, с.188]. В петровскую эпоху известно только одно служебное назначение Чингисида. Касимовскому царевичу Ивану Васильевичу было поручено с март 1705 г. по март 1713 г. возглавить Рудокопный приказ (Рудокопная канцелярия). Татарские царевичи еще в конце XVII в. начинают уступать позиции иной выезджей знати. Теперь их по своему статусу опережают грузинские цари и царевичи. В это время титул царевичей превратился в определенный анахронизм. Но он еще некоторое время сохранялся. Род касимовских Шибанидов пресекался в первой трети XVIII в. Вскоре пресекались и иные ветви потомков хана Кучума. В 1718 г. царевич Василий Алексеевич оказался заме-

шанным в деле царевича Алексея. После попытки его сослать в Архангельск, где он вскоре и умер. В этом же году его детям велено было именоваться князьями, а не царевичами. На этом история явления служилых

Чингисидов подошла к логическому финалу. Но потомки Василия Алексеевича будут известны в России еще два века. При этом некоторые из них оставляют по себе долгую хорошую память [Любимов, 1915, с. 55–79].

2.2. Районы формирования служилых татар

Касимовское ханство и Касимовский уезд. Наряду с такими удельными княжествами, как Можайское, Белозерское, Старицкое, Звенигородское, где правили Рюриковичи, на территории Московского государства в середине XV в. возник новый удел, правящую элиту которой составила татарская феодальная знать.

С усилением Московского государства статус Касимовского ханства и его владельцев меняется. Если в начальный период образования ханства касимовский хан Касим был в некоторой степени автономен от московского великого князя, то с течением времени преемники Касима становятся фактически только марионетками московских властей. Они подпадают под строжайший надзор. Каждый новый касимовский государь обязан был приносить «шерть» (присягу. – *И.Г.*) на верность Московскому государству, а великие князья передают Касимов тем или иным татарским царевичам с учетом внешнеполитических и иных соображений. В тот период, когда Москва и Крым состояли в более или менее дружественных отношениях, у власти в Касимове находились представители крымской ветви Чингисидов. Сразу после серьезного охлаждения между двумя государствами у власти в ханстве были поставлены сибирские царевичи. Власть хана во многом становится номинальной. Это подтверждается и тем, что к хану в качестве надзирателя приставляется русский воевода. Согласно указу воеводе, данному 11 июля 1651 г., ему, как и прежним воеводам, предписывалось «беречь и разведывать того, чтоб к Касимовскому царевичу и его людям, из которых басурманских государств или от Ногайских людей и от Черемисы о каких делах присылки или совета с царевичевыми сеиты и с иными людьми совета же и ссылки не было и не скрали бы его никто; да будет что

Ильдус Габдуллин

проведает не пригожее дело, или ссылку с кем, и ему о том писать к государю в Москве тотчас». Воевода также не должен был допускать встреч касимовского царя и его людей с зарубежными послами во время их проезда через Касимов в Москву [Фирсов, 1866, с.94–95; Никольский, 1919, с.23].

Со времени княжения Ивана III Касимовское ханство выполняло роль противовеса в борьбе Москвы с Казанским ханством. Касимовские цари Шах-Али и Джан-Али, помимо Касимова, какое-то время правили и в Казани. Казанские, крымские, ногайские, сибирские изгнанники вместе со своими сюзеренами, а также часть плененного тюркского населения также размещались на территории ханства. Чингисиды, размещенные в Касимовском царстве, использовались также для давления на те или иные татарские государства. Наличие на своей территории мусульманского владения Московское государство использовало также в качестве аргумента в диалоге с Портой (Османской империей), доказывая этим свою веротерпимость.

Вместе с ханами и царевичами в Касимовское царство переселялась и их свита. Известны и имена князей Кобяка Айдарова и Исака Ахматова, подчиненных первому касимовскому царевичу Касиму. Возможно, последний из этих князей имеет прямое отношение к существовавшему позднее в Касимовском уезде селению Ахматово (татары именовали его Карлар) и Ахматовскому стану. Помимо князей в том же XV в. в царстве упоминаются и другие категории мусульманской элиты: уланы, казначеи и дароги, сеиты. Позднее многие выходцы из Казанского ханства также размещались властями в Касимовском царстве. Известен, в частности, казанский князь Мамин, жалованный в первой половине XVI в. одним из мордовских «беляков». С его же именем, ви-

димо, связана и татарская деревня Мамишево (Малышево), отмеченная в Касимовском уезде в 1715 г. Известны также казанские князя Аиповы и Кастровы (Костровы), также поселенные в Касимовском крае.

Наряду с казанскими выходцами мусульманский нобилитет царства пополнялся и другими этническими компонентами. Так, воспитатель царя Араслана Алеевича «дядка» Келмамет аталык Айгилдеев «вышел из Сибири с царем Арасланом вместе». Оттуда же были Деум Бектемиров, Исенгилдей Янгилдеев и многие другие. В этногенезе касимовских татар участвовали калмыки и турки. Среди служащих «царева двора» отмечены калмыки Молла Чепанов и Кичей Чоров. Муса Асанов показан как «турченин». Емикей Бибулушев был московским татаринном, а Абдулла абыз Асанов – крымским.

Достаточно много было выходцев и из Ногайской Орды. Так, родоначальник известного княжеского рода Шемердяновы – Тохмамет Шемердянов, Сара Еломанов и ряд других служащих «царева двора» оказались ногайскими татарами, вышедшими из Казыева улуса [РГАДА, ф.131, оп.1, 1627 г., д.1, л.28–53]. Ряд потомков золотоордынского правителя Идигея (1352–1419) также оказались в Касимовском царстве. Среди них отметим Сююндюка мурзу, сына Саид-Ахмета (Шейдяка) и внука правителя Ногайской Орды Мусы. Уже к началу XVII в. жили в д. Бутаково. Следует отметить также то, что среди потомков Идигея отмечен мурза Бутак. Видимо, в это же время часть представителей рода Сююндюковых перешла на жительство в Казанский уезд. Позднее, во второй половине XVII в., часть казанской ветви рода Сююндюковых была переведена в Уфимский уезд и проживала некоторое время в д. Кулаево Осинской дороги [РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115, л.510; Ахметзянов, 2004, с.72–83]. К 1622 г. в самом Касимове проживали ногайские мурзы Ян-Мамед Джанаев и его дядя Абдул Теникеев.

По данным десяти 1623 г., в Касимовском царстве насчитывалось 446 служилых мурз, татар и казаков [РГАДА, ф.131, оп.1, д.11, л.2–29]. К 1638 г. численность служилых мурз и татар составила 610 человек [Рахимзянов, 2001]. Видимо, все эти

цифры связаны с поверстанными служилыми татарами. Имея в виду, что в XVII в. среди татарских служилых было немало и неверстанных, общую численность татарского служилого сословия необходимо определять в большей степени. В этой связи достоверными можно считать цифры, приведенные В.В.Вельяминовым-Зерновым о численности служилых татар Мещерского края. По его данным, количество служилых мурз и татар Мещеры составляло 3,4 тыс. человек. По мнению же Д.М.Исхакова, численность служилых татар вместе с семьями только в Касимовском царстве достигала 24 тыс. человек [Исхаков, 1998, с.233, 239]. Ко времени 1-й ревизии 1719–1724 гг. касимовские татары (Касимовский уезд) проживали, помимо посадов г. Касимова, в 5 селах и 44 деревнях.

Мещерский край (Темниковский, Кадомский, Шацкий уезды). Тюркская знать стала заселять междуречье Оки и Суры задолго до «великой замятни» в Золотой Орде. А родоначальник князей Мещерских Бахмет Усеинов сын Ширинский в Мещерском крае появился, по данным родословцев, еще в конце XIII в. Татары на новом месте построили укрепленные пункты города Наровчат, Темников, Елатьма и др. По мнению М.Г.Сафаргалиева, город Темников берет свое начало с 1257–1259 гг. Наровчат же известен начиная с 1312 г., судя по монетам, чеканившимся в этом городе [Сафаргалиев, 1996, с.362]. К 1614 г. рядом с этими городами располагались еще владения служилых мурз и татар. В XIV в. в районе р. Пьяны появляется князь Секизбей, в Наровчате – князь Тагай и др.

В состав Московского государства Мещерская земля вошла по жалованной грамоте, данной ханом Золотой Орды Тохтамышем Василию Дмитриевичу в 1392 г. Мещерская область в то время примыкала к Рязанскому княжеству. После присоединения края к Московскому государству его власти, нуждавшиеся в военных силах на окраинах государства, еще в XVI в. приглашали ордынских феодалов на службу в Мещеру. Так, в 1552 г. московский царь обратился к ногайским татарам так: «А вы ныне юртов своих отбыв ходите без пристанища. И похотите к себе нашего жалованья; и вы

бы поехали к нам со всеми своими людьми, которые ныне с вами. А мы вам всем и вашим людям дадим место на Украине в Мещере, где вам пригоже кочевати» (цит. по: [Орлов, 1992, с.29]).

Особенностью Мещерской земли являлось наличие большого количества татарских помещиков, в крепостной зависимости от которых находились татарские, мордовские, русские крестьяне. В Темниковском уезде, например, в 1612 г. был всего 451 помещик, большинством из татар. Даже в конце XVII в. в том же уезде из 647 помещиков более 500 были татарскими мурзами и князьями [Алишев, 1990, с.94]. Среди представителей татарской господствующей верхушки в 1678 г. отмечено 57 человек из мурз и князей Еникеевых, 50 – князей Акчуриных, 32 – Девлеткильдеевых, 31 – Кудашевых, 19 – Тенишевых, 18 – Бибарсовых, по 17 – Тугушевых и Токшейковых, 15 – Дашкиных, 7 – Кугушевых, по 5 – Мансыревых и Макуловых, по 4 – Дивеевых, Ишеевых, Кулунчаковых, Шихмаметевых. Здесь же показаны также Долоткозины, Утяшевы, Ефаевы, Седахметевы, Чанышевы и др. [Заварюхин, 1993, с.28–29].

Татарская элита имела обширные владения. Так, кадомский мурза Исней Мокшев сын Бутаков получил княжение над рязанской мордвой Кирдяновского беляка. Земельные пожалования продолжались и в XVI–XVII вв. Князю Девлеткильдееву в 1563 г. был жалован Кирдюшевский беляк на р. Суре, служилым мурзам Р.Алтышеву с 20 товарищами в 1586 г. – поместья в Арзамасском уезде, а Уразай Енашев в 1631 г. положил начало г. Рузаевка. В XVII в. из фамилии Кугушевых владели беляками князья Акири – Ерыхтинским (22 села), Тениш – Киржанским (24 села), Еникей (Темниковским), Енгалыч (Телядимским). В 1629 г. в Арзамасском уезде было 216, в Алатырском – 420 служилых татар, а в Касимовском, Кадомском и Темниковском уездах их насчитывалось, соответственно, 409, 250, 389 человек [Алишев, 1984, с.56–57].

Из мещерских краев с XVII в., с построением оборонительных линий по окраинам государства, переводились служилые люди и из татар. Например, в 1642 г. в связи со строительством Саранска сюда были пере-

ведены темниковские служилые, а в 1646 г., когда строился Инсар, – другие темниковские мурзы и татары. В 1648 г. в Курмышском уезде служилых татар насчитывалось 386 человек. А во второй половине XVII в. служилые татары, переселенцы из Мещерского края, появляются на территории современных Татарстана (юго-восток) и Башкортостана. Так, на реки Большой и Малый Черемшан, Шешма в 1658 г. их переселили из Арзамаса, Темникова и Саранска.

По росписи служилых людей, в Алатыре в 1661–1663 гг. было 506 человек (все служили с земли). Большинство из них составляли служилые мурзы и татары – 323 человека [Ошанина, 1961,]. Помимо Казанского уезда, часть темниковских мурз и татар была переведена в Нижегородский и Арзамасский уезды. Это видно и по топонимическим данным. В частности, селения, именовавшиеся Азеево, отмечены, помимо Мещерского края, в Арзамасском и Казанском уездах.

Рядом с Мещерскими землями располагались и владения бардаковских татар в Рязанском уезде. За бардаковскими татарами Елдашем Емаевым и другими (всего 28 человек) находилась треть деревни Одерехинской. В них было четыре двора помещиковых, двор людской, 11 дворов крестьянских и 3 двора бобьльских. Пашни насчитывалось 40 четей, перелогом 60 четей. Кроме того, за ними же поместные земли имелись в Каменском стане Рязанского уезда, всего 1122 четей, а в двух станах – 1222 чети [Анпилогов, 1982, с.220].

Казанский уезд. После завоевания татарских земель Казанского ханства московский государь стал считаться их полным собственником и принял титул «царя казанского». Прежняя социальная структура населения завоеванного края также была сохранена. После «замирения» территории Казанского уезда правительство «жаловало» новых подданных ясаком. Привилегированные и лояльные к русскому правительству слои (татарские князья, мурзы, тарханы и казаки) были включены в состав служилого населения Московского царства. Они жаловались поместьями и вотчинами, нередко теми, которыми они владели еще «до казанского взятья» или же «по старине».

В ходе борьбы за независимость Казанского ханства против Московского государства татарская феодальная знать понесла значительные потери. Часть была истреблена в ходе войны за Казань и во время последующих восстаний второй половины XVI в. Пленные же казанские феодалы направлялись во внутренние районы Московского царства. Часть вынуждена была бежать в Крымское ханство, Ногайскую Орду. Об этом, в частности, говорится в татарской летописи, переписанной Нурмухаметом, сыном Ахметзяна [История, 1937, с.123]. Части татарских феодалов «были даны вотчины и поместья в подмосковных ближних городах» [Вельяминов-Зернов, 1866, с.487]. По подсчетам Д.М.Исхакова, к 1646 г. в Казанском и Свияжском уездах, основной территории бывшего Казанского ханства, общая численность служилых татар вместе с семьями не превышала 7,5 тыс. человек [Исхаков, 1998, с.232]. Здесь необходимо также иметь в виду, что в данной группе, особенно в Свияжском уезде, значительную часть составили переведенные из внутренних районов русского государства служилые татары и мурзы. Так, в переписной книге Свияжского уезда за 1646–1652 гг. среди служилых людей – татар показаны представители известных татарских феодальных родов Енгальчевых, Баишевых, Караевых, ранее проживавших в Мещерском крае, Арзамасском и Алатырском уездах [РГАДА, ф.1209, оп.1, д.433, л.1, 32об., 50об., 98об.]. И хотя имел место и обратный процесс сразу после завоевания Казанского ханства, когда часть татарских феодалов переселили в Мещерский край и другие уезды русского государства, но едва ли он был значителен. В частности, в Мещерский край были переведены татарские князья Кастровы, Аиповы.

Часть служилого населения Казанского уезда из-за «бедности», «скудости» и невозможности из-за этого нести службу, либо из-за перевода их земель в ясачные оказывается в составе ясачного населения. Так, к началу XVII в. предки известного татарского нефтепромышленника и старшины Надыра Уразметова (ум. в 1758 г.) проживали в д. Большой Менгер Арской даруги Казанского уезда. Здесь среди жи-

телей по писцовой книге 1602–1603 гг. показаны служилые татары Янбахта, Янбай и Тлевлеш, владевшие, помимо поместья, бортным ухожем и кабаком, данными «за службу отцу их Тойгозе» [ПК КУ, 1978, с.180–181]. Потомки Тойгози (Тойгилде) к 1678 г. перешли на жительство в д. Адаево той же Арской даруги (ныне в Кукморском районе РТ). К этому времени они оказались в составе ясачных татар [РГАДА, ф.1209, оп.1, д.6453, л.723 об.–725], но свои «тарханские» корни не забывали, иллюстрацией чему является прошение одного из родственников Надыра Уразметова Уразки Байбирова о тарханстве. В его грамоте при этом говорится, что «изстари де родственники ево служат... по Уфе в тарханех» [Вельяминов-Зернов, 1864а, с.46].

Согласно данным из переписных книг 1646 г., собранным И.М.Покровским, по Алацкой дороге вотчинников и помещиков из мурз, служилых татар и новокрещенов было в 160 дворах 166 человек, детей – 279 человек, пасынков – 6 человек, внучат – 31 человек; по Арской дороге – в 99 дворах 99 человек помещиков, 151 человек детей, пасынков – 1, внучат 24, братьев – 29, племянников – 18 человек; по Зюрейской дороге – в 203 дворах помещиков – 201 человек, детей – 296 человек, пасынков – 8, внучат – 22, братьев – 32, племянников – 9 человек. Помещиков из мурз по всем дорогам значилось 16, из них 5 с княжеским титулом: «князь Степан князь Яковлев сын Асанов, Ишкой мурза князь Багишев сын Яушев, Кадрек мурза князь Комаев сын Смиленев, Иштерьяк и Яштиряк мурзы князь Семеневы дети Яушева, Москей мурза Байкеев, Кадырмаметь мурза Доскеев сын Яушева, Богдан мурза Исенеев сын Яушева, Кулай мурза Сабакаев Чиникеев, Шигай мурза Сабакаев сын Яникеев, Богулка мурза Семенев сын Яушева, Москов, Урекей и Исеней мурзы Тогильдины, Ишкой и Кадырмаметь мурзы Яушевы». В Казанском крае владения части татарских помещиков занимали огромные площади, но обеспеченность их крестьянами была недостаточной. Больше всего крестьян было у мурз Иштерьяка и Яштиряка Яушевых – всего 288 человек. Их владения находились по Алацкой и Зюрейской дорогам [Покровский, 1909].

Хлыновский уезд (чепецкие, каринские татары). Формирование чепецкой группы служилых татар связано с Арской дорогой Казанского ханства. Следует учитывать также и то, что тюркское население появилось в бассейне р. Чепца задолго до возникновения Казанского ханства, еще в период Волжской Булгарии. Эпитафийные надписи, относящиеся к первой четверти XIV в., также свидетельствуют, что на данной территории присутствовало тюркское население. В источниках феодальную верхушку населения бассейна р. Чепца именуют чаще всего как «арские князья», или же по названию одного из наиболее крупных татарских поселений края – с. Карино – каринскими татарами. Эпитет «арские князья» ясно показывает, что территория бассейна р. Чепца какое-то время (до 1489 г.) входила в состав Арской дороги Казанского ханства. Здесь же проживало и зависимое от них население, которое в источниках фигурирует как аряне (1489), вотяки или «отяки» (ок. 1505–1509 гг.), «чуваша» (1511 г.), бесермяне (1615 г.). Своего рода столицей каринских татар являлся укрепленный городок Нукрат. Во время присоединения к Московскому государству Вятского края упоминаются «арские князья», которых московские войска «изведоша».

По данным шеджере, феодальная знать этого края возводила себя в своих генеалогиях до кыпчакского эмира Бачмана, жившего в Нижнем Поволжье в первой половине XIII в. В источниках XVI в. достаточно полно отражены представители татарской феодальной знати в Хлыновском уезде. Наиболее ранние документы относятся к периоду княжения Василия Ивановича III (1505–1533). В одном из наиболее ранних источников, связанном с каринскими татарами и датированном 18 декабря 1511 г., в титулатуре Василия III представлены такие формы, как «государь всеа Руси и великий князь... Псковский». В то же время в копии другого документа, который связан также со временем правления Василия III, но датированном из-за небрежности переписчиков оригинала 25 июня 7091 г. (по современному летоисчислению 1583 г. – *И.Г.*), такого рода наименований в титулатуре Василия III нет. Из этого можно заключить, что

данная грамота составлена в период между 1505 г. и 1509 г., когда в состав Московского государства вошла Псковская земля. Именно в этой грамоте встречается имя Кара бека, данное в форме Карачура. Здесь же указано и имя его отца – Рамадан [ГАОО, ф.38, оп.1, д.204, л.162]. Несколько позднее, в январе 7055 г. (1548 г. – *И.Г.*), упоминается и один из сыновей Карачуры Бакшанда (Башканда).

По всей видимости, после присоединения края к Русскому государству после 1489 г. зависимое от татарских феодалов население было отписано от них. Поэтому не случайно в жалованной грамоте Карачуре Рамаданову предписывается «тутошних вяцких отяков писменных и не тяглых... не звати и не принимати». В связи с этим Карачуре Рамаданову разрешалось принимать «ис Казанская земли» призванных им вотяков, которых предполагалось посадить «на Гожанова раменье и на речку на Селю». Вновь прибывшая группа населения (вотяки, чуваша) оказалась под судебной юрисдикцией местных татарских феодалов. Хлыновские наместники московского государя имели право судить подвластное арским князьям население лишь в случаях «душегубства и разбоя с поличным». В случае же судебных споров между зависимым от татарской верхушки населением «с вятчаны, с русью или с татара, з городскими людьми или становыми» суд предполагался общий. В остальных случаях «ведает... и судит» татарский князь. Сбор пошлин с вотяков и чувашей также осуществлялся татарскими князьями. Лишь при царе Федоре Ивановиче в 1688–1689 гг. практика сбора ясака каринскими князьями с подвластного населения была прекращена. Татарские феодалы с этого времени стали жаловаться, подобно другим служилым иноверцам, денежным жалованьем. Были предусмотрены две статьи денежного жалованья – по 10 и 7 рублей [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.978, л.7–8].

В XVII–XVIII вв. значительная часть служилых татар перешла на жительство в Казанский и Уфимский уезды.

Уфимский уезд. На территории современной Республики Башкортостан служилые татары и мещеряки (мишари) являлись служилым военным сословием на протяжении

XVII–XIX вв. В 1792 г. мещерыки Уфимского наместничества показали: «происхождение наших предков из ногайских владетельных фамилий и мурз, служилых мещерыков и татар» (цит. по: [Демидова, 1955, с.261]). Мишари (мещерыки) на этой территории появились, по некоторым данным, с конца XVI в. Будущий сенатор полковник И.Г.Головкин в письме своему отцу канцлеру И.Г.Головкину от 24 сентября 1720 г. писал, что «служилые татары здесь называютца... мещерыки, как слышно многие в Уфимском уезде помещены по грамотам ис приказу Казанского Дворца» [РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115, л.235]. В «Записке Оренбургского правления по вопросам управления разными группами населения Башкирии» (1800 г.) о мишарях сказано так: «Сей народ не коренной Оренбургской губернии, но перешедший по нынешнему положению Симбирской губернии из Алаторского и Симбирского уездов» [МИБ, 1960, с.581]. Уже в начале XVII в. «слободские татары» показаны как жители слободы под Уфой [Рахматуллин, 1988, с.52]. Служилые татары под наименованием «слободские татары» известны и в более позднее время [Новиков, 1870, с.15–16].

Когда в 1658 г. правительство собиралось обложить их ясаком, часть мещерыков подала ходатайства о неналожении на них этого ясака, мотивируя это тем, что «они де служилые татары, служилых отцов дети, деды ж и отцы их служили по Алатырю, а иных по Арзамасу, по Кадому, по Темникову, по Романову, по Свяжску, по Курмышу, а они де служат по Уфе по 15 лет, а ины и больше, всякие Великого государя службы и в посылках и в поезды ездят с дворяны и детьми боярскими и с иноземцы, с своею братьею, верстаными татары» [ОР РГБ, ф.364, оп.7, д.2а, л.24–25]. Позднее этот разряд населения пополнялся новыми переселенцами из внутренних районов Российского государства. В 1650 г. уфимским воеводой Федором Милославским было предписано «служить службы» служилым ногайцам Тенибердейке Митеневу и Маметке Канчину, всего шести человекам с пашенной земли [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.1119, л.40, 63]. В 1651 г. князя Карачурины (Кайбиш Узеев, Кузма Мирасев и др.) перешли на жительство

в Уфимский уезд, где основали д. Кулбарисово (ныне д. Сабаево Мишкинского района Башкортостана) [РГАДА, ф.248, оп.3, кн.115, л.435; ф.350, оп.1, д.3790, л.3об.; ЦГИА РБ, ф.И–386, оп.1, д.1, л.76об.]. Они являются потомками казанского князя Чуры Нарыкова – героя татарского эпоса «Чурабатыр».

В это же время на территории Осинской дороги были поселены мурзы Киреевы. Впервые они упоминаются в Башкирии в 1650 г., когда Ишей и Булай мурзы Досаевы дети Киреевы вместе со своими товарищами были «поверстаны» землей в районе д. Кемеево современного Мишкинского района. При этом мурзы были наделены землей по 50 четвертей, а служилые татары 0150 по 20. В конце XVII – начале XVIII вв. семейство Булая Досаева сына Киреева переселилось в Алатырский уезд, откуда потомки Булая Киреева вернулись в 1778 г. в Оренбургскую губернию уже как ясачные татары и осели в д. Кучербаево нынешнего Благоварского района. Потомки Ишея Киреева находились в «мещерыцком» сословии и проживали в деревнях Каракучуково, Ихсаново, Расмекеево, Ахметово, Бирюказганово. Часть потомков Ишея Киреева была пожалована дворянством за выслугу офицерских чинов (Каракучуково, Расмекеево, Бирюказганово). Потомки третьего сына Досая Киреева Бигая (Бекбая) мурзы обосновались в Челябинском уезде. Большинство из них было утверждено в дворянстве в 1800 г. [РГАДА, ф.248, оп.3, д.115, л.450; ф.350, оп.2, д.1148, л.398об.–399; ф.1355, оп.1, д.449, л.20об.; ЦГИА РБ, ф.И–1, оп.1, д.1343, л.16; ф.И–172, оп.1, д.83, л.265–266, 630].

К 1658 г. известны следующие селения, в которых были размещены «служилые татары» в Уфимском уезде: деревни Уразаево, Кулбарисово, Налмасово, Байбаково, Ишмаево (заселена в 1656 г.), Кулаево, Байбюрино, Сикияды, Четвертаково, Базы. Часть жителей в «рописи всяких чинов служилых и жилецких людей» в 1657 г. показана служилыми татарами, а в 1658 г. переведена в состав служилых мещерыков. Всего по этим деревням было верстано на службу 84 человека. Сами жители, при этом показывали, что прежде «по Темникову городу», «по

Алатырскому городу» служили. Часть «новоприезжих мещеряков» было велено сослать в Свияжский, Курмышский, Алаторский и Арзамасский уезды, в «те города, из которых приехали» [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.488, л.13–45; д.1119, л.35–39].

Особую подгруппу в составе уфимских служилых татар составили переселенцы из Хлыновского уезда, так называемые каринские татары. Они получили сберегательную память на земли около р. Камы и ее притока р. Иж еще в 1649 г. Здесь ими были основаны деревни Варзи, Салагуш, Рысово, Ишмаметово, Атабаево, Байбеково, Кабаново и Мушуги, Кучуково, Ютазы Казанской дороги Уфимского уезда. Среди каринских татар оказались представители следующих фамилий: Хиляловы, Касимовы, Девлетьяровы, Хозясеитовы, Зянчурины, Сейтяковы. Все они были потомками каринских владетельных родов [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.861, л.5–7; Исхаков, 1993, с.17–18]. Судя по ряду документов, положение каринских татар было близким к статусу ясачных татар. Видимо, именно в связи с этим обстоятельством впоследствии данная группа населения пополнила собой разряд тептярей. В частности, в деревнях Курмашево и Новое Алимово (совр. Актанышский район РТ) известны «из татар тептяри», оказавшиеся потомками каринских служилых татар Девлетьяровых [ЦГИА РБ, ф.И–1, оп.1, д.1343, л.186об.].

Необходимо также отметить судьбу тех же князей Девлетьяровых на территории Оренбургской губернии. В 1740-х гг. часть этого рода переселилась в Сеитовский посад Оренбурга, откуда их позднее перевели на жительство в д. Яшерганово (совр. Стерлибашевский район РБ). К середине XIX в. в этой деревне 57 душ мужского пола князей Девлетьяровых находились в башкирском сословии, 5 душ – в мещеряцком, 44 души – в сословии государственных крестьян. Помимо этого, часть рода оказалась в тептярском сословии [ЦГИА РБ, ф.И–1, оп.1, д.1343, л.51, 186об., 218].

В составе «мещеряцкого» сословия какое-то время находились и тарханы. Часть этого слоя, являясь феодальной верхушкой на территории «Ногайского юрта» Казанского ханства, была жалована поместьями

ми с ясачным крестьянским населением за службу казанскому хану в непосредственной близости к Казани. Кроме того, они же владели и вотчинами на территории бывших «Беловолжской» и «Башкирской» земель. Оставшись на территории Казанского уезда после его завоевания Московским государством, эта категория населения, наряду с другими феодальными элементами, была причислена к военно-служилому сословию Московского царства и стала именоваться служилыми татарами. Так, в грамоте за 1702 г. в тарханы были записаны служилые татары д. Базы Кутлуметко Кулушев, Уразака Ишметев, Алийка Ишметев и д. Янгаз-Нарат Абдрахман Каминкин.

Тарханы в Кыр-Иланской волости были известны еще со времен «Еналеевского бунта» в 1615 г. За участие в поимке Еналея Емаметева эти тарханы получили поместья. Позднее эти служилые татары – тарханы оказались в составе башкирского сословия. В начале XVIII в. в Кыр-Иланской волости известны башкиры Кутлумбетевы (Кутлуметевы). С тарханами и служилыми татарами связан также ряд населенных пунктов юго-востока Республики Татарстан, в частности, Тайсуганово, Кульшарипово и Кичучатово (совр. Альметьевский район РТ). По преданиям, д. Тайсуганово основана Абдрахманом (Абдрахман Туймухаметов – Габдрахман бине Туймухэммет аль-Бикчурай) (1691–1764), пришедшим со своими родственниками с р. Кинель со стороны Бугуруслана из д. Галино. Известно, что эта деревня состояла в Султангуловской волости Бугурусланского уезда. В ней проживали башкиры Кыпчакской волости, ведшие свой род от тарханов Манашевых. Какое-то время Абдрахман Туймухаметов проживал и в д. Муртыш-Тамак Байлярской волости. При этом байлярское племя во время ногайского господства на Южном Урале (по крайней мере, до XVI в.) входило в состав кыпчакского племенного объединения. Сам род Манашевых связан со служилыми татарами д. Кугарчин нынешнего Рыбно-Слободского района Татарстана.

Часть служилого населения Уфимского уезда, именовавшиеся ранее служилыми татарами, также оказались в составе башкирского сословия. Это подтверждается,

в частности, прошением башкира Иланской волости Урайки Нагаева, датированным 1668 г. В своей челобитной Урайка Нагаев указывает на то, что дед его служил с окладом в 8 рублей, при этом «дед и отец ево... служилые были татарова и не ясашные» [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.676, л.1]. В 1727 г. башкир Булярской волости Умер Тохтаров жаловался на то, что башкиры той же волости Алметь Аднагулов и Масыгут Татимов «пришлые татары, а не прямые природные... башкирцы». Через несколько лет, во время начала действий Башкирской комиссии, Масыгут Татимов был приведен к властям другими башкирами с обвинениями в том, что он «пришлой мещеряк» [РГВИА, ф.9, оп.1, д.150, л.41; ЦГИА РБ, ф.И–172, оп.1, д.120, л.75; МИБ, 1936, с.134–135]. Позднее Масыгут Татимов (Тятимов) известен как башкирский старшина Гарейской волости. В этой связи необходимо отметить замечание Д.Н.Соколова, подметившего сходство тамг свияжских татар (в этом уезде многие селения являлись «мещеряцкими») с тамгами башкир Мензелинского уезда [Соколов, 1904, с.87]. Таким образом, феодальная верхушка племен Уфимского уезда, входившая в состав служилых татар Казанского уезда, или в силу ряда причин оказавшаяся в рядах ясачных татар, но никак не «ясачных чуваш», стала одной из составляющих формирования башкирского сословия.

В 1699 г. служилых татар и мещеряков в Уфимском уезде насчитывалось уже 748 человек [Рычков, 1887, с.72–73]. В переписных книгах 1720 г. «служилых мещеряков» было зарегистрировано, что они проживают в 41 деревне, в основном в Осинской дороге. Всего в них насчитывалось 380 дворов. В 1736 г. служилые мещеряки по своей переписи показали, что их насчитывается около 20 000 человек, в том числе к службе годных 5 000 [РГАДА, ф.248, оп.3, кн.135, л.42]. Видимо, в этом случае учитывались и те «мещеряки», которые ранее были положены в подушный оклад, а на время восстания 1735–1740 гг. вызванные на службу, с освобождением на время службы от подати. Это видно и из того, что позднее в 1766 г. в Уфимской и Исецкой провинциях служилых мещеряков насчитывалось 1937 дво-

ров (всего 15 517 душ обоего пола), служилых татар 237 дворов (1429 душ) и тархан 443 двора [РГАДА, ф.16, оп.1, д.815]. Хотя основной обязанностью уфимских мещеряков являлась служба, но в 1699 г. с них было велено собрать вместо «Камышенской службы» по рублю. Позднее, после перевода служилых татар Казанской губернии в лашманы в 1718 г., с мещеряков Уфимского уезда стали собирать опять по 1 рублю. В 1732 г. указом из Правительствующего Сената мещерякам предписывалось служить «по прежнему с Уфимскими дворянами и иноземцами» [Малов, 1885, с.36]. С 1747 г. по 1754 гг. мещеряки платили 25-копеечный ясак, который с них затем был снят [История Башкортостана, 1996, с.289]. С этого времени основной обязанностью мещеряков стала военная служба. Они послужили одной из составных частей сформированного в XIX в. башкиро-мещеряцкого войска.

Основой «мещеряцкого» сословия на территории Уфимского уезда послужили те же феодальные, в какой-то мере родственные группы, известные в Казанском уезде как служилые татары, а в Уфимском – как те же служилые татары и мещеряки, тарханы.

Романовский и Ярославский уезды. Появление на этнической карте северо-восточной Руси XVI в. (современная территория Ярославской области) татарского населения связано с пожалованием в удел ногайским мурзам Кутумовым и Юсуповым г. Романова (совр. г. Тугаев Ярославской обл.). Это событие произошло в конце 1564 г. – первой половине 1565 г. [Трепавлов, 1997а, с.58–59]. Вместе с Эльмурзой Юсуповым и его двоюродными братьями Айдаром и Алеем мурзами Кутумовыми на службу к московскому государю прибыли и «их казаки». Помимо г. Романова царь пожаловал новым подданным и ряд дворцовых сел в Романовском уезде. О размере земельных владений ногайских мурз в Романовском уезде дает представление дозорная книга этого уезда за 1616 г. За Сююшем мурзой Юсуповым по этой книге в пяти станах насчитывалось 72 крестьянские деревни и 2 села [РГАДА, ф.1209, оп.1, д.375, л.1об.–3].

На новом месте уже сами ногайские мурзы верстали своих казаков (служилых татар) поместными и денежными окладами

«хто чего достоин». Все доходы с города и пожалованных владений также поступали в полную собственность Кутумовых и Юсуповых. За пожалованные земли ногайские мурзы должны были выставлять на службу 225 человек [Гурлянд, 1904, с.4]. В основном военные отряды из романовских служилых татар должны были нести военную службу во главе с московскими воеводами на южных рубежах Московского государства. Так, в 1641 г. романовские татары были высланы на государственную службу в города Москву, Тулу, Яблоков, Белгород, Крапивну и Ливны [РГАДА, ф.131, оп.1, 1641 г., д.3, л.1–85].

Как и в Касимове, в Романове был посажен и воевода. На воеводу при этом, помимо выполнения своих прямых обязанностей по управлению уездом, возлагались и функции надзора над татарскими владельцами. В этом плане интересны наблюдения Станислава Немоевского, доверенного гонца шведской королевы, посетившего в 1606 г. Романовский уезд и заставшего там Эльмурзу Юсупова. С.Немоевский пишет: «Когда однажды мы послали к нему продать некоторые вещи для съестных припасов, он, мужчина уже лет шестидесяти, с грустью сказал нашим: «Вы еще можете вскоре отсюда выехать, по окончании настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына. Но я, прибывши сюда добровольно лет сорок назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну». Он желал было и далее говорить, но пристав, что был с нами, приказал ему молчать» (цит. по: [Трепавлов, 1997а, с.59]).

Помимо Романовского уезда, ногайских мурз разместили также в Ярославском уезде, в Ростове и Суздале. К 1637 г. ногайская знать отмечена в следующих городах: в Романове – Сююш мурза Эльмурзин сын Юсупов, Барай мурза Алеев сын Кутумов; в Ярославле – Канай мурза Джаналеев сын Шейдяков, Пантелей мурза Касымов, Досай мурза Кантандеев, Солтанай мурза Капланов сын Шейдяков, Корел мурза Чинмурзин сын Юсупов, Девлет мурза Джаналеев сын Шейдяков, Ханмурза Капланов сын Шейдяков, Шахтемир мурза Хотеев; в Ростове – Мустафа мурза Мамаев сын Семендеров, Досай мурза Кангильдеев сын Муратов;

в Суздале – Сабанай Асанов сын Кулчюмов. К 1652 г. в Романове показаны Джанмурза, Акмамет мурза и Иштерьяк мурза Сююшевы дети Юсуповы, Ханмурза Бараев сын Кутумов с братьями. Вместе с размещенными в Ярославле Шейдяковыми, П. Касымовым отмечен и Акманай мурза Бигеев сын Смаилев. В то же время Корел Юсупов, Ш. Хотеев и Д. Кантандеев не показаны [РГАДА, ф.131, оп.1, 1637 г., д.1, л.31–36; оп.1, 1652 г., д.8, л.4–5].

Фамильный состав романовских служилых татар к середине 1670-х гг. был следующим: Айтулушевы (одна семья), Акдавлетовы (2), Аликеевы (из Ярославля, 1), Алтыгановы (1), Аразлеевы (2), Байгильдеевы (5), Баймышевы (2), Бакаевы (5), Бибарисовы (3), Бигильдеевы (1), Биккинеевы (3), Битюковы (1), Булатовы (3), Есекеевы (3), Илбаевы (1), Исенбаевы (1), Исеневы или Эсенева (4), Ишкараевы (1), Кадырбердеевы (3), Кадышевы (1), Кангуловы (2), Карамышевы (5), Карауловы (2), Карашовы (из Ярославля, 1), Кизынбаевы (1), Киштанаевы (1), Куватовы (2), Курленевы (1), Курманалеевы (3), Майковы (2), Маметевы (1), Мамкеевы (3), Мачаковы или Мочаковы (2), Мусаковы (из Ярославля, 1), Нагаевы (1), Ораковы (1), Сабанеевы (1), Сарыевы (1), Сафаровы (из Ярославля, 1), Сююшевы (3), Смаилевы (1), Танатаровы (1), Тарбердеевы (1), Таргуловы (1), Токаловы (1), Токсаровы (1), Толбаевы (из Ярославля, 1), Тохпаевы (1), Шайчурины (из Ярославля, 1), Шамратовы (1), Чекмаевы (из Ярославля, 1), Эшметевы (3), Янгильдеевы (7), Янодаровы (из Ярославля, 1), Янчурины (1) [РГАДА, ф.1209, оп.1, д.8302, л.26об.–52].

Позднее в связи с политикой христианизации большая часть ногайской феодальной знати, служившей по Романову и Ярославлю, была вынуждена принять православие. Многие романовские и ярославские служилые татары в этих условиях старались перевестись на службу в другие края, свободные от религиозных притеснений. Таким образом, часть романовских служилых татар перевелась в Казанский и Уфимский уезды. С романовскими татарами связана деревня Старое Ромашкино (по-татарски Иске Роман) современного Чистопольского района Республики Татарстан.

§3. Служилые татары в Сибири

Зайтуна Тычинских

На протяжении XVII–XIX вв. в Сибири среди татарского населения существовала особая категория – служилые татары «йомышлы». Эта категория сформировалась в ходе завоевания Сибирского ханства Московским государством, когда уцелевшей части татарской феодальной верхушки, так же, как и в других завоеванных татарских ханствах – Казанском, Астраханском, пришлось перейти на службу новому правительству в качестве военно-служилого сословия. В дальнейшем служилые татары составили особую группу среди пестрого в конфессиональном и национальном плане казачества, силами которого происходило «покорение под Российскую державу» Сибири. Они сыграли важную роль в процессе дальнейшего присоединения Русским государством новых восточных территорий.

В эволюции служилого сословия сибирских татар можно выделить три основных периода:

Конец XVI – начало XVIII вв. – начальный период, этап формирования служилых татар как особой социальной группы служилого сословия. В этот период феодальная знать Сибирского ханства, оставаясь на положении «лучших людей», постепенно трансформируется в категорию служилого сословия, состоящего на службе московского государства.

Начало XVIII в. – 1822 г. – период существования подразделений служилых «юртовских» татар в составе казачьих гарнизонов сибирских городов (Тобольска, Тюмени, Тары). Служилые татары начинают рассматриваться как одно из особых формирований российского казачества.

1822–1868 г. – завершающий период, начало которого определено реформами М.М.Сперанского («Устав об инородцах» и «Устав о городских казаках») – период унификации служилых татар с другими категориями казачества и последующий их перевод из военного в податное сословие.

На протяжении длительного времени главной военной силой в Сибири являлись служилые люди, основную массу которых

составляли казаки. Исследователи подчеркивают многонациональный состав казачества, формировавшегося из различных слоев населения [Миненко, 1975; Никитин, 1988; История казачества, 1995]. Наряду с русскими, в Сибири служили «литва и немцы и черкесы и новокрещенные татовья, и черемисы» [Никитин, 1988, с.40].

Особую группу среди сибирских служилых людей составили служилые татары. На протяжении длительного времени сохраняются особенности этой этносословной группы, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами.

Формирование татарского военно-служилого контингента отвечало нуждам колонизаторской политики московской власти, которая «для продвижения вглубь Сибири и объясачения жителей» использовала бывших вассалов хана Кучума, «предоставив им за это ряд прав и преимуществ» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.163].

Категория служилых татар «йомышлы» начинает формироваться практически сразу после завоевания Сибири. По сведениям Г.Ф.Миллера, уже в 1595 г. в гарнизоне г. Тюмени имелись служилые татары. Так, он сообщает об уходе из Тюмени в 1595 г. 50 служилых татар с женами и детьми, которые направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола, и захватили с собой еще 30 человек ясных татар и тюменских служилых татар [Миллер, 1941, с.12]. В 1598 г., во время последнего похода на хана Кучума, тобольский воевода А.Воейков поручил отдельную операцию отряду, в который входили 40 казаков и 60 татар. По предположению Г.Ф.Миллера, отдельные служилые татары были приняты на службу по особому распоряжению Ермака [Миллер, 1998, с.218].

Однако определяющим моментом в формировании в Сибири под русским началом татарского военно-служилого контингента следует считать окончательный разгром войска хана Кучума в 1598 г. Эта победа стала важнейшим этапом в продвижении русских на восток.

С.У.Ремезов сообщает, что в 1598 г. «в поход за царем Кучумом» была направлена рать. В результате боя было захвачено много пленных, в том числе 3 сына, 2 дочери и 6 жен «кучумовых» и «з достальным имением и со скотом возвратишася здравии». Пленные «кучумовичи» были отправлены в Москву. С небольшим числом своих сторонников Кучум направился в Ногайскую землю, где был убит, а его люди «приидоша ко граду Тобольску и приложася ясак платити, овии же крестишася во христианство и поверстаны в службу в новокрещенский список, овии же мурзы и мурзичи, 300 человек поверстаны в службу и оклад им учинен по 15 рублей и по 7-ми. И поставиша русского голову, чиновника» [Ремезов, 1989, с.567–568].

По всей видимости, именно эти 300 «мурз и мурзичей» и составили основу контингента служилых татар главного сибирского города – Тобольска. Численность их почти не менялась в течение всего XVII в. и оставалась в Тобольске в пределах 250–255 человек [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.163].

Таким образом, основа служилого татарского контингента сложилась из представителей феодальной верхушки бывшего Сибирского ханства. До присоединения Сибири они составляли военно-служилую элиту Сибирского ханства. Среди них С.В.Бахрушин называет князя Енбулата, служившего в Тобольске в 90-е гг. XVI в., его сына князя Кутука и внука Аллагур-мурзу, мурзу Кайдаула Байсеитова, его сыновей Мамета, Читя и Аиткула Кайдауловых, тарского князца Тынмамета Берделей-мурзина, его сына Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова [там же, с.164–165]. Среди татарских мурз начала XVII в. известны тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманаев» [РИБ, т.2, с.349], тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин и др. [Миллер, 1941, с.159]. Некоторые из попавших в плен сибирско-татарских феодалов были отправлены в Москву. Известно, что плененный царевич Маметкул в 1584 г. был отправлен в сопровождении отряда казаков под предводительством атамана Грозы.

В Москве Маметкул был милостиво принят царем Федором и, поступив на русскую службу «полковым воеводою», принимал участие в 1590 г. в шведском походе, а также в походах по усмирению татар [Миллер, 1998, с.138; Голодников, 1882, с.8].

В отличие от русского казачества, в подавляющей массе формировавшегося из низов сибирского общества и благодаря службе достигавших определенного социального статуса, изменения в социальном положении казаков-татар происходили в прямо противоположном направлении. Потомки служилых татар вели свои родовые от военно-феодальной верхушки Сибирского ханства. Многие из них были связаны происхождением со знатными родами тюрко-монгольского мира [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.163]. «За многие привилегии» поступив на царскую службу и «сохранив в определенной мере свои прежние права, они составили особый разряд так называемых «юртовских служилых татар», выделенных из основной массы ясачных людей» [там же]. В лице татарской военно-служилой знати Московское государство получило профессионально подготовленный военный контингент, который играл исключительно важную роль в процессе дальнейшей колонизации Сибири.

Как заметил П.Небольсин, в Сибири в сословие служилых людей татары верстались за особенные услуги, часто по их собственной просьбе, но преимущественно из тех, «от которых измены не почаяти» [Небольсин, 1849, с.110].

Привлечение на свою сторону татарской военно-служилой знати для Московского государства имело огромное значение. Поэтому действия местной власти были направлены на то, чтобы выполнять установку центрального правительства: «...от Кучума царя людей лучших отговаривать, чтобы ехали к государю служить» [там же, с.118]. Для этих целей привлекались и уже перешедшие на русскую службу тобольские татары. Была предусмотрена система поощрений и льгот: «а которые от царя приедут и тех жаловать, и сукна давать и хлеба. И которые князьки и Татарове государю служат и в город к воеводам приходяти ясаки платят, и про всякие вести про Кучума царя, и про его умышле-

ние и про Ногай, учнут приходя сказывать – и тех татар поить и кормить государевым запасом и береженье к ним и ласку держат великую и отпускати их к себе домой не задерживая» [там же].

С присоединением Сибирского ханства к России царское правительство в основном сохранило традиции военной службы, сложившиеся еще в период существования ханства. В конце XVI – начале XVII вв. служилые татары по-прежнему считаются «лучшими людьми», за ними сохраняются их «вотчинные угодья», им даются различные привилегии. Кроме того, они, наряду с русскими служилыми людьми, за службу получают денежное, хлебное и соляное жалованье. Но в дальнейшем положение служилых татар постепенно меняется.

В XVII в. служилые татары состояли в гарнизонах Тобольска, Тюмени и Тары. Эти первые русские города в Сибири в течение всего XVII в. находились в постоянном контакте со степными народами, поэтому могли успешно функционировать как военно-административные центры лишь располагая значительным контингентом конницы. Конная служба возлагалась на русских конных казаков, на казаков «литовского», черкасского и новокрещеного списков, а также юртовских служилых татар.

Как считает А.А.Люцидарская, в большинстве городов Западной Сибири треть состава гарнизонов формировалась из «иноземцев», среди которых преобладали служилые татары. В самом крупном сибирском городе – Тобольске – во второй четверти XVII в. этот процент колебался в разные годы от 34,1 до 56,6 [Люцидарская, 1992, с.55].

Большая часть служилых татар была приписана к Тобольску [Никитин, 1988, с.36]. В Тобольске служилых татар в XVII в. числилось от 250 до 255 человек (с братьями, детьми и другими неслужащими родственниками в 1635 г. их было всего 461 человек), в Тюмени находилось в среднем около 75 служилых татар, позднее – свыше 100 человек, в Таре в первой четверти столетия, по официальной справке, их должно было быть 36 человек, в действительности же было 49, 57, затем 65 человек. А в 1701 г. всего служилых, включая взрослых, детей

(м.п.) и братьев, насчитывалось 84 человека [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.163].

Просматривая изменения в численности служилого татарского населения по указанным городам в течение XVII столетия, наблюдается следующая картина.

Общая численность казаков в Тобольске в 1630 г. составляла 730 человек, из которых юртовских служилых татар было 252 человека, или 34,5 % от общей численности. К середине столетия (1663 г.) на 1645 человек военного контингента Тобольска служилых татар приходилось 249 человек, т.е. 15,1 %. В конце XVII в. (1699 г.) юртовских служилых татар насчитывалось 256 при общем числе всех служилых 2156 человек. Таким образом, к концу XVII в. татары составили в Тобольске 11,9 %.

В Тюмени в 1630 г. на 334 казаков служилых татар приходилось 76 человек, что составляло 22,6 %, в 1663 г. – всего служилых было 698 человек, из них татар – 107 человек или 15,2 %. В 1699 г. из 946 служилых людей татары составляли 108 человек (11,4 %).

В Таре в 1633 г. – всего было 425 служилых людей, из них служилых татар – 50 человек, или 12 %, в 1663 г. – всего 656 человек, служилые татары – 66 человек (10,2 %), в 1699 г. – из 783 человек служилые татары составляли 65 человек (8,2 %) [Никитин, 1988, с.33].

К концу XVII в. численность военно-служилого контингента сибирских городов значительно выросла. Всего же по трем главным сибирским городам она составила в 1633 г. – 1489, в 1663 г. – 2999, в 1699 г. – 3885 человек [там же].

Общая численность военных в Сибири в течение XVII в. увеличилась почти в 3 раза. Состав же татарских команд Тобольска, Тюмени и Тары остался практически неизменным. Если в 1630 г. он составлял около 380 человек, то в конце XVII столетия служилых татар насчитывается 429 человек. Таким образом, к концу XVII в., в сравнении с началом столетия, наблюдается резкое изменение в соотношении татарского служилого населения к общей массе служилого военного сословия. Доля его в течение столетия уменьшилась с одной третьей от общей численности до одной десятой части.

Следует заметить, что изменения в численности служилого населения городов Западной Сибири соответствовали задачам, встававшим перед военно-административным аппаратом того или иного города в ходе освоения края. Наиболее интенсивно среди сибирских городов увеличивался гарнизон Тобольска, который с 1590 г. становится главным городом Сибири. Превратившись в 1629 г. в центр разряда, состоявшего из девяти уездов, Тобольск оставался столицей всего края и продолжал посылать своих служилых людей в самые различные его районы [Никитин, 1988, с.27].

Основными функциями исполнявшимися казаками в XVII в. были следующие: «они содержали везде стражу, употреблялись при построении слобод, отправляли разные службы по городам при воеводах, чинили сбор ясака в казну от ясашных народов и удерживали их в надлежащем повиновении начальству...» [ГУТО ГАТ, ф.239, оп.13, д.7, л.440об.]. Наряду с русскими, во всех этих мероприятиях участвовали и татарские команды. Русские конные казаки, «литва», новокрещены и юртовские служилые татары обычно выполняли те поручения, которые были связаны с конной службой.

Как было сказано выше, татарские отряды принимали участие в военных походах против хана Кучума и, как составная часть служилого населения Сибири, фигурируют в самых ранних документах [Никитин, 1988, с.90]. Служилые татары ходили в походы не только на хана Кучума, но и на его сыновей и внуков, участвовали в экспедициях, имевших целью постройку сибирских городов, использовались для охраны городков и волостей, подвергавшихся опасности калмыцких и ногайских набегов, а также для различных поручений, которые требовали знания местных условий и связи с населением.

Среди поручений, выполнявшихся сибирскими служилыми татарами в конце XVI – XVII вв., особое место занимали различные дипломатические миссии. В число таких поручений входило ведение переговоров с Кучумовыми царевичами, с калмыцкими тайшами, посольства в азиатские страны, а также ведение торговых отношений с Китаем. Следует заметить, что аналогич-

ная служба возлагалась на служилых татар и в бывшем Казанском ханстве, где служилые татары обычно прикомандировывались к посольствам, ходившим к мусульманским государям, а также направлялись с различными уведомительными грамотами в Крым [Степанов, 1964, с.63].

Для выполнения подобного рода поручений обычно использовались наиболее авторитетные и знающие представители татарского служилого сословия.

Неоднократно направлялись делегации к «кучумовым царевичам». Так, в 1601 г. к сыновьям хана Кучума царевичам «к Алею с братьею» из Тюмени с особой миссией был направлен абыз Менглибай Бигилдеев в сопровождении русских казаков Исаака Луховца и Филиппа Дмитриева (по всей видимости, новокрещеного татарина) в качестве толмача, а также юртовских служилых татар Имаметя Сарычева и Бахтураза Каспирина. Этому посольству было поручено передать царевичам, что «самодержец пожалует их своим царским великим жалованьем и хочет их держать под своею государевой царскою высокою рукою, и они бы ехали с ними вместе... в Тюменский город и государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси служили...» [РИБ, т.2, с.274–283].

В 1623 г. тобольский воевода М.М.Годунов направил к калмыцкому тайше Талаю посольство, возглавляемое тобольским боярским сыном Дмитрием Черкасовым. Сопровождали Д.Черкасова тобольский служилый татарин Кельмамет Якшигильдеев, тюменские служилые люди Лазарко Васильев, Офонька Табанак да Карабашко Ишимов [Миллер, 1941, с.94, 300]. С ними были «в кашеварах отпущены 2 человека служилых татар Енигейко Адяков да Урмаметко Урусов» [там же, с.291]. Упомянутый выше Кельмамет Якшигильдеев, отправленный в «вожах» с посольством Д.Черкасова, у Г.Ф.Миллера назван также Килмаметко Бегишевым [там же, с.300]. Таким образом, здесь мы находим прямое подтверждение тому, что основатель клана служилых татар Кульмаметевых, Кельмамет, был сыном князя Бегиша. С другой стороны, то обстоятельство, что Кельмамет Якшигильдеев был отправлен с такого рода поручением, подтверждает его высокое положение.

Подобные дипломатические поручения возлагались на служилых татар и в последующие периоды. По выписке из статейного списка 1638–1639 гг. казачьего головы Богдана Аршинского узнаем, что в улусы калмыцких тайш, которые находились у соляных озер, а также в улус тайши Талая были направлены тобольский новокрещеный татарин Яков Буголаков, юртовские служилые татары Теней Итеев, Едигер Брыков, тюменский татарин Саруоль Якшеев и «с ними «в вожжах» тобольский бухаретин Корумка Абыманов» [там же, с.453].

В 1638 г. тобольскими воеводами к калмыцкому контайше с посольством были отправлены конный казак Кузьма Абрамов и юртовский служилый татарин Хожемамат Итеев, которые в Тобольск вернулись вместе с посланниками от контайши. В феврале 1640 г. эти «контайшины послы» Урускан и Ноода были «отпущены к государю» в Москву. Вместе с ними «в приставех» были посланы тобольский сын боярский Саватей Мокринский, «в толмачах» – служилый новокрещеный татарин Яков Буголаков, а в провожатых те же тобольские служилые люди – конный казак Кузьма Абрамов и юртовский служилый татарин Хожемамат Итеев. В 1669 г. из Тобольска в Бухару «в послах» были отправлены конный казак Онуфрий Федоров и служилый татарин Назар Надыров [Оглоблин, 1900, с.44].

Известно, что ряд русских посольств во главе с С.Кульмаметевым во второй половине XVII в. направлялся к северомонгольским ханам [РГАДА, ф.126, оп.1, 1676 г., д.77].

К юртовским служилым татарам, как к экспертам по вопросам азиатской политики, обращалось даже центральное правительство. Так, например, в 1646 г. из Москвы тобольским воеводам было предложено «тобольских татар, призвав к себе, расспросить, как бы калмыцких тайшей вперед от того отвести, чтобы они на Тюмень послов своих не присылали» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.167].

К служилым татарам тобольская администрация обращалась и для получения от них, как местных жителей, сведений, касавшихся Сибири. Их показаниями пользовался тобольский воевода Петр Годунов при составлении карты Сибири [там же,

с.167]. Сибирский губернатор М.П.Гагарин в начале XVIII в. пользовался услугами «лутчего татарского мурзы» Сабанака Азбакеева (Кульмаметева) в качестве переводчика с калмыцкого языка при общении князя с «эргецким боярином» о песочном золоте, добываемом близ калмыцкого города Эргета [Памятники Сибирской истории, 1885, с.140].

Важную роль играли служилые татары, оказывая дипломатическое содействие в усмирении «шатостей» в той или иной ясачной волости. В отличие от Казанского ханства, где ситуация в отношениях между победителями и побежденными долгое время оставалась напряженной, бывшие вассалы Сибирского хана менее болезненно отнеслись к колонизации, перейдя на службу к новой власти. Во многом это было обусловлено тем, что в далекой Сибири, располагая незначительным военным контингентом, русское правительство проводило более гибкую и лояльную политику в отношении аборигенного населения, в отличие от Казани, где в отношении покоренного населения принимались гораздо более жесткие меры. С другой стороны, сибирской служилой знатью была реально оценена политическая ситуация, так как Сибирское ханство пало уже вслед за Казанью и Астраханью.

Одной из важнейших функций сибирского казачества в XVII в. было строительство городов и острогов. Служилые татары также принимали участие в возведении многих сибирских городов.

Силами служилых людей, значительную часть которых составляли служилые татары, на среднем Иртыше был поставлен г. Тара. Строительство этого города имело огромное стратегическое значение в процессе освоения и удержания сибирских территорий и в борьбе с ханом Кучумом. В 1594 г. царь Федор направляет в Сибирь князя Андрея Елецкого, чтобы на месте татарского городка Ялыма, либо где-то рядом, основать город. Царь дал Елецкому 147 пехотинцев. Из Уфы было отправлено 300 башкир, 100 казанских и 100 заинских татар под началом Мамлы Мальцева. Все эти люди сначала были доставлены в Тобольск, где к ним присоединился Андрей Елецкий со своими людьми.

Среди сибирских городов г. Тара имел особое значение, вплоть до конца XVII в. играя роль военного форпоста и преграды на пути кучумовичей, калмыцких и других «воинских» людей. В строительстве Тары принимали участие служилые татары, сюда была стянута из Казани, Свяжска, Тетюш, Тюмени, Тобольска, Таборов и Кошуков рать, состоявшая из 1200 человек конных и более 500 пеших служилых людей. «Тут были и Ермаковы казаки, и стрельцы, и польские казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары» [РИБ, т.8, с.653–658].

Общий состав войска, направленного на строительство Тары, насчитывал 1541 человек. Более двух третей (1030 человек) отряда составляли татары и башкиры, и только 511 человек – русские, поляки, литовцы и др. Когда строительство города было завершено, 550 конников Мамлы, 50 конников Баязита, 300 конных и 150 пеших иртышских татар, 50 конных тюменских татар, 50 конных татар из Таборы и Кошуков были отправлены назад. А 50 татар во главе с Байбахты были оставлены зимовать во вновь построенном городе [Атласи, 2005, с.81–82].

В 1604 г. в нижнем течении Томи был поставлен город Томск, который стал главной опорной базой для освоения и обороны Среднего Приобья. В строительстве города участвовали служилые люди из разных городов, в том числе сибирские татары и кодские ханты [История казачества, 1995, с.27].

Служилые татары принимали деятельное участие и в строительстве главного сибирского города – Тобольска. «Сибирский летописный свод» сообщает, что в 1687 г. в Тобольске был построен «через речку Курдюмку тобольскими всяких чинов русскими людьми и тотары мост новый и по обе стороны тово моста лавки» [ПСРЛ, 36, с.225]. А в 1689 г. по приказу боярина и воеводы А.П. Головина в Тобольске были построены два новых моста через речку Курдюмку: Казачий и Прямской. «А строены те мосты всяких чинов русскими людьми и тотары» [там же, с.229]. Участвовали служилые татары в строительстве тобольского острога и ворот: «Да поставлено до башни, которая на Базарном взвозе, острога на одиннадцати

саженях. А ту калитку строили и острог ставили тобольские юртовские тотары бухарцы. Башня Базарная старая с вороты построена на дву саженях с полусаженью, в вышину до обламов шестнадцать рядов... А от башни Базарныя для проезду на гору построены вороты... А строили те вышеписанные Базарные ворота и калитки. И острог ставили тобольские юртовские татары бухарцы... А от тое Петропавловской башни делали валу и рву тобольские служилые же тотаровя семдесят семь сажен...» [там же, с.226–227].

В 1626 г. тобольскими воеводами был отправлен отряд служилых людей и татар к Ямыш-озеру для осмотра места, чтобы поставить острог [РИБ, т.8, с.376–378]. Однако основать Ямышевскую крепость удалось лишь через столетие Бухгольцу [Щеглов, 1883, с.164].

Юртовских служилых татар постоянно использовали в ежегодных экспедициях за солью на «Ямыш-озеро». Воеводы в городах должны были заботиться о том, чтобы у них во всякое время были достаточные запасы соли. Ежегодно с этого озера вывозилось по несколько тысяч пудов соли. Другие категории конных служилых посылались «по соль» обычно лишь в случае исключительно тревожной военной обстановки.

Хотя казенная торговля солью тогда еще не была введена, все же определенное количество ее требовалось для выдачи жалования служилым людям. Одной из главных целей постройки Тарского города было решение экономической задачи. Еще в наказе А.Елецкому предписывалось «завезть в Таре пашню и соль устроить» [Буцинский, 1999, с.149]. С этого времени Тара беспрепятственно снабжала солью Тобольск и другие сибирские города из лежавших по соседству с нею соляных озер.

В 1610 г. калмыки захватили эти соляные озера и не допускали посланных из Тары казаков брать из них соль. Из Тобольска в Тюмень воеводе С. Волынскому была направлена грамота, что «в прошлом 119-м году послано на Тюмень из Тобольска тюменским служивым людям на жалованье соль в полы их окладов, потому что в Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылована для того, что калмыки озера отняли, и вперед будет соли из Тобольска

в города служилым людям на жалованье послати нечего» [Миллер, 1941, с.221–222]. В 1611 г. казакам в Тюмени, Тобольске и других городах могла быть выдана только половина причитавшейся им соли. Из всех городов было вызвано определенное количество служилых людей и служилых татар [там же, с.221]. В 1611 г. тобольским воеводой И.Катыревым-Ростовским было велено тюменскому воеводе М.Годунову направить в поход тюменских служилых людей и татар к соляным озерам Тарского уезда. «И на весну, как лед вскроется, послати к соляным озерам по соль из сибирских городов служивых людей и татар в судех и полем на конех; и он бы сказал тюменским служивым людем с вогненным боем 20-ти человеком да татаром служивым 20-ти человеком, чтоб они готовы были на весну по соль итти...» [там же, с.222].

В 1613 г. был отправлен со служилыми людьми из Тобольска вверх по Иртышу для проведывания соляного озера литовский ротмистр Бартош Станиславов. Он нашел это озеро и доставил из него в Тобольск соль [там же, с.34]. Как считает Г.Миллер, здесь речь идет об открытии соляного озера Ямыш, которое в последующее время снабжало солью значительную часть Сибири, вместо других озер, которые хотя и лежали ближе к Таре по сухому пути, но были более удалены от Иртыша. Озеро Ямыш нужно было предпочесть этим озерам не только вследствие его более близкого положения от Иртыша, но и потому, что добытая из него соль превосходила своим качеством всякую другую, которая добывалась в Сибири. Ежегодно за солью на Ямыш-озеро отправлялось по 50 служилых татар [Тобольск, 1885, с.27–28].

В 1628 г. из Тюмени за Тару на Ямыш-озеро «по соль» было послано литвы, казаков и стрельцов 72 человека и 28 человек юртовских служилых татар, а из Тары сын боярский, да с ним литвы и казаков и стрельцов 100 человек да юртовских служилых татар 10 человек. В 1629 г. в Тобольск с озера Ямыш было привезено 21778 пудов 22 фунта соли [Буцинский, 1999, с.149].

В соляных походах служилые татары участвовали вплоть до конца XVII в.

По списку 1678 г. были посланы «за Тару к соляному ямышу озеру ...с письмяным головою 1 человек сотник стрелецкой... да стрельцов да пеших казаков 250 ч-к, 3 ч-ка пушкарей да татар 100 человек» [Тобольск, 1885, с.33]. Побывавшие в конце XVII в. в Сибири Избрант Идес и Адам Бранд писали, что «между истоками Тобола и Оби вплоть до Ямышева озера живут калмыки. Каждые несколько лет у татар происходят стычки с калмыками, которые противятся вывозу соли, но волей-неволей вынуждены уступать...» [Записки, 1967, с.227].

По одному из документов первой половины XVII в., именному списку 1628 г., можем наблюдать, на какие службы направлялись служилые татары сибирских городов в указанный период. Из состоявших в Тобольске 258 юртовских служилых татар на годовую службу в Томск были отправлены 40 человек служилых татар, вместе с ними было также направлено 20 человек русских казаков, «литвы» и стрельцов. Кроме того, «с государевы хлебные запасы» для жалованья томским служивым людям в Томск были посланы «сын боярский, а с ним из Сургута в гребцах послано литвы и казаков и стрельцов 13 человек да тобольских юртовских татар 15 человек» [История Сибири, 1996, с.52–53]. 2 служилых татарина вместе с казакком литовского списка были отправлены для проведывания всяких вестей в «колмаки». Всего по службам и в рассылках из Тобольска находилось 23 человека детей боярских, стрелецкий сотник, 272 человека «литвы», казаков и стрельцов, а также 147 человек юртовских служилых татар. Оставшиеся служилые татары «гоняют гонбу з захребетными тотары и з братьею своею, и с племянники на четыре дороги: на Березов, в Сургут, в Нарымский и Енисейский остроги, и в Томской город, и в Кузнейский острог. А на другую дорогу, на Тару, на третью дорогу, на Тюмень, в Туринской, на Верхотурье, на четвертую дорогу – на Пелым» [Тобольск, 1885, с.70].

Кроме того, остававшиеся в городе казаки и юртовские служилые татары использовались на государевых рыбных ловлях, отправлялись в посылки «в приставех и в толмачех», «по Ировую рыбу в судех», а также в ясачные волости для сбора ясака.

В г. Таре в 1628 г. состояло 57 человек юртовских служилых татар. 10 человек тарских юртовских служилых татар совместно 100 казаками и стрельцами были отправлены на Ямыш-озеро «по соль». Так же по 10 юртовских татар вместе с другими категориями служилых людей направлялось «по переменам помесечно без престани» в верхние ясачные волости «для береженья от колмацких людей». Оставшиеся в городе служилые татары и казаки посылались «в проезжие станицы и на отъезжие сторожи, и на городе, и на остроге караулы караулят, а зимнею порою, с осени, покаместа не укинут большие снеги, посылают в верхние ж и в нижние ясачные волости для береженья от колмацких людей человек по 15 и болши, потому что Тарской город волости на степи, и колмацкие люди приходят кочевать неподалеку» [История Сибири, 1996, с.53–54]. Если же вести бывали «не тихи», то в Тару для поддержки тарского контингента направлялись служилые люди из Тобольска.

Тюменские служилые татары также направлялись в соляные походы на Ямыш-озеро, использовались на годовой службе в г. Томске, куда ежегодно отсылалось по 20 человек юртовских служилых татар. Казаки и служилые татары, остававшиеся в Тюмени, направлялись «в проезжие станицы, и на отъезжие сторожи и на заставу для государевы десятые пошлыны в Тюменской уезд, и на городе и на остроге караулы караулят...» [там же, с.54].

Одним из самых крупных в Сибири был гарнизон г. Томска. К 1628 г. в нем насчитывалось 480 служилых людей. Из них 112 составляли годовальщики. По документам XVII в. известно, что в г. Томске, наряду с «11 человек голов и детей боярских с атаманом, 349 человек Литвы и казаков...», также состояло на службе «томских татар да чатцких и тулуманских мурз и татар 120 человек» [там же]. В 1627 г. из Тобольска туда был отправлен сын боярский, с которым прибыло 20 человек литвы, казаков и стрельцов, 40 человек служилых татар, из Тюмени – 30 служилых людей, в т.ч. 20 татар. В 1628 г. в Томск были отправлены из Тобольска во главе с боярским сыном 40 служилых татар, а из Тюмени – 10 русских и 15 служилых татар. К 1635 г. гарнизон

Томска вырос до 628 служилых людей, что позволило отказаться от присылки годовальщиков из других уездов [Пузанов, 2005, с.111–112].

Наиболее обременительной обязанностью для служилых татар была возложенная на них ямская гоньба. Но хотя эта повинность номинально была возложена на служилых татар, обычно ее выполняли дети служилых татар и захребетные татары: «в Тобольску ж юртовских служилых татар детей и братьи и племянников и захребетников, которые в службу ещо не верстаны, 201 ч-к гоняют ямскую гоньбу из Тобольска на 4 дороги» [Тобольск, 1885, с.28]. У тюменских татар существовала даже категория «гоняемых татар». «Тобольские служилые и захребетные татары подводы гоняли подо всякими ездоками с прогоны и без прогонов до Тюмени и до Ялуторовской слободы и до Тары и до Пельми и до Аремзянской волости», только в 1707 г. было отправлено 1978 подвод [там же, с.27–28].

Служилые татары направляли в Москву многочисленные челобитные с просьбой освободить их от ямской гоньбы. В 1601 г. в Тюмень воеводе Луке Щербатову приходит царская грамота об устройстве ямской гоньбы на Тюмени: «Били нам челом Тюменского города голова татарская Дивей Иртышев, да Маатмас Азихматов, да Марама Якшигилдеев, да Дянек Яншиков, да Янгуза Канчурин и во всех юртовских татар 50 человек место, а сказали: служат де они на Тюмени всякие наши сибирские службы зимние и летние, пешие и конные и отъезжие караулы и на Тару их посылают, и подводы де у их под нашу казну и под гонцов емлют, и те их подводы проводят до Тобольска и от Тобольска до Верхотурья и от Верхотурья до Соли до Камские, и с надсады де под нашею казною и под гонцами многие лошади падут, а проводят де их подводы потому, что у ясачных татар лошадей нет, все попадали; да они же де провожали казаков Гришу Ясыря да Ондрышу Тонярыкова, и у них де пали три коня; и им де вперед в подводах наши службы служить немочно; а во всех де городех устроены ямы, а у них де на Тюмени яму нет; и нам бы их пожаловать, подвод с них под нашу казну и под гонцов имати не велети. И мы указали на Тюмени

устроить ямщиков против Верхотурского и Япанчинского. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б на Тюмени вперед ямщиков прибирал» [Миллер, 1941, с.164]. Однако, несмотря на царские предписания, тюменские служилые и захребетные татары еще долгое время продолжали нести ямскую службу.

Когда на должность тобольского воеводы вступил Ю.Я.Сулешев, он провел важные перемены и в ямской гоньбе. В 1624 г. Сулешев возложил «ямщину» в Тюмени на захребетных татар и детей служилых татар, которым за службу стали выдавать жалованье ямских охотников. Но уже в 1625 г. татарский голова Неудача Молчанов говорил в тюменской съезжей избе, что «тюменские служилые и захребетные татарова от ямской гоньбы скорбят» [там же, с.550]. В 1625 г. служилые татары подали челобитную, прося оставить их от ямской гоньбы, «которая им не за обычай», и переложить ее на ясачных татар Иленской волости. Причем они даже соглашались на прибавку к ясаку «против прежнего». Воевода удовлетворил их просьбу и подал в ямскую гоньбу Иленскую волость, сложив с них прежнюю уплату ясака хлебом. Но это осуществилось уже после отъезда Ю.Я.Сулешева из Сибири. По сообщению приказчика Нижней Ницынской слободы Бориса Толбузина, от тяжести ямской гоньбы татары Обуховых юрт и Иленской волости хотели в том же 1625 г. отъехать в степь и просили их от нее освободить. Царская грамота от 13 октября 1625 г. предписывала тобольским воеводам вызвать в Тобольск трех-четырех захребетных гонимых татар Ленской (Иленской) волости и уговаривать их, чтоб «они ямскую гоньбу гоняли по тому, как устроил у них тое гоньбу боярин... Сулешов» [там же].

В декабре 1651 г. на Верхотурье пришла царская грамота о запрещении брать у тюменских татар для гонцов подводы [АИ, т.2, с.10].

Почти ежегодно в Тару, обычно с весны до осени, из Тобольска посылались несколько десятков казаков, стрельцов и служилых татар, а смотря «по вестям» и более того» [Буцинский, 1999, с.156]. Эти посылки были особенно частыми с 1630 г., когда уси-

лилась опасность от набегов кучумовичей и калмыков [там же]. Уже в октябре 1630 г. тобольскими воеводами были предприняты меры «по случаю измены тарских юртовских и волостных татар и кочевья калмыков близко Тары» [там же].

Весной 1632 г. для защиты тарских волостей от набегов кочевников «по вестям» было отправлено в Тару с тобольским сыном боярским И.Шульгиным 40 человек «литвы», конных казаков и 60 юртовских служилых татар.

В другой посылке в Тару в прибавку тем служилым людям было послано во главе с Е. Заболоцким 20 стрельцов и пеших казаков, а с ними 30 юртовских служилых татар [там же]. Всего в этом году было направлено в Тару 60 казаков и 90 юртовских служилых татар.

Уже в первой половине XVII в. в Тобольском и Тарском уездах была организована система застав и острогов для отражения набегов калмыков. Калмыки часто объединялись с сыновьями, затем и с внуками Кучума и совершали совместные походы на тобольские и тюменские волости. Они направляли свои силы главным образом в сторону рек Иртыш и Тобол. Для защиты от набегов кучумовичей и калмыков были организованы отряды казаков и служилых татар. Около 1631 г. для защиты от набегов калмыков и кучумовичей в Тарском уезде были построены остроги Каурдатский, Тебендинский, Ишимский, в Тобольском – Вагайский и Тарханский. Тарханский острог «был укрепленным местом у сибирских татар и назывался Тархан-кала» [ТГВ, 1859, №4, с.4]. На месте древней татарской крепости Чубар-тура в 1624 г. была построена слобода Чубарова.

В эти остроги из Тобольска направлялись казаки-годовальщики.

Крупные партии годовальщиков направлялись из Тобольска в Тару, которая в первые десятилетия XVII в. находилась в наиболее опасном из всех сибирских городов положении. Так, в 1632 г. из Тобольска в Тару было послано 100 человек во главе с сыном боярским Иваном Шульгиным: 40 литвы и конных казаков и 60 юртовских служилых татар. Несколько позже туда было направлено еще 50 человек: 20

стрельцов и пеших казаков и 30 юртовских служилых татар.

В 1661 г. в Атбашский острог сроком на один год был отправлен отряд, который состоял из 40 человек литвы, новокрещенных, конных казаков и татар [Пузанов, 2005, с.109]. А в 1669 г. туда же на годовую службу было послано 40 тобольских служилых людей – 28 литвы, казаков и новокрещенных и 12 служилых татар.

В Чубаровскую слободу из Тюмени ежегодно направлялось по 10 стрельцов и пеших казаков, а с ними 10 конных казаков [там же, с.111].

В целом исследователями выделяются три района Западной Сибири, куда обычно направлялись годовальщики. Первый – район в треугольнике трех русских крепостей Томск-Кузнецк-Красноярск, где на протяжении всего XVII в. шла борьба с енисейскими киргизами, за которыми стояли монголы и ойраты. Во-вторых, это Тарский уезд, где русским приходилось воевать с Кучумовичами и ойратами. В-третьих, это юго-запад Сибири – Верхотурский, Туринский, Тюменский и Тобольский уезды, где происходили столкновения с Кучумовичами и ойратами, а позднее – с башкирами и вогулами [Пузанов, 2005, с.116].

Все категории служилого населения Сибири в XVII в. имели право на три вида жалованья – денежное, хлебное и соляное. Исключение составляли юртовские служилые татары. В большинстве своем они не получали хлебного жалованья [Никитин, 1988, с.105].

По данным Н.И.Никитина, средний оклад рядовых пеших казаков и стрельцов в «пашенных» (где были благоприятные для «пашни», т.е. занятия земледелием условия) городах в XVII в. составлял 4,25 руб. [там же, с.106]. Более высокие оклады были в столице Сибири среди таких категорий, как дети боярские, юртовские служилые татары, а также среди «начальных людей».

Численность юртовских служилых татар, имевших хлебное жалованье, до конца столетия была невелика даже в главном сибирском городе Тобольске. В Таре служилые татары никогда не получали хлебного жалованья. Оклады денежного и соляного жалованья большинства служилых татар

были ниже, чем у служилых других военных категорий. Как считает Н.И.Никитин, этот факт сближает служилых татар с ясачными, придавая их службе черты повинности, заменяющей ясак [там же, с.109]. По его мнению, это представляет пример распространенной в Сибири практики фактического вычитания суммы ясачного оклада из жалованья служилых людей, набранных из коренного населения.

Соляные оклады выплачивались, как правило, в один прием, а хлебное жалованье – одновременно с соляным, но в одних случаях вместе с солью выдавались полные хлебные оклады, а в других – лишь часть их, остальное же – позднее. Хлебные оклады на 1635–1636 гг. большинству тобольских детей боярских выдали в два приема (в октябре и ноябре), основной же массе татар – в один прием (в январе), преобладающей части служилых людей прочих категорий – трижды, а многим и четырежды. Единовременно, например, в 1636–1637 гг. была произведена выдача денежных окладов большей части тобольской конницы («литве», новокрещенным и конным казакам – в июне, юртовским служилым татарам – в июле). Порядок выдачи окладов жалованья в два-три приема получил широкое распространение в Русском государстве [там же, с.124–125].

Как отмечает Н.И.Никитин, «система выдачи жалованья довольно последовательно отражала стремление правительства к максимальной экономии государственных средств за счет общественных низов» [там же, с.141]. Размеры большей части окладов обеспечивали прожиточный минимум лишь самого служилого и, как правило, не более чем одного взрослого члена его семьи. Выдавались эти оклады до конца 60-х гг. обычно полностью, однако и до второй половины XVII в. выплату жалованья нельзя было назвать регулярной: для большинства служилых она производилась каждый год в разное время. Часть окладов различными путями присваивалась местной администрацией. Все эти обстоятельства не могли не побуждать служилых людей к поиску дополнительных источников существования.

Размеры жалованья существенно различались не только между различными категориями служилого населения, но и внутри

определенной категории в разных городах. Оклады тобольских служилых, в том числе и служилых татар, были намного выше, чем у служилых других городов. В Москву направлялись многочисленные челобитные от тюменских, тарских, томских служилых татар с просьбой уравнивать их денежное жалованье с тобольскими служилыми татарами. Так, в 1629 г. тарские юртовские служилые татары направили к царю челобитную о «придаче» денежному жалованью «против» тобольских служилых татар и о поверстании в службу их сыновей, племянников и пр. В ответ на эту челобитную последовал царский приговор о том, что «государь слушал и указал: отписать на Тару – велеть юртовским татарам сказать, чтоб они о том не били челом, быть им в тех своих окладах и впредь по-прежнему: и в московских городах у государя города не все ровны, а им с Тобольском не ровнятся» [Оглоблин, 1900, с.118].

По справке 1631 г. в г. Тобольске 4 человека получали по 12 руб., 4 – по 11, 2 – по 9, 10 – по 8, 18 – по 7, 18 – по 6, 36 – по 5, 68 – по 4, 1 – 3 руб. 50 коп. и 82 человека – по 3 руб. Кроме того, 12 человек, которые получали старшие оклады, получали еще и по 2 чети ржи и 2 чети овса. Тюменские татары получали приблизительно такое же жалованье. 1 человек получал 12 руб. и хлебное жалованье, другой («ясаул») – 9 руб. и тоже хлеб, 3 человека получали по 8 руб., 8 – по 7, 1 – по 6 руб. 50 коп., 7 человек – по 6 руб., 15 – по 5, 5 – по 4 руб. 50 коп., 17 человек – по 4 руб., 1 – 3 руб. 50 коп. и 16 человек – по 3 руб. Размеры окладов тарских татар были значительно меньше. 1 человек получал 7 руб., 1 – 6 руб., 1 – 5 руб., 12 – по 4 руб., 10 – по 3 руб. Только 2 человека пользовались хлебным жалованьем [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.171].

По окладным книгам 1696 г. обнаруживаем, что самые большие оклады среди тобольских служилых татар были у голов служилых татар – Авазбакея Кульмаметова – 23 руб., и его сына Сабанака Азбакеева – 16 руб. Наибольшие оклады среди служилых татар – по 15 руб. – были у Кармышана Кочемаметова, Тахлыбая Копландина, Юзюпа Альшаева, Мамета (по другим источникам – Ишмамета) Семенеева и Мамет Мурата Азбакеева. По 14 руб. получали

Акшац Мамедеев, Кутлумабет Исенеев, Аничко Аиткулов, Урмашко Надыров [Тобольск, 1885, с.59]. Русская администрация сохраняла иерархию среди «лучших людей» аборигенного населения на протяжении XVII в., поэтому в окладах служилых татар отражалась социальная значимость прежней ханской элиты. Кроме того, обычно на места умерших служилых с их окладом приверстывались их дети или братья. Исходя из этого в указанных служилых татарах со старшими окладами можно видеть потомков высшей аристократии Сибирского ханства, в том числе, возможно, и карача-беков.

Кроме постоянного жалованья служилые татары, как и русские казаки, время от времени получали награды за участие в боях. Обычно эта награда составляла один рубль за каждого убитого или взятого в плен неприятеля.

Самый высокий оклад среди всех категорий служилого населения, включая даже русских чиновников, был у тобольского татарского головы.

Согласно окладным книгам 1647–1648 гг., в первой половине XVII в. оклад татарского головы составлял 30 руб. деньгами, 30 четвертей ржи, столько же было положено овса, а также 3 пуда соли [Никитин, 1988, с.110]. Если сравнить жалованье татарского головы с жалованьем голов русских казачьих подразделений, то, по тем же окладным книгам, голова пеших казаков получал 22 руб., а голова конных казаков – 11 руб. денежного жалованья [там же]. Таким образом, наблюдается существенная разница в денежных окладах, определявшаяся сложностью задач и важностью роли татарского головы. В XVII в. в Тобольске татарскими головами назначались русские чиновники, позже стали назначаться и представители служилого татарского сословия. В Тюмени служилые татары на должности татарских голов встречаются уже с конца XVI – начала XVII вв. Среди них Майтмас Ачекматов. Однако оклад татарского головы в Тюмени был значительно меньше, чем у тобольского, и составлял всего 8 руб. [РИБ, т.2, с.352].

В грамоте от января 1618 г. царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводе Федору Коркодинову сообщалось: «В нынешнем во

126 году, декабря в 9 день, писали есте к нам и прислали Тюменского города юртовских служивых татар головы Маитмаса Ачекматова челобитную» [там же, с.349–353]. В челобитной Маитмас Ачекматов указывал, что на государевой службе он состоит с тех пор, «как Тюменский город стал», т.е. уже более 30 лет. Там же перечислялись заслуги М. Ачекматова и излагалась просьба увеличить тому жалованье «против тобольского служилаго татарина Кызылбая Капландыева». Жалованье Маитмаса Ачекматова составляло 8 руб., в то время как денежное жалованье Кызылбая Капландыева – 12 руб. Кроме того, Капландыеву выдавалось от казны по две чети ржи и овса. Следует заметить, что первое время сумма денежного жалованья служивых татар не была фиксированной и зависела от степени «заслуг» «лучших людей», причем в главных городах она была значительно выше, чем в прочих.

Уже с XVII в. начинает практиковаться система, когда служивым татарам, наряду с русскими казаками, вместо хлебного жалованья давались пашни.

Как верно заметил С.В.Бахрушин, «покровительствуя местной знати, чтобы через ее посредство держать в повиновении черное ясачное население, ничем явно не затрагивая ее привилегий и преимуществ, правительство незаметно ослабляло ее независимое положение и низводило вчерашних феодальных владетелей на положение рядовых русских служивых людей «по прибору». Былые независимые «государи» собствен-

ных улусов, сами того не замечая, быстро становились простыми служивыми людьми «по прибору», покорно несшими служебные обязанности за небольшое денежное вознаграждение и за хлебный паек», «юридически ничего не утратив от былых своих привилегий, фактически из вольных вассалов сибирских ханов превращались в холопов московских царей» [Бахрушин, 1955, т.3, ч.2, с.173]. Согласно Крестоприводной книге 1682 г., «юртовские служилые и захребетные татара, по спискам и сверх списков, приведены на съезде двора к шерти» [Тобольск, 1885, с.65]. Будучи мусульманами, служилые татары клятву в верности новой власти обычно давали на Коране.

Постепенно они утрачивают свое положение «лучших» людей и уже к концу XVII в. представляют собой достаточно однородную массу. Эти тенденции еще более усиливаются в XVIII в.

Процесс превращения сибирских служивых людей в замкнутую сословную группу был характерен в целом для служилого сословия [Никитин, 1988, с.71]. Аналогичные процессы происходят и среди служивых татар, которые все более воспринимаются лишь как часть служилого сословия. Показательно, что уже с конца XVII – начала XVIII вв. в отношении служивых татар все чаще применяются термины «татарская казачья команда», «татары-казаки» и пр., в то время как в предшествующий период обычно употреблялись термины «служилые (служивые) татары», «лучшие люди» и пр.

§4. Литовско-польские татары

Яков Гришин

В XVII в. продолжалось осадничество литовско-польских татар. В данном случае особо следует сказать о будзякских татарах, взбунтовавшихся против крымского хана Бахадура-Гирея и сбежавших в степи, принадлежавшие Речи Посполитой. 19 августа 1637 г. в письме, врученном великому коронному гетману Станиславу Концепольскому, они декларируют готовность подчиниться польско-литовскому государству, прося позволения о поселении в его границах. Несмотря на опасения, что размещение

на Подоле Будзякской орды могло вызвать войну с Турцией, просьбу принимают благосклонно. Затем по этому вопросу высказались сеймики и сейм 1638 г. Тем не менее, хану удалось склонить будзякских татар к возвращению. Однако на территории Речи Посполитой осталось от 3 до 4 тыс. (по оценке гетмана Концепольского – 2 тыс. сабель). Они стали нести службу в частных магнатских хоругвях [Baranowski, 1949, с.73–77; Baranowski, 1957, s.110–111; Rocznik Tatarski, 1932, s.180–183].

В дальнейшем татары пополняют армию польско-литовского государства в виде наемных солдат. Многие местные татары становились для них командирами.

Последний большой наплыв татар имел место после войны со Швецией. В 1656 г. татары-воины получили от короля земли на Подоле и Волыни, на идентичных правах, как господские татары в Литве. Это было результатом стараний их руководителя, заслуженного коронного ротмистра Александра Кричинского.

Вместе с тем войны, ведущиеся на территории Речи Посполитой в середине XVII вв., несли разрушения татарским домам и расстройство их хозяйствам. Живя в Литве, татарское население вначале, убегая от неприятеля, а далее по экономическим причинам, начинает покидать свои насиженные места и уходить (в первую очередь на Волынь и Подолию, в меньшей степени в Курляндию), оседать в магнатских добрах [Sobczak, 1984, s.35]. Это было вызвано потребностями в профессиональных воинах, которые проявились в ходе войн с Хмельницким в коронных войсках.

Во второй половине XVII в. мусульманская общность в Речи Посполитой пополняется эмигрантами с Турции и даже Албании, находивших службу при королевских и магнатских дворах. Однако из-за своей малочисленности и разбросанности они не сыграли большой роли.

В целом осадничество татар в Речи Посполитой во второй половине XVII в. меняет свой характер. Миграция утрачивает массовый характер. Наплыв же татарских пленных был небольшим. Меняются и принципы обхождения с ними. Татары, взятые в неволю, редко поселялись в татарских осадах в Литве. В большинстве своем передавались королю, а также магнатам (чаще украинским). После насильственной христианизации их превращали в подданных холопов, либо использовали как рабочую силу при строительстве замков, монастырей и костелов [Sobczak, 1987, s.42–43; Loziński, 1974, s.102–103; Czapliński, 1976, s.21, 52, 168]. Определенные группы татар оседают в тот период не только в русском воеводстве, но и в Краковском [Zdan,

1935, s.396–399; Jacewicz, 1936, s.67–68; Krczyński, 1932, s.227–278].

Их начинают поселять в королевских добрах, а именно в экономиях: брестской, кобринской и гродненской. Забегая вперед, отметим, что с тех лет осады дольше всех продержались в Малошевичах, Студзынце, Крушынянах, Драхле и Бохониках [Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997, s.9].

Владения татарам не давались в собственность, тем не менее они должны были нести воинскую службу. Факт, что земля передавалась без согласия сейма, негативно сказался впоследствии на судьбах поселенного на ней татарского населения, вызывая споры о характере и правомочности актов Собесского. То есть момент начала осадничества стал спорным [Sobczak, 1987, s.51].

Начатый Яном Собесским процесс поселения татар продолжался Августом II. Это была своеобразная награда между другими за помощь в войне с Карлом XII и Станиславом Лещинским.

Поселял татар в экономиях и Август III. Осадничество татар в королевских экономиях имело место и позднее, во времена Станислава Августа.

Большое влияние на татарское осадничество в Великом Литовском княжестве, в том числе и королевских колониях, оказали политические события первых трех десятилетий XVIII в. Уничтожение татарских добр в ходе войны, передвижение войск, деятельность конфедерации, набеги, ответ за поддержку, какую татары оказали Сапегам в борьбе с литовской шляхтой, привели к тому, что часть татар решила на эмиграцию в Турцию. Их земли переходили к тем, кто оставался на месте.

В результате тех событий изменяется картина владения в этих экономиях.

Тем временем в Речь Посполитую прибывали новые татары, хотя уже не так часто. Это были главным образом беженцы из Крымского каганата, хотя искали здесь также убежище и беглые из России. Так, 235 таких солдат осели в старостве винницком. Они отказались служить в польском войске, провоцируя многочисленные конфликты с местным населением. Попытки их переселения в Турцию не давали результатов. Эти

татары, однако, не вошли ни в какой союз с татарским населением Литвы [там же, s.69]. Вообще весь XVIII в. для татарского осадничества был бурливым. Уже не увеличивается число татар, живущих в Литве. Более того, очень заметным становится процесс миграции татарского населения: перенос ее на земли Короны, вновь возвращение в Литву, а также эмиграция в Турцию. Эта подвижность должна была улучшить экономическую и правовую ситуацию татар, живущих в Речи Посполитой [Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997, s.9]. Однако этого не происходило.

После разделов Польши часть семей Барановских и Уланов подаются в Пруссию, пытаясь организовать там отдельный татарский полк. Период восстания Костюшко и наполеоновских войн принес дальнейшее опустошение в рядах профессиональных офицерских кадров, в которых татары составляли относительно большое число.

Продолжали численно сокращаться татарские местечки под Вильно, Ковно и Новогрудком.

С момента появления татар в Великом Литовском княжестве у них сохраняется социальное расслоение. Здесь традиционно выступают ханские титулы: почетные чины, принесенные с Орды и Кипчакии. На высшей ступени стояли князья, мурзы, уланы, на низших – простолюдины [Лаппо, 1901, с.461].

Кроме титулов, чинов родовитые татары имели с давних времен и звания в соответствии с занимаемыми должностями. К ним следует отнести ротмистров, хорунжих и маршалков.

В Литовском княжестве имелись и другие категории татар. Среди них выделялись так называемые господские татары. К ним относили пленных высшей категории, которые имели среди оседлых татар в Литве своих родственников, соплеменников либо побратимов. Они давали за них большой выкуп.

Оказавшись в Литве и поселившись большей частью на королевской земле, они становились подданными короля. От него они получали неоднократно привилегии (1662, 1667, 1699 гг.).

С течением времени господские татары стали называться татарами–землевладельцами (помещиками).

Особую группу с точки зрения правового положения составляли татары, жившие в магнатских добрах, в первую очередь Радзивиллов и Сапегув. Они, как полагают исследователи, не были однородной группой (с точки зрения социальной и экономической). Одни из них арендовали земли, за что привлекались к службе в частной магнатской милиции. С их помощью, в частности, создавались новые поселения [Sobczak, 1987, s.42; Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997, s.10–11]. Другие являлись челядью, содержащейся при панских дворах, в XVII и XVIII вв. в собственных частных местечках либо юридиках [там же].

Во второй половине XVII в., как пишет Собчак, выделяется новая группа татарского населения, а именно живущие в королевских экономиях, правовая ситуация которых отличалась от располагавших земельными владениями татар.

Нельзя обойти вниманием и такую группу татар, как мещане. В тогдашней фазе развития города татарское население являлось ценным и всесторонним типом осадников. Оно было подвижным. Татары умели наладить ремесло, оказать транспортные услуги, заняться торговлей и огородничеством, организовывать одновременно растениеводческие либо животноводческие хозяйства.

В период основания многочисленных частных местечек в XVI в. – первой половине XVII в. многие татарские семьи переселяются в них, пользуясь долгие годы освобождением от налогов (6–10, а иной раз 16 лет). От нескольких, до нескольких сот семей встречается в малых городах: Мыш, Белицы, Койданув, Смолевиче, Попорче и др. [Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997, s.26].

В конце XVIII в. татарские поселения развиваются впредь в Вильно, Минске, Слониме, Миже, Остроге. Вместе с тем формируются совершенно новые общности в Лаховичах, Новогрудке, Иве. В начале XIX в. в расчет входят еще Гродно, Ошмяны, Бяла Подляска, Брест над Бугом. Однако большинство крупных татарских поселений оставались и создава-

лись за пределами городов [Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997, s.28].

Завершая разговор о социальном составе татарского населения, обратим внимание еще на одну группу татар: рядовых, простых, взятых в плен во время набегов, как подданных землевладельцев. Их расселяли повсюду. Они имели самые низкие позиции, хотя в XVI в. пользовались наравне с группами воинов полной религиозной толерантностью.

Татары, прибывшие в Великое Литовское княжество, были «от плоти и крови солдатами». Война была важнейшим элементом их жизни. История татарских орд – это непрерывная картина борьбы и военных действий. Татары воевали вдохновенно и с постоянной необходимостью. Когда жара выжигала степь, требовалось идти добывать хлеб в соседние края. Ритм занятий хозяйством, посевом, уборкой делил жизнь татар на периоды покоя и войн [Kryczyński, 1984, s.125].

Рассматриваемый нами период не был исключением. В начале XVII в. они участвуют в кампании в Ливонии [Herbst, 1938, s.25]. С блеском себя показывают в сентябре 1609 г. под Кирххольмом, в битве со шведами, завершившейся уничтожением шведской армии, потерявшей 9 тыс. убитыми, и бегством короля Карла IX.

За заслуги в борьбе со шведами и проявленное мужество король Зигмунт III подарил литовским татарам различные деревни и земли [Dziadulewicz, 1929, s.337, 349, 361; Kukiel, 1929, s.55–56].

В 20-е гг. XVII в. они вновь участвуют в сражениях в Ливонии, в 40-е–60-е гг. их активно используют в казацких войнах, вновь в борьбе со шведами, в войне Польши с Россией за Украину [там же].

В 1694–1699 гг. в Литве идет гражданская война. В ней большую роль сыграли татарские хоругви, воевавшие на стороне Сапегов. В столкновениях между сторонниками С.Лещинского и Августа II (1700–1709 гг.) татары–сапеговцы держали сторону первого, а коронные татары – второго. В битве под Калишем (1709 г.) шведы и сапеговская конница, с большой долей литовских татар, сражались против сасских, российских и ко-

ронных польских войск, имевших также татарские хоругви [Kryczyński, 1984, s.23].

В семилетней прусско-сасской войне (1756–1762 гг.) мы видим также татарские полки.

В оборонной войне с Россией в 1792 г. бригада легкой кавалерии в составе трех татарских полков сражается с наступающим и превосходящим противником от Столпц до Бреста, до окончания борьбы и наступления короля Станислава Августа в Тарговицкую конфедерацию.

Перед разделами Польши польско-литовские татары выдвинули из своих рядов тысячи низших офицеров, сотни ротмистров, десятки командиров полков и только одного генерала Юзефа Беяка (1741–1794) из-под Новогрудка [Kryczyński, 1932, s.46–94].

После третьего раздела Польши часть татар, оказавшись в Прусском королевстве, попыталась организовать уланский полк. Но у них из данной затеи ничего не получилось. Ибо земля, которую им предлагали за службу, должна была быть арендной. Кроме того, литовским татарам предлагалось изменить веру. Прусские власти не легитимировали им шляхетство.

В 1797 г. генерал Ян Хенрик Домбровский создает Польский легион в Северной Италии, борющийся бок о бок с Францией. Среди его офицеров имелись и польские татары.

Помимо воинской службы литовские татары освоили и другие профессии. Сами условия, в которых они жили, предназначали их к роли посредников между старой Речью Посполитой и Крымом с Турцией. Общие религия и происхождение, а чаще всего и знание языка облегчали им сближение с людьми с Востока и позволяли заниматься дипломатической работой. Очевидно, не случайно, что в документах нередко встречаются фамилии литовских татар в роли послов, гонцов, секретарей, переводчиков и даже приставов. «Однако, – пишет совершенно справедливо Богдан Барановский, – их заслуги не всегда были оценены и в истории наших отношений с Востоком задвинуты на задний план именами магнатов, что это они выезжали в Стамбул с обозом из 1000 коней, хотя во сто крат меньше сумели

сделать чем один гонец, простой татарин» [Baranowski, 1950, s.137].

В связи с утратой литовскими татарами знания родного языка их число на должностях переводчиков восточных языков с течением времени сокращается.

Так в XVII в. переводчиков – татар восточных языков можно посчитать по пальцам, да и кто, в общем-то, знает, не были ли это мусульмане, недавно прибывшие из Крыма.

В XVIII в. встречались татары с Литвы, но уже не как переводчики восточных языков, а как гонцы, посылаемые на восток. Так, в 1716 г. ездил в Крым ротмистр Стефан Сулькевич. Во времена барской конфедерации полковник Александр Мустафа Корыцкий высылался к Хочимскому паше [Konopczyński, 1932, s.62; Kępczyński, 1935, s.46].

Литовские татары временами выступали как посредники при выкупе польских пленных из мусульманской неволи. Так было, например, с гетманом Концепольским, оказавшимся после поражения в одной из битв в руках турков.

В источниках часто можно встретить сообщения, что литовские татары находились при иностранных купцах и служили им за проводников.

Несомненно, что профессия толмача была важной, но не массовой. Зато земледелие, а особенно огородничество и садоводство являлись истари главным любимым занятием литовских татар [АВК, т.31, гл.26], естественно, не богатых. Татары имели свои небольшие участки «иногда ограниченные только усадебной землей», но обрабатывали их в совершенстве. Особенно значительных успехов они достигли в огородничестве [там же, гл.25].

Прибыльную статью дохода литовских татар представляло «фурманство», занятие извозом. В этом отношении они поставили дело так хорошо, что извоз стал почти монополией татар, без которых тогдашняя торговля не могла обойтись. Причем они являлись честными и аккуратными посредниками между самыми отдаленными городами и местностями, что при тогдашнем бездорожье и при отсутствии внутренней безопасности имело большое значение. Хотя

занятие это было достоянием низших слоев татарского населения и считалось делом «нешляхетским», но на сколько оно широко было распространено среди татар, свидетельствуют многие документы и даже само законодательство Литовского государства.

Литовские татары с любовью занимались не только земледелием, огородничеством и фурманством. В Литовском статуте 1588 г. указывается еще один вид их занятий – «дублиние кож». Причем все важные источники XVI и XVII вв. единогласно утверждают, что кожевенное дело являлось популярным и основным занятием среди них. В этой сфере они имели хорошую славу, мастерски владели техникой производства. Специализировались в обработке конских и козых шкур, производя прекрасные сафьяновую и юхтовую кожи.

Кроме вышеназванного татары занимались животноводством, особенно коневодством. В лошадях они знали толк, им не было по этой части равных. Их табуны выгодно отличались от других. Они не только умели выращивать, ухаживать за животными, но и виртуозно объезжать. Причем эти традиции у татар сохраняются до 30-х гг. XX в.

Очевидно, не случайно, что в городах встречаются татары – коновалы, то есть недипломированные ветеринары. Они не были редкостью, что означало наличие у них больших эмпирических знаний.

Кроме того, татары занимались продажей лошадей, которые являлись во все времена ценным товаром, особенно когда шла подготовка к войне, да и после нее, либо посредничали.

Литовские татары вели и мелкую торговлю: овощами, рыбой, мясом. Однако на этом пути у них были препятствия. Не всем разрешалось это ремесло. Правда, в 1606 г. упорядочивался правовой статус бедных татар, но торговать позволяли только тем, которые принимали городское право, становились мещанами и готовы были платить налог [там же].

Переходя в город и становясь мещанами, татары поступали на службу в городскую милицию, созданную в середине XVII в. Принадлежность части татар к шляхте дала им возможность исполнять функции асес-

соров земских и городских судов, а также граничных судей.

Говоря о жизни татар, необходимо отметить, что она не всегда складывалась безоблачно. Их нередко преследовали, они подвергались дискриминации. Об этом свидетельствуют имеющиеся документы.

Интересно отметить одну особенность. Как только отношения Речи Посполитой с мусульманскими странами ухудшились и доходило до первых вооруженных стычек, часть ее публичного мнения хотела видеть в литовско-польских татарах козла отпущения. К этому добавилась неблагоприятность к исламу, растущая религиозная напряженность между христианскими религиями. Все это способствовало выдвижению шляхтой антитатарских требований. Так, в 1613 и 1616 гг. Конституционный сейм запрещал татарам продавать земли и покупать шляхетские добра, в результате чего постоянно сокращается число воинов в литовских татарских хоругвах. Не отставали от сейма и сеймики. Они требовали запрещения татарам – мусульманам иметь подданных и христианскую челядь, под угрозой смерти запрещались смешанные мусульманско – христианские браки. При этом выдвигаются бесосновательные обвинения, что татары «баламутят и басурманят» подданных, склоняют их к принятию ислама.

Обвинения против татар распространялись и поддерживались их недоброжелателями. В связи с этим следует упомянуть о сочинении Н.Чижевского под заглавием «Аль – фуркан Татарский (1616), на сорок частей разделенный» без указания места издания. Оно, как отмечается в Актах литовских татар, наполнено лживыми обвинениями татар во всевозможных суевериях и даже преступлениях [там же, гл.20].

Очередная своеобразная атака на татар предпринимается в 1766 г. в виде ревизии королевских экономий, предпринятой по инициативе литовского подскарбия Тизенгауза, с 1765 г. являвшегося руководителем Управления экономических добр. Он предпринимает меры к эксмиссии, что приводит к судебным разбирательствам, петициям, спорам, жалобам, тянувшимся до разделов Речи Посполитой.

Естественно, в таких условиях татары выступали с протестами. Им удалось получить поддержку Ксаверия Браницкого, позднее Великого Коронного гетмана, в войсках которого многие из них участвовали в кампании против барской конфедерации. По их просьбе он имел встречу с королем и домогался остановить Тизенгауза от попыток лишить татар имений. Король, к которому обратились знатнейшие татары, несмотря на добрые отношения с Тизенгаузом, благожелательно удовлетворил их просьбы.

До очередного недоразумения между администрацией и татарами дошло в 1778–1779 гг. Непосредственным поводом к нему стало требование Тизенгауза о ликвидации квартовой задолженности татарами с 1768 г. по 1775 г. Вновь пошла волна просьб, жалоб татар, живших в королевских экономиях. Под некоторыми из них стоит и подпись первого из литовских татар генерала Юзефа Беляка.

В июле 1779 г. татар поддержал брат короля Станислав Понятовский, под началом которого служил полковник Азулевич, а также Браницкий.

Дело кончилось тем, что в октябре 1779 г. король освободил татар, живших в экономиях, от выплаты задолженности кварт.

Окончательно вопрос был решен сеймовой конституцией 1786 г., на основании которой все имения татар в экономиях были признаны наследственными. За управлением экономии оставалось право выкупа татарских земель. Кроме того, татары могли селиться в двух обозначенных староставах – в Короне и Литве.

К вопросу выкупа татарских земель сейм вернулся в 1793 г., создал для этого комиссию из трех человек, которая должна была оценить стоимость добр татар, уровень получаемых ими доходов и указать эквивалентные земли в староставах. Однако политические события сорвали работу этой комиссии [Sobczak, 1987, s.57].

Но, пожалуй, наиболее ярким примером определенной дискриминации татар явилось нежелание признавать за ними шляхетства.

Ни одно из правовых положений не трактует татар как шляхту. Татары независимо от вероисповедания не были участниками сей-

миков, не исполняли и не могли исполнять управленческих функций. В решениях сеймиков четко подчеркивается общественно-правовая разница между ними и шляхтой. Татары не могли исполнять депутатских функций и не имели влияния на содержание депутатских инструкций. За ними оставили возможность предоставления своих просьб и требований в Сейм. С 1786 г. они могли это делать при посредничестве военного департамента [Sobczak, 1990, s.355].

Следует указать, что татары сами не считали себя шляхтой, а в своих петициях, направляемых королям и сеймикам, определяли себя как «татарский народ», противопоставляя этот термин понятию «шляхта». Это название употреблялось также в нормативных актах, особенно в XVII в.

Было бы неверным, говоря о дискриминации нации, забывать о тех привилегиях, которые периодически получали татары. Они были, например, им предоставлены Владиславом IV и далее подтверждены и расширены всеми последующими королями – Я.Собеским, Августом II и III и, наконец, Станиславом Августом Понятовским, который в 1779 г. приказал выдать «экстракт его из книг метрики канцелярии Литовской, приложив к нему печать княжества» [Лаппо, 1901, с.466–467]. Кроме того, права и вольности литовских татар неоднократно подтверждались и сеймовыми конституциями в 1656, 1668, 1670, 1673, 1674, 1677, 1678, 1726, 1736 гг. и в последний раз в 1775 г.

В соответствии с ними татары, например, за исключением живших на королевских землях, могли свои имения продавать, дарить, менять, отдавать в залог и вообще извлекать из них всевозможные выгоды. В Актах литовских татар имеется масса документов, которые представляют собой сделки разного рода по владению имениями.

При присоединении литовских провинций к Российской империи по последнему разделу положение татар не изменилось. Все последовавшие законоположения «отличались покровительством и благоволением к ним». Императрица Екатерина II Величайшим указом от 30 октября 1794 г. повелела генерал-губернатору князю Николаю Васильевичу Репнину между прочими не оставить без обеспечения поселенных в Ли-

товских областях татар. «С благовременным прохождением всех частей возлагаемого на вас служения не оставьте вы без замечания поселенных в Литовских областях Татарского племени войск, яко производящих от народа храброго и прямодушного, а через то наше Высочайшее об них попечение привлекающих: понеже чаем в них обрести отрасли тех добрых качеств, коими народ Татарский нам известен; для сего поручаем вам, приняв от них вместе с прочими Литовскими жителями на верность Нам присягу, утвердить их в их собственности и преимуществвах, и все их общество Нашим священным словом обнадежить, что не только оставляем их в свободе отправлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем обезпечить их состояние, паче оное осчастливить; и на сей конец ожидаем от вас представления, что по изведании настоящего их положения, найдете способным к углублению их выгод и им наиболее нужных» [ПСЗ–1, т.33, с.572].

В декабре 1795 г. появляется новое подтверждение. После смерти Екатерины II это сделал Павел I (ноябрь 1796 г.).

В 1797 г. из литовских татар формируется особый десятиэскадронный кавалерийский полк, названный Пинским [ПСЗ–1, т.24, с.523].

Через два года последовал указ об оставлении на прежнем основании разных наций, поселившихся в Литовской губернии [ПСЗ–1, т.25, с.573].

Литовские татары не составляли особой, отдельно живущей этнографической группы, жили вперемежку с белорусами и литовцами, почти ничем от них не отличаясь и не признавая за собой даже название «татарин». «Мы не татары, но шляхта мусульмане, говорили они, – и татарами нас называют только крестьяне» [АВК, т.31, гл.22].

Живя долгое время среди иных народов (поляки, русские, белорусы, литовцы), татары совершенно забыли родной язык. Да, в общем-то, это объяснимо. Ибо русский язык являлся не только официальным языком управления, но также полностью доминировал в экономической и повседневной жизни на значительной территории Великого Литовского княжества. Все документы в этой части польско-литовского государ-

ства оформлялись по-русски до XVIII в., исключая Подляское воеводство, где шляхетский сеймик ввел польский язык раньше.

Потере языка способствовало и то, что татары вступали в браки с иноверками [Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997, s.32].

Влияние русского языка заканчивается в конце XVI в. С начала следующего века мусульман охватывают процессы полонизации, особенно татарскую элиту – помещиков. Именно они имели наибольшие контакты с польским окружением и польской культурой, долгие годы находились в армии, будучи на королевской либо магнатской службе. Во второй половине XVII в., как пишет Я.Тышкевич, большинство польско-литовских татар подписывались уже польско-литовской вершей (75%), и этот процесс значительно углубился в XVIII в. В Великом Литовском княжестве развивается обучение на польском языке, но чаще всего полонизация здесь происходила по выбору. Обучение по-польски в приходских школах происходило в соответствии с положением родителей, которые могли потребовать преподавания русского либо литовского языков. Не хватало людей, знакомых с арабским алфавитом и языком.

Следовательно, как констатирует автор, после более раннего периода русификации (языково-культурной) начинает наступать полонизация и индивидуальная ассимиляция, переход в христианство (XVII – начало XVIII вв.) [там же].

Вместе с тем, в повседневной жизни татары сохраняют самобытность, которая отличает их от окружающих. Особенно в этом преуспевает богатейшая часть татарских помещиков.

У татар сохранились также «черты лица, говорящие о восточном их происхождении».

По Мухлинскому, татары «по большей части высокого роста, стройны, черноволосы, цвет лица смуглый, черты лица правильные, физиономия и осанка выразительны. Женщины делаются заметно блее в сравнении со своими прабабками, и отличаются скромностью» [Мухлинский, 1887, с.47–49].

Что касается одежды, то в Актах литовских татар о ней пишется следующее: «Она ничем не отличается от одежды их соседей белорусов и литовцев, только женщи-

ны предпочитают более пестрые цвета для своего платья. Сравнительная зажиточность их выражается, между прочим, в том, что они не употребляют лаптей, как это, почти сплошь, делают белорусы, а ходят всегда в сапогах, а женщины и девушки в башмаках с красными и желтыми каблуками» [АВК, т.31, гл.23].

Татары, живущие в деревнях, строили дома, амбары и другие хозяйственные постройки по типу, общеупотребительному в крае, причем у сравнительно зажиточных изба делилась на две половины – чистую и черную: первая (светлица, гридня) с деревянным полом служила для приема гостей, для семейных торжеств и т.п.; вторая с глиняным полом, невыбеленная, полутемная служила местом для выполнения всех обычных, домашних, хозяйственных работ. У бедного татарина избышка состояла из одной жилой комнаты и часто бывала курною, т.е. без трубы.

Внутренняя обстановка была такая же, как у крестьян и мелкой шляхты. Усадьба татарина всегда огораживалась, под окнами – палисадник с обыкновенными деревенскими цветами. Почти при каждом домике существовал садик с фруктовыми деревьями.

Вообще, отмечается в Актах, вся обстановка литовского татарина свидетельствовала о его сравнительной культурности, несмотря на то, что и между ними есть лица совсем неграмотные [там же].

Литовские татары, будучи магометанами, строго соблюдали одноженство.

Кроме смешанных браков были и кровные. Чаще всего они заключались между знакомыми семьями Крымского каганата, особенно в XVII – XVIII вв. В так называемом Китабе Милкамановича (1781 г.) содержится наказ совершать браки между лицами, исповедовавшими ислам. Можно утверждать, что стержнем польско-литовских татар являлись, как правило, семьи полностью мусульманские [Lapicz, 1986].

Что касается личных качеств татар, то они как у Мухлинского, так и в Актах, оцениваются весьма высоко. Отмечаются их благородство в обхождении, кротость и воздержанность, большое гостеприимство, добродушие, ласковость, рассудительность в разговорах, трудолюбие. Они

отличаются «замечательной честностью и неуклонным исполнением раз данного слова или обещания, трезвостью, умением жить в согласии с другими жителями, при этом не сливаясь с ними, придерживаясь родового местничества, мягкостью и гуманностью в общении с женою и детьми, чем выгодно отличаются от своих соседей шляхтичей – христиан» [Довнар-Запольский, 1901, с.641; АВК, т.31, гл.25]. Между ними редко бывают ссоры и вражда. Они, как отмечает Мухлинский, почти никогда не были изболочены по уголовным делам [Мухлинский, 1887, с.48–49].

Одной из главных черт, отличавших татар от окружающих, была религия, которую они сохранили с момента появления в Великом Литовском княжестве. Это была сфера, наиболее обращавшая на себя внимание.

На протяжении всей жизни в Великом Литовском княжестве и в последующем татары исповедовали ислам суннитского толка. В соответствии с традициями толерантности в местах большого скопления татар появляются первые мечети. В XVII – XVIII вв. было построено около 20 новых святынь, одновременно действовали ранее возведенные. Как отмечается в Актах о литовских татарах, мечети «в татарских поселениях очень скромные здания, большей частью деревянные». Мечети, молитвенные дома являлись своеобразными центрами религиозной жизни татар, центрами магометанских приходов (гмин).

Во главе каждого прихода стоял мулла (имам). Следует отметить, что в Литве второе определение не привилось. В источниках мулле чаще называли молна, реже – татарский ксендз или татарский поп. Он, как правило, избирался прихожанами. В XVI – XVII вв. были случаи, когда мุลлы прибывали с Крыма. Они были более образованными.

Однако следует отметить, что значительная часть священнослужителей проходила подготовку дома. Мулла является как бы доверенным лицом своих прихожан, их представителем по отношению к различным органам власти. На эту должность, как правило, выбирали человека пожилого, умеющего читать и писать по-русски и, главное, знающего несколько арабский язык.

В своей среде мулла исполнял роль нотариуса, заверял завещания, залоговые письма, хранил документы. С середины XVI в. он справлял также гражданские акты: регистрация брака и рождения. Татарские духовники принимали регулярно присягу от своих единоверцев в суде или в армии. По закону мулле было предоставлено право исполнения некоторых чисто судебных функций, так, например, разбор дел о неповиновении детей родителям, разрешение споров о частной собственности, возникающих между магометанами по духовным завещаниям или при разделе наследственного имущества и т.п., но в действительности прихожане редко обращались к муллам, предпочитая судиться в судебных учреждениях [АВК, т.31, гл.25].

Кроме мулл в ряде приходов имелись и муэдзины. Это они призывали своим голосом верующих к молитве в мечети либо с минарета, где он был, либо обходя улицы. Делалось это потому, чтобы таким способом активнее обязать всех верующих к посещению святыни, а кроме того, учитывалось то, что голос муэдзина не мог быть услышан в далеко расположенных домах.

На протяжении многих столетий верующих ислама стремились обеспечить религиозной литературой. Очевидно, не случаен тот факт, что еще в конце XVI столетия в Литве находились рукописные тексты Коранов, «написанные очень красивым почерком». Кроме них имелись молитвенные и другие сочинения религиозного содержания с переводом на польский язык. Среди них попадались книги и на русско-литовском и русско-украинском наречиях, причем, как отмечает Мухлинский, «в довольно значительном количестве, так что можно было бы составить из книг этого рода маленькую библиотеку, и это также доказывает, что наши татары любили заниматься науками, и были даже между ними сведущие в мусульманском богословии» [Мухлинский, 1887, с.29].

В польско-литовском государстве сторонниками ислама в его правоверной форме (сунниты) были почти исключительно татары. Как относительно немалая группа, сохраняя контакты с побратимами из Крыма и Поволжья, она организовывала свою религиозную жизнь на постоянных правовых

основах и обычаях. Можно смело говорить, что свое культурно-этническое отличие в течение многих веков литовско-польские татары сохранили, главным образом, благодаря культивированию ислама. Религиозный фактор объединял их в гмине, позволял сохранять отличительные обряды, заключать браки в собственном кругу верующих [Tyszkiewicz, 1989, s.281–282].

Отметим, что в пределах бывшего Литовского государства татары никогда не составляли сколько-нибудь значительного элемента среди других народностей. Они никогда не предъявляли никаких претензий на политическую самостоятельность. Оче-

видно, не случайно, что коренные жители всегда жили с ними в мире и согласии.

Со своей стороны литовско-польские правительства, тратившие много сил и энергии на борьбу с православным русским и иудейским (еврейским) элементами и видевшие в них врагов своей государственности, в татарах высоко ценили их лучшие качества, усматривая в них верных исполнителей своих предначертаний и не лишали благосклонного своего внимания и покровительства, периодически давая им разные вольности и права. Так же в целом поступали и царские правительства после разделов Речи Посполитой.

ГЛАВА 3

Служилые татары и российская власть: между мятежом и службой

§1. Татары и Казанский край в Смутное время

Искандер Измайлов

Смута разгорается: служилые татары против Василия Шуйского. Казанские татары после череды восстаний и освободительных войн второй половины XVI в. оказались обескровлены. Самая непримиримая часть служилого сословия погибла в сражениях, а другая – перешла на русскую службу, став привилегированным сословием князей и дворян. Часть из них приняла добровольно или по принуждению православие, составив отдельное сословие «новокрещенных» дворян. Все это создавало особые условия для существования татар и мусульманского податного населения. Они не проявляли политической активности, не имея авторитетных вождей и не рассчитывая на успех вооруженного противостояния с царской властью. Недаром еще в 1575 г. царь в своем наказе послам в Речь Посполитую указывал: «А нечто спросят про Казань, и Федору молвити: про Казань что и спрашиваете ... а куды государь велит казанским людям на свое дело идти, и казанских людей на государеву службу ходит сколько велит коли...» [Посольская книга, 2004, с.86]. Служилые татары Казанского края были на стороне центральной власти или того, кто считался ею в лице местных наместников, участвуя в различных военных предприятиях.

Однако после выступления Лжедмитрия II и непродуманных действий правительства Василия Шуйского в стране началась гражданская война. Выражая интересы крупных землевладельцев и будучи обязан им своим воцарением, новый царь своими действиями настроил против себя мелкопоместное служилое дворянство. Выступление Ивана Болотникова и нового самозван-

ца Лжедмитрия II, их антибоярские лозунги попали на благодатную почву, вызвав раскол в российском обществе [Скрынников, 1988, с.74–151]. К восстанию казаков и пограничных казацких районов подключились более широкие слои служилого сословия, в том числе служилые татары. С этого времени значительная часть служилых татар перестала поддерживать власть царя и начала переходить на сторону Лжедмитрия II. По существу, ситуация вернулась к самому началу Смуты, когда самые широкие слои населения оказались недовольными внутренней и внешней политикой самодержавия (подробнее см.: [Скрынников, 1985, с.11–96; Кристенсен, 1989, с.78–91]).

Мятеж против «боярского царя» моментально перерос в гражданскую войну. Мещерские и нижегородские служилые татары оказались в самом центре событий. Следует сказать, что служилые татары Мещерского края составляли значительный воинский контингент. Фактически это была одна из самых многочисленных, дворянских корпораций: в росписи похода 1604 г. против самозванца упоминаются 450 касимовских, 537 темниковских, 542 кадомских татарина и 220 мордвинов из Кадома и Темникова (см.: [Станиславский, 1990, с.55]). Главную опасность для властей представляло то, что основной движущей силой мятежа были служилые люди – знакомые с тяготами военной жизни, вооруженные и обученные не хуже царских войск. Разумеется, все они имели разные цели, но в одном были едины – прекратить произвол московского родовитого боярства, какой являлась власть Шуйских, пренебрегавшая интересами остальных служилых людей.

В советской историографии эти события обычно трактовались как антифеодалная и антиколониальная борьба народов Поволжья. Но если снять идеологические шоры, то можно будет без труда понять, что эта борьба была борьбой служилого сословия за свои привилегии, против политики боярской верхушки страны, выразителем интересов которой выступал царь Василий Шуйский. Недаром некоторые историки называли Смуту «дворянской революцией» [Рожков, 1922, с.5–6].

Для Среднего Поволжья Смута началась в 1606 г., когда в Поволжье было получено известие о гибели царя Дмитрия. Отряды казаков, которые по его призыву двигались в Москву, подняли мятеж и, призвав народ к бунту против нового царя, развернули военные действия. На призыв откликнулись многие города, и осенью 1606 г. мятеж охватил такие города, как Алатырь, Арзамас, Ядрин, Курмыш, Чебоксары и Свияжск.

Скоро мятеж в поддержку нового «царевича Дмитрия» охватил обширные районы Поочья и Посурья. Центром восстания стал Арзамас, а одними из самых активных участников – служилые татары. Так, одним из руководителей татарского отряда, действовавшего против Нижнего Новгорода, являлся мурза Айдар Енибьяков, а против гарнизона Курмыша воевал крещеный татарин дворянин А.Б.Казаков. Против восставшего арзамасского воеводы Б.И.Доможирова царские власти вынуждены были послать войска верных воевод Г.Г.Лушкина и С.Г.Ададунова (Одадунова). Восстание было подавлено, а часть восставших вошла в состав правительственных войск. В 1607 г. князь Петр Урусов (урожденный Урак, сын ногайского бия Джан-Арслана) вместе с С.Г.Ададуновым был поставлен о главе отряда татар казанских, романовских и арзамасских, воевавших против И.Болотникова под Тулой, где они сыграли заметную роль в подавлении восстания.

К концу 1606 г. восстанием было охвачено все Поволжье от Астрахани до Нижнего Новгорода, а также Вятский и Пермский края. Практически только Нижний Новгород и Казань оставались верными правительству Шуйского. Правительство вынуждено было ввести в регион войско под командо-

ванием Ф.М.Шереметева, но его усилия для подавления восстания оказались тщетными. Он не смог взять мятежную Астрахань и отступил в Царицын. В самом центре казачьего мятежа он оказался бессилен и только отбивал атаки восставших.

В 1608 г., когда к Москве подступил сам самозванец Лжедмитрий II, восстание в Казанском и Мещерском краях разгорелось с новой силой. В декабре 1608 г. под Нижний Новгород «приходили... воровские люди Нижегородцы и Арзамасцы дети боярские, и Татарова, и Черемиса, и всякие подымные люди». Гарнизон отбил наступление и разгромил отряды повстанцев, взяв в плен около трехсот человек, «а знамена и набаты поимали, а ушло тех воровских людей немного» [Действия НГУАК, с.9].

Однако сопротивление властям не прекращалось. В 1608 г. не добившийся успехов в Нижнем Поволжье воевода Шереметев был отозван в Казанский край, где пламя войны распространилось на Горную сторону.

В ноябре 1608 г. Шереметев достиг Казани, где пополнил силы и получил отдых. Через месяц он вернулся на Горную сторону и совместно с нижегородскими полками нанес несколько поражений отрядам повстанцев. Подавляя вооруженное выступление, он особо приказывал в наказной памяти своим начальникам «письмянному» голове М.И.Словцову и стрелецкому голове Д.Ф.Змееву «приводити во всех деревнях к шерти татар и черемису, что им быти под государевою... рукою навеки неотступным», «а коих волостях не учнут шертовати, и... те волости воевать, черемису и татар побивати, и жон их и детей в полон имати, и животы грабити, и деревни жечь» [АЮДР, т.2, с.672–673]. То есть для руководителя карательных отрядов было ясно, что движущей силой восстания являются служилые татары и черемисы.

Тем не менее, восстание продолжало вспыхивать то в одной, то в другой волости. В конце декабря повстанцы подступили к Свияжску, где столкнулись с царским войском. В сражении 1 января 1609 г. повстанцы потерпели поражение. По словам воевод, «государевы люди многих воровских людей свияжских и чебоксарских, и кокшайских,

и алатырских, татар и мордву, и черемису побили наголовуж, и топтали их и кололи, что свиной, и трупы их положили на семи верстах» [ААЭ, т.2, с.197, №100]. После этого воевода Шереметев с основными силами направился к Козьмодемьянску, усмиряя и приводя к покорности «мордву... и черемису, и татар... к шерти» [там же].

Подавление вооруженного восстания на Горной стороне не означало прекращение его в других регионах Волго-Уралья. Территории, которые ранее были местами упорного сопротивления во время Черемисских войн, и сейчас оказались готовы к мятежу. Именно сюда направились повстанцы, выдвленные из Горной стороны и Мещерского края. Центром нового очага восстания стал Яранск, захваченный повстанцами 5 января 1609 г. По словам свидетеля событий соборного дьячка П.Мокеева: «Приходили к Еранскому городу арземаские мурзы Бибай да Теребердей Мустофины со многими воровскими людьми, с стрельцы и с казаки, и с мордвою, и с чувашею, и с черемисою и привели еранских людей ко кресту за вора, что называется князем Дмитрием». Городская власть во главе с Петром Глуховым была низложена, и восставшие «выбрали миром Еранской город ведати еранского сына боярского Асанчука Горихвостова», а подьячим П.Мокеева, который позднее рассказал об этом на допросе [ААЭ, т.2, с.221, №116]. Отсюда повстанцы рассылали письма – «листы воровские» – к соседним городам с требованием присоединиться к восстанию. Часть городков присоединялась к восстанию, как Кукарская слобода, но Вятский край, Арск, Уржум, Малмыж и Лаишево, а также «около тех городов татаровя и чуваша и черемиса» остались верными правительству [АИ, т.2, с.170].

Главная опасность исходила от служилых людей Мещерского края, поскольку мятеж здесь не только не прекращался, но и вовлекал в него все новые и новые силы. Тогда же на сторону противников Василия Шуйского перешли касимовские татары во главе с ханом Ураз-Мухаммедом и Петром Урусовым. Это вызвало всплеск восстания в Поволжье. Восставшие из Алатырского, Арзамасского и Курмышского уездов, собравшись под командованием князей Джан-

Али Шугурова, Брюшейка Еникеева, Явуша Гладкова, а также «многие люди из тех городов дети боярские и стрельцы, и Мордва и бортники, и Горная Чюваша и Черемиса» двинулись к Свияжску [ААЭ, т.2, с.217].

К весне 1609 г. они вновь собрали войско и готовились идти на Свияжск, который рассматривали как один из главнейших правительственных центров, обеспечивающих связь Нижнего Новгорода с Казанью и осуществлявший контроль как за волжским путем, так и переправами через Волгу. В донесении казанских воевод правительству указывалось, что «собрався воры с Олаторя и с Курмышы, и из Ядрины и из Арзамаса, и из Темникова, и из Касимова ... многие люди тех городов дети боярские и стрельцы, и мордва, и бортники, и горная чуваша, и черемиса», во главе которых стояли князь Еналейко Шугуров, князь Брюшейко Яникеев, князь Иванко Смиленев, дети боярские Федко Киреев, Якушко Глядков, Васька Ртищев, Семейка Кузминский [ААЭ, т.2, с.217], чтобы идти на Свияжск. Это показывает довольно широкий круг участников восстания: от князей до служилых людей.

Против восставших казанские воеводы направили значительные силы: «казанскую многую рать – дворян и детей боярских, и служилых людей, и мурз, и новокрещенов, и татар, и чувашу, и черемису, и вотяков, и лаишевских полоняников, и бусорманов, и казанских многих стрельцов с вогненным боем и с нарядом (т.е. ручным огнестрельным оружием и артиллерией. – *И.И.*)». Во главе этого войска были поставлены головы Осип Зюзин и Андрей Хохлов. Войска встретились 10 марта под деревней Бурундуковой (видимо, совр. Бурундуки. – *И.И.*), и повстанцы опять потерпели поражение. Одновременно отряд карателей был направлен на Кукарскую слободу [ААЭ, т.2, с.217]. Поражение повстанцев позволило казанским властям активизировать действия против повстанцев. Но осенью восстание, особенно на Горной стороне и в лесах Луговой стороны, разгорелось вновь, скоывая значительные силы правительственных войск, не давая им возможности выступить на Москву для защиты царя Василия Шуйского.

Отряды Ф.И.Шереметева метались по Среднему Поволжью от Чебоксарского уез-

да до Касимовского, но полностью взять под свой контроль эту территорию не могли.

Трагедия состояла в том, что татары, как и все россияне, оказались заложниками Смуты. Они сражались и умирали за разных правителей, вместе со всей страной разделяя тяготы и лишения. Характерен пример, когда в одной челобитной, поданной Лжедмитрию II в 1610 г., указывается, что его сторонники – служилые татары князь Мустафа Мамешев и мурза Мамеш Теребердеев, просят передать им поместья татар Теникея Енибякова и Бекбея Собаева, воевавших на стороне правительства.

Положение осложнилось участвовавшими вторжениями ногаев и крымских татар в пределы России, границы которой должны были охранять, в том числе, и служилые татары. Пограничная стража была ослаблена или даже снята с границ для участия в междоусобице. Не проходило и года, чтобы крупные и малые отряды ногаев не вторгались в южные окраины и даже внутренние районы страны, вплоть до Подмосковья.

Но к концу лета 1609 г. наметился определенный перелом в этой войне. Царские войска под командованием боярина Ф.И.Шереметева были двинуты на Касимов. Татары же «сидяху крепко, не похотеху града Царю отдати». Гарнизон оказал упорное сопротивление, но, в конце концов, город был взят штурмом, а множество его защитников и мирных жителей было перебито. Проведя успешную кампанию войска Шереметева «замирили» Горную сторону и Мещерский край и освободили от мятежников города Муром, Касимов, Мещеру, Елатму, Кадом, Владимир и Суздаль [Загоскин, 1891, с.140]. Это позволило Шереметеву выступить вверх по Волге, приводя к присяге города, ранее поддерживавшие Лжедмитрия II – Городец, Ярославль, Кострому, Углич, Тверь, Романов и др. Из Верхнего Поволжья он двинулся к Москве, где в Александровой слободе объединился с войском князя М.В.Скопина-Шуйского, приведшего с собой войско из Новгорода и «поморского ополчения», после заключения мира со Швецией. В войне двух царей наметился перелом в пользу Василия Шуйского.

Тем временем казанские воеводы, хотя и одержали важную победу под Бурунду-

ковой, но выступать в поддержку Вятской земли не спешили. С одной стороны, часть боеспособных войск была направлена на Горную сторону в помощь воеводе Шереметеву, а с другой – в условиях партизанской войны никакой успех не гарантировал замирение всего региона. Любая победа не была бы окончательной, в то время как поражение могло иметь катастрофические последствия. Очевидно, что политикой казанских властей были сохранение шаткого равновесия и попытки предотвратить вооруженный мятеж служилых людей. Собственно говоря, эта политика диктовалась им из Москвы, которая направила четыре грамоты различным сословиям – духовным властям (митрополиту), служилым людям и посадскому населению, нерусским служилым людям и ясачному населению «в нашу отчину в Казань» [Сборник Хилкова, 1879, с.90–97, №21–24]. В них правительство благодарит воевод В.П.Морозова и Б.Я.Бельского, дьяков Н.Шульгина и С.Дичкова, духовенство и служилое сословие за верность, за «многую службу, что в Казани живете с великим береженьем» и призывает и далее, чтобы они «воровской смуте не верили». Описывая сложность момента, царь подчеркивает: «Воры русские люди... пустошат и грабят, и многую крестьянскую кровь проливают и святые божии церкви разоряют и святым иконам поругаютца...». В обращении к воеводам царь призывает их не допустить мятежа в Казанском крае, особенно служилых татар, чувашей и черемис – «разговаривали» им (т.е. спорили с ними. – И.И.), предостерегая от нарушения шерти, данной царю. Главное же, что он обещает верным подданным различные милости и жалования: «...мы их потому ж пожалуем великим своим жалованьем свыше прежнего, а в доходах своих велим им полготить на многие годы» [Сборник Хилкова, 1879, с.91–92, №21]. Трудно сказать, сыграли ли свою роль эти обещания или сами казанские служилые люди не желали воевать за интересы очередного самозванца.

Восстание sporadически вспыхивало на Горной стороне в районе Чебоксар, а также на Луговой стороне, где повстанцы традиционно концентрировались вокруг Яранска. Уход основных сил правительственной

армии под Москву позволил повстанцам перегруппировать силы и опять угрожать опорным крепостям, верным Шуйским. Зимой 1609–1610 гг. казанские воеводы игнорировали призывы из Вятки о помощи, указав, что сами находятся в постоянной опасности, а Свияжск почти постоянно живет в осаде: «воеводы... и дворяне, и дети боярские, и татарове, и всякие служилые и земские люди от дворовых людей сидели в Свияжском в осаде» [ААЭ, т.2, с.258–259, №143]. Под угрозой наступления повстанцев были Вятка и Горная сторона. Тем не менее, повстанцы так и не решились на этот шаг, и, более того, восстание постепенно пошло на убыль.

Причиной этого стало то, что коренным образом изменилась политическая обстановка в стране. Осенью 1609 г. польский король Сигизмунд объявил войну России и начал осаду Смоленска. Странники Лжедмитрия II начали переходить от него на сторону польского короля. «Тушинский лагерь» распался, а сам «тушинский вор» бежал в Калугу, где стал собирать сторонников, в первую очередь казаков во главе с атаманом Заруцким, чтобы организовать новое наступление на Москву. Оппозиционное Шуйским боярство предложило польскому королю возвести на российский престол его сына Владислава.

Еще недавно победоносные войска Шуйского, лишившись, после внезапной смерти князя Скопина-Шуйского, своего признанного вождя, стали вдруг терпеть поражение за поражением. Кризис власти и наступление поляков привели к мятежу и свержению 17 июля 1610 г. царя Василия и пострижению его в монахи. Власть в стране перешла к «семибоярщине» во главе с князем Ф.И.Мстиславским. Боярское правительство вступило в переговоры с Сигизмундом, подписав 17 августа договор о признании Владислава русским царем, и уже 21 сентября в Москву вступили польские войска.

Лжедмитрий II, хотя и не признавал польского королевича, но и остановить отток своих людей к нему не мог. Между ними сохранялся хрупкий мир. Странники различных сил вели различные переговоры, а поляки все глубже продвигались по стране, захватывая одну область за другой.

В этих условиях Лжедмитрий II должен был бы выступить как объединитель страны и освободитель ее от поляков, но он не пользовался поддержкой старого боярства, а его сторонники из Волго-Уральского региона были обескровлены непрекращающейся войной. В этих условиях он не пошел на решительные меры, так и оставшись «тушинским сидельцем».

Апогей Смуты. Петр Урусов и смерть Лжедмитрия II. Полная картина участия служилых татар в событиях Смутного времени еще требует описания, но красноречивее других свидетельств о судьбе татар в период Смуты могут поведать биографии некоторых участников этой исторической драмы.

Одной из самых типичных была жизнь и судьба касимовского хана Ураз-Мухаммеда. Родился он в приаральских степях и являлся султаном – потомком Чингиз-хана от его внука Тука-Тимура и сыном Ундан-султана из рода правителей Казахского ханства. Однако род Шигая не был правящим и не имел шансов занять какой-либо престол. Поэтому когда юный султан был призван сибирской знатью, чтобы занять трон Сибирского ханства, который освободил бежавший хан Кучум, молодой султан или его род решили принять предложение. Они надеялись достичь власти и богатства при дворе нового хана. Одна незадача: сибирский трон в это время занял атаман Ермак, а потом и другие воеводы. В 1587 г. в ходе войны с Кучумом и русскими войсками Ураз-Мухаммед потерпел поражение и был вместе со своей свитой взят в плен сибирским воеводой Д.Чулковым. Вместе с другими знатными пленниками султан был отправлен в Москву. Здесь он получил радушный прием и был принят на службу. Уже в 1590–1591 гг. он участвовал в походе на шведов, а в 1595 г. участвовал в переговорах с послом своего дяди казахского хана Тевеккеля. Он особо подчеркивает, что живет на русской службе прекрасно, пользуется милостью царя Федора Годунова, владеет поместьями, а, по словам самого царя, Тевеккелю указывается, что султан «пожалован по его достоинству многими вотчинами и поместьями, и деньгами» [Казахско-русские отношения, 1961, с.9, 11]. Степень до-

верия царя к молодому царевичу была так велика, что он назначил его в 1600 г. касимовским ханом. Это была особая и почетная должность для служилого царевича. Он не только получал значительные владения и денежное довольствие, но и важный политический статус, позволяющий ему играть серьезную роль при царском дворе.

Когда страна оказалась расколота появлением самозванца, ставшего царем Дмитрием, а потом и вовсе погрузилась в пучину Смуты, новый государь Василий Шуйский призвал Ураз-Мухаммеда и его служилых татар на службу и бросил против восставших северской земли. В Хронографе помещено сообщение, что в 1607 г. «по повелению царя Василия татарам и черемисе велено украинских и северских городов уездов всяких людей воевать и в полон имать и животы их грабить за их измену» (цит. по: [Новосельский, 1948: 68]).

Видимо, несколько ранее, еще при дворе царя Бориса, Ураз-Мухаммед познакомился с Петром Урусовым, урожденным Ураком, сыном ногайского мурзы Джан-Арслана. Петр Урусов и его брат Зорбек были сыновьями одного из мурз младшей ветви правящего дома. Они включились в междоусобную борьбу и стали угрожать интересам России. Астраханский воевода совершил поход на их ставку и захватил в плен. В качестве заложников они были отправлены в Москву, где были крещены: Урак под именем Петр, а Зорбек под именем Александр. Здесь им были пожалованы большие чины и денежное содержание. Князь Петр Урусов, в частности, в 1594 г. при приеме послов Священной Римской империи «нарежал» вина и разливал их гостям во время царского пира. Имеется не очень определенное сообщение, что Петр был женат на вдове князя А.И.Шуйского. В период Смуты князь Петр Урусов был не очень заметен, но после воцарения Василия Шуйского поддерживал его правительство.

По мере нарастания недовольства в стране и углубления раскола в обществе Петр Урусов и касимовский хан Ураз-Мухаммед, а также часть служилых татар решили сменить лагерь. Так в «Тушинском лагере» оказались касимовские, романовские и астраханские (юртовские) татары. Видимо,

посланные против войск Лжедмитрия II, они перешли на его сторону.

Основу войск Лжедмитрия II составили польские отряды князя А.Вишневецкого, князя Р.Ружинского и др. К нему примкнули часть южнорусского дворянства, казаки И.М.Заруцкого, остатки разбитых войск И.И.Болотникова [Скрынников, 1988, с.189–210; Тюменцев, 1999]. Из Стародуба Лжедмитрий II в июле 1607 г. предпринял поход на Брянск и Тулу. Разбив в мае 1608 г. под Волховом войска В.И.Шуйского, он подошел к Москве и поставил лагерь близ с. Тушино, где было сформировано правительство из русских аристократов и приказных (князя Трубецкие, А.Ю.Сицкий, Филарет Романов, М.Г.Салтыков и др.). Фактически во главе «Тушинского лагеря» стоял гетман Ружинский, а в декабре 1608 г. власть формально перешла к 10 выборным от польских наемников. В августе 1608 г. в Тушино прибыли поляки во главе с Е.Мнишком, дочь которого Марина тайно обвенчалась с Лжедмитрием II. Используя условия гражданской войны и недовольство политикой правительства Шуйского, Лжедмитрий II летом-осенью 1608 г. установил контроль над значительной территорией вокруг Москвы.

Зависимость от польских и казацких отрядов заставляла Лжедмитрия II занимать двойственную политику – он сражался с правительственными войсками, но не стремился объединить вокруг себя все патристические силы общества, ведя переговоры с поляками. Все это вызвало падение его популярности, особенно в среде дворянства западных областей, и привело к сокращению подконтрольной ему территории. Открытая интервенция Польши летом 1609 г. завершила распад «Тушинского лагеря». Поляки и большинство русских аристократов ушли к Сигизмунду III. В январе 1610 г. самозванец бежал из Тушина в Калугу. Недаром самозванец, потерпев поражение в бою с царскими войсками в 1609 г., якобы заявил: «Последняя моя надежда – это татары и турки» [Гобәйдуллин, 1989, с.26].

Военные поражения правительственных войск от поляков под Клушином (июнь 1610 г.) опять вернули ему сторонников. Заручившись поддержкой польского отряда Я.Сапеги и сделав его фактически ко-

мандующим, он двинулся на Москву. В июле 1610 г. Лжедмитрий II, взяв Серпухов, Коломну и Каширу, встал у села Коломенского. Но здесь ему опять изменила удача.

17 июля 1610 г. В.Шуйский был свергнут дворянами под предводительством П.Ляпунова, и вся власть перешла к Боярской думе во главе с Ф.И.Мстиславским. К моменту решающего наступления самозванца «семибоярщина» во главе с Ф.И.Мстиславским, В.В.Голицыным и Д.И.Мезецким уже поспешила заключила с польским гетманом С.Жолкевским договор о признании царем сына Сигизмунда III – Владислава при условии перехода его в православие. Одним из принципиальных пунктов этого соглашения было обязательство сторон действовать против самозванца.

Положение самого Лжедмитрия оказалось крайне шатким. Ситуация осложнялась и позицией его основных польских отрядов. С одной стороны, поляки желали возвести на престол своего царя, с другой – не хотели сражаться за его интересы против коронного польского войска. С.Жолкевский, оказывая давление на польские отряды, предложил от имени короля Лжедмитрию во владение Самбор или Гродно. Но самозванец отверг эти предложения и засел в Угришском монастыре. Польские войска едва не захватили его, но он бежал в Серпухов, бросив свое войско [Флоря, 2005, с.200–226].

В это время недовольство польской интервенцией нарастало как среди простого народа, так и среди служилого сословия. Лжедмитрий II, надеясь поучаствовать в разделе власти, уже в сентябре вновь вернулся в Калугу. Фактической опорой его стали казаки И.Заруцкого и татары Петра Урусова и Ураз-Мухаммеда. Однако вскоре череда военных поражений заставила касимовского хана сомневаться в способностях «тушинского вора» стать царем. Касимовский хан, вместе с частью поляков во главе с Зборовским, воевавшим в свое время на стороне Лжедмитрия II, посетил 1 апреля 1610 г. лагерь короля Сигизмунда III под Смоленском. Там ему и другим бывшим «тушинцам» был оказан благосклонный прием.

Здесь необходимо сказать несколько слов о том, почему вопрос лояльности татар был настолько важным для польского

короля и болезненным для Лжедмитрия II. Во-первых, это была прекрасная кавалерия – маневренная и стойкая. Вооружена она была много легче, чем польские гусары, но превосходила их маневренностью, быстротой нападения и отступления. Русским войскам они не уступали практически ничем. Во-вторых, татары составляли довольно значительную часть войска самозванца, но при этом очень верную и дисциплинированную. В отличие от казаков, а тем более отрядов шляхты и наемников, они были верны своему хану и не устраивали мятежей и заговоров. В-третьих, переход татар во главе с касимовским ханом резко повышал авторитет польского короля и делал его шансы на признание русской знатью более высокими, а также добавлял ему международный авторитет. А поскольку значительная часть его войска составляли польско-литовские татары – «липки», а среди его соседей был крымский хан, то лояльность и поддержка со стороны касимовского хана были отнюдь не лишними.

Памятуя обо всех этих обстоятельствах, Сигизмунд, очевидно, сделал все, чтобы привлечь Ураз-Мухаммеда на свою сторону. Хан, в свою очередь, ответил согласием и обещал привести с собой всех татар.

Однако семья его оставалась в лагере у Лжедмитрия II, и хан решает вернуться к самозванцу в Калугу, чтобы забрать их с собой. Дальнейшая судьба Ураз-Мухаммеда, появившегося в стане самозванца, довольно полно описана в записках современников, а особенно подробное изложение сохранилось в книге очевидца событий Смуты в 1601–1611 гг. немецкого авантюриста на российской службе Конрада Буссова [Буссов, 1961].

Несмотря на кажущуюся прозрачность событий, непонятно, зачем Ураз-Мухаммед вообще вернулся в ставку самозванца: то ли действительно забрать семью, то ли с тайным намерением устроить заговор с целью убийства Лжедмитрия II и развалить его лагерь. На последнее в определенной мере намекал в своих воспоминаниях гетман С.Жолкевский. Другие авторы (Конрад Буссов, Исаак Масса, Юхан Видекинд) описывали это событие более пространно. После неудачной попытки взять Москву летом

1610 г. самозванец отступил к Калуге и стал готовиться к новому походу. Но сын Ураз-Мухаммеда донес Лжедмитрию, что его отец собирается прикончить самозванца, и Лжедмитрий решил опередить касимовского царя. Во время охоты за Окой он напал на ничего не подозревавшего Ураз-Мухаммеда и убил его. Чтобы скрыть убийство, Лжедмитрий поскакал к своей свите, крича, что хан намеревался убить его, но он – Лжедмитрий – чудом спасся [Буссов, 1961, с.178; Памятники Смутного времени, 2001, с.241, 306, 323; Беляков, 2011, с.228–230].

Возможно, все эти слухи имеют право на существование. Служилые татары были явно недовольны тупиком, в который зашла политика «тушинского вора», и тяготились своей ролью при дворе самозванца – они воевали с Русским государством, и с каждым сражением победа становилась все более призрачной, а поражение и расплата за измену – все более явственными. При этом в лице Сигизмунда III и его сына Владислава они видели реальную силу, способную объединить страну и проводить продворянскую политику. В этой ситуации касимовский хан не мог не вести переговоров со своим окружением о переходе в польский стан. Однако Лжедмитрий II опередил его и покончил, как ему казалось, с «татарским заговором».

По всей видимости, смерть Ураз-Мухаммеда вызвала возмущение среди служилых татар, а Петр Урусов открыто выступил против Лжедмитрия с обвинениями в убийстве. Опасаясь потерять лояльность оставшихся в его войске татар, Лжедмитрий не решился казнить Урусова, а заключил его под стражу.

Но спустя шесть недель, когда татары отличились в боях, они потребовали освободить Урусова из заточения. К их просьбам присоединились Марина Мнишек и видные бояре. Под таким напором Лжедмитрий не выдержал и согласился. Уступая давлению служилых татар и ряда своих соратников, Лжедмитрий освободил опального князя из заточения и прилюдно простил его. Однако сам Петр Урусов, по всей видимости, его не только не простил, но и задумал отомстить. Главное же, что он понял: действия Лжедмитрия ведут к поражению и гибели его

сторонников. Он решил покончить с самозванцем и спасти себя и своих людей.

Князь ждал только удобного момента для осуществления плана мести. Случай представился 11 декабря 1610 года, когда Лжедмитрий решил отправиться на прогулку, взяв с собой эскорт татар во главе с Петром Урусовым. Вот как описывает это событие Конрад Буссов: «В это утро он (Лжедмитрий. – *И.И.*) поехал на санях на прогулку, взяв с собой по обыкновению шута Петра Кошелева, двух слуг и татарского князя с 20 другими татарами... Когда же Дмитрий отъехал в поле на расстояние в четверть путевой мили, открылся тайник, в котором долго была заключена злоба татар на Дмитрия. Князь Петр Урусов подъехал, как только мог ближе к саням Дмитрия, стал льстить ему и так смиренно говорить с ним, что Дмитрий не смог заподозрить ничего дурного. Князь же, очень ловко приготовившись к нападению, выстрелил в сидевшего в санях Дмитрия. Затем, выхватив саблю, снес ему голову и сказал: «Я научу тебя, как топить в реке татарских царей и бросать в тюрьму татарских князей, ничтожный обманщик и плут. Мы преданно тебе служили, а теперь я возложил на тебя ту самую последнюю корону, которая тебе подобает». После этого Петр Урусов поднял свои отряды и покинул лагерь самозванца. «Шут Петр Кошелев и двое слуг, – продолжает Конрад Буссов, – ускакали в Калугу и рассказали, как царя Дмитрия «короновал» татарский князь...» [Буссов, 1961, с.179; Памятники Смутного времени, 2001, с.242].

Позднее в Москву бежали два романовских татарина – Чорныш Екбеев и Ян Гурчев, которые чудом вырвались из Калуги и донесли властям о случившихся событиях. По их словам, «выезжал вор из Колуги, во вторник, декабря в 11 день, за острог, гулять на поле к речке Ячейке, а с ним ездили гулять русские люди да Юртовские тотаровя и того ж часу прибежали с поля, в острог, русские люди да Юртовские тотаровя, и учили говорить всем людем вслух: «вор де побежал», а иные говорили, что вора убил Юртовской тотарин. И на то смотря, зазвонили в сплошные колокола; а дворяня и дети боярские, и посадские и всякие люди, не поняв тому веры, ездили того воровского тела смотреть,

а они Чорныш и Ян ездили с ними ж; и того вора видели они за речкою за Ячейкою, на горке, у креста, лежит убит, голова отсечена прочь, да по правой руке сечен саблею». В ответ на это сторонники убитого самозванца обратили свой гнев на неповинных романовских татар: «прибежали в слободу, где стояли Юртовские тотарова, и лутчих мурз, Алея мурзу Шейдякова, да Сопралея мурзу, да Кара богатыря и иных лутчих мурз казаки побили наголову многих, а двory их розграбили» [АИ, т.2, № 307]. В ответ на это избежавшие гибели татары практически все бежали из тушинского лагеря, оставив его на произвол царских войск.

По словам К.Буссова: «Потомки в Московском государстве будут вечно благодарить татарского князя за то, что он положил конец свирепствованию Лжедмитрия, ибо из-за него во всей России было много бед, сильных опустошений, убийств и смертей» [Буссов, 1961, с.179]. Смерть Лжедмитрия II окончательно развалила «Тушинский лагерь». Сам же Петр Урусов бежал в Крым, где стал видным приближенным крымского хана, советником по московским делам и одним из организаторов нападений на Польшу и Россию. Принимая самое деятельное и активное участие в перипетиях внутренней политики Крыма, он погиб во время мятежа ногаев в 1639 г.

Сошли с политической арены две непримиримые фигуры, разжигавшие пламя междоусобной войны. Их сторонники оказались в растерянности. После свержения власти Василия Шуйского кое-где, например в Казани, власти стали присягать «царю Дмитрию». Но после его смерти и это оказалось напрасным. Стране грозила полная анархия.

Тем временем иностранная интервенция внезапно сплотила еще недавно непримиримых врагов. Общий враг, способный покушаться на сословные привилегии служилого сословия, вынудил его прекратить междоусобную войну и сплотиться для общегосударственных интересов. В этих условиях был брошен клич к сбору земского ополчения для изгнания поляков и возведения на трон нового царя. В Казани окружная грамота архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия с призывом ко всем городам

присоединиться к ратным людям для освобождения Москвы была получена в начале октября 1610 г. (см.: [Ермолаев, 1982, с.88]).

Смута идет на спад. «Казанское государство» Н.Шульгина. Ситуация с лояльностью Казани, обострившаяся в самом начале правления царя Михаила Романова, вызревала постепенно и долгое время никак не походила ни на измену, ни на сепаратистский мятеж. Более того, Казанский край был одним из самых надежных и преданных центральной власти регионов, что было крайне важно для Москвы, учитывая, что Казань являлась центром большой округи с целым рядом крепостей и городов, самым крупным из которых был Свияжск со своим крупным военным гарнизоном. Кроме того, Казань контролировала пути на Вятку и Пермь, а также в Сибирь, что делало ее ключевым регионом на восточных окраинах России и важнейшим центром всего Волго-Уральского региона.

В период Смутного времени во главе управления Казанским уездом были поставлены воеводы В.П.Морозов и Б.Я.Бельский, дьяки Н.Шульгин и С.Дичков. Сама система правления с находящимися в крае двумя воеводами была достаточно устойчивой только в условиях бесперебойного функционирования центральной власти. Но в условиях хаоса управления в самой Москве она оказалась недостаточно действенной, особенно когда воеводами были два очень разных человека.

Если Б.Я.Бельский был в свое время одним из любимцев царя Ивана IV и входил в число опричников, то В.П.Морозов не имел глубоких родовых корней и в 1598 г. обладал лишь дворянским чином. По некоторым данным, Богдан Яковлевич Бельский являлся воспитателем и крестным отцом царевича Дмитрия, погибшего в 1591 г. После смерти Ивана IV был отправлен на воеводство в Нижний Новгород, из которого вскоре был возвращен в Москву, но с воцарением Бориса Годунова снова оказался в опале и был сослан в сибирские города. Бельский стал одним из тех, кто признал Лжедмитрия I и получил титул боярина. Свержение «лжецаря» и возведение на престол Василия Шуйского вновь привели к опале: на этот раз он был направлен в Казань под командование

молодого, но незнатного боярина Морозова. В отличие от Бельского, В.П.Морозов благополучно служил при всех царях и получил важный пост казанского воеводы в 1606 г., хотя боярином стал только в 1608 г., как знак признательности за лояльность Шуйскому. Очевидно, что он стремился выдвинуться в условиях Смутного времени и был готов служить любым властям.

Сведений о дьяке С.Дичкове нет почти никаких, тогда как о Н.Шульгине известно гораздо больше. Он был выходцем из обедневшего дворянского рода, вынужденным поступить на службу дьяком. Был деятельным и предприимчивым человеком, стремящимся к власти и богатству, не останавливаясь ни перед чем. Сохранились сведения, что Шульгин казнил дворянина Семена Нетесова и завладел его поместьем в Арзамасском уезде, подделав владельческую грамоту [Ермолаев, 1982, с.90]. Иными словами, в руководстве краем сошлись весьма разные люди, и все стремились к единоличной власти в условиях Смутного времени.

В целом, Казанский край как окраина страны находился несколько в стороне от бурных событий, связанных с воцарением Лжедмитрия II и разгоревшейся после его свержения междоусобицы и польской интервенции. Способствовала этому политика местных властей, которая, сохраняя внешнюю лояльность и существующее в Среднем Поволжье и Прикамье равновесие, максимально дистанцировалась от центра. Казанский историк Н.П.Загоскин объяснял причину индифферентного отношения Казани к бурным событиям начала XVII в., с одной стороны, опасениями местных воевод о начале новых волнений среди нерусских народов [Загоскин, 1891, с.139], с другой – противоречиями «среди современного персонала казанского воеводского управления» [Загоскин, 2005, с.493]. При этом тактика выжидания, принятая властями края часто трактуется, не просто как мятежная попытка сохранить власть, но и как попытка создания собственного «Казанского государства». При этом многие исследователи с удивлением отмечают, что служилые татары не спешили поддерживать эти сепаратистские тенденции. Способствовали этому также явное снижение налогового гнета

и отсутствие разорительных отвлечений на «государеву службу».

Тем не менее, быстро развивающиеся события в самой Москве и набирающая силу патриотическая волна вынуждали казанские власти обозначить свою позицию. Отдаленность Казанского края от событий, которые бурлили вокруг Москвы, вызвала несколько запоздалую реакцию. Свержение Василия Шуйского летом 1610 г. поставило казанские власти перед выбором: кого признать в качестве законного царя.

По мнению ряда историков, для понимания политической ситуации в Казанском крае было важно само изменение структуры местной власти [Ермолаев, 1982, с.90–91; Козляков, 2012, с.256–257]. Вероятно, к этому времени в самой Казани появляется, судя по переписке с другими городами, некий «городской совет», в который наряду с воеводами В.Морозовым и Б.Бельским, дьяками Н.Шульгиным и С.Дичковым включались «и головы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и стрельцы, и пушкари, и всякие Казанские служилые и жилецкие люди», но формально их полномочия продлялись вплоть «... до государеву указу» [ААЭ, т.2, №170, с.291, 293].

Как отмечает И.П.Ермолаев, не случайно в источниках этого времени появляется формулировка «вся земля Казанского государства» [Ермолаев, 1982, с. 91]. Причем речь явно шла не о восстановлении бывшего Казанского ханства, а, скорее, об идее образования отдельного государства на Средней Волге под эгидой защиты христианского государства, руководящую роль в политической жизни которого должна была играть группа феодалов русского происхождения [там же, с.91]. Интересно, что ситуация с неопределенным статусом Казани и Казанского края в период Смуты отразилась в пышных наименованиях со стороны различных городских советов: из Ярославля писали в «царствующий преславный град Казань», из Костромы – «в Богом держамаго Казанского государства области», от руководства ополчения П.Ляпунова – «в великое государство Казанское, в вотчину Московского государства» [ААЭ, т.2, №188, с.320–323].

Развитие дальнейших событий показало, что в среде руководителей Казани не было

единства. 7 января 1611 г. в Казань приехал дьяк Афанасий Евдокимов, который красочно описал захват поляками Москвы, стеснения русских людей, аресты бояр и отстранение от дел дьяков и приказных людей: «А по приказом бояря и дьяки в приказех не сидят; и в торгу гости и торговые люди в рядех, от литовских людей, после стола не сидят» [ААЭ, т.2, №170, с.292–293]. В Казани 9 января 1611 г. была спешно организована присяга Лжедмитрию II, о смерти которого 10 декабря 1610 г. еще не было здесь известно. Не исключено, что январская присяга казанцев Лжедмитрию II стала своего рода актом примирения со служилыми людьми всего мятежного региона Среднего Поволжья, включая не только Горную сторону, но и Мещерский край (например, Арзамас), которые стали признавать первенство Казани и в дальнейшем упоминаются как часть казанского войска [Корецкий, 1989, с.248].

Автор «Нового летописца» приурочивает «крестное целование Вору», которое вызвало якобы разногласия среди казанских властей, и казнь воеводы Б.Бельского. По его мнению, именно дьяк Никанор Шульгин, «умысля с теми ворами», приказал схватить и казнить воеводу: «скинуша з башни и убиша до смерти» [ПСРЛ, 14, с.105]. Однако, сопоставляя целый ряд фактов, историки выдвинули гипотезу, что причиной конфликта казанской элиты стала не присяга Лжедмитрию II, а позиция по отношению к Первому земскому ополчению Прокопия Ляпунова. Вероятно, по вопросу о присоединении к первому ополчению возник спор, в результате которого 7 марта 1611 г. погиб Б.Бельский [Корецкий, 1989, с.243–244].

Успехи земского ополчения П.Ляпунова в наступлении на Москву заставили казанские власти, до этого остававшиеся безучастными к нарастающему патриотическому движению, изменить свою позицию. 1 мая 1611 г. в Казань была доставлена грамота «из полков, из-под Москвы от бояр и от воевод, и ото всей земли», в которой они просили прислать подкрепление и деньги для выплаты жалованья, для чего предлагали обратиться «в Астрахань и во все Позимые городы» [ААЭ, т.2, №188, с.327]. Тогда же была прислана новая крестоцеловальная запись, по которой власти должны

были привести к новой присяге не только Казань, но «и иные понизовые города» – Свияжск, Чебоксары и др. Известно, что казанский совет обратился в Пермь, чтобы она также поддержала земское ополчение. Состав совета подробно описан: «Василий Морозов, Никанор Шульгин, Степан Дичков, и головы, и дворяня, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и стрельцы, и пушкари, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди, и князи и мурзы, и служилые новокрещены, и татаровя, и чуваша, и черемиса, и вотяки, и всякие люди Казанского государства» [там же, с.318].

В переписке с другими регионами предложение в посылке войск и денежных средств казанские власти объясняли упадком торговли и снижением налоговых поступлений, летом 1611 г. сообщая: «А у нас в Казани денег в сборе нет, потому: всяких доходов с Чуваши и с Черемисы, с дворов ясачных и с вотчин оброчных денег, не имано, для смутного времени по три годы, ни одной денги, и кабаки заперты были по многое время, и таможенных пошлин взятии было не с чего, с Верху и с Низу ни из которых городов больших соляных и никаких судов не было» [ААЭ, т.2, с.319].

В начале лета 1611 г. из Казани были отправлены на помощь Первому ополчению казанские полки под командованием воеводы В.П.Морозова, «а с ними ... казанцы и свияженя, и казанских пригородов дворяне и дети боярские, и головы стрелецкие с приказами с стрельцами и служилые князи и мурзы и татаровя» [Попов, 1869, с.352].

Приход войск боярина Морозова совпал с трагической гибелью 22 июля 1611 г. от рук мятежных казаков одного из руководителей восстания Прокопия Ляпунова, и вместо решающего успеха казанские отряды втянулись в мелкие стычки с поляками и их сторонниками, а также во внутренние распри.

Убийство под Москвой П.Ляпунова было использовано в Казани в качестве формального предлога для выхода из повиновения руководителям ополчения. В конце августа или начале сентября 1611 г. казанские дьяки Н.Шульгин и С.Дичков писали в Пермь, что казанцы «сослалися с Нижним Новым городом и со всеми городы Поволжскими и Горными и с Луговою черемисою» и пригово-

рили, «что нам... воевод и дьяков и голов и всяких приказных людей в городи не пущати и прежних не переменять, быти всем по прежнему... до тех мест, кого нам даст бог на Московское государство» [Корецкий, 1989, с.243]. Данная грамота показывает, что вся полнота власти в Казани на неопределенное время оказалась в руках казанских дьяков. Попытки князя Д.Т.Трубецкого и воеводы И.М.Заруцкого вновь установить контроль над Казанью не имели успеха – присланный в 1611/12 г. от «бояр» из-под Москвы с грамотами П.И.Полоченинов был в Казани убит [Корецкий, 1989, с.243].

Неудивительно, что князь Д.М.Пожарский в грамоте, обращенной к иностранным наемникам (август 1612 г.), писал, что «Государство Московское было в розни – Северские города были особе, а Казанское и Астраханское царства и Понизовные города были особе же, а во Пскове был вор» [АВМ, с.38].

Не менее сложно складывались отношения казанских властей и со Вторым ополчением. Во второй половине декабря 1611 г. из Нижнего Новгорода в Казань выехал для сбора рати стряпчий И.И.Биркин, где, по данным «Нового летописца», вступил в Казани в «недобрый совет» с Н.Шульгиным [ПСРЛ, 14, с.117]. В начале 1612 г. Шульгин был вынужден, уступая настоятельным требованиям земских властей, послать в поддержку Второго ополчения отряд служилых людей. Весной 1612 г. он присоединился к ополчению в Ярославле.

По всей видимости, в Ярославле И.И.Биркин вступил в борьбу за власть с князем Д.М.Пожарским, но потерпел неудачу. В результате, по сведениям «Нового летописца», почти все казанцы «по приказу» Н.Шульгина, не оказав никакой помощи ополчению, возвратились из Ярославля в Казань [ПСРЛ, 14, с.120]. Ослушался приказа и остался только татарский голова Лукьян Мясной с двадцатью князьями и мурзами (очевидно, служилыми татарами) и тридцать дворян, а также голова стрелецкий Посник Неелов с сотней стрельцов. Впоследствии они сражались в рядах ополчения и участвовали в освобождении Москвы от власти интервентов.

По другим данным, в начале 1612 г. Казань, как будто, действительно искрен-

не поддерживала дело К.Минина и Д.Пожарского. В грамоте от 9 февраля 1612 г. в Курмыш казанские дьяки от имени всех казанских «служилых и жилецких людей» потребовали, чтобы курмышане незамедлительно выступили в Нижний Новгород на помощь Второму ополчению «наперед казанской рати», угрожая, что в случае дальнейших задержек они расправятся с курмышским воеводой С.Елагиним: «И мы, неходя в Нижней, со всеми ратными людьми придем в Курмыш и тебя, Смирнова, взяв, отошлем в Казань или в Нижний Новгород» [Грамоты и отписки 1611–1612, с.23]. Даже если «Новый летописец» ошибается в частности, в целом усиление сепаратистских тенденций в Казани в период земского движения 1611–1612 гг. отмечено в нем совершенно правильно.

В своей сложной политической игре Н.Шульгин опирался на довольно разнородные силы. Прежде всего, это определенная часть казанского посада во главе с посадским старостой Ф.Обатуровым. Роль казанского посада в начале XVII в. резко возросла, и его представители активно участвовали в управлении не только городом, но и уездом. На стороне Н.Шульгина была также какая-то часть казанских служилых людей и духовенства, однако высший церковный иерарх Казани митрополит Ефрем, по-видимому, не сочувствовал его планам и в конце 1612 г. был отстранен от управления. В сочинении XVIII в. о Казани говорится, что «во 120-м году в приговорах писали имя Ефрема митрополита и дьячьи имена и всей, земли Царства казанского, а во 121-м же году в приговорах написаны дьяки Никанор Михайлович Шульгин да Степан Яковлевич Дичков со всею землею Казанского государства» [Корецкий, 1989, с.246].

В конце 1612 г. Казань была близка к открытому мятежу. Казанские служилые люди, возвратившиеся в город после освобождения Москвы, были в Казани арестованы. Но наиболее ясное представление об измене Шульгина дает даже не «Новый летописец», а грамота Земского собора Н.Шульгину 1613 г. и челобитная дьяка Ивана Поздеева 1627 г. [Корецкий, 1989, с.252–258, 258–259]. Суть их была в стремлении поставить под контроль казанских

властей, а именно Н.Шульгина, вятские города, которые заставляли присягать Казани: «велел по записи крест целовать на том, что вятским городом быть х Казанскому государству, а Московского государства ни в чем не слушати, и с Казанским государством стояти за один, и друг друга не подати, и для государева царского оберанья выборных людей и денежных доходов к Москве не посылать, а прислати в Казань» [Корецкий, 1989, с.258]. Хотя к этим обвинениям дьяка И.Поздеева следует относиться с известным скептицизмом, поскольку написаны они были много лет спустя, но суть была им изложена, вероятно, правильно. Ведь непокорство власти Шульгина стоило ему заключения, а еще двенадцать горожан были повешены.

Сурово покарал непокорную Вятку, казанские власти не только продолжали поддерживать формальные отношения с земским правительством, но и выслали в конце 1612 г. – начале 1613 г. более 4600 свияжских татар на помощь рязанскому воеводе М.А.Вельяминову, который вел военные действия против отрядов И.М.Заруцкого [Корецкий, 1989, с.248]. Около этого времени и сам Н.Шульгин по требованию земского правительства выступил из Казани против И.М.Заруцкого во главе значительной казанской рати. По словам И.Поздеева, Н.Шульгин вел свое войско «умышленем добре мешкотно». По дороге он сместил в Курмыше воеводу Смирного Елагина и поставил на его место Саввина Осипова [там же]. Затем казанское войско остановилось в Арзамасе, где находился центр движения И.М.Заруцкого, откуда постоянно исходила угроза новым властям [Станиславский, 1990, с.53–56].

Распад Тушинского лагеря, созыв первого и второго ополчения, в конечном итоге, привели к консолидации патриотических сил России, избравших на царство 21 февраля 1613 г. Михаила Федоровича Романова. Среди подписавших «Грамоту об избрании на царство» были четыре служилых татарина, писавшие арабским шрифтом: «Я Нешик Добз руку приложил. Я князь Исайбек Туманин за товарищей своих руку приложил. Я князь Аюка Джиран, вместо своих товарищей, руку приложил. Города Кадына вместо Петра Сипляя и Дестерзая руку

приложил» [Избрание, 2014, с.70]. Есть несколько предположений и целый ряд историографических легенд о подписании Соборного уложения об избрании на царский трон Михаила Романова несколькими служилыми татарами и неким «мурзой Василием». Это, однако, не подтверждается источниками [Морозова, 2005, с.131–142].

Что касается Казани, то ее представители на избирательный собор так и не прибыли. Их отсутствие, по-видимому, сильно беспокоило земские власти, и в Казань, как видно из соборной грамоты Н.Шульгину, выехала особая делегация в составе архимандрита Костромского Ипатьевского монастыря Кирилла, келаря Ярославского Спасского монастыря Порфирия Малыгина и владимирских дворян И.Зловидова и М.Лутовинова. Их миссия, однако, успеха не имела, причем в Москву из Казани даже не сообщили о причинах задержки. По словам той же грамоты Н.Шульгину, избрание собором царя надолго задержалось именно из-за отсутствия митрополита Ефрема и выборных из Казани. Утвержденная грамота 1613 г. дает иное объяснение переносу даты избрания царя с 7 на 21 февраля: отсутствие в Москве боярина Ф.И.Мстиславского «с товарищи» и необходимость узнать, «кого хотят государем царем на Московское государство во всех городех» [Корецкий, 1989, с.249].

После воцарения Михаила Романова уставшая от длительного межвременья страна начала присягать новому царю. Служилые татары, как в Казани и Свияжске, так и в Арзамасе, Алатыре, Курмыше и Касимове, без особых колебаний присягнули на верность новой власти.

Известие о выборе нового царя Н.Шульгин получил в Арзамасе, ему осталось только подчиниться воле Земского собора. Тем не менее, Шульгин попытался вести прежнюю политику и отказался присягать новому царю, ссылаясь на то, что «без Казансково совета креста целовати не хочю» и двинулся назад в Казань [ПСРЛ, 14, с.130].

Весть об избрании Михаила Романова дошла до Казани раньше, чем туда возвратился Н.Шульгин. В городе произошел переворот: Федор Обатуров, родственники и сторонники дьяка и посадского старосты заняли в казанской тюрьме место прежних

заклученных. В начале марта Казань также присягнула новому царю, а «князи и мурзы, и татаровя, и вотяки, и башкирцы, и чуваша, и черемиса шертвовали» [Ермолаев, 1982, с.96]. На случай прихода в Казань войска из Арзамаса жители приготовились к осаде. Впрочем, предосторожности оказались излишними, так как даже в своем войске Н.Шульгин не имел прочной поддержки. Едва Шульгин подошел к Свияжску, его встретили новые казанские власти, арестовали и выслали в Москву.

Во главе новой казанской администрации встали казанский дворянин Г.Веревкин и дьяк С.Я.Дичков, не пострадавший после смещения Н.Шульгина. Три дня в Казани колокольным звоном отмечалось избрание нового царя. Не ранее 12 апреля 1613 г. Г.Веревкин и С.Я.Дичков обратились с грамотой к жителям Царева Санчурска, призывая их последовать примеру казанцев и присягнуть Романовым [Корецкий, 1989, с.249]. Уже 6 мая в Казани находился новый воевода Ю.П.Ушатый. После переворота казанская делегация во главе с митрополитом Ефремом выехала в Москву, где казанцы поставили свои подписи на Утвержденной грамоте.

В окружении нового царя долго не знали подробностей о событиях в Казани, хотя митрополит Ефрем уже находился вместе с Михаилом Романовым в Троице-Сергиевой лавре. Приехавшие из Казани 25 марта и 5 апреля А.Образцов «с товарищи» и И.Дичков не смогли объяснить причину ареста Н.Шульгина. Расследование дела было поручено Ю.П.Ушату, служившему в 1609–1610 гг. в Свияжске и хорошо знавшему обстановку в Казанском крае. Неизвестно, когда Н.Шульгин был привезен в Москву, но находился он здесь до 8 августа 1618 г. Буквально накануне подхода к русской столице войска королевича Владислава важного преступника сослали в Тобольск

в сопровождении его холопа и приставов. В сибирской ссылке Шульгин и умер.

Окончание Смуты: новые восстания татар. После некоторой стабилизации положения в России началось новое наступление на права татар-мусульман. В ответ на это в 1615 г. в татарской среде возник заговор, который вылился в вооруженное выступление служилых татар Заказанья под руководством служилого татарина, а может быть, и родовитого бека Джан-Али – Еналея Емаметова (Джанмаметова). Сведения о нем сохранились довольно смутные, но ясно, что это было выступление, которое серьезно обеспокоило казанские власти и через многие годы получило название «Еналеевщина». По словам источника, «в 1616 г. изменили было Казанские татаровя, чуваша и черемиса и вотяки и башкирцы. И стояли под Казанью и под казанскими пригороды» [ДАИ, 1857, с.261–262]. Восстание оказалось довольно сильным, сотрясшим основы российской власти в Казанском крае. Сохранившиеся отрывочные сведения об этом выступлении не говорят о требованиях восставших, но можно полагать, что они были стандартными – сохранение привилегий для служилого сословия и прекращение политики христианизации.

К подавлению этого восстания российская власть активно привлекала служилых татар из других регионов России. Недаром некоторые татарские дворяне – участники Уложенной комиссии в 1767 г., говорили, что их предки верно служили царским властям, подавляя «еналеевское восстание» [Сб.РИО, т.115, с.306].

Хотя служилые татары показали себя в период Смуты сторонниками центральной власти, они не вызывали доверия, и надежды, что в обмен на лояльность власть сохранит их сословные привилегии, оказались напрасными.

§2. Служилые татары на военной и дипломатической службе Российского государства

Андрей Беляков

Служилые татары в войнах XVI–XVII вв. и их внутренняя организация. Служилые татары изначально появились

в Московском княжестве (далее царстве) как военная сила, принимавшая участие практически во всех ее войнах [Беляков, 2009;

Беляков, 2011, с.165–258]. Однако о ранней их внутренней организации нам практически ничего неизвестно. Некоторым исключением являются военные отряды служилых Чингисидов и романовских мирз во второй половине XVI в. Нам известно, что они находились в полной зависимости от своих «сюзеренов» и испомещались ими за службу из специального земельного фонда, жалуемого московским государем для содержания конкретного отряда. На службу подобный отряд выходил со своим «сюзереном» или же лицом им назначенным, но в сопровождении православных приставов, далее – голов.

Несколько иная организация отмечена в Темникове. Во главе темниковских татар стояли князья Еникеевы. Об их статусе в регионе нам известно из книги полоцкого похода 1563 г.: «Темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их людьми» [Книга, 2004, с.40.]. Таким образом, мы видим очень интересную ситуацию. Князь Еникей признается безусловным лидером темниковских татар. Но при этом другие мирзы содержат собственные военные отряды, напрямую не подчиненные Еникею. Отсутствие подобной формулы по отношению к татарам иных уездов вовсе не означает, что там не прослеживается подобная их организация. По крайней мере, у кадомских татар их боевые холопы отмечены еще в начале XVII в. По царскому указу они были «ропущены на волю» [РГАДА, ф.210, оп.9, №1084, стлб. 1, л.4, 76.]. Можно предположить, что появление упоминаемого указа было обусловлено заботой о служилых татарах. Постоянное дробление поместий между всеми наследниками привело к тому, что подавляющее число мирз с трудом могли содержать на свой счет боевых холопов.

Мы вправе сделать предположение о том, что данный указ распространялся на все регионы России. В это же время (около 1616 г.) из под управления романовских мирз вывели их татар. Правда, через несколько лет после многочисленных челобитий и разбирательств прежнюю практику вернули. Скорее всего, здесь не следует искать каких-либо уникальных региональных особенностей военной организации поместной конницы. В той или иной форме это можно наблюдать

и у служилых людей в православных уездах, особенно когда речь идет о представителях местной знати. Мы отчасти можем судить и о возможной численности подобных отрядов (норме по выставлению боевых холопов). С 164 чети с 13 крестьянами и 9 бобылями можно было выставить служилого человека на коне в саадаке и еще одного человека на коне с саадаком [РГАДА, ф.210, оп.9, №1084, стлб.1, л.4]. Однако с поместья в 30 четей с двумя крестьянами и бобылем выставлялся один служилый человек на коне в саадаке [РГАДА, ф.210, оп.9, №1084, стлб.1, л.5]. Здесь следует сказать, что как особую почесть за князьями Еникеевыми и в первой половине XVII в. сохранили право выходить в полк со своим отрядом.

У нас имеется возможность частично установить внутреннюю организацию уездных татарских корпораций в первой половине XVII в. на примере Мещеры. Каждая уездная корпорация в соответствии с существовавшими правилами несения службы в мирное время по половинам делилась на две приблизительно равные части (половины). Параллельно с этим они делились еще на две группы. В первую входили князья и мирзы, представлявшие в своем большинстве значительно разросшееся потомство Бихана. Во вторую входили рядовые служилые татары, или, как они именуется в документах, казаки. Лидер каждой корпорации определяется по размеру поместного оклада и годового денежного жалованья. Его функции и права на настоящий момент нам неизвестны. Можно только предположить, что со временем они, безусловно, сокращались. Помимо этого в каждой корпорации имелось по одному ясаулу. Он всегда назначался из казаков. Его функции неизвестны. На основании наших знаний о роли ясаулов у казаков, где они выступали как правая рука атамана, можно предположить, что подобные функции имелись у них и здесь. Также в 40-е гг. XVII в. в каждой из двух половин имелось по одному, реже два, новокрещену [РГАДА, ф.210, оп.9, №184, стлб.5; Беляков, 2006; Беляков, 2006а]. Такое совпадение сразу в 5 корпорациях (Алатырь, Арзамас, Кадом, Касимов и Темников) не может быть случайным. Поэтому они, безусловно, должны

были выполнять какие-то важные функции. В чем они заключались, об этом мы можем только догадываться (общий надзор, связь с православным командованием). Помимо этого в отрядах отмечаются абызы (хафизы), которые, судя по всему, в условиях военного похода исполняли основные религиозные обряды.

Кроме того, в отдельных регионах имелись некоторые локальные особенности организации служилых татар. Так, в Темниковском уезде отмечена такая категория населения, как белопащцы, которые, владея землею, не платят государевых податей, а несут за это городовую службу [РГАДА, ф.1209, оп.1, д.471].

Судя по всему, по своей природе они, по-видимому, непосредственно примыкают к «вяжмивским (важенским) земцам» Кадомского уезда, обладавшим явно мордовскими именами [РГАДА, ф.1209, оп.1, д.6466, л.148, 159об.]. В источниках земцами иногда называли новгородских своеземцев – мелких землевладельцев, известных на рубеже XV–XVI вв. и представлявших собой колонистов последних лет новгородской независимости, самостоятельно разрабатывавших незаселенные пространства и получивших их в вотчины, которые были сохранены московскими чиновниками. По своему статусу они находились между крестьянами и мелкими детьми боярскими [Словарь, с.185; Селин, 2006]. В таком случае мы можем предположить, что в Восточной Мещере достаточно рано из мордовских общинников стали выделяться служилые государевы люди. Однако их наименование «важенские» вновь отсылает нас к региону Новгорода. Там известна река Вага, приток Северной Двины. Однако известны и другие определения слова «вага» – шест, коромысло, поперечный брус, лань, самка северного оленя. Можно предположить, что человек, проводивший описание земель, зафиксировал некое необычное явление, которое он попытался описать в известных ему терминах новгородской земли. Также можно допустить, что «земцы» – это служилая мордва. В таком случае белопащцы, до того как стали одной из разновидностей служилых татар, возможно были первоначально попоспными татарами.

Что касается использования татар в бою, то у нас имеется более чем отрывочная информация, которая, впрочем, позволяет сделать некоторые выводы. Татары, как правило, относительно равномерно распределялись по полкам. Только в 1577 г. их собирали значительно компактнее. Правильнее сказать, что они составляли более половины собранного полка, отправленного в июле из Пскова в Ливонские земли [РК 1475–1605, т.2, ч.3, с.482]. Сохранились сведения о форме использования служилых татар: «...и от себя посылали проведывать татар под люди и языков добывать, а, проведав и языков литовских добыв, под люди на заставы и на загонщики посылати от себя голов с татары...» [Документы, 1998, с.213]. Использование татар как загонщиков, скорее всего, было наиболее частым [РК 1475–1598, с.199]. По-видимому, регулярно их привлекали для карательных операций с целью запугивания местного населения, а также лишения противника продовольствия путем опустошения окрестных поселений [Пиотровский, 1882, с.215]. Часто они совершали набеги (возможно, и по собственной инициативе) с целью получить гарантированную военную добычу. Они выступали большими отрядами, до 300 всадников, и имели в своем составе русских дворян, скорее всего, приставов; при этом не выказывали особой стойкости и при малейшей опасности тут же ретировались [Гейденштейн, 1889, с.222]. Среди них не отмечено особой преданности московскому царю. Известны сообщения о татарах-перебежчиках, занимавших высокое положение в России [Пиотровский, 1882, с.126; Гейденштейн, 1889, с.221; Трепавлов, 2003, с.345]. В отдельных случаях мы можем даже отождествить этих лиц. Так, в сообщении Р.Гейденштейна речь идет о жильце опричного двора Ивана Грозного Кубкееве (Купкеев) Данииле Мурзине [Мордвинова, Станиславский, 1977]. Московские воеводы осознавали их перечисленные недостатки, но чтобы постоянно тревожить противника и тем самым ослаблять его, они подходили прекрасно [Дзяловский, 1897, с.32]. Что касается боеспособности служилых татар, то она, конечно же, зависела от многих факторов, но все же постепенно падала. Главная причина – малозе-

мелье татар. «Татары, с помощью которых он (Иван IV. – А.Б.) очень часто пользуется в войнах по причине очень необычайного мнения, которое он получил об них, живут, довольствуясь небольшою частью полей и добычей, которая для них не ограничена» [Принц, 1877, с.31]. Можно заметить, что падение боеспособности татарской конницы находилось в прямой зависимости от длительности проживания той или иной корпорации в России. При выезде служилые татары, по-видимому, обладали хорошими лошадьми и вооружением, по крайней мере их верхушка. К тому же, в этот период они получали значительные дачи «на приезд». Но изменение привычной среды обитания и последовавшая за этим смена форм хозяйствования, наделение незначительными поместьями не позволяли татарам, в первую очередь рядовым казакам, иметь хороших лошадей и вооружение. Так, романовские татары вскоре после выезда упоминаются в наиболее боеспособном ертаульном полку (1571 г.), так как они «собою дородны и к ратному делу досужи» [РК 1475–1598, с.242]. Впоследствии татары не отмечались в данных частях. Некоторые исследователи даже утверждают без особой аргументации, что татарский вопрос (необходимость обеспечения знатной татарской верхушки покоренных ханств средствами существования) стал одним из факторов, способствовавших эскалации на прибалтийском направлении [Хорошкевич, 2003, с.204]. Также ни в коем случае нельзя видеть в участии служилых татар во всех войнах XVI в. стремления добиться физического истребления мужской составляющей татарской верхушки, как это пытаются представить некоторые исследователи [Ногманов, 2002, с.27]. Возможно, в условиях постоянной агрессии с Юга и Востока в XV – первой половине XVI вв. татарские отряды лучше всего подходили для отпора небольших набегов из Казани, Крыма и ногайских татар, тем более что они применяли со своими противниками одинаковую тактику.

На западном направлении татарская конница, судя по всему, действовала менее успешно. Прямых столкновений с западноевропейскими полками татары не выдерживали. Строительство засечной черты серь-

езно изменило систему обороны южной границы, а вместе с тем и значение служилых татар. Низкую их боеспособность отмечали и иностранцы [Гейденштейн, 1889, с.36]. Правда, подчас под «татарами» европейских авторов все же приходится видеть русских [Шаум, 1847, с.15]. С другой стороны, в Европе ходили слухи о страшной жестокости татар, доходившей до людоедства [Вельяминов-Зернов, 1863, с.430–445], данные сообщения можно рассматривать и как своеобразную информационную войну, направленную против Руси ее противниками, и как боязнь всего неизвестного. Любая война сопровождается насилием и жестокостью по отношению к мирному населению, причем вне зависимости от национальности и религии. Не с лучшей стороны порой проявляли себя и русские, оправдывавшие свои поступки. Правда, об особой изобретательности татар в пытках, применяемых к пленным, писали и в Смутное время [Тюменцев, 1999, с.512]. В то же время излишняя жестокость была экономически невыгодна служилым татарам. Полон приносил весьма значимую часть доходов мещерским татарам. Захваченное в плен неправославное население частью оставлялось ими у себя для занятия земледелием, частью продавалось ногайцам, молодые женщины нередко становились наложницами [Трепавлов, 2002, с.536–538; Принц, 1877, с.66].

Однако жестокости военного времени неизбежны. Принимали в них участие, конечно же, и татары. Так, в 1577 г. при взятии города Ашерадина им на поругание отдали многочисленных женщин и девиц [Гейденштейн, 1889, с.4]. Но данное сообщение можно рассматривать и как выдачу служилым татарам жалования полоном. К примеру, сведения о невольниках немцах и литовцах у кадомских, темниковских, алатырских татар и мордвы встречаются регулярно [РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.2, кн.6466; ПК АУ, 2012]. Можно говорить о мифологизации образа татар на Западе, в первую очередь через приписывание им особой жестокости. Отчасти она объясняется тем, что для западноевропейца татарин был более чужим и непонятным, нежели русский.

В XVII в. в службе татар происходят серьезные изменения, типичные, впрочем,

для всех служилых людей. Мы можем наблюдать постепенный переход служилых татар в полки иноземного строя [Беляков, 2009]. Хотя до конца XVII в. окончательно он так и не произошел. Они исчезают только в начале XVIII в. в результате мероприятий Петра I, направленных на консолидацию российского дворянства. Мелкопоместные татары, которых было большинство, повторили судьбу мелкопоместных православных детей боярских, ставших одной из привилегированных категорий государственных крестьян (однодворцами). Состоятельные же землевладельцы были поставлены перед выбором: креститься и войти в состав нарождавшегося дворянства, либо остаться верными исламу и стать однодворцами.

В целом следует признать, что служилые татары оставили заметный и до настоящего времени более чем недооцененный вклад в историю военного дела. При дальнейшем изучении данной проблемы важно избегать двух крайностей: как недооценивать данное явление, так и придавать ему слишком большое значение.

Татары на посольской службе. Значительное количество татар несли службу в центральных приказах и городских приказных избах. На настоящий момент нам лучше всего известно участие тюркского компонента в деятельности Посольского приказа. Во внешнеполитическом ведомстве они выполняли функции толмачей (переводчиков устной речи), переводчиков и станичников (проводжали посольства на Восток) [Лисейцев, 2003; Беляков, 2003; Куненков, 2007]. При этом, когда их по-

сылали в составе посольств к мусульманским государям (в первую очередь в Крым и Стамбул), они зачастую становились глазами и ушами послов, которые, как правило, были более чем ограничены в своих передвижениях. Именно они являлись ключевыми фигурами при сборе всей необходимой информации посредством многочисленных осведомителей. По крайней мере, такую картину рисуют нам посольские книги. Если говорить об источниках, из которых рекрутировались данные категории служащих, то они были более чем разнообразными. Это могли быть как недавние выходцы с Востока, так и люди, чьи предки находились в русском подданстве не одно поколение. Станичники (постепенно исчезают в первой половине XVII в.) набирались исключительно из мещерских татар. Здесь же корни многих толмачей и переводчиков. При этом порой они создают целые династии [Беляков, 2001]. По своему статусу это были служилые люди по отечеству. А при крещении некоторые из них становились дворянами по московскому списку (Имраэль (Михаил) Семенов мирза Кашаев) и могли создать хорошие условия для карьерного роста своих детей.

Судьбы многих служащих внешнеполитического ведомства заслуживают отдельных исследований. Ведь они принимали непосредственное участие во многих внешнеполитических событиях. Их именами пекут страницы многих посольских книг. Но до настоящего времени не создано ни одной биографии мусульманина – служащего Посольского приказа.

§3. Восстания во второй половине XVII в.

Саям Алишев

Народные восстания второй половины XVII в. происходили на фоне резкого усиления социального и национально-религиозного гнета. По мнению В.И.Буганова, связано это было с введением Соборного уложения 1649 г., которое окончательно зафиксировало закрепощение больших масс зависимых людей [Буганов, 1989, с.193].

Особенно ожесточенная борьба башкирского, татарского и других нерусских

народов шла в 1662–1664 и 1681–1684 гг. Бежавшие в Башкирию татары приняли участие и в организации, и в самом ходе народных движений и восстаний. На окраинах сила властей была слабее, чем в центральных уездах. Анализируя восстание 1662–1664 гг. в Башкирии, Н.В.Устюгов писал, что восставшие «отказались от Московского подданства и нашли себе новых союзников: калмыкских и сибирских ца-

ревичей – Кучумовичей» [Устюгов, 1947, с.108]. Восстание, возглавляемое Сары Миргенюм, началось в пределах зауральской Башкирии в июле 1662 г. и скоро охватило почти весь этот край. Повстанцы напали на крепости, монастыри, села и приступом овладели г. Кунгуром. На Казанской дороге во главе повстанцев стояли Гафур Акбулатов и Улекой Кривой, которые осенью были выданы властям и казнены [МИБ, 1936, с.164–165, 184–186].

Весной 1663 г. повстанческое движение усилилось вокруг Мензелинска и других Закамских крепостей. Татары Казанской дороги и башкиры продолжали здесь борьбу до осени 1664 г. Казанские власти опасались перенесения восстания на правую сторону Камы, т.е. в Казанский уезд. Поэтому постоянно пробовали склонить повстанцев на переговоры. Осенью 1664 г. восстание утихло. Из-за невыполнения властями обещанных уступок в 1681 г. опять вспыхнуло восстание в Башкирии. Усилились христианизация народов Среднего Поволжья, преследование татар и других народов в Приуралье.

В начале августа 1681 г. объединенные силы повстанцев начали наступление в западной Башкирии, а весной 1682 г. они атаковали закамские крепости [Акманов, 1993, с.111]. Кунгур был осажден мордвой, башкирами и татарами. Главным вождем всего восстания был мулла Сеит. Не случайно, анализируя выступления мусульман в XVII в., Н.А.Фирсов писал, что все восстания происходили под сильным влиянием татарских мулл [Фирсов, 1869, с.213–214, 231–232]. Сеит послал агитаторов с призывом к восстанию мишарей Кайбыса Узеева и Аюкая Келиева. В 1683 г. упорные бои развернулись в районе Билярска. После отправки правительством значительных сил восстание было подавлено в 1684 г.

Среднее Поволжье стало основным очагом крестьянской войны 1670–1671 гг. под предводительством Степана Разина. В крае еще до прихода Степана Разина создавались многонациональные повстанческие отряды крестьян, представленные русскими, татарами, чувашами, марийцами и мордвой. Восстание охватило современные территории Мордовии, Чувашии и части Татарстана

[Алишев, 1999, с.30]. В мае 1668 г. татары и башкиры пошли войной на городок Инсар.

Крупным очагом восстания стал Саранск. Здесь отряд донского казака Харитонова объединял многочисленных русских, мордовских и татарских крестьян. Часть отряда отсюда выступила на Симбирск, когда туда направился Степан Разин, другая – в Темников, а сам Харитонов – на Пензу. Ему сдались Инсар, Наровчат, Керенск, Нижний и Верхний Ломов. В руках восставших находились города Алатырь, Курмыш, Кадом, Козьмодемьянск, Царевококшайск. Восставшие осадили Кокшайск, Чебоксары и Цивильск.

Массовое присоединение народов Среднего Поволжья к восстанию началось после прихода Степана Разина в Симбирск для подготовки похода на Москву, т.е. с лета 1670 г. По дороге в Симбирск и из самого Симбирска Степан Разин посылал казанским татарам письма с призывом присоединиться к восстанию.

Одним из ближайших помощников Степана Разина после его прибытия под Симбирск стал Хасан Карачурин Айбулат углы – руководитель большого отряда из татарских, русских, мордовских крестьян. Сам Карачурин был из служилых татар Кадомского уезда, имел поместье и крепостных крестьян в Керенском и Кадомском уездах. Среди показаний Степана Разина есть упоминание о том, что Хасан звал его идти на Казань, обещая, что казанские татары не будут сидеть сложа руки, если восставшие начнут наступление.

Письма Разина, призывавшие к восстанию, широко распространялись среди народа. Сохранилось шесть таких писем-призывов, одно из которых было написано на татарском языке, и автором его был Хасан Карачурин [Алишев, 1999, с.31]). От имени Степана Разина в письме говорилось: «Буди вам ведома, казанским посадцким бусурманом и абызом начальным, которые мечеть держат, бусурманским веродержцам, и которые над бедными сиротами и над вдовами милосердствуют, – Икшею мунле да Мамаю мунле да Ханышу мурзе да Москову мурзе и всем обызом и всем слободским и уездным бусурманом от Степана Тимофеевича в сем свете и в будущем челобитье. А после

челобитья, буде про нас спросите, мы здоровы, и вам бы здравствовать. Слово наше то – для бога и пророка и для государя и для войска, быть вам заодно; а буде заодно не будете, и вам бы не пенять после. Бог тому свидетель – ничево вам худова не будет, и мы за вас радеем.

Да вам бы было ведомо: я, Асан Айбулатов сын, – при Степане Тимофеевиче, и вам бы нам в том поверить, я, Асан, в том вас наговариваю, и буде мне поверите, и вам худобы не будет. Да у всех вас прошая – за нас богу помолитесь, а от нас вам челобитье. К сей грамоте печать свою приложил [Источники Татарстана, 1994, с.24].

Отряд Карачурина сражался против царских войск под Симбирском. После поражения Разина в октябре 1670 г. он продолжил борьбу. В конце ноября 1670 г. около Устьуренской слободы расположилось 15-тысячное войско восставших под командованием донского казака Ромашки и Карачурина. В сражении с правительственными войсками крестьяне были разбиты, а Карачурин был ранен. 7 декабря, собрав вместе с Алексеем Савельевым большое войско, Карачурин направляется к Алатырю, где 8 декабря вступает в бой с правительственными войсками Ю.Долгорукого. Восставшие были разбиты, а Савельев и Карачурин были вынуждены скрываться.

Татары принимали участие и в других отрядах восставших. Например, на р. Суре, в семи километрах от Цивильска, расположился почти 15-тысячный отряд татарских, чувашских, марийских, мордовских крестьян и окружил город. Лишь спустя несколько месяцев правительственные войска смогли освободить город от повстанцев.

Один из отрядов, состоявший в основном из татар и чувашей, действовал в октябре 1670 г. под командованием «главаря свияжских татар татарина Амакая», который распространял манифесты-призывы к походу на Цивильск. Отрядом каргалинских татар, которые вместе с казаками захватили Керенск, командовали каргалинский глава татарин Чапкун и дети Дарузай абыза и Бабич.

В январе 1671 г. в Цивильском уезде в отрядах, состоящих из татар, чувашей, мордвы, находилось 3–4 тыс. человек. Их атаманами были Изелбай, Милшейка из д. Яндри, Тохтамыш, Аслип Айдулганов, Чемей Чюваков из д. Сурбеево; Изелбай из д. Нурусова; Чюрабай Чюракин и др.

После поражения Разина и его ухода 3 октября на Дон в Казанском крае продолжались отдельные вспышки восстания. Повстанцы сгруппировались возле Свияжска и Тетюш. Лишь к весне 1671 г. правительственным войскам удалось подавить восстание.

ГЛАВА 4

Ислам и духовная культура в Поволжье в XVI–XVII вв.

Гульнара Идиятуллина

С падением Казанского ханства в 1552 г. началась новая эпоха в жизни татарского народа. Потеря государственности закономерно влекла за собой потерю исламом статуса государственной религии. С этого времени в понимании мусульман Поволжья их страна вышла из категории дар ал-ислам и стала считаться дар ал-харб – территорией войны. В сложившейся обстановке существовало два выхода: либо вести «джихад» – священную освободительную войну, либо переселяться в страны ислама, и оба они были испробованы. Сопротивление первых лет, стоившее многих сил и жертв, не принесло ощутимых результатов, и, будучи жестоко подавленным, по сути, обескровило нацию. Спасаясь от массового террора, множество людей переселялось в Приуралье, эмигрировало в Крым, на Северный Кавказ, в Османскую империю. Со временем, когда ситуация несколько стабилизировалась, часть их вернулась обратно.

Между тем, религиозный геноцид, возведенный в ранг государственной политики, стал определяющей чертой, характеризующей отношение российского правительства к новым подданным. Периодически повторяющиеся кампании по насильственной христианизации, усилившиеся после выхода Соборного уложения 1649 г., достигли максимальной жесткости в годы правления Петра I и Елизаветы Петровны.

За полтора столетия, в результате целенаправленного уничтожения остатков татарской аристократии, общество лишилось не только своего главного потенциала, способного возродить государство, но и главного заказчика и ценителя культуры и искусства, способного их субсидировать. Следствием всего этого стали падение эстетического вкуса, исчезновение стимула к созданию высокохудожественных про-

изведений, снижение их качества, упадок издавна развитых на Востоке рукописной традиции, каллиграфии, книжной миниатюры, ювелирного дела, полное забвение оружейного искусства, отсутствие монументальной архитектуры. Была нарушена присущая странам исламской культуры триада литератур – дивана (ханского двора), текке (дарвишской обители) и простого народа; по сути, произошло смешение последних. Не стало подлинных носителей власти, отпала необходимость в дворцовой поэзии, в официальной историографии, отсюда – отсутствие хвалебных касыд, больших поэм, исторических хроник.

Поскольку традиционно-исламское представление о государстве в первую очередь как о религиозно-политической общине сохранялось в массовом сознании, среди населения Волго-Уральского края продолжали функционировать нормы исламского права. Вместе с тем, особенности исторических условий наложили свой отпечаток на специфику правосознания и юридической практики этого региона.

Как известно, в исламе нераздельность веры и государства проявилась в тесном переплетении юридических, религиозных, моральных правил поведения. Поскольку главная задача мусульманского государства виделась в исполнении божественной воли на земле, то и четких различий между нарушением права и неисполнением религиозных норм не проводилось. В исламском праве различаются две группы норм: правила поведения, регламентирующие порядок выполнения культа – ‘ибадат, и правила взаимоотношений людей между собой – му‘амалат. За нарушение ряда предписаний му‘амалат Кораном и сунной установлены вполне определенные санкции, такие, например, как смертная казнь за убийство,

отсечение руки за кражу и пр. В типично исламском государстве реализация предусмотренных шариатом мер ответственности за те или иные проступки была возложена на специальные мусульманские институты – муфтия, кадия и пр., являвшихся частью государственного механизма. В Поволжье в силу сложившихся обстоятельств подобная практика претерпела некоторые изменения. Ликвидация государственности, легальных форм исламского правления закономерно вела к разрушению прежней системы социально-нормативного регулирования. Правовые нормы, не будучи защищены государством, утрачивали юридический статус и оставались действовать как чисто религиозные предписания. Тем не менее, предписания эти продолжали строго соблюдаться по той причине, что многие из них предполагали как бы два вида санкций, одна – применяемая в «земной» жизни, а другая – в «загробной». «Неотвратимость религиозного потустороннего наказания – отличительная черта гарантированности мусульманских религиозных норм» [Сюксийнен, 1986, с.22].

Эта особенность мусульманского права – тесная зависимость его норм от религиозного сознания – во многом обеспечила его жизнеспособность и устойчивое положение в жизни татарской общины даже в условиях упадка социально-политических, регулятивных институтов ислама. Помимо религиозно-обрядовой практики, исламское право продолжало широко применяться в регулировании брачно-семейных отношений, вопросов наследования, собственности, сделок и обязательств и многих других, включая международные отношения. Внешняя политика также строилась в зависимости от того, по отношению к какому, мусульманскому или немусульманскому, государству она осуществлялась.

В силу исторических условий здесь сложилась особая структура социальной иерархии, которую возглавили родовитые ‘улама (мн. ч. от ‘алим – знаток. – Г.И.). Искушение сохранить свое положение, отрекаясь от веры (исключение из этого правила составляли единицы), стало одним из тяжелейших испытаний, выпавших на долю представителей элиты. Носители голубой крови,

отдавшие предпочтение нищете перед ре-негатством, оказались в положении «лапотных мурз». Большая часть их, продолжая родовые традиции, стремилась получить законченное мусульманское образование и, обладая несомненным авторитетом в глазах общины, пополняла ряды ‘улама – лиц, обладающих специфическим религиозным знанием.

В связи с религиозными репрессиями, разрушением мечетей и медресе – главных очагов просвещения, получение классического исламского образования в своем отечестве для мусульман Поволжья стало практически недоступным. Единственным выходом из сложившейся ситуации оставалось обучение за пределами русского государства, в странах ислама. Вполне закономерно, что взаимосвязи с этими регионами, контакты с зарубежными единоверцами во многом определяли последующее развитие общественной, богословской мысли Поволжья и Приуралья. В целом можно выделить два направления, служивших каналами проникновения новых течений и идей, – это Дагестан и Средняя Азия (Мавераннахр).

Первоначально мусульмане Поволжья отправлялись на обучение в Дагестан. Вероятно, выбор этот в немалой степени был определен маршрутом передвижения местных купцов: наиболее освоенный ими торговый путь проходил по Волге, вниз по течению, через Хаджи-Тархан (современная Астрахань), откуда казанцы попадали в Закавказье, Иран и Среднюю Азию. Дагестан, за которым укрепилось почетное название Бахр ал-улум (Море наук), в течение всего периода средневековья, вплоть до XVIII в., поддерживал тесные связи с арабским Восточным Средиземноморьем, Йеменом, Ираном. К тому же здесь издавна проживали колонии арабских переселенцев, сохранивших родной язык. Неудивительно, что выпускники медресе, в которых преподавание велось на арабском (в отличие от Мавераннахра, где обучали на фарси), отличались высоким уровнем владения этим языком. Как отмечают исследователи, еще в XVIII–XIX вв. ученые Йемена восхищались их познаниями и даже просто чистой арабской речью [Бобровников, 2003, с.194].

Одно из знаменитых медресе Дагестана было основано Мухаммадом ибн Мусой ал-Кудуки (1652–1717) – автором популярных сочинений по грамматике, логике, догматике, многочисленных записей по вопросам фикха¹. Ал-Кудуки был поборником исламизации быта и правовых обычаев горцев, выступал за уничтожение противоречащих шариату адатов. Медресе его пользовалось большой популярностью на Северном Кавказе, в Поволжье, и, соответственно, служило одним из источников распространения подобных идей в этих регионах. В биографических сборниках Шихабеддина Марджани и Ризаэддина Фахреддина мы встречаем немало имен выпускников дагестанских медресе. В целом период связей с Дагестаном Р.Фахреддин оценивал как весьма благотворный. Он полагал, что такие популярные книги, как «Шурут ас-салат» (Условия молитвы), «Та‘аллум ас-салат» (Обучение молитве), принадлежавшие перу дагестанских авторов, были привезены учащимися из этих земель. К тому же, казанские беженцы, некогда нашедшие приют в Османской империи, Северном Кавказе, в Дагестане, с наступлением некоторого политического затишья возвращались обратно, и также везли с собой книги. Это была, в основном, литература традиционноравноучительного характера: «Устувани», «Анвар ал-‘ашикин», «Алты бармак», «Тарика-и Мухаммадийа» (Путь Мухаммада). Последняя книга, имевшая хождение еще и под именем «Пир-колы васыяте», заслуживает особого внимания. Появление этого произведения было обусловлено своеобразием ситуации, сложившейся к тому времени в мире ислама и связанной с развитием суфизма.

Устойчивость позиций ислама в жизни татарской общины в колониальный период, по общему признанию исследователей, была достигнута не столько благодаря тра-

диционной отлаженной системе догматики и ритуала, сколько суфийской его интерпретации как «религии сердца». Следует отметить, что усиление в татарской литературе XVII–XVIII вв. суфийских мотивов – явление вполне закономерное, отражающее общую тенденцию развития мусульманских культур, характерное для всех регионов ислама – от Османской Турции до Могольского Хиндустана. Вместе с тем, рассматривая в контексте исторической ситуации, нельзя не признать значимости той роли, которую сыграл суфизм в судьбе народа в жестких условиях колонизации. Суфийская поэзия, окрашенная этическими мотивами Газали, не только способствовала углублению религиозного чувства, но, побуждая к духовному самопознанию и самосовершенствованию, развивала в человеке высокие нравственные начала. Воспитывая мусульман на примере ранних подвижников, она помогала им выстоять в самых тяжелых условиях, когда любое силовое сопротивление захватчикам, унося множество жизней, лишь увеличивало людские страдания, и реальное соотношение сил было таково, что не оставляло надежд на изменение ситуации. Суфизм учил:

*Бәлә угы кадалса, ормагай аһ,
Кылыч башыга килсә, бозмагай раһ.*

*Не стеной, когда стрела несчастья поразит,
Не сворачивай с пути, даже если меч коснется головы.*

Суфи Аллахийяр

Произведения суфийских поэтов, пронизанные размышлениями о бренности земного бытия, никчемности богатства, особой «богоугодности» занятия земледелием, призывами к довольству малым, стяжанию духовных благ, психологически были как нельзя более созвучны настроениям «лапотных мурз» и «высокородных» ‘улама, в чьей среде они, вероятнее всего, создавались и распространялись. И потому поэзию эту можно рассматривать как своего рода отражение «кодекса чести» представителей знати, пожертвовавших внешним благополучием ради духовных ценностей и сохранивших внутренний аристократизм.

¹Известно также, что он много путешествовал, побывал в Египте, Южной Аравии. В Йемене в течение 7 лет обучался у Салиха ал-Йамани и перенимал многие его взгляды – так, придерживаясь в догматике системы Ашари, а в фикхе – Шафии, он не считал себя связанным с ними, а по примеру Йамани прибегал к иджтихаду. См.: [Шихсаидов, 1999, с.51].

По мере развития суфизма в нем все отчетливее стали проступать негативные тенденции: многие его положения, смешиваясь с ранее бытовавшими местными верованиями, создавали благодатную почву для появления всякого рода суеверий, новых ритуалов. Все это приводило к вульгаризации учения, к упрощению его теории и практики. Обвинения в адрес тарикатов, критика морального разложения верхушки братств, практикуемых ими обрядов, не согласующихся с буквой шариата, все чаще раздавались в самых разных уголках мира ислама. Ранее всего на Ближнем Востоке – со стороны ханбалитов, в трудах видных представителей этого течения Ибн ал-Джаузи (ум. в 1200 г.) и Ибн-Таймийи (ум. в 1328 г.) критике подверглись бид‘а – новшества, вводимые суфиями, несовместимые, по их мнению, с истинным исламом. В Османской империи выразителем подобных настроений стало течение тарика-и мухаммадийа, основанное Мехмедом Биргеви (ум. в 1573 г.).

Содержание известного сочинения Биргеви «Тарика-и Мухаммадийа» сводится к проповеди исламской этики, в основу которой положено следование предписаниям шариата. Биргеви большое значение придавал состоянию сердца верующего и морали его повседневной жизни, подчеркивал обязательность строгого соблюдения всех указаний Корана и сунны в вопросах веры и культа, провозгласив поведение Пророка образцом для неукоснительного подражания. Наряду с проповедью положительного примера, он выступил против распространившихся нововведений в религии (бид‘а), пагубных для общества и потому подлежащих искоренению. Обычаи, прямо не затрагивающие вопросов веры, согласно Биргеви, следовало сохранить. Главное условие – чтобы они способствовали сохранению и распространению веры. К таким «положительным нововведениям» он относил минареты, медресе и книги. Сформулированные Биргеви принципы правоверия получили отражение в литературе и в целом оказали существенное влияние на развитие религиозной мысли Поволжья. Его «Тарика-и мухаммадийа» долгое время использо-

валась в татарских медресе как пособие по этике (ахлак).

Наряду с османским влиянием, сходные идеи проникали в Поволжье и Приуралье из Средней Азии. Примерно со второй половины XVII в. начинает усиливаться ориентация на Бухару, а в XVIII в. поволжские шакирды отдают уже решительное предпочтение бухарским медресе перед медресе Дагестана. Помимо политических и социально-экономических факторов (усиление российской экспансии на Кавказе, содействие правительства торговле со Средней Азией и т.д.) во многом выбор в пользу Бухары был предопределен общностью традиций ханафитского права и матуридитской догматики. В этом плане Дагестан, являвшийся зоной распространения шафиитского правового мазхаба и ашаритской догматики, для волго-уральских мусульман был менее привлекателен.

Кроме всего прочего, связи с Мавераннахром, унаследованные еще с болгарских времен, возрождались благодаря суфийским каналам. По всей вероятности, оправившись после перенесенных потерь второй половины XVI в., тарикаты продолжили свою деятельность на территории Волго-Уральского края, и в XVII в. у среднеазиатских шейхов здесь имелись свои последователи. Косвенное свидетельство тому мы находим, например, в хикметах Мавля Кулья (вторая половина XVII в.), в одном из которых он сообщает, что его «пир» (наставник. – Г.И.) является потомком самого Махдуми А‘зама (1464–1542).

*Пиримнен Мэхзуми Эгъзам бабалары
Андин мэдэд телэр жиһан падишаһлары.*

*Дед моего наставника – Махдуми А‘зам,
Благословения которого желали властелины мира.*

Описывая достоинства своего духовного наставника, он упоминает, что тот был родом из Самарканда, а в числе его мюридов – выходцы из самых разных уголков земли, включая Булгар и Казань. Поскольку речь идет о потомке Махдуми А‘зама – основателя традиции накшбандийа-дахбидийа, дол-

гое время оставшейся ведущим направлением в Мавераннахре [Бабаджанов, 1998, с.69], можно предположить, что Мавля Кулы также был одним из ее представителей.

Триада суфийского пути – шариат-тарикат-ма'рифат во всех своих деталях явственно проступает в хикметах Мавля Кулы. Исполнение предписаний шариата, совершенствование нравственных качеств, укрощение нафса (низменной животной части души, инстинктов), экстатическое состояние мистического познания – все эти стадии, пережитые поэтом, нашли отражение в его творчестве. Чувством искреннего раскаяния, осознанием собственного несовершенства пронизаны многие строки:

*Нафсе йулы берлә йөрөп, булдым хәстә,
Нәтәк аны уңартайым — дару йукдыр;
Күкрәкдә тәкәбберлек йигачы үсде —
Нафсе менеп ботагына айак басды.*

*Следуя путем низменной души, я стал
болен;
Как мне исцелиться – нет лекарства.
В груди моей выросло дерево гордыни,
На ветви ее забралась моя низменная
душа.*

Путь постижения Истины требует от мистика полной самоотдачи, напряжения душевных сил, волевой сосредоточенности такой степени, когда окружающий мир теряет свою значимость; пребывая в этом состоянии, он может достичь просветления.

*Гашийк улдыр Хак йулында гыйшык
ирсә,
Дидар теләп эсан күңели фида кылса,
Бу дөһияны күзгә алмаз хальгә килсә,
Гашийклар тик Хак йулына кергүм
килүр.*

*Влюбленный – тот, кто любит на пути
Истины,
Стремясь к Лику (Творца) жертвует
своей душой,
Достиг состояния невнимания к этому
миру,
Влюбленные хотят ступить лишь по
пути Истины.*

Гносеологические воззрения Мавля Кулы несут отпечаток суфийской доктрины, обосновывающей три вида откровения и, соответственно, три возможности познания Творца – через священный закон, через творения (устройство мироздания и самого человека) и мистический гнозис. Окружающий мир полон для поэта скрытого смысла, Вселенная – проявление мудрости Творца, познание ее открывает путь к познанию Истины.

*Күр галәмни, ни гажәп –
Мәгънә тулук бер китап.*

*Взгляни на мир – что за чудо,
Это – книга, наполненная смысла.*

Поэт особо выделяет сердце как источник познания Бога: «Йөрәк бирде Хак үзени белмәк өчен» (Всевышний дал сердце для познания Себя).

В хикметах встречаются и такие распространённые мотивы, как проповедь добродетелей и порицание пороков, почитание родителей, восхваление труда земледельца. Пессимизм поэта выливается в мрачных картинах конца света, Судного дня, в теме странничества, проникновенных описаниях горькой судьбы скитальца. В творчестве Мавля Кулы также начинает проступать тенденция критического отношения к «псевдосуфиям». Поэт глубоко возмущен лицемерами, которые «одеты в одежды дервишей, надушены мускусом».

*Баиларына таж кутәрмеш, суфи мән,
тир,
Тәннэрени симерткәнчә хәрәм иййәр,
Ихлас йук, галәм халкын алдайу, күр:
Күңде туймас, бу галәмне йотар ирде*

*Со словами «я суфий» корону святости
на главы себе возложили,
Питают плоть свою запретным до
ожирения,
Нет искренности в них, а лишь обман
людей, взгляни:
Душа их ненасытна, готова проглотить
весь мир!*

Со временем лидирующее положение в Мавераннахре перешло к другой ветви накшбандийа – тарикату муджаддидийа, зародившемуся в Индии, куда накшбандийа проникла еще во времена Бабура. Основатель новой ветви тариката – Ахмад Фаруки Сирхинди (1563–1624) благодаря активной деятельности в защиту шариата стал известен в мире ислама как «Муджаддид-и альф-и сани» (Обновитель второго тысячелетия), отсюда основанная им самостоятельная ветвь тариката получила название накшбандийа-муджаддидийа. Тарикат требовал от своих членов неукоснительного соблюдения предписаний шариата, противопоставив его традиции экстатического суфизма. Учение Сирхинди основывалось исключительно на Коране и сунне, единственным примером служил пророк Мухаммад, подражать которому предписывалось членам братства. Таким образом, по прошествии двух столетий накшбандийа вернулась на родину, вооруженная идеей борьбы за очищение шариата от еретических примесей.

Время ее появления в Бухаре датируют концом XVII в. и связывают с именем шейха Хабибаллаха Бухари (ум. в 1111/1699 г.–1700), получившего посвящение от Мухаммад-Ма‘сума (ум. в 1079/1668 г.), третьего сына Ахмада Сирхинди [Кюгельген, 2001, с.289-290]. В его лице видели муджаддида начавшегося XII в. (по хиджре) – обновителя религии, призванного исправить общество в эпоху всеобщего падения нравов, распространения смут и насилия, явившихся следствием пренебрежения шариатом. Шейх Хабибаллах был наставником знаменитого Суфи Аллахийара (умер ок. 1720 г.), автора многочисленных мистических трактатов.

Выходец из Средней Азии, некоторое время Суфий Аллахийар жил в Казани и приобрел здесь множество последователей. Его произведения, особенно «Сабат ал-‘аджизин» (Опора немощных), получили широкую известность в Поволжье и Приуралье и нашли продолжение в творчестве последующих поэтов.

Содержание «Сабат ал-‘аджизин» вписывается в рамки традиционной суфийской дидактики: призывы не обманываться призрачными радостями мира земного, помнить о вечном, приумножать добродетели и избавляться от пороков – такова основная тематика произведения. В то же время в поэзии Суфи Аллахийара проступает критическое отношение к распространяющейся среди современников показной набожности. Его строки окрашены чувством благочестивого негодования, осуждения лицемерия, внешних проявлений святости, когда «на словах – тасбих и тахлил (восхваления Бога), а внутри – обман и хитрость, на словах – проповеди и назидания, а в душе нет богобоязни, с виду кажется удивительным суфием, изнутри поражен душой собаки». Тем, кто ищет праведную стезю, поэт советовал примкнуть к истинным подвижникам, духовный наставник необходим «старательным юношам», ибо «не вылетит стрела без лука, не победит врага войско без военачальника».

На протяжении второй половины XVI – XVII вв., несмотря на политическую изоляцию Поволжья от остального исламского мира, благодаря постепенному восстановлению связей с Кавказом и Средней Азией, шли процессы взаимовлияния культур, на фоне проникновения разнообразных идейных течений и школ духовно-религиозная жизнь региона продолжала развиваться в рамках общемусульманской тенденции.

Раздел III

Татарский народ в составе Российской империи в XVIII в.

ГЛАВА 1

Демографические процессы в Волго-Уральском регионе и Сибири

§1. Численность и основные направления расселения татар России¹

Дамир Исхаков

Отсутствие надежных демографических данных, на основе которых можно было бы установить численность волго-уральских татар во второй половине XVI – конце XVII вв., нами уже отмечалось (см.: [Исхаков, 1995; Исхаков, 2014]). Поэтому, для восстановления параметров численности татарского населения Волго-Уральского региона в изучаемое время приходится прибегать к методам демографических реконструкций, что позволяет получить лишь приблизительные данные относительно динамики его численности между серединой XVI – концом XVII вв. (см., например: [Исхаков, 1995, с.257–260]). На начальные десятилетия XVIII в. имеются достаточно представительные статистические источники, уже позволившие определить численность татар в интересующем нас регионе к 1719 г. – она тогда составляла около 265 тыс. человек [Исхаков, 1980, с.25–39; Исхаков, 2014, с.378].

Исходные демографические показатели по татарскому населению поволжских тюрко-татарских юртов (Казанскому, Астраханскому и Касимовскому ханствам) к середине XVI в. выглядели так: в Казанском ханстве – 170–180 тыс. чел., в Касимовском ханстве – около 40 тыс. чел., в Астраханском ханстве – до 100 тыс. чел. [Исхаков, 2014, с.305–314]. Отметим, что в Нижнем Поволжье численность астраханских татар к концу 1570-х гг. резко сократилась (до 7 тыс. человек), скорее всего, в связи с откопкой основной их массы в другие районы. При дальнейших наших подсчетах отно-

сительно численности астраханских татар следует поэтому исходить из последних демографических показателей.

Для определения демографических параметров татарского населения Волго-Уральского региона на вторую половину – конец XVI в. мы можем опираться на косвенные данные, исходящие из сведений о военных ресурсах татар мещерских уездов. Такие данные сохранились в большом числе во всякого рода военных «росписях» [Записная книга, 2004; РК 1475–1605, т.2, ч.3; Разряды похода, 1914; Документы, 1962], которые можно перепроверить на основе аналогичных материалов, относящихся к начальным десятилетиям XVII в. [Станиславский, 2004; РК 7123; РК 7125]. Анализ этих материалов позволил выявить, что при максимальной мобилизации из Мещерского юрта в конце XVI в. могли быть выставлены 2,7–2,9 тыс. воинов (см. также: [Порфирьев, 1912]). Обычно с ясачного населения на службу брали одного человека не менее чем с трех дворов [Писцовые книги, 1904, с.49, 102, 180]. Но у служилых практически брали с каждого двора, а на один двор тогда приходились годные к военной службе, т.е. старше 15 лет, в среднем четверо мужчин, в итоге общая численность годных к военной службе служилых татар в мещерских уездах к концу XVI в. могла составлять 11–12 тыс. человек, что с детьми и женщинами может дать до 35–40 тыс. человек. В этом случае, если учитывать, что, по данным XVIII в., татары-мишари составляли одну треть волго-уральских татар [Исхаков, 2014, с.100], то казанских татар в Казанском и Свияжском уездах к концу XVI в. могло насчитываться

¹ Раздел подготовлен при участии М.М.Акчурина.

до 80 тыс. человек, а с учетом тюрко-татарского населения Кунгурского и Уфимского уездов – не менее 100 тыс. человек. При добавлении сюда еще ногайских татар, которые жили не только в Нижнем Поволжье, но и до 1630-х гг. кочевали в Южном Приуралье, частично войдя затем в состав казанских и астраханских татар, общую численность всех волго-уральских татар на конец XVI в. можно определить в 150–170 тыс. человек [Исхаков, 1995, с.259–260].

В итоге динамика численности татар в Волго-Уральском регионе за период второй половины XVI – начала XVIII вв. могла выглядеть так: конец XVI в. – 150–170 тыс. человек, середина XVII в. – 190–200 тыс. человек, начало XVIII в. – 265 тыс. человек. Представленная демографическая реконструкция позволяет заключить, что татары к тем демографическим параметрам, которые имели к середине XVI в. в период их проживания в независимых государствах, приблизились лишь к первым десятилетиям XVIII в. Эти же данные свидетельствуют о том, что основные демографические потери в изучаемом регионе татарское население понесло в период завоевания Московским государством, а впоследствии – в Новое время, существовали хотя и далеко не лучшие, но относительно приемлемые условия для роста его численности.

Завоевание поволжских татарских ханств, затем и Сибирского юрта, привело во второй половине XVI–XVII вв. к существенным изменениям в размещении татарского населения. Татары в этот период осваивали главным образом ранее незаселенные и малозаселенные районы Среднего Поволжья. Но уже во второй половине XVI в. начинается их продвижение и в Приуралье. Прежде чем приступить к характеристике внутрирегиональных перемещений татарского населения, остановимся на вопросе о географии его расселения, сложившейся к середине XVI в.

Достаточно крупный массив татарского населения (мещерские и касимовские татары) в середине XVI в. сосредоточивался в пределах Мещерского юрта / Касимовского ханства, в отличие от других позднелетоордынских тюрко-татарских государств просуществовавшего вплоть до начала

1680-х гг., но трансформируясь – уже после взятия русскими войсками Казанского ханства, Касимовское ханство начало терять свой государственный характер, постепенно распадаясь на ряд «мещерских» уездов (Касимовский, Шацкий и Темниковский) [Черменский, 1962; Исхаков, 1998, с.183–188]. Тюрко-татарское население (кроме собственно «татар» тут имелись и выходцы из Ногайской Орды) зоны мещерских уездов, во второй половине XVI – начале XVII вв. активно привлекавшееся Московским государством к военной службе на новых рубежах, начало постепенно расселяться в восточном и юго-восточном направлениях, покидая ядровую территорию первоначального формирования в бассейнах рек Оки, Мокши и Цны. Но для того чтобы проследить этот процесс, вначале необходимо кратко охарактеризовать картину расселения татар в исторической Мещере к середине XVI в.

Касимовские татары, являвшиеся потомками группы во главе с сыном Улу-Мухаммеда султаном Касимом, пришедшей в Мещерский городок в середине XV в., продолжали и в XVI в. жить в столичном г. Касимове (Мещерский городок или Городец), а также в окрестных селениях – крупных поселениях, известных как «дүрт сала» (Подлипки/Шырын, Болотце/Яубаш, Царицыно/Бием сала, Торбаево/Татарбай), в других деревнях (Бастаново/Бустан, Толстиково/Тустик, Ахматово/Карлар, Шильна) [Шарифуллина, 1991; Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.268; Исхаков, 1993а; Тамб. УАК, 1902, вып.46, с.48–50].

В районе нижнего течения р. Цны – на территории будущего Шацкого уезда, возникшего после основания в 1551–1553 гг. г. Шацка, проживали «цненские татары», частично являвшиеся выходцами из состава касимовских татар – не случайно существовавшие уже в XVI в. селения Бостаново и Темгенево, явно населенные касимовцами, обычно относят к «цненским» татарам [Смирнов, 1904, с.194; Николаевский, 1915, с.73; РК 1475–1598, с.176; Записная книга, 2004, с.128; РГАДА, ф.199, оп.1, п. 299, ч.8, ед.хр.5, л.2]. В этом районе в XVI в. могли существовать и другие татарские деревни – Амесьево, Лотказано [Акты служилых,

2002, с.247–248; Ишеев, Акчурин, 2010, с.64–70].

В районе старого г. Темникова и в самом городе татары жили еще до основания в 1536 г. нового города с аналогичным названием [Нарцов, 1902, с.13]. Согласно челобитной татар Алексею Михайловичу город Темников был поставлен «для приходу казанских воинских людей, а уездные села и деревни и емская слобода на напольной стороне» [Чекалин, 1890]. Из этого сообщения следует, что и деревни Темниковского уезда на левом берегу Мокши стали возникать уже после постройки нового города. О переселении на левобережье реки Мокши сказано в собранных в начале XVIII в. монахами Саровского монастыря родословных татарских мурз, потомков князя Бехана (Седехметевы, Акчурины, Кудашевы, Ишеевы, Дашкины, Чекашевы): «И князь Седехмет и князь Мамет и с детми жили в деревне нарицаемой Кавтогитжан, сие 2000 жила, в лесу за Мокшею за Митрялы было в ней жила 2000 и от мору и от рати воинской запустела, разошлись в разные места, и дети оставшиися их последи разошлись в разные места в степь» [Акчурин, 2011]. Согласно родословным, «в степи», т.е. на левом берегу Мокши, представителями этого рода в XVI–XVII вв. были основаны деревни Дербышево (князя Седехметевы), Адаево (князя Акчурины), Булаево (князь Булай Кудашев), Дашкино (князь Дашка Кудяков), Чекашево (Чекаш Янтудин), Шурбино, а также деревня Итяково (Итяк – старший сын Бараша Акчурина) на правом берегу Мокши [там же].

О существовании других татарских селений (Митрялы, Тювеево, Сухово) вблизи г. Темникова в XVI в. известно из других источников [Сафаргалиев, 1964, с.11; Ахметзянов, Акчурин, 2013; Акты служилых, 2002, с.352–353]. Но не вполне ясно, насколько группа темниковских татар связана этнически с касимовскими татарами, хотя частично такая связь по источникам и прослеживается [Исхаков, 1993]. Не исключено, что в них надо видеть потомков татар, проживавших в этом ареале со времен образования улуса Мохши [Сабитов, Акчурин, 2013, с.73–81]. Однако тут есть и ногайские включения [Исхаков, 1993, с.98].

Группа кадомских татар в середине XVI в. сосредотачивалась в целом ряде селений (Бедишево, Ст. Мансурово, Бутаково, Четово, Азеево), входивших в состав Кадомского уезда по мере дальнейшего «расщепления» более раннего Мещерского уезда на новые административные структуры [Сафаргалиев, 1963; Акчурин, Ишеев, 2013; Посольские, 2006, с.102, 217].

Неясным остается вопрос о татарском населении бассейна р. Пьяны в середине XVI в., где затем возникли Арзамасский, Алатырский и Курмышский уезды. Некоторые исследователи пишут, что оно там имелось и ранее [Халиков, 1978, с.130–131; Орлов, Файзуллин, 2011, с.75]. Но документальных свидетельств ранее второй половины XVI в. по этой зоне нет, о чем писал еще А.А.Гераклитов [Гераклитов, 1931, с.10]. Однако в преданиях и легендах, родословных татар из Нижегородского края содержится информация, допускающая возможность существования тут татарского населения и до середины XVI в., скорее всего в районе г. Саконы, вероятно, относившегося к Мещерскому юрту [Исхаков, 1995, с.265–266; ЧОИДР, 1898, кн.2, с.10; Сб.РИО, т.41, с.80–81]. Не исключено, что какое-то время это население частично могло относиться и к Муромскому уезду. В 1564 г. появляется первое сообщение о проживании татар в д. Лупиловка Арзамасского уезда [ЧОИДР, 1850, кн.5, с.52–54]. Далее численность арзамасских татар начинает быстро расти, что было связано с переселением их из «внутренних» уездов Мещеры, в первую очередь – из Кадомского уезда, о чем речь пойдет далее.

Особенности расселения татар в центральных районах Казанского ханства (в Волго-Камье) в середине и второй половине XVI в. были выявлены Е.И.Чернышевым [Чернышев, 1971, с.272–292]. В основном, с выводами этого исследователя можно согласиться. В то же время реконструкция расселения татар в XVI в., предложенная Е.И.Чернышевым, нуждается в некоторых дополнениях и уточнениях. Так, он отмечал проживание в XVI в. татарского населения в бассейне р. Чепцы [там же, с.282]. Сейчас уже следует считать установленным, что в середине XVI в. татары (группа «нукрат-

ских татар» и их этнический компонент – бесермяне) в районе устья р. Чепцы жили в крупном населенном пункте с укрепленным городищем – Нукрате (другое название – Карино) [Исхаков, 1998, с.31–42].

Сведения, приводимые Е.И.Чернышевым в доказательство факта проживания татар в бассейне р. Иж уже в период Казанского ханства [Исхаков, 1998, с.282], нашли новое подкрепление. Как известно, по писцовой книге 1602–1603 гг. Казанского уезда – основному источнику, использованному Е.И.Чернышевым, князь Багиш Яушев имел жалованную грамоту «на волость Терьса на реке на Каме» [ПК КУ, 1978, с.39]. Как нами установлено, пожалование на это владение он получил по грамоте Ивана IV (см.: [ГАКО, ф.170, оп.1, ед.хр.72, тетрадь 4]), что делает весьма вероятным существование указанной «волости» уже в середине XVI в. Тем более, что несколько южнее, но также в бассейне р. Иж, в тот же период фиксируется еще ряд волостей, населенных тюркскими группами различного происхождения, подчиненных, скорее всего, тесно связанным с Казанью ногайским князьям [Исхаков, 1985, с.37–38, 45–46; Ишболдин, 2005, с.144–147].

В работе Е.И.Чернышева, из-за отсутствия к тому времени конкретных исторических материалов, остался неисследованным вопрос о татарском населении Восточного Закамья и шире – Приуралья [Чернышев, 1971, с.282]. Между тем, тюркское население в Восточном Закамье существовало уже в XVI в. Еще Г.В.Юсупов установил факт проживания некоторых тюркских групп в бассейне р. Ик в первой половине XVI в. [Юсупов, 1960, с.24–25]. Это были группы ногайского происхождения, в XVI в. называвшиеся и «башкирами» [Исхаков, 1998, с.47]. К настоящему времени накоплены материалы, свидетельствующие о расселении в середине XVI в. в Восточном Закамье и других в этническом отношении не вполне однородных тюркских групп [Исхаков, 1998; Исхаков, 1988, с.520–522; Ишболдин, 2005, с.58–76;]. Не исключено, что они относились к Ногайскому-Мангытскому княжеству, входившему в состав Казанского ханства (позднейшая Ногайская даруга).

Пока недостаточно изучены особенности расселения к середине XVI в. приуральских татар и групп, ставших их этническим компонентом. Предварительные данные об этом населении сводятся к следующему. Согласно шеджере «башкирского» племени табын, в бассейне р. Быстрый Танып (в пределах позднейшего Бирского уезда Уфимской губернии) находилась резиденция «Чуртамак хана», бывшего из «казанских ханов» [Башкирские шеджере, 1960, с.164]. Речь идет, видимо, о князе, управлявшем населением низовьев рек Белая, Ик и Уфа. Данная территория, несомненно, входила в состав Казанского ханства [Исхаков, 1998, с.46; Усманов, 1960, с.3, 31, 49–55]. Не случайно, что и в 1505 г. в Уфе правил казанский князь Кара-Килимбет, являвшийся, по всей видимости, знатым ногайцем (в 1496 г. он под именем «Канимета» упоминается в числе «казанских князей», вышедших на сторону хана Мамука [Усманов, 1960, с.52]. Нами также установлено, что в период Казанского ханства ряд тюркских и тюркизированных (в основном иштякских-угорских) групп, впоследствии ставших одой из составляющих пермских татар, проживали в Пермском крае (в бассейнах рек Сылва, Ирень и Тулва). Они в середине XVI в. находились в подчинении ногайских князей, в свою очередь связанных с Казанским ханством [Исхаков, 1998, с.114–140]. В целом, на основе имеющегося материала не представляется возможным однозначно говорить о проживании казанских татар в Приуралье в середине XVI в., о проживании там этнических компонентов приуральских татар (кыпчакско-ногайские и тюрко-угорские группы) в этот период – можно. Правда, в настоящее время особенности их расселения в XVI в. исследованы слабо.

Во второй половине XVI – XVII вв. мещерские татары из центральной зоны Мещерского уезда начали расселяться в нескольких направлениях, что было связано с формированием главным образом так называемых «засечных линий» на рубежах Московского государства [Мухамедова, 1972; Лебедев, 1980]. Хотя в этот период происходили и внутренние миграции в пределах первоначальных мещерских уездов.

Например, в XVII в. в Касимовском уезде были основаны деревни Собакино, Биркеево [Исхаков, 1993, с.69–71; Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.267]. По существу, основных направлений миграций татар из исторической Мещеры было два – на юго-восток и восток (включая и северо-восток).

Во второй половине XVI – первой трети XVII вв. в первом направлении наблюдается постепенное освоение татарами южной части Темниковского уезда – ранее «дикого поля». В 1563 г. князю Девлет-Кильдею в Темниковском уезде в начале была дана пустошь около р. Урей, где в то время начиналось неосвоенное поле. С 1586 г. «по другую сторону Мокши» указывается д. Пурдышково со двором князя Кулунчака Еникеева, а в 1595 г. двор его находился в починке Исе-ев Гильдина. Эти селения первоначально относились к Замокшанскому стану Мещерского уезда, а с 20-х гг. XVII в. – к Аксельскому стану Темниковского уезда.

Согласно сведениям из «Дозорных книг Темниковского уезда» 1614 г. [РГАДА, ф.1209, оп.1, кн.471], в Темниковском остроге были две татарские слободы: Ширлейская («князей и мурз и татар» – 84 двора, белопашцев – 38 дворов, засечные сторожи – 2 двора, воротники – 2 двора) и Ахмыловская («мурз и татар» – 79 дворов, «белопашцев» – 5 дворов, «воротников» – 4 двора). Судя по именам, и белопашцы, которые несли «государеву городовую службу», и воротники были этническими татарами. Всего в Темникове проживало 3 татарских князя – князь Брюшей Еникеев, князь Булай Кудашев и князь Ишей Барашев. Таким образом, общее количество татарских дворов в городе составляло 214. Однако большинство служилых татар кроме городских дворов владели поместьями и «помещиковыми дворами» в деревнях и селах Темниковского уезда, а зачастую у многих татар было несколько «помещиковых дворов» в разных деревнях. Видимо, для многих основное место проживания было в городе; так, отмечено, что в деревне Еналеево «на речке на Исе» в некоторых татарских дворах жили только дворовые люди, «а сами татарове на посаде в Темникове» [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.301об.].

Из челобитных [РГАДА, ф.1167, оп.1, ед.хр.2104, л.1–3], поданных в 1674 г. от жителей г. Темникова, мы узнаем, что к этому времени все татары полностью покинули г. Старый Темников («мурзы и татары поки- ния твоя, великого государя Темников город, и дворы свои перевозили на дикия поля»), а после пожара в 1667 г. и взятия города казаками Степана Разина Темников был окончательно разрушен. Дасай мурза князь Булаев, Смольян мурза князь Акчури- н, Резеп мурза князь Еникеев, Мустай мурза Кудашев «с таварыщи» подали челобитную о постройке нового города Темникова на другой стороне реки Мокши, «на поле за засечными крепостями на Дербышевской горе». Ввиду того, что для постройки города данное место оказалось «не пристойно», было принято решение о постройке крепости на Исикеевской горе («где бывали дворы темниковских мурз Маметья мурзы Исикеева, да Бегиша мурзы князь Еникеева з братьею и с таварыщи»). Из этих же челобитных мы узнаем, что «преж сего» на Дербышевской горе находилась деревня Дербышево, «и той деревни жильцы от безводицы сошли в ыное место».

Некоторые деревни вблизи Темникова также были основаны еще в XVI в.; так, д. Тюеёво основана Тюеёем Асбердиновым в 1535 г. [Сафаргалиев, 1964, с.11], д. Сухово – Сухаем Кукушевым, который являлся участником раздела вотчин в 1568 г. [Ахметзянов, Акчури- н, 2013]. На правом берегу Мокши недалеко от г. Темникова в крупной татарской деревне Митрялы (совр. с. Митрялы в Темниковском районе Республики Мордовии) проживал князь Девлеткильдей Тиняев, это следует из выписи 1603 г.: «деревня Митрялы на озере на Старой Мокше, а в ней двор помещиков, а в нем живет князь Девлет-Килдеевская княгиня Урусалта з детьми з Байбарсом да с Кулбарсом. Пашни под деревню Митрялою нет, а пашут на болшом на диком поле за рекою за Мокшею» [Акты служилых, 2002, с.352–353]. Видимо, пашни «за рекою за Мокшею» располагались на реке Урее, которые были пожалованы в 1563 г. князю Девлеткильдею в Темниковском уезде вместе с пустошью около р. Урей [Терехин, 1898, с.658–661]. Согласно дозорным книгам Темниковского уезда 1614 г., его внуки также имели дворы в д. Митря-

лы «от нагайских людей» [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.294об.–295] – вероятно, для поместных деревень, расположенных на левобережье реки Мокши, в начале XVII в. сохранялась угроза нападения со стороны ногайцев. Другой крупной татарской деревней, расположенной вблизи г. Темникова, являлась д. Вирясы. Согласно легендам из родословным, составленным представителями княжеского рода Седехметевых, после запустения Кавтотижан/Ике мин азбар дети князя Седихмета некоторое время жили в Вирясах, а затем основали деревню Дербышево [Акчурин, 2011]. Дербыш – внук князя Седехмета, упоминается в 1562/63 г. [Акчурин, Абдурахманов, 2011].

В середине XVI в. была основана деревня Ефаево на речке Ракшеклее/Уракшеслее [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.267] (совр. с. Ефаево расположено в Краснослободском районе Республики Мордовия), основателем деревни являлся, видимо, князь Ефай (князь Ефай вместе с Кутьем Теребердеевым, Мамлеем, Дулатом упоминается в купчей 1540 г., см.: [Акчурин, Абдурахманов, 2011]), по сведениям Дозорных книг 1614 г., мурзы Ефаевы, Кутыевы, Мамлеевы и Деуковы (внуки Дулата, см.: [там же, 2011]) владели деревней Ефаево, Деуковы сохранили жалованную грамоту Ивана IV 1550/51 г. на владение этой деревней [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.267]. На этой же реке Уракшеслей находилась деревня Старая Княжая [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.75], которой в 1614 г. владел Елмамет мурза князь Еникеев, видимо, деревня до этого принадлежала какому-то татарскому князю – предку этого мурзы.

Названия значительной части поселений, возникших во второй половине XVI – начале XVII вв., являются антропонимами их основателей. Так, Айкеево получило название от Айкея Уразаева (упоминается в 1610 г., см.: [Габдуллин, 2006, с.223–226]) из рода князь Муратовых [Акчурин, 2011]; Акашево – от Акаша Айтуганова сына Агеева (упоминается в 1609 г., см.: [ЦГАРМ, ф.24, оп.1, ед.хр.28]); Шешедино – некоторые потомки Ненюка мурзы Тотаева сына (упоминается в 1621 г., см.: [там же, ед.хр.69, л.7об.]), имевшего поместья в этой деревне, носили фамилию Шешедины [там же, л.1],

возможно, основателем деревни был некий Шешедя, предок Ненюка Тотаева; Чекаево – от предка Ахмамета мурзы Бинеева сына Чекаева (упоминается в 1614 г., см.: [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.141]); Идеево – от Идея мурзы Еникеева (упоминается в 1597 г., см.: [там же, л.121]).

Согласно «Дозорным книгам» 1614 г. в южной части Темниковского уезда татарские поместья имелись в деревнях по рекам Явас, Ляча и Шуструй (Пичиполонга – упоминается в грамоте 1591/92 г., см.: [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.92об.]), известны также деревни Атюрьево, Вярвель, Велязьма). В восточной части отдельные деревни были достаточно далеко расположены по рекам Ирсеть, Рудна, Иса («Вярвели на речке на Исе», «Еналеива на речке на Исе», Сивязвела), а также на Инзе и даже на Суре (Шуватово, Турдоман).

В «Дозорных книгах Темниковского уезда» 1614 г. показано, что иногда татарские помещики могли основывать новые деревни в границах своих частных вотчин – так, у князя Булая Кудашева «в вотчине в бортном ухожее и промеж речки Чюкал и Тукдулей подле речки Урей» имелись пашни и два двора [РГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.471, л.93 об.–94], вероятно, именно на этом месте вскоре возникло село Булаево (совр. с. Булаево в Темниковском районе Республики Мордовия).

Строительство в 1630–1640-е гг. крепостей по новой засечной черте (Нижний и Верхний Ломов, Керенск, Атемар, Саранск, Инсар, Шишкеевский, Потишский и Инзерский остроги) вызвало необходимость к переселению служилых татар на новые места службы, а также обеспечило более безопасные условия для возникновения новых поселений.

В деле 1649 г. о насильственном закабалении пушкаря Данилы Дмитриева [Дело, 1943, с.540–545, 552–554] указаны имена татар, жителей Инсарского уезда деревень Исенские полянки, Еналеевы полянки, Лашма, Потишского острога.

В выписи 1668 г. был дан список «касимовских и шацких мурз и татар» Ишея мурзы Чернакаева сына князь Булушева «с товарищи 40 человек», проживавших в Керенском уезде в д. Шелдаис (совр., скорее

всего, Тат. Шелдаис Пензенской обл.) [Тамб. УАК, 1887, вып.15, с.46, 48].

Сохранилось подробное сообщение о возникновении крупной татарской деревни Татарские Юнки на реке Юнке (Юни). После опроса татар близлежащих деревень – Шукстров и Богдановки («Шукстров тож») – в 1665 г. выяснилось наличие лишней земли в «даче» Бегиша князь Еникеева в «в бегишевом кругу и ободу» [ЦГАРМ, ф.24, оп.1, ед.хр.67, л.369]. Для 40 человек темниковских татар («рейтарского строю верстанные и неверстанные, беспоместные и малопоместные» [там же, л.380–381]) были отмерены «под усадьбы дворовые места и животинный выпуск». Среди этих татар встречаются представители таких фамилий, как Утешевы, Кудяковы, Торпушевы (Торпищевы), Акчурины и др.

В списках татар Атемарской десяти второй половины XVII в. для некоторых татар указано, что «верстаны де они прежде всего по городу Алатырю» [Десятни, 1897, стлб.210], многие владеют поместной землей как в Саранском, так и в Алатырском уезде [там же, стлб.337, 340, 373], а также в Арзамасском уезде [там же, стлб. 336] – все это свидетельствует о переселении части татар в Саранский уезд из Арзамасского и Алатырского уездов.

В 1660–1680-е гг. по рекам Узе и Кададе поместьями наделяются большие группы темниковских и кадомских татар. Несмотря на удаленность и отсутствие поселений, эти территории были освоены, сохранилось сообщение о существовании вотчинных владений князя Акчуры (первая половина XVI в.) на реке Кададе [РГАДА, ф.396, оп.2, ед.хр.3534, л.255], темниковский мурза Кутый Тербердеев в 1546/47 г. также по речке Кададе приобрел вотчины у темниковского татарина Костя Уманина, причем его вотчины тогда граничили с владениями казанских татар [Акчурин, Абдурахманов, 2011]. Поэтому первоначально новые поместья отводились в татарских вотчинах и бортных ухажиях «на дикой ковыльной земле». Уже в начале XVIII в. в этих местах существовало более десятка татарских поселений (Кунчерово, Бигеево, Демино и др.).

В первой трети XVII в. в Темниковском уезде фиксируется еще больше десяти та-

тарских деревень: Карино, Чекаево, Урей (1611 г.), Ардашево (1611 г.), Русаново (1614 г.), и др.

Многие из них были переписаны в составе Темниковского уезда в 1614 г. В результате построения между 1636–1648 гг. «на напольной стороне... за Темниковым», вала и засечных крепостей, татары передвинулись еще южнее. В грамоте татар Темниковского уезда на имя царя Алексея Михайловича говорится: «...мурзы, татарова... живем от Темникова... на напольной стороне... И [в] засечные сторожи... [переведены]... к новым засекам... и с Темниковские ... засеки на вечное жительство (в 1647 г.) в новом городе Инсаре». В Атемарских приходных книгах 1642 г. упоминаются «служилые атемарские татары... по Инзарской дороге». В 1679 г. «с Атемара по Инзарской дороге» сообщается о даче «саранских полковых мурз и татар д.Тавлы». В «Атемарской десяти» 1669–1670 и 1679–1680 гг. перечисляется большое число служилых татар и мурз, а также ряд их деревень. В 1671 г. в Инсарском уезде упоминаются татарская деревня Исенские поляны, а также служилые мурзы и татары Потишского острога. Еще в 1632 г. темниковским татарам было отделено поместье на диком поле на речке «Шукстрове» (Шустрове). В 1675 г. в д. Шукстрове жили служилые татары-рейтары. В 1640 г. татарами из Темниковского уезда были основаны деревни Чермишево, Щербаково, Лямбирь, Тат. Свербейка. В 1663 г. была построена Пензенская слобода, с основанием которой связано образование татарских деревень Шелтаис и Синорово. В 1677 г. в «Пензенской десяти» перечисляются 15 служилых «полковых татар». В 1670–1680-х гг. начинается заселение татарами территории будущей Саратовской губернии (наиболее ранняя грамота о заселении татарами д. Пенделки тут относится к 1685 г.).

Несколько западнее рассмотренного района шел процесс миграции татар из Касимовского и Кадомовского, частично также Шацкого уездов в направлении Керенска, Верхнего и Нижнего Ломова.

О продолжающемся проживании татар во второй половине XVI в. в Кадомском уезде татар свидетельствует грамота Ива-

на IV турецкому султану Селиму от 1570 г. В грамоте сказано: «... В Кадомском уезде, многие приказные люди мусульманского закона и в тех Мещерских городах... мусульманские люди мизгиты и кошаны держат». В начале XVII в. в Кадомском уезде числилось до 20 татарских деревень (Покровское, Чиуш/Тат. Лаколей, Акаево, Подлесово, Баисово, Тонеево, Кульково, Крутец, Иванково, Торопово, Нов. Еникеево, Вечкенино, Старое и Новое Мансырево, Шигалево, Еникеево, Муратово, Микитино, Тугушево/Деберлеево, Азеево) [Исхаков, 1993, с.106]. С 1649 г. упоминаются еще 4 деревни (Сыркыды, Акбердеево, Кулаково, Куцапино).

На территории Шацкого уезда с начала XVII в. сообщается о д. Большой Студенец; с 1620-х гг. в этом уезде были переписаны еще 5 татарских селений (Аглымазово, Березовка, Караулово, Алакуш, Новоселово). В 1640-х гг. отмечается еще столько же (Выползово, Новоселок, М. Студенец и др.). В некоторых случаях прямо говорится о направлении переселений. К концу XVI – началу XVII вв. с расширением поместного землевладения среди служилых татар тут возникают новые деревни. Так, мы обнаруживаем, что в 1608 г. Чекаю мурзе Кудашеву перешли поместья и крестьянские дворы в селе Раково-Кошково (ныне с. Раково в Сасовском районе Рязанской обл.) от его тещи княгини Айтуган, вдовы князя Ислама Енговатова, а ей после смерти мужа в качестве «прожиточного жеребья» [Акты служилых, 2002, с.162].

Из грамоты 1598 г. мы узнаем, что бывшими владельцами монастырской деревни Княжая (совр. с. Княжево в Моршанском районе Тамбовской обл.) являлись цненские татары князь Ишень Ушаков, Тохтар мурза Васильев сын Енаев, Ураз мурза Елгадеев [Тамб. УАК, 1887, вып. 13, с. 21–22; вып.16, с.17].

По-видимому, основателем деревни Теньсюпино (совр. д. Теньсюпино в Сасовском районе Рязанской обл.) являлся некий татарин Теньсюпи (вероятно, Дин-Суфи) – предок Уразая мурзы Неверова сына Теньсюпина, после смерти Уразая его поместья отошли к зятю Чепкуну мурзе Дасаеву сыну князя Маматказина (вторая половина XVII в.) [Ишеев, Акчурин, Абдиев, 2010].

В Шацкой писцовой книге Федора Чиботова 1622/23 г. [Тамб. УАК, 1893, вып.37, с.73–147] встречаются следующие деревни, в которых упоминаются татарские помещики (кроме цненских татар, встречаются также темниковские мурзы «князь Кудашевы»; касимовские мурзы Шемердянов, Стокасимовы): деревня Ернеевские Усады (совр. с. Ернеево в Сасовском районе Рязанской обл.) – возможно, основателем этой деревни был некий татарин Ерней, среди потомков которого известны Емикей Ернеев (1622/23), «цненский Охамет мурза Ернеев» (1607 г.) [Акты Шуйского, 1914, с.259], Кошай мурза Ернеев (1613 г.) [Документы, 1994, с.65]; с. Березово; д. Агломазово; погост Спаской Кашков; д. Раковская Усада; д. Ямбирина. Поместья также имелись у темниковского князя Булая Кудашева в деревне Репищак [Тамб.УАК, 1901, вып.45]. Во второй половине XVII в. татарские поместья отмечены в следующих населенных пунктах Шацкого уезда: Бастаново, Березово, Агломазово, Колдамышево, Тархан (Тарханская, «Татарская тож»), Малый Студенец, Большой Студенец, Алешня (среди татарских помещиков упоминаются кадомские и касимовские татары, например, мурзы Маматкозины, Кикичевы) [РГАДА, ф.1209, оп.173, 1651 г., д.32].

В 1697 г. в вотчинных владениях цненского Тениша мурзы Федотова сына князя Долоткозина и жителей д. Тархан (совр. д. Тархань в Шацком районе Рязанской обл.) Кутлумамета Худякова «с товарищи» (среди вотчинников упоминаются служилые татары: Худяковы, Михалевы, Вешняковы, Резановы, Кулаевы, Баткаевы, Канганаевы, Милушевы и др.) на реке Керше «за Шатцким Большим Цненским лесом» были пожалованы поместья для 101 служилого мурзы татарина, среди которых встречаются также фамилии касимовских, кадомских и темниковских татар [Ишеев, 2012]. Многие мурзы и татары из этого списка в 1710 г. уже числились среди жителей села Татарщино (совр. с. Татарщино в Рассказовском районе Тамбовской обл.) [там же].

В 1629–1630 гг. царь Михаил Федорович указал на необходимость «обозреть приписанные к г. Нижнему Ломову от Красные Слободы села татарские Дивеево (Татарская Инсара тоже), Лакалей Татарский,

Исангушский починок». В описании «Верхоломовской десятины» от 1686 г. сообщается, что татарское население деревень Новоселок и Пичеевка «верстаны после разбору 1651 г.». Во второй половине XVII в. упоминаются отдельные 3 деревни Керенского уезда. В освоении рассмотренной территории участвовали Тенишевы, Мамины, Акчурины, Кудашевы и многие другие. В первой четверти XVII в. татары имелись и в Елатомском уезде – тут насчитывалось не менее 6 селений. Очевидно, это были переселенцы из Касимовского уезда.

По данным за 1637 г., «служилых татар» в Касимовском уезде насчитывалось 610 чел., в Кадомском уезде – 372 чел., в Шацком уезде – 132 чел., в Верхне-Ломовском уезде – 95 чел. Соотношение татарского населения перечисленных уездов в первой трети XVII в. было еще в пользу тех из них, в которых татары жили в большом числе в XVI в. Но во второй половине XVII в. картина несколько изменилась. Согласно данным за 1678 г., в Кадомском уезде мурз и татар было 642 двора, в Касимовском уезде – 354 двора, в Шацком и Керенском уездах – 385 и 202 двора соответственно [Исхаков, 1993; 1995]. В 1683 г. татары жили и в д. Селище Касимовского уезда (владение касимовского царевича). В XVII в. в последнем уезде татарских деревень было уже довольно много. Татары продолжали жить и в Касимове, где в 1627 г. в его Старом посаде (Иске йорт), ставшем отдельной слободой, имелось до 100 татарских дворов [Рахимзянов, 2009, с.79]. Но служилых татар там оставалось уже мало (в 24 дворах 17 человек), многие дворы были заселены дворянами, следовательно, хозяева их, скорее всего, жили в поместьях [там же, с.81]. Это действительно так, если учесть, что во второй половине XVII в. численность годного к службе татарского населения Касимовского уезда колебалась в районе 418–450 человек [там же, с.80]. Ближе к середине XVII в. городские татары в г. Касимове образовали и Новую слободу. В итоге в Старом и Новом посаде, по переписи 1646 г., числилось 107 человек [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.263–264].

Группа ногайцев, вышедших в 1564 г. в Московское царство из Ногайской Орды

во главе с мурзами Юсуповыми и Кутумовым, около 1565 г. и в 1569 г. была поселена в Романовском уезде с обязательством содержать отряд в 225 татар-казаков. Эти ногайские татары имели родственные связи с касимовской знатью, в XVII в. продолжали жить в районе г. Романова [Беляков, 2011, с.231, 328, 398]. Затем они частично подверглись крещению (см. жалобу московскому царю от имени «татар Исуповой половины» по поводу их насильственной христианизации в 1647 г.: [История, 1937, с.150]). Скорее всего, именно из-за давления по религиозной линии представители этой группы ближе к середине XVII в. частично выселились в Западное Закамье, смешавшись там с другими служилыми татарами.

Второе направление миграций мещерских татар шло на восток и северо-восток от Мещерского уезда. Так, начиная, по меньшей мере, с 1564 г. и до начала XVII в. татарами был заселен Арзамасский уезд, включавший в свой состав первоначально и территории будущих Алатырского и Курмышского уездов. Арзамасские татары упоминаются в ходе военных походов в составе русских войск в 1572, 1575, 1578 гг. [Орлов, Файзуллин, 2011, с.74–75]. Известно о переселениях кадомских татар в Арзамасский уезд в 1586 г. (на земли д. Пара), в 1595 г. (в район д. Салган). К 1606 г. тут существовали уже селения Пица, Кочки-Пожарки [Орлов, Файзуллин, 2011, с.76–77]. По данным за 1629 г., в этом уезде насчитывалось 216 служилых князей и мурз татар, а в 1637 г. – 234. До середины XVII в. здесь был основан еще ряд татарских селений (Кадамка, Красный Яр, Ключищи, Нов. Мочалай, Овечий Враг, Нов. Пара/Актуково, Антярово и др.) [там же, с.77].

При г. Алатыре в учрежденном в 1565 г. Алатырском уезде в его Верхосурском стане татары отмечаются не позднее 1583 г., когда в росписях казанского похода были зафиксированы 300 человек «арзамасских и алатырских татар» [Анхимюк, 2008]. Затем «алатырские татары» упоминаются в 1613 г. Уже говорилось о селении «буртасов, посопных татар» д. Ногаево/Чулпаново, выделившихся из д. Ст. Янышево, также относившегося к Алатырскому уезду. В целом, массовое заселение татарами террито-

рии Алатырского уезда относится к 1608–1611 гг. [Орлов, Файзуллин, 2011, с.79]. Тут в первом десятилетии XVII в. возникли селения Шубино, Пара/Кузьминка, Ендовищи, Грибаново, Исаковское, Карга, М. Рыбушкино, Ст. Мочалай, Нов. Усад, Пошатово, Б. Рыбушкино, Семеновка, Уразовка, Трех Озерки и др. [там же, с. 80]. К 1629 г. в этом уезде насчитывалось 420 служилых татар, занимавших земли по нескольким засечным линиям. Переселения татар сюда шли из Кадомского и Темниковского уездов, что видно из «Писцовой книги» Д.Пушечникова и А.Костева 1624–1626 гг. по Алатырскому уезду, где часть служилых татар (деревень Воротища, Овечий Враг, Рыбушкино, Ивановское, Семеновское, Собачий Остров) отмечены как «кадомские татары», а часть (деревни Пара, Турдоман, Шигеватово, Белая Водица/Аксу, поч. Богданов) – как «темниковские приходцы» [ПК АУ, 2012]. Видимо, эти переселенцы прибыли сюда в первой четверти XVII в. Согласно этой писцовой книге, отдельными деревнями до татар в этом уезде владели русские помещики (Шубин Усад, Ивановское, Ярыгино, Семеновское, Собачий Остров, Иваш), а другие селения были основаны на «диком поле» (Овечий Враг, Пара, Малая Пица). Из этого можно заключить, что и остальные татары из этого уезда являлись недавними переселенцами. Заметим, что в отмеченной писцовой книге упоминаются появившиеся в этом ареале еще раньше татарские князья Мангушевы, Салтагозины (селения Старое и Новое Мангушево, Болеево), Еналеевы (д. Князь-Еналеево) [ПК АУ, 2012; Акчурин, Ишеев, 2010]. Сюда переселялись и из Арзамасского уезда (селения Кучкаево/Воротища, Жданово, Князь-Мамешово, Алтышево) [ПК АУ, 2012], где к 1660-м гг. осталось всего 3 татарских деревни (Камкино, Кочки-Пожарки, Пица) [Орлов, Файзуллин, 2011, с.77].

Начало формирования татарского населения Курмышского уезда надо отнести к дате не позднее 1572 г. [Герасимов, 1931, с.20]. В 1615 г., в ходе боевых действий русских войск против польских и литовских интервентов, в войсках Д.Пожарского числились 85 служилых татар и тарханов из Курмышского уезда [Орлов, Файзуллин,

2011, с.83]. Курмышские татары и в 1620–1630-х гг. фигурируют в документах (напр., к 1628 г. тут насчитывалось 145 служилых татар и 22 тархана) [там же]. Они жили в деревнях Ишеево, Маклаково, Базлово, Парша, Анда, Андреевка, образовавшихся в 1613–1623 гг. [там же, с.85]. Когда в 1648 г. при проведении Карсунской засечной линии было велено переписать «курмышских неверстанных мурз и татар», чтобы устроить их вдоль этой линии, таковых набралось 435 человек, что говорит о продолжающемся выселении сюда мешчерских татар. В 1652 г. в Курмышском уезде на речке Сухом Корсунове была отведена земля 50 «служилым конным татарам» из д. Ногаево, а в отказных книгах 1670–1679 гг. речь идет о 25 «станичных татарах» д. Сенгилейки. В сметной росписи 1661 г. татары упоминаются в Тальском остроге и крепости Карсун [Исхаков, 1995].

С проведением Карсунской «черты» связано и основание г. Симбирска в 1648 г., вызвавшее новые переселения татар сюда как из центральных мешчерских уездов, так и из соседних территорий Алатырского и, особенно, Курмышского уездов. Уже в 1648 г. по «ведомству» г. Симбирска числились «служилый тархан» Енубячка Бакшандин «с товарищи», а по «Строельной книге» г. Симбирска 1653–1654 гг. в Симбирском уезде указываются более десяти татарских селений, причем татары в них селились большими группами: по 50–100 человек. В «Приходной книге Синбирской приказной избы» 1665–1667 гг. сообщается о деревнях Тюки, Сорок Садак, Бистюрлей Враг, Мочалей, Чекал, Шатрашан, Нов. Чокур, Нов. Чюкал, Какрыли, Нов. Чепкас, Бистрюли/Ошли, Айтуганово и др., населенных татарами. Всего в этом источнике упоминается до 30 татарских селений [Зерцалов, 1896, с.85]. К 1662 г. относится сообщение об основании в этом уезде д. Нов. Студенцы переселенцами из соседнего Алатырского уезда [Мартынов, 1904, с.65]. В 1672 г. отмечается д. Тат. Бездна, где жили служилые татары и мурзы [ГАУО, ф.111, оп.72, ед. хр.159, л.99–101об., 268–280; ед. хр.431, л.14–18 об.]. В этой зоне мешчерские выходцы встретились с казанскими татарами, также переселявшимися на территорию Симбирского уезда [Исхаков, 1995,

с.267]. С территории Симбирского и примыкавших к нему уездов вскоре татары-мишаре под прикрытием Закамской линии начали переходить и в Западное Закамье.

Завоевание Русским государством Астраханского ханства привело к изменениям в расселении его населения, состоявшего из собственно «татар» и «ногайских татар». Так как у них еще были сильны традиции кочевого хозяйства, часть астраханских татар в период завоевания могла попросту откочевать из Нижнего Поволжья в другие регионы, например в Среднюю Азию. Не случайно, что численность тюрко-татарского населения Астраханского юрта, при русском завоевании оценивавшегося от 40 до 100 тыс. человек, к началу XVIII в. насчитывало лишь 35–40 тыс. человек, или 12 тыс. семей, причем с включением в это число и ногайских групп, в т.ч. оказавшихся уже в Предкавказье [Исхаков, 1992, с.22–23]. Некоторая часть астраханских татар (около 7 тыс. человек) в 1579–1581 гг., так называемые «юртовские», продолжали жить недалеко от Астрахани, но в отдельном поселении – «юрте» [Английские, 1937, с.266]. В самой крепости г. Астрахани татарам жить не разрешалось. Остальные татары были рассредоточены по «улусам», находясь на «известных местах», которые они могли «обносить только плетнями» [Рычков, 1774, с.58]. По свидетельству А.Олеария, в 1630-х гг. в указанных «местах» жители жили не постоянно, так как они летом «переменяют места», а зимой «собираются к Астрахани и размещаются на отдельные орды или роты» [Исторические, 1936, с.69–70]. Аналогичные наблюдения имеются и у других путешественников [Каш, Текандер, 1896, с.26]. Главным населенным пунктом юртовских татар в XVII в. оставался отмеченный выше «юрт». В частности, в 1671 г. Д.Бутлер под г. Астраханью упоминает «татарский поселок jat» [Исторические, 1936, с.138], фактически являвшийся слободой г. Астрахани. К началу XVIII в. ситуация не изменилась – Корнелий де Бруин пишет, что «Татарская слобода отделена от всех других и вся почти построена из земли и глины... В этих постройках татары живут зимою, летом же в поле» [Исторические, 1936, с.169]. Кроме этого населенного пункта, известного как «Царево» (Тияк), во

второй половине XVII – начале XVIII вв. у астраханских татар появилось и несколько других «аулов», в которых они уже жили постоянно (Три протоки/Джамине, Солянка, Татарская Башмаковка/Кызан, Яксатово/Майлекуль, Бусдамгуль/Колаково, Машаик/Кызан, Каргалик) [Исхаков, 1992, с.15–16]. Скорее всего, казанские татары появились в г. Астрахани уже в XVII в. В 1702 г. в городе отмечены 260 ясажных из «казанских татар», часть которых к 1719 г. в пределах г.Астрахани населяла Казанскую слободу, являясь мещанами и занимаясь торговлей [Исхаков, 1992, с.17]. Следует также отметить, что за городом Астрахань имелся особый гостиный двор, где жили приезжие купцы «тезики», «персидские купцы», «индийцы», отмечающиеся с 1579–1581 гг. А.Олеарий указывает, что там жили «персияне» и «индийцы», а также «бухарцы» [Исторические, 1936, с.69]. Из этих групп сложились жители двух торговых слобод («дворов») – Бухарского и Гилянского, затем и Агрыжановского («индийского»), население которых постепенно смешалось с юртовскими татарами и было ассимилировано ими [Исхаков, 1992, с.13].

Значительные изменения в расселении татар во второй половине XVI–XVII вв. произошли и в центральных районах бывшего Казанского ханства – на территории Свияжского и огромного Казанского уездов. Прежде всего татары (в этих уездах в основном жили казанские татары) были оттеснены на 30–40 км от Казани, а также на 15–20 км от крупных рек [Татары, 1967, с.13]. Это было связано с тем, что земли татарских феодалов, многие из которых были убиты в боях, часть бежала, передавались русским служилым людям, которые на эти земли переселяли русских крепостных. Как установлено исследователями, в течение первых 15 лет после падения Казани русская колонизация охватила 206 селений и 60 пустошей, ранее находившихся у татар [История ТАССР, 1986, с.103–104]. Резко сократилась численность татарского населения г. Казани: по переписи 1565–1568 гг., в посаде города насчитывалось всего 40 дворов «новокрещен», «толмачей» и служилых татар. Основная масса оставшихся в городе татар (не более 1 тыс. человек) была высе-

лена за р. Булак, где образовалась отдельная Татарская слобода [Исхаков, 1982].

Частью колониальной политики стало наступление на права мусульманского населения: в 1555 г. в Казани была учреждена епархия во главе с архиепископом с целью обращения в православие всего нерусского населения Среднего Поволжья. Разными путями (экономическое давление, угроза потери службы и т.д.) во второй половине XVI–XVII вв. небольшая группа татар была обращена в христианство [История ТАССР, 1986, с.104, 112–113]. Группа «новокрещеных» появилась и в г. Казани. Усилилось строительство в Казанском крае монастырей, в XVII в. ставших крупными феодальными латифундиями, также занимавшими земли татар. Прямой экономический гнет XVII в. приобрел новые масштабы в XVII в.: во второй половине этого столетия, например, в Волго-Камье количество земли на душу населения уменьшилось, а платежи и натуральные повинности существенно увеличились [История ТАССР, 1986, с.115]. Одновременно колонизация края русскими переселенцами в XVII в. резко возросла. Именно поэтому к началу XVIII в. в Казанском уезде численность русского населения стала превышать численность представителей других народов. На 191 тыс. «иноверцев» (мужчин) в 1719 г. (по I ревизии) в уезде приходилось уже более 200 тыс. русских [РГАДА, ф.350, оп.3, ед.хр.1148, л.832].

Кроме активного сопротивления татар национально-колониальному гнету (о чем свидетельствует их участие в многочисленных восстаниях второй половины XVI–XVII вв.), существовала и пассивная форма сопротивления – бегство в малоосвоенные или недостаточно контролируемые властями районы. Татарское население вынуждено было мигрировать и из-за нехватки земель, в т.ч. участвуя в правительственной колонизации новых территорий (Закамья, некоторых районов Приуралья).

В Предволжье (в Свяжском уезде) во второй половине XVI в. татары занимали в основном те же территории, что и ранее. Однако они несколько отошли от прилегающей к Волге зоны и от района г. Свяжска [СПС 1565–1567]. Южнее г. Тетюши до середины XVI в. находились ногайские коче-

вая – по данным за 1574 г., под Тетюшами по речке Имелке находились старое селище и поляна, бывшая «ногайскими станами» [Перетяткович, 1882, с.69]. И там земледельческого населения практически не было. Но в 90-х гг. XVI в. местность около Тетюшской крепости уже была укреплена засекой (Тетюшская засека шла вдоль р. Кильня, далее к северу к Тетюшам, упираясь в р. Свяга [Лебедев, 1980, с.29]). В начале XVII в. в районе рек Кильня, Цильна и Беденга имелись «рыбные ловли, бобровые гоны и всякие угодия» татар Свяжского уезда, считавшиеся вотчинами их дедов и отцов, которыми они владели, по меньшей мере, с последней четверти XVI в. В результате, по дозорным книгам 1619 г., известно, что земли в 5–20 верстах от Тетюш были заселены переселенцами из Цивильского и Свяжского уездов, в т.ч. и татарами [Перетяткович, 1882, с.28]. В северной части Симбирского уезда были основаны 8 татарских деревень: Б. Тарханы, Верх. Тарханы, Беденьга и др. На территории этого уезда встретились два потока татарских мигрантов – переселенцы из районов проживания татар-мишарей и выходцы из Свяжского уезда, где в основном жили казанские татары.

Под давлением усиливающейся русской колонизации во второй половине XVI в. татары из Заказанья выселялись в разных направлениях. В это время в глубине этнических территорий марийцев за счет выходцев из северных районов Заказанья сформировалась группа параньгинских татар [Исхаков, 1995, с.271]. Не позднее 1583 г. Багиш мурза Яушев начал собирать ясак с «волости Терся» в бассейне р. Иж с центром в д. Терся [ГАКО, ф.170, оп.1, ед. хр.32, л.24]. Яушевы получили эти земли не позднее 1562 г. С этой волостью были связаны и другие татарские селения (Ст. Аккузино, Кучуково, Назярбаш, Агрыз), возникшие во второй половине XVI – начале XVII вв. при участии нукратских татар. Первоначально же Яушевы жили, скорее всего, в Заказанье [Ахметзянов, 1991, с.48–49]. Жившие в с. Нукрат (Карино) Вятской земли (с начала XVII в. – Хвалынский уезд) татары с начала XVII в. стали переселяться в верховья р. Чепца, где образовалась верхочепецкая подгруппа нукратских татар [Мухамедова,

1978, с.14]. В 1610–1620-х гг. выходцы из с. Нукрат поселились в д. Служилый Ур Казанского уезда [Бурганова, 1985, с.43]. Еще раньше представители этой группы появились в бассейне р. Иж. Например, к 1598 г. относится основание нукратскими татарами, очевидно, переселившимися к своим сородичам Яушевым, таких селений как, Рысово, Чишма, Б. Варзи и др. [Марданов, Хадиев, 2003]. «Гулящие каринские татаровья» там отмечаются и в 1642 г. В 1649 г. «каринские татары» жили уже в д. Варзи Уфимского уезда [ГАОО, ф.96, оп.2, ед. хр.42, л.434]. Часть из них поселилась в деревнях Усть-Салауш и Гулшерма [РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 «В», л.77; ГАОО, ф.96, оп.2, ед.хр.42, л.445]. По мнению Д.Б.Рамазановой, представители этой же группы участвовали в формировании еще нескольких деревень: Рысово, Ишмаметево, Алтыбаево, Баубеково, Кабан и Мушуги [Рамазанова, 1990, с.26]. Последние два селения находились за р. Камой. Упомянутая в грамоте от 1685 г. д. Кучуково, находившаяся рядом с вышеперечисленными селениями, также была заселена нукратскими татарами. Да и другие деревни по соседству могли быть основаны ими же [Мухамедова, 1978, с.11]. В 1651 г. в бассейне р. Иж известны еще деревни Тураево, Ахтеево, Шинар, Енгельдино, также, скорее всего, заселенные татарами [РГИА, ф.1350, оп.56, ед. хр.563, ч.2 «В», л.77]. Из ранних татарских селений бассейна р. Иж можно отметить деревни Деветерня, Кудашево, Кадрали, Табарли, Сукман, Ямурзино, Кадыбаш, существовавшие уже в XVI в. [Марданов, Хадиев, 2003]. В 1670–1680-х гг. по соседству с д. Терся известны еще 6 татарских деревень [Исхаков, 1993, с.271]. Как мы уже отмечали, территория, прилегающая за р. Вяткой к р. Каме (в районе г. Елабуги), была заселена тюрко-татарскими группами еще в период Казанского ханства. Часть этого населения называлась и «башкирами». Так, в 1635, 1642, 1650 гг. в документах упоминаются «башкирцы» Байлярской волости д. Салауш. Хотя в начале XVII в. там фиксируются нукратские татары [Марданов, Хадиев, 2003, с. 102]. Кроме того, в 1650 г. отмечаются деревни Толбаево, Кулканово и Декуково из той же волости (два последних селения на-

ходились за р. Камой). Не позднее 1630-х гг. соседями байларцев были представители «башкирской» Еланской и Енейской (Тогузской) волостей [Исхаков, 1993, с.271].

Западное Закамье. В исторических работах неоднократно высказывалось мнение о существовании в середине XVI в. постоянного татарского населения в Западном Закамье [Чернышев, 1971, с.280–281; Насыров, 2007, с.32–52]. Однако, учитывая вхождение этой зоны в ареал сезонных кочевков Ногайской Орды [Исхаков, 1995, с.264], проживание на рассматриваемой территории земледельческого населения в период Казанского ханства весьма проблематично, можно допустить лишь временное пребывание там отдельных групп татар, посещавших свои бортные и иные «ухожаи», а также охранников гробниц [Исхаков, 1995, с.264; Насыров, 2007, с.26–64].

Начиная со второй половины XVI в. Западное Закамье постепенно начинает осваиваться разными группами переселенцев, но первоначально, до строительства Закамской засечной линии в 1652–1656 гг., эти переселения еще не были массовыми. Уже в 70-х гг. XVI в. в районе устья р. Черемшан, в бассейне р. Майна татары имели бортные уголья и бобровые гоны. В 1589 г. новокрещеный князь Яков Асанов бортные ухожаи по р. Майне сдал «на оброк» татарам (ясачным чувашам) Свияжского уезда. До середины XVII в. в данном ареале возникает целый ряд селений (Ст. Баран/Разяп, Ташбердино/Ташбилге, Ниж. Биктимирово, Ст. Балыккуль, Ямбухтино, Каюки, Ст. Салман, Ст.Юрткуль, Тат. Тахтала, Ст.Челны, Ст. Альметьево/Вожи (Табор), Б. Тиганы/Тигин, Азмер, Юкали/Ямансаз, Юкали, Другие Юкали, Куркузи/Крык-Куль, Камышино, Исляйкино, Мрася, Ромашкино, Саралан, Курнали, Балыкчино, Кызыл, Ошняк, Матак). На этом этапе из-за существования ногайской, затем калмыкской угрозы, татары старались селиться ближе к р. Каме, т.е. в северной и северо-западной частях Западного Закамья [Насыров, 2007]. В освоении этой территории участвовали как казанские татары (из Свияжского и Казанского уездов), так и служилые татары-мишари с правобережья р. Волги. Но со времени возведения Закамской засечной линии (она шла от устья

р. Б. Черемшан до устья р. Ик) с крепостями Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, Кичуев, Заинск, Мензелинск (см.: [Лебедев, 1980, с.89–92]), несмотря на то, что полной безопасностью жителей Западного Закамья не было – линия неоднократно пересекалась отрядами ногайцев, калмыков и башкир – возникли новые возможности для массовых переселений сюда татар, которыми в первую очередь воспользовались татары-мишари из Темниковского, Алатырского и Симбирского уездов [Насыров, 2007, с.73]. Так, в 1661 г. в Казанском уезде, «по Ногайской дороге за Каму реку» в д. Урень/Янтудино, была дана земля 19 «мещерякам», а к ним переселились татары из разных деревень Симбирского, Саранского и Свияжского уездов. В 1677 г. служилые мурзы Урманчеевы, ранее жившие на территории Алатырского и Чебоксарского уездов, переселились в бассейн р. Б. Толкиш, затем перебрались в деревни Кулбаево-Мраса, Камкино. Между 1670–1688 гг. служилые мишари переселились в деревни Исляйкино, Каргалы, Ст. Адам, Чердаклы. В начале 1690-х гг. из переселенцев Темниковского, Симбирского и Свияжского уездов образовалось еще 11 селений: Уренбаш, Ураево, Ертуганово и др. [Насыров, 2007; Исхаков, 1995]. Начиная с 1690-х гг. характер колонизации Западного Закамья начинает меняться – вместо переселений из других районов тут начинают преобладать внутренние перемещения населения [Насыров, 2007, с.89]. К тому же, после Соборного уложения 1649 г. служилые татары постепенно начали терять свои права, переходя в разряд низших слоев феодального сословия, когда только небольшой части из них удавалось сохранить наследственные титулы. Параллельно они теряли и ряд своих земельных владений, переходивших в руки русских помещиков [Насыров, 2007, с. 91–97]. В этих условиях служилые татары-мишари начали осваивать земли, находившиеся южнее Закамской заечной линии: между 1691–1716 гг. на новых территориях были расселены служило-татарские деревни Мамыково, Терняшево, Дияшево, Нов. Демкино, Киреметь, Новая Киреметь, Елтан, Амзя. К началу XVIII в. заселенная татарами часть Западного Закамья проходила по р. Шешма и далее к югу –

до верховьев р. Киязлы, где возникли новые селения: Кадеево/Тридцать Дубов (Утыз Имян), починок Ишметево, Аккузино (Ср. Тиганы). Тогда же был основан еще ряд селений, в основном засчет выселенцев-татар, в том числе ясачных, из существующих деревень [Насыров, 2007, с.97–120].

В итоге активных миграций татар в Западное Закамье в XVII – начале XVIII вв. там к началу XVIII в., согласно Ладратской переписи 1715–1716 гг., уже насчитывалось до 70 служило-татарских (главным образом, мишарских), ясачных и крещено-татарских деревень (подсчитано по: [РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр. 157]. В этом ареале, который к началу XVIII в. был уже полностью освоен переселенцами, встретились миграционные волны татар-мишарей (в их составе имелись касимовские татары, группы ногайцев из г. Романова) и казанских татар, когда создались условия для их взаимного сближения.

Восточное Закамье. Есть основания полагать, что в этой зоне во второй половине XVI в. продолжало жить тюркское население («башкиры», «татары» и «ногайцы»), сохранившееся с периода Казанского ханства и сосредоточивавшееся в низовьях р. Ик и р. Белой. Это было татаро-башкирское, иногда – «ясачно-чувашское» население Байларской, Булярской, Енейской, Юрмийской, Гирейской, Еланской, Саралы-Минской, Киргизской волостей [Исхаков, 1985; Исхаков, 1997; Шигапов, 2010; Шигапов, 2013]. Из-за слабой изученности истории заселения данной территории во второй половине XVII – начале XVIII вв. целостную картину формирования тюрко-татарских групп Восточного Закамья в изучаемый период представить затруднительно. Но имеющиеся данные позволяют, тем не менее, получить общее представление о миграции татар из Поволжья в указанную зону начиная со второй половины XVI в.

Уже в 1622 г. в бассейне р. Сюнь упоминается д. Вершина Мензели (Мензеля), населенная ясачными татарами, известными как «ясачные чувашаи» [Шигапов, 2013, с.332–337]. Они были переселенцами из Арской даруги Казанского уезда. Тогда же бобровые и куньи ловли имели «чувашаи» деревень Садик (Сардик?) и Озала Арской даруги «за Камою... по Ик речке да по Сень

(Сюнь) речке», где отмечен и «чувашиенин» из д. Кугарчино Ногайской даруги Казанского уезда [Шигапов, 2013, с.331]. Из ряда документов видно, что «бобровые ловли» некоторых служилых тархан из последней деревни «за Камою речкою по Кинель речке» имелись еще в 1613 г. [Исхаков, 1995, с.272; Исхаков, 2003, с.67]. Любопытно, что указанные тарханы (фамилия их – Монашевы) в д. Кугарчино Ногайской даруги Казанского уезда владели поместьями, а вотчины их находились в районе р. Кинель «со всеми впадающими малыми реками». Познее именно тут фиксируется «башкирская» Кыпчакская волость. Очевидно, мы в данном случае имеем дело с населением ногайского происхождения. По Казанской даруге Уфимского уезда в 1658 г. фиксируется д. Тынламас, население которой именуется «ясашными бобыльями», будучи в реальности «ясачными татарами» из «ясачных чуваш» [Шигапов, 2010, с.139; Шигапов, 2013, с.304, 330]. На территории Киргизской волости Казанской даруги Уфимского уезда один из тарханов в 1689–1691 гг. просил выделить ему земли по р. Самаре (от «Кинельского сырта, по обе стороны речки Юшады»), которыми до 1615 г. владел «чувашиин» из д. Ачи Арской даруги Казанского уезда [Шигапов, 2010, с.137]. Такая территория, где казанские татары пользовались за Камою «зверинными ловлями» и «бортными угодиями», в 1631 г. имела и западнее рассматриваемой зоны, где хозяйничали «чуваши» д. Парау (Пероу) Ногайской даруги Казанского уезда [Насыров, 2007, с.62], поэтому приведенное выше сообщение заслуживает доверия. По жалованным грамотам видно, что часть жителей Байларской волости Казанской даруги происходила не позднее 1658 г. от «ясачных чувашей» д. Балтачевой Зюрейской даруги Казанского уезда, оказавшись затем в д. Тураево (1680 г.) [Исхаков, 1995, с.272; Шигапов, 2010, с.143]. В 1670-х гг. упоминаются ясачные татары д. Мушуги Булярской волости Уфимского уезда. Около 1680 г. эти земли были в общем владении у татарских деревень той же волости [Исхаков, 1995, с.272]. Население Саралы-Минской (центр – с. Саралы) волости, известной уже с 1581–1595 гг., в 1641 г. именуется «чувашиами», затем, в 1658 г. – «бобыльями», поз-

нее – «ясачными татарами» и «башкирами». Очевидно, это население берет начало с первой четверти XVII в. и связано с «ясачными чувашами» д. Сардык Арской даруги Казанского уезда, владевшими вотчинами по рекам Ик, Сюнь. С ними были связаны и жители д. Шахны, упоминающейся в 1677 г. [Исхаков, 1995, с.272; Шигапов, 2010, с.144]. В 1650 г. в д. Горный Байлар (Байларская волость) отмечены «мишари» [Рамазанова, 1990, с.24]. В 1673 г. в документах речь идет о переходе в башкирское сословие «бобылей» Табынской волости (Ногайская даруга) и ясачных татар, записанных в бобыльский ясак; то же самое произошло в 1677 г. с татаринном из упомянутой выше д. Тураево [Рамазанова, 1984, с.41–42]. Как видно из этих примеров, в Восточном Закамье представители башкирского сословия могли быть из тех же татар или тептярей татарского происхождения. В 1676 г. упоминаются кряшенские деревни Багряж и Ляки; жители последнего селения выселились из д. Юкачи, т.е. с правобережья р. Вятки [Мухаметшин, 1977, с.22–23]. В XVII в. было основано и с. Акбаш (совр. Бавлинский район РТ) [Ахметзянов, 1991, с.65, 89–90; Давлетбаев, 1986; Шигапов, 2013, с.34]. Но переселенцы XVII в. все еще стремились осесть под защитой Закамской черты, ибо, как уже говорилось, сохранялась опасность нападения кочевников на эту территорию.

Со второй половины XVI в. начинается миграция татар в Среднее Приуралье, где татары и их этнический компонент – «остяки» (иштяки), жили и ранее в бассейнах Сылвенско-Иренского междуречья, в районах р. Тулвы, верховьях рек Уфы и Чусовой. Относившиеся к Чердынскому и Соликамскому уездам названное население Сылвенско-Иренского междуречья затем стало входить в Кунгурский уезд, а входившие с конца XVI в. в Осинский уезд с 1653 г. стали числиться по Осинской даруге Уфимского уезда. Татары (иногда башкиры) верховьев рек Уфы и Чусовой с начала XVII в. оказались в Верхотурском уезде. Согласно писцовой книге 1623–1624 гг., «сылвенские и иренские остяки и татары» жили в 67 юртах в двух «улусах» – Карьевом и Рожинском. По переписи 1678–1679 гг., в Кунгурском уезде татары (термин «остяки» уже не

упоминается) жили в 251 «юрте» (789 человек). По данной переписи, в Кунгурском уезде отмечаются 42 татарские деревни: Байсино, Усть-Турки, Ст. Карьево, Щелканка, Большой Ашап и др. Татары в ряде документов отмечаются и в бассейне р. Тулва (в 1618, 1619, 1620 гг.), в 1668 г. – в д. Барда, в 1696 г. – в д. Сардаш и в д. Елпачиха. В 1611 г. «таныйбские ... ясашные татары» фиксируются в районе притока р. Тулва р. Таныпе. Это же население упоминается в д. Танып в 1666 г., но уже как «башкиры». В XVII в. жившие недалеко от г. Перми (в деревнях Кояново и Култаево) «башкирцы» неоднократно назывались в документах татарами. Этнически близкие к татарам Кунгурского уезда группы жили по меньшей мере с начала XVII в. в верховьях рек Уфы и Чусовой – это упейцы, терсяки, сызгинцы и кущинцы – они были тогда известны как «остяки», «башкиры» и «татары». В районы проживания пермских татар во второй половине XVI–XVII вв. шла миграция татар из Среднего Поволжья (были даже переселения из Касимовского уезда). Имелись выходцы и с территории Уфимского уезда: с 1691 г. мигранты оттуда – мишари основали д. Б. Ока [Исхаков, 1995, с. 273].

Одновременно татарами начала осваиваться и территория собственно Южного Приуралья, т.е. основная зона Уфимского уезда (существует с 1586 г.). При этом переселения сюда татарского населения из Среднего Поволжья были двух видов: а) в составе государственной колонизации (служилые татары); б) крестьянская колонизация (прочие категории татар) [Рамазанова, 1984, с.51].

Служилые татары, преимущественно из мишарей, участвовали уже в основании русского г. Уфы в 1586 г., где татары упоминаются и в составе жителей этого города в 1591–1592 гг. Об отправлении в 1598 г. служилыми мишарями «казацкой» службы во вновь построенном г. Уфе сообщается в ряде документов. Из источников выясняется, что в XVII в. призыв «мещеряков» на службу «по городу Уфе с тутошними дворянами и «иноземцами», наблюдался несколько раз (в 1659, 1686, 1695 гг.). В 1699 г. в Уфимском уезде этих «служилых мещеряков» насчитывалось 748 человек (взрос-

лых мужчин), и они были «разделены по волостям... башкирским и поселением на землях, занятых ими после... бежавших ногайцев» [МИБ, 1960, с.574]. В конце XVI–XVII вв. это население сосредоточивалось на северо-западе Уфимского уезда (в XVII в. в источниках упоминаются 16 мишарских деревень: Тупеево (1620 г.), Янагушево (1667 г.), Тюрюшево (1680 г.), Султино (1689 г.) и др.

О сосредоточении мишарей до начала XVIII в. на северо-западе Южного Приуралья говорят и другие факты. Так, по переписи 1720 г. «служилых мещеряков» Уфимского уезда, из 41 их деревни 39 находились на северо-западе Уфимского уезда (34 – в Осинской и 5 – Казанской даругах). Всего насчитывалось 380 дворов служилых мишарей, да еще утаенных было 111 [Рамазанова, 1984, с.52]. В «Уведомлении о башкирских делах» кунгурского бургомистра Юхнева от 1725–1726 гг., «мещеряки» также указаны преимущественно «в Осинской даруге» [РГАДА, оп.1, ед.хр.993]. По переписным книгам 1722–1723 гг., мишари и служилые татары сосредотачивались в Осинской, Казанской и Сибирской даругах [РГАДА, ф.350, оп.2, ед. хр.178]. В первых двух даругах числилось 80 деревень, в последней – 39. По данным за 1735–1745 гг., это было уже около 1,5 тыс. дворов или годных к службе 5 тыс. человек, а «всех от старого до малого с двадцать тысяч» [Рамазанова, 1984, с.52]. Таким образом, к первым десятилетиям XVIII в. в Южном Приуралье уже имелось достаточно многочисленное служило-татарское (мишарское) население, образовавшее тут особую сословную группу «мещеряков» или «служилых татар».

Другой крупной группой мигрантов в Южном Приуралье были татары – выходцы из Свяжского и Казанского уездов. Вначале, как было показано выше, они осваивали территорию Восточного Закамья (низовья р. Ик). Затем с начала XVII в. татары появились и выше по течению р. Ик. Так, в 1627 г. «казанский чувашенин» (татарин) Максют Ураков из д. Бирсют (Зюрейская даруга Казанского уезда) имел вотчину «вверх по Ику» [Исхаков, 1995, с.274]. В первой четверти XVII в. известна татарская д. Ильбахтино, жители которой позже «сошли на

Ик» (на новое место по р. Ик). Правда, жизнь в этих краях в первой половине XVII в. была еще небезопасной: в 1648 г., например, на месте, где Закамская линия выходила на р. Ик, калмыки захватили «чувашей» Казанского уезда. Казанские татары в начале XVII в. проникли и в северо-западную часть Уфимского уезда (прежде всего, в низовья р. Белой, Сюни и в бассейн р. Таныпа, т.е. на территории Казанской и Осинской даруг). В 1620 г. «новокрещенный чуваш» (татарин) Зюрейской даруги Казанского уезда получил «вотчину из оброку за Камою рекою по речке Таныспу (Таныпу. – *Д.И.*) по одной стороне». В 1629 г. «чуваш» (татарин) д. Карабаевой Терегул (Казанский уезд, Зюрейская даруга) продал «вотчину свою бортные уожьи... ловли... в Уфимском уезде». В 1650 г. на землях башкир Дуванейской волости упомянуты несколько деревень служилых татар, мишарей и ясачных крестьян [Исхаков, 1995, с.274]. К середине XVII в. на территории Уранской волости насчитывалось до 40 деревень припущенников, в т.ч. и татар [Рамазанова, 1985]. Документ за 1658 г. содержит данные о жителе д. Урмеде Казанской даруги «бобыле» Ишейке Уразлине. Ясачные татары д. Кырканлы Дуванейской волости упомянуты в 1682 г. Татар в 1689 г. «припустили» башкиры д. Кулюшли Дуванейской волости. В 1679 г. вотчинник Кыр-Иланской волости Казанской даруги сдал «свою вотчину в Сюнских вершинах промеж речек Шатлык и Шарану» бобылям (очевидно, татарам) деревень Каракул и Аишево. В 1691 г. была заселена татарами д. Ильмурзино, а в 1693 г. отмечается татарин д. Полского Кыргызу (Казанская даруга). Имеются и другие материалы о заселении татарами в XVII в. Уфимского уезда. Так, в XVII в. этом уезде было основано не менее 51 селения татар-тептярей (подсчитано нами по: [Давлетбаев, 1986, с.85–155]). По позднейшим уездам Уфимской губернии они распределялись так: в Бирском – 35, в Белебеевском – 14, в Уфимском – 2. Причем 14 из них возникли в первой половине XVII в., остальные – во второй. Приведенные сведения, конечно, неполные: они касаются только тех населенных пунктов, о которых сохранились письменные источники. Но даже эти сведения достаточно красно-

речиво свидетельствуют о масштабности переселенческого движения татар в XVII в. в Южное Приуралье.

Миграция в Южное Приуралье из «внутренних» губерний серьезно беспокоила правительство: в 1649 г. указом царя Алексея Михайловича было запрещено переселяться в Уфимский уезд из внутренних губерний, а также приобретать башкирские земли переселенцами и отдавать их им в аренду. Тем не менее, миграция в Уфимский уезд, в т.ч. татар, продолжалась.

Из мигрантов-татар Казанского и Свияжского уездов во второй половине XVI–XVII вв. постепенно формировалась многочисленная сословная группа тептярей и бобылей (в эту группу входили и представители других народов Поволжья). Как мы уже видели, численность представителей этой группы была значительной в Уфимском уезде уже в 1631–1632 гг. Естественно, что из-за продолжающейся миграции татар из Среднего Поволжья численность представителей тептяро-бобыльской группы должна была в дальнейшем увеличиться. Например, в 1678 г., по данным уфимского воеводы В.Хитрова, были «сысканы» 649 человек, «которые живут... дворами... и помогают башкирцам в ясаке, а денежного и куничного ясаков не платили...». Да еще обнаружилось 623 «безьясачных бобыля», которые «отделились и живут дворами» [История, 1937], но к началу XVIII в. на самом деле численность дворов тептяро-бобыльской группы, внесенных в переписную книгу 1718–1724 гг., составила лишь 3774 двора. Даже если иметь в виду, что часть тептярей и бобылей не была учтена при этой переписи [Васильев, 1958, с.132], снижение численности дворового числа представителей рассматриваемой группы необходимо объяснять, как нам думается, тем, что это было связано с переходом их в сословную группу башкир.

В целом, татары-переселенцы во второй половине XVI–XVII вв. в Уфимском уезде поселились преимущественно в его северо-западной части. По нашим подсчетам, в начале XVIII в. 74% тептярей из татар расселялись на территориях Казанской и Осинской даруг, т.е. на северо-западе Уфимского уезда (подсчитано по: [РГАДА, ф.350, оп.2,

ед. хр.1644]). Они, таким образом, оказались там, где жили близкородственные им группы «башкиры». Как в Среднем Приуралье (в Кунгурском уезде), так и в Южном Приуралье (на северо-западе Уфимского уезда) пришлые татары вошли в теснейшие этнокультурные связи с местным населением.

В конце XVI – начале XVII вв. татары из Среднего Поволжья появились в Зауралье – в районе крепости Мехон (детальнее см.: [Юсупов, 1979]). Это были служилые татары из Казанского и Свияжского уездов. По документам 1684 г. и 1693 г. известно, что они являлись «беломестными казаками по Мехонской слободе» и указывали, что «прадеды... и деды... служили конную службу». По-видимому, получившие позже наименование ичкинских татар, они были из «служилых мещеряков» [ГАОО, ф.6, оп.4, ед.хр.8799, л.1–2; Исахов, 1993, с.49–50]. Переселение их в Зауралье, скорее всего, было связано с крупным походом Московского государства против Сибирского ханства в 1585–1586 гг. и может рассматриваться как начало движения волго-уральских татар в Западную Сибирь – в завоевании Сибирского ханства, как видно из документов за 1588 г., участвовали

и каринские, т.е. нукратские татары из Арских князей [Исахов, 2010, с.89], возможно там оставшись. Хотя не исключено и перемещение этих служилых татар «из Казани», скорее всего из Казанского уезда, в ходе основания острогов Усть-Миасс и Исецк в 1650 г. [Исахов, 1993, с.50].

Вообще, начиная с первой четверти XVII в. из Верхотурского уезда, где «верх Чюсовой реки» жили «верхние терсяки», «упейцы» (население Уфимской волости), «шигирицы», иногда называемые и «башкирами», но чаще – «татарами» (они были выходцами из западной части Среднего Приуралья из среды кунгурских татар, гайнинских «остяков»), часть населения начала переселяться в 1630 г. в Тюменский уезд, а часть – в 1633 г., а также в 1641–1648 гг., в более южные районы Уфимского уезда [Долгих, 1960, с.21, 23–25, 42; Томилов, 1981, с.18–35; Исахов, 1990б, с.17–19]. Этих переселенцев, оказавшихся в Тюменском уезде, надо считать ранними мигрантами в этническую среду сибирских татар. Существовало в этот период и обратное движение татарского населения из Западной Сибири в Среднее Приуралье [Долгих, 1960; Томилов, 1981].

§2. Народы Волго-Уральского региона

1. Русское население Среднего Поволжья в XVII – XVIII вв.

Гузель Столярова

Средневожский регион – территория автохтонных финноязычных (мари, удмурты, мордва) и тюркоязычных (татары, башкиры) этносов – изначально находился в непосредственном соседстве с областями расселения и ранних славян, и позднее сформировавшегося русского населения. Поселения славян на Волге обнаруживаются как в болгарскую эпоху, так и в период Казанского ханства; массовое же появление русского населения в регионе происходит со второй половины XVI в. и охватывает более чем три столетия. Источники для изучения русского населения Среднего Поволжья дореволюционного периода малочисленны и не системны. Особую ценность представляют документы статистического учета, появившиеся в крае со второй половины

XVI в., – писцовые книги различных уездов, а также более поздние материалы, среди которых – «Ведомость о наместничестве Казанском» (1781), «Списки населенных мест Российской империи» по губерниям (с середины XIX в.) и ряд других.

XVII и XVIII столетия – период активной колонизации русским населением средневожского региона. После аннексии в середине XVI в. Русским государством Казанского ханства первоочередной правительственной задачей стало закрепление вновь присоединенных территорий, для чего была организована раздача земель монастырям, служилым людям и крупным землевладельцам. Южной границей русских поселений в конце XVI в. на левобережье была Кама, а на правобережье – линия,

идущая от г. Тетюши к р. Суре. Тогда же от г. Тетюши была проведена «засака», которая тянулась в длину на 10 км до р. Свяги и имела ширину 8 км. На востоке укрепленная линия доходила до Волги. У Свяги Тетюшская засака соединялась с ранее построенной укрепленной линией, шедшей на Алатырь и Темников. В районе г. Тетюши в конце XVI в. появились русские населенные пункты: с. Федоровское (где в 1599 г. была построена церковь), с. Шеланга, с. Антоновка, получившее свое название от выходца из Свяжска Антона Савельева. К югу от широты Камского устья русских селений в XVI в. почти не было. Исключение представляют города Самара, Уфа, Саратов и некоторые небольшие поселки временного значения. На севере и западе русские селения концентрировались только вокруг городов, по берегам рек. Так, в Марийском крае, позднее большей частью вошедшем в состав Казанской губернии, во второй половине XVI в. были основаны города-крепости Кокшайск (1574 г.), Козьмодемьянск (1583 г.), Царевококшайск (1584 г.), что потребовало привлечения русского населения, расселявшегося вокруг них. Старейшими русскими населенными пунктами, основанными в XVI веке и сведения о которых есть в архивных документах, являются села Троицкий Посад и Покровское (совр. Горномарийский район Республики Марий Эл). С.М.Михайлов отмечал: «Русское племя начало селиться в Козьмодемьянском уезде с первой половины XVI столетия... Первые поселившиеся здесь русские были стрельцы и однодворцы, основавшие свое жительство на том месте, где ныне расположен город Козьмодемьянск для удержания в повиновении горных и луговых инородцев... Когда же утвердились здесь стрельцы и однодворцы, к ним стали переселяться из России и другие, преимущественно из Нижегородской губернии» [Михайлов, 2004, с.244–246]. Русские поселения середины XVI в. положили начало формированию особой социальной группы крестьян Среднего Поволжья – русских ясашных крестьян.

Заселение Поволжья в XVII в. В XVII в. отмечается неуклонное и более интенсивное

расселение русских в центральных и южных районах Среднего Поволжья, на Востоке, а также в закамских землях. В XVII в. в деле колонизации Среднего Поволжья большую роль стали играть служилые дворяне, которые, начиная с середины XVII в., захватили обширные, к этому времени хорошо защищенные пространства центральной части Среднего Поволжья.

Колонизационную деятельность вели и монастыри. Они, с разрешения правительства, заинтересованного в освоении края, а часто и без его разрешения, захватывали новые площади пахотных земель, сенокосных угодий, лесов. В 1606 г. Троицко-Сергиевскому монастырю царь пожаловал земли, леса, луга и рыбные ловли на Волге и р. Курмышке [ПСЗ–1, т.2, с.246–249]. В 1614–1620 гг. Курмышский Богородицкий монастырь на основе царских жалованных грамот захватывает обширные пространства по Суре и ее притокам [Смирнов, 1947, с.215]. В период 1626–1687 гг. Алатырский Троицкий монастырь захватил мордовские земли, рыбные ловли и бортные ужожи на р. Суре [Очерки Мордовской АССР, 1955, с.108]. В конце XVII в. Чебоксарский Преображенский монастырь завладел землями в Туруновской волости Чебоксарского уезда. В 1655 г. игумен Костромского монастыря получил за Камой земли, которые он «с брати его обыскал в Казанском уезде на Волге против города Симбирска вниз по Волге» [Перетяткович, 1882, с.253]. Плодородные земли по рекам Утке и Майне были дарованы «патриарху Московскому и всея Руси». В заволжских лесах, в местах расселения нерусских народов, возникли крупные монастыри: Раифская пустынь (1613 г.), Елабужский монастырь (1616 г.), Седмиозерная пустынь (1625 г.) и др. Все они получили огромные земли. Седмиозерная пустынь, например, в 1678 г. владела 230 десятинами пахотной земли, 219 десятинами покосов и лесных угодий в длину на 18 верст [История ТАССР, 1955, с.166].

В XVII в. монастырская колонизация проникла в южные районы Среднего Поволжья. Большая роль в этом отношении принадлежит московским монастырям.

В 1606 г. московский Чудов монастырь получил от правительства право рыбной ловли «по реке Волге, ниже Самарской Луки, в Самарских тихих водах, от Черного затону вниз по Волге на 45 верст, до устья Елань-Иргиз» [Наякшин, 1955, с.44].

К 80-м гг. XVII столетия относится основание с. Архангельское (Сосновка, совр. г. Хвалы́нск), которое являлось древнейшим сельским поселением на Волге в пределах Саратовского края [Герасимов, 1923, с.267]. Первыми поселенцами были крестьяне, переведенные из подмосковных монастырских вотчин, а также беглые из Казанского и Нижегородского уездов. В самом конце XVII в. здесь возникли крупные села: Малыковка (совр. г. Вольск), Терса, Березняки и Воскресенское, в которых поселились крестьяне из Подмоскovie и из северных районов Среднего Поволжья. Жители с. Терсы, например, переселились из Тетюшского уезда Казанской губернии [там же, с.268].

В XVII в. в Среднем Поволжье строились новые города, слободы, засечные и сторожевые укрепленные линии. В 1648 г. начинаются работы по строительству Симбирской укрепленной черты и города Симбирска. Новая оборонительная линия начиналась от Симбирска и шла на юго-запад, соединялась с корсунской засекой и оканчивалась Инсарским острогом (совр. г. Инсар Республики Мордовия). На протяжении 260 км было сооружено 8 острогов, укрепленных по всем правилам военного дела того времени. Для заселения вновь построенной защитной полосы царское правительство переводило людей как из близлежащих к черте районов, так и из отдаленных областей России. Сюда поселили русских людей из Лаптева, Арска, Казани. Некоторые близко расположенные деревни (напр., с. Федоровское около Тетюш) целиком переводились на постоянное жительство в район укрепленной линии. Здесь селились и нерусские народы – татары, чуваша, мордва. В районе укрепленного города Симбирска возникли слободы: Тетюшская, Теньковская, Сельдинская, Карлинская, Уржумская, Арская и др., что указывает на места, откуда переселялись

жители. В 1656 г. строительство укрепленной Симбирской линии было закончено, и правительство сделало новый шаг к продвижению дальше на юг. В 1666 г. основывается Сенгилеевская слобода, от которой к Симбирску шел укрепленный вал. Сенгилей быстро превращается в крупный оборонительный пункт, призванный охранять волжские рубежи от набегов кочевников. В 1683 г. южнее Сенгилея, на расстоянии около 130 км от Симбирска, на месте мордовских бортных ухожеев, построили новый укрепленный город – Сызрань. Город был включен в новый оборонительный рубеж, шедший от села Усолье, расположенного в основании северной части Самарской Луки, к Печерской слободе (у основания южной части Самарской Луки, в районе Переволок), откуда к г. Сызрани и по р. Сызранке в направлении к Пензе. В этом же году рядом с Сызранью возник укрепленный город Кашпир (совр. небольшое село Сызранского района Самарской обл.), заселенный служилыми людьми, стрельцами с Корсунской и Симбирской засечных линий, а также и более северных мест.

В XVII в. укрепленные линии строятся и в левобережных районах Среднего Поволжья. До XVII в. закамские земли оставались фактически неприсоединенной окраиной Руси. Здесь кочевали калмыки, ногайцы, башкиры. Их непрерывные набеги на возникавшие поселения являлись серьезным препятствием к хозяйственному освоению территории. В закамские земли уходили нерусские народности, спасаясь от жестокой русификаторской политики. Татары, например, получившие здесь наименование тептярей, заселили весьма большие территории восточных районов Закамья. Кама на протяжении второй половины XVI и начала XVII вв. была рубежом, за которым русских поселений почти не было. Однако хорошие черноземные почвы, прекрасные заливные луга манили на юг наиболее предприимчивых русских людей.

К середине XVII в. правительство было уже заинтересовано в поселениях за Камой. Ухудшение качества земли в районах, издавна используемых в сельском хозяй-

стве, уменьшение урожайности, а вместе с тем и уменьшение возможности сбора с крестьян различных налогов и поборов вызывали у правительственных чиновников тревогу. Хлебные недороды отмечались в Казанском, Свияжском и Тетюшском уездах, и поэтому в первой половине XVII в. крестьяне стали селиться на свой страх и риск «подле Камы реки на Уфимской стороне» [Перетяткович, 1882, с.118]. Постепенно число русских поселений увеличивалось, и за Камой к 40-м гг. XVII столетия возникают целые группы русских деревень. В середине XVII в. в закамских землях возникают Мензелинский, Шешминский, Ахтачинский и другие сторожевые пункты. Они заселялись служилыми людьми, которые набирались из различных областей Руси. Писцовые книги середины XVII в. перечисляют поселившихся здесь крестьян: «елабуженин», «сарапулец», «лаишевец», «уржумец», «ветлужанин», «двинянин», «ярославец» и пр. (что свидетельствует о прежнем жительстве новых поселенцев).

Увеличение русского населения в закамских землях вызвало необходимость создания надежных укреплений. В 1651 г. правительство принимает решение о строительстве ряда оборонительных сооружений в виде Закамской укрепленной черты. Строительство Закамской укрепленной линии началось с лета 1652 г. Работы шли одновременно на огромном протяжении от Волги до Ика, и по мере сооружения укрепленной линии заселялась преимущественно русскими служилыми людьми. В 1656 г. Закамская укрепленная черта была готова. На расстоянии 250 км от Белого Яра на Волге и до Мензелинска возникла непрерывная укрепленная линия в виде лесных засек, надолб и других оборонительных сооружений.

Строительство укрепленных линий в XVII в. в известной степени обезопасило территорию и дало толчок интенсивной как помещичьей, так и вольной колонизации. Обширные плодородные земли в Среднем Поволжье в XVII в. жаловались дворянам, детям боярским, служилым людям, которые переводили на них своих крепостных крестьян из центральных русских областей.

По переписным книгам 1646 г., в Казанском уезде насчитывалось 334 поместья русских служилых людей и 154 поместья служилых новокрещенных мурз и татар [История ТАССР, 1955, с.166]. Все они имели большое число зависимого населения (крепостных крестьян, бобылей, холопов). Помещики не довольствовались землями, жалованными им правительством, и бесцеремонно захватывали уголья, принадлежащие местному крестьянскому населению, объявляя их «порозжими» и «дикими полями». В одной из грамот на имя царя в XVII в. читаем: «Ведомо Великому государю учинилось, что Арзамасского и Алаторского уездов и всех низовых городов у ясашных людей и у татар, и у чуваш, и у мордвы, а у иных иноязычных данников новокрещенных разных чинов люди из старинного их владения многие их земли, и леса, и иные всякие уголья завладели и населились насильством своим... а земли и всякие уголья... заселили своими крестьянами, назвав эти земли порозжими и дикими полями, и от такого утеснения иноверцы разошлись в разные места и ныне также бредут врозь» [Христофоров, 1884, с.41]. Об огромном росте помещичьего землевладения в Среднем Поволжье в XVII в. свидетельствуют многочисленные данные. В Казанском уезде, например, в середине XVII в. поместья служилых людей в количественном отношении увеличились в два с лишним раза [там же]. В Симбирском уезде в 1678 г. две трети всех деревень носили названия, образованные от фамилии помещика (Аксаково, Чириково, Чуфарово, Языково и др.) [Никонов, 1960, с.179, 184].

Помещики захватывали земли и в Закамском крае, надеясь на защиту укрепленных линий. В конце XVII в. в пределах Закамской черты количество помещичьих землевладений сильно увеличилось, помещики стали отбирать землю у ясачных татар, чувашей, мордвы [История ТАССР, 1955, с.176].

Большую роль в заселении Среднего Поволжья в XVII в. сыграли беглые крестьяне, бежавшие из разных внутренних областей Руси в поисках убежища от усилившегося помещичьего гнета.

Большой знаток Поволжья, писатель-этнограф П.И.Мельников-Печерский, писал:

«С XVII столетия в непроходимые заволжские дебри стали являться новые насельники... Беглые холопы, пашенные крестьяне, не смогшие примириться с только что возникшим крепостным правом, отягощенные оброками и податями слобожане, лишенные промыслов посадские люди, беглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистного им иноземного строя, все это валом валило за Волгу и ставило свои починки по таким местам, где до того времени человек ноги не накладывал... Тогда-то и сложилась пословица: «Нечем платить долгу – дай пойду за Волгу» [Мельников, 1956, с.308]. Имеется много исторических данных, свидетельствующих о поселении в крае беглых крестьян. Так, например, об основании села Алат (совр. Высокогорский район Республики Татарстан) сохранилось предание, что первыми поселенцами были беглые люди, основавшие здесь небольшую деревеньку, которая получила название от жителей соседних селений [Список, 1885, с.10]. Крестьяне, бежавшие от своих господ из Владимирщины, основали село Подберезье [Королев, 1887, с.4]. Предки крестьян крупного ныне села Сюкеево (совр. Камско-Устьинский район Республики Татарстан) жили во Владимирском и Ростовском уездах, откуда они убежали и поселились вначале в Свияжском уезде, но когда их там нашли, то они вновь бежали и поселились на месте их современного обитания.

Беглых крестьян на своих землях укрывали помещики и монастыри, заинтересованные в освоении своих обширных территорий.

Побеги крестьян тяжело сказывались на помещичьем землевладении центральных районов Руси. В грамоте на имя царя 1660 г. дворяне и дети боярские «разных замосковских городов» писали о том, что «люди наши и крестьяне от нас побежали в низовые города и в Нижний Новгород с товарищи и в Казань и в Казанские пригородки и в новые города по черте...» [АМГ, т.3, с.463]. Правительство неоднократно принимало меры к поимке беглых и водворению убежавших крестьян на прежние места. На Волгу посылались специальные люди для поимки убежавших крестьян,

предусматривались строгие наказания помещикам и духовенству, вплоть до снятия духовного сана, за укрывательство беглых и т.п. [АМГ, т.2, с.401]. Однако все эти меры не давали должного результата: «держание беглых крестьян практиковалось в широких масштабах» [Очерки истории, 1955, с.176]. Количество беглых в крае быстро увеличивалось. Это объясняется тем, что, с одной стороны, правительство было заинтересовано в освоении, и, следовательно, прочном закреплении Среднего Поволжья за Русским государством, а с другой – оно не могло портить отношения с крупными земельными собственниками, родовыми дворянами центральных областей – опорой правительства. Поэтому принятые законы не всегда выполнялись, и беглые оставались на новых местах.

Беглые крестьяне селились не только на землях, принадлежавших русским помещикам, но и на свободных, еще не захваченных территориях, часто вместе с ясачными татарами, чувашами, мордвой, входя с ними в тесное трудовое общение. В крае сильно увеличивается число смешанных в национальном отношении населенных пунктов.

Шли в Поволжье и «свободные», «охочие» люди (государственные крестьяне), оставшиеся по тем или иным причинам на своем прежнем местожительстве без земли или уходившие от сильно истощенных почв и низких урожаев. Они в Среднем Поволжье образовали в этот период большое количество русских селений. Так, о возникновении села Большое Фролово (совр. Буинский район Республики Татарстан) говорится, что в 1679 г. крестьянин «Фролка Ананьев и товарищи» исходатайствовал эти земли под поселение и основал деревню из семи дворов. Впоследствии сюда начали приходиться большими партиями крестьяне Нижегородского и других уездов [Памятная книжка, 1863, с.189]. В с. Шеланга поселились русские крестьяне из «разных мест». В с. Кандаля значились «сходны» из 22 различных уездов: Нижегородского, Симбирского, Владимирского, Можайского и др. Такими же «пестрыми» по составу жителей были села Грязнуха, Кремешки и многие другие.

В Среднем Поволжье было немало ссыльных. Крестьян ссылали из центральных областей в Сибирь, а местные помещики, нуждаясь в рабочей силе, перехватывали их, сообщая правительству об их побеге или смерти в пути. Так поступал казанский воевода Мамонин, заведовавший пересылкой арестантов в Сибирь. Им основано с. Сухая Река (недалеко от Казани), куда он поселял задержанных ссыльных крестьян. В некоторых случаях заключенных ссылали в Казань и другие поволжские города. В одном из актов Московского государства, относящемся к 1655 г., записано: «велено... тюремных людей из Калуги сослать в Казань, а тюремных сидельцев: смолянина Якушка, Матчевского рославцев – Митьку Лапкова, Максимка Максимова сослать в Астрахань» [АМГ, т.2, с.428]. В с. Юхмачи Спасского уезда сначала жили татары и чувашаи, а потом их заменили русские из ссыльных. В с. Ченчурино Тетюшского уезда поселились русские крестьяне, приговоренные к ссылке.

В пределах укрепленной части Среднего Поволжья расселялось и нерусское крестьянское население. Многие из них принимали непосредственное участие в строительстве оборонительных сооружений, а после завершения работ селились поблизости на отведенных им участках, ставя новые села и деревни. В первую очередь земли раздавались нерусским народностям, принявшим православную веру. Их селили вместе с ранее крещеными и русскими крестьянами. Много в этот период татар, чувашей, мордвы и других народностей из северной части Среднего Поволжья, оставшихся без земли вследствие захватов их помещиками, низких урожаев, усилившейся эксплуатации, уходили за Волгу в закамские земли.

Таким образом, к концу XVII в. русские заселили примерно половину территории, присоединенной к Русскому государству в середине XVI в. Основное направление колонизации в этот период было северо-западное, из центральных районов страны, с Верхней Волги. Значительное число переселенцев шло с севера и северо-востока. Многие селения по р. Вятке, а частично и по Каме населены выходцами из Вятского края

и из Перми [Перетяткович, 1882, с.113]. Но территория, расположенная к югу от укрепленных линий, даже к концу XVII в. по существу являлась незаселенной окраиной, «диким полем».

Среднее Поволжье в XVIII в. В XVIII в. продолжается расселение русских по территории Среднего Поволжья, где правительство продолжало раздавать дворянам обширные земли левобережья Волги и глубинных закамских районов в вечное пользование.

Местное население оказывало серьезное сопротивление расширению помещичьего землевладения в Закамье. Частые восстания башкир, набеги на русские селения калмыков, казахов создавали серьезные опасности и препятствия в освоении плодородных земель, использовании ценных природных богатств края. Много русских людей попадало в плен и продавалось на восточных рынках. Правительство принимало меры по дальнейшему укреплению южных границ. В 1702 г. строится новая укрепленная линия, которая пролегла значительно южнее первой. Она начиналась в 25 км к востоку от Самары (крепость Алексеевск), шла на северо-восток к Красному Яру и по реке Сок к Сергиевску, затем к Кондурчинской крепости и реке Черемшану. За селом Кичуй эта линия у Шешминска соединялась со старой закамской чертой. Длина новых укреплений равнялась 235 км. По линии были поселены служилые люди, основаны слободы, которые заселялись переведенцами из более северных районов, в том числе со старой закамской линии.

В 1736 г. начала строиться еще одна линия укреплений, проходившая от Самары на юго-восток к Оренбургу. Здесь были построены крепости: Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская и, позднее, Тевкелев Брод или Новосергиевская.

В этот период возникают слободы: Бугульминская, Письмянская (1745 г.), Бугурусланская (1748 г.) и другие. Бугульминская слобода, например, возникла на месте ранее существовавшего поселка, в котором жили татары, башкиры, тептяри. Новая слобода, расположенная на тракте Казань –

Оренбург, стала центром управления близлежащих слобод.

В западных районах территории, заселенной башкирами, также возник ряд крепостей, например, Нагайбак на реке Ик (1736 г.), Табынская в устье р. Усолки (1736 г.) и пр. Кроме того, как сообщает П.Рычков, многие ранее возникшие дворцовые села были укреплены наподобие острогов и имели рубленые стены [Рычков, 1762, с.213].

Увеличению числа русских поселений в Оренбургском крае в XVIII в. способствовали развитие на Урале горного дела и возникновение большого числа заводов. На них работали крепостные крестьяне, переведенные владельцами заводов главным образом из центральных районов России, а также крестьяне, бежавшие от рекрутчины и тяжелых крепостных повинностей. О том, как быстро увеличивалось количество поселенцев, свидетельствуют следующие данные: в 1719 г. в Уфе с пригородами было 1198 крестьянских дворов, а в 1728 г. – уже 4332 [Свирелин, 1869, с.185]. В целом восточные районы Среднего Поволжья были заселены слабо, и русские селения насчитывались здесь единицами. По данным П.Рыčkова, относящимся к середине XVIII в., в ведомстве Бугульминской слободы податного населения, положенного в подушный оклад, было 3720 душ мужского пола, из них русских государственных крестьян – 1650, помещичьих – 69 и иноверцев – 2001 [Рычков, 1762, с.46].

Параллельно со строительством укрепленных линий и слобод, которые в значительной мере также несли охранительные функции, правительство приступает к широкому заселению закамских и левобережных волжских земель русскими людьми. Основной состав поселенцев состоял из отставных солдат, матросов, мастеровых людей, людей, приговоренных к ссылке в Сибирь, служилых людей, оберегавших первую Закамскую черту, потерявшую к тому времени былое оборонительное значение. При этом отставных солдат селили, не спрашивая их согласия [Фирсов, 1869, с.243]. Местные власти старались как можно быстрее заселить край, не интересуясь прошлым новых поселенцев, откуда

они и чем занимались ранее. Астраханский губернатор, известный историк и государственный деятель того времени В.Н.Татищев принимал на поселение «вольных», «гулящих» людей, не считая нужным доискиваться, откуда и с чьего позволения они пришли в закамские земли [там же, с.238]. Широким потоком двинулись переселенцы со всех концов Русского государства на плодородные закамские земли. Особенно много пошло на Волгу обездоленного люда, крестьян, измученных феодальной эксплуатацией.

В середине XVIII в. в южных районах Среднего Поволжья появляются старообрядцы. Старообрядцы уходили из своих селений в леса, на север, за Волгу. Много их поселилось по рекам Ветлуге, Керженцу, эмигрировало за границу, уходило в опасные для поселения южные районы Среднего Поволжья. Консервативный быт поволжских старообрядцев в заволжских лесах и на правобережье (на горах) хорошо описан в многотомном эпическом произведении П.Н.Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». В первой половине XVIII в. на Иргизе возникли села, основанные старообрядцами: Перекопная Лука, Каменный Юрт (Каменка), Толстый Гай (Толстовка), Погорелый Юрт и другие. В одном из донесений синоду Казанского архиепископа, относящемся к 1724 г., говорится: «...По реке Киргизе (Иргизу), из верховых городов и уездов живут раскольники, убегая от изыскания с женами и детьми многолюдно, и для следствия и оные места посылать с собою выезжать за малолюдством опасно, понеже де от гражданских правителей для вспоможения солдат и никого его преосвященству не дают...». В 1763 г. сенат командировал на Иргиз специальных людей для переписи проживающих там беглых. В результате был составлен «список разного звания людей», проживающих на Иргизе. Всего записано 1453 человека беглых, из них 900 мужчин и 553 женщины.

4 декабря 1762 г. Екатерина II издала манифест, призывавший русских людей вернуться из-за границы и разрешавший всем старообрядцам селиться свободно на специально отведенных свободных землях. В манифесте было указано, что «им и их де-

тям никому ни от кого никаких притеснений чинимо не будет», а селиться им «...ниже г. Самары по р. Волге до устья реки Ирги-за и вверх по Иргизу» [Гераклитов, 1923, с.367]. В этот период старообрядцы основали ряд крупных слобод. Так, в 1764 г. переселенцами из Польши и жившими здесь ранее беглыми крестьянами образована была Мечетная слобода (совр. г. Пугачев. – Г.С.). В 1765 г. в слободе числилось 264 человека поселенцев мужского пола. Кроме Мечетной слободы, были основаны Балаково, Криволучье и другие.

В конце XVIII в. количество русских увеличивается в восточных районах Среднего Поволжья, где было сосредоточено в основном нерусское население. Много русских сел и деревень возникает в Мамадышском, Елабужском, Бирском, Белебеевском, Мензелинском уездах.

Северная и северо-восточная части Среднего Поволжья в основном заселялись выходцами из верхневолжских губерний, а также со стороны Перми и Вятки. Примером могут служить многие села Мамадышского уезда, куда жители съехались из разных селений Вятской губернии [Список мест, 1884, с.116–118]. Деревня Кашкара заселилась сходцами из Костромской губернии, деревня Никифоровка – из Владимирской, деревня Красная Горка – из Новгородской и т.д. [там же, с.117].

Русские крестьяне из Пермской и Вятской губерний образовали села в Бирском уезде по берегу р. Белой: Бордово, Первушино, Матвеево и др. [Материалы КГУ, 1959]. Позднее выходцы из этих сел селились дальше от реки, на обширных, никем в то время не заселенных пространствах между рр. Белой и Иком. Так возникли села Крещенка, Васильевка, Николаевка и другие.

В южную часть восточных районов большинство переселенцев шло из центральных областей, с Волги. В этот период русские помещики скупали здесь у башкир за бесценок плодородные земли и переводили на них своих крепостных крестьян. С.Т.Аксаков ярко описывает торговые сделки в Уфимском наместничестве, где можно было приобрести целые области за самые ничтожные деньги. На «купленные» таким образом земли тянулись обозы крепостных

крестьян: «нагрузив телеги женами, детьми, стариками и старухами, прикрыв их согнутыми лубьями от дождя и солнца, нагромоздив необходимую домашнюю посуду, насажав дворовую птицу на верхи возов и привязав к ним коров, потянулись в путь бедные переселенцы, обливаясь горькими слезами» [Аксаков, 1958, с.30].

После поражения Пугачевского восстания царское правительство провело ряд мероприятий, имевших целью предотвратить подобные народные выступления. К участникам восстания применены были репрессии, издан закон, запрещающий насильно переводить местные народы в христианство, и, наконец, предпринято заселение восточных и южных районов, наиболее опасных очагов восстания. К концу XVIII в. на территории расселения башкир насчитывалось уже более 150 вновь поселившихся дворянских родов, получивших здесь значительные поместья [Новиков, 1879, с.45] и переселивших в них своих крепостных крестьян. На еще не занятые земли продолжали переселяться и государственные крестьяне. Они шли, как и прежде, с верхней Волги и из центральных областей России. Причины переселений были те же, что и в более ранние периоды: ухудшение качества почв, низкие урожаи, бесчеловечное отношение со стороны помещиков и царских чиновников. Переселялись большими партиями, целыми деревнями и отдельными семьями: «...Верховой крестьянин, – писал один из исследователей края в более позднее время, – приедет на первую зиму один, а на вторую зиму перевезет жену и детей, а на третью приписывается в одно из свободных состояний» [Сингилевский, 1850, с.20–30].

В конце XVIII в. особенно интенсивно стали заселяться самые южные районы Среднего Поволжья. В течение XVIII в. здесь почти не было поселений. В 1787 г. была усилена «кордонная линия» по речкам Еруслану, Торгуну и Большому Узеню, ранее состоявшая из небольших укреплений. В никем не заселенных, самых южных пределах Среднего Поволжья стали появляться русские поселения. По официальным данным, население Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губер-

нии в период с 1816 г. по 1834 г. увеличилось более чем на 50%, причем 23% приходилось на долю переселенцев [Самарская губерния, 1863, с. XXX]. В следующие 20 лет (с 1835 г. по 1855 г.) в эти уезды переселилось 20 тыс. семейств, т.е. примерно сто тысяч жителей [Журнал МВД, 1960, с. 49]. Из небольших сельских поселений выросли новые города. Так, Мечетная слобода была в 1835 г. преобразована в г. Николаевск (совр. г. Пугачев), а село Чертанла – в г. Новоузенск [Саратовская, 1952, с. 49]. С 1816 г. по 1848 г. в Бузулукском уезде переселенцы образовали 205 новых селений, в Николаевском – 128, в Бугурусланском – 200 [Преображенский, 1972, с. 97]. Переселения сопровождались тяжелыми лишениями, заболеваниями.

Таким образом, колонизация Среднего Поволжья в период феодализма имела ряд особенностей, обусловленных социально-экономическими отношениями того времени. Она осуществлялась в значительной степени правительством, помещиками. Вместе с тем усиление крепостнической эксплуатации в центральных районах страны вызывало многочисленные побег крестьян на ее окраины, чем в то время являлось Среднее Поволжье. Вольные переселенцы селились на еще свободных землях или приселялись к нерусским народам в их селения. В первом случае, по мере захвата земель помещиками, ранее поселившиеся здесь крестьяне вновь попадали в крепостную зависимость, становились крепостными. Во втором случае возникали ясачные русские села и деревни. Не исключена возможность, что при этом происходило слияние поселившихся русских с местным населением.

Правобережье южнее широты Казани (территория бывшей Симбирской и приволжская часть Саратовской губернии, за исключением прибрежной полосы) заселено в основном русскими из центральных районов России (Московской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской губерний). В южные и юго-восточные районы Среднего Поволжья шло много переселенцев из южных губерний России, а также с Украины.

Состав русского населения в закамских районах (к югу от Камы) еще более сложен.

Здесь, помимо тех, кто шел по главному направлению, со стороны Москвы, было много пришельцев и переведенцев с верхней Волги и с северо-востока (из Вятской и Пермской губерний). Население восточных районов Среднего Поволжья связано с различными направлениями колонизации. На р. Вятку, а также на левобережье р. Белой от ее устья до г. Уфы переселялось много русских с северо-востока, с Урала» [Бусыгин, 1966, с. 54–75].

Переселенцы из северных регионов России, с Верхней Волги принесли в средневожский регион ряд культурных элементов, например, «однорядку» и «двурядку» – специфические и весьма устойчивые формы связи жилого дома с надворными постройками. Однорядная связь характеризуется примыканием хозяйственных построек к жилому помещению в одну линию (ряд), перпендикулярно улице, под одной крышей; при «двурядке» к жилому дому примыкают различные хозяйственные помещения параллельно улице, вторым рядом. Так, в русских поселениях, возникших вдоль засечной закамской линии в XVIII в., вплоть до настоящего времени сохранились каменные постройки переселенцев того времени, а также более поздние деревянные усадьбы, построенные на месте прежних по принципу однорядной связи [Столярова, 2000]. Длительное время бытовали различные формы материальной и духовной культуры, отличающие северных великороссов: комплекс одежды (особенно женской, с особым кроем рубаш, а также глухими и косоклинными сарафанами, специфическими головными уборами – кокошниками); северные и верхневолжские говоры; песенный и устно-речевой фольклор.

Переселенцы из южных губерний России оставили о себе память в виде Г-образной формы связи жилого дома с надворными постройками, для которой характерны открытый двор, незастроенная противоположная избе часть двора, глинобитные хозяйственные постройки (наподобие украинских «мазанок»); костюмного комплекса (в основе женского костюма поневы – сшитые и несшитые юбки и головные уборы – кички), южных говоров и фольклорных форм.

Особую роль в формировании этнокультурных особенностей русского населения Поволжья сыграли их контакты с местными народами. В дореволюционной литературе этот факт описывался с акцентом на влияние русской культуры на культуру «инородцев». Более поздние исследования установили многочисленные заимствования русскими культурных форм народов Волго-Уралья. Эти заимствования столь значимы по сферам (материальный быт, социальные нормы, духовно-бытовая и художественная культура, язык, внешний облик, моральные ценности) и масштабу,

что привели к формированию особой этнотерриториальной группы русских – поволжских великороссов. Отличительные черты поволжских великороссов – эклектизм (смешение разновременных миграционных потоков русских из различных регионов коренного расселения) и большое количество заимствований (культурных, лингвистических), появившихся в результате длительных контактов с местными поволжскими народами. Эти процессы активно происходили в средневожском регионе в XVII–XVIII столетиях и продолжились в последующие периоды.

2. Марийское население

Ананий Иванов

Расселение и численность. В XVI–XVIII вв. марийцы как и ранее в абсолютном своем большинстве проживали в средневожском ареале расселения [Сепеев, 2006, с. 98]. Еще до присоединения марийцев к Русскому государству, в начале XVI в., С.Герберштейн, знаком просвещенного европейского читателя с «Московией», впервые дал пространственные очертания проживания марийского народа, как «зовущийся черемисами (Czeremissae)» в своеобразном «треугольнике» между городами Нижний Новгород – Вятка – Казань в составе Казанского ханства, где река Волга выступала своеобразным природным барьером, разделявшим «горных марийцев» в правобережной Горной стороне и «луговых марийцев», населявших обширное левобережье Луговой стороны [Герберштейн, 1988, с. 134, 162, 164, 170–178.]. В трактате видного дипломата XVI в. папского посла А.Поссевино эта марийская территория в числе других регионов, обладателем которых к концу XVI в. стал «московский князь», упоминается как «Черемисия» [Поссевино, 1983, с. 44]. Русские летописи XV–XVI вв. сохранили важные сведения о марийцах пограничных и глубинных владений Казанского ханства, известного чаще всего в контексте взаимных военных походов и столкновений между ними («рать черемисская» (1462 г.), «черемисы воевать», «прииде в землю Черемискую» (1468 г.), «повоеваше черемису

по Вятке-реке» (1468 г.), «черемисе к горней и луговой» (1531 г.), «горная черемиса» (1546 г.) и русскими [ПСРЛ, 13, с. 56, 149–150; ПСРЛ, 18, с. 118–119; ПСРЛ, 31, с. 127; ПСРЛ, 33, с. 120; ПСРЛ, 37, с. 46, 107; История Марийского края, 1992, с. 11–14, 16–21].

В «Казанской истории» середины XVI в. относительно расселения марийцев в Среднем Поволжье и их этнических «земляческих» группах сказано, что «две бо черемисы в Казанской области, языки их три, четвертый же язык – варварский и той владеюще ими: едина бо черемиса об сю сторону Волги промеж великих гор, по удолиям, и та словет горняя; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та наричется луговая низоты ради и равности земля тоя ... в той же стране Луговой есть черемиса кокшайская и ветлуская» [Казанская история, 1954, с. 86]. О «горных черемисах», проживавших по берегам реки Суры, правобережном притоке Волги, писал участник «казанского завоевания» 1552 г. князь А.М.Курбский [ПЛДР, 1986, с. 232; История Марийского края, 1992, с. 41–43]. Вышеприведенные факты позволяют очертить границы расселения марийцев к середине XVI в. в междуречье рек Ветлуги, Большой и Малой Кокшаг, Вятки в левобережье и ниже реки Суры в сторону Свияги в правобережье Волги. Эта основная территория проживания марийцев не изменялась и в XVII–XVIII вв., за исключением

пограничной контактной зоны с русскими и другими соседними народами (татарами, чувашами, удмуртами, башкирами).

Однако границы основного средневожского ареала расселения марийцев несколько уменьшились. В правобережье Волги горные марийцы остались в междуречье Суры и Большой Сундыря. Часть из них, проживавшая за пределами этих рек, покинула прежнее местожительство или была ассимилирована русскими и чувашами. Основной компактный массив марийцев традиционно размещался в междуречье Ветлуги и Вятки. Здесь, в левобережье Волги, часть марийцев отступила из Унженско-Ветлужского междуречья и левобережья средней Вятки. Марийское население осталось в меньшинстве среди пришлого русского населения южнее р. Пижмы и в Поветлужье. В ходе ассимиляционных процессов лишь небольшие островки марийских селений остались в правобережье средней Вятки и в Заказанье [Айплатов, 1967, с.144–146; Сепеев, 2006, с.98; Иванов, 2007, с.14–32.]. Период середины XVI–XVIII вв. примечателен и тем, что в это время начались переселение и активное освоение нового ареала расселения марийцев – Камско-Уральского. Пик миграции пришелся на первую четверть XVIII в., выразившийся массовой убылью марийского населения средневожского ареала. Из числа переселенцев, преимущественно луговых марийцев, к середине XVIII в. сформировалась этнографическая группа восточных марийцев [Сепеев, 1975, с.31–37; Сепеев, 2006, с.58–106; Иванов, 1995, с.38–42; Иванов, Сануков, 2011, с.46–50.].

В административном отношении марийцы, как и другие народы Поволжско-Уральского региона после присоединения к Российскому государству, относились к различным уездам. По мнению К.И.Козловой, московская администрация довольно удачно провела поуездное размежевание марийских земель с учетом специфики историко-культурных традиций этнолингвистических общностей небольших «земляческих союзов» луговых марийцев из числа «кокшайской», «царевской», «санчурской», «яранской», «уржумской черемисы», а также горных марийцев Козьмодемьянского уезда, расселившихся в правобережье

и частично в левобережье по рекам Арда, Парат, Рутка, Ветлуга и их притокам. При этом в пределах каждого уезда сохранялось традиционное деление ясачного марийского населения на более мелкие административные единицы – «сотни», «пятидесятни» и «десятки», а в рамках обширнейшего Казанского уезда – сравнительно крупные «дороги», унаследованные от Казанского ханства – Алатская, Галицкая, Арская со своими «сотнями», «волостями» включившими отдельные марийские поселения «илемы» [Козлова, 1978, с.93–125.].

По административному делению первой половины XVIII в. марийское население компактно размещалось в Козьмодемьянском, Царевokokшайском, Кокшайском, Царевосанчурском и Яранском уездах Свияжской провинции; Казанском (Алатская и Галицкая дороги) и Уржумском уездах Казанской провинции Казанской губернии. Небольшая часть марийских селений размещалась по Вятке и ее притокам, а также в Прикамье по Арской и Зюрейской дорогам Казанского уезда. Немало марийцев проживало в Приуралье, большая их часть – в Южном Приуралье в пределах Уфимского уезда Оренбургской губернии. Значительно меньшая часть находилась в Среднем Приуралье – в Кунгурском уезде Пермской провинции Казанской губернии. Несколько марийских крестьянских дворов имелось в Верхотурском уезде Тобольской губернии. Накануне губернской реформы 1775 г. марийское население было расселено в 10 уездах трех губерний. При этом основной ее массив приходился на обширный Казанский уезд, на долю которого в то время приходилась почти половина территории современной Республики Марий Эл. В ходе проведения губернской реформы в 1779–1781 гг. (с частичным изменением в 1796 г.) основная масса марийского населения оказалась в пределах Козьмодемьянского уезда Казанской губернии и Васильского уезда Нижегородской губернии (горные марийцы), а также Царевokokшайского, Казанского, Чебоксарского уездов Казанской губернии, Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии (луговые марийцы). Восточные марийцы проживали в ряде уездов Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний.

Губернская реформа последней четверти XVIII в. в целом не способствовала укреплению общности марийского народа [Иванов, 1993, с.6–28; Иванов, Сануков, 2011, с.46–48.].

Материалы писцовых и переписных книг ревизских сказок и других источников середины XVI – конца XVIII в. в целом свидетельствуют о положительной динамике роста марийского населения, прерываемой иногда негативными факторами (неурожаи, голод, болезни, войны и т.п.). Согласно «Казанской истории», на территории основного расселения луговых марийцев, учтенных в середине XVI в. после взятия Казани войсками Ивана Грозного, всего насчитывало 93 076 человек. В ходе «черемисских войн» второй половины XVI в. численность марийцев значительно уменьшилась [Казанская история, 1954, с.161; Сепеев, 2006, с.93].

Несмотря на неполноту данных переписей 1625, 1637, 1651, 1681 гг. податного населения Козьмодемьянского, Кокшайского, Уржумского, Царевококшайского, Царевосанчурского, Яранского, Казанского уездов, тем не менее, прослеживается тенденция роста ясачных марийцев. По подсчетам ис-

торика Г.Н.Айплатова, общая численность марийского населения в 70–80-х гг. XVII в. составляла примерно 110–120 тыс. человек [Айплатов, 1966, с.8].

Дальнейший прирост марийского населения замедлился в первой четверти XVIII в. В годы петровских реформ из-за непосильных казенных податей и повинностей, резкого упадка уровня жизни, массовых болезней, неурожаев и голода общая численность марийцев в целом сократилась. Произошло заметное уменьшение численности луговых, части горных марийцев и из-за массовых переселений марийского населения на восток, в башкирские земли и, соответственно, увеличение удельного веса восточных марийцев в Камско-Уральском ареале.

В Поволжском основном ареале лишь с конца первой четверти XVIII в. начался постепенный прирост марийского населения. По нашим подсчетам, за 1723–1795 гг. численность марийцев возросла с 74 тыс. до 158 тыс. человек обоого пола, т.е. более чем в два раза, что было обусловлено превышением рождаемости над смертностью [Иванов, 1989а, с.121–125; Иванов, Сануков, 2011, с.48].

Таблица 3.1

Динамика численности марийцев в XVIII в. (тысяч человек обоого пола)

Годы	Численность			
	Всего	В том числе		
		горных	луговых	восточных
1723	74	14	49	11
1746	93	15	61	17
1764	119	21	72	26
1782	137	23,5	81,5	32
1795	158	24	90	44

Изменения коснулись и этнической ситуации в марийском регионе. Во второй половине XVI–XVIII вв. на этнической территории марийцев наблюдался приток русского населения, размещенного в городах-крепостях, монастырях и различных сельских поселениях, принадлежавших государству, светским и духовным владельцам. Проживание татар на этой же территории зафиксировано в XVIII в. в волостях Турек, Илеть Кукморы, Ноля Кукморы

Алатской дороги Казанского уезда и Буйской волости Уржумского уезда. Во второй половине XVIII в. татары стали активно осваивать лесные массивы в верховьях рек Илети и Ировка в Царевококшайском уезде Казанской губернии. Миграционные процессы носили в целом мирный характер [Иванов, 1989а, с.106–125].

Хозяйственные занятия. Хозяйство ясачных марийцев лесного средневожского региона носило комплексный натуральный

характер и включало в себя традиционный производящую (земледелие, животноводство, промыслы – ткачество, деревообработка, гончарный, мукомольный, частично кузнечно-ювелирный, винокурение) и присваивающую (охота, рыболовство, бортничество, собирательство) отрасли. Постепенно падало значение присваивающего типа хозяйства и возрастало значение производящего. Усиливалось культурное взаимодействие с соседними народами.

Основным хозяйственным занятием марийцев являлось хлебопашество. Благополучие семьи во многом определялось размерами, агротехническим уровнем и урожайностью полей. Не случайно в середине XVIII в. участники Академических экспедиций отмечали, что «все черемиса земледельцы. Свое благополучие они измеряют величиной пашни и размерами стада» [Миллер, 1791, с.14–15; Рычков, 1770, с. 93–94; Фальк, 1824, с.185–186].

В XVI–XVIII вв. большими усилиями многих поколений марийских земледельцев немалые площади лесов и лугов были превращены в поля. Постоянно расширялась «величина пашни». Однако земельные владения отдельных сельских общин подвергались расхищению со стороны монастырей, помещиков, чиновников, заводовладельцев, приходских священников и купцов. Немало общинных «пустующих» земель в качестве оброчных казна закрепила за собой. Большие площади марийских лесов в петровское время были объявлены «заповедными» и переданы для нужд кораблестроения Казанской адмиралтейской конторе. Это не могло не привести к нарушению традиционно сложившейся системы земледелия марийцев [История Марийской АССР, 1986, с.98–99].

Относительно системы земледелия марийцев в литературе существовали различные точки зрения. Одни исследователи отмечали ведущую роль подсечно-огневой и переложной систем, другие отводили ее трехпольному земледелию. Наиболее правильной представляется точка зрения К.И.Козловой, которая вслед за Л.В.Миловым считает, что у марийцев в XVII–XVIII вв. существовала «лесопольная» система земледелия, сочетавшая «паровое трехполье с периодическим запуском паш-

ни под перелог и лес» [Козлова, 1978, с.161–164; Милов, 1963, с.285].

Пахали в основном сохой «с сошником железным». В сенатской анкете 1767 г. царевкокшайский воевода особо отметил, что русские и марийские крестьяне уезда «пашут как под рожь, так и под еровыя плугами, и называемыми косулями, по одному разу, а потом, засеевши, запахивают зделанными малинками сошками и бес полиц очень мелко». Косуля, как более совершенная разновидность сохи с отвалом, в качестве плуга находила все большее распространение. При пахоте залежей марийцы использовали также древний плуг – агавуй. На новоросчистных землях применялась «прямуха» – соха без нолиц и рогов для сошников [Крестьянская война, 1989, с. 13].

Пашню бороновали деревянными боровами – шире, хлеб сжинали серпами – сорла. Затем отвозили на гумно – идым, где размещались овины – ан, агун. После этого молотили цепами – сапондо или пускали лошадей по кругу, застланному хлебом. В страдную пору трудились все члены крестьянской семьи, способные работать.

Марийцы выращивали в основном рожь и овес. Все большее распространение получало выращивание хмеля. В огородах сажали лук, капусту, редьку, чеснок, свеклу, огурцы, репу, морковь [РГАДА, ф.441, оп.1, д.455, л.6, 7, 17, 50; История Марийского края, 1992, с.260; Иванов, 1987, с.24–27].

Вслед за хлебопашеством по важности и значимости выступало домашнее животноводство. По свидетельству академика И.П.Фалька, нерусские народы Казанской губернии, в том числе марийцы, содержали лошадей, коров, быков, коз, свиней. Имелась домашняя птица – куры, гуси и утки [РГАДА, ф.248, оп.10, кн.545, д.1, л.373–374; Фальк, 1824, с.189].

Хозяйственные постройки помимо жилья, хлебных анбаров, летней кухни – кудо, включали «сенницы и хлев скотской», овчарню, «скотские загороды», конюшни и «карды» [РГАДА, ф.248, оп.5, кн.237, д.1, л.157об.; оп.113, д.1651, ч.3, л.340; ф.407, оп.1, д.396, л.1, д.419, л.1; ГА РМЭ, ф.236, оп.1, д.154, л.25]. Основная масса марийских крестьян имела в своем хозяйстве от 1 до 2–3 лошадей. Зажиточные «лутчие»

дворохозяева, а их было немного, имели по 4–5 лошадей, а некоторые по 20–30. Огромный ущерб крестьянскому хозяйству наносили частые эпизоотии животных [РГАДА, ф.248, оп.113, д.1651, ч.3, л.326, 328, 342, 344; ГА РМЭ, ф.237, оп.1, д.19, л.1об.; История Марийского края, 1992, с.258–265].

В хозяйственной жизни важное место занимала домашняя промышленность, связанная с изготовлением ткани, одежды, деревянной, глиняной посуды и утвари. И.Г.Георги в этой связи подчеркнул, что в марийских селениях «женщины прядут, ткнут, портничают, вышивают холстинные одеяния шерстью собственного своего крашения». Крестьянский холст частично попадал на рынок или в руки армейских интендантов, закупавших его «для войск» [РГАДА, ф.407, оп.1, д.396, л.1; ф.598, оп.1, д.287, л.20; ГАКО, ф.582, оп.2, д.277, л.29; Георги, 1799, с.27].

С переработкой земледельческих и животноводческих продуктов крестьянского хозяйства были тесно связаны мукомольный и кожевенный промыслы. Почти на всех реках и речках действовали небольшие водяные мукомольные мельницы – «мутовки». Под влиянием русских все большее распространение в марийских общинах получали более производительные колесные мельницы в 1–2 постава. Владельцы мельниц за помол зерна брали с помольщиков-крестьян «лопаточной мукой» или деньгами. Для некоторых из марийских мельников мукомольный промысел стал основным видом хозяйственной деятельности [РГАДА, ф.407, оп.1, д.410, л.8].

Крестьянские хозяйства в основном сами обеспечивали себя обувью, деревянной утварью, орудиями труда и средствами передвижения. Но марийцам, как и другим нерусским народам Поволжья и Приуралья, с 30-х гг. XVII в. запрещено было заниматься кузнечным ремеслом. Поэтому в марийских селениях работали русские кузнецы из числа отходников-крестьян и козьмодемьянских ямщиков. Часть ремесленных изделий – топоры, серпы, косы, железные сошники, ножи и т.п., марийцы закупали в городах [РГАДА, ф.407, оп.1, д.383, л.1; ф.598, оп.1, д.270, л.765; ГА РМЭ, ф.52, оп.3, д.35, л.16].

В поисках необходимой суммы для уплаты подушных денег часть у них нанимались на лесорубные работы, лесопильни купцов и помещиков, заготовку и переработку лесного сырья. Жители некоторых селений, в особенности приволжских, чаще стали уходить на судовую работу бурлаками.

Традиционная добыча пушнины у марийцев еще сохраняла свое промысловое значение. «Звериною ловлею» повсеместно занимались преимущественно зимой. Охотились на белок, зайцев, волков, медведей, куниц, горностаев, рысей, норок и других зверей. По замечанию Г.Ф.Миллера, «больших зверей ловят по большей части ямами, а мелких сетями». К тому же «черемисы умеют из лука стрелять весьма метко и проворно». У некоторых марийских охотников имелись и ружья. Обычно пушнину сбывали местным скупщикам. Затем пушнина перепродавалась иногородним купцам, вывозившим марийскую пушнину на Севскую, Макарьевскую ярмарки и в другие города страны [РГАДА, ф.598, оп.1, д.236, л.1; ф.407, оп.1, д.396, л.1; ф.829, оп.1, д.1887, л.2, д.1889, л.2–3, д.646, л.39–51; Миллер, 1791, с.24–25; Фальк, 1824, с.185; Паллас, 1773, с.33; Георги, 1799, с.27].

Важным подспорьем была рыбная ловля. Рыбу ловили используя сети, бредни, «морды», крючки и другие орудия лова. За временное пользование рыбной ловлей приходилось вносить определенную оброчную сумму в казну. Обычно годовая плата обходилась общине или отдельно взятой семье от нескольких копеек до 2–3 рублей [РГАДА, ф.441, оп.1, д.737, л.42–43; ф.1355, оп.1, д.407, л.10, 26, 56об., д.435, л.5, 16, 19, 22об.; ф.598, оп.II, д.326, л.111].

Древнейшее занятие марийцев – бортничество, во второй половине XVIII в. постепенно переходило в пасечное пчеловодство. По традиции бортные угодья марийцев находились у них в «вотчинной» собственности и передавались по наследству. Каждый владелец отмечал свои бортные деревья своими «знаменами» и «тамгами». Тем более, что нередко бортные угодья располагались за 50–100 верст от селений. Со временем «бортники со пчелами» марийцы стали переносить ближе к жилью. При пасечном пчеловодстве «на ульи» обычно использова-

ли толстые кряжи, дубовые пни, а также вяз, сосну, ветлу и ольху. Полученный мед и воск сбывался скупщикам и купцам, вывозившим их на Макарьевскую, Ирбитскую ярмарки, в Пермь, Архангельск и другие места. Часть меда предназначалась для изготовления специального напитка – пюре, без которого, как и домашнего пива, не обходилось проведение традиционных народных обрядов и праздников [РГАДА, ф.407, оп.1, д.423, л.1, д.495, л.1; ф.598, оп.1, д.24, оп.1, д.169, л.1, д.287, л.23; ф.794, оп.1, д.2, л.43; Миллер, 1791, с.24, 62; Фальк, 1824, с.185; Георги, 1799, с.27; Рычков, 1767, с.463; История Марийского края, 1992, с.185–187, 318–319].

Хозяйственные занятия марийских земледельцев, таким образом, были разнообразными. В известной мере каждый крестьянский двор был связан с товарно-денежными отношениями. Даже терпящий большую нужду марийский крестьянин не обходился без торговли, так как для своевременной уплаты подушной подати приходилось продавать и часть необходимого хлеба, товарного хмеля, продуктов животноводства. Для натурального крестьянского хозяйства важной статьёй денежного пополнения были неземледельческие занятия.

Социальное положение. По своему социальному положению ясачные марийцы («ясачная черемиса», «ясачные люди») во второй половине XVI–XVII вв. оставались на положении лично-свободного состояния, что обуславливалось драматизмом присоединения нерусских народов Поволжья в состав России и спецификой национально-фискальной политики царского самодержавия. Они относились к категории государственных крестьян и подвергались эксплуатации непосредственно со стороны государства. Тем не менее, в отношении ясачной деревни усиливалась закрепостительная политика. Нормы феодального права, закрепленные в Соборном уложении 1649 г., законодательно предусматривали обязанности ясачных людей. Они не могли свободно покидать общинные земли, уходить без разрешения уездных воевод из своих селений. Беглые крестьяне разыскивались и в случае поимки, жестоко наказывались и принудительно возвращались на прежнее местожительство.

Городовым воеводам, облеченным всей полнотой власти (административной, исполнительной, судебной, полицейской, фискально-податной и др.), марийцы обязаны были, первую очередь платить государственный налог и ренту за пользование землей – ясак. Поэтому марийцы вносили в казну все возрастающий ясак – как деньгами, так и хлебом. Им же приходилось платить казенные оброчные деньги за право владения бортными ухажьями и бобровыми гонами, за обладание мукомольными мельницами и рыбными ловлями, оброчными пахотными и сенокосными участками, за проведение марийских свадеб («куничные»), привоз, покупку и продажу товаров. Тяжелы были косвенные высокие сборы за соль. К тому же ясачные сборщики взимали значительно больше денег, хлеба, пушнины и меда, чем предусматривал царский наказ. Чтобы обеспечить исправное поступление ясака в казну, воеводы забирали в городской острог аманатов – заложников из числа «лутчих» состоятельных ясачных марийцев. Их не выпускали до тех пор, пока ясачные крестьяне в срок не уплачивали требуемую сумму и не выполняли различные повинности [Димитриев, 1974, с.290–369; Димитриев, 1992, с.62–71; Соборное Уложение, 1987, с.78–79].

Ясачным марийцам по воеводским наказам приходилось выполнять и тяжелое «городовое дело» – рубить и доставлять на своих подводах или санях бревна для постройки крепостных сооружений и городских стен. Им же приходилось отрываться на неотложные работы по починке, строительству дорог и мостов. Обременительными были частые перевозки казенных грузов, служилых и приказных людей. Тяжелы были лесорубные работы и сплав леса в низовые волжские города, многомесячные отработки на казенных селитренных и поташных заводах, расположенных за десятки и сотни верст от ясачного местожительства марийцев. По царским указам ясачные марийцы вместе с русскими, чувашами, татарскими, мордовскими и удмуртскими крестьянами участвовали на строительстве Симбирской (1647–1654 гг.) и Закамской (1652–1658 гг.) укрепленных линий для защиты от набегов кочевников. Марийцам приходилось нести караульную службу на засечных линиях.

С каждых шести дворов приходилось отправлять одного взрослого мужчину. Тяжелой являлась и ратная служба. Во время войн с каждых трех дворов набирали по одному человеку. Каждый пеший и конный ратник должен был иметь при себе копьё, лук и стрелы, топоры. Для их снаряжения тоже приходилось делать специальные сборы [ПСЗ–1, т.3, №1579; История Марийской АССР, 1986, с.80–82].

Социальное положение марийцев и в последующем XVIII в. во многом обуславливалось их принадлежностью к категории государственных крестьян. Они не находились в личной зависимости и не являлись крепостными помещиков, монастырей и дворцового ведомства. В конце XVII – первой четверти XVIII вв. марийцы за владение землей общинами и пользование ее членами обязаны были нести ясачные платежи и повинности в пользу государства. Размеры ясака, как ренты-налога, особенно резко возросли в годы петровских преобразований [ПСЗ–1, т.3, №1579]. В дальнейшем были введены многочисленные виды окладных, чрезвычайных и неокладных денежных и хлебных сборов.

В 1722–1723 гг. ясачные марийцы различных уездов Казанской губернии вносили с каждого ясака от 6 руб. 30 коп. до 14 руб., 4–5 четвертей ржи, овса и муки. Крестьян заставляли платить канальные и канатные деньги, направлять работников на тяжелые работы в Азов, Петербург и на строительство крепостей. При этом все издержки накладывались на общину [История Марийской АССР, 1986, с.103–104.]. К многочисленным податям и повинностям добавилась рекрутская. В первой четверти XVIII в. рекрутов стали набирать и в марийских крестьянских общинах. Тягостной оставалась дорожная повинность по перевозке грузов и чиновников, содержанию в исправности дорог, мостов, перевозов и т.д. [Иванов, 1990, с.54–55]. Усиление гнета явилось одной из важнейших причин, которые довели марийскую деревню до полного обнищания. Многие деревни и селения обезлюдели, поля оставались незасеянными. Сотни и тысячи марийских крестьян целыми семьями, общинами и в одиночку покидали родные жилища и устремлялись в Прикамье и Приуралье.

Царским указом 1724 г. ясачные марийцы, наряду с ясачными и служилыми людьми Поволжья, были включены в одну категорию государственных крестьян. С них стали взимать подушные деньги с каждой ревизской души мужского пола независимо от возраста и трудоспособности [ПСЗ–1, т.7, №4533; История Марийского края, 1992, с.257–258; Дружинин, 1946, с.48–50; История Марийской АССР, 1986, с.102].

На положении марийских крестьян, как и других нерусских народов Среднего Поволжья, самым тяжелым образом сказалась массовая принудительная христианизация, призванная еще более укрепить социально-политическую базу самодержавия в национальной государственной деревне. Абсолютистское государство с учетом изменившихся конкретно-исторических условий в конце XVII – первой четверти XVIII вв. прилагало заметные усилия по внедрению православной христианской веры в среду нерусских крестьян-язычников.

Царский указ от 11 сентября 1740 г. провозгласил политику и конкретную программу действий по массовой христианизации нерусских крестьян. Ее проведение было поручено большому штату проповедников, священников, чиновников и военных Ново-крещенской конторы. Проведение христианизации преимущественно принудительными средствами и методами, образование новых церковных приходов в новокрещенских селениях в 40–60-х гг. XVIII в. обернулись для марийцев чрезвычайным усилением социального и национального гнета [История Марийского края, 1992, с.226–233; Попов, 1987, с.59–63].

Проведение массовой христианизации в 1740–1764 гг. ухудшило положение марийских крестьян и потому, что в течение льготных трех лет за новокрещеных подушные деньги и другие повинности обязаны были нести некрещеные и ранее крестившиеся «старокрещены». К чему это приводило, видно на примере крестьян Царевококшайского уезда. Желая воспользоваться трехлетней льготой, в 1742 г. здесь «вся черемиса до сущего младенца крестилась». Однако за них пришлось платить «старым новокрещенам» Подгородной волости, крестившимся еще в начале XVIII в. Неудивительно, что

обрушившиеся на них подати и повинности довели их до «совершенной бедности». А за недоимки почти все были брошены в тюрьму. В 1750 г. Казанская губернская канцелярия свидетельствовала, что от «великой скудости и великой тягости» многие бежали в леса. Оставшиеся в «иноверии» крестьяне, в том числе марийцы, пришли от многократно возросших податей «в крайнее разорение» [РГАДА, ф.16, оп.1, д.717, л.1–8; История Марийского края, 1992, с.221–222].

Угроза разорения крестьянского хозяйства явилась одним из важнейших факторов в реализации массовой христианизации, носившей в это время чисто формальный характер для большинства марийцев, продолжавших придерживаться традиционных языческих верований и мировоззрения.

Следствием массовой христианизации стали строительство в среде марийского крестьянского населения церквей и появление русских священников. На новокрещеных легли все виды работ по строительству церквей и содержание церковного причта. А в уездах с марийским населением в это время было построено более 30 церквей [Крестьянская война, 1989, с.46–48, 81–83; История Марийского края, 1992, с.233–234; Попов, 1987, с. 64–67; Иванов, 1990, с.61–63].

Община и семья. В условиях неизбежных природных и социальных невзгод мелкокрестьянским и маломощным хозяйствам марийцев лишь сообща можно было их преодолевать и регулировать свою самобытную жизнь. Таким универсальным орудием для ясачных марийцев являлась сельская крестьянская община. В источниках XVI–XVIII вв. она упоминается как «волость», «волость с починки», «сотня – волость», «себе усадом» и «деревня». Она могла состоять из нескольких дворов одной деревни или нескольких поселений (отцовское родоначалное поселение с выселками) с десятками крестьянских дворов, обмежеванных в определенных земельных границах.

В условиях господства верховной земельной собственности феодального государства каждая крестьянская община владела своими земельными угодьями и всячески отстаивала ее неприкосновенность от различных притязаний из-за их захвата монастырями, помещиками, дворцовым ведом-

ством и собственно казной («покидные» и «умерших» владельцев земель). В XVII в. в Поветлужье марийские общинные земли захватили Макарьев-Унженский, Варнавинский монастыри и Воздвиженскую пустынь, в Козьмодемьянском уезде – суздальский митрополит и Спасо-Юнгинский монастырь, в Уржумском уезде – Спасский Цепочкинский и Вятский Трифонов монастыри, в Царевokokшайском уезде – Мирносицкую пустынь, в Казанском уезде – Раифскую и Седмиозерская пустыни, в Яранском уезде – Новодевичий и Воздвиженский монастыри, в Царевосанчурском уезде – Мусерская пустынь. Проводимые время от времени земельные переписи, обмежевание земельных владений общины, установление границ общинного землевладения специальными знаками («гранями»), не обходились без участия самих общинников. Подлинные выписи с писцовых и переписных книг, хранящихся у деревенских старожилов, являлись важнейшими поземельными документами, удостоверявшими законность владения марийцами своими исконными общинными землями. При земельных и др. спорах с соседней общиной, воеводской администрацией и другими, вся община выступала как единое целое («за один») и сообща защищала свои интересы.

Традиционно крестьянская община выступала как важнейший инструмент регулирования всех сторон хозяйственной и духовной жизни (языческие моления, народная педагогика) ясачных марийцев. Для решения всех «мирских» дел все взрослые мужчины-дворохозяева обязаны были присутствовать на общинном сходе. Важнейшим среди них был вопрос о наделении ясачных людей пашней и сенокосами. Обычно пахотные и сенокосные участки давались каждому дворохозяину после переделов по жребию. В середине XVII в. в среднем на 1 ясачный двор приходилось от 4,5 до 9 десятин пашни и выше (в трех полях), 70–80 копен сена. Иногда марийцы передавали свои земельные участки по наследству или, по решению общинного схода, их давали родственникам. В совместном пользовании всех общинников были пастбища, водопои, озера, речки, леса, болота, а иногда и сенокосные угодья. Собственные бортные деревья в общинных

лесах владельцы обозначали своими родовыми «тамгами» – знаками индивидуальной собственности конкретного крестьянского двора [Айплатов, 1974, с.95–111].

С агрикультурной стороны сельская община марийцев представляла собой земледельческий союз соседей и сородичей по владению мирской землей, пользованию наделами и другими угодьями. В связи с заменой в 1724 г. ясака на подушную подать земля в общинах стала делиться по ревизским мужским душам. Свой надел получало каждое лицо мужского пола, достигшее 9–10-летнего возраста. При разделах каждый дворохозяин наделялся полосками земли на каждом из полей, что было вполне естественным при трехпольном севообороте. Во внимание принимались также качество почвы и удаленность полей от селений. Раздел производили по жребию. Иногда отдельные хозяйства прибегали к внеадельному землепользованию и оброчной аренде пашни и сенокосов. Собственные дворовые участки и «коноплянники» оставались в личном потомственном владении каждой крестьянской семьи [Иванов, 1995, с.131].

Помимо выполнения поземельных и хозяйственных функций, ясачная марийская община выступала и как целостная фискально-податная единица. Общинники, связанные круговой порукой, обязаны были своевременно вносить в царскую казну требуемую денежную сумму, выполнять различные повинности и вносить подати. Раскладка податей и повинностей между отдельными дворохозяевами обычно производилась по ясакам (с 1724 г. с каждой ревизской души м.п.) на общинных сходах, исходя из посильных возможностей каждого крестьянского хозяйства.

Марийская ясачная община являлась также и органом сословного крестьянского самоуправления. На общинных сходах выбирались «мирские» должностные лица – сотники, старосты, пятидесятники и десятники. Они были подконтрольны общине, но утверждались в своей должности воеводской властью. Как низовое звено воеводского управления сотники и старосты обязаны были доводить до сведения общинников царские указы, воеводские наказания, своевременно собирать ясачные пла-

тежи, направлять ратных людей, разбирать мелкие проступки общинников, помогать воеводе в поимке беглых и т.д. Характерно, что в первой половине XVII в. на сотнической должности в марийских общинах были служилые тарханы, а во второй половине XVII–XVIII вв. – в основном состоятельные и пользующиеся авторитетом крестьяне из числа самих же общинников.

В целом, крестьянская община являлась действенным и сплачивающим инструментом марийской общности, самостоятельно регулирующим важнейшие стороны жизни марийской деревни [Иванов, 2000а, с.269–270; Иванов, 2000б, с.101–104].

Среди марийцев в XVIII в. преобладала малая семья, состоявшая из супружеской пары с их малыми и неженатыми детьми или без них. Как видно из материалов ландратских книг и ревизских сказок, малосемейный двор обязательно располагал одним взрослым и 1–2 неполными работниками. Обычно малые семьи марийцев включали 1–2 поколения родственников по прямой нисходящей линии и состояли из 2–7 человек [Иванов, 1995, с.133].

Культура. Из всего многообразия проявлений материальной и духовной культуры марийцев следует отметить наиболее характерные ее моменты. В условиях полной зависимости от природных стихий, социального и национального неполноправия, в повседневном семейном быту, общинной и народной жизни взоры марийцев привычно обращались к своим языческим богествам. Традиционная народная языческая религия сохранила господствующие позиции и освящала важнейшие стороны деятельности каждого марийца. На семейных, общинных и более крупных «земляческих» молениях и жертвоприношениях своим богам марийские язычники просили «Кого Юмо» и другие божества дать им счастья, здоровья, урожая, плодородия, ума и богатства и защитить их от «всякого зла», «от худых людей, от злой болезни, от глупых людей, от судьи худаго и от вздорного человека», помочь им своевременно казенные «подати платить» и сохранить свое личное свободное социальное положение. Таким образом, в XVI – XVIII вв. языческие верования марийцев являлись важным фактором

их сплачивания и собственного жизненного самоутверждения [Олеарий, 1986, с.426–429; Миллер, 1791, с.53–62; Иванов, Сепев, 1994, с.91].

Народная крестьянская культура марийцев носила устойчивый характер. В марийских крестьянских семьях и общинах из поколения в поколение передавались умения возделывать землю, содержать скот, ловить рыбу, охотиться на зверей, изготавливать орудия труда, различную утварь, посуду, одежду, обувь, строить жилища, готовить пищу и многое другое. Творческое самобытное начало было свойственно для устного народного творчества (легенды, предания, сказки и т.д.) и народного искусства (песни, танцы, украшения и т.п.). Но главным среди них было умение возделывать землю-кормилицу. Не случайно, что марийцы в 1767 г. заявили: «ныне, так и в будущее время», нужно проявлять всемерную заботу «о размножении хлебопашества», являвшегося «наиглавнейшей надобностью рода человеческого» и важнейшим средством «к поправлению государственных податей» [Иванов, 1993, с.65–95].

Крупной вехой в культурном развитии марийцев стало возникновение письменности и грамотности. Издавна у марийцев широкое распространение имели картинное письмо (пиктография), различные знаки (иероглифы) и числовые обозначения. Знаки «тамги», восходящие к родовым, марийцы вырезывали на деревянных брусках и бирках ножом, на земле обозначали лопатой, на «личных» деревьях и бревнах вырубали топором. Марийская «тамга» ставилась на документах. «Тамгами» марийцы обозначали принадлежность той или иной собственности; они выступали в качестве символа двора, семьи, могли означать число [Иванов, Сануков, 2011, с. 70–71].

Марийская письменность, основанная на русской графике, возникла в 1775 г. Российская Академия наук издала в Петербурге «Сочинения, принадлежащая к грамматике черемискаго языка». Книга была составлена в Казани под руководством В.Пудек-Григоровича с помощью марийских учащихся. Кроме грамматики в ней был русско-марийский словарь, насчитывающий около 1 тыс. слов [Сочинения, 1775, с.44–131].

Богатство марийского языка на основе русской графики отразилось и в некоторых словарях XVIII в., из которых отдельные содержали до 11 тыс. слов о самых различных сторонах быта и культуры марийцев. Первые три стихотворения–четверостишия на марийском языке (горном и луговом) появились в 1767, 1782 и 1795 гг. Они были написаны учениками-марийцами Казанской новокрещенской школы и духовной семинарии и относятся к виршевой поэзии [Иванов, 1975, с.18–20; Иванов, Сануков, 2011, с.71].

В XVIII в. были сделаны и первые заметные шаги в распространении грамотности и церковного школьного образования среди марийцев. В годы петровских реформ несколько учащихся из числа марийцев обучались при Казанском архиерейском доме. В 20–30-е гг. XVIII в. вместе с другими из числа нерусских народностей марийские учащиеся обучались также при новокрещенских школах городов Казани и Свияжска [Макаров, 2000, с.174].

На основе царского указа 1740 г. в Царевококшайске, как и в ряде других уездных городов Казанской губернии, предусматривалось открытие новокрещенских школ. Лишь спустя несколько лет, в 1749 г., деревянное здание Царевококшайской новокрещенской школы было построено, а занятия в ней начались в 1750 г. В школу были набраны 50 мальчиков из марийских семей. В 1755 г. Царевококшайская школа вместе с учащимися и учителями была передана в Казань, где просуществовала до 1800 г. [История Марийской АССР, 1986, с. 158].

Знания в школах давались самые элементарные. Обучение велось на церковнославянском и русском языках. Голод, телесные наказания, болезни были характерными явлениями жизни учащихся. Многие дети убегали из школ. Всего в новокрещенских школах в XVIII в. из числа марийцев было подготовлено до 150 дьячков приходских церквей, 5–10 учителей и 20–30 волостных писарей. Несколько мальчиков из горных марийцев в конце XVIII в. обучались в Нижегородской духовной семинарии [Харлампович, 1905, с.5–6; Никольский, 1920, с.38; Алметева, 2006, с.22–25].

3. Чувашское население

Виталий Иванов

После присоединения Горной стороны, т.е. Чувашского края, к Русскому государству в середине XVI в. зона обитания чувашей получила определенное расширение, прежде всего появилась возможность миграции в южном направлении. Однако еще вплоть до середины XVII в. южные районы современной Чувашии, а также территории юго-западных районов и закамской части Татарстана, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской областей представляли собой «дикое поле», и здесь не проживало оседлое население.

Для управления Казанской землей и другими вновь присоединенными территориями в Поволжье в Москве был создан Приказ Казанского дворца. Территория современной Чувашии во второй половине XVI–XVII вв. полностью находилась в ведении данного государственного органа.

После овладения Казанью восточная часть Горной стороны вошла в состав Свияжского уезда, северо-западная – Чебоксарского. Мордовское и русское население Среднего Присурья было отнесено к Алатырскому уезду.

Царское правительство во второй половине XVI в. возвело на Горной стороне новые административные и военно-опорные пункты, первоначально исключительно с русским населением: города-крепости Курмыш (1372 г.), Чебоксары (1555 г.), Алатырь (1555 г.), Кокшайск (1574 г.), Козьмодемьянск (1583 г.), Цивильск (1589 г.), Ядрин (1590 г.), которые стали центрами одноименных уездов Чувашского края – Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Козьмодемьянского, Курмышского, Свияжского, Кокшайского, Алатырского. Причем в составе Свияжского уезда находилась почти треть территории Чувашии. Чувашки, проживавшие в юго-восточных регионах края, входили в Симбирский уезд, а чувашки левобережной части Среднего Поволжья находились в составе Казанского уезда. По данным писцовых переписей Казанского уезда второй половины XVI – начала XVII вв. установлено, что если в левобере-

жье насчитывалось около 200 чувашских селений, то на территории современной Чувашии числилось около 300 материнских селений [Димитриев, 2004, с.88].

В нижнем звене управления власти использовали представителей местного населения по установившейся еще в Казанском ханстве системе. Волостными сотниками назначались (до середины XVII в.) представители чувашской феодальной прослойки. Во главе отдельных чувашских деревень или групп селений ставились выборные старосты из ясачных крестьян. Сотники и старосты подчинялись уездной администрации.

Русское правительство в присоединенной области развернуло усиленную помещичье-монастырскую колонизацию. Земли хана и разгромленной казанско-татарской феодальной знати, как на Луговой, так и на Горной стороне, в 50–60-х гг. XVII в. были переданы в качестве вотчин и поместий казанскому архиепископу, казанским и свияжским монастырям, воеводам, дворянам и детям боярским. Лишившись своих земель вследствие захвата их помещиками, монастырями и городами, чувашские крестьяне переселялись целыми деревнями на «новые земли», т.е. в «дикое поле».

Освоение «дикого поля» привело к значительному расширению основной этнической зоны обитания чувашей. Мирные условия жизни в составе России благоприятствовали экономическому развитию чувашского народа, увеличилась его численность. В XVI–XVII вв. все чувашки проживали в регионе Среднего Поволжья. Относительно XVIII в. В.И.Кабузан уже добавляет «почти все» [Кабузан, 1990, с.115, 245]. Кроме того, в 20-х гг. XVIII в. они начинают заселять Южное Приуралье, а с 60-х гг. – южные районы Среднего Поволжья. Однако здесь их в XVIII в. было немного.

После падения Казани татарской феодальной знати в Чувашии не осталось. Во второй половине XVI в. упоминается один из них – князь Темей Теняков, который проживал в д. Пюкасы (совр. Большое Князь-

Теняково) Чебоксарского уезда. Сотников и тарханов в Чебоксарском и Цивильском уездах числилось более ста человек. Вместе с князьями они стали служить русскому царю.

В период борьбы за Казань и после Иван IV жаловал оказавшим ему услуги представителям чувашской знати звания и привилегии тарханов. Князья и сотники, как и в ханстве, управляли волостями, подчиняясь теперь русским воеводам. Тарханы несли службу в русской армии. За князьями, сотниками и тарханами сохранялись их вотчинные земли и зависимые от них общинные крестьяне. Появилась такая социальная прослойка, как новокрещены и служилые чуваша. Размещались они в городах, по укрепленным линиям (засечным чертам).

В источниках первой половины XVII в. служилые чуваша Козьмодемьянского, Кокшайского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов именуется служилыми тарханами. По состоянию на 1637 г., численность служилых чувашских тарханов и служилых чувашей составляла в Козьмодемьянском уезде 10 чел., в Кокшайском – 6, в Курмышском – 30, в Свияжском – 50, в Цивильском – 55, в Чебоксарском – 48, в Ядринском – 17 чел. [Димитриев, 2005, с.54].

В отличие от русских крестьян, чувашские не находились в непосредственной зависимости от русских помещиков и монастырей, т.е. не были превращены в частнособственнических крепостных. Основная же масса чувашей осталась на положении «черных людей» – податного люда. Кроме уплаты ясака и многочисленных оброков, ясачные чуваша выполняли повинности по строительству и ремонту городских крепостей, оборонительных линий, дорог, мостов и т.д. Во время войн чуваша обязаны были поставлять по одному воину с трех ясаков – шести крестьянских дворов.

По приблизительным подсчетам, на территории современной Чувашии в 1630-е гг. проживало около 175 тыс., в 1680-е гг. – около 200 тыс. чел., из них чуваша составляли 80–81%, русские – 16–17%, татары – 1,5–2%, мордва – 1% [История Чувашской АССР, 1983, с.73, 85].

В XVII столетии еще существовала феодальная прослойка из чувашей – сотники,

тарханы, служилые новокрещены и служилые чуваша. Сотников и тарханов из чувашей было около 300 чел. Они владели небольшими поместьями (от 10 до 120 десятин). В дальнейшем их численность постепенно сокращалась.

Основную массу чувашей составляли ясачные крестьяне. Они были объединены в сельские общины, которые, скорее, носили не соседский, а родственный характер, так как в одну общину объединялись материнские и дочерние населения. Члены общины вели единоличное хозяйство. Большая часть пахотной земли и сенокосов была поделена между отдельными хозяйствами. По традиции участки нередко передавались по наследству. Леса, выгоны, рыболовные угодья (реки и озера) находились в общем пользовании.

Подавляющее же большинство ясачных чувашей составляли люди «среднего» состояния. Но имелись, в незначительном количестве, разорившиеся, неимущие крестьяне, не способные к несению тягла. За пользование землей чувашские крестьяне платили государству денежный и хлебный ясак. Ясак являлся не только податью, но и единицей обложения. Он определялся по размерам земельной площади. В чувашских уездах на 1 ясак приходилось в среднем 15 десятин пашни и 10 десятин сенокоса. Крестьянский двор мог платить целый ясак, три четверти ясака, пол-ясака и четверть ясака.

Чуваша платили казне оброк за бортовые урожаи, рыбные ловли, бобровые гоны, мельничные места, оброчные пашни и сенокосы, сборы от «иноверческих свадеб», конские (с купли-продажи лошадей), таможенные (с привоза и продажи товаров), крепостные (за оформление купчих, каменных и других документов) и тому подобные пошлины.

Повинности ясачных чувашей были многочисленны и обременительны. В 1647–1654 гг. чувашские крестьяне с каждых 5 дворов выделяли по одному работнику – «деловцу» – на строительство засечных черт, крепостей и острогов Симбирской укрепленной линии. В 1652–1658 гг. чуваша, наряду с татарами, мордвой, марийцами, удмуртами и русскими, строили Закамскую линию. В первый год на строительство

брали по одному человеку с трех дворов, а впоследствии – по одному с шести дворов. Чувашские крестьяне несли и службу на засечных чертах, в частности, на Тетюшской засеке. В 40-х гг. XVII в. на засечную службу выделялось по одному человеку с 10 дворов.

Чувашей привлекали и к военной службе. В течение всего XVII в. они были обязаны во время войн ставить одного ополченца с трех полных ясачных дворов.

Особенностью феодального строя чувашской деревни XVII в. было то, что ясачные люди являлись крепостными всего государства, были прикреплены к земле, составлявшей собственность этого государства. Ясачный чуваш не мог оставить или забросить свою землю, отлучиться из деревни на продолжительное время без ведома начальства. Лишенные прав, чуваша не допускались к участию в уездных и вышестоящих органах управления.

Зона сравнительно компактного расселения чувашского этноса, не говоря уже о периферийных землях, время от времени подвергалась изменениям в ходе территориальных реформ. Так, в XVI–XVII вв. территория современной Чувашии находилась под управлением Приказа Казанского дворца. По губернской реформе Петра I в 1708 г. она вошла в состав Казанской губернии, затем часть ее отошла к Нижегородской губернии, выделенной из Казанской в 1714 г.

В 1719 г. губернии были подразделены на провинции, включавшие несколько уездов. Чувашию составляли полностью Чебоксарский и Цивильский, частично – Свияжский, Козьмодемьянский и Кокшайский уезды Свияжской провинции, несколько селений Казанского и часть Симбирского уездов Казанской губернии, целиком Ядринский и части Курмышского и Алатырского уездов Алатырской провинции Нижегородской губернии. Уезды по-прежнему делились на волости или станы. Такое административное деление просуществовало до областной реформы, проведенной в Среднем Поволжье в 1780–1781 гг. Но к тому времени некоторая часть чувашского этноса находилась также и на землях Самарской, Уфимской, Оренбургской и Саратовской губерний.

Согласно I ревизии (1719–1723 гг.), чуваша, насчитывавшие в общей сложности

217,9 тыс. человек, являлись одним из крупных народов России. В целом в первой четверти XVIII в. в общем составе населения Среднего Поволжья удельный вес чувашей достигал 13,8%, татар – 13,3%, мари – 3%, мордвы – 4,9%.

С учетом всех социальных групп общая численность населения Чувашии на исходе первой четверти XVIII в. приблизительно составляла 243 тыс. человек, в третьей четверти века – 275 тыс. и в 1795 г. – 289 тыс. [Димитриев, 1959, с.47].

В географическом плане на небольшой территории междуречья Суры и Свияги чуваша обитали в целом компактной массой: соседями с севера были марийцы, с запада – русские, с востока и юго-востока – татары, с юга – русские и отчасти мордва; русские и мордовские селения кучно располагались в юго-западных районах Чувашии, татарские – в юго-восточных, русские селения встречались в центральных районах, а также в окрестностях городов и по берегам рек.

Основным занятием чувашских крестьян оставалось земледелие. В северной половине Чувашского края как озимые, так и яровые в урожайные годы приносили «сам-три», «сам-четыре», редко «сам-пять», в юго-восточной зоне собирали урожай ржи вчетверо и впятеро, овса, полбы и ячменя – вшестеро, пшеницы – втрое, гречихи, проса, гороха, конопли – 7 и 8 раз больше против высева.

Чуваша выращивали в огородах капусту, репу, огурцы, чеснок, лук, редьку и пр. Сады у них появляются лишь с середины XVIII столетия. Зарождается окультуренное хмелеводство. Животноводство у чувашей занимало важное место. Развивалось пасечное пчеловодство.

Необходимо подчеркнуть, что безземельных дворов среди чувашей было относительно мало (в первой четверти XVIII в. безьясачные, или бобыльские, дворы составляли около 1%).

Чуваша занимались всеми видами крестьянского ремесла – колесным, санным, бондарным, сыромятным, шорным, кожевным, валяльным, портняжным, скорняжным, гончарным, столярным и др. Следует отметить, что с целью пресечения изготовления оружия, применяемого в на-

родных движениях, царское правительство еще в начале XVII в. запретило чувашам и другим поволжским народам заниматься кузнечным и серебряным делом (запрет сохранялся вплоть до XIX в.). Во второй половине XVII в. в городах Чувашии возникли кожевенные, винокуренные, салотопенные и другие предприятия русских купцов.

Что касается сферы торговли, то среди чувашских крестьян купцов было меньше, чем среди русских и татарских. Интересно, что вывоз товаров из края в ценностном выражении в 9–10 раз превышал ввоз. Основным предметом вывоза был хлеб. Из Чувашии ежегодно вывозили около одного миллиона пудов ржаной муки, а также хмель, пеньку, пушнину, мед, воск и хлебное вино.

Чувашские крестьяне были обложены государством множеством всевозможных «сборов»: за казенные пашни и сенокосы, бортовые и хмелевые ухаи, бобровые гоны, мельничные места, рыбные ловли и свадьбы. А в XVIII в. для чувашей были введены дополнительно и такие, как с крестьянских бань (по 15 копеек в год), с языческих киреметей, пасечных ульев, клеймения хомутов, трехрублевый налог с женихов.

В условиях экстенсивного хозяйства в середине XVIII в. в чувашских селениях стали ощущаться признаки малоземелья. Это явилось основной причиной переселения крестьян из Чувашии в восточные и южные регионы страны, принявшего с 40-х гг. массовый характер.

Чуваши, будучи исключительно крестьянским, земледельческим народом, особенно тяжело воспринимали необходимость выполнения так называемой «работной повинности», т.е. набора людей на строительные, промысловые и транспортные работы. В конце XVII – первые годы XVIII вв. чувашей брали на возведение укреплений и строительство судов на юге (в Азове, Воронеже, Таганроге), затем – на строительные работы в Петербурге, на Котлине острове, на Олонецкой верфи, на сооружение каналов и т.п. [История Чувашской АССР, 1983, с.109]. В дополнение к общероссийским наборам чуваша давали работных людей по наборам местного характера – на заготовку лесоматериалов, на работы при Казанском

адмиралтействе, на Симбирских заводах, на возведение местных крепостей и укрепленных линий и т.п. Людей отбирали с определенного количества дворов и в период отбывания повинности содержали на средства тех же хозяйств.

Эксплуатация, произвол и бесчинство чиновников, насильственное насаждение православия вызывали сопротивление населения. Чуваши участвовали во всех крупных выступлениях народных масс в Среднем Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. и особенно массово в одном из самых крупнейших крестьянских движений в истории России – в крестьянской войне под предводительством Е.И.Пугачева.

Правительство было заинтересовано в получении наибольшей прибыли от инородцев. Однако власти не допускали чувашей к управлению, препятствовали использованию и изучению чувашского языка, не содействовали развитию национальной культуры. Официальные круги и господствующие сословия пренебрежительно относились к быту, нравам и обычаям чувашей [Димитриев, 1959, с.489].

Особой страницей истории чувашей XVIII в. является реализация царизмом политики их насильственной христианизации, через посредство которой, собственно говоря, и была поставлена задача русификации народа. Но эта политика первоначально – в XVI–XVII вв. – никакого успеха не имела. Зато активно продолжалась татарская ассимиляция чувашей. Дело в том, что ислам в царской России был в оппозиции государственной религии – православию. Поэтому чуваша, проживавшие среди татар, стали видеть в исламе средство социального сопротивления. Но принятие ислама вело к обязательному отатариванию, так как в отличие от православных церковников, не принуждавших чувашей при крещении к отказу от своей национальности, мусульманские миссионеры при переходе их в ислам требовали отречения и от своей национальности. Так чуваша «уходили в татары» (тутара тухнӑ), т.е., принимая мусульманство, они как бы автоматически становились и этническими татарами.

В XVIII в. московское правительство принимает ряд указов, облегчающих положение

принявших православие чувашей и существенно сужающих права язычников. Некрещеный местный феодал не мог владеть крещеными крестьянами, а в случае его смерти имущество передавалось в казну или только православному родственнику. «В этих условиях, – отмечает Н.В.Никольский, – чтобы сохранить свои права на земли, владетельные особы из чувашей принимали христианство и постепенно сливались с коренным русским элементом. Другие чувашские родоначальники сближались с татарскими князьями, чтобы совместно противодействовать ограничительным мероприятиям правительства, чувашские мурзы Нижегородского края, упоминаемые под 1647 г., к началу XVIII в. не существуют: они отатарились и омусульманились» [Никольский, 1919, с.17]. Таким образом, в условиях противостояния ислама и православия в Поволжье чувашские мурзы и князьки, т.е. именно та часть чувашей-язычников, которая была в социально-культурном плане наиболее продвинутой частью этноса и потому составляла основу его генофонда, или обрусевала, или отатаривалась, принимая ислам.

Обращение чувашей в христианство объективно способствовало развитию просвещения, в открываемых в чувашских поселениях «инородческих новокрещенских» школах вводился родной язык, хотя это делалось властями, прежде всего, в целях эффективной христианизации и русификации.

Еще Петр I в своей инструкции о крещеных иноверцах (1724 г.) требовал «склонять владельцев и законников их к христианскому учению... и книги нужные перевести на их язык» [Иванов, Николаев, 2000, с.60]. С 1740 г. по 1773 г. в новокрещенских школах обучалось около 380 чувашских мальчиков. Учащихся набирали в принудительном порядке. Хотя срок обучения был довольно большой – 9 лет, учащиеся получали лишь элементарные знания, обучение велось на русском и церковнославянском языках. В школах применялись телесные наказания. Учащиеся владели полуголодное существование, болели и умирали. Выпускники школ определялись в приходы причетниками. Наиболее успевающие переводились в Казанскую духовную семинарию.

В 1789–1791 гг. в городах Чувашии – Чебоксарах, Ядрине и Козьмодемьянске – появились малые народные училища, но чувашские дети в эти училища почти не попадали. В начале XIX в. сельских школ на территории Чувашского края вообще не было. Чувашские крестьяне неохотно отдавали детей в школу. Одной из главных причин отказа было преподавание на мало понятном для чувашей русском языке. Царское правительство не разрешило вести начальное обучение на родном языке народностей Поволжья. В начале XIX в. на тысячу чувашей приходилось не более 4–5 грамотных [Иванов, Николаев, 2000, с.60].

В 1769 г. в Петербургской типографии Российской Академии наук издается книга «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», составленная под руководством В.Пуцка-Григоровича при участии учащихся-чувашей Казанской духовной семинарии.

К кругу первых деятелей культуры, просвещения и науки из чувашей рассматриваемого периода обычно принято относить известного российского архитектора Петра Егоровича Егорова (1728(31)–1789). П.Е.Егоров занял видное место среди незаурядных российских зодчих XVIII в. Он был автором проекта и строителем в северной столице ограды Летнего сада, считающейся непревзойденным шедевром архитектурно-декоративного искусства, соавтором проекта и ведущим строителем одного из красивейших зданий – Мраморного дворца, участником строительства Зимнего дворца, Смольного монастыря, автором ряда жилых домов и храмов.

Подытоживая, следует отметить, что, по мнению исследователя В.Д.Димитриева, к концу рассматриваемого периода, т.е. в XVIII в., Чувашия заняла свое определенное место в общероссийском историческом процессе, выступая как определенный район в экономике России, в системе всероссийского рынка – район, поставляющий хлеб, мед, лес, кожевенные товары, продукты обработки хлеба и т.п.; она играла значительную роль в широких антифеодальных движениях XVIII в. (см.: [Димитриев, 1959, с.489]).

Несмотря на условия феодального и национально-колониального угнетения, во всех областях общественного производства и жизни наблюдался, хотя и медленный, прогресс, обусловленный внутренними силами общества и внешним воздействием, т.е. влиянием общероссийской социально-экономической обстановки. В Чувашии, как и в Центральной России, происходило ускоренное развитие товарного производства и обмена, появились купеческие промышленные предприятия, главным образом по переработке сельскохозяйственной продукции, возникло несколько вотчинных промышленных заведений, росло число крестьян, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью.

На историческом пути чувашского народа период XVII–XVIII вв. был временем дальнейшего развития его производствен-

ных навыков в области сельского хозяйства и ремесла. Хозяйство чувашских крестьян постепенно втягивалось в рыночные отношения, в результате чего изживалась замкнутость чувашей. Шло дальнейшее усиление крепостнической зависимости чувашского крестьянства от феодального государства, от класса русских феодалов, взятого в целом, росло угнетение среднестатейных и маломощных крестьян представителями национальной патриархально-феодальной прослойки. В то же время росли самосознание чувашского крестьянства, его способность к сопротивлению и активность в борьбе против угнетателей. Несмотря на национальный гнет, самобытная чувашская культура развивалась. Появились отдельные грамотные люди из чувашей. Были сделаны первые шаги в изучении хозяйства, языка и культуры чувашского народа [там же].

ГЛАВА 2

Политика государства в Волго-Уральском регионе и Сибири в I половине XVIII в.

§1. Переход от воеводской системы управления к губернской

Игорь Ермолаев

Воеводское управление на рубеже XVII и XVIII вв. К концу XVII в. недостатки воеводской системы управления проявились особенно ярко. Лучше всего это прослеживается при сравнении воеводской системы в целом с предыдущей – наместнической и последующей – губернской системой местного управления в России. Все исследователи признавали преемственность между воеводским и наместническим управлением, с одной стороны, и губернаторским и воеводским – с другой. Должность воеводы была, если можно так выразиться, промежуточной стадией, переходной формой от наместнической власти с ее практической бесконтрольностью к губернаторской, бюрократически точно и строго оформленной, символизирующей окончательно выраженную идею абсолютистского самодержавного государства. Именно поэтому воеводская система управления неминуемо должна была заключать в самой своей основе многие противоречивые свойства, так как она сохраняла еще многое от прежней власти, но несла уже в себе и зародыш будущей.

В процессе дальнейшего развития централизованного государства, по мере создания основ абсолютистской монархии система местного управления, основанного на воеводской власти и ее принципах, уже не могла соответствовать социально-политической структуре общества. Крестьянская война под предводительством Степана Разина показала, что царское правительство при существующей структуре его органов в центре и на местах не способно своевременно приводить в действие правительственные карательные силы и потому не

в состоянии эффективно бороться с недовольством народа, что для самих представителей власти явилось показателем наличия серьезных недостатков в организации системы управления страной. Объяснение было в том, что все правительственные органы на местах одинаково и почти непосредственно подчинялись центральному приказу (иногда даже не одному, а нескольким), воевода, имея большую, часто почти неограниченную власть, в то же время по каждому отдельному факту обязан был связываться с московским центральным приказом.

К тому же власть воеводы ограничивалась многими другими должностными лицами, часто действовавшими одновременно с ним в уезде, но не всегда подотчетными ему (сыщики, писцы, сборщики чрезвычайных налогов и др.). В ведении воеводы были большие контингенты правительственных войск (главным образом, стрелецкие подразделения – приказы), вместе с тем он никак не соотносился с полковым воеводой, действовавшим в той же местности, а полковой воевода не обязан был согласовывать свои действия с городовым воеводой. Обязанности полкового и городского воевод определялись наказами, нередко выдаваемыми различными приказами. Все это вносило большую неорганизованность и приводило к отсутствию должной связи между этими двумя представителями центральной власти на местах.

Точно такая же несогласованность действий царя и в административно-финансовой деятельности органов воеводского управления. Хозяйственные вопросы далеко не всегда могли оперативно решаться воеводской властью. Главными среди этих

вопросов для воеводы были сбор податей (прямых налогов), наблюдение за таможенными и кабацкими сборами как главным, основным каналом получения государственных доходов, организация других видов косвенных налогов, «контроль за исполнением многочисленных земских повинностей тяглого населения, испомещение, а иногда и верстание земельными окладами служилых людей в уезде, обеспечение служилого сословия денежным и «хлебным» (натуральным) жалованьем и др. В число хозяйственных вопросов управления входило и большое количество мелких обязанностей: контроль за функционированием различного вида «дворов» (делового, рыбного и др.), ремонт городских укреплений и т.д. Т.е. это были многочисленные, трудоемкие и сложные вопросы, на исполнение которых у воевод часто не находилось времени, желания, а иногда и умения. Кроме того, у воеводы часто не было сил и средств для их решения. Несмотря на целый ряд мероприятий, проводимых властями, недоимки по сбору налогов у населения год от года росли; например, к моменту образования губернии некоторые крестьянские дворы имели еще задолженность за 70-е гг. [Ермолаев, 1982, с.164].

В дополнение к сказанному приведем еще один пример, ярко характеризующий безуспешность отдельных попыток правительства как-то наладить хозяйственное положение в крае. В Казанском уезде до 1670 г. в волости для сбора ясака направлялись приказные, люди (дворяне и дети боярские, а также подьячие). Но после вспышк народного недовольства во время крестьянской войны Степана Разина было официально признано, что сборщики ясака, «чинили многие налоги и обиды и сверх ясачных денег собирали с них [ясачных людей] многие деньги», от чего «ясачным деньгам и хлебу [сбору налога] учинилась многая доимка [недобор]» [ПСЗ-1, т.3, №1579, с.294]. После восстания Степана Разина казанский воевода А.А.Голицын в 1671/72 г. передал сбор ясака в руки самих ясачных людей (выборных). Но после Голицына местные власти снова вернулись к прежнему принципу сбора ясака с помощью служилых людей. Приказ Казанского дворца, признав целесо-

образность нововведения Голицына, неоднократно обращал на это внимание местных властей и безуспешно пытался вернуться к этому эксперименту, чтобы предотвратить новые взрывы народного недовольства. Так, в наказах 1677 и 1686 гг. отмечалось, что «в прошлых годах... зборщики... ясачным людям чинили налоги и убытки» [Дмитриев, 1974, с.321, 375]. В наказе 1697 г. снова вспоминалось, что практика, введенная Голицыным, не получила продолжения, и категорически требовалось «в Казанской уезд для всяких ясачных сборов сборщиков и дворян и детей боярских и иноземцов и никого служилых людей отнюдь из Казани не посылать» [ПСЗ-1, т.3, №1579, с.294]. Но все эти напоминания так ни «к чему и не привели: воеводы не подчинялись указаниям центральной власти. Таким образом, основным недостатком воеводской системы управления было отсутствие должной централизации всех органов царской администрации.

Недостатки воеводского управления (большое число злоупотреблений властью, медленность и неоперативность решений, значительная субъективность в решениях и действиях и т.д.) привели к попыткам центральной власти в последние десятилетия XVII в. несколько преобразовать организацию местного управления. В частности, это коснулось изменения некоторых положений «Соборного уложения», узаконившего основные черты общественных отношений и политического строя России середины XVII в. Так, по «Соборному уложению» «розбойные и убийственные и татинные дела» (так называемые «губные дела», т.е. уголовные, к которым тогда обычно относили и открытые формы проявления недовольства) были переданы губным старостам и целовальникам, подчинявшимся Разбойному приказу, но для некоторых городов (например, почти всех Понизовых) были сделаны исключения.

С целью унифицировать систему управления, а заодно попытаться уменьшить число злоупотреблений властью воевод и рост недовольства населения в 1669 г. в «Новоуказных статьях», принятых в дополнение к «Соборному уложению», была сделана попытка несколько ограничить власть вое-

вод в уездах. Они были отстранены от участия в уголовном судопроизводстве («губные дела»), которое перешло полностью в руки сыщиков и подчиненных им губных старост из дворян и детей боярских. Более того, губные старосты и сыщики, подчинявшиеся Разбойному приказу, стали совершенно независимыми от воеводского управления и по центральной соподчиненности.

Но это не привело к улучшению. Напротив, начавшаяся вскоре крестьянская война и трудность борьбы царского правительства с восставшими массами побудили его «шарахнуть» в другую сторону: попытаться вновь сосредоточить власть в уездах Среднего Поволжья в одном центральном органе – Приказе Казанского дворца. В 1672 г. был издан царский указ, который восстановил существовавшее еще «в прошлых годах» положение о том, что «понизовых городов всяких чинов служилым и жилецким людем русским и мурзам, и татаром, и мордве, и всяким яшашным людем на всяких людех искать и отвечать... в одном Приказе Казанского дворца, а в иных приказах их судом не ведать» [ПСЗ–1, т.1, №526, с.907].

В последующие годы делаются попытки усилить степень централизации и концентрации власти. В 1677 г. был издан указ об отмене практики периодической смены воевод в городах – отныне без специального царского (именного) указа запрещено было сменять воевод и приказных людей [там же, т.2, №704, с.143]. Через два года, в 1679 г., во изменение «Новоуказных статей» 1669 г. была сделана попытка соединить всю власть в уезде в руках воеводы, сделать его единственным представителем центральной власти в уезде [там же, т.2, №779, с.219–220]. Указом 1679 г. были упразднены многие должностные лица приказного управления, в том числе сыщики, губные старосты, ямские приказчики, осадные, пушкарские, засечные и житничные головы, «присыльные сборщики» (т.е. назначаемые и присылаемые из Москвы или каким-то образом подчиненные, помимо воеводы, Москве). Указ гласил: «А городовое строение и засеки и губные дела и ямских охотников и денежной и хлебной сбор и всякое дело ведать воеводам. одним, чтоб впредь градским

и уездным людем в кормех лишних тягостей не было» [там же, с.219].

Но в 1683 г. новым указом было вновь разрешено, с санкции царя и по просьбе помещиков и посадских людей, посылать сыщиков в отдельные города для сыска беглых людей, крестьян и бобылей [там же, т.2, №997, с.502], а в 1684 г. были восстановлены должности губных старост, а губные дела снова отняты у воевод: «во всех городех быть губным старостам и тех городех разбойныя и убийственныя и татиныя и всякие губные дела ведать им по-прежнему, а воеводам тех дел не ведать» [там же, №1062, с.576].

Одновременно воеводы постепенно вновь сосредоточивают в своих руках значительную степень судебной власти. Особенно это относится к воеводам Казанского края. Так, воеводам Казани по наказу 1697 г. было разрешено не только судить преступников, но и приводить в исполнение приговоры, вплоть до смертных казней. Эти же права имели воеводы и некоторых других крупных центров, например Астрахани. Усиление власти воевод в конце XVII в. завершилось новой отменой должности губных старост в 1702 г., ведомство которых полностью и окончательно перешло к воеводам.

Такая «чехарда» в отношении полномочий воевод и других представителей власти по одному из самых «больных» в то время, животрепещущих вопросов – борьбы с «разбоями» – характеризует государственный строй России конца XVII в. Выразительную оценку этого положения дал А.Д.Градовский: «Все средства были извещены правительством: губные старосты без сыщиков, сыщики с губными старостами, одни сыщики без губных старост; разбои усиливались, а средства Разбойного приказа уменьшались». Изучив наказания губным старостам, Градовский вынужден был признать, что они «носят на себе характер актов, изданных для общества, находящегося на военном, осадном положении» [Градовский, 1899, с.440, 441].

Одновременно с усилением власти местного управления делались попытки как-то скоординировать деятельность многочисленных центральных органов власти,

определить какую-то субординацию между ними. «Эволюция приказной системы, – говорится в академическом издании «Очерков истории СССР», – в XVII в. выражалась, во-первых, в бюрократизации центральных учреждений и, во-вторых, в централизации аппарата» [Очерки истории, 1954, с.291]. В 1677 г., например, было установлено, что Разряд как один из важнейших центральных приказов должен направлять в другие приказы не памяти, а указы (как высший государственный орган низшему). Но некоторые приказы (в том числе и Приказ Казанского дворца), по самой своей структуре и высокому положению возглавлявших их лиц (бояр), не входили в число приказов, стоящих на более низком уровне управленческой градации по сравнению с Разрядным приказом. Таким образом, феодальная ограниченность мировоззрения XVII в. и здесь дала половинчатое решение. Четко выраженную координацию значимости и принцип соподчиненности приказов создать опять-таки не удалось, хотя общая тенденция к централизации и бюрократизации управления выражена довольно ясно. Сохранил свое особое, очень высокое в государственной иерархии положение и Приказ Казанского дворца.

В 1680 г. была сделана попытка реорганизовать управление военными силами и сконцентрировать его в специализированных учреждениях, прежде всего в Разрядном приказе. В связи с этим 12 ноября 1680 г. Казанский разряд Приказа Казанского дворца (специальное подразделение приказа, ведавшее полковой службой служилых людей территории «понизовых» городов) был ликвидирован, а все его дела по служилым людям старой полковой службы были переданы в Разрядный приказ, в котором был учрежден особый «Казанский стол». Но при этом опять было сделано очень много исключений. Так, ратные люди полков «нового строя», ведавшие ранее в Приказе Казанского дворца, переходили теперь в ведение соединенных в один Иноземского и Рейтарского приказа; стрелецкие же отряды, которые по всей России ведались в Стрелецком приказе, были оставлены в компетенции Приказа Казанского дворца под тем предлогом, что они служат «низовую астраханскую службу»; в ведении Приказа Ка-

занского дворца была оставлена и та часть служилых людей, поместья которых были расположены на территории Нижней Волги [ПСЗ–1, т.2, №844, с.283–285].

Таким образом, попытка в 1680 г. объединить военное управление в одном Разрядном приказе на самом деле усилила административное разъединение. Формально сделанное разделение полномочий единого в своих частях Приказа Казанского дворца не оправдалось, и уже через полгода, в июне 1681 г., полномочия Казанского разряда как отдела Приказа Казанского дворца были восстановлены [Порфирьев, 1912а, с.551].

Все эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что на рубеже XVII и XVIII вв. как центральное, так и местное управление Среднего Поволжья, не справляясь со всеми своими функциями и обязанностями, требовало решительной и скорейшей перестройки. Правительство искало выхода из создавшегося положения, делало эксперименты в разных вариантах, но не находило решения вопроса. Назревал кризис воеводского управления на местах и руководства им в центральных правительственных учреждениях. Реформирование и того и другого все яснее вставало на повестку дня. Это было осуществлено в начале XVIII в. административными преобразованиями правительства Петра I.

Образование губерний. Казанская губерния. Преобразования правительства Петра I с самого начала затронули и местное управление. Уже в первой половине 90-х гг. было издано несколько указов об увеличении срока пребывания воевод в своей должности, что сделало более стабильным и квалифицированным ее исполнение. Сначала указом 1692 г. было установлено назначение воевод на неопределенное время. Затем указом 1695 г.: для сибирских городов было установлено общее правило об исполнении воеводами своих должностей от четырех до шести лет и более [ПСЗ–1, т.3, №1511, с.203–204].

В 1692 г. ярославскому воеводе была передана часть управления городами Ростовым и Переяславлем-Залесским [там же, №1442, с.130]. Таким образом, одному воеводе стали подвластны несколько городов, тогда как раньше в каждом городе, независимо от его

размера, местоположения и политического значения, был самостоятельный воевода, чаще всего (за исключением пригородов) не имевший никакой соподчиненности с воеводами соседних городов данной местности. Серией указов, изданных в 1697 г., различным воеводам (в Казань, Терек, Тобольск) было обращено внимание на необходимость совместных действий воеводы и его «товарищей» в вопросах управления и на одинаковую ответственность их всех перед центральной властью [там же, №1579; с.300–301; №1585, с.307–322; №1594, с.335–375; №1595, с.375–402].

В январе 1699 г. Петр I провел реформу городского управления. Это была первая общероссийская реформа правительства Петра I, вызвавшая значительные перемены в государственном аппарате, благодаря созданию нового учреждения – Бурмистерской палаты как органа самоуправления городского (посадского) населения, (в Москве она вскоре была переименована в Ратушу). В других городах такие органы получили привычное для населения название земских изб. Эта реформа предоставила посадскому населению право выбора из своей среды всего состава бурмистерской палаты (земской избы) во главе с бурмистром, тем самым оно освобождалось от воеводского управления. Задачами этих вновь созданных органов были свое внутреннее управление, суд и сбор налогов. Целесообразность этой реформы объяснялась «многими» случаями «обид и налог, и поборов, и взятков» со стороны воевод и других лиц местного приказного управления по отношению к посадским и уездным людям [там же, №1675, с.600–601].

Серией последующих указов сужение власти воевод применительно к посадским людям и уездным крестьянам было подтверждено. Так, в именном указе от 8 декабря 1699 г., направленном вятскому воеводе, говорилось: «Воеводе вятчан посадских людей и уездных крестьян ни в чем ведать и никаких нападков чинить и в земские ни в какие дела вступаться не велено» [ПСЗ–1, т.3, №1731, с.678]. В 1700 г. воеводы были поставлены в финансовом отношении под определенный контроль земских изб и старост (бурмистров). Ратуша как центральный

финансовый орган потребовала у земских старост всех городов «книги из земских изб» начиная с 1696/97 г. для выяснения, «где в которых городех было в сборе с миру, и в расходе на воеводские всякие дачи, порознь денег и иных доходов» [там же, т.4, №1742, с.5]. Если раньше таможенные головы, собиравшие пошлины, подчинялись воеводским приказным избам, то теперь сбор пошлин (на сельских торжках, например) был передан выборным бурмистрам, подчиненным земской избе, и таким образом изъят из рук воеводы.

Правительство и дальше продолжает принимать решительные меры в отношении ограничения власти воевод. Проходит всего год и после передачи управления посадским населением в руки земских изб, как выходит строжайший указ о наказании (отдаче под суд) воевод, вмешивающихся в деятельность бурмистров (земских старост). 16 февраля 1700 г. объявляется указ о конкретном наказании воевод из городов Путивля и Орла за то, что им «торговых тутошних и приезжих всяких чинов людей ведать не велено, а они, воеводы... ведали и взятки имали и били», это квалифицируется как «в сборах его, великого государя, помешательство и в земских делех остановление». Действие указа распространяется на всю страну: «и в иных которых городех воеводы такое же ослушание чинили и торговых людей сами ведали... и тех по тому ж взять и впредь имать к Москве и розыскивать в Ратуше ж» [ПСЗ–1, т.4, №1760, с.12–13].

С целью укрепления финансового управления и создания стройной системы соподчиненности городов и уездов с центром страны (т.е. создания промежуточного звена управления между уездами и центральными органами правительства) в октябре 1699 г. была сделана попытка создания «провинций» (не путать с провинциями как административно-территориальным делением, созданным Петром I в 1719 г.) на основе торговых связей. Эти провинции (их, пожалуй, можно было бы назвать фискальными, финансовыми), состоящие из нескольких городов и возглавляемые бурмистром главного города, должны были объединять связанные с ними экономически города по вопросам сбора таможенных и кабацких

пошлин и «во всяких делах». Право непосредственного сношения с Москвой имел только бурмистр главного города. Едва ли в этих провинциях следует видеть зародыш идеи создания губерний, скорее всего, это была, с одной стороны, попытка укрепить права и политическое влияние верхов купечества в государстве, а с другой – увеличить размеры собираемых в государстве окладных косвенных налогов.

Итак, реформа 1699 г. и указы последующего времени значительно ограничили власть воевод (в одной из самых важных ее частей – финансовой). Только в Сибири пока сохранялась в неприкосновенности воеводская система управления. Указом от 27 октября 1699 г. объявлялось о нераспространении на сибирские города введения должности бурмистров и о сохранении сборов пошлин головами и целовальниками с подчинением их воеводам. Это было не удивительно ввиду отдаленности сибирских городов от центрального управления и потому трудности контроля над новыми органами еще не отработанной системы.

Одновременно в начавшихся «преобразованиях правительства Петра явно просматривается идея дальнейшего возвышения дворянства как господствующего сословия. В 1702 г. при воеводах было предложено создать нечто вроде советов из помещиков и вотчинников уездов. В эти советы, которые должны были все дела ведать совместно с воеводой («по общим приговором»), дворяне избирали своих представителей: в больших городах по три или четыре человека, в малых – по два человека. Одновременно указ упразднял губных старост и сыщиков, о чем уже говорилось выше, и передавал все уголовные дела в руки воевод.

В 1705 г. последовал новый указ о повсеместном введении корпоративного института «товарищей воевод» из дворян того же города [ПСЗ–1, т.4, №2018, с.284]. Таким образом, если раньше воеводы и их «товарищи», как правило, по должны были иметь никакой связи с данной местностью, то теперь, напротив, все более внедряется принцип привлечения к делам управления местного дворянства – принцип, который получит свое развитие с созданием губернской системы. Правда, надо сказать, что эта

попытка создания сословной воеводской коллегии по дворянским делам при воеводах успеха не имела. В 1706 г. из ведомства воевод были изъяты все крепостные дела, т.е. оформление крепостных документов (частных юридических актов), и переданы в ведомство городских ратуш. Так шло постепенное упразднение как самой должности воеводы в качестве главы административно-финансовой и судебной власти в уезде, так и аппарата воеводского управления.

Итак, переход в структуре местного управления от воеводской системы к губернской нельзя рассматривать как единовременное мероприятие. Это был процесс постепенного сужения и ограничения власти воеводского управления и поиска путей создания новых органов местной администрации.

Начался этот процесс в первой половине 90-х гг. XVII в. с попыток приспособить, укрепить воеводское управление и сделать его более действенным для выполнения задач создания крепкой власти на местах, пользующейся всемерной поддержкой основных социальных сил, на которые опиралось правительство в своей политике, – дворянства и купечества (верхушки посадского торгово-промышленного населения). Этот период характеризовался сначала отдельными мероприятиями частного характера, которые, однако, сразу показали свою бесперспективность и не дали даже надежды на решение поставленной правительством задачи. Поэтому вскоре (в 1699 г.) правительство подошло к идее создания новых органов местной власти, однако, очевидно, еще не видя реальной перспективы дальнейшего преобразования системы местного управления.

Этот период характеризуется созданием Ратуши и бурмистерских (земских) изб в городах, изъятием из рук воевод определенной и очень важной части финансовых дел, укреплением воеводского управления за счет местных дворянских элементов и попытками превращения его в дворянский корпоративный орган. Но все эти мероприятия не принесли ощутимых результатов. Существование двух различных сословно-выборных органов в конкретных условиях начала XVIII в. не могло дать реальных

преимуществ ни местной, ни центральной власти. Поэтому уже в это время наблюдаются первые попытки поисков новых, форм местного управления, которые привели вскоре к созданию губерний и губернской чиновно-бюрократической системы местных органов.

В 1703 г. впервые появляется термин «губернатор». Так был титулован А.Д. Меншиков в именном указе царя от 19 июля 1703 г. [ПСЗ–1, т.4, №1937, с.223]. Меншикову было поручено управлять Петербургом и близлежащими уездами: Пошехоньем, Белозором, Каргополом. Вскоре ему была подчинена вся отвоеванная у шведов территория в Прибалтике – Ингрия и Эстляндия, а сам он титулуется уже (с 1704 г.) «генеральным губернатором» [там же, №1954, с.230–231]. В 1700 г. появляется термин «Ингерманландская губерния» [там же, №2097, с.344]. Назначение Меншикова губернатором и создание Ингерманландской губернии первоначально не внесло никаких изменений в существующую структуру местных органов власти. Вместо воеводской приказной избы под начальством Меншикова, например, находится своя приказная изба. Но вскоре начинают появляться новые органы: в 1704 г. при генерал-губернаторе Меншикове существует уже не «приказная изба», а «Ижорская канцелярия» [там же, №1954, с.230].

Таким образом, звание губернатора, которое получил Меншиков в 1703 г., знаменовало появление новой административной должности, стоящей между управителем уезда (воеводой) и центральной властью. Область, подведомственная губернатору, состояла из нескольких уездов, городами которых ведали обер-коменданты и коменданты, подчинявшиеся во всем губернатору. «Губернаторы сделались единственными представителями областей, – писал П.Н. Мрочек-Дроздовский, – которыми они, однако ж, управляли подобно воеводам XVII в. коллегиально: указы и грамоты, которые посылались губернаторам от центральной власти, содержали в себе обычную формулу: «губернатору с товарищи» [Мрочек-Дроздовский, 1876, с.34].

Следует обратить внимание и на то, что первое появление должности губернатора было частным явлением, вызванным,

по-видимому, необходимостью организовать управление вновь подчиненной власти российского царя области (Прибалтики), т.е. первоначально должность эта была связана с вопросами военной обстановки в управляемом крае. Это невольно вызывает в памяти ассоциацию с первым появлением должности воеводы в роли военного и гражданского управителя только что вошедшей в состав России территории бывшего Казанского ханства.

После назначения Меншикова губернатором воеводы всех городов, включенных в ведомство Меншикова, естественно, были поставлены под его контроль. Но сама воеводская должность не исчезла и не была ликвидирована, она продолжала существовать, лишь постепенно эволюционируя в одну из бюрократических ступеней губернской системы управления. В качестве одного из примеров такой эволюции (еще до официального введения губерний в России, т.е. до 1708 г.) можно привести сведения о Якове Римском-Корсакове, который в момент появления должности губернатора (1703 г.) являлся воеводой города Копорье, но уже вскоре, оставаясь воеводой в Копорье, получил указание о подчинении губернатору Меншикову по всем вопросам.

Постепенно термин «воевода» заменяется термином «комендант». Так, копорский воевода Яков Римский-Корсаков с марта 1706 г. становится уже «копорским комендантом». Царь (уже не лично, как раньше, а через губернатора Меншикова) объявляет ему об «определении» г. Копорье комендантом «по-прежнему» и поручает «заведывать» Ямбургским уездом и управлять делами своего ведомства «по Уложению, по Новоуказным статьям и применяясь к воеводским наказам» [ПСЗ–1, т.4, №2097, с.343–344], как обычно указывалось в воеводских наказах XVII в. Но уже через несколько месяцев указы копорскому коменданту Римскому-Корсакову дает самостоятельно ингерманландский губернатор Меншиков.

Указания И.И. Голикова в «Деяниях Петра Великого» дают возможность сделать предположение, что некоторые губернаторы (кроме Меншикова) были назначены за некоторое время до официального учреждения

губерний. Среди них в 1705 г. был, по сведениям Голикова, и казанский губернатор Б.А.Голицын [Голиков, 1837, с.143], в руках которого было объединено управление Казанью и Астраханью. В этом объединении двух крупнейших городов ведомства Приказа Казанского дворца можно видеть прообраз образования Казанской губернии. Названия «губернатор» и «воевода» в Казанском крае (Среднем Поволжье) некоторое время употреблялись параллельно и в дальнейшем (совсем как в середине XVI в., когда первые казанские воеводы часто именовались наместниками). Так, казанский губернатор П.М.Апраксин называется то одним, то другим титулом. В сентябре 1710 г. Апраксин именуется «казанским и астраханским губернатором», в январе 1711 г. – ближним боярином и казанским воеводой, в апреле 1713 г. – казанским губернатором, а в июле 1713 г. – снова «ближним боярином и воеводой» [Ермолаев, 1982, с.206].

Официальное введение в России должности губернатора и губернской структуры управления произошло в 1708 г. «Губернаторы, – указывает Н.П.Ерошкин, – получили чрезвычайные полномочия: каждый из них имел не только административные, полицейские, финансовые и судебные функции, но являлся и командующим всех войск, расположенных на территории подведомственной ему губернии. Губернатор управлял губернией с помощью канцелярии, где находились дьяки и подьячие (последние вскоре стали называться секретарями)» [Ерошкин, 1968, с.96].

По именному, объявленному из Ближней канцелярии указу от 18 декабря 1708 г. в России было образовано восемь губерний: Московская, Ингерманландская (в 1710 г. переименована в Петербургскую), Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская [ПСЗ–1, т.4, №2218, с.436–438]. Каждая губерния получила определенное количество специально оговоренных в указе городов (уездов). Рассматривая перечень городов, включенных в Казанскую губернию, нельзя не обратить внимания на то, что в нее вошла полностью территория, подведомственная в XVII в. Приказу Казанского дворца. Всего в состав Казанской губернии первоначально было

включено 37 городов и 35 пригородов. Перечислим города в той последовательности, как они даны в указе об образовании губернии: Казань, Яик, Терек, Астрахань, Царицын, Дмитровской, Саратов, Уфа, Самара, Симбирск, Царевосанчурск, Кокшайск, Свияжск, Царевококшайск, Алатырь, Цивильск, Чебоксары, Кашпир, Ядрин, Козьмодемьянск, Яранск, Василь (Васильсурск), Курмыш, Темников, Нижний Новгород, Арамас, Кадом, Елатьма, Касимов, Гороховец, Муром, Мокшанск, Уржум, Балахна, Вязники, Юрьевец-Повольской, Пенза. Пригороды имели следующие города: Казань, Астрахань, Симбирск, Уфа, Пенза.

Территория Казанской губернии не оставалась неизменной. Трудность управления такой большой областью со значительным числом местных особенностей в отдельных ее частях заставила правительство уже на втором этапе местных административных преобразований («вторая областная реформа») выделить из ее состава Нижегородскую и Астраханскую губернии, что было сделано в 1719 г.

После образования Казанской губернии Приказ Казанского дворца еще некоторое время продолжал свое существование. Последние упоминания о нем относятся к 1709 г. В это время были составлены «Приходо-расходные книги Казанского приказа», известны также «отпуски» из Приказа Казанского дворца, сделанные в этом году казанскому воеводе П.М.Апраксину. Из Разряда в Приказ Казанского дворца идут распоряжения об устройстве губернии и «памяти» с предложением послать сведения о денежных, хлебных и других сборах, которые воеводы должны были доставить для организации губернского делопроизводства. Но это было уже чисто формальное существование Приказа Казанского дворца, который в это время передавал свои очень скудные дела (его архив полностью сгорел еще в 1701 г.) в канцелярию Казанской губернии.

Итак, можно сделать вывод, что губернская система управления не возникла как что-то принципиально новое, на пустом месте. Система местного управления, достаточно стройная для своего времени, существовала (и до этого многие ее элементы вошли в новую систему управления, иногда

только изменив свое название). Основным и при том решающим дефектом воеводского управления были его консерватизм, несогласованность и несоподчиненность действий различных его органов, что ста-

ло сильнейшим тормозом на пути развития страны от монархии XVII в. «с боярской думой» к чиновничье-дворянской монархии XVIII в. Реформы Петра I открыли новый период в истории России.

§2. Российское законодательство XVIII в. о татарах

Айдар Ногманов

1. Татары в законодательстве Петра I. Первая четверть XVIII столетия занимает особое место в истории России как время утверждения и укрепления абсолютизма, превращения Русского государства в Российскую империю, огромных перемен в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Немалое место в преобразованиях играло законодательство, являвшееся одновременно продуктом и катализатором процесса модернизации российского общества, запущенного Петром I. Оно же фиксировало изменения, происходившие в различных слоях населения. Анализ законодательных материалов свидетельствует о высокой степени вовлеченности татар в происходившие события. Преобразования затронули социальную структуру татарского общества, духовную жизнь, правовое положение, хозяйственно-бытовой уклад.

Законодательство Петра I, как и его правление (1682–1725) распадается на два периода: 1) 1682–1699 гг.; 2) 1700–1725 гг. Первый период пришелся на детство и юность царя, когда он мало участвовал в делах государства и законодательные решения принимались сначала сестрой Софьей Алексеевной, а затем ближайшим окружением (Л.К.Нарышкин, Б.А.Голицын, П.А.Лопухин, Т.Н.Стрешнев и др.). Указы этого времени хронологически и по духу несут в себе печать XVII столетия, поэтому целесообразно рассматривать их в контексте законодательной политики того времени.

Следы реформаторской деятельности Петра в 1700–1725 гг. обнаруживаются во многих областях жизни татарского населения, однако не везде реформы носили системный и законченный характер. Анализ источников позволяет выделить три главных направления законодательной полити-

ки государства в этот период: 1) наступление на систему ценностей мусульман; 2) на привилегии татарской знати; 3) на особое положение ясачных людей.

Судя по материалам законодательства, религиозная политика государства в отношении татар на рубеже XVII–XVIII вв. была достаточно терпимой. Сохраняли юридическую силу указы 1682 г. о возвращении служилым татарам земель, отобранных за отказ принятия православной веры [ПСЗ–1, т.2, №923, с.403; №944, с.456]. Есть основания полагать, что не только в Сибири, но и в других регионах страны действовали положения указа от 5 апреля 1685 г. «О крещении иноверцев только по свободному их желанию без всякого принуждения» [там же, №1117, с.662; №1163, с.738]. Однако по мере того как молодой царь Петр Алексеевич постигал науку управления государством, в его внутренней политике все более проявлялись антимусульманские тенденции. При посещении 4 октября 1700 г. большого патриарха Адриана Петр высказался о необходимости просвещения для России, о целях и способах организации школ для борьбы с невежеством. В его речи были упомянуты татары, мордва и черемисы, которых царь назвал «зловещими» [Воскресенский, 1945, с.33] – термином, наглядно демонстрирующим отношение царя к инаковерию.

Немного времени спустя мусульмане ощутили на себе реальные проявления этого отношения. В 1704–1711 гг. на обширной территории от Волги до Тобола, от среднего течения Яика до Казани, Вятки и Кунгура вспыхнуло восстание башкир, поддержанное татарами, мишарами, марийцами, мордвой и удмуртами. Причиной восстания стал указ, объявленный прибыльщиками (сборщики налогов. – А.Н.) А.Жихаревым и М.Доховым в августе 1704 г. на собра-

нии башкирских родов. Указ вводил новые налоги, в том числе на мечети, мулл и на каждого приходящего в мусульманский молитвенный дом, требовал строить мечети только по образцу христианских храмов, устраивать кладбища рядом с мечетями, фиксировать заключение браков и смерть прихожан муллами только в присутствии русского священника и т.д. [МИБ, 1936, с.110–111]. Все это было воспринято мусульманами как прямой шаг к будущему полномасштабному насильственному крещению. Не случайно среди руководителей восстания были представители духовенства (Исмагил-мулла, Мурза-абыз, Аббас-мулла), а удары повстанцев, помимо учреждений государственной власти, направлялись против православных храмов, которые рассматривались в качестве опорных точек при проведении насильственной христианизации [Габдуллин, 2006, с.63]. В 1721 г., спустя десять лет после подавления восстания, в ходе следствия о злоупотреблениях русской администрации, проведенного Сенатом, А.Жихарев показал, что указ 1704 г. был царский, состоял из 72 статей и действовали они с М.Доховым по указанию А.Д.Меньшикова [МИБ, 1936, с.110].

Размах восстания побудил Петра отказаться от первоначальных планов и переключиться на другие дела, что не исключило перегибов в религиозной политике на местах. Особенно грешили этим тобольские воеводы и духовные лица. В начале XVIII в. они в очередной раз попытались переселить служилых и «захребетных» (зависимых. – *А.Н.*) татар, а также сибирских бухарцев, проживавших среди русских людей в посаде в нижней части Тобольска, к Знаменскому монастырю, расположенному на горе, в верхней части города. Целью переселения, вероятно, являлось желание подтолкнуть мусульман к принятию христианства. Жалобы татар на действия местных властей обусловили издание указа, 11 октября 1703 г., повелевшего оставить их на прежних местах жительства. Вместе с тем мусульманам было приказано строить мечети вдали «от церквей Божиих», а также чтобы они «во время Божественного пения не кричали и безчинства никакого, так же и русским людям никакой препоны и обид

не чинили» [ПСЗ–1, т.4, №1946, с.226–227]. Другим указом, от 2 февраля 1705 г., Петр приказал отменить «венечные, медовые и иные ... мелкие сборы» с «служилых и захребетных и ясачных татар ... их татарских мечетей и свадеб и с абызов», введенные тобольской канцелярией [там же, №2025, с.286]. Тем самым верховная власть продемонстрировала нежелание обострять отношения с татарским населением в условиях сложной внешне- и внутривосточной ситуации в стране.

К середине второго десятилетия XVIII в. верховная власть заметно активизировала свою религиозную политику. После подписания в 1713 г. Андрианопольского мира с Турцией Петр I приступил к реализации давнего замысла по приведению подданных к единообразию в области вероисповедания. Необходимо отметить, что сам царь не отличался особым религиозным рвением. Более того, он низвел православную церковь до положения одного из подразделений гражданской администрации [Пайпс, 1993, с.315]. Однако именно Петр конкретными законодательными шагами содействовал укреплению православия, его монопольного положения в духовной жизни страны. Ориентируясь на западные образцы, он стремился превратить Россию в абсолютистское, регулируемое и нивелированное государство. Подобная установка не оставляла пространства для тех прав и традиций нерусского населения, с которыми до сих пор еще считались. Не ограничившись мерами по социальной нивелировке, государство приступило к систематической и религиозной интеграции язычников и мусульман в разных регионах страны.

Первыми ощутили на себе активизацию религиозной политики татарские помещики. 3 ноября 1713 г. вышел именной указ «О крещении в Казанской и Азовской губерниях магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры» [ПСЗ–1, т.5, №2734, с.66–67], отводивший им полгода на принятие христианства. В противном случае их поместья и вотчины подлежали изъятию «на государя» вместе с крестьянами и дворовыми людьми. Менее месяца спустя, 27 ноября, появился другой царский указ на эту тему,

предписывавший: «деревни, которые за басурманами, сказать, что ежели не крестятся все, отнять и чтоб в том долгова сроку не давать» [там же, №2741, с.71].

Формальной причиной появления указов стало то, что в первом десятилетии XVIII в. еще сохранялась практика владения помещиками-мусульманами крестьянами православного вероисповедания, хотя в предшествующем столетии правительство неоднократно пыталось ее ликвидировать. В этом отношении указы 1713 г. напоминают ситуацию рубежа 1670–1680-х гг., когда у татарских феодалов по религиозным мотивам изымались земельные владения (см.: [Ногманов, 2005, с.52–55]). Если учесть, что в течение трех десятилетий, разделявших две конфискационные кампании, не появилось ни одного законодательного акта, касающегося татарского землевладения, повторяемость и сходство попыток наступления на земельные права татарской знати становятся разительными. О связи этих двух кампаний писал еще Н.А.Фирсов [Фирсов, 1869, с.5], а А.Каппелер, обративший внимание на сходство указов 1713 г. и 1681 г., отмечал, что тем самым Петр Великий «довел до конца наступление, подготовленное при его отце и начатое его сводным братом» [Kappeler, 1982, s.249–250].

Принимая подобные законодательные решения, верховная власть одновременно решала несколько задач:

- 1) содействовала укреплению монопольного положения православия;
- 2) способствовала консолидации господствующего класса государства, подталкивая русификацию его этнических отрядов;
- 3) подрывала материальное положение служилых татарских людей, облегчая их последующую социальную нивелировку.

Фактором, развязавшим правительству руки, стала утрата представителями татарского феодального класса своего военного значения. Благодаря петровским реформам у России появилась мощная регулярная армия, способная, как показали победы над шведами, успешно противостоять любому противнику. Поэтому правительство взяло курс на перевод различных категорий служилых людей (татары не были исключением. – *А.Н.*) в податные сословия, главным образом

крестьянство. Как отмечает А.Каппелер, с изданием указа 3 ноября 1713 г. татарская элита, которая еще не приняла крещение, была «окончательно поставлена перед альтернативой, или в культурном отношении полностью слиться с русской социальной структурой, или признать потерю своей экономической основы» [Kappeler, 1982, s.249].

Зная характер Петра, можем утверждать, что указы 1713 г. решительно претворялись в жизнь. Перегибы на местах, вызванные нечеткой формулировкой отдельных положений, вызвали необходимость их уточнения. 12 июля 1715 г. был издан именной указ «Об описи и взятии в казну крестьян православной веры у помещиков магометанского закона, за не восприятие оными христианской веры» [ПСЗ–1, т.5, №2920, с.163]. С его выходом было приостановлено поголовное изъятие у татар поместных владений. В указе разъяснялось, что за некрещение отписке подлежали только русские крестьяне, которые изымались в казну вместе «с пашнею и со всеми угодья, чем они крестьяне владели». Мурам же и татарам было указано «жить в домах своих, и земель их и всякого угодья и мельниц, которыми они владели, кроме крестьянских земель не отписывать, а владеть им» [там же].

По данным М.В.Клочкова, общее число крестьянских дворов, отписанных в результате появления упомянутых актов, составило по семи городам Казанской и Азовской губерний 560 единиц, а количество конфискованных душ мужского и женского пола – 3795 [Клочков, 1911, с.312–313]. К сожалению, других данных о масштабах проведенных конфискаций обнаружить не удалось. Однако, без сомнения, данная кампания нанесла сильнейший удар по татарской феодальной верхушке. С.Ф.Ташкин считал, что указы 1713 и 1715 гг., с одной стороны, выдвинули на очередь и почти узаконили принудительное крещение инородцев, с другой – часть их разорили и внесли разлад в их среду [Ташкин, 1922, с.9]. По словам Н.А.Фирсова, служилая инородческая масса раздробилась на две части: стариков и молодых. Первые остались при вере отцов, вторые же, ради удержания поместий и вотчин, стали креститься [Фирсов, 1869].

Земли, изъятые после 1713 г. у татарских феодалов, составили особый земельный фонд, где находились некоторое время. После смерти Петра I императрица Екатерина Алексеевна указом от 30 сентября 1726 г. разрешила возвращать крестившимся детям и внукам отцовские и дедовские имения, если они «никому прежде не отданы и к дворцовым вотчинам не приписаны» [ПСЗ–1, т.7, №4962, с.699]. Вместо земель, переданных новым владельцам, предписывалось «такою же пропорцие отдавать из других отписных и выморочных земель» [там же]. В 1729 г. Верховный Тайный совет санкционировал свободную раздачу земель из этого фонда [там же, т.8, №5511, с.254], однако указом императрицы Анны Иоанновны от 6 марта 1730 г. прежний порядок был восстановлен [там же]. Особый фонд из конфискованных татарских земель сохранялся, и претендовать на них могли лишь крестившиеся наследники бывших владельцев не далее третьей степени родства.

При всем сходстве конфискационных кампаний 1670–1680-х гг. и 1713–1715 гг. их конечный итог был несопоставим. В отличие от Софьи Алексеевны, отменившей указы царя Федора Алексеевича и вернувшей служилым мурзам и татарам поместья, отписанные за отказ от крещения [там же, т.2, №923, с.403; №944, с.456], Петр I был более последователен в своей религиозной политике. Его законодательные решения фактически ликвидировали татарское феодальное землевладение. После 1715 г. в Полном собрании законов нет ни одного указа, посвященного регулированию взаимоотношений помещиков-мусульман с их православными крестьянами. Фактически законодательным путем была уничтожена правовая база отношений личной зависимости между ними. Инструкции «межевщикам» 1754 г. и «межевым губернским канцеляриям» 1766 г. уже чисто гипотетически подходили к возможности обнаружения при размежевании земель фактов владения некрещеными мурзами и татарами русскими крестьянами [ПСЗ–I, т.14, №10237, с.135; т.17, №12669, с.772].

Хотя указы 1713–1715 гг. затронули, прежде всего, татарскую феодальную верхушку, было очевидно, что самодержавие

предпримет шаги в отношении христианизации более широких слоев татарского населения. В пользу этого говорит тот факт, что пока в европейской части России процесс обращения в православие проходил избирательно, в более отдаленных регионах он принял массовый характер. Свидетельство тому – указ от 6 декабря 1714 г. «Об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, у остяков, у татар и у якутов, и о крещении сих народов в христианскую веру», который предоставил сибирскому митрополиту Феодору свободу миссионерской деятельности на пространстве от Верхотурья до Якутска [ПСЗ–I, т.5, №2863, с.133]. Спустя год, 27 ноября 1715 г., Петр I подписал указ, который можно рассматривать как начало подготовки к массовой христианизации народов Поволжья [там же, №2957, с.183–184].

В силу каких-то причин до реализации намеченных планов дело не дошло. По всей видимости, из-за того, что в 1718 г. на служилых людей нерусского происхождения возложили адмиралтейскую повинность, а с 1719 г. в Поволжье стало вводиться подушное обложение. В этой ситуации массовая христианизация народов края грозила обернуться серьезными социальными потрясениями. 31 июля 1719 г. Сенат объявил татарам и прочим «иноверцам» Уфимского и Кунгурского уездов, что насильно их никого крестить не будут, «разве которые пожелают своею волею креститься в православную веру» [там же, №3410, с.726–727]. Тем самым правительство заявило об отказе от насильственных методов ведения религиозной политики, сделав ставку на добровольность обращения в православие.

Идеологом подобного подхода, как и многих других начинаний петровской эпохи, выступил политический мыслитель И.Т.Посошков, предложивший в 1719 г. в качестве стимула к принятию православной веры освободить крестившихся на десять лет от уплаты налогов [Посошков, 1893, с.321, 325]. В начале 1720 г. казанский митрополит Тихон также поднял вопрос о налоговых привилегиях для новокрещенных. В обращении к Петру I он просил «обольготить» их «в податях и изделиях... по своему великого государя милостивому

разсмотрению, чтоб, зря на вашу государеву высокосклонную милость, другим нечестивым в благочестие в христианскую веру греческого закона приходить было благонадежно» [ПСПиР–1, т.1, №191, с.210].

Предложение получило поддержку верховной власти и было оформлено в виде сенатского указа от 1 сентября 1720 г. «О льготах новокрещенам от всяких сборов и податей на три года» [ПСЗ–1, т.6, №3637, с.234–235]. Рассчитывая, что после объявления «монарших милостей» число желающих креститься увеличится, Сенат распорядился ежегодно выделять казанскому митрополиту 1000 рублей «на строительство церквей и утвари и на дачу оным новокрещеным для крещения» [там же]. В тот же день последовал сенатский указ сибирскому губернатору князю А.М.Черкасскому о строительстве православных церквей в местах проживания нерусских народов и награде «иноземцам», которые «воспримут Христианскую веру» [там же, №3636, с.234]. Для усиления эффекта указы 1720 г. были продублированы указами от 23 августа 1721 г. и 17 июля 1722 г. [там же, т.8, №5737, с.447–448]. Помимо законодательных актов, обращенных к нерусскому населению в целом, издавались документы, имевшие конкретного адресата. Пример тому – сенатский указ от 11 июля 1722 г. «О льготах черемисам за принятие крещения», освобождавший на три года от всех сборов крестившихся марийцев Яранского уезда [там же, т.6, №4048, с.736]. Примечательно, что перечисленные указы о привилегиях новокрещеным по сути противоречили общей линии Петра I на унификацию прав и обязанностей тяглого населения страны.

Кроме послаблений в податях и сборах, царское правительство использовало другие методы привлечения мусульман и язычников в лоно православной церкви. Так, указ астраханскому губернатору А.П.Волынскому, вышедший в июле 1720 г., предписывал писать новокрещеных татар и других иноверцев «в Астрахани в чины, в какие пристойно, по своему рассмотрению, кроме солдат» [там же, т.6, №3622, с.226]. 2 ноября 1722 г. Петр I повелел казанскому губернатору А.П.Салтыкову не брать в рекруты тех, «которые из басурма-

нов крестились» [там же, №4123, с.792]. Согласно указу Сената от 25 июня 1723 г., нехристиане, уличенные в утайке душ при проведении I ревизии, освобождались от наказания, если изъявляли желание креститься [там же, т.7, №4254, с.85].

Таким образом, именно при Петре I государство, ранее заботившееся о распространении христианства среди феодальной верхушки нерусских народов, впервые задумалось о поголовной христианизации мусульманского и языческого населения и предприняло первые шаги к ее подготовке. Главным препятствием к реализации намеченных планов являлась боязнь бунтов и волнений народных масс, и без того крайне негативно воспринявших петровские реформы.

Преобразования первой четверти XVIII в. затронули все татарское общество, однако тяжелее всего они ударили по феодальному классу. Петровская эпоха навсегда покончила с сословием служилых людей, распавшимся на две категории: большая часть служилых «по отечеству» превратилась в дворянство (шляхетство), меньшая часть, а также служилые «по прибору» вошли в сословие государственных крестьян, искусственно созданное Петром.

Эти перемены были обусловлены рядом причин, в частности изменением характера самой военной службы и системы вознаграждения за нее. До конца XVII в. служба сохраняла известную периодичность: служилые люди время от времени собирались на смотры со своими вооруженными слугами, чтобы затем вернуться в поместье и мирно жить до следующего смотра. С петровских времен, характеризовавшихся непрерывными войнами, служба для всех категорий служилых стала постоянной, а система ее оплаты изменилась. За службу в регулярной армии начали платить денежное жалованье. Поместья же, перестав быть видом жалованья за службу, стали фактически неотторжимыми. Они все больше сливались с другой формой землевладения – вотчинной, т. е. родовой. В 1714 г. поместья и вотчины были бесповоротно объявлены единой недвижимой собственностью помещика-дворянина [ПСЗ–1, т.5, №2789, с.91–94].

Служилые мурзы и татары, входившие в состав русского поместного войска, в числе других представителей служилого сословия попали под жернова петровских реформ. Однако, в отличие от русских служилых людей «по прибору», они не имели возможности записываться в регулярную армию. Указы от 24 мая 1700 г. и 24 апреля 1702 г. о наборе «вольнопределяющихся» в Преображенский полк предписали не принимать татар в солдаты, как и ряд других категорий (калмыки, поляки, черкасы и пр.) [там же, т.4, №1912, с.196–197]. На начальном этапе Северной войны отряды татарской конницы еще участвовали в военных действиях, в частности в Полтавской битве 1709 г. и осаде Риги в 1710 г. [Сб.РИО, т.115, с.306]. Однако, по мере комплектования регулярных частей, нужда в них как воинской силе неуклонно уменьшалась.

В реалиях того времени лишение службы означало лишение связанных с нею привилегий, прежде всего – свободы от платежа налогов. Уже в первое десятилетие XVIII в., в годы, в которые служилые татары не привлекались в действующую армию, с них взимали вместо службы по 1 рублю с человека в возрасте от 15 до 60 лет. После 1710 г. служилые татары Казанской губернии ежегодно выплачивали по 5 рублей на содержание мастеровых людей, работавших на строительстве Санкт-Петербурга. В 1712 г. в виду острой нехватки средств в казне этот сбор увеличили до 10 рублей с человека [ПСЗ–1, т.4, №2467, с.779]. Тем самым, татарские служилые люди низводились до положения тяглых, т.е. низших категорий населения.

Процесс социального расслоения татарской феодальной элиты ускорили упомянутые указы 1713 г. об изъятии православных крестьян у татарских помещиков. Татарские землевладельцы, не желавшие креститься, пытаясь хоть что-то выручить за конфискуемые земли, продавали их за бесценок русским соседям. Известно, что многие служилые князья и мурзы Темниковского, Кадомского и Шацкого уездов уступили часть своих вотчин и поместий Саровскому монастырю, пристально следившему за выполнением местными властями петровских указов [Смирнова, 1979, с.78]. Несмотря на

официальный запрет монастырям покупать частновладельческие земли, купчие крепости на татарские поместья официально оформлялись в крепостных конторах Темникова и Арзамаса, а затем регистрировались в Поместном приказе. Продажа земли татарами не прекратилась и после затухания конфискационной кампании. Объяснялось это тем, что лишившись по указам 1713 г. рабочих рук, татарские помещики, не имевшие навыков и тяги к крестьянскому труду, стали избавляться даже от тех земельных угодий, которые сохранили.

Обезземеление татарской феодальной знати стало дополнительным фактором для привлечения ее представителей к исполнению трудовых повинностей. По указу Петра I от 2 мая 1715 г. было приказано послать в Петербург одного человека с четырех дворов, снаряженного деньгами и провиантом. В результате 1255 служилых некрещеных мурз и татар Казанской губернии отправили в столицу, где их использовали в основном на строительстве Петергофа [Сб.РИО, т.94, с.177; Доклады и приговоры, 1892, с.776]. Эти наряды практиковались и в дальнейшем, причем количественный состав командированных работников определял лично князь А.Д.Меньшиков [Сб.РИО, т.11, с.340]. По свидетельству самих татар, работали они в Петергофе «вместо службы... в год по три месяца» [Сб.РИО, т.94, с.177].

В 1718 г. данная трудовая повинность была заменена другой, абсолютно по-новому определившей функции татарских служилых людей. Именной указ от 31 января возложил на них обязанность заготавливать и вывозить к местам сплава корабельные леса, предназначенные для нужд российского Адмиралтейства [ПСЗ–1, т.5, №3149, с.533–534]. Уникальность данной повинности, известной в литературе как адмиралтейская (другие названия – корабельная, лашманская [Ногманов, 1997, с.152–157]), заключалась в том, что она практически весь период существования (1718–1860 гг.) выполнялась силами служилых людей нерусского происхождения (первоначально из числа татар, мордвы и чуваш, с 1750-х гг. – преимущественно татар).

Истории данной повинности и участию в ней татарского населения посвящен осо-

бый раздел настоящего тома. Отметим лишь, что указ 1718 г. стал важным этапом в процессе включения служилых мурз и татар в систему государственного тягла. Хотя они подчинялись Адмиралтейскому ведомству и сами рассматривали корабельные работы как разновидность воинской службы, по содержанию это была крайне тяжелая трудовая повинность. Поголовное привлечение татарских служилых людей к ее выполнению недвусмысленно указывало на перемены в их социальном статусе. Государство вычеркнуло служилых мурз и татар из числа лиц, принадлежащих к привилегированному «благородному» сословию, и отнесло к категории «тяглецов». Тем самым они были фактически уравнены с ясачными татарами, которые всегда являлись «тяглыми людьми». Юридически данная трансформация была закреплена в ходе реформы системы податного обложения, проходившей в 1719–1728 гг. Влияние этой реформы на социально-экономическую жизнь татарского общества было столь значительным, что особенности ее распространения на отдельные группы татарского населения требуют более подробного освещения.

Начало реформе положил именной указ от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния...» [ПСЗ–1, т.5, №3287, с.618–620]. Смысл указа заключался в том, что вместо десятков различных мелких налогов и повинностей, существовавших в России, вводился единый прямой денежный налог, шедший непосредственно на нужды армии. Этот подушный налог собирался со всех душ «мужеска полу», записанных в ревизские сказки. В них отмечалось: «...сколько где в которой волости, в селе или деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей (которые имеют свою пашню) по именам есть мужеска пола, всех, не обходя от старого до самого последнего младенца, с летами их...». Согласно указу, с татар и других нерусских народов Поволжья сказки принимались от каждой волости или деревни со «знаменами» (тамгами. – *А.Н.*) старост и выборных людей. Переписи не подлежали астраханские и уфимские татары, «башкирцы», а также сибирские ясачные «иноземцы», о которых должен был состояться особый указ.

Служилые мурзы и татары не были упомянуты в указе от 22 января 1719 г., что может быть связано с уже состоявшейся припиской к Адмиралтейству. По указу от 31 января 1718 г. среди лиц, привлеченных к корабельным работам, была проведена особая ведомственная ревизия, давшая информацию об их численности. Кроме того, на начальном этапе истории казенных лесозаготовок Петр I старался не обременять лашманов излишними сборами и повинностями. В результате, на протяжении ряда лет указы, связанные с введением системы подушного обложения, не затрагивали служилых татар [ПСЗ–1, т.6, №3782, с.388–390; №3901, с.503–510]. Впервые о намерении переписать и «расположить с прочими в подушную подать в равенстве» «иноверцов..., которые определены к отправлению корабельных лесов», объявил, сенатский указ от 31 июля 1722 г. [там же, №4065, с.754].

Однако дальнейшая реализации указа приостановилась, что было связано, вероятно, с Персидским походом Петра I 1722–1723 гг. В ходе подготовки к нему на казанских верфях построили около 200 транспортных судов, заготовка леса для которых легла на плечи приписных к Адмиралтейству. Кроме того, в 1724 г. 5000 человек из числа служилых татар, мордвы и чувашей направили на Кавказ для возведения русских крепостей в завоеванных у Персии областях [Сб.РИО, т.94, с.184–185]. Приняв во внимание эти обстоятельства, сенатский указ от 17 марта и именной указ от 16 апреля 1724 г. постановили не писать служилых татар «в расположение на полки и в подушный сбор» [ПСЗ–1, т.6, №4485, с.269; №4495, с.279]. Не упоминаются они и в «Плакате» от 26 июня 1724 г. – важнейшем законодательном акте, регламентировавшем ключевые моменты податной реформы (категории населения, на которые она распространялась, размеры подушной подати, порядок взаимоотношений помещиков и крестьян с армейскими чинами, расценки оплаты труда для лиц, обрабатывавших подушные деньги на заводах, строительстве каналов и других трудовых казенных повинностях, и т.п.) [ПСЗ–1, т.7, №4533, с.310–318].

Таким образом, при жизни Петра I татарские служилые люди не были законодатель-

но отнесены к числу плательщиков подушной подати. Это случилось уже после его смерти, причем трудно связать данное событие с конкретной датой и законодательным актом. К примеру, татарские мурзы Старой и Новой слобод г. Казани в наказе в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. сообщали, что «по 1726 год никаких государственных податей и подушных денег... по силе именных указов, брано с нас не было» [Сб.РИО, т.115, с.307]. По другим наказам, приписные к Адмиралтейству, трудившиеся на лесозаготовках, не платили подушные сборы до 1729 г. [там же, с.334]. Подобные расхождения проистекали о противоречивости законодательных актов петровской и постпетровской эпох, неоднозначности их формулировок, особенностей обнародования официальных документов и других факторов. В основополагающих правовых актах подушной реформы, таких как указ от 22 января 1719 г. или Плакат 26 июня 1724 г., понятие «татары» использовалось без определения «служилые» или «ясачные». Указы об освобождении «служилых иноверцев» от платежа подушной подати и «расположения на полки» (приписки к конкретным армейским частям, на содержание которых и шли подушные деньги. – *А.Н.*) не были адресованы широкой аудитории и, вероятно, распространялись в ограниченном количестве экземпляров. Канцелярские служители на местах при решении вопросов, связанных с приписными к Адмиралтейству, обычно руководствовались указами, имевшимися у них в распоряжении. Все это в совокупности порождало путаницу и создавало серьезные проблемы как для самих чиновников, так и для служилых татар.

Разобраться в ситуации в какой-то степени помогает Протокол заседания Верховного Тайного совета от 24 февраля 1729 г. [Сб.РИО, т.94, с.184–185], распорядительная часть которого была оформлена в виде сенатского указа от 12 марта того же года [ПСЗ–1, т.8, №5379, с.131–132]. Из документа следует, что до 1729 г. служилые иноверцы выполняли корабельные работы бесплатно взамен службы. Исключением являлись «служилые иноверцы» Верхнеломовского, Кадомского, Касимовского, Керенского и Темниковского уездов Воро-

нежской губернии. Из-за удаленности мест их проживания от районов произрастания и заготовок корабельных лесов по указу от 31 января 1718 г. вместо натуральных отработок они вносили особый денежный сбор: 2 руб. 30 коп. для лиц в возрасте от 15 до 60 лет, 50 коп. – для лиц старше 60 лет, 25 коп. – моложе 15 лет [ПСЗ–1, т.5, №3149, с.533–534; Сб.РИО, т.94, с.175]. Указом от 25 июня 1725 г. Екатерина I установила ежегодные расходы государства на содержание Адмиралтейства в размере 1 400 000 руб. Эта сумма собиралась из разных источников, в том числе 59 444 руб. 40 коп. должны были покрываться за счет сбора с мурз и татар Казанской, Астраханской, Нижегородской и Азовской губерний из расчета 1 руб. 20 коп. с души мужского пола [Сб.РИО, т.94, с.182–183]. Сбор этот практически соответствовал величине подушной подати, однако его взимание застопорилось из-за задержки с представлением в Казанскую адмиралтейскую контору списков плательщиков. Указом от 5 августа 1727 г. Петр II повелел «обретающимся из мурз и татар в работе у разбора и у заготовления вновь корабельных лесов подушные деньги, что с них по указу брать определено, зачитать за работные дни по плакату» [там же, с.183]. В Полном собрании законов Российской империи данный законодательный акт отсутствует, поэтому невозможно с определенностью утверждать, что именно он возложил на приписных к Адмиралтейству подушную подать. Это мог быть и упомянутый указ от 25 июня 1725 г., текст которого также не вошел в Полное собрание законов. Однако, вне зависимости от того, когда она была распространена на служилых татар, указ от 5 августа 1727 г. ввел одно важное новшество. Отныне подушная подать отрабатывалась ими на лесозаготовках, исходя из расценок, установленных Плакатом 1724 г. Дни, переработанные лесорубами сверх суммы подушного сбора, оплачивались им по тем же расценкам.

Из того же Протокола заседания Верховного Тайного совета от 24 февраля 1729 г. узнаем, что в 1725–1728 гг. по приказу казанского вице-губернатора и, одновременно начальника Казанской Адмиралтейской конторы Н.А.Кудрявцева с служилых татар,

не подлежащих по возрасту нарядам на лесозаготовки, все же взимались подушные деньги. Обосновывалось это тем, чтобы «они, против дворцовых и ясашных (крестьян. — *А.Н.*) праздны не были, понеже они, престарелые и малолетние, в работу корабельных лесов были не положены» [Сб. РИО, т.94, с.186]. Данное решение являлось, скорее всего, личной инициативой Н.А.Кудрявцева, обладавшего практически неограниченными полномочиями. В 1720-е гг. под его началом находился не только процесс лесозаготовок, но другие сферы жизни «служилых иноверцев», включая суд и сбор налогов.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что вплоть до 1729 г. вопрос о взимании со служилых мурз и татар подушной подати не был законодательно отрегулирован, а сама она, если и собиралась, то эпизодически, и не со всей массы служилых людей татарского происхождения. Причины этого видятся во влиянии на ситуацию комплекса субъективных факторов (особого отношения Петра I к труду приписных; высокой степени самостоятельности руководства Казанской Адмиралтейской конторы в решении многих вопросов и т.п.), а также в неопределенности компетенций различных ведомств. За казенные сборы в государстве в 1720-е гг. формально отвечала Камерколлегия, однако лашманы в этот период находились в исключительном ведении Адмиралтейской коллегии, которая отстаивала свои интересы, в том числе в фискальных вопросах. Лоббистские возможности данного ведомства отчетливо проявились в указе Сената от 12 марта 1729 г., который поставил точку в вопросе о подушном обложении служилых татар. Пункт I указа, признавая иноверцев Казанской, Нижегородской губерний и Симбирской провинции в качестве плательщиков подушной подати, предписал, однако, отрабатывать ее натурой на заготовке «корабельных и прочих лесов» [ПСЗ-1, т.8, №5379, с.131]. Данный порядок сохранялся вплоть до отмены адмиралтейской повинности.

Приписка в 1718 г. к Адмиралтейству обусловила не только более позднее, чем у основной массы нерусского населения Поволжья, подушное обложение служилых

татар, но и другие особенности их правового положения. Считаясь юридически государственными крестьянами, они в течение XVIII столетия не смешивались с прочими группами, составлявшими указанное сословие. Эта «особость» проявлялась, в частности, в сохранении пережитков бывшего служилого статуса: наличии у части служилых татар крепостных крестьян; особых торговых привилегиях татар Старой и Новой слобод г. Казани; участии отрядов служилых татар в подавлении башкирских восстаний 1735–1740 гг. и 1755–1756 гг., а также в ряде военных кампаний и т.п.

В положении ясачных татар в правление Петра I также произошли значительные перемены. В 1700–1710-е гг. они, как и другие ясачные люди Поволжья, в полной мере испытали на себе бремя повышенных налогов и повинностей, которые государство использовало для финансирования своих военных предприятий. Налогообложение ясачного населения в этот период увеличилось в 2–3 раза. Однако данные меры не привели к существенному повышению государственных доходов, а лишь разоряли тяглое население. Поэтому петровское государство решило упростить и упорядочить систему налогов и сборов, сделав ее, таким образом, более эффективной.

В отличие от служилых людей татарского происхождения включение ясачных татар в систему подушного обложения проходило без видимых правовых осложнений. Оно не влекло за собой перемену социального статуса и фактически означало пересмотр и унификацию их обязанностей перед государством. По указу от 22 января 1719 г. началось составление ревизских сказок и «расположение на полки» [ПСЗ-1, т.5, №3287, с.618–620]. Ревизия проходила с большими трудностями и при противодействии со стороны нерусского населения. К примеру, в 1723 г. бригадир Фамендин, проверяя сказки в ясачных волостях Казанского уезда, населенных преимущественно инородцами, на 1019 человек, записанных в сказки, насчитал 1995 утаенных душ, живших в одних дворах с записавшимися [Ключевский, 1990, с.199]. Помимо утайки душ, другой традиционной формой уклонения крестьян от налогообложения являлось

бегство на окраины государства. Оно было широко распространено в Поволжье еще до введения подушной подати [Доклады и приговоры, 1892, с.189], а в 1720-е гг. заметно усилилось, особенно в районы Приуралья. На пресечение данного явления и возвращение беглых из Уфимской провинции в Казанскую губернию был направлен целый ряд правительственных указов [ПСЗ–1, т.6, №3566, с.180–181, №3697, с.279, №3958, с.648; т.7, №4733, с.503–504; т.8, №5438, с.214, №5719, с.399; т.9, №6890, с.741–745, №7016, с.888 и др.].

Ясачные татары (хотя и без определения «ясачные») фигурируют во всех указах первой половины 1720-х гг., направлявших процесс введения подушного обложения [там же, т.6, №3783, с.388–390, №3901, с.503–510; т.7, №4332, с.137, №4343, с.146–147, №4390, с.186, №4533, с.316–317, №4536, с.327–329]. В Плакате от 26 июня 1724 г. они впервые названы «государственными крестьянами», наряду с нерусскими народами Поволжья, однодворцами юга, черносотными крестьянами Русского Севера, пашенными крестьянами Сибири и другими категориями тяглого населения. Основанием для объединения этих различных по своему положению групп в единое сословие послужило то, что они никому лично не принадлежали, т.е. не находились в крепостной зависимости. Поэтому государство решило унифицировать всю эту пеструю совокупность свободных людей, превратить их в единое, контролируемое сверху сословие. Со стороны государства процесс объединения был не только и не столько финансовым, податным, но и важным социальным мероприятием. Его конечная цель состояла в ограничении юридических прав и возможностей свободных людей. Учреждение Петром I нового сословия государственных крестьян, привязанных к тяглу, ограниченных в территориальном и социальном перемещениях, превращало входившие в него категории в своеобразных крепостных государства. Служилые татары к 1730-м гг. тоже оказались в этом положении, хотя фактор приписки к Адмиралтейству, как уже отмечалось, придавал их взаимоотношениям с государством определенное своеобразие.

Главной обязанностью государственных крестьян являлся платеж подушной подати. Размер подушного сбора был установлен именным указом от 11 января 1722 г. и составлял первоначально 80 коп. с ревизской души [ПСЗ–1, т.6, №3873, с.477]. Указом от 23 октября 1723 г. он был увеличен до 120 коп., из которых 80 коп. составлял непосредственно подушный оклад, а дополнительные 40 коп. стали взиматься в казну в качестве оброка «вместо тех доходов, что платят дворцовые во дворец, синодального ведения в синод, помещиковы помещикам...» [там же, №4332, с.133–137]. В связи с тем, что количество душ, выявленных в процессе ревизии, превысило предварительные расчеты, указом от 19 мая 1724 г. Сенат снизил размер подушного оклада с 80 до 74 коп. [там же, т.7, №4503, с.282–283]. Вскоре после смерти Петра I как проявление «монарших милостей» новой императрицы Екатерины Алексеевны указом от 8 февраля 1725 г. эта сумма была убавлена до 70 коп. с сохранением прежней величины оброка [там же, т.7, №4650, с.413–414]. На уровне 1 руб. 10 коп. подушная подать оставалась до выхода сенатского указа от 12 октября 1760 г., увеличившего ее до 1 руб. 70 коп. [там же, т.15, №11120, с.530].

Помимо введения подушного обложения царствование Петра I отмечено возложением на татар рекрутской повинности. Произошло это достаточно поздно, в 1722 г., хотя рекрутов в России стали набирать с 1699 г. Отсрочка введения повинности в какой-то степени объясняется участием служилых татар в военных кампаниях начального этапа Северной войны. С 1709 г. по приказу казанского губернатора П.М.Апраксина взамен поставки рекрутов с них стали взимать деньги «... по полтине с ясака» [Доклады и приговоры, 1892, с.187]. Так продолжалось до выхода указа Петра I от 19 января 1722 г., постановившего «рекрут брать с мордвы и черемисы, как с русских; а татар брать малолетних, а именно в гарнизоны от 10 до 12 лет, из которых употреблять в денщики генералам и штабу третью долю, также и в матросы некоторую часть» [ПСЗ–1, т.6, №3884]. В исторической литературе этот документ считается точкой отсчета регулярных рекрутских наборов с нерусских народов

Поволжья [Фирсов, 1869, с.23; Семевский, 1901, с.581–582; Алишев, 1973, с.45; Исхаки, 1991, с.27; Иванов, 1995, с.164]. Применительно к ясачным татарам это правомерно. В качестве поставщиков рекрутов они регулярно упоминаются в законодательных источниках 1720-х – первой половины 1730-х гг. Помимо актов, объявлявших о начале очередного рекрутского набора, это были распоряжения о сборе дополнительных рекрутов за утайку душ [ПСЗ–1, т.7, №4335, с.139–141], а также характерные для правления императрицы Анны Иоанновны указы, определявшие местом службы «иноверцев» не гарнизонные полки Казанской, Астраханской и Воронежской губерний, как это было во времена Петра I, а «гарнизонные же при Остзее (Прибалтика. – *А.Н.*) полки» [там же, т.9, №6721, №6740, №6913].

Со служилыми татарами дело обстоит иначе. При Петре I с них было взято лишь два рекрутских набора. В 1722 г. набрали 133 человека малолетних из расчета один рекрут с 83,5 дворов, которых отослали в Москву в Военную коллегию. На следующий год состоялся набор из «служилых иноверцев возрастных» в количестве 113 человек, в пропорции один рекрут с 95,5 дворов. Их определили на строительство транспортных судов и выполнение других работ в Казанское адмиралтейство, а также для обучения в солдаты, плотники, пильщики, резчики, маляры и токари. [Сб. РИО, т.94, с.187–188].

Регулярные рекрутские наборы со служилых татар начались лишь во второй половине 1730-х гг., после выхода указа от 19 сентября 1737 г., впервые включившего их в перечень категорий населения, с которых собирались рекруты. [ПСЗ–1, т.10, №7378]. Несмотря на категоричный характер, указ 1737 г. не был реализован в положенные сроки из-за нерасторопности местных властей и сопротивления татарского населения. Вследствие этого 25 июня 1739 г. Сенат приказал с «приписных к Казанскому адмиралтейству мурз и татар по наряду 1737 г., рекрут и лошадей... собрать немедленно». [Там же, №7841]. Таким образом, рекрутская повинность была распространена на служилых татар лишь спустя полтора десятилетия после ясачных, что опять-таки связано с их подчиненностью адмиралтей-

скому ведомству. Примечательно также, что служилых татар использовали в первую очередь для комплектования российского военно-морского флота, основу которого они впоследствии долгое время составляли наряду с жителями Архангелогородской губернии [ПСЗ–1, т.10, №7583, с.498–499].

В указе от 19 января 1722 г., положившем начало рекрутским наборам с татарского населения, обращает на себя внимание фраза «...а татар брать малолетних... от 10 до 12 лет» [ПСЗ–1, т.6, №3884]. Объяснить мотивы данного распоряжения, совершенно нетипичного для предшествующей законодательной практики, позволяет указ Петра I от 4 августа 1724 г. Он сходен по содержанию с указом 1722 г., однако отличается от него важной терминологической деталью. Последние пункты указа предписывали: «...6. С черемисы и мордвы и протчих, кроме бусурман, рекрут положить против русских... 7. 3 бусурман брать молодых, а именно меньше пятнадцати лет» [Сб.РИО, т.11, с.554]. Использование конфессионала «бусурмане» вместо этнонима «татары», как в указе 1722 г., говорит о влиянии на ситуацию религиозного фактора. Столь юный возраст татарских рекрутов существенно облегчал их христианизацию и русификацию. Назначение в денщики и матросы также способствовало этому, поскольку в первом случае препятствовало повседневному общению с единоверцами, даже если воинские части располагались в местах проживания мусульман, во втором – вообще отрывало татарских мальчиков от родины, поскольку Поволжье располагалось вдали от основных баз российского флота.

Описывая в 1860-е гг. положение татарского населения в период правления царя-реформатора, известный русский историк Н.А.Фирсов отмечал, что для него «время Петра Великого сравнительно с последующим временем было... временем льготным» [Фирсов, 1869, с.29]. Доля истины в этих словах, безусловно, присутствует. При премниках Петра татарский народ испытал немало лишений, пережил в 1740–1750-е гг. – период реального религиозного геноцида. В то же время не следует забывать, что первопричиной многих негативных перемен в жизни татар являлись петровские рефор-

мы, проходившие под знаменем социальной, экономической и религиозной унификации. Они ликвидировали особое положение ясачных людей Поволжья и юридически уравнивали их с русскими государственными крестьянами. Были уничтожены привилегии служилых татар, а сами они, за исключением перешедших в православную веру, по социальному статусу низведены до положения тяглого населения. Одним из главных приоритетов внутренней политики государства в первой четверти XVIII в. стало достижение религиозной однородности подданных. При Петре I реальной христианизации подверглись в основном представители татарской феодальной элиты. Вместе с тем создание и узаконение на государственном уровне системы льгот и привилегий для крестившихся создавали предпосылки для крещения широких слоев нерусского населения.

2. Усиление антимусульманских тенденций в законодательстве второй четверти XVIII в. Законодательство второй четверти XVIII столетия в целом продолжало идеи, заложенные Петром I. Вне зависимости от личности правителя особое внимание уделялось защите интересов православия как господствующей в стране религии. «Наказ губернаторам и воеводам...» от 12 сентября 1728 г. [ПСЗ–I, т.8, №5333, с.94–112], имевший важное значение для регионального и местного управления, содержал особую статью, предусматривавшую смертную казнь за обращение в ислам [там же, с.100]. Апеллируя к Соборному уложению 1649 г. и перенимая из него меру наказания, авторы данного законодательного документа пошли дальше оригинала. Если Уложение запрещало религиозную пропаганду лишь в отношении русских людей [там же, т.1, №1, с.156], то «Наказ» распространил этот запрет на все языческое население Поволжья и Приуралья. Тем самым царское правительство закрепило монополию русской православной церкви на духовную жизнь нерусских народов края. В дальнейшем подобные статьи включались в указы губернаторов даже отдаленных территорий (напр. статья «Об обрезывающих в магометанство» присутствует в «Наказе» киевскому губернатору от 17 января 1737 г. [ПСЗ–I, т.9, №7161, с.26]).

Присутствие же ислама допускалось, как и в XVII в., лишь в тех сферах жизни, где без него было невозможно обойтись, что подтверждает именным указ от 7 августа 1728 г. «О приводе к присяге в верности Казанского уезда ясачных татар, по обрядам их веры» [там же, т.8, №5321, с.72].

Неизменным оставалось и стремление государства увеличить численность православных подданных путем христианизации мусульман и язычников. Во второй половине 1720-х гг., в продолжение линии последних лет правления Петра I, делалась ставка на добровольность крещения и материальное стимулирование нерусских народов. В этот период появились указы «о просвещении новокрещеных калмыков учением христианской веры» от 19 марта 1725 г. [ПСЗ–I, т.7, №4683, с.437], «о выключении из подушной переписи крестившихся в греко-российскую веру сибирских ясачных иноверцев» от 26 марта 1726 г. [там же, №4860, с.595–596], «о возвращении новокрещеным татарам отписных у отцов и дедов их деревень по указу 1713 г.» от 30 сентября 1726 г. [там же, №4962, с.699]. Однако исполнение указов, предоставлявших льготы новокрещеным, оставляло желать лучшего. В письме казанского митрополита Сильвестра в Сенат, датированном началом 1731 г., сообщалось, что 2184 человека, крестившиеся в Казанской губернии в 1719 – 1724 гг., не смогли воспользоваться льготами в полном объеме, а 811 человек, крестившиеся в 1724 – 1731 гг., не получили вообще ничего. Обеспокоенный этими фактами Сенат предложил восполнить упущение и освободить новокрещеных от платежа подушной подати на 3 года, на что 3 апреля 1731 г. получил высочайшее одобрение императрицы Анны Иоанновны [ПСЗ–I, т.8, №5737, с.447–448].

Цифры, представленные митрополитом Сильвестром, показывают удручающие для властей результаты миссионерской деятельности в Казанской губернии. Общее число крестившихся здесь в 1719 – 1731 гг. составило 2995 человек [там же]. Простой подсчет показывает, что при таких темпах христианизации только для обращения 56 113 душ, приписанных в 1718–1719 гг. к Адмиралтейству, потребовалось бы 225 лет. По сути это был провал политики, ориентированной на

добровольную христианизацию нерусского населения, и невыполнение правительством взятых на себя материальных обязательств можно назвать одной из его причин.

Ситуация стала меняться с восшествием на престол императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.). 16 марта 1730 г. вышел манифест «О короновании ее императорского величества» [там же, №5517, с.255], а уже на следующий день появился манифест «О наблюдении Синоду, чтобы православные христиане сохраняли закон Божии и церковные предания...», содержащий предписание «под властью нашею разные народы, которые не знают христианского закона... невежеством своим противляющихся святой церкви, обращать увещанием и учением во благочестие и соединение святой церкви» [там же, №5518, с.256]. По словам Б.В.Титлинова, в течение всего царствования Анны Иоанновны «христианская проповедь среди инородцев усиленно поощрялась и развивалась под прямым воздействием верховной власти» [Титлинов, 1905, с.432]. Правительство признало неэффективность курса на добровольное крещение нерусских народов и от политики «пряника» стало склоняться к политике «кнута». Как правило, это реализовывалось через указы, ущемлявшие права неправославного населения. Так, явный религиозный подтекст имел именной указ от 10 марта 1736 г. об отправке рекрут-иноверцев для прохождения службы не в гарнизонные полки в Казанской, Астраханской и Воронежской губерниях, как это было ранее, а «в гарнизонные же при Остзее полки» [ПСЗ–1, т.9, №6913, с.776]. Именной указ от 5 мая 1737 г. о сборе хлеба сверх подушных денег приказал взимать его с русских ясачных и черносошных крестьян в размере одного четверика, а «с татар и прочих иноверцев пашенных ... вдвое» [там же, т.10, №7244, с.136].

В правление Анны Иоанновны был принят ряд важных решений, направленных на расширение масштабов миссионерской деятельности. По указу Синода от 23 августа 1731 г. в г.Свияжск была учреждена особая комиссия для крещения мусульман и других «инородцев» под руководством архимандрита Свияжского Богородицкого монастыря Алексея Раифского [Макаров, 2000,

с.171]. Примерно с 1734 г. комиссия стала именоваться Конторой новокрещенских дел или Новокрещенской конторой [Ислаев, 2004, с.118–119]. Во второй трети XVIII в. это учреждение являлось главным организатором и проводником христианизаторской политики самодержавия.

Активизация миссионерской деятельности потребовала подготовки церковных кадров из самих иноверческих народов. С подачи архиепископа Казанского и Свияжского Иллариона 26 февраля 1735 г. состоялся сенатский указ «Об учреждении школ в Казанской губернии для обучения некрещеных и новокрещеных детей». Согласно указу, предполагалось открыть четыре подобных заведения: в Федоровском монастыре в Казани, в дворцовом селе Елабуга и г. Царевкокшайске Казанского уезда, г. Цивильске Свияжского уезда. В каждой школе должно было состоять по 30 учеников из некрещеных «вотяков, мордвы и чуваш», а также «разных народов новокрещеных детей» в возрасте от 7 до 15 лет. Указ предусматривал источники финансирования строительства и содержания школьных зданий, выплаты жалованья обслуживающему персоналу, учителям и учащимся, средства для покупки учебников, свеч, письменных принадлежностей и т.п. [ПСЗ–1, т.9, №6695, с.483; т.11, №8236, с.255; №8579, с.625–626].

По каким-то причинам данный законодательный акт не был реализован. А.Ф.Можаровский связывал это с переменами в руководстве Казанской епархии (см.: [Можаровский, 1880, с.58]), Д.М.Макаров предположил, что причиной мог быть провал с набором учеников [Макаров, 2000, с.173]. Не исключено, что открытию школ помешало башкирское восстание 1735–1740 гг., затронувшее значительную часть Поволжско-Приуральского региона [Ислаев, 2004, с.125–129] и направленное, в том числе, против новокрещеных. Вновь к этой идее правительство вернулось на рубеже 1730–1740-х гг. 16 января 1740 г. состоялся именной указ «О выборе для обучения православному закону и для приведения в веру греческаго исповедания разных народов, таких церковных причетников, которые знают языки сих народов» [ПСЗ–1, т.11, №8004, с.9–10]. Он повелел набрать в Казанской

губернии 30 человек из детей священнослужителей, мелких купцов и обедневшего дворянства, умеющих читать и писать по-русски и владеющих иноверческими языками. Их следовало отослать в Санкт-Петербург для обучения церковным наукам. Окончившие учебу подлежали производству в священники и дьяконы и возвращению на родину, чтобы проповедовать мордве, чувашам и черемисам на родном языке. Однако после выхода указа выяснилось, что в столице в ведении Священного Синода не имелось школ, в которых можно было получить знания, необходимые для занятия священнической должности. В результате совместным решением Синода и Кабинета Министров от 1 мая 1740 г. было предписано обучать будущих проповедников в Казанской губернии «под присмотром тамошних епархиальных архиереев» [ПСЗ–1, т.11, №8090, с.104].

Примечательно отсутствие в указах упоминаний о татарах, что можно расценивать как неверие правительства в действенность христианской проповеди среди мусульман. Для их обращения в православие требовались более сильные аргументы, что и было продемонстрировано в скором времени. Недостаток проповедников, способных донести до мусульман и язычников суть христианского учения, не помешал правительству начать осенью 1740 г. самую жесткую за всю историю кампанию христианизации, растянувшуюся на полтора десятилетия.

В отличие от предыдущих кампаний, нацеленных в основном на феодальную верхушку, она затронула широкие слои нерусского населения Поволжья и оставила заметный след в истории края. Именно этим обусловлен интерес к ней, проявленный дореволюционными и советскими историками (А.П.Щапов, С.В.Ешевский, Н.А.Фирсов, А.Ф.Можаровский, Н.В.Никольский, А.Н.Григорьев и др.) [Щапов, 1858; Фирсов, 1869, с.165–210; Можаровский, 1880, с.61–98; Никольский, 1912; Григорьев, 1948, с.225–285]. В 2000-е г. к данной теме обращался Ф.Г.Ислаев [Ислаев, 1999; Ислаев, 2001; Ислаев, 2004]. Не углубляясь в детали проведения самой кампании, обратим внимание на ее связь с законодательством.

В 1740–1750-е гг. происходит резкое увеличение доли законодательных актов, регу-

лирующих религиозные вопросы, в общей массе узаконений о татарах. Она составляет 35% от числа всех изданных правительством указов, а для 1740–1749 гг. даже 45%. Это значительно выше среднего показателя в 15% для 1649–1799 гг. Если же вообще не учитывать указы 1740–1750-х гг., то доля законодательных актов, касающихся ислама и мусульман, снизилась бы до 9%.

Приведенные цифры подтверждают важную закономерность, присущую в целом российскому законодательству – в периоды социальных конфликтов законодательная активность государства существенно возрастала [Маньков, 2002, с.4; Пушкаренко, 1983, с.109]. Отношения между верховной властью и татарами в 1740–1750-е гг. можно с полным основанием назвать религиозным конфликтом. В этот период вышла целая серия указов антимусульманской направленности, ставивших правовое положение татарского населения в прямую зависимость от их вероисповедания. Анализ источников показывает, что помимо области духовных дел религиозный фактор оказывал прямое воздействие на налогообложение татар, отношение служилой прослойки к адмиралтейской повинности, дал толчок совершенствованию правовой практики в отношении беглых и переселенцев и т.д.

Непосредственно начало кампании положил указ императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. «Об отправлении архимандрита с некоторым числом священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещеных христианскому закону и о преимуществах новообращенным дарованных» [ПСЗ–1, т.11, № 8236, с.248–256]. Архимандритом этим был преподаватель Московской духовной академии Д.Сеченов, поставленный во главе Новокрещенской конторы. В помощь ему для проведения миссионерской деятельности были определены два протопопа из казанских храмов, пять священнослужителей, знающих местные наречия, переводчики, канцеляристы и «потребное» число солдат из казанского гарнизона. Весь штат Новокрещенской конторы составил 15 человек [там же, с.254 (п.17)].

Данная цифра ставит под сомнение возможность осуществления христианизации сотен тысяч «иноверцев», проживавших на

территории поволжских губерний, силами одного этого учреждения, без поддержки со стороны государства. Материалы Полного собрания законов говорят о его определяющем влиянии на ход миссионерской деятельности, которая проводилась на казенные средства, с привлечением государственного аппарата управления, армии и т.д. Ключевые законодательные документы, направлявшие деятельность Новокрещенской конторы и местных органов власти, принимал не Синод, который обладал лишь правом законодательной инициативы, а Сенат и верховная власть, в лице царствующего монарха. Таким образом, кампания насильственной христианизации 1740–1750-х гг. представляла собой очередную попытку религиозной унификации народов Поволжья с использованием опыта, накопленного властями с момента падения Казанского ханства, и всего спектра имеющихся в их распоряжении средств. Государство взяло на себя обеспечение материальной и административной стороны миссионерской деятельности, оставив в ведении Новокрещенской конторы проповедь христианского учения, сам процесс принятия нерусскими народами православной веры, а также наблюдение за тем, чтобы новокрещенные соблюдали ее обряды и не притеснялись некрещеными и местными властями.

Указ от 11 сентября 1740 г. содержал ряд положений, призванных обеспечить все это необходимой правовой базой. Предусматривались меры, чтобы сделать процесс христианизации необратимым. К примеру, пункт 4-й указа устанавливал обязательность посещения церкви и исполнения православных обрядов для новокрещенных. Контролировать это должны были русские люди, живущие поблизости. Особое внимание они должны были уделять крестившимся мусульманам, – «понеже оные... в обычаях своих бывают весьма замерзлы и ко крещению никто из них по благоволению не придет, разве кого привлечет к тому какая нужда» [там же, с.249]. Утверждению новокрещенных в православной вере должно было способствовать поощрение их браков с русским населением. «Имея в своем доме зятя или невестку русских, таких дел, которые христианскому закону противны (ино-

верцы. – *А.Н.*) в домах своих опасаться будут и прежнее свое заблуждение от времени до времени покидать и забывать станут», – говорится в указе [там же, с.250]. Результатом таких смешанных браков являлись русификация и ассимиляция представителей нерусских народов. Поощрялось также приглашение русских «восприимчиками при крещении» детей новокрещенных [там же].

На содержание Новокрещенской конторы ежегодно выделялось 10 000 рублей из доходов Коллегии экономии и 5000 четвертей муки [ПСЗ–1, т.11, №8236, с.254]. Часть этих денег шла на выплату вознаграждения крестившимся. Каждому из них полагались нагрудный медный крест, рубаха с портами, сермяжный кафтан с шапкой и рукавицами, обувь – чирки с чулками. Более знатным выдавались серебряный крест весом в 4 золотника, кафтан из сукна и сапоги. Всем мужчинам в возрасте свыше 15 лет полагалось денежное жалованье в 1 руб. 50 коп., от 10 до 15 лет – по рублю, меньше 10 лет – по 50 коп. Были установлены награды и для женщин. Крестившимся целыми семьями дополнительно выдавались иконы [там же].

Такая конкретизация, нехарактерная для более ранних законодательных актов, была обусловлена как все более усиливающейся бюрократизацией аппарата управления, так и особенностями самого документа. Скорее он представлял собой инструкцию, каждый пункт которой давал конкретные рекомендации по вопросам, возникавшим в процессе миссионерской деятельности, нежели закон в чистом виде, которые в большинстве своем отличались декларативностью. Благодаря этой отличительной черте, указ от 11 сентября 1740 г. дает предметное представление о роли местной администрации в процессе христианизации. На ее плечи легли осуществление переселения новокрещенных в места жительства русского населения [там же, с.251], предполагаемое переселение желающих в специально отведенные районы между Саратовом и Царицыным [там же, с.252], строительство церквей. Кроме того, на светские власти возложили обязанность выявлять и пресекать случаи притеснения новокрещенных некрещеными, следить, чтобы с них не собирались рекруты и рекрутские деньги [там же, с.254], выполнялись

положения указов, предоставляющих крестьянским различным льготы и права.

Самой существенной из льгот являлось освобождение на три года от «подушной подати и других чрезвычайных сборов и определенного с иноверцев провианта», введенное указами 1720-х гг. [ПСЗ–1, т.6, №3637, с.234–235; т.8, №5737, с.447–448]. Указ от 11 сентября 1740 г. не только подтвердил действие петровских постановлений, но и превратил закрепленную в них норму в мощное средство давления на «пребывающих в неверии». Отныне в период действия льгот, установленных для новокрещенных, все их подати и повинности, взимаемые с новокрещенных, на период обязательства перед государством возлагались на живущих в тех местах некрещенных соплеменников [ПСЗ–1, т.11, №8236, с.254 (п.16)]. До выхода данного указа подушные деньги за новокрещенных выплачивались из доходов Казанской губернии [ПСЗ–1, т.8, №5737, с.447–448; т.9, №6518, с.243–244]. Таким образом, в одном документе были объединены два взаимоисключающих решения. Самодержавие, с одной стороны, продекларировало отказ от насильственного принуждения нерусского населения к принятию православия [ПСЗ–1, т.11, №8236, с.248 (п.3)], с другой – установило порядок, который оказался значительно действеннее административных методов давления. Его введение имело тяжелейшие последствия для материального положения нерусских народов Поволжья, прежде всего татар, оказавших наиболее упорное сопротивление насаждению христианства.

Указ от 11 сентября 1740 г. определил основные направления деятельности Новокрещенской конторы и местных органов власти на начальном этапе 1740–1750-х гг. Его практическая реализация пришлось на время царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). По словам С.В.Ешевского, «Елизавета, весьма ревностная в религиозном отношении, сильно заботилась о распространении христианства между иноверцами» [Ешевский, 1900, с.131]. При ней были изданы наиболее тяжелые для нерусских народов законодательные акты.

Первым в их ряду стал именной указ от 6 апреля 1742 г. «Об обращении полковым

священникам в православную веру обретающихся в полках калмык, татар, мордву, чуваш, черемис и других иноверцев» [ПСЗ–1, т.11, №8540, с.592]. Армия, по замыслу авторов данного документа, должна была стать однородной в религиозном отношении. Армейским священникам предписывалось склонять к крещению нерусских солдат, а после принятия ими христианства «прилежно за каждым присматривать, и в вере, чтоб оную твердо содержали, крайне наблюдать» [там же]. Призванные на военную службу, они оставались в ней практически пожизненно и, в большинстве случаев, утрачивали веру предков. В немалой степени этому способствовало правило, введенное в 30-е гг. XVIII в., согласно которому рекруты из числа коренного населения Среднего Поволжья направлялись для прохождения службы в Прибалтику и другие максимально удаленные от родины места.

Спустя полгода, 19 ноября 1742 г., появился указ Сената «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон» [там же, №8664, с.719–720]. В отличие от предшествующих законодательных актов, он имел конкретного адресата в лице мусульманского духовенства. Поняв, что «религия мусульманская твердо держится в народе вследствие влияния на него мулл, что последние удерживают это влияние посредством мечетей, служивших местом не только молитвы, но и проповеди и школьного учения, почли необходимым ослабить эту опору ислама в государстве», – писал Н.А.Фирсов о побуждениях правительства при издании данного документа [Фирсов, 1869, с.179]. Формальным поводом для издания указа стала грамота царя Федора Ивановича 1593 г., запрещающая татарам строить мечети [ААЭ, т.1, №358, с.436–439]. Воспользовавшись тем, что забытый, но официально не отмененный указ нарушался на местах, Сенат приказал не только «сломать и впредь строить не допускать» мечети, возведенные после его появления, но и описать культовые сооружения более ранней постройки. Губернским властям и епархиальным архиереям надлежало представить соображения, какую часть из старых мечетей следовало

также разломать, а какую «без разломки для неминуемой жителей татарских законной нужды оставить надлежит» [ПСЗ–1, т.11, №8664, с.719–720].

Наряду с уничтожением мест единения, духовной и культурной общности татарского народа указ от 19 ноября 1742 г. преследовал целью устранение его влияния на остальное нерусское население края. Для этого был задействован механизм, заложенный в «Наказе губернаторам и воеводам» 1728 г. [там же, т.8, №5333, с.100]. Местным органам власти вменялось в обязанность выявлять и преследовать случаи обращения тагарами в мусульманскую веру представителей других народов. Тем, чья вина была доказана, грозило жестокое наказание, вплоть до сожжения [там же, т.11, №8664, с.720]. Здесь же предусматривались суровые меры в отношении принявших ислам иноверцев, которые отказывались добровольно перейти в православие [там же]. Таким образом, язычник, ставший мусульманином, уже не мог рассчитывать на возвращение в прежнее языческое состояние. Для властей было делом чести сделать его православным. В конечном итоге установленный порядок преследовал целью не столько устранение воздействия мусульманской пропаганды на языческое население, сколько устрашение последнего.

Указ от 19 ноября 1742 г. ярко высветил одну из отличительных черт христианизаторской кампании 1740–1750-х гг. – ее антимусульманскую направленность. Это не было новым словом в истории взаимоотношений народов Поволжья с самодержавием. Государство и прежде пыталось ослабить позиции ислама в регионе. Однако в рассматриваемый период религиозное противостояние приобрело более масштабный и непримиримый характер. Если принять общее число законодательных актов, изданных в ходе кампании, за 100%, то указы, направленные на христианизацию всего нерусского населения края, без различия его по этническому и конфессиональному признаку, составят приблизительно 65%, антимусульманские – 30%, касающиеся языческих верований – 5%. Приведенные цифры подтверждают еще одну закономерность, присущую российскому законодательству –

количество указов, издаваемых правительством по тому или иному вопросу, определялось сложностью решаемой проблемы.

Для обращения в православие сплоченного и организованного в религиозном отношении мусульманского населения самодержавию приходилось прикладывать больше усилий, чем в отношении языческих народов. Льготы, предоставляемые новокрещеным, а также стремление избежать возлагаемых на некрещеных дополнительных повинностей были весомым стимулом к принятию православия чувашами, марийцами, мордвой и удмуртами. Кроме того, в отношении язычников широко применялось насилие, когда служители Новокрещенской конторы, проповедники и священники в сопровождении воинских команд приезжали в нерусские деревни и, применяя угрозы, заставляли их жителей принимать крещение. Так, в мае 1745 г. крестьяне-чуваша Ядринского и Курмышского уездов жаловались в Сенат на строителя монастыря Неофита, курмышского протопопа С.Куприянова, ядринского попа В.Михайлова и других, которые, приезжая в чувашские деревни группами по 20–40 человек, насильно крестили сотни чувашей, избивая их «батожием» и «держав связано сутки», «сковав в железа» [Дмитриев, 1959, с.346].

Упорное сопротивление мусульман вынуждало правительство искать новые способы давления на них. К последним следует отнести решение о раскладке с податей и сборов за новокрещеных на оставшееся в «неверии» нерусское население Казанской губернии, установленное высочайше утвержденным докладом Сената от 28 сентября 1743 г. [ПСЗ–1, т.11, №8792, с.914–919]. Ранее губернаторы и воеводы в данном вопросе придерживались административно-территориального принципа. В результате были районы, где «иноверцы целыми деревнями и всеми уездами и сотнями... все до единого человека святым крещением просветились», отчего на оставшихся «в неверии» легла непосильная ноша по платежу податей и выполнению других обязательств. Вместе с тем имелись волости и уезды, где наблюдалась противоположная картина [там же, с.917]. Равномерное возложение тяжести платежей на всех упорствующих

в принятии православия должно было, по мнению правительства, подтолкнуть их на этот шаг. Фактически данное решение было направлено против татар, которых подобным образом вынуждали платить за другие, почти поголовно крестившиеся народы региона.

Другим важным нововведением стало изменение порядка выполнения предписания о раздельном проживании некрещеных и новокрещеных. В отличие от указа от 11 сентября 1740 г., было предписано переселять не новокрещеных, как это было ранее, а некрещеных, что также должно было побудить последних к принятию христианства [там же, с.916]. Впоследствии данная правовая норма стала основанием для притеснений татар в регионах, где они проживали в окружении русского большинства. Опираясь на нее русские жители г. Касимова в 1760-е гг. пытались выселить татар, «проживавших в Татарской слободе, и отдать их земли под поселение местному купечеству» [Сб.РиО, т.144, с.169].

Примечательно, что указ от 28 сентября 1743 г. сочетал меры материального давления на нерусское население с положениями, ущемлявшими их религиозные чувства. Он, в частности, предписывал привлекать иноверцев, «кои креститься не пожелают», к строительству православных церквей [ПСЗ-1, т.11, №8792, с.914–915]. Оставались в арсенале властей и старые проверенные методы. Состоявшийся в тот же день именной указ «О разных преимуществах, предоставляемых магометанам за восприятие грекороссийского исповедания» подтвердил законоположения прежних лет, согласно которым зависимые люди, принявшие крещение, переставали быть холопами или крестьянами у татарских помещиков и подлежали переселению в особые новокрещенские слободы. Впрочем, в случае крещения самих помещиков все возвращалось к первоначальному состоянию. Этим же указом запрещалось составлять на новокрещеных кабальные грамоты и заемные письма [там же, №8793, с.919–920].

Получила дальнейшее развитие и известная со времен архиепископа Гурия практика снисходительного отношения властей к проступкам и преступлениям

новокрещеных. Уже в указе от 11 сентября 1740 г. содержалось предписание судебным властям оказывать им всяческое снисхождение при разбирательстве судебных дел [там же, №8236, с.252 (п.7)]. Во время правления Анны Леопольдовны, 11 марта 1741 г., вышел указ «Об освобождении от смертной казни иноверцев, оказавшихся в убийствах, или других тяжких винах, за восприятие веры греческого исповедания» [там же, №8349, с.369–370]. Хотя ему была суждена недолгая жизнь и уже в первые недели после восшествия на престол Елизаветы Петровны он был отменен [там же, №8482, с.549], показателен сам факт, что самодержавная власть иногда приравнивала цену человеческой жизни к плате за принятие православия. В повседневной же деятельности власти руководствовались положениями указа от 28 сентября 1743 г., предписывавшего освобождать из-под стражи иноверцев, содержащихся по «маловажным делам, а именно в одном и другом воровстве, в ссорах, драках и тому подобных», за восприятие ими христианской веры и крещение [там же, №8792, с.914–915].

Несмотря на поддержку правительства деятельность Новокрещенской конторы повсеместно наталкивалась на упорное сопротивление татарского населения. Такие факты содержит указ от 1 мая 1744 г. «О мерах для предохранения новокрещеных иноверцев от обид и разорений» [там же, т.12, №8929, с.89–96]. Чаще всего противодействие правительственным мероприятиям выражалось в том, что некрещеные силой принуждали новокрещеных платить вместе с ними подушные деньги и другие подати. Вскрывались случаи, когда «иноверцы отдают за некрещеных в рекруты новокрещеных» [там же, т.12, №8929, с.90]. Доходило и до прямых столкновений с представителями власти.

Важной вехой кампании 1740–1750-х гг. стал сенатский указ от 22 июня «О нестроении мечетей в деревнях, где русские и крещеные иноверцы живут, и о некрещении иноверцев насильно» [ПСЗ-1, т.12, №8978, с.157–159]. Документ регламентировал порядок возведения мусульманских культовых сооружений, которые в предшествующие годы уничтожались в массовом

порядке. С момента выхода указа от 19 ноября 1742 г., стараниями духовных и светских властей только в Казани и Казанском уезде было разрушено 418 из 536 мечетей, при этом одни из них были построены «еще до взятия под российское владение Казани, а другие назад тому лет от 200 и ниже...» [там же]. Продолжение этого курса грозило серьезными проблемами с мусульманским населением России. Поэтому Сенат, приняв во внимание многочисленные прошения служилых и ясачных татар о восстановлении мечетей, а более руководствуясь соображениями, что «ежели у них, татар, все мечети их сломать, то из того не иное что последовать может, токмо одно им татарам, в их законе оскорбление, и от того б не могло до разглашения дойти в такие места, где между магометанами, в других государствах живут люди греческого исповедания, и построены божия церкви, и не произошло б какого тем церквам утеснения, к тому же живущие в России татары магометанского закона, приводятся к присяге по их законам в их мечетях», разрешил строительство двух мечетей в Татарской слободе г. Казани [там же]. В остальных случаях было приказано руководствоваться следующими правилами:

1. Исключалось наличие мечетей в местах совместного проживания мусульман с русскими и новокрещеными. Не сломанные к моменту выхода указа в таких населенных пунктах мечети подлежали уничтожению;

2. По согласованию с духовными и светскими властями допускалось строительство мечетей в местах отдельного проживания татар, при условии, чтобы общее число душ мужского пола в них должно было составлять не менее 200–300 человек. В отдельных случаях разрешалось строить одно культовое сооружение на несколько небольших деревень, при наличии в них положенного числа прихожан;

3. Разрешалось построить только определенное количество мечетей. Оно не могло увеличиваться даже с учетом будущего прироста населения [ПСЗ–1, т.12, №8978, с.157–159].

Правила, установленные двумя первыми пунктами указа, действовали более столетия [Малов, 1868]. Подобная живучесть объяс-

няется тем, что они превратились в серьезное препятствие для бесконтрольного увеличения численности мусульманских культовых сооружений. Чего, собственно, и добивалось царское правительство. Тяжелее всего эти ограничения сказались на сибирских татарах. К примеру, в начале 40-х гг. XVIII в. только в Тобольском уезде было сломано 66 мечетей, и их осталось всего 23 на 5843 души мусульманского населения. В Тюмени и уезде из 32 мечетей сломали 19. В результате к оставшимся 13 мечетям приписывалось население, живущее за 70 и более верст от них, что порождало огромные неудобства для верующих [ПСЗ–1, т.12, №9446, с.764].

Помимо правил возведения мечетей, указ от 22 июня 1744 г. содержал очередное предостережение татарам о недопущении религиозной пропаганды в отношении других народов, а также предписание духовным и светским властям не чинить татарам «никакого озлобления и принуждения» в обращении их в христианскую веру [там же, №8978, с.158–159]. Такая же норма была заложена в указе Синода от 12 декабря 1746 г. «О неупотреблении никаких понудительных средств противу иноземцев к восприятию веры грекороссийского исповедания» [там же, №9359, с.636–637]. Появление подобных документов объясняется тем, что самодержавие уже могло позволить себе популистские жесты в условиях, когда заработали механизмы экономического принуждения.

Особенно активно процесс принятия православия шел у «идолопоклонников», под которыми в законодательных актах понимались мордва, чувашы, марийцы, удмурты и другие народы края. Их не останавливало даже невыполнение правительством части обязательств по материальномуощрению крестившихся. Уже в 1742 г. Синод справлялся у Новокрещенской конторы о возможности отмены вознаграждения за крещение, а в 1743 г. члены Новокрещенской конторы стали собирать у чувашей подписки о том, что они не будут требовать наград за принятие христианства [Димитриев, 1959, с.348–349].

Самым весомым стимулом к принятию православия для языческих народов явля-

лось освобождение от подушной подати и рекрутской повинности. В совокупности с давлением, оказываемым служителями Новокрышской канторы, светскими властями и духовенством, оно приносило зримые результаты. Содержание сенатского указа от 11 марта 1747 г. [ПСЗ–I, т.12, №9379, с.667–670], состоявшегося по обращениям служилых мурз и ясачных татар Свияжского уезда, свидетельствует о том, что процесс христианизации языческого населения здесь практически завершился. В роли пострадавшей стороны оказалось татарское население, в массе своей не желавшее креститься. На него возложили дополнительные платежи за бывших «идолопоклонников», которых было «весьма множественное число». В результате татары, как сообщает указ, «не только за тех восприявших, но и за себя к платежу подушных денег в крайнем несостоянии, и многие оставшие иноверцы от такого взыскания принуждены, оставя дома свои, разбрестись» [там же, с.668–669]. Сходная ситуация наблюдалась и в других уездах поволжских губерний [Ислаев, 2004, с.178–179].

Заслуживает внимания распорядительная часть документа. Сенат отказал свияжским служилым и ясачным татарам в просьбе об освобождении от платежей за язычников. Обосновывалось это тем, что малое число некрещеных в Свияжском уезде не является поводом для удовлетворения их прошения, поскольку по указу от 28 сентября 1743 г. платежи раскладывались на некрещеных иноверцев всей Казанской губернии [ПСЗ–I, т.12, №9379, с.670]. На непомерность налогов некрещеных указывал еще Н.А.Фирсов. По его подсчетам, вместо положенных 53 копеек с души некрещеные «инородцы» Казанского края должны были платить 3 рубля 10 копеек, т.е. почти в 6 раз больше [Фирсов, 1869, с.40–43]. Такие платежи быстро подрывали хозяйства татарского населения, однако в этом и состоял расчет правительства. Оно сознательно шло на разорение татарских налогоплательщиков, рассчитывая, что под угрозой окончательного обнищания они рано или поздно все же перейдут в православие.

Потерями для государства оборачивалось и расширение перечня льгот для но-

вокрещеных. 16 декабря 1745 г. состоялся сенатский указ «О не включении в подушную перепись татарских мурз, восприявших веру греческого исповедания и жалованных деревнями и дворянским достоинством» [ПСЗ–I, т.12, №9236, с.480–483]. Самым значительным из нововведений второй половины 1740-х гг. стало освобождение нерусских служилых людей от адмиралтейской повинности, введенное сенатским указом от 7 декабря 1748 г. [ПСЗ–I, т.12, №9556, с.941–943], а затем повторенное 14 июня 1751 г. [там же, т.13, №9861, с.450]. Принятие этих указов стимулировало принятие православия еще не крестившимися служилыми чувашами и мордвой. В результате адмиралтейское начальство, вынужденное компенсировать нехватку рабочих рук на казенных лесозаготовках, полностью переложило эти работы на служилых татар.

Однако даже жесточайшее давление не могло поколебать приверженности исламу подавляющей массы татарского населения Волго-Уральского региона. Неудача политики христианизации в отношении татар отмечали многие исследователи. Более того, по данным В.М.Кабузана, в 30–50-е гг. XVIII в. произошло увеличение их удельного веса в крае, в сравнении с другими народами, поскольку «часть чувашей, мордвы и мари, уклонившихся от крещения, слилась с татарами» [Кабузан, 1990, с.105].

Наличие такого явления подтверждают и материалы законодательства. К примеру, сенатский указ от 14 июня 1749 г. сообщает о переходе в ислам 293 чувашей Свияжского уезда [ПСЗ–I, т.13, №9631, с.82–85]. Отношение властей к данному событию характеризует перечень наказаний для провинившихся. Помимо принуждения их к принятию православной веры, было приказано отобрать у мужей 26 чувашек, находившихся замужем за татарами [там же, с.83]. Детей от этих браков, «чтоб впредь и другим магометанам... указам противностей чинить и в свой богомерзкий магометанский закон из подданных ее императорского величества превращать было неповадно», повелевалось «роздать для воспитания новокрещеным же чувашам, кои в вере христовой уже утверждены... с такими приказаниями, дабы они, сколько возможно, тех детей настав-

ляли и обучали к познанию христианской веры» [там же, с.85]. О судебных преследованиях смешанных браков между чувашами и татарами, мордвой и татарами сообщает и В.Д.Димитриев [Димитриев, 1959, с.351].

Об обращении татарам в ислам представителей других народов свидетельствует и сенатский указ от 23 марта 1750 г. «О запрещении всем разных вероисповеданий иноверцам, в России находящимся, превращать в свой закон русских подданных, какого бы народа и звания оные не были» [ПСЗ–1, т.13, №9722, с.209–215]. Согласно документу, в 1744 г. только в Астрахани насчитывалось 854 души обоего пола, «приведенных в мусульманский, армянский, римский и лютерский законы». Из них подавляющее большинство – 634 человека приняли ислам. У жителей одной Казанской слободы находилось во владении 18 душ мужского и 28 женского пола, которые «в оный магометанский закон приведены хозяевами их самовольно» [там же, с.210–211]. В ислам в Нижнем Поволжье переходили в основном калмыки. Подобная картина наблюдалась и в Оренбургской губернии, где татары не только склоняли калмыков к перемене веры, но и вступали с ними в брачные отношения [там же, с.212]. Приведенные факты свидетельствуют как об активности татар в деле распространения мусульманского вероучения, так и о том, что для языческих народов Российской империи принятие ислама становилось формой сопротивления насильственной христианизации. Чтобы прекратить переход иноверцев в ислам, 13 мая 1752 г. Синод принял специальный указ «О наблюдении за новокрещеными Казанской и Вятской епархий, чтоб не уклонялись в прежние свои суеверия» [ПСПиР–2, т.3, с.471–473].

Сильно беспокоила правительство и другая тенденция. Воспользовавшись появлением во второй половине 1740-х гг. указов, декларирующих принцип добровольного принятия христианства, многие крестившиеся татары начали подавать прошения в Синод о возвращении в ислам. Мотивировалось это тем, что «они преосвященным Лукою епископом казанским, в православно-восточную греко-российскую веру крещены, якобы из-под неволи, будучи им то-

гда в безумии, а их-де к тому православной веры принятию самоизвольного желания не было и нет» [ПСЗ–1, т.13, №9825, с.393]. Это подтолкнуло Сенат к изданию указа от 24 декабря 1750 г., предписавшего всем епархиям, Новокрещенской конторе и другим соответствующим местам не обращаться иноверцев в православие без «письменных саможелательных о том прошений и без надлежащего прежде, нежели крещены будут, довольного к православию наставления» [там же, с.392–395]. Желающим креститься предлагалось подписать прошение, составленное в оскорбительной для мусульман форме, где Мухаммед именовался не иначе как «лживый пророк и предтеча антихристов», а для Корана употреблялись эпитеты «лживый, богомерзкий и богопротивный» [там же, с.394]. По мнению официальных органов, оформление подобным образом обряда крещения делало невозможным возвращение новокрещенных в прежнюю веру.

После выхода данного указа законодательная активность правительства понемногу идет на спад. Однако, по свидетельству Н.А.Фирсова, и в это время миссионерская деятельность продолжалась «с одинаковой настойчивостью, как и прежде, и по одному и тому же плану» [Фирсов, 1869, с.182]. По данным Ф.Г.Ислаева, в 1750 – 1755 гг. в Поволжье крестилось 58 752 человека, в том числе 6434 татарина [Ислаев, 2004, с.204]. К середине 50-х гг. XVIII в. уже можно было подвести некоторые итоги христианизаторской кампании. В отношении уничтоженных мечетей в законодательных документах отложились следующие данные: в Казани и Казанском уезде, как уже отмечалось, из 536 мечетей было сломано 418; в Сибирской губернии – «в Тобольске, и в уездах было 133 мечети, сломано 98, оставлено и вновь построено 35»; в Астраханской – «при Астрахани-де и в степных местах, в татарских юртах было 40 мечетей и из них сломано 29, оставлено 11» [ПСЗ–1, т.14, №10597, с.609]. Следует отметить отсутствие сведений о разрушенных мечетях по Свияжскому уезду Казанской губернии, а также по Симбирской, Нижегородской, Воронежской губерниям, другим местам компактного проживания татар. Это не позволяет оценить общий масштаб потерь,

понесенных мусульманской общиной России в 1740–1750-х гг. Однако нет сомнений в том, что процесс разрушения мусульманских культовых сооружений далеко перешагнул пределы Среднего Поволжья. Самодержавие нанесло удар по исламу во всех регионах, где имелись его последователи.

В числе немногих исключений было Приуралье. Память о недавнем башкирском восстании 1735–1740 гг. побудила правительство отказаться от разрушения мечетей в регионе. Чтобы вновь «не воспоследовало б какого замешательства», указом Сената от 20 февраля 1744 г. было определено: «имеющиеся ныне в той Уфимской провинции в башкирских жилищах мечети, впредь до указа оставить..., а впредь без особых указов из Сената указов таких мечетей не строить» [там же, т.12, №8875, с.26]. Миссионерская активность здесь также была приглушена. «А в башкирских жилищах, как известно, новокрещеных никто жительства не имеют», – констатировал ситуацию тот же документ [там же]. Относительная свобода вероисповедания была в числе причин, обусловивших массовый отток нерусского населения из Казанской губернии в Уфимскую провинцию [Кабузан, 1990, с.119, 128]. Она же побуждала татар искать счастья в оренбургских степях, где в «привилегиях» г. Оренбургу от 7 июня 1734 г. это право было закреплено в пункте 11 [ПСЗ–1, т.9, №6584, с.347].

В законодательстве отложились некоторые сведения и о количестве крестившихся. В 1741–1742 гг. общее число принявших православие составило 17 362 человека [там же, т.11, №8792, с.919]. По состоянию на 1756 г., «по присланным из губерний и провинций рапортам» оно оценивалось в 269 213 душ [там же, т.14, №10666, с.693–694]. В том же году чиновники Новокрещенской конторы оценивали число крестившихся в 1741–1756 гг. в 412 962 человека [Ислаев, 2004, с.205], однако эти данные не подтверждены другими источниками и, вероятно, значительно преувеличены.

Большинство крестившихся, как уже отмечалось, составляли чувашы, мордва, марийцы и другие языческие народы, которые, по словам Н.А.Фирсова, «не имели выработанного религиозного учения, кото-

рое бы в состоянии было бороться с христианством» [Фирсов, 1869, с.167, 183]. Он также приводит сведения о количестве крестившихся в Казанском уезде по данным переписи 1762 г.: «из 44687 черемис мужского пола, некрещеных осталось только 1673 души; из 23652 чуваш некрещеных только 750 душ; что вотяки, коих сочтено было 26209 душ оказались все крещеные, за исключением лишь 502 душ; что мордва, коей было 4960 душ крещена вся» [там же]. Впрочем, и для них перемена веры носила чисто внешний характер. И.И.Лепехин, посетивший Среднее Поволжье в 1760-е гг. в составе Академических экспедиций, отмечал, что будучи на бумаге христианами, чувашы, мордва, марийцы и другие народы края «усердно держались старинных языческих... заблуждений» [Лепехин, 1795, с.162].

Иная картина наблюдалась в отношении татар. «Ни убеждения миссионеров, ни льготы, даруемые правительством за переход к христианству, ни то обстоятельство, что им приходилось разоряться от платежа за новокрещеных податей, ни уничтожение их мечетей не действовали на них; огромное их большинство оставалось твердыми в вере отцов и дедов, между тем как жившие рядом с ними язычники почти поголовно все крещены» [Фирсов, 1869, с.182]. Эту характеристику, данную Н.А.Фирсовым, подтверждают и законодательные источники. Согласно указу Сената от 23 августа 1756 г., соотношение крещеных и некрещеных татар в Казанской провинции на момент его издания было следующим: «ясачных крещеных 1616, некрещеных 35 005, в Казанской Адмиралтейской конторе состоящих в корабельной работе крещеных 1766, некрещеных 63908» [ПСЗ–1, т.14, №10597, с.610]. Близкие к приведенным цифры дают и авторы специальных исследований. По данным В.М.Кабузана, в 1750 г. в Казанской губернии было крещеных 168 782 души (в т.ч. татар – 3451), а некрещеных 129 087 душ (татар – 108 680) [Кабузан, 1990, с.26–27; Исхаков, 1980, с.37–38]. Несколько большую численность крещеных татар приводит Ф.Г.Ислаев, по данным которого в 1743–1756 гг. их крестилось 10 501 человек [Ислаев, 2004, с.205]. При этом очевидно, что крестились в основном те татары, которые

полностью разорились, были определены в рекруты или кому грозило наказание за преступления.

Подводя итоги кампании 1740–1750-х гг. необходимо ответить на вопрос о ее истоках и в целом причинах перехода государства к политике поголовной насильственной христианизации. Как это обычно бывает, здесь сработало сразу несколько факторов. Свою роль сыграли недавние военные столкновения с мусульманами во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и башкирского восстания 1735–1740 гг. Они возбудили сильные антимусульманские настроения в русской правящей элите. А.Каппелер рассматривает события в Поволжье в контексте общего наступления на другие вероисповедания, предпринятого в правление Анны Иоанновны. В этот период давление со стороны государства испытали на себе не только мусульмане, но и староверы, протестантские и католические миссионеры, ущемлению подверглись привилегии украинцев [Карпелер, 1982, s.282].

Заслуживает внимания и другое наблюдение швейцарского ученого. В эпоху, когда пример Западной Европы оказывал сильное влияние на русскую знать, традиционная религиозная веротерпимость тоже стала считаться признаком отсталости. Еще с конца XVII столетия иностранные купцы упрекали русских, что они не крестили живших в самом центре их государства язычников и мусульман. Человеком, непосредственно вдохновившим Петра Великого на то, чтобы распространить христианство в государстве, А.Каппелер называет немецкого философа и математика Г.В.Лейбница [там же, s.283]. Предпосылки для массовой христианизации создали петровские реформы, нивелировавшие особый статус нерусских народов. Церковь окончательно оказалась под контролем государства, что облегчало согласованность действий. А.Каппелер пишет: «это систематизированное государство, которое стремилось к тому, чтобы по возможности во всех сферах регулировать жизнь своих подданных, видимо раздражало то, что в самом центре подвластной ему территории селилась группа, система ценностей которой не соответствовала государственной идеологии присоединения

к православному христианству, что ограничивало возможности повелевать этими подданными, эксплуатировать их и принимать к ним меры дисциплинарного порядка и в широком смысле ставило под сомнение единство государства» [там же, s.282].

Во второй четверти XVIII столетия приемники Петра I на российском престоле, в особенности Анна Иоанновна и Елизавета Петровна, продолжили начатое им дело по унификации верований, распространенных на территории Российской империи. Была существенно расширена система норм и правил, регламентировавших положение ислама и мусульман. Она включала ряд правовых установлений, ущемлявших их права. Часть татар, столкнувшись с административным, экономическим и религиозным прессингом государства, была вынуждена принять православную веру.

Религиозное противостояние татарского населения и царского правительства продолжалось до 1755 г., когда произошло событие, в корне поменявшее ситуацию в Поволжье и Приуралье. Весной этого года мулла из деревни Кармыш-Баш Сибирской дороги Уфимской провинции Габдулла Галиев, известный в народе как Батырша, обратился к мусульманам края с обширным воззванием, в котором выступил против правительственных ограничений мусульманской обрядности и потребовал создания независимого мусульманского государства [Башкортостан, 1996, с.147–148]. Это обращение стало отправной точкой выступления башкир и татар, вспыхнувшего в Приуралье и имевшего, по словам Н.А.Фирсова, «все признаки борьбы за веру Магомета» [Фирсов, 1869, с.209]. Восстание нашло живой отклик среди мусульманского населения Поволжья (о цели восстания, его ходе и результатах см.: [Ислаев, 2004, с.268–300]). Перспектива массового социального взрыва, реально угрожавшего безопасности империи, заставила правительство спешно вносить коррективы в свой внутривнутриполитический курс.

Первым шагом в данном направлении стали указы от 3 и 26 сентября 1755 г. о запрете на переселение некрещеных татар [ПСЗ–1, т.14, №10597, с.610] и освобождении их от поставки рекрутов за новокре-

щенных [там же, №10666, с.693–694]. Год спустя, 23 августа 1756 г., вышел сенатский указ «О допущении татар магометанского закона, жительствующих особыми деревнями в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях, к постройке мечетей и о переселении новокрещеных татар в другие деревни» [там же, т.14, №10587, с.607–612]. За этим громким названием скрывалось смягчение отдельных положений указа от 22 июня 1744 г. [там же, т.12, №8978, с.157–159]. Снималось ограничение на общее число мусульманских мечетей в населенном пункте. Разрешалось переселять новокрещеных из тех деревень, где их насчитывалось менее 1/10 от общего числа жителей. После отселения православных мусульманам позволялось восстанавливать мечети, при условии соблюдения норм по численности прихожан [там же].

Хотя указ от 23 августа 1756 г. не внес значимых корректив в религиозную политику государства, его появление стало показателем смягчения правительственного курса. Прямым следствием выхода данного законодательного акта стал указ Сената разрешивший строительство мечети в д. Поповка, на окраине Казани, куда в начале 1750-х гг. после большого пожара было переселено свыше 800 душ из Татарской слободы [там же, т.15, №10991, с.377–388].

Другим зримым показателем корректировки правительственного курса стали перемены в положении новокрещеных. С этой точки зрения показательны указы 50–60-х гг. XVIII в., определявшие права новокрещеных, находившихся на службе в российской армии. После выхода указа Сената от 10 декабря 1756 г., приказавшего не брать с них рекрутов «в силу прежних установлений» [там же, т.14, №10666, с.693–694], эволюция этих законодательных актов выглядит следующим образом. 4 июля 1757 г. Сенат ввел запрет на комплектование Оренбургского и Астраханского гарнизонов «крещеными из магометан и калмык», чтобы те не могли, «будучи в близости к соседственным магометанам, уйти и христианский закон оставить и к здешней стороне злодействовать» [там же, №10749, с.783]. Военной коллегии рекомендовалось, как это практиковалось в 30-е гг. XVIII в., направлять таких солдат

для прохождения службы в «остзейские» гарнизоны [там же, т.14, №10749, с.783].

«Генеральное учреждение о ежегодном сборе рекрут» от 23 декабря 1756 г. в качестве максимального вознаграждения для военнослужащих, изъявивших желание принять православную веру, определило право на перевод из гарнизонных полков в полевые [там же, №10786, с.844–845]. Указ Сената от 16 марта 1758 г. предписал брать на военную службу татар, чуваш, черемис, мордву и вотяков, крестившихся до переписи 1743 г. [там же, т.15, №11099, с.507]. Тем самым был положен конец бессрочному освобождению новокрещеных от воинской службы. Отныне после каждой новой ревизии рекрутская повинность возлагалась на крестившихся до предшествующей ей переписи. Им даже было велено писаться не «новокрещенами», а «крестившимися до прежней ревизии» [там же]. С выходом сенатского указа от 6 апреля 1764 г. претерпел изменение и этот порядок. Теперь иноверцы, принявшие православие, получали освобождение уже не на весь период между переписями населения, а лишь на три очередных рекрутских набора, которые следовали едва ли не ежегодно. Лица, имевшие возможность откупиться, могли до следующей ревизии вносить установленную государством сумму, неимущие шли служить [там же, т.16, №12126, с.705].

Такая эволюция законодательства в сторону ограничения привилегий новокрещеных – явление весьма показательное. Государство не могло допустить, чтобы льготное положение данной категории населения существовало постоянно. Это противоречило его унификационным устремлениям. Тем более оно не могло допустить, чтобы подобными привилегиями обладали этнические меньшинства, пусть и придерживающиеся господствующего в стране вероучения.

Последние законодательные акты, которые можно рассматривать как отголоски благоприятной для новокрещеных политики правительства, датированы началом 1760-х гг. К их числу относятся сенатские указы от 31 мая и 11 сентября 1760 г., подтвердившие силу прежних постановлений, согласно которым все дела, касающиеся данной категории населения, производи-

лись только с ведома «определенного к новокрещенским делам главного командира и команды его офицеров». Всем должностным лицам напоминалось о недопущении каких-либо обид в отношении новокрещенных [ПСЗ–I, т.15, №11064, с.446; №11099, с.506–507]. Попечительный характер носил и сенатский указ от 9 июня того же года «О неотягощении новокрещен двойными постоями и другими полицейскими должностями», разрешивший ставить к ним в дома на постой только «приходящих ко святому крещению» иноверцев и команду, определенную к их «защитению» [там же, №11068, с.479].

В целом в законодательстве о татарах второй четверти XVIII столетия, а также 1750-х гг., доминируют указы религиозного содержания, что отражает приоритеты внутренней политики самодержавия в указанный исторический период. Конечно,

взаимоотношения татарского населения с государством не ограничивались исключительно религиозной сферой. В Полном собрании законов отложилось немало законодательных актов, касающихся выполнения служилыми татарами адмиралтейской повинности. Во второй четверти XVIII столетия в законодательных материалах начинают активно упоминаться такие группы населения Приуралья, как «мещеряки» и «тептяри», впоследствии влившиеся в единый татарский этнос. Целый ряд указов 1730 – 1750-х гг. освещает участие татар в процессе освоения Оренбургского края. Имеются единичные законодательные акты, касающиеся татарского землевладения, торговли, миграций в другие регионы и т.д. Однако все они представляют интерес для рассмотрения лишь в совокупности с другими документами подобного содержания, которые относятся к различным историческим эпохам.

§3. Религиозная политика государства в первой половине XVIII в.

Файзулхак Ислаев

С реформ Петра I начинается не только новая история России, но и новый этап истории взаимоотношений государства, православной церкви и ислама. Инициатором такого поворота отношений выступила православная церковь, которая уже в конце XVII столетия настойчиво ставила перед царями задачу ужесточения борьбы против иноверцев, подразумевая под этим христиан-раскольников, католиков, лютеран, а также мусульман и верующих иных конфессий. Наиболее образно позиция православия в этом вопросе получила отражение в завещании патриарха Московского Иоакима, составленном 17 марта 1690 г., в котором он призывал государей не допускать православных христиан дружить с еретиками-иноверцами, латинами, лютеранами, калвинами и безбожными татарами, не давать иноверцам строить свои мольбища, а которые уже построены, разорить..., татарам мечетей не давать строить нигде» [Соловьев, 1991, кн.7, с.463].

Просветительская работа русской православной церкви в Поволжье в первой четверти XVIII в. связана с именем казан-

ского митрополита Тихона, который прибыл в Казань 4 октября 1700 г. из Сарской и Подонской епархии с указом «призвать к христианству и просвещать святым крещением черемисский народ в Уржумском, Яранском, Царевосанчурском и Царевококшайском уездах, обнадеживая его великого государя милостию и льготными года» [Можаровский, 1880, с.37].

Монастыри продолжали играть важную роль в распространении православия среди иноверцев. В Поволжье в миссионерских целях по инициативе митрополита Тихона был построен в 1712 г. Болгарский Успенский монастырь среди татар, «на отводном древнем царственном Болгарском мусульманском запустелом городище. И в древней палате сделана церковь и построены привычные к общине службы» [НАРТ, ф.10, оп.5, д.511, л.11]. По мнению Д.А.Корсакова, главными проводниками монастырской колонизации на луговой стороне Волги стали Седмиозерский, Раифский и Спасо-Преображенский монастыри, а на горной стороне – Тетюшский монастырь [Корсаков, 1889, с.31]. По поручению митрополита Ка-

занского активной просветительской деятельностью среди марийского народа стали Алексей Раифский и его отец, которые с 1701 г. по 1705 г. крестили 4683 черемис и для них за казенный счет построили 7 церквей [ОДДСС, т.1, с.364].

Христианизация татар-мусульман сопровождается усилением духовного насилия и экономического принуждения. По указу Петра от 1704 г. было велено «А с абызов данные деньги собирать с мечетей и с кереметей, переписав, сколько у которой мечети в приходе будет мужеска и женска полу, и вдовцев и холостых, и вдов и девок; и собирать те данные деньги с женатых со всякого человека по три деньги; со вдовцев и с холостых и с малых ребят, со всякого человека по две деньги; с замужних жен по три деньги и с жены; со вдов и с девок по две деньги с человека на всякой год» [Голиков, 1837, с.329]. В 1704 г. башкирам приказано было строить мечети по образцу православных церквей, а религиозные обряды приблизить к православным. При совершении обряда наряду с муллой должен был присутствовать православный священник. Было приказано, чтобы при женитьбе «был один татарский абыз, а другова русскова попа взяв венчали», а умерших погребали у мечетей, вопреки мусульманским обычаям, и установлены были новые налоги со свадеб, с мечетей [МИБ, 1936, с.110, 114–115]. Особой податью было обложено все мусульманское духовенство. Все эти меры вызвали взрыв народного возмущения, вылившийся в продолжительное восстание 1704–1711 гг., в результате которого царизм был вынужден отказаться от реализации этого указа [Кулбахтин, Сергеев, 1988, с.36–37].

Не случайно объектами нападения мятежников стали православные храмы. Документы сообщают, что «в бунт воров башкирцев и татар пожжено в Казанской епархии 62 церкви, а в Кунгурском уезде башкирцы и каракалпаки сожгли 8 церквей, и в селах многих людей прикололи и порубили» [ОДДСС, т.2, с.607]. Во время бунта в Казанском и Уфимском уездах к февралю 1709 г. было сожжено и разорено «303 сел и деревень» людей погибло и отведено в плен 12705 человек [Соловьев, 1991, кн.8, т.15–16, с.170].

Вероятно, именно участие в антиправительственных выступлениях мурз и служилых татар стало причиной активных мер правительства против татарских феодалов, игравших значительную и авторитетную роль в мусульманском обществе. Совпадение по времени подавления мятежа иноверцев и начала принятия активных мер по крещению мурз и служилых татар показывает, что здесь имеется прямая логическая связь. 3 ноября 1713 г. Сенат принял указ о крещении магометан в Казанской и Азовской губерниях, у которых в поместьях и вотчинах имелись крестьяне православной веры. По этому указу следовало, что мусульмане, имеющие свои поместья, а в поместьях и вотчинах крепостных православного исповедания, должны креститься в течение полугода, а «как воспримут святое крещение, и тем поместьям и вотчинам и людьми и крестьяне владеть по-прежнему. А ежели в полгода не крестятся, и те их поместья и вотчины с людьми и со крестьянами у них взять и отписать на него Великого Государя, и без указа никому не отдавать» [ПСЗ–1, т.5, с.66–67].

Несмотря на особое указание на то, что данное решение касается мурз, имеющих в своих имениях православных работников, при реализации предусмотренных мер эта оговорка не учитывалась. Тревоги мурз и служилых татар по поводу несправедливой конфискации имущества имели за собой серьезное основание, так как только в течение 1714 г. в Казанском, Свияжском, Синбирском и Пензенском уездах в разных селениях и деревнях 180 дворов было отписано в пользу государя и они были переданы казанскому вице-губернатору Н.А.Кудрявцеву [Макаров, 2000, с.143]. По подсчетам А.И.Ногманова, общее число помещичьих и крестьянских дворов, отписанных в результате появления данного указа, составило по семи городам Казанской и Азовской губерний 560 единиц, а количество отписанных людей мужского и женского пола – 3795 душ [Ногманов, 2002, с.101].

В одном только Узинском стане Пензенского уезда в 1719 г. были отписаны на государя крепостные крестьяне православного исповедания за некрещение в деревнях Кунчурино, Бикбулатово, Елюзань, Пенделги

у мурз Акчуриных, Шахмаметевых, Дашкиных, Тебердеевых, Кугушевых, Еникеевых, Давлеткильдеевых, Чураковых, Козаевых, Бичуриных, Агишевых, Мансуровых, всего 48 дворов [Еникеев, 1999, с.110–111].

Изучение источников показывает, что мурзы и служилые татары не торопились принять крещение. Указы Петра I фактически нанесли последний удар по любому привилегированному положению служилых татар, так как «послужили основой не только крещения части из них, но и для наступления на служилое татарское землевладение в целом» [Гилязов, 1995, с.249]. Тем не менее, массового принятия ими православия все-таки добиться не удалось, хотя единичные случаи отмечались. Приведем несколько примеров. За 1717 г. зафиксированы крещенные мурзы-владельцы дворов в различных селениях: Г.А.Мансуров, Тимофей Львович Дивлеткильдеев, Иван Лаврентьев Еникеев [Документы и материалы, 1940, с.234–235]. Мурза Ханя Сумчелеев сельца Торопова Кадомского уезда выразил желание креститься в 1722 г. [ОДДСС, т.9, с.173]. 7 ноября 1722 г. мурза Шиг-Алей Иванашева сын князь Алышев из города Кадома подал на имя Петра I прошение о приведении его в христианскую веру [ОДДСС, т.1, с.728–729]. Служилый мурза Трахман Бахтияров сын Куткин 2 мая 1729 г. объявил о своем желании принять православную веру. Он был крещен в том же Спасском монастыре 3 июля и назван Иваном Авраамовым-Куткиным [ОДДСС, т.9, с.239–240].

Процесс крещения татарских мурз получил отражение и в татарских родословных. В родословной князей Максудовых зафиксированы Биктимер (Иван), Батыр (Иван), Петр, Федор, Тимербулат (Тихон), Азамат (Александр), Егор, Мостафа (Николай), Алексей (капитан), Василий (прапорщик); князей Крымских-Ширинских – Василий, Петр, Михаил, Лукьян, Федор; князей Давлеткильдеевых – Алексей, Афанасий, Савил (Сеитбагтал), Мартин (Мортаза) [Ахметзянов, 1996, с.64–67, 70, 72–73, 126]. Противники крещения, естественно, лишались не только крепостных православного исповедания, но и всего состояния, в первую очередь поместий и вотчин. Вероятно, именно после этих событий среди татар утверди-

лось выражение «чабаталы морза» – «лапотные мурзы».

Вторым центром просветительской деятельности русской православной церкви в начале XVIII в. становится Тобольская епархия. И здесь главную роль сыграл Петр I, который велел подобрать в Сибирь нового митрополита «не только доброго и благого жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог, божью помощью исподволь, в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения закоснелых человек приводить в познание истинного Бога» [ПСЗ–1, т.3, №1618]. Эта работа была возложена на митрополита Филофея Лещинского до назначения бывшего экономом Киево-Печерского монастыря прибывшего в Тобольск в 1702 г.

Тогда же сибирские татары были ограничены в исполнении мусульманских обрядов. 11 октября 1703 г. был принят указ, согласно которому в Тобольске татарам, живущим между русскими, вблизи церковей, во время божественного пения запрещено шуметь, а мечети перенесли от церковей в дальние места, «чтобы никакого крика и пения их близ церковей Божиих не было»; если татары во время божественной службы начнут кричать, то им «за то быть в опале и в казни» [ПСЗ–1, т.4, №1946]. Митрополит предложил, «чтоб в Тобольску мечетем татарским между церквами Божиими и житию их татарскому с христианы не быть, потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода...» [Сулоцкий, 1863].

За 1714–1720 гг., по некоторым, по нашему мнению, несколько завышенным, данным, он крестил 14 000 человек, построил для новокрещенных более 30 церковей. Просветительская деятельность была отмечена похвалой Петра Великого [ОДДСС, т.10, с.685–687].

Сама идеология православного миссионерства в новых условиях была разработана выдающимся религиозным деятелем первой трети XVIII в. Феофаном Прокоповичем. По приказу императора он из Киева прибыл в Санкт-Петербург, составил Духовный регламент, в котором на религиозно-просветительские функции церкви было обращено пристальное внимание. Здесь имеется специальный раздел о просвети-

тельской деятельности, состоящий из 10 положений [Верховской, 1916, с.116–118, 451, 533]. Феофан Прокопович, став одним из руководителей синода, до своей кончины в 1736 г., оказывал всемерное содействие развитию православного миссионерства среди народов России. Не случайно В.Н.Татищев охарактеризовал его, как «главного российской церкви пастыря и прилежнейшего о распространении слова божия и учения христианского старателя» [Татищев, 1990, с.163–164].

В 20-е гг. была разработана система предоставления льгот новокрещеным. Сенат 1 сентября 1720 г. принял указ, по которому новокрещенные получают льготы «во всяких государственных сборах и изделиях на три года, дабы придать к восприятию греческого закона лучшую охоту; а из которых дворов будут приходиться креститься только некоторые персоны, а не все того двора жители, оную льготу давать только тем, которые святое крещение примут». Кроме льгот по налогам, для строительства церковей, приобретения церковной утвари и подарков новокрещеным выделялось ежегодно по одной тысяче рублей [ПСПиР–1, т.1, с.210–211].

В 1722 г. Петр Великий сообщил казанскому губернатору, чтобы он рекрутами крестившихся басурман в службу не брал, «а которые креститься не хотят, и таких бери в службу по прежнему указу» [ПСЗ–1, т.6, №4123]. Решение об освобождении от рекрутской повинности крещеных стало одной из самых эффективных мер по привлечению в православие иноверцев, так как единственным легальным способом избежать призыва в армию стало принятие православной веры. Не случайно статистика крещения позднее покажет, что среди крещеных иноверцев мужчин больше, чем женщин; возможно, этим же объясняется и разница крещеных по половому признаку у башкир, которые были освобождены от рекрутской повинности.

28 августа 1724 г. был принят указ, по которому татар и прочих иноверцев, принявших православную веру, освобождали от кабалы и «учинили свободными» [ОДДСС, т.4, с.251–253]. 21 октября 1724 г. Сенат решил, что татары и другие иноверцы, осужден-

ные на смерть, если пожелают креститься в православную веру, обучив их, крестить, а по восприятии святого крещения, «ежели кто из них будет достоин будет казни, таких отсылать по обыкновению» [ПСПиР–1, т.5, с.251–252]. Этим решением законодательно закрепляется широко распространенная практика освобождения крещеных от долговых обязательств и от преследования преступников из иноверцев в случае их добровольного крещения.

В октябре 1721 г. Синод потребовал от митрополита Тихона объяснения почему магометане, принявшие христианство, отпадают от него, и не происходит ли это от действий светских властей, которые обременяют новокрещеных тяжелыми податями. По мнению патриарха, основной причиной отпадения от православия татар являлось то, что новокрещенные не ходят в церкви, погребают умерших без священников на магометанских кладбищах [ОДДСС, т.1, с.364–368].

Тогда же он предложил некоторые новые меры, которые способствовали бы укреплению православия у новокрещеных татар. По мнению митрополита, следовало под страхом или угрозой штрафа запретить им хоронить умерших в прежних кладбищах; умерших хоронить только вместе со священником, а прежние кладбища «сравнять»; в новокрещенских деревнях построить церкви и контролировать их посещение в воскресные и праздничные дни. Под особый контроль брались дети новокрещеных, которых «награждением» предполагалось привлечь к изучению «словенской грамоты». Священнослужители должны усилить контроль за соблюдением церковных обрядов, практиковать внезапный контроль для того, чтобы новокрещенные всегда были «в страхе» за отступления от канонов, а переход к православию стимулировать награждением [там же, прил. 29].

Митрополит Сильвестр регулярно совершал поездки по деревням новокрещеных. Каждая поездка оставляла у казанского архиерея чувство неудовлетворенности тем, что татарских новокрещеных в религиозном отношении христианами считать можно было только условно. Об этом наглядно свидетельствует его поездка в деревню Абди

Казанского уезда Зюрейской дороги. Он писал, что татары деревни Абди были «просвещены еще святым крещением первым святителем края Гурием, прадеды и отцы их просвещены, по взятии Казани, лет 170 тому назад, а по-русски говорить, как прадеды, отцы и матери их не умели, так и не умеют; молитву Иисусову творить мало знают и то не всю, крестное знамение воображать и закон христианский в твердость исполнять и содержать от не научения и не презрения не умеют, для того, что они на старых своих жилищах издревле живут, а от других сел и от христианских церквей в дальнем расстоянии, верст за сорок, и более, к тому же, за лесами и реками и за великим летними и осенними многими распутицами и за великими грязями, в господские праздники и в воскресные дни к церкви Божией с женами и с детьми приходиться молиться и по христианской должности в грехах своих исповедаться и св. Таин приобщаться не сподобляются и того ради благодати Божией лишаются, приходские священники, за дальним расстоянием, бывают у них редко и маловерменно» [ОДДСС, т.4, с.357–358].

Митрополит предложил построить в деревне церковь, а по возвращении в Казань поручил иеромонаху посетить другие иногородческие деревни, где можно построить церкви или часовни. Несколько позже было принято решение о переселении в эту деревню русских. Результатом такой деятельности стало полное обрусение данного селения.

Несмотря на значительные усилия православной церкви, во второй половине 20-х гг. число крестившихся инородцев постепенно сокращается. Если за 1719–1724 гг. было крещено 2184 иноверцев, то в 1724–1730 гг. только 811. Хотя в 1730 г. по март было крещено еще 75 человек, но эти цифры не меняют общей картины [ОДДСС, т.9, с.35–38]. Таким образом, за 12 лет в Казанской епархии было крещено 3070 человек, в среднем по 256 человек в год. По другим данным, всего с 1701 г. по 1730 г. было крещено 6311 человек [ПСПиР–1, т.1, с.171–175].

В конце 20-х гг. XVIII в. стало ясно, что только силами отдельных энтузиастов-просветителей, без создания соответствующей религиозной организации, ответственной

перед Синодом за миссионерскую деятельность, было невозможно говорить о более широкой христианизации иноверческих народов Поволжья. Синод указом от 23 августа 1731 г. учредил организацию для крещения мусульман и других «инородцев». Местом расположения комиссии выбирается Свяжский Богородицкий Успенский монастырь. Согласно указу иеромонаху Алексею Раифскому поручается в Казанской епархии ведать и исправлять новокрещенские дела, «иноверцев ко святому крещению призывать, и кто из них пожелает, тех святым крещением просвещать, и в содержании православных веры, по христианской должности, обучать, и в том прилежное смотрение, по искусству своему, иметь» [ПСПиР–1, т.7, с.332–334; ОДДСС, т.10, с.522–523]. Кроме того, для просветительской работы ежегодно из архиерейских доходов выделялось 636 рублей. Таким образом, Алексей Раифский возглавил монастырь и одновременно отвечал за просветительскую деятельность среди иноверцев. Эта организация в 1734 г. была названа Новокрещенской конторой [ОДДСС, т.14, прил. 29].

За первый год существования комиссии, в 1731 г., было крещено 108 человек, 15 детей новокрещеных Алексей Раифский отобрал для учебы в специальной школе в монастыре, подобрал учителя, и дети новокрещеных приступили к занятиям. На ведение миссионерской работы он принял от казанского архиерея 3153 руб. 78,5 коп. денег, из которых уже было израсходовано 425 руб. 65 коп. На эти средства главным образом приобретались вещи в качестве подарков для новокрещеных: 500 медных крестов, 30 кафтанов, 30 пар сапог, 30 шапок, 33 рубахи, а также лошадь для разъездов и т.д. Для организации работы были назначены канцелярист Иван Никитников, учитель Василий Свинцицкий, копиисты Афанасий Андронников и Лев Судовиков [ОДДСС, т.11, с.375–376].

Деятельность Новокрещенской конторы дел начинает приносить первые результаты, хотя и весьма скромные. В 1732 г. был крещен 201 человек, в 1733 г. их число возросло до 290; кроме того, с 1722 г. по 1733 г. было построено 7 церквей, а восьмая строилась. В 1733 г. на миссионерские цели было из-

расходовано 1047 руб. 37 коп.; таким образом, казне крещение одного иноверца обошлось в 3 руб. 61 коп. [Ислаев, 1999, с.13].

В городе Екатеринбурге 20 июня 1738 г. был произведен акт устрашения иноверцев и новокрещеных – на костре сожжен новокрещеный татарин Тойгилда Жуляков за переход в ислам [Берхин, 1885, с.191]. Перед казнью был оглашен указ о том, что «велено тебя, татарина Тойгильду, за то, что ты, крестьясь в веру греческого исповедания, принял паки махOMETанский закон, и не только что в богомерзкое преступление впал, но яко пес на свои блевотины возвратился, и клятвенное свое обещание, данное при крещении, презрел, чем Богу и закону его праведному учинил великое противление и ругательство, – на страх другим таковым, кои из махOMETанского приведены в христианскую веру, при собрании всех крещеных татар велено казнить смертью – сжечь» [Анисимов, 1999, с.541–542]. В 1740 г. было принято решение о сожжении крещеного татарина Романа Исаева, который в Казанском уезде принял крещение вместе с женой, переселился в Уфимский уезд, обусурманился, находился при главном бунтовщике Кильмяке, в бою был взят в плен. Р.Исаева привезли в Санкт-Петербург, где был вынесен приговор: «надлежит оного Исаева, за показанные тягчайшие его вины, не посылать в Мензелинск к Соймонову, казнить смертью в Петербурге, дабы в провозе его не было напрасного казенного убытка, а особливо чтоб с дороги не ушел и пущего злодейства учинить не мог» [Попов, 1861, с.206].

В 1738 г. вместо Алексея Раифского руководителем Новокрещенской конторы стал Димитрий Сеченов. Начался новый, наиболее драматичный этап христианизации нерусских народов Российской империи, особенно татар-мусульман, который по времени составил всего 20 лет – с 1741 г. по 1761 г. Этот этап в истории татарского народа неразрывно связан с именем Луки Канашевича, хотя он официально никогда Новокрещенскую контору не возглавлял. Назначение Луки Канашевича в Казанскую епархию, начавшиеся кадровые изменения в Новокрещенской конторе – это звенья одной цепи, направленные на переход на качественно новый этап христианизации

иноверческих народов. С приходом новых руководителей метод убеждения в отношении мусульман и язычников постепенно вытесняется методом насилия. Сочетание предоставления разнообразных льгот новокрещеным, методов убеждения и насилия иноверцев дало действительно выдающиеся результаты – языческие народы Поволжья, за редким исключением, были крещены.

К этому времени были созданы реальные предпосылки для развертывания массового крещения. В результате предыдущей миссионерской деятельности православной церкви к 40-м гг. столетия в Казанской губернии было крещено более 30 тыс. мусульман и языческих народов, из них: мусульман 16 227; черемис 12 026; чуваш 804; мордвы 693; вотяков 205; калмыков 104 – всего 30 059 человек [ОДДСС, т.21, с.19].

Указ «Об отправлении архимандрита с некоторым числом священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещеных христианскому закону и о преимуществах, новокрещеным дарованных» от 11 сентября 1740 г., подписанный императрицей Анной Иоанновной стал программой массовой христианизации иноверческих народов Волго-Уральского региона. Большинство предусмотренных в указе мер были разработаны и приняты ранее; отличается данный документ не только включением ранее принятых решений в один указ, а попыткой комплексного решения задачи массового крещения народов России. Реализация всех предусмотренных мер требовала значительных финансовых затрат со стороны государства, и эти расходы в размере десяти тысяч рублей были предусмотрены указом. Он стал законодательной базой просветительской деятельности православной церкви и массового крещения мусульман и языческих народов как за время существования Новокрещенской конторы, так и в последующие годы.

Массовое крещение иноверческих народов происходило под непосредственным руководством нового управителя Новокрещенской конторы и архимандрита Свяжского Богородицкого монастыря Димитрия Сеченова. Для решения этой задачи нужны были энергичные просветители и организаторы этого дела. По просьбе архимандрита Ди-

митрия Сеченова к двум протопопам Новокрещенской конторы было прибавлено еще 4 человека: учителя Казанской семинарии Василий Григорович, Стефан Гловацкий, студент Московской духовной академии Николай Каменский, священник Георгий Давидов. В результате в 1741 г. произошел качественный скачок в миссионерской деятельности. Количество крещеных за один год возросло в 30 раз и достигло 9159 человек [Ислаев, 1999, с.51]. В этом году 416 черемис крестил в Царевококшайском уезде Георгий Давидов; 475 черемис и вотяков Уржумского и Вятского уездов – Вениамин Пуцек-Григорович; 721 мордовца в Алатырском уезде – управитель Новокрещенской конторы Дмитрий Сеченов; 114 мордовцев Пензенского уезда – Стефан Давидов; за январь-май 1741 г. 179 человек из чувашей, мордвы и других народов крестил протопоп Казанского Владимирского собора Иоанн Симонов. До сентября 1741 г. было крещено в Астраханской губернии 86 человек, в Рязанской епархии – 6 мужчин и 2 женщины [ОДДСС, т.21, с.235]. Среди крещеных Дмитрием Сеченовым был и мурза Манцырев с женой и детьми из деревни Серкамки Верхоломовского уезда Воронежской губернии [там же, с.484].

Дмитрий Сеченов первым поставил вопрос о массовом строительстве церквей в селениях новокрещеных. По его личной инициативе началось строительство 30 деревянных церквей не только там, где жили новокрещеные, но и там, «где креститься не пожелают» [ПСПиР–1, т.10, с.415–419]. Первоначально в Казанской епархии началось строительство 16 церквей, в том числе в деревнях Нижние Акташи, Ямашкино Казанского уезда Зюрейской дороги; в деревне Кутуши Ногайской дороги; в деревне Куроедовка Симбирского уезда; в деревне Нурма Царевококшайского уезда. Тогда в Казанской епархии было 30 мужских, 15 женских монастырей и 699 церквей [ОДДСС, т.21, с.378, 469–471].

Характерно, что среди крещеных татар-мусульман было немного, особенно в сравнении с языческими народами. Такая ситуация заставила принять новые меры, которые способствовали бы активному крещению татар-мусульман. Именно неже-

вание татар принять православие, а также значительная роль в этом вопросе мусульманского духовенства привели к принятию решения о разрушении мусульманских мечетей. Кроме того, мечети рассматривались как опорные пункты агитации против русских завоевателей, центры сепаратизма [Климович, 1936, с.12].

Синод 10 мая 1742 г. принял решение – «имеющиеся в Казанской и протчих губерниях татарские мечети, которые построены после запретительных о том нестроении указов, где б оныя не были, все сломать без всякого отлагательства и впредь строить не допускать и позволения в том не давать» [РГАДА, ф.248, оп.14, д.803, л.52об.–53; ОДДСС, т.50, с.725–726]. По логике миссионеров, разрушение мечетей должно было привести к уничтожению мусульманского духовенства, следовательно, и ислама как религии татар и башкир. Меры были кардинальные, но ислам в России из этого испытания вышел достойно. Почти сразу же после разрушения татарских мечетей мусульмане стали обращаться с настоятельной просьбой о восстановлении или строительстве новых мечетей. Первым в сенат обратился Сафер Умеров из Татарской слободы г. Казани, который принимал участие в переговорах с восставшими башкирами в 1735 г. [Материалы, 2002, с.64].

Энергичная просветительская деятельность управителя Новокрещенской конторы, архимандрита Свияжского Богородицкого монастыря Дмитрия Сеченова была достойно оценена, и он указом императрицы 1 сентября 1742 г. был назначен архиереем Нижегородской епархии. Он и на Нижегородской земле продолжил активную миссионерскую деятельность, которая давала реальные результаты: количество крещеных возросло значительно, появились даже целые волости, в которых, кроме татар, некрещеных иноверцев не было. Так, в октябре 1744 г. в Ардатовской волости, в которой было 84 деревни, «все до сущего младенца крестились, и некрещеной мордвы уже ни одного человека не осталось» [ПСПиР–2, т.2, с.290]. В 1746 г. в Нижегородской епархии считалось 50 430 человек новокрещеных, и для них было построено 74 церкви [Малов, 1878, с.61]. Миссионерам помогал

новокрещеный татарин Филипп Никитин, который способствовал крещению 10 татар-рекрутов [Никольский, 1915, с.129].

Массовую христианизацию поволжских иноверцев продолжил Сильвестр Гловацкий, ставший третьим управителем Новокрещенской конторы и архимандритом Свяяжского Богородицкого монастыря. По инициативе Новокрещенской конторы или Казанской губернской администрации указами Синода или Сената определялись новые или подтверждались старые привилегии новокрещеным. 8 сентября 1743 г. указом Елизаветы Петровны были снова подтверждены преимущества магометанам за восприятие грекороссийского исповедания [ПСЗ–1, т.11, с.919–920]. Чуть позже Синодом были подтверждены льготы новокрещеным из магометан за восприятие святого крещения: освобождение «от холопства и крестьянства от иноверных помещиков» и «прощение долгов» должникам и их награждение прежними хозяевами «взрослых 5 руб., а холостых 3 руб. премией» [РГИА, ф.796, оп.24, д.397, л.5, 11]. В 1748 г. мурзы и служилые татары, в случае крещения, освобождались от корабельной работы, которая открывала лашманам возможность избавления от изнурительной работы по заготовке леса [ПСЗ–1, т.12, с.941–943]. Данное решение привело к тому, что основными работниками Адмиралтейской конторы стали мурзы, служилые и ясачные татары, так как приписанные к конторе языческие народы путем крещения получили освобождение от выполнения этих повинностей.

Анализ законодательства в годы массовой христианизации показывает, что доля указов религиозного характера от всей массы законодательных документов о татарах в 1740–1749 гг. составила 45% всех правительственных постановлений. Отличительной чертой данной кампании стала ее антимусульманская направленность. Если принять общее число законодательных актов, изданных в ходе ее проведения за 100%, то указы, направленные на христианизацию всего нерусского населения края, без различия его по этническому и вероисповедальному признаку, составляет приблизительно 65%, антимусульманские 30%, языческих верований – 5% [Ногманов, 1994, с.18–19].

Значительно ужесточился контроль за религиозным состоянием новокрещеных. Малейшие признаки отхода новокрещеных от православной христианской веры вызвали немедленную реакцию властей и миссионеров. Характерен в этом отношении случай, происшедший с Павлом Яковлевым (Ахмедом Мусмановым). Он крестился «добровольно» в феврале 1741 г.; крестил его протопоп Казанского Богородицкого собора Иван Филиппов, а крестным отцом был казанский посадский человек Яков. После крещения он поселился в русской деревне Кермень, затем уехал в Уфимский уезд, а там называл себя татаринном, татарским именем, в постные дни ел мясо и молоко, не соблюдая христианские нормы. Все это каким-то образом стало известно миссионерам, которые и послали его в Раифскую пустынь, где он содержался «под крепким караулом», а искусному иеромонаху было поручено в течение 6 недель его исповедать [ПСПиР–2, т.3, с.247–252]. В данном случае миссионеры ограничились только заключением в монастырь и духовным просвещением. Чаше кара была более жестокой. В 1743 г., в разгар насильственного крещения, перешли в ислам 33 чуваша, а 26 чувашских женщин вышли замуж за татар и также приняли мусульманство. Узнав об этом, Казанская губернская канцелярия повелела «обрезанных чуваш» увещевать к крещению, а в случае отказа бить их нещадно плетьюми при депутате от Новокрещенской конторы. По этому случаю признанные основными виновниками перехода чувашей в ислам 16 татар-мусульман были сосланы в Сибирь навечно. В случае принятия христианства они освобождались от всякой ответственности за принятие ислама и отпускались без штрафа; а дети, рожденные от татар, были отобраны от родителей и розданы на воспитание новокрещеным чувашам [там же, т.3, с.200–202].

Одним из самых эффективных средств давления на инородцев в деле «святого крещения» стало использование государством льгот по освобождению от рекрутской повинности. Рекрутчина для простых людей стала таким тяжким бременем, что реальной надежды на освобождение от армейской службы и возвращение рекрута в родные

края практически не было. Родные и близкие, провожая молодых парней в царскую армию, прощались с ними навсегда, так как срок службы в российской армии не был еще ограничен каким-либо сроком. Только полная потеря дееспособности вследствие ранений или увечий давала им право на возвращение в среду своих односельчан.

В этой ситуации единственным спасением для молодежи от рекрутской повинности стало крещение. И молодежь нередко использовала это средство, чтобы избежать призыва в царскую армию. Приведем несколько примеров. Не случайным является тот установленный факт, что среди крещеных татар мужчин было значительно больше, чем женщин. Что, впрочем, было характерным и для иноверцев иных национальностей. Так, в 1744 г. среди 139 крещеных татар было всего 14 женщин; в 1745 г. соответственно 159 и 26, в 1746 г. – 184 и 37 [РГИА, ф.796, оп.26, д.169, л.1–4, 12–13, 36–38об.]. И в дальнейшем такая тенденция сохранилась, хотя доля женщин среди крещеных татар несколько возросла. Так, в 1748 г. среди 1173 крещеных татар уже было уже 329 женщин, а в 1751 г. среди 1441 крещеных – было 673 женщины [там же, л.84–88об., 148–150].

Андрей Ашкин и Утяган Ехчурин от имени ясачных татар деревни Янбахтины Аринской волости Свияжского уезда писали в 1746 г., что из служилых и ясачных татар, чувашей, черемисов и мордвы набираются рекруты, которые, получив надлежащее жалованье и провиант, не желая отбыть солдатства, принимают «веру греческого исповедания» и освобождаются от службы, а вместо них набираются новые рекруты. В результате из одной деревни набирается 6 и более человек, и всем оставшимся иноверцам чинятся великие разорения [ПСПиР–2, т.3, с.83].

Массовая христианизация иноверческих народов Поволжья потребовала принятия ряда мер по улучшению состояния религиозности у новокрещеных. Церковь понимала, что внешнее распространение христианства должно сопровождаться внутренним усвоением догматов православия, истинной веры. В апреле 1744 г. Синод приказал усилить наблюдение за религиозностью

новокрещеных, «крайней скорости определить для них священников благоговейных и добрых», а епархиальным руководителям велел посещать их через каждые 2 года, а управителю Новокрещенской конторы посещать их ежегодно [РГИА, ф.796, оп.24, д.397, л.89об.].

Таким образом, за семь лет было крещено 277 326 человек, в среднем 39 618 человек ежегодно. Это наивысший показатель за все годы массового крещения, результат настойчивой деятельности Новокрещенской конторы под руководством Сильвестра Гловацкого по христианизации иноверческих народов Поволжья. Анализ этнического состава крещеных свидетельствует о том, что в этот период крещение приняли больше всех чуваша (164 778 чел.), черемисы (38 941), мордва (37 558), вотяки (21 957), татары (4067). Несмотря на то, что христианизация татар-мусульман осуществлялась во всех районах России, основным регионом в годы массовой христианизации продолжало оставаться Поволжье, особенно Казанский и Свияжский уезды.

К концу 40-х гг. XVIII столетия основная масса иноверческих народов Поволжья, кроме татар-мусульман, была крещена миссионерами. И архимандрит Сильвестр Гловацкий получил новое назначение – возглавил Тобольскую епархию. Данное назначение можно считать стремлением государства и православной церкви усилить просветительскую деятельность в Сибири, особенно среди татар-мусульман. Митрополит Сильвестр Гловацкий широко использовал в Тобольской епархии опыт организации просветительской деятельности, апробированный в Поволжье. По прибытии в Сибирь он предложил для организации крещения башкир и каракалпаков учредить в Долматовском монастыре особое учреждение наподобие Новокрещенской конторы, дополнительно выделив 200 рублей на просветительские цели; в селениях новокрещеных татар строить церкви усилиями общины, с привлечением к строительству некрещеных татар; податные деньги и ясак с крещеных возложить на некрещеных, «чтоб они удобнее крестились»; некрещеных выселять из новокрещенских деревень; прислать духовных персон или толмача двух

с жалованьем, «в половину Казанской епархии» [ОДДСС, т.32, с.80–82]. Однако предложенные меры не были поддержаны синодом, и митрополит продолжал настаивать на своих предложениях: для защиты новокрещеных назначить из сибирских дворян или отставных офицеров надзирателем достойного человека, а новокрещенские дела устроить как в Казанской епархии [там же, с.83–85]. По примеру Татарской слободы города Казани в 1754 г. Сильвестр Гловацкий в Татарской слободе города Тобольска, на берегу Иртыша, построил деревянную церковь с аналогичным названием – Захария и Елизаветы [Абрамов, 1854, с.50].

Крещение башкир стало одним из важных направлений просветительской деятельности Тобольского митрополита. Весной 1751 г. башкиры избили священника Иоанно-Предтеченской церкви села Щелкунского Дорофея Медведкова, проводившего миссионерскую работу в их селениях [ОДДСС, т.32, с.146]. Воспользовавшись этим случаем, митрополит потребовал к себе 11 башкир Исетской провинции. При этом им объявили, что если они пожелают креститься, то их освободят от высылки в Тобольск, а если не крестятся, то вышлют туда. Получив такое известие, башкиры разбежались, сказав, что «в руки живые не дадутся». Не выдержав давления, сотник Булат крестился и стал принуждать и других к крещению; но большинство считали, что лучше смерть, креститься не желали и не будут. Оренбургская губернская канцелярия посчиталась с настроением башкир и приняла решение не посылать их в Тобольск [СА, т.8, с.285–286].

Несмотря на значительные усилия со стороны митрополита Сильвестра Гловацкого по крещению иноверческих народов Сибири, особых успехов он уже здесь не снискал. Как и в Поволжье, мусульмане оказывали упорное сопротивление насильственному крещению. Всего с 1750 г. по 1756 г. в Тобольске и Тобольском подгородном ведомстве было крещено татар, башкир и бухарцев 421 человек м.п. [Огрызко, 1941, с.67].

Сильвестра Гловацкого на посту управителя Новокрещенской конторы 7 февраля 1750 г. заменил Евмений Скаловский,

который и стал последним руководителем конторы, занимая этот пост более 14 лет [ПСПиР–2, т.4, с.33].

Основную инициативу по христианизации иноверческих народов взял в свои руки казанский епископ Лука Канашевич, «один из любимцев покойного Феофана Прокоповича» [Знаменский, 2001, с.161], известный в татарской народной памяти как «Аксак Каратун» – «Хромой Черноризец». П.В.Знаменский дал такую характеристику деятельности Луки Канашевича: «Особенно сильно поднялась миссионерская деятельность в Казанском крае с 1738 г., когда казанским архиереем сделался наиболее памятный в христианском просвещении этого края Лука Конашевич. В своей ревности к обращению инородцев он доходил даже до крайностей, насильно брал инородческих детей в свои школы, устроил в татарской слободе в Казани две церкви и завел там крестные ходы; в село Болгарах сломал остатки древних зданий, считавшихся у мусульман священными, и сильно раздражал против себя всех некрещеных татар» [Знаменский, 2000, с.344].

Во второй половине 50-х гг. XVIII столетия в религиозной политике Российского государства принципиальных изменений не произошло. 29 октября 1755 г. Казанскую епархию возглавил член Синода Г.Кременецкий (с 25 июля 1762 г. его сменил В.Пуцек-Григорович). Подготовленная Г.Кременецким инструкция «О церковном благочинии» требовала от благочинных наблюдения за тем, чтобы нигде в их ведомстве «мечетей строено и навращения татарскими абызы никому из верноподданных Ея Императорского Величества иноверных народов в богомерзкий магометанский закон отнюдь чинено не было». В документе также перед православным духовенством впервые была поставлена важная задача изучения языков нерусских народов.

Во время объездов епархии в 1758–1759 гг. глава Казанской епархии обнаружил недостатки, характерные и для предыдущих лет. Многие новокрещенные не знали молитв, не посещали церковь, не бывали на исповеди. Незамедлительно было принято решение о разделе прихода на части и обучении не знающих молитв. Усилилось наблюдение

за обучением новокрещеных [Малов, 1878, с.198, 234].

Под особым контролем находились крещеные иноверцы Нагайбацкой крепости Уфимского уезда. Для активизации религиозного просвещения новокрещеных и утверждения их в православной вере Г.Кременецкий в 1757 г. назначил сюда опытного священника. В 1760 г. в Нагайбацком воеводстве было десять деревень и одно село, в которых проживали 1359 крещеных служилых казаков.

В этот период имели место отдельные случаи насильственного крещения. Так, в начале 1760 г. в д. Белая Гора (Азычево) Казанского уезда Ногайской дороги прибыла миссионерская команда в составе попа В.Иванова, новокрещеных А.Степанова и его брата А.Лукина. Ее сопровождали двое солдат из Новокрещенской конторы. Миссионеры насильно крестили 12 человек, в том числе татарку У.Айткулову и ее малолетнего сына. У.Айткулову били плетью и насильно привели к мельнице, и там она с сыном были попом «в неволе окрещены». В окрестных деревнях в новую веру обратили татар, их жен и малолетних детей. А.Степанов и А.Лукин, однако, утверждали, что татары крещены по желанию.

По жалобе крещеных татар Сенат направил сообщение в Синод, чтобы «духовные персоны старались увещевать иноверцев и к тому святому крещению, яко весьма душеполезному делу, приводить из доброй воли». Синод принял указ, который был направлен казанскому епископу Гавриилу, рязанскому епископу Палладию, тобольскому митрополиту Павлу, нижегородскому, вятскому, тамбовскому архиереям, «о нечинении иноверцам к принятию православной веры принуждения» [РГИА, ф.796, оп.36, д.425, л.1–10]. По мнению Н.И.Костомарова, распоряжения Сената о добровольном крещении инородцев в точности не исполнялись [Костомаров, 2001].

В 60-е гг. XVIII в. были приняты новые решения о защите новообращенных от притеснений и подтверждены прежние привилегии новокрещеных. 31 мая 1760 г. Сенат еще раз напомнил, что всем восприявшим веру греческого исповедания иноверцам следует не чинить никаких обид, притеснений

и озлоблений, оказывать им всякую милость и благодеяние, под караул не брать, офицерам – их защищать и оборонять, воевод, виновных в притеснениях новокрещеных, – штрафовать, жалобы на русских рассматривать без упущения; малые дела разбирать ими выбранным лицам, а более сложные – главному командиру по новокрещенским делам и его подчиненным. 7 июня того же года Синод отменил плату за браковенчание новокрещеных православными священниками. 30 марта 1761 г. Сенат запретил некрещеным инородцам куплю и продажу земли, а 20 октября 1761 г. еще раз подтвердил, что «за малое воровство, в ссорах, драках, за принятие веры греческого исповедания, из-под караула учинить свободными, и что им те вины отпущены за восприятие веры греческого исповедания» [ПСПиР–2, т.4, с.424–425, 430–431, 468–470, 499].

С приходом к власти Екатерины II намечается поворот в религиозной политике государства, существенной чертой которого было изменение отношения к исламу и его приверженцам, прежде всего к татарам. Инициатором этого длительного, противоречивого, во многом болезненного процесса выступила сама императрица. Естественно, мусульманское население Волго-Уральского региона поддержало данное стремление власти. Ее царствование известный миссионер протоиерей Е.Малов считал «счастливым и благодетельным для мусульман» [Малов, 1878, с.217–218].

Свое отношение к религиозной проблематике Екатерина II впервые публично выразила в речи на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. Здесь она сформулировала идею «отмены государственной религии и полной свободы вероисповеданий, веротерпимости внутри православия». Естественно, такая радикальная постановка вопроса не получила полной поддержки со стороны членов Синода, которые просили императрицу «забыть о свободе исповеданий». Тем не менее Екатерина II разрешила староверцам креститься двоеперстием и освободила их от двойного подушного оклада [Екатерина, 1912, с.15, 29–30].

Как показывает историографический анализ, перемены в религиозной политике были вызваны совокупностью факторов.

Во-первых, свою роль сыграли идеи «просвещенного абсолютизма». Во-вторых, власть объективно не могла не учитывать настойчивые требования татар и других мусульманских народов империи о свободном отправлении религиозных нужд. И после поражения восстания Батырши продолжалось активное сопротивление татар-мусульман политике насильственной христианизации. Так, 12 августа 1756 г. Сибирская губернская канцелярия и Тобольская духовная консистория обвинили служилого татарина А.Азизова «за произнесение велико важных богохулительных слов» и приняли решение «учинить смертную казнь, сжечь в срубе с огнем». Правда, на сей раз Сенат не согласился со столь суровым решением и приказал наказать А.Азизова кнутом, вырезать ему ноздри, поставить знаки, отправить в Рогервик на тяжкую работу [СА, т.9, с.619]. В-третьих, к началу 60-х гг. почти было завершено массовое крещение целого ряда иноверческих народов Волго-Уральского региона. В-четвертых, что касается мусульман, то большинство из них сохранило прежнюю религиозную идентичность, несмотря на соединение усилий государства и православных миссионеров и активное применение принуждения. Перед лицом провала политики массового крещения мусульман государственные органы вынуждены были искать другие решения. Они попытались использовать исламскую религию в интересах укрепления империи, официально признав право на свободное вероисповедание и для сторонников ислама.

В целом число крещеных среди нерусских народов региона в 1762 г. стало примерно таким же, как в начале 30-х гг. В совокупности с другими данными это свидетельствует о завершении этапа их массовой христианизации. Причем мы можем говорить только о количественной стороне процесса, поскольку, по замечанию П.В. Знаменского, «миссионеры успевали только крестить их, научить же вере не могли» [Знаменский, 2000, с.345].

Рассмотрим результаты массовой христианизации иноверцев региона в несколько более широкой исторической ретроспективе, т.е. с момента создания Новокрещенской конторы. Но прежде заметим, что

государство средств на миссионерскую деятельность в Волго-Уральском регионе не жалело.

Новокрещенская контора с 1741 г. по 1764 г. должна была получить денег на общую сумму 356 064 руб. 50 коп. Они предназначались на раздачу новокрещеным, на строительство церквей, на жалованье священнослужителям новокрещенских приходов, на содержание самой конторы, новокрещенских школ, служащих, на канцелярские расходы. Однако из положенной суммы контора фактически получила менее половины – 160 923 руб. 66,5 коп. Крещение одного иноверца обошлось казне в 45 коп., что значительно ниже показателей 30-х гг., когда аналогичные расходы на крещение составляли более 3 руб.

За тридцать с небольшим лет деятельности Новокрещенской конторы из числа нерусских народов Поволжья и Приуралья в православие было обращено 362 420 человек. Если на первом, подготовительном этапе, в 1731–1740 гг., было крещено всего 2 654 иноверца, то в 1741–1755 гг. – 335 789.

За время массовой христианизации было крещено 12 699 татар; подавляющая часть из них – 9 548 человек – была обращена в православие в 1748–1755 гг. Эти цифры не совпадают с данными Е.Малова, который полагал, что татар среди крещеных с 1739 г. по 1747 г. было всего 838 человек, а с 1748 г. по 1762 г. – 7 532 человека [Малов, 1878, с.217–218].

Необходимо подчеркнуть, что до сих пор нет общепринятого числа крещеных за весь период работы Новокрещенской конторы. Так, историк русской церкви Филарет насчитывает за 1744–1752 гг. 8 370 крещеных татар; П.В.Знаменский – за 1741–1756 гг. до 430 000 крещеных инородцев, в том числе 8 тысяч татар; П.Щебальский – 360 000 человек; А.Н.Григорьев привел цифру в 400 тысяч крещеных иноверцев [Знаменский, 2000, с.345; Григорьев, 1948, с.243]. Приведенные нами данные из ежегодного отчета Новокрещенской конторы говорят о том, что в действительности общее число крещеных иноверцев было несколько меньшим, а татар – несколько большим.

Темпы крещения были особенно велики именно в первые десять лет работы Ново-

крещенской конторы, и они связаны с деятельностью таких миссионеров, как Л.Канашевич, Д.Сеченов, В.Пуцек-Григорович, С.Гловацкий, Е.Скаловский. За эти десять лет основная масса языческих народов была уже крещена. Незначительная часть татар-мусульман вынуждена была креститься под воздействием неприкрытого насилия или материального интереса – в расчете на получение различных льгот и привилегий. Вот почему сам факт крещения для них оставался формальным и, следовательно, непрочным. По мнению белгородского епископа Иоанна, «это был, пожалуй, первый крупномасштабный наглядный пример того, что, применяя силу, нельзя приобрести единоверцев и единомышленников, решить сложные проблемы религиозного противоборства» [Иоанн, 1996, с.48].

На наш взгляд, основная причина сохранения большинством мусульман региона традиционной религиозной идентичности состояла в том, что для них исламские ценности оказались непреходящими, в силу чего христианизаторская политика Российского государства порождала стойкое сопротивление. К тому же, привилегии, которые полагались крещеным, вызывали у мусульман не только отрицательные эмоции, но по существу сформировали негативное отношение к крещеным соплеменникам как к людям, не только изменившим веру, а ущербным, имеющим незаслуженные преимущества. Академик И.И.Лепехин, обобщая собственные наблюдения, отмечал, что «различие веры делает между ими великие несогласие, так что некрещеные крещеных, и обратно терпеть не могут и друг другу всякие пакости содевают» [Лепехин, 1795, с.101]. Христианизация татар-мусульман, по замечанию П.В.Знаменского, вызвала «страшное озлобление всей остальной массы татарского населения» [Знаменский, 1910, с.36]. А.Можаровский полагал, что христианизация отчасти предрасположила и приготовила умы иноверцев и новокрещенных к принятию Пугачева [Можаровский, 1880, с.96].

Православные миссионеры были убеждены в превосходстве своей религии, однако у мусульман на этот счет было собственное представление, и они смотрели на право-

славных как на представителей «отсталой», архаической религии. По мнению В.Г.Садура, «сам обряд крещения без достаточной подготовки воспринимался ими как чудачество служителей православия, платящих деньги за согласие лезть в воду; странным представлялось и христианское понимание Бога, единого, но в трех лицах – ведь мусульманам было доподлинно известно, что честь лицезреть Бога удостоился лишь один смертный, и то, что он видел, не передать словами; кроме того, совершенно непонятна была история с распятием людьми всемогущего Бога, а крест казался символом его унижения; языческим является для мусульманина и поклонение иконам, поэтому изображение Иисуса Христа в облике татарина на знаменитых пермских иконах вызывало такое возмущение, тем более у мусульман не было сомнений, что Иса аль-Масих (арабское обозначение Иисуса Христа), один из пророков, великий врачеватель, не был ни татарин, ни тем более Богом» [Садур, 1999, с.424].

Массовое обращение в православие под влиянием привходящих обстоятельств не составляло тайны и оценивалось современниками негативно. По мнению князя М.М.Щербатова, «те, которые токмо для награждения крестятся, суть, конечно, безсовестные люди, и тако в них церковь не находит верных христиан, а которые избегая от наказания или от рекрутства, крестятся, те, бывши нетерпимые люди в их обществе, еще быв от оного отрешены, развратнее становятся, и не имея никакой веры, в самом деле и другим веру христианскую презрительно творят» [Щербатов, 1896, с.558].

Резкую критику вызывали методы деятельности православных проповедников. Подполковник Свечин в своем представлении в Сенат о положении крестьян разных уездов Казанской губернии писал, что «монашеского и священного чина люди великие поборы делали через принуждение иноверцев к крещению и когда крестятся, то недовольно чтоб узаконенное награждение получали, но еще от себя деньги давали; да чинились же у них немалые сборы при обучении закона и будто за преступления в законе, к чему сами иногда способны выдумывали, також от молитвы за крещение

младенцев, за вечные памяти, за венчание свадеб, за погребение мертвых; а особливо как крестьяне еще при монастырях находились, то собираемо с них было деньгами за проезды в разные места начальникам и на жалованье служкам, за коих и подушные деньги оставшие крестьяне платили; ...и через другое многие вымыслы обирали крестьян, кто чем хотел» [СА, т.15, с.480–481].

На этом фоне мало результативными во многих случаях оказывались усилия по приобщению крестившихся к догматам православной веры. Позднее идеолог просвещенного миссионерства среди татар-мусульман Н.И.Ильминский отметит, что «большинство татар упорно остается в мусульманских заблуждениях; малая часть приняла св. крещение, но и та или бессознательно и равнодушно хранит церковную обрядность, не проникая в смысл и существо христианской веры, или даже в слепой заботливости о своем спасении тайно и явно отпадает от истины ко лжи» [Знаменский, 1892, с.333, 387]. По мнению Н.Одигитриевского, «татары, за небольшими исключениями, принимали христианство не по убеждению в истинности его, а благодаря или внешнему принуждению, или вследствие различного рода льгот» [Одигитриевский, 1895, с.16].

Нет никаких исторических свидетельств, говорящих о том, что правительство, намереваясь внести существенные коррективы в религиозную политику в Волго-Уральском регионе, учитывало негативные демографические последствия насильственной христианизации. Между тем эти последствия были весьма серьезными. По подсчетам Д.М.Исхакова, среднегодовые темпы прироста татарского населения в Волго-Уральском регионе к 1762 г. снизились до 0,62%. Для сравнения: в 1744 г. данный показатель составлял 1,1%, а в 1782 г. возрос до 1,39% [Материалы по истории, 1995, с.261].

Таков в целом комплекс факторов, оказавших влияние на постепенную эволюцию религиозной политики Российского государства в направлении веротерпимости, по крайней мере, в Поволжье и Приуралье. Первым шагом на этом пути стало закрытие Новокрещенской конторы – главного организатора массовой христианизации иноверческих народов региона. Соответствующий указ Сената датирован 6 апреля 1764 г. [ПСЗ–1, т.16, с.704–707].

Толчком к закрытию Новокрещенской конторы стали жалобы новокрещеных Казанского уезда Петра Алексеева и Михаила Алчинова от 18 мая и 24 августа 1760 г. Они просили освободить новокрещеных от рекрутской повинности и рекрутских складок, взятых рекрутами отпустить домой, по-прежнему называться новокрещеными и оградить их от притеснений. Сенат своим решением от 22 ноября 1762 г. не только удовлетворил все эти просьбы и отменил выплаты за крещение, поскольку новообращенные «то крещение приемлют и принимать должны не для мзды, но по любви к богу». Он также постановил всех новокрещеных передать в губернские, провинциальные и воеводские канцелярии, а штаб и обер-офицеров – в герольдию; освободившихся канцелярских служащих вернуть обратно; закрыть Новокрещенскую контору (крещеных стало больше, чем некрещеных, а не воспринявших православие осталась самая малость). Просветительской деятельностью следовало заняться архиерейским консисториям, в ведение которых передавались школы новокрещеных. Поскольку речь шла о проблемах новокрещеных, то их окончательное урегулирование было передано совместной конференции с Синодом [СА, т.12, с.282–285].

Тогда же было принято принципиальное решение о разделении старокрещеных и новокрещеных в зависимости от времени перехода в новую веру. Рубежом стал 1722 г., год первой ревизии.

Следует подчеркнуть, что до настоящего времени использование терминов «старокрещеный» и «новокрещеный» в исторической и этнографической литературе вызывает расхождения. П.В.Знаменский разделительной датой между старокрещеными и новокрещеными считал 1740 г. [Знаменский, 1892, с.327]. Этого же мнения придерживались А.Н.Григорьев и И.К.Загидуллин [Григорьев, 1948, с.238; Загидуллин, 1997, с.34–35]. Н.И.Воробьев, вслед за И.Износковым, полагал, что старокрещеные – это потомки групп, крещенных вскоре после завоевания края, а новокрещеные – те, кто был обращен в православие при Петре Великом,

Анне Иоанновне и Елизавете Петровне [Износков, 1909, с.4; Воробьев, 1929, с.3]. По мнению Ю.Г.Мухаметшина, старокрещенные – это татары, предки которых были крещены с середины XVI в. до начала XVIII в. [Мухаметшин, 1977, с.184]. Этой же позиции придерживается Д.М.Исхаков [Исхаков, 1993, с.56]. Оригинальную, но ошибочную идею о старо- и новокрещеных выдвинула Д.Ш.Мифтахутдинова, отнеся к новокрещеным имевших налоговые льготы, а к старокрещеным – «исчерпавших» эти льготы [Мифтахутдинова, 1999, с.58].

Приведенный официальный документ, подчеркнем еще раз, убедительно показывает, что разграничительной линией между старокрещеными и новокрещеными стали годы проведения первой ревизии. Указ установил, что татары Казанского уезда Арской, Нагайской, Зюрейской дорог крещены до прежней переписи 1722 г., и потому их новокрещеными уже и «почитать не должно и им самим отнюдь впредь новокрещеными не писаться, а писаться крещеными до прежней переписи» [СА, т.12, с.282].

Хотя законодательно точно было определено, кого называть новокрещеными, а кого – старокрещеными, на практике использование этих терминов было затруднено, так как во время массовой христианизации новокрещенные переселялись в селения старокрещеных, довольно быстро интегрировались в деревенскую общину и постепенно стали называться старокрещеными. Практика переселения недавно принявших православие татар в селения старокрещеных татар широко использовалась в период возвращения новокрещеных в ислам, когда их по судебному решению для утверждения в православной вере переселяли или в русские деревни, или в селения новокрещеных, где имелись церкви. Естественно, со временем и они стали называть себя старокрещеными.

Записанные позже среди крещеных татар легенды повествуют о том, что они все были крещены после завоевания Казанского ханства Иваном Грозным. Однако эти сюжеты о времени их обращения в православие не подтверждаются надежными историческими источниками. Такая путаница с терминами позволяет выдвигать мифические

идеи о крещении татар Волго-Уральского региона задолго до завоевания края Иваном Грозным (см.: [Глухов, 1993, с.135]). Приведенный документ позволяет внести ясность в этот затянувшийся спор.

Бесповоротно судьба Новокрещенской конторы решилась только после согласования позиций Сената и Синода по этим проблемам. В окончательной редакции именного указа основные положения сенатского документа были сохранены: с некрещеных иноверцев сняли все платежи за новокрещеных (рекруты, рекрутские складки, подушные деньги). Законодатель был вынужден признать, что в результате перераспределения налогов и других повинностей в пользу новокрещеных, «оставшему в неверии малому числу за множество всегда рекрут ставить, трехлетней подати платить, без совершенного отягощения и разорения, натурально невозможно».

Все новокрещенные в правах были приравнены к государственным крестьянам, и они, после льготных трех лет, впредь обязаны были платить подушные деньги и указные наряды исправлять как государственные крестьяне. Этим же указом Новокрещенская контора была закрыта: «Новокрещенской конторе и определенным к защищению новокрещеных штаб и обер-офицерам и прочим служителям, во избежание между их и воеводскими правлениями, яко от разных команд, большого им новокрещеным отягощения, не быть» (выделено нами. – *Ф.И.*). Все служащие конторы и офицеры новокрещенского штаба возвращались в прежние места, откуда были призваны [ПСЗ–1, т.16, с.704–707].

Новокрещенская контора была закрыта лишь после завершения крещения языческих народов Волго-Уральского региона. Такова была если не основная, то одна из основных задач Новокрещенской конторы. Что касается обращения в православие татар-мусульман, то добиться здесь какого-либо значимого результата прежними методами, как показала практика, было невозможно. Более успешно решать эту задачу призваны были другие структуры.

Указом Екатерины II вся миссионерская деятельность русской православной церкви среди иноверческих народов России пере-

давалась местным епархиям. Начинается новый – епархиальный – этап этой деятельности, который продолжался почти до конца 80-х гг. XVIII столетия. В его рамках для ведения миссионерской работы назначались проповедники с жалованьем в 150 рублей в год. Их число не было одинаковым в епархиях региона. Казанской епархии полагалось три проповедника, Тобольской, Иркутской, Тамбовской епархиям по два в каждой, Нижегородской, Вятской, Рязанской, Астраханской епархиям – по одному. Проповедники должны были в своей деятельности руководствоваться указом императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. Указ еще раз напоминает, что иноверцев к крещению не принуждать, а «поступать по образу апостольской проповеди, со всяким смирением, тихостию и кротостию». Этот указ отменил также награждение крещеных деньгами и одеждой [ПСЗ–1, т.16, с.707].

Глава Казанской епархии В.Пуцек-Григорович попытался фактически сохранить Новокрещенскую контору, превратив ее в «особливую экспедицию», в которую проповедниками для миссионерской деятельности были назначены бывший управитель Новокрещенской конторы архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря Е.Скаловский, архимандрит Спасо-Преображенского монастыря г. Казани Феофил и священник И.Афанасьев [НАРТ, ф.10, оп.2, д.1383, л.59–60].

Такая косметическая реформа миссионерской деятельности в Казанской епархии не нашла поддержки в духовном ведомстве. Синод строго предписал указанных священнослужителей уволить от должности проповедников, так как совместить миссионерскую деятельность с занятием высоких должностей в монастырях было невозможно. Проповедниками в Казанской епархии были назначены иеромонах Иуст и протоиерей Царевококшайского собора Ф.Иванов.

Однако закрытие Новокрещенской конторы и передача миссионерских функций епархиям породили новую проблему, последствия которой для православной церкви были нежелательными. Дело в том, что духовенство в новокрещенских приходах,

которое ранее содержалось за счет Новокрещенской конторы, теперь передавалось на содержание прихожан. В результате, по справедливому мнению А.Можаровского, новокрещенные в христианстве нашли бремя, встретили не уменьшение, а увеличение податей; духовенство сделалось ненавистным для новокрещенных, христианство – игом [Можаровский, 1880, с.97–98]. Это обстоятельство позднее сыграет определенную роль в движении по возвращению новокрещенных в ислам.

Таким образом, к началу 60-х гг. XVIII в. процесс массовой христианизации иноверцев Волго-Уральского региона объективно подошел к своему завершению. Об этом свидетельствовали нисходящая динамика темпов и численности обращенных в православие и решение о закрытии Новокрещенской конторы. Однако сам процесс христианизации продолжался, освободившись от наиболее одиозных проявлений и приняв новые формы. Начался епархиальный этап миссионерской деятельности. Вместе с тем в религиозной политике Российского государства в данный период формируется новая составляющая, которую можно было бы обозначить понятием «веротерпимость».

Этнокультурные результаты и последствия религиозной политики 1741–1762 гг. были неоднозначными. Действительно, массовая христианизация целого ряда языческих народов Волго-Уральского региона решала задачу их интеграции в социокультурное пространство России, правда, на основе духовной унификации. Тем самым объективно расширялись основы формирования именно российской цивилизации прежде всего за счет этнического разнообразия. Расширению этих основ, но уже за счет религиозного разнообразия, служило и сохранение большинством мусульман региона прежней веры. Для самих мусульманских народов, прежде всего татар, христианизация обернулась социокультурным расколом.

Массовая христианизация нерусских народов региона, носившая насильственный, принудительный характер, породила свое отрицание. Светская и духовная власти должны были пойти на изменение ими же сформированной и осуществлявшейся религиозной политики.

Таблица 3.2

Статистика христианизации народов России в 1740–1762 гг.

	Годы												
	1740	1741	1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1750	1751	
Народы	1740	1741	1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1750	1751	
Татары	46	143	88	-	139	159	184	371	1173	2041	1985	1441	
Мордва	58	3808	7101	-	1189	3420	8183	14614	10035	117	125	214	
Чуваши	65	617	1025	-	1756	2819	52545	79235	19172	9251	2336	3611	
Черемис	110	3785	4136	-	661	242	4372	18486	4017	11163	3885	2126	
Вотяки	29	806	8	-	292	4346	8685	686	3517	4431	2723	2950	
Всего	308	9159	12358	10025	4037	10986	73969	113392	37914	27003	11054	10342	
	Годы												
	1752	1753	1754	1755	1756	1757	1758	1759	1760	1761	1762	Итого	
Народы	1752	1753	1754	1755	1756	1757	1758	1759	1760	1761	1762	Итого	
Татары	917	421	1076	594	456	491	319	272	245	134	115	12810	
Мордва	674	147	27	14	641	18	24	18	91	37	3	50558	
Чуваши	846	1139	753	3025	2468	1627	1223	402	623	204	34	184776	
Черемис	2880	715	1322	1939	790	1062	416	712	585	52	29	63485	
Вотяки	2945	2016	1639	1461	1236	1828	3364	2389	1238	816	15	47420	
Всего	8262	4438	4817	7033	5591	5026	4946	3793	2782	1243	196	369074	

Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 26, д. 169, л. 1-246.

ГЛАВА 3

Татары в период просвещенного абсолютизма

§1. Диалог властей: от теории к практике

Гузель Ибнеева

Наступившая эпоха Екатерины II ознаменовалась политикой ограниченной толерантности по отношению к инославному миру, что отразилось и на положении народов Российской империи, в том числе и татар. Во взглядах императрицы относительно религиозных конфессий, безусловно, отразилась идеология Просвещения: политику веротерпимости, религиозной толерантности разделяли и другие европейские просвещенные монархи: Фридрих II – король Пруссии и Иосиф II – император Габсбургской империи.

Екатерина II выразила свое отношение к этой проблеме в «Наказе» – инструкции депутатам Уложенной комиссии, где подчеркнула необходимость «благоразумной» религиозной толерантности в интересах общественной безопасности многонациональной империи. В ст. 494 «Наказа» отмечалось: «В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок – запрещение или недозволение их различных вер. И нет подлинно иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православною нашею верою и политикою не отвергаемого, которым бы можно всех заблудших овец паки привести к истинному верных стаду. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца, и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их противные тишине государства и соединению граждан» [Наказ императрицы, 1907, с.134].

Толерантность, являвшаяся тогда знаменем времени, во многом была обусловлена утилитарными целями государства, праг-

матическими соображениями правителей. В этом смысле Екатерина не была исключением. Она понимала, что представители иных конфессий составляют значительную часть населения, следовательно необходимо сотрудничать и с этими подданными государства. Раскольники, в том числе и живущие за рубежом, могли, например, с успехом участвовать в колонизации Российской империи. Что же касается мусульманского населения, а, следовательно, и татар, то власть понимала их важную роль в торговой деятельности: они не только успешно торговали со странами Средней Азии и Востока, но и являлись посредником в торговле России с этими странами.

Справедливости ради следует заметить, что в законотворческой деятельности Екатерины II по отношению к инославному миру прослеживается преемственность с политикой Петра III. Именно в его краткосрочное царствование были приняты важные законы в отношении старообрядцев; они приглашали бежавших за границу старообрядцев вернуться на Родину, ограждали их от притеснений местного духовенства и администрации.

Следует отметить, что к этому времени татарское население ощущало существенные ограничения, прежде всего в религиозном плане. Известно, что с 1730-х гг. правительство проводило довольно жесткую политику в отношении представителей неправославных конфессий и, в частности, мусульман. Для проведения политики христианизации среди нерусского населения в 1731 г. в Свияжске была создана «Комиссия для крещения народов Среднего Поволжья». В 1740 г. она была переведена в Казань и преобразована в Кантору новокрещенских дел. Насильственное насаждение христиан-

ства способствовало возникновению противоречий между двумя категориями татар: крещеными и мусульманами.

Начало царствования Екатерины II ознаменовалось некоторой либерализацией политики по отношению к неправославному населению. В 1764 г. была упразднена Контора новокрещенских дел. Крещеных татар уравнили по положению с остальными государственными крестьянами, освободив их еще на 3 года от подушной подати и рекрутчины. С другой стороны, с некрещеных иноверцев были сняты все платежи за новокрещеных [ПСЗ–1, т.16, №12126, с.704]. Следующим шагом по отношению к мусульманскому населению стала возможность в декабре 1766 г. выбирать депутатов для участия в деятельности Уложенной комиссии.

Большую роль в формировании политики Екатерины II по отношению к мусульманам сыграло ее пребывание в Поволжье в 1767 г. Действительно, политическая практика, Екатерины II в частности путешествия по стране, расширили ее представления о «многонародности» империи, показали привлекательность этого многонационального мира и в целом способствовала осознанию императрицей необходимости проведения политики толерантности. Особое значение императрица придавала посещению Казани. Интерес к городу, видимо, был обусловлен тем, что казанские татары играли важную роль в организации связей с Востоком: татарский торговый капитал к этому времени монополизировал торговлю России со Средней Азией и Востоком [Михалева, 1982, с.36–37]. Лояльная часть татар занимала определенное место в служилом сословии Российского государства. Императрице было немаловажно ознакомиться с этой частью империи, которая для нее была *terra incognita*.

В Казани она увидела то, чего не видела ранее: этническое многообразие империи. Следует отметить, что в эпоху Просвещения внимание к полиэтничной Российской империи было довольно большим. Императрица также была увлечена этим интересом. Позднее, в 1770-е гг., в России вышел труд Иоганна Готлиба Георги «Описание всех в Российском государстве обитаю-

щих народов», который проиллюстрировал «жизненный стиль, религию, обычаи, жилища, одежду и прочие достопримечательности» более чем 60 этнических групп [Георги, 1776–1780]. «Описание...» выдержало несколько переизданий. Екатерина любила это издание: она велела послать Георги медаль и сказать, что с «прекрасным удовольствием» читала русский перевод его книги [Сб.РиО, т.42, с.277].

В Казани императрицу и ее окружение поразила эта этническая многоликость. Один из ее современников, описывающий проезд императорского кортежа в Казани, отмечал многообразие народностей, встречающих императрицу, «и татарские абызы, и мордвины, и чуваша, и черемисы» (скорее всего, это был Нижегородский губернатор Я.Аршеневский, находившийся в свите Екатерины. – *Г.И.*). Это вызвало удивление гостей, не видевших ранее подобной этнической пестроты: «нигде столь многочисленного и притом же разноплеменного народа не видели» [РО ИРЛИ, ф.265, оп.2, ед.хр.2318, л.6]. Одетые в свое национальное платье, украшения, эти народы потрясали своим видом придворную публику, привыкшую к этнической однородности. Как отмечали «Санкт-Петербургские ведомости», «такое множество различного одеяния и верами, но единодушно восклицающего народа видно было, что казалось, будто Азия с Европой соединясь на встречу ея величеству вышли» [Прибавление, 1767].

Каковы были впечатления императрицы и как они выкристаллизовывались в будущей правительственной политике? Прежде всего, она зримо убедилась в этноконфессиональном многообразии империи, пришла к неутешительным выводам относительно эффективности и результатов религиозной политики, проводившейся предшествующими правителями, и утвердилась во мнении о необходимости ее изменения. В Казани это понимание проявилось во встречах российской императрицы с местным татарским населением. Еще ранее, в других местах татарское население участвовало в церемониалах встреч с императрицей. Так, в Костроме она «изволила жаловать к руке татар, женщин с 6 поцеловала...» [Орлов, 1908, с.322].

Здесь, в Казани, Екатерина официально принимала представителей мусульманской конфессии. Камер-фурьерский журнал сообщает, что 30 мая 1767 г. в 6 часов пополудни ей были представлены губернатором живущие в Казани «старой слободы абызы татары и их жены» [КФЖ, 1767, с.189]. Абызы – представители мусульманского духовенства, которые в то время не имели официального статуса и, соответственно, не были признаны властями. Института укáзных мулл еще не было, он был введен позднее – в XIX в. Абызы отправляли функции духовенства, занимались обучением детей, врачеванием, выступали как судьи и являлись главами общин. Во время проведения политики христианизации, осуществляемой Лукой Канашевичем, абызы возглавляли движение против церковного насилия. На встрече с российской императрицей абызы выступили и как духовные лидеры татарского народа. Екатерина изволила жаловать их к руке «при поднесении от них хлеба и соли с серебряною солоницею и всего их богатого женского убора и двух ковров» [там же].

Это событие стало знаменательным для татарского населения. Очевидно, при этой встрече с государыней представители мусульманской общины обратились к ней с просьбой разрешить строить каменные мечети. Екатерина благосклонно приняла эту просьбу и дала личное разрешение на строительство двух каменных мечетей в Казани [Мәржани, 1989, 374 б.].

В ходе этой встречи произошло признание императрицей реального статуса неофициального мусульманского духовенства и той роли, которую оно играло в жизни населения, возникло осознание необходимости сотрудничества с ним. Тем более, что духовные лица публично (ритуально) проявили лояльность российской правительнице. С мусульманским духовенством было тесно связано татарское купечество, роль которого в торговле с Востоком, как уже отмечалось, была ощутимой. Правительство, заинтересованное в развитии торговых связей с восточными странами, понимало роль татарского купечества в экономике страны и старалось проявить большую гибкость в отношении религиозного мировоззрения этой части населения.

Ведь не случайно слободские татары мотивировали свою просьбу сложностями в исполнении религиозных обрядов и связывали ее со своей промысловой и торговой деятельностью: «в той старой слободе хотя и осталась одна мечеть деревянная, но та весьма малая, к тому же очень ветха, и они будучи лишены по своему закону таковых мечетей, а в другие отдаленные места ходить на молитву было невозможно, почему и оставили они почти все свои промыслы и рукоделии» [РГИА, ф.796, оп.51, д.345, л.197–198]. Дело в том, что слободские татары неоднократно обращались в центральные правительственные учреждения с просьбой о дозволении построить вторую мечеть. Известно, что существовало определение Сената и Синода 1744 г., которое разрешало строительство двух мечетей в отдалении от «русских и новокрещенных жилищ ... и по конец их татарской слободы в поле» [там же, л.103–105об.].

Однако центральные и местные власти отказывали татарам в выдаче разрешения на строительство нового культового сооружения, опираясь при этом на доводы казанских архиереев. Последние при этом указывали на возможное неблагоприятное влияние близко расположенных мусульманских храмов на мировоззрение новокрещенных татар. В этом отношении татары Казани использовали пребывание императрицы в Казани для того, чтобы добиться желаемого [Салихов, Хайрутдинов, 2005, с.17].

Следует отметить, что прямых документов, говорящих о разрешении императрицы, не сохранилось. Однако существуют косвенные свидетельства, убеждающие, что подобное распоряжение было отдано. Во-первых, это официальные источники. Как будет показано ниже, последующее законодательство отразило этот факт. С другой стороны, об этом пишет и выдающийся татарский просветитель первой половины XIX столетия – Шигабутдин Марджани, отразивший в своем труде «Мустафад ал-ахбар...» устную память татарского народа. Являясь настоятелем соборной мечети, выстроенной как раз в результате позволения Екатерины II строить мечети в Старотатарской слободе, он мог встречаться с очевидцами (или их детьми) пребывания императрицы

в Казани. Впрочем, в сведениях, приводимых Марджани, есть ошибка: он дает дату приезда государыни – 1768 г., а не 1767 г. [Маржани, 1989, 374 б.]

Чем определялись логика, закономерность разрешения императрицы строить каменные мечети. Для принятия подобного решения были определенные основания: Казань, которую императрица рассматривала как азиатский город, дала ей богатую пищу для размышлений. Пребывание в городе императорского поезда было невозможно без общения с его жителями. Именно встречи с татарским населением, другими народностями края сыграли важную роль в складывании политики толерантности по отношению к различным народам империи.

Власть проявляет интерес к этничности края. 27 мая 1767 г. в одной из городских рощ Казани (на современной территории Арского поля) состоялся большой народный праздник, на котором присутствовали представители различных народов, проживавших в Казанской губернии. Как писал современник, «больше чем шестьдесят тысяч обоего пола на сем гульбище находилось: ибо не только проехать, но и пройти по обширному Арскому полю невозможно было» [РО ИРЛИ, ф.265, оп.2, ед.хр.2318, л.6]. 30 мая государыня присутствовала на архиерейской даче, где были устроены торжества по случаю ее пребывания в Казани. Хвалебные речи в честь государыни читали ученики крещенской школы: татарские, чувашские, марийские, мордовские [Духовная церемония, 1769]. Возвращаясь в город, Екатерина проехала по Татарской слободе, «чтобы видеть образ их строения и жителя» [Прибавление, 1767].

31 мая 1767 г. в загородном доме губернатора также собрались инородцы, населяющие Казанскую губернию: «татары, чувашы, мордва, черемисы, вотяки, которые плясали, каждая порознь, при том играла их татарская музыка с припевами» [КФЖ, 1767, с.193]. Очевидно, что местная власть сама старалась показать все этническое многообразие края, его этнический колорит. Именно для этого праздника к прибытию государыни местной администрацией были «вытребованы» в Казань по 10 человек мужского и женского пола из вотяков, мордвы, чуваш

и черемис. Они должны были предстать перед императрицей в национальном платье и играть на народных музыкальных инструментах [ОРРК НБЛ, ед.хр.1844, л.5об.].

Восприятие этого праздника оставил в своих дневниках брат фаворита императрицы В.Г.Орлов, который во время путешествия состоял в свите. Он акцентировал внимание на этнографическом многообразии представленных здесь народностей и народных танцев, что позволило ему даже высказать определенного рода предпочтения: «...тут плясали мордва, чувашы, черемисы, вотяки и татары; мужчины и женщины; последних пляска лучше показалась мне; у черемис замужняя одну пляску, а девки другую имеют, и музыка разная; платье вотячек девок лучше всех других мне показалось, выключая татарок, из которых иные очень богато одеваются и хорошие материи на платье употребляют» [Орлов, 1908, с.327]. Сразу после праздника, в 9-м часу, начался маскарад, на который съехалось много дворянства. В 11-м часу был фейерверк «очень хорош, хотя и не велик» [там же].

Известно, что Екатерина осталась «весьма довольная приемом», и здесь же пожаловала золотую шпагу бургомистру магистрата П.Г.Каменеву [там же]. Сама императрица проявила интерес к одежде присутствующих здесь народов. Известно, что ее заинтересовало черемисское женское платье. Она отдала приказ купить черемисский женский наряд и головной убор. Это распоряжение было выполнено: за 12 руб. 20 коп. приобрели платье и головной убор (по черемисски «шурка») с серебряными старинными копейками. В сентябре 1767 г. эти вещи с нарочным были отправлены в Москву [ОРРК НБЛ, ед.хр.1844, л.5об.].

Из всего вышесказанного очевидно, что Екатерина была довольна пребыванием в этом «многонародном» городе. Удовольствие ее проистекало от того, что она не увидела здесь никаких беспокойств, беспорядков, вызванных этническим многообразием населения. Думается, что она не пошла бы навстречу абызам, если бы почувствовала агрессивность, исходящую со стороны татарского населения. Напротив, ее присутствие на празднике; многочисленные толпы татар, встречающих ее, должны

были внушить ей мысль о их лояльности, преданности верховной власти, и, в конечном счете, терпимости татарского населения. Современные исследователи отмечают, что религиозная толерантность татарского народа в Поволжье имеет глубокие исторические корни.

Таким образом, позитивное восприятие Екатериной местных реалий позволяет понять логику принятия решений – чем было вызвано ее разрешение строить мечети. Выдающийся лингвист, этнограф Н.Катанов, записывавший в конце XIX в. татарские предания, зафиксировал: «Мы слышали, что, будучи в Казани, она сама указала фасад двух мечетей, находящихся в Старотатарской слободе, в приходах Юнусова и Апанова» [Катанов, 1898, с.65; Катанов, 1920, с.287–300]. Этот факт близок к истине: он созвучен сведениям Ш.Марджани относительно разрешения императрицы построить две каменные мечети, о чем говорилось выше. В фондах же Российского государственного архива древних актов отложился утвержденный императрицей типовой проект фасада мечети [РГАДА, ф.248, оп.160, д.868].

Приезд Екатерины II в Казань не определял только ее участие в торжествах, носящих увеселительный и развлекательный характер. Императрица понимала, что со стороны центральной власти должны были быть сделаны шаги, направленные на облегчение положения народов, не знавших русского языка, на создание условий для дружественных взаимоотношений и взаимодействия между различными этноконфессиональными группами. Известно, что местные чиновники при решении тех или иных вопросов иногда ссылались на незнание татарского языка. Видимо, Екатерина знала об этом, поскольку 30 мая 1767 г. из Казани она пишет И.И.Бецкому, ведавшему учебными заведениями (в том числе и военными): «Иван Иванович! Как я ничего того не могу пропустить, что к пользе государственной служить может, также и моих учреждений, так не могу миновать Вам сказать, что наших кадетов должно учить... по татарски, ибо случиться кому из них здесь быть употреблену в делах великое, то будет для службы пользу, а для них облегчение»

[Савельев, 1879, с.252–253]. Оригинал этого письма хранится в Национальном музее Республики Татарстан.

Еще в царствование Петра I были сделаны определенные шаги в направлении поощрения изучения восточных языков. Со второй половины XVIII в. было введено обучение восточным языкам (арабскому, персидскому, татарскому и др.) в ряде учебных заведений России. По указу от 21 июля 1758 г. предписывалось введение татарского языка в Казанской гимназии. Изучение же его началось с 12 мая 1769 г. [Кононов, 1960, с.202–214], т.е. через несколько месяцев после приезда Екатерины II в Казань. Едва ли это случайный факт. В 1771 г. началось преподавание татарского языка при Московском университете [Шевырев, 1855, с.190].

Несмотря на позитивную картину сосуществования различных народностей и конфессий, представленную ей в Казани, императрица задумывается над проблемой сохранения гражданского мира, который можно быстро разрушить. Этому способствовало посещение ею развалин древней болгарской столицы – Булгара, где она убедилась в вандализме местного православного духовенства. В письме к Н.И.Панину от 3 июня 1767 г. Екатерина рассказывала, что «нашли, ... остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецких минарета весьма высокия (в Булгарах было два минарета. Малый сохранился до нашего времени. – Г.И.), и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей ...». Как видно из письма, она наглядно убедилась, какое значение имеет это место для мусульман. Известно, что императрица разговаривала со встретившимися ей татарами, которые приехали сюда исполнить религиозные обряды: «татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины».

Пребывая в Булгаре, она обратила внимание на те порочные явления, которые существовали в Казанской епархии в 1730–1740-е гг.: использование могильных камней с татарских могил, остатков разрушенных мусульманских культовых сооружений при строительстве новых православных церквей. «Сему один гонитель, – пишет Екатерина с явным осуждением, – казан-

ский архиерей Лука, при покойной императрице Елизавете Петровне, позавидовал и много разломал, а из иных построил церковь, погреба и монастырь занял, хотя Петра I-го указ есть не вредить и не ломать сию древность» [Сб.РИО, т.10, с.207–208]. В.Г.Орлов сообщил о ее реакции на подобную практику: увидев, что некоторые камни с надписями были растасканы, она внушительно сказала («крепко наказала») губернатору, чтобы такого впредь не было [Орлов, 1908, с.326].

Итак, в Казани императрица убедилась в необходимости учитывать существующее этническое и культурное многообразие империи при выработке имперской идеологии и находить то общее, что должно было объединять народы в пределах единого государства. Культурной интеграции разных народностей Российского государства должно было способствовать привнесение элементов европейской цивилизации в полиэтнические регионы. В письме Вольтеру она отмечает: «в здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою. Надобно, однакож, дать им такие общие начала, но подробности ... и какие подробности! Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир» [Сб.РИО, т.10, с.204]. Здесь, очевидно, размышляя о будущей работе законодательной Комиссии, Екатерина уже примеряет «платье» Нового, еще не созданного Уложения на «многонародное» тело Российской империи.

Полученные императрицей в ходе путешествия по Волге впечатления расширили изначально существовавшие у нее представления об империи. В этот период «многонародность» Российской империи находила выражение в множественности этноконфессиональных групп, поэтому последующее ее законотворчество, направленное на упрочение принципа (пусть и ограниченной) веротерпимости, выходило за рамки сферы религиозной жизни. На столетие вперед закладывался новый принцип имперской политики, ставящий политическую лояльность выше этнического и религиозного единообразия. «Поход в Казань» Екатерины II 1767 г. зафиксировал этот политический поворот.

* * *

Встречи Екатерины с татарским населением определили ее внимательное отношение к мусульманским культовым сооружениям. Вернувшись из путешествия по Волге, Екатерина повелела Синоду с ведома Сената послать казанскому преосвященному Вениамину ее распоряжение: отыскать указ Петра Великого от 19 июня 1722 г. В этом указе, посланном тогдашнему архиерею, запрещалось разорять мусульманские мечети, а также старые и новые кладбища. Как видно из этого распоряжения, во время пребывания в Казани ей была подана челобитная всех слободских и уездных служилых мурз и татар Казанской губернии [ПСПиР, 1910, с.430].

Императрица, отдавая приказ Вениамину, старалась найти в законодательстве нужный ей прецедент по отношению к мусульманским культовым сооружениям. Это должно было внушить казанскому архиерею идею более толерантного отношения к мусульманским культовым сооружениям. Однако, 20 августа 1767 г. Синод слушал присланный Вениамином рапорт, в котором он объявлял, что «по учиненным ... в консистории его преосвященства ... справкам и по взятым от приказных служителей подпискам такого указа не отыскано» [там же].

Идеология мирного сосуществования различных конфессий, которая складывалась во время путешествия Екатерины по Волге, впоследствии реализуется в ее знаменитом указе «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов» от 1773 г. Публикация этого указа непосредственно связана с высочайшим позволением татарам о строительстве двух каменных мечетей в Казани. Дело в том, что это распоряжение императрицы, отданное в присутствии казанского губернатора А.Н.Квашнина-Самарина, было изустным. Власть не стремилась тотчас же делать известным данное повеление, тем более его публиковать. В первые годы своего правления Екатерина не могла «задеть» чувства православных, православную религию, являвшуюся краеугольным

камнем империи и фундаментом ее собственного царствования.

Вместе с тем, согласно российскому законодательству устное распоряжение монарха считалось законом и подлежало к исполнению, как и письменное. Поэтому, получив высочайшее повеление, Квашнин-Самарин разрешил татарам возвести мечети «собственным коштом». Казанские татары сразу же наметили участки под строительство двух храмов на территории Старотатарской слободы, примыкающей к озеру Кабан. Они были лично освидетельствованы казанским губернатором. Летом 1768 г. началось возведение обеих мечетей – первой соборной мечети (Марджани) и мечети, позднее названной Апанавской.

Их строительство вызвало резкое неприятие духовных властей Казанской епархии [Салихов, Хайрутдинов, 2005, с.19–20]. Глава епархии – преосвященный Вениамин (возглавил Казанскую епархию с 25 июля 1762 г., с 1775 г. – митрополит. – *Г.И.*) в мае 1768 г. составил доношение в Синод, в котором осуждал строительство в Старой Татарской слободе двух каменных мечетей, находившихся близ православных церквей. Порицалось также проживание в одной слободе «татар и новокрещен» [РГИА, ф.796, оп.51, д.345, л.71–71 об.]. Доношение Вениамина от 28 апреля 1771 г. свидетельствует о причинах его недовольства: близость мусульманских культовых сооружений, совместное проживание могли иметь негативное следствие для новокрещен, поскольку они в «вере развращаются», а потому могут «от церкви... удалится». Глава Казанской епархии поставил вопрос о правомерности разрешения казанского губернатора на постройку мечетей [там же].

В июле 1772 г. Синод потребовал от Сената прояснить ситуацию относительно разрешения строительства мечетей в Казани. 14 июня 1773 г. генерал-прокурор Сената А.А.Вяземский объявил о результатах доклада императрице по этому делу. 29 мая 1773 г. он получил определение Екатерины [там же, л.113–114], на основании которого 17 июня 1773 г. и вышел указ «О терпимости всех вероисповеданий». Высказывая свое отношение к данной ситуации, власть высказалась весьма определенно: «как

Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ея величество из тех же правил, сходствуя Его святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, что между подданными ея величества всегда любовь и согласие царствовало» [ПСЗ–1, т.19, №13996, с.775–776].

При этом отмечалось, что бывший губернатор дал дозволение о строительстве мечетей на основании статей 494, 495, 496 Большого Наказа [там же, с.776]. Власть распорядилась послать главам епархий указы, в которых бы повелевалось: «преосвященным архиереям, в дела касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать». Эти дела должны быть представлены на рассмотрение светских команд. В указе прописывалась также определенная модель поведения как преосвященным, так и светским командам. Они в силу государственных законов должны были прилагать старание, чтобы «между подданными Ея императорского величества не могло быть никакого разногласия, а паче б между ними любовь, тишина и согласие царствовало» [там же, с.775–776].

Этот документ, который создавался как ответ казанскому архиепископу Вениамину, стал официальным всероссийским «патентом» о веротерпимости. Екатерина II оставила о себе добрую память в татарском народе. В исторической памяти татар Екатерина осталась как «Аби-патша» (в переводе с татарского «бабушка-царица». – *Г.И.*) [Мәржани, 1989, 374 б.].

Эпоха Екатерины II определила необходимость проведения политики этнокультурной, в том числе и конфессиональной, терпимости как фактора формирования имперской политики, как элемента скрепления империи. Ради сохранения спокойствия в империи государство должно функционировать с учетом существующего религиозного многообразия. Екатерина отказывалась от наследия предшествующих монархов (прежде всего, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны): преследований, притеснений, насильственного обращения в христианство.

Это напрямую отразилось на религиозных аспектах бытия татарского населения.

В 1783 г. императрицей было разрешено татарам выбирать священнослужителей из своей среды, а не выписывать их из-за границы, как это было ранее. Представителей местного духовенства начали назначать муллами к народам, живущим на окраинах государства – как людей «надежных», и за свою деятельность они стали получать определенное вознаграждение от властей. Указом от 22 сентября 1788 г. в Уфе было учреждено «Духовное собрание мусульманского закона». Несколько позднее ему был придан штат из секретарей, канцелярских и прочих служителей, которым было на-

значено жалование [ПСЗ–1, т.22, №16710, с.1107; т.22, №16711, с.1107–1108; т.23, №16759, с.20–21].

Предполагалось, что оно будет контролировать деятельность мусульманского, в том числе татарского, духовенства в интересах верховной власти. Но татары эти изменения в конфессиональной политике использовали и в своих интересах: интенсивное строительство мечетей и открытие при них мектебов и медресе в конце XVIII – начале XX вв. стали основой для создания независимой от официальной идеологии системы народного образования [Ислам в Поволжье, 2005, с.3].

§2. Татарские депутаты в Уложенной комиссии

Файзулхак Ислаев

Основные задачи Уложенной комиссии были сформулированы в манифесте Екатерины II от 14 декабря 1766 г. В нем подчеркивалось: «Для того, дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа, прислать из Сената, Синода, коллегий, уездов и городов в город Москву депутатов через полгода после обнародования на каждом месте данного манифеста». Депутатам предстояло не только довести до власти эти нужды и недостатки, но подготовить проект «нового Уложения» [Сб.РиО, т.1, с.15–16].

Выборы депутатов в Уложенную комиссию регламентировались соответствующим положением. В документе указывалось, что от каждого уезда, где имеются дворяне, следует выбирать одного депутата, от жителей каждого города – по одному депутату; от неочующих иноверцев, независимо от религии, крещены они или нет, от каждого с каждой провинции – также по одному депутату.

Исследователи в своих работах называют разное количество избранных депутатов – от 460 до 564 [Латкин, 1887, с.250; Платонов, 1998а, с.699]. По данным именного списка депутатов, составленного на 1 января 1781 г., депутатов было 577 [РГАДА, ф.342, оп.1, д.110, кн.7, л.175]. От Казанской губернии в Уложенную комиссию был направлен 61 депутат, в том числе пять дворян, 16 горожан, 12 иноверцев и 14 новокрещенных. Сре-

ди всех депутатов иноверцев было 32 человека, а новокрещенных – 24 [там же].

Наши собственные подсчеты показали, что депутатами было избрано 28 мусульман, в том числе 24 татарина, 2 башкира, 2 бухарца (сибирских татар) [Ислаев, 2003, с.42–46]. Среди депутатов было 15 крещенных, в том числе 2 ново- и старокрещенных татарина; наибольшее их число представляли чуваша (5 человек) (исследователь И.Р.Валиуллин ошибочно указал всего 19 татар-депутатов [Валиуллин, 2004, с.128–129]).

В состав депутатов мусульманское население делегировало наиболее авторитетных членов своей общины. Среди них были три муллы, пять мурз, два старшины и один старшинский сын, два писаря. Служилых мурз и татар Свяжской провинции представлял мулла М.Юсупов, служилых мещеряков Исетской провинции – мулла А.Тавышев татар, Ичкинских и Багаряцких юртов – мулла А.Ибрагимов.

По мнению некоторых историков, депутаты из иноверцев были своего рода «этнографической выставкой». Иными словами, утверждалась мысль о показном, внешнем характере их участия в законотворческом процессе. Такую оценку А.В.Флоровский справедливо считал «глубоко несправедливой» [Флоровский, 1915, с.140]. Участие в работе Уложенной комиссии иноверцев современники воспринимали положитель-

но, видя в этом знак объединения народов России. Н.М.Карамзин писал: «Воображение мое не может представить ничего величественнее сего дня, когда в древней столице нашей соединились обе гемисферы земли, явились все народы, рассеянные в пространствах России, языков, обычаев и вер различных: потомки славян – победителей норманнов, ...мирные пастыри южной России, лапландские ихтиофаги и звериными кожами одетые камчадалы. Москва казалась тогда столицей вселенной, и собрание российских депутатов – сеймом мира» [Карамзин, 1802, с.64].

Иноверческим депутатам были близки идеи веротерпимости, получившие отражение в первоначальных документах Уложенной комиссии. Однако эти идеи разделяли далеко не все. Прежние традиции религиозной политики особенно ярко проявились в наказе депутату от Святейшего Синода. Первоначальный проект данного наказа составил обер-прокурор Мелиссино. В нем были предложения о сокращении постов, об ослаблении почитания икон и мощей, сокращении богослужения, облегчении разводов, дозволении браков с иноверцами и т.д. Синод отклонил этот проект и составил свой собственный [ЧОИДР, 1871, кн.3, с.114–121; Знаменский, 2000, с.319]. В шестом пункте наказа речь шла о развращающих и отступающих от православной веры, которых необходимо подвергать «достойной казни». Кроме того, в дополнениях к наказу епархиальным архиереям предлагалось следить за тем, чтобы православные в другие «законы не вступали, и ни в какую инославную религию российского человека, как христианина, так и неверного, тож и иностранных, кои в России в подданстве находятся, во всей Российской империи не принимали» [Христианское чтение, 1876, с.243, 254].

Близким по духу к данному документу явилось пространное «Оглавление будущего проекта о духовно-гражданских делах», составленное духовно-гражданской комиссией. В нем, среди прочих, были обозначены разделы о сохранении и подкреплении господствующей в России веры, о лжеверии, о терпении других вер, о распространении господствующей греко-российской веры и о выгодах принимающих послед-

нюю. Комиссия отнесла ислам к лжеверию, которое более вредно, чем простое идолопоклонство. Поэтому переход из христианства в ислам трактовался как более тяжкое преступление, чем возврат в язычество. Таких отступников комиссия рассматривала в качестве опаснейших гонителей христианства, по сравнению с природными мусульманами. Она предлагала запретить всем иноверцам религиозную пропаганду и всякие попытки привлечь православных в свою веру. За соращение православных в иноверие полагался штраф до 1000 рублей и годичная ссылка в монастырь. А терпимость веры, допускаемая православием, опять-таки рассматривалась с точки зрения содействия крещению мусульман [Покровский, 1910, с.93, 96–98].

Основным препятствием для активного участия депутатов-иноверцев в обсуждениях могло стать плохое владение русским языком. Это была еще одна реальная проблема. Однако выход нашелся: интересы депутатов могли представлять так называемые опекуны. Статус опекуна, владевшего русским языком, был очень высокий. Он приравнялся к статусу депутата, кроме казенного жалования.

Первая попытка назначения опекуна для татарских депутатов завершилась неудачей. По протесту депутата Смоленского шляхетства Уфимского уезда Е.Тихановского 12 сентября 1767 г. был отрешен от опекунства У.Уразметев. Как считал А.В.Флоровский, за темное прошлое [Флоровский, 1887, с.521]. Позднее опекунами иноверцев были определены прокурор князь С.Вяземский, сенатор А.Олсуфьев и поручик Г.Потемкин. Возможно, опекуны иноверцев выполняли свои обязанности формально, так как в материалах Уложенной комиссии каких-либо инициатив в защиту иноверцев с их стороны нами выявлено не было. Избранный членом духовно-гражданской комиссии Г.Потемкин редко посещал заседания; в дневных записках частной духовно-гражданской комиссии 1768 г. мы обнаружили его присутствие только пять раз (всего с 27 мая по 30 декабря 1768 г. состоялось 59 заседаний) [РГАДА, ф.342, оп.1, д.131, кн.1, л.1–159]; судя по подготовленным материалам комиссии, интересы иноверцев и здесь не были учтены.

Работа депутатов проходила на общем собрании и в 19 частных комиссиях. Татарских депутатов по итогам голосования в составе комиссий не оказалось, за исключением депутата от татарских слобод г. Казани С.Хальфина, который был избран кандидатом в комиссию «О рудокопании, растении и сбережении лесов и о торговле вообще» [Материалы, 1861, с.1–84]. Попытка мурзы А.Еникеева войти в комиссию для рассмотрения образа сборов и образа расходов депутатами не была поддержана. Его кандидатура при голосовании получила «за» всего 68 голосов, а «против» – 219 [Сб. РИО, т.34, с.56].

В самом главном позиция, линия поведения депутатов в Уложенной комиссии определялись наказами с мест. Эти наказания были подготовлены специально избранными представителями уездов и провинций. Если говорить о наказах, которые привезли с собой татарские депутаты, то они отражали насущные потребности татарского общества того времени. Духовные нужды мусульман, наряду с социально-экономическими, занимают в них ведущее место, хотя С.Ф.Ташкин утверждал, что для мусульман проблема их религиозного положения уже потеряла свою прежнюю остроту [Ташкин, 1922, с.55]. М.Ходарковский подчеркивает, что общие результаты политики правительства в области религиозного миссионерства стали очевидны именно в наказах [Khodarkovsky, 1996, p.287].

Значительный удельный вес конфессиональных вопросов в наказах, врученных всем мусульманским депутатам, показывает, что эти вопросы продолжали оставаться для них актуальными. Свою роль здесь сыграло и то обстоятельство, что в разработке анализируемых наказов самое активное участие приняли мусульманские религиозные деятели как деятельная и грамотная часть татарского общества. Так, наказ Сеитовой слободы города Оренбурга подписали ахун А.Ураев, муллы К.Чюпашев, А.Иманкулов, И.Абдулкаримов [Сб.РИО, т.147, с.232].

Одной из самых насущных и общих для мусульман являлась проблема строительства новых мечетей по желанию самих верующих без различных бюрократических

преград. Наказы не могли не отразить эту ситуацию. Весьма характерен в данном отношении наказ служилых мурз и татар Казанского уезда, подписанный Р.Алкиным. В нем подчеркивалось, что ранее служилые мурзы и татары по мусульманскому закону имели во всякой деревне мечети, в которых отправляли свои обряды. С 1743 г. все имевшиеся мечети были сломаны. Затем по просьбе татар Сенат разрешил строить мечети, если в селении насчитывалось не менее 200 душ. В селениях, где вместе с татарами-мусульманами живут новокрещенные, возводить мечети не разрешают. Служилые мурзы и татары просили разрешить им строить мечети в каждой деревне, как было до 1743 г. [Сб.РИО, т.115, с.318–319].

Примерно таким же было содержание других наказов по данному вопросу. «Хотя мы в жительствох своих ныне мечети и при них мулл и азанчеев и имеем, – писали мещеряки Оренбургской губернии, – но только небольшое число, а повелено б было их иметь в каждом нашем жительстве» [РГАДА, ф.342, оп.1, д.109, л.235]. Ясачные татары Свияжского уезда сообщали, что из-за отсутствия молитвенных домов они вынуждены ходить в соседнюю деревню. Ясачные татары Казанского уезда по той же причине ездили к мечетям за десять и более верст. Те и другие хлопотали о разрешении строить мечети «своим коштом» во всех селениях, чтобы была «отдельная изба для собрания общества на молитву». Эти же мотивы звучат в наказах ясачных татар Кунгурского уезда Пермской провинции, башкир Уфимского уезда [Сб.РИО, т.115, с.358, 373, 401; Кулбахтин, 1996, с.39].

В культовых сооружениях нуждались не только мусульмане, но и новокрещенные. Хотя для последних за счет государства в селениях строились церкви, однако их все равно было недостаточно. Так, служилые татары-новокрещенные Свияжской провинции просили возвести часовню для отпевания умерших [Сб.РИО, т.115, с.406].

Во многих наказах обращалось внимание на положение мусульманских священнослужителей. Мусульманское духовенство, в отличие от православного, не получало жалованья от государства и не имело никаких льгот. Более того, оно несло все госу-

дарственные повинности наравне с другими членами общины. Эту несправедливость не могли обойти стороной составители наказов. Так, ясачные татары Кунгурского уезда Пермской провинции просили освободить мулл, азанчю от уплаты подушного оклада, ясачные татары Уфимского уезда – исключить муллу и азанчю к наряду на службу из дворового числа. Башкиры и тарханы Уфимского уезда добивались права выбирать ахунами дорог уезда священнослужителей из башкир, мещеряков или из ясачных татар, избавив их от всяких государственных служб и поборов [Сб.РИО, т.115, с.358; Кулбахтин, 1996, с.39; РГАДА, ф.342, оп.1, д.109, л.256].

Татарское население хлопотало о праве использования привычных норм шариата при разрешении различных житейских коллизий. Например, ясачные татары разных дорог Казанского уезда просили, чтобы «в случае ссор, драк, займа денег до 10 рублей, разбирать муллам по Корану». Татары Сеитовой слободы Оренбургской губернии ходатайствовали об оставлении суда по мелким делам в руках ахуна с муллами. Аналогичное положение имеется и в наказах мещеряков Оренбургской губернии и ясачных татар Уфимского уезда. Мусульмане отдавали предпочтение нормам шариата и в тех случаях, когда «жены татар крестятся в российскую веру и калым не возвращают». В таких ситуациях они хотели, чтобы вопрос о калыме решал мулла, а не российский суд. Вмешательство гражданской администрации в духовные дела не устраивало просителей в силу незнания судьями мусульманских законов. Башкиры и тарханы Уфимского уезда просили передать ахунам суд по семейным и наследственным делам [Сб.РИО, т.115, с.359, 395, 402; т.147, с.227; РГАДА, ф.342, оп.1, д.109, л.235, 256об.; Кулбахтин, 1996, с.40].

Не остался без внимания в наказах и вопрос, связанный с повседневной одеждой крещеных из числа иноверцев. Известно, что они при переходе в православие в качестве подарка получали одежду и обувь. Однако шить самим в последующем непривычную одежду для них было занятием достаточно сложным. Не случайно новокрещеные татары из Свяжского уезда просили

разрешить им носить прежнюю одежду, а не одежду русских людей, так как они не знают русских приемов шитья и боятся испортить одежду. Шить же одежду у русских мастеров им не позволяет бедность [Сб.РИО, т.115, с.406].

Часть содержащихся в наказах просьб непосредственно затрагивала практические аспекты религиозной политики. Так, жителей Старотатарской слободы г. Казани явно не устраивало то, что в ее центре с начала 1750-х гг. находились церковь и новокрещенская школа. Мурзы и служилые татары писали: «Мы низжайше уповаем, что нет противнее человеку, какого-б он закона и звания ни был, претерпеть от посторонних поношений и ругания его закона; и чрез то происхождение входит в большой азарт, паче протчих не потребных и ругательных речей; а часто бывает, что разных чинов люди крайние потребляют наш о законе и о пророке нашем, таже во время богомолия нашего ругательные слова и тем причиняют нам крайнюю обиду». Позиция властей, откровенно пренебрежительная по отношению к исламу и его сторонникам, естественно, не могла встретить поддержки у мусульманской части населения. Татары Кунгурского уезда также с обидой сообщали, что люди другой веры «ругают, поносят» их веру. Они предлагали обидчиков публично наказывать нещадно, а офицеров штрафовать. Башкиры Исетской провинции отмечали, что «народ наш тарханской и башкирской находится в махOMETанском законе и чтоб оный наш народ тем в содержании закона нашего был свободным оставлен» [Сб.РИО, т.115, с.311, 359; РГАДА, ф.342, оп.1, д.109, л.263].

Одним из «столпов» мусульманской веры является совершение хаджа, посещение святых мест в Мекке и Медине (см.: [Коран, 1990, с.43]). С конца 30-х гг. XVIII столетия эту обязанность российские мусульмане не могли выполнять ввиду осложнения русско-турецких отношений. Это повлекло за собой запрет для российских мусульман на совершение хаджа в Мекку через Турцию, хотя правительство России в договорах с Турцией отстаивало право совершить паломничество в Иерусалим для православных паломников.

Мусульманские депутаты из почти всех регионов России просили власти разрешить паломничество через Турцию и обеспечить беспрепятственную выдачу необходимых для того паспортов. Эту просьбу изложил депутат А.Абдужелилов. В качестве аргумента он привел пример, когда все из ранее отпущенных в хадж 26 человек вернулись в Россию [Сб.РИО, т.134, с.182]. Аналогичные просьбы содержались в наказах Татарской слободы Астрахани, служилых мурз и татар Казанского, Пензенского, Саранского и Уфимского уездов. Однако тогда эти пожелания не получили законодательного подтверждения. Первый российский законодательный акт об организации паломничества в Мекку появился в 1803 г., когда 23 марта Александр I направил оренбургскому военному губернатору Бахметеву указ «О пропуске бухарцев, находящихся в России в Мекку для поклонения» [ПСЗ–1, т.27, с.509; Арапов, 1999, с.298–299].

Духовные нужды иноверцев были тесно переплетены с социально-экономическими. И это переплетение было порождено самой практикой. Российское законодательство еще со времен Соборного уложения 1649 г. запрещало мусульманам использовать труд православных, а значит – и новокрещеных. Такое ограничение, ограждающее крещеных от возможного влияния ислама, однако, ущемляло экономические интересы как православных, так и мусульман. От данного запрета сильно страдали крещеные марийцы, мордва, удмурты, чуваша, которые лишались существенных источников дополнительного дохода.

Учитывая двусторонние экономические потери, татары Сеитовой слободы Оренбургской губернии хлопотали о разрешении нанимать в качестве работников крещеных из числа иноверцев для хлебопашества и домашней экономики. При этом они брали на себя обязательство в посты и постные дни кормить своих работников постной едой, а в воскресные и праздничные дни отпускать их для моления в Бердскую слободу и Сакмарский казачий городок, в которых имелись церкви и православные священники [Сб.РИО, т.147, с.221–222]. В свою очередь новокрещеные из ясачных марийцев Казанского уезда просили разрешить им

нанимать для собственных нужд иноверцев, а иноверцам-новокрещеных, не видя в этом «противностей греческому закону» [там же, т.115, с.392].

Запретительные, ограничительные меры, вводившиеся при активном участии православной церкви, осложняли не только сложившиеся ранее взаимовыгодные экономические отношения между мусульманами и, главным образом, языческими народами, но и межэтнические отношения. В наказе от мурз и служилых татар, который огласил мурза Я.Мангушев, говорилось, что ранее по соседству с мордвой, чувашами, марийцами и удмуртами жили дружно татары, а потом эти отношения испортились в результате действий Новокрещенской конторы, которая «чинила великие запрещения, дабы они с ними никакого не имели соседственного обхождения». Депутат просил, чтобы прежних добрососедских отношений им не запрещали.

Как показывает анализ наказов, ряд проблем в межконфессиональных отношениях порождали действия властей, направленные на обращение нерусских народов в православие и удержание их в новой вере. Негативно оценивалась в этих наказах практика предоставления преимуществ и льгот крестившимся из числа иноверцев. Служилые мурзы и татары разных дорог Казанского уезда отмечали, что татары принимают крещение и освобождаются от рекрутчины, не платят подушных денег, долги; уличенные в воровстве остаются на свободе. По их мнению, новокрещеные не могут быть прилежными исполнителями православной веры, так как принимают крещение по нужде, а не по желанию, не знают догматов веры, только именуются крещеными [там же, т.115, с.375]. Ясачные татары Свияжского уезда также указывали на факты уклонения от службы в российской армии под предлогом крещения. Причем нередко в одной национальной деревне одновременно крестилось несколько молодых людей, и годных к отбытию рекрутской повинности юношей не оставалось. Татары просили, чтобы за крещеных с мусульман дополнительно других «рекрут не брали» [там же, с.403].

Предоставление льгот и преимуществ одним сопровождалось ущемлением дру-

гих. Так, во всех регионах России с татар-мусульман брали дополнительный налог, так называемый повеночный сбор. Сбор этот в 1765 г. был отменен, однако им продолжали обкладывать служилых мурз и татар Симбирского, Пензенского, Алатурского, Курмышского уездов, ясачных татар Казанского и Свияжского уездов. Камер-коллегия писала, что означенный сбор собирался и собирается с иноверцев для того, чтобы они, чувствуя себе отягощения, могли обратиться в православную веру.

Одним из следствий политики христианизации было совместное проживание крещеных и некрещеных в одних селениях. Такая ситуация воспринималась татарами как нежелательное явление. Весьма нередко в наказах предлагалось переселять крещеных из тех мест, где они жили до крещения. Например, служилые татары Слободского уезда такую меру аргументировали тем, что крещеные принимают к себе на жительство разного рода случайных людей и сами отлучаются в большом количестве неведомо куда, а татарам бывают от этого «немалые пропажи». Говорилось и о том, что татары-мусульмане не могут повлиять на поведение новокрещеных. За переселение воспринявших православие в места, населенные русскими и новокрещеными, высказались мурзы и служилые татары Старой и Новой Татарской слобод г. Казани. Они также ратовали за то, чтобы дворы, усадьбы, огороды, сенные покосы новокрещеных татар продавались татарам-мусульманам и их родственникам, а не русским и новокрещеным. Ясачные татары Свияжского уезда просили разрешения на покупку земель крещеных мурз и служилых татар при одновременном установлении запрета на продажу этих земель русским помещикам [там же, с. 311–312, 342, 393, 401]. Социально-экономическая направленность последних предложений очевидна.

Новокрещенные же далеко не всегда поддерживали идею переселения обращенных в православие из родных селений. Так, крещеные татары Свияжского уезда писали, что все они – отцы, матери или малолетние братья, а также дети, – живут с некрещеными в одних и тех же селениях. Их просьба состояла в том, чтобы не разлучать отцов

и матерей, братьев и детей, а разрешить им жить вместе. Они справедливо считали, что малолетние братья и дети, повзрослев, будут родителям помогать, заботиться о них, содержать пропитанием. А если их разлучить, то может «последовать с обеих сторон разорение» [там же, т.115, с.405].

Сложившаяся во многих российских селениях ситуация, тем не менее, требовала разрешения. В результате реализации еще ранее принятых актов по переселению крещеных и их отмены в одних и тех же населенных пунктах оказались мусульмане и православные. Попытки переселить их не всегда достигали цели, так как желающих сменить место жительства не находилось. Деревня фактически оказалась расколотой на две общины из-за разного социально-правового положения мусульман и крещеных. Возрастали взаимные претензии. Если во времена Новокрещенской конторы защитой новокрещеных занимались специальные команды, то в связи с прекращением ее деятельности эти функции перешли к губернской канцелярии, которая не всегда могла удовлетворить интересы обеих сторон.

Интерес представляют позиции иноверцев, оглашенные их представителями на собраниях Уложенной комиссии – в Большой комиссии и частных комиссиях. Предварительно всех депутатов на Большом собрании ознакомили с наказом императрицы, чтение которого продолжалось достаточно долго. Основное место в их работе заняли чтение указов по отдельным проблемам и дискуссии по ним. Иноверческие депутаты проявили активность при обсуждении различных вопросов.

28 апреля 1868 г. на общем собрании депутатов началось чтение законов об иноверцах. Без особой системы депутатов познакомили с законами о льготах новокрещеным, начиная с 1 сентября 1720 г. по 1764 г. [там же, т.32, с.39–40]. Вместе с тем основной указ, подписанный Анной Иоанновной 11 сентября 1740 г., в комплексе решивший проблемы массового крещения и предоставления льгот новокрещеным, не был доведен до сведения депутатов. Однако неполнота правовой информации никоим образом не отразилась на характере и содержании последующего обсуждения.

Высказанные мнения исходили из реалий религиозной политики, межконфессиональных отношений.

Как православных, так и мусульманских депутатов беспокоил тот факт, что при решении спорных вопросов, при свидетельских показаниях мусульмане не имеют равных прав с крещеными. Эту правовую проблему поставил казачий депутат Бурцев, спросив о том, могут ли магометане быть свидетелями по делам православных [там же, т.14, с.135]. Разрешить ее попытались представитель служилых мурз и татар Пензенской провинции мурза А.Еникеев и депутат от татарских слобод г. Казани С.Хальфин. По мнению С.Хальфина, «мухамеданин допускаем был в свидетельство во всяких случаях, наравне с христианами, по приводе прежде к Корану. По приводе как христианского, так и прочих законов людей и мухамеданина к вере велеть в присягу включить, что он должен говорить самую сущую правду, что он слышал, и не смотреть на то, что из имеющих между собою тяжбу один с ним одного, а другой другого закона». Его выступление полностью поддержал А.Еникеев, который просил сохранить для мусульман обычай принимать присягу целованием Корана [там же, с.156–157, 158].

Был обозначен и другой аспект проблемы. Как заметил А.Еникеев, новокрещенные «после крещения получают от наказания свободу, живут вместе с иноверцами, веры христианской не соблюдают, а также чинят, более первого, воровство и всякие не порядки, и от того приключают оставшимся иноверцам чувствительные разорения». Татарские сотники и старосты ничего не могут сделать с новокрещеными, так как они выходят из послушания на том основании, что сделались они веры греческого исповедания христианами. О фактах обращения в христианство, диктуемого стремлением избежать наказания за совершенные проступки, говорили и депутаты из числа православных, отмечая их отрицательное значение [там же, т.32, с.641–644].

Каким образом предлагалось разрешить коллизию? По мнению уже упоминавшегося А.Еникеева, преступников из числа новокрещенных необходимо было наказывать по силе закона, отсылать их в соответствующие

места, дабы «злодейское предприятие вовсе искоренить». Кроме того, этот депутат считал, что новокрещенные для утверждения веры должны жить вместе с русскими, а не с мусульманами. Мусульман же следует насильно не крестить и полностью освободить от рекрутских наборов и от уплаты дополнительных налогов за крещеных [там же, с.541–542].

А.Еникеев высказал свои предложения 3 июня 1768 г. Месяцем раньше в комиссию поступили примечания депутата П.Карякина из г. Хлынова. Обращает на себя внимание частичное совпадение позиций двух депутатов. Так, П.Карякин предлагал крестившимся добровольно иноверцам «дать льготы по нынешним законам, оставлять жить там, где пожелают; а тех, кто принимает крещение в целях избавления от наказания, переселять в русские села и деревни, которые располагаются от иноверческих жилищ не менее 100 верст; при этом в одном селении размещать не более пяти человек».

Характерно, однако, что собственно межэтнические, межконфессиональные мотивы, мотивы неприятия на религиозной основе в таких пожеланиях практически не просматриваются. Доминирует, по сути, оставаясь единственным, социально-экономический аспект. Я.Мангушев обосновывал свои предложения тем, что при существующих условиях крестившиеся татары продают свои земли посторонним господам, которые переселяют на них своих православных крестьян и от которых татарам великое разорение. А надо бы, считал депутат, чтобы новокрещенных переводили в другие места, чьи земли передавали бы некрещеным мурзам и татарам [Сб.РИО, т.32, с.391–395]. Недовольство ясачных татар Свияжского уезда вызывали «нападки и разорения» со стороны новокрещенных, необходимость платить подати за ушедших в Уфимскую и Оренбургскую губернии уезды новокрещенных, которые находятся там по пять и более лет. Потому они и предлагали переселить новокрещенных татар в русские и новокрещенские деревни; а если татар-мусульман меньше половины, то переселять их в татарские селения [Сб.РИО, т.115, с.400]. С такой практикой ими связывалось обеспечение в «обоих сих законах наилучшего порядка».

Однако против переселения крещеных в деревни русских и новокрещеных выступил депутат от казаков Хоперской крепости А.Алейников. Он поставил вопрос так: «Не будет ли разным некрещеным народам к принятию православия какого-либо препятствия, которые в случае переселения будут вынуждены оставлять своих родителей и родственников, устроенное хозяйство, а получат лишь неизвестный жребий». Депутат предлагал не переселять крещеных в другие деревни, а расселять их на прежнем месте жительства отдельными улицами, давать им льготы на десять лет. Кроме того, он считал необходимым построить в каждой слободе церкви и содержать их на казенном коште [Сб.РИО, т.32, с.427].

Переплетение социально-экономических и религиозных аспектов при доминировании первых отличало многие проблемы, поднимавшиеся на заседании комиссии. Особенно сильно это проявилось в ходе обсуждения предложения депутата от г. Уфы А.Подъячева запретить татарам Сеитовой слободы Оренбургской губернии вести торговлю в других уездах. Депутат настаивал на том, чтобы эти татары торговали только в пределах самой слободы [там же, т.8, с.98]. Выказанный им корпоративный интерес очевиден. Каргалинские татары к 1768 г. уже зарекомендовали себя как сильные торговые конкуренты. Следует также учесть, что они были выходцами из Казанской губернии. Казанские служилые слободские татары в силу данных им жалованных грамот имели право беспрепятственной торговли, что было подтверждено высочайше утвержденным докладом Сената от 7 августа 1763 г. Получалось, что частный вопрос перерастал в вопрос о праве татар заниматься торговлей. Большинство же татар, как известно, были мусульманами. Кроме того, предложение А.Подъячева могло сыграть роль спускового механизма не только в отношении татар Сеитовой слободы. Это понимали многие, и потому началась острая дискуссия.

Те или иные депутаты высказывали свои аргументы в защиту права представляемых ими групп населения заниматься торговой деятельностью. Так, депутат от башкир Уфимского уезда Т.Ижбулатов отметил, что жителям Уфимского уезда не было запре-

щено покупать друг у друга разные товары. Депутат от торговых татар Сеитовой слободы просил сохранить имеющиеся у них привилегии, ссылаясь на указы Сената от 8 августа 1745 г. и указы оренбургского губернатора И.И.Неплюева от 1753 г. В отношении своих конкурентов он был также настроен весьма определенно. Достаточно сказать, что Т.Ижбулатов прямо требовал запретить торговать другим, кроме татар Сеитовой слободы [Сб.РИО, т.8, с.113–114].

Депутат мурза А.Еникеев ссылаясь на традицию. «Прежде наши торговали, – говорил он, – без всякого препятствия своими местными товарами в уезде и по торжкам. От этого нашего незначительного уездного торгового купечеству никакого помешательства и коммерции их подрыва не бывало и впредь произойти не может». Аналогичные аргументы высказали Я.Арсланов и А. Сеитов. Примечательно, что так думали не только депутаты-татары. Доступность торговых занятий в равной степени волновала и депутата от новокрещеных чувашей Свияжской провинции Я.Ишутова, и депутата от новокрещеной мордвы Казанской провинции В.Селепова, и депутата от однодворцев Свияжской провинции Е.Гладкова [там же, с.116]. Сама значимость торговли, которая становилась реальностью при наличии права на нее, обуславливала общность позиции по данному вопросу массы депутатов, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Почти два десятка голосов прозвучали против высказывания депутата от г. Казани И.Кобелева, который потребовал «запретить заниматься торговлей» татарам [там же, с.183–185]. Общий экономический интерес объединил разноязычных депутатов, для консолидации которых конфессиональные различия не стали сколько-нибудь заметным препятствием.

Несмотря на то, что депутатами было высказано множество актуальных проблем, затрагивающих существо религиозной политики государства, ни светская, ни духовная власти не оказались тогда готовыми принять и реализовать меры по изменению положения ислама. Вместе с тем, как отмечал А.П.Щапов, «Собрание народных депутатов 1767 г. открыло свет новой русской

истории, в лице представителей русского и инородческого мира... Многие идеи депутатов комиссии 1767 г. стали насущными вопросами XIX столетия, заняли лучшие государственные умы» [Щапов, б/г, с.37, 42].

Таким образом, в ходе работы Уложенной комиссии обнажились и столкнулись различные позиции по принципиальным вопросам социально-экономической и религиозной политики Российского государства. Главными по сути дела стали вопросы о свободе вероисповедания, веротерпимости и о разном социально-правовом положении крещеных и некрещеных, православных и мусульман. Если первые касались открывающегося будущего этой политики, то вторые, будучи не преодоленной реальностью настоящего, уходили своими корнями в ее прошлое. Наиболее активными и последовательными сторонниками разрешения и тех, и других вопросов были иноверческие депутаты, прежде всего депутаты от мусульман. Оглашенные ими указы, выступления на собраниях Уложенной комиссии свидетельствовали о поддержке формировавшегося обновленного курса государства в духовно-религиозной сфере и о неприятии той линии, которая реализовывалась с начала XVIII столетия.

Сильное недовольство вызывала практика принудительной христианизации с ее системой мер по обращению нерусских народов в православие и удержанию их в новой вере. Особо выраженное чувство обиды и горечи, как показал анализ иноверческих

наказов, оставляли социально-экономические ограничения и тяготы, которые испытывали те, кто остался в рамках исламской духовной традиции. Тем самым негативно оценивалось наследие прежней религиозной политики государства. Что касается будущего этой политики, то оно и в наказах, и в выступлениях иноверческих депутатов, прежде всего мусульман, связывалось с идеями веротерпимости, получившими отражение в первоначальных документах Уложенной комиссии. По крайней мере, пожелания беспрепятственного строительства мечетей, совершения хаджа, исключения поношений мусульманской веры и другие ясно указывали ориентир для действий властей в духовно-религиозной сфере многоконфессиональной страны и ее отдельных регионов. Одновременно становилось очевидным, что духовно-религиозные нужды имели для мусульман одно из приоритетных значений.

В конечном счете позиция иноверческих депутатов способствовала закреплению начавшихся позитивных изменений в социально-экономической и религиозной политике Российского государства. Их предложения, в том числе касающиеся учета специфических интересов как мусульман, так и новокрещеных, позднее неоднократно были использованы в текущем законодательстве, стали одним из краеугольных камней в закладываемом правовом фундаменте принципиально нового, толерантного отношения к исламу – религии значительной части подданных России.

§3. Татары в законодательной политике Екатерины II

Айдар Ногманов

Правление императрицы Екатерины II (1762–1796) оставило заметный след в истории татарского народа. Оно не было безоблачным. Свидетельством тому, являются большие потери татарского населения во время подавления восстания 1773–1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева. Количество убитых, повешенных, отправленных на каторгу, подвергнутых телесным наказаниям измерялось многими сотнями [Алишев, 1973, с.187–193]]. В то же время лишь Екатерина II, единственная из русских

самодержцев, получила от татар позитивное прозвище «Аби-патша», что заставляет отнестись с особым вниманием к ее личности и царствованию.

Объективная оценка деятельности императрицы невозможна без обращения к материалам российского законодательства. Именно законы являются выражением воли верховной власти, оформленным в виде юридических норм. Каковы были законы, такова была политика государства. Это та реальность, которую нельзя игнорировать.

Законодательная политика Екатерины II в отношении татарского населения Российской империи определялась основными приоритетами ее правления, в число которых входили обеспечение безопасности страны (внутренней и внешней), ее экономического благоденствия, а также сохранение существующего строя. Добиться этого было возможно лишь проводя максимально прагматичный политический курс, учитывающий интересы различных социальных, этнических и конфессиональных групп. Принимая решения по тем или иным вопросам, касались ли они важнейших проблем государственной политики или мелких повседневных дел, императрица руководствовалась прежде всего здравым смыслом, о чем убедительно свидетельствуют ее переписка и многочисленные резолюции на докладах [Каменский, 2001, с.340].

Примером прагматизма и рационализма является и законодательство о татарах, в котором трудно обнаружить случайные правовые акты, продиктованные сиюминутными соображениями. Здесь все было взаимосвязано, одно проистекало из другого. Среди законодательных актов эпохи правления Екатерины II, представленных в Полном собрании законов Российской империи, 71 документ адресован татарам Волго-Уральского региона. По предметам регулирования они распределяются следующим образом: относящиеся к религии – 25; регламентирующие торговлю татарского населения – 14; о лашманах (приписных к адмиралтейским работам) – 8; о налогообложении – 6; об использовании татарского языка в государственных органах и делопроизводстве – 4; о переселении и миграции татар – 4; о представителях татарского феодального класса (мурзах и князьях) – 3; о землевладении и землепользовании – 3; об исполнении татарами рекрутской повинности – 3; о суде – 1. Хотя эти законодательные акты охватывают разные сферы правового регулирования, однако большая их часть прямо или косвенно связана с религией. В этом отношении законодательство 1760–1790-х гг. следует традициям первых двух третей XVIII столетия. В то же время в содержательном плане оно претерпевает качественные изменения, вызванные сме-

ной приоритетов в религиозной политике государства.

В начале царствования Екатерины II основная часть мусульман проживала в Поволжье и Приуралье, впоследствии число их заметно возросло за счет присоединения Крыма, Северной Таврии, Кубани, частей бывлой Речи Посполитой. Наличие большой мусульманской общины, второй по численности после православной, в течение столетий являлось серьезной проблемой для самодержавия. Каждый новый русский правитель решал ее исходя из собственного понимания, воспитания и приоритетов.

С середины XVI в. государство периодически предпринимало акции антимусульманского характера: принуждало татарское население к принятию православия, изымало земли и зависимых людей у татарских помещиков, разрушало мечети, накладывало на мусульман дополнительные налоги и повинности. В разные периоды принадлежность к исламскому миру негативно сказывалась на свободе передвижения татар, их экономической деятельности, отношениях с другими народами. Апогеем нетерпимого отношения к исламу стала кампания христианизации, развернувшаяся в Среднем Поволжье в 1740–1750-е гг. и имевшая черты религиозного геноцида. Ответом на религиозные притеснения и ухудшение материального положения стало восстание татар и башкир под предводительством Батырши, охватившее Приуралье в 1755–1756 гг. По свидетельству историка Н.А.Фирсова, оно имело «все признаки борьбы за веру Магомета» и грозило перекинуться на мусульманское население Поволжья [Фирсов, 1869, с.209]. Опасаясь этого, правительство императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) было вынуждено спешно свернуть в крае миссионерскую деятельность, пойти на смягчение ряда законов.

Учитывая предшествующую историю, в которой периоды религиозного давления на мусульман сменялись «оттепелями», указанные меры казались не более чем очередным тактическим отступлением. Однако с воцарением на российском престоле 28 июня 1762 г. Екатерины II начался новый этап государственно-исламских отношений в России, который ознаменовался карди-

нальным изменением статуса ислама в государстве и его превращением из гонимой религии в терпимую. Законодательные решения, принятые в отношении мусульман в последней трети XVIII в., можно охарактеризовать как своеобразную «религиозную революцию сверху», настолько значимы были их последствия.

Первым шагом в данном направлении стал сенатский указ от 6 апреля 1764 г. [ПСЗ–1, т.16, №12126], положивший конец деятельности Новокрещенской конторы – особого органа, с начала 1730-х гг. занимавшегося христианизацией нерусских народов Поволжья (подробнее см.: [Ислаев, 2001]). Указ лишил новокрещенных льгот и привилегий, предоставленных им в прежние царствования: было отменено материальное вознаграждение за принятие православия, ликвидирована практика платежей, поставки рекрутов, выплаты недоимок за крестившихся. Из подчинения Конторы новокрещенных передали в ведение местных органов власти и по истечении трехлетнего льготного срока обязали платить подати и нести повинности наравне с другими государственными крестьянами. Выход данного законодательного акта обозначил отказ верховной власти от политики, проводимой в 1740–1750-е гг.

В основе столь радикальных преобразований в религиозной сфере лежал комплекс причин, среди которых соображения охранительного характера переплетались с материальными интересами государства, а также личностными факторами. К 1760-м гг. отчетливо проявилась неэффективность миссионерской деятельности в отношении татар. Н.А.Фирсов отмечал, что «ни убеждения миссионеров, ни льготы, даруемые правительством за переход к христианству, ни то обстоятельство, что им приходилось разоряться от платежа за новокрещенных податей, ни уничтожение их мечетей не действовали на них; огромное их большинство оставалось твердыми вере отцов и дедов...» [Фирсов, 1869, с.182]. Продолжение прежнего курса грозило усугубить и без того тяжелое материальное положение татар-мусульман, стать питательной средой для антиправительственных и антирусских выступлений. По этой причине Екатерина II

постаралась исключить из религиозной политики фактор экономического принуждения, являвшийся ключевым в кампании христианизации 1740–1750-х гг.

Кроме соображений охранительного характера, выходу указа 1764 г. способствовало качественное изменение конфессиональной ситуации в Среднем Поволжье. К тому времени подавляющая часть языческого населения края приняла православие, поэтому власть не видела необходимости в сохранении прежних привилегий для крестившихся. Они вызывали недовольство не только татар-мусульман, но и русских, не имевших подобных льгот, а главное были невыгодны для казны, поскольку лишали ее налоговых поступлений.

Наконец, большую роль в изменении религиозной политики сыграли личные воззрения Екатерины II на свободу совести и место различных конфессий в государстве. Еще до восшествия на престол она сформулировала их следующим образом: «Уважать религию, но ни за что не допускать ее в дела государственные» [Смолич, 1996, с.191]. Правда, упоминания о Боге, о Божественном провидении неизменно присутствовали в официальных обращениях и документах Екатерины II, а почетные религиозные функции православной государыни она исполняла с величайшей пунктуальностью. Но глубинные течения религиозной, духовной жизни не затрагивали ее души, а мистицизм казался ей мракобесием и чепухой. Безусловно, в этом сказалось немецкое происхождение императрицы, которой был чужд духовный антагонизм в отношении мусульман, в течение столетий прививавшийся русской правящей элите. Будучи разумным человеком, она не считала допустимыми ни насильственное обращение, ни преследования религиозных меньшинств – лишь бы все ее подданные верили в какого-нибудь бога и выполняли обряды, положенные их вероисповеданию.

В религии Екатерина II видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности. Для нее, как и для Петра I, православная церковь была, прежде всего, одним из орудий управления страной [Каменский, 2001, с.362]. Екатерина нема-

ло сделала для ее превращения в придаток государственной машины. Иллюстрацией этому является именной указ Сенату от 26 февраля 1764 г. «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян по 150 копеек с души». К указу был приложен Манифест о передаче всех архиерейских крестьян в ведение Коллегии экономии [ПСЗ–1, т.16, №12060]. Эти акты окончательно упразднили монастырское землевладение в России, нанеся сильный удар по экономическому могуществу и влиянию церкви. Монастыри и архиерейские дома в результате реформы утратили 8,5 млн. десятин земли и около 2 млн. крестьян обоего пола, отписанных в казну. Кроме того, было упразднено более 500 монастырей, еще приблизительно 150 обителей не закрывались, но должны были существовать на приношения верующих и за счет маленьких участков ненаселенной земли, которая обрабатывалась руками самих иноков или нанятых работников [Законодательство, 2000, с.902].

В этот же период появились законодательные акты, ослаблявшие идеологические позиции православной церкви. Уже в декабре 1762 г. было объявлено разрешение раскольникам, бежавшим за границу, возвращаться и селиться в Россию [Каменский, 2001, с.391]. 9 июня 1763 г. вышел сенатский указ «О дозволении в Астрахани армянам и другим, кто пожелает, по их законам во всех местах строения церквей» [Законодательство, 2000, с.973–974]. 22 июля 1763 г. состоялся Манифест об условиях приезда в страну иностранцев, который обещал им полную духовную свободу [ПСЗ–1, т.16, №11180]. 25 февраля 1764 г. Екатерина II подписала указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелическаго Августинского исповедания», который гарантировал последователям данного протестантского течения беспрепятственное отправление своей «веры и закона» [ПСЗ–1, т.16, №12057]. В сложившейся ситуации закрытие Новокрещенской конторы выглядело логичным шагом, вписывавшимся в наметившуюся тенденцию к либерализации религиозной политики. Вместе с тем становится понятным отсутствие реакции православного духовенства

на свертывание миссионерской деятельности в Среднем Поволжье, – у него появились более насущные заботы.

Прямым следствием указа от 6 апреля 1764 г. стали обращения татарского населения к верховной власти об отмене других религиозных ограничений. Так, татары Оренбургской Сеитовой слободы просили снять запрет на наем работников из числа русских людей, а также крещеных черемисов, мордвы, вотяков и чувашей. Аргументировалось это недостатком рабочих рук, создававшим препятствия развитию хлебопашества. Взамен татары брали обязательства содействовать выполнению работниками предписаний православной веры (кормить постной пищей в посты и постные дни, отпускать в церкви в Бердской слободе и Сакмарском казачьем городке в воскресные и праздничные дни и др.). Данные обязательства предполагалось закреплять в письменном виде в момент найма работников, извещая об этом православных священников [Сб.РИО, т.147, с.221–222].

Значительные перемены произвел указ 1764 г. в положении новокрещеных татар, которых уравнивали с мусульманами в отношении налогообложения и выполнения различных государственных повинностей. Они быстро ощутили на себе бремя казенного тягла, в особенности рекрутской повинности. Скрываясь от рекрутчины, новокрещеные массами уходили на уральские и сибирские заводы, где умышленно набирали в долг у их владельцев в расчете на то, что до выплаты будут избавлены от повинности. Другой поток нелегальных переселенцев устремился в Оренбургскую губернию, где новокрещеные всеми способами стремились приписаться к тамошним сельским обществам, которые были освобождены от поставки рекрутов. На пресечение их бегства был направлен сенатский указ от 10 сентября 1773 г. [ПСЗ–1, т.19, №14037].

Тенденцию к сокращению привилегий для принявших православие подтвердил Высочайше утвержденный доклад Сената от 5 января 1766 г. [ПСЗ–1, т.17, №12542]. Он отменил указы 1715, 1718, 1726 и 1730 гг., определявшие условия возврата крестившимся татарским мурзам и их потомкам поместий, конфискованных указом Петра I

от 3 ноября 1713 г. [ПСЗ–1, т.5, №2734]. К 1760-м гг. эти законодательные акты превратились в анахронизм, поскольку изъятые в 1710-е гг. поместья давно обрели новых владельцев и были узаконены. Тем не менее, выход данного закона следует рассматривать как примечательный факт, дополняющий общую картину.

В целом указ от 6 апреля 1764 г. можно считать началом практической реализации политики веротерпимости, хотя ее идеологическая составляющая на момент издания документа еще не оформилась и Екатерина II принимала данное решение, руководствуясь преимущественно рациональными мотивами. Последовательным сторонником религиозной толерантности императрица становится во второй половине 1760-х гг. под влиянием знакомства с трудами французских просветителей, а также опыта «познания» Российской империи, приобретенного в период подготовки к созыву Уложенной комиссии 1767–1768 гг. В мае-июне 1767 г. Екатерина совершила путешествие по Волге, в ходе которого воочию столкнулась с этническим многообразием страны. Во время посещения Казани (26 мая – 1 июня) и встреч с татарским населением императрица убедилась, что ислам – реалья российской жизни, ее не нужно страшиться и искоренять, а следует признать как данность.

Впечатления от поездки по поволжским губерниям, безусловно, сказались на статьях Наказа, данного Екатериной II 30 июля 1767 г. Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Его содержание охватывает практически все вопросы государственного и общественного устройства, судопроизводства, законотворчества, положения сословий, воспитания юношества, охраны порядка и благочиния в стране [Законодательство, 2000, с.14]. Наказ не стал официальным документом, законом, но его влияние на российское законодательство было значительным, так как это была программа, которую императрица хотела бы воплотить в жизнь. Статьи 494–496 Наказа открыто провозгласили принципы новой религиозной политики государства, которую можно определить как «разумная» веротерпимость. Содержание статей, несмотря на витиеватость формулировок, со всей определенностью

указывает на истинные мотивы подобного поворота – утилитарную заботу о безопасности империи и существующего строя.

Последующие шаги Екатерины в целом отвечали выбранному политическому курсу. 20 августа 1769 г. состоялся именной указ сибирскому губернатору Чичерину, который наделил его правом выдавать разрешения на строительство мечетей в Сибирской губернии [ПСЗ–1, т.18, №13336]. 17 июня 1773 г. вышел указ Святейшего Синода, провозглашавший: «Как Всевышний Бог терпит на земли все веры, языки и исповедания, то и Ее величество из тех же правил, сходясь Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ее подданными всегда любовь и согласие царствовало» [ПСЗ–1, т.19, №13996]. О конкретном содержании указа ясно говорит его наименование «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам».

Из-за наименования документа многие исследователи связывают с ним официальное признание ислама «терпимой» религией в Российской империи [Хайрутдинов, 1997, с.83; Арапов, 2001, с.19; Загидуллин, 2010, с.107; Загидуллин, 2011], хотя это не вполне соответствует истине. В тексте указа имеются прямые ссылки на статьи 494–496 Наказа 1767 г. как источник законодательных норм, поэтому его приоритет в данном вопросе неоспорим. В то же время, в отличие от Наказа, носившего декларативный характер, указ 1773 г. был обязателен для исполнения. Хотя формально он являлся указом Синода, однако готовился в Правительствующем Сенате при участии Екатерины II, давшей 29 мая 1773 г. Высочайший отзыв на доклад генерал-прокурора Сената князя А.А.Вяземского [ПСЗ–1, т.19, №13996].

С подачи императрицы формируется и новое отношение власти к мусульманскому духовенству, также основанное на прагматизме. На протяжении долгого времени именно муллы генерировали антиправительственные настроения в татарском обществе. Провал христианизаторской кампании 1740–1750-х гг. в отношении татар был

во многом обусловлен влиянием и противодействием мусульманских духовных лиц. Во время посещения Казани 30 мая 1767 г. губернатор А.Н.Квашнин-Самарин представил императрице «старой слободы абызы татары и их жены» [Ибнеева, 2006, с.115]. В ходе этой встречи произошло признание верховной властью реального статуса неофициального мусульманского духовенства и той роли, которую оно играет в жизни татарской общины, возникло осознание необходимости сотрудничества с ним. Через священнослужителей самодержавие могло не только нейтрализовать оппозиционные проявления среди татарского населения, но и воздействовать на его настроения, а фактически – контролировать и управлять им.

Достижение лояльности татарских мулл становится приоритетом религиозной политики последующих лет. Екатерина II активно искала пути сближения с мусульманскими священнослужителями, в том числе через привлечение их на государственную службу. Из 17 законодательных актов 1780–1790-х гг., касающихся ислама и мусульман, в 13 рассматриваются вопросы, связанные с назначением на должности, деятельностью, обязанностями и привилегиями мусульманских духовных лиц.

Значительную роль в реализации планов правительства сыграл именной указ «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов», изданный 28 января 1783 г. [ПСЗ–1, т.21, №15653]. Он был направлен на пресечение сложившейся у татар практики приглашения мулл из среднеазиатских государств. По замыслу Екатерины II, это не только устраняло влияние тамошних мусульман на их единоверцев во внутренней России, но и позволяло выдвигать на духовные посты верных людей, которых можно было использовать в своих интересах.

Значительной вехой в истории русского ислама стал именной указ от 22 сентября 1788 г. [ПСЗ–1, т.22, №16710] об учреждении в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания. С его принятием царская администрация получила полный контроль над назначением и деятельностью мусульманских священнослужителей. Когда в том или ином приходе по-

являлась вакансия имама, претенденты на это место должны были пройти испытание на «благонадежность», после чего их кандидатуры подлежали утверждению генерал-губернатором. Оренбургское духовное собрание, власть которого распространялась на мусульманское духовенство всей империи, за исключением Крыма, представляло собой одно из ведомств российского бюрократического аппарата со всеми присущими ему атрибутами. Указом от 20 апреля 1789 г. Собранию ассигновали 900 рублей на содержание секретаря, канцелярских и прочих служителей [ПСЗ–1, т.23, №16759], а указ от 15 июня 1792 г. повелел сделать пятницу днем свободным от присутствия, так как «по магометанскому закону пятничный день есть праздничный» [там же, №17053]. Муллы, заседавшие в собрании, должны были сменяться каждые три года. Принимая данное решение, Сенат, как следует из его указа от 17 августа 1793 г., руководствовался «предписаниями для средних судебных мест...», с которыми сравнено во всем сие Духовное собрание» [там же, №17146]. Таким образом, становится понятным и место вновь созданного органа в бюрократической иерархии Российской империи.

При образовании Оренбургского магометанского духовного собрания Екатерина II преследовала и внешнеполитические цели. С начала 80-х гг. XVIII в. самодержавие делает ставку на ислам как силу, способную содействовать его продвижению на Восток, прежде всего в казахские степи. Военной силы для этого было недостаточно, требовалось подкрепить ее идеологическим влиянием. Православная церковь не могла рассчитывать на успех среди населявших Казахстан народов. Поэтому мусульманской экспансии с юга, со стороны среднеазиатских ханств, верховная власть была вынуждена противопоставить пропаганду ислама в «русском» варианте. Альтернативы татарам здесь не было. С этим правительство столкнулось еще в 1730-е гг., в начале колонизации Оренбургского края. Русское население, включая купечество, неохотно осваивало этот приграничный регион, тогда как татары сами подавали прошения о переселении [ПСЗ–1, т.12, №8893], привлеченные свободой вероисповедания, проживания, предпринимательства,

а также другими льготами, объявленными в «Привилегиях городу Оренбургу» от 1 июня 1734 г. [Там же, т.9, №6584]. Они же использовались в крае в качестве переводчиков и толмачей [Там же, т.19, №13489].

Внешнеполитические интересы, безусловно, учитывались и при определении нового вектора государственно-исламских отношений в 1760-е гг. Н.Тюрякулов справедливо писал о том, «что «терпимое» отношение царизма к исламу установилось не сразу, не «с первой встречи», а складывалось постепенно: по мере роста капитализма в России и увеличения нужды в услугах ислама при движении российского империализма на Восток» [Тюрякулов, 1936, с.206–207].

Активизация восточного направления российской внешней политики и роль в ней ислама хорошо прослеживаются по материалам законодательства. Среди указов 1780–1790-х гг., представленных в Полном собрании законов Российской империи, нет ни одного документа, характеризующего религиозную ситуацию в Казанской губернии и в Среднем Поволжье, тогда как в предшествующий период основная масса законодательных актов адресовалась именно сюда. Теперь же большинство законов, касающихся мусульман, направлялось должностным лицам Оренбурга, Уфы, а также других приграничных к Казахстану и Средней Азии регионов. Весьма примечательным становится и содержание законодательных актов. Только в течение 1782–1786 гг. вышли 4 указа, предписывавших «скорейшее» строительство мечетей в киргиз-кайсацких (казахских. – А.Н.) степях [ПСЗ–1, т.21, №15352; т.22, №15991, №16255, №16400]. В соответствии с ними были открыты новые мечети в Оренбурге и Троицке. Культовые сооружения у мусульман в это время возводились и в Среднем Поволжье. Однако здесь их строительство, помимо законодательных препон, сталкивалось с открытым или негласным противодействием со стороны светских и духовных властей. В Приуралье же гражданской администрации вменялось в обязанность (курсив наш. – А.Н.) изыскивать способы к ускоренному возведению мусульманских культовых сооружений.

Все это говорит о наличии «двойных стандартов» в религиозной политике государства. Ограничивая влияние ислама во внутренних районах империи, самодержавие всеми силами содействовало его пропаганде в «азиатских» областях, видя в нем действенное средство привлечения тамошних народов в российское подданство и удержания их в повиновении. Строительство мечетей должно было сыграть в этом не последнюю роль. Не случайно, получив известие об открытии мечетей в Оренбурге и Троицке, Екатерина II выразила уверенность в том, что «такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим; сие и может послужить со временем к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер» [ПСЗ–1, т.22, №16255].

Ту же цель имело отправление в степи в качестве мулл верных правительству людей. Чаще всего в этой роли выступали казанские татары, о чем свидетельствуют именные указы от 27 ноября 1785 г. и 21 апреля 1787 г. [ПСЗ–1, т.22, №16292, №16534]. Помимо духовных функций татарские муллы выполняли разведывательные поручения правительства. Часть мулл постоянно находилась в среднеазиатских городах под видом повышающих религиозную квалификацию в многочисленных медресе, другая часть в качестве торговцев регулярно выезжала туда и доставляла обратно необходимую информацию [Азаматов, 1996, с.29]. Видимо, правительство было удовлетворено миссией татарских мулл в казахских степях, поскольку их умения и навыки были востребованы и в других частях империи. Указом от 28 февраля 1792 г. Екатерина II предписала привлечь татар для «приведения в веру» кабардинцев и строительства мечетей на Северном Кавказе – в «Большой и Малой Кабарде» [ПСЗ–1, т.23, №17025]. Помимо казанских татар, в миссионерской деятельности на юго-восточных рубежах империи были задействованы также муллы из числа тобольских служилых татар, уже в первой половине 1780-х гг. находившиеся на государственном жалованье [ПСЗ–1, т.22, №16014].

Приведенные факты свидетельствуют о значительной роли татар в продвижении России на Восток и умении Екатерины II ставить интересы государства выше религиозных пристрастий. Об этом говорят и другие ее решения. 27 августа 1784 г. императрица подписала указ об учреждении особой типографии для нужд Кабинета министров и Коллегии иностранных дел, в которой предполагалось печатать документы на восточных языках «...Арабском, Турецком, Татарском, Персидском, Грузинском и Греческом» [ПСЗ–1, т.22, №16048]. В 1787 г. по личному указанию Екатерины было осуществлено издание за казенный счет Корана на арабском языке, что можно расценивать как очередной точно просчитанный шаг. По свидетельству А.Г.Каримуллина, он позволил на время отвести просьбы татар о заведении ими собственного книгопечатания, был использован в политических целях в войне с турками, как пример покровительства мусульманам российской короны, а также принес существенную финансовую выгоду казне [Каримуллин, 1992, с.98]. Экземпляры Корана были разосланы в уездные земские суды, где производилась их продажа. Выбор данного места весьма примечателен, хотя при ближайшем рассмотрении представляется вполне логичным. Жизнь мусульманина строилась по законам, предписываемым Кораном, и где как не в государственных судебных органах, где судились татары, полагалось продавать эти книги. Таким образом, власть оказывала уважение священной книге мусульман и одновременно извлекала из этого доход. Деньги за вырученные книги поступали в уездные казначейства. Ревизия счетов Казанской казенной палаты в 1800 г. показала доход от продажи Корана на сумму 617 руб. 10 коп. [История, 1937, с.248]. При жизни Екатерины Коран был издан еще несколько раз: в 1790, 1793 и 1796 гг. [Крымский, 1904, с.138].

Не следует, однако, идеализировать процессы, происходившие в 60–90-е гг. XVIII в. Некоторая свобода, предоставленная исламу в этот период, отвечала стратегическим интересам самодержавия. Пропаганда мусульманского вероучения допускалась лишь на окраинах империи, в отношении тех народов, которые или еще не пришли в рос-

сийское подданство, или могли в любой момент его покинуть. Указы о строительстве мечетей носили локально-территориальный характер. Мусульманско-татарское духовенство теряло былую независимость и все более попадало под контроль государственных органов.

Придание исламу нового статуса не означало отказа самодержавия от господствующего положения православной церкви. Декларируя терпимость всех вероисповеданий, оно на практике ограничивало их свободное развитие. Подтверждением этого является сенатский указ от 2 августа 1770 г. «О переведении новокрещенных мурз и татар в другие селения, для разлучения их от последователей магометанского закона», название которого прямо противоречит его содержанию [ПСЗ–1, т.19, №13490]. Указ фактически отменил все переселения на религиозной почве, предусмотренные действующим законодательством. На просьбы мусульман об отселении православных соседей Сенат определил селить их «особыми слободами» в пределах одного населенного пункта. Подобное решение являлось завуалированным запретом на строительство мечетей, поскольку сохраняли силу прежние предписания о недопущении заведения мечетей в местах совместного проживания мусульман с православными. Для исполнения своих религиозных нужд некрещеным татарам предписывалось выезжать в соседние деревни, «где есть мечети» [ПСЗ–1, т.19, №13490]. Кроме того, законодательный акт подтвердил действие указов 1744 и 1756 гг., запрещавших строительство мечетей в татарских селениях с менее чем 200 душами мужского пола (подробнее см.: [Ногманов, 2005, с.111–112, 118]).

Незыблемой оставалась и монополия православной церкви на ведение миссионерской деятельности. Менялись только формы ее осуществления. По указу от 6 апреля 1764 г. вместо упраздненной Новокрещенской конторы при епархиях был учрежден институт проповедников, призванных продолжить дело христианской проповеди на местах [ПСЗ–1, т.16, №12126]. Какие-либо отступления от православия преследовались при Екатерине II не менее строго, чем прежде [Каменский, 2001, с.362]. Об

этом свидетельствует указ от 1 мая 1775 г. «О донесении Сенату из всех присутственных мест по делам об отвращении людей от православной веры», состоявшийся по фактам обращения в ислам язычников и новокрещеных в Сибирской губернии. Для борьбы с этим явлением Сенат приказал использовать нормы Соборного уложения 1649 г. и «Наказа» губернаторам 1728 г., которые предусматривали смертную казнь для лиц, занимавшихся подобной деятельностью. Все губернские, провинциальные и городские канцелярии империи обязали выявлять «совратителей от Православной веры» и предоставлять сведения о них в Санкт-Петербург [ПСЗ–1, т.20, №14313]. Интересы православной церкви отстаивал и Устав благочиния 1782 г. Он запрещал поношение Иисуса Христа, Девы Марии, святых угодников и других символов веры, споры против православия, совращение православных в иные веры и прочие деяния, рассматриваемые властью как покушение на основы православной церкви [ПСЗ–1, т.21, №15379].

В царствование Екатерины II продолжала действовать, хотя и в усеченном виде, система льгот для новокрещеных, основу которой составляло введенное Петром I освобождение их на три года от всех податей и повинностей. Иностранцы, принявшие православие, поощрялись особо. Указом от 20 апреля 1770 г. Екатерина предоставила пленным туркам и крымским татарам, пожелавшим креститься, личную свободу, право самостоятельно выбрать «род жизни», а также повелела «...при крещении же давать каждому за крест из сиротской суммы по 3 рубли» [ПСЗ–1, т.19, №13450].

Приведенные факты показывают, что, несмотря на некоторые послабления в отношении ислама, произведенные Екатериной II, государство не утратило контроля над ситуацией. В религиозной политике были лишь устранены перегибы, имевшие место при Елизавете Петровне и грозившие открытыми выступлениями со стороны нерусских народов. Прорекларировав свободу вероисповедания, Екатерина не поколебала господствующего положения православной церкви. Все другие конфессии в Российской империи вплоть до 1917 г. могли функцио-

нировать лишь в определенных рамках. Право же установления «разумности» этих рамок целиком оставалось за государством.

Тем не менее, предоставление исламу статуса терпимой конфессии вызвало позитивные сдвиги во многих областях жизни татарского населения. В частности, стали анахронизмом правовые ограничения и социальные барьеры, установленные для мусульман. Знаковым событием царствования Екатерины II стал указ от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» [ПСЗ–1, т.22, №15936]. Он касался представителей татарской феодальной знати, придерживавшихся «магометанского закона», и признавал за ними права на утверждение в «благородном» звании. Тем самым открывались перспективы социального продвижения перед теми княжескими и мурзинскими татарскими родами, которые в процессе реформ Петра I утратили прежний высокий правовой статус и превратились в один из разрядов государственных крестьян.

Возведение в потомственное дворянство предоставляло ряд важных личных прав. Помимо выхода из податного сословия, освобождения от подушной подати, рекрутской повинности и телесных наказаний, у лиц, утвержденных в дворянском звании, появлялась возможность определения на государственную службу, а их дети пользовались льготами при получении образования [Хайрутдинов, 1997, с.83–101]. Полного равенства с русским дворянством татарские князья и мурзы не получили. Согласно указу 1784 г. они были лишены «права покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания» – одной из главных составляющих политического и экономического могущества дворянского сословия [ПСЗ–1, т.22, №15936]. Кроме того, принадлежность к «благородному» званию необходимо было подтвердить документами, содержащими «неоспоримые доказательства» (жалованными государственными грамотами на недвижимое имение и др.). Процедура утверждения была достаточно сложной и не все, подавшие прошение смогли ее пройти. К концу правления Екатерины II подтверди-

ли свои права, а затем были внесены в родовые книги, по различным оценкам, от 4811 до 5646 человек, принадлежащих к 177 знатым татарским родам [Хайрутдинов, 1997, с.90].

Несмотря на отмеченные ограничения, имиджевое значение данного законодательного акта трудно переоценить. Он демонстрировал татарской элите и, надо полагать, воспринимался ею как покровительство и забота верховной власти. Аналогичную функцию выполнял именной указ от 1 ноября 1783 г. генерал-фельдмаршалу князю Г.А.Потемкину, разрешивший принимать на военную службу и награждать офицерскими чинами «татарских мурз и чиновных людей» [ПСЗ–1, т.21, №15861]. Своей властью Потемкин мог наградить чином не выше премьер-майора (офицерский чин в русской армии в XVIII в. (по 1797 г.), соответствовавший подполковнику. – *А.Н.*), о тех же, «кои достойны будут больше той степени», он должен был ходатайствовать перед Екатериной II [ПСЗ–1, т.21, №15861]. Таким образом, для татар открывалась возможность, пусть во многом гипотетическая, добиться положения в российском обществе через военную или гражданскую карьеру.

Более реальные перспективы достичь высокого социального статуса были связаны для них с предпринимательской деятельностью. Развитие внутренней и внешней торговли России во второй половине XVIII в. обусловило необходимость создания законодательных актов по ее регулированию, которые бы соответствовали новым реалиям. Изменения затронули и татарское население империи.

Оценить правовые условия для развития татарской торговли, существовавшие в начале царствования Екатерины II, позволяют законодательные документы эпохи, прежде всего сенатский указ «О нечинении казанским служилым татарам препятствия в отпуске их в разные города для торговых промыслов» от 11 июня 1763 г. [ПСЗ–1, т.16, №11856] и Высочайше утвержденный доклад Сената «О беспрепятственной торговле казанских слободских служилых татар, по силе данных им жалованных грамот» от 7 августа 1763 г. [ПСЗ–1, т.16, №11888]. Анализ указов свидетельствует, что основная

масса татарского населения, отнесенная в первой четверти XVIII в. к крестьянскому сословию, в середине столетия подпала под действие общероссийских законов о торговле, ущемлявших права торгующих крестьян. В частности, Таможенный устав от 1 декабря 1755 г., защищавший интересы купечества, запрещал крестьянам розничную торговлю в городах, за исключением продовольственных товаров [ПСЗ–1, т.14, №10486]. Им разрешалась мелочная торговля в слободах и селах, отстоявших от городов на расстоянии не менее 5 верст. В городах и на ярмарках крестьянам дозволялось закупать лишь те товары, «которые в деревнях не делаются», для последующей продажи в разрешенных местах. Перечень допущенных к торговле товаров включал в себя глиняную, деревянную и медную посуду, сельскохозяйственный и домашний инвентарь, сукна, овчины, пряжу, одежду домашнего производства, дубленные кожи, серьги, перстни и прочую бижутерию, ладан и свечи, писчую бумагу, деготь, смолу, рогожи, лыко и мочало, конскую сбрую, сани, дровни, телеги и др.

Эти ограничения не устраивали татарское население, для которого торговля издавна являлась значимым источником дохода. Особенно важна была она для служилых мурз и татар, с 1718 г. заготавливавших корабельные леса для нужд Адмиралтейства. Периодические многомесечные отлучки в места лесоразработок негативно сказывались на крестьянском хозяйстве, требовавшем систематического вложения труда. В этих условиях торговля, которой можно было заниматься в любое время года, была для служилых мурз и татар большим подспорьем, а для многих – основным занятием. Подтверждением этому является сенатский указ от 11 июня 1763 г., вызванный челобитной поверенного служилых мурз и татар Казанской губернии Якуба Биметева. Последний просил Сенат разрешить своим доверителям торговать без каких-либо ограничений, выезжать с паспортами в Санкт-Петербург, Астрахань, Оренбург, на Ирбитскую ярмарку, в Троицкую крепость и Уфимскую провинцию для продажи и покупки товаров «с платежом указных пошлин» [ПСЗ–1, т.16, №11856].

Характер притязаний, а также география торговых интересов служилых мурз и татар, говорят о многом. Однако реализация их намерений противоречила бы действующему законодательству, что и стало причиной отказа Сената просителям в праве на свободную торговлю. Исключение составили лишь жители Старой и Новой татарских слобод г. Казани, в отношении которых действовали особые узаконения.

Будучи по своему юридическому статусу государственными крестьянами, они при занятии торговым промыслом пользовались всеми правами русского «патентованного» купечества, в том числе правом иметь лавки и вести розничную торговлю. Подобное особое положение данной группы населения прослеживается по законодательным источникам с первой четверти XVII в. и было юридически оформлено жалованными грамотами от 4 сентября 1676 г., 22 мая 1686 г. и 15 июля 1698 г. Эти документы закрепляли за жителями Татарской слободы Казани право «торговать всякими товары» вместо казенного жалованья, положенного им как служилым людям [ПСЗ–1, т.2, №1143; т.16, №11888]. Существенным обстоятельством было то, что казанские слободские татары были свободны от повинностей, возложенных на купеческое сословие. Тем самым, они имели значительные конкурентные преимущества перед русскими купцами Казани, которые с 1620-х гг. пытались привлечь торгующих татар «в платеж вместе с ними тягла». Однако многочисленные попытки изменить ситуацию не увенчались успехом. На протяжении полутора столетий во всех периодически возникавших конфликтах власть неизменно вставала на защиту привилегий казанских слободских татар. Это вызывало недовольство не только русского купечества, но и служилых мурз и татар из других мест, которые, добиваясь аналогичных прав, пытались прикрыться жалованными грамотами казанских татар, однако всякий раз получали отказ.

В марте 1762 г. произошел очередной виток давнего противостояния. Русские купцы и поддержавший их казанский магистрат силой «запечатали» 29 лавок «с товарами и с деньгами», принадлежавших казанским слободским татарам и расположенных

в Гостином дворе и «других рядах». Итог судебному разбирательству, продолжавшемуся больше года, подвел Высочайше утвержденный доклад Сената от 7 августа 1763 г., приказавший «магистрату подтвердить, дабы им татарам в торгах помешательства отнюдь чинено не было» [ПСЗ–1, т.16, №11888]. Если для XVII в. было обычным явлением предоставление служилым людям права свободной торговли взамен выплаты денежного и хлебного жалованья, то в XVIII в. прежних воинских заслуг для сохранения данной привилегии было явно недостаточно. Слабым представляется и аргумент, выдвинутый Адмиралтейской коллегией, суть которого сводилась к тому, что слободские татары заготавливают леса для нужд русского флота, выполняя тем самым важнейшую государственную службу. Точно такую же повинность несли служилые татары других мест, не имевшие прав казанских слободских.

Причины подобной «благосклонности» царского правительства к данной группе населения следует искать в иной плоскости. Самодержавие нуждалось в кадрах из числа нерусских народностей Среднего Поволжья для осуществления управленческих функций в полиэтничном регионе. Жители Старой и Новой татарских слобод г. Казани подходили для этого лучше других. Проживая в административном, политическом и экономическом центре края, они находились под постоянным контролем властей, теснее других общались с органами управления и русским населением. Из их числа в первую очередь набирались переводчики, толмачи, низшие служители для Казанской адмиралтейской конторы [Сб.РИО, т.84, с. 235; т.94, с.193]. Они использовались для дипломатических и разведывательных функций в сношениях России с восточными странами. И здесь возможность свободно заниматься торговлей играла не последнюю роль. Самодержавие стремилось с помощью самих слободских татар, а также их давних связей с торговыми людьми Средней Азии и Казахстана подготовить почву для проникновения в эти регионы.

Однако уже в скором времени привилегированный статус жителей Старой и Новой татарских слобод г. Казани стал

превращаться в анахронизм, хотя указы, предоставлявшие им льготы, действовали до начала 1820-х гг. Юридически привилегии жителей Старой и Новой татарских слобод г. Казани были отменены 31 января 1821 г. сенатским указом «О распространении положения о торгующих крестьянах на казанских служилых татар, состоящих в окладе казенных поселян» [ПСЗ–I, т.37, №28314, с.576–577]. В период восшествия на престол Екатерины II состояние российских финансов и экономики было плачевным. Материальные ресурсы страны были подорваны войной с Пруссией, почти все отрасли торговли розданы в монополию, таможенные сборы находились в руках частных откупщиков [Исабель, 2002, с.745]. В связи с этим молодая императрица была крайне заинтересована в устранении экономических, сословных и других барьеров, препятствующих развитию предпринимательской деятельности в стране. Спустя месяц после восшествия на престол, указом от 31 июля 1762 г., она объявила об отмене всех казенных монополий и открытии свободной торговли с Китаем, Персией, Хивой и Бухарой [ПСЗ–I, т.15, №11630]. В указе был четко обозначен принцип свободы и предпринимательства («всем позволить невозбранно»), причем акцент сделан именно на торговлю [Каменский, 2001, с.379]. Данный законодательный акт стал отправной точкой к постепенной либерализации российской экономики как в сфере производства, так и во внешней и внутренней торговле.

Взгляды Екатерины II на коммерческую политику были публично выражены в «Наказе» 1767 г. Она была согласна с необходимостью государственного регулирования в этой сфере и видела задачу государства в том, чтобы проторить путь для торговли и предпринимательства, постоянно помня при этом о национальном доходе [Исабель, 2002, с.744]. Однако практические шаги в данном направлении были приостановлены русско-турецкой войной 1768–1774 гг. Более того, в связи с большими военными расходами Указом от 30 октября 1769 г. купечество обложили дополнительными налогами. В частности, к взимаемому прежде окладу в 1 руб. 20 коп. с души было добавлено еще 80 коп. Эта мера распространялась

и на торговых татар Оренбургской Сеитовой слободы [ПСЗ–I, т.18, №13375].

Окончание войны и подавление восстания Пугачева позволили Екатерине вернуться к прежнему плану. В Манифесте от 17 марта 1775 г. «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» императрица вновь и еще более определенно, чем прежде, высказалась за установление свободы предпринимательства и ослабление государственного контроля над ним: «Всем и каждому дозволяется и подтверждается заводить всякого рода станы и рукоделия производить, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего или нижнего места» [ПСЗ–I, т.20, №14275]. Принципиально новый статус придавался Манифестом российскому купечеству, которое выделялось из городского населения в особую корпорацию, формируемую на основе исключительно материального благосостояния [Каменский, 2001, с.418]. Попасть в эту корпорацию мог лишь тот, кто обладал капиталом не менее 500 рублей [ПСЗ–I, т.20, №14275]. Каких-либо конфессиональных или сословных ограничений документ не предусматривал.

Последствия подобного подхода очень быстро ощутили на себе татарские торговые люди. 22 ноября 1776 г. состоялся указ Сената «О дозволении мещеряцким и башкирским старшинам и прочим татарам производить торговые промыслы» [ПСЗ–I, т.20, №14540]. Указ преследовал цель поощрить группу мусульман Волго-Уральского региона, особо отличившихся при подавлении пугачевского восстания. Предусматривались разные формы награждения: офицерскими чинами, деньгами, золотыми и серебряными медалями, пожалование сукном и саблями, разрешение на переселение из губернии в губернию и из уезда в уезд, исключение из подушного оклада. Особому рассмотрению подверглись торговые права, на которые претендовали отличившиеся. Просьбы были различные, и потому представляется целесообразным привести их полный перечень: «о торговании во всей России товарами», о «дозволении торговать во всех российских городах», «о дозволении... производить в России торговый промысел», «о дозволении произ-

водить торговый промысел», «о дозволении беспрепятственно производить торговый промысел», «беспрепятственно иметь торговый промысел, также продавать товар мелочной в Уфимской провинции, «о позволении как ему..., так и брату его... и потомкам их торговать», «о позволении... производить в Казани купеческой торг», «о дозволении... иметь во всей России торговый промысел... исключая при том по купечеству от всякаго наряда», «о дозволении пользоваться торговым промыслом, без отправления при том всякой по купечеству службы».

Характер пожеланий, содержащихся в указе 1776 г., свидетельствует о неоднозначной ситуации в татарской торговле на момент его издания, а также о разном уровне притязаний отдельных групп татарского населения. Часть татарских торговых людей добивалась у власти достаточно аморфного права «производить торговый промысел», другие настаивали на «беспрепятственном» производстве торговли. Притязания одних распространялись на территорию всей России, для других было достаточно одной Казани. Пределом мечтаний служивых татар Казанского уезда была свободная торговля «без отправления при том всякой по купечеству службы», т.е. предоставление им тех прав, которыми с XVII в. пользовались татары Старой и Новой татарских слобод г. Казани.

При всей разнородности просьб, в совокупности они свидетельствуют о том, что к середине 1770-х гг. возможности татарского населения для занятия торговым промыслом были ограничены. Законодательные акты, направленные на либерализацию торговой деятельности, практически не затронули основную массу татар. Вместе с тем в указе 1776 г. можно обнаружить ростки новых экономических реалий. В частности, челябинский татарин Якуб Акбиев просил власти «о причислении сыновей его к купечеству», мещерякский старшина Салтанмрат Янышев и его помощник Бахтияр Янышев – о позволении построить кожевенный и сальный заводы, казанский служилый татарин и фабрикант Ибрай Юсупов – «беспрепятственно употреблять в разные продажи товар с его фабрики» [ПСЗ–1, т.20, №14540].

Вышесказанное позволяет скорректировать сложившееся мнение о том, что Указ от 22 ноября 1776 г. предоставил татарам право заниматься предпринимательской деятельностью. В действительности, это право было декларировано предшествующими законодательными актами Екатерины II, и наиболее предприимчивые люди им воспользовались, обзавелись заводами. Значение указа 1776 г. заключается в том, что он продемонстрировал татарскому населению приверженность государства единым правилам ведения коммерции. Татарам позволялось производить свободную торговлю в государстве, но на основаниях, установленных общими законами, т.е. они должны были записаться в купечество, объявить капитал и исполнять все возложенные на это сословие обязанности. Таким образом, экономический принцип был поставлен выше сословного, религиозного и прочих принципов. Государство определило четкие правила. Если у человека имелся капитал, достаточный для записи в купечество, он мог свободно войти в данную корпорацию и пользоваться всеми предоставленными ей правами и возможностями. При недостаточности капитала имелась возможность его скопить, занимаясь торговлей на условиях, предусмотренных законодательством для мещан и крестьян.

Указ от 22 ноября 1776 г. определил вектор развития у татар предпринимательской деятельности. Они стали активно записываться в купеческое сословие. В 1792 г. в Сеитовой слободе (др. назв. – Каргалинская слобода, Каргала) под Оренбургом – крупнейшем центре татарской торговли, насчитывалось 1820 душ купцов, 168 мещан и 686 крестьян [ПСЗ–1, т.23, №17050]. По данным 1796 г., в Казани проживало 595 татарских купцов [История Казани, 1988, с.126]. Подобная концентрация торговых людей обусловила появление у татар органов самоуправления. Именным указом от 7 ноября 1784 г. Сеитову слободу преобразовали в посад, здесь была создана Ратуша [ПСЗ–1, т.22, №16089]. Аналогичный орган самоуправления появился в 1781 г. у жителей Старой и Новой татарских слобод г. Казани [Измайлов, 2010, с.88]. К концу XVIII столетия Казанская татарская ратуша доби-

лась права записывать в купечество подведомственное ей татарское население без резолюции казанского губернатора, как это требовалось прежде.

21 апреля 1785 г. Екатерина II подписала «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» (в литературе более известна как Жалованная грамота городам 1785 г.), в которой детально регламентировались права и обязанности различных категорий населения, извлекающих доходы из торговой деятельности [ПСЗ–1, т.22, №16187]. Документ открывал широкие возможности для татарских торговых людей. К примеру, купцы 1-й гильдии, объявившие капитал от 10 до 50 тыс. рублей, имели право торговать оптом и в розницу по всей территории Российской империи и за ее пределами, заводить фабрики, заводы и морские суда; купцы 2-й гильдии с капиталом от 5 до 10 тыс. рублей могли торговать оптом и в розницу в городах и на ярмарках на территории всего государства, заводить фабрики, заводы и речные суда; купцам 3-й гильдии с капиталом от 1 до 5 тыс. рублей разрешалась мелочная торговля в городах и уездах, а также дозволялось «иметь станы, производить рукоделия и иметь и содержать малые речные суда». Статья 138 провозглашала, что «не запрещается никому записаться в посад города». Государственные крестьяне, записавшиеся в посад, имели право «заводить станы всякого рода, и на них производить всякого рода рукоделие... содержать и иметь трактиры, герберги, торговые бани, харчевни и постоялые дворы, иметь в доме, где сам живет, лавку с собственным рукоделием или с мелочию... вступать в казенные подряды и откупы... продавать плоды, овощи и иные всякие мелочи».

Следует отметить, что Жалованная грамота городам 1785 г. законодательно закрепила уже в основном существующие права торговых людей разных сословий. Об этом свидетельствует сенатский указ от 30 сентября 1785 г., определявший порядок записи в Казанской казенной палате разных категорий городских обывателей [ПСЗ–1, т.22, №16269]. Среди купцов и мещан, учтенных в городских окладных ведомостях, 539 человек прежде принадлежали к крестьянскому сословию, из них 510 человек были при-

числены к городскому обществу до ревизии 1782 г. В числе бывших крестьян, закрепившихся в Казани, упоминаются и татары.

Таким образом, во второй половине 1770–первой половине 1780-х гг. были приняты основополагающие законодательные акты, на десятилетия определившие развитие внутренней и внешней торговли в Российском государстве. Они объективно способствовали повышению предпринимательской активности татарского населения, поскольку не содержали ограничений по религиозному или этническому признаку. В указах 1780-х гг. неоднократно подчеркивалось, что «исповедание торгующих не долженствует служить поводом ни к какому различию» [ПСЗ–1, т.21, №15462, 15625]. Для татарского общества это было крайне важно и в немалой степени способствовало повышению личного авторитета Екатерины II. Кроме того, либеральное экономическое законодательство стимулировало безболезненное включение нарождающейся татарской буржуазии в русскую государственную систему.

Законодательная деятельность правительства в последней трети XVIII в. в отношении татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья не исчерпывается вышеназванными сюжетами. Она была чрезвычайно многогранной и насыщенной. Многие правовые вопросы, требовавшие неотложного решения, достались императрице в наследство от предшественников. Так, при Екатерине II была завершена работа, начатая при императрице Елизавете Петровне, по правовому обеспечению процесса размежевания земель. Неимоверное количество дел по межевым спорам, тянувшимся нередко десятилетиями, к середине XVIII столетия заполонило российские судебные инстанции и заставило верховную власть вплотную заняться этой проблемой. В 1765–1766 гг. появилась целая серия законодательных актов, призванных узаконить исторически сложившиеся границы частных и казенных владений, а также обеспечить детальное картографическое изучение страны «для получения к надлежащему государственному сведению о всех в государстве нашем состоящих землях и их ситуациях...» [(ПСЗ–I, т.17, №12474, с.329–339; №12570, с.560–580; №12659, с.716–794)].

Землевладению нерусских народов Среднего Поволжья посвящена отдельная XXII глава «О иноверческих землях низовых городов» в «Инструкции межевым губернным канцеляриям» от 22 мая 1766 г. Она включает в себя 15 статей, содержание которых свидетельствует о влиянии либеральных представлений Екатерины II и на земельное законодательство. В статье 1 едва ли впервые в российской законодательной практике был продекларирован единый подход государства ко всем землевладельцам и землепользователям в империи независимо от этнической принадлежности: «1. Состоящие за мурзами и татарами, за мордвою, чувашею, черемисою и за другими иноверцами земли, утверждать по писцовым и межевым книгам и по дачам к их селениям, на таком же точно основании, как о всех принадлежащих к селениям землях положено...» [ПСЗ–1, т.17, №12659]. Для выполнения данного распоряжения, а также защиты нерусских народов от злоупотреблений «смежных с ними владельцев, корыстолюбивых и алчных к несправедливому получению себе земель», кроме землемеров, к участию в процессе межевания определялись специальные офицеры. Подобные декларации и практические шаги в отношении нерусского населения вполне отвечали основополагающим принципам внутренней политики Екатерины II, ориентированной на стабильность государства и учет интересов населяющих его народов.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Инструкции 1766 г. был фактически отменен запрет на продажу русским поме-

щикам земель, принадлежавших некрещеным татарам. Он был прописан Соборным уложением 1649 г. [ПСЗ–1, т.1, №1, с.80–81] и до середины 1750-х гг. неоднократно подтверждался законодателями (последний раз он встречается в «Инструкции межевщикам» 13 мая 1754 г. [там же, т.14, №10237, с.136]). Вряд ли данное решение являлось уступкой русским помещикам. Скорее, это логическое следствие провозглашения принципа равенства землевладельческих прав. В такой ситуации татары не только что-то приобретали, но и что-то неизбежно теряли.

Еще одним заметным направлением законодательной деятельности Екатерины II являлось регулирование вопросов, связанных с исполнением служилыми мурзами и татарами повинности по заготовке и вывозке корабельных лесов для нужд Адмиралтейства.

В заключение обзора законодательной политики последней трети XVIII в. отметим, что это столетие дало России двух монархов, деятельность которых внесла существенные изменения в жизнь страны, оказала влияние на ее международное положение. Император Петр I ввел Россию в круг европейских держав, «европеизировал» ее (правда, варварскими методами). Императрица Екатерина II тоже была великим реформатором. Но если Петр I строил новую Россию, то Екатерина II Россию благоустроивала. Зримые следы этого благоустройства мы обнаруживаем в ее законодательной политике по отношению к татарам Среднего Поволжья и Приуралья.

ГЛАВА 4

Социальный состав татарского общества

§1. Татарское крестьянство

Искандер Гилязов

Татарские крестьяне в XVIII в. уже, собственно, не были платящими ясак как форму натурального обложения. После присоединения Казанского ханства к Российскому государству ранее платившие ясак крестьяне были оставлены на положении ясачных людей, в XVI–XVII вв. ясак как повинность претерпел определенную эволюцию – он был не только государственным налогом, но и единицей обложения, феодальной рентой, взимавшейся деньгами и хлебом с площади обрабатываемой земли [Айплатов, 1975, с.95–111; Сафаргалиев, 1956, с.119–127; Чернышев, 1963, с.179]. Крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья в XVI–XVIII вв. не только платили ясак, их заставляли отправлять и другие повинности, которые составлялись из ямских, подводных, полоняничных и других сборов [Дмитриев, 1956, с.113, 115].

В 1724 г. для ясачных людей края было введено подушное обложение, т.е. фактически они перестали уже быть ясачными, но в XVIII в. и даже вплоть до второй четверти XIX в. их продолжали так именовать. Это название сохраняется чисто традиционно, формально. В реальной же жизни по хозяйственному положению и общественным отношениям они мало чем отличались от государственных крестьян русского происхождения.

Социально-правовое положение ясачных татарских крестьян получило юридическое оформление в начале XVIII в. Законодательно татарские крестьяне мало чем отличались от прочих государственных крестьян – держателей казенной земли, обязанных выплачивать подушную подать и оброк. Государство для них являлось верховным собственником земли, оно наделяло общины ясачных крестьян земельными участками

ми, которые в свою очередь распределялись между крестьянами.

Именно по петровским указам 1719–1724 гг. служилые и ясачные татары стали составной частью сословия государственных крестьян, но указы эти, по мнению Н.М.Дружинина, не внесли в их положение никакого принципиального изменения: «они санкционировали, уточнили и еще более усилили феодальную зависимость этих прослоек земледельческого населения от всемогущей власти дворянского государства» [Дружинин, 1946, с.30].

Обратимся к конкретным правам и обязанностям татарских государственных крестьян, выделяя при этом общее для всего сословия и частное в законодательстве о крестьянах-татарах.

Основными правами, которыми по предположению законов обладали государственные крестьяне, в том числе и татарского происхождения, было право на владение землей, использование ее в своих хозяйственных нуждах, право на торговлю и право передвижения. Понятно, что все эти законодательные права, в особенности право на землю, претерпели на протяжении времени значительную эволюцию. Учтем также, что земельные владения государственных крестьян считались собственностью казны, но «право собственности казны на земельные участки, занятые государственными крестьянами, не имело той прочной экономической основы и той безусловной юридической силы, какие получило право земельной собственности частных вотчинников» [там же]. Отсюда и те многочисленные сделки государственных крестьян, в том числе и татарских, о купле-продаже, аренде земли на протяжении всего XVIII в. Специфической особенностью права распоряжаться землей для всего татарско-

го населения Поволжья было то, что законодательно строго запрещалось совершать торговые сделки о земле между некрещеными татарами-землевладельцами и русскими. Это, например, достаточно отчетливо звучит в Сената указе от 30 марта 1761 г. «О дозволении купли-продажи земель только крещеным инородцам с русскими владельцами» [ПСЗ–1, т.16, №11231]. Закон предписывал землевладельцам-татарам, чтобы они «русским помещикам и вотчинникам земель своих ни под каким предлогом не продавали». Подобный запрет встречается в Инструкции землемерам к Генеральному межеванию, подписанной 13 февраля 1765 г. [там же, т.17, №12570]. И хотя законы предусматривали ряд мер во избежание подложных продаж земли ясачными и служилыми татарами русским владельцам (в первую очередь, через новокрещен татарского происхождения): чтобы продающие земли новокрещены лично являлись в конторы крепостных дел для составления купчих, причем с аттестатами, подтверждающими принятие ими христианства, подобные подлоги были распространены. Так, например, в тексте указа 1761 г. отмечен факт купли земли у татарских крестьян Казанской и Нижегородской губерний помещиками Приклонскими. Точно также в обход законов совершили сделку помещик И.Страхов и ясачные татарские крестьяне д. Бикеево Свияжского уезда в 1765 г. [РГАДА, ф.1312, оп.2, д.723, л.1об.]. Этот же землевладелец в 1786 г. приобрел угодыя у новокрещенных татар д. Большие Буртасы, ранее купленные ими у служилого татарина той же деревни Сагита Мансурова [там же, д.725, л.38].

Примерно так же вольно обходились ясачные крестьяне и с законами о ведении торговли или о передвижении по территории империи.

Развитие товарно-денежных отношений, все более активное включение крестьянства в торговлю вели к усилению стремления этого класса к большей свободе передвижения по территории империи, поэтому в XVIII в. довольно часто имел место отход – для торговли, привоза соли, хлеба, других продуктов, для выполнения работ по найму, отход как форма долговой кабалы, а также отход как смена места жительства.

Все государственные крестьяне России, в отличие, например, от помещичьих крестьян, пользовались известной свободой передвижения для удовлетворения своих хозяйственных нужд. Подобный отход мог официально оформляться в местных органах власти, отходнику выдавались проездные документы, так называемые «паспорта» [НА РТ, ф.19, оп.1, д.205, л.4–5]. С паспортами татарские крестьяне уходили в соседние губернии, уезды или поселения, нанимались на различную работу, торговали. О таких фактах достаточно сведений содержится в источниках.

Принятая система отхода на заработки с паспортами не всегда устраивала крестьян, и иногда они отправлялись в разные районы, не имея на руках каких-либо официальных позволений. Так поступили в 1787 г. 43 крещеных и некрещеных ясачных татарина д. Кабан Бастрык Мензелинского уезда. На них за два с половиной года накопилась недоимка в размере 324 руб. 56 коп., и когда сборщики явились в деревню для взыскания денег, на месте оказалось лишь 5 человек из 43, остальные с целью заработка самовольно отправились «в отлучку»: 7 человек нанялись на работы в Каргалинской (Сеитовой) слободе под Оренбургом, 1 – в г. Оренбурге, 2 – в разных деревнях Бугульминского уезда, 3 – работали на заводах, об остальных сборщики не выяснили ничего [НАРТ, ф.1241, оп.2, д.1, л.317об.].

Отправляясь по своим хозяйственным нуждам в близлежащие селения, крестьяне и не брали никаких документов: например, в ходе решения судебного дела между русскими ясачными крестьянами д. Тимбаево и татарскими крестьянами д. Четкас Симбирского уезда в 1766–1767 гг. потребовалось выяснить, где находились жители в определенный день – 18 июня 1766 г. Многочисленные свидетельские показания, подтвержденные подписями самих крестьян, позволили выяснить, что один татарский крестьянин находился в д. Малой Челне на мельнице, другой – у абыза д. Сорока Сайдак на плотницкой работе, третий – ездил для покупки соли в д. Утеево, несколько крестьян были в д. Верхний Четкас в кузнице для исправления сошников и прочих металлических орудий, двое – рубили сруб в д. Долгий Ост-

ров [РГАДА, ф.443, оп.2, д.163, л.1, 4, 4об., 7, 7об.]. Если бы крестьяне в каждом отдельном случае выписывали себе «паспорт», то для выяснения обстоятельств дела можно было бы только представить в суд эти документы.

Для XVIII в. характерны многочисленные переходы татарского крестьянства из Среднего Поволжья в Приуралье, в Башкирию и Оренбургский край. Такие переселения также можно рассматривать как отход – отход на новые места жительства для обеспечения себе лучших условий ведения хозяйственной жизни, ибо в Приуралье в то время было еще достаточно плодородных земель, иногда пустующих, которых в Поволжье становилось все меньше и меньше [Рубинштейн, 1957, с.21].

Переселения создавали для властей неудобства при взимании податей, это непосредственно всегда оговаривается в текстах соответствующих законов. Часто, уходя из Казанской губернии, крестьяне жили в Оренбургской без платежа податей, за них были вынуждены расплачиваться их бывшие односельчане. Бывало и так, что подати собирались дважды – за выехавших платили односельчане, и сами они уже платили на новых местах. Все это объясняет постоянное внимание закона к миграционным процессам. В 1761, 1765, 1768 гг. появились законы о переселенцах различных национальностей, перешедших на жительство из Казанской в Оренбургскую губернию [ПСЗ–1, т.15, №11214; т.17, №12437; т.18, №13126]. Предписывалось строго наказывать самовольно перешедших крестьян, возвращать их на прежние места жительства (кроме тех, кто по III ревизии был уже записан на новых местах). Последних, понятно, не освобождали от платежа податей и от рекрутской повинности. Тем не менее, переселения продолжались.

В 1762 г. законодательно вновь было подтверждено запрещение самовольного перехода крестьян из губернии в губернию [там же, т.21, №15497]. В этом году значились переселенными только из Симбирского уезда в Оренбургскую губернию 747 человек ясачных крестьян, новокрещен, ясачных и служилых татар, причем 94 человека проживали без платежа податей. Переселялись целыми деревнями; жители трех

деревень Симбирского уезда (Старый Тукшум, Осиновка и Белый Гремячий Ключ) в количестве 207 человек все ушли на новые земли. В этом же году администрация была вынуждена исключить из подушного оклада в Казанской губернии 2 730 человек в связи с переходом их на жительство в Оренбургскую губернию.

Все сказанное свидетельствует о том, что во XVIII столетии, особенно в его второй половине, настойчивый поиск крестьянами большей свободы хозяйственной деятельности вел их на восток для освоения новых земель. Этому в большой степени способствовало и усиление феодальной эксплуатации государственного крестьянства в Среднем Поволжье, как и во всей России. В конце концов законодательство было вынуждено считаться с происходящими в жизни явлениями. Ясно видно, что тексты законов часто, закрепляя переселившихся крестьян-хозяев на новых местах, лишь формально повторяют предписание о запрете впредь подобных переселений государственных крестьян, в том числе и ясачных и служилых татар, т.е. только фиксируют уже сложившуюся реальную ситуацию.

Несмотря на то, что закон иногда делал определенные послабления крестьянству при рассмотрении вопросов переселения, других конкретных явлений жизни, в XVIII в. наблюдается явное усиление феодальной эксплуатации трудящегося населения всего государства. Это проявляется и при рассмотрении повинностей государственного татарского крестьянства.

Подушная податная система, принятая при Петре I, не претерпела принципиально значимых изменений в течение XVIII в. Изменилась только количественная сторона налогового обложения, причем особенно во второй половине столетия. По данным 1782 г., государственные налоги и сборы состояли из 52 окладных и 65 неокладных налогов и сборов (подушные, питейные, соляные, канцелярские, доходы с казенных имуществ, земель, мельниц и т.п.) [Жоняев, 1959, с.41, 42; Чечулин, 1906, с.255–257]. Причем неокладные сборы также были весьма значительны: например, в Казанской губернии в 1785 г. собиралось окладных сборов 1 197 108 руб. 75 коп., неокладных

и оброчных – 373 455 руб. 25 коп. [РГВИА, ф.ВУА, д.18743, л.3об.].

Ясачные и служилые татары упоминаются во всех законах, посвященных увеличению податей с государственного крестьянства страны.

Ясачные татары, как и все государственных крестьяне, платили по предписанию Платката 1724 г. подушную подать в размере семи гривен и четырехгривенный оброк, что составляло 1 руб. 10 коп. с души мужского пола в год. Этот сбор был увеличен в 1760 г. до 1 руб.70 коп., в 1768 г. – до 2 руб. 70 коп., во второй половине 1783 г. до 3 руб. 70 коп. с души м.п. [ПСЗ–1, т.7, №4533; т.15, №11120; т.18, №13194; т.21, №15723]. Отметим, что после III ревизии до 1768 г. со служилых татар собиралось меньше подати, чем с ясачных – по 1 руб. 10 коп. с души м.п., что составляло по Казанской провинции, например, с 34 206 душ м.п. 37 620 руб. [РГАДА, ф.Госархив XVI, д.720, л.23об.]. Однако уже указом 1768 г. сборы со служилого татарского населения стали одинаковыми со сборами с ясачных. В 1794 г. в связи с нуждами армии сверх платимых подушных денег с государственных крестьян стали взыскивать и некоторые натуральные сборы: по одному гарнцу крупы и по одному четверику ржи с души м.п. [ПСЗ–1, т.23, № №17222].

Точные цифры о количестве податного населения и платимых им государственных податей определялись во время общероссийских ревизий. Итоги этих подсчетов фиксировались в обобщающих документах по губерниям. Из них, например, следует, что в 1767 г. (после III ревизии) с 34 657 душ м. п. ясачных татар Казанской провинции взыскивалось 58 916 руб. 90 коп. [РГАДА, ф.Госархив XVI, д.720, л.23об.], в 1783 г. (после IV ревизии) – с 39 611 душ м.п. ясачных – 106 949 руб. 70 коп. плюс накладных по 2 коп. с рубля 1346 руб. 77 коп. с половиной. Причем во 2-ой половине 1783 г. по указу от 3 мая 1783 г. с государственных крестьян стали собирать по 3 руб. 70 коп. с души что надбавило на ясачных татар в том же году еще 19 809 руб. 50 коп. податей. Если представить, что количество ясачных татарских жителей губернии по IV ревизии одинаково с населением Казанской

провинции по III ревизии, то заметим, что 34 657 душ м.п. к 1783 г. уже платили бы 93 573 руб. 90 коп. податей.

Итак, мы видим, что во второй половине XVIII в. наблюдается резкое увеличение податного обложения с государственных крестьян страны, в том числе и татар, и это, в свою очередь, является свидетельством усиления феодальной эксплуатации трудящихся масс со стороны государства.

Хотя законодательно четко было зафиксировано и количество податного населения и цифры собираемых податей, на местах часто происходило так, что из-за злоупотреблений властей или непосредственных сборщиков (в татарских деревнях – старост, сотников или старшин), из-за хозяйственной несостоятельности отдельных групп татарского населения сборы податей задерживались, на крестьянах накапливалась недоимка, что ухудшало их экономическое положение и еще более увеличивало суммы сборов в отдельные годы. Об этом свидетельствуют источники. В 1763 г. жители деревень Шигаево, Елтимирово, Аняково и Козеево Казанского уезда подали жалобу на своего сотника Ягофера Мурзакаева в том, что он постоянно собирал с них лишние деньги якобы для различных «мирских надобностей» [там же, ф.529, оп.1, д.1725, л.1, 3]. Подобное доношение в 1767 г. подали старосты татарских и чувашских деревень Свияжского уезда. Они сообщали о поведении волостного сотника новокрещена Андрея Михайлова: собранные с жителей оброчные деньги он до сих пор не сдал в казну, он насильно собирал с крестьян по копейке с каждого сверх податных денег под предлогом, что на них имеется какая-то казенная недоимка. Поэтому старосты просили «отрешить» А.Михайлова от должности, а на его место назначить ясачного татарина Ишмета Иштудина [РГАДА, ф.441, оп.1, д.428, л.217].

Недоимки накапливались на крестьянах за многие годы, с местных властей постоянно требовались цифры о количестве таких недоимок. Приведем только один пример, хотя в источниках можно их обнаружить десятки.

К 1787 г. на ясачных татарах деревень Сарманаево, Мустафино, Юзеево, Дюс-

метево и семи других селений Уфимской губернии накопилась недоимка 5 767 руб. 17 коп. (на 1167 душах м.п.) [СПб. ФИРИ, ф.36, оп.1, д.495, л.187–191]. Причем семь жителей д. Мустафино не заплатили податей за семь лет, а некоторые новокрещенные ясачные татары д. Бугульчан – за восемь лет (с 1776 г.), что прямо отражает их экономическое положение.

Специфической особенностью для всего татарского населения при сборе податей было то, что некрещенные крестьяне были вынуждены платить подати за своих крестившихся односельчан, которые на определенный срок освобождались от этой повинности [ПСЗ–1, т.16, №12126]. Это, понятно, увеличивало платежи и недоимки татарского крестьянства, и, например, в 1755 г. в Казанской провинции таких недоимочных денег насчитывалось 29 998 руб. 30 коп. [РГАДА, ф.407, оп.1, д.695, л.17]. Кроме того, подати со всех крестьян собирались за умерших, ибо сборы проводились с числа населения, зафиксированного в ревизских сказках.

Помимо указанных выше сборов со всего татарского крестьянства, как и с прочих государственных крестьян, собирались налоги за содержание хмелевых угодий, бортных ухажав, мельниц, рыбных ловель. С 1768 г. за содержание мельниц стали взysкивать одну десятую часть приносимого ими годового дохода.

Как и на все крестьянство страны, на ясачных и служилых татар распространялась рекрутская повинность. Представителей народов Поволжья, в частности, татар, марийцев, мордву, стали брать в рекруты с 1722 г. [Бескровный, 1958, с.28], во второй половине XVIII в., когда был установлен 25-летний срок службы для солдат и матросов, эта повинность распространялась и на них со всей строгостью.

Набор рекрутов со служилых и ясачных татар в XVIII в. производился как и во всем государстве по единому принципу: по одному рекруту с полным обмундированием и лошастью с определенного числа душ мужского пола.

Например, во второй половине XVIII в. было проведено 33 общегосударственных набора в рекруты. Набиралось разное коли-

чество в связи с международной обстановкой и внутренним положением в стране: во время Крестьянской войны 1773–1775 гг. наборы вообще не проводились, да и после подавления выступлений крестьянства в 1776–1781 гг. они уменьшились – призывался один рекрут от 500 душ м.п., положенных в оклад, тогда как в 50-е гг. брался один рекрут от 100, 135, 116, 128 душ м.п. [там же, с.37, 294–297].

При наборе крестьянства в рекруты составлялись документы, в которых фиксировалось количество собираемых людей, а также сумма собираемых с оставшихся жителей денег. Так, например, в 1782 г. в Мензелинском уезде проживало 16 203 души м.п. всех ясачных крестьян, 1 585 душ м.п. служилых татар – с первых надлежало набрать по одному рекруту от 500 душ с 16 000 человек, со служилых – 3 с 1500 человек. Оставалось не вошедших в число засчитанных в набор 203 души ясачных крестьян и 85 душ служилых татар. С этих оставшихся жителей собирались так называемые складочные рекрутские деньги по 24 коп. с души, итого с ясачных крестьян 48 руб. 72 коп., со служилых – 20 руб. 40 коп. [НАРТ, ф.1241, оп.2, д.90, л.19].

Рекрутская повинность тяжелым бременем ложилась на плечи крестьянства, ибо забирались в солдаты молодые мужчины, наиболее трудоспособные работники. О трудностях в связи с выполнением этой повинности говорят источники – прошения татарского крестьянства о замене рекрутчины платежом денег в казну, документы о злоупотреблениях при наборе, о записи в рекруты подставных лиц.

В 1747 г. татарские крестьяне д. Кадымово Казанского уезда по договоренности с ясачным татаринцом д. Бузаево Сюнчилеем Давыдовым, заплатив ему 50 руб., зачислили его сына Уруша в рекрутский набор в своей деревне [РГАДА, ф.441, оп.1, д.441, л.1, 3]. В 1799 г. ясачные татары д. Тюбы Мензелинского уезда, также при условии уплаты денег, забрали у мензелинского купца И.Ф.Краснова его работника Бикмамета Дусметова для отдачи его в рекруты за их деревню [НАРТ, ф.1241, оп.1, д.143, л.182].

Сбор рекрутов в государстве производился со всего податного населения, но

часто власти давали послабления отдельным группам населения, заменяя для них поставку рекрутов денежными платежами в казну, поэтому ежегодно норма набора в рекруты во всей стране не выполнялась на 5–10% [Бескровный, 1958, с.298]. Такие группы были и среди татарского населения. Например, в 1759 г. о замене рекрутской повинности денежным сбором просили татарские крестьяне трех деревень Кунгурского уезда Казанской губернии, мотивируя это тем, что с 1723 г. они своими силами поставляют медную руду на казенные металлургические заводы (в общей сложности с 1723 г. по 1747 г. они поставили 1 252 800 пудов руды). Учитывая факт выполнения крестьянами важных работ, в марте 1760 г. власти удовлетворили их просьбу и позволили им вместо одного положенного с них рекрута выплатить в казну 100 рублей денег [РГАДА, ф.439, оп.1, д.139, л.1, 4, 7 об.].

Крестьяне постоянно искали пути для того, чтобы избежать рекрутчины, солдатской службы, даже те из них, которые уже долго служили в армии. Такое дело, например, рассматривалось в Санкт-Петербургском гарнизонном полку в 1763–1764 гг. по прошению солдат из ясачных татар Казанской губернии Мухамета Сапарова, Бикбая Куглина, Ишея Абдурахманова и Ибрая Алеева. Каждый из них уже прослужил по 16–17 (!) лет, но все эти солдаты выразили желание стать облащиками (служителями) в Казанской Адмиралтейской конторе. Гарнизонные власти, согласовав этот вопрос с Адмиралтейской коллегией, выяснили, что действительно требуются люди для выполнения этих работ в Казани, что было бы весьма желательно, чтобы облащиками стали бывшие солдаты. Прошения ясачных татар были удовлетворены, они освобождались от одной службы и направлялись в Казань для исполнения другой [РГА ВМФ, ф.212, оп. 1764 г., д.28, л.28–32]. Заметим, что в данном случае практически изменилась лишь форма несения повинности.

Для многих татарских крестьян способом облегчить свое положение, в том числе освободиться от рекрутской повинности, было принятие христианства. Во 2-й половине XVIII в. рекрутская повинность довольно своеобразно распространялась на

принявших христианство представителей народов Поволжья. Это прослеживается, например, по законодательству.

В 1756 г., с целью не возбуждать недовольства некрещеных жителей, издается указ, в котором предписывается не брать с них рекрутов за крестившихся односельчан [ПСЗ–1, т.14, №10666].

В 1760 г. представители ряда новокрещенских деревень Ногайской, Арской, Зюрейской дорог Казанского уезда обратились в Сенат с челобитной об освобождении их от рекрутской повинности, как и было предписано для вновь крестившихся по законам. Сенат отклонил просьбу крестьян, мотивируя отказ тем, что указанные новокрещены крестились давно и записаны в последнюю перепись русскими именами, и их уже новокрещенцами «почитать не должно», предложив в будущем брать с них людей в рекруты как и с прочих государственных крестьян. Крестившиеся же недавно, а также те, кто будет креститься впредь, освобождались от рекрутского набора вовсе, а на три года, от уплаты всех податей [ПСЗ–1, т.15, №11099].

В 1764 г. последний указ был несколько уточнен [там же, т.16, №12126]. Теперь вновь крестившиеся представители народов Поволжья получали освобождение на три года от уплаты всех податей, но от поставки рекрутов они были свободны лишь в следующие три рекрутских набора.

Использование существующего законодательства об освобождении крестившихся от рекрутчины наблюдается на конкретных примерах.

Так, в 1747 г., когда в рекруты были взяты жители деревень Янбухтино, Малые Чирки Свияжского уезда, они начали службу, а затем приняли христианство, поэтому формально должны были быть освобождены от исполнения рекрутской повинности на определенный срок. В таком случае вновь собирались рекруты с их односельчан, и получалось, таким образом, что с одной деревни в набор собиралось по шести человек и более. Подобная практика была пресечена после подачи многочисленных челобитных со стороны населения – теперь крестившиеся уже во время службы не освобождались от нее, и не собирались рекруты вторично

с их односельчан [РГА ВМФ, ф.212, оп. Указы Отд. II, д.17, л.78–82].

Тесно связан с вопросом о рекрутах и солдатских постой, от которого ясачные татары, как и все государственные крестьяне, не были свободны весь изучаемый период. Полки расквартировывались в их домах, с них требовались подводы, фураж для прокорма лошадей, крестьяне часто были вынуждены быть проводниками для солдатских команд.

Говоря о ясачном татарском крестьянстве, необходимо остановиться и на управлении им. В татарских поселениях существовала общая административная система государственной деревни [Дружинин, 1946, с.52–56]. Крестьяне находились под непосредственным ведомством губернских, провинциальных и воеводских канцелярий. На местах делами ведали старшины, старосты, сотники, десятники и выборные. Поскольку в XVIII в. относительные размеры татарских поселений были невелики: большинство из них состояло менее чем из 50 дворов, и по закону в населенных пунктах государственных крестьян с числом дворов от 200 до 500 местное управление составляли старшина, староста, два выборных и сборщик податей, от 50 до 200 – старшина, староста, выборный и сборщик податей, от 15 до 50 – староста, поселения менее чем с 15 дворами находились под управлением должностных лиц из более крупных деревень, но в них были десятники. Таким образом, основными представителями власти в большинстве татарских деревень были старосты, которые выбирались раз в три года самими крестьянами с последующим утверждением их в должности в уездном городе, а выборные и сборщики податей сменялись ежегодно [ПСЗ–1, т.22, №16603]. Как заметил И.И.Лепехин, проезжавший в 1768–1769 гг. через многие татарские селения Среднего Поволжья, круг полномочий старост и десятников был не слишком велик: «отправление надобностей проезжающим, собирать общий совет, подушные деньги, решать неважные споры» [Лепехин, 1771, с.140]. Старшины и сотники выбирались из местного населения также каждые три года, были они не в каждой деревне и пользовались большей властью: они могли ходатайствовать за сво-

их односельчан в присутственных местах, отвозить подушные деньги, отдавать крестьян в рекруты. Причем жители деревень платили за них миром подушные деньги, оказывали помощь при ведении земледельческих работ, представляли им в случае надобности подводы [там же].

Отметим в заключение и некоторые личные права татарских крестьян: они могли привлекаться в качестве мелких должностных лиц в уездные и волостные органы власти, например, в нижние земские суды, уездные суды, где принимали участие в решении различных дел. Кроме того, они имели право обращаться со своими жалобами в разные инстанции, что особенно ярко проявилось в составлении наказов татарскими государственными крестьянами в Уложенную комиссию 1767 г. [Сб.РиО, т.115, с.304–328, 330–344, 358–354, 371–379, 393–406]. Наказы эти характеризуют как хозяйственное, так и правовое положение этой категории населения [Артамонова, 1981, с.80–85].

Таким образом, можно сказать, что ясачные татарские крестьяне в XVIII в. являлись органичной составной частью категории государственного крестьянства России. На них в полной мере распространялись законы, которые регламентировали жизнь категории в целом, определяли формы и нормы повинностей, указывали их права и обязанности. Рассматривая законодательство XVIII в., его преломление в реальной, конкретной жизни, можно убедиться, что в это время было юридически оформлено увеличение повинностей, ухудшение положения всего крестьянства, в том числе и татарского. Время не оставляло крестьян вне эксплуатации, поэтому в изучаемый период налицо стремление крестьян к большей свободе хозяйственной деятельности. Государство же в интересах освоения новых земель, развития торговли и промыслов, несения оборонной службы часто шло на известные послабления, не столь строго требуя соблюдения буквы закона. Мы видим, что в отдельные периоды времени наблюдается наступление конкретных жизненных факторов на закон, и нередко им оформляется уже существующая практика жизни (в особенности, например, в вопросах о купле-продаже земель крестьянами, в вопросе перехода

на новые места жительства). В отношении же татарского крестьянства именно как социальной категории российского общества в изучаемый период не было каких-либо исключительных мер. Специфика действия некоторых законов по отношению к татарским

крестьянам объясняется, с одной стороны, принадлежностью их к мусульманской религии, с другой – спецификой выполнения ими определенных повинностей в государстве, каковых не было у остальных государственных крестьян страны.

§2. Формирование татарского дворянского сословия

Рамиль Хайрутдинов

Последняя четверть XVIII в. характеризуется известной либерализацией позиции правительства Екатерины II по отношению к привилегированным слоям татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья. События Крестьянской войны 1773–1775 гг., необходимость поиска социальной опоры в регионе, далеко идущие внешнеполитические планы по колонизации восточных окраин государства потребовали от самодержавия смещения акцентов в национальной политике и в религиозной сфере, принятия мер по укреплению татарской феодальной верхушки.

Наиболее значимым для мусульманской части татарской феодальной знати стал указ, принятый 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» [ПСЗ–1, т.21, №15936], вышедший за год до публикации 21 апреля 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству Российской империи» [ПСЗ–1, т.22, №16187].

В «Жалованной грамоте» впервые в наиболее полном виде был сформулирован юридический, политический и социальный статус дворянского сословия, принадлежность к которому «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличавших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобретали потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены, или монаршим достоинством пожалованы».

Из законодательства о российском дворянстве выделим лишь основные положения, касающиеся принципов и порядка приобретения прав высшего состояния. Существовало три пути достижения дворян-

ства: а) монаршая милость, б) достижение чина на военной или гражданской службе, в) пожалование российского ордена.

Все дворянство подразделялось на потомственное (передававшееся по наследству) и личное (пожизненное). Потомственные дворяне могли принадлежать к одному из шести разрядов: 1) дворянству, жалованному или действительному, 2) дворянству военному, 3) дворянству, полученному путем выслуги определенного чина, или в результате награждения орденом, 4) иностранным дворянским родам, 5) титулованному дворянству, 6) древним благородным родам, доказавшим свою принадлежность к дворянству за 100 лет до издания «Жалованной грамоты».

Таким образом, лишь последние три разряда давали права высшего состояния по праву благородного происхождения. В законодательство о российском дворянстве вплоть до 1917 г. постоянно вносились изменения и дополнения, затруднявшие доступ в потомственное дворянство. Так, неизменно возрастал порог классовых чинов и орденских статуты для вхождения в дворянское сословие [Блосфельд, 1901].

Часть татарских знатных родов, перешедших в XVI–XVII вв. на службу к российским государям и возведенных ими в почетное дворянство, получили право пользования титулом «князей татарских». Они вошли в состав российского титулованного дворянства по 5 и 6 разрядам. Все титулы подразделялись по степеням на княжеские, графские, баронские. Исследователи отмечают, что титул князей татарских, так же как и калмыцких, мордовских, не обладал всеми достоинствами общего российского княжеского титула и считался стоящим после графов и баронов [Корелин, 1971, с.102].

В начале XX в. в списках департамента Герольдии числилось 34 фамилии татарских и калмыцких князей, утвержденных в этом звании определениями Правительствующего Сената в период с 1830-х гг. по 1908 г. Этим титулов были удостоены роды князей Акчуриных, Баюшевых, Девлеткильдеевых, Дивеевых, Дондук-Корсаковых, три рода Енгальчевых, Еникеевых, Кекуатовых (Кейкуатовых), Кильдишевых, Кугушевых, два рода Кудашевых, Кулунчаковых, Куткиных, Кутыевых, МаксUTOвых, МаксЮтовых, Маметовых, Маматкозиных-Сакаевых, Маминых, Мансыревых, Мустафиных, Стокасимовых, два рода Тенишевых, Ширинских-Шихматовых, Яушевых, Бегильдеевых, Ишеевых, Шахаевых. Среди наследников знатных фамилий большинство составляли уже обрусевшие татары, но в некоторых родах отдельные ветви еще сохраняли родным татарский язык, а фамилии Маматкозиных-Сакаевых и Маминых оставались мусульманским по вероисповеданию.

Не останавливаясь детально на особенностях возведения каждого из этих родов в российское жалованное дворянство, отметим, что основанием включения в 5 и 6 части родословных книг послужило документальное подтверждение княжеского достоинства.

Закон 1784 г. не носил локального характера, а был распространен на всех князей и мурз татарского происхождения, оставшихся «в магометанском законе». В преамбуле отмечалось, что между ними «находятся такие, коих предки за их верные Всероссийскому престолу службы получили от высоких предков наших жалованные грамоты на поместные дачи и другие неоспоримые доказательства, что служба и состояния их тогдашние были равные с прочими благородными».

Признав за княжескими и мурзинскими родами права на утверждение в благородном звании, указ вместе с тем установил жесткие требования к документам, подтверждающим происхождение. По букве закона необходимо было представить жалованные государственные грамоты на недвижимое имение и другие письменные документы, утверждающие благородство «с явным доказательством». Условие предъявления

«неоспоримых доказательств» впоследствии явилось причиной многочисленных отказов губернских дворянских собраний и департамента Герольдии Сената в возведении татар-мусульман в дворянское достоинство. В распорядительной части указа раскрывались механизм и последовательность рассмотрения документов. Сенат обязывался предписать генерал-губернаторам и правящим эту должность в губерниях, «где подобные князья и мурзы живут», учинить разбор свидетельств. На рассмотрение и утверждение Сената должны были быть представлены списки с доказательствами происхождения. Затем по составлению в департаменте Герольдии особого списка на утвержденных в благородном звании татар-мусульман на них распространялись привилегии дворянского сословия.

Вместе с тем, указом 1784 г. татарские князья лишались одного из самых существенных прав российского дворянства – права «покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания», составлявшего вместе с особым положением в механизме государственной власти основу политического и экономического могущества дворянского сословия [Корелин, 1979, с.23]. Естественно, что это во многом сужало для татарских князей смысл дворянского звания. Однако, на наш взгляд, неоправданно сведение значимости указа лишь к освобождению от платежа подушной подати [Ногманов, 1994, с.112]. Возведение в потомственное дворянство предоставляло ряд важных личных прав. Помимо выхода из податного сословия, освобождения от рекрутской повинности и телесных наказаний у утвержденных в звании появлялась возможность определения на государственную службу, а их дети пользовались льготами при получении образования. Велик был и моральный фактор.

Нельзя также отрицать, что среди дворян-«инородцев», формально уравненных с российскими дворянами, даже в пореформенный период было немало таких, «которые по ряду причин – в силу экономической несостоятельности, неграмотности, незнания русского языка или общего низкого культурного уровня – не могли воспользо-

ваться предоставленными им правами» [Корелин, 1979, с.48].

Еще до выхода в свет указа 1784 г. представители княжеских и мурзинских родов добивались права официального признания своего благородного происхождения. Так, в начале 1780-х гг. жители Новотатарской слободы г. Казани «из мурз служилые татары» Ибрай Асеев, Асан Ермаков, Муртаза и Исхак Салимовы дети князей Яшуевых предъявили в Казанское наместническое правление в доказательство княжеского происхождения данную их предкам великим государем и великим князем Михаилом Федоровичем жалованную грамоту. Правление 11 июля 1782 г. своим указом обязало Татарскую ратушу записать просителей в документы четвертой ревизии в княжеском звании. В июле 1795 г. они вновь обратились в Татарскую ратушу с просьбой подтвердить право на княжеское достоинство для включения их в сказки новой, пятой ревизии. 12 июля 1795 г. копия указа Казанского наместнического правления, подтвержденная печатями бургомистра Юсупа Абдулова, ратмана Амира Исхакова и подписями ратманных Мусы Якупова, Губайдуллы Рахматуллина, Галея Якупова, была переслана для исполнения выборному Новой Татарской слободы [НАРТ, ф.22, оп.2, д.830, л.1–2].

По данным пятой ревизии (1795 г.), в Казанской губернии насчитывалось 128 «из мурз князей», 1566 мурз и «из мурз служилых татар» (в том числе 57 крещеных), 18 «ясачных мурз», всего 1712 душ мужского пола [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.404, 411, 412, 419, 425, 428, 433, 441, 446, 450, 453]. По другим сведениям, в конце XVIII в. их численность составляла 1639 человек, а количество принадлежащих им крестьян и дворовых людей указывалось большим: вместо 169 – 226 ревизских душ [ОРРК НБЛ, №8231в.].

Более всего выходцев из знатных родов проживало в Чистопольском уезде – 524 души мужского пола, в Лаишевском – 519 и Казанском – 341 душа. Причем княжеские фамилии зафиксированы ревизскими документами лишь по последнему уезду. Так, семь человек из рода князей Нурушевых, по материалам Генерального межева-

ния (1793–1803) владели частью сельца Урсек Казанского уезда [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, л.465]. Оно было родовым поместьем семьи на протяжении нескольких столетий. В писцовой книге Ивана Болтина 1602–1603 гг. владельцем половины Урсека указан князь Бакшанда Нурушев. Другой половиной сельца, что «было в поместье за князем Бакшандым дедом за Урсеком, а после было за отцом ево за Нурушем, а после отца ево было за Микитою за Федором за Козлиным», в начале XVII в. владел Камай Смиленев [ПК КУ, 1978, с.116]. За Б.Нурушевым состояла и деревня, «что была пустошь Красная». Он относился к числу наиболее крупных татарских землевладельцев уезда. Ему принадлежали 237 четвертей пашенной земли, 1350 копен сена, 15 десятин леса. Денежный оклад князя составлял 20 рублей [там же, 15, 116–117].

В конце XVIII в. 121 душа мужского пола проживала в д. Кошар Казанского уезда. Эта деревня, ранее принадлежавшая князю Ивану Кадышеву, по жалованной грамоте 1600–1601 гг. была передана в вотчину его дяде князю Багишу Яшуеву. Он являлся владельцем еще двух деревень – Тамгачи и Шигай, 262 четвертей пашни, 5450 копен сена, 50 десятин леса. Вместо денежного оклада ему была пожалована волость Терся на Каме, дававшая доход в размере 12 рублей [там же, 15, 39–41, 153]. Отметим, что и Б.Нурушев «по старине» взимал ясак с марийской волости Нали Кукмор: «дорогильные пошрины» в сумме 14 рублей 55 копеек и со свадеб – «куняшную пошлину». Все эти привилегии, по мнению Е.И.Чернышова, Ш.Ф.Мухамедьярова, И.П.Ермолаева, уходили своими корнями во времена Казанского ханства.

Князья и мурзы Казанской губернии, зафиксированные ревизскими документами, были учтены в составе государственных крестьян и наравне с ними обложены подушной податью. Что же касается численности татарской феодальной знати, вошедшей в состав российского дворянства по силе указа 1784 г. и освобожденной от уплаты личных податей, то здесь существуют значительные расхождения в цифрах. Наиболее полные сведения приведены в работах И.А.Гилязова и С.Х.Алишева. По дан-

ным первого из них, в 1796 г. в Оренбургской губернии дворянские права получили 235 человек, а через год в родословные книги были внесены 4811 мурз семи губерний Центральной России [Гилязов, 1982, с.100]. С.Х.Алишев в статье, посвященной социальной эволюции служилых татар во второй половине XV–XVIII вв., отметил, что по Оренбургской губернии еще до 1796 г. дворянское звание имели мурзы Давлетшины, Бикчурины, Айтовы, Ахматовы, Кукляшевы, Куваговы, Кайсаровы и др. [Алишев, 1984, с.57].

Позднее, в своей монографии он указал, что в 1797 г. документально подтвердили и получили утверждение в дворянстве 5646 человек 177 татарских знатных фамилий. В той же книге в таблице «Социальная структура нерусских народов Среднего Поволжья в сер. XIX в.» им приведена уже иная цифра – 5700 дворян-татар [Алишев, 1990, с.115, 126].

Основными источниками для подсчета численности дворян-мусульман татарского происхождения явились два документа. В первом из них, рапорте Оренбургской казенной палаты в Правительствующий Сенат, сообщается о реализации Именного указа Павла I от 29 ноября 1796 г. об утверждении в дворянском звании и исключении по Уфимскому наместничеству из подушного оклада князей Ямбулатовых, Яушевых, Акчуриных, Чанышевых, Дивеевых, Маминых, Маматкозиных, Бигловых, Еникеевых и Терегуловых. Казенная палата 25 августа 1797 г. донесла в Сенат, что по сведениям, доставленным из нижних земских судов и уточненным по ревизским сказкам, в наместничестве оказалось (с учетом рожденных после четвертой ревизии), 235 душ князей и мурз этих фамилий, подлежащих «выключке» из оклада [ГАОО, ф.6, оп.1, д.56, л.1–7]. Кроме того, до сведения Сената было доведено, что семьи князей Чанышевых и Терегуловых в количестве 12 человек из Оренбургской губернии отбыли на прежнее жительство в Тамбовскую губернию, где и должны были быть исключены из крестьянского сословия. Еще о 9 душах не были доставлены сведения из Стерлитамакского и Уфимского нижних земских судов.

Второй источник представляет собой переписку по поводу ходатайства на имя верховной власти князей Эльмуры Урусова и Семерхана Булаева. В 1797 г. они обратились с прошением дозволить им «сформировать для защиты Оренбургской губернии от киргиз-кайсацких набегов полк из татарских князей и мурз». Прецедентом послужил созданный в том же году по указу Павла I Литовский татарский полк под командованием генерал-майора Барановского, составленный исключительно из польско-литовских мусульман [Гришин, 1995, с.42].

Из документов этого дела в первую очередь нас интересует «Записка о татарских родах, доказывающих происхождение свое от благородных предков и просящих о выключке из подушного оклада». В ней отмечалось, что к 1797 г. по именным указам были признаны доказавшими княжеское и мурзинское достоинство 350 человек – 231 душа в Оренбургской, 8 – в Тамбовской, 15 – в Саратовской и 96 – в Пензенской губерниях.

В стадии рассмотрения находились документы 17 княжеских и мурзинских родов Саратовской губернии, насчитывавших 1008 человек, Рязанской губернии – 32 родов (388), Оренбургской – 2 (61), Симбирской – 7 (282), Пензенской – 22 (524), Нижегородской – 1 (55). В Казанской губернии свои права на дворянское достоинство предъявили представители 96 родов, состоявших из 2493 человек. Всего же по семи губерниям России из податного сословия просили вывести 4811 человек 177 знатных татарских родов [РГИА, ф.1374, оп.1, д.62, л.40–40об.]. Таким образом, в 1797 г. общее число князей и мурз, представивших необходимые документы, вместе с уже утвержденными во дворянстве составляет 5161 человек.

Не подвергая сомнению благородное происхождение родов, представивших документы, утверждать о признании государством их дворянского достоинства и внесении в родословные книги всех этих фамилий нет достаточных оснований. В документе прямо указывается, что по резолюции Сената от 11 октября 1795 г. по случаю встретившихся в Казанском губернском правлении «сомнений и даже открывающемся подлоге в некоторых доказательствах

оных татарских родов, обращены дела в то правление для рассмотрения и утверждения подлинными делами в архивах хранящимися и другими способами сомнению не подтвержденными» [там же, л.40об.].

Выявленные в фондах Национального архива РТ документы во многом изменяют сложившееся представление о ходе реализации в Казанской губернии положений указа 1784 г. В конце 80-х – начале 90-х гг. в Казанское дворянское собрание стали поступать ходатайства об утверждении в дворянском звании потомков татарских княжеских и мурзинских родов. Потомки просили собрание «не лишать и их высокомонарших милостей». Основанием для рассмотрения своих претензий они обозначили 7-й пункт 92-й статьи «Жалованной грамоты» дворянству, которым в качестве одного из доказательств благородного происхождения определялось «Верстание по дворянской службе поместьями». Помимо документов на владение землей татары предъявляли выписи из семейных родословных. В итоге, депутаты Казанского дворянского собрания, избранные для составления родословной книги, признали «достаточными» доказательства благородного происхождения более 50 татарских родов. В документах конца XVIII в. указывались 52 рода, утвержденных собранием. В 1815 г. цифра была уточнена и список дополнен фамилиями Касимовых и Мансуровых.

После сверки с родословными документами наличного состава семей имена претендентов были внесены в список собрания, который препроводили генерал-губернатору Казанского наместничества князю П.С.Мещерскому, правителю наместничества князю С.М.Боратаеву и уже от их имени представили для утверждения в Сенат.

Однако в 1795 г. губернский прокурор В.И.Чемесов представил в Санкт-Петербург генерал-прокурору А.Н.Самойлову рапорт о возникших якобы сомнениях в достоверности представленных документов и «открывающемся подлоге» в части доказательства, «коиными утверждают татарские роды благородное происхождение». По указу Сената от 17 декабря 1796 г. Казанское губернское правление учредило особую комиссию для пересмотра уже принятых

Дворянским собранием решений. Комиссии было поручено освидетельствовать в губернских архивах все документы, с которых князьям и мурзам выдавались копии. Представленные татарами доказательства благородного происхождения должны были быть подтверждены подлинными делами. Для реализации этой задачи правление обязало губернского архивариуса доставить в комиссию все необходимые документы. В течение 1796 и 1797 гг. в архиве присутственных мест было выявлено 87 свертков грамот и иных бумаг двадцати пяти родов князей и мурз Казанской губернии.

Комиссия 25 апреля 1797 г. донесла губернскому правлению о своем заключении – признать представленные доказательства этих фамилий несущественными. В этот список вошли фамилии князей Ямбулатовых, Тимбяковых, Булаевых, Бурнашевых, Замановых, Мамяшевых, Тимяшевых, Мансуровых, мурз Шашевых (?), Барышевых, Бурундуковых, Сюндуковых, Сюндуковых же, живущих в Елабужском округе Вятского наместничества, Байбековых, Киреевых, Нураевых, вновь Сюндуковых, Тинсариных, Пляшевых, Тайгуриных, Урманчевых, Урманчевых же, Уразгильдеевых, Чепкенеевых. Сведений о 29 родах в архиве не обнаружилось. Комиссия отметила, что хотя архивариусом и были представлены «в куче завернутой в бумаги несколько старинных свертков в мелкие части изорванных и в самомалейших лоскутках состоящих, но из них ничего узнать не можно, когда от кого и кому именно оные даваны» [НАРТ, ф.14, оп.4, д.14, л.8об.].

Выполнив свою работу, комиссия была распущена. В апреле 1798 г. губернское правление предписало дворянскому собранию доставить сведения о татарских родах, представивших доказательства благородного происхождения, «не заимствуя оных от губернского правления». По запросу правления архивариус собрания должен был подобрать подлинные документы претендентов на дворянское звание и доложить, кому именно из них выдавались копии. Губернский предводитель дворянства совместно с тремя депутатами казанского собрания произвел сверку документов с материалами бывших определений. В губернское правле-

ние была передана ведомость со списком 52 утвержденных татарских родов с указанием документов, представленных в доказательство прав на дворянское звание. Вместе с ней в правление были отосланы из Собрания вновь выявленные 15 подлинных и 10 копий грамот и выписей. Всего же к 1802 г. было собрано 29 свертков с документами 6 родов – князей Богдановых, Яушевых, Кильдишевых, мурз Дербышевых, Исенеевых, Исеевых (?). В архивах так и не было выявлено каких-либо свидетельств благородного происхождения еще 23 фамилий – князей Асановых, Хозесеютовых, Маметевых, Маметевых же, Нурушевых, Кугеевых, Девятьяровых, Нурсеитовых, Тимеевых, вновь Ямбулатовых, Касимовых, мурз Миченевых (?), Урекеевых, Утеевых, Караевых, Буреевых, Саркеевых, Данаевых-Тзяшевых (?), Богдановых, Еникеевых, старокрещеных мурз Колчуриных и Харитоновых.

В сентябре 1802 г. губернское правление рассмотрело вновь выявленные бумаги и опять признало их «несущественными». 18 сентября было принято постановление, в котором подытоживались результаты деятельности комиссии 1795–1797 гг. и работа правления по освидетельствованию доказательств благородного происхождения. В нем, в частности, отмечалось, что по заключению комиссии некоторые из документов «совсем составлены ложно... А другие с безправочных копий в недавней переписаны на манер старинный, когда в том видно надобность стала и имеют фальшивые лишь скрепы и справки». Не утруждая себя приведением свидетельств фальсифицированных актов, правление присоединилось к заключению комиссии и признало доказательства татарских фамилий «незаконными и к доставлению дворянства тем родам не следующими». Правление 22 сентября 1802 г. поспешило представить в Сенат свой рапорт, приложив к нему и подлинные журналы комиссии, «коиными оные доказательства уничтожены».

Здесь необходимо отметить, что в мае 1800 г. правительством Павла I на казанских мурз, литовских татар были распространены права однодворцев на возвращение утраченного дворянского достоинства. «Отыскивание дворянства» могло быть осу-

ществлено только через военную службу. Претендентам необходимо было, получив от Дворянского собрания по представленным «ясным и неоспоримым доказательствам» свидетельства о своем дворянском происхождении, поступить в войска вольноопределяющимися и выслужиться до офицерского чина.

С 1840 г. происхождение мусульман от благородных предков должно было быть доказано метрическим свидетельством Магометанского Духовного правления (со времен введения метрических книг) или основанной на достоверных сведениях» родословной, подписанной предводителем дворянства, и состоящих уже в дворянском достоинстве ближайших родственников просителей, или, наконец, документами о владении наследственными от предков недвижимыми дворянскими именами. К доказательствам происхождения просители обязывались представить свидетельство, подтвержденное предводителем дворянства и не менее 12 дворянами, что образование и род жизни просителя «приличен благородному званию, а также удостоверение, выданное присутственными местами», с указанием того, что «ни сами просители, ни отец, ни дед их не состояли и не состоят в подушном окладе и не были лишены прав дворянских силою закона» [Яблоков, 1876, с.571]. Все эти условия перечеркивали саму возможность татар Казанской губернии добиться утверждения в дворянском звании.

К сожалению, приходится констатировать, что большинство из собранных на рубеже XVIII–XIX вв. в Дворянском собрании и губернском правлении документов татарских родов ныне безвозвратно утеряны. Свою роль сыграли пожары присутственных мест 1815, 1842 гг., ликвидировавших значительную часть архивов этих учреждений. Естественно также предположить, что после признания недействительными всех актов и бумаг князей и мурз татарского происхождения они потеряли для чиновников администрации какую-либо ценность и могли быть уничтожены. По крайней мере, смысл рапорта губернского правления не исключает подобной интерпретации. Попытаемся удостоверить подлинность поданных от татар документов отдельных

фамилий сопоставлением заголовков актов, представленных ими в Дворянское собрание, с источниками, достоверность которых не вызывает сомнений.

Так, 10 февраля 1793 г. собрание первоначально признало дворянские права мурзинского рода Колчуриных. Старокрещеные мурзы Колчурины в качестве доказательства благородного происхождения представили ввозную грамоту 1613 г. за подписью дьяка Федора Лихачева, «за справою подьячева Аврамки Курина», данную служилому новокрещеному Зюрейской дороги деревни Черемшан Семенке Иванову сыну Колчурину «на схожую землю села Кашколдеева за рекою Уштою в д. Черемыше на Ягодной полянке к отцовскому поместью к 35 четям на 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов ... на 100 копен» [НАРТ, ф.14, оп.4, д.14, л.8]. В писцовой книге 1602–1603 гг. в деревне Черемыш среди служилых новокрещен указан Семенка Иванов сын Кочурин с окладом 6 рублей. Далее отмечается «поместье за ним жеребей, что был отца его... пашни и перелогу – 35 четв. в поле, а в дву по тому ж сена меж поль и по заполью и по речке Уште, за ручьем, за Ягодную поляною – 100 копен» [ПК КУ, 1978, с.71].

Как видим, содержание обоих документов не имеет существенных разночтений. О службе дьяка Федора Федоровича Лихачева в Казани в 1613–1615 гг. указывают С.Б.Веселовский и В.Д.Димитриев [Веселовский, 1975, с.296; Димитриев, 1974, с.287]. В тексте Писцовой книги, по той же д. Черемыш зафиксирован еще один документ, оформленный в 1613 г. Ф.Лихачевым. Такие же параллели можно привести и по двум другим документам, представленным Колчуриными – выпискам из различных грамот 7123 (1614 г.) и 1701 гг.

Губернская администрация своим безапелляционным постановлением отказала в законном праве, продекларированном указом 1784 г., изменить статус древним татарским княжеским и мурзинским фамилиям Казанской губернии. Ни один из множества предъявленных документов жалованных грамот, актов на владение поместными землями, родословных и иных свидетельств принадлежности к феодальному классу – не был принят во внимание. Представите-

ли разветвленных родов татарской знати Среднего Поволжья и Приуралья оказались юридически на разных ступенях социальной лестницы, что нашло свое отражение и в шеджаре-родословных отдельных фамилий. Все это послужило причиной протестов со стороны неутвержденных по Казанской губернии требований предоставить дворянские права их семьям.

Предвзятость и отсутствие какой-либо объективности не позволили казанским князьям и мурзам воспользоваться преимуществами дворянского звания. В то же время в Уфимской и Оренбургской губерниях утверждения продолжались. Так, в 1814 г. Уфимское Дворянское депутатское собрание признало в дворянском достоинстве 64 татарских мурз и в их числе мурз Асана Мамотова и Абдуллу Зебеирова, князя Тимбекова [Яблоков, 1876, с.570].

Подобная тактика, направленная на ужесточение давления на татарское население Среднего Поволжья и предоставление определенных послаблений в приуральских губерниях, широко использовалась правительством и в религиозной сфере. Политика «двойного стандарта» обуславливалась ролью и местом Оренбургской, Уфимской губерний в колонизаторских планах самодержавия.

На нежелании уравнивать часть татар-мусульман в правах с российским дворянским сословием немаловажное значение сыграло и общее состояние системы местного управления Казанской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. В деятельности государственных учреждений и сословных органов края крайне обострились негативные черты, присущие всему административному аппарату царизма – бюрократизм, пренебрежение национальным достоинством и религиозным чувством «иностранцев». С 1797 г. по 1823 г. в должности казанских военных и гражданских губернаторов сменилось 10 человек, из которых пятеро были уволены за различные должностные преступления. Не случайно в первой четверти XIX в. было проведено пять сенаторских ревизий Казанской губернии. По итогам ревизии 1819–1829 гг. под суд были отданы более 1300 человек, из их около 800 относились к должностным лицам различных звеньев местного управле-

ния. Это явилось одной из наиболее крупных по масштабам акций подобного рода в дореформенной России [Хайрутдинов, 1993, с.131–134].

Лишь с завершением периода административных беспорядков в Казанской губернии над деятельностью губернских учреждений, в том числе и сословных выборных организаций, был установлен более или менее действенный контроль со стороны правительственных властных структур. Так, фамилии, внесенные в дворянскую родословную книгу Казанской губернии до 1829 г., были подвергнуты образованию особой комиссией, утвержденной по указу Николая I [НАРТ, ф.350, оп.2, д.9, л.27].

С уничтожением в 1815 г. значительной части архива Казанского дворянского собрания многие из благородных родов губернии столкнулись с необходимостью подтверждения представленных документов. О возможности какого-либо нового рассмотрения доказательств дворянского происхождения княжеских и мурзинских фамилий татар-мусульман не было и речи. Между тем они упорно продолжали именовать себя этими титулами. Еще в 1815 г. казанский губернский прокурор Овчин в рапорте министру юстиции Д.П.Трощинскому констатировал, что, несмотря на отказ в утверждении в российском дворянстве, «многие фамилии тех 52 татарских родов пользуются всеми правами... и даже имеют за собой написанных по ревизиям людей, именующие себя во всех подаваемых актах князьями или мурзами, а местное правительство и принимают в руководство таковые их названия, не удостоверясь, впрочем, приобрели они законные утверждения на права сии» [НАРТ, ф.14, оп.4, д.14, л.15–15об.].

Среди татар-мусульман, удостоенных потомственного дворянства и внесенных

в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, нет ни одной фамилии, утвержденной на основании благородного происхождения. Потомственные дворяне из татар-мусульман присутствуют лишь во второй и третьей частях книги, куда были включены лица, возведенные в дворянство за достижение офицерского чина или выслугу определенного чина на гражданской службе, либо в результате награждения российским орденом.

Итак, в последней четверти XVIII в. российское самодержавие предприняло ряд мер по расширению своей опоры в татарском обществе. Одним из подобных шагов явилось предоставление титулованной знати из татар-мусульман возможности вхождения в состав российского дворянства.

При реализации положений указа 1784 г. четко проявилась двойственность внутренней политики царского правительства по отношению к татарской феодальной верхушке Среднего Поволжья и пограничных приуральских губерний. Бюрократические препоны, открывая антимусульманская направленность деятельности органов местного управления Казанской губернии практически свели на нет продекларированные законом права знатных татарских фамилий.

Основным путем вхождения в состав дворянства России на рубеже XVIII–XIX вв. для татар-мусульман стало не благородное происхождение, а достижение звания выслугой чинов на военной и гражданской службах. С середины XIX в. с изменением социально-экономических условий в целом завершается процесс расслоения татарской феодальной знати, происходит поляризация интересов различных ее групп. К концу XIX в. в татарском обществе фактор принадлежности к дворянскому званию утратил свою актуальность.

§3. Социально-экономические предпосылки формирования татарского купечества

Бахтияр Измайлов

Торгово-промышленная деятельность купечества находилась в поле постоянного внимания государства, а забота о развитии отечественных промыслов и торгов

относилась к числу важнейших функций государственной власти. Американский историк Р.Пайпс справедливо заметил, что «русское правительство впервые начало

заботиться о благосостоянии своего делового класса в середине XVII в. и с тех пор неустанно поощряло частное предпринимательство и пестовало местную буржуазию» (цит. по: [Старцев, Гончаров, 1999, с.16]).

Полиэтничность и мультиконфессиональный состав населения Российской империи в значительной мере отразились и на особенностях предпринимательской культуры. Как отмечается исследователями, в строительство имперской экономики оказались втянуты представители самых различных этнических и конфессиональных групп [Ананьич, Дальманн, 2010, с.3]. При этом следует отметить, что многие из этих групп отстаивали право свободной торговли на протяжении XVII–XVIII вв.

Сложившиеся в XVIII в. социально-политические и экономические условия в значительной мере повлияли и на развитие татарской торговли, а также на социально-правовое становление татарского купечества. В отсутствие национальной аристократии и имущественной базы духовенства вакантное место элиты татарских, в первую очередь городских, общин постепенно занимает буржуазия. В XVIII в. занятие торговлей среди татарского населения приобретает массовый характер, что хорошо видно на примере жителей Казанских татарских слобод. Например, М.Лаптев в середине XIX в. так характеризовал татарское население Казанской губернии: «татарин достойный потомок древних Болгар: его стихия – торговля» [Лаптев, 1861, с.220].

Активной торговой деятельностью способствовал целый ряд исторически сложившихся предпосылок. Во-первых, в новых исторических реалиях занятие торговлей для татарского населения стало единственно приемлемым способом нажить состояние, не нарушая предписаний шариата. Во-вторых, отсутствие перспектив на государственной службе стимулировало татар на реализацию своих устремлений в иных областях, в частности в предпринимательской деятельности. В-третьих, социальную базу торговой буржуазии составляли практически все слои татарского общества: феодальная аристократия, служилые и ясачные татары. Значительную роль в появлении мощного татарского

торгового слоя сыграла и репрессивная политика Российского государства. Как правильно заметил И.А.Гилязов, «переход в новое качество происходил не добровольно, а под давлением сложившихся обстоятельств» [Гилязов, 1997, с.19]. Ужесточение российского законодательства в XVII в. по отношению к татарским феодалам-землеладельцам привело к их разорению и обезземеливанию. В частности, татарский историк Г.С.Губайдуллин именно с разрушением татарского феодализма связывал массовый переход с XVII в. татар в купечество [Газиз, 1994, с.134]. Кроме средства существования, торговая деятельность для татарского населения стала тем поприщем, на котором в наибольшей степени реализовалась их социальная активность. Таким образом, под действием внешних факторов происходит ускоренное разложение феодальных отношений в татарском обществе и развивается структура буржуазного общества, где важную роль играют представители купечества.

Формирование татарского купечества происходило на межсословной основе, состоявшей из служилых татар и крестьян. Основным источником пополнения татарского купечества стало сословие служилых татар, которому было предоставлено право заниматься торговлей за службу Российскому государству [Ногманов, 2002, с.81]. По всей видимости, в начале XVIII в. в делопроизводственной документации начинает утверждаться термин «служилый торговый татарин», который подчеркивал торговые льготы этого сословия.

Как и все татарское население, служилые татары испытали на себе многочисленные пертурбации внутренней политики Российского государства. В первой четверти XVIII в. Петр I предпринимает меры по ликвидации сословия служилых татар, что выразилось в переводе их в тяглое сословие. Указ Сената от 31 июля 1722 г. повелел переписать представителей данной части татарского населения и «расположить с прочими в подушную перепись в равенстве» [ПСЗ–1, т.6, №4065, с.754]. Этим актом служилых татар уравнивали с ясачными, на которых подушная подать была возложена еще в 1719 г. Разница между ясачными и служилыми татарами постепенно исчезла, поскольку слу-

жилые татары были также приписаны к адмиралтейским работам. Указ Сената от 22 мая 1724 г. уже прямо относит их к государственному крестьянам. Изменение юридического статуса сопровождалось обретением присущих новому состоянию атрибутов. С 1725 г. со служилых татар стал осуществляться сбор подушной подати, с 1737 г. – взиматься рекруты [Ногманов, 2002, с.87]. Переход в категорию государственных крестьян привел к потере торговых льгот большинством служилых татар. Исключением стали казанские слободские татары (жители Татарских слобод г. Казани), получившие разрешение в виде грамоты 1685 г., которая подтверждала их торговые права. В то же время для остальной части татарского населения с первой четверти XVIII в. торговая деятельность регулировалась нормами, установленными для торгующих крестьян, что создавало значительные препятствия в торговле.

Служилые татары Старой и Новой татарских слобод г. Казани находились на определенном привилегированном положении по сравнению со своими соплеменниками. В отличие от большинства представителей татарского и русского служилого сословия, для которых ратная служба была условием владения землей и крепостными крестьянами, казанские слободские татары несли ее за другую плату, а именно – возможность заниматься торговым промыслом [там же, с.82]. На фоне тенденции к унификации торговой деятельности подавляющей массы торгового населения на протяжении XVIII в. сохранялось особое положение казанских слободских татар.

Казанские татарские слободы стали своего рода первой попыткой инкорпорации в российское пространство. Каналами приобщения к общеимперской системе ценностей становятся распространение городской модели и изменение образа жизни. Российское самодержавие нуждалось в кадрах из числа нерусских народностей Среднего Поволжья и Приуралья для осуществления управленческих функций в полиэтническом регионе. Жители Татарских слобод г. Казани подходили для этого как нельзя лучше. Проживая в административном, политическом, военном и экономическом

центре края, они находились под постоянным контролем властей, теснее других общались с органами управления и русским населением. Из их числа в первую очередь набирались переводчики, толмачи, низшие служители для Казанской адмиралтейской конторы. Кроме того, российская власть стремилась с помощью самих слободских татар, а также их давних связей с торговыми людьми Средней Азии и Казахстана подготовить почву для проникновения в эти регионы.

Российская власть, исходя из собственных экономических и политических интересов, старалась поддерживать торговую деятельность татарского населения. В 1744 г. специальным указом императрицы Елизаветы Петровны 200 татарских семейств из Казанской губернии были переселены под Оренбург для основания там торговой слободы [ПСЗ–1, т.12, №8893, с.39–41]. По замыслу российского правительства Оренбург должен был стать мощным административным и экономическим центром, способствовавшим установлению прочных торговых и дипломатических связей с Востоком. Кроме строительства Оренбургской крепости императрица Анна Иоанновна также разрешила всем торговым людям, не взирая на их вероисповедание и гражданство, селиться в городе. Однако, как отмечал Оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев, «токмо по новости и отдаленности того места, поныне таких охотников явилось самое малое число, да и те все убогие, торги производить не в состоянии» [там же, с.40]. В этой ситуации как нельзя своевременным оказалось желание «людей торговых и пожиточных» из казанских татар поселиться и жить при Оренбурге. Татары выдвигали два основных условия – освобождение от обременительной рекрутской повинности и разрешение построить мечеть вне города. Российское правительство поддержало прошение, ограничив число переселившихся татар двумястами семьями и требованием, чтобы все они были «людьми пожиточными и торги производить могущими» [там же, с.41]. По всей видимости, переселение было вынужденным и связано с усилением христианизации инородцев в Поволжье, а также с распространением на татар рекрутской и лашманской повинностей [Искандаров,

2009, с.14]. Инициатором прошения и основателем слободы выступил татарин с. Богатые Сабы Мамадышского уезда Казанской губернии Сеит Хаялин.

Возникшая в 18 верстах от Оренбурга Сеитова (или Каргалинская) слобода стала крупным центром в транзитной торговле между Россией и Средней Азией, а татары очень скоро сосредоточили в своих руках до 3/4 всего торгового оборота России с Востоком. Как указывали сами татары Сеитовской слободы, «мы сюда к поселению в нашу слободу вызваны из разных уездов единственно для распространения оренбургской коммерции и приохачивания ко оной киргис-кайсаков и прочих азиатских народов» [Кулбахтин, 2005, с.205]. Сеитовские татары вели торговые дела в Бухаре, Хиве, Ташкенте и в Персии через Астрахань.

Миссия служилых татар в Оренбургской губернии не ограничивалась торговлей. Российское правительство продолжало использовать это сословие при защите своих юго-восточных границ и для выполнения дипломатических поручений. Служилые татары Каргалинской слободы в своем наказе в Уложенную комиссию отмечали, что «неоднократно же посылаемы были в киргис-кайсацкую орду к хану и салтанам с письмами», а также участвовали в подавлении восстания 1755 г. [там же, с.199]. В отличие от регулярных войск служилые татары во время военных походов не получали довольствия и вынуждены были сами обеспечивать себя провиантом. Российское правительство не раз отмечало важность службы служилых татар. За усердную и верную службу вся Каргалинская слобода награждалась похвальными листами, а особо отличившимся в сражениях жителям вручались жалованные сабли [там же].

Служилые слободские татары, в первую очередь знатного происхождения, Казани и Оренбурга оставались лояльными российской власти даже в условиях крупных социальных, таких как восстание Е.Пугачева. Так, служилые татары Исхак Заманов и Ибраим Ахметов участвовали в подавлении «пугачевщины». Исхак Заманов в своем прошении показал, что «во время бывшего пред сим на Казань злодейского от бунтовщика и изверга Пугачева нападения

был с верными ЕИВ войсками выслан на сражение, при чем продолжая ревностную свою службу и неутомимость к защищению города от нападения отбил у неприятеля одну пушку. И при том получил себе восемь ран» [НАРТ, ф.22, оп.2, д.769, л.3–3об.]. Служилый татарин Ибраим Ахметов вместе с правительственными войсками находился в Оренбурге во время осады города Е.Пугачевым [РГИА, ф.1341, оп.1, д.481, л.3]. В надежде на поощрение своей верной службы Исхак Заманов и Ибраим Ахметов, ссылаясь на свое знатное происхождение, просили зачислить их в российское дворянство, но оба получили отказ.

Мощный импульс для своего развития мусульманское предпринимательство получило в результате реформ Екатерины II, составляющими которых являлись развитие идеологии веротерпимости по отношению к неправославным конфессиям и утверждение принципа имперской политики, ставящего политическую лояльность выше этнического и религиозного единообразия.

Манифест от 17 марта 1775 г. разделил торговых людей на привилегированное гильдейское купечество и мещанство. К последним причислялись лица, имевшие капитал не свыше 500 рублей. Купцы первой гильдии должны были иметь капитал свыше 10 000 рублей, второй гильдии – от 1000 до 10 000 рублей, третьей гильдии – от 500 до 1000 рублей [ПСЗ–1, т.20, №14275]. Закрепила нововведения и вместе с тем расширила сословные права купцов «Жалованная грамота городам» 1785 г. С этого момента торговля была окончательно признана купеческой монополией. В зависимости от величины капитала купцы разделялись по трем гильдиям. Для записи в одну из гильдий устанавливался ценз, составлявший для первой гильдии – 10 тыс. рублей, для второй гильдии – 1 тыс. рублей, для третьей – 500 рублей.

7 ноября 1775 г. выходит указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», который стал важной вехой в истории городской реформы в России [ПСЗ–1, т.20, №14392]. Главной целью реформы являлось достижение единообразия в системе управления на всей территории империи. О масштабе реформы говорит и тот факт, что реализация ее продолжалась вплоть до самого конца правления императрицы.

Практическим результатом политики Екатерины II для татарского народа, кроме принятия важнейших законодательных актов последней четверти XVIII в., стало открытие Татарской ратуши в 1781 г. в Казани, а в 1784 г. – в Сеитовской слободе Оренбургской губернии. Появление органов самоуправления именно в татарских слободах Казани и Оренбурга подчеркивает, насколько большое значение придавала российская власть этим торговым факториям.

Однако рост доли татарского капитала в торговом обороте Казанской губернии закономерно привел к столкновению с интересами русского купечества. Неоднократно, в 1724 и 1742 гг., казанские купцы пытались воспрепятствовать торговле слободских татар. В ответ служилые татары обращались в Сенат и просили защитить «от чинимых им от казанского купечества напрасных обид и утеснений» [РГАДА, ф.407, оп.1, д.53, л.12]. В своем прошении они указывали, что «против их же братьей, которые живут в уезде и имеют у себя пахотные земли и сенные покосы и другие угоды, а за ними слободскими татары никаких земель и угодей не имеется и как без торгового промыслу так и без сидения в лавках не токмо им положенные подати платить и карабельные леса и прочие службы отправлять, но и пропитание иметь будет нечем» [там же]. При этом свое право на торговую деятельность они обосновывали «по силе данных дедам и отцам их грамот и присланных из высокого сената и из прочих мест указов...» [там же]. Интересно, что во всех этих конфликтах российская власть вставала на сторону слободских татар.

Конфликт достиг своего апогея в марте 1762 г., когда казанские русские купцы «имевшиеся Татар вотчинные и казенные на Гостином дворе и в других рядах лавки, всего 29, с товарами и с деньгами запечатали, и к торгу не допускают» [ПСЗ–1, т.16, №11888, с.322]. Объясняя свою позицию, купцы указывали на неопределенный законодательством статус татарского населения г. Казани. Формально русские купцы были правы: слободские татары, как и все государственные крестьяне, не имели права заниматься торговым промыслом и владеть лавками наравне с купечеством. Тем не менее, Екатерина II встала на сторону татар

и запретила чинить им препятствия в торговле. Адмиралтейская контора, находившаяся в Казани и осуществлявшая контроль над жизнью служилых татар, прислала отряд солдат для открытия – «распечатавания» лавок и обеспечения их охраны. Однако их правовой статус по-прежнему не был определен, что проявилось, в частности, во время работы Уложенной комиссии в 1767–1768 гг.

Неудивительно, что указы депутатам Уложенной комиссии от татарского населения ставили одним из важнейших требований уничтожение стеснений в торговле. Характерно требование депутатов от мурз, в котором говорилось, что «инородцев подданных ее императорского величества, которые имеют купеческие промыслы, записывать в купечество и быть во всем с купцами наряду: как в сборах, так и в службах и пользоваться всеми купеческими правами» [Губайдуллин, 1926, с.55]. В другом требовании, депутат Рахматулла Алкин, представитель от мурз Казанского уезда, в качестве доказательства необходимости получить права свободной торговли, говорил, что «мы служилые мурзы издревле производили всякие торги» [Сб.РИО, т.8, с.141]. Кроме того, он логично обосновывал право торговли казанских служилых татар, проживающих в уездах Казанской губернии, наравне со слободскими татарами. Требования разрешения торговать предъявляли не только служилые, но и ясачные татары, что противоречило закону. В то же время большинство служилых татар отказывалось переходить в купеческое сословие по причине высоких налогов. К тому же этот переход не освобождал их от несения корабельной и прочих повинностей.

Представлявшие собой прежде специфическую группу населения служилые татары после открытия Татарских ратуш в Казани и Сеитовом Посаде получили возможность записываться в гильдейское купечество и мещанство. Именно в этот период начинает формироваться татарская предпринимательская элита. Благодаря появлению Казанской татарской ратуши казанские татарские торговцы и заводчики получили широкие возможности для реализации своего профессионального потенциала.

Учреждение Казанской татарской ратуши произошло в 1781 г. «по силе Высо-

чайшего Ея Императорского Величества изустного повеления господину генерал-порутчику, правящему должность генерал-губернатора Казанского и Пензенского князю Платону Степановичу Мещерскому» [Документы, 1908, с.25]. В состав ратуши входили голова, бургомистр и два ратмана из числа состоятельных членов татарского общества, избиравшиеся купечеством и мещанством через каждые три года.

Татарские ратуши Казани и Сеитовской слободы рассматривались российским правительством как средство контроля и адаптации татарского населения к общероссийским принципам, но для самих татар они явились средством для внутриобщинной консолидации и взаимодействия с российскими властными структурами. Для обеспечения эффективного перехода к новым формам организации политического пространства властные структуры требовали подчинения мусульманских традиций общеимперскому законодательству, но в то же время на практике приходилось считаться и с нормами мусульманской жизни, установленными комплексом предписаний, закрепленных Кораном и шариадом.

По всей видимости, Казанская татарская ратуша до конца XVIII в. не имела права записи слободских татар в купечество. Впервые вопрос о записи татар Казани в купечество возник еще в 1791 г., когда часть богатых семейств перешла в ведомство Казанского городского магистрата. Одной из немаловажных причин подобного решения было желание этих семейств вступить в купеческое сословие, что давало целый ряд привилегий и, в частности, освобождение от исполнения обременительной рекрутской повинности. Оставшаяся часть татар находилась на прежних основаниях служилого сословия, выполнявшего все государственные повинности. Начиная с 1797 г. Казанская татарская ратуша несколько раз ходатайствовала перед губернским правлением о разрешении ей записывать желающих татар в купечество. В результате после одобрения Казанского губернатора эту возможность получили 32 семьи, вошедшие во 2-ую и 3-ью купеческие гильдии. Однако коренным образом вопрос так и не был решен, поскольку решение о записи фактически зависело от резолюции губернато-

ра. В очередной раз эта проблема возникла в 1799 г., когда Казанская казенная палата не приняла процентные деньги с капитала от четырех семейств. Свое решение Казенная палата мотивировала тем, что запись «крестьянам производима была не иначе как с ведома начальства их и утверждения сената» [НАРТ, ф.22, оп.1, д.1, л.116] и потребовала приложить к объявлениям распоряжение казанского губернатора. Вопрос заключался в том, что губернские власти продолжали приравнивать статус служилых татар к государственным крестьянам. Неизвестно, чем закончилось бы данное противостояние, если бы не проходившая в 1800 г. в Казанской губернии сенаторская ревизия М.Г.Спиридова и И.В.Лопухина. Присутствующие Казанской татарской ратуши отправили сенаторам представление с просьбой «начальственного в пользу ратуши разрешения» [там же]. Прошение было одобрено, и Казанская татарская ратуша получила право записывать в купечество подведомственное ей татарское население.

С учреждением в 1788 г. Мусульманского Духовного собрания на Казанскую татарскую ратушу была возложена такая важная миссия, как избрание ее членов. Определяющее значение имели, знание магометанского закона и политическая благонадежность мусульманина. Так, указом от 1793 г. предписано «муллоу избрать да впредь избирать при истечении каждого трехлетия, из казанских татар в верности надежных, в добропорядочном поведении и в знании магометанского закона испытанных» [НАРТ, ф.22, оп.2, д.731, л.1–3].

По указу Казанского наместничества от 10 августа 1790 г. в третью гильдию казанского купечества был зачислен служилый татарин Старо-Татарской слободы г. Казани Муртаза Кулмаметов. В сентябре того же года гильдейским купцом становится служилый татарин той же слободы Юсуп Китаев. Несколько позже в число гильдейских купцов были приняты Халид Уразаев, Галим Ишмухаметов и другие выходцы из Старо-Татарской слободы. Всего к 1790 г. в купечество вышли 15 семейств, состоявших из 54 душ. Запись в купечество продолжалась и в последующие годы. Уже в 1798 г. в купеческое сословие записалось 32 татарских семейства, из

них 8 семей – во вторую, а остальные – в третью гильдии [НАРТ, ф.22, оп.2, д.902, л.90–92]. В 1806 г. в составе казанского купечества уже числилось 40 семейств: 3 в первой, 14 во второй и 26 в третьей гильдии [НАРТ, ф.22, оп.2, д.902, л.243–244об.]. Эта тенденция сохранялась вплоть до 1807 г., когда, в результате повышения имущественного ценза для вступления в гильдии, произошло некоторое снижение численности татарского купечества [Хасанов, 1977, с.87]. Одними из первых в число крупнейших предпринимателей города официально вошли М.М.Адамов, Г.Ишмуратов, Ю.Б.Китаев.

Часть татар продолжали оставаться в сословии служилых татар. Менее состоятельные торговцы записывались в мещанство. Такие известные ранее предприниматели, как Муртаза Ибраев, Сагит Ибраев,

Муса Гайсин, Казбулат Сеинов, Мухамет Мусин, Абдрашит Абдулкаримов и другие продолжали заниматься торговой деятельностью, но не смогли стать гильдейскими купцами, возможно не обладая для этого соответствующим капиталом.

В конце XVIII – начале XIX вв. начинается поступательный рост численности татарских городских общин в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Касимове, Астрахани, Тобольске и других городах. В Татарской слободе Москвы к 1811 г. проживало 260 мусульман, из них 225 были татарами [Шацилло, 2010, с.296].

Таким образом, к концу XVIII в. сформировалось достаточно мощное татарское купечество, которое в результате реформ Екатерины II начало вливаться в среду российского предпринимательства.

ГЛАВА 5

Социально-экономическое развитие татарского общества в XVIII в.

§1. Сельскохозяйственное производство

Искандер Гилязов

Татарское население Российской империи в XVIII в. было в подавляющем большинстве сельским, поэтому понятно, что особое место в его существовании занимало сельское хозяйство – развитие земледелия, скотоводства, всей сферы не-земледельческих занятий определяло социально-экономическую жизнь этой части российского крестьянства. Земля, являвшаяся основным материальным богатством, играла исключительную роль в экономическом и социальном развитии всего общества. Земля являлась основой социальных взаимоотношений, предметом споров, основным источником материального благополучия – поэтому при характеристике сельскохозяйственного производства у татар исключительно важно представить основные черты их землевладения и землепользования.

Ясачное землевладение на протяжении XVII–XVIII вв. в содержательном, отношении изменилось мало – их земли, как и раньше, официально являлись казенной собственностью. Основной чертой землевладения служивых татар, в 1724 г. причисленных в разряд государственных крестьян, являлось его значительное мельчание, дробление вследствие массовых распродаж земель служивыми в 20-е гг. XVIII в., захватов их, деления по наследству и пр. После перевода служивых татар в состав государственного крестьянства земли многих из них законом стали рассматриваться как казенные, хотя обычным правом они продолжали считаться поместными владениями. Достаточно заметная дифференциация среди татарских крестьян имела тенденцию к перераспределению земель уже внутри

служилого сословия. Некоторые из них теряли хозяйственную самостоятельность и продолжали продажу оставшейся у них земли, другие же, напротив, богатели и скупали земельные участки. Среди последних большинство составляли купцы и торговцы, занимавшиеся и промышленной деятельностью – они использовали земли для постройки промышленных предприятий или сдавали их в аренду. Например, в 1788 г. торговцы Абдрашит Ибраев, Исмаил и Мухамет Юсуповы купили у служивых татар деревень Средний Алат, Большой и Малый Куюк, Мухоли, Кумургози и Епанчино Казанского уезда 277 четвертей земли. В том же году торговцы Бакей Абдулов и Адигул Разхматуллин приобрели 20 четей земли в д. Янбахтино Казанского уезда у служилого татарина Сулеймана Ришкина [НАРТ, ф.1238, оп.1, д.1, л.3об; д.2, л.10].

Довольно полные сведения о количестве земли, принадлежавшей различным социальным группам населения, можно извлечь из материалов Генерального межевания, относящихся к концу XVIII в. Так, например, по данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию», в Казанском уезде татарскому населению принадлежало 198 378 десятин 1439 кв. саженей всей земли уезда (около 44,5%), в Тетюшском уезде эта цифра составляла 38,5%, в Спаском – 17,5%, Свияжском – 14,3%, Мамадьшском – 49,7%, Чистопольском – 17,3%, Лаишевском – 28,2%, Царевококшайском – 5,7%, Цивильском – 3,5% [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 431, 435, 443, 449]. Если сравнивать эти проценты с данными о соотношении татарского населения к общему числу жителей уездов, то оказывается,

что цифры эти приблизительно совпадают лишь в Лаишевском, Тетюшском и Свияжском уездах. В Лаишевском уезде татарское население составляло 28,5% населения, в Тетюшском – 40,9%, в Свияжском 18,7% (рассчитано по: [Переписи населения, 1972, с.83]). В остальных уездах татарскому населению принадлежал меньший процент земли – например, в Спасском уезде татары

составляли 25% населения, в Чистопольском – 29,4%, Мамадышском – 57,3%. Все это можно связывать с уменьшением татарского землевладения на протяжении XVIII в., а также с наличием помещичьего землевладения во многих уездах.

Представим, как распределялись по угодьям земли в отдельных уездах Среднего Поволжья (табл. 3.3).

Таблица 3.3

**Распределение земель по угодьям в уездах Среднего Поволжья
(в десятинах и кв. саженях)**

Уезды	Под усадьбой	Пашни	Сенных покосов	Леса	Неудобных мест
Казанский, то же в %	71803,184 1,52	199811,2006 39,06	35848,2209 7,01	3245628,595 48,02	22456,1946 4,39
Лаишевский, то же в %	4206,2154 0,81	150532,1441 29,15	59869,1585 11,59	257379,1038 49,85	44354,515 8,60
Чистопольский, то же в %	6663,1575 0,81	3109117,223 37,54	121591,1615 14,72	344668,550 41,72	43123,1905 5,21
Спасский, то же в %	5253,1889 0,97	205204,336 38,02	93174,2168 17,26	192621,252 35,69	43483,1054 8,05
Тетюшский, то же в %	4154,1450 1,22	164511,2375 48,41	28539,1408 8,40	125021,1642 36,79	17623,1930 5,18
Мамадышский, то же в %	4067,1052 0,82	127810,282 25,61	44513,876 8,92	307102,876 61,55	15477,2045 3,10
Свияжский, то же в %	2238,1909 1,29	87092,2308 50,31	10203,199 5,89	64014,628 36,98	9564,1229 5,53
Царевокошай- ский, то же в %	3853,1446 0,54	97973,649 13,71	11738,2081 1,64	585160,1901 81,87	15947,1220 2,24
Цивильский, то же в %	5113,968 1,64	140301,507 44,91	11372,441 3,64	151210,1475 48,41	4385,1777 1,40
По Казанской губ., то же в %	58940,2161 1,06	1828014,1851 32,80	459410,155 8,24	2959977,653 53,10	267357,1913 4,80

Подсчитано по: [НА РТ, ф.324, оп.740, д.344, л.109; РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 427, 431, 435, 449].

Земли, находившиеся в пользовании чных крестьян, распределялись по угодьям (владении) служилых татар и татарских яса- следующим образом (табл. 3.4).

Таблица 3.4

**Удельный вес угодий в дачах, принадлежавших татарскому крестьянству
в уездах Среднего Поволжья (в %)**

Уезды	Под усадьбой	Пашни	Сенных покосов	Леса	Неудоб- ных мест
Казанский	1,82	48,55	4,96	41,34	3,33
Лаишевский	0,75	29,92	7,69	57,16	4,48
Чистопольский	0,86	50,64	17,42	26,76	4,32
Спасский	0,96	47,43	12,21	34,98	4,42
Тетюшский	1,09	49,21	9,02	37,88	2,80
Мамадышский	1,05	31,25	10,46	55,43	1,81
Свияжский	1,38	45,58	5,86	43,49	3,69
Царевококшайский	1,88	44,44	9,02	42,84	1,82
Цивильский	2,12	66,04	4,85	25,04	1,95
Сергачский	1,06	73,85	18,98	4,19	1,92
Буинский	2,37	73,32	7,97	13,95	2,39
Курмышский	2,16	73,16	18,17	0,52	3,78
У крестьянства на террито- рии Чувашии	1,55	40,37	6,00	49,00	3,08

Подсчитано по: [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 427, 431, 435, 449, 849, 1416, 1420; Димитриев, 1966, с.73].

Картина в большинстве уездов идентична: пашня занимает почти половину имевшейся в крестьян земли, а в некоторых даже превышает ее, что показывает значительный уровень обработки земли в Сергачском уезде Нижегородской губернии, Курмышском и Буинском уездах Симбирской губернии. В наиболее плодородных уездах Казанской губернии, Чистопольском и Спасском, пашня также составляла большую часть всех угодий. Любопытно, что в Царевококшайском уезде пашня составляла всего 13,71% угодий, а у татарского населения – 44,44%, что, очевидно, свидетельствует об уровне сельскохозяйственного производства в уезде, 84,11% территории которого занимали леса и неудобные для земледелия места.

Количество сенокосов в разных уездах также довольно разнообразно. Наилучшую картину наблюдаем в Сергачском, Курмыш-

ском, Спасском и Чистопольском уездах Самое затруднительное положение в отношении сенокосов было у татарских крестьян Казанского, Свияжского и Цивильского уездов. Количество сенокосов имело исключительно важную роль для развития земледелия, что еще в 1779 г. подчеркивал известный ученый А.Т.Болотов [Болотов, 1952, с.56].

Большой процент лесов в татарских дачах Лаишевского, Мамадышского и Свияжского уездов, вряд ли может быть показателем экономического благосостояния, если считать их резервом для увеличения пашни и сенокосов. Эти леса в большинстве своем находились в казенном ведении и активно использовались для адмиралтейских работ.

Источники отвечают и на вопрос о количестве пашенной земли на одну душу мужского пола у татарского крестьянства (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Количество пашенной земли на одну душу м.п. в уездах Среднего Поволжья по материалам Генерального межевания (в десятинах)

Уезды	Для татарского крестьянства		Для всего населения уезда	
	пашни	всей земли	пашни	всей земли
Казанский	4,17	8,13	4,17	10,60
Лаишевский	4,39	12,73	4,18	14,28
Чистопольский	7,58	14,71	7,43	19,73
Мамадышский	4,72	11,75	4,23	16,72
Свияжский	4,30	8,91	4,70	9,11
Спасский	6,89	14,55	6,61	17,33
Тетюшский	4,65	9,20	4,53	9,29
Царевококшайский	4,60	14,80	4,89	35,62
Цивильский	3,84	5,67	4,29	7,21
Сергачский	5,95	8,06	4,47	7,21
Курмышский	4,80	6,60	-	-
Буинский	7,10	11,25	-	13,25

Подсчитано по: [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, 412, 416, 422, 427, 431, 435, 449,849, 1416, 1420].

Для сравнения можно отметить, что по всей Казанской губернии приходилось на одну душу м.п. 7,2 десятины пашни [Рубинштейн, 1957, с.56], в Чувашии у чувашских государственных крестьян – 4,49, у государственных татарских крестьян – 5,27, у мордовских государственных крестьян – 8,61 [Димитриев, 1966, с.95]. Из данных табл. 3.5. видно, что наибольшее количество пашни на душу м.п. у татарских крестьян и у прочего населения приходилось в самых благоприятных для земледелия уездах Казанской губернии – Чистопольском и Спасском и в Буинском уезде Симбирской губернии. Если учитывать при характеристике этих данных тот факт, что 7 сентября 1798 г. появился именной указ о «довольствовании» казенных поселян 15-десятинной «пропорцией» [РГАДА, ф.1312, оп.2, д.713, л.50–50об.], то увидим, что лишь в Чисто-

польском, Спасском и Царевококшайском уездах средние цифры о количестве всей земли на душу м.п. и у татарского, и у прочего населения близки к указанной «пропорции». В Чистопольском уезде из 53 обмежеванных дач татарского крестьянства в 28 средняя цифра о количестве земли на душу м.п. превышает 15 десятин, в Спасском из 35 – в 16, а в Царевококшайском уезде эта цифра составляется в основном из большой площади лесов. В Казанском же уезде таких обмежеванных дач было всего 3, в Тетюшском – 3, в Свияжском – 2.

Итак, источники показывают, что в подавляющем большинстве татарских поселений количество земли на душу м.п. не совпадает, и иногда даже очень значительно, с указным минимумом в 15 десятин, т.е. можно сказать, что в татарской деревне конца XVIII в. налицо малоземелье. При

наличии же в разных районах разных условий для хозяйствования наблюдалось весьма неравномерное развитие крестьянского хозяйства. Это подтверждается не только наличием дифференцированного надела, но и существованием в деревнях арендных операций по увеличению запашки и обеспечению покосами.

Конечно, по источникам различаются аренда для расширения хозяйства и аренда для обеспечения минимальных условий для его функционирования. Весьма широко эти операции были распространены у татарского населения Казанского уезда, особенно часто ими арендовались сенокосы. Так, например, служилые татары д. Большой Шукоты (8 дворов) за аренду 4 дес. 956 кв. саженной земли платили в Казанскую казенную палату в год по 37 коп. [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, л.261об.]. Служилые и ясачные татары д. Чемерцы и Теленгур арендовали 218 дес. 2267 кв. саженной земли, за что платили в казну по переоброчке [там же, л.295]. В «Экономических примечаниях» Казанского уезда отмечено 9 арендованных у казны дач, татарскими жителями: их общая площадь составляла более 910 десятин. Кроме того, татарские крестьяне арендовали земли и у соседних помещиков и татарских землевладельцев. Так, в дачах татарских деревень Казыево и Атабаево Тетюшского уезда имелись земли помещиков В.П.Куприянова и М.В.Матюнина. Последний помещик, не имевший крепостных в этих поселениях, отдавал свои земли татарским крестьянам в аренду, причем по весьма высокой цене: за одну десятину в год по 2 руб. [там же, д.431, л.79об.]. В д. Еникеево того же уезда имелись земельные владения служилых татар деревень Большие и Малые Кляри, которые отдавались в аренду различным лицам по цене 70 коп. за десятину в год [там же, л.86об.]. Вообще сдача татарами, в особенности служилыми, своих земель в аренду была также достаточно частым явлением в хозяйственной жизни крестьянства Среднего Поволжья. Например, в дачах деревень Ромашкино и Биктимирово Чистопольского уезда имелись земли служилого мурзы д. Камкино Княгининского уезда Нижегородской губернии Аита Аблязова, служилого татарина д. Грибан Сергачского уезда Себу-

хана Еналеева, служилого татарина Бугульминского уезда Уфимской губернии. Абдулмазита Шавеева, мурзы д. Старые Тиганы Батырши Адельшина, некоторых служилых татар из других деревень Чистопольского уезда. Понятно, что владельцы, проживая весьма далеко от названных деревень, не обрабатывали сами свои земли, а сдавали их в наем [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.449, л.14].

Пахотные земли, сенокосы, леса и другие угодья общин татарских ясачных крестьян или отдельных землевладельцев, зачастую располагаясь на отдаленных расстояниях от поселений крестьян. Как они появлялись?

Во-первых, это были издавна отданные татарским крестьянам пашни и сенокосы в качестве оброчной земли, причем они не обязательно были даже в своем уезде. Так, например, служилые татары д. Везеи Казанского уезда владели 377 десятинами 939 кв. саженями земли в Царевококшайском уезде [там же, д.435, л.64об.]. После появления закона о 15-десятинной пропорции иногда земли отдавались государством наиболее малоземельным крестьянским общинам. Так в конце XVIII в. 838 дес. 1113 кв. саженной сенокосов получили татарские и русские крестьяне деревень Ташкирмен, Сарали, Агайбаш, Сингали Лаишевского уезда [там же, д.412, л.52об.].

Во-вторых, отхожие земли появлялись как результат покупок земли более зажиточными крестьянами или мурзами, а также как пожалование от правительства различным землевладельцам. Например, в Чистопольском уезде на р. Толкиш располагались «жалованные земли» служилого татарина Шаффея Урманчеева площадью 109 дес. 1562 кв. сажени [там же, д.449, л.37]. В том же уезде на р. Челне находились «особо жалованные земли» мурзы д. Бакирово Умера Байбекова площадью 24 дес. 2200 кв. сажени, которые обрабатывались на владельца наемными людьми [там же, л.39об.–40]. В Казанском уезде при большой дороге из Казани в Уржум были земли, купленные разбогатевшими представителями служилых татар Мустаем Исениевым и Ибраем Юсуповым площадью 99 дес. 1131 кв. сажени [там же, д.402, л.307–307об.].

Отметим также и такое явление в земле- владении и землепользовании у татарских

крестьян Среднего Поволжья: служилые татары, жившие в пригородных слободах г. Казани, владели определенным количеством земельных угодий в разных уездах губернии. Так, например, в д. Кабан Лаишевского уезда имелись владения жителей слобод Кутлы Уразлина, Абдрафика, Абдулвагапа, Абдрашита Абдусалымовых, Мусы Кутушева, Биккула Аисова общей площадью 410 дес. 1940 кв. саженей [там же, д.403, л.16]. Такие же отхожие земли были в д. Ташкирмен Лаишевского уезда у жителя Старотатарской слободы Бикбова Исакова [там же, д.412, л.44], в д. Чертушкино Чистопольского уезда у служилого Ибрагима Мустафина [там же, д.449, л.33], в д. Каин Илга Мамашышевского уезда у служилого Мусы Якупова площадью 3927 дес. 32 кв. сажени [там же, д.416, л.86об.]. Земли, принадлежащие жителям татарских слобод г. Казани, обычно обрабатывались самими их хозяевами или наемными людьми.

Поскольку речь идет о земельных владениях татарского крестьянства, необходимо сказать и о торговых операциях в изучаемое время. Во второй половине XVIII в. уже не наблюдается такой массовой продажи земель служилыми людьми края, каковая, например, имела место в 20-е гг. [Алишев, 1973, с.21–22]. Однако сказанное не означает, что такая практика прекратилась совсем. Продажи-покупки земель в целях улучшения хозяйственного благосостояния продолжались. Особенно много материалов о них содержится в так называемых «спорных делах» Генерального межевания, причем сведения не только на конец XVIII в., а и за более ранние периоды времени [Димитриев, 1981, с.44–47]. Обычно в вопросах купли-продажи земли татарскими владельцами власти строго следили лишь за тем, чтобы торговые сделки не заключались между ними и русскими помещиками. Торговые же операции татарских крестьян-землевладельцев между собой были обычным явлением, в большинстве своем среди служилых. Приведем примеры. В мае 1774 г. служилый татарин д. Илькино Казанского уезда Мавлей Ишметев продал часть своей земли служилому татарину д. Куркачи Казанского уезда Шафею Бикееву [НАРТ, ф.1241, оп.2, д.2, л.29]. В 1786 г.

служилые татары Сагит, Абдрей, Муштарей Мансуровы и Мурадалей Муртазин продали служилому татарину Бакею Султанову свои земли в д. Большой Буртас Тетюшского уезда площадью 21 четверть, а также сенокосы и мельницу, получив за это 200 руб. В документах обычно указывалось, какова площадь оставшейся у продавцов земли «для платежа подушных денег и справления корабельных работ». Крещенные татарские крестьяне и мурзы продавали свои земли и русским помещикам: например, в 1754 г. новокрещен из служилых мурз Алексей Анисимов продал «крепостную поместную пашенную землю» и мельницу при д. Старое Барышево Свияжского уезда содержателю Казанской суконной фабрики Ф.Д.Дряблову, причем отметил в купчей, что для платежа государственных податей и для корабельных работ у него осталось в указанной деревне 12 четвертей земли со всеми угодьями [там же, д.730, л.4], т.е. всего 6 десятин, что является ярким примером мельчания землевладения служилых татар в изучаемый период.

Причины этих и подобных сделок довольно разнообразны. Для одних это был единственный путь покончить с недоимками или выплачивать государственные подати, для других продажа земель являлась следствием нехватки рабочих рук для ее обработки, третьи пытались, продав земли, заняться более доходным, на их взгляд, торговым промыслом.

Таким образом, рассмотрев некоторые вопросы о землевладении и землепользовании у татарских крестьян Среднего Поволжья во второй половине XVIII в., можно определенно утверждать, что разница в размерах земельных владений между служилыми и ясачными татарами почти не ощущается. Лишь некоторые из служилых владели отдельно обмежеванными дачами, имея, по-видимому, необходимые документы на эти угодья. Большинство же владений служилых татар уже было обмежевано в общие сельские дачи, т.е. они не только законодательно, но и в реальной хозяйственной жизни по своему положению были приравнены к ясачным крестьянам, ко всему сословию государственных крестьян России.

Служилое землевладение претерпело в изучаемый период большие изменения. Если по законам при предъявлении необходимых документов владельцы земли сохраняли свои права, то реально многие служилые не могли претендовать на это.

Ясачное общинное землевладение оказалось менее подверженным изменениям, количественным и качественным – и законодательно, и реально общины ясачных оставались держателями казенной земли. В документах очень мало сведений о продажах земель ясачными.

Обратимся теперь к характеристике земледелия у татар Поволжья и Приуралья в XVIII в. В это время в большинстве районов проживания татар господствовала уже трехпольная или паровая система земледелия. В отдельных районах встречалась подсечно-огневая, имелись у татарских крестьян «расчистные под пашни» земли [РГАДА, ф.248, оп.21, д.1346, л.1305]. Кое-где происходило становление трехполья, как, например, свидетельствовал известный ученый XVIII в. П.И.Рычков, изучавший земледелие крестьян Казанской и Оренбургской губерний: «многие из татар и иноверцев пашням своим никакого разделения не делают, где у них озимый, тут у них и яровой хлеб сеется». П.И.Рычков утверждал, что только «прилежнейшие земледельцы» содержат по три поля [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.375; Рычков, 1767а]. Господство трехполья в XVIII в. у всех крестьян края подтверждают многочисленные документы о земельных сделках, а именно встречающаяся в них формула «а в дву потому же». Действительно, для условий XVIII в. трехполье – паровая система земледелия была еще подходящей, ее преимущества перед более примитивными залежно-переложной и подсечно-огневой системами очевидны – она требовала меньше земли, меньше затрат труда [Халиков, 1978а, с.21–23], хотя и находилась в прямой связи с состоянием животноводства – источника удобрений, зависела от совершенства пахотных орудий. Подсека и перелог требовали большого количества земель, больших затрат труда и были редки у татарского населения региона, хотя в некоторых уездах встречались даже много

позднее – в первой половине XIX в. [Халиков, 1981, с.27–28].

Паровая система земледелия требовала обыкновенно удабривания пара. Характеристика физико-географических условий районов Среднего Поволжья показывает, что здесь существовали разнообразные почвенные условия для развития земледелия, и удабривание производилось, как правило, на наименее плодородных участках, да и не все крестьяне имели достаточное количество скота для этого. Так, например, о почвах южных уездов Казанской губернии – Чистопольского и Спасского путешественник Н.П.Рычков писал, что земля «для хлебопашества так способна, что нет ни малой нужды удабривать оную» [Рычков, 1770, с.4]. То же отмечал в своем дневнике И.И.Лепехин, причем писал, что унавоживание почвы, по опытам крестьян в этих районах, еще и вредит урожаю, «ибо на унавоженной пашне хлеб весьма скоро выбегает, и, имея тонкий стебель, ложится на землю, прежде нежели созреть может, отчего весь посев пропадает» [Лепехин, 1771, с.141].

Основными способами удабривания почвы как у татарского крестьянства, так и у прочего населения региона были толока – выгон скота на пашню осенью или весной, а также выжигание оставшейся на полях соломы, для чего хлеб специально жали высоко [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.375; Лепехин, 1771, с.141]. Как отмечено в Топографическом описании Казанской губернии, удабривание земель навозом было начато сравнительно поздно – «с недавнего времени» [РГИА, ф.ВУА, д.18743, л.190об.].

При толоке скот держали на земле по десять и более дней, причем крестьяне, ничем не рискуя, выгоняли скот на поле, где была засеяна рожь, когда земля, уже замерзала. Животные поедали зелень, но особого вреда от этого не было [Рычков, 1758, с.427–428]. Но поскольку для того, чтобы содержать скот, были необходимы корма, т.е. требовалось достаточное количество сенокосов, а их, как было показано выше, в регионе было явно недостаточно (см.: [Вильсон, 1869, с.58]), поэтому удабривание почвы навозом было во второй половине XVIII в. не повсеместным явлением, хотя в источниках отмечается, что в некоторых уездах

земля «нарочито удобрена» [РГИА, ф.ВУА, д.18743, л.9].

Кроме того, в изучаемый период земледельцами уже замечалась полезность чередования сельскохозяйственных культур – зерновых, технических, огородных, выращивавшихся крестьянами региона. Если один год на земле высевался горох, конопля или гречиха, то на следующий год «и самая плохая земля становится доброй» [Рычков, 1758, с.428].

В большинстве источников отмечается и состав сельскохозяйственных культур. Среди них называются рожь, пшеница, овес, полба, ячмень, просо, гречиха, горох, лен, конопля, репа [РГИА, ф.ВУА, д.18743, л.1об.; СПб. ФИРИ, ф.36, оп.1, д.488, л.255; РГИА, ф.91, оп.1, д.533, л.15–23; НАРТ, ф.324, оп.740, л.11]. Однако, к сожалению, не везде можно найти сведения об одном из важнейших показателей уровня земледельческой культуры – о соотношении площадей посевов, об урожайности. В документах есть только или весьма отрывочные сведения, или очень поверхностные характеристики этих показателей. Приведем имеющиеся цифры за 1767 и 1771 гг. по Свияжскому уезду, сравнивая площади посевов во всем уезде в 1767 г. и в 37 выбо-

рочно взятых татарских или смешанных поселениях для 1767 г. и в 45 таких селениях в 1771 г. (табл. 3.6).

Для сравнения приведем некоторые данные о соотношении площадей посевов у чувашских крестьян того же уезда в 1766 г.: рожь занимала 49,9% засеянной земли, овес – 17,7%, пшеница – 6,9%, ячмень – 6,1%, полба – 10,4%, горох – 3,5%, просо – 0,3%, конопля – 4,7%, лен – 0,5% [Димитриев, 1959, с.81]. Приведенные данные позволяют убедиться в том, что у татарских крестьян, как и у крестьян других национальностей рожь занимала наибольшую часть посевной площади, в разные годы по-разному засеивались такие культуры, как пшеница, овес, полба. Однако мы видим, что если площади овса и полбы колеблются сильнее, то процент посева пшеницы является более или менее постоянным, что пшеница в это время занимает свое место среди других сельскохозяйственных культур. Соотношение площадей посева тех или иных культур во всех татарских поселениях Поволжья и Приуралья в XVIII в. проследить очень трудно из-за недостатка имеющихся источников.

И все же общая картина к концу XVIII в. видится следующим образом.

Таблица 3.6.

Соотношение площадей посевов культур в Свияжском уезде в 1767 и 1771 гг. (в десятинах)

Культуры	Весь уезд 1767 г. (в %)	Татарские поселения	
		1767 г. (в %)	1771 г. (в %)
Рожь	26716 (50,00)	1772 (49,97%)	3136 (59,13)
Пшеница	7331 (13,72)	415 (11,70)	591 (11,14)
Овес	8080 (15,12)	392 (11,05)	1017 (19,17)
Полба	5166 (9,67)	281 (7,92)	287 (5,41)
Ячмень	1599 (2,99)	291 (8,21)	28 (0,53)
Просо	88 (0,16)	55 (1,55)	1 (0,02)
Конопля	2522 (4,72)	209 (5,89)	120 (2,26)
Лен	220 (0,41)	25 (0,70)	
Горох	1637 (3,16)	106 (2,99)	124 (2,34)
Гречиха	22 (0,04)		

Подсчитано по: [РГАДА, ф.441, оп.1, д.455, л.66; д.511, л.23–30об.; д.1000, л.23–37].

Практически везде первое место среди культур за рожью. В разных районах, соответственно их природно-почвенным условиям, а не каким-либо религиозным и национальным признакам, высевались различные культуры, поэтому и встречаются такие колебания в соотношении площадей овса, пшеницы, полбы. Отметим также довольно значительный процент площади конопли, важной технической культуры, причем посе­вы ее в Свияжском уезде были практически в каждом татарском поселении.

Особенностью хозяйств татарских крестьян в отдельных уездах, в частности, в плодородных южных уездах Казанской губернии – Спасском и Чистопольском, было то, что здесь обычно вместо гороха за­севалась чечевица, более засухоустойчивая культура, но не переносящая заморозков. Это отмечают известные источники [Лепехин, 1771, с.145; Рычков, 1758, с.516].

При характеристике земледелия необходимо остановиться и непосредственно на труде земледельца – способах, времени, особенностях подготовки почвы, посева, жатвы, обмолота, хранения урожая, орудиях труда, при этом применяемых.

Источники обычно не всегда подробно рассматривают эти вопросы, тем не менее позволяют представить некоторые особенности земледелия татарских крестьян в изучаемый период.

Сроки проведения сельскохозяйственных работ находились в прямой зависимости от природных условий, качества почв, но в среднем устанавливаются довольно точно. Обычно распашка земель под яровой хлеб начиналась в конце апреля, посе­вы делались в конце апреля – начале мая. Пашня под озимую рожь готовилась во второй половине июня – начале июля, землю вспахивали, а через месяц боро­нили. Каким образом крестьяне края готовили пашни под посе­вы? Основным орудием при этом были сабан – тяжелый плуг с металлическим лемехом, соха, участок пашни сохой вспахивали дважды, сабаном обычно один раз, боро­нили, причем также два раза.

Сроки и порядок высева культур приведены у П.И.Рычкова. Весной вначале высевали яровую рожь, затем горох и чечевицу, позднее высевались овес, пшеница, полба,

ячмень, просо, лен, конопля, самый поздний срок посева – примерно 8 июля – был у репы. Около 23 апреля, после того как «береза лист выпускает», высевался овес, пшеница в зависимости от погодных условий высевалась от 9 до 30 мая. Рожь сеяли обычно в первой половине августа, хотя иногда посев мог задерживаться и до сентября. Делалось это таким образом: перед посевом землю «разлещивали», т.е. делали борозды сохой на расстоянии двух саженей друг от друга, сеятель шел между этими бороздами и засе­вал поле, которое после сева боро­нилось [Рычков, 1758, с.484–485, 503, 506, 508, 513]. Любопытная деталь татарских крестьян отмечена в способе посева в некоторых районах: они обычно вначале пахали землю, затем сеяли зерно, а потом бороновали, другие же крестьяне вначале сеяли, а потом только пахали и бороновали [ОР ГПБ, ф.542, д.798, л.16об.].

Выше были названы основные пахотные орудия, бытовавшие у крестьян – сабан, соха, борона. Сабан у татарских крестьян в изучаемый период был наиболее распространенным орудием пахоты, что отмечено во всех источниках [РГВИА, ф.ВУА, д.18743, л.9; СПб. ФИРИ, ф.36, оп.1, д.488, л.262об.; РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.374об.; Рычков, 1758, с.415–417]. Он достаточно подробно описан в литературе [Халиков, 1981, с.55–59], поэтому здесь мы лишь отметим, что глубина пахания сабаном была одна четверть и больше (17–20 см), тогда как сохой, более распространенной среди русского населения, вспашки на глубину 3 вершка или 1 четверть (14–17 см) [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.374об.]. Сабан был весьма выгоден для поднятия целинных, залежных земель, но поскольку количество таких земель в Среднем Поволжье в изучаемое время сократилось, повсеместно крестьяне начинают переходить к более легкой сохе. К тому же, сабан обычно волокли 3–4 лошади, а не у каждого крестьянина они были. И все же сабан, отмеченный И.И.Лепехиным в мордовском с. Бесовка, был еще весьма распространен во многих районах, причем он успешно применялся многими народами, например чувашскими крестьянами [Димитриев, 1959, с.85]. С исчезновением целинных земель сабан начал вытеснять-

ся и у татарских крестьян [Рычков, 1758, с.419; РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.374об.]. Об этом, например, свидетельствуют описания имущества татарских деревень Казанского уезда, проведенные при решении судебного дела в 1768 г. Наличие железных сошников (деталей сохи) отмечено в хозяйствах ясачных и служилых татарских крестьян д. Менгер, Шемордан, Кушкат, Нурмабаш, Куперли [РГАДА, ф.529, оп.1, д.1540, л.2об, 4об., 5–7].

О распространении сохи свидетельствует и следующий пример: на допросе в Симбирской провинциальной канцелярии в 1768 г. крестьяне деревень Верхний и Нижний Четкас Калей Кадырметов и Аит Давыдов показали, что они были в кузнице в соседней деревне «для исправления сошников и прочих касающихся к пашне железных инструментов» [там же, ф.443, оп.2, д.163, л.7об.]. Основным орудием для бороньбы у татарских и других крестьян края была уже плетеная борона [Рычков, 1758, с.420], а не известная ранее борона-смык или борона-суковатка [Халиков, 1981, с.67]. Бороны эти были с деревянными зубьями, хотя уже встречались и с железными [РГВИА, ф.ВУА, д.18743, л.9].

Земля для посева обрабатывалась обычно очень тщательно. Вот как описывал подготовку пашни к посеву татарскими крестьянами П.И.Рычков: «некоторые татарские крестьяне сеют такую распашную сабаном землю не перепашивая в другой раз, но посеяв хлеб токмо заборонуют, и хлеб иногда удастся не худо, но кои в пашне других прилежнее и рачительнее, те всегда как земля от солнца перегорит, прежде сеvu боронуют ее попереk распашки, а потом в другой раз тем же сабаном перепашивают, чтобы глины или пластины с дерном ... разбить и так разбив и умягчив землю сеют, а потом еще и боронуют» [Рычков, 1758, с.418].

Сроки жатвы также во многом зависели от погодных условий, но обычно жатва начиналась в августе, в его первой половине. Основным орудием уборки хлебов был серп. Косы – горбуши и литовки – применялись более для травкошения, хотя косили ими и горох, и гречиху, но иногда горох резали и серпами. Технические культуры – лен и коноплю – выдергивали руками [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.376об.].

Здесь отметим только отличительные особенности жатвы и переработки хлебов у татарских крестьян, ибо основные элементы этих частей сельскохозяйственных работ были традиционными, общими для народов региона, тем более что они подробно описаны в литературе [Халиков, 1981, с.72–100].

1) После жатвы хлебов их клали кладыми (продолговатыми скирдами) и одоньями (круглыми кладами в снопах), причем татарские крестьяне делали для своих одоньев специальные помосты на столбах, что хорошо предохраняло хлеб от сырости и грызунов. Помосты эти делались на высоте 2–3 четвертей от земли (около 50–60 см) [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.377]. Этот факт отмечается во всех источниках как свидетельство бережливого, рачительного отношения крестьян к урожаю.

2) При сушке снопов обычным сооружением для татарских крестьян, как, например, и для чувашских, был так называемый овин-шиш, который представлял из себя яму с продолговатым выходом, окруженную коническим остовом из жердей. Ярусами на этот остов клались просушиваемые снопы, и в яме разводился огонь [НАРТ, ф.324, оп.740, д.344, л.40об., 42об.; Лепехин, 1771, с.146–147]. Сушка снопов в овинах-шишах была возможна только в сухую, ясную погоду, поэтому недаром казанский губернатор А.Квашнин-Самарин отмечал наличие их как недостаток татарского крестьянского хозяйства [РГАДА, ф.248, оп.113, д.1651, л.326], хотя преимуществом овина-шиша были его компактность и простота.

3) Особенности имелись и при обмолоте зерна. Существовало три способа обмолота: а) цепями; б) разостлав снопы; в) обмолот лошадьми. При третьем способе посреди тока или гумна ставился столб, вокруг которого стелили несколько рядов снопов. По этим снопам гоняли 3–5 лошадей, привязанных к столбу [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.378]. Понятно, что такой способ не применялся при желании сохранить солому.

Необходимо обратить внимание и на урожайность сельскохозяйственных культур, которая является важным показателем, в первую очередь, показателем товарности сельского хозяйства». Эти сведения также весьма трудно рассчитать по отдельным

народам, поэтому приходится воспользоваться общими региональными сведениями. Отметим, прежде всего нормы высева на одну десятину пашни: ржи высевалось 2 четверти, овса – 3–4, ячменя – 2–3, пшеницы и гречихи – 2.

Во второй половине XVIII в. во всем государстве намечается общая тенденция к понижению норм высева: ржи – 1–2 четверти на десятину, овса – до 3, других культур – до 1–2. Исследованиями Е.И.Индовой было показано, что, хотя в целом урожайность в XVIII в. во всем государстве обнаруживает тенденцию роста по сравнению с показателями XVII в., но в Среднем Поволжье на протяжении столетия урожайность культур несколько снизилась: рожь – от сам–4,1 до сам–3,9, пшеница – от сам–3,9 до сам–3,5, овес – до сам–4 [Индова, 1970, с.153].

Вот, например, какие нормы высева и урожая имеются в источниках: рожь – высев – 1–1,5 четверти на десятину, урожай – до 6–18 четвертей; пшеница – высев – 2 четверти, урожай редко удается 5–6 четвертей; овес – высев – 3,5–4 четверти, урожай – 10–23 четверти; полба – высев – 3 четверти, урожай – 6–15 четвертей.

Если привести конкретные цифры, имеющиеся по некоторым татарским деревням Свияжского уезда об урожае 1767 и 1771 гг., то увидим, что для большинства татарских поселений 1767 г. был неурожайным, большинство культур было собрано столько же, сколько и сеялось, т.е. урожайность отмечена как исключительно низкая – сам–1 – сам–1,5. В 1771 г. положение было уже несколько лучше, хотя и здесь урожайность основных культур была невысока: сам–1,5 – сам–3 [РГАДА, ф.441, оп.1, д.511, л.23–30об.; д.1000, л.23–37].

Или вот как характеризовал урожай зерновых в Арском и Чистопольском уездах в 1792 г. казанский губернатор С.Баратаев: «хлеб в двух уездах родился посредственно, и приходится на каждую душу по одной четверти с небольшим урожае, но у жителей есть оставшийся от прошлых лет хлеб...» [там же, ф.Госархив XVI, д.727, л.1об.]. «Одна четверть с небольшим» – это примерно 8,5–9 пудов хлеба, что, бесспорно, было очень мало.

Любопытно отметить, что выходы из Среднего Поволжья – торговые татары Сеитовой (Каргалинской) слободы под Оренбургом настолько высоко подняли уровень земледелия, что их успехи очень лестными словами описываются в источниках: «при Сеитовой слободе довольно сеют, но почти все яровое. Пшеница же их так хороша, что в печенье равняется она с крупчатой мукой». Урожаи пшеницы отмечались здесь в сам–6 – сам–7, хотя земли были не более плодородны, чем в окружающих уездах Оренбургской губернии [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.364].

Таким образом, источники рисуют нам довольно пеструю картину урожайности различных культур в изучаемое время на территориях, где проживало татарское население. В Среднем Поволжье с его сравнительно плодородными почвами урожай к концу XVIII в., хотя и несколько понизился, но приближались к нормам урожаев, установившихся в черноземной полосе [Индова, 1970, с.153]. Сообразно урожайности, экономическим интересам, с учетом природных условий во многих районах менялась структура посевов. Это меньше касалось ржи, ее площади в процентном отношении оставались более или менее постоянными, в Среднем Поволжье это больше относилось к таким культурам, как овес, полба, пшеница.

Неурожаи в Поволжье и Приуралье также были нередки – например, самыми серьезными по своим последствиям были неурожаи 1766–1767, 1787–1788 гг., в отдельных уездах – в 1754, 1758, 1763, 1778, 1783, 1785, 1795 гг. [Безобразов, 1893, с.48–73; Индова, 1970, с.144; Словцов, 1858, с.470, 480].

Наряду с земледелием татарские крестьяне занимались и огородничеством, садоводством и хмелеводством. Современники отмечали наличие огородов у крестьян края И.И.Лепехин сообщал, что в огородах сажались свекла, морковь, капуста и огурцы [Лепехин, 1771, с.147]. И.Г.Георги упоминал только «всякую зелень» [Георги, 1779, с.14].

Можно полагать, что в татарских поселениях имелись и сады. Например, в документах 60-х гг. XVIII в. встречаются упоминания яблонь и прочих «овощей» в татарских и чувашских деревнях Сви-

яжского уезда [Сб.РИО, т.115, с.394, 413]. В некоторых татарских поселениях были отмечены клубника [ОР ГПБ, ф.542, д.798, л.23], калина и вишня [Лепехин, 1771, с.149], из которых хозяйки делали пастилу и различные напитки. Но все же сады и огороды были редки у татарского населения, что можно связать и со стремлением получить большой урожай зерновых за счет использования максимальным образом площади имеющихся земель, и с семейными разделами приусадебной земли, и, в какой-то мере, с нетрадиционностью этих культур у татарского народа.

Хмелеводство также не получило широкого распространения у татарских крестьян губерний Поволжья и Приуралья, такого как, например, у чувашских. Хотя хмелевые огороды в конце XVIII в. отмечались в некоторых татарских деревнях: в Царевококшайском уезде в деревнях Уразлино, Улля, Борисовский Атар и др. [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.435, л.62, 80об., 83, 98, 103, 104об.].

Таким образом, видим, что земледелие татарских крестьян Поволжья и Приуралья развивалось в общем русле развития земледелия крестьян других национальностей. Это не исключает существования отдельных особенностей в агротехнических приемах, способах посева и обмолота, пахотных орудиях, что было связано как с традиционностью этих черт, так и с разнообразием природно-почвенных и социально-экономических условий в разных районах. Имевшиеся специфические особенности были всегда на виду, народы перенимали друг у друга наиболее полезные и необходимые сведения.

Подспорьем к земледелию татарских крестьян было скотоводство, в источниках отмечается даже их «особая склонность к скотоводству» [РГВИА, ф.ВУА, д.18743, л.4; д.19026, л.245; Георги, 1779, с.10]. К сожалению, по имеющимся источникам трудно представить в подробностях процесс развития скотоводства у татарских крестьян в XVIII в., в частности, провести сопоставление количества скота у крестьян с имеющейся у них в распоряжении земельной площадью. Однако из различных хозяйственных описаний можно узнать, что обычно татары содержали лошадей, коров,

овец, коз, домашнюю птицу – кур, гусей, уток. Обеспеченность скотом во многом зависела от хозяйственного благосостояния семей. Семьи со средним достатком имели обычно 2–3 лошади, такое же количество коров, 10–12 овец или коз, 10–15 кур или гусей. В 1756 г. были описаны имущества некоторых ясачных татарских крестьян в деревнях Казанского уезда за продажу «неуказной» соли, при этом оказалось у Абдулыза Уразаева из д. Менгер – 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы, 5 кур; у Исмаила Алякова всего одна лошадь и 5 кур; Мурсалима Бикчурина из д. Нижний Самит – 2 лошади и 10 кур; Сагита Сеитова – 1 лошадь, 2 коровы, кур; Семена Кутлина – лошадь, 2 овцы, утка, 7 кур; у Ишмурата Ишменева из д. Шемордан – лошадь, корова, 5 овец, 5 кур, гусь; у новокрещена Ивана Яковлева из д. Кушкат – лошадь, корова, 3 овцы, гусь, утка, 10 кур; у Бикбова Абдурахманова – из д. Нурмабаш – лошадь, 4 коровы, 3 овцы, 6 кур; Субханкула Кимекеева из д. Куперли – 3 лошади, овца, коза, 7 кур [РГАДА, ф.529, оп.1, д.1540, л.2–8об.].

В более восточных районах, в целом, скота содержали больше, хотя и здесь налицо неравенство крестьян. В 1797 г. при описании имущества ясачного татарина Абзелиля Суяргулова из д. Каинлы Мензелинского уезда оказалось у него скота – 2 лошади, 5 коров, 15 овец, 3 гуся, 30 кур; в д. Каинтюбе у тептярей Салиха Надырова – 2 лошади, 3 коровы, 2 овцы, 15 кур; Аднагула Сыртланова – 6 лошадей, 2 коровы, 4 овцы; Ишмухамета Токаева – 2 лошади, 2 коровы, 3 овцы, а вот у жителя д. Муртыш Тамак Тимергази Тимерлина была лишь одна лошадь и две коровы [НАРТ, ф.1241, оп.1, д.138, л.149–149об.; д.139, л.93; оп.2, д.397, л.105об., 153об., 154]. Таким образом, видно, что наличие различных домашних животных в хозяйствах, их количество показывает в определенной степени наличие разных хозяйственных возможностей татарских крестьян – количество скота во многом зависело от площади сенокосов. Надо сказать, что и путешественники XVIII в. отмечали неравное количество скота у разных крестьян. Стада зажиточных крестьян обычно паслись отдельно [Лепехин, 1771, с.149]. В восточных районах Казанской и Уфимской

губернии если у хозяина было 15 лошадей и 5 коров (!), то он считался бедным [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.98об.]. И как отмечают источники, здесь мещеряки, ясачные и служилые татары «лошадьми не скудны, однако не так богаты как башкирцы и киргизы, но между ними нередко находится с лошадьми до ста и более. Овец много они не держат, но коров пред всеми живущими в Оренбургской губернии обывателями находится у них больше, и сей их скот гораздо лучше и крупнее российского» [там же, л.371об.].

Отмечается у некоторых татарских крестьян и большое количество домашней птицы, причем «особливо располагают они гусей, которых в летнее время нигде больше, как при татарских жилищах не находится», а к осени иногда татарские семьи имели по 30–40 гусей.

Цены на скот также весьма значительно колебались в разных районах, но в среднем лошадь стоила 5–15 руб., но порой до 25–40 руб., корова – 3–6 руб., овца – 50 коп. – 1 руб., гусь – 10–15 коп., курица – 5 – 6 коп.

Скот содержали в специально построенных абзарах или черных избах, зимой же иногда в загонах, сооруженных у деревень, а летом, после выгона скота в поле, на месте этих загонных сеяли пеньку [Лепехин, 1771, с.149; Паллас, 1786, с.8]. В зимнее время скот кормили сеном или соломой (полбьяной или пшеничной сечкой), для этого солому мелко крошили и обдавали кипятком. Интересно, что овец в большей степени старались кормить соломой, почти исключая из их рациона сено, так как по народным приметам овцы, которые содержались на одном сене, чаще заболели и давали плохую шерсть [Лепехин, 1771, с.149].

Продукты животноводства шли и на домашние нужды, и на продажу. Из молока делались масло, сыр-курт, другие продукты. Из шерсти татарские крестьянки валяли грубые сукна на онучи и кафтаны, ткали также тонкие сукна. Кожа шла на изготовление шуб, тулупов, обуви, головных уборов, лошадиной сбруи [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, л.197об., 362; д.412, л.245; д.416, л.104об., 114об., 116об.]. Сырые кожи иногда продавались в уездах на действующие в крае кожевенные предприятия [НАРТ, ф.324, оп.740, д.344, л.52].

Из других занятий должно быть отмечено пчеловодство. В источниках отмечается, что татарские крестьяне «большие охотники до пчел», пчеловодство упоминается во многих деревнях Среднего Поволжья как одно из занятий населения, например, в деревнях Казанского, Лаишевского, Чистопольского, Мамадышского уездов, а ясачные татары д. Череватырево Чистопольского уезда даже занимались продажей меда «в близлежащих базарах» [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.449, л.122].

Рыболовство и звероловство у татарских крестьян в изучаемый период почти не отмечены. Об этом есть лишь некоторые упоминания в документах – указание на рыболовство в «Экономических примечаниях» Казанского уезда и звероловство, например, у служилых татар д. Ямбулатово Лаишевского уезда, ясачных татар деревень Бахтивраг, Дюргюли, Гороховое Поле Мамадышского уезда [там же, д.402, л.198; д.412, л.233; д.416, л.73].

Орудия труда, необходимые бытовые предметы крестьяне обычно изготавливали сами для себя: «всякая почти деревня имеет своих кожевников, сапожников, портных, красильщиков, кузнецов, плотников. Трудолюбивый деревенский женский пол их прядет и тклет собственную шерсть или лен и пеньку своего приобретения» [Георги, 1779, с.11]. В деревнях делали сани, телеги, пахотные орудия (сохи, например, изготавливали, скалывая части стоящих деревьев к корню), предметы быта [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.412, л.240, 241об.; д.416, л.104об., 114об.]. И.И.Лепехин, в отличие от И.Г.Георги, не заметил кузнецов в татарских деревнях, а писал, что кузнецы здесь бывают только наезжие [Георги, 1779, с.152].

Характеристика условий хозяйствования и бытовых занятий крестьянства была бы, думается, неполной без описания надворных построек, предметов повседневного быта. Вот как описано имущество упоминавшегося выше ясачного татарина Абзелиля Суяргулова из д. Каинлы Мензелинского уезда, который, судя по количеству его скота, принадлежал к крестьянам среднего достатка: «изба липовая, а другая против ее сосновая, обе со скосящатыми (т.е. скошенными. – И.Г.) окошками, а промежду ними сенцы, огорожены липовыми заплота-

ми, во дворе одна клеть сосновая с перерубом о двух дверях, крыта драницами, сарай осиновый крыт драницами, ветхий, клеть же осиновая, крыта драницей, клеть же осиновая, абзар с одним телятником, крыт полубинами (т.е. липовой корой. – *И.Г.*), ветхий, городьба около двора, обложенная липовыми заплотами, во дворе полевые ворота, возле них пять заплот липовых, гумно, огороженное пряслем» [НАРТ, ф.1241, оп.1, д.138, л.149]. У крестьянина д. Нижний Самит Казанского уезда Мурсалима Бикчурина имелось: «две избы елевые, между ними сени тесом крыты, в сенях два чулана елевые, два стола липовые, клеть елевая, баня, конюшня с перерубом, абзар скотской...» [РГАДА, ф.529, оп.1, д.1540, л.2об.]. Менее разнообразны постройки у ясачного татарина той же деревни Семена Кутлина: «изба елевая, перед ней сени с перерубом, баня елевая, клетушка елевая, абзар скотской в нем конюшня» [там же, л.4об.].

Мы видим, что у татарских крестьян для постройки различных хозяйственных помещений использовалась различная древесина – сосна, ель, осина, липа. Сами надворные постройки предназначались для разных бытовых надобностей, и были поэтому довольно многообразны. Они достаточно ясно показывают хозяйственное благосостояние хозяев. Об этом же свидетельствуют описи имуществ татарских крестьян в отдельных деревнях. В доме тептяря д. Каинтюбе Мензелинского уезда Салиха Надинова имелось: «перины перовые – две, подушек перовых – две, зипун синего простого сукна, коробок осиновых гнутых – две, котел чугунный в два ведра, чашек деревянных крашенных – пять, блюдо крашеное деревянное, квашня дубленая, книга, написанная по-татарски, котки мужские, портки,

топоров – два, тесла, скобелей – два, долот без струббок – два, отвертка железная, ножниц – двое, брус для точения топоров, череседельник ременной, кадушек дупляных – семь, коса-горбуша, серпов – три, молотен для молочения хлеба – трое, решот – два, сито, телега решетчатая с передними и задними точеными колесами» [НАРТ, ф.1241, оп.2, д.397, л.105–105об.]. Как видим, имущество довольно разнообразное. Наличие многочисленных металлических изделий говорит о широком внедрении торговли ими в татарскую деревню, так как своих кузнецов в поселениях обычно не было, а крестьяне пользовались услугами наезжих или сами отправлялись в другие жительства.

Подытоживая все сказанное о сельскохозяйственном производстве у татарского населения Поволжья и Приуралья, заметим, что оно, конечно, опиралось на складывавшиеся веками экономические традиции, в первую очередь в развитии земледелия. Бесспорно, огромное влияние на развитие сельского хозяйства оказывал природно-географический фактор – оно продолжало быть сильно зависимым от капризов природы. Не могла не воздействовать на результативность сельскохозяйственного производства и правительственная политика, особенно налоговая, податная система. Крестьяне разных национальностей, веками проживавшие рядом, понятно, не могли не контактировать в хозяйственной сфере, они делились опытом, перенимали друг у друга наиболее эффективные орудия труда, способы ведения хозяйства. Сельское хозяйство у татар, как и других народов империи, в XVIII в. не стояло на месте, находилось в постоянном поиске и развитии, и, несмотря на разного рода трудности, добивалось определенных успехов.

§2. Развитие мелких форм производства и мануфактуры

Экономическое положение татар определялось их нахождением с середины XVI в. в составе Российского государства, что наложило свой отпечаток на весь ход их истории. Торговля являлась одной из первостепенных предпосылок появления и развития мелких форм производства и об-

Ильшат Файзрахманов
условила их отраслевую направленность. Рынок определял, какие товары нужно производить и в каком количестве. Тесные и давние хозяйственные, торговые связи со многими городами и регионами России и зарубежья содействовали развитию экономики региона в целом.

Во многом благодаря деятельности татарских купцов стало возможным создание благоприятных экономических условий для экономического процветания. Описывая занятия татарина, В.Рагозин отмечал, что «торговля – его стихия. Если у него заведется хоть небольшая капитал, он сейчас пускается в торговлю: скупает в одних русских деревнях яблоки и вишни, выгодно меняет в других на яйца, отыскивает мерлушки, перекупает лошадей; и все это продает с большими выгодами для себя. ... По своей сметливости, расторопности и плутовости многие из татар обогащаются» [Рагозин, 1881, с.171].

Изменения, произошедшие в жизни татарского населения в царствование Екатерины II, затронули и сферу торговли. Татары получили большую свободу для ведения экономической деятельности в различных регионах империи, были сняты ограничения, препятствовавшие их записи в купеческое сословие. В 1782 г. был создан орган самоуправления татарских слобод Казани – Татарская ратуша. В результате этих шагов правительство рассчитывало не только повысить доходы казны, но и завоевать расположение влиятельных кругов татарского общества, поставить их под свой контроль. Во многом решалась и задача снятия социально-политической напряженности, имевшей место среди нерусского населения края в середине XVIII в. и в значительной степени вызванной политикой христианизации, проводимой властями в предшествующий период.

Именно при Екатерине II произошло становление промышленности, основанной на наемном труде и ориентированной на широкий рынок. В дальнейшем она неуклонно и необратимо развивалась в условиях сохранения в стране крепостнической системы.

Успешному развитию татарской мануфактурной промышленности содействовал ряд факторов. Во-первых, татарские предприниматели уже имели определенные навыки и опыт ведения подобных дел. Многие производства являлись для них традиционными. Во-вторых, они, как правило, даже в эпоху крепостного права использовали на своих предприятиях вольнонаемный труд, а продукция реализовывалась через

рынок. В-третьих, в условиях свободной конкуренции, пока крупный бизнес еще не монополизировал производство, их малым предприятиям с двумя-тремя и более рабочими относительно легко удавалось соперничать с русскими предприятиями. В-четвертых, издавна сложившиеся торговые связи с казахами и с Востоком помогали получать дешевое сырье в виде кож, животного жира и др. В-пятых, в казахской степи и в Средней Азии они имели неограниченный рынок продажи продукции своей и российских мануфактур. В-шестых, наметившийся кризис крепостнической мануфактуры открывал широкие возможности для выгодного вложения капиталов. В-седьмых, экономическая политика государства была направлена на развитие торговли и промышленности вообще, а не только русской.

Эволюция купечества первой половины XVIII в. характеризовалась неустойчивостью купеческих родов и постоянным изменением состава купечества в целом. Ни одна купеческая фамилия Казани петровской эпохи не сохранила своего положения даже до начала XIX в. А вот многие именитые купцы и промышленники Казани XIX в. и начала XX в. являлись потомками тех, кто начал свое возвышение в торговле и мануфактурном производстве во второй половине XVIII в. Сюда следует отнести Юнусовых, Апанаевых, Бурнаевых, Квасниковых, Аитовых, Хузясеитовых, Маматовых и многие другие фамилии [Свердлова, 1998, с.8].

Ремесло и промыслы. Ремесло развивалось и в сельской местности, в том числе в районах с преобладанием татарского населения. Ремесла распространялись на новые селения и охватывали новые слои крестьян там, где они уже существовали. И.Г.Георги отмечал: «Всякая деревня [казанских и оренбургских татар] имеет своих кожевников, сапожников, портных, красильщиков, кузнецов, плотников...» [История, 1937, с.222]. В.А.Сбоев в своем исследовании писал, что «почти все подгородные селения Казанского уезда состоят из ремесленников, как-то: столяров, слесарей, плотников и прочих. Некоторые выделывают сафьян, юфть и другие кожи» [Сбоев, 1856, с.34].

«Мастерства же и искусства имеют иконописное, кузнечное, чеботарное, серебряное, медное, набоечное», – отмечалось в описании города Елабуги 1784 г. Эти ремесленники шли в «отход» в Уфимское, Пермское, Казанское, Симбирское наместничества «для портного, чеботного, овчинного ремесла» [Гришкина, 1977, с.77–78].

Успешно развивались промыслы по обработке дерева. Особенно широко были распространены промыслы по плетению изделий из лыка и мочала (рогожно-кулеткацкий, изготовление лаптей, витье веревок, канатов), плотницкий, пильный, столярный, бондарный, жжение угля и получение поташа, санно-тележный и др. Плотницкий промысел был особо развит среди татар. Не случайно К.Фукс отмечал: «... я часто видел, что татарские мужики занимались строением деревянных домов в русских деревнях» (цит. по: [Халиков, 1998, с.41]). Столярное ремесло включало в себя производство ткацкого оборудования – челноков, берд, веретен. Помимо этого столяры изготавливали мебель, оконные рамы и двери, лопаты, посуду и т.п.

Производство бочек происходило зимой в жилой избе, летом на дворе, под навесом, где размещались необходимый материал и инструмент. Некоторые бондари имели отдельные помещения в виде небольшого сруба, расположенного среди надворных построек. Продукция, поставляемая бондарями, обеспечивала нужды не только местного населения. Большое количество клепки отправлялось на нижнюю Волгу, где из нее изготавливались бочки для рыбы [Бусыгин, 1966, с.149]. Вошли в практику и бочки с железными обручами. Еще при Петре I их изготовление было поставлено на промышленную основу в Казанском адмиралтействе.

Население сельскохозяйственных районов занималось переработкой сельскохозяйственного сырья и изготовлением различных изделий из кожи, шерсти и т.д. Промыслы и ремесла наибольшее распространение получили среди русских и татар. Отдельные виды промыслов характерны для одного народа. Так, среди татар были наиболее распространены ткачество, кожевенные промыслы, у русских – обработка металлов.

Ткачество было одним из традиционных промыслов татар. Успехи в кумачном производстве стали возможными и благодаря традиции ткачества татар, уходящей в глубину веков. Многие крестьяне занимались изготовлением сукон и ткали полотно. И.И.Лепехин отмечал, что «татары валяют грубые сукна на кафтаны и онучи», И.Г.Георги писал: «трудолюбивый деревенский женский их пол прядет, тклет собственную шерсть, или лен, или пеньку своего приобретения» (цит. по: [История ТАССР, 1955, с.191]).

Наибольшее развитие среди татар получил кожевенный промысел, являвшийся для них традиционным. Он включал обработку кожи (изготовление юфти), выделку овчин и козловых шкур (меха, сафьян) и шитье изделий из них. Основная масса обработанных ремесленниками кож шла на изготовление обуви. Из кожи шили национальную татарскую обувь – ичиги и туфли из зеленого сафьяна. Так, в 1790-х гг. казанский чеботарь Мустафа Файзуллин побывал по делам в Сеитовой слободе Оренбургской губернии, где купил для образца мужские ичиги, сделанные в Бухаре. Вернувшись в Казань, по этому образцу он начал изготавливать мужскую и женскую обувь. Его примеру последовали другие [Обзор, 1896, с.55]. Качество изготавливаемой кожи было очень высоким. В своих «Путешествиях...» англичанин Джон Белл отмечал, что в Казани делалась наилучшая в России юфть, которая отправлялась в Италию (Ливорно) и другие европейские страны [Знаменитые люди, 1990, с.28]. Основным центром производства ичигов была Казань и близлежащие к ней слободы и деревни. Села Алаты и Атя Казанского уезда стали крупными центрами кожевенного производства. Промысел был распространен также в Чистопольском, Спасском, Мамадышском и Тетюшском уездах. Высококачественные изделия из сафьяновой кожи, особенно ичиги, пользовались большим спросом у многих народов края, в том числе и у русских. В описи имущества умершего в 1803 г. в Казани купца Г.П.Каменева значилось: «одни ичетки и туфли зеленого сафьяна, шитые золотом» (цит. по: [Бусыгин, 1966, с.169]). Значительная часть населения Средней Азии носила кожаную обувь, сделанную казанскими умельцами.

Изготавливались также опоек, подошвенные, лощеные выростковые кожи, отчасти твердые подошвенные и сыромятные кожи и др. Из них шили сапоги, кожаные галоши, рукавицы, конские сбруи и т.п. Кожу выделывали в многочисленных мастерских, некоторые кожевни не имели особого производственного помещения: выделку кож производили в поставленном во дворе чане, отделку – в жилой избе. Во главе предприятия стоял сам хозяин, а работа велась при участии членов семьи. Обычно на целую деревню существовала одна кожевня, в которой обрабатывались кожи из всех хозяйств. Распространение кожевенного промысла способствовало развитию производства золы, поташа, квасцов и других материалов, необходимых для выделки кож.

Овчинное производство имело большое значение в хозяйственной жизни населения. Почти в каждом селении имелся свой скорняк, обслуживавший односельчан. Эти традиции сохранились и в XIX в. Например, многие семьи д. Байчуга Атнинской волости Казанского уезда занимались овчинным промыслом. В зимнее время почти все мужское население деревни работало на кожевенных «заводах» Казани. Туда же нанимали подростков с 10 лет [Материалы, 1887, с.184–185]. Деревня Карадули Казанского уезда славилась выделкой овчин. Скорняжный промысел был наиболее развит в деревнях Казанского и Мамадышского уездов, где им занимались почти исключительно татары. Валяльным промыслом занимались многие жители Кукмора.

Также широко был распространен портняжный промысел. Обычно портные работали у себя дома. Они шили платья, шубы, кафтаны, шапки и другую одежду из материала заказчика. Большое количество заказов поступало от чиновников, помещиков, односельчан. К известному портному заказчики приезжали даже из далеких деревень. Некоторые портные ходили по деревням в поисках работы. Портняжные работы производились, как правило, в течение осени и зимы. С наступлением заморозков портные расходились парами (большой частью мужчина с подростком) по окрестным селениям, они останавливались там, где находили работу. Портняжничеством занимались

преимущественно татары. Так, в Лаишевском, Мамадышском и Казанском уездах около 90% всех портных были татарами. В конце XVIII в. касимовским купцом Давлеткильдеевым в починке Шемордан и в д. Ядыгер на базе разбитого здесь овчинного и портновского ремесел был организован промысел по шитью тулупов, полушубков, шапок, рукавиц [Халиков, 1998, с.72]. Портняжничество было развито в деревнях Большие и Верхние Кибяк-Кози, Максабаш, Починок Уют, Большие Метески Лаишевского уезда и др. [Материалы, 1887, с.256]. Е.П.Бусыгин отмечал, что иногда портные-татары жили в русских деревнях по несколько лет [Бусыгин, 1966, с.303]. Татары-портные Заказанья особенно славились мастерством по пошиву тулупов, они обслуживали не только свою округу, но и обширные районы Закамья, Приуралья и Урала. Много портных, изготавливавших халаты, армяки, тулупы и т.п., было в Буинском уезде Симбирской губернии.

В плане развития ремесел и промыслов выделялись Казанский, Мамадышский, Царевококшайский и Лаишевский уезды Казанской губернии. Н.А.Халиков отметил несколько особенностей этого района: высокая концентрация населения вообще и татарского в частности, что имело следствием значительный убыток рабочих рук на селе; давние ремесленные традиции населения, в том числе восходившие к городской культуре татар и их предков; близость к Казани; развитая Волжско-Камско-Вятская транспортная система. С середины XVIII в. численность ремесленников в этом районе все более перестает соответствовать возможностям местной сырьевой базы и рынков сбыта [Халиков, 1998, с.71]. Благоприятной для себя хозяйственно-экономической ситуацией успешно воспользовался сосредоточенный здесь мелкий предпринимательский и крупный торгово-промышленный национальный капитал. Результатом было формирование в Заказанье с XVIII в. обширного по территории и масштабам производства ремесленно-промышленного центра [там же].

Таким образом, в XVIII в. в развитии ремесленного производства произошли определенные изменения – наблюдался количественный рост промыслов и ремесел,

изделия которых распространялись все дальше от места производства. Ведущей тенденцией в мелком производстве стало дальнейшее усиление его ориентации на рынок. Углублялась специализация районов. Складывалась своеобразная промышленная культура, когда по наследству, из поколения в поколение передавались мастерские, навыки и деловые связи.

Мануфактура. С началом царствования Петра I начался «мануфактурный» период в истории русской промышленности. Власть направила усилия, прежде всего, на развитие крупной мануфактурной промышленности в металлургии, суконном производстве, судостроении и т.д. Работа Адмиралтейства в Казани, металлургических заводов на Урале и в Приуралье поддерживалась главным образом за счет эксплуатации приписанных к ним крестьян, преимущественно из татар.

Так, к концу XVIII в. на 9 медеплавильных заводах, находившихся на территории современного Татарстана (Бемьшском, Берсутском, Богословском, Коринском, Иштерьяском, Мешинском, Таишевском, Шильвинском и Варзино-Алексеевском) было занято от 2930 до 3167 человек, из них 1140 мастеровых людей, 901 крепостной и от 889 до 1126 вольных работников. Последние в основном были заняты на добыче и перевозке на заводы медной руды.

Важную роль в обеспечении рабочей силой металлургических предприятий Урала и Приуралья сыграла приписка к ним крестьян. К работам в значительном количестве привлекались крестьяне тех районов, где были соответствующие заводы. Однако к середине XVIII в. Урал и Приуралье, где и открывалось большинство металлургических предприятий, имели относительно низкую плотность населения. Поэтому на эти мануфактуры отправлялись крестьяне близлежащих губерний, где плотность населения была более высокой. Так, более 25 тыс. крестьян Лаишевского, Чистопольского, Мамадышского и Казанского уездов были прикреплены к Воткинскому, Ижевскому, Авзяно-Петровскому, Вознесенскому, Рождественскому, Таишевскому, Шильвинскому и другим заводам. Так, в 1767 г. только Воткинский и Ижевский заводы имели 18 971 приписного крестьянина [Чулков,

1786, с.553]. На Авзяно-Петровских заводах приписных государственных крестьян насчитывалось 2592 [Герман, 1808, с.553]. Что касается местных предприятий, то в 1757 г. число приписных крестьян к Коринскому, Таишевскому и Шильвинскому заводам достигало 789, к концу века приписные крестьяне имелись только у Таишевского завода (130 человек) [МИБ, 1956, с.343]. Из этого видно, что труд приписных крестьян в медеплавильной промышленности во второй половине XVIII в. использовался все меньше и меньше. При этом увеличивалось число вольнонаемных работников на горнодобывающем производстве.

Норма приписки государственных крестьян к медеплавильным заводам составляла до 50 дворов (по четыре рабочих единицы на двор) на каждые 1 тыс. пудов выплавленной меди. Каждый приписной крестьянин ежегодно был обязан отработать на заводе определенное количество дней: крестьянин с лошадей зимой 17, летом 28 дней; пеший – зимой 42, летом 34 дня (без учета дороги до завода и обратно). Но хозяин завода нередко сам вносил за прикрепленных крестьян подушную подать, и тогда крестьяне были вынуждены отрабатывать на заводе ежегодно по 80–160 дней. На деле эти сроки часто превышались.

Из наказов крестьян Казанского уезда, приписанных к Воткинскому, Ижевскому и Вознесенскому заводам, видно, в каком тяжелом положении они находились. Крестьян к заводам часто приписывали целыми деревнями. Но не все они могли работать: здоровым приходилось выполнять работу не только за себя, но и за больных, престарелых, малолетних и умерших [Сб.РиО, т.115, с.254–259, 260–264].

Приписных крестьян высылали на заводы тремя партиями, по 500 человек в каждой. Первая направлялась на заготовку куренных дров и должна была приступать к работе с 1 марта. На каждого рубщика приходилось по 18 кубов сажений. На рубку 1 сажени отводилось 5 рабочих дней. До 40 дней уходило на дорогу. Таким образом, крестьяне находились на заводах почти полгода, в самую страдную пору, и не имели возможности даже заготовить на зиму сено для лошадей.

Вторая партия отправлялась в августе на заготовку угольных куч. Ей надлежало сложить, одернить, выжечь и разломать 602 двадцатисаженных кучи. Одну кучу два работника с лошадьми выкладывали около трех недель. Процесс жжения длился 7 недель. Этой работой крестьяне были заняты до наступления холодов и, если не успевали закончить, вторично являлись в мае следующего года. Чтобы повторно не преодолевать 500–700 верст, некоторые нанимали вольных, выплачивая им суммы, в три раза превышавшие установленную законом плату.

Третья партия высылалась в сентябре на добычу и перевозку руды. Ей предстояло добыть, обжечь и вывезти на заводы 399,6 тыс. пудов. Работа требовала большого числа лошадей, фураж для которых приходилось закупать по высоким рыночным ценам. Крестьяне жаловались: многие из них, разорившись, забросили наделы и находились при заводах безотлучно, там же зарабатывая себе на жизнь вольным наймом [Сб.РИО, т.115, с.251–254].

Крестьяне писали в наказе, что сами по себе работы хотя и тяжелы, но посильны. Однако дальность расстояния, при которой только на дорогу до заводов и обратно уходило два месяца, лишала их возможности использовать летнее время для полевых работ. Медные рудники находились от завода на расстоянии до 200 верст. Вozить руду приходилось по бездорожью. От непосильной нагрузки гибли лошади, быстро выходили из строя тележные колеса.

За тяжелейшую работу крестьяне получали мизерные деньги: в летнее время мужику с лошадей платили 10 копеек, безлошадному – 5 копеек, в зимнее время – с лошадей по 6, без лошади по 4 копейки в день. Деньги чаще всего выдавались в виде аванса, который предстояло отработать с большими процентами. Владелец обязывался обеспечить подсобных рабочих продовольствием (главным образом, мукой и солью) по определенным нормам, стоимость которого вычиталась из заработной платы [История ТАССР, 1955, с.197]. За все приходилось платить из собственного кармана: за хлеб и фураж, за аренду инструмента и инвентаря по 25 копеек с комплекта, за его ремонт – особую плату. В результате

заработанные каторжным трудом деньги уходили на пропитание и оплату связанных с отработками издержек, на уплату подушной и оброчной податей ничего не оставалось [Сб.РИО, т.115, с.254–259].

Кумачная промышленность. В начале XVIII в. практически все потребности России в хлопчатобумажных тканях удовлетворялись за счет товаров, привозимых из Средней Азии и Ирана. Учтывая, что Россия не всегда имела дружественные отношения с этими странами, а также дороговизну закупаемой ткани, было необходимо наладить собственное производство. Связанные со среднеазиатской торговлей татарские купцы и промышленники одними из первых наладили у себя хлопчатобумажное производство и опередили в этом русских промышленников. Во второй половине XVIII в. открылось множество татарских кумачных «фабрик». К концу века их насчитывалось около 35, из них в Казанской губернии – более 20. Четыре предприятия были в Вятской и десять в Астраханской губернии [Хасанов, 1977, с.34, 296–297].

Кумачное производство в основном сосредоточилось в татарских селах Казанского уезда – в Заказанье. По несколько кумачных предприятий находилось в деревнях Береска, Урнашбаш, Маскара. В Казани в разное время действовали 3 кумачные мануфактуры.

С.Х.Алишев выделяет следующие особенности развития хлопчатобумажной промышленности в Казанской губернии. Во-первых, почти все эти предприятия находились в сельской местности – в основном в деревнях Береска, Ура и Урнашбаш. Во-вторых, почти все они были татарскими: владельцы – служилые татары и купцы, наемные рабочие – татарские крестьяне тех же и окрестных деревень. Татары не имели права нанимать рабочих православной веры. В-третьих, мануфактуры работали сезонно: с сентября по май в ткачестве, а с мая или апреля по июнь – в крашении, летом рабочие занимались сельскохозяйственными работами. Открытие почти всех кумачных мануфактур в сельской местности объясняется тем, что среди татарских крестьян было много ремесленников, хорошо владевших ткацким делом. Эти ре-

месленники и стали главной рабочей силой в открывшихся мануфактурах, а мастеров вызывали из Бухары, где это производство существовало с незапамятных времен [Алишев, 1990, с.145].

На кумачных «фабриках» применялись сдельная и повременная оплата труда. Например, на кумачных предприятиях д. Служилая Ура ткачам платили по 12 копеек за ткань одного конца кумача в 8 аршин. Труд сновальщиков, развивальщиков бумаги, красильщиков был повременным. В год они получали соответственно 20, 12 и 35 рублей. Заработная плата мастерам при производстве кумача определялась в 50 рублей, красильным мастерам – по 250 рублей в год [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.435, л.108об.].

Главным орудием на кумачных мануфактурах был ткацкий стан. Кроме того, в цехах устанавливались: котел для очищения материи от клея, сушилки, мыльня, щелочные чаны, сосуды для щелочения, котлы для крашения и чистой отделки, пресс или тиски. Из одного фунта (400 г. – *И.Ф.*) пряжи получали один кусок кумача. Так, кумачные «фабрики» д. Служилая Ура в год покупали 815 пудов (32 600 фунтов) пряжи. Примерно столько же (32 600 кусков) кумача в год они и изготовляли [там же, л.107об.–108]. Выделка кумача состояла в приготовлении бумажной пряжи и крашении сотканной материи. Татарские кумачные «фабрики» работали на привозном сырье. Бумажную пряжу они получали из Бухары за весьма низкую цену. Приготовление пряжи на месте означало бы для владельца большие расходы на строительство и содержание дополнительных производственных мощностей, к тому же не хватало рабочих рук: на мануфактурах работали только мужчины, использование женского труда для такой работы у татар считалось за грех [История, 1937, с.225]. Краска, корень марена, трава кизлярская, рыбий жир, чернильные орехи, необходимые при производстве, закупались в Астрахани [Зиновьев, 1788, с.48]. Готовая продукция отправлялась для продажи на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, в Москву, Ростов, Симбирск, частично за границу. По сведениям за 1778 г., только в Казани кумача и платков было продано на 20 тыс. рублей [Алишев, 1973, с.37].

Большинство зданий кумачных мануфактур были деревянными, но стали строиться и каменные. Например, в д. Береске Казанского уезда у купцов Бурнаевых имелись две кумачные «фабрики» в каменных зданиях. Одна из «фабрик» Хузясеитовых в д. Служилая Ура находилась в каменном здании.

Многие служилые татары-мануфактуристы, разбогатев, записывались в купеческое сословие. Владельцами кумачных мануфактур в уездах являлись как казанские, так и местные служилые татары и купцы. В источниках они фигурируют как «служилый татарин города Казани», «арский второй гильдии купец» и т.д. [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402; НАРТ, ф.324, оп.740, д.37].

По числу станом и рабочих, по меркам того времени, кумачные мануфактуры представляются предприятиями средних размеров с 20–46 станами и 20–75 вольнонаемными рабочими (крупных не было). Число рабочих зависело от размеров предприятия. Обычно на один стан приходилось около двух рабочих-ткачей. Производственный процесс происходил в основном в двух цехах: в первом белую хлопчатобумажную пряжу рабочие ткали на ткацком стане, во втором – красили, в основном на красную расцветку, отсюда и название ткани – кумач. Красили или готовую ткань, или нити – пряжу. Получалась одноцветная материя красного цвета (кумач). Искусство красить кумачи в означенный цвет мареною татары заимствовали в Индии. Используя разноцветную пряжу, ткали александрийскую «пестрядь» [СП, 1812, №26].

Красильный цех иногда находился отдельно от «фабрики», нередко в другой деревне. Но, по нашему мнению, их не следует отделять в самостоятельные предприятия. Кумачная «фабрика» и ее красильня всегда находились во владении одного хозяина и представляли собой два цикла единого производственного процесса. Однако иногда красили и купленную белую материя, которую затем перепродавали. Так, при кумачных «фабриках» Бурнаевых в Бересках имелся и красильный «завод», где производилась окраска кумачей, выделяемых как на своей «фабрике», так и до 12 тыс. концов белых кумачей, покупаемых на Нижегородской ярмарке.

родской ярмарке специально для крашения [КГВ, 1852, №52, с.614].

Во второй половине XVIII в. кумачные «фабрики» Казанского края в значительной степени обеспечивали потребности России в хлопчатобумажных тканях.

Кожевенное производство. Основная часть кожевенных предприятий располагалась в Казани и близлежащих слободах, селах и деревнях. Казань являлась одним из общероссийских центров производства кожи, и в первую очередь – юфти и сафьяна. Юфтевая кожа была наиболее качественной и пользовалась широким спросом внутри страны, а также в Средней Азии и Казахстане. Важное место занимало изготовление сафьяновых кож черного, желтого, белого и красного цветов из козловых шкур. И.Г.Георги сообщал, что сафьяновая кожа большей частью вырабатывалась в селе Ягодном под Казанью, где имелись 33 кожевни. Казанские козловые кожи были «предпочтительнее всем другим подобным изделиям». Особенно почиталась кожа черного цвета, из которой глянцева шла в Кяхту для торга с китайцами [История, 1937, с.223].

В первой половине XVIII в. в Казани в частных руках было до 40 кожевенных предприятий. В конце XVIII столетия Г.Шторх сообщал о 39 кожевенных мануфактурах в Казани, вырабатывавших юфть, телячьей кожи, множество красных и желтых сафьянов [там же]. В середине 1790-х гг., по описи шестигласной думы, в Казани (без учета кожевенных предприятий в пригородных селах Ягодное, Игумново, Бишбалта и в Подмонастырской слободке) было зарегистрировано 36 кожевенных и козловых «заводов». Из 36 кожевенных «заводов» Казани в руках русских владельцев находилось 19 (54%), у татар – 16 (46%) предприятий (не учтен помповый завод). На 5 предприятиях, принадлежавших татарам, не указан вид производства. Скорее всего, это были кожевенные либо мыловаренные «заводы». В социальном отношении по 11 предприятий находилось во владении купцов и мещан, 6 – у служилых татар и еще 8 «заводов» – у разных владельцев.

Данные о площади, занимаемой каждым предприятием, дают приблизительное представление о размерах производства. Коже-

венные «заводы» большинства русских владельцев занимали большую площадь, чем у татар. Семь предприятий русских заводчиков занимали более 2 тыс. кв. саженей. Это кожевенные производства купцов И.Кожевникова и П.Шапшинского, мещан В.Чернова и П.Тяпухина, А.Муравцева, И.Чечулина, М.Потнова, Н.Петлякова. Еще 8 предприятий русских заводчиков занимали площадь от 1 тыс. до 2 тыс. кв. саженей. Среди татарских владельцев самую большую территорию имело предприятие служилого татарина Юсупа Измайлова. Следует отметить, что на всех названных площадях размещались не только предприятия, сюда входили и другие надворные постройки и территория самого двора.

Значительная часть указанных выше предприятий представляются небольшими. Число работающих на них часто не превышало 5–7 человек, а в качестве мастера нередко выступал сам хозяин. Владельцами более или менее значительных кожевенных мануфактур являлись состоятельные купцы, но заведение кожевен было доступно и людям с небольшими капиталами, так как в них имелось простое и дешевое оборудование. Годовая производительность большинства мануфактур составляла 500-1000 кож в год. Имелись и довольно объемные производства. Так, в Старой и Новой татарских слободах насчитывалось 13 кожевенных и 4 козловых «завода», принадлежавших татарским купцам и предпринимателям. Среди них особым размахом отличались производства Мухамета Габбасова, Исхака Галеева, Абдрашита Галанского и др. Так, на козловом «заводе» М.Габбасова работало до 30 человек, объем производства составлял не менее 3 тыс. кож в год [НАРТ, ф.22, оп.2, д.965, л.7].

Среди предприятий кожевенной промышленности видное место занимал козловый «завод» второй гильдии купца Исхака Галеева. Оборудование «завода» состояло из одного красильного котла, двух чанов и кое-какого иного инвентаря. Среднегодовой объем выпуска продукции составлял 15 тыс. козловых кож, которые отдельными партиями отправлялись на внутренний и внешний рынок. Крупным для того времени считался козловый «завод» казанского купца Абдра-

шита Галанского, производивший в год более 2 тыс. кож [там же, л.8, 10, 17, 18].

В конце XVIII в. на кожевенных «заводах» Казани ежегодно вырабатывалось до 73 650 юфтяных и козловых кож, подошвенных – до 3 575. Их продажная стоимость составляла 10–15 тыс. рублей [Максимович, 1788, с.108–109]. Более полную картину развития кожевенной промышленности дает «Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г.» [История, 1937, с.284–287]. По ее данным, в Казанской губернии был 91 кожевенный «завод», что составляло более 11% по стране. В них насчитывалось 528 чанов (5,79% по России) и 811 вольнонаемных рабочих (12,86%). Общая производительность всех «заводов» составляла 375593 различных кож (13,22%). Татарам принадлежало 21 (23%) кожевенное предприятие из 91; 142 (26,9%) чана из 528; 287 (34,5%) рабочих из 811. «Заводы», принадлежавшие татарам, изготовляли 116 450 кож, что составляло 31% из общей ее выработки по губернии. Из 91 кожевенного «завода» на Казань и прилегающие села Ягодное и Игумново приходилось 55 (в Ягодном – 13, в Игумнове – 7, в Казани – 35) предприятий. В остальных деревнях Казанского уезда имелось еще 4 кожевенных «завода», в Мамадышском уезде – 16 (из них 12 в селе Красная Горка), в Чебоксарах – 13. Еще 3 предприятия владельцев-татар находилось в Вятской губернии. Если сравнивать объемы производства, то на долю 55 кожевенных мануфактур Казани и близлежащих сел Ягодное и Игумново приходилось 343 823 кожи (91,54%) [История, 1937, с.284–287; Зябловский, 1808, с.17].

Таким образом, кожевенное производство татар было представлено преимущественно предприятиями мелких и средних размеров. Создание крупных мануфактур оказалось невыгодным, так как требовало значительных вложений, на изготовление кож требовалось длительное время, что сильно ограничивало и замедляло оборот капитала. Татарское кожевенное производство развивалось в основном на привозном сырье, так как уровень развития местного скотоводства оставался низким.

Мыловаренное производство. Почти все мыловаренные «заводы» находились либо в Казани, либо в прилегающих селах

и слободах (в Плетенях, Ягодном и др.). Многие из них располагались между Старой и Новой татарской слободами на месте, отведенном в 1779 г. казанским губернатором П.С.Мещерским. Большинство мыловарен стали действовать с 1780-х гг. В 1788 г. в Казани их насчитывалось 18, имелось всего 55 котлов и ежегодно вырабатывалось от 100 до 125 тыс. пудов мыла, считавшегося самым лучшим в России. На производство такого количества продукции мыловаренные «заводы» ежегодно потребляли около 102 тыс. пудов сала, 1280 куб. сажень дров, 240 тыс. четвертей золы и 250 тыс. пудов соли [История, 1937, с.228].

К концу XVIII в. в Казани действовало более 30 мыловаренных предприятий. Из 33 мыловаренных предприятий 22 принадлежали татарам, остальные 11 – русским. 20 мыловарен находились во владении купцов, 6 – у служилых торговых татар, 4 – у служилых татар, остальные 3 «завода» – у разных владельцев. Если взять за основу данные о площади, занимаемой одним предприятием, то мы увидим, что мыловарни русских купцов Максима Шингарева и Петра Швырева имели самую большую площадь. 18 предприятий располагались на территории от 1 тыс. до 2 тыс. кв. сажень.

Большинство этих мануфактур при производительности от 1 тыс. до 5 тыс. пудов мыла в год имели от 2 до 10 котлов и 5–20 вольных рабочих. Например, «заводы» купцов Даута и Исхака Аитовых, Юсупа Субаева, Мухаметрахима Хальфина, Адельши Гумерова, Абдуллы Рахматуллина, Ахмета Мухаметова имели 8–10 котлов, 11 чанов и столько же ларей, необходимых для варения мыла. В год они производили от 3 тыс. до 5 тыс. пудов ядрового и коробочного мыла. Общая годовая производительность 11 «заводов» в Старой и Новой татарских слободах составляла около 20 тыс. пудов (320 т) мыла.

Мыловарение не требовало большого количества рабочих. Четыре котла могли обслуживаться не менее 5 рабочими, т. е. на один котел приходилось не более 2–3 человек [там же, с.228]. Простые рабочие получали в год от 80 до 140 рублей. Качество мыла напрямую зависело от опытных мастеров, поэтому они получали зарплату в 3–4

раза больше, чем простые рабочие, – от 200 до 400 рублей в год [КИ, 1812, №32, с.6–7].

Мыло казанских «заводов» являлось одной из главных статей торговли. Казанское мыло считалось более качественным, чем продукция остальных производителей, и имело спрос по всей стране. Мыло в большом количестве отправлялось в Москву и Санкт-Петербург, в Астрахань и Архангельск, в Сибирь и Крым, даже за границу через Кронштадт, и стоило довольно дешево, так как при производстве использовались недорогие материалы [Прибавление, 1829, с.32].

На долю Казани приходилось до 50% общероссийской выработки мыла. Мыловаренными предприятиями владели как русские, так и татары, которые значительную часть продукции отправляли в Москву, Петербург, в другие города России, а также вывозили за границу. За счет использования дешевого сырья владельцы получали большие доходы от продаж.

Мукомольная промышленность. Эта отрасль была наиболее крупной как по количеству перерабатывавшегося хлеба и выпуску продукции, так и по числу предприятий (мельниц). Мельницы были разбросаны по всему региону. Практически все они были мелкими. Основное их количество – это «хлебные» или «мучные» мельницы. Большую часть муки, поступавшей на рынок, производили купеческие и помещичьи мельницы. На них преимущественно перемалывалось местное зерно.

Мукомольные мельницы были двух типов: ветряные и водяные. В конце XVIII – начале XIX вв. в Казанской губернии насчитывалось 1266 казенных и 556 частных водяных мукомольных мельниц [НАРТ, ф.324, оп.740, д.344, л.31]. Водяные мельницы ставились у большой реки с достаточной водоносностью в течение значительной части года. Некоторые реки были полноводными все лето, располагавшиеся на них мельницы работали почти круглый год. На малых реках мельницы во второй половине лета обычно прекращали свою работу, и размол зерна превращался в сложную проблему. В засушливые годы молотье зерно возили за десятки верст, затрачивая на это несколько дней. Крестьянам нельзя было

жить без мельницы, поэтому каждая деревня, каждое село стремились обзавестись своей мельницей.

Водяные мельницы, как правило, представляли собой водосливное колесо, насаженное на горизонтальный вал, от которого шла зубчатая передача к жерновам. Колеса приводились в движение силой воды и назывались «наливными», если они вращались против часовой стрелки, и «подливными», если двигались по часовой стрелке. Водяные мельницы были двух видов: «мельница большое колесо», применявшаяся большей частью русскими, и «мельница-колотовка», распространенная у татар [Волков, 1993, с.132].

Ветряные мельницы сооружались там, где отсутствовала возможность для применения водяных мельниц – в степных и засушливых районах: в Чистопольском, Мензелинском и Спасском уездах. Однако в XVIII в. их было мало. Такие мельницы получили распространение уже в XIX в. В начале XIX в. в Казанской губернии действовало 29 ветряных мельниц [НАРТ, ф.324, оп.740, д.344, л.31]. На возвышенном месте стояли «ветряки» с огромными крыльями-лопастями. На ветряных мельницах крылья являлись основной движущей силой. Их можно было поворачивать по направлению ветра, чтобы мельницы работали максимально при любом ветре. Такие мельницы назывались шатровыми.

Перерабатывая огромный объем зерна, мельницы играли важнейшую роль в обеспечении населения мукой, часть которой продавалась на рынке.

У татар также было несколько писчебумажных и поташных «заводов», не выделявшихся своими масштабами в общей массе предприятий.

В целом, мелкие формы производства (ремесло, промыслы) и мануфактура у татар, являясь частью российской экономики, развивались по общероссийским законам, но были у них и свои особенности. Одной из особенностей является то, что многие предприятия капиталистического типа стали открываться татарами из числа купцов, служилых людей и мещан. Татарские предприятия располагались преимущественно на селе, что легко объяснить – практически

все татарское население проживало в сельской местности. Вторая половина XVIII в. была переломной в развитии мануфактурной промышленности у татар, которые стали совмещать торговлю с предпринимательской деятельностью. Роль татар в торговле и промышленности города заметно повысилась после указа Сената от 1763 г., подтвердившего право казанских служилых татар вести беспрепятственную торговлю

[ПСЗ–1, т.16, №11856]. В этот период определились основные отрасли мануфактурной промышленности, ставшие традиционными для татар. Успешно развивались такие производства, как кожевенное, мыловаренное и кумачное. Основными промышленными товарами, отправлявшимися на российские ярмарки и за границу, были кожа и мыло. Они выгодно отличались своим качеством и пользовались большим спросом.

§3. Татары Среднего Поволжья на адмиралтейских работах

Айдар Ногманов

Преобразования первой четверти XVIII в. в России сопровождалась введением целого ряда государственных трудовых повинностей, в числе которых особое место занимала адмиралтейская (другие названия – лашманская, лесная, корабельная) повинность. Одними из первых с ней столкнулись владельческие крестьяне Воронежского края в связи с так называемым «азовским кораблестроением», когда Петр I в чрезвычайной спешке готовился к походам на Азов. С 1697 г. местные села и деревни получали непрерывные наряды на высылку людей с лошадьми и снаряжением для рубки, тески и вывозки корабельных лесов, а также работ на воронежской судоверфи [Клеянкин, 1978, с.46]. В результате, всего за пять-шесть лет воронежская деревня почти обезлюдела и пришла в запустение, а бессистемная и хаотичная вырубка леса привела к значительному его истреблению.

С началом Северной войны (1700–1721 гг.) в российском судостроении наступил новый этап. Центром его становится Санкт-Петербург. В связи с возросшим спросом на древесину (к рубке предназначались большей частью твердые породы дерева – дуб, ясень, ильм, клен, а также – мачтовая сосна) начались поиски новой базы для лесозаготовок. Среднее Поволжье в целом и Казанская губерния в частности, имевшие обширнейшие лесные пространства, выгодно отличались от Воронежского края и соседних с ним полустепных районов. Разветвленная речная сеть обеспечивала доставку заготовленных лесов к верфям Санкт-Петер-

бурга и Астрахани. Активная вырубка лесов для корабельных нужд в Казанской губернии началась в 1710 г. [ПСЗ–1, т.5, №2647], хотя подобные попытки уже имели место на рубеже XVII–XVIII вв. В 1697–1698, 1701–1702 гг. для заготовок лесоматериалов и строительства судов в Казани наряжались ясачные чуваша и марийцы [Димитриев, 1959, с.179–180; Иванов, 1995, с.160]. Руководить казенными лесозаготовками поручили казанскому коменданту, впоследствии вице-губернатору Н.А.Кудрявцеву, возглавившему Казанскую лесную (с 1722 г. – Адмиралтейскую) контору. Наиболее острой проблемой, с которой он столкнулся, являлась нехватка рабочей силы. В начальный период заготовок (1710–1711 гг.) в ходу были те же методы, что и в Воронежском крае, – насильственный сгон «уездных людей» (крестьян) на работы. С 1712 г. заготавливать лесоматериалы пытались силами добровольцев. Указы этого времени предписывали «отпускать те леса по вешней воде до Твери, а рубить и спроваживать те леса все наймом..., а с дворового числа работников не собирать..., а на тот наем деньги работным людям, что понадобится, взять из доходов Казанской губернии» [ПСЗ–1, т.4, №2522].

Однако вскоре подобный способ заготовок перестал удовлетворять морское ведомство. После Полтавской битвы (1709 г.) и крупных успехов русской армии в Прибалтике (1711–1715 гг.) театр военных действий Северной войны переместился на море, где противником России стала сильнейшая морская держава того време-

ни – Англия, заключившая военный союз со Швецией. В этих условиях правительству нужна была стабильность обеспечения флота корабельными материалами, которую не гарантировали заготовки по найму. Испытывая нехватку рабочих рук, власть была вынуждена вернуться к прежнему «воронежскому» способу, когда все лесные работы производились по нарядам местными жителями. 31 января 1718 г. состоялся указ Петра I, повелевший «к рубке, к теске и к вывозке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ, брать на работу Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний, также и с Симбирского уезда (на момент издания указа Симбирский уезд входил в Астраханскую губернию. – *А.Н.*) служилых мурз, татар, мордву и чуваш без заплаты, вместо тех, которые высылались с них на работу в Петергоф...» [ПСЗ–1, т.5, №3149]. Этот законодательный акт стал отправной точкой в истории лашманов (этимологию слова «лашман» см.: [Брокгауз, Ефрон, 1896, с.409]). Так в XIX в. именовали людей, работавших на казенных лесозаготовках. В XVIII столетии данное название еще не получило широкого распространения, и в официальных документах лесные работники фигурируют как «приписные к заготовлению корабельных лесов», или просто «приписные к Адмиралтейству». Начало употребления термина «лашманы» связывают с выходом 25 августа 1817 г. «Высочайше утвержденного учреждения Управления корабельных лесов», составной частью которого было «Положение о лашманах» [Семевский, 1903, с.591; Сенюткин, 2001, с.193].

Отличительной чертой адмиралтейской повинности стал именно контингент работников, которые должны были соответствовать трем условиям: проживать на территории вышеназванных губерний, иметь служилое происхождение и принадлежать к татарам, чувашам или мордве. Подобный принцип комплектования обуславливался рядом причин. Помимо проживания в местах произрастания корабельных лесов, учитывалось наличие у служилых татар, мордвы и чувашей навыков в лесных работах, связанных с занятием бортичеством [ПСЗ–1, т.5, №3194; т.8, №5696, 5867]. Не-

маловажное значение имело отсутствие промежуточных звеньев в их отношениях с центральной властью. Тем самым не было опасности повторения ситуации в Воронежском крае, где помещики, выступавшие посредниками между государством и крестьянами, всячески противились отрыву зависимых людей от крепостного хозяйства.

Основной же причиной подобного выбора выступало стремление правительства ликвидировать привилегии феодальной верхушки нерусских народов, пополнить за ее счет тяглое население России, обслуживавшее все возраставшие потребности государства. Служилые татары, мордва и чуваша оказались вовлечены в инициированный Петром I процесс избавления от многочисленных промежуточных групп между тяглыми и служилыми людьми, превращения этой разношерстной массы в однородное податное сословие [Пайпс, 1993, с.162].

Нормы и правила, регламентировавшие жизнь и труд лашманов, складывались постепенно и со временем составили обширный раздел российского законодательства. Некоторые из них были заимствованы властями из опыта регулирования других трудовых повинностей. В основу значительной части правовых установлений легли распоряжения руководства Казанской адмиралтейской конторы, оформленные затем в виде законов. Официальное узаконение отдельных норм произошло спустя годы после их появления в виде исторически сложившейся правовой практики. В Полном собрании законов Российской империи насчитывается около 34 законодательных актов, регулировавших жизнь приписных к Адмиралтейству в XVIII столетии. В первой половине XIX в. правительство уделяло меньше внимания этим вопросам, а издаваемые от случая к случаю указы представляли собой административные распоряжения частного характера. Исключением являлось «Положение о лашманах» 1817 г., аккумулировавшее законодательную практику за предшествующее столетие [ПСЗ–1, т.34, №27023]. Совокупность имеющихся законодательных источников представляет большой интерес для исследователей. Кроме информа-

ции об эволюции собственно юридических норм, в них можно почерпнуть сведения об этническом и количественном составе лашманов, условиях и характере их труда, особенностях управления и т.п. В сочетании с данными других источников это дало необходимую фактологическую базу для подготовки настоящего очерка, посвященного истории адмиралтейской повинности в XVIII в. и участию в ней татарского населения.

Значимость любого законодательного акта в ряду подобных документов определяется влиянием, оказанным на процессы, происходящие в государстве и обществе. Оценивая с этих позиций указ от 31 января 1718 г., нельзя не признать его исключительной роли в истории народов Среднего Поволжья. К моменту издания указа государство уже обладало опытом привлечения нерусских служилых людей к исполнению натуральных повинностей. Из их числа неоднократно наряжались партии на строительство Санкт-Петербурга [ПСЗ–1, т.4, №2488; т.5, №3149]. За работу командированные получали денежное и хлебное жалованье, поэтому наряды рассматривались как разновидность службы русским монархам [Сб.РИО, т.84, с.236]. Указ 1718 г. кардинально изменил этот порядок, произведя в жизни служилых татар, мордвы и чувашей ряд важных изменений социально-правового и экономического плана. Не нуждаясь более в их ратных услугах, правительство нашло другое применение данной группе населения. Указ 1718 г. превратил нерусских служилых людей в особое «обязанное» сословие лесорубов, став важной вехой на пути вовлечения их в орбиту государственного тягла. Оставаясь формально в подчинении военного ведомства в лице Адмиралтейства, они теперь не столько служили, сколько работали на государство.

В функциональном отношении данный законодательный акт узаконил, в первую очередь, характер обязанностей, возложенных на служилых мурз, татар, мордву и чувашей – рубка, теска и вывозка корабельных лесов и другие сопутствующие этому работы. Важным новшеством было то, что указанные работы объявлялись бесплатными, т.е. вводились в виде феодальной барщины

в пользу казны. Не менее значимым по своим последствиям было отсутствие в указе положений, устанавливающих продолжительность действия новой повинности. Фактически она объявлялась бессрочной.

Сразу же после выхода указа 1718 г. были приняты меры по учету потенциальных работников. Они выражались в проведении особой ведомственной переписи, начавшейся за год до обнародования 22 января 1719 г. указа о Первой государственной ревизии [ПСЗ–1, т.5, №3287]. Адмиралтейские чиновники, посланные в губернии, вносили всех «от старых и до сущих младенцев» в переписные книги, согласно которым в Казанской губернии было учтено 4915 дворов с проживавшими в них 23 750 душами мужского пола, в Астраханской – 3137 дворов и 15 076 душ; в Нижегородской – 1186 дворов и 6736 душ; в Воронежской – 1969 дворов и 10 551 душа. Всего в 4 губерниях в 1718–1719 гг. было охвачено переписью 11 207 дворов и 56 113 душ [ПСЗ–1, т.13, №9861]. Реализация указа 1718 г. потребовала решения ряда организационных вопросов, связанных с выполнением корабельных работ. Необходимо было определить возрастной состав людей, привлекавшихся к лесозаготовкам, количество конных и пеших работников, выделяемых в тот или иной сезон, сроки работы в лесу, решить проблему экипировки, содержания и т.д. Все эти технические моменты были в основном урегулированы в 20-е гг. XVIII в. Ключевую роль здесь играл казанский вице-губернатор Н.А.Кудрявцев, многие решения которого были впоследствии узаконены именными или сенатскими указами [Сб.РИО, т.94, с.179].

Возраст привлекаемых к работам колебался в пределах от 15 до 60 лет [ПСЗ–1, т.13, №9861]. Он был идентичен тем возрастным рамкам, которые применялись в России в XVII в. для верстания служилых людей. Законодательно были определены два сезона работ: летний – с 1 апреля по 1 октября и зимний – с 1 октября по 1 апреля. Эти сроки были заимствованы из «Плакката» 26 июня 1724 г., регламентировавшего «повинности земских обывателей» [ПСЗ–1, т.7, №4533]. На приписных к Адмиралтейству они были официально распространены

сенатским указом от 12 марта 1729 г. [ПСЗ–1, т.8, №5379].

Основные работы по заготовке и вывозке лесов выполнялись в зимний период. В это время года выдерживалось примерное равенство в количестве конных и пеших работников. Летом же потребность в пеших работниках была выше, поскольку вывозка лесов в летнее время практически не осуществлялась из-за огромной трудоемкости. В основном летом обрабатывали свои наряды те, кто не успел сделать это зимой, кому не хватило определенного количества учетных дней, а также беглецы, пойманные и силой доставленные в Казань. Положенные дни обрабатывались на казанской верфи на строительстве транспортных судов [Сб.РИО, т.94, с.180].

Уже в первые годы существования повинности сложилось соотношение работников, выделяемых на каждый сезон: «с осени и в зиме на шесть месяцев, по складке с 9 человек, конный да пеший, в годовые с 25 человек, конный да два пеших» [там же, с.179]. Общее число годных в работу ежегодно определялось заново. Из него сразу исключались служилые люди Воронежской губернии, которым из-за дальности проживания указ 1718 г. разрешил вместо работок натурой уплачивать установленную сумму, «чтоб можно за те деньги на ту работу нанять других работников со стороны» [ПСЗ–1, т.5, №3149]. Размер этого сбора составлял 2 руб. 30 коп. с души [ПСЗ–1, т.13, №9861]. Кроме того, при составлении нарядов на лесозаготовки из числа работников сразу исключались «старые за старостию, а малолетние за малолетством», дряхлые, увечные и «в работе быть негодные» [Сб.РИО, т.94, с.179]. Так, в период с 1720 г. по 1726 г. «по прошению иноверцев, а по смотру вице-губернатора Кудрявцева» от корабельной работы было отставлено 276 человек, перешедших 60-летний возраст [там же, с.186].

На рубеже 20–30-х гг. XVIII в. полномочия адмиралтейских чиновников при составлении нарядов были расширены. Сенатский указ от 12 марта 1729 г. разрешил им брать работников «когда, сколько будет потребно, к той работе годных, по складке с числа душ, не выключая малолетних и пре-

старелых и умерших» [ПСЗ–1, т.8, №5379]. Оценивая данное решение, Н.А.Фирсов отмечал, что оно отдавало труд нерусских служилых людей «...в полное, безусловное распоряжение ведомства, заведовавшего работами корабельных лесов. Это ведомство, до сих пор имевшее право брать для работ известный только процент взрослых, теперь могло гнать их на работы, сколько хотело» [Фирсов, 1869, с.31].

Экипировка приписных к Адмиралтейству была самая примитивная и не претерпела изменений до выхода в 1817 г. «Положения о лашманах», предъявлявшего к ней следующие требования: «пешие лашманы должны иметь зимнюю одежду, обувь, топоры и достаточные способы к их продовольствию; конные работники должны быть снабжены так как и пешие, и сверх того иметь лошадей и упряжь в исправности» [ПСЗ–1, т.34, №27023]. Кормежка лошади, а нередко двух лошадей, приобретение и ремонт сбруи, повозок лежали на самом работнике.

Что касается процесса лесозаготовок, по всей видимости, он ничем не отличался от лесных работ, производимых для собственных нужд. Разница была в объемах заготавливаемых лесоматериалов и в принудительном характере работ. Некоторое представление о том, как это происходило в действительности, дает отрывок из инструкции «корабельному подмастерью и комиссару» от 30 сентября 1760 г., опубликованный В.Залесским: «... срубить дубовые деревья с корени... не оставляя большого пенья скол(ь)ко возможность допустит ниже и для того в зимнее время снег около дубов рошищать до земли дабы те заготовленные леса были длинные и напрасно б в пеньях дубоваго дерева на кореню не оставалось и в вывоске на пристани негодных отнюдь не было» [Залесский, 1916, с.255].

На протяжении XVIII столетия оставался открытым вопрос о нормах выработки для лесных работников. Решающее слово здесь принадлежало руководству Казанской адмиралтейской конторы. Имея на руках среднестатистические нормативы, сложившиеся за много лет, оно ежегодно корректировало их, исходя из величины спущенного «сверху» годового наряда. На государствен-

ном уровне этот вопрос был впервые регламентирован указом Павла I от 16 декабря 1799 г., узаконившим предложенную адмиралом Де-Рибасом систему уроков. Согласно ей на определенные виды лесных работ устанавливались следующие нормы: «каждые 4 человека пеших рабочих приготавлиют дубовые деревья в следующее время: званное дерево с корнем в 11/2 день; кницу (деталь из дерева, служившая для соединения двух деревянных брусьев под углом. — *А.Н.*) маломерную с корнем от 7 до 10 фут в 1 день, званное дерево без корня прямое и всякой брус прямой от 12 до 35 фут в 1 день, такое же большемерное от 35 до 52 фут в 11/2; если брус или дерево за фаутами (дефект или повреждение ствола дерева. — *А.Н.*) на свое дело не будет годен, а из онога как обыкновенно можно сделать 2 доски не тоньше 3-х дюймов толщиною, то на обделку оных 2-х досок полагается 11/2 дни, бревен 4-саженной меры полагается срубить и очистить двумя человеками 14 в день» [ПСЗ–1, т.25, №19224]. Каждая упряжка конных лашманов, работавшая на вывозке леса, должна была проделать в день от 25 до 30 верст, при этом ставилось условие, «чтоб весу на каждую лошадь полагаемо было не меньше 15 пуд» [там же]. Не выполнившие нормы подвергались штрафам.

Приведенные выдержки дают представление не только о нормах выработки для лашманов, но и о характере выполняемых ими работ. Нетрудно представить, насколько тяжела была лашманская доля для нерусских служилых людей, в распоряжении которых были только примитивные орудия труда, собственные руки и лошади. Сами официальные власти признавали, что корабельные работы «несравненно тягостнее заводских» [ПСЗ–1, т.21, №15494]. Лишения, которые приписные к Адмиралтейству испытывали на лесозаготовках, дополнялись произволом со стороны адмиралтейских чиновников. Было обычным явлением, когда, игнорируя существующие правила, на корабельные работы сгонялись «престарелые выше 60 лет, и увечные, и дряхлые». Нарушались сроки вывозки заготовленных материалов. В наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. лашманы жаловались, что адмиралтейские чиновники весной «в самое

водополье, по черной земле санями заставляють возить корабельные леса неволею и бьют нас и лошадей нещадно, и оттого с натуги многия лошади пали» [Сб.РиО, т.84, с.236]. Большие неудобства и материальные потери приносило им совпадение сроков начала и окончания лесных работ с периодом ледостава и ледохода на реках [Сб.РиО, т.84, с.236].

Лесорубов, израсходовавших раньше времени припасы и корм лошадям и возвратившихся домой до установленного срока окончания работ, чиновники засчитывали как уклонившихся от наряда и заставляли отрабатывать его летом, «в самую работную пору». Много жалоб поступало на действия посыльных адмиралтейской канцелярии, которые «по всяким деревням подводы берут неволею непрестанно, без прогонных денег» [Сб.РиО, т.84, с.236].

Картину злоключений лашманов дополняет то обстоятельство, что татары и другие народы Среднего Поволжья, половину времени в году проводившие на государственных лесозаготовках, не могли срубить даже деревца для собственных нужд. XVIII столетие отмечено множеством указов, запрещавших рубить заповедные леса [ПСЗ–1, т.5, №3057; №3149; №3194; т.8, №5378; №6032]. Один из документов петровского времени предписывал «...во всем государстве заповедных лесов, которые годны к корабельному строению, а именно: дубу, ильму, вязу и толстой сосны, которая в отрубке в 12 вершков и больше, от больших рек в сторону по 50 верст, а от малых рек, которая в те большие впали, а плавному ходу по ним быть мочно, в стороны же по 20 верст, отнюдь никому ни на какие нужды не рубить, и валежнику не брать» [ПСЗ–1, т.6, №3593]. Лицам, пойманым на месте порубок, грозили серьезные наказания. С них взыскивали по 15 руб. за дубовое дерево, даже за валежник, за прочие породы штраф составлял 10 рублей. Уличенных в неоднократной порубке леса отправляли на каторгу, предварительно вырезав ноздри.

Если учесть, что в список рек, вокруг которых создавались охранные зоны, входили Волга, Сура, Свияга, Кубня, Аря, Барыш, другие большие и малые реки волжского бассейна, можно представить, какие

неудобства испытывало местное население. В заповедных лесах разрешались порубки только для «необходимых нужд», список которых определял особый перечень: «на полозя, на оси и к большим чанам на обручья и на мельничные потребы на пальцы и шестерни, и то такие, которые к корабельному строению негодны» [ПСЗ–1, т.6, №3593]. Все порубки производились только с ведома адмиралтейского начальства, а запрет на вырубку дубов распространялся и за пределы охранных зон. Кроме того, в заповедных лесах не допускался выпас домашних животных, что ограничивало кормовую базу для развития скотоводства [Сб.РИО, т.84, с.692–693]. Другим негативным следствием запрета стало истощение плодородия крестьянских земельных наделов из-за невозможности расчистки новых участков для посева хлеба и посадки огородных овощей.

Притеснения со стороны начальства, тяжелые условия работы, препятствия для ведения личного хозяйства, необходимость исполнять другие, помимо адмиралтейской, повинности вынуждали нерусских служилых людей обращаться в различные инстанции. Многие их беды проистекали от неразвитости законодательства, что открывало простор для злоупотреблений на местах. Поэтому объективно лашманы были заинтересованы в упорядочении и детальной проработке правовых норм, регламентирующих их жизнь и труд. Поток прошений и жалоб от нерусских служилых людей вынуждал верховную власть заниматься их проблемами.

Результаты этой деятельности воплотились в законодательных актах, в большинстве своем вносивших поправки в постановления первых лет существования адмиралтейской повинности, и – гораздо реже – вводящих новые нормы и правила. Таким исключением стал указ императора Петра II от 5 августа 1727 г. Он предписал засчитывать подушные деньги, взимаемые с приписных к Адмиралтейству, в счет отработанных на лесозаготовках трудовней. Деньги, заработанные сверх положенной суммы, должны были выплачиваться им «с росписками» [Сб.РИО, т.94, с.182–183]. Тем самым отменялся прежний бесплатный характер корабельных работ, установлен-

ный указом от 31 января 1718 г. По Плакату от 26 июня 1724 г., распространенному на лашманов, за каждый отработанный ими день назначалась цена: в зимнее время конному 6, пешему – 4 коп. на душу мужского пола. В летний период работа конного работника оценивалась в 10, пешего – в 5 коп. [ПСЗ–1, т.7, №4533]. Такие зачеты сохранялись весь период существования адмиралтейской повинности.

В материальном плане данное нововведение мало облегчило положение нерусских служилых людей. Заработанные деньги до них не доходили, поскольку сразу поступали в распоряжение Адмиралтейства в счет подушной подати. К тому же, стоимость труда лесных работников, определенная государством, была значительно ниже рыночной. В 1729 г. посадский человек из г.Балахна И.Утятников подряжался своими силами поставить морскому ведомству лес на две галеры и один фрегат. При этом он собирался платить наемным лесорубам по 8 коп. в день пешим и по 16 коп. конным работникам [Сб.РИО, т.101, с.169], что в 2–2,5 раза превышало официальные расценки. Эта плата соответствовала тем деньгам, которые платили вольнонаемным работникам сами приписные в случае невозможности лично отбывать адмиралтейскую повинность в силу болезни, возраста и других причин. Как правило, в качестве наемной рабочей силы выступали свободные от наряда лашманы. Следует отметить, что государство, эксплуатировавшее дешевый принудительный труд лашманов, не только не препятствовало использованию ими наемной рабочей силы, но и нередко принуждало их к этому. Вероятно, уже в 1720–1730-е гг. эта практика была узаконена, если не указами верховной власти, то ведомственными подзаконными актами.

Указ от 5 августа 1727 г. стал первым в ряду документов, регламентирующих оплату труда приписных к Адмиралтейству. В течение XVIII столетия она неоднократно пересматривалась в сторону увеличения. В 1757 г. плата лесорубам в зимнее время была установлена в 8 коп. в день конным и 5 коп. пешим лашманам, с 1766 г. конным работникам стали платить 16 коп., пешим – 10 коп. [ПСЗ–1, т.19, №14166]. В 1782 г. планка

отплаты была повышена до 20 коп. и 10 коп. [там же, т.21, №15494], а в 1797 г. до 40 и 20 коп. соответственно [там же, т.24, №17772]. С 1799 г. этими же деньгами измерялась стоимость выполняемого лесорубами ежедневного урока [там же, т.25, №19224]. Наконец, «Положение о лашманах» от 25 августа 1817 г. установило оплату их труда в размере 80 коп. в день конному и 40 коп. пешему работнику [там же, т.34, №27023]. Кроме того, в 1774 г. Сенат указал оплачивать время, затрачиваемое лашманами на путь от своих домов до мест заготовок и обратно, из расчета «пешим по 3 коп. на день, считая прохода на каждый день 25 верст, а конным по 6 коп., считая проезда по 50 верст на день» [там же, т.19, №14166]. Эти суммы также засчитывались в платеж подушных денег. В 1787 г. было решено оплачивать и переходы, осуществляемые непосредственно в ходе работ [там же, т.22, №16518]. Однако на материальном положении лашманов увеличение заработной платы и компенсация путевых издержек никак не сказались, поскольку происходили в условиях непрерывного обесценивания рубля и роста взимаемых с них налогов и сборов.

В целом мероприятия правительства по улучшению положения приписных к Адмиралтейству в XVIII в. носили формальный характер, не распространяясь далее увеличения стоимости зачетного рабочего дня. Произвол адмиралтейских чиновников не прекращался, а указы, направленные на его ограничение, не выполнялись. Не случайно жалобы лашманов, относящиеся к 1790-м гг. [ПСЗ–I, т.24, №17772, с.310], практически идентичны по содержанию документам 1720-х гг. Лишь на исходе столетия, в недолгий период правления Павла I, в практику выполнения корабельной повинности были внесены значимые изменения. В частности, указ от 30 января 1797 г. признал целесообразным «для лучшей успешности в работах» изменить возрастные рамки наряжаемых лесорубов. Вместо 15 и 60 лет, как это было в течение 80 лет, они были установлены в пределах от 18 до 55 лет [там же, т.24, №17772]. Тем же законодательным актом адмиралтейским чиновникам запретили принуждать лашманов нанимать за свои деньги работников

на место выбывших из-за болезни, смерти и т.п. Указ от 16 декабря 1799 г. упорядочил сроки лесозаготовок. Отныне сезон работ для пеших лесорубов продолжался с 1 октября по 18 декабря, из которых 60 дней были рабочими, а остальные воскресными и праздничными. Конные работники высылались на вывозку деревьев по мере их вырубки и готовности санного пути. Разрешалось возвращаться домой раньше установленного времени, если были выполнены положенные уроки [там же, т.25, №19224]. Эти нормы стали применяться на практике и позднее, практически в неизменном виде, вошли в «Положение о лашманах» 1817 г.

При обращении к истории адмиралтейской повинности одним из ключевых вопросов является определение этнического и количественного состава лашманов. Видный дореволюционный исследователь Н.А.Фирсов отмечал, что «приписные этого рода состояли исключительно из инородцев» [Фирсов, 1869, с.23]. Указ от 31 января 1718 г. четко обозначил их круг – служилые татары, мордва и чуваша. В то же время в литературе описаны факты привлечения к корабельным работам представителей других народов Среднего Поволжья: марийцев [Иванов, 1995, с.164–165], бесермян и удмуртов [История Удмуртии, 2004, с.110], и даже русских [Семевский, 1901, с.585]. Анализ источников показывает, что здесь имеет место смешение разных явлений. В периоды больших объемов работ на Казанской судовой верфи государство привлекало в качестве трудовой повинности рабочие руки со всего края, прежде всего плотников. Этническое происхождение не играло при этом определяющей роли. В то время на заготовке лесоматериалов задействовались преимущественно служилые татары, мордва и чуваша. Причем в количественном отношении среди лашманов изначально преобладали татары, что подтверждает понятийный аппарат законов и других нормативно-правовых актов, регламентирующих адмиралтейскую повинность. В официальных документах понятия «приписные к заготовлению корабельных лесов», «приписные к адмиралтейским работам», «приписные к Адмиралтейству», используемые для обозначения лесных работников, в обя-

зательном порядке дополнялись уточняющими определениями. Чаще всего это были словосочетания «приписные к... служилые мурзы и татары», «служилые мурзы, татары и прочие иноверцы приписные к...», «служилые татары приписные...» и т.д. В первые годы введения повинности были в ходу обороты, связанные с личностью начальника Казанской адмиралтейской конторы: «... кроме мурз и татар, которые у Кудрявцева», «...служилые татары, которые определены к вице-губернатору Кудрявцеву для работы корабельных лесов», «...с мурз и татар, которые у приуготовления корабельных лесов под ведением Кудрявцева обретаются» [ПСЗ-1, т.7, №4495; №4512; т.8, №5772; т.11, №8793; т.13, №9861].

По оценке чувашского исследователя В.Д.Димитриева, из 56 113 лашманов, учтенных переписью 1718–1719 гг., число служилых чувашей не превышало 4–5 тыс. душ мужского пола [Димитриев, 1959, с.186]. Численность мордовских служилых людей, приписанных к Адмиралтейству, была еще меньше. С течением времени доля татар в общей массе приписных лишь увеличивалась вследствие ассимиляции ими других народов. Эти процессы всегда имели место в многонациональном Среднем Поволжье и носили преимущественно мирный характер. Однако во второй трети XVIII в. их естественный ход был нарушен. Русификаторская политика самодержавия, вылившаяся в царствование Елизаветы Петровны в кампанию массовой насильственной христианизации, подтолкнула к переходу в ислам часть языческого населения края, что, в свою очередь, стало основой для его этнического сближения с татарами.

По данным В.М.Кабузана, в наибольшей степени процесс «отатаривания» затронул служилых чувашей [Кабузан, 1990, с.142]. Имея общие этнические и языковые корни с татарами, проживая с ними на одной земле, неся воинскую службу, а затем, работая бок о бок на заготовке корабельных лесов, чувашаи, несомненно, подвергались их религиозному влиянию. В реалиях того времени, когда конфессиональная идентичность фактически подменяла этническую, перемена веры влекла за собой приобщение к новой этнической общности. Последнее упоми-

вание о служилых чувашах как особой этнословословной группе встречаем в сенатском указе от 7 декабря 1748 г. [ПСЗ-1, т.12, №9556]. В нем сообщается об обнаружении в д. Калмыковой «закамской стороны Алейкиной сотни Бахметева» Казанской губернии 47 детей служилых чувашей, утаенных от ревизии 1743 г. Двое из них в 1746 г. приняли крещение. В результате проведенного разбирательства Сенат приказал приписать утаенных детей «с прочими же к Адмиралтейству к заготовлению корабельных дубовых лесов». В отношении крестившихся было указано: «от корабельной работы исключить, и к Адмиралтейству не приписывать». Также следовало поступать впредь с другими «иноверцами», пожелавшими принять православную веру [там же].

Данное решение создало важный прецедент – в российском законодательстве появилась норма, открывавшая лашманам легальный путь освобождения от ненавистной повинности. Указ 1748 г., а также подтвердивший его силу сенатский указ от 14 июня 1751 г. [там же, т.13, №9904], стали поворотным моментом для тех служилых людей из татар, мордвы и чувашей, которые еще не были крещены. У них появился выбор между двумя вариантами дальнейшей жизни. Первый, кроме прочих льгот, предоставляемых новокрещеным, освобождал их навсегда от корабельных работ. Второй не сулил ничего хорошего ни им самим, ни их потомству. В этих условиях выбор во многом определяла степень развитости религиозной самоидентификации, которая у татар была сильнее выражена. Подавляющее большинство из них осталось верными исламу, в то время как основная масса служилых чувашей и мордвы крестилась.

В результате, с 1750-х гг. контингент приписных к Адмиралтейству, в котором и раньше численно преобладали татары, становится еще более однородным в этническом отношении. Крестившиеся мордва и чувашаи освобождались от корабельной повинности, некрестившиеся – отатаривались. Упоминание о лашманах нетатарского происхождения еще сохранялось в указах второй половины XVIII в. в формулировках «служилые мурзы и татары, и прочие служилые иноверцы». Однако понятие «прочие

служилые иноверцы» постепенно превращалось в анахронизм, утрачивая связь с реальной жизнью. Свидетельством протекавших ассимиляционных процессов является наказ в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. некрещеных мордовских мурз д. Оскиной Засурского стана Пензенского уезда [Сб. РИО, т.115, с.329]. Их интересы в комиссии представлял служилый татарин «Аюп мурза Семинеев сын Еникеев», а под самим наказом вместе с поверенным мордовских служилых людей Еремеем Тикаевым подписался татарский мулла. К концу столетия отголоски былой приобщенности мордвы и чувашей к адмиралтейской повинности можно обнаружить лишь в документах, цитирующих указ от 31 января 1718 г. или содержащих ссылки на него.

Переход языческой части лашманов в православие уменьшил общую численность лесных работников при сохранении прежних объемов заготовок. Вследствие этого на рубеже 40–50-х гг. XVIII в. служилые татары стали настойчиво добиваться приписки к адмиралтейским работам ясачных соплеменников. Для обоснования этой цели использовался сенатский указ от 12 марта 1729 г., повелевший приписать к заготовке корабельных лесов ясачных татар, мордву, чуваш, черемис и вотяков Казанской губернии вместо служилых «иноверцев» Воронежской губернии, из-за удаленности проживания не привлекавшихся к работам [ПСЗ–1, т.8, №5379]. Однако различные причины помешали реализации указа, и решением Сената от 17 июля 1730 г. он был отменен [ПСЗ–1, т.8, №5588].

Ясачные татары знали о намерениях служилых и не желали разделить с ними лашманскую долю. В связи с этим с конца 1740-х гг. между двумя группами татарского населения развернулась борьба, отголоски которой получили отражение в законодательстве [ПСЗ–1, т.13, №9861]. Победителем в этом противостоянии, вероятно, вышли ясачные татары, поскольку нет убедительных фактов, свидетельствующих о привлечении их к лесозаготовкам во второй половине XVIII в.

Таким образом, с 1718 г. контингент приписных к Адмиралтейству пополнялся в основном за счет естественного воспро-

изводства. После проведения очередных переписей населения в лашманы зачислялись лица, рожденные между ревизиями [ПСЗ–1, т.12, №9455]. Динамику изменения численности лесных работников иллюстрируют следующие цифры: по первой ревизии (1722 г.) их насчитывалось 56 113 душ мужского пола, по второй (1743 г.) – 63 920, по третьей (1762 г.) – 75 621, по четвертой (1782 г.) – 99 337, по пятой (1795 г.) – 112 357 [там же, т.8, №98651; т.24, №17772]. На исходе XVIII столетия император Павел I произвел столь ожидаемые служилыми татарами перемены. Высочайше утвержденный доклад Сената от 16 декабря 1799 г. приказал «отправляемые приписными к Адмиралтейству служилыми татарами адмиралтейские работы распространить на всех татар, как служилых, так и ясачных» [там же, т.25, №19224]. Поскольку в ведомостях пятой ревизии все нерусское население Среднего Поволжья было учтено скопом, без различий этнической принадлежности, с 1800 г. к заготовке корабельных лесов, наряду с ясачными татарами приписали также ясачных чувашей, вотяков, мордву, черемис, общим числом 609 664 души. К 1817 г. количество лашманов составило 943 139 душ мужского пола, которые проживали в 66 уездах семи губерний [ПСЗ–1, т.34, №27023].

Сложность управления такой массой населения, а также удаленность многих вновь приписанных волостей от мест лесозаготовок заставили правительство вновь обратиться к проблеме комплектования контингента приписных к Адмиралтейству. Указ от 25 августа 1817 г. предписал:

«а) Дабы избавить от заготовления лесов всех отдаленных от лесных дач татар; то из 943 139 душ... уволить от лашманской повинности 823 000 душ, а для употребления в работы по 8000 человек ежегодно, приписать только 120 000 душ, считая по шестой ревизии.

б) В число сих избрать из прежде отправлявших лашманския повинности 108 075 душ в 25 уездах, остальных же 11 925 душ назначить из двух уездов: Спасскаго и Темниковскаго Тамбовской губернии, близких к тамошним корабельным работам ясачных поселян, привычных к лесным работам» [ПСЗ–1, т.34, №27023].

Таким образом, лишь первые два десятилетия XIX в. корабельную повинность номинально исполняли представители всего нерусского населения Среднего Поволжья. В остальное время, как до 1800 г., так и после 1817 г., подавляющая часть лесорубов состояла из потомков татарских служилых людей, определенных к лесозаготовкам указом от 31 января 1718 г. По восьмой ревизии (1833 г.) общее число лашманов составляло 160 440 душ мужского пола, по девятой (1850 г.) – 146 798, по десятой (1857 г.) – 120 214 [Клеянкин, 1978, с.53]. Цифра 120 000 человек, установленная в 1817 г., была признана достаточной для обеспечения потребности отечественных адмиралтейств в лесоматериалах, поэтому численность лашман, увеличивавшуюся в результате естественного прироста, периодически доводили до этой нормы. Так, в 1837 г. лишние 40 тыс. душ были переведены в удельное ведомство и в разряд государственных крестьян [Историческое, 1888, с.191–200]. Имели место и разовые корректировки, обусловленные необходимостью улучшения управления данной категорией населения (напр.: [ПСЗ–II, т.24, №23317, с.335–337]).

В связи с проблемой комплектования состава приписных к Адмиралтейству на протяжении XVIII столетия неоднократно поднимался вопрос о возможности заготовки корабельных лесов силами вольнонаемных рабочих. Как уже отмечалось, в начальный период лесоразработок в Казанской губернии ставка делалась именно на этот способ выполнения работ. Однако появление указа 31 января 1718 г. подвело черту под попытками построить дело на экономических началах. Ведущими стали методы административного принуждения, а заготовка лесоматериалов приняла форму государственной барщины.

В конце 1720-х гг., под воздействием многочисленных жалоб лашманов на тяжелое материальное положение, правительство попыталось найти подрядчиков, готовых взять на себя если не весь, то хотя бы часть «госзаказа» по рубке и вывозке лесов. В марте 1729 г. по приказу Верховного Тайного совета Казанская Адмиралтейская контора стала подыскивать людей, готовых вырубить и доставить к пристаням лес на две

галеры и фрегат. О подряде было широко объявлено в Казанской и других поволжских губерниях, однако на призыв откликнулся лишь один желающий, уже упоминавшийся житель г. Балахна И. Утятников. Он запросил «за прииск и рубку леса с корени, и за вывозку на пристани, и за лекальную обтеску, и на пристанях же от подъему брусьев на козлы, и за роспилование и от укладки на пристани в стопы, и на платеж найма квартир, и на покупку инструментов» 27000 рублей [Сб.РИО, т.101, с.169]. Указанная сумма не оставляла сомнений в окончательном выборе правительства, поскольку в 1727 г. затраты государства на те же самые работы составили 10870 рублей 32 копейки [Сб.РИО, т.101, с.176]. Такова была цена наемного труда.

Вопрос об освобождении служилых мурз и татар от корабельной повинности и исполнении казенных лесозаготовок с помощью наемной рабочей силы неоднократно поднимался в царствование Екатерины II. Решение этой проблемы императрица поручила Морской комиссии при Адмиралтействе, созданной 17 октября 1763 г. [ПСЗ–I, т.16, №11970]. 20 декабря 1766 г. комиссия доложила Екатерине, что «охотников к найму... по указам из комиссии с 1764 года... никого не явилось», в связи с чем предлагала оставить метод заготовок прежним, ограничившись повышением заработной платы работникам. В противном случае, военно-морское ведомство осталось бы без необходимых лесоматериалов [там же, т.19, №14166]. Из материалов законодательства известно, что в 1774 г. вопрос о найме «охочих» людей вновь рассматривался в Сенате, однако с прежним для лашман результатом [там же].

Отдельные эксперименты по заготовке корабельных лесов силами наемных работников все же имели место на рубеже 1770–1780-х гг. Так, в 1777 г. подряд на поставку леса для одного 32-пушечного корабля был отдан Якову Бодиско, поверенному генерал-фельдмаршала князя Репнина, который обязался поставить лесоматериалы по цене 19 коп. за пуд. В 1780 г. он же брался поставить лес на два 66-пушечных корабля по 18 коп. за пуд. В 1783 г. Бодиско торговался с татаринном Абдулгази Бурашевым за право обеспечения материалами строи-

тельства семи 100-пушечных кораблей. Бурашев был согласен поставить лес из расчета 17,5 коп. за пуд, его конкурент снизил цену еще на 1 копейку. Другие подрядчики требовали за это несравненно дороже от 20 до 50 коп. за пуд. Разрешила спор Морская комиссия, которая нашла «в просимых ценах великую разницу для казны с тем, во что вырубленные приписными татарами леса обходятся» и решила «производить сию работу по прежнему» [ПСЗ–1, т.24, №17772]. Соответствующим органам поволжских губерний по-прежнему предписывалось «охотников к заготовлению лесов сыскивать», однако таким образом, чтобы предлагаемая ими цена не превосходила «в разсуждении казенной пользы, надлежащей меры» [там же].

Как видно из приведенных фактов, попытки правительства найти замену служилым татарам для исполнения корабельной повинности носили формальный характер. Минимальная плата, за которую подрядчики брались взять на себя заготовку и вывозку лесов, составляла в последней четверти XVIII в. 16,5 коп. за пуд. Силами же служилых татар она обходилась казне в начале столетия в 2 копейки, а в конце его – около 6,5 коп. за пуд. Разрыв между рыночной стоимостью лесозаготовок и ценой труда служилых татар показывает, насколько государство было заинтересовано в сохранении существующего порядка вещей. Сколько бы лашманы ни поднимали вопрос об освобождении от корабельной повинности, он не мог быть решен положительно, пока это было выгодно казне.

Приписка в 1718 г. к Адмиралтейству и длительное пребывание под опекой этого ведомства обусловили некоторые особенности в правовом положении служилых татар. Они не избежали ни введения подушного обложения, ни рекрутских наборов, ни других тягот, выпавших на долю нерусского населения Среднего Поволжья в XVIII в. Однако все это распространялось на них позже, чем на ясачных крестьян, или же введение отдельных элементов государственного тягла носило специфический характер.

Так, согласно материалам законодательства, ясачное население Среднего Поволжья края было переписано и положено в по-

душную подать после обнаружения указа от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния...» [ПСЗ–1, т.5, №3287]. У служилых татар подготовительные мероприятия к введению подушного обложения стали проводиться несколькими годами позже, после выхода 31 июля 1722 г. указа «О раскладке в подушную перепись иноверцов, определенных к отправлению корабельных работ» [там же, т.6, №4065]. Непосредственно же переход в податное состояние произошел после смерти Петра I и был юридически оформлен сенатским указом от 8 апреля 1725 г. [там же, т.12, №9556].

Помимо более поздних сроков введения подушной подати, отличие между служилыми и ясачными татарами заключалось в том, что деньги, взимаемые с лашманов, шли целевым назначением в Адмиралтейство, входя в зачет 1 400 000 рублей, выделяемых ежегодно на его нужды из государственного бюджета [там же, т.13, №9861]. Средства же, собираемые с ясачного населения, централизованно перераспределялись. Кроме того, как уже отмечалось, подушный сбор с лашманов с 1727 г. не взимался в денежном выражении, а отрабатывался на заготовке корабельных лесов.

Величина подушной подати для всех категорий государственных крестьян была одинакова и в течение XVIII в. неоднократно менялась, чаще в сторону увеличения. В то же время был период в 1760–1768 гг., когда лашманы в силу неизвестных причин не были охвачены очередным повышением подушной подати.

Некоторыми отклонениями от общероссийской нормы сопровождалось и введение среди служилых татар рекрутской повинности. В литературе часто упоминается указ Петра I от 19 января 1722 г. [Фирсов, 1869, с.23; Семевский, 1901, с.581–582; Алишев, 1973, с.45; Исхаки, 1991, с.27], повелевший «рекрут брать с мордвы и черемисы, как с русских; а татар брать малолетних, а именно в гарнизоны от 10 до 12 лет, из которых употреблять в денщики генералам и штабу третью долю, также и в матросы некоторую часть» [ПСЗ–1, т.6, №3884]. Для ясачных татар данный указ можно считать точкой отсчета регулярных

рекрутских наборов. В качестве поставщика рекрутов они неоднократно упоминаются в законодательных материалах 1720-х – первой половины 1730-х гг. Помимо актов, объявлявших о начале очередного рекрутского набора, это были указы о сборе дополнительных рекрут за утайку душ [ПСЗ–1, т.7, №4335], а также характерные для правления Анны Ивановны указы, определявшие местом службы «иноверцев» не гарнизонные полки Казанской, Астраханской и Воронежской губерний, как это было во времена Петра I, а «гарнизонные же при Остзее (Прибалтика. – *А.Н.*) полки» [там же, т.9, №6721; №6740; №6913].

Со служилых татар, в отличие от ясачных, в 20-е гг. XVIII в. было взято лишь два рекрутских набора. По указу 1722 г. с них набрали 133 мальчика из расчета один человек с 83,5 дворов, которых отослали в Москву в Военную коллегию. На следующий год было взято «служилых иноверцев возрастных 113 человек» из расчета один рекрут с 95,5 дворов, которых определили в Казанское адмиралтейство для строительства транспортных судов, «обучения в солдаты, в плотники, в пильщики, в резчики, в маляры, в токари» [Сб.РиО, т.94, с.187–188]. Поскольку Адмиралтейство было военным ведомством, такой набор официально считался рекрутским, а люди, взятые по нему, – находящимися на воинской службе.

Собственно рекрутские наборы со служилых татар начались во второй половине 1730-х гг. В именном указе от 19 сентября 1737 г. при перечислении категорий населения, с которых собирались рекруты, впервые встречается понятие «служилые татары», «которые к заготовлению корабельных лесов определены» [ПСЗ–1, т.10, №7378]. Примечательно, что из них в первую очередь должен был комплектоваться российский военно-морской флот, основу которого они впоследствии долгое время составляли наряду с жителями Архангелогородской губернии [там же, т.10, №7378; №7583; т.17, №12748].

Из-за противодействия татарского населения и нерасторопности местных властей указ 1737 г. не был реализован, поэтому 25 июня 1739 г. Сенат был вынужден из-

дать повторный указ, который предписывал с «приписных к Казанскому адмиралтейству мурз и татар по наряду 1737 г., рекрут и лошадей... собрать немедленно» [ПСЗ–1, т.10, №7841]. Реакцию самих служилых татар на рекрутчину отражает указ Сената от 7 октября 1739 г. «О наказании за подачу прошения на высочайшее имя, мимо надлежащих судебных мест» [там же, т.10, №7931]. Документ примечателен тем, что последовал после того, как солдат Невского гарнизонного полка Алшей Уразгилев «дерзновение поимел» подать императрице Анне Ивановне челобитную «о несборе с служилых мурз в равенстве с ясачными татарами и чувашаи рекрут и лошадей...». Таким образом, практически с момента возложения рекрутской повинности лашманы начали бороться за ее отмену.

В истории служилых татар были периоды, когда правительство временно освобождало их от рекрутчины. Так случилось в 1755–1756 гг., во время подавления восстания под предводительством муллы Батырши. 26 сентября 1755 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась о посылке 5-тысячного отряда служилых мурз и татар в помощь войскам, действовавшим под командой оренбургского губернатора И.И.Неплюева [ПСЗ–1, т.14, №10469], и в тот же день было объявлено об освобождении «иноверцев» от поставки рекрутов за новокрещеных [там же, т.14, №10666]. Признанием заслуг служилых татар в этой военной экспедиции стало их освобождение от поставки рекрутов в очередной набор по указу от 23 декабря 1757 г. [там же, т.14, №10785]. Решение примечательно тем, что оно состоялось в разгар русско-прусской войны, когда рекрутские наборы следовали один за другим и армия испытывала серьезные затруднения в пополнении личного состава. Указом от 30 августа 1758 г. оно было подтверждено [там же, т.15, №10874].

Освобождение приписных к Адмиралтейству от рекрутской повинности действовало до выхода 29 сентября 1766 г. «Нового генерального учреждения о сборе рекрут в государстве», которым их вновь включили в перечень категорий, обязанных поставлять новобранцев на военную службу [там же, т.17, №12748]. При этом собирае-

мые с лашманов рекруты, как и в 1730-е гг., направлялись для прохождения службы на флот. Таким образом, служилые татары не только закладывали материальные основы его существования, но и были в числе тех матросов, чьими потом и кровью зарабатывалась его воинская слава. В последующие годы они не раз поднимали вопрос о снятии с них рекрутчины [там же, т.19, №14166; т.24, №17772]. Даже были готовы заготавливать корабельные леса бесплатно, при условии освобождения их от «казенных податей и рекрутских наборов» [там же, т.24, №17772]. Добиться желаемой цели им удалось лишь в 1817 г. [там же, т.34, №27023]. Все это время с ясачных татар рекруты собирались регулярно. По крайней мере, в Полном собрании законов нет ни одного законодательного акта XVIII в., говорящего об обратном.

Принадлежность к Адмиралтейству обусловила исполнение лашманами целого ряда ведомственных повинностей, проистекавших из стремления чиновников морского ведомства решать текущие проблемы за счет или силами нерусских служилых людей. Пример этому подал сам Петр I. Указом от 31 января 1718 г. он возложил на служилых иноверцев содержание плотников, пильщиков и мастеровых других специальностей, набранных «в городах, и в дворцовых и в ясашных русских селах Казанской и Нижегородской губерний» для работы на казанской верфи [ПСЗ–1, т.5, №3149]. Общее число мастеровых составляло около 300 человек. Жалованье им выплачивалось за счет особого сбора с приписных к Адмиралтейству, составлявшего 25 коп. деньгами «да хлеба ржи по 2 четверика с человека» [Сб.РИО, т.94, с.184–185].

Особой страницей в истории лашманов стало их участие в возведении русских военных крепостей на Кавказе. Именным указом от 3 декабря 1723 г. 5000 человек из числа служилых татар, мордвы и чувашей были направлены в г.Баку, на р. Кура и в крепость Святой Крест (русская военная крепость на р. Сулак (Дагестан). – *А.Н.*). Из них 2500 человек были взяты от 23711 служилых иноверцев Казанской, Астраханской и Нижегородской губерний, остальные – с 6085 иноверцев Воронежской губернии

[Сб.РИО, т.94, с.184–185]. Неравномерное распределение наряжаемых работников между губерниями объяснялось тем, что служилые татары Воронежской губернии не отработывали корабельную повинность натурой, а вносили определенную сумму. Содержание командированных лашманов легло на их товарищей, оставшихся дома. На эти цели с каждого годного к работе собиралось по 271/4 коп. [там же, с.188], а с 1725 г. они платили за убывших и подушную подать.

Судьба лашманов, посланных на Кавказ, оказалась трагичной. На заседании Верховного Тайного совета 9 августа 1728 г. генерал-фельдмаршал В.В.Долгорукий доложил, что из иноверцев, высланных из Казанской губернии «в новозавоеванные персидские города... многие померли, а ныне осталось их самое малое число и те в великой нищете, без одежды и обуви находятся и помирают с голода» [Сб.РИО, т.84, с.295]. Долгорукий был всерьез обеспокоен этим фактом, поскольку такое состояние командированных вызывало «не малое к нам подозрение от тамошних народов, ибо из тамошних народов призываем в свою протекцию, а своих в такой нищете и работе мучим». Опасаясь подрыва авторитета России, он предложил «впредь иноверцев туда для работ не посылать, ибо, по разсуждению, пушей нужды там в них не имеется, а обретающихся ныне тамо иноверцев оттуда отпустить» [там же, с.296]. Это предложение было узаконено сенатским указом от 17 июля 1730 г. [ПСЗ–1, т.8, №5588]. В нем сообщается, что из 5000 служилых татар, мордвы и чувашей, посланных «для строения крепостей в Баку и на Куру», только по пути в Астрахань и Гилян погибло 3792 человека.

Трагичность судьбы лашманов, сложивших головы вдали от родины, усиливает бессмысленность этих жертв. По условиям договора между Россией и Персией, заключенного в Гянце 10 марта 1735 г., города Баку и Дербент, а также другие прикаспийские приобретения России, обильно политые кровью и потом солдат и работных людей, были возвращены Ирану [ПСЗ–1, т.9, №6707].

Особым разнообразием повинностей и сборов с приписных к Адмиралтейству

отличалась вторая половина 1720-х гг. Большинство из них носили временный характер и были обусловлены текущими государственными нуждами. К числу таких повинностей следует отнести посылку в 1727 г. 300 человек в Астрахань для строительства Адмиралтейства, гавани и прочих работ. В 1728 г. им на смену послали еще 300 служилых иноверцев. Данные наряды оказались обременительными даже для руководства Казанской адмиралтейской конторы, которое просило Верховный Тайный совет об их отмене. Указом от 12 марта 1729 г. Сенат приказал с иноверцев «в Астрахань работников... впредь не иметь, а отправлять те работы... наймом от Адмиралтейства» [ПСЗ–1, т.8, №55379; Сб.РИО, т.94, с.189].

Служилым татарам, в отличие от мордвы и чувашей, приходилось нести дополнительные тяготы, обеспечивая переводчиками и толмачами дипломатические сношения России с южными и юго-восточными соседями. В 1723 г. 23 человека казанских слободских татар были отправлены с посланником Семеном Аврамовым в Гилян «для переводов писем и толмачества персидского языка» [Сб.РИО, т.101, с.380]. В 1727 г. на смену им было послано еще 20 человек [там же, с.381]. 7 ноября 1729 г. Петр II приказал «в Персию для переводов писем и толмачества персидского языка, в прибавок к преждеотправленным, послать из казанских татар десять человек и выслать их туда немедленно» [там же, с.379].

Подобные указания о посылке переводчиков делались обычно на самом высоком уровне (император, Верховный Тайный совет, Сенат) в ответ на настоятельные просьбы военного и гражданского руководства пограничных областей. Руководство Казанской адмиралтейской конторы, как правило, игнорировало прямые обращения к ним и делало соответствующие распоряжения лишь после директив высших инстанций. Отсутствие рвения в этом вопросе объясняется не только корпоративными интересами, ревностью к вмешательству со стороны во внутренние дела Адмиралтейства, но и прямыми материальными потерями от таких нарядов. Лица, посланные в подобные командировки, часто не возвращались об-

ратно. К примеру, в августе 1729 г. в стычке с местным населением погиб переводчик при крепости Святой Крест Ибрагим Уразаев [там же, с.381].

Значительно усложняли жизнь лашманам разного рода мелкие повинности, возникавшие вследствие «инициатив» местных адмиралтейских чиновников, а также неразвитости законодательства, не регламентировавшего «внеслужебные» обязанности казенных лесорубов. К примеру, с 1725 г. по 1728 г. «по усмотрению» Н.А.Кудрявцева с лашманов, не годных по возрасту для работ на лесозаготовках, брали дополнительно: с малолетних по 25 коп., с престарелых по 50 коп. с души [там же, т.94, с.186–186]. С 1726 г. служилых татар стали привлекать для службы «у приема денежной казны, и у провианта, и у материалов», связанной с деятельностью Казанского адмиралтейства. Таких выбранных «... в бурмистры, в счетчики, в целовальники» в 1726 г. было 29 человек, в 1727 г. – 34, в 1728 г. – 22 [там же, с.193]. Хотя лиц, находящихся на этих должностях, освобождали от корабельной работы, татары рассматривали данную службу как дополнительную повинность и в своих челобитных добивались ее отмены [там же, т.84, с.235]. В итоге Сенат был вынужден отреагировать на жалобы о самоуправстве казанских властей и указом от 12 марта 1729 г. запретил взимать с лашманов натуральные и денежные сборы «сверх положенных подушных денег» [ПСЗ–1, т.8, №5379].

Еще один момент, выделявший служилых татар от ясачных собратьев и прочих государственных крестьян, – наличие в их среде владельцев зависимых людей. Сенатский указ от 24 апреля 1775 г. «О не освобождении иноверческих дворовых людей от подушного оклада» сообщает о 383 душах дворовых людей и крепостных крестьян из башкир и татар, находившихся в Казанском уезде «в услугах у приписных к Адмиралтейству иноверцев» [ПСЗ–1, т.20, №14306]. В своих отношениях с государством эти лашманы-собственники выступали в двух ипостасях. Будучи юридически государственными крестьянами, они одновременно были душевладельцами, что в России той поры являлось исключитель-

но привилегией дворянства. В неоднозначной ситуации пребывали и их крепостные. Как следует из указа 1775 г., в 1747 г. они были положены в подушный оклад «с их владельцами наряду». В то же время крепостные, в отличие от своих хозяев, не несли адмиралтейской повинности. Существовали и другие различия. К примеру, когда в 1757 г. служилых татар освободили от поставки рекрутов, с их дворовых людей и крестьян «отдача рекрут была» [ПСЗ–1, т.20, №14306]. Естественно, запутанность данной ситуации порождала большие проблемы для местных властей.

Приведенный факт свидетельствует о сохранении у служилых татар в последней трети XVIII в. остатков бывшего высокого социального статуса. Принадлежность к адмиралтейскому ведомству и специфика выполняемой корабельной повинности обособляли лашманов от прочих групп государственных крестьян, вопреки стремлению правительства к унификации их положения.

Вплоть до отмены в 1860 г. корабельной повинности служилые татары находились под опекой военно-морского ведомства, подменявшего в отдельные периоды органы местного государственного управления. Периодом наивысшего могущества руководителей Казанской адмиралтейской конторы были 1718–1731 г. Ее первый начальник и одновременно казанский вице-губернатор Н.А.Кудрявцев по указу 1718 г. не только выдавал приписным наряды на работы, но и при необходимости, чинил над ними суд и расправу. В дополнение к этому сенатский указ от 31 июля 1722 г. наделил его фискальными полномочиями, предоставив право собирать с иноверцев «положенные с них сборы» [ПСЗ–1, т.6, №4065]. Ближайшими помощниками Н.А.Кудрявцева были сын Нефед, унаследовавший отцовские должности после его смерти в 1728 г., а также представитель Адмиралтейской коллегии в Казани капитан-командор Иван Козлов. Зависимость лашманов от адмиралтейского начальства в вопросах, связанных с корабельными работами, была законодательно закреплена указом от 12 марта 1729 г. [ПСЗ–1, т.8, №5379]. В период, когда нерусские служилые люди были свободны

от нарядов, их контакты с морским ведомством также не прерывались, поскольку отец и сын Кудрявцевы продолжали курировать их «гражданскую» жизнь уже в качестве казанских вице-губернаторов.

Такое положение просуществовало до выхода высочайше утвержденного 6 июня 1731 г. доклада Сената, разделившего управленческие функции [ПСЗ–1, т.8, №5772]. Отныне все вопросы, не связанные с корабельными работами, переходили в ведение губернаторов и воевод. Полномочия командира, «определенного от Адмиралтейства», ограничили руководством лесозаготовками. Лашманы могли подавать на него жалобы губернатору в случаях, если он «в работах их станет чинить им излишняя тягости».

Введенный порядок резко ограничил влияние начальника Казанской адмиралтейской конторы, в то же время оказался на руку высшим чиновникам ряда поволжских губерний, которые были недовольны отсутствием возможности влиять на жизнь приписных, проживавших на вверенной им территории. Особо их задевало то, что управление лашманами осуществляли отец и сын Кудрявцевы, являвшиеся одновременно вице-губернаторами Казанской губернии.

Для самих лашманов указ 1731 г. имел негативные последствия. Оказавшись в двойном подчинении и «лишась единого места их правосудия», они, помимо притеснений со стороны адмиралтейского начальства, столкнулись с произволом различных ветвей гражданской администрации. По свидетельствам приписных, «наибольший урон они терпели от специально командированных команд, которые брали с них «беспрогонно» (т.е. не платя положенных денег. – А.Н.) подводы, изымали провиант, фураж, всякие «съестные припасы и живность» [ПСЗ–1, т.13, №9814]. Много проблем служилым татарам приносило разбирательство дел в судебных инстанциях. Не зная русского языка, формы суда, указов и Уложения 1649 г., они оказывались беззащитными даже в тех случаях, когда закон был на их стороне [Сб.РИО, т.43, с.600–601; т.115, с.314]. Еще более беспомощными против произвола гражданской администрации были семьи лашманов,

отрабатывавших наряды не лесозаготовках [ПСЗ–1, т.11, №8785].

Поэтому вскоре после выхода указа 1731 г. служилые татары и прочие приписные к адмиралтейским работам стали добиваться возвращения прежнего порядка, чтобы «ведать, как работою корабельных лесов, так и платежом подушных денег, и судом и расправою в Казанской Адмиралтейской конторе также как и при жизни... императора Петра Великого по именному его величества указу, ведал их бывший вице-губернатор Никита Кудрявцев» [там же]. Добиваясь возвращения под крыло Адмиралтейской конторы, лашманы рассчитывали, что ведомство, непосредственно заинтересованное в их труде, будет более справедливым к ним.

Однако правительство было против восстановления прежнего порядка управления лесными работниками, поскольку возвращение былых полномочий начальникам Казанской адмиралтейской конторы привело бы к дублированию системы исполнительной власти, сложившейся в поволжских губерниях. Сенат трижды (указами от 28 сентября 1743 г., 1 ноября 1750 г. и 2 декабря 1752 г.) выносил решения об оставлении служилых татар в ведомстве губернаторов и воевод [ПСЗ–1, т.11, №8785; т.13, №9814, №10052]. В 1755 г., на волне послаблений татарской феодальной элите, произведенных в период восстания Батырши, прежний порядок судопроизводства был частично восстановлен. Все вопросы, касающиеся служилых татар по делам «от помещиков и от протчих ясашных и дворовых людей», было велено решать «в адмиралтейской же конторе, а не в других местах» [Сб.РИО, т.115, с.313]. Однако уже в 1756 г. дела, связанные с «судом и расправою с посторонними людьми», возвратили в ведение губернских и провинциальных канцелярий [там же]. По данным И.А.Гилязова, в 1757 г. было вновь подтверждено, что все вопросы, не имеющие прямого отношения к выполнению корабельных работ, находятся в ведении указанных канцелярий [Гилязов, 1982, с.60–61].

Потеряв надежду на возвращение судебных функций Адмиралтейской конторе, в 60-е гг. XVIII в. служилые татары стали добиваться передачи ей на рассмотрение

хотя бы тех дел, в которых они выступали в качестве ответчиков по искам «от посторонних русских помещиков и протчих разночинцев и ясашных людей» [Сб.РИО, т.115, с.313]. Дела, в которых они сами искали правосудия, выступая в роли истца, лашманы были согласны рассматривать в Казанской губернской канцелярии в присутствии представителей Казанской адмиралтейской конторы [там же]. Однако ситуация объективно складывалась не в их пользу. Во второй половине 1770-х гг. в рамках реформы произошло упразднение большого числа столичных коллегий, контор и канцелярий, сопровождавшееся расширением прав и полномочий чиновников на местах. В ходе этой кампании Адмиралтейская коллегия сохранилась, однако утратила значительную часть прежних полномочий. Они перешли к учреждениям нового типа, ведавшим финансово-хозяйственными функциями, – казенным палатам в губерниях и казначействам в уездах.

Императорским рескриптом 16 февраля 1782 г. леса, находившиеся в ведении Адмиралтейства, передали под контроль Директоров домоводства, а работников, занятых на лесозаготовках, – в ведение Директоров экономии. Особо указывалось, чтобы «Адмиралтейская контора в Казани или другом где либо месте в управление и наряды тех крестьян не вступалась» [ПСЗ–1, т.21, №15351]. Она превращалась в промежуточное звено между Адмиралтейской коллегией и Казанской казенной палатой. Адмиралтейская коллегия доводила до Казанской конторы сведения о том, «какое количество и каких именно лесов к какому времени ей потребно», а та, в свою очередь, передавала их в казенную палату вместе со своими предложениями о необходимом количестве работников.

Указ от 18 августа 1782 г. еще более расширил полномочия Директоров домоводства. В их распоряжение, помимо корабельных лесов и рощ вместе с их описаниями и картами, перешли и приписные к Адмиралтейству служилые татары. Адмиралтейские чиновники должны были за три месяца до начала работ представить в казенные палаты сведения: «сколько, куда

именно надлежит выслать пеших и конных работников». На этом их функции исчерпывались. Кроме производства нарядов, Директора домоводства через специально назначенных надзирателей и других должностных лиц полностью контролировали весь процесс заготовки и вывозки корабельных лесов. Лишь уже вывезенные на пристани леса передавались в руки чиновников Адмиралтейства, и дальнейшая их судьба была предметом заботы этого ведомства [ПСЗ–1, т.21, №15494].

Таким образом, в царствование Екатерины II все функции управления лашманами были сосредоточены в одном месте. И работой их, и налогообложением, и судопроизводством ведали чиновники различных губернских органов. С приходом к власти императора Павла I, уничтожившего многие нововведения матери, ситуация опять изменилась. Уже в начале 1797 г. Адмиралтейская коллегия контролировала сбор подушных податей, составляла наряды и распоряжалась самими работами по заготовке корабельных лесов [ПСЗ–1, т.24, №17772]. Указом от 16 декабря 1799 г. эта практика получила юридическое оформление [ПСЗ–1, т.25, №19224].

Окончательную точку в данном вопросе поставило «Учреждение управления корабельных лесов» 25 августа 1817 г. [ПСЗ–1, т.34, №27023, с.504–529]. В соответствии с ним в Казани было создано специальное Управление корабельных лесов. На местах ему подчинялись волостные правления, созданные в местах проживания лашманов. Вопрос о разделении сфер влияния был решен следующим образом. Определялось, что «лашманы во всем том, что относится до лашманской повинности, состоят под распоряжением Правления; в прочем же подведомы они местному управлению» [там же, с.524]. Низшей инстанцией местного управления являлась вновь учрежденная лашманская волость. Сельский староста и волостной старшина отвечали за поставку каждого работника «в срок и в исправности».

В целом же, борьба между различными ведомствами за право управления казенными лесорубами, длившаяся почти столетие, завершилась возвратом к состоянию, установленному указом от 6 июня 1731 г. Следу-

ет отметить, что служилые татары не были простыми статистами в межведомственном «перетягивании каната». В своих прошении-ях к верховной власти они не только отстаивали выгодную для них ситуацию в области управления, но и попутно добивались от правительства уступок в решении других проблем, подчас непосредственно не связанных с выполнением корабельных работ.

Подводя итог рассмотрению сюжетов, связанных с различными аспектами истории адмиралтейской повинности, необходимо сказать несколько слов об объемах лесозаготовок. Без этого невозможно судить о результатах труда нерусских служилых людей Среднего Поволжья и в должной мере оценить их вклад в историю военноморского судостроения в России. К сожалению, сохранившиеся свидетельства носят фрагментарный характер. Известно, что в 1719 г. из Казани было отправлено около 15 тыс. бревен на 35-пушечные фрегаты, более 17 тыс. бревен и досок на починку судов, а также свыше 1 тыс. ясеневых весел. В 1795 г. силами 6 864 пеших и конных работников было заготовлено и вывезено на пристани для отправки на верфи Санкт-Петербурга и Астрахани 822 416 пудов корабельного леса [Материалы, 1859, с.71–72]. «Положением о лашманах» 1817 г. «средняя пропорция ежегодного заготовления лесоматериалов на корабельное и прочее строение была установлена в таком выражении: 28 тыс. дубовых деревьев весом около полутора миллионов пудов [ПСЗ–1, т.34, №27023]. Всего за время существования Казанского адмиралтейства (1718–1837 гг.) на принадлежащих ему верфях было построено около 400 судов разных типов [Адмиралтейство, 1994, с.30]. Кроме того, оно снабжало корабельным лесом, заготовками и деталями верфи Балтийского флота, Астраханского адмиралтейства. Таким образом, лашманы были первым и важнейшим звеном в процессе строительства отечественных парусных судов, именно они возводили фундамент блестящих побед и славы российского флота. Кроме того, их лесная работа была весомой частью труда многих тысяч работных людей, создававших материальные основы промышленного развития России.

Говоря о социальных последствиях введения лашманской повинности, нельзя не отметить того факта, что учреждение ее в 1718 г. нанесло тяжелейший удар по татарскому феодальному классу. В течение менее десятилетия служилые мурзы и татары из привилегированного сословия были превращены в один из отрядов податного населения страны. В материальном плане в отдельные периоды они находились даже в более тяжелом положении, чем другие категории государственных крестьян. Исполняя полагавшиеся этому сословию повинности, одновременно, они должны были отрабатывать наряды на казенных лесозаготовках и нести другие повинности по адмиралтейскому ведомству. Неудивительно, что такая двойная ноша заставляла служилых татар отстаивать свои интересы. Челобитные приписных разных губерний, адресуемые верховной власти, практически одинаково характеризуют

их положение: «от тех вышеписанных разных податей, и от взятя людей, и от непорядочной излишней такой работы пришли мы... во всеконечное разорение и скудость и одолжали неоплатными великими, многими долгами, понеже у многих дети ныне в закладе, и стали быть без лошадей и без хлеба...» [Сб.РИО, т.84, с.236–237].

Социальные и экономические потрясения, пережитые на рубеже 1710–1720-х гг., наложили отпечаток на самосознание служилых мурз и татар. Главным их устремлением на долгие десятилетия являлось освобождение от корабельной работы и «других разных всяких податей». Однако обратного пути для них не было. Освобождение от ненавистной лашманщины, представлявшей собой своеобразную форму государственной барщины, последовало лишь в 1860 г. [ПСЗ-2, т.35, №35611], практически совпав с отменой крепостного права в России.

§4. Торговля

1. Участие татар во внутренней и внешней торговле России

Искандер Гилязов, Гульнара Зиннимова

Внутренняя торговля. XVIII столетие в истории Российского государства характеризуется ростом внутренней и внешней торговли [Яковцевский, 1956, с.119]. До конца XVIII в. торговле принадлежало главенствующее значение среди всех видов предпринимательской деятельности [История предпринимательства, 2000, с.222]. Развитие мелкотоварного и мануфактурного производства, развитие сельского хозяйства, усиливающееся отделение промышленности от сельского хозяйства, рост специализации отдельных районов в первой половине XVIII в. приводили к все большему расширению товарного обращения в условиях всероссийского рынка [Заозерская, 1957, с.149]. Среднее Поволжье издавна являлось районом интенсивной торговли. На рубеже XVII–XVIII вв. этот регион активно втягивался в сферу российского рынка. Торговля была сосредоточена в основном в городах, крупнейшими из которых были Казань, Нижний Новгород, Свияжск, Чебоксары.

Торговля внутри страны осуществлялась в следующих формах: 1) через стационарную сеть – лавки; 2) на ярмарках и торгах; 3) посредством развозной и разносной торговли [Яковцевский, 1956, с.123]. Для татар Среднего Поволжья и Приуралья были характерны все эти формы торговли.

Сельские торги и закупку у производителей можно охарактеризовать как первый уровень внутренней торговли. Скупленное сырье либо сразу становилось предметом продажи, либо шло на последующее изготовление товара. Затем товар поставлялся на продажу на ярмарке – это уже второй уровень внутренней торговли. Торговлю на приграничных ярмарках и на ярмарках международного значения внутри страны следует отнести к следующей, третьей ступени внутренней торговли.

Благодаря упорядочению ярмарок по времени и месту функционирования складывались циклы, характерные для отдельных районов [Торгово-промышленная,

1899, с.382]. Самыми крупными ярмарками в Поволжье и Приуралье были Ирбитская ярмарка и Крестовско-Ивановская (Пермская губ.), Мензелинская (Уфимская губ.), Алексеевская (г. Котельнич), Караванная (Лайшево), Весенняя (Казань), Макарьевская (с 1816 г. – Нижегородская), Ростовская (Ярославская губ.) [Сборник сведений, 1899, с.388–389].

Торговлю можно смело называть ведущим неземледельческим занятием татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII в. В торговой деятельности татарских купцов и торгующих крестьян проявлялись и растущая производственная специализация Среднего Поволжья, включение его в сферу формировавшегося всероссийского рынка. В этом проявлялась и растущая имущественная и социальная дифференциация среди крестьянства всех народов региона. Углублявшееся общественное разделение труда, выделение в частности, промышленного производства, затронуло и татарское крестьянское хозяйство, способствуя активному включению его в процессы общероссийской внутренней и внешней торговли. Заметное увеличение податного обложения крестьянства на протяжении XVIII в. также оказало свое влияние на развитие торговли и обмена, ибо крестьяне с целью своевременной уплаты оброка и подати были вынуждены чаще продавать результаты собственного труда.

Склонность татарских жителей к торговле и их успехи в этой сфере деятельности отмечаются многими источниками, в том числе и путешественниками [Георги, 1779, с.10; Паллас, 1786, с.5].

Татары проводили торговую деятельность в традиционном для них южном – Волго-Каспийском направлении, в этом случае их маршрут проходил через следующие города: Казань, Симбирск, Самара, Сызрань, Саратов, Царицын, Черный Яр, Астрахань; в Урало-Каспийском направлении маршрут проходил через Уральск, Гурьев; в Черноморском направлении был затрагиваем торговый пункт в Ростове. Восточное направление подразделялось на три маршрута: Мензелинск, Челябинск, Троицк, Бирск, Шадринск, Ирбит, Тю-

мень, Тобольск и др. (в Сибирь); Оренбург и др. (к Средней Азии); Через Троицк, Петропавловск, Семипалатинск и др. (в Китай). Татары также торговали и западнее – в городах Н.Новгород, Москва, Орел, Санкт-Петербург и др.

Внутренняя и внешняя торговля государства тесно взаимосвязаны по таким параметрам, как время, место и ассортимент товаров. Время активизации внешней торговли напрямую зависело от окончания внутренних ярмарок. Сроки прихода и отхода караванов из Оренбурга в Среднюю Азию и следующих в Россию устанавливались в зависимости от благоприятного сезона и продолжительности Нижегородской ярмарки, которая проходила ежегодно и продолжалась обычно с середины июля до середины августа. Купцам требовалось какое-то время для подготовки к дальней поездке, транспортировки товаров к пограничным таможням, найма верблюдов и сопровождающего персонала. Поэтому караваны покидали пределы России в октябре-ноябре. Караваны из городов Средней Азии выходили в путь примерно в конце апреля – мае, таким образом, они успевали вернуться к началу ярмарки в Оренбурге и в Нижнем Новгороде.

С 1697 по 1720 г. оборот Макарьевской ярмарки возрос почти втрое [Кафенгауз, 1956, с.132]. Участие татар Среднего Поволжья в работе ярмарки представляется традиционным. В первой половине XVIII в. казанские купцы входили в первую десятку наиболее деятельных участников Макарьевской ярмарки [Свердлова, 1991, с.25]. Казанские и астраханские татары привозили мерлушку и другие меха, скупленные у башкир и калмыков [Кафенгауз, 1956, с.135]. Кроме этого, татары ежегодно пригоняли большое количество лошадей. На Макарьевскую ярмарку товары из Казани доставлялись по Волге, на берегу имелась судовая пристань для погрузки товаров.

Астрахань также являлась традиционным пунктом торговли татар. До основания Оренбурга через Астрахань велся основной торг с Азией. В Астрахани было много осевших казанских татар, которые жили в Татарской и Казанской слободах. Их основным

занятием, так же как и других представителей нерусских народностей, была посредническая торговля между Россией и странами Востока.

Распространенным явлением для астраханских купцов была организация торговых компаний [Голикова, 1982, с.189–190]. Так, казанские татары объединялись с купцами других национальностей, вкладывая свои паи в общее дело. Это было выгодно для организации дела, купцы восточных стран более успешно могли вести внешнюю торговлю, а те же казанские татары использовали свои деловые связи в ведении внутренней торговли. Активные торговые связи казанских татар в Астрахани подтверждаются также участием их в кредитных отношениях [там же, с.203].

Благодаря активной деятельности купцов Среднего Поволжья, в частности и татар, было реализовано очень выгодное «центральное» географическое положение региона. Товары, пришедшие с Нижнего Поволжья, Прикамья, Закавказья, Урала, Сибири, Средней Азии, сосредотачивались в этом регионе, перераспределялись по городам, ярмаркам России, а также отправлялись на запад и на восток, за границу.

Растущее в XVIII в. малоземелье, усиление податного гнета требовали и от крестьян активного включения в торговую или промысловую деятельность. Этим крестьяне пытались извлечь из нее максимум выгоды или же хотя бы поддерживать минимальные условия для существования. Обычным явлением для татарских крестьян были подряды на извоз: поставки хлеба, других продуктов, подвоз соли, торговые операции.

Поставки хлеба – муки и зерна – были наиболее распространенными подрядами для крестьян всех национальностей. Конечно, среди них можно видеть поставки излишков хлеба, имеющих в хозяйствах зажиточных крестьян, а также вынужденные поставки бедняков, занимавших деньги для различных целей, а позднее расплачивающихся за долги натуральными поставками. В 1752 г. служилые татары д. Атабаево Тетюшского уезда договорились поставить свияжскому купцу В.Я.Денисову ржаной муки в кулях, каждый куль весом 9 пудов 10

фунтов. В документе был приведен реестр таких татарских крестьян: Деней Ермолов обязывался поставить 274 куля (около 2 500 пудов!), Ярмол Баймяков – 11 кулей, Богдан Якупов – 48, Карабай Усманов – 33, Муртаза Резяпов – 44, Абдул Сулейманов – 35. Договор был подписан в 1752 г., но татарские крестьяне не смогли вовремя осуществить поставки (причины в документе не называются) и обязывались сделать это к 1 октября 1754 г. [РГАДА, ф.586, оп.1, д.79, л.1, 3, 5]. Эти поставщики не только продавали свой хлеб, но и договаривались с другими торговцами.

Татарские и чувашские крестьяне деревень Биково, Тавгильдино и Большие Тарханы Буинского уезда Симбирской губернии в 1763 г. имели дело со свияжскими купцами Г.Г.Саковым и Д.Ф.Захарьевым, договариваясь с ними о поставках хлеба [там же, ф.441, оп.1, д.298]. Татарские крестьяне нередко поставляли зерно и муку в весьма отдаленные жительства. В 1764 г. татарские крестьяне Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда обязались сделать поставки в оренбургские магазины, объем их составлял 360 четвертей, а ясачный татарин д. Чалпы заключил контракт на поставку 2500 четвертей и должен были получить за каждую четверть 1 руб. 5 коп. в Оренбурге и 1 руб. 19 коп. в Воздвиженской крепости, в общей сложности 3265 руб. [там же, ф.529, оп.1, д.1771, л.1–2об.].

Для татарских крестьян наиболее распространенной и доступной формой участия в торговле была розничная торговля, выполнение торговых операций для крупных торговцев – татарских и русских, скупка и продажа их товаров: «татары многие торгуют, нанимаются к русским купцам в приказчики и толмачи, а иные вступают в провиантские подряды и в разные торги» [РГИА, ф.91, оп.1, д.381, л.390]. Жители деревень Кулга Куюк, Малый Ряс, Айбаш и других Казанского уезда, например, нанимались «под извоз купеческих товаров в разные города и ярмарки» [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.402, л.253]. Обычно такие приказчики ездили по деревням и торговали «больше променом одних товаров на другие, редко за наличные деньги» [Геор-

ги, 1779, с.10]. Они продавали различные сельскохозяйственные продукты, одежду, ткани, бытовые предметы. Например, служилые татары д. Кочки и Малая Турма Тетюшского уезда имели «отъезд» в г. Оренбург, «откуда и вывозят калмыцкие тулупы, мерлушки бумажные и шелковые, кушаки и прочие мелочные товары, которые продают в разных российских городах и селениях» [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.431, л.31об.]. Крестьяне продавали и продукты домашней промышленности – льняные и шерстяные ткани, холсты, например, жители деревень Юртуши, Большой Сентяк, Мендели Казанского уезда [там же, д.402, л.197об.]; кожи, сало и мед – крестьяне Спасского уезда [НАРТ, ф.324, оп.740, д.344, л.52]; сани, телеги, колеса, кадушки. Ведра, тулупы, шапки – жители деревень Сабанчино, Поршур, Малый Сардыган, Верхняя Мичень, Большая Шикша и др. Мамадышского уезда [РГАДА, ф.1355, оп.1, д.416, л.104об., 114об., 115об., 119об.]. Некоторые продавали различные купеческие товары – шелковые ткани, бумагу, украшения (например, ясачные татарские крестьяне деревень Арбаш, Княбаш, Токтарово Казанского уезда) [там же, д.402, л.364об.].

Татарские крестьяне, которые нанимались к богатым купцам в качестве их торговых агентов или приказчиков, отправлялись в различные районы. Это подтверждают многочисленные кредитные письма, выдававшиеся этим лицам от их нанимателей. Кредитные письма писались по следующему образцу:

«Явил кредитное письмо Казанского наместничества Арской округи деревни Вересков служилый торговый татарин шелковой и бумажной фабрики фабрикант и содержатель Абдрешит Ибраев, по которому вверяя в торгах Вятского наместничества приказчикам Елабужской округи деревни Старой Ибрашевой служилым татарам Аипу Алметеву, Надиру Алметеву полную власть на год Казанского, Нижегородского, Уфимского, Пермского наместничеств, Оренбургской области на ярмонках, где способнее может быть товары продавать и на мену менять, расписываться, да на вырученные деньги вновь товары покупать и на его Абдрешит-

та имя вексели брать (подписи)» [НАРТ, ф.1238, оп.1, д.1, л.3]. Письмо датировано 1 февраля 1788 г.

После отмены внутренних таможен в 1754 г., гильдейской организации купечества, а для татарских торговцев после разрешения беспрепятственной торговли слободским служилым татарам в 1763 г., организации Казанской татарской ратуши в 1782 г., торговля как во всем государстве, так и в Среднем Поволжье весьма активизировалась. Купцы 2-й и 3-й гильдий появились и среди татарского населения средневожского региона. По официальным данным, в конце XVIII в. капитал гильдейских купцов из татар составлял 112 680 руб., а позднее, в начале XIX в. – 143 437 руб. [РГИА, ф.1531, оп.1, д.73, л.3–4]. Эти купцы торговали как непосредственно в губерниях Среднего Поволжья и Приуралья, так и выезжали в другие области и за пределы Российской империи. Торговля велась такими товарами, как кожи, мыло, меха, ткани, свечи и др., а также некоторыми сельскохозяйственными продуктами.

Важное место в развитии постоянной торговли имели торговые лавки, сосредоточенные, главным образом, в Казани и отчасти в уездных центрах. Так, в 1769 г. была составлена ведомость о количестве различных «оброчных и вотчинниковых» лавок в Казани и о приносимом ими годовом доходе. Среди 161 оброчной лавки в городе 15 принадлежали татарским торговцам, из них: в Гостином ряду – 1, Сибирском ряду – 5, Железном ряду – 4, Ленточном ряду – 5. Кроме того, в городе имели и 2 «вотчинниковых» лавки, общее их число составляло 565, из них 16 принадлежали татарским торговцам: в Ленточном ряду – 9, Мелочном ряду – 2, Сапожном ряду – 5. К 1768 г. было построено еще 7 татарских «вотчинниковых» в Горшечном ряду, а в Козьей слободе г. Казани была «прянишная изба» служилого татарина Абдуллы Токаева. Все эти лавки, торговая специализация которых ясна из названий рядов, были не слишком доходными: только лавка Якупа Салтанаева в Сапожном ряду приносила ему доход до 10 руб. в год., а пять лавок служилых татар Даута Юсупова и Сулеймана Абдельманова

в Ленточном ряду – каждая лавка до 8 руб., остальные же приносили дохода и того меньше [РГАДА, ф.407, оп.1, д.710, л.1–7, 9об., 11–15, 36–41, 43об.].

Иногда хозяева лавок сдавали их в аренду на различные сроки. Например, в 1788 г. казанский купец 2-й гильдии Гумер Исхаков снял у служилого татарина из деревени Менгер Арского уезда Абдулгазея Алеева, на тот момент проживавшего в г. Казани, 20 небольших лавок, находившихся при доме Алеева по улице Воскресенской, из которых 15 были с погребями, 5 – без погребов. Срок сдачи этих лавок Г.Исхакову были назначены в четыре года, за все время он должен был уплатить хозяину 2000 руб. Купец обязывался «в лавках чистоту иметь», при необходимости делать ремонт «дабы товару не могло последовать порчи» [НАРТ, ф.1238, оп.1, д.1, л.5].

Внешняя торговля. На протяжении XVIII в. российское правительство, начиная с правления Петра I, стремится утвердить господство в Средней Азии. Интерес России был обусловлен несколькими факторами: во-первых, это был рынок сбыта для российских товаров; во-вторых, рынок ценного сырья – шелка и хлопка-сырца – и то, и другое способствовало развитию российской мануфактуры, увеличению капитала; в-третьих, здесь находилось месторождение песочного золота. С началом интенсивного проникновения самодержавия в Среднюю Азию и Казахстан центром политических и экономических сношений России с народами этого региона становится Оренбург. На поселение рядом с городом в Каргалинской слободе принимаются не все желающие. Выбор правительства был обусловлен материальным состоянием и экономической активностью татар.

Татары Сеитовой слободы налаживали торговое и политическое сотрудничество оренбургских властей с азиатскими купцами. Энергичные и предприимчивые татары были привлечены к организации как приграничной, так и караванной торговли [Матвиевский, Ефремов, 1991, с.98]. И.Неплюев писал: «Обратил я внимание к торговле купцов из России, также азиатцев. О первых послал я во все магистраты..., а для вторых

посылал я за границу грамоты, приглашая как киргизцев, так хивинцев, ташкентцев и бухарцев к торговле... В сию посылку употреблял я магометан, татар слободы Сеитовой, я сих татар и наградил изобильно и обнадежил, по исполнении их миссии с успехом, наградить еще более, кои получа первое и льстясь последними столь усердно по всем тем областям старались...» [Витевский, 1897, с.723].

Если в 1760 г. в слободе насчитывалось 300 дворов и числилось 1158 душ мужского пола, то к 1796 г. было уже тысяча дворов и 9468 жителей обоего пола [Аполлова, 1960, с.240–241]. Торговля в направлении казахской степи и Средней Азии интересовала не только каргалинских татар, но и других татар Среднего Поволжья и Приуралья. В 1761 г. из 109 купцов и 77 приказчиков, торговавших в Оренбурге с казахами, больше половины приходилось на долю татар Сеитовой слободы (38 купцов), Казанской губернии (20 купцов и 20 приказчиков) и касимовских татар (13 купцов и 27 приказчиков) [там же, с.241]. Таким образом, в Оренбурге торговало в общей сложности 118 человек из 186.

Известно, что татары занимали при Гоштинном и Менюмовом дворах первые лавки с азиатской стороны. «Татары при каждой лавке имеют из иноверцев же человека по два и по три и они, по въезде тех азиатцев, удерживают...» [там же, с.78]. Такие действия говорят о находчивости, предприимчивости, активности, конкурентоспособности татарских торговцев. «Более всех замечательны в Оренбурге татары, составляющие особый и значительный класс обывателей, будучи хитры, пронырливы и проворны, они отличаются удивительной ловкостью в здешней торговле, и нередко приобретают посредством оной великие капиталы» [Свиньин, 1828, с.19].

Правительство и власти на местах, однако, не предполагали ограничиться меновым торгом в Оренбурге, предпринимали попытки организовать караванную торговлю в государстве Средней Азии.

В докладной записке, присланной оренбургскому военному губернатору в 1832 г., говорилось: «Замечено купцами, что тор-

говля в степи с киргизами большею частью переходит в руки их единоверцев: татар и хивинцев... соревновать русские купцы в степной торговле татарам совершенно не могут, потому что киргизы в торговле и во всем более доверяют последним как своим единоверцам» [ГАОО, ф.6, оп.10, д.3888, л.51об.–52]. Их опыт оказался удачнее, чем предыдущие попытки заграничной торговли в Хиву и Бухару через Оренбургскую линию. Неудачные торговые поездки, осуществленные ранее, были связаны с именами иностранцев, англичан, интересующихся среднеазиатскими и индийскими владениями.

Посещение российскими купцами Среднеазиатских владений требовало обеспечения безопасного прохождения караванов до пунктов назначения. Вследствие этого оренбургской администрацией были предприняты меры для охранения торгового пути.

В 1741 г. из Оренбурга в Ташкент был отправлен караван. Руководители: вятский татарин Шубай Арсланов, курский купец Семен Дроздов и казанский татарин Мансур Юсупов. Караван добрался до Ташкента и в 1742 г. вернулся. С караваном прибыли в Оренбург свыше 700 среднеазиатских купцов.

Деятельные татарские купцы не только являлись исполнителями задуманных властями торговых поездок, но и сами участвовали, в некоторой степени, в планировании и организации торговли. Так, по предложениям оренбургских правителей и татарского купца Сеита Хаялина, задумавших проложить караванный путь из Оренбурга до самой Индии, был составлен проект торговой компании, утвержденный правительством в 1751 г. [Матвиевский, Ефремов, 1991, с.100].

В 1753 г. каргалинские татары Надыр Саферов и Якуб Ягоферов совершили четвертое по счету (после Афанасия Никитина, Леонтия Юдина и Семена Маленького, торговавших в стране Великих Моголов в XV и XVII вв.) и первое в XVIII в. путешествие из Оренбурга через Бухару в Индию. П.Е.Матвиевский и А.В.Ефремов писали об этом путешествии: «Они (каргалинские татары) первые прошли по новому геогра-

фическому пути, пронесли с собою произведения растущей национальной промышленности России, возбудили интерес у народов великой страны к товарной продукции своей родины» [там же, с.101].

В 1797 г. был издан указ о «заведении» торговых сношений между жителями Бухтарминского края и областями западного Китая – было положено начало коммерческих отношений с западнокитайскими областями. Два китайских города – Кульджа и Чугучак – были самыми близкими к Бухтарминской крепости, однако этот пункт не приобрел никакого торгового значения. Вскоре после указа было разрешено отправлять купеческие караваны из Петропавловска и Семипалатинска. Из Семипалатинска в Кульджу начали отправлять караваны сначала татары, потом и русские купцы [Корсак, 1857, с.418].

Открытие торговли с Чугучаком также обязано торговой предприимчивости татар – троицких. В 1844 г. была составлена компания с ограниченным капиталом и через степи отправлен первый караван (70 верблюдов, 14 пудов груза на каждом, 15 лошадей, 15 работников). По мнению В.М.Черемшанского, удобство пути, дешевизна перевозки привлекали предприимчивых татар к торговле с Чугучаком [Черемшанский, 1859, с.393].

А.Корсак подчеркивал смекалку и ловкость татар: от Троицка до Чугучака всего 1 710 верст, от Троицка до Казани 1 000 верст, следовательно, от Чугучака до Казани 2 710 верст, это почти столько же, сколько от Семипалатинска до Казани. Таким образом, они получали выгоду в меньшей длительности пути. Учитывая, что перевозка товара напрямую от Чугучака до Нижнего Новгорода обходилась всего в 2 рубля серебром с пуда товара – столько же сколько и перевоз из Семипалатинска до Казани, они получали и материальную выгоду при перевозке товаров [Корсак, 1857, с.427–430].

Рассмотрим следующий документ – «Ведомость об отправляющихся российских купцах приказчиках и работниках их, какого именно ими товара увезено и на сколько по цене значит ниже сего 1787 года» [ГАОО, ф.5, оп.1, д.21, л.293об.–298]:

Купец-хозяин	Приказчики, работники	Конечный пункт	Количество транспорта	Общая стоимость товара
Казанский I гильдии купца Асафа Иноземцева	4 работника		63 верблюда	25 684 руб. 7 ½ коп.
Казанского торгового татарина и фабриканта Рафика Мухаметева	6 работников		47 верблюдов	19 461 руб. 20 коп.
Московского купца Д.Иконникова	Абдулзялил Галлеев и 8 работников		39 верблюдов	27 183 руб.
Московского купца Д.Иконникова	Абдулла Абубакиров и 4 работника		23 верблюда	4 236 руб. 7 ¼ коп.
Московской I гильдии купеческой жены Н.Васильевой	Исхак Ибраев и 7 работников	Бухария	59 верблюдов	17 350 руб.
Московской I гильдии купеческой жены Н.Васильевой	Муслим Хусаинов	Ташкент	15 верблюдов	4 684 руб.
Московской I гильдии купеческой жены Н.Васильевой	Манасып Абряфиков	Туркестан	13 верблюдов	3 064 руб. 85 коп.
Московской I гильдии купеческой жены Н.Васильевой	Габит Хамитов	Хузынт	36 верблюдов	18 070 руб. 50 коп.
Московский I гильдии купца И.Колосова	Файзулла Губеев	Бухария	57 верблюдов	15 331 руб. 50 коп.
Московский I гильдии купца Д.Иконникова	Габайдулла Сагитов	Ташкент		23 089 руб.
Казанского торгового татарина и фабриканта Абдулкарима Ибраева	Баязит Рахметуллин	Хузынт		10 614 руб.
Всего на сумму:				168 769 руб. 23 ¾ коп.

Из общей суммы товаров татарам принадлежали товары на сумму 55 759 руб. 27 ½ коп., что составляет 33 %. Караван с наибольшей стоимостью товаров принадлежал Асафу Иноземцеву.

Представленная ведомость наглядно показывает, что торговыми операциями и сопровождением товаров, непосредственными предпринимательскими действия-

ми за пределами Российского государства на территории Средней Азии занимались единственно татары. Императорский указ от 13 августа 1750 г., присланный из Государственной Коллегии иностранных дел, предписывал отпускать в среднеазиатские области при удобных случаях татар для налаживания торговли и привлечения к ней азиатских купцов [ГАО, ф.5, оп.1, д.52,

л.131–131об.]. Татарские и среднеазиатские купцы находились в тесных деловых связях. Татары выполняли поручения и со стороны азиатов. Так, например, хивинские и бухарские купцы, входящие в составе населения Сеитова посада, часто использовали сеитовских татар в качестве посредников в своих торговых операциях в различных городах России. По таможенному уставу 1755 г. азиатские купцы, пожелавшие ехать в Казань или другие внутренние города, должны были платить не только портовую, внутреннюю пошлины, но еще и проезжую, равную 10% с рубля, т.е. по десять копеек с каждого рубля.

В Среднюю Азию вывозили следующие товары: шелковые, бумажные, шерстяные, полотняные изделия; юфтевые кожи, разного рода металлы и металлические изделия (ножи, ножницы, иглы, ружья); глиняную, стеклянную, деревянную посуду; зеркала, воск; хлеб. Вышеприведенная ведомость позволяет сделать вывод о разнообразии товаров, поставляемых за границу татарскими купцами. Предметы меновой торговли с казахами представляли собой следующий список: разный скот, мясо, шкуры на выделку кож и овчин, сало; сырые кожи, звериные шкуры, киргизские мерлушки, верблюжья шерсть, козий пух.

Из Средней Азии на территорию России доставлялись такие товары, как хлопчатая бумага пряденая и непряденая; бумажные ткани (бязь, выбойка, зендель) и шелковые материи, а также изделия (халаты, бишметы, тюбетейки); бухарские мерлушки, краски, сухие фрукты и др. Большую часть среднеазиатского импорта составлял текстиль. Обратимся к примерам. В реестре захваченных Эрали солтаном в 1787 г. товаров, принадлежащих Асафу Иноземцеву, всего 41 наименование, из них 26 представляют собой текстильное сырье и готовые изделия [ГАОО, ф.5, оп.1, д.21, л.78–81об.].

Средняя Азия была источником дешевого сырья – хлопка-сырца. В реестрах товаров, привезенных из Средней Азии, представлены названия разнообразных тканей: бумага пряденая белая, бумага крашенная, алача (полосатая хлопчатобумажная или полушелковая ткань); бязь (бумажная некрашенная ткань, очень прочная); выбойка

(грубый ситец с одноцветным печатным рисунком); зендень (хлопчатобумажная ткань среднеазиатского производства, похожая на миткаль из более толстых нитей, иногда разных цветов, получила название от селения Зендене в окрестностях Бухары); камка (цветная узорчатая шелковая ткань); кисея (тонкая, редкая бумажная ткань); китайка (простая, очень прочная, гладкая бумажная ткань); кумач (бумажная ткань преимущественно красного цвета); кутни (полушелковая ткань вроде атласа); миткаль (разновидность бумажной ткани); пестрядь (грубая льняная или бумажная пестрая ткань); стамед (шерстяная ткань вроде сукна с косым переплетением нитей); сукно кармазинное (тонкое сукно красного цвета с синеватым отливом), полукармазинное (более толстое); фата (шелковая ткань из тонких некрученых нитей); чолдар (бумажная ткань белого цвета, лощеная). Из текстильных изделий чаще всего в Россию привозились предметы одежды: кушаки (широкие матерчатые пояса из разноцветного шелка и шерсти, часто с добавлением золотой и серебряной нитей), халаты, бишметы, камзолы, крытые бархатом шапки, рубахи, портки, кафтаны, а также занавески, ковры.

Активную торговлю на рынках Среднего Востока, по данным таможи, вели казанские торговые татары и фабриканты Муртаза Смайлов, Абдулкарим Ибраев, Абдрешит Ибраев, Рафик Мухаметев, Муксин Исмаилов, Смаил Бурнаев, купцы Асаф Иноземцев, Абдулла Утямышев, Назир Баязитов, Сулейман Назиров, Муса и Мунасып Максютковы, Валит Муслимов, Хамит Сеитов, Смайл Юсупов, Губай Мусин, торговый татарин Мухамет Юсупов. Архивные материалы позволяют выявить имена следующих купцов Среднего Поволжья, также занимавшихся российско-восточной торговлей: Арской округи деревни Верески шелковых и бумажных фабрик содержатель Исмаил Юсупов, Арский первой гильдии купец Н.Усманов, Малмыжской округи первой гильдии купцы Губайдулла Абдулов, Абдулла Апсалямов, вятский торговый татарин и фабрикант Муса Максютов. Активными посредниками в российско-восточной торговле являлись жители Сеитовой слободы: первой гильдии купцы

Гобайдулла Мухаметрахимов, Мухаметрахим Магадеев, Рафик Абдрашитов, Биктимир Ишимов.

О первоначальном этапе организации и проведения караванная торговля была слишком неустойчивой и рискованной. Однако поволжские и оренбургские татары играли весьма заметную роль в продвижении как российской, так и восточной товарной продукции, в развитии караванной торговли со среднеазиатскими странами и Индией.

2. Татарские купцы Волго-Уральского региона и «Шелковый путь Нового времени»

Шелковый путь, связующий Запад и Восток Евразии, существовал уже во II в. до н.э. и продолжал существовать в течение долгого времени, когда сменялись народы и государства как на Востоке, так и на Западе. Как известно, термин «Шелковый путь» используется не только в своем первоначальном значении как путь транспортировки шелка, а имеет более широкий смысл, обозначая коммерческие связи между Западом и Востоком Евразии. По мнению некоторых исследователей, после эпохи Великих географических открытий, во второй половине XV в. Шелковый путь пришел в упадок, так как основные линии контактов между Востоком и Западом переместились с континента на море. Однако, как показал в 1966 г. в работе «Россия и Азиатская степь» японский востоковед Сагути Тору [Сагути, 1966], можно считать, что Шелковый путь, т.е. активные сухопутные торговые сношения между Востоком и Западом, сохранялся и после XVI в. Лишь его западная оконечность переместилась из Западной Европы в Россию, и в XVI–XVII вв. образовался новый Шелковый путь, связующий Россию, Среднюю Азию и Китай. Движущая сила для нового развития пути через Евразию в последующую эпоху представлена главным образом Россией, молодым могущественным государством в центре Евразии. Активное участие в торговле между Востоком и Западом с середины XVIII в. приняли и татарские купцы.

Посредники или приказчики из татар, действующие от имени крупного купечества, преодолевали все трудности пути, настойчиво достигали цели. Роль посредника, которую выполняли татарские купцы в товарообороте Центральной России с казахской степью, среднеазиатскими ханствами, Восточным Туркестаном, обеспечивала им благоприятные условия для увеличения прибавочного продукта и расширения сферы накопления торгового капитала.

Мами Хамамото

После того как Российское государство, присоединив в середине XVI в. Казанское и Астраханское ханства, включило все Поволжье в состав своих владений, начались прямые торговые сношения между Россией и странами Средней Азии. Восточный торговый путь из России в Среднюю Азию пролегал через Астрахань; далее через Бухару, Ташкент и Кашгар он был связан с торговым путем в Кашгарскую (Таримскую) равнину и доходил до Китая. По нему в Россию через Среднюю Азию доставлялись разнообразные китайские товары (изделия из фарфора, шелк, китайка и т.д.) [Сагути, 1966, с.39, 47].

Торговля на евразийском торговом пути, конечным пунктом которого на западе являлась Россия, активизировалась после образования в начале XVII в. в степях к северу от Тянь-Шаня Джунгарского ханства. Поскольку джунгарские правители проводили политику поощрения торговли, купцы из Бухары, Ташкента, Кашгара, Яркенда и других городов Восточного и Западного Туркестана активно участвовали в международной и транзитной торговле в степях Центральной Евразии между Джунгарским ханством, Россией, казахскими жузами и империей Цин [там же, с.144–154].

Во второй половине XVIII в. в евразийской трансконтинентальной торговле наступила новая эпоха. В 1755–1757 гг. династия Цин завоевала Джунгарское ханство, а в 1759–1760 гг. также и Восточный Туркестан и подавила вспыхнувшие там восста-

ния. Вследствие этого правители династии Цин стали господствовать на огромных пространствах от Внешней Монголии до Восточного Туркестана, включая Джунгарскую степь на севере и Кашгарскую равнину к югу от Тянь-Шаня. Таким образом, совершилось политическое объединение земель к востоку от Памира.

В 1730-х гг. Российская империя всерьез обратила свой взор на Восток. В то самое время, когда вследствие расширения владений империей Цин между ней и Средней Азией начала развиваться торговля, Россия стремилась установить более тесные отношения с Востоком, в частности, построив Оренбург. Как следует из «Проекта» обер-секретаря и начальника Оренбургской экспедиции И.К.Кириллова, строительство города не только имело целью содействие освоению природных богатств и экономическому развитию восточных и южных регионов России и создание опорного пункта против набегов кочевников, но и было направлено на оживление торговли с Востоком, в том числе с Китаем и Индией. Российское правительство намеревалось сделать Оренбург главным пунктом торговли с казахами, привлечь к оренбургской торговле русское купечество и также купцов из Ташкента, Бухары и Восточного Туркестана [Аполлова, 1960, с.233].

Чтобы превратить Оренбург в крупный торговый центр, российское правительство предоставляло переселенцам различные льготы. С торговавших в Оренбурге купцов не взимались или взимались в меньшем размере таможенные сборы и подушный налог. Кроме того, они могли получить от казны беспроцентный кредит. Европейские иностранцы и представители азиатских народов получили право свободного посещения Оренбурга, свободу вероисповедания, право иметь в городе духовных лиц своих религий [ПСЗ–1 т.9, №6584, с.344–349; Аполлова, 1960, с.100, 234; Михалева, 1982, с.15, 39]. Хотя в самом Оренбурге до 1802 г. не было мечети, мусульманские купцы, дипломаты и путешественники посещали действующую мечеть, построенную в 1750-х гг. на меновом дворе, расположенном примерно в трех верстах от города на левом берегу р. Яик/Урал.

Торговля в Оренбурге начала бурно развиваться после того, как И.И.Неплюев

возглавил сначала Оренбургскую комиссию (1742 г.), а затем стал губернатором Оренбургской губернии (1744 г.). В 1747 г. в Оренбурге насчитывалось 837 дворов, а в 1760 г. – уже 2866 дворов. Сумма ввозимых в Оренбург товаров в 1738 г. превысила 20 тыс. руб., а в 1751 г. составляла 1,7 млн. руб. [Витевский, 1891, с.841; Михалева, 1982, с.22, 28].

Согласно планам российского правительства Оренбург начали посещать казахи и торговцы из Средней Азии. Уже в 1735 г. купцы из Ташкента, узнав о плане строительства Оренбурга, приехали в Уфу, предлагая, чтобы ежегодно из Ташкента в Оренбург приезжали местные торговцы, а русские купцы, в свою очередь, приезжали в Ташкент [Витевский, 1891, с.673]. Есть сведения, что в июле 1756 г. в Оренбурге побывало 60 купцов из Бухары, 14 – из Ташкента, 13 – из Хивы [Аполлова, 1960, с.238]. Как видно из этих цифр, бухарские купцы играли особенно важную роль в торговле между Россией и Средней Азией по сравнению с торговцами из других стран. В значительной мере успех в привлечении торговцев из Средней Азии в Оренбург являлся заслугой И.И.Неплюева, который ревностно следил за приглашением купцов из разных стран, рассылая за границу грамоты, «приглашая как киргизов, так и хивинцев, ташкентцев, кашкарцев, трухменцев и бухарцев к торговле» [Неплюев, 1893, с.138].

До основания Оренбурга торговцы в качестве основного перевалочного пункта между Россией и Средней Азией, помимо Астрахани и пути по Каспийскому морю использовали Тобольск [Панков, 1929, с.53–54]. Однако путь через Тобольск был весьма долгим. Кроме того, существовала опасность нападений кочевников на караваны [Аполлова, 1960, с.285]. После строительства Оренбурга расстояние транзита уменьшилось, к тому же Сибирская и Оренбургская линии, созданные к середине XVIII в., повысили безопасность караванного сообщения между Россией и Средней Азией. Постепенное подчинение казахов Российской империи в XVIII в. также способствовало активизации торговли между Россией и Востоком. Застой в торговле России с Ираном и Средней Азией через Астрахань

и Каспийское море, усугубившийся из-за политического хаоса в Иране в первой половине XVIII в. [Юхт, 1994, с.36–37; Байкова, 1964, с.174], вероятно, также способствовал превращению Оренбурга в главный пункт восточной торговли России и падению роли в ней Астрахани.

Присоединение Джунгарского ханства и Восточного Туркестана к империи Цин, с одной стороны, и расширение России на Восток, символом которого стало основание Оренбурга, – с другой, активизировали торговлю между Китаем, Средней Азией и Россией и повысили важность этого торгового пути.

Став ближе к границе империи Цин, Кокандское ханство и Бухарский эмират отправили в Пекин посольства. В 1760 г. они признали формальную зависимость от Китая и наладили торговлю с Восточным Туркестаном, попавшим под власть Китая. Торговля с Китаем в первую очередь обогатила Кокандское ханство, которое в первой половине XVIII в. обрело независимость от Бухарского эмирата, а после 1760 г. получило общую границу с Китаем.

Помимо быстрого развития Кокандского ханства ярким показателем оживления торговли через Среднюю Азию является и тот факт, что сравнительно новые города в оазисах Средней Азии (Коканд, Наманган, Ташкент, Чимкент и др.) в конце XVIII–XIX вв. стремительно превратились в крупные торговые центры. В частности, Ташкент расцвел как центр транзитной торговли в Казахской степи и Средней Азии. А.Вамбери писал, что Ташкент – транзитный пункт между Бухарой, Кокандом и Восточным Туркестаном, самый большой торговый город в Кокандском ханстве и один из важнейших городов Восточного и Западного Туркестана [Vambery, 1864, p.384–385].

Среди торговых городов Восточного Туркестана Яркенд был опорным пунктом в торговле не только с Западом, но и с Югом. Этот город посещали караваны почти из всех сопредельных стран Центральной Евразии – Кокандского ханства, Памира, Тибета. Цинские власти построили в Восточном Туркестане город Кульджа (Или), ставший вскоре крупным военным, политическим и торговым центром. Роль, которую он играл в международной торговле Китая, мож-

но сравнить с ролью Оренбурга в Российской империи.

Со стороны империи Цин в торговле в Восточном Туркестане участвовали китайские и восточно-туркестанские купцы, привозившие из собственно Китая в Кашгар, Яркенд и другие города шелковые ткани, чай, нефрит, фарфорово-фаянсовые изделия и ремень. А среднеазиатские и тибетские купцы увозили эти товары в свои страны. Со стороны Средней Азии в этой торговле участвовало много «андижанцев», т.е. кокандских купцов. Они играли важную роль в торговле Восточного Туркестана, о чем свидетельствует тот факт, что самый большой караван-сарай в Кашгаре назывался «Андижан Сарай» [Валиханов, 1985, с.116].

Чай, шелковые ткани и другие товары, привозившиеся кокандскими купцами из Восточного Туркестана в Коканд, далее через город Туркестан вывозились в Бухару и в Россию (Омск, Оренбург). Что касается товаров из России, то кокандские купцы привозили в Восточный Туркестан русские изделия из стали и чугуна, сукно, сталь, юфть, бумагу [Колесников, 2006, с.72]. Русские товары доставлялись в Восточный Туркестан и через Кульджу, но путь через Коканд использовался чаще. В записке «О торговых учреждениях в Китайском Туркестане», составленной в 1825 г. в Оренбурге, отмечалось, что «караваны в сию область (Восточный Туркестан. – М.Х.) идут большей частью из Бухары и Кукана, и сим путем она получает российские товары, которые китайцы через Кульджу не пропускают» [Михалева, 1991, с.105–106].

Если кокандские купцы внесли вклад в развитие «Шелкового пути Нового времени» восточнее Памира, то татарские купцы, именовавшиеся «торговыми татарами», наряду с бухарскими купцами играли заметную роль на этом пути западнее Памира, особенно в торговле между Россией и Средней Азией.

Первыми татарскими купцами, установившими посреднические торговые связи между Россией и Востоком через Оренбург, были татарские переселенцы из Поволжья в Сеитову слободу.

Российское правительство старалось привлекать переселенцев в Оренбург, обе-

щая им различные льготы. Однако первоначально эти планы сталкивались с трудностями. Князь В.А.Урусов, главный командир Оренбургской экспедиции, в 1740 г. предлагал Кабинету министров императрицы Анны Иоанновны принудительно перевести купцов из внутренних районов страны [Денисов, 2005, с.13]. Указ Сената от 8 марта 1744 г. гласил, что, несмотря на различные льготы для Оренбурга, «тамо по новости и отдаленности того места, поныне таких охотников (переселенцев. – М.Х.) являлось самое малое число» [ПСЗ–1, т.12, №8893, с.40].

В такой ситуации один татарский купец из Казанского уезда решил переселиться в Оренбург и обратился к И.И.Неплюеву. Это был 52-летний Сеит Хаялин, ясачный татарин Арской дороги, сотни Муслюма Кушумова, деревни Маметова пустошь («Байлар Сабасы») [Хасанов, 1977, с.41; Ислаев, 2001, с.122; Денисов, 2005, с.13–14]. По всей видимости, С.Хаялин имел отношение к международной торговле и до переселения в Сеитову слободу. Сохранились сведения о том, что в 1743 г. его старший сын торговал на меновом дворе Орской крепости, являвшейся в то время одним из важных центров торговли России с Востоком [Денисов, 2005, с.14–15].

В Казанском крае с конца XVII–XVIII вв., особенно после петровских реформ, было создано много мануфактур, быстро развивались промышленность и торговля [Хасанов, 1977, с.26–34]. Еще в ходе строительства Оренбурга правительство искало возможность использовать казанских татарских купцов для развития торговли с Востоком [Усманов, 1992, с.509], и решение С.Хаялина вполне отвечало намерениям российских властей.

Отношения С.Хаялина с российским правительством начались отнюдь не с его переселения в пригород Оренбурга. Еще осенью 1735 г. по поручению начальника Башкирской комиссии А.И.Румянцева он посетил несколько деревень, чтобы отговорить восставших от бунта [Денисов, 2005, с.14]. Вероятно, С.Хаялин уже тогда был близок к властям.

В докладе Неплюева от 25 февраля 1744 г. сообщалось о желании С.Хаялина

переселиться в пригород Оренбурга [Денисов, 2005, с.13]. Упомянутый указ от 8 марта 1744 г. из Сената разрешал переселиться в пригород Оренбурга 200 дворам состоятельных и могущих торговать казанских татар: «Места, на которых они поселятся, имеют быть в вечном и потомственном их владении неотъемлемо, и как к тем же местам в назначенной окружности пашнею, также санными покосами, скотскими выгонами и лесом, а в реке рыбными ловлями пользоваться, мельницы, кожевенные и тому подобные заводы строить» [Сб.РИО, т.147, с.181]. Переселенцы были освобождены от воинской повинности и «в 40 алтынный оклад положены». К тому же, им было разрешено построить мечеть вне слободы [ПСЗ–1, т.12, №8893, с.41], что и было сделано ее жителями в 1746 г. Несмотря на то, что в Поволжье правительство проводило тогда жесткую политику христианизации, разрешение на постройку мечети для переселенцев, пусть и на восточной окраине, свидетельствует о том, насколько власти были заинтересованы в торговой деятельности татарских купцов.

В сентябре 1744 г. С.Хаялин приехал в Оренбург, самостоятельно изыскав в 18 верстах к северу от Оренбурга у впадения реки Верхняя Каргалка в Сакмару, место для будущей слободы. Массовое переселение, вероятно, состоялось в конце 1744–1745 гг. Известно, что в конце 1744 г. в помощь С.Хаялину был выделен «на его коште» один драгун Казанского драгунского полка, а в феврале 1745 г. – второй, сроком до 1 октября, «для... вспоможения в призыве в Оренбургское купечество и в переводе ево, Аитова (т.е. С.Хаялина. – М.Х.) с товарищи, семьи и пожитков» [ГАОО, ф.3, оп.1, д.7, л.7об.; Денисов, 2005, с.15–16].

Согласно данным на 1747 г., в Сеитовой слободе было 173 двора и 996 душ мужского пола. 73,6% переселенцев происходили из Казанского уезда, причем 48,9% – из Арской дороги Казанского уезда. Это означает, что земляки С.Хаялина составляли почти половину жителей Сеитовой слободы. Как отметил Д.Н.Денисов, можно предположить непосредственное влияние на переселенцев личного убеждения и агитации, которую вел на родине С.Хаялин [Денисов, 2005, с.17–18].

Численность жителей этого поселения быстро увеличивалась. В 1760 г. там насчитывалось 300 дворов и 1158 душ мужского пола [Рычков, 1999, с.181]. Вследствие такого бурного роста 7 ноября 1784 г. Сеитова слобода была переименована в Сеитов посад, в котором была учреждена ратуша – лишь на два года позже, чем в Казани. В 1792 г. в Сеитовом посаде жило 686 крестьян, 168 мещан и 1820 купцов [Степанов, 1897, с.606; Усманов, 1992, с.512]. Но в XIX в. прирост населения в посаде снизился, и в конце этого столетия здесь насчитывалось 11 тыс. жителей [Султангалиева, 2005, с.56].

Занимаясь международной торговлей, жители Сеитовой слободы также выращивали зерновые для себя и на продажу в Оренбурге, вели постоянную торговлю в Башкирии и в разных городах России и сезонную (летом) – с казахами и другими народами в меновых дворах Оренбурга и Троицка [Сб. РИО, т.147, с.215–216].

Татарские купцы из Сеитовой слободы составляли большинство среди торговцев Оренбурга в середине XVIII в. Так, в 1752 г. почти все купцы, жившие в Оренбурге или его окрестностях, были жителями Сеитовой слободы [ПСЗ–1, т.13, №9995, с.655]. В 1761 г. среди всех 109 купцов, торговавших в Оренбурге, купцов из Сеитовой слободы было 38 человек, им несколько уступали казанские купцы (20 человек) [Аполлова, 1960, с.241]. В «топографии Оренбургской губернии», изданной в 1767 г., П.И.Рычков писал, что татарские купцы из Сеитовой слободы составляют более половины татарских купцов Оренбургской губернии [Рычков, 1999, с.181].

Порой купцы из Сеитовой слободы выполняли и дипломатические поручения. Например, иногда через них казахским ханам и султанам передавались грамоты российского правительства [Сб.РИО, т.147, с.215–216]. Они служили посредниками в сношениях российских властей с другими азиатскими народами и государствами. Грамоты, адресованные И.И.Неплюевым купечеству разных стран с приглашением торговать в Оренбурге, распространяли татарские купцы из Сеитовой слободы [Неплюев, 1893, с.138].

Среди жителей Сеитовой слободы были и купцы из Средней Азии. Согласно составленной в 1750 г. табели иноземцев Сеитовой слободы, женившихся на местных женщинах, уже в 1745 г. в ней проживали по крайней мере, два бухарца – Мулла Маметша Шамаметев и Абдулла Джан Пандабакиев. В 1750 г. в Сеитовой слободе жили шесть иноземцев, женатых на татарках [ГАОО, ф.3, оп.1, д.25, л.25об.].

По данным на 1808–1809 гг., здесь насчитывалось 25 дворов купцов из Средней Азии. Большинство из них были бухарцами, в 20 дворах были татарские жены. Срок проживания в России среднеазиатских купцов, женатых на татарках, как правило, превышал 10 лет [ГАОО, ф.6, оп.10, д.443].

Многих купцов из Средней Азии российское правительство привлекало, предоставляя им различные привилегии. С другой стороны, власти старались регулировать торговую деятельность среднеазиатских купцов. Они были ограничены в праве выезда с торговой целью во внутренние города России. Таможенный устав от 1 декабря 1755 г. определял, что среднеазиатские купцы пропускались в Москву и Петербург только для продажи драгоценных камней, золота и серебра и лишь по окончании ярмарки в Оренбурге [Аполлова, 1960, с.240; Михалева, 1982, с.39–40]. Указ Правительствующего Сената от 30 апреля 1763 г. запрещал впускать «азиатцев» во внутренние области России для торговли [Султангалиева, 2011, с.28–29].

Пока деятельность среднеазиатских купцов ограничивалась, татарские купцы, имевшие тесные связи со среднеазиатскими купцами в России благодаря близости языка и общности религии, ездили вместо последних с их товарами в разные города внутренней России. Вследствие этого роль татарских купцов в торговле между Россией и Средней Азией еще более возросла. Русские купцы тоже участвовали в торговле со среднеазиатскими купцами, однако российское правительство разрешало такую торговлю только купцам 1-й гильдии [Михалева, 1982, с.40].

Хотя для купцов и существовал ряд ограничений, в целом российское правительство во второй половине XVIII в. поощряло тор-

говлю. В 1757 г. был издан указ об отмене внутренних таможенных пошлин и различных мелких сборов, мешавших развитию рыночных связей. В 1762 г. вышел указ об отмене торгово-промышленных монополий, ограничивавших приток купеческого капитала в мануфактурное производство [Хасанов, 1977, с.44, 53].

Что касается татарских купцов, то, хотя правительство указом от 21 июля 1765 г. и запретило казанским и астраханским татарам селиться в Оренбурге [Ногманов, 2002, с.95], такое ограничение в отношении татарских купцов представляется частным актом. Вообще власти поддерживали деятельность татарских купцов на Востоке. Эта тенденция все более усиливалась в царствование Екатерины II, которая внесла значительные изменения в политику российского правительства по отношению к мусульманским подданным.

Российское правительство не только приглашало купцов из Средней Азии, но и само отправляло караваны из Оренбурга в Среднюю Азию. В 1739–1740 гг. из Оренбурга в Ташкент под военной охраной был отправлен первый торговый караван с различными российскими товарами. В состав каравана входили купец Шубай Арсланов, курский купец С.Дроздов и казанский татарин М.Юсупов. Арсланову было поручено выяснить возможности привлечения местного купечества к торговле в Оренбурге. Через пять месяцев он вернулся в Орск и сообщил, что Ташкент процветает как торговый город [Михалева, 1991, с.107].

И.И.Неплюев тоже отправлял российские караваны в Среднюю Азию. В этих предприятиях Неплюева участвовали жители Сеитовой слободы. В 1749 г. сын С.Хаялина Абдулла отправил в Хиву и Бухару небольшой караван с товарами на 3 тыс. руб. Караван вернулся с более чем 7 пудами серебра. В 1750 г. А.Хаялин отправил в Бухару еще один караван с товарами на 5 тыс. руб., который вернулся в Оренбург в 1751 г. Участник второго каравана сообщил А.Тевкелеву, тогда служившему под началом Неплюева в Оренбурге, что Надир Саферов, участник второго каравана 1750 г., и Якуб, приказчик А.Хаялина, приехавший в Бухару как участник первого каравана 1749 г.,

собирались отправиться в Бадахшан [Русско-индийские, 1965, с.280, 342; Михалева, 1982, с.29]. Оренбургские власти потом получили сведения о том, что караван Надира и Якуба дошел до Индии, откуда направился в Мекку [Русско-индийские, 1965, с.342].

О караване Надира и Якуба упоминает «Саяхатнамэ» («Путевые записки») Исмаила Бикмухаммедова – источник, интересный во многих отношениях. По словам Бикмухаммедова, караван из пяти путешественников – муллы Надира и его слуги, муллы Якуба, самого Исмаила и Абдулрахмана – в 1751 г. отправился из Сеитовой слободы в Бухару по указанию старшины д. Саид (т.е. Сеитовой слободы. – М.Х.) – Сеид-аги. Бикмухаммедов рассказывает о путешествии каравана в Бухару, оттуда в Индию, Мекку, Стамбул, и о смерти всех своих компаньонов. После того как Исмаил торговал в Стамбуле 25 лет, он вернулся в Россию и описал свое долгое путешествие. М.Кемпер, сопоставив различные источники, высказал мнение о том, что содержание «Саяхатнамэ» вымышлено [Кемпер, 2006].

Однако, по крайней мере, известия о трех членах каравана в «Саяхатнамэ» совпадают с архивными источниками по ревизиям Сеитовой слободы. По записи ревизии 1747 г., автору записок Исмаилу Бикмухаммедову было 17 лет, а его отцу Бекмету Нуркину было 42 года [РГАДА, ф.350, оп.2, д.2450, л.73]. В ревизии 1762–1764 гг. об Исмаиле записано: «Отпущен в Бухарию и в другие места по данному ему из Оренбургской губернской канцелярии пашпорту для торгу в 1750 году, токмо оттоль и по ныне не возвратился» [РГАДА, ф.350, оп.2, д.2452, л.147].

Из трех его сопровождающих, имена которых указаны в «Саяхатнамэ», известия о Надире и Якубе есть в данных ревизий Сеитовой слободы 1747 г. и 1762–1764 гг. Согласно этим записям, Надиру было в 1747 г. 35 лет, и он был также «в 1750 году отпущен с пашпортом из Оренбургской губернской канцелярии в Бухарию и в другие города и там будучи умре» [РГАДА, ф.350, оп.2, д.2452, л.49]. Якубу было 29 лет в 1747 г., и он «по данному ему из Оренбургской губернской канцелярии указу послан в Бухарию и в другие города в 1749 (?) году и там

умер» [РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2452, л. 120]. Что касается Абдулрахмана, нам не удалось идентифицировать его по записям ревизии Сеитовой слободы 1747 г. и 1762–1764 гг. Стоит отметить, что несколько листов записи ревизии Сеитовой слободы 1747 г. невозможно прочесть из-за их плохой сохранности, а записи 1762–1764 гг. сохранились только частично и включают известия лишь о 154 семьях.

Следовательно, хотя «Саяхатнам» И.Бикмухаммедова, как отметил М.Кемпер, действительно может содержать вымышленные истории, по крайней мере сам автор и два его компаньона являлись реальными личностями. Они были жителями Сеитовой слободы, и они действительно ездили в Бухару, а оттуда и в другие города. Интересно, что правительство узнало в 1762–1764 гг. о смерти за рубежом Надира и Якуба (этот факт совпадает с содержанием «Саяхатнам»), а по поводу Исмаила записи ревизии сообщают, что он «по ныне не возвратился». Это показывает, что правительство пристально следило за действиями татарских купцов на Востоке и усердно собирало известия о них.

В 1752–1753 гг. татарские купцы, прибывшие из Казани в Оренбург, обратились к оренбургским властям за разрешением отправиться в Среднюю Азию. В это же время некий татарский купец из Астрахани приехал в Оренбург из Бухары [ГАОО, ф.3, оп.1, д.29]. Эти сведения позволяют предположить, что российские купцы через Оренбург включились в торговлю со Средней Азией уже в 1750-х гг.

Как правило, русские купцы сами редко ездили в Среднюю Азию, поскольку оказывались там в невыгодном положении. По установлениям шариата, немусульмане в мусульманских странах должны были выплачивать 5% пошлину от стоимости товаров, тогда как российские подданные-мусульмане платили 2,5%. Иногда ставка пошлины для русских купцов превышала 5% [Небольсин, 1856, с.33–34, 151–152]. Поэтому во многих случаях русские купцы торговали в Средней Азии именно через татарских приказчиков. Достоинством татарского купца было то, что он «невзыскателен, нужды его менее обширны, сам

он менее чванлив, расходы его менее значительны, наконец, единство вероисповедания с средне-азийцами не подвергает его унижительному притеснению при взимании пошлин во владениях Турана; совокупность всех этих причин объясняет нам, отчего наши купцы из татар несравненно чаще появляются в Бухаре или Кокане, чем чисто-русские значительные торговцы» [Небольсин, 1856, с.20]. После 1852 г. русские купцы полностью отказались от личных поездок в Среднюю Азию [ТОУАК, т.9, с.11].

Уже в конце XVIII в. татары начали создавать опорные пункты в казахских степях (в Семипалатинске, Павлодаре, Петропавловске) и в Средней Азии (в Ургенче, Бухаре, Самарканде) [Усманов, 1992, с.512]. Татарские купцы продвинулись и в Восточный Туркестан. В начале XIX в. они приняли участие в приграничной ярмарке в восточно-туркестанском Чугучаке. Согласно Небольсину, еще в 1807 г. татарский караван отправился из Семипалатинской крепости в Восточный Туркестан [Небольсин, 1856, с.337].

При посещении торговых городов южной части Восточного Туркестана, с которым Россия до 1881 г. не вела прямой торговли, татарские купцы выдавали себя за кокандцев, которые, как отмечено выше, пользовались там сравнительной свободой торговли. В 1858–1859 гг., когда Валиханов путешествовал в Восточном Туркестане, он и татары в его караване также выдавали себя за кокандцев [Валиханов, 1985, с.44, 53, 68]. Этот прием удавался благодаря их этнической и религиозной близости.

До середины XIX в., пока Восточный Туркестан оставался практически неизвестным России регионом, посещавшие его татарские купцы были полезны российскому правительству и как информаторы. Например, татарин Муртаза Файзеддин Марзян, который поехал в Восточный Туркестан с караваном в 1807 г., предоставил правительству информацию о дороге до Восточного Туркестана и о ситуации в этом регионе [Небольсин, 1856, с.337]. Таким образом, татарские торговцы иногда были агентами русского влияния в этом регионе, а иногда выполняли, фактически, функции разведчи-

ков и в таком качестве активно использовались российскими властями.

После 1830-х гг. российские подданные – татары начали активно переселяться в Восточный Туркестан. Если первыми татарскими переселенцами были дезертиры из русской армии, то с 1850-х гг. стали переселяться и татарские купцы. Особенно много их было в Кульдже, которая заняла важное место в Восточном Туркестане как основной пункт торговли с Россией. Это произошло после того, как в 1851 г. Россия и Китай заключили соглашение о торговле, предусматривавшее для российских подданных в Кульдже и Тарбагатае отмену пошлин с торговых операций.

Татарские купцы играли важную роль не только в сфере торговли между Россией и Восточным и Западным Туркестаном, но и в сфере культуры. Помимо того что они строили много мечетей и медресе в России, они помогали татарским ученым и студентам медресе, направлявшимся в Бухару или возвращавшимся в Россию, позволяя им путешествовать со своими караванами. Возвращаясь на родину, они вносили большой вклад в развитие ислама в России. Напротив, в начале XX в. из России в вассальную (с 1868 г.) Бухару проник новый метод обучения (усул-и джадид), а первая джадидистская школа в Бухаре, открытая в 1907 г., первоначально была классом для татарских детей.

Изучение состояния международной торговли во второй половине XVIII – XIX вв. в Центральной Евразии, т.е. развития «Шелкового пути Нового времени», показывает, что оживление торговли между Россией и Востоком через Оренбург и расширение экономических связей между Китаем и Средней Азией вследствие расширения владений династии Цин произошли почти одновременно. Товарооборот между Россией и Китаем осуществлялся не только благода-

ря прямой торговле, но и транзитной, через Западный и Восточный Туркестан.

Наряду с кокандскими купцами татарские купцы играли активную роль на одном из участков «Шелкового пути Нового времени» и при содействии российского правительства расширяли торговую деятельность и в Средней Азии, и в Восточном Туркестане. Необходимо обратить внимание на то, что татарские купцы также поддерживали российское правительство в его стремлении проникнуть на восточные рынки, поскольку были в этом непосредственно заинтересованы.

Можно сказать, что на определенном этапе общегосударственные интересы совпали с локальными экономическими интересами татарского купечества, в результате развивалось взаимовыгодное сотрудничество в центральноазиатском регионе. Татарские купцы являлись для правительства необходимыми посредниками между Россией и Востоком ввиду их конфессиональной и языковой близости к жителям Центральной Евразии. Со своей стороны, они были, по сути, вынуждены, обратить взоры на Восток, так как внутри России их сильным конкурентом было русское купечество. В такой ситуации татарские купцы добивались от правительства уступок в вопросах религии, о чем свидетельствует строительство мечети в Сеитовой слободе в 1746 г. Еще до восшествия на престол Екатерины II российское правительство фактически начало проводить политику веротерпимости по отношению к татарам, учитывая прибыльность торговли с Востоком с помощью татарских купцов-посредников. Активная деятельность татарских купцов в середине XVIII – XIX вв. доказывает, что российское правительство предпочитало поощрение торговли с Востоком политике христианизации российских мусульман, степень жесткости которой менялась в зависимости от обстоятельств.

§5. Горнозаводская промышленность Казанской губернии в XVIII в.

Светлана Измайлова

История промышленного развития Казанской губернии в XVIII в. является одной из интересных и малоизученных тем.

Изучение исторического опыта и государственной политики в области государственного и частного предпринимательства

имеет большое значение для выявления экономического потенциала любого региона страны.

Еще с древнейших времен население Среднего Поволжья и Приуралья было знакомо с обработкой различных руд для изготовления орудий труда, украшений и предметов быта. О разработке рудников и деятельности ремесленников свидетельствуют сохранившиеся следы горных шахт и остатки плавильных ям, найденные при археологических раскопках. Исследователи отмечали, что нередко сами названия населенных пунктов и рек свидетельствовали о занятиях населения металлообработкой или о наличии рудных месторождений. В топонимике Казанской губернии встречались такие названия как Малые, Средние и Большие Бакырчи (в переводе с татарского «бакыр» – медь) недалеко от г. Мамадыша существовали д. Бакырка и речка Бакырка, протекавшая около нее [Залкинд, 1930, с.2].

Сразу после завоевания Казанского ханства в крае были начаты поиски ископаемых месторождений, которые должны были обеспечить развитие горной промышленности. Правительство стало уделять значительное внимание разработке рудных месторождений на Камско-Вятских землях [НА ИЯЛИ АН РТ, ф.95, оп.1, д.158, л.2]. С этой целью из Москвы присылали сведущих людей и в помощь к ним направляли мастеров-плавильщиков, рудокопов и ссыльных. Управлением горных дел на местах ведали воеводы тех округов, где была найдена руда.

В этот период поиском рудных месторождений занималось не только правительство, но и многие частные лица. Рудоискательная горячка охватила все сословия, и в XVI-XVII вв. горным делом занимались купцы и военные, духовенство и простые крестьяне [Ташкин, 1922, с.2, 3].

В XVIII в. государственные преобразования, проводимые Петром I, потребовали огромного количества металлической продукции. Начало Северной войны лишило Россию импорта шведского железа.

Именно потребности войны со Швецией стали главным импульсом в петровских мерах, касавшихся промышленности. Стремясь добиться резкого увеличения производства меди, железа и чугуна, жизненно

необходимых для дальнейшего развития и укрепления обороноспособности России, Петр Великий выбрал самый простой путь для создания экономической независимости государства – развитие горного дела и заводов. Для успешного привлечения к этому важному государственному делу заинтересованных лиц, российский государь не скупился на льготы и привилегии, освобождая будущих фабрикантов и заводчиков «от служб».

Указом 1700 г. каждому желающему было предоставлено право искать, разрабатывать рудные месторождения и строить заводы. Был учрежден особый Приказ рудокопных дел, который заведовал горным промыслом.

Для становления горного дела Петр I приказал нанимать европейских мастеров, поощрял их переселение в Россию, чтобы «заводить там заводы» [Фирсов, 1896, с.51]. К поиску привлекались пленные шведы, которых отправляли на Урал и в Казанскую губернию.

В январе 1705 г. Приказом рудокопных дел в Казань и низовые города Казанской губернии были направлены опытные «рудосыскных дел мастера» шведы Иоганн Фридрих Блиер и Юрий Шмит, цеховой мастер Кристиан Франк, переводчик Павел Бривцин и двое учеников.

Позднее И.Ф.Блиер писал в представлении Сенату, что «в Казанской губернии также находится изрядная медная руда, от центнера до 20, 30, 40 и 50 фунтов в себе меди содержащая, также и самородная сера» [Бестужев-Рюмин, 1882, с.5]. На берегу р. Вятки было найдено меднорудное месторождение. Не имея возможности создать завод, шведами были построены простые горны, в которых плавил богатую руду.

Капитан Н.Рычков, позднее совершавший обследования российских земель, отмечал в своих записках, что владельцу Саралинского завода С.Красильникову «завод достался от отца, а до него здесь находился медный завод, заведенный шведами» [Рычков, 1770, с.37].

Успешное развитие российской горнозаводской промышленности стало возможным благодаря гибкой правительственной политике в области государственного и

частного предпринимательства. Целый ряд правительственных указов давали возможность не только свободного поиска и разработки руд, но и предоставляли всевозможные льготы, и поддержку со стороны местного и высшего начальства.

В 1719 г. Рудный приказ был преобразован в Берг-коллегию. Одновременно была издана Берг-привилегия – горное узаконение, предоставлявшее право каждому желающему искать руду даже на чужой земле, отделявшее горный промысел от гражданского заведывания и определявшее права частной горной промышленности. Позднее было издано еще несколько указов, по которым «для размножения заводов» разрешалось покупать к заводам деревни при условии, чтобы они не отделялись впоследствии от заводов и «особо от заводов никому не продаваемы и не закладываемы» [Горные заводы, 1898, с.2].

История заводской промышленности XVIII в. получила освещение в трудах отечественных исследователей в период ее формирования и становления. Авторами этих работ были сами организаторы заводской промышленности, государственные чиновники и члены академических экспедиций 60-70-х гг. XVIII в., которые были современниками, очевидцами и активными участниками организации промышленных предприятий [Кулбахтин, 2000, с.3].

Одним из первых, кто составил описание заводов стал В.Н.Татищев, который был не только историком, но и главным начальником уральских казенных заводов [Деятельность, 1884]. В 1720 г. Берг-коллегия направила его в Сибирскую губернию, где ему предлагалось «приложить труд поиску месторождений медной и серебряной руд в Сибири, построить заводы и начать выплавку меди и серебра». На В.Н.Татищева возлагались административно-финансовые функции, на бергмейстера И.Ф.Блиера – техническое руководство за всеми горнозаводскими работами.

В 1721 г. Татищев встал во главе Горной канцелярии, которая руководила деятельностью казенных заводов и осуществляла надзор за частной промышленностью. Позднее канцелярия была преобразована в Сибирское Высшее Горное Начальство, которому

подчинялись не только сибирские, но и казанские заводы (к Казанской губернии тогда отходили земли Вятской и Уфимской губерний). При активном участии Татищева была открыта школа для обучения горному делу, составлена инструкция по охране лесов, учреждена должность судьи по горнозаводскому промыслу. Кроме того, он собрал важные сведения о существующих горных заводах, составе населения и описанию земель, на которых были построены заводы.

С 1724 по 1726 г. он был направлен в Швецию, где знакомился с деятельностью заводов и разработкой рудников. В 1734 г. Татищев вновь был направлен на Урал «для размножения заводов».

В царствование Анны Иоанновны была составлена особая инструкция, по которой разрешалось отдавать казенные фабрики частным лицам на особых условиях, а для работы нанимать вольных людей.

Промышленное развитие Казанской губернии в XVIII в. имело свои характерные отличия. Если на большей территории России развивалось производство чугуна, железа и меди, то в Казанской губернии действовали преимущественно медеплавильные заводы.

Расположение ряда восточных уездов Казанской губернии на западных отрогах горного Урала определили довольно быстрое развитие медеплавильной промышленности.

Активный поиск руд и использование рудников, уже известных с XVII в., привели к тому, что в первой половине XVIII в. на территории Казанской губернии действовало около 10 заводов, которые выплавляли медь и чугун.

С конца XVII в. по 1731 г. в 7 верстах от г. Елабуги, на речке Сарали действовал Саралинский завод, который имел чрезвычайно удобное положение. К нему были приписаны главные и древнейшие рудники – Актазицкий и Ахметьевский, получившие свое название от близлежащих татарских деревень.

В 1729 г. недалеко от Саралинского завода началось строительство еще одного медеплавильного завода – Коринского. Коринский завод строился на средства тульского купца Семена Красильникова. Это был во-

додействуемый завод с завершенным производственным циклом. Мощность завода была не большой, но достаточно высокой по сравнению с заводами XVII-XVIII вв. [Кулбахтин, 2000, с.61].

Одним из первых «рудознатными» мастерами было обнаружено меднорудное месторождение около д. Кукмор Мамадышского уезда. Его владельцем стал казанский купец О.С.Иноземцев, который в 1743 г. построил медеплавильный завод. Первоначально завод был устроен около д. Янцевой, но вскоре за недостатком воды был переведен в с. Кукмор [Залкинд, 1930, с.3].

Кукморский завод стал одним из первых медеплавильных заводов Казанского края, и его деятельность на многие годы вперед определила занятия местного населения. По сведениям Г.М.Залкинда: «приучившись к обработке меди кукморцы по ликвидации завода сами занялись выделыванием различной медной посуды: кумганов, тазов и пр., находивших громадный сбыт на соседней Мензелинской ярмарке и местных базарах» [Залкинд, 1930, с.8]. Впоследствии владельцами и совладельцами завода были известные татарские купцы: в конце XVIII в. – купец Абсалямов, в начале XIX в. – Утямышев.

В 1747 г. симбирским купцом Артемием Маленковым на р. Берсут был построен завод, который по названию реки стал известен как Берсутский (Берсудский) медеплавильный завод.

В 1758 г. на речке Кичуй, правом притоке р. Шешмы, симбирским купцом Г.И.Глазовым, рядом с Кичуйской крепостью, был построен Богословский медеплавильный завод. Земля для завода была куплена Глазовым у татар д. Старой Надыровой Надыровой волости Уфимского уезда за 100 руб. Для завода у башкирского населения были закуплены леса, которых с расчетом должно было хватить на 31 год. К заводу было приписано 175 рудников, из которых разрабатывались только 4. В 1760-е гг. производительность завода колебалась от 306 до 956 пудов в год [Гудков, Гудкова, 1993].

В 1759 г. в 60 верстах от Мамадыша по указу Берг-коллегии казанскому купцу П.Келареву было разрешено строительство Мешинского (Таишевского) завода «для

добывания и выплавки добротные, медь содержащие руды» [Залкинд, 1930, с.8]. К заводу было приписано 23 рудника.

В 1763 г. на р. Вятке при истоке речки Пижмы казанскими купцами Иваном и Афанасием Кобелевыми был устроен Пижманский завод. Владельцы завода вели свое происхождение от служилых татар. В XVIII в. они были достаточно известными и состоятельными людьми, имели несколько медеплавильных заводов в Мамадышском и Малмыжском уездах. К Пижманскому заводу было приписано до 186 рудников, находившихся на рр. Вятке и Каме. Наибольшим содержанием меди отличались рудники по берегам Камы.

Среди предпринимателей XVIII столетия хорошо известен род балахнинских купцов Осокиных. Купеческий род Осокиных ведет свое происхождение от выходцев из крепостных крестьян Троице-Сергиева монастыря – Петра и Гавриила Осокиных.

В начале XVIII в. крепостные крестьяне Осокины из деревни Еремеевой, вотчины Троице-Сергиева монастыря, занялись хлебной торговлей и хлебными подрядами. Уже к 20-м гг. XVIII в. они стали купцами г. Балахны Нижегородской провинции Казанской губернии. К тому времени они являлись крупнейшими поставщиками хлеба из Поволжья в Петербург.

Накопив достаточный капитал на хлебной торговле, они занялись предпринимательством в области горного дела на Урале – вложили деньги в разработку рудного месторождения, и в 1730 г. на Иргинском заводе была пущена первая домна.

Первоначально объектом горнозаводского предпринимательства Осокиных был Кунгурский уезд. Впоследствии сфера их интересов стала расширяться, и в отличие от других горнозаводских династий, они стремились создать многоотраслевое хозяйство.

В фондах Национального музея РТ хранится комплекс материалов, связанных со строительством Осокиными нового медеплавильного завода. На примере этих документов можно проследить документальное и юридическое закрепление частного предприятия в XVIII столетии.

После обнаружения рудного месторождения и прилежащих к нему дополни-

тельных приисков необходимо было зарегистрировать указанное место в Горном управлении «с приметам и урочищем». Под новый рудник отводилось не более 250 кв. сажен.

14 февраля 1755 г. балахнинский купец Федор Федорович Осокин обратился с прошением в Берг-коллегию о разрешении ему и Василию Игнатьевичу Осокину построить на изысканном ими месте «вододействуемый медеплавильный завод на реке Бемышке». В прошении излагалась просьба отвести под завод землю для строительства завода, найденные рудники и впредь «не чинить препятствия и обид» [НМ РТ, № 114718].

В ответ на прошение вышел указ от 31 марта 1755 г. о разрешении на строительство «балахнинским купцам Федору и Василию Осокиным в Казанском уезде по речке Бемышке медного завода по приемке руд».

Как и многие другие указы первой половины XIX в., первая часть документа содержит подробное перечисление привилегий для частных предпринимателей, которые были определены еще при Петре Великом в 1719 г. Сам указ дает ясное представление о том, как закреплялись права на владение рудным местом и построение завода.

В указе говорится, что по положению Берг-привилегии, каждый человек, «какого бы чина и достоинства не был, имел право как на собственных, так и на чужих землях искать, копать и варить всякие металлы». В случае нахождения рудных месторождений необходимо было получить подтверждение у местного руководства, или офицеров, определенных от Берг-коллегии для данной местности.

После проведения пробы руды и определения ее качества, «сыскатель» должен был ходатайствовать в Берг-коллегии о позволении строить завод. В том случае, если владелец нового месторождения не имел средств на строительство завода, он мог вступать в долю с другими компаньонами.

Берг-коллегия оставляла за собой право распоряжаться рудным месторождением, если его разработка из-за отсутствия денежных средств не будет производиться, «дабы божье благоволение под землею втуне не осталось». В этом случае строи-

тельство завода могло осуществляться другими, сторонними, лицами, которые юридически закрепляли за собой права на данное место.

По запросу Берг-коллегии Казанское горное казначейство в лице Василия Томилова осмотрело место для строительства завода Осокиных. Под заводские строения были выбраны земли по левой стороне р. Вятки по Арской дороге рядом с новокрещеной деревней Бемыш, где жили вотяки. В донесении отмечалось, что жители деревни, крещеные и некрещеные вотяки, дали письменное подтверждение об уступке места Осокину под постройку завода.

Выбранное место было признано удачным, так как рядом протекала р. Бемышка, что давало возможность использовать силу воды на различных этапах медеплавильного производства.

Право на строительство завода было предоставлено Федору Федоровичу Осокину в компании с его дядей, Василием Игнатьевичем Осокиным.

Для строительства завода был определен трехлетний срок. Работы по строительству начались в конце 1755 г. Завод должен был быть оснащен четырьмя плавильными печами, гармахерским горном для отделения меди от чугуна и расковочным молотом для изготовления листовой меди.

При заводе были построены плотина, кузнечная и меховая мастерские, лесопильня и мукомольная мельница.

По открытии завода состав работающих состоял из 197 мастеровых людей, 267 крепостных крестьян. Кроме того, в различных работах было занято дополнительно 242 человека. В зимнее время количество вольных работников увеличивалось до 600 человек.

К заводу было приписано более 200 рудников и приисков. В 1770 г. производительность завода составляла около 1500 пудов штыковой меди и до 200-300 пудов листовой меди.

В 1759 г. совладелец В.И.Осокин умер, и Ф.Ф.Осокин стал ходатайствовать о наследовании медеплавильного завода [НМ РТ, № 115418]. В.И.Осокин умер бездетным, и по указу от 1759 г. Ф.Ф.Осокин стал единоправным владельцем Бемышского завода [НМ РТ, № 115399]. Впоследствии завод пе-

решил во владение Ивану Федоровичу Осокину [НМ РТ, № 115719].

С 1769 г. завод стал принадлежать Игнатию Федоровичу Осокину, который стал одним из основателей династии казанских купцов Осокиных. В 1770 г. он приобрел в Казани крепостной двор с деревянными постройками, который находился в приходе церкви Московских Чудотворцев [НМ РТ, № 115721].

На протяжении века династия Осокиных владела 11 доменными, молотовыми и медеплавильными заводами, суконной мануфактурой в Казани, солеваренными промыслами.

В отличие от других династий имущество Осокиных не подвергалось наследственному дроблению. В конце века заводы и мануфактуры находились во владении Ивана Петровича Осокина.

Около 40 лет горнозаводскую династию Осокиных возглавлял Петр Игнатьевич Осокин. В 1769 г., не имея прямых наследников, он продал свои заводы Ивану Петровичу Осокину, внучатому племяннику. Став

единоличным обладателем 11 горных заводов, И.П.Осокин превратился в одного из самых крупных заводчиков России.

Территория Казанской губернии занимала центральное положение на Средней Волге и Нижней Каме. Восточные уезды располагались на западных отрогах Уральского хребта, и именно там получила развитие горнозаводская промышленность. Десять медеплавильных заводов давали в XVIII в. десятки тысяч пудов штыковой меди, которая шла на изготовления вооружения, на монетный двор и изготовление ремесленных изделий.

Однако к концу века производительность заводов Казанской губернии снижается, заводы перепродаются или закрываются. Упадок медеплавильного производства губернии связан с целым комплексом социальных и экономических причин, но в значительной мере объясняется тем, что выплавка меди становилась все более нерентабельной (процент содержания меди в казанских рудах составлял 2,5-3% в отличие от уральской руды, где содержание меди доходило до 30-40%).

ГЛАВА 6

Участие татар в социальных протестах XVIII в.

§1. Восстания начала XVIII в.

Саям Алишев

Народные выступления различных категорий населения, вспыхивавшие в XVII в., продолжались и в первой половине XVIII в. Одно из мощнейших татаро-башкирских восстаний началось в 1704 г. на территории Волго-Уральского региона и продолжалось до 1711 г. Этому событию сопутствовали восстания стрельцов в Астрахани в 1705 г. и донских казаков под предводительством К.Булавина в 1706–1708 гг.

Осенью 1704 г. правительство Петра I получило известие, что башкиры и татары Казанского уезда возмутились, «что положено, давать не хотят», «перепищиков изгоняли» и т.д. Они же старались «согласиться с астраханцы» [МИБ, 1936, ч.2, с.118]. На подавление восстания были отправлены правительственные отряды Ф.Люткина, А.Сергеева и др. Однако жестокость, проявленная властями, привела к возмущению жителей Казанского, Мензелинского, Уфимского уездов.

Еще летом 1706 г. среди населения появился сын каракалпакского хана Кучюка Султан Мурат, который выдавал себя за султана башкир. Султан Мурат через Кавказ перебрался в Крым, а оттуда в Турцию, надеясь заручиться поддержкой. Однако Крым и Турция в помощи отказали и отправили его обратно на Кавказ, где Мурат нашел пристанище [МИБ, ч.2, с.238–243]. В одном из сражений с русскими войсками, в 1708 г. он попал в плен, был доставлен в Казань, где был повешен. Подобные сведения о ханах распространялись в 1707 г. и поднимали народ на борьбу. Главные предводители восставших Килмяк Нурушев и Алдар Исянгильдин, татарские наездники Иман Батыр и Келманко решили «под волею великого государя не быть... И положили Салтан Хази башкирцы, чтоб им вора башкирцам

и Казанского уезда татарам русских людей всех прирубить, и всех уездов иноверцев возмутить и к воровству своему соединить иттить под Казань всеми людьми. И взяв де Казань, тому вору Салтан-Хазе быть в Казани ханом» [МИБ, ч.1, с.225]. Так говорил на допросе в феврале 1708 г. пленный повстанец татарин Буляк Акбулатов.

Осенью 1707 г. боевые действия происходили почти по всей территории Волго-Уральского региона. В то время близ Соловарского городка был разбит полк П.Хохлова из 1300 человек с 5 пушками. Произошло несколько сражений с царскими отрядами под Уфой, в районе Закамских крепостей, Сергеевска, Билярска, Каракулина, Сарапула и Заинска.

В конце 1707 г. восставшие взяли Заинск и развернули наступление на Новошешминск, Билярск, Сергеевск и Мензелинск.

Правительство Петра I послало 5 регулярных полков в дополнение к 6 полкам, находившимся в Казани. Кроме них имелись еще гарнизоны крепостей, городков и другие карательные отряды. Главнокомандующим всех сил был назначен князь, воевода П.И.Хованский.

В январе 1708 г. основные силы восставших сосредоточились в Казанском уезде, в деревнях на правом берегу Камы – в Предкамье. Ими были заняты деревни Чепчуги, Елань, Черемышево, Аркатова, Ия, Юнусово, Шуран, Чирпы и другие, организованы штабы в деревнях Савруш и Балтач [Булавинское, 1935, с.409]. В 30–40 верстах от Казани они остановились, не решаясь штурмовать хорошо укрепленную крепость.

К тому же, князь Хованский начал переговоры с руководителями народных войск, обещая удовлетворить их требования, сделать уступки и облегчения. Кусюм и Алдар,

главные предводители повстанцев, находились в Саврушах и согласились вести переговоры, так как хорошо вооруженные правительственные силы в уезде насчитывали уже около 12 400 человек. Переговоры шли целый месяц. Воспользовавшись передышкой, Хованский выступил в поход, повстанцы медленно отступали за Вятку и Каму. В марте Хованский достиг Елабуги и опять начал вести переговоры. Население стало присягать на верность, но успокоения еще не было. В восточных районах современного Татарстана действовал ряд небольших отрядов в 1709–1711 г. Основной территорией действий повстанцев в это время были Зауралье и Кунгурский уезд.

Из «башкирских восстаний» наиболее крупные произошли в 1735–1740 г., когда правительство стало окружать башкирские земли крепостями. Восстание продолжалось в течение шести лет и распадалось на три этапа: 1735–1736 г., 1737–1739 г. и восстание 1740 г. во главе с Карасакалом. Движущими силами являлись башкирско-татарские массы народа. Мишаре (тагары), тептяре в этом восстании не принимали участия. Правительство привлекало на свою сторону мишарей, предоставляя им некоторые льготы, земельные владения, а тептяре, платившие оброк башкирским старшинам, не были заинтересованы бороться за них. Некоторые башкирские старшины служили царскому правительству, как, например, тарханы, т.е. освобожденные от налогов.

Как и в 1704–1711 г., в процессе этого восстания башкир и татар провозглашались ханства, т.е. идея государственности продолжала действовать. Так, один из предводителей повстанцев – Уразай в 1738 г. ездил к казахам и «привез Казахского Султана Шигая», провозгласив его ханом восставшего народа. В 1740 г. население величало ханом Карасакала, тоже одного из вождей восставших.

На активное участие татар в восстании указывает ряд фактов. В 1743 г. из Уфимского уезда Сеит Крусев и другие татары – из Татарской слободы Казани Муслюм Серманаев, Зайт Аитов, из деревни Келева Токай Сенякаев, Абдул Мамеков, из деревни Ширдан Свяжского уезда Абдрахман Манычев, Сеит Мамедов, Калмет Крусев просили освободить их из каторги Рогерви-

ка, куда они были сосланы за участие в восстании 1735–1737 г. [РГАДА, ф.248, оп.113, кН.148, л.1035–1038].

Главным вождем восстания 1735–1736 г. был татарин Акай сын Кусюма, предводителя повстанцев в 1705–1711 г. [История, 1937, с.396–398, 402–406].

Одним из самых крупных было выступление мордовских и марийских крестьян, известное в истории как «Терюшевский бунт», который в 1743 г. охватил большую часть территории Нижегородской и Казанской губерний. Бунтовщики боролись против уничтожения языческих священных рощ и кладбищ. Восстало более 6 тыс. крестьян. Они выдвинули из своей среды вожаков Пумраса Семенова, Шятреса Плакидина, Несмеяна Васильева и др. 26 ноября 1743 г. произошло сражение с правительственными войсками у деревни Лапшиха. В результате восстание было подавлено, а в плен взято 130 повстанцев.

Середина XVIII в. – время укрепления царским правительством своей власти на восточных границах. Строительство заводов на территории Башкирии привело к сокращению исконных земель башкир. Возведение пограничных крепостей, укрепленной воинской линии, создание оренбургского казачьего войска осуществлялись в расчете на большой приток людей из других районов. Земли отнимали для крепостей и военных укреплений. В 1754 г. был издан новый указ царского правительства – о покупке соли по твердым ценам, что еще более обострило ситуацию в регионе. Результатом всех этих мер стало восстание 1754 г.

Еще раньше, в 1747 г., вспыхнуло восстание тептярей, бобылей и мишарей в связи с указом правительства о «новоположенном ясаке». Тептяре и бобыли, большинство которых составляли татары, по новому закону должны были платить по 80 коп., мишаре – 25 коп. с души.

Восстание, начавшееся 14 июня 1747 г. в д. Мелекес Сибирской дороги, продолжалось до сентября 1748 г. Офицер Моисеев рапортовал: «Крестьяне собравшись самого старшину Суюша, сотника Бекметова и писаря били плетьюми и палками смертно и притом говорили, для того они, старшина с сотником, о зборе оного вновь положенного на

них ясака без мирского совету подписались, коего они платить не будут, а платить де станут старый ясак и подводы гонять по-прежнему» [РГАДА, ф.248, оп.113, д.115, л.152–155]. Восстание охватило не только Мелекес и Бедюево, но и деревни Абзеево, Алтынбаево, Нурки, Чипчакова и др. Возглавляли движение в разных деревнях свои же крестьяне.

Восстание было подавлено, и его активные организаторы были схвачены: 25 татар, 5 удмуртов, 3 марийца и один русский. Главари восстания из татар Абдулла Сюлеев, Муртаза Курмышев, Муртаза Алиш, Биктимер Азаматов, Ибраш Каменев, из удмуртов Сабанай Ураев, Сенька Семенов были высечены кнутом и сосланы в Рогервик на каторгу.

§2. Выступление Батырши

1. Причины, ход и последствия восстания

Файзулхак Ислаев

В истории сопротивления нерусских народов массовой христианизации особое место заняло восстание татар и башкир 1755 г. под руководством муллы Батырши Алеева, выдающегося деятеля освободительного движения, крупного богослова и оригинального мыслителя. Он родился в 1710 г. в семье служилого татарина в небольшой деревне Карыш Сибирской дороги Уфимского уезда. Б.Алеев получил для своего времени фундаментальное религиозное образование: сначала учился в мектебе у своего отца абыза Туктаргали Дусалиева, затем в медресе известных имамов Абдрахмана Тайсугани (д. Тайсуган Бугульминского ведомства), Абдусалима Ураева (д. Ташкичу Казанского уезда Алатской дороги). Последние годы его учебы совпали со временем, когда христианизация языческих и мусульманских народов Волго-Уральского региона приобрела массовый характер.

После завершения учебы Батырша полтора года обучал детей в деревне Байавыл Гайнинской волости Осинской дороги Уфимского уезда. Затем около четырех лет исполнял обязанности имама в Исетской провинции. Через пять с половиной лет после окончания учебы он вернулся в свою родную деревню Карыш, где стал имамом мечети, содержал медресе. Вскоре слава о нем как об ученом имаме, знатоке шариата, справедливом при решении самых сложных спорных житейских вопросов, хорошем учителе и наставнике шакирдов распространилась по всему Волго-Уральскому региону. Его небольшое религиозное учебное заведение, насчитывавшее всего 15 ша-

кирдов, стало авторитетным медресе. Здесь обучались будущие имамы не только Уфимского, но и Казанского, Кунгурского уездов, Исетской провинции. В 1754 г. Батырша был выдвинут на престижную должность ахуна Сибирской дороги Уфимского уезда. При обсуждении кандидатуры Батырши на должность ахуна против него выступил старшина волости Я.Абдуллин, который и предложил другую кандидатуру [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.144].

Продолжительное время Уфимский уезд оставался территорией, автономия которой давала мусульманам возможность без особых притеснений придерживаться своей веры. Поэтому вполне естественно, что татары от религиозных гонений стремились скрываться именно здесь. Однако строительство крепостей, заводов, дополнительные меры по интеграции региона в состав России, чрезмерная миссионерская активность в начале 50-х гг. нового тобольского митрополита С.Гловацкого на востоке и казанского епископа Л.Канашевича на западе создали новую обстановку. Этот регион оказался зоной, подверженной сильному миссионерскому влиянию. Позже Б.Алеев писал, что «в юртах старшины Муслима многих людей путем хитростей и запугивания соvertsали с веры; оглашен указ о том, что бы старшина Илтабан со всей своей командой, оставив веру ислама, перешли бы в русскую веру; жители долины Ай, зауральцы и жители Ногайской дороги решили, что в силу нестерпимых мучений со стороны неверных решили приготовить боевое оружие, чтобы отвратить этих неверных,

отомстить им и добиться возмездия» [Письмо Батырши, 1993, с.80, 83]. То же происходило и на западе Уфимского уезда. «Население Осинской и Казанской дорог доведено до крайней степени бессилия от причиняемых им угнетений в вере и мирских делах» [там же, с.81].

На волне всеобщего недовольства и возмущения татар, башкир, языческих народов Волго-Уральского региона Батырша пришел к выводу, что только путем вооруженного выступления можно остановить наступление миссионеров, сохранить традиционную религию. По словам М.Кемпера, «единственным выходом, при все более усиливающемся угнетении и принудительной христианизации является открытый протест» [Kemper, 1998, s.26].

К середине 50-х гг. XVIII в. недовольство мусульман достигло апогея. В марте 1755 г. башкиры Ногайской дороги Уфимского уезда передали Батырше письмо, в котором сообщали о своей готовности выступить в мае. Батырша, пытаясь придать стихийному возмущению народа организованный характер, подготовил «Воззвание», призывающее начать открытое вооруженное выступление 1 июля 1755 г., поскольку «огонь злодеяний притеснителей, перешедший все границы, непреодолимо охватывая здания и постройки города нашей веры, почти разбивает и уничтожает и цитадель нашей веры» [Письмо Батырши, 1993, с.87]. Этот документ был широко распространен среди татар и башкир в Уфимском, Кунгурском и Казанском уездах, Исетской провинции его шакирдами и ближайшими сторонниками и сыграл главную мобилизующую роль в организации бунта.

«Воззвание» и письмо Батырши императрице, материалы следственного дела, другие документы наглядно подтверждают его выдающуюся роль в организации восстания. События развивались стремительно. Башкиры Бурзянской волости Уфимского уезда в середине мая 1755 г. начали активные действия. 15 мая башкиры во главе с Джилан Иткуловым и Худайберды расправились с начальником горно-изыскательских работ Брагиным и шестью его помощниками. 18 мая бунтовщики разорили Сапсальский ям Исетского тракта и двор Брагина. Кроме

того, они стали нападать на проезжавших чиновников, расправлялись с находившимися в почтовых станах драгунами.

Власти Оренбурга предприняли энергичные меры против повстанцев. Уже 22 мая в Бурзянскую волость прибыла воинская команда во главе с подполковником Исаковым. Воинская команда под командованием капитана Лядомского в количестве 45 человек попыталась остановить переход через Яик 124 взрослых мужчин, 26 мальчиков и 140 женщин. В сражении были убиты капитан, два капрала, семь рядовых; кроме того, были ранены прапорщик и 29 рядовых. Они отогнали всех лошадей команды, оставив рогатый скот, ушли к казахам [СА, т.10, с.397]. Несколько позднее сюда же было направлено более тысячи солдат и казаков. В помощь этим силам были мобилизованы башкирские старшины со своими отрядами.

Участники мятежа, их семьи и родственники были арестованы, скот и имущество конфискованы. Уцелевшие жители бежали к казахам [СА, т.10, с.380; Акманов, 1987, с.55]. Двое из убежавших подполковником Исаковым были пойманы, в том числе абыз из Казанского уезда. Расследование показало, что старшина Бурзянской волости еще зимой советовался с «тремя старшинами, сотниками и со знатными башкирами» начать бунт весной, надеясь, что другие башкиры к ним присоединятся. Башкиры требовали ликвидации почтовых станов, крепостей по Яику, освобождения от принудительных работ по строительству заводов и крепостей [СА, т.9, с.380–381, 397].

Чтобы не допустить впредь волнений среди башкир, было принято решение о строительстве в центре Бурзянской волости Зилаирской крепости, которая обеспечивала бы эффективный контроль над действиями беспокойных башкир. Зилаирская крепость стала центром нового дистрикта, куда были включены волости Бурзянская, Тамьянская, Усергенская, Тангаурская, Сугункипчатская, Бушманкипчатская и Чалкинкипчатская [там же, с.40]. Привлечение башкир к строительству этой крепости, продолжавшееся насилие над местным населением вызвали новое недовольство.

Вторым центром подготовки вооруженного мятежа стала Гайнинская волость

Уфимского уезда. Главную роль в подготовке здесь восстания играли муллы А.Чурагулов, И.Мурзалиев и К.Имангулов. Мулла Батырша еще в конце мая 1755 г. послал своего ученика, шакирда И.Апкина, в Гайнинскую волость с тем, чтобы там распространить воззвание. Шакирд отвез это письмо и благополучно возвратился в Карыш [Письмо Батырши, 1993, с.94]. Позже станет известно, что во время поездки он встретился с муллою д. Тюнгак А.Чурагуловым [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.146об., 162, 164], который и распространял воззвание в Гайнинской волости. Тогда же шакирд С.Ягоферов с письмом отправился в д. Смаилово Айлинской волости Сибирской дороги Исетской провинции [там же, ч.1, л.125].

Гайнинцы часто встречались с Батыршой, вели общую работу по подготовке мятежа. К Батырше приезжали мулла деревни Тюнгак Гайнинской волости И.Мурзалиев с К.Имангуловым. Они передали Батырше слова Чурагула о том, что «в нашей стороне находящиеся люди к учинению бунта с Батыршею быть все готовы». Именно на этом совещании Батырша изложил цель выступления – «учинить против России бунт», узнав о котором, государыня «может сделать милость» [там же, ч.2, л.195об.–196]. Возможно, так полагали, на это надеялись многие участники бунта. По крайней мере, во время следствия мулла Ч. Минлибаев почти дословно повторил те же самые слова [там же, ч.2, л.188].

Начало бунта Батырша связывал с результатами своей поездки в Оренбург якобы для покупки религиозной литературы, а на самом деле – для встречи по дороге с бурзянцами и выяснения настроения людей. Не случайно позднее М.Айметев назовет эту поездку разведывательной [там же, ч.2, л.54об.].

Батырша совершил поездку в Оренбург вместе с шакирдом А.Юнусовым. По пути в губернский центр он встретился с бурзянцами, выяснил причины их раннего выступления и поражения, планы на будущее. Несмотря на разгром и бегство за Яик, оставшиеся бурзянцы не были сломлены морально и были готовы к новому выступлению. «Бог знает лучше, – сказали они, –

если народ восстанет, то хорошо, будем с ним, а если же не восстанет, то, в конце концов, нам все же придется восстать, потому что мы все равно, донося друг на друга, будем переловлены и истреблены. Хотя мы ничего воровского против падишаха и не замыслием, но то, что мы не выносим злодеяния притеснителей – русских, считают воровством. Русских, сколько бы они не совершали злодеяний и воровства, «ворами» не обзывают. Сами видите, ни один из пойманных наших не был выслушан (при допросе) и возвращен, все они гибнут под именем вора. Таким образом, надеясь на что, можем мы скрываться? По нашему мнению, что бы ни случилось, – восстать, уповая на аллаха». Для Батырши такое признание вселяло надежду на повторное совместное, но уже скоординированное выступление в разных местах.

В Оренбурге Батырша встретился с ахуним Ибрагимом, который ему сообщил, что ахуны Оренбургской губернии приняли решение о присвоении ему духовного сана «шейх». От данного звания Батырша отказался [Письмо Батырши, 1993, с.96–97]. В Каргалах (Сеитова слобода) Батырша встретился с представителями мусульманского духовенства, в том числе со своим учителем, ахуним Абдусалюмом Ураевым, и с ним два дня обсуждал различные религиозные вопросы, ходил по гостям. Отсюда он послал письмо сотнику Алацкой дороги Казанского уезда Я.Мамашеву с сообщением о том, что в Уфимском уезде все четыре дороги согласились и готовы выступить, просил, чтобы казанские татары были в готовности. Позже И.Апкин во время допроса скажет о согласии казанских татар выступить вместе с башкирами [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.1, л.122; СА, т.10, с.4].

Вполне вероятно, что именно здесь окончательно было согласовано время нового выступления. По показаниям К.Имангулова, оренбургские татары «согласие к бунту имели». Ч.Минлибаев показывал, что Батырша, будучи в Оренбурге, встретился с ахуним Ибрагимом, а в Сеитовой слободе – с ахуним Абдусалюмом и их к «злему намерению подзывал, кои и оказались ему склонными и по начатию прочих бунтовать хотели» [СА, т.9, с.473].

Из Оренбурга Батырша вернулся в Карыш. Здесь он встретился с двумя шакирдами, направлявшимися в Казанский уезд. Они сообщили, что башкиры и мещеряки в районе Троицка готовы выступить не сегодня – завтра [Письмо Батырши, 1993, с.98]. И эта встреча стала еще одним доказательством всеобщего недовольства мусульман.

Активная подготовка гайнинцев к мятежу была замечена старшиной Гайнинской волости Абдуком Куджагуловым. 16 июля 1755 г. он сообщил в Осинскую воеводскую канцелярию, что «подволошных четырех деревень башкирцев 20 человек начинают бунт». В волость был послан с солдатами копиист, но им «башкиры не дались, а от опасности крестьяне дворцовых деревень в город Осу приехали» [СА, т.9, с.406]. Однако по этому сигналу мер, направленных на предупреждение возможного бунта, властями не было принято.

Согласно договоренности с Батыршой, но совершенно неожиданно для местной губернской и провинциальной администрации, 9 августа 1755 г. башкиры зауральской части Бурзянской волости восстали вновь. Отряд из башкир численностью 50–60 человек во главе с Яубасаром Аздуровым в деревне Запянова убили вновь назначенного старшину из служилых татар Абдула Вагапова, его писаря и двух мещеряков, совершали нападения на тех, кто был на правительственной стороне. Только своим бегством в Кананикольский завод Мосолова избежал этой участи старшина Мухаммад-шарып Мряков, который успел скрыться здесь. В тот же день, 9 августа, мятежники напали на строящийся на р. Ик Вознесенский медный завод барона Сиверса, отогнали 34 лошади, сожгли надранную бересту, в ряде мест подожгли лесные угодья. 9 же августа мятежники совершили неожиданный набег на Преображенский медный завод Ивана Твердышева. В результате нападения «оказалось убитыми ворами башкирцами работных людей, а именно из приписных заводских крестьян 8, из новокрещенных чуваш 40, итого 48, да раненых около 10-ти человек. Были сожжены приставленные для плавки меди дрова около 1000-ти сажень, угля около 7000 коробов, также заготовленное сено» [МИБ, 1940, док. №10, 12].

Строящееся совместное предприятие Герасима Глазова и графа Александра Ивановича Шувалова на р. Ик – Ицко-Покровский медеплавильный завод бунтовщиками был «созжен без остатку» 15 августа, в праздник православных – день Успения Пресвятые Богородицы. Нападение совершил объединенный отряд башкир – старшин Сугун-Кипчатской волости Шайлы Кулумбетова, Бушман-Кипчатской волости Сатлыка Явкеева, Чамкин-Кипчатской волости Тляумбета Явгостина, сотника Бекбулата Аркаева, Усергенской волости Кувата Кинзегулова [МИБ, 1940, док. №12]. Мятежники были хорошо вооружены копьями, саблями, луками и стрелами. Были у них и боевые знамена. Главным объектом нападения стала часовня, которая была сожжена вместе со всеми святыми образами, церковной утварью и колоколами. А потом была разрушена плотина заводского пруда, сожжены хлебные запасные амбары и заводская контора. Нападению подверглись все находившиеся на заводе более 400 человек, которых расстреливали из луков, набегая, кололи копьями и рубили саблями. В результате варварского разгрома строящегося завода в живых осталось всего около 50 человек, которым удалось укрыться от нападавших. Имеющаяся при заводе денежная казна и всякое имущество было «ограблено и взято с собой», скот «весь без остатка» угнан [там же]. 15 августа мятежники совершили нападения и на Чибилнинский и Ташлинский рудники этого же завода, где были убиты работники из чуваш: горный мастер Матвей Козьмин, писарь Герасим Иконников. Недалеко от деревни Бикбулатово было убито 8 человек, уведено 11 лошадей [МИБ, 1940, док. №13].

В военном отношении самая впечатляющая победа над регулярными войсками была одержана 18 августа. В 30 верстах от Зилаирской крепости отряд Кучукбая окружил и истребил команду капитана Шкапского в составе роты драгун и 50 казаков, которые были направлены Бахметевым из Зелаирской крепости для защиты Авзяно-Петровского завода графа П.И.Шувалова. Отряд драгун и казаков был направлен с соблюдением всех предосторожностей по наиболее безопасной дороге, где, по сведениям, ни-

какой встречи с башкирами быть не могло. А между тем мятежники именно здесь и преградили отряду движение, ввязавшись с ним в настоящее сражение. Используя затруднения отряда, проходившего по узкой лесной тропе со многими топкими местами, где застревали лошади, повстанцы окружили этот отряд со всех сторон и после двухчасового упорного боя уничтожили почти целиком. В живых остались лишь два крещеных калмыка и трое башкир. В этом сражении погиб один из руководителей восставших – Кучукбай [Чулошников, 1940, с.83].

Еще ранее мятежники во главе со старшинами Бушман-Кипчацкой волости Сатлыком Явкеевым, Чамкин-Кипчацкой волости Гляумбетом Явгостиным и Кучукбаем сожгли построенный в верховьях Ика Ицко-Покровский медеплавильный завод графа А.И.Шувалова, заводских людей, не успевших спастись бегством, убили [Лющин, 1903, с.165; Фирсов, 1869, с.436]. Разгром крупного правительственного отряда и последующее замешательство властей позволили башкирам разных волостей перейти через Яик и укрыться в казахских степях до прихода правительственных войск.

К 20 августа пламя восстания полыхало в Усерганской, Бурзянской, Тамьянской, Тангаурской, Бушманкипчатской, Сувункипчатской волостях. Жители этих мест поднялись с семьями, чтобы перейти Яик и скрыться среди киргиз-кайсаков. Беглецы вступали в сражения с посланными против них командами. Пойманные башкиры говорили, что они намерены вместе с киргиз-кайсаками «на крепости нападения чинить, русских побивать, а табуны отгонять и прочие бедствия производить» [СА, т.10, с.398].

Для подавления мятежа оренбургский губернатор И.И.Неплюев предпринял ряд мер. В район выступления башкир были направлены Московский, Ревельский и Троицкий полки с приказом «не щадить никого, жен и их детей, для вкоренения страха». К подавлению восстания были привлечены калмыки, донские и оренбургские казаки общей численностью в три тысячи человек. Кроме того, 500 крещеных калмыков встали на границе с киргиз-кайсаками. И.И.Неплюев также написал письмо Нурали-хану

с призывом развернуть борьбу против башкир, а среди мусульманского населения губернии распространил листовку оренбургского ахуна И.Абдрахманова с осуждением башкирского выступления [Неплюев, 1893, с.147–149].

В середине августа организаторы мятежа в Гайнинской волости И.Мурзалиев, Н.Баскунов, А.Ягутеев были призваны на службу в Кизылскую крепость. Бунтовщики воспользовались этим случаем, чтобы встретиться с Батыршой и начать в волости активные действия. Вблизи деревни Карыш в поле состоялась встреча Батырши с муллой Исхаком Мурзалиевым и его товарищами. Выяснилось, что везде к «учинению одного бунта» готовы. Позднее, на допросе, К. Имангулов скажет, что «к бунту уже согласны мещеряков до 500, тептерей и бобылей до тысячи, а сверх того хотел дать он, Батырша мулла, известие на Сибирскую дорогу, а с Ногайской дорогою он, Батырша, в прошлом году и в нынешнем из Оренбурга проезд к тому же бунту соглашался» [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.212об.–213]. Батырша сказал, что «пошлет к вам в Гаинскую волость людей для привода всех согласившихся к тому бунту людей». Это было сделано в ответ на просьбу башкир «прислать к ним мещеряков». Татарин Эмир из д. Султанай и башкир Хасан из д. Бишмече сомневались в готовности мещеряков к бунту. Чтобы рассеять сомнения гайнинцев, Батырша послал с ними шакирдов И.Апкина, А.Кучекова и жителей д. Мирасим У.Исламова и М.Айсина [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.204об.].

Призыв к бунту в Гайнинской волости прозвучал в д. Башап. На другой день в д. Аклуш уже было до полусотни бунтовщиков. Все мятежники были на лошадях и вооружены. Кроме сабель, у многих были либо ружья, либо луки со стрелами, некоторые имели копья. Все намерены были идти вниз по р. Тулве, «рубить русских», а также не присоединившихся к бунту башкир. Мулла Чурагул с двумя представителями Батырши побывал в деревнях Султанай, Сараш, Аймуш [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.183об.].

27–28 августа бунтовщики под руководством Мустая и Акбаша убили старши-

ну Гайнинской волости А.Куджагулова «за великие денежные сборы» [Чулошников, 1940, с.86]. Расправу учинили А.Андрюшев, М.Теребердин с товарищами. Среди них находились и прибывшие сюда мещеряки из команды старшины Я.Абдуллина. В д. Султанай С.Чубаркин начал изготовление ратниц. Во многих деревнях, в том числе в Башапе, Султанае, Тюнгаке, Аклуше, состоялись собрания местных жителей, где выступали Чурагул и Исхак и местный ясачный татарин А.Ягутеев. На этих собраниях зачитывалось «Воззвание» Батырши, которое воспринималось местными жителями как призыв к открытому восстанию [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.3, л.42–42об.; Чулошников, 1940, с.86].

Однако подготовка бунта так и не стала прелюдией активных действий восставших. Причиной тому послужило решительное выступление нового старшины Гайнинской волости Т.Ижбулатова, занявшего место убитого А.Куджагулова. Став во главе волости, он немедленно развернул активную работу по срыву антиправительственных выступлений на вверенной ему территории. Иного пути для укрепления своего положения как старшины у Т.Ижбулатова не было. Он на протяжении более чем двадцати лет беспрерывно будет волостным старшиной, его изберут членом Екатерининской комиссии, где этот депутат также проявит большую активность.

Встреча противников состоялась у деревни Кызыл Яр. Здесь скопилось до полусотни повстанцев. Сторонники Ижбулатова, не встретив активного противодействия, рассеяли собрание в деревне, участники которого «разбежались врознь» [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.208]. Это событие стало переломным в истории бунта. Потерпев поражение, сторонники мятежного муллы уже не сумели организовать вооруженное выступление в волости и направились в Карыш для встречи с Батыршой. Однако там они Батыршу уже не застали, так как он вместе с семьей и ближайшими восемью соратниками и учениками, вооруженными копьями и луками, скрылся в лесу 1 сентября. По показаниям М.Асанова, Батырша ушел в лес после получения известия об аресте в Гайнинской волости посланных

им Исмагила и Ахмера [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, л.144].

Власти принимали энергичные меры для изоляции и подавления возможных волнений. 25 сентября 1755 г. на Осинскую дорогу Уфимского уезда были направлены части Троицкого драгунского полка под командованием капитана Жеребцова [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.1, л.122]. Организованного сопротивления эти войска здесь уже не встретили: участники волнений, шестеро активных сторонников Батырши, были пойманы и привлечены к следствию.

Рассматриваемые события в Гайнинской волости получили любопытное отражение в Кунгурской летописи Пиликиных. Так, за 1755 г. отмечено, что «некоторые воры башкирцы в Уральских горах и около Казанской крепости чинили на российских людей нападения и смертельные убийства, а также смежно живущие в Кунгурском и Уфимском уездах Гайнинской волости башкирцы тогда же имели возмущение – почему и принята была в Кунгуре и по уезду в острожках от тех воров башкирцев крепкая предосторожность: тогда же были употреблены от бывшего в Оренбурге господина действительного тайного советника и кавалера И.И.Неплюева к усмирению бунтовщиков башкирцев два регулярных конных полка, чрез которых посредство город Кунгур и уезд от воров башкирцев и охранен» [Кунгурская летопись, 1886, с.16–17].

Русское население Кунгурского уезда было всерьез обеспокоено размахом подготовки к мятежу. Среди него широко распространялись слухи о нападении башкир и ясачных татар на Уинский медеплавильный завод, об осаде Торговижского и Сокольского острожков, с. Медянка Кунгурского уезда. Слухи были настолько многозначительны и упорны, что создавалось впечатление о войне, «идушей по ту сторону села Торговищи со стороны татарской Верхиренской четверти». Часть жителей с. Быково оставили свои жилища и бежали в Ачитскую крепость, вблизи Красноуфимской крепости, в поисках защиты от татар. В действительности слухи о выступлении татар и башкир оказались преувеличенными.

3 сентября 1755 г. императрица Елизавета Петровна отменила переселение некрещеных татар, живущих с крещеными в одних деревнях, а жалобы новокрещеных на татар повелела разбирать в Казанской губернской канцелярии вместе с духовными персонами, «особливо по нынешним известным обстоятельством» [ПСПиР–2, т.4, с.173–174]. Таким образом, отменялась наиболее дискриминационная практика переселения некрещеных татар, а их жалобы теперь должны были рассматривать светские власти, правда, вместе с миссионерами, что ранее и представить было трудно. При этом закон предписывал более внимательно отнестись к взаимным обвинениям с учетом «известных обстоятельств», т.е. восстания Батырши.

26 сентября 1755 г. события в Уфимском уезде были обсуждены на совместной конференции Сената, иностранной и военной коллегий. Было принято согласованное решение о докладе императрице. Предлагалось впредь не взыскивать с иноверцев за новокрещеных доимочных, новых нарядов рекрутов и подушной по 1755 г. и перевести в другие места тобольского митрополита и казанского архиерея [СА, т.9, с.442].

Для принятия эффективных мер по подавлению бунта Сенат 2 октября по докладу И.И.Неплюева направил в Казань губернатором тайного советника графа Головина, укрепил военных направлением сюда И.Салтыкова генерал-майора Ф.Ушакова и бригадира Костюрина. С Сибирской стороны в Екатеринбург главным командиром отправлен действительный статский советник Щербинин [там же, с.443]. Еще ранее, 4 сентября, для борьбы с бунтовщиками был призван бригадир А.И.Тевкелев, один из самых опытных военных в деле подавления башкирских восстаний. Ему присвоили воинское звание генерал-майора и отправили к казахам для ведения переговоров и возвращения ушедших туда башкир [Разные бумаги, 1852, с.19–21]. В результате его усилий из кочевий киргиз-кайсаков возвратилось 5 545 башкир [Рычков, 1887, с.267]. Кроме того, в район возможного бунта направлялись три армейских полка и две тысячи донских казаков в дополнение к имеющимся [СА, т.9, с.458].

2 октября 1755 г. Сенат решил за поимку «главного к бунту возмутителя мещерака муллу Абдула Мягзалдина, по прозвищу Батырша» объявить награду в 500 рублей. Одновременно с этим старшине Я.Абдуллину «за оказанные его к службе Е.И.В. верные и ревностные поступки, а особливо за поимку оного возмутителя Батырши товарищей, послать с Сената саблю с хорошей оправой и с надписью на той оправе, до 100 червонных». Сенат также предупредил астраханского губернатора о том, чтобы «от живущих в губернии магометан и возмутителей тайных в Крым посылок чинено не было» и без паспортов башкир и татар туда не пропускать [СА, т.9, с.444]. Тогда же был утвержден текст манифеста Казанской губернии служилым и ясачным татарам и Оренбургской губернии башкирскому народу, в котором они извещались о разгроме бунта Батырши. Манифест характерен и тем, что в нем власти фактически признали основную причину бунта – религиозное притеснение мусульман [СА, т.9, с.446].

Сенат 14 сентября 1755 г. постановил раздать участников восстания навечно как крепостных и привести их в веру греческого исповедания. Задержанные в ходе бунта башкиры в октябре 1755 г. были отправлены в Москву, по одним данным, в количестве 213 человек, по другим – 221, для использования в Сенатской конторе, отсылки в Рогервик, во флот матросами, в остзейские гарнизонные полки; из этого числа по дороге умерли 97 человек (по другим данным – 139). Расследование причин массовой гибели арестованных показало, что им на еду давали всего по одной копейке в день, в пути их «немилостиво бивал солдат Василий Хренов» [СА, т.9, с.500, 708–709].

Муллу Батырша вместе с шакирдом Яхъей еще в течение целого года скрывался от властей. Поиски мятежника долго не давали результата. Сенат за поимку Батырши увеличил сумму вознаграждения до одной тысячи рублей [там же, с.522]. Однако власти искали муллу Батыршу и его шакирда не там, где он скрывался. Первоначально беглецы хотели затеряться в Казанском уезде, однако ужесточение паспортного режима не позволило им осуществить задуманное. И Батырша выбирает Надыровскую во-

лость, знакомую по годам учебы в медресе д. Тайсуган. Они ходили по аулам и просили хлеба и еды; при расспросах отвечали, что являются шакирдами имама-муллы Абдурахмана. Зимой они провели в старом ауле Надира [Письмо Батырши, 1993, с.108].

При возвращении на родину Батырша был задержан и передан властям 8 августа 1756 г. Губернатор И.И.Неплюев 12 августа с удовлетворением сообщил Сенату, что «известный вор Батырша на Осинской дороге в дер. Язаке из Уфы расстоянием 150 верст, где живет мешеряцкий старшина Сулейман Деваев он старшиною и з домашними деревни обывателями пойман и под караулом отправлен в Уфу» [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.1, л.116]. Получив данное известие, императрица Елизавета Петровна 25 августа повелела: «Злодея Батыршу секретно привести сюда и отдать в тайную канцелярию, а того старшину, который его поймал, обещанное ему отдать, отправить сюда, сказать о представлении императрице» [там же, л.118; СА, т.9, с.627].

После тщательной подготовки Батыршу отправили в столицу 10 сентября в сопровождении конвоя из 36 драгун и двух офицеров по маршруту Оренбург – Самара – Арзамас – Муром – Владимир – Москва – Санкт-Петербург. Для него купили новую шубу, кафтан, штаны, шапку, рукавицы и добрую обувь. Батырша ехал в крытой телеге, запряженной двумя лошадьми. На питание отпускали по шесть копеек в день, чтобы его кормили «без недостатку» [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.1, л.228–230].

Одиннадцать соратников Батырши, арестованных в ходе расследования, также были отправлены в Санкт-Петербург, в Канцелярию тайных розыскных дел. В ходе следствия четверо арестованных, не выдержав методов допроса, погибли. В протоколах отмечалось, что арестованных соратников Батырши Алеева допрашивали «с пристрастием», они были «побиты плетью» [там же, ч.2, л.206, 255]. В ходе следствия в тюрьме умерли М.Айсин, К.Имангулов, Н.Баскунов, Ч.Минлибаев (см. список колодников в Тайной канцелярии: [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.2, с.518]).

В Москве Батыршу склонили к даче письменных показаний. Для перевода написан-

ного был призван Акчюрин Илья Муратов. 7 ноября Батырша стал давать письменные показания. За первые четыре дня он написал всего полторы страницы текста; постепенно объем показаний увеличивался; подготовка письма завершилась в конце ноября [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.1, л.218–223]. В письме Батырша изложил социальные и религиозные мотивы восстания и просил царицу устранить несправедливость и насилие. Он прежде всего требовал свободы вероисповедания, прекращения принудительной христианизации. Если это будет достигнуто, то императрица увидит в мусульманах «преданных слуг своего государства» [Письмо Батырши, 1993, с.94; Кемпер, 1998, с.26]. 30 ноября мулла был отправлен в Санкт-Петербург для продолжения следствия.

В ходе следствия в Санкт-Петербурге роль переводчика выполнял А.Турчанинов, предупрежденный о неразглашении тайны допроса [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.5, л.289]. Весной 1757 г. Батырша попросил к себе «христианского закона духовную персону». 24 марта произошла встреча с ключарем и священником Петропавловского собора И.Лепицким и состоялась беседа о христианской вере. В качестве толмача присутствовал А.Турчанинов. Батырша попросил дать время для ознакомления с христианским законом через священника, так как прежде о христианском законе никаких сведений не имел. Эту встречу с православным священником Батырша еще раз попытался использовать для того, чтобы настоять на встрече с императрицей. Он говорил, что хочет донести «сам о невыносимых обидах, а именно о насильственном крещении из магометанской веры в христианский закон». В завершение встречи мулла попросил, чтобы священник к нему ходил, а когда он убедится, что закон христианский правильнее, чем магометанский, то он оставит магометанскую веру и умрет в православной вере [РГАДА, ф.7, оп.1, д.1781, ч.1, л.297–300об.].

После тщательного расследования Батырша был признан виновным в сочинении пасквильного письма и организации бунта. Его наказали кнутом, вырезали ноздри и пожизненно заключили в Шлиссельбургскую крепость [СА, т.12, с.130]. Один из главных организаторов поимки Батырши мешеряц-

кий старшина С.Деваев 24 декабря 1756 г. в Санкт-Петербурге был представлен императрице, награжден платьем, серебряным ковшом с надписью и саблей.

Батырша погиб 24 июля 1762 г. в Шлиссельбургской крепости в неравной схватке со своей охраной [Гернет, 1960, с.229]. Таким образом, изучение истории восстания под руководством Батырши показывает, что оно стало новой ступенью в процессе сопротивления иноверцев Волго-Уральского региона политике принудительной христианизации. Это восстание, активная фаза которого была довольно непродолжительной, охватило значительную территорию (большую часть Оренбургской губернии), имело более широкую этническую основу (татары, тевтяри, башкиры, казахи) и гораздо более серьезные последствия – непосредственные и отдаленные – для мусульманского населения региона. Под влиянием бунта правительство пошло на некоторые уступки в от-

ношении тех слоев нерусских народов края, которые сохранили прежнюю религиозную идентичность. Это были первые реальные шаги на пути изменения религиозной политики Российского государства в сторону ее либерализации.

Вместе с тем мусульманское население было удовлетворено лишь отчасти. Его христианизация продолжалась. Существенный поворот в религиозной политике произошел позднее, после воцарения Екатерины II. Российское правительство было вынуждено отказаться от планов массовой христианизации мусульман, встало на путь постепенного признания исламской религии и легализации деятельности мусульманского духовенства. Тем самым был дан шанс сохранению исламской цивилизации в России. Есть основания полагать, что в возникновении новой исторической ситуации не последнюю роль сыграло восстание Батырши. Таковы были его отдаленные последствия.

2. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне

Искандер Гилязов

Как было указано выше, находясь в заключении, Батырша написал письмо, адресованное императрице Елизавете Петровне. Судя по всему, автор довольно долго продумывал содержание этого письменного обращения – в РГАДА сохранилось несколько его черновых вариантов и один вариант, переписанный набело. Письмо написано ясным мелким почерком насталик на 33 листах, т.е. получилось оно объемным и содержательным.

Это любопытный и очень своеобразный источник доносит до нас живое дыхание того времени, передает умонастроения татарского и башкирского населения Поволжья и Приуралья в середине XVIII в. Письмом оно может называться условно, поскольку не является в чистом виде эпистолярным памятником. Г.Б.Хусаинов определял его жанр как «историко-документальную повесть, по типу напоминающую некоторые автобиографические повести русской литературы XVII в. [Хусаинов, 1973, с.126]. Более абстрактным понятием определил его жанр М.В.Гайнутдинов – «гарыз-наме» (можно перевести как

«письмо-заявление») [Гайнутдинов, 1985, с.92–108]. Сам Батырша применял и термин «и'лам-наме» – «объявление». Жанр источника вряд ли может быть определен одним термином – он содержит признаки акта (челобитной), повествования и художественного произведения.

Одним из первых на этот источник обратил внимание С.М.Соловьев, который в своей «Истории России» дал характеристику восстания и опубликовал даже часть письма в канцелярском переводе XVIII в. – он назвал письмо Батырши «любопытным рассказом о своих похождениях» [Соловьев, 1964, с.238–239, 386–389]. Приводил большие цитаты из источника Н.Ф.Дубровин [Дубровин, 1884, т.1, с.260–262]. В советское время особенно активно обращался к письму Г.Б.Хусаинов, которого более всего привлекали языковые и литературные характеристики, а не историко-истраниковедческие аспекты [Хөсәйенов, 1970, 95–104 б.; Хөсәйенов, 1977, 28–31 б.; Хөсәйенов, 1979, 131–159 б.; Хусаинов, 1979, с.121–138]. Г.Б.Хусаинов справедливо оценивал значение этого источника как «историко-

политического, социально-экономического и этико-философского трактата о Башкирии первой половины XVIII в.», при этом безоговорочно считал его памятником письменной традиции башкир.

В 1979 г. Г.Б.Хусаинов предпринял попытку публикации части письма в современной транскрипции. В ней содержится масса искажений слов, полностью меняющих или затрудняющих понимание текста, неточно и вольно цитируется оригинал, нередко меняется его язык – в этом видно стремление исследователя приблизить текст к нормам современного башкирского языка, хотя он и использовал для определения языка источника абстрактный термин «язык турки Поволжья и Приуралья».

Наконец, в 1993 г. увидела свет полная публикация письма Батырши, включающая текст письма в транскрипции, в переводе на русский язык, факсимиле и текст письма на арабской графике [Письмо Батырши, 1993]. Хотя и в этом издании встречаются определенные неточности в прочтении, пропуски, искажения слов, данная доработанная публикация выгодно отличается от предыдущей: в ней даны довольно подробные комментарии, перевод на русский язык, текст беловика сопоставляется с черновыми, подготовительными набросками Батырши, приведено факсимиле текста источника, письмо воспроизведено и на арабской графике.

Письмо Батырши ясно доносит до нас живое дыхание того времени, передает умонастроения татарского и башкирского населения Приуралья в середине XVIII в. В источниковедческом плане оно представляет несомненный интерес прежде всего как памятник общественно-политической мысли. Заслуживают внимания, например, рассуждения автора о возможности установления справедливого правления в многонациональной стране, об идеальном правителе, о различных сторонах политики царского правительства по отношению к татарам и башкирам в XVIII в., о недостатках в социально-экономической жизни населения Поволжья и Приуралья в это время. Как важную особенность источника можно отметить и то, что в письме представлены не только мысли и размышления самого ав-

тора, но и самый широкий диапазон мнений различных групп населения, представителей различных сословий. Письмо Батырши является и ценным источником для изучения конкретного хода и развития социального движения мусульманского движения России в XVIII в., а также для более полного представления об особенностях духовной, религиозной жизни татар и башкир, особенно если задаться вопросом, какую роль играл ислам в жизни этих народов к XVIII в. и как конкретно отразилось это в письме Батырши? Именно на последнем аспекте остановимся подробнее.

Положение ислама в России в XVIII в., как уже было показано выше, являлось очень сложным. Батырша как думающий представитель исламского духовенства очень хорошо понимал роль ислама и роль духовенства в жизни своих соплеменников. Вот почему он вначале начал распространять свое воззвание среди населения Приуралья, понимая, что лишь мусульманский фактор может объединить имеющих разный социальный статус татар и башкир.

Поэтому, объясняя в своем письме причины восстания 1755 г., на первое место он ставит именно притеснения в религиозной сфере: «архиереи русской церкви или попы и прочие наших братьев по вере, т.е. правоверных мусульман, живущих по окраинам, т.е. в Казанской, Оренбургской и Тобольской губерниях, переводят из веры ислама в русскую веру путем угроз, хитрости, запугивания и как только можно, путем принуждения и, при отвращении со стороны тех, составляли прошения, якобы с согласия и по желанию самих мусульман, и те прикладывали свои тамги». Те мусульмане, которые были насильно крещены, пытались было вновь вернуться к прежней вере, но это им строжайше запрещалось.

Тесно переплелись в Приуралье и Поволжье притеснения в сферах религиозной и социальной: «ясаки и другие повинности обращенных с веры наложили на оставшихся мусульман. Так как эти мусульмане оставались непоколебимыми в своей вере, они считались презренными и, чтобы причинить стеснение и ущерб их вере и жизни, на них возложили небывалые в прежнем обете повинности».

Одним из своеобразных проявлений угнетения местного населения стало принуждение его покупать соль в городах по указанной цене. «Затем, запретив народу брать соль, как обычно, из сокровищницы всевышнего и всеславного бога – с гор и озер, заставили покупать ее в крепостях», – отмечалось в письме Батырши.

Трудности местного населения многократно усугублялись процветавшим взяточничеством, жестокостью местных властей. По словам Батырши, «угнетение начальников из крепостей превзошли все границы. Народ, отчаялся в том, чтобы ездить в крепости за судебным решением и правосудием в каждом нужном случае. (...) Также и некоторые волостные старшины, совершая безграничные злодеяния, ели народное добро, пьянствовали, рубили народ шашкой, отрубали им руки и чинили подобные этому неисчислимы жестокости. Однако люди власти, когда от них требовали решения, не обращали правосудия против этих злодеев».

Батырша сообщает в письме о том, как мучительно он размышлял о выходе из создавшегося положения: можно было, по его мнению, попытаться законными путями довести сведения об этом до императрицы; он обдумывал даже возможность связи с другими мусульманскими странами, которые могли бы прийти на помощь своим единоверцам. Но, как хорошо понимал Батырша, «при каждом царе имеется колючая преграда», добраться до них нелегко. И лишь дойдя до такого тяжелого состояния, в целом терпеливые мусульмане «подняли голову»..

В обращении к императрице Батырша думает не о себе и не о своей судьбе, он просит Елизавету об оказании «милости своим рабам мусульманской веры вообще и мусульманам Оренбургской губернии в особенности». Для этого он предлагал, среди прочих, и следующие изменения:

«Устранение изложенных в послании бедствий, причиненных нашим мусульманам в силу коварства и ненависти злодеев, без позволения нашего падишаха, без согласия и желания наших мусульман и предоставления этим своим рабам-мусульманам свободы проживать по прежним обетам и в прежнем состоянии»;

«Назначение в наши крепости вполне благонравных и справедливых начальников»;

«Запрещение невежественным старшинам решать наши шариатские дела, повелев это исключительно нашим ахунам и ученым богословам»;

«Раскрытие руки всепрощения для всех рабов, которые, потеряв терпение от перешедших всякие границы притеснений злодеев, отважились, держали совет и действовали, чтобы избавиться от этих злодеев и благополучно пребывать в своей вере, поскольку они не имели целью неповиновение и мятеж против ее величества, нашего падишаха, и поскольку они, в силу этих своих действий, были причислены к непокорным и мятежникам».

Только в результате проведения в жизнь этих требований, по мнению Батырши, императрица могла бы вернуть себе полное доверие и уважение своих мусульманских подданных, которые будут «неустанно молиться за продолжение ее могущества и за укрепление ее царства».

Итак, Батырша предстает в своем письме-обращении как личность, хорошо понимающая нужды и проблемы мусульманского населения. Он пытался всеми возможными способами добиться того, чтобы и императрица узнала об этом и изменила положение дел. Он выступал, как это явственно видно из письма, не за религию ради религии, ради слепого исполнения религиозных обрядов; он воспринимал ислам как образ жизни, как составную часть бытия татар и башкир в XVIII в.: не случайно «вера и жизнь» в его письме всегда упоминаются вместе. Он не был антирусски настроен, – как писали об этом некоторые историки XIX в., он не был даже против православной церкви в целом, он лишь категорически не принимал тех методов, которые применялись официальной властью и церковью по отношению к многочисленному мусульманскому населению. Он был человеком, прекрасно разбиравшимся в реальной обстановке, понимавшим, какую большую роль играет ислам в существовании татар и башкир, какие разрушительные результаты для них может иметь проводившаяся политика насильственной христианизации.

Последствия написанного Батыршой письма нельзя преувеличивать – их прак-

тически не было. Оно, конечно, не дошло до императрицы, а было лишь приобщено к прочим материалам следствия и, возможно, благодаря этому сохранилось до наших дней, являясь ценным и интересным источником для изучения как некоторых направлений политики царизма по отношению к мусульманскому населению Поволжья

и Приуралья в XVIII в., так и конкретной жизни этого населения. Батырша, как один из ярких представителей свободомыслия в среде мусульман, занимает свое место в истории общественной мысли как человек, во многом подготовивший почву мусульманского реформаторства в Российской империи.

§3. Участие татар в восстании Емельяна Пугачева

Саям Алишев, Искандер Гилязов

Восстание под предводительством Емельяна Пугачева, или Крестьянская война 1773–1775 гг., было одним из самых масштабных событий внутренней жизни Российской империи в XVIII в. Несмотря на некоторую локальность, оно охватило в основном Поволжье и Приуралье, восстание реально всколыхнуло всю страну, поставив под сомнение действенность административно-управленческого аппарата, всех правительственных мероприятий в отношении многонационального крестьянства разных регионов. Оно оказалось очень серьезным по своим последствиям – понятно, что многие руководители и участники восстания подверглись жестокому наказанию, но это, скорее, внешняя сторона. Практически сразу после подавления «пугачевщины» в Российской империи была проведена грандиозная губернская реформа, приняты важнейшие законы относительно места дворян в российском обществе, городского управления, сформировалась система контроля и управления за мусульманскими подданными. Вряд ли подлежит сомнению, что крестьянский бунт по-настоящему заставил власти задуматься об этих преобразованиях и максимально быстро провести их в жизнь. Эти реформы периода правления Екатерины II стали своеобразной реакцией государства на столь драматичное проявление классового протеста – государство в целях самосохранения просто было вынуждено таким образом реагировать на него.

Поскольку восстание Пугачева охватило основные районы проживания татарского населения, татары, естественно, должны были как-то реагировать на происходящие события и не могли оставаться в стороне.

Довольно большое количество татарских крестьян последовало призывам «мужицкого царя», но немалая часть сохранила нейтралитет или же активно поддерживала «бабушку-царицу». Причем на отношение татар к Пугачеву и официальной власти влияли самые разные факторы.

Обратим внимание на причины участия татар в восстании 1773–1775 гг. на стороне Емельяна Пугачева.

В досоветский период в историографии довольно распространенным было мнение, что участие татар, башкир и других народов Поволжья и Приуралья было проявлением «национального» или «религиозного» сепаратизма. Наиболее выпукло эта мысль была выражена Н.А.Фирсовым: он писал, например, что башкиры «мечтали о совершенной независимости от русской власти, о восстановлении независимого магометанского ханства...» и «вообще мятежное настроение в Башкирии против русских питалось и поддерживалось много иноверцами и в особенности татарами, действовавшими также «во имя ханов» и старых правопорядков [Фирсов, 1869, с.231–232, 235–236]. Отдельные российские историки представляли татар как врагов православного государства, русского народа, и объясняли проявление их протеста стремлением восстановления своей государственности и противопоставлением себя русским вообще [Витевский, 1889].

Однако если обратиться непосредственно к источникам, в первую очередь, многочисленным татароязычным документам участников самого восстания, имеющимся в распоряжении современных историков, то ни в одном (!) из них мы не найдем доказательств указанных утверждений, причем

даже более или менее близких им по смыслу. Более того, источники и реальные факты самого восстания представляют нам совершенно противоположную картину. Абсолютно не подлежит сомнению, например, что в районах Приуралья и Среднего Поволжья в годы Крестьянской войны действовали многочисленные повстанческие отряды, в составе которых были представители разных национальностей, и возглавляли их русские, татарские, башкирские или марийские предводители [РГАДА, ф.6, д.416, ч.2, л.175, 176, 191, 291; Алишев, 1973, с.69–72, 136–138]. Если и бывали разногласия между повстанцами, то они наблюдались либо в бытовой сфере, либо при обсуждении тех или иных боевых действий. В текстах источников постоянно подчеркиваются единство целей повстанцев, поддержка их со стороны многонационального населения региона: «разного рода население ... всей душой и верой рады службе Его величества, милостивого государя нашего Петра Федоровича», «среди разного рода населения не обнаружили мы сопротивляющихся, все они с душой и верой покорились милостивому государю нашему» [Воззвания, 1988, с.7, 168].

Кроме того, важно подчеркнуть, что, судя по источникам, в качестве врага выступают не русские как таковые (как они могли быть врагами, если повстанцы разных национальностей были вместе, бок о бок в одних отрядах?), не русское государство, а некие «враги», «воры» и «изменники» (изменившие «законному» царю Петру Федоровичу!), без упоминания их этнической принадлежности [там же, с.61, 83, 112, 167 и др.]. Причем повстанцы выступали против русских помещиков, татарских и башкирских старшин, мулл, купцов, сохранявших верность императрице Екатерине [Алишев, 1973, с.180–181].

Любопытно также отметить, что Емельян Пугачев стремился объединить многоэтническую и мультиконфессиональную массу крестьян не только общими фразами и красивыми обещаниями на перспективу, им и его соратниками предпринимались совершенно сознательные шаги для соблюдения социального, религиозно-национального равноправия «своих подданных», и это про-

являлось в дисциплинарных и воспитательных мероприятиях: сохранился конкретный документ, в котором один из ближайших сподвижников Пугачева атамана И.Н.Белобродов приказал своим русским, башкирским и марийским сотникам «чтоб имевшую в ваших сотнях русскую и татарскую воинскую команду содержать во всякой строгости и вам послушания», а непослушных, склонных к мародерству повстанцев наказывать «без всякой пощады плетью: русских – при собрании русской и татарской команды, татар – потому же – при собрании татарской и русской команды» [Документы ставки, 1975, с.288].

Таким образом, национальный или религиозный сепаратизм никак не могут являться объяснением участия татарского населения Поволжья и Приуралья в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Корни этого явления следует искать, прежде всего, в социальной плоскости. Татарское сельское население в XVIII в. стало составной частью единого государственного крестьянства, на него распространялись все законы, которые на протяжении столетия явственно ухудшили социальное самочувствие этой категории населения. Это касается в первую очередь ужесточения податной системы. В период официального становления империи и усиления абсолютизма в России положение сельских и городских низов ухудшилось очень заметно – это было общей проблемой для всех народов России.

В то же время полностью опровергать национально-освободительный мотив в движении нерусских народов, в том числе и мусульман, также было бы ошибкой. Для татарского населения Поволжья и Приуралья положение усугублялось и из-за того, что в первой половине XVIII в. политика Российского государства по отношению к исламу приняла самые жестокие репрессивные формы, когда достижение идеологической победы над исламом в России должно было быть достигнуто любой ценой. Понятно, что во второй половине XVIII в. начался отход от такой непродуманной и грубой политики – в 1762 г. Петр III уже провозгласил указ о равенстве вероисповеданий, в июне 1773 г. (за несколько месяцев до начала восстания Пугачева) был подпи-

сан сенатский указ о веротерпимости, согласно которым гонения по религиозному признаку в России прекращались, в конце 1760-х гг. в Казани началось строительство первых каменных мечетей. И хотя положительный поворот в религиозной политике намечился, но к началу 1770-х гг. его результаты были еще более чем скромными и, по-видимому, не получили широкой огласки, а жестокие гонения 30–40-х гг., наоборот, были еще очень свежи в памяти мусульман. А «Петр Федорович» умело сыграл на этом, открыто провозгласив право свободно исповедовать любую религию, чем привлек на свою сторону тысячи мусульман и старообрядцев. Так что стремление к реальной национально-религиозной свободе мусульман Поволжья и Приуралья было отличительным мотивом для участия татар в протестном движении.

Однако, при этом не следует забывать некоторые особенности социального и религиозного положения в татарском обществе в XVIII в. – а именно, с одной стороны, учитывать религиозную разобщенность народов Российской империи, которая мешала объединению отрядов различных народностей в межэтническом плане; с другой – значительное ослабление, практическое разложение татарского феодального класса, который «потерял прежние рычаги правления и организации внутри самого общества» [Усманов, 1972, с.29–30]. И это в определенной степени способствовало тому, что «сильные по социальному содержанию, классовой направленности, массовые по количеству выступления татарских крестьян во время Пугачевского движения оказались, как и других оседло-земледельческих народов, слабыми по форме организованности, т.е. по уровню общенациональной сплоченности» [Воззвания, 1988, с.11].

Следует также учитывать, что отличительной особенностью для бывших служилых татар, которые с 1724 г. также стали податным сословием, была приписка их к адмиралтейским работам по заготовке, теске и вывозке корабельного леса. Эта повинность, являвшаяся исключительно тяжелой и принесяшая неисчислимые тяготы служилым татарам, на протяжении десятилетий вызывала острое недовольство татар-

ского населения региона, что продолжало оставаться актуальным и в начале 70-х гг.

Таким образом, причины участия татарского населения Поволжья и Приуралья в восстании Емельяна Пугачева были достаточно многообразны, и вряд ли можно назвать только одну из них в качестве решающей. В любом случае это было учтено вождем восстания, проявившим себя достаточно дальновидным, наблюдательным и гибко мыслящим человеком – очень точно это отметил историк В.И.Семеновский: «Пугачев и окружающие его люди умели в каждом из разнородных элементов населения Приуральского и Приволжского края затронуть самую чувствительную струнку» [Пугачевщина, 1926, с.47]. Он сумел понять, что вызывало особое недовольство жителей империи, представителей разных социальных слоев и разных вероисповеданий и умело использовал эти факторы в своей пропаганде, что проявилось уже в самом начале восстания и довольно быстро привлекло в стан Пугачева многочисленных сторонников.

Восстание, как известно, началось в сентябре 1773 г. на Яике, когда Емельян Пугачев провозгласил себя «императором Петром Федоровичем» и подписал свои первые «манифесты», адресованные всем «своим подданным» вне зависимости от языка или веры. Не случайно один из первых его программных документов, манифест 17 сентября 1773 г., был адресован казакам, калмыкам и татарам («будити мною, великим государем милованы, казаки и калмыки и татары» [Документы ставки, 1975, с.23]), а впоследствии «император» подписал несколько указов, обращенных к башкирам. Он пожаловал своих мусульманских подданных «землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевам, телом, пропитанием, рубашками, жалованием, свинцом, порохом и провиантом, словом, всем тем, что вы желаете на всю жизнь вашу» [там же, с.27]. В этих документах вождь восстания, безусловно, стремился провести идею равноправия людей.

С самого начала он обратился к местному населению и на татарском языке, и повторил свои пожалования «на вечные времена

вашиими землями и водами, хлебом и солью вашими, да прочим, а также верой и совестью, богатством и сокровищами вашими», щедро пообещав при этом, что «если будете служить мне с радушием, то я буду вашим отцом» [Воззвания, 1988, с.42]. Обращение Е.Пугачева к мусульманскому населению Поволжья и Приуралья на татарском языке было совершенно закономерным явлением, и опиралось на давнюю историческую традицию (см.: [Старотатарская письменность, 1981, с.3–29; Тумашева, Усманов, Хисамова, 1977, с.51–66; Воззвания, 1988, с.17–19; Хисамова, 1981, с.3–10]). Можно даже сказать больше: в стране, где татарский письменный язык более не употреблялся официально, во время крестьянского бунта он вновь оказался востребованным и очень активно использовался как язык делопроизводства в общении крестьян самых разных национальностей, доказав свою гибкость и живучесть – случай в истории поистине уникальный.

Можно полагать, что манифесты и указы Пугачева были плодами коллективного творчества и в их создании принимали участие люди из различных слоев тогдашнего общества. Они и вносили в текст некоторые изменения в соответствии с местными условиями, с потребностями местного населения. Они распространяли первые манифесты и указы «Петра Федоровича» в самых различных районах, в том числе первоначально еще не охваченных восстанием [Алишев, 1973, с.74].

Одними из первых восторженно встречали Е.Пугачева жители Сеитовой (Каргалинской) слободы под Оренбургом – это произошло 1 октября 1773 г. [Дубровин, 1884, т.2, с.38]. Здесь вождь повстанцев провел совещание со своими соратниками, на котором было решено создать татарский полк из 500 человек под командованием Мусы Алиева. В состав отряда вошли как жители Каргалинской слободы, так и оказавшиеся здесь на заработках ясачные и служилые татары, выходцы из районов Среднего Поволжья.

Этот отряд, а также другие, в составе которых были и представители татар, приняли участие в первых крупных военных акциях пугачевской армии – осаде г. Оренбурга, которая началась 5 октября 1773 г.,

и победоносных для повстанцев сражений против правительственных отрядов генерала В.А.Кара (7–9 ноября под татарскими деревнями Юзеево и Сарманаев) и полковника П.М.Чернышева (14 ноября). Следует отметить, что служилые и ясачные татары находились в отрядах с обеих сторон, однако на тот момент явственно отмечалась «ненадежность» тех из них, кто находился в составе правительственных войск. Источники того времени отмечают многочисленные случаи перехода их на сторону повстанцев. 15 ноября, уже после своего поражения, генерал Кар писал: «Как я представлял о ненадежности сих народов, так и пошло открываться, ибо 1000 человек конных, не видя себе никакого притеснения, поддались в открытой степи без всякого сопротивления» [Грот, 1862, с.34]. В данном случае, по-видимому, можно говорить о том, что первоначальная военная и пропагандистская активность «императора Петра Федоровича» сыграли свою роль.

Об этом же свидетельствуют и факты создания повстанческих отрядов в Среднем Поволжье, даже в тех районах, которые поначалу были сравнительно далеки от арены основных боевых действий Пугачева. Самым крупным из таких стал отряд под командованием служилого татарина Мясогута Гумерова, уроженца д. Псяк Казанского уезда. Самый большой и активный отряд Казанского уезда в первом периоде войны был создан в ноябре и действовал на Арской дороге почти под самой Казанью. Мясогут Гумеров являлся одним из самых видных деятелей Крестьянской войны на территории современного Татарстана. В ходе войны он показал себя талантливым организатором и энергичным предводителем крестьян. Понимая общие цели и задачи войны, он стремился преодолеть локальный характер выступления крестьян и придать ему организованные формы. Вместе с сотником Аккулаем Пулатовым они приняли решение идти «на заводы за пушками» для «государя Петра Федоровича». Его отряд занял Бемьшский медный завод. Отряды Гумерова в ноябре-декабре 1773 г. действовали на большой территории: от самой Казани до Малмыжа и Мамадыша. Если вначале в его составе было около 200 человек, то уже к де-

кабрю его численность достигла 3000, и сам М.Гумеров, нанесший чувствительные поражения правительственным отрядам и контролировавший значительные территории по течению р. Вятки, даже вынашивал планы о походе на Арск и далее на Казань [Алишев, 1967; Алишев, 1973, с.106–113].

В районе г. Бугульмы в конце 1773 г. действовали отряды под предводительством Мусы Мустафина, Осипа Енгальчева, Аита Уразметева, также создававшие очень серьезные проблемы для местной администрации. Эти отряды изначально стремились координировать свои действия с основными силами повстанцев – в декабре 1773 г., например, Муса Мустафин побывал в ставке Пугачева, в Бердской слободе под Оренбургом и получил предписание от Военной коллегии: «Ехать тебе в находящуюся под Бугульмою в свою команду, где и состоять со оною до графа Чернышева, а как он со своим корпусом туда прибудет, то находиться в его повелениях. Татарам, башкирам, мещерякам давать оному старшине Мустафину, сколько ему потребно для состоящих в реченной Бугульме недоброжелателей, вспоможения без всякого препятствия людей вооруженных» [Пугачевщина, 1926, с.59–60].

Крупнейшим событием восстания зимой 1773–1774 гг. стала осада Мензелинской крепости, которая вначале была окружена со всех сторон, а в декабре со всех сторон обложена восставшими. Повстанцами руководил один из видных пугачевцев – башкирский полковник Каранай Муратов. Осада Мензелинска с перерывами продолжалась четыре месяца. Число осаждающих город повстанцев постоянно менялось, составлял в разное время от двух до десяти тысяч при 5–14 пушках.

Первый штурм произошел 23 декабря 1773 г., в один день со штурмом Уфы, предпринятым отрядами И.Н.Зарубина-Чики. По-видимому, по замыслам вожаков восстания, оба города должны были пасть одновременно – этого, однако, как известно, не произошло. Повстанцы не смогли взять Уфу, хотя осада ее продолжалась примерно столько же времени, что и осада Мензелинска.

Столь же неудачными для повстанцев, к тому же кровопролитными, оказались столкновения их отрядов с правитель-

ственными войсками под Елабугой, первый штурм которой произошел 6 января 1774 г.

Но, например, другая важная крепость в Закамье – Заинск – повстанцами была захвачена практически без боя. Здесь отряды пугачевцев возглавляли старшина из ясачных татар Нагайбак Асянов и Аренкул Асеев. Один из современников так описал захват Заинска: «1774 года января 15 дня злодейская гайка по большей части в башкирцах и татарах вступила в пригород Заинска в двух тысячах человек, а поселенные в том числе и командиры их капитан Мертвецов, по долгу их присяги не только должного воображения тех злодеев супротивления не чинили, но тех злодеев впустили в их селения подобострашием» [РГАДА, ф.1274, оп.1, д.183, л.276].

После неудачи генерал-майора В.А.Кара борьбу против повстанцев в Поволжье и Приуралье возглавил генерал-аншеф А.И.Бибиков, прибывший 26 декабря в Казань. Под его командованием правительственным войскам удалось перехватить военную инициативу и организовать подавление восстания в разных районах Поволжья и Приуралья.

Вначале правительственные отряды были отправлены под Елабугу, где численность повстанцев достигала 6000 – русские, татары, башкиры, удмурты. Несмотря на отчаянное сопротивление, отряды пугачевцев были разгромлены, а деревни в окрестностях Елабуги, которые оказали им поддержку, практически поголовно вырезаны... Такая судьба ожидала 17 деревень: «целые деревни запустели совсем, и нужны были долгие годы, чтобы заселились они снова народом», – отмечал впоследствии один из историков-краеведов [Добротворский, 1884, с.744].

После Елабуги каратели направились в сторону Заинска. 16 января навстречу им вышел отряд Аренкула Асеева в 600 человек. Командир правительственных войск полковник Ю.Бибиков (племянник А.И.Бибикова) сообщал об этом: «После артиллерийской подготовки и атаки на батарею злодеи побежали. Подполковник Бедряга их рассеял, дав бой около мельницы и порубил 200 татар, увязших в снегу. Злодеи от деревни Аксаринной отступили» [РГАДА,

ф.1274, оп.1, д.668, л.227]. Под Заинском карательный отряд был встречен уже большим отрядом восставших – в 1200 человек при нескольких орудиях, но и здесь лучше обученные солдаты Ю.Бибикова оказались сильнее – 17 января Заинск был захвачен ими, здесь также была учинена кровавая расправа над сопротивлявшимися. В тот же день Ю.Бибиков рапортовал об усмирении 22 татарских деревень, некоторые из них были сожжены дотла.

После Заинска отряд Ю.Бибикова направился в Мензелинск, находившийся в осаде пугачевцев. После нескольких кровавых стычек повстанцы были вынуждены снять осаду и отступить от Мензелинска.

Сам генерал А.И.Бибиков в то же время находился под Бугульмой, намереваясь продолжить успешное для правительственных войск продвижение в направлении Оренбурга и Уфы. Вообще в январе-феврале 1774 г. повстанческие отряды терпели поражение в разных районах Поволжья и Приуралья: 25 января отряды Салавата Юлаева и Канзафара Усаева потерпели поражение под Кунгуром, 19 февраля – под Красноуфимском. Генерал Деколонг 13 января занял Челябинск, 14 февраля отряды пугачевских атаманов Ильи Арапова и Никифора Чулошникова были разгромлены под Бузулуком. Эти факты дали позднейшим историкам основание говорить о том, что «в самом начале февраля 1774 года было очищено от мятежников все пространство от границы Башкирии до реки Волги и далее на юг по рекам Ику и Кинели» [Дубровин, 1884, с.265]. Причины поражений повстанцев были достаточно просты, они, в целом, были присущи всем прочим крестьянским выступлениям: разобщенность действий, несмотря на попытки отдельных командиров выступать единым фронтом; отсутствие, вследствие этого, общего плана действий; слабая тактическая подготовленность и локальный характер выступлений.

Не повезло и главным силам повстанцев – сам Пугачев 22 марта потерпел очень чувствительное поражение под Татищевой крепостью, а отряд И.Н.Зарубина-Чики 24 марта – под Уфой. Тем не менее, Пугачеву удалось сохранить костяк своего войска, и после ощутимых поражений он направил

его на север-восток в Приуралье, на территорию современного Башкортостана, на уральские заводы. Начался новый этап Крестьянской войны.

Апрель-май 1774 г. – это время, когда крестьянское движение, особенно в Среднем Поволжье, несколько затихло. Это можно объяснить поражением главных сил Пугачева, передислокацией правительственных войск из этих районов, необходимостью проведения весенних полевых работ – восстание не могло отменить обычного ритма крестьянской жизни. Тем не менее, это затишье оказалось настоящим затишьем перед бурей.

Весной-летом 1774 г. армия Пугачева начала продвижение из Приуралья на запад, в сторону Казани. 10 июня Пугачев вступил в Красноуфимск, после этого была сделана неудачная попытка овладеть Кунгуром, после чего его армия уже совершенно целенаправленно повернула на запад.

18 июня была захвачена крепость Оса, затем войско Пугачева перебралось на правый берег Камы, 22 июня захватило Рождественский завод, 24 июня – Воткинский завод, 27 июня – Ижевский завод, так что в конце июня оно вступило на территорию современного Татарстана.

При этом Пугачев опирался на мощную поддержку многочисленных повстанческих отрядов, действовавших в крае, среди предводителей которых выделялся полковник из татар Бахтияр Канкаев [Алишев, 1968, с.109–115]. Фигура этого сподвижника Пугачева сыграла огромную роль в крестьянском движении лета 1774 г. В историографии, однако, она обойдена серьезным вниманием, поэтому о нем следует сказать особо.

Бахтияр Канкаев был уроженцем д. Ока (Большая Ока) Сибирской дороги Уфимского уезда (ныне Мечетлинского района РБ).

Он присоединился к восстанию еще в конце ноября 1773 г. в районе Красноуфимска и весной продолжал действовать в том же районе, постепенно продвигаясь на запад. После встречи с И.Н.Зарубиным-Чикой, одним из ближайших сподвижников Пугачева, на Верхне-Торском заводе под г. Табынском он получил чин «полкового старшины» [Документы ставки, 1975,

с.125–126]. Позднее судьба свела Б.Канкаева и Салаватом Юлаевым, вместе с которым он штурмовал г. Кунгур [Крестьянская война, 1975, с.301, 318].

Действия отряда Бахтияра Канкаева во многом обеспечили успешное продвижение главной армии Пугачева к Казани: его действия реально поддерживали усилия Военной коллегии повстанцев по пополнению войска, по сплочению сил, мобилизации людских ресурсов для налаживания караульной службы, по обеспечению повстанческих отрядов оружием и боеприпасами – Бахтияр Канкаев даже пытался организовать производство пороха [Документы ставки, 1975, с.293, 312, 313].

В конце апреля 1774 г. Б.Канкаев был произведен в «полковники» и тогда же обратился с воззванием к пугачевским атаманам, сообщая им об успехах Пугачева. В этом воззвании он дал волю своей богатой фантазии, разглашая, например, «достоверные» сведения о взятии восставшими Оренбурга, об окружении Москвы турецкими войсками, о подчинении Пугачеву 17 городов и губерний, о присоединении к нему, о поддержке «Петра III» его «сватом» голштинским принцем Георгом и даже его «тетками» – дочерьми Петра I (которых к тому времени уже не было в живых) [там же, с.314–315]. Этот документ преследовал вполне реальные пропагандистские цели – поднять дух повстанческого войска, активизировать движение и привлечь к нему новых людей.

В начале июля в Мамадыше состоялась встреча Бахтияра Канкаева, на тот момент уже «главного полковника-бригадира», с Пугачевым. Его писарь Абубакир Тиячев служилый татарин из д. Каргинская Уфимского уезда так рассказывал об этой встрече во время допросов: «Бахтияр скоро узнал, что Пугачев в Мамадыше и поехал к нему. Мы признали его и на колени упали. Переночевав в Мамадыше, тот Пугачев, оставив отряд Канкаева, с шестью только человеком отпустил их обратно, дав реченному Бахтияру наставление для набора в разных жительствовах по Казанской дороге казаков и преклонить народ к повиновению, обольщая их выгодами, а непослушных убивать до смерти, тех же набранных казаков как возможно доставить в Казань,

с чем они и поехали» (цит. по: [Алишев, 1973, с.153]).

Опять Бахтияр Канкаев энергично принял за дело: 9 июля он отправил повстанцев для набора казаков на Шумбутский винокурный завод, к 10 июля его отряд пополнился почти 300 русскими и татарскими крестьянами окрестных деревень Казанского уезда [Документы ставки, 1975, с.325–326]. Судя по источникам, Бахтияр Канкаев в июне-июле 1774 г. контролировал значительную территорию в Прикамье – от Казани до правого берега Камы .

После захвата Елабуги, Сарапула, Мамадыша, Мензелинска, Заинска путь на Казань для главной армии Пугачева был открыт. Местное население встречало его с восторгом.

11 июля 1774 г. Пугачев подошел к Казани, где и состоялось одно из самых крупных сражений Крестьянской войны. Его армия к тому времени насчитывала более 20 тыс. человек при 12 пушках. Казань он знал неплохо: ведь именно в казанской тюрьме он сидел короткое время до того, прежде чем стать «императором Петром Федоровичем» (он бежал из нее лишь в мае 1773 г.). Положение Казани было на тот момент достаточно сложным: регулярных войск в городе практически не было, город защищало всего около 1500 человек, к ним присоединились 500 человек отряда Адмиралтейской конторы, полиции и пожарников. Поддержали защитников города и гимназисты (74 человека) во главе с директором гимназии Ю.И. фон Каницем.

Штурм города начался утром 12 июля. Пугачев разделил свою армию на четыре колонны, которые разными маршрутами продвигались в направлении Кремля: одна – вдоль реки Казанки, вторая – со стороны Арского поля (вдоль современной ул. Карла Маркса), третья – через Суконную слободу (ее возглавил сам Пугачев), четвертая – через Татарскую слободу вдоль озера Кабан. Поскольку защитники города были немногочисленны, они не смогли сдержать напора повстанцев, и после нескольких стычек отступили и заперлись в Кремле, так что практически вся территория Казани в этот день оказалась под контролем повстанцев. Очень ярко описаны эти события А.С.Пушкиным:

«Город стал добычей мятежников. Они бросились грабить дома и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье».

Город загорелся, во время боев он был подожжен в нескольких местах – это был один из самых крупных пожаров в истории Казани, в результате практически весь город выгорел дотла: сгорело более двух тысяч домов (уцелело только 810), более семи десятков казенных строений, более десяти «заводов», Гостиный двор с лавками, 28 церквей. Почти нетронутыми остались лишь Суконная, Старотатарская и Новотатарская слободы, жители которых поддержали Пугачева. Со стороны правительственных войск погибло 162 человека. Потерь среди мирных жителей было намного больше [Алишев, 1973, с.169].

Начался обстрел Кремля с трех сторон – со стороны Гостиного двора, Казанского девичьего монастыря и со стороны Булака. Казалось бы, участь защитников города предрешена, но Пугачев получил известие о приближении к Казани корпуса подполковника И.И.Михельсона. Пугачев не стал рисковать и сразу же ввязываться в бой с регулярными войсками и отвел свою армию на Арское поле. Однако Михельсон имел другие планы и в тот же вечер атаковал пугачевцев на Арском поле. Под его напором Пугачев был вынужден отвести свои войска за Казанку – он потерял около 800 человек убитыми и 737 пленными.

Утром 13 июля отряд Михельсона начал продвижение в сторону Кремля, стремясь освободить его, а армия Пугачева ему противостояла. Однако помешать Михельсону ей не удавалось. Два дня продолжалось жесточайшее сражение, и в итоге 15 июля армия «императора Петра Федоровича» потерпела полное поражение. А.С.Пушкин писал: «Казанка была запружена мертвыми телами; пять тысяч пленных (в плен попало около 10 тыс. пугачевцев) и девять пушек остались в руках победителя. Убито в сражении до двух тысяч, большею частию татар и башкирцев. Михельсон потерял до ста человек убитыми и ранеными».

В ходе боев под Казанью Пугачев сделал немало для пополнения своей армии кре-

стьянами из окрестных деревень: так, полковник Исхак Ахметов с товарищами был отправлен «набрать людей в казаки в жителях». Впоследствии один из этих товарищей, Салим Адельшин, показал на допросе: «Под Казанью Кинзей Арслановым приказано было ему быть под началом Исхака Ахметова, чтобы набрать злодейскую толпу людей. Они поехали в деревню Ковали, до 15 числа собрали сход, читали указы Пугачева» (цит. по: [Алишев, 1973, с.173]). Такие же группы были направлены и во многие другие деревни под Казанью, так что Пугачев в итоге удалось пополнить заметно поредевшую армию, и к 15 июля его войско насчитывало около 15 тыс. человек.

18 июля 1774 г. Пугачев с остатками своей главной армии, примерно с несколькими сотнями своих сторонников около села Сундырь переправился на правый берег Волги. Борьба продолжалась.

Не был еще разбит крупный отряд Б.Канкаева, который не присоединился к главной армии. Несмотря на большие трудности Канкаев стремился сделать свой отряд более организованным, обеспечить его продовольствием, оружием, лошадьми [Документы ставки, 1975, с.337, 340]. Не раз пытался он восстановить прервавшуюся связь с Военной коллегией: 19 июля он отправил в ее адрес рапорт, в котором сообщал о состоянии своего отряда – он насчитывал 2 тыс. человек при пяти пушках [там же, с.339]. Это была еще сильная, боеспособная единица (для сравнения можно отметить, что под г. Осой в главной войске Пугачева было не более 7 тыс. человек), но постоянные стычки с карателями («с неприятели деруся каждый день, без печали не пребываю», – замечал сам Бахтияр) делали свое дело: силы убывали, отряд слабел и разваливался... Хотя его власть распространялась еще на большую часть территории Казанского уезда, вести о поражении Пугачева под Казанью делали свое дело.

25 июля 1774 г. отряд Бахтияра Канкаеваполнили еще 200 человек, но уже 27 июля воинские команды из соединения подполковника С.В.Неклюдова разгромили его в бою между деревнями Малые Зюри и Черучево. Большинство повстанцев пали на поле боя или попали в плен. Самому Бах-

тияру и немногим его товарищам удалось скрыться в прикамских лесах. Дальнейшая его судьба неизвестна [Алишев, 1976, 144–145 б.; Овчинников, 1976, с.135].

Между тем сам Пугачев пытался вновь собрать силы в правобережных районах Волги. Хотя здесь к нему вновь присоединились тысячи крестьян, в основном русских крепостных, хотя были захвачены важные города и крепости в этих районах – Саранск, Алатырь, Саратов, Пенза, тем не менее восстание уже не приобрело столь серьезных масштабов, как летом 1774 г. К тому же и правительственные войска, полностью осознав угрозу, которая исходила от повстанцев, очень серьезно отнеслись к вопросу подавления восстания. Поэтому осенью 1774 г. Крестьянская война пошла на убыль. 24 августа, после неудачного штурма Царицына, Емельян Пугачев был выдан своими ближайшими сподвижниками царским властям. Несмотря на это вплоть до начала 1775 г. продолжались локальные столкновения повстанцев с правительственными войсками. И все же в итоге волнения были подавлены, самое масштабное крестьянское восстание в истории России завершилось.

После этого были развернуты фактически показательные карательные акции – участники восстания и все сочувствующие им были наказаны самым жестоким образом. Следствием и наказанием централизованно занималась Казанская Секретная комиссия, через которую прошли тысячи участников восстания. Казань была не только местом следствия, но и местом казни. Виселицы были сооружены на Арском поле, в суконной слободе, в татарских слободах. Казни осуществлялись в Мензелинске, Заинске, Билярске и других поселениях. Большое количество схваченных повстанцев было подвергнуто телесным наказаниям. Например, полковник Мясогут Гумеров был бит кнутом в тех деревнях, где он организовывал свой отряд, а также в родной деревне Псяк. Затем палач выжег на его правой щеке литеру «Б» (бунтовщик), на левой – «И» (изменник), на лбу – «З» (злодей), после чего он был сослан «на вечные времена в каторжную работу» [РГАДА, ф.349, оп.1, ч.2, д.7410, л.34].

Представители татарского народа приняли активное участие в Крестьянской войне. Многие из татар в силу уже отмеченных выше причин, надеясь на улучшение своего положения при «справедливом» царе, искренне приняли его сторону и были с Пугачевым до конца. Многие из них стали ближайшими сподвижниками вождя повстанцев, сделали «карьеру» в повстанческом войске, были удостоены высоких чинов «полковника» или «главного полковника-бригадира» – среди них, например, Бахтияр Канкаев, Абзялил Сулейманов, Мясогут Гумеров, Ярмухаммад Кадырметов, Абдулла Мустаев, Канзафар Усаев, Рахманкулый Дуслиев и др. Среди татар, как правило, социальная, классовая позиция того или иного конкретного человека по отношению к восстанию выражалась достаточно четко – он либо сразу принимал «императора Петра Федоровича» и был с ним до конца, либо, наоборот, сохранял от начала до конца верность императрице Екатерине. Этот показатель достаточно четко отличал татар, например от башкир, у которых из-за относительно полного присутствия родоплеменных предводителей в обществе и их авторитета имела место «большая организованность в общенациональном масштабе». «Этническая сплоченность башкир в действиях хорошо прослеживается и на фактах частых переходов отдельных их предводителей из одного лагеря в противоположный: тому или иному «государю» изменяли, как правило, не только те или иные старшины, бийи, а всем «миром» вместе, общиной в несколько сот или тысяч человек» [Воззвания, 1988, с.12]. Самым ярким примером такого многократного перехода из лагеря в лагерь является Ямансары Яппаров, башкирский старшина Суун-Кипчакской волости Ногайской дорого Уфимского уезда. Присоединившись к Пугачеву еще 3 октября 1773 г., он впоследствии несколько раз переходил из лагеря в лагерь и каждый раз «искренне раскаивался». Вместе с ним из лагеря в лагерь переходило несколько десятков человек [Крестьянская война, 1975, с.343, 370, 397, 398, 400, 412]. Так что если у татар отдельный человек сам определял свое отношение к восстанию, прежде всего, в силу своего социального происхождения,

то у башкир в такой ситуации на первое место выходило мнение родоплеменного предводителя, что в итоге могло привести, и нередко приводило, историков к преувеличенному вниманию к внешним, цифровым показателям.

О том, что определенная часть служилых татар, связанных с торговлей и предпринимательством, во время всего восстания сохранила верность официальной власти, ясно свидетельствует сенатский указ от 22 ноября 1776 г. [ПСЗ–1, т.20, № 14540; РГАДА, ф.441, оп.1, д.926, л.1–10]. Из текста следует, что этими вопросами Сенат занимался по личному распоряжению Екатерины II, которая повелела «учинить вознаграждение» различным лицам за их верность во время «бунта». Награжденные получали патенты от Военной коллегии о вручении им денежных сумм, золотых или серебряных медалей, сукна на кафтаны или сабель. Для некоторых же наградой было выключение из подушного оклада на время или пожизненно. В тексте указа приведен реестр прошений «отличившихся» служилых мурз и татар, мишарских и башкирских старшин. Здесь мы встречаем имя мишарского старшины Султанмурата Янышева, организатора и руководителя карательных отрядов в Уфимском уезде во время Крестьянской войны [Документы ставки, 1975, с.431]. Он вместе со своим братом Бахтияром просил указа о разрешении построить кожевенный завод и торговать «во всей России различными товарами». О разрешении торговать просили касимовский мурза Ибрагим Чанышев, служилый татарин д. Уразлино Казанского уезда Апей Ибраев, старшина Сеитовой слободы под Оренбургом Абдрафей Абдуллин, служилый татарин д. Кишпар Алатской дороги Казанского уезда Баязит Усманов, челябинский татарин Якуб Акбиев, служилый татарин Казанского уезда Усман Смайлов, казанский служилый и фабрикант Ибрай Юсупов и др. Касимовский мурза Ибрагим Чанышев обращался также с просьбой о переселении из Воронежской губернии в Оренбургскую, служилый татарин д. Большой Ширдан Свяжского уезда Амир Ишимов, в Оренбургскую губернию, служилый татарин Алатырского уезда Бакимир Салеев, в Уфимский уезд, служилый

татарин д. Верхние Аты Казанского уезда Адиль Изменев – в Уфимский уезд. Кроме того, отдельные лица просили об исключении из подушного оклада: все тот же касимовский мурза Ибрагим Чанышев навечно, т.е. для себя и своих потомков, служилый татарин Баязит Аделшин – пожизненно, служилый татарин д. Пенделки Пензенского уезда Курмакай Агишев и бывшие в его команде 21 человек – его навечно, прочих на 4 года, татары Казанского уезда Роман и Заид Урмаметевы – на 4 года.

Учитывая «заслуги вышеназванных просителей во время бунта», все просьбы их были удовлетворены. Этот интересный документ показывает не только получение отдельными служилыми мурзами и татарами экономических привилегий. Он является свидетельством высокого уровня социальной дифференциации среди татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья, ибо часть населения, твердо стоящая на стороне правительства во время Крестьянской войны, уже самым четким образом осознавала свои социальные интересы, защищала их. Это были разбогатевшие верхи, активно участвовавшие в торгово-промышленной деятельности.

Для подтверждения этой мысли обратимся к одному, еще более раннему, документу. В 1755 г. во время восстания Батырши появилось обращение «К верным поданным Казанской губернии служилым и ясачным татарам и мурзам» [ПСЗ–1, т.15, №10469]. Императрица призывала татарских феодалов бороться с восставшими и всячески «пресекать их коварные замыслы». Пятитысячный отряд из служилых и ясачных татар Казанской губернии отправлялся в Оренбургскую губернию для подавления восстания, эти люди ставились «на денежное жалование, провиант и фураж». Вся «добыча», взятая во время действий отряда, обещалась его участникам в собственность, и даже разрешалось ее «внутри России продавать».

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева закончилась закономерной победой царской власти. Иначе и быть не могло, такой была судьба практически всех крестьянских бунтов в истории. Тем не менее, эта война способствовала

принятию некоторых решительных мер, проведению важнейших социальных и экономических реформ, которые ускорились развитие государства. Эти реформы оказали определенное влияние и на жизнь татарско-

го общества. Поставив перед собой социальные, национально-освободительные цели, оно не смогло реализовать их, но память о героизме повстанцев, об их искренней вере в справедливость еще долго жила в народе.

ГЛАВА 7

Ислам в татарском обществе: поиск путей выживания и обновления**§1. Учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания**

Даниль Азаматов

Синодский указ от 17 июня 1773 г. о «веротерпимости всех вероисповеданий», признание прав за частью мусульманской татарской знати по указу 1784 г., строительство за счет казны на восточных рубежах каменных мечетей и медресе в 80-х гг. XVIII в. во многом способствовали ликвидации противоречий между государством и мусульманами в религиозной сфере [Хабутдинов, 2010, с.42]. Безусловно, главную роль в формировании нового курса по отношению к мусульманам страны играла Екатерина II, находившаяся под влиянием европейского просвещения и реализовавшая на практике идеи религиозного равенства [Малашенко, 1988, с.26–27]. Через все документы императрицы проходит мысль о достижимости мира в полиэтничном государстве за счет предоставления определенных свобод, в том числе в религиозной сфере [Хайрутдинов, 2006, с.16].

Учреждение в Уфе в соответствии с указом 22 сентября 1788 г. Духовного Магометанского закона Собрания – коллегии, состоящей из муфтия и трех кадиев, призванной решать семейно-брачные дела российских мусульман и принимать экзамены у соискателей на должности мусульманских священнослужителей, безусловно, стали практическим воплощением идей веротерпимости. Вместе с тем создание государственного учреждения во многих сохранившихся документах объяснялось, не изменением идеологических приоритетов, а, прежде всего, необходимостью усиления контроля над мусульманским духовенством со стороны государства. Власти стремились укрепить устойчивость и верность мулл российскому трону, что было вполне

естественно в условиях, когда государство не имело никакого влияния на систему мусульманского образования (а светской не было) и формирование кадров служителей мусульманского культа.

Непосредственным поводом к созданию Духовного собрания послужила русско-турецкая война 1787–1791 гг. Центральные власти всерьез опасались турецкого влияния на восточных рубежах империи и в этой связи деятельности мулл, получивших образование в Средней Азии, особенно в медресе г. Бухары. В 1788 г. в пограничные губернии были командированы чиновники, призванные пресечь антироссийскую пропаганду и выработать соответствующие предписания местным властям. Один из них, советник Уфимского наместнического правления, известный государственный деятель Д.Б.Мертваго не только выполнил поручение, но и решил представить свои предложения по введению института официального мусульманского духовенства (указных мулл), получающего право на религиозную деятельность исключительно от власти. Ключевой в проекте чиновника являлась мысль, что без указа о получения звания запрещалось занимать должности имамов, а также преподавать в мектебе и медресе [Мертваго, 2006, с.44–46]. Эти предложения были представлены уфимскому и симбирскому генерал-губернатору О.А.Игельstromу, имевшему богатый опыт управления мусульманским регионом. После присоединения Крыма к России с 16 августа 1783 г. О.А.Игельstrom возглавлял земское правительство, состоявшее из ширинского бея Махметши, Гаджи-Казы-аги и кадиэскера Муслендин-эфенди. По его по-

ручению был проведен учет всех крымских мечетей, проводилась активная политика сотрудничества с мусульманским духовенством. Управленческая структура и принципы руководства мусульманской духовной общиной региона остались в неизменном виде, однако она перешла в полное подчинение российской власти (подробнее см. [Хайрединоva, 2003]).

О.А.Игельстром, по словам Д.Б.Мертваго, зарекомендовавший себя «охотником затевать великие дела» очень внимательно отнесся к предложениям своего советника, проект прошел обсуждение в Уфимском наместническом правлении и 1 мая 1788 г. представлен императрице Екатерине. В Уфе предлагалось создать «особенную комиссию» во главе с главным ахуном. О.А.Игельстром полагал возложить на это учреждение прием экзаменов у претендентов на духовные должности. Окончательное утверждение в звании ахуна, муллы или муэдзина должно было производить наместническое правление. Несмотря на ограниченные функции комиссии, генерал-губернатор хотел установить за ней жесткий контроль администрации. На каждом заседании учреждения предполагалось присутствие двух членов верхней расправы и губернского прокурора [РГАДА, ф.16, оп.1, д.934, ч.4, д.43, 144об.].

Сам проект претендовал на управление духовными делами мусульман исключительно в рамках Уфимского и Симбирского наместничества и в качестве обоснования содержал историю регулирования государственно-исламских отношений на территории края. Здесь политика религиозной терпимости проводилась сразу после присоединения Башкирии к России. Согласно преданиям, после завоевания Казани в 1552 г. послы царя привезли к башкирам грамоты, гласившие: «...пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи». В одном из шежере башкир также содержатся сведения об указе царя, где «... особо написано о наших землях и религии... дали слово и поклялись, башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию». Четыре монастыря, действующие в это время в крае, занимались наращиванием

земельной собственности и не предпринимали попыток к проведению активной миссионерской политики. Подтверждением такой политики веротерпимости в крае стал и сенатский указ 12 ноября 1751 г. об учреждении в Оренбурге «комиссии об иноверцах для разбирательства духовных дел». Комиссии вменялось в обязанность рассматривать и пресекать случаи принуждения к обращению в православие. Даже малейшие миссионерские действия Русской православной церкви в крае встречали отпор со стороны башкир. В конце 1788 – начале 1789 г. произошли волнения башкир Троицкого и Челябинского округов, вызванные действиями миссионеров-проповедников, посланных Tobольской епархией. Опасаясь очередного башкир восстания, правительство 7 февраля 1789 г. приняло решение прекратить на время миссионерскую деятельность и отозвать проповедников вообще из всех епархий [Азаматов, 1999, с.20]. В Башкирии имелись лишь отдельные случаи религиозных притеснений, не наблюдалось массовых гонений в отношении мусульман. Здесь не было ограничений в строительстве мечетей, их закрытия или уничтожения. «В построении молитвенных домов никакого препятствия с того самого времени, как народ наш башкирский под высокославную Российскую державу и скипетр покорился, не имели», – писали в 1767 г. депутаты от Уфимской провинции в Уложенную комиссию [Кулбахтин, 2005, с.92]. В регионе имелись учебные заведения, готовившие сотни имамов. Так центром по подготовке религиозных кадров стала слобода Каргалы (Сеитовский посад), основанное в 40-х гг. XVIII в. К моменту учреждения Духовного собрания здесь функционировали 4 мечети и медресе. Именно в Каргалах происходил прием экзаменов у кандидатов на должности ахунов. Например, избранный старшинами и муллами на должность ахуна Исетской провинции Абдулла Муслюмов сдал в 1771 г. там экзамены и только потом получил желанный указ губернатора.

Необходимо отметить, что башкиры ввиду малочисленности собственных религиозных кадров, охотно принимали в свой обществу татарских мулл. Например, в 1722 г. башкиры Казанской дороги обратились

в Правительствующий сенат с просьбой оставить у себя 3 беглых мулл и 2 абызов «... для их законных отправлений и для содержания их мечетей и ради обучения ребят» [МИБ, 1936, с.296].

Местные власти инициировали нормативные акты, которые можно было трактовать одновременно, как желание поддержать мусульман, так и вторгнуться в вопросы мусульманского культа. Например, 4 июня 1772 г. последовал указ из Уфимской провинциальной канцелярии старшинам Уфимского уезда, Сибирской и Ногайской дорог чтобы состоящие при них имамы дали распоряжении взрослым и детям о непременно посещении мечетей. Старшины и сотники обязывались проинформировать канцелярию о количестве и состоянии мечетей, и если они старые, приступить к строительству новых. Более того, им вменялось немедленно направлять рапорта о безнравственных поступках прихожан, и в случаях неуважения жителей к канонам шариата, принимались решения о наказании. Чиновники должны были оказывать имамам и муэдзинам уважение, чтобы исполняли пятивременные молитвы. Все эти действия властей были направлены на то, чтобы мусульмане исполняли молитвы за благополучие главы российского государства – императрицы Екатерины II. Их неисполнение жестоко наказывалось: первый раз – удары прутьями, второй – палками, потом камчой или кожаными плетками [Маглюмат, 1909, с.706–707].

Большинство дел в Башкирии решалось в шариатских и третейских судах. Нередко при вынесении тех или иных решений судьи, преимущественно ахуны или муллы, руководствовались не только правилами шариата, но и обычного права. Так, за неоднократные кражи виновных привязывали к конскому хвосту и пускали лошадь во весь опор. Таким образом, местные системы правосудия учитывали национальные и религиозные особенности жителей российских окраин. Предпринимая решительные шаги по монополизации права на уголовное преследование за тяжкие преступления, царское правительство оставляло нерусским народам альтернативные процедуры решения семейно-брачных, имуществен-

ных и мелких уголовных дел выборными судьями [Воропанов, 2008, с.62]. В наказах башкир и тарханов Уфимской провинции депутатам Уложенной комиссии от 23 марта 1767 г., подписанных старшиной Алибаем Мурзагуловым предлагалось исключительное право старшин производить третейский суд по правилам шариата, а если старшины «не разберут, то посылать ахунам». Составители наказа особо настаивали на том, чтобы власть не вмешивалась в разбирательство этих дел [Васильев, 2000, с.177].

В тоже время власти констатировали ухудшение религиозной ситуации в крае [Азаматов, 1999, с.21]. Это выразилось в том, что часть имамов приняли участие в Крестьянской войне 1773–75 гг. на стороне пугачевцев. Муллы Казанской дороги Сулейман и Салим Мустафины подписали письмо к Пугачеву о присылке пушек для похода на Уфу, муллы Сибирской дороги Аладин Бектуганов и Якуп Тляумбетов, Адиль Бигашев командовали вооруженными формированиями восставших [Гвоздикова, 2000, с.61–62]. Некоторые религиозные деятели попали в поле зрения администрации из-за действий, расходящихся, по мнению местной власти, с задачами общественной безопасности. Например, в 1785 г. популярные среди башкирского населения муллы Габдрахим (возможно, что это известный религиозный просветитель Габдерахим Утыз-Имяни [Кемпер, 2008, с.45]) и Ягафар подверглись судебному преследованию за пропаганду в д. Ахуново Троицкого уезда суфийского учения и за призыв к мятежу против «неверных». После непродолжительного содержания в заключении муллы были выпущены на свободу. Они постарались вообще исчезнуть из поля зрения властей и покинули постоянные места проживания, причем Габдерахим с семейством направился в Кабул [РГАДА, ф.7, оп.2, д.2753, л.5об., 13–14].

В своем представлении российской императрице О.А.Игельстром особо указывал, что правовые акты, изданные во времена царицы Анны Иоанновны и ставящие цель взять под контроль мусульманское духовенство в крае, устарели и перестали действовать. Речь шла об указе от 11 февраля 1736 г., принятом по предложению начальника

Оренбургской экспедиции И.К.Кириллова и направленной против представителей высшего духовенства – ахунов. Правитель края утверждал, что верность российской короне всех 10 ахунов, происходивших из казанских татар, сомнительна, а их деятельность никак не отслеживается. Численность ахунов сокращалась с 10 до 4-х, т.е. должно было приходиться по одному на административную единицу – дорогу. Воеводская канцелярия утверждала их в должности, а также взялась за выдачу разрешения на построение мечетей и школ. Однако неоднократное изменение административного устройства и утрата контроля над деятельностью мусульманского духовенства привели к тому, что количество ахунов, мулл и азанчеев стало «неограниченным». Рост мусульманского духовенства в крае О.А.Игельстром объяснял материальными причинами. По его мнению, многие присваивали себе духовные звания, «чтобы вольнее из места в место переходить под предлогом распространения веры своей, коим способом и за границу отлучаются». Странствующие муллы или «бродяги», как их обычно называл в своих посланиях генерал-губернатор, представляли потенциальную опасность для государства, так как независимые от властей ни в материальном, ни тем более в духовном отношении, имели свободу в формировании общественного мнения среди соплеменников. О.А.Игельстром планировал выделять ей всего 680 руб. сер. в год. «Сей малый расход, – писал генерал-губернатор Екатерине II, – неотменно наградится тем, что все здешние народы, магометанский закон исповедующие, познав чрез то, поэлику вера в империи вашего величества уважена, будут тем более привязаны и постоянны» [РГАДА, ф.16, оп.1, д.934].

В ходе переписки генерал-губернатора с императрицей Екатериной II, идея регионального масштаба переросла в проект централизации управления духовными делами мусульман всей страны. В территориальную компетенцию Уфимского духовного магометанского закона собрания вошли все губернии, кроме Таврической области. Мухаммеджану Хусаинову (1756–1824) выпала честь стать первым муфтием – главой российских

мусульман. Он принадлежал к авторитетному среди мусульман роду, его дед Мансур хазрет, первым из жителей Поволжья поехал в Бухару, являлся автором книги «Таракыбия Мансурия», написанной на персидском языке [Якупов, 2005, с.13]. Специальный указ о его назначении на должность последовал 22 сентября 1788 г. Еще задолго до этого события он попал в поле зрения российских властей. В 70-х гг. XVIII в. М.Хусаинов находился в Бухаре и Кабуле, где, кроме обучения в медресе, по заданию Коллегии иностранных дел занимался сбором информации. После возвращения из-за рубежа служил офицером в Оренбурге. Он шел в фарватере политики О.А.Игельстрема, который в отличие от сторонников султанской ориентации и военного продвижения в казахские Джусы, основную ставку делал на мирную колонизацию. Генерал-губернатор для воплощения долгосрочных план использовал людей, умевших добиваться исполнения поставленных задач дипломатическим путем. Выбор наместника пал на Мендияра Бекчурина и Мухамеджана Хусаинова. Первый из них уже имел опыт общения с именитыми людьми Малого Джуса, куда выезжал в 1778 г. для переговоров. М.Хусаинов, быстро оценив новые веяния в политике по отношению к казахам, становится верным помощником О.А.Игельстрема. В 1785 г. он получает должность ахуна при Оренбургской пограничной экспедиции с окладом 300 руб. сер. В июне того же года М.Хусаинов совершает свой первый визит в казахскую степь и добивается неплохих результатов. Несмотря на первоначальную негативную реакцию, ахуну удалось установить контакты со старшинами, вручить послание уфимского наместника и обговорить приезд делегации в Оренбург, который состоялся в июле 1785 г. Визиты в Малый Джуз в сентябре того же года и в 1786 г. принесли М.Хусаинову славу тонкого дипломата, способного благодаря личным качествам укреплять российское влияние в Степи. Заслуги ахуна были оценены администрацией. 12 ноября 1786 г. Екатерина II послала рескрипт О.А.Игельстрому, в котором говорилось, что за успехи в деле учреждения Пограничного суда «находящемуся при вас ахуну Мухамет Джану Гусейну прибавить еще по 200 руб.

на год, соизволяя при том, чтобы он именовался в тамошнем краю первым ахуном» [Материалы КазССР, 1940, с.65].

Открытие Духовного собрания произошло спустя год после указа Екатерины II – 4 декабря 1789 г. Задержка произошла в связи с необходимостью подбора помещения, аппарата учреждения, а главное – заседателей, которые в соответствии с указом должны были назначаться из мусульманского духовенства Казанской губернии. Во второй половине XIX в. различные правительственные структуры, занимающиеся составлением программы реформирования Духовного собрания, пытались объяснить жесткое ограничение выбора заседателей пределами одной губернии. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД при обсуждении данного вопроса в 1880 г. пришел к выводу, что в указе под термином «казанские татары» имелись в виду татары всей России, кроме Крыма, где имелось особое мусульманское правление. Следовательно, выборы заседателей предлагалось проводить, не только в Казанской губернии, но и в других регионах [РГИА, ф.821, оп.8, д.607, л.39–40]. Казанское губернское правление полагало, что привилегированное положение губернии в формировании высших должностных кадров религиозного учреждения связано с большой территорией административной единицы в конце XVIII в. [ЦГИА РБ, ф.295, оп.4, д.12065, л.3]. Муфтий Салимгарей Тевкелев объяснял это тем, что «... в начале XIX в. в Казанской губернии магометанское духовенство было сравнительно учнее и грамотнее духовенства других губерний» [РГИА, ф.821, оп.8, д.611, л.83об.]. Но, все же исходя из подходов власти к созданию учреждению, предположим, что при определении выбора заседателей из Казанской губернии государство приняло во внимание, прежде всего, лояльность местного мусульманского духовенства к власти. Муллы, проживающие в Уфимской и Оренбургской губерниях, не вызывали такого доверия, что нашло отражение во многих документах той поры.

Первые заседатели Духовного собрания Фахретдин Абдрашитов, Сейфулла Муртазин, Фейзулла Адилев были избраны представителями мусульманского духовенства

Казанской губернии и прибыли в Уфу в декабре 1789 г. Сроки их пребывания в должности законом не устанавливались, поэтому в мае 1793 г. заседатели обратились в Правительствующий Сенат с прошением о сложении полномочий в связи с большими материальными убытками. Правительствующий Сенат определил, что Духовное собрание относится к средним присутственным учреждениям, где срок службы установлен 3 года, поэтому препятствий к увольнению заседателей нет [ПСЗ–1, т.23, №17146, с.453].

Духовное магометанского закона собрание было открыто в г. Уфе, в котором не имелось ни одной мечети и проживало в конце XVIII в. всего несколько десятков жителей, исповедующих ислам, надолго стал центром российских мусульман. При определении местонахождения Духовного собрания учитывалось то, что Уфа была губернским городом с функционирующими здесь органами государственного управления и располагалась в центре обширного края с мусульманским населением. К тому же местные власти проявили инициативу в создании духовного учреждения. Оно пополнило ряды наместнических присутственных мест. Религиозное учреждение именовалось Уфимским духовным магометанского закона собранием, а в 1797 г. в связи с преобразованием Уфимского наместничества в Оренбургскую губернию вместе с другими государственными учреждениями переехало в Оренбург.

С этого времени оно называлось Оренбургским духовным магометанского закона собранием. В конце 1802 – начале 1803 г. Духовное собрание возвратилось в Уфу [РГАДА, ф.16, оп.1, д.990, л.1; Очерки БАССР, 1956, с.255; ГАОО, ф.6, оп.2, д.942, л.14 об.–15]. Первоначально учреждение занимало помещение в небольшом – в три окна – деревянном флигеле, расположенном рядом с домом муфтия [Ширгазин, Калимуллина, 2005, с.13].

Для объяснения задач нового государственно-религиозного органа О.А.Игельстром проводил встречи с мусульманским населением. Однако оно по-своему понимало предназначение Духовного собрания. Так, башкирские старшины выступали за свободу передвижения мусульманских свя-

ценнослужителей. В феврале 1789 г. на встрече с генерал-губернатором представители башкир и мишарей Верхнеуральского уезда заявили, что «в христианской религии духовные чины ездят по селениям и смотрят за порядочным отправлением службы в церквях, чтобы и их духовным позволено было ездить по их селениям для учинения народу о законе нужных толкований» [РГАДА, ф.7, оп.2, д.2753, л.5об.,14–15]. Депутация объясняла необходимость свободы передвижений недостатком служителей религиозного культа. Генерал-губернатор, придерживающийся мнения, что объезды мулл наносят существенный вред «общественной пользе», дипломатично отклонил предложения депутатов. Впоследствии на любое передвижение как в пределах страны, так и выезд за рубеж (совершение хаджа), муллы получали разрешение от губернских властей. Более того, даже за небольшое отсутствие на своих местах они удалялись с должности.

На открытии Духовного собрания 4 декабря 1789 г. муфтий Мухаммеджан Хусаинов произнес речь, насыщенную философскими сентенциями и самыми лестными эпитетами в адрес российской самодержицы. В частности, он сказал: «Торжествует российский сын, что царствует над ним Екатерина... Но кто сей наперстник счастья? Ужели только тот, которого евангельский дух руководствует? Так мыслящий мыслит неправо. Прозорливая мать не взирает на различие веры, а только на преданность сердцем». Далее он привел такие заслуги императрицы перед мусульманами, как «...терпимость нашей веры, позволение свободной оной исповедания, напечатанный священный Алкоран, сооружение мечетей и учреждение магометанских училищ». Он призвал единоверцев хранить верность Екатерине II, быть «...всегдашними и ревностными назидателями общего блага и спокойствия» [РГАДА, ф.16, оп.2, д.934, с.81–82]. Муфтий М.Хусаинову сам вначале воспринимал Духовное собрание как дипломатическое учреждение, проводящее российские интересы в Казахстане и Средней Азии, реализующее контрмеры по изолированию мусульманской уммы от эмиссаров соседних государств [Загидуллин, 2007. с.74, 75]. Он и в благодарственном письме к императрице от 12 ноября

1789 г., именовал себя «киргиз-кайсацким муфтием». После образования религиозного учреждения муфтий активизировал деятельность по распространению своей духовной власти на юге. Уже в январе 1789 г. он по настоянию уфимских властей послал в Орду письма с поучениями, выступая как «духовный наставник киргиз-кайсацкого народа». В частности, М.Хусаинов подчеркивал, что «без воли моей состоящие между вами муллы и народ относительно Алкорана никаких изъяснений сами собой делать не могли». Муфтий подверг жесткой критике действия врагов России, которые используют идею исламского единства для создания вооруженных конфликтов в стране. «Хотя мы под одним зданием правочности стоим, – писал он, – однако великое есть различие между мусульманами, находящимися под владениями султана турецкого и всеavgустейшей нашей монархини, поэлику (по-скольку. – Д.А.) каждый монарх собственно своим умом управляет, в рассуждении чего делаемые проповедования одному годны, а другому не нужны бывают».

Он считал, что некоторые муллы, побуждающие российских мусульман выступить на стороне Оттоманской Порты, ведут народы к гибели. Призыв к мусульманам сохранять спокойствие и подчиняться Российской империи основывался на том, что только она способна обеспечить рост благосостояния всех последователей шариата [Азаматов, 1999, с.23]. Зимой 1789 г. М.Хусаинов снова выехал на два месяца в Уральск, где встречался с казахскими старшинами и духовенством и предупредил их о необходимости сохранения спокойствия.

Перед муфтием ставилась задача нейтрализовать возможное влияние на руководителей Младшего Джужа – суфийского деятеля, уроженца Чечни шейха Мансура. Тот в своих письмах, направленных в конце 1789 г. киргиз-кайсацким казахским старшинам, ссылаясь на каноны шариата, прямо призывал к вооруженным действиям против России, в частности осаде Астрахани. Весной 1790 г. состоялся очередной визит М.Хусаинова в Степь для встречи с главами казахских родов для увещевания их в незаконности действий шейха Мансура. Власти сочли поездку муфтия успешной, так как один из

самых авторитетных старшин Срым Датов заявил о невозможности присоединения к движению шейха [Ряжев, 2013, с.323–326].

Правительство проявило заботу о материальном благополучии первого муфтия. Ему было назначено годовое жалование в размере 1500 руб. серебром, разрешено приобретать башкирские земли. Дело в том, что по существующим тогда законам духовные лица православного исповедания не имели права владеть недвижимым имуществом. Исходя из этого, губернский прокурор Н.И.Тимашев полагал, что и для муфтия – высшего мусульманского иерарха – «нет закона, по коему бы он имел право купить земли у башкирцев». На это Правительствующий Сенат ответил, что «...православие, владычествующее в России, не имеет связи с терпимостью веры магометанского закона, равным образом и духовенство оно под едино право не подходит». Сам муфтий просил в 1792 г. генерал-прокурора А.И.Самойлова «за ревность и рвение к продолжению ее Величества службы по заграничным делам и приведение киргиз-кайсацкого народа в верноподданническое повиновение российскому непобедимому скипетру» разрешить покупку крепостных. Окончательную точку, ликвидирующую юридические расхождения, поставила Екатерина II, позволив муфтию указом от 26 января 1793 г. «...покупать порожние земли у башкирцев на законном основании и заселять оные покупаемыми за границей иноверцами, присвоив ему и его потомству право продавать оные» [ПСЗ–1, т.23, №16897, с.164; №17099, с.399; МИБ, 1960, №440, с.560].

Осознание этой ситуации вынудило О.А.Игельстрома и его преемника А.А.Пеутлинга несколько умерить амбиции первого муфтия. В 1790 г. генерал-губернатор О.А.Игельстром просил у секретаря императрицы князя А.А.Безбородко поддержки в отклонении притязаний М.Хусаинова, считая, что «...муфтий по многим причинам непременно должен быть под начальством здешнего наместничества». Генерал-губернатор предложил именовать муфтия «Высокостепенным» [Азаматов, 1999, с. 42]. Заменявший О.А.Игельстрома наместник А.А.Пеутлинг в рапорте от 14 февраля

1790 г. на имя А.А.Безбородко также просил оградить губернские власти от нападок М.Хусаинова. Получив желаемую поддержку, администрация сочла возможным поставить муфтия в определенные рамки и указала, что «долг его есть управлять делами только по духовному сану, а до светских отнюдь не касаться, равно когда начальство употребить его по оным заблагорассудит» [Азаматов, 1999, с. 41–42].

Для деятельности государственно-религиозного учреждения необходима была правовая база. Уже 6 декабря 1789 г. О.А.Игельстром направил в канцелярию императрицы проект инструкции по руководству Духовным собранием [РГАДА, ф.16, оп.1, д.934, ч.5, л.71–72].

В этом проекте о Духовном магометанского закона собрании особо оговаривалось, что оно состоит под ведомством (и указом) Уфимского наместнического правления и равняется со средними судебными местами. Этот пункт вполне соответствовал той унификации государственного управления, которая проводилась во второй половине XVIII в. О.А.Игельстром, четко регламентировал порядок занятия духовных должностей: азанчея, муллы и ахуна. Он был сложным и многоступенчатым. Вначале мулла избирало сельское общество. Об этом земский исправник или кантонный начальник сообщали наместническому (губернскому) правлению. Последнее, проверив правильность выборов, отправляло кандидатов на экзамен в Духовное собрание. На экзаменах обязательно присутствовали два члена верхней расправы, которые в случае обнаружения каких-нибудь отступлений от закона могли отменить постановления религиозного учреждения. Данное положение действовало лишь на протяжении последнего десятилетия XVIII в. Успешно выдержавший экзамен получал указ наместнического (губернского) правления [МИБ, 1960, с.563–564].

Важнейшим направлением деятельности Духовного собрания являлся разбор дел, связанных с семейно-брачным и имущественным правом мусульман. Религиозное учреждение выполняло функции высшей инстанции духовного суда. В правоприменительной практике оно руководствовало

лось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Нормотворчество муфтиев и заседателей протекало под тщательным наблюдением вышестоящих органов. Под давлением властей Духовное собрание принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам Российского государства. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм морали, предусмотренных мусульманским правом.

Прекращение всех злоупотреблений при браках, разводах и дележе наследства О.А.Игельстром усматривал в скорейшем приспособлении мусульманских традиций к европейским. Однако, применение большинства норм шариата сохранилось. Например, не удалось осуществить предложения об обязательности троекратных объявлений о предстоящей свадьбе в мечетях и посылке документов обо всех разводах с указанием причин в Духовное собрание. Чисто физически религиозное учреждение не могло проследить условия всех браков и разводов. Оно рассматривало решения приходского духовенства лишь в случае обращений граждан.

Одной из функций Духовного собрания стал контроль за строительством и содержанием мечетей. Была взята в основу принятая еще в 1735 г. практика выдачи разрешения на строительство мечетей гражданскими властями. Теперь в этот процесс вовлекалось и Духовное собрание. «Всякий, мечеть построить желающий, чтоб просил на то позволение в Духовном магометанского закона собрания, а оное, рассмотрев его просьбу и обстоятельства, оную оправдывающие, представило бы о том наместническому правлению» [МИБ, 1960, с.565]. Как и в законодательстве о православных церквях, мусульманам разрешалось на 100 дворов иметь одну мечеть. Число духовных служителей при культовом учреждении генерал-губернатор не оговаривал, хотя в предварительном проекте он предусматривал не более 2 человек.

В третьей части проекта о компетенции Духовного собрания определялись наказания за те или иные преступления против религии (упущение молитвы, прелюбодеяние,

употребление алкоголя и т.п.). В Коране за такие нарушения шариата были предусмотрены телесные наказания. О.А.Игельстром писал: «...чтобы ни один духовный, ни же само Духовное собрание не отважилось налагать на кого-либо, а того менее совершать телесные наказания» [там же, с.566]. Вместо подобных наказаний он предлагал применять публичное порицание, дополнительное хождение в мечеть и даже содержание там под арестом.

В компетенции Духовного собрания находилась прием экзаменов у претендентов на религиозные и учительские должности. Школы должны были действовать при мечетях, содержание их при домах или других местах запрещалось. Первоначально предполагалось, чтобы «в заведывании Духовного магометанского закона собрания, ...состояли также все школы... и чтоб оное имело смотрение над производством преподаваемого в них учения» [там же, с.567]. И хотя учреждение не обладало значительными полномочиями и возможностями контролировать систему медресе и мектебе, определять образовательные программы, оно в дальнейшем неоднократно выступало за преодоление схоластики и схематизма при обучении мусульман, изучение светских предметов и русского языка.

Порядок открытия новых школ соответствовал законоположению о мечетях. Учителя школ (мударрисы), утвержденные в должности после экзаменов в Духовном собрании, обязывались ежемесячно представлять именные списки учеников генерал-губернатору. Однако это положение не было реализовано.

С момента образования ОМДС выполняло функции апелляционного органа, рассматривавшего случаи злоупотреблений и предосудительного поведения мусульманского духовенства. На протяжении десятилетий нижние и верхние расправы, другие органы государственного управления были завалены жалобами мусульман. Эти органы не могли разобраться с делами из-за незнания служащими традиций народов и норм мусульманского права. Правительство определило «чтобы ... всякому, кто не доволен решением муллы или ахуна, объявить неудовольствие свое Духовному собранию

и просить оное о чинении по делу его разбирательства». Одновременно религиозное учреждение становилось органом надзора за муллами и ахунами [там же, с.563]. Этим часто пользовалось население, которое с помощью Духовного собрания удаляло с должностей замеченных в неблагоприятных поступках служителей культа.

Первые годы функционирования Духовного собрания были посвящены переаттестации ахунов, мулл (имамов) и муэдзинов (азанчеев). При этом правительство хотело значительно сократить количество духовных служителей путем отсева непригодных на экзаменах. Разумеется, не все религиозные деятели признавали соответствующим основополагающим принципам ислама получение религиозных званий от государства, к тому же христианского. Так, известный мусульманский просветитель Габдерахим Утыз-Имяни (1754–1834), после возвращения из Средней Азии на родину в 1798 г., отверг порядок назначения на должности, установленный в указе об учреждении Духовного собрания. В поэмах «Гауариф-аззаман» («Подарок эпохи»), «Мужаль-маг-аззаман» («Важнейшие проблемы эпохи») и других литературных произведениях он подверг критике «официальных мулл», а впоследствии неоднократно заявлял, что светские власти не должны вмешиваться в религиозные дела, а муллы, назначаемые по указу властей в результате испытания в Духовном собрании, незаконны и, более того являются врагами народа и ислама. Однако большинство мулл спокойно отнеслись к нововведениям и стремились занять должности после сдачи экзаменов в Уфе.

В 1790 г. из-за неразберихи в связи с созданием учреждения и определением его статуса Духовное собрание самостоятельно присваивало звания без всякого участия наместнического правления. В 1793 г. усилиями уфимского прокурора был восстановлен законный порядок и в течение года в учреждении сдали экзамены 789 человек. Из них должность ахуна получили 8 претендентов, мухтасиба – 7, остальные удостоились звания муллы и муэдзина. Принятие экзаменов у претендентов на должности растянулось на несколько лет, так как многим из них только для прибытия в Уфу приходилось

преодолевать сотни и даже тысячи километров и на это уходило от нескольких дней до нескольких месяцев.

Одним из первых документов Духовного собрания стало обращение к имамам от 8 ноября 1790 г. В нем подчеркивалось, совершение богослужений в честь Екатерины II обязательно, также как поклонение Аллаху. Неисполнение молитв о сохранении здоровья императрицы и благополучия в стране, приравнивалось к нарушению канонів шариата. Другой темой стала борьба с употреблением алкогольных напитков. Констатировалось, что часть мусульман подвержена этой пагубной привычке, особенно в городах на рынках. Мусульманскому духовенству поручалось проводить профилактическую работу среди населения.

Наверное уместным будет спросить, реализовались ли задачи, поставленные при создании ОМДС? Ответ на этот вопрос будет неоднозначен. С некоторыми оговорками можно сказать, что государственным структурам удалось взять под контроль мусульманское духовенство и повысить эффективность управления регионами с компактным проживанием мусульман. Во всяком случае, официальные (указные) муллы прочно утвердились в мусульманском обществе, их роль неуклонно повышалась, так как именно они получили монопольное право на исполнение религиозных обрядов, брачно-разводные процессы, просвещение населения и предоставление образовательных услуг (преподавание в медресе). Остальные религиозные деятели, например абызы, были вытеснены, их влияние на население постепенно сошло на нет. Мусульманское духовенство, в целом, стало оплотом власти, тем более ему было поручено осуществление ряда государственных функций (ведение метрических книг, де-факто нотариат, участие в воинском призыве в армию и т.д.). Другое дело, внутри обширной группы мусульманского духовенства, по-прежнему находились люди, имевшие самостоятельное суждение по разным общественно-политическим и социальным вопросам. Безусловно, угроза крупных выступлений, нередко принимавших вооруженный характер, возглавляемых муллами (Батырша Галиев, мулла Мурад) заметно снизилась. Однако

и в XIX в. муллы периодически не только участвовали в антиправительственных выступлениях, но и становились лидерами протеста.

Властям не удалось сделать ОМДС одной из структур, ограничивающей численность мечетей и мусульманского духовенства. В течение девятнадцатого столетия количество мечетей только в Оренбургской

губернии увеличилось в 2 раза, а имамов и муэдзинов в – 2,5 раза. Муфтий и кадии постоянно находились под подозрением в лоббировании интересов мусульманского духовенства.

Все эти факторы заставляли власти неоднократно обращаться к вопросу закрытия или реформирования ОМДС, но этот вопрос по различным причинам откладывался.

§2. Развитие богословской мысли в Волго-Уральском регионе во второй половине XVIII – начале XIX вв.

Гульнара Идиятуллина

Налаживание торговых связей со Средней Азией во второй половине XVIII в. привело к усилению потока желающих получить знания в «священной Бухаре». Наряду с обучением в бухарских медресе, многие шакирды стремились приобщиться к тайнам суфизма и становились воспитанниками местных шейхов. Возвратившись из странствий из глубин Азии, последователи тариката деятельно распространяли ее идеи у себя на родине. Ступившие на путь тасаввуфа на рубеже XVIII – XIX вв. в большинстве своем получали инициацию от шейхов накшбандийа-муджаддийа Фаиз-Хана Кабули (ум.1802) и Нийаз-Кули Туркмани (ум.1820/21). Именно воспитанники этих шейхов оставили наиболее заметный след в истории региональной богословской мысли.

О шейхе Нийаз-Кули Туркмани известно, что прежде чем обосноваться в Бухаре, он некоторое время обучался в Хорезме и там уже выступал в роли муршида. Туркмани стал известен как поборник чистого ислама, неиспорченного ересью и язычеством, усердный приверженец строгого соблюдения шариата. Наблюдавший казнокрадство и произвол чиновников при дворе бухарского эмира, он с горечью писал о падении нравов и несоблюдении шариата современниками. Многочисленность его последователей свидетельствует о понимании и поддержке, которую он находил у своей аудитории. О степени его влияния и силе харизмы красноречиво свидетельствует фраза, произнесенная эмиром Хайдаром после смерти шейха: «В Бухаре было два эмира. Теперь

остался один». Общение с шейхом, несомненно, оставляло глубокий след в душе его последователей. Известность и глубокое почтение, которыми пользовался шейх Нийаз-Кули, выражена в строках его воспитанника поэта Абу-л-Маниха Каргали (ум. после 1833 г.): «Наме Ниязколий, моршиде заман, Торекмэни дию мэгрүфе жиһан» («Имя его – Нийаз-Кули, наставник эпохи, Туркмани – известно всей Вселенной»).

Шейх Туркмани был наставником, по меньшей мере, четырнадцати человек, выходцев из Волго-Уральского региона, многие из которых стали затем преподавателями медресе [Рамзи Мухаммад Мурад, 1908, с.425]. Другой знаменитый шейх Фаиз-хан Кабули, по сведению источников, обучил пятнадцать человек, приехавших из далекого севера, в числе его последователей – ишан Валид Каргали, Габдерахим Утыз-Имяни [там же, с.434–435].

Таким образом, зона влияния муджаддийа достигла Поволжья и Приуралья. Строгая проповедь тариката, проникнутая идеями возврата к чистым истокам ислама, отказа от порочных нововведений и неукоснительному соблюдению шариата находила здесь немало своих сторонников. Реалии окружающего мира создавали благодатную почву для роста недовольства и критических настроений. Помимо неприязненного отношения к «лжесуфиям», в общине назревало еще одно противостояние – оппозиция некоторой части улемов Духовному Собранию. Основанием этого учреждения правительство рассчитывало не только предстать в выгодном свете и обрести сторонников

в лице мусульман, но умело манипулируя своими ставленниками, получить полный контроль над ситуацией в среде «инородцев». Потому и прерогативу назначения муфтия оно оставило за собой, тем самым нарушив принцип выборности муфтия общиной. Алчность и продажность первого муфтия Мухаммеджана ибн Хусаина (1758–1824) не могли не вызвать недовольства и осуждения со стороны рядовых мулл. В итоге образование Духовного Соборания привело к дифференциации местного духовенства, его разделению на «указных» и «безуказных» мулл, отстаивавших традиционное право назначения имама общиной.

Негативное отношение к муфтию открыто выражено в касыде ишана Валида Каргали (ум. 1802 или 1803). Последователь шейха Фаиз-хана Кабули, он долгое время находился рядом со своим наставником, а впоследствии неоднократно бывал в Кабуле. О степени авторитета и близости Валида Каргали к шейху говорит тот факт, что по завещанию Кабули ему было поручено собственноручно обмыть и захоронить его [Мэржани, 1989, 245 б.]. Касыда ишана – своего рода стихотворное обличение, в котором резко критикуются поступки и образ жизни муфтия Мухаммаджана б. Хусаина. Привычные напоминания о скоротечности жизни и иллюзорности богатства завершаются призывом вернуться на путь истинный. Он старается убедить муфтия с пользой потратить доставшиеся ему богатства – на строительство мечетей, обучение, помощь нуждающимся.

*Оммәт ирсән, соннәте тот, кыйл
бидгъәттән ижстинаб,
Бер тәкъуәга тәгауен әйләйүб кыйл их-
тисаб,
Һәм шәригат, һәм тарикәт, һәм хакъ-
икъәт иктисаб,
ойләйүб сидкы дилендән, әһле хакка ин-
тисаб.*

*Если ты муж общины – придерживайся
сунны, сторонись бид'а
Примкни вместе с другими к благоче-
стивому
И стяжая [степени] шариат, тарикат,
хакикат,*

*С чистым сердцем станешь принадле-
жать к людям истины.*

Обращает на себя внимание то, как Валид ишан трактует понятие праведности. Наряду с типичным для суфизма представлением о «людях истины», прошедших через соответствующие стадии «пути», здесь также звучит призыв следовать сунне и отказу от порочных бид'а, в духе традиции муджадидия.

Горькая ирония его младшего современника – Таджаддина Йалчигула (1768–1838), выраженная в словах – «Санма, йимәс суфи суганны, кабыгын дәхи куймас булса анны» («Не думай, что суфий лук не ест, найдет – и шелухи не оставит») – была также направлена против лживых ишанов, под видом аскетов торгующих суфийскими ценностями, искажающих сущность учения. В «Рисала-и Газиза» (комментарии к «Сабат ал-аджизин» Суфи Аллахийара) Таджаддин Йалчигул обрушивается с критикой на некую группу, именующих себя «людьми экстаза» (ахл ал-джазб), которые причисляют себя к тарикату, в действительности же «враги Аллаха, сами они от дьявола». Представители этой секты, по его словам, были некогда рассеяны в Кашгаре, Балхе и Бухаре, но теперь уже исчезли из этих мест, тогда как все еще имеются в землях Булгара, особенно в районе реки Сюн.

В творчестве Йалчигула много места уделяется вопросам «правоверия», связанным с определением «прямого пути» (сират ал-мустикам). Чистой верой, пишет он, обладали сподвижники Пророка, и все они – указующие истинный путь. Вступивших на путь тасаввуфа он призывает выбрать тарикат умеренности – тарикат-и и'тидал, который и есть путь сунны. «Пятнадцать групп именуют себя людьми тасаввуфа, четырнадцать из них ложные. Только одна из них входит в савад а'зам (праведное большинство), ее называют тасаввуф-и сунна», – пишет он. Вместе с требованием умеренности, избегания религиозных крайностей, необходимым условием Йалчигул ставит знание и соблюдение норм фикха.

*Хәзар ит, китмәдән раһ зәләлә.
Солук әйлә тарикъ игътидалә.*

*Кеше бер йул илэ улмаз ходаи,
Мэгэр идэр соалэ икътидаи,
Вали улан улыр фикьһ илэ мәусуф
Идә һәм нәһи монкяр, әмре мэгьруф*

*Будь осторожен, не сверни на ложную
дорогу
Придерживайся пути умеренности
Для человека нет иного пути к Богу
Кроме как следование ему (вопрошаемо-
му)
Угоден [Богу] лишь тот, кому присуще
понимание (фикх),
Кто запрещает порицаемое и повелева-
ет одобряемое.*

Очевидно, что расхождения во взглядах местных ученых по вопросам обучения проявлялись все чаще и принимали самые разные формы выражения. Отголосок этих споров отчетливо проступает в «Завещании» (Васыятнамэ) Йахья ибн Сафаргали ал-Булгари (1758–1838) Недовольство его вызывает состояние преподавания, пренебрежение подлинными науками шариата, бахвальство и пустословие, царящие в среде современников, занятых лишь чревоугодием.

*Модәррисләр гажәиб тәдрис идәрләр
Шәригать гыйлемене тәлбис идәрләр.
Жәһаләтләрне вә гыйрфан санарлар,
дәхи шикләрне икан санарлар.*

*Учителя обучают странным образом,
Искажая науки шариата...
Невежество принимают за знание,
Сомнительное считают достоверным.*

Правоверными (людьми сунны), утверждал он, могут считаться лишь те, что строго соблюдают все предписания шариата.

По-видимому, во второй половине XVIII в. из Средней Азии проникает и распространяется практика схоластических дискуссий. Как писал Марджани, начало полемике по таким вопросам калама как божественные атрибуты, возможное и необходимое (бытие) положил Ишнийаз ибн Ширнийаз ал-Хорезми (ум. 1205/1790) своей книгой «‘Акаид ал-булгарийа», он же явился инициатором кампании за отмену ночной молитвы [Мәржани, 1989, 243 б.].

Тематика многих поэтических произведений того периода опирается на традиционный материал, содержащийся в доступной богословско-правовой литературе. Нередко в них ведется обсуждение актуальных вопросов фикха и калама. Так, в стихотворной форме положение о количестве божественных атрибутов (наиболее спорный пункт в давней полемике с ашаритами) в духе матуридитской догматики выразил Габделманнан Муслими (1724 – ок.1784)

*Ирешиийә гакыл күптер сыйфаты
Сикездер беркелгән аның сыйфаты*

*Атрибутов Его столько, что разум их не
охватит,
Восемь атрибутов Его установлены.*

Далее автор обстоятельно перечисляет и разъясняет каждый из этих божественных атрибутов – знание, могущество, воля и др.

Поэтическое изложение правовых взглядов по поводу приемлемости хадисов категории хабар ал-вахид (имеющих в своей основе одного передатчика) встречаем у Кул-Мухаммада (XVIII в.)

*Әгәр сабит улырса бер нәрсә
Хәбәр вахид илэ ул эш беленсә,
Имамнардан аңа иҗмаг юк ирсә
Ана инкяр кылырса бер кем ирсә,
Кяфер дәгел – моселман бишик ул кәс,
Хәбәр вахид монкир кяфер улмас.*

*Если что-то твердо доказано,
Подтверждено преданием одного [пере-
датчика]
Но нет на этот счет согласного мнения
имамов,
А некто пытается его отрицать,
Он не кафир, а несомненно мусульманин
Отрицающий хабар ал-вахид не стано-
вится кафиром.*

Очевидно, что повышенный интерес к различным категориям источников, рассмотрение через призму веры – неверия, отмеченное на рубеже столетий в среде местных ‘улама, явились не только отголоском их богословско-правовых штудий, но в какой-то мере отражением имевшей место

дискуссии. Можно предположить о наметившейся в этих кругах определенной тенденции – попытки переосмысления и отхода от прежних установок правотворчества, поиска новой аргументации, что приводило к закономерному усилению интереса к сунне и наследию раннего ислама.

Одним из наиболее ярких представителей богословской мысли второй половины XVIII – начала XIX вв. был Габдерахим Утыз-Имяни (1754–1834).

Габдерахим б. Усман Утыз-Имяни ал-Булгари родился в селении Утыз Имян (совр. Черемшанского района Республики Татарстан). Отец умер еще до его рождения, в раннем возрасте мальчик потерял мать и остался на попечении родственников. Необычайная одаренность была замечена современниками еще во время обучения у местного муллы. Впоследствии Габдерахим обучался в медресе Каргалы у известного шейха накшбандия-муджадидия Валида ишана. Вероятно уже в тот период, не без участия шейха, складывалось его критическое отношение к определенной части местного духовенства. В 1788 г. (возможно в связи с угрозой преследования российских властей за антиправительственную религиозную пропаганду) молодой богослов с семьей отправляется в Среднюю Азию. Вначале он поселился в Бухаре, где учился и некоторое время исполнял обязанности имама мечети Магок-и-Аттар. В памяти современников он остался еще и как реставратор знаменитой рукописи Корана, по легенде принадлежавшей праведному халифу Усману.

После Бухары, по-видимому, нигде долго не задерживаясь, он странствует по множеству городов – Самарканд, Балх, Герат, Кабул и др. В Кабуле Габдерахим знакомится с наставником своего учителя Валида ишана шейхом Фаиз-ханом Кабули и становится его последователем. В 1798 г. после смерти жены богослов с детьми вернулся на родину. Не имея официального назначения от муфтия на должность имама, он переезжает из одного села в другое, обучая в местных медресе и проповедуя. Сменив несколько мест, Утыз-Имяни в итоге обосновался на родине отца с. Тимяш (совр. Тимяшево Лениногорского района РТ), где прожил до своей смерти.

При жизни резкая критика Утыз-Имяни в адрес определенной части ишанов и улемов заслужила ему репутацию известного «оппозиционера» [Кемпер, 1997, с.79]. По сообщениям Марджани, этому немало способствовали довольно эксцентричное поведение и высказывания самого Утыз-Имяни еще в период пребывания его в Средней Азии. Так, например, со словами «Имамы – тупицы, не умеют даже правильно читать» он отказывался посещать соборные молитвы, а на вопрос эмира Шах Мурада, чем вызван такой поступок ответил, что «не слышал азана, ибо принял голоса муэдинов за крики ослов». Мотивируя тем, что для пятничных и праздничных молитв необходимым условием является Миср (мусульманский город), а страна булгар есть дар ал-харб (территория войны), объявил подобную практику недействительной. Рамы мечети казались ему похожими на кресты, обозвав мечеть церковью, он вообще перестал ее посещать. Запретным он считал чтение книг по логике и философии [Мэржани, 1989, 290–291 б.].

Письменное наследие Утыз-Имяни включает в себя труды на арабском и персидском языках по мусульманской этике, праву, теологии, лингвистике, поэтические произведения на тюрки. Все его творчество пронизано стремлением к возрождению чистых истоков ислама и очищению его от порочных нововведений. Причины нравственной деградации современников Утыз-Имяни видел, с одной стороны, в отходе от ранних традиций исламского права и суфизма, с другой – в заимствовании русских обычаев.

В вопросах права Утыз-Имяни отстаивал таклид (следование признанному авторитету). По его мнению, мукаллид должен принять решение муджтахидом не требуя аргументации, так как слова муджтахидом уже сами по себе являются для него достаточным доказательством. Подчеркивая свою приверженность Абу Ханифе, тем не менее, когда толкования последнего казались ему недостаточно строгими, он отдавал предпочтение трактовкам учеников имама – Абу Йусуфа и Мухаммада Шайбани, или других правоведов того же мазхаба. Такой «избирательный» таклид был проявлен им в решении вопроса о ночной молит-

ве в светлые летние ночи северных широт. Этой теме посвящена его «Рисала-йи шафакийя» – «Трактат о закате». Считая исчезновение красного зарева сомнительным критерием, а более важным – наступление темноты, он выступал за отмену ночной молитвы. Такой же подход демонстрирует его отношение к пятничным и праздничным молитвам.

Сочинения Утыз-Имяни, посвященные мусульманской этике, «ас-Сайф ас-сарим» (Острый меч), «Джавахир ал-байан» (Драгоценности разъяснения) и «Инказ ал-халикин мин ал-мутакаллимин» (Спасение погибающих от мутакаллимов) представляют собой моральные наставления, местами принимающие вид проповеди. Трактаты несут на себе отпечаток влияния «Мактубат» Сирхинди, «Ихйа ‘улум ад-дин» Газали, «ат-Тарика ал-Мухаммадийя» Биргеви и изобилуют их цитатами. Кроме того, Утыз-Имяни создал словари сложных понятий из упомянутых сочинений Сирхинди и Газали, а также «Джами‘ ар-румуз» Кухистани (ум.1534) и лингвистический комментарий к стихам Суфи Аллахийара.

В «Инказ ал-халикин мин ал-мутакаллимин» критика автора направлена на представителей калама, попавших под влияние греческой философии и искаживших учение о вере. В «ас-Сайф ас-сарим», где наиболее сильно проступает влияние Биргеви, Утыз-Имяни выступает сторонником строгого аскетизма (зухд), призывает не искушаться преходящими земными благами и удовольствиями, проявлять осторожность (ихтийат) в сомнительных вещах, довольствоваться только самым необходимым. Истинный аскет это тот, кто отказался от всего, кроме Бога, кто «обменял тленный снег на вечные драгоценности». Идеалом аскетизма ему видится пророк ‘Иса (Иисус), говоривший «Мир – это мост, проходите по нему, но не поселяйтесь на нем». Здесь же он подвергает резкой критике ложных шейхов, пренебрегающих правилами шариата. Этой теме уделяется внимание и в «Джавахир ал-байан». Подчеркивая, что тарикат накшбандийя является путем сподвижников и основан на соблюдении сунны, отстранении от бид‘а, он все же считает следование тарикату только желательным (нафл), а в не-

которых случаях даже опасным, поскольку чрезмерное подчинение шейху может отдалить мюрида от выполнения обязательных предписаний. Он порицает шейхов, сосредоточенных на достижении экстатических состояний и игнорирующих положения шариата.

Вслед за доминирующей проповедью следования сунне в «Джавахир ал-байан» большое место отводится разъяснению пагубности бид‘а. В определении бид‘а Утыз-Имяни занимал крайне жесткую позицию. Он не признает «благих нововведений», любой поступок или высказывание, не соответствующие Корану и сунне, для него являются бид‘а и заблуждением, ибо таково, считает он, было мнение благочестивых сподвижников, потому следует остерегаться любых нововведений, человек же считающий бид‘а богоугодным делом, становится неверным. Ригористичность его взглядов наиболее ярко проявилась в вопросе отношения к иноверцам. Утыз-Имяни считал недопустимым принятие чуждых русских обычаев и нравов, которые относил к бид‘а. Это нашло отражение в ряде его работ: в «Рисала-йи-дибагат» (Трактат о выделке кож) он приходит к выводу, что использование кож, выделанных не мусульманами не допустимо, так как не соответствует требованиям чистоты выделки, предъявляемым шариатом, в «Рисала-йи иршадийя» («Наставительный трактат»), доказывая запретность всех опьяняющих напитков, объявляет запретными также и винные дрожжи, и соответственно тесто на их основе, в «Замм шурб аш-шай» (Порицание чаепития) в ту же категорию попадает чай.

В его стихотворных произведениях звучат схожие мотивы обличения ишанов:

*Фэна илэ бэкадин гэб орарлар,
Моракъиб сурэтендэ ултырырлар...
Соралды хэр берендин хокме ислам, –
Нэ белсенлэр бу жомлэ жахил вэ хам!*

*Спорят о «фана» и «бака» [исчезновение, растворение эго]
Сидят с видом погруженных в экстаз...
Когда же были спрошены о постановлениях ислама*

Оказалось, что ничего не знают эти невежды!

(Гавариф аз-заман [Татар поэзиясе, 1992, 178 б.]).

По мнению поэта, эти «псевдосуфии» понятия не имеют об истинном тасаввуфе, в корыстных целях обманывают толпу простолудинов (гавам ан-нас) и вносят в нее разлад. Правоверие в его понимании неразрывно связано с исполнением шариата:

*Тэкэлямгэ мотабикъ кэлсэ эхуаль,
Шэригъэтькэ муафикъ кыйлсан эгъмалъ,
Ульрсэн пакъ моселман, эhle соннэт,
Вэилля сэна дирлэр эhle бидгъэт.*

*Если словам будут соответствовать
дела,*

Поступки твои согласоваться с Шариатом,

*Станешь истинным мусульманином из
людей сунны,*

*А иначе тебя назовут человеком из
людей вводящих бид'а.*

В творчестве Утыз-Имяни еще более усиливаются идеи его предшественников, ратовавших за неукоснительное соблюдение шариата и отказ от порочных нововведений.

Выдающимся современником Утыз-Имяни и по ряду вопросов оппонентом был Абу-н Наср Габденнасыр б. Ибрахим Курсави (1776–1812). Источники расходятся в определении места и времени его рождения – около 1185/1771–72 г. в селении Верхняя Макса под Казанью (совр. д. Верхняя Масра в Арском районе РТ), откуда родом была его мать [Мэржани, 1989, 253–255 б.], либо 1190 /1775–76 в близлежащем селении Курса (совр. с. Верхняя Корса) [Рамзи Мухаммад Мурад, 1908, с.416; Фэхреддин, 1903, 95 б.].

Начальное образование Курсави получил в медресе с. Мачкара (совр. пос. Мачкара в Кукморском районе РТ) у Мухаммадрахима б. Йусуфа Ашыти-Мачкарави (ум. 1232/1816–17). Впоследствии он отправляется в Бухару, где встречается шейха Нийазкули Туркмани и становится его последователем. В Бухаре, не довольствуясь традиционной программой медресе, Курса-

ви активно занимается самообразованием. Особое воздействие на него имела знаменитая книга имама Газали (1058–1111) «Ихйа ‘улум ад-дин» (Возрождение наук о вере). Возможно, именно знакомство с книгами Газали, его биографией (некогда пережившего сложную душевную трансформацию) и дало импульс к пересмотру привычных ценностей, стало причиной охлаждения к традиционному учению калама, критическому отношению к поздней богословско-правовой литературе.

Активное участие в диспутах (муназара), на которых он открыто высказывал свои взгляды, ранние работы (комментарий к «Шарх ал-‘Акаид ан-Насафи» теолога Тафтазани) вызвали негативное отношение к Курсави со стороны большей части как бухарских, так и местных ученых. После возвращения, при содействии богатых родственников, Курсави занимает должности имама-хатиба и мударриса в медресе с. Курса, продолжает работать над сочинениями. Около 1807 г. Курсави вновь отправляется в Бухару, где принимает участие в дискуссии по ряду богословских проблем.

Основная полемика развернулась вокруг соотношения сущности и атрибутов Бога. В противовес устоявшемуся представлению об обязательности следовать в догматике мутуридитской или ашаритской трактовке количества (восемь или семь) сущностных божественных атрибутов, Курсави утверждал, что единственным решением является использование по отношению к Богу лишь тех определений, что даны в Коране, в котором не говорится об их количественном ограничении.

Ученое собрание, созванное в апреле 1808 г. с целью выяснения богословских убеждений Курсави, вынесло фетву, подписанную богословами, муфтиями и эмиром, согласно которой любой мусульманин, не признававший установленное количество божественных атрибутов, считался вероотступником и подлежал смертной казни. Неизвестно, как сложилась бы судьба Курсави, если бы в ситуацию не вмешался шейх Нийаз Кули. Угрожая поднять мятеж, он не допустил расправы над молодым богословом. Однако Курсави был вынужден отречься от своих слов, сочинения его были публично

сожжены. По совету шейха он тайно бежал из города.

Возвратившись на родину Курсави продолжил преподавание в медресе, где вел занятия по собственной программе, вместо общепринятого шарха Тафтазани его шакирды изучали «Шарх ал-‘Акаид» самого мударриса. В скором времени местные улемы получили из Бухары письмо, в котором подробно излагались обвинения, предъявленные Курсави. Дискуссия, начавшаяся в Бухаре, продолжала разгораться с новой силой и разделила местных ученых на два лагеря. Теологические споры по поводу сущности и атрибутов велись как устно, так и письменно. Противники Курсави пытались настроить против него муфтия Мухаммаджана б. Хусаина. Фатхулла Уруви (ум. 1843) 11 ноября 1810 г. отправил в Духовное собрание донос, где помимо «клеветнических измышлений на достоправных имамов ат-Тафтазани и ад-Даввани», «распространения заблуждений» и «растление молодежи», звучат такие обвинения, как притязания на иджтихад, несовершенство и отрицание пятничных и праздничных общих намазов, пренебрежение обязательной процедурой экзамена перед муфтием [Фэхреддин, 1903, 108–109 б.].

Курсави спасало его окружение, связи влиятельных родственников и друзей. Муфтий предпочел занять в этом деле нейтральную позицию.

Весной 1812 г. Курсави с братьями отправился в хадж, но попав в Стамбул в период эпидемии холеры, в последнюю декаду рамадана (сентябрь) он умер.

Известное на сегодняшний день наследие Курсави включает в себя более десятка арабоязычных сочинений по догматике и мусульманскому праву, а также единственный труд на родном языке «Хафт-и-йак тафсире» (Толкование к 1/7 части Корана). Кроме того, сохранились отрывки из писем мыслителя, в которых он излагает свои взгляды на некоторые вопросы догматики.

Одна из ранних работ Курсави, начатая еще в Бухаре, «Шарх ал-‘Акаид ан-Насафи ал-кадим» – представляет собой заметки к комментарию Тафтазани к догматике Насафи. По возвращении он создал на его основе полный комментарий «Шарх

ал-‘Акаид ан-Насафи ал-джадид» (Новый комментарий к «Догматам ан-Насафи»),

Большое место в сочинении занимает тема божественных атрибутов (сифат). Между матуридитами и ашаритами шел давний спор по поводу количества сущностных атрибутов (восемь или семь). Курсави выступил против какого либо их количественного ограничения, а также против всякого рода рассуждений по поводу их извечности, создания, соотношения между собой и т.п.. Он считал их результатом проникновения в исламское вероучение чуждых элементов греческой философии, нарушающих, по мнению Курсави, концепцию единства (таухид), которую он отстаивал как основополагающий принцип ислама. Из-за этого его порой обвиняли в причастности к школе мутазилитов. Безосновательность таких обвинений, вероятно, была призвана доказать «Рисала фи исбат ас-сифат». Сочинение, ставящее целью опровержение мутазилитов, также посвящено теме атрибутов, по сути, направлено против тех же положений ашаритской и матуридитской теологии, что подверглись критике в его комментариях к «Акаид» Насафи.

Наибольшую известность получило сочинение Курсави «ал-Иршад ли-л-‘ибад» («Наставление людей [поклоняющихся Богу]»). В трактате главным образом рассматриваются вопросы, касающиеся источников и принципов, применяемых в мусульманском правотворчестве (усул ал-фикх). В нем также нашли отражение элементы доксографии, основные положения суфизма.

Сочинение носит подчеркнуто полемический характер и направлено против современных ему «невежественных ученых», приверженцев таклида (некритического подражания авторитетам прошлого), полагающих, что «заменили значения Корана и сунны книги калама и фикха», что хадисы могли применять в качестве доказательства лишь муджтахиды. Отвергая подобные утверждения, Курсави призывает непосредственно обратиться к сунне, подчеркивает несомненное преимущество хадисов над фетвами поздних правоведов. Курсави последовательно отстаивает приемлемость в качестве правовых аргументов хадисов, имеющих лишь одну цепь передачи – т.н.

хабар ал-вахид. Тем более для него очевидна правовая сила достоверных преданий. Поскольку посредников затрудняют проверку сведений, следует обращаться к сборникам таких авторитетных имамов как Бухари, Малик б. Анас, Муслим, Тирмизи, Абу Дауд, Насаи. Тщательная проверка иснада и текста хадисов, выполненная ими, заслуживает доверия, потому их сборники могут служить для того, чтобы путем сопоставления определять подлинность какого-либо хадиса [Курсави, 1903, с.23–24].

Важное место в трактате уделяется проблеме иджтихада (самостоятельного поиска аргументации и вынесения решения по какому-либо вопросу). Курсави, объясняя значение термина, четко определяет и сферу применения иджтихада – это область фуру’ – «ветвей» религии, вопросы фикха. Ни в коем случае иджтихад не применяется в усул – основах вероучения и кат’ийат – там, где имеются ясные однозначные указания источников. Опровергая расхожие представления о том, что «двери иджтихада закрыты», «муджтахиды исчезли много веков назад», Курсави излагает основные требования, предъявляемые к муджтахиду. Помимо безупречной репутации и совершенного владения арабским языком, он должен обладать обширными познаниями Корана, сунны, постановлений иджма’ по различным вопросам, в совершенстве владеть методами кийаса и знать условия его применения. Вынесенное им решение не должно противоречить этим источникам.

Иджтихад в понимании Курсави не только право, привилегия интеллектуалов, скорее это обязанность, возложенная на каждого образованного мусульманина в той мере, в какой он на это способен. Истина в вопросах, где применяется иджтихад, лишь одна, и потому муджтахид не застрахован от ошибки, в равной степени он может и ошибиться, и оказаться правым. Усилие, направленное на достижение истины, оправдывает муджтахид, даже если он пришел к неверному решению, ибо сам Пророк утверждал: «Если муджтахид старался и оказался прав – ему две награды, если ошибся – одна». Таким образом, Курсави подчеркивает благочестивость самого акта иджтихада, который

принимает характер служения, и потому уже непреднамеренная ошибка не может считаться грехом.

Все это касается области фуру’, совершенно иначе обстоит дело с вопросами догматики (и’тикадийат): «Что касается ошибающегося в основах веры и догматике, то он порицается, и даже обвиняется в заблуждении или неверии» [там же, с.27]. Настаивая на приверженности Корану и сунне, Курсави подчеркивает абсолютный и неизменный характер их положений, относящихся к делам веры. Иджтихад может применяться только при решении частных вопросов, разработке новых норм касающихся отношений между людьми.

Наглядным примером использования иджтихада является решение Курсави таких вопросов, как совершение ночной молитвы в летний период и пятничной молитвы в местных селениях, когда отсутствуют необходимые для этого признаки и условия: исчезновение вечерней зари, наличие больших городов с соборными мечетями. В обоих случаях Курсави отстает от обязательности выполнения данных предписаний, строго закрепленных Кораном и сунной, наличие соответствующих условий в вынужденных обстоятельствах отходит, по его мнению, на второй план. В этом его позиция в корне отличалась от взглядов Утыз-Имяни, выступавшего за отмену как ночной молитвы, так и пятничной.

По мнению Курсави невежество, распространившееся среди ученых из-за нерадения и пассивности в изучении Корана и сунны, положило начало распространению бид’а (пагубных нововведений). В этом вопросе также проявляется характерное для автора различие подходов относительно сфер проявления нововведений: культовой (‘ибадат) и в области, касающейся отношений между людьми (му’амалат). В случае му’амалат, если не имеется специального указания шариата, то новшество считается правильным и допускается. Что касается вопросов ‘ибадат, то всякое действие, не подтвержденное одним из четырех законных источников, является бид’а и заблуждением, следовательно, оно запрещено.

Путь к исправлению общества Курсави видел в искоренении бид’а, возврате к Ко-

рану и сунне, в возрождении норм раннего ислама, включая практику иджтихада. Тщательное исследование аргументации – неперемненное условие для принятия или опровержения какой бы то ни было фетвы, что, по его мнению, соответствует принципам и ранних сподвижников, и основателей мазхабов, включая самого Абу Ханифу. Мазхаб Абу Ханифы не имеет ничего общего с тем, что пытаются приписать ему невежды, утверждает Курсави. Ибо Абу Ханифа допускал таклид сподвижникам, переход из одного мазхаба в другой и запрещал выносить фатву, не зная ее обоснований, тогда как они совершают прямо противоположное. Лишь соблюдение этих трех правил гарантирует согласие с принципами Абу Ханифы, который был продолжателем линии ранней общины, мазхаб его – «то, как действовал Ибн Мас‘уд» – один из ближайших сподвижников Пророка. В такой, довольно своеобразной манере, сквозь рассуждения Курсави проступает апология ханафизма.

Сторонник строгого соблюдения Закона, Курсави неоднократно останавливается на правомочности обвинения в куфре (неверии). Интерес к теме не случаен, тем более, что всю тяжесть этой ситуации ему пришлось испытать на себе. Для вынесения такого страшного приговора, считает он, необходимо выполнение двух нелегких условий: во-первых, необходимо точно выяснить внутренние убеждения человека. Но мало кто способен разобраться даже в самом себе, не говоря уже о ком-то другом. Второе условие – достоверное знание того, что же в действительности является куфром. Это также трудно выполнимо из-за отсутствия точного определения в источниках (Коране и сунне). На это способен лишь тот, кто достиг совершенства нравственных и интеллектуальных качеств, освободился от влияния низменных страстей. Только при соблюдении этих условий можно делать заключение о наличии куфра или его отсутствии. Более того, чтобы обвинить какого-либо человека в неверии, требуется его собственное признание, свидетельства и «явные указания», во внимание не принимаются.

В рассуждениях Курсави по поводу критериев неверия также прослеживается пре-

емственность с давней традицией, истоки которой восходят к Абу Ханифе. Великий Имам весьма осторожно подходил к этому вопросу и также предостерегал своих последователей от необдуманных обвинений в куфре. Позиция Курсави обращает на себя внимание тем, что свидетельствует не только о смелости его убеждений и независимости взглядов, но являет собой пример обоснования столь редкой в ту эпоху религиозной терпимости.

Будучи сторонником Газали, влияние которого особенно ошутимо в главе о тасавуфе, Курсави осуждал вульгарные проявления суфизма, совершение обрядов, не обоснованных шариатом (плата за чтение Корана, совершение ду‘а), исповедание чуждых источникам веры идей. Большинство современников, как писал Курсави, причисляют себя к этому учению, не понимая истинного его содержания и цели, что и подвигло его на изложение основных положений суфийского учения и практики. Наибольшую ценность для него представляли морально-этические принципы суфизма, которые он стремился согласовать с традиционным учением.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в течение XVIII в. шло постепенное усиление возрожденческих настроений в мусульманском обществе Поволжья и Приуралья, получивших отражение в литературе того периода. Происходило это в рамках процесса очищения ислама, охватившего многие регионы. Основные положения – стремление возродить авторитет сунны, строгое соблюдение шариата, критика бид‘а – в равной степени были присущи учениям Ахмада Сирхинди и Мехмеда Биргеви, очевидно, служившим ключевыми источниками распространения в Волго-Уральском регионе возрожденческих идей. Таким образом, зарождение в рамках «умеренного» суфизма, под непосредственным влиянием учения Газали во многом предопределило специфику этого движения – переплетение идей салафизма с суфийским учением, обращение к правовым принципам раннего ислама и усиленное внимание к этической стороне вероучения.

Начиная с последней четверти XVIII в., в условиях более свободных контактов со

Средней Азией духовно-интеллектуальная жизнь мусульман Поволжья и Приуралья заметно оживилась, приобрела качественно новые особенности: не ограничиваясь сферой адаб в форме поэтической дидактики, в татарском обществе ведется разработка вопросов «правоверия» на уровне классической богословской традиции. Особая роль в этом процессе принадлежала воспитанни-

кам среднеазиатских шейхов муджаддидийа Габдерахиму Утыз-Имяни и Габденнасыру Курсави. Несмотря на различия в их взглядах, общее, что объединяло этих мыслителей – критика признанных авторитетов, содержания официального мусульманского учения их времени и стремление возродить чистоту веры и вернуться к истокам раннего ислама.

§3. Образ предков и идентичность татар: в контексте «Божьего града Болгара»

Искандер Измайлов

Идентичность мусульманского населения Волго-Уральского региона в период раннего Нового времени продолжало носить конфессиональный и сословный характер. Важнейшим элементом самосознания мусульманского населения являлось отношение к историческому прошлому. В этой связи можно полагать, что «культурно-историческая идентичность общества по сути своей означает проблему его субъектности в историческом процессе, интерпретируемом в данном случае как реализация определенной культурной традиции» [Гибдуллин, 2005, с.118]. Субъектность эта развивается, как в общем, так и в частном. Нация определяет свое место в истории, но через самоопределение всех членов этой общности. Здесь существует особая диалектическая связь: с одной стороны, позиция каждого индивида зависит от коллективного сознания и традиции, но и оно зависит от состояния умов всех и каждого из ее членов.

Можно констатировать, что в самом общем виде история нации – это коллективная память поколений. Для нас в данном случае малозначимо, что существует история, как коллективная память и история, как наука, познающая прошлое. Ведь условиях развития средств массовой информации и всеобщего среднего образования грань между ними постепенно стирается. В коллективной памяти народа оригинальны в большей степени воспоминания в пределах одного-двух поколений, тогда как о далеком прошлом широкие массы народа узнают не из семейных преданий, а из книг и средств масс-медиа. Как своеобразное эхо, много-

кратно повторенное и искаженное от гласа самого народа, артикулированное трудами историков.

Татарские мыслители и историки в период позднего средневековья и раннего Нового времени начали вырабатывать свою традицию, на основе более ранних историописаний, которая отличалась в определенной степени от наследия золотоордынского историописания [Измайлов, 2009, с.653–658]. В новой концепции утверждалась мысль о преемственности болгар и татар, но при определяющем влиянии болгарских религиозных традиций. В пользу ее, по мнению авторов, свидетельствовали распространение ислама, городская цивилизация и исторические предания. Волжская Булгария всегда занимала особое место в трудах татарских историков. Особенно это актуально для периода, когда происходило становление нации. Судя по всем источникам, становление татарской нации происходило в несколько этапов [Исхаков, 1997б, с.61–90]. Первый из них был связан со становлением мусульманской нации. Причем, определено «мусульманская» общность довольно часто самими идеологами трактовалась как «булгарская». Отсюда распространенное пристрастие к поискам болгарских истоков и особенно подчеркивание «святости древнего Болгара» и его традиций, как «истинно правоверной». Для них характерно и настояренное, негативное отношение к татарской идентичности (традиция служилых татар и «Дафтар-и Чингиз-наме»).

Становление письменной традиции булгаризма, можно отнести, очевидно, еще к пе-

приуду Казанского ханства, когда представления об «избранности» рода Чингиз-хана и его потомков стали трансформироваться, объединяясь с преданиями о булгарской истории [Измайлов, 2000, с.99–105; Измайлов, 2006, с.99–128]. Однако в условиях поражения восстаний татар и башкир под знаменем «потомков Чингиз-хана» – правителей из рода Джучи – начали нарастать настроения разочарования и безнадежности в методах вооруженной борьбы и идеологии «чингизизма». Привычная монокультурная среда татарского средневекового общества, в которой ценности ислама играли определяющую роль, была разрушена Российским царством: ислам потерял прежнее господствующее положение; обычаи, сама культура татар подвергалась ограничениям и гонениям; усилилось давление на военно-служилую знать (даже лояльную Москве), которая потеряла свои земли и привилегированное положение в татарском обществе.

В таких кризисных условиях для татарского общества практически полной гибели светской политической культуры знати на ведущие роли выходят религиозные деятели. Они выдвигают идеи преодоления этих трудностей своеобразным путем – духовного обновления и обретения «Божественного Града». Причем, это не столько реальный земной Город, сколько Горний, «небесный» или «духовный» Град. Способом достижения (или вернее обретения) его считалось создание общины социальной справедливости (ибо «несправедливость разрушила святой Болгар»). В условиях Поволжья эти представления о социальной гармонии (очень близкими к первоначальному, «неиспорченному», «традиционному» «первоначальному» исламу) причудливо переплелись с традиционным воззрением на особую святость древнего города Болгара (они, определенно, насыщались элементами и символами прежнего булгарского этнополитического сознания). В результате возникло течение общественной и политикорелигиозной мысли, символом которой стал «Святой Град Болгар».

В мировой культуре подобный феномен приобрел в социальной антропологии название «кризисный культ» [La Vague, 1971,

р.3–44], под которым он понимал все различные мессианские и милленаристские (т.е. стремящиеся к созданию царства вечного благоденствия) движения. Кризисные культы представляют собой массовые аффективные, иррациональные движения, ставящие себе целью преодоление трудностей, выход из тупика в условиях, когда решение задачи разумными способами невозможно (провал вооруженных восстаний и утопичность планов создания независимого города Болгара внутри Российской империи) или может потребовать от общества таких усилий и самоограничений, на которые оно пойти не готово (всеобщее восстание или кампания гражданского неповиновения). Адепты кризисных культов, не в состоянии избавить людей от раздражающих негативных явлений, но создают иллюзию избавления. Как правило, кризисные культы претендуют на способность преодоления не только частных трудностей (причин, породивших их), но и решение основных проблем бытия (открытие смысла жизни, взвешенное блаженство). Они сулят вечное счастье и благосостояние всем сторонникам (но только после достижения власти) и гибель всем, кто противостоит движению или равнодушен к нему. Только постановка таких сверхзадач и дает возможность мобилизовать сторонников и заставить их на время забыть о реальных страданиях и потерях.

На этот контекст накладывались милленаристские представления о «святом граде Болгаре» не только как форма переживания великого прошлого, но и грядущего «тысячелетнего царства справедливости» для правоверных мусульман. Скорее всего, в этом смысле следует понимать воспевание святости и духовного совершенства «города Болгара» (Утыз-Имяни, Гали Чокры) и политических прокламаций, призывающих приложить усилия к возрождению «Болгара» (мулла Мурат, Батырша). Например, мулла Мурад прямо проповедывал своим сторонникам, что «настало время «возобновления самого «града Болгара» [Хасанов, 1977, с.58; Гайнутдинов, 2000, с.8–12].

Определенно, что только в таком контексте понятны обращения к истории и истокам духовной традиции. Во всяком случае, термин «Божий град Болгар» и производные

от него вполне реальны как духовные символы, но эфемерны на реальной этнополитической карте, найти следы которых сродни попыткам обнаружить «Третий Рим» или «Новый Иерусалим», а «обретение «святого града Болгара» на месте развалин золотоордынского Болгара сродни стремлению восстановить «Храм Соломона» на горе Сион. Подпитывались представления о прошлом величии Болгара и восточной историко-географической традицией, где представления о Поволжье, как области ислама и «стране Булгар» были распространены уже с X в., став для восточных интеллектуалов элементом традиционной «картины мира». Преподаваемые в медресе (причем, как в среднеазиатских – ведь значительная часть татарского духовенства училась в Средней Азии, так и поволжских) подобные традиционные формулы постоянно воспроизводились во время учебного процесса.

«Святой Болгар» являлся для татарского общества кризисным культом и распространился особенно широко в религиозной среде, став знаменем борьбы за свободу и веру. Мулла Мурат, Батырша и многие другие «взыскующие града» деятели сумели сплотить мусульманскую умму и создать давление на царские власти. Их борьба увенчалась определенным успехом: в 1784 г. власти частично признали за татарской мусульманской знатью дворянские права, в 1788 г. создано духовное управление мусульман и др. Все это снизило градус накала борьбы и в какой-то мере примирило татар-мусульман с властью. Идеологи ислама и «булгарских традиций» стали больше обращать внимание в своих работах не борьбе с царизмом и духовному противостоянию, но для утверждения мусульманских «булгарских» традиций, собиранию сведений о святых местах, легендах и преданиях (напр., труды Хусамаддина Ибн-Шарафаддина, Таджаддина Йалчигула, Муслими и др.) [Галаяутдинов, 1990; Мөслими, 1999; Әмирхан, 2001; также см.: Frank, 1998; Франк, 2008].

В такой сложной общественно-политической обстановке происходило становление «мусульманской» этнокультурной общности в Поволжье в XVII–XIX вв. [Исхаков, 1997б, с.68–70; Татары, 2001, с.141–142].

Консолидация тюрко-мусульман именно по конфессиональной идентичности было вызвано воздействием целого ряда факторов. Во-первых, сильнейшего давления имперской власти, стремящейся полностью искоренить мусульман на своей территории и проводившей политику насильственной христианизации и русификации, что не могло не вызвать объединения единоверцев с целью коллективного противостояния политике властей. Во-вторых, после окончательного деклассирования слоя военнослужилой аристократии роль руководителей мусульманских общин взяли на себя представители духовенства, которые играли важную роль в сопротивлении, в том числе и вооруженном (восстание Батырши) [Гилязов, 1997, с.13–21]. Однако вопреки мнению некоторых авторов, неправильно понимающих, что такое этническая идентификация [Хабутдинов, 2008, с.4; критику см.: Исхаков, Измайлов, 2007, с.169–200], никакой «болгарской» этнонациональной идентичности и ее активных пропагандистов в лице «движения абызов» в источниках не зафиксировано.

Историки, прекрасно разбирающиеся в этих вопросах, прямо указывают, что термин тахаллус «ал-Булгари» или апелляция к булгарским корням «не несет никакой этнической нагрузки и не заменяет ее» [Кемпер, 2008, с.32]. Более того можно сказать, что весь этот «булгаризм» имел книжное происхождение и апеллировал к традиции и мифическим предкам, очерчивая рамки, современные реалиям «мусульманской» нации в середине XVIII – начале XIX в. Как писал по этому поводу немецкий исламовед и историк М.Кемпер, «это «литературное булгарское пространство» соответствует населенной мусульманами территории между Средней Волгой и Уралом, охватывая на востоке деревни на Урале, на юго-востоке Каргалинскую слободу под Оренбургом ... территорию к югу и северу от Камы до Казани, а также правый берег Средней Волги; на западе и севере эта «Волжская Булгария» ограничена территориями чувашей, марийцев и удмуртов, которые в XIX в. были христианизированы, а вдоль Волги достигает Новой Кулатки под Саратовым» [Кемпер, 2008, с.31]. Иными словами, ареал этой

«булгарской» идентичности охватывает территорию формирования новой консолидирующейся общности – «мусульманской» нации, маркируя ее особым способом – показывая от какого наследия тюрко-мусульмане никогда не откажутся.

Суть этого «булгарского дискурса» выраженного в целом ряде, условно говоря, «исторических текстов» (современные издания см.: [Галаютдинов, 1990; Мөслиман, 1999; Әмирхан, 2001]) прекрасно проанализирована А.Франком ([Frank, 1998], русский перевод см.: [Франк, 2008]). Автор подчеркивает, что эта историография, подпитываемая древними преданиями и, возможно, не имевшая прямой писанной традиции, восходящей к историописаниям средневековой Болгарии, служила целям объединения волго-уральской мусульманской общины на основе значимых для нее коннотаций, являясь особой формой социального и политической протеста [Франк, 2008, с.57–66]. Судя по тексту этой «булгарской» историографии значимыми моментами для мусульман Волго-Уральского региона являлись несколько положений. Во-первых, укорененность на данной территории с давних, практически мифологических времен. Во-вторых, принятие ислама в давние времена и из рук асхабов самого Пророка, завещавших устои веры, отступления от чистоты которой вело к гибели страны и народа. Определенная переключка с кораническими преданиями только делало эти эсхатологические предсказания более весомыми и авторитетными, заставляя считать вероотступничество тяжчайшим преступлением и перед общиной, и перед своими предками. В-третьих, уже в далекие времена мусульмане-булгары имели развитую государственность, чья генеалогия переплетается с родом Пророка или его асхабов. В-четвертых, древность связей мусульман Поволжья с единоверцами из стран Востока, что вводило их в состав «исторических» народов.

После ослабления имперского давления на татар с целью их русификации и христианизации и провозглашения политики свободы вероисповедания вектор этой историографии чуть сменился, ослабляя антирусскую направленность, но в целом сохранил свои основные элементы [Франк, 2008,

с.67]. Во многом основой для подобных историй являлась богатая устная и письменные историографические традиции, которые, действительно, частично могли восходить еще к булгарской историографии. По крайней мере, часть легенд, которые стали основой «булгарского» дискурса имеют аналогии и прямые переключки со средневековыми текстами (подробнее об этом см.: [Измайлов, 1996, с.97–113; Frank, 1998, p.12–20, 61–67]), что заставляет считать, что какие-то исторические предания булгар в трансформированном виде могли сохраниться вплоть до XVIII в. В первую очередь, это касается легенд о «начале истории» булгар – это принятии ими ислама и роли в этих событиях мусульманских проповедников. Структура самого повествования примерно одинаковы: болезнь правителя булгар, его излечение мусульманским праведником, принятие ислама правителем Болгарии и победа над врагами с помощью божественной воли. Различия, за исключением некоторых деталей, фактически только в средневековой версии речь шла о факихе из Бухары, а в поздних легендах и историографии XVIII в. – об асхабах Пророка Мухаммада. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на фундаментальное отличие средневекового дискурса от книжного «булгаризма» XVIII в. – историописание булгар обозначало начала своей истории, объясняя вектор будущего развития, в то время как поздний «булгаризм» был направлен в прошлое, выясняя причины и условия утраты «золотого века». Если для средневекового сознания история являлась реально переживаемым событием, связь с которым была прочной и непосредственной, то для авторов «булгарских историй», она была давно утраченным временем, с которым «распалась связь времен». Есть еще одно отличие: для средневековых авторов их историописание служило обоснованием их коллективной идентичности, то для авторов XVIII–XIX вв. «булгарский» дискурс не был основой их идентификации. Кратко это можно сформулировать таким образом: все булгары были мусульманами, но не все современные им мусульмане являются «булгарами» по духу и образу жизни. «Булгарство» являлось для них, скорее, целью, чем

реальностью, не состоянием, а процессом. По их мнению, к обретению «булгарства» (как «золотого века») еще следовало придти путем праведной жизни, полной религиозного рвения. Иными словами, подчеркивая свое «булгарство», авторы XVIII–XIX вв. имели в виду не этнокультурную принадлежность и даже не сословную, а свою духовную связь с традиционным «чистым» исламом, который якобы существовал в далеком прошлом.

Причем, судя по трудам типа «Тэварихы Болгария (Болгар тарихы)» «булгарская» общность самими идеологами трактовалась как «традиционная мусульманская идентичность», т.е. «чистая вера», которая якобы сохранилась у части духовенства, тогда как татарская аристократия, погрязшая в грехах, привела страну к гибели. Отсюда распространенное пристрастие к поискам болгарских истоков и особенно подчеркивание «святости древнего Болгара» и его традиций, как «истинно правоверной», чье падение было вызвано не столько внешними причинами, сколько вследствие ослабления веры и вероотступничества. В этом смысле для этой традиции было характерно настороженное отношение к ближайшей истории татарских ханств, поскольку, следуя указанной логике, адепты «булгаризма» считали, что их правители виновны в отступлении от чистоты веры. Для них характерно и настороженное, негативное отношение к татарской идентичности (традиция служилых татар и «Дафтар-и Чингиз-наме»).

Однако этой тенденции не стоит придавать подобным антитатарским инвективам слишком большого этнического значения, как и конструировать некую «булгарскую» этнокультурную общность под управлением абызов. Подобная позиция была подвергнута вполне справедливой критике, указывающей на явные политические коннотации «булгарской» идентичности, сопряженность и взаимоперекрывание булгарской и мусульманской идентичности, а также то, что внутри нее латентно существовали и другие типы самоидентификации, в первую очередь сословные и родовые [Исхаков, 1997а, с.22–33].

Прежде всего, это касается татарской идентичности. Очевидно, что первоначальными

носителями ее являлись служилые татары, но в условиях деклассирования татарская аристократия, утратив сословные привилегии, оказалась практически в том же положении, что и податное сословие, но сохранили свои генеалогии и представления о своей принадлежности к татарскому роду. В условиях, когда императрица Екатерина II вернула частично служилым татарам некоторые сословные привилегии, они стали фактически лидерами мусульманских общин, занимая выборные и духовные посты. Присутствие этого слоя с особым самоназванием и четко выраженной идентификацией некоторые исследователи предпочитают не замечать. Доказательством реальности его существования являются многочисленные источники. Это как иноэтничные русские государственно-правовые документы, так и татарские источники, среди них произведения фольклора (дастаны «Идегей», «Чура-батыр», «Тахир и Зухра» «Хаэрнисе баите» и др.), генеалогии, рукописные словари и календари, а также актовый материал XVII–XVIII вв. Следует подчеркнуть, что последние предназначались именно для внутреннего употребления и не несли следов «внешнего» воздействия. Эти и другие материалы наглядно свидетельствуют, что среди мусульман Поволжья уже с XVII в., наряду с мусульманской, формируется особая татарская идентичность [Исхаков, 1995а, с.77–83; Исхаков, 1996, с.30–33, 73].

В свете этих фактов «булгарская» мусульман Волго-Уральского региона представляется не столько свидетельством реального сохранения булгарского самосознания с эпохи раннего средневековья, сколько некоей ментальной конструкцией, сначала объединявшей мусульман в борьбе за свободу и веру в виде кризисного культа, а затем перевоплотившейся в охранительную традиционалистскую идею, стремящуюся объединить мусульман вокруг чистоты веры поволжских мусульман, которые отвергают все новшества, идущие с Востока, разрушающие эту целостность. Постепенно по мере ослабления давления империи извне в мусульманской общине происходят процессы размежевания внутри общины. Начинают проявляться тенденции к локализации собственной идентичности внутри большой

мусульманской нации. В этих условиях «булгарская» идентичность становится еще более эфемерной конструкцией. Пройдет немного времени и ее целостность будет разорвана новыми ментальными конструкциями, в первую очередь растущей татарской идентификацией.

Очевидно, что в основе всех этих тенденций лежат сословные, политические и даже социально-экономические интересы верхов общества, прежде всего Казани и связанных с ней регионов [Кемпер, 2008, с.216–247]. Взяв за основу суфийскую благочестивость, оправдывающую накопление и преумножение богатства (своеобразный «исламско-протестантский дух капитализма», как его удачно назвал М.Кемпер), татарские купцы стали формировать и новую татарскую идентичность, которая, однако, не могла игнорировать булгарскую традицию. Свидетельством борьбы различных идентичностей в определенном смысле является письмо татарина М.Муслимова в редакцию журнала «Сын Отечества» в 1815 г., в одной из публикаций которого Наполеон был назван «Корсиканским Татарин» (из контекста явно, что слово «татарин» заменяло другое простое русское слово). Оскорбленный автор в довольно едком письме явно намекал, что татары, хотя и были народом диким, но в военном отношении стояли гораздо выше французского императора, поскольку завоевали Россию (см.: [Бурмистрова, 1993, с.56–59]). Письмо написано остроумно, но его никак невозможно назвать «официальным татарским историографическим направлением». Очевидно, что автор просто плохо разбирается в про-

блемах развития татарской общественной мысли в целом, и татарской историографии в частности. Мысль о том, что татары – это потомки диких азиатов, больше напоминает европоцентристские теории, чем татарскую историографию. И на этом пути они должны были отказаться не только от прежней историографии, но выработать свою, более научную и современную. Во многом успех этого проекта был связан с бурным развитием исторической науки в России, которая довольно давно обратила внимание на историю и происхождение татарского народа.

Волжская Булгария всегда занимала особое место в трудах татарских историков. Пытаясь создать новую историческую традицию, татарские общественные деятели не могли обойти стороной ни вопрос о месте в истории татар средневековой Булгарии, ни игнорировать определяющее значение Улуса Джучи. Зарождающаяся татарская историография, вырабатывая свою традицию, сделала попытку пройти по тонкому льду. Сохраняя преемственность с предшествующей традицией и более ранними историческими повествованиями, она утверждала мысль о преемственности булгар и татар, но при определяющем влиянии на этническую историю булгар этнокультурных и социальных процессов протекавших в период Улуса Джучи. Эта традиция только начинала проявляться в конце XVIII в., а полностью реализована будет уже в середине XIX в. в трудах великого татарского мыслителя и историка Ш.Марджани, выработавшего основания для новой татарской идентичности, вобравшей в себя прежние, в том числе и булгарскую, традиции.

ГЛАВА 8

Развитие татарской культуры в XVII–XVIII в.

§1. Татарская письменность

Завдат Миннуллин

Функциональное развитие старотатарского языка и следовательно письменности в XVII–XVIII вв. не было одинаковым как во временном, так и в пространственном отношении. В результате ликвидации татарских государств (Казанского, Астраханского, Сибирского, Касимовского ханств) татарская письменность перестала обслуживать собственные государственные структуры. В то же время, даже после катастрофических для татар событий второй половины XVI в., функционирование татарской письменности имело более широкий ареал, чем собственно этническая территория, т.е. Поволжье и Приуралье. Связано это, прежде всего тем, что старотатарский язык продолжал играть роль параллельно функционального дипломатического языка государства Российского.

Конечно, это было не новым явлением, а следствием глубокой исторической традиции с одной стороны и результатом территориального расширения России, установления и развития дипломатических отношений с восточными народами и государствами с другой стороны. Еще академик В.В.Бартольд, освещая историю русско-восточных отношений и прослеживая судьбу посольства 1675–1677 гг. во главе с Мухаммад-Юсуфом Касимовым в Индию, писал: «Касимов был одним из тех деятелей татарского происхождения, которые в XVII и XVIII вв. оказали России большую услугу при сношениях с переднеазиатскими и даже с восточноазиатскими государствами. Благодаря находящимся на русской службе татарам, русское правительство для сношений с правительствами мусульманских стран располагало готовыми кадрами переводчиков; этим отчасти объясняется, почему переднеазиатские языки еще в XVIII в. изуча-

лись в России менее, чем языки Восточной Азии. Татарский язык был некоторое время языком дипломатических сношений между Россией и Персией. Грамоты на персидском языке также переводились в России, вероятно, татарами и излагались слогом русских официальных бумаг...» [Бартольд, 1977, с.372–373].

Следует подчеркнуть, что функционирование тюркского (позднее старотатарского) языка в русско-восточной переписки уходит в глубь веков. Широкое развитие тюркоязычное официальное делопроизводство в Восточной Европе получает в так называемую золотоордынскую эпоху.

Функционирование татарской письменности в XVI–XVIII вв. приобретает еще более широкий размах, о чем свидетельствуют многочисленные исторические источники. В составе Посольского приказа существовала «Татарская канцелярия», которая полностью сформировалась в 1549 г. Во второй половине XVII в. в этом приказе, наряду с переводчиками с латинского, польского, греческого, немецкого, шведского, голландского, английского, грузинского, персидского, арабского, турецкого и других языков были и татарские переводчики. Из 22 переводчиков в 1689 г. 8 человек были переводчиками с татарского, некоторые одновременно знали и турецкий язык. Глубокая историческая традиция, наличие готовых переводчиков в лице татар в сношениях России не только с Крымом, Турцией и тюркоязычными правителями Кавказа, Казахстана, Средней Азии, но также с Ираном, Индией, Монголией, даже с Китаем русские послы и посланники наравне с русскими по языку и основными по функции грамотами обеспечивались их противнями – дубликатами на старотатарском языке. Издание Манифеста

Петра I во время Персидского похода на татарском языке, «Указы и манифесты» «императора» Е.И.Пугачева, а также весь комплекс татароязычных документов времен Крестьянской войны 1773–1775 гг. также является результатом многовекового функционирования татарского языка и письменности как языка международных сношений России с восточными странами и своими тюркоязычными подданными (подробнее об этом см.: [Усманов, 1994, с.123–138]).

С другой стороны, татарский язык и письменность, после падения Казанского ханства потеряли свою роль в качестве инструмента функционирования официальной, государственной историографии татарского народа. С ликвидацией государственности историография лишается стимулов для нормального существования и развития. О тесной связи государственности и официальной историографии наглядно свидетельствует «Джамигат-Таварих» («Сборник летописей») Кадыр-Али-бека (1602 г.) созданный даже в марионеточном «государстве», каковым являлось Касимовское ханство. Несмотря на то, что в этом сочинении присутствует многословная похвала царю Борису Годуну, некоторые исследователи квалифицируют ее как памятник «историографии чингизидского двора, профинансированной русским государством» [Франк, 2008, с.30]. Появившиеся в XVII–XVIII вв. памятники татарской исторической мысли, такие как анонимный сборник «Дафтар-и Чингизнаме» и сочинение Муслими «Таварих-и Булгария», хотя и претендовали на «всеобщую» национальную историю, не являются таковыми в строгом смысле этого слова. М.А.Усманов, детально анализировавший татарские исторические источники периода позднего феодализма, пришел к выводу, что в них, во-первых, усиливается литературно-художественное начало; во-вторых, из-за отсутствия объединяющего центра взамен общетатарских «историй» развиваются; в-третьих, усиливается провиденциализм; в-четвертых, место подотчетного историка-профессионала занимает историк-любитель» [Усманов, 1972, с.31–32].

В повседневной жизни народа основанная на арабской графике татарская письменность играло, можно сказать, пре-

имущественную роль. В обучении в многочисленных мектебе и медресе, а также в составлении или переписки рукописных книг по различным отраслям науки того времени применялось письменность на арабской графике. Медресе в определенной степени играли роль скрипториев в татарском обществе.

Распространенным явлением у татар было составление родословных записей – шаджара и народно-краеведческих сочинений по истории сел, городов, медресе и мечетей. По определению М.А.Усманова «принципиальной особенностью татарских шаджара является отсутствие среди них всеобщих, кодифицированных, общенародных генеалогий, какие, например, имеются у туркмен, монголов, что связано с отличием уровня социального развития татар от только что перечисленных народов и отсутствием у татар в XVI–XIX столетиях объединяющего, организующего центра, каким является суверенная государственность, способная четко, организованно проводить феодальную направленность историографии» [Усманов, 1972, с.172]. Поэтому татарские шаджара XVII–XVIII вв. в основе своей носят локальный и семейно-бытовой характер.

Первоначально шаджара возникает как памятник устной исторической традиции и передавались из поколения в поколение изустно. С течением времени шаджара у татар стала письменно-фиксированным историко-генеалогическим памятником. Как правило, в шаджара схематично кратко или местами более или менее подробно излагаются происхождение, развитие того или иного народа, племени, рода, фамилии. Шаджара является ценным историческим источником по этнополитической, культурной истории народа.

В дальнейшем, на рубеже XVIII–XIX вв. наблюдается оформление нового жанра исторической литературы частного характера – народно-краеведческих сочинений, которые генетически восходят к описательным историческим источникам частного характера прежних времен, главным образом генеалогическим и родословным преданиям XVII–XVIII вв. (подробнее см.: [Шайхиев, 1990]).

С XVIII в. дошли до нас десятки списков татарских рукописных календарей. Летоисчисление в них основано на разных хронологических системах: на древнетюркском, лунном (мусульманском) и григорианском. Это уже является не архаичным, примитивным образом времени, а осмысленным структурированием социального времени, форма осмысления мира как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества. Параллельное существование разных хронологических систем свидетельствует о многоуровневой политической структуре позднесредневекового общества. Сохранившиеся рукописные календари расширяют и обогащают корпус татарских письменных источников. «Они отражают уровень развития сельского хозяйства, применение в быту татар сведений из таких отраслей знания, как астрономия, математика, хронология. Рукописные календари послужили в дальнейшем базой для возникновения и широкого распространения у татар печатных календарей» [Миннуллина, 2006, с.14].

Саяхатнаме (книга о путешествии) – еще одна разновидность татарских письменных памятников известной нам с XVIII в. Наиболее интересными в источниковедческом плане являются «Путешествие Исмагила Бикмухаммедова в Индию» (1751 г.), «Книга о путешествии Мухаммад амина» (конец XVIII в.) К саяхатнаме примыкают хаджнаме, повествующие о путешествиях и поездках в святые места. В саяхатнаме зафиксированы разнообразные факты о культуре, экономике, быте, нравах, этнографии местных народов, а также историко-географическая информация о регионах пребывания (см.: [Усманов, 1967, с.88–103; Алеева, 1993; Алеева, 2006]).

В заурядных татарских деревнях, разбросанных по бескрайним просторам России, создавались и переписывались тысячи и тысячи рукописных книг. Рукописи наглядно свидетельствуют о давних религиозных, культурных и экономических контактах татар со многими народами мусульманского Востока. В книгохранилищах Казани, С.-Петербурга, Уфы и др. городов сосредоточены списки рукописей, составленные в Средней Азии, Иране, Сирии, Турции, Египте, Индии и т.д. [Арабские рукописи, 1987; Дмитриева,

1987, с.407–450; Арабские рукописи, 1996; Арсланова, 2005].

Книжное собрание татарского библиофила XVII–XVIII вв., включало в себя разнообразную литературу: кроме священного Корана, Гафтияка (седьмая часть Корана) и томов по мусульманской юриспруденции нередко можно было встретить книги по истории Ислама, агиографии, мусульманской юриспруденции, восточной философии, географии, медицине, астрономии, математике, художественная литература, образцы татарского народного творчества, шаджара (родословные), документальные памятники. Среди рукописей представлены классики восточной поэзии, как Аттар, Саади, Хафиз, Омар Хайям и др. В еще большем количестве имеются списки произведений тюрко-татарских авторов XIII – начала XX вв., которые существенно обогащают источниковую базу татарского литературоведения.

Основным центром производства рукописных книг были Казань и Заказанье. В ходе археографических экспедиций книги переписанные в этом регионе можно было найти и в Зауралье, и в Оренбургских степях и в Сибири. В 1744 г. под Оренбургом возник еще один центр татарской культуры: это село Каргалы (Сеитов посад), который за довольно короткий срок превратился в крупный центр мусульманской образованности и транзитной торговли между Россией и Средней Азией (см.: [Фэтхи, 1968, 110–113 б.; Искандаров, 2005]). В медресе Сеитовой слободы мударрисами были Габдессалям ибн Урай (1700 – после 1767 г.), Ишнияз ибн Ширнияз (?–1790), Габдрахман ибн Мухаммад аль-Кирмани (1743–1826) и др. Здесь учились будущие известные писатели, богословы и мударрисы Г.Утыз-Имяни (1754–1834), А.Каргалый (1782–после 1833), Г.Рахманкули (?–1835), Х.Салихов (1794–1867), Нигматулла аль-Эстерлебаши (XIX в.) и др.

Что же представляет из себя татарская рукописная книга XVII–XVIII вв.? Текстовое оформление рукописей, в целом не намного отличается от арабописьменных рукописей других мусульманских народов. Красными, иногда зелеными выделялись заглавные начальные фразы сюжетов и имя пророка Му-

хаммеда. Иногда заглавные слова писались другим почерком, подчас стилизованным под «куфи». Пропущенные, по ряду причин, слова, выносились на поля, а вставляемое место указывалось точками или специальным знаком. Знаки препинания в арабском письме применяются крайне мало и редко. Такими знаками служили кружочки, сердечки, звездочки и т.п., которые, в определенной степени, выполняли и функцию декора.

Как свидетельствуют сохранившиеся памятники XVII–XVIII вв., наиболее древнейшая разновидность арабского письма – «куфи», у предков татар, как и у других мусульманских народов, еще в домонгольский период выходит из общего употребления и используется лишь в эпиграфических целях и монетах. Отличающаяся криволинейностью букв и курсивностью разновидность арабского письма – «наш» была наиболее пригодной для скорописи и поэтому получила широкую распространенность. В результате многолетней практики и совершенствования на его базе возник ряд почерковых стилей, более известных под названием классической «шестерки». У татар, как показывают источники, большую распространенность получает почерк – «настаалик» (настаалик-шикасте), который с конца XVI в. завоевал прочные позиции в странах мусульманского Востока. Процесс развития письма у татар, в силу колониальной политики Москвы в XVI–XVIII вв. был нарушен. Поэтому каллиграфически изящных рукописей этого периода сохранились в единичных экземплярах. Застой в искусстве каллиграфии постепенно преодолевается с последней четверти XIX в. В этот период каллиграфическое письмо становится обязательным предметом в учебных планах татарских школ, издаются десятки пособий по арабской каллиграфии.

С древнейших времен до появления бумаги на мусульманском Востоке для письма применяли разнообразные материалы: папирус, кожу, пергамент, ткань, кость, дерево и т.д. Писчим материалом служила бумага, которая еще в XIV–XV вв. вытеснила пергамент из употребления в Западной Европе и на Руси. Судя по филиграммам, это была в основном российская бумага. Имеются сведения также об использовании татарами

западноевропейской, например, голландской бумаги, которая была в ходу в России в конце XVIII в. Отдельные рукописи могли составляться и на восточной, т.е. на среднеазиатской бумаге. Кроме этого татары использовали также бумагу собственного производства. В источниках сохранились имена нескольких хозяев небольших мануфактур по производству бумаги.

Чернила для письма готовились из сажи льняного или какого-нибудь другого растительного масла, камеди, чернильных орешков и купороса или квасцов. В состав рецепта, кроме этих основных компонентов, входили еще и другие материалы: басма, сахар-леденец, для усиления глубины его цвета и степени текучести и блеска. Судя по многочисленным рукописям, можно сделать вывод, что в XVII–XIX вв. в Среднем Поволжье и Приуралье умели изготавливать стойкие и не слишком быстро портящиеся чернила.

Основным орудием письма (калам) у татар в XVI–XIX вв. являлось гусиное перо. По сведениям К.Ф.Фукса, пользовались также перьями «индейского петуха». Перо должно было особым образом подготовлено для письма. Особенно важно было сделать правильный очин и расщеп, что видимо, удавалось не каждому. В этом деле были свои мастера, которые, как свидетельствуют архивные источники, работали и на заказ. Орудием письма служило также тростниковое перо, о чем говорят палеографические данные многочисленных рукописных книг Поволжья и Приуралья XVI–XIX столетий.

Перочинный ножик, который применялся для очинки калама, называли «калам пакесе» или «каламтараш». Чернильница (дават), гусиные и тростниковые перья и перочинный ножик помещались в особом пенале (каламдан).

В условиях отсутствия государственности и политической раздробленности, экономической маломощности феодальной верхушки сильно сужается рынок сбыта каллиграфической продукции, особенно художественно оформленных рукописей. Поэтому основная масса рукописей по качеству носит заурядный характер. В это же время, из этого не следует сделать вывод, о полном отсутствии у татар мастеров кал-

лиграфического письма. Иванай сын Арсая (жил в конце XVII в.), Илми сын Утямыш (1700–1740 гг.), Субхан Марджани, Кадер-мухаммед сын Шаяхмета, Мустафа Чутай – вот имена некоторых хаттатов, которые радовали соотечественников своим искусством. Один из татарских каллиграфов Габдуннасыр Сабитов, родившийся в 1745 г., когда ему было 95 лет, т.е. в 1840 г. писал, что он за всю свою жизнь переписал 223 тома рукописных книг.

Переpleты татарских рукописей изготавливались из различных материалов: обычные обложки, «картон» которых состоит из склеенных листов старых книг, обернутых иногда кусками грубого домотканного холста. Как свидетельствуют археологические источники из Билярского городища (совр. Алексеевский район РТ), у предков татар в XII–XIII вв. в ходу были и металлические обложки книг. Иногда переpleтом служили две дощечки, обычно липовые; встречаются, конечно, переpleты обтянутые качественным сафьяном. Еще в болгарский период выделка кожи в Среднем Поволжье достигла высокого уровня. Эти традиции были продолжены и в последующий период. Автор второй половины XVIII в. П. Рычков имел полное основание писать, что «ремесленных людей по потребности столь немалого города, какова есть Казань, довольно ж Казанская юфть, а паче сафьяновые кожи, черные, красные и желтые во всей России за самые лучшие почитаются». В первой половине XIX в. в Казани работал известный художник-переpleтчик (саххаф) Мухамметгали сын Галляма аль-Булгари. До нас дошли несколько кожаных переpleтов с штамповкой его работы.

В литературе существуют отдельные высказывания об отсутствии в поволжско-уральском ареале художественных образцов в оформлении рукописей, (см.: [Дмитриева, 1987, с.442]) что является результатом игнорирования того факта, в каком положении оказался татарский народ после потери суверенитета в 1552 г.

Общность искусства народов мусульманского Востока была обусловлена общим типом социально-экономических отношений и выросшей на их основе идеологии – религии, а также этических норм и эстети-

ческих взглядов. Сходство художественного стиля в искусстве мусульманских народов нашло яркое выражение и в рукописной книге. Поэтому художественно-декоративное убранство татарских рукописей было обусловлено рукописной традицией народов Среднего Востока. Однако, это не есть слепое копирование.

Социально-политическое положение татарского народа в Российской империи отразилось и в изобразительно-декоративном убранстве татарских рукописей. Уход татарских феодалов – основных заказчиков и потребителей дорогих манускриптов – с исторической арены определило особенности художественного оформления рукописей. Среди них почти отсутствуют иллюстрированные образцы как светского, так и религиозного содержания. Отличительная черта татарских рукописей – это лаконизм. Текст заключался в декоративную рамку и украшался цветными огласовками, обязательными, например, для Корана. При черном основном тексте, огласовки, облегчающие правильное произношение слов, писали красными чернилами или в исключительных случаях золотом. Небольшие розетки, разграничивающие каждый стих (аят) Корана также служили декоративными элементами. При отсутствии орнаментального убранства сам текст играл роль декора.

Обычным для татарских рукописей является то, что растительные и геометрические украшения присутствуют в первых 2–3 страницах текста. Орнаментальные заставки, порой встречаются и в конце отдельных глав. Заголовки (унван) рукописей или отдельных произведений в сборниках (маджмуа) выделялся графически: другим почерком или другим масштабом букв и другим цветом чернил. Колофон (заключение) рукописей также обрамлены ординарными или двойными рамками, которые как бы выполняли функцию хранителей имени автора или переписчика рукописи, а также место и времени создания данной книги. Нередко в конце авторского текста имеются приписки переписчиков, а так же различных владельцев, которые скрепляли свои владельческие права приложением перстневых печатей. В рукописях религиозных трактатов поля страниц в большинстве случаев

широкие и заполнены многочисленными вставками и комментариями. Поэтические произведения, как правило, писались в два столбца, иногда отделенные орнаментированными линиями. Пагинация татарских рукописей восточная, но с начала XIX в. встречается и европейская пагинация.

Документирование частнопровых отношений – это еще одна область, где татарский язык и письменность продолжали функционировать наряду с русскими документами (о татарских частных актах подробнее: [Миннуллин, 1988]).

После вхождения во второй половине XVI в. территории и населения бывшего Казанского ханства в состав Русского государства, татарский народ в основном оказался в сфере иной правовой, следовательно и иной документной ориентации, ибо комплекс частнопровых отношений фиксировался в государственных учреждениях, преимущественно на русском языке (естественно, продолжала функционировать в очень ограниченном виде и словесно-обрядовая форма оформления договоров, сделок).

Однако, как видно из источников, татарские акты частного происхождения, наряду с подобными документами на русском языке, также продолжали участвовать в процессе письменно-юридического оформления различных отношений у татар. Купля и продажа, обмен и залог различного имущества, товарно-кредитные отношения, дарения, завещание и раздел наследства, передача имущества в вакуфное использование, регулирование различных конфликтов между частными лицами, выборы третейского судьи, бракоразводные дела и т.п. – вот далеко неполный перечень различных сфер частнопровых отношений, при фиксации и регулировании которых участвовали акты частного происхождения на татарском языке.

Степень участия татарских частных актов при документировании различных видов частнопровых отношений была различной. Так, например, в области оформления поземельных отношений частные акты на татарском языке переходят на второй план. Это было обусловлено политико-правовым положением татарского

народа в Российской империи, когда принимались специальные законоположения, суть которых сводилась к запрещению земельной сделки между некрещеными татарами и русскими владельцами. Тем не менее, как показывают отдельные документы, татарские частные акты продолжают функционировать и в этой области частнопровых отношений. Ценность подобных свидетельств заключается в том, что они фиксировали те поземельные сделки, которые не находили отражения в официальной документации в русском языке. На второй план переходят также татарские частные акты в области документирования кредитных и других отношений. В то же время некоторые сферы частнопровых отношений, например, бракоразводные дела, оформлялись преимущественно частными актами на родном языке.

Таким образом, несмотря на реорганизацию и подчинение составления частных актов государственными учреждениями, татарские акты в исследуемый период продолжают функционировать, являясь, наряду с подобными документами на русском языке, важным средством фиксации и регулирования правовых отношений как между самими татарами, так и с другими народами Поволжско-Приуральяского региона.

Татарские частные акты исследуемого периода преимущественно составлялись на простой российской бумаге в тетрадной форме. Охранительная функция гербовой бумаги, подтверждающая канцелярский характер документа, не играла особого значения при оформлении различных сделок, договоров.

Частные акты писались на характерном для исследуемого периода в лексическом отношении старотатарском языке. В силу отсутствия общепринятых правил их орфография характеризуется неустойчивостью и непоследовательностью, что в основном явилось следствием возможности передачи одних и тех же звуков татарского языка различными буквами арабского алфавита.

В исследуемый период, главным образом, с XVIII в., в делопроизводственной практике у татар (особенно в городах) заметно усиливается влияние русской делопроизводственной культуры, что нашло свое

выражение прежде всего в терминологии исследуемых документов; через посредничество русского языка проникают элементы и из западноевропейских языков.

Основными исполнителями частных актов у татар являлись служители культа, которые выступали в роли хранителей традиции делопроизводства на родном языке. Писцами частных актов в определенных случаях могли быть и сами контрагенты, т.е. простые грамотные миряне.

Частные акты заверялись подписями контрагентов, свидетелей, а также служителей культа; подписи последних также выполняли функцию знака удостоверения. В силу частного характера функционирования документов удостоверение частных актов печатью не являлось обязательным элементом в процессе оформления сделок, договоров.

Таким образом, и писчий материал, и правила составления, удостоверения анализируемых документов наглядно свидетельствуют о характерных особенностях бытования, статуса татарских актов частного происхождения.

На данном этапе исследования выявлены и учтены более тридцати разновидностей татарских частных актов.

Следует подчеркнуть, что условия для более или менее стабильного функционирования татарской письменности в описываемый период были далеко неблагоприятными. Войны и пожары, народные восстания и миссионерские погромы приводили к безвозвратной утрате значительной части письменных памятников. В многовековую преступную историю уничтожения рукописных книг внесли свою весомую лепту и российские государи, а также чиновники различного ранга. Например, лишь в 1742 г. только в Казани и окрестностях из 536 мечетей

было разрушено 428. Историк-миссионер А.Можаровский отмечал, что «одни из этих мечетей построены были еще до покорения Казани, другие назад тому лет 200 и ниже» [Можаровский, 1880, с.89].

Инструкция в Свяжскую провинцию комиссару Петру Афанасьеву от 27 мая 1757 г. предписывала чтобы «во всех жительствовах мечети вновь строить весьма запрещено, по которому представлению Святейшим Синодом определено оныя татарские, построенные после запретительных наказов мечети, где б оныя ни были, в том числе и в Казани построенные пять, все сломать без всякого отлагательства, и впредь строить не допускать, и позволения в том не давать» [История, 1937, с.332]. Систематическим уничтожением других памятников старины, например, татарских надгробий с надписями занимался известный миссионер Лука Конашевич (см.: [Катанов, 1920, с.298]).

В 1737 г. полковник К.-М.Тевкелев в бытность свою на Южном Урале обнаружил среди населения татарскую рукопись «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.) с добавленным текстом о татаро-башкирских восстаниях начала XVIII в. и, назвав эту рукопись «возмутительным пасквилом», сообщил об этом рапортом в Правительствующий Сенат, велел отыскать, арестовать и наказать переписчика рукописи Мустафу Сына Кутлугахмета.

Таким образом, в описанный период, несмотря на все перипетии судьбы, татарская письменная культура с честью выдержала все испытания, сыграла большую роль в сохранении и развитии многовековой традиции, что привело в конце XIX – начале XX вв. к формированию и бурному татарского книгопечатания, периодической печати и современного татарского национально-литературного языка.

§2. Татарский язык в восточной дипломатии России

Фагима Хисамова

В историческом развитии татарского письменно-литературного языка происходило такое уникальное и чрезвычайно важное явление, которое заключалось в том, что в течение более чем трех столетий

(XVI–XVIII вв.) татарский язык служил Российской империи в качестве второго государственного языка в ее дипломатических сношениях с Востоком. Эта область языкового употребления стала изучаться в татар-

ском языкознании под обобщающим названием старотатарская деловая письменность [Тумашева, Усманов, Хисамова, 1977; Маннапова, 1982; Фасеев, 1982; Гайнутдинов, 1985; Хисамова, 1999].

Как известно, возникновение и функционирование официально-делового стиля литературного языка строго социально обусловлено. Оно предполагает наличие государственности и развитых социально-политических административных, юридических и др. отношений. Появление самых характерных памятников тюркского официально-делового стиля, которое совпало с началом формирования региональных тюркских письменно-литературных языков в XIV–XVI вв., было связано с Поволжским регионом. Это – известные науке ярлыки и битики периода Золотой Орды, Казанского и Крымского ханств.

Следующий этап развития деловой письменности Поволжья (XIV–XVIII вв.) представлен многочисленными дипломатическими, частноправовыми и другими актами на татарском языке, относящимися в подавляющем большинстве к русско-восточным отношениям.

Как свидетельствуют исторические источники со второй половины XVI в. Россия начинает осуществлять активную восточную политику. Одной из основных целей в восточной политике было расширение старых и установление новых связей с государствами Средней Азии, с Монголией, Китаем и др. [Русско-китайские, 1969, с.5]. Грамотами и посланиями на татарском языке, наряду с их русскими оригиналами, снабжались русские посольства в такие страны, как: Индия, Китай, Иран, Турция, Крым и др.

Первое русское посольство в Иран (Кызылбашию) состоялось, например, в 1588–1590 гг. А еще раньше с конца XV в. шла оживленная переписка русского государства с Турцией, с ногайскими мурзами [Сб.РИО, т.95, с.1]. В самом начале XVI в., 1508–1521 гг., состоялось несколько посольств к ногайским мурзам: «...лета 7016 (1508 г. – Ф.Х.) апреля 13го послал князь великий в Нагам князя Темира Якшенина к Асану князю и к иным князьям за грамотами для метовского дела... а писаны грамоты по татарски...» [там же].

К сожалению эти татарские грамоты не отложились в фондах архивов, во всяком случае они еще не выявлены. Самый ранний дипломатический документ, извлеченный нами из архивных фондов, относится к началу XVII в. Это – грамота московских бояр к ногайскому князю Иштиряку, написанная по поводу возведения на трон родоначальника династии Романовых, царя Михаила Федоровича Романова [РГАДА, ф.127, 1613 г., д.3, оп.1]. Грамота написана в 1613 г., несмотря на это верхним потолком хронологии мы берем XVI в., учитывая следующие обстоятельства: во-первых, как явствуют из исторических источников, традиция использования русским государством татарского языка в качестве языка дипломатии с восточными странами действительно восходит к более отдаленным временам. Об этом же сообщает, например, историк Г.Губайдуллин со ссылкой на В.В.Бартольда, что в XVI в., во время царствования сына Ивана Грозного царя Федора, в Среднюю Азию в составе посольства были направлены служилые татары Бакрым Карманов и Байбирди Шаихов [Гобэйдуллин, 1989, с.16]. Во-вторых, благодаря стараниям Х.Файзханова и В.В.Вельяминова-Зернова сохранился богатый комплекс тюркоязычных официальных актов XVI–XVIII вв., извлеченных из архива МИД России, среди которых немало места занимают материалы, аналогичные с исследуемыми нами документами: образцы Крымско-Русской дипломатической переписки [Материалы, 1864].

В Крымских актах, особенно в частях написанных раньше в XVI – начале XVII вв., последовательно отражена все та же традиция официально-делового письма и их языком фактически является татарский. Интересно в этой связи высказывание Г.Рахима и Г.Газизова о том, что Крым использовал татарский язык в посланиях в Москву, учитывая то обстоятельство, что в московских канцеляриях переводчиками работали поволжские татары [Рэхим, Газиз, 1924, с.16, 17].

Судя по тем материалам, которые были выявлены нами из архивных фондов и по тем памятникам, которые были анализированы другими авторами [Маннапова, 1982], самым активным этапом функционирова-

ния татарского языка в русско-восточных дипломатических сношениях можно назвать целиком XVII и начало XVIII вв.

К этому периоду помимо грамоты 1613 г. относятся, к примеру: а) две грамоты, написанные на имя Крымского Адель Гирай султана – 1659 г., а также грамота на имя Калмыцкого Дуваратайши – 1673 г. Сюда же можно отнести грамоту к Индийскому шаху Аурангзебу – 1675 г. и грамоту на имя Калмыцкого тайши Дайчина – 1667 г., которые были исследованы ранее А.С.Маннаповой.

К самому концу XVII в. относятся также: а) две грамоты Ивана и Петра Алексеевичей Иранскому (Ширванскому) шаху Сулейману (1692 г.); б) грамота к Бухарскому Субханкул Бахадур-хану, заготовленная к отправлению с Семеном Маленьким (1695 г.); в) а также грамота Хивинскому хану Мухаммед Эренку (1695 г.) и др.

При изучении языка татароязычных дипломатических актов указанного периода следует учесть их важную функциональную – стилистическую особенность: в подавляющем большинстве случаев эти грамоты являются буквенными копиями аналогичных русскоязычных дипломатических документов, и поэтому в отдельных случаях чувствуется в них некоторая натянутость и искусственность в подборе терминов и стиле изложения. В то же время в них отчетливо прослеживается преемственная связь с предыдущим этапом тюркской деловой письменности; в полной мере сохраняются отработанные веками приемы тюрко-татарского официально-делового общения, которые непосредственно восходят к золотоордынским битикам и грамотам: слова-этикетки, графаретные штампы и т.д.

Из традиционных для языка тюрко-татарских дипломатических грамот в исследуемых нами документах употребляются, к примеру, такие выражения, как: хан эгъзам хэзрэтләремезнең рәхимлек сүзүмез улдыр кем («наше Великого государя милостивое слово»), хан эгъзамхэзрэтләремезнең хат шәрифләремез өчен («Нашего царского Величества высочайшей грамоты ради»), хан эгъзамлык ярлыкашымызны ярлыкармыз («Будет нашего Великого государя милость к ним большая») и др. А новые терминологические образования интересны тем, что

они подбирались зачастую, видимо, из татарской устно-разговорной речи той эпохи. К таковому можно отнести, к примеру, выражения, как: Сезнең йомышлыкыңызга, Сезнең йомышлыкыңыз өчен («за такую Вашему службу»); йомыш кыйлгайсыз («окажите услугу»), бийүк кулумыз астында («в подданстве») и др.

Для большей наглядности о функционировании татарского языка в русско-восточных дипломатических сношениях конца XVI–XVII вв. несколько подробно остановимся на анализе языка наиболее раннего варианта выявленного нами из архивных фондов дипломатического письма – Грамоты, написанной от имени русских бояр ногайскому Иштиряк князю (1613 г.).

Грамота уведомительная, в ней сообщается о событиях, происшедших в самом начале XVII в. в русском государстве, о борьбе против польских и литовских захватчиков, о походе Лжедмитрия в Москву, о свержении его с трона и об избрании «в государи» царя Михаила Федоровича. Грамота содержит также просьбу и напоминание ногайскому князю о необходимости прежней верности русскому государству, о желательности поддержания дружеских связей, торговых сношений и т.д. Приведем некоторые отрывки из этой грамоты.

Имя адресанта: *Олуғ жәмлә Мәскәү мәмләкәтенең байарлардан, дийаклардан вә барча сипаһилардан һәм албауут угланларындан вә тәкый барчасындан...* («От всего великого Московского государства, бояр, старшин и дьяков, от воинов, от сыновей боярских и от всех приказных людей и от всех...»).

Адресат: *Олуғ улусның вә тәкый Нугай урдагының Тын Әхмәд би ханның углы Иштиряк... углы берләң барча мирзаларга вә тәкый ил халкыңызга да булса күбдин күб сәләм тигәч...* «Великого улуса а также Ногайской Орды Иштиряку ... сыну Тин-Ахмед бея, всем мирзам и всему народу...».

Отрывки из основной (повествовательной) части грамоты:

Тәкый Липка курылы куңлүн йаманлыкка алуб, ләшкәре берлә Мәскәү виләйәтен бүлдүрмәк өчүн антын-ширтен бозоп тәкый Мәскәү виләйәтенә үз углун падишаһлыкка бирмәде. Тәкый Мәскәү виләйәте-

нең Смулин дигән каланы жаулаб көч берлән алды, тәкый курилның Мәскәүдәге халкы эч каладан чыгып, антын бозоб, алдау берлә йаңгы таи каласын ут белән йандырдылар, күб Мәскәү халкымызны кырдылар һәм малын таладылар, һәм Мәскәү шәһәрән биләделәр... «Король литовский, поступив неблагоприятно, с намерением разделить Московское государство, нарушив свою клятву, не дал своего сына в Московские государи. После этого он силой со своим войском взял город Смоленск, что в Московском государстве, а в это время люди короля, которые находились в Москве, вышли из внутреннего городка, изменив нам, обманым путем сожгли новый каменный город и деревянный город, побили много Московского люда, завладели Москвой...»

Далее говорится: *Тәкый бу бәланы күрүб, курил халыкны бөлдергәнән, антын-ширтен бозганын, тәкый Мәскәүнең жәмлә, барча йомош халкы үзара киңәш кылыб биләштеләр... Тәкый үз чынлыкмыз өчен, динемез рум дине өчен, Мәскәү вилайәте өчен Липкага каршы торарга. Тәкый без Мәскәү халкы бергә жыйылып килеп Мәскәү астына, Ак таи каланы орошоб алдык...* «И увидев, как король—изменник разоряет народ, собрались все служилые люди Москвы и также весь простой народ, посоветались и решили... за Московское государство противостоят Литве. И собравшись, под Москвой со всем народом с боем отбили от них белокаменный город...»

Как видно из основной, повествовательной части официально-деловая терминология, различные словосочетания, штампы образовались на базе слов, имеющих в арсенале татарского языка, и которые в большинстве случаев восходят к средневековым

ярлыкам периода Золотой Орды и Казанского ханства. Например: тугрылык иткәнләр ирде («были нам верны», баш ордук «повиновались», чынлыгын вә ант-ширтен бозыб («нарушив свою верность и присягу»), олуг сиүнүч берлә ант-ширт иттек («присягнули с большой радостью»), Оло йарлыкшлары булган ирде («была большая милость его»), тынычлык өчен килде («пришел чтобы установить мир») и др.

Архивы сохранили нам не только грамоты, служащие ныне интересным и полезным источником для изучения истории языка, но и имена переводчиков писем, составителей-писцов этих документов. Это – представители тех служилых татар (казанских, касимовских, астраханских), которые по словам В.В.Бартольда, оказали России большие услуги при сношениях с переднеазиатскими и даже восточноазиатскими государствами. Благодаря находившимся на русской службе татарам, русское правительство для сношений с правительствами мусульманских стран располагало готовыми кадрами переводчиков [Бартольд, 1925, с.182].

В штате посольского приказа в Москве, например, в 1689 г. числились следующие толмачи и переводчики с татарского: Кучюкай Сакаев, Сулейман Тонкачиев, Петр Татаринов, Резеп Байцын, Тохтаралей Багинин и др. [Белокуров, 1906, с.31]. Многие из них уже были потомственными переводчиками, отцы и деды которых также находились на службе у русского государства. В автобиографических «сказках», приводимых С.А.Белокуровым на основе архивных данных, приводятся интересные сведения, которые проливают свет на деятельность татар в составе русских миссий в Восточные страны.

§3. Художественная литература

Хатип Миннегулов

Уровень и характер словесного искусства каждого народа, как правило, определяются внутренним состоянием, духовной жизнью породившего его этноса, национальными потребностями. Татары, имевшие многовековой опыт государственности, оседлости, городского образа жизни, а также вырабо-

танную систему культуры, образования, с середины XVI в. начинают терять свое материальное и духовно-интеллектуальное богатство. Несмотря на невероятные трудности, трагические круговороты судьбы, на большие потери, предки современных татар, в основном, сохранили свой мента-

литет, свой язык, свои духовные ценности и передавали их в последующие поколения, тем самым обеспечивали преемственность и историческую память народа. В этом процессе огромную роль играли ислам, книги как важнейшие факторы сплочения и духовной опоры татар-мусульман.

Есть много фактов и сведений о значительном распространении книг среди татар. В частности, большая часть рукописей «Кыйссаи Йусуф» (1212–1233) Кул Гали составлена в XVII–XVIII вв. Популярны были сочинения Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, Рабгузи, Махмуда Булгари и других авторов Средневековья. Кроме тюрко-татарских писателей, татары читали и произведения арабо-персидских, турецко-османских, узбекских классиков, таких как Имам Газзали, Саади, Ф.Аттара, Дж.Руми, М.Челеби, А.Навои и др. [Миннегулов, 1993]. В частности, «Мухаммадия» (1449) Челеби в той или иной степени была известна уже в период Казанского ханства. Но в последующие века она становится одной из любимых книг татарских читателей и оказала большое влияние на развитие татарского словесного искусства [Мөхәмәтов, 2007]. Знаменитые памятники Мусульманского Востока «Калила и Димна», «1001 ночь», «Тутинаме», как и раньше, продолжали привлекать внимание татар и в XVII–XIX вв. [Миңнегулов, 1988].

Татарское словесное искусство XVII–XVIII вв. (его можно назвать и литературой позднего Средневековья), органически связано с духовной культурой периода татарских ханств и литературой XIX столетия. В частности, такие авторы как Г.Утыз-Имяни, Т.Ялчыгол жили и творили во второй половине XVIII в. и первой трети последующего столетия, поэтому их творчество часто рассматривается как мост между двумя веками, как писатели позднего Средневековья и XIX столетия.

В XVII в. татары постепенно начинают адаптироваться к колониальным условиям, к социально-политической системе самодержавия. Этот процесс усиливается в XVIII столетии, особенно в период правления Екатерины II. Начинает возрождаться и развиваться и словесное искусство. Во второй половине XVII в. плодотворно дей-

ствует в литературе поэт Мавля Колый. Его традиции продолжает Габди. В XVIII столетии количество писателей и написанных ими сочинений, по сравнению с предыдущим веком, в несколько раз увеличивается. Литература развивается не только в количественном отношении, но и в идейно-тематическом и жанровом плане. Хотя и доминирует поэзия, но создается и ряд прозаических сочинений.

В литературе XVII–XVIII вв., наряду с оригинальными сочинениями, имеются и переводы с других языков, в первую очередь – с арабского и персидского. Но их трудно назвать переводами в современном смысле этого слова. Они часто представляют собою переложения, адаптированные к новым условиям, к потребностям татарских читателей. В частности, «Насихатнаме» сибирско-тобольского поэта XVII–XVIII вв. Амдами, хотя и создано на основе одноименного сочинения Ф.Аттара, воспринимается как оригинальное произведение, так как в нем доминирует индивидуально-творческое начало татарского поэта.

В литературе указанной эпохи, как и в предыдущие века, продолжают традиции синкретизма, т.е. сочетание художественных и познавательных задач. В частности, сочинения Кадыра Галибека, Муслими, Т.Ялчыгула, а также «Дафтар-и Чингизнаме» неизвестного автора представляют собой сплав литературных исторических, религиозных, географических начал и компонентов. Таким произведениям присуща интертекстуальность, характерное свойство многих сочинений Средневековья. В них широко используются элементы (отрывки сведения, тексты) из других источников.

В литературе XVII–XVIII вв. отражаются отдельные события, детали, факты, генетически связанные с реальной жизнью того времени. Эта тенденция проявляется в оде, посвященной Борису Годунову, в марсиях Г.Утыз-Имяни, в хикметах Мавля Колыя, в саяхатнаме Исмагила Бикмухаметова. Но все же в словесном искусстве этого периода преобладает традиционный подход к разработке тем, сюжетов, мотивов. Авторы предпочитают религиозно-нравственную тематику, широко используют мифологические и фольклорные материалы; в языке

довольно-таки много встречается арабо-персидских и османо-турецкое заимствований; в поэзии доминирует аруз – система стихосложения, генетически исходящая из арабского словесного искусства. Значительная часть сочинений авторов этой эпохи проникнуты суфизмом.

Теперь кратко остановимся на некоторых наиболее известных и значимых авторах и их сочинениях XVII–XVIII вв.

Мавля Колый (Байрамгали Кулиев, Меллагол, Бимка Суфый) родился в 1630-е гг. в д. Чита (по некоторым сведениям, д. Кулаево) Казанского уезда. Учился в одном из медресе Заказанья. Затем, вместе со своими единомышленниками, жил в окрестностях Болгара, Биляра, занимался религиозно-просветительской деятельностью, за что подвергался преследованиям со стороны официальных властей. В 1699 г. вместе с семьей переселился в деревню Ст. Иштиряк (совр. Лениногорского района РТ), где оставался до конца своей жизни. По сведениям профессора А.Х.Бурганова – прапра внука Мавля Колыя – поэт умер в первом десятилетии XVIII в.

Известны 104 «хикмета» и две поэмы поэта. Хикмет – один из лирических жанров дидактико-философского содержания, афористического характера. Традиция создания хикметов в тюркской литературе идет от поэтов XVII в. Ахмеда Ясави и Сулеймана Бакыргани, которых Мавля Колый считал своими наставниками. Близость между ними проявляется не только в жанровой структуре, но и в идейном содержании, тематике и образной системе.

Большинство хикметов Мавля Колыя написано четырехстрочными строфами. Как правило, каждый хикмет Мавля Колыя заканчивается обращением автора к самому себе. Выполнение поэтом отображенных в стихотворениях вопросов он считает своим долгом. Язык и стиль хикметов Мавля Колыя понятны и современному читателю. Поэт предпочитает антитезу, риторические вопросы и обращения, символы, сравнения и другие художественные средства и приемы.

Хикметы Мавля Колыя – это размышления об окружающем нас мире и человеке в нем, о течении времени, о жизни и смер-

ти. Мир в его представлении – книга, полная смысла, познание которого и есть задача человека: «Много благодати у Бога, чтобы ее узнать, человеку дана голова, дан разум». Большое значение Мавля Колый придает нравственному облику человека, который оценивается им с позиций ислама. Главные добродетели – уважение к родителям, забота о детях, милость в обездоленным и, конечно, труд как основа всякого благосостояния. Самым богоугодным, полезным занятием поэт считает земледелие [ТЭ, т.4, с.7].

Кроме хикметов, у Мавля Колыя имеются две поэмы: «Об единомышленниках» («Берекәннәр сыйфаты») и «Об ищущих дозволенной пищи» («Хәләл нәфкә эстәгәннәр сыйфаты»), которые стали известны науке лишь в конце XX в. Оба эти сочинения по содержанию условно-сказочного характера. В них отображены вопросы религиозно-нравственного характера, сохранения семьи, а также достойного проживания данной тебе жизни.

Творчество Мавля Колыя оказало определенное влияние на последующее развитие татарского словесного искусства. В частности, Габди (1679 – первая треть XVIII в.), как и его предшественник, восхвалял терпеливость, щедрость, скромность, справедливость и другие положительные качества и поступки людей, осуждал их противоположности (высокомерие, алчность...), возвеличивал разум, ученость. В стихотворениях Габди имеются интересные детали, связанные с реалиями того времени. Габди осуждает действия властей в отношении осужденных и говорит, что за такие поступки они попадут в ад [Татар эдәбияты, 1984, с.402–403].

Стихотворения Габди характеризуются краткостью, афористичностью, доступностью. Поэт использует интересные поэтические средства и приемы. Так, например, он сравнивает жизнь человека, его богатство – с утренними заморозками («кырау»), период молодости – с «летним зноем» («челлә»), старость – с осенью. Как и Мавля Колый, в ритмике стихотворных строк Габди употребляет звуковые повторы, анафоры, редифы и другие поэтико-стилистические элементы.

Поэтическая эстафета Мавля Коля и Габди в XVIII в. подхвачена Габдессаломом – педагогом, религиозным деятелем, поэтом, известной личностью своей эпохи. Об этом человеке, о его деятельности имеются интересные сведения в трудах Ш.Марджани, Р.Фахреддина и др.

Габдессалам ибн Уразмухаммад ... ибн Колчура родился в 1700 г. в д. Менгер Казанского уезда в семье религиозных служителей. Учился в родной деревне, затем – в медресе Ташкичу (совр. Арский район РТ). Здесь же он работал преподавателем, а в 1742–1746 гг. имам-хатибом и мударрисом. В 1746 г. переехал в только что основанную Каргалинскую слободу близ Оренбурга, где открывал медресе и мечети.

Наряду с большой религиозной педагогической, общественной деятельностью, Габдессалам занимался и литературным творчеством. Парадоксально, что большинство стихов этого солидного, серьезного человека отличается светскостью, легкостью, простотой, близостью к разговорному языку, фольклору. Автор, как и Габди, предпочитает силлабику, а не классический аруз. Габдессалам часто стилизует народные песни, особенно юмористическо-шутливые, употребляет множество образов, деталей присущих к фольклору. Автор воспевает красоту возлюбленной лирического героя, светлые чувства и переживания влюбленных. Как и Кутб, Хорезми, изображая величие любви, красоту женщин он утверждает полнокровную жизнь на земле [Миннегулов, 2010, с.197].

В поэтическом наследии Габдессалама имеется несколько стихотворений, отличных от его любовно-юмористических произведений. В одном из таких, названном «Байт о Меллагале» изображается трагическая судьба человека, погибшего в 1757 году на русско-прусской войне на территории Польши [Татар эдэбияты, 2006, с.41–42]. Стихотворение написано от лица усопшего. Его страдания, горечь, тоска, разлука в эмоционально-эстетическом плане звучат очень действенно.

Стихотворения Габдессалама широко распространились среди читателей, даже вошли в репертуар фольклора. Известный поэт первой половины XIX в. Г.Кандали

(Кандалый) (1797–1860) продолжил традиции Габдессалама. Используя достижения народных песен, он еще более развил татарскую поэзию в плане приближения ее к широкой публике. Необходимо отметить, крупный поэт XIX в. Абульманих Каргалый (1782 – после 1833) является внуком Габдессалама, но в отличие от деда, его поэзия характеризуется религиозно-суфийским содержанием, сложностью языка и стиля.

В татарской поэзии XVIII в., кроме Габди, Габдессалама, творили и другие поэты. В частности, в сборнике «Татарская литература XVIII в. Поэзия», составленном М.Ахметзяновым [Татар эдэбияты, 2006], помещены произведения около 30 известных и неизвестных авторов: Габдрахмана ... Тайсугани (1690–1762), Исмагила (XVIII в.), Габдерашида Муртазы (? –1797), Исхака Габделкарима (1730–1802) и др. Они выступают в различных поэтических жанрах: касыда, махия (ода), марсия, рубаи, фард (двустиише), дастан. Многие стихотворения этих поэтов, в том числе и Габдессалама, даны под названием «илияһи байт», т.е. «божественный байт». Но они не ограничиваются лишь религиозной (божественной) тематикой, в них отражены любовно-романтические и общественно значимые идеалы. Некоторые из таких сочинений по характеру и структуре близки к байтам – поэтическому жанру татарского фольклора. Так, например, в одном произведении, названном «илияһи байт» (его иногда именуется «Казан да Тубыл арасы») [Татар эдэбияты, 2006, с.202–204], изображается тяжелое душевное состояние человека, сосланного из Казани в Сибирь – в Тобольск. Он вспоминает «дорогую для себя Казань, свою семью, ощущает себя человеком попавшим в глубокую яму человеком. По мнению некоторых ученых, героем и автором данного стихотворения является Абубакир Иштуган (ум. 1793), сосланный в Тобольск за сопротивление против христианизации [Татар эдэбияты, 2006, с.344].

Как известно, ислам особенно в тяжелые годы колониального гнета был духовной опорой для татар-мусульман. Такая роль его отразилась и в словесном искусстве XVII–XVIII вв. В «касыде» (точнее – в на-

гъте) Габдрахмана Тайсугани восторженно, с яркими эпитетами и сравнениями восхваляется пророк Мухаммад. Он – и защитник, и предводитель, и «источник знаний, справедливости, и сверхидеал...» для людей. По мнению автора, сколько бы мы не хвалили Пророка, все равно не хватило бы слов для его описания, он – «суть всего сущего» [Татар әдәбияты, 2006, с.31–40].

В своем мунаджате поэт Лукман, обращаясь к Всевышнему, излагает чувства и переживания лирического героя, просит помощи и милосердия у Бога. По его мнению, «мы в этой стране невольники» («Әсир улдык ушбу илдә»), находимся «в зиндане», «наша земля стала бустаном («цветником») для неверных» («бу йиремез кяферә бостан»), там «нет правопорядка» («сәясәт йук безим илдә») [Татар әдәбияты, 2006, с.105–108].

В татарском словесном искусстве XVIII в. усиливается связь с реальной действительностью, конкретными людьми того времени. Но исторические факты, деяния и поступки конкретных лиц иногда оцениваются по-разному. В мадхии Хусаина Лукмана идеализированно описывается деятельность Мухаммеджана Хусаинова – религиозного деятеля, первого муфтия Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. Повторяющаяся после каждой строфы строка – «Мөхәммәджан ирер котбе заман» («Мухаммеджан есть средоточие (центр) эпохи») – усиливает значимость изображаемой личности [Миңнегулов, 1994, с.173; Татар әдәбияты, 2006, с.219]. Следует отметить, что традиция восхваления муфтиев продолжается и в последующей татарской литературе. В частности, в поэме Гумера Мухаммада «Газкирай муфти Габдессалям» (1832) («Жизнеописание муфтия») в позитивном плане отражены жизнь и деяния второго после М.Хусаинова (с 1825 г.) муфтия Габдессаляма Габдерахима (ум. 1840) [Татар поэзиясе, 1992, с.300–302].

Среди «служилых мурз» особо выделялся Кутлуг-Мухаммад Тевкелев (после крещения Алексей Иванович) (1674–1766), дослужившийся до высокого звания генерал-майора царской армии. Наряду с положительными действиями по укреплению

Российской империи, он «славился» и особой жестокостью в подавлении татаро-башкирских восстаний. В конце концов, он был убит повстанцами. В марсии, помещенной в «Тетради Башира Габдуллы» заслуги Кутлуг-Мухаммаде оцениваются позитивно. По мнению автора, мы не знали цену этого «благородного», «старательного» человека, его убил «злодей» – «бог взял мурзу к себе» [Татар әдәбияты, 2006, с.224–226].

Такой же противоречивой личностью XVIII в., как Кутлуг-Мухаммад Тевкелев, хотя и не такого общественно-политического уровня и масштаба, является Габделманнан Муслимов (Мандан) (1724 – после 1784), удостоенный наградами Екатерины II за заслуги и мужество в подавлении Пугачевского восстания. Личность и деяния Габделманнана Муслимова привлекали внимание ряда мастеров пера. В частности, его современник Рахимкол Абубакер написал специальную оду-мадхию [Татар әдәбияты, 2006, с.169–172], где в ярких красках, в восторженном тоне изображается образ Габделманнана Муслимова. Он – «настоящий мужчина» («мәрдеман»), «богатырь» («пәһлеван»), «второй Рустам», «образец щедрости, острого ума, красноречия» («ул юмартлык үрнәгедер, зирәк акыллы, оста, күркәм телле»). Другой автор XVIII в. Габделджалил Габделманнан углы (по всей вероятности, сын Г.Муслимова) в своем «Историческом очерке о Пугачевском движении» [Татар әдәбияты, 2006, с.173–193] неоднократно ссылается на стихи Г.Муслимова, отмечает его мужество, смелость в сражении с «бунтовщиками». Необходимо подчеркнуть, что Пугачевское движение (почти половину участников его составляли татары и башкиры) оставило глубокий след в судьбе татар, особенно в словесном искусстве. Если в сочинениях Рахимкола Абубакера, Г.Муслимова, Г.Габделманнан углы Пугачев изображается в отрицательном плане («злодей», «бунтовщик», «лжец», «проклятый»), то в других произведениях Емельян Пугачев, Салават Юлаев, Бахтияр Канкаев представляются как герои, как защитники и борцы за счастье народа. Например, в татарской «Песне про Пугачева» образ предводителя крестьянского восстания изображается с симпатией к нему, служба

в его рядах оценивается как большая честь, счастье:

*Есть царь Пугачев, говорят,
В суконной одежде он, брат.
По Ярку отдал он земли
Во власть мужиков, говорят.
Эх, если бы свидеться с ним,
С царем Пугачевым самим,
И, прыгнув в седло аргамака,
Лететь с ним под ветром степным!*
(Перевод Тамары Ян) [Антология, 1957, с.27].

Габделманнан Муслимов – не только «старшина», участник военных действий, но и поэт. В сборнике «Татарская литература XVIII в. Поэзия» представлены три его поэтических произведения: «Кроме Бога никто не знает...» («Хакдин үзгә кем беләсе...») – 15 бейтов-двустихий, «Назым» из 7 четверостихий и лирическая поэма «Вначале об Аллахе...» («Әүвәл Аллаһ хәзрәтенә берләйле...») – из 402 двустихий [Татар әдәбияты, 2006, с.125–168]. В поэтико-стилистическом плане в произведениях Г.Муслимова бросается в глаза ряд особенностей. В частности, в поэме «Вначале о Боге...» в 29 двустихиях каждая строка начинается словом «шәфәгать» («шәфәгать кыйл», «шәфәгать әйлә» – «будь милосердным»), а в 46 бейтах это слово приведено в качестве анафоры в первой или второй строфе. В аналогичной роли в 84 строфах употреблено слово «мәдәд әйлә...» (помоги!). Эти слова – анафоры обращены к Богу и к пророкам. Многие строки лирической поэмы заканчиваются упоминанием их имен (в основном – эпитетов). Приводятся более 99 таких имен – синонимов: Раббе, Хакь, Гаффар (прощающий), Хамид, Әмир (повелитель). Такие обращения, повторения, усиливает поэтическое звучание и воздействие произведения на читателей и слушателей.

Все три поэтических сочинения Г.Муслимова проникнуты религиозно-нравственными идеями. Поэт хорошо осведомлен в исламе, со знанием оперирует постулатами и понятиями мусульманской религии. Для него Аллах – воплощение абсолютной истины, справедливости, источник всего сущего. Поэтому автор каждое движение, каждый

поступок рассматривает и оценивает, исходя из повелений Всевышнего, Корана. Как и многие писатели Средневековья, Г.Муслимов упрекает себя в беспечности, в недостаточной богобоязненности. Он пишет, что «у него нет добрых дел» («изге эшем йук»), много грехов» («гәнаһым куп»), «каждый поступок порочный», («душа грязная») («һәнүз эшем фәсаддыр, күнелем кара»). Лирический герой стремится к самосовершенствованию, к избавлению от своих грехов. В своем покаянии умоляет Аллаха поддержать его.

Поэтические строки Г.Муслимова воспринимаются как исповедь этого деятельного человека. Видимо, поэт с истечением времени осознал и свои недостойные поступки. Об этом и сам автор упоминает в следующих бейтах: «Йәшлегемдә изге йулга дүнмәдем» («В молодости не ступал на добрый путь...»), «Йәшлегемдә башым салдым йүләргә» («В молодости... наделал много глупостей»).

Кроме вышеупомянутых авторов, татарская поэзия рассматриваемой эпохи представлена и другими поэтами. Некоторые из них продолжили свое творчество и в начале XIX в. Ахмедбек (Әхмәдбик) является одним из таких поэтов. Есть сведения о его паломничестве в Мекку. Они зафиксированы и в стихах поэта. Сохранившиеся произведения его характеризуются отточенностью языка, афористичным звучанием. Они даже помещены в школьных учебниках [Миңнегулов, 1994, с.174]. Два стихотворения Ахмедбека – «Аль-видагь» («Прощание») и «Вайсел-Карани» – стали исполняться татарами как ритуальные песнопения в дни мусульманского поста в месяце Рамазан [Татар поэзиясе, 1992, с.234]. Повторяющиеся после каждой строфы две одинаковые строки («Йәмән илләрәндә Вәйсел-Карани, Гарәб чүлләрәндә Вәйсел-солтани») [Татар поэзиясе, 1992, с.223–224] придают песне-гимну особо изящное, музыкальное звучание.

Валид Каргали (середина XVIII в. – 1803) – выходец из нынешнего Кайбицкого района РТ. Вначале учился в родных краях, затем – в Бухаре, Кабуле. После возвращения в Россию, жил в Каргале под Оренбургом; стал ишаном (его по-другому

называли – Валид ишаном), имел множество мюридов-приверженцев. В 1800 г. он отправился в хадж и умер в городе Медине. Наиболее известно его стихотворение, посвященное первому муфтию Мухаммеджану Хусайнову (1756–1824) [Татар поэзия, 1992, с.229]. В отличие от Хусайна Лукмана, Валид Каргали критически относится к деятельности муфтия, призывает его не поддаваться искушению богатством, высоким саном, служить честно и прилежно. По мнению автора, все преходяще, «И Адам, и Мухаммад, и пророки – все ушли; надо жить так чтобы осталось после тебя «доброе имя» («нигү нам») [Миңнегулов, 1994, с.80]. Эти слова Валида Каргали непосредственно перекликаются с мотивами о смысле жизни, воспетыми Ю.Баласагуни, С.Сараи и другими авторами Средневековья.

Читателям, в той или иной степени известны имена Кул Мухаммеда, Манди Котыша (1761–1849) и др. У последнего особенно популярна была книга «Вакты сэхэр», где излагались религиозно-суфийские, нравственные идеи [Миңнегулов, 1982, с.46].

Самым крупным поэтом второй трети XVIII в. и начала XIX столетия кульминацией татарско-словесного искусства позднего Средневековья является Габдерахим Утыз-Имяни аль-Булгари (1754–1834). Г.Утыз-Имяни был очень способным и прилежным человеком. Владел несколькими языками, даже некоторые сочинения писал на арабском и персидском языках. Был хорошо осведомлен в различных науках. Выделялся остроумием, прямоотой, энциклопедичностью.

Этот энциклопедист, «татарский Ломоносов», написал около 100 сочинений, значительную часть которых составляют поэтические произведения. Наряду с короткими стихотворениями в жанрах рубаи, марсия, махия (ода), фард (двустихия), имеются и объемистые поэмы, такие как «Гавариф аз-заман» («Просвещенные эпохи»), «Мухиммат аз-заман» («Важнейшие проблемы эпохи»), «Танзих аль-афкар...» («Добрые наставления для очищения мыслей»), «Тухват аль-гураба...» («Подарок обездоленным и притчи об униженных»), «Гурбатнаме» («Сказание о невольнике») и др.

Г.Утыз-Имяни можно считать одним из ярких основателей и представителей так называемой просветительно-возрожденческой литературы XIX в. и начала XX столетия. Продолжая традиции Мавля Коляя, он по крупицам собирает и восстанавливает многие достижения тюрко-татарского словесного искусства Древности и Средневековья, а также восточной классики. В частности в его творчестве часто встречаются мотивы, детали, перекликающиеся с произведениями Баласагуни, Саади, Кул Гали и других. Как и автор «Кутадгу билиг» (1069), Утыз-Имяни считает знание необходимым свойством человеческой жизни. Оно – «основа сущности всего» («гыйлемдер аслы хэят»), «средство достижения целей» («гыйльмилэ хасил улыр, ике жиһан»); знание такое «неисчерпаемое богатство», которое не может украсть ни враг, ни вор» («...аны нэ дошман вэ нэ угъры алыр...») [Утыз Имяни, 1986, с.45]. В творчестве Утыз-Имяни мотив знания рассматривается в тесной связи с вопросами нравственности, религиозности.

В представлении Утыз-Имяни о «совершенном человеке» («кадил инсан») важное место занимает владение каким-нибудь ремеслом, профессией. Он – сторонник активных действий, практических дел. По его мнению, если ты «настоящий мужчина, то проявляй это миру («Егет булсаң, егетлек күргэз илгэ») [там же, 1986, с.118], только трудом, старанием можно добиться цели.

В творчестве Утыз-Имяни мы видим значительное сближение литературы с действительностью, отражение в ней отдельных реальных событий и элементов татарской жизни той эпохи, в биографии поэта. Как известно, из-за многих доносов поэт несколько месяцев сидел в бугульминской тюрьме. В поэме «Гурбатнаме» довольно рельефно изображено душевное состояние автора в неволе, его мысли и чувства о близких, о семье, его стремление к свободе [там же, 1986, с.71–76]. Марсии, посвященные светлой памяти жены Хамиды, являются прекрасными образцами лирической поэзии позднего Средневековья, в которой татарская женщина изображается в реальных жизненных условиях и взаимоотношениях.

В языковом-стилистическом и стиховедческом плане Утыз-Имяни, в основном, действует в рамках классической, традиционной литературы. Подавляющее большинство его поэтических сочинений написано арузом. Автор довольно много употребляет арабских и персидских слов и выражений.

Творчество Утыз-Имяни является переходным периодом от Средневековья к Новому времени, связующим звеном литератур двух эпох.

Татарская литература XVII–XVIII вв. представлена не только поэзией, но и прозаическими сочинениями. Среди них есть как оригинальные, так и переводные.

«Насихат ас-салихин («Наставления праведных») широко распространенное среди татар произведение. С середины XIX в. (точнее с 1853 г.) оно переиздавалось более 20 раз. Автор и время написания «Насихат ас-салихин» точно не установлены. Данное сочинение представляет собою как бы сборник, свод хикаятов религиозно-дидактического характера. В них осуждаются такие человеческие пороки, как пьянство, прелюбодеяние, ростовщичество, всячески одобряется стремление людей к духовному совершенству. В сочинении отражены также религиозно-мифологические представления мусульман о потустороннем мире, о рае и аде. Сюжеты хикаятов «Насихат ас-салихин» взяты из различных источников, особенно из арабоязычных, встречаются отрывки из Корана. В языковом плане данное сочинение близко к публицистике. Неизвестный автор довольно-таки удачно оставляет диалоги. Хотя «Насихат ас-салихин» в современной науке считается письменным памятником XVI–XVII вв. [Татар әдәбияты, 2012, с.368]; по всей вероятности, его первый вариант может относиться к более ранним столетиям. Его хикаяты в идейно-тематическом и композиционном плане созвучны сочинению Махмуда Булгари «Нахдж аль-фарadis» (1358). По предположению Ш.Марджани, «Насихат ас-салихин» относится к болгарскому периоду [Татар әдәбияты, 1984, с.293].

По идейно-тематическому и структурному характеру к «Насихат ас-салихин» близко другое сочинение под названием «Мунаббихат» («Пробуждающий», «Пред-

упреждающий»). Оно является вольным переводом, осуществленным в 1630 г. неизвестным лицом. Арабский текст принадлежит известному в мусульманском мире ученому-писателю Аль Гаскалани аль-Мисри аш-Шафиги. [Татар әдәбияты, 1984, с.329–331]. Имеется несколько рукописей татарского перевода на основе которых в 1905, 1915 гг. в Казани увидели свет печатные издания «Мунаббихат». Переводчик особо подчеркивает справедливость правителей, уважительное отношение к подчиненным, стремление создать более справедливые порядки в обществе. Эти слова в той или иной степени направлены и на колониальную политику царизма. Интересно то, что в татарский перевод «Мунаббихат» вкраплены незначительно измененные строки из поэмы Баласагуни «Кутадгу билиг».

«Красота человека – лицо, а красота лица – глаза, красота уст – язык, а красота языка – доброе слово» («Кешенен күрке булыр йөз, йөзнен күрке – күз, (авыз) күрке тел булыр, телнен күрке йахшы сүз булыр») [Татар әдәбияты, 1984, с.330]. Вот как звучат эти слова оригинала в их не очень удачном переводе на русский язык:

Красны речи словом, а мысли – речами,

Красны люди ликом, а лики – очами [Баласагунский, 1983, с.163–257].

Этот факт сам по себе показывает о продолжении традиций знаменитой поэмы среди татар и в XVII в.

Одним из прозаических памятников позднего Средневековья является «Таварих-и Булгария» («Рисаләи тәварихе Болгария вә зикре мәүлана хәзрәте Аксак Тимер вә хәрабе Шәһре Болгар») Хисамуддина Муслими. Это сочинение представляет собою сплав исторических, географических, фольклорно-мифологических начал. В нем доминирует литературно-публицистический стиль. Описание часто чередуется с повествованием о различных событиях. Имеются и диалоги. В популярности «Таварих-и Булгария» среди широкого круга читателей, наряду с содержанием, немаловажную роль сыграли доступность его языка, его литературные достоинства.

В структурно-композиционном плане сочинение Муслими состоит из «Введения» («Мөкаддимә»), из двух разделов

(«Мәкалә») и «Заключение» («Хатимә») [Мөслими, 1999; Татар әдәбияты, 2012, с.284–308; Татар әдәбияты, 1963, с.444–466]. В краткой вступительной части автор излагает сведения о структуре книги и о себе. В первом разделе («макале»), названном «О диковинках сотворения» в восьми («фаслах») рассказываются о времени («заман»), о днях недели, о месяцах, о «знаменитых наших реках» (Об Ак Иделе, Чулмане, Нукрате, Черемшане, Зае, Ирне...), об «удивительных» морях (О Китайском, Индийском, Каспийском...), необычайных свойствах некоторых гор, водных источников.

Второй раздел «Таварих-и Булгария» содержит в себе сюжеты и сведения «о последователях («табигыйн») (сподвижниках Мухаммада) из жителей Булгара», а также легенды-хикаяты о принятии ислама в Среднем Поволжье. В «Заключении» говорится о завоевании Бухары Аксак Тимуром. Автор этот факт преподносит как наказание за «пороки» и «порочность». Здесь же отображены походы Тимура на Москву, Астрахань, Стамбул, в Иран, а также имеются другие материалы, в том числе и о Тафтазани – «наставнике» автора, об аморальных явлениях среди людей.

Таким образом, в «Таварих-и Булгария» акцентируется внимание на «диковинных», «необычных» явлениях истории и природы. Как ни странно, и само сочинение Муслими имело своеобразную, довольно-таки необычайную судьбу. Оно широко распространялось в рукописях, начиная с 1870 г. многократно издавалось. Имеются и его переводы на русский язык. На это произведение ссылались И.Березин, В.В.Вельяминов-Зернов, С.Шпилевский, Н.Катанов, Ш.Марджани, К.Насыри, Г.Рахим, Х.Хисматуллин и многие другие (см.: [Чыңгыз-намә, 2000, с.134–158]). Одни считают его «ненадежным историческим источником», другие – наоборот.

В конце книги автор пишет, что данное сочинение закончено им в деревне «Ташбилге» в 992/1584 г. [Мөслими, 1999, с.48]. Исходя из наличия отдельных фактов и сведений, некоторые ученые (Г.Рахим, М.Усманов) считают его памятником XVIII в. По мнению М.Гайнутдинова, «указанное в произведении время составления первоначаль-

ного варианта (1584)... вполне приемлемо и не вызывает возражений», а сведения, относящиеся к последующему веку, добавлены другими позднейшими авторами» [Татарская литература, 1999, с.151].

Действительно, в сочинении Муслими в историко-источниковедческом плане часто встречаются неточности, ошибки, анахронизмы вымыслы и домыслы. Но это не умаляет его историко-литературного значения. В данном произведении представлено очень много фактов и сведений, относящихся к истории, географии, фольклору топонимике, литературе татарского народа и его связям с другими регионами, странами. Необходимо иметь в виду и время создания этого сочинения. В период жесточайшего колониального гнета автор стремится сохранить духовную и этническую преемственность поколений, донести имеющиеся у него историко-культурные материалы до широкой публики. Автор во многом продолжает традиции восточной повествовательной литературы, в частности, в структурно-стилистическом плане. «Таварих-и Булгария» – не только памятник беллетристики, но и книга познавательного характера. При умелом, критическом подходе в ней можно обнаружить много интересных, полезных данных для различных областей науки, особенно для истории, литературоведения, лингвистики, топонимии, фольклора.

По своей жанрово-структурной природе «Таварих-и Булгария» входит в группу так называемых произведений «ящичной композиции». Компоненты (сюжеты, разделы) таких сочинений имеют относительную самостоятельность, их связывает, объединяет, как правило, общее идейно-тематическое начало.

Кроме «Таварих-и Булгарии», в татарской литературе XVII–XVIII вв. имеются еще и другие прозаические произведения типа «ящичной композиции». Это – «Джамиг ат-таварих», «Дафтар-и Чингиз-наме». Эти сочинения близки не только по структуре, эклектическому характеру, но и по содержанию. Так, например, в них отражен образ Чингиз-хана, некоторые общие страницы тюрко-татарской истории.

«Джамиг ат-таварих» («Сборник летописей», «Всеобщая история») завершен

в 1602 г. в Касимове. Его автор Кадир Галибек (Кадыйр Галибэк) – выходец из западносибирских татар. Занимал высокие посты в Сибирском ханстве. Участвовал с сражениях с отрядами Ермака. В 1587 г. попал в плен и привезен в Москву. С 1600 г. карачибек при дворе Касимовского хана Ураз-Мухаммеда, также повторяющего судьбу автора, т.е. плененного русскими. [Усманов, 1972, с.33–96; Татар әдәбияты, 1963, с.467–480; Татарская литература, 1999, с.157–162].

Сочинение Кадира Галибека можно назвать краткой монголо-тюрко-татарской историей. Значительную часть его составляет довольно-таки вольный перевод отдельных глав книги известного персидского историка-энциклопедиста Рашид ад-Дина (Абуль Хайраи Хамадани (1247–1318)) «Джамиг ат-таварих» с фарси на татарский язык. История последующих веков, т.е. XIV–XVII столетий, написана самим Кадиром Галибеком. Здесь он использовал различные письменные, фольклорные источники. Сведения об Ураз-Мухаммеде, Борисе Годунове и других, относящиеся к концу XVI – началу XVII вв., введены в литературу непосредственно самим автором.

Самостоятельная часть «Джамиг ат-таварих» татарского писателя начинается с изложения истории Урус-хана. Далее следуют «повести» о Туктамыш-хане, Тимур Кутлухане, Идегей-беке, Хаджи-Мухаммад-хане, Йадкар-хане, и о других татарских правителях. Эти сюжеты (очерки) названы автором «дастанами». В них имеются и сведения по генеалогии, т.е. шеджеры.

В историко-литературном плане наиболее интересны «Дастане Ураз-Мухаммед-хан» и посвящение Борису Годунову. Кадир Галибек особо подчеркивает на чингизидское происхождение касимовского хана, тем самым акцентирует внимание на том, что Ураз-Мухаммед – законный наследник престола. Автор умело и с хорошим знанием материала подробно описывает обстановку касимовского двора, церемонию воцарения хана на престол.

И Кадир Галибек, и Ураз-Мухаммед – бывшие противники Московского государства. Как уже сказано, после поражения и ликвидации Сибирско-татарского ханства, они оба попали в плен и привезены в Мо-

скову. Через некоторое время Борис Годунов их назначил правителями марионеточного Касимовского государства. В «Джамиг ат-таварих» ярко проявляется зависимость и его карачибека, Московского царя, их верно подданническое настроение. В «Дастане об Ураз-Мухаммеде» говорится, что этот хан «и днем, и вечером» и во время пиршеств – постоянно вспоминал Бориса Федоровича, всегда управлял его «ярлыком» [Татар әдәбияты, 1963, с.479–480]. В «Посвящении Борису («Тэгърифте Борис») Кадир Галибек, используя опыт и достижения предшествующей татарской панегирической литературы, создает идеальный образ правителя: Борис Годунов – и могущественный, и справедливый, и человечный, и мудрый, он – самодержец мирового масштаба [Татар әдәбияты, 1963, с.472–475]. Стиль данной оды-мадхия изысканный, она написана ритмической, рифмованной прозой.

«Дафтар-и Чингиз-наме» (прибл. 1679–80 гг.), хотя и по структуре и по эклектичному характеру, и по сходству отдельных «дастанов» близко к «Джамиг ат-таварих», по общему настрою отличается от сочинения Кадира Галибека. Анонимный автор критически относится к существующему колониальному строю, всячески идеализирует бывших монголо-тюркских правителей, таких как Чингиз-хан, Аксак Тимур, представляет их защитниками и опорой ислама. Хотя некоторые ученые (М.Ахметзянов) предполагают, что автором «Дафтар-и Чингиз-наме» является «Идрис-Хафиз», религиозный деятель, участник Крестьянского восстания 1670–71 гг, но в науке доминирует мнение об анонимности этого произведения.

«Дафтар-и Чингиз-наме» («Әхвале Чыңгыз хан вә Аксак Тимер», «Дастаннар мәжмугасы», «Дастаннар китабы») впервые опубликовано в 1819 г. в хрестоматии И.Хальфина. Далее следовали другие публикации, в частности полное издание 1882 г., осуществленное Р.Джиганшином. Имеются и русские переводы, и другие публикации, а также исследования [Усманов, 1972, с.97–134; Миңнегулов, 1994, с.149–152; Чыңгыз-намә, 2000; Татарская литература, 1999, с.177–180].

«Дафтар-и Чингиз-наме» состоит из 6 глав. Они, как и в сочинении Кадира Га-

либека, названы «дастанами». Кроме этого слова, по отношению к главам, употреблены названия «фасл», «бэян». В первых четырех дастанах говорится о родословиях (шеджер) об отдельных эпизодах жизни и деяний Чингиз-хана, Аксак Тимура, Гайса углы Амата, Идегей-бека. Все они исторические личности. Но в дастанах реальные факты и события представлены в сочетании с вымышленными материалами, легендами. Чингиз-хан, Аксак Тимур в определенной степени воспринимаются как герои дастана, сказок. В хронологии (видимо, сознательно) допускаются анахронизмы. Так, например, Аксак Тимур, который жил в 1336–1405 гг., в дастане представлен современником Джадай-хана [Чагатай – сына Чингиз-хана, конец XII в. – первая половина XIII столетия]. Происхождение и рождение Чингиз-хана изложены в фольклорно-мифологической форме. Среди прозаических текстов иногда встречаются и стихотворные строки. Сюжеты, особенно первой главы, интересны, занимательны. В повествовании значительное место занимают диалоги.

Пятый дастан, названный «О местопребываниях и местожительствах», занимает лишь полстраницы. Упоминаемые там города отмечаются как столицы определенных правителей: Хаджи Тархан (Астрахань) – Тимур Кутлуга, Казань – Шагали хана [Чынгыз-намэ, 2000, с.37–39].

Последний дастан «Об истории» примечателен и в историческом, и в идейном смысле. Здесь приводятся сведения о взятии Аксак Тимуром Болгара, об основании Казани сыновьями Габдуллы хана Алтынбеком и Галимбеком; о двуличии Шагали хана, о захвате Казани русскими. Далее перечисляются ханы Казанского царства; зафиксированы также и важнейшие, трагические события татарской и российской истории: о христианизации, о народных движениях (восстания Еналея, Джагфара Сеита), о царствовании Михайло Федоровича, «Федора», «Ивана», «Алексея». Автор резко осуждает колониально-миссионерскую политику царизма.

Таким образом, «Таварих-и Булгария», «Джамиг ат-таварих», «Дафтар-и Чингизнаме», близкие по жанровым структурам, являются сочинениями синкретичного ха-

рактера, объединяющими в себе исторические, литературные, географические начала. Они представляют интерес и с познавательной, и с литературно-художественной точки зрения. В них наблюдаются сближение литературы с реальной действительностью, обогащение словесного искусства новыми фактами и сведениями; кроме того, в этих сочинениях преобладает светское начало.

Аналогичные явления мы видим в произведениях, связанных с путешествиями, т.е. в саяхатнаме. Такой жанр широко распространен в мировой литературе. В путевых записях Ибне Фадлана (X в.), Аль-Гарнати (XII в.), Ибне Батута (XIV в.), Ибне Арабшаха (XIV–XV вв.) и некоторых других имеются интересные данные относящиеся к жизни, культуре тюрко-татарского народа. Саяхатнаме создавались и в татарской письменной литературе. Но, к сожалению, они бесследно исчезли, или пока не обнаружены. Дошедшие до нас татарские саяхатнаме относятся лишь к позднему Средневековью. Одним из таких сочинений является путевые записи Муртазы ас-Симети [Татар эдэбияты, 2012, с.309–312, 417–422]. Он жил во второй половине XVII в. в первой трети XVIII столетия в деревне Симет современного Мамадышского района РТ. Его сочинение впервые опубликовано в 1900 г. в «Асаре» Р.Фахрудином. Маршрут паломничества ас-Симета прошел через Бухару, Иран, Ирак, Медину, Мекку, Египет, Грецию, Стамбул, Крым, Астрахань. Автор упоминает и имена выдающихся людей мусульманского Востока. Например, он говорит, что в Нишапуре посещали могилу Ф.Аттара и Абу Йазид Бистами, в Бухаре – Накышбанди, в Бистане и Багдаде – Мансура Халладжа, Зуннун аль-Мисри, Лукмана Хакима. Свое сочинение ас-Симета написал в 1698–1699 гг.

Самое известное саяхатнаме XVIII в. принадлежит перу Исмагила Бикмухаметова [Татар эдэбияты, 1963, с.522–531; Татар эдэбияты, 2012, с.313–341, 422–436; Алеева, 1993]. Саяхатнаме Исмагила Бикмухамедова написано в эпистолярной форме. В нем нашли отражение основные этапы поездки и путешествия автора в Центральную Азию, Индийский полуостров, Аравию, природа, быт, обычаи многих народов. Исмагил ага

предвстает перед нами активным, впечатлительным, мыслящим, интересующимся всем человеком. В его сочинении доминирует личностное начало; автор не только фиксирует интересные, редкостные, драматические явления, события, повороты жизни, но и выражает свое отношение к ним, делится мыслями и переживаниями с читателем. Повествование гармонически сочетается с описаниями, драматическими элементами. Автор долгие годы жил в Османском государстве. И поэтому в языке саяхатнаме заметно проявляется влияние турецко-османского языка. Сочинение Исмагила Бикмухамедова расширяет географические горизонты татарского словесного искусства, обогащает его новыми фактами и материалами. Кроме историко-литературной ценности, оно является и важнейшим источником при изучении межгосударственных и межнациональных взаимоотношений. Вот поэтому к нему часто обращаются представители различных наук и социальных групп.

Читателям хорошо известно еще одно саяхатнаме, относящееся ко второй половине XVIII в. Оно принадлежит религиозному деятелю, жителю деревни Яна Сала Казанского уезда Гумар углы Мухаммадамину. Основное содержание этого сочинения [Татар эдэбияты, 2012, с.342–358] составляет паломничество автора в Аравию. Мухаммадамин подробно описывает свой маршрут и увиденное в пути. В 1783 г. он выезжает из деревни. Из Казани в Астрахань отправляется пароходом. В течение трех лет работает имамом на Северном Кавказе. Далее по Черному морю прибывает в Стамбул. Из столицы Турции по Средиземному морю направляется в Египет. Здесь в Каирский мечети аль-Азхар Мухаммадамин находился в течение года. В общей сложности Мухаммадамин паломничеству посвящает около десяти лет своей жизни.

Как и его предшественники Муртаза ас-Симети, Исмагил Бикмухаммедов, так и Мухаммадамин во время путешествия знакомится с достопримечательностями других стран, посещает могилы святых, религиозных деятелей. В частности, он пишет о пребывании в мечетях Алла-Суфия в Стамбуле, аль-Азхар в Каире, о посещении могил известных пророков. Видимо, такой маршрут

был предусмотрен общей программой паломничества, Мухаммадамин при описании памятных мест, мечетей, городов стремится к конкретизации. Например, он указывает, что в Стамбуле имеется 4 тыс. мечетей, 360 ворот, 80 тыс. улиц, 360 – ювелирных магазинов. [Татар эдэбияты, 2012, с.358]. В ткань сочинения включены различные сюжеты, легенды.

При изображении святых мест Аравии наблюдается сходство в сочинениях Исмагил Бикмухаммедова и Мухаммадамина. Видимо, оно продиктовано общим источником информации. Сочинения обоих авторов впервые опубликованы в 1862 г. известным ориенталистом Г.Саблуковым в одной книге («Ике хажының рихлэтнамәсе») [Татар эдэбияты, 2012, с.437].

Традиции создания жанра саяхатнаме были продолжены в XIX в., особенно в начале XX столетия Г.Чукрьем, З.Бигиевым, Ф.Карими и другими авторами.

На протяжении многих веков в литературе преобладало так называемое «сказочно-романтическое», «традиционное начало», т.е. предпочтение разработки в той или иной степени известных тем, образов, сюжетов, доминирование сказочных, вымышленных материалов, условных форм и приемов. «Реалистическое начало» было в соподчиненном положении. Как мы уже отметили, в отдельных произведениях позднего Средневековья, особенно в жанре саяхатнаме все больше и больше стало материалов, непосредственно взятых из реальной действительности, в том числе и из татарской жизни. Одним из наиболее заметных явлений в реалистическом развитии татарской литературы является «Гарызнаме» Батырши, предводителя татарско-башкирского восстания 1754–1756 гг. «Гарызнаме» [Татар эдэбияты, 2012, с.107–162, 388–407; Миңнегулов, 1994, с.170–171; Татар эдэбияты, 1984, с.411–419] и «Воззвание Батырши (1755) [Бәйрәмова, 2012, с.53–63] – это синтез общественно-политических и литературно-публицистических начал, это крик души человека, не сломленного под ударами многолетней колониальной политики царизма.

Из прозаических произведений татарской литературы позднего Средневековья

значительный интерес вызывает «Маджмуг аль-хикаят» («Сборник хикаятов»), составленный в 1775 г. в Западной Сибири – выходцем из Заказанья Мухаммадрахимом ибн Рафиком аль-Казани. Данная книга [Мәжмугыль-хикаят, 1994] состоит из 33 хикаятов приключенческого, любовно-романтического, сказочно-фантастического, дидактического характера. Хотя все эти композиционные единицы названы хикаятами, фактически они представляют различные повествовательные жанры, такие как рассказ, новелла, повесть, сказка, притча и др. Им присущи занимательность, остросюжетность, динамичность действий и поступков, богатый и изящный язык. Поэтому эти хикаяты с любовью и интересом воспринимаются читателями и слушателями. Герои их характеризуются активностью, жизнелюбием, прозорливостью, способностью выходить из любой ситуации.

Основу «Маджмуг аль-хикаят» составляет аналогичный сборник на фарси. Татарский переводчик сохранил сюжеты, образы, основное содержание оригинала, но при трансплантации персоязычных текстов на новую языковую почву внес некоторые изменения, добавления, сокращения, короче, в известной степени адаптировал иноземное сочинение к образному мышлению и восприятию татарских читателей.

Таджеддин Ялчыгол (1763/1768–1838) – как и Г.Утыз-Имяни (хотя и не такого масштаба) является одним из последних представителей татарской литературы позднего Средневековья, связующее звено XVIII–XIX столетий. Но его творчество, в отличие от Утыз-Имяни, больше тяготеет к Средневековью, так в нем доминируют религиозно-суфийские идеи, традиционные принципы, приемы и средства художественного творчества.

Из творческого наследия Таджеддина Ялчыгола особенно известны два его сочинения: «Таварих-и Булгария» и «Рисалия Газиза» [Миңнегулов, 2003, с.59–91]. Оба они завершены в 1805–1806 гг.

«Таварихе Булгария» по своей структуре и общему содержанию сходно с сочинениями Муслими, Кадир Галибека. В нем гармонично сочетались исторические и литературные начала. Композиционный стержень

данной книги составляют родословные, биографические сведения автора. В ткань произведения включены отдельные житейские эпизоды, факты, сюжеты, связанные в той или иной степени с родословной – шеджере Ялчыгола. Сочинение создано в период насильственной христианизации татар, гонения их с исконных земель. Автор своим произведением стремится доказать, что он и его соплеменники в течение многих столетий живут на своих землях, что эта их родина, что они имеют богатый, многовековой род.

Визитной карточкой творчества Таджеддина Ялчыгола считается «Рисалия Газиза», объемистая (некоторые рукописи доходят до 500 страниц) книга, написанная как сочетание прозы и поэтических строк. Первое печатное издание ее появилось в 1847 г. в Санкт-Петербурге; далее следовали ее казанские выпуски (их около 40).

Следует отметить, что это сочинение Таджеддина Ялчыгола было очень популярным среди татар, использовалось в качестве учебного пособия в образовательных учреждениях, особенно в женских, оказало значительное влияние на творчество последующих авторов. Кроме того, «Рисалия Газиза» имело определенное распространение и среди тюркских народов, с интересом читалась башкирскими, казахскими, ногайскими, киргизскими шакирдами.

Основу «Рисалия Газиза» составляет поэтическое сочинение среднеазиатского поэта Суфи Аллаяра (1616–1713), писавшего на тюрки и на фарси. По сведению Таджеддина Ялчыгола и некоторых других авторов, Суфи Аллаяр – выходец из татарско-нугайской семьи. Его родители переехали из Астрахани в селение Минглень, находившееся неподалеку от Самарканда. Учился в медресе Бухары. Отличался набожностью, аскетизмом, стал известным суфием. Он не прервал связи с родиной своих родителей: неоднократно посещал Поволжье, Казань, имел встречи с видными и религиозными деятелями из татар. Суфи Аллаяр прожил долгую жизнь, неоднократно посещал святые места мусульман. Во время одного из паломничеств (хадж), умер в Александрии.

Суфи Аллаяр – автор множества поэтических сочинений религиозно-суфий-

ского содержания: «Морадел-гарифин» («Цель познавших истину»), «Мэхзанел-мотыйгыйн» («Сокровищница верующих»), «Мэхлэкел-мөттэкыйн» («Путь благочестивых»), «Собател-гажизин» (Стойкость слабых) и др. [Маханова, 2008]. Все они имели широкое распространение среди читателей, особенно в Поволжье и Приуралье. Дело в том, что после ликвидации Казанского, Астраханского и некоторых других ханств, начинается настоящий геноцид по отношению к татарам. При таких условиях ислам и тесно связанный с ним суфизм остаются одной из опор для народа. Благодаря Корану, религиозно-суфийским книгам татары выдержали страшные испытания, гонения. При таких обстоятельствах потребность в книгах Суфи Аллаяра среди читателей была огромной. Они читались, переписывались, использовались при создании новых произведений. Начиная с XIX в., сочинения Суфи Аллаяра большими тиражами печатались в казанских типографиях.

Наибольшую популярность среди татар получила поэма «Собател-гажизин», своего рода настольная книга для многотысячных читателей. Она содержит в себе свод разнообразных материалов и сведений об исламе. Автор стремится дать своей публике представление об главных постулатах и принципах мусульманского вероучения. Книга характеризуется глубиной мыслей, отточенностью поэтического языка, богатством разнообразных понятий и смыслов. Поэтому понять и усвоить ее для многих, особенно для шакирдов было трудно и сложно. В результате чего появлялись различные комментарии, трактовки «Собател-гажизин». В частности, имеются выборочные шархи данной книги, выполненные Утыз-Имяни.

По имеющимся данным в «Рисалия Газиза», Таджеддин Ялчыгол приступая к комментированию «Собател-гажизин» по просьбе своей любимой дочери Газизы, хотел лишь разъяснить отдельные страницы для учебных целей. Но работа увлекла его: в результате многолетних, упорных трудов был создан этот популярный памятник тюрко-татарской литературы. В знак уважения своей дочери книгу назвал ее именем.

«Рисалия Газиза» – и по структуре, и по содержанию очень сложное произве-

дение. В нем, с одной стороны, помещены почти все поэтические строки «Собател-гажизин». С другой – все строфы основного текста комментируются, толкуются Таджеддином Ялчыголом. При этом автор обращается к разнообразным материалам и сведениям из реальной жизни, из различных письменных источников. В частности, имеются образы и сюжеты, взятые из Корана, из сочинений Газали и Аттара, из «Кыйссасел-анбия» Рабгузи и «Нахдж аль-фарadis» Махмуда Булгари. Главное то, что эти заимствованные интертекстуальным путем материалы творчески обрабатываются, гармонично и естественно согласуются с основной идеей и пафосом произведения. Религиозно-жизненная картина мира наполняется новыми событиями и представлениями. Кроме того, Таджеддин Ялчыгол дает сведения о жизни Суфи Аллаяра, некоторых других образах и персонажах. Основная часть комментариев и толкований дана в прозаической форме. Кроме того, имеются и поэтические строки автора «Рисалия Газиза», характеризующие Таджеддина Ялчыгола и как поэта. Таким образом, в результате творческого сращения двух авторов появилось уникальное сочинение, имеющее и большое религиозно-воспитательное, и познавательное значение. Оно не зря стало учебником жизни для многих поколений, важнейшим идейно-эстетическим фактором многовековой истории словесного искусства, образцом синкретизма.

Словесное искусство XVII–XVIII вв. является важным этапом в многовековой истории татарской литературы. Несмотря на невероятные трудности и огромные материально-духовные потери, татары не отрывались от книги, оставались преданными искусству слова. Наряду с байтами, песнями и другими жанрами фольклора, создавались письменные памятники различных жанров и форм. В них в той или иной степени продолжены традиции прошлых идейно-эстетических достижений; адекватно к реальной жизни возникали новые сочинения, в которых отражены радости и горести наших предков, их душевное настроение.

Словесное искусство рассмотренной эпохи служило основой и подспорьем для литературы XIX в., для творчества многих

авторов, таких как Ш.Заки, Г.Кандалый, К.Насыри, Акмулла и др., которые, в свою очередь, способствовали творчеству Г.Исха-

ки, Г.Тукая, М.Гафури, Г.Ибрагимова, Дердмента и многих корифеев татарской литературы начала XX столетия.

§4. Просвещение

Марсиль Фархиаатов

Традиционные учебные заведения татар – мектебы и медресе – издавна привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей. Существует достаточно большое количество специальных, историко-педагогических исследований, авторы которых по-разному, а иногда и прямо противоположно оценивают мусульманскую систему образования (см., напр.: [Валидов, 1923, с.12; Горохов, 1941, с.9, 140–243; Хисамутдинов, 1967, с.373–381; 388–396, 404–405; Ханбиков, 1968 и др.]).

Несмотря на наличие немалых оттенков при описании примечетских школ в литературе существует единое мнение: традиционные исламские институты Волго-Камского края сумели адаптироваться к условиям Русского государства, и к началу XIX столетия мусульманская система образования на Российском Востоке благодаря интеллектуальным и материальным усилиям татарского народа даже в условиях неблагоприятной политико-идеологической и экономической конъюнктуры стала заметным социально-культурным феноменом, влиявшим на все сферы общественной жизни.

Однако, к сожалению, конкретная история татарского просвещения феодального периода, особенно за пределами Верхнего и Среднего Поволжья и Урала, прежде всего Сибири, где существовала во многом другая этнополитическая ситуация (см., например: [История Сибири, 1968; История Сибири, 1968а]), остается еще малоизвестной. Ниже будет дано обобщенное представление не только о внешнем, но и внутреннем состоянии и развитии традиционных училищ татар.

Исторические условия развития татарских школ. Со второй половины XVI в. вплоть до конца XVIII в. развитие национальной школы определялось двумя главными факторами: утратой татарами после падения Казанского, Астраханского и Си-

бирского ханств собственной государственности и преобладанием в экономической жизни аграрных, доиндустриальных отношений. Первый из них был специфическим для многих нерусских и неправославных подданных страны, второй – общим для всех народов России и многих других государств того времени.

Внутренней силой, которая определяла общее направление эволюции национальной школы, был традиционный, аграрный характер татарского общества. Основная отрасль народного хозяйства – экстенсивное, сравнительно несложное сельскохозяйственное производство и скотоводство, опирающиеся преимущественно на опыт и орудия труда предшествующих поколений, требовали в первую очередь физически крепких людей, которые постигали премудрости земледелия и ухода за домашними животными на практике, но отнюдь не через книги или в специальных учебных заведениях. И трудовому воспитанию детей родители уделяли преимущественное внимание [Шэймэрданов, Сибгатуллин, 2004, с.26–27, 183–190]. Поэтому грамотность и книжные знания, ориентированные на практику, не являлись первоочередной потребностью для подавляющего большинства местного населения.

Если учесть и полное господство религиозной идеологии в общественном сознании, отсутствие в условиях православного самодержавия вплоть до конца XVIII столетия равноправной с титульным народом возможности сделать административно-управленческую, военную или академическую карьеру и заниматься оплачиваемым казной умственным трудом, а также предпринимательской деятельностью, особенно в сфере промышленности, для татар, то их школа как институт социализации молодого поколения могла иметь только духовно-религиозный характер и носить

преимущественно воспитательное направление.

Новая внешняя среда бытования наложила громадный отпечаток на облик татарских традиционных школ, которые издавна строились на общей для всего мусульманского мира основе. Прежде всего, изменилась география их размещения. Примечательные учебные заведения стали преимущественно сельскими, так как татары-мусульмане лишились права проживания в городах, а имевшиеся там прежде знаменитые исламские культовые сооружения и культурные учреждения были разрушены. Уничтожение татарской городской культуры имело, без сомнения, самые тяжкие последствия для всей национальной жизни. Новым было и то, что вместе с массовой миграцией татар и их духовных руководителей из территории бывшего Казанского ханства произошло становление новых национальных центров религиозно-культурной жизни, в том числе и школьной, на новых землях, в первую очередь в Башкирии, Казахстане. Но и там они размещались вне городов, например, в ставших впоследствии известными во всем Российском Востоке селах Стерлибашево, Куганакбашево, Ахуново Уфимско-Оренбургского края и др.

Первые медресе в Старой и Новой татарских слободах Казани – Ахундовское (ахуна и имама Первой соборной мечети и мударриса Ибрагима Худжаши), Апанаевское («Приозерное» при Второй соборной мечети) и при доме Амирханова – появились лишь в последней четверти XVIII столетия, т.е. в период проведения политики просвещенного абсолютизма Екатериной II [История ТАССР, 1950, с.319; Ислам, 2006, с.35–36, 95–96]. Но даже в следующем столетии эти учебные заведения не вполне смогли возглавить учебное дело хотя бы даже поволжских татар [Загидуллин, 2008, с.39–40; Хабутдинов, 2013, с.109]. То же можно сказать и о школах при мечетях гг. Оренбурга, Троицка и Верхнеуральска, учрежденных в конце XVIII в. на границе с вступившими в 1731–1743 гг. в добровольное подданство России Малым и Средним казахскими жузами при участии государственных структур, заинтересованных в развитии экономических и дипломатических связей с Востоком

[Алекторов, 1905, с.155–156; Очерки истории школы, 1973, с.556]. В подлинные центры просвещения татар, а также местных башкир и казахов они превратились лишь многие десятилетия спустя [Фархшатов, 1994, с.83–89].

Более или менее регулярные связи поволжских и приуральских мусульман с признанными городскими культурными центрами остального исламского мира (Багдад, Медина, Мекка, Каир, Стамбул и др.) были восстановлены также лишь после провала жесткой миссионерской политики и признания российскими властями ислама как терпимой религии в конце XVIII в.

После падения Казани сильнейший удар был нанесен системе финансирования просветительских учреждений татар. Они полностью лишились государственной поддержки и оказались в попечении локальных мусульманских общин (араб.: махалла). Отсутствие казенного субсидирования, с другой стороны, не только поспособствовало автономии мектебов и медресе, т.е. освободило их от контроля властей (первые практические попытки его создания относятся лишь к 70-м годам XIX в. [Фархшатов, 1994, с.40–43, 47–52]), но и привело к созданию у татар оригинальной модели добровольного народного финансирования школьного дела. Помимо того оно стимулировало максимальное удешевление содержания традиционных учебных заведений. Скрамность стала их отличительной особенностью, начиная от школьного здания и кончая педагогическим персоналом. Последний, как правило, ограничивался одним человеком, являвшимся одновременно и духовным предводителем (араб.: имам) местного мусульманского общества, которому при обучении младших школьников помогали так называемые хальфы (араб.: заместители): лучшие старшеклассники и готовящиеся занять духовные должности выпускники («пишкадамы», или в современной терминологии – ассистенты).

Положение могли спасти вакуфы – недвижимые имущества и капиталы, пожертвованные в пользу мечетей и учебные заведения при них, а также другие благотворительные цели, которые обычно широко бытовали во всем мусульманском мире. Но

к этому времени у татар они были полностью уничтожены. А становлению новых препятствовали российская администрация, а также отсутствие зажиточных слоев среди самих татар, поскольку их экономическая элита была новыми властями практически обезглавлена и ее возрождение шло очень медленно. Восстановление полноценной, работающей вакуфной системы не произошло даже в последующее время (вплоть до 1917 г.!), когда возникла значительная по численности и экономическим ресурсам татарская буржуазия (Агишевы, Апанаевы, Дебердеевы и Сайдашевы в Казани, Рамеевы и Хусаиновы в Оренбурге, Акчурины в Симбирске, Яушевы в Троицке, Сайдуковы в Тобольске, Назировы и Хакимовы в Уфе и др.), готовая собственными деньгами поддерживать дело национального просвещения (подробнее см.: [Хасанов, 1977, с.84–116; Азаматов, 2000; Салихов, 2013, с.552–553; Загидуллин, 2013, с.418–421]).

Отсутствие казенного субсидирования, с другой стороны, не только поспособствовало автономии мектебов и медресе, т.е. освободило их от контроля властей (первые практические попытки его создания относятся лишь к 70-м годам XIX в. [Фархшатов, 1994, с.40–43, 47–52]), но и привело к созданию у татар оригинальной модели добровольного народного финансирования школьного дела. Помимо того оно стимулировало максимальное удешевление содержания традиционных учебных заведений. Скромность стала их отличительной особенностью, начиная от школьного здания и кончая педагогическим персоналом. Последний, как правило, ограничивался одним человеком, являвшимся одновременно и духовным предводителем (араб.: имам) местного мусульманского общества, которому при обучении младших школьников помогали так называемые хальфы (араб.: заместители): лучшие старшеклассники и готовящиеся занять духовные должности выпускники («пишкадамы», или в современной терминологии – ассистенты).

В результате частная татарская школа стала не только дешевой, но и многофункциональной: под его крышей зачастую размещались также библиотека и интернат для проходящих учеников, а иногда и приют для

обездоленных и увечных, а также странствующих. Кроме того, вследствие всенародной поддержки (а также отсутствия чиновничьего контроля) мектебы и медресе в отличие от многих казенных учебных заведений страны того времени развивались «снизу», а не «сверху» по воле царского правительства и были свободны в своей деятельности от «политического заказа» властей (см., например: [Мухаметшин, 2005, с.29; Вишленкова, 2008, с.23]).

Восстановление и развитие школьной сети. Во второй половине XVI – XVIII в. в развитии историко-образовательного процесса у татар можно выделить два этапа, соответствующих в целом периодам общенационального развития этноса. Первый этап занял не годы и даже не десятилетия, а века. Он охватывал примерно два столетия после падения Казани и характеризовался заметным упадком дела национального просвещения и непрерывными гонениями на татарскую школу со стороны царского правительства (это был своеобразный ответ Москвы на так называемое монголо-татарское иго). Вторым этапом начался со второй половины XVIII в. после смягчения антиисламской политики Центра, что увенчалось при правлении Екатерины II признанием мусульманской религии в качестве терпимой и учреждением в 1789 г. в г. Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания – «высшего» правительственного учреждения по управлению делами внутренних мусульман. В наступившей после этого атмосфере подъема национально-религиозной жизни начался бурный рост численности официальных мектебов и медресе, восстановился постоянный и легальный межрегиональный и международный обмен учительскими кадрами и учащимися, значительно вырос объем рукописной книжной продукции, были сделаны первые шаги на пути преодоления локальной замкнутости и международной изоляции татарской духовной культуры. Таким образом в конце XVIII столетия отчетливо проявились черты своеобразного татарского предренессанса, который положил основу для заметного прогресса школьного образования в последующее время, особенно в период уже национального возрождения на рубеже XIX–XX вв.

В конце XVIII столетия отчетливо проявились черты своеобразного татарского предренессанса, который положил основу для заметного прогресса школьного образования в последующее время, особенно в период уже национального возрождения на рубеже XIX–XX вв.

Сохранившиеся письменные источники не позволяют установить точные даты появления первых постоянно действующих школ в Поволжье, Приуралье и Сибири после их присоединения к Московскому государству. Но несомненно, что обучение грамоте и книжным знаниям среди местных татар происходило и после трагического падения Казанского и других ханств. Огромные духовные силы дисперсно расселенного на громадных территориях (от Волги и Урала до Тихого океана, от Белого моря до Крыма, Северного Кавказа, казахских степей) татарского народа, его жизнеспособность, его мужество и настойчивость не позволили исчезнуть на совсем накопленным им веками книжных знаний и традиций грамотности.

Об этом неоспоримо свидетельствуют некоторые сохранившиеся эпиграфические памятники (надписи на каменных надгробиях), старинные татарские рукописные книги (до наших дней дошла, к сожалению, лишь малая их толика, спасшаяся от пожаров и погромов царских и советских властей), родословные (араб.: шаджара), многочисленные документы, написанные татарами на арабском алфавите, которые сохранились в различных отечественных и зарубежных архивах и книгохранилищах, а также факты многогранной деятельности духовных и грамотных лиц – сеидов и абызов (от араб.: хафиз – человек, знающий Коран наизусть) вплоть до бывших владений Кучума и Кучумовичей в Сибири [Исхаков, 1997, с.70–75; Селезнев, Селезнева, 2009, с.135, 140–143; Трепавлов, 2012, с.133] и обучения татарских юношей арабскому языку, мусульманскому богословию и праву в исламских странах, прежде всего в Дагестане. Кроме того, нужно учитывать и то, что даже в бесписьменной деревне по-прежнему своими путями шло распространение знаний (например, через эпические произведения, пословицы и поговорки, народные афориз-

мы и даже сказки) и «своей» грамотности (к примеру, через широко распространенное чтение книг вслух).

На непрерывность традиции школьного обучения, опирающегося в том числе на лучшие образцы народной педагогики, указывает и постепенное восстановление стационарных мектебов и медресе, деятельность которых стала носить стабильный характер. В Казанском крае, Башкирии, Сибири такие учебные заведения письменно зафиксированы не позднее XVII в., в особенности в тех местностях, где не был разрушен многовековой школьный опыт, сохранились ученые (араб.: улама) и учительские кадры, рукописные учебники и учебные пособия, а также имелись богатые меценаты [Бахрушин, 1959, с.212; Кайбер атаклы, 1992, с.219, 220, 221, 222; Валиев, 1992, с.186–187; Хабутдинов, 2013, с.106]. Нередко школы открывались суфийскими шейхами, обладающими способностью успешно сочетать наставническое дело с учебным (см., например: [Ислам, 2006, с.62; Фархшагов, 2009, с.14, 23; Кемпер, 2013, с.374; и др.]). Иногда их медресе приобретали вид полузакрывших учебных заведений с довольно строгим режимом. В XVIII в. устойчиво действующие повышенные школы у татар стали обычным явлением. Основание медресе считалось богоугодным делом частного лица, в народе оно часто называлось именем учредителя. Поэтому вставшие на ногу к середине XVIII в. татарские купцы и промышленники активно включились в дело школьного строительства.

Благодаря трудам видных татарских богословов и просветителей Шигабутдина Марджани и Ризаэтдина Фахретдинова сохранились некоторые сведения о наиболее значимых татарских медресе XVIII в.

Так, в конце XVIII в. славилось медресе при мечети средней по своим размерам деревни Кшкар (татар.: Кышкар) Казанского уезда и губернии (совр. Арский район РТ), многие десятилетия являвшееся крупным центром средневековой науки и культуры. По данным Ш. Марджани, каменная мечеть этой деревни была построена в 1190 г. хиджры, т.е. в 1776–1777 гг. по христианскому летоисчислению известным меценатом купцом Баязитом бин Усманом ал-Кышкари

[Мәржани, 1989, с.380; Свод памятников, 1999, с.58–59]. Но школа существовала еще раньше при деревянной мечети, о чем свидетельствует рукопись одной из переписанных в Кышкаре книг, датированной 1754 г. [Валидов, 1923, с.18]. Тот же Ш. Марджани перечисляет имена 7 имамов Кышкарской каменной мечети (а значит и мударрисов существовавшего при нем медресе): Кадер, Сагид, Давлатша, Фаиз, Якуб, Исмагил (Утямышев, учился в Бухаре одновременно с Марджани) и Габдрахман (сын Исмагила Утямышева), которые были выпускниками Бухарских медресе, т.е. дамуллой (кит.-араб.: великий мулла).

Долгое время Кышкарское медресе занимало по уровню преподавания, особенно «умственных» наук (араб.: аклийат) – логики и философии, первенствующее положение в Казанском крае. Поэтому там обучались выходцы «из Оренбурга, Семипалатинска, Касимова и даже из самой Казани» [Валидов, 1923, с.18, 28–29; Лотфи, 1992, с.153, 159].

Другим древним центром средневекового образования татар в конце XVIII столетия являлось школа при каменной мечети д. Маскара (тат.: Мәчкәрә) Казанского уезда и губернии (совр. Кукморский район РТ), построенной в 1791 г. купцом первой гильдии Габдуллой бин Абдуссаламом ал-Маскарави (Утямышевым, ум.1832), занимавшимся также бязекарсильным производством. В этом учебном заведении работали знатные мударрисы – ученые-богословы ахун Мухаммал-Рахим бин Йсуф ал-Ашити (ум. 1818), обучавшийся более 10 лет у дагестанских улемов и Габдулла бин Йахья ал-Чиртуши (1773–1858), который вместе с А. Курсави учился в Бухаре [Надырова, 2006, с.260]. Они наряду с богословскими дисциплинами основательно преподавали также арабскую грамматику и поэзию и др. предметы. Среди их шакирдов были ученый-реформатор А.Курсави, мударрис медресе в д. Хусна Субхан бин Габдулкарим ал-Марджани – дед Ш. Марджани, основатель династии стерлибашевских мударрисов Нигматулла бин Биктимер (Тукаев, 1772–1844), Нигматулла Буби (ум. в 1845) – дед выдающихся татарских педагогов начала XX в. Габдуллы и Губайдуллы Буби, многие влиятельные

имамы Казанских мечетей и др. [Мәржани, 1989, с.263–264, 319–321; Фәхретдин, 2006, с.83–84; Хабутдинов, 2005; Хабутдинов, 2013, с.113].

Пользовалось популярностью и медресе д. Курса Казанского уезда (совр. д. Верхняя Корса Арского района РТ), которое известно по переписанным там еще в XVII в. книгам [Кайбер атаклы, 1992, с.220]. В нем в начале XIX в. мударрисом состоял Абуна-сир Курсави.

В первоисточниках упоминаются также медресе в таких заказанских селениях, как Адай, Ашыт, Байрака, Байлангар, Буби, Кариле, Менгер, Нижняя Береске, Сатыш, Саба, Симет, Тайсуган, Ташкичу, Тунтер и др., существовавшие по меньшей мере с XVII–XVIII вв. [История ТАССР, 1950, с.319; История ТАССР, 1955, с.231; Алишев, 1984а, с.179; Кайбер атаклы, 1992; Свод памятников, 1999, с.69–70]. Однако надо иметь в виду, что в силу различных причин (переезд в другое место или смерть мударриса или купца-мецената и т.д.) устойчивости в существовании многих тогдашних коранических школ не было. Это четко зафиксировано в доступном исследователям документальном материале (см., например: [Мәржани, 1989, с.241]).

Указанные выше и другие медресе создали прочную основу для дальнейшего развития татарской школы. Они стали главным источником пополнения преподавательских кадров для всех других мусульманских учебных заведений края, охвативших обучением даже часть подрастающего поколения местных чуваш, марийцев и др. языческих народов.

В XVIII в. крупные и малые татарские школы существовали кроме Верхнего и Среднего Поволжья и в других регионах России. Так, на Южном Урале (Башкирии) создание татарами-переселенцами постоянно действующих мусульманских школ произошло также не позднее XVII в. [Йалан бөрйәндәре, 1975, с.209; История Урала, 1963, с.163; Фархшатов, 1996, с.446]. В XVIII в. там действовали известные крупные учебные заведения в деревнях Суюндук (год открытия 1709 г.), Бала Чытырман (1713), Стерлибаш (1720), Бураево (1755), Тазларово (1767), Балыклы (1771), Курман-

тай (1786), Сеитовом посаде (Каргала) под Оренбургом (1745) и т.д. [ЦГИА РБ, ф.И-11, оп.1, д.959, Л.12об.-13, 17об.-18, 30об.-32, 57; Тукаев, 1899, с.5; Очерки БАССР, с.285]. Некоторые из них превратились в настоящие культурно-просветительские центры края, куда приезжали учиться юноши и из соседних регионов: Казанской губернии, казахских жузов.

В центре башкирского края особенно выделялось Стерлибашевское медресе, размещавшееся в 1780 г. в четырех зданиях, где работали кроме мударриса еще восемь его помощников – хальф, или учителей [Йалан бөрйэндэре, 1975, с.215]. В Оренбургском крае ведущее место занимали медресе торговых татар Сеитовской слободы (в 1784 г. переименована в Сеитовский посад), в котором обучалось кроме местных татар также значительное количество окрестных башкир и казахов. По сведениям на 1799 г., в Сеитовском посаде функционировали четыре мечети [Готтлиб, 1799, с.8], и по традиции при каждой из них работала школа. Среди многочисленных мударрисов Сеитовского посада особым уважением пользовались Габделрахман Шарипов (1743–1826), названный Ш.Марджани «самым известным ученым своего времени» [Мәржани, 1900, с.231], и Валиэтдин бин Хасан (1747–1831). Именно такие учителя приносили славу местным медресе. «Во время преподавательской деятельности мударриса Габделрахмана, – писал, например, башкирский ученый-просветитель Мухаммад-Салим Умитбаев, – оренбургское село Каргалы как центр религиозных и светских наук не отставало от самой Бухары» [Өметбаев, 1984, с.205].

К началу XIX в. сеть мусульманских школ была выстроена и в Нижнем Поволжье с центром в Астрахани и Сибири (у тоболо-иртышских, барабинских, ишимских, томских и др. татар, а также поволжско-приуральских татар и башкир, переселившихся в Зауралье в ходе его хозяйственного освоения [Вәлиев, 1992, с.186–187; Ислам, 2010, с.666; Томилов, 2010, с.232–233]). За Уралом одним из центров мусульманского просвещения стал город Тара, где потомки исламского миссионера из Ургенча Дин-Али ходжи, в том числе представители ку-

печеской династии Айтикины, и другие основали так называемую бухарскую слободу с мечетью и школой [Валеев, 1993; Жиров, 2010, с.57–58]. Школы имелись издавна и в г. Тобольске, а также «бухарских» селах, основанных потомками переселившихся в XV–XVII вв. из Средней Азии в Западную Сибирь узбеков, таджиков и др. народов, которые, поддерживая на протяжении нескольких столетий тесные экономические и культурные контакты с местными, тоболо-иртышскими, барабинскими, обскими и др. татарами, стали одним из компонентов формирования этноса современных сибирских татар [Томилов, 1981; Валеев, 1993; Вәлиев, 1992, с.186–187, 196–197; Бухарцы, 2010, с.280; Корусенко, Томилов, 2013, с.90–97]. Однако о них подробных сведений почти не сохранилось. Но и не располагая достоверными данными о количестве учебных заведений в этих регионах, можно с уверенностью утверждать, что там также, где имелись мечети и муллы, были мектебы, а то и медресе.

Поскольку традиционные татарские школы открывались явочным порядком, они не всегда фиксировались официальной статистикой. Как видно из нижеприведенной таблицы, в 1836 г. в Европейской части Российской империи (без округа Таврического магометанского духовного правления) и Сибири властями были зарегистрированы 2 892 мечети. Из них 1 879 (65,0 %) являлись соборными, т.е. в них разрешалось проведение праздничной пятничной молитвы и произношение проповеди. Обычно они располагались в достаточно крупных приходах (по закону не менее 200 душ мужского пола), поэтому имели все возможности учреждать и содержать начальное или повышенное учебное заведение. Тем не менее, сведения о существующих школах по округу Оренбургского муфтията были даны только по 473 приходам (16,4 %). По количеству «училищ» лидировала Оренбургская губерния (168), за ней шли Казанская (108), Саратовская (40), Симбирская (29) и др. губернии. Эти сведения, безусловно, неполные. Так, к середине XIX в. в Казанской губернии официально числилось уже 430 мектебов и 57 медресе [История ТАССР, 1973, с.58]. Прирост в 4,5 раза всего за ка-

кие-то полтора–два десятилетия можно объяснить только лучшим учетом местных коранических школ.

Кроме мектебов и медресе у татар широко была распространена домашняя форма обучения. Многие родители обучали своих детей чтению дома. Каждая мать, умеющая сама читать, считала своим долгом обучать грамоте своих и соседских детей, что широко практиковалось у местных мусульманских народов вплоть до революции 1917 г. Особенно много было домашних школ для девочек. Долгое время (вплоть до конца XIX в.) организованные примечетские учебные заведения предназначались только для мальчиков и юношей, поэтому девочки 7–11 лет обучались грамоте, прежде всего чтению классических сочинений персидских и тюркоязычных поэтов, у жен мулл – абыстаев, или остабикэ в домашних условиях. Таких домашних пунктов обучения было немало. Так, немецкий ученый И.Г.Георги после посещения в 1770 г. Южного Урала писал о существовании в деревнях местных мусульман наряду со школами для мальчиков «множества» школ и для девочек [Георги, 1799, ч.2, с.9].

Внутренняя организация мектебов и медресе. В XVI–XVIII вв. татарская школа как и прежде была тесно связана с мусульманской религией, т.е. была конфессиональной. Поэтому по форме организации и содержанию учебно-воспитательного процесса она сильно не отличалась от учебных заведений остального мусульманского мира. В 1913 г. высокопоставленный чиновник Министерства народного просвещения Н.А.Бобровников, например, писал: «Еще 25 лет назад, входя в мектеб или медресе в Алжире, Константинополе или Брусе, я чувствовал себя как бы перенесенным в Приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна» [Бобровников, 1913, с.228].

Татарские мектебы и медресе носили наднациональный характер – они обучали детей и других окрестных мусульманских народов: башкир, мишарей, казахов. Преподавательский состав был также интернациональным: наряду с татарами учителями работали башкиры, казахи, а даже выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа (Да-

гестана) [Фэхретдин, 1900, с.59, 66]. Наиболее известными иностранными мударрисами в Башкирии XVIII в. были Ишнияз бин Ширнияз ал-Хорезми (ум. в 1791 г.) и Валиэтдин бин Хасан ал-Багдади (1755–1831), долгие годы работавшие в медресе Сеитовского посада [НА УНЦ РАН, ф.7, оп.1, д.3 (н.а.), л.34об.–35].

Традиционный набор учебных предметов строился на основе раннесредневековых классических трудов, написанных на арабском и персидском языках, которые являлись и у татар языком науки и литературы, как латынь и греческий язык у христианских народов. Использовались также учебные пособия среднеазиатских и местных авторов на литературном языке тюрки, понятном всем тюркам. Применялись и книги на османско-турецком языке. Основными языками обучения выступали арабский и родной язык учащихся.

Повышенные учебные заведения татар в отличие, например, от существовавших в XVIII в. государственно-элитарных (Пажский и кадетские корпуса, Московская славяно-греко-латинская академия, православные духовные семинарии) и других привилегированных училищ страны (см.: [Очерки русско культуры, 1987, с.259–265]), были всеобщими: наряду с детьми зажиточных слоев (князей, мурз, тарханов, мулл, старшин) в них обучались и дети бедняков из служилых и ясачных татар и крепостных крестьян. Этому способствовало и употребление большинства школьных зданий под интернат наподобие пансионатов, которые существовали во многих российских гимназиях и университетах XVIII – начала XX в., но весьма скромных по обстановке и открытых для всех приходящих учеников на собственном содержании. В таких интернатах выходцы из низших слоев находили не только кров, но и пропитание, прислуживая зимой богатым шакирдам (в летнее время они обычно учительствовали в мектебах среди степняков [Очерки истории школы, 1973, с.555]). Однако большинство детей, прежде всего по социально-экономическим причинам, оставалось за порогом школы, особенно средней и высшей. Поэтому большинство известных татарских медресе по составу

обучающихся были привилегированными учебными заведениями.

Школы обычно содержались за счет добровольных пожертвований прихожан. Нередко подношения составляли довольно значительную сумму и являлись ощутимым источником дохода мусульманского духовенства [Фархшатов, 2006, с.291], а, следовательно, и его власти и идеологического влияния. Вместе с тем были и училища, финансируемые отдельными муллами, старшинами и баями, или же имеющие доходы с немногочисленных вакуфов – пожертвованных недвижимых имуществ (земельные участки, лавки, мельницы и т. д.). Русское правительство, как уже отмечалось, абсолютно не участвовало в материальном обеспечении татарских школ, считая их, и не без основания, частными религиозными учебными заведениями.

Татарские школы второй половины XVI – XVIII в. обычно располагались в отдельных, иногда в нескольких, небольших и не совсем благоустроенных зданиях при мечетях (поэтому в некоторых источниках и литературе они назвались примечетскими, или по названию главной учебной книги – кораническими [ал-Куси, 1983]), которые не всегда давали возможность вести полноценную учебную работу (в современном понимании) и совершенно лишали возможности осуществлять физическое и эстетическое воспитание шакирдов, а также прививать им некоторые санитарно-гигиенические навыки. Например, такие обычные для привилегированных учебных заведений России и Европы мероприятия, как участие обучающихся в литературных вечерах, театральных спектаклях, баллах и концертах, издание рукописных журналов, уроки рисования, танца, фехтования или обучения галантности и изящным (светским) манерам в медресе рассматриваемого периода были просто не мыслимыми.

Традиционные татарские учебные заведения делились на начальные – мектеб (араб.: место, где пишут) и повышенные – медресе (араб.: место, где читают лекции), часть которых приближалась к высшим учебным заведениям схоластического типа или богословским факультетам западных университетов.

Основная цель относительно массовых мектебов – они практически имелись во всех населенных пунктах, где имелась мечеть – состояла в религиозном воспитании подрастающего поколения и сообщении детям первоначальных сведений об исламской религии. В соответствии с этим строился и учебный курс. По утвердившейся традиции его должен был пройти каждый мальчик 7–9 лет, хотя бы в ускоренном порядке, что было возможно при индивидуальной форме школьных занятий. Девочки же основы грамоты и религии постигали отдельно, как отмечалось, обычно вне школы, дома у жен мулл. Родители, которые не посылали своих детей в начальную школу или к частной учительнице, подвергались общественному осуждению. Непонятные для простолюдинов арабские слова из уст татарского школяра действовали на его отец и мать магически и являлись высшей сыновней наградой для них и всех родственников.

Учебный курс мектебов несмотря на отсутствие единой и обязательной программы был в целом повсеместно одинаковым. Сначала шакирды (ученики) устно, притом каждый индивидуально и в соответствовавшем его способностям темпе (классно-урочная система организации учебных занятий стала внедряться лишь в конце XIX в.) изучали арабский алфавит, после чего приступали к чтению и заучиванию отдельных сур и аятов Корана, считавшихся для мусульманина основополагающими. Параллельно изучались сочинения духовно-назидательного содержания на тюрки: «Ахыр заман китабы» («Книга о конце света») Сулеймана Бакыргани (ум. в 1186 г.), «Мухаммадийа» («Биография пророка Мухаммада») Мухаммада Челеби (ум. в 1451 г.), «Кисса-и Йусуф» Кол Гали (конец XII – начало XIII в.), «Рисала-и Газиза» Таджутдина Ялчыгулова и др. [Гэзизова, 1927; Фархшатов, 1994, с.67; Татар әдәбияты, 1996, с.115–157, 273, 282, 443–452; Махмутова, 2013, с.799; и др.]. Эти популярные учебные пособия по исламской этике (араб.: ахлак) и нравственности в целом (араб.: адаб) воспитывали в учениках (а также в остальной части населения) в контексте известных «умеренных» суфиев «преданность Богу, довольствование судьбой, предписанной Творцом, а так-

же скромность, честность, милосердие, уважение к собратям-мусульманам и многие другие человеческие ценности» [Кемпер, 2013, с.373, 378]. На уроках каждый зубрил свой урок достаточно громко, и здание школы в деревне можно было даже определить по своеобразному гулу.

В некоторых мектебах преподавались также письмо и счет. Как было обычно принято в средневековье, обучение письму не шло одновременно с обучением чтению, а следовало ему, что не способствовало быстрому освоению алфавита и устойчивости навыков грамотности [Очерки истории школы, 1973, с.543, прим.2; Очерки русской культуры, 1970, с.163]. Но изучение родного языка отсутствовало повсеместно. Поэтому, несмотря на довольно густую сеть мектебов, умеющих читать и писать по-татарски и свободно излагать свои мысли на бумаге было относительно немного.

Способ обучения грамоте, как правило, по книге «Иман шарты», был буквослагательный (араб.-тат.: усул-и хәрфийа). Т.е. ученики учили не звуки, соответствующие тем или иным буквам, а название букв. При чтении каждого слова они сначала произносили название всех согласных и долгих гласных букв каждого отдельного слога, надстрочных и подстрочных знаков, обозначающих в нем краткие гласные. Только после прочтения таким образом каждого слога слоги присоединялись друг к другу и произносилось все само слово [Ибраһимов, 1973, с.19–29]. При обучении соединению слогов школьник заучивал так называемый абджад – восемь искусственных слов, в которых упоминались все 28 букв арабского алфавита. При заучивании кабалистических (таинственных, волшебных) слов системы абджад теоретически полагалось усвоение также числового значения букв, для чего она и была придумана в древности, но на практике это постигали немногие [Очерки истории школы, 1973, с.542; Рахимов, 2006, с.252].

Такая сложная методика вкупе с непонятной лексикой и непростым арабским алфавитом сильно тормозило процесс освоения грамоты и удлиняло срок пребывания в мектебе. Поэтому большинство школьников в учебном курсе не подвигалось больше

зубрежки первоначальных книг для чтения и заучивания некоторых молитв, совершенно не получая навыки письма.

Но дидактические принципы, на основе которых работали тогда школы, во многом были несовершенными повсюду [Очерки истории школы, 1973, с.22, 36; Паульсон, 1887]. Так, буквослогательный метод с повторением нараспев того, что было прочитано и показано, был характерной чертой методики преподавания у многих народов, в том числе России [Очерки истории школы, 1973, с.33]. Звуковой, или новый способ (знаменитый усул-и саутийа, или усул-и джадида) обучения чтению и письму в татарской школе начал внедряться лишь на рубеже XIX–XX вв. по инициативе Исмаила Гаспринского (1851–1914) [Фархшатов, 1994, с.86–87].

Сроки обучения в мектебах, как и твердый режим учебного дня и года (обычно это были лишь зимние месяцы), а также порядок учета обучающихся, не были точно определены, и шакирды продвигались в учебе по мере своих успехов, притом без экзаменов. В большинстве низших мусульманских школах царила суровая средневековая дисциплина, основанная преимущественно на методах принуждения. Традиционная формула напутствия родителя учителю, которому он вручал своего дитя на обучение, гласила: «Ите – сезгә, сөяге безгә» («Мясо – ваше, кости наши»), т.е.: можете бить, но без увечья [Валидов, 1923, с.19; Очерки истории школы, 1973, с.540; Газизов, 1992, с.171]. Поощрения и другие формы мотивации школьников применялись редко.

Обычно после трех или четырехлетнего пребывания в начальной школе шакирды могли продолжить образование в медресе, представлявших элитарный уровень классического образования татар и находящихся, как правило, в крупных селениях, а позже и в городах. Однако твердых границ между мектебами и медресе не было. Как правило, средневековое элементарное образование выделяло из себя множество переходных оттенков к среднему [Владимирский-Буданов, 1873, с.189–190; Очерки русской культуры, 1979, с.147]. Так было и у татар, поэтому образовательный потенциал различных медресе иногда существенно отличался.

Тем не менее существовала общепринятая, традиционная («бухарская») программа типичного медресе как в городах, так и в сельской местности, которая отражала помимо прочего и еще слабую в то время дифференциацию наук. Она включала грамматику (араб.: сарф – морфология, вернее этимология и наху – синтаксис) арабского языка, логику (араб.: мантик), философию (араб.: фалсафа, или хикмат), мусульманское богословие (араб.: гакида, в том числе спекулятивная теология — калам) и право (араб.: фикх) с теорией мусульманского права (араб.: усулу-л-фикх) ханифитского направления (остальные три направления (араб.: мазхаб) мусульманского права — шафиитское, маликитское и ханбалитское специально не изучались, поскольку широко не практиковались в татарском мире) [Валидов, 1923, с.17–32; Коблов, 1916; Махмутова, 1982, с.18–19; Фархшатов, 1994, с.72]. Освоение программы не регламентировалось какими-либо сроками – это зависело в первую очередь от собственной активности шакирдов. По окончании того или иного учебного курса никакие испытания или экзамены не проводились.

Характерной чертой татарских медресе рассматриваемого периода было то, что основные, «чистые», источники ислама – Коран и Сунна (вся совокупность хадисов – преданий о высказываниях и деяниях пророка Мухаммада) – не везде изучались как предметы, как было в классический период у арабов и персов, и существовала обширная специальная литература по корановедению (араб.: тафсир) и хадисоведению (араб.: усул-и хадис). Естественно, выпускники повышенных школ были знакомы с полным текстом Корана. А некоторые даже знали его наизусть (т.е. были хафизами) и умели прекрасным голосом мелодично произносить публично (такие специалисты назывались кариями). Эти лица всегда пользовались в обществе большим почетом и являлись гордостью учителей, которые возили их на свадьбы, поминки и т.д. Так как «громкое чтение Корана, в устах талантливого и опытного чтеца производящее сильное впечатление, слушается и арабами как гармония звуков» [Бартольд, 1922, с.48]. Коран и хадисы как учебные предметы повсе-

местно нашли свое место лишь в программе джадидистских медресе рубежа XIX–XX вв.

Так как отсутствовали единый и обязательный для всех учащихся учебный план, а также деление на классы или факультеты, по усмотрению заведующих повышенными школами (мударрисов) в некоторых медресе дополнительно преподавались риторика, правила стихосложения, астрономия, математика, каллиграфия и другие предметы. Но все они носили вспомогательный характер и служили для более полного усвоения мусульманского богословия и права. В целом же содержание образования в медресе носило явно выраженное гуманитарное, а не реальное направление с преобладанием богословских дисциплин. Потому что ученость у татар в то время понималось как освоение учения исламской религии во всех ее тонкостях, приобретение мистического озарения в понимании божественных откровений, понимание сути теологических проблем путем логических рассуждений.

В результате полученные в повышенной школе знания, как и в начальной, были мало связаны с практическими запросами и вызовами, с жизнью. И это было одним из важнейших факторов накопления элементов культурной отсталости татар, которая определилась и стала усиливаться после падения Казани. Хотя в более же широком понимании историческую ступень культурного развития всех народов Волго-Уральского региона определило пребывание в составе Русского государства, эволюция которого долгое время шло по пути феодально-крепостнических, а не раннебуржуазных отношений [Очерки русской культуры, 1977, с.19–20, 34–35].

Заметим, однако, что структура учебной программы татарских медресе феодального периода во многом совпадала с направлением обучения в повышенных школах стран католического средневековья, а также в православных духовных и светских учебных заведениях России XVII–XVIII вв. (см., например: [Смирнов, 1855, с.44–63; Знаменский, 1881; Очерки истории школы, 1973, с.57–59, 60–64, 71–76, 83, 84–85, 389–391]). На это в современной национальной историографии не всегда обращается должное внимание, что ведет к необоснованному,

часто и негативному представлению традиционных повышенных татарских учебных заведений вне общероссийского и мирового контекста развития педагогической науки.

Почти все учебники и учебные пособия, применяемые в медресе, были написаны на арабском или персидском языках. Но при их изучении мударрис опирался на родной язык учащихся. Поскольку массовое книгопечатание на восточных языках в России еще не было налажено (оно появляется лишь в самом начале XIX в. после перевода «Азиатской типографии» Шнора, открытой в 1785 г. в Петербурге, в Казань (см.: [Каримуллин, 1971]), основная масса учебных материалов, применяемых в татарской школе рассматриваемого периода, были рукописными. Притом подавляющее большинство из них изготавливалась самими шакирдами, которые, проживая в основном в интернате, в свободное время с большим прилежанием переписывали те или иные нужные им книги. Существовали и профессиональные переписчики книг (араб.: хаттат), которые посвящали этому благородному делу всю свою жизнь. Прославленными хаттатами были, например, поэт Габдерахим Утыз-Имяни и его сын Ахмаджан (ум. 1849) и зятя Ахмаджан бин Шамсетдин и Ахмаджан бин Фадлаллах, преподаватель каллиграфии на Восточном факультете Казанского университета Мухаммад-Гали Махмудов и др. Обессмертил свое имя и житель села Альменево Челябинского уезда Оренбургской губернии Абунабир Сабитов, переписавший за свою жизнь 220 томов книг [Фархшатов, 1988, с.45]. Немало рукописей привозили татары, совершавшие паломничество (араб.: хаджж) в Мекку и Медину, святые места мусульман [Шкунов, 2013, с.333; Сибгатуллина, Тюркоглу, 2013, с.345]).

Традиционный («бухарский») метод передачи знаний в медресе был пассивным: во время занятий как правило сам мударрис или один из лучших учеников вслух читал тот или иной отрезок очередной учебной книги многовековой давности. После этого наставник подробно и на конкретных примерах разъяснял прочитанное, ссылаясь на другие авторитетные средневековые авторы, написавших комментарии на дан-

ное сочинение (араб.: шарх), комментарии на эти комментарии (супер-комментарий, глосса; араб.: шарх-и шарх) или комментарии на избранные места этих комментариев и супер-комментарий (араб.: хашийа) (см., например: [Ахмеров, 1897, с.77; Валидов, 1923, с.21–22; Сафиуллина-ал-Анси, 2008, с.145–147]). При этом он практически не высказывал собственно мнения или точки зрения, так как было принято считать, что время самостоятельных суждений ученых (араб.: улама) и новых толкований священных текстов ислама – Корана и хадисов в мусульманском мире уже прошло (араб.: заману иджтахид мункариз, т.е. врата индивидуального творчества закрыты).

В рядовых татарских медресе все дисциплины преподавал один и тот же преподаватель на уровне, который примерно соответствовал среднему образованию схоластического типа: в них комментарии к основным учебным книгам изучались реже. Лишь в некоторых наиболее крупных повышенных школах работали учителя (назывались также хальфами, а позже мугаллимами) с углубленными знаниями по отдельным учебным предметам, которые пользовались известностью во всей округе. К таким авторитетам стекались многие шакирды других медресе. Хотя институт «учитель – ученик» у татар считался священным, и общественное мнение сурово осуждало смену наставника, особенно без согласия последнего.

Усвоение лишь готовых книжных знаний, хотя и путем понимания содержания изучаемого, зачастую в условиях пренебрежения к личности обучающегося не всегда способствовало воспитанию в медресе активной творческой личности. Такой способ передачи знаний между поколениями был одним из основных причин стагнации не только татарского общества, но и всего мусульманского мира к началу Нового времени.

Практикуемые достаточно часто публичные диспуты (араб.: муназара) по тем или иным богословским вопросам между шакирдами различных медресе не меняли в корне дело. Так как и в них победителями выходили те, кто более умело оперировал цитатами классиков, а не продуктом собственного интеллекта. В то же время диспуты, проводимые регулярно даже между

учащимися различных медресе, являлись своеобразной и достаточно эффективной дидактической формой закрепления и учета знаний, привития будущим проповедникам (араб.: хатиб) и судьям (араб.: факих) навыков схоластической казуистики. С другой стороны, они служили, выражаясь современным языком, мощной PR-акцией для формирования положительного имиджа того или иного медресе, так как существовала достаточно острая негласная конкуренция между ними.

Тем не менее прошедшие курс крупных повышенных медресе выносили оттуда достаточно большое количество разнообразных знаний и навыков. По меньшей мере программа наиболее передовых школ давала такую возможность [Госманов, 1984, с.145; Лотфи, 1992, с.165], и не случайно государственные чиновники сравнивали лучшие медресе с православными духовными семинариями и академиями [Махмутова, 2013, с.800]. Помимо знания восточных языков и литературы (арабской, персидской, османско-турецкой и тюркской) наиболее пытливые выпускники глубоко знали исламское богословие и юриспруденцию и могли вести на эти темы ученые беседы. Существенную роль в умственном развитии учащихся играла совместная жизнь в интернате, в юношеской среде которого существовала определенная преемственность общественно-политических настроений и знаний от предшествующих поколений, а также рождался своеобразный шакирдский фольклор (см., например: [Госманов, 1971; Госманов, 1984]).

«Важная особенность» мусульманских конфессиональных школ, в том числе традиционных татарских мектебов и медресе, заключалась также в том, что «в них культура текстов становилась скрытой культурообразующей программой» [Рахимов, 2006, с.253]. В школьные годы дети запоминали огромное количество готовых текстовых конструкций, на основе которых они могли создавать собственные тексты-книги, пригодных для беглого цитирования и декламирования к случаю. Это способствовало приобщению подрастающего поколения к духовному наследию предков, обеспечивало процесс преемственности соционор-

мативной, религиозной культуры. Так как у татар и у других мусульманских народов ислам формировал специфику всего образа жизни. Кроме того, постоянно тренируя память на протяжении всего курса обучения, шакирды запоминали наизусть множество религиозных и поэтических текстов (араб.: матн), что создавало основу и для воспроизводства и развития богословской и поэтической традиции [Рахимов, 2006, с.253].

Но все же общеобразовательных знаний медресе, возглавляемые бухарскими традиционалистами – дамуллами (кит.-араб.: «наш великий господин», «великий ученый»); так называли среди татар Волго-Уральского региона преподавателей, получивших образование в Бухаре), давало немного. Например, познания их выпускников по математике едва хватало на случай деления наследства по шариату – мусульманскому праву: их обучали как измерять земельный участок и т.п. По географии, страноведению и истории шакирды получали лишь отрывочные, часто фантастические, сведения из внеклассного чтения давно устаревших сочинений.

Учеба в медресе продолжалось около десяти лет. Обучение шло медленно, так как каждое занятие по любой дисциплине являлось одновременно и уроком по арабскому языку. Никаких частных и публичных выпускных экзаменов (как и переводных) не проводилось, соответственно не выдавались никакие свидетельства или дипломы об успешном прохождении курса обучения, которые давали бы права и привилегии государственных высших и средних духовных и светских учебных заведений. Вместо дипломов служило почетное звание «ученик такого-то мударриса», на основании которого, впрочем, выпускники медресе могли занять различные духовные должности (мухтасиб, ахун, имам, хатиб, муэдзин), стать учителями (абыз, хальфа, мугаллим), а также чтецами Корана (араб.: кари) и каллиграфами (араб.: хаттат).

В конце XVII – начале XVIII в. наиболее пытливые татарские юноши, исчерпав мудрость провинциального мударриса, направлялись для пополнения своих знаний в Дагестан, Крым и Османскую империю, а позднее, особенно после построения г. Оренбурга и Троицка, в Бухару и Самар-

канд [Фэхретдин, 1899, с.31–32; Фэхретдин, 1900, с.37; Фэхретдин, 1907, с.8]. Переориентация на Среднюю Азию привела к постепенному утверждению бухарской системы организации учебно-воспитательного процесса в татарских школах. Это заметно усилило схоластический характер образования, который проявлялся в традиционной школе татар и ранее достаточно явно, нарушил веками отработанные у тюркских народов способы гармонического, в смысле единства физического, умственного, нравственного и эстетического, воспитания личности.

Интернатская система позволяла как мектебам, так и медресе тесно связать учение с воспитанием детей. Изоляция от окружающей среды и семейной жизни, хотя и отрывала учащихся от практических запросов жизни, но способствовала под постоянным надзором и руководством учителя, который был одновременно и духовным наставником всего прихода, успешному привитию им мусульманской (но еще не татарской!) идентификации. Поэтому царские чиновники и православные миссионеры не без основания называли традиционные школы татар главным оплотом, хранителем и проводником исламских ценностей в крае, успешно препятствующим христианизации местных мусульманских народов [Ильминский, 1895, с.142; Коблов, 1908, с.1; Коблов, 1916, с.64–65; и др.].

Результаты деятельности мусульманских школ и реакция властей. Мектебы и медресе татар в целом справлялись со своими задачами по религиозному обучению и воспитанию подрастающего поколения в традиционном исламском духе, а в конечном счете консолидации региональных групп татар, разбросанных на бескрайних евразийских степях, и формированию у них единой этноконфессиональной идентичности, что в долгосрочной же перспективе вело к строительству татарской «мусульманской» нации в рамках «общероссийской уммы» — законопослушных подданных империи. Именно в примечетских школах происходило приобщение детей с самого раннего возраста к традиционным нормам морали, этикета, что, по мнению Э. Геллнера, было характерной чертой и необходимым условием соци-

ально-психологического воспроизводства доиндустриального общества [Геллнер, 1991, с.141].

Помимо этого конфессиональные учебные заведения способствовали распространению элементарной грамотности среди населения. Еще К. Фукс заметил: Татары «народ более образованный, нежели некоторые даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и, как гражданин, не пользуется уважением других» [Фукс, 1844, с.113]. Участники академических экспедиций конца XVIII в. также отмечали высокий уровень грамотности татарского народа, как и других местных мусульман: в каждой татарской деревушке, писал, например, И.Г.Георги, имеется «особливая молебная хранина и школа», а «в казанских слободах и больших деревнях» «есть подобные сим девичьи школы» (цит. по: [История ТАССР, 1950, с.318–319]). Конечно, не ослепляясь национальным самолюбием, нужно сказать, что качество грамотности того времени было другое. Грамотными считался любой человек, который мог прочесть, не редко и по памяти, несколько строк из знакомого ему текста. А умеющих писать все же было единицы.

Тем не менее о постепенном распространении практически-прикладной грамотности (умения читать и писать) на языке тюрки среди татар и других тюрко-мусульманских народов свидетельствует и тот факт, что одной из действенных форм агитации за отстаивание национальных прав среди татар и башкир в условиях усиления колониальной политики царизма были письменные призывы и воззвания восставших народов [Гэзиз, 1923; Газизова, 1927; Рэхим, 1929; История ТАССР, 1950, с.249–250; Алишев, 1973; История ТАССР, 1973, с.42; Усманов, 1974; и др.].

Татарские медресе подготовили сотни представителей национальной интеллигенции, которая состояла тогда преимущественно из духовных лиц. Только за первые 11 лет существования Оренбургского магометанского духовного собрания в нем успешно прошли испытание в знании религиозных наук и затем получили официальное назначение на мечетские должности

2 251 чел. Из них на Оренбургскую губернию приходилось 1 921 чел. (28 ахунов, 110 мухтасипов, 969 мулл и 814 прочих), на Казанскую — 195 (соответственно 7, 15, 168 и 5), Пермской — 73 чел. (1, 10, 42 и 20) [РГИА, ф.1537, оп.1, д.90, л.335–336; Фархшатов, 1991]. Эти цифры представляются внушительными по сравнению с предшествующим периодом. Так, по сведениям на 1792 г. при 246 мечетях Оренбургского края насчитывалось всего 492 духовных лиц [НА УНЦ РАН, ф.3, оп.7, д.35, л.19], т.е. почти в четыре раза меньше, чем в начале следующего столетия.

Отдельные признанные религиозные деятели еще в «домуфтиятский» период были настолько влиятельными, что обладали даже правом выдавать предварительные разрешения на строительство мечетей, назначать к ним имамов, выносить на основе шариата и сунны самостоятельные богословско-правовые решения (араб.: фетва). Среди них: ахун Валид бин Максуд бин Дустмухаммад из д. Кармаскалы (Стерлитамакский уезд), ахун Габдулла бин Муслим бин Хайдаргали из д. Ахуново и др. [НА УНЦ РАН, ф.7, оп.1, д.3 (н.а.), л.32, 36, 37об.].

Разумеется, не все выпускники медресе выбирали духовную карьеру. Отдельные из них становились купцами, ведущими торговлю и в «заморских странах» (например, в Индии, Китае, Тибете, Персии, Афганистане, Османской империи, Сирии) в сочетании с дипломатическими поручениями Русского государства [Губайдуллин, 1926; История ТАССР, 1955, с.201; Юзиев, Каримуллин, 1958; Усманов, 1967; Матвиевский, 1969, с.108–109; Хасанов, 1977, с.42–43; Алиева, 1990; Свердлов, 2013, с.245, 249–250]. Одаренным выпускникам была открыта также карьера переводчиков и толмачей в правительственных учреждениях Российской (одним из них был, например, Мендияр Бекчурин, 1780–1821, дважды, в 1771 и 1780 гг., посетивший с дипломатической миссией Бухару) [Султангалиева, 2013, с.340; Галиев, Султангалиева, 2013, с.361] и даже Османской [Сибгатуллина, Тюркоглу, 2013, с.348] империй. Некоторые бывшие шакирды находили применение своим знаниям на педагогическом поприще,

иногда и за пределами Урало-Поволжья. Известно, например, что в конце XVIII в. отдельные грамотные татары и башкиры зарабатывали себе на жизнь обучением грамоте и основам религии казахских детей [Йалан бөйрәндәре, 1975, с.209]. Татарские «бродячие» учителя, а также муллы, привлеченные правительством в казахские степи для «смягчения нравов» их обитателей, превратились со временем в настоящую головную боль для царских чиновников в ходе дальнейшего проникновения Российской государственности на Восток (подробнее см.: [Франк, 1993; Султангалиева, 1998; Джандосова, 2006, с.170–171]).

По словам великого казахского просветителя Чокана Валиханова (1835–1865), благодаря тому, что «русское правительство построило мечети, назначило мулл из татар» ислам в очень короткое время вытеснил шаманизм у казахов, особенно у родовых верхов, которые «даже начинали вводить гаремное затворничество» (прежде казашки дома и вне него лиц никогда не закрывали) [Валиханов, 1904, с.63, 101]. Поэтому в середине XIX столетия заигрыванию царизма с исламом в Казахстане был положен конец, и пребывание учителей мусульман из Урало-Поволжья там стало не желательным (подробнее см.: [Литвинов, 1995]).

Деятельность сотен мусульманских школ привела к существенным сдвигам в мировоззрении татар, как и у других мусульманских, а также некоторых языческих (чуваши, марийцы) народов региона. У них старинные народные верования (шаманизм), обряды и традиции, в том числе традиции в воспитании детей, медленно, но неуклонно были вытеснены исламскими. Воспитание подрастающего поколения стало более суровым, природная подвижность и любознательность детей подавлялись, новые социальные и культурные потребности молодежи безоговорочно осуждались, как посягательства на «основы».

Тем не менее, открытие муфтията в Уфе не прошло бесследно для школьного просвещения мусульманских народов региона. Прежде всего, был нанесен существенный удар по широко распространенному среди татар, мишарей и башкир домашнему обучению. По замыслу учредителей, Духов-

ное собрание должно было следить, чтобы мектебы и медресе существовали «только при мечетях» [ПСЗ–1, т.22, №16710]. Уже 5 декабря 1789 г. императрица Екатерина II строго предписала Уфимскому и Симбирскому губернатору барону О.И.Игельстрому, чтобы отныне не было обучения мусульман «в домах или других местах» [РГАДА, ф.16, оп.1, д.934, ч.5, л.77]. Эту задачу должно было решить создание института так называемых указных мулл, набираемых из числа «в верности надежных и доброго поведения» людей.

При специальном испытании кандидатов на духовные должности при Духовном собрании стали оцениваться и их учительские способности с присвоением соответствующих педагогических званий – мударриса, мугаллима и мугаллима-сабияна. Имамы (муллы) мечетей таким образом приобретали официальное право открывать мектебы или медресе и заниматься там преподавательской деятельностью (подробнее см.: [Фархшатов, 1986, с.34–43; Фархшатов, 1991, с.10]). Все остальные лица, даже самые ученые и имеющие выдающиеся педагогические таланты, не получившие прав на обучение детей, считались нарушителями закона и сурово наказывались.

Формализация подбора учительского контингента примечетских школ привела к вытеснению из педагогической сферы многих способных людей, появлению коррупции при соответствующих экзаменах (см.: [Фэхретдин, 1907, с.9]). Но с другой стороны, после открытия Духовного собрания произошла полная легализация существующих мектебов и медресе, которые должны были удовлетворить возрастающую потребность в духовных кадрах, труд которых, кстати, также не оплачивался казной.

Одним из способов противодействия несоответствующим «видам правительства» мусульманским школам Оренбургского края имперские власти выбрали открытие государственных примечетских школ. Идеинные институты-противники должны были стать идейными союзниками. Так, в 1789 г. на основании именных указов императрицы Екатерины II барону О.А.Игельстрому от 4 сентября 1785 г., 3 и 4 июня 1786 г. при Оренбургской мечети на Меновом дворе была от-

крыта за счет казны «татарская школа» «по примеру казанских» на 64 ученика [ПСЗ–1, т.22, №16355; Добросмыслов, 1902, с.56]. В ней предполагалось обучать «правильному» исламу также детей казахской знати, которые ранее посещали медресе Сеитовского посада близ Оренбурга и с. Стерлибашево (в 55 км от г. Стерлитамака) [Джандосова, 2006, с.171]. Однако несмотря на то, что для Оренбургской школы выстроили два специальных здания, она не пользовалась популярностью и в 1817 г. была закрыта.

Еще одним орудием ограничения влияния исламских школ на татар и других мусульман правительству представлялось открытие для них, как и для других «иноверцев», а также перешедших в православие нерусских народов края (чуваши, мордва), особых учебных заведений, которые должны были способствовать ускорению их интеграции в российский социум [Михайлова, 1979, с.31–33]. Есть сведения, что миссионерские училища для местного населения появились по инициативе первого казанского архиепископа Гурия при православных монастырях сразу после завоевания края. Но просуществовали они недолго [Горохов, 1941, с.15–17]. Новые активные попытки последовали только в 30-х гг. XVIII в., когда в Казанской епархии были открыты новокрещенские школы в Казанском Зилантовом монастыре и Свяжске. В следующем десятилетии к ней прибавились 4 «инородческие» школы [Горохов, 1941, с.18–27; Очерки истории школы, 1973, с.57]. В 1735 г. в первоначальном Оренбурге (Орская крепость) для местных нерусских народов учредили «арабскую» и «калмыцкую» школы. Они должны были готовить из их среды низших чиновников, а также содействовать тому, чтобы «инородцы» «христианский закон приняли». Но через шесть лет вслед за Оренбургской комиссией эти школы переехали в Самару [Модестов, 1917, с.63]. В 1738 г. по инициативе В.Н.Татищева и Л.Я.Саймонова было принято решение об устройстве уже в г. Уфе специальной школы для обучения иноверцев русскому языку. Однако следов ее деятельности не сохранилось.

В 1769 г. в Казанской гимназии, учрежденной по указу Сената от 21 июля 1758 г.

и являвшейся сначала составной частью Московского университета, был открыт «для охотников» «класс татарского языка» (по указу Екатерины II от 12 мая того же года). Позже он стал базой для создания восточного отделения сначала при самой гимназии, а в дальнейшем при Казанском университете (восточный факультет, организован в 1814 г.; с 1835 г. «разряд восточной словесности») [Горохов, 1941, с.28–29; Очерки истории школы, 1973, с.88; История ТАССР, 1973, с.57 и др.]. Власти обратили внимание на преподавание татарского языка потому, что он служил тогда языком дипломатических взаимоотношений России с Востоком (подробнее см.: [Хисамова, 2012]). Через «татарский класс» планировалась подготовка в Поволжье, являвшемся тогда форпостом продвижения России на Восток, преданных чиновников, а также лиц, способных, в том числе, по словам первого директора 1-й Казанской гимназии М.И.Вревкина, отыскать «татарские» «манускрипты: правдоподобно, что оные подадут некоторый, может быть немалый, свет в русской истории» [Владимиров, 1867, с.39; Михайлова, 1979, с.35; Данциг, 1973, с.76, 107–119, 360–365].

Учителем татарского класса при гимназии был определен «Старой и Новой Казани татарских слобод депутат адмиралтейской конторы толмач» Сагит Халфин (1732–1785), который вместе с Ибрагимом Халфиным (1778–1829, в 1823 г. первым из татар стал адъюнктом восточной словесности в Казанском университете), Салихджаном Кукляшевым, Абдюшом Вагаповым, Мухаммад-Гали Махмудовым, Хусаином Фаизхановым, а позже Каюмом Насыри и другими деятелями татарского просвещения внес существенный вклад в разработку грамматики и словарей татарского языка, а также переводу некоторых учебников (например, арифметики, «Краткой российской истории и географии») с русского на татарский язык [Нугманов, 1964; Латыпова, 1968; Ногман, 1969; Михайлова, 1979, с.61, 65, 78–80].

Позже «классы» татарского языка появились в Казанской духовной семинарии (создана в 1733 г. на базе местной архиерейской славяно-латинской школы, учрежденной в 1723 г.) и духовной академии (орга-

низована в 1797 г.; упразднена в 1818 г., но восстановлена в 1842 г.), Оренбургском и возможно в Казанском главных народных училищах (открыты в 1786 г.), Казанском, Свяжском, Чистопольском и Алатырском уездных училищах, Тобольской духовной семинарии (экстраординарный, т.е. сверх обычных классов) и Тобольском главном народном училище [Покровский, 1900; Горохов, 1941, с.30–33; Михайлова, 1979, с.64, 170; Хабибуллин, Исааков, 2013, с.735]. В 1789 г. в Омске появилась специальная «Азиатская школа» для подготовки переводчиков и толмачей (специалистов устного перевода) в том числе с татарского языка (просуществовала до 1836 г.) [Веселовский, 1879, с.7; История Сибири, 1968а, с.325; Ушакова, 2010, с.57].

Первые контакты с организованными русскоязычными учебными заведениями, вообще установление постоянно расширяющегося диалога с русской культурой не прошли бесследно для педагогической мысли татарского народа. Наиболее прогрессивные его представители через них ознакомились с передовым европейским опытом организации учебного дела на рациональных началах. Таких интеллектуалов становилось все больше и больше, и они стали мотором коренной реформы мусульманских школ в следующем столетии.

В целом же принятые правительством меры не привели к созданию стройной государственной системы школьного образования нерусских народов края. Правительственная школьная реформа 1782–1796 гг. (см.: [Очерки русской культуры, 1987, с.273–275]) не коснулась мектебов и медресе, в которых продолжала обучаться основная масса татарских детей. Тем не менее, непрекращающиеся атаки на мектебы и медресе со стороны российского правительства, с одной стороны, превратили их в глазах татарского населения в национальный символ, а с другой – вели к консервации принятых в них отсталых, средневековых учебно-воспитательных принципов, что, безусловно, задерживало общественный прогресс этноса.

Таким образом, вторая половина XVI–XVIII в. – время упадка, попятного движения в сторону схоластического богословия,

восстановления и нового подъема татарской школы после падения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, начало становления густой сети примечетских учебных заведений, которые положили начало будущему «мусульманскому всеобучу».

В итоге к началу XIX в. в сложнейших внешних и внутренних условиях в Волго-Уральском регионе и Сибири завершилось оформление самостоятельной, устойчивой и самодостаточной исламской системы образования, воспитанники которой, а также многочисленных параллельно существовавших домашних пунктов обучения твердо идентифицировали себя как часть огромного татарского мира. В условиях отсутствия других национальных институтов примечетские учебные заведения сыграли мобилизующую для местной куль-

туры роль, стали основным инструментом охранения, консолидации (объединения), духовного освобождения и развития татарского этноса, разбросанного на громадных территориях.

Перед нами – один из важнейших этапов развития духовной культуры татарского народа, внесшего богатый вклад в развитие в педагогическую теорию и практику многих тюрко-мусульманских народов страны. В рассматриваемое время традиционная школа татар сделала громадный шаг в своем развитии, что было связано с крупными изменениями, происшедшими в социально-экономической, политической и духовной жизни местного общества. А это создало необходимые условия для последующей более активной эволюции национального просвещения.

§5. Исторические знания у татар

Алан Франк

Известно, что исламская историческая литература существовала в Волго-Уральском регионе с середины XII в. и самым ранним сохранившимся историческим повествованием, которым мы обладаем, является документ, созданный во времена Казанского ханства, в 1550 г. Эту работу написал некий Хаджи Мухаммад Шариф Хаджитархани. Она состоит из доклада, посланного османскому султану, с описанием защиты Казани от русской атаки в 1550 г. [Togan, 1965; Мелек, 1995]. Все же историографическая традиция, которую можно проследить и из которой произошла современная татарская и башкирская историография, появилась только в XVII в., поэтому эта историографическая традиция развилась всецело во время российского правления. Подобная особенность сама по себе удивительна в сравнении с историографической ситуацией в других оседлых мусульманских общинах, завоеванных, хотя и позже, Россией. Оседлые мусульманские общины Закавказья, Дагестана, Крыма и особенно Средней Азии сохранили многочисленные истории местного происхождения, написанные до русского завоевания, в основном на персидском, но также и на тюркском и арабском

языках. Так, в этих регионах мусульманские историки под правлением имперской России, желавшие написать о своих общинах, имели доступ к большому числу местных работ, как в качестве своих источников, так и для их методологии. Напротив, исламская историография в Волго-Уральском регионе, кажется, основана на народных исторических преданиях, которые были постепенно записаны и объединены в «научные» исторические трактаты. Этот процесс является одной из определяющих особенностей волго-уральской исламской историографии, где любая данная «научная» работа, в конечном счете, была основана на устных источниках, даже если автор ранее цитировал «научные» работы.

Причина отсутствия мусульманских историй Волго-Уральского региона до русского периода неясна. Мы не обладаем никаким доказательством того, что повествующие истории были собраны в регионе либо в период Казанского ханства, либо в период Золотой Орды. Более того, татарские авторы предположили, что если подобные рукописи действительно существовали, то они сгорели в пожарах, которые периодически происходили в татарских районах Казани

и в татарских селениях [Амирханов, 1883, с.2; Усманов, 1972, с.9–11].

Самая ранняя сохранившаяся «научная» история из Волго-Уральского региона – это Джамиг ат-Таварих («Сборник летописей»), которую написал Кадыр Галибек [Усманов, 1972, с.33–96; Сыздыкова, 1989; Березин, 1854; Рахим, 1927, с.133–146]. Эта работа была создана во время Касимовского ханства, чингизидского государства – марионетки Москвы, и была закончена в 1602 г. Она была, очевидно, заказана царем Борисом Годуновым, и начинается эта работа с очень многословной похвалы этому правителю. Самая большая часть содержит сохранный тюркский перевод работы Рашид ад-Дина «Джамиг ат-Таварих», известную историю XIV в. Работа также содержит восемь первоначальных глав, посвященных правителям Золотой Орды и ее государственных преемников. Среди этих личностей Урусхан, Токтамыш-хан, Темир Котлуг-хан, Идегей, Хаджи Мухаммад-хан (основатель Тюменского ханства), Абуль-Хайр-хан (основатель Узбекского ханства), Ядыгар-хан и Ураз-Мухаммед (хан Касимовского ханства). Миркасим Усманов отмечает, что только из того, как Кадыр Галибек обсуждает Ураз-Мухаммеда, основываясь на своих наблюдениях, можно судить о том, что эти дастаны (эпосы) происходят из источников как письменного, так и устного фольклора [Усманов, 1972, с.87], и Кадыр Галибек говорит, например, что он судил о Хаджи Мухаммад-хане, опираясь на устные документы о нем, бывшие в обороте среди «узбеков», которые были кочевниками и проживали на территории, известной сейчас как Западная Сибирь и Северо-Западный Казахстан [Березин, 1854, с.105–106]. Даже если Кадыр Галибек основывал свою работу на письменных источниках, ясно то, что его источники в значительной степени были основаны на народных исторических преданиях, которые имели хождение среди этих кочевников-мусульман. Использование Джалайри сильно тюркизированных произношений для арабских имен далее указывает на использование скорее «народных», чем «научных» источников.

Также работа Кадыр Галибека важна для понимания истории Центральной Азии

в целом и волго-уральской историографии в частности. Она сохранилась только в трех копиях рукописи, и лишь одна из них полная. Кажется, эта работа не была хорошо известна среди волго-уральских мусульман в XVII в. или XIX в. и, как результат, она не была столь влиятельна, сколь последующие работы. Поистине, работа была составлена во времена Касимовского ханства, по-видимому, в интересах как русских правителей в Москве, так и касимовских ханов. В ее переведенных частях из истории Рашид ад-Дина и в ее первоначальных частях почти все внимание сфокусировано исключительно на чингизидских правителях (заметное исключение – Идегей, здесь описываемый как потомок халифа Абу-Бакра и полумифический исламизатор Золотой Орды Баба-Тюклес). Поэтому Джамиг ат-Таварих справедливо может быть категоризована как пример историографии чингизидского двора, профинансированной русским государством, написанной для узкого круга читателей и придающей большое внимание истории династий чингизидов.

Следующая важная работа в этой историографической традиции – это «Дафтар-и Чингиз-наме», составленная неизвестным автором (подробнее см.: [Усманов, 1972, с.97–133; Панов, 1934]). Эта работа сохранилась приблизительно в сорока полных и неполных рукописях. Она была популярна сама по себе и весьма почитаема среди волго-уральских мусульман вплоть до революции 1917 г. Работа также была важным источником, который цитировался и использовался во всех главных историях региона вплоть до конца XIX в. Вероятно, она была составлена между 1682 г. и 1700 г. Как и «Джамиг ат-Таварих», «Дафтар-и Чингиз-наме» состоит из нескольких дастанов, которые, возможно, были собраны вместе из отдельных источников. Так, первый дастан, посвященный Чингиз-хану и его потомкам, похоже, частично основан на «Джамиг ат-Таварих» Рашид ад-Дина, так же, как на башкирских и, возможно, других тюркских исторических преданиях [Усманов, 1972 с.109–110]. Второй дастан – это документ о завоеваниях Тимуром Индии, Стамбула и Булгара. Здесь снова ясно, что автор основывался как на

устных, так и на письменных легендах. Для общего обзора этой главы автор, очевидно, полагался на среднеазиатский жанр «Тимур-наме», который существует в персидских и тюркских версиях и повествует о победах Тимура. Эти среднеазиатские работы были основаны на устных и письменных народных легендах; в недавнем узбекском издании одной из тюркских версий и в «Дафтар-и Чингиз-наме» мы находим описания кампаний Тимура против болгар и русских [Равшанов, 1990, с.244–249]. Однако очевидно в этом разделе то, что автор одинаково полагается на татарскую генеалогическую легенду, т.к. мы находим в этом разделе версию генеалогии клана Барадж, вместе с другими татарскими историческими легендами [Усманов, 1972, с.112–113]. Четвертый дастан уделяет внимание ногайскому эмиру Идегею, упомянутому выше. Как примечает Усманов, этот документ в отношении к Идегею, по существу, идентичен с «Джамиг ат-Таварих» Кадыр Галибека. Если автор на самом деле не использовал работу Галибека, тогда они в действительности черпали из общего источника [Усманов, 1972, с.116]. Пятый дастан приводит список ханов и их родных земель (юрт) в Волго-Уральском регионе, а также появляется в слегка измененной форме как в башкирской генеалогии, так и в двух рукописях начала XIX в.

Последний раздел работы под названием Дастан фи-т-Тарих является летописью, которая приводит список исторических событий в Волго-Уральском регионе, начиная с завоевания Тимуром Булгара, включая основание Казани, ее завоевание русскими и заканчивая башкирским восстанием 1682–1683 гг. Этот раздел, который также включает в себя последние исторические события вплоть до середины XVIII в., может на самом деле быть поздним дополнением к работе, т.к. он заметно отличается от предшествующих дастанов. Специфически он принадлежит к жанру, известному как вакы'а-наме (летопись, которая приводит лист событий хронологически, по годам) [Хаков, 1982, с.100–109]. Более того, этот раздел приводит многие сведения о Тимуре, описанные в дастане, там же, где описано и завоевание Булгара.

«Дафтар-и Чингиз-наме» – это хороший пример взаимодействия между записанными действительными историями, с одной стороны, и записанными народными легендами, с другой. Несомненно, «Дафтар-и Чингиз-наме» делает неясной границу между историями и легендами; однако популярность работы среди волго-уральских мусульман показывает то, что она перешла пределы более ограниченного круга записанных легенд, которые в большей степени были местного или генеалогического происхождения.

«Дафтар-и Чингиз-наме» проявляет свойства, которые продолжают в историографических легендах, основанных во времена Кадыр Галибека, и в то же время исходят из тех же самых легенд. С одной стороны, «Дафтар-и Чингиз-наме», как и «Джамиг ат-Таварих», остается сфокусированной изначально на исторических легендах степных кочевников, придавая особое значение Чингиз-хану и нечингизидским политическим личностям, как Идегей и др. Однако ислам и исламские личности играют намного более выдающуюся роль в «Дафтар-и Чингиз-наме». Чингиз-хан и Тимур показаны как мусульманские правители, а Тимур даже представлен как мусульманин-герой, который завоевывает неверных русских. Однако в последнем разделе, т.е. в Дастан фи-т-Тарих, более сфокусированная политическая и региональная выразительность приобретает контур. Этот раздел описывает политическую историю Булгара и Казани, включая полулегендарное основание Казанского ханства, его завоевание русскими и отношения волго-уральских мусульман с русским государством вплоть до конца XVII в. Фокус здесь на оседлых мусульманских общинах региона Средней Волги, где чингизидской харизме придавалось меньшее значение, чем среди кочевых и полукочевых мусульман степей и Уральских гор. Поистине в Дастан фи-т-Тарих ханы Казани, которые исторически были, конечно же, чингизидами, описаны не как чингизиды, а как прямые потомки последнего хана Булгара Абдаллаха, который, предположительно, был убит Тимуром. Этот фокус на городе Булгаре впервые появляется в «Дафтар-и Чингиз-наме» и стал

доминировать над «научной» историографией волго-уральских мусульман, как мы еще увидим при обсуждении работ XVII и XIX вв.

В дополнение к этим, довольно хорошо известным повествованиям волго-уральские мусульмане также сотворили другие, местные истории. Наиболее сохранившиеся примеры этой местной историографии были записаны только в XIX и XX вв., хотя и существует несколько работ конца XVIII в. Однако есть небольшая причина для сомнения в том, что эти жанры существовали как в устных, так и в письменных формах в XVII в.

Возможно, древнейшим жанром этой «народной» историографии является генеалогия, или шежере. Среди башкир, которые до сих пор сохранили клановое и племенное разделение, существуют клановые и племенные генеалогии [Кузеев, 1960]. Эти генеалогии первоначально были сохранены в устной форме, но, несомненно, к XVIII в., если не раньше, генеалогии начали развиваться в качестве письменного жанра. Многие башкирские генеалогии содержат исторические летописи, которые добавили повествовательный элемент к перечню предков и расположили историю клана или племени в более широком историческом контексте.

Схожие генеалогии найдены и среди волжских татар [Усманов, 1972, с.167–195; Ахметзянов, 1991а]. Мусульмане региона Средней Волги были оседлыми уже до монгольского захвата XIII в., и подобное племенное самоопределение, существовавшее среди степных кочевников, не сохранилось среди этих общин. Однако родственное самоопределение, происходящее от общих предков и уходящее корнями в древность, сохранилось до XX в. и было часто, но не всегда связано с местностью. Татарские генеалогии часто сливались с жанром истории деревень, посредством чего основатели определенного количества деревень были связаны генеалогически. Жанр истории деревень, который развился в начале XX в. в особенно утонченный и богатый пример исламской историографии, в которую входили очень большие и детальные «микроистории» мусульманских общин, является неяс-

ным, но наличие связи между генеалогиями и историями деревень безусловно. Жанр исламской истории деревень также встречается среди сибирских и дагестанских мусульман, но был особенно распространен и развит в Волго-Уральском регионе.

Среди татар и башкир также существовали исторические летописи, или вақы'а намасы, которые могли различаться по сложности от подробных повествований до более лаконичных декламаций событий. Эти работы были построены хронологически и приводили политические, военные, климатические и даже астрономические события. Такой жанр существовал по крайней мере с XVII в., раз в действительности вақы'а намасы включена в Дафтар-и Чингиз-наме [Катанов, 1905, с.303–348]. Этот жанр, без сомнений, – самый выносливый историографический жанр в Волго-Уральском регионе. Подобные работы чрезвычайно многочисленны и иногда приложены к копиям более известных работ. Написание подобных работ было продолжено, и они были приложены к историям деревень в 1930-е гг.

Наконец, в продолжение курса XVIII в., стали появляться более локализованные повествовательные истории, которые, по-видимому, не были так широко распространены. Сегодня многие из этих работ утеряны или существуют как уникальные копии рукописи. Одна подобная работа – это башкирская история под названием Хикаят. Она сохранилась в виде рукописи на персидском языке, а также в виде русского перевода ныне утерянной тюркской версии. Эта работа включает в себя рассказ о захвате Булгара Тимуром, о его блокаде города Владимира и об основании Казани, а также о башкирском восстании 1735–1741 гг.

Ш.Марджани упоминает две локальные истории, составленные в XVIII в., которые, видимо, не дошли до нас. Одна из них – это маджму'а (сборник), составленная в 1734 г. неким муллой Амка из д. Тануки [Марджани, 1900]. Вторая работа – это другой сборник, который составил в этой же деревне некий Зайн аль-'Абидин ибн-'Абдаль-Карим [Юсупов, 1981, с.79].

Из этого краткого обзора ясно, что мусульманские историки Волго-Уральского

региона конца XVIII в. черпали сведения из богатого источника устных и письменных историографических легенд. Как мы еще увидим, эти недавние историки толковали легенды таким образом, чтобы высказать свои собственные взгляды о волго-ураль-

ской мусульманской истории в свете социальных и политических перемен, которые они пережили, но особенно в свете меняющихся отношений между российскими властями и волго-уральским мусульманским духовенством – улемами.

§6. Художественное ремесло и искусство

Гузель Валеева - Сулейманова

Завоевание Казанского ханства и других татарских государств было причиной разрушения, сложившейся к XVI в., системы татарского искусства, как и культуры в целом. Они претерпели качественные изменения, связанные с уничтожением высоких профессиональных форм, и отсутствием заказчика в лице господствующего феодального класса. Разрушение городских ремесел, вместе с бегством городского населения из Казани, привело к перемещению центров феодального производства, в основном, в районы Заказанья. Основным фактором, обусловившим специфику татарского декоративного искусства, явилось его развитие в форме народного крестьянского искусства и, вытесненного на периферию, городского художественного ремесла. Вследствие этого, искусство XVI–XVIII вв. находилось в рамках этноэстетических критериев, выработанных под влиянием патриархальных и религиозных устоев крестьянского быта, отличавшегося большей долей консервативности. Обособленность искусства от иноэтнического влияния возникла также во многом из-за политики насильственного крещения и принудительной ассимиляции, что повлияло на устойчивое сохранение художественных традиций, характерных для культуры предыдущего периода – времени расцвета татарских ханств.

С завоеванием татарских государств исчезли монументальная архитектура и связанные с ней виды декоративного искусства – резьба по камню и гипсу, мозаика, майолика, роспись. Прекратилось и развитие видов профессионального искусства, связанных с производством высокохудожественных элитарных изделий, создававшихся по заказам ханской и дворянской знати,

таких как искусство миниатюры, каллиграфия, золотое и серебряное шитье, ворсовое ковроделие.

Татарам, как и другим «инородцам» Среднего Поволжья, царской грамотой 1574 г., во избежание производства оружия и выступлений против власти, было запрещено во второй половине XVI – XVIII вв. заниматься «кузнечным и серебряным делом». В связи с этим, прекратилось производство художественно оформленного оружия, орудий труда, посуды и других предметов, связанных с обработкой металла горячим способом [Воробьев, 1953, с.78; Димитриев, 1977, с.55–65]. Кузнечное дело в этот период было сосредоточено исключительно в руках русских мастеров.

После насильственного переселения татар с территории вдоль крупных рек, где находились залежи пригодной глины (карьеры возле с. Пестрецы, в районе Елабуги, Чистополя, Кукмора, Тетюш), исчезло и традиционное с болгарских времен гончарное производство. К этому надо добавить и запрет на обжиговые печи (в связи с запретом на горячую обработку металла). Татарское население после завоевания Казани использовало керамику русских гончаров, в отдельных аулах из доступной природной глины изготавливалась простейшая лепная посуда, формовались кирпичи.

Повсеместно были уничтожены сооружения исламского зодчества. Разрушение мечетей осуществлялось в течение нескольких столетий вплоть до второй половины XVIII в. В 1593 г. появилась первая царская грамота, в которой казанским воеводам предписывалось разрушать существующие татарские мечети и запрещалось строить новые: «...разметать все мечети в Казанской земле, а в городе Казани не допускать

ни одного татарского жителя» [Старая и Новая Казань, 1927, с.51–60; Ногманов, 2002, с.194]. В 1742 г. был издан Сенатский указ «О недопущении в Казанской губернии строить мечети...», а вновь возведенные до этого времени мечети «сломать и впредь строить не допускать» [Ногманов, 2002, с.110–111]. На месте мечетей возникли церкви и монастыри. Татарские города с мусульманской системой планировки и типами архитектурной застройки постепенно адаптировались к традициям православно-христианского зодчества. Формы татарской архитектуры, монументальный орнаментальный декор были трансформированы в новое качество, которое, позднее, определило специфику местной провинциальной школы русского зодчества.

Цели христианизации завоеванного населения способствовали нововведениям в церковной архитектуре и мотивах ее декора для лучшего восприятия новокрещеными идей христианства. В облик русских храмовых сооружений Поволжья был привнесен «восточный колорит», ориентированный на татарские художественные традиции. Как считают исследователи, по этой причине русская архитектура поволжского региона приобрела черты местного своеобразия и отличалась от архитектуры центральных областей России [Айдарова, 1993, с.113]. Это выявляется в объемно-планировочной структуре (башенные многоярусные сооружения), конструктивных и декоративных приемах оформления (килевидные и стрельчатые арки, изразцовый декор, многоцветная окраска, обилие лепных и резных орнаментальных деталей).

Потеря татарами государственности, однако, не привела к потере этнической самостоятельности и высоких форм культуры, созданных в предшествовавшие столетия. Художественное ремесло, ранее развивавшееся в столичных мастерских, в том числе обслуживавших потребности ханского двора и высшей знати, вынужденно трансформировалось в формы сельского народного творчества, в котором продолжались преемственно развиваться достижения средневековой городской культуры. Поскольку население Казани было выселено за пределы города и территории вокруг

него радиусом в 30–40 верст, а также из поселений вдоль рек Волги и Камы [Материалы ТАССР, 1932, с.18–19], то со второй половины XVI в. центрами развития культуры казанских татар становятся районы Заказанья, где в прошлом были основные феодальные центры бывшего Казанского ханства. В Заказанье переселяется преобладающая масса изгнанного из Казани городского населения, в том числе ремесленного [Воробьев, 1953, с. 21]. Некогда процветавшие ремесленные производства сосредоточились в таких крупных поселениях, как Арск, Сабы, Алаты, Сулабаш, Кшкар, Зюри, Курса, Менгер, Сатыш, Мондюш, Агня и другие. Со временем они становятся экономическими и культурными центрами, в которых формирующаяся с конца XVII в. татарская торговая буржуазия, сосредотачивает в своих руках кустарные промыслы и создает промышленного типа производства, например, такие как кожевенное и ткацкое [Воробьев, 1953, с.24; Хасанов, 1977, с.28]. В деревнях Заказанья получают развитие традиционные виды художественных ремесел – ювелирное, золотошвейное, резьба по камню (надгробия), художественный металл (холодная обработка), художественная обработка кожи и другие.

Переселение значительного числа казанских татар на территории проживания соседних народов приводит к образованию этнографических групп со своеобразиями в их развивающейся культуре, народном искусстве. Наиболее крупными группами являются малмыжская и чепецкая, обитающие на территории современной Кировской области и в Удмуртии, тептяри – в северо-западных районах Башкортостана, пермская группа в Среднем Приуралье. В XVIII в. значительная часть татарского населения переселяется на территории современной Оренбургской области, в Казахстан и Сибирь, где возникают новые центры татарской культуры и ремесленных производств – аулы Каргалы под Оренбургом, Кармыскалы в Башкирии, Ямбаево в Сибири, г. Троицк, Уфа, Уральск и др. Насильственное крещение приводит к образованию группы татар-крещен, культура которых развивалась, впитывая многие черты культуры финно-угорских народов и русских.

Освоение новых территорий в Приуралье, соприкосновение с местными народами, находит отражение, как в процессах формирования татарского народа, так и в развитии его культуры, искусства. Активные процессы взаимодействия с культурой соседних татарам народов (мари, мордвой, русскими, удмуртами, чувашами) приводят, в дальнейшем, к постепенному формированию мега региональной общности, отраженной в дискурсе Волго-Уральской историко-этнографической области.

Период со второй половины XVI до начала XVIII вв. был своего рода «безвременьем» в выявлении характерных черт татарской культуры. Он оставил мало материальных свидетельств, позволяющих судить об особенностях декоративного искусства и художественного ремесла. Эти столетия были полны трагических коллизий, связанных с национально-освободительным движением татарского народа и его выживанием, приспособлением к условиям колониального гнета. Особенно острыми были конфликты, связанные с религиозным притеснением, нападками на мусульманскую культуру. Массово разрушались культовые сооружения, например, в период с 1738 по 1755 гг. на территории бывшего Казанского ханства из 536 оставшихся к тому времени мечетей и медресе было уничтожено 418 [Григорьев, 1948, с.240]. Не уцелели и объекты гражданского назначения, особенно это относится к памятникам каменного зодчества. Татарская община, испытывая насильственную христианизацию, боролась за сохранение ислама, духовного пространства исламской культуры. Единственными более или менее уцелевшими памятниками этого периода являются резные каменные надгробия – каберташи, которые и поныне можно обнаружить на татарских кладбищах, в основном Заказанья. Эпитафии (на них мы остановимся позже), как правило, богато орнаментированы, но по своим художественным качествам повторяют достижения эпохи Казанского ханства, как в формах надгробий, так и в их резном оформлении [Валеев, 1984, с.95].

Важные процессы, способствовавшие расширению роли ремесленного производства, в том числе художественного, проис-

ходят в первой половине и середине XVII столетия. Домашнее ремесло постепенно перерастает в товарное хозяйство [Хасанов, 1977, с.26–27]. По данным писцовой книги 1646 г., в Казани и ее слободах насчитывалось 640 дворов, занимавшихся различными ремеслами [там же]. В конце XVII в. возникают условия, способствовавшие развитию мелкотоварного производства. Малоземелье, непосильные поборы со стороны царской администрации вынуждали татар искать дополнительные средства к существованию и активно заниматься ремеслами. К тому же, указы Михаила Романова от 1628 г. и Петра I от 27 ноября 1713 г. вынуждали многих не крестившихся и, тем самым, вынужденно отказавшихся от своих земель (они были конфискованы), татарских мурз заняться торговлей и кустарными промыслами [Газиз, 1994, с. 134, 142; Григорьев, 1948, с. 234]. Это способствовало интенсивному развитию у татар товарно-денежных отношений, которые ускорились, особенно со второй половины XVIII в, вместе с усилением роли татарского торгового капитала в качестве посредника между Россией и Средней Азией [Газиз, 1994, с.145–147; Хасанов, 1977, с.40]. В татарских деревнях появилось значительное число ремесленников, работавших на заказ и выставлявших свою продукцию на рынок. Быстро развивались такие традиционные для татар промыслы, как кожевенный, скорняжный, портняжный и деревообделочный, являвшиеся базой для развития соответствующих видов декоративно-прикладного искусства.

Сосредоточение в селах Заказанья значительного числа ремесленников, как и малоземелье крестьянства этого локального района, способствовало значительному распространению здесь производства разнообразной художественной продукции бытового назначения. Оно стало одним из ведущих занятий сельчан, которые стали производить художественно оформленные предметы на продажу и сбывать свои изделия на городских ярмарках. Производство на рынок постепенно вытесняло производство на заказ, и развитие товарного ремесла способствовало разделению труда и специализации отдельных деревень на выпуске той или иной продукции. Выделились села,

специализирующиеся на изготовлении кожаной, валяной обуви, головных уборов, ювелирных изделий. Например, села Алаты и Атна стали крупными центрами кожевенного производства, ткацкое дело сконцентрировалось в селе Урнашбаш [Хасанов, 1977, с.28]. В Казани, в первой половине XVIII в., насчитывалось более 40 небольших кожевенных мануфактур, хозяевами большинства которых являлись татарские купцы [там же, с.34].

В период с конца XVII до конца XVIII вв. появляются новые экономические центры. Крупными центрами торговли становятся Елабуга, Лаишев, Чистополь, Мамадыш, Мензелинск. Действовали базары в крупных татарских селениях: Алагах, Атне, Менгерах, Сабах. «Татарские купцы покупали в деревнях разные кустарные изделия и продавали их на базарах, ярмарках и в других деревнях.... Собранные в деревнях и на ярмарках товары продавали купцам в городе» [Газиз, 1994, с.146]. Богатые купцы торговали на ярмарках в Тюмени, Троицке, Оренбурге, в городах, где были татарские слободы. Развитие торгового капитала способствовало расширению базы ремесленного производства и возникновению фабрик-мануфактур по выпуску художественных изделий, традиционных для татарской культуры.

Восемнадцатый век открывает новую страницу в истории культуры и искусства России, ее подданных – татар. В 1708 г. на землях бывшего Казанского ханства и прилегающих нижеволжских степей была создана Казанская губерния. И хотя население в ней было многонациональным, тем не менее, развитие получили традиционные для этого края татарские ремесла такие, как кожевенное, металлообработка, ювелирное, золотошвейное и другие. Гражданские основы художественной деятельности, заложенной Петром I, и продолженные в правлении Екатерины II, создали условия для становления в России профессионального искусства, которое вырастает в значительное явление и оказывает влияние на формирование всей российской культуры, в том числе на народное искусство, как в городе, так и деревне. В культуре, нарождавшейся с конца XVII в. татарской нации, традици-

онное искусство, сформировавшееся еще на этапе средневекового развития этноса, явилось важной составной частью национальной культуры, и стало одним из определяющих факторов в новом самосознании татар.

Вторая половина XVIII столетия была эпохой реформ, связанных с развитием мануфактурной промышленности. В российской культуре происходят изменения, отвечающие новым историческим условиям. Это было связано с усилением в татарском обществе класса буржуазии, постепенно воспринимавшей прогрессивные достижения светской европейской культуры. Официальными направлениями в российском декоративном искусстве и архитектуре становятся общеевропейские стили – барокко и классицизм. Их влияние проникает в застройку губернских и уездных городов, отражается в изменениях, характеризующих развитие архитектурного декора, интерьера, костюма, в целом предметно-пространственной среды. В татарской художественной культуре, сложившиеся ранее традиции (в частности в народном искусстве), удерживаются до середины XVIII в. Позднее, с началом формирования городского бытового уклада и изменениями в культуре, связанными с требованиями рынка, некоторые изменения происходят в архитектуре и искусстве под влиянием стиля барокко.

В России барокко приняло на себя функции схожие с влиянием на искусство европейского Ренессанса. Новый стиль был воспринят в российских столицах, начиная с середины XVII в. [Барокко, 1982]. Это был первый стиль, создавший в России свои национальные варианты. Временные рамки распространения барокко в провинции, в Казанской губернии в частности, запаздывали и относятся к началу и второй половине XVIII в.

Европейские стили осваивались татарскими и русскими заказчиками по-разному. Если в архитектурно-художественном оформлении каменных и деревянных зданий в татарской части Казани популярным был стиль барокко, отвечавший вкусовым предпочтениям заказчиков и позволявший органично включать в его декоративную систему мотивы татарского орнамента, то в архитектуре русской Казани предпочтение

отдавалось стилю классицизма, который олицетворял, однако, для татар стиль подавляющей государственной власти [Айдарова, 1993, с. 113].

Проникновение новых, связанных с европейскими влияниями, стилевых направлений в татарскую культуру первоначально проявилось в архитектуре каменных построек (мечетей, особняков знати), разрешение на строительство которых стало возможным благодаря официально признававшего ислам «Наказу» 1767 г. Екатерины II [Ногманов, 2002, с.123]. Заимствование европейских стилей было связано с тем, что здания проектировались приглашенными архитекторами, поскольку у татар, ввиду насильственного прерывания многовековой традиции строительства монументальных зданий, отсутствовали собственные кадры профессиональных архитекторов. Тем не менее, в облике зданий учитывались вкусы заказчиков, в основном торговой буржуазии, о чем свидетельствует использование в отдельных конструктивных деталях, архитектурном декоре элементов татарского зодчества и узоров татарского орнамента.

В монументальных архитектурных сооружениях татар сложились свои художественные особенности в интерпретации барокко. Особый интерес представляют постройки, в которых его стилевые приемы сочетаются с национальными объемно-планировочными решениями и мотивами декора. Это характеризует мечети, построенные во второй половине XVIII в. В Старотатарской слободе Казани к ним относятся первые каменные мечети – Марджани (1767–70) и Апанаевская (1768–71), в Заказанье – Первая соборная мечеть в селе Нижняя Береска (1769, совр. Атинский район; находится в полуразрушенном состоянии), мечеть в с. Кшкар (1776, совр. Арский район РТ), Первая соборная мечеть в с. Маскара (1791, совр. Кукморский район РТ). Последняя мечеть сочетает ранний классицизм на фасадах с элементами барокко в интерьере. Примечательно, что в Нижней Береске, сразу же после строительства мечети, был возведен, также в стиле барокко, семейный каменный мавзолей, принадлежавший роду Бурнаевых (ныне практически разрушен). Заказчиком мечети и мавзолея был купец

Бурнагол Бурнаев. Сохранился рисунок с резного арабескового типа узора на деревянном дверном полотнище этой полуразрушенной мечети, сделанный Ф.Х.Валеевым в 1960-е гг.

Большинство татарских мечетей этого периода были построены по типу сельских деревянных храмов с минаретом на крыше. Мотивы убранства в стиле провинциального барокко представлены декоративными пилястрами и их капителями на фасадах, вытянутыми по вертикали наличниками окон с полуциркульными завершениями, гипсовой лепной орнаментацией потолков в интерьерах и другими архитектурно-декоративными деталями. Введением в лепную пластику экстерьеров и интерьеров, в частности – в завершения окон, карнизы, цоколи, в узорное заполнение плафонов на потолочных сводах – мотивов татарского и общемусульманского орнаментов, таких как тюльпаны, лотосовидные, стилизованные цветочные букеты, полусталактиты и другие, придает национальное своеобразие облику мечетей и соответствует их традиционному объемно-пластическому решению.

Качественные изменения, связанные с социально-экономическими преобразованиями XVIII столетия, происходят и в развитии татарского декоративно-прикладного искусства, которое самым непосредственным образом зависело от состояния ремесленного производства и торговли. Надо отметить, что художественное ремесло, позволявшее поднять искусство татар на новый уровень развития, переживало период расцвета. Постепенно вновь начинает осваиваться общее пространство мусульманской культуры, влияние которой стало заметным в формах и содержании произведений искусства. Торговая деятельность татарских купцов позволила возобновить духовные связи с народами Центральной Азии, Ближнего Востока. Книги и рукописи поступали из Персии и Туркестана, ткани и одежда, ювелирные изделия, утварь – из Средней Азии, Турции и Азербайджана, ковры и украшения – с Кавказа. С предметами искусства проникали не только художественные веяния, но и эстетические идеи, зарождавшиеся в крупных центрах

мусульманского Востока [Валеева-Сулейманова, 1994, с.66–77]. Усиление религиозных традиций в духовной культуре, вместе с широким распространением восточных товаров, способствовало строгой регламентации татарского искусства установками суннитского ислама, отвергавшего какие бы – то ни было изображения живых существ и человека. Это, прежде всего, было защитной реакцией на искусство иконописи, с ее изображениями бога в человеческом облике, и необходимостью сохранения татарской уммы от влияния христианской культуры, агрессивно проявлявшей себя в виде попыток привлечения татар-мусульман в православные храмы. Однако, татары были далеки от восприятия христианской концепции бога, и мусульманское мировоззрение не позволяло им приобщаться к русской культуре, которая в этот период, несмотря на зарождение светского направления, продолжала быть религиозно ориентированной. В татарском искусстве усилилась роль арабских надписей, изречений из Корана, которые стали применяться как самостоятельный элемент в оформлении бытовых изделий, ювелирных украшениях (коранницы, браслеты, серьги, бляхи). Содержание арабских надписей имело религиозно-магическое значение, и предметы использовались как талисманы, обереги. В то же время, появился запрет служителями веры на фигуративные изображения. В орнаментальном наследии татар мотивы птиц, зверей встречаются в условно-стилизованной и обобщенной форме, сливаются с растительными и геометрическими узорами.

Расширение торговой деятельности способствовало и росту производства, что привело к массовому изготовлению художественных изделий. Они создавались по запросам всех социальных слоев татарского населения. На базе развитого ремесленного производства, перераставшего в форму кустарной мануфактуры, происходил расцвет традиционных для татар видов искусства, непосредственно связанных с потребностями быта. Это производство изделий, связанных с комплексом национального костюма – узорной обуви, головных уборов, ювелирных украшений; интерьером жили-

ща и предметами домашнего обихода – металлической утвари, тканых и вышитых изделий, безворсовых ковров; обрядовыми и культовыми предметами (полотенца, обереги и др.). Оно было сосредоточено в деревнях Заказанья, где, наряду с домашними производствами, сосуществовали кустарные ремесла. Надо отметить, что массовые ремесленные производства бытовали не у всех этнографических групп татар. Например, у сельских групп татар-мишарей, татар-кряшен изготовление художественно оформленных изделий оставалось в целом в рамках домашнего производства.

Со второй половины XVIII в. центром развития художественных ремесел становится город Казань. В татарской части города, которая развивалась изолированно от русской части, и население которой постоянно пополнялось выходцами из татарских деревень, в основном Заказанья, возникли мастерские кузнецов, ювелиров, резчиков по камню, каллиграфов, кожевников, скорняжников, портных, вышивальщиц, золотошвеек, ткачих и других мастеров, работавших на заказ и на рынок. Отдельные из кустарных ремесел, например, так называемый «ичижно-каляпушный» (включал производство кожаных узорных изделий, в основном обуви, и золотошвейных головных уборов и обуви), в середине XIX в. был преобразован в крупный художественный промысел.

Развитие городской культуры, связанной с освоением массовых форм ремесленного производства, разделением труда и обучением его стадиям, обусловило высокий уровень профессиональных навыков и художественного мастерства. Это способствовало появлению категории популярных, ставших образцовыми – классическими, произведений декоративно-прикладного искусства, которые со временем сформировали стиль татарского национального искусства. С середины XVIII в. происходило становление образцового татарского костюма, как художественного комплекса самобытных традиционных компонентов, формировался национальный стиль в орнаменте, цветовых соотношениях, в едином художественном ансамбле интерьера и экстерьера жилища. Получили развитие, присущие только для

искусства татар, техники исполнения такие, как кожаная мозаика, плоская и бугорчатая скань в ювелирном деле, золотое шитье и «ушковая» техника аппликации, накладная резьба по дереву и плоскорельефная резьба по камню.

В их основе лежит преемственность локальных этнокультурных традиций казанских татар, которые получили свое новое выражение в массовых формах городской культуры, послужившей в дальнейшем процессам консолидации татар в буржуазную нацию. Таким образом, середина XVIII и первая половина XIX вв. были периодом развития национального классического искусства татар, в своих идейно-образных принципах опиравшегося на эстетические критерии ислама [Валеева-Сулейманова, 2001, с.457]. Последние раскрываются в образцах декоративного искусства, которое охватывало почти все сферы материально-художественного производства, сложившиеся в татарском обществе. В обрядовых и бытовых изделиях, в одежде, народном зодчестве, в оформлении предметно-пространственной среды обитания выявляется целостная художественно-эстетическая идея, основанная на образной системе мусульманского искусства [Валеева-Сулейманова, 2008].

Особого развития получило искусство арабской каллиграфии. Оно развивалось в двух формах – как самостоятельный и независимый вид искусства в рукописях, и как часть идейно-художественного оформления в архитектуре и малой пластике (надгробия), где она выступает как вид эпиграфики. Каллиграфия получила широкое развитие в народной среде, в творчестве многих безымянных татарских имамов и мастеров – хаттатов. Это было связано с тем, что с падением Казанского ханства каллиграфия потеряла сановного заказчика в лице знати и духовенства, не стало богатых библиотек, ремесленных цехов по их обслуживанию, мечети и медресе также потеряли свое былое могущество, и каллиграфия вынужденно развивалась в условиях скромного сельского, позднее – такого же городского окружения. Она нашла свое преломление в почитавшейся за богоугодное дело традиции переписывания книг, кото-

рым занимались хаттаты, отличавшиеся высоким уровнем грамотности и освоившие тонкости арабских почерков. Среди них до нас дошли имена переписчиков книг XVII–XVIII вв. – Иванай Арсай углы, Гильми Утямеш (1700–1740) из деревни Ташкичу, Сайфульмулюк Зайнетдин углы из деревни Ашит, Мураддым бин Ибрагим, Хусаине баба ал-Мухаммад углы (умер в 1805) из деревни Ширдан – о них оставили сведения Ш.Марджани, К.Насыри.

Об отдельных хаттатах сохранились биографические данные. Габденнасыр бине Сабит аль-Ачкени, родившийся в 1746 г. в деревне Эльмэн (совр. с. Альменево Курганской области), начал работать на поприще каллиграфа с 25 лет, и в течение своей жизни переписал 223 книги. Среди самых значительных трудов два тома толкований Корана – Тафсира богослова 13 в. Абдаллаха Бадайви «Анвар ат-танзиль» («Светоч наития») (Әхмәтжанов, 2000). По словам самого хаттата «писал при свете лучины, и купить свечу не было денег...». До нас дошли имена его учителя – Габденнасыр из аула Яугельде современного Бирского района и одного из учеников – Мухаммад Зариф бине Габдельжамиль, что свидетельствует о преемственной передаче навыков мастерства и сложившейся к XVIII в. профессиональной школе татарских хаттатов. В Казани существовала целая корпорация переписчиков книги. Их деятельность простиралась и далеко за пределы города. Некоторые из них работали в знаменитых библиотеках Средней Азии и Стамбула. Например, в бухарской библиотеке Сарайджи над переписыванием восточных книг трудилась династия каллиграфов из заказанского села Тюнтер.

В татарской культуре – искусство каллиграфии тесно смыкается с эпиграфикой, достигшей высот совершенства в резном декоре каменных надгробий. Эпитафии с резной эпиграфикой и узорным оформлением можно и поныне встретить на сохранившихся старинных некрополях. Поверхность их покрыта изысканной растительной орнаментацией и пышными надписями, которые выполнялись искусными резчиками. Изящные надписи покрывают лицевую, иногда боковые и оборотную стороны надгробий. Ис-

следователи сделали вывод о едином стиле в узорном оформлении и эпиграфике резных камней, начиная с XV в. Этот стиль сложился в эпоху Казанского ханства и развивался до середины XVI столетия. Эпитафии второй половины XVI до середины XVIII вв. были отнесены Ф.Х.Валеевым в его историко-типологической классификации к третьей группе [Валеев, 1984, с.95]. Они почти полностью повторяют декор камней первой половины XVI в. К середине XVIII столетия надгробия и их резной декор приобретают новый облик. Примечательную особенность их составляет раскраска в фиолетовые, зеленые, желтые и бежевые тона с выделением арабских букв черным цветом.

Надгробия XVII–первой половины XVIII вв., в основном безымянных мастеров, свидетельствуют о профессиональной школе камнерезного искусства. Они выполнялись из белого известняка в виде прямоугольной плиты, завершались полуциркульной аркой. Обычно в верхней части – в плоскости арки помещалась крупная надпись с сурами из Корана и пышная композиция из мотивов растительного орнамента. За ними следовали сведения о покойном, просьба о милости Аллаха. Надписи на лицевой стороне камней вырезались арабскими почерками сульс, тагълик и настагълик в плоскорельефной или углубленно-выемчатой технике резьбы. Они заключались в прямоугольные рамки и оформлялись ленточным орнаментом. Использовались мотивы веревочки, жгута в трактовке характерной для более поздней домовой резьбы по дереву. Даты приводятся по хиджре и григорианскому летоисчислению. На отдельных надгробиях мастера-резчики и каллиграфы оставили свои имена, которые приведены Ш.Марджани в его труде «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Полезные сведения о Казани и Болгаре»), некоторые из имен были обнаружены М.Ахметзяновым. Среди них: Аккучат, Дусмат Тиляш, Давиш Хафиз, Кильмухаммад бин Ишман – резчики XVII в., Габдерахим бин Габдурахман, Исхак бин Габдулькарим, Ибрагим бин Мохаммад Туляк – резчики XVIII в.

В качестве примера можно привести образцы надгробий, созданных во второй половине XVII в. резчиком по камню и кал-

лиграфом Кильмухаммад бин Ишманом. Вырезанные им эпитафии встречаются почти в каждом районе правобережья Камы на территории Татарстана. Иногда их находят на месте исчезнувших старых мусульманских кладбищ бывших поселений XVII–XVIII вв. По характеру оформления, созданные резчиком надгробия, близки сохранившимся эпитафиям Казанского ханства и Касимовского княжества. Однако они меньших размеров и более приземисты по форме, надписи в два раза уменьшены по высоте. Имеется разница в текстах: вместо принятой ранее начальной формулы «переселился из брэнного мира в мир вечный...», указано имя покойного и просьба молитвы о нем. В остальных деталях оформления хаттаг придерживался средневековой традиции.

Известняковые плиты надгробий резчик завершал полуциркульной или треугольной аркой, верхняя часть пышно украшалась цветочно-растительным узором, исполненным в технике углубленно-выемчатой резьбы. Надписи обрамляются рельефным бордюром. Обычно тексты располагаются в 5–7 строк, и каллиграф вырезал их почерком сульс. В отличие от многих других автор подписывал свои работы. Его имя впервые упоминается в 1960-е гг. историком Г.В.Юсуповым. Позднее, созданные им каберташи были обнаружены краеведом М.Тархановым и М.И.Ахметзяновым [Юсупов, 1960; Әхмәтжанов, 2000].

Со временем в татарских эпитафиях появляются эклектические тенденции, связанные с падением школы камнерезного искусства (отход от строгости стиля, небрежность исполнения), упрощением техники резьбы (уменьшение глубины врезки, исчезновение наклона к плоскости фона), часто орнаментальный декор носит случайный характер или вовсе исчезает. К середине XVIII в. надгробия уменьшаются в размерах (в среднем высота 1,6 метра и ширина 0,5 метра), их завершения имеют полуциркульные (или близкие к нему) и прямоугольные очертания. Резной узор располагается в верхней части и в боковых бордюрах лицевой стороны. Остальная плоскость разделяется горизонтальными полосами, образующими прямоугольные панно, в которых размещаются

надписи, иногда между ними помещаются цветочно-растительные узоры, чаще в нижней части стелы. Узоры размещались и на оборотной стороне, часто в виде круглых медальонов, в которые включалась арабская вязь. На отдельных стелах из сел Заказанья (аулы Бахтияр, Сулабаш и др.) оборотная сторона украшена четырехугольными розетками, составленными из сильно стилизованных изображений птиц с раскрытыми крыльями [Валеев, 1984, с. 95–96].

В узорных композициях надгробий XVIII в. находит отражение тенденция к отрицанию изобразительности, связанная с усилившимся влиянием аскетизма в исламе, и со временем орнаментальное оформление в них вовсе исчезает. Большинство памятников второй половины XVIII в. из сел Заказанья аналогичны надгробиям на казанском кладбище. По-видимому, все они выполнялись в Казани в цеху профессиональных резчиков по камню. Изредка в селах восточных районов Татарстана встречаются надгробия объемной конусовидной формы. На отдельных редких надгробных стелах, кроме надписей, вырезались и тамги.

Что касается развития декоративно-прикладного искусства во второй половине XVI–XVIII вв., то о нем можно судить по находящимся в музейных собраниях произведениям сотен безымянных мастеров, а также сведениям и рисункам европейских и русских путешественников (С.Герберштейн, Г.С.Гмелин, П.С.Паллас, И.Г.Георги, И.И.Лепехин, Корнелий д'Бруини, И.Б.Лепренс, Е.Корнеев и др.), материалам исследований дореволюционных (А.Ф.Риттих, М.Лаптев, Ф.Х.Паули, М.А.Рылов, Н.Н.Вечеслав, К.Насыров, Ш.Марджани и др.), советских (Б.Адлер, П.М.Дульский, М.Г.Худяков, Н.И.Воробьев, Ф.Х.Валеев и др.) и российских (Г.Ф.Валеева-Сулейманова, М.Завьялова, Л.И.Саттарова, Р.Г.Шагеева, Р.И.Шамсутов) авторов. Остановимся на развитии отдельных видов этого искусства по имеющимся материалам.

О костюме татар XVII–XVIII вв. можно составить представление по старинным рисункам и гравюрам. Среди мужского и женского населения была распространена накладная и распашная одежда, женские рубахи свободного покроя с полукруглым

вырезом на шее, с глухим воротом, выполненные из тканей желтого, розового, оранжевого, сиреневого, голубого, зеленого, реже – красного цвета. Сохранились данные о наплечной, накидкообразной одежде – «ябынгыч» (от нее русская «спанча»).

В декоре одежды использовались вышивка и золотое шитье – головные уборы, камзолы, подола и рукава платьев, платки и головные покрывала, а также аппликация из галунов, позументов, тканевых фрагментов, шитье бисером и жемчугом. Согласно И.Георги, татарки-мишарки и татарки-кряшенки ходили в белых вышитых рубахах и в рубашках из клетчатой пестряди с подчеркиванием швом вшитыми полосками кумача [Георги, 1799]. Вышивка с узорами, выполненными в технике цветной перевити (у казанских татар отсутствует) располагалась вокруг грудного разреза, концов рукавов и подола платья. Важным элементом костюма знати являлись металлические пояса с массивными застежками, близкие аналогичным поясам в костюме османских турок, ряда северокавказских народов, а также литые и сканые ажурные пуговицы из золоченого серебра, идущие по продольному разрезу мужских парадных платьев.

В XVIII в. татарки носили высокий головной убор конической формы, покрытый металлическими бляшками или монетами, со вставками кораллов и жемчуга. В комплекс этого головного убора входили шейно-височное украшение и одевавшийся под него платок. Мужчины носили конусообразные шапки, сшитые из дорогих материй и отороченные мехом. Старинной формой головного убора татар является такья – полусферической формы вытянутая сверху шапка на тканевой основе с опушкой из меха или без нее, вышиваемая золотом и украшаемая драгоценными камнями. Женщины носили широкие головные покрывала, скрадывающие их фигуру, заправляли косы в матерчатые чехлы или закрывали их металлическими накосниками, оборачивали голову тастаром – специальным полотенецобразным покрывалом.

Широкая торговля со Средней Азией, Персией и Турцией в XVIII в. способствовала наплыву в край бумажных, шелковых и полуселковых тканей с полосатыми

и цветочно-растительными узорами. Среди мусульман Поволжья особенно популярными были полосатые бухарские бекасаб и алача, гладкие одноцветные и узорные ткани типа адраса, атласа, парчи. Судя по изобразительным материалам XVIII в. (рисунки путешественников), полосатые ткани были популярны в одежде и использовались для шитья женских платьев с длинными и широкими рукавами и мужских халатов. Можно видеть самые различные сочетания узких полосок синего, голубого, зеленого, желтого, красного, малинового цветов. Облику женских рубашек соответствовали полосатые же узоры девичьих головных уборов – калфаков. Всему стилю одежды был характерен яркий восточный колорит. «Полосатость», как явление художественного порядка, нашло выражение не только в узорах одежды, но и в головных уборах, безворсовых коврах, узорных полотенцах, бытовых и интерьерных тканях, а также в раскраске фасадов деревянных построек (чередование естественного цвета бревен с белыми известковыми швами между ними).

В середине XVIII – первой половине XIX вв. костюм приобретает вид классического ансамбля одежд и украшений. Он сформировался на основе городского костюма казанских татар, который воплотил в себе весь комплекс традиционных элементов. Повсеместно мусульмане региона носили широкие свободные рубахи – кульмэк, с длинными рукавами, закрывавшими кисти рук. Сюда же входили шаровары с широким шагом, носившиеся как мужчинами, так и женщинами. Нательную одежду дополняли верхняя распашная – камзол, казакин, бешмет, чекмень и другие виды, а также заостренные кверху и закругленные головные уборы из войлока, меха и ткани. Непременной была узорная обувь – ичиги на мягкой и читек на твердой подошве, туфли без задника на каблуке и без каблука, характерные по форме для обуви восточных мусульманских народов. В татарский костюм вошли такие сугубо мусульманские элементы одежды, как «чапан», «жилэн», «чалма». Их носили представители духовенства и знатных сословий. Такие виды одежды как мужские тюбетейки, женские калфаки и большие го-

ловные покрывала (тастар, орпэк), нагрудники – кукрякче и изю, накосники, нагрудная перевязь – хаситэ, коранницы и другие, а также ношение широкой и длинной одежды, скрывавшей фигуру, шаровар отражали традиционные мусульманские воззрения о внешнем облике мужчин и женщин.

Восточный художественный вкус отразился в изделиях из ткачества и вышивки. Искусство узорного ткачества нашло проявление в полосатых тканях для платьев. Узоры обнаруживают общность с узбекскими, каракалпакскими, казахскими и, особенно, азербайджанскими тканями. Однако композиционная и цветовая структура тканей татар не имеют аналогий. Для них характерны монументальность и динамичность ритмов, которые достигались за счет сопоставления крупного ведущего узора основной полосы с более спокойным рисунком верхнего и нижнего бордюров.

К концу XVIII в. относятся дошедшие до нас старинные образцы тканей, исполненных в технике закладного ткачества. Они выделяются ритмическим строем, богатством и разнообразием узоров, мягкостью и насыщенностью цветового колорита (до середины XIX в. – времени появления анилиновых красителей пряжа окрашивалась растительными органическими красителями), безупречностью технического исполнения. Использовалась почти вся колористическая палитра (в одном изделии до 9–10 тонов), кроме черного цвета.

Вышивки в основном исполнялись в технике тамбура и отличались многообразием цветочно-растительных узоров, отражавших тему «райского сада». Композиции создавались из мотивов степных, полевых и садовых цветов (тюльпаны, колокольчики, незабудки, маки, гвоздики, васильки, шиповник, ромашки, астры, хризантемы, георгины, пионы, розы, «турецкие» огурцы, гранаты и др.). Многие из них близки узорам восточноазиатских, персидских и турецких тканей. Вышитые изделия тоже были многоцветными – в одном изделии могли сочетаться до 10–12 тонов. В женских головных уборах – калфаках с XVIII в. широкое распространение получают аппликация из синели и в так называемой «ушковой» технике, являющейся уникальной и не

встречающейся в искусстве других народов [Валеев, 1984, с.21].

Во второй половине XVIII в. широко размах достигают металлообработка и ювелирное дело, связанное с созданием посуды (кувшины, кумганы, тазы и др.) и украшений (серьги, браслеты, наконники, ожерелья, поясные застежки, нагрудная перевязь-хаситэ и др.). Дорогостоящие художественные изделия (сканые, черненные, гравированные, инкрустированные драгоценными камнями) приобретались купцами. Более простые предметы в несложных техниках (басма, литье, ложная скань и зернь) ювелирного искусства проникали в среду крестьянства. Многие произведения, особенно в собраниях Российского этнографического музея, Национального музея РТ, Музея изобразительных искусств РТ являются подлинными шедеврами ювелирного искусства.

В XVII–XVIII вв. ювелирное дело развивалось в крупных селениях полугородского типа, сохраняя былые художественные традиции. Во второй половине XVIII – середине XIX вв. оно достигло наибольшего подъема. Широкому развитию ювелирного искусства способствовал большой спрос на украшения, которые выполняли не только декоративную функцию, но изначально использовались в качестве оберега, а также наделялись социально-престижным значением (хаситэ, поясные застежки, браслеты, наконники, ожерелья, коранницы, перстни), многие из них были составной частью одежды, развиваясь вместе с комплексом национального костюма. Устойчивые художественные принципы и национальный вкус проявились в уникальных дорогих украшениях и в более дешевых – массовых. Зергеры работали с золотом (алтынче), серебром (комешче), иногда – медью (бакырче) и их сплавами.

Поскольку у татар предпочтение отдавалось украшениям с использованием сложных в исполнении техник (например, филигрань и зернь), и не было принято ставить на изделия государственные клейма, то ювелирное производство не получило форму кустарного промысла. Оно развивалось в рамках традиционного художественного ремесла, сосредоточенного в XVIII в. в Ста-

рой и Новой Татарских слободах Казани, деревнях Заказанья (Арский, Сабинский, Мамадышский, Лаишевский и другие районы). В селениях ювелирным ремеслом обычно занимались крестьяне в свободное от земледельческого труда время. Зимой мастера уходили на заработки в соседние и отдаленные области – Башкирию, Оренбургскую степь, Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, создавали украшения по частным заказам или продавали готовые изделия.

С XVIII в. связано появление уникальной, не встречающейся в искусстве других народов, бугорчатой (объемной) филигранни. Наиболее раннее из сохранившихся изделий, выполненное в этой технике, датируется по монетам – 1742 г. Однако, не исключено, что более ранние произведения, исполненные в этой технике до нас не сохранились. По крайней мере, в коллекции Государственного музея изобразительных искусств РТ хранится уникальная коранница, которая может быть атрибутирована временем не позднее XVI в. [Валеева-Сулейманова, 1990, с.83]. В ней равитки скани, украшающие крышку коранницы, закручены подобно конусам в бугорчатой филигранни. К XVIII же веку относится начало использования в женских украшениях русских серебряных рублей с изображениями двуглавых орлов, а также арабских дирхам и европейских монет с изображениями львов.

Замечательными и в своем роде уникальными, не имеющими аналогов среди образцов художественно оформленной обуви у других народов, являются кожаные сапоги – ичиги (на мягкой подошве), читек (на жесткой подошве), украшенные узорной мозаикой. До конца XVIII в. изготовление ичигов было домашним ремеслом в татарских деревнях, и лишь в первой половине XIX столетия оно получает развитие в форме художественного промысла.

Вообще, выделка кож (сафьян, юфть, козловая кожа) у татар имеет древние традиции, и в XVII–XVIII вв. была одним из основных видов мелкотоварного и мануфактурного производств. Центр их находился в Казани [Хасанов, 1977, с.34]. К концу XVIII в. кожевенные мануфактуры достигли значительных размеров и татарские про-

мышленники расширили производство, основав их также в городах и селах Вятской губернии (наиболее крупные в деревне Маскара Малмыжского уезда, г. Глазов и др.) [Хасанов, 1977, с.48].

Что касается производства узорной кожи из мозаики, то оно получило широкую популярность не только в России, но и за ее пределами, с первой половины XIX в., хотя сведения об узорных ичигах встречаются в письменных источниках XVI–XVII вв. Их носили представители татарской феодальной знати, популярными они были и среди русского боярства. Самые ранние, дошедшие до нас в российских и зарубежных музеях, образцы ичигов в технике мозаики атрибутируются одними исследователями – концом XVIII в. [Сагтарова, 2004, с.13], другими – началом XIX в. [Валеев, 1984, с.46].

Здесь надо учитывать тот факт, что художественное наследие татар стало предметом

музейного коллекционирования лишь с конца XIX в., и многие произведения искусства, ввиду активной миграции, начавшейся во второй половине XVI в., оказались разбросанными на огромной территории проживания татар в Поволжье, на Урале и в Сибири.

Развитие художественных ремесел и декоративного искусства в XVI–XVIII вв. отвечало сложным историческим условиям, связанным с преодолением колониальной зависимости татар, и потребностям времени, отражавшему новые производственные и социально-экономические отношения в российском обществе. Они способствовали зарождению городской культуры и созданию высокого классического искусства, сыгравшего определяющую роль в формировании татарской этнокультурной общности. Это обусловило в дальнейшем становление татарского общенационального искусства.

§7. Архитектура

Нияз Халитов

Условия формирования и развития татарской архитектуры после завоевания Казанского, Астраханского и Сибирского юртов, а затем и Ногайской орды русскими существенно отличались от прежних. Архитектура татар в составе Московского государства выглядит неким белым пятном, не поддающимся какому-либо анализу и точным определениям. Сложилось мнение, что в условиях национально-религиозного угнетения и серьезных ограничений во всех сферах жизни в XVI–XVII вв., татары влачили жалкое существование, не помышляя о высокой культуре. О том, что татарская культура в условиях православного государства, изначально ставившего целью дискриминацию иных религиозных общин и конфессий, причем порою весьма жесткими методами, пришла в полный упадок. Действительно, на первых порах ей пришлось столкнуться с полной утратой городского архитектурного наследия в результате насильственной депортации из «полос отчуждения» на 40 км от всех основных рек, собственно, и бывших колыбелью болгаро-татарской цивилизации.

Были разрушены или перестроены все священные здания, погибли архивы, библиотеки, кладбища предков, захвачены жильё и уголья, природные ресурсы. Спасшиеся жители Казани, покинувшие ее до русской блокады и штурма, обосновались, по некоторым данным, в Заказанье, где до сих пор наблюдаются устойчивые реминисценции городской культуры и аномально высок процент интеллигенции. Многие жители других городов и поселений после депортации отхлынули за пределы государства и осели в башкирских землях, в Приуралье, Сибири, Средней Азии, Крыму других местах традиционного расселения татар, где можно было впоследствии наблюдать появление новых очагов татарской культуры и воссозданных по казанским образцам архитектурных сооружений.

К моменту вхождения татарских государств в сферу политической гегемонии Московского государства принципиальной разницы между русской и татарской средневековыми архитектурами, формировавшимися в едином культурном пространстве Золотой Орды, вероятно, не было. Говоря

современным языком, их можно было бы рассматривать в рамках понятия «регионального стиля», где на основе татарской государственной культуры сложились две локальные традиции: татарская и русская. Обе они, в свою очередь, делились на местные школы, опиравшиеся на культурные традиции феодальных автономных образований (юртов, вилаетов, княжеств), в прошлом независимых государств с различным этническим составом населения и сложными взаимными отношениями, которые далеко не всегда определялись этнической или конфессиональной принадлежностью. Татарская и русская культуры и после объединения в едином политическом пространстве Московского государства продолжали свое развитие в привычном русле и прежнем взаимодействии.

Факторам, воздействовавшими на процессы дальнейшего развития татарской архитектуры, стали: утрата татарами национальной и государственной независимости; утрата исламом роли господствующей религии; сохранение слоя татарского дворянства (мурзы, князья); сохранение слоя богатых землевладельцев, торговцев и предпринимателей; прочное национальное и религиозное самосознание татарских общин; активное участие татар в экономической жизни России и зарубежной торговле с мусульманскими странами.

Таким образом, потеряв верхний слой архитектурной традиции как государственной культуры, татары сохранили все остальное в неизменности, что позволяет нам говорить о дальнейшем развитии татарской архитектуры как самостоятельного явления мировой культуры. Эти процессы можно наглядно проследить на примере Казани. Развиваясь в условиях оккупированного государства, новой провинции Московского великого княжества под названием Царство Казанское, казанская архитектура утратила специфические элементы государственного стиля, однако полностью сохраняла свои традиционные черты и связь с мировой исламской культурой.

За протокой Булак и озером Кабан раскинулась Татарская слобода. Ее население жило, как писал английский путешественник Джон Белл, посетивший Казань в 1715 г., «весьма опрятно и независимо, во

свободном отправлении своей веры и пользуется многими вольностями. Производят они торговлю с Турциею, Персиею и проч. И есть из них некоторые весьма богатые» [Белл, 1776, с.16]. Богатые татарские усадьбы (как, впрочем, и бедные) того времени не сохранились и можно лишь предполагать, что большой разницы между татарскими и русскими каменными палатами (само слово палата говорит о татарском происхождении этого типа здания. – *Н.Х.*) не было, как и в принципах их декорировки. Единственным сохранившимся изображением Татарской слободы XVII–XVIII вв. является схематическая зарисовка Николая Витсена на панораме Казани, опубликована им в 1692 г. (см. расшифровку документа: [Хабибуллин, 2009]). На ней различима лишь группа условно нарисованных домиков с двускатными крышами, из чего трудно почерпнуть какие-либо сведения об облике конкретных зданий. В начале XVIII в. слобода состояла из одной или двух улиц на высоком берегу Кабана [Белл, 1776, с.16], находилась на некотором удалении от городской стены и отделялась от нее рогатками [Чупин, 1851]. По сведениям ученого XVIII в. М.Лаптева, ссылавшегося на разные источники, «в старину они (татары. – *Н.Х.*) ставили дома свои по-восточному, среди двора, обнесенного всех сторон забором» [Лаптев, 1861, с.215]. «Мужичий двор, – добавлял И.Г.Георги, – состоит кроме избы, из нескольких малых особо построенных чуланов и хлевов, которые однакоже двора кругом не загораживают» [Георги, 1799, ч.2, с.11, 12].

Улицы татарской части Казани выглядели, как всем мусульманском Востоке, коридором из глухих бревенчатых стен, где взгляд задерживался лишь на массивных воротах, иногда расписанных яркими красками и покрытых резными узорами. За этими стенами скрывалась вся жизнь правого: хозяйство, дети и жены, работа и досуг. Лишь верхушки крыш да затейливо украшенные чердачные окошки можно было узреть, проходя по улицам татарского города. Закрытая планировка татарской усадьбы, сближавшая ее с усадьбами народов мусульманского региона – азербайджанцев [Ализаде, 1963, с.17; Бретаницкий, 1948, с.33], узбеков [Воронина, 1951,

с.13; Исмаилов, 1972, с.36,85], крымских татар [Куфтин, 1926], турков, арабов [Воронина, 1972, с.62–66] и многих других, ряд исследователей объясняет воздействием ислама [Ализаде, 1963, с.16; Исмаилов, 1972, с.85–86; Зяббарова, 1979], другие решающее значение придают климатическим условиям и нравам феодального города [Воронина, 1982]. За внешними проявлениями скрывались отнюдь не застарелые привычки «населения» строить так, «как деды и прадеды наши», а нечто гораздо большее. В способах организации усадеб и внутренней планировки жилого дома проявлялись прежде всего национальная концепция пространства, растворенная в самой культуре народа: питающих ее природных условиях, искусстве, языке, и «освященной» господствующим религиозным мировоззрением.

Секретарь китайского посольства Ту-Ли-Шен, побывавший в Казани в 1715 г., упоминал о «деревянных домах с вышками», в которых обитали местные жители. Обращаясь к другим литературным сведениям, отметим описание И.Лепехина середины XVIII в.: «Заживные между собой имеют при каждой зимней избе летнюю, которая против зимней ставится и соединяется с ней переходом, что по большей части у татар видеть можно... Избы у Чуваши и Мордвы черные, а у Татар белые... (т.е. с печью. – Н.Х.). У мордвы и чуваш окна бывают волоковые; напротив того у татар красные, и за недостатком в тамошних местах стекол, оконницы делаются из требушины коровьей, а на местах, ближайших к Волге, из сомовьей или белужьей кожи» [Лепехин, 1771, с.138, 139, 178, 179]. О том же писал И.Гмелин (1733), описывая татарские дома Казани [Харлампович, 1904, с.16]. Появление летней и зимней изб, соединенных переходом, именно у татар, в отличие от других народов края, вероятно, не случайно. Этнографы часто упоминали о древнем обычае покидать на лето зимние дома и жить за городом в специальных кочевых юртах «казахского образца», который наблюдался у татар с X вплоть до конца XIX в. [Воробьев, 1953, с.158; Газиз, 1994]. Аналогичные явления можно было наблюдать и у других народов, недавно перешедших к оседлому образу жизни [Майдар,

1980, с.54]. Например, ногайцы еще в начале XX в. зимой жили в срубных избах, а летом переселялись в юрты, стоявшие во дворе усадьбы [Гаджиева, 1976, с.62]. Так же поступали в период перехода к оседлости монголы, калмыки, башкиры. Переходным к нашему случаю можно считать летнее жилище алтайцев – аил [Устинова, 1949, с.99], монголов и калмыков – «гэр» [Майдар, 1980, с.68], башкир – «бурама», ставившееся рядом с домом и представлявшее собой четырех- или восьмигранный сруб с шатровым покрытием, имитирующий юрту.

Летние жилища татар, перешедших к оседлому образу жизни несколько веков назад, давно утратили свою первоначальную форму и представляли собой в XVIII в. обычный срубный дом, соединенный с зимним холодными сенями. Возможно, именно здесь надо, искать корни оригинальной конструкции богатого татарского жилища, в котором два рядом стоящих двухэтажных дома соединялись навесным крытым переходом по второму этажу. При общепринятом у татар поэтажном зонировании на жилой и хозяйственный этажи (а эта закономерность стойко прослеживается в течение XVIII – начала XX в. во всех татарских городских домах), такой переход был вполне логичен функционально. Многочисленные образцы таких комплексов встречались в XIX и начале XX в. Как в Татарских слободах Казани, так и в Заказанье и отмечались исследователями как характерная особенность местного зодчества [Дульский, 1925, с.11; Дульский, 1943, с.14; Воробьев, 1953, с.217; Худяков, 1921, с.25]. Необходимо заметить при этом, что подобным же образом зонировалось в прошлом жилье многих народов, в том числе и западноевропейских, и других христианских, в том числе и у русских, – однако с изменением условий, – отпадением оборонных нужд, изменением функциональной организации поселений и др., эти черты исчезли. У мусульманских же народов (азербайджанцев [Ализаде, 1963, с.124; Саламзаде, 1964, с.183,189], крымских татар [Гинзбург, 1933, с.18; Куфтин, 1926, с.11], дагестанцев [Хан-Магомедов, 1974, с.36–37], таджиков [Воронина, 1959, с.9], узбеков [Воронина, 1951, с.13; Исмаилов, 1972, с.85,86], турков [Карлова, 1870, с.736], арабов [Воронина, 1972а, с.62–

66] и др.), в том числе и у татар, такие изменения тормозились, как уже говорилось, религиозными обычаями, не позволявшими открывать внутреннюю жизнь семьи глазами посторонних.

Современники отчетливо выделяли некоторые характерные черты татарского жилища в сравнении с русским. Среди них стремление отнести жилье подальше в глубину двора и отгородиться от улицы, деления на мужскую и женскую половины, наличие летней и зимней изб, соединенных переходом, некоторое композиционное и декоративное своеобразие, традиционный интерьер. Вероятно, у татар сохранились основные принципы внутренней организации пространства без больших изменений еще со времен средневековья. Этнографами выдвигалась даже гипотеза о том, что основные черты татарского интерьера несут отпечаток пережитков далекого кочевого прошлого [Воробьев, 1953, с. 188, 197, 203–204], что наглядно подтверждается простым сравнением с интерьером юрты. Вот как описывал интерьер татарского дома исследователь второй половины XVIII в. И.Г.Георги: «Татарский домашний скарб составляет по большей части необходимые только надобности. Небольшое число поваренной, столовой и чайной посуды, также и земледельческой и ремесленной снасти, несколько сундуков, разосланных на полатах, которые служат им вместо кроватей, стульев и столов, ковры и войлоки или цыновки, а иногда и тюфяки: вот в чем заключается весь их домашний прибор; а стулья держат только в городах некоторые общающиеся с иностранцами Татара» [Георги, 1799, ч.2, с.12]. То же писал и М.Невзоров [Невзоров, 1803, с.243, 244].

В литературе сложилось мнение, что после завоевания Казанского юрта татарская архитектура пришла в полный упадок и прозябала в рамках угнетенного примитивного состояния вплоть до второй половины XVIII в., когда с соизволения императрицы Екатерины II мусульманская религия получила некоторые права и свободы. Этому противоречит хотя бы тот факт, что во время посещения Казани в 1767 г. царица была поражена роскошью и своеобразием быта татарского купечества, организовавшего ей пышный прием

и экскурсию в Татарскую слободу. Правда, репрессии 1740-х гг. нанесли значительный психологический урон мусульманам, подорвав их веру в стабильность и справедливость, но вряд ли это сказалось на качестве архитектуры, свидетельством чему являются две сохранившиеся до наших дней каменные мечети, отразившие уровень культуры и финансовые возможности татарского населения Казани.

Татарская архитектура Нового времени развивалась несколько иначе, чем русская, которая попала в жесткие рамки бюрократической системы регламентации и формировалась силами иностранных и русских архитекторов в русле общей градостроительной политики государства. Русскому населению активно навязывались новые стандарты художественной культуры, образцом для которой служили западноевропейские стили, полностью отрицавшие собственные культурные традиции. Татары оказались вне этой системы ценностей, сохраняя свою религию, язык, элементы самоуправления, национальную и религиозную элиту, культурные ориентации, эстетические предпочтения, художественную культуру, и, разумеется, собственные архитектурные традиции, развитию которых никто не препятствовал. В условиях бюрократической системы согласований и общей градостроительной политики Петербурга на фасадную застройку в рамках типового и повторного строительства [Белецкая, 1961] татары были вынуждены сотрудничать с русской администрацией и архитекторами, поэтому в их постройках наряду с национальными чертами каким-то образом могли проявляться и общероссийские черты, но едва ли они оказывали какое-либо существенное влияние на татарскую архитектурную традицию.

В этой связи закономерно встает вопрос об источниках вдохновения и основных ориентациях татарского заказчика в условиях развития и активного насаждения новой общегосударственной культурной политики, в том числе и в архитектуре. Сказать, что западные стили были новинкой для татар, значило бы серьезно погрешить против истины: итальянские мотивы в искусстве и архитектуре на территории Золотой Орды,

Крымского и Казанского юргов хорошо известны, а стамбульская мода на ренессансные и барочные мотивы в архитектуре стала неотъемлемым элементом современного оттоманского стиля, служа образцом не только для татар (напр. Бахчисарайский дворец в Крыму), но и многих других народов, проживавших на обширной территории Османской империи и за ее пределами. Они стали закономерным этапом дальнейшего развития татарского архитектурного стиля в рамках общего прогресса околоевропейского региона, к которому относились как страны мусульманского мира, так и православные христиане на Балканах и в России. Элементы ренессанса в татарской архитектуре можно было наблюдать уже с XV в., а барокко – с XVII в., а в XVIII в. они получили дополнительный импульс к развитию и государственную поддержку уже в рамках Российской империи. Именно этим и можно объяснить столь охотное употребление в архитектуре вновь возводимых мечетей барочного декора уже начиная с 1740-х гг., когда противостояние правительства и татар-мусульман приняло особенно острый характер, и, казалось бы, русский официальный стиль (кстати, и церковный тоже) не мог восприниматься мусульманами благожелательно, тем более его знаковые христианские формы.

Поэтому эти новые стилевые течения можно считать в той же мере «татарскими», в какой и «русскими». Культивируясь в России на почве различных национальных традиций, они обрели и различную национальную окраску. Иначе говоря, родились татарские формы барокко и классицизма. Особенно показательны в этом отношении деревянные и каменные мечети.

Типовое и образцовое проектирование стало одним из методов упорядочивания городской застройки в условиях перехода к всеобщему государственному регулированию а области архитектуры и градостроительства России. Первые образцовые проекты, впрочем, не касающиеся религиозных сооружений, появились в первой половине XVIII в. в правление Петра I в столичных городах. Тогда же была сделана первая попытка взять под контроль архитектуру мечетей [Загидуллин, 2007, с.224].

Новые правила градостроительства были во второй половине XVIII в. еще в диковинку и отнюдь не воспринимались простыми людьми как некая эстетическая градостроительная система. Казань в основном была деревянным городом, мало отличавшимся, вероятно, по внешнему виду от близлежащих деревень. Свидетельством тому являются слова немецкого путешественника и ученого второй половины XVIII в. Иоганна Георги, который писал, что «дворы городских и деревенских татар одинаковы не только в другом чем, но и в самой величине и красе» [Георги, 1799, ч.2, с.11]. Даже в центральных городских районах не всегда удавалось губернским властям добиваться выполнения циркуляров об обязательном применении «образцовых» фасадов. Лишь местами после большого пожара по периметру будущих улиц возводились каменные и деревянные богатые дома в европейских формах, принадлежавшие богатым купцам и дворянам.

Архитектура татарских мечетей. Условия формирования и развития архитектуры татарских мечетей Нового времени, существовавшей в условиях православного государства, изначально ставившего целью дискриминацию иных религиозных общин и конфессий, существенно отличались от условий средневекового периода. Архитектура мечетей Российской империи предстает явлением сложным и неоднозначным, зависящим от многих факторов социально-политического характера в условиях национально-религиозного угнетения и серьезных ограничений во всех сферах жизни. Все эти процессы протекали на фоне постоянного противостояния с господствующей православной церковью, что оказывало непосредственное влияние, как на масштабы культового строительства, так и на образно-художественные характеристики отдельных зданий.

Средневековые татарские государства были завоеваны русскими в разное время, и их мусульманское население образовало в составе России ряд основных локальных этнографических групп, объединенных определенной общностью быта и культуры: евроазиатскую (поволжские, касимовские, уральские, сибирские, мишари), крымскую и польско-литовскую. Кроме них, образо-

вались значительные общины переселенцев из Поволжья (в основном, казанцев) в завоеванных государствах Средней Азии и Казахстане (в т.ч. в Оренбургской губернии), на Северном Кавказе и Дальнем Востоке (включая Маньчжурию и Синьцзян). Следует, вероятно, упомянуть и ряд крупных татарских городских общин в различных областях Российской империи: петербургскую, гельсингфорскую, бакинскую, тбилисскую, грозненскую и другие, часть из которых, проживая компактно, образовала татарские слободы со своеобразными проявлениями архитектурной традиции. Архитектура этих групп татар, вошедших в поле воздействия российской культуры в разное время и на различных основаниях, испытала воздействие русской культуры и православной церкви в различной степени, что существенно сказалось и на процессах ее формообразования.

Татарская архитектура Нового времени развивалась, как и у многих других народов Российской империи, в жестких рамках бюрократической системы регламентации и формировалась силами русских архитекторов в русле общей градостроительной политики государства. Поэтому в постройках татар наряду с национальными чертами проявлялась и психология исполнителя, русского архитектора. Отразилась на ее масштабах и колониалистическая политика администрации, действия православной миссии, ограничивавших ее развитие. В итоге это развитие пошло по пути деградации, донеся до нас в основном лишь непритязательные образцы махалля-мечете и жомга-мечете. Другие типы мечетей и вовсе исчезли.

Типовое и образцовое проектирование стало одним из методов упорядочивания городской застройки в условиях перехода к всеобщему государственному регулированию а области архитектуры и градостроительства России. Первые образцовые проекты, впрочем, не касающиеся религиозных сооружений, появились в первой половине XVIII в. в правление Петра I в столичных городах. Тогда же была сделана первая попытка взять под контроль архитектуру мечетей. По словам историка И.К.Загидуллина: «В Приуралье в 1704 г. правительство потребовало от местных мусульман, чтобы

богослужebные здания строились по образцу христианских церквей, а религиозные обряды были приближены к православным: при совершении ритуала наряду с муллой должен был присутствовать и поп. За посещение мечети с верующих стали требовать уплаты специального налога. Восстание башкир и татар 1704–1711 г. сыграло решающую роль в отмене этих дискриминационных нововведений царизма» [Загидуллин, 2007, с.224].

Массовое же строительство по образцовым проектам началось после большого пожара в Твери во второй половине XVIII в. и окончательно утвердилось после вступления в силу нового генерального плана Казани в 1783 г. Тогда, при ликвидации последствий сожжения города повстанцами Пугачева, сюда был перенесен опыт Твери и было осуществлено массовое строительство ядра города по образцовым проектам различных типов зданий.

Одновременно на основе изучения архитектуры татарских мечетей Казанской губернии по поручению царицы Екатерины II [Загидуллин, 2007, с.220] был разработан первый образцовый проект на татарскую мечеть для мусульман Сибири. Он представлял собой центричный кубический объем, увенчанный уплощенным куполом и фланкированный двумя трехъярусными минаретами по сторонам входа. Этот первый опыт такого рода показывает полное смятение русского архитектора перед поставленной задачей: «поженить» древнюю архитектурную традицию с современным российским стилем, не оскорбляя чувств мусульман. В итоге родилось эклектичное сочетание чисто ренессансной ротонды со средневековыми минаретами болгарского стиля, вырастающих из абсолютно чуждых своему стилю рустованных оснований. В сущности, именно здесь и была заложена долгосрочная программа образа татарской мечети Нового времени: концептуальное совмещение стильного объема здания с традиционными знаковыми формами минарета, позволяющими с первого взгляда определить не только конфессиональную, но и национальную принадлежность сооружения. В планировочном и образном отношении мечеть выглядела как развитие османского

архитектурного стиля и опиралась, по всей видимости, на опыт обобщения архитектуры памятников многих групп татар: казанских, крымских, касимовских и других. По крайней мере, подобные же решения мечетей Стамбула выглядят намного более смелыми и профессиональными. Согласно подписанному в 1782 г. указу, такие мечети должны были появиться в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке и Петропавловске [Загидуллин, 2007, с.220]. С вступлением в силу этого указа, архитектура татарских мечетей России, до сих пор не подвергавшаяся каким-либо стилевым ограничениям, была введена в рамки «образцового» строительства, как и прочие российские здания того времени.

Можно констатировать в итоге, что, несмотря на значительную, казалось бы, зависимость архитектуры от внешних обстоятельств, в ее эволюции, тем не менее, прослеживается некая мощная магистральная идея, не допускающая существенных отклонений от традиции, а тем самым и духовного произвола исполнителя над заказчиком. Прослеживаемая вполне отчетливо на всех уровнях эстетическая концепция, некая система позволяет говорить о существовании жизнеспособной и прочной традиции в культовой архитектуре Нового времени, берущей свое начало еще в зодчестве средневековья. Здесь традиции проявились в сохранении композиционного и планировочного типа мечети и выражении ее отдельных внешних элементов через формы болгарского, казанского и золотоордынского зодчества в современной трактовке, явно почерпнутой из арсенала османского барокко. В деталях декора применялись мотивы татарского декоративного искусства. Эта традиция, носителем которой выступал народ в лице конкретных заказчиков, и сформировала в итоге целостную при всем многообразии проявлений и достаточно устойчивую к деформирующим воздействиям извне архитектуру мечетей Нового времени, поддающуюся системному анализу на разных уровнях.

Композиционные принципы, заложенные в архитектуру мечетей Казани и Казанской губернии (поскольку все они проектировались теми же архитекторами губернской

столицы), в известной степени унаследовали основные черты культовой архитектуры средневековья. С некоторой степенью условности их можно свести к четырем основным принципам: 1) геометрически ясные объемы с присущей им характерностью плана, силуэта; 2) программная ориентация на ракурсный обзор; 3) контрастные сочетания прямолинейной и криволинейной форм; 4) контрастное противопоставление башенной вертикали и массивного горизонтального объема.

Композиционные типы мечетей, получившие распространение в казанской архитектуре Нового времени, сводятся к пяти основным группам:

1. *Мечети с минаретом на крыше*, генетически восходящие к периоду Казанского ханства, или даже, может быть, более раннему времени. Мечети такой композиции имели самое широкое распространение в XVIII–XX вв.; прослеживаются они и в XVI столетии. Строительный материал – дерево определил конструктивное решение этого типа мечети: сруб с балочным перекрытием и скатной крышей.

Мечети с минаретом на крыше, как каменные, так и деревянные, были совершенно однотипны и представляли собой прямоугольное в плане одно-двухэтажное здание с двускатной крышей, ориентированное с севера на юг. С южного торца примыкал прямоугольный в плане объем михраба. Крышу прорезал восьмигранный или иногда цилиндрический минарет, завершавшийся высоким пирамидальным или коническим шатром. Минарет располагался в большинстве случаев над геометрическим центром здания (иногда у северного торца) и представлял собой двух-трехъярусную башню, состоящую из стержня (с основанием или без), внутренней, обычно остекленной, площадки азанчи (иногда обнесенной внешней галереей) и шатра. Деревянные минареты всегда были восьмигранными, каменные, кроме того, могли иметь цилиндрическую форму или быть комбинированными. Каменный минарет конструктивно опирался на толстую поперечную стену, разделявшую мечеть обычно на ритуальную и вестибюльную зоны; деревянный крепился к стропилам и балкам перекрытия.

Функциональная схема мечети с минаретом на крыше имела вполне четкие закономерности. Если здание было двухэтажным, на первом этаже располагалась служебно-хозяйственная зона, где, наряду с необходимыми для мечети принадлежностями (инвентарь, библиотека, деревянные склады и др.) имелись негорючие кладовые для товаров местных купцов в виде изолированных сводчатых помещений с отдельными выходами. Часто на первом этаже кроме того располагались медресе или мектебемахалли мечети. Северную часть здания занимала вестибюльная зона (сени, вестибюль, гардероб, администрация), занимавшая по площади около 1/5 этажа. В южной половине здания размещалась ритуальная зона (молитвенные залы, михраб). Эти закономерности прослеживаются как на сохранившихся памятниках, так и в описаниях современников.

Особую функцию выполнял минарет, с верхней площадки которого провозглашался азан (призыв к молитве).

Эта композиционная схема получила повсеместное развитие в различных стилевых формах: барокко XVIII в. (мечети Марджани и Апанаева), а также в духе традиционных крестьянских построек во второй половине XVIII в., и ряда других. Кроме названных, существовало несколько мечетей XVII и XVIII вв., не дошедших до нас даже в изображениях, но, судя по некоторым данным, идентичных известным канонически решенным зданиям этого типа (находились на месте мечетей Марджани, Бурнаева, Голубой, Азимова, Казакова).

2. *Мечети с минаретом над входом.* Это тип однозальной мечети, где минарет размещается над капитальной стеной, разделяющей молельный зал и относительно небольшой вестибюль. Минарет сильно сдвинут ко входу и сидит на коньке крыши. Такие мечети встречались как в Казанской губернии, так и за ее пределами в местах расселения казанских, уральских, сибирских, астраханских, литовских татар, в Казахстане.

3. *Мечети с двумя минаретами.* Традиционный тип мечети, закрепленный первым образцовым проектом. Отличается от предыдущего тем, что два минарета фланкируют объем вестибюля симметрично относитель-

но продольной оси здания. Молельный зал может выделяться куполом или маковкой. Такие мечети сохранились в традиционной архитектуре литовских (польских) татар.

4. *Мечети с минаретом в углу здания.* Здания такой композиции распространены во многих странах Востока и существовали во времена Золотой Орды и постзолотоордынских татарских государств. В основном такая композиция присуща крымско-татарской традиции, но иногда встречалась и у других групп татар.

5. *Центричные.* Деревянные мечети с минаретом на крыше и минаретом над входом, а также польско-литовские центричные мечети обладали своим собственным, только им присущим стилем, сохранившим, вероятно, законсервированные традиции времен Булгарии, Золотой Орды и более поздних татарских государств. Архитектура этих зданий была настолько канонизирована, что при их строительстве практически не допускалось никаких отклонений от принятых схем в силуэте, образе, декоративном облике фасадов. Ясные, логичные пропорции, четкие членения, низкая пластика, стены, строгие декоративные формы, своеобразная, четко регламентированная раскраска фасадов, – вот основные характерные особенности таких мечетей.

Каменные мечети той же композиции, но порою без признаков поздних западноевропейских декоративных деталей на фасадах, также обладали собственным архитектурно-художественным языком, могущим быть определенным как татарская средневековая стилевая традиция. Такие мечети встречаются повсеместно в местах расселения казанских татар, а также у литовских татар и в Азербайджане.

Мечети Поволжья, центральных областей России, Урала и Сибири. Несмотря на существование на территориях бывших Сибирского, Астраханского, Касимовского и Ногайского государств собственных развитых архитектурных традиций средневековья, полный разгром их в XVI в. (кроме Хан-Кермана) и последовавший за этим культурный геноцид пресекли возможности дальнейшего их поступательного развития. Поток эмигрантов из Казани, хлынувший на эти территории, в т.ч. на территорию Баш-

кирии в XVI–XVIII вв., а затем укрепление диаспоры в XIX – начале XX вв. создало предпосылки для формирования единой архитектуры татарской мечети на огромном протяжении Российской империи, – от Финляндии до Владивостока. Этому способствовала прежде всего тоталитарная политика государства, стремившегося максимально унифицировать процессы проектирования и строительства конфессиональных сооружений как в типологическом, так и в стилевом отношении. Эта законодательно закрепленная политика проводилась на протяжении XVIII – XIX вв. и координировалась из Санкт-Петербурга с большей или меньшей степенью жесткости. В то же время, несмотря на, казалось бы, единую систему внедрения законодательно закрепленных норм и правил религиозного строительства, условия их реализации в различных регионах оказывались различными. Прежде всего, сказывалась близость центров миссионерской деятельности, активно борющихся с мусульманской идеологией и добивавшихся полного обрусения инородцев, – в том числе и через ограничения в области архитектуры. Сама номенклатура типов мечетей, спущенная сверху, не подлежала пересмотру, но их стилевая и образно-художественная реализация могли быть различными. Таким образом, сказывалось несколько векторов влияния, под воздействием которых и формировалась архитектура татарской мечети Нового времени в названных регионах. Однако все они объединялись на платформе единой татарской средневековой архитектурной традиции, поддержанной разветвленной и крепкой сетью контактов казанско-татарской диаспоры с единым религиозным центром в Оренбурге (впоследствии в Уфе) и культурно-промышленным центром в Казани.

Мечети польских и литовских татар. Мечети польских и литовских татар, развивавшиеся в относительной изолированности от остального татарского мира уже начиная с XIV в., по своей композиции и планировке удивительным образом сходны с татарскими мечетями на российской территории, что еще раз подтверждает тезис о единстве татарской традиции мусульманской культовой архитектуры. В те вре-

мена в Великом княжестве Литовском их число доходило до 400 [Канапацкая, 2004], что говорит о существовании устойчивой и развитой ветви золотоордынской архитектурной традиции, прижившейся на этой территории. Однако после периода репрессий XVII–XVIII вв. зодчество литовских татар пришло в упадок, сохранились лишь очень скромные и небольшие по размерам здания мечетей, впрочем, преемственные по отношению к более ранним. Среди них сохранялись и довольно древние: приходы в Некрашунцах под Лидой (1415 г.), в Ловчицах под Новогрудком (1420 г.), деревянная мечеть XVI в. в Минске сохранялась вплоть до строительства новой в 1890 г. В их типологии прослеживаются те же закономерности: центричные (Ивье), минарет на крыше (Слоним), минарет над входом (Довбучки), минарет в углу здания (Минск). На их внешний облик, как это обычно и бывает повсюду, наложила отпечаток господствующая среда, в данном случае западноевропейской католической культуры и польского, литовского и белорусского народного зодчества. «Некоторые, – пишет Зарина Канапацкая, – напоминали своим видом костелы (Крушиняны, Мир, Клецк, Некрашунцы, Ляховичи, Рейжи, Мядель) либо православные церкви (Слоним, Студенцы, Сорок Татар, Новогрудок, Ивье, Немеж). Мечети же, возводимые мастерами-евреями, имели много схожих черт с окружающими их синагогами (например, мечеть в Осмолове). Некоторые очевидцы проводили даже аналогию с китайской пагодой (Багоники). Никаких оснований – от мечетей мусульманского Востока мечети татар Беларуси, Литвы и Польши сохранили и принципы культовой организации пространства (наличие михраба, который показывал направление к Мекке, минбара, мугиров с текстами Корана или изображениями известных восточных мечетей). Это связано, в первую очередь, с отдаленностью белорусско-польско-литовских татар от мусульманского Востока, постепенным ослаблением связей с ним» [Канапацкая, 2004]. С таким мнением, конечно, нельзя согласиться, зная общие закономерности формообразования татаро-мусульманского зодчества. Чисто внешнее сходство композиции в данном случае не является фактом

заимствования основополагающих качеств мечети у христианской архитектуры соседствующего народа, что подтверждают многочисленные трактовки тех же композиционных схем в духе исламского зодчества в других местах проживания татар, никак не соприкасавшихся с католической культурой.

Мечети крымских татар. После завоевания Крыма Россией развитие архитектуры здесь пошло по схеме, уже отработанной двумя столетиями ранее в Поволжье и Сибири. Лишившись государственного финансирования и государственной поддержки, мусульманская культовая архитектура прекратила свое поступательное развитие, резко сократив масштабы, типологическое разнообразие и качество строившихся зданий. После вхождения Крымского ханства в состав Российской империи, особым указом 28 июня 1783 г. была закреплена свобода крымских татар исповедовать «природную веру». Однако жесткая дискриминационная политика русского правительства по отношению к крымским мусульманам привела к массовой эмиграции татар за границу и разрушению их памятников. «Общее количество мечетей сооруженных за пять с половиной столетий в 6 городах и в 1474 деревнях Крыма к 1786 г. составило свыше 1600», – пишет И.Абдуллаев [Абдуллаев, 2009, с.11]. Практически единственным типом крымско-татарской мечети Нового времени стало 1-2 этажное каменное здание с минаретом, примыкающим к одному из фасадов. Оно решалось в виде прямоугольного в плане объема, перекрытого 4-скатной крышей или куполом. При всех вариациях сохранялась твердая опора на османский стиль в различных его проявлениях. Минареты характерно османского типа выглядели как высокой тонкий цилиндрический (многогранный, каннелированный) стержень на квадратном в плане основании большей или меньшей высоты (от куба до вытянутого параллелепипеда), обычно вплотную примыкающего к одной из стен здания, увенчанного открытой площадкой шерефе, выход на которую находился в меньшем по диаметру цилиндрическом ярусе, который, в свою очередь, увенчивался высоким конусом крыши.

В городах, обладавших мощным мусульманским культурным контекстом (Казань,

Оренбург, Бахчисарай, Касимов), развитые живые традиции монументального зодчества, прочное экономическое положение татарского купечества, тесная связь населения как с российской, так и с зарубежной исламской культурой, обусловили жизнестойкость и дальнейшее развитие монументальной татарской традиции. Здесь стилевая концепция татарской архитектуры допустила лишь поверхностный камуфляж на традиционных объемно-композиционных и планировочных решениях мечетей в духе того или иного стилового направления российского зодчества.

Декоративные средства, применявшиеся в татарской культовой архитектуре, подчинялись общей закономерности, которая заключалась в преобладании мелкой пластики над крупной и цвета над пластикой. Сохранившиеся памятники средневековой архитектуры татар дают основания предполагать преимущественно плоскостной характер моделировки фасадов монументальных сооружений, где арабесковая плоскостная резьба или росписи выделяли лишь функционально важные элементы. Различие национальных традиций в области цвета привело в XIX в. к формированию совершенно различных подходов к декоративному решению фасадов: монохромно-пластическому у русских и полихромно-плоскостному у татар. Ну и, разумеется, работал общий принцип исламского зодчества: избегать сюжетных композиций на фасадах и в интерьерах, особенно с включением в них представителей животного мира и человека.

Всеобщий кризис культовой архитектуры Ислама на ее территории, вызванный длительным противостоянием православного клерикального государства и мусульманской уммы, не уступившей массивному давлению христианской миссии, был преодолен к концу XVIII в. Архивные документы и законодательные акты свидетельствуют о постепенном росте влияния мусульман в общественной и промышленной жизни России Нового времени, свидетельством чему, в частности, являются и здания мечетей, приобретающие все более масштабный и декоративный характер и увеличивавшие свое значение в облике российских городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Искандер Гилязов, Искандер Измайлов

Период позднего средневековья и раннего Нового времени в истории татарского народа был сложным и во многом переломным этапом в истории народов всего Волго-Уральского региона. Важное место во всех этих процессах Московского царства и Российской империи играло татаро-мусульманское население.

За это время Россия прошла огромный путь от небольшого царства на окраинах Европы до мировой империи, чьи пределы включали земли на трех континентах, простираясь от Варшавы на западе до Калифорнии на востоке. Россия стала не просто огромной державой, но весьма разнообразной по природно-географическим условиям и населенности территорией. Волго-Уральский регион в этих процессах играл важную роль – перевалочного, базового пункта для освоения и завоевания Сибири, а позднее и Дальнего Востока. Именно отсюда шли людские ресурсы, а также продукты для снабжения городов и крепостей Сибири. Зависимость Приуралья и Сибири от Казанского края было так велико, что во времена Смуты Казань фактически являлась столицей всего Востока России. Совершенно ясно, что без деятельной поддержки татарского, в первую очередь служилого сословия завоевание и успешное освоение Сибири и Дальнего Востока было бы немислимым. Но само сравнительно быстрое «приращение» Московии «Сибирью» в широком смысле слова, как земель к востоку от Волги, таило немало опасностей для развития страны.

Завоевание Поволжья стало важнейшей отправной точкой, после которой страна неминуемо двинулась в сторону создания самодержавной власти, ущемления прав всех подданных, милитаризации, имперской идеологии и великорусского самосознания. Как ни удивительно, в результате завоеваний, а потом и многовекового освоения Сибири и дальнего Востока, Россия оказа-

лась откинутой далеко назад. Не Россия колонизировала Сибирь, а Сибирь поглотила Россию, и это потребовало огромных затрат людских и хозяйственных ресурсов. Произошел не прорыв к новым общественным отношениям и производствам, но консервация старых порядков. Расширение границ, колонизация обернулась подавлением всех слоев населения, оказавшихся под государственным ярмом. Отсутствие естественной модернизации – эта та цена, которую российское общество заплатило за завоевание Поволжья, а потом и Сибири. Консервация эта была вызвана, в первую очередь, тем, что основой экономики страны оставалось экстенсивное натуральное хозяйство и вывоз за границу различных природных богатств. Только в XVIII в. стране с большим трудом удалось взять курс на модернизацию.

В социально-экономическом плане для России эти два века стали временем постепенного ускорения хозяйственного развития. Еще в конце XVI - XVII в. это было довольно отсталое аграрное государство, боровшееся за выход к морям для успешной торговли своими природными ресурсами – пушниной, лесом, пенькой, смолой, дегтем и т.д. Все это были продукты первичной переработки в первую очередь лесных богатств страны и его животного мира. Постепенно большую роль начинает играть вывоз продуктов – зерна, рыбы, рыбного клея и т.п. В начале XVIII в. страна встала на путь догоняющей модернизации, что выразилось в освоении богатых недр и развития мануфактур. В первую очередь эти новшества коснулись отраслей, связанных с производством для армии и флота. Это добыча руды, выплавка меди и чугуна, металлургия железа. Особой отраслью стали заготовка леса и различных материалов для нужд флота. Казанский край в этих процессах играл важную роль, участвуя в промышленном развитии страны. В Казани были созданы

Адмиралтейство, суконная мануфактура, а в различных районах происходила промышленная выплавка меди из медистых песчаников.

Сельское хозяйство было довольно отсталым по агротехническим приемам и довольно традиционно. Урожайность росла довольно медленно. В старопашенных районах Предволжья и Заказанья нарастал кризис хозяйств и росло малоземелье, что наряду с социальными причинами вызывали массовое переселение татар в Закамье и Приуралье. Освоение Заволжья позволило резко поднять продуктивность сельского хозяйства страны, а позднее вывести страну на ведущие роли в экспорте зерна в мире. Но хронические недостатки агротехники и малоземелье тормозили развитие сельского хозяйства. Эта проблема, которая особенно остро стояла у татарского населения Казанского края сохранялась и в последующем веке, заставляя татар заниматься торговлей и отходническими промыслами, а также провоцируя переселения татар в Заволжье, Сибирь и даже за границы России.

По мере расширения границ России до Средней Азии и Дальнего Востока, все более крепнут связи с Китаем, вновь налаживается регулярная торговля чаем и шелком. В силу целого ряда обстоятельств именно татарское купечество через Каргалинскую слободу близ Оренбурга становится главным торговым контрагентом в торговых операциях с Востоком. Вместе с тем, следует сказать, что вплоть до середины XIX в. оборот этой торговли не был достаточно высок и не приносил баснословных прибылей. Но и этого было достаточно, чтобы укрепить финансовое и внутривосточное положение татарского купечества, которое все чаще стало заявлять свои права на руководство татарскими общинами.

Главным итогом развития страны в XVI-XVIII вв. стало то, что от страны монокультурной, мононациональной и православной она стала империей с разнообразным населением, исповедовавшим различные религии и верования от протестантизма и католичества на западе, до буддизма и шаманизма на востоке. В этот период все татарские государства были завоеваны Россией. Во второй половине XVI в. – Казанское,

Астраханское и Сибирское ханство. После ряда неудачных для Турции русско-турецких войн в 1783 г. было присоединено к империи Крымское ханство. Если учесть, что в конце XVIII в. в результате трех разделов Речи Посполитой к России отошли территории этого государства, населенные татарами, то можно сказать, что практически все группы татар были объединены в составе Российской империи.

Все это имело целый ряд последствий, вызвавших существенные изменения, как в расселении татар, так и в сословно-социальной структуре татаро-мусульманского общества. Отметим, что татаро-мусульманское население вернулось на те земли, которые были освоены ими еще в X в., но с XV-XVI вв. пребывали в запустении в силу военно-политических причин. В первую очередь, это территории Предволжья в южной части Горной стороны, а также Центрального и Восточного Закамья. Постепенно по мере ослабления военной опасности со стороны ногаев и калмыков, фактически вся территория Заволжья стала зоной активной колонизации, в которой участвовали татары, как в качестве служилых людей на засечных линиях, так и в качестве земледельческого податного населения.

Вместе с тем, резко изменилась структура татарского населения, которое фактически стало сельским, во многом потеряв городскую светскую прослойку, а также практически всех специалистов в сложных и специализированных ремеслах. Это привело к руризации не только самого татарского населения, но и его культуры. В первую очередь, это касалось воспроизводства и развития «высокой культуры». Вместо развитой городской и аристократической светской культуры сохранилась и распространялась мусульманская культура. Это самым негативным образом сказалось на всех сферах жизни и деятельности татар, способствуя консервации общества и усилению его традиционализма.

Для самой России и ее правящей элиты взаимодействие с покоренным татарским обществом стало первым и очень важным опытом подобного рода. Впервые в состав Русского государства вошло не просто дисперсное иноязычное население, а крупная

иноконфессиональная община, имеющая сложную сословно-социальную структуру и монотеистическую религиозную систему со своим духовенством. Можно сказать, что Россия оказалась не готова к подобному повороту событий и подобному вызову. Самым первым желанием стало стремление самым радикальным образом изменить существующее положение. Была сделана попытка полностью христианизировать и русифицировать татарское население и уничтожить служилое сословие. Но эти попытки потерпели полный крах. «Казанская война» (1552-1557 гг.), последующие взрывы недовольства служилых татар и черемисов (70-80-е гг. XVI в.), а также широкое восстание в Мещерском крае и Горной стороне в период Смуты, показали московским властям, что политика прямого давления обречена на огромные издержки и истощение страны.

В XVII в. была сделана ставка на постепенную русификацию знати, лишение мусульманской аристократии зависимых людей и самих земель, а также передачу ясачного населения дворянам. Развивалось также церковное, дворцовое, помещичье, вотчинное хозяйство, которое также требовало пашенных и иных угодий. Лишь в Казанском уезде ко второй половине столетия число поместий русских служилых людей увеличилось в два раза. Свободных же земель в Среднем Поволжье уже почти не осталось. Поэтому крупные феодалы-землевладельцы стремились расширить свои владения за счет ясачников, интересы которых закон никоим образом не защищал. Иногда феодалы в открытую отбирали землю у общин ясачных крестьян, но нередко затевали земельные споры и выигрывали их.

В XVII в. нормы сбора ясака были не только четко определены. Они постепенно увеличивались при сокращении ясачного надела. Правительство внимательно следило за исполнением этих норм: на местах часто производились переписи, разного рода проверки ясачного населения. Сбор ясака часто сопровождался произволом местной администрации. Все это вызывало протест ясачников. Они писали жалобы, бросали свои деревни и в поисках лучшей доли бежали на восток, в малоосвоенные еще рай-

оны Приуралья и Сибири. Особенно широкий размах их бегство стало принимать с 80-х гг. XVII в. Не случайно, что в 1688 г. был издан указ о поиске беглых крестьян в городах приказа Казанского дворца.

В положении служилых татар в середине – второй половине XVII в. также происходили значительные изменения. Татары, поступившие на службу новой власти, находились под защитой закона и получали денежное или продуктовое жалование, а также поместье (земельное пожалование). Поместья служилых людей являлись условными земельными владениями, за которые ее владелец должен был служить государству. Они не могли быть проданы, обменены, переданы по наследству. Если служилый человек, например, погибал в походе, поместье не переходило автоматически к его наследникам – только власти решали вопрос о дальнейшей судьбе этой земли.

В XVII в. казанские служилые татары принимали участие почти во всех походах войск Российского государства. Часто они составляли 5-7 процентов от всего состава конных воинов. Кроме военной службы, значительная часть служилых татар была занята на административной и дипломатической работе. Многие из них, как и раньше, служили в различных учреждениях в качестве переводчиков, толмачей, писцов. Некоторые отправлялись с дипломатическими миссиями в разные страны, чаще всего в восточные. В XVII в. татарский язык был языком дипломатических отношений России с государствами Востока. Переписка русских царей с главами Ирана, Индии, стран Средней Азии почти исключительно велась на татарском языке.

Привлекая татар на государственную службу и жалую их землей, царское правительство руководствовалось не только дипломатическими и военно-стратегическими расчетами. Не менее важную роль играли социально-политические соображения. Привлекая на службу часть татар, правительство тем самым подчиняло их себе, делало своими сторонниками, разъединяло и ослабляло татарское общество. Кроме того, появлялась дополнительная возможность для подавления народных движений, которыми был столь богат «бунташный» век.

Общую направленность политики правительства в Среднем Поволжье показывает изменившееся в XVII в. положение ясачных и служилых людей. Служилые татары малопомалу теряли свои земельные владения и беднели. Разумеется, среди них оставались богатые землевладельцы, но это уже были единицы. Служилые татары постепенно теряли свои земельные владения, беднели, переходили на положение ясачников. Тем самым власть укрепляла свои позиции. К началу XVIII в. служилое сословие у татар почти полностью распалось, т.е. перестало представлять из себя единое сословие с общими интересами. По мере формирования в России абсолютной монархии, укрепления государства, расширения его границ в восточном направлении уменьшалась необходимость в постоянном привлечении к военной службе служилых татар.

Сословие служилых татар на протяжении XVIII в. пережило значительную трансформацию. В условиях, когда правительство, которое хотя и строго запрещало служилым татарам распоряжаться землей, не препятствовало мелчанию служилого землевладения, часть служилых татар полностью оторвалась от земли, начинала заниматься торговлей, стала священнослужителями или превратилась в земледельцев-ясачников. Многие из них по-прежнему могли называться и мурзами, и князьями (представители высшего сословия), но по своему экономическому положению являлись простыми землепашцами. В народе таких обнищавших служилых людей начали называть «чабаталы морзалар» («мурзы-лапотники»). Более того, в первой четверти XVIII в. служилые татары фактически были уравнены с ясачными. Разница между ясачными и служилыми татарами постепенно исчезла, поскольку служилые татары были также приписаны к адмиралтейским работам. Это дало мощный импульс для активных внутриэтнических коммуникаций. В результате на основе сословия, каким являлись служилые татары, и мусульманской общности, единой культуры и самосознания появляются первые ростки татарской нации.

Одновременно шло наступление на ислам и мусульманские институты. С одной стороны, применялись прямые методы хри-

стианизации мусульманского населения после, например, передачи земель ясачных крестьян во владение монастырю или помещику. С другой, использовались методы экономического воздействия. По указу 1628 г. царя Михаила Федоровича некрещеным людям запрещалось не только иметь русских крепостных крестьян, но даже и слуг из христиан. Поместья оставляли только тем татарам, которые принимали крещение. А вот что гласила статья 24-я главы XXII Соборного уложения: «Будет кого бусурман (мусульманин. – *И.Г., И.И.*) какими-нибудь мерами насильством или обманом русскаго человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия». В 1653 г. лишь русские землевладельцы и новокрещены получали право продажи своих поместий. Через год было установлено, что земли некрещеного землевладельца после его смерти передаются по наследству только его крещеным родственникам, независимо от степени родства. Два ущемляющих интересы иноверцев указа появились в 1681 г. По одному из них у некрещеных татар-землевладельцев отбирались земли, на которых проживали крещеные люди. По другому указу принявший крещение иноверец получал в качестве вознаграждения земли, отобранные у его родственников, оставшихся мусульманами. Такие новокрещены в течение шести лет могли не платить подати. Кроме того, им полагалось денежное вознаграждение.

«Служилые новокрещены» получали права, которых не имели даже самые знатные и богатые служилые татары, сохранившие мусульманскую веру. Новокрещены были уравнены в правах с русскими дворянами как землевладельцы, могли использовать труд русских крепостных крестьян. Определенная часть новокрещен утрачивала и свой язык, постепенно вливалась в состав русского дворянства. Не случайно поэтому, что многие из самых известных русских фамилий имеют татарское происхождение. Среди них, например, Аксаковы, Апраксины, Аракчеевы, Бибиковы, Карамзины, Молоствовы, Нарышкины, Сабуровы, Тимирязевы, Тургеневы и т.д.

В этих условиях мусульманские общины, испытывая постоянный социальный и религиозный гнет, не имея возможности сбросить власть завоевателей, все более погружалось в социальный пессимизм и религиозный консерватизм. Царская власть в течение XVII-XVIII вв. усиливала приверженность угнетенных народов доколониальным духовным, прежде всего религиозным традициям как символу былой независимости. При этом убеждение в своей принадлежности к «мусульманскому миру» у татар с самого начала переплеталось с формирующимся осознанием этнической общности в рамках определенных географических границ. В отличие от многих мусульманских народов, этот процесс начался у татар раньше и имел свои особенности. Переплетение религиозного и этнического в общественном сознании татар под воздействием внешних сил только усиливалось. С одной стороны этому способствовали, преимущественно мирная исламизация региона, а другая – разная степень проникновения ислама в духовный мир и быт своих приверженцев в разных местностях. В России мусульмане были оторваны на долгие столетия от основной массы мусульманских стран и находились в прямом смысле во враждебном окружении на собственной земле, что не могло не сказаться на том, что этническая идентичность крепко сплелась в общественном сознании татар с религиозной. Исламский консерватизм способствовал появлению идеологии «булгаризма» – своеобразного «кризисного культа», прокламирующего своей целью возрождение «Святого града Болгара» через строгую приверженность традиционному исламу. Это было духовное движение в будущее посредством идеала «светлого прошлого». Эта идеология не имела враждебного по отношению к власти характера, а духовенство призывало к лояльности и духовному совершенствованию в рамках строго следования предписаниям Корана и Сунны.

Но политика властей постоянно провоцировала мусульман к действию. В XVII-XVIII вв. татары прибегали ко всем возможным формам противодействия: от пассивного неприятия и бегства в Приуралье до активного вооруженного сопротив-

ления и обращения за помощью к другим государствам. В 1682 г. казанские татары направили делегацию к турецкому султану Мехмету IV с просьбой оказать им помощь, освободить из-под власти русского царя, который притесняет их как мусульман. Правда, результата от этой акции не было. Внешнеполитические события не способствовали борьбе татар за свои права. Более того, по мере ослабления Турецкой империи, она все менее могла оказывать какую-либо духовную и политическую помощь единоверцам в России.

Мусульманам приходилось надеяться только на себя. Все это делало татарское и шире – мусульманское население – потенциально нелояльным и периодически готовым поддержать любой протест против политики властей. Социальный и национально-религиозный протест населения часто выражался в самых крайних и активных формах. Наиболее сильно он проявил себя в событиях Смуты и 70-х гг. XVII в., а также в 30-60-х гг. XVIII в., когда татаро-мусульмане поддерживали практически все крупные вооруженные выступления. Дело доходило до того, что крупные выступления казаков, татар и башкир, а также горнозаводских рабочих и крестьян создавали царской власти серьезные трудности и заставляли напрягать все силы в борьбе с восставшими массами.

Все это заставило императорскую власть в лице императрицы Екатерины II отказаться от политики прямой русификации и христианизации и перейти к более гибкому взаимодействию с мусульманскими общинами, включив их в административную и политическую систему империи. Эти действия открыли путь к интеграции татар-мусульман в Российское политическое пространство.

От политики взаимной лояльности выиграла татарская элита в лице купечества. В значительной мере оно выросло из среды служилого сословия, лишенного сословных привилегий в начале XVIII в. Они с одной стороны, строго держались мусульманских традиций, а с другой – стремились защитить свои новые права, интегрируясь в российскую политическую систему. Показательно в этом смысле определенное привилегированное положение служилых

татар Старой и Новой татарских слобод г. Казани. В отличие от большинства представителей татарского и русского служилого сословия, для которых ратная служба была условием владения землей и крепостными крестьянами, казанские слободские татары несли ее за другую плату, а именно – возможность заниматься торговым промыслом. На протяжении XVII-XVIII в. привилегии слободских татар неоднократно были подтверждены соответствующими указами. На фоне тенденции к унификации торговой деятельности подавляющей массы торгового населения на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе периода сохранялось особое положение казанских слободских татар. Данный факт можно рассматривать как пример использования этого населения российским правительством в угоду определенным политическим целям. Проживая в административном, политическом, военном и экономическом центре края, они находились под постоянным контролем властей, теснее других общались с органами управления и русским населением. Из их числа в первую очередь набирались переводчики, толмачи, низшие служители для Казанской адмиралтейской конторы. Кроме того, российская власть стремилась с помощью самих слободских татар, а также их давних связей с торговыми людьми Средней Азии и Казахстана, подготовить почву для проникновения в эти регионы. Как указывали сами татары Сеитовской слободы «мы сюда к поселению в нашу слободу вызваны из разных уездов единственно для распространения

оренбургской коммерции и приохачивания ко оной киргис-кайсаков и прочих азиатских народов».

В конце XVIII в. царское правительство достигло с этой общиной определенного консенсуса интересов. Это не было лишь доброй волей и проявлением благоразумия «пресвященных» властей, во многом это было сделано вопреки истинным намерениям правительства и благодаря неустанной борьбе татар за свои национальные и религиозные права. Но хотя пик репрессий против ислама и татарской культуры прошел, в целом, татары довольно настроенно относились ко всем действиям властей в отношении мусульман. Страшный опыт предыдущего столетия приучил их к недоверию. Надо сказать, что они были правы. Изменившись по форме, царская политика подавления национально-религиозных традиций татарского народа продолжилась и в дальнейшем.

Оценивая эпоху от покорения Казани до середины XIX в. в целом, следует сказать, что это был период жесткой колонизации татар и его можно охарактеризовать именно как одну из самых мрачных и трагических страниц в истории народа. Достоин удивления, что пройдя через такие тяжелые испытания, татарский народ сумел сохранить духовные силы и творческий потенциал для последующего национального подъема и возрождения. Осознание общности интересов и память об общем прошлом, которые не истерлись из народного сознания, стали основой для формирования в следующем веке татарской нации.

Приложения

1. Организация управления, территория и население Волго-Уральского региона

№ 1

Рассказ анонимного автора о мерах по управлению Казанью и Свияжском, предпринятых Иваном IV перед отъездом из Казани, оставлении на «годование» в Свияжске воевод и воинского отряда

Не ранее 15 октября 1552 г.

[...] О возвращении къ Москве царя и великого князя Глава 92.

Царь князь великий пребысть въ Казани взявъ градъ дни 15, устроая и уверая, и уряжая; два великия воеводы въ себе место во граде наместники остави, князя Олександра Горбатово, да князя Василя Сребряного судити людемъ и воиская попечения творити, и съ ними 60 000 вои на все лето въ соблюдение царству, а въ Свияжскомъ граде два же воеводы, князя Петра Шуйскаго и боярина именемъ Бориса Салтыкова, и съ ними 40 000 вои; и вся добре различивъ. И тако возвратися ко отечеству своему Руския земля, светлу победу поставлеи надъ супостаты своими; въ весели мнози и въ радости велице грядеше исъ Казани въ лодяхъ преже реченную многаже великою рекою Волгою къ Нижнему Нову граду, здравъ и неврежень, со всеми силами Рускими, Божию благодатию сохранимъ, съ великою славою, и со многимъ богатествомъ, и безчисленною корыстью, ниизложивъ супротиву борцы своя, и ведяше съ собою жива супостата своего, царя Казанского, пленивъ, и многихъ съ нимъ улановъ и мурзь и князей Казанскихъ зъ женами и зъ детми, безчисленной пленъ. Царя Шигалея со всею его силою отпусти полемъ великимъ, въ отчину его въ Касимовъ, темъ же путемъ, имъ же ехавъ самъ Шигалей хъ Казани; царевичевъ же Астороханскихъ, болшаго брата Дербыша съ честью одаривъ и отпусти въ орду его – и по лете единемъ отъ Нагаи убиень бысть – меншаго же брата Кайбулу съ собою къ Москве взя, да служить ему на Москве, и дасть ему вотчину Юрьевъ градъ Полской; протчая же воя вся идяху за нимъ исъ Казани къ Василию граду, землю Казанскою по нагорной стране и по луговой, непроходными (пути) чрезъ высокия горы и дебри и блата, блудяще пеши по пустынямъ; и мнози зъ гладу помроша, не доставше пищи у нихъ, инии же конину и зверину, и мертвечину ядоша, и коней безъ числа паде, яко мало ихъ выведоша. [...]

Источник: ПСРЛ, 19, стлб. 174-175.

№ 2

**Разрядная запись о посылке в Казань воевод на «годование»
с примечанием к одной из записей о перемещении из Свияжска в Казань
воевод князей П.И.Шуйского, И.М.Троекурова и В.С.Мезецкого**

Май 1553 г.

Того же лета [7061], мая, царь и великий князь послал в Казань воевод на годованье: боярина князя Юрья Михайловича Булгакова, князя Александра Ивановича Воротынского, Дмитрея Михайловича Плещеева, Захарья Ивановича Очина Плещеева. Да в Казани ж было годовати князю Федору княж Иванову сыну Кашину, и князь Федор не годовал, потому что болен. И на его место приказаны были ворота Григорью Михайлову сыну Шестову. А каково будет дело, и на выласке быт воеводам: князю Александру Ивановичу Воротынскому, Захарьи да Дмитрею Плещеевым да Григорью Шестову. А в городничих князь Василей княж Семенов сынъ Фуниковъ да Иванъ Борисов сынъ Зачесломского. А дяку в Казан годовати: Федору Васильеву сыну Огареву. Да в Казан же царь и великий князь послал боярина и воеводу князя Дмитрея Ивановича Курлятева¹.

Опубликовано: Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 159-160; РК 1550-1636, т. 1, с. 25-26.

---

¹ В РК 1550-1636 эта запись приведена в другой редакции: «Тово же лета посланы в Казань на годованье весною бояре князь Юрья Михайлович Булгаков да князь Александра Иванович Воротынской, да Дмитрей Михайлович Плещеев, да Федор Иванович Кашин. И князь Федор был болен и на ево место велено быти Григорью Михайлову сыну Шестову. / А свияским воеводам боярину князю Дмитрею Ивановичю Курлетеву да князю Юрью Кашину, да Захарью Плещееву велел государь из Нижнева итти вместе со князем Юрьем Михайловичем на три полки: / В большом полку бояром князю Юрью Михайловичу Булгакову да князю Дмитрею Ивановичю Курлетеву. / В передовом полку князь Александр Иванович Воротынской да Захарью Ивановичю Очину Плещееву. / В сторожевом полку князю Юрью Ивановичю Кашину да Дмитрею Михайловичю Плещееву. / А з достальными людми велено зжидатьца в Нижнем князю Ивану Троекурову да князю Петру Щепину, да князю Василью Мезецкому; а, сождався с людми, итти на три полки: / В большом полку князь Иван Михайлович Троекуров. / В передовом полку князь Петр Данилович Щепин. / В сторожевом полку князь Василей Семенович Мезецкой. / И писал к государю из Нижнева боярин князь Дмитрей Курлетев: велено ему быти в болшом полку в других, а князю Александру Воротынскому в передовом полку в больших; и ему, князю Дмитрею, менши князя Александра Воротынского быти немочно. И писано от государя к боярину ко князю Дмитрею Ивановичю Курлетеву, велено ему быти для государева дела з боярином со князем Юрьем Михайловичем Булгаковым; и он бы на государеве службе был со князем Юрьем Михайловичем и государевы дела берег по наказу. / Да в Казани ж велено быти из Свияска боярину князю Петру Ивановичю Шуйскому да князю Ивану Михайловичю Троекурову, да князю Василью Семеновичю Мезецкому. А по вестем ходити князю Александру Ивановичю Воротынскому да за Юрью Ивановичю Очину Плещееву, да Григорью Шестову Морозову. А в городничих велено быти в Казани князю Василью Фуникову да Ивану Зачесломскому, да дяку. / Да в Свияском были вылазные воеводы князь Юрьи Кашин да князь Петр Щепин. / А в городних были Семен Овцын да Мясоед Вислой» – *прим. ред.*

№ 3

**Разрядная запись об оставлении в Свияжске на «годование»
на второй срок князя П.И.Шуйского и направлении
к нему воевод в «товарищи»**

Май 1553 г.

[Того же лета 7061 майя] А в Свияжскомъ городе велель царь и великий князь годовати другой год боярину и воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому; а воевод послал на годь, а быти имъ в городе со княземъ Петром Ивановичем: князю Ивану Михайловичу Троекурову да князю Василью княж Семенову сыну Мезецкому. Да в Свияжском же городе годоват воеводам со княземъ Петром Ивановичем, а быти им на выласке: князю Юрью Ивановичу Кашину Оболенскому да князю Петру княж Данилову сыну Щепину. А в городничих быти Семену Ондрееву сыну Овцына да Мясоеду Семенову сыну Вислого.

Источник: РК 1550-1636, т. 1, с. 25-26.

Опубликовано: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 160.

№ 4

**Разрядная запись о маршруте и порядке продвижения воевод,
направленных на «годование» в Казань и Свияжск**

Май 1553 г.

[7061] Маия же, какъ царь и великий князь Казанским воеводам боярину князю Юрью Михайловичу Булгакову с товарищи и свияжским воеводам велел ити из Нижнево Новагорода к Свияжскому городу, а воеводам велел ити на три полки:

в болшом полку бояром: князю Юрью Михайловичу Булгакову, князю Дмитрею Ивановичу Курлятеву;

в передовом полку воеводам князю Александру Ивановичу Воротынскому да Захарью Очину Плещееву;

в сторожевом полку воеводам: Юрью Ивановичу Кашину да Дмитрею Плещееву.

А з достальными людми жидатис в Нижнем Новегороде князю Ивану Михайловичу Троекурову, князю Петру Щепину, князю Василью Мезецкому. А, сождався имъ детей боярских, ити к Свияжскому городу на три ж полки: в болшом полку ити воеводе: князю Ивану Михайловичу Троекурову; в передовом полку ити воеводе: князю Петру Даниловичу Щепину; в сторожевом полку ити воеводе: князю Василью Семеновичу Мезецкому.

Источник: РК 1550-1636, т. 1, с. 25-26.

Опубликовано: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 159-160.

№ 5

**Летописная запись о создании епархии в Казани, определении
подведомственной ей территории, материальном обеспечении ведомства
и поставлении Гурия архиепископом
Казанским и Свяжским**

Не позднее 3 февраля 1555 г.

Повелениемъ царя и государя сыдошася вси Русстии архиепископи. Того же году повелениемъ царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси и по благословению Макариа митрополита всея Руси сыдошася вси Русстии архиепископи и епископи и архимариты и игумены о многоразличныхъ чинехъ церковныхъ и о многихъ делехъ ко утвержению вере христианской. И царь и великий князь и митрополитъ Макарей со всеми архиепископи и епископы и со всемъ священнымъ соборомъ Русскимъ по священнымъ правиломъ избрали въ Казанское царство на утвержение вере и приговорили быти архиепископу, а на Свяге быти архимариту и игуменомъ, а въ Казани у архиепископа архимарить же и игумены; архиепископу быти подъ его областию городъ Казань со окрестными улусы, городъ Свяга з Горною стороною, Василь-городъ, Вятцкая земля вся. И уложилъ благочестивый царь и великий князь Иванъ архиепископу и всемъ церквамъ обещаное Богу изо всехъ доходовъ Казанские земли десятое; а сперва митрополитъ и все владыкы и монастыри пособьствуютъ Казанскому архиепископу денгами и хлебомъ.

О поставлении архиепископа Гурия на Казань. Месяца Февраля 3 день поставлень архиепископъ Гурей царству Казанскому и Связьскому городу, прежебывый игумень Селижарова монастыря, а избранъ з жеребья: а на поставлении былъ царь и великий князь Иванъ Василиевичъ всея Руси да братъ его князь Юрьи Василиевичъ да князь Владимиръ Андриевичъ да царь Семионъ Казанский; а съ митрополитомъ Макариемъ действовали священная архиепископи и епископи [...] да игумены и священники соборные. И всехъ служащихъ было съ митрополитомъ въ Пречистой и со архиепископомъ Казанскимъ архиепископовъ и епископовъ, архимаритовъ и игуменовъ, протопоповъ и поповъ, архидиаконовъ и протодиаконовъ и диаконовъ 76, oprичь подьяковъ. И царь и великий князь и митрополитъ со всемъ соборомъ и учинили место архиепископу Казанскому и Связьскому у архиепископа Великого Новаграда и Пскова, а выше архиепископа Ростовского. А на поставление же были со царемъ и великимъ княземъ бояре его все и князи служилые и дворяне многие; да былъ тутъ королевъ посланникъ Юрьи Тишкевичъ, да воеводы Воложскаго послы Осифъ да Никула съ товарищи, да старцы Святыя горы Хиландаря монастыря иеромонахъ Силивестръ и иные старцы.

Источник: ПСРЛ, 13, ч. 1, с. 249-251.

№ 6

**Грамота царя Ивана IV казанскому воеводе князю П.И.Шуйскому
«о единодушии» его с казанским и свияжским архиепископом Гурием
в вопросах управления Казанским краем**

26 мая 1555 г.

Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии, въ Казань, боярину и воеводе нашему князю Петру Ивановичу Шуйскому. Отпустили есмя въ Казань богомолца Гурья, Архиепископа Казанского и Свияжского, а приказали есмя ему о всехъ своихъ делехъ съ тобою советовати, и память есмя ему наказную дали о всякихъ своихъ делехъ; а какову есмя ему наказную память дали, и мы съ тое памяти списокъ слово въ слово послали къ тебе въ сей грамоте. – И ты бѣ бояринъ нашъ князь Петръ Ивановичъ Шуйской ту память держаль у себя и дела бы еси наши делаль по нашему наказу, которой есми свой наказъ тебе дали, и советъ бы еси держаль со Архиепископомъ въ нашихъ делехъ и дела нашего съ нимъ берегъ заодинъ, по нашему наказу.

Писано на Москве, лета 7063 Маия въ 26 день.

Извлечено: ААЭ, т. 1, № 241/III, с. 261.

№ 7

Запись Писцовой книги о состоянии г. Казани

1565-1568 гг.

... От наугольные стрельни до Спаских¹ ворот каменные стены меры 26 сажен, верхнего из вокон 17 боев², нижево 5 боев. И всего города 300 сажен, до Никольских и Воскресенских ворот каменные ж стены меж городовых дубовых стен меры 15 сажен. А новые городовые дубовые стены, что делано в 72 и 73 году, стрельня под вороты да башня да 197 городен меры 578 сажен, и обоего каменные и дубовые городовые стены и с вороты мера около всего города 893 сажен. А ворот у города четверы, затворы воротные в каменных стенах, а пятые ворота под деревяною стрельною.

А в городе Казани государевы царя и великого князя воеводы: боярин и воевода большой да четыре воеводы меньших; а ведают у города по одним воротам и на городе наряд городской сторожи по всему городу, которой воевода которые ворота и сторожи ведают светлишные из городовые росписи. А городовые ворота все затворяют и замыкают всегда городничие на ночь на последнем часу дня, а с утра ко дни городовые ворота отмыкают городничие ж на первом часу дни. А включи всех городовых ворот с утра и вечере городничие относят к боярину и воеводе большому. А в городе боярин

¹ Спасские ворота – проезжие ворота через южную Спасскую башню Казанского кремля.

² Бой – бойница.

и воевода большой всегда еженочей объезжает город, ездит подле городовую стену, а против ево по городу ходят от него дети боярские с фонари, а меньших воевод, которому доведетца ночевать в светлице, и от того дети боярские с фонари ходят же переменяясь на всю ночь, и пересматривают на сторожах людей».

Опубликовано: Источники по истории Татарстана / Под ред. С.Х.Алишева. Казань, 1993. С. 85.

№ 8

Социальный состав населения г. Казани по данным писцовых книг Н.В.Борисова и Д.А.Кикина

1565-1568 гг.

I. Служилые люди		
Социальное положение или род занятий	Число человек	Общее число
Воеводы	7 ¹	144
Князья	32	
Дети боярские	31	
Дети боярские иногородцы	20	
Дети боярские «новые жильцы» ²	2	
Дети боярские «казанские жильцы»	15	
Дети боярские «старые казанские жильцы»	70	
Дети боярские архиепископские	6 ³	
Татары служилые	8	32
Новокрещены	24	
Стрельцы: головы	2	626
сотники	11	
пятидесятские	9 ⁴	
рядовые	604	

¹ По штату в Казани было 5 воевод, но воеводских дворов показано 7.

² «Жильцы» были старые и новые из состава служилых, посадских, торговых и даже крестьянских людей.

³ В их числе был один боярин.

⁴ Цифра неполная, так как на более 600 рядовых полагалось больше пятидесятников.

I. Служилые люди		
Пушкари	21	
Дрябы полоцкие ¹	23	
Городничие	1	
Воротники	5	
Сторожа	13	
Часовники	1	
Дьяки	3	
Дьяки архиепископские	3	
Подьячие	11	
Толмачи	13	
Таможенник городской	1	
Палач	1	
Государевы жалованные плотники и кузнецы	10	
Ямские охотники ²	616	
		978
II. Духовенство и церковники		
Архиепископ	1	
Его люди: певчие дьяки	9	
разные дворовые	9 ³	
Игумены	3 ⁴	19
Протопоп и попы	24	
Протодьякон и дьяконы	11	
Дьячек	1	
Пономари	10	
Просвирницы	12	

¹ Дрябы – присланные из западных границ служилые, в данном случае из г. Полоцка и «написаны в службу в пушкари и в стрельцы».

² В их числе 1 ямской дьячок.

³ Цифра неполная, так как все живущие на архиепископском дворе не перечислены. Среди них в тексте встречаются дворецкий (С. 9, 11, 12 и др.), сытник (С. 15, 16), повар (С. 16, 23 и др.), мельник, хлебник, детеныши.

⁴ Монастырское население в перепись вообще не вошло.

I. Служилые люди		
III. Посадские и слободские люди		
Гости торговые	3	
Гости сведенцы иногородние	20	
Посадские добрые	9	
Посадские средние	40	
Посадские молодые	439	
Жильцы	63	
Крестьяне-жильцы	29	
Казачи	8	
Бобыли	3	
Крестьяне архиепископские	88	
Крестьяне монастырские	32	
Детеныши	9	
Дворники	4	
Полоняники	2	
Нищие	5	
Приезжие	2	
Неизвестного положения	9	
		765

Татары и чуваша в Татарской слободе – 150 дворов¹.

Извлечено из: История Татари в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 189.

¹ В тексте написано: в Татарской слободе 150 дворов «Живут в одном дворе семей по 10, а в ыном дворе и больши 10 семей». По-видимому, закон запрещал ставить более 150 дворов, так как и в XVII в. количество дворов в татарской слободе не увеличилось. Но в одном дворе могло быть несколько изб-домов.

№ 9

**Боярский приговор (князя М.И.Воротынского)
об организации охраны рубежей (окраин) государства:
определении четырех пунктов (постов) пребывания воевод в Поле,
пределов курсирования «станец» служилых, о назначении
к пограничной службе детей боярских из Казани и Свияжска**

21 февраля 1571 г.

Февраля въ 21 день. Бояринъ князь Михаило Ивановичъ Воротынской приговорилъ съ станичными головами и съ станичники и съ вожи, где быти сверхъ сторожь, которые будутъ изъ украинныхъ городовъ, на поле головамъ, чтобъ государеву делу прибыльнее и бережнее отъ воинскихъ людей, чтобъ однолично воинские люди на государевы украины безвестно не пришли, и приговорили:

Пригоже быти на поле четыремъ головамъ: первой голове стояти на Волге подъ Караманскимъ лесомъ изъ Казани, а другой голове стояти изъ Шатцкого на Дону на Нагаиской стороне въ Вежкахъ, выше Медведицы и Хопра, а третьей голове стояти съ Дедилова на Осколе усть Убли и по инымъ местомъ, переходя, разсмотривъ мечь, въ которыхъ местехъ пригожь, а четвертой голове стояти со Орла на поле на Семи, усть Хону. А съ головами быти людемъ детемъ боярскимъ и казакомъ изъ розныхъ городовъ по росписи; а быти им на государеве службе на поле на три жь статьи, переменяясь по шти недель и съ проездомъ. А розездомъ быти отъ: которой голове стояти подъ Караманскимъ лесомъ изъ Казани, и отъ тое головы ездити на гору по Волге до Тетюшкаго города, а проезду днища съ четыре, а на подоль къ Волге до верхъ Бolkля, а проезду днища съ три или меньши. А которой голове стояти на Дону въ Вежкахъ, выше Медведицы и Хопра, и отъ тое головы переезжати гряды направо за Донъ кверхъ Айдару, а проезду до техъ мечь два дни, а налево къ Волге до усть Балыкля, а проезду до техъ мечь четыре дни. А которой голове стояти на поле на Семи усть Хону, и отъ тое головы переезжати гряды налево къ усть Семицы донецкие, да туто Семь перелезти и ездити до верхъ Корочи и Корени, а проезду до техъ мечь днища съ два или съ полтретья; а направо переезжати кверхъ Реута, а проезду до техъ мечь днища и меньши. А которой голове стояти на Осколе усть Убли, и отъ тое головы переезжати гряды налево кверхъ Айдару къ переезду, до техъ мечь днища съ четыре и меньши; а направо переезжати вверхъ по Оскольцу къ Короче жь и къ Кореню, а проезду до техъ мечь днища съ два или съ полтретья. А ездити станицамъ отъ Короманские головы къ Волге по шти человекъ въ станице, пропуская межъ станицъ по неделе, а не дожидаясь первыхъ станицъ, а къ Айдару ездити въ станице по четыре человека, пропуская межъ станицъ по три дни, не дожидаясь первые станицы, которые передъ ними поедуть. А отъ Семьскихъ и отъ Оскольскихъ головъ посылати станицы потому жь, где далее, туде по шти человекъ въ станице, а где ближе, по четыре человека, переменяясь, а не дожидаясь первыхъ станицъ, которые передъ ними поедуть. А людемъ съ теми головами быти изъ розныхъ украинныхъ городовъ детемъ боярскимъ и козакомъ

по росписи подь Караманскимъ лесомъ съ головами изъ Казани да изъ Свяжскаго десять человекъ детей боярскихъ, тридцать человекъ татаръ и чувашъ, из Олатора шесть человекъ детей боярскихъ да дватцать человекъ казаковъ, изъ Темникова да изъ Кадомы, да изъ Шацкаго двенадцать человекъ детей боярскихъ да десять человекъ татаръ, да десять человекъ мордвы, изъ Шатцкаго жъ двадцать человекъ казаковъ, изъ Рязского шесть человекъ детей боярскихъ, десять человекъ казаковъ. И всего изо всехъ городовъ съ тою головою людеи детей боярскихъ тридцать пять человекъ да казаковъ пятьдесятъ человекъ, да татаръ и мордвы, и чувшъ пятьдесятъ человекъ; всехъ детей боярскихъ, и казаковъ, и татаръ, и чувашъ, и мордвы сто тридцать пять человекъ. А которая голова которой голове придуть на обмену, и съ теми головами быти людемъ изъ техъ же городовъ по той же росписи. А на Дону въ Вежкахъ выше Медведицы и Хопра съ головою быти людемъ изъ Шатцкаго девять человекъ детей боярскихъ да двадцать человекъ казаковъ, изъ Рязского шесть человекъ детей боярскихъ да казаковъ десять человекъ, изъ Донкова шесть человекъ детей боярскихъ, изъ Темникова да изъ Кадомы двадцать человекъ татаръ да двадцать человекъ мордвы, изъ Олатора восемь человекъ детей боярскихъ да двадцать человекъ казаковъ; и всего тридцать человекъ детей боярскихъ, казаковъ пятьдесятъ человекъ казаковъ, татаръ да мордвы сорокъ человекъ, и всего детей боярскихъ и казаковъ, и татаръ, и мордвы съ тою головою сто двадцать человекъ. А которая голова которой голове придетъ на обмену, и съ тою головою быти людемъ изъ техъ же городовъ по той же росписи. А на Осколе усть Убли съ головою быти людемъ съ Дедилова: детей боярскихъ девять человекъ да казаковъ двадцать человекъ, съ Дедилова жъ и съ Кропивны, изъ Донкова детей боярскихъ десять человекъ, изъ Новосили детей боярскихъ шесть человекъ да казаковъ десять человекъ, изъ Мценска детей боярскихъ десять человекъ, изъ Орла детей боярскихъ десять человекъ да казаковъ двадцать человекъ; и всего детей боярскихъ сорокъ шесть человекъ да казаковъ шестьдесятъ человекъ, и обоего сто человекъ. А которая голова которой голове придетъ на обмену, и съ тою головою быти людемъ изъ техъ же городовъ по той же росписи. А на Семи усть Хону съ головами быти людемъ: изъ Орла девять человекъ детей боярскихъ да двадцать человекъ казаковъ, изъ Мценска детей боярскихъ десять человекъ, изъ Новосили детей боярскихъ шесть человекъ да казаковъ десять человекъ, съ Дедилова детей боярскихъ десять человекъ да казаковъ тридцать человекъ. И съ кропивенскими всего тридцать шесть человекъ детей боярскихъ да шестьдесятъ человекъ казаковъ, обоего девяносто шесть человекъ. А которая голова которой голове придетъ на обмену, и съ тою головою быти людемъ изъ техъ же городовъ по той же росписи. А головъ выбирати подь Караманский лесъ воеводамъ изъ казанскихъ и изъ Свяжскихъ жильцовъ детей боярскихъ добрыхъ. А на Дону въ Вежи и на Осколе усть Убли, и на Семь усть Хону изъ Муромы, изъ Мещеры, съ Резани, съ Тулы, съ Каширы, которымъ головамъ къ которымъ местомъ ближе.

№ 10

**Жалованная грамота царя Ивана IV архимандриту
Свияжского Богородицкого монастыря Иосифу «с братьею»
на деревню Савино в Свияжском уезде**

27 мая 1572 г.

Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси в Свияжской уезд в деревню Савино, на Мордовскомъ селище, противъ тое жъ деревни мельница большое колесо, на реке на Сулице, что та деревня и мельница на оброке за Савкою за Кондратовымъ да за Доронкою за Онкудиновымъ, да за Оленкою за Гришиною женою Родионова, всемъ крестьяномъ, которые в той деревне Савине живутъ, пожаловали есми тою деревнею и мелницею Богородицына монастыря Архимандрита Иосифа з братьею, или хто по немъ иный Архимандритъ въ томъ монастыре будетъ, со всеми угоды безоброчно за пашенную землю за двадцать одну четверть с осминою, въ нихъ помету в триста четвертей, что и велели есмя дати вмонастырь къ старымъ землямъ за ихъ годовое денежное жалованье, а по Свияжскимъ книгамъ писма Никиты Борисова да Дмитрея Кикина с товарищи лета 7074 году написано за Савкою за Кондратовымъ, да за Доронкою за Онкудиновымъ, да за вдовою за Оленкою, за Гришиною женою, Родионова мельница большое колесо, нареке на Сулице ихъ поставленье, да противъ тое жъ мельницы у реки у Сулицы на берегу в их же оброчной деревни в Савинской пашни добрые земли восемь четвертей, да зарослей пятьдесятъ в поле да дву потому жъ, сена пятьдесятъ копень, лесу пашенного и непашенного около поль по смете вдоль и поперегъ по версте, а оброку шло всего с тое деревни и з земли и с мелницы семь рублевъ и дватцать девять алтынъ з деньгою, и вы бь все крестьяня которые въ деревне в Савинской живутъ Богородицына монастыря архимандрита Иосифа з братью, или хто по немъ иный архимандритъ в томъ монастыре будетъ, слушали ихъ во всемъ, пашню на нихъ пахали и оброкъ имъ платили. Писана на Москве лета 7080 мая въ 27 день.

Извлечено из: Прибавления к Казанскому вестнику. 1829. № 32. С. 255-256.

№ 11

**Ввозная грамота воеводы Василия Борисовича Сабурова
на села Бежбатман и Хозяшево Свияжского уезда,
пожалованные Свияжскому Богородицкому монастырю**

16 июля 1574 г.

По государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слову от боярина и воеводы от Василья Борисовича Сабурова и всех воевод в Свияжской уезд

в село Бежбатман да в село в Хозяшеве в татарские выморочные выти, которых татар в поветрее не стало, а после их от роду не осталось.

В селе Хозяшеве: двор новокрещена Тараса, двор Василья новокрещена, двор Теребердиев, двор Ногаев бобыльской, двор Аитуганов Аишева, двор Кудеяров Сюнчалиева, двор Янбахтосев, двор Арыкиев. Пашни к тем двором дватцать восемь чети в одном поле, а в дву по тому ж, сена около поль 88 копен. А в селе в Бешьбатмане: место дворовое Епанчинское, место дворовое Бориса Чюрачикова, двор Ючюка, место дворовое Енбахтыевское, место дворовое Юрачиево. Пашни к тем дворовым местом дватцать восемь чети в одном поле, а в дву по тому ж, сена по реке по Свяиге и около поль 400 копен.

Да в деревню в Тихое Плесо, Ягодное, что на ручью. А в ней было шесть дворов, а пашни перелогом сорок чети в одном поле, а в дву по тому ж, сена сто копен, лесу пашенного и непашенного около поль в длину и поперег по смете по версте.

А ныне теми татарскими выморочными дворы и месты дворовыми и пашнею, и деревнею Тихим Плесом со всеми угоды пожаловал государь царь и великий князь в вотчину в дом Пречистыя богородицы чудотворца Николы архимандрита Иосифа з братьею в триста чети к старым их землям по писцовым книгам окольного Никиты Васильевича Борисова с товарищи к четыремстам к шти десять осми четвертем.

Да в дом Богородицына ж монастыря отделено но государева грамоте архимандриту Иосифу ж з братьею в 81-м году ноября в 25-м числе в селе в Хозяшеве же да в селе в Бежбатмане пашни добрые земли и с перелогом сто одиннадцать чети в поле, а в дву по тому ж.

И обоего отделено по государеве грамоте в дом Богородицына монастыря ж великого чудотворца Николы в нынешнем в 82-м году. И в прошлом в 81-м году двесте семь четвертей и не дошло их меры по государеве грамоте в триста чета девяноста трех чети. И архимандриту Иосифу теми татарскими выморочными дворы ж месты дворовыми и пашнею в селе в Бежбатмане и в селе в Хозяшеве, и деревнею Тихим Плесом владети со всеми угоды по тому ж, как было преж сего те поместиа за свияжскими помещики ж за татары.

К сей ввозной грамоте боярин и воевода Василей Борисович Сабуров печать свою приложил. Лета 7082-го, июля в 17 день.

Диак Василей Шелепин.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 157-158.

№ 12

Жалованная подтвердительная данная, тарханно-несудимая, односрочная и заповедная (от ездоков) грамота царя Ивана IV архимандриту Троице-Сергиева монастыря Памве «с братьею» на четыре двора у острога в городе Свяжске, сельцо Городище с деревнями, починками, займищем, лесом и рыбными ловлями в Свяжском уезде (с подтверждениями 1589, 1601 и 1613 гг.)¹

22 января 1575 г.

[Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми богомолца своего, Троецкого Сергиева монастыря архимарита Памву з братьею, или хто по нем иной архимарит будет. Бил нам челом архимарит Памва з братьею, что у живоначалные Троицы и у чудотворца Сергия на Свяиге монастырь во имя пресвятые Троицы и чудотворца Сергия, и к тому деи монастырю дано им дикой лес черной на Услоне на четыре версты поперег, а вдоль от Малого Моркваша по владычне озеро по Долгое, что у Жерновных гор впало в Волгу устьем, на пашню розчищати, лес сечи, и противу того черного лесу по подгорью луги на с[ено и на животиной выпуск некое] трова меж Горы и Гостиная острова и Услона вниз по владычне о[зеро по Дол]гое, что к Жерновным горам подошло, конец озера вниз впало в Волгу у Жерновных гор. И боярин деи] наш князь Петр Б[улгаков, ис Казани перелезчи на Свяжскую сторону, да те их монастырьские пожни некое]с]и меж Горы и Гостиная остров[а] по по[д]го[р]ью, наше ж[алованье, у них отымают и отдают детям боярским и ст]рел[цом] казанским. Да к тому ж деи монастырю на пашню [и на животиной выпуск дано три пустош]и, с[е]лице Киждеево да Городище, лес дикой, да против Казанского [устья лес черной, и на Услоне против Гостиная] острова, да в узех на песку неводную рыбную ловлю. И грамо[та деи им наша жалованная богомолцу нашему игум]ену Гурью з братьею на то место, и на пустоши, и на лес, и на [рыбную ловлю была дана, и та деи у них наша ж]алованная грамота в пожар в приход крымского царя згорела. [Да у них же деи после писцов в селище Киждеево ст]ала церковь Никола чудотворец, да на монастырьских на черных лесех у [деревни у Агишева и Уланково ново стали два почин]ка, починок Корноухов, починок Уланов, да мельница на светлом [ручью.

И н[а]м бы богомолца свое[го, Троецкого Сергиева] монастыря архимарита Памву з братьею, пожаловати – велети и[м] [на] то монастырьское место, и н[а] пустоши, и на но]вопоставленную церковь, и на починки, и на рыбную ловлю дати своя жалованная грамота.

А в свияжски[х книгах писм]а Дмит[ре]я Кикина с товарищи лета 7075-го году написано: В Свяжском уезде монастырс[к]их зе[м]е[ль]: Живон[ачалн]ы[е] Троицы Серг[иева] монастыря за строител[е]м з братьею сельцо Городище на Кривом озерке на Долго[м] блиско реки Свяиги, пашни в поле дватцать пять четьи, да перелогу четыре четьи, а в дву по тому ж, сена в лугу по реке по Свяиге триста дватцать копен, лесу паше[н]ного около поль сто десятин. Того ж сельца починки новые, а поставлены на

¹ Критический текст составлен на основании подлинника и двух списков. Восстановленные слова приведены в квадратных скобках.

Городичной земле: починок Притыкин, пашни в поле две четьи, а в дву по тому ж, лесу пашенного пятьдесят десятин; починок Новой, пуст, у Кривого озера, пашни добрые земли в поле осмина, а в дву по тому ж, лесу пашенного десять десятин. Да лесу ж пашенного к селцу и к починкам около поль в длину на версту, а поперег на полверсты. Деревня Киждеево на речке на Курмышке, а поставлена на мордовской земле на Кижде[е]вской, пашни добрые земли шездесят семь четьи, да перелогу тритцать д[в]е четьи в поле, а в дву по тому ж, да з[аросли дубров паш]енных к трем полем пятнатцать десятин сена по речке по Курмышке и по речке по Оч[и]г[и]р[ке] двести копен, лесу около поль па[ш]енного и непашенного в розни по смете в длину на версту, а поп[е]р[ег] на полверсты. Деревня Агишево на речке н[а] Бехли, пашни добрые земли десять четьи да перелогу дватцать три че[ти] в поле, а в дву по тому ж, сена по речке и по г[орам] триста копен, а лес не в розделе с татары и с чювашею. Почи[нок] Ключо[в] на речк[е] на О[л]чегире, пашни добрые земли три четьи, да перелогом пашни семнатцать четьи в поле, а в дву по тому ж, сена под по[ч]инком около поль тритцать копен, лесу около поль пашенного сорок десятин, да непашенного пятьдесят десятин. Да против селца Городища за рекою за Свягою на Светлом ручью монастырская мелница большое колесо, да к той же мелнице по обе стороны Светлого ручья лугов старых и покосов, и новых розчистей двесте пятьдесят копен, да озеро, из которого Светлой ручей вышел. Да к мелнице ж и к лугом и к озеру по прежних свияжских пи[с]цов отделу приписано лесу остров за Свет[лы]м ручьем по манастырское озеро, ис которого Светлой ручей вышел, а того лесу в длину на версту, а поперег на полверсты, Займище Новое у реки у Волги [на] берегу, выше Гостина острова, а ниже Каменных гор, против Ирыхова острова нижние изголови [и] Казанского устья, на Горней стороне в черном в диком лесу, пашни новые розпаши в три поля шесть четьи, да сечи три десятины; а покосов к займищю – что лежало некоем ниже займища по подгорью меж Горы и Гостина о[ст]рова; а лесу к займищю пашенного и непашенного – от устья ручья Малого Моркваша от Каменого креста и от печищ известных вниз по Волге горою, выше займища, и прошед займища, по правую сторону Гостина острова до другово врага, что у Жерновных гор пошел в гору ... земли и всякие угодыя по книгам: а занели т[о] з[аймище] Троетцкого монастыря Сергиева, что в Свяжском городе, строитель з братьею на черном на диком лесу. И всего Троетцкого Сергиева монастыря в Свяжском уезде селцо да две деревни, да три почи[н]ки и с пустыми, да займище, пашни добрые земли сто девять четьи с осминою, да перелогу и новых сечей семдесят осм четьи, да зарослей пять десятин, сена тысяча девятсот копен, да некости осоки и кустарю пятнатцать десятин, лесу пашенного двесте десятин, да непашенного пятьдесят десят[и]н, да лесу ж пашенного в длину на пять верст, а поперег три версты. А межи тем землям и покосом и всяким угодыям по книгам.

Да в тех же д[е]и их монастырских землях и в новопоставленных дву починках, в Корноухове и в Уланкове, пашни тритцать четьи в поле, а в дву по тому ж, сена к ним двесте копен. Да у города у острогу на гриве дано на конюшенной и на коровой дворец четыре дворы, а земля к тем двором по прежнему. А к новому деи займищю, что у реки у Волги, дикой лес черной на Услоне на четыре версты поперег, а вдоль от Малого Моркваша по владыче озеро по Долгое, что у Жерновных гор впало в Волгу устьем, и пожни в тех же местех по подгорью на животиной выпуск некоем трова меж

Горы и Гостиная острова и Услона вниз по владыче озеро по Долгое, что к Жерновным горам подошло, конец озера вниз устьем пало в Волгу у Жерновных гор. А те деи их новопоставленные починки и конюшенные и коровьи дворцы стали на монастырской же земле, а не на помещиковых землях.

И яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, богомолца своего, Троетцкого Сергиева монастыря архимарита Памву з братьею, или хто по нем иной архимарит у Троицы в Сергиеве монастыре будет, пожаловал старинными их землями со всеми угоды, а рыбные ловли в узах ловити им двема неводы по прежнему нашему указу.

И хто у них в Свяжском в монастыре и в Свяжском уезде в селце и в деревнях, и в починке учнет жити их монастырских слуг и крестьян, и им не надобе моя дань, ямские и приметные денги, и всякие наши подати; и дворов моих и воеводцких, и ямских ни в которых городех не ставити, ни с подводами на ямех не стояти, и ни в какие розметы с тяглыми людьми не тянути, опричь городского и острожного, и засечного дела; а городовое им и острожное, и засечное дело делати с ьными сохами вместе.

И нашим служивым людем, князем и детем боярским, и всяким людем в том их селе и в деревнях, и в починках силно не стояти, и корму своего и конского, и подвод, и проводников не имати.

И бояря наши и воеводы, или наместницы, и волостели и их тиуни Свяжского и Казанского, и Чебоксарского города, и всех понизовских городов приказные люди слуг их и крестьян не судят ни в чем, опричь татбы и розбоя с поличным; и довотчики, и праведчики их поборов своих с них не емлют и не въезжают к ним ни по что, кроме наших имянных дел. А судят их во всем архимарит з братьею или кому прикажет. А случитца суд сместной, учнет монастырской слуга или крестьянин искати на городцком на свияжском или на волостном человеке, и в том их судит воевода, или наместник, или волостель наш, или тиуни их, а архимарит з братьею или его приказщик с ними ж судит; а прав или виноват монастырской слуга или крестьянин – архимариту з братьею или их приказщику.

А учинитца у них в том селце и в деревнях, и в починках душегубство – кого возом сотрет, или со древа убьетца, или зверь съест, или хто подкинет, и они того мертвого явят воеводам нашим, или наместником, или волостелем, или их тиуном, а явки дают з головы по четыре алтыны, да смотренного алтын.

А кому будет чего искати на троетцком Сергиева монастыря архимарите з братьею или на их приказщикех и на крестьянех, и в том их сужю яз, царь и великий князь, или кому прикажем на Москве. А неделщ[ик]и наши даные пишют им один срок в году – Рожество Христово; а опричь того сроку, на иные сроки сро[ков н]а них не намetyвати, и судимых грамот на архимарита з братьею и на их слуг и на крестьян не по тому сроку давать есмя на них не велел. А хто на них накинет срок или грамоту возмет не по их сроку, не на Рожество Христово, и им за тем их сроком к Москве не ездити, кроме нашего именного дела; а хто по тому сроку не в их срок возмет безсудную или судимую грамоту, и та безсудная не в безсудную, а судимая грамота не в грамоту.

А дана грамота на Москве, лета 7083-го, генваря в 22 день.

На обороте: [Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси].

На сставе Царев и великого князя диака Ондрей Яковлев [сын] Щелкалов.

Подтверждения: Ле[та 7097-го, апреля в 4 день]. Государь царь и великий кня[зь Федор Ивановичь всея Руси сее грамоты выслушав] богомолца своего, Троецкого] Сергиева мон[асты]ря а[р]химарита Ки[пре]яна з братьею, и х[то по нем в том монастыре иные архимариты будут, пожаловал – велел сю грамоту подписати] на свое цареву и великого князя имя и сее у них грамоты руд[ити не велел никому ничем, велел у них ходити о всем по тому ж, как в сей] гра[мо]те писано. А подписал государев царев и великого князя [дьяк Дружина Петелин].

Божию милостию, мы, великий государь царь и великий князь Борис Фе[доровичь всея Руси, и сын наш царевич князь Федор] Борисович всеа Руси, сее грамоты слушав, Троецкого [Сергиева монастыря архимарита Кирилла з братьею] пожало[ва]ли – велели им сее грамоту подписати на св[ое царское имя и рудити ее не велели никому] ничем, а велели ходити по тому, как у них в сей грам[оте писано. Лет]а 7110-го, ноября [в 6 день. А подпи]сал государев царев и великого князя Бориса Федоровича всеа Рус[ии дьяк В] асилей Нелюбов.

Лета 7122-го, ноября в 3 день. Царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержец, сее жаловалные грамоты слушав, Живоначалные Троицы и чудотворца Сергия архимарита Деонисья да келаря старца Аврамья, или хто по них в том монастыре иные архимарит и келарь будет, пожаловал – велел им сее грамоту подписати на свое государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси имя [и сее] жаловалные грамоты рудити у них [никому ниче]м не велел. А велел у них ход[ити о] всем по тому, [к]ак в сей жалов[а]л[ной грамоте писано. А по]д[пи]сал государев царев и великого князя Михаила Федоровича все[а Русии дьяк Алексей Шапилов.

Печать у грамоты красная].

Извлечено из: Каштанов С.М. К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в. // Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та. 1978. Вып. 184. С. 136-140 (№ 2).

№ 13

**Наказная грамота царя Ивана IV свияжскому воеводе Б.Ю.Сабурову
о переводе его в Казань в «товарищи» к воеводе князю Г.Булгакову и дьяку
Михаилу Битяговскому, с указанием передать «наряд», казну, документы и дела
в городе Свияжске князю Петру Буйносову-Ростовскому и с напоминанием
о недопустимости местнических споров**

30 ноября 1581 г.

Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, въ Свияжской, воеводе нашему Богдану Юрьевичю Сабурову. Велели есмя быть на нашей службе въ Свияжскомъ, на твое место, воеводе князю Петру Буйносову Ростовскому, а тебе велели есмя быть

на нашей службе въ воеводахъ въ Казани, въ остроге, по прежнему нашему наказу, а въ городе ведати и всякими нашими делы промышляти съ воеводою со князь Григорьемъ Булгаковымъ съ товарищи да съ дьякомъ с Михайломъ Битяговскимъ, вместе заодно. – И какъ къ тебе ся наша грамота придетъ, и ты бѣ отдавъ воеводе князю Петру Буйносову Ростовскому городъ, и на городе нарядъ, пушки и пищали, и въ казне зелье и свинець и всякой пушечной запасъ, и наши прежние наказы, и присылные грамоты, и всякие наши дела отдалъ и переписалъ, и ехалъ бы еси на нашу службу въ Казань; а приехавъ въ Казань, былъ бы еси на нашей службе въ остроге, по прежнему, и списки детей боярскихъ, своихъ полчанъ, которые были дети боярские преже сего у тебя въ полку, у воеводы у князя Григорья Булгакова взять, и былъ бы еси на нашей службе въ Казани въ городе и въ остроге, и детей боярскихъ своихъ полчанъ ведалъ, и всякими нашими делы промышлялъ; и съ воеводою со князь Григорьемъ Булгаковымъ с товарищи да съ дьякомъ съ Михайломъ Битяговскимъ былъ еси, по прежнему нашему наказу, безъ мести, а розни бы у васъ въ нашихъ делахъ однолично не было ни въ чемъ, чтобъ нашему и земскому делу въ томъ порухи не было.

Писанъ на Москве, лета 7090, ноября въ 30 день.

У грамоты рука дьяка Андрея Щелкалова; печать орель двоеглавой.

Опубликовано: ДАИ, т. 1, № 127, с. 183-184.

№ 14

**Грамота от имени царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе
об отделении вдове свияжского жильца Сулеша Тишенкова Татьяне с тремя
детьми «прожитка» из поместья мужа в Нижегородском уезде с условием несения
службы ее сыном Семеном по достижении совершеннолетия, и присылке
в Поместный приказ отдельных книг**

17 ноября 1596 г.

[л. 159] От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в Нижней Новгород воеводе нашему Левонтью Ивановичю Оксакову да дияку нашему Ивашке Шерапову. Била нам челом вдова Татьяна Сулешова жена Тишенкова. В прошлом деи во 104-м году мужа ее Сулеша на нашей службе на Яике не стало, а после деи осталась она, вдова Татьяна, сама четверта с сыном Сенькою, а Сенька деи ныне двунатцати лет, да з двумя дочерьми з девками. А нашего деи жалованья за мужем ее было помесья в Свияжском уезде роспашни перелогу 60 чети, а по нашему указу с вычетом на ста на 25 чети, да в Нижнем Новегороде 49 чети, а оклад де мужу ее был 350 чети. И нам бы ее, вдову Татьяну, з детьми тем мужа ее свияжским и нижегородцким помесьем пожаловать. А сын ее Сенька как к нашей службе поспеет и будет в 15 лет, и он с того отца своего помесья учнет нашу службу служити и ее, мать свою вдову Татьяну, и сестр девок кормить и вкормив сестру замуж выдать. И ож будет так, как нам вдова Татьяна Сулешова жена Тишенкова з детьми била челом. И мы к вам тому // [л. 160]

Сулешову поместью Тишенкова с нижгородцких книг письма и дозору Василья Борисова с товарищи лета 7096-го послали выпись слово в слово за дьячьёю приписью. И как к вам ся наша грамота и выпись придет, и вы б в Нижегородской уезд в Сулешова поместья Тишенкова в его жеребей послали ково пригож, а велели ему взятии с собою тутошних и сторонних попов и дьяконов и старост и целовальников и крестьян сколько пригож в Сулешово поместья Тишенкова ехать, да в том Сулешове поместье по выписи с книг в его жеребье, чем он владел пашни 49 чети, велели бы естя отделити Сулешове жене Тишенкова вдове Тотьяне з детьми на прожиток к свияжскому их поместью к 125 четям. А сын ее Сенька как к нашей службе поспеет и будет в 15 лет, и ему с того отца своего поместья наша служба служить и ее, мать свою вдову Тотьяну, и сестр девок кормить и вскормив сестр замуж выдать. А что вдове Тотьяне [Сулешовой] мужа ее поместье отделит в поместье сел и деревень и починков и пустошей и займищ, и в них дворов и во дворах людей по имяном, и пашни, и сена, и лесу, и всяких угодей, и ему то все велено написати в книги подлинно порознь земскому или церковному дьячку, да те книги за поповыми и за дьяконовыми руками и за рукою тово, ково пошлете отделять, прислали бы есте к нам к Москве и велели отдати в Поместном приказе дьяком нашим Елизарью Вылузгину да Ивану Ефанову. Писан на Москве лета 7105-го ноября в 17 день.

Выписи не привез. //

Правил Микифорко Сверчков. [л. 160об.]

Извлечено из: Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века. М., 1977. С. 164-166.

№ 15

Из грамоты царя Василия Шуйского свияжским воеводам Я.Т.Годунову и В.Б.Сукину

25 ноября 1606 г.

И в Свияжском уезде по волостям велели беречь накрепко, где такие воры в Свияжском по слободам или в Свияжском уезде появятся и учнут в русских людях и в татарах и в черемисе смуту делать для грабежу, приводить ко кресту, а татар и черемис к шерйти... Воров велели, имая, приводить к себе в Свияжской... сажать в крепкие тюрьмы до нашего указу. Да будет в иных городах, где такая же смута учинилась, и вам б, потому ж, ссылаясь в Казань с бояры нашими и воеводами, промышляти велети воров, имая, сажати в тюрьму, а иных к нам присылати. Самим жити с великим бережением, и толмачей лучших, выбирая, посылати тайно в черемису проведывать, нет ли в их какие шатости, и про такие смуты велети им разговаривати ласково, а в них проведывать почасту, да о том к нам отписывали.

Опубликовано: Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 140.

№ 16**Указ царя Алексея Михайловича о ведении судом и расправою понизовых городов «дворян и детей боярских и всяких чинов служилых и жилецких русских людей, и мурз, и татар, и чуваш, и черемис, и мордву» в Приказе Казанского дворца, а не в других приказах**

12 июля 1672 г.

В прошлыхъ годах по 173 годъ, по указу, блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михайла Феодоровича, всея Русии Самодержца, и со 173 года по нынешней 180 годъ, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Русии Самодержца, Понизовыхъ городовъ Дворяне и Дети боярские и всякихъ чиновъ люди служилые и Жилецкие Русские люди, и Мурзы, и Татаровя, и Чуваша, и Мордва судомъ ведомы, и ишуть и отвечаютъ въ одномъ приказе Казанскаго дворца, а въ иныхъ приказехъ ихъ судомъ ведить невелено. А въ нынешнемъ во 180 году билъ челомъ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья Русии Самодержцу, Казанецъ Дмитрий Пристовъ, и приставилъ Гостиныя сотни къ Максиму Твердакову въ иску своемъ, и Максимъ Твердаковъ въ томъ иску в приказе Казанскаго дворца отвечать не хотель, для того, что Гостиная сотня ведома въ приказе Большися казны, и о томъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Русии Самодержца, докладываль Бояринъ Князь Яковъ Никитичъ Одоевской. И Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайловичъ, всея Великия и Малыя и Белья Росии Самодержецъ, слушавъ о томъ докладныя выписки, указаль и Бояре приговорили: Понизовыхъ городовъ всякихъ чиновъ служилымъ и Жилецкимъ людемъ Русскимъ, и Мурзамъ, и Татаромъ, и Мордве, и всякимъ яшашнымъ людемъ на всякихъ людехъ искать и отвечать по прежнему указу Отца своего Государева, блаженныя памяти. Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Великия и Малыя и Белья Росии Самодержца, и по своему Великаго государя прежнему указу въ одномъ приказе Казанскаго дворца, а въ иныхъ приказехъ ихъ судомъ не ведать. И о томъ указаль Великий Государь изъ приказу Казанскаго Дворца во все приказы послать памяти.

Источник: ПСЗ-1, т. 1, № 526, с. 907.

№ 17**Наказная грамота жильцу И.Л.Тургеневу,
назначенному воеводой в казанский пригород Заинск**

16 июня 1675 г.

Лета 7183-го июня в 16 день. Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал жильцу Ивану Левонтьевичю Тургеневу за службы и за смерть родителей ево быти на своей великого государя службе в казанском пригороде в Заинску жильца на Степаново место Захарьина. А переменити ему Ивану ево Степана марта в 1-м числе 184-го году. И великого государя грамота о том в Казань к боярину и воеводам ко князю Юрью Ивановичю Ромодановскому с товарищи послана с ним Иваном. И Ивану, приехав в Казань, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца грамоту подать боярину и воеводам князю Юрью Ивановичю с товарищи и по той великого государя грамоте боярин и воеводы князь Юрья Иванович с товарищи велит ему Ивану ехать в Заинск.

И Ивану, приехав в Заинск, принять у Степана Захарьина город Заинск и острог, и городовые и острожные ключи, и на городе и на остроге наряд, и великого государя в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы и деньги, и в житницах хлебные всякие запасы, и в съезжей избе прежние великого государя наказы и грамоты, и казанские указные отписки, и книги приходу и росходу и денгам и хлебу, и всякие великого государя дела, что есть налицо, и служилым и жилецким всяких чинов людем конным и пешим имянные списки, и городовому и острожному строенью росписи и во всем с ним росписатца, а по имянным спискам всяких чинов людей пересмотреть всех налицо и острожных прясел и таиников досмотреть. А в котором числе он Иван приедет в Заинск и сколько у Степана Захарьина великого государя в казне денег и наряду и зелья и свинцу и всяких пушечных запасов и великого государя всяких дел примет, и Ивану о том о всем писать в Казань к боярину и воеводам князю Юрью Ивановичю с товарищи и служилым людем имянные списки послать за своею рукою. А в государеве казне в денгах и в хлебе и во всяких доходех по приходным и по расходным книгам ему Ивану ево Степана не считать, а считать их велено в Казани с тех мест, как ему Степану велено быть в Заинску. Да что на него взочтут, и то на нем доправлено будет в Казани в государеву казну. И, будучи ему Ивану на службе великого государя в Заинску, великого государя всякие дела делать по сему великого государя наказу и по прежним наказом и по казанским отпискам и великого государя делом радеть и промышлять, смотря по тамошняму делу, и во всем великому государю искать прибыли. А заинских всяких чинов людеи в управных во всяких делех судить и росправа меж ими чинить в правду по указу великого государя и от воровстава их унимать. И чтоб при нем в Заинску всякое строенье было крепко и впредь стоятельно и прочно, а великому государю прибыльно. А обо всем великого государя указе писать в Казань.

А которые будет судные дела прежних приказных людеи и которые судил Степан Захарьин, а по ево Иванов приезд те дела будет не вершены, и ему те дела, о которых чье челобитье будет, вершить. А будет чьево челобитья и не будет, и те дела по тому же для пошлин вершить по указу великого государя, чтобы пошлины великого государя не терялись. А с судных дел пошлины и пересуд и правои десяток имать с русских людеи и с ыноземцев по указу великого государя и по Соборному уложению 157-го году. Да те пошлинные денги и иные всякие денежные доходы и хлеб велеть давать шешминским всяким ружником и оброчником на жалованье и на всякие расходы по казанским

отпискам, против прежнего обычая. И велеть те заинские всякие расходы записывать в приходные и в расходные книги и в сметной подлинной список. А что в казне великого государя угодю денег за всякими заинскими расходами останетца, и те денги отсылать в Казань, вместе сметным списком. А сколько денег пошлешь в Казань, и о том писать имянно. И жить ему, Ивану в Заинску с великим береженьем неоплошно, чтобы в городе и в остроге в день и в ночь были караулы крепкие безпрестанно. А будет по вестям подкочнуют неподалеку нагаи или иные какие люди, и ему о тех вестях и о указе писать с нарочными гонцы наскоро в Казань. А в ту пору в Заинску жить с великим береженьем и караулов в день и в ночь досматривать безпрестанно. Да ему же Ивану велеть заказать накрепко, чтобы в Заинску приезжие и прихожие никакие люди безъявочно не жили. А велеть тем приезжим и прихожим людям являться себе и их спрашивать, хто именем и какие люди, и откуда, и для чего пришли. Да будет в ком чаять смуты или какова воровского заводу, и тех людей сажать в тюрьму да о том писать в Казань.

Да ему ж Ивану велеть в Заинску учинить заказ крепкой, чтобы в летнею пору в Заинску никакие люди изб и бань не топили. А для хлебного печенья велеть поделывать печи на полых местех, где бы было не блиско хором. А на хоромех бы во все лето николи без воды не было, чтоб однолично в Заинску от огня было бережно.

Да Ивану же велеть переписать в Заинску тюремных сидельцов, хто именем и какие люди и сколь давно в тюрьме сидят, и пытан ли хто и одныжды ли хто пытан или двожды, и што на себя и на товарищев говорил, да тем тюремным сидельцом роспись послать в Казань. А однолично ему Ивану, будучи в Заинску, великого государя всякие дела делать по сему великого государя наказу и по прежним наказом и по казанским отпискам, как о том в наказе и в казанских отписках написано. А над таможенным и кружечного двора головами и над целовальниками, которые присланы будут ис Казани, смотреть и беречь накрепко, чтобы таможенной и кружечного двора головы и целовальники заповедных всяких товаров: – пансырей и шеломов, и сабель, и железец стрельных, и сверх проезжих грамот никаких лишних всяких товаров – в Казанской и в Заинской уезд в човашу и в черемису ни с кем с торговыми людьми не пропускать.

Да и того ему Ивану над головами и над целовальниками смотреть и беречь накрепко, чтобы они с торговыми и со всякими проезжими людьми на Волгу и на Дон к воровским казаком и ни х кому без государевых проезжих грамот заповедных товаров – и зелья и свинцу, и селитры, и вина горячего, и сукон, и зипунов сермяжных, и никаких товаров – не пропускали. А буде у которых людей заповедные товары объявятца в лишке, и те лишние товары отписывать на великого государя да о том писать и заповедным товаром росписи отсылать в Казань. Да и того ему Ивану смотреть и беречь накрепко, чтобы в Заинску мимо кружечного двора ни хто корчемного питья не держал.

А буде хто учнет держать корчму, и ему Ивану то корчемное питье и суды у тех людей вынимать и корчемником чинить указ по уложенной книге 157-го году и по казанским отпискам да о том писать в Казань. А на кружечном дворе голове и целовальником велеть питье продавать и денги за то питье имать по указу великого государя, как о том писано от великого государя в указных грамотах в Казань к бояром и воеводам наперед сего. А будет таможенной голова и целовальники учнут заповедные лишние товары в Казанской и в Заинской уезд в човашу и в черемису пропускать, а на кружечном

дворе голова и целовальники свое питье продавать или великого государя казною корыстоватьца, и ему Ивану о том на них писать в Казань. Да и самому ему Ивану своего никакова питья не продавать и с кружечного двора безденежно никакова питья и никаких запасов не иметь, и на государевых поварнях пив не варить и вин не сидеть, и заинским всяким приезжим никаким людям налог и продаж и обид не чинить, и посулов и поминков ни у ково ничево и заемных кабал в долговых денгах и никаких крепостей ни в каких долгех и служилых кабал никакого не иметь, и изделий никаких делать никово не заставляивать.

А будет он Иван, будучи в Заинском, учнет заинским и приезжим людям налоги и обиды чинить или у ково учнет посулы и поминки и заемные служилые кабалы или иные крепости иметь и изделия делать ково учнет заставляивать, а про то великому государю будет извесно или будут на него челобитчики, и ему Ивану за то от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца быть в великой опале и в казни. – «Прокофьев».

На обороте: Писал Ивашка Айгустов.

Скрепя: Диак Михаило Прокофьев.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 1295/9, л. 25-36.

№ 18

Описание оборонительных сооружений Казани с пригородками и дворцовыми селами из росписи городам Среднего и Нижнего Поволжья (Понизовья)

Не ранее 16 июня 1704 г.

[...] И по тому великого государя вышеписанному указу в Ближнюю канцелярию в прошлом 1704-м году об окладных и неокладных всяких денежных доходах и расходах, и что кому служилым людям бывает в даче великого государя годового жалованья по окладным книгам и по сметным спискам, и что в низовых городех конных и пеших всяких чинов служилых людей налицо, и ис того числа в прошлом 1701-м году по наряду ис Приказа Казанского дворца велено быть на службах, и что в низовых городех и в пригородех воевод и приказных людей, о том ведомость послана из росписей, каковы остались в Приказе Казанского дворца после пожара 1701-го году июня 19-го числа.

А каковы низовые каменные и земляные, и деревянные города строеньем и мерою, и что в тех городех налицо пушек и зелья и свинцу и всяких военных припасов, и тому ведомость и чертежи в вышеписанной пожар в Приказе Казанского дворца згорели. И о том в Ближнюю канцелярию писано же.

А о ведомости низовых городов строеньях и военных припасех посланы великого государя грамоты в города к воеводам. Велено им, описав подлинно, писать вскоре и прислать описные книги. И по тем великого государя грамотам из низовых городов городовому строенью и всяким полковым припасом росписи посланы. И ис тех росписей

и выписано ниже сего по описи стольника и воеводы Никиты Кудрявцова прошлого 1702-го году.

Казань. Каменной город длиною стен в круг 726 сажень. В вышину четырех сажень, ширина две сажени. Крыт тесом. И во многих местех крышка обветчала и в пожарное время згорела. А городской стены во многих местех осыпалось и розселась. По стенам двенадцать башен, в том числе:

Башня проезжая Спаская. В вышину три сажени пять чети. Две стены по десять сажень, другие две стены по девять сажень без чети. На той же башне церковь Спаса нерукотворенного образа. Верху и кровли нет, одни стропила.

Башня наугольная круглая против Пищей избы. В вышину семь сажень без полуаршина. Стены по четыре сажени с аршином. Верху и кровли нет, поставлены стропила же.

Башня глухая круглая против митрополичья Конюшенного двора. В вышину восемь сажень с аршином. Стены по семь сажень с аршином. На ней шатер до половины разломан от пожару.

Башня проезжая Дмитриевская четверугольная. В вышину пять сажень с аршином. Стены две по пять сажень с аршином, другие две по пять сажень по три четверти. Кровли нет.

Башня глухая круглая от Дмитриевских ворот. В вышину шесть сажень с аршином. Стены по четыре сажени без аршина. Покрыта шатром.

Ворота проезжие против подгородных мельниц. На них церковь Воскресения Христова.

Башня глухая круглая. В вышину семь сажень пять четвертей. Стены по пяти сажень. Покрыта шатром.

Башня Никольская проезжая четверугольная. В вышину пять сажень с полуаршином. Стены по семи сажень. Покрыта шатром.

Башня глухая круглая от Никольских ворот. В вышину семь сажень с полуаршином. Длина шесть сажень, ширина то ж. Шатра на ней нет.

Башня глухая, что против Делового двора. В вышину семь сажень. Длина пять сажень два аршина без четверти, ширина то ж. На ней поставлены стропила.

Башня глухая четверугольная. В вышину шесть сажень с аршином. Длина пять сажень, ширина семь сажень. На ней шатер цел.

Башня Преображенская проезжая четверугольная. В вышину шесть сажень три четверти. Длина пять сажень два аршина без четверти, ширина четыре сажени два аршина. На ней поставлены стропила.

Башня наугольная круглая против Спасского монастыря. В вышину семь сажень два аршина. Длина четыре сажени два аршина две четверти, ширина то же. На ней поставлены стропила.

В Казани же другой деревянной рубленой город. По мере ево в круг от каменного города до Никольских ворот по острог, что поставлен после пожару 202-го году, 1200 сажень. В вышину три сажени с четвертью, ширина сажень с четвертью. И во многих местех тот деревянной город погнил и обветчал. И ис той же меры вывалилось того города от полой воды от Тайничных ворот до глухой башни 110 сажень с полусаженью, от Змеевой глухой башни до Ильинских ворот – 70 сажень.

По тому деревянному городу тринадцать башен:

Башня Таиничная проезжая четверугольная. В вышину шесть сажень с полусаженью. Стены по четыре сажени. Крыта шатром, ветха.

Башня глухая от Таиничных ворот осмиугольная. В вышину шесть сажень два аршина с четвертью. Стены по пяти сажень без четверти аршина. Покрыта шатром.

Башня глухая ж осмиугольная. В вышину шесть сажень шесть четвертеи. Длина четыре сажени без четверти, ширина четыре сажени. На ней шатер цел. Башня, словет Змеева, проезжая. Течет сквозь ее Булак река. В вышину три сажени с аршином. Длина три сажени с полусаженью.

Без шатра.

Башня глухая от Змеевой башни осмиугольная. В вышину шесть сажень с полусаженью. Длина три сажени два аршина, ширина три сажени с полусаженью. На ней шатер цел.

Башня Ильинская проезжая осмиугольная. В вышину шесть сажень два аршина. Длина четыре сажени с полуаршином, ширина четыре сажени с аршином. Шатер на ней цел.

Башня глухая от Ильинских ворот штиугольная. В вышину шесть сажень два аршина. Длина три сажени с аршином, ширина четыре сажени без полуаршина. На ней шатер цел.

Башня Ямская проезжая осмиугольная. В вышину восемь сажень без полуаршина. Длина три сажени, ширина пять сажень бес полуаршина. На ней шатер цел.

Башня глухая от Ямских ворот осмиугольная. В вышину шесть сажень с полусаженью. Длина три сажени с полуаршином, ширина три сажени. Шатер на ней цел.

Башня Варламовская проезжая штиугольная. В вышину восемь сажень без четверти. Длина три сажени, ширина четыре сажени три четверти. Шатер на ней цел. на той же городской стене над Булаком рекою.

От Варламовских ворот ворота проезжие. В вышину две сажени два аршина с четвертью. Башня глухая от Варламовских ворот осмиугольная. В вышину шесть сажень с полусаженью. Длина три сажени с четвертью, ширина две сажени с полуаршином. На ней шатер цел. Башня глухая осмиугольная. Под нею калитка в Богоявленскую слободу. В вышину шесть сажень с аршином. Длина три сажени, ширина две сажени с полусаженью. Шатер на ней цел. Башня Проломная проезжая осмиугольная. В вышину девять сажень с четвертью. Длина четыре сажени с аршином, ширина пять сажень два аршина. Шатер на ней цел.

От той Проломной башни в круг до каменного города острогу по мере 1148 сажени. В вышину полтретьи сажени. А до пожара по городу на том месте было двенадцать башен. А ныне по тому острогу три башни рубленых недостроены. Башня Воскресенская проезжая осмиугольная же, в вышину пять сажень с полусаженью, длина три сажени с полусаженью, ширина три сажени с аршином. Башня Арская проезжая осмиугольная, в вышину пять сажень с аршином, длина три сажени с четвертью, ширина три сажени. Башня Пятницкая проезжая же, в вышину пять сажень с полусаженью, длина три сажени с полусаженью, ширина три сажени. И те башни без шатров. Рву по мере около деревянного городу.

От Змеевой башни до Ильинских ворот длиною 40 сажень, поперег по три сажени, глубины по два аршина. От Ильинских до Ямских ворот 200 сажени, поперег две

сажени, глубины две сажени без аршина. От Ямских до Варламовских ворот 35 сажень, поперег четыре сажени, глубины две сажени, а в иных местах засыпало песком. От Проломных до Воскресенских ворот 60 сажень, поперег четыре сажени, глубины две сажени.

В Казани военного наряду в каменном городе: Пищаль медная галанка длиною четыре аршина полшеста вершка, весом 197 пуд 30 гривенок, ядром в пуд и 7 гривенок. Пищаль медная галанка длиною три аршина десять вершков с полувершком, весом 54 пуда 20 гривенок, ядром в 6 гривенок. Пищаль медная галанка, горела, длиною три аршина полсема вершка, весом 114 пуд 38 гривенок, в запале розстрел, ядро в 25 гривенок. И те три пушки на станках волоковых на одних колесах. Пищаль медная галанка длиною три аршина с четвертью, весом 55 пуд 25 гривенок, ядро в 6 гривенок. Пищаль железная чугунная длиною в два аршина без трех вершков, весу 23 пуда 20 гривенок. К ней ядро три гривенки без четверти. На третьей глухой башне пищаль железная длиною два аршина полчетверта вершка, весу 28 пуд 20 гривенок. К ней ядро две гривенки. На Никольских проезжих воротех пищаль медная галанка длиною четыре аршина без пяти вершков, весу 54 пуда 30 гривенок. К ней ядро 6 гривенок. Да в Никольских же воротех пищаль железная длиною четыре аршина без полчетверта вершка, весу 75 пуд. Под нею стан с хоботом на дву колесах. К ней ядро 8 гривенок. От Никольских ворот на глухой башне пищаль железная длиною два аршина без трех вершков, весу 23 пуда 30 гривенок. К ней ядро 4 гривенки.

У Воскресенских ворот на глухой башне пищаль железная длиною два аршина полшеста вершка, весу 30 пуд. К ней ядро 4 гривенки без чети.

У Дмитриевских ворот под навесом пищаль медная галанка длиною четыре аршина без вершка. Весу не насечено. Под нею стан с хоботом на дву колесах. К ней ядро 35 гривенок. От Дмитриевских ворот на глухой башне пищаль железная длиною от запалу два аршина без пяти вершков. Весу в ней 15 пуд 10 гривенок. К ней ядро две гривенки с четвертью. На каменном же городе колокол вестовой. Весу 44 пуда 19 гривенок.

По деревянному городу.

На Тайничных воротах пищаль медная длиною три аршина бес полувершка. Весу в ней 30 пуд 30 гривенок. К ней ядро 4 гривенки. У Тайничных ворот под навесом пищаль железная галанка длиною полчетверта аршина с полувершком. Весу по насечке 73 пуда. К ней ядро 8 гривенок. Пищаль же железная, что стояла на башне, что на Булаке реке, длиною от запалу два аршина без трех вершков. Весу в ней 24 пуда 20 гривенок. К ней ядро полчетверта гривенки. От Тайничных ворот на глухой башне, что бывали Ярославские ворота, пищаль железная длиною четыре аршина без трех вершков. Весу по насечке 75 пуд. К ней ядро 8 гривенок. На другой глухой башне пищаль железная длиною два аршина без трех вершков. Весу 23 пуда 30 гривенок. К ней ядро полчетверта гривенки. На глухой башне, что от Решеточной башни к Ильинским воротам, пищаль железная длиною от запалу два аршина без трех вершков. Весу 24 пуда. К ней ядро 4 гривенки с четвертью. На Ильинских воротех на башне пищаль железная затинная. Длина от запалу два аршина. У Ильинских ворот под навесом пищаль железная. Длина от запалу четыре аршина без полчетверта вершка. Весу по насечке 78 пуд без четверти. К ней ядро 8 гривенок.

От Ильинских ворот к Ямским воротам на глухой башне пищаль железная длиною два аршина без полутретьи вершка. Весу 23 пуда. К ней ядро 4 гривенок. На Ямских воротех пищаль железная длиною два аршина без трех вершков. Весу 23 пуда. К ней ядро 4 гривенки без четверти. У Ямских ворот под навесом пищаль железная. Длина четыре аршина бес полчетверта вершка. Весу по насечке 75 пуд 10 гривенок. К ней ядро 8 гривенок. Две пищали железные загинные. Длинною одна два аршина с полувершком, другая – два аршина бес полутретьи вершка.

От Ямских ворот к Варламовским воротам на глухой башне пищаль железная длиною два аршина без трех вершков. Весу 23 пуда 30 гривенок. К ней ядро полчетверта гривенки. У Варламовских ворот под навесом пищаль железная длиною полчетверта аршина. Весу по насечке 64 пуда 20 гривенок. К ней ядро 7 гривенок.

От тех ворот к Проломным воротам на глухой башне пищаль железная длиною два аршина без трех вершков. Весу 23 пуда. К ней ядро полчетверта гривенки. У Проломных ворот под навесом пищаль железная длиною четыре аршина без трех вершков. Весу 77 пуд. К ней ядро 8 гривенок.

От Проломных ворот по острогу, где была глухая башня, пищаль железная горелая длиною три аршина с четвертью. Весу не насечено, на ней подпись, немецкие слова. К ней ядро 8 гривенок.

У глухой же башни, что подале Кирпичные слободы, пищаль железная длиною два аршина без трех вершков. Весу 22 пуда 20 гривенок. К ней ядро 4 гривенки.

У Воскресенских ворот пищаль железная длиною три аршина с вершком. Весу по насечке 67 пуд. К ней ядро 8 гривенок.

У Арских ворот пищаль железная длиною четыре аршина без чети. Весу по насечке 98 пуд 20 гривенок. К ней ядро 8 гривенок. У Щельских ворот пищаль железная длиною четыре аршина без трех вершков. Весом по насечке 75 пуд 20 гривенок. К ней ядро 8 гривенок. Пищаль же железная длиною три аршина с полувершком. Весу не насечено. К ней ядро 8 гривенок. У Пятницких ворот пищаль железная длиною три аршина без трех вершков. Весу по насечке 99 пуд. К ней ядро 8 гривенок. Ис тех вышеписанных пушек 19 на станках с хоботы на дву колесах.

Военного же наряду в каменном городе под навесом. Две пушки гранитных верховых медных длиною по аршину с вершком. Весу в одной 27 пуд, в другой – 24 пуда 20 гривенок. На станках с колесы. Да нового литья 204-го году медных пушек. Пушка на походном станку. Длина от запалу три аршина з двумя вершки. Весу в ней 40 пуд 10 гривенок. К ней ядро 4 гривенки. Пушка полковая на походном станку. Длина от запалу два аршина бес пяти вершков. Весу 6 пуд 17 гривенок. К ней ядро гривенка без четверти. Да две пушки железные старые. Одной длина от запалу аршин с четвертью. Весу 8 пуд 16 гривенок. К ней ядро гривенка. Другой длина два аршина без пяти вершков. Весом 18 пуд 20 гривенок. К ней ядро две гривенки с четвертью. Пушки же, которые в 206-м году по грамоте великого государя взяты в Казань из закамских пригородков для посылки в Синбирск.

Из Заинска две пищали железные. Одной длина от запалу два аршина бес пяти вершков. Весу 16 пуд 20 гривенок. К ней ядро две гривенки с четвертью. Другой длина от запалу два аршина бес пяти вершков. Весом 16 пуд 20 гривенок. К ней

ядро две гривенки с четвертью. Из Нового Шешминска пушка железная в станку на колесах. Длина от запалу два аршина полчетверта вершка. Весу 28 пуд. К ней ядро три гривенки. Пушка железная в станку. Длина аршин два вершка. Весу 11 пуд. К ней ядро полторы гривенки. Четыре пищали затинных. Из Старого Шешминска три пушки железных. В том числе. Пушка. Длина от запалу два аршина бес пяти вершков. Весу 18 пуд. К ней ядро полтретьи гривенки. Пушка ж длиною от запалу два аршина бес пяти вершков. Весу 9 пуд. К ней ядро две гривенки с четвертью. Пушка ж. Длина два аршина бес пяти вершков. Весом 18 пуд. К ней ядро две гривенки с четвертью. Пушка медная в станку окована железом. Мерею от запалу два аршина. Весом 5 пуд. К ней ядро полгривенки. Пушки медные, которые в 206-м же году по грамоте великого государя присланы в Казань из городов. А велено было послать в Астрахань на мажжерное литье. И те пушки в Астрахань не посланы для того, мажжерного мастера с Москвы не прислано.

Из Царевококшайска пушка. Весу в ней 4 пуда 16 гривенок. Ниже запалу роздута. С Курмыша пушка, урывок. Длина два аршина. Весу 11 пуд 5 гривенок. К ней ядро гривенка. В Оружейной палате и в Зеленином погребе: 132 пуда 26 гривенок с четвертью зелья ручного, 402 пуда 39 гривенок с четвертью зелья пушечного, 52 пуда 37 гривенок с полугривенкою свинцу, 13 пуд фетилю, 180 ядер железных, весом по пуду по 5 гривенок ядро; 200 ядер по 35, и по 32, и по 30 гривенок ядро, 200 ядер по 25 гривенок ядро, 440 ядер по 15 гривенок ядро, 1160 ядер по 10, и по 9, и по 8 гривенок ядро; 4900 ядер по 7 и по 6 гривенок ядро; 5498 ядер по 4 гривенки и по 4 гривенки бес четверти и меньши ядро; 25 ядер горелых по две гривенки бес четверти и по полтретьи гривенке ядро; 1177 горелых и рваных мушкетных казанских и городовых стволов; 21 отрывок ствольных горелых; 110 отрывков ствольных же; 183 мушкета с фетильными замки; 80 мушкетов с кремненными замки, те все мушкеты в старых и в новых ложах; три карабина замки ветхие; 36 стволов мушкетных и самопальных, в том числе два роздутых; 11 замков кремненных ветхих; пять замков фетильных ветхих же.

Пригороцких: 12 стволов самопальных, в том числе 5 з замками; 16 стволов мушкетных; 12 мушкетов в ложах ветхих; 11 стволов затинных пищалей горелых и рваных; гиря железная по весу два пуда; 183 шпаги целых и ломаных горелых; 6 пар пистолетных стволов горелых ветхих; пила большая, что растирают пушки; 593 списы галанских, в том числе 100 спис з древки да одно бес копеица; 13 древок крашенных; 710 железцов списных с полусписных; 140 таких же списных железцов горелых и ломаных; 950 шипов; 4 знамени кумашных, розцвечены белою китакою; два дротика железных, в том числе один ломаной; 13 буравов подкопных снастеи; 254 трещеток целых и ломаных; бурав колесной; 4 контаря железных; котел медной по весу 16 гривенок; два крюка; две пряшки барабанных железных; 78 кос горбуш, в том числе два ломаных; 81 забойников железных, в том числе 6 бес черенков; оттирок от дула пушечной медной, весом три гривенки без чети; 56 замков кремненных мушкетных. Ружье по грамоте великого государя 206-го году из городов и ис казанских пригородов, и ис сел взято в Казань для починки. Из Царевосанчурска 28 мушкетов, в том числе 12 з жагры, три з замки, 9 без замков, 4 без лож. Из Свяязска 10 мушкетов, ложи и замки перепорчены, а иные без замков; 11 стволов ломаных мушкетных; 38 стволов

таких же мушкетных ломаных. Из Чебоксар 33 карабина, в том числе 712 замков и у многих лож нет. Из Малмыжа 33 мушкета фетинных, в том числе у двух мушкетов замков нет; 12 мушкетов да два самопала, два ствола горелых. Ис Тетюш 29 мушкетов фетильных ветхих да два ствола. Из Царевококшайска 70 мушкетов, ложи и замки ветхие и ломаные; 78 стволов мушкетных, в том числе три роздутых. Из Арска 31 мушкет, ложи и замки шкотские ветхие и ломаные да мушкет фетильной з замком, да ствол мушкетной, замок шкотской горелой, да карабин, ложа и замок ветхие. Из Булярска 24 мушкета порченных да мушкет замошной ветхой, три ствола мушкетных роздутых, два замка горелых. С Кукарки 30 мушкетов з жагры, 28 мушкетов з замки, в том числе у пяти замков огни и палиц нет, да мушкет без замка, да в том же числе три самопала, да отрывок мушкетной. С Уржума 51 мушкет да самопал, ложа и замок ломаные, да ствол мушкетной. Из Яранска 62 мушкета, в том числе у многих ложи и замки ветхи.

Из Алат пищаль скорострельная горелая, 6 стволов затинных пищалей горелых, три ствола затинных, забойник железной, 150 пуль железных. С Сарапула 26 мушкетов, 6 самопалов, ложи и замки порчены и ветхи, да ствол самопальной. Из Ядрина 68 мушкетов, в том числе один отрывок и многие без замков, а у иных ложи и замки ломаные. С Елабуги 146 мушкетов фетильных, 42 мушкета замошных, 19 самопалов, в том числе один рваной; турка, ложа и замок ветхие. И у того ружья ложа и замки ветхие же, а иные без замков, да три ствола мушкетных горелых. С Осы 334 мушкета и самопалов и стволов, в том числе три ствола роздутых, и у многих замки и ложи ветхие. С Сарапула 163 мушкета фетильных, в том числе многие без замков, а у иных замки и ложи ветхие и ломаные. Да сверх того 16 мушкетов замошных, 24 самопала турка да винтовка, замки и ложи ветхие ломаные. И того ружья не починено для того, записных ружейных мастеров в Казани, oprич салдат, малоллюдно.

В Приказной полате 13 знамен тафтяных розных цветов, 506 прапоров копейных, кумашных и китайчетых розных же цветов, которые в прошлом во 192-м году присланы из Мензелинска ис полку окольного и воеводы Ивана Савастьяновича Хитрово с товарищи.

Ружья, которые в 207-м году по грамоте великого государя взято у казанских салдат, а им салдатом розданы вновь фузеи, присланные с Москвы.

Первого полку. 4 гранушки, ложи и замки ветхи, три отрывка гранушных, 108 фузей, в том числе у 32 ложи и замки ветхи, 92 самопала, в том числе у 12 ложи и замки ветхи, два отрывка самопальных, 108 турок, в том числе у 15 ложи и замки ветхи, 6 мушкетов с кременными замки ветхи, 40 мушкетов фетильных, ложи и замки ветхие, а иные без замков, 7 стволов горелых и рваных. Второго полку. 206 фузей, в том числе у 42 ложи и замки ветхие, два ствола фузеиные, 96 мушкетов кременных, ложи и замки ветхие, 5 карабинов да 6 винтовок, ложи и замки ветхие, 50 самопалов, ложи и замки ветхие же, 182 ствола горелых и рваных, и роздутых.

Полковых припасов. 8 шор коренных, 13 шор припряжных, 17 узд, два седла бес сподпруг и бес подушек. Прислано ис Тетюш 13 станков пушечных полковых, окованы железом, и с вилы железными и со всеми исподдоски.

В Казанском уезде пригороды.

Арск. Городок деревянной рубленой. По мере кругом 233 сажени, в высоту две сажени два аршина, на нем пять башен. В высоту проезжая башня девять сажень, а четыре башни по пяти сажень. Военного снаряду. Две пушки железные длиной по два аршина по шесть вершков, весом по 25 пуд. Пушка скорострельная железная же длиной три четверти, весом в пуд. Пищаль затинная длиной два аршина, весом в полтора пуда. Пищаль затинная длиной два аршина, весом в полтора пуда. Ядер пушечных 447, дробных мелких 39, 18 заборников железных, трешетка железная, полпуда дробы свиной и железной, два пуда 26 гривенок пороха мушкетного, три пуда 4 гривенки пороха пушечного, 7 пуд с полупудом свинцу, 10 сажень фетилю.

Лаишев. Острог дубовой. По мере в круг 925 сажень, в высоту две сажени. По острогу восемь башен с шатром. Мерию в высоту шесть и семь и девять сажень, в ширину по полтретьи и по три сажени. В том числе проезжих четыре башни. Военного снаряду. Две пушки железные, одна в станке, длиной по два аршина без полчетверта вершка. Весом одна 17 пуд 5 фунтов, другая — 17 же пуд три фунта. К тем пушкам 99 ядер железных. Две пищали затинные в ложах, мерью по два аршина. К ним 400 ядер железных дробных. 5 пуд 30 фунтов пороха ручного и пушечного. 11 пуд 35 фунтов свинцу. 10 фунтов фетилю.

Малмыж. Городок рубленой деревянной. По мере в круг 168 сажень с полсаженью, в высоту две сажени полтретьи аршина. На нем пять башен, в высоту по четыре сажени по два аршина и по три сажени по два аршина. Да острог. По мере в круг 230 сажень, в высоту две сажени с аршином. На остроге четыре башни, в высоту по три сажени по два аршина и по четыре сажени. Военного наряду. Пушка железная длиной два аршина пять вершков, весом 29 пуд 30 фунтов. Пушка железная длиной два аршина без полувершка, весом 27 пуд 3 фунта. 348 ядер пушечных. Две пищали затинные. К ним два заборника железные да 100 ядер. Десять мушкетов с замками. 8 пуд 22 гривенки пороха ручного и пуд 7 гривенок пороха пушечного. Свинцу слиток не вешен. 4 пуда 9 гривенок отсечков свинцу же. Полпуда отсечков железных дробных.

Алацкой. Городок деревянной. Мерию в круг 239 сажень, в высоту три сажени. На нем восемь башен. Да острог. По мере в круг 366 сажень, в высоту две сажени с полуаршином. На нем три башни. Военного наряду. 22 пуда пороха, 5 пуд с полугривенкою свинцу, полпуда дробы железной, 271 ядро пушечных, 1130 ядер затинных железных, 16 заборников железных. И в прошлом 1702-м году мая в 24 день тот Алацкой городок и острог згорел.

Тетюши. Острог. Мерию в круг 380 сажень, в высоту от земли две сажени без четверти. На нем две башни. Башня в круг двенадцать сажень с аршином, в высоту пять сажень. Башня к Волге реке в круг двенадцать же сажень с аршином же, в высоту трех сажень. И тот острог и башня ветхи, и во многих местах острог подгнил. Военного наряду. 19 мушкетов фетильных и затинных без починки к стрельбе негодны. 10 пуд пороха ручного и пушечного. 5 пуд свинцу. 196 ядер пушечных. 4108 ядер и с отрупки к затинным пищалем. Оса. Городок рублен на четыре угла. В круг его мерью 306 сажень, в высоту сажень с полуаршином. На нем семь башен, в том числе две башни проезжие. Высота башням по четыре и по шесть сажень с полуаршином. Военного наряду.

Пушка медная на станке мерою полвтора аршина с вершком, весу 11 пуд без полутора фунта. Пушка медная ж на станке мерою три аршина, весу 15 пуд 7 фунтов. Пищаль затинная железная, кованая, мерою два аршина без полутора вершка, весом 16 фунтов с полуфунтом. 32 пуда 4 фунта пороху. 41 пуд свинцу. 180 ядер чюгунных. Знамя полковое тафтяное ветхое. Знамя пехотное тафтяное ветхое, писано золотом и серебром. Два знамя киндячных. Три алебарды железных. Четыре протазана железных. 80 мушкетов фетильных. 303 бердыша с ратовищи. 53 бердыша без ратовищ, в том числе 9 ломаных. 7 пуд фетилу, 370 ремней банделерных ветхих. Две ложки мушкетных ломаных з замки. 750 банделер без ремней. Фурма медная в 12 пулеи весом в 6 фунтов с полуфунтом. Две полосы сабелные с крыжами, брещало железное сабельное. Два дротика железных. Три замка мушкетных. 42 аршина холсту хрящу. Два контаря железных з гири. Крица железа. Пять кирок. 68 спис. Два пыжевника. Трещетка. 18 фунтов без четверти дробы железной мушкетной. 12 фунтов с полуфунтом укладу клипчатого в прутьях. Пуд 17 фунтов железа.

Закамские пригороды.

Мензелинск. В нем два острога. Болшого острогу дубового по мере 637 сажень. А недостроено того же острогу 74 сажени. На том остроге 10 башен, в том числе две башни проезжие. В ширину по полутретье и по три сажени и в том числе две башни недорублены. Малого острогу дубового же 157 сажень. На нем 5 башен в ширину по две сажени по два аршина и в том числе две башни неокрыты.

Военного наряду. Пушка медная. Весом 23 пуда, длиною три аршина без четверти на походном станку. К ней 100 ядер железных, по полчетверта фунта ядро. Пушка ж медная полковая на станку. Весом 7 пуд 19 фунтов, длиною два аршина без дву вершков. К ней 76 ядер ружельных. Пушка железная. Длинною два аршина полсема вершка на станке. К ней 122 ядра железных. Пушка железная же на станке. Длинною два аршина без дву вершков. К ней 101 ядро железных. Восемь пищалей затинных да пищаль рваная. К ним восемь забойников железных. Девять жагор железных. 366 пулек железных. 26 мушкетов фетильных. Четыре мушкета старых фетильных же. Мушкет старой замошной. 7 пуд 13 фунтов зелья ручного и пушечного. Две бочки зелья же не вешено для того, что бочки ветхи. 15 пуд 20 фунтов свинцу. 5 пуд 13 фунтов фетилу. 30 фунтов свинешных и мушкетных пулек.

Зайнск. Городок сосновой, рублен в две стены, крыт драньем. Мерою круг городка 190 сажень, в вышину две сажени семь четвертеи. На нем семь башен шатровых крыты тесом. Мерою круг башен по двенатцать сажень, в вышину до кровли по четыре сажень. Военного наряду. Пушка железная мерою два аршина с четвертью, а по смете весом з 20 пуд. Пушка железная же мерою два аршина без четверти, а по смете же весом пуд з 10. 50 ядер пушечных. Две пищали затинные. К ним 420 пуль железных. Три пуда дробы железной. 13 пуд 20 фунтов зелья ручного и пушечного. 5 пуд 10 фунтов свинцу да свинцу же свиные полтретьи пуда. Фетилу 16 аршин хрящу. Знамя тафтяное желтое. Два знамя тафтяные же зеленые, знамя дорогильное красное, Два знамя дорогильное желтые. Пять фурм медных, одна железная. Десять труб фетильных. Два каптанармаса, 80 прапорцов.

Новой Шешминск. Был огорожен острогом и вывалился, и згнил. И в круг его по мере 204 сажени. На нем было шесть башен, обветчали. Военного наряду. Две пушки железных мерою по два аршина с четвертью. К ним 124 ядра. Две пищали затинных. К ним 216 пулек железных. Два набоиника железных. Семь мушкетов. Два ствола з замками. Ствол без замка. 19 фунтов пулек свинцовых. 12 пуд с полупудом зелья ручного и пушечного. 4 пуда свинцу. Два пуда фетиллю. Десять спис. Два знамя китаичетое да киндяшное з древками. Барабан ветхой.

Старой Шешминск. Острог. Мерею кругом 210 сажень, в вышину сажень с аршином. На нем пять башен без верхов. Ширина по две сажени по семи четвертей, в вышину три сажени с аршином. Острог обветчал. Да круг острогу ров, ширина пять сажень, глубина сажень. Военного наряду. Пушка железная мерою два аршина без двух вершков. Пушка железная мерою два аршина без трех вершков. 164 ядра железных. Пушка железная рваная. Три пуда 36 фунтов зелья ручного. Восемь пуд зелья пушечного. Три пуда 31 фунт свинцу. Пуд фетиллю. Знамя камчатое красное. Два знамя киндячных красных. Два барабана.

Маинской городок. Острог сосновой. Мерею кругом 388 сажень, в вышину сажень з двумя аршинами, ветх и подгнил. На нем шесть башен четверугольных, в том числе две башни проезжие. Мерею стены по две сажени по два аршина, в вышину до облатов трех сажени, верх до шеимы сажень. Военного наряду. Пушка железная мерою два аршина без трех вершков, весом 18 пуд. Пушка железная же мерою то же, весом 16 пуд. Две пищали затинные железные мерою по аршину по три четверти весом по 36 фунтов да под ними две петли железных весом по 36 же фунтов. 60 ядер железных пушечных, весом в них два пуда 35 фунтов. 4 пуда 6 фунтов пороху. 5 пуд 30 фунтов свинцу. 4 фунта фетиллю. Две жагры пушечные железные.

Тиинск. Острог. Мерею в круг 200 сажень. Две стены згнили и повалились, две стены построены вновь. В вышину две сажени с четвертью. На остроге шесть башен. Две башни построены вновь. В вышину по шесть сажень с аршином непокрыты. Четыре башни погнили и розвалились. Да две башни срублены вновь, стоят в срубах. Военного наряду. Две пушки железные в станках, длиною по два аршина по шесть вершков, весом первая 28 пуд, другая — 26 пуд. К ним 230 ядер каменных. Две пищали затинных в ложах. Пуд три фунта две четверти ядер железных и свинцовых. 30 фунтов железной дробы. 10 пуд 37 фунтов зелья ручного и пушечного. Два пуда 12 фунтов свинцу. Фунт с четвертью фетиллю. 30 мушкетов фетильных, в том числе замошных. Три знамя киндячных. Два барабана ветхие.

Булярск. Острог дубовой. Мерею кругом 197 сажень с полусаженью, в вышину две сажени с полуаршином. На нем шесть башен, в том числе. Проезжая башня с шатром, в вышину восемь сажень без полуаршина. Башня же мерою шесть сажень. Четыре башни мерою по четыре сажени с полусаженью. Два роската в вышину по три сажени без полуаршина. Военного наряду. Пушка железная мерою два аршина шесть вершков, весом 28 пуд. Пушка железная же мерою два аршина шесть вершков, весу 27 пуд. К ним 91 ядро весом по два фунта с четвертью ядро. Пищаль затинная мерою два аршина. К ней 170 ядер да шонпур железной. Два пуда 29 фунтов с полуфунтом пороху ручного. 4 пуда 10 фунтов пороху пушечного. Слиток свинцу. Пуд 28 фунтов

дробь. Карабин ветхой. Ствол мушкетной. Три сажени фетилю. Два ствола з замками горелые.

Дворцовые села.

Сарапул. Городок деревянной рубленой двоестенной. А по мере в круг 379 сажень, в вышину две сажени с аршином. На нем десять башен, в том числе пять башен проезжие. И тот городок недостроен и не покрыт. Военного наряду. Пушка железная на станке длиною два аршина девять вершков, весом 32 пуда. Пушка железная же длиною два аршина полдевята вершка, весом 30 пуд с четвертью. К ним 100 ядер железных. Две затинные железные же пищали, длиною одна два аршина с вершком, другая — два аршина полчетверта вершка. К ним 160 ядер железных. 13 пуд с четвертью зелья пушечного. 14 пуд с полупудом свинцу. 7 пуд с полупудом фетилю. 27 фунтов железа в прутьях и в дробь.

Кукарская слобода. Городок рубленой. В круг ево мерою 337 сажень две четверти, в вышину по обламы четыре аршина три четверти. На нем восемь башен, в том числе четыре проезжих. Мерою в длину и в ширину по полутретьи сажени с четвертью, в вышину по обламы по три сажени. Глухим башням длина и ширина по две сажени по два аршина, в вышину по обламы по две сажени по два аршина. Военного наряду. Пушка железная на станке. Весом 26 пуд две четверти, длиною два аршина шесть вершков. Пушка железная на станке. Весом 18 пуд, длиною аршин три четверти с вершком. Ствол затинной горелой железной. Весом 18 пуд 22 гривенки, длиною два аршина с вершком. Ствол затинной же железной горелой. Весом пуд 20 фунтов, длина два аршина. 100 ядер пушечных железных. 67 ядер к затинным пищалем. 60 усечнов железных дробовых. 9 пуд без четверти пороху. 7 пуд 8 фунтов свинцу. Три запала железные. Трещетка железная.

Село Елабуга. Городок был рубленой. А круг городка мерою 270 сажень. На нем по признаком было семь башен. И тот городок и башни обвалились. Военного наряду. Пушка железная чюгунная на станке, весом 28 пуд, мерою два аршина с четвертью. Пушка чюгунная же, весом 27 пуд, мерою два аршина три вершка. 14 пуд пороху. 13 пуд 26 фунтов свинцу. 98 ядер пушечных железных. Мушкет замошной. два пуда с четвертью фетилю.

Рыбная слобода. В круг острогу мерою 400 сажень. На остроге четыре башни рубленые и четверогранные, в вышину две сажени, в том числе три башни проезжие ветхи. А острог подгнил и повалился. Военного наряду. Две пищали затинных железных. Длинною по два аршина. Весом одна два пуда без четверти, другая в полтора пуда. К ним 159 ядер железных. 8 ядер пушечных железных, весом по три фунта. 26 мушкетов замошных. Восемь мушкетов фетильных. Два слитка да отсечек свинцу весом 9 пуд без четверти. Жагра да пыжевник. 6 пуд 28 фунтов пороху ручного. 8 фунтов пороху пушечного.

Всего в Казани военного наряду: 14 пушек медных; 35 пушек железных, в том числе одна горела; 7 пищалеи затинных; 263 мушкета с кременными и фетильными замки; отрывок медной пушки; оттирок от дула пушечной; 15 карабинов и мушкетов ветхих; 28 стволов самопальных и мушкетных; 384 ствола мушкетных и самопальных горелых и

рваных, и роздутых; 11 стволов затинных пушек горелых и рваных; 72 замка кремennых и фетильных; 1920 ядер пушечных железных; 132 пуда 27 фунтов с четвертью пороху ручного, 402 пуда 39 фунтов с четвертью пороху пушечного; 55 пуда 37 фунтов с полуфунтом свинцу; 13 пуд фетилю; 17 знамен тафтяных и кумачных; 506 прапорцов копейных, кумачных и китаичетых; шесть пар пистолетных стволов горелых ветхих; 183 шпаги целых и ломаных горелых; 593 списы галанских, в том числе 100 з дrevки; 710 желесцов списных и полусписных; 150 таких же списных желесцов горелых и ломаных; 950 шетов; два дротика железных; 14 буравов подкопных и колесных; 254 трещотки целых и ломаных; четыре кантаря железных; 78 кос-горбуш; 81 уполовник железной; котел медной; два крюка карабинных; гирия железная; пила железная. Ружье, которое взято у казанских салдат, а им вместо того даны фузеи. 142 самопала, 108 турок, 346 мушкетов, 314 фузеи. И у вышеписанного ружья ложи и замки у иных ветхи. 4 гранушки, ложи и замки ветхие же. Пять отрывков гранушных и самопальных. 189 стволов горелых и рваных. Два ствола фузеиных. 11 карабинов и винтовок, ложи и замки ветхи. 17 ядер кашора коренных и при прежних два седла. 13 пушечных станков. Ружье же, которое взято в Казань из городов и ис казанских пригородов и сел для починки. 1307 мушкетов и карабинов, турок и самапалов. Пищаль горелая. 6 стволов затинных горелых. Три ствола затинных. 140 стволов ломаных мушкетных. Два замка. 150 пулек железных. Забойник железной.

А в казанских пригородех и дворцовых селех всего. 4 пушки медные. 29 пушек железных, в том числе рваных. 30 пищалеи затинных. 213 мушкетов з замками и фетильных. Два ствола затинных горелых. 695 ядер пушечных. 10486 ядер затинных пищалей. 39 ядер дробных мелких. 1200 пулек железных. 8 пуд 3 фунта дрови железной и свинешной, 60 усечков дрови же. Два пуда 12 фунтов с полуфунтом пулек свинешных мушкетных. 230 каменных ядер. 48 забоиников железных. 7 фурм медных и железных. 10 труб фетильных. Три запала железных. Три трещотки железных. 21 пуд 35 фунтов с полуфунтом пороху ручного. 180 пуд 25 фунтов пороху пушечного и мушкетного. Две бочки пороху не вешено, потому что бочки ветхи. 160 пуд 12 фунтов с полуфунтом свинцу, три слитка свинцу ж. 27 пуд 38 фунтов с четвертью фетилю, 13 сажень фетилю же. 18 знамен тафтяных и дорогильных, и киндяшных. Пять барабанов. 356 бердышей. 80 прапоров. 108 спис. Два дротика железных. Два каптанармаса. Три алебарды. Две полосы сабельных. 4 протазана. 15 жагр железных. Пыжевник. 58 аршин холсту хрящу. 750 банделер. 370 ремней банделерных. 5 киров. Пуд 18 фунтов железа. 12 фунтов с полуфунтом укладу. А по отписке ис Казани прошлого 704-го году генваря 6-го числа по указу великого государя новоприборным салдатом, которых, будучи в Казани, набирал думной дьяк Автамон Иванов и посланы на Воронеж, дано в Казани ис казны 300 фузей. Да на дачю тем же салдатом прислано в Казань из Синбирска 550 фузей. А по осмотру де те фузей к стрельбе негодны для того, что починены горелые. И в то число взято у казанских салдат и отданы тем же новоприборным салдатом 432 фузей. Всего дано 732 фузей. А на роздачу казанским салдатом вместо взятых у них фузей велели выбрать ис прежняго замочного ружья, которое оберетца с малою починкою. А синбирские де фузеи до указа положены в Казани в Ружейную полату [...].

Источник: РГАДА, ф. 396, оп. 3, д. 3, л. 5-44 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Крепостные сооружения в городах Казанского края в конце XVII века // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2006. № 2. С. 28-43.

№ 19

Указ об учреждении губерний

18 декабря 1708 г.

18 декабря 1708.

Великий государь указал [...] в своем Велико Российском государстве для всенародной пользы учинить восемь губерний и к ним росписать города. А именно те губернии учинены:

I. Московская. Москва, а к ней города по большим дорогам, до определенных городов с верствами. (Перечислено 38 городов: Клин, Дмитров, Переяславль-Залесский, Ростов, Кострома, Любим, Юрьев Польский, Владимир, Суздаль, Шуя, Лох, Коломна, Зарайск, Переяславль Рязанский, Михайлов, Гремячий, Пренск, Печерники, Кашира, Венев, Епифань, Серпухов, Тула, Дедилов, Крапивна, Оболенск, Тарусса, М. Ярославец, Алексин, Медынь, Калуга, Можайск, Боровск, Верей, Царев-Борисов, Звенигород, Руза, Волоколамск. – *прим. ред.*). Итого [с Москвой] 39 городов.

II. Ингерманландская. Санктпетербург, а к нему города: Нарва, Шлиссельбург, Великий Новгород, Псков, Ладога, Порхов, Гдов, Опочек, Изборск, Остров, Старая Русса, Луки Великие, Торопец, Бежецкий Верх, Устюжна Железопольская, Олонец, Белоозеро, Ржева Пустая, Заволочье, Дерптский уезд, Каргополь, Пошехонье, Ржева-Володимирова, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь, Торжок; всего 29 городов. В той же губернии, кроме вышеписанных городов, города: Ямбург, Копорье отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову.

III. Киевская. Киев, а к нему города: Переславль, Чернигов, Нежин, Новобогородицкой, Сергиевской, Каменной Затон, Белгород, Ахтырка, Богодухов, Мурахва, Сенное, Волхов, Сумы, Краснополье, Межиречи, Золочев, Буромля, Рублевка, Городное, Суджа, Лебединь, Мирополь, село Вена, Белополье, Олшанка, Севеск, Курск, Мценск, Путивль, Карачев, Кромы, Рьльск, Брянск, Орел, Новосиль, итого 36. Да из Азовской губернии приписаны в Розряде для близости к Киеву города (перечислено 17 городов с указанием расстояний от них до Киева и до Азова. – *прим. ред.*). Да в Розряде ж приписан Трубчевск, да по росписи господина Голицына приписано из Смоленской губернии: Белев, Волхов. Всего в Киевской губернии 56 городов.

IV. Смоленская. Смоленск, а к нему города: Дорогобуж, Белая, Рославль, Вязьма, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Зубцов, Погорелое Городище, Старица, Козельск, Лихвин, Борисово Городище, Перемышль, Воротыньск. Итого 16. Да из Киевской губернии приписан вместо Трубчевска Одоев. Всего в Смоленской губернии 17 городов.

V. Архангелогородская. Город Архангельской, а к нему города: Колской Острог, Пустозерской Острог, Кевроль и Мезень, Устюг Великий, Тотьма, Соль Вычегодская, Чаронда, Устьянские волости, Вага, Вологда, Галич, Соль Галицкая, Унжа, Чухлома, Парьфеньев, Судан, Кологривов, Кинешма. Итого 20 городов.

VI. Казанская. Казань, а к ней города: Яик, Терек, Астрахань, Царицын, Дмитровской, Саратов, Уфа, Самара, Симбирск, Царев Санчурск, Кокшанск, Свияжск, Царев Кокшанск, Алатырь, Цывилск, Чебоксары, Кашпир, Ядрин, Кузмодемьянск, Яренск, Василь, Курмыш, Темников, Нижний Новгород, Арзамас, Кадом, Елатьма, Касимов, Гороховец, Муром, Мокшанск, Уржум, Балахна, Вязники, Юрьевец-Повольской. Итого 36. Да к Казани, к Астрахани, к Симбирску, к Уфе пригородки (перечислено 34 пункта. – *прим. ред.*). Да по словесному в Ближней канцелярии объявлению Казанского Воеводы Кудрявцова, из Азовской губернии приписано в сию Казанскую губернию Пенза. Всего в Казанской губернии и с селы 71 город.

VII. Азовская. Азов, а к нему города: Троицкой, на Таган-Рогу, Минос, Павловской, Сергиевской да Никоновской у каланчей, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы. всего 52 города. В Азовской губернии города приписные к корабельным делам: Воронеж, Коротояк, Острогужской, Олшанск, Костянск, Землянеск, Орлов, Усмань. Итого 25 городов.

VIII. Сибирская. А в ней города: Тоболеск, Енисейск, Илимской, Тара, Березов, Сургут, Тюмень, Томской, Мангазея, Иркутской, Кузнецкой, Туринск, Нарым, Верхотурье, Якутский, Нерчинский, Красный Яр, Пелымь, Кецкой. Поморские: Кунгур, Пермь Великая, Чердынь, Соль Камская, Кайгородок, Яренск, да ныне приписана вновь Вятка, итого 26, да к Вятке 4 пригородка, всего 30 городов.

Итого в 8 губерниях 314; да приписных к корабельным Воронежским делам 25; всего 339 городов, кроме Копорья и Ямбурга, которые отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову.

Источник: ПСЗ-1, т. 4, № 2218, с. 436-438.

№ 20

Указ царя Петра Алексеевича об устройстве губерний и об определении правителей

29 мая 1719 г.

Великий Государь, будучи в Сенате, слушав расписки губерний по провинциям, указал быть во всем как всех губерний городам, так же и назначенным управителям в Санктпетербургской Губернии в той силе, как во оной росписке изображено, и отправить тех управителей Санктпетербургской губернии в города, дав им инструкции из Сената немедленно, и вступить им во управления, по прежнему Своему Великому Государю Именному указу, июля с 1 числа нынешнего 1719 года неотменно; а в прочие

губернии и провинции, по той же росписке, выбрав командиров в Сенате, по тому же отправлять, приведши к присяге, как наискорее; и прибыв тем командирам в те города, кто куда определен будет, у прежних управителей города и всякие ведомости приняв, управлять им по данным им инструкциям, с того времени, как кто скоро письмом ведомостей исправиться может, а прежних командиров, приняв у них оное, из тех мест отпустить о том приеме с ведомостями, и велеть им явиться в Сенате и в Коллегиях, где кому надлежит и по последней мере вступлением правления далее предбудущего генваря 720 года не продолжать.

[...]

Казанской Губернии города росписаны по провинциям, в них дворового крестьянского числа и ясачных русских и иноверцовых и в них ясаков			
1	Дворовое число		Расстояние между ними
	крестьянских	ясачных	
Казань с пригороды	8713	37580, в них ясаков 16 472	От Казани
Уржум	198	1921, в них ясаков 846	250
Итого	8911	39501, в них ясаков 17312	
Итого дворов крестьянских ясачных		48412	
2			
Свияжск	3207	17059, в них ясаков 4997	От Свияжска
Кокшайск	229		50
Цывильск	74		60
Царево Кокшаиск	327	1436, в них ясаков 1031	80
Чебоксар	245	5612, в них ясаков 2619	80
Яранск	477	880, в них ясаков 629	80
Царево-Санчурск	564	1135, в них ясаков 626	100
Василь	-	-	240
Козмодемьянск	485	4514, в них ясаков 2279	130

Итого	5608	30636, в них ясаков 12181	
Итого дворов крестьянских и ясачных	-	36244	
3			
Пенза с пригородком Рамзаевским	316	5604, в них ясаков 2196	От Пензы 12
Мокшанск	-	-	30
Саранск	3129	1336	50
Итого	3446	6940, в них ясаков 2196	
Итого дворов крестьянских и ясачных	-	10385	
4			
Уфа с пригороды	1198	3134	

Источник: ПСЗ-1, т. 5, № 3380, с. 701, 709.

№ 21

Указ императора Петра II на Уфу башкирцам всех дорог и волостей батырям и старшинам и всем ясачным людям об отделении Уфимской провинции от Казанской провинции, отнесении ее к особому ведомству Сената и назначении воеводой для управления ею бригадира Бутурлина

31 июля 1728 г.

Указали мы, по челобитью присланных от вас выборных челобитчиков, башкирцев Яркея Япчурина с товарищи, в помянутую Провинцию послать Воеводу, нашего Бригадира Петра Бутурлина и быть той провинции в особливом ведомстве нашего Сената, и о всяких делах писать и требовать Нашего указа от того Сената, а Казанскому Губернатору той Провинции не ведать; и будучи ему Бригадиру нашему на Уфе Воеводою, вам Башкирцам и прочим иноверцам никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому никаких чинить, и нападками взятков ни с кого никакими мерами не брать, и подчиненных своих до того не допускать, и во всем поступать по данным вам от Предков наших Великих Государей жалованным грамотам, а сверх положенного на вас Башкирцов ясака, никаких других податей не спрашивать, и тот ясак собирать по срокам, как было прежде обыкновенно, и для того сбора выбрать вам самим меж себя сборщиков, добрых и знающих людей,

кому в том верите, и на тех людей брать у вас выборы с руками, а служивых людей для того в уезды к вам не посылать, а по прошествии срока, ежели которые сборщики на сроке не заплатят, посылать только к тем выборным сборщикам и спрашивать на них. Суд и расправу чинять ему Нашему Бригадиру и Воеводе между вами Башкирцами, так как прежде такие суды были чинены, по прежним данным Воеводским наказам в правду, не чиня никому ни малаго продолжение и волокиты. А когда вы пожелаете челобиться и всяких своих нужд ехать к Москве или в Сепать, тогда для проезду давать ему вам проезкия письма за своею рукою, а воспрещения в том вам не чинить. И понеже мы, наше Императорское Величество, милосердуя к вам, Всемиловитейше повелели ему нашему Бригадиру и Воеводе, ото всяких обид и налог нас охранять и оберегать, того ради надлежит вам, видя такую Нашу Императорского Величества к себе милость, служить нам верно, как деда и отцы ваши служили и положенной ясак платили и беглых русских, мордвы, чуваш и черемис и никаких народов людей подданных наших, не принимать и не держать, а которые из вышеобъявленных беглецы ныне есть, тех приводить на Уфу и отдавать означенному Нашему Бригадиру и Воеводе немедленно.

Источник: ПСЗ-1, т. 8, № 5318, с. 69-70.

№ 22

Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которым они должны поступать

12 сентября 1728 г.

[...] 16. *О осужденных к ссылке на галеру или к смертной казни.* – Ежели по каким делам за вины, кто будет достоин ссылке на галеру или смертной казни, и о таковых Воеводам учиня обстоятельныя выписки, и подписав приговоры, для апробации отсылать к Губернаторам с товарищи, а Губернаторам те дела рассматривать и решить в неделю, а конечно в две недели, не отговариваясь ни чем, чтоб от того продолжения колодников не умножалось; и реша, отсылать по прежнему к Воеводам, а им получа, поступать по тому Губернаторскому определению; а ежели скорее за чем невозможно будет, конечно в месяц; а не посылая из тех дел выписок и приговоров для апробации к Губернаторам с товарищи, Воеводам экзекуций отнюдь не чинить.

17. *О шпионах.* – Губернатору и Воеводе стараться и смотреть, чтоб никакие шпионы от Государственных неприятелей в Губернии и Провинции не были, и через письма или словесно простых людей от их верности которою они Его Императорскому Величеству и Государству обязаны, не отклоняли, но как возможно, об оных разведывать; и ежели такие явятся: и их имая, Воеводам отсылать к Губернаторам, а им розыскивая, писать о том в Сенат и в Военную Коллегию, и, ежели что будет прилично для предосторожности, в ближние военные корпуса к первенствующим над таким корпусом.

18. *О развратниках в вере.* – Хотя церковные дела и искоренение раскольнических ересей в ведении Святейшего Синода, а в Епархиях у Архиереев, однако же ежели такие

люди явятся, что тайно или явно людей от правохристианской Восточной Кафолической веры отвращают, а навращают на другие законы или какие ни есть ереси, против церкви вводят, а Губернатору и Воеводе о том будет известно: таких имая, отсылать в Сенат за караулом.

19. *О обрезывающих в Магометство и о крещающих в иноверство.* – Понеже в Российской Империи многие подданные обретаются иноверцы, а именно: Мордва, Чуваша, Черемиса, Остяки, Вотяки, Лопари и иные им подобные, из которых народов не безизвестно есть, что Магометане превращают в свою веру, и обрезывают, чего Губернатору или Воеводе накрепко смотреть, и отнюдь до того не допускать. А ежели явятся такие Магометане или другие иноверцы, которые тайно или явно кого из Российских народов в свою веру превратят и обрежут, таких брать и разыскивать, и по розыску чинить указ по Уложению 22 главы 24 статьи, а именно: казнить смертью, ежечь без всякого милосердия.

Источник: ПСЗ-1, т. 8, № 5333, с. 100.

№ 23

Указ Сената о выборе башкирских аманатов и о содержании их в городе Уфе; и о неупотреблении их ни в какую работу

13 сентября 1728 г.

Высокий Сенат, на выписке против прошений Уфимского уезда разных дорог башкирцов и ясачных татар и черемис о свободе взятых у них в прошлых годах в города Уфу и Урю и в пригородок Каракулин и в Тобольск аманатчиков, которых заставляють всякую работу работать. А из Уфимской Провинции справкою показано: в присланной де на Уфу в 1772 году грамоте, велено Башкирских аманатчиков из Казани перевести на Уфу, и переменять их братья башкирцами добрыми и родственными аманаты, по которой грамоте те аманаты из Казани были и переведены и содержались в Уфе с переменою. А с прошлого 1708 года за Башкирские шатости содержится аманатов башкирцов и мещеряков и черемис в Уфе и в Уфимском пригородке Бирске 50 человек не знатных людей и самые скудные, а в работу не берутся; приказали: к Уфимскому Воеводе послать указ, велеть об аманатчиках поступать, как по прежней 7172 году грамоте чинить повелено в одной Уфе, а в других городах аманатчикам не быть; а кои будут и на Уфе, тех ни в какую работу не употреблять.

Источник: ПСЗ-1, т. 8, № 5334, с. 112.

№ 24

Указ Сената о ведении служилых мурз и татар, по судным и прочим делам исключительно в Казанской губернской канцелярии

1 ноября 1750 г.

1750 года октября 8 и 29 чисел, в собрании Правительствующий Сенат по объявленной Сенатора Генерала и Ея Императорского Величества генерала-адъютанта лейб-гвардии подполковника действительного камергера и кавалера Александра Борисовича Бутурлина челобитной, Казанской губернии всех положенных в сумму Адмиралтейскую служилых мурз и татар Якуба-Биметева с товарищи, которые они подавали Ея Императорскому Величеству и Ея Императорское Величество соизволила указать: оную челобитную у них принять для надлежащего по указу рассмотрения в Правительствующий Сенат. А во оной написано, что блаженные и вечной славы достойные памяти Государь Император Петр Великий Всемиловитвейшее указатель определить им из Казанского в рассуждении их малозычия и за не незнанием прав, особливого правосуда, которой был в силе оногo Всемиловитвейшего указа от оногo Приказа и определен, коему все они служивые в охранении и вручены, ибо оному Правосуду повелено не только случившихся между ими и прочими людьми ссоры разбирать, но и касающиеся по интересным Ея Императорского Величества делам суд и расправу производить ему только Правосуду в одном месте, в котором распоряжении и было им истинное без всякой тягости правосудие. А в 1718 году Его же Императорское Величество Именным Всемиловитвейшим указом повелел бывшему в Казанской Губернии вице-губернатору Кудрявцеву написать их всех служивых мурз и татар к рубке, теске и вывозке корабельных, галерных, ботовых, шлюпочных и прочих лесов, почему тогда были они и написаны, и с оногo 1718 года даже и поныне находятся при той корабельной работе в сумме Адмиралтейской, и исправляют оную с усердностью; а кроме и оной бывали в разных походах и сражениях, и без жалованья своим коштом служили, о чем есть небезизвестно, а притом и положенные подушные деньги и прочие требуемые по указам поборы платят и рекруты и драгунские и подъемные лошади отдают исправно и бездоимочно; чего ради по написании уже их в сумму Адмиралтейскую к корабельной работе, и учреждена в Казани особая Адмиралтейская Контора, которой было и велено их такожде судом и расправою ведать в одном месте, и в силе вышечисанных Всемиловитвейших указов, они служивые мурза и татар, будучи во всем судом и расправою и в распоряжении нарядом к корабельной работе, в одном месте только в той Казанской Адмиралтейской Конторе по 1731 год, во всякой от налог и обид и от нападения проих команд защищении были, а в оном 1731 году 1 июня 6 числа, по силе Именного блаженные памяти, Государыни Императрицы Анны Иоанновны указу, уже только кроме одного наряду Адмиралтейских дел, от той Казанской Адмиралтейской Конторы отрешены, а подвержены во всех судных делах разным командам, то есть Казанской Губернской и той губернии провинциальной воеводским и другим, в той губернии находящимся, канцеляриям, только по тому единому, что татару Симбирского деревни

Чукас Исмаиль, да Саранского уездов деревни Троевской Вершин Роман Кодриков явились в воровствах, почему из оных оной татарин Исмаиль и содержался в реченной Казанской Адмиралтейской Конторе под караулом, из которого заключения убежал за учиненные свои виновности надлежащего по указам лстязания, воровски ушед, обще и согласником своим, показанным Кодриковым, в Москву и умысля воровски, не имея не только надлежащего выбору и мирского приговору, но и словесного приказания, собою сочинили составную челобитную и подали в Правительствующий Сенат, по которой их ложной челобитной Правительствующий Сенат, не зная того их плутовства, но уповая, якобы то их прошение по данному им выбору справедливое, докладом Всемилостивейшей Государынь представил, на которой выше изображенной 1731 года о ведении их судом и расправою в разных командах указ и получил, почему они лишась единого места их правосудия, от всех имевших в Казани разных канцелярий, так пржеостоко от посылающих из тех мест командированных команд изнуряются, яко то сбиранием безпрогонию подвод, с проводники провианта и фуража и всяких съестных припасов и живности, да и притом по необстоятельным восприявших из них иноверцов Святое крещение, от Епархиального Архиеерея утесняются, которых отягощений по тем их новокрещен доносам и описать всех не могут но только, яко малоязычные, все оное изнурение до ныне претерпевали, по чему уже едва не все пришли в такое совершенное разорение, что не только могут корабельную работу отправлять, но и положенные подушные деньги платить, рекруты и лошади отдавать находятся не в состоянии, понеже от означенных несносных отягощений ныне их защищать, яко подверженных по указу 1731 года в разные, а не одной команде, места, некому, ибо от тех команд всеконечно во всем крайне разоряются. А понеже де и Ея Императорские Величество Именным 1741 года указом повелеть соизволила, чтоб все, блаженные и вечной славы достойные памяти, Государя Императора Петра Великого указы и узаконении и регламенты исполнять и по ним неотменно поступать, и в силу оногo возобновительного Ея Императорского Величества Высочайшего указа, желают они все Казанской Губернии служивые иноверцы быть в защищении по узаконению Его Императорского Величества в судных, розыскных и прочих делах, в одном только месте, а не во всех командах, то есть в Адмиралтейском ведении по пржежнему, и просят, чтоб повелено было все выше предписанное их прошение Высокомонаршеское Ея Императорского Величества рассмотрение принять и Монаршеское в том им узаконене учинить и Всемилостивейшее указать в силе узаконений, блаженные и вечной славы достойные памяти, Государя Императора Петра Великого и Ея Императорского Величества 1741 года, во всех судных и прочих делах ведать по пржежнему одному месту, дабы от того последовало исправное в заготовлении лесов рачение и в платеж подушных денег платеж и прочее и они б напрасно не изнурялись. И по учиненной в Сенате из указов выписке, приказали: понеже на означенном их прошении, якобы в 1731 году помянутые татара Симбирского уезда Чукас Исмаиль, да Саранского Кодриков, о вышеписанном в Правительствующем Сенате били челом, ушед из под караула, не имея не только надлежащего выбору и мирского приговору, на их ложном показании собою утвердиться не можно, ибо они с состояния означенного 1731 года указа донныне близь 20 лет о том не били челом, и состояли под ведением губернаторов

и воевод, к тому же и нынешнее их челобитье от всех ли Казанской Губернии положенных в сумму Адмиралтейскую татар им поверено и подлинно ли они для того выбраны без свидетельства, увериться на том одном их прошении не можно же; и того ради Казанской Губернской Канцелярии, как о вышеобъявленных прежних 1731 года челобитчиках, по выбору ль мирскому тогда они били челом, или сами собою без всякого выбору ушед из под караулу, как в том их челобитье показано, так и помянутые нынешние челобитчики подлинно ли по выбору от всех тех приписных к Адмиралтейству татар бьют челом, взяв от них тот выбор, освидетельствовать и исследовать, и что явится, представить в Правительствующий Сенат; а между тем им татарам быть в ведении в губернской, провинциальных и воеводских канцеляриях по прежнему, как поныне состояли; а притом оной Губернской Канцелярии в оныя Провинциальные и Воеводские Канцелярии накрепчайшее подтвердить указами, дабы оным Татарам ни малейших обид и утеснений чинено не было; под опасением штрафа по указам.

Источник: ПСЗ-1, т. 13, № 9814, с. 368-370.

№ 25

Рассказ П.И.Рычкова об основании Сеитовой слободы близ Оренбурга, приведенный в его сочинении «Топография Оренбургской губернии»

Не ранее 8 августа 1755 г.

Каргалинская, она ж и Сеитовская, оренбургских торговых татар слобода, вверх по реке Сакмаре от Бердской слободы верст с 20, а от Оренбурга 18 верст. К поселению тут во первых явился в Оренбургской губернской канцелярии казанский торговый татарин Сеит Хаялин с детьми, обещаясь на то поселение и других охотников Казанской губернии из пожиточных торговых татар приискывать, предложит некоторые кондиции по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии и прося, чтоб они притом поселены были и уволены от рекрутских наборов, а вместо того служить бы им во время нужды около Оренбурга службы с прочими нерегулярными людьми; почему представлено было Правительствующему сенату, и дан ему, Сеиту, из оного августа 8 дня 1755 г., за подписанием всего Правительствующего сената указ, чтоб его, Сеита, и с детьми к тому селению допустить, и прибрать бы ему, к себе на оное поселение из татар Казанской губернии до двухсот семей, людей добросостоятельных и торги производить могущих, считая в семью отца с детьми и со внучатами, тако ж и братьев, кои не в разделе, а для работы посторонних к семейству принимать бы по рассмотрению Оренбургской губернской канцелярии. Притом на вышеписанном основании все они уволены от рекрут, позволено иметь мечеть по их закону, а для их изворота отведена им пространная земля с довольными угодьями; сверх того под хуторы, и для разведения

сева хлопчатой бумаги, позволено им у башкирцев земли кортомить и покупать, о чем в том данном ему, Сеиту, указе обстоятельно изображено. И так их записалось на то поселение, и ныне по переписи числится их всех, мужеска полу 1158 душ, из которых 998 душ подушные деньги платят в Оренбургскую губернскую канцелярию, а за 160 душ до будущей ревизии отсылаются на прежние их жилища. Дворового числа в оной слободе имеется до трехсот дворов, которые все построены по течению реки Сакмары и по речке Каргале, впадающей в Сакмару, гораздо не худо; а о середине жила на каменном фундаменте сделана такая мечеть, которой больше и лучше, как сказывают, во всей Казанской губернии ныне нет.

Опубликовано: История Татари в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 242.

№ 26

Инструкция Землемерам, осуществляющим размежевание земель

13 февраля 1766 г.

Императорское Наше намерение и точное повеление нынешним генеральным земель размежеванием, единственно развести всех владельцев в спорах по их земляному владению, и тем доставить всем поселянам, в оном покой и тишину, а к Государственному общему Экономическому правлению получить обстоятельное сведение, и планы всем состоящим в Империи нашей земляным дачам и урочищам; для того отправляемым к исполнению сего Нашего намерения землемерам, отнюдь размежевание земель как не обращать ни чем в редукцию их земель и не ревизировать у владельцев крепостей, так и не употреблять притом никаких предписаний из преждеизданных о межевании земель писцовых Наказов, прежней Межевой Инструкции и всех разных времен о том указов, из которых преждеизданные поныне о размежевании земель инструкция и разных времен указы, совсем, а Писцовые Наказы по касающемуся только до межевания земель, сею инструкциею отменяются; при нынешнем же межевании повелеваем землемерам поступать единственно по нижеписанным пунктам:

30. В размежевании смежных к выгонным и ко всем градским землям уездных, как Дворцовых и состоящих под ведением Коллегии Экономии и других мест казенных волостей, так и помещичьих, равным образом ямских, новокрещенских, татарских, мордовских, чувашских, словом, всякого звания владельческих земель, по их полюбовным отводам, при самих владельцев, или их поверенных, а Дворцовых и прочих казенных волостей при определенных управителях и поверенных же и при понятых сторонних людях, во всем такой порядок вести и хранить, как выше предписано.

31. В которых же однодворческих и прежних служб служилых людей, также в черносозных, татарских, мордовских и чувашских селениях особь определенных

управителей нет, то в принадлежащих к таким селениям землях, с смежными владельцами разводиться выбранным тех селении от жителей поверенным.

97. Когда по наезду землемеров усмотрены будут у некрещеных мурз и татар во владении русские крестьяне, и тех крестьян, также землю и угодья, чем те крестьяне владеют, межевать к селам и деревням, означивая, в чьем владении сколько крестьян и земли оказалось, и отписывая под казенное ведомство, представлять о том в Межевые Канцелярию и Конторы, а от оных сообщать в Вотчинную Коллегию и в Канцелярию Конфискации, которой подлежащие с них доходы собирать так, как и с прочих состоящих в казенном ведомстве Государственных крестьян положено.

Источник: ПСЗ-1, т. 17, № 12570, с. 560-561, 565, 575-576.

№ 27

Список мусульманских депутатов Уложенной комиссии 1767-1768 гг.¹

№ п/п	Имя, фамилия	Кого представлял	Место жительства
1.	Татарин Абдул Абдулжалилов	татар Бухарского, Гилянского, Агрыжанского дворов	г. Астрахань
2.	Татарин Бакей Абитов	служилых татар Казанского уезда	Казанский уезд
3.	Татарин Рахманкул Алкин (умер 24 декабря 1775 г.)	служилых татар Адмиралтейского ведомства Казанского уезда	Казанский уезд Алатская дорога д. Уразлина
4.	Татарин Ярмек Арсланов	служилых татар Адмиралтейского ведомства Вятской провинции	Вятская провинция Слободской уезд
5.	Татарин Сахандык Базеев	татар г. Кизляра	г. Кизляр Астраханской губернии
6.	Татарин Ярмек Давыдов	ясачных татар Свяжского уезда	Свяжский уезд д. Бикеево Князь-Ишеевой сотни
7.	Мулла мурза Абдулла Тавышев (Даутов)	служилых мешеряков Исетской провинции	Исетская провинция
8.	Мурза Аюп Еникеев	служилых мурз и татар Пензенской провинции	Пензенская провинция, д. Бегеевой
9.	Бухарец Абдулгафар Ибрагимов (умер 9 октября 1767 г.; вместо него избран Иса Абдрахманов)	татар и бухарцев Сибирской провинции	Сибирская провинция

¹ Список составлен Ф.Г.Ислаевым

№ п/п	Имя, фамилия	Кого представлял	Место жительства
10.	Мулла Апмугамет Ибрагимов	служилых татар Ичкинских и Багарятских юрт	Исетская провинция
11.	Писарь Мансур Ибрагимов	ясачных тептяр и бобылей Оренбургской провинции	Оренбургская провинция
12.	Писарь Мугамет Карим Ибрагимов	ясачных татар Уфимского уезда	Уфимский уезд Казанская дорога д. Куядык
13.	Мурза Бахтый Идебердеев	служилых мурз и татар Адмиралтейского ведомства Симбирской провинции	Симбирская провинция
14.	Татарин Ураз Ишмаков	служилых мурз и татар Адмиралтейского ведомства Тамбовской провинции	Тамбовская провинция
15.	Старшина Токтамыш Ижбулатов	башкир и тархан 4-х дорог Уфимского уезда	Уфимский уезд Осинская дорога Тайнинская волость
16.	Татарин Колман Иштерьяков	ясачных татар Кунгурского уезда	Кунгурский уезд Верхиренская четверть д. М.Телес
17.	Старшинский сын мещеряк Абдулжалил Максюттов (лишен депутатского звания за участие в восстании Пугачева)	мещеряков Уфимской провинции	Уфимская провинция
18.	Мурза Якуп Мангушев	служилых мурз и татар Алатырского и Курмышского уездов	Алатырская провинция
19.	Татарин Мансур Полатаев	торговых татар Сеитовой слободы	Сеитова слобода г. Оренбург
20.	Татарин Абдрешит Сеитов	ясачных татар Казанского уезда	Казанский уезд Ногайская дорога д. Вершины р. Нараткуль
21.	Татарин Ибрагим Таиров	ясачных и служилых татар Ставропольская провинция	Ставропольская провинция
22.	Татарин Сулейман Телмеев	татар Казанской слободы г. Астрахани	Казанская слобода г. Астрахани
23.	Бимурза князь Урусов (позднее признан дворянским депутатом, избран кандидатом в комиссию о рудокопании коммерции; после смерти избран сын Исхак)	служилых мурз и татар, табунных голов	г. Астрахань
24.	Татарин Сагит Халфин	служилых мурз и татар Старо- и Новотатарских слобод г. Казани	Старо-Татарская слобода г. Казани
25.	Бухарец Ивельямин Хансеитов	служилых и ясачных татар Сибирской провинции	Сибирская провинция
26.	Татарин Вялш Юлгушев	служилых мурз и татар Шацкой провинции	Шацкая провинция

№ п/п	Имя, фамилия	Кого представлял	Место жительства
27.	Старшина Базаргул Юнаев	башкир, сартов, калмык Исетской провинции	Исетская провинция
28.	Мулла Мустафа Юсупов	служилых мурз и татар Свияжской провинции Адмиралтейского ведомства	Свияжский уезд д. Исакова

Извлечено из: Ислаев Ф.Г. Татары в Екатерининской Уложенной комиссии 1767-1768 гг. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2003. №3/4. С. 42-46.

№ 28

Наказ купцов подгородной Сеитовской татарской слободы

1766 г.

[л. 53об.] Оренбургской подгородной Сеитовой татарской слободы от всех жителей торговых татар оной же слободы торговому татарину, выбранному по силе Манифеста Ея Императорского Величества декабря 14 числа прошедшего 1766 года состоявшегося, в Москву в комиссию о сочинении проекта Новаго Уложения в депутаты Мансуру Палатаеву.

Понеже выбран ты всеми нами, как выше упомянуто, по силе изображенного Ея Императорского Величества Манифеста от слободы нашей в Москву в комиссию о сочинении проекта Новаго Уложения для представления о наших общественных крайнейших и необходимых нуждах, о чем тебе от нас и особое за подпискою нашею на основании означенного же Манифеста полномочие дано. Того ради сим наказом тебе мы и поручаем по приезде в Москву в реченой комиссии о сочинении проекта Новаго Уложения на высокое оной комиссии рассмотрение [л. 54] // нижеписанныя нами общественныя крайнейшия и необходимыя нужды сим нашим тебе данным наказом представить и просить об оных нуждах милостивейшаго рассмотрения.

1

Данной из Правительствующаго Сената в 1745 году августа 8 дня умершему нашему старшине Сеиту Хаялину указ, по которому мы, нижайшие, из разных уездов в помянутую нашу слободу к поселению для распространения оренбургской коммерции и приохачивания к оной киргис-кайсаки и протчих азиатских народов вызваны в его силе так же и нас, нижайших, в нынешнем нашем торговых татар звании на всегдашнее время. Нижайше просить тебя высочайшим Ея Императорскаго Величества имянным указом вновь подтверждения, с котораго указу копию при сем прилагаем, а подлинной оставлен у старшины нашего. Почему и подушные деньги определить нам, нижайшим, платить обще с оренбургскими купцами в равенственной по сороку алтын 3 души, которой мы до 761 году и платили. А от платежа прибавленных на нас с того 761 года к тому сорока алтынному окладу против них, оренбургских купцов, еще до шестидесят копеек с души денег нас нижайших, уволить. Ибо мы, как выше значит, состоим не в числе ясажных, но точно торговыми татарами и с помянутыми оренбургскими купцами, кроме того подушных денег платежа, во всем на одном праве, а не инаково с коими, также и приезжающими из российских городов купцами мы ежегодно в летнее время на Оренбургском и Троецком меновных дворях с киргис-кайсаками и протчими азиатскими народами подаваемым от старшины нашего с выборными аттестатом беспрепятственно и торги производим. И не столько стараемся для своего капитала, а сколько о распространении и приведении оренбургской коммерции в лучшее состояние. С котораго производимаго нами торгу и пошлин в казну Ея Императорского Величества платим не малую сумму. А сверх того и внутренней всегдашней торг в Башкирии Уфимскаго и Исетскаго [л. 54об.] // уездов и в великороссийских городех,

так же и хлебопашества для себя и продовольствие оренбургских жителей и промена киргис-кайсакам производим же. Некоторые же из нас в прошедших годах для торгу же и в азиатские города, яко то Хиву, Бухарию и Ташкент при казенных караванах ездили. К тому же состоявшейся о шести гривенном зборе из Правительствующаго Сената от 12 числа октября 1760 года указ гласит не на купцов, но на одних государственных и черносошных и протчих крестьян, которыя состояли в семи и четырегривенном окладе.

2

В выше изображенном данном из Правительствующаго Сената умершему старшине нашему Хаялину в 1745-м году августа 8 дня указе между протчаго предписано о освобождении нас от всякой градской службы и от постоев, поступать на основании данной городу Оренбургу всемилостивейшей 1734 года июня 7 числа привилегии, с которой копию же у сего прилагаем. А той привилегии нижеписанными пунктами повелено: // [л. 55] 13-м, никого из граждан неволею ни в какие службы и делам и к заборам и в щетки не брать и тем от их гражданского промыслу отнюдь не отлучать. 14-м, постоев никакова у всех граждан не ставить и ничем граждан не обязывать и дров и свеч от них не требовать. Сверх того по объявленному указу с нас и рекрут брать не велено. А вместо того нам, ежели от чего, боже сохрани, какое от воровских людей при Оренбурге нападение учинится на табуны или на подобное тому, в таком случае обще с жителями к обороне и поискам приступить и оборонять. И тако хотя мы на таком основании до сего Высочайшею Ея Императорскаго Величества монаршескою милостию и пользуемся. Однако ж и ныне тебе нижайше просить из высочайшей же Ея Императорскаго Величества монаршейской милости нас на всегдашнее время потому ж от щетчиков к денежной казне, к приему провианта и фуража и от градской и воинской всякой службы, также от рекрутских наборов и от дачи полкам фуража и сена, а дома // [л. 55об.] наши от постоя уволить. А оставить, как мы до сего на основании вышеозначенного данного из Правительствующаго Сената в 1745 году умершему нашему старшине Хаялину указу находились единственно для распространения оренбургской коммерции и приохачивания ко оной киргис-кайсак и протчих азиатских народов, как то мы нарочно для того к поселению в помянутую нашу слободу из разных уездов и выписаны и во оной яко в пустом и пограничном месте, а оставя прежние свои выгодные места, во исполнение высочайшаго Ея Императорскаго Величества повеления поселились, не чувствуя чрез то переселение и обзаведение домашнею нашею экономиею понесенные нами немалые убытки и трудности по известному безлесному здешнему месту. А что принадлежит и до службы нам вместо рекрут, то и в том бы оставлены мы были также как до сего находились. Понеже мы сверх повеленной нам вышеизображенным, данным из Правительствующаго Сената в 1745-м году августа 8-го числа, указом // [л. 56] службы в 1755 году для искоренения бунтовавших тогда в Уфимском уезде воров башкирцов с нерегулярными войсками в поиски неоднократно употреблялись по немалому числу партиями, где довольное время и продолжались без жалованья, на своем коште. А к тому неоднократно же посылаемы были в киргис-кайсацкую орду к хану и салтанам с письмами, куда и всегда по востребовавшей нужде из нас посылаются же все на своем же коште. И все те службы исправляемы нами со всякою верностию и усердием, в

засвидетельствование чего и похвальные указы как единственно всей нашей слободе, так и некоторым особливые, а другим и сабли пожалованы. Которые службы мы по верноподданической нашей должности, яко по званию нашему согласующия и впредь со всею нашею охотою исправлять долженствуем. Фуража ж и сена по востребовавшей впредь на полки нужде никак нам приготовить будет невозможно, потому что пашенной земли, а особливо сенных покосов состоит по числу нас так во владении числу нас так во владении у нас мало, что принуждены мы // [л. 56об.] бываем и для своего домашнего извороту каждой год у сторонних владельцев в наем брать и чрез то уже изворот свой иметь. [...]

Источник: РГАДА, ф. 342, оп. 1, ч. 11, л. 53-81об.

Опубликовано: Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. Уфа, 2005. С. 197-208.

№ 29

Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам

25 мая 1766 г.

К достижению неперменного Нашего Всемилостивейшего намерения и повеления о размежевании во всей Российской Нашей Империи всех владельцев в их земляных дачах, эти Канцелярии и Конторы учреждены от Нас единственно на то, дабы под смотрением и управлением их, отмежеванием земель к селениям, а всякой особо пустоши по их настоящим названиям, пресечены были споры в землях к селениям и пустошам принадлежащих, а не во владениях селений и пустошей, в чем споры предоставляются обыкновенному, по прежним Государственным законом, суду и рассмотрению в том крепостей Нашей Вотчинной Коллегии; имея Наше Императорской Всемилостивейшее желание, чтоб таковым земель обмежеванием доставлены только были всем поселянам покой и тишина, а к Государственному правлению о всех земельных владениях настоящие сведения и планы того ради прежде изданных поныне, о размежевании земель, инструкция и разных времен указы со всем, а писцовые указы, но касающемуся только до межевания земель, сею инструкциею отменяются. И потому при нынешнем земель обмежевании, как ни чего из оных наказов, прежней Межевой Инструкции и разных времен указов ни под каким видом не заимствовать, так в землях редукции не чинить, и у тех владельцев, которых владения бесспорно межами обведены будут, крепостей не ревизировать, но единственно Межевым Канцеляриям и Конторам поступать во всей неперменной точности по нижеписанным здесь главам и пунктам, сочиненным в следствие прежде изданных и в Государстве уже опубликованных от Нас о Государственном межевании генеральных правил.

Гл. XXII. *О иноверческих землях Низовых городов.*

1. Состоящие за мурзами и татарами, за мордвою, чувашею и за другими иноверцами земли, утверждать по писцовым и межевым книгам и по дачам к их селениям, на таком точном основании, как о всех принадлежащих к селениям землях положено. Но дабы сии иноверцы от смежных с ними владельцев, корыстолюбивых и алчных к несправедному получению себе земель, из владения других не могли каким образом через полюбовные разводы обижены быть; для того повелеваем при начатии межевания в тех местах губернаторам, выбрав из офицеров команды своей способных людей, определить на то, чтоб они при полюбовных тех иноверцев со владельцами в землях разводах были, и их предостерегали и предохраняли, а в случае несправедливости других, о том им изъясняли, и землемерам споры объявили, поступая при том по самой справедливости.

2. У которых мурз и татар были русские крестьяне, и за некрещение тех мурз и татар отписаны с землями и угодьями, чем те крестьяне владели, оныя, также и оставшие за мурзами и татарами, что в их (кроме крестьянского владении было, межевать каждое владение порознь.

3. Из таких отписных мурзинских и татарских деревень приписанные к Дворцовым волостям, ежели оныя состоять с Дворцовыми волостями в смежности, межевать обще с теми волостями одною окружною межою.

4. Пожалованные в разные времена, и розданные за восприятие православной веры греческого исповедания, оставлять за теми людьми, кому пожаловано и отдано.

5. Где же и ныне окажутся во владении некрещеных мурз и татар русские крестьяне, тех с землею и с угодьями, чем те крестьяне владеют, отписывать в казенное ведомство, и от владеемых мурзами и татарами земель отмежевать особо, сколько же таких крестьян и земель отписано и отмежевано будет, о том ведомости присылать в Вотчинную Коллегию и в Канцелярию Конфискации, а Вотчинной Коллегии представлять Сената Нашего в Межевую Экспедицию; Канцелярии же Конфискации с тех крестьян подлежащие доходы собирать так, как и с прочих состоящих в казенном ведомстве Государственных крестьян положено.

6. Кто из новокрещенных мурз и татар, отписными у них за некрещение деревнями сами и дети и внучата их, и другие посторонние, новокрещенные же, не бить челом о даче им за крещение, и не получа дач, владеют собою, таких от владения впредь до указа хотя и не отрешать, но межевать особо, и писать о том в Вотчинную Коллегию, а той Коллегии получа, рассматривать, надлежит ли то за ними утвердить? И рассмотря, для окончательного решения представлять в Наш Сенат.

7. Заселенные иноверцами, оставшие за отпискою, и подкидные иноверческие и всякого рода казенные бывшие прежде порозжие земли, которыми они владеют без дач, к тем их селениям отдавать положенную на число душ пропорцию, то есть, на каждую душу по 8 десятин, казенным без взятья денег, а владельческим со взятьем продажным землям тройной цены такую же пропорцию, или сколько они за тройную взять пожелают.

8. В их же иноверческом владении состоящие из оброков посторонних владельцев земли утверждать, за кем оныя по дачам и крепостям, но с тех земель иноверцев, ежели

поселение имеют, не ссылатъ, а оставить на волю владельцев до того времени, пока обе стороны один в платеже оброков, а другие в приеме того, и в отдаче своих земель будут согласны.

9. Оброчные же мордовские, черемисские и чувашские, ясачные и другого подобного сим звания иноверческие, также и покидные татарские земли, которые по оброкам состоят у их братьи мордвы, черемисы и чуваша, межевать к их селениям положенною же на число душ сей главы в 7 пункте пропорциею.

10. По данным от иноверцев некрещеных разным владельцам, также и новокрещеным на земли купчич, закладным и другим всякого рода крепостям принадлежать будут, а о таковых крепостях писать в Вотчинную Коллегию, а ей, учиня по оным законное рассмотрение, представлять к решительному о них положению Сената Нашего в Межевую Экспедицию.

11. От них же мурз и татар некрещеных, проданные мурзам и татарам не крещеным же, утверждать, кому что продано, и по другим правильным крепостям дошло.

12. Равно сему, кто из мурз и татар крестились, и крестьясь, из своих дач или из покупных ими у новокрещеных же до 714 года, что променили и поступились и до того указа, и после того продали и заложили владельцам и своей братьи новокрещеным, так как и от владельцев новокрещеным, же променные и по купчим проданные, а по закладные просроченные и другими образами укрепленные, к их каждого селениям утверждать, кому что променено, продано и заложено, по дачам и по разным крепостям дошло.

13. Розданные до указа 7191, мордовские, чувашские и черемисские оброчные и татарские покидные земли утверждать за теми владельцами, кому что отдано, и сколько за кем ныне таких дач во владении окажется.

14. Такие же иноверческие оброчные и покидные земли, на которых владельцы, также Дворцовых, Синодальных, Архиерейских и монастырских вотчин крестьяне поселились без дач собою, отдавать к тем селениям по числу душ предписанною в 7 пункте сей главы пропорциею, Дворцовым, также Синодальным, Архиерейским и монастырским, яко казенного ведомства, безденежно, а владельцам со взятием тройной цены; но из тех земель владельцам отдавать столько, сколько они взять пожелают, однако же не больше положенной пропорции, а за тем оставшие обмежевывать в казенные земли особыми окружными межами.

15. О всех имеющихся татарских, чувашских и других иноверцев и новокрещеных в дачах бортных угожьях, бобровых гонах, рыбных и звериных ловлях, написанных за ними по писцовым книгам и по дачам, поступать сей инструкции по 25 главе.

Источник: ПСЗ-1, т. 17, № 12659, с. 771-773.

№ 30

**Указ императрицы Екатерины II,
данный генерал-поручику Якоби, об устройстве Уфимской губернии**

14 января 1782 г.

Снабдив вас всеми повелениями, касающимися до введения в надлежащее исполнение учреждений Наших по Уфимской Губернии, находим Мы нужным в разсуждении разности тамошнего края и населяющих его людей преподать вам следующие предписания:

1. Как Уфимское Наместничество заключает в себе разные горные заводы, ломку соли и пограничные для сбора пошлин Таможни: то и снабдена тамошняя Казенная Палата по сим трем частям дохода Нашего потребными Экспедициями в штате положенными. Надлежит только принять оным за правило: 1) чтоб до будущего установления о заводах и таможнях, частное над ними смотрение оставалось на на прежнем основании; 2) чтоб Казенная Палата ведая заводы казне принадлежащие, в управление заводов частных людей не вступался; и 3) чтоб относительно учреждения магазинов для соли и определения приставов поступаемо было по точной силе изданного от Нас устава.

2. По уважению на состояние обитающих в Уфимской Губернии башкирцов и мещеряков, назначили Мы в штате в Уфимской Провинции восемь, а в Оренбургской две Нижние Расправы в том виде, дабы вы могли из оных учредить особые Нижние Расправы для сих народов, не именуя их по званиям их, но по местам, где учреждены будут. Равным образом в Нижних Земских Судах, кроме двух таковых Судов, определили Мы иметь по три сельские Заседатели, дабы вы в то число могли поместить выбором по одному и из селений башкирских и мещеряцких; а что принадлежит до Верхней Расправы и до сельских Заседателей Совестных Судов, вы не оставите приложить старание, чтоб и тут из сих народов выбраны были.

3. Если кто либо из старшин их в верности неподозрительных, почтенных в обществе их, паче же известных по службе Нам, найдутся способными к помещению и в другие должности, о таковых вы можете Сенату Нашему для приличного помещения в должности представить, обнадеживая их, что радетьное ими исправление званий на них возлагаемых послужит к приобретению им чести и дальнего производства на ряду с прочими Нашими подданными.

4. В рассуждении, что в городе Оренбурге обер-комендант долженствует быть занять наблюдением за местами в сем областном городе учреждаемыми, и сверх того пограничными делами, Мы по примеру других городов, где находятся обер-коменданты, назначили для полицейской части в помощь ему в штате при нем Городничего, который и должен состоять в точной зависимости от обер-коменданта.

5. Пограничные дела с соседственными тамошними народами отправлять обер-коменданту под главным руководством вашим, а для помощи ему иметь одного Канцелярии или Надворного Советника Секретаря, переводчиков, толмачей и прочих нужных служителей, чему примерный штат при сем прилагается.

6. За исключением городов Уральска, Гурьева и устья реки Эмбы с принадлежащими к тому по способности селениями и местами к Астраханской Губернии, прикрытие границ по течению той реки, соединение учреждаемых линий и прочих укреплений с таковыми же других Губерний Уфимскому Наместничеству прикосновенных относиться будет к попечению вашему, подробные же Наши по сему делу повеления вскоре по собрании потребных известий последуют.

7. Госпиталь пограничный и аптека, с прочими чинами к тому принадлежащими, имеют остаться по прежнему основанию в Оренбурге до будущего повеления Нашего.

Примерный штат чинам, полагаемым для отправления пограничных дел в Уфимском Наместничестве. (Смотри Книгу Штатов).

Источник: ПСЗ-1, т. 21, № 15324, с. 379.

№ 31

Указ императрицы Екатерины II, данный исполняющему обязанности генерал-губернатора Симбирского и Уфимского барону Игельstromу о снабжении киргизских родов муллами

30 сентября 1785 г.

Разные представления ваши о делах пограничных края, управлению вашему вверенного, Мы получили исправно. За благо приемля радение ваше о приведении онаго в безопасность и об усмирении народов своевольных, Мы апробуем учиненные вами посылки и отзывы в меньшую Киргис-Кайсацкую Орду, так как и все ваши распоряжения; и сверх того, по содержанию представлений ваших, спешаем дать вам следующие предписания.

1. Снабдение разных родов Киргизских муллами, немалую пользу в делах Наших принести может; почему вы и старайтесь определить оных, изтребовать из казанских татар людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргисцев в верности к Нам, и к удалению их от набегов и хищничества в границах Наших. Сим муллам вы можете при посылке их произвести небольшую денежную дачу, а при том по мере верности и тщания в исполнении на них возлагаемого по службе Нашей, обнадеежить и большим награждением.

2. Ссоры и драки, которые киргизцы могут иметь с каракалпаками, хивинцами или тому подобными народами, буде они только границ Наших не касаются, уважать не надлежит; но не меньше не следует в таких случаях давать им какое либо подкрепление или ободрение; а если бы каракалпаки или другие народы в подданство Наше вступить искали: в таком случае, указывая вам на наставления предместнику вашему, данные в рескрипте Нашем от 2 мая 1784 года, считаем Мы нужным ссоры между сими народами прекращать и убеждать их, чтоб они их предоставляли разбору выбираемых от них депутатов, под смотрением вашим.

3. Отложение толь многих родов киргизских от повиновения Нурали-Хану, нимало не почитаем Мы предосудительным для интересов наших: ибо если бы сей Хан и не столько сам участвовал в набегах и воровствах сколько многие околичности его в подозрение приводят, то уже одна оплошность его, потеря им всякой доверенности у народа своего и наконец оказанное им не один раз уклонение от свиданья с предместником вашим, делают его для нас бесполезным и ненадежным. Вы не оставьте однако же сделать еще опыт над прямыми его расположениями, приглася его, то же и брата его Эрали Салтана, да и других рода его Салтанов, буде нужно, на свиданье с вами. Тут вы ближе сами всех их рассмотрите, и удобнее заключить можете, что сходственнее для интересов наших и беспечности края тамошнего; оставить ли его на Ханстве, стараясь примирить с несогласными, или же удовлетворить их прошению, представя Нам с мнением вашим, с донесением при том, сильнейшая ли и многочисленнейшая часть отложила от Хана, или же еще большая остается послушною ему и его братьям и детям. А между тем конечно для нас выгоднее будет нынешнее разделение сея Орды, особливо же, если начальники родов станут привыкать к непосредственному руководству наших главных там Начальников военных.

4. Если Нурали-Хан и другие Салтаны будут упорствовать или уклоняться от приезда на свиданье с вами, в таком случае вы можете дать им возчувствовать, что они признаются сущими послушниками и недостойными никакого покровительства; напротив того, буде они призыву вашему не преминут последовать, и в ожидании решения всего сего дела станут повторять прошение, Ханом уже внесенное, о дозволении им убежища, под защитою которой либо из крепостей наших, вы не оставьте удовлетворить таковому требованию, взяв все нужные меры предосторожности не только к охранению границы от своевольства сего хищного народа, но и к обузданию его, поколику удобно; отдавая однако же при сем ласковым с ними поведением все то, что притеснением почестья и к основательным жалобам повод дать может; а в случае жалоб, доставляя скорую справедливость, и поступая с приличающимися из наших виновных по строгости законов.

5. Весьма нужно, чтоб вы приложили всемерное старание ваше разведать о представляемом вам к избранию в Ханы Киргис-Кайсацкой Орды Кайп-Хан, какого он происхождения и свойств, где находится и поколику на него можно бы было положиться; и ежели вы рассудите заблаго, чрез конфидентов ваших, или же через старшин, его избрать желающих, сделать ему пристойным образом внушение, чтоб он с вами искал знакомства, и учиня присягу на верное Нам подданство, чрез посредство ваше мог удостоиться Нашей милости и покровительства.

6. Старшинам и прочим учинившим присягу в верном Нам подданстве и обязавшимся удержаться и других удерживать от набегов, воровства и прочих своевольств, скажите от имени Нашего, что раскаяние и исправление их, вами ко Престолу Нашему донесенные, Мы Всемилостивейше приняли, и что точным исполнением их присяги заслужат они Нашу Монархную милость и благоволение. В первое чему доказательство, прикажите возвратить им захваченных у них людей, исключая тех, кои Хану самому или его подвластным принадлежат. При том весьма нужно согласить их, убедя собственною их пользою, отделить некоторое число людей из каждого рода на службу, как для охранения границ наших, так и для их обеспечения, кои пребывая впрочем в их кочевьях, во время

употребления их на службу, будут пользоваться жалованьем из казны Нашей наравне с прочими нерегулярными войсками; а по мере усердия, исправности и воздержания от своевольтва и особые выгоды получать будут. Потребна однако же тут осторожность, чтоб сии народы не возмнили по легкомыслию их, что их в службу набирать и не волею к тому принуждать хотят, по чтоб они собственною выгодою к тому поощрены были; в чем Мы на искусство ваше полагаемся.

7. Все, что относительно общего суда из Российских и сих народов составляемого, содержания от главнейших родов их поверенных и прочего, в рескрипте Нашем 2 мая 1784 года предместнику вашему предписано, також что и вам после того о мечетях и школах от Нас повелено, и здесь подтверждаем; быв уверены, что вы потщитесь привести в исполнение сии предписания на пользу службы Нашей.

8. Но при всех сих распоряжениях политических, всемерно надлежит во первых сохранять должную осторожность на границе, не давая полной веры обещаниям старшин киргизских и их подчиненных; второе, приводя всякие тамошние, да и вообще все, что к обороне касается в исправность и то состояние, как от Нас и по воле Нашей от главного военного Нашего начальства предписано, и наконец третье, делая приуготовления к укреплению себя на реке Эмбе и к действительному обузданию тамошних своевольных народов, о чем не уседлите прислать мнение и план ваши, дабы Мы завременно могли снабдить вас, как решительными повелениями Нашими, так и всем, что для исполнения сего потребно быть может. Меньше Мы ожидать можем какого либо волнования от киргисцев при наступлении времени к производству сего в действо, поелику сам Хан просит убежища в крепостях тамошних.

Источник: ПСЗ-1, т. 22, № 16292, с. 493.

№ 32

Протокол Казанской татарской ратуши о выборах новых присутствующих на 1791-1793 гг.

Декабрь 1790 г.

Протокол Казанского наместничества Казанских Татарских Старой и Новой слобод ратуши 1790-го году декабря в 23 день в следствие полученного Ея Императорского Величества из Казанского наместнического правления указа, казанских Старой и Новой татарских слобод в ратуше находившиеся декабря с 23-го числа 1787 года присутствующие переменены и ведены торжественно во отправлении должностей вновь избранные и утвержденные в ратушу сию присутствующие сего декабря 23 дня по узаконению в высочайшем Ея Императорского Величества для управления губернии в 1775-м году ноября в 7 день изданном учреждены подлинной за подписанием господ присутствующих бывших бургомистров Мухаметрахима Юнусова, Бакея Юсупова, ратманов Назира Азимова, Якупа Апакова, Салиха Мустафина, Мухамет Габбасова; вновь вступивших бургомистров Губайдулла Рахметуллина, Абдулвагапа

Абдулкаримова, ратмана Яфера Килмаметева, а ратманы Яхей Измайлов, Абдулла Рахметуллин и Биккена Субханкулов по неумению писать печати свои приложили.

[...]

Список о выбранных и утвержденных казанским наместническим правлением в ратушу казанских татарских слобод присутствующих

В головы

Мухамет Рахметев

бургомистрами

Губай Рахметуллин

Абдулгагап Абдулкаримов

ратманами

Яхья Измайлов

Абдулла Рахметуллин

Яфер Килмаметев

Биккена Субханкулов

Старостою Исхак Галеев сын Недосугов

Словесными судьями

Якуп Юсупов

Давыд Кадыков

Источник: НАРТ, ф. 22, оп. 2, д. 567, л. 15-17.

№ 33

Прошение князей Яушевых о записи их в дворянское сословие

Июнь 1795 г.

[л. 1] Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна Самодержица Всероссийская государыня Всемилостивейшая просят Казанской Новой Татарской слободы из мурз служилые татары Ибрай Асеев, Асан Ермаков, Муртаза и Исхак Салимовы, дети князя Яушевы, а о чем тому следуют

пункты

1-й

Имеем мы именованные о княжеской своей породе данную от великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича жалованную предкам нашим князьям Яушевым грамоту почему указом казанского наместнического правления присланным Казанских Татарских слобод в ратушу 1782 году июля 11-го числа в прошедшую четвертую ревизию велено в ревизских сказках написать нас князьями точие дано ли о том тогда мирским людям знать или почему не дано о том мы не известны, ныне ж наступила вновь ревизия чего для и просим

Дабы Высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие наше прошение принять, а нас именованных с семействами в нынешнюю пятую ревизию по вышеобъявленным грамоте и указу из мурз князьями в сказках написать и о том мирскому обществу дать повеление.

Всемиловитейшая государыня просим вашего императорского величества о сем нашем прошении решение учинить июня дня 1795 года к поданию надлежит Казанских Татарских слобод в ратушу.

Прошение писал отставной подканцелярист Василей Андреев.

Источник: НАРТ, ф. 22, оп. 2, д. 830, л. 1.

№ 34

Присяга присутствующих Казанской татарской ратуши при вступлении в должность

1799 г.

Присяга

Аз нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Алкораном законодателя моего Пророка Магомета в том что хочу и должен его Императорскому Величеству моему Всемиловитейшему великому Государю Императору Павлу Петровичу Самодержцу всероссийскому и го Императорского Величества любезнейшему сыну Государю Цесаревичу и Великому князю Александр Павловичу законному всероссийского престола наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться нещадя живота своего до последней капли крови и все к высокому Его Императорского Величества Самодержеству сил и власти принадлежащие права и прерогативы или преимущества узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению сил и возможности предостерегать и оборонять и при том по крайней мере стараться споспешествовать все что к Его Императорскому Величеству верной службы и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе ж Его Величества интереса, вред и убытке как скоро о том уведаю не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать, тщаться и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенной и положенной на мне чин как сей: Генеральной так и по особливой: определенной и от времени до времени Его Императорского величества

именем: от представленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти свойства дружбы ни вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать как доброму и верному Его Императорского величества рабу и подданному благопристойно есть и надлежит и как я пред богом и судом его страшным // [л. 9об.] в том всегда ответ дать могу как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключении же сей моей клятвы целую слова во алкоране законодателя моего пророка Магомета. Аминь.

Источник: НАРТ, ф. 22, оп. 2, д. 975, л. 9-9об.

2. Социально-экономическое развитие Волго-Уральского региона: сельское хозяйство, ремесло, промышленность, торговля

№ 1

Грамота казанского воеводы князя Петра Ивановича Шуйского архиепископу казанскому и свияжскому Гурию на пашни со всеми угодьями в Казанском и Свияжском уездах, и на дворовые места в Казани

13 августа 1555 г.

По царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии приказу и по грамоте боярин и воевода князь Петр Иванович Шуйской и все воеводы дали в домъ Пречистой Богородице честнаго и славнаго ея Благовещенья, Архиепископу Гурию Казанскому и Свияжскому земли на пашню на две тысячи четвертей, Трои Кобаны, да Тарлаши, да село Кадышь, да село Караишь, да село Карадулатъ на реке на Меше, со всеми угодьи, съ леси и съ луги и съ озеры и съ бортными ужожи и съ бобровыми гоны, по тому жъ какъ было изъстари при Царехъ. Да Архиепископу жъ даны воды, въ реке въ Волге рыбные ловли и съ острова, опричь покосовъ, на которыхъ рыбная ловля, отъ Казанского устья по обе стороны реки Волги, по Казанской стороне и по Свияжской, до реки до Камы, и съ вешними полои около города, доколе вешняя вода стоять; да ему жъ дано, по Государеву наказу, рыбная ловля отъ Камского устья и серной песокъ по Чертыцкую взголовь, отъ Верхние взголови по Нижнюю взголовь: и ловцомъ Казанского города и Свияжского, без архиепископля ведома, въ техъ водахъ не ловити; а которые рыбные ловцы похотять въ техъ водахъ ловити, и те люди докладываютъ Архиепископа Гурия, а оброкомъ рядятца у его дворецкого, или кому Архиепископъ прикажетъ; а кто учнетъ в техъ водахъ ловити безъ архиепископля ведома, и техъ людей Архиепископъ велитъ имати съ приставомъ и ставити передъ собою, а заповедь на нихъ велитъ имати по Цареву Государеву Великого Князя указу. Да ему жъ давати, въ домъ Пречистой Богородице честнаго и славнаго ея Благовещенья, по Государеву приказу, съ Камы, съ езу зимние ловли, тридцать рыбъ, пятнадцать лососей да десять шевригъ да пять осетровъ; да Архиепископу жъ велети ловити на себя рыба въ Казани реке, зимняя и летняя ловля, и где похочеть ездити. Да ему жъ даны пожни на сено, межъ Волги реки и Тереузика, отъ протопоповыхъ покосовъ отъ Кривые заводи съ верхние взголови отъ дуба, а на дубу грань, по реку по Тереузикъ и по Тереузское устья къ Волге реке. Да Архиепископу жъ дали озеро Царево и съ иными озера, которые озера около Царева озера, а пришли истоки въ Царево озеро. Да Архиепископу дали слободу, за Булакомъ, на Кураишеве, отъ острогу вверхъ по Булаку, на сто дворовъ крестьянскихъ. Да Архиепископу жъ данъ огородъ у Проломныхъ воротъ, отъ острога подъ Тотарскимъ кладбищемъ въ подгорье, вверхъ по Булаку противъ Кураишева. Да ему жъ дано место на посаде, у Николы Чюдотворца,

за торгомъ, къ Петру Святому, на его дворовые люди; да Архиепископу жъ прибавлено место въ городе къ его двору, по Большую улицу, по Тезицкой по первой переулокъ; да Архиепископу жъ даны два места подъ две мельницы, на усть Булака; да местечко дано мелникомъ, вдоль семь сажень, а поперегъ то жъ. Къ сей грамоте бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Шуйской печать свою приложилъ. Писана въ Казани, лета 7063 Августа въ 13 день.

«А подписалъ Царя и Великого Князя диакъ Кузма Федоровъ»

Подлинникъ писанъ на болиомъ листе. Въ конце, на отгибе края, приложена большая черновосковская печать, на которой видна какая-то человеческая фигура и вокругъ надпись. – Изъ Государственного Старыхъ Дель Архива, находящагося при Правительствующемъ Сенате.

Извлечено из: АИ, т. 1, № 162, с. 298-299.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 153.

№ 2

Роспись размежевания спорных земель архимандрита Свяжского Богородицкого монастыря Германа и протопопа Свяжского Рождественского собора Афанасия в Свяжском уезде, данная писцами князем Р.С.Вяземским и Д.С.Еремеевым

20 октября 1556 г.

Лета 7065-го октября в 20 день. По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и по приказу боярина и воевод Ивана Петровича Федорова и всех воевод писцы князь Роман Семенович Вязимской да Дмитрий Семенов сын Еремеев Пречистыя монастыря новаго Свяжского города в архимандричье место в Германов з братьею слуга Олеша Васильев, а в протопопово Афонасьево место з братьею на дьяконе на Филипе искал спорные земли меж деревень архимандричьих Кобаровские и Девлезеревские, и Сересевские с протопоповою деревнею Коземетевскою.

Писцы обоих исцов судили, и старожильцы по стрешним жалобницам про спорную землю розошли одною межею и обыском обыскивали, и перед боярином и воеводою перед Иваном Петровичем и перед всеми воеводы суда своего и обыску список и чертеж положили, и старожильцов и обыскных людей ставили. И обои – исцы и старожильцы, и обыскные люди по списку такали.

И боярин и воевода Иван Петрович Федорова и все воеводы по списку в земли в архимандричье в Германов место слугу ищею Олешу оправил, а в протопопово Афонасьево место з братьею отведчика дьякона Филипа обвинил, и велел писцов ту их спорную землю по списку между учинить и ямы покопать, и колье побить, и грани

покласть, и росписку на ту их землю дать по противнем, куды писцов старожильцы ищеины и ответчиковы велели. Старинною межею от черново лесу з дуба старые потесныа яму, а с ямы на две березы с новыми потесы, да з дву берез и ямы да на куст на ничевой у озеринки. А с куста от озеринки чистым полем по ямам, а в ямах колье бито, до воротец на Муромскую дорогу. По леву земля архимандричья Конбаровские деревни и Девлезеревские, а по праву земли протопопова Афонася з братьею Коземетевские деревни до воротец. Да архимандричьи ж деревни Сересевские с протопоповою деревнею Коземетевым межа, куды писцов старожильцы везли. От черново лесу з дву дубов по ямам, а в ямах колье бито, до гумна, а на гумне яма выкопана. Овин и гумно до ямы архимандрита Германа з братьею, а пелевная на попове земле. А от гумна по ямам и по колью до ручья, да ручьем вниз до речки до Секерны.

И росписи им по наказу боярина и воеводы Ивана Петровича Федорова и всех воевод писцы князь Роман Семенович Вязимской да Дмитрей Семенов сын Еремеева на ту их землю по противням дали, чтоб в той земле вперед меж ими спору не было.

А на розъезде были у писцов Некрас Ефимов сын да Петр Володин сын.

А розъезжую роспись писал сын боярской Ширияко Иванов сын Будинин.

К сей росписи писцы князь Роман Семенович Вяземской да Дмитрей Семенов сын Еремеева печати свои приложили.

Писец Дмитрей руку свою приложил.

Опубликовано: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР: Вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. Казань, 1990. С. 30-32. № 2.

№ 3

Грамота свияжского воеводы князя И.П.Федорова архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря Герману на земли вместо Бусурманской слободы

14 мая 1557 г.

По государеве цареве и великого князя Ивана Васильевича всея Росии грамоте боярин и воевода Иван Петрович Федорова и все воеводы дали Успенья Пречистые монастыря архимандриту Герману з братьею в Бусурманские слободы место землю под дворы и под пашню за Бусурманскою слободою – вверх по Сулице от слободы от Бусурманские верста, от озера от Сулицкого межа вверх Кривым ручьем. Дано архимандриту земли и по обе стороны ручья. От Бусурманские слободы по Большую гору по устье вверх Кривым ручьем, да шед ручьем вверх, на грань на кленовую, а от клену на липовую грань, а с липы на две липы же на однокоренные, а з дву лип на высокой пень на вязовой, а с вязового пня на вязовую грань, а с вязу на кленовую грань, а с клену на дубовую грань, а з дуба на два вяза, а з дву вязов на липу на кривую,

а у кривой липы яма угольная, а с кривые липы и от угольные ямы на кленовую грань, а с клену на две липы да на клен на однокоренной у дороги у Морквашские, а от Сулицкого озера Кривым ручьем вверх до Морквашские дороги в длину по мере верста. Да к Моркваше дорогою, а с Морквашские дороги направо к Гремячему ручью з грани с ыльмовой на липовую грань, а с липовой грани на липовую же грань, а с липовой грани на два клена, а з дву кленов на ильмовую грань, а с ильму на липовую грань, а с липы на кленовую грань, а с клену на три липы, а с трех лип на кленовую грань, а с клена на дубовую грань, а з дуба на липовую грань, а с липы на меновую грань, а с клену на две липы на однокоренные, а с дву лип на дубовую крековистую грань, а з дуба с крековастого в ручей в Гремячей, а ручьем Гремячим вниз к реке ж Сулице, а от морквашские дороги от грани илмовой по гранем до Гремячево ручья, а Гремячим ручьем вниз до реки до Сулицы, в длину в меру верста. А от ручья Гремичево подле реки Сулицу к Кривому ручью в меру полверсты.

И архимандриту Герману з братьею на той земле дворы ставити и пашня роспахати в Бусурманские слободы место, и впредь ему тою землею и дворы, и хто в тех дворех учнут жити людей, и пашнею владети к Успенью Пречистые монастырю по тем межам и по гранем, которые межи и грани в сей грамоте писаны.

Боярин и воевода Иван Петрович к сей грамоте печать свою приложил.

Лета 7065-го, мая в 14 день.

Припись диака Шемета Александрова сына Щелепина.

Опубликовано: Прибавления к Казанскому вестнику. 1829. № 35. С. 279-280.

№ 4

**Жалованная грамота царя Ивана IV архимандриту
Свияжского Богородицкого монастыря Герману на землю под слободу
за Бусурманской слободой и на безоброчное владение селом
Малым Итяковым Свияжского уезда**

Февраль 1558 г.

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми обители Успенья Пречистые богородицы во граде Свияжском богомолца своего архимарита Германа з братьею, или хто по нем в том монастыре иныи архимарит будет, что ему по нашей грамоте дали наши воеводы свияжские за Бусурманскою слободою земли на двесте четвертей, и та земля на слободу в дом Пречистые к монастырю. Да архимарита ж Германа з братьею пожаловал есми в дом же Пречистой селом Утяковым Малым со всем по тому, что х тому селу к Утякову изстари по тягло, опричь чювашских земель. А то село на оброце за свияжскими ямщики, и оброк есми с тово села с Утякова велел сложити, а держати архимариту Герману з братьею то село безоброчно.

Дана грамота на Москве. Лета 7060 шестаго, февраля.

На обороте: Божию милостию царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси.

Опубликовано: Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. Документы // Ученые записки КГПИ. 1973. Вып. 116. С. 31-32.

№ 5

**Жалованная тарханно-несудимая грамота царя Ивана IV
на имя казанского и свияжского архиепископа Германа с подтверждением
грамоты казанского воеводы князя Петра Ивановича Шуйского
архиепископу Гурию Здесь же подтверждения царя Федора Ивановича
и царя Михаила Федоровича**

24 августа 1565 г.

Се азъ царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Руси, пожаловаль есми богомолца своего, казанского и свияжского архиепископа Германа, или кто по немъ иные архиепископы будутъ: что онъ присылалъ намъ бити челомъ о томъ, что есми по своему приказу и по грамоте велели дати прежннмъ своимъ бояромъ и воеводамъ князю Петру Шуйскому и всемъ воеводамъ в домъ къ Благовещенью пресвятыя Богородицы земли на пашню прежь бывшему архиепископу казанскому и свияжскому Гурию. на две тысячи четъи пашни, селища трои Кабаны да Тарлаши, да селище Кадышь, да селцо Караишь. да селцо Карадулатъ на реке на Меше, съ деревнями, и съ починки, и съ пустошми, и съ лесы, и съ луги, и съ озеры и съ истоки, и съ бортными ухожей, и съ бобровыми гоны, и со всемъ по тому, какъ были те села изстари при царехъ. Да въ реке Волге рыбные ловли съ острова и съ озеры, на которыхъ рыбные ловли, опричь сенныхъ покосовъ, Казанского устья по обе стороны реки Волги, по Казанской стороне и по Свияжской, до реки до Камы, и съ вешними полои около города, доколе вешняя вода стоять; да рыбная жъ ловля от Казанского устья и черной песокъ по Чертышскую взголовь, отъ верхние взголови по нижнюю взголовь; да въ реке въ Казани зимняя и летняя ловля и где похочеть ездити; да пожни на сено, межъ Волги и Тереузика, отъ прото... покосовъ отъ кривые заводи и съ верхние взголови отъ дуба, а на дубу грань по реку по Тереузикъ и Тереужское устье къ Волге реке; да озеро Царево и съ иными озерки, которые озера в ... Царева озера. Да ему жъ есмя велели давати въ домъ пречистые Богородицы съ Камского езу съ зимние ловли тридцать рыбъ, пятнадцать лососей, да десять шевриг, да пять осетровъ. Да место на ... за Булакомъ на Кураише отъ острогу вверхъ по Булаку, на сто дворовъ крестьянскихъ; да по ... огородъ у Проломныхъ воротъ, отъ острога, поъ татарскимъ кладбищемъ, въ подгорье вверхъ по Булаку, противъ Кураишева, да место на посадѣ у Николы чудотворца, за торгомъ, къ Петру святому на дворовые люди. Да въ городе къ его къ архиепископлю двору места прибавити по болшую улицу по Тезицкой дворъ, по первой переулокъ. И грамоту деи воеводы наши, князь Петръ Шуйской

и все воеводы, прежь бывшему архиепископу Гурью на те пашенные селища и на селца и на рыбные ловли и на слобочкие и на дворовые места дали, за своею печатью, лета 7063 году, а нашей де жалованной грамоты архиепископъ Гурей на те казанские земли и на рыбные ловли и на слобочкие и на дворовые места не имываль. И намъ бы архиепискупа Германа пожаловати, велети ему на те пашенные земли, на две тысячи четьи, на села и на селища, и на рыбные ловли и на бортные ужожаи, и на всякия угодыя, и на волжские рыбные ловли, и на сенные покосы и на слобочкие и на дворовые места, что имъ, по нашимъ грамотамъ, воеводы наши отвели, велети дати своя жаловалная грамота. И язъ царь и великий князь Иван Васильевичъ, богомолца своего, архиепискупа Германа, или кто по немъ иные архиепискупы въ Казани будутъ, пожаловаль, на те села и селища, и на починки, и на пустоши, и на сенные покосы, и на рыбные ловли, и на бортные ужожей и на всякие угодыя, что имъ по нашимъ грамотамъ воеводы наши отделили и что къ темъ... и селищо исстари потягло, какъ было при царехъ, и на рыбные на волжские и на ... которые въ воеводцкой же грамоте написаны, велели дати свою жаловалную грамоту. И кто... у архиепискупа Германа на техъ селищахъ на Троиохъ Кабанехъ и на Тарлашихъ, да въ селце въ Кадышеве, да въ селце въ Караше, да въ селце въ Карадулате, и на селищахъ, въ починкахъ, и на пустошихъ селитися и жити люди его и крестьяне, или Чюваши, и темъ его людемъ не надобеть моя царя и великого князя дать¹, ни ямские денги, ни приметь, доколе те села и селища писцы наши опишють и въ сошное письмо положить; и двора нашего те его люди не делаютъ опричь городского дела. А бояре наши и воеводы казанские техъ его людей и крестьянъ и Чювашъ не судять ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя и татбы съ поличнымъ; а ведаеть и судить те свои люди и крестьянъ и Чювашъ архиепископъ Германъ самъ во всемъ, или кому прикажетъ; а случитца его людемъ и крестьяномъ и Чювашемъ судъ сместной съ городцкими или съ волостными людми, и бояре и воеводы наши и диаки техъ людей судять, а архиепискупль бояринъ съ ними жъ судить; а правъ ли будетъ или виноватъ архиепискупль, и онъ въ правде и въ вине архиепискупу. Такожъ есмя архиепискупа Германа пожаловали: ловцомъ рыбнымъ Казанского города и Свияжского, безъ архиепискупля ведома, которые воды за нимъ въ сей грамоте писаны, въ Волге и въ Казане реке и въ озерахъ и въ истокахъ рыбы не ловити; а которые рыбные ловцы похотятъ въ архиепискуплихъ водахъ рыбу ловить, и те люди докладываютъ архиепискупа Германа, а оброкомъ рядятца у его дворотцкого, или кому архиепискупль прикажетъ; а кто учнетъ въ техъ водахъ безъ архиепискупля ведома въ рекахъ и въ озерахъ и въ истокахъ рыбу ловити и зверь гонити, и техъ людей велить архиепискупль поимать съ приставомъ и ставить передъ нашими бояры и воеводами и передъ дьяки; да которого въ той промыте уличать, и воеводы наши и дьяки на техъ людехъ велеть заповеди правити, по нашему указу, да отсылають те заповеди къ архиепискупу Герману. Дана грамота на Москве, лета 7073, Августа въ 24 день.

Опубликовано: Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 156-160.

¹ Думается здесь следовало: «дань».

№ 6

Летописная запись об уничтожении мышами в казанских, свияжских и чебоксарских «местах» хлеба в поле и закромах

Декабрь 1566 г.

Того же лета [7075] прииде на Казанские да на Свияжские да на Чебаксарские места мышь малая съ лесовъ, что тучами великими, и поядоша на поле хлебъ всякой и не оставиша ни одинаго колоса; да не токмо по полемъ хлебъ поядоша, но и въ житницахъ и въ закромахъ хлебъ поядоша, людемъ же и хлеба не дадуше ясти отъ множества ихъ: отгоняху отъ себе метлами и убиваху, но и темъ ихъ не можаше отгонити, но паче множае пребываху.

Источник: ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 405.

№ 7

Выпись из писцовых книг Д.А.Кикина, данная архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря Родиону

Не ранее августа 1568 г.

По государеву царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии наказу казанской писец Дмитрий Ондреев сын Кикина с товарищи Богородицкого монастыря и великого чудотворца Николы, что в Свияжском внутри города, государеву богомольцу архимариту Родиону з братьею, или по нем в том монастыре инии архимандрит будет, дали с книг своего письма и розъезду монастырским землям выпишь подлинную.

В Свияжском уезде Пречистые Богородицкого монастыря села и слободки и деревни и починки:

Сельцо на Исакове горе. А в селе: церковь древяна Богоявление нашего Исуса Христа. Да в сельце ж двор монастырской. Пашни добрые земли тридцать шесть чети в поле, а в дву по тому ж, сена в лугу против сельца Исаковы горы по реке по Свияге триста пятьдесят копен, да в тех же монастырских покосех под Исаковою горою против монастырского двора озерко безоброчное. Да к сельцу ж лесу пашенного и непашенного около и меж татарского сельца Меньшого Хозяшева в розни по смете в длину на версту, а поперег на полверсты.

Деревня Малое Итяково на реке на Свияге. А в деревне крестьян: во дворе Давыдко Игнатъев, во дворе Федько Самойлов да три дворы пусты. Пашни добрые земли одна четь да перелогом пашни две чети в поле, а в дву по тому ж; сена около поль и по реке по Свияге сорок копен; лесу около поль пашенного дватцать десятин, а непашенного тридцать десятин.

Деревня Новая Итяково того ж Меньшого Итякова у реки у Свяги. А в деревне крестьян: во дворе Тренька Ондреев, во дворе Некраско Федоров, во дворе Истомка Филипов, во дворе Васка Иванов, во дворе Микифорко Иванов, во дворе Иванко Овдокимов, во дворе Бориско Елсуфьев, во дворе Степанко Лукьянов, во дворе Иванко Васильев, во дворе Матюша Васильев, во дворе Гриша Федоров, во дворе Ондрюша Иванов. Пашни добрые земли семнатцать чети да перелогу сорок две чети в поле, а в дву по тому ж, сена около поль и по реке Свяге сто копен, лесу пашенного пять десятин.

А выти и доход в сельце и обеих деревень крестьян не писан, потому что в сельце пашня монастырская, а в деревнях крестьяне сидят на льготе. А после льготы пахоти крестьяном десятины с выти по десятине, сколько вытей будет.

Деревня Кичемерево на речке на Сухой. А в деревне крестьян: во дворе Максимко Степанов, во дворе Иванко Иванов, во дворе Булгак // [л. 2] Ефимьев, во дворе Сенка Левонтьев да двор ставят ново. Пашни добрые земли сорок три чети да перелогом пашни дватцать одна четь в поле, а в дву по тому ж, сена в одходе в лугу по реке по Свяге под сельцом под Исаковою горою шездесят копен, лесу около поль пашенного в розни по смете сто пятьдесят десятин. А в деревне три выти. А доходу со крестьян за пашню и за мелкой доход с выти по рублю.

Деревня Юртово на речке на Сухой. А в деревне крестьян: во дворе Федько Иванов, во дворе Сидорко Оксенов, во дворе Ушак Оникеев. Пашни добрые земли шесть чети да перелогу семнатцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена в отходе в лугу по реке по Свяге под сельцом под Исаковою горою пятьдесят копен, лесу пашенного тритцать десятин, да непашенного сорок пять десятин. А выти и доходов со крестьян не писан, что живут на льготе. А после лготы пахати крестьяном десятины, сколько вытей будет.

Деревня Канбарово. А в деревне крестьян: во дворе Данилко Мизинов, во дворе Мишка Степанов, во дворе Игнатко Остафьев, во дворе Петруша Григорьев, во дворе Мартемьянко Васильев, а непашенных: во дворе Фетиньца Ширяева жена, во дворе овчинник Тренька Пронин, во дворе Данилко Ямщик, во дворе Злобка Прихожей, во дворе Кудашка Полуниин. Пашни добрые земли сорок две чети да перелогом пятьдесят три чети в поле, а в дву по тому ж, сена в отходе под сельцом под Исаковою горою в лугу по реке по Свяге сто десять копен, лесу около поль по смете пашенного дватцать десятин, непашенного в розни дватцать десятин. А в деревне пять вытей. А доходу со крестьян за пашню и за мелкой доход с выти по дватцать по пяти алтын.

Деревня Налетово. А в деревне крестьян: во дворе Васька Иванов, во дворе Иванко Михайлов, во дворе Гриша Наумов, во дворе Фефилко Михайлов, а непашенных: во дворе Левка Денисов, во дворе Сенька Истомин, во дворе Кондрашко Софонов да двор пуст. Пашни добрые земли тритцать две четверти да перелогу пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж, сена в отходе под сельцом под Исаковою горою в лугу по реке по Свяге девяносто копен, лесу около поль пашенного десять десятин. А в ней четыре выти. А доходу со крестьян за пашню и за всякой мелкой доход с выти по дватцати по пяти алтын.

Деревня Девлезерево Сересево на речке на Секирке. А в деревне крестьян: во дворе Омелянко Оксенов, во дворе Гаврилко Иванов, во дворе Якуш Омелянов. Пашни добрые земли сорок чети да перелогу дватцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена в отходе под сельцом под Исаковою горою в лугу по реке Свяиге // [л. 3] пятьдесят копен, лесу около поль пашенного десять десятин. А в ней две выти. А доходу дают крестьяне за пашню и за мелкой доход с выти по дватцать по пяти алтын.

За Бусурманскою слободою слободка Медведева. А в слободке крестьян: во дворе Петрушка Гаврилов, во дворе Гришка Иванов, во дворе Пятойко Иванов, во дворе Ивашко Ортемов, во дворе Северга Степанов, во дворе Истомка Пегуша, во дворе Сенка Мешек, во дворе Лука Полоняник, во дворе Истомка Полаум, во дворе Алексейко Савастьянов, во дворе Васюк Максимов, во дворе Иванко Васильев, во дворе Степанко Переверстка, во дворе Иванко Суюш, Пашни добрые земли сорок одна четверть в поле, а в дву по тому ж, лесу вверх по Сулице меж Бусурманские земли и реки Сулицы пашенного десять десятин.

Слободка на Бусурманском враге против Бусурманские слободы. А в ней живут крестьяне безпашенные: во дворе Баргак Иванов, во дворе Сидор Плотник, во дворе Васюк Плотник, во дворе Федько Иванов, во дворе Иванко Бутыня, во дворе Сенка Григорьев, во дворе Верещага Кузнец, во дворе Первуша Шевлягин, во дворе Проня Мельник, во дворе Митька Борчаник, во дворе Онтропко Моркваша, во дворе Серко Захарьин, во дворе Овдейко Кожевник, во дворе Онтипко Похомов. А пашни и сена, и доходу нет.

Да под поместным селом под Бусурманскою слободою на реке на Сулице мельница большое колесо была оброчная, а оброку давали в цареву и великого князя казну в Свяжском з году на год по три рубли денег да пошлин пять алтын, с рубля по десяти денег. Да у тое ж мельницы двор монастырской з житницами. А в нем живет монастырской мельник. А земли к мельнице по обе стороны мельничные плотины на десятину. А лес к мельнице на поделку сечи черной, которой блиско мельницы, oprичь бортного ухожея. И архимарит Ларион з братьею били челом государю царю и великому князю на Москве, чтоб государь их богомольцев своих пожаловал, с тое их мельницы свой государев оброк велел сложить. И государь богомольцев своих пожаловал: велел с тое мельницы свой государев оброк сложити, потому что у монастыря на обиход иные мельницы нет нигде. И по челобитной и по выписи с мельничных книг за приписью государева дияка Василья Степанова свияжской писец Дмитрий Ондреев сын Кикина с товарищи к государеве богомолье к Богородитцкому ту мельницу приписали безоброчно в 75-м году мая в 25 день¹.

Да у реки у Волги, выше Свяжского города, // [л. 4] под Вязовыми горами деревня Новое, а поставлена на черном лесу. А в деревне крестьян: во дворе Иванко Ильин, во дворе Иванко Юрьев, во дворе Панька Михайлов, во дворе Лазарько Васильев; а непашенных: во дворе Малафейко Потапов, во дворе Фофанко Дмитров, во дворе Микитка Анфимов, во дворе Ушак Семенов сидят на льготе. Пашни добрые земли пять чети в поле, а в дву по тому же, сена против деревни и меж озерок истоков по новую межю триста десять копен, лесу пашенного шезьдесят десятин да лесу ж пашенного и

¹ 25 мая 1567 г.

непашенного по реке по Волге вверх в длину на версту, а поперег на полверсты. А выги и доход не писан, потому что живут крестьяне на льготе.

Да в Свяжском за городом на посаде у Николы чудотворца у ратного двор монастырской житничной. Да у свяжского же посаду за острогом против Серебряных ворот у озера у Круглого двор монастырской же, а растут на нем на монастырской обиход солоды. Богородицкого же монастыря подгородные луги блиско Свяжского города от острогу с версту вверх, подле реку Свяггу, прежние монастырские покосы, сена ставитца тысяча триста копен.

Того же Богородицкого монастыря и великого чудотворца Николы в Свяжском уезде учинена межа деревне Кичемереву да деревне Юртову, что на речке на Сухой, с новокрещенскою деревнею с Ширданы Сергея Тинеева с товарищи. От речки от Серкики от березы, а на березе грань. Да вращком вверх к дубу, а на дубу грань, а у него две ямы. Да от дуба к изгороду, да изгородою направо к дубу к бортному к подгорелому, а на дубу грань. Да от дуба тою ж изгородою прямо к дубу да к вязу к сломленому, а на них грани. Да от дуба и от вязу лесом прямо подле изгороду, да изгородою ж к дубу с поздириною, а на нем грань. Да от дуба лесом к дубу к развиловатому к троеверхому прямо, а на дубу грань. Да от дуба прямо лесом к дубу да к березе, а на них грань. Да от дуба и от березы к липе и к дорошке, а на липе грань. Да от липы дорошкою направо к липе ж к дупляной, а на липе грань. Да от липы и от дорожки налево к дубу к розвиловатому, на нем грань. Да от дуба к речке к Сухой. Да речкою налево вверх к вязу розвиловатому, а на нем грань. А от вязу [...] //

На обороте по сставам: Приписал подьячей Бокака Павлов. Приписал подьячей Федор Суморуков.

Источник: НА РТ, ф. 10, оп. 5, д. 1137, л. 1-4.

Извлечено из: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР: Вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. Казань, 1990. С. 32-37.

№ 8

Жалованная тарханно-несудимая, односрочная и заповедная (от ездоков) грамота царя Ивана IV архимандриту Троице-Сергиева монастыря Феодосию «с братьею» на место в городе Свяжске, а также на сельцо Городище с деревнями, починками, займищем, лесом и «неводную» рыбную ловлю в Свяжском уезде

30 марта 1572 г.

Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми богомолца своего, Троецкого Сергиева монастыря архиморита Феодосья з братьею, или хто по нем иной архиморит у Троицы в Сергиеве монастыре будет. Били мне челом

богомolec нашъ, Сергиева монастыря архимандрит Феодосей з братьею: пожаловали де и есмь преже сего богомолца своего, Сергиева монастыря игумена Гурья з братьею в Свияжском городе местом, а велели им на том месте строити монастырь во имя живоначальные Троицы да чудотворца Сергия, да х тому деи монастырю на пашню и на животиной выпуск пожаловал дал им к монастырю три пустоши, селища Киждеево да Городище, лес дикой, да против Казанского устья лес черной на Услоне, против Гостиная острова, да в узех на песку неводную рыбную ловлю, и грамота деи наша жаловалная богомолцу нашему игумену Гурью з братьею на то место, и на пустоши, и на лес, и на рыбную ловлю была дана, и та де у них наша жаловалная грамота в пожар в приход крымского царя згорела; да у них же деи после писцов в селище Киждеево стала церковь Никола чудотворец, да на монастырских черных лесех у деревни у Агишева, у Ульянкова у Новово, стали два починка, починок Корноухов, починок Уланов, да мельница на Светлом ручью.

И нам бы их, богомолца своего Троецкого Сергиева монастыря архиморита Феодосья з братьею, пожаловати – велети им на то монастырское место, и на пустоши, и на новопоставленную церковь, и на починки дати своя жаловалная грамота.

А что у них деревень и починков и заимищъ, и что в них пашни и всяких угодей, и богомolec нашъ Феодосей з братьею перед нами положили сотную с книг писма Дмитрея Кикина с товарищи лета 7000 семьдесят пятого, и в сотной написано: Троецкого Сергиева монастыря селцо Городище на Кривом озерке на Долгом, а к селудеревень и починков: починок Притыкин, починок у Кривово озера, деревня Киждеево на речке на Курмышке, что была пустошь, деревня Агишево, Ульянково Новое, на речке на Берегле, починок Ключев на речке на Чигирке, да займище у реки у Волги, на берегу выше Гостиная острова, а ниже Каменных гор, против Ирыхова острова нижние зголови – и всего селцо, да две деревни, да три починки, да займище; пашни добрые земли в селце и в деревнях, и в починках, и на займище сто девять чети с осминою, да переело[го]м пашни возмьдесят восемь чети в поле, а в дву по тому же, сена у селца и у деревень, и у починокък восьмьсот пятьдесят копен, да отхожего сена у займища по подгорью, меж Горы и Гостиная острова, до Морквашских отхожих покосов по новые грани, по конец Подгорнаго озерка, восьмьсот копен, лесу пашенново и непашеннаго двесте шездесят пять десятин, да лесу же пашеннаго и непашеннаго у селца и у деревень, и у починков в розных местех в длину четыре верьсты, а поперег две версты, да лесу же пашеннаго чернаго у займища – от устья от ручья Малого Моркваша от Каменнаго креста вниз по Волге горою, выше займища, и прошед займище, по правую сторону Гостиная острова, до перваго врага, которой шел в гору, по смете в длину на две версты, а поперег займища в лес на полторы версты.

А в новопоставленных в дву починках, в Корноухове и в Уланкове, пашни по скаске старца Варсунофья тридцеть чети в поле, а в дву по тому же, сена к ним двесте копен, а стали деи те их новопоставленные починки и мельница на их монастырских землях, а не на моих, царя и великого князя, и не на помещиковых.

И оже будет так, как нам богомolec нашъ, Троецкого Сергиева монастыря архимондрит Феодосей з братьею били челом, наша будет жаловалная грамота у них в

пожар згорела, а те будет новопоставленные починки стали на нашем жалованье, на их монастырской земле, и яз, царь и великий князь, богомолца своего, Троецкого Сергиева монастыря архиморита Феодосья з братьею, или хто по нем иный архимандрит у Троицы в Сергиеве монастыре будет, пожаловал. И хто у них в Свяжском в том монастыре и в селце, и в деревнях, и в починках учнет жити их монастырских слуг и крестьян, и им не надобе моя дань, ямские и приметные денги, и всякие наши подати; и дворов моих и воеводских, и ямских ни в которых городех не ставити, ни с подводами на ямех не стояти, и ни в какия розметы с тяглыми людьми не тянути, опричь городского и острожного, и засечнаго дела; а городовое им и острожное, и засечное дело делати с ыными сохами вместе.

И нашим служивым людем, князем и детем боярьским, и всяким людем в том их селе и в деревнях, и в починках силно не стояти, и корму своего и конского, и под[вод], и проводников не имати.

И воеводы наши, или наместницы, и волостели их и тиуни слуг [их] и крестьян не судят ни в чем, опричь тадбы и розбоя с поличным; и довотчики и праветчики их поборов своих с них не емлют и не въезжают к ним ни по что. А судят их во всем архиморит з братьею или кому прикажет. А случитца суд смесной, учнет монастырской слуга или крестьянин искати на городском на свияжском или на волостном человеке, и в том их судит воевода, или наместник, или волостель наш, или их тиуни, и архимандрит з братьею или их прикащик с ними жа судит; а прав или виноват монастырской слуга и крестьянин – архимандриту з братьею или их прикащику.

А учинитца у них в том селце и в деревнях, и в починках душегубство – возом кого сотрет, или з древа убьетца, или зверь съест, или их хто подкинет, и оне того мертвого явят воеводам нашим, или наместником, или волостелем, и их тиуном, а явки дают по четыре алтыны, да смотренаго алтын.

А кому будет чего искати на Троецком Сергиева монастыря архимандрите з братьею или на их прикащикех и на крестьянех, и в том их сужу яз, царь и великий князь, или мой боярин введенной, кому их судити прикажем. А неделщики наши данные пишут им один срок в году – Рожество Христово; а опричь того сроку, на иные сроки сроков на них не намetyають. А хто на них накинет срок не по их сроку, не на Рожество Христово, и яз, царь и великий князь, за тем им сроком к Москве ездити не велел; [а хто] по тому сроку не в их срок возмет бессудную грамоту, и та его бессудная не в бессудную.

А дана грамота на Москве, лета 7000 возмьдесятного, марта в 30 день.

[А у грамоты печать государская красная].

Назади у грамоты припись: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси».

По сставом у грамоты припись: «Дьяк Кирей Горин».

Опубликовано: Каштанов С.М. К истории феодального землевладения в Свяжском уезде в 70-х годах 16 в. // Ученые записки КГПИ. 1978. Вып. 184. С. 134-136 (№ 1).

№ 9

**Данная служилого новокрещена Климентия Васильева строителю
Свияжского Троице-Сергиева монастыря Варлааму Мещерскому
на свою купленную вотчину в деревне Семеново на реке Берле
в Свияжском уезде**

Не позднее 30 мая 1575 – сентябрь 1576 г.

Се аз, Климентий Васильев сын, новокрещен Свияжского города, дал есми в Свияжском городе в Горней стороне в дом живоначалные Троицы и чудотворцу Сергию и строителю и старцу Варлааму Мещерскому свою вотчину, куплю, в деревне Семенове на реке на Берли, промеж Наратлыевы деревни и Кобузовской, в поле мяхкие пашенные земли и перелогу двадцать десятин, а в дву по тому ж, а сена в лугу на двесте копен, впрок, без выкупа. А впредь на пашне лес строителю сечь и луги розчищати волно. А та моя вотчина, купля свояка моего, в деревне в Семенове ни продана, ни заложена никому, а нет тое вотчины ни в кабалах, ни в записех, ни в каких крепостях, опричь меня. А роду моему и племяни и детям моим и внучатом до тое моей вотчины дела нет, и не выкупити ее у монастыря никому. А хто ся учнет вступати в ту мою вотчину в деревне в Семенове, род мой и племя или кто ни буди, и мне, Климентью, та своя вотчина, купля, от всяких крепостей монастырю очищати. И данную есми на свою вотчину, куплю, дал и старую купчую, по которой яз, Клементей, тою вотчиною владел, строителю дал же. Аже бог пошлет меня, Клементья, по душу, и строителю меня в свой сенаник написати и отца моего Василья, и жену мою Дарью, и детей моих Емельяна, да Логина, да Семена.

А на то послуси: Кузма Кузмин сын, да Василей Неклюдов сын, да Григорей Максимов сын.

А даную писал Истомка Романов сын. Лета 7080 четвертаго.

Опубликовано: Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. Документы // Ученые записки КГПИ. 1973. Вып. 116. С. 32-33 № 18.

№ 10

**Указная грамота царя Ивана IV свияжскому воеводе М.Ф.Бахтеярову-
Ростовскому с «товарищи» и дьяку В.Шелепину об утверждении за Свияжским
Троице-Сергиевым монастырем вклада служилого новокрещена К.Васильева
в деревне Семеново Свияжского уезда**

16 июня 1576 г.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в Свияжской воеводе нашему князю Михаилу Федоровичю Бахтеярову-Ростовскому с товарищи да дьяку

нашему Василью Щелепину. Писали есте к нам в нынешнем 84-м году мая в 30 день. Приходил к вам Свяжского города троецкой Сергиева монастыря строитель Варлам Мещерской да Свяжского уезда горней служивой новокрещен Климко, что он дал вотчину свою купленную в дом Живоначальной Троице и чудотворцу Сергию в Свяжском уезде в деревне в Семенове на реке на Берли, промеж Наратлыевой деревне и Кобызевской, пашни в поле сорок четвертей, а в дву по тому ж, и сеными покосы и со всякими угоды. И нам бы вам указ учинити и велети нам та вотчина за Троецким монастырем в книги написати. И как к вам ся наша грамоты придет, и вы б троецкому строителю Варламу з братьею новокрещеновою Климовою вотчиною в деревне Семенове владети велели до нашего указа, а того бы есте берегли, чтобы строителю с татары в той вотчине какая сплетка, и вы б о том к нам имянно отписывали, и мы по тому и указ учиним.

А вперед токо учнут новокрещены и татаровя давати в монастыри свои вотчины, и вы б о том к нам по тому ж отписывали, а без нашего указа тех вотчин к монастырю не давали. Писана на Москве. Лета 7084-го, июня в 16 день.

Опубликовано: Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. Документы // Ученые записки КГПИ. 1973. Вып. 116. С. 33-34.

№ 11

Ввозная послушная грамота, данная свияжским воеводой П.И.Ростовским и дьяком Г.Ивашевым архимандриту Богородицкого монастыря Авраамию на вотчину в селе Бешбатман

22 июня 1583 г.

По государеве царе и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте воевода князь Петр Иванович Ростовской да государев царев и великого князя дьяк Грязной Ондреев сын Ивашев дали в вотчину в дом Богородицына и великого чудотворца Николы архимариту Иаврамыю з братьею, или по нем хто будет иной архимарит з братьею, в селе в Бешботмане Десятовское поместья Ольгова по отдельным книгам Федара Шмоилова 91-го¹ году. А в вотчине дворов крестьянских: во дворе Митя Иванов Плешко, во дворе Тимошка Григорьев, во дворе Федько Зелена. Пашни к тем двором мяхкие земли на шесть чети с осьминою да в мяхкие земле места перелогу и дикого поля четырнатцать чети за мяхкую землю за семь чети с осминою; и обоево мяхкие и переложные земли, что учинена за мяхкую землю, и с Алмасовым селищем четырнатцать чети в поле, а в дву полей по тому ж. А сена по смете около поль и по Свяге реке на триста копен. // [л. 501] А лес и всякие угоды, и межа тое вотчины с помещики писано в отдельных книгах писма и меры Федара Шмоилова 91-го году. А дана та вотчина к прежней Богородицкой вотчине,

¹ 1582/83 г.

что за ними в Свяжском уезде отделено по государеве грамоте в селе в Бешботмане и в деревне на Тихом плесе, и в деревне Бритвине, и в селе в Хозяшеве, и в деревне Савине, да мельница против тое ж деревни большое колесо. Пашни в тех селех и в деревнях и в мельнице, что им дана за пашенную землю, и с тем, что им дано Десятовское поместья Ольгова двесте семьдесят две чети с осьминою в одном поле, а в дву полах по тому ж, и не дошло по государеве грамоты вотчины в дом Богародицына монастыря и великого чудотворца Николы в денежную ругу в четыреста сорок рублей вотчины в триста чети дватцати семи с осьминою. И которые крестьяне в той Богародицкой вотчине в селе в Бешботмане учнут жити за архимандритом Иаврамым з братьею, и вы б на них пашню пахали и оброк монастырской платили, чем вас изоброчит архимандрит Иаврамей з братьею.

К сей ввозной грамоте воевода князь Петр Иванович Ростовской печать свою приложил. Лета 7091-го, июня в 22 день. Дияк Грязной Ивашев.

На обороте по сставам: Дияк Грязной Ивашев.

Опубликовано: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР: Вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. Казань, 1990. С. 39-41. № 6.

№ 12

Жалованная грамота Ивана IV архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря Авраамию «с братьею» о дозволении иметь на Волге судно, ежегодно нагружать его в Астрахани десятью тысячами пудов соли или рыбы, и торговать в разных городах, без платежа таможенных пошлин

21 мая 1584 г.

Се азъ Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии пожаловалъ есми Свяжского Богородицына монастыря, богомолца своего, архимарита Аврамья с братьею, или по немь иный архимарить въ томъ монастыре будетъ. Что билъ намъ челомъ архимарить Аврамей съ братьею, а сказалъ: шло имъ преже сего въ Богородицынъ монастырь годовые руги и за платье по сту рублей на годъ, а ныне имъ велено давати руги по пятидесять рублевъ на годъ, и имъ деи тою ругою прожити немочно; и намъ бы их пожаловати, за пятдесять рублевъ велети имъ на монастырской обиходъ держати въ Свяжскомъ суденко и ездить бы въ немъ въ Астрахань по соль и по рыбу, а изъ Астрахани бы то суденко назадъ спровадить в Казань или в Свяжской, а изъ Свяжского до Нижнего Новагорода, а въ Нижнемъ бы им, продавъ ту соль или рыбу, купити на монастырской обиходъ хлебныхъ запасовъ, и масла коровья, и конопляного, и суконь, и шубъ, и овчинъ, безпошлинно. – И язъ Царь и Великий Князь Федор Иванович всеа Русии Свяжского Богородицына монастыря архимарита Аврамья съ братьею, или по немъ иный архимарить въ томъ монастыре будетъ, пожаловалъ: за годовую ругу

за пятьдесят рублевъ, велель имъ держати одно судно, а класти въ то судно противъ десяти тысячъ пудъ соли, или противъ соли десяти тысячъ пудъ купивъ рыбы, а съ темъ судномъ ходити имъ въ Астарахань, по соль или по рыбу, одинава въ годъ; а изъ Свяжского въ томъ судне везти имъ свои запасы, чемъ имъ до Астарахани и назадъ до Свяжскаго сходить; а въ Астарахань приехавъ того монастыря старец, или слуга монастырской, въ то судно въ Астараханскихъ озерахъ нагребуть собою десять тысячъ пудъ соли, или противъ того числа рыбы купивъ положить, и наши Астараханские воеводы и дьяки нашихъ пошлинь никакихъ съ нихъ не емлють; а въ Казани или въ Свяжскомъ, ту соль или рыбу продають безошлинно; а взвезуть ту соль или рыбу до Нижнего Новгорода, и въ Нижнемъ соль и рыбу продають безошлинно же; а продавъ соль или рыбу въ Казани, или въ Нижнемъ, купятъ на монастырской обиход хлеба, и масла, и суконь, и шубъ, и овчинъ; а нашихъ пошлинь съ того ихъ судна посаженныхъ, и съ людей головщины, и съ монастырского запаса, нижегородские и казанские воеводы, и дьяки, и тамошники, и приказные наши всякие люди, съ нихъ не емлють же; а за те за все пошлины архимариту Аврамыю с братьею, на 93 годъ и впередъ, денежные годовые руги изъ свияжскихъ доходовъ не давати. Дана грамота на Москве, лета 7092 Мая въ 21 день.

Подлинникъ хранится въ архиве Свяжскаго Богородицкаго монастыря; писанъ на большомъ листке; въ конце привешена, на малиновомъ шелковомъ шнурке, красновосковая государственная печать. На обороте вверху: Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ всеа Руси.

На обороте же следующее подтверждение:

Царь и Велики князь Федоръ Ивановичъ всеа Руси.

Лета 7107 Марта въ 15 день, Государь Царь и Великий Князь Борис Федоровичъ всеа Руси и съ сыномъ своимъ съ царевичемъ со княземъ Федоромъ Борисовичемъ всеа Руси, сее жаловалные грамоты слушавъ, Свяжского Богородицына монастыря архимарита Сергея, или кто по немъ въ томъ монастыре иной архимарить и братья будутъ, пожаловали: велели имъ сю жаловалную грамоту подписати на свое Царское имя и судно имъ, за денежную ругу, посылати въ Астарахань по соль и по рыбу велели по прежнему безошлинно, и рушити сее жаловалные грамоты у нихъ ничемъ не велели, и ходити имъ велели о всемъ по тому, как в сей жаловалной грамоте писано. – «А подписалъ диакъ Офонасей Ивановъ сынъ Власъевъ».

Опубликовано: ААЭ, т. 1, № 322, с. 382-383.

№ 13

Ввозная грамота, данная свияжским воеводой князем П.И.Ростовским и дьяком Г.А.Ивашевым архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря Авраамью на пустые «порозжие» земли

26 августа 1584 г.

По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича[ча] всеа Русии указу, по памяти за приписью государева дияка Ондreja Щелкалова воевода князь Петр Иванович Ростовской да государев царев и вели[кого] князя дияк Грязной Ондреев сын Ивашев дали по сыскному списку Федора Ольгова в вотчину в дом Богородицына монастыря и великого чудотворца Николы архимариту Иаврамыю з братьею, или по нем будет иной архимарит, под городом под Свяжским в угодье на пашню пустые порожжие полянки, которые полянки лежат пусты сряду с их монастырскою землею: слободки Медведковы по Куларовской дароге и по Моткозинской поляна Белозерова да полянка Банниковская, да поляна Ивана Кирилова, да поляна Семейки Форофонова, да поляна Горбуновская, да поляна Семена Шумихина, да полянка Гриши Межаедова. Пашни в тех полянах шесть чети с полуосьминою и с третником полуосьминным в одном поле, а в дву полах по тому ж, да лесу к тем полянкам пашенного и непашенного в длину от межи Медведковы слободы да межи Савины деревни на версту, а поперег от Куларовской и Момоткозинской дароги на полверсты до реки Сулицы.

К сей ввозной грамоте воевода князь Петр Иванович Ростовской печать свою приложил. Лета 7092-го, августа в 26 день.

На обороте скрепа: Дияк Грязной Ивашев.

Опубликовано: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР. Вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990. С. 43-44. № 9.

№ 14

Ввозная грамота, данная свияжским воеводой князем М.Г.Темкиным-Ростовским служилым татарам Янгильде Енандарову и Бакрачу Янчуруну, на выморочную пустошь на реке Иренле в Свяжском уезде

18 июля 1595 г.

Копия с копии ввозной грамоты.

По государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте воевода князь Михаило Григорьевич Темкин дал в поместье свияжским служилым татаром Янгильде Енандарову да Бакрачу Янчуруну в Свяжском уезде пустошь на реках на Иренле по обе стороны. Били челом государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии они Янгильдей да Бакрачь. А сказали: служит де они государевы всякие службы зимние и летние, и неметские, и литовские, и черемиские, и сибирские. И как де был подо Псковом король, и в те де поры ево Янгильдея в полон взяли и был де в полону три года, и вышел де ис полону без окупу и безо мены. И государь де ево пожаловал: велел ему дати пашню на пятьдесят четвертей. А за ним де за Бакрачом пашни на двенатцет четвертей. И они де с тое пашни государеву службу служат и, тою де им пашнею живучи, прокормитися нечем. Есть де в Свяжском

уезде пустошь выморочная на реке на Иренле по обе стороны. А бывала де пустошь татарская. А лежит де та пустошь пуста лет с полтретьятцать, не владеет ею никто. И государю бы их пожаловать: велети им ту пустошь, что на реке на Иренле, дати в прибавку к их пашне. А по сыску и по дозору Григорья Васильева сына Тишена на той пустоши, опричь Янбахтыевы да Караевы пашен, пашни перелогом тритцать четвертей с осминою в поле, а в дву по тому же, да лесу пашенново на пять четвертей, сена по речке по Берле вверх от татарского кладбища от оврашка на сто на пятьдесят копен. А лежит де та пашня впусе тому тритцать лет и не владеет ею никто. И служилым татаром Янгильдею Янандарову да Бакрачу Янчуруину тою пустошью, что на реке на Иренле, пашнею и лесом и санными покосы, опричь Янбахтыевы да Караевы пашни и санных покосов, владети. А с тое пашни государева всякая служба служити. И всего за Янгильдеем учинено пашни и перелогу, и лесу пашенного с прежнею дачею, что ему дано на Багишевской пустоши шестьдесят восемь четвертей без полуосмины в поле, а в дву потому же, сена пятьсот семьдесят пять копен. А за Бакрачем учинено пашни и перелогу, и лесу пашенного и с тем, что за ним по книгам Афанасья Болтина в деревне Большой Каибичеве дватцеть девять четьи без полуосмины в поле, а в дву потому же, сена двести дватцеть пять копен. А та их пашня и лес, и санные покосы поделить меж себя самим полюбовно.

К подлинной ввозной грамоте воевода Михаила Григорьевич Темкин-Ростовской печать свою приложил. Лета 7103-го, июля в 18 день.

На подлинной ввозной грамоте правил подьячей Осипко Вдовин.

У той же копии внизу написано татарским письмом.

Списана и учинена июля 24 дня 1764 году.

Опубликовано: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР. Вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990. С. 49-51. № 16.

№ 15

Грамота от имени царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе Л.И.Аксакову и дьяку И.Шерапову об отделе свияжскому жильцу Г.В.Тишенкову в «верховской» оклад поместья умершего П.Шибанова в Нижегородском уезде и присылке отдельных книг в Поместный приказ

8 мая 1596 г.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в Нижней Новгород воеводе нашему Левонтию Ивановичю Оксакову да дьяку нашему Ивашке Шерапову. Бил нам челом свияжской жилец Григорей Васильев сын Тишенков. По окладу велено за ним нашего жалованья поместья учинити и с новою придачею на 300 чети, половину окладу в Свияжском, а другую половину в верховских городех, и за ним в Верховских

городех в [...]неменове¹ городе 49 чети, а недодано деи ему в половину его окладу верховского помесья 101-й чети. И нам бы его пожаловати в Нижгородцком уезде из Пятова помесья Шибанова. А Пятово в нынешнем 104-м году не стало, а после де его осталась жена бездетна. А нашего де жалованья помесья за Пятым было 90 чети, и то деи его помесье ныне порозжо, не отдано никому. И ож будет так как нам Григорей Тишенков бил челом. И мы к вам тому Пятово помесью Шибанова с нижгородцких книг письма и дозору Василья Борисова с товарищи лета 7096-го году послали выпись // [л. 130] слово в слово за дьячьєю приписью. И как к вам ся наша грамота и выпись с книг придет, и вы б в Нижегородцкой уезд в Пятово поместье Шибанова послали ково пригож, а велели ему взятии с собою тутошних и сторонних попов и дьяконов и старост и целовальников сколько человек пригож, да в то Пятово поместье Шибаново ехать, да в том поместье и около того поместья велели бы есте сыскати всякими сыски накрепко: Пятово Шибанова не стало ль, а после его осталось жена бездетна ль, да будет по сыску Пятово Шибанова не стало, а после его осталось жена бездетна, а то его поместье ныне порозжо, наперед сего не отдано никому и к нашим дворцовым селам и к черным волостям не приписано, и вы б в том Пятово поместье по выписи с книг в усадище и к усадищу пашни 20 чети велели отделити вдове Пятове жене Шибанова на прожиток. Да тово ж Пятова помесья пашни 70 чети велели бы есте отделите свияжскому жильцу Григорью Тишенкову к нижегородцкому его помесью к 49 четям в половину его окладу верховского помесья // [л. 131] во 150 чети. А велели бы естя отделять обоим с ряду с одново, а не в розни и не через землю и не через деревни и не выбором живущее и пустое повытно по четям. Да что кому отделит, и ему все то велети написати в книги подлинно порознь земскому или церковному дьячку, да те книги за поповыми и за дьяконовыми руками и за того рукою кого пошлете отделять, прислали б есте к нам к Москве и велели отдати в Помесном приказе дяком нашим Елизарью Вылузгину да Ивану Ефанову. Писан на Москве лета 7104-го мая в 15 день. //

Правил Микифорко Сверчков. [л. 131об.]

Опубликовано: Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века. М., 1977. С. 149-150.

№ 16

Отдельная выпись свияжского воеводы князя В.М.Лобанова-Ростовского служилому мурзе Янбулату Бектееву на пустошь Шалахолабар в Свияжском уезде

10 июля 1596 г.²

¹ Несколько букв не читаются.

² Следует указать, что по разрядным записям в 7102-7104 гг. в Свияжске «годовал» воевода Михаил Григорьевич Темкин-Ростовский, а Василий Михайлович Лобанов-Ростовский был назначен воеводой в Свияжск в 7105 г., т.е. не ранее сентября 1596 г.

По государевой царевой и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамоте, воевода князь Василей Михайлович Лобанов Ростовской отдал Свяжского уезду служилому татарину Ямбулату-мурзе Бектееву по сыску Григорья Косяговского 104 году в поместье пустошь Шалахолобар по речке по Кляри между дву перелесков да до реки до Волги к Серным горам пашни и перелогу на пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж, сена по речке и по дубровкам на триста копен. И ему, Ямбулатку, тою пашнею и санными покосы владети и с той пашни государева служба служитьи.

К сей выписи воевода князь Василей Михайлович Лобанов Ростовской печать свою приложил. Лета 7104, июля в 10 день.

На обороте надпись: Справил подьячей Осипко Вдовин.

С подлинной читал Александр Никитин.

Опубликовано: АСЗ, т. 2, № 31, с. 26-27.

№ 17

Отдельные книги Филиппа Воецкого об отделе свияжскому жильцу Илье Парфенову сыну Тишенкову «в половину его верховского поместья» земли из оброчного жеребья Ивана Болховского в Нижегородском уезде

24 мая 1597 г.

Лета 7105-го мая в 24 день по наказу государева воеводы Левонтья Ивановича Оксакова, да государева диака Ивашки Шерапова сын боярской Филипп Воецкой ездил в Нижегородской уезд в Березопольской стан для того, что бил челом государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси свияжской жилец Илье Парфенев сын Тишенкого. По окладу де велено за ним государева жалованья учинить поместья на 300 чети, половину его окладу в Свяжском, а другую половину в верховских городех, и за ним де в верховских городех поместья нет нигде, и государь б его пожаловал в Нижегородском уезде оброчною землею, что ныне на оброке за князем Иваном Болховским, что останетца за его окладом. // [л. 29] И Филиппу Воецкому велено приехав в Нижегородской уезд в оброчной жеребей, что на оброке за князем Иваном Болховским, oprичь княж Иванова поместья, взяв с собою тутошних и сторонних попов и дияконов и старост и целовальников и крестьян, сколько пригоже, да в том оброчном жеребью, oprичь княж Иванова поместья, пашни 50 чети отделить князю Ивану Болховскому к старому его поместью к 450 четям в его оклад в 500 чети. Да тово ж оброчново жеребью пашни 50 чети отделить свияжскому жильцу Илье Тишенкову в половину его окладу Верховского поместья в 150 чети. И Филипп приехв в тот оброчной жеребей с сторонними людьми // [л. 29об.] с воскресенским попом Семионом Ивановым, да с ыльинским попом с Ыгнатьем, да с попом с Семионом же, да с [Иванов]ым приказщиком Домажирова с Яковом Ивановым, да Иванова приказщика Онучина Смирново Родивонова да Иванова приказщика Осорина Розгильдея Осипова,

да княж Романов старосту Болховского Данила Васильева, да Григорья Глебова старосту Первова Дмитреева, да бортников деревни Меледина Ивана Олексеева, да деревни Золина Федора Олексеева, да Шурмана Семенова, да Родивона Ушакова, да Кузьму Дмитреева, да деревни Богданова Ивана Федорова сына Косова спросил княж Иванова приказщика Болховского Улана Федорова и сторонних людей – которая межа оброчной земле от княж Иванова // [л. 30] усады и земли и от иных помещиков. И княж Иванов приказщик Улан и сторонние люди указал межи оброчной земле от княж Иванова поместья и от иных помещиков, и тое земле и половина полтора поля посеяла рожью пришла смежно к старому княж Иванову усаду ничто не розошло, а другая половина земли полтора поля спахана под ярь, а смежна ко княж Иванове земле розошел враг. И Филипп учал отделять Илье Тишенкову яровое поле и княж Иванов приказщик отделять Илье не дал – та де земля пришла смежно государя его к земле, и Филипп учал отделять Илье ржаное поле, что пришло ко княж Иванову усаду. И за Илью был у отделе шурин его Григорей Касаговской, и Григорей сказал: то де господине... // [л. 30об.] [...] ¹ потому что де пошло ко княж Иванову усаду, а Ильины усады к полю не придут и к Ильиным будет усадом по пригородим нельзеялось через княжее селища, да и де господине ни в яровое поле де я ему Ильиных усадов отступлюсь в пашню, а свой усад зделаю у той земли, а господине то все поле посеяно рожью Илье яровой и паренины пахать будет негде, быть ему без хлеба два годы. А то де князь Иван зделал умышленьем, сведав что дано в поместье Илье и велел пахать и паренинное поле под ярь, а иное орали за моим изветом, как я извещал им что дано в поместье Илье, а се, господине орют паренинное поле как и я, Филипп, приехал отделять и просил Григорей // [л. 31] у княж Иванова человека половины земли где [...] ², да отступился усаду Илье де возмет поле, что сеяно рожью, и княж Иванов приказщик земли под рожь не дал и усаду не отступаетца, и меж собою учинил спор. И Филипп Воецкой розделил ту оброчную землю надвое и грани меж землею учинил от селища Зайцовым врагом вверх да по дельную сосну, да с сосны перелезло на левую сторону на молодую сосенку, а Илье грань да с тое сосны на молодую сосенку, а не на грань. Да с тое сосенки на молодую сосенку, а на ней грань, а с тое сосенки через дорогу к лесу на дельную ж сосну, а на ней грань. А земли Филипп князю Ивану Болховскому и Илье Тишенкову не отделял для // [л. 31об.] спору до доклада воеводы Левонтья Ивановича Оксакова, да государева дияка Ивашки Шерапова, что им укажут воевода и дияк и земли Филип княж Иванову приказщику Улану, что пахана под ярь, до доклада сеяти не велел, для того что [оне] де сеяти ржи ко 106-му году, а велел им обеим стати у доклада 105-го мая в 20 день. А отдельные книги писал церковной диячек Николы чудотворца Васька Кондратьев. А у книги рука Филиппа Воецкого, да воскресенского попа Семиона, да Ильи пророка попа Игнатья, да никольского попа Долмата.

Опубликовано: Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века. М., 1977. С. 224-227.

¹ 3-4 слова в конце л. 30 и в начале л. 30об. не читаются.

² 2 слова не читаются.

№ 18**Проезжая грамота от Свяжска до Москвы,
данная воеводой князем М.Ф.Гвоздевым-Ростовским
и дьяком К.Афанасьевым «свяжской чюваше» деревни Абызовы Тлешу
Кугушеву и Еналею Тенникову**

1 января 1603 г.

По государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу от воеводы ото князя Михаила Федоровича Гвоздева-Ростовского да от Кира Офонасьева от Свяжсково до Москвы по городом государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии воеводам и дьяком, и всяким приказным людем.

Отпущены из Свяжсково к Москве свяжская чюваша Чекурские волости деревни Абызовы Тлеш Кугушев да Енали Тенников бити челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии о своих нуждах. И государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии воеводам и дьяком, и всяким приказным людем свяжскую чювашу Тлеша да Еналии велели пропускати везде по государеву указу. А прочитая сее проезжую грамоту, отдовати им назад для государевых иных приказных людей. А будет они повезут с собою на продажу хлеб или какой товар ни буди, и с тем их хлебом и с товаром нигде не пропускати и присылати со всем в Свяжской.

К сей проезжей грамоте воевода князь Михаило Федорович Гвоздев-Ростовской печать свою приложил. Лета 7111-го, генваря в 1 день.

Приписал Кир Офонасьев.

Опубликовано: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР. Вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990. С. 57-58. № 22.

№ 19**Духовная служилого новокрещена (?)
Ивана Килибирдиева сына**

27 апреля 1603 г.

Список со изусной памети слово в слово.

Во имя отца и сына и святого духа.

Се яз раб божей Иван Килибирдиев сын пишу сия изусную паметь своим целым умом и целым своим разумом, кому что отдать и на ком что самому взяти, и приказываю свою душу внуку своему Кузьме Григорьеву сыну, двор свои со всем животом своим да холоп мой Анцо внуку ж моему Кузьме, да пять рублев денег на Колкомане внуку же моему

Кузьме, да холоп мой Орга з женою и з детми жене моей Марье да дочери моей Ирине. И что жены моей платья и то все жене моей Марье. Да холоп мой Теребердей з женою своею и з детми на слободу отпускаю. Нет до них дела ни детям моим, ни внучатам, ни роду моему, ни племяни. Да роба моя Перта даю дочери своей Улмесю. Да сыну моему Чамкулу дал два рубли денег.

Да взяти мне Тямти деревни на Алгуле на Терегулове семь рублей и дватцать алтын денег бескабально. Да Пимир деревни взяти мне Ахмамате Енакееве сыне три рубли дву гривны денег бескабально. Взяти мне на Каибуле на пятидесятнике два рубли денег бескабально. Да на князе Яковлеве крестьянине на Иване рубль денег бескабально. Да взяти мне Бостири деревни на Теребердие на Сабанчиеве сыне три рубли денег бескабально. Да взяти мне Коваль деревни на Степане Микитине рубль денег бескабально. Да взяти мне на князя Яковлеве крестьянине на Гавриле дватцать алтын денег бескабально. Да взяти мне на Мамашеве жене рубль денег по кабале, а у меня лежит бобр в закладе. Да взяти мне Атреть деревни на Иване Григорьеве сыне два рубли денег по кабале. Да взяти мне на князе Федоре на Васильеве сыне три рубли денег бескабально. Да взяти мне на князе Якове на князе Васильеве сыне сорок алтын и десять денег бескабально. Да взяти // мне на Иване на Ондрееве сыне два рубли денег бескабально. Да взяти мне на Олексее на Федорове сыне пять рублей денег по кабале. Да взяти мне на горнем тотарине Булгарьи деревни на Меремсе два рубли денег бескабально.

А жене моей Марье жити во дворе моем со внуком моим с Кузьмою по смертию. А долг мой денежной собрать жене моей Марье со внуком вместе и теми денгами меня поминать. Да ис тех же денег дать внуку моему Кузьме десять рублей денег. А достальным поблюсти тех денег дочери моей Ирине.

А у изусные сидели: Ишерского села Предотечинской поп Марко Вахромиев сын да князь Яков да князь Федор князя Васильевы дети Асанова, да Сие деревни служилые новокрещоны Иван Пумасов да Офонасей Дербышалиев да Иван Ондриев да Юрий Данилов, да Ишер села Иван Назарьев да Игнатей Васильев сын, да Ие деревни Левонтей Иванов сын, да Коваль деревни Офонасей Иванов, да Востер деревни Тарабардей Сабанчиев сын.

А сю духовную память яз Кузма да яз Марья излюбити есми и положили за треть ево тое же деревни Сии за Юрья Данилова сына. И Юрью ся духовная одному без одново никому не выдавать.

А духовная письмо Олешки Федорова сына Акчюрина. Лета 7111-го году, апреля в 27 день.

Извлечено из: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 193-194.

№ 20

**Мировая запись, данная «горным черемисином» Карагузом Яковлевым
«горной же «черемисе» Козьмодемьянского уезда Болдаю Исминдереву,
Кулахмету Кулаеву, Ахкулату Исееву с «товарищи»
о спорной пахотной земле по рекам Моркваше,
Сралке, Мундоре, Еловче, Пошнаре (?)**

Сентябрь 1603 – август 1604 г.

Се аз Карагуз Яковлев сын, горной черемисин Сербиевского города уезду князь Уразлины сотни дал есми на себя сю запись Кузмодемьянского города уезду горной черемисе Аликеевы сотни Алкечевы Болдаю Исминдереву да Калухмату Кулаеву да Ахкулату Исееву с товарищи в том, что я, Карагуз, искал на той черемисе пахотной земли по речке по Моркваше да по речке по Сралке да по речке и по полю Мундоре, да по речке Еловчей поле да по речке Пошнаре Настей поле. И я, Карагуз, с тою черемисою з Болдаем да с Кулахматом да с Акпулатом с товарищи помирился и впред мне, Карагузе, не вчинати и на той черемисе не искати и до тое земли дела нет ни роду моему, ни племени, не детем моим. А учну я, Карагуз, вчинати и на той черемисе искати тое пахотные земли или мои дети или мои роди племян учнут искати на той черемисе тое пахотные земли и по сей записи мне, Карагузу, очищати и убытков не довести. А у сие записи сторонние люди были Когашевы сотни Ангол Келдышев, Янбарыс Янбахтин. А у записи толмачил толмачь Василей Байбахта. А на то послуши Григорей Иванов сын да Бажен Корнилов сын. А запис писал Иванка Дмитриев сын. Лета 7112 году.

На по[д]линной на обороте пишет тако:

Знамя¹ Карагузино.

Знамя Янбарысево.

Знамя Янгулово.

Извлечено из: Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – первой половины XVII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. XXII. С. 123. № 5.

№ 21

**Мировая запись, данная «горным черемисином» Пайдулом Аткунчиным
«горной же «черемисе» Козьмодемьянского уезда Болдаю Исминдереву,
Кулахмету Кулаеву, Ахкулату Исееву с «товарищи» о спорной пахотной земле
по рекам Моркваше, Сралке,
Мундоре, Еловче, Пошнаре (?)**

Сентябрь 1603 – август 1604 г.

¹ Здесь и далее после слова «знамя» приведено изображение тамги – *прим. ред.*

Се аз Пайдул Аткунчин, горный черемисин Сербивескаго города и уезду князь Уразлины сотни, дал есми на себя сю запись в Кузмодемьянском городе Кузмодемьянского города уезду горной черемисе Алисеевы сотни Алкечевы Болдаю Исминдереву да Кулахмату Кулаеву да Ахпулату Исееву с товарищи в том, что искал я, Пайдул, на той черемисе пахотные земли по речке по Моркваше да по речке по Сралке да по речке и по полю Мундоре, да по речке Еловче поле да по речке Пошнаре Настей поле. И я, Пайдул, с тою черемисою з Болдаем да с Кулахматом да с Акпулатом с товарищи помирился и вперед мне, Пайдулу, не вчинати и на той черемисе не искати и до тое земли дела нет ни роду моему, ни племяни, не детям моим. А учну я, Пайдул, вчинати и на той черемисе искати тое пахотные или мои дети или мой род племян учнут искати на той черемисе пахотные земли и по се записи мне, Пайдулу, очисчати и убытков не довести. А у сей записи сторонние люди были черемиса сотник Когаш Кочин да Отяковы сотни Ноник Байсарин да Алигаш Ошчурин. А у записи толмачил толмачь Паша Новокрещен. А на то послуши Григорей Иванов сын да Бажен Корнилов сын. А запис писал Иванко Дмитриев сын. Лета 7112 году.

На той земле были сторонние люди Чебоксарскаго уезду сотник черемискай Отун Патаков да их сотни служивы казак Янгилда Пигитдин да служивы казак Пактыш Пигелдиев да сотник Пихтул Питиков да староста Карагуз Арасев да Ядринского города уезду служилы пятидесятник Байсубай Девлечиров, а сказали про ту землю, что искони вешная та земля пахотная и сенные покосы Кузмодемьянскаго города уезду черемисы Болдая Исминдерева с товарищи.

На по[д]линно пишет на обороте тако:

Знамя Пайдулово.

Знамя сотника Когашево.

Знамя Нониково.

Знамя Алигашево.

Извлечено из: Дмитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – первой половины XVII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. XXII. С. 124-125. № 6.

№ 22

Указная грамота из Поместного приказа от имени царя Б.Ф.Годунова нижегородскому воеводе М.В.Молчанову и дьяку Алексею Карпову об отделе свияжскому жильцу А.З.Бестужева, нижегородцу И.И.Каиреву и вдове Марии бывшего поместья нижегородца И.И.Козлова в Нижегородском уезде

10 января 1605 г.

Список з грамоты слово в слово.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Нижней Новгород Михаилу Васильевичю Молчанову да дияку нашему Олексею Карпову. Били нам челом свияжской жилец Ондрей Захарьев сын Безстужева да нижегородец Ивашко Исламов сын Каирев, по окладу велено за ними нашево жалованье учинити поместье за Ондреем на четыреста чети, половину ево окладу в Свияжском, а другая в верховских городех, а за Ивашком на двесте чети. И за Ондреем де поместье в Нижнем семдесят шесть чети, а не додоно де ему в половину ево окладу верховсково поместье ста дватцети четырех чети, а за Ивашком де поместья нет нигде. И нам бы их пожаловати в Нижнем Новегороде из Ъванова поместье Иванова сына Козлова. А Ивана де во 112-м году не стало, а после де ево осталось жена вдова Марья бездетна. А нашего де жалованья за Иваном было поместье в Нижнем двесте сорок шесть чети с осминою, а оклад ево был двесте пятдесят чети. И то де Иванова поместье порозжо, не отдано никому.

И будет так, как нам Ондрей Безстужев да Ивашка Каирев били челом. И мы вам тому Иванову поместью Козлова послали с нижегородцких книг писма и дозору Василья Борисова с товарищи 96-го году, да с отделных книг отделу городского приказщика Филиппа Воецково 105-го году выпись слово в слово за дьячьєю приписью. И как к вам ся наша грамота и выпись с книг придет, и вы б в Нижегородцкой уезд в Ъваново поместье Козлово послали ково пригож, а велели ему, взяв с собою тутошних и сторонних попов, и дияконов, и старост, и целовалников, и крестьян сколко человек пригоже, да в том Иванове поместье Козлово по выпи си с книг, какова к вам выпись с книг послана с сею нашею грамотою за дьячьєю приписью, в усадище и к усадищу пашни и перелогу тритцеть чети велели бы есте отделити вдове Марье Иванове жене Козлова на прожиток да тех мест, как она замуж пойдет или пострижетца или ее не станет. Да тово ж Иванова поместье пашни и перелогу сто чети велели бы ести отделити свияжскому жилцу Ондрею Захарьеву сыну Безстужево к нижегородцкому ево поместью к семидесят ко шти четям, в половину ево окладу, в верховское ево поместье в двесте чети. Да тово ж Иванова поместье пашни и перелогу сто шеснатцеть чети с осминою велели отделити Ивашку Исламову сыну Коиреву в ево оклад в двесте чети. А отделяти велели бы есте всем им в поле, а в дву по тому ж, с ряду с одново, а не в розни, и не через землю, и не через деревни, и не выбором, живущее и пустое повытно по четям, а дворов и во дворех людей, и сена, и лесу, и всяких угодей по пашне. Да что кому в том поместье отделит сел, и деревень, и починков, и пустошей, и в них дворов и во дворех людей по имяном, и что сена и лесу, и всяких угодей, и вы б то все велели написати в книги подлинно порознь земскому или церковному диячку. Да те книги за поповыми и за дияконовыми руками и за того рукою, ково тово поместье пошлете отделяти, прислали б есте к нам к Москве и велели отдати в Помесном приказе дияком нашим Василью Маркову да Ивану Ефанову часа того.

Писана на Москве. Лета 7113-го, генваря в 10 день.

А припись у грамоты дияка Ивана Ефанова.

Извлечено из: АСЗ, т. 3, № 31, с. 47-48.

№ 23

Послушная грамота Казанского дворца крепостным крестьянам служилого татарина Чорая Араковича Курмандербышева, помещика в деревне Больших Куюках Казанского уезда

10 апреля 1617 г.

По государеву цареву и вел. князя Михаила Федоровича всея Руси указу и по приказу боярина и воевод князя Володимира Тимофеевича Долгорукаго, князя Семена Никитича Гагарина, да дьяков Андрея Подлесова, да Афанасья Истомина, всем крестьяном, которые живут служилаго татарина Арака Курмандербышева в поместье в деревне Большом Куюк. В нынешнем 1617 году апреля в 9 день бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси Араков сын Курмандербышева Чорай, а сказал: отец да его Арак убит на государеве службе во 1616 году, как ходили на вора на Еналейка, и государь бы царь пожаловал отца его поместьем в деревне Большом Куюк, а в писцовых книгах Ивана Болтина с товарищи прошлаго 1603 году написано: по Ногайской дороге в деревне Большом Куюк за служилым татаринном за Араком Курмандербышевым двор помещиком пашни паханья одинадцать четей в поле, а в дву по тому же, сена отхожего на Куюковской поляне, да за рекою за Камою 330 копен. И государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси боярин и воеводы князь Володимир Тимофеевич Долгорукой, князь Семен Никитич Гагарин да дьяки Андрей Подлесов да Афанасий Истомин приговорили тем отца его Араковским поместьем владети сыну его Чорайку в его оклад в 250 четей. Помета на выписке дьяка Андрея Подлесова. И вы б все крестьяне, которые в том Араковском поместье ныне живут и вперед учнуть жить, помещика Чорайка Аракова слушали, пашню на него пахали и доход его помещиков платили, чем он вас пооброчить. К сей выписи государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси печать царства казанского приложил боярин и воевода князь Володимер Тимофеевич Долгорукой. Лета 1617 г. Апреля в 10-й день.

На обороте: дьяк Афанасий Истомин, Справил Маркел Амирев.

Извлечено из: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 7.

№ 24

Список с жалованной грамоты алаторским служилым князьям и мурзам князю Баишу Разгильдееву и Ямашу мурзе князю Мангушеву с товарищами с освобождением их от некоторых денежных и натуральных повинностей

29 апреля 1618 г.

Божиею милостью мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович, Всея России Самодержец, пожаловали есьми Алатырского города князей и мурз и татар, князя Баиша Разгильдеева да Ямаша мурзу князь Мангушева с товарищи, что били они нам челом, а сказали: служат де они нам всякия наши службы зимняя и летняя, рядовая и выборная, и некоторая де их служба не минует, а поместья де их невеликая, а деды де и отцы их искони вечно служили прежним государям, а данных и посошных и ямских и подымных денег не даывали; а ныне де их заставляют рвы копать и осторожное и городовое и засечное дело делать, и ямские и дымные деньги с них емлют, а их де братьям, касимовским, кадомским и темниковским, цненским и арзамаским князьям и мурзам всех городов, даны наши жалованные тарханские грамоты, что им опричь нашей службы никаких податей не давати. И нам бы их пожаловати, велети им дать нашу жалованную грамоту таковую же, каковы даваны их братье касимовским, кадомским, темниковским, цненским, арзамаским князем и мурзам и татарам. И про то посылаю сыскивать на Алатырь, с алатырских князей и с мурз при прежних государях данных и посошных и ямских и подымных денег с них неимывали ль, и городового и остражного и засечного дела не дельвали ль. И в обыску всяких людей обыскных 240 человек сказали: алатырские князи и мурзы, князь Баиш Разгильдеев да Ямаш мурза князь Мангушев с товарищи, служат всякия наши службы со своих поместей, зимняя и летняя и рядовая и выборная, и некоторая их служба не минует; а данных и посошных и ямских и подымных денег не плачивали. – И мы, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Росии, алатырских князей и мурз и татар, князя Баиша Разгильдеева да Ямаша мурзу князь Мангушева с товарищи, и которые арзамаские князи, мурзы и татаровя испомещены в Алатырском уезде, пожаловали, велели им дата нашу жалованную грамоту такову ж, каковы даваны их братье касимовским, кадомским, темниковским князем и мурзам и татарам: что с их поместных земель ямских и подымных денег, и крестьян их к нашему делу в целовальники и на ям в ямщики имати на них не велели; а им с тех с поместей и с денежного жалованья во всякия наши зимняя и летняя службы быти по наряду. Дана сия наша Царская жалованная грамота лета 7126, апреля в 29 день. – По окончании оной подлинной грамоты написано тако: Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича всея Росии дьяк Федор Апраксин, и под тем приложена печать красного воску с шелоковым красным снурком.

Да на обороте оной же грамоты подписано тако: Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Росии.

Извлечено из: Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа казанского дворца. Т. I. Казань, 1882. С. 54-55.

№ 25

**Ввозная послушная грамота на бывший поместный жеребей Бибая Ураева
в с. Тарбаево Касимовского уезда, отданный служилому татарину
Балбеку Тенебякову**

8 апреля 1619 г.

[л. 10] [От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси в Касимовской уезд в Борисоглебской стан в жеребей села Тарбаева в Бибаевское поместье Ураева, да в ево же жеребей меж Тарбаева да меж Тураева, да меж Пураев всем крестьяном, которья в том поместье на Бибаевском жеребью живут. Бил нам челом касимовской служилой татарин Балбек Тенебеков нашего де жалованья по окладу велено за ним поместья учинить на восемьдесят чети, а за ним де поместья в Касимовском уезде в селе в Тарбаеве десять четвертей в поле, а в дву по тому же. И в прошлом де во 126 году дано ему Балбеку в Касимовском уезде в селе Тарбаеве Бибаев помесной жеребей Ураева пашни семь четвертей с полуасминою, да меж Тарбаева да меж Тураева да меж Пураева ево же Бибаева жеребья по речке по Китаике пашни две чети с полуасминою, и обоего девять четвертей с осминою. А нашии де ввозныя грамоты у него на то поместье на девять чети с осминою нет. И нам бы ево Балбека пожаловать, на то поместье на Бибаев жеребей Ураева на девять чети с осминою велеть дать нашу ввозную грамоту, по чему ему] тем поместьем вперед владеть.

А в отделных книгах отделу касимовского городского приказщика Ондreja Оксенова нынешнего 127-го году написано. Отделено в Касимовском уезде в селе в Торбаеве на реке на Китаике Бибаевской жеребей Ураева семь четьи с полуосминою, да ево же Ураев жеребей меж Торбаева да меж Тураева да меж Пураева пашни две чети с полуосминою, и всего девять чети с осминою в поле, а в дву по тому же, касимовскому служивому татарину Балбеку Тенебякову в поместье со всеми угоды к старому ево поместью, к десяти четвертям, в ево оклад в возмьдесят чети.

И будет так, как нам касимовской служивой татарин Балбек Тенебяков бил челом, и вы б все крестьяня, которые в ево Балбекове поместье в селе в Торбаеве на Бибаевском жеребью Ураева живут, помещика Балбека Тенебякова слушали, пашню на него похали и доход помещиков платили.

Писана на Москве лета 7127-го апреля в 8 день.

На обороте: справил Сидорко Ондреев.

Источник: Хранилище рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. М.И.Ахметзянова, ед. хр. 38.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «... Пращур наш подленно был служилой татарин» (из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве)// Гасырлар авазы=Эхо веков. 2007. № 2. С. 89-102.

№ 26

**Выпись из отказных книг А.Аксенова, данная
служилому татарину Болубеку Тенебекову на бывшее поместье
Бибая Ураева в с. Тарбаево Касимовского уезда**

8 апреля 1619 г.

[л. 12] Лета 7127-го году апреля в 8 день. Выпись государева г[ра]маты слова. В Косимовском уезде Барисахлебского стану в селе Торбаево. В Бибаева жеребья семь четвертей. Урае[ва] жеребья две четверти с полуосминою. Ураевской в селе Торбаево против усаду выпуск через вражек да санных покосов семьдесят капен по канец трех поль по Китаику по речку, по обе стороны тех жа поль в кругом двух поль Укаи вражек, рубеж – роща Манеевская да Такаевская. Да отца моево одиннатцать четвертей и с усадом, да отца же моево за Малым Торбаевым три четверти с усадом в поле, а в дву по тому же.

Енбулат Дебеов сын: три осмины и с усадом два поля по тому же. Да отца моево санных покосов семьдесят капен по канец трех поль по Китаику по речку по обе стороны. Да в селе Торбаево помещива дворища нет и крестьянских дворов нет. И поместья по старому рубежу Касимова города городовой прикащик Ондрей Аксенов по государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии грамате отказал в поместье касимовскому служивому тотарину Болубеку Тенебекову в оклад // [л. 8] дватцать четвертей с четвертью с тремя полуосмины. Касимова города городовой прикащик Ондрей Аксенов со отказных книг дал выпись касимовскому служивому татарину Болубеку Тенебекову на Бибаевская поместья Ураева за своею рукою.

А на отказе были з городовым приказщиком с Ондреем Аксеновым тутошныя сторонныя люди и мещеня дети боярские Матвей Иванов сын Суров, Влас Борисов сын, Елисей Иванов сын Борсуков да Новгорода тотарин Ченыш Утешев сын Кулушев, да касимовской разсылщик Кудин Нечаев, да Чуския волости крестьяня Игнатей Иванов сын Даронина, да Архип Алеев, да касимовския тотаровя Уразлей мурза Шакаев, Енбулат Девлечаров, Бойбулат Кашаев, да Челикеев Девлетказин, Янгилдей Азитов, Кунюш Тогамаяев, Енбулат, Кучкей Сабаков, Чураи Баичурин, Шарап Истомин, Ураз Иванов, Ишмакаи мурза, Половы Иванов, Кутлуш Кутьянов. И те тотаровя сказали по своему ему, и по своей вере и по шерти, то поместья и в четвертах поля была Ураева и Бибаевская.

Выпись писал Митька Исаев.

Лета 7127-го году апреля в 8 день.

На обороте: К сей отказной выписи с книг городовой приказщик Ондрей Оксенов руку приложил.

Источник: Хранилище рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. М.И.Ахметзянова, ед. хр. 38.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «... Пращур наш подленно был служилой татарин» (из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2007. № 2. С. 89-102.

№ 27

**Роспись азиатским купцам, отпущенных из Казани,
с перечислением их товаров**

1 декабря 1619 г. – 19 января 1620 г.

Роспись тезиком, которые отпущены ис Казани вверх и сколько у ково какова товару.

[...] Декабря в 1 день отпущен ис Казани на Олатор тезик Кизилбашские земли Мамаделейко Максютов, а с ним товару: 35 ансырей шолку арыского, 15 дорогов цветных, 31 юфть сафьянов, 90 ансырей шолку пырсу, цена 248 р., взято пошлин по 2 алт. з деньгою с рубля, итого 16 р. 4 алт. Декабря в 9 день отпущен до Нижнево арменин Казаринко Меретов, а с ним товару: 300 юфтей сафьянов; 200 ансырей шолку арыского, 6 пуд бумаги синие, 80 киндяков цветных, мяхкому товару цена 728 о., а вещему 118 р., взято пошлин с мяхкого товару по 2 алт. з деньгою с рубля, а с вещево товару по 3 алт. с рубля, итого 57 р. 31 алт. 2 ден.

Декабря в [...] день отпущен в Пермь арменин (Кизылбашские земли) Алханко Харабет [...] лев, взято пошлин по 2 алт. з деньгою с рубля, итого 2 р. 33 алт. Декабря в 16 день отпущен до Нижнего тезик Кизылбашские земли Маметьево Мамарифов, а с ним товару: 200 ансырей шолку форбату, 120 ансырей шолку арыского, цена 600 р., взято пошлин по по 2 алт. з деньгою с рубля, итого 39 р.; а как тот Маметько приехал в Казань и в Казани в таможене объявил и записал шолк в продажу фарабат и лас, а как поехал в Нижней, и в отпуске объявился шолк арыской не против привозу. Да с ним же отпустил в Нижней шамахинского воеводы Исуп-ханов человек Кудабердей Вялеев Исуп-ханова товару: 100 ансырей шоку арысково, 30 дорогов шлянских, цена 305 рр. взято пошлины по 2 алт. з деньгою с рубля, итого [...] руб. 27 алт. 3 ден. Декабря в 2 [...] (день) отпущен до Нижнего бухаренин Хозя-Бречим Магметев, а с ним товару: 1300 киндяков цветных, 300 зенденей семенди цветных, 23 дороги бухарские, 20 завесов выбойчатых, 150 кушаков харчевых, 50 зенденей дюменди цветных, цена 1244 р., взято пошлины по 2 алт. з деньгою с рубля, итого 80 р. 28 алт. 4 ден. Декабря в 21 день отпущен до Нижнево тезик Кизылбашские земли Мамин Бакин а с ним товару ; 80 киндяков цветных, полтретья пуда краски мяхкие, 6 кисей, 8 юфтей сафьянов, 10 зенденей дюменди, 4 выбойки уские, 6 ансырей шолку арыского, мяхкому товару цена 114 р., а вещему 54 р., взято пошлин с мяхково товару по 2 алт. з деньгою с рубля, а с вещево товару по [...] 12.

[...] Генваря в 6 (день) [...] тезик Кизылбашские з (земли) [...] Метько Максутов, а с ним товару: 60 ансырей шолку пырсу, 10 ансырей шолку арыского, 30 дорогов гиланских плохих 20 киндяшчиков плохих, цена 110 р., взято пошлины по 2 алт. з деньгою с рубля, итого 7 р. 5 алт. Генваря в 19 день отпущен до Нижнево тезик кизылбашенин Надрусеинко Мааметов, а с ним товару: 120 ансырей шолку арыского, цена 300 р., взято пошлины по 2 алт. з деньгою с рубля, итого 19 р. С полтиною. И всего взято с продажного товару пошлин 255 р. 21 алт. 5 ден...

№ 28

**Выпись из книг «письма и меры» Г.Г.Колединского и подьячего И.Бакова,
данная служилому татарину Болбеку Тенебекову на поместный жеребей отца
в с. Тарбаево Касимовского уезда**

19 августа 1621 г.

[л. 11] По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси наказу писцы Григорей Григорьевич Колединской да подьячей Иван Баков дали выпись с книг письма своего и меры косимовскому татарину Болбеку Тенебекову в Косимовском уезде в Подлипском стану на жеребей села Торбаева, что был тот жеребей за отцом ево.

А на ево жеребьи. Двор ево помещиков. Пашни паханые помещиковы средние земли четыре чети с осминою да пашни же перелогом восемь чети в поле, а в дву по тому же, доброю землею с наддачею десять чети. Сена по конец поль десять копен да промеж пашни десять копен. Да за ним же жеребей того же села Торбаева, что был тот жеребей села в помесье за Бибаем Ураевым. А на ево жеребей пашни перелогом средние земли девять чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому же, доброю землею с наддачею чети. Да за ним же тово же Бибаева помесья пустошь Ураева меж Тураева да меж Торбаева, да меж Пураева пашни пахоные наездом средние земли три чети в поле, а в дву по тому же, доброю землею с наддачею две чети с осьминою.

И вы б все крестьяня, которые в тех жеребьех впредь учнут // жити, Болбека Тенебекова сына Тенишева слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили.

К сей выписи Григорей Григорьевич Колединской печать свою приложил.

Лета 7129-го августа в 19 день.

На обороте: Приписал подьячей и далее скрепа: Иван Баков.

Источник: Хранилище рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. М.И.Ахметзянова, ед. хр. 38.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «... Пращур наш подленно был служилой татарин» (из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2007. № 2. С. 89-102.

№ 29

**Подтвердительная грамота Казанского дворца служилому татарину,
помещику Москову Зозяшеву на владение мельницей на р. Нурме**

5 октября 1633 г.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярин и воеводы Матвей Михайлович Годунов, Петр Иванович Мансуров, дяки

Степан Уготцкой, Федор Рыбенской дали грамоту служилому татарину Москову Хозяшеву для того, в нынешнем во 7142-м году бил он челом Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, а сказал, в прошлых де годах пожаловал его государь по Зюрейской дороге в деревне в Тавелеве на реке на Нурме в поместной его оклад поставити мельницу большое колесо. А у князь Якова де Асанова на тое мельницу есть ввозная грамота, а молоти де было тому князь Якову на той мельнице про себя, а не на сторону, а он де с князь Яковом поставил мельницу сопча большое колесо: берег ево Московов, а другой – князь Яковлев. И ныне де тот князь Яков мимо ввозных грамоты хочет имати на сторонних людей с хлеба помольных деньги, а доведется де тот помол имати ему Москову с поместного окладу, и Государю бы ево пожаловати, велети сыскати старую прежнюю князь Яковлеву ввозную грамоту, почему ему велено мельницу поставить, а в поместных дачах прошлого 7132-го году написано: мая в 18 день дана грамота служилому татарину Москову Хозяшеву на Мшеевское поместье Хозяшева в деревне Бимери, да в деревне меньшей Сие на 212 четей с третником в поле, а в дву потомуж, да Москову ж Хозяшеву велено на пустом месте на реке на Нурме поставити мельницу большое колесо, за четвертную пашню за 30 четей в поле, а в дву потомуж, и обоего за Московском поместья 242 чети с третником в поле, а в дву потомуж, да в поместных же дачах прошлаго 7141-го году написано: бил челом государю князю Яков Васильев сын Асанов, а сказал, дана де ему была на Москве ввозная грамота на мельницу после разбору боярина и воеводы князя Бориса Михайловича Лыкова с товарищи, и тое де он мельницу по Зюрейской дороге на реке на Нурме, повыше своей деревни поставил, и как де горел в Казани монастырь Пречистыя Богородицы, и в ту де пору без него ту государеву московскую грамоту, что была дана на ту мельницу, и ему де мельницею владеть стало не почему, и Государю бы ево пожаловати, велети ему на ту его мельницу дати новую ввозную грамоту почему ему тою мельницею владети, и тое мельницы за ним выше его деревни Бимерь на реке на Нурме, в Казани в дачах не сыскано, а князь Яков Асанов сказал, в прошлом де 7131-м году бил он челом государю на Москве, чтоб государь ево пожаловал, велел ему в Казанском уезде повыше его деревни Бимерь, на своей поместной земле поставити мельницу колесную в его оклад за четвертную пашню за пятьдесят четей. И тое де мельницу на реке на Нурме, повыше его деревни Бимерь, на его князь Яковлев поместной земле за четвертную пашню за пятьдесят четей поставить ему велено. И по приговору Окольникового и воевод Феодора Бутурлина с товарищи князю Якову тою колесною мельницею на реке на Нурме, повыше своей деревни Бимерь, велено владети в поместье по прежнему за четвертную пашню за пятьдесят четей, будет та мельница по государеве московской грамоте поставити ему велено. И в нынешнем 7142-м году по приговору боярина и воевод Матвея Михайловича Годунова, Петра Ивановича Мансурова, дьяков Степана Уготцкого, Федора Рыбенского велено мельницею большим колесом, что на реке на Нурме владети служилому татарину Москову Хозяшеву ввозной грамоте, какова ему дана в Казани в прошлом 7132-м году за государевою печатью царства Казанского и с дьячею приписью, а молоти ему на той мельнице про себя и на сторону из помолу, а князю Якову Асанову на той мельнице про себя молоти без помолу по полутораста четей на год, а владети ему князю Асанову тою

мельницею не велели, потому что он князь Яков о той мельнице бил челом государю ложно. К сей грамоте государеву цареву и вел. князя Михаила Федоровича всея Руси печать царства Казанского приложил боярин и воевода Матвей Михайлович Годунов, лета 7142 октября в 5 день.

На обороте: дьяк Степан Уготцкой. Справил подьячий Гаврилко Васильев.

Опубликовано: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 8-9.

№ 30

Завещание Галикай аталыка

11 марта 1639 г.

Когда же придет срок им (народам, людям); то они не будут в состоянии ни отложит его ни на один час, ни заставить его притти ранее. Милостью, волею и всемогуществом единого Господа Бога всевышнего, по хадисам и стихам курана всеславного пророка, по указам и уложению великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, по точным правилам шарията, за свидетельством сеидов, мулл, и других лиц присутствовавших при семь, с милостивого соизвещения сына Арслан хана, господина нашего Сеид-Бурган-султана, я, раб Господа Бога всевышнего, сын Акаймурзы, Аликей-аталык, по своему собственному побуждению, бив челом господину нашему Сеид-Бурган-султану и испросив у него разрешения, в полном уме и сознании, желая как можно лучше устроить дела свои как в здешнем мире, так и для будучей жизни, велел при своих глазах написать духовную грамоту. Велел же я написать при своих глазах духовную для того, чтобы мои наследники после меня, когда наступит час час predeterminedный свыше единым Богом и мне придется отойти от сего мира, не ссорились между собою и не сердились друг на друга из за имения, которое должно от меня остаться. Свату моему сыну Буляксеида Ак-Мухаммед-сеиду, и младшему моему родичу сыну Хан-гильды-мурзы Дост Мухаммед-мурзе приказываю я нижеследующее. Написаны же сей мои распоряжения о делах сего мира и будущего, 1048 года благословленного месяца зилькааде в 16 день в воскресенье, в присутствии верных и надежных мусульман, с обозначением и самих имен свидетелей в конце настоящей духовной грамоты. После моей смерти, вы, сват мой Ак-Мухаммедсеид и младший родичь мой Дост-Мухаммед-мурза, во исполнение моей последней воли, согласно с сею моею духовною, ударьте челом господину нашему Сеид-Бурган-султану и матери его – госпоже нашей Фатима султан-бикем, чтоб они пожаловали меня слугу своего простили, и разрешили мне хлеб, который я ел и воду которую пил. Моя же служба, как я для них потрудился, да будет им разрешена, и я их сто тысяч раз прощаю. У меня нет ничего их достойного, чтобы я мог им оставить; прошу их пожаловать, в том меня слугу своего простить. Дом мой, который я по их милости окончил, со всеми возведенными при нем службами и со всеми постройками, принадлежить господину

нашему Сеид-Бурган-султану; что бы он с ним ни сделал, кому бы его ни пожаловал, на то его воля. Вольной госпоже нашей Фатима-султан-бикиме бью челом доставшеюся мне по наследству от Ураз-Мухаммеда Башмакова жenkою, по имени Ай-сулу; прошу ее принять эту женку на память обо мне, старом слуге своем Господину нашему Сеид-Бурган-султану бью челом выросшею у меня на руках серою кобылою с прошлогоднею годовалою голубою кобылою; прошу его пожаловать принять это на память обо мне, старом слуге своем. Младшого родича моего Дост-Мухаммед-мурзу прошу быть снисходительным, простить меня; за сделанное им добро и за все данное им имущество не хватить ни волос моих, ни бороды моей, прошу его меня порадовать, быть снисходительным, не взыскать с меня. Ему оставляю я человека моего немца, сына Иринеева, по имени Курманая, купленного у жены сына Ямбулатова Кутаная; желаю, чтоб это пришлось ему по сердцу. Сына Ак-Мухаммед-сеида, зятя моего Тин-Мухаммед-сеида, и юджуну мою Бигишь-бикачу прошу также простить меня. Им оставляю я после себя человека моего немца, сына Иринеева, по имени Иваная, купленного у той же жены Кутуная. Сыну Алибик-хафиза, зятю моему Ишь-Мухаммеду, и сестре моей Шегр-Султанбикаче, им обоим, оставляю женку мою немку, по имени Курман-би, купленную у сына Бурнаева Утямиша. Прошу и их быть снисходительными простить меня; и я их прощаю. Больше же они не в праве от меня ничего требовать: они сами знают, что снаряжение сестры моей Шегр-султан-бикачи стоило мне, при выдаче ее замуж, более двух сот рублей. О прочих моих людях, которые выше в счет завещанных мною полонных людей не вошли, приказываю. Моего дворового человека, сына Андреева, по имени Япуша, я, в угоду Богу, предстательства ради пророка над которым да будет мир, и надежды ради на жизнь будущую, отпускаю на волю, чтоб он был таким же, как и все прочие вольные. Отпускаю же на волю и купленную у жены Кутуная жену человека именем Иринея, дочь Юрья, Дауляшу; пусть будет она вольная, как и все прочие вольные. Отпускные им написаны при мне, при моих глазах; эти отпускные их обоих я сам передал из рук в руки Ак-Мухаммед-сеиду. Когда наступит час предопределенный свыше Богом и я отойду от сего мира, пусть Ак-Мухаммед-сеид и младший родич мой Дост-Мухаммед-мурза сделают милость отдадут отпускные обоим, как Япушу, так и Дауляше. Дела до них никому никакого нет; вольные они люди великого государя. Вольный же человек мой русский, по имени Андрей; куда хочет, пусть туда по своей воле и идет; ему приказываю отдать небольшой дом мой в деревне; дорога ему открыта на все четыре стороны. Человеку моему пану, по имени Тимошке, приказываю отдать лошадь, на которой он пашеть; ему также дорога открыта на все четыре стороны; куда хочет, пусть туда и идет по своей воле; вольный он человек. Вольная же и бывшая прежде нашею женка, старуха, по имени Илик, отпущенная на волю еще моею матерью; где хочет, пусть там и живет, как ей заблагоразсудится. За тем, сверх вышепоименованных людей, мною завещанных, отпущенных на волю, или без того уже вольных, должно после меня остаться всякого имения и добра вот сколько: тридцать рублей денег, один бурый иноходец, две рыжия лошади, одна сивая лошадь, две бурых лошади, одна вороная кобыла, десять баранов, два племенных барана, три улья, хлеб молоченный рожь озимая посеянная, котел висячей, топор которым рубят, иголки и игольники, нитки и клубки. Да у Альшьбикова сына Ал-Мухаммед-мурзы взять мне по кабале два рубля, да у Бий-гильдыева сына Кары взять мне без кабалы один рубль. Ак-Мухаммед-сеиду же и Дост-Мухаммед-мурзе

завещаю, что я решительно никому не должен ни гроша; должным состою я одному Богу в уплате одной души моей. Когда наступит час предопределенный свыше богом преблагословенным и всевышним, и я, Аликей-аталык, отойду от сего мира, Ак-Мухаммед-сеид и Дост-Мухаммед-мурза должны, чисто омыв меня и обернув в белый саван, предать земле, и, как это обыкновенно делается, из моего имения и добра справить по мне поминки и раздать милостыню так, чтобы не погасли ни моя свеча, ни мой светильник. Лицам, которые будут обмывать меня, и хафизам за чтение надо мною курана, должны они дать из моего имения и добра, сколько будет нужно. Человеку же моему, по имени Ивану, завещанному мною зятю моему Тин-Мухаммед-сеиду и юджун моей Бигишь-бикаче, должны они отдать мой большой дом в деревне. За тем все мое имение и добро, которое останется как за расходами на поминки и на милостыню, так и за выдачею лицам, которые будут обмывать меня, и за уплатою хафизам за чтение надо мною курана, как то: лошадей, всякого рода скот, домашнюю птицу, всякого рода хлеб, иголки и игольники, нитки и клубки завещаю я и отдаю Ак-Мухаммед-сеиду и Дост-Мухаммед-мурзе. Кроме Ак-Мухаммед-сеида и Дост-Мухаммед-мурзы никому другому дела до всего этого нет. Во веки веков, никогда, кто бы то ни был, будь он мне сын или ночь, брат старший или младший, родственник или чужой, да не вступает в тяжбу или спор с Ак-Мухаммед-сеидом и младшим родичем моим Дост-Мухаммед-мурзою, утверждая, будто и ему следует получить что либо после меня, Аликей-аталыка. Если же кто бы то ни был вступит в тяжбу или спор, то да будет на нем проклятие от бога преблагословенного и всевышняго, проклятие от земли и неба, проклятие от ангелов, проклятие ото всех людей; судьи же и власти да не принимают во внимание и не слушают слов подобного рода притязателей и истцев, а притязания их, отвергнув, и слова их, сочтя за ложь, да поступают по сей моей духовной грамоте. Духовную грамоту сию я, Аликей-аталык, владея языком, в полном уме и разуме, в глазах благонадежных людей, собственным побуждением написать велел, и сам своими руками передал Ак-Мухаммед-сеиду и Дост-Мухаммед-мурзе. Так как я, Аликей-аталык, вследствие болезни, собственною рукою сей духовной грамоты подписать не мог, то подписать ее вместо себя, я, находясь в полном уме и разуме, велел при своих глазах сыну Ураз-гильды-имильдаша Ураз-Мухаммед имильдашу. При написании сей духовной грамоты сидели следующие лица: сын Буляк-сеида Ишь-Мухаммед сеид, сын Бийгуват-бика Алыш бик, сын Мемешь-бика Уразай мурза, сын Тенгрибирды-мурзы Исан-Кильды мурза, сын Суюшь-мурзы Тенгри-гул мурза, сын Худаяра Кутлуг-сагат, сын Ишкой-хафиза Сефер хафиз, сын Джан-Алия Мухаммед хафиз, сын Шаабана Мусса, сын Джаафар-муэззина Уразай хафиз. При написании сей духовной грамоты сидели и свидетелями были нижеследующие лица: на то послух сын Джан-сеида Юлкулуг хафиз, на то послух сын Дусай-мурзы Садыкай мурза; на то послух сын Байчура-хафиза Бай-Кильды хафиз; на то послух сын Казыкея Дауля-суфи хафиз; на то послух сын Джан-газья Уразай хафиз; на то послух сын Иваная Итмекей хафиз; на то послух сын Баженов Степан; на то послух сын Никифоров Василий; на то послух сын Григорьев Иван дьяк; на то послух сын Исаев Никита Мартынов, на то послух Первов Бажен; на то послух сын Килишь-мурзы Кучук-мурза.

Опубликовано: Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866. С. 242-249.

№ 31

**Соборное Уложение 1649 года о поместных правах феодалов
народов Поволжья (или нерусских феодалов Поволжья)**

Глава XVI «О поместных землях», ст. 41-44, ст.45.

41. А которые земли изстари бывали русских людей поместные земли, и много лет лежали в пусте¹, и в прошлых годах на тех порозжих землях поселилися татаровя и мордва по дачам по государевым грамотам, а иные по боярским грамотам, которые грамоты даваны в безъгосударное время², как стояли бояре под Москвою, а иные без дачь³ и живут на тех землях многия годы, и тех земель государеву службу служат, и у них тех земель не отнимать. А впредь русских людей поместных земель татарам, и татарских земель русским людям в поместье не давати.

42. А у которых татар и у мордвы русских же людей поместныя земли, а платят они с них оброк, а впредь о тех землях будут челобитчики русския люди, и те земли у татар и у мордвы взяти, и отдать в поместье русским людям.

43. А в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чуваша, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцов бояром, и окольным, и думным человеком, и стольником, и стряпчим, и дворянам московским, и из городов дворянам, и детям боярским, и всяких чинов русским людям, поместных и всяких земель не покупать и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати. А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди учнут в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати з дачею, или покупать, или в заклад, или в наем на многия лета имати, или меняти, и у тех всяких чинов людей те татарския поместныя и ясачныя земли имати на государя, да им же за то от государя быти в опале.

44. А которые князи, и мурзы, и татаровя, и мордва, и чуваша, и черемиса, и вотяки крестилися в православную христианскую веру, и у тех у новокрещенов поместных земель не отымати, и татарам не отдавати.

45. А мурзам и татарам своих поместей не пустошить; и самим из тех своих поместей в ыния городы и в села и в деревни никуды не бегать и от служеб не отбывать, а жити в своих поместьях и вотчинах, и владети им мурзам и татарам всякому своим поместьем, где кто испомещен по дачам. А будет которые мурзы и татаровя не хотя государю служить, и своим воровством, не проча себе, учнут свои поместья московским и городовым дворянам и детям боярским, и всяких чинов людям здавать или менять и продавать и в заклад и в наем отдавать и пустошить, крестьян грабить, и налоги и насильства чинить, и от их налоги из тех их поместей крестьяне разбегутся, и те свои поместья, запустоша, или проворовав, учнут бегать в ыния городы и в татарския и в

¹ В пусте – здесь: необработанные, неиспользованные земли.

² Имеется в виду время Смуты.

³ Дача – земли, розданные царем за службу.

черемиския деревни и от служеб учнут избегать и отбывать, а после про то сыщется, и тем мурзам и татарам за то чинить наказание, что государь укажет. Да и тем людем, у которых мурзы и татаровя учнут жити в бегах, потому же чинить жестокое наказание, и приказывати им накрепко, чтобы они впредь у себя беглых мурз и татар не держали никоторыми делы.

Извлечено из: Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 171-172.

№ 32

Сведения о торговле казанских купцов в Сибири и Средней Азии

1644-1672 гг.

а. 1644-45 г. Казанский татарин – 1. Привез бухарский товар и калмыцкие меха. 1655-56 г. Служилых татар – 9. Привезли бухарский товар и калмыцкие меха. Казанский татарин – 1. Привезли бухарский и китайский товар (ткани). Казанский бухаретин – 1. Привез бухарский товар.

1657-58. Служилых татар – 2. Привезли бухарский товар и калмыцкие меха. Казанский татарин - 1. Привез бухарский товар.

1671-72 г. Казанских татар – 2. Привезли бухарский и калмыцкий товар.

(Настоящие сведения выбраны из таможенных приходных книг Сибирского приказа по г. Tobольску).

б. Сведения о торговых людях и товарах, приходивших через Тарскую таможду.

1653-54 г. 2 казанских татарина привезли ... ремень.

1657-58 г. Служилых татар – 4 чел. Трое привезли меха, один – ремень.

1658-59 г. Татар – 2 (один казанский). Привезли бухарский товар из степей.

1666-67 г. Казанский татарин – 1. Привез бухарский товар.

в. Ввоз товаров через Tobольскую таможду (1655-1656 гг.)

1655 г. 25/IX. Служилый татарин (привез) из калмыков (тканей) 50 зензены семенди, 50 выбоек узких, 600 арш. бязи узкой.

27/X. Казанский татарин привез из Бухары тканей: 100 зензены семенди, 50 выбоек узких, 600 арш. бязи узкой.

1656 г. 28/VII. Tobольский служилый татарин привез из калмыков 10 тулугов ветчинных, 60 мерлушек калмыцких, 8 барсуков вешних.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 237-238.

№ 33

**Отказные книги Н.Онучина на поместные земли М.Нагирина
в с. Большие Шигазды Казанского уезда**

2 февраля 1644 г.

[л. 394] Лета 7152-го февраля в 2 день.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти стольника Михаила Петровича Пронского, Ивана Никитича Пушкина, дьяков Ивана Ларионова, Михаила Ключарева велено Микифору Онучину ехать в Казанской уезд по Зюрейской дороге в Васильево поместье Якшина в село Большую Шихазду. А приехав в Васильево поместье Якшина в село Большую Шихазду, велено взять с собою сторонних людей: попов, дьяконов и старост, и целовальников // [л. 394 об.] и крестьян, сколько человек пригоже, да при тех людях в том поместье переписать Васильев усад и дворы крестьянские и бобыльские, и во дворах людей по имяном, и пашню паханую и перелог и заросли и сено и лес и всякие угодыя. А переписав, отказать в поместье Михаилу Нагирину со всеми угоды и со крестьяны. И Микифор Онучин, приехав в Васильеве поместье Якшина в село Большую Шихазду, взял с собою сторонних людей: священника тово села Больших Шихазды Антипа Ермолаева да Семенова крестьянина Ондреева сына Черникова — Еремка Ондреева сына, прозвище Чюка, да Савка Власьева // [л. 395] — Яковлева крестьянина Ондреева сына Пыхачева, троицкого села Петрецов деревни Улановы крестьянина Митьку Яковлева, да Олексея Степанова сына Чемодурова крестьянина — Федьку Трофимова сына Чалбашева, да Кузьмы Вельмянинова крестьянина Мирошку Силуянова, да Степана Макарова крестьянина — Кирюшку Яковлева, да князь Ивана Васильева сына Волховского крестьянина — Терешка Кирилова, да вдовы Фетиньи Григорьевы дочери Семеновские жены Якшина крестьянина — Микитку Олексеева, да Семена Бобровского крестьянина — Серешку Фофанова, и при тех людях в том поместье // [л. 395 об.] переписал Васильев усад и дворы крестьянские и бобыльские, и во дворах людей по имяном, и пашню паханую и перелог и заросли и сено и лес и всякие угодыя, а переписав, отказал в поместье Михаилу Нагирину со всеми угоды и со крестьяны. А в том поместье крестьянских дворов: во дворе крестьянин Якунька Онофреев, прозвище Каибула, з женою, а сын у него Тимошка Яковлев з женою ж, а у Тимошки детей два сына Ивашко да Давыдко Тимофеевы; // [л. 396] во дворе крестьянин Якунька Олексеев з женою, а детей у него два сына Стенька Яковлев з женою, а у Стеньки сын Стенька ж Степанов, а другой Якунькин сын — Серешка Яковлев; во дворе крестьянин Родька Яковлев сын з женою, а детей у него два сына Гришка да Васька Родионовы; во дворе крестьянин Ивашко Онофреев з женою, а у него Бориско Иванов з женою, а у Бориска сын Волотька Борисов; // [л. 396 об.] а во дворе крестьянин Кирюшка Прокофьев з женою, а детей у него два сына Якунька да Ванька Кириловы; во дворе крестьянин Стенька Левонтьев сын Долгой з женою, а детей у него два сына Ромашка Степанов з женою да сын Васька Степанов; во дворе крестьянин Ивашко Левонтьев сын Бутырин з женою, а детей у него два сына Купряшка да Бориско Ивановы. // [л. 397] Да тут же

пустое крестьянское дворовое место. Да пашни паханные земли в том поместье в селе в Большой Шихазде и перелог и зарослей на тритцать на одну четь и полтора четверика и пол-полчетверика в поле, а в дву по тому ж, и со всякими угодыи и с санными покосы. Да санные ж покосы в пустоши Янтыке приданных Большой Шихазде.

А отказные книги писал Купряшка Борисов. Лета 7152-го февраля в 2 день. // [л. 398] 152-го февраля в 8 день подал Микифор Онучин. //

Скрепны: «К сем книгам вместо крестьянина своего Савы Власьева Яков Пыхачев руку приложил. К сем книгам вместо Микифора Онучина по ево веленью Алексей Рамейков руку приложил. К сем книгам поп Антипа Ермолаев вместо прихожан детей своих ¹духовных² по их веленью руку приложил».

Источник: РГАДА, ф. 1209, д. 6481, л. 394-398.

№ 34

Социальный состав населения г. Казани по данным переписной книги

1 сентября 1645 г. – 30 августа 1646 г.

I. Служилые люди		
Социальное положение или род занятий	Число человек	Общее число
Дворяне и дети боярские ¹	56	
Татары и служилые ²	39/47	
Стрельцы	30/12	
Иноземцы	20/16	
Пушкари	7/1	
Воротники	9/10	
Сторожа	19/19	
Часовники	1/3	
Дьяк и подьячие	31/11	
Толмачи	6/3	
Пристава таможенные	1/2	
Ярыжные	5/1	
Ямские охотники	1/1	

¹Дворяне и дети боярские в это уже не отделялись друг от друга. Цифра неполная по вышеуказанной причине.

²В числителе изображено число дворов или домохозяев, в знаменателе – живущих при них родственников и др. зависимых людей.

	225/126	351	
II. Духовенство и церковники			
Митрополит	1		
его подьяки	3/2		
слуги (служки) его и монастырские	4		
Протопоп и попы	40/76		
Протодьякон и дьяконы	20/22		
Дьячки	6/1		
Пономари	18/19		
Просвирницы	12/11		
Звонари, сторожа	3/5		
	107/136		243
III. Посадские и слободские люди			
Гости торговые и откупщики	8/1		
Посадские	855/1241		
Вдовы посадских	25/24		
Слободские татары ¹	105/169		
Слобожане монастырские ²	35/31		
Бобыли	257/210		
Вдовы бобыльские	196/173		
Гулящие люди	130/35		
Крестьяне	4/1		
Ясашные	2/2		
Соседи, дворники и разные виды зависящих людей ³	893/282		
Нищие	85/37		
Ссылные и опальные	2/5		
	2540/2211		4751
Всего	2872/2473		5345

Извлечено из: Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932. С. 193.

¹ Количество дворов по сравнению с 1565-1568 гг. уменьшилось или цифра неполная.

² Здесь даны указания на тех монастырских людей, которые «служат с посадскими людьми».

³ Среди зависимых людей было больше соседей (299/151), наймитов-работников (164/6), дворников (90/79), учеников (68), купленных (63/32), крепостных (49/12), дворовых (25/9), затем шли «живущие урочные лета», кабальные и др.

№ 35

Описание владений служилых мурз Яушевых в Казанском уезде, осуществленное писцом Семеном Волынским «с товарищи»

Не ранее 1647 г.

[...за] Ишмамем мурзою князь Багишевым сыном Яушева да за племянники ево за Кадырмамем да за Нурмамем да за Аблаем да за Асаном Доскеевы детьми Яушева, Ишмаметева отца, а Кадырмаметова з братьею деда, их князь Багиша Яушова поместье: жеребей – сельцо, что была деревня Старой Менгерь, на речке Менгерь. А жеребей того сельца за Исенгулом Утеевым з братьею. А на их жеребей: двор помещиков Ишмаметев, а в нем живет наимит Утешка Тохтамышев. А на Кадырмаметев жеребей з братьею: двор их помещиков, а в нем живет задворной их человек Кармышка Караев, у него четыре сына – Карманка, Камашка, Аитуганко осми лет, Утеганко шти лет. Место пусто чювашское Акмаметка Акъкозина, а Акъмаметко вышел в ясачную деревню Большие Атни. И всего за Ишмамем мурзою Яушевым с племянники в поместье полсельца Старого Менгеря. А в нем: два двора помещиковых, а в них живут дворовой их человек сампять да один человек наимит, да место пусто чювашское. Пашни паханые, добрые земли двадцеть пять чети да перелогу десеть чети да лесом поросло пять чети, и всего пашни и перелогу и лесом поросло сорок чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по их скаске и по приправочным книгам Ивана Болтина меж поль и по заполью по дубровам и на отхожей поже по Семитереке, по обе стороны и по дубровам, тысеца сто пятьдесят копен, лесу, дубровы пашенные, двадцеть десятин.

А сошного письма в живущем и впусе полпочети сохи и недошло в сошное письмо десяти чети пашни. А платить з живущего.

А писано за ним то поместье.

За Ишмамем же мурзою Яушевым с племянники вотчина в сельце Кошарах по той же Алатцкой дороге. За ними же примерные земли, что примерено у них сверх их скаски и описано в том же сельце Старом Менгере жеребей. А на тот жеребей: пашни паханые, добрые земли десеть чети да перелогу тритцеть чети да лесом поросло шестнадцеть чети. И всего пашни и перелогу и лесом поросло сто шестнатцеть чети в поле, а в дву по тому ж. Сено и лес с помещики вопче.

А сошного писма впусе полчети сохи и перешло за сошным письмом шестнатцеть чети пашни.

Источник: РГАДА, ф. 1209, ед.хр. 1128, кн. 2, л. 255об.-257 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2004. № 1. С. 31-42.

№ 36

**Выпись, данная казанским воеводой боярином И.И.Морозовым
«с товарищи» Канышу мурзе Яушеву на владение поместьем
в деревне Большой Атне Казанского уезда**

Май 1648 г.

Лета 7156-го мая в день по государеву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу боярин и воеводы Илья Иванович Морозов, окольников князь Иван Андреевич Хилков, дьяки Василий Нефедьев и Федор Иванов дали выпись Канышу Мурзе Ишкееву сыну Яушеву на сенные покосы по Алацкой дороге деревни Большой Атни по Ашите реке по обе стороны против Кубек деревни для того, в прошлом де 7145-го году бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси ево Канышев отец Ишкой Мурза князь Бегишев сын Яушев, старинная де расчистная земля и сенные покосы по Алацкой дороге в деревне Атне Большой на десять четей, да по Ашите реке по обе стороны против деревни Кубек на 350 копень, и тою де землею и сенными покосы владел дед ево и отец от казанского взятья, а после деда и отца его владеет и по ся места он с ясашною чувашею без розделу, а в дачах та расчистная земля за ним несправлена и вводныя грамоты у него на ту землю и на сенные покосы неть, и государь бы его пожаловал велел ту расчистную землю и сенные покосы по Ашиту реке по обе стороны против Кубек речки устья по обе стороны на 350 копень дати сыну его Канышу за поместную дачу за 10 четей и ево поместный оклад, а по Алацкой дороге в деревне Большой Атне за Ишкеевым отцом за князем Бегишем Яушевым и за ним Ишкеем поместныя земли и сенных покосов в дачах не сыскано, а по выписке за пометою дьяка Ивана Ларионова та расчистная земля и сенные покосы дана Ишкееву сыну Яушеву Канышу в его оклад в 300 четей, буде впредь спору ни с кем не будет. И ныне бил челом государю Каныш Мурза Ишкеев сын Яушев: по государеву де указу дано ему поместье по алацкой дороге 10 четей в поле, а в дву потому ж, тому пятый год, и государь бы его пожаловал велел с тоя поместной дать ему выпись. И по государеву цареву и великаго князя Алексия Михайловича всея Руси самодержца указу Канышу Мурзе Ишкееву сыну Яушеву старинною расчистною землею, сенные покосы в деревне Большой Атне и по Ашитке реке по обе стороны против деревни Кубек против его челобитья пашни на 10 четей, сенных покосов на 350 копен, по сей выписки владети в его поместной оклад в 300 четей его поместью к 40 четям в додачу; будет та пашня и сенные покосы их поместья старинная расчистная и спору буде о той земле и о сенных покосах ни с кем не будет, и не ясачная и не оброчная. Дьяк Василий Нефедьев.

Справил подьячий Илюшко Константинов.

Опубликовано: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 11-12.

№ 37

Извлечение из «Размышлений о русской торговле в 1653 г.»**И. Де Родеса, опубликованных в «Магазине земледения и путешествий»**

Не позднее 1653 г.

Что касается до хлебной торговли по всей России, то и она также в руках Его царского величества, и ни одному частному лицу не дозволяется торговать хлебом. Эта торговля доставила Его царского величества во время неурожайных годов большие доходы, особенно в последние 4 года, в продолжение которых он ежегодно приказывал заготавливать до 200 000 четвертей, которые закупались по всей земле и свозились со всех сторон в Вологду.

В Казанской, Нижегородской и в близлежащих областях покупается четверть по 12 и 25 копеек, в Московской по рублю... Но так как в продолжение 4-х вышеупомянутых годов брали за четверть всякий раз по 2½ и по 2¾ талера [в Архангельске, с иностранцев], то доходы Его царского величества с хлеба доставили ему в короткое время слишком 1 000 000 талеров [...]

Что касается до пушного товара, торговать им дозволяется каждому. Со всего пушного товара, доставляемого из Сибири, предоставляется десятая часть Его царского величества [...] В Казанской области преимущественно, но и вообще по всей стране добывается, правда, всякого рода пушной товар, кроме соболей [...] Его ц. в. получает в свою казну с пушного товара ежегодно от 20-30 000 р., собираемых частью с десятины, частью из других источников... Льняное семя скупается около Казани, Нижнего, Костромы, Ярославля, Вологды, Галича и по Двине и свозится, так же как и хлеб, в Архангельск.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 238.

№ 38

**Грамота Казанского дворца служилым новокрещеным Н.Борисову
и И.Иванову на владение поместной землей в деревне Озяк**

Август 1668 г.

По государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу, стольник и воевода князь Юрий Петрович Трубецкой, окольник Никита Михайлович Боборыкин, дьяки Афанасий Ташлыков, Юрий Блудов дали грамоту служилым новокрещеном арския дороги деревни Озяк Микитке Борисову да Ивашку Иванову на поместную их землю в той деревне Озяк, которая земля была у них в споре с ясачными новокрещены тоеж деревни с Микиткою

Ивановым с товарищи для того, в нынешнем в 1668 году мая в 5 день били челом великому государю они Микитка и Ивашко; в прошлом де во 1666 г. и в нынешнем (1667 и 1668) годах по приговорам боярина и воеводы князя Григория Семеновича Куракина с товарищи да стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкого, окольного Никиты Михайловича Боборыкина, дьяков Афанасья Ташлыкова, Юрья Блудова велено им владеть поместьем Микитке Борисову после отца его Бориска, а Ивашку после брата Якушка в деревне Озяк на 80 четей в поле, а в дву потомуж. А о том де их поместье били челом великому государю ясачные новокрещены той же деревни Микитка Иванов с товарищи и отдельщик де им на поместье Артемий Пелепелицин был, а вводная грамоты им с тех отдельных книг по межам, которая межи писаны в тех книгах, не дано, и великий государь пожаловал бы их, велел им на ту их поместную землю и на меленку мутовку с отдельных книг Артемия Пелепелицина дать вводную грамоту. А по писцовым книгам писцов Семена Волынского с товарищи написано: в деревне Озяк за служилыми новокрещены за Борисковым Семеновым да за Якушком Ивановым пашни пахатная и перелог и лесом поросло удобная земли 80 четей в поле, а в дву по томуж, санных покосов 160 копень, а в отдельных книгах Артемия Пелепелицина прошлаго 1667 года написано; отделил он Артемий при сторонних людях служилым новокрещеном деревни Озяк палатная и перелог и зарослей Микитке Борисову, на 50 на 3 чети с третником в поле, а в дву по томуж, а Ивашку Иванову на 30 на 3 чети с третником, обою определено Микитке и Ивашку 80 на 7 четей без третника в поле, а в дву по томуж, и сверх писцовых книг написал он Артемий за ними Микиткою и за Ивашком те лишние чети написал, и того в тех ево отдельных книгах именно не написано: да в тех же ево Артемьевых отдельных книгах написано: межи поместьем служилых новокрещенов Борисова да Ивашки Иванова – деревни Озяк с ясачными новокрещены и с чувашею деревни Утни старой и деревни Крылай за речкою Озяком, повыше служилых деревни Озяк, а пониже ясачных деревни новокрещеном деревни Озяк на лугу подле самой речки Озяка поставлен столб... что в межах служилых новокрещенов Микитки Борисова да Ивашка Иванова с чувашею деревни Крылай, а на леве земля ясачных чувашей деревни Крылай, межа их не служилых новокрещенов Микитки Борисова да Ивашка Иванова меж земли служилова новокрещена Васки Иванова от речки Озяка по ниже дворов Микитки Борисова да Ивашка Иванова вверх по ключу Ускунари по левой стороне и усад и земля Микитки Борисова да Ивашка Иванова, а на леве земля служилова новокрещена Васки Иванова, а в вершине ключа Ускунари за полем санные покосы разчистные по сказке старожильцов, что те санные покосы Микитки Борисова да Ивашка Иванова, а по смете тех санных покосов на сорок копень, а черный лес у служилых и ясачных новокрещенов и с чувашею попчь (общий), и санные покосы по речке Озяк и около поля. И которые крестьяне в том их Микиткине и Ивашкове поместье в деревне ныне живут и впредь учнуть жити и помещиков служилых новокрещенов Микитки Борисова да Ивашка Иванова слушали (бы) пашню на них пахали и доход им помещиком платили, чем они кого пооброчать, до тех мест, как за ними то поместье опишут и измеряют большие писцы и мерщики и учинять за ними пашни по указу великаго государя. К сей грамоте великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России

самодержца печать царства казанского приложил и воевода князь Юрий Петрович Трубецкой, лета 1668 г. августа в день¹.

Извлечено из: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 24-26.

№ 39

Память Казанского воеводы боярина П.В.Шереметьева служилым татарам Татарской слободы г. Казани И.Досаеву, А.Ишкееву, И.А.Шигаевым об их освобождении от посадского тягла

26 января 1670 г.

[...] что деды и отцы их Ишкойко Досаева, Апанка Ишкеева, Иштерьяка, да Аитка Шигаевых были служилые татаровья Еналейко, да Кулмаметко Ахмамтев, а челобитчиком Ишкойко, Иштерьячку и Аитку дед. Да в разборной же десятине боярина и воеводы князя Бориса Михайловича Лыкова с товарищи 1622 году написан в службе Крекейко Еналеев, Чепайко Исекеевич, а им же Ишкойку, Иштерьячку и Аитку братья Ачепайко Исекеев, Апанку Ишкееву дед, в что по другому приговору стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго с товарищи велено им татарам быть в Посаде и тягло всякое платить с посадскими людьми и тот приговор отставили, потому в прошлом 1669 году августа в 5 день в грамоте Государя и Царя и великаго Князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержавца писано в Казань к стольнику и воеводам ко князю Юрию Петровичу Трубецкому с товарищи по челобитью казанских служилых Слободских татар Ишкойка Досаева, Апанка Ишкеева, Иштерьячка, да Аитка Шигаевых написано: по указу вел. Государя велено им татарам Ишкойку с товарищи четырем человекам по розыску боярина и воеводы князя Григорья Семеновича Куракина с товарищи быть в службе по прежнему, потому что отцы и деды их написаны в службах в 1614 г. и в 1622 г. и в 1651 годах, да и потому тем служилым Слободским татарам Ишкойку Досаеву, Апанку Ишкееву, Иштерьячку, да Аитку Шигаевым велено быть в служилых по грамоте великаго Государя и по приговорам боярина и воеводы Глеба Ивановича Морозова с товарищи, и по прежнему приговору стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкого, с товарищи, а другой приговор стольника князя Юрья.

И в нынешнем в 1670 г. генваря в 26 день боярин и воевода Петр Васильевич Шереметьев, стольник князь Алексей Нефедьевич Щербатов, дьяки Герасим Головин, Микифор Бакунин тем служилым татарам Ишкойку Досаеву, Апанку Ишкееву, Иштерьячку и Аитку Шигаевым велено быть их в служилых татарех, а от посаду их

¹ День месяца остался под черной печатью, где изображен крылатый дракон – герб Казанский. Документ хранился у татарина дер. Сердображки Сагита Хусаинова. На обороте документа надпись: дьяк Афанасий Ташлыков. Справил сей указ Тютчев.

освободить, чтоб перед им от земских людей никакого утеснения не было, и видя б великаго государя милости, они к себе и вперёд надеялись и службу служили служилых татар и быть им в служилых Ишкейку Досаеву Апанку, Ишкееву, Аитку Шигаеву вместо великаго государя денежного и хлебнаго жалованья торговать всякими товары и с торгов пошлины платить, а Иштирячку Шигаеву служить великаго государя службу с поместья своего. К сей памяти великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержавца печать царства Казанскаго приложил боярин и воевода Петр Васильевич Шереметьев.

Извлечено из: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 26-27.

№ 40

Наказная память Андрею Аристову о погрузке дубовых бревен из Казани в Астрахань

4 июля 1673 г.

Лета 7181 июля в 4 день. По государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу, память Андрею Аристову. Как к тебе ся память придет, а как из лодьи извезь в струги стрельцы перегрузят, и ты б в тое лодью велел нагрузить в Астраханской отпуск бревен дубовых на сваи, сколько пойдет, и сколько бревен на сваи в тое лодью погрузитца, и ты б о том отписал в Казань к боярину и воеводам ко князю Юрью Ивановичю Ромодановскому, к Ивану Павловичю Акинфову, к дьяком, к Якову Портомоину, к Калине Патрекееву. А бревна имать с Красной горы у казанца у Микиты Мамонина и у целовальников у Тимошки и у Костьки Пушниковых.

Извлечено из: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 239.

№ 41

Наказная память от казанскаго воеводы князя А.А.Голицына «с товарищи» Андрею Аристову, отправленному для доставки извести в Астрахань

24 июля 1673 г.

Лета 7181 июля в 24 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу, боярин и воеводы князь Алексей Андреевич Голицын, думной дворянин Иван Афонасьевич Прончищев, дьяки Никифор Бакунин, Александр Анисимов велели казанцу Андрею Микитичю Аристову ехать из Казани на низ Волгою рекою до Астрахани на лодье да на каюке с известью, для того: по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте послано с ним из Казани в Астрахань на всякое астраханское строенье в лодье да в каюке восемьсот кадей извести, за приемом целовальника Олешки Рукавишника; а в гребле и в провожатых послано с ним до Астрахани казанских беглых стрельцов Иванова приказу Коротнева да Федорова приказу Коха пятьдесят два человека, которые не поехали великого государя на службу в Астрахань, да в прибавку послано к тем беглым стрельцом до Самары дватцать человек казанских же стрельцов, а от Самары да Астрахани вместо дватцати человек имати ему в греблю и в провожатых людей от города до города потому ж, чтоб те суды с известью догнать до Астрахани в целости вскоре. И ему Андрею, да целовальнику Кузьке Луковнику на тех судех плыть до Астрахани с великим бережением и над стрельцами смотреть и беречь накрепко, чтоб никаким воровством не воровали и с берегу никакой скотины не имали и не били, и даром ничего ни у кого не имали и не грабили, и с судов бы не сходили, и огня б в день и в ночь на судех отнюдь не было. А на Самару приехав, воеводы Афонасья Денисова сына Фанбисина спросить, про воинских калмыцких и нагайских людей вестей каких нет ли, и по Волге реке смирно ль, и будет какие вести про воинских людей объявятца, и ему Андрею у воеводы у Офонасья Фанбисина просить провожатых, смотря по вестям и, взяв провожатых, ехать с великим бережением, чтоб те суды с известью догнать до Астрахани в целости и дорогою ехать с великим бережением, чтоб на них воинские люди известно не пришли и дурна б какого не учинили. А буде в чем будут челобитчики, и ему Андрею розыскивать и чинить им наказанье; а что у кого взято будет, доправля, отдавать тем людям безволокитно. И плыть им на тех судех до Астрахани с великим бережением, чтоб те суды с известью довести в целости, а отдав те суды с известью, взять в Казань из Астрахани от боярина и воевод, от князя Якова Никитича Одоевского с товарищи о приеме извести отписку и ехать в Казань, а в Казань приехав, явитца и отписку подать в Приказной полате боярину и воеводам князю Алексею Андреевичю Голицыну, думному дворянину Ивану Афонасьевичу Прончищеву, дьяком Никифору Бакунину, Александру Анисимову.

Извлечено из: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 239-240.

№ 42

**Наказная память Андрею Аристову
о сплаве стругов с известью из Казани**

9 августа 1673 г.

Лета 7181-го августа в 9 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу, память Ондрею Аристову. В нынешнем во 181 году писал ты в Казань к боярину и воеводам, ко князю Юрию Ивановичю Ромодановскому, к Ивану Павловичю Акинфову, к дьякам, к Якову Портомоину, к Калине Патрекееву: целовальник казанец посадцкой человек Олешка Рукавишников из Казани не поехал, а струги с известью за тем целовальником стоят под селом Тетками третей день, и целовальник Олешка отдан тебе в Приказной полате имянно, и велено тебя и целовальника и стрельцов проводить из Казани на Волгу трем человеком приставом, – и ты то сплутал, оставил в Казани для своей бездельной корысти. Да ведомо учинилось, что стрельцы в селе Тетках государево жалованье пропивают, и тот простой и стрельцам пропой учинился от тебя, и за то ты довелся наказанья. А сыскан в Казани посадцкой человек Ивашко Вяткин, а в роспросе сказал: Олешка де Рукавишников поехал в целовальниках, за него Ивашка сего ж числа из найму, и ныне де он, Олешка, на известных стругах; и для подлинные справки послан к тебе на известные струги посадцкой человек Ивашко Вяткин с приставом с Ивашком Чвориным да с стрельцом с Доронкою Степановым. – Как к тебе ся память придет, а пристав и стрелец посадцкого человека Ивашка на известные струги привезут, а целовальник Олешка, буде к тебе на известные струги не бывал, и ты б его, Ивашка, взял вместо целовальника Олешки до Астрахани за известью в целовальники ж; а буде преждней целовальник Олешка Рукавишников ныне на известных стругах, и ты б посадцкого человека Ивашка и пристава Ивашка отпустил в Казань, да о том отписал в Казань к боярину и воеводам ко князю Юрию Ивановичю Ромодановскому, к Ивану Павловичю Акинфову, к дьякам к Якову Портомоину, к Калине Патрекееву.

Извлечено из: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 240.

№ 43

**Информация о состоянии торговли и промыслов в России, в том числе
Казанской области, приведенная входившим в свиту шведского посла
И.Кильбургером в работе «Краткое известие о русской торговле»**

1 сентября 1673 г. – 30 августа 1674 г.

[...] Юфти вывозятся в большом количестве и выделяются в Казанской, Нижегородской, как и в Московской, но больше всего и наилучшие в Ярославской и Костромской областях [...] Сала много добывается в областях: Казанской, Нижегородской, Московской, Ярославской и Валдайской [...] Воск добывается в большом количестве в Нижней, Казанской, в Мордове и других местностях.

Извлечено из: Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 100, 102, 117.

№ 44

Челобитная казанца И.Г.Нагирина на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей с просьбой отмежевать его поместные владения в Казанском уезде

Не ранее 26 мая 1682 г. – не позднее 29 января 1696 г.

Бьет челом холоп ваш казанец Ивашко Григорьев сын Нагирин. В прошлых, государи, годах дано мне, холопу вашему, поместье в Казанском уезде по Зюрейской дороге в деревне Венете и пустошах Куюк Кучюк и в Мамете, Поповка то ж, и с примерными землями да пустошь Кучюк. Да за рекою Мурьюю пустошь Нурьма была в опче сыными помещики с казанцы ж, Терентьем да с Андреем да с Овдокимом Яковлевыми Ондrejaнова. И в той пустоше Нурьме их жеребей поместья я, холоп ваш, выменял и с переходими четвертми и та пустошь справлена вся за мною, холопом вашим, со всеми угодьи. А та пустошь Нурьма смежна с ясашною деревнею Тарловкою Арские дороги, а со мною холопом вашим, а со мною не размежевано и в тех моих поместных дачах пустоши Нурьмы и деревни Венеты на реке на Мурьме поставлена мельница и тое деревни Тарловки ясашные татары владели и пустоши Нурьмы моих поместных дач и с санными покосы по Нурьме реке и берег Нурьмы реки называли и своим. А я холоп ваш тое мельницу написал у розбору в скаске своей тот берег пустоши Мурьмы ясашных татар неведанием. Для того что те поместья даны мне были вновь. А в то число владели тое деревни Тарловки ясашные татары тою моею поместною землею и с санными покосы и берег реки Нурьмы называли своим. А после того тое деревни Тарловки ясашные татары узнав, что та земля и санные покосы и берег реки Нурьмы, где поставлена мельница моих поместных дач пустоши Нурьмы владеть покинули, и ныне владею я, холоп ваш. А в той деревне Тарловке ныне живут ясашные крестьяня русские люди.

Милосердые, пожалуйста меня, холопа своего, не велите, государи, по той моей скаске того берега реки Нурьмы поставить в утайку и велите, государи, послать на тое пустошь Нурьму межевчика. И велите, государи, тое пустошь по писцовым книгам Семена Волынского, как написано за прежними помещики, измерять и отмежевать от тое деревни Тарловки и грани поставить.

Великие государи, смилуйтесь, пожалуйста.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2872.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2001. № ¾. С. 15-37.

№ 45

Ввозная грамота казанского воеводы В.Д.Долгорукова слободскому служилому татарину г. Казани И.Шанчурину на огородное место близ Татарской слободы

22 июля 1684 г.

Лета 7192-го июля в 22 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев боярин и воеводы князь Володимир Дмитриевич Долгоруков с товарищи дали данную на огородное место слободскому служилому татарину Ишмаметку Шанчурину для того. В нынешнем в 7192-м году июля в 5 день бил челом великим государем он Ишмаметко, в прошлых де годах отведено им старожильцам дедом и отцам их слободским служилым татарам поле дворы белые места, и после де того около татарской слободы поставлен острог и их братья за острогом по сю сторону села Плетеней огородили огороды, а у него де огорода, на том месте неогорожено, а есть де порожнее место за татарским острогам за полевыми вороты по луговой дороге в межах подле огорода Ямки Ишмекеева, а по другую сторону огород Кайбулки Ишмаметева, и великие государи пожаловали б его велели за острогом на тех старинных данных местах против их братья огородить огородь, а по осмотру городничего Осипа Белавина в межах то место подле огорода служилаго слободского татарина Кайбулки Ишмаметева, по другую сторону Ямки Ишмекеева мерою в длину 30 сажень, поперег 16 сажень в трехе аршинную сажень. И по сказке слободских татар Ишбулатка Абыза с товарищи, что де то место из стари лежит впусе, никто не владеет, и по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержев ему Ишмаметку тем огородным местом владеть, буде спору и челобитья вперед о том месте ни от кого не будет.

Дьяки Федор Мартынов; на обороте; смотрел Тимоха Зверев.

Извлечено из: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 29-30.

№ 46

**Поступная запись казанца М.Г.Попалитова на поместные земли
в д. Бирюли по Арской дороге, переданные И.Г.Нагирину**

15 мая 1685 г.

Се аз, Меньшой Григорьев сын Попалитов, казанец дал есми сию запись казанцу Ивану Григорьеву сыну Нагирину в том. В нынешнем во сто девять десятъ третьем году майя в пяты на десеть день поступился я, Меньшой, ему, Ивану, помесные своей земли в Казанском уезде, по Арской дороге, в деревне Бирюлях дватцать четыре четверти в поле, а в дву по тому ж, с санными покосы и с лесом и со всеми угоды и с усадебною землею. А вместо того поместья взял я, Меньшой, у него, Ивана Нагирина, сто рублей денег себе и жене своей на прокорм себе и на долговые свои росплаты. И челобитная мне, Меньшому, о том поместье за него Ивана Нагирина о справке того поместья за рукою принести и у допросу в Приказной полате к скаске рука приложить. И впредь мне, Меньшому, и жене моей и детям и родственникам моим на него, Ивана, и на жену ево и на детей и на родственников ево о том поступном поместье о повороте великим государем не бить челом и не вступатца. А тое помесные земли у меня, Меньшова, в дачах в той деревне Бирюлях по писцовым книгам на сорок на восемь четвертей. И тое землю разделить мне, Меньшому, с ним, Иваном, и санные покосы и усадебную землю и всякие угоды пополам, что тое земли будет. А челобитная за рукою о том поступном поместье о справке за него, Ивана, принести в нынешнем во сто девять десятъ третьем году майя в шесты на десеть день и к скаске у допросу рука приложить.

А буде я, Меньшой, и жена моя и дети или родственники мои на него, Ивана, и на жену ево и на детей и на родственников ево о том поступном поместье о повороте станем великим государем бить челом и вступатца или челобитные за рукою о справке того поступного поместья за него, Ивана, не принесу и у допросу к скаске руки не приложу, и ему, Ивану, и жене ево и детям и родственником ево взять на мне, Меньшом, и на жене моей и на детях и на родственниках по сей записи двести рублей денег. И впредь ся запись в запись. А на то послуши: казанской площади подьячие Василей Андронников, Петр Толмачев, Михаило Солопов, Корнило Бронников, Ерофей Андронников. Запись писал тое ж площади подьячей Костка Аврамов.

Лета 7193-го году, майя в 15 день.

На обороте: К сей записи вместо Меньшова Григорьева сына Папалитова по его велению казанец Лука Яковлев сын Останков руку приложил. Послух Васка руку приложил. Послух Петрушка руку приложил. Послух Мишка руку приложил. Послух Корнилко руку приложил.

Послух Ерошка руку приложил.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3179.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 47

Челобитная казанцев М.И.Кошкадамова и И.Г.Нагирина с просьбой зарегистрировать состоявшуюся между ними мену (куплю-продажу) поместьями.

Август-сентябрь 1685 г.

Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю Великия и Малыя и Белья России самодержцем быют челом холопи ваши казанцы Мишка Иванов сын Кошкадамов да Ивашка Григорьев сын Нагирин.

В нынешнем, государи, во 194-м году променил я, холоп ваш Ивашко, ему, Михаилу, поместную пустую свою землю в Казанском уезде, по Арской дороге, в деревне Бирюлях дватцеть четыре чети в поле, а в дву по тому ж, с усадьбою и с лесом и с санными покосы и со всеми угодьи, что поступился мне, холопу вашему, той земли казанец Меньшой Попалитов. А которые крестьяня той дачи у меня, холопа вашего, в бегах, имать мне ж, Ивашку.

А я, холоп ваш Мишка, променил ему, Ивану, помесную ж свою пустую землю по Нагаиской дороге в деревне Чалмаках на одну четь по конец поль. А до усадьбы и до лесу и до санных покосов и до всяких угодьев и до крестьян, кои ныне живут в деревне Чалмаках, и впредь учнут жить, и кои в бегах, ему, Ивану, дела нет. А за распашку и за рощиску взял я, холоп ваш Ивашка, у него, Михаила, денег пятьдесят рублей. Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белья России самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, против сего нашего челобитья те наши поместные земли за нами холопи вашими росписать. Цари государи, смилуйте, пожалуйте.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2885.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 48

Ввозная грамота на д. Шигач и д. Масловка по Нагайской дороге, данная воеводой боярином князем В.Д.Долгоруким «с товарищи» мурзам Канышу и Кадырмамету Яушевым «с братьями»

24 июля 1685 г.

По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев боярин и воевода князь Володимир Дмитриевич Долгоруково с товарищи дали ввозную грамоту Канышу да Кадырмамету мурзам князь Яушевым з братьями на вотчинные их деревни по

Нагайской дороге, на деревню Шигач и на деревню Масловку, и на сенные покосы и на всякие угодыя и на поверстной лее, да на поместную землю в селе Рожественном.

Для того в нынешнем, во 193-м году, били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем они, Каныш да Кадырмамет мурзы з братьями. Дано де им з братьями с Уразом да с Салтаналеем да с Асманом мурзами Ишкеевыми детьми, да с Нурмаметем да с Асяном Доскеевыми детьми, да с Мурадымом мурзами Абдуловым сыном князь Яушевыми вопче великих государей жалованье – вотчинная деревня Шигач да на поверстном лесу на росчистой земле деревня Масловка с сенными покосы и с лесом. Да ему ж де Канышу мурзе з братом Кадырмаметем поместье по Нагайской дороге в селе Рожественном исполу на пятьдесят на четыре десятины. И на ту де вотчину и на поместье и на сенные покосы и на всякие угодыя ввозные грамоты им не дано.

И великие государи пожаловали бы их, велели на ту вотчину и на поместье и на примерную землю и на сенные покосы и на угодыя дать им ввозную грамоту.

А в поместных дачах прошлого 130-го году написано: «Марта в 21 день. Дана грамота Ишмаметю да Досмаметю мурзам князь Багишевым детям Яушева на вотчинную деревню Шигач». А по писцовым книгам Ивана Болтина в той деревне пашни дватцать чети. Да в писцовых книгах писцов Семена Волынского с товарищи прошлых 156-го, 157-го и 158-го и 159-го и 160-го годов написано за елужилыми за Канышем мурзою Ишкеевым сыном Яушевым з братьею, да за Кадырмаметем мурзою Досмаметевым сыном Яушевым з братьею старинная отцов их вотчина. А преж отцов их была та вотчина за князь Багишом Яушевым.

Деревня Шигач блиско реки Камы, на речке Шигач. А в ней на Канышеву половину з братьею: пашни паханые, добрые земли двенатцать чети да перелогу пять чети, да лесом поросло три чети в поле, а в дву по тому ж; сена по их скаске по реке по Каме от Ошняка речки и до Киндерли озера, и по речке Ошняке по Шигач враг по обе стороны тыееча триста копен, лесу пашенного и не пашенного болшого вдоль на три версты, поперег на полторы верст.

Да за Канышем же да за Кадырмаметем мурзами Яушевыми з братьею деревня Масловка блиско реки Камы, по конец Сорочьих гор, на речке Бетке, что они тое деревню на той же вотчинной на Шигацкой на росчистой земле, что они росчистили из своего поверстного лесу. А в ней на Канышеву з братьею половину: пашни паханые, новоросчистные добрые земли десять чети в поле, а в дву по тому же.

Да в прошлом, во 185-м году, по помете на выписке думного дьяка и воеводы Григорья Степановича Караулова дана в поместье Канышу да Кадырмаметю мурзам князь Яушевым оброчная земля в дворцовом селе Рожественном пятьдесят четыре десятины, которая земля была на оброке у них же, Каныша да у Кадырмамета.

И июня в 23 день по помете на челобитной дьяка Артемья Волкова велено дать ввозную грамоту по указу, буде спору нет.

И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев теми вотчинными деревнями и поместною землею им, Канышу да Кадырмаметю з братьею, владеть до тех мест, как в тех деревнях пашню и сенные покосы и всякие угодыя опишут и

измеряют валовые писцы и мерщики и учинят за ними пашни и сенных покосов по указу.

К сей ввозной грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев печать царства Казанского боярин и воевода князь Володимер Дмитриевич Долгоруково приложил.

Лета 7193-го году июля в 24 день.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 4028, л. 14.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2004. № 1. С. 31-42.

№ 49

Ввозная грамота, данная боярином и воеводой князем П.С.Урусовым И.Г.Нагирину, на поместную землю по реке Аметевке по Зюрейской дороге

30 августа 1686 г.

[...] на пятьсот чети. А поместья за ним в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в розных местех двести восемьдесят семь чети. А есть де смежно, блиско ево помесной деревни Венеты, по другую сторону речки Аметевки, а по прозванию де называют тое речку Кучюговкою, и по той речке Кучюковке есть обводная земля с селищем от устья той речки Аметевки, а по прозванию Кучюговки, вверх да вверх же по речке Мурьме, а называют тое пустошь Кучюком. А в писцовых книгах Семена Волынского с товарищи та обводная земля ни за кем в помесной даче не написана. Да к той же де пустоше Кучюке есть отхожая полянка, сенные покосы, а по прозванию называют тое полянку Енабекова. Да к той же полянке есть иные маленькие полянки, сенные покосы, до речки Бикши. И около де тое пустоши Кучюка и тех полянок раменной лес и всякие угодыя до речки Бикши. И великие государи пожаловали б ево, велели тое пустошь Кучюк и с теми полянками отдать ему в помесную дачю за пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж, с лесом и со всеми угодыи до речки Бикши.

И по той великих государей грамоте велено на ту обводную землю на пустошь Кучюк да отхожую полянку Енабекову, что сенные покосы, и с маленькими полянками велено послать кого пригож и про тое землю сыскать, та земля порозжа ли и не татарская и не мордовская ль и ни х каким землям не приписана ль? Да будет в сыску обыскные многие люди скажут, что та земля порозжа и не татарская и не мордовская и ни х каким землям не приписана и спору не будет, и велено тое землю // [л. 2] измерять в десятины и, положа в чети, отказать казанцу Ивану Нагирину на пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж, с лесом и с сенными покосы и со всеми угодыи: и пустоши Кучюка по стороны речки Аметевки, а по прозванию та речка Кучюговка, и по той речке Кучюковке обводная земля от устья той речки Аметевки, а по прозванию Кучюговки, вверх да

вверх же по речке Мурьме, да тое ж пустоши Кучюка отхожие полянки, сенные покосы, а по прозванию та полянка Енабекова, да маленькие полянки, сенные покосы, до речки Бикши.

И тое пустоши Кучюка с полянками и с санными покосы в ясашных и в оброчных книгах и в помесных дачах на ясак и в оброк и в помесье ни за кем не сыскано. И в прошлом же во 193-м году февраля в 13 день по приговору боярина и воеводы князя Володимера Дмитриевича Долгоруково с товарыщи велено послать дворянина про тое землю сыскать против грамоты великих государей и отказать, как о том в грамоте великих государей написано. А в сыскных и отказных книгах прошлого 193-го году написано: приехав он в Казанской уезд, по Зюрейской дороге, на пустошь Кучюк по сторон речки Аметевки, а по прозванию та речка Кучюговка, на обводную землю от устья той речки вверх да вверх же по речке Мурьме да отхожие полянки, сенные покосы, а по прозванию та полянка Енабекова, да на маленькие полянки до речки Бикши, про тое обводную землю и про полянки сыскивал.

И сторонние люди в сыску допрашиваны порознь. Одиннатцать человек русских людей сказали: пустошь де Кучюк с полянками и с полянкою Янабековою и с иными // [л. 3] полянками порозжи ль или татарские и х каким землям приписана ль или ими владеет, того они не знают. Руской же один человек в речах своих прибавил: пустошью де Кучюком и полянкою Янабековою владел казанец Тимофей Андрянов, а после ево владеет Иван Нагирин, а по каким крепостям или бес крепостей, того он не ведает. Новокрещенов три человека сказали: пустошью Кучюком владел Тимофей Андрянов, а после ево владеет ныне Иван Нагирин, а по каким крепостям ли или бес крепостей, того они не знают.

А на полянке Янабекове и на другой полянке, что у речки Бикши, косил сена ясашной татарин Янибечко, чей сын не упомнят, тому многие годы. А наймовал ли у кого или по каким крепостям владел, того они не знают. И после того теми полянками владел Тимофей Андрянов, а после ево ныне теми полянками владеет Иван Нагирин, а по каким крепостям или бес крепостей, того они не знают. Татар два человека сказали: пустошью де Кучюком и полянкою Янабековою владел Тимофей Андрянов, а после ево владеет Иван Нагирин, а по крепостям ли или бес крепостей владеют, того они не знают. И при Тимофее де Андрянове Чолпанко на полянке Янабекове сено косил, наймая, у него, Тимофея.

И при тех старинных людех подьячей Илья Силин пустошь Кучюк по сторон речки // [л. 4] Аметевки, а по прозванию та речка Кучюговка, обводную землю и отхожую полянку Янабекову мерял. А по мере пустоши Кучюка от речки Аметевки, а по прозванию Кучюговка, вверх по речке Нурьме до поместные земли Ивана Нармацкого, да от речки же Нурьмы вверх по речке Аметевке, а по прозванию Кучюговке, во все три поля в десять три десятины с получетью и с полумалою третью, а четыми сто сорок шесть чети с полуосьминою и с малою третью, а в одно поле иметца сорок девять чети бес полуосьмины. И недостало против Иванова челобитья Нагирина тое пустоши четь с полуосьминою.

Да в Янабекове полянке по мере три десятины с третью, а четыми семь чети бес третника во все три поля, а в одно поле иметца две чети с полуосьминою бес

полумалого третника и бес полумалого четверика, а в дву по тому ж. Отказал по сыску ему, Ивану, в поместье к прежним ево дачам. Да у Янабековы ж полянки за перелеском у речки Бикши полянка, а по смете на той полянке сенных покосов будет копен на тритцать. Да на пустоши Кучюке у речки Нурьмы и у устья речки Аметевки, а по прозванию Кучюговка, селище. А повыше того селища ключ вышел из горы и пал в речку Аметевку. И про селище // [л. 5] сторонние люди сказали: чье то селище истари бывало, про то они не знают. И тое полянку отказал Ивану Нагирину в сенные покосы. И в нынешнем во 194-м году марта в 2 день по помете на челобитной дьяка Артемья Волкова велено ему, Ивану, дать ввозную грамоту по указу, буде спору нет. И по указу великих государей [т] ему, Ивану, тою пустошью Кучюком и с иными полянками и с селищем и с сенными покосы и всякими угоды владеть до тех мест, как тое пустошь и иные полянки и сенные покосы и всякие угоды отпишут и измеряют воловью писцы и мерщики, и учинят за ним пашни и сенных покосов и всяких угоден по указу. К сей ввозной грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев печать царства Казанского боярин и воевода князь Петр Семенович Урусов приложил. Лета 7194-го году августа в 30 день.

На обороте после знака вставки «крыж»: «И для сыску и отказу посылан приказные палаты подъячей Иван Силин»

Источник: ОРК НБЛ, ед. хр. 3232.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 50

Отставная память, данная полковником П.Я.Болсыревым служилому татарину солдатского строя К.Б.Тенебекову

28 февраля 1687 г.

[л. 9] 195-го февраля в 28 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев и по наказу из Ыноземского приказу за приписью дьяка Григорья Протопопова полковник Петр Яковлевич Болсырев по осмотру в Касимове на съездем дворе касимовского служивого тотарина солдатцкого строю Кодралейку Болбекова сына Тенебекова против мирской скаски касимовских тотар села Торбаева, что он Кадралейка очми обнищал, слеп, от службы великих государей отставил. А написал вместе ево Кадралейки в солдатцкою службу против мирской заручной скаски села Торбаева брата ево Терягулку Болбекова сына Тенебекова. В том я, полковник Петр Яковлевич Болсыряв, ему Кадралейку впредь для иных высыльщиков и выбойщиков и отставную память дал.

К сей отстовной памяти полковник Петр Яковлевич Болсыряв печать свою приложил.

Источник: Хранилище рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. М.И.Ахметзянова, ед. хр. 38.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «... Пращур наш подленно был служилой татарин» (из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2007. № 2. С. 89-102.

№ 51

Грамота царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича об отводе дикой земли Казанского уезда в Нагайской стороне в поместье алаторцу служилому из мурз татарину Дербышу Ахмаметеву сыну Урманчееву

1688 г.

Лета [7196 года] по указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия, и Малыя и Белья Росии Самодержцов, было писано в Казань к окольниковому и воеводе княз Михаиле Юрьевичу Долгорукову, по челобитью алатарца служилаго из мурз татарина Дербыша Ахмаметева сына Урманчеева: изстари де отец мой и я служили службу Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, и был в походах и жалован пашенной землей и санными покосы в разных угодьях, и даны были жалованные грамоты и отказные книги, а ныне я, холоп Ваш, хочю перейти Казанскаго уезду, в Ногайскую сторону, где Великих Государей дикая земля есть. Пожалуйте Великие Государи, велите мне, холопу Вашему, где Ваших, Великих Государей, дикая земля есть, отмерить. Великие Государи смилуйте! И против его мурзы Урманчеева велено зделать справку в Приказе Казанского Дворца, по писцовым книгам писца Семена Волынского году, да и по разбору князя Григория Шаховского 186, 187, 188 годов, за приписью дьяка Бориса Корелкина, дикая земля есть Казанскаго уезду в закамской стороне в деревне Камкиной. И по указу Великих Государей, и по грамоте из Приказу Казанского Дворца, велено ему, мурзе Урманчееву, из дикой земли отмерить добрые пашенные земли в деревне Камкиной сто дватцет четвертей в поле, а в дву потомуж; а санных покосов на сто копен; а жалованную в Алтарском уезде пашню из-за него выписать из книг, а нынешнюю пашню, жалованную землю отписать на Москве за него, и владеть ею мурзе Урманчееву вечно, и никому не отнимать и дать ему из Приказу Казанского Дворца владенную выпись, по чему ему тою землею владеть, за рукою боярина княз Михаила Долгорукова. Дана на Москве.

Извлечено из: Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859. С. 91-92.

№ 52

Челобитная И.Г.Нагирина с просьбой отмежевать его поместья по Зюрейской дороге от д. Тарловки по Арской дороге и подтвердить принадлежность ему мельницы на реке Нурьме

Не позднее 4 апреля 1691 г.

Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет челом холоп ваш казанец Ивашко Григорьев сын Нагирин. В прошлых, государи, годех дано мне, холопу вашему, поместье в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Венете и в пустошах Куюк Кучюке и Мамете, Поповка то ж, и с примерными землями да пустошь Кучюк, да за рекою Нурьюю пустошь Нурма была вопче с ыными помещики, с казанцы ж с Терентьем да с Ондреем да с Овдокимом Яковлевыми детьми Ондреенова. И в той пустоше Нурьме их жеребья-поместья я, холоп ваш, выменял и с перехожими четвертми. И та пустошь справлена вся за мною, холопом вашим, и со всеми угоды.

А та пустошь Нурьма смежна с ясашною деревнею Тарловкою Арские дороги, а со мною, холопом вашим, не размежевано. И в тех моих поместных дачах пустоши Нурмы и деревни Венеты на реке на Нурьме поставлена мельница. И тое деревни Тарловки ясашные татары владели пустоши Нурьмы, моих поместных дач, и санными покосы по Нурьме реке и берег Нурьмы реки называли своим. А я, холоп ваш, тое мельницу написал у розбору в скаске своей, тот берег пустоши Нурьмы – ясашных татар неведанием для того, что те поместья даны мне были внове, а в то число владели тое деревни Тарловки ясачные татары тою моею поместною землею и санными покосы и берег реки Нурьмы называли своим. А после того тое деревни Тарловки ясачные татары, узнав, что та земля и санные покосы и берег реки Нурьмы, где поставлена мелница, моих поместных дач, пустоши Нурьмы владеть покинули и ныне владею // [л. 2] я, холоп ваш. А в той деревне Тарловке ныне живут ясачные крестьяня русские люди. Милосердые великие государы цари и великие князя Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, не велите, государы, послать на тое пустошь Нурьму межевчика и велите, государы, по той моей скаске того берега реки Нурьмы поставить в утайку. И велите, государы, тое пустошь по писцовым книгам Семена Волынского, как написано за прежними помещики, измерять и отмежевать от тое деревни Тарловки, и грани поставить. Великие государы, смилуйте, пожалуйте.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2879.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 53

Ввозная грамота Казанского воеводы Д.А.Борятинского служилым татарам деревни Тавели Сюндюковым на луге за р. Камою

21 января 1691 г.

По указу государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев боярин и воеводы Данило Афанасьевич Борятинской с товарищи дали ввозную грамоту служилым татаром Зюрейской дороги деревни Тавиль Ермаку Московову да Иштеряку Ахманову да Супке Тенюкову да Ирке Копенову сын Сюндюковым на сенные покосы за Камою рекою по речке Чорук для того, в 1690 году били челом вел. государем и вел. князем Иоанну Алексеевичу Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцам, он Ермак с товарищи, в прошлых де годех даны им вел. государей жалованье сенные покосы в казанском уезде по Зюрейской дороге за Камою рекою по речке Чорук за четвертную пашню за 80 четей в поле, а в дву потомуж, а ввозные де грамоты на те сенные покосы им не дано. И вел. государя пожаловали б их, велели на те сенные покосы дать им ввозную грамоту.

... В писцовых де книгах Семена Волынского с товарищи написано; Зюрейской дороги деревни Нырсывар за служилыми татары за Кулбайком да за Толбойком за Камою рекою вотчина бортной ухжей и бобровыя гоны и всякия звериныя ловли по речке Чоруку нижняя межа переволока супротив Берсуцкого устья, верхняя межа по Шешму реку, а в степь по Толкишь реку, да по сю стороны Камы реки бор и около Берсуту реки по обе стороны и окло тое вотчины и в той вотчине и в урочищах есть порожние сенные покосы, а никто ими не овладеть и ни к кому не отданы, и великий государь пожаловал бы их, велел им в той их Кулбайков вотчины сенные покосы, кои около той вотчины и в той вотчине и в урочищах, отдать им в поместье по десяти четей человеку и за ними справить и по теме межам и урочищам сенных покосов, о которых били челом вел. Государю служилые татара Ермак Сюндюков с племянники за служилыми татары за Кулбайком да за Толбайком Ишеевым в дачах и в писцовых книгах не написано, и в прошлом же в 1681 году октября в 23 день по помете на выписке дьяка Александра Алексеева велено про те сенные покосы окольными людьми сыскать...

А в сыскных и в отказных его книгах написано: приехал он в Казанский уезд по Зюрейской дороге за Каму реку в вотчину служилых татар Кулбайка да Толбайка Ишеевых на порожние сенные покосы и взял с собою сторонних людей ясашных татар деревни Усюли семь человек, деревни Берсут 14 человек, деревни Катмыш 12 человек, деревни Верхней Сунь пять человек, деревни Кулусчей новокрещенов 10 человек, деревни Еникей Чишмы 10 человек и теми людьми сыскивано, а в сыску новокрещены и татара 59 человек сказали: прежде сего тою вотчиною по речке Чоруку, нижняя межа переволока супротив Берсутского устья, верхняя межа по Шешму реку, а в степь по Толкишь реку, владели служилые татара деревни Нырсыварь да Толбайко Ишеевы, а после их владели дети, а почему, того не знают, и тому ныне годы с три тою вотчиною

никто не владеет, лежит порожняя, а сенные де покосы в той вотчине и около той вотчины косят разных деревень татар, а в межах де та вотчина и сенные покосы на нижнюю сторону сенные покосы Ивана Змеева, ... и у сыску вотчинники служилые татары Зюрейской дороги деревни Нырсывар Кулбайковы, да Толбайковы дети Ишеевых Тохтагулко Кулбаев, да Смаилко Толбаев в допросе сказали: вотчиною де за Камою рекою, бобровыми гоны по Шешме реке да по Толкиш реке, да по Чюрик реке до устья, да по сю сторону Камы реки лес сосняк с сенными покосы и со всеми угоды отцы их Кулбайко да Толбайко владели пополам, а почему владели, того они не знают, а как де отцы их померли, и они после отцев своих тою вотчиною владели без дач, не бив челом великому государю, а как де они описаны по разбору на ясак и тою вотчиною и сенными покосы не владеют и по сие число и ныне де им до тех сенных покосов дела нет, потому что они написаны на ясак и платят хлебных и денежных три ясака с честью; ... И по указу великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев служилым татаром Ермаку Сюдюкову с товарищи теми вышеисписанными сенными покосы владеть до тех мест, покамест те сенные покосы за ними опишут и измерят валовые писцы и мерщики, и учинять за ними по указу великих государей. К сей ввозной грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев печать царства Казанского боярин и воевода князь Данило Афанасьевич Борятинской приложил. Лета 1691 генваря в 21 день.

Извлечено из: Малов Е.А. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902. С. 41-44.

№ 54

**Челобитная И.Г.Нагирина с просьбой размежевать его поместные владения
в д. Венета от владений вдовы И.Бедарева и в пустоши Нурьма
от угодий ясашных татар**

Не позднее 3 июня 1692 г.

Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет челом холоп ваш Ивашко Григорьев сын Нагирин.

Поместья за мною, холопом вашим, в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Венете, пустошь Куюк Кучюк да пустошь Маметь, Поповка то ж, да пустошь Кучюк и Янабекова полянка и иные отхожие полянки да пустошь Кармаш да за рекою Нурьмою пустошь Нурьма и отхожая полянка.

А в деревне Венете и в пустошах даны мне, холопу вашему, розные дачи здаточные и выменные поместья. А те мои поместья деревня Венета смежна усадьбою и полем со вдовою Ивановскою женою Бедарева с Федосьею Дмитриевою дочерью и з детьми ея. Да в их же дачах дано мне, холопу вашему, Алексеевское поместье Бедарева. А пустошь Нурьма сошлася смежно Арские дороги с ясашною землею татар деревни Тарловки, Нурьма то ж. А те мои дачи с нею, вдовою Ивановскою женою Бедарева, и з детьми ея и пустошь Нурьма с ясашными татарами деревни Тарловки, Нурьма то ж, не размежованы. И в прошлых, государи, годех о тех своих поместных дачах о пустоши Нурьме бил челом вам великим государем я, холоп ваш, о межеванье и по выписке указы не учинено.

Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, на тое пустоши Нурьму по прежнему и по сему челобитью послать межовщика и по писцовым книгам Семена Вольнского с тою ясашною землею мою поместную дачю отмежевать, и лес и сенные покосы и всякие угодыя, и учинить межи и грани поставити. И в деревне Венете со вдовою Ивановскою женою Бедарева усадьбу и в поле размежевать по писцовым книгам Семена ж Вольнского и межи учинить и грани поставити, опричь Алексеевы дачи Бедарева, мою дачю и лес и сенные покосы и всякие угодыя. А Алексею дачю Бедарева, что поступился мне он, Алексей, и жена ево Орина с нею, вдовою Ивановскою женою, размежевать же и з детьми ея в усадьбе и в полях и лес и сенные покосы и всякие угодыя и грани поставити.

И сю мою челобитную взять к прежнему моему челобитью и к выписке. Великие государи, смилуйтеся.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2879/1.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 55

Челобитная И.Г.Нагирина с просьбой передать ему в поместное владение отписанную в казну землю в пустоши Мааметь по Зюрейской дороге

До 16 декабря 1693 г.

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем бьет челом холоп ваш Ивашко Григорьев сын Нагирин. В прошлых, государи, годех дана мне, холопу вашему, в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в поместье мое в деревне Венете да в пустоше Маамете, Поповка то ж, да в пустоше Мурьме да в пустоши Куюк Кучюке примерная земля со всякими угодыи и лесы и сенные покосы. А в писцовых книгах Семена Вольнского в той пустоше Маамете, Поповка то ж, отписано земли на вас великих

государей, а сколько десятин писано, того в книгах не написано. Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, тое отписную землю в пустоше в Маамете, Поповка то ж, отдать в поместье мне, холопу вашему, буде останетца за примерною землею, к прежним моим поместным дачам. Великие государи, смилуйтеся.

Источник: ОРРК НБЛ, ед.хр. 2865.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 56

Челобитная И.Г.Нагирина с просьбой отмежевать его поместные земли в д. Венета и в пустошах от владений вдовы Ф.Д.Бедаревой и ее детей

Не позднее 13 марта 1694 г.

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьет челом холоп ваш Ивашко Григорьев сын Нагирин. В прошлых, государи, годех дано мне, холопу вашему, здаточные и поступные и меновные поместья и с примерными землями в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Венете да в пустошах Нурьме с полянками да Куюк Кучюке и в Мамете, Поповка то ж, и обводная земля пустошь Кучюк и с полянками да пустошь Кармаш. А на сколько четвертей тех поместных дач, и те дачи явятца в Казани в Приказной палате. А те мои поместные дачи в деревне Венете, в усадьбе и в поле и в угодьях, со вдовою, Ивановскою женою Бедарева, с Федосьею Дмитриевою дочерью, и з детьми ея не размежеваны. А пустошь Нурьма смежна с ясашною землею пустоши, что была деревня Нурьма. И те мои поместные дачи в тех пустошах с ясашною землею не размежеваны. А в тех моих поместных дачах, в деревне Венете и пустоши Нурьмы, поставлена мельница на реке Нурьме. И я, холоп ваш, тое мельницу написал в скаске своей у розбору стольника и воеводы Михаила Львовича Плещеева берег Нурьмы реки ясашных татар, а другой берег той же реки написал вопче с ыными помещики неведанием для того, что дано было внове. А та мельница в моей усадьбе и берег реки Нурьмы моих поместных дач. И в прошлом, государи, во 199-м году бил челом вам, великим государем я, холоп ваш, о межеванье поместей своих и по выписке указу не учинено. Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, не велите, государи, по той моей скаске тех берегов реки Нурьмы поставить мне в утайку, где поставлена мелница. И велите, государи, против прежнего и по сему моему челобитью послать ис Казани на те

мои поместные дачи межевщика и те мои поместные дачи и отмежевать по писцовым книгам писца Семена Волынского с товарищи: пустошь // [л. 2] Нурьму, мою дачю, от ясашные земли пустоши, что была деревня Нурьма, пустошь Куюк Кучюк от ясашные земли деревни Янасалы отмежевать. И в деревне Венете усадебную землю и в поле и угодья от поместные земли вдовы, Ивановские жены Бедарева, Федосьи Дмитриевы дочери и детей ея отмежевать же и межи учинить и грани поставить. И Алексеевское поместье Бедарева, мою дачю, отмежевать же. И велите, государи, сю мою челобитную взять к прежнему моему челобитью и по выписке о межеванье свой великих государей указ учинить. Великие государи, смилуйтеся.

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед.хр. 2879/4.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 57

Грамота царя Петра Алексеевича казанскому воеводе М.Г.Нарышкину о передаче в оброк земель в д. Тарловка по Арской дороге И.Г.Нагирину

16 августа 1696 г.

Список великого государя з грамоты. От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича [п.т.] в нашу отчину в Казань ближнему стольнику нашему и воеводам Михаилу Григорьевичю Нарышкину с товарищи. В прошлом в 201-м году марта в 22 день послана наша великого государя грамота в Казань к ближнему стольнику нашему и воеводам, ко князю Данилу Григорьевичю Черкасскому с товарищи, по челобитью Ивана Григорьева сына Нагирина. А велено справитьца о порозжей покидной ясачной земле в Казанском уезде по Арской дороге, что была деревня Тарловка, а Мурьма то ж. И буде лежит порозжа, в поместье и в оброк никому не отдана, велено отдать в оброк челобитчику Ивану Григорьеву сыну Нагирину против нашего великого государя указу и Уложения и новоуказных статей, А что по той грамоте учинено, о том не писано. Да в прошлом в 202-м году генваря в 25 день послана наша великого государя грамота в Казань к нему ж ближнему стольнику нашему и воеводам ко князю Данилу Григорьевичю с товарищи по ево ж, Иванову, челобитью Нагирина. Велено о той покидной порозжей земле в Казани справитца. И буде по справке явитца, что та земля лежит порозжа, в поместье и в оброк никому не отдана, и спору ни с кем не будет, и о даче той покидной порозжей земли и лесу и санных покосов и всяких угодей казанцу Ивану Нагирину в оброк наш великого государя указ учинить по Уложению и по новоуказным статьям и по своему рассмотрению. И в прошлом в 202-м году марта в — день послана наша великого государя грамота в Казань к нему ж, ближнему стольнику и воеводам ко князю Данилу Григорьевичю с товарищи по челобитью казанца Якова

Павлова сына Чортова. Велено в Казани в Приказной полате справитца, челобитье и дача Якову Чортову об ясачной покидной земле в Казанском уезде в деревне Мурьме, а Тарловка то ж, есть ли? И буде по справке явитца, что о той порозжей покидной ясачной земле поместье и в оброк и дача нынешнему челобитчику Якову Чортову до нашего великого государя указу 191-го году октября до 20-го числа явитца, // [л. 2] и тою землею по старым межам и граням, как владели татара по вышеписанному и по сему нашему великого государя указом, велено владеть нынешнему челобитчику Якову Павлову сыну Чортову в поместье и в оброк по-прежнему, против ево челобитья и дачи, буде от татар спору не будет. А казанцу Ивану Григорьеву сыну Нагирину от той земли велено отказать для того, что о той земле Яков Чортов бил челом нам великому государю, и дача ему, Якову, учинена преж ево, Иванова, челобитья и дача за многое время. И в челобитье своем он, Иван, ево, Якова, что, он, Яков, о той земле бил челом нам великому государю утаил. А оброку велено с него, Якова, и с наддачею в нашу великого государя казну имать по тритцати по пяти алтын по две деньги на год. И в платеже тех оброчных денег велено по нем, Якове, собрать поручную запись. И ныне бил челом нам, великому государю, казанец рейтарского строю Микифор Елисеев сын Писемской. Велено де ему, Микифору, всякие наши великого государя службы служить с казанскими рейтары и давать денежного жалованья по шти рублев на год против ево братьи, беспомесных и малопомесных рейтар. А за ним де, Микифором, помесной земли в Казанском уезде в розных местех только двенатцать чети. А в иных городех земли и крестьянских дворов ничего нет. А есть де наша великого государя пустая покидная ясачная земля в Казанском уезде, по Арской дороге, деревня Мурьма, а Тарловка то ж, что в прошлых годех тое землю покинули татара и руские люди за хлебным недородом. И в прошлом в 201-м году по челобитью Ивана Григорьева сына Нагирина присланы в Казань наши великого государя грамоты. Велено тое вышеписанную ясачную землю отдать ему, Ивану Нагирину, в оброк. И по тем де грамотам ему, Ивану Нагирину, в Казани указу не учинено. Да в прошлом в 202-м году по челобитью казанца ротмистра Якова Павлова сына Чортова прислана в Казань наша великого государя грамота. А велено тое вышеписанную ясачную покидную землю отдать ему, Якову, в поместье и в оброк, а оброку велено в казну платить по тритцати по пяти алтын по две деньги на год, а Иваново челобитье Нагирина велено отставить. И по той грамоте об отдаче ему, Якову Чортову, в Казани // [л. 3] и по се число указу не учинено ж. И за тем Яковлевым челобитьем Чортова и за грамотою он же, Иван Нагирин, бил челом в Казани именем крестьянина своего деревни Венеты - Максимки Григорьева, чтоб тое покидную ясачную землю отдать тому ево крестьянину на полтора ясака. И по ево де челобитью та земля в Казани ис Приказной полаты отдана на ясак не против нашего великого государя указу и Уложения. И ныне он, Иван Нагирин, тою ясачною всею землею и санными покосы и всякими угоды владеет. А по нашему великого государя указу и по Уложению и по новоуказным статьям помещиковым крестьяном ясачной земли отдавать на ясак не велено, а Яков де Чортов по нашему великого государя грамоте в Казани о той земле не бьет челом и за выпискою не ходит, тому ныне другой год. А по нашему великого государя указу и по новоуказным статьям такие земли велено вновь

отдать челобитчиком, а старым отказывать потому, что он, бив челом, за выпискою не ходит многое время.

И нам великому государю пожаловати б ево, велеть челобитье и грамоты Ивана Нагирина и Якова Чортова отставить и тое вышеписанную пустую покидную яшашную землю, что преж сего была деревня Мурьма, а Тарловка то ж, с лесом и с сенными покосы и со всеми угоды по старым межам и урочищам, как преж сего владели тое деревни татара, измеряв, положить в чети, отдать ему, Микифору, в поместье в ево оклад, к прежним ево помесным дачам, за наше великого государя денежное жалованье за шесть рублей по нашему великого государя указу и по примерам. А такие де наши великого государя земли многим ево братье, рейтаром и кормовым людям, за денежное жалованье даваны. И велети б Иванова крестьянина Нагирина челобитье отставить, чтоб он бил челом о той земле себе на полтора ясака не против нашего великого государя указу и Уложения, и велети б о том к вам в Казань дать ему нашу великого государя грамоту. А в нашем великого государя указе 191-го году октября в 20 день написано: «Мы, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указали // [л. 4] и бояре наши приговорили московского чину и городовым дворяном и детем боярским и всяких чинов руским людем в городех, которые ведомы в Приказе Казанского дворца, мордовские и черемиские и чювашские оброчные и ясачные и покидные татарские земли в поместье впредь не давать и оброку с них не имать и отдавать оброчные земли чюваше и мордве и татаром на оброк, а помесные покидные земли - в поместье мурзам и татаром по Уложению, чтоб те оброчные помесные земли впусте не лежали и с оброчных земель оброк в нашу великого государя казну имать по вся годы». А которые мордовские и чювашские и черемиские оброчные и татарские покидные земли до сего нашего великого государя указу в городех, которые ведомы в Приказе Казанского дворца, розданы помещиком и вотчинником московского чину и городовым дворяном и детям боярским и рейтаром и салдатом и всяких чинов служилым людем в поместье, и на тех землях те люди, которым отданы, поселили крестьян своих и сами поселились дворами своими, и тем землям быть за теми людьми, кому отданы, и челобитчиком-мурзам и татаром и черемисе и чюваше и мордве — которые дачи учинены, учнут бити челом о повороте, и им отказывать. И в нынешнем в 204-м году августа в 14 день по нашему великого государя указу и по приговору бояр наших князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи велено тое землю отдать за наше великого государя годовое денежное жалованье, за шесть рублей, нынешнему челобитчику Микифору Елисееву сыну Писемскому в поместье для того, такие оброчные земли за наше великого государя денежное жалованье наперед сего челобитчиком даваны, а жалованье ему, Микифору, давать не велено.

А прежним челобитчиком Ивану Нагирину и Якову Чортову от той земли велено отказать для того, дана им та земля не против нашего великого государя указу, из малого оброку. А что в челобитье явил Микифор Писемской, что де та земля отдана в Казани Иванову крестьянину Нагирина на полтора ясака, и тое дачю велено отставить потому, что ему дана не против // [л. 5] нашего великого государя указу, а по нашему

великого государя указу 191-го году таких ясачных земель помещиком в поместье и помещиковым крестьяном давать на ясак не велено. И против ево челобитья велено послать к вам в Казань наша великого государя грамота. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и ты ближней стольник наш и воевода, Михаило Григорьевич с товарищи, против челобитья казанца Микифора Елисеева сына Писемского учинил по сему нашему великого государя указу и по приговору бояр наших, князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи, нынешнего 204-го году августа 14-го числа. На тое вышеписанную землю послали кого пригож, сторонними людьми и при тех сторонних людех на той земле велели описать усады и на усадех места дворовые и пашню и сено и лес и всякие угодыя. А описав, велели отказать за наше великого государя годовое жалованье казанцу Микифору Писемскому в поместье по старым межам и урочищам, как владели татары, к прежнему ево казанскому поместью, в ево оклад – в триста чети. А Якову Чортову и Ивану Нагирину и крестьянину ево Максимку от той земли велели отказать и владеть им не велели. Да и в отказные книги то поместье за ним, Микифором, написать подлинно. Да о том к нам великому государю писали и отказные книги за откашиковою и сторонних людей за руками прислали и велели подать в Приказе Казанского дворца бояром нашим, князю Борису Алексеевичу Голицыну с товарищи. Писана на Москве. Лета 7204-го августа в 16 день. Подлинная великого государя грамота за приписью дьяка Михаила Уланова, за справкою подьячего Ивана Михайлова.

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед. хр. 591.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 58

Челобитная ясачных татар д. Нурьмы по Арской дороге на имя царя Петра Алексеевича о необоснованных притязаниях на их земли казанцев – помещиков И.Г.Нагирина, Я.П.Черткова, Н.Е.Писемского

Не ранее августа 1696 г.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом сироты твои ясашные татары Казанского уезду, Арские дороги, деревни Нурьмы, Тарловка то ж, Баитеречко да Яншикейко Ишкинеевы, Чорашко Тянеев, Кадычко Топаев да Тохтарко Янеев с товарищи. В прошлых, государь, годех вышли мы, сироты твои, ис той своей деревни Нурьмы от скудости в розные деревни. А тою землею и всякими угодыи владеем и ясак, денежной и хлебной, и всякие иные доходы, медвеной и тюменской оброк, с той земли платим.

И на той земле сенные покосы косим мы, сироты твои, по вся годы. И в прошлых же, государь, годех бил челом тебе, великому государю, на Москве казанец Иван Григорьев сын Нагирин и привез в Казань твою великого государя грамоту, чтоб тое нашу яшашную землю ему, Ивану, отдать на оброк, будто та земля лежит в пуге и платежу с нея нет. А та земля истари яшашная и без яшашного платежу никогда не бывала. И, уведав, что за тое деревню ясаки плачены по вся годы, по грамотам об указе в Казани тебе великому государю не били челом после того ево, Иванова, челобитья. И в том же году бил челом тебе великому государю на Москве ротмистр Яков Павлов. И тот Чортов о той же нашей яшашной земле деревни Нурьмы, Тарловка то ж, и привез в Казань твою великого государя грамоту, будто та земля лежит в пуге, чтоб тое нашу землю отдать ему, Якову, в поместье и в оброк. А за теми грамотами в Казани били челом тебе, великому государю мы, сироты твои, что за нас ясаки платит, денежной и хлебной, и тою нашею землею и сенными покосы владеть Иванову крестьянину помесной ево деревни Венеты Гришке Максиму. И по нашему челобитью в Казани и по договору с ним, Гришкою, велено ясаки платить за нас с тое деревни Нурьмы ему, Гришке, и тою нашею землею и сенными покосы и всякими угоды велено владеть ему, Гришке. И в прошлом, государь, в 204-м году бил челом тебе, великому государю, казанец рейтарского строю Микифор Елисеев сын Писемской о той же нашей яшашной земле деревни Нурьмы, Тарловка то ж, и привез с Москвы в Казань твою великого государя грамоту. Велено тое нашу яшашную землю отдать ему, Микифору, в поместье за денежное годовое жалованье.

А в грамоте написано по ево, Микифорову, челобитью, будто иным и их братье, рейтаром, такие наши яшашные земли за денежное годовое жалованье в Казани давано. А их братье, рейтаром, такие наши яшашные земли в Казани никому не давано. И он, Микифор, бил челом тебе, великому государю, хотя тою нашею землею завладеть себе в поместье. И та, государь, земля истари наша яшашная земля и нам сиротам твоим надобна, И тебе, великому государю, об ней челобитчики. А в твоём великого государя в указе и в новоуказных статьях написано наших яшашных татарских земель помещиком и вотчинником в поместье и в оброк таких земель давать не велено. Милосердый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй нас, сирот своих, не вели, государь, тое нашей яшашной земли челобитчиком Ивану Нагирину, Якову Чортову, Микифору Писемскому отдавать в поместье. И вели, государь, о той нашей яшашной земле по своему великого государя указу и по новоуказным статьям указ учинить и сю челобитную взять к грамотам и к челобитью. Великий государь, смилуйся.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 585.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 59

Грамота с прочетом от имени царя Петра Алексеевича ближнему стольнику и воеводе М.Г.Нарышкину «с товарищи» с подтверждением права на владение санными покосами по р. Волге под Казанью ямским охотникам Павлу Иванову «с товарищи» и незаконности притязаний на них служилого татарина Московка Бекбулатова

6 декабря 1696 г.

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в нашу отчину, в Казань, ближнему нашему стольнику и воеводе Михаилу Григорьевичю Нарышкину с товарищи. В прошлом во 180-м году бил челом отцу нашему государеву, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, в Казани в Приказной палате казанской слободской служилой татарин Денячко Кучеев . Приискал де он под Казанью подле Волги реки в лугах осокорник и тальник в межах – сверху по Волге реке через овраг по левой руке подле Соляной волошки до Нижнево Услону по звозной дороге к ямским пожням по гривам, а нижней конец урочище пришло Жерновной остров и дорога. И тем де осокорником и тальником никто не владеет: истари лежат впусе, и чтоб тот осокорник и тальник дать ему из розчистки под санные покосы на триста копен. А за ним де подгородных санных покосов нет. И в прошлом во 180-м же году генваря в 8 день в Казани по выписке за пометою дьяка Никифора Бакунина велено тот осокорник и тальник дать ему, Денячке, за тридцать копен, будет ни за кем в дачах не написан и спору и челобитья об нем не будет.

И во 188 -м году марта в 9 день в Приказе Казанского дворца били челом брату нашему государеву, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу казанские ямские охотники Ивашка // [л. 2] Подошевной с товарищи. Владеют де они санными покосы по Волге реке на Жерновном острове с верхние изголови за Соляною волошкою на низ по санные покосы казанских конных стрелцов истари. От Соляные волошки стрельцами грани розгранены по Кривое озеро, а по другую сторону Кривова озера до Волги реки розгранены грани села Воскресенского с отарскими крестьяны истари. И в тех их старинных санных покосех за Соляною волошкою на верхней изголови к Среднему взвозу завладел мочью своею санными покосы казанской служилой татарин Денячка Кучеев, назвав порозжею землею, лет з десять и болши. И по тому их челобитью послана брата нашего государева, блаженные памяти великого государя, грамота в Казань, к боярину нашему и воеводам ко князю Михаилу Алегуковичю Черкаскому с товарищи, велено по челобитью ямских охотников о санных покосех розыскать всяких чинов людьми и крепостьми и по розыску указ учинить, чтоб впредь челобитья не было. А в дозорных казанских книгах Недая Саламыкова 109-го году написано на Жерновном острове за емскими охотники санных покосов одиннатцать тысяч копен, по сту по десяти копен человеку. А по Деревнину дозору Кайсарова 110-

го году по смете за емскими охотники на Жерновном острове [сенных покосов десять тысяч четыреста пятьдесят // [л. 3] копен. А в писцовом межевом столпу писцов Семена Волынского с товарищи 156-го году написана, межа учинена отхожим сенным покосом, что на Жерновном острове, меж казанских ямских охотников и меж нашей великого государя деревни Задних Атар: у Долгова озера поставлен столп, на нем грань, а с того стола на столб же, а столб поставлен у реки Волги, а на нем грань, а грань на грань указывает встречу. Направе сенные покосы казанских ямских охотников, а налеве сенные покосы деревни Задних Атар.

И в прошлом во 189-м году марта в 7 день били челом брату нашему государеву, блаженные памяти великому государю, ямские охотники, староста Алешка Михайлов с товарищи, // [л. 4] чтоб им по выписке указ учинить. И по помете на деле дьяка Ивана Кучецкого велено дать им с татариним в тех сенных покосех очную ставку. И на очной ставке слобочкой татарин Денячко Кучеев сказал, сенными де покосы, что в межах казанских ямских охотников за Соляною волошкою на верхней изголови к середнему взвозу по Волге реке, он, Денячко, владеет лет с восемь. Бил де челом он, Денячко, на те сенные покосы потому, что они лежали порозжи и заросли осокорником. А косил де он сено на тех сенных покосех по сту копен на год. А бил де челом он на те сенные покосы на триста копен. А рочистил на сто копен. А те де сенные покосы казанских ли ямских охотников, того он не ведает потому, что они были порозжие. А ямской охотник Алешка Аксентьев сказал, те де сенные покосы, что слобочкой татарин Денячко Кучеев бил челом, // [л. 5] в их межах. А крепки де им по старым дачам и по писцовым книгам с верхние изголови по Соляную волошку, на низ Соляные волошки по Кривое озеро, а с Кривова озера межа их сенным покосам по Волге реке к татарским сенным покосом по писцовую межу. И во 189-м году августа в 8 день по помете на деле дьяка Ивана Ляпунова велено послать дворянина да подьячего добрых и сенных покосов, которые даны ямским охотником по писцовой меже и по урочищам, досмотрить и описать имянно: и татарину Денячку сенные покосы в тех же ли их урочищах даны или особая дача ему учинена и в которых местех. А досмотря и описав и учиня тому книги имянно, привести в Казань. И для досмотру и описи на те их сенные покосы во 189-м году не посылавано для того, что от ямских охотников по 194-и год сентября по 12 число челобитья не бывало и за делом не ходели.

И в прошлом во 194-м году сентября в 12 день бил челом нам великому государю слобочкой служилой татарин Московко Бекбулатов. Наше де великого государя жалованья было за слобочким служилым татариним за Денячком Кучеевым подле Волги реки в лугах осокорник и тальник в межах: сверху по Волге реке через овраг по левой руке подле Соляной волошки да с Нижнева Услону по звонной дороге к ямским пожням по гривам, а нижней конец урочище пришло Жерновной остров и дорога. И тот осокорник и тальник дан ему был по тем // [л. 6] урочищам за тридцать копен. И тот Денячко в прошлых годех умре, а те ево сенные покосы никому не отданы, и чтоб те сенные покосы по тем урочищам справить за ним к прежним ево сенным покосам. И сентября в 17 день по приговору боярина нашего и воевод, князя Володимера Дмитриевича Долгоруково с товарищи, велено на сенные покосы ямских охотников послать дворянина да подьячего и по писцовой меже и по урочищам тех сенных

покосов досмотрить и описать. И будет по осмотру и описи татарина Денячка Кучеева санные покосы за межами и урочищи ямских охотников и лежат порозжи - в дачу и на оброк никому не отданы - и не владеет ими никто, отказать татарину Московку Бекбулатову по указу в указное число. А буде те санные покосы в межах и урочищах ямских охотников или за межами в даче преж сего, не отказывать. И досмотр и опись подать в Приказной полате.

А в отказных книгах Ивана Нармацкого 194-го году написано, приехав он в Казанской уезд на Волгу реку на Жерновной остров, на подгородные санные покосы ямских охотников да слобочкого служилого татарина Денячки Кучеева, и при сторонних людех и при сторожилах санные покосы ямских охотников досматривал и описывал имянно против писцовой межи Семена Волынского с товарищи, что учинена межа отхожим санным покосом на Жерновном острову // [л. 7] меж казанских ямских охотников и меж нашей великого государя деревни Задних Атар и слобочкого служилого татарина Денячки Кучеева – у Долгова озера поставлен столб, на нем грань, а от того столба на столб же, а столб поставлен у реки Волги, а на нем грань, а грань на грань указывает встречу: направо санные покосы казанских ямских охотников по приверх Соляные волошки, а налево санные покосы деревни Задних Атар. И те де старожильцы и сторонние люди, Максимко Голохвастов с товарищи, сказали, от приверх Соляные волошки, промеж глубокова врагу и Соляные волошки Услонскую дорогу, санные покосы расчищал слобочкой служилой татарин Денячко Кучеев, осокорник и тальник в поместье и в оброк никому не отданы, а по смете тех санных покосов будет на сто копен. И по осмотру и по скаске старожилцов и сторонних людей те санные покосы после слобочкого служилого татарина Денячка Кучеева в тех урочищах отказали слобочкому служилому татарину Московку Бекбулатову против указу в указное число.

И во 194-м году октября в 9 день по челобитной за пометою дьяка Артемья Волкова дана ему, Московке Бекбулатову, на санные покосы Денячки Кучеева в Казани выпись.

И октября в 15 день били челом нам великому государю ямские охотники, староста Ивашко Просвирик с товарищи. Бил де челом служилой татарин Московко Бекбулатов на их пожню с верхние изголови утайкою, а те де; пожни верхние изголови Соляные волошки истари даны дедом и отцом их, а с ними ничьих пожен в межах нет, и чтоб ему, Московку, положить крепости. И в прошлом во 195-м году августа в 18 день по приговору окольничего и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи // [л. 8] велено по дозорным книгам Недая Саламыкова 109-го году да по Деревнину дозору Кайсарова 110-го году и Семена Волынского с товарищи 156-го году санными покосы владеть ямским охотником попережнему, а слобочкому служилому татарину Московку Бекбулатову от тех санных покосов отказать для того, что по тем дозорным книгам и по писцовому межевому столпу дачи в тех урочищах татаром и иным никому, oprичь ямских охотников, не написано. И августа в 20 день бил челом нам великому государю служилой татарин Московко Бекбулатов. Били де челом ямские охотники ложно, будто им Жерновной остров отдан весь. А на Жерновном де острову санные покосы четырех чинов: их, ямских охотников, да села Воскресенского деревни Атар крестьянские, да казанских конных стрелцов, да слобочких служилых татар, а не одних их ямских

охотников, и не весь Жерновной остров отдан им. И те сенные покосы от них ямщиков за межею. И чтоб не велеть ложному их челобитью поверить и тех росчисных сенных покосов отнять у него безвинно.

И августа же в 24 день по приговору окольного и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи велено про те сенные покосы против межевых книг с окольными людьми розыскать и досмотрить и чертеж учинить, тесенные покосы, что владеет татарин Московко Бекбулатов, в ямских ли межах и гранях и в урочищах или за емскими межами и гранями.

А в розыску Приказные полаты подьячего Логина Камарихина написано: старост два человека, рядовых крестьян четырнадцать человек сказали на ерновном де острову с верхние изголови сенные покосы, о которых ныне в споре с слободским татаринном с Московкою Бекбулатовым, и те де сенные покосы // [л. 9] казанских ямских охотников истари и никаких в тех их дачах ; на том острову по межу писца Семена Волынского никому в дачах нет. А тот де остров стоит на Волге реке: от Казани направи Большая Волга, а налеве Соляная волошка. А татарин де Московка Бекбулатов на том Жерновном острову сенные покосы косил в их ямских охотников в межах и в урочищах. А по какому указу, того они не знают. Два человека крестьян сказали, татарину де Московке Бекбулатову, где даны сенные покосы, того они не знают. А на Жерновном де острову указал он, Московка Бекбулатов, сенные покосы назвал своими и те де сенные покосы на том острову в межах и в гранях и в урочищах за емскими охотники и владеют они истари. Да в досмотре подьячего Логина Камарихина написано, приехав он на Волгу реку, на Жерновной остров, на сенные покосы ямских охотников и слободского служилого татарина Московка Бекбулатова, и сторожилыцы и сторонними людьми досматривал и розыскивал, и чертеж учинил. А по досмотру на том Жерновном острову против писцовой межи Семена Волынского с товарищи прошлого 156-го году направи сенные покосы казанских ямских охотников, а налеве сенные покосы деревни Задних Атар крестьян. А спорные сенные покосы, что даны слободскому служилому татарину Московку Бекбулатову после слободского татарина Денячка Кучеева, и ему, Денячку, даны во 180-м году по ево челобитью, подле Волги реки в лугах осокорник и тальник. И те покосы по досмотру не в порозжих лугах, на том же Жерновном острову, где косят по даче ямские охотники, в их межах и урочищах. // [л. 10] А около тово острова, налеве от Казани, Соляная волошка, а направи Большая Волга река.

И в прошлом во 196-м году сентября в 17 день по приговору окольного и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи велено тем сенным покосам быть по дозорным книгам и по межеванью Семена Волынского и по досмотру и по чертежу и по прежней помете августа 18-го числа 195-го году за казанскими ямскими охотники по-прежнему, а служилому татарину Московке Бекбулатову в тех сенных покосех отказать потому, что те сенные покосы по межеванью и по дозорным книгам и по досмотру объявились в ямских межах и гранях.

Да в прошлом во 196-м году апреля в 27 день в нашей великого государя грамоте писано в Казань к окольному и воеводам к Ивану Федоровичи) Бутурлину с товарищи по челобитью татарина Московка Бекбулатова, велено против ево челобитья о тех

сенных покосех в Приказной полате справитьца с прежними дачами и с крепостями и ис писцовых дел и ис писцового наказа, и ис прежнего сыску выписать, и наш великого государя указ учинить по прежним дачам и по крепостям и по Уложению и по Новоуказным статьям и по писцовому наказу вправду, чтоб впредь о том нам великому государю челобитья ни от кого не было. А что учинено будет, о том для ведома к нам великому государю писать. А безвинно из дач у него, Московка тех сенных покосов // [л. 11] отымать не велено. А будет зачем указу учинить будет не мочно, о том по тому ж писать и дело прислать в Приказ Казанского дворца .

И в Казани в писцовых делах писцов Семена Волынского с товарищи, в письме дьяка Михаила Патрекеева, написано. На реке на Волге, ниже Ка-занского устья, против озера, что бывало Царево за Малою волошкою остров Жерновной, а на том острове сенные покосы казанских ямских охотников. И от верхней изголови того острова по сенные покосы нашего государева дворцового села Воскресенского деревни Задних Атар, мерою в длину дватцать четыре длинника, а поперег от реки Волги до Малые волошки семнатцать поперешников, в другом конце тритцать один // [л. 12] поперечник, а в ровно дватцать четыре поперечника; итого пятьсот семьдесят шесть десятин и с теми, что по старым книгам 109-го году на том же острове были сенные же покосы Толмацкие. А ныне теми покосы владеют ; ямские ж охотники без дач. И по осмотру на том острове во многих местах леса, водяные поймы и бакандины, и рвы, и озера. И ис той меры по смете выложено на леса и на озера сорок шесть десятин. А oprичь того на чистых покосех меж непашенных лесов и озер и водяные поймы по мере и по смете в розни пятьсот тритцать десятин, а сена станет пятнатцать тысяч девятьсот копен, против старых книг 109-го году на десятину по тритцати копен волоковых. А только на том острове положить сенных покосов против наказу по дватцати копен сена на десятину, итого иметца десять тысяч шестьсот копен и убудет сена пять тысяч триста копен против прежняго окладу, что было положено по тритцати копен на десятину.

И во 196-м году июня в 13 день // [л. 13] по приговору окольничего и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи велено по нашей великого государя грамоте и по прежней даче 194-го году сенными покосы на Жерновном острове владеть служилому татарину Московку Бекбулатову. А ямским охотником в тех сенных покосех отказать потому, что те сенные покосы розчищал служилой татарин Денячко Кучеев, где был осокорник и тальник. А в писцовых делах Семена Волынского с товарищи написано: выложено на леса и на озера сорок шесть десятин. А ямщиком сенные покосы написаны, oprичьтого на чистых местех меж пашенных лесов и озер и водяные поймы. Да и потому теми сенными покосы владеть ему, Московку, в нашем великого государя указе и в писцовом наказе написано, которые порозжие пустоши даны кому в чьих межах и урочищах до 190-го году, и тем велено быть по дачам; и розчисные земли велено давать тем, кто вычистит. А те сенные покосы даны служилому татарину Денячку Кучееву // [л. 14] до того указу в 180-м году и владеть ему, Московку, теми сенными покосы по прежним урочищам. И во 197-м году по ево, по Московкову, челобитью и по помете в челобитной дьяка Данилы Небогатова дана ему, Московку, на те сенныг покосы владеная выпись.

А во 197-м году марта в 19 день в нашей великого государя грамок писано в Казань к боярину нашему и воеводам ко князю Данилу Афонасье вичю Борятинскому с товарищи по челобитью ямских охотников Алешкщ Ураева с товарищи, велено по нашим великого государя грамотам и по сыск и по досмотру и чертежу и по прежней отдаче и по приговору околничего к воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи [л. 15] об отдаче тез сенных покосов наш великого государя указ учинить, по указу и по своему рассмотрению.

И во 199-м году декабря в 8 день по приговору боярина нашего и воеводы князя Данила Афонасьевича Борятинского с товарищи велено про тое землю розыскать и досмотрить, та земля в ямских ли межах и в гранях или за их межами, и Соляная и Малая волошка одна ль или порознь. И буде порознь, и сколь меж Соляной и Малой волошки далеко, и на чертеж на-писать имянно. И для того розыску и досмотру посыланы Дмитрей Воеводин да Приказные полаты подьячей Иван Опалев. А в розыску их написано одиннатцать человек розных деревень крестьян указали на Жерновном острове между санным покосам меж казанских ямских охотников и меж деревни Задних Атар - против Долгова озера у реки Волги вяз з гранью, а грань указывает к Долгому озеру. А сказали, против де того вязу и грани стоял у того Долгова озера писцовой столб з гранью, а грань де указывает встречу на тот граненой вяз, и тот де столб з гранью выбило водою. А от той межи указали тем ямским покосам верхнею между - к приверху того Жерновного острова до мелкова суходолу которой вышел из Волги реки поперег того острова к Соляной волошке. Сказали, тот де суходол до морового поветрия была Малая волошка, шла из Волги реки в Соляную волошку, и после морового поветрия занесло песками. А за тою // [л. 16] Малою волошкою, к самому приверху на том острове, до Соляные волошки санные покосы Михаила Баракова. А слобочкого служилого татарина Московка Бекбулатова санные покосы указали на том же Жерновном острове, на низ от тое ж Малые сухие волошки влево Казанской дороги, в новоросчисном осокорнике и тальнике подле Соляной волошки, по нижнею между по средней взвоз, которым ездят в ямские луга. А чьими санными покосы он, Московка, владеет не ведают. А иных де меж и урочищ тем Московковым санным покосам не знают. И по отводу тех сторонних людей тем ямским санным покосам, и которыми владеет служилой татарин Московка Бекбулатов, учинен чертеж.

И генваря в 17 день по приговору боярина нашего и воевод князя Данила Афонасьевича Борятинского с товарищи велено обыскных и иных допросить в обыску. Они сказали, что Малая волошка впала в Соляную волошку, а в писцовых книгах Соляные волошки не написано, сколь давно и почему Соляная волошка прослыла или все одна Соляная и Малая волошка? И для того розыску посылан Приказные полаты подьячей Иван Опалев. И в розыску ево написано: семь человек крестьян, которые были в розыску у Дмитрея Воеводина, сказали, Малая де волошка та истари, которую указали они в первом розыску Дмитрею Воеводину на Жерновном острове, а от приверху де того Жерновного острова // [л. 17] после писцов Семена Вольнского прибыло в другом месте, выше Михайловых санных покосов Баракова, подле яр из Волги реки, и прошла волошкою ж в тое ж Малую волошку. А после морового поветрия, вскоре

тому з дватцать семь лет, а прежнею де Малую волошку, что на Жерновном острове, занесло песком тому з дватцать с пять лет. А та де волошка почему и сколько давно прослыла Соляная не ведают. А все де та волошка Соляная и Малая - одна. Шесть человек сказали, волошка де Соляная почему словет и сколь давно прослыла Соляная не ведают, а иные Малые волошки на Жерновном острове и блиско Жерновного острова они не знают. А наперед сего та Соляная волошка слыла Малаю ль не ведают. И генваря в 24 день по приговору боярина нашего и воевод Петра Большого // [л. 18] Аврамовича Лопухина с товарищи велено тем санным покосам по писцовым Книгам и по розыску и по досмотру и по чертежу быть за ямскими охотники, а татарину Московке Бекбулатову велено отказать и теми санными покосы ему владеть не велено.

И в прошлом в 204-м году бил челом нам великому государю казан-Осой служилой татарин Московка Бекбулатов. В прошлом де в 200-м году по Ложному челобитью ямских охотников боярин наш и воевода Петр Аврамович Лопухин с товарищи сверх нашего великого государя указу и грамот и бояр приговоров и владеных выписей те вышеписанные санные покосы у него, Московка, отнял и отдал ямским охотником напрасно, мимо прежних писцовых книг и владеных выписей, которые даны ему, Московку, для владенья. И чтоб не велеть нашего великого государя указу и боярских приговоров и прежних писцовых книг и данных // [л. 19] владеных выписей нарушить, и вы бы теми санными покосы попрежнему нашему великого государя указу и боярским приговором и по данной владеной выписи боярина и воевод князя Ивана Ивановича Голицына с товарищи и по другой владеной выписи думного нашего дворянина и воевод Федора Андреевича Зыкова с товарищи владети ему, Московку, по прежнему, и велети б на те санные покосы и пожни и ево дачю дать ему, Московку, в Казань нашу великого государя отказную юту, чтоб ему от них казанских ямских охотников от ложного их челобитья ныне и впредь в конец не разоритца и нашей великого государя службы: не отбыть.

И в прошлом в 204-м же году марта в 5 день по нашему великого государя указу и по приговору бояр // [л. 20] наших князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи теми санными покосы на Жерновном острове велено владеть ему, Московке, по прежнему нашему великого государя указу 194-го году сентября 17-го числа и 196-го году июня 13-го числа и по боярским приговором и по данной владеной выписи бояр и воевод князя Ивана Ивановича Голицына с товарищи и по другой владеной выписи думного нашего дворянина и воевод Федора Андреевича Зыкова с товарищи и по отказным книгам Ивана Нармоцкого 194-го году. А ямским охотником Алешке Аксентьеву с товарищи от тех санных покосов отказать потому, что розчисные санные покосы даны слобозкому служилому татарину Денячке Кучееву во 180-м году и розчищал те санные покосы он, Денячко, тот осокорник и тальник. И после де Денячки во 194-м году те розчисные санные покосы даны ему, Московку, и он, Московко, из своей дачи розчистил к тем же санным покосам на сто копен. Да и потому тем санным покосам быть за ним, Московкою, что по нашему великого государя указу и по Уложению, // [л. 21] буде хто, подав челобитную, и за выпискою не ходит три месяцы, и тем прежним челобитчиком велено отказывать, а отдавать последним челобитчиком. А их ямских

охотников челобитье было во 188-м году, а со 189-м году по 194-и год челобитья от них ямских охотников не было и за выпискою не ходили многое время. Да и потому им ямским охотником от тех сенных покосов отказать, что в нашем великого государя указе прошлого 191-го году октября 20-го числа написано, мордовских и черемиских и чувашских оброчных и ясачных и покидных татарских земель и сенных покосов в поместье руским людем давать не велено. А те сенные покосы даны ему, Денячку, до того нашего великого государя указу, потому теми сенными покосы владеть ему, Московке, по прежним урочищам, а ямским охотником от тех сенных // [л. 22] покосов отказать. И послана о том ис Приказу Казанского дворца наша великого государя грамота.

И в прошлом в 204-м году апреля в ... день велено татарину Московку з дела на те вышеписанные сенные покосы дать выпись. И по нашему великого государя указу слобоцкому служилому татарину Московке Бекбулатову на те вышеписанные сенные покосы, что на Жерновном острове ему даны после служилого же татарина Денячки Кучеева, впредь для владенья дана в Казани в Приказной полате выпись.

И ныне били челом нам великому государю казанские ямские охотники, // [л. 23] староста Пашка Иванов с товарищи. В прошлых де годех от казанского взятья, как построен казанской ям, косили они ямщики на Жерновном острове сена. И по писцовым книгам Микиты Бороздина 75-го году написано на Жерновном острове все сенные покосы за детьми боярскими годовальщики, которые в Казани годуют из верховых городов, да за ними же ямщиками с верхние изголови на одинатцать тысяч копен. И в списке писцовых книг окольного Никиты Васильевича Борисова да Дмитрея Кикина 74-го и 75-го и 76-го годов за приписью дьяка Ивана Ларионова и в дозорных книгах Недея Саламыкова 105-го и 109-го годов на одиннатцать тысяч копен. Да в дозорных же книгах Деревни Каисарова 110-го году написано за ними ямщиками на Жерновном же острове сенных покосов на десять тысяч на четыреста на пятьдесят копен. И в писцовом межевом столпу писцов Семена Волынского с товарищи 156-го году // [л. 24] написано: и меж и учинены отхожим сенным покосам, что на Жерновном острове, меж их ямских и меж дворцового села Воскресенского деревни Задних Атар и починка Победилова, и те их ямские сенные покосы на Жерновном острове с верхние изголови со крестьяны розгранены. И в прошлом де во 180-м году по ложному челобитью ясашного татарина Денячка Кучеева на том Жерновном острове в их ямских лугах дано на розчиску на верхней изголови, подле Соляные волошки, осокорнику и тальнику на тритцать копен, буде от кого спору и челобитья не будет и ни за кем не в дачах. И в прошлых де годех по их ямскому челобитью и по грамоте велено те сенные покосы отдать им по крепостям по прежнему, а ему, Денячку, отказано. И в прошлом де во 194-м году бил челом нам великому государю казанской пришлой слобоцкой служилой татарин Московко Бекбулатов ложно о тех же их сенных покосех, назвав выморочными, и, не справясь з делом, отданы ему, Московку. А после Денячки остались два сына, живут на ясаке. А спору их и челобитья о тех сенных покосех не бывало. И в прошлом де во 199-м году по приговору боярина нашего и воевод, Петра Аврамовича Лопухина с товарищи, те их сенные покосы по сыску и по крепостям отданы им ямщиком по прежнему, а ему, Московке, отказано. И со всего подлинного дела на те вышеписанные сенные покосы //

[л. 25] дана им ямщикам владеная выпись. А те урочища в их ямских писцовых межах и гранях Семена Волынского. И в прошлом де, в 204-м году бил челом нам великому государю он же, Московко. А в челобитье своем написал, будто боярин наш и воеводы Петр Аврамович Лопухин с товарищи те их старинные сенные покосы отдал им ямщиком не против нашего великого государя указу и грамоты и боярских приговоров и владеные выписи, мимо прежних писцовых книг. А по ложному ево, Московкову, нынешнему челобитых прислана в Казань наша великого государя грамота, велено владеть на Жерновном острове сенными покосы, которыми владел Денячко Кучеев, ему, Московку, по даче и по отказным книгам Ивана Нармацкого 194-го году, а им ямщиком от тех сенных покосов отказать. Да в той же де грамоте написацо, будто том и вина, что они будто за делом не ходили болыди трех месяцев, и за такую де неходьбу велено винить. А им ямщикам и бить челом не (к чем потому, во 195-м году августа в 18 день по приговору окольничего и Цюевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи 109-го и 110-го годов и по писцовым книгам Семена Волынского 156-го году они ямщики оправлены потому, что в тех урочищах, кроме ямских охотников, татаром и иным никому не написано. А во 196-м году сентября в 17 день и другой ево окольничего и иоевод Ивана Федоровича приговор тем сенным покосам: по дозорным книгам и по межеванью Семена Волынского и по досмотру // [л. 26] и по чертежу и по прежней помете велено быть за ними, ямщиками, а ему, Московку, отказано потому, что про те сенные покосы сыскivano и по сыску и по осмотру объявились в их ямских межах и гранях. И после того при боярине Крилем и воеводах при Петре Аврамовиче Лопухине они ямщики оправлены и выпись правая им дана, а ему, Московке, отказано же. Да по ево де Московкову челобитью в Казани по выписи правят на них ямщиках, проестей ево, Московковых, и волокит за десять лет и за пять месяцев и за шеснатцать дней семьсот шестьдесят три рубли дватцать алтын без суда и без очные ставки. И от ево, Московкова, ложного многого челобитья они ямщики безвинно изувечены и обезчещены и одолжали многими долгами и да конца розорились. И нам великому государю пожаловати бы их, не велеть тех их старинных сенных покосов у них ямщиков безвинно отнять и ему, Московке, напрасно отдать, а велети бы по прежним крепостям и по писцовым книгам окольничего Микиты Васильевича Борисова да Дмитрея Кикина 74-го и 75-го и 76-го годов и по дозорным книгам Недея Саламыкова и Деревни Кайсарова 105-го и 109-го и 110-го годов и по писцовым межевым книгам Семена Волынского с товарищи 156-го году тем сенным покосам быть за ними ямщиками по прежним крепостям, и проести и волокиты не велети бы на них напрасно править. А у них слобочких татар сенные же покосы, кроме их дач, на том же Жерновном острове у нижней изголови, а меж их ямскими и их татарскими // [л. 27] сенными покосы на том Жерновном острове сенные покосы дворцового села Воскресенского деревни Задних Атар да починка Победилова. И чтоб им от того ево, Московкова, напрасного челобитья и от напрасного правезу проести и волокиты вконец не разоритца и нашей великого государя ямской службы не отбыть.

Да бил челом нам великому государю казанской слобочкой служилой татарин Московко Бекбулатов. В прошлом де в 204-м году бил челом нам великому государю

он, Московко, о повороте тех же сенных покосов, которые даны ему после татарина Денячка Кучеева на Жерновном острове, на Москве в Приказе Казанского дворца на ту их ямских охотников неправую выпись, которую им ямским охотником дал боярин наш и воевода Петр Аврамович Лопухин, и подал челобитную. И того же де 204-го году марта в 5 день по нашему великого государя указу и по приговору бояр наших князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи послана наша великого государя грамота в Казань к тебе ближнему стольнику нашему и воеводам, велено теми сенными покосы на Жерновном острове владеть ему, Московке, по прежнему нашему великого государя указу и по боярским приговором и по данным и по отказным книгам Ивана Нармацкого. А им ямским охотником от тех покосов велено отказать потому, что розчисные сенные покосы даны слободному служилому татарину Денячку Кучееву во 180-м году и розчистил де // [л. 28] те сенные покосы, осокорник и тальник, он, Денячко. И после де ево, Денячки, даны ему, Московку. А их де ямских охотников челобитье было во 188-м году, а со 189-го году по 194-и год челобитья от них ямщиков не бывало и за выпискою многое время не ходили. А в нашем де великого государя указе 191-го году написано: мордовских и черемиских оброчных и ясачных и покидных татарских земель и сенных покосов в поместье руским людям давать не велено. А те де покосы даны Денячку Кучееву до того указу. И в 204-м же году апреля в 25 день по нашему великого государя указу и по грамоте в Казани на те сенные покосы дана ему, Московке, владеная выпись за дьячьєю приписью. И в прошлом же в 204-м году бил челом нам великому государю он, Московко, на них ямских охотников, в Казани, чтоб на них ямщиках за их многое ложное затейное составное спорное многое челобитье, за ево многую волокиту и с убытки на прошлые годы и месяцы и дни против нашего великого государя указу и уложенья доправить ему, Московке, проесть и волокиту и убытки. И по нашему де великого государя указу и по Уложенью на них ямских охотниках проесть ево и волокиту и убытки велено доправить, и на правез выпись на них ямщиков дана. И они де ямские охотники на правез поручные записи // [л. 29] по себе не збирают, хотя у него от той ево проес-ти и волокиты отбыть, изубытчить и изволочить. И ныне де они же ямские охотники, староста Пашка Иванов с товарищи, сверх наших великого государя указов и боярских приговоров бьют челом нам великому государю на Москве в Приказе Казанского дворца о тех же ево вышеписанных сенных покосех. И в ложном составном своем челобитье пишут себе во оправдание неправую выпись, которую им дал на те ево сенные покосы сверх указов и данных выписей в Казани боярин наш и воевода Петр Аврамович Лопухин, не хотя против нашего великого государя указу и Уложенья за ложное составное за многое спорное свое челобитье проести ево и волокиты ему, Московке, платить. И нам великому государю пожаловати бы ево, Московку, не велеть их казанских ямских охотников ложному челобитью поверить и наших великого государя указов и боярских приговоров и данных ево владеных выписей нарушить и им обрасца учинить, а велети бы на них ямских охотниках, на прежних и на нынешнем старосте Пашке Иванове с товарищи, по тому вершеному делу за ложное и за затейное составное за многое спорное их челобитье, а ево от них разоренье и убытки, на те вышеписанные годы и месяцы и числа и дни по нашему великого государя указу

// [л. 30] и по Уложению проесть ево и волокиту доправить на них ямских охотниках на Москве в Приказе Казанского дворца потому, что они ямщики, староста Пашка Иванов с товарищи, в нынешнем своем челобитье написали, что де в Казани проесть ево и волокиту на них править велено.

И в нынешнем в 205-м ноября в 24 день по нашему великого государя указу бояря наши, князь Борис Алексеевич Голицын с товарищи, слушав того дела и выписей, каковы положили в Приказе Казанского дворца, приговорили по казанским дозорным книгам 109-го и 110-го годов и по межеванью писца Семена Вольнского 156-го году и по очной ставке, что была во 189-м году, и по приговору окольного и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи 195-го августа 18-го числа и по досмотру подьячего Логина Комарихина и по розыску и по скаскам сторонних людей и по ево же окольного и воевод Ивана Федоровича другому приговору 196-го сентября 17-го числа и по розыску же Дмитрея Воеводина да подьячего Ивана Опалева 199-го году и по скаскам многих сторонних людей и по приговору боярина и воевод Петра Аврамовича Лопухина 199-го генваря 24-го числа санными покосы на Жерновном острове, и что в ямских межах и гранях тальник и осокорник росчищал слобочкой татарин Денячко Кучеев, владеть им ямским охотником Пашке Иванову с товарищи по прежнему. А дачю того слобочкого татарина // [л. 31] Денячка 180-го году и что после ево, Денячка, о тех же санных покосех бил челом слобочкой же татарин Московко во 194-м году отставить потому, как тот татарин Денячко во 180-м году бил челом о росчиске санных покосов и по ево челобитью помечено ему дать, буде ни за кем не в даче же и спору ни от кого не будет, и по той помете сыску и отказу ему не было и то ево челобитье во 188-м году казанские ямские охотники спорили, и была у них о тех санных покосех очная ставка. А на очной ставке тот татарин Денячка сказал имянно: и те де санные покосы росчищал он в межах ямских охотников, а из ли ямские, того он не ведает. И по той очной ставке те санные покосы и без розыску явились ямские в их межах и гранях. А Московко Бекбулатов о тех санных покосех Денячкиных бил челом в 194-м году, // [л. 32] будто лежат порозжи. А спор ямских охотников и грамоту брата нашего государева, блаженные памяти великого государя, 188-го году по их ямских охотников челобитью, по которой велено розыскать и очную ставку в челобитье своем утаил. И по тому ево челобитью те ж санные покосы ему, Московку, были даны и отказаны и то ево челобитье и дачю и отказные книги 194-го году и даную и владеную выписи, каковы ему были даны с той дачи в Казани, приговорили отставить для того, что и прежнему челобитчику Денячку // [л. 33] подлинной дачи не было. А по очной ставке и по розыску явились подлинно, что те санные покосы в межах у ямщиков и то ево, Московково, челобитье ямщики спорили же, и по спорному их челобитью во 195-м году по двум приговором окольного и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи теми санными покосы по вышеписанным крепостям и по розыску и по досмотру велено владеть ямским охотником, а татарину Московку от тех санных покосов отказано же. А что во 196-м году июня в 13 день в приговоре ево ж окольного и воевод Ивана Федоровича Бутурлина с товарищи написано, велено теми санными покосы на Жерновном острове владеть служилому татарину Московке Бекбулатову,

а ямским охотником в тех сенных покосах отказать потому, что де те сенные покосы росчищал служилой татарин Денячка Кучеев, где был осокорник и тальник. А в писцовых делех Семена Волинского написано: выложено на леса и на озера сорок шесть десятин. А емщиком сенные покосы написаны, oprичь того, на чистых местех меж пашенных лесов и озер и водяные поймы. И тот приговор отставить для того, что те сенные покосы и по писцовым книгам и по очной ставке и по досмотру и по розыску явились ямские. И тот приговор написан, знатно, без ведомо ево окольникового и воеводы или после ево // [л. 34] смерти, как он умре в Казани, потому что наперед того ево ж окольникового и воеводы Ивана Федоровича два приговора теми сенными покосы велено владеть ямщиком, а татарину отказать. Да и для того во 197-м году по челобитью ямских охотников и по нашей великого государя грамоте велено про тое землю розыскать вновь и досмотрить.

И про тое землю ис Казани розыскивано. И во 197-м году по приговору боярина нашего и воевод Петра Аврамовича Лопухина с товарищи по писцовым книгам и по тому розыску и по досмотру и по чертежу велено тем сенным покосам быть за ними ямскими охотники, а татарину Московку велено отказать же, и теми сенными покосы владеть ему не велено же. А что в 204-м году марта в 5 день в Приказе Казанского дворца явился приговор бояр наших князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи, теми сенными покосы владеть велено татарину Московку Бекбулатову по прежнему. И тот приговор дьяк Семен Струков закрепил и грамоту отпустил без ведомо бояр наших князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи. А тому татарину тех сенных покосов в межах ямских охотников дать не довелось. И тое ево Семенову помету и казанские // [л. 35] данные и выписи, которые даны татарину, все отставить. И впредь у них челобитен не принимать и не розыскивать для того, что по Уложению и по Новоуказным статьям татаром русских людей земель давать не велено. А татарин бил челом и в очной ставке сказал, что те сенные покосы в межах ямских охотников. Да и впредь мурзам и татаром блиско города Казани таких земель и сенных покосов и всяких угоден русских всяких чинов людей вновь не давать, а давать, где приишут мурзинские же и татарские земли и не блиско города. А буде в Казани в Приказной полате по челобитью того ж татарина Московка Бекбулатова велено на них ямских охотниках доправить проесть и волокита, и тое проести и волокиты по тому же на них править не велеть. И с сего со всего дела ямщиком дать нашу великого государя правую грамоту за вислою печатью. А буде о тех сенных покосех на них ямщиков впредь присланы будут по татарскому челобитью наши великого государя грамоты, и по тем по грамотам ничего делать не велеть, а описыватца в Приказ Казанского дворца.

И как к Вам // [л. 36] ся наша великого государя грамота придет, и ты бы ближней наш стольник и воеводы Михаило Григорьевич с товарищи учинили по сему нашему великого государя указу и по приговору бояр наших князя Бориса Алексеевича Голицына с товарищи нынешняго 205-го году ноября 24-го числа, как писано в сей нашей великого государя грамоте выше сего, и велели теми сенными покосы владеть ямским охотником Пашке Иванову с товарищи по прежнему, а татарину Московку Бекбулатову теми сенными покосы владеть и проестей и волокит править не велели.

А прочет сю нашу великого государя правую грамоту и списав с нее список, велели оставить в Приказной полате. А подлинную сю нашу великого государя грамоту велели отдать ямщиком Пашке Иванову с товарищи.

Писана на Москве, лета 7205-го, декабря в 16 день.

Справил Сенка Коптяев.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «Писана на Москве, лета 7205-го...» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 3/4.

№ 60

Владеная выпись на д. Шемерденевская, Ортем то ж, по Алатской дороге, данная воеводой окольных князем П.Л.Львовым «с товарищи» М.Б.Яушеву и его сыну Семенею

13 декабря 1697 г.

Лета 7206-го декабря в 13 день.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца окольных(й) и воеводы князь Петр Лукич Лвов с товарищи дали выпись Мустафе мурзе Богданову сыну княж Яушову и сыну ево Семенею на прописные поместные чети, которые в здаточной выписке отца ево, Мустафина, Богдана Исенеева княж Яушова, как он, Богдан, здал ему, Мустафе, и сыну ево поместья свои и вотчины были прописаны.

Для того в нынешнем в 206-м году, декабря в 13 день, бил челом великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Мустафа мурза Богданов сын княж Яушов с сыном своим Семенею. В прошломде 205-м году справлены за ним, Мустафою, и засыном ево з дачи отца ево, Мустафина, Богдана мурзы Исенеева сына княж Яушова прописные поместные чети, которые в здаточной выписке отца ево, как отец ево здал ему и сыну ево поместья и вотчины были прописаны, в Казанском уезде по Алацкой дороге в пустоши Шемерденевской, Ортем то ж, старой дачи четыре чети да против писцовых полевых книг Семена Волынского с товарищи примерные земли сорок четыре чети с осьминою и с полполтретником в поле, а в дву по тому же, к прежним их поместным и вотчинным дачам. А выписи им на те прописные поместные дачи не дано. И великий государь пожаловал бы ево, велел на те прописные поместные чети дать ему выпись.

И на челобитной помета Ивана Осипова: «206го декабря в 13 день. Буде справлено, дать выпись по указу».

И в прошлом 205-м году били челом великому государю Мустафа мурза Богданов сын да Семеней мурза Мустафин сын княж Яушovy. По указуде великого государя и по здаточной челобитной и по допросу отца ево, Мустафина, и Семенеева деда – Богдана

мурзы Исенеева сына княж Яушова, вотчины ево и поместья в Казанском уезде справлены за ними. А в здаточной де выписке прописано поместья в Казанском уезде по Алацкой дороге в пустоши Шемерденевской, Ортем то ж, старой дачи четыре чети да против писцовых полевых книг Семена Волынского с товарищи примерные земли в той же пустоши сорок четыре чети с осьминою и полполтретником в поле, а в дву по тому ж. И теде прописные чети за ними не справлены. И великий государь пожаловал бы их, велел те прописные четверти и с примерною землею справить за ними к прежним их дачам.

И на челобитной помета дьяка Павла Мухина: «Велено выписать».

И против того их челобитья в выписке написано: «Во 130-м году дано Исенею мурзе Семенееву выморочное Тохтаровское поместье Тохтамышева в пустоши Шемерденевской девять чети бес полуосмины в поле, а в дву по тому ж; сена по дуброве и по речке Ортем триста копен. А в писцовых дворовых книгах писцов Семена Волынского с товарищи со 156-го по 164-и год написано по Алацкой дороге за Богданом Исенеевым сыном Яушовым в поместье деревня, что была пустошь Шемерденевская, Ортем то ж. А два жеребья той деревни за служилым татаринном за Уразмаметком Тлеушовым в поместье. А на Богданов жеребей: двор помещиков, во дворе чювашенин Ураско Семенов, у него зять Уразаико; пашни паханые, добрые земли пять чети да перелогу три чети да лесом поросло четверть бес полуосмины в поле, а в дву по тому. Сена по его скаске по дуброве и по речке Ортем триста копен. Всего за ним, Богданом, пашни девять чети бес полуосмины. А на два жеребья за служилым татаринном за Уразмаметком семнатцать чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. А по писцовым полевым книгам тех же писцов 161-го году за их писцовыми руками написано за Богданом мурзою Исенеевым сыном Яушова да за служилым татаринном за Уразмаметком Уразлиным сыном Тлеушовым деревня, что была пустошь Шемерденевская, Ортем то ж, восемь длинников, десять поперечников, итого восемьдесят десятин в поле, а в дву по тому ж. А четвертьми иметца сто шестьдесят чети в поле, а в дву по тому ж. И на Богданов жеребей Яушова пятьдесят три чети с третником в поле, а в дву по тому ж. И сверх прежней дачи за Богданом мурзою примерной земли сорок четыре чети с осьминою и с полполтретником в поле, а в дву по тому ж.

И в прошлом 204-м году ноября в 22 день по челобитью Богдана мурзы Исенеева сына княж Яушова и по допросу ево, Богданову, в пустоши Шемерденевской, Ортем то ж, пашни на пять чети бес полуосьмины в поле, а в дву по тому ж; сена на триста копен справлено за сыном ево Мустафою да за внуком ево за Исенеем.

И против писцовых полевых книг в выписке о здаче поместей и вотчин прописано за ним Богданом в пустоши Шемерденевской, Ортем то ж, старой дачи четыре чети да примерной земли сорок четыре чети с осьминою и с полполтретником. Всего старой дачи и с примерною землею сорок восемь чети с осминою и с полполтретником в поле, а в дву по тому ж.

И в 205м году октября в 21 день по приговору ближнего стольника и воевод Михаила Григорьевича Нарышкина с товарищи велено прописные чети и с примерною землею справить за Богдановым сыном княж Яушовым – за Мустафою мурзою – и за внуком ево Семенеем к прежним их дачам. И те прописные чети и с примерною землею за Мустафою мурзою и за сыном ево Семенеем княж Яушовыми справлены. И по указу

великого государя дана ся выпись Мустафе мурзе Богданову сыну княж Яушову и сыну ево Семенею на прописные вышеписанные поместные чети впредь для владенья.

Источник: частный архив И.Галеева, л. 1-5, подлинник.

№ 61

Поступная любовная запись казанцев Б.И. и В.И.Бедаревых, данная А.Г.Нагирину на крестьянку Катерину Ульянову дочь Романову с детьми, отданную вместо беглого крестьянина Кузьмы Васильева, проживавшего в бегах за Бедаревыми

28 марта 1698 г.

Се аз, Богдан да Володимер Ивановы дети Бедарева, казанцы, дали есми на себя сию запись в Казани казанцу Афонасью Григорьеву сыну Нагирину в том. В прошлых годех жил за отцом нашим и за нами, Богданом и Володимером, в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Венете во крестьянех беглой ево, Афонасьев, старинной дворовой человек Мурамского уезду деревни Елхина Коземка Васильев з женою и з детьми и з животы. И, живучи за нами, из-за нас бежал из деревни Венеты и учинился безвесно. И он, Афонасей Нагирин, хотел бить челом великому государю на нас, Богдана и Володимера, о том своем беглом человеке, о Куземке Васильеве, и о жене ево и о детях и о животах и о зажилых деньгах. И мы, Богдан и Володимер, не дожидаяся от него, Афонасья, великому государю челобитья, поговоря с ним, поступились ему, Афонасью, вместо того ево беглова человека, Коземки Васильева, и жены ево и детей и за животы и за жилые деньги старинного своего крестьянина Казанского уезду, Зюрейские дороги, помесные деревни Венеты Васьки Романова жену ево, вдову Катеринку Ульянову дочь, з детьми, с сыновьями с Якимкою да с Егоркою Васильевыми детьми, з женами их и з детьми и с их крестьянскими животы и з зажилыми деньгами в бегах. А где он, Афонасей, их сыщет в бегах и во крестьянстве в чем учинитца спор, и нам, Богдану и Володимеру, на тое крестьянку Катеринку и на детей ея г делу приносить крепости. А великого государя подати всякие на нем, Афонасье, не спрашивать, а платить нам, Богдану и Володимеру, и во всем против сего вышеписанного против сей записи очищать, хто станет вступатца за тое вдову Катеринку и за детей ея, за Екимка и за Егорка, и за жен их и за детей. А буде против сего вышеписанного по сей записе очищать // [л. 2] не станем или в чем против сего вышеписанного не устоим, и ему, Афонасью, и жене ево и детям и родственником ево взять на нас, на Богдане и Володимере, и на женах наших и на детях против указу великого государя и Уложенья за весные головы и протори и убытки да за неустойку сто рублей денег. А ся запись и впредь в запись. У сей записи послуши: казанские площади подьячие Кандратей Чернов, Иван Степанов, Павел Палмин, Александр Андреев. Запись писал тое ж площади подьячей Стенька Минин. Лета 7206-го марта в 28 день. На обороте: Справил Ивашко Опалев. К сей записи вместо Богдана Бидарева по его веленью Степан Дубицкой руку приложил. К сей записи Володимер Бедарев руку

приложил. Послух Кандрашка руку приложил. Послух Ивашко руку приложил. Послух Пашка руку приложил. Послух Алексашко руку приложил

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед. хр. 589.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 62

Выпись из книг Посольского приказа, данная служилому татарину М.Аппакову для подтверждения факта его женитьбы на крымской татарке К.Ирмухамметевой с приложенными к ней текстами челобитных

22 апреля 1699 г.

Текст челобитной и записи о допросе Кинтейки от 21 марта 1699 г.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу бьет челом бедная и беспомошная и беззащитная раба твоя Кентейка Ирмухамметева дочь. [В прошлом де во 204-м] году взяли меня рабу твою в полон [запорожские казаки и привезли] к Москве. И на Москве отдана была [я раба твоя стольнику Алексан]дру Ивановичю Милославско[му. И] уведав про меня рабу твою брат [мой родной, что я] здесь на Москве, и, купя на свои [пожитки полоненику московского стрелца], и привез к тебе великому государю [на обмену мне]. И против челобитья московского стрельца Александра Иванова я раба твоя [в Москве сыскана] и приведена в Посольской приказ. И из [Посольского приказу] я раба твоя за того стрельца [освобожена на волю и отдана бы]ла // тому брату моему Курманалейку. И [велено было мне жить на] Москве в Татарской слободе на дворе [Посольского приказу у переводчика] у Сулеймана мурзы Танкачеева з бра[том моим до твоего великого] государя указу. И в прошлом же, государь, в 205-м году, волею Божию, на Москве умре [брат мой Курманалейка], а я бедная [осталась одна]. Призреть, поить и кормить, одевать и обувать меня [некому]. И ныне я бедная в свою сторону, в Крым, к родстве[нником итить не хочю], а хочю жить в твоём великого государя царя [и великого князя державе].

Милосердый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Руси самодержец, пожалуй меня рабу свою вели, государь, мне бедной в твое[м великого] государя царстве жить свободно и итить мне замуж в свои вер[ы за] мюсюлманина же, которые тебе великому государю служат в твоём великого государя царстве, за кого я, раба твоя, похочю, чтоб мне бедной з голоду не помереть и меж двор не скитатца. И вели, государь, челобитье мое записать в Посольском приказе в книги. Великий государь, смилуися. // На челобитной пом[ета Бориса] Михайлова такова: 207-го марта [в 21 день по указу великого] государя допросить, [что таковую] чел[обитную она ль] подал[а и что в той челобитной] написано, подлин[но ль о том бьет] челом.

И по сей помете [татарка Кинтейка] в Посольском приказе [допрашивана]. А в допросе сказал[а, желает де она жить вовсе на Москве, а в свою де землю в Крым и никуда] ехать не хочет. Толко у[казал великий государь] быть ей в прежн[ей их мусульманского] закона вере [и позволено б было ей итти] замуж за тат[арина же, которые] служат ему в[еликому государю в держа]ве ево государевой на М[оскве или] в городех, кого она [себе приищет] и за кого итти похочет. [И для де] того она подала за сво[ею рукою] в Посольском приказе челобит[ную]. И та челобитная писана по ее Кентейкину велению [...].

207-го апреля в 4 день. Записать се челобитье татаркино и допрос ей в книгу. И замуж мусульманской же веры за жителя Московского государства, за кого она похочет, ити ей вольно. //

Текст челобитной М. Аппакова от 9 апреля 1699 г.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой казанской слоботцкой служилой татарин Мамметка Апаков. В нынешнем, государь, во 207-м году по твоему великого государя указу, а по челобитью и по допросу в государственном Посольском приказе татарки Кинтейки Ирмухамметевой дочери велено ей Кинтейке итить замуж в мусульманской же веры за мусулманенина Московского государства в державе твоей великого государя, за кого она похочет, повольно.

И в нынешнем же, государь, в 207-м году апреля в 9 день бил челом тебе великому государю я холоп твой Мамметка да она татарка Кинтейка, чтобы мне Мамметке по твоему великого государя указу, а по ее Кинтейкину челобитью и по допросу, и по помете на том деле, и по полюбовному [челобитью] между нами мусульманского закону по зговору на ней Кинтейке женитца, а ей Кинтейке итить за меня холопа твоего замуж. И против того нашего полюбовного челобитья велено мне холопу твоему на ней Кинтейке женитьца и в волном нашем сходстве в женидьбе твой великого государя указ сказать, и челобитье наше записать.

И ныне я холоп твой по своей мусульманской вере на ней Кинтейке женился. А по чему я холоп твой на ней Кинтейке женился, от посторонних людей и от наших мусульманской веры и от сродников и иноземцов очищения – крепости мне холопу твоему из государственного Посольского приказа на нее Кинтейку не дано.

Милосердыи великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуи меня холопа своего, вели, государь, дать мне холопу твоему из государственного Посольского приказу со всего подлинного дела для очищения от сторонних людей и сродников, и иноземцов нашей мусульманской веры впредь для очищения дать выпись.

Великий государь, смилуися, пожалуи. //

Источник: РГАДА, ф. 131, ед. хр. 1.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «...желает-де она, чтоб ей жить вовсе на Москве» (штрих к судьбе полонянки-мусульманки в России XVII в.) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2006. № 1. С. 3-7.

№ 63

Выпись, данная из Посольского приказа казанскому слободскому служилому татарину М.Аппакову в связи с его женитьбой на оказавшейся в плену крымской татарке Кинтейке Ирмухамметевой дочери

22 апреля 1699 г.

Лета 7207-го апреля в 22 день по указу великого государя, а по челобитью [думной] дьяк Емельян Игнатъевич Украинцов с товарищи дали сию [выпись] казанского слободского татарина Маммета Апакова [дана ему сия выпись ис Посольского приказа] для того.

В нынешнем в 207-м году марта в 21 день била челом великому государю мусульманские веры татарка Кентейка [полонянка Кентейка Ирмухамметова [дочь]. В прошлом де во 204-м году взяли ее в полон запорожские казаки и привезли к Москве. И на Москве дана она была стольнику Александру [Ивановичу] Иванову сыну Милославскому. И в прошлом де в 205-м году, уведав про нее брат ее родной Курманалейка, что она здесь на Москве, и, купя на свой пожитки московского стрельца, и привез к Москве на розмену. И против де челобитья московского стрельца и брата ее у стольника Александра [Ивановича] Милославского она на Москве сыскана и взята, и приведена [в ваш государственной] Посольской приказ. А ис Посольского приказа она за того стрельца освобождена на волю и отдана была тому брату ее Курманалейку. И велено жить на Москве в Татарской слободе на дворе Посольского приказу у переводчика у Сулеймана мурзы Тонкачеева з братом ее до нашего великого государя указу. И в прошлом де 205-м году брат ее Курманалейка, волею Божию, на Москве умре. А она осталась одна. Призреть, поить и кормить, одевать и обувать стало [здесь] некому. [И ныне она Кинтейка]. А в свою де сторону в Крым к сродственником своим итти она не хочет. А хочет жить в Московском государстве [на Москве из доброй воли]. И чтоб великий государь пожаловал ее, велел жить на Москве свободно и итти ей замуж в своей вере за мусульманина, которые ему великому государю служат на Москве, за кого она похочет, и чтоб ей бедной з голоду не помереть и меж двор не скитатца. И о той челобитной она Кентейка в Посольском приказе допрашивана, [на челобитной ее помета дьяка Бориса Михайлова такова: 207-го марта в 21 день по указу великого государя допросить ее, она], что такову челобитную она ль подала, и что в той челобитной написано подлинно ль о том она бьет челом. [И по той помете татарка Кинтейка в Посольском приказе допрашивана].

А в допросе она сказала, желает де она, чтоб ей жить вовсе на Москве. А в свою де землю в Крым и никуда она ехать не хочет. Только б указал великий государь быть ей в прежней их мусульманского закона вере и поволено б было итти ей замуж за татарина же, которые служат ему великому государю в державе ево государевой на Москве или в городех, кого она себе приищет и за кого итти похочет. И для де того она подала за своею рукою в Посольском приказе челобитную. И та де челобитная писана по ее Кинтейкину веленью. И по указу великого государя и по помете на том ее допросе дьяка Бориса Михайлова [207-го году апреля в 4 день] велено то ее челобитье и допрос записать в

Посольском приказе [се челобитье татаркино и допрос ее] в книгу и замуж мусульманской же веры за жителя Московского государства, за кого она похочет, итти волно.

И апреля в 9 день били челом великому государю она ж Кинтейка да вышеписанной казанской слоботцкой татарин Мамметка Апаков [да татарка Кинтейка Ирмухаметова]. В прошлом де в 204-м году по взятю запорожских казаков взята она в полон ис Крыма и привезена к Москве. И в прошлом же де в 205-м году брат ее Курманалейка привез ис Крыму к Москве полоняника московского стрельца на обмену ей. И по его великого государя указу за того московского стрельца из государственного Посольского приказу она слобожена. Итить в Крым к сродником своим не похотя, била челом великому государю в государском Посольском приказе, чтоб ей жить на Москве. И позволено б было итить ей замуж в своей же вере за мусульманина, которые служат ему великому государю в державе ево государевой на Москве и в городех. И [велено б было] и о том она в Посольском приказе против челобитья допрошена и допросные ее речи записаны, что де она Кинтейка зговорила замуж в своей же мусульманской вере за него [за казанского служилого татарина] Мамметка Апакова. И он, Маммет, ее Кинтейку [хочет] взять в жены за себя хочет. А его де великого государя указу и без отпускные ис Посольского приказу на ней Кинтейке он Манмет женитца не смеет. И чтоб великий государь пожаловал ево, велел с прежняго ее Кинтейкина челобитья и з допросу, и со всего дела для ведома впредь дать выпись и пово[лено] б было ему на ней женитца [на ней Кинтейке женитца. А ей Кинтейке замуж за него. И о том дать ис Посольского приказу им для женидьбы отпускную за дьячьєю приписью. На челобитной их помета дьяка Бориса Михаилова 207-го апреля в 9 день взять [по указу великого государя сказан им его великого государя указ] к делу и записать в книгу. А в вольном их сходстве женитьбы его государев указ им [каков состоялся]. А тот его государев указ состоялся напредь сего. Да апреля ж в 20 день бил челом великому государю тот же казанской служилой слоботской татарин Мамметка Апаков. В нынешнем 207 году по его великого государя указу, а по челобитью и допросу в государственном Посольском приказе татарки Кинтейки Иммухамметевой дочери велено ей Кентейке итить замуж в мусульманской же веры за татарина, за кого она похочет, поволно. И в нынешнем де в 207-м году] апреля в 9 день великому государю он Мамметка да она татарка Кинтейка, чтоб ему Мамметке по его великого государя указу, а по ее челобитью и по допросу, и по помете на том деле и полюбовному междо ими мусульманскаго закона по зговору на ней Кентейке женитца, а ей Кинтейке итить за него замуж. И против того их полюбовного челобитья велено ему на ней Кинтейке женитца и в вольном их сходстве в женидьбе его великого государя указ сказать, и челобитье их записать, чтоб им де от по своей мусульманской вере на ней Кинтейке женится. А по чему он на ней Кинтейке женился, от посторонних людей и от их мусульманской веры и от сродников иноземцов очистки никакой ис Посольского приказу ему не дано [очищения и крепостей ему Мамметке] на нее Кинтейку ис Посольского приказу не дано. И чтоб великий государь пожаловал, велел дать ему из Посольского приказу со всего подлинного дела впредь для очищенья от сторонних людей и сродников иноземцов дать выпись.

И по указу великого государя и по помете на той ево челобитной дьяка Бориса Михаилова ся выпись ему Мамметке ис Посольского приказу дана. И впредь для ведома ему дана с прежняго той татарки Кентейки челобитья и з допросных ее речей и с их

общаго добровольной женитьбе дана, что он Мамметко на ней Кинтейке женился, а она Кинтейка за него вышла добровольно, челобитья дана впредь для ведома по помете на челобитной дьяка Бориса Михайлова. За приписью дьяка Бориса Михайлова.

Источник: РГАДА, ф. 131, ед. хр. 1.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «...желает-де она, чтоб ей жить вовсе на Москве» (штрих к судьбе полонянки-мусульманки в России XVII в.) // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2006. № 1. С. 3-7.

№ 64

Явочная челобитная И.Г.Нагирина о похищении лошадей

19 июля 1700 г.

Бьет челом холоп твой Ивашко Нагирин. В нынешнем, государь, 1700-м году июля по тив вос 8 числа в ночи украли у меня, холопа твоего, в Казани з городского моего двора воры пять лошадей: мерин чубарь да мерин гнед, мерин голуб, мерин в рыжебур, мерин булан белоног, на передней ноге, на левой лопатке бело. Да в то ж число с теми моими покраденными лошедьми украли лошедь же, мерина, Богдана Бидарева. Июля, государь, в 9-м числе тех моих покраденых лошадей, мерин чубарей, объявился Казанского Спаскаго Преображенского монастыря в вотчине, в селе Вознесенском, у конного ночного пастуха, // [об.] у Микитки, чей сын не знаю. И того моего чубарого мерина отдал мне того Спаскаго монастыря посельской старец, села Вознесенского монах Сергей. А четырех моих меринов и Богданова мерина Бидарева не сыскались.

А цена тем моим меринам 23 рубля. Милосердый великий государь, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое и явку зяписать.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3188.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 65

Письмо Ф.Борисова И.Г.Нагирину (?) с изложением примет его беглых крестьян

Вторая половина XVII в.

Роспись Федоровым людям Борисова. Бежали в прошлых годех и жили в Казанском уезде, в селе Чепчугах, Сенька да Мосяшка да Мишка Федоровы дети, родные братья.

Сенька ростом средней, скуловат, шадроват, маленька криворот, глаза серы. Мосяшка ростом средней же, скуловат, боротка и ус белее Сеньки, коряковат станом. Мишка ростом с таков же, лицом и волосом и глазами побелее. Бежали ис Чемчугов после отдачи в том году, как на приказе сидел Яков Чертов.

Да Федоровы же люди Борисова бежали тому третьей год три же брата родные, родиную поляки, Борискою да Глебко да Тимошка. Бориско ростом средней, лицом на бороду сошел, глаза серы. Глебко ростом меньши ево, плоек, глаза серы же. Тимошка, меньшей брат, високоват, тонок лицом, рус, глаза серы же, шьет сапожное. Преже жили на Майне за полковницею и после того на Челнах. И после того про них был слух от Волотцкова, что был на приказе в Мензелинском: пришли де из Мурома люди, три брата, один де сапожное делает, с отпускною за рукою Гарасима Борисова и записались де они в службу, а родная их сестра была за Мосяшкою Федоровым замужем. Что ис Чемчугов бежали, пожаловать государю, моему приятелю Ивану Григорьевичу, учинить заошную свою милость, поматовать за любовь Христову и приятцкую. Фетька Борисов, пав на землю, рабски челом бью. А есть ли тебе, государь, что понадобится из них, и я ис твоево // (об.) слова не выступлю. А порукою по мне в том слове Христос.

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3054.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 66

Указ царя Петра Алексеевича из Приказа Казанского дворца И.Г.Нагирину о необходимости заготовки хлеба

14 марта 1702 г.

Лета от рожества Христова 1702-го марта в 12 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Ивану Григорьевичю Нагирину. Марта в 11 день писал ты в Казань к стольнику и воеводе к Никите Алферьевичю Кудрявцову с товарищи. Велено де тебе ржаную муку, которая смолота, послать из Рыбной слободы в Лаишево и класть в анбары, и в Лаишеве де анбары не годятца. И как к тебе сей великого государя указ придет, и тебе б велеть класть тотчас. А буде хлеб не сложен, и тебе быть у того хлеба до тех мест, как тот хлеб сложишь. Диак Андрей Молчанов. На обороте: Справил Андрюшка Степанов.

Источник: ОРРК НБЛ, ед.хр. 3196.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 67

**Расписка в получении в казну от И.Г.Нагирина
«пчельных и мечетных денег» за 1704 год**

10 декабря 1704 г.

1704-го декабря в 10 день. Взято великого государя в казну у Ивана Григорьева сына Нагирина по переписным ево книгам достальных наличных пчельных и мечетных денег ныняшнего, 1704-го году, дватцать два алтына две деньги. И те деньги принял и в приход записал Алексей Иванов. Справил Алексей Иванов.

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2900.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 68

**Поступная запись на крепостных крестьян, данная А.Г.Нагириным
своему брату И.Г.Нагирину**

30 июля 1705 г.

Лета от рожества Христова 1705-го июля в 30 день. Казанец Афонасей Григорьев сын Нагирин дал сию запись в Казани брату своему Ивану Григорьеву сыну Нагирину в том. Ныняшняго 705-го году июля в 30 день поступился я, Афонасей, ему, брату своему Ивану, по родству крепостных своих: крестьянских детей Кандратя Гаврилова сына з женою ево, Матроною, да с сыном Лукояном и с племянники ево, с Наумом, с Кирсантьем Васильевыми детьми и з женами их, да брата их, Ивана Васильева сына, прозвище Гусевых, да крестьянских же детей Якима Васильева з женою да с сыном ево Петром, да брата ево, Якимова, Егора Васильева з женою да с сыном ево Афонасьем и с их крестьянскими животы. А крепки мне, Афонасью, те вышеписанные крестьянские дети по зделочным поступным записям Ивана Бедарева и детей ево, Богдана да Володимера Бедаревых. И те крепости я, Афонасей, отдал ему, Ивану, впредь для владенья и очиски.

У сей записи свидетели: синбиренин Дмитрий Осорьин, казанец Иван Дерябин, казанские приказные полаты подьячей Емельян Иванов. Запись писал казанских Крепостных дел подьячей Василей Истомин. На обороте: В Приказной полате перед стольником и воеводою перед Никитою Олферьевичем Кудрявцовым с товарищи Афонасей Нагирин в допросе сказал, такову поступную запись на крестьянских детей з женами их и з детьми брату своему, Ивану Нагирину, дал. К сей поступной записи вместо Офонасья Нагирина, что он брату своему, Ивану Нагирину, крестьянских детей з женами и з детьми поступился по родству, по ево веленью Иван Андреев сын Аристов

руку приложил. У сей поступной записи синбиренин Дмитрий Осорьин в свидетельстве был и руку приложил. У сей поступной записи казанец Иван Дерябин во свидетельстве был и руку приложил. У сей поступной записи Приказные полаты подъячей Емельян Иванов руку приложил в свидетельстве.

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед.хр. 3193.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 69

Меновная запись об обмене поместьями, данная казанцем И.Ф.Шумковым И.Г.Нагирину

30 октября 1705 г.

Лета от рожества Христова 1705-го октября в 30 день. Казанец Иван Федоров сын Шумков дал сию запись в Казани казанцу Ивану Григорьеву сыну Нагирину в том. В нынешнем тысеча семьсот пятом году променил я, Иван Шумков, ему, Ивану Нагирину, поместную свою землю в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Венете дватцать две четверти в поле, а в дву по тому ж, с лесы и санными покосы и со всеми угоды и с усадебною землею, без крестьян, а у него, Ивана Нагирина, выменил я, Иван Шумков, помесные ево земли в Казанском же уезде по Зюрейской дороге в пустоши Кучюкаве, Янабекове полянке по конец поль на четверик без лесу и без санных покосов, и безо всяких угоден, и без усадебной земли, а за переходные четверти взял я, Иван Шумков, у него, Ивана Нагирина, денег десять рублей. И о росписке тое вышеписанные меновные земли принести мне, Ивану Шумкову, челобитную за рукою своею в Казани в Приказную полату и к допросу стать. И у допросу ничем не спорить, и рука к допросу приложить и росписатца в нынешнем же тысеча семьсот пятом году в ноябре месяце. И, росписався, впредь мне, Ивану, и жене моей и детям и родственником моим о повороте той вышеписанной променной земли великому государю не бить челом. А буде кто из нас, не росписався, умрет, и после меня, Ивана Шумкова, росписать с ним, Иваном Нагириным, или з женою и з детьми и с родственники жене моей, Ивана Шумкова, и детям моим. А буде кто в тое мою помесную променную землю станет вступатца, и мне, Ивану Шумкову и жене моей и детям ево, Ивана Нагирина, и жену ево и детей и родственников ево очищать, протору и убытков не довести. Или буде я, Иван Шумков, и жена моя и дети о повороте тое своей помесные меновные земли стану бить челом или о росписке челобитные за рукою в нынешнем году в ноябре месяце не принесу и руки к допросу не приложу или против сей записи в чем не устою, и ему, Ивану Нагирину, и жене ево и детям и родственником ево взять на мне, Иване Шумкове, и на жене моей и на детях по сей записи неустойки: денег сорок рублей и протори и убытки, что ему учинятца.

А ся запись и впредь в запись.

У сей записи свидетели: казанцы Дмитрий Иванов сын Сьянов, Иван Зузин, Иван Нармацкой.

Запись писал казанских Крепостных дел подьячей Федор Андреев. На обороте: Дьяк Иван Осипов. Смотрил Григорей Киприанов. К сей записи Иван Федоров сын Шумков, что я Ивану Григорьеву сыну Нагирину помесную свою землю, дватцать две четверти в поле, а в дву по тому ж, с лесы и санными покосы и с усадебною землею и со всеми угодьи, бес крестьян на ево, Иванову, помесную землю на четверик по конец поль променил. И за перехожие четверти у него, Ивана Нагирина, денег десять рублей взял и руку приложил. К сей записи казанец Иван Зузин свидетелем был и руку приложил. У сей записи казанец Иван Нармацкой свидетелем был и руку приложил.

Источник: ОРРК НБЛ, ед.хр. 3187.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 70

Поступная запись о передаче казанцем И.Ф.Шумковым И.Г.Нагирину крепостного крестьянина Ивана Абрамова с семьей вместо беглого крестьянина Мокея Кузьмина.

12 ноября 1705 г.

Лета от рожества Христова 1705-го ноября в 12 день. Казанец Иван Федоров сын Шумков дал сию запись в Казани казанцу Ивану Григорьеву сыну Нагирину в том. В прошлых годех жил за мною, Иваном Шумковым, в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Уланове во крестьянех беглой ево, Иванов, крестьянин Нагирина Казанского уезду, Зюрейские дороги, деревни Венеты Мокей Кузьмин з женою и з детьми и крестьянскими животы и, пожив, из-за меня бежал же. И я, Иван Шумков, не дожидаясь от него, Ивана Нагирина, о том на себя великому государю челобитья, по договору с ним, Иваном Нагириным, поступился я, Иван Шумков, ему, Ивану Нагирину, вместо того ево беглова крестьянина Мокея Козьмина и жены ево и детей и их крестьянских животов и за пожилые деньги своего крепостного помесного крестьянина тое же деревни Венеты Ивана Абрамова з женою ево, Федосьею Гавриловою дочерью, да з дочерью ево девкою Ненилою и с ево крестьянскими животы и с скотом и с хлебом, стоячим и с молочным и з земляным. А всякие великого государя подати платить за того крестьянина ему, Ивану Нагирину, а какие доимки на прошлые годы и на нынешней 705-и год буде спросят, платить мне, Ивану Шумкову, и жене моей и детям. И впредь мне, Ивану Шумкову, и жене моей и детем и родственником моим о повороте того крестьянина Ивана Абрамова и о жене ево и о детях на него, Ивана Нагирина, и на жену ево и на детей и на родственников ево великому государю не бить челом и не вступатьца.

А кто учнет за того моего поступного крестьянина вступатьца, и мне, Ивану Шумкову, и жене моей и детям ево, Ивана Нагирина, и жену ево и детей и родственников ево в том поступном крестьянине и з женою ево и з детьми очищать, убытков никаких не учинить. А буде я, Иван Шумков, и жена моя и дети в чем в вышеписанном во всем по сей записи не устоим, и по каким крепостям тот крестьянин з женою и з детьми от него, Ивана Нагирина, отойдет, и ему, Ивану Нагирину, и жене ево и детям и родственником ево взять на мне, Иване Шумкове, и на жене моей и на детях по сей записи за того вышеписанного крестьянина такова же крестьянина, семьяниста и с пожиточна, и протори и убытки по ево, Иванове, скаске, что ему станет.

У сей записи свидетели: казанцы Григорей Хвостов, Яким Шумков да казанских солдат прапорщик Федор Брехов. Запись писал казанских Крепостных дел подьячей Василей Истомин. На обороте: казанец Иван Шумков по сей записи Ивану Нагирину поступился крепосным своим крестиянином Иваном Обрамовым з женою и з дочерью и с их пожитки и руку приложил. У сей записи казанец Григорей Хвостов в свидетельстве был и руку приложил. У сей записи казанец Яким Шумков в свидетельстве был и руку приложил. У сей записи казанских салатт прапорыщик Федор Брехов в свидетельстве был и руку приложил.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3046.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 71

Челобитная Т.Нагирина с просьбой об оформлении за ним земель, отказанных ему дядей И.Г.Нагириным

После 1708 г.

Державнейший царь, государь милостивейший. В прошлом 708-м году поступился дядя мой родной, казанец Иван Григорьев сын Нагирин, поместья свои и ватчины в Казанском уезде, по Зюрейской дороге, в деревне Винете, что ныне село Троицкое, и в пустошах и в Куюк Кучюке, и в Мамете, Поповка то ж, пустошь Нурьма, пустошь Кармашь, что поступился дяде моему Иван Нармаркой, да пусташь Кучюк, что дана по грамоте великого государя дяде моему обводная земля за речкой Аметевкой, да полянка Енабекава, иные малые полянки (сенные покосы) и окола полянок раменной лес и всякие угоды до речки Бикши за мною за мною справлены, да по поступке дяди моего особые дачи, кроме Терентья Андреянова. Да в той же деревне Винете, что ныне село Троицкое, по поступке Алексея Бедарева да меновные поместья Аврама Давыдова, Ивана Шункова и те поместья и вотчины по поступке дяди моего за мною справлены, а за службами откащика не посылывано. Всемилостивейший государь, прошу Вашего величества, да повелить, державство ваше, те поместья и вотчины по

поступке дяди моево за мною отказать и отмежевать против прежнего дяди моево да Терентья Андреянова челобитья: мне две доли к одной стороне со всеми угодьи, а ему, Терентью, треть к одной жа стороне. // [об.] Да поступное поместья Алексея Бедарева, меновные Аврама Давыдова, Ивана Шункова от Терентья Андреянова и от Богдановской жены Бедарева отмежевать жа по дачам и межи учинить и грани поставить. Да особые мои дачи, кроме Терентья, пусташь Нурьму за речкою Нурьюмою, пустошь Кармашь, что поступился дяде моему Иван Нармацкой да пусташь Кучюк, что дана по грамоте великого государя дяде моему обводная земля, и те мои особые дачи отмежевать жа.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3190.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 72

Роспись дворовых людей помещика И.Г.Нагирина, данная М.Лукояновым казанскому коменданту Н.О.Кудрявцову

Сентябрь 1710 г.

1710-го сентября в – день в Казанском уезде у переписных дел каменданту казанскому Никите Алферьевичю Кудрявцову Зюрейские дороги села Троицкого, Венета то ж, Ивана Григорьева сына Нагирина человек ево, Максим Лукоянов подал роспись, что в том селе Троицком за помещиком ево во дворе дворовых людей и что крестьянских дворов, в них людей мужеска полу и женска. Двор помещиков, а в нем людей: Максим Лукоянов. У него жена Матрена Фтонова да сын Никифор да дочери: девки Марья, Авдотья, Марфа да патчерица девка Настасья Борисова. У него же мать вдова Палагея Кондратьева да сестра девка Арина.

Ларион Федоров, У него жена Фетинья Мелентьева, детей – сын Никифор да дочь девка Марья. Иван Иванов сын Хрусталева. У него жена Устинья Иванова, дочь, девка Аксинья. Никон Иванов. У него жена Мавра Артемьева. Трофим Яковлев. У него сестра родная, девка Марфа. Иван Федоров сын Колмик. У него жена Федосья Михайлова. Ивановская жена Филонова, Аграфена Иванова. У нее сын Антипа. И муж ее, Иван, бежал, тому 10 лет. За скудостью живет во дворе крестьянской сын Игнатей Иванов. У него жена Татьяна Филовна. И он, Игнатей, пришел из бегов после переписи 709-го году. Вдова Спиридоновская жена Никитина, Дарья Михайлова. У нее детей - Захар, Степан, Аника, Архип, Карп Спиридоновы. У Захара жена Алена Игнатьева.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3189.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 73**Отпись о получении в казну денег, собранных Конской канцелярией
«по доезду» И.Нагирина**

6 мая 1711 г.

Копия. 1711-го мая в 6 день. По указу великого государя царя великого князя Петра Алексеевича Великия и Малыя и Белья России самодержца, взято в ево, великого государя, казну в Казани в большой губенаторской канцелярии по доезду Ивана Нагирина остаточных денег зборов Конские канцелярии 710-го году, которые даны были на хлебную покупку, триста семьдесят рублей з денгою. Подлинная отпись за закрепкою дьяка Андрея Михайлова, за справою подьячего Федора Сухорева. Диак Дмитрий Неупокоев. С подлинною отписью чол Илья Калушкин.

А подлинная отпись взята к выписке.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2844.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 74**Сказка прапорщика М.Г.Нагирина о своей служебной карьере**

Март 1720 г.

1720-го марта в – день. Козловского пехотного полку прапорщик Михаила Григорьев сын Нагирин в Санкт-Питербурхе в Военной калегии явился и сказал. От роду ему тритцать восемь лет. Служил де он с 704-го году, написан из недорослей в службу его, Царского величества, в салдаты в полку господина полковника Нелидова. И был на Воронеже для караулу и охранения морскаго флота. И в 705-м году с Воронежа со оным полком послан в Белгород. И в 706-м году в Белегороде был под камандою господина генерала, князя Ивана Михайловича Колцова-Мосальского, для обережи Украины от Крымской орды под Калантаевым. И в 708-м году был под камандою лейб-гварди Преображенского полку господина мозора, князя Долгорукова, в данском походе против булавинцов. И были на ботали под Есоуловым и под Решетовым. А в 709-м году был под Полтавою в дивизии господина генерала Ренцеля, в камандровании господина брегадира Савы Васильевича Аигустова. И седели в редуках. Ис-под Полтавы со швецим полоном послан был на Середи, что ныне Павловское. В 710-м году ис Павловского был под камандою у господина генерала-мозора Шиловского для охранения Украины от Крымской орды за Непром. Из-за Непра пришли в то ж Павловское, И в 711-м году, по рассмотрению его высокого графского сиятельства господина генерала и адмирала Федора Матвеевича Апраксина, пожалован в прапорщики. И с 712-го году по 718 год

был в том же полку в транжеминте. И ныне служу я при том же полку вышеписанном чином прапорщиком. А в нынешнем 720-м году пятого Павловского з гварнизон салдаты, и с рекруты прислан в Санкт-Питербурх к смотру. А сие сказал сам истинную правду, под потерянием своего чина и имени, все без утайки.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2839.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 75

Сказка И.Г.Нагирина перед герольдмейстером С.А.Колычевым с товарищи

Февраль 1722 г.

1722-го февраля в – день. По указу Его императорского величества перед геролтмейстером Степаном Андреевичем Колычевым с товарищи в Москве в канцелярии ведения ево города Казани дворянин Иван Григорьев сын Нагирин сказал истинную правду по должности, верной своей присяги к службе Его императорского величества, бежа всякого закрытия и фалши. От роду мне восемьдесят сем лет. А служил службы по городу з дворяны по выбору. И был на Его императорского величества службе в Орзмасе, в смутное время против вора Стеньки Разина, в полку боярина и воеводы, князя Юрья Алексеевича Долгорукова. И после того был на службе в Астрахани с казанским приказам, у казанских стрелцов головою. И был три года. А из Астрахани посылан был в колмыцкие улусы к Аюкою таише по два года для государевых дел. И после того посылан был ис Казани в Астрахань с тем же приказом водяным путем в плавной. И от того приказу переменен. И был в крымском походе на службе в полку боярина и воеводы, князь Володимера Дмитриевича Долгорукова. А в другом крымском походе был в полку боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. А после был на службе на Камышенке во 196-м году в полку князь Андрея Федоровича Шеховского. И был на службе на Сызране в полку стольника Степана Афонасьевича Сабакина во 197-м. А во 198-м году был на Камышенке ж в полку стольника, князь Петра Ивановича Дашкова. И по розбору в Казани Александра Сергеева от полковы службы отставлен. А по розбору боярина Петра Матвеевича Апраксина написан был к делам в Казани. И был у всяких государевых дел лет с пять и болше. И по усмотрению вице-губернатора Никиты Алферьевича Кудрявцова от государевых дел за старостию и за дряхлостию и за скорбью животною отставлен. А скорбь животная: выходят черева в тайной уды и мокроты и не держитца. А в которых годех был уден и то явствует в Казани, в губернской канцелярии. А поместье мое и вотчины с крестьяны в Казанском уезде справлена за племянником моим радным, за Михаилом Нагириным. А племянник мой служит Его императорскаго величества в шветцком походе при полку

лет з дватцать и болше. И ныне на службе в Астрахани при полку ж полковника Алферья Пиля прапорщиком. А детей у меня нет. А о мужеском полу поданы скаски, таким имяны и лета написаны. А родственников и других сорющихся, и то явствует в поданных скасках, которые те в Санкт-Питеребурхе в канцелярии ведения брегадира и гонерального ревизора государства Зотова. От службы Его императорского величества никого не знаю. А буде в сей скаске, что сказал ложно, и за ту неправду указал бы Его императорское величество по своему указу и военному артикулу указ учинить, а движимое и недвижимое имение взять на себя императорское величество.

Источник: ОРПК НБЛ, ед. хр. 2852.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 76

Купчая запись М.Г.Нагирина о продаже земли в Муромском уезде канцеляристу П.Ф.Синеву

15 февраля 1728 г.

Лета тысища семсот двадесеть осмаго году февраля в пяты на десеть день. Астраханского гварнизона Смоленского полку порутчик Михаила Григорьев сын Нагирин продал я для своих нужд и расплаты долгов своих, а не для какого неправдиваго укрепления и тайного подлогу, и всякого переводу, и вымыслу, но сущею правдою, города Мурома муромской канцелярии канцеляристу Петру Федорову сыну Синеву и жене ево и детям впредь бесповоротно и без выкупу поместную и вотчинную отца своего, Григорья, и дяди своего, Афонасья Григорьевых детей Нагириных землю в Муромском уезде, в Куземском стану, в селце Елхах. А на той семле двор отца и дяди моего з дворовым и хоромным строением, и с усадебною и полевою землею со всеми угодий да половина пустоши Першина, которая имеетца в Муромском уезде в Дубровском стану с пашенною землею и с лесы и с санными покосы и со всеми угодий, что в том селце Элхах и в пустоши явитца по дачам и по писцовым и отказным книгам за отцем и дядею моим, не оставливая за собою на единыя четвертин. Да в том же селе Элхах в помещикове дворе – крестьянина Сергея Михайлова з женою и з детми да сноху ево, женку Матрену Мелентьеву дочь и з детьми и со внучаты и с приимыши и с племянники и со всеми их крестьянскими пожитки, и с хлебом стоячим и молоченым, и которой посеен под озимной аржаной хлеб, да в бегах помянутого Сергея Михайлова брата ево родного, а женки Матрены мужа – Дмитрея Михайлова, да Артемья Иванова з женою и з детми и с племянники и со внучаты, и с пожитки, и с пожилыми деньгами; а тех беглых крестьян искать ему, Петру, и жене ево, и детям своими харчи и убытки и. А взял я, порутчик Михаилу Нагирин, у него, канцеляриста Петра Синева, за те поместья и вотчину, и за двор отца и дяди своего, за дворовое и за хоромное строение, и усадебную, и полевою пахатною землю, и со всеми угоды денег – сто педдесять рублей.

А та поместная и вотчинная земля и пол-пустоши з дворовым с показанным з дворовым и хоромным строением, и с усадебною, и полевою землею со всеми угодьи, и с показанными крестьяны, и со всеми их крестьянскими пожитки кроме сей купчей иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни в каких крепостях не укрепленной, и не написано. И вольно ему, Петру, и жене ево, и детям в том моем поместье поселить вновь крестьян.

А ежели кто у него, концеляриста Петра Синева, и у жены ево, и детей и в тое отца и дяди моего проданую поместную и вотчинную землю и в дворовое и огородное [л. 1об.] строение со всеми угодий по каким крепостям или без крепости и по родству станет вступатца, и мне, Михаилу, и жене моей, и детям, и родственником моим ево, концеляриста Петра Синева, и жену ево, и детей от вступателей и очищать, и харчени и убытков в том никаких не доставить. А ежели моим, Михайловым, и жены моей и детей и неочищением учинятца ему, Петру, от кого какие харчи и убытки, и зановопостроение, которое построено будет вновь, взять ему, Петру, и жене ево и детям на мне, Михаиле, и на жене моей и на детях и на родственниках моих те свои данные деньги и харчи и убытки по своей скаске все сполна. А сия купчая и впредь в купчую. А за вышеписанных проданных крестьян платить подушные деньги ему, Петру. На той купчей пишет тако руки. К сей купчей Муромского дистрикту от земли камисар Степан Лукин сын Кровков вместо порутчика Михаила Григорьева сына Нагирина, что он вышеписанную поместную и вотчинную отца своего, Григорья, да дяди своего, Афонася Григорьевых детей Нагириных усадебною и полевою землю в селце Охолхах и з дворовым хоромным строением, пол-пустоши Першины, и с вышеписанными крестьяны, и з женами их и з детьми, которые имеютца налицо и в бегах, и со всеми крестьянскими пожитки продал и денег сто пятьдесят рублей у канцеляриста Петра Синева взял, по ево прошению руку приложил того ради, что он, Нагирин, сам грамоте не умеет. При сей купчей и при взятые денег подполковник Андрей Иванов сын Толстой свидетелем был и руку приложил.

К сей купчей и при взятые денег Невского пехотного полку порутчик Анисим Григорьев сын Невелской свидетелем был и руку приложил. У сей купчей и при взятые денег Муромской канцеляри канцелярист Иван Игнатъев сын Клепиков свидетелем был и руку приложил. У сей купчей и при взятые тое ж канцеляри канцелярист Степан Иванов сын Протопопов свидетелем был и руку приложил.

У сей купчей и при взятые денег тое ж канцеляри канцелярист Иван Протодьяконов был и руку приложил. // [л. 2] Купчую писал по приказу надсмотрщика Ивана Названова муромской канцеляри копеист Петр Деомидов для того, что писец в Володимере у шетного дела. На той купчей помета тако: «Тысища семсот два десеть осьмаго году февраля в пяты на десеть день. Пошлин пятнатцеть рублей за писмо и от записки тритцеть пять копеек на нужные расходы взято, за излишнею страницу пять копеек взято ж. И ся купчая в книгу записана. А о записке и о пошлинах бит челом, где надлежит и в указное число записать.

Подписал крепостных дел надсмотрщик Иван Названов».

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2846.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 77

**Отпускная со службы, данная Т.Нагирину
в связи с его отставкой по болезни**

Между 1722-1738 гг.

Список с отпуску. Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца Военной коллегии президент и воинские тайные и протчие советники и ацесоры, рассмотря и освидетельствовав подлинно, что Ревельского гварнизона Дерпскаго полку салдат Трофим Нагирин, которому по скаске ево, тритцети лет, что у него брюхо роспухло, того ради, он полевой и гварнизонной службы, его отставили вовсе, и отпущен он из Санкт-Питербурха в дом свои, в вотчину прежняго помещика ево, Ивана Нагирина в Казанской уезд в село Троицкое. И для того дан ему сей отпуск из Военной коллегии, и где он в надлежащем пути будет, везде его пропускать, и нигде никому никакого насилия ему не чинить. Но за его службу показывать к нему всякое благодеяние. В Санкт-Питербурхе, октября в – день – году. А у подлинного отпуску подписанием рук князя Александра Даниловича Меншикова да Михаила Вольского да секретаря Семена Попова.

Источник: ОРРК НБЛ, ед. хр. 3192.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 78

**Извлечение из письма от Кабинета министров начальнику уральских горных
заводов В.Н.Татищеву**

14 декабря 1734 г.

[...] Казанские купцы доносили вам, что там в мелких деньгах великая скудость, а медные пятикопеечники поставляют за тягость, ибо у них для покупки зверей и прочего посылаются по несколько сот верст верхом, а татара и рублевиков бегают, а спрашивают все серебряных мелких, и о том сообщено в местную канцелярию, чтоб о том рассмотрение учинено было [...].

Извлечено из: История Татарию в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 240-241.

№ 79

Купчая на поместную землю в с. Тарбаево Касимовского уезда, данная Булатом, Ирмометом и Мряем Тенебековыми Сапаю Дерюкову сыну Тенебекову

4 февраля 1735 г.

[л. 3] 1742-го марта 15 дня в Вотчиную коллегию копия принята.

Лета тысяча семьсот тридесят пятого году февраля в четверты день Булат Бекаев сын с племянники своими, Ирмомет да Мряи Курмаевы дети Тенебековы, в роде своем не последние, продали мы Касимовского уезду села Торбаева тотарину Сапаю Дерюкову сыну Тенебекову, жене ево и детем впрок вечно и бесповоротно и от вступчиков с очискою в Касимовском уезде в селе Торбаеве крепосну помесную землю дедов и отцов своих три четверти с осминою и с четвериком в поле, а в дву по тому же, з дворовыми и гуменными местами и санными покосы и со всеми угоды, за которою землю мы тотары, Булат и с племянники своими Ирмометем да Мряем, по договору взяли мы денег четьре рубли сорок копеек наперед все сполна. А наперед сей купчей вышписанная земля со всеми угоды кроме ево Сапая и жены ево и детей иному [никому] не продана и не заложена и ни у кого ни в каких крепостях не укреплена и не написана. А буде кто у него Сапая и у жены ево и у детей станут вступатца родственники наши или сторонния люди по каким крепостям, и нам тотаром, Булату и племянником моим Ирмометю да Мряю, и женам нашим и детем ево Сапая и жену ево [и детеи] ото всяких вступчиков во всем очищать, а арче (?) // [л. 3 об.] и убытков не доставить, в том мы ему Сапаю сию и купчою дали.

Бу кубчийга Кирмэндэ тормышлы Мөхэммет хафиз Котлымөхаммэд углы Байчуурин, Мэчит, Булат, Бикэй һәм Ирмэкэй Корманалы углы һәм Морэй Корманалы углы Тинебәквлар аталары-бабаларының крөбостной йирен Татарбае иленең кырында өч читвирт асминасы берлә ышту беренче Татарбаеның Дарук углы Субайга ике кырдашлаек йорт урыны ындыры пачы угодиясы берлә сатдылар, төрт сум төрт кроны алдылар, боларның боерыгынча кулым куйдым. Бу кубчийга акча алган вакытта бән Шәгъбан Тулбай углы Сөнчәлиев кулым куйдым исфидителә булып.

При сей купчей елатомец Фома Руковишников свидетелем был и руку приложил. Купчою писал Касимовской [крепо]сных дел писец Иван Булгаков 1735 году февраля в 4 день. По указу от писма десять копеек, от записки три копейки, за излишнюю страницу три копейки, пошлин гривенных сорок пять копеек, на нужной расход адна четь адна асмая доля копейки взято. И сия купчая в Касимове у Крепостных дел в книгу записана. Подписал надсмотрщик Иван Никитин.

На правом поле вдоль 3 листа: «Каси[мовский] канцеляр[ист] приписал Кирило [?】». На левом поле: «№ 28 в записана».

Извлечено из: Мустафина Д.А. «Пращур наш подленно был служилой татарин...» (Из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // Гасырлар Авазы=Эхо веков. 2007. № 2.

№ 80

**Купчая на поместную землю в с. Торбаево Касимовского уезда,
данная Айбике Байтемировой дочерью Алагуловой с сыном Байгучем
Сабукаю Дарюкову сыну Тенбекову**

29 марта 1735 г.

[л. 5] 1742-го марта 15 дня в Вотчинную коллегияю копия принята.

Лета тысяча семьсот тридесят пятого году марта в двадесять девять день Касимовского уезду села Торбаева вдова татарка Айбеке Байтемирова дочь, татарина Баирямкульская жена Алагулова, с сыном своим татаринном Байгучем Байремкулов сын Алагулов, не последний в роде, продали мы того ж села татарину Сабукаю Дарюкову сыну Тенбекову жене ево и детем впрок вечно и безповоротно и от вступщиков с очисткою крепостной я, Айбека, свекра и мужа своего, а Ябагуча деда и отца своего, пахотно земли в одном поле адин загон четверть с осминою и подле того загона с санными покосы, что явитца, все без остатку. В сумежье тот загон и санные покосы того же села Торбаева с татары Байтемиром абызом Куллугуча Тубулаева с их поместными землями и концом пришел к речки Макарею. За которой загон и за санныя покосы взяли мы денег адин рубль.

А напредь сеи купчей тот наш загон с санными покосы иному никому не проданы и не заложены, и ни у кого ни в каких крепостях не укреплены и не написаны. А буде кто в тот загон с санными покосы станут вступатца родственники наши // [л. 5 об.] или сторонния люди по каким крепостям, и нам, Айбеку и сыну моему Байгучю ево тотарина Собукая и жену ево и детей ото всяких вступщиков во всем очищать, харчей и убытков никаких не доставить. В том мы, вдова татарка Айбек с сыном своим Байгучем, ему Сабукаю впрок вечно сию и купчею дали.

Бу кубчийга Кирмәнин тормышлы Йосыф хафиз Сәфәр углы Айбикә Байтимир кызы янә аның углы Байгунча Бәйрәм углы өченләр атасының крестной йирен бер кырда бер чыбык алты паласмыны урыны печәнлеге берлә [...]й саладан Сапай Дарньк углы Тинбиковка халис түрт сум акча инабәтлек өчен кулым куйдым.

При сей купчей и при взятъе денег Касимовской таможни канцелярист Иван Алексеев свидетелем был и руку приложил.

При сей купчей при взетъе денег елатомец Фома Руковишников свидетелем был и руку приложил.

1735 году марта в 29 день по указу от письма десять копеек, от записки три копейки, за излишнюю страницу три копейки, пошлин гривенные десять копеек, на нужной расход адна четь взято. И сия купчая в Касимове у Крепостных дел в книгу записана. Купчею писал и подписал надсмотрщик Иван Никитин.

Извлечено из: Извлечено из: Мустафина Д.А. «Пращур наш подленно был служилой татарин...» (Из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // Гасырлар Авазы=Эхо веков. 2007. № 2.

№ 81

**Доношение дворового человека помещицы А.Г.Нагириной – Т.Егорова
в Казанскую губернскую канцелярию о неправомерности требований
с его госпожи «кубовых денег»**

Июль 1738 г.

В Казанскую губернскую канцелярию доношение.

В прошлом 1731-м году генваря 29-го дня казанец, отставной прапорщик Андрей Петров сын Барсуков, продал госпоже моей Авдотье Григорьевой дочери Нагириной в Казанском уезде, по Нагаиской дороге, в сельце Икимень помесной своей земли восемь четвертей в поле, а в дву по тому ж, с лесом и с сенными покосы и с усадебною землею, да за Камою рекою сенные покосы, да по той же Нагаиской дороге в деревне Большой Булгак, Рагозино то ж, помесной же своей пахотной земли девять четвертей в поле, а в дву по тому ж, с лесом и с сенными покосы и со всеми угоды и с усадебною земдею. На которую дал он, Барсуков, в Казани от Крепосных дел купчую с очискою, ежели впредь с той земли спрсятца Ея императорского величества какие подати или подушной оклад и прочие зборы, и ему, Барсукову, и жене ево и детям госпожу мою от того очищать, проторей и убытков не доставить. А ныне госпожи моей содержатца в пригороде Лаишеве под караулом два человека крестьян. И требуют с них за оною Барсукова кубовые денги, чего и в купчей не показано. А оной Барсуков имеетца ныне в Казане под караулом у господина подполковника Дубасова, чтобы онаго Барсукова допросить. И дабы указом Ея императорского величества повелено было оные кубовые денги по записи на госпоже моей не править, а править бы на нем, // [об.] Барсукове, чего во оной записи не помянуто. О сем доносит Казанского уезду, Зюрейские дороги, села Троецкого, Венета то ж, помещицы Авдотьи Григорьевой дочери Нагириной человек ее Тимофей Егоров. 1738-го году июля 3-го дня. К сему доношению Тимофей Егоров руку приложил.

Извлечено из: ОРРК НБЛ, ед. хр. 2883.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Архив рода Нагириных // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2002. № 3/4. С. 40-64.

№ 82

**Сообщение акад. Палласа о торговле в Казани, опубликованное
во «Всеобщей истории путешествий»**

1733 г.

В наиболее возвышенной части города находится гостиный двор для торговых помещений, выстроенный из камня и состоящий из множества обширных лавок и где можно найти все роды местных и заграничных товаров. Последние здесь продаются

почти по той же цене, что и в Петербурге. Татары в этом дворе имеют свои отдельные лавки, в которых они продают персидские товары, которые состоят почти исключительно из шелковых тканей. Неподалеку от этих лавок находится базар, где продают яблоки, орех, глиняную посуду и проч.; немного далее находится другой (базар), где покупают сани, повозки и т.д. На другом конце города, почти не жилым, стоят кабаки. Сенной базар находится рядом с Татарской слободой.

Извлечено из: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 240.

№ 83

Договор казанского купца Владимира Пояркова с казанским же купцом Александром Чекмаревым об уступке Чекмареву части подряда на поставку муки и овса вольскому казацкому войску

Не позднее мая 1758 г.

Казанский купец Володимир Поярков обязуется сим с казанским же купцом Александр Чекмаревым в том, что подрядился я, Поярков, в Казанской губернской канцелярии поставить и отдать к вольскому казацкому войску в 758 году в июне и в июле месяцах в Дубовке и Антиповке на пристанях муки ржаной в указной вес три тысячи сто девяноста, овса то ж число четвертей. А с торгу ценою состоялось за мною тот правиант муки и овес по семидесят по две копейки четверть, ис которого правианта за одиначеством своим уступил я, Поярков, шестую долю оному Чекмареву, чтоб вместо меня поставить и отдать на Дубовской пристани во оном 1758-м году в показанных июне и в июле месяцах по той же моей, Поярковой подрядной цене, своим коштом и в своих судах муки ржаной в указной вес пятьсот двадцать пять четвертей, овса в указную ж смену пятьсот тридцать семь четвертей с половиною, итого тысячу шестьдесят две четверти с половиною. И по поставке тот правиант на пристанях отдавать ему, Чекмареву, или поверенным ево обще с моими, Пояркова, поверенными казацкому войску и по отдаче того правианта в приеме оного моим поверенным дать ево, Чекмарева, поверенным же в том росписки. А по объявлению тех росписок и по взятии мною, Поярковым, за тот поставленной правиант ис Казанской губернской канцелярии денег, за вычетом ис того приказных расходов, достальные по подрядной цене отдать ему, Чекмареву, в Казани без замедления, а ежели паче чаяния оного 758 году летом тобою Чекмаревым тот правиант от воли божеской, от потопа, или от других внезапных случаев поставлен не будет, то оной поставить и отдать в предбудущем 759-м году неотменно; а ежели ты, Чекмарев, или я, Поярков, против сего в чем не устоим, то за ту неустойку взять правому на виноватом триста рублей.

Подписался Володимер Тимофеев сын Поярков купец казанской.

Извлечено из: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 241.

№ 84

Мнение тайного советника астраханского губернатора В.Татищева о юртовских татарах

11 ноября 1745 г.

Тайного советника и астраханского губернатора Татищева мнение о татарах ясашных астраханских, их состоянии прежнем и настоящем, хотя повинно быть по канцелярским порядочным о них известиям показано, но понеже в разные времена от бунтов и поветрей едва не все старые дела погибли или в архивах не разобраны и не описаны, для того в недостатке оных от гисторей и словесных преданей представляется.

1-е. По взятии Астрахани царь Иоанн Васильевич повелел оставшихся и ушедших от хана мурз и черных татар писать при Астрахани в службу и ясак. И сии названы юртовые или домовные. А оставшие в степях под ведением покорившихся князей именованы кочевные. Но понеже кочевные по приходе калмык к Волге, болшею частию изменя или по принуждению, с калмыками соединились и под властью их таишей и хана были, потом большая часть в Крым и на Кубань, а несколько к каисакам и башкирам отошли, которых ныне нет и для того о них рассуждать оставляю.

2-е. В юртовых было мурз более ста человек, они тогда пожалованы всеми учюгами и землями, как они прежде имели, и сверх того по заслугам определено жалованье. Но их и землях, сколько у кого тогда было подданных, ничего нигде по гисториям и делам не видно, токмо некоторые из них, яко: Шейдяковы, Урусовы, Бахтеяровы и другие, со многими их служители крещение приняли. Тако же в приходе турок и хана крымского к Астрахани написано, что служилых мурз и татар было в полку князя Серебренного с десеть тысяч. А потом уже их нигде великаго числа не упоминается. Токмо они имеют подданных, именуемые ямеки, но табунные головы утверждают, что оные ямеки - ушлецы из ясашных и просят, чтоб их приверстать по-прежнему к ясашным, на котором утвердится не можно. А земли первое в писцовой книге 7159-го году за ними написаны более по их ска-скам и после того ушедших на Кубань они по сродству завладели, о которых в канцеляри никакого вида нет и сверх того воеводами им даваны казенные и выморочные, на которые они данные имеют, а некоторые и своевольно казенные завладели. Для того надлежит от мурз и табунных голов о ямеках обстоятельное и доказательное известие взять, старинные ль они тех мурз подданные или из ясашных и кочевных принятые.

И если которые из кочевных, то по шертовальным калмыцких ханов грамотам подлежат к ясаку. А о ясашных к возвращению в ясак сомнения нет. Земли же их старинные и данные, что есть ныне, оставить за ними, токмо не измеренные измерять в чертежах назначить.

3. Ясашные или черные, которые при ханах подати платили и работы ханские исправляли, а по взяти Астрахани тот же платеж или ясак положен, как в гистории Макариевой точно и потом в наказах губернатором или воеводам писано. И как их число было немалое, а имянно при царе Борисе показано, ясак бран с дватцать пять тысяч луков, последнее в 1715-м в приход крымцов было их с двенатцать тысяч, потом осталось с две тысячи. А ныне едва с тысячю набрать можно и те весма в худом состоянии (протчие на Кубань и в Крым от разных причин разбежались), для которого мнится ясак с них сложен, а положено толко подводы до Царицына и Кизляра гонять [положено]. Однако ж они в преждню генералную подушную перепись токмо для знания их числа были описываны.

4-е. Сии ясашные издревле разделены в табуны или деревни и было их прежде веема немало. В каждом табуне определялся табунной голова или староста, которые имеют власть их судить, распорядить и в услугу, яко подводы и протчее, наряжать, за которое им издревле по заслугам давано жалованье веема малое, а по случаю прибавливано. Но как оные большая часть в Крым и на Кубань отошли, то многие табунные головы остались без тобунов или имеют по два и по три человека, а жалованье напрасно получают против прежднего. И хотя тем, которые от побегу якобы по верности остались, жалованье давать не жаль, но многие из тех померли, а на их места без всякого раземотрения их родственники или посторонние жалованы. Некоторые табунные головы, присовокупя к себе под ведение выморочные табуны, которые им из жалованьем умершаго отданы. И тако - одни бес табунов, другие двойное жалованье веема неправо получают.

5-е. Сим ясашным по взятъе Астрахани пожалованы все те земли, которыми они до взятъе владели, токмо оным, как и мурзинским, описи не было. А учинена опись первая в 1715-м, потом в 1722-м годах, но все оные земли писаны за табунами по скаскам их, некоторые по даным преждним головам, и то писано токмо в близости около Астрахани. А протчие, а паче ниже Астрахани, не писаны и до днесь, чьи они бывали и кто когда завладел не известно. И как оные головы усмотрели, что после ушедших многое число земель осталось, всяк себе брал, Где кто хотел, а свои данные им с табунами земли противно Уложенья руским и армяном, буха-ром и другим розпродали, закладом утвердили или в наймы на многие годы отдали. А вместо того просили стрелецких и других казенных земель, которые им от прежных воевод и губернаторов без всякой справки, сколко за ними преждних земель было, на лицо людей и земель есть, оными великими землями жаловали. И так доведено было, что для драгун и других казенных потребностей санных покосов не доставало. Но сие не веема тяжко, пачее же от того великой вред приключился и впредь приключатся будет, что табунные головы те земли продают и в наймы отдают без ведома табунных людей и корыстуютца сами. Табунные же люди несут великие от подвод тягости, а от земель никакой ползы не имеют, от чего, одолжав, большее число за границы бежало. И ныне бегут. И если сие пресечено не будет, что можно верить, что к великому росискому вреду и досталные разбегутся.

Сие хотя требовало болшаго изъяснения, но моя слабость к тому не допускает. Однако же в учиненой о тех мурзах и табунных головах выписке многое действительно показано, к тому для яснейшаго знания надлежит справится, сколко после генеральной переписи, особливо с 1715-го году, оных розбежалось. И если того при подушной ревизии

и по канцеляри не отисчется, то можно от мурз и табунных голов и сотников взять ведомости, чрез что подлинно явится с 1715-го более ушло, нежели осталось. А побег оной ни от чего инаго, как от великаго их одолжения. Одолжение же их от найма подвод и пребезмерно великаго роста, о чем по делам доволно показалось.

6. Суд издревле междо ими в ссорах оставлен был ханом, потом князи и мурзы судили, напоследок учинена Татарская кантора, определен особой судиа и велено оному их суды разбирать словесно, обсче с мурзами и табунными головами по их законам. По прибытии же моем, усмотря я, что определенной к тому мурза Урусов веема слаб и пьян, а паче одолжал, а другие редко ходили, да и в тех многие языка русского мало, а законов, как татарского, так русского ничего не знают, от которых толко затруднении, а челобитчикам волокиты и убытки приключались, того ради я ко оному Урусову прибавил табунного голову Мурзая Болатаяева, уверясь доволно, что он человек доброй и смышленной, токмо тем жалоб и затрудненей не избежал. А наипаче оной мурза Урусов многим людем стал должен, но на него, как на судью просить в Татарской канторе и судьи решить не могут, а в канцеляри губернской о малых делах просить не хотят, того ради я о всех сих обстоятельствах мое мнение к обсчему разеуждению представляю.

1-е. У мурз, ежели называемые ими яеки сысчются, что вышли из табунов или пришли из кочевных, оных всех ясашным приверстать.

2-е. Ясашных татар, как ныне не более тысячи котлов, то доволно мне разделить на пять или четыре табуна, чтоб в каждом не меньше было дву сот котлов. Для управления же в каждом табуне быть одному голове или старшине, дву сотникам, четверем пятидесятникам, двенадцети десятникам. И оных всех выбрать миром достойных и тех старшин, сотников и пятидесятников без указа им не переменять. Для того им давать от губернии указы. А если кто впадет в такую противность, то губерни, раземотря, отрешать, а на место старшины произвести удостоенного из сотников, в сотники – из пятидесятников, чтоб происходили до степеням достойнейшие.

3. Жалованье, что ныне есть в окладе, разверстать тем старшинам, сотникам и пятидесятникам, такую пропорцию: старшине - десеть, сотнику - пять, пятидесятнику - два с половиною, чрез что они к доброму состоянию и своему произвождению лучше прилежать и свои табуны от беспорядков удерживать, а от обид охранять будут. А сверх того им предписать, если из коего табуна десеть человек уйдут, то того пятидесятника и сотника выкинуть, а буде более дватцети уйдет, то всех: того табуна старшину, сотников и пятидесятников, отставя, выбрать иных, и о причине накрепко изеледовать. И если кто в оплошности смотрения или обиде обличен будет, тех по достоинству наказывать.

4. Земли, кому и когда распродали в заклады или долголетние наймы отдали и выкупить чем не имеют, оные по Уложению и указом надлежит все, возвратя, взять на ее императорское величество и отдавать в оброк. И о сем надлежит ясно представить правительствующему Сенату и ожидать указа.

Ныне находящиеся во владени их и пустые земли надлежит все пред будущим летом чрез геодезистов и афицеров инженерных, если городского строения не будет, измеряя, описать и на чертежи положить до самого моря, которое иметь за основательную писцовую книгу. И как оное учинено будет, тогда разверстать по табунам равно на каждой котел, от пятидесяти до ста десятин. И разверстывать так, чтоб выше и около

Астрахани ближние всем поравну достались, а потом нижними такими, которые для пашен, паствы и кочевья удобные, допалнивать. И хотя сие число видится великое и им довольным быть надобно, но затем еше останется число немалое. О употреблении же в то инженерных афицеров требовать указа.

Все сии земли в табуне разверстать по десяткам или иметь обсче и доволствоваться самим, или в наймы отдавать, оставить на их волю. Но в наим отдавать годы на два или на три табунному старшине обсче с сотники, пятидесятники и десятники. И оные денги, брав по вся годно, употреблять в обсчей мирской росход, а себе собственно никому ни копейки не брать.

К суду в Кантору выбирать: от мурз дву, от табунных голов дву грамоте умеюсчих, и оных каждой год переменять по одному, чтоб всякой присудствовал два годы и мог порядка суда и законов обучится. И ныне к новому году велеть им между собою выбрать немедленно, дабы можно было видеть, достойных ли они к тому изберут.

И сие все оставляю на обсчее разсуждение. В.Татисчев. Ноября 11 дня 1745 года.

Источник: ГА АО, ф. 394, оп. 1, д. 1051, л. 25-28.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «Мнение» тайного советника Василия Татищева // Гасырлар Авазы=Эхо веков. 1996. № ½.

№ 85

Информация о привлечении татар из Сеитовой слободы г. Оренбурга к торговле с восточными странами, приведенная в «Записках» И.И.Неплюева

Не ранее 1745 г. – не позднее 1758 г.

[...] Обратил я мое внимание на приманивание к торговле купцов из России, также и азиатцев. О первых послал я во все магистры, уверяя, что польза собственная их из слов моих будет свидетелем, а для вторых посылая за границу грамоты, приглашая как киргизцев, так хивинцев, ташкенцев, кашкарцев, трухменцев и бухарцев к торговле, обнадеживая и сим их пользою. В сию посылку употреблял я магометан, татар слободы Сеитовой; и как сей народ легко ослеплен может быть корыстию, то я сих татар и наградил изобильно и обнадежил, по исполнении их комиссии с успехом, наградить еще более, кои, получа первое и льстясь последним, столь усердно по всем тем областям старались, что с 1745-го года знатный торг в Оренбурге возымел начало, так что я уже в состоянии был, вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно до 30 000 р. Из казны, содержать оную от доходов пошлинных; а сврех того, ввезено торгом в Россию вошедшаго в объявлении слишком 5 000 р. серебра, а более того числа вошло, кое не было в объявке, и не мало золота, а пошлинный сбор доходил до 50 000 в год. Прежде меня от бывшей коммерции никогда 3 000 в год не приходило.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 241-242.

№ 86

Академик И.И.Лепехин о развитии сельского хозяйства в районе реки Черемшан

1768 г.

Как осенью, так весной, по сжатии хлеба пускают на пашни свой скот, который оставшуюся траву выбирает и некоторым образом унавоживает пашни. Сей род удобрения они толокою называют. Сверх сего каждую весною оставшуюся солому (ибо они высоко жнут хлеб) выпаливают, которое выпаливание не мало к удобрению земли служит..., чрез выжигание не только очищается пашня от ненужных трав, но еще оно и препятствует, чтобы оставшиеся травы, погнив, не произвели того перероста в хлебе, какой бывает от унавоживания... Они выпаливают также свои луга... дабы оставшиеся старые стебли твердостью своею в кошени не препятствовали. Новые места или залог поднимают сабаном..., а заводные лошадами и на всякой пашне оной употребляют.

Весь род пашни по пространству их мест разделяется у них так, как и у русских крестьян, на озимую и яровую пашню и пар... Несмотря на тучную землю, которая по наружному виду все с лихвою произращать может, не всякий посев с равным успехом бывает. Сверх сего нередко случающиеся среди самого лета морозы нежному посеву много вредят...

Самый большой их [жителей на Черемшане] посев состоит в ржаном хлебе. За рожью следует овес. Льну и коноплей сеют мало и только для своих надобностей, потому что оные на их тучной земле рожьются неудобно и от случающихся заморозков повреждаются. Греча или дикуша хотя и сеется в разных деревнях, но весьма с малым успехом, ибо тучная земля к урожаю сего произрастания не способна.

Пшеницу перед рожью и овсом сеют в меньшем количестве, и недостаток пшеницы награждают полбою. Сенокосов и пажитей имеют довольно число, так что многие луга остаются некошены, потому что развозить и продавать сено не в обыкновении. Гороху почти совсем не сеют, и нам только в двух местах оной сев видеть случилось. Чечевицу сеют одни татары, да и то не в великом множестве и единственном для домашних нужд.

Жнитво. Жатва у всех живущих по Черемшану бывает как и у русских, то есть серпом. В некоторых местах сказывали нам, что они для скорейшего жатия хлеб свой косили косами так, как сено, но чрезмерный урон, которой они от сего средства чувствовали, принудил их остаться при прежнем обыкновении, ибо от ударения косы колос осыпался, и почти третья доля зерен терялася.

Жатой хлеб сохраняют в одоньях¹, который верх укрывают соломою. Одоньи ставятся по большей части на покатоном месте, чтобы в дождливое время вода могла сбегать и не

¹ Одонье – копна.

подмачивала оных. Иные делают около одоньев небольшие каналцы и так спускают воду. Татары ставят свои одоньи на столбах, на которых делают пол из пластин, и так сберегают свой хлеб от мокроты и от гадов. Молоченой хлеб держут в житницах ... и есть ли у кого хлеба много остается, то к сбережению онаго никакого другого средства не употребляют, кроме того ворочают оной в ларях, или из одного ларя пересыпают в другой.

Молодьба. Молоченье у них бывает тройким образом: или молотят цепями в снопах, или, как то по большей части делают татары, разслав снопы. Особливый способ молотить, которого нигде в других местах не употребляют, состоит в том, что сию работу отправляют лошади. Среди гумна утверждают столб, на верхней зарубине которого кладут движущееся деревянное кольцо; к кольцу привязывают веревку, а к веревке двух лошадей рядом. Около столба расстоянием на сажень кладут развязанные снопы, так, чтобы лошади всегда ходили по оным. Лошадей гоняют круг столба, которые своими копытами топчут колосы, ту же отправляют должность, какую отправляют цепи. Но сколь вредно сие молочение, предвидеть не трудно, ибо крестьянин лишается на разные ему потребности пригодной соломы, да и самые зерна, будучи разбрызганы, могут быть повреждены и перемяты, от чего иногда неурожаем воспоследовать может. [...]

Черемшанские огороды. Кроме пашенных растений у всякого крестьянина по Черемшану есть огороды, в которых они сажают всякой овощ, как то: свеклу, морковь, капусту, огурцы, а о другой зелени, напр. пустарнаке, петрушке и пр. и понятия не имеют. Из прочих огородных вещей можно у них и в зимнее время сыскать все то, что у русских крестьян, как то: кислую капусту, огурцы и пр.

Сабан. В селе Бесовке первый раз увидели мы хлебопашное орудие, сабан от жителей называемое. Оно много имеет сходства с плугом, однако не во всем, как из следующего описания потом видеть можно. Собственно состоит он из двух частей: первая называется припряг, а другая – сабан. Припряг составляет ось с двумя обыкновенными колесами, а сабан сложен из разных частей: первая называется стрелка, которая не иное что есть, как излучистое долгое бревно. К переднему концу прикрепляется деревянный гвоздь, на которой надевается веревочная петля, привязанная концами к припрягу. Стрела влаживается в ноги, которые делаются из двух кокорин. Горизонтальная часть ног называется лемег и сводится лопаткою, а развилистую часть кокорин именуют ногами. Ноги связываются поперечною. В том месте, где стрелка лежит на лемеге продалбливается четверугольная дыра, сквозь которую пропускают четверугольную палку, называемую клюка; исподний конец клюки в лемеге заклинивают накрепко, а в стреле бывает она свободна. На конец лемег надевают ладонь или железной плоской острой треугольник. Расстоянием от заднего конца стрелы аршина на два продалбливается в стреле на излучине другая четверугольная дыра понакось, в которую пропускается железный резец, то есть длинное и толстое, косое лезвие, которого острее оборачивается к припрягу, и конец его должен быть в одной прямой линии с ладонью, а в дыре закрепляется клиньями. С правую сторону к ногам и стреле прибавляется доска, палица называемая, которая подрезанные резцом и поднятые ладонью глыбы отворачивает на сторону. Для сего орудия употребляются по крайней мере четыре лошади.

Опубликовано: Источники по истории Татарстана (XVI-XVIII вв.) / Под ред. С.Х.Алишева. Казань, 1994. С. 47-50.

№ 87

П.С.Паллас о нефтяных источниках в бассейне реки Сок

Усманова. Близ реки Сока при Татарской деревне Усмановой переезжают чрез малую речку Кибит, или Акану, при которой показываются малые следы руд. Та же деревня называется еще Надырова, или Надыр-аул, по имени умершего за несколько лет старшины Надыра Урасметова, который по силе данного ему в 1756 году, от Оренбургской горной конторы в Уфе позволения, намерен был собирать находящейся в здешних местах асфальт, и делать из него нефть: и на такой конец начал было он действительно строить завод при вершине речки Камюшли; да и другой завод был бы построен при Сургуте: но сии разпоряжения приключившаяся оному татарину смерть прервала и вовсе уничтожила.

Верхняя Ермаковка ... Татарская деревня называется Ермак-Аул, которая так же по большой в Сок впадающей речке Байтуган именуется Байтуганова.... Первый при реке Соке достойный примечания нефтяный ключ находится отсюда к северу в гористой стране, в которой речка Байтуган имеет свое начало...

Байтуганбаш. Нефтяной ключ находится оттуда версты за две при горе, которая в той стране выше всех, и лежит между источниками речки...

Извлечено из: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 152.

№ 88

Указ Екатерины II об образовании Казанского наместничества (губернии)

28 сентября 1781 г.

Всемиловнейше повелеваем нашему генералу порутчику, правящему должность генерала губернатора казанского и пензенского князю Мещерскому в конце нынешнего года исполнить по учреждениям нашим от 7-го ноября 1775-го года изданным для управления губернии равномерно и в Казанском наместничестве, составя оное из тринадцати уездов и именно: Казанского, Лаишевского, Спасского, Чистопольского, Мамадышского, Арского, Царево-Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Ядринского, Цивильского, Тетюшского и Свияжского. В следствие чего пригороды и другие селения по коим названы уезды переименовать городами, а в прочем назначение границ сего наместничества

предоставляем на соглашение наших генералов губернаторов или правящих ту должность, о котором, так как о селениях и в них числу душ, кои по удобности от одних отделить, и к другим причислить нужно будет, должныствуют они донести нашему Сенату.

В Санктпетербурге. Сентября 1781 г. Екатерина.

Опубликовано: Источники по истории Татарстана (XVI-XVIII вв.) / Под ред. С.Х.Алишева. Казань, 1994. С. 80.

№ 89

Сведения о специальных местах для осуществления торговли в Казани, приведенные И.Фальком в своих записках «Путешествия»

1773 г.

[...] Здесь [в Казани] есть два рынка. Гостиный двор выстроен весьма прочно и велик, прочие же лавки деревянные, небольшие, выстроенные в ряд. Из оных лавок 56 для проезжих купцов, продающих здесь свои товары; 9 суконных, 28 для сибирских и китайских товаров, 36 платяных, 16 серебряных, 17 железных лавок и проч., а всего 776 лавок. Кроме сего есть еще на малом рынке 86 мелочных лавок.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 241.

№ 90

Челобитная Мухамета Ишкузина, Ахмета Бадаева, Кутлоамета Ирмаева Балбековых о принятии в Касимовский нижний земский суд челобитной с приложенными к нему жалованными грамотами и родословными записями и с просьбой о выдаче точной копии с указанных документов

Не позднее июля 1784 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская государыня всемилостивейшая.

Бьют челом Касимовскаго уезду села Тарбаева татары Мухамет Ишкузин, Ахмет Бадаев, Кутлоамет Ирмаев дети Балбековы. А о чем наше челобитье, тому следуют пункты.

1-е. По высочайшему Вашего императорскаго величества имянному, состоявшемуся сего [1]784 году февраля 22 дня, указу и во исполнение Правительствующаго сената указу указом же из Резанскаго наместническаго правления Касимовскому нижнему

земскому велено от князей и мурз татарскаго происхождения отобрать жалованныя предкам их за верныя службы государския грамоты и выписи на недвижимыя имении и другия писменные виды, утверждающия благородство с ясным доказательством, что они от тех родов произошли, для возставления в состояние, им свойственное.

2-е. А понеже и наши предки касимовския служилыя татары предкам Вашего императорскаго величества служили многия службы, за что и жалованы были в поместье землями. Пращуру нашему Болбеку Тенебякову было помеснаго окладу восемьдесят четвертей. Коему и пожаловано имение в Касимовском уезде в селе Тарбаеве, на которое от царя и великаго князя Михаила Феодоровича в 7127-м году дана жалованная ввозная грамота, в которой и значит, что он, пращур наш, подленно был служилой татарин. Имение же ево и состоит ныне во владении по наследственной линии у нас имянованных. А что мы подленно от колена онаго пращура нашего Болбека, о том за свидетельствованием елатомских помещиков – артилерей капитана Ивана большаго, грава прапорщика Алексея, подпоручика Ивана Ивановых детей Борсуковых – поколенную роспись, а на недвижимое имение подлинную грамоту при сем и представляем.

И дабы высочайшим Вашего императорскаго величества указом повелено было сие наше челобитье, жалованную грамоту и поколенную роспись в Касимовском нижнем земском суде принять и по силе вышепрописанного имяннаго повеления с протчими таковыми же на рассмотрение, куда следует оныя отослать, а нам нижайшим с предьявленной при сем грамоты впредь для правости за скрепою дать точную копию.

Всемиловитейшая государыня, просим Вашего императорскаго величества о сем нашем челобитье решение учинить.

Июля дня – 1784 года. К поданию надлежит в Касимовской нижней земской суд.

Челобитье писал Касимовскаго яму ямщик Иван Васильев сын Живиков.

К подлинному челобитью по пунктам рука приложена.

Источник: Хранилище рукописей и текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. М.И.Ахметзянова, ед. хр. 38.

Опубликовано: Мустафина Д.А. «... Пращур наш подленно был служилой татарин» (из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2007. № 2. С. 89-102.

№ 91

Извлечение из статьи

«О нынешнем состоянии мануфактур в России»

Не ранее 1812 г.

В Казани находятся две суконные фабрики. Одна из них принадлежит отставному гвардии прапорщику Осокину и поставляет в казну довольно знатное количество сукон изрядной доброты. Фабрика сия, еще со времен императора Петра I существующая,

содержит более ста станов, из коих на иных выделяется тонкое сукно в 1200 и 1500 зубов. Приписные к сей фабрики крестьяне составляют в городе целую слободу, так называемую суконную. Г. сенатор Аршеневский, видя, что заведение на сей фабрике. к окончательной отделке сукон служащее, или аппретура, может отделять более сукон, нежели сколько фабрика в суровье приготавливает, советовал г. Осокину усилить производство одного введением чесальных и прядильных машин. А сверх того предложил он и г. гражданскому губернатору склонять дворян Казанской губернии, у которых суровые сукна делаются, усилить также выделку оных в суровье, которое г. Осокин готов покупать и отделять в большом количестве, как для поставки в казну, так и на вольную продажу. Другая суконная фабрика, в Казани состоящая, заведена Приказом общественного призрения на 6 станов, и производит работы свои довольно хорошо. Тут же на машине. изобретенной механиком Гладковым и усовершенствованной дворянским заседателем означенного Приказа, г. надворным советником Мещериновым, приготавливается из полугишпанской шерсти довольно тонкая пряжа, из которой г. сенатор советовал ткать камлоты, чему уже и зделан опыт, для начала довольно удачный. К числу прочих фабрик в Казани принадлежат кожевенные и мыльные заводы. Первых находится много, и из них один занимается выделкою юфти, сапожного товара и подошв, а другие выделкою козлов и сафьянов разных цветов. Содержателем первых г. сенатор дал на замечание, чтобы они переменили выделку подошв и вместо зольной, ими ныне производимой, старались ввести полупумповую или хлебную выделку, которая годилась бы для по ставки оной в казну, и выписать для того мастеров из Москвы. Казанские козловые кожи предпочитаютя всем прочим изделиям сего рода, а особливо черные, из коих глянцевые идут в Кяхту для торга с китайцами; прочие же отправляются в Астрахань, Оренбург и другие города. Впрочем Казань для выделывания кож есть одно из самых выгоднейших мест, ибо туда свозят сырые кожи не токмо из близь лежащих городов, но и из многих, на Волге расположенных, также из Оренбургской губ. и даже из Сибири; ри том же и все потребные для выделки материалы находятся там в большом изобилии, а потому и дешевле противу других мест.

Извлечено из: «Северная почта», 1812, № 27.

№ 92

Сообщение корреспондента Харьковского филотехнического общества Дм.Зиновьева о мыльных заводах в Казани

Не ранее 1812 г.

Сей город славится превосходными заводами, которых находится каменных 11, деревянных 21, имеют котлов 111, буков 195 и рабочих 184, каждому платится в от 80 до 140, всем 14 720 р., мастеров 30, каждому в год от 200 до 400 р., (по средней препорции),

всем 9 000 р. В годовую препорцию употребляется сала топленого и нетопленого 97 360 пуд., каждой по 7 р., за все 678 880 р. жиру теленьяго, ястык 21865 пуд., каждой по 6 ., за все 135 298 р. Дров трехполенных 1600 саж., каждая по 9 р., за все 14 400 р., известикипелки 100 кубических сажен, каждая 60 р., за все 6000 р. Жировой соли 31050 п., каждой по 90 к., за все 27 945 р., шадрику 100 000 п., каждый по 1 р., за все 100 000 р. Из назначенного количества вываривается определенное количество мыла, как то: масленого, яичного ядрового и душистого 16 000 п.¹, которое во всякое время заводчики продавали в Казани за наличные деньги и с обожданием отпускали сухопутно и водою во многие места, особливо на Макарьевскую и Ростовскую ярмарки, цена была по 7 р. 50 к. пуд. Посему в течение года за мыло получено 1 200 000 р., но вычтя истраченную сумму за материалы 1 077 243 р., остается у них чистого барыша 122 757 р. Кажется заводчики за свои труды довольно вознаграждаются, живут в довольствии и приносят честь своему званию.

Извлечено из: «Казанские известия», 1812, № 32, стр. 6, 7.

№ 93

Прошение купца Юсупа Китаева о поездке в Кяхту и отсрочке таможенных пошлин

1812 г.

1812 года генваря 24 дня среда

Слушали:

Прошение подведомого сей ратуши 1-й гильдии купца Юсупа Китаева, в коем прописывает что отправив он в Кяхту для промену за китайскую границу собственных своих российских и других стран различных товаров изъявил необходимую надобность в отсрочке платежа следующих в Кяхтинскую таможеню как за сии так и за вымененные китайских произведений товары в казну пошлин на узаконенный срок до двадцати пяти тысяч рублей взносом в Москве или [неразборчиво] таможни назначено будет в исправном платеже коих поруками по себе представляет подведомых городскому магистрату 1-й гильдии купцов Леонтья Крупеникова, Мусу Апанаева и сей ратуши Мусу Адамова, которые доверия и поручительства по их известности заслуживают да и под взысканием никаким не состоят для чего и просит на необходимо нужную пошлин отсрочку снабдить ево Китаева за поручительством изъясненных купцов Аттестатом // Приказали: Как проситель 1-й гильдии купец Юсуп Китаев так и представленные им по себе поручители первой же гильдии купцы ратушской Муса Адамов и магистратские

---

¹ О количестве приготавливаемого мыла едва ли возможно; некоторые по предрассудку таят, другие боятся, чтобы не наложена была пошлина. Татары же из тшеславия уже много увеличивают. Примечание выполнено автором заметки.

Муса Апаанев и Леонтий Крупеников следующие ими по сим гильдиям капиталы по первой гильдии узаконенные на сей 1812 год объявили и процентные в казну деньги внесли и затем должными как казне так и частным людям по ратуше не состоят для чего оных поручителей яко заслуживающих доверия в исправном платеже куда указано будет пошлин запросителя Китаева суммою на двадцать пять тысяч рублей обязать подпискою. А потом выдать ему Китаеву на отсрочку в тех пошлинах по Кяхтинской таможене просимой Аттестат со взятъем подлежащих в казну пошлин, прошение ж хранить в числе частных бумаг.

Источник: НАРТ, ф. 22, оп. 1, д. 36, л. 29-29об.

3. Религиозная жизнь и духовная культура

№ 1

Жалованная несудимая грамота царя Ивана IV архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря Герману

16 мая 1555 г.

Божиею милостию яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми богомольца своего Успенья Пречистые Богородицы архимарита Германа з братьею, или хто по нем Успенья Пречистые иныи архимарит будет, наместницы наши нова города Свяжского и воеводы архимарита Германа з братьею и их слуг и деловых людеи и крестьян не судят ни в чем. А ведают и судят тех своих людеи и крестьян архимарит Герман з братьею сами во всем или кому прикажут. А случитца суд сместной тем их людем и крестьяном з городцкими людьми или с волостными, и наместницы наши новгорода Свяжскаго и воеводы тех их людеи и крестьян судят, а архимарит Герман с братьею или их приказщик с ними ж судить. А прав будет или виноват городцкой человек или волостной, и он в правде и в вине наместнику свияжскому и воеводам, а монастырской человек в правде и в вине архимариту Герману з братьею. А кому будет чего искати на архимарите на Германе з братьею и на их людах и на крестьянех, ино их сужу яз царь и великий князь или наш дворецкой, у кого будет Новгород Свяжской в приказе.

Дана грамота на Москве, лета 7063-го, мая в 16 день.

На обороте:

Божиею милостию царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси.

Подтверждения:

Лета 7093-го, августа в 9 день, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, сее грамоты слушав и выслушев, Свяжского Богородицына монастыря архимандрита Аврамья з братьею, или хто по нем в том монастыре иный архимандрит или строитель будет, пожаловал: велел им сю грамоту подписати на свое царство и великого князя имя. И сее у них грамоты рушити не велел никому ничем, о всем им велел ходити по тому ж, как у них в сей грамоте писано.

Диак Ондреи Щелкалов.

Лета 7107-го, марта в 20 день, государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси и с сыном своим царевичем со князем Федором Борисовичем всеа Руси, сее жаловальные грамоты слушав, Свяжского Богородицына монастыря архимарита Сергея, или хто по нем в том монастыре инои архимарит и братья будут, пожаловали и велели им сю жаловальную грамоту подписати на свое царское имя, и рушити сее жаловальные грамоты у них ничем не велели, и ходити им велел б всем по тому, как в сей жаловальной грамоте писано. А подписал диак Офонасеи Иванов сын Власьев.

Опубликовано: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР / вторая половина XVI – середина XVII в. Тексты и комментарии / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990. № 1, с. 28-30.

№ 2

Наказная память архиепископу Гурию о действиях его в Свияжске и Казани и об отношениях к новокрещенам, татарам и светской власти

Не позднее 26 мая 1555 г.

Лета 7063-го Маия. Память Архиепископу Гурью Казанскому и Свияжскому. Как, аже дасть Богъ, приедеть въ Свияжской городъ и ему велети себя за городомъ встретити со кресты, и итти въ соборную церковь Рожества Пречистые Богородицы, и пети молебень, и вода святити, и итти на городъ со кресты, и обойти градъ весь по стене со кресты, и пети молебны, и водою святою кропити; а надъ ворота надо всякими октенья говорити о сохранении града, и водою святою кропити; да того дни у соборные церкви и обедня служити. А назавтрее ехать въ Казань и по тому жъ велети себя со кресты встретити, и итти въ церковь соборную, и молебень пети, и по стенамъ градъ обойти по тому ж, какъ и въ Свияжскомъ городе, и обедня служити; и жити на своемъ дворе, что былъ Федоровской дворъ Адашева. И архимаритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и дьяконовъ, въ Казани и въ Свияжскомъ городе, поучати во благочиние и пребывати по божественнымъ правиломъ; также и народы все поучати, чтобъ жили въ исправлении закона христьянского, по заповедемъ Божиимъ и святыхъ Апостоль и святыхъ Отець. И къ церквамъ поповъ и дьяконовъ ставити, и архимаритовъ, и игуменовъ, и поповъ, и дьяконовъ, и чернцовъ, и весь причеть церковный судити во всякихъ делехъ; а наместникомъ Казанскимъ и Свияжскимъ у него въ томъ не вступатись; также и мирскихъ людей во всехъ духовныхъ делехъ судити и управляти по божественнымъ кануномъ, а наместникомъ у него въ то не вступатися ж. А которые татаровя похотять креститись своею волею, а не отъ неволи, и ему техъ велети крестити, и лутчихъ держати у себя въ епископе и поучати всему крестьянскому закону, и покоити ихъ какъ мочно, а иныхъ роздавати крестити по монастыремъ; а какъ новокрещены из подь научения выдутъ, и архиепископу ихъ звати къ себе ясти почасту, а поити ихъ у себя за столы квасы, а после стола посылати ихъ поити медомъ на загородской двор. А которые Татаровя учнуть къ нему приходити челомъ ударити, и ему ихъ велети кормити и поити у себя на дворе квасомъ же, а медомъ ихъ поити на загородскомъ дворе; кротостию съ ними говорити и приводити ихъ къ крестьянскому закону, и разговаривая съ ними тихо со умилением, а жестостию съ ними не говорити. А которой татаринъ до вины доидеть и убежить къ нему отъ опалы, отъ каковы нибуди, и похочеть креститись, и ему того воеводамъ назадъ никакъ не отдати, и крестити его, и покоити у себя, и посоветовати о томъ съ наместниками и съ воеводами: и будетъ его приговорять держати въ Казани, на

старой его пашне и на ясаку, ино его держати на старой его пашне и на ясаку, а нелзе его будеть держати въ Казани, чая отъ него впредь измены, ино его крестивъ отослати къ Государю и Великому Князю. А которого татарина въ какове въ вине велять его воеводы казнити, а придуть о немъ иные татарове бити челомъ о печалованье, и Архиепископу о техъ посылати отпрашивати: и по совету наместничу и всехъ воеводъ имати техъ людей у наместника и у воеводъ за себя, и которыхъ пригоже техъ держати въ Казани; а которымъ въ Казани быти непригоже, и техъ отсылати къ Государю Царю и Великому Князю, а о нихъ съ печалованиемъ и устроенье писати грамоты къ Государю Царю и Великому князю. Да держати Архиепископу советъ съ наместникомъ и съ воеводами: на которыхъ татаръ будеть у нихъ опала невеликая, а похотятъ которыхъ острастити казнию, а до казни не доидуть, и они бѣ о техъ сказывали Архиепископу, и Архиепископу техъ отъ вины отпрашивати, хоти ему отъ нихъ и челобитья не будеть; и всякими обычаи, какъ возможно, такъ архиепископу татаръ къ себе приучати и приводити ихъ любовью на крещение, а страхомъ ихъ ко крещению никакъ не приводити. А услышитъ Архиепископъ которое безчиние въ Казанскихъ и Свияжскихъ воеводахъ, и въ детехъ боярскихъ, и во всякихъ людехъ, или въ самихъ наместникехъ какое безчиние увидитъ къ закону хрестьянскому, и Архиепископу ихъ о томъ поучати со умилениемъ; а не учнуть слушати, и Архиепископу имъ говорити съ запрещениемъ, а не имутся за его поучение и запрещенье, и Архиепископу тогда писати о техъ ихъ безчиньяхъ къ Царю и Великому Князю.

Да память архиепископу Гурью. Держати ему наместниковъ Казанскихъ и Свияжскихъ честно, по тому жъ какъ и въ Новгороде Архиепископъ чествуетъ наместниковъ Ноугородскихъ и Псковскихъ. А коли лучится наместнику Казанскому и воеводамъ ести у Архиепископа, и Архиепископу сажати наместника у себя по конецъ стола; а воеводы сажати у себя съ другую сторону, въ болшомъ столе, пропусая отъ себя места съ два; а архимаритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, сажати въ кривомъ столе; а после стола подавати чаша Царя и Великого Князя Архиепископу, а архиепископлъ чаша подавати наместнику, а наместнича подавати архимариту болшому, или игумену болшому, а не прилучится архимарита, или игумена, и наместнича чаша велети Архиепископу подавати своему боярину.

Да память Архиепископу. О которыхъ делехъ Царя и Великого Князя о думныхъ учнуть советовати наместникъ и воевода, и Архиепископу о техъ делехъ съ ними советовати и мысль своя во всякие дела имъ давати, опричь однихъ убивственныхъ дель; а тое мысли наместничи и воеводские никакъ не говорити ни съ кемъ. А береженье Архиепископу держати у себя во дворе отъ огня великое, а поварни и хлебни поделати въ земли; а меду и пива въ городе у себя на погребе не держати, а держати на погребе у себя квасы, а вино и медъ и пива держати за городомъ на погребе. И наместнику и воеводамъ о томъ говорити почасту, чтобъ бреженье держали отъ огня и отъ корчемъ великое, и ночи бѣ дети боярские и всякие люди съ огни не сидели и съездовъ бы у нихъ, ночного питья, не было; а и въ день бы не бражничали, и по городу бѣ и въ воротехъ держали сторожи и брежение великое. А уведаеть Архиепископъ, что у наместника и у воеводъ въ городе небережно, или людемъ въ томъ насилие неподелно, и Архиепископу наместнику и воеводамъ о томъ говорити двожды и трожды, чтобъ того берегли, что у

нихъ небережно, или людемъ какое насилие, и они бѣ не делали; а не послушаютъ, и Архиепископу о томъ писати к Государю Царю и Великому Князю вправду, как ся что дееть.

Источник: ААЭ, т. 1, № 241/II, с. 259-261.

№ 3

Указ Петра I о крещении

3 ноября 1713 г.

Великий государь указал в Казанской и Азовской губерниях бусурманам магометанской веры, за которыми есть поместья и вотчины и в тех их поместьях и вотчинах за ними крестьяне и дворовые и деловые люди православныя христианския веры, сказать свой великого государя указ, чтобы они, бусурманы, крестились конечно в полгода; а как восприимут святое крещение, и теми поместьями и вотчинами и людьми и крестьяны владеть по прежнему. А ежели они в полгода не крестятся, и те их поместья и вотчины с людьми и со крестьяны у них взять и отписать на него великого государя, и без указа никому не отдавать. А сколько человек из тех бусурман восприимут святое крещение и сколько человек не крестятся и что у таких поместей и вотчин отписано будет: о том в канцелярию Сената прислать из тех губерний ведение.

Опубликовано: История Татари в материалах и документах. М.-Л., 1937. С. 166.

№ 4

Из инструкции Новокрещенской конторе

2 сентября 1740 г.

4) Всем Новокрещенным нашим указом объявить, чтоб в церковь святую к словословию божию приходили не леностно, а наипаче во дни недельные и в господские и богородичные дванадесятные праздники и в высокаторжественные дни, також в некоторые и нарочитых святых, например, на рождество Иоанна Крестителя, на день верховных апостол Петра и Павла и прочих, а во дни ж великого поста у приходских своих священников исповедовались и приобщались св. таин повсягодно и с некрещеными от сообщения, сколько возможно удалялись. А которые от безстрашия, лености же и нерадения своего в церковь в вышеозначенные дни приходять не будут, на таковых вместо денежного штрафа полагать легкую церковную эпитимию, например:

велеть в церкви публично класть по несколько поклонов и прочим тому подобным склонять по рассмотрению определенных к ним духовных персон, а особливо того усматривать над восприявшими веру христианского благочестия из магометанского народа, понеже оные, как упомянутой архимандрит Алексей представлял, в обычаях своих бывают весьма замерзлы и ко крещению никто из них по благоволению не придет, разве кого привлечет к тому какая нужда; а в которых деревнях между такими новокрещенными жить будут русские люди, тем накрепко приказывать, чтоб они на поступки тех новокрещенных, что касается до христианской веры и закона, накрепко смотрели; и ежели кого из новокрещенных усмотрят, что он поступает не так, как правоверному христианину надлежит, и в церковь Божию для моления в двенадцатые и господские праздники и в воскресные и высокаторжественные дни не приходят, и магометанские обычаи содержат, таких вначале увещевать, дабы от того перестали; а буде не послушают, тогда священникам того приходу объявлять, которые должны упомянутых новокрещенных от всякого суеверия и лености отвращать и к истинному пути христианского закона приводить и наставлять, а на непокорных оные эпитимии налагать; а буде и по таком духовном наказании явятся непослушны, тогда вышеупомянутому архимандриту Сеченову и определенным для проповеди протопопам доносить, описывая все их непотребные и закону христианскому противные поступки, по которым их доношениям таких новокрещенных пути истинному поучать; а буде по свидетельству явится великая вина, то церковным покаянием, или другими, по рассмотрению их, штрафами штрафовать; однако ж таких дел, что для новокрещенных инородцев о вере и неисполнении христианского закона касаться будет, далее трех дней отнюдь не продолжать и по приказному обычаю ничем их не завязывать; но всякое снисхождение, сколько возможно, им показывать, дабы чрез такие ласковые к ним поступки и наставление праведному и безпорочному житию, прочим иноверцам к восприятию христианского закона придать охоту.

б) Упомянутых новокрещенных иноверцев, которые живут в одних деревнях с некрещеными, перевести в другие деревни и поселить вместе с крещеными ж иноверцами и старинными русскими людьми и земли и всяких угодий давать им при поселении по столько же, сколько они на прежних жилищах имели...

15) Приходящим ко крещению в награждение за восприятие св. крещения, против прежних дач, покупая из положенной на новокрещенных суммы, давать каждому по кресту медному, что на персях носят, весом каждой по 5 золотников, да по одной рубахе с порты и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обуви чирики с чулками; а кто познатнее, тем при крещении давать кресты серебряные по четыре золотника, кафтан из сукон крашенных, какого цвета кто похочет, ценою по 50 к. арш., а вместо чириков сапоги ценою по 45 к.; женскому полу волосинки и очельники, по рубахе холщевой, да от денег мужеска пола, кои от рождения выше 15 лет, по рублю по 50 к., а от 10 до 15 лет, по рублю, а кои ниже 10 лет, тем по 50 к.; женска пола от 12 лет и выше по рублю, а прочим, кои ниже 12 лет, по 50 к.; сверх же того, которые святое крещение с женами и с детьми примут всюю семьею, давать в дома их по иконе со изображением спасителя образа или богоматери с предвечным младенцем и о том в жилищах их для ведома публиковать указами.

21) Для обучения иноверческих детей учредить четыре школы: первую в Казани в Федоровском монастыре, вторую в Казанском у по Зюрейской дороге, в дворцовом селе Елабуге, третью в Свияжском у в городе Цивильске, четвертую в Казанском у в городе Царевококшайске, и обучать оных новокрещенских детей русской грамоте по алфавету и слогах букваря с десятословием, часослова, псалтири и катихизиса и скорописному; однако ж при том за ними смотреть, чтоб они и своих природных языков не позабыли...

№ 5

Прошение татарина Илевле Алтанбаева о крещении, написанное по форме, выработанной миссионерами

Июнь 1759 г.

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьёт челом состоящей в махOMETанском законе служилый Алатырского уезда деревни Собачья Острова татарин Илевле Алтанбаев, а о чём моё прошение, тому следуют пункты:

По природе моей, я, именованный, состою в вышеупомянутом махOMETанском законе; ныне же, по проповеди слова божия и увещания и обучения Алатырского же уезда села Болтина иерея Ивана Фролова, познал совершенно, что почитаемый и признаваемый протчими в оном законе состоящими людьми за пророка и посланника божия глаголемый МахOMET не есть и никогда же был от бога посланный, но самый студный и лживый пророк и предчета антихристов; також и закон ево коран (или алкоран) названный есть лживый богомерзкий и богопротивный и по таковому моему всесовершенному чрез проповедь узвание онаго лжепророка МахOMETа и его алкорана отрицаюсь и проклинаю.

2. Христианский же закон, в нем же православной восточной греко-российской кафолической церкви сынове состоят и содержат, за самый истинный и богоугодный быти узнав, утверждаю, и для того по оному моему безсомнительному познанию о вере, что исповедуемый ею воплощенный Иисус Христос истинный есть сын божий и бог истинный в единосущнем и нераздельнем со отцем и святым духом божестве славословимый и поклоняемый, а не якоже о нем, Христе спасителе, богомерзкий пророк в своём богопротивном учении блядословит. Всеусердно ныне я, именованный, с истинною совестью возжелал прияти ту христианскую веру спасительную и пребыти в ней до скончания жизни моя непоколебимо и непревратно.

И дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение в духовной преосвященнаго Феофана епископа нижегородскаго и алатырскаго консистории принять и по вышеписанному моему самоизвольному желанию и прошению меня, нижайшего, в ту христианскую веру огласить и просветить

святым крещением. Всемиловейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. 1759-го году июня... дня.

К сему прошению, вместо вышеписанного некрещенного татарина Илевле Алтанбаева, по его прошению Нижегородской духовной консистории пищик Семен Андреев руку приложил.

На прошении резолюция нижегородскаго епископа Феофана: Приняв желающего крещения святого, вручить ради наставления в вере и в предуготовление ко святому крещению иерею собора Архангельскаго соборному Димитрию, которому по наставлении благославляется окрестить; по крещении в консисторию отрепортовать.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 340-341.

№ 6

Рапорт о крещении Илевле Алтанбаева

13 июля 1759 г.

Нижняго-Нова-Града Архангельскаго собора от иерея Димитрия Васильева репорт.

Татарин Илевле Алтанбаев в болезни, которою одержим был, за страх смертный, по малом наставлении христианской вере, по особливому о приходящих от махOMETанскаго зловернаго нечестия к святой соборной, апостольской, церкви чиноположению святым крещением просвещен сего июля 1 дня и святых тайн приобщен; христианское имя наречено Косьма; восприемником был Нижегородской духовной консистории секретарь Иван Денисов, а по крещении оной новокрещен Косьма отлучился на свое жилище в вышеозначенную деревню для летней полевой работы и исправления прочих домашних нужд.

Иерей Димитрий Васильев.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 341.

№ 7

Указ Екатерины II о преподавании татарского языка в Казанской гимназии от 12 мая 1769 г.

Учредить единожды навсегда при казанской гимназии для охотников класс того (татарского) языка и определить учителем оного Старой и Новой в Казани татарских слобод депутата и тамошней Адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина,

которого, пожаловав в переводчики с чином и жалованьем против губернского переводчика, как его самого, так и детей его, исключая из податного оклада, дабы он с своей стороны к обоим ему поручаемым должностям прилежание и дети его к изучению себя впредь годными к службе надежное одобрение иметь могли.

Извлечено из: Источники по истории Татарстана (XVI-XVIII вв.) / Под ред. С.Х.Алишева. Казань, 1994. С. 99.

№ 8

О телесном наказании новокрещена Федора Константинова за не посещение церкви

7 февраля 1766 г.

Подана 7-го февраля 1766 года

Промемория

Из казанской духовной консистории в казанскую губернскую канцелярию сего 1766 года генваря 29 числа поданным в духовную консисторию казанской десятицы села Богоявленского, Моркий то ж, священник Игнатей Федоров рапортом объявляя приходу же ево деревни Кичук Памаш новокрещен Федор Константинов Бехмет до церкви божией никогда не ходит и христианскому закону не обучается и бывает в упрямстве своем и тому ж де и новорожденного своего сына по многократному ево священника требованию во святое крещение не приводит месяца с два и ни в чем ево священника не слушает, просил, чтобы он того новокрещена к приходу до церкви Божией на общее молитвословие и ко обучению ево христианских должностей тако ж и к представлению сына ево ко святому крещению принудить, а за упорство ево рассмотрение и резолюцию учинить и по указу Ея Императорского Величества в духовной консистории определено: о принуждении он того новокрещена Федора Константинова и прочих всех в Казанской губернии обретающиеся новокрещены к приходу на общее молитвословие в церкви Божии и на обучение христианских должностей и к непродолжительному рождаемых оних детей для просвещения с тем крещением и священником представлен кому надлежит от оной губернской канцелярии подтвердить и о том в оную губернскую канцелярию писать промеморию с тем чтобы показанному новокрещену Федору Константинову за вышепомянутое ево упорство и не представление ко крещению сына своего в страх другим учинить тамо при церкви и при собрании мирских людей телесное наказание /о чем сия послана/ и казанская губернская канцелярия да благоволит учинить о том по Ея Императорского Величества указом.

Иероним архимандрит СвяжскоКазанский

Источник: РГАДА, ф. 407, оп. 1, д. 446, л. 1.

№ 9

Рапорт об ознакомлении и осуществлении выписей из книги и отдельных листов, изъятых у муллы Мурата, составленный Сеитовой слободы ахуном с муллами и старшиной А.Хаялиным, а также запись о единомышленниках Мурата («присяга»), по всей видимости, им же написанная, переведенные на русский язык регистратором М.Воиновым

Не ранее 10 июня 1771 г.

Перевод с татарского письма, в коем значит следующее: высокородному и превосходному оренбургскому губернатору господину генерал-майору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорну Сеитовой слободы ахуна Абдулнасыра Абдусалямова с муллами и старшины Абдула Хаялина покорной рапорт!

Сего мая 9 числа присланным от Вашего превосходительства к нам приказом повелено, сочиненные муллою Мратом книги прилежно рассмотреть, нет ли в них закону нашему противных и народу вредных слов. В сходность такого Вашего превосходительства повеления, взяв находящиеся у показанного муллы Мурата собственною его рукою писанные книги и писанные ж на лоскутках письма, поелику возможно было, рассматривали и нашли: что все те писанные им, Муратом, письма и из уст происходимые его слова правилам закона нашего противные: ибо он именует себя верховнейшим святым, и пишется от наследия дочери Магомеда пророка Фатьмы; называет сообщников своих, некоторых посредственно святыми, других святыми верховными, а других меньшими святыми. В книгах же своих написал: будто в руках его будут пророков Магомеда перстень, Моисеев жезл, а Авраамова чалма, и преселясь во Египет построят там мечеть, а подле той мечети выроет колодезь. И так учинившись владетельным Вселенной солтаном, место пребывания его солтанское и престол возымеет в показанном Египте.

Сверх того написал: что для него в семи местах скрыта казна и будто ее кроме его никто не возмет. Желаемые владевшими Вселенною четырьмя государями, то есть Соломоном, Александром, Немвродом и Фиргавен, дела все у него будут. И живую воду он найдет. Притом пишет, что архангелы Гавриил, Михаил и Исрафил, ангелы и пророк Илия, будучи ему товарищами, станут вспомоществовать. И что сочиненная им книга – ключ четырем книгам, яко то: Ветхому завету, Евангелию, Псалтыри и Алкорану: ибо де описанные в книге Ветхого завета вещи все изобретены будут в той его книге. И о его де в последние веки пришествии известно в том Ветхом завете.

Но Курана нашего некоторые изречения в своей книге писал он с ложным толкованием: и только одно то, что к увеличению его служило. А Алкорановы речи ни одна о нем, Мрате, но о тех людях, которые произошли от Израиля и которые, прежде нежели пророк наш на свет вышел, померли, и так в оном нашем Алкоране о пришествии сего муллы Мрата и ни о ком таком, как он, Мрат, отнюдь не говорит. Следовательно, все те его слова на Куран наш ложные.

В книге писал он, Мурат: что сию его книгу солтан турецкой чрез посла испросит себе. Согласно тому и словесно он, Мурат, о себе сказал: будто солтан и его самого

к себе испросит. Сверх того, написал: якобы солтан, взяв Куран и приняв присягу, на лошадь сел.

В чем во всем он и словесно нам признался. Токмо в книгах имени своего, что он Мурат не писал, по дошедшей до него от Бога тайне. А что в книге писаны такие речи: «ты», «тебе», «твой», «его», «ему», то их приписывал он, Мурат, себе. На вопрос же наш, с чего он, Мурат, такие речи писал, отзывается: что иногда де в мысль его Божии тайны входят, а иногда во сне их видит: потому он то и писал. А когда де от Бога тайны не откроется или во сне ее не увидит, тогда де он ничего не знает и не пишет. Но в наших книгах отнюдь того не видно, чтоб такому человеку, каков он, Мурат, Божии тайны открывались; ибо такие тайны открывались одним пророкам, которые с сего света уже преселились. Сверх того писал: будто город Болгары переименован будет Наубагаром (то есть новою весною) и престол праотца Адама в виде вертограда покажется: и сойдет от рая из чистаго серебра зделанный престол, которой де будет ему колыбелью.

На одном лоскутке бумаги написал: что помянутой посредник святых отправлен к солтану турецкому для спросу о состоянии Мягдиевом. А на другом лоскутке пишет: что тот же посредник святой ко гробу пророчьему для исправления военначальства послан. Но напротив сих слов, на спрос наш ничего он, Мурат, не отвечивал: а только же написанные на лоскутках писма просил себе обратно. Причем спрашивали мы его, ест ли у него кроме сих книг другие им изданные?

На что отвечивал он: что одна книга была, но ее будучи в пути в дом возвратил.

По понятию ж нашему кажется, что его, Муратова, с похвалою себя книгу сочинять побудительная притчина та, чтоб ему подобных, себе, безумных, покоря, возстановить разврат.

Разсматривая все те его книги, в каких местах важные есть тексты, те выбрав и переводя содержание их, при сем к Вашему превосходительству препровожаем. Но есть между тем и такие слова, которые, не спрося самого его, Мурата, и познать не возможно: потому мы их писали без переводу. И так о всем том чрез сие Вашему превосходительству доносили.

Маия – дня 1771 года. Ахун Абдулнасыр Абдусалямов, мулла Абдулкарим Иманкулов, мулла Кулы Чупашев, мулла Исхак Абдулкаримов, мулла Мавлют Кадырметов, мулла Адрешит Субхонкулов, старшина Абдул Хаялин.

Переводил регистратор Михаил Воинов.

Перевод с выписки, учиненной из книги и записок муллы Мурата.

Обложенной кожею книги четвертого листа на первой странице написано:

Ты пойдешь к Кягбу, то есть дом Божии, ясно увидишь; потом нигде не пребывая, адамовы дети дорогу тебе дадут. На той Кягбе для тебя неописанное распространено место, на котором обитая будешь иметь об исправлении веры намерение, где тебя устройю во образе пророка Авраама. И сердца особливых моих рабов к тебе привяжу.

Того ж четвертаго листа на второй странице:

Которого ученика мысль в тебе будет, он будет твой. И ты во мгновение ока при нем будешь явен. На месте Кягбы некоторый человек из зависти пресек путь веры; но того человека с места ты сгонишь, а по згоне без сумнения оной тебе последует; однако

от стыда тот человек будет равно как мертвой, а ты возрадуешься. Еще один человек останется, коего тайные дела обличатся, и он будет плакать. Сей человек из ученых, которой покажет тебе несколько пути. И что в книгах так написано: имеет с тобою диспутовать.

В Ветхом завете, во Евангелии и во Псалтыре: в сих трех книгах знаменование найдется, из которых книг усмотря качества твои, все люди придут к тебе в послушание; и взирая на те три книги тебя явно ожидают, проговаривая, что время пришествию давно уже настает, только для чего де не приходит.

С сороклетняго твоего возраста вышереченной человек тебя ожидает: но на конец за продолжением твоим, без объявления о себе, взирая на свои дела написанной в показанных книгах человек: я ль де, будет помышлять и скажет сей человек: что он Ветхий завет знает: и, конечно де, такому щастию должно быть у меня: ибо де, хотя время пришествию и настало, только еще не пришел. И так он во образе тебя там находится. Со всем тем сей человек, увидав тебя, тебе покорится. А за тем в реченных трех книгах прямо твои свойства найдет, а нашедши, неизреченные дела зделает. И что есть в руках его книга весь народ воздвигнется: ибо когда он из трех книг путь обретет, то тому никто прекословить не будет. Ты всей Вселенной будешь верной предстоятель. О! Раб мой, не бойся ни от кого; когда щастие тебе откроется, то неприятели, увидя внутренне, будут рваться.

Место Кягбы видел ты без сомнения, что верх ея покрыт соломой; хотя покрыт и соломою, но ты, приняв за благо, возляжешь на верху ея. Сие разумей.

Пятого листа на первой странице:

Упомянутой в реченных трех книгах персон теперь притти время наступило: возми о сем известие от той соломы: во время ея золоту и серебру чести отнюдь не будет. О благого состояния персона. Со стороны Божия пророка сие обстоятельство изобразится: то есть с дерева, называемого по арабски мунтаги, слетит одна птица и голову положит на твои руки. Тое птицу узнаешь ли ты, о раб, сахарные уста. То будет предстатель ангел архистратиг Михаил.

С одною птицею от Бога великую милость приобрел и, приняв за благо, принял дел много без сумненно. Во время твое свет будет таков, каков и при пророке Божиим был, коего от человек никто описать не может, ибо в то время с небес ангел явно на землю снидет.

В которое время дело будет исправно, тогда реченной ангел на руки твои возложит главу свою. А тогда ж ближние к Богу четыре ангела будут тебе клеветами. В помянутых трех книгах свойства твои описаны. Чего ради сим у Бога ближним ангелам к тебе сойти должно. А ты препояши к службе чресла свои. Означенной в тех трех книгах народ будет о тебе индеферентно читать, и без всякого принуждения тебе поддадутся.

Осмаго листа на первой странице:

В беседе твоей, без сомнения, два человека совершенными зделались, кои, опершись на тебя, под твоим покровом избавятся от прелести диавола. Ты одно древо, а товарищ твой мулла Шарып. По всему свету семя твое распространится. Разумей сие. О! Святый человек.

Девятого листа на второй странице:

Мрат признался: что он сам верховный святой¹. Изящные мира и светлый как луна найдется во опустошенном городе, а не принявшие православия города – все падут.

Перваго на десять листа на второй странице:

Суд твой на нечестивых справедливый, и противится пути отнюдь не будет: за тем, что суд твой — дело книги Великого завета. Однако невежды не познают.

Третьяго на десять листа на второй странице:

В то время, когда сия книга явною будет, одно удивительное обстоятельство возстанет. Ты над всеми людьми будешь иметь поверхность. А что они все тебе подчиненные, то сия книга объявляет.

Пророка Божия ноги у тебя. О! Розоваго лица человек. Для того будешь ты в свете светлый как солнце, и все счастье у тебя будет.

Четвертаго на десять листа на второй странице:

Во первых, тех людей, которые не в правоверии находятся ученые, веру исповедуют. И так те ученые люди, оставя прежнюю свою веру, в веселии пребывать будут.

Пятого на десять листа на второй странице:

Всего света народ явно и без сумненно под твоим судом будет².

Ты сие верно знай. И, хотя б что ни случилось, ты без боязни противу пойдешь словом, и от Змия никакого вреда тебе нет: ибо Божие повеление у тебя будет, потому ты над всем победителем будешь. Сколь скоро сию книгу все престола владетели увидят, то престол тебе дадут и все, повелениям твоим повинуюсь, непоколебимо верные раби будут. Престол щастие и владычество в сей книге, без сумненно, написано, которую все судьи ожидают, потому что она солнце свету.

Шестаго на десять листа на первой странице:

Последняго века знамение сие есть Бога в одной ипостасии, и веру вашу познавать из сей книги, от которой и невежды не отрекутся. Описанного в трех книгах человека денно и ночно ожидают; ибо от опасности в тела в неправославии находящихся людей впало трепетание. О! Господин, ты того не знаешь.

Всех их огонь печали объял, которой никогда не погаснет и, несумненно, внутреняя их будет непрестанно гореть ради невольного их покорения тебе. Будучи сия книга в руках их, возвестит, что произошедшей от наследия зятя пророчья Галия, будет победитель, во время коего со образов или идолов их спадет краска, так что все по притчине того впадут в недоумение. И ты о сем не воздыхай. В тот день и сему писанию явно поверят: род твой подобно песку морскому умножится. Следовательно, и дело по желанию своему произведешь. А тот твой песку подобный народ обитать будет во всей Вселенной. Сколко б тысяч государей ни было, все будут в роде твоём. И все Вселенной цари имеют быть в руках твоих. А о количестве войск их каждого, кроме Бога, никто не знает.

Того ж листа на второй странице:

Вселенной внутренняя от сей твоей трости исправится. Неправоверных государи главы свои прислонят и без прекословия от силы оружия положат. И тако по эпохе время

¹ Фраза: «Мрат признался: что он сам верховный святой» – написана на левом поле тем же почерком (здесь и далее подстрочные примечания Д.А. Мустафиной).

² Далее на строке стоит примечание латинскими буквами, переданными лигатурно NB (т. е. nota bene – заметь хорошенько или обрати внимание), двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «В сей книге много повестей объявляется».

уже настало, однак веры не знают. А как в книги посмотрят и существо дела познают, тогда в сердцах своих огонь возжгут. А в неправославной вере состоящаго народа князей будет снестать печаль. О честный старец, без сумненно знай, что сия трость в службе твоей. В книге вечного промысла Божия какое предопределение есть, ты то читал, сие ясно знай.

Осмаго на десять листа на первой странице:

Тот человек от семани зятя пророка Галия, и в руках его есть трость, и, когда сия трость напишет и тайна откроется, тогда тот человек в своем состоянии удивится, коему и лошадь трость, и одежда трость, и трость ево возведет на престол: чему все воздвигнется.

Сокровенные мужии ему покорятся, и пророк Илия будет с ним вместе; люди и духи от важности и противности не зделают. Тот человек будет подобен солнцу и луне. Произошедшей от дочери пророка Божия, Фатьмы, к которому во время празного жизни его препровождения достоинство на встречу приидет. А того человека самого никто не узнает, а хотя кто и увидит, только очей не положит. Сие верно знай. Тот человек объявится во опустошенном граде и от жила до жила пойдет, где увидит чудесные сны. Последняго века свойства в руках его будут. В мире не останется бед, и свет сей просветится. Век сей преходя, дети его все первоначальниками будут и каждой из них царем будет. А в свете зависти и ненависти не останется. В то время, будучи погружен светом, и пророк Иисус явится.

Тритцать седмаго листа на первой странице:

Перстень пророка Божия скрылся из рук Усмана, а есть ли б не скрылся, то б истинно и не умер он и до будущаго возстаня явно суд производил бы¹.

Сей перстень в виде важного подарка в твои руки придет; потом все древа повелениям твоим повинятся. Важность же того перстня будет два с четвертью золотника из райскаго серебра: ево всякой путешествующей узнает. Архангела Гавриила дело есть то: что он, взяв всей перстень из рук пророчья зятя Усмана, наденет явно на руку твою, и ты в то время возрадуешься.

В последние веки явится одна персона, у коей одна нога пророчья, а другая подобна ноге пророчья зятя Галия будет. И как у него ворот будет светлый, то скоро он и прославится. Будет же ему и прозвище хорошее. О! Розоваго лица человек сие разумей.

Сорок девятого листа на второй странице:

Между десятию святыми кутбиодна имянуемы, то есть нижни святы есть вящший. У каждого из них своя наука: о которых только верховной святой знает. Сей верховной святой так, как зять пророка Гали, несумненно, великой царь будет, от которого ни малейшей прах утаится не может. Делаемые им верховно святым дела никто описать не может. К повреждению мирских мыслей, склонных речей говорить он отнюдь не будет. А будет он верховной святой в свете как Солнце явен. Посредственник святых в его повелениях, и первоначальником войск его будет².

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что пророчей перстень на руках его, Мратовых, будет, в том он признался».

² Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Верховной де святой я, Мурат собственно признался».

Шездесят девятого листа на второй странице:

Во граде Болгарах одна мечеть есть, которую возобновить надобно. Она сему граду позволительная церковь.

Ею учини свое оружие. В семи местах надобно построить здания наподобие Кягбы: то есть дома Божия. Каждая из них от света пророка Магомеда, в каждом месте будут с вещами. Есть ли кто из имеющих капитал сии мечети воздвигнет, тот будет богат. И кто на сие дело возмет его предприятие, тот будет в свете прославлен. Описанные в сей книге вещи отнюдь без збытия своего не останутся. Бога в единице почитать откроется, токмо из сей книги то объяви. На которых местах мечети построить надобно: то подробно будет известно и о том особливые раби узнают и действительно места увидят.

Увидав во сне образ всех тех мечетей, возвестят. И какое им имя дать, уведомлю я тебя. Сверх того, семи человекам покажу я явно семь мест. А те семь человек – ученики твои, которых покажет книга сия. На создание помянутых мечетей казна, без сумнения, в тех местах зарыта, и каждая из них вскоре через сон познается. Товарищами тебе семь человек, всякой из них из дорожных мужей [суфии]. Слова их будут сильны, а зависти отнюдь не будет. Сии притти могущия люди, места реченной казны узнают и, поелику потребно будет им из той казны, себе возмут. А по таком взятии потребного, казну оставят открытую, ибо им чрез сон все вещи известны и они явно то скажут. Сии семь человек, сверх воли пришед к тебе и учинившись учениками состояние снов их откроют. А в тех семи казнах потребные тебе вещи есть. И все они семь скажут: прими меня за благо, о! благодетельная персона. Однако тое казну ни ты, ни ученики твои не познаете: а только во сие увидят и тебе объявят.

Семдесят перваго листа на первой странице:

Разрушение града Болгар сегоднешнюю ночь видели глаза твои во сне. И так сие знай точно: сей град возобновлять время приспевает.

Восемдесят шестаго листа на первой странице:

У сына пророка Иосифова Мисала имянуемого был министр, в одно время сия тайна будет светла, то есть в последние веки из полат госпожи Зюлейхи одну мечеть воздвигнет. Сии полаты позволительные чего ради из них мечеть воздвигнуть следует, так, чтоб ни одного из них камня не осталось. На сие взирай прилежно¹.

Того ж листа на второй странице:

Явно ведай, что на гробе пророка Иосифа три вещи есть, которые тебе наследственный. По получении их восторжествуй. А те три вещи Авраама-пророка чалма, Измаила пророка корзина и пророка Моисея жезл. А свойство сего жезла такое, что он Египет отверз, и теперь там во Египте. Кто сему писму будет не верить, тот есть черной раб: то есть проклятой².

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Против сих параграфов: что такой мечети строитель будет, он, Мурат, признался».

² Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что чалму, корзину и жезл возиеет он, Мрат, в том признался».

У строителя той мечети учеников будет бесчисленно, и та построенная им мечеть будет подобна Кягбе. И что сему строителю потребно будет, все то как чистая вода во сне познается.

Град Египет ты простым не почитай и не злословь. В одной стороне той мечети безопасно один кладезь зделай и на то из палат пророка Иосифа жены Зюлейхи злато употреби. И так все дела для веры делай, о! святой человек.

Возлюбленной мой Магомед, принося мне хвалу, сказал: о! Господи, о пришествии того моего сына, хотя одним словом, дай мне знать? На сие я ему ответствовал: сколь скоро сын твой придет, тогда сей свет будет, как свет рая, и Вселенной тайна у того твоего сына будет.

Когда райские вещи положены будут в сосуд: без сумнения, в тех вещах ветхости быть не может, но всегда как новые пребывать будут. Пророка Исмаила была одна простая корзина, но есть в ней до ста тысяч художеств: и кому она в руки попадет, тот человек один из верных святой будет. В той же корзине пророка Исмаила одна есть копыта и пазнохты; ты их возми и в недра свое положи: а затем лице свое обрати к клеветам твоим, они торжествуют. Из реченного копыта будет один золотой сосуд без сумнения, а ценою ему свет сей стоять не может. Сверх сего из тех копыт один в твои ж руки внидет: где оного человека имя написано. А имяни того хозяин посредник святых будет.

Третье копыто из недра твоего само выпадет. И в то ж время возгласит, как овен, и глас его достигнет от востока к западу, и будет он всему народу, как гром, известен. А услышав таков от него глас, возгласят так же древа и каменя, и будут тем вспомогать. По услышании сих гласов, имянуемый нижний святой предстанет там. Но до соединения с тобою того, нижняго, святаго душа с телом разлучится, и по смерти его там реченное копыто скроется. Когда ты, увидев такой случай, погрузисся в печаль: тогда, без сумненно, с небес снидет к тебе ангел и того нижняго святаго на седмое небо и в высочайшее место без погребения вознесет¹.

Того нижняго святаго на четвертом небеси во общей небесной обители в золотом тазе обмоют. Затем во образ его вселится душа, и все ангели ему последуют. Сей нижний святой той общей небесной обители молитву сам себе приносить будет. Отколе возстанет Иисус: сие у нас будет благодатная скатерть. Реченной золотой сосуд брось ты на воздух и смотри, над чьею главою он обратится, и то копыто отдай тому человеку, над чьею головою помянутой золотой сосуд обратится. Он будет тебе нижним святым.

Где отец твой пророк Илия будет находится, там есть сокровище для дни пришествия верховнаго святаго, которое пророк Илия семдесят тысяч раз надзирает. На сем пророке есть дела тяжелее гор: важность тех дел та, чтоб всегда сокровище хранить. Сколько похитители и обидчики на то сокровище не покушаются; но обидчики на то сокровище не покушаются; но Илия зделает руками прикосновение, тогда то сокровище восплачет; ибо за оное многие люди погибли, так что и описать невозможно. И в которой день ты то сокровище возмешь, тогда пророк Илия от стражи оного освободится, и ты за тем делать будешь благие дела, и мир тому возрадуется. В том сокровище есть три вещи: первая –

---

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что корзину копыты и пазнохты возимеет он, Мурат, в том признался».

чалма, второе — персона, а третье — жезл. А свойство жезла: что он изнутри печаль изгоняет и неприятельская армия вне силах будет. Сверх того, и такое ея есть свойство. Когда ты будешь иметь уединение, тогда будет она давать тебе наставление. И между народом многую зделает службу, которую никто описать не может¹.

Сто осмаго листа на первой странице:

О! Ученики, знайте и о небесном состоянии разумеите. Всякой из вас о граде Египте благую молитву приносите: ибо сей град крайне великолепен. И где б еще такой град был! В коем и владычество будет возшествие на него так славно, как бы сесть на.месяц. Его приятным местом зделала жена Фараонова в честь матери Асииной².

Того ж листа на второй странице:

Щастие твое и место престола, в разсуждении чести и щастия пророка Соломона во сто тысяч крат превосходнее. Соломонов престол языком изобразить трудно: однако твой престол и корона явны суть, и кто осмелится об нем говорить! По овладении престолом все явно служить будут. И хотя ты на том престоле не будешь: однак от храбрости твоей все трепещут, потому что тому месте собравшиися ангели стоят, и что сие место престола владетеля, радуется.

Сто девятого листа на первой странице:

Мысль твоя клонится к Египту ради того, что престол твой там. А по возшествии на оной все грады растворятся, и сие тебе так, как сахар.

Престола твоего подъятие и в Египет переселение — дело ангельское; как равно и от отца твоего пророка Илии. И хотя ты на престол еще не возшел; однак они место твое поздравили. И так ты размышления свои не распространяй: ибо сия твоя книга Ветхому завету, Псалтири и Евангелию верной ключ. Чего ради ее Господа веры во ожидании находятся. И сколь скоро сию твою ключ книгу увидят находящиеся в неправославной веры, войдут в православие. И когда тот день придет, тогда нечестивые душ своих отчаются; и все неверные во ожидании сей книги находятся. А начальники их возвестили: бутто та книга у них будет³.

Сто пятого на десять листа на первой странице:

Дети твои пришед Вселенную возмут, описанные в сей книге вещи все от рук твоих произойдут.

Сто седмаго на десять листа на второй странице:

Когда от гроба пророкова письмо придет, тогда сия книга твоя объявится. В то время сей древний свет возобновится и боязни отнюдь не останется; таково пророчье письмо приняв с честью, принеси колено приклонение. Книга сия есть от Бога излианная тебе тайна.

Сто дватцать перваго листа на первой странице:

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что реченную чалму, корону и жезл возимее он, Мурат, в том признался».

² Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что в Египте царство будет ему, Мурату, в том он признался».

³ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что сия его книга будет ключем трех книг, он, Мрат, признался».

Имя Абдрешитово в памяти: понеже дал он твердые желание, и вступя в путь. К тебе пришел. Он есть в вере своей твердой человек; к нему коснулся от благоговейных людей один: знак удивительно светлый во сне он видел, и сей его сон есть надежной.

Сто тритцать перваго листа на второй странице:

Десятилетней сын твой совершен. Его писало перо власти. И так ты с ним будь склонен. Между тринадцати человеками, у двоих печень велика, но два ему еще потребны, и будут они как жемчуг. Величества желают за то, что они от чести оставлены. Десяти святых достоинство известно будет там: предопределение мое кто нарушить может, понимай сей глагол. Как ученики мои еще несовершенны, то и достоинство их остановилось; а притчиною тому два человека:

Сто тритцать втораго листа на первой странице:

Дело прекрасного старца совершенно исправить без сумнения Илия; а товарищем ему Абдулнасыр: разумей сие совершенно. Но кто сей Абдулнасыр, знаете ль, мои ученики? Сын он Абдрахманов. Превосходный один товарищ изобразится, так как солнце и месяц. Хотя он и беден; но будет победитель, как Надыршах. На месте Абубякировом будет, без сумнения, Муса: души своей не пожалеет и будет ею жертвовать, потому что литеры пришли совершенно. Намеченный ушел, а другой на место его пришел.

Знай ты Муса сие точно. При присудствии Мусы, не будь ты оплошен, солнце и небу подобный. Сей книги начало от сна его ключ. Не презирай сего начертания; ибо меч не будет далек.

Сто сорок шестаго листа на первой странице:

Между неверных в настоящее время есть один волхв, имеет желание его к произведению неверности. Сей волхв, испрося от наместника Божия¹ вещь, волхование свое в действо производить склонность иметь будет. Между тем к наместнику о том, что неверность его уведана, известие придет. Потом будет сражение, подобно бывшему в прешедшие времена. Подле кладезя, имянуемого Бядир, где суд основан будет на имени твоём. Помянутой волхв, дав наместнику присягу, возжелает для своего волшебства вещь и скажет: что кто над войском тайное сношение иметь будет. Сей свирепый волхв, как сатана покажет им смирение, и представив себя в православной вере, коварство покажет. И хотя существительное его состояние возвещено, но что делать; ибо он подобно как пророчей товарищ имянуемой Абусуфиян-абаги, плакать будет. Затем от наместника воспоследовало повеление, чтоб все они сядились на коней. Сколко лет реченной волхв обманывает: якобы он веру православную восприимет: для чего наместник от продолжения брани во удержании находился.

Такое обстоятельство, узнав наместников министр, определил на место его другаго, и то состояние разсеяно между народом. Сей министр означенное состояние чрез письмо наместнику объявил с тем, что нечестивые ныне найдены: и так бы он сам о том исследовал.

Министры наместнику обстоятельство подробну донесли. Следовательно, и окончилась надежда, а вежливости не осталось, для того, что он создателя своего, Бога, не знает.

---

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Наместником Божиим имянуется султан турецкой».

Обращающихся при наместнике людей поймав, с строгостию поступили и, нечестиваго связав, наместнику представили. Между подданными его был один такой нечестивой, в неправославной веры находящимся друг, которой получая от обоих сторон себе презенты радовался

Свет Божии наместник тогда ж определение зделал, что во граде Болгарах есть много его родственников, следовательно де, сие одно знамение случилось. И наместник о том плакал, кто б были в том граде Болгарах почтеннейшие его родственники, которые там между нечестивыми и неверными находятся, яко пленные, и за которых нетерпеливо я воздать имею: и так, прочтя одно божественное из Курана изречение наместник стал вне себя: но никто о сем знать не может: что он, взяв Куран и учиня присягу, предприял, седши на шастливую лошадь, путь его продолжать. А в успехах своих возымел прибежище к Богу¹.

Прочетши еще из Курана Божие изречение, наместник уведомился, что теперь Вселенной поправление совершенно настоит: ибо между регистром драгоценному камню подобные слова есть: из которого регистра такие путеводствующие слова, известны будут, подобно как бы слепому жезл был дан: и все подданные сотовариществующие желания препровождателю наместнику с плачем возгласят: где наша розоцветная персона.

Четыре монарха Вселенною владели и премного размышляли, напоследок с света преселились. Имена сих четырех монархов во свое время были известны: двоя из неверных и двоя из правоверных. Из тех неверных один пророка не познавшей, поганой Немврод, которой вместо того, что хотел в свете вечно остатся, от одной мухи света лишился. Второй претендовавшей себе божество и не познавшей прямого пути, имянем Шиддят, которой вместо того, что желал справедливость производить, напоследок поклонился диаволу. А из двух правоверных: один божию пророк царь Соломон, которой на дела их желания не простирал, кроме любви к Богу.

Сколь скоро вторая чреда Вселенною владеть Александру досталась, то он, увидя образ розоваго лица, как у него терпения не осталось, плакал. Сей Александр, возжелав щастия розоваго лица особы, поверг себя в печаль и, сыскивая живой воды, весь свет прошол².

Наместник скажет: о! мужие, разумеите сегоднешней день; тот день, в которой желание четырех монархов найдется, все вы тому радуйтесь, что вы здесь щастие видите. Я суще один бедной града Болгара, человек хорошей фамилии: детей, от меня произшедших, довольно. Его имение как и приобретенное щастие и образ есть явны. А есть для него еще семи местах сокровище, и путь пророка безсумненно, ему принадлежит: притом

---

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что сего времени наместник с предприятием путешествия сел на коня, в том он, Мрат, признался».

² Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что сих четырех монархов желание у него, Мрата, будет, в том признался».

найдет он живую воду: в руках его трость, и пророк Илия клеветом будет. Находящиеся здесь вещи – все обрящутся у него¹.

О! Мужие, возстаньте и на встречу той персоне без всякого прекословия грядите и внемлите, что Бог о нем в Алкоране упомянул: удали Боже всякого прекословия, ибо он и детей пророка объявил.

Наместника войски всякой день умножаются: наместник клеветам своим удивительные речи предлагает, чему они изумляются.

Наместник сказал своим подданным: упомянутой в Алкоране сын, кто таков, знаете ль, он тот сын будет, в котором найдется реченных² четыре монархов желание: и все находящиеся во Вселенной подданные его будут. Для того, что означенной в Алкоране персоне никто противится не может³.

Наместник ездив в Кягбу для посещения принял учение. Ты о семь не сомневайся, ибо дела его следуют по Алкорану.

Последняго века обладатель в Алкоране во главе Кагаф имянуемой, известен. А наместник от гроба пророчья, по учинении посещения на щастливой лошади возвратился. Напоследок он, наместник, возлож на тебя руки, учинит покорность: ибо он желает одного приятного дела, которое в том состоит, чтоб, все в свете зло прекратя, в Болгары послов послать.

Такие от него наместника послы в Болгары отнюдь не продолжаясь придут и сию книгу потребуют. И когда сей свет раем будет, тогда много диковенок будет. Следовательно, и Вселенной исправность в то время последует⁴.

То желание с каким благополучием будет, того никто описать не может. Чьими руками сия книга издана будет, тот по желанию своему дела производить будет, толко люди его, увидив, не познают, ибо у него нет теперь знака владетеля. Разве кто к нему пристанет, тот делам его воздвигнется, потому что нет в свете преимущественнее того ничего.

Во Вселенной суд его подобно воде течи будет. И до которого б места разсуждение его ни коснулось, там будет оно ясно, как солнце.

Двусотого листа на второй странице

Дела твои светлый как роза: и повесть твоя в Константинополе вся известна, и любезны как душа.

Двести шестаго листа на второй странице:

Время то благословенное; ибо во оное изобретен будет витязь. Сим витязем ты прославлен: что сия книга возвестит.

Двести десятого листа на первой странице:

Правду делать ему надлежит; ради того, что каждое дело на мудрости основанное будет. И когда б он ни пошел, везде с помощью Божию грады отворит; ибо к Богу

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что помянутое в семи местах сокровище, живая вода и наместниково изречение, чтоб шли на встречу к нему, все принадлежит ему, Мурату, в том он признался».

² Слово «реченных» написано на левом поле в начале строки тем же почерком.

³ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что Вселенная ему, Мурату, покорится, в том он признался».

⁴ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «Что по прибытии от наместника послов такую его книгу потребуют от него, Мурата, в том он признался».

ближние четыре ангела, да и протчие ангели бесчисленно при нем: сверх того и равно бесчисленно при нем разных уборов из атласу и протчаго будет.

Двести тридцать второго листа на второй странице:

В семи местах верховной святой будучи явен дела производить станет. И на всяком месте наука его по основанной от Бога тайной мудрости ознаемится.

Сверх того, сей верховной святой в четырнадцати местах будет ведом и наукою его с горы Кафказской на гору итти имеет.

Двести сорокового листа на второй странице:

В последние времена так, как царя Александра, одного справедливаго монарха возставит. При которых всех святых верховнейший товарищем будучи Вселенною обладать будет. И все сокровенные мужи, следуя его мыслям, помощниками будут. А о пришествии такого времени, кроме Бога, никто не знает.

Двести сорок осмага листа на первой странице:

Ученики его каждой явно сеять будут драгоценные каменя. О! Друг мой Магомед, свойства его совершились: вследствие того и ты соверши. Верховной святой взойдет на степень щастия, и все ангели тому воздвигятся; ибо что войску его подобного нет, и о числе оного, кроме Бога, никто знать не может.

В которой день книга его напишется, в тот не будучи никто в среду допускаем дело исправится: и в чьих руках трость будет, тот придет ко гробу пророка Магомеда.

Из тетратей; второй, осмага листа на второй странице:

О! Щедрый Боже, просвети мои очи, дай мне во вселенной мир и место изящное; ибо все дела от Тебя возможные; есть ли ты милости со мною не сотворишь, то когда от меня печаль отойдет. О! Боже, избави мя от пленения и возвесели: а естли Ты не избавишь, то когда суд мой во Вселенной произнесется.

Четвертой тетрати, четвертого листа, на первой странице:

По прошествии довольного времени сошлю я на свет одного. И то время будет удивительно приятное, так что и говорить о том образы есть многие, и тогда от рая с небеси снидет престол. О! Пророк, сей престол в раю ты видел, на которой в последние веки сядут твои дети и суд произведут. Сей престол над твоим сыном будет колыбелью, и трость его дело произведет.

Той же четвертой тетрати пятого листа на первой странице:

Зол в свете много: от множества которых народ в нищету впали. Града сего имя есть Болгары. Знайте, о! мужие совершенный, которой отныне просветится и переимянуется Наубагаром (то ест новою весною). В то время праотца твоего и пророка Адама престол покажется в виде вертограда.

О сорокиногах вертоградимянуемой Ирам, которой построил претендующей божества царь называемой Шиддят, покажется тебе как пыль. В которое как благополучное время вертоград назоут Наубагаром.

Райской престол есть из чистого серебра. И сей престол будет тебе колыбелью, на котором и увеселение твое будет.

Пятой тетрати четвертого листа, на второй странице:

Руки твои будут держать архангелы Гавриил, Михаил и Исрафил. И чрез них пошлет к тебе ангел Исраил поздравление.

Шестой тетради третьяго листа, на первой странице:

В вертоград твой весь мир без остатку войдет: ты и со ставкою в перстне. Подошедшей к тебе от Бога премудрости, желание свое препровождать будешь. Беды и шум все прекращены будут. И что в перстне твоём есть высочайшее Божие имя: то свету будет известно. Притом товарищи твои будучи свободны, вся боязнь от них отойдет: чего ради и должно Богу благодарность воздать. И какая сия душа: то читал ты в книге вечного промысла Божия, что есть у тебя в перстне вставка: которая без всякой оstonовки будет известна и без всякого размышления народ восточной и западной к тебе придет.

На первом лоскутке бумаги написано:

Посредник святых послан к наместнику ради спросу о состоянии, в последние веки притти имеющаго Мягдия.

На втором лоскутке:

Посредник святых отправлен ко гробу пророчью: ради исправления военных дел. И ангели ему в том сотовариществуют: как то о сем сия книга возвещает. Кто будет от нея отрицатся, тот человек неистовый. Божию пророку от меня поздравление послано, и что я от печали здесь в болезни нахожусь, когда от Всемогущаго и грехи рабов прощающаго Бога в предопределении написано. Следовательно, и повеление воспоследовало, то без оstonовки тем дела исполнились. Сверх того, ангелам повеление от Бога воспоследовало, чтоб они поганые души ни одное не оставляли, даже до ссуших младенцов. Но естли сии ангели, не исполня такое повеление, возвратятся с пощадюю, то подпадут под гнев и мучение: так как Бог возвестил. И что Мрат-Бакий сокровенная казна Божия, о том пусть явно все да знают, а не знающия в один час погибнут.

На третьем лоскутке:

Предприемлющие повредить Кягбу люди, в каком находятся теперь состоянии? О! Боже, покажи мне об них свое одно знамение. И как посредник верховной и нижния святыя в твоих услугах: то пошли их для воззрения на Кягбу, ибо они особливые твои раби.

Пусть сии святые увидят мои могущественные дела и, увидев их, как от меня созданные, по приходе тебе возвестят. На сие место между небесами и землею преисполненно ангели сошли; ибо, без сумнения, такое повеление воспоследовало, чтоб в сию ночь непродолжительно пушка власти выстрелила. И ты всем троим сей образ на письме напиши, которой днем и ночью виден будет, как слова сладкие.

На четвертом лоскутке:

От казны возвести, кому место Якупово принадлежит? И естли на сем месте будет Абдулкарим: то тебе способы найдутся. А по какой причине реченной Абдулкарим на месте Якуповом не находится, о том будет известно.

О! Боже, открой нам сие? Как и то, на котором нам месте его, Абдулкарима, ознаемить надлежит.

Человек Зюбьяир Ягазы называемой, сокровище есть фруктов, и где есть оному подобное: фамилия и дети его странные. Где ж его fortuna? Ему следует для себя дело найти, а дел сих имяна объявить из тайной казны. О! Боже, все вспомоществующие дела от тебя бывают, ибо власть суть твоя. На сию службу Абдулкарима ты определил как он

твой любезный раб. Между пятью человеками сей ли есть Абдулкарим великий и будет ли он гора об гору бить? О! Боже, приятной мир от тебя есть.

На пятом лоскутке:

О! Боже, покажи нам здесь одно знамение послан от нас Зюбеир Джазаги: коего предприютное дело благое. И которая жена веру исповедует, той имя есть Загифа.

Когда ангельская и духов пророка Илии и архангела Гавриила служба пред тобою будет. О! Мой Боже, приими сие за благо; чтоб они, сходяв туда, с благословением возвратились. Четыре ближние ангела в сим деле упражняются; повели им сию службу явно отправлять.

О! Щедрый Боже, всякое твое желание исполнить ты всемогущ: подай и всякого рода людям о себе веру, чтоб не осталось горести и печали.

Рабигу отыскав, пусть ее поздравит; но есть ли она в том месте, пусть сама она говорит. Сие известие наместнику да будет ведомо. Пусть придут все генеральным собранием; ибо есть твое повеление. О! Боже, виденное мною во сне просвети как солнце и без всякого толкования изъясни, где место его престолу, которой престол снидет с небес. Но чье на нем участие есть, то именованной посредник святых увидит.

На шестом лоскутке:

Служба посредника святых Зюбьяира-язаги имянуемого, в каком месте быть может? О! Щедрый Боже, милостивно дай о том, хотя чрез сон, знать. О! Раб мой, тому посреднику святых состояние турок покажи: о образе которого я тебе покажу, как и о именах открою, и служба их ознаемится. Когда они всегда в собрании пребывать будут: тогда написанные в сей книге обстоятельства им представлятся.

О! Боже мой, какая служба написана будет и в которое место по желанию твоему действующей святой послан будет?

На седмом лоскутке:

Начиная во имя Бога, послано сие письмо, в прекрасных устах изображенной персоне: всей части света месяц ты и всех подданных мать. О! Моя монархиня, душа твоя святая: послана будет от нас к Твоему величеству одно прекрасное письмо: держава твоя есть один вертоград, и в нем плод. С тем твоим плодом препровождается от нас вам поздравление.

В щастливом вертограде да будет жизнь твоя продолжена без всякой перемены. Да будет вам известно: чрез тайну дается нам о одном знамени ведать, что в твоей державе есть один бедной, на котором клевета всего народа; к тому бедному денно и ночью от Бога тайна приходит, и он, взяв трост, пишет, не имеет терпения потому что внутренняя его, будучи наполнена тайною, кипит. Сей бедной Вашему величеству через Куран присягал, в которой и находится непоколебим. Сокровище тебя знает: ты есть дом розовых. Щедрый Бог взял мое терпение и в мысль мою вложил явно тайну. Книгу толкование Алкорана знаешь ты безсумненно: она пишется моими руками. И, кроме тебя, никто чести сей моей книги не знает. Ради того бедный раб твой самую правду тебе представляет. Кто снисходителен у него и место величества будет. Грехи его истребятся, и будет он от Бога помилованной раб.

Переводил регистратор Михаил Воинов.

Во имя всемогущаго и милость творящего Бога. Вступающие в море единства будут здесь известны.

О святом дали руки и возрадовались. Пророк Илия, будет сих учить всегда. Привлекатели сердец будут им спосшествовать безсумненно. В единачестве клеветом учинился Айт. Потом руку дал мулла Шарып явно.

Окроме их, есть и о протчих объявить теперь. За ними присягу дал Мулламеть, равно без сумнения. За сим дали присягу в месяце шавале¹ во первых, Абдулвагап Абдрязак ведай явно, что и Мустай Абдряшит слободские. После Абдулвахит и Абдряшит совершенны. Мулла Мендей, Габбас и Мяджид как мужие совершенны. Напоследок Абдулкарим да Темир-Булат.

О! Щедрь Боже, не раздели их, но, утвердя в истинне покаяние их, прими за благо. И даждь каждому степень достоинства воспитания. О! Боже, а и на ково чья б могла быть сила в правде.

О! Защитниче Боже, мысли их освяти от прелести. О! Помощниче утверди их каждого в службе святых.

В заключении сего дал присягу Абдулхалык. Так же утверди его во оной со степенью Боже, неверным и нечистивым покажи их явно, чтоб сколь скоро их они увидят пали от трепета. О! Боже, прими сию молитву за благо. Открой всякому премудрость. О! Боже.

Переводил регистратор Михаил Воинов.

Источник: РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 281, л. 1-36.

Опубликовано: Гасырлар авазы=Эхо веков. 2007. № 2. С. 82-94.

---

¹ Далее на строке стоит примечание латинскими буквами NB, двоеточие и косая черта. После воспроизведения этих знаков на левом поле написано: «То есть в генваре».

№ 10

Письмо Екатерины II Вольтеру

1767 г.

Я угрожала вам письмом из какого-нибудь азиатского селения, теперь исполняю свое слово, теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою. Надобно, однако ж, дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала, но подробности... и какие подробности! Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!

Опубликовано: Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. М., 1803. Ч. 1. С. 30-32.

№ 11

Указ правящему должность генерал-губернатора симбирского и уфимского барону Игельстрому об учреждении должности уфимского муфтия и мусульманского духовного собрания

1788 г.

Приняв за благо представление ваше, чтоб муллы и прочие духовные чины магометанского закона между народами оный в империи нашей исповедующими, определялись не инако, как по учинении им надлежащаго испытания и с утверждения наместническаго правления, повелеваем вам произвести сие в действо, и вследствие того учредить в Уфе духовное собрание магометанскаго закона, которое, имея в ведомстве своем всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической области, где особое есть духовное управление, в случае надобности определять их куда-либо вновь, сии люди были испытываемы и не инако определяемы, как когда признаны будут достойными; со стороны же наших генерал-губернаторов, правящих ту должность, в отсутствии же их губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди, в верности надежные и доброго поведения. В духовном собрании помянутом председательствовать первому ахуну Мухамет Джан Гусейну, коего мы всемилостивейше жалуем муфтием, с производением ему жалованья по 1500 р. на год, с ним заседать 2 или 3 муллам из казанских татар, в верности к нам и в добропорядочном поведении их испытанным, с жалованьем по 120 р. на год; о чем предоставляем вам снестися с генералами-губернаторами и правящими их должность тех губерний, в коих народы магометанской веры обитають.

Источник: ПСЗ-1. Т.22. №16710. С. 1107.

Опубликовано: Ногманов А.И. Екатерина II: «...повелеваем... наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения» // Гасырлар Авазы=Эхо веков. 1998. ½.

№ 12

Из писем муфтия Абдуссаляма казанскому мулле Худжашеву

1-е письмо.

По докладу его превосходительства Оренбургского ген.-губернатора г.министру, а последнего его императорскому величеству, было соизволено выдать мне 4000 р. для закупки дома; здешняя Казенная палата уже получила приказ Министерства финансов, а Министерство духовных дел сообщило военному губернатору.

2-е письмо.

С прошлой почтой получил от высокопревосходительства духовного министра г. Шишкова радостное извещение, где он пишет: «Вами составленное молитвенное слово о ЕИВ мною доложено ЕИВ, которому оно весьма понравилось. Его и. в. подарило вам шубу, которая послана оренбургскому военному губернатору для передачи вам.

По получении бриллиантом украшенной золотой медали от ЕИВ я написал г. Блудову о своей благодарности и добавил: «Если заручитесь удобным случаем, просите ЕИВ о приеме меня в академию, где бы я мог лично поклониться и лично принести искреннюю благодарность и свою молитву за его высокие вознаграждения». В ответ на которое его превосходительство Блудов пишет: «Вашу просьбу докладывал ЕИВ Государь император удостоил выражение ваше верноподданнической признательности всемилостивейшего внимания и высочайше повелеть мне соизволил объявить вам о сем, как и о том, что вы будете вызваны в Санкт-Петербург при первом удобном случае». Это нас очень порадовало. Бог дал бы возможность встретить светлое благородное (лицо), быть удостоенным внимания ЕИВ и тем обрадовать всех друзей.

Опубликовано: История Татари в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 349

№ 13**Из приговора по делу о мулле Сайфуллине,
преданном суду «за совращение некрещеных вотяков
из идолопоклонства в магометанство»**

Малмыжского уезда деревни Тюнтера соборный мулла Галей Сайфуллин не сознался в совращении в магометанский закон некрещеных вотяков и чуваш разных селений, и сим последние на очных с ним ставках утверждали, что приняли тот закон по добровольному желанию, которое подтверждается частью тем, что Сайфуллин, не зная закона, возбраняющего такое присоединение, ходатайствовал об утверждении тех крестьян в магометанстве у г. министра государственных имуществ и оренбургского магометанского духовного собрания, а при том довел до сведения волостного правления, и хотя по такому соглашению и по недостатку законных улик нельзя признать его совратителем, но за сим тем неизволительно для него, что присоединил тех крестьян, прежде нежели заявил о том начальству, потому сия палата определяет мулле Сайфуллину сделать строгое подтверждение с подпиской, чтобы впредь делать того не осмеливался, под опасением взыскания по строгости законов. Вышепоименованных крестьян за ложные при следствии показания, не сопровождаемые обстоятельствами, увеличивающими или уменьшающими вину вместо определенного за сие 1169 ст. Уголовного уложения трехнедельного ареста по силе 1-го пункта 38 ст. Уголов. уложения наказать при сельской расправе розгами, дав каждому по двадцати ударов.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 349-350

№ 14**Указ Екатерины II Сенату о назначении муфтия
над всеми мусульманами России**

23 сентября 1788 г.

Находящемуся в Оренбургской области магометанского закона первому ахуну Мухамет Джан Гусейну Всемилостивейше повелеваем быть муфтием над всеми обитающими в Империи Нашей сего закона людьми, исключая Таврическую область, где от нас определен особый муфтий. Жалованье ему производить по 1 500 рублей на год; а в какой силе дан указ Наш генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Симбирскаго и Уфимскаго, барону Игельstromу на представление его, относительно духовенства магометанского прилагается при сем копия для сведения и предписания нашим генерал-губернаторам и правящим ту должность в наместничествах,

где обитают люди магометанского закона, дабы они в определении духовных чинов закона предписанию Нашему соображались.

Источник: ПСЗ-1, т. 22, № 16711, с. 1108.

Опубликовано: Ногманов А.И. Екатерина II: «...повелеваем... наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения» // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1998. №1-2. С. 107.

№ 15

Выборы в Казанской татарской ратуше трех заседателей в Оренбургское магометанское духовное собрание на 1794-1796 гг.

Декабрь 1793 г.

1793 года декабря 1 дня Казанских татарских слобод в ратуше в журнале записано тако:

Предложение Его сиятельства превосходительства господина генерал-майора казанского наместничества правителя и кавалера князь Семена Михайловича Баратаева, о собрании сей ратуше в свое присутствие лучших стариков обеих татарских здешних слобод и в хорошем поведении известных, так же из тех слобод двух благонадежнейших в поведении и искуснейших в магометанском законе мулл, равно и присланных из нижних земских судов прописанных в том предложении поименном девяти муллов ко учинению при голове тех слобод узаконенным порядком выборы или выбалтированию из всех тех одиннадцати мулл на место заседающих ныне в учрежденном по высочайшему Ея Императорского Величества соизволению в Уфе духовном магометанского закона собрании муллов троих искуснейших в знании магометанского закона, в верности надежнейших и в добром поведении больше прочих одобренных и о прочем; ПРИКАЗАЛИ: о собрании из слободских мирских людей лучших стариков и двух мулл в ратушу, и о выборе из них, а также и присланных из нижних земских судов уездных девяти мулл троих в духовное собрание в заседатели и во всем прочем исполнение учинить как тем его сиятельства предложением предписано во всем непременно; подлинной подписан бургомистр Губайдулла Рахметуллин, ратман Башир Аитов, ратманы печати приложили Абдулла Рахметуллин, Биккений Субханкулов.

[...]

Его сиятельству превосходителному господину генерал-майору
казанского наместнического правления и кавалеру
князь Семену Михайловичу Баратаеву

Рапорт

Во исполнение вашего сиятельства повеления на место заседающих ныне в учрежденном по высочайшему Ея Императорского Величества соизволения в Уфе Духовном магометанского Собрании муллов обществом казанских Старой и Новой татарских слобод первостатейными служилыми татарами в присутствии ратуши и при слободском голове из назначенных имеющихся в упомянутых слободах двух и из присланных здешней казанской губернии из нижних земских судов 9-ти. Итого 11-ти лучших мулл в будущее 794, 795 и 796 годов, заседателей три человека избраны по большинству баллов: Тетюшской округи деревни Старых Лашей Ермий Бикбов, 2-й Арской округи деревни Казанбаш Бикчентей Ягаферов, 3-й деревни Менделей Шафей Маметкулов, которые с избирательным листом и списком за подписом избравших представляется при сем.

Декабря 8-го дня 1793 г.

Источник: НАРТ, ф. 22, оп. 2, д.731, л. 11-12об.

№ 16

О назначении в Казани ахуном Шамшуддина Абдрешитова

12 июня 1791 г.

№ 70. получено июня 12 числа 1791 году

От определенного учрежденным в Уфе магометанского закона духовным собранием над жительствоющими в Казане и онаго наместничества в округах того магометанского закона народ ахуном Шамшуддина Абдрешитова, казанских татарских слобод в ратушу,

Сообщение

Как выше означено что я учрежденным в Уфе магометанского закона духовным собранием определен, да и уфимским наместническим правлением утвержден над жительствоющими в Казане и онаго наместничества в округах магометанского нашего закона народ ахуном, и начин сеи в верной службе в присутствии того уфимского наместнического правления требовано, о даче мне на то достоинство указа, и жительствоющим в здешнем наместничестве того нашего закона народом объявив почему таковой указ от здешнего наместнического правления мне и дан, а о объявлении живущим в округах магометанского нашего закона народам о том утверждении меня в ахуны и городничим и в нижние земские суда указы посланы, казанских же старой и новой татарских слобод татарам не объявлено, да и кроме оных еще из такового же магометанского нашего закона люди находятся в военном Ея Императорского величества службе ведомства казанских адмиралтейской канторы и обер каменданского канцлярии, и для того с вышеозначенного данного мне из

казанского наместнического правления на чин указа приобщая при сем точную копию, коя ратуша получа благоволила б живущим в обеих здешних слободах татарам всем без изъятия объявить, с тем чтоб они в касательных до духовенства делах не могли присутственные места минуя меня утруждать, а о таковом же объявлении и находящимся под ведением казанских адмиралтейской канторы и обер каменданской канцелярии из магометанского нашего закона военным служителям в те команды учинив от себя представления; мая дня 1791 года

Ахун Шамсуддин Абдурашитов // [л. 3]

копия

Указ Ея Императорского величества самодержицы всероссийской из казанского наместнического правления

казанской новой татарской слободы мулле Шамтутдину Абдрешитову наместнического правления слушав сообщение полученное от Уфимского наместнического правления в коем изъяснено, что Уфимским духовным магометанского закона собранием утвержден как в городе так и в уезде сего наместничества Шамсуддин Абдрешитов, по испытанию в том духовном магометанского закона собрании оказался по магометанскому закону ученым в правилах человеком, и по хорошему твоему поведению и знаемости к правилам закона магометанского в ахуны, и на чин сей в верной службе в присутствии того правления к присяге приведен, требует о даче тебе на то достоинство указа, и жительствующим в здешнем наместничестве магометанского закона народам объявить, ПРИКАЗАЛИ: как уфимское наместническое правление уведомляя сообщением что ты Шамсуддин Абдрешитов по удостоение учрежденным в Уфе магометанского закона духовным собранием утвержден уже ты ахуном, почему и дать тебе Абдрешитову сей указ и предписав чтоб возложенное на тебя звание отправлял с должным порядком и исправностью на основании законов, и послать кроме козмодемьянского ядринского и чебоксарского городничих и нижних земских судов и прочих указ /: и послан:/ с предписанием дабы жителям магометанского закона о утверждении тебя из мулл в ахуны учинив и объявлении: марта 14го дня 1791 года на подлинном подписали

Иван Лехачев, секретарь Александр Попов, архивариус Григорей Казанцов, на том же подлинном указе красная сургучевая приложена печать, печатные пошлины двадцать пять копеек с четвертью, за восковую печать одна копейка взяты.

Источник: НАРТ, ф. 22, оп. 2, д. 601, л.2-3.

№ 17

**Сказка татар деревни Моклокова Спасской волости Васильской округи
васильскому земскому исправнику об обстоятельствах,
побудивших жителей этой деревни к крещению**

ноябрь 1802 г.

1802 года ноября ...дня прибывшему васильскому земскому исправнику господину артиллерии подпорутчику Станиславскому, Васильской округи Спасской волости татарской деревни Моклокова старшие из всех оной деревни жителей татары: староста Абдрахман Шарипов; рядовые: Назар Романов, Шарип Рязанов, Биккуня Масяпов, Манюря Адельшин, Аряп Аблязов, Халит Биккулов, Аряп Асманов и Осип Муртазин, на требование его, дали сию сказку в том, что означенные в ведомости новокрещены с семействами поступили в христианскую веру по нижеписанным случаям: Петр Алексеев и Кирилла Никитин точно по их приказанию. Вдовы Елены Алексеевой мужа Егора отец крестился, будучи под судом в городе Курмыше во избежание телеснаго наказания, а оный Егор, уже по произволению того отца его, в возрасте. Исай Никитин действительно таким образом, как показывает. Николай Васильев, Антон Васильев и Спиридон Яковлев по крещению их отцов; но почему отцы их крестились, упомянуть за немало прошедшим временем не можем. Ивана Петрова и Никифора Егорова отцы крестились для трехлетней от платежа податей и рекрутской отдачи, по бедности их, льготы. Вдов Дарьи Ивановой мужа отец по какому случаю крещен, не знают. Трофима Исаева дед крестился для трехлетней вышеписанной льготы. Вдов Анны Осиповой и Натальи Петровой мужьев их отец Иван Андреев крестился по своему собственному желанию без всякого принуждения и первоначальный был в оной деревне новокрещен. Семена Васильева отец крещен за произведенную с вышеписанным братом Иваном Андреевым ссору, в прекращение оной. Алексея и Антона Ивановых, Василия, Алексея, Якима и Федора Егоровых точно отцы же крещены, а по какому случаю, тех времен уже не помним, поелику и оные дети их некоторые нам едва уже не сверстники. Вдов Марьи Еремеевой и Прасковьи Никитиной мужьям: Алексею и Тимофею Федоровым и брату их Василью Федорову отец крестился для вышеписанной, по бедности его и по многоимению семейства, со всем семейством, трехлетней льготы. Кирилла Алексеева отец, а вдовы Федосьи Федотовой свекор Алексей Гаврилов, по какому случаю крещен, не упомянем, поелику сын его Кирилла нам уже сверстник же; а вдовы Матрены Макаровой и мужа ее весь род крещен, но по какому случаю, не знаем же. Семена Иванова отец крещен точно по той причине, как он сам показывает в своем показании. Василья Герасимова отец крещен из принуждения новокрещеным Иваном Андреевым, который в оном имел тогда неоспоримый, через посредство города Курмыша начальников, случай. Матфея Константинова, вдовы Анны Кирилловой и мужа ее, который Константиновой родной дядя, равно Владимира Никитина, Петра и Федора Яковлевых и вдовы Марьи Константиновой крестились деды для трехлетней, по бедности их, вышеписанной льготы; а мужа ее вдовы Константиновой отец Петр Иванов крещен во избежание за

преступление телесного наказания. Степана и Ивана Якимовых, отец Яким Ибраев крещен по желанию его, обще с увезенною из татар же солдаткою, желая на ней сочетаться браком. О чем в сей сказке и показали самую сущую правду, без всякой утайки.

К подлинной сказке вместо старосты и татар по их прошению волостной староста Мензя ж Измайлов руку приложил.

Из отношения Казанской палаты государственных имуществ казанскому военному губернатору.

Миссионер казанской Райфской богородицкой пустыни, архимандрит Амвросий, в журнале, веденном им при обозрении в 1837 г. новокрещенских приходов, представленном к его высокопреосвященству, прописал июня 29 числа 1837 г.: был он Тетюшского у. в селе Можарове, где по всему приходу повешено было им миссионером, чрез волостное правление, чтобы все прихожане собирались на молитву в церковь божию. 24 числа им с приходским священником совершена божественная литургия, при которой новокрещенных из татар и чуваш находилось человек до 80-ти, но оные из татар крещеные, стоя в церкви за службою крестного знамения на себе не изображали и стояли в церкви не молясь, к чему хотя и были всемерно побуждаемы, но они остались упорными, отзываясь тем, что не умеют молиться.

...Татары отвечали, что они христианскую веру не содержат, по незнанию ее и русского языка, но сия их хитрость означает то, что они не желают быть сынами церкви. Сим крещеным из татар в числе 17 чел., находившимся в церкви, делалось местным благочинным и всем духовенством и даже русскими христианами увещание, но все меры остались недействительными; из них главнейшими возмутителями оказались деревни Черемшана Григорий Алексеев, Семен Григорьев, Иван Романов и Алексей Иванов, которые и святой крест лобызать и благословение принять от него отказались, и прочих к тому же наклоняли, и как на них не было крестов, то были им розданы и надеты свои кресты, которые старались они с себя скинуть; дух новокрещенных сего прихода татар весьма нерасположен к вере христианской, и неудобопреклонен к оной так, что настоящие меры обращения их весьма слабы и безуспешны, но неотложно требуются иные меры, или переселения их в старорусские селения, или посылки в монастыри на смирение.

Из сообщения Казанского губернского правления в Казанскую палату государственных имуществ

Миссионер казанской Седмиозерской богородицкой пустыни игумен Варсонофий в журнале, веденном им при обозрении в 1838 г. новокрещенских приходов, представленном к его высокопреосвященству прописал: июня 10 числа прибыл он в село Матаки; с вечера отправлено всенощное бдение, а 11-го литургия соборне, за которую были и крещеные татары, богослужение они не понимают, потому что редко бывают в церкви, празднуют пяток, русских и чуваш православных в их приходе 5361

чел.; раскольников 4 души, кои в расколе около семи годов, новокрещенных из татар 198, из коих 86 не были ни у исповеди, ни у святого причастия по нерадению, а 112 чел. уклонились совершенно в магометанство, новокрещены восприяли святое крещение недавно. Татары не исповедываются и не причащаются, о служении молебнов они не просят никогда, и во время принесения к ним икон они из домов своих убегают, крестного знамения они правильно изображать на себе не умеют, молитвы иисусовой и других не знают, икон в домах не держат и крестов на себе не носят, а только словами своими не отрекаются от православия, а по образу жизни совершенно магометане; татары детей своих для приобщения в церковь никогда не приносят.

Советник Москотильников.

4. Социальные движения

№ 1

Летописная запись о начале восстания на Средней Волге – сообщении воевод из Васильгорода о нападении «луговых» и «горных» людей на гонцов и боярских людей «з запасы» на Волге – и карательной экспедиции в район Цивили, проведенной воеводой Борисом Ивановичем Салтыковым по указу царя Ивана IV и по наказу свияжского воеводы князя Петра Ивановича Шуйского

20 декабря 1552 г.

[с. 228] Того же лета 61, Декабря 20 день, писали къ государю изъ Василя-города воеводы, что на Волге побили гонцовъ и гостей и боярскихъ людей з запасы луговые люди, да и горние съ ними были. И государь послалъ въ Свиязьской городъ къ боярину и воеводе князю Петру Ивановичю Шуйскому съ товарищи, чтобы того въ горнихъ людехъ велелъ сы // [с. 229]скати. И князь Петръ отпустилъ воеводу Бориса Ивановича Салтыкова, и Борисъ приехалъ на Цивиль и сыскалъ того горними же людми, что съ луговыми воровали и горние; и Борисъ, поймавъ горнихъ, которые воровали, да иныхъ тутъ повешалъ, а иныхъ въ городъ въ Свиязьской привелъ да у города перевешалъ; и всехъ ихъ казнили 74 человекеы, а животы ихъ истцомъ поотдавали [...].

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 228-229; ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 526-527; т. 20, ч. 2, с. 538-539.

№ 2

Летописная запись о сообщении из Свияжска воеводы князя Петра Ивановича Шуйского о «приходе» на Горную сторону «арских» и «луговых» людей Зен-Зеита и Сарыя богатыря с «товарищи», направлении против них воеводы Бориса Ивановича Салтыкова с детьми боярскими и «горными людьми», и его поражении

24 марта 1553 г.

Тое же зимы, того же месяца [марта] 24, писалъ изъ Свиязьского города бояринъ князь Петръ Ивановичъ Шуйской, что приходили на Горную сторону Арьские люди и луговые, Зень-Зеить да Сарый-богатырь съ товарищи, и князь Петръ отпущалъ на нихъ воеводу Бориса Ивановича Салтыкова да съ нимъ детей боярскихъ да горнихъ людей всехъ. И Борисъ на нихъ пришелъ, а въ то время снегы были великы, и Арьские люди

и луговые пришли съ сторонъ на ртахъ, да за грехъ Бориса побили и самого Бориса жива взяли, да 36 сыновъ боярьскихъ убили да боярьскихъ 50 человекъ да 170 человекъ горнихъ людей убили, а живыхъ взяли 200 человекъ. И то прииде грехъ ради нашихъ¹ и за превозношение наше: Богъ милосердие свое показаль надъ Казанию, и въ насъ явилися гордые слова, а не благодарныя, и учили особъ мудры быть, забывъ Евангельское слово: хто хочеть въ мире семь мудръ быти, буй да будетъ. За многое наше неблагодарение² и въ то время прииде грехъ ради нашихъ, посети немощь православнаго нашего царя, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь [...].

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 230. См. также: ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 528; т. 20, ч. 2, с. 540.

№ 3

Львовская летопись о ходе восстания народов Среднего Поволжья

Тое же зимы [1553 г.] марта 10 день, прислали ис Казани князь Александр Борисович Горбатый, что казанские люди луговые³ изменили, ясаков⁴ не дали и ясатчиков⁵, которые ясаки на Луговой збирали, Мисюря Лихорева да Ивана Скуратова побили, и прошли на Арское и содиначалися вси с одного и стали на Высокой Горе⁶ у засеки. И воеводы посылали на них Ваську Елизарова, а с ним казаков, да Ивана Ершова со стрельцами. И пришли на засеку, и по грехом порознились розными дорогами стрельцы и казаки. И пришли на них арские и луговые люди да их побили на голову и убили пол 400 стрельцов да пол 500 казаков. И после того арских людей и побережными и луговые город себе поставили на Меше⁷, а от Казани от города 70 верст, и землю стену насыпали, хотяше тут отсидеться. Тое же зимы, того же месяца 20 день писал из Свиязского [Свияжского] города боярин князь Петр Иванович Шуйский, что приходили на Горнюю сторону

¹ В Царственной книге далее приведены два варианта текста. Первоначальный текст, написанный полууставом, практически идентичен с приведенном в основном тексте данной публикации, а текст исправленный и дополненный скорописью приводим здесь: «и за нашу разность и неединомышление и нестроение, инде же явися и превъзношение и гордыя слова: понеже Богъ милосердие свое показаль надъ Казанию, и въ насъ явилися гордыя слова и высокоя, и на богатство уклонихомся, а Бога о семь не благодарихомъ, и почали о собе мудри быти и храбри, а строения ни о чемъ не смышляху, но токмо въ гордости своей хваляхомся. И сего ради Богъ къ наказанию нашему попусти таковая быти,» – прим. сост.

² В Царственной книге вместо слов «за многое наше неблагодарение»: «и за превозношение наше» – прим. сост.

³ Казанские люди луговые - имеются в виду жители левого, более низменного берега Волги, которую традиционно именовали Луговой стороной.

⁴ Ясак – налог в пользу государства с феодально зависимого нерусского населения Поволжья населения – ясачных людей. Он взимался натурой (хлеб, мед, пушнина) либо деньгами.

⁵ Ясатчики – правительственные чиновники, направленные в разные районы бывшего Казанского ханства с целью сбора ясака.

⁶ Высокая Гора – небольшая крепость примерно в 20 км к востоку от тогдашней Казани (в настоящее время районный центр Республики Татарстан).

⁷ Мёша – река, правый приток Камы; при впадении Мёши в Каму, повстанцами в 1553 г. была возведена крепость – «Мёшский городок», захваченная войсками Ивана Грозного в 1556 г.

арские люди и луговые, Зензеит да Сарый богатырь, и князь Петр отпускал на них воеводу Бориса Ивановича Салтыкова да с ним детей боярских да горных людей всех. И Борис на них пришел, а в то время снегы были велики, и арские люди и луговые пришли со сторон на ргах да за грех Бориса побили и самого Бориса жива взяли, да 36 сынов боярских убили, да боярских 50 человек, да 170 человек горных людей убили, а живых взяли 200 человек...

Тоя же весны на Вятку послал государь Данила Федорова сына Адашева, а с ним детей боярских, да велел ему с Вятки с вятчаны и с теми детьми боярскими¹ прийти на Каму и стояти по Каме и по Вятке реке и искати над ызменники. А сверху на Волгу государь казаков послал к Данилу, а велел приходити во многие места, еще и бысть над изменники. И Данило с вятчаны стоял по Каме, и по Вятке, и по Волге и побывал на перевозе во многих местах казанских и нагайских людей, а живых в Казань к воеводам прислал во все лето 240 человек. [...]

Месяца октября (1554 г.) прислали ко царю и государю ис Казани боярин и воевода князь Михайло Васильевич Глиньской с товарищы Данила Феодорова сына Адашева. Посылали что они на изменников на Кобеулону с товарищы князей казанских Еналия Чигасова да Еналия Моматова с товарищы да сотцкого стрелетцкого Офонку Бортенева с стрельцы да Иванка Мохнева в жильцы казанскими и с новокрещены², и божним милосердием, а царя и государя повелением, побили изменников на голову и живых поимали привели к воеводам живых Кебенка князя, Курманалия князя и Улаа мурзу Данина, Чебака мурзу Базтаргаева и инных многих князей и мурз и казаков и сотных князей. И воеводы их велели всех побити. И арские люди и побережные переимали сами и многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили, да сами резали их и побивали перед воеводами. И побили их тою осенью тысящу пятьсот шестьдесят именных людей³, князя да мурзу да сотного князя да лутчего казака. И государь в Казань к воеводам послал с своим жалованием 3 золотыми и тем татаром, которые прямо служат государю. И арские и побережные люди все укрепилися у государя, и ясаки все сполна поплатили. А луговые сотники Мамич Бердей⁴ с товарищы в город не пошли и воруют по старому на Волге, приходя на суды. И государь на них рать свою большую послал.

Опубликовано: Источники по истории Татарстана / Под ред. С.Х. Алишева. Казань, 1993. С. 72-75.

---

¹*Дети боярские* – мелкие феодалы, несшие военную службу у князей, бояр, церкви, получая за это поместья.

²*Новокрещены* – представители местного населения, которые после завоевания Ивана Грозного, приняли православную религию.

³*Именные люди* – так называли знатных, именитых людей.

⁴*Мамич Бердей* – участник Казанской войны, руководитель повстанческого отряда Мамич-Берды (?-1556). Построил на правом берегу Волги на Сундырской горе крепость Чулым. Попал в плен к войскам Ивана Грозного, казнен в Москве.

№ 4

Разрядная запись о направлении на Луговую сторону и на «арские места» в числе других и свияжского воеводы Юрия Ивановича Кашина Оболенского

1553 г.

Того же лета 62-го декабря царь и великий князь послал в Казань воевод своих¹, а ис Казани велел им иттить на луговую сторону и на арские места воевать, которые государю не прямят; а велел быть воеводам на три полки:

В болшом полку воеводы боярин и воевода князь Семен Иванович Микулинской, Петр Васильевич Морозов; да в болшом же полку велел царь и великий князь быти из Свияжского города воеводе князю Юрию Ивановичю Кашину.

В передовом полку воеводы боярин Иван Васильевич Шереметев Болшой, околничей и оружничей Лев Андреевич Салтыков. Да ис Казани царь и великий князь велел быти воеводе Федору Ивановичю Умного-Кольчова.

В сторожевом полку воеводы князь Ондрей Михайлович Курбской, Михайла Иванович Вороного². Да в сторожевом же полку велел царь и великий князь быти ис Казани воеводе Дмитрею Михайловичю Плещееву.

А з городецкими князи и мурзы и со всеми с мещерскими людьми князь Федор князь Иванов сын Татев.

А с служилыми татараы Федор Васильев сын Вокшерин.

Извлечено из: РК 1475-1605, т. 1, ч. 3, с. 461-462; РК 1550-1636, т. 1, с. 31-32.

№ 5

Разрядная запись о направлении воеводой князем Семеном Ивановичем Микулинским с «товарищи» голов на Луговую сторону

Не ранее декабря 1553 г.

¹ В РК 1550-1636 вместо слов «бояр своих»: «бояр и воевод князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи» – прим. сост.

² В РК 1550-1636: «Вороного Вольнской»; в РК 1475-1605: «Михайло Иванович Воронова Вольнской». Здесь абзац заканчивается, последующая фраза и в РК 1550-1636, и в 1475-1605 отсутствует. Далее в РК 1550-1636: «Да со князи и с мурзы и с мещерскими людьми велено быть князю Федору Татеву. / А с служилыми татараы Федор Вокшерин. / Да из Свияжсково велено со князем Семенов в болшом полку быти князю Юрию Ивановичю Кашину. / В передовом полку с Ываном ис Казани Федору Ивановичю Умного Колочову. / В сторожевом полку со князем Ондреем ис Казани же Дмитрею Плещееву. / И в посылке от князя Семена Ивановича воеводы на щит на три полки: В болшом полку князь Иван Михайлович Хворостинин да князь Семен Стародубской Сорока. / В передовом полку князь Федор Михайлович Троекуров да Алексей Ершев. / В сторожевом полку Иван Иванович Очин. / Да з городецкими татараы князь Еникей. / И в той посылке воеводы князь Иван Михайлович с товарищи луговую сторону воевали, и арские места, которые государю не прямят, и Алеку татарина взяли». В РК 1475-1605 далее: А из Свияжского города был воевода со князь Семеном Микулинским в болшом полку князь Юрьи Иванович Кашин. / А ис Казани в передовом полку с Ываном Шереметевым воевода Федор Иванович Умново Кольчов. / В сторожевом полку со князь Ондреем Курским ис Казани воевода Дмитрей Михайлович Плещеев» – прим. сост.

И бояре и воеводы князь Семен Иванович Микулинской с товарищи послали от себя в войну в луговую сторону по государеву указу голов по росписи:

В большом полку князь Иван Иванович Кашин Сухой да Григорей Иванович Нагова.

В передовом полку Иван Васильевич Меншой Шереметев да князь Василей Иванович Такмаков.

В сторожовом полку князь Федор Иванович Глазатой Оболенской да Федор Ус Пушкин.

Источник: РК 1475-1605, т. 1, ч. 3, с. 462; РК 1550-1636, т. 1, с. 32-33.

№ 6

Летописная запись о приезде от казанских воевод Назария Семенова сына Глебова с сообщением о действиях войск, посланных из Казани и Свияжска для подавления восстания «арских» и «побережных людей», и о возвращении войск в Москву

5 февраля – 25 марта 1554 г.

О приезде отъ воеводъ Назария Глебова. Того же лета [7062], Февраля, въ чистой понедельникъ, приехалъ къ царю государю отъ воеводъ отъ князя Семена Ивановича Никулинского съ товарищи Назарей Семеновъ сынъ Глебова и говорилъ отъ воеводъ, что послалъ ихъ царь государь на свое дело на Арскихъ людей, и пошли изъ Казани; а съ нимъ по государеву наказу пошли воеводы изъ Свиязского города; въ болшемъ полку со княземъ Семеномъ вьевода князь Юрьи Ивановичъ Кашинъ, въ передовом полку Феодоръ Ивановичъ Умной-Колычевъ съ теми людми, которые годовали тамъ. И они, призывая Бога въ помощь, пошли ис Казани Арьскою дорогою на высокую гору къ засеке, и направо побережныхъ людей по Чювашьской дороге и по Нагайской и по Каме и по Меше послали воевати головы, а налево и впередъ по тому же послали и въ многие места послали головы вьевати, и сами идучи на Арской и къ Нурме и на Уржумъ идучи вьевали и жгли во всехъ местехъ. И пришли воеводы Нуржумъ, отъ Казани десять днищъ ходу, а направо посылали и на Побережную сторону Чювашьскою дорогою головы и многихъ людей, и налево многие посылки, и, даль Богъ многие места вьевали. А встречу къ нимъ приходили во многихъ местехъ Казаньские люди, и головы з детми з боярьскими ихъ побивали везде и побили на боехъ и въ языки ихъ поймали четныхъ людей 6 человекъ, а въ полонъ взяли робятъ и женокъ Татарского полону 15.000. и городъ на Меше сожгли и людей въ немъ немногихъ заставъ, побили, а иные изъ него выбежали; и окрестные тутъ села все повыжъгли и людей повыбили, и городъ до основаниа разорили. А война ихъ была отъ Казани и по Каму, а отъ Волги за Ошить и за Оржумъ и на Илитъ и подъ Вятъские волости, отъ Казани вверхъ по Каме пол-300 верстъ, а отъ Волги къ Вятке поперегъ 200 верстъ; а ходили отъ Казани четыре недели;

а не была война вверх по Волге по Кокшагамъ и по Руткамъ. И пришли къ воеводамъ Усеинъ-Сеить да Таокмыш-Шихъзьяда да Сарый-Богатырь и за всю Арьскую сторону и Побережную добили челомъ, что имъ государю дань давать и отъ Казани неотступнымъ быти и до своего живота; и на томъ воеводамъ правду дали. И многын люди у вьеводъ были и правду давали, Арские и побережные, все без выбора. И пошли вьеводы вверхъ Волгою и пришли к царю великому князю, даль Богъ, здорово х Благовещениеву дни.

Источник: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 238-239.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 125-126.

№ 7

Летописная запись об отписке князя Михаила Глинского царю Ивану IV о приходе «луговых людей» на Арскую сторону «войною»

1 марта 1554 г.

Царю и великому князю писали ис Казани. Марта 1 день писали царю и великому князю ис Казани бояринъ князь Михайло Глинской съ товарищи, что луговые люди приходили на Арскую сторону войною; и Арьские люди, остроги поделавъ, отъ нихъ отбилися, а съ ними въ острозехъ были стрелцы царя и великого князя, ис пищалей побивали многихъ луговыхъ; а луговые воевали села Татарские и пошли на Луговую.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 246. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 553.

№ 8

Летописная запись о направлении связским воеводой князем Михаилом Воротынским «горных людей» во главе с Федором Баскаковым на Луговую сторону и их действиях против восставших

Март 1554 г.

О присылке изъ Свиазского города. Того же месяца [марта] прислалъ изъ Свиазского города князь Михайло Воротынской съ товарищи Федка Баскакова: посылалъ Федка въ головахъ у горнихъ людей на Луговую сторону вьевать, а горнихъ ходило семьсотъ человекъ на ртахъ; и пришли безвестно повоевавъ, людей побили и въ полонъ поймали и животину побили и пришли, даль Богъ здорово.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 246. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 553.

№ 9

Летописная запись о сообщении воеводы князя Михаила Васильевича Глинского о направлении против восставшего населения Луговой стороны «арских», «побережных» и «горных» людей во главе с казанскими князьями Кебеняком, Кулай-мурзой и Дмитрием Кушелевым; о переходе казанцев на сторону восставших и их расправе с верными московскому правительству «черными арскими людьми», рыбаками на Каме и набегах на сенокосные угодья

Август 1554 г.

Того же году, Августа, писали воеводы ис Казани, бояринъ князь Михайло Василиевич Глинской съ товарищи, что посылали ис Казани на луговыхъ изменниковъ князей Казаньскихъ Кебеняка-князя да Кулая-мурзу и всехъ Арскихъ и побережныхъ людей съ Нагорною, смотрити ихъ службы; а съ ними посылали Митку Кушелева. И Казанцы солгали царю государю изменили, на изменниковъ не пошли, сложася съ ними, да техъ Арськихъ людей черныхъ, которые государю прямы, побили многихъ, и на Каме рыболовей побили, и къ городу х Казани приходить почали на сенокосовъ.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 245. См. также: т. 20, ч. 2, с. 552.

№ 10

Разрядная запись о направлении в Казань воевод князей Андрея Михайловича Курбского и Федора Ивановича Троекурова для совместного с казанскими и свияжскими воеводами похода против непокорного населения Луговой стороны

8 сентября 1555 г.

Лета 7064 г., сентября 8 днь, царь и великий князь послал воевод в Казань: князя Андрея Михайловича Курбского да князя Федора Ивановича Троекурова; а велел имь ис Казани ходит и воеват луговыхъ людей.

Да со князем же Андреем с казанскими [людми з] годовщиками ходить Федору Ивановичу Буторлину.

А из Свияжского города с свияжскими людми ходит князю Семену княж Иванову сыну Гагарину.

Источник: РК 1550-1636, т. 1, с. 49.

№ 11

Летописная запись о приезде к царю Ивану IV сотника Алтыша с «горными людьми», пленивших Мамичь-Бердея – «лугового» сотника, склонявшего на свою сторону «горных» и «арских людей», и о пожаловании и облегчении пошлин в награду за пленного

21 марта 1556 г.

Того же месяца [марта] 21 приехали к государю горние люди Алтыш сотник с товарищи, а привели с собою изменника Мамичь-Бердея Лугового сотного князя; а сказывали государю, что приходил Мамичь-Бердей их воевати, а с ним было две тысячи человек, и к острогу их приступал и их воевал; и они с ним зговорили, что им с одного изменить, да уверяся с ним да взяли его пити к себе, а с ним человек з двесте, да тех людей всех побили, а его, изымав, к государю привели. И царь и государь горних людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил. А Мамичь-Бердей сказывал: взял был из Нагай царя, и царь им не учинил никоторые помочи, и он царя убил и всех Нагай побил, да сложася с Арскими людьми, а сам пошел на Горнюю сторону тех отводити от царя и великого князя, и горние его люди оманули, товарищов побили, а его изымали и к государю привели.

Источник: ПСРЛ, 13, ч. 1, с. 26.

№ 12

Летописная запись об отписке казанского наместника князя Петра Ивановича Шуйского об отпуске войска на «побережных людей»

Апрель 1556 г.

О писме ис Казани от наместника. Месяца Априля писал ис Казани боярин и наместник князь Петр Иванович: отпускал он боярина Петра Васильевича Морозова, да с ним детей боярских и казаков и стрелцов и новокрещенов и Татарь, на побережных людей и на Чалымской городок; и Петр ходил, их повоевал и побил многих и городок съжег и назад здорово пришел.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 269; т. 20, ч. 2, с. 571.

№ 13**Летописная запись о направлении на «арских людей» воевод из Казани**

Май 1556 г.

Петрь Морозовъ ходиль ис Казани на Арское. Месяца маия ходиль Петрь же Морозовъ ис Казани на Арское, и за Арскимъ на Меше на речке встретиль Петра Девлякъ-мырза, Кулаймурзинъ братъ, съ Арскими людми; и Петрь на него послалъ головы, детей боярскихъ князя Петра Глебова сына Засекина да Романа Пивова да Еналеев дву, а съ нимъ дети боярские и стрелцы и новокрещены; и Девлюка съ всеми товарищи побили и самого жива поимали и многихъ его товарищовъ поимали. И после того Петрь воевалъ десять день и все Арские места повоевал и побилъ многихъ людей и полономъ вывелъ безчислено много. Да съ Петромъ ходиль вместе безъ мествъ воевода Феодоръ Ивановичъ Бутурлинь, и въ Казань пришли, даль Богъ, здорово.

Извлечено из: ПСРЛ, т.13, ч. 2, с. 269. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 571-572.

№ 14**Летописная запись о совместном походе детей боярских, служилых людей «годовальщиков», татар, новокрещен, казаков и стрельцов из Казани и Свияжска за Арск, Ашит, Уржум и к Вятке**

Июнь 1556 г.

О хождении Петра же Морозова да Федора Салтыкова. Месяца Июня ходиль ис Казани бояринъ Петрь же Васильевичъ Морозовъ, да съ нимъ воевода Феодоръ Игнатьевичъ Салтыковъ да дети боярские ис Казани и изъ Свиязского города обои, и переменные и старые и годовалщыкы, и Татарове и новокрещены и казаки и стрелцы, за Арское, за Ошитъ и за Уржумъ и къ Вятке. И не доходили до Вятки за пядесять версть и воевали безчислено много и полонъ имали, женъкы да робята, а мужиковъ всехъ побивали; и пришли въ Казань, даль Богъ, со всеми людми здорово.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 269-270. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 572.

№ 15**Летописная запись об отписке воеводы Ивана Петровича Федорова из Свияжска в Москву о разгроме войсками князя Иосифа Коврова «луговых людей», приходивших на Горную сторону, и пленении их предводителя Ахметек-богатыря**

Апрель 1557 г.

[...] [с. 282] Об отписке съ Свияги отъ Ивана Петровича. Того же месяца [7065 Апреля] писалъ изъ Свияги Иванъ Петровичъ, что приходили на Горнюю луговые люди, въ головахъ Ахметекъ-богатырь съ товарищи, и Иванъ посылалъ на нихъ детей боярскихъ, въ головахъ князя Иосифа Коврова съ товарищи, и горнихъ людей и стрелцовъ и своихъ людей; и луговыхъ людей побили на голову, Ихметека-богатыря жива взяли.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 282. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 582-583.

№ 16

**Летописная запись об отписках казанского, свияжского
и чебоксарского воевод о приходе «луговых людей»
на Арскую и Горную стороны и разгроме
их правительственными войсками в течение зимы и весны**

Не позднее мая 1557 г.

О отписке ис Казани и з Свияги и съ Чебоксари. А ис Казани, изъ Свияги, и съ Чебоксари писали, что приходили луговые на Арские места и на Горную сторону въ многие места, и Божиимъ милосердиемъ въ всехъ местехъ ихъ побили; и посылають ежедень ис Казани и изъ Свияги и съ Чебоксари на Луговую воевати, и везде, даль Богъ, воюють и здорово приходятъ во всю зиму и весну.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 282. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 583.

№ 17

**Летописная запись о раздаче казанским воеводой князем Петром Ивановичем
Шуйским бывших владений казанского хана и феодалов архиепископу,
наместнику, архимандриту и детям боярским**

Май 1557 г.

О разделении земель. И бояринъ князь Петръ Ивановичъ на царя и государя и архиепископу и Казанскому наместнику и архимариту и детемъ боярскимъ царевы села и всехъ князей Казанскихъ розделилъ, и пахати учили на государя и на всехъ Русские люди и на новокрещены и на Чювашу.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 283. См. также: ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 583.

№ 18

Обобщающий рассказ (заключение) анонимного автора о походах на Казань, о «черемисской войне», о числе погибших за время противостояния Москвы и Казани, сосчитанных казанцами и «черемисой», и о заработанной царем Иваном IV славе

Не позднее мая 1557 г.

О хоженіи хъ Казани царя и великого князя, и о коли(че)стве избьенныхъ поганыхъ, и о шествіи его во градъ Москву. Глава 100.

Дващи бе самъ ходилъ хъ Казани со всеми силами Русскими, дващи же царя Шигалея посылла и великихъ воеводъ съ нимъ, тако же со всеми вои Русскими; всего же было хождения при немъ хъ Казани въ лете и въ зиме седмья въ девять летъ, пятья ходиша до Казанского взятія, дважди же после взятія нижнія Черемисы, пленомъ и сечемъ до конца показнати ихъ за изменство ихъ, что предавшеся и паки скоро измениша. Того же лета по шестихъ месяцехъ и паки учиниша брань сице. Воеводы Казанскія послаша воеводу Свияжского Бориса Салтыкова не съ великою силою на некия улусы Черемискія. Еще не покающимъ имъ, яко да и техъ покорити и смирити; и за техъ восташа вси людие, и паки возмятеся вся земля, и того воеводу жива яша, побиша вои его 20 000, и заведоша его въ Башкирскія улусы и въ далнюю Черемису за 700 верстъ за Казань, и мучиша тамо. И воевахуся пять летъ не отступаючи отъ Казани, и паки хотяше градъ свои воспріяти, не дадуше же гражаномъ Русиномъ, Руси, на дела своя изъ града изходити, токмо великою силою прогоня(ю)ще ихъ и тако исхожаху на орудія, донележе исчезе вся Черемиса за беззаконіе свое, яко же и владелницы ихъ, уланове и князи и мурзы, острiemъ меча вси поразишася. И со(с)читаше же сами себе изоставшиися Казанцы и Черемиса воехъ побитыхъ своихъ во взятіе Казанское, и преже взятія и по взятіи, Татаръ, Черемисы, во граде и въ острогахъ, и въ полонъ сведенныхъ, и отъ глада умершихъ, и мразомъ измершихъ, и всяческихъ везде [погибшихъ], ведомыхъ ихъ писаныхъ, кроме неведомыхъ и неписаныхъ, 757 270. Мало живыхъ осташа во всеи земли Казанскои, разве простыхъ живыхъ людей и худыхъ и немощныхъ и убозехъ земледелець. Въеха же велики самодержецъ благоверны царь князь велики Иван Василевичъ во царствующи свои въ преимяниты градъ Москву месяца ноября въ 1 день, на память святыхъ безсребреникъ Козмы и Демьяна; и тако седъ на престоле своемъ великого царства Русского, правя скифертъ державы своея, утеръ кровавы потъ свои, покоривъ подъ себя жестокия лукавыя Казанцы, и паче ихъ злешую Черемису поганую, оставивъ себе славу великую, превыше отецъ своихъ, и память вечную въ роды Рускія во веки.

Источник: ПСРЛ, 19, стлб.185-186.

№ 19

Летописная запись об отписке свияжского воеводы о разгроме крымцев «горными людьми» во главе с князем Кочаком и освобождении пленных, а также о сообщении атамана Ивана Клушина о разгроме крымцев, напавших на рыбные ловли по реке Волге под Увеком

июль 1558 г.

О присылке отъ воеводъ изъ Свияги. Того же месяца Июля писали воеводы изъ Свияжского города: приходили Крымцы на Горнюю сторону войною, и горние люди Кочякъ князь с товарищи, собрався, побили на голову и полонъ весь отполонили; а Крымцовъ было триста человекъ. – Того же месяца писалъ съ Волги Иванъ Клушинъ: приходили Крымцы на рыболовей на Волге подъ Увекомъ, Иванъ на нихъ пришелъ, а съ нимъ Вятчяня, побиль ихъ на голову; было Крымцовъ сто человекъ, а утекло ихъ шесть человекъ одна.

Источник: ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 305; ПСРЛ, т. 20, ч. 2, с. 599.

№ 20

Курбский А. о восстании народов Среднего Поволжья в 1552-1558 гг.

Не ранее 1558 - не позднее 1573 г.

[...] Паки ополчаютца против его (Ивана IV. – *прим. ред.*) оставише князи казанские, вкупе со предреченными протчими языки поганскими, и воюют зелне, не токмо на град Казанский приходяще с великих лесов, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижнего наезжают и пленят. Того было беспрестанне, аки шесть лет после взятия места Казанского, иже во оной земле грады новопоставленные, некоторые же и Русской земле, в осаде были от них. И свели тогда битву з гетманом его, мужем нарочитым, ему же имя было Борис Морозов, глаголемый Салтыков: и падоша полки христианские от поганов и сам же гетман пойман и держаша его жива, аки два лета, и потом убиша его; не хотеша его а ни на откуп, а ни на откуп, а ни отмену своих дати. И в тую шесть лет битвы многие быша с ними и воевания: и толикое множество в то время погиге войска христианского, бьешесе и воюющесе с ними безпрестанно, иже вере неподобно.

И по шестом лете сбора войско не мало царь наш, вящей нежели от тридесять тысецей и поставил над ними воевод трех: Иоанна Шереметьева, мужа зела мудраго и острозрительнаго и от младости своея в богатырских вещах искуснаго, и предреченного князя Симеона Микулинского, и меня; и с нами немало стратилатов, светлых; и храбрых и великородных мужей. Мы же пришедше в Казань и, опочинув

мало воинству, поидохом в пределы оныя далеко, идеже князие казанские с воинствы бусурманскими и другими поганскими ополчашесь. И было их во ополчение вещей, нежели пятнадцать тысящей, и поставляху битвы с нами и со предними полки нашими: сражашесь мало на двадесять битвы с нами и со предними полки нашими; сражашесь мало на двадесять крат, памятамыя ибо им удобно бываше, яко знаемым во своей их земле; паче же с лесов прихождаху, сопротивляющиихся нам крепце; и везде, за благодатнею божиею, поражаемы были от христиан. И к тому: погодное время бог дал нам: на них понеже зело в тую зиму снегу были великие без северов; и того ради мало что их осталось, понеже хождаху за ними месяц целый, а предние полки наши гоняху за ними аж за Уржум и Мет реку, за лесы великие, и оттуда аж до башкирска языка, яж по Каме реке вверх ко Сибири протяжается. И что их было осталось, те покоришася нам. И воистину было, что писати по ряду о оных сражениях з бусурманы, до краткости ради оставляется, бо тогда больши десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихом со аттаманы их; тогда же славных кровопийцев христианских, Янчюру Измаильтянина и Алеку Черемисина и других князей их не мало погубихом. И возвратихомся, за божиею благодатию, во отечество со пресветлою победою и со множайшими корыстьми. И оттуду начала усмирятися и покорятися – Казанская земля цареви нашему...

А потом взяла была черемиса луговая царя себе с Ногайские орды, броняшесь христианом и воююще; бо тот черемисский язык не мал есть и зело кровопийствен, а обирается их, глаголют, вящей два десять тысящей войска; потом же егда рассмотривши, иже мало им прибыли с того царя, убиша его и сущих с ним татар, аки триста, и главу ему отсекоша и на высокое дерево воткнули и глаголали: «Мы было взяли тебя того ради на царство, з двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел; а ныне глава твоя да царствует на высоком коле!». Потом избавши себе своих атаманов, бьющесь и воююще с нами крепце, аки два лета, и паки потом ово примиряхуся, ово паки брань начинаху.

Источник: Курбский А. История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 58-60, 66-67.

№ 21

**Разрядная запись о направлении воевод князя Никиты Романовича
Одоевского, Ивана Константиновича Курлятева, а также воевод из Казани,
Свияжска, Чебоксар и Алатыря для подавления выступлений
«казанских людей» и «черемисы»**

Не позднее 21 сентября 1572 г.

Лета 7081-го в осень роспись бояр и воевод, как государь посылал бояр и воевод на изменников на казанских людей на луговую черемису и на горную; и были воеводы по полком¹:

В болшом полку боярин и воевода князь Микита Романович Одоевской да воевода князь Иван² // [л. 318об.] Петрович Охлебинин.

В правой руке воеводы князь Юрьи Костентинович Курлетев да Иван Михайлович Морозов.

В передовом полку боярин и воевода Иван да воевода Федор Васильевичи Шереметевы.

В сторожевом полку князь Ондрей Петрович Куракин да князь Борис Васильевич Серебряной.

В левой руке князь Ондрей Петрович Хованской да князь Ондрей Дмитреевич Палецкой³.

Извлечено из: РК 1475-1605, т. 2, ч. 2, с. 335-336; РК 1550-1636, т. 1, с. 201-202; См. также: РК 1559-1605, с. 87-88.

¹ В РК 1475-1605 вместо этого абзаца приведен текст: «Тово же году зимою государь царь и великий князь отпустил бояр и воевод своих в Казань на изменников на казанскую на горную и луговую черемису, а велел их воевать. И велел государь збиратца бояром и воеводам в Муроме да в Нижнем Новгороде. И были воеводы по полком по росписи». В РК 1550-1636 этот же абзац: «Лета 7081-го в сентябре послал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси по казанской отписке // [л. 103] бояр и воевод на изменников на казанских людей на луговую и горную черемису, а были по полком». В Симб. сб.: «Лета 7081, посылал царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси бояръ своихъ воеводъ, в Казань, на изменниковъ на казанскихъ людей, на луговую черемису; и тогда были воеводы, по полкомъ» – прим. сост.

² Далее на л. 318об. ошибочно написано «Костентинович Курлетев да князь Иван. [В РК 1475-1605: далее написано «князь Иван Костентинович Курлятев; да с ними же в сходе ис тамошних городов князь Иван Петрович Охлябинин Залупа, да из Алатыря князь Иван Ондреевич Рюмин Звенигороцкой, да Ондрей Тимофеев сын Михалков, да из Чебоксар воевода князь Григорей Федорович Мещерской, да голова с тотары Василей Яковлев сын Кузмин Короваев, да из Орзамасу воевода Микита Еропкин»; в РК 1550-1636: «Констентинович Курлетев да Иван»; в Симб.сб. далее: «Костентиновичъ Курлетевъ да князь Иванъ» – прим. сост.]

³ Здесь прерывается запись в РКБ на с. 248. В РК 1475-1605 следует продолжение записи: «В сторожевом полку воеводы князь Ондрей Петровичъ Куракин да князь Борис Васильевичъ Серебряной. / А в государеве наказе и в росписи написано, что в том походе бояром и воеводам быть без мест. / Того же году была посылка с Курмыша от бояр и воевод по государеве грамоте в Черемису воеводам ис полков: / В большом полку князь Иван Самсонович Туренин. / В передовом полку князь Федор Михайлович Лобанов Ростовской»; в РК 1550-1636: «Да по тем же полком велено быти ис Казани Богдану Юрьевичу Сабурову, из Свияжскова князю Дмитрею Шемяке Гагарину, из Чебоксар князю Григорью Мещерскому, с Олаторя князю Ивану Рюмину да Ондрею Михалкову, из Орзамасу Никите Еропкину. / А посылали бояре в посылку: / В большом полку князь Иван Самсонович Туренин. / В передовом полку князь Василей Михайлович Лобанов. / В сторожевом полку князь Иван Юрьевич Токмаков». В Симб.сб. далее: «А из Казани велель царь и великий князь. С казанскими людьями быти боярину, Богдану Юрьевичу Сабурову, въ передовомъ полку. / А из Свияжска, воеводе князь Дмитрею Шемяке князь Данилову сыну Гагарину, в правой руке. Ис Чебоксаръ: воеводе князь Григорью Федоровичю Мещерскому. Из Олатыря: князь Ивану Рюмину Звенигороцкому да Ондрею Михалкову. Из Ормазу: воеводе Миките Ерапкину» – прим. ред.

№ 22

Разрядная запись о приговоре царя Ивана IV о направлении войск против «казанских людей» и «луговой черемисы» и роспись воевод

1-10 октября 1582 г.

Лета 7091-го наряд береговой и украинной и по годовым от крымские и от литовские и от немецкие украинны и посылки в казанские места.

Приговорил государь царь и великий князь послать зимою в казанские места по казанским вестем, что казанцы заворошилися над казанцы промышлять. И были в походе воеводы по полком, а збиралися в Муроме, срок Дмитреев день¹:

В болшом полку воеводы князь Иван Михайлович Воротынской да околничей и воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин.

В правой руке воеводы князь Ондрей Петрович Куракин да Ефим Бутурлин.

В передовом полку воеводы Иван Михайлович Бутурлин да князь Михайло Ноздроватой.

В сторожевом полку воеводы князь Иван Ондреевич Ноготков да князь Меркур Щербатой. //

[л. 454об.] В левой руке воеводы ис Торопца князь Иван Самсонович Туренин да князь Иван княж Михайлов сын Борятинского.

А наперед приговорил государь послать воевод в казанской поход, а збиратися им в Муроме же, срок за неделю до оспожина дни:

В болшом полку воевода князь Иван княж Михайлов сын Елецкой да Христофор Залеской.

В передовом полку воевода Ондрей Яковлев сын Измайлов.

В сторожевом полку Елизарей Ржевской.

И как тем воеводам князю Ивану Елецкому с товарищи на Москве государеву службу сказали, и бил челом государю Ондрей Измайлов, что велено быть в казанском походе в первых в болшом полку князю Ивану Елецкому, а ему, Ондрею, в передовом полку; и ему менши князя Ивана быть нельзе, потому что преж того Елецкие князи служили великим князем // [л. 455] рязанским и бывали с прадедом его и з дедом и с ыными рязанскими бояры. И бояре приговорили челобитье его в Розряде записать; а как служба минетца, счот дать.

---

¹В Симб.сб. вместо вышеприведенного текста приведен текст, частично присутствующий в составе публикуемой разрядной записи на л. 454об.: «Того жь году, октября въ 7 д., ходили воеводы в казанския места, воевать луговые черемисы; и тогда были воеводы по полком: / В большомъ полку: князь Иванъ Михайловичъ Елецкой да панъ Христофоръ Мартыновъ сынъ Залеской. / В передовомъ полку: Андрей Иаковлевъ сынъ Измайловъ. / В сторожевомъ полку: Елизарей Левонтьевъ сынъ Ржевской. Того жь году, октября въ 10 д., посылаъ царь и великии князь, въ Муромъ, воеводъ; а срокъ имъ учинилъ стать въ Муроме, Дмитревъ день; а изъ Мурома велель итти въ Казань, луговые черемисы воевать; и тогда были воеводы по полкомъ». В РК 1550-1636: «Лета 7091-го году октября в 1 день на Покров святые богородицы послал государь по казанским вестем в Муром воевод. А из Мурома, собрався с людми, велел им итить на казанских людей и на черемису зимним путем войною, которые ему государю не прямят. И были по полком» – прим. ред.

И те воеводы збиралися в Муроме и из Мурома пришли в Нижней, и стояли по той росписи в Нижнем до больших воевод до князя Ивана Воротынского с товарищи, а в поход из Нижнего до болших воевод не ходили.

Извлечено из: РК 1550-1636, т. 1, с. 347-348. См. также: РК 1559-1605, с. 192-193.

№ 23

Летописная запись о восстании татар в связи с христианизацией, направлении под Казань войск и их поражении

Сентябрь 1583 – не позднее 18 марта 1584 г.

О войне Казанской и о походе боярь и воеводъ въ Казань. Попущающу Богу за грехи христьянския овогда гладомъ, овогда пожаромъ, овогда нашествиемъ инаплеменниковъ, овогда же межиусобною бранию, въ лето 7092 году нашедшу безбожному языку на православную христьянскую веру, ни отъ чюжихъ ордь, ни отъ земель, ни отъ подданныхъ царства Московского: есть на восточной стране царство рекомое Казанское, покори жь его Богъ царю Ивану Василиевичю взяти царство Казанское, и устроя въ немъ Божии церкви и православную веру, насади градъ православными крестьяны и архиепискупа въ немъ устрои Гурия чюдотворца. По тридесять же единомъ лете сии окаяннии бусурмани не похотеша видети православные христьянския веры и подь государевою рукою жить не похотеша, воздвигоша рать и плениша многие города. Царь же Иванъ видя их суровство и посла въ Казань боярь своихъ и воеводъ и повеле имъ пленити. Они же погании, аки звери суровствию, противяхусь противъ рати Московские; аки змеи ядыху человека жалы своими, тако же и они погании побиваху Московскихъ людей, овогда на станахъ, овогда на походехъ; бояре же и воеводы не можаху ихъ обратити.

Извлечено из: ПСРЛ, т. 14, с. 34.

№ 24

Новый летописец о поведении казанского дьяка Н.Шульгина и о помощи Казани Москве

1612 г.

Посла же в Казань Ивана Биркина, да с ним властей о совете и о помочи Московского государства. В то же время бывшу в Казани дьяку Никонору Шульгину, и мысляше себе на благо совет: тому радовашеся, что Москва за Литвою. Ему же хотяшу в Казани

властвовать, тому же Ивану Биркину с ним же советуя не на благое то дело, но на злое, те же власти приехаша в Нижней и возвестиша их недоброй совет...

Придоша же ис Казани с ратными людьми Иван биркин, да голова Татарской Лукьян Мясной и баше с Ываном не в совете. Иван же, едучи дорогою, многую пакость делал городам и уездам; и приидоша в Ярославль и в Ярославле многую смуту содеяша: хотяху быти в начальниках. И такую пакость содеяша: едва меж себя бою не сотвориша. Бояре же и стольники и все ратные люди опричь Смольян ево откинуша. Казанские же люди по приказу Никонора Шульгина приидоша до Ярославля и назад поидоша, некоторые помощи не учиниша, лише многую пакость земле подеяше и идучи назад. Немногие же Казанцы останахся: голова Лукьян Мясной, да с ним двадцать человек князей и мурз, да дворян тритцать человек, да голова стрелецкой Посник Неелов, да с ним сто человек стрельцов. И быша под Москвою до взятия Московского и приидоша в Казань, многие беды и напасти от Никонора претерпеша: Лукьяна Мяснова, Посника Неелова едва с тюрьме не умориша...

На Москве же все людие поцеловаше кресть и послаша властей и дворян во все города приводить к крестному целованию. Во всех же городах с радостию целоваху кресть. Придоша же в Арзамас. В Арзамасе же в те поры бывшу вору, Никонору Шульгину, со всею Казанскою ратью, и начаша приводить ко кресту. Тако же Никонор хотяше по прежнему воровати, не нача креста целовати, а говорил посланником, что «без Казанского совета креста целовати не хочю». Ратные же люди и все Понизовые люди Казанского государства и града Арзамаса не послуша ево и начаша целовати кресть. Никонор же с советники своими поиде в Казань на спех, хотяше Казань смутити. Казанцы же, слышавше про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и про Никонорово воровство, и встретиша Никонора в Свяжском и отказаша ему, что «в Казань тебе ехати не пошто». В Свяжском же ево поимаша и приведоша ево к Москве. С Москвы же ево послаша в Сибирь; там и скончася.

Источник: ПСРЛ, 14, с. 117, 119-120, 130.

№ 25

Список с грамоты с признанием за Баишем Мурзою Разгильдеевым за многия службы и за отечество княжеского достоинства, данной по приговору воевод боярина князя Дмитрия Трубецкого и стольника князя Дмитрия Пожарского

1613 г.

Московского государства боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский с товарищи, и по совету всей земли, приговорили: Алатырского города Баишу Мурзе Разгильдееву, за его многую службу и за раденье, что он в прошлом де во 120 году служил, как приходили нагайские люди на Арзамаские и на Алтырские места, и воевода де князь Андрей

Хилков велел ему збирать алатырских мурз и мордву и всяких служивых людей и послал де его воевода против нагайских людей, и нагайские люди воюют Арзамаския места и Алатырской уезде. И как де он Баиш пришел на Пьяну реку на Чуколы, и тут де с нагайскими людьми был бой два дни, и в деревне Чуколе от нагайских людей в осаде сидели, и на выласках многих нагайских людей побили и переранили; да и в Ардатовском лесу в воротех был бой с нагайскими людьми и побили нагайских людей с пять сот человек, да у них же у нагайских людей убили мурзу Курмамента и знамя взяли, и их прогнали к озерам, и многие от того бою магайские люди потопли, и отгромили у нагайских людей на том деле всяких людей семь тысяч; а его, Баишу мурзу, на том деле сбили с коня и отшибли у него на тем бою коня. А родство де его были изстари деды и прадеды в княжестве. И за ту его за многую службу и за отечество дать ему, Баишу мурзе Разгильдееву, княжеству, и впредь у них того княжества и у его детей и у его родства неотымати; а как же даст Богу на Московское государство государя, и тогда велить ему государь на то княжество дать свою Царскую жалованную грамоту, за красною печатью. К сей грамоте боярин и воевода Князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Димитрий Михайлович Пожарский велели земскую печать приложити, лета 7121, Генваря в 24-й день. По окончании оной подлинной грамоты написано тако: Подписал дьяк Афонасий Евдокимов сын Жданова, и под тем приложена печать черного воску.

Опубликовано: Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа казанского дворца. Т. I. Казань, 1882. С. 53-54.

№ 26

Послание Рахман-Кола в Крымское ханство¹

1635 г.

Гыйззэтле вә фәзиләтле вә факыйрьләргә мәрхәмәтле Әфәнде хәзрәтләрнең гали хозурларына йөземне сөргәннән соң факыйр[егез]нең хәле теләге шул буладыр: минем гыйззәтле Солтаным, Кызылбаш фәтехенең даруы Валлих-у алем Газан вә Әждәрхан фәтехедер. Чөнки ул малгунь Шахның урнашып рәхәт итәсе урыны Калзәм [дингезе] буйларыдыр. Газан вә Әждәрхан фәтх ителәчәк Эдил суы буйларында кадыргалар вә зур көймәләр төзелеп, Калзәм дингезе буйларындагы вилайәт һәлак вә ихрак ителәселәре билгелдер. Чөнки Москва князе белән дустыр. Газан вә Әждәрхан фәтх ителгәчтен ул начар Кызылбаш бу хәлне ишетеп Крым Ханнарына буйсыначактыр. Әүәле сәгадәтле Падишах хәзрәтләренә гыйсьянда булуына сәбәп Моску князедер. Бу тарафтан Падишахлар «сезнең белән дуслыгыбыз ныктыр, дошманыгыз белән дошман без», дияләр, түбән Шах һәрчә якларга гаскәр жибәрмәсә дә, мылтык вә барут, күкерт,

¹ Перевод со староосманского подготовлен Д.М. Исхаковым.

ук утын, тимер, куршын, бакыр вэ моның кебек нэрсэлэрдэн ким тотмаслар. Газан вэ Әждәрхан фэтх ителгэч боларның байлыклары өзелер, чөнки су юлы белән бару кайтулары катлауланыр. Нәтижэдә Газан вэ Әждәрханның фэтх ителүе Падишахларның химмәтләренә бәйлелер.

Газан вилаяте Хз. Гомәр заманыныннан бирле Исламга килгән, төмин-и мөхлистерләр, биш вакыт намазларында, даими догаларында «Я Рабби, Ислам дине Падишахының кулы астында булырга насып ит безгә», – диярләр. Хосусияткә бу кыш Кәфә бәйләрбәгә сәгадәтле Ибраһим Паша хәзрәтләре белән, Кырым Ханы шәүкәтле Жәнибәк-Гәрәй хәзрәтләре Тын елгасындагы Тын казаклары табурларын сакларга ниятләп, Жәнибәк-Гәрәй хан хәзрәтләре Темрүктә Кабан исемле махалдә каршы төшөп, Кәфә бәйләрбәгә Ибраһим Паша хәзрәтләре Азак каласына килеп, Ислам дәүләте Падишахына тәмам рәвештә төзәтеп куйганнан соң, ләгънәте, Урыс талаучысына курку төшкәндер. Әгәр Кырым Ханы корал вэ гаскәрләре белән Газан фәтхенә киләләр дип ишетсәләр, Иншаллах Тәгалә һәр берсенә итәгәте итәчәкләр билгелелер. Бу фәкыйрь колыгызны Бәйләр вэ картлар бергәләшөп иттифак белән жиберделәр; әлбәттә безнең хәләбезне вэ гаскәребезне вэ вазгыйятынең уңышын бер-бер аңлатып, Сәгадәтле Кырым Ханыннан ярдәм сора, вэ голәмә, вэ салихләр, вэ шәехләренә һәрберләренә аңлатып һәрберсе ярдәм итеп, Кырым Падишахының бу якларга борылуына сәбәп булып, бер төркем Мөхәммәд өммәтен кяферләр кулыннан коткарсыннар. Әгәр бу аңлаткан хәләбезгә кермәсәләр куллар [кыямәттә] аларның якасыннан тотар дип, күп тапкырлар дога вэ ният иттек, ялвардык. Ике-өч тапкыр йөз мең гаскәр жыярбыз диләр, вэ өч ел бер уч орлык бирмәсәләр йөз мең гаскәр торса да житәрлек нәрсә бар диләр. Копчак байлык вэ балык бетмәс, күп диләр. Бер кавем бардыр ки, Чыршы Чирмеше диләр, кырык мең йортлы, һәр йорт ясаклы; әби-бабасыннан мөлкәтләренә күрә кайберсе ун батман бал, кайсылары биш батман бал вэ һич бирмәгәннәре дә бер батман бал бирәләр. Вә Тау Чуашы диләр, бер кавем ки, егерме мең йортлыдыр; барысы да ясаклыдыр; бу ысулга күрә акча вэ мирас, вэ төрле әнәклеләр тиен, төлке вэ ас, вэ барсыннан элекке тәртип буенча бирәләр. Эштәк-Башкорт ун мең йорт, бу тәртип буенча ясак түлиләр. Вә Тура вилаятенә махсуле жиде шәһәрдер, сигез тапкыр мең кеш бирәләр, вэ кара төлке шул чаклы бирәләр. Вә Ар кавеме дә ун биш мең йорттан тора, ясак түлиләр, алар да шул тәртиптә акча вэ бал, вэ кеш, вэ төлке, вэ башка нәрсәләр, вэ кондыз, кама, ас, судан балык, вэ карадан ясак бирерләр. Чирмеш, Чуаш, Эштәк Башкорт, Ар – барысының да атлары бар, кулланырга була.

Газан белән Әждәрхан арасы утыз көнлек юл; ул жирнең бер ягы ак комлыдыр, Газаннан Әждәрханга барганнан соң балык тотучыларга бирәләр. Газан вэ Әждәрханның портлары бар; һәр ел Кызылбаш, вэ Бохарадан, вэ Үргәнчтән, вэ Төркестан, вэ Кашкардан, Хатай вэ Хотаннан, вэ Һиндыстаннан кәрәван килер; налоглар жыелган йөкләр килер.

Сәгадәтле Кырым Ханы булган дин өчен гайрәт вэ дәрәс юлда булганарның сөннәтен жиренә житкереп үтәүнең әжере вэ иң гүзәле бәлки важип вэ кирәкле булганы шәрәфле гыйлемнәреннән яшерен түгелдер. Көфер чәйнәүче кяферләр иленнән бер уч Мөхәммәд өммәтен коткаруның зур савап вэ мәртәбәле булганын бик төгәл беләсез.

Моннан Ислам гаскәре белән Газанга борылса, бу кадәр Ислам гаскәренә бер кем дә каршы чыкмас, сугышмас. Бу мескен колыгызны бер тавыштан бу якларга жибәреп «Ислам гаскәре кайчан килер» дип, андагы мөселманнар бу мескеннең баруын көтәләр.

Солтанымнан үтенечем шулдыр ки: бу әйтелгән хәлне тәфсилле язып, Хан хәзрәтләренә тәкъдим итеп, бер төркем Мөхәммәд өммәтен көфер чәйнәүче кяферләр кулыннан котылулары өчен олы ярдәмнәрен боерырлар. Башка ни әйтим ки – аларның шәрәфле гыйлемнәре колачламасын.

Мин әл-Фәкыйрь Рахман Колы

Извлечено из: Kurat Akdes Nimet. Türkiye ve İdil boyu (1569 Astarhan seferi, Ten İdil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl Osmanlı-Rus münasebetleri). Ankara, 1966.

Опубликовано: Исхаков Д.М. Об одном послании из Поволжья в Крымское ханство 1635 г. // Крымское историческое обозрение. Crimean Historical Review. 2014. № 2. С. 50-63.

№ 27

Письмо Хасана Карачурина от имени Степана Разина казанским татарам с призывом присоединиться к восстанию

1670 г.

От великого войска от Степана Тимофеевича.

Буди вам ведома, казанским посадским бусурманом и абызом начальным, которые мечеть держат, бусурманским веродержцам, и которые над бедными сиротами и над вдовами милосердствуют – Икшею мунле да Мамаю мунле да Ханышу мурзе да Москову мурзе и всем обызом и всем слободским и уездным бусурманом от Степана Тимофеевича в сем свете и в будущем челобитье.

А после челобитья, буде про нас спросите, мы здоровы, и вам бы здравствовать. Слово наше то – для бога и пророка и для государя и для войска, быть вам заодно. А буде заодно не будете, и вам бы не пенять после. Бог тому свидетель – ничево вам хорова не будет, и мы за вас радеем.

Да вам бы было ведомо: я, Асан Айбулатов сын, при Степана Тимофеевиче, и вам бы нам в том поверить, я, Асан, в том вас наговариваю, и буде мне поверите, и вам худобы не будет. Да у всех вас прощаю – за нас богу помолитесь, а от нас вам челобитие.

К сей грамоте печать свою приложил.

Опубликовано: Источники по истории Татарстана (XVI-XVIII вв.) / Под ред. С.Х.Алишева. Казань, 1994. С. 23-24.

№ 28

Сказка К.П.Тевкелева об его службе и участии в подавлении восстания

январь 1678 г.

186 г. генваря в ... день. По государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу и разбору стольником и воеводам Михайлу Львовичу Плещееву, Василью Лаврентьевичю Пушочникову, дьяком Ивану Родионову, Борису Корелкину свияженин иноземского списку, Костенкин Павлов сын Тевкелев сказал по святой христове евангельской непорочной заповеди еже ей ей: служил дед и отец мой по Свияжку по Новокрещенскому списку от Казанского князя, и отец мой на государеве службе в литовских городех умер, а я, Константин, служил великому государю по свияжску ж по новокрещенскому списку рейтарскую службу, и был на государеве службе под Синбирским на бою, на Лекине поле, и под Белым против воровских казаков с полковником с Александром Васильевичем Шал...м, да был на бою же против тех же воровских казаков з головою с Семеном Максимовичем Козловым на Таябе. И за те и за иные многие службы верстан я по государеве грамоте в Казани по Свияжску из новокрещенского списку по иноземскому во 184-м году, а оклад мне учинен поместного триста чети, денег десять рублей. А детей у меня сын Федор семи лет да сын Василей году. А поместья за мною в Свияжском уезде в деревне Утяшкове пашни дватцать семь чети в поле, а дву по тому ж с санными покосы, а сена в той же даче на шестьсот на сорок копен в розных местах. А крестьян на той земле в той деревне Утяшкове четыре двора крестьянских да один двор бобыльской, а дворовых людей один человек. А черной лес в той даче с помещиком вопче. Да в Казанском уезде на Серде реке вотчина бартное ухोजее, и с той вотчины оброку берут на год по [...]. И то поместье и вотчину, бортное ухोजее здала мне в приданные за снохою своею вдова свияженина новокрещенского списку Ивановская жена Каракашева Зиновья Ортемьева, а иных поместей и вотчин и крестьян в Свияжском и в иных городех и оброчных мельниц и рыбных и бобровых ловель и никаких угодий и дворовых людей и подгородных санных покосов за мною нет. А на службе великого государя буду я на мерине, оружия: сабля, карабин, пара пистолей.

Опубликовано: История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937. С. 382-383.

№ 29

**Запись об объявлении М.Г.Полянским переданного ему новокрещеном
Ф.Петровым анонимного письма о предполагаемом бунте татар Казанской
губернии с приложением изложения Плача-прорицания царицы
Сююмбике от 3 октября 1552 г.**

9 февраля 1748 г.

1748-го году февраля девятого числа поутру, в девятом часу по полуночи, пришел в Казанскую губернскую канцелярию оной же канцелярии секретарь Михаила Григорьев сын Полянской и с собою привел лекаря Егора Дмитрополева жены ево, вдовы Ирины Ивановой дочери Дмитрополевой, дворового человека из башкир новокрещена Федора Петрова. И по приходе объявил Казанской губернской канцелярии господам присутствующим письмо, распечатанное в пакете, на котором пакете подписано было тако: «Государю Михаиле Григорьевичю, господину секретарю Полянскому из Москвы в Казане».

О коем писме показанной секретарь Полянской сказал, что сего-де числа был у него в доме Казанского уезду Арской дороги деревни Корсы татарин Ермак Усеинов для своих нужд. При чем де случился быть в том же доме казанской купец Андрей Тиханов сын Пушников. И побыв де в доме ево, Полянского, оной Ермак и поехал неведомо куды. И после того ж часу, пришел к нему, Полянскому, в дом, вышеписанной из башкир новокрещен и показанное письмо в пакете за печатью ему, Полянскому, при означенном Пушникове подал.

О котором сказал, что то письмо вырвал он из рук у татарина, которой де к нему, Полянскому, приезжал с вышеписанным Ермаком. А как ево зовут и чей сын, и которого уезду и жителства, того он не знает.

Усмотря де, что то письмо подписано на имя показанного Полянского, и по той подписи приняв то письмо, он, Полянской, при вышеписанном Пушникове распечатал.

А по распечатании де того пакета явилось во [оном] пасквилиное письмо, писанное на четверти листа о бунте казанских татар. А кем оное письмо писано и х кому, того в том пис[ьме] не подписано, чего де для оной пакет с пис[ьмом] Полянской объявляет при сем.

У подлинного подписано тако: «К сему объявлению секре[тарь] Михаилу Полянской руку приложил».

Рассуждение прорицательного плача казанские царицы в 7061 году октября 3 дня по взятъе града Казани

Будет Казань за татары. По руски луче не могу толмачить, я был сам татарин, ныне крещенои. А по-татарски ладно и складна, а по руски будет: Казана взята через тритцатое и ещо 3 и ещо 3 и ещо 3 годов, то как будет 39 годов, перво время – 7100 году.

Другое время и пора через тритцать деветь годов в 7139 году. Третья пора и время через тритцеть деветь годов 7178 году.

Четвертое время через 39 годов в 7127 году. Я помню татары тогда Казань хотели взять, с ног зачали и уезд разоряли.

А ныне хотят воевать с головы зачать, в Казане всех до малого робенка перерубить и, розделя добычу, по ногам и по рукам ити, то есть по уезду всех рубить. И того ожидать через девятнатцать 39 годов. Четвертое время прошли, а пятое ныне приходит в 7256 году.

Нада опасенье иметь в начале сего года по рождении первого месяца марта в третьей день в отдачу вечерних часов. А то время случитца в ночь на чистой понедельник. А то будет от Татарской слободы. И тем погублением русских избудут крещенья и платежа несносного подати. И у татар ныне имеетца на сие острои и крепкои помысел, чего очень в сем году христианом в Казане опасатца от напрасно[го]погубленья. Я бы себя объявил, да боюся та[тар]. И сего писма никому не таить и начал[ьни]ком объявить.

На конверте в коем оное письмо вложено, надпись такова: «Государю Михаилу Григорьевичю, господину секретарю Полянскому. Из Москвы в Казане».

Оной конверт запечатан красным сургучем, а вместо печати припечат[ано] орлом ходячей денешки.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 54-55 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 30

Запись о предъявлении А.А.Маматовым анонимного письма о бунте казанских татар с приложением изложения Плача-прорицания царицы Сююмбике от 3 октября 1552 г. и о приводе им отставного капрала Л.О.Гневышева в Казанскую губернскую канцелярию

9 февраля 1748 г.

1748 году февраля девятого числа поутру, в девятом часу по полуночи, пришед в Казанскую губернскую канцелярию подполковник и казанской полицмейстер Александр Алексеев сын Маматов. И по приходе казанской губернской канцелярист присутствующим подал распечатанной пакет с писмом, на коем подписано тако: «Государю Александру Алексеевичю господину полковнику Маматову из Москвы в Казане».

О коем пакете сказал, что де вышеписанного числа подал ему онои пакет за печатью команды ево казанской полицы отставной капрал Лука Осипов сын Кневышев. О котором де пакете ему подполковнику сказал, что сего же числа стоял де он у Казанской полицы и Казанской гарнизонной школы. Школники пришед к нему, а хто оные имяны, того не знает, человек з десять, и тот пакет запечатанной бросили к нему капралу на пол. И, подняв де, тот капрал оное писмо, на котором подписано, что тот пакет к отдаче ему подполковнику и казанскому полицмейстеру, и по той подписе тот пакет, взяв у оного солдата, подполковник и распечатал.

А по распечатани в том пакете явилось воном пасквилное письмо, писанное на четвертинке листа, о бунте казанских татар. А кем оно письмо писано, и от кого и к кому, того в том письме не подписано. Чего де для онои пакет с письмом и означенного отставного салдата Луку Осипова сына Гневышева он, полковник, объявляет при сем.

У подлинного подписано тако: «Артилери подполковник Маматов».

Разсужденья прорицательного плача казанские царицы в 7061 году октября 3 дня, по взятыи града Казани.

По руски не умею луче разтолмачить, татарски слова будет: «Казань за татары через три десятка ещо 3 и ещо 3 и ещо 3 просты годы». А значит оны слова: «39 годов».

Перво время – в 7100 году, Друго время – в 7139, Трете время – в 7178, Четверто время – в 7217, Пято время – в 7256 г. Время 39 года. Я помню, разоряли Русь. Нада опасенье иметь в начале сего года, по рождении первого месеца, марта 3 дня в отдачу вечерних часов. А то время будет в воскресенья на чистой понеделник. А буде неудаща, снова того года три десятка и ещо 3 и ещо 3 и ещо 3 дни, 39-го ожидаю все году чрез 39 дней.

Преж зачали брать Казань с ног по уезду, ныне чаю зачнут з головы — Казань в 3 часа, что ни одного русского не оставят. И тем погубленьем избудут крещенья и несносного платежа. И у татар в слободе и в уезде идет охотно острой и крепкой помысл. Я бы за что был бы от русских с великими, коли б сам явился, да татар боюся.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 56-57 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 31

Донесение в Государственную военную коллегию оренбургского губернатора Неплюева

14 февраля 1748 г.

В Государственную военную коллегию тайного советника и Оренбургской губернии губернатора Неплюева покорнейшее доношение.

Сего числа в здешней губернской канцелярии чрез нарочного Свияжского полку салдата Федорова промемория, токмо без датума, которою она канцелярия объявила, яко сего февраля 9 дня чрез полицмейстера подполковника Маматова да губернского секретаря Полянского объявлены во оную губернскую канцелярию подкинутые к ним в пакетах, подписанныя на имя их, письма. Да ис Казанского де уезду з заводу купца Логинова в пакете ж письмо казанского гарнизона к прапорщику Неелову, в котором написано, слышно де там, что татара хотят бунтовать за Камой. А в подметных объявлено, что они намерены начать бунт по прошествии сырной недели на понеделник в первом часу. Во-первых, погубить всех в Казани, а потом и в уезде. И того де ради об оном для ведома и чтоб оренбургская губернская канцелярия имела в том осторожность,

сообщила. И требовала, чтоб в Казань, за неимением в Казанском гарнизоне салдат, как наискоря из своей команды командировала из стоящих поблизости к Казани из Ревелского и Троицкаго полков по половине.

А в те де полки о скорейшем командировании, тако же и к ставрополскому коменданту полковнику Останкову о подтверждении тем полкам, указы посланы. При чем и те приложения, с коих она вышеозначенное писала, сообщила. С которых в Государственную военную коллегию прилагаю при чем копии, и хотя основательно ли оное или нет, я того не знаю. Однако же, когда от нее такие требования сюда учинены, то я в предосторожность Ея императорскаго величества высочайших интересов не мог оставить, чтоб принятым ею мерам вспоможения не чинить. И для того сего ж числа учинил следующее: 1-е. В Троицкой и Ревелской армейския драгунския полки с нарочными из Оренбургской губернской канцелярии послал Ея императорскаго величества указы, коими накрепко подтвердил, дабы от таких злых действ не толко в том, что ныне по тому Казанскою губернской канцеляриею от оных полков требования // мои впредь, чтоб от нее потребовано ни было, исполняли непременно в самой крайней скорости и без наималейшаго упущения, без всяких отговорок, под опасением жесточайшаго по указом Ея императорскаго величества штрафа. И для того б и оставших за командированием от тех полков имели к походу во всякой готовности. Чтоб как скоро от Казанской губернской канцелярии о каком либо еще командировании или и всем оставшим от тех полков командам о походе куда указ получен будет, того же часу выступить и по ея определению поступать могли, и все б сие содержали в высшем секрете.

Ежели ж от Троицкаго полка и правящим в Уфинской провинции воеводскую должность полковником Люткиным по нижеозначенному учиненному ему определению что востребовано будет, то и в том поступать по оному ж. Яко Троицкой полк подле самого Уфинского уезду на винтер-квартирах состоит.

А понеже Ревелской полк состоит в ведомстве Ставрополском, чего ради, что доволствия оног винтер-квартирами и правянтном, и фуражем принадлежит, в том оному велено быть послушным полковнику и ставрополскому коменданту Останкову. Того ради и ему, Останкову, // особым указом тако ж де подтверждено, чтоб Казанскою губернской канцеляриею от того полку потребовано ни было, по команде ево исполнял непременно в самой крайней скорости и без наималейшаго упущения.

2-е. Понеже Уфинской уезд весь почти из иноверцов состоит и распространяется и за Каму реку, и для того вышеозначенному правящему в Уфинской провинции воеводскую должность полковнику Люткину то известие сообщено и велено от таких злых замыслов и поступок татарских в ведомстве ево иметь везде крепкую предосторожность. Для чего и майора Кублицкого, которой в бывшей минувшаго лета в той провинции тептерей и бобылей в платеже новоположеннаго ясака противности употреблялся и ныне во оной же провинции для доволствия расположеннаго на винтер-квартиры Казанского гарнизонного драгунского полку фуражем употребляется, надлежащим указом о том снабдить секретно.

И Казанскому драгунскому полку велено быть к походу во всякой готовности, не объявляя причины для чего, доколе в том нужды не будет. А для лучшаго в том уверения за Камою рекою чрез нарочного и самого надежного человека // от себя приличным

образом учинить разведывание, что, где у татар происходит, и какие намерения имеют, и нет ли у них каких странных замыслов.

Чего б ради, ежели за благо разсудит, послал той провинции секретаря Зубова под каким-нибудь другим видом, яко оной секретарь и языка и состояния их знающей. И с накрепчайшим ему подтверждением, дабы он то разведывание чинил весьма тайно и осторожно, чтоб о том отнюдь никто уведать не мог под опасением жестокаго по указом штрафа, на примере за каким делом в Осинскую канцелярию или для чего и начал. И что уведает, с тем бы возвращался к нему немедленно.

А что он полковник получит, о том бы тотчас чрез нарочных сюда и в Казанскую губернскую канцелярию репортовал. Также и в Троицкой полк давал знать, ибо оному, как выше значит, по ево Люткина требованиям поступать велено. А башкирцов бы и никаких иноверцов в то не употреблял, разве бы уже то открылось, о чем о всем и в Казанскую губернскую канцелярию по здешней губернской канцелярии писано, и сверх того.

3-е. Объявлено, что ежели, паче чаяния, такая тех татар объявленные замыслы в действо // произойдут, и сверх Троицкаго и Ревельского полков в военных людях еще нужда востребуется, то она б и Московской армейской драгунской же полк во осторожность и в пресечение оных по своему усмотрению употребляла. Чего ради и во оной в такой же силе, как и в первые два, послушной отсель указ в запас при промемории к ней посланы и об оном Государственной военной коллегии покорнейше доношу.

А здесь доньне обстоит во всем благополучно. Однако ж в разсуждении здешней пограничности и иноверных народов, которые в здешней губернии находятся, от Казанской губернской канцелярии требовано, дабы она о том, что иные в предписанном будет происходить, сюда частыми уведомлениями не оставляла.

И сие доношение в конверте той канцелярии послано. Иван Неплюев. Оренбург. Февраля 14 числа.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 63-65 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 32

Указ Правительствующего Сената, данный от имени императрицы Военной коллегии, о направлении в Татарскую слободу Казани тайных агентов для выяснения возможности бунта, конфискации оружия и военных припасов у населения, о необходимости заинтересовать материально составителя писем в явке в губернскую канцелярию и о даче показаний о предполагаемом бунте и его зачинщиках

21 февраля 1748 г.

Указ Ея императорскаго величества самодержицы Всероссийской ис Правительствующаго Сената Военной коллегии.

По указу Ея императорскаго величества Правительствующий Сенат по доношению Казанской губернской канцелярии о подметных писмах о намерении казанских татар к бунту и по приложенным при том доношении с тех писем копиям, тако ж и по поданному из оной коллегии о том же репорту, в котором объявлено той коллегии Определение о следовании близстоящим к Казане команды тайного советника Неплюева полевым драгунским Троицкому и Ревелскому полкам, да находящемуся в Саранску у сыску воров и разбойников маэору Гениберху с тремя драгунскими ротами прямо в Казань со всяким поспешением и о бытии им в команде у брегандира Бардекевича, а в небытность ево в Казане, тамошней губернской канцелярии, и каким образом им во осторожность от тех их злых намерений и вследствие о том поступать велено, приказали в Казанскую губернскую канцелярию и к брегандиру Бардекевичю послать указы с нарочным куриером.

Велеть о предосторожности от тех злых татарских намерений ко искоренении, ежели подлинно оное намерение их есть, того зла в самой скорости поступать посланным из Военной коллегии указом во всем непременно.

А между тем о тех подметных писмах и о том их злом намерении накрепко и в самой крайней скорости следовать. Для которого следствия в губернской канцелярии присудствовать и брегандиру Бардекевичю. И как в Татарской слободы, которые в Казане, так и близлежащая татарския деревни для разведывания о том их злом намерении посылать секретно верных людей. И ежели по такому разведыванию или по вышеписанному следствию тот их умысел совершенно явитца, то, как скоро возможно, старатца пущих зачинщиков переловить и у всех тех татар, которые в слободах и в близлежащих деревнях живут, всякое ружье, порох и свинец обобрать.

А в Казане публиковать, что понеже найдены два подметные писма, подписанные: одно на имя секретаря Михаила Полянского, а другое – полицмейстера Александра Маматова. А кто оные писал, того в них не написано. Того ради, чтоб тот, кто оные писма писал, явился в губернской канцелярии без всякого опасения и боязни, за что ему и награждение дано будет пятьсот рублей. Которые денги при той публикации на площади поставить в фонаре.

А о материи тех писем в той публикации не писать. И когда он явится, то ему те денги отдать и при том обнадежить, что ежели он о том их злом намерении подлинно докажет, за что он награжден будет довольною Ея императорскаго величества милостию. И чтоб он точно показал, от кого он о том их татарском злом намерении и давно ль уведаль, и кто тому первые зачинщики.

И по тому ево показанию старатца оных зачинщиков переловить. И накрепко по вышеписанному следовать. И что по тому следствию оказыватца будет, о том в Сенат репортовать почасту с нарочными куриерами, и Военной коллегии о том ведать.

А в Казанскую губернскую канцелярию и к брегандиру Бардекевичю указы с нарочным посланы. Тако же и Оренбурхской губернской канцелярии о том же указом дано знать будет.

Февраля 21 дня 1748 году.

У подлинного подписано тако: «Обер-секретарь Матвей Козмин. Канцелярист Иван Баженов».

В Военной коллегии получен того ж числа.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 28-29 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 33

Рапорт в Государственную военную коллегию из Казанской губернской канцелярии о мерах, принятых по указу от 21 февраля 1748 г. об ожидаемом бунте татар

3 марта 1748 г.

В Государственную военную коллегию ис Казанской губернской канцелярии репорт о получении указа и о действительном исполнении¹. Ея императорского величества указ из Государственной военной коллегии, пущенной февраля в 21 ч[исло] под № 168-м, о имени предосторожности от намеренного злаго татарского бунта и о требовании от тайного советника, ковалера и оренбургского губернатора господина Неплюева полков для той предосторожности и о протчем в Казанской губернской канцелярии сего [1]748 году марта 1 числа получен. А по справке в Казанской губернской канцелярии по прежнему губернской канцелярии определению и по требованию для вышеписанной предосторожности Азовского драгунского полку маэор фон Генинберг с командою в Казань, а ис показанных команды тайного советника, ковалера и губернатора полков Троицкого из наличного половина, а именно: триста шездесят девять, а Ревельского драгунского за раскамандированием две роты х Казани прибыли. И означенная половина Троицкого и две роты Ревельского поставлены поблизости х Казани в Казанском уезде по сю сторону Камы реки, а маэор фон Генинберг с командою — в Казанской Татарской слободе. О чем в Правительствующи Сенат и того Сената в кантору, в Государственную военную коллегию и оной коллегии в кантору писано доношениями. А в Оренбургскую губернскую канцелярию сообщено промемориею февраля 23 дня. А ныне по силе оногo указа в Казанской губернской канцелярии определено вышеписанным командам быть: маэору Генинбергу с командою в Казанской Татарской слободе, а Ревельского двусотной и Троицкого трехсотной в Казанском уезде близ Казани в тех местах, где оные ныне поставлены до указу.

А полкам Троицкому и Ревельскому быть же, где ныне находятся. А в Азовской и Ростовской, и Вяцкой полки // посланы указы с нарочными, по которым велено, когда в те полки означенные указы и в которых местах получены будут, то тем полкам в тех местах и остоновится велено. А далее следовать не велено, ибо по нынешним обстоятелствам в Казани во оных нужды крайней не признавается, но токмо б те полки были в готовности и отдали ордера от брегадира Бардекевича. А присланные при том указе для отсылки к означенному тайному советнику ковалеру и губернатору указы при промемори посланы с нарочными.

А в разведывани злаго татарского умысла употребися всевозможные способы. И для подлинного о том разведывания в Казанской уезд посланы нарочные, обер-афицер, коим о разведывание велено чинить секретно прили[чным] образом.

А ныне в Казани и в Казанской губернии обстоит, как и прежде, все благополучно, и никаких замешаней в татарских жителствах и поныне не слышно. А о подметных писмах по силе Правительствующаго Сената и оной Военной коллегии указов ко изысканию всевозможные меры и способы чинятся. А что впредь скажется, о том Государственной военной коллегии донесено имеет быть неукоснительно.

Иван Бардекевич. Василей Миязгунов, Иван Блахов. Секретарь Петр Стрелков. Марта 3-го дня 1748 году.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 25-25 об.

№ 34

Донесение в Государственную военную коллегию из Казанской губернской канцелярии

21 марта 1748 г.

В Государственную военную коллегию ис Казанской губернской канцелярии доношение.

По присланным Ея императорскаго величества указом повелено, а имянно. По 1-му, ис Правительствующаго Сената на доношение Казанской губернской канцелярии следствие о подметных писмах и о злом татарском умысле производить действительному статскому советнику и Казанской губернии губернатору Грекову обще з брегадиром Бардекевичем с товарищи в самой крайней скорости.

И ежели тот их злой умысел совершенно явится, то, как скоро возможно, стараться пущих зачинщиков переловить и писма у них обобрать и накрепко их роспрашивать и пытать. И что по роспросам явится, о том в Правительствующий Сенат репортовать с нарочным в самой скорости.

По 2-му, Государственной военной коллегии для предосторожности и прекращения злаго татар казанских умыслу близ стоящих х Казани команды тайного советника ковалера и оренбургского губернатора Неплюева полевым драгунским Троицкому и Ревелскому полкам следовать прямо в Казань. И быть тем полкам в команде брегадира Бардекевича. А достальному московскому драгунскому полку для всяких по сему обстоятельству нужных случаев быть в ево тайного советника команде до указу.

А ежели нужда востребует, и у него тайного советника никакой опасности не предусмотрится, то, как тем московским полком, так и другими войски всекрайнейшее вспоможение чинить. И о вышеписанном по подметным писмам следствие, кем подлежит в силе Ея императорскаго величества указов, и производится.

И что по тому следствию оказалось, в Правительствующий Сенат со обстоятельством донесено. И посланы ис того при доношениях экстракты: первой – марта 16; второй – 21 чисел. А при отпуске означенного первого с экстрактом доношения объявлены в Казанской губернской канцелярии при доношении от капитана Жданова Зюрейской дороги новокрещенской деревни Кузаевой из мордвы новокрещены Ларион Федоров, Василей Дмитриев да татару деревни Юсупкиной Беккула Бекеев, Фадей Минеев, Юнус Декереев, деревни Добрамыш Медей Мемеев.

Ис которых показанные новокрещены роспросами показали, что прошедшаго де февраля 17 числа, будучи в их деревне, означенные татару говорили им, что де мы за вас разоряемся, платим новокрещенские деньги. На что де и они, Ларион и Василей, им объявили, креститесь де и вы, и с вас де править не будут. На которые его слова показанные Беккул сказал, молить Богу, а то бы досталось вашу деревню рубить, а добрамышским де служилым татаром рубить было новокрещенское село Рождественское, Емаш то ж. И того ж числа ис показанных татар Беккул в губернской канцелярии во всем оном заперся. А оные новокрещены ево обличали. И для того сведен в застенок. А в роспросе без розыску на виске против вышеписанного принес извинение.

И сверх того приполнил, ныне де тому сколко недель не упомнит, толко об нынешней масленице, служилой татарин Фадей Минеев посылал ево, Беккула, в вышеписанную новокрещенскую деревню Кузайкину для присмотру, в какой тои деревни новокрещены осторожности и ест ли у них ружья, и хотели ль означенную деревню Кузайкину вырубить, к чему де вся их деревня была в согласии. Да сверх же того в том же согласии были тое ж их Зюрейской и Нагайской дорог татару по званиям осмнатцеть деревень, и все де Казанского уезду татару.

А был де к тому умыслу сход за Шешмою рекою в степи, а в которой де деревне не знает, об масленице ж, от всякой деревни по два человека. А от их де деревни было ж два человека, в том числе и вышеписанные привозные с ним татару, и были дней с пять. И кто де к тому пушие заводчики, и не было ль в том согласии из башкирцов и из других степных народов кто были, того ему не сказали. Но токмо по тому намерению своему никому никакого разорения учинить не осмелились.

И по определению ево ж действительного статского советника и губернатора с товарищи показанной татарин Беккул розыскиван. А с розыску показал то ж, что и выше. И в том утвердился. И по тому показанию и вышеписанные татару Фадей с товарищи спрашиваны и розыскиваны ж. И как с роспросов, так и с розысков, сперва против оного показания учинили заперство.

И показанной Фадей показывал, что из разных деревень сотники и мирские люди на мирской сход в деревню Ибрайкину к татарину Якупке, чей сын не знает, якобы для щету ездили, о чем и в Правительствующий Сенат писано доношением сего марта 16 числа. И после оного посланного доношения показанные ж татару сведены в застенок вторично, но токмо без розысков против вышеписанного обозначения в бунте, во всем винулись.

И показали, что де до масленицы за неделю приезжал в дом вышереченного Фадея их дороги деревни Ерыклов сотник Исмаил Любаев с племянником своим Зенкулом, и с

ним же сотни ево от каждой деревни было по два человека, а кто имянно не показал. И по приезде с показанными татарами ко оному Фадею в д[ом], собрав их деревни мирских людей, объявлял, что де они хотят бунтовать. Чего де для ездил он по в[сей] сотни своей деревням и объявлял всем татарам, чтобы были к тому бунту в готовности и приезжали б дни за три до масленицы в деревню Ибрайкину для согласия ко оному бунту. Токмо они за лашманскою работою не были.

И потом оной сотник приезжал вторично об масленице и говорил, для чего де плохо стоите, и при том велел им готовиться с ружьем, у кого какое есть, и приезжать в ту деревню Ибрайкину чрез неделю в дом татарина Якупки, и где сход и согласие будет к тому бунту у него, Якупки. А ис той де деревни Ибрайкино хотел всем тем собранием нынешней зимы идти воевать Русь, рубить для того, что взыскивают с них за новокрещен подушные денги, рекрут и лошадей. И оной сотник, приехав в третьи, сказал им, что де ныне идти бунтовать не можно, понеже пришел в уезд полк.

А в том согласии было осмнатцеть деревень и все Казанского уезду татара. А на совет от тех деревень в деревню Ибрайкину ездил по два человека. А казанских де слоботских и Уфинского уезду татар, башкирцов, киргис-кайсаков и протчих степных народов в согласии, и з другими областями о том переписок не было и от сотника о том не слыхали.

И для взятъя вышеписанных татар посланы нарочные, токмо и поныне не возвратились.

И марта – дня по определению ж ево ж действительного статского советника и Казанской губернии губернатора с показанным же брегадиром Бардекевичем и с товарищи велено обретающимся по сю сторону Камы реки под командою подполковника Фроундорфа Троицкого полку трех сотней команде из нынешних квартир выступить и следовать за Каму реку, и соединиться того полку с полковником Фроундорфом. И расположиться всем полком по квартирам в вышеписанных осмнатцети деревнях и ружье в тех деревнях у татар оному полковнику Фроундорфу обобратъ велено. А на место оной имеющейся здесь, по сю сторону реки Камы, Троицкого полку команды ввесь оставшую Ревелского полку команду ж и заступить оные Троицкого полку квартиры.

А к тайному советнику ковалеру и Оренбургской губернии губернатору Неплюеву писано промеморию, хотя в Московском полку ныне крайней нужды здесь и не настоять, но за вышеписанным оной полк из нынешних квартир из-за Волги не благоволил ли перевести на сю сторону Волги реки и заступить квартиры, где имел дистанцию Ревелской полк. Понеже ныне наступает весна и приближается время разлитию рек, в кое время, ежели, паче чаяния, предписанного полку служители для какой-либо надобности потребны будут, то оных за разлитием рек и достать будет вскоре весма с превеликою трудностию и опасно, дабы не могло в то самое время произойти какой конфузии.

Того ради Государственной военной коллегии Казанская губернская канцелярия о вышеписанном сим доносит.

Степан Алеков.

Иван Бардекевич.

Василей Мязгунов.

Иван Блахов.

Василей Шальной.

Петр Стрелков.
Марта 21 дня 1748 году.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 121-123 об.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 35

Донесение в Государственную военную коллегию бригадира Бардекевича

21 марта 1748 г.

В Государственную военную коллегию бригадира Бардекевича доношение.

По присланному Ея императорскаго величества из Государственной военной коллегии от 21 числа февраля секретному указу по доношению Казанской губернской канцелярии и по сообщениям при том с подметных партикулярных писем копиям повелено близ стоящим х Казане команды тайного советника Неплюева полевым драгунским Троицкому и Ревелскому полкам да находящемуся в Саранску у сыску воров и разбойников при драгунских от Ростовского, Азовского и Вяцкого полков трем ротам мазору Генинберху с командою ево следовать прямо в Казань со всяким поспешением и быть тем полкам и ротам в команде моей. И к тому ж употребить обретающегося в Казане у сыску воров и разбойников подполковника Горина с командою. И поступать полковым и ротным командиром и подполковнику Горину во всем по ордером моим.

А по прибытии тех драгунских полков и команды в Казань мне и Казанской губернской канцелярии всяким образом тшятся теми полками и командами, тако же казанским гарнизоном и протчими воинскими людьми от злаго и вредительнаго татарского намерения, касающагося к бунту, иметь всекрепкую твердую и неусыпную // предосторожность. И ежели б то заподлинно было, взять меры и всеудобвозможныя способы употребить, чтоб до такого их татарского зла и до разорения верноподданных, не распространяя вдаль, отнюдь не допустить и во всем поступать, как о том воинский регулы и указы повелевают. И что чинитца будет, как в Правительствующий Сенат, так и в Государственную военную коллегию репортовать.

Для той же предосторожности и к находящимся около Танбова Азовского, Ростовского и Вяцкого полков полковым командиром из Государственной военной калегии посланы отверстыя указы, чтоб оным трем полкам по получении тех указов из нынешних их мест тотчас выступить и подвинутца ближе х Казанской губернии. И о данном их марше о[жи]дать от меня ордера. А коль скоро от меня ордер получают, тогда и следовать оным полкам прямо в те места, которые от меня показаны будут, со всяким поспешением. А по прибытии х Казане быть тем полкам в каманде моей и во всем поступать по ордером моим.

А между тем велено Казанской губернской канцелярии о вышеписанном татарском злонамеренном бунте и о подметных писмах накрепко и в самой крайней скорости без всякого времени и упущения изследовать. А по полученным же мною Ея императорскаго величества ис Правительствующаго Сената секретным ко мне указом по отпуску от 21-го да от 22-го чисел февраля велено о злом казанских татар г бунту намерении накрепко и в самой крайней скорости следовать для которого следствия в губернской канцелярии присутствовать мне.

И по силе оных // Ея императорскаго величества указов надлежащее исполнение чинитца и для секретнова розведования о том татарском злом умысле до прибытия определенного в Казань губернатора посланы от Казанской губернской канцелярии сего марта 4 дня нарочные гарнизонные афицеры под претекстом повестки немедленного платежа доимочных денег, рекрут и лошадей, и с ними пристойное число драгун и салдат, знающих татарского языка. И оным посланным афицером секретно определено усматривать татарские поступки и разговоры, и между собой съезды, не явитца ль чего, хотя малейшего подозрительнаго, точию и поныне теми гарнизонными афицеры ко изобличению их татарского злонамерения ничего не изыскано.

А окроме имянованных гарнизонных афицеров к достоверному осведомлению для розведывания о вышеимянуемом татарском к бунту намерении до прибытии же губернаторского послан, особливо от меня, во всесовершенном секрете з доволным наставлением при ревизии в каманде моей обретающейся ланцмилицкого Шешминского полку капитан Жданов, которым по ево тайному выведанию чрез новокрещен из мордвы из согласников к бунту татар, из деревень, лежащих за рекою Камою между Новошешминска, Заинска и Мензелинска незапно в ночи один по другом, всего четыре человека, весьма тайным образом взяты и ночным временем, закрыв // в санях, увезены.

И сего марта 25 дня присланы ко мне в Казань. Которыми татары того ж числа в Казанской губернской канцелярии по прибытии губернаторском обще с ним губернатором следованно. И показали, что за Камою рекою осмнатцети по званием татарских деревень и всех Казанского уезду татар к бунту согласие и намерение было. И при том показали, что к тому бунту возмущаемы и приводимы были вышеобъявленных деревень волостным сотником татаринном, которой для такова злово побуждения по всем имянованным деревням ездил.

И для взятя оногo сотника ис Казанской губернской канцелярии послан нарочной обер-афицер с командою, токмо поныне еще не возвратился. Того ради во исполнение Ея императорскаго величества указов по преддонесенной же к злomu от татар бунту намерении открытости для наикрепчайшей в том предосторожности и к пресечению того воровскаго от татар замысла ныне посланными от меня в драгунские Троицкой и Ревелской полки ордеры велено со всеми полками из их квартир выступить в силе военных регулов во всесовершенной в ружье и аммуницы исправности и расположитца квартирою. Троицкому из Мензелинска Казанского уезду по Зюрейской дороге между Шешминска, Заинска и Кичюева в вышеозначенных показующихся к бунту вознамерившихся татарских осмнатцети деревнях.

И по вступлении во оных деревнях у всех татар всякое ружье, порох и свинец, обобрав, от них того полку полковнику отправить поблизости в пригород и отдать воеводе

при реэстре с роспискою. // А Ревелскому полку велено от Ставрополя маршировать х Казане. И, перешед Каму реку, расположитца от Казани верстах в сороки между Нагайской и Зюрейской дорог в татарские деревни. И обоим полком, расположась в квартиры, учредя пекеты, стоять с надлежащею воинскою предосторожностью. И тако оные Троицкой и Ревелской полки в силе Государственной военной калегии указу ныне состоят в точной моей каманде, о которых в коликом числе находятца людми и лошедми, Государственной военной калегии при сем покорнейше репорт подношу.

Впредь же, доколе оные имеют быть в каманде моей, о состоянии тех полков и протчие принадлежащие репорты, табели и ведомости, куда повелено будет посылать, имею ожидать повелительнаго Ея императорскаго величества указу.

А мазор Гененберг с ымеющими в каманде ево от полков Ростовского, Азовского и Вяцкого тремя ротами в Казань прибыл и состоит в каманде же моей. И квартирою оные три роты расположены в городе Казане в Татарской слободе.

А стоящим на винтер квартирах трем драгунским Азовскому, Ростовскому и Вяцкому полкам по вышеупоминаемому Государственной военной калегии указу хотя и повелено было ис тех мест выступить и подвинутца ближе х Казанской губернии, но да сего по усмотрению тогда из оказующихся обстоятельств, // что до помянутых татар к злomu их намерению подозрения не находилось, и дабы в ызлишнем тех полков переходе люди и лошади не могли претерпеть изнуренности и не последовало б напрасного казенного убытка, по определению моему обще с Казанскою губернской канцеляриею по посланным в те полки от 3-го числа марта наскоро с нарочным ордером велено впредь до предложения от меня остановитца в тех местах, где те ордера получить имеют.

А к походу быть во всечасной исправной готовности так, что егда впредь о выступлении ордер от меня получают, то бы неотменно того ж числа со всеми полками в назначенное тогда место и выступить имели.

А что касается о посылке репортов, табелей и ведомостей и протчих принадлежащих до полку требованей, отправляли б и резолюции требовали по каманде, в которой поныне состояли, на которые ордера ис тех полков репортовано, что по силе присланных в те полки из Государственной военной калегии указов и от господина генерала-аншефа и ковалера Василья Яковлевича Левашева ордеров по выступлении ис прежних своих квартир следовали и, отшед по несколько верст, получа в марше помянутые от меня ордера, остановились и ныне, расположась, стоят в разных Воронежской губернии местах.

А имянно: Азовской из винтер квартир в марше выступил от бывших винтер // квартир в десяти верстах, где и остановился; Ростовской из винтер квартир из города Кратояка выступил и дошел до малоросианской слободы Урыва. Точию де, как в бывших винтер квартирах, так и в предписанной слободе Урывах за недородом хлеба в фураже имеется великой недостаток. Понеже де по росписанию Воронежской губернской канцелярии розставлены были роты от штапу верстах восмидесят, в двухстах и больше. И для того де ныне, где штап винтер-квартиру имел, данная роты в десять дней едва дойти могли. Которой де ради нужды оной полк Ростовской ближе к Вяцкому полку, где по способности усмотрено будет, расположитца имеет. А Вяцкой стоит в прежних своих винтер квартирах.

И ныне оные от Казани разстоят: до Азовского – пятьсот пятьдесят девять, до Вяцкова – семьсот девятнадцать, до Ростовского – девятьсот восемьдесят четыре версты.

И о всем предписанном Государственной военной калегии сим покорнейше доношу. Бригадир Бардекевич.

Марта 21-го дня 1748 году.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 124-127.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 36

Экстракт полученных в Казанской губернской канцелярии показаний подследственных, обвиняемых в подготовке антиправительственного бунта

7 апреля 1748 г.

Экстракт, что по следственному секретному, производимому в Казанской губернской канцелярии о злом казанских татар к бунту намерении делу, чрез сысканных посланным до прибытия в Казань губернатора от бригадера Бардекевича обретающимся при ревизии капитаном Ждановым к тому бунту согласников и по их показанию чрез других, сысканных же татар, к тому злomu умыслу пущих возмутителей оказалось, о том показано ниже сего.

Минувшего марта 15-го числа от вышеименованного капитана Жданова присланы к бригадери Бардекевичю в Казань взятые им, Ждановым, по наведанию тайным образом о помянутом злом татарском к бунту намерении показатели Зюрейской дороги новокрещенской деревни Кузаевой из мордвы новокрещены Ларион Федоров, Василей Димитриев. Да по их новокрещенскому показанию согласники к бунту татара деревни Юсупкиной Биккула Бикеев, Фадей Минеев, Юнус Декереев, деревни Добромыш Медей Мамеев.

И по присылке того ж числа показанные новокрещены в Казанской губернской канцелярии роспросами показали // прошедшаго де февраля 17-го числа, будучи в их деревне, означенные привезенные с ними татара говорили им, что де мы за вас разоряемся, платим новокрещенские денги. На что де и они, Ларион и Василей им объявили, креститесь де и вы, и с вас де править не будут. На которые их слова показанные Беккул им сказал, молитесь де Богу, а то бы де досталось вашу деревню рубить, а добромышским де служилым татарам рубить было новокрещенское село Рожественское, Емаж то ж.

А того же числа ис показанных татар Беккул Бикеев в вышеписанном против показания новокрещенов прежде запырался, что таких слов, как от новокрещен показано, не говаривал. А оные новокрещены с очных ставок ево Беккула в том изобличали. И потом сведен в застенки и в роспросе без розыску на виске принес извинение.

И сверх того приполнил, ныне де тому сколько недель не упомнит, только об нынешней масленице служилой татарин Фадей Минеев посылал ево, Беккула, в вышеписанную новокрещенскую деревню Кузайкину для присмотру, в какой тои деревни новокрещены осторожности и есть ли у них ружья. И хотели де означенную деревню Кузайкину вырубить, к чему и вся де их деревня была в согласии. Да сверх де того в том же согласии были тое ж их Зюрейской и Ногайской дорог татары по званием осмнатцеть деревень и все де Казанского уезду татары.

А был де к тому умыслу сход за Шешмой рекой в степи, а в которой де деревне не знает, об масленице же от всякой деревни по два человека, а от их де деревни было два же человека, в том числе и вышеписанные привозные с ним татары, и были дней с пять. И к тому де к тому пушье заводчики и не было ль в том согласи из башкирцов, из других степных народов кто были ль, того ему не сказали. Но токмо де по тому намерению своему никому никакого разорения учинить не осмелились, в чем и с розыску утвердился.

И по тому показанию того же числа вышеписанные присланные от капитана Жданова татары Фадей Минеев с товарищи три человека роспрашиваны и розыскиваны. И как с роспросов, так и с розысков, сперва против одного показания запирались. И из них Фадей Минеев показывал, что из разных деревень сотники и мирские люди на мирской сход в деревню Ибрайкину к татарину Якупке, чей сын не знает, якобы для щету ездили.

И того же марта 16 числа показанные татары сведены в застенки вторично и без розысков обозначенном к бунту умышлению винулись. И показали, что де до масленицы за неделю приезжал в дом вышеписанного Фадея Минеева их дороги деревни Ерыклов сотник Измаил Любаев с племянником своим Зенкулом // и с ним же сотни ево от каждой деревни было по два человека.

И по приезде де с показанными татары ко оному Фадею в дом, собрав их деревни мирских людей, объявлял, что де они хотят бунт начать. Чего де для ездил он по всем сотни своей деревням и объявляли всем татарам, чтобы были к тому бунту в готовности и приезжали дни за три до масленицы в деревню Ибрайкину для согласия ко оному бунту. Токмо они за лашманскою работою не были.

И потом оной сотник приезжал вторично об масленице и говорил, для чего де плохо стоите, и при том велел им готовитца с ружьем, у кого какое есть, и приезжать в ту деревню Ибрайкину чрез неделю в дом татарина Якупки, ибо де сход и согласие будет к тому бунту у него, Якупки. А ис той де деревни Ибрайкиной хотели всем тем собранием нынешней зимы итить воевать Русь, рубить для того, что взыскивают с них за новокрещен подушные деньги, рекрут и лошадей.

И оной сотник, приехав в третьи, сказал им, что де ныне идти бунтовать не можно, понеже де пришел в уезд полк. А в том согласии было осмнатцеть деревень и все Казанского уезду татары. А на совет от тех деревень и в деревню Ибрайкину ездили по два человека.

И по тому показательству для взятья вышеименованного // сотника Измаила Любаева и протчих татар послан был афицер с надлежащею командою. И по привозе марта 21 дня роспрашиваны и показали. Сотник Измаил первым роспросом в вышеписанном против татар, Фадея Минеева с товарищи, показания в возмущении к бунту запирался.

А показатели на него означенные татары Фадей Минеев с товарищи ему, Измаилу, представлены во избличение, кои в том ево избличали, но он не винился. Почему уже для изискания истины сведен был в застенки и на виске без розыску показал.

Умысел же к бунту у них татар подлинно то же Нагайской дороги деревни Ибрайкиной у татарина Якупки Мустаева был. А начали же они о том умышлять сего 1748 году до масленицы за месяц. И для того умыслу было у них собрание во оной деревне Ибрайкиной, и на том же собрании было их татар человек 3 дватцать, в том числе и он да деревни Белой Горы татарин Рахманкул Арасланов. А прочие же которых деревень и как зовут, не знает. А знает же и показать может оной Якупка, ибо же были из дальних Нагайской дороги деревень да деревни Каргалеи сотник Газей Мустаев.

И в том же доме советовали // они, чтоб им в казну Ея императорского величества не платить положенных на них за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей. А ежели же станут оные денги с них взыскивать, то б их не платить и идти на русских воевать. А главные же тому зачинщики показанные Рахманкул и хозяин Якуп да сотник Газей. И положили же, будучи тут, чтоб всякому сотнику для того бунту собрать своей сотни татар. И по тому совету для наряду к тому бунту татар они ездили той своей сотни во всех деревнях, чтоб были татары в готовности с ружьем, у кого какое есть и наряжал. Но токмо же они того бунта учинить не успели. Понеже же услышали они, что в Казане найдено подметное письмо и учинена предосторожность в Татарской же слободе и караулы поставлены.

И кроме же вышеписанного собрания и съездов, для означенного умыслу и в том же согласии на съезде у показанного Якупки казанских слобочких и Уфинского уезду татар и башкирцов и прочих степных народов и с прочими областями, о том переписка не было.

И марта 22 дня по вышеписанному ево, Измаилу, показателству татарин Якуп Мустаев в роспросе против ево, Измаилова, показателства во всем заперся. А показал, в нынешнем же 1748 году, а в котором месяце и числе не упомнит, недели за две до масленицы, в доме у него собрание было.

А в том же собрании было ж // Казанского уезду Зюрейские и Нагайские дороги разных по званиям десяти деревень татары поимянно, в том числе и означенные Измаил и Рахманкул, да кроме их сотников три, абыз один да двоя, знающих русской грамоте, всего тринадцать человек.

А збирались оныя татары к нему, Якупке, в дом для того просить о снятии с них положенных за новокрещен подушных денег, о чем ис Правительствующаго Сената и указ в Казанскую губернскую канцелярию, привезши, подал. И с того указа смотрели у него копию и для щету ево в данных ему на расход для проезда в Питербурх денгах. И были у него для того двои сутки и на третей день ввечеру поехали.

А кроме же оного никаких советов и к бунту согласия никакого и ни для чего не было.

И для того вышеписанной сотник Измаил Любаев представлен был показанному Якупке на избличение и показал то же, как и в роспросе ево показано, что подлинно умысел к бунту был у них в доме оного Якупки. Да к тому приполнил, как же он, Измаил, был у вышеписанного Якупки в доме, то он, Якупка, и во первых говорил, что же зачем

он ездил в Питербурх и милости никакой не сыскал и лутче де за новокрещен им денег не давать, а станем де бунтовать.

А вышереченной Якуп против всех ево, Измаила, // показаней заперся и показал то же, что и в роспросе ево показано.

Того же 22 числа татару Абдул Смаилов, Акберда Кудаев роспросами же показали: Вышеписанной де сотник Измаил до масленицы за неделю к ним в деревню приезжал. И по приезде мирских людей на сход збирал. И что они хотят бунтовать и быть в домех своих с ружьем, у кого какие есть, в готовности объявлял.

А хотели рубить Казанского уезду новокрещенных для того, что де они за себя подушных денег не платят, а взыскивают за них с них, татар. А на съезд де они в деревню Ибрайкину не ездили.

Марта 28 дня по показателству сотника Измаила Любаева да татарина Якупки сыскано татар // [10] человек. Бектемир Мамяев, сотник Газей Мустаев, Давыд Уразметев, Мустафа Тюкаев, Мусса Абрамов, сотник Асян Сурметев, Надыр Аипов, чувашенин Артюшка Алеев, абыз Усман Иманалеев, Аблязя Кадырметев секретно порознь роспрашиваны.

А в роспросех показали. Сего де 748 году до масленицы дней за пять деревни Ибрайкиной к татарину Якупке приезжали и у него были разных деревень служилые татару деревни Белой Горы Рахманкул Арасланов. И оные татару да деревни Ерыклов сотник Измаил Любаев, только было десять человек, а приезжали де к нему для щету оногo Якупки в данных ему на расход денгах и, начевав одну, а Надыр две ночи, поехали обратно по домам своим. А худых к бунту замыслов в том доме у них не было.

Из оных же сотник Асян Сурметев показал. До масленицы де или после, оной не упомнит, у показанного // Якупки был для высылки с платежем за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей, и то де заезжал на малое время. А против показания сотника Измаила во всем заперся ж.

И марта 30-го дня вышеписанным татаром, сотнику Газею Мустаеву с товарищи, в запираетелстве на изобличение с сотником Измаилом Любаевым даны очные ставки.

А с очной ставки сотник Измаил сказал то ж, как и с виски показывал, что подлинно они, в том числе и означенной сотник Газей Мустаев с товарищи, в доме у Якупки умысел к бунту имели. И в том утвердился.

А сотник Газей да Бектемир Мамяев показали, как де они у реченного Якупки в доме были, и умысел де у них к бунту подлинно никакого ни с кем не было и бунтовать не хотели, и кто оное умышлял, не знает и ни от кого тогда и после о том умысле не слышали.

Давыд Уразметев. Как де в доме у реченного Якупки были и на другой де день по приезде их требовали от него, Якупки, с каким указом он приехал из Санкт-Питербурха. И оной де Якупка с присланного указу ис Правителствующаго Сената объявил копию, в которой // было написано, чтоб с них татар за новокрещен подушные денги, рекрут и лошадей взыскивать. И тое де копию у него, Якупки, в доме читали.

И по прочтении де оной копии Якупка им татарам говорил, что де в Санкт-Питербурх ездил и милости никакой не получил. И при том им объявлял, чтоб они за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей в казну Ея императорскаго величества не платили.

А как де станут взыскивать, то оных денег не давать, а лутче де будем бунтовать. И для де того велел всем их деревень татаром повешать, чтоб они были с ружьи, у кого какое есть, к тому бунту в готовности.

И при том будущие татара, Рахманкулка и сотник Газей, с ними все означенные слова слышали, ибо де они сидели у показанного Якупки вместе в одной избе.

Токмо де он, Давыд, в деревню свою означенные слышанные от Якупки слова в деревне своей татаром сказывал трем, а имянно: Абди Адарову, Котаске Муратову, Мукамейке Сукаеву. А протчих де деревенских людей при том не было. Которые де ему сказали, чтоб он им тех слов не говорил и чтоб были к бунту с ружьем в готовности не наряжал.

Мустафа Тюкаев, абыз Исмаил Аманалеев, Аблязей Кадырметоев показали против показания Давыда Уразметева, что Якупка при объявлении с указа ис Правительствующаго Сената копии, такие речи, что ежели де за новокрещен станут взыскивать подушные денги, оных не давать, а лутче де бунтовать, говорил и повешать татаром, чтоб // к тому бунту с ружьи были в готовности велел, токмо де они, Мустафа и абыз Аблязей, о том никому не сказывали.

Да сверх того из оных же Аблязей показал, что де оной Якупка велел будущим у него сотником и всем татарам во всех сотнях и деревнях объявить, чтоб ко оному бунту все татара были в готовности и чтоб, собравшись, идти в Казань разорять.

Токмо де они тех слов у него не приняли, и за то ево бранили. А он им на то сказал, ежели де они с ним не будут, то хотел их разорять. А кто с ним были в согласии главные заводчики и где хотели збиратца, и сколько было у него в собрании числом людей, о том покажет он сам, а им де обоим при том не сказывал.

А Казанской де Татарской слободы и Уфинского уезду татара и башкирцы в том согласии, тако же и переписки з другими Ордами были ль, того не знает и ни от кого не слышал.

Сотник Асян Сурметев с очной же ставки с показанным сотником Измаилом и татарами Давыдом и Мусею сказал так же, как и в роспросе ево показано, чтоб он в доме у Якупки был для высылки с платежем за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей. И более ни в чем не винулся.

А показанные татара показали, что он, Асян, в доме у реченного Якупки подлинно был. А слышел ли те слова или нет, того они не упомнят, ибо де пришел уже по прочтении с указа копии в обед. //

Потом означенной Якупка поднят был на виску в пятые и сказал, вышеписанные де слова, чтоб подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а начать бунтовать, будущим у него вышеписанным татаром, Рахманкулу и Измаилу с товарищи, говорил, а потом заперся и показал, что оным поклепал себя напрасно.

И того ж марта 31-го дня деревни Белой Горы татарин Рахманкул Арасланов сыскан и роспросом показал.

Сотник де Измаил в дом к нему до масленицы, а за сколько времени не упомнит, для высылки подушных денег, положенных за новокрещен, приезжал. И о бунте он, Рахманкул, с ним, Измаилом, не думал. И в доме с ним сотником вместе у татарина Якупки были и чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить,

а ежели де станут взыскивать, то оных не отдавать, а идти воевать, намерения не было.

И по прочтении с указа Правительствующаго Сената копии Якупка, что в Санкт-Питербурхе милости не получил, не говаривал, и он не слышал. И во всем против показания сотника Измаилки Любаева и протчих заперся.

И с очных ставок с помянутыми татарами, Измаилкою с товарищи, оной Рахманкул при избличении от них в том не винился же, а сказал, что таких де слов от Якупки о неплатеже подушных денег и о бунте не слышал. //

Того ж числа реченные татар, Давыд и Газей с товарищи, сведены в застенки. Ис которых Газей без виски сказал, что де вышеписанные слова о неплатеже подушных денег и о бунтовании показанной Якупка подлинно им говорил и те слова они все, при том будущие татар, слышали. Только де в сотне своей татар, чтоб с ружьем были в готовности, не наряжал и никому о том не объявлял, и сам к тому согласия не имел.

А Давыд Уразметев, абыз Усман Аманалеев, Аблезей Кадырметев, Мусей Аврамов с виски показали против очных ставок, что оной Якупка о неплатеже подушных денег и о бунтовании говорил. И в том утвердились.

И вышеписанной де сотник Газей по поднятии на виску сказал против вышеписанного же, что такие от Якупки слова слышали, токмо де татар, чтоб были с ружьем в готовности, не наряжал. И в том утвердился.

Рахманкул Арасланов и Бектемир Мямеев против показания на них вышеписанных татар заперлись. А показал Рахманкул, что от татарина Якупки, чтоб за новокрещен подушных денег не платить, а станем де бунтовать, не слышал. А вышеозначенные сотники Измаил и Газей на очной ставке их, Рахманкула и Бектемира, в том избличали. // Того ж числа Якуп Мустаев по многом увещевании в роспросе сказал.

Татарин де Рахманкул Арасланов и сотник Измаил Любаев с товарищи, о которых в прежнем ево роспросе значит, до масленицы за неделю приезжали и по приезде де требовали с него в ыздержанных данных на расход денгах щета и с чем из Санкт-Питербурха приехал.

И он де, Якупка, по тому их спрашиванию объявил ис посланного из Правительствующаго Сената указу копию о взыскании с них за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей, которую копию у него, Якупки, в доме при означенных татарех и читали.

И по прочтении той копии он, Якупка, им татарам сказал, что де он в Санкт-Питербурхе ездил и милости никакой не получил. И при том объявлял, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить. А как станут взыскивать, лутче де будем бунтовать. И те слова оной Рахманкул и Бектемирка и чювашенин Артюшка слышали, а Асан сотник тех слов не слышал, ибо пришел по прочтении указа и, побыв мало время, уехал. А чтоб с ружьи все татары к бунту были в готовности, того никому не приказывал и никому о том не говаривал.

А вышеписанное де говорил он, Якупка, с пьянства. А намерения и умыслу к тому бунту на том собрании и ни с кем он не имел, и где и у кого о том к бунту намерение и умысел был, не знает и ни от кого не слышал.

И по оному показателству ему, Якупке, с татаринном // Рахманкулом дана очная ставка. И на очной ставке показали.

Якупка принес извинение и показал, что де в бытность у него, Якупки, в доме вышеписанных татар говорил по прочтении с указу копии показанные в повинном ево роспросе слова, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а ежели станут взыскивать, то б оные не отдавать, а идти бунтовать, подлинно как ему, так и протчим будущим у него в доме татаром, говорил.

И оной Рахманкул те слова слышел, и тем ево, Рахманкула, уличал.

А Рахманкул при той очной ставке показал. Оной де Якупка, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, будущим у него, Якупки, татаром говорил и он, Рахманкул, те слова от него слышел, а о бунте никаких слов от него не слышал.

Апреля 4-го числа Рахманкул Арасланов, Бектемир Мамяев, сотник Газей Мустяев с первого розыску показали.

Рахманкул Арасланов. Сотник де Измаил Любаев, как у них было собрание в доме у Якупа Мустаева, едучи ко оному Якупу, к нему, Арахманкулу, в дом не заезжал и он с ним, сотником Измаилом, о злом казанских татар к бунту намерении и ни о чем // не советывал.

А съехались де они с ним, Измаилом Любаевым, в доме у привозного с ними татарина Бектемирка Мамеева, откуда с ними, Измаилом и с означенным хозяином Бектемиром, приехали. И по приезде вышеписанные от Якупа Мустаева слова, чтоб подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а лутче будем бунтовать, слышел. И о том де нигде не доносил, хотя закрыть вину свою.

А к бунту де согласия, как у оного Якупа Мустаева с означенными будущими в том доме татары, так и нигде ни с кем не имел. И сотником, чтоб они в сотнях своих татаром повестили, дабы к тому бунту с ружьем были в готовности, не говаривал, и сам к тому бунту никого не наряжал, и для того наряду никуда не езживал. Тако же в скрытном собрании никаких ружей, пороха и свинца у него не имеется и согласия же к тому бунту з башкирцами и с киргис-кайсаками не имел. И от иных областей и степных народов наставление и происков о том никаких не было. И в том утвердился.

Бектемир Мамяев да сотник Газей Мустаев у вышереченного де татарина Якупа Мустаева совет у них у всех будущих татар, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить был. И на том де совете главные зачинщики были Рахманкул Арасланов да Якуп Мустаев, ибо де им сам повещу. И выбрали к тому ево главным.

А при том де согласии других никого Казанского и Уфинского уездов татар, башкирцов и киргис-кайсаков и от иных областей и степных народов ни с каким наставлением не приезжали. И запасного оружия у них не было и ныне у кого есть ли, не знают.

Сверх же того из оных сотник Газей при том розыске показал, что хотели итить всем собранием в Казань разорять. Для чего де он, Газей, по сотне своей ездил и к тому бунту наряжал. Токмо де оного намерения не исполнили, убоясь страха. И в том утвердились.

Того же 4 числа Якуп Мустаев по сведении в застенок без розыску сказал, во-первых, что желает восприть веру греческого исповедания. А вышеписанные де татары, Рахманкул Арасланов с товарищи, и чувашенин Артюшка в доме ево, чтоб за

новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а итить на русских воевать, подлинно советывали.

А главный де к тому зачинщик означенной Рахманкул Арасланов. И положили де на том совете, чтоб всякому сотнику для того бунту сотни своей татаром повестить, дабы с ружьем, у кого какое есть, были в готовности. И при том означенной Рахманкул сказал, которых де сотников // в собрании в доме у него, Якупа, не было, я де сам к ним поеду и повещу.

А где б им для разорения собиратца и когда идти, того на том совете у них было не положено.

И против оного Якупа Мустаева показания вышереченной Рахманкул по вторичном в застенок сведении в советывании к бунту не винулся и показывал то ж, что выше сего от него показано.

Апреля 5-го числа для изискания истины вышеимянованные татары в разноречии, а Арахманкул Арасланов по многому на него показанию и изобличению в заперателстве, сведены в застенок и розыскиваны же. А с розысков показали.

Мустафа Тюкаев. У татарина де Якупа Мустаева совет у них з будущими татары, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить был. И на том де совете главные зачинщики были Рахманкул Арасланов и Якуп Мустаев. Ибо де они, Рахманкул и Якуп, при том совете говорили, чтоб всем сотником сотни своей татарам в деревнях повестить, чтоб к тому бунту все татары были с ружьем, у кого какое есть, // в готовности.

И при том реченной Рахманкул сказал, которых де сотников на том собрании не было, я де им о том сам повещу. Только он, Рахманкул, повещал или нет, он, Мустафа, не знает. И выбрали ево к тому главным. И, собравшись, куда хотели идти воевать, о том покажут реченные Рахманкул и Якуп. А ему де, Мустафе, о том не сказывали, и ни от кого не слыхал. Но токмо де они того учинить не осмелились, понеже в то ж время, будучи у него, Якупа, в доме, услышали, что в Казане найдены подметные писма и учинена предосторожность. А в прежнем де своем роспросе не показывал, хотя тот умысел закрыть.

Надыр Осипов. По прочтении де с присланного ис Правителствующаго Сената с указу копии татарин Рахманкул Арасланов говорил в доме зятя ево, татарина Якупа Мустаева, всем будущим татаром в собрании, чтоб подушных денег, рекрут и лошадей, положенных за новокрещен, не платить, а лугче де будем бунтовать, подлинно говорил и велел наряжать, чтоб татары с ружьем, у кого какое есть, были в готовности.

И, собравшись де, поедет перва Казанской уезд, а потом в Казань русских разорим. Но токмо де того учинить не осмелились. Понеже де // в то же время, будучи у него, Якупа, в доме услышали они, что в Казане найдены подметные писма и учинена предосторожность. А выбрали де главным оного Рахманкула. И, собравшись де, куда хотели идти воевать, о том покажут реченные Рахманкул и Якуп. А ему де, Надыру, о том не сказывали. При том же розыске просил он, Надыр, что он желает воспрять веру греческого исповедания. Сотник Измаил Любаев сказал то же, что и прежде с виски показывал. Что тот к бунту умысел у татарина Якупа Мустаева в доме подлинно был. Да сверх того приполнил, главные де к тому бунту зачинщики оные татары Рахманкул

Арасланов да Якуп Мустаев. И оной де Рахманкул, будучи на том совете и сверх показанных в прежнем ево с виски роспросе слов, говорил, которых де сотников на том совете не было, я де поеду к ним сам и в тех сотнях, чтоб к бунту все татары были в готовности повешать. А повешал ли или нет, о том покажет он сам.

А что же де он в прежнем роспросе с виски показывал, что приезжал к показанному Рахманкулу и думали о начатии того бунта вместе, и то показал он не памятуя. А съехались де с ним подлинно деревни Челны у татарина Бектемира Мамяева и с ними обще поехали для означенного умыслу к показанному Якупу Мустаеву. //

Абыз Усман Иманалеев. По прочтении де с присланного ис Правительствующаго Сената с указа копии в доме у татарина Якупки Мустаева оной Якупка всем будущим татаром говорил, чтоб они за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей в казну Ея императорскаго величества не платили. А как де станут взysкивать, то оных денег не давать, а лутче де будем бунтовать. И для де того велел всем их деревням татаром повешать, чтоб были с ружьи, у кого какое есть, к тому бунту в готовности. И при том будущие татары Рахманкул и сотник Газей с ними все означенные слова слышали. А он к тому согласен не был, но токмо де о том нигде не объявил, убоясь страха. И против показательства сотника Измаила Любаева во всем заперся.

Аблязей Кадырметев. Показал то же, что и оной абыз Усман показывал. Да сверх того приполнил, что де Якупка Мустаев подлинно велел будущим у него сотником и всем татаром во всех сотнях и в деревнях объявлять, чтоб ко оному бунту все татары были в готовности и чтоб, собравшись, идти в Казань разорять. А как де о том бунте начали умышлять и кто с ним были в согласии главные заводчики и где хотели збиратца, и сколько было у него в собрании числом людей, о том покажет он, Якупка, сам. А им де об оном при том не сказывал.

Якуп Мустаев показал то же, что и в последнем повинном роспросе своем в застенке без розыску показал. Вышеписанные де татары Рахманкул Арасланов с товарищи в доме ево, чтоб за новокрещен подушных денег, рекрут и лошадей не платить, а идти на русских воевать, подлинно советывали. А главной де к тому зачинщик означенной Рахманкул Арасланов. И положили де на том совете, чтоб всякому сотнику для того бунту сотни своей татарам повестить, дабы с ружьем, у кого какое есть, были в готовности. И при том де означенной Рахманкул сказал, которых де сотников в собрании в доме у него, Якупа, не было, я де сам к ним поеду и повешу.

А где б им для разорения збиратся и когда идти, того на том совете было у них не положено. А чювашенина де Артюшки Алеева и сотника Асана Сурметева на том совете с ними не было, а в прежнем роспросе на них о том показывал напрасно.

Рахманкул Арасланов при вторичном розыске сказал то же, что и перваго розыску показывал, и более ничего не приполнил и главным де к бунту быть не хотел.

Давыд Уразметев, Муся Аврамов сведены в застенок и за старостию и за болезнию не розыскиваны. А без розыску показали то же, что и в прежних своих допросах объявили.

Все же вышеписанные татары в роспросех и при розысках показали, что при том согласии других и никого казанских слободских и Уфинского уезду татар, башкирцов и киргис-кайсаков, и от иных областей и степных народов никаким наставлением, и запасного огненного оружия, пороху и свинцу, луков и стрел и протчаго у них не было.

И ныне у кого под скрытием есть ли, они не знают, и ни от кого не слышали, и более нигде на таких советах не бывали. Вышеимянованному же Рахманкулу Арасланову по показанию на него многих, что он в показанном умышлении был главным зачинщиком и возмутителем, а он в том заперся, и еще будут учинены надлежащие розыски. И ис того не может ли, что более показатца, о чем впредь донесено быть имеет.

Бригадир Бардекевич. [Апре]ля 7 дня 1748 году.

Источник: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, д. 185-197.

Опубликовано: Мустафина Д.А. Бунт татар-мусульман в 1748 г. – несостоявшийся факт или вымысел? // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1.

№ 37

**Именной указ Е.И.Пугачева населению Ногайской
и Сибирской дорог Оренбургской губернии**

6-7 октября 1773 г.

Я – величайший из великих и высочайший государь государей и мира... правитель и самодержец всероссийский да вселенский, к доброте [зовущий]... во все времена и навечно истинно Богом [утвержденный] его величество император и великий государь – сам проверил и издал из своих уст сей именной указ всем мне подвластным созданиям и прочим и прочим всем вам, чтобы вы были знающими, сведущими да сведущими! Знайте меня, воочию увидев и не видя признав своим властелином.

И засим вы – мусульмане ли, калмыки ли, увидевшие [сей указ] в этом краю и других подвластных мне сторонах, в пограничных окраинах, – все вы, будучи готовыми к свиданию, идите на встречу моему благословленному, благородному челу. Пожалуйста, не проявляйте медлительности! Вы желающие мне [добра], сообщите эту весть всему доброму людскому роду. Если башкирские старшины и еще находящиеся на Ногайской дороге – все вы приходите готовыми к свиданию! Если в эти месяцы и в эти дни имеются заточенные в темницах, задержанные в руках богачей, то пусть их освобождают! Еще приказываю: если они кроме этого чинят преступление и насилие, то по моему велению рубите им головы, проливайте их кровь – [такая] кара будет наследием их потомству!

И засим те, которые служили каким-то образом моим предкам, тех, которых из моих предков отважный государь Петр Алексеевич пожаловал, я также пожалую вас! На вечные времена пожаловал я вас вашими землями и водами, хлебом и солью вашими, да прочим, а также верой и совестью, богатством и сокровищами вашими! Если будете служить мне с радушием, то я буду вашим отцом, буду согласно этому повелению и наставлению-указу покровителем, нет [в этих словах ошибки], зато много у меня милосердия! Именем благодарителя, говоря, божественный договор-условие, посылается клятва эта.

Тем, которые враждебны мне, и тем, которые, не веря в меня, ходят в противниках, не будет от меня милосердия – головы их отрубятся, имущество будет отнято, ждет их [такое] бедствие!

Написав, сверил этот указ в год Змеи, первого дня месяца шаабана, окончен в понедельник вечером.

Посылайте этот указ из города в город, из крепости в крепость, сняв копию, помните!

Засим величайший из великих всероссийский император я, Петр Третий, сам руку приложил¹.

Послан [этот указ] величайшим из великих императором и государем [Петром] Федоровичем башкирским старшинам и прочему благородному и простому населению, находящемуся на Ногайской дороге, и прочим, находящимся в стороне Сибири. Помните указ!

---

¹ Это предложение с незначительными изменениями написано два раза.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 42-43.

№ 38

Охранный билет, выданный походными старшинами повстанцев Абдием Абдуловым и Джумакаем Асхаровым крестьянам Осинской волости Ефиму и Степану Коловым

2 декабря 1773 г.

По велению и по силе указа светлейшего и величайшего из великих шахов разных стран, императора, государя нашего Петра Федоровича дан сей билет.

Уфимского уезда Осинской дороги Гайнинской волости от Абди Абдулова сына, а так же Гарейской волости от старшины Джумакаея Асхарова сына дворцовому крестьянину Осинского уезда деревни Нагорье Ефиму Иванову сыну Колову и младшему брату его Степану Иванову [сыну] Колову [дан билет] в том, что они у себя дома били челом милостивому государю нашему Петру Федоровичу и воинов дали, и о том, чтобы они жили в своих домах, ходили по деревням. Поэтому наши и прочие приезжающие командиры и войсковые люди притеснений и вреда им не чините.

К сему я, походный Абди Абдулов сын, вместо подписи тамгу свою приложил [изобр. тамги]. Я, старшина Джумакаея Асхаров сын, руку свою приложил.

В 1773 году декабря 2 дня.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 39

Манифест Е.И.Пугачева, врученный полковому старшине Бахтияру Канкаеву и Абдулкариму Кузкееву с объявлением о предоставлении народу свободы и земельных угодий

3 декабря 1773 г.

Содержатель войск, светлый государь мира, я, великий воитель, самодержавный властелин всех лучших и простых людей разных стран и областей, во все времена державший их в своих руках и воле. Сей манифест дан по силе утвержденного самим царским величеством государя всероссийского и прочая, и прочая, и прочая, многих и

многих стран и земель, великого из великих, императора Петра Федоровича именного указа собственноручно и из своих уст, чтобы знали и верили, верно и честно служили и несли воинскую службу.

Тех, кто сам видит мое благородное лицо и прекрасный образ или в мыслях и сознании возвеличит меня, близко узнав, искренней душой, словом, делом и горячим сердцем, и честью верит мне, таких людей, конечно, я буду жаловать вашими землями, водами, рыбными ловлями, покосами, пашнями, лесом, порохом, деньгами, свинцом и хлебом, солью и прочим.

Кто не повинуется и противиться: боярин и генерал, и майор, и капитан, и ныне – голову рубить, мнение взять – берите, стройте против них, голову рубите, если есть имущество – привезите царю, другие пожитки раздайте армейским людям. В одно время они вас ели, лишали моих рабов свободы, сейчас вы их рубите, если не подчиняются. Кто повинуется, тот не противник, не трогайте. Кто признает меня, кто нашел прямой путь ко мне, пусть несет воинскую службу. Противников вешать и резать буду. Не оставайтесь в неведении, пожалуйте.

Во уверении Петр Федорович подписался тако: я самый Петр Третий.

Этот манифест дан полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну, полковому сотнику Абдулкариму Кузкееву сыну. Поэтому приложена печать Военной коллегии.

Вы сами копию с этого указа отправьте в разные стороны и во все края. Условлено, чтобы из деревни в деревню, из улицы в улицу, не задерживая нисколько, передавать [копию]. Кто раб боярский и крестьянин в неволе у злодеев, сегодня мною освобожден, кто в тюрьме, выпускается.

Отсылается такое приказание и повеление рамазана 29 дня 1773 года.

Иван Творогов,
Секретарь Максим Горшков,
Повытчик Иван Герасимов

Извлечено из: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 44-46.

№ 40

Приказ повстанческого атамана Нурия Ишаева и походных старшин Бабтая Муслимова, Ихсана Баязитова и других мулле Рахманкулу Умарову о наборе мишарей Осинской дороги Уфимского уезда в повстанческие отряды

8 декабря 1773 г.

По велению и указу его императорского величества, государя нашего Петра Федоровича, приказывается тебе, мулле Рахманкулу Умарову сыну из аула Алдар, снаряжать в поход мишарей Осинской дороги, по одному человеку из двух дворов;

также привести в покорность великому правителю всех сторон, государю нашему Петру Федоровичу еще непокорившиеся различные народы тех краев и идти на них с теми, кои уже стали покорными. Если же будут сопротивляющиеся покоряться, то их отправляйте сюда. А также сколько покорившихся при вас, о них сообщите сюда репортом незамедлительно.

Мишари Осинской дороги уже били челом Петру Федоровичу. Войсковые люди пусть не чинят обиду ни им самим, ни их имуществу. Если же где-нибудь соберутся враги, и вы не сможете одолеть их, то об этом сообщите репортом сюда. Если же хватит вашей силы, то постарайтесь уничтожить их.

Поэтому каждый из вас пусть слушает этих гонцов, пусть бояться гнева и ярости его величества государя нашего, в необходимых местах оказывают им помощь, немедленно предоставляют подводы.

Я, атаман Нурий Ишаев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, старшина Бабтай Муслимов сын, руку свою приложил.

Я, старшина Ихсан Баязитов сын, руку свою приложил.

Я, походный старшина Абдулкарим Максудов сын, руку свою приложил.

Я, мулла Сулайман Мустафин сын, руку свою приложил.

Также тем, кто покорился, выдавайте билеты, по силе войскового [указа].

Также изготовляйте оружие, не взирая на сопротивление кузнецов, давая им за работу по одной копейке за пять наконечников стрел и по пять копеек за одно копьё. Если же [кузнецы] будут отказываться, то их ловите и отправляйте с репортом сюда.

По силе вышеуказанного указа я, атаман Нурий Ишаев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

В 1773 году декабря 8 дня.

Дан этот билет по силе указа мулле Рахманкулу Умарову сыну из деревни Алдар Туктамышевой команды.

Дан этот приказ в руки Абдулманнафа Альмаматова сына да Мусе и Субханкулу, а также в руки Атнабая и Алимгуджи, с тем чтобы обнародовать его в Кунгурском уезде.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 41

Указ походных старшин Качкына Самарова, Ибрагима Мирясова и Канбулата Юлдашева старшинам и сотникам Еланской волости о приведении населения в подданство Е.И.Пугачеву и наборе жителей на военную службу

12 декабря 1773 г.

По велению его императорского величества, великого государя нашего Петра Федоровича, послан сей указ с Балтачем Сеитовым сыном старшинам и сотникам Казанской дороги Еланской волости, коим приказывается: в добром порядке и с наставлениями приведите команды, находящиеся под вашим началом, в подданство милостивого государя нашего. А затем снарядите из ваших команд по одному подходящему человеку из каждого дома с хорошим боевым оружием. Если где-нибудь найдутся люди, отказывающиеся признать его царское величество, то их покоряйте. Если же не покоряются, окажут сопротивление, то их при возможности переправляйте сюда. А имущество, добротные и драгоценные вещи их, не промедля, с подводами из деревни в деревню да с конвоями отправляйте сюда, чтобы сдавать в казну милостивого государя нашего. А если будут враги, которых вы сами не преодолете, сообщите вашим репортом сюда, отсюда поедут с пушками.

12 дня декабря 1773 года.

Я, походный старшина Тамьянской волости Качкын Самаров сын, вместо подписи тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, старшина Ибрагим Мирясов сын, руку свою приложил.

Я, походный старшина Канбулат Юлдашев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Написав по приказу старшин, я, писарь Амир Усманов сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 42

Приказ походных старшин Качкына Самарова, Ибрагима Мирясова и других походному старшине Балтачу Сеитову о наборе жителей Еланской волости Казанской дороги в повстанческие отряды

12 декабря 1773 г.

По велению его величества, великого императора и великого государя нашего Петра Федоровича, послан сей указ походному старшине Еланской волости Казанской дороги Балтачу Сеитову сыну с тем, чтобы доводить и объявлять сии указы разным народам той стороны, чтобы также покорять их милостивому государю, чтобы собирать из них силу и команды. Тех же врагов, которые сопротивляются и после уговоров, согласно прежним правилам казнить, истреблять, проливая их кровь, а имущество их брать без каких-либо опасений в казну государя. Тем же, которые покорятся милостивому государю, никогда не учинять обид и притеснений, не пугать и не тревожить, всякий раз выдавая им билеты под залог, обрадуйте их души жалованиями милостивого государя.

Также приказываю вам: везде и во всем принимайте и слушайте приказ сего Балтача Сеитова сына. Если же не будете слушаться, проявляя своеволие, не подчинитесь дисциплине, то бойтесь гнева милостивого государя, бойтесь быть повешенными и разрубленными.

Во уверение сего я, походный старшина Качкын Самаров сын, вместо подписи тпмгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, старшина Ибрагим Мирясов сын, руку свою приложил.

Я, старшина Канбулат Юлдашев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, походный старшина Кутлучура Ишматов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, есаул Имкач Аккубаков сын, написав, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 43

Именной указ Е.И.Пугачева атаману В.И.Торнову

15 декабря 1773 г.

Светлейший предводитель войск, государь обоих миров.

Я, величайший из великих, всех [бого]хранимых российских земель и сотворенных самодержавный владыка, держащий в руках своих весь благородный и простой род людской, во все времена слышащий, видящий и знающий и прочая, и прочая – объявляю всем, [чтобы] быть осведомленными и верить, знать и видеть это самое повеление.

В силу утвержденных самим великим императором и великим государем Петром Федоровичем именных указов, собственноручно и из уст своих дается сие сверенное [повеление], объявляя из моего войска Василия Торнова с пятью русскими товарищами [атаманом] в Ногайбакскую крепость; им, если они поедут в другие крепости, собравшись в команду, дается право безоговорочно и незамедлительно, без слов и без шума вешать и рубить тех, кто не покорился.

Написан одиннадцатого дня месяца шаввалля. Подорожное.

Во уверении сего я сам приложил руку свою, знайте так: Петр Третий.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 44

Охранный билет, выданный походным старшиной Абдием Абдуловым жителям села Медянка Кунгурского уезда.

19 декабря 1773 г.

По велению светлейшего и величайшего императора стран, государя нашего Петра Федоровича дан [сей билет] крестьянам села Медянка Кунгурского уезда Василию Первову, Филиппу Первову, Гордею Гладкову, Ефрему Климовскому в том, что они, находясь у себя дома, били челом милостивому государю нашему Петру Федоровичу и будут разъезжать меж деревнями, поэтому никто из нас, а также из других командиров и войсковых людей пусть не чинят им вреда и притеснений.

К сему я, Абди Абдулов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

1773 год, 19 декабря.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 45

Охранный билет, выданный походными старшинами повстанцев Абдием Абдуловым и Джумакаем Асхаровым толмачу Якубу Рахматову

22 декабря 1773 г.

Билет

От находящихся на службе его величества, великого из великих императоров стран, государя нашего Петра Федоровича, сотника Абди Абдулова сына и старшины Джумакай Асхарова сына [дан] толмачу в городе Осе Якубу Рахматову сыну [сей билет] в том, что он находится на службе милостивого и великого и великого императора и государя нашего. Где бы то ни было пусть никто из наших команд, из других войск и команд не причиняют ему притеснений и вреда.

Поэтому я, походный Абди Абдулов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Старшина Джумакай Асхаров сын руку свою приложил.

В 1773 году декабря 22 дня.

Я, войсковой полковой писарь мулла Мустахим Юртбагышев сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 46

**Указ атамана И.Н.Зарубина-Чики полковому старшине Бахтияру Канкаеву
о формировании отряда из жителей башкирских, мишарских, татарских,
марийских и русских селений**

24 декабря 1773 г.

Распоряжение

От графа Ивана Никифорова сына и полковника Якова Антонова, посланных большой милостью приказом его величества, великого императора и государя Петра Федоровича, тому, кто хочет служить его величеству, великому императору и великому государю.

Так, прибыл сюда, на Торский завод, чтобы справлять свою службу, полковой старшина Бахтияр Канкаев сын. И поэтому приказано этому Бахтияру Канкаеву сыну нести армейскую службу полковым старшиной.

И засим он, чтобы совместно нести службу великого императора и великого государя нашего Петра Федоровича, пожелал годного себе в товарищи Абдулкарима Кузкеева сына в сотники.

Также, по силе указа его императорского величества, государя нашего [живущим] во всех сторонах разного рода народам – будь то башкиры ли, мишари ли, татары ли, черемисы ли, русские ли, всем этим перечисленным народам приказано: служить по одному человеку из каждых двух дворов, совместно выступая с покорившимися его величеству, императору и государю нашему Петру Федоровичу, народами, покорять непокорившихся, если же кто-либо учинит обиды и вред его величеству, великому императору и государю, то, заранее осмысливая и зная о таких обстоятельствах, противостоять его врагам, а если сопротивляются, то с подобными воевать.

И засим, по силе указа милостивого государя нашего, приказано: в разных местах необходимые и интересные для государя вещи брать на учет, а различные вооружения, как-то: пушки, порох, ядра, буджаи, турки и им подобные, выявив, изымать, не взирая на сопротивление.

И еще приказано без задержки предоставлять им [Бахтияру и Абдулкариму] подводы под страхом смертного гнева его величества государя.

24 дня месяца джади¹.

К сему: граф Иван Никифоров сын.

В 1773 году.

[Адрес:]

Вручить сей ордер полковому старшине Канкаеву сыну. Едущему с сими ордерами Абдукаю Исмагилову сыну давайте подводы из деревни в деревню, без задержки и без прогона.

Извлечено из: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 54-56.

¹ Джади – месяц Козерог, соответствует декабрю.

№ 47

«Верительный» билет, выданный командиром повстанцев Джианом Куштановым казачьему хорунжему Е.Кочетку

31 декабря 1773 г.

По воле светлейшего и величайшего императора стран и государя нашего Петра Федоровича дан верительный билет вольско-бийскому казаку хорунжему Ермилу Кочеткову сыну и его команде в том, чтобы им бить челом великому порогу милостивого императора и государя нашего Петра Федоровича и постоянно быть на его службе. И пусть никто из войсковых предводителей и армейских людей не чинит обиды и вреда этому вольско-бийскому казаку хорунжему Ермилу Кочеткову сыну и его команде.

К сему я, полковой командир Гайнинской волости Джиан Куштанов сын, руку свою приложил.

В 1773 году месяца шаввалля 27 дня.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 48

Приказ командиров повстанческих отрядов Абдулджалиля Урускулова, Адила Бигашева и Бахтияра Канкаева старшинам Казанской дороги Уфимского уезда об исполнении ими приказаний Балтача Сеитова

Декабрь 1773 г.

Указ, данный по силе повеления Его величества, великого императора и великого государя нашего Петра Федоровича, старшине деревни Бикметова Еланской волости Балтачу Сеитову сыну.

Каждая из ваших команд пусть будет послушной его, старшины Качкына Самарова сына, приказаниям.

К сему я, полковник Абдулджалил Урускулов сын, руку свою приложил.

Я, атаман мулла Адиль Бигашев сын, руку свою приложил.

Я, полковник Бахтияр Канкаев сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 49

**Приказ полковника повстанцев Караная Муратова
капралу Пайтулу Пабикову о наборе жителей села Ерыксу
в повстанческие отряды**

Декабрь 1773 г. ¹

По велению светлейшего и высочайшего императора стран и государя нашего Петра Федоровича да и в силу указа нашего милостивого государя нашего Петра Федоровича дан [сей] приказ Казанского уезда села Ерыксу капралу Пайтулу Пабикову сыну с товарищами.

Милостивому государю нашему Петру Федоровичу бил челом капрал Пайтул Пабиков сын, который, став походным капралом, со всеми своими командами выступает против врагов милостивого государя нашего Петра Федоровича. Чтобы идти против тех упомянутых врагов, приказано ему наряжать людей в округе в поход по одному человеку с каждых двух дворов. И взять на службу нашего милостивого государя Петра Федоровича людей в обязательном порядке, чтобы идти в поход против упомянутых врагов. Тех же людей, которые оказывают сопротивление нашему милостивому государю Петру Федоровичу, уничтожать и изымать их имущество. О тех, кто уничтожен, и о том, каким образом изъято их имущество, сообщать походному полковнику и старшине Караная Муратову сыну. О чем и повелевается тебе, капралу Пайтулу Пабикову сыну.

Отправиться [также вам] в Казанский уезд, в иные заводы и другие необходимые места, и если во время этих поездок в пути устанут и захромают ваши лошади и в некоторых местах подводы не будет, чтобы полностью исправить службу милостивого государя нашего Петра Федоровича, то каждому из вас взять все необходимое у упомянутых людей. И тех, кто из заводов и сел объявит покорность и подданство милостивому государю нашему Петру Федоровичу, взять в поход в команду.

Говоря так, я, вышеупомянутый полковник и походный старшина Каранай Муратов сын, руку свою приложил.

Уфимского уезда, Ногайской дороги мишарский есаул я, Султанмурат Муртазин сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

---

¹ Датируется по времени начала действий полковника Караная Муратова под Мензелинском.

№ 50

Реестр повстанческого отряда полковника Канзафара УсаеваДекабрь 1773 г.¹

Канзафар Усаев сын².

Реестр имен воинских людей:

Кускай Мурадов сын, Абдулбакый Максудов сын, Хамит Яукилдиев сын, Салим Исламгулов сын, Абдулла Сулаев сын, Сайфулла Саидбурганов сын, Аллагул Акаев сын, Исанбул Урманчиев сын.

Мазинский и из окружения крещеного Мазинского: Прокофий, Фронка Никитин сын Пермяков, Федор Иванов сын Кузнецов. Чистопольские, Яланские: Афанасий Иванов сын, Кузьма Силыч, Ефим Микитин Завьялов.

Люди нашей деревни, находящиеся под началом сотника Арслана: сначала Мухтасар Юсупов сын, Мачтак Туйметов сын, Муртаза Сафаров сын, Баттал Тимеркаев сын, Кадырмет Кучумов сын³.

Опубликовано: Возвзвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 51

**Реестр повстанцев отряда старшины Бахтияра Канкаева с расписками
о получении наконечников стрел и другими сведениями**Декабрь 1773 г.⁴

Реестр людей, находившихся под началом полкового старшины Бахтияра Канкаева сына.

Сначала сотник Юска Юнусов сын.

Реестр: люди, находящиеся под началом сотника Абдулкарима Кузкеева сына.

Сначала Юлбарс Учупов сын, и еще Нурмет Курычев сын, и еще Атнабай Биккинин сын; еще я, Муслим Мусин сын, получил тридцать наконечников [стрел]. Еще я, Башир Мусин сын, получил тридцать наконечников стрел. Еще я, Кадур Якубов сын, получил восемнадцать наконечников. Еще Ахмар Мухсинов сын, получил двадцать пять наконечников. И еще я, Ерукай Айсин, получил двадцать пять наконечников. Еще я, Куган Яубов сын, получил тридцать пять наконечников.

¹ Датируется по времени начала действия отряда полковника Канзафара Усаева в Кунгурском уезде.

² Виза находится в левом верхнем углу листа.

³ Абзацы написаны разным почерком.

⁴ Датируется по времени начала действия отряда Бахтияра Канкаева и Абдулкарима Кузкеева.

И еще был Юлдаш Даудов сын, отставной: в подмогу хочет отдать своего коня с седлом и подником. И еще я, Абизкай Исмаилов сын, по собственному желанию вошел в реестр и во уверение сего, дабы исправно служить его превосходительству государю нашему, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Сначала капрал Исанбулат Намазов сын, еще Туктар Ишватов сын, и еще Кунакбай Балтачев сын, еще Илкай Маркаев сын, и еще всего десять дворов, имен их не знаю, все они из вероотступников, вернувшихся к своей вере. И еще Абдуразак, и еще Якуб, и еще Ибрай Абдиев сын, и еще Бурсубай Чичканов сын, и люди, находящиеся под началом Исанбулата.

Мать трех пропавших лошадей Юбана Исанбаева сына...¹

В силу наставления, выданного из государева войска, и изданного указа мы, прибыв [на место], спрашивали у капрала Юбанова сына Канкаевой команды из Ака Тура. Но он, Юбан, не послушался.

Чтобы верить, я, полковый старшина Бахтияр Канкаев сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Возвращения и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 52

Список деревень Казанской дороги, выделивших воинов в повстанческие отряды

1773 г.

Киркалинцы	–	деревня Верхний Уруз,
Аначцы	–	деревня Нижний Уруз,
Тугайцы	–	мишари ² ...,
Сабакцы	–	Белебеевские деревни,
Бургуратцы	–	Асылдовские деревни,
Мясковцы	–	Крык-Наратовские деревни,
Мияковцы	–	Джанаксазовские деревни,
Микифорцы	–	Джумагул, Субханкул,
Усаевцы ³	–	Сибай, Абдулбакый,
И Асылмакбаш ⁴	–	Хамид, Саям, Абдулла
Чуваши	–	Прокофий, Федор,
Казанцы ⁵	–	Афанасий, еще 92...,

¹ Фраза не закончена

² Пропущено одно слово.

³ Далее зачеркнуто: «аслаклар», «узлуклар».

⁴ На полях Федор и Николай.

⁵ На полях: Кэракай.

Белебеевцы¹ – Из деревни Ярмулла 12.

Исмаиловские деревни [выделили воинов], из деревни Янга [следующие]: Альмухаммад Адилов сын, сотник Арслан, есаул Маскай Юсупов сын, есаул Абдуразак, сотник Илья Иванов сын, Итжимас Лексеев сын², Абдуссалам Исмагилов сын, Степан Васильев сын, Кэркай Кунаккулов сын, Тарабай Иванов сын, Хусаин Байтимиров сын...

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 53

Список вещей, конфискованных повстанцами

1773 г.

Во-первых, один чайник оловянный, еще один чайник медный, что привезены Максумом; еще один медный кипятыльник чая, еще один медный кипятыльник чая, еще один треугольный предмет из латуни; еще одна двучечная медная сахарница; еще одно медное граненое ведро, еще одно гладкое ведро, медное; еще один латунный подсвечник; еще пять маленьких чашек; еще восемь тарелок; еще три граненые большие чаши; еще три маленькие лоханки; еще одна медная крышка; еще один самовар из зеленой меди; еще один черный чайник; еще один медный светильник; еще один медный кумган, еще один – латунный; еще одна ступа; еще шестнадцать пар ножей и вилок; еще 4 пары ножей и вилок; еще 8 вилок; еще 9 ножей; еще 16 оловянных ложек; еще одна большая медная миска с крышкой; еще одна оловянная миска с крышкой; и еще одна крышка медная; еще один медный таз; еще две свинцовые табакерки; еще две черные и одна красная крашенные ножи; еще железный треножник для таза; еще две перины – одна поменьше, другая побольше, еще одна большая перина.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

¹ Следующее слово зачеркнуто.

² Одно слово стерто.

№ 54

Подписки старост селений Осинской и Сибирской дорог Уфимского уезда, врученные полковому старшине Бахтияру Канкаеву вместе с реестрами людей, направленных в повстанческий отряд

1773 г.

[А]

Я, Канчура Мауликаев сын из деревни Абдулла, дал реестр полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну и собственноручно тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Еще я, Урусбай Кантуганов сын, дал реестр полковому старшине Бахтияру Канкаеву и тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Еще я, Абузар Утяшев сын из деревни Шарамы, дал реестр полковому старшине Бахтияру [Канкаеву] сыну о том, чтобы совместно нести службу милостивого государя, и тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

[Б]

И еще я, Канчура Мауликаев сын из деревни Абдулла, дал реестр полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну и собственноручно тамгу свою приложил [изобр. тамги].

И еще я, Кантуганов сын Урусбай, дал реестр полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну и тамгу свою приложил [изобр. тамги].

И еще я, Абузар Утяшев сын из деревни Шарамы, дал реестр полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну и во уверение привычную тамгу свою приложил [изобр. тамги].

И еще я, Курман Туманов сын, дал реестр и во уверение тамгу свою приложил [изобр. тамги нет].

Из деревни Бугальш [также] Исхак Исмагилов сын, из деревни Ака Муска Мустафин сын, Мухаммдрахим Умаров сын, Джаграф Исмагилов сын, Илчибай Мухсинов сын...

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

[В]

Мы, из деревни Абдулла: сначала Абдулхаир Путиев сын дал реестр полковому Бахтияру, затем дал я, Мунасиб Абулхаиров сын; также дал я, Саид Абдулхаиров сын, о службе его величеству государю Петру Федоровичу; затем я, Юнус мулла Касымов сын, дал реестр; я, Алкай Путиев сын, дал реестр.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 55

**Рапорт сотника Утягана Муратова старшине Шарифу Якубову
о готовности выступить в поход против неприятеля**декабрь 1773 г. – январь 1774 г.¹

От нас, от господина сотника Утягана Муратова сына, вам старшине Шарифу Якубову сыну.

Ты, оказывается, просил у нас пушку, но того, что ты желаешь, у нас нет. Мы сами находимся в чужих краях, но все же рады тому, что готовы [идти против] врагов великого, великодушного и милостивого государя, где бы они ни были. Что касается нас самих, то у нас есть все необходимое, и мы готовы [выступить], если вы хоть сегодня вступите в бой.

Во уверение по приказу сотника Утягана Муратова сына написал я, Япай Билялов сын, и руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 56

**Расписка сотника Балты Юлдашева в получении кулей, привезенных из села
Челны Казанского уезда**

Декабрь 1773 г. – январь 1774 г.

Я, сотник Балта Юлдашев сын, из кулев, привезенных из села Челны, по вашему же распоряжению взял десять.

Во уверение сего я, сотник Балта Юлдашев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги]. Я, есаул Тимофей, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

---

¹ Датируется по времени действия отряда Шарифа Якубова под Елабугой.

№ 57**Приговор жителей деревни Иразтюбе Сибирской дороги Кунгурского уезда
о выборе предводителей местного повстанческого отряда**

3 января 1774 г.

В 1774 году 3 января по силе указа его величества, государя нашего, великого императора Петра Федоровича, мы, башкирские казаки деревни Иразтюбе Сибирской дороги Кунгурского уезда, собравшись и стар и мал, определили:

Кунакбая Джумакаева сына из деревни Сарыс-Баши той же Сибирской дороги – на должность полкового старшины; и также Амира Итджимасова сына – полковым писарем; и также определили на должность есаула Айсу Бухарметова сына; и также полковым хорунжим определили Ибрагима Сатува сына – согласно приказу милостивого государя Петра Федоровича, чтобы нести воинскую службу Петра Федоровича, совместно с войсковыми людьми покорять [неприятеля].

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 58**Охранный билет, выданный муллой и сотником повстанцев
Маулюдом Аидовым татарам-новокрещенам деревни
Чатлык Кунгурского уезда**

5 января 1774 г.

В силу указа, данного его величеством, великим императором и государем нашим Петром Федоровичем, дан сей билет Кунгурского уезда деревни Чатлык крещеным Тупачу Кирьякову сыну и Пахуту Митряеву сыну в том, что они, учинив покорность его величеству императору, по своей воле вышли в походную службу. Этот Пахут Митряев сын, дабы привести сюда, в Осокинский завод, коня и оружие, отпущен домой. Поэтому вы, предводители войск, армейские люди и поставленные по дорогам караульные, не чините ему обид и притеснений, бойтесь гневного суда его величества, великого императора.

Дан в 1774 году 3 дня зулька'ды.

Я, сотник Маулюд Аидов сын, руку свою приложил.

Я, писарь Халид Мустафин сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 59

**Приказ муллы и полкового старшины Маулюда Аидова полковому старшине
Кунакбаю Джумаеву об отправке его отряда под Кунгур
к полковому старшине Батыркаю Иткинину**

6 января 1774 г.

В 1774 году 5 дня декабря¹ по силе повеления великого императора, государя нашего Петра Федоровича, дан сей указ башкирским казакам Кунгурского уезда.

Согласно устрашающему и назидательному указу великого царя Петра Федоровича послан [сей] приказ полковому старшине башкирских казаков Кунгурского уезда Кунакбаю Джумаеву деревни Сарыс-Баши о том, дабы [он] с командой [пошел] к находящимся в Кунгурской крепости полковому старшине Батыркаю Иткинину сыну и также Ябану Куштанову сыну с тем, чтобы нести с другими амейскими людьми воинскую службу Петра Федоровича, чтобы покорять [непокорившихся] Петру Федоровичу. Этим армейским людям приказывается по необходимости брать [у населения] подводы, приказывается также именем милостивого государя выдавать покорившимся рабам милосердные билеты, а у непокорившихся рабов насильно изымать имущество. А также вешать и резать подобных злодеев-обзывателей великого императора Петра Федоровича.

[Дано это] приказание вышеупомянутому Кунакбаю Джумаеву сыну, именем всевышнего аллаха учинившему клятву, для правильного действия со своими армейскими людьми.

И во уверение чего я, полковой старшина муллы Маулюд Аидов сын, руку свою приложил.

4 дня зулька'ды.

Опубликовано: Возвращения и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 60

**Протоколы допросов пленных из карательной команды, захваченной
в Ачитской крепости отрядом Канзафара Усаева**

6 января 1774 г.

[А]

Допрос

---

¹ Эта дата, несоответствующая дате в конце приказа, или является результатом описки, или указывает на дату другого указа.

В 1774 году декабря 6 дня¹ поймали мы в Ачитской крепости врагов, не покорившихся Петру Федоровичу, [всего] сто тридцать человек с шестью пушками и пятью пудами пороха, командир их – капитан [Воинов].

[Они посланы] живущим в Екатеринбурге полковником Василием Федоровичем Бибиковым.

При допросе было показано на полковника.

Имена этих проклятых: капитан Борисов, [который], собрав команду, оказывал сопротивление Петру Федоровичу; капрал его Андрей Черноскотов; Семен Иванович Метлин, коллежский ассессор, майор; Илья Васильевич Сокольников, полковник; коллежский ассессор Мосолов; унтер-офицер, сержант Степан Морозов; Иван Рязанов; канонир Михайло Овсянкин. Это люди, оказавшие сопротивление пришедшему войску.

Капитан Борисов (Воинов. – Ред.).

Путиач (?) Филипп Халтурин отвечает, [что шли] воевать против повстанцев.

Солдат Матвей Бормотов [говорит], что он четыре дня тому назад видел человека по имени Иван Рязанов, у которого было четыре лошади, двое саней и, кроме него самого, еще два человека. Из Бисертской крепости он ушел в Екатеринбург. Алексей Зяблов отвечает, что четыре дня тому назад видел приказчика Ивана Рязанова, который с двумя попутчиками уехал из села Сабарского в Екатеринбург. Взял нас с собой, сказав, что идем воевать, сопротивляться.

Анисим Степанович Зобатуев: Они допрошены. Поймали мы их в Ачитской крепости.

У того капитана Борисова есть сын, дочь, жена и раб².

Опубликовано: Возвращения и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

[Б]

[8 января 1774 г. Продолжение протокола допросов]

...Ответил капрал Андрей Черноскотов³.

Семен Иванович Метлин – коллежский ассессор, майор.

Илья Васильевич Сокольников - полковник⁴.

Коллежский ассессор Мосолов.

Унтер-офицер сержант Степан Морозов⁵.

Эти шесть пушек мы получили из Екатеринбурга, чтобы сражаться с вами.

Канонир Михайло Овсянкин сказал, что шли сражаться с восставшими людьми.

Путиач (?) Филипп Халтурин ответил: “воевать с восставшими”.

¹ Должно быть, описка, следует читать: В 1774 году 6 дня января.

² Последнее предложение написано на полях.

³ Начало листа порвано.

⁴ Напротив на полях: Капитан Борис Ванияв (т. е. Воинов. – Ред.).

⁵ Напротив на полях: Иван Рязанов.

Солдат Матвей Бормотов видел приказчика Ивана Рязанова. Вот уже четвертый день, как он с четырьмя лошадьми, двумя саями и еще с двумя людьми уехал из Сабарского в Екатеринбург.

Алексей Зяблов ответил: “Я четыре дня тому назад видел приказчика в Сабарском: с двумя своими попутчиками он уехал в Екатеринбург. Нас взял для сражения с непокорными”.

Анисим Степанович Зобатуев. Эти допрошены.

Из Ачитской крепости.

У этого капитана Борисова есть сын, дочь и жена. Есть десять рабов, оружия нет.

Клим Терентьевич из Кунгурского уезда, живущий на соляном заводе, показал при допросе, что он ездил чтобы разыскать лошадь с пудом меда (?) к ясачному черемису Кунгурского уезда [деревни] Сулил-тюбе Акабашу сыну Алтынши и [который] покорился.

В 1774 году 8 дня января.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 61

Приказ походного старшины Караная Муратова сотнику Назару Алексееву (Назарову) с предписанием сообщить о прибытии отправленных к нему людей

10 января 1774 г.

Тебе, сотнику Назарову, ставится в известность: на следующий день по прибытии сих посланных людей, в любых обстоятельствах сообщай сюда.

К сему я, походный старшина Каранай Муратов сын, руку свою приложил.

Я, есаул Султанмурат Муртазин сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, писарь Рахим Искандаров сын, руку свою приложил.

В 1774 году 10 дня января.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 62

**Приказ писаря Умара Муртазина старшине Шарифу Якубову
и сотнику Назару Алексееву о приготовлении к походу совместно
с выступившим к ним отрядом атамана Караная Муратова**

11 января 1774 г.

Приказывается тебе, старшине Шарифу Якубову сыну, сотнику Назару Алексееву сыну, также армейским людям на других местах.

Собирайте в окрестностях войско любимыми средствами: ныне, очень скоро, будет сражение, будьте в большой готовности. Идет сам атаман Каранай, извещайте [об этом] во все стороны, не будьте беспечными; когда пишется это [письмо], он должен прибыть на пристань Бетку.

Приказывающий это я, писарь мишарей Умар Муртазин сын, руку свою приложил.

В 1774 году 11 дня января.

Еще приготовьте очень много лыж.

Опубликовано: Возвзвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 63

**Наставление старшины Караная Муратова сотнику Назару Алексееву
о приготовлении к походу и укреплении дисциплины в отряде**

13 января 1774 г.

По силе именного указа, полученного от самого светлейшего, великого из великих [императоров] стран и государя нашего Петра Федоровича дано сие наставление Казанского уезда Зюрейской дороги деревни Чулама, то же, что Илбакты, экономическому крестьянину Назару Алексееву сыну в следующем.

Выступая против неповинующихся и сопротивляющихся врагов милостивого государя нашего Петра Федоровича, уничтожать их; а тем подданным его, которые, повинуюсь, верно покорились, ни в коем случае не чинить обид и притеснений; если во время ваших походов где-нибудь выявятся противники государя, то, отбирая их имущество, рубить им головы; [конечно], если не покорятся государю, а если покорятся, то не трогать.

Объявляется тебе, Назару Алексееву сыну, страшась карающего указа государя, в походах ходить по хорошим правилам.

К сему я, старшина Каранай Муратов сын, руку свою приложил.

В 1774 году 13 дня января.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 64

**Билет, выданный походным старшиной Максудом Сююндюковым
крестьянам Казанского уезда И.Фомичу и Г.Семенову, отправленным
на время в свои дома**

14 января 1774 г.

Отпущены из армии в деревню Гулюк двое пеших русских: [первый] – из нового завода Юбраша¹ Иван Фомич, второй – из деревни Сарайли Григорий Семенов – на трехдневный срок, чтобы привести из своих домов лошадей и оружие для армии, находящейся в той же деревне Гулюк, вместе с известным наказным сотником Назаром Алексеевым сыном.

К сему я, походный старшина Максуд Сююндюков сын, руку свою приложил.

В 1774 году 14 дня января.

Я, писарь Абдурашид Муратов сын, руку свою приложил.

Из деревни в деревню подводы давать без задержек.

К сему я, старшина Максуд Сююндюков сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 65

**Приказ походного старшины Карая Муратова старшинам Кузмету
Ишменову и Шарифу Якубову и сотнику Назару Алексееву
о назначении Шафи Туйгузина командиром повстанческих отрядов
под селами Елауга и Бетки**

Не ранее 22 января 1774 г.²

Вам, нашим армейским людям, находящимся под Елабугой, приказывается, что мы на место себя на пристань Бетки поставили старшину Шафи Туйгузина сына, так как мы сами, по просьбе [жителей] мусульманских деревень, которых сожгли гусары

¹ Слово искажено; видимо, Ибраша.

² Датируется по времени событий, упоминаемых в документе (гусары сожгли деревни 22 января 1774 г.).

выходя из известного Сухарева, с несколькими командами пошли против них. Вы, пока мы не вернемся из этой поездки, стойте с очень хорошими и надежными караулами и по этому делу слушайтесь распоряжений упомянутого старшины Туйгузин сына и к нему обращайтесь с соответствующими репортами. Все вы: старшина Кузмет Ишменов сын и исполняющий обязанности старшины сотник Шариф Якубов сын, сотник Утяган Мурзатов сын – не выходите из-под воли старшины Туйгузина сына и получайте приказы у него.

К сему я, Уфимского уезда Ногайской дороги Бурзянской волости походный старшина Каранай Муратов сын, руку свою приложил.

Я, есаул мишарей того же уезда, той же дороги Султанмурат Муртазин сын, вместо подписи тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Отправлено это письмо с подводой...¹

Опубликовано: Возвращения и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 66

Приказ старшины Шарифа Якубова сотнику Назару Алексееву с известием о движении карательных войск из Казани и приготовлениях к отпору им

Январь 1774 г.

От старшины Шарифа Якубова сына вам, сотнику Назару Алексееву сыну, поклон и приветствия наши.

После поклона слово то: из села Колосовки получены два репорта о том, что идет команда со стороны Казани. Срочно возвращайся сюда, я здесь один, в растерянности. И еще снаряди там [людей] в поход с каждого двора. Снаряди людей также со всех деревень и с хорошим оружием направь их без промедления в деревню Колосовку.

Во уверение сего я, походный старшина, вместо подписи тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Посланного отсюда казака отправлять из каждой деревни с двумя подводами.

Опубликовано: Возвращения и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

¹ Текст не дописан.

№ 67

**Письмо полкового писаря Зайта Исмакаева к родственникам
с просьбой о присылке денег и одежды**Январь 1774 г.¹

Вам, достойному почтения и уважения отцу нашему, посылается от всей души множество молитв. После молитв извещается, что если вы прибрали наши пожитки, оставшиеся от нас нижайших в Маткавуш-баши, то, пожалуйста, вышлите их с этим нарочным...²

Ежели кто-нибудь приедет нам на замену, то мы находимся в деревне Колосовке близ города Елабуги. Нам велено остаться здесь три месяца. Однако у нас здесь нет ничего: от рубашки, что была на нас, не осталось даже клочка. Вышлите две рубашки, одни штаны, также наши сапоги, пару старых чулок, один мешок, что остались от нас в Маткавуше, да еще сорок копеек в кошельке и одно полотенце наше. Все же пребываем здесь мы хорошо. Служим полковым писарем. Ежели всевышним суждено будет нам уйти, то у всех вас просим прощения.

Также осталась переметная сумка муллы Шарифа с шестьюдесятью копейками денег.

Во уверение чего я, мулла Зайт Исмакаев [сын], руку свою приложил.

Драгоценнейшему старшему брату нашему Исламкулый – агаю из деревни Урьяды поклон: пожалуйста, не забывайте нас нижайших!

[Адрес:]

Это письмо вручить в руки Исмакаева из деревни Урьяды.

В переметной сумке Шарифа остались наши деньги сорок копеек, вам, Муллагулу, слово то, чтобы вы вручили это письмо нашим³.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 68

**Повеление старшины Канзафара Усаева старосте Суксунского завода
Ф.Иванову о назначении Ф.Воробьева управляющим («засыпкой») мельницы
в деревне Путурино Кунгурского уезда**

Январь 1774 г.

По велению его величества императора и великого государя Петра Федоровича дан билет старосте Суксунского завода Федору Иванову сыну о следующем.

¹ Датируется по времени событий под Елабугой.

² Для имени оставлено чистое место.

³ В оригинале «нам», что, видимо, описка.

В деревне Путурино Кунгурского уезда есть мельница, построенная¹ Александром Григорьевым сыном Демидовым. Приказано содержать эту мельницу по прежним правилам засыпщику Фролу Воробьеву. И также [приказано] молоть [муку], из собранной за помол муки пусть кормятся засыпщик и его семья. Излишки муки, оставшиеся от пропитания, а также собранные деньги честно записывать в казну милостивого государя нашего Петра Федоровича. Другие команды и прочие люди, в опасении гневного правосудия царя, пусть не чинят ему обид и притеснений.

Я, исполняющий [обязанности] старшины, мулла Канзафар Усаев сын, руку свою приложил.

В 1774 году января... дня².

Опубликовано: Возвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 69

Извет сотника повстанцев мариЙца Осинской дороги Ичубая Ямбаева в Осинскую земскую избу на крестьянина деревни Суслово И.Щукова, по вине которого пропали двое крестьян деревни Шаштик

Январь 1774 г.³

Осинской дороги черемисский сотник Ичубай Ямбаев сын показал в своей челобитной, что он, задержав, привел под охрану русского Ивана Щукова из деревни Суслово. Теперь этот Ичубай говорит, что тот Иван Щуков поехал из Уздена с одной подводой [вместе с] Алтынбаем Ишбулдиным сыном из деревни Шаштик и при возвращении в той деревне Суслово тот Алтынбай исчез.

Еще [человек] по имени Кускай из той же деревни [Шаштик], поехавший на охрану пикета, исчез в той же деревне [Суслово]. Еще поехал из деревни Шаштик Асан Байбулатов сын и [исчез] в той же деревне Суслово. Поэтому я, Ичубай, в исчезновении наших подозревая этого русского два кушака и один колчан с луком, и взяты они нами тогда, когда их несла его жена, еще нашли патроны.

При допросе, в противовес челобитной вышеупомянутого Ичубая Ямбаева сына, этот русский, приведенный из деревни Суслово, Иван Щуков показал: «Тот пропавший Алтынбай Ишбулдин сын, придя, сказал, что в уезде имеется армия. Когда он сообщил это, я, задержав, отправил его с гусаром на подводе с караулами. Еще, задержав, отправил с караулами на одной подводе тех упомянутых выше двоих, один из которых – Асан Байбулатов сын, другой – мишарь Кускай. Что касается сих кушаков, то их в прошлом

¹ Фраза «построенная мельница» повторена дважды.

² Число не указано.

³ Датируется на основе даты перевода 1774 г. [РГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 181].

году привез из города Уфы мой сын. Зачем он их привез, не знаю. А колчан со стрелами, а также лук дал один отставной солдат, говоря, что они принадлежали его сыновьям.

Сих упомянутых выше людей из деревни в деревню послал [к вам] я сам, без ведома односельчан».

А также при втором допросе он [Иван Шуков] показал добровольно в присутствии сотника Бикая Илмаметова сына и есаула Атнаша Биккина сына, что односельчане знали об этом.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 70

Письмо старшины Кузмета Ишменова старшине Шарифу Айдарову с просьбой о замене повстанческой команды под Елабугой новым отрядом

Январь – февраль 1774 г.¹

Тебе, старшине Шарифу Айдарову сыну, шлем множество молитв. После поклона извещается следующее: ты послал нас, бедных на опасное место, и мы пребываем тут в большом затруднении, все наши вещи остались в Маткавуш-баши. И все же мы уже были в трех сражениях, у нас кончились боеприпасы, силы наши иссякли. Пожалуйста, пришлите на замену. Если не пришлете, мы известим об этом репортом вышестоящих над вами командиров. Умоляем, прислушайтесь к нашим просьбам. Если не прислушаетесь, то не будьте на нас, нижайших, в обиде – у нас нет больше сил служить государю, - поймите это! В то же время мы не проклинаем службу его царского величества. Вы сами пребываете там в спокойствии, а мы находимся тут в нужде.

Все мы, Кузмет Ишменов сын и подвластные ему люди, живы-здоровы; как уехали из Маткавуш-баши, так и пребываем во здравии. Мы, Муканай и Каракай из деревни Суыксу, живы-здоровы.

[Мы], Таятов сын Мурсалим, Кали из деревни Тарбили, живы-здоровы; [также] Субханкулов сын, Султангулов сын из деревни Байсар здоровы;

Ибрагим из деревни Якшиево здоров; Апсалап и Алкай из деревни Ашар здоровы; Масгуд из деревни Калтау также здоров.

[Адрес:]

Сие письмо вручается старшине Шарифу Айдарову сыну.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

¹ По-видимому, письмо написано после ухода Кузмета Ишменова из-под Елабуги в район Мензелинска и далее в январе 1774 г.

№ 71

**Извест полкового старшины Бахтияра Канкаева
на полковника Салавата Юлаева и других старшин**Не ранее 20 февраля 1774 г.¹

В прошлом тысяча семьсот семьдесят третьем году в начале месяца каус² было это.

Сообщаю на указную волю его величества, великого императора и великого государя нашего Петра Федоровича, для иска по праву на Салавата Юлаева сына из Сибирской дороги того же Уфимского уезда о нижеследующих его делах.

Прибыл я, полковой старшина Бахтияр Канкаев сын, вместе с сотником Абдулкаримом Кузкеевым сыном и отправили посланниками четыре человека на Санарский завод, чтобы по прибытии на тот Санарский завод по силе указа великого императора и великого государя нашего, как велено в его содержании, наставлять и направлять их без угрозы, по правилам на истинный путь.

Люди упомянутого Санарского завода на семь верст вышли навстречу с одной пушкой, с тремя гранками пороха, девяноста тремя ядрами, восемью хорошими фузеями, двумя хорошими фузеями, двумя хорошими турками, с годными для войска вооружениями, с хлебом-солью, и они по всем правилам без спора покорились.

Прибывшим туда посланцам, Абдулкариму Кузкееву сыну с товарищами, дали добровольно серого коня-иноходца, говоря, что вы прибыли посланцами, сообщили нам о здоровье милостивого государя нашего, объявили его указ. Полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну дали, говоря сююнчи [подарок за добрую весть], сивого коня.

Я сам с командой прибыл на упомянутый Санарский завод. После прибытия мы выявляли необходимое [казне] богатство, амбары милостивого государя нашего. И нашли нужные его величеству государю вещи, как-то: сталь, железо, железные лопаты, чугуны. Осмотрев их, запечатали те амбары, конечно, ничего не тронули. В одном амбаре были железные телеги; эти телеги мы раздали командам, [так как] нам показали, что они боярские телеги. И сани из того амбара тоже раздали командам.

Также из того Санарского завода изъяты семнадцать голов лошадей, два вола. Они изъяты и использованы для [нужд] армии. [Например], из упомянутого количества скота двух волов и трех лошадей закололи для пропитания армейских людей. Других иных вещей мы не обнаружили.

И затем набрали мы пятнадцать человек на воинскую службу милостивого государя нашего, и, закончив дела, уехали.

Русские из городка Кзыл-Яр³ на восемнадцать верст вышли нам навстречу, с двумя пушками и повели нас с собой. Когда вместе с ними прибыли в городок Кзыл-Яр, мы проверяли необходимые его величеству, великому императору и великому государю нашему, богатства. Изъяты четыре пушки; изъяты двадцать четыре пуда пороха с ядрами, но количества ядер не знаем. Винные деньги – шесть мешков монет; соляные деньги –

¹ Документ датирован по событиям, упоминаемым в нем и имевшим место в феврале 1774 г.

² Каус – ноябрь-декабрь.

³ Т.е. г. Красноуфимск.

девяносто мешков монет. Однако мы не смогли эти деньги, сосчитав, оставить казне его величества государя нашего Петра Федоровича.

И еще заставил я пригнать тридцать голов лошадей того Хлынка, которых он спрятал за шестьдесят верст от дома. И еще из заимки Яинкина заставил я изъять шесть голов лошадей, две коровы, четырех овец и одну козу, которые отданы на пропитание той же армии.

Упомянутых выше хороших и годных коней оставили мы для государя.

Когда вошли в тот упомянутый городок Кзыл-Яр, спрашивали о том, кто укрепил сей разрушенный городок. Спрашивали у начальника той же крепости Никифора Андреевича¹, спрашивали у старейшин волости – у сотника Убайской волости Ишалия Кадралиева сына, также у сотника Алакюза, сотника Кутуша с товарищами; спрашивали также по силе указа у казаков Кзыл-Ярского городка. И все они ответили, что сначала укрепил комиссар, затем есаул Гриша² и также тот Максим Калачник³. После восстановления этого городка, отвечали они, сперва убежал комиссар. Начальник Кзыл-Ярской крепости Никифор Андреевич велел догнать и поймать того комиссара и посадить его на цепь, говоря почему убегаешь от нашего государя. Мы также этих воров, чтобы они не убегали, заковали в железо. Тогда того комиссара и тех воров освободили за выкуп Илчигул и Сулайман с Салаватом⁴, говоря, мы старшины, мы командиры, у упомянутого комиссара они взяли сто рублей. Меня же, когда я сказал им, «зачем освобождаете этих воров?», изъав из моих рук указ, посадили под стражу.

Русские из того городка [также] обиделись, говоря, что за выкуп освободили воров. Они и у Максима Калачника взяли сто рублей. Также угрожая смертью, напугав, надев петлю на мою шею, собираясь повесить, говоря, что казнят меня, взяли они у меня двенадцать рублей. Поэтому сегодня я прошу [вернуть мне] вышеупомянутые двенадцать рублей денег, также двух лошадей моих и еще восемь фузей и две турки. Казаки городка Кзыл-Яр показали, что они терпели от них обиду; изъав, рвали их донесения, предупреждали тех казаков, чтобы они не жаловались на счет их освобождения.

Те же освобожденные и после освобождения стали изменниками, и сообщили в Кунгур, и пригласили оттуда [солдат], говоря, мы покоряемся вам, а здесь у них мало силы, также нет пороха. Из-за воровства их погубили полковника Ишменя⁵ за приглашение их. Все, что было в Кзыл-Ярском городке – соль и другие драгоценности, – погибло из-за их воровства.

И те вору – комиссар и его товарищи, есаул Гришка, поп и его попутчики – все они ушли нынче весною с теми приглашенными из Кунгура силами. Так же тот Ишмень, когда он брал по сто-двести рублей денег от этих воров, когда почувствовал измену, отпустил их из мест заключения. Те главные изменники погубили его, давая выкуп...⁶

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

¹ Красноуфимский воевода Н.А.Бахматов.

² Гр. Аф. Овчинников.

³ Калачник-Колесников (Калашник) Максим, отставной атаман красноуфимских казаков.

⁴ Илчигул Иткулов, Сулайман Кузкеев, Салават Юлаев.

⁵ Ишмень Иткулов (Аиткулов).

⁶ Конец порван.

№ 72

Извет Сидора Симонова на старшину Юлая Азналина в грабежеФевраль 1774 г.¹

Я, Чидор (Сидор. – *Ред.*) Симонов сын, извещаю по случаю своего ограбления и терпения мною большого позора.

Дело было следующим образом. Пришел со своей командой старшина Юлай и пригласили меня к себе. Я пошел. По приходу меня начали бить, сняли ремень с моего пояса, говоря: «Если не дашь, мы тебя повесим!». Забрали у меня тридцать рублей денег.

Конечно, я просил бы его величество, милостивого государя нашего, допросив, взыскать и вернуть [мои деньги].

Во уверение сего я, Сидор Симонов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

[Резолюция:] Предписал походному старшине Бахтияру Канкаеву сыну сообщить государю².

Опубликовано: Возвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 73

**Приказ полковника Качкына Самарова сотнику Шамаю Мусаилову
об участии отряда повстанцев Еланской волости в походе на Уфу**

11 марта 1774 г.

Приказ

От полковника Качкына Самарова сына сотнику Шамаю Мусаилову сыну из башкирской команды старшины Салима Аитова сына из Еланской волости Казанской дороги Уфимского уезда [приказывается] следующее.

Балтач Сеитов сын из твоей команды, прибыв сюда, доложил: «Из нашей команды находятся в походной службе в Большой армии сорок пять человек, и еще под городом Уфой – двадцать пять человек, и еще под городом Кунгуром – двенадцать человек. Также остальных нас из нашей команды требуют на службу под Мензелинский городок. И просим, чтобы нам служить никуда не выезжая, под Уфой». В связи с этим тебе повелевается: не давайте никогда просящим людей под Мензелинск; повелевается также находиться в походе под городом Уфой в том составе, сколько будет приказано указом, без каких-либо изменений.

О чем дан сей [приказ] в селе Чесноковка 11 дня марта в 1774 году.

¹ Датируется по времени извета Б. Канкаева на Салавата Юлаева.

² Резолюция написана другим почерком.

К сему я, полковник Качкын Самаров сын, вместо подписи тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, писарь Амир Усманов сын, написав по приказу, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 74

Сообщение старшин Тангчуры Карабаева и Салима Аитова относительно фактов бегства из их отрядов

19 марта 1774 г.

В 1774 году семнадцатого дня месяца мухаррама.

В достоверности того, что четверо наших людей, уходивших в сторону Сарапула, не вернулись домой, я, Тангчура Карабаев сын из деревни Каинлык, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

В моей команде нет людей, бежавших из войска со стороны Сарапула.

Во уверении чего я, прежний старшина Салим Аитов сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 75

Приказ полковника Салавата Юлаева сотнику Илитбаю Илимбаеву о наборе жителей в повстанческий отряд

23 марта 1774 г.

В силу указа его величества, великого императора и государя нашего Петра Федоровича, поистине приказывается мною, Салаватом, сыном старшины Юлая, [тебе], сотнику Илитбаю Илимбаеву сыну, чтобы душой и телом противостоять и воевать с ворами, сопротивляющимися его величеству милостивому государю и, несмотря на возражения, выводить из каждого двора годных служить конных и пеших [людей] на службу государя; если же кто-либо возражает служить, то таковых задерживать и отправлять к нам с твоим репортом. И также вы, люди из нижеуказываемых команд,

находясь в ведении сотника Илитбая Илимбаева сына, послушно служите его величеству великому государю нашему под страхом его суда.

К сему я, полковник Салават, сын старшины Юлая, руку свою приложил, также во уверение чего и печать приложил.

В 1774 году 23 дня марта.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 76

Рапорт порохового мастера Изги Аюпова полковому старшине Бахтияру Канкаеву о невозможности исполнить указ атамана И.Н.Белобородова об изготовлении пороха из-за отсутствия селитры

Не позднее 17 апреля 1774 г.

Сообщается сим репортом нижеследующее.

Послан сей репорт нами, Изги Аюповым сыном, вам полковому старшине Бахтияру Канкаеву сыну.

В прошедшие дни ты доставил нам указ от атамана Белобородова о производстве пороха. Ныне я по силе того указа в поисках селитры объездил все волости, но нигде она не обнаружена. Поэтому все земледельцы дали подписки, что в их землях селитра отсутствует.

Я, старшина Уматай Уразымбетов сын, видел у Изги Аюпова сына указ о селитре, подписываясь, что в наших землях совершенно нет селитры и никогда не знали [о ней], руку свою приложил.

В 1774 году.

Я, полковник сотник Тайлак, видел прибывший указ о селитре и дал подписку об отсутствии селитры в наших землях и приложил ручную¹ тамгу свою [изобр. тамги].

Я, Мухаммад Кучаков сын из волости Тарафакли, видел прибывший указ о селитре и дал подписку об отсутствии селитры в наших землях и приложил ручную тамгу свою [изобр. тамги].

В 1774 году.

Я, полковник Мирас Миндияров сын, видел прибывший указ о селитре и дал подписку об отсутствии селитры в наших землях и приложил ручную тамгу свою [изобр. тамги].

1774 год.

Я, сотник Кутлубай, видел прибывший указ о селитре и дал подписку об отсутствии селитры в наших землях и приложил ручную тамгу свою [изобр. тамги нет].

---

¹ Уточнение «ручная тамга» сделано, видимо, для отличия символа подписи от тавро, которое по-татарски называется также «тамгой».

В 1774 году.

Я, сотник Утамиш, видел прибывший указ о селитре и, дав подписку об отсутствии селитры в наших землях, приложил тамгу свою [изобр. тамги].

В 1774 году.

Чтобы верить сему репорту я, Изги Аюпов сын, приложил ручную тамгу свою [изобр. тамги].

В 1774 году... дня¹ месяца сафара.

Написал сей репорт по приказу Изги я, мулла Мухтасар Биккулов сын, и руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 77

Ордера атамана И.Н.Белобородова полковому старшине Бахтияру Канкаеву об учреждении строгой караульной службы и укреплении дисциплины в повстанческих отрядах

27 апреля 1774 г.

[А]

Послан сей ордер.

Своими репортами ты, полковой старшина Бахтияр Канкаев сын, доложил главному атаману Ивану Наумовичу Белобородову о том, что там опасается неприятелей из Кунгура и, собрав народы, очень бдительно и зорко несете караулы. И приказывается вам, тамошним старшинам: всех – русских казаков и татар, находящихся там, невзирая ни на какие оговорки, отправляйте сюда; сопротивляющихся, связав, и бегущих, отыскав и поймав, убивайте и вешайте.

Ты, Бахтияр, доложил, что те три лошади очень тощи. Пусть они, пока отъедятся, находятся [у тебя], потом будут взяты в казну.

Далее ты доложил, что старшина Илчигул, пришедши ночью пьяным в вашу деревню, страшая людей, избивая некоторых, учинил много обид; также людей, пришедших по желанию под твое начальство, он берет насильно в свое подчинение. Пусть этот Илчигул отныне не совершает такие дела! И когда люди выходят на службу, то пусть будут под руководством того, кого они пожелают из старшин и полковых, и пусть никто не чинит насилие!

Еще доложил ты, что там есть лодки, боярские лодки, в которых есть пакля и смола; раздавайте их, проверив, между командами. Сказав так, подписался по русски

Иван Белобородов.

Апреля 27 дня 1774 года.

---

¹ Число не указано.

Иван Белобородов¹.

Я, войсковой писарь Исмаил Иманов сын, руку свою приложил.

[Б]

Послан сей ордер.

Своими репортами ты, полковой старшина Бахтияр Канкаев сын, доложил главному атаману Ива[н]у Наумовичу Белобородову о том, что там опасаетесь неприятелей из Кунгура и, собрав тамошние народы, очень бдительно и зорко несете пикетами караулы. И приказывается вам, тамошним старшинам: русских казаков, находящихся там, невзирая ни на какие оговорки, отправляйте сюда, сопротивляющихся, связав, и бегущих, отыскав и поймав, убивайте.

Когда команды тамошних старшин выходят на службу, то пусть будут под руководством того полкового старшины, которого они пожелают, и пусть не чинят насилие командам!

Еще доложил ты, что там есть лодки, боярские лодки, в которых, оказывается, есть смола и пакля, раздай их, проверив, и по справедливости, своим командам.

По-русски подписано:

Иван Белобородов.

Апреля 27 дня 1774 года.

Я, войсковой писарь Исмаил Иманов сын, руку свою приложил.

Иван Белобородов².

Подписал этот указ я, Ишмат Маматкулов сын, во уверение тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, Алмухаммад, написав, руку свою приложил³.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С.116-117.

№ 78

Рапорт старшины Балтача Сеитова полковнику Бахтияру Канкаеву о полученных известиях относительно отступления Е.И.Пугачева от Оренбурга

Апрель 1774 г.⁴

Ныне мы, старшина Балтач Сеитов сын, доверив в достойные руки Сеитова сына из деревни Тямти, отправили [тех], которых мы задержали. Они проезжали мимо нас: один черемис из них сказал, что государь наш Петр Федорович убежал. Мы с побоями

¹ Вторая подпись написана по-русски.

² Вторая подпись, как в варианте «А», написана по-русски.

³ Последние два предложения написаны другим почерком.

⁴ Датируется по содержанию документа.

допросили его о том, откуда они знают, что он убежал. [Думая], что тебе лучше знать, мы отправили в твои руки их, тринадцать [человек], к тебе, полковнику Бахтияру Канкаеву сыну. Они пришли сюда, говоря, что верные государю люди убежали. У них убежал полковник; из них один, по имени Джагфар, ушел вместе с ним. Мы послали вдогонку двенадцать человек вслед за двоими в деревню Кукча. И ты также послал бы людей навстречу на поиски. И тот полковник, должно быть, лучше знает о бегстве милостивого государя, только разыщи и задержи его. Если милостивый государь остался один, надобно поехать к нему, захватив людей.

Среди этих [посланных к тебе людей] есть один мишарь из старой армии. Он говорит, что пришел, желая увидеть милостивого государя Петра Федоровича. Когда он прибыл в армию государя Петра Федоровича. Когда он прибыл в армию государя, то попал в сражение с гусарами, и отбившись [от армии], так и не смог вновь войти к государю.

Задержав, отправил этих людей я, старшина Балтач Сеитов сын, и написал я, войсковой писарь Яхья Арсланов сын.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 177-178.

№ 79

Объявление полковника Бахтияра Канкаева командирам повстанческих отрядов в Кунгурском уезде об успехах войск Е.И.Пугачева

Не позднее 4 мая 1774 г.¹

Тебе, главному старшине Канкаю Яшбактину сыну и старшине Осипу, атаману, тебе, полковому сотнику Ишмату Маматкулову сыну, также липутату (депутату. – Ред.) мулле Бакию, также тебе, полковому сотнику Иману Алладинову сыну, - всем вам, старшинам и сотникам, от полкового старшины Бахтияра Канкаева сына слово такое: извещаются вам вести, полученные по ордеру.

Стало известно из ордера Белобородова место пребывания государя нашего, что он [находится] в крепости Уклы. Также, учинив покорность милостивому государю нашему, стали его воинами десять тысяч киргизских казаков, которые пригнали бесчисленное количество коней, коров и овец своих, чтобы раздавать их армии.

Также стало известно, что за ним идет двадцатитысячное войско и он взял Оренбург, а также, покорив полк из восьмиста гусаров, отняв их оружие, он привел их к присяге, присоединив их к своей армии, ввел [эту армию] в Оренбург и во главе ее поставил муллу Кинзю.

¹ Датирован по упоминаемым в документе событиям.

В Оренбурге был большой бой и до такой степени, что кровь достигла до щиколоток коней. Милостивый государь наш взял [в плен] именованного¹ Орлова, которого, приковав за нос, драл железным гребешком по спине, замучил досмерти.

И еще он поставил из своих войск сорокатысячное войско в крепость Берды, а к городу Уфе пришли и осадили [его] пятнадцать тысяч человек. А тех, кто на стороне бабушки², сжигая их сооружения, уничтожили. За Султанмуратом идет полковник Каранай с тысячным войском, чтобы, окружив, уничтожить его. Также в Илецкую крепость он поставил двадцатитысячную силу и в Яицкую крепость поставил пятнадцать тысяч человек. А сам милостивый государь наш с пятитысячной армией прибыл и вступил в крепость Уклы.

И еще от милостивого государя нашего к Белобородову прибыл ордер, чтобы он обратно вернулся в Сатки и находился там. Взяли Челябинск, захватили все – пушки и порох, уничтожили пришедшую туда [вражескую армию]; воров, вышедших из Кунгура, уничтожили там. А башкиры, обманывая, показываясь частично, в большинстве укрылись.

Милостивый государь наш захватил все крепости на той стороне. Турки, наступив на Москву, осадили ее, и в ордере, присланном Белобородову, сказано, что они наступают напористо.

И еще милостивому государю нашему покорились семнадцать губерний. Со стороны Москвы, объединившись с многотысячными силами, упорно наступает его сват. Еще две тети его, дочери Петра Алексеевича, дали помощь государю нашему.

Об этих обстоятельствах сообщил милостивый государь наш в именованном ордере Белобородову, поэтому радуйтесь, услышав это, пожелайте благополучия государю нашему. О тамошних делах сообщите нам письменно через человека, приехавшего с этим письмом.

Пусть [на местах] разъезжают с этим письмом, пусть объясняют эти вести: государь наш прислал ордер, чтобы прибыть в Сатки, поэтому пусть прогоняют где бы то ни было тех русских казаков, которые могут сопротивляться государю.

К сему я, полковой старшина Бахтияр Канкаев сын, руку свою приложил.

Этого приехавшего [к вам] Исанбулата Намазова сына с его товарищем Аббасом Биккининым сыном пусть перевозят на подводах, пусть они ездят без препятствия и везде их сопровождает, не задерживая, один писарь, откуда бы он ни был, пусть сопровождает их. Если где-либо из русских казаков кто-либо окажет сопротивление, то помочь задержать их и отправить сюда, невзирая на возражения.

Пусть сотники во всех деревнях поймут это.

Я, войсковой писарь мулла Хаби Шарипов сын, руку свою приложил.

Опубликовано: Возвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

¹ Так в тексте оригинала.

² Татары Екатерины II обычно называли «бабушкой-царицей».

№ 80

**Рапорт Ишмата Маматкулова Бахтияру Канкаеву о получении
увещательного письма и состоянии повстанцев в Кунгурском уезде.**

4 мая 1774 г.

Мы, сотник Ишмат Маматкулов сын, сообщаем ниже письменно высокому порогу твоего высокоблагородия, милостивому господину полковому полковнику Бахтияру Канкаеву сыну.

Нижайший репорт

Посланное от твоего превосходительства полковника Бахтияра Канкаева сына указное повеление, отправленное по силе ордера через Исанбулата Намазовасына для обнаружения, дошло до меня. Прочитав, поразмыслив и поняв его, чрезвычайно обрадовался; с присутствовавшими людьми моими пожелали [государю нашему] здоровья на долгие годы.

Засим ниже сообщается, что, как слышали мы со стороны Кунгурской армии, в самом Кунгуре войска находятся в готовности с шестнадцатью пушками. Также будет известно, что пришедшие из Кунгура сорок человек увели из деревни Алтынки сына Ивана Васева. Также слышали мы, что избу служащего в той же Кунгурской стороне господина атамана Ивана Наумовича, разобрав до последнего бревна, увезли в Кунгурскую крепость.

Еще захотел Исанбулат Намазов сын, приехавший от твоего превосходительства, увести русского, проживающего в деревне Бияк. Однако я, Ишмат, не согласился отдать ему, потому что он записан в моей команде. Полковым же командирам я уже сообщил о численности чвоей команды. Поэтому, если позднее проверят, то в команде моей будет недостача. К тому же он честный русский, проживающий здесь со своим двором. Прежде от тебя самого приходили [ордера], говорящие, что мы несколько притесняем таких [людей].

Ты сам, распоряжаясь, присылаешь много писем, но у меня не хватает сил [довести] из-за чтения [и перевода] татарские ордера насчет объединения до казаков и прочих русских; если же ты присылал бы письма по-русски, то, как угодно аллаху, с помощью бога [мы справились бы]. Конечно присылаемых от себя людей отправишь с наставлениями, советами.

Да, еще сообщаю тебе, господину полковнику Бахтияру, [о следующем]: бывшие в моей команде и прочие кунгурские люди ради семей и хозяйств живут в своих домах. Ныне они сообщают письмом, что «мы всегда готовы, если будет команда». Не причинил бы ты им со слов неприятелей обид и притеснений.

И Асылбай Маматкулов сын, и Мустай Сулаев сын постоянно ведают и приезжая докладывают нам об обстоятельствах Кунгурской стороны.

Много молвы среди населения, но не слушай ее.

Во уверении сего

я, сотник Ишмат Маматкулов сын, вместо подписи привычную тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, Альмухаммад Мустаев сын, написав по распоряжению повелевающего сотника Ишмата, руку свою приложил.

В 1774 году 4 дня мая.

[Адрес:]

Передается сей репорт порогу господина полковника Базтияра Канкаева сына.

Опубликовано: Возвращения и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 81

Рапорт сотника Саид-Джагфара Зайсанова полковнику Бахтияру Канкаеву и атаману Адилю Бигашеву о конфискации имущества изменника Надира Шарипова

3 июня 1774 г.

Полковнику Бахтияру Канкаеву сыну, атаману Адилю Бигашеву сыну репорт.

Мы, сотник Саид-Джагфар Зайсанов сын с десятью своими товарищами, посланными по силе указа его величества, великого государя нашего Петра Федоровича, для изымания имущества изменщика из деревни Биш Мачи¹ Надира Шарипова сына, в присутствии справедливых свидетелей составили [эту опись].

В его [Надира Шарипова] доме нисколько не оказалось вещей, подходящих для казны государя нашего. [Из непригодных же для казны выявлены следующие]: во-первых, носимая им одна белая дубленая шуба; две шапки, одна из них – лисья ушанка, другая – мерлушковая шапка с плюшевым верхом; один кожаный хомут, один медный кумган, одна алатырская бадья, один чайник, шесть деревянных чашек, три оловянные стопки, одно алатырское большое блюдо, один бизмен, одна «Книга Юсуфа»², один полог и еще сто девяносто копеек медных денег.

Овец, с большими да малыми, тринадцать голов; лошадей, с большими да малыми, одиннадцать голов. Пять голов коров: три с телятами, одна телка и один бычок.

Сему свидетели: из деревни Тимошки – Васька Мусин сын, из деревни Муллаево – Умар Мустаев сын [и] Милкай Сююндуков сын.

К сему репорту я, сотник Саид-Джагфар Зайсанов сын, вместо подписи тамгу свою приложил [изобр. тамги].

1774 год, 4 дня месяца раби-второго.

Из указанных на этом листке тринадцати голов овец пять овец взято, [остальные] восемь голов больших и малых оставлены сырым малолетним детям. Из одиннадцати голов лошадей одна черно-пегая кобыла, оказывается, была [собственностью] батрака

¹ Ныне село Федорково Пермской обл.

² Речь идет о книге поэта XIII в. Кул Гали «Кыйсса-и Юсуф».

его Кунакбая Аббасова сына – отдана ему. Одна бурая кобыла с жеребенком, оказывается, была дана в приданое жене Айсултан Аббасовой дочери – отдана ей. Еще одна небольшая белая корова с телянком также была дана в приданое жене Айсултан – отдана ей. Еще одна черная нетель была дана как свадебный дар невестке Шахар-бану – отдана ей. Еще два годовалых жеребенка – один буланый, другой серый – отданы малолетним детям; и еще [у них же] остались два теленка.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 82

Письмо Салавата Юлаева атаманам повстанцев Осинской и Сибирской дорог о боях с неприятелем у реки Ай и следовании главных сил Е.И.Пугачева к Кунгуру

6 июня 1774 г.

Репорт, посланный вами – милостиво служащими [государю] старшиной Буляком Якуповым сыном да атаманом Алладином Фаляновым сыном¹, да старшиной Арсланом Рангуловым сыном – получил я, главный полковник Салават Юлаев сын.

Теперь ниже через Абдулкарима Аидова сына сообщаю о здешних обстоятельствах. Его величество, милостивый государь наш Петр Федорович, с девятьютысячным войском прибыл к нам на реку Ай. И мы, встретив известный [вам] гусарский полк, дали два сражения; многих и многих их людей мы побили, лишь немногие из них спаслись с бегством. Теперь вы, слушая распоряжения отправленных туда командиров, с большой твердостью собирая команды, без каких-либо колебаний принимайте все меры для сопротивления наступающим врагам.

Так приказывающий: главный полковник Салават Юлаев сын.

В 1774 году 6 дня [месяца] саратана.

Не пришлось [нам] отсюда ехать туда [к вам] – направились мы в Кунгур. Вы также, с некоторыми командами прибыв [туда], встретите нас.

Едущему с этим приказом Абдулкариму Аидову сыну давайте подводу и сопровождающего, не задерживая и без прогона.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 132.

¹ Фалянов сын – буквально: сын имярека; здесь в виду имеется, видимо, Алладин (Аладдин) Бектуганов.

№ 83

**Рапорт атамана Адилья Бигашева полковнику Бахтияру Канкаеву
об охране Ангасьякского завода**

9 июня 1774 г.

Репорт

Вам, дорогому и глубокоуважаемому, почтеннейшему и высокопоставленному товарищу и другу нашему полковнику Бахтияру со всеми вашими товарищами, посылаются поклоны и приветствия наши.

С вашей стороны не получили мы никаких [вестей]. Что касается нас, то мы сами выступили с войском, чтобы враги не одержали верх на Ангасьякском заводе. Если же будут какие-либо новости, то сообщайте немедленно по почте. Также не оставляйте нас от своей благославляющей молитвы.

К сему

я, атаман мулла Адиль Бигашев сын, руку свою приложил.

В 1774 году 10 дня [месяца] раби-второго, в воскресенье.

Я, Мухаммад Мусин сын, написав, руку свою приложил.

[Вы], население любого рода, давайте едущему с сим репортом Ишмухаммаду Нурушеву сыну из деревни в деревню по одной подводе без прогона.

К сему

я, атаман Адиль Бигашев сын, руку свою приложил.

Если же будете сопротивляться, то подвергнетесь гневу.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 135-136.

№ 84

**Именной указ Е.И.Пугачева полковнику Бахтияру Канкаеву и походному
старшине Ярмухаммаду Кадырматову с одобрением их предложения создать
объединенную многонациональную «великую армию»**

13 июня 1774 г.

Наш, великого государя, самодержавного императора, повелителя всея России, государева величества указ мишарскому полковнику Бахтияру Канкаеву сыну, походному старшине Ярмухаммаду Кадырматову сыну.

Ваш репорт доставлен [нам] 13 дня сего [месяца] саратана. Вы просили повелительного указа, чтобы объединить башкирских и русских воинов. На основании того [репорта вашего] нашим именованием указом повелевается быстро и старательно собрать войско из русского и башкирского населения, чтобы создать великую армию [и чтобы], противостоя врагам, искоренить враждебных нашему величеству людей.

Тебе, полковнику Канкаеву сыну, и [тебе], Кадырматову сыну, [действовать] согласно предписаниям сего указа нашего и доводить все без изменения до [необходимого] предела.

Во уверение сего, собственноручно прилагая гербовую печать¹, [дан] сей приказ!

[Месяца] саратана 13 дня 1774 года.

В русском [подлиннике] приложена подпись:

Петр.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 141-142.

№ 85

Рапорт старшины марийцев-повстанцев Ахмара Агеева полковнику Бахтияру Канкаеву о действиях карательных отрядов под Бирском

13 июня 1774 г.

Репорт

Я, старшина черемис Ахмар Агеев сын, сообщаю.

Находящиеся под крепостью Бирском враги, более двухсот человек, соединились с врагами, находящимися в Калинлике и дошли до русских в деревне Усакове, о чем сообщили [нам] русские крестьяне. Говорят, что они намереваются выходить на Осинскую дорогу. По этой причине волость наша разоряется. Вам, предводителю войсковых людей, высокопоставленному Бахтияру Канкаеву сыну со всеми предводителями, пусть будет известно, что мы просим вас проявить покровительство. Те же враги на горе у крепости Бирск установили пикет.

Сообщая об этом, я, старшина Ахмар Агеев сын, приложил тамгу свою [изобр. тамги].

В 1774 году 14 дня [месяца] раби-второго.

Посланному с сим репортом Мурзе Уразбактину сыну с товарищами представлять из деревни в деревню две подводы без сопротивления и без прогона.

О приходе вышеотмеченных врагов [сообщил] пришедший из армии, из команды старшины Кузьмы Митриева сына, Садыш Бураев сын, [который] остановился на караул в Сукоязе. Здесь врагов стало много, об их местопребывании сообщается вам, предводителям войсковых людей.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 142-143.

¹ Печать отсутствует.

№ 86

Приказ атаманов Адила Бигашева и Алладина Бектуганова полковнику Бахтияру Канкаеву и есаулу Саид-Джагфару Зайсанову с сообщением о действиях карательных команд под Бирском

18 июня 1774 г.

Полковнику Бахтияру [Канкаеву сыну]¹ и есаулу Саид-Джагфару Зайсанову сыну приказ.

Да соглашайтесь же без каких-либо изменений с ранее отправленным отсюда нашим приказом, так как вы сами воочию видели, как пришедшие со стороны Ангасяка враги разоряли деревню Чалкак² и убивали его жителей. И сейчас эти враги непрестанно чинят подобные разорения. И еще каждый час приходят люди с репортами, [сообщая о том], как разоряют [население] враги, находящиеся на стороне Сукояза. Всем нам ясно – будет ли достойно, если мы сегодня уедем, оставив эти две стороны [без защиты]? Подумайте же об этом! Я никак не согласен с таким намерением вашим, совершенно! Если же вы собираетесь возвратиться домой, то возвращайтесь. А мы совместно с оставшимися здесь командами и униженными, у которых разорены очаги, доложим об этих ваших действиях его величеству милостивому государю нашему.

К сему в 1774 году 19 дня месяца раби-второго я, главный атаман мулла Адиль Бигашев сын, руку свою приложил.

Я, Алладин Бектуганов сын, руку свою приложил.

Я, писарь при них Абубакир Тилячев сын, написав по их приказу, руку свою приложил.

Я, писарь при них Абубакир Тилячев сын, написав по их приказу, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 177-178.

№ 87

Рапорт старшин Аида Сеитова, Федоськи Янбактина и других полковникам Бахтияру Канкаеву, Ярмухаммаду Кадырматову о поражении карательных команд в боях под деревней Качево и отступлении их к реке Каме

24 июня 1774 г.

По силе указа, пожалованного его величеством, великим императором и великим государем нашим Петром Федоровичем, вам, предводителям войск полковнику Бахтияру Канкаеву сыну и полковнику Ярмухаммаду Кадырматову сыну, от нас, от башкира Уранской волости Аида Сеитова сына и помощника Федоськи Янбактина

¹ В оригинале далее стерто несколько слов.

² Так в оригинале. Должно быть, Чалкан, деревня под Бирском.

сына, и исполняющего обязанности старшины Бикини Уразова сына, и старшины Байки Туйкиева сына, истинно низжайший репорт о следующем.

В то время как враги из [деревни] Качево направлялись в сторону Ангасяка, мы, выступая против них с армией, настигли их у деревни черемисов Чурумак. Эти врагов было около шестисот [человек]. И эти враги, повернув обратно, убежали к русским в деревню Качево, а мы преследовали их. И эти враги, убежав из деревни Качево, несколько задержались в Илдияне, оттуда же отступили на Чулман¹, и они, чтобы нас уничтожить, обстреляли нас с воды из турок и ружей. Однако из нашей армии никто не погиб от их рук, нашей же стороной уничтожена часть этих врагов и сожжены их дома за враждебность императору и великому государю нашему Петру Федоровичу.

Сообщая [об этом] настоящим нашим репортом,
я, башкир Аид Сеитов сын, руку свою приложил.

И я, Федоська Янбактин сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, исполняющий обязанности старшины Бикина Уразов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, старшина Байки Туйкиев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Я, башкир...² Мухаммад Абдукаев сын, руку свою приложил.

И я, походный сотник Аббас Муслимов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

В 1774 году 24 дня июня.

Я, писарь Ишмурат Минликиев сын, написал, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 147-148.

№ 88

Прошение муллы Махмуда Муртазина полковнику Бахтияру Канкаеву об освобождении его от обязанностей писаря и назначении на эту должность его брата

Июнь 1774 г.³

Его превосходительству, высокопоставленному полковнику мулле Бахтияру, шлем наши многочисленные молитвы и приветствия! Да быть вам на долгие годы и на бесчисленные месяцы со всеми своими командами и всем своим потомством в полном

¹ Кама.

² Одно слово неясно.

³ Датируется по времени перевода 1774 г. [РГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 156 об.].

здравии и благополучии! Аллах всевышний свидетель, что мы денно и ночью желаем вашего здравия, аминь!

Засим мы, нижайший и обездоленный, в море греха и реке забвения утонувший мулла Махмуд Муртазин сын, целуя землю и преклоняя колени, проливая поток кровавых слез, с сотнями и тысячами мольбами, излагаем сию просьбу нашу. Посылая бумаги, [украшенные] чернильными [узорами], ваше превосходительство известили нас о том, что призывает меня к себе в писари. У нас, у нижайших, однако, нет возможности прибыть к вам, о причине и состоянии наших дел ниже и излагается.

Нас известили со стороны [отчего] дома о том, что наше имущество может подвергнуться краже и чтобы мы, прибыв и выяснив, собрали его. Также сообщили, что находящийся там хлеб они смолотили, а я должен смолотить их хлеб, находящийся здесь. Сам я нахожусь в Бияке, пашу здесь. Младший брат мой не осилит работу, находясь на учебе, никто ведь не знает хозяйственного дела. Мы вовсе не отказываемся служить милостивому государю. К вашему превосходительству просьба наша лишь в том, чтобы не забрали бы нас – ведь лишь одним мною не увеличится твоя команда, пожалуйста, сделай милость, до самой смерти мы не забыли бы твою доброту, пожалуйста, не принуждай! Самому тебе известно, и сам, будучи в полном здравомыслии, знаешь положение человека, отделившегося от [отчего] дома – нет человека, справляющего за нами наши дела.

При необходимости [служить] милостивому государю нашему на воинскую службу отправится младший брат.

Также совсем нет писаря у нас в своих командах, у своих командиров – во всей команде нет умеющего читать человека. Пожалуйста, окажи милость, не забирай нас! Надеемся, что, если милостивый государь наш поедет в Кунгур или же Екатеринбург, то станет и нам легче со стороны дома. Только этого мы желаем.

Здесь доложили тебе о наших делах, денно и ночью являющихся нашими заботами и горестями. Все наше состояние осталось в стороне. Пожалуйста, не забирай нас. При вас же имеется хороший писарь. У нас же, у этого нижайшего, не будет свободы. Умоляю, окажи мне милость.

Много было слов, но ограничусь сказанными.

Извещая чистосердечно истину, с поклонами нижайшими Махмуд.

Волей бога сим письмом излагаю просьбу вам.

Умоляю я, как нищий, просящий у богача.

Нет [инога] покровителя, что же мне делать?

Отец ты мой, отец ты мой, отец ты мой!¹

Также действующие команды наши просят нас оставаться дома, присматривать за их семьями. Их самих нет дома, [просят] очень и очень; если бы они присутствовали, то вы получили бы от них покорнейшее письмо, однако в будущем [такое] покорнейшее письмо от имени сотника, есаулов и всех команд наших дойдет [до вас].

До нас дошли слухи о милостивом государе нашем, очень обрадовались, что сторонка будет свободной.

---

¹ Написано в стихах.

Нашему младшему брату всего лишь тринадцать лет. Однако об этом не сообщай репортом атаману Ивану Белобородову, потому что мы о своих делах доложили тебе, только твоему превосходительству, и, ради бога, не забирай нас, окажи милость! Наш есаул также желает этого; было спешно, самого увидеть не удалось, он также написал бы прошение. Выделившийся из [отчего] дома человек разорится подобно разграбленному. И сам ведь в полном здравом уме. Только одного желаем, чтобы не забирали нас.

Сообщил бы о своих делах, написав несколько листочков.

[Адрес:]

Вручить сие письмо его превосходительству полковнику из деревни Ака мулле Бахтияру Канкаеву сыну безотлагательно и непосредственно.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 89

Письмо старшины Алибая Мурзагулова старшинам ясачных татар Недыровой волости Казанской дороги Ибрашу Уразбактину и Максуду Мурзакаеву о получении известий о якобы состоявшемся взятии Казани Пугачевым и намерении идти на Москву

26 июня 1774 г.

Да быть вам, господам старшинам Ибрашу Уразбекову сыну и старшине Максуду Мурзакаеву сыну, на долгие годы во здравии и благополучии.

Засим [сообщаю], что отправленное вами письмо я получил и понял [о чем речь идет]. Нам необходимо пока ничего не предпринимать, потому что его величество, государь наш Петр Федорович, захватив Казань, встретившись со своим сыном, оказывается, ушел в сторону Москвы. И здешние полки полностью, [никого] нигде не оставляя, ушли туда же. Теперь население приступило к работе, а хлеба созрели – пусть занимаются своим делом. Также напиши господину полковнику, находящемуся на месте бригадира, мулле Канзафару, от моего имени, что не нужно ничего предпринимать. Например, [напиши]: «Если благодаря всевышнему господу богу его величество великий государь наш достигнет своей цели, то в тот же час будут посланы нам указы, в ожидании этого постой спокойно, пусть народ поработает. Если даст аллах, сбудется то, что суждено и не нарушится то, что предписано. Однако вы сами поступайте так, как предпочитаете. Поймите, что ведь трудно будет снова подымать народ. Было бы лучше, если бы мы подождали, пока станет спокойнее». Пожалуйста, напиши, настойчиво уговаривая, мулле Канзафару, пусть потерпит немного. Когда нужны будут взбунтовавшиеся люди, тогда они будут выслежены и найдены – никуда не денутся; если угодно будет аллаху, все найдутся – никому не спастись. Однако необходимо на некоторое время стоять

спокойно, с тем чтобы наблюдать, как будет дальше. Никто насильно не заставлял нас воевать. Требуемые от нас походные [люди] наши остались не выступившими у себя дома. Разве это нам не выгодно?

К сему с приветствием молящийся я, старшина и предводитель Алибай Мурзагулов сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

Нижеподписавшийся писарь Абдулкарим Рахманкулыев сын.

В 1774 году 26 дня июня.

Не будем вызывать распрю меж собой, пожалуйста, давайте подождем.

Опубликовано: Возвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 148-149.

№ 90

Ордер полковника Бахтияра Канкаева полковнику Абдулджалилю Урускулову о немедленной присылке команды в деревни Сухоязы и Сатаниху для действия против карательных команд, прибывших из Уфы в село Дуванен

Июнь 1774 г.¹

Ордер

Сообщаю вам, господину полковнику Абдулджалилю Урускулову сыну, что мы обрадовались вашему благополучному возвращению после предоставления милостивому государю нашему Петру Федоровичу. Слава аллаху, аминь, мы обрадовались.

Теперь сообщаем о том, что мы – и башкиры, и мишари, и черемисы, и ары – все общины вместе объединившись, разбили вражеские силы из армии в городе Бирске, а затем из города Бирска возвратились в деревню Сухояз. После этого все башкиры ушли, говоря: «мы будем охранять свои «дороги». Если бы этим общинам было приказано, чтобы они и здесь, в деревне Сатана, противостояли врагам, вышедшим из города Уфы. Численность этих врагов доходит до тысячи: в Дуване находятся около четырехсот черкесов и еще двести солдат, вышедших из Уфы, во главе полковник, один майор, да еще мусульманская команда из башкир и мишарей, всего около четырехсот человек. Так сообщили два «языка», захваченные нами из вражеских солдат.

В Сатане мы один раз сразились с врагом, убили их трех человек, двоих захватили в полон и до сих пор продолжаем противостоять этим врагам. Нынче срочно, без промедления высылайте нам команды, прибудьте в полной готовности в воскресенье, на рассвете же, пока враги не одолели нас, пожалуйста, поторопитесь! Из-за малочисленности нашей команды мы больше не сможем идти на них.

К сему

полковник Бахтияр Канкаев сын.

¹ Датируется по времени событий под Бирском в июне 1774 г.

Старшина Абдулла Туктаров сын.

Я, старшина мишарей Хамид Мухаммадов сын, руку свою приложил.

Я, старшина Яркай Кадырматов сын, руку свою приложил.

Я, сотник Рамазан Урманчиев сын, тамгу свою приложил...¹

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 157-158.

№ 91

Письмо сотника Канбака Ишматова полковнику Бахтияру Канкаеву с благодарностью за освобождение сына, Бакая Канбакова, от службы

Июнь 1774 г.²

Посылается вам, господину полковнику Бахтияру Канкаеву сыну, со многими-многими молитвами наша благодарность. Молящиеся после намаза, мы желаем тебе на долгие годы благополучия и крепкого здоровья, пусть с каждым днем господь бог увеличит твою славу!

Засим сообщается, что ты вернул нашего сына Бакая, за что пусть аллах вознаградит тебя – забываема эта услуга! Ты, оказывается, за непродолжительность [службы] пожелал одну холстину.

Чтобы передать тебе ту холстину, [Бакай] ее оставил Ахмару Уразматову сыну из деревни Мардасим. Однако я слышал, что он не вручил тебе холстину. Бакай же оставил ее при сотнике Кансуаре и при других лицах. Теперь [Ахмар], не передав тебе ту холстину, увез ее с собой; как видели попутчик его, через Абуталиба из нашей деревни он отправил ее сюда, к своей жене. Так он нас опозорил! Конечно, не обижайся на нас. Он сам отрекся и не дает нам. Ты сам, будучи обладателем правосудия, потребуй от него ту холстину и сам рассуди, почему он не передал доверенную другим человеком вещь.

К сему молящийся ваш нижайший сотник Канбак Ишматов сын.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 161-162.

¹ Конец документа порван, видимо погибли одна-две строки.

² Датируется на основе даты перевода 1774 г. [РГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 153].

№ 92

**Рапорт старшин Махди Медиярова, Аида Сеитова
и Байки Туйкиева в Военную коллегию о репрессиях команды майора
М.В.Мельгунова против населения Уранской волости**

2 июля 1774 г.

Правящим сановникам Военной коллегии его императорского величества, великого государя нашего Петра Федоровича, от нас, старшины башкир Уранской волости Махди Медиярова сына и старшины Аида Сеитова сына и старшина черемисов Байки Туйкиева сына, истинно нижайший репорт.

Сообщаем о том, что от врагов на Ангасякской стороне, от Башира Тапеева сына, Альмухаммада Мамдалева сына, с репортом были отправлены два человека, и этих двоих те враги отправили вдогонку за майором Михайлой Васильевичем Мельгуновым, и мы, поймав этих двоих колодников, отправили с хорошими, весьма надежными караулами к тебе.

Из тех врагов, которые ушли в сторону Сарапула, майор Михайло Васильевич Мельгунов увел от нас много-много скота нашего, не оставляя ни одного, и также убил многих-многих людей наших. Чтобы из-за этого вступить в сражение с ними, у нас не было достаточной силы, потому что у тех врагов было много силы и пушек. И мы уничтожили некоторых людей противника.

Также на стороне Бирска и Ай стоят противники со многими силами, там же Кулый Балтачев сын, враги есть и на стороне Ангасяка; количество этих врагов неизвестно, но, как слышим, их очень много.

Сообщая сим репортом,

я, старшина Махди Медияров сын, руку свою приложил.

И я, походный старшина Аид Сеитов сын, руку свою приложил.

И я, старшина Байки Туйкиев сын, тамгу свою приложил [изобр. тамги].

В 1774 году 2 дня июля.

[Адрес:]

Сей репорт отправлен для того, чтобы вручить Военной коллегии его величества, великого императора и государя нашего Петра Федоровича.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 164-165.

№ 93

Приказ полковника Бахтияра Канкаева командиру повстанческой команды на Чистопольском перевозе Герасиму Сабаеву об охране перевоза через реку Каму сменными караулами из жителей ближайших деревень.

Июль 1774 г.

[А]

От полковника Бахтияра Канкаева сына дан приказ тебе, крещеному Герасиму Сабаеву сыну, о Чистопольском перевозе: чтобы сначала из деревни Кучуково, еще из Тярбирды-Челны, еще из деревни Букашево, еще из деревни Чурашево, еще из деревни Козяково-Челны, еще из деревни Сатылган, еще из деревни Мукши, еще из Челныбаш по пятнадцать человек постоянно стояли на перевозе. Это дело поручено Мендию Туктамышеву сыну из деревни Кучуково, чтобы обо всем – будут ли хорошие или плохие вести – репортировать вышеупомянутому Герасиму. Жителей этих вышеназванных восьми деревень пусть никто не обижает, требуя походных. Ради него, упомянутого перевоза, приказали, если имеются уже отправленные в поход, то их возвратить и в дальнейшем, требуя людей, не обижать.

[Б]

От полковника Бахтияра Канкаева сына дан приказ тебе, крещеному Герасиму Сабаеву сыну. Мы приказали крещеным двух деревень – одна из них Верхний Арняш, а другая – Нижний Арняш – чтобы жители каждой из этих деревень несли службу и оказали помощь упомянутому Герасиму Сабаеву сыну относительно перевозов. Поэтому пусть никто не обижает жителей сих упомянутых Верхнего Арняша и Нижнего Арняшаа, требуя походных, и если имеются ранее уже отправленные в поход, то приказываю возвратить их.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 94

Рапорт полковника Бахтияра Канкаева Военной коллегии Е.И.Пугачева о боевых действиях отрядов старшины Абдуллы Мустаева против карателей и о геройстве повстанца И.Степанова

Середина июля 1774 г.¹

Военной коллегии его величества великого императора, государя нашего Петра Федоровича, от полковника Бахтияра Канкаева сына нижайший репорт.

¹ Датируется по времени действия отрядов Б. Канкаева на Каме (июль 1774 г.).

Находящегося при нас походного старшину Абдуллу Мустаеву сына и послал было на Ногайскую дорогу для сбора команды. Во время той поездки он собрал команду – около семисот – восьмисот человек. В то время, когда он, проверяя вооружение, осматривал их, один поручик, главарь воров, напав на них с командой воров, учинил бой с большой яростью. Что касается людей, находящихся при Абдулле, то они из-за отсутствия вооружения, бежали. Иван Степанов сын, из числа русских товарищей Абдуллы, совершил геройство и убил упомянутого поручика вместе с его тридцатью воинами. Однако наша кома[нда]...¹

Опубликовано: Возвращения и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 167-168.

№ 95

Рапорт полковника Бахтияра Канкаева в Военную коллегия Е.И.Пугачева об обстановке в междуречье Камы и Вятки, пополнении своих отрядов добровольцами и действиях против карателей

14 июля 1774 г.

Военной коллегии его величества, милостивого государя нашего Петра Федоровича, от полковника Бахтияра Канкаева сына нижайший репорт.

В нынешнем походе нашем мы обнаружили, что разного рода население сего Казанского уезда со всей душой и верой радо службе его величества, милостивого государя нашего Петра Федоровича, и все – млад да стар – с имеющийся у себя снедью выходят за версту навстречу нам. И, проливая слезы при нас, заклиная, говоря: «Да будет на многие годы и на долгую жизнь во здравии и благополучии его величество, милостивый государь и милосердный отец наш Петр Федорович!».

И в настоящее время при нас находятся более шестисот воинов, и каждый день приходят таковые, заявляя что пришли в поход добровольно. Однако среди них есть не имеющие одежд, коней и вооружения. Поэтому дали бы нам, нижайшим, указное приказание – где брать коней и вооружение?

Оставшееся имущество и скотину тех бояр, владения которых находятся недалеко от нашего пути, мы забираем, чтобы сдавать в казну. Также наши разъездные люди, поймав, привели пять человек из войска, находящегося при главе измешиков Султанмурате Яньшеве сыне. Они до сих пор находятся в наших руках. Оказывается, они выходили воровать. И как стало известно от этих людей, те воры ночевали в деревни Курса на Арской дороге.

Также посылаем по всем направлениям пикетно-караульные команды, чтобы добыть сведения о врагах. И еще: до этого два раза посылали мы людей из наших

¹ Далее не дописано (текст, видимо, является частью заготовки рапорта).

казаков с репортами в Военную коллегияю. Они до сих пор к нам не вернулись и не объявились. Также посылаем по пятьдесят человек для охраны на все перевозки через реки¹, потому что есть вести о воровских партиях. Причина нашей задержки заключается в этом.

1774 года 14 дня июля.

По силе указа его величества, милостивого государя нашего Петра Федоровича, приказано разного рода населению давать едущим с сим репортом казакам из деревни в деревню на столько, на сколько требуется, подвод без промедления и без прогона.

Во уверение я, полковник Бахтияр Канкаев сын, руку свою приложил.

Я, войсковой писарь Абубакир Тиячев сын, написав, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 168-169.

№ 96

Рапорт полковника Бахтияра Канкаева в Военную коллегияю Е.И.Пугачева обоевых действиях против карательных команд на Зюрейской дороге

19 июля 1774 г.

Военный коллегияю его величества великого императора, великого государянашего Петра Федоровича, от полковника Бахтияра Канкаева сына нижайший репорт.

Мы, ваш покорный слуга, с войском около двух тысяч человек пребываем на Зюрейской дороге в сражениях с врагами, ежедневно находясь в таком действии. При нас есть пять пушек, но нет у нас пороха и ядер. Просим вашего величества, чтобы нам присланы были порох и ядра, конечно, в необходимом количестве. Мы сражались с врагами численностью около семисот человек и, слава всевышнему аллаху, под сенью нашего государя одержали победу над ними и заставили катиться их в ад. И главным в этой баталии был находящийся в нашей армии Абдулла Мустаев сын. И тогда же видели мы исключительную преданность Апакая Ишматова сына из деревни Савуш, ничего не взимая у жителей деревни, оказавшего нам почести...²

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 170-171.

¹ В оригинале во множественном числе «идиллэр», в виду имеются Кама и Вятка.

² Конец утерян.

№ 97

**Письмо атамана Сляусина Кинзина старшине Алибаю Мурзагулову
об измене Ямансары Яббарова, перешедшего на сторону карателей
и об аресте его повстанцами, о действиях против карателей
на Ногайской дороге Уфимского уезда**

19 июля 1774 г.

Высокопоставленному атаману Алибаю Мурзагулову сыну посылаются наши приветствия и молитвы. Да быть тебе со своими ближайшими на долгие годы и во все времена во здравии и благополучии!

Засим извещается, что Ямансары Яббаров сын, изменив откочевал со своими людьми в триста семей в сторону Оренбурга и дошел до деревни Иманкулово. Мы – тысяча человек из Усергенской, Бурзянской, Тамьянской, Чинким-Кыпчакской волостей – отправившись за ними, взяв их в полон, привели обратно к себе.

При выходе из крепости Сакмарского городка напали на нас триста гусаров. Некоторую часть их мы уничтожили и пленили. Кроме того раздора, других раздоров не видно.

Ваше благословенное письмо, которо должно быть переписано [и распространено], мы получили. Из-за тез упомянутых хлопот мы не смогли поехать к вам, пожалуйста, не обессудьте. Если же на той вашей стороне будет беспокойно и неблагополучно, то пошлите сюда человека с вашим письмом – мы, быстро прибыв с одной-двумя тысячами человек, выручим вас. Если пребываете в покое, то также напишите о тамошних делах и извещайте письменно о сведениях, полученных со стороны государя. Что касается нас, то мы все живы-здоровы, и со стороны государя. Что касается нас, то мы все живы-здоровы, и со стороны государя. Что касается нас, то мы все живы-здоровы, и со стороны Демы люди прибыли благополучно.

Я, Сляусин атаман Кинзин сын, руку свою приложил.

В 1774 году 19 дня июля.

Молящиеся, знайте: Турай Ишаев сын, Бузан Исаков сын, Таймас Кутлыев сын, мулла Кубаш Яхья Адилев сын, Маракай Суяргулов сын, сотник Асхар Аидов сын.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 173.

№ 98

**Письмо полковника Сляусина Кинзина полковнику Канзафару Усаеву о
сведениях об аресте Ямансары Яббарова и действиях против карателей на
Новомосковской дороге Уфимского уезда**

июль 1774 г.

Он – аллах – неиссякаемый творец

Тебе, господину полковнику, уважаемому и высокопоставленному другу нашему, мулле Канзафару Усаеву сыну от полковника мурлы Сляусина сообщается. Получено известие от есаула Кутлу килди о том, что они, когда выходили на Новую дорогу¹, поймали двоих русских и допросили их. Те упомянутые русские сказали: «Мы вышли в Русские Таули за продуктами». Упомянутый Кутлукилди и яицкий казак Атаман² сказали этому русскому: «Иди, возвращайся в Бугульчан, скажи их командиру, чтобы при нашем возвращении его здесь небыло, а то сожжем!» А ныне мы слышали, что они находятся с шестью тысячами людей на Новой дороге, в деревне Юзеево.

И засим прибывший сюда свекор Масгуда Бакый, а также Муса, и еще Ахмар сказали, что тот Масгуд остался на Ашказаре. Еще о войске в деревне Сармаган: он оставил там силу в семьдесят человек, а другие ушли в сторону Бугульмы. Мы же в упомянутую выше деревню Юзеево отправили человека, посланного ранее сюда.

Еще, оказывается, Ямансары послал репорт в Оренбург, говоря, что башкиры намерены его окружить. По тому репорту пришли четыреста человек русских. Однако до прихода этих русских кутлукильдиевцы поймали того Ямансары. А когда пришли русские, они настигли их, убили пятерых русских, остальные спаслись бегством.

Эти события [происходили] в деревне Иманкулово.

Молящийся твой нижайший есаул Сулайман.

[Адрес:]

Сие доложение вручается в руки полковника Канзафара.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 174-175.

¹ Новая Московская дорога.

² Казачий атаман А.А.Овчиников.

№ 99

Рапорт полковника Бахтияра Канкаева в Военную коллегияю Е.И.Пугачева о действиях повстанцев в селениях по Зюрейской дороге Казанского уезда, об охране перевоза через Каму и движении карательных отрядов21 июля 1774 г.¹

Военной коллегии его величества, милостивого государя нашего Петра Федоровича, от полковника Бахтияра Канкаева сына нижайший репорт.

В сем походе нашем с наличным при нас войском и со своими пушками мы находимся в Зюрейской дороге Казанского уезда. И чтобы узнать о делах врагов, пребывающих со злыми намерениями на других дорогах, и также узнать о путях-дорогах на перевозы, посылаем мы из нашего войска по сто – пятьдесят человек при полном боевом снаряжении.

Также мы посылали было в упомянутую Военную коллегияю четыре репорта, докладывая о всех наших делах: отправленные при этом люди наши до сих пор не вернулись к нам и не объявились – не знаем, в чем тут причина.

И также через людей наших, отправленных в разъезд, становятся известными слова предводителя врагов, подымающихся на лодках от Сокольского перевоза, о том, что они снова построят крепость на одном из удобных берегов Камы. И оказывается, они уничтожили охраняющие Мамадышский перевоз лодки. Еще, оказывается, они по одному человеку из трех-четырёх дворов набирают себе на помощь...

Опубликовано: Возвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 176.

№ 100

Билет, выданный полковником Бахтияром Канкаевым жителям деревень Богатые Сабы, Тинки Сабы об освобождении их от службы

22 июля 1774 г.

По силе указа его величества, великого императора и великого государя нашего Петра Федоровича, полковником Бахтияром Канкаевым сыном дан сей билет татарам деревни Богатые Сабы и Тинки Сабы Адгамовой сотни Арской дороги Казанского уезда Тарджуме Нуркаеву сыну, Абдулвахабу Мухсинову сыну в том, что, оказывается, их люди находятся на службе в великой армии при милостивом государе нашем, поэтому,

---

¹ Датируется по времени составления аналогичного рапорта на русском языке [РГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 140].

ради тех людей, не принуждайте их снова в поход. Они отпущены нами, в другие армии также не призывайте.

В 1774 году 22 дня июля.

Во уверение я, полковник Бахтияр Канкаев сын, руку вою приложил.

Я, войсковой писарь Абубакир Тилячев сын, написав, руку свою приложил.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

№ 101

Письмо есаула Гаврилы Лихачева атаманам Алибаю Мурзагулову, Каранаю Муратову и старшине Качкыну Самарову и предводителям калмыков, казахов об успехах Е.И.Пугачева и о необходимости прибытия их со своими войсками под Казань

22 июля 1774 г.

По августейшему указу его величества, великого императора и великого государя нашего Петра Федоровича, предвоителям войск, собранных в стороне Уфы и Оренбурга – главным атаманам Алибаю Мурзагулову сыну, Каранаю Муратову сыну, Качкыну Самарову сыну, иакже вельможам калмыцким, ханам киргизским и также большим предводителя различных народов наше сообщение.

О том, что вы, проявляя усердие, собираете с разных сторон войско, мы слышали 22 дня июля. В тот же час мы по почте отправили рапорт, сообщая его величеству милостивому государю нашему о том, как вы, действуя с правдой и верой, собираете вооруженное войско.

Да будет вам радость: милостивый государь наш, начиная со стороны Кунгура, разрушил все города и спалил огнем заводы. Также здесь, захватив город Казань, разрушив ее, перебив все население, сам город предал огню, и еще все города в окрестности уничтожил таким же образом.

Засим к вам такая просьба: каждый из вас с вооруженным войском при себе не задерживаясь, прибыли бы сюда – в сторону Казани. А мы в настоящее время со своим более трехтысячным войском и с семью пушками даем отпор врагам близ города Казани и караулим перевозы.

Главный есаул Гаврила Лихачев.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 177-178.

№ 102

Рапорт полковника Абдуллы Мустаева главному полковнику Бахтияру Канкаеву об отправке набранных в службу людей и о невозможности своего возвращения

25 июля 1774 г.

Его высокопревосходительству, главному полковнику Бахтияру Канкаеву сыну репорт.

Отправленный твоим превосходительством репорт дошел до меня. Ты, оказывается, приказал, чтобы я в скором времени возвратился со своей армией. Пока из набора отправил я девяносто человек. Еще скоро, если даст аллах, отправлю сто десять человек. Самому же невозможно быстро возвратиться: здешнее население, оказывается взволновалось, и когда мы, прибыв, стали собирать армию, то это им понравилось; [так] в тех местах, где мы пребываем, о других же местах аллах знает. О тамошних делах немедленно сообщай репортом. Сколько народу даст бог после этого, то их мы приведем с собой.

И еще будет известно твоему превосходительству: ты приказывал также Адгаму сотнику, чтобы он прибыл к тебе, снарядив людей из своей команды. Мы, конечно, проверили его команду. Много людей, оказывается, выступило за милостивым государем нашим; однако из них лишь немногие вернулись ранеными, некоторые попали в плен, а другие вернулись по болезни; и в том больном состоянии [Адгам] помогает нам!

И еще мулле Халиду ты приказывал, чтобы собрать армию, что, оказывается, было невозможно без нас. Он старается вместе с нами. Но без них обоим нам невозможно действовать.

В 1774 году 27 [дня] вечером месяца джумади-первого.

Я, полковник Абдулла Мустаев сын, приложил во уверение руку свою.

[Адрес:]

Срочно отправлен сей рапорт в благородные руки господина полковника Бахтияра Канкаева сына.

Опубликовано: Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 185-186.

№ 103

Письмо полковника Мурадшаха Сыртланова главному полковнику Канзафару Усаеву об измене некоторых старшин

31 июля 1774 г.

Он – аллах – неиссякаемый творец

Вам, почтенному и уважаемому высокопоставленному господину бригадиру, любимцу государя, нашему другу мулле Канзафару Усаеву сыну, посылаем бесчисленные и бесконечные приветствия и молитвы, да быть вам со всеми приближенными и подчиненными вашими на многие годы и бесчисленные месяцы во здравии и благополучии!

Засим сообщается, что посланное тобою через муллу Рахманкула письмо дошло до нас, и я отправил его по надлежащим адресам, однако от тех лиц никаких вестей не имею. Да еще я намеревался было отправиться на свидание к твоему превосходительству, однако от муллы Рахманкула и старшины Максуда пришло письмо о том, что ты после прибытия письма от муллы Сляусина с предписанием возвратиться туда уехал обратно. По той причине я не мог повидаться с тобой.

Теперь твоему превосходительству сообщаю о здешних делах. Ныне здесь имеются некоторые враги из мишарей и башкир, которые отступили от верности его величеству, государю нашему, и тебе. Однако этих отступников очень мало. Что касается основного населения из мишарей и башкир, то они пребывают в верности его величеству государю. Они только из-за страха перед своими старшинами идут в поход. И еще ниже сообщаю о тех старшинах, которые пребывают в верности его величеству, государю нашему, и не пишут репорт [изменникам] в крепости: Ибрагим Мирясов сын, которого неволью записали во главу [вражеского] войска, и из мишарских старшин Абдуссалам Мамдалев сын, из татарских старшин Максуд Мурзакаев сын да Ибраш Уразбактин сын. И этих упомянутых людей не оставляй своей милостью и не верь другим, кроме них, старшинам, и не ходи с малочисленными командами, так как те, другие, нарушив клятвы свои, отступили от верности. И они сами, написав вам письмо, пригласят вас с войском, а сами отправят репорт в крепость, сообщая, что «идут воры и давайте нам подкрепления», но начальники не дают им подкрепления. Вот какие проклятые и опасные люди имеются! Конечно, остерегайся их. Я каких только мучений не видел, однако сам всевышний аллах поберег. Имена сих отступивших старшин объявлю тогда, когда встречу с тобой.

Со стороны Уфимской крепости прибыл один человек, приходящийся мне родственником, я его спросил о том, как пребывают начальники в Уфимской крепости. Он сказал, что люди Уфимской крепости живут хорошо и якобы не учиняют вреда населению в окрестности.

Пиши письмо тем, кому желаешь добра, и нас, своего друга, не оставляй своей милостью. А это письмо отправил тебе через своего друга Бикмамета Муслимова сына; он очень добрый, надежный и верный человек, которого можешь послать в любое место. В ответ на сию записку напиши обо всех делах.

И еще слышно, что якобы полковник Туктамыш, прибыв в Красноярскую крепость, сожегши имущество, награбленное генералом князем Галицыным, ушел, и [его] якобы, говорят, задержали на переправе через реку Вятку.

И еще в мои руки попали письма тех злонамеренных старшин, которые я и отправил к тебе. Если при себе имеешь войско, то его не распускай; старайся с этим письмом ознакомить тех лиц, которых считаешь друзьями, но не объявляй его многим, так как среди нас имеются лазутчики.

К сему всегда пребывающий в добрых пожеланиях ваш друг полковник Мурадшах Сыртланов сын.

В 1774 году 3 дня месяца джумади-второго написан.

[Адрес:]

Это благословенное письмо вручить с добром бригадиру Канзафару Усаеву сыну.

Опубликовано: Возвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988. С. 187-189.

Источники и литература**Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (СПб. ФИРИ)**

Ф. 36 – Архив Воронцовых
Ф. 122 – Чердынская воеводская изба (Соликамские акты)

Государственный архив Астраханской области (ГА АО)

Ф. 394 – Астраханская губернская канцелярия

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

Ф. 170 – Вятская губернская ученая архивная комиссия
Ф. 176 – Вятская казенная палата
Ф. 582 – Канцелярия вятского губернатора
Ф. 583 – Вятское губернское правление

Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО)

Ф. 3 – Оренбургская губернская канцелярия
Ф. 5 – Оренбургская экспедиция пограничных дел
Ф. 6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора
Ф. 96 – Оренбургская ученая архивная комиссия

Государственный архив Республики Марий-Эл (ГА РМЭ)

Ф. 52 – Царевококшайский городской магистрат
Ф. 236 – Царевококшайская нижняя земская расправа
Ф. 237 – Царевококшайская воеводская канцелярия

Государственный архив Ульяновской области (ГА УО)

Ф. 111 – Буинский уездный суд

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ)

Ф. 156 – Тобольская духовная консистория
Ф. 329 – Тобольское губернское правление

Научный архив Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (НА ИЯЛИ АНРТ)

Ф. 95, оп. 1, д. 158 – Чернышев Е.И. К вопросу об органической связи Камско-Волжского края с российским рынком XVII в.

Научный архив Казанского научного центра РАН (НА КНЦ РАН)

Ф. 77 – Фонд Н.И. Воробьева

Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН)

Ф. 3 – Институт истории, языка и литературы
Ф. 7 – Ризаэтдин бин Фахретдин

Научный рукописный фонд МарНИИ (НРФ МарНИИ)

Сборник материалов марийского исторического фольклора, составленный А.М. Бердниковым

Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ)

Ф. 10 – Казанская духовная академия
Ф. 14 – Казанский губернский прокурор
Ф. 19 – Свяжский уездный суд
Ф. 22 – Казанская татарская ратуша
Ф. 92 – Попечитель Казанского учебного округа
Ф. 324 – Казанская губернская чертежная
Ф. 350 – Казанское губернское дворянское собрание

- Ф. 1238 – Арская нижняя расправа
Ф. 1241 – Мензелинский уездный суд

Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ)

Сектор документальный источников, №№ 114718, 115399, 115719, 115721.

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ)

- Ф. 542 – Архив Олениных

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского К(П)ФУ (ОРРК НБЛ)

Ед. хр. 585, 1295/9, 1844, 2839, 2852, 2872, 3196, 4028, 8231.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ)

Ф. 201 – Канцелярия члена адмиралтейств-коллегии адмирала А.Н.Сенявина (1794-1797)

Ф. 212 – Государственная адмиралтейств-коллегия

Ф. 227 – Высочайшие повеления, рескрипты и указы (коллекция)

Ф. 238 – Контрольная контора при адмиралтейств-коллегии (1721-1764)

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 1 – Государственный архив, разряд I – Секретные пакеты

Ф. 6 – Государственный архив, разряд VI – «Уголовные дела по государственным преступлениям»

Ф. 7 – Государственный архив, разряд VII – «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция»

Ф. 16 – Государственный архив, разряд XVI – внутреннее управление

Ф. 79 – Сношения России с Польшей

Ф. 89 – Сношения России с Турцией

Ф. 123 – Сношения России с Крымом

Ф. 126 – Мунгальские (монгольские) дела – коллекция из фондов Посольского приказа

Ф. 127 – Сношения России с ногайскими татарами – коллекция из фондов Боярской Думы и Посольского приказа

Ф. 131 – Татарские дела – коллекция из фондов Посольского приказа

Ф. 181 – Рукописный отдел библиотеки МГАМИД

Ф. 199 – Портфели Г.Ф. Миллера

Ф. 210 – Разрядный приказ

Ф. 214 – Сибирский приказ

Ф. 248 – Сенат и его учреждения

Ф. 342 – Комиссия о сочинении Нового Уложения

Ф. 349 – Московская контора тайных розыскных дел и Тайная экспедиция Сената

Ф. 350 – Ландратские книги и ревизские сказки

Ф. 396 – Оружейная палата

Ф. 407 – Казанская губернская канцелярия

Ф. 441 – Свияжская провинциальная канцелярия

Ф. 443 – Симбирская провинциальная канцелярия

Ф. 439 – Пермская провинциальная канцелярия

Ф. 529 – Мензелинская воеводская канцелярия

Ф. 586 – Тетюшская воеводская канцелярия

Ф. 598 – Царевококшайская воеводская канцелярия

Ф. 794 – Царевококшайский городской магистрат и ратуша

Ф. 829 – Таможни

Ф. 1167 – Темниковская приказная изба

Ф. 1173 – Уфимская приказная изба

Ф. 1209 – Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент

Ф. 1274 – Панины-Блудовы

Ф. 1312 – Материалы Генерального и Специального межживаний по Казанской губернии

Ф. 1355 – Экономические примечания к планам Генерального межжевания

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 91 – Вольное экономическое общество

- Ф. 796 – Канцелярия Синода
Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД
Ф. 1341 – Первый департамент Сената
Ф. 1350 – Третий департамент Сената
Ф. 1374 – Канцелярия генерал-прокурора Сената
Ф. 1531 – Ревизия сенатора А.А.Половцева Киевской и Черниговской губерний
Ф. 1537 – Ревизия сенаторов М.Г.Спиридова и И.В.Лопухина Казанской и Оренбургской губерний

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ)

- Ф. 265 – «Русская старина», редакция ежемесячного исторического журнала

Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ)

- Ф. 24 – Краснослободской земский суд

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ)

- Ф. И-1 – Оренбургское губернское правление
Ф. И-11 – Канцелярия Уфимского гражданского губернатора
Ф. И-295 – Оренбургское Магометанское Духовное Собрание

Материалы этнографических экспедиций Казанского университета

- Материалы КГУ, 1959* – Материалы этнографических экспедиций КГУ. Западные районы БАССР, 1959.
Столярова, 2000 – Полевые материалы Г.Р.Столяровой. Альметьевский район Республики Татарстан, 2000 г.

Источники опубликованные

- Абдуллин, 2009* – Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве

Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / Сост., автор вводной статьи и комм. Х.М.Абдуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 148 с.

Абу Мухаммад, 1884 – Абу Мухаммад Мустафа ал-Джаннаби. Тухфат ал-ариб ва хадиййат ал-адиб // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. XXVI. С. 238-239.

Акты нижегородских монастырей, 1848 – Акты нижегородских монастырей, Печерского и Благовещенского // Нижегородские губернские ведомости. 1848. № 19.

Акты служилых, 1997 – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т. 1.

Акты служилых, 2002 – Акты служилых землевладельцев XV - начала XVII вв. / Сост. А.В.Антонов. М.: Дрвлекранилище, 2002. Т. 3.

Акты Шуйского, 1914 – Отправление в Крым гонца Степана Ушакова с грамотою от царя Василия (№ 102 – 1607 г. 24 апреля.) // Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая - 17 июля 1610 г.) / Ред. А.М.Гневушев. М., 1914.

Акты, 1914 – Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. – 17 июля 1610 г.). М., 1914.

Акты, 1918 – Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918.

Ананьев, 1900 – Ананьев Г. Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 27. С. 1-38 (отд. паг.).

Ананьев, 1909 – Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе / Под ред. Г.Н.Подозрителева. Ставрополь, 1909. Т. 2. С. 1-29 (отд. паг.).

Английские, 1937 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.

Антология, 1957 – Антология Татарской поэзии. Казань: Таткнигоиздат, 1957.

Арабские рукописи, 1987 – Арабские рукописи по астрономии и математи-

ке в фондах Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского / Сост. М.Н.Идеатуллин. Казань: Изд-во КГУ, 1987.

Арабские рукописи, 1996 – Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского Государственного университета: Краткий каталог / Сост. О.Б.Фролова, Т.П.Дерягина. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996.

Арапов, 2001 – Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001.

Баласагунский, 1983 – Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Пер. С.Н.Иванова. М., 1983.

Белл, 1776 – Белл Дж. Белевы путешествия чрез Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. I.

Березин, 1854 – Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. II. Ч. I. Сборник летописей: Татарский текст с русским предисловием. Казань, 1854.

Березин, 1862 – Березин И. Турецкая хрестоматия. Казань, 1862.

Березин, 1872 – Березин И. Тарханные ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. Приложение № 22. С. 1-9.

Брикнер, 1878 – Брикнер А. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.

Броневский, 1867 – Броневский М. Описание Крыма / Пер. И.Г.Шершеневича, прим. Н.Н.Мурзакевича // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 333-367.

Броневский, 2005 – Броневский М. Описание Крыма / Подг. к публ. текста М.Мачинской и А.Герцена, предисл. и комм. А.Герцена // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 156-200.

Буссов, 1961 – Буссов К. Московская хроника. 1584-1613. М.-Л., 1961.

Буссов, 1998 – Буссов К. Московская хроника 1584 - 1613 гг. // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 11-158.

Буссов, 2007 – Конрад Буссов. Московская хроника (1584-1613) // Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж.Маржерет в документах и исследованиях

(Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан.Береловича, В.Д.Назарова, П.Ю.Уварова. М.: Языки славянских культур, 2007.

Бустанов, 2009а – Бустанов А.К. Фамильная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. М.-Н. Новгород, 2009. № 1-2 (13-14).

Васильева, 1993 – Васильева О.В. Крымско-татарские рукописные материалы в Отделе рукописей [Российской национальной библиотеки] // Восточный сборник. Вып. 5. СПб., 1993. С. 44-45.

Ведомость, 1837 – Ведомость о числе мечетей, медрес, духовенства и прихожан обоего пола магометанского закона за 1836 год // ЖМВД. 1837. Ч. 25. Ведомость № 15.

Воззвания, 1988 – Воззвания и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье: Сб. док. и материалов / Сост. М.А.Усманов, С.Х.Алишев, И.А.Гилязов, Ф.М.Хисамова. Казань, 1988.

Волга, 1937 – Волга в песнях и сказаниях. Саратов, 1937.

Восстание Болотникова, 1959 – Восстание И.И.Болотникова: Документы и материалы / Сост. А.И.Копанев, А.Г.Маньков. М., 1959.

Восточная Европа Средневековья, 2009 – Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей / Отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков; науч. ред. И.В.Зайцев, Д.А.Мустафина; вввод. ст. В.В.Трепавлов. Казань, 2009.

Вяткин, 1939 – Вяткин М. Журнал Оренбургского муфтия // Исторический архив. М.-Л., 1939. Т. 2.

Гейденштейн, 1889 – Гейденштейн Р. Записки о московской войне. СПб., 1889.

Георги, 1776 – Георги И.Г. Описание всех в российском государстве обитающих народов (также их житейских обрядов, вере, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей). СПб., 1776-1780. Т. 1-4.

Георги, 1779 – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1779. Ч. 2.

Георги, 1799 – Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов: В 3 ч. СПб., 1799. Ч. 1-2.

Герберштейн, 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко; вступительная ст. А.Л.Хорошкевич; под ред. В.Л.Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Гийом Левассер, 2004 – Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины / Пер. с фр. З.П.Борисюк; ред. перевода А.Л.Хорошкевич, Е.Н.Ющенко. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.

Города России, 2002 – Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Сост. Е.Б.Французова. М., 2002.

Горсей, 1990 – Горсей Дж. Записки о России. XVI - начало XVII в. М., 1990.

Готтлиб, 1799 – Готтлиб И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / Сочинения Иосипа Готтлиба. СПб., 1799. Ч. 2.

Грамоты и отписки 1611-1612 – Грамоты и отписки 1611-1612 гг. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий Археографической комиссии. 1861 г. СПб., 1862. Вып. I.

Дворцовые разряды, 1850 – Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной Е.И.В. канцелярии. Т. 1-3. СПб., 1850-1852.

Действия НГУАК – Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XI. Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611-1612 гг. Нижний Новгород, [б.г.].

Дело, 1943 – Дело Данилы Дмитриева Большой Бороды и У.Г.Лодыгина о насильственном похолоплении 1649 г. // Яковлев, А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. (по архивным документам Холопного и Посольского приказов, Оружейной палаты и разряда). М.-Л., 1943. Т. 1.

Десятни, 1897 – Десятни Пензенского края 1669-1696 / Под ред. А.Барсукова. СПб., 1897.

Джихан-Нюма, 1973 – «Джихан-Нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.) / Предисл., пер. и коммент. А.А.Папазяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. 185 с.

Дженкинсон, 1937 – Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.Готье, предисл. Г.Новицкого. М.: Соцэргиз, 1937.

Дженкинсон, 1938 – Дженкинсон А. Записки о путешествиях в Россию в 1557 г., Среднюю Азию в 1558-1560 гг., Персию в 1561-1564 гг. / Пер. с англ. Ю.В.Готье // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: Соцэргиз, 1938.

Дзяловский, 1897 – Дзяловский Л. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялыньским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию, (1580 г.). М., 1897.

Дмитриева, 1975 – Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей института востоковедения. М.: Наука, 1975. Ч. II.

Дмитриева, 2002 – Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002.

Дневник поездки, 1867 – Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом / Пер. с лат. Б.Женева и М.Семевского. М.: Издание ОИДР, 1867. 322 с.

Доклады и приговоры, 1892 – Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1.

Документы, 1908 – Документы, касающиеся открытия Казанского наместничества (1780-1783 гг.) // ИОАЭИ. Казань: Изд-во Казанского университета, 1908. Т. XVIII. Вып. 4-6. С. 1-122.

Документы 1998 – Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.-Варшава, 1998.

ДММ, 1940 – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. Ч. 1.

- ДММ, 1940а* – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2.
- ДММ, 1950* – Документы и материалы по истории Мордовской АССР: социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах в XVII в. Саранск, 1950. Т. 1. Ч. 2.
- Документы Казанского края, 1990* – Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII вв.). Тексты и комментарии. Казань, 1990.
- Документы ставки, 1975* – Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774 гг. М., 1975.
- Документы Удмуртии, 1958* – Документы по истории Удмуртии XV - XVII вв. Ижевск, 1958.
- Документы, 1908* – Документы, касающиеся открытия Казанского наместничества (1780-1783 гг.) // ИОАИЭ. Казань, 1908. Т. XVIII. Вып. 4-6.
- Документы, 1962* – Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 264-272.
- Документы, 1994* – Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б.Веселовский. М.: Наука, 1994.
- Духовная церемония, 1769* – Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского величества государыни премудрейшей Монархини и попечительнейшей матери Екатерины Вторья в Казани. СПб., 1769.
- Екатерина, 1912* – Екатерина II. Речь имп. Екатерины Великой о старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 г. М., 1912.
- Жирмунский, 1974* – Жирмунский В.М. Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л., 1974. 727 с.
- Журналы, 2005* – Журналы и служебные записки дипломата А.И.Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.) // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Алматы: Дайк-пресс. 2005. Т. 3.
- Законодательные акты, 1986* – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.: Тексты. Л., 1986.
- Законодательные акты, 1987* – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.: Комментарии. Л., 1987.
- Законодательство Екатерины, 2000* – Законодательство Екатерины II: В 2-х т. М., 2000. Т. 1-2.
- Законодательство, 2000* – Законодательство Екатерины II: В 2-х т. М., 2000. Т. 1.
- Законы Российской империи, 1999* – Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярах и бобылях / Сост. Ф.Г.Гумеров. Уфа, 1999.
- Записки Немоевского, 1907* – Записки Станислава Немоевского (1606-1608) / предисл. А.Титова; вступ. А.Гиршберг; пер. А.А.Кочубинского. М., 1907. 313 с.
- Записки Немоевского, 2006* – Записки Станислава Немоевского (1606 – 1608). Рукопись Жолкевского. Рязань: Александрия, 2006. 496 с.
- Записки, 1822* – Записки путешествия академика [И.И.] Лепехина. Ч. 3-4 // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т. 4.
- Записки, 1967* – Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695 гг.). М., 1967.
- Записная книга, 2004* – Записная книга Полоцкого похода 1562-1563 гг. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
- Зиновьев, 1788* – Зиновьев Д. Топографическое описание города Казани и его уезда. М., 1788.
- Знаменитые люди, 1990* – Знаменитые люди о Казанском крае / Под ред. А.В.Гарзавиной, А.И.Новицкого. Казань, 1990.
- Иванич, 2006* – Иванич М. Удостоверительные знаки крымских ярлыков XVII века // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова / Сост. Д.М.Усманова, Д.А.Мустафина; науч. ред. И.А.Гилязов. Казань: Изд-во КГУ, 2006.
- Идес, 2010* – Идес И., Брант А. Записки о русском посольстве в Китай. М.: Директ-Медиа, 2010.
- Избрание, 2014* – Избрание на Царство Государя Царя Михаила Федоровича

Романова / Сост., пред. А.М.Хитрова. М., 2014.

Избрант Идес, 1967 – Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай. 1692-1695. М., 1967. 404 с.

Императорская Россия, 2006 – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. документов и материалов / Сост. Д.Ю.Арапов. М., 2006.

Исабель, 2002 – Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л.Лукецкой. М., 2002.

Ислам, 1998 – Ислам в законодательстве России. 1554-1929 гг.: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России. Учеб. пособие / Сост. А.Б.Юнусова, Ю.Н.Сергеев, В.И.Латыпов. Уфа, 1998.

Исторические, 1936 – Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. / Сост. В.Алексеев. Сталинград, 1936.

История научно-картографического, 1998 – История научно-картографического изучения Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX вв.: библиографический указатель литературы / Сост. О.Н.Катионов. Новосибирск: СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1998. 164 с. [Электронный ресурс] http://www.runivers.ru/docandmat/maps/krim/Merkator_Tavriska_chersonessus_1641.jpg. Дата обращения: 10.02.2015.

История познания, 2002 – История познания земель Российских: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2002. 232 с.

История, 1937 – История Татарии в материалах и документах / Под. ред. Н.Л.Рубенштейна. М., 1937.

Источники Татарстана, 1994 – Источники по истории Татарстана (XVI-XVIII вв.) / Под. ред. С.Х.Алишева. Казань, 1994.

Казанская история, 1954 – Казанская история / Подготовка текста, вступительная статья и прим. Г.Н. Моисеевой. М.-Л., 1954. 120 с.

Казанские документы, 2008 – Казанские документы 1649-1675 годов. Казань, 2008.

Казанские документы, 2010 – Казанские документы последней четверти XVII века. Казань, 2010.

Казем-бек, 1832 – Казем-бек М.А. Сеид Мухаммед Риза. Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го. Казань, 1832.

Какаш, Тектандер, 1896 – Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию в 1602-1603 гг. / Пред. и пер. с немец. А.Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2 (177). Раздел III.

Карта народонаселения, 1870 – Карта народонаселения Казанской губернии по племенам // Риттих А. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. 1.

Картографирование Сибири, 2003 – Картографирование Сибири в XVII – начале XVIII века. Семен Ульянович Ремезов и его рукописные атласы // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: В 2 т. Факсимильное издание. М.: ФГУП ПК «Картография», 2003.

Катионов, 2007 – Катионов О.Н. Картографическое сопровождение государственной политики по освоению Сибири в XVII – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–XX века: Сб. матер. регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 217-226.

Каштанов, 1973 – Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. Документы // Ученые записки КГПИ. 1973. Вып. 116. С. 3-35.

Кащенко, Лотаков, 2010 – Кащенко С.Г., Лотаков А.О. Виклад суті законів Османської династії» Хюсейна Хезарфена // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Юридические науки». 2010. Т. 23 (62). № 1. С. 11-18.

Кирилов, 1831 – Кирилов И. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831.

Книга, 1843 – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствовании короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843.

Книга, 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник МОИДР. М., 1850. Кн. 5.

Книга, 2004 – Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст) // Рукописные памятники. СПб., 2004.

Книга Большому Чертежу, 1950 – Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К.Н.Сербиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.

Корб Иоганн Георг, 1906 – Корб Иоганн Георг. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А.И.Малеина. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1906.

Корб Иоганн Георг, 1997 – Корб Иоганн Георг. Дневник путешествия в Московское государство. Рождение империи (история России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв.). М., 1997

Кордт, 1899 – Кордт В.А. Материалы для истории русской картографии. Вып. 1: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899.

Кордт, 1906 – Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Сер. 2. Вып. 1: Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906. 34 с.

Кордт, 1910 – Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Вып. 2: Карты всей России и Западных ее областей до конца XVII в. Киев, 1910. 31 с.

Корецкий, 1968 – Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. М., 1968. № 4.

Корецкий, 1981 – Корецкий В.И. Соловецкий летописец XVI. В. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.

Корнелий де Бруин, 1873 – Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Пер. с франц. П.П.Барсова, проверенный по голландскому подлиннику О.М.Бодянским. М., 1873. 216 с.

Корнелий де Бруин, 1989 – Корнелий де Бруин. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 19-188.

Крестьянская война, 1973 – Крестьянская война 1773-1774 гг. в России. Документы из собрания Государственного Исторического музея. М., 1973.

Крестьянская война, 1975 – Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии: Сб. документов. Уфа, 1975.

Крестьянская война, 1989 – Крестьянская война под предводительством Е.И.Пугачева в Марийском краеб Документы и материалы / Сост. А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 1989.

Кулбахтин, 2005 – Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. Уфа, 2005.

Кунгурская летопись, 1886 – Кунгурская летопись Пиликиных. Пермь, 1886.

Кунцевич, 1905 – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905.

Курбский, 1913 – Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913.

Курбский, 2001 – Курбский А.М. История о великом князе Московском / Предисл., вступ. ст., пер. Н.М. Золотухиной. М., 2001.

Курсави, 1903 – Курсави Абу Наср ал-Иршад ли-л-'ибад. Казань, 1903.

Кусов, 1978 – Кусов В.С. Картографические труды Ортелия // Известия ВГО. 1978. Вып. 6. С. 513-520.

Легенды и предания, 1941 – Легенды и предания // Записки Удмуртского НИИ. Ижевск, 1941. Вып. 10.

Легенды, 1969 – Легенды и были Жигулей. Куйбышев, 1969.

Лепехин, 1771 – Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1771.

Лепехин, 1795 – Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и академика наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1.

Летописец, 1895 – Летописец русский // ЧОИДР. 1895. Кн. 3.

Ляскоронский, 1901 – Ляскоронский В.Г. Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. I. Описание Украины. II. Карты Украины. Киев, 1901.

Марджани, 2009 – Марджани о татарской элите (1789-1889) / Пер. со старотат. и

примеч. А.Н. Юзеева и И.Ф. Гимадеева. М., 2009. 128 с.

Маржерет, 1859 – Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 года по сентябрь 1606 г. / Пер., предисл., примеч. Н.Г.Устрялова // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Изд. 3-е, испр. СПб., 1859. Ч. 1.

Маржерет, 2007 – Жак Маржерет. Состояние Российской империи. Ж.Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан.Береловича, В.Д.Назарова, П.Ю.Уварова. М., 2007.

Мартынов, 1904 – Мартынов П.Л. Материалы исторические и юридические районы бывшего Приказа Казанского дворца. Симбирск, 1904. Т. 4: Архив А.П. Языкова.

Масса, 1937 – Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. и коммент. А.Морозова. М., 1937.

Масса, 1997 – Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей / Пер. А.А.Морозова // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Масса, 2007 – Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж.Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан.Береловича, В.Д.Назарова, П.Ю.Уварова. М., 2007.

Материалы КазССР, 1940 – Материалы по истории Казахской ССР (1765-1823). М.-Л., 1940.

Материалы по истории России, 1890 – Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края 1735 и 1736 гг. / Сост. А.И.Добромыслов. Т. 1-2. Оренбург, 1890.

Материалы, 1859 – Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717-1720 гг. М., 1859.

Материалы, 1861 – Материалы для истории комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Русский вестник. 1861. Т. 36.

Материалы, 1887 – Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии / Казанская губернская земская управа. Казань, 1887.

Материалы Приказа Казанского дворца, т. 1-6 – Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. 1-6. Казань-Симбирск, 1882-1912.

Материалы ТАССР, 1932 – Материалы по истории Татарской АССР. Вып. 2: Писцовые книги города Казани 1565-1568 гг. и 1646 г. Л., 1932.

Мертваго, 2006 – Мертваго Д.Б. Записки. СПб., 2006.

МИБ, 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Т. 1. Ч. 1.

МИБ, 1940 – Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. – Корректурa сб. документов, подготовленная А.П.Чулошниковым в 1940 г. (рукопись).

МИБ, 1949 – Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1949. Т. 3.

МИБ, 1956 – Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. 4. Ч. 2.

МИБ, 1960 – Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1960. Т. 5.

Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии: черемисов, чувашей, вотяков // Ежемесячные сочинения. СПб., 1756. Т. 4, июль; август.

Миллер, 1750 – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750.

Миллер, 1791 – Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, ято то черемис, чуваш, вотяков, с показанием их жительствова, политического учреждения, телесных и душевных дарований и т.д. СПб., 1791.

Милюков, 1901 – Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 год). М., 1901. 314 с.

- Миранда, 2001* – Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М., 2001.
- Михалон Литвин, 1994* – Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И.Матузовой; отв. ред. А.Л.Хорошкевич. М., 1994.
- Московский телеграф, 1826* – Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1.
- Московское государство, 2007* – Московское государство XVI - начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007. 704 с.
- Мустакимов, 2008* – Документы по истории Волго-Уральского региона XVI-XIX веков из древлехранилищ Турции: Сб. документов / Сост. И.А.Мустакимов; под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2008.
- Наказ императрицы, 1907* – Наказ императрицы Екатерины II данный комиссии по сочинению проекта нового уложения. М., 1907.
- Неплюев, 1893* – Неплюев И.И. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893.
- Неплюев, 1893а* – Неплюев И.И. Записки. Новое полное изд., с прим. СПб., 1893.
- Никоновская, 1904* – Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. (ПСРЛ. Т. 13, Ч. 1).
- Новиков, 1773* – Новиков Н.И. Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей и какие по ним города и урочища, и на каком они расстоянии. СПб., 1773.
- О переходах, 1857* – О переходах государственных крестьян в городские сословия // ЖМГИ. СПб., 1857. Т. 63. № 6.
- Обзор посольских книг, 1990* – Обзор посольских книг из фондов - коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. и автор вступит. ст. Н.М.Рогожин. М., 1990. 240 с.
- Обзор, 1896* – Обзор кустарных занятий в Казанской губернии / Казанское отделение Императорского Русского технического общества. Казань, 1896.
- Образцы народной литературы, 1872* – Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи / Сост. В.В.Радлов. СПб., 1872. Ч. IV.
- Образцы народной литературы, 1896* – Образцы народной литературы северных тюркских племен / Сост. В.В.Радлов. СПб., 1896. Ч. VII.
- Олеарий, 1861* – Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1861.
- Олеарий, 1906* – Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., прим. и указ. А.М.Ловягина; с 19 рисунками на особых листах и 66 рисунками в тексте. СПб., 1906. 582 с.
- Олеарий, 1986* – Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию // Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
- Олеарий, 2003* – Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Сост. Ю.А.Пелевин. Смоленск, 2003.
- Описание Украины, 1896* – Описание Украины Боплана: 1630-1648 / Пер. К.Мельник // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2 (1 половина XVII столетия) / Под ред. В.Антоновича. Киев, 1896. С. 289-388.
- Описание Черного моря, 1902* – Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и пр., 1634 г. / Пер. Н.Н.Пименова; прим. А.Л.Бертъе-Делагарда // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 24. С. 91-134.
- Описи царского архива, 1960* – Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О.Шмидта. М., 1960. 194 с.
- Опись архива, 1977* – Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подг. к печати В.И.Гальцов. М., 1977. Ч. 1. 416 с.; Ч. 2. 103 с.
- Орешкова, 1990* – Орешкова С.Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 228-305.
- Орлов, 1908* – Орлов В.Г. Дневники. Путешествие по Волге // Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа В.Г.Орлова. Русский архив. 1908. Кн. 2.

Паллас, 1773 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1.

Паллас, 1786 – Паллас П.С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1769 году. СПб., 1786. Ч. 2.

Паллас, 1786 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1.

Памятники Сибирской истории, 1882 – Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. 1: 1700-1713 гг.

Памятники Сибирской истории, 1885 – Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб. 1885. Кн. 2: 1713-1724 гг.

Памятники Смутного времени, 2001 – Памятники смутного времени Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2001.

Памятники, 1891 – Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящихся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.

Панов, 1934 – Панов В.А. Автобиография Тимура: богатырские сказания о Чингизхане и Аксак-темире. М., 1934.

Патрик Гордон, 2001 – Патрик Гордон. Дневник. 1635-1659 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р.Рыженков. М.: Наука, 2001. 280 с.

Патрик Гордон, 2002 – Патрик Гордон. Дневник. 1659-1667 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г.Федосова; отв. ред. М.Р.Рыженков; сост. Д.Г. Федосов, М.Р. Рыженков. М.: Наука, 2002. 316 с.

Патрик Гордон, 2005 – Патрик Гордон. Дневник. 1677-1678 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г.Федосова; отв. ред. М.Р.Рыженков; сост. Д.Г.Федосов, М.Р.Рыженков. М.: Наука, 2005. 250 с.

Патрик Гордон, 2009 – Патрик Гордон. Дневник. 1684-1689 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г.Федосова; отв. ред. М.Р.Рыженков; сост. Д.Г.Федосов, М.Р.Рыженков. М.: Наука, 2009. 354 с.

Первое тюрко-татарское, 2010 – Первое тюрко-татарское печатное издание

в России: манифест Петра I 1722 года / Сост. И.Г.Хадиев; науч. ред. М.А.Усманов. Казань: ТКИ, 2010. 118 с.

Пересветов, 1956 – Сочинения И.Пересветова / Подг. текста А.А.Зиминой. М.-Л., 1956.

Петрей, 1857 – Петрей Ерлезунда П. де. История о великом княжестве Московском. М., 1857.

Петрей, 1865 – Петрей П. История о Великом княжестве Московском // ЧОИДР. М., 1865. Кн. 4.

Петрей, 1976 – Петрей П. Реляция Петра Петрея о России начала XVII века / Сост. Ю.А.Лимонов. М., 1976;

Петрей, 1997 – Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезуида в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Петров, 1950 – Петров В.А. Географические справочники XVII века // Исторический архив. М.-Л., 1950. Т. V. С. 74-165.

Писцовые книги, 1904 – Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1904. Т. 1. Вып. 3.

Писцовые материалы, 1997 – Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997.

Письма, 1873 – Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке / Сост. А.Ф.Бычков. СПб., 1873

Письма, 1878 – Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3.

Письмо Батырши, 1993 – Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / Сост., транскрибирование текста, глоссарий, введ., комм. акад. Г.Б.Хусаинова. Уфа, 1993.

ПК АУ, 2012 – Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. Публикация текста / Сост. В.Д.Кочетков, М.М.Акчурин. Н.Новгород: Изд-во «Медина», 2012. 203 с.

ПК КуКУ, 2006 – Писцовая книга города Казани и Казанского уезда 1565–1568 гг.:

Публикация текста / Сост. Д.А.Мустафина. Казань, 2006. 660 с.

ПК КУ ЗД, 2009 – Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публ. описаний Зюрейской дороги / Сост. Д.А.Мустафина. Казань, 2009. 427 с.

ПККУ, 1978 – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / Сост. Р.Н.Степанов. Казань, 1978. 240 с.

ПК КУ, 2001 – Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / Сост. И.П.Ермолаев, Д.А.Мустафина. М., 2001. 541 с.

ПЛДР, 1986 – Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

ПЛДР, 1989 – Памятники литературы Древней Руси. Кн. 2: XVII век. М., 1989.

Повседневные, 1769 – Повседневные дворцовые записки. М., 1769.

Послание Иоганна, 1922 – Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М.Г.Рогинского // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 29-59.

Посольская книга, 2004 – Посольская книга по связям России с Польшей (1575-1576 гг.). М.-Варшава: Древлехранилище, 2004.

Посольские, 2006 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.

Поссевино, 1983 – Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983.

Постников, 1985 – Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 224 с.

Постников, 1989 – Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 248 с.

Прибавление, 1767 – Прибавление к № 58 Санкт-Петербургских ведомостей. 1767. 20 июля.

Прибавление, 1829 – Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 4. С. 32.

Проезжая по Московии, 1991 – Проезжая по Московии. М., 1991.

Прошлое будущему, 1992 – Прошлое будущему. Летописи сибирские / Сост. Е.И.Дергачева-Скоп. Новосибирск, 1992. 272 с.

ПСПуР, 1910 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания российской империи: в 3 т. СПб., 1910. Т. 1.

ПСРЛ, 3 – ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись М., 1841.

ПСРЛ, 5 – ПСРЛ. Т. 5. Вып 2. Псковские летописи. М., 1955.

ПСРЛ, 6 – ПСРЛ Т. 6: Софийския летописи. СПб., 1853. 364 с.

ПСРЛ, 13 – ПСРЛ. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Изд 3-е. М., 2000.

ПСРЛ, 14 – ПСРЛ. Т. 14. I. Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. II. Новый летописец. Царствование царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руси, в ней же сперва немногие главы царствования царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. СПб., 1910. 154 с.

ПСРЛ, 15 – ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 1965. (М., 2000).

ПСРЛ, 18 – ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ, 19 – ПСРЛ. Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский Летописец). Изд. 1-е. СПб., 1903.

ПСРЛ, 20 – ПСРЛ. Т. 20: Львовская летопись. М., 2005.

ПСРЛ, 20, ч.2 – ПСРЛ. Т. 20: Львовская летопись. 2-я половина. СПб., 1914.

ПСРЛ, 21 – ПСРЛ. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. 1-я половина. СПб., 1908.

ПСРЛ, 21, ч.2 – ПСРЛ. Т.21: Книга Степенная царского родословия. 2-я половина. СПб., 1913.

ПСРЛ, 28 – ПСРЛ. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.-Л., 1963. 410 с.

ПСРЛ, 29 – ПСРЛ. Т. 29: Летописец начала царства царя и великаго князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.-Л., 1965.

ПСРЛ, 31 – ПСРЛ. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

ПСРЛ, 33 – ПСРЛ. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977.

ПСРЛ, 34 – ПСРЛ. Т. 34: Постниковский, пискаревский, московский и бельский летописцы. М., 1978.

ПСРЛ, 36 – ПСРЛ. Т.36: Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.

ПСРЛ, 37 – ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л., 1982.

ПСРЛ, 42 – ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

Пугачевщина, 1926 – Пугачевщина: В 3 т. / Подгот. к печати С.А.Голубцовым; под ред. Г.Е.Мейерсона; вступ. ст. М.Н.Покровского. М.-Л.: Госиздат, 1926. Т. 1: Из архива Пугачева (манифесты, указы, переписка).

Пугачевщина, 1929 – Пугачевщина: В 3 т. / Подгот. к печати С.А.Голубцовым; под ред. Г.Е.Мейерсона; вступ. ст. М.Н.Покровского. М.-Л.: Госиздат, 1929. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки.

Пугачевщина, 1931 – Пугачевщина: В 3 т. / Подгот. к печати С.А.Голубцовым; под ред. Г.Е.Мейерсона; вступ. ст. М.Н.Покровского. М.-Л.: Госиздат, 1931. Т. 3: Из архива Пугачева.

Путешествия, 1954 – Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки / Подг. текстов Я.С.Лурье, Р.Б.Мюллер; отв. ред. Д.С.Лихачев. М.-Л., 1954. 490 с.

Равшанов, 1990 – Равшанов П. (изд.). Темурнома. Ташкент, 1990.

Разные бумаги, 1852 – Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и киргис-кайсацких ордах, 1762 год // Временник МОИДР. М., 1852. Кн. 13.

Разряды похода, 1914 – Разряды похода Великого князя Семеона Бикбулатовича Тверского в войне с Польшей // Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. VI. С.1-14

Рейтенфельс, 1906 – Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Пер. с лат. А.Станкевич. М., 1906.

Ремезов, 1989 – Ремезов С.У. История Сибирская // ПЛДР. XVII в. М., 1989. Ч. 2.

РК 1475-1598 – Разрядная книга 1475-1598 гг. / Подг. текста, вводная статья и ред. В.И.Буганова. М., 1966.

РК 1475-1605, т.1 – Разрядная книга 1475-1605 гг. / Под ред. В.И.Буганова. М., 1978. Т. I. Ч. 3.

РК 1475-1605, т.2 – Разрядная книга 1475-1605 гг. / Под ред. В.И.Буганова. М., 1981. Т. II. Ч. 1; М., 1982. Ч. 2, 3.

РК 1475-1605, т.3 – Разрядная книга 1475-1605 гг. / Под ред. В.И.Буганова. М., 1984. Т. III. Ч. 1, 2.

РК 1475-1605, т.4 – Разрядная книга 1475-1605 гг. / Под ред. В.И.Буганова. Т. IV. Ч. 1. М., 1994.

РК 1550-1636 – Разрядная книга 1550-1636 гг. / Сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. Т. 1. М., 1975. 331 с.; Т. II. М., 1976. 242 с.

РК 1559-1605 – Разрядная книга 1559-1605 гг. / Сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. М., 1974.

РК 1598-1638 – Разрядная книга 1598-1638 гг. / Отв. ред. В.И.Буганов. М., 1974.

РК 7123 – Разрядная книга 7123 г. // Временник МОИДР. 1849. Кн. 1. С. 1-60.

РК 7125 – Разрядная книга 7125 г. // Временник МОИДР. 1849. Кн. 3. С. 1-140.

Рогожин, 1994 – Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV - начала XVII вв. М., 1994.

Российское законодательство, 1985 – Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М., 1985.

Российское законодательство, 1985a – Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985.

Российское законодательство, 1986 – Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Под общ. ред. О.И.Чистякова; отв. ред. А.Г.Маньков. М., 1986. 511 с.

Российское законодательство, 1987 – Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / Под общ. ред. О.И.Чистякова; отв. ред. Е.И.Индова. М., 1987. 528 с.

Россия, 1982 – Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982.

Рычков, 1758 – Рычков П.И. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях // Рычков П.И. Сочинения и пе-

реводы к пользе и увеселению служащие, январь-июнь 1758 г. СПб., 1758.

Рычков, 1762 – Рычков П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 2.

Рычков, 1767 – Рычков П.И. О содержании пчел // Труды ВЭО. СПб., 1767. Ч. V.

Рычков, 1767a – Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии // Труды ВЭО. СПб., 1767. Ч. VII.

Рычков, 1770 – Рычков Н.П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российского государств в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

Самарская губерния, 1863 – Самарская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863.

Самарское Поволжье, 2000 – Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. документов и материалов. Самара, 2000.

Саратов, 2003 – Саратов И.Е. Книга Большому Чертежу // Харьков, откуда имя твоё? / Ред. Н.З.Алябьев. Изд. 3-е, доп. Харьков, 2003. С. 68-83.

Сборник законов, 1899 – Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. Казань, 1899.

Сборник Хилкова, 1879 – Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Сенаи, 1998 – Сенаи, Мехмед Хаджи Кырымлы. Книга походов: История хана Ислям Гирая Третьего / Пер. с османско-тур. К.А.Усеинова. Симферополь: Крым-учпедгиз, 1998. 72 с.

Сербина, 1945 – Сербина К.Н. «Книга Большого Чертежа» и её редакции // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 129-147.

Сербина, 1947 – Сербина К.Н. Источники «Книги Большого Чертежа» // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 290-324.

СЗРИ, 1832 – Свод законов Российской империи. Изд. 1832 г.: В 15 т. СПб., 1832.

Сибирская летопись, 1880 – Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880.

Сибирские летописи, 1907 – Сибирские летописи. СПб., 1907.

Сибирские летописи, 2008 – Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.

Сибирь в известиях, 1941 – Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. / Сост. М.П.Алексеев. Изд 2-е., доп. Иркутск, 1941. 612 с.

Соборное Уложение, 1987 – Соборное Уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987.

Собрание, 1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2.

Сочинения, 1775 – Сочинения, принадлежащая к грамматике черемиского языка. СПб., 1775.

СПС 1565-1567 – Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565-1567 гг.). Казань, 1909.

Список, 1877 – Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. М., 1877.

Старотатарская письменность, 1981 – Старотатарская деловая письменность XVIII в. Составление сборника текстов, переводы, комментарии и исследования Ф.С.Фасеева. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981.

Стрейс, 1935 – Ян Янсен Стрейс. Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Мидии, Персии, Ост-Индии, Японии и различным другим странам, где приводятся помимо достоверного и обстоятельного описания упомянутых местностей, их особенностей и природы, диковинные и истинные происшествия, пережитые автором во время кораблекрушений, грабежей, тяжкой неволи у турок и персов, сильного голода, пыток и других бедствий / Пер. Э.Бородиной. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935. 415 с.

Творения Ермогена, 1912 – Творения святейшаго Ермогена, патриарха Московского и всея России, с приложением чина наставления в патриарха. Издание Церковной ко-

миссии по чествованию юбилейных событий 1612, 1613 и 1812 годов. М., 1912.

Устюжский, 1950 – Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950.

Фальк, 1824 – Фальк И.П. Записки путешественника академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI.

Флетчер, 1905 – Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1905.

Флетчер, 1906 – Флетчер Д. О государстве Русском. Изд. 3-е. СПб., 1906.

Флетчер, 2002 – Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. М.А.Оболенского. М.: Захаров, 2002.

Хаков, 1982 – Хаков В.Х. О татарских летописях и их языке. Структура и история татарского языка. Казань, 1982.

Хинкис, Зайченко, 2012 – Хинкис Г.Л., Зайченко В.Л. Великий картограф Герхард Меркатор // Геопрофи. 2012. № 4. С. 5-9.

Христианское чтение, 1876 – Наказ и пункты депутату от Св. Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении проекта нового уложения // Христианское чтение. 1876. Сентябрь-октябрь.

Чертежи Земли, 1993 – Чертежи Земли Русской XVI-XVII вв.: Каталог-справочник. М.: Русский мир, 1993. 380 с.

Штаден, 1925 – Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника / Пер. и вступ. ст. И.И.Полосина. М., 1925. 182 с.

Штаден, 2008 – Штаден Г. Записки о Москве: В 2 т. / Отв. ред. А.Л.Хорошкевич. М.: Древлехранилище, 2008. 587 с.

Эвлия Челеби, 1961 – Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии // Серия «Памятники литературы народов Востока. Переводы». Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М.: ИВЛ, 1961.

Эвлия Челеби, 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии // Серия «Памятники литературы народов Востока. Переводы». Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А.Д.Желтяков;

предисл. А.П.Григорьева; примеч. и коммент. А.П.Григорьева и А.Д.Желтякова. М.: Наука, 1979.

Эвлия Челеби, 1983 – Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии. Серия «Памятники литературы народов Востока. Переводы». Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / Сост. и отв. ред. А.Д.Желтяков; примеч. и коммент. А.Желтякова, М.Залумяна и Г.Путуридзе. М.: Наука, 1983. 376 с.

Эвлия Челеби, 1996 – Эвлия Челеби. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). Симферополь: Таврия, 1996.

Эвлия Челеби, 1999 – Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Пер. с турецк. и коммент. Е.В.Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.

Эвлия Челеби, 2008 – Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступит. ст., пер. с османск., коммент. Е.В.Бахревского. Изд. 2-е. Симферополь: Доля, 2008.

Якоб Ульфельдт, 2002 – Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию / Сост. А.Л.Хорошкевич. М.: Языки славянской культуры, 2002. 616 с.

* * *

Аксауыт, 1977 – Аксауыт. Батырлар жыры: Екі томдық. Алматы, 1977.

Башкорт халык ижады, 2002 – Башкорт халык ижады. Т. VI: Эпос: киссалар һәм дастандар / Төз. Н.Зарипов, Ә.Сөләйманов, Г.Хөсәенов, З.Шәрипова. Өфө, 2002. 380 б.

Башкорт халык ижады, 2004 – Башкорт халык ижады. Т. VII: Язма кисса һәм дастандар / Төз. Ә.Сөләйманов, Г.Хөсәенов, М.Нәзәрголов. Өфө, 2004.

Кадыйр Гали бәк, 2011 – Кадыйр Гали бәк. Жамигыт-тәвәрих // Миранстан биш сәхифә: XVII-XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан, 2011.

- Кайбер атаклы, 1992* – Кайбер атаклы мэдрэсэлэр һәм мэктәпләр [Список] // Мэдрэсэләрдә китап киштәсе. Казан, 1992.
- Кырыми, 1924* – Ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдат ат-таварих. Стамбул, 1343/1924-25.
- Кырымтатар, 1991* – Кырымтатар агъыз яратыджылыгы. Ташкент, 1991.
- Кятиб Челеби, 1732* – Кятиб Челеби. Джихан-нума. Стамбул, 1145/1732.
- Қадырғали Жалаир, 1997* – Қадырғали Жалаир. Шәжірелер жинағы. Шағатай-казак тилинен аударып, алғы сөзін жазғандар Н.Мингулов, Б.Көмеков, С.Өтениязов. Жалпы редакциясын караған М.Мағауин. Алматы, 1997.
- Маглюмат, 1909* – Маглюмат махкамаи шарғияи. 1909. № 30.
- Мәжмугыл-хикаят, 1994* – Мәжмугыл-хикаят / Басмага әзерләүче Н.Исмәғйилев. Казан, 1994.
- Мәулә Колый, 2008* – Мәулә Колый. Поэмы / Төз. Р.Ф.Марданов, ред. И.Г.җадиев. Казан, 2008.
- Мирастан биш сәхифә, 2011* – Мирастан биш сәхифә: XVII-XIX гасырлар әдәби-тарихи ядқярләре / Транскр. эшләүче, хәзерге татар әд. теленә күчәрүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С.Гыйләжетдинов. Казан, 2011.
- Мөслими, 1999* – Мөслими. Тәварихе Болгария (Болгар тарихы) / Басмага әзерләүче, сүзлек һәм аңлатмаларның авторы С.Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 1999.
- Мөхәмәтов, 2007* – Мөхәмәтов И.Р. Татар-төрөк әдәби бағланьшлары яссылыгында «Мөхәмәдия» китабы. Казан, 2007.
- Ногайдынъ кырк баьтири, 1991* – Ногайдынъ кырк баьтири: Ногай халк дестанлары / Дестанларды йыйган, баспага аьзирлеген, йыйынтыкты тьузген, кирис соьзин эм соьзлигин язган А.Сикалиев. Махачкала, 1991. 158 с.
- Ногман, 1969* – Ногман М. XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан, 1969.
- Рамзи Мухаммад Мурад, 1908* – Рамзи Мухаммад Мурад. Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. Оренбург, 1908. Т. 2.
- Рәхим, Газиз, 1924* – Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Беренче жылд. Борынғы дәвер. Икенче бүлек. Казан, 1924.
- Татар әдәбияты, 1963* – Борынғы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963.
- Татар әдәбияты, 1984* – Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Т. 1. 568 б.
- Татар әдәбияты, 1996* – Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. Казан, 1996. Т. 1: Урта гасырлар дәвере.
- Татар әдәбияты, 2006* – XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия / Төзүчесе Марсель Әхмәтжанов. Казан: Дом печати, 2006. 363 б.
- Татар әдәбияты, 2012* – XVIII йөз татар әдәбияты. Проза. Казан, 2012. 444 б.
- Татар поэзиясе, 1992* – Татар поэзиясе антологиясе. 1 китап. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 544 б.
- Татар халык иҗаты, 1983* – Татар халык иҗаты. Бәетләр / Төз. Ф.В.Әхмәтова. Казан: Тат. кит. нәшр., 1983.
- Татар халык иҗаты, 1984* – Татар халык иҗаты. Дастаннар / Төз. Ф.В.Әхмәтова. Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. 384 б.
- Татар халык иҗаты, 1987* – Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар / Төз. С.М.Гыйләжетдинов. Казан, 1987. 150 б.
- Татар эпосы, 2004* – Татар эпосы. Дастаннар / Төз. Ф.В.Ахметова-Урманче. Казан, 2004. 634 б.
- Тукаев, 1899* – Тукаев М.-Ш. Тарих-и Эстәрлебаш. Казан, 1899.
- Утыз Имәни, 1986* – Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгари. Шигырьләр, поэмалар / Төз. Әнвәр Шәрипов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986.
- Чура батыр, 1993* – Чура батыр. Татар халык дастаны / Ф.Латыйфи эшкәртүендә. Казан, 1993. 64 б.
- Чыңгыз-намә, 2000* – Дәфтәре Чыңгыз-намә / Басмага әзерләүче С.Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 2000. 44 б.
- Ялчыгол, 2001* – Тажеддин Ялчыгол. Рисаләи Газизә / Әсәрне басмага әзерләүче, тиешле аңлатмалар бирүче, кереш мәкалә авторы Х.Миңнегулов. Казан, 2001. 480 б.

Early Voyages, 1886 – Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen // Works Issued by the Hakluyt Society. London, 1886.

Fletcher, 1591 – Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. Or Manner of Governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Moscovia), with the manners and fashions of the people of that Countrey. London, 1591.

Georgi, 1776-1780 – Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. St. Petersburg, 1776-1780.

Hakluyt, 1599 – Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation... 3 vols. London, 1599-1600.

Hakluyt, 1903 – Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traf-fiques and discoveries of the English nation. Glasgow, 1903-1905. Vol. 1-12.

Hezarfen, 1998 – Hezarfen, Hüseyin Efendi. Telhisü'l-beyan fi kavanin-i Al-i Osman / Haz. S. İlgürel. Ankara, 1998.

Istanbul Kutuphaneleri, 1944 – Istanbul Kutuphaneleri Tarih-Cografya Yazmalan Kataloglan. I. Turkce Tarih Yazmalari. 2. Fasikul (Turk Tarihine Ait Eserler). Istanbul, 1944.

Jorga, 1910 – Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1910. Bd. 3.

Kohlin, 1964 – Kohlin H. Some Remarks on Maps of the Crimea and the Sea of Azov // Imago mundi. 1964. Vol. 15.

Kohlin, 1960 – Kohlin H. Карта Крыма Я.Сандрагра 1687 года, заимствованная им у французского инженера В.Боплана // Imago mundi. 1960. № 15. P. 88-94.

Purchas, 1625 – Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes. London, 1625. Vol. III.

Seydi Ali Reis, 1999 – Seydi Ali Reis. Mir'atü'l-Memalik. İnceleme-Metin-İndeks / Dr. Mehmet Kiremit. Ankara, 1999.

Silâhdâr, 1928 – Silâhdâr Fındıklılı Mehmed Ağa. Silâhdâr Tarihi. İstanbul, 1928. Cild I-II.

Tarich-i Sahib, 1973 – Tarich-i Sahib, Giray Han (Nesr. Ö. Gökbilgin) Ankara, 1973.

Turan, 1984 – Turan O. İstanbul'un Fethinden Once Yazilmij Tarihi Takvimler: 2. Baski. Ankara, 1984.

Литература на русском языке

400 лет вместе, 1958 – 400 лет вместе с русским народом. Ижевск, 1958.

425-летие добровольного, 1977 – 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977.

Tartarica, 2006 – Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. М., 2006.

Абдуллаев, 2009 – Абдуллаев И. Мечети Крыма // Мирас. 2009. 2 октября.

Абзалов, 2011 – Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Изд-во «Яз», 2011. 252 с.

Абрамов, 1854 – Абрамов Н. Материалы для истории христианского просвещения в Сибири, со времени покорения ее в 1581 году до начала XIX столетия // ЖМНП. 1854. Ч. 81.

Адмиралтейство, 1994 – Адмиралтейство // Отечественная история: энциклопедия. М., 1994. Т. 1.

Адыгамов, 2005 – Адыгамов Р.К. Габдрахим Утыз-Имяни. Казань: ФЭн, 2005.

Азаматов, 1996 – Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVII–XIX вв. Уфа, 1996

Азаматов, 1999 – Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

Азаматов, 1999a – Азаматов Д.Д. Заседатели Оренбургского магометанского духовного собрания в XIX веке // Мир Ислама. Казань, 1999. № 1. С. 123-134.

Азаматов, 2000 – Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности: Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX– начале XX вв. Уфа, 2000.

Азбелев, 1960 – Азбелев С.Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.-Л., 1960. Т. 16.

- Азиатская Россия, 2004* – Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике: XVI–XX века. М., 2004.
- Азовцев, 2003* – Азовцев А.В. Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина: 2002. Рязань, 2003. № 1.
- Айдарова, 1993* – Айдарова Г.Н. Тип архитектурной культуры Татарстана (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань, 1993.
- Айплатов, 1966* – Айплатов Г.Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
- Айплатов, 1967* – Айплатов Г.Н. Расселение марийцев во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Айплатов, 1967a* – Айплатов Г.Н. На веки с тобой, Россия. (О присоединении Марийского края к Русскому государству). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. 131 с.
- Айплатов, 1967b* – Айплатов Г.Н. Расселение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Айплатов, 1974* – Айплатов Г.Н. Ясачное землевладение в Среднем Поволжье в XVII веке // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VIII. М., 1974.
- Айплатов, 1996* – Айплатов Г.Н. «Марийское посольство» 1546 года в Москву: (К 450-летию) // Марий Эл: время, события, люди. Календарь знаменательных и памятных дат на 1996 год. Йошкар-Ола, 1996.
- Акманов, 1968* – Акманов И.Г. Башкирское восстание 1704-1711 гг. // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968.
- Акманов, 1977* – Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг. Уфа: Изд-во БГУ, 1977.
- Акманов, 1978* – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII вв. Уфа, 1978.
- Акманов, 1987* – Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987.
- Акманов, 1991* – Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.
- Акманов, 1993* – Акманов И.Г. Башкирские восстания. Уфа, 1993.
- Акманов, 1995* – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 1995.
- Акманов, 1995a* – Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов. Уфа, 1995.
- Аксаков, 1958* – Аксаков С.Т. Семейная хроника. М., 1958.
- Аксенов, 2011* – Аксенов А.И. Особенности имперской власти и центрального управления в XVIII в. // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 417-450.
- Акчурин, 2011* – Акчурин М.М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: ИИ АН РТ, 2011. Вып. V.
- Акчурин, 2012* – Акчурин М.М. Буртасы в документах XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: ИИ АН РТ, 2012. Вып. VI.
- Акчурин, Абдурахманов, 2011* – Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Гляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. II.
- Акчурин, Ишеев, 2008* – Татарские князья и их княжества: сб. статей и материалов / под ред. М.Ишеева. Н.Новгород: Медина, 2008.
- Акчурин, Ишеев, 2010* – Акчурин М., Ишеев М. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII в. // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: ИИ АН РТ, 2010. Вып. IV.
- Акчурин, Ишеев, 2013* – Акчурин М., Ишеев М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане. Казань: ИИ АН РТ, 2013. Вып. VII.
- Алеева, 1990* – Алеева А.Х. Исследование языка путевых записок XVIII века «Исмагил ага сәяхәтнәмәсе». Казань, 1990.

Алеева, 1993 – Алеева А.Х. Путешествие Исмаил-ага в Индию. Казань, 1993.

Алеева, 2006 – Художественные и стилистические особенности татарских саяхатнамэ XVIII века // Восток в исторических судьбах народов России. Уфа, 2006. Кн. 2.

Алейнер, Ларионова, 1962 – Алейнер А.З., Ларионова А.Н., Чуркин В.Г. Герард Меркатор (серия Замечательные географы и путешественники). М.: Географгиз, 1962. 80 с.

Александров, 1885 – Александров Е.А. Башкиры (этнографический очерк) // Оренбургский листок. 1885. № 51.

Алекторов, 1900 – Алекторов А.Е. Очерк народного образования в Тургайской области. [Б.м.], 1900.

Алекторов, 1905 – Алекторов А. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // ЖМНП. 1905. Декабрь.

Ализаде, 1963 – Ализаде Г.М. Народное зодчество Азербайджана и его прогрессивные традиции. Баку, 1963.

Алишев, 1971 – Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное // Тез. док. итоговой науч. сессии ИЯЛИ им. Г.И. Ибрагимова за 1970 г. Казань, 1971.

Алишев, 1973 – Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

Алишев, 1975 – Алишев С.Х. Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем. Казань, 1975.

Алишев, 1984 – Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI-XVIII веков // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984.

Алишев, 1990 – Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990.

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Алишев, 1999 – Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу (социальная и национально-освободительная борьба татарского народа. II половина XVI-XIX вв.). Казань, 1999.

ал-Куси, 1983 – ал-Куси А.А. Мусульманские коранические школы // Курьер ЮНЕСКО. 1983. № 9.

Алметева, 2006 – Алметева И.В. История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX веков. Йошкар-Ола, 2006.

Аль, 2002 – Аль Д. Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный: У истоков извечной дискуссии – как обустроить Россию. СПб., 2002.

Альперович, 2001 – Альперович М.С. Испаноамериканский креол при дворе самодержицы всероссийской // Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М., 2001.

Амерханова, 1998 – Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.

Амерханова, 2010 – Амерханова Э.И. Служилые новокрещены Казани в XVII в. // Словия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В.Черепнина. М., 2010.

Аминова, 1998 – Аминова Г. Территория Казанского ханства на русских и европейских картах XV-XVII веков // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1998. № 3/4.

Амирханов, 1883 – Амирханов Х. Таварих-и Булгарийа. Казань, 1883.

Амирханов, 1992 – Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период: Сб. статей. Казань, 1992.

Амирханов, 1995 – Амирханов Р.У. Образование татарской нации // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Ананьич, Дальманн, 2010 – Ананьич Б.В., Дальманн Д., Петров Ю.А. Религиозно-национальный фактор и специфика российского предпринимательства, XIX – начало XX века // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. М., 2010.

Ананьич, Правилова, 2004 – Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700-1914 //

Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А.И.Миллера. М., 2004. С. 230-260.

Андреева, 2006 – Андреева Н.Б. Губернский и уездные города Казанской губернии в 1781–1860 гг.: проблемы политической и социально-экономической истории города в полиэтничном регионе: АКД. Чебоксары, 2006.

Андреевский, 1864 – Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. 150 с.

Андреевич, 1889 – Андреевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 2.

Андроников, 1911 – Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911.

Андрущенко, 1969 – Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.

Анисимов, 1986 – Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.

Анисимов, 1997 – Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

Анисимов, 1999 – Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Анпилогов, 1967 – Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI-начала XVII века. М., 1967. 541 с.

Анпилогов, 1977 – Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.). М., 1977.

Анпилогов, 1982 – Анпилогов Г.Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца 16 в. М., 1982.

Анхимюк, 2003 – Анхимюк Ю.В. Разрядная книга 1598-1602 годов // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 361-413.

Анхимюк, 2008 – Анхимюк Ю.В. Росписи Казанского зимнего похода в разрядной книге ОРГНБ, Q. IV.53. // Государство и общество в России XV-XX вв. Сб. ст. памяти Н.Е.Носова. СПб.: Наука, 2008.

Аполлова, 1960 – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией во второй половине XVIII в. – нач. XX в. М., 1960.

Арапов, 1999 – Арапов Д.Ю. Первый российский указ о паломничестве в Мекку // Россия в средние века и новое время: сб. ст. 70-летию чл.-корр. РАН Л.В.Милова. М., 1999.

Арапов, 2004 – Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004.

Арсланова, 2005 – Арсланова А.А. Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. М.-Казань, 2005. Вып. I.

Артамонова, 1981 – Артамонова Л.М. Наказы государственных крестьян Среднего Поволжья как источник по истории взаимоотношений разных национальностей // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981.

Арчиков, Иванова, 2001 – Арчиков Е.И., Иванова М.П. Изучение беглых ландшафтов по топонимам, географическим и историческим документам // Известия НАНИ. Чебоксары, 2001.

Асфандияров, 1991 – Асфандияров А.З. Религиозная политика царизма в Башкирии в период феодализма // Башкирский край: Сб. статей. Уфа, 1991. Вып. 1.

Атласи, 1993 – Атласи Н. Себер тарихы. Соенбикэ. Казан ханлыгы. Казан, 1993.

Атласи, 2005 – Атласи Х. История Сибири. Казань, 2005.

Ахмеров, 1897 – Ахмеров Ш. Казанское мусульманство // Городской и сельский учитель. Казань, 1897. Вып. 2.

Ахметзянов, 1978 – Ахметзянов М.И. Общинные шеджере. Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Ахметзянов, 1981 – Ахметзянов М.И. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах (по источникам XIX-XX вв.): АКД филол. наук. Казань, 1981.

Ахметзянов, 1991 – Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бас-

сейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1991.

Ахметзянов, 1991a – Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (Исследования татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX-XX вв.). Казань, 1991.

Ахметзянов, 1994 – Ахметзянов М.И. Ногайская Орда и ее роль в этнической истории татар // Идель. 1994. № 3-4.

Ахметзянов, 1996 – Ахметзянов М.И. Татарские родословные. Казань, 1996.

Ахметзянов, 2004 – Ахметзянов М. Родословная мурзы Сююндюка // Мирас. 2004. № 9.

Ахметзянов, 2013 – Ахметзянов М. Татарские рукописные книги // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Ахметзянов, Акчурин, 2013 – Ахметзянов М.И., Акчурин М.М. Документ о пятисотлетней традиции земледельческого хозяйства татар // Научный Татарстан. 2013. № 2.

Ахметзянов, Шарифуллина, 2010 – Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань, 2010.

Ахметшин, Насеров, 2005 – Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А. Татары на службе Отечеству. Страницы истории Военно-морского флота России. СПб.: Славия, 2005. 160 с.

Ахметьянов, 1995 – Ахметьянов Р.Г. К значению слов чуваш/чуваш в документах XVI-XVII вв. // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1995. Вып. 2.

Бабаджанов, 1998 – Бабаджанов Б.М. Махдуми А'зам // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М.Прозоров. М., 1998. Вып. 1.

Баженов, 1847 – Баженов Н. Казанская история. Казань, 1847.

Базилевич, 1952 – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства II половины XV в. М., 1952.

Базилевич, 2001 – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.

Байкова, 1964 – Байкова Н.Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI – вторая половина XVIII в.). Ташкент, 1964.

Бакиева, 2000 – Бакиева Г.Т. К вопросу о политике государства в отношении землепользования сибирских татар и русских (XVII – начало XX вв.) // Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: Русские старожилы». Тобольск-Омск, 2000.

Балюк, 1997 – Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. Тобольск, 1997.

Балюк, 2002 – Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.). Тюмень, 2002.

Барандеев, 1987 – Барандеев А.В. Гидрографические термины тюркского происхождения в «Книге Большому Чертежу» // Советская тюркология. Баку, 1987. № 5. С. 76-85.

Барокко, 1982 – Барокко в славянских культурах. М., 1982.

Бартольд, 1922 – Бартольд В.В. Мусульманский мир. Пг., 1922.

Бартольд, 1925 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

Бартольд, 1977 – Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1977. Т. 9: Работы по истории востоковедения.

Батмаев, 1993 – Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.

Батунский, 2003 – Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 1.

Бахрушин, 1937 – Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1937.

Бахрушин, 1942 – Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942.

Бахрушин, 1949 – Бахрушин С.В. Взятие Казани // За родную землю. М., 1949.

Бахрушин, 1955 – Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири XVI-XVII вв. М., 1955.

Бахрушин, 1959 – Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV: Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. М., 1959.

- Бахтин, 2001* – Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5.
- Бахтин, 2003* – Бахтин А.Г. Крымская посольская книга о подготовке «Второй Черемисской войны 1571–1574 гг.» // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2003.
- Бахтин, 2012* – Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках. Йошкар-Ола, 2012.
- Башкирские шеджере, 1960* – Башкирские шеджере / Сост., перевод текстов, введение и комм. Р.Г.Кузеева. Уфа, 1960.
- Башкирские шеджере, 1984* – Башкирские шеджере. Уфа, 1984.
- Башкортостан, 1996* – Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.
- Безобразов, 1893* – Безобразов П.В. Неурожаи прошлого века // Наблюдатель. 1893. Июль.
- Белецкая, 1961* – Белецкая Е.А., Крашенинникова Н.А., Чернозубова А., Эрн И. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. / Под ред. В.Н.Иванова. М.: Госстройиздат, 1961.
- Белокуров, 1906* – Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.
- Белявский, 1965* – Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И.Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.
- Белявский, 1975* – Белявский М.Т. Наказ исетских крестьян в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 121–124.
- Белявский, 1982* – Белявский М.Т. Наказы оренбургских однодворцев 1767 г. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 6. С. 76–79.
- Беляев, 1846* – Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
- Беляков, 2003* – Беляков А.В. К вопросу о вероисповедании служащих Посольского приказа второй половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003.
- Беляков, 2004* – Беляков А.В. Новые документы к биографии астраханского царевича Арслан-Али ибн Кайбулы // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
- Беляков, 2006* – Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина: 2005–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380.
- Беляков, 2006а* – Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина: 2005–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 381–405.
- Беляков, 2009* – Беляков А.В. Служилые татары Мещерского края XV – XVII вв. // Единорогъ. М., 2009. Вып. 1.
- Беляков, 2010* – Беляков А.В. Касимовский царевича Яков (Иаков). Мифологизация образа // Пятое Яхонтовские чтения. Рязань, 2010.
- Беляков, 2011* – Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- Беляков, 2011а* – Беляков А.В. Симеон Бекбулатович // Единорогъ. М., 2011. Вып. 2.
- Беляков, 2012* – Беляков А.В. Царевич князь Федор Меликдаирович Долголядский // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 2012. № 2(1).
- Беляков, 2013* – Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5.
- Беляков, 2013а* – Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II.
- Беляков, 2013б* – Беляков А.В. Правила пожалования поместными окладами и годовым денежным жалованием Чингисидов в России XVI–XVII вв. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3.
- Беляков, 2001* – Беляков А.В. Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа XVII в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2001. Т. 2.

- Беннигсен, Бериндей, 2009* – Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.
- Березин, 1854* – Березин И. Библиотека восточных историков. «Сборник летописей». Казань, 1854. Т. 2. Ч. 1.
- Берхин, 1885* – Берхин И. Сожжение людей в России // Русская старина. 1885. Т. 45.
- Бескровный, 1958* – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
- Бестужев-Рюмин, 1882* – Бестужев-Рюмин К. Василий Никитич Татищев, администратор и историк начала XVIII века. СПб., 1882.
- Бикбулатов, 1930* – Бикбулатов С. Башкирские восстания и татары в XVII–XVIII вв. // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9-10.
- Биобиблиографический словарь, 1974* – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. М., 1974.
- Блосфельд, 1901* – Блосфельд Г. Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901.
- Бобровников, 1913* – Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. СПб., 1913.
- Бобровников, 2003* – Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С.Н.Абашин, В.О.Бобровников. М., 2003.
- Бойко, 1986* – Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII–XIX вв. Томск, 1986. 303 с.
- Бойко, 1996* – Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Изд-во «Водолей», 1996. 320 с.
- Болотов, 1952* – Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству и ботанике. М., 1952.
- Большаков, 1971* – Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу-Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971.
- Большая ложь, 2010* – Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань, 2010.
- Борисов, 1900* – Борисов В. Некоторые данные для истории городов Казанского края в XVII веке. Казань, 1900.
- Бретаницкий, 1948* – Бретаницкий Л. и др. Нуха (Азербайджан). Историко-архитектурный очерк. М., 1948.
- Брокгауз, Ефрон, 1896* – Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1896.
- Буганов, 1976* – Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII - XVIII вв. М., 1976.
- Буганов, 1977* – Буганов В.И. Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России // Народы в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Уфа, 1977.
- Буганов, 1989* – Буганов В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989.
- Булавинское, 1935* – Булавинское восстание. М., 1935.
- Бурганова, 1985* – Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Заказанья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985.
- Бурдей, 1956* – Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40-50-х годах XVI века // Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского. Харьков, 1956. Т. XLVII. Вып. исторический.
- Бурмистрова, 1993* – Бурмистрова Л. «Не было никакой возможности сравнить Бонапарта с татаринном» // Татарстан. 1993. № 9.
- Бурханов, Измайлов, 1999* – Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Закамья) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Бустанов, 2009* – Бустанов А.К. Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2009. Вып. 1. С. 34-48.

- Бусыгин, 1966* – Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX - начало XX вв.). Казань, 1966.
- Бусыгин, 2013* – Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX - начало XX в.). Казань, 2013. 592 с.
- Бухарцы, 2010* – Бухарцы сибирские // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 1.
- Буцинский, 1889* – Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
- Буцинский, 1999* – Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Сочинения в 2-х томах. Тюмень, 1999. Т. 1.
- Бушев, 1976* – Бушев П.П. История посольств дипломатических сношений русского и иранского государств в 1586 – 1612 гг. М., 1976.
- Валеев, 1969* – Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969.
- Валеев, 1975* – Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
- Валеев, 1980* – Валеев, Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Казань, 1980.
- Валеев, 1984* – Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань, 1984.
- Валеев, 1993* – Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993.
- Валеев, 1994* – Валеев Ф.Т. Тарские предприниматели Айтыкины // Таре 400 лет: Материалы науч.-практ. конф. Омск, 1994. Ч. 1.
- Валеев, 1998* – Валеев Р.М. Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.
- Валеев, 2013* – Валеев Р.М. Востоковедение в Казанском университете и изучение историко-культурного наследия азиатских народов // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.
- Валеева-Сулейманова, 1990* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Ювелирное искусство // Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М., 1990.
- Валеева-Сулейманова, 2001* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Национальная традиция в декоративном искусстве // Татары. М., 2001.
- Валеева-Сулейманова, 2008* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Мусульманское искусство в Волго-Уральском регионе. Казань, 2008.
- Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990* – Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М., 1990.
- Валидов, 1923* – Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (До революции 1917 г.). М.-Пг., 1923.
- Валиуллин, 2004* – Валиуллин И.Р. Общественно-политическая жизнь татарского общества во второй половине XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Валиуллин, 2007* – Валиуллин И.Р. «Находятся у нас в слободе худые люди» (Татарская община г. Казани во второй половине XVIII в.) // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 2007. № 1. С. 211-216.
- Валиханов, 1904* – Валиханов Ч. Сочинения. СПб., 1904.
- Валиханов, 1985* – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3.
- Васильев, 1958* – Васильев С.М. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения в конце XVII – начале XVIII вв. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.
- Васильев, 1960* – Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордва // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1960. Т. 13.
- Васильев, 1974* – Васильев С.М. Роль Батырши в восстании 1755 года в Башкирии // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.
- Васильев, 2000* – Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 года. Уфа, 2000. Ч. 2.
- Васильев, 2001* – Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Оренбургской губернии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: АКД. Оренбург, 2001
- Вельяминов-Зернов, 1863* – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Т. 1.

Вельяминов-Зернов, 1864 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. II.

Вельяминов-Зернов, 1864a – Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864.

Вельяминов-Зернов, 1866 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Т. III.

Вельяминов-Зернов, 1887 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1887. Т. IV.

Верещагин, 1906 – Верещагин А.С. Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки. Вятка, 1906.

Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославию, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

Верховской, 1916 – Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Ростов-на-Дону, 1916. Т. 1.

Веселовский, 1879 – Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды Третьего международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. СПб., 1879-1880. Т. 1.

Веселовский, 1975 – Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975.

Викторин, 1983 – Викторин В.М. К этнической истории карагашей // Поволжский край. Вопросы социально-экономического развития и общественного движения в крае. Саратов, 1983. Вып. 8.

Викторин, 1991 – Викторин В.М. Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству) // Материалы IV краевед. конф. Астрахань, 1991. Ч. 1.

Вильсон, 1869 – Вильсон И.И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869.

Виноградов, 2007 – Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. Кн. I-II.

Витевский, 1889 – Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1752 г. Казань, 1889.

Витевский, 1891 – Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1891. Вып. 3.

Витевский, 1897 – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897.

Вишленкова, 2008 – Вишленкова Е.А. Культурное пограничье Казанского университета // Образование и просвещение в губернской Казани: Сб. статей / Отв. ред. И.К.Загидуллин, Е.А.Вишленкова. Казань, 2008. Вып. 1.

Вишленкова, 2011 – Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

Владимиров, 1867 – Владимиров В.В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии: XVIII столетие. Казань, 1867. Ч. 1.

Владимирский-Буданов, 1873 – Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств // ЖМНП. 1873. Октябрь.

Владимирский-Буданов, 1905 – Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905.

Водарский, 1973 – Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973.

Водарский, 2011 – Водарский Я.Е. Расширение территории России в XVI-XVII вв. // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 50-67.

Водарский, Кабузан, 2011 – Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV-XVIII вв. // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 328-359.

Воздвиженский, 1820 – Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии. М., 1820.

Волго-Уральский регион, 2011 – Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. М., 2011.

Волков, 1993 – Волков В.И. Край родимый, Аксубай. Казань, 1993.

Воробьев, 1929 – Воробьев Н.И. Кряшены и татары: Некоторые данные по сравнительной характеристике быта. Казань, 1929.

Воробьев, 1953 – Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.

Воронина, 1951 – Воронина В.Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.

Воронина, 1972 – Воронина В.Л. Народное жилище арабских стран. М., 1972.

Воронина, 1972a – Воронина В.Л. Архитектура арабских стран. М., 1972.

Воронина, 1982 – Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Воропанов, 2008 – Воропанов В.А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008.

Воскресенский, 1945 – Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т.1: Акты о высших государственных установлениях / Под ред. Б.И.Сыромятникова. М.-Л., 1945.

Габдуллин, 2006 – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.

Гаджиева, 1976 – Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М., 1976.

Газиз, 1994 – Газиз Г. История татар. М., 1994.

Гайнуллин, 1955 – Гайнуллин М.Х. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955.

Гайнуллин, 1975 – Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975.

Гайнутдинов, 1985 – Гайнутдинов М.В. «Гарызнаме» Багырши – памятник татарского языка XVIII в. // Исследования по

исторической диалектологии татарского языка. Материалы и исследования. Казань, 1985. Ч. 3.

Гайнутдинов, 2000 – Гайнутдинов М. Мурад мулла // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. Казань, 2000.

Гайнетдинов, 2001 – Гайнетдинов И.И. Экономическое развитие татарских слобод во второй половине XVIII века // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему: Материалы научно-практической конференции. Казань, 28 февраля-1 марта 2000 / Отв. ред. Н.Р. Галеев. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. С. 139-143.

Галиев, Султангалиева, 2013 – Галиев В., Султангалиева Г. Вклад татарских служащих в изучение истории и культуры Казахстана и Средней Азии // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Галлямов, 1995 – Галлямов Р.Ф. Этносоциальная история Предкамья во второй половине XVII-начале XVIII вв. (По писцовым и переписным книгам): АКД. Казань, 1995.

Галлямов, 2001 – Галлямов Р.Ф. После падения Казани. Казань, 2001.

Галляутдинов, 1990 – Галляутдинов И.Г. «Тарих Нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1990.

Гарипов, 2003 – Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв.: опыт Духовного управления мусульман: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. 175 с.

Гаспринский, 1881 – Гаспринский И. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881.

Гвоздикова, 1982 – Гвоздикова И.М. Салават Юлаев: Исследование документальных источников. Уфа, 1982.

Гвоздикова, 2000 – Гвоздикова И.М. Национально-религиозное равноправие в политике предводителей Крестьянской войны. Уфа, 2000.

Геллнер, 1991 – Геллнер Э. Нация и национализм / Пер. с англ.; ред. и послесл. И.И.Купника. М., 1991.

Гераклитов, 1923 – Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов, 1923.

Гераклитов, 1926 – Гераклитов А.А. Саратовская мордва. (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Известия Краевед ин-та изучения Южно-Волж. обл. при Сарат. гос. ун-те. Саратов, 1926.

Гераклитов, 1931 – Гераклитов А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М., 1931.

Гераклитов, 2013 – Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII веков. Н.Новгород, 2013.

Герман, 1808 – Герман И.Ф. Историческое описание горных заводов Екатеринбургского округа. Екатеринбург, 1808.

Гернет, 1960 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. 1762-1825. М., 1960. Т. 1.

Гибадуллин, 2005 – Гибадуллин Р.М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Либеральные и тоталитарные образы истории. Казань-Набережные Челны, 2005.

Гилязов, 1982 – Гилязов И.А. Татарское крестьянство Среднего Поволжья во 2-й половине XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Гилязов, 1982a – Гилязов И.А. По следам экспедиций: Материалы академических экспедиций XVIII в. как исторический источник по истории татарского крестьянства // Казан утлары. 1982. № 8. С.174-179.

Гилязов, 1986 – Гилязов И.А. Развитие торговли у татарского населения Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986.

Гилязов, 1995 – Гилязов И. Политика царизма по отношению к татарам Среднего Поволжья во 2-ой пол. XVI-XVIII вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Гилязов, 1997 – Гилязов И.А. Эволюция социальной структуры татарского общества и ислам (вторая пол.XVI-XVIII вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997.

Гилязов, 2005 – Гилязов И.А. «Вот вам место» // Родина. 2005. № 8. С. 82-84.

Гимади, 1948 – Гимади Х.Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Вып.1. Казань, 1948.

Гимади, 1955 – Гимади Х.Г. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1955. Вып. 1.

Гинзбург, 1933 – Гинзбург И.Я. Татарское искусство в Крыму. Гражданское зодчество. // Среди Коллекционеров. Ежемесячник собирательства. Симферополь, 1933. № 3.

Глухов, 1993 – Глухов М.С. Судьба гвардейцев Сююмбеки: Неформальный подход к еще неписанным страницам истории. Казань, 1993.

Голиков, 1837 – Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е. М., 1837. Т. 2.

Голикова, 1982 – Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М., 1982.

Головнев, 1995 – Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Голодников, 1882 – Голодников И. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882.

Гордлевский, 1927 – Гордлевский В.А. Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд) // Труды Общества Исследователей Рязанского края. Рязань, 1927.

Горные заводы, 1898 – Горные заводы, рудники и месторождения полезных ископаемых в Уфимской губернии. Уфа, 1898.

Горохов, 1941 – Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар. Казань, 1941.

Готье, 1994 – Готье Ю.В. История областного управления России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М.-Л., 1994.

Градовский, 1899 – Градовский А.Д. История местного управления в России // Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 2.

Григорьев, 1862 – Григорьев В.В. Письма из зауральской степи. М. 1862.

- Григорьев, 1948* – Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1.
- Григорьев, 1968* – Григорьев А.П., Фролова О.Б. О достоверности культурно-исторических деталей в «Книге путешествия» Эвлии Челеби // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 1968. Вып. 2: История, язык, литература.
- Григорьев, 1974* – Григорьев А.П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XIII-XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. III.
- Гришин, 1995* – Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Научно-популярные очерки. Казань, 1995.
- Гришин, 2000* – Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Исторические очерки. Казань, 2000.
- Гришин, 2005* – Гришин Я.Я. Татарский след в истории Литвы и Польши (XIV-XIX вв.). Казань, 2005.
- Гришин, 2009* – Гришин Я.Я. Из истории татар Литвы и Польши (XIV в. - 30-е годы XX века). Казань, 2009.
- Гришкина, 1977* – Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977.
- Гришкина, 1988* – Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988.
- Грот, 1862* – Грот Я.К. Материалы по истории Пугачевского бунта. Материалы Кара и Бибилова: Приложения к 1 т. Записок Императорской Академии наук. СПб., 1862.
- Губайдуллин, 1925* – Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана (сборник статей). Казань, 1925. Вып. II.
- Губайдуллин, 1926* – Губайдуллин Г.С. Из истории торгового класса приволжских татар // Известия Восточного факультета АзГУ. Востоковедение. Баку, 1926. Т. 1.
- Губайдуллин, 1930* – Губайдуллин Г.С. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9-10.
- Гудков, Гудкова, 1993* – Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских заводов XVIII-XIX вв.: историко-краеведческие очерки. Уфа, 1993. Ч. 2.
- Гуревич, 1972* – Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гурлянд, 1904* – Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1904.
- Давлетбаев, 1986* – Давлетбаев Б.С. Тептяри и их землепользование // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 58-76.
- Даниил, 1876* – Даниил из Бухова. Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. М., 1876. Кн. 3.
- Данциг, 1973* – Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973.
- Двоеносова, 2001* – Двоеносова Г.А. Казанское дворянство 1785-1917 (вступительная статья) // Казанское дворянство 1785-1917 гг. Генеалогический словарь / Сост. Г.А.Двоеносова. Казань, 2001.
- Дворецкая, 1957* – Дворецкая Н.А. Археологический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.-Л., 1957. Т. 13.
- Дебольский, 1904* – Дебольский Н.Н. О значении и методе истории русского права. СПб., 1904.
- Демидова, 1955* – Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735-1736 годов: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.
- Денисов, 2004* – Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург, 2004.
- Денисов, 2005* – Денисов Д.Н. Основание Татарской Каргалы // Из истории татар Оренбуржья (К 260-летию Татарской Каргалы): Сб. материалов. Оренбург, 2005.
- Дергачева-Скоп, 1965* – Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири. Свердловск, 1965.
- Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006* – Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская: исследование, текст и перевод: науч.-справ. аппа-

рат факсимильного издания рукописи б-ки РАН (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006.

Деятельность, 1884 – Деятельность артиллерии капитана В.Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра Великого. СПб., 1884.

Джандосова, 2006 – Джандосова З.А. Казахстан // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1.

Джуманов, 2009 – Джуманов Р.У. Были ли «интерстадиал» у населения Хаджи-Тархана (Астрахани) в середине XVI в.? // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2009.

Димитриев, 1956 – Димитриев В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12.

Димитриев, 1959 – Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII в.: до Крестьянской войны 1773-1775 гг. Чебоксары, 1959.

Димитриев, 1963 – Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – первой половины XVII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. XXII.

Димитриев, 1966 – Димитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII – начале XIX вв.: по материалам Генерального межевания // Ученые записки НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Вып. XXXI: Исторический сборник. Чебоксары, 1966.

Димитриев, 1969 – Димитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XIX в. // Уч. зап. Чувашского НИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1969.

Димитриев, 1974 – Димитриев В.Д. «Царские» указы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3.

Димитриев, 1976 – Димитриев В.Д. На веки с русским народом. Чебоксары, 1976.

Димитриев, 1977 – Заповедные товары и запрет кузнечного и серебряного дела в национальных районах Среднего Поволжья в XVII в. // Вопросы истории Чувашии. Чебоксары, 1977.

Димитриев, 1981 – Димитриев В.Д. Источники по аграрной истории Среднего Поволжья XVI - XVIII вв. в «спорных делах»

Генерального межевания // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981.

Димитриев, 1982 – Димитриев В.Д. Пресечение «шатости и смуты» ясачных крестьян как одно из основных направлений политики царского правительства в Среднем Поволжье в XVII веке (По наказам воеводам) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982.

Димитриев, 1983 – Димитриев В.Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М., 1983.

Димитриев, 1986 – Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1986. Ч. 2.

Димитриев, 1986а – Димитриев В.Д. Жалованная уставная грамота волостям Казанской земли 1574 г. // Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв). Чебоксары, 1986.

Димитриев, 1986б – Димитриев В.Д. Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII вв. // Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв). Чебоксары, 1986.

Димитриев, 1988 – Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1988. Ч. 3.

Димитриев, 1992 – Димитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшайскому воеводе В.Я.Воронову 1628 года // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1992. Вып. 2.

Димитриев, 1993 – Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993.

Димитриев, 1999 – Димитриев В.Д. Антимосковское движение в Казанской земле в 1552-1557 годах и отношение к нему ее горной стороны // Народная школа. 1999. № 6.

Димитриев, 2000 – Димитриев В.Д. Правда о предпосылках о процессе мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России // Известия НАНИ. Чебоксары, 2000. № 3; 2001. № 1.

- Димитриев, 2001* – Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001.
- Димитриев, 2004* – Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары, 2004.
- Димитриев, 2005* – Димитриев В.Д. Землевладение служилых чувашей Свяжского уезда в середине XVII в. // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении / Материалы VIII межрегиональной конференции историков-аграрников (Чебоксары, 19-21 мая 2005 г.). М., 2005.
- Димитриев, 2014* – Димитриев В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары, 2014.
- Дмитриева, 1987* – Дмитриева Л.В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по ее ареалам // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. М., 1987. Кн. 1.
- Добросмыслов, 1902* – Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // ТОУАК. Оренбург, 1902. Вып. 9.
- Добротворский, 1884* – Добротворский Н. Пугачев на Каме // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 9.
- Довнар-Запольский, 1901* – Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого Литовского княжества при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1.
- Документы и материалы, 1940* – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 2.
- Долгих, 1960* – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Т. 55. М., 1960.
- Долгих, 1960* – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Доннелли, 1995* – Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией, 1552-1740: Страницы истории империализма: [Пер. с англ.] / Вступ. статьи Р.Г.Кузеева, И.Г.Акманова. Б.м., 1995.
- Дружинин, 1946* – Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.-Л., 1946. Т. 1.
- Дубман, 1999* – Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999.
- Дубровин, 1884* – Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1-2.
- Дубровина, 1989* – Дубровина Л.А. История о Казанском царстве (Казанский летописец): списки и классификация текстов. Киев, 1989.
- Дульский, 1925* – Дульский П.М. Искусство казанских татар. М., 1925.
- Дульский, 1930* – Дульский П.М. Казанский каллиграф Али Махмудов. Казань, 1930.
- Дульский, 1943* – Дульский П.М. Казань в 19-ом столетии (текст к фотографиям альбома). Казань, 1943.
- Думин, 1988* – Думин С.В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV - XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Мат. и исслед. 1987 г. М., 1988.
- Думин, 1994* – Думин С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 1994.
- Духовная культура, 2000* – Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. Сб. статей для учителей и учащихся старших классов / Сост. Р.М. Мухаметшин. Казань: Магариф, 2000. 160 с.
- Егоров, 2001* – Егоров Н.И. Приложения // Хрестоматия по культуре Чувашского края. Дореволюционный период. Чебоксары, 2001.
- Егоров, 2012* – Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей. От конфессионального к этнонациональному / Научные доклады. Чебоксары, 2012. (Научные доклады / Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук; Вып. 10).
- Елисеева, 2011* – Елисеева О.И. Геополитические проекты в царствование Екатерины II // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 745-758/
- Еникеев, 1999* – Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999.
- Ермолаев, 1965* – Ермолаев И.П. Проблема колонизации Среднего Поволжья

и Приуралья в русской историографии. (Вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1965.

Ермолаев, 1980 – Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980.

Ермолаев, 1981 – Ермолаев И.П. Город Казань по писцовой книге 1565–1568 годов // Страницы истории города Казани. Казань, 1981. С. 3–15.

Ермолаев, 1982 – Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

Ермолаев, Литвин, 1976 – Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: очерк жизни и деятельности. Казань, 1976.

Ермолаев, Литвин, 1982 – Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Новая советская историография о Среднем Поволжье в XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1982.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Ешевский, 1900 – Ешевский С.В. Очерк царствования Елизаветы Петровны // Сочинения по русской истории. М., 1900.

Ешевский, 1900а – Ешевский С.В. Русская колонизация Северо-Восточного края // Ешевский С.В. Сочинения по русской истории. М., 1900.

Жиров, 2010 – Жиров А.А. Айтикины // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010.

Жуковский, 1915 – Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. Пг., 1915.

Журнал МВД, 1860 – Журнал Министерства внутренних дел. М., 1860. Ч. 10.

Заварюхин, 1993 – Заварюхин Н.В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993.

Загидуллин, 1997 – Загидуллин И.К. Причины отпадения старокрещеных татар Среднего Поволжья в мусульманство в XIX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997.

Загидуллин, 2007 – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской импе-

рии: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007.

Загидуллин, 2008 – Загидуллин И.К. Казань – центр религиозного и светского образования татар в XIX в. // Образование и просвещение в губернской Казани: Сб. статей / Отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. Казань, 2008. Вып. 1.

Загидуллин, 2010 – Загидуллин И.К. Превращение ислама в «терпимую» религию в России в период правления Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.). Казань, 2010.

Загидуллин, 2011 – Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2011.

Загидуллин, 2011а – Загидуллин И.К. Некоторые аспекты институализации мечетей Среднего Поволжья в общеимперском политико-правовом пространстве (середина XVIII – начало XX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. М., 2011. С. 198–228.

Загидуллин, 2013 – Загидуллин И.К. Источники существования исламских институтов // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Загидуллин, 2013а – Загидуллин И.К. Особенности становления татарских общин в городах // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Загидуллин, 2013б – Загидуллин И.К. Приходские мусульманские духовные лица // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Загидуллин, 2013в – Загидуллин И.К. Традиционные мусульманские общины // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Загоскин, 1891 – Загоскин Н.П. Казанский край в Смутное время. Казань, 1891.

- Загоскин, 1891a* – Загоскин Н.П. Казанские мятежи в первые пять лет после покорения Казани русской державе // Казанские вестн. 1891. № 77.
- Загоскин, 2005* – Спутник по Казани: иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под. ред. Н.П.Загоскина. Казань, 2005.
- Зайончковский, 1969* – Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.
- Зайцев, 2004* – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
- Зайцев, 2004a* – Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004.
- Зайцев, 2005* – Зайцев И.В. Ad Fontes. Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005.
- Зайцев, 2006* – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
- Зайцев, 2009* – Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009.
- Зайцев, 2009a* – Зайцев И.В. Послесловие к статье Ö. Гёкбилгина «Несколько рукописных источников об эпохе крымского хана Сахиб-Гирея...» // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей / Отв. ред. И.А.Мустакимов, А.Г.Ситдииков. Казань, 2009.
- Залесский, 1916* – Залесский В. Казанские лашманы // Русская старина. 1916. Т. 167.
- Залкинд, 1930* – Залкинд Г.М. Очерк истории горнозаводской промышленности Татарстана (XVII–XIX вв.) // Труды общества изучения Татарстана. Казань, 1930. Т. 1.
- Заозерская, 1957* – Заозерская Е.И. Торговля и купечество // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 149–178.
- Заозерская, 1970* – Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв.: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.
- Западные, 2006* – Западные окраины Российской империи / Л.А. Бережная [и др.]; отв. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Захаров, Петров, Шаццлло, 2006* – Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К. История налогов в России. IX - начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.
- Захарова, 2003* – Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 329 с.
- Зерцалов, 1896* – Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Приходно-расходные книги Симбирской приказной избы. 1665–1667. Симбирск, 1896.
- Зимин, 1958* – Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. 498 с.
- Зимин, 1966* – Зимин А.А. Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 231–238.
- Зимин, 1969* – Зимин А.А. Участник взятия Казани 1552 г. литвин Розмысл Петров // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М., 1969. С. 273–278.
- Зиннйатова, 2010* – Зиннйатова Г.Р. Участие татар Среднего Поволжья во внутренней торговле России в XVIII - первой четверти XIX в. // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2.
- Знаменский, 1881* – Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.
- Знаменский, 1888* – Знаменский П. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1888.
- Знаменский, 1892* – Знаменский П.В. На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892.
- Знаменский, 1910* – Знаменский П. Казанские татары. Казань, 1910.
- Знаменский, 2000* – Знаменский П.В. История Русской церкви: учеб. руков. Изд 9-е, испр. М., 2000.

Знаменский, 2001 – Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001.

Зорин, 2001 – Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001.

Зотов, 1993 – Зотов О.В. Московская Русь: геополитика в «сердце земли» (О ранней микромодели империи) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1.

Зуев, 2007 – Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск, 2007.

Зуев, 2010 – Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010 Т. 1.

Зяббарова, 1979 – Зяббарова Х.Г. (Надырова Х.Г.) Планировочные особенности татарских деревень XVIII-XIX вв. // Архитектура и строительство в ТАССР. Казань, 1979.

Зябловский, 1808 – Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи: в 2 кн. СПб., 1808. Кн. 2.

Ибнеева, 2006 – Ибнеева Г.В. «Бабушка» вниз по «матушке» // Родина. 2005. № 8. С. 115-119.

Ибнеева, 2006 – Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006.

Ибнеева, 2010 – Ибнеева Г.В. Екатерина II и «многонародный» регион Среднего Поволжья: опыт формирования имперской политики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25-26 сентября 2009 г.). Казань, 2010.

Ибрагим, Сагадеев, 1991 – Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Калам // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.

Ибрагимов, 1926 – Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года / Пер. с татар. Г.Мухамедовой; под ред. Г.Ф.Линсцера. Казань, 1926.

Иванов, Николаев, 2000 – Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. Чуваши: этническая история и традиционная культура. М., 2000.

Иванов, 1975 – Иванов И.Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.

Иванов, 1982 – Иванов А.Г. Крестьянство Марийского края в XVIII в.: АКД. М., 1982.

Иванов, 1987 – Иванов А. Г. Царевококшайск в XVIII веке // Из истории города Йошкар-Олы. Йошкар-Ола, 1987.

Иванов, 1989a – Иванов А.Г. Изменения в этническом и социальном составе сельского населения в Марийском крае в XVIII веке // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1989. Вып. 16.

Иванов, 1989b – Иванов А.Г. Марийская деревня Вятской губернии в конце XVIII–начале XIX века // Вятская земля в прошлом и настоящее (к 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 1989.

Иванов, 1990 – Иванов А.Г. Участие крестьян Марийского края в восстании Е.И.Пугачева // Положение и классовая борьба крестьян Марийского края. Йошкар-Ола, 1990.

Иванов, 1991 – Иванов А.Г. Прошение марийских и чувашских крестьян Козьмодемьянского уезда 1761 года // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 1.

Иванов, 1993 – Иванов А.Г. Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг.). Йошкар-Ола, 1993.

Иванов, 1995 – Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.

Иванов, 1997 – Иванов В.П. Этническая карта Чувашии. Чебоксары, 1997.

Иванов, 2000a – Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI–XVIII вв. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2000. Вып. 10.

Иванов, 2000b – Марийская община и воеводская власть в XVIII в. // Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000.

Иванов, 2005 – Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая

динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005.

Иванов, 2007 – Иванов А.Г. Расселение горных марийцев во второй половине XVI – XVIII веков // Акпарс: Исследования и материалы / Авторы-составители Г.Н.Айплатов, А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 2007.

Иванов, Сануков, 2011 – Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2011.

Иванов, Сепеев, 1994 – Иванов А.Г., Сепеев Г.А. Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1994. Вып. 4.

Идиятуллина, 2005 – Идиятуллина Г.Г. Абу-н-Наср Курсави. Казань, 2005.

Идрисов, 2005 – Идрисов Э.Ш. К этнокультурному развитию ногайцев-карагашей // Традиции живая нить (сборник материалов по этнографии Астраханского края). Астрахань, 2005. Вып. 11.

Избрание, 2014 – Избрание на Царство Государя Царя Михаила Федоровича Романа / Сост., пред. А.М. Хитрова. М., 2014

Измайлов, 1992 – Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы (очерк истории становления имперской идеологии) // Мирас. 1992. № 10.

Измайлов, 1996 – Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания булгар X-XIII вв. // Панорама-Форум. 1996. № 1(4).

Измайлов, 1996a – Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1996. № 3/4.

Измайлов, 1998 – Измайлов И.Л. «... Казань-город на костях стоит. Исторические песни русских и татар о взятии Казани // Родина. 1998. № 2. С. 35-38.

Измайлов, 2000 – Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Измайлов, 2003 – Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003.

Измайлов, 2006 – Измайлов И.Л. Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова. Казань, 2006.

Измайлов, 2009 – Измайлов И.Л. Исторические сочинения и становление историографической традиции // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.

Измайлов, 2009a – Измайлов Б.И. Казанская татарская ратуша (1781-1855 гг.): АКД. Казань, 2009.

Измайлов, 2010 – Измайлов Б.И. Татарская община г. Казани и российская власть: модели и механизмы реализации имперской политики в эпоху Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25-26 сентября 2009 г.). Казань, 2010.

Измайлов, 2012 – Измайлов Б.И. Казанская ратуша и предпринимательская элита Татарских слобод в конце XVIII – начале XIX вв. // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы: V Международные Стахеевские чтения: материалы научной конференции. Елабуга, 2012.

Износков, 1909 – Износков И. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии: ист. очерк. М., 1909.

Ильминский, 1895 – [Ильминский Н.И.] Письма Николая Ивановича Ильминского обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895.

Имамов, 1994 – Имамов В. Запратанная история татар (национально-освободительная борьба татарского народа в XVI-XVIII веках за создание независимого государства). Набережные Челны, 1994.

Имперские и национальные модели, 2007 – Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов международной науч-

ной конференции / Науч. ред. А.О.Чубарьян. М., 2007.

Индова, 1970 – Индова Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет: вторая половина XVII-XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965 г. М., 1970.

Иоанн, 1996 – Иоанн, епископ Белгородский. Миссия церкви в православном понимании: экклезиологические и канонические обоснования // Проблемы экуменизма и миссионерской практики: Сб. науч. тр. М., 1996.

Исин, 2004 – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI вв. Алмааты, 2004.

Искандаров, 2005 – Искандаров А., Искандаров Р. Сеитов посад: Очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы. Казань, 2005.

Искандаров, 2009 – Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк. Казань, 2009.

Ислаев, 1999 – Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань, 1999.

Ислаев, 2001 – Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001.

Ислаев, 2003 – Ислаев Ф.Г. Татары в Екатерининской Уложенной комиссии 1767-1768 гг. // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2003. №3/4.

Ислаев, 2004 – Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в России: от конфронтации к веротерпимости. Век XVIII. М., 2004.

Ислаев, Галлямов, 2004 – Ислаев Ф.Г., Галлямов Р.Ф. Татарские мечети Казанского уезда середины XVIII в. // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 2004. № 2. С. 74-81

Ислам в Поволжье, 2005 – Ислам в Поволжье и Приуралье: история и современность. Казань, 2005.

Ислам и мусульманская культура, 2006 – Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2006.

Ислам, 2006 – Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1.

Ислам, 2010 – Ислам // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 1.

Исмаилов, 1972 – Исмаилов Х. Поселения и жилища сельского населения Ферганской долины // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972.

Исогай, 2013 – Исогай М. Опыт реконструкции программы обучения в традиционных медресе Урало-Поволжья по сведениям Ризаэддина бин Фахреддина // Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: К 85-летию академика АН РБ, профессора Г.Б.Хусаинова: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 апреля 2013 г., Уфа) / Сост. Г.Х.Абдрафикова; отв. ред. М.Х.Надергулов. Уфа, 2013.

Историческая энциклопедия Сибири, 2010 – Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. / Гл. ред. В.А.Ламин. Новосибирск, 2010.

Исторические песни, 1960 – Исторические песни XIII-XVI вв. М.-Л., 1960.

Историческое обозрение, 1888 – Историческое обозрение пятидесятилетия Министерства Государственных имуществ. СПб., 1888, Вып. 2.

История Башкортостана, 1996 – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996.

История Дагестана, 1967 – История Дагестана. Т. I. М., 1967.

История Дагестана, 2005 – История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. I. История Дагестана с древнейших времен до XX века. М., 2005.

История Казани. 1988 – История Казани: В 2-х т. Казань, 1988. Т. 1.

История Казахстана, 2010 – История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Алмааты, 2010. Т. 2.

История казачества, 1995 – История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1.

История Марийского края, 1992 – История Марийского края в документах и материалах. Эпоха феодализма / Сост. Г.Н.Айплатов, А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 1992. Вып. 1.

История Марийской АССР, 1986 – История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т. 1.

История предпринимательства, 2000 – История предпринимательства в России. Кн.

1: От средневековья до середины XIX. М., 2000.

История Сибири, 1968 – История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь / Отв. ред. А.П.Окладников.

История Сибири, 1968а – История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Отв. ред. В.И.Шунков.

История Сибири, 1996 – Первое столетие сибирских городов. XVII в. // История Сибири. Первоисточники. Вып. 7. Новосибирск, 1996.

История ТАССР, 1950 – История Татарской АССР: В 2 т. Казань, 1950. Т. 1: С древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции (рукопись).

История ТАССР, 1955 – История Татарской АССР: В 2 т. Казань, 1955. Т. 1: С древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции.

История ТАССР, 1968 – История Татарской АССР (С древнейших времен до наших дней). Казань, 1968.

История ТАССР, 1973 – История Татарской АССР / Под ред. М.К.Мухарямова. Казань, 1973.

История ТАССР, 1986 – История Татарской АССР (С древнейших времен до наших дней). Казань, 1986.

История татар, 2013 – История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6: Формирование татарской нации: XIX – начало XX в.

История татарского народа, 2009 – История татарского народа (с древнейших времен до конца XVII в.): Учеб. пособие для 10 кл. общеобразоват. шк. (профильный уровень) / Под. ред. Д.М.Исхакова. Казань, 2009.

История татарской литературы, 2003 – История татарской литературы нового времени (XIX — начало XX века) / Науч. ред. Г.М.Халитов. Казань, 2003.

История торговли, 1910 – История торговли и промышленности в России / Под ред П.Х.Спасского. СПб., 1910. Т. I. Вып. II.

История Удмуртии, 2004 – История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004.

История Урала, 1963 – История Урала: В 2 т. Изд 2-е. Пермь, 1963. Т. 1.

История Чувашской АССР, 1983 – История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. Т. 1.

Источники существования, 2009 – Источники существования исламских институтов в Российской империи. Сб. статей / Сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2009, 272 с.

Источниковедение, 1998 – Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998.

Исхаки, 1991 – Исхаки Г. Идель-Урал. Казань, 1991.

Исхаков, 1979 – Исхаков Д.М. Тептяри. Опыт этнотатистического изучения // СЭ. 1979. № 4.

Исхаков, 1980 – Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII –XIX вв. // СЭ. 1980. № 4.

Исхаков, 1985 – Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.

Исхаков, 1988 – Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI-XVII вв. (Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // СЭ. 1988. № 5.

Исхаков, 1990 – Исхаков Д.М. О некоторых аспектах проблемы места приуральских татар в этнической структуре татарской нации // Приуральские татары. Казань, 1990.

Исхаков, 1990а – Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и население в XVI-XVII вв. // Congress Septimus Internationalis Finno-Ugristarum. Debrecen, 1990.

Исхаков, 1990б – Исхаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII - начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С. 5-30.

Исхаков, 1992 – Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII – начале XX вв. // Астраханские татары. Казань, 1992.

Исхаков, 1993 – Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993.

Исхаков, 1993a – Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993.

Исхаков, 1994 – Исхаков Д.М. Молькеевские князья: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX вв. // Молькеевские князья. Казань, 1994.

Исхаков, 1995 – Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Исхаков, 1995a – Исхаков Д.М. От нации мусульманской к нации татарской // Татарстан. 1995. № 9-10.

Исхаков, 1996 – Исхаков Д.М. И снова об этнониме. Татары или болгары? // Татарстан. 1996. № 11.

Исхаков, 1997 – Исхаков Д.М. Сейиды в позднесоюзных татарских государствах. Казань, 1997.

Исхаков, 1997a – Исхаков Д.М. Об идентичности волго-уральских татар в XVIII в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997.

Исхаков, 1997b – Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997.

Исхаков, 1998 – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волгоуральских татар XV-XVII вв.). Казань, 1998.

Исхаков, 2001 – Исхаков Д.М. О внутригрупповом делении касимовских татар и его истоках // Диалог культур Евразии (Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия). Казань, 2001. Вып. 2.

Исхаков, 2002 – Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской общности // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В.Сусловой. Казань, 2002.

Исхаков, 2003 – Исхаков Д.М. Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV – XVII вв. // Элмэт. Альметьевск. Казань, 2003.

Исхаков, 2004 – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв.: научно-методическое пособие. Казань, 2004.

Исхаков, 2004a – Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV – XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (Казань, 8-11 июня 2001 г.). Istanbul, 2004.

Исхаков, 2005 – Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). Казань, 2005.

Исхаков, 2006 – Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.

Исхаков, 2007 – Исхаков Д.М. Методологические аспекты изучения этногенеза и этнической истории тюркских народов Волго-Камья // Региональные энциклопедии: проблемы общего и особенного в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. Материалы научно-практической конференции (20-22 сентября 2006 г.). Казань, 2007.

Исхаков, 2009 – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVII вв. Казань, 2009.

Исхаков, 2009a – Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие: Сб. статей. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XIV вв.)» (17 марта 2009 г., г.Казань). Казань, 2009. Вып. 1.

Исхаков, 2010 – Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань, 2010.

Исхаков, 2011 – Исхаков Д.М. «Сибирская земля» и «сибирский князь» в последних десятилетиях XV в. // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: Сб. науч. трудов. Омск, 2011.

Исхаков, 2012 – Исхаков Д.М. Ислам у татар Приуралья в средние века: историко-этнографические данные // Ислам в Волго-Камье и Приуралье: ранние страницы истории. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием (в рамках Третьего Международного форума

мусульманской культуры «Мусульманский мир – 2012» (16 марта 2012 г., г. Пермь). Пермь, 2012.

Исхаков, 2012a – Исхаков Д.М. К проблеме ясачных чувашей Среднего Поволжья середины XVI-XVII вв. // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право: сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10-12 октября 2012 г.). Казань, 2012.

Исхаков, 2013 – Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском/Казанском вилайете в 60-70-х годах XIV- 40-х годах XV вв. Казань, 2013.

Исхаков, 2014 – Исхаков Д.М. Историческая демография татар. Казань, 2014.

Исхаков, Измайлов, 2005 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.

Исхаков, Измайлов, 2007 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007.

Исхаков, Измайлов, 2007a – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в этногенез и этническую историю татарского народа. Казань, 2007.

Ишболдин, 2005 – Ишболдин Б.С. Очерки из истории татар / Пер. с англ. В.С.Мирзаянова. Казань, 2005.

Ишеев, 2012 – Ишеев М. Дело о дворянстве мурз Маматкозиных, как источник по истории деревни Татаршино Тамбовской области 2012. [Электронный ресурс] <http://www.tatargen.ru/mamatkazins-tatarshchino.pdf>. Дата обращения: 20.11.2014.

Ишеев, Акчурин, 2010 – Ишеев М., Акчурин М., Абдеев А. Татарские княжеские роды на Цне // Сборник материалов VI-й ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». Н.Новгород, 2010.

Кабузан, 1971 – Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971.

Кабузан, 1977 – Кабузан В.М. Изменения в удельном весе и территориальном разме-

щении русского населения России в XVIII – перв. пол. XIX вв. // Проблемы исторической демографии. Таллин, 1977.

Кабузан, 1990 – Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М., 1990.

Кадыров, 2010 – Кадыров Р.В. Формирование этносословной группы служилых татар в Мещерском крае: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

Казакевич, 1976 – Казакевич А.Н. Советская литература по летописанию (1960-1972 гг.) // Летописи и хроники. М., 1976.

Казакевич, 2010 – Казакевич О.А. Алфавиты языков народов Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 1.

Казахско-русские отношения, 1961 – Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Алма-Ата, 1961.

Калинин, 1955 – Калинин Н.Ф. Казань. Казань, 1955.

Калинычев, 1954 – Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954.

Каменский, 2001 – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 2001.

Каменский, 1999 – Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

Каменский, 2004 – Каменский А. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 115-139.

Каменский, 2005 – Каменский А.Б. Девиантное поведение в русском городе XVIII в. // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 367-391.

Каменский, 2006 – Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 403 с.

Канапацкая, 2004 – Канапацкая З. Мечети татар-мусульман в Белоруссии // Гасырлар Авазы=Эхо веков. 2004. № 1.

Каппелер, 1996 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С.Червонной. М., 1996.

Каппелер, 2004 – Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под ред. А.И.Миллера. М., 2004.

Карабущенко, 1995 – Карабущенко П.Л. Политическое самосознание русской элиты Новой Астрахани 2-й половины XVI – 1 трети XVII века // Проблемы взаимодействия национальных культур (Межэтнические общения в полиэтническом регионе). Сб. тез. регион. науч. конф. Астрахань, 1995. Ч. 2.

Карабущенко, 2009 – Карабущенко П.Л. Астраханское царство. Астрахань, 2009.

Карамзин, 1802 – Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802.

Карамзин, 1819 – Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб. 1819. Т. 8.

Карамзин, 1842 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 5-е. Кн. 2-3. СПб., 1842-1843.

Карамзин, 1989 – Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989.

Карацуба, 2007 – Карацуба И.В. Россия и Англия в зеркале книги Джэйлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов // Отечественные записки. 2007. № 5. Сентябрь-октябрь.

Каргалов, 1998 – Каргалов В.В. «На границах стоять крепко!» Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII-XVIII вв. М., 1998.

Каримуллин, 1971 – Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги (От начала возникновения до 60-х годов XIX века). Казань, 1971.

Каримуллин, 1984 – Каримуллин А.Г. Из истории печатного слова. Казань, 1984.

Каримуллин, 1992 – Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX века. Изд. 2-е, исправ. и перераб. Казань, 1992.

Карлова, 1870 – Карлова М.Ф. Турецкая провинция и ее городская и сельская жизнь. Путешествия по Македонии и Албании. // Вестник Европы. СПб., 1870. Т. 3. Кн. 6.

Каррер д'Анкос, 2009 – Каррер д'Анкос Э. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.

Каспэ, 2001 – Каспэ С. Империя и модернизация. общая модель и российская специфика. М., 2001.

Катанов, 1895-1896 – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895-1896. Вып. 5.

Катанов, 1898 – Катанов Н. Татарское предание о слободах старотатарской и новотатарской в г. Казани // Деятель. 1898. Февраль.

Катанов, 1905 – Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // ИОАИЭ. Казань, 1905. Т. XXI. Вып. 4.

Катанов, 1920 – Катанов Н. Татарские рассказы о старой Казани // ИОАИЭ. 1920. Т. 30. Вып. 3.

Кафенгауз, 1956 – Кафенгауз Б.Б. Торговля // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. М., 1956.

Каховский, 1965 – Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965.

Каховский, 1982 – Каховский В.Ф. Этноним «чуваш» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982.

Каштанов, 1965 – Каштанов С.М. К вопросу об отмене тарханов в 1575-1576 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77.

Каштанов, 1970а – Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4 (Ученые записки КГПИ. Вып. 80).

Каштанов, 1970б – Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов, 1986 – Каштанов С.М. Отмена тарханов в России в середине XVI века // История СССР. 1986. № 6.

Кащенко, Лотаков, 2010 – Кащенко С.Г., Лотаков А.О. «Изложение сути законов Османской династии» Хюсейна Хезарфена // Ученые записки Таврич. Нац. ун-та им. В.И.Вернадского. Серия: юридические науки. 2010. Т. 23(62). № 1.

Кемпер, 1997 – Кемпер М. Мусульманская этика и «дух капитализма» // Татарстан. 1997. № 8.

Кемпер, 1999 – Кемпер М. Между Бухарой и Средней Волгой: Столкновение Абд ан-Насра ал-Курсави с улемами традиционалистами // Мир Ислама. Казань, 1999. № 1. С. 159-170.

Кемпер, 2008 – Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством (1789-1889) / Пер. с нем. И.Гилязов. Казань, 2008.

Кемпер, 2013 – Кемпер М. Суфийские традиции в первой половине XIX в. // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Кемпер, 2013а – Кемпер М. Теологические и исламоведческие дебаты // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Кибардин, 1912 – Кибардин Н.В. Краткое описание города Уржума // Вятская епархия. Историко-географический очерк и статистическое описание. Вятка, 1912.

Кизеветтер, 1903 – Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII в. М., 1903. 810 с.

Кизеветтер, 1909 – Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II: Опыт исторического комментария. М., 1909. 473 с.

Кинан, 1995 – Кинан Э. Московия и Казань: некоторые вводные замечания к модели восточной дипломатии // Панорама-форум. 1995. №1. С. 66-81.

Клеянкин, 1978 – Клеянкин А.В. Ясашные крестьяне и старослужилые люди Среднего Поволжья на Адмиралтейских работах в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (дооктябрьский период). Йошкар-Ола, 1978.

Климович, 1936 – Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980.

Клочков, 1911 – Клочков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. Т. 1.

Клюева, 2002 – Клюева В.П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бурхарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

Ключевский, 1987 – Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1-2.

Ключевский, 1990 – Ключевский В.О. Подушная подать и отмена холопства в России // Сочинения: В 9 т. Т. 8: Статьи. М., 1990.

Ключевский, 1991 – Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

Коблов, 1908 – Коблов Я.Д. Мечты татар магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань, 1908.

Коблов, 1916 – Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.

Козлова, 1978 – Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Козлова, 1994 – Козлова Н.В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. / Под ред. Л.А. Тимошиной. М.: Изд-во «Археографический центр», 1994. С. 214-229.

Козлова, 1999 – Козлова Н.В. Российский Абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. 381 с.

Козляков, 2012 – Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012.

Колесников, 2006 – Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.): миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек, 2006.

Колчерин, 2014 – Колчерин А. Христианизация народов Поволжья: Н.И.Ильминский и православная миссия. М., 2014.

Комиссаров, 2003 – Комиссаров Г.И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары, 2003.

Комолов, 2007 – Комолов Н.А. Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века (на материалах Белгородской и Воронежской губерний). Воронеж, 2007. 185 с.

Кононов, 1960 – Кононов А.И. К истории русской тюркологии // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960.

Кононов, 1972 – Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л., 1972.

Коньков, 2001 – Коньков Н.Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. М.-Тобольск, 2001.

Коняев, 1959 – Коняев А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России: Очерки истории. М., 1959.

Копылов, 1989 – Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989.

Коран, 1990 – Коран: Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е М., 1990.

Корбут, 1926 – Корбут М.К. Проект организации первой татарской газеты // Вестник научного общества татароведения. 1926. № 5.

Корелин, 1971 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861-1904) // Исторические записки. М., 1971. Т. 87.

Корелин, 1979 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Корецкий, 1989 – Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Документы о национально-освободительной борьбе в России 1612-1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.

Королев, 1887 – Королев Л. Село Подберезье. Казань, 1887.

Королюк, 1954 – Королюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.

Коротов, 1952 – Коротов И.А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952.

Корсак, 1857 – Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857.

Корсаков, 1889 – Корсаков Д.А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на восток. Казань, 1889.

Корусенко, 2006 – Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII-XX веках. Омск, 2006.

Корусенко, Томилов, 2013 – Корусенко С., Томилов Н. Западная Сибирь // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6.

Костомаров, 2001 – Костомаров Н.И. Императрица Елисавета Петровна // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2001.

Котошихин, 1906 – Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906.

Крачковский, 2004 – Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М., 2004.

Крестьянская война, 1972 – Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972.

Крестьянская война, 1974 – Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974.

Крестьянские войны, 1974 – Крестьянские войны в России XVII - XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974

Кристенсен, 1989 – Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989.

Крымский, 1902 – Крымский А. Хаджи-Хальфа (вульг. Калфа; Мустафа ибн-Абдаллах Кятиб-Челеби) // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1902. Т. 72(XXXVIa).

Крымский, 1904 – Крымский А. История мусульманства. Изд. 2-е. М., 1904. Ч. 1/2.

Кудряшова, 2009 – Кудряшова А.С. Колонизационные процессы в Нижегородском Правобережье в X–XVI веках. Арзамас, 2009.

Кузеев, 1960 – Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Кузеев, 1968 – Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тыс. н.э. // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3.

Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев, 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этнический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев, Гарипова, Моисеева, 1985 – Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Моисеева Н.Н. Этнические процессы в Башкирии XVII-XIX вв. // Вопросы тюркологии. Тез. докл. и сообщений IV Всесоюзный тюркологической конференции. Ашхабад, 1985.

Кузеев, Моисеева, 1984 – Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Основные этапы этнической истории башкир в XVII - начале XX вв. // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг. Тез. докл. Черновцы, 1984. Ч. 1.

Кулбахтин, 1984 – Кулбахтин Н.М. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Уфа, 1984.

Кулбахтин, 1996 – Кулбахтин Н.М. Из истории гайнинских башкир. Уфа, 1996.

Кулбахтин, 2000 – Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане в XVIII веке. Уфа, 2000.

Кулбахтин, 2006 – Кулбахтин И.Н. Народы Башкортостана в середине XVIII века (По материалам Уложенной комиссии 1767-1770 годов): АКД. Уфа, 2006.

Кулбахтин, Сергеев, 1988 – Кулбахтин Н.М., Сергеев Ю.Н. Религиозная политика царизма в Башкирии // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Межвузовский сборник. Уфа, 1988.

Кундакбаева, 2005 – Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.-СПб., 2005. 304 с.

Куненков, 2007 – Куненков Б.А. Посольский приказ 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: АКД. Брянск, 2007.

Курц, 1915 – Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

Кусов, 1978 – Кусов В.С. Картографические труды Ортелия // Известия ВГО. М., 1978. Вып. 6.

Куфтин, 1926 – Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы) // Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1926.

Кушева, 1950 – Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34.

Кушева, 1963 – Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30 гг. XVII в.). М., 1963.

Кюгельген, 2001 – Кюгельген А. Расцвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII - до начала XIX вв.: опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. статей памяти Фритца Майера (1912-1998). СПб., 2001.

Лаппо, 1901 – Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569-1586). СПб., 1901. Т. 1.

Лаптев, 1861 – Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861.

Латкин, 1887 – Латкин В.Н. Законодательные комиссии в XVIII столетии: Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1.

Лашков, 1891 – Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI-XVII вв. Симферополь, 1891.

Лебедев, 1980 – Лебедев В.Г. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1980.

Леонтьев, 1961 – Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV- первой половине XVI в. М., 1961.

Леушин, 1996 – Леушин М. История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1996. № ¾.

Лимонов, 1978 – Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV-XVII вв. Л., 1978.

Лимонов, 1986 – Лимонов Ю.А. Россия в западноевропейских сочинениях XV-XVII вв. // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. Л., 1986.

Липаков, 1989 – Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI - первой половине XVII вв.: Формирование. Состав. Служба: АКД. Казань, 1989.

Лисейцев, 2003 – Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Лисейцев, 2003а – Лисейцев Д.В. Служилые татары и новокрещены Посольского приказа в начале XVII века // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 2003. № ½.

Литвинов, 1995 – Литвинов П.П. Анти-татарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Лихачев, 1888 – Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

Лоссиевский, 1883 – Лоссиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам: Историко-этнографический очерк // Справочная книжка Уфимской губернии / Сост. Н.А.Гурвич. Уфа, 1883.

Лотфуллин, Ислаев, 1998 – Лотфуллин И.М., Ислаев Ф.Г. Джихад татарского народа. Казань, 1998.

Луппов, 1958 – Луппов П.Н. История города Вятки. Киров, 1958.

Лызлов, 1787 – Лызлов А.И. Скифская история. М., 1787.

Лызлов, 1990 – Лызлов А.И. Скифская история. М., 1990.

Любавский, 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

Любимов, 1915 – Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.

Люцидарская, 1992 – Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-

этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992.

Люцин, 1903 – Люцин Л.И. Описание башкирского бунта 1755 года // ИОАИЭ. Т. XIX. Вып. 1-3.

Мавродин, 1974 – Мавродин В.В. Под знаменем Крестьянской войны. М., 1974.

Мавродина, 1983 – Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенег, торки, половцы). Л., 1983.

Мазитова, 1965 – Мазитова Н.А. Мухамед-Галей Махмудов (1824–1891) // Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965. Кн. 2.

Майдар, 1980 – Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.

Макаров, 1973 – Макаров Д.М. Осуществление политики царизма по христианизации чувашей в XVI –Сыздыкова, 1989 – Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. Алма-Ата, 1989.

Синбирский сборник, 1844 – Синбирский сборник. М., 1844.

Сингилевский, 1850 – Сингилевский И. Краткий очерк Закамского края Казанской губернии. Рукопись, АГО. XIV-83, 1850.

Синицына, 1998 – Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). М., 1998. 410 с.

Ситдилов, 2002 – Ситдилов А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 160-206.

Ситдилов, 2006 – Ситдилов А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

Скрынников, 1982 – Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Скрынников, 1983 – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1983.

Скрынников, 1985 – Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.

Скрынников, 1987 – Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987.

Скрынников, 1988 – Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988.

Словцов, 1858 – Словцов И.А. Историческое и статистическое обозрение неурожая в России // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. Кн. 3.

Словцов, 1838 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири (1585-1742). Кн. 1. М., 1838.

Словцов, 1886 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Изд. 2-е. СПб., 1886.

Смирнов, 1855 – Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

Смирнов, 1889 – Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

Смирнов, 1890 – Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия О-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанск. ун-те. 1890. Т. 8. Вып. 2.

Смирнов, 1891 – Смирнов И.Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. 289 с.

Смирнов, 1895 – Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.

Смирнов, 1904 – Смирнов М.И. О князьях мещерских XIII –XV вв. // Труды Рязанской УАК. Рязань, 1904. Т. 18. Вып. 2. С.161-196.

Смирнов, 1913 – Смирнов В. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической УАК. 1913. № 50. С. 140-178.

Смирнов, 1918 – Смирнов В. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической УАК. 1918. № 54. С. 1-19

Смирнов, 1944 – Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944.

Смирнов, 1947 – Смирнов А.А. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, М.-Л., 1947.

Смирнов, 1948 – Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Т. 27.

Смирнов, 1951 – Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606-1607. Изд. 2-е. М., 1951.

Смирнов, 1974 – Смирнов И.И. Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII - XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974.

Смирнов, 1999 – Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX в.): АДД ист. наук. М., 1999.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. М., 2005.

Смирнова, 1979 – Смирнова В.Б. Возникновение и развитие землевладения Саровского монастыря в XVIII – первой четверти XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVIII – начало XIX в.). Межвузовский тематический сборник научных трудов. Саранск, 1979.

Смолич, 1996 – Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1.

Соболева, 2006 – Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, 2006.

Соболева, 2011 – Соболева Н.А. Имперская идея и российская символика власти (XI-XVI вв.) // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 552-656.

Соколов, 1898 – Соколов Д. Опыт разбора одной башкирской летописи // ТОУАК. Оренбург, 1898. Вып. IV.

Соколов, 1904 – Соколов Д.Н. О башкирских тамгах. Оренбург, 1904.

Соловьев, 1960 – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т. 6.

Соловьев, 1964 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. Т. 23-24. М., 1964.

Соловьев, 1989 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен //Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 6.

Соловьев, 1989 – Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1989. Кн. 3, 4.

Соловьев, 1989a – Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. 4. Т. 7.

Соловьев, 1990 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен //Сочинения. В 18 кн. Кн. 5. Т. 9.

Соловьев, 1991 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен //Сочинения: В 18 кн. Кн. 7. Т. 13.; Кн. 8. Т. 15-16.

Спасский, 1910 – Спасский Н.А. Очерки по родоноведению. Казанская губерния. Казань, 1910.

Список мест, 1884 – Список населенных мест Мамадышского уезда // ТАС-IV. Казань, 1884.

Список, 1885 – Список населенных мест Казанского уезда. Казань, 1885.

Список, 2003 – Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.

Спицын, 1888 – Спицын А.А. К истории вятских инородцев // Вятский календарь и памятная книжка на 1889 г. Вятка, 1888.

Станиславский, 1990 – Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.

Станиславский, 2004 – Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI-XVII вв. М., 2004.

Старая и Новая Казань, 1927 – Старая и Новая Казань / Под ред. С.П.Сингалевича. Казань, 1927.

Старинные, 1899 – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XVIII столетий. СПб., 1899. Вып. 1.

Старцев, Гончаров, 1999 – Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.): Уч. пособие. Барнаул, 1999.

Стейнведел, 2011 – Стейнведел Ч. Положение Башкирии в составе России: региональные особенности, параллели, общеимперский контекст (1552-1917) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII-XX вв. М., 2011. С. 59-80.

Степанов, 1897 – Степанов К. Каргала или Сеитовский посад // Русский архив. 1897. № 8.

Степанов, 1964 – Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. Казань, 1964. С. 52-70.

Суворов, 1863 – Суворов Н.И. Опись Свяжского Богородицкого монастыря, составленная в 1614 году // Известия Археологического общества. СПб., 1863. Т. 4. Вып. 6.

Сулоцкий, 1863 – Сулоцкий А. Челобитная митрополита Сибирского и

Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее. Омск, 1863.

Султанов, 2004 – Султанов Р.И. Историческая география Казани (город и его предместья в XVI-XVII веках). Казань: Магариф, 2004. 271 с.

Султангалиева, 1998 – Султангалиева К.А. Ислам в Казахстане: История, этничность, общество. Алматы, 1988.

Султангалиева, 2005 – Султангалиева Г.С. Сеитовский посад в новой истории Казахстана // Из истории татар Оренбуржья (К 260-летию Татарской Каргалы): Сб. материалов. Оренбург, 2005.

Султангалиева, 2011 – Султангалиева Г.С. Торговый рынок Южного Урала и Западного Казахстана: вопросы межрегионального взаимодействия (вторая половина XVIII – XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII-XX вв. М., 2011.

Султанов, 2005 – Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003-2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 254-278.

Суровцов, 1828 – Суровцов Г.С. Описание осады и взятия Казани в 1552 г. // Славянин. 1828. Ч. VII. № 29.

Сыздыкова, 1989 – Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами'ат-тауарих» Жалаири. Алма-Ата, 1989. 242 с.

Сызранов, 2010 – Сызранов А.В. Еще раз о происхождении астраханских татар // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2010. Вып. II.

Сюкияйнен, 1986 – Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: Вопросы теории и практики. М., 1986.

Тагиров, 2000 – Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000.

Тарасов, 1983 – Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1983.

Тартарика, 2008 – Атлас «Тартарика. Этнография». Этнография татар. М., 2008.

Татарская литература, 1999 – Средневековая татарская литература (XVII–

XVIII вв.) / Под. ред. Н.Ш.Хисамова. Казань: ФЭН, 1999. 240 с.

Татарские мурзы, 2010 – Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Сб. статей. Казань, 2010.

Татарский народ, 2003 – Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Казань, 2003.

Татары Поволжья и Урала, 2002 – Этно-территориальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования / Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2002.

Татары, 1967 – Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

Татары, 2001 – Татары. Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко. М., 2001

Татищев, 1966 – Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1966.

Татищев, 1990 – Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717-1750 гг. М., 1990.

Татищев, 1994-1996 – Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1994-1996.

Ташкин, 1922 – Ташкин С.Ф. Иноверцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам законодательной комиссии. Казань, 1922.

Терехин, 1898 – Терехин В.М. Прибавление к статье: «Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII ст.» // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. XIV. Вып. 6. С. 658-661.

Терещенко, 1853 – Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Москвитянин. 1853. № 22 (ноябрь). Кн. 2. Отд. 2.

Титлинов, 1905 – Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна, 1905.

Тихомиров, 1951 – Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Т. 7.

Тихомиров, 1958 – Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к России // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958.

Тихомиров, 1960 – Тихомиров М.Н. Русские летописи, вопросы их издания и изучения // Вестник АН СССР. 1960. № 8.

Тихомиров, 1962 – Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тихомиров, 1973 – Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков. М.: Наука, 1973.

Тихонов, 2008 – Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начала XX вв. Изд. 2-е. СПб., 2008.

Тобольск, 1885 – Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.

Томашевская, 2002 – Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002.

Томилов, 1981 – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

Томилов, 2010 – Томилов В.В. Татары сибирские // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 3.

Торгово-промышленная, 1899 – Торгово-промышленная Россия. СПб., 1899. Ч. I. Отд. 2. Сборник справочных сведений для купцов и фабрикантов.

Трепавлов, 1997 – Трепавлов В.В. Волга в культурной традиции народов Восточной Европы // ЭО. 1997. № 6.

Трепавлов, 1997а – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. 72 с. (Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. № 2).

Трепавлов, 2002 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трепавлов, 2003 – Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320-353.

Трепавлов, 2004 – Трепавлов В.В. Падение Казанского ханства и Ногайская Орда // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004. С. 177-199.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. Московские и казанские «подданства» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18-19 мая 2007 г.) / Под. ред. А.П.Яркова. Тюмень, 2007.

Трепавлов, 2007a – Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007.

Трепавлов, 2012 – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Троицкая, 1995 – Троицкая И.А. Ревизии населения России как источник демографической информации (методологические проблемы): АКД экон. наук. М., 1995.

Тумашева, Усманов, Хисамова, 1977 – Тумашева Д.Г., Усманов М.А., Хисамова Ф.М. Об особенностях развития старотатарской деловой письменности // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 51-66.

Тычинских, 2010 – Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIX вв.). Казань, 2010.

Тюменцев, 1999 – Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Тюрякулов, 1936 – Тюрякулов Н. Рец. на кн.: Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М, 1936 // Историк-марксист. 1936. № 6 (58). С. 206-207.

Уманский, 1980 – Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980.

Урманчеев, 1984 – Урманчеев Ф. Героический эпос татарского народа. Казань, 1984. 312 с.

Усманов, 1960 – Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.

Усманов, 1962 – Усманов А.Н. Кинзя Арсланов // Исторические записки. 1962. Т. 71.

Усманов, 1967 – Усманов М.А. Записки Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию // Ближний и Средний Восток. История. Экономика. М.: Наука, 1967.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.

Усманов, 1974 – Усманов М.А. Источниковедческое значение документов на татарском языке времен Крестьянской войны 1773–1775 гг. // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е.И.Пугачева: Тезисы докладов. Казань, 1974. С. 8-11.

Усманов, 1979 – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

Усманов, 1980 – Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: Повесть о жизни и деятельности. Казань, 1980.

Усманов, 1992 – Усманов М.А. Татарское купечество в торговле России с восточными странами через Астрахань и Оренбург в XVII-XVIII столетиях // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1-4.

Усманов, 1994 – Усманов М.А. О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV-XVIII вв. и их источниковедческом значении // Восточные исторические дисциплины: Сб. статей. М.: Наука, 1994. Вып. 2. С. 123-138.

Усманов, 1995 – Усманов М.А. Два послания султана Селима II в Москву и Бахчисарай // Гасырлар авазы=Эхо веков. Казань, 1995. май.

Усманов, 2010 – Усманов М.А. О первом тюрко-татарском печатном издании в России (вместо предисловия) // Первое тюрко-татарское печатное издание в России: манифест Петра I 1722 года / Сост. И.Г.Хадиев; науч. ред. М.А.Усманов. Казань: ТКИ, 2010. С. 17-30.

Усманов, Шайхиев, 1979 – Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979. С. 85-103.

Усманова, 2009 – Усманова Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Вайсовский Божий полк староверов-мусульман»: 1862–1917 гг.: Сб. док. и материалов. Казань, 2009.

Успенский, 2000 – Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

Устинова, 1949 – Устинова А. Некоторые особенности географии и населения горного Алтая. // Вопросы географии. Сб.14. М., 1949.

Устюгов, 1947 – Устюгов В.Н. Башкирские восстания 1662-1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24.

Ушакова, 2010 – Ушакова С.Н. Азиатская школа // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2010. Т. 1.

Фаизов, 1995 – Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.

Фаизов, 1999 – Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII - XX вв.: очерк истории. М., 1999

Фаизов, 2003 – Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654-1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте пост-переезславского времени. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.

Файзрахманов, 2002 – Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002.

Файзрахманов, 2013 – Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. Казань: ИИ АН РТ, 2013.

Фархшатов, 1986 – Фархшатов М.Н. Документы Оренбургского магометанского духовного собрания по истории мектебов и медресе Башкирии второй половины XIX в. // Малоизученные источники по истории Башкирии: Сб. статей. Уфа, 1986.

Фархшатов, 1988 – Фархшатов М. Н. Об учебных пособиях мектебов и медресе Башкирии до начала XX в. // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии: Сб. статей. Уфа, 1988. С. 44-49.

Фархшатов, 1991 – Фархшатов М.Н. Оренбургское магометанское духовное собрание и школьное просвещение тюркских народов дореволюционной Башкирии // Башкирский край: Сб. статей. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 9-14.

Фархшатов, 1994 – Фархшатов М.Н. Народное образование на Южном Урале в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.). М., 1994.

Фархшатов, 1996 – Фархшатов М.Н. Образование и здравоохранение [народов Башкортостана во второй половине XVI – первой половине XIX вв.] // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 446-455.

Фархшатов, 2006 – Фархшатов М.Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 286-292.

Фархшатов, 2009 – Фархшатов М.Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872–1917 гг.): Власть и суфизм в пореформенной Башкирии: Сб. док. Уфа, 2009.

Фархшатов, 2012 – Фархшатов М.Н. Оренбург // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2012. Вып. 5. С. 102-113.

Фархшатов, 2012a – Фархшатов М.Н. Троицк // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2012. Вып. 5. С. 133-135.

Фархшатов, 2003 – Фархшатов М.Н. Уфа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2003. Вып. 4. С. 80-86.

Фасеев, 1982 – Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. Казань, 1982.

Федоров, 1978 – Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск, 1978.

Филиппов, 1912 – Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912.

Филлюшкин, 2006 – Филлюшкин А.И. Титулы русских государей. М.-СПб., 2006.

Фирсов, 1866 – Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

Фирсов, 1869 – Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

Фирсов, 1896 – Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия // Очерки из исто-

рии торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений. Казань, 1896.

Фирсов, 1921 – Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1921.

Фирсов, 1926 – Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. (Краткий научно-популярный исторический очерк). Казань: Издание Академцентра Татнаркомпроса, 1926.

Фишер, 1774 – Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания земли российскими оружием. СПб., 1774.

Флоровский, 1887 – Флоровский А.В. Состав законодательной комиссии 1767-1774 гг. Одесса, 1887.

Флоровский, 1915 – Флоровский А.В. Состав законодательной комиссии 1767-1774 гг. СПб., 1915

Флоря, 1999 – Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.

Флоря, 2003 – Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003.

Флоря, 2005 – Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М.: Индрик, 2005.

Формирование, 1986 – Формирование и функционирование татарского языка: Сб. статей. Казань, 1986.

Франк, 1993 – Франк А. Татарские мульты среди казахов и киргизов в XVIII–XIX веках // Культура, искусство татарского народа: Истоки, традиции, взаимосвязи. Казань, 1993. С. 124-131

Франк, 2008 – Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань: РИУ, 2008.

Фукс, 1844 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.

Фукс, 1914 – Фукс К. История города Казани. Казань, 1914.

Фукс, 1991 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1991.

Фукс, 2005 – Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань: Жиен, 2005. 479 с.

Хабибуллин, 2009 – Хабибуллин А.Н. (Казанский Кремль в панорамах, опубликованных Н.Витсенем в 17 в. // Сборник материалов конференции молодых ученых и аспирантов Института истории АН РТ за 2008 г. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 141-158.

Хабибуллин, Исхаков, 2013 – Хабибуллин М., Исхаков Р. Изучение истории и культуры татар в синодальных учебных заведениях // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6. С. 735-742.

Хабутдинов, 2000 – Хабутдинов А.Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII – XIX веках. Казань, 2000.

Хабутдинов, 2001 – Хабутдинов, А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-Пресс, 2001.

Хабутдинов, 2003 – Хабутдинов, А.Ю. Лидеры нации. Казань: ТКИ, 2003.

Хабутдинов, 2005 – Хабутдинов А.Ю. Медресе Мачкара и его роль в подготовке улемов Волго-Уральского региона // Кукуморский район: Проблемы истории и культуры. Казань, 2005. С. 102-108.

Хабутдинов, 2005a – Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: Итоги и перспективы. Н.Новгород: Медина, 2005.

Хабутдинов, 2008 – Хабутдинов А. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань, 2008.

Хабутдинов, 2010 – Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788-1917): институты, идеи, люди. М.-Н.Новгород, 2010.

Хабутдинов, 2013 – Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2013.

Хайрединова, 2003 – Хайрединова З.З. Возникновение и развитие Таврического Магометанского Духовного Правления (конец XVIII–начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2003.

Хайрутдинов, 1993 – Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии в конце XVIII – первой трети XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993.

- Хайрутдинов, 1997* – Хайрутдинов Р.Р. Татарская феодальная знать и российское дворянство: проблемы интеграции на рубеже XVIII – XIX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля - 1 мая 1996 г.). Казань, 1997.
- Хайрутдинов, 1997a* – Хайрутдинов Р.Р. Татарская ратуша г. Казани (1781-1855) // Гасырлар авазы = Эхо веков. Казань, 1997. №3/4. С. 272-276.
- Хайрутдинов, 2002* – Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). Казань, 2002.
- Хайрутдинов, 2006* – Хайрутдинов Р.Р. Мусульманская Казань и социальные предпосылки выхода Указа 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006.
- Халидов, 2006* – Халидов А.Б. Восточная Европа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 92-100.
- Халиков, 1978* – Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: ТКИ, 1978.
- Халиков, 1978a* – Халиков Н.А. Из истории развития систем земледелия татар Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978.
- Халиков, 1981* – Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX - начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М., 1981.
- Халиков, 1998* – Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX). Казань, 1998.
- Халиков, 2002* – Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западно-сибирских татар // Сибирские татары: Сб. статей / Под ред. С.В.Сусловой. Казань, 2002. С. 59-85.
- Халитов, 1989* – Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII - начала XIX вв. М.: Стройиздат, 1989.
- Халитов, 1991* – Халитов Н.Х. Архитектура мечетей Казани. Казань, 1991.
- Халитов, 2012* – Халитов Н.Х. Татарская мечеть и ее архитектура. Историко-архитектурное исследование. Казань: ТКИ, 2012.
- Хамамото, 2004* – Хамамото М. О христианизации служилых татар в первой половине XVII в // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2004. № 2 (37). С. 196-203.
- Хамамото, 2011* – Хамамото М. Связующая роль татарских купцов Волго-Уральского региона в Центральной Евразии: звено «Шелкового пути нового времени» (вторая половина XVIII – XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII-XX вв. М., 2011.
- Хамидуллин, 2002* – Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Этносоциологическое исследование. Казань, 2002.
- Ханбиков, 1968* – Ханбиков Я.И. Основные направления в развитии педагогической мысли татарского народа в XI–XX вв.: АДД пед. наук. М., 1968.
- Ханбиков, 1975* – Ханбиков Я.И. История развития педагогической мысли татарского народа: Пособие для студентов и аспирантов. Казань, 1975.
- Ханбиков, Ханбикова, 1970* – Ханбиков Я.И., Ханбикова Ш.С. Татарские педагоги Халфины // Новые исследования в педагогических науках. 1970. № 1. С. 33-36.
- Хан-Магомедов, 1974* – Хан-Магомедов С.О. Жилище агулов в XIX веке // Зодчество Дагестана: Сб. статей. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1974.
- Харлампович, 1904* – Харлампович К.В. Известия Гмелина о Казани и казанских инородцах // ИОАИЭ. Казань, 1904. Т. XIX. Вып. 5-6.
- Харлампович, 1905* – Харлампович К.В. Казанские новокрещенские школы. Казань, 1905.
- Хасанов, 1977* – Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
- Хафизов, 1999* – Хафизов Д. Ожидание открытий: Казань на географических картах XVI-XVII веков // Казань. 1999. №5-6. С.38-43.
- Хафизов, 2000* – Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной кон-

ференции. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 151-172.

Хисамова, 1990 – Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI-XVII вв.). Казань: Изд-во КГУ, 1990.

Хисамова, 1999 – Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатике России (XVI - начало XIX вв.). Казань, 1999

Хисамова, 2012 – Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI - начало XIX вв.). Казань: ТКИ, 2012. 405 с.

Хисамутдинов, 1967 – Хисамутдинов Т.М. Просвещение и культура // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 375-387.

Хорошкевич, 1993 – Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993. 96 с.

Хорошкевич, 2000 – Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. М., 2000.

Хорошкевич, 2003 – Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.

Хорошкевич, 2004 – Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, B. 63).

Хоскинг, 2003 – Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 кн. Кн. 1. / Пер. с англ. Р.А. Арсланова, О.Р. Арсланова, Е.А. Богачева. М.: Изд-во АСТ; Транзиткнига, 2003. 494 с.

Хохлов, 1984 – Хохлов А.Н. Русско-китайская торговля через Кяхту с 20-х годов XVIII до середины XIX в. // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. Сб. статей. М.: Изд-во Наука, 1984. С. 127-154.

Христофоров, 1884 – Христофоров Н.Я. О старинных рукописях в Симбирской Карамзинской библиотеке // ТАС-IV. Казань, 1884. Т. 2.

Худяков, 1921 – Худяков М.Г. Деревянное зодчество казанских татар // Казанский Музейный вестник. 1921.

Худяков, 1990 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. (Репринтное воспроизведение издания 1923 г.). Казань, 1990.

Худяков, 2000 – Худяков Ю.С. Комплекс вооружения воинов Сибирского ханства // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы конференции. Казань, 2000. С. 268-271.

Хусаин Фаизханов, 2008 – Хусаин Фаизханов: Жизнь и наследие: Историко-документальный сборник / Пер. со старотат. А.М.Ахунова и И.Ф.Гимадеева; сост. и отв. ред. Д.В.Мухетдинов. Н.Новгород, 2008.

Хусаинов, 1973 – Хусаинов Г.Б. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне как историко-литературный источник // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1.

Хусаинов, 1979 – Письмо Батырши как памятник письменного языка // Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Уфа, 1979. С. 121-138.

Центральная Азия, 2008 – Центральная Азия в составе Российской империи / С.Н. Абашин [и др.]; отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

Чекалин, 1890 – Чекалин Ф.Ф. Два архивных документа к истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1890. № 73.

Чекалин, 1892 – Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVIII в. Саратов, 1892.

Чекалин, 1897 – Чекалин Ф.Ф. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // ТАС-VIII. М., 1897. Т. III. С. 65-74.

Черемшанский, 1859 – Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Черепнин, 1978 – Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVIII вв. М., 1978.

Черменский, 1911 – Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия Тамб.УАК. Тамбов, 1911. Вып. 54.

- Черменский, 1962* – Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 43-57.
- Чернов, 1954* – Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII веках. М., 1954.
- Чернышев, 1963* – Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963.
- Чернышев, 1971* – Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФ АН СССР, 1971. Вып. 1. С. 272-292.
- Черняева, 1914* – Черняева М. Когда и как стала Волга русской рекой. М., 1914.
- Чистякова, 1975* – Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30-40-е гг.). Воронеж, 1975.
- Чистякова, Соловьев, 1988* – Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988.
- Чечулин, 1906* – Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.
- Чубарьян, 2004* – Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 384 с.
- Чувашия, 1986* – Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – нач. XIX вв.). Чебоксары, 1986.
- Чулков, 1786* – Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. М., 1786. Т. 6. Кн. 2.
- Чулошников, 1936* – Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII веков // Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1936. Ч. I.
- Чулошников, 1940* – Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Чупин, 1851* – Чупин Н. Обзорение книг и журнальных статей, заключающих в себе географические и статистические сведения о Казанской губернии // КГВ. 1851. № 10-13, 18, 23, 36.
- Шайхиев, 1981* – Шайхиев Р.А. Татарские народно-краеведческие сочинения (развитие и состав) // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань: Изд-во КГУ, 1981. Ч. 1. С. 3-7.
- Шайхиев, 1982* – Шайхиев Р.А. Мусульманское духовенство и его роль в становлении татарской исторической литературы // Бартольдские чтения. 1982. Год шестой. Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1982.
- Шайхиев, 1985* – Шайхиев Р.А. Роль мусульманского духовенства в жизни татарского общества в XVII-XIX вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. Материалы чтений 1982 г. / Ред. колл. Г.Ф.Ким, Г.Ф.Гирс, Е.А.Давидович. М.: Наука, 1985. С. 186-190.
- Шайхиев, 1990* – Шайхиев Р.А. Татарская народно-краеведческая литература XIX-XX вв. Казань: Изд-во КГУ, 1990.
- Шакуров, 2002* – Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года. Казань, 2002. 128 с.
- Шарафутдинов, Янбиков, 1998* – Шарафутдинов З.Т., Янбиков Я.И. История педагогики Татарстана. Казань, 1998.
- Шарипов, 1973* – Шарипов А.М. Творческое наследие Утыз-Имяни и светские мотивы в его поэзии: АКД филол. наук. Казань, 1973.
- Шарифуллина, 1991* – Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань, 1991.
- Шаум, 1847* – Шаум М. Tragoedia Demetrio-Moscovitica // ЧОИДР. М., 1847. Т. 2.
- Шаццлло, 2010* – Шаццлло М.К. Мусульмане-предприниматели Москвы и Петербурга // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. М., 2010.
- Шевырев, 1855* – Шевырев С. История Императорского Московского университета, 1755-1855. М., 1855.
- Шепелев, 1991* – Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 225 с.

- Шигапов, 2010* – Шигапов И.И. История не терпит лжи (краткий обзор неизвестных и малоизвестных источников по истории так называемого «Исторического Башкортостана» и сословных башкир) // Большая ложь историков Башкортостана (к вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников»). Казань: Изд-во «Яз», 2010. С. 92-155.
- Ширгазин, Калимуллина, 2005* – Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Памятники архитектуры ислама города Уфы. Уфа, 2005.
- Шихсаидов, 1999* – Шихсаидов А.Р. ал-Кудуки // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М.Прозоров. М., 1999. Вып. 2.
- Шишонко, 1872* – Шишонко В.Н. Кунгурские писцовые книги татар. Пермь, 1872.
- Шишонко, 1881* – Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пермь, 1881. Ч. 1.
- Шкунов, 2013* – Шкунов В. Татары в системе торгово-экономических отношений России с Востоком // История татар: В 7 т. Казань, 2013. Т. 6. С. 322-339.
- Шлихтинг, 1934* – Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А.И.Малеина. Л., 1934.
- Шмидт, 1957* – Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений // Тр. МГИАИ. 1957. Т. 8.
- Шмидт, 1961* – Шмидт С.О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961.
- Шмидт, 1964* – Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI-XX века. М., 1964. С. 538-558.
- Шмидт, 1977* – Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ. 1977. Вып. 71. С. 25-62.
- Шпилевский, 1877* – Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
- Шумаков, 1898* – Шумаков С.А. Материалы для истории Нижегородского края. Н.Новгород, 1898. Вып. 1.
- Шунков, 1946* – Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.-Л., 1946.
- Щапов, 1858* – Щапов А.П. Лука Канашиевич, епископ Казанский // Православный собеседник. Казань, 1858. Ч. III.
- Щапов, б/г* – Щапов А. Земский собор 1748-1649 и собрание депутатов 1767 гг. Б/м., б/г.
- Щеглов, 1883* – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032-1882 гг.). Иркутск, 1883.
- Щербатов, 1789* – Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1789. Кн. 5. Ч. 1-4.; 1790. Кн. 6. Ч. 1-2.
- Щербатов, 1896* – Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Сочинения князя М.М. Щербатова. СПб., 1896. Т. 1.
- Энциклопедия Сибири, 2014* – Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика // Историческая энциклопедия Сибири: [Электронный ресурс] <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/aborigennaya-inorodcheskaya-politika>. Дата обращения: 20.12.2014.
- Эскин, 2009* – Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XV – XVII вв. М., 2009.
- Юзеев, 2000* – Юзеев А.Н. Татарские мыслители конца XVIII – XIX веков о суфизме // Суфизм в Поволжье: история и специфика. Казань, 2000.
- Юзеев, 2001* – Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII - XIX вв. Казань, 2001.
- Юзеев, 2007* – Юзеев А.Н. Философская мысль татарского народа. Казань, 2007.
- Юзефович, 1988* – Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется»: Русский посольский обычай конца XV – начала XVII вв. М., 1988.
- Юль, 1899* – Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // ЧОИДР. М., 1899. Кн. 3.
- Юнусова, 2006* – Юнусова А.Б. Башкирия // Ислам на территории бывшей Российской

империи: Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 57-63.

Юсупов, 1956 – Юсупов Г.В. Об этногенезе башкир // Конференция по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г.: Тезисы докладов. Казань, 1956.

Юсупов, 1960 – Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

Юсупов, 1979 – Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979.

Юсупов, 1981 – Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.

Юсупов, 2005 – Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 271 с.

Юхт, 1994 – Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.). М., 1994.

Юшков, 1898 – Юшков А.И. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1 // ЧОИДР. 1898. Кн. 3, отд. 1.

Яблоков, 1876 – Яблоков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Яковцевский, 1956 – Яковцевский В.Н. Торговля. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956.

Якупов, 1998 – Якупов Р.И. Тептяри. Этносоциальный феномен и научная проблема. Уфа, 1998.

Якупов, 2005 – Якупов В. Общероссийский муфтият и его муфтии. Казань, 2005.

Якупов, 2012 – Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2012.

* * *

Алишев, 1967 – Алишев С.Х. Пугачев полковнигы // Казан утлары. 1967. № 1.

Алишев, 1968 – Алишев С.Х. Бэхтияр Канкаев // Казан утлары. 1968. № 1.

Алишев, 1976 – Алишев С.Х. Бэхтияр Канкаев // Алишев С.Х. Каһарман-бабайлар. Казан, 1976.

Алишев, 1984a – Алишев С. Мэгърифэт учаклары // Казан утлары. 1984. № 4.

Атласи, 1911 – Атласи Х. Себер тарихы. Казан, 1911.

Атласи, 1920 – Атласи Х. Казан ханлыгы. Казан, 1920.

Атласи, 1992 – Атласи Х. Себер тарихы. Соен-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсерлэр). Казан, 1992.

Әмирхан, 2001 – Әмирхан Х. Тәварихы Болгария (Болгар тарихы). Казан, 2001.

Әхмәтжанов, 1998 – Әхмәтжанов М. Болгар теленең язмышы (Эпиграфика материаллары буенча) // Татар археологиясе. 1998. №1 (2). 99-119 б.

Әхмәтжанов, 2000 – Әхмәтжанов М.И. Татар кулъязма китабы. Казан, 2000.

Әхмәтжанов, 2002 – Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан, 2002. 351 б.

Әхмәтжанов, 2009 – Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан, 2009. 351 б.

Әхмәтжанов, 2012 – Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Казан, 2012. Т. 1. 407 б.

Баттал, 1996 – Баттал Г. Казан торкиләре. Казань, 1996.

Бәйрәмова, 2012 – Бәйрәмова Ф. Батырша явы. Казан, 2012.

Вәлиев, 1992 – Вәлиев Ф. Себер мәдрәсәсе // Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992.

Газизов, 1992 – Газизов Р. «Уян, шәкерт, йокламагыл!..» // Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992.

Газизова, 1927 – Газизова З. 18 йөздәге татар мәдрәсәләрендә матур әдәбият // Безнең юл. 1927. № 11.

Гәзиз, 1923 – Гәзиз Г. Пугачев явында татар-башкортлар // Безнең юл. 1923. № 10-11.

Гәзиз, 1923a – Гәзиз Г. Стенька Разин һәм тагар крестьяннары // Безнең юл. 1923. № 8-9.

Гобәйдуллин, 1989 – Гобәйдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Казан, 1989.

Госманов, 1971 – Госманов М. Шәкерт дәфтәре – жырлар биштәре // Казан утлары. 1971. № 6.

Госманов, 1983 – Госманов М. Катлаулы чорның каршылыклы вәкиле // Казан утлары. 1984. № 1.

Госманов, 1984 – Госманов М. Каурый каләм эзеннән: Археограф язмалары. Казан, 1984.

Дәүләтшин, 1999 – Дәүләтшин Г. Төркитатар рухи мәдәнияте тарихы. Казан, 1999.

Дәүләтшин, 2010 – Дәүләтшин К.С. XVIII гасыр шагыйре Мәүлә Колый. Уфа, 2010.

Йалан бөрийәндәре, 1975 – Йалан бөрийәндәре шәжәрәһе // Хөсәйенов Г.Б. IV археографик экспедициянең отчеты. Кулайзма. Өфө, 1975.

Ибраһимов, 1973 – Ибраһимов Ф.И. Беләм әлифбадан башлана (Татарча грамотага өйрәтү методикасы тарихы һәм әлифбалар). Казан, 1973.

Ислаев, 2005 – Ислаев Ф.Г. Батырша восстаниесе. 1755 ел: Тарих очерк. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 127 б.

Каримуллин, Юзеев, 1959 – Каримуллин А., Юзеев М. Йосыф Касыймов илчелеге турында яңа материаллар (Русско-индийские отношения в XVII веке: Сб. док. М., 1958) // Совет әдәбияты. 1959. № 9.

Курбатов, 1957 – Курбатов Х. Идел буе болгарларында гарәп язуына кадәр булган алфавит // Совет әдәбияты. 1957. № 10.

Латыйпова, 1968 – Латыйпова С. Халфиннар семьясы // Совет мәктәбе. 1968. № 5.

Лотфи, 1992 – Лотфи Г. Кышкар мэдрәсәсе // Мэдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992.

Мәһдиев, 1992 – Мәһдиев Р. [Кереш сүз] // Мэдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992. Б. 3-11.

Мәрҗани, 1900 – Мәрҗани Ш. Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Булгар: 2 җилдтә. 2нче басма. Казан, 1900. Ж. 2.

Мәрҗани, 1915 – Мәрҗани: Мәҗмуга / Төз. Ш.Шәрәф. Казан, 1915.

Мәрҗани, 1989 – Мәрҗани Ш. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1989.

Миңнегулов, 1982 – Миңнегулов Х., Садретдинов Ш. XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре. Казан, 1982.

Миңнегулов, 1988 – Миңнегулов Х. Шәрәк һәм татар әдәбиятында кысалы кыйссалар. Казан, 1988.

Миңнегулов, 1994 – Миңнегулов Х., Садретдинов Ш. Әдәбият: 9 нчы сыйныф өчен... Казан, 1994.

Миңнегулов, 2003 – Миңнегулов Х. Гасырлар өнен тыңлап. Казан, 2003.

Өметбаев, 1984 – Өметбаев М.-С. Өфөнөң тарихына кагылышлы материалдар // Йәдкәр. Өфө, 1984. Б. 195-205.

Рәхим, 1924 – Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Беренче җилд. Борынгы дәвәр. Икенче бүлек. Казан, 1924.

Рәхим, 1929 – Рәхим Г. Татар телендә Пугачев указы [Указның тексты белән] // Татарстан. 1929. № 5-6. Б. 43-45.

Рәхим, Гәзиз, 1924 – Рәхим Г., Гәзиз Г. Татар әдәбияты тарихы: 2 томда. Казан, 1924. Т. 1.

Саттаров, 1973 – Саттаров Г.Ф. Антропонимы Татарской АССР. Казань, 1973.

Фәтхи, 1968 – Альберт Фәтхи. Мәҗрифәт төбәкләре һәм әдәби багланышлар // Казан утлары. 1968. № 2.

Фәхреддинев, 1993 – Фәхреддинев Р. Без - Шималь (болгар) төрекләрендә гыйлем тәхсил итү рәвәше // Болгар вә Казан төрекләре. Казан, 1993.

Фәхретдин, 1899 – Фәхретдин Р. Асар. Казан, 1899. Жилд 1, жезьә 1.

Фәхретдин, 1900 – Фәхретдин Р. Асар. Оренбург, 1900. Ж. 1, жезьә 2.

Фәхретдин, 1904 – Фәхретдин Р. Асар. Оренбург, 1904. Ж. 1, жезьә 8.

Фәхретдин, 1907 – Фәхретдин Р. Милли вә дини булган мәктәб вә мэдрәсәләребез // Исламлар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Оренбург, 1907. Ж. 2.

Фәхретдин, 2006 – Фәхретдин Р. Асар. Казан, 2006. Т. 1.

Фәхретдинов, 1993 – Фәхреддинев Р. Без – шималь (Болгар) төрекләрендә гыйлем тәхсил итү рәвешләре // Болгар вә Казан төрекләре. Казан, 1993. Б. 237-243.

Фәхреддин, 1903 – Фәхреддин Ризәэддин. Асар. 3 ж. Оренбург, 1903.

Хисамова, 1981 – Хисамова Ф.М. XVIII – йөздәге татарча эш кәгазыләренен тел үзенчәлекләре. Казан, 1981.

Хөсәен Фаизханов, 2006 – Хөсәен Фаизханов: Тарихи-документаль җыентык / Төз.-авт. Р. Мәрданов. Казан, 2006.

Хөсәйенов, 1970 – Хөсәйенов Г.Б. Батыршаның батшага язган хаты // Агизел. 1970. № 10. 95-104 б.

Хөсәйенов, 1977 – Хөсәйенов Г.Б. Батырша хатының лексик һәм грамматик

узенсәлектәре // Башкортостан укытуысыһы. 1977. № 1. 28-31 б.

Хөсәйенов, 1979 – Хөсәйенов Г.Б. Батырша хатының акка күсермә нөсхәһе // Башкорт әҙәбиятының текстологияһы мәсьәләләре. Өфө, 1979. 131-159 б.

Шәймәрданов, Сибгатуллин, 2004 – Шәймәрданов Р.Х., Сибгатуллин Р.Г. Татар милли педагогикасы. 3нче, тулыландырылган, басма. Казан, 2004.

Шәкерт дәфтәрләре, 1992 – Шәкерт дәфтәрләре // Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992. Б. 224-232.

Шигапов, 2013 – Шигапов И.И. Кемнәр соң без, Төмәнәк бабай? Казан: Фән, 2013.

Юзиев, Каримуллин, 1958 – Юзиев Н., Каримуллин Ә. Һиндостанга сәяхәт тарихынан (XVI–XVIII гасырларда татар сәяхәтселәренә Һиндостанга йөрүләре тарихынан // Совет әҙәбияты. 1958. № 9. Б. 98-106.

Литература на иностранных языках

Сагути, 1966 – Сагути Тору. Росия то Адзиа согэн [Россия и азиатская степь]. Токио, 1966 (на японском языке).

Сыздыкова, Қойгелдиев, 1991 – Сыздыкова Р., Қойгелдиев М. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы, 1991.

Baranowski, 1949 – Baranowski B. Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648. Lodz, 1949.

Baranowski, 1950 – Baranowski B. Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Lodz, 1950.

Baranowski, 1957 – Baranowski B. Organizacja wojska polskiego w latach trzydziestych i czterdziestych XVII wieku. Wrocław, 1957.

Battal-Taymas, 1966 – Abdullah Battal-Taymas. Kazan Turkler. Ankara, 1966.

Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay, 1976 – Bennigsen F., Lemerrier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et le problem des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552-1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. 1976. T. 8. № 2. P. 225-228.

Bogdanowicz, Chazbijewicz, 1997 – Bogdanowicz L., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J. Tatory musulmani w Polsce. Gdańsk, 1997.

Czapliński, 1976 – Czapliński W. Długosz J. Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII w. Warszawa, 1976.

Dziadulewicz, 1929 – Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.

Frank, 1998 – Frank A. Islamic historiography and «Bulghar» identity among the tatar and bashkirs of Russia. Leiden, 1998.

Frank, 2002 – Frank A. Muslim Religions Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novokuznesk District and the Kazakh inner Horde, 1780–1910. Leiden-Boston-Koln, 2001.

Geraci, 2001 – Geraci R. Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia. London, 2001. 389 p.

Hadzy, 1971 – Hadzy Vthmed Senai z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydal, przelozyl i opracowal Z. Fbrahanowicz. Warszawa, 1971.

Hamamoto, 2009 – Hamamoto M. Islam in Holy Russia: The Tatar Conversion to Russian Orthodox Church. University of Tokyo Press, 2009 (на японском языке).

Herbst, 1938 – Herbst S. Wojna inflancka 1600 – 1602 // Rozprawy Historycznego Towarzystawa Naukowego Warszawskiego. Warszawa, 1938. T. XIX. Z. 2.

Ivanics, Usmanov, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nāmā). [Bd.] I. Szeged, 2002.

Jacewicz, 1936 – Jacewicz A. Zapomniana wieś tatarska Ochmatków // Życie Tatarskie. 1936. № 3.

Kappeler, 1982 – Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Volker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jh. Koln-Wien, 1982.

Keenan, 1965 – Keenan E. Moscow and Kazan 1445 - 1552 // A Study in steppe politics. Harvard University, 1965.

Kemper, 1998 – Kemper M. Sufies und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889. Der Islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998.

Kemper, 2006 – Kemper M. Ismails Reisebuch als Genremischung // Источники и исследования по истории татарского народа. Казань, 2006.

- Khodarkovsky, 1996* – Khodarkovsky M. «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 1996. Vol. 38. № 2.
- Kołodziejczyk, 2011* – Kołodziejczyk, D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.
- Konopczyński, 1936* – Konopczyński W. Polska a Turcja. Warszawa, 1936.
- Kryczyński, 1932* – Kryczyński, Tatarsko-tureckie osadnictwo na ziemi mieleckiej // *Rocznik Tatarski*. Wilna, 1932. T. I.
- Kryczyński, 1935* – Kryczyński L. Tatarzy polscy a wschód musulmański. *Rocznik Tatarski*. Wilna, 1935. T. 2.
- Kryczyński, 1984* – Kryczyński S. Kronika wojenna tatarów litewskich // *Przegląd Humanistyczny*. 1984. № 2.
- Kukiel, 1929* – Kukiel M. Zarys historii wojskowości w Polsce. Kraków, 1929.
- Kurat, 1940* – Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Turkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940.
- Kurat, 1954* – Akdes Nimet Kurat. Kazan Hanlığı // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 1954. Vol. XII/3-4. S. 227-247
- Kurat, 1966* – Akdes Nimet Kurat. Türkiye ve İdil Boyu. 1569 Astrahan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI–XVIII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri. Ankara, 1966.
- La Barre, 1971* – La Barre W. Materials for a History of Studies of Crisis Cults: A Bibliographic Essay // *Current Anthropology*. 1971. Vol. 12. № 1.
- Lapicz, 1986* – Lapicz Cz. Kitab tatarów litewsko-polskich. Toruń, 1986.
- Le khanat de Crimee, 1978* – Le khanat de Crimee dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / A.Bennigsen, P.Naili Boratav, D.Desaive, Ch.Lemercier-Quelquejay. Paris, 1978.
- Lemercier-Quelquejay, 1972* – Lemercier-Quelquejay Ch. Les expéditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572 // *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. 1972. Vol. 13. № 4. P. 555-559.
- Loziński, 1974* – Loziński W. Życie polskie w dawnych wiekach. Kraków, 1974.
- Nolde, 1952* – Nolde B. La formation de l'empire Russe. Etudes, notes et documents. Vol. 1. Paris, 1952.
- Paksoy, 1986* – Paksoy H.B. Chora Batir: A Tatar Admonition to Future Generations // *Studies in Comparative Communism*. 1986. Vol. 19. № 3-4. P. 252-265.
- Pelenski, 1967* – Pelenski J. Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // *Slavic Review*. 1967. Vol. XXVI. № 4. P. 559-576.
- Pelensky, 1974* – Pelensky J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s). Monton-Paris, 1974.
- Rocznik Tatarski, 1932* – *Rocznik Tatarski*. Wilna, 1932. T. I.
- Romaniello, 2012* – Romaniello M. The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552-1671. Madison: University of Wisconsin Press, 2012
- Sevcenko, 1967* – Sevcenko I. Muscovy's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled // *Slavic Review*. 1967. Vol. XXVI. № 4. P. 541-547.
- Sobczak, 1984* – Sobczak J. Położenie prawne eudności Tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa-Poznan, 1984.
- Sobczak, 1987* – Sobczak J. Tatarzy w służbie Rzeczy Pospolitej w drugiej połowie XVII w. i w XVIII wieku // *Czasopismo prawno-historyczne*. Poznań, 1987. T. XXXIX.
- Sobczak, 1990* – Sobczak J. Z zagadnień spornych osadnictwa tatarskiego w Wielkim Księstwie Litewskim // *Acta Baltico-Slavica*. 1990. T. XIX.
- Togan, 1965* – Togan, Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. İstanbul, 1965. C. III. Sayı 3/4.
- Tyszkiewicz, 1989* – Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce: studia z dziejów XIII-XVIII w. Warszawa, 1989.
- Vambery, 1864* – Vambery A. Travels in Central Asia. London, 1864.
- Zajaczkowski, 1966* – Zajaczkowski, A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle. Warszawa, 1966.
- Żdan, 1935* – Żdan M. Kilka słow o śladach Tatarszczyzny na terytorium województwa lwowskiego // *Rocznik Tatarski*. Wilna, 1935. T. 2.

Справочно-энциклопедические издания

Биобиблиографический словарь, 1989 – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. Изд. 2-е. М., 1989.

Ислам, 2004 – Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. 383 с.

Национальный архив, 1999 – Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Казань, 1999. 616 с.

Русско-татарский, 2006 – Русско-татарский словарь исторических терминов. – Казань: Магариф, 2006. 224 с.

Словарь, 1996 – Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1996. Т. 23.

СЭС, 1980 – Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.

Татарско-русский, 2006 – Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / Авт.-сост.: Г.Ф. Саттаров, Р.Г. Ахметьянов, Ф.А. Ганиев и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 375 с.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1-4.

АВК – Акты Виленской Комиссии для разбора древних актов. Вильна, 1865-1915. Т. 1-39.

АВМ – Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского, И.С. Рябинина. М., 1915.

АДД – Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени доктора ... наук

АЗР – Акты, относящиеся к истории западной России

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841-1842. Т. 1-4.

АКД – Автореф. дисс... на соискание ученой степени кандидата ... наук

АМГ – Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. СПб., 1890-1901. Т. 1-3.

АН – Академия наук

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук СССР

АЭБ — Археология и этнография Башкирии

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1-3. СПб., 1857-1884.

АЮДР, 2 – Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Под. ред. Н. Калачева. СПб., 1864. Т. 2.

БАН – Библиотека академии наук

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВГО – Всесоюзное географическое общество

ВИ – «Вопросы истории», журнал

ВМОИДР – Временник императорского Московского общества истории и древностей российских

ВЭО – Вольное экономическое общество

ГА АО – Государственный архив Астраханской области

ГА ОО – Государственный архив Оренбургской области

ГА УО – Государственный архив Ульяновской области

ГАКО – Государственный архив Кировской области

ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий-Эл

ГИМ – Государственный исторический музей

ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846-1875. Т. 1-12.

Даль – Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.

ДиП – Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1880-1901.

ДММ – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940-1952. Т. 1-4.

ДРВ – Древняя российская вивлиофика

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел

ЖМГИ – Журнал Министерства государственных имуществ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук

ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии

ИРИ — Институт Российской истории

ИРЛИ — Институт русской литературы

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории

КГВ – «Казанские губернские ведомости», газета (Казань)

КГПИ – Казанский государственный педагогический институт

КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

- КДА – Казанская духовная академия
 КИ – «Казанские известия», газета (Казань)
 КНЦ РАН – Казанский научный центр АН СССР
 К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
 КФЖ – Камер-фурьерский церемониальный журнал
 МВД – Министерство внутренних дел
 МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР
 МИД – Министерство иностранных дел
 МОИДР – Московское общество истории и древностей Российских
 НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
 НА ИЯЛИ АНРТ – Научный архив Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
 НА КНЦ РАН – Научный архив Казанского научного центра РАН
 НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, искусства и этнографии
 НКС – Ногайские книги и столбцы
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НРФ МарНИИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института
 ОДДС – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода
 ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии
 ОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете
 ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
 ОР – Отдел рукописей
 ОР ГПБ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОРК – Очерки русской культуры
 ОРРК НБЛ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ
 ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
 ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
 ПК АУ – Писцовая книга Алатырского уезда
 ПК КУ – Писцовая книга Казанского уезда
 ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
 ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.
 ПСПиР-1 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 1. СПб., 1879–1912.
 ПСПиР-2 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Серия 2. СПб., 1879–1912.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. 1841-2005. Т. 1-42.
 РА – Русский архив
 РАН – Российская Академия наук
 РБ – Республика Башкортостан
 РГАДА (ЦГАДА) – Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
 РИУ – Российский исламский университет
 РК – Разрядная книга
 РМ – Республика Мордовия
 РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
 РТ – Республика Татарстан

СА – Сенатский архив. СПб., 1888-1913. Т. 1-15.

Сб.РИО – Сборники Императорского русского исторического общества. СПб., 1867-1916. Т. 1-148

СЗРИ – Свод законов Российской империи

СИЭ – Советская историческая энциклопедия. Т. 1-16. М., 1961-1976.

СП – «Северная почта», газета

СПб. ФИРИ – Санкт-Петербургский филиал Института русской истории Российской Академии наук

СУ – Соборное уложение

СЭ – «Советская этнография», журнал

Тамб.УАК – Известия Тамбовской ученой архивной комиссии

ТАС – Труды археологического съезда (римская цифра – порядковый номер съезда)

ТВОРАО – Труды Восточного отделения Русского археологического общества

ТГВ – «Тобольские губернские ведомости», газета (Тобольск)

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

ТКИ – Татарское книжное издательство

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии

Тр. МГИАИ – Труды Московского государственного историко-архивного института

ТЭ – Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х.Хасанов, отв. ред. Г.С.Сабирзянов. Казань, 2002-2014.

УАК – Ученая архивная комиссия

ЦГАРМ – Центральный государственный архив Республики Мордовия

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете.

ЭО – «Этнографическое обозрение», журнал

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь: Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 1-41а. (кн. 1-82). СПб., 1890-1904; Доп. Т. 1-2. (кн. 1-4). 1905-07.

Прочие сокращения

австр. – австрийский

алт. – алтын

антиох. – антиохийский

архиеп. – архиепископ

архим. – архимандрит

арш. – аршин

астрах. – астраханский

булг. – болгарский

вел. кн. – великий князь

в.н.с. – ведущий научный сотрудник

в-да – воевода

вол. – волость

вып. – выпуск

г. – город

ген. – генерал

ген.-м. – генерал-майор

г.н.с. – главный научный сотрудник

гос. – государственный

губ. – губерния

губ-р – губернатор

д. – дело

д., дер. – деревня

дин. – династия

д.и.н. – доктор исторических наук

дипл-т – дипломат

дес. – десятина

док. – документ

др. – другие

ЕИВ – Его (Ее) Императорское Величество

ед. хр. – единица хранения

еп. – епископ

ж.п. – женский пол

изд. – издание

имп. – империя; имперский

имп-р – император

имп-ца – императрица

инд. – индийский

казан. – казанский

кв. – квадрат

кн. – книга; князь

кор. – король

крым. – крымский

курмыш. – курмышский

л. – лист

м.п. – мужской пол

митр. – митрополит

моск. – московский

напр. – например

нач. – начало

ног. – ногайский

обл. – область	сер. – середина
оп. – опись	сиб. – сибирский
патр. – патриарх	см. – смотри
пер. – перевод	совр. – современный
перс. – персидский	сост. – составитель
п-ов – полуостров	ст. – статья
польск. – польский	стлб. – столбец
пос. – поселок	т. – том
поч. – починок	тур. – турецкий
предисл. – предисловие	у. – уезд
прим. – примечание	узб. – узбекский
протп. – протопоп	ум. – умер
публ. – публикация	ун-т – университет
пут-к – путешественник	ф. – фонд
ред. – редактор	хивин. – хивинский
саж. – сажень	ц-ч – царевич
сб. – сборник	ц-ца – царица
св. – святой	ч. – часть

Именной указатель

- Абалак, сиб. кн. – 211
Аббас, перс. шах – 33
Аббас-мулла – 345
Абд ал-Гаффар ал-Кырыми – 38
Абд Аль-Мумин – 137
Абдаллах Бадайви – 594
Абдаллах, правитель Болгара – 586
Абдельманов С. – 479
Абдрахман Манычев – 498
Абдрахман Туймухаметов (Габдрахман бине Туймухэмэт аль-Бикчурай) – 243
Абдрахманов И. – 503
Абдрашитов Р. – 484
Абдрашитов Ф. – 525
Абдужелилов А. – 396
Абдул Мамеков – 498
Абдула б. Ак-кобек, астрах. ц-ч – 233
Абдулкаримов И. – 394
Абдулла II, узб. хан – 40, 122, 124, 126, 133, 137
Абдулла абыз Асанов – 238
Абдулла Джан Пандабакиев – 488
Абдуллаев И. – 608
Абдуллах б. Ризван – 37
Абдуллин А. – 519
Абдуллин Я. – 499, 504
Абдулов Б. – 436
Абдулов Г. – 483
Абдулов Ю. – 424
Абдурахманов Б. – 447
Абдурахманов И. – 420
Абдусалимовы – 441
Аблагерим (Аблагерим, Аблай б. Ишим) бин Ишим, сиб. ц-ч – 138, 139
Аблегерим, пелымский кн. – 132
Аблязов А. – 440
Абрамов К. – 250
Абрахам Ортелиус – 41
Абрахамович З. – 37
Абсалямов – 494
Абу Дауд – 537
Абу Йазид Бистами – 564
Абу Йусуф – 533
Абу Ханифа – 533, 538
Абу-Бакр (Абу Бакр), халиф – 585
Абудлкаримов А. – 435
Абулхайр (Абу-л-хайр, Абуль-хайр-хан), сиб. ц-ч – 136, 140, 585
Абуль-Гази, хивин. хан – 134
Абу-Мухаммед Мустафа ал-Дженнаби – 37
Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед, хивин. ц-ч – 235
Август II, польск. кор. – 258, 260, 263
Август III, польск. кор. – 42, 258, 263
Авраамий Болгарский, св. – 184
Авраамов С. – 105
Авраамов-Куткин И. – 370
Аврамов С. – 472
Агеев А. – 299
Агишев К. – 519
Агишевы – 370, 570
Адауров (Одауров) С.Г. – 268
Адай Шамаршинский – 90, 91
Адамов М.М. – 435
Адашев А.Ф., в-да – 62
Адашев Д.Ф. в-да – 76
Аделшин Б. – 519
Адельшин Б. – 440
Адельшин С. – 517
Адилев Ф. – 525
Адиль Гирей (Адель Гирай), крым. хан – 553
Адиль Гирей (Адыл-Гирей), крым. калга – 89
Адлер Б. – 596
Адриан, патр. моск. – 173, 344
Азаматов Б. – 499
Азбакеев М. – 256
Азбакеев С. (Кульмаметев) – 250, 256
Аздуров Я. – 502
Азехматов М. – 247
Азизов А. – 379
Азулевич – 262
Айметев М. – 501
Айплатов Г.Н. – 322
Аиповы – 238
Айса – 124
Айсин М. – 503
Аисов Б. – 441
Айтикины – 573
Аиткулов А. – 256
Аиткулов У. – 378
Аитов Д. – 457
Аитов И. – 457
Аитовы – 425, 450, 457
Айтулушевы – 245
Айшеркул абыз – 95
Акай сын Кусюма – 498
Акбаш – 503
Акбиев Я. – 412, 519

- Акбулатов Б. – 497
Акбулатов Г. – 285
Акдавлетовы – 245
Ак-Кобек, астрах. хан – 105, 107
Аккучат – 595
Акмазик – 94
Акманов И.Г. – 23
Ак-мирза (Акмирза), ног. мурза – 126
Акмулла – 568
Ак-Мухаммад-оглан – 65
Аксак Тимур, см. *Тимур*
Аксаков С.Т. – 318
Аксаковы – 612
Акчура – 300
Акчурин Б. – 296
Акчурины, дин. – 239, 296, 300, 302, 370, 423, 425, 570
Акчюрин Илья Муратов – 506
Алашаев Ю. – 256
Алдар Исянгильдин – 497
Ал-Дженнаби см. *Абу-Мухаммед Мустафа ал-Дженнаби*
Алеев А. – 480
Алеев И. – 420
Алей мулла – 95
Алей Угреватый – 91
Алей, см. *Али*
Алейников А. – 399
Александр I, рос. имп-р – 396
Алексеев П. – 381
Алексей Алексеевич, ц-ч – 179
Алексей Михайлович Романов, царь – 43, 158, 165-168, 177, 180, 187, 236, 296, 310
Алексей Петрович, ц-ч – 237
Алексий Раифский – 356, 369, 372, 373
Али (Али бин Кучум, Алей), сиб. хан – 126, 130, 131, 136, 137, 140
Али б. Юсуф – 108
Али ибн Нарык, эмир – 64
Алиев М. – 513
Аликеевы – 245
Алимов – 208
Алиш М. – 499
Алишев С.Х. – 21-23, 60, 424, 425, 454
Алкин Р. – 394, 433
Ал-Кышкари см. *Усманов Б.*
Аллагур-мурза – 247
Алметь Аднагулов – 244
Алмяков И. – 447
Алтыгановы – 245
Алтынай (Алтанай), сиб. ц-ч – 136, 140, 235
Алтынбек – 564
Алтышев Р. – 239
Алчинов М. – 381
Алышев – 370
Аль Гаскалани аль-Мисри аш-Шафиги – 561
Аль-Гарнати – 564
Аль-Махмет (Ахмамет), кн. – 89
Амдами, сиб. поэт – 555
Амирханов – 569
Амка – 587
Анастасия Захарьина-Юрьева, ц-ца – 73, 190
Англер И. – 169
Англер Ю. – 169
Андреева Н.Б. – 26
Андриевич В.К. – 13
Андроников И.Н. – 212
Андронников А. – 372
Андрюшев А. – 504
Анисимов А. – 441
Анна Иоанновна, рос. имп-ца – 347, 354-357, 366, 373, 382, 383, 391, 397, 431, 470, 487, 493, 523
Анна Леопольдовна, регентша – 361
Анна, швед. кор. – 33
Антоний Вид – 41
Апанаевы, купцы – 450, 570
Апкин И. – 501, 503
Апраксин П.М., казан. губ-р – 343, 353
Апраксины, дин. – 612
Апсалямов А. – 483
Аразлеевы, дин. – 245
Арай, кн. – 79
Аракчеевы, дин. – 612
Арапов Д.Ю. – 51
Арапов И. – 515
Араслан б. Али (Арслан, Араслан Алеевич), сиб. ц-ч – 40, 137, 140, 235, 238
Аремзян, сиб. кн. – 211
Аркаев Б. – 502
Аркатов О. – 196
Арслан-Али см. *Араслан б. Али*
Арсланов Ш. – 481, 489
Арсланов Я. – 399
Арфатов И. – 169
Аршеневский Я., нижегород. губ-р – 386
Асанов М. – 504
Асанов М. – 238
Асанов Я. – 306
Асановы – 427
Асбердинов – 298

- Асеев А. – 514
Асеев И. – 424
Аслип Айдулганов – 286
Асманак, сиб. ц-ч – 134, 136
Асянов Н. – 514
Атласи Х. – 14, 15, 18, 134, 135
Аттар – 547, 555, 564, 567
Аттик-мурза – 127
Аурангзеб, инд. шах – 553
Афанасьев – 196, 383, 551
Ахкобе улан – 90
Ахмад Фаруки Сирхинди – 292, 534, 538
Ахмаджан бин Фадлаллах – 578
Ахмаджан бин Шамсетдин – 578
Ахманаев – 205
Ахматовы – 425
Ахмедбек – 559
Ахмеров Г. – 14, 18
Ахмет-Гирей – 123-125
Ахметек-богатырь – 82
Ахметзянов М.И. – 23, 27, 557, 563, 595
Ахметов И. – 432, 517
Ахметьянов Р.Г. – 221
Ачекматов М. – 256, 257
Ашкин А. – 376
Аштарханиды, узб. дин. – 137
Баба-Тюклес, св. – 585
Бабич – 286
Бабичев – 189
Бабур – 292
Багиш Якушев – 100
Баженов Н. – 10, 11
Базилевич К.В. – 19
Байбахта – 251
Байбеков У. – 440
Байбековы – 426
Байбирди Шаихов – 552
Байбирин – 240
Баигар Кензин – 206
Байгильдеевы, дин. – 245
Байкачев Г. – 139
Байкашин М. – 139
Баим – 187
Баймышевы, дин. – 245
Баймяков Я. – 478
Байсеитов К., мурза – 247
Баишевы, дин. – 240
Бакаевы, дин. – 245
Бакачов Г. – 138
Бакрач Янчурин – 100
Бакрым Карманов – 552
Бакшандин Е. – 303
Бакшеев И. – 138, 139
Бакыргани С. – 555, 556, 575
Баласагуни Ю., поэт – 560, 561
Балюк Н.А. – 202, 211, 212
Барай мурза Алеев бин Кутумов (Барай мурза Кутумов) – 232, 245
Барановские – 259, 425
Барановский Б. – 260
Баратаев С., казан. губ-р – 446
Барашев И., кн. – 298
Бардак, кн. – 132
Бартольд В.В. – 545, 552, 554
Барышевы, дин. – 426
Баскаков Ф. – 80
Баскаковы, дин. – 142
Баскунов Н. – 503
Басманов А.Д. – 73
Баторий см. *Стефан Баторий*
Батгал-Таймас Г. – 18
Батгиста Аньезе – 41
Батырша (Абдулла Мазгялдин) – 53, 59, 366, 379, 401, 470, 474, 499, 500-502, 504-510, 519, 529, 540, 541
Баубек Купчак – 97
Бахадур-Гирей, крым. хан – 110, 257
Бахадур-шах – 553
Бахмет Усеинов сын Ширинский – 238
Бахметев Н.Н. – 396
Бахрушин С.В. – 19, 20, 139, 205, 210, 247, 257
Бахтеяров-Ростовский В.Ф. – 198
Бачман – 40, 241
Башканда – 68, 241
Баюшевы, дин. – 423
Баязит – 251
Баязит бин Усман ал-Кышкари см. *Усманов Б.*
Баязитов Н. – 483
Бегбелый Агтаков – 98
Бегильдеевы, дин. – 423
Бегиш – 128, 211, 249
Безбородко А.А. – 527
Безнин М.А. – 101
Безсонов И. – 73
Бекбулаг – 123, 124
Бекмаметка Казанкин – 206
Бектуганов А. – 523
Бекчурин М. – 524, 581
Белл Дж. – 451, 600
Белобродов И.Н. – 511
Белокуров С.А. – 554

- Бельский Б.Я., в-да – 270, 275-277
Бельский И.Д., в-да – 153
Беляев И.Д. – 165
Беляк Ю. – 260, 262
Беляков А.В. – 25
Бердибек, хан – 40
Березин И.Н. – 562
Беринг В. – 57
Бехан, кн. – 296
Бецкий И.И. – 389
Бибадша (Бий-Падишах), сиб. ц-ч – 134, 136
Бибарисовы, дин. – 245
Бибарсовы, дин. – 239
Бибиков А.И., ген. – 514, 515
Бибиков Ю. – 514, 515
Бибиковы, дин. – 612
Бигашев А. – 523
Бигиев З. – 565
Бигилдеев М. – 249
Бигильдеевы, дин. – 245
Бигловы, дин. – 425
Бикеев Ш. – 441
Биккинеевы, дин. – 245
Бикмухаммедов И. – 489, 490, 547, 555, 564, 565
Бикчурин М. – 447, 449
Бикчурины, дин. – 425
Биметев Я. – 409
Биргев М. – 290, 534, 538
Биркин И.И. – 278
Битюковы, дин. – 245
Бичурины – 370
Благов – 150
Блау В. – 41
Блиер И.Ф. – 492, 493
Бобровников Н.А. – 574
Бовыкин Ф. – 213
Богдан Аршинский – 138, 250
Богдан Брызга – 129
Богдановы, дин. – 427
Бодиско Я. – 468
Болоньети – 100
Болотников И. – 153, 267, 268, 272
Болотов А.Т. – 438
Болтин И. – 196, 424
Боратаев С.М. – 426
Борис Бабичев
Борис Федорович Годунов, царь – 40, 100, 113, 121, 135, 137, 210, 230, 272, 275, 546, 555, 563, 585
Борисов Н.В. – 193, 194, 196, 201
Бортенев А., сотник – 79
Боянда – 122
Брагин – 500
Бранд А. – 252
Браницкий К. – 262
Бривцын П. – 492
Бровцын М. – 105
Бронеvский М. – 31
Брыков – 250
Буби Н. – 572
Буби, дин. – 572
Буганов В.И. – 284
Буголаков Я. – 250
Булавин К. – 497
Булаев С. – 425
Булаевы – 425, 426
Булатовы – 245
Булгаков П.А. – 194
Булгаков Ю.М., в-да – 76
Бурашев А. – 468-469
Бурганов А.Х. – 556
Буреевы – 427
Бурнаев – 483
Бурнаев Б. – 592
Бурнаевы – 450, 455, 592
Бурнашевы – 426
Бурундуковы – 426
Бурцев – 398
Буссов К. – 32, 273-275
Бусыгин Е.П. – 452
Бутак, мурза – 238
Бутлер Д. – 304
Бутурлин В.А. – 153
Бутурлин Е. – 206
Бутурлин Ф.И. – 81
Бухари – 537
Бухари Х., шейх – 292
Бухгольц – 251
Буцинский П.Н. – 13, 210
Бэр М. – 32
Бэрроу К. – 112
Вагапов А. – 502, 583
Валеев Ф.Т. – 208
Валеев Ф.Х. – 23, 592, 595, 596
Валеева-Сулейманова Г.Ф. – 27, 596
Валид бин Максуд бин Дустмухаммад – 581
Валид Каргали (Валид ишан) – 530, 531, 533, 559, 560
Валиди Дж. (Валидов) – 18
Валиуллин И.Р. – 392
Валиханов Ч. – 490, 581

- Валиэтдин бин Хасан ал-Багдади (Валиэтдин бин Хасан) – 573, 574
 Вамбери А. – 486
 Варсонофий, архим. – 182, 184
 Василий I Дмитриевич, вел. кн. – 238
 Василий III Иванович, вел. кн. – 241
 Василий Арсланович Касимовский см. *Сеид-Бурхан*
 Василий Асан Мурзин – 183
 Василий Иванович Шуйский, царь – 32, 114, 154, 267-273, 275, 276
 Василий Федорович, сиб. ц-ч – 140
 Васильев Л. – 249
 Вейгель Х. – 41
 Вельяминов М.А., рязан. в-да – 279
 Вельяминов-Зернов В.В. – 14, 37, 238, 552, 562
 Вениамин, митр. см. *Пуцек-Григорович В.Г.*
 Веревкин М.И. – 583
 Веселовский С.Б. – 428
 Вечеслав Н.Н. – 596
 Видекинд Ю. – 273
 Викторин В.М. – 108
 Витевский В.Н. – 13
 Витсен Н. – 41, 42, 600
 Вишневецкий А. – 272
 Владимир, вел. кн. – 3
 Владимирский-Буданов М.Ф. – 165
 Владислав IV, польск. кор. – 263, 271, 273, 274
 Власьев А.И. – 135
 Власьев В. – 96
 Внуков И. – 138
 Воейков А., в-да – 134, 246
 Воейков Б.В. – 103
 Воинов И. – 138
 Вокщерин Ф.В. – 77
 Волков М. – 196
 Волохов З.Н. – 102
 Волынский А.П., астрах. губ-р – 348
 Волынский И.Г. – 98
 Волынский С., в-да – 251
 Вольтер – 58, 390
 Воня, кн. – 132
 Воробьев Н.И. – 381, 596
 Вороной-Волынский М.И., в-да – 77
 Воронцов И.М. – 153
 Воротынский И.М., в-да – 99, 150, 151
 Воротынский М.И., кн. – 65, 67, 80
 Всеволожский И. – 101
 Выродков И.Г., дьяк – 65, 111
 Вяземский А.А. – 391, 404
 Вяземский А.И., в-да – 150, 151
 Вяземский С. – 393
 Вязьмин С. – 205
 Габбасов М. – 456
 Габделджалил Габделманнан углы – 558
 Габденнасыр бине Сабит аль-Ачкени – 594
 Габденнасыр Рахманкули (Рахманкули) – 547
 Габдерахим бин Габдурахман – 595
 Габдерашид Муртаза – 557
 Габдессалам ибн Уразмухаммад ибн Колчура – 557
 Габдессалам ибн Ураи – 547
 Габди – 555-557
 Габдрахимов Г. (Абдуссалам Габдрахимов, Габдессалам Габдерахим) – 558
 Габдрахман ибн Мухаммад аль-Кирмани – 547
 Габдрахман Утямышев – 572
 Габдулла бин Йахйа ал-Чиртуши – 572
 Габдулла бин Муслим бин Хайдаргали – 581
 Габдуллин И.Р. – 25
 Габдуннасыр Сабитов – 549
 Гавриил, казан. еп. – 378
 Гагарин М.П. – 250
 Гагарин С.И. – 81
 Гаджи-Казы-ага – 521
 Газали (Газзали) – 289, 534, 535, 538, 555, 567
 Гази б. Урак – 106, 108
 Газиз Г. см. *Губайдуллин Г.С.*
 Гайнутдинов М.В. – 507, 562
 Гайса углы Амаг – 564
 Гайсин М. – 435
 Галанский А. – 456, 457
 Галеев И. – 456
 Галимбек – 564
 Ганс Датский – 232
 Гаспринский И. – 576
 Гафури М. – 568
 Гвариент, австр. посол – 34
 Гейденштейн Р. – 282
 Геллнер Э. – 580
 Генрих Валуа, польск. кор. – 95
 Георг Голштинский – 516
 Георг Тектандер – 33,
 Георги И.Г. – 58, 324, 386, 446, 448, 450, 451, 456, 574, 580, 596, 600, 602, 603
 Гераклитов А.А. – 16, 296
 Герасим, архим. – 187

- Герасимов Д. – 41
 Герберштейн С. – 29, 41, 142, 320, 596
 Герман, архим. – 182, 184
 Гермоген, митр. – 150, 151, 183, 184, 185, 186
 Герритс Г. – 41
 Герхард Меркатор (Герард Кремер) – 41
 Гийом Делиль – 41
 Гийом Левассер де Боплан – 33, 41
 Гильденштедт И.А. – 57
 Гильми Утямеш – 594
 Гилязов И.А. – 22, 424, 430, 474
 Гимади Х.Г. – 19, 20
 Гирей, крым. дин. – 37, 108-110, 113
 Гладков Е. – 399
 Гладков Я. – 269
 Глазов Г. – 494, 502
 Глинский М.В., в-да – 79, 80, 83
 Гловацкий С. см. *Сильвестр Гловацкий*
 Гмелин – 57, 596
 Гмелин И. – 601
 Годунов М. – 206, 252
 Годунов М.М., тобол. в-да – 249
 Годунов П.И., тобол. в-да – 41, 250
 Годуновы – 142
 Голиков И.И., казан. в-да – 342, 343
 Голицын А.А., казан. в-да – 337
 Голицын Б.А., казан. губ-р – 343, 344
 Голицын В.В. – 172, 273
 Голицын И.И. – 177, 178
 Голицын М.А. – 236
 Головачев И. – 196
 Головин – 505
 Головин А.П. – 251
 Головин В.В. – 103
 Головин П.П. – 103
 Головин Ф.В. – 103
 Головкин И.Г. – 242
 Головнев А.В. – 208
 Горбатый-Шуйский А.Б., в-да – 65, 68, 73, 74, 191
 Горин К. – 198
 Горсей Дж. – 72, 103
 Готье Ю.В. – 30
 Градовский А.Д. – 149, 338
 Греков Б.Д. – 19
 Григорий Алексеевич, сиб. ц-ч – 236
 Григорьев А.Н. – 357, 379, 381
 Григорьев А.П. – 20
 Гримм М. – 58
 Гроза, атаман – 129, 247
 Грязной – 198
 Губайдуллин Г.С. (Газиз Г., Газизов Г.) – 6, 17, 18, 22, 430, 552
 Губин Б.П. – 84
 Гумар углы Мухаммадамин – 565
 Гумер Мухаммад – 558
 Гумеров А. – 457
 Гумеров М. – 513, 514, 518
 Гуревич А.Я. – 181
 Гурий, архиеп. – 42, 86, 146, 148, 149, 159, 182, 184, 191, 193, 201, 361, 582
 Гурчеев Я. – 274
 Давидов Г. – 374
 Давиш Хафиз – 595
 Давлатша – 572
 Давлеткильдеевы – 370, 452
 Давлеткирей, ц-ч – 138, 139
 Давлетшины – 425
 Давыдов А. – 445
 Давыдов Н.Г. – 99
 Давыдов С. – 419
 Дайчин-тайша – 553
 Данаевы-Тзяшевы – 427
 Даниил Никитин (Микитин), протп. – 230
 Дарузай абыз – 286
 Дашкины, дин. – 239, 296, 370
 Двоеносова Г.А. – 25
 Дебердеевы, дин. – 570
 Деваев С. – 507
 Девлет Кильдей Кривой – 91
 Девлет-Гирей I, крым. хан – 65, 76, 86, 89, 91-93, 99, 106, 107, 109-111, 151
 Девлеткильдеевы, дин. – 171, 172, 239, 423
 Девлет-Кильдей, кн. – 298
 Девлет-Хозя Резанов – 123
 Девлетъяровы, дин. – 243
 Девочкин П. – 97
 Девятьяровы, дин. – 427
 Деколонт И.А., ген. – 515
 Дементьев В. – 138
 Демидова Н.Ф. – 200
 Денисов В.Я. – 478
 Денисов Д.Н. – 25, 487
 Дербыш, эмир – 64
 Дербышевы – 427
 Дервиш Мехмед-Гирей б. Мубарек-Гирей – 38
 Дервиш-Али (Дербыш-Али), астрах. хан – 77, 80, 104-108, 117, 136
 Дертменд – 568
 Державины – 142
 Де-Рибас – 463

- Деуковы – 299
Деум Бектемиров – 238
Джагфар Сеит – 564
Джалай-хан – 564
Джан-Али, хан – 237
Джан-Арслан – 268, 272
Джанибек, хан – 40
Джанибек-Гирей – 37
Джан-Мухаммед б. Дин-Мухаммед – 113
Дженкинсон Э. – 30, 41, 111
Джиганшин Р. – 563
Джилан Иткулов – 500
Джучи – 120
Джучиды – 540
Дивеевы – 239, 423
Дивлеткильдеев Т.Л. – 370
Димитриев В.Д. – 21, 22, 146, 179, 194, 196, 334, 364, 428, 466
Дин-Али ходжа – 573
Дин-Ахмад (Дин-Ахмет), ног. кн. – 95, 97, 126
Дионисий, архим. – 275
Дичков И. – 280
Дичков С., казан. дьяк – 270, 275-277
Дмитриев Ф. – 249
Дмитриев Д. – 299
Дмитрий Иванович, ц-ч – 268, 272, 275
Долгорукий В.В. – 471
Долгорукий В.Д. – 178
Долгорукий Г. – 206
Долгоруков Ю.А. – 286
Долоткозины – 239, 301
Домбровский, см. *Ян Генрик Домбровский*
Домна, дочь Сеид Бургана – 140
Доможиров Б.И. – 130, 133, 268
Дондук-Корсаковы – 423
Доннелли А. – 24
Дортелли д'Асколи см. *Эмиддио Дортелли д'Асколи*
Дост-Солтан, ц-ч – 140
Дохов М. – 344, 345
Дроздов С. – 481, 489
Дружина Петелин – 102, 198, 199
Дружинин Н.М. – 415
Дряблов Ф.Д. – 441
Дубровин Н.Ф. – 507
Дубровский К. – 83
Дулат – 299
Дульский П.М. – 596
Думин С.В. – 25, 30
Дусалиев Т. – 499
Дуслиев Р. – 518
Дусмат Тияш – 595
Дусметов Б. – 419
Евдокимов А. – 277
Евдокия, дочь Сеид Бургана – 140
Евмений Скаловский – 377, 380, 383
Егоров П.Е. – 334
Едигер Тайбугид – 121-124
Едигер, см. *Ядыгар-Мухаммад*
Ежи Мнишек, польск. магнат – 272
Екатерина I Алексеевна, рос. имп-ца – 347, 353
Екатерина II Великая, рос. имп-ца – 56, 58, 263, 317, 378, 382, 385-392, 400-409, 411-414, 422, 432, 433, 435, 450, 468, 475, 489, 491, 507, 510, 511, 519, 521, 523-527, 529, 543, 555, 569, 570, 582, 583, 591, 592, 602, 604, 613
Екбеев – 274
Елагин С. – 278, 279
Елецкий А. – 131, 250, 251
Елецкий Д.П. – 101
Елизавета I, англ. кор. – 30
Елизавета Петровна, рос. имп-ца – 53, 118, 287, 359, 366, 375, 382, 390, 391, 401, 408, 413, 431, 466, 470, 505-507, 509
Елизаров И.К. – 99
Еломанов С. – 238
Емаев Е. – 239
Емачтаев Б. – 247
Емикей Бибулушев – 238
Еналеев С. – 440
Еналеевы – 303
Еналей Емаметев (Джан-Али, Еналей Джанмаметов) – 243, 564
Еналей Моматов, кн. – 79
Еналей Чигасов, кн. – 79
Енашев У. – 239
Енбулат – 247
Енгалыч – 239
Енгалычев А. – 189
Енгалычев М. – 189
Енгалычев О. – 514
Енгалычев С. – 189
Енгалычевы – 172, 240, 423
Енгильдеев К. – 247
Енибьяков А., мурза – 268
Енибьяков Т. – 270
Еникеев А. – 189, 394, 398, 399
Еникеев Б. – 269, 298
Еникеев И.Л. – 370
Еникеев К. – 167, 223, 298
Еникеев С. – 188, 189

- Еникеев С.Х. – 25
 Еникеевы – 172, 239, 229, 235, 281, 299, 370, 423, 425
 Еникей – 239
 Еремеев Ф. – 83
 Ермак Тимофеевич – 10, 101, 126-129, 246, 563
 Ермаков А. – 424
 Ермолаев И.П. – 22, 146, 276, 424
 Ермолов Д. – 478
 Ермолов Л.Р. – 168
 Ернеев Е. – 301
 Ерней – 301
 Ерошкин Н.П. – 343
 Ертоул – 196
 Ершов А. – 84
 Есекеевы – 245
 Есипов А. – 96
 Ефаевы – 239, 299
 Ефай, кн. – 299
 Ефимьев Л.Г. – 170
 Ефрем, казан. митр. – 278
 Ефремов А.В. – 481
 Ехчурин У. – 376
 Ешевский С.В. – 13, 357, 359
 Жданов А.А. – 19
 Желнинский В.М. – 86
 Жижемский Д. – 73
 Жировой-Засекин А.Ф. – 134
 Жихарев А. – 344, 345
 Жолкевский С. – 273
 Заболоцкий – 73, 111, 138
 Заболоцкий Е. – 254
 Завьялова М. – 596
 Загидуллин И.К. – 51, 381, 604
 Загоскин Н.П. – 14, 165, 276
 Загрязский И. – 194
 Зайн аль-‘Абидин ибн-‘Абдаль-Карим – 587
 Зайончковский А. – 37
 Заит Аитов – 498
 Зайцев И.В. – 37, 105, 107
 Заки Ш. – 568
 Залесский В. – 462
 Залкинд Г.М. – 494
 Заманов И. – 432
 Замановы – 426
 Зарубин-Чика И.Н. – 514, 515
 Заруцкий – 271
 Заруцкий И.М. – 272, 273, 278, 279
 Захарьев Д.Ф. – 478
 Захарьины – 73
 Звенигородский Г.П. – 73
 Зейнаш – 69, 70
 Зензеит (Усеин сеит, Хусейн-сейит) – 75
 Зигмунт III, см. *Сигизмунд III*
 Зиннятова Г.Р. – 26
 Злобин Г. – 111
 Зловидов И. – 279
 Змеев Д.Ф. – 268
 Знаменский П.В. – 14, 377, 379-381
 Зорбек б. Джан-Арслан – 272
 Зотов О.В. – 143
 Зуев А.С. – 202
 Зуннун аль-Мисри – 564
 Зуюндук – 130
 Зюзин О. – 269
 Зянчурины – 243
 Йадкар-хан – 563
 Йахйя ибн Сафаргали ал-Булгари – 532
 Ибн ал-Джаузи – 290
 Ибн Арабшах – 564
 Ибн Батута – 564
 Ибн Фадлан – 564
 Ибн-Таймийи – 290
 Ибрагим бин Мохаммад Туляк – 595
 Ибрагим Худжаши – 569
 Ибрагим, хан – 122
 Ибрагимов А., мулла – 392
 Ибрагимов Г. – 568
 Ибраев А. – 483, 519
 Ибраев М. – 435
 Ибраев С. – 435
 Иван III Васильевич, вел. кн. – 62, 127, 237
 Иван IV Васильевич (Иван Грозный, Иван Васильевич), царь – 3-6, 24, 30-32, 62-65, 69, 72-74, 77, 80, 82, 83, 88, 89, 91, 93-96, 99, 100, 104-109, 111-113, 117, 121-126, 128, 129, 143, 144, 146, 147, 149-151, 153, 182, 183, 189-192, 201, 229, 275, 282, 297, 299, 300-301, 322, 382, 552
 Иван Алексеевич, царь – 43, 172, 177, 178, 206, 207, 553
 Иван Васильевич, касим. ц-ч – 180, 236
 Иван Глухов – 129
 Иван Кольцо – 128, 129
 Иванай Арсай углы (Иванай сын Арсая) – 549, 594
 Иванов В. – 378
 Иванов Ф. – 383
 Иванча – 90
 Ивашев – 198
 Игельстром О.А. – 521, 522-524, 525, 527, 528, 582

- Игнатъев Т.Ф. – 79
Идегей (Идигей, Эдегей) – 40, 238, 563, 564, 585, 586
Ижбулатов Т. – 399, 504
Избрант Эверт Идес (Эверт Исбрант Идес) – 34, 42, 252
Изелбай – 286
Измайлов Б.И. – 26
Измайлов Ю. – 456
Изменев А. – 519
Износков И. – 381
Иисус – 534
Иконников Г. – 502
Илбаевы – 245
Илгулуй – 130
Илитен султан – 134
Илларион, архиеп. – 356
Илми Утямыш углы (Илми сын Утямыш) – 549
Ильминский Н.И. – 381
Иман батыр – 497
Имангулов К. – 501, 503
Иманкулов А. – 394
Индова Е.И. – 446
Иноземцев А. – 482, 483
Иноземцев О.С. – 494
Иоаким, патр. моск. – 368
Иоанн Симонов, протп. – 374
Иов, патр. – 184
Иоганн Георг Корб – 34
Ионинас Й. – 30
Иосиф II, имп-р Габсбургской империи – 385
Иртышов Д. – 247
Исаев Р. – 373
Исак Ахматов, кн. – 237
Исаков – 500
Исеевы – 427
Исенбаевы – 245
Исенев К. – 256
Исенева (Эсенева) – 245
Исенева – 427, 440
Исеней Мокшев сын Бутаков – 239
Ислаев Ф.Г. – 357, 364, 365
Ислам – 64
Ислам Нарыков, бек – 68
Ислам-Гирей, хан – 38
Исланов У. – 503
Исмагил Утямышев – 572
Исмагил, поэт – 557
Исмагил-мулла – 345
Исмаил, ног. бий – 33, 75, 104-111, 121, 123, 124
Исмаилов М. – 483
Истемир – 123
Истома Г. – 30
Истома Парфенов – 196
Исупов Д. – 158
Исхак бин Габдулькарим – 557, 595
Исхаки Г. – 568
Исхаков А. – 424
Исхаков Б. – 441
Исхаков Г. – 480
Исхаков Д.М. – 25, 26, 103, 202, 238, 240, 381, 382
Итеев Т. – 250
Итеев Х. – 250
Итяк – 296
Иуст, иеромонах – 383
Иш, ц-ч – 140
Ишеевы – 172, 239, 296, 423
Ишим (Иш-Мухаммед), сиб. ц-ч – 136-139
Ишимов А. – 519
Ишимов Б. – 484
Ишимов К. – 249
Ишкараевы – 245
Ишменев И. – 447
Ишметев А. – 243
Ишметев М. – 441
Ишметев У. – 243
Ишмуратов Г. – 435
Ишмухаметов Г. – 434
Ишнияз бин Ширнияз ал-Хорезми (Ишнияз ибн Ширнияз) – 532, 547, 574
Иштерек – 114
Иштирак-бек – 137
Иштиряк – 552, 553
Иштора богатырь – 95
Иштуган А. – 557
Иштудин И. – 418
Иштутов Я. – 399
Кабузан В.М. – 330, 363, 365, 466
Кабули см. *Фаиз-Хан Кабули*
Кадер – 572
Кадермухаммед Шаяхмет углы (Кадермухаммед сын Шаяхмета) – 549
Кадыр Али-бек (Кадир Галибек, Кадыр-Али бек, Кадыр-Али-бек) – 40, 131, 137, 546, 555, 563, 566, 585, 586
Кадырбердеевы – 245
Кадырметов К. – 445
Кадырметов Я. – 518

- Кадышев И. – 424
Кадышевы – 245
Казак Артыбашев, мурза – 187
Кзаков А.Б. – 268
Казарин Мачехин – 196
Казаринов Н. – 191
Казимир, кн. – 82
Кайбула – 107
Кайдаулов Б. – 210
Кайдауловы – 247
Кайсаровы – 425
Какаш см. *Стефан Какаш*
Калачников В. – 138
Калачов Н. – 30
Калинин Н.Ф. – 19, 20
Калмет Крусев – 498
Кальвин Ж. – 71
Камай-мурза – 191
Каменев Г.П. – 451
Каменев И. – 499
Каменев П.Г. – 388
Каменский Н. – 374
Каминкин А. – 243
Канай – 136
Канапацкая З. – 607
Кангуловы – 245
Кандалы (Кандалый) Г. – 557, 568
Каниц фон Ю.И. – 516
Канкаев Б. – 515-518, 558
Кантандеев Досай мурза – 245
Канчин М. – 242
Канчюрин У. – 247
Капландыев К. – 257
Капшелер А. – 24, 25, 146, 147, 157, 158, 168, 172, 346, 366
Кар В.А., ген.-м. – 513, 514
Кара-бек (Карачура) – 241
Караевы – 240, 427
Кара-Килимбет – 297
Карамзин Н.М. – 9, 82, 100, 393
Карамзины – 612
Карамышевы, дин. – 245
Карасакал – 498
Карауловы, дин. – 245
Карачурин Х. – 285, 286
Карачурины, дин. – 242
Карашовы – 245
Каргалый А. (Абдульманих Каргалый, Абул-Маних Каргали, Абдельманих Каргалый) – 530, 547, 557
Карими Ф. – 565
Каримуллин А.Г. – 23, 407
Карл IX, шв. кор. – 260
Карл XII, шв. кор. – 258
Карякин П. – 398
Касим, касим. хан – 237, 295
Касимовы – 177, 243, 426, 427
Каспирин Б. – 249
Кастровы, дин. – 238
Касымов Пантелей мурза – 245
Катанов Н.Ф. – 14, 128, 389, 562
Катырев-Ростовский И. – 252
Кафтырев Г. – 107
Качак – 90
Кашаевы – 284
Кашин Ю.И. – 77
Каштанов С.М. – 21, 148
Квасниковы, дин. – 450
Квашнин-Самарин А.Н., казан. губ. – 390, 391, 405, 445
Кебек – 64
Кебеньяк (Кебенка), кн. – 79
Кедай, сиб. ц-ч – 136
Кекуатовы (Кейкуатовы), дин. – 423
Келарев П. – 494
Келементеев Т. – 247
Келиев – 285
Келмамет Айгилдеев – 238
Келманко – 497
Кемпер М. – 490, 500, 541, 544
Кизылбаев А. – 138
Кизылбай – 205
Кизынбаевы, дин. – 245
Кикин Д.А. – 193, 194, 196, 201
Кикичевы – 301
Килдищ Енаев – 196
Килмяк Нурушев – 497
Кильдишевы, дин. – 423, 427
Кильмухаммад бин Ишман – 595
Кильмяк – 373
Кимекеев С. – 447
Кинзегулов К. – 502
Киреев Ф. – 269
Киреевы, дин. – 242
Кирилл, архим. – 279
Кирилов И.К. – 57, 485, 524
Киров С.М. – 19
Китаев Ю. – 434, 435
Кичей Чоров – 238
Киштанаевы, дин. – 245
Клас Иогансен Прютц – 41
Клочков М.В. – 346

- Клочков М.И. – 198
Клюев В.П. – 208
Ключевский В.О. – 12, 15
Кобелев А. – 494
Кобелев И. – 399, 494
Коблов Я.Д. – 14
Кобылин И.В. – 101
Кобяк Айдаров, кн. – 237
Ковырин Б. – 83
Кожевников И. – 456
Козаевы – 370
Козлов И. – 473
Козлова К.И. – 321, 323
Козьмин М. – 502
Кол Гали (Кул Гали) – 555, 560, 575
Колупаев М. – 81, 107, 110
Колчура см. *Габдессалам ибн Уразмухаммад ибн Колчура*
Колчурины, дин. – 427, 428
Кольцов-Мосальский В. – 133
Концепольский С., гетман – 257, 261
Копландин Т. – 256
Корб И.Г. – 34
Коркодинов Ф. – 256
Корнеев Е. – 596
Корнелий де Бруин (Корнелий д'Бруини) – 34, 304, 596
Корсак А. – 481
Корсаков Д.А. – 14, 368
Корыцкий Александр Мустафа – 261
Костев А. – 303
Костомаров Н.И. – 12, 378
Костюрин – 505
Костюшко Т. – 259
Костяев А. – 223
Котошихин – 200
Кочемаметев К. – 256
Кошчевлей улан – 90
Красильников С. – 492, 493
Краснова И.Ф. – 419
Крафтер А. – 169
Кременецкий Г. – 377, 378
Кричинский А. – 258
Кронелли М. – 41
Крузе Э. – 31
Крупенин П. – 208
Крымские-Ширинские – 370
Ксения Годунова – 232
Кубей-Мурад, сиб. ц-ч – 136, 137
Кубкеев (Купкеев) Даниила Мурзин – 282
Куватовы – 245, 425
Кугеевы – 427
Куглин Б. – 420
Кугутай – 129
Кугушев И.С., кн. – 223
Кугушевы – 172, 239, 370, 423
Кудайгул – 95
Кудашев Б. – 296, 298, 301
Кудашев Ф. – 189
Кудашевы – 239, 296, 300, 302, 423
Куджагулов А. – 502, 504
Кудрявцев Н.А., казан. вице-губ-р – 351, 352, 369, 459, 461, 472, 473
Кудрявцев Н.Н., ген.-м. – 473
Кудяков Д. – 296
Кудяковы – 300
Кукляшев С. – 583
Кукляшевы, дин. – 425
Кукушев С. – 298
Кулай, мурза – 79
Кулай-мурза – 79
Кулбахтин Н.М. – 23
Кулмаматов М. – 434
Кул-Мухаммад (Кул Мухаммед) – 532, 560
Кулумбетов Ш. – 502
Кулунчаковы, дин. – 239, 423
Кулушев К. – 243
Кулчюмов Сабанай Асанов сын – 245
Кул-Шариф, сейид – 64, 66, 70
Кулый М. (Мавля Колый, Байрамгали Кулиев, Меллагол, Бимка Суфый) – 290, 291, 555, 556, 557, 560
Кульмаметев А. – 208, 256
Кульмаметев С. – 250
Кульмаметевы – 210, 249, 256
Кулюковы – 233
Кумыш – 134
Куприянов В.П. – 440
Куприянов С., курмыш. протп. – 360
Курат А.Н. – 17, 18,
Курбский А.М., кн. – 64-70, 77, 78, 80, 81, 117, 320
Курбский С.Ф., вел. кн. – 30
Курбский Ф. – 127
Курленевы – 245
Курманалеевы, дин. – 245
Курман-Алий, кн. – 79
Курмышев М. – 499
Куров Д. (Непейцын) – 121, 122
Курсави Г. – 535-538, 572
Кутб – 557
Куткины, дин. – 370, 423

- Кутлин С. – 447, 449
Кутлумбетевы (Кутлуметевы) – 243
Кутлуметко Кулушев
Кутук, кн. – 247
Кутумовы – 231, 244, 245, 302
Кутушев М. – 441
Кутыевы, дин. – 299, 423
Кухистани – 534
Кучеков А. – 503
Кучугай (Кутугай) – 127, 129
Кучукай Сакаев – 554
Кучукбай – 502, 503
Кучук-Безергенъ – 92
Кучуков Т. – 247
Кучум (Кучум-хан, Кучум б. Муртаза), сиб. хан – 37, 40, 89, 94, 121-140, 202, 204, 205, 207, 211, 232, 236, 246, 249, 250, 271, 571
Кучумовичи – 121, 131, 134, 136-140, 205, 207, 249, 255, 571
Кушева Е.Н. – 109
Кырымлы Хаджи-Мухаммед Сенаи – 38
Кятиб-челеби см. *Мустафа б. Абдуллах Кятиб-челеби*
Ладыженский Л.Д. – 103
Лаиш – 90
Ламбердей – 90
Лаптев М. – 430, 596, 600
Латкин В.Н. – 165
Лачинов – 100, 108, 126
Лейбниц Г.В. – 366
Ленин В.И. – 16,
Лепехин И.И. – 57, 365, 380, 421, 442, 444, 446, 448, 451, 596, 601
Лепицкий И. – 506
Лепренс И.Б. – 596
Лецинский С., см. *Станислав Лецинский*
Лжедмитрий I – 33, 275
Лжедмитрий II – 31, 267, 268, 270-277, 553
Липаков Е.В. – 22
Литвин Михалон – 30
Литвинов И. – 179
Лихачев Д.С. – 22
Лихачев Ф.Ф. – 428
Лобанов Ф.М. – 99
Лобанов-Ростовский Ф.М., в-да – 95
Лодыгин Г.В. – 225
Ломоносов М.В. – 9
Лопухин И.В. – 52, 434
Лопухин П.А. – 344
Лука Канашевич (Конашевич), еп. – 373, 377, 387, 390, 499, 551
Лукин А. – 378
Лукман – 558, 560
Лукман Хаким – 564
Лукьян – 278
Лутовинов М. – 279
Луховец И. – 249
Лушкин Г.Г. – 268
Лызлов А.И. – 9
Львов П.Л. – 179
Люткин Ф. – 497
Люцидарская А.А. – 248
Лядомский – 500
Ляпунов П., казан. дьяк – 273, 276, 277
Ляцкий И.В. – 41
Магадеев М. – 484
Магмед-Гирей – 89
Майковы – 245
Макарий, антиох. патр. – 35
Макарий, архиеп. – 118
Макарий, митр. – 4, 62, 63, 144, 190
Макаров Д.М. – 356
Максимилиан I, имп-р – 29
Максудовы, дин. – 370
Максутовы, дин. – 423
Максютов М. – 483
Максютовы – 423, 483
Макулов В. – 189
Макуловы, дин. – 239
Малик б. Анас – 537
Малов Е.А. – 14, 378, 379
Малыгин П. – 279
Мальшев В.И. – 22
Мальшкин А.А. – 158
Мальцев М. – 250
Маматкозины, дин. – 301, 425
Маматкозины-Сакаевы, дин. – 423
Маматовы – 450
Мамашев Я. – 501
Мамедлеев А. – 256
Мамедкулов Ч. – 158
Маметевы, дин. – 245, 427
Маметкул (Мухаммед-Кули султан), сиб. ц-ч – 125, 127-129, 133, 247
Маметнаров М. – 208
Маметовы, дин. – 423
Мамеш Теребердеев, мурза – 270
Мамешев М. – 270
Мамин, кн. – 237
Мамины – 302, 423, 425
Мамич-Берды (Мамич-Бердей) – 80-82, 90
Мамкеевы, дин. – 245

- Мамлеевы, дин. – 172, 299
Мамлей – 299
Мамонин – 316
Мамук – 297
Мамяшевы, дин. – 426
Манашевы, дин. – 243
Мангушев Я. – 396, 398
Мангушевы, дин. – 303
Манди Котыш – 560
Маннапова А.С. – 553
Мансур Халладж – 564
Мансур, шейх – 526
Мансуров Г.А. – 370
Мансуров И. – 130
Мансуров Л. – 80, 107
Мансуров С. – 416
Мансуровы, дин. – 370, 426, 441
Мансыревы, дин. – 239, 423
Манцырев – 374
Манцырев А. – 189
Маньков А.Г. – 160, 162-165, 178
Марджани Ш. – 14, 136, 289, 387-389, 532, 533, 544, 557, 561, 562, 571-573, 587, 594-596
Маржерет Ж. – 31
Марина Мнишек, моск. ц-ца – 272, 274
Мария Тюдор, англ. кор. – 30
Маркс К. – 15
Масса И. – 18, 32, 41, 42, 87, 102, 273
Матвеев А.А., граф – 41
Матвеев А.В. – 127, 128, 135
Матвей Мещеряк, атаман – 129
Матвиевский П.Е. – 481
Матузова В.И. – 30
Матюнин М.В. – 440
Махдум А'зам – 290
Махметша бей – 521
Махмуд Булгари – 555, 561, 567
Махмудов М.-Г. – 578, 583
Мачаковы (Мочаковы), дин. – 245
Медведков Д. – 377
Мезецкий В.С. – 77
Мезецкий Д.И. – 273
Мелдер А. – 169
Мелиссино – 393
Мельников-Печерский П.И. – 314, 317
Менгли-Гирей I – 37
Менгли-Гирей II – 37
Меншиков А.Д. – 342, 345, 349
Меркатор см. *Герхард Меркатор*
Мертваго Д.Б. – 59, 521, 522
Мехмед Фундыклылы – 38
Мехмет IV, тур. султан – 613
Мещерский Г.Ф. – 92, 153
Мещерский П.С. – 426, 457
Мизинов С. – 83
Микулинский С.И. – 77
Микулинский-Пунков С.И. – 77
Миллер Г.Ф. – 10, 57, 120, 122-124, 134, 205-207, 246, 249, 252, 324
Милов Л.В. – 323
Мирославские, дин. – 172
Мирославский Ф. – 242
Милшейка – 286
Минин К. – 278
Минлибаев Ч. – 501
Миннегулов Х.Ю. – 27
Миннуллин З.С. – 22, 56
Мисаил, архиеп. – 168, 173, 230
Митенев Т. – 242
Мифтахутдинова Д.Ш. – 382
Михаил Вишневецкий, кор. – 42
Михаил Федорович Романов, царь – 134, 154, 156, 157, 164, 256, 275, 279, 301, 424, 552, 553, 564, 590, 612
Михайлов А. – 418
Михайлов В. – 360
Михайлов С.М. – 312
Михайлов Я. – 129
Михельсон И.И. – 517
Миченевы – 427
Мнишек Е., см. *Ежи Мнишек*
Мнишек М., см. *Марина Мнишек*
Можаровский А.Ф. – 14, 169, 356, 357, 380, 383, 551
Моисеев – 498
Мокеев П. – 269
Мокринский – 250
Молла – 134
Молла Чепанов – 238
Молоствовы, дин. – 612
Молчанов Н. – 254
Молчанов С. – 138
Мончак – 115
Морозов В.П., в-да – 270, 275-277
Морозов П.В., в-да – 77, 82
Мосолов – 502
Мохнев И. – 79
Мрочек-Дроздовский П.Н. – 342
Мряков М. – 502
Мстислав Владимирович – 104
Мстиславский И.Ф. – 78, 80, 83, 96
Мстиславский Ф.И. – 271, 273, 279

- Мулла Маметша Шамаметев – 488
 Мулла, сиб. ц-ч – 136
 Муметнаров М. – 208
 Муравцев А. – 456
 Мурад (Мурат), мулла – 59, 529, 540, 541
 Мурад III, тур. султан – 150
 Мурад IV, тур. султан – 37
 Мурад-Гирей, крым. ц-ч – 38, 113, 235
 Мураддым бин Ибрагим – 594
 Муратов К. – 514
 Муратовы, кн. – 299
 Мурза-абыз – 345
 Мурзагулов А. – 523
 Мурзакаев Я. – 418
 Мурзалиев И. – 501, 503
 Муртаза ас-Симети – 564, 565
 Муртаза Файзеддин Марзян – 490
 Муртаза, сиб. хан – 122-124
 Муртазин М. – 441
 Муртазин С. – 525
 Мусаковы – 245
 Мусин Г. – 483
 Мусин М. – 435
 Муслендин-эфенди – 521
 Муслим – 537
 Муслими Г. (Габделманнан Муслимов, Мандан) – 532, 558, 559
 Муслими Х. (Хусаматдин ибн-Шарафатдин) – 541, 546, 555, 561, 562, 566
 Муслимов М. – 544
 Муслюм Серманаев – 498
 Муслюмов А. – 522
 Муслюмов В. – 483
 Мустаев А. – 518
 Мустай – 503
 Мустафа – 92
 Мустафа б. Абдуллах Кятиб-челеби (Кятиб-челеби, Хаджжи-халифа) – 35, 555
 Мустафа б. Кайбулы – 40
 Мустафа сын Куллугахмета – 551
 Мустафа Чугай – 549
 Мустафа, мурза – 90
 Мустафин И. – 441
 Мустафин М. – 514
 Мустафина Д.А. – 22, 166
 Мустафины, дин. – 171, 423
 Мустафины, муллы – 523
 Мухамедьяров Ш.Ф. – 37, 424
 Мухаметгали сын Галляма аль-Булгари – 549
 Мухаметев Р. – 483
 Мухаметов А. – 457
 Мухаметрахимов Г. – 484
 Мухаметшин Ю.Г. – 382
 Мухаммад Зариф бине Габдельжамиль – 594
 Мухаммад ибн Муса ал-Кудуки – 289
 Мухаммад Челеби – 575
 Мухаммад Шайбани – 533
 Мухаммад-Ма'сум – 292
 Мухаммад-Рахим бин Йсуф ал-Ашити (Мухаммадрахим б. Йусуф Ашыгги-Мачкарави) – 535, 572
 Мухаммадрахим ибн Рафик аль-Казани – 566
 Мухаммад-Салим Умитбаев – 573
 Мухаммед (Мухаммад) – 364, 542, 558
 Мухаммед Амин (Мухаммед-Амин) – 183
 Мухаммед Эренк – 553
 Мухаммед Юсуф Касимов – 545
 Мухаммед-Гирей I, крым. хан – 37, 110
 Мухаммед-Гирей II, крым. хан – 31, 97, 110
 Мухаммед-Гирей IV, крым. хан – 36, 37
 Мухлинский А. – 264, 265
 Мынгаус Х. – 174
 Мыцык Ю.А. – 30
 Мясной И. – 130
 Мясоедов Ф. – 100
 Навои Алишер – 555
 Нагаевы, дин. – 245
 Нагой А.Ф. – 89, 90, 151
 Нагой М. – 136
 Надиров С. – 449
 Надыров Н. – 250
 Надыров С. – 447
 Надыров У. – 256
 Назиров С. – 483
 Назировы, дин. – 570
 Накышбанди – 564
 Наполеон – 544
 Нарушев Б. – 87
 Нарыков Ч. (Чура-батыр) – 72, 242
 Нарышкин Б. – 96
 Нарышкин Л.К. – 344
 Нарышкин М.К. – 140
 Нарышкина Н.К., ц-ца – 140
 Нарышкины, дин. – 172, 612
 Насаи – 537
 Насафи – 536
 Насыри К. (Насыров К.) – 14, 562, 568, 583, 594, 596
 Наумов Я.Г. – 96
 Наякшин К.Я. – 20

- Небольсин П.И. – 13, 131, 135, 247, 490
Невзоров М. – 602
Неджиб Асым – 38
Неелов П. – 278
Неклюдов С.В. – 517
Нелборх Я. – 169
Немоевский С. – 33, 99, 245
Неофит – 360
Неплюев И.И. – 13, 59, 399, 431, 470, 480, 485, 487-489, 503-506
Несмеян Васильев – 498
Нетесов С. – 276
Нигматулла аль-Эстерлебаши (Нигматулла бин Биктимер, Тукаев) – 547, 572
Никита Пан – 129
Никитин А. – 481
Никитин Н.И. – 255
Никитин Ф. – 375
Никитников И. – 372
Никифор Васильевич, касим. ц-ч – 179
Николай I, рос. имп-р – 429
Николай Чудотворец, св. – 183
Никольский Н.В. – 334, 357
Никон, патр. – 180, 187,
Нияз-Кули Туркмани – 530, 535
Новосильцев И. – 149
Ногманов А.И. – 50, 51, 369,
Ноготков Ф.А. – 140
Ноготков-Оболенский И.А. – 98, 101
Ноеда – 250
Норов Г. – 223
Нураевы – 426
Нурали-хан – 503
Нуркин Б. – 489
Нурсеитовы – 427
Нурушев Б. – 424
Нурушевы – 424, 427
Обаитко Комаев – 187
Обатуров Ф. – 278, 279
Образцов А. – 280
Овцин – 429
Овчинников Р.В. – 60
Одигитриевский Н. – 381
Олеарий А. – 6, 32, 33, 116, 304
Олсуфьев А. – 393
Омар Хайям – 547
Омер-паша – 35
Опарина Т.А. – 228
Ораковы – 245
Орешкова С.Ф. – 39
Орленко С.П. – 229
Орлов А.М. – 156
Орлов В.Г. – 58, 388, 390
Орлов Г.Г. – 57
Орудж-бек Баят – 103
Осипов С. – 279
Осокин В.И. – 495
Осокин Г. – 494
Осокин И.П. – 496
Осокин И.Ф. – 496
Осокин П. – 494, 496
Осокин Ф.Ф. – 495
Осокины, дин. – 494-496
Остапчук В. – 37
Павел (Конюсевич), митр. – 208
Павел I, рос. имп-р – 263, 425, 427, 465, 467, 475
Павел Алеппский – 35
Павел, митр. – 207, 378
Павлов-Сильванский Н.П. – 152
Пайпс Р. – 429
Палецкий А.Д. – 96
Палладий, еп. – 378
Паллас П.С. – 57, 58, 116, 596
Панеях В.М. – 157
Панин Н.И. – 389
Паньяда – 121
Патрик Гордон – 33, 34
Паули Ф.Х. – 596
Пахом, митр. – 210
Пеленски Я. – 24
Пересветов И. – 3, 4, 62
Перетяткович Г.И. – 13
Петляков Н. – 456
Петр I Алексеевич, рос. имп-р – 34, 43, 49, 55, 56, 140, 149, 171, 172, 177-180, 201, 206-208, 236, 284, 287, 334, 339-341, 344-350, 352-355, 366, 368-371, 381, 389, 390, 402, 403, 408, 414, 417, 430, 451, 453, 459, 460, 469-471, 480, 492, 495, 497, 516, 546, 553, 590, 591, 603, 604
Петр II Алексеевич, рос. имп-р – 464, 472
Петр III Федорович, рос. имп-р – 385, 511
Петр Татаринов – 554
Петрей де Ерлезунда П. (П. Петрей) – 32, 98
Пеутлинг А.А. – 527
Пивов П. – 100
Пинегин М.И. – 14
Пир-Мухаммед, хан – 137
Писемский Ф.А. – 102
Платонов С.Ф. – 199
Плещеев Д.М. – 77

- Плещеев М.Л. – 179
Пляшевы, дин. – 426
Подъячев А. – 399
Пожарский Д.М. – 156, 278, 303
Поздеев И. – 278, 279
Покровский И.М. – 240
Покровский М.Н. – 15, 16, 18
Полоченинов П.И. – 278
Посник Яковлев – 83
Посошков И.Т. – 347
Поссевино А. – 320
Постник Огарев – 101
Потемкин Г.А. – 59, 393, 409
Потнов М. – 456
Преображенский А.А. – 20
Пресняков А.Е. – 157
Приклонские – 416
Прозоровский П.С. – 207
Прютц К.И.
Пугачев Е.И. – 5, 10, 23, 53, 60, 333, 380, 400, 411, 432, 510-518, 546, 558
Пулатов А. – 513
Пумрас Семенов – 498
Пуцек-Григорович В.Г. (Вениамин) – 329, 334, 374, 377, 380, 383, 390, 391
Пушечников В.Л. – 179
Пушечников Д. – 223, 303
Пушкин А.С. – 516, 517
Рабгузи – 555, 567
Рагозин В. – 450
Радлов В.В. – 39
Разин Степан – 5, 173, 285, 286, 298, 336, 337
Разхматуллин А. – 436
Рамаданов К. – 241
Рамазанова Д.Б. – 305
Рамеевы – 570
Рахим А. – 17, 18, 552, 562
Рахимкол Абубакер – 558
Рахматуллин Г. – 424
Рахматуллин У.Х. – 21, 227
Рахматуллина А. – 457
Рашид ад-Дин – 40, 563, 585
Резеп Бацын – 554
Резяпов М. – 478
Ремезов С.У. – 41, 134, 247
Реммал-ходжа (Бадр-ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед-Кайсуни-заде Нидаи-эфенди) – 36
Репнин – 468
Репнин Н.В. – 263
Ржевский Е. – 84
Римский-Корсаков Я. – 342
Ритгих А.Ф. – 596
Ришкин С. – 436
Рогожин Н.М. – 47
Ромадановский – 124
Роман Васильевич, сиб. ц-ч – 140
Романиэлло М. – 24
Романов Н.Р. – 23
Романов Ф.Н. (Филарет), патр. – 157, 272,
Романовы – 179, 236, 552
Ромашка, казак – 286
Рудольф II, австр. имп-р – 33
Ружинский Р. – 272
Руми Джалалетдин – 555
Румянцев А.И. – 487
Рыбушкин М.С. – 10, 11
Рылов М.А. – 596
Рычков Н.П. – 57, 442, 492
Рычков П.И. – 10, 57, 96, 317, 442, 444, 445, 488, 549
Рюриковичи – 237
Саадет III Гирей, хан – 38
Саади – 547, 555, 560
Сабанаков – 208
Сабанеевы – 245
Сабитов А. – 578
Саблуков Г. – 565
Сабуров Б.Ю. – 193
Сабуровы – 142, 612
Савельев А. – 286
Сагит – 572
Сагути Тору – 484
Садур В.Г. – 380
Саид-Ахмет (Шейдяк) – 238
Сайдашевы, купцы – 570
Сайдуковы – 570
Сайид-Бурхан, см. *Сеид Бурхан*
Саймонов Л.Я. – 582
Саин-Булат б. Бек-Булат (Симеон Бекбулатович), касим. царь – 235, 236
Сайфульмулюк Зайнетдин углы – 594
Саков Г.Г. – 478
Салеев Б. – 519
Салих ал-Йамани – 289
Салихов Р.Р. – 26
Салихов Х. – 547
Салтагозины – 303
Салтанаев Я. – 479
Салтыков А.П. – 348
Салтыков И. – 505
Салтыков Л.А. – 77
Салтыков М.Г. – 272

- Салтыков Ф.И. – 82
Салтыков-Морозов Б.И., в-да – 73, 75
Салтыков-Травин И., в-да – 127
Самойлов А.И. – 527
Самойлов А.Н. – 426
Сандрарт Я. – 42
Сапаров М. – 420
Сапега Л.И., польск. посол – 100
Сапега Я., польск. шляхтич – 272
Сапеги – 260
Сараи С. – 560
Саркеевы, дин. – 427
Сары Мирген – 285
Сарыевы – 245
Сарый-богатырь (Сары-батыр) – 75
Сарычев И. – 249
Саттарова Л.И. – 596
Сафаргалиев М.Г. – 238
Сафаровы – 245
Саферов Н. – 481, 489
Сбоев В.А. – 450, 451
Свердлова Л.М. – 26
Свечин – 380
Свинцицкий В. – 372
Святослав, вел. кн. – 3
Седахметевы – 239
Седехметевы – 296, 299
Сеид-ага – 489
Сеид-Ахмед Тайбугид (Сейдяк) – 131, 133
Сеид-Бурхан (Сеид-Бурхан б. Арслан, Сеид Бурган, Сайид-Бурхан, Сейид-Бурхан, Вавилий Арсланович), касим. ц-ч – 35, 140, 179, 180
Сеиди Али Рейс – 35
Сейдяк – 123
Сейдяк б. Бекбулат – 131
Сейид-Мухаммед-Риза – 37
Сейид-Бурхан, см. *Сеид-Бурхан*
Сейит-Ахмет Тайбугид – 137
Сеинов К. – 435
Сеит Крусев – 498
Сеит Мамедов – 498
Сеит, мулла – 285
Сейткул – 130
Сеит-мурза А. – 78
Сеитов А. – 399
Сеитов С. – 447
Сеитов Х. – 483
Сейтяковы – 243
Сейфи Челеби – 37
Секизбей, кн. – 238
Селепов В. – 399
Селим II, тур. султан – 35, 91, 149, 301
Семен Болховский – 129
Семен Маленький – 481, 553
Семен Сукин – 85
Семён Хозяшев – 91
Семенев М. – 256
Семенов С. – 499
Семеновский В.И. – 512
Сенюткин С.Б. – 150
Сергеев А. – 497
Сергеевич В.И. – 165
Серебряный В.С., в-да – 65, 73, 191
Середонин С.М. – 30
Сеченов Д. – 357, 373, 374, 380
Сиверс – 502
Сигизмунд III, польск. и шв. кор. – 33, 260, 271-274
Сигизмунд-Август, польск. кор. – 117
Сильвестр Гловацкий, митр. – 208, 355, 371, 374, 375-377, 380, 499
Сильвестр, митр. – 143
Симеон, сиб. архиеп. – 230
Сирхинди см. *Ахмад Фаруки Сирхинди*
Ситцкий – 196
Сицкий А.Ю. – 272
Сиюшевы – 245
Скопин-Шуйский М.В. – 270, 271
Скрынников Р.Г. – 127
Словцов М.И. – 268
Словцов П.А. – 13
Смаилевы – 245
Смайлов М. – 483
Смайлов У. – 519
Смиленев И. – 269
Смирнов А.П. – 19
Смирнов В.Д. – 37
Смирнов И.И. – 19
Смирнов И.Н. – 14
Смирный Вышеславцев – 100
Собаев Б. – 270
Собан Резанов – 123
Собчак Я. – 259
Соковнин А.П. – 147
Соколов Д.Н. – 244
Соловьев С.М. – 11, 12, 15, 127, 149, 156, 168, 171, 182, 507
Софья Алексеевна, ц-ца – 172-174, 178, 344, 347
Спат, кн. – 89
Сперанский М.М. – 50, 246
Спиридов М.Г. – 52, 434

- Срым Датов – 527
Сталин И.В. – 19, 20
Станислав II Август Понятовский, польск. кор. – 42, 258, 260, 263
Станислав Лещинский, польск. кор. – 258, 260
Старостина И.П. – 30
Степанов А. – 378
Степанов Р.Н. – 22, 23, 153
Стефан Баторий, польск. кор. – 31, 98, 101
Стефан Вонифантьев – 230
Стефан Какаш – 33
Стокасимовы – 301, 423
Страбон – 31
Страхов И. – 416
Стрейс Я. – 33, 116
Стрешнев Т.Н. – 344
Строгановы – 92, 94, 98, 125-127
Строельский А. – 196
Субаев Ю. – 457
Субхан бин Габдулкарим ал-Марджани – 549, 572
Судовиков Л. – 372
Сукин В. – 130
Сулейман Тонкачиев – 554
Сулейман шах – 553
Сулейманов А. – 478, 518
Сулеш, кн. – 89, 90
Сулешев Ю.Я. – 204, 212, 253
Султан Мурат – 497
Султанов Б. – 441
Султанов Т.И. – 37
Сулькевич С. – 261
Суровцев А.П., в-да – 88
Суровцов Г.С. – 76
Суфи Аллахийар (Суфи Аллаяр) – 289, 292, 531, 534, 566, 567
Суяргулов А. – 447, 448
Сыртланов А. – 447
Сысеев Ф.В. – 78
Сюлеев А. – 499
Сюндуковы, дин. – 426
Сюнчелей-батыр – 68
Сююндюк мурза – 238
Сююндюковы, дин. – 238
Табанак О. – 249
Тавышев А., мулла – 392
Тагай, кн. – 238
Тайбугиды, дин. – 120, 121, 128, 131, 136
Таимас – 125
Тайсугани Габдрахман (Абдрахман Тайсугани) – 499, 557, 558
Тайтурины, дин. – 426
Талай – 249, 250
Тамачиков И. – 183
Танатаровы – 245
Таокмыш шихзяда (Токтамыш шахзаде) – 75
Тарбердеевы, дин. – 245
Таргуловы – 245
Тарханов М. – 595
Татауров С.Ф. – 127, 128, 135
Татев Ф.И. – 77
Татимов М. – 244
Татищев В.Н. – 9, 317, 371, 493, 582
Таубе И. – 31
Таукел-хан (Таукел), казах. хан – 137, 271
Тафтазани – 535, 536, 562
Ташкин С.Ф. – 346, 394
Твердышев И. – 502
Тебердеевы, дин. – 299, 300, 370
Тевеккель, см. *Таукел-хан*
Тевкелев А.И. (Тевкелев К.-М.) – 59, 505, 551, 558
Тевкелев С. – 525
Тектандер см. *Георг Тектандер*
Теникеев А. – 238
Тениш – 239
Тенишев Е. – 79
Тенишевы, дин. – 239, 302, 423
Теньсюпи – 301
Теньсюпин У. – 301
Теняков Т. – 330
Теребердин М. – 504
Терегуловы – 425
Тизенгауз – 262
Тизенгаузен В.Г. – 37
Тикаев Е. – 467
Тикеев С. – 183
Тилячев А. – 516
Тимашев Н.И. – 527
Тимбяковы, дин. – 426
Тимеевы – 427
Тимерлин Т. – 447
Тимирязевы, дин. – 612
Тимур (Тамерлан) – 40, 72, 562, 564, 585-587
Тимур-Кутлуг (Темир Котлуг-хан), хан – 109, 563, 564, 585
Тимяшевы, дин. – 426
Тинсарины, дин. – 426
Тиняев Д. – 298
Тирмизи – 537
Титлинов Б.В. – 356
Тихановский Е. – 393

- Тихомиров М.Н. – 22, 102
Тихон, казан. митр. – 347, 368, 371
Тлевлеев У. – 167
Тлевлеш – 240
Тляумбетов Я. – 523
Товарищев И. – 196
Тогилдей – 90
Тойгилда Жуляков – 373
Тока Илев – 112
Токаев А. – 479
Токаев И. – 447
Токай Сенякаев – 498
Токаловы – 245
Токманеев М. – 205
Токсаровы – 245
Токшейковы – 239
Толбаевы – 245
Толбузин Б. – 139, 254
Томилов В. – 495
Томилов Н.А. – 211
Томолтон А. – 169
Торпушевы (Торпищевы), дин. – 300
Тотаев Н. – 299
Тохпаевы – 245
Тохтамыш – 205, 286
Тохтамыш (Туктамыш-хан, Токтамыш-хан), хан – 238, 563, 585
Тохтамыш б. Шейх-Аулияр – 108
Тохтар мурза Васильев – 301
Тохтаралей Багинин – 554
Траханиотов Н. – 132
Трепавлов В.В. – 122, 136, 139, 224
Третьяк Чубуков – 94
Троекуров И.М. – 76, 77
Троекуров Ф. – 67, 81, 101, 102
Трошинский Д.П. – 429
Трубецкие – 272
Трубецкой А. – 138
Трубецкой Д.Т. – 278
Тугаевы – 74
Тугучев И. – 189
Тугуш Девлет Бахтызович – 98
Тугушевы, дин. – 239
Тукай Г. – 568
Тука-Тимур, хан – 271
Ту-Ли-Шен – 601
Тул-Мамет, сейид – 134
Тургенев П. – 106, 107
Тургеневы, дин. – 612
Туренин И.С. – 95
Туров Ф.И. – 102
Турусов И. – 196
Турчанинов А. – 506
Тынмамет Берделей-мурзин – 247
Тышкевич Я. – 264
Тюдор см. *Мария Тюдор*
Тюрякулов Н. – 406
Тюфякин – 92, 96, 153
Тягригул – 121
Тяпухин П. – 456
Узеев К. – 285
Улекой Кривой – 285
Улуг-Мухаммед – 295
Ульфельдт Я. – 31
Уманин К. – 300
Умер Тохтаров – 244
Умеров С. – 374
Умной-Колычев Ф.И. – 77
Ундан-султан – 271
Ураев А. – 394, 499, 501
Ураев С. – 499
Ураз мурза Елгадеев – 301
Уразаев – 299, 447, 472
Уразаев Х. – 434
Уразай – 498
Уразайка Нагаев – 244
Уразгилев А. – 470
Уразгильдеевы, дин. – 426
Уразлин И. – 310
Уразлин К. – 441
Уразметев А. – 514
Уразметев З. – 519
Уразметев Р. – 519
Уразметев У. – 393
Уразметев Н. – 240
Ураз-Мухаммед (Ураз-Мухаммад), хан – 40, 112, 126, 131, 137, 235, 269, 271-274, 563, 585
Урекеевы – 427
Урманчеевы – 426
Урус, ног. кн. – 97, 113, 126, 225
Урускан – 250
Урусов В.А. – 487
Урусов П.А. (Урак бин Джан-Арслан), ног. мурза – 268, 269, 272-275
Урусов П.С., в-да – 147
Урусовы, дин. – 142
Урус-хан – 563, 585
Усаев К. – 515, 518
Усман, халиф – 533
Усманов А.Н. – 20
Усманов Б. (Баязит бин Усман ал-Кышкари) – 519, 571

- Усманов К. – 478
Усманов М.А. – 22, 30, 49, 546, 562, 585, 586
Усманов Н. – 483
Устюгов Н.В. – 284
Утеевы, дин. – 427
Утемиш-хаджи – 122, 136, 137
Утешевы – 300
Утыз-Имяни Г. – 523, 529, 530, 533-535, 537, 540, 547, 555, 560, 561, 566, 567, 578
Утямыш-Гирей, хан – 76, 147
Утямышев А. – 483
Утямышев Г. (Габдулла бин Абдуссалим ал-Маскарави) – 572
Утятников И. – 464, 468
Утяшевы – 239, 494
Ушаков И. – 301
Ушаков Ф. – 505
Ушатый Ю.П. – 280
Фазыл Ахмед-паша – 36
Фаиз – 572
Файзрахманов Г.Л. – 25, 131
Файзрахманов И.З. – 26
Файзуллин М. – 451
Фаиз-Хан Кабули – 530, 531, 533
Фаизханов Х. – 552, 583
Фальк И.П. – 57, 58, 323
Фамендин – 352
Фархшатов М.Н. – 27
Фатима-султан, касим. правительница – 35, 180
Фатхулла Уруви – 536
Фахреддин Р. (Р. Фахруддин, Р. Фахретдинов) – 14, 39, 289, 557, 564
Федор Алексеевич Романов, царь – 43, 168, 170-172, 174, 178, 187, 189, 347
Федор Борисович Годунов, царь – 271
Федор Иванович, царь – 41, 42, 100, 129-131, 133, 150, 154, 241, 247, 250, 552
Федор Мелекдаирович Долголядский, св. – 236
Федоров М.М. – 160
Федоров О. – 250
Феофан Прокопович, еп. – 370, 371
Феофил, архим. – 383
Фердинанд, эрцгерцог – 29
Филарет (Гумилевский), еп. – 379
Филарет, см. *Романов Ф.Н.*
Филимонов Л. – 81
Филиппов И. – 375
Филон Кмита Чернобыльский – 95
Филофей Лещинский, митр. – 208, 370
Фирсов Н.А. – 13, 14, 155, 346, 354, 357, 359, 363-366, 401, 402, 462, 465, 510
Фирсов Н.Н. – 16-18
Фишер И. – 128
Флетчер Дж. – 31, 87, 199
Флоровский А.В. – 392, 393
Франк А. – 542
Франк К. – 492
Франсиско де Миранда – 58, 59
Фридрих II, прусс. кор. – 385
Фриц Кронеман – 41
Фукс К.Ф. – 11, 451, 548, 580
Хаджжи-халифа, см. *Кятиб-челеби*
Хаджи Мухаммад Шариф Хаджитархани – 584
Хаджи-Гирей – 90
Хаджи-Гирей, хан – 37
Хаджим (Азим), сиб. ц-ч – 136
Хаджи-Мухаммад-хан – 563, 585
Хайдар, эмир – 530
Хайрутдинов Р.Р. – 25, 26
Хакимовы – 570
Хакк-Назар, казах. хан – 124-126
Хаклюйт Р. – 30
Халиков Н.А. – 210, 452
Халим-Гирей – 38
Халитов Н.Х. – 23, 27
Хальфин И. – 563, 583
Хальфин М. – 457
Хальфин С. – 394, 398, 583
Хамamoto М. – 26
Хамида – 560
Ханбиков Я.И. – 27
Хан-мирза – 126
Ханчубар, сиб. ц-ч – 136
Ханя Сумчелеев – 370
Харитонов М. – 285
Харитоновы – 427
Хасанов Х.Х. – 22
Хаспулад-Гирей – 106
Хафиз Ширази (Хафиз) – 547
Хаялин А. – 489
Хаялин С. – 432, 481, 487, 489
Хворостинин Д.И. – 99
Хезарфенн Хюсейн – 38
Хильков Ю.Я. – 140
Хиляловы – 243
Хисамова Ф.М. – 23, 27
Хисматуллин Х. – 562
Хитров В. – 310
Хмельницкий Б.М., гетман – 38, 258

- Хованский П.И. – 497, 498
Ходарковский М. – 394
Хозесеютовы – 427
Хозясеитовы – 243
Хорошкевич А.Л. – 30
Хотеев Шахтемир мурза – 245
Хохлов А. – 269
Хохлов Д. – 269
Хохлов П. – 497
Худайберды – 500
Худяков М.Г. – 16-18, 67, 596
Хузясеитовы – 450, 455
Хусаин баба ал-Мухаммад углы – 594
Хусаинов Г.Б. – 59, 507, 508
Хусаинов М. (Мухаммаджан б. Хусаин) – 59, 524, 526, 527, 531, 558, 560
Хусаиновы – 570
Цин, династия – 485, 491
Чагагай – 564
Чанышев И., мурза – 167, 519
Чанышевы – 239, 425
Чапкун – 286
Чапкун абыз – 91
Чапкын Отучев – 64
Чебак Базтаргаев, мурза – 79
Чеботов Ф. – 301
Чебуков Т. – 125
Чекашевы – 296
Чекмаевы – 245
Челищев – 85, 174
Челюстин В. – 174
Чемесов В.И. – 426
Ченслер Р. – 30
Чепкенеевы – 426
Черемисин А. – 78
Черемисинов И. – 81, 107, 108, 110, 111
Черемшанский В.М. – 481
Черкасов Д. – 138, 249
Черкасский А.М., сиб. губ-р – 348
Черкасский Д.М. – 156
Черкасский Я.К. – 166
Чернов А.В.
Чернов В. – 456
Чернышев Е.И. – 22, 156, 221, 296, 297, 424
Чернышев П.М. – 513
Чечулин И. – 456
Чигибен – 123
Чижевский Н. – 262
Чингиз-хан – 40, 231, 271, 540, 562-564, 585, 586
Чингисиды (Чингизиды) – 37, 107, 231, 234-237, 281, 586
Чичерин Б.Н. – 15
Чичерин Д.И., сиб. губ. – 404
Чубаркин С. – 504
Чувак, сиб. ц-ч – 136
Чокрый Гали (Чокрый Гали, Чукрый Г.) – 540, 565
Чулков Д. – 130, 131, 271
Чулошников А.П. – 23
Чулошников Н. – 515
Чура-батыр, см. *Нарыков Ч.*
Чурагул – 503, 504
Чурагулов А. – 501
Чураковы – 370
Чюпашев К. – 394
Чюракин Ч. – 286
Чюредов В.Ф. – 85
Шавеев А. – 440
Шагеева Р.Г. – 596
Шаим (Шех-Мухаммед), сиб. ц-ч – 134, 136
Шайхиев Р.А. – 22
Шайчурины – 245
Шаль Т. – 174
Шамратовы – 245
Шамсутов Р.И. – 596
Шапкин Х. – 198
Шапшинский П. – 456
Шарапов Ф. – 138
Шарипов Г. – 573
Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи – 35
Шах Мурад, эмир – 533
Шахаевы – 423
Шах-Али (Шейх-Али, Шагали хан), казан. хан – 64, 65, 67, 104, 153, 224, 235, 236, 237, 564
Шахеевы – 171
Шахмаметевы – 370
Шашевы – 426
Швырев П. – 457
Шейбани-хан – 30
Шейдяковы – 245
Шеин А.К. – 92
Шеин Б.М. – 156
Шейх-Али, см. *Шах-Али*
Шемердянов Т. – 238
Шемердяновы – 238, 301
Шемякин Ю.И., в-да – 65, 67
Шемякин-Пронский Ю.И. – 105
Шерапов – 183
Шереметев И.В. – 153
Шереметев С.В., в-да – 65

- Шереметев Ф.М. – 268-270
 Шереметев-Большой И.В. – 77
 Шершень Билибин, дьяк – 83
 Шестаков С.Д. – 30
 Шешедины, дин. – 299
 Шешеда – 299
 Шибан – 122, 124
 Шибаниды, дин. – 122-124, 131, 136, 217, 224-226, 235
 Шигай, казах. хан – 124-126, 271
 Шингарев М. – 457
 Ширинские-Шихматовы, дин. – 423
 Ширяй И. – 83
 Шихмамаевичи, дин. – 126
 Шихмаметевы, дин. – 239
 Шкапский – 502
 Шлейсинг Г.А. – 41
 Шлихтинг А. – 88
 Шмидт С.О. – 198
 Шмит Ю. – 492
 Шнор И.К. – 578
 Шпилевский С.М. – 562
 Штаден Г. (Генрих фон Штаден) – 31, 85, 87, 92, 93
 Шторх Г. – 456
 Шувалов А.И. – 502, 503
 Шувалов П.И. – 502
 Шугуров Д.-А. – 269
 Шуйские, дин. – 267
 Шуйский А.И. – 272
 Шуйский П.И., кн. – 73, 75-77, 81-83, 146, 191
 Шульгин И. – 207, 254
 Шульгин Н., казан. дьяк – 270, 275-279
 Шунков В.И. – 20, 211
 Шятрес Плакидин – 498
 Щапов А.П. – 13, 357, 399
 Щебальский П. – 379
 Щеглов И. – 134
 Щелкалов А. – 96, 198
 Щенятев П.М. – 70
 Щербатов Л. – 136, 253
 Щербатов М.М. – 9, 76, 192, 380
 Щербинин – 505
 Эверт Исбрант Идес см. *Избрант Эверт Идес*
 Эвлия Челеби – 35, 36
 Эльмурза Урусов – 425
 Эльмурза Юсупов – 33, 244, 245
 Эмиддио Дортелли д'Асколи, пут-к – 34
 Энгельс Ф. – 15
 Эрали солтан – 483
 Эрик Пальмквист – 41
 Эшметевы, дин. – 245
 Юбер Ланге – 71
 Юдин Л. – 481
 Юлаев С. – 515, 516, 558
 Юнусов А. – 501
 Юнусовы – 450
 Юрий Васильевич, кн. – 190
 Юрьев Д.Р. – 153
 Юсупов Г.В. – 297, 595
 Юсупов Д. – 479
 Юсупов И., купец – 412, 440, 519
 Юсупов Корел мурза Чинмурзин сын – 245
 Юсупов М. – 481, 483, 489
 Юсупов М., мулла – 392
 Юсупов С. – 483
 Юсуповы, дин. – 142, 231, 244, 245, 302
 Юсуф, ног. бий – 33, 76, 104-107, 121
 Юсуфовичи – 106, 108
 Явгостин Т. – 502, 503
 Явкеев С. – 502, 503
 Явуш, карачи-бек – 68
 Ягоферов С. – 501
 Ягоферов Я. – 481
 Ягутеев А. – 503, 504
 Ядыгар-Мухаммад (Едигер, Ядыгар-хан, Ядгар-Мухаммед, Симеон Касаевич), казан. хан – 64, 70, 76, 136, 147, 235, 585
 Якоб Рейтенфельс, дипл-т – 34
 Яков Васильевич Касимовский, св. – 236
 Яковлев И. – 447
 Яковлев П. – 375
 Якуб – 572
 Якупов Б. – 478
 Якупов Г. – 424
 Якупов М. – 424, 441
 Якшеев С. – 250
 Якшигильдеев К. – 249
 Ялчыгулов Т. (Ялчыгол, Йалчигул) – 531, 541, 555, 566, 567, 575
 Ямгурчей Ази, кн. – 89
 Ямгурчей, мурза – 95
 Ямгурчи (Ямгурчей), астрах. хан – 104-106
 Ян III, польск. кор. – 42
 Ян Генрик Домбровский, польск. ген. – 260
 Ян Собесский, польск. кор. – 258, 263
 Янбай – 240
 Янбахта – 240
 Янбулаг – 205
 Янбулатовы – 425, 426
 Янгилдеев И. – 238

- Янгильдеевы, дин. – 245
Янгильдей Енандаров – 100
Янгурча – 206
Ян-Магмет – 86, 91
Ян-Мамед Джанаев, ног. мурза – 238
Янов Ф. – 100
Янодаровы, дин. – 245
Янсырыков Д. – 158
Янтимир, кн. – 82
Янтудин Ч. – 296
Янтур – 138
Янчурины, дин. – 245
- Янышев Б. – 412
Янышев С. – 412, 519
Япанча (Епанча), мурза – 64, 67, 68
Яппаров Я. – 518
Ярлыгаш (Ахлыгаш), мурза – 89
Ясави А. – 555, 556
Яушев Б. – 297, 305, 424
Яушев И. – 240
Яушев Я. – 240
Яушевы, дин. – 240, 305, 306, 423-425, 427, 570
Яшлавские, дин. – 233

Политико-географический указатель

- Абди – 371, 372
Абзеево – 499
Авзяно-Петровский завод – 453, 502
Австрия – 36, 44
Агайбаш – 440
Агломазово – 301
Агрыжановская слобода г. Астрахани – 304
Агрыз – 305
Адаево – 240, 296
Адай – 572
Адыгея – 24
Азеево – 239, 296, 301
Азек – 187
Азербайджан – 36, 592, 606
Азия – 17
Азмер – 306
Азов – 29, 34, 36, 38, 92, 326, 333, 459
Азовская губ. – 343, 346, 351, 369
Азяновская – 187
Айбаш – 478
Айкеево – 299
Айлинская вол. – 501
Аймуш – 503
Айтуганово – 303
Аишево – 310
Акаево – 301
Акашево – 299
Акбаш – 308
Акбердеево – 301
Аккузино – 307
Аклуш – 503, 504
Аксаково – 314
Аксельский стан – 298
Актазицкий завод – 493
Актанышский р-н – 243
Алакуш – 301
Алат – 145, 315
Алатская даруга – 201, 321
Алатская дорога (Алацкая дорога) – 201, 240, 322, 499, 501, 519
Алаты – 199, 200, 451, 589, 591
Алатырская провинция – 332
Алатырский Троицкий монастырь – 312
Алатырский у. – 48, 222, 223, 231, 239, 240, 242, 243, 269, 296, 300, 302, 303, 307, 330, 332, 397, 519
Алатырь – 36, 86, 199, 200, 239, 268, 279, 281, 285, 286, 302, 312, 330, 343, 518
Албания – 258
Александрия – 566
Александрова слобода – 270
Алексеевск – 316
Алексеевская ярмарка – 477
Алексеевский р-н – 549
Алешня – 301
Алла-Суфия – 565
Алтыбаево – 306
Алтынбаево – 499
Алтышево – 303
Аль-Азхар – 565
Альменево – 578, 594
Альметьевский р-н – 243
Амесьево – 295
Амзя – 307
Амстердам – 34
Анапа – 36
Англия – 460
Анда – 303
Андреевка – 303
Антоновка, с. – 312
Антярово – 302
Аняково – 418
Аравия – 564, 565
Арбаш – 479
Арда, р. – 321
Ардатовская вол. – 374
Ардашево – 300
Аремзян – 203
Арзамас – 99, 102, 199, 239, 268, 277-281, 343, 349, 506
Арзамасский у. – 156, 222, 231, 239, 240, 243, 296, 300, 302, 303
Аринская вол. – 376
Аркатова – 497
Арпа – 187
Арск – 68, 77, 78, 95, 145, 199, 200, 269, 313, 514, 589
Арская вол. – 201
Арская даруга – 68, 74, 220, 240, 307, 308, 321
Арская дорога – 201, 241, 382, 420, 478, 487, 495, 513
Арская слобода – 313
Арская сторона – 74, 80, 81, 85, 95, 200, 201
Арская четверть – 201
Арский р-н – 535, 557, 571, 572, 592, 598
Арский у. – 446, 480
Арское поле – 64, 66, 67, 388, 516, 517, 518

- Архангелогородская губ. – 343, 354, 470
 Архангельск – 34, 325, 458
 Архангельская губ. – 57
 Архангельское – 313
 Аря, р. – 463
 Астраханская губ. – 57, 115, 343, 351, 354, 356, 364, 374, 454, 460, 461, 470, 471
 Астраханское воеводство – 110
 Астраханское ханство (Астраханский юрт) – 3, 12, 13, 31, 32, 44, 48, 77, 104, 105, 107, 109, 110, 116-118, 121, 181, 199, 200, 215, 230, 236, 246, 294, 304, 484, 545, 567, 568, 584, 599, 606, 610
 Астраханское царство (в составе России) – 92, 117, 118
 Астрахань (Асторохань, Хаджи-Тархан) – 3, 32-34, 36, 37, 49, 71, 77, 80, 85, 89-95, 97, 104-117, 118, 119, 121, 124, 147, 151, 164, 199, 200, 231, 232, 235, 250, 268, 288, 304, 338, 343, 364, 409, 432, 435, 455, 458, 459, 471, 472, 475, 477, 478, 484-486, 497, 526, 562, 564-566, 573
 Атабаево – 243, 440, 478
 Атбашский острог – 207, 255
 Атемар – 299
 Атнинская вол. – 452
 Атнинский р-н – 592
 Атна – 451, 589, 591
 Атызская дорога – 201
 Атюрьево – 299
 Афганистан – 27, 581
 Ахматово (Карлар) – 237, 295
 Ахматовский стан – 237
 Ахметово – 242
 Ахметьевский завод – 493
 Ахмыловская слобода – 298
 Ахтеево – 306
 Ахтуба, р. – 118
 Ахуново – 569, 581
 Ачи – 187, 308
 Ачитская крепость – 504
 Ашеррадин – 283
 Ашит, р. – 78
 Ашла (Лаймы) – 203
 Ашыт (Ашит) – 572, 594
 Аялы – 202, 203
 Бабасан (Отдельная) – 203
 Бабасан на Нерде – 203
 Бабасанские юрты – 127
 Бавлинский р-н – 308
 Багаряцкие юрты – 392
 Багдад – 564, 569
 Багряж – 308
 Бадахшан – 489
 Базель – 30
 Базлово – 303
 Базы – 242, 243
 Байавыл – 499
 Баисово – 301
 Байбаково – 242
 Байбеково – 243
 Байбюрино – 242
 Байлангар – 572
 Байлярская вол. – 243, 306-308
 Байрака – 572
 Байсино – 309
 Байчуга – 452
 Бакирово – 440
 Баку – 471
 Бакырчи Малые – 492
 Бакырчи Средние – 492
 Бакырчи Большие – 492
 Бакырка – 492
 Бакырка, р. – 492
 Бала Чытырман – 572
 Балаклава – 36
 Балаково – 318
 Балахна – 343, 464, 468, 494
 Балканы – 603
 Балтач – 497
 Балтачева – 308
 Балтика – 63
 Балх – 531, 533
 Балыклы – 572
 Балыкчино – 306
 Бараба – 133, 138, 202
 Барабинская (Бороба большая) вол. – 202
 Барабинская степь – 134
 Барда – 309
 Барыш, р. – 463
 Бастаново (Бустан) – 295, 301
 Баубеково – 306
 Бахтивраг – 448
 Бахтияр – 596
 Бахчисарай – 36, 90, 106, 109, 110, 117, 608,
 Бачкурская вол. – 202
 Бачкырская вол. – 203
 Башап – 503, 504
 Башкирия – 21, 24, 242, 284, 285, 417, 488, 498, 522, 569, 571, 572, 574, 589, 598
 Башкортостан – 55, 218, 224, 239, 241, 515, 589

- Бегишево, с. – 39
Бегишевский погост – 211
Беденга, р. – 305
Беденьга – 305
Бедишево – 296
Бедюево – 499
Белая Волица (Аксу) – 303
Белая Гора (Азычево) – 378
Белая, р. – 96, 102, 129, 297, 307, 310, 318
Белгород – 245
Белебеевский у. – 310, 318
Белицы – 259
Белое море – 571
Белозерское княжество – 237
Белоруссия – 44, 607
Белый Гремячий Ключ – 417
Белый Яр – 199, 307, 314
Бемыш – 495
Бемышка, р. – 495
Бемышский завод – 453, 495, 513
Бердская слобода – 396, 403, 514
Березняки – 313
Березов – 132, 252
Березовка – 301
Березово – 301
Березовский яр – 127
Березопольский стан – 92
Береска – 454, 455
Берсут, р. – 494
Берсутский (Берсудский) завод – 453, 494
Бесовка – 444
Бигеево – 300
Бикбулатово – 369, 502
Бикеево – 416
Биково – 478
Биктимирово – 440
Биляр – 549, 556
Билярск – 285, 497
Бимер
Бимерь – 187
Биркеево – 298
Бирск – 199, 200, 477,
Бирский у. – 297, 310, 318
Бирский р-н – 594
Бирсют – 309
Бирюказганово – 242
Бистан – 564
Бистрюли (Ошли) – 303
Бистюрлей Враг – 303
Би-Туртас – 203
Бишбалта – 456
Благоварский р-н – 242
Благовещенский монастырь – 99
Благовещенский собор – 230
Ближний Восток – 290, 592
Богатые Сабы – 432
Богдановка – 300
Богданов починок – 303
Богословский завод – 453, 494
Болгар (Булгар) – 389, 531, 540, 556, 564, 585, 586, 587
Болгарский Успенский монастырь – 368
Болеево – 303
Болотце (Яубаш) – 295
Большая Кокшага, р. – 96, 320
Большая Ногайская Орда, Большие Ногаи см. *Ногайская Орда*
Большая Сая – 187
Большая Шикша – 479
Большая Шукота – 440
Большие Буртасы (Большой Буртас) – 416, 441
Большие и Верхние Кибяк-Кози – 452
Большие Метески – 452
Большие Мимери – 183
Большие Тарханы – 305, 478
Большое Князь-Теняково – 330-331
Большое Рыбушкино – 303
Большое Фролово – 315
Большой Ашар – 309
Большой Менгер – 240
Большой Сентяк – 479
Большой Студенец – 301
Большой Толкиш – 307
Большой Узень, р. – 318
Большой Ус – 187
Большой Черемшан – 239
Бордово – 318
Борисовский Атар – 447
Борская крепость – 316
Бостаново – 295
Бохоники – 258
Брест – 259
Брянск – 272
Буби – 572
Бугульма – 515
Бугульчан – 419
Бугуруслан – 243
Бугурусланский у. – 243, 319, 416
Бугурусланская слобода – 316
Бугульминская слобода – 316, 317
Бугульминский у. – 440

- Будзякская орда – 257
 Бузаево – 419
 Бузан – 109
 Бузулук – 515
 Бузулукская крепость – 316
 Бузулукский у. – 319
 Буйдалинская, д. – 211
 Буйдалинский юрт – 211
 Буинский р-н – 315
 Буинский у. – 438, 439, 452, 478
 Буйская вол. – 322
 Булаево – 296, 299
 Булак – 66, 67, 305, 517, 600
 Булгар – 72, 290
 Булярская вол. – 244, 307, 308
 Бураево – 572
 Бурзянская вол. – 500, 502, 503
 Бусдамгуль (Колаково) – 304
 Бургас – 223
 Буртек – 187
 Бурундуки – 269
 Бурундукова – 269, 270
 Бурятия – 24
 Бусурманская слобода – 196
 Бутаково – 238, 296
 Бухара – 35, 40, 41, 122-124, 128, 134, 250, 290, 292, 411, 432, 451, 455, 481, 484-486, 489-491, 521, 524, 529-531, 533, 535, 536, 542, 559, 564, 566, 572, 579
 Бухарская слобода г. Астрахани – 304
 Бухарский вилайет – 122
 Бухарский эмират – 486
 Бухарское ханство – 125, 137
 Бухтарминская крепость – 481
 Бухтарминский край – 481
 Бушманкипчатская (Бушман-Кипчацкая) вол. – 500, 502, 503
 Быково – 504
 Быстрый Танып, р. – 297
 Бяла Подляска – 259
 Вага, р. – 282
 Вагай, р. – 129
 Вагайский острог – 207, 254
 Вагайский р-н – 39
 Валахия – 47
 Варзи – 243, 306
 Варзино-Алексеевский завод – 453
 Варнавинский монастырь – 327
 Варшава – 609
 Васильгород – 181, 198, 200
 Васильевка – 318
 Васильский у. – 321
 Васильсурск – 75, 343
 Вачиер – 203
 Веденское (Кырлай) – 187
 Везломская волость
 Великие Луки – 153
 Великий Устюг – 79, 210
 Великий Шелковый путь – 112, 484
 Великое княжество Литовское (Речь Посполитая) – 27, 42, 258, 259, 260, 265, 607
 Велязьма – 299
 Вена – 34
 Венгрия – 36, 44
 Верези – 440
 Верески – 483
 Верхнеломовский у. – 302, 351
 Верхне-Торский завод – 515
 Верхнеуральск – 569, 605
 Верхнеуральский у. – 526
 Верхние Аты – 519
 Верхние Тарханы – 305
 Верхняя Каргалка, р. – 487
 Верхняя Корса – 535, 572
 Верхняя Макса – 535
 Верхняя Масра – 535
 Верхняя Мичень – 479
 Верхоломовский у. – 374
 Верхосурский стан – 302
 Верхотурский у. – 207, 308, 311, 321
 Верхотурье – 254, 255
 Весенняя ярмарка – 477
 Ветлуга, р. – 78, 317, 320, 321
 Вечкенин – 301
 Вига, р. – 99
 Византия – 62, 182
 Вильна – 117
 Вильно – 122, 259
 Вирысы – 299
 Владивосток – 607
 Владимир – 102, 270, 506, 587
 Владимирская губ. – 318
 Владимирская обл. – 163, 176
 Владимирский у. – 315
 Воздвиженская пустынь – 327
 Воздвиженский монастырь – 327
 Вознесенский завод – 453, 502
 Волга, р. – 3, 5, 33-35, 65, 66, 74, 76, 80, 81, 84, 90, 93, 95, 96, 99, 100, 104-108, 112, 114-118, 143, 148, 158, 165, 173, 199-201, 218, 230, 231, 269, 270, 288, 306, 311-321, 339, 344, 368, 390, 404, 451, 463, 518, 571, 587, 589, 609

- Волго-Камье – 217, 296, 305, 568
Волго-Уралье – 28, 44, 269, 320,
Волго-Уральский регион – 9, 11-14, 19-21,
23, 26, 27, 34, 39, 41, 51-53, 56-58, 131, 142,
161, 181, 183, 215, 216, 218, 219, 222, 227,
271, 275, 287, 290, 294, 295, 321, 363, 373,
378, 379, 381-383, 401, 411, 497, 499, 500,
507, 530, 538, 539, 542, 543, 550, 577, 581,
584-587, 609
Волжская Булгария (Булгарский вилайет) –
14, 63, 221, 241, 539, 542, 544, 606
Волжский торговый путь – 3, 116
Волхов – 272
Волынь – 258
Вольск – 313
Воня – 187
Воронеж – 333
Воронежская губ. – 351, 354, 356, 364, 374,
461, 462, 467, 470, 471, 519
Ворогища – 303
Воскресенское – 313
Восточно-Европейская равнина – 11
Восточная Европа – 5, 16, 17, 29, 34, 40, 67,
80, 190, 545
Восточный Туркестан – 484-486, 490, 491
Восточная Мещера – 229, 233, 282
Воткинский завод – 453, 515
Выползово – 301
Высокая гора – 77
Высокогорский р-н – 315
Вязники – 343
Вярвель – 299
Вятка – 77, 79, 271, 275, 279, 318, 320,
Вятка, р. – 76, 78, 82, 94, 99, 103, 199, 306,
308, 316, 318-320, 321, 344, 492, 494, 495,
498, 514
Вятская губ. – 318, 319, 321, 454, 457, 493, 599
Вятский край – 78, 98, 149, 217, 219, 241,
268, 269, 270, 305, 316
Вятский Трифионов монастырь – 327
Вятский у. – 374
Вятское наместничество
Габсбургская империя – 385
Гайнинская вол. – 499, 500, 501, 502, 503, 504
Галино – 243
Галицкая дорога – 201
Галицкая даруга – 220, 321
Галич – 99
Гарейская вол. – 244
Гаспринский И. – 576
Герат – 533
Германия – 32, 36
Гилянская слобода г. Астрахани – 304
Гилянъ – 471, 472
Гирейская вол. – 307
Глазов – 599
Голландия – 36
Гония – 36
Горная сторона – 74, 75, 81, 86, 88, 93, 98,
99, 148, 200, 201, 268, 269, 270, 271, 277,
320, 330, 610, 611
Горномарийский р-н Республики Марий Эл
– 312
Горный Байлар – 308
Городец – 270
Гороховец – 163, 176, 343
Гороховое Поле – 448
Греция – 564
Грибан – 440
Грибаново – 303
Гродно – 259, 273,
Грязнуха – 315
Гулшерма – 306
Гурьев – 477
Гянжа – 471
Дагестан – 36, 49, 288-290, 471, 571, 574,
579, 584
Дальний Восток – 57, 604, 609, 610
Дания – 36, 45
Дашкино – 296
Двина, р. – 41, 282
Деветерня – 306
Декуково – 306
Демино – 300
Дербент – 471
Дербетовский улус – 115
Дербышево – 296, 298, 299
Дешт-и Кипчак – 37
Джунгарское ханство (Джунгария) – 114,
115, 484, 486,
Дияшево – 307
Дмитриевск – 200
Дмитровской – 343
Довбучки – 607
Долгий Остров – 416-417
Долматовский монастырь
Дон, р. – 33, 35, 84, 286
Драхля – 258
Дуванейская вол. – 310
Дудин
Дюртюли – 448
Дюсметево – 418-419

- Евразия – 27, 38, 46, 135, 484, 486, 491
 Европа – 17, 34, 63, 67, 89, 92, 200, 283, 575, 609
 Европейская Россия – 230
 Египет – 289, 547, 564, 565
 Егорьевское, с.
 Екатеринбург – 373
 Елабуга – 306, 451, 493, 498, 514, 516, 588, 591
 Елабужский монастырь – 312
 Елабужский у. – 318
 Еланская вол. – 306, 307
 Елань – 497
 Елань Большая – 187
 Елатомский у. – 302
 Елатьма – 95, 200, 238, 270, 343
 Елпачиха – 309
 Елтан – 307
 Елтимирово – 418
 Елюзань – 369
 Еналеево
 Еналеевы полянки – 299
 Енасалы
 Енгельдино – 306
 Ендовищи – 303
 Енейская вол. – 306, 307
 Еникеево – 301, 440
 Епанчино – 436
 Еремеева – 494
 Ернеево – 301
 Ернеевские Усады – 301
 Ертуганово – 307
 Еруслан, р. – 318
 Ерыклинск – 307
 Ерыхтинский беяк – 239
 Ефаево – 299
 Жданово – 303
 Женева – 71
 Заволжье – 189, 610
 Заинск – 307, 497, 514, 515, 516
 Заказанье – 78, 79, 81, 84, 280, 305, 321, 452, 454, 547, 556, 589, 590, 592, 593, 596, 598, 599, 602, 610
 Закавказье – 49, 288, 478, 584
 Закамье – 148, 189, 227, 297, 302, 304-307, 309, 316, 452, 514, 610
 Замокшанский стан – 298
 Западная Европа – 40, 366, 484, 548
 Западная Сибирь – 120, 121, 127, 132, 135, 139, 197, 202, 207, 212, 215, 248, 249, 255, 311, 566, 573, 585
 Западный Туркестан – 486, 491
 Запорожская Сечь – 167
 Зарайский у. – 152
 Засурский стан – 467
 Зауольская волость
 Зауралье – 125, 132, 311, 498, 547, 573
 Звенигород – 104, 105, 142, 230
 Звенигородское княжество – 237
 Зеленодольский р-н – 183
 Зилаирская крепость – 500, 502
 Знаменский монастырь – 345
 Золотая Орда (Джучиев Улус, Улус Джучи) – 3, 19, 30, 37, 44, 62, 112, 120, 121, 135, 142, 221, 238, 544, 552, 554, 584, 585, 599, 602, 606
 Зюрейская даруга – 220, 308, 309, 310, 321
 Зюрейская дорога – 201, 240, 372, 374, 382, 420, 428, 478
 Зюри – 589
 Иванково – 301
 Ивановское – 303
 Иваш – 303
 Ивьё – 607
 Игумново – 456, 457
 Идеево – 299
 Иерусалим – 395
 Йемен – 288, 289
 Иж, р. – 100, 243, 297, 305, 306
 Ижевский завод – 453, 515
 Измаил, крепость – 36
 Измит – 35
 Ик, р. – 297, 307, 308, 309, 310, 314, 317, 318, 502, 503
 Икшерма (Еловая) – 187
 Иланская вол. – 244
 Иленская вол. – 202, 254
 Иленский городок – 203
 Илеть, р. – 78, 322
 Илькино – 441
 Ильбахтино – 309
 Ильмурзино – 310
 Илясова вол. – 203
 Империя Великих Моголов – 481
 Империя Цин – 484, 486
 Ингерманландская губ. – 342, 343
 Ингрия – 342
 Индёрь – 203
 Индия – 30, 35, 292, 455, 481, 484, 485, 489, 545, 547, 552, 564, 581, 585, 611
 Индричьева вол. – 203
 Инза, р. – 299

- Инзерский острог – 299
Инсар – 239, 285, 299, 313
Инсарский острог – 313
Инсарский у. – 299, 300
Иоанно-Предтеченская церковь – 377
Ирак – 564
Иран – 27
Иран (Персия) – 19, 30, 32, 33, 35, 36, 49, 200, 288, 350, 411, 432, 454, 471, 485, 486, 545, 547, 552, 562, 564, 581, 592, 596, 611
Ирбит – 477
Ирбитская ярмарка – 325, 409, 455, 477
Иргиз, р. – 317
Иргинский завод – 494
Ирень, р. – 224, 297
Ирмень, р. – 134
Ировка, р. – 322
Ирсеть, р. – 299
Иртыш, р. – 114, 127, 129-131, 134, 136, 207, 250, 252, 254, 377
Иса, р. – 299
Исаковское – 303
Исенские полянки – 299, 300
Исетская вол. – 203
Исетская степь – 210
Исеть, р. – 173, 205
Исецкая провинция (Исетская провинция) – 244, 377, 392, 499, 501, 522
Искер – 127-131, 133
Иски Казань – 75, 187
Иски-Юрточная дорога – 201
Исляйкино – 306, 307
Истра – 142
Италия – 260, 451
Итяково – 296
Ихсаново – 242
Ицко-Покровский завод – 502, 503
Ичкинские юрты – 392
Ишери – 187
Ишеево – 303
Ишим, р. – 129, 133, 136, 138
Ишимский острог – 207, 254
Ишмаево – 242
Ишмаметево – 243, 306
Ишметево – 307
Иштиряк – 556
Иштерьякский завод – 453
Ия – 497
Ия Верхняя – 187
Ия Нижняя – 187
Ия Средняя – 187
Кабан Бастрык – 416
Кабан, д. – 306, 441
Кабан, оз. – 391, 516, 600
Кабаново – 243
Кабарда – 36
Кабул – 524, 531, 533, 559
Кавказ – 20, 36, 49, 290, 292, 350, 471, 497, 545, 592
Кадада, р. – 300
Кадеево (Утыз Имян) – 307
Кадом – 200, 223, 267, 270, 281, 285, 343
Кадомка – 302
Кадомский у. – 171, 172, 222, 223, 231, 233, 238, 239, 282, 285, 296, 300-303, 349, 351, 370
Кадрали – 306
Кадыбаш – 306
Кадымово – 419
Кадышевская дорога – 201
Казанбаш – 187
Казанка, р. – 66, 67, 68, 70, 148, 516, 517
Казанская губ. – 53, 56, 57, 201, 244, 312, 313, 321-323, 326, 329, 332, 339, 343, 346, 349, 351-357, 359, 360, 363-365, 369, 373, 380, 388, 392, 399, 406, 409, 416, 417, 420, 424, 425, 427-434, 438, 439, 442, 444, 447, 452, 454, 458, 459, 461, 466, 468, 470, 471, 480, 491-494, 496, 498, 505, 519, 525, 573, 581, 591, 604, 606
Казанская даруга – 224, 226, 285, 308, 309, 310, 522
Казанская провинция – 321, 365, 399, 418, 419
Казанский Богородицкий монастырь – 375
Казанский Владимирский собор – 374
Казанский Девичий монастырь – 517
Казанский край (Казанская земля) – 9, 14, 22, 23, 71, 73, 74, 76-80, 83, 84, 145-153, 166, 173, 176, 182-184, 189, 191-194, 197, 198, 200, 222, 223, 240, 267, 268, 270, 275, 276, 280, 286, 305, 330, 338, 343, 456, 487, 494, 571, 572, 609, 610
Казанский Спасо-Преображенский монастырь – 148, 182-184, 383
Казанский у. – 22, 48, 144, 146, 150-152, 156, 176, 185-187, 194, 201, 219-222, 227, 231, 238-241, 243-245, 275, 285, 294, 297, 304-311, 313, 314, 321, 322, 327, 330, 332, 337, 356, 362, 364, 365, 369, 371-374, 376, 378, 382, 394-396, 412, 418-420, 424, 436, 438-441, 445, 447-449, 451-455, 478, 479, 487,

- 497, 499-502, 505, 513, 519, 556, 557, 565, 571, 572, 611,
 Казанский Федоровский монастырь – 356
 Казанское воеводство – 192
 Казанское государство Н.Шульгина – 118, 276
 Казанское наместничество – 451
 Казанское ханство – 3-6, 9, 12-20, 25, 29, 31, 32, 44, 48, 63-65, 68, 71, 73, 74, 77, 79, 85, 86, 93, 104, 117, 118, 121, 125, 143-145, 147-150, 152, 153, 161, 164, 174, 181-183, 186, 190, 199-201, 207, 209, 215, 219, 221, 222, 225, 226, 230, 231, 236, 237, 239, 240, 241, 243, 246, 249, 250, 276, 287, 294, 295, 296, 297, 304, 306, 307, 311, 320, 321, 330, 342, 358, 382, 415, 484, 540, 545, 546, 550, 552, 554, 555, 564, 567-569, 584, 586, 588-591, 594, 595, 599, 603, 605, 610
 Казанское царство («Казанское государство») (в составе России) – 10, 13, 18, 92, 192, 199, 200, 219, 600
 Казань – 3, 4, 6, 7, 9, 10-13, 17, 18, 20, 23-25, 32, 33, 36, 40, 50, 62-77, 79-85, 89-94, 97, 99, 100, 102-105, 107, 110, 132, 142, 144, 146-148, 150, 151, 153, 176, 178, 181-186, 189-193, 195-201, 220, 227, 237, 240, 243, 250, 268, 269, 275-280, 283, 290, 292, 297, 304, 305, 313, 316, 319, 320, 322, 329, 331, 338, 340, 343, 344, 362, 364, 367, 368, 372, 385-391, 394, 404, 405, 410, 412, 413, 420, 424, 428, 431-434, 440, 441, 450-454, 456-459, 462, 475-477, 481, 488, 490, 492, 496, 497, 505, 512-518, 522, 535, 544, 547, 549, 551, 557, 599, 561, 564-566, 577, 578, 570, 584, 586-591, 593, 594, 596, 598, 600-604, 606-609, 614
 Казахская степь – 59, 486
 Казахское ханство – 125, 130, 271
 Казахстан – 405, 406, 410, 431, 456, 480, 526, 545, 569, 581, 585, 589, 598, 604, 606, 614
 Казыево – 440
 Казылы Верхние – 187
 Казылы Нижние – 187
 Казылы Средние – 187
 Кайбицкий р-н – 559
 Каин Илга – 441
 Каинлы – 447, 448
 Каинтюба – 447, 449
 Каир – 565, 569
 Какрыли – 303
 Калифорния – 609
 Калиш – 260
 Калмыкия – 115
 Калмыцкое ханство – 47, 115
 Калом – 199
 Калуга – 271-274, 316
 Калым – 203
 Кама, р. – 76, 78, 92, 99, 173, 199, 201, 243, 285, 306, 308, 311, 312, 314, 316, 319, 494, 496-498, 515, 516, 589, 595
 Камаевское городище (Иски-Казань) – 68
 Каменный Юрт – 317
 Камень – 127
 Камкино – 303, 307, 440
 Камское устье – 148, 312
 Камско-Устьинский р-н – 315
 Камышино – 306
 Камышлы – 187
 Кананикольский завод – 502
 Кандаля – 315
 Карабаевой Терегул – 310
 Караванная ярмарка – 477
 Карадули – 452
 Каракул – 310
 Каракулин – 497
 Каракучуково – 242
 Карамыш – 187
 Караулово – 301
 Караульный яр – 127
 Карачин улус – 202
 Карачинский городок – 127, 211
 Карбина – 203
 Карбинский улус – 129
 Карга – 303
 Каргала см. *Сеитовский посад*
 Каргалик – 304
 Каргалы – 307
 Каргинская – 516
 Кариле – 572
 Карино – 241, 300
 Карлинская слобода – 313
 Кармаскалы (Кармыскалы) – 581, 589
 Кармыш-Баш – 366
 Карсун – 303
 Карыш – 499, 501, 502, 503
 Касимов (Мещерский городок) – 40, 137, 140, 143, 150, 174, 180, 200, 222, 230, 231, 234, 237, 238, 245, 270, 279, 281, 295, 302, 343, 361, 435, 563, 608
 Касимовский у. – 222, 237, 238, 239, 270, 298, 300, 302, 309, 351,
 Касимовское ханство (Мещерский юрт) – 40, 137, 140, 143, 180, 202, 209, 215, 216, 222, 223, 237, 294-296, 545, 546, 585, 595, 606

- Каскаринская вол. – 203
Каспийское море – 36, 485, 486
Каурдатский острог – 207, 254
Каурдатцкая вол. – 202
Кафа – 37
Кашгар – 484, 486, 531
Кашгарская (Таримская) равнина – 484, 485
Кашира – 142, 230, 273
Каширский у. – 152
Кашкара – 318
Кашлык – 120
Кашпир – 313, 343
Каюки – 306
Кебечь Малая – 187
Кеземетевская дорога – 201
Келема – 202
Кемеево – 242
Керенск – 168, 285, 286, 299, 300
Керенский у. – 172, 285, 299, 302, 351
Керженец, р. – 317
Кермень – 375
Керченский пролив – 36
Кеть, р. – 131
Киев – 370
Киево-Печерский монастырь – 370
Киевская губ. – 343
Киевская Русь – 62
Кизляр – 179
Кизыл (Красная) – 187
Кизылская крепость – 503
Кильня, р. – 305
Кинель, р. – 243, 308
Киньрская вол. – 202
Киньрский городок – 203
Киргизская вол. – 307, 308
Кирдюшевский беляк – 239
Кирдяновский беляк – 239
Кирдяпино – 98
Киреметь – 307
Киржанский беляк – 239
Кировская обл. – 589
Кирпики – 202
Кирххольм – 260
Китай – 30, 34, 114, 249, 411, 481, 484-486, 491, 545, 552, 581, 610
Кичув – 307
Кичуй – 316, 494
Кичуйская крепость – 494
Кичучатово – 243
Кишметев – 187
Кишпар – 519
Киязлы – 307
Клецк – 607
Клушин – 272
Ключищи – 302
Кляри – 440
Княбаш – 479
Княгининский у. – 440
Княжая – 301
Княжево – 301
Князь-Еналеево, д. – 303
Князь-Мамешово – 303
Ковали – 187
Ковно – 259
Кодское княжество – 132
Козеево – 418
Козлов
Козьмодемьянск – 100, 199, 200, 269, 285, 312, 330, 334, 343
Козьмодемьянский Спасо-Юнгинский монастырь – 173
Козьмодемьянский у. – 48, 321, 322, 327, 330-332
Козья слобода – 479
Койданув – 259
Койса – 199,
Коканд – 486
Кокандское ханство – 486
Кокшага, р. – 101, 320
Кокшагская дорога – 201
Кокшайск – 96, 199, 200, 285, 312, 330, 343
Кокшайский у. – 321, 322, 330-332
Колдамышево – 301
Колкомери – 187
Колмакская (Колмаки) вол. – 202
Коломенское, с. – 273
Коломна – 65, 230, 273
Кондурчинская крепость – 316
Копорье – 342
Коринский завод – 453, 493
Кострома – 102, 270, 276
Костромская губ. – 318
Костромская земля – 99
Костромской Ипатьевский монастырь – 279, 312
Котельнич – 477
Котлубахтина вол. – 203
Коурдак – 203
Кочки – 479
Кочки-Пожарки – 302, 303
Кошар – 424
Кошуки – 132, 203, 251

- Кояново – 309
 Краковское воеводство – 258
 Крапивна – 245
 Красная Горка – 318, 457
 Красносамарская крепость – 316
 Краснослободский р-н – 299
 Красноуфимск – 515
 Красноуфимская крепость – 504
 Красноярск – 207, 255
 Красный Яр – 187, 199, 302, 316
 Кремешки – 315
 Крестовско-Ивановская ярмарка – 477
 Кречатники – 203
 Кречатники на Ашле – 203
 Кречатники на Вагае (Капканы) – 203
 Крещенка – 318
 Криволучье – 318
 Кронштадт – 458
 Крутец – 301
 Крушиныны (Крушиняны) – 258, 607
 Крым – 31, 35-37, 41, 44, 59, 65, 80, 82, 89, 90, 93, 151, 156, 237, 249, 260, 261, 265, 275, 283, 284, 287, 401, 405, 458, 497, 521, 525, 545, 552, 564, 571, 579, 584, 599, 603, 608
 Крымское ханство (Крым) – 27, 29, 31, 33, 36, 37, 38, 40, 45-47, 63, 64, 71, 81, 85, 89, 97, 99, 101, 102, 104, 107, 174, 230, 240, 258, 260, 552, 603, 608
 Кубань – 401
 Кубня, р. – 463
 Куганакбашево – 569
 Кугарчин – 243
 Кугарчино – 308
 Кудашево – 306
 Кузнецк – 132, 207, 255
 Кузнецкий острог – 132
 Кукарская слобода – 269
 Кукмор – 452, 494, 588
 Кукморский р-н – 240, 535, 572, 592
 Кулаево – 238, 242, 556
 Кулаково – 301
 Кулары, улус – 202
 Кулбаево-Мраса – 307
 Кулбарисово – 242
 Кулга Куюк – 478
 Кулканово – 306
 Култаево – 309
 Кул-Туртас – 203
 Кульково – 301
 Кульджа – 481, 486, 491
 Кульшарипово – 243
 Кумургози – 436
 Кунгур – 285, 344, 515, 516
 Кунгурский у. – 48, 217, 224, 295, 308, 309, 311, 321, 347, 394, 395, 420, 494, 498-500, 504
 Кунчерово – 300
 Кунчурино – 369
 Купалище – 92
 Куперли – 445, 447
 Купкозинская вол. – 202
 Кура, р. – 471
 Курганская обл. – 594
 Курдак – 202
 Курдюмка, р. – 251
 Куркачи – 441
 Куркузи (Крык-Куль) – 306
 Курляндия – 258
 Курмантай – 572-573
 Курмашево – 243
 Курмыш – 95, 156, 199, 200, 268, 279, 285, 330, 343
 Курмышка, р. – 312
 Курмышский Богородицкий монастырь – 312
 Курмышский у. – 188, 239, 243, 269, 296, 302, 303, 330, 332, 360, 397, 438
 Журнали – 306
 Куроедовка – 374
 Куромская (Курома) вол. – 202
 Курпицкая (Кирпицкая) вол. – 202
 Курса – 535, 572, 589
 Куртумова вол. – 203
 Кутум, р. – 106
 Кутуши – 374
 Кучербаево – 242
 Кучкаево (Воротища) – 303
 Кучуково – 243, 305, 306
 Кушкат – 445, 447
 Кушапино – 301
 Куюк Большой – 436
 Куюк Малый – 436
 Кшкар (Кышкар) – 571, 572, 589, 592
 Кызыл – 306
 Кызыл Яр – 504
 Кыпчакская вол. – 243, 308
 Кыр-Иланская вол. – 243, 310
 Кырканлы – 310
 Кяхта – 456
 Лаишев – 145, 199, 200, 591
 Лаишево – 269, 477
 Лаишевский р-н – 598

- Лаишевский у. – 48, 424, 436-438, 440, 441, 448, 452, 453
Лаптев – 313
Лапшиха – 498
Лаховичи – 259
Лашма – 299
Лейпциг – 32
Лениногорский р-н – 533, 556
Ливна – 245
Ливония – 63, 153, 260
Ливорно – 451
Лида – 607
Литва – 33, 258-262, 265, 266, 607
Литовская губ. – 263
Лобутан – 203
Лозьва, р. – 131
Лоймытомак – 203
Ломов Верхний – 285, 299, 300
Ломов Нижний – 285, 299, 300
Лондон – 30
Лотказано – 295
Луговая сторона – 69, 74, 77, 79-82, 84, 85, 96, 100, 148, 200, 201, 221, 269, 270, 330
Лугуй – 202
Лупиловка, д. – 296
Люба – 202
Любарская вол. – 202
Ляки – 308
Лямбиль – 300
Ляховичи – 607
Ляча, р. – 299
Мааметь (Поповка) – 187
Мавераннахр – 288, 290-292
Магок-и-Аттар – 533
Мазовия – 33
Майна – 306, 312
Макарьевская ярмарка – 325, 455, 477
Макарьев-Унженский монастырь – 327
Маклаково – 303
Максабаш – 452
Малая Байкульская вол. – 213
Малая Кокшага, р. – 96, 320
Малая Ногайская Орда (Малые Ногаи) – 106, 108
Малая Пица – 303
Малая Турма – 479
Малая Челна – 416
Малмыж – 103, 199, 200, 269, 513
Малмыжский у. – 48, 494, 599
Малогородская вол. – 202
Малое Рыбушкино – 303
Малошевичи – 258
Малые Зюри – 517
Малые Чирки – 420
Малый Жуз – 59, 524, 526, 569
Малый Ряс – 478
Малый Сардыган – 479
Малый Студенец – 301
Малыковка – 313
Мамадыш – 494, 513, 516, 591
Мамадышево – 187
Мамадышский р-н – 564, 598
Мамадышский у. – 318, 432, 436-438, 441, 448, 451-453, 457, 479, 494
Маметова пустошь (Байлар Сабасы) – 487
Мамишево (Мальшево) – 238
Мамыково – 307
Маньчжурия – 604
Марий Эл – 103, 321
Марийский край – 312
Маскара (Мачкара, Мэчкэрэ) – 454, 535, 572, 592, 599
Матак – 306
Матвеево – 318
Машаик (Кызан) – 304
Мегрелия – 36
Медина – 149, 395, 560, 564, 569, 578
Медянка – 504
Медянская, д. – 211
Медянские юрты – 208, 211
Мекка – 107, 136, 149, 395, 396, 489, 559, 564, 569, 578, 607
Мелекес – 498, 499
Менгер – 445, 447, 480, 557, 572, 589, 591
Мендели – 479
Мензелинск – 285, 307, 314, 477, 497, 514-516, 518, 591
Мензелинская вол. – 244
Мензелинская ярмарка – 477
Мензелинский у. – 318, 416, 419, 447-449, 458, 497
Мензеля – 307
Мехон – 311
Мечетлинский р-н – 515
Мечетная слобода – 318, 319
Меша, р. – 75, 78, 82,
Мешинский завод – 453, 494
Мещера – 222, 223, 229-234, 238, 270, 281, 295, 296, 298
Мещерский край – 65, 238- 240, 267-270, 277, 611
Мещерский у. – 296, 297, 298, 302

- Мещерский юрт см. *Касимовское ханство*
 Мижа – 259
 Микитино – 301
 Минглень – 566
 Минск – 259, 607
 Мир – 607
 Мироносицкая пустынь – 327
 Миср – 533
 Митрялы – 296, 298
 Мишкинский р-н – 242
 Можайск – 36
 Можайский у. – 315
 Можайское княжество – 237
 Мокша, р. – 295, 296, 298, 299
 Мокшанск – 200, 343
 Молдавия – 35, 47
 Молоди, с. – 93
 Монголия – 114, 485, 545, 552
 Монгольская империя – 37, 114
 Мондюш – 589
 Мордовия – 285, 298, 299, 313
 Моршанский р-н – 301
 Москва – 3, 4, 9, 11, 16, 17, 19, 20, 31-34, 37, 40, 44, 47, 53, 62-65, 71, 73, 75, 76, 78, 84, 85, 90-94, 97, 100-102, 104, 106, 107, 109, 110, 112, 117, 121-134, 143-147, 151, 152, 154, 166, 177, 178, 184, 187, 190, 192, 194, 196, 197, 202, 206, 208, 209, 225, 229-232, 235-237, 245, 247, 250, 253, 256, 268-280, 319, 330, 340, 341, 354, 388, 435, 455, 458, 470, 477, 488, 492, 505, 506, 516, 540, 548, 552-554, 562, 563, 570, 585
 Московия – 29, 31, 32, 40, 41, 65, 126, 143, 145, 609
 Московская губ. – 319, 343
 Московская обл. – 142
 Московский Чудов монастырь – 183, 313
 Московское государство см. *Россия*
 Московское царство – 85, 118, 120, 121, 123-125, 127, 129, 135, 137, 202, 228, 239, 240, 280, 302, 600, 609
 Мохши, улус – 296
 Мочалей – 303
 Мрася – 306
 Мурагово – 301
 Муром – 94-96, 270, 343, 506
 Муромский у. – 296
 Муртыш-Тамак – 243, 447
 Мусерская пустынь – 327
 Мустафино – 418, 419
 Мушуги – 306, 308
 Мыш – 259
 Мядель – 607
 Нагайбацкая крепость – 378
 Нагайбацкое воеводство – 378
 Нагорная вол. – 201
 Нагорная сторона – 181, 221
 Надцинский улус – 129
 Надцы – 203
 Надырова вол. – 494, 505
 Назым – 129
 Назярбаш – 305
 Нали Кукмор – 424
 Налмасово – 242
 Наманган – 486
 Наровчат – 238, 285
 Нарым – 132, 252
 Некрашунцы – 607
 Немеж – 607
 Нидерланды – 33, 34
 Нижегородская губ. – 57, 321, 332, 343, 351, 352, 364, 416, 425, 438, 440, 461, 471, 498
 Нижегородская провинция – 494
 Нижегородский край – 98, 150, 200, 296, 334, 374
 Нижегородский Печерский монастырь – 99, 187
 Нижегородский у. – 48, 93, 239, 313, 315
 Нижнее Биктимирово – 306
 Нижнее Поволжье – 3, 13, 34, 44, 85, 92, 95, 96, 104, 108, 110, 114-116, 119, 197, 199, 219, 241, 268, 294, 295, 304, 364, 478, 573
 Нижне-Чусовский городок – 127
 Нижние Акташи – 374
 Нижний Новгород – 77, 83, 94-96, 98, 103, 165, 199, 268, 269, 275, 278, 315, 320, 343, 435, 476, 477, 481
 Нижний Самит – 447, 449
 Нижняя Береска – 572, 592
 Нижняя Обь – 129
 Никифоровка – 318
 Николаевка – 318
 Николаевск – 319
 Николаевский у. – 318, 319
 Никольское (Ачи) – 187
 Ницынские слободы – 138, 254
 Нишапур – 564
 Новая Киреметь – 307
 Новая Пара (Актуково) – 302
 Новая Сибирь (Тобольск) – 130, 131
 Новая слобода г. Касимова – 302
 Новгород – 33, 62, 92, 98, 183, 200, 270, 282

- Новгородская губ. – 318
Новоградок – 259, 260, 607
Новодевичий монастырь – 327
Новое Алимово – 243
Новое Демкино – 307
Новое Еникеево – 301
Новое Мангушево – 303
Новое Мансырево – 301
Новоселово – 301
Новоселок – 301, 302
Новосиль – 99
Новоузенск – 319
Новоузенский у. – 318
Новошешминск – 307, 497
Новые Студенцы – 303
Новый Мочалай – 302
Новый Ольгов Городок – 230
Новый Усад – 303
Новый Чепкас – 303
Новый Чокур – 303
Новый Чюкал – 303
Ногаево – 302
Ногайская вол. – 201
Ногайская даруга – 226, 297, 308
Ногайская дорога – 201, 374, 378, 382, 420, 500, 518
Ногайская Орда (Большая Ногайская Орда, Большие Ногаи) – 27, 32, 37, 38, 47, 64, 71, 75, 81, 85, 89, 90, 92, 95, 97, 101, 104-109, 112-114, 118, 121-124, 126, 215, 217, 223-226, 238, 240, 295, 302, 306, 606
Ногайская четверть – 201
Ногайско-Мангытское княжество – 297
Нукрат (Карино) – 241, 297, 305, 306
Нурдулатово – 183
Нурки – 499
Нурлат – 183
Нурма – 374
Нурмабаш – 445, 447
Нурусово – 286
Нырсывары – 187
Нью-Йорк – 30
Обдорский городок – 132
Обь, р. – 129-132, 134
Овечий Враг – 302, 303
Ока (Большая Ока), д. – 515
Ока, р. – 65, 93, 230, 238, 274, 295
Ольшанская крепость – 316
Омск – 486, 583
Омь, р. – 114
Орел – 339, 477
Оренбург – 50, 54, 316, 317, 406, 409, 412, 416, 431-433, 477, 478, 480, 481, 485-491, 500-502, 506, 513-516, 522, 524, 525, 547, 569, 570, 579, 582, 591, 605, 607, 610
Оренбургская губ. – 59, 242, 243, 321, 332, 364, 394, 395, 398, 403, 417, 425, 428, 432, 433, 442, 448, 505, 507, 519, 525, 530, 573, 578, 581, 604
Оренбургская обл. – 589
Оренбургский край – 13, 57, 59, 317, 368, 405, 417, 569, 573, 581, 598
Оренбуржье – 25
Орск – 489
Орская крепость – 487
Оса – 199, 200, 515, 517
Осиновка – 417
Осинская даруга – 217, 238, 308-310
Осинская дорога – 244, 499, 504
Осинский у. – 308
Османская империя см. *Турция*
Осокина – 467
Остзая, см. *Прибалтика*
Острог – 259
Отрячь – 187
Отуз – 202, 203
Ошмяны – 259
Ошняк – 306
Павлодар – 490
Падуя – 34
Памир – 485, 486
Пара – 302, 303
Пара (Кузьминка) – 303
Параньгинский р-н – 103
Парат, р. – 321
Парау (Пероу) – 308
Парша – 303
Пегая Орда – 132
Пекин – 486
Пелым, г. – 132
Пелым, р. – 131
Пелымское княжество – 132
Пенделга – 369
Пенделка – 300, 519
Пенза – 199, 200, 285, 313, 343, 518
Пензенская губ. – 231, 319, 425
Пензенская обл. – 300, 330
Пензенская провинция – 398
Пензенская слобода – 300
Пензенский у. – 48, 369, 374, 396, 397, 467, 519
Первушино – 318

- Перекоп – 36
 Перекопная Лука – 317
 Переяславль-Залесский – 339
 Пермская губ. – 318, 319, 321, 477, 581
 Пермская провинция – 321, 394
 Пермский край – 268, 297
 Пермское наместничество – 451
 Пермское Приуралье – 217, 224
 Пермь – 79, 124, 275, 277, 309, 316, 318, 325
 Пермь Великая – 126, 200
 Песношский монастырь – 182
 Пестрецы – 588
 Петербургская губ. – 343
 Петергоф – 349
 Петропавловск – 477, 481, 490, 605
 Петропавловский собор – 506
 Печерская слобода – 313
 Пижма, р. – 321
 Пижманский завод – 494
 Письмянская слобода – 316
 Пица – 303
 Пичеевка – 302
 Плес – 95
 Плетени – 457
 Побережная сторона – 74, 81, 201
 Поветлужье – 321, 327
 Поволжско-Приуральский регион см. *Волго-Уральский регион*
 Поволжье – 3, 16, 17, 19-22, 31, 32, 35, 58, 71, 72, 86, 89, 90, 92, 94, 96-98, 103, 104, 115, 116, 118, 119, 159, 160, 162, 163, 173, 180, 182-184, 193, 198, 200, 209, 215, 230, 265, 268, 269, 270, 285, 287-290, 292, 307, 310-312, 314, 315, 318, 320, 324-326, 330, 334, 347, 352, 354, 355, 357-360, 364, 366, 368, 372, 373, 376, 377, 379, 381, 386, 389, 401, 402, 416, 419, 420, 428, 431, 442, 443, 446, 447, 449, 477, 484, 486, 487, 492, 494, 507, 508, 510-512, 514, 515, 524, 530, 538-540, 542, 543, 545, 548, 552, 566, 567, 568, 571, 572, 583, 588, 589, 597, 599, 604, 608, 609
 Погорельный Юрт – 317
 Подберезье – 315
 Подгородная вол. – 326
 Подлесово – 301
 Подлипки (Шырын) – 295
 Подмонастырская слободка – 456
 Подмосковье – 313
 Подол – 257, 258
 Подонье – 35, 36
 Покровское – 301, 312
 Покшино – 187
 Полведен – 187
 Польско-Литовское государство – 44, 99
 Польша – 33, 63, 86, 102, 114, 165, 166, 259, 260, 275, 318, 557, 607
 Поповка – 367
 Поршур – 479
 Посурье – 268
 Поттишский острог – 299, 300
 Починок Уют – 452
 Пошатово – 303
 Предволжье – 75, 77, 78, 305, 610
 Предкавказье – 106, 304
 Предкамье – 84, 497
 Преображенский завод – 502
 Приазовье – 156
 Прибалтика – 63, 184, 342, 354, 359, 470
 Прииртышье – 128, 210
 Приказанье – 73, 75, 80
 Прикамье – 75, 276, 321, 326, 478, 516
 Приуралье – 3, 50, 58, 75, 92, 94, 96, 97, 98, 99, 102, 121, 173, 177, 198, 199, 200, 215-219, 222, 224-227, 285, 287, 288, 290, 297, 305, 308, 311, 321, 326, 353, 355, 366, 379, 381, 401, 413-415, 417, 422, 428, 431, 442, 443, 446, 447, 449, 452, 453, 476, 477, 479, 480, 492, 507, 508, 510-512, 514, 515, 519, 530, 538, 539, 545, 548, 567, 571, 590, 599, 609-611, 613
 Причерноморье – 35, 41, 63
 Пронский у. – 152
 Пруссия – 259, 260, 385, 411
 Псков – 98, 282
 Псковская земля – 241
 Псяк – 513, 518
 Пугачев – 318, 319
 Пурдышково – 298
 Путивль – 339
 Пышма, р. – 131
 Пышминская вол. – 203
 Пьяна, р. – 99, 238, 296
 Пюкасы – 330
 Раифская пустынь – 312, 327, 368, 375
 Раково – 301
 Раково-Кошково – 301
 Раковская Усада – 301
 Ракшеклей (Уракшеслей) – 299
 Расмекеево – 242
 Рассказовский р-н – 301
 Рейжи – 607
 Репици – 301

- Речь Посполитая – 33, 34, 38, 42, 45-47, 63, 72, 101, 174, 257-260, 262, 266, 267, 401, 610
Рига – 349
Рим – 62
Рогервик – 379, 499, 505
Рождественский завод – 453, 515
Рождественское, с. – 196
Романов – 158, 174, 231, 232, 234, 244, 245, 270, 302, 307
Романовский у. – 230, 235, 244, 245, 302
Ромашкино – 306, 440
Российская империя – 17, 25-27, 44, 51, 52, 55, 57-59, 165, 263, 351, 364, 366, 373, 385, 386, 390, 401, 404-406, 408, 430, 436, 479, 485, 486, 510, 512, 526, 540, 549, 550, 551, 573, 581, 603, 604, 607-610
Россия (Московское государство, Русь, Русское государство) – 3-7, 15-22, 25, 27-35, 39-42, 45-50, 62, 63, 72-75, 83, 84, 86-88, 91, 93-95, 97, 99, 102-105, 107, 108, 113-116, 120, 121, 128, 132, 133, 136, 137, 139, 140, 142-146, 148, 149, 151-154, 157-160, 164, 165, 172, 174-177, 180, 181, 183, 187, 190-193, 197, 198, 200, 201, 203, 204, 207, 209, 214, 218, 222, 228-232, 235-238, 240-243, 245-247, 255, 258, 260, 270-272, 274, 275, 279-283, 295, 297, 304, 311, 313-321, 325, 330, 332, 334, 336, 338, 339, 342-347, 350, 353, 362, 364, 365, 371, 373, 374, 376, 380-383, 385, 386, 389, 390, 393, 396, 397, 400, 401, 403, 405-407, 409, 410, 412-417, 425, 426, 429, 430, 432, 441, 449, 451, 454, 456-460, 471, 475-480, 482-484, 486-492, 507, 508, 511, 512, 521, 522, 525, 544-548, 550, 552, 554, 559, 568, 571, 572, 575-577, 581, 583, 584, 589-591, 599, 600, 603-606, 608-613
Россия (Российская Федерация) – 25-27
Ростов – 245, 339, 455, 477
Ростовская ярмарка – 477
Ростовский у. – 231, 315
Рудна, р. – 299
Рузаевка – 239
Румыния – 44,
Русаново – 300
Русь см. *Россия*
Рутка, р. – 78, 321
Рыбно-Слободский р-н – 243
Рыбушкино – 303
Рысово – 243, 306
Рязанская губ. – 319, 425
Рязанская обл. – 301
Рязанский у. – 230, 239
Рязанское княжество – 238
Саба – 572
Сабаево – 242
Сабанчино – 479
Сабинский р-н – 598
Сабы – 589, 591
Савруши – 497, 498
Саиря Большая – 187
Сакмара, р. – 487
Сакмарский казачий городок – 396, 403
Сакконы – 296
Салагуш – 243
Салауш – 306
Салган – 302
Салмачская дорога – 201
Самара, г. – 33, 115, 119, 199, 200, 312, 316, 343, 477, 506, 582
Самара, р. – 308
Самарканд – 35, 290, 490, 533, 566, 579-580
Самарская губ. – 318, 332
Самарская Лука – 313
Самарская обл. – 313, 330
Самарский у. – 48
Самбор – 273
Санкт-Петербург – 39, 44, 53, 57, 58, 326, 329, 333, 342, 349, 357, 370, 373, 408, 409, 420, 426, 435, 458, 459, 461, 475, 477, 488, 494, 506, 507, 547, 566, 578, 602, 607
Сарайчик (Сарайчук) – 95
Саралан – 306
Сарали – 440, 493
Саралинский завод – 493
Саралы – 308
Саралы-Минская вол. – 307, 308
Саранск – 199, 239, 285, 299, 518
Саранский у. – 300, 307, 396
Сарапул – 497, 516
Сарапульский у. – 48
Саратов – 33, 117, 199, 200, 312, 343, 358, 477, 518
Саратовская губ. – 300, 319, 332, 425, 573
Саратовская обл. – 330
Саратовский край – 116, 313
Сараш – 503
Саргач – 203
Сардаш – 309
Сардык – 308
Сарманаево – 418, 513
Саровский монастырь – 296, 349
Сасовский р-н – 301

- Сатыш – 572, 589
 Свербейка Татарская – 300
 Свяга, р. – 305, 312, 320, 332, 463
 Свяжск – 64, 65, 73, 75-77, 80-83, 91, 116, 132, 145, 148, 181, 182, 184, 192, 193, 196-199, 201, 251, 268, 269, 271, 275, 277, 279, 280, 286, 305, 312, 329, 343, 356, 385, 476, 582
 Свяжская провинция – 321, 332, 394, 399
 Свяжский Богородицкий монастырь – 148, 182, 184, 356, 372-375, 383
 Свяжский у. – 48, 88, 144, 150, 183, 185, 194, 196, 201, 219-223, 240, 243, 294, 304-307, 309-311, 314, 315, 330, 332, 356, 363, 364, 369, 376, 394-398, 416, 420, 436-439, 441, 443, 444, 446, 498, 519
 Свяжское воеводство – 192
 Святой Крест, крепость – 471, 472
 Священная Римская империя – 29, 45, 135, 272
 Северная Двина – 282
 Северный Кавказ – 35, 38, 287, 289, 406, 565, 571, 574, 604
 Северо-Восточная Русь – 62, 244
 Седмиозерная пустынь – 312, 327
 Седмиозерский монастырь – 368
 Сеитовский посад (Сеитовская слобода, Сеитова слобода, Каргалинская слобода, Каргала) Оренбурга – 50, 243, 394-396, 399, 403, 412, 416, 432, 433, 434, 446, 451, 480, 483, 486-489, 501, 513, 519, 522, 533, 547, 557, 559, 573, 582, 589, 610, 614
 Селижаров монастырь – 148, 182
 Селище, д. – 302
 Сельдинская слобода – 313
 Семеновка – 303
 Семеновское – 303
 Семипалатинск – 477, 481, 490
 Семипалатинская крепость – 490
 Сенгилей – 313
 Сенгилейка – 303
 Сергачский у. – 438, 440
 Сергеевск – 497
 Сергиевск – 316
 Серди Новые – 187
 Серди Старые Верхние – 187
 Серкамки – 374
 Серпухов – 230, 273
 Сибирская губ. – 343, 364, 408, 493
 Сибирская даруга – 130, 218, 224, 309, 366, 498, 501, 515
 Сибирское ханство (Сибирский юрт) – 3, 15, 27, 37, 39, 44, 101, 120-127, 130, 131, 133, 135-139, 181, 202, 209, 215, 217, 218, 225, 246-248, 250, 256, 271, 295, 311, 545, 563, 568, 584, 599, 606, 610
 Сибирское царство – 118, 135
 Сибирь – 3, 19-21, 26, 27, 34, 40, 41, 56-58, 71, 72, 94, 114, 120-137, 140, 142, 164, 176, 189, 197, 199, 200, 203-205, 208-210, 214, 231-233, 246-250, 252, 255, 275, 316, 317, 341, 344, 353, 370, 375-377, 458, 477, 478, 547, 557, 568, 571, 573, 584, 589, 598, 599, 604, 606, 608-611
 Сикияды – 242
 Силезия – 33
 Симбирск – 199, 200, 285, 286, 303, 313, 343, 455, 477, 570
 Симбирская губ. – 57, 231, 319, 364, 425, 438, 439, 452, 478, 573
 Симбирская провинция – 352
 Симбирский у. – 48, 303, 305, 307, 314, 315, 330, 332, 369, 374, 397, 416, 417
 Симбирское наместничество – 451, 522
 Симет – 564, 572
 Сингали – 440
 Синорово – 300
 Синьцзян – 115, 604
 Сион – 541
 Сирия – 547, 581
 Слободской у. – 149, 217, 219, 397
 Слоним – 259, 607
 Служилая Ура – 455
 Служилый Ур – 306
 Смаилово – 501
 Смолевич – 259
 Смоленск – 156, 271, 273
 Смоленская губ. – 343
 Смоленское шляхетство – 393
 Собакино – 298
 Собачий Остров – 303
 Сок, р. – 316
 Сокольский острог – 504
 Соликамский у. – 308
 Соловарский городок – 497
 Соль Вычегодская – 79
 Соль Камская – 126
 Солянка – 304
 Соргач – 202
 Сорок Сайдак (Сорок Садак) – 303, 416
 Сорок Татар – 607
 Сосьва, р. – 131

- Спаской Кашков – 301
Спасо-Преображенский монастырь – 368
Спасо-Юнгинский монастырь – 327
Спасский монастырь – 370
Спасский у. – 316, 436, 437, 438, 439, 442, 444, 451, 458, 479
Спасский Цепочкинский монастырь – 327
Средиземное море – 565
Средиземноморье – 63, 288
Среднее Поволжье – 3, 6, 17-22, 34, 40, 48, 50, 56, 57, 71, 75, 80, 84-88, 91, 92, 94, 96, 98, 103, 116, 119, 142-144, 148, 149, 151, 157, 158, 164, 174, 177, 190-192, 195, 197-201, 216-219, 222, 226, 227, 268, 269, 276, 277, 295, 305, 309-320, 326, 330, 332, 333, 338, 339, 359, 365, 385, 401-403, 406, 413-415, 417, 421, 422, 429, 431, 437, 438, 440-442, 446, 448, 459, 461, 463, 466-469, 475-480, 483, 511, 513, 515, 519, 548, 549, 562, 568, 572, 611, 612
Среднее Приобье – 132, 251
Среднее Приуралье – 125, 217, 224, 311, 321, 324, 589
Средние Алаты (Средний Алат) – 436
Средний Жуз – 569
Средняя Азия – 5, 20, 30, 98, 135, 137, 226, 232, 288, 290, 292, 304, 385, 386, 406, 410, 431, 432, 450, 451, 454, 456, 477, 478, 480, 482-486, 488-491, 521, 526, 530, 532, 533, 539, 545, 547, 552, 573, 574, 580, 584, 590, 592, 594, 596, 598, 599, 604, 610, 611, 614
Средняя Волга – 80, 81, 199, 276, 496
Средняя Обь – 132
СССР (Советский Союз) – 15, 16, 18, 19
Ст. Альметьево – 306
Ст. Балькуль – 306
Ст. Карьево – 309
Ст. Мансурово – 296
Ст. Салман – 306
Ст. Челны – 306
Ст. Юрткуль – 306
Стамбул – 35-37, 45, 149, 150, 284, 489, 536, 562, 564, 565, 569, 585, 594, 605
Старая Княжая – 299
Старая Надырова – 494
Старицкий монастырь – 182
Старицкое княжество – 237
Стародуб – 272
Старое Аккузино – 305
Старое Барышево – 441
Старое Мангушево – 303
Старое Мансырево – 301
Старое Ромашкино (Иске Роман) – 245
Старое Янышево – 302
Старой Кобыккопыр – 187
Старотатарская слобода г. Казани см. *Татарские слободы г. Казани*
Старые Тиганы – 440
Старый Адам – 307
Старый Баран (Разяп) – 306
Старый Мочалай – 303
Старый Тукшум – 417
Стерлибаш – 572
Стерлибашево – 569, 582
Стерлибашевский р-н – 243
Стерлибашевское медресе – 573
Стерлитамак – 582
Стерлитамакский у. – 581
Столпцы – 260
Студзянец – 258
Сувункипчатская (Суун-Кипчакская) вол. – 503, 518
Сугункипчатская (Сугун-Кипчакская) вол. – 500, 502
Суздаль – 102, 245, 270
Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь – 93
Суздальский у. – 231
Сукман – 306
Суконная слобода – 516, 517
Сулабаш – 589, 596
Сулак, р. – 471
Султанай – 503, 504
Султангуловская вол. – 243
Султино – 309
Сундырь – 321
Супра – 202, 203
Сура, р. – 65, 93, 238, 239, 286, 299, 312, 320, 321, 332, 463
Сурбеево – 286
Сургут – 132, 252
Сурожский стан – 142
Сухая Река, с. – 316
Сухова – 296, 298
Суюндук – 572
Сызранка, р. – 313
Сызранский р-н – 313
Сызрань – 116, 313, 477
Сылва, р. – 224, 297
Сылвенско-Иренский бассейн – 125, 217, 224, 308
Сылвянский острог – 98

- Сыркыды – 301
 Сырянская вол. – 149
 Сюкеево – 315
 Сюн, р. – 531
 Сундырская вол. – 196
 Сюнь, р. – 307, 308, 310
 Тиганы Большие (Тигин) – 306
 Табара – 210
 Табарли – 306
 Таборы – 132, 251
 Табынск – 515
 Табынская вол. – 308
 Тав – 202, 203
 Тавгильдино – 478
 Тавда, р. – 127, 129, 131, 210
 Тав-Отуз (Куллары) – 203
 Таврическая обл. – 524
 Таврия Северная – 401
 Таганрог – 333
 Тазларово – 572
 Тайбугидское государство – 131
 Тайсуган – 499, 506, 572
 Тайсуганово – 243
 Таишевский завод – 453
 Таманский п-ов – 36
 Тамань, крепость – 36
 Тамбовская губ. – 231, 319, 425
 Тамбовская обл. – 301
 Тамбовский у. – 168
 Тамгачи – 424
 Тамьянская вол. – 500, 503
 Тангаурская вол. – 500, 503
 Тануки – 587
 Танып, д. – 309
 Танып, р. – 309, 310
 Тара, г. – 114, 131-135, 138, 139, 176, 204-206, 213, 246, 248, 250-255, 573
 Тара, р. – 131
 Тарбагатай – 491
 Тарговицкая конфедерация – 260
 Тарский у. – 138, 203, 207, 252, 254, 255
 Тархан – 301
 Тарханский городок – 127
 Тарханский острог – 207, 254
 Тархань – 301
 ТАССР (Татария) – 18, 19, 55
 Татарская Башмаковка (Кызан) – 304
 Татарская Бездна – 303
 Татарская слобода Великого Новгорода – 183
 Татарская слобода г. Астрахани – 396, 477
 Татарская слобода г. Москвы – 435
 Татарская слобода г. Тобольска – 377
 Татарская Тахтала – 306
 Татарские слободы г. Казани (Старая и Новая слободы г. Казани) – 6, 7, 54, 55, 177, 178, 186, 195, 305, 351, 352, 362, 367, 374, 377, 387, 388, 391, 395, 397, 398, 410-412, 424, 430, 431, 441, 456, 457, 498, 516, 517, 569, 583, 592, 598, 600, 601, 614
 Татарские Юнки – 300
 Татарстан – 23, 239, 243, 285, 315, 330, 453, 513, 515, 533, 535, 549, 556, 557, 559, 564, 571, 572, 592, 595, 596
 Татарщино – 301
 Татищева крепость – 515
 Ташбердино (Ташбилге) – 306
 Ташкабацкая большая дорога – 201
 Ташкент – 432, 481, 484-486, 489
 Ташкирмень (Ташкирмен) – 187, 440, 441
 Ташкичу – 499, 557, 572, 594
 Ташлинский рудник – 502
 Тверь – 62, 270, 604
 Тебендинский острог – 207, 254
 Тебендя – 203
 Тевкелев Брод – 316
 Тезицкий овраг – 66, 70
 Теленгур – 440
 Телядимский беляк – 239
 Темгенево – 295
 Темников – 167, 168, 174, 200, 238, 239, 267, 281, 285, 296, 298, 299, 312, 343, 349
 Темников Старый – 298
 Темниковский беляк – 239
 Темниковский р-н – 298, 299
 Темниковский у. – 171, 172, 222, 223, 231, 233, 238, 239, 282, 296, 298-300, 303, 307, 349, 351
 Теньковская слобода – 313
 Терек – 339, 343
 Теренгульская вол. – 202
 Терки (Герский городок) – 199, 200
 Терняшево – 307
 Терси – 100
 Терся (Терса) – 305, 306, 313
 Терсяцкая вол. – 138, 202
 Тетюши – 86, 116, 132, 145, 148, 199, 200, 203, 251, 286, 305, 312, 313, 588
 Тетюшская слобода – 313
 Тетюшский монастырь – 368
 Тетюшский у. – 48, 313, 314, 316, 436, 437, 439, 440, 441, 451, 478, 479

- Тибет – 486, 581
Тиинск – 307
Тимбаево – 416
Тимяшево – 533
Тихий океан – 571
Тмутаракань – 104
Тобол, р. – 125, 127, 129-131, 136, 138, 207, 211, 246, 254, 344
Тоболтуринские юрты – 211
Тобольск – 39, 128, 132, 133, 138, 139, 176, 204, 207, 211, 246-256, 280, 339, 345, 370, 377, 435, 477, 485, 557, 570, 573
Тобольская губ. – 208, 321
Тобольский у. – 203, 207, 254, 255, 362
Тобольское Прииртышье – 128
Токтарово – 479
Токуз – 202
Толбаево – 306
Толкиш, р. – 440
Толстиково (Тустик) – 295
Толстый Гай (Толстовка) – 317
Томск – 132, 207, 251-253, 255
Томь, р. – 132, 213, 251
Тонеево – 301
Торбаево (Татарбай) – 295
Торговижский острог – 504
Торгун, р. – 318
Торогоутовский улус – 115
Торопово – 301
Тоцкая крепость – 316
Трабзон – 35, 36
Трех Озерки – 303
Три протоки (Джаминае) – 304
Троице-Сергиев монастырь – 99, 148, 275, 312, 494
Троицк – 406, 477, 481, 488, 502, 569, 570, 579, 589, 591, 605
Троицкая крепость – 409
Троицкий Посад – 312
Троицкий Селижаров монастырь – 182
Тугаев – 244
Тугушево (Дебердеево) – 301
Тула – 65, 245, 268, 272
Тулва, р. – 224, 297, 308, 309, 503
Тунтер – 572
Тупеево – 309
Тура, р. – 127, 129-131
Тураево – 306, 308
Туран – 490
Тураш – 202
Турашская вол. – 202
Турбинская, д. – 211
Турбинские юрты – 211, 213
Турдоман – 299, 303
Туринский острог – 206
Туринский у. – 203, 207, 255
Туркестан – 592
Туркестан, г. – 486
Туртасский улус – 129
Туруновская вол. – 312
Турция (Османская империя) – 3, 19, 20, 27, 33, 36, 38, 44-47, 63, 89, 91, 92, 97, 101, 165, 174, 200, 237, 257-260, 287, 289, 345, 395, 396, 497, 526, 545, 547, 552, 565, 579, 581, 592, 596, 610, 613
Турция (Турецкая республика) – 18, 44
Тутаев – 158
Тушино – 272
Тынламас – 308
Тюеево – 296, 298
Тюки – 303
Тюменка, р. – 130
Тюменская обл. – 39
Тюменский у. – 138, 139, 203, 205, 207, 253, 255, 311
Тюменское ханство – 122, 209, 585
Тюмень – 130, 132, 133, 137-139, 205-207, 210, 246, 248, 249, 251, 252, 254-256, 362, 477, 591
Тюнгак – 501, 504
Тюрюшево – 309
Тянь-Шань – 484, 485
Уват – 203
Уватский улус – 129
Углич – 170, 188, 270
Угришский монастырь – 273
Удмуртия – 589
Уза, р. – 300
Узбекское ханство – 585
Уинский завод – 504
Ук – 203
Украина – 35, 41, 44, 165, 167, 260, 319
Уланово – 187
Улля – 447
Улус Джучи см. *Золотая Орда*
Ульяновская обл. – 330
Унжа, р. – 99
Унженско-Ветлужское междуречье – 321
Ура – 454
Ураево – 307
Уразаево – 242
Уразлино – 447, 519

- Уразовка – 303
 Урал – 3, 34, 94, 96, 102, 103, 109, 115, 125-127, 189, 199, 211, 243, 317, 343, 452, 453, 478, 492-494, 500, 512, 551, 568, 572-574, 599, 606
 Урал, горы – 129, 317, 493, 496, 586
 Урал, р. – 109, 117, 136, 137, 173, 344, 485, 503, 571
 Уральск – 477, 526, 589
 Уранская вол. – 310
 Ургенч – 490, 573
 Урей – 300
 Урей, р. – 298
 Уренбаш – 307
 Урень (Янтудино) – 307
 Уржум – 78, 103, 199, 269, 343, 440
 Уржумская дорога – 201
 Уржумская слобода – 313
 Уржумский у. – 321, 322, 327, 368, 374
 Урмед – 310
 Урнашбаш – 454, 591
 Урсек – 424
 Урус – 202
 Усергенская (Усерганская) вол. – 500, 502, 503
 Усолка, р. – 317
 Усолье – 313
 Успенский Зилантов монастырь – 148, 582
 Устиньино – 92
 Усть-Салауш – 306
 Усть-Турки – 309
 Устьуренская слобода – 286
 Утеево – 416
 Утка, р. – 312
 Уфа – 50, 102, 129, 132, 137, 199, 200, 225, 227, 242, 250, 297, 309, 312, 317, 319, 343, 392, 399, 405, 406, 485, 497, 514, 515, 521, 522, 525, 529, 570, 581, 582, 589, 607
 Уфа, р. – 297, 308, 309
 Уфимская вол. – 311
 Уфимская губ. – 96, 297, 310, 321, 332, 398, 419, 428, 440, 447, 477, 493
 Уфимская провинция – 244, 353, 365, 366, 409,
 Уфимский у. – 48, 130, 136, 176, 217, 218, 220, 224-227, 238, 241-245, 295, 306, 308-311, 321, 347, 369, 373, 375, 378, 393-396, 399, 494, 497-499, 500, 501, 504, 505, 515, 516, 518, 519
 Уфимское наместничество – 242, 318, 425, 451, 522
 Федоровский монастырь – 356
 Федоровское, с. – 312, 313
 Финляндия – 607
 Франция – 260
 Хаджи-Тархан см. *Астрахань*
 Хазарский каганат – 17
 Хан-Керман – 606
 Хвалы́нск – 313
 Хвалынский у. – 305
 Хива – 411, 432, 481, 485, 489
 Хиндустан – 289
 Хлынов – 398
 Хлыновский у. – 217, 219, 241, 243
 Хозяшево – 187
 Хоперская крепость – 399
 Хорезм – 133, 530
 Хошоутовский улус – 115
 Хусна – 572
 Царевококшайск (Царев город) – 101, 199, 200, 285, 312, 329, 343, 356
 Царевококшайский у. – 321, 322, 326, 327, 368, 374, 436, 438, 439, 447, 452
 Царевосанчурск – 101, 102, 199, 200, 280, 343
 Царевосанчурский у. – 321, 322, 327, 368
 Царицын (Царев город) – 33, 115, 117, 199, 200, 268, 343, 358, 477, 518
 Царицыно (Биём сала) – 295
 Цейлон – 35
 Центральная Азия – 115, 564, 592
 Центральная Россия – 115, 142, 335, 425, 484
 Цивильск – 199, 200, 285, 286, 330, 343, 356
 Цивильский у. – 286, 305, 330-332, 436, 438
 Цильна, р. – 305
 Цин, империя – 484, 485, 491
 Цна, р. – 295
 Чалкинкипчатская вол. – 500
 Чаллы – 187
 Чалпы – 478
 Чамкин-Кипчатская (Чамкин-Кипчацкая) вол. – 502, 503
 Чан, оз. – 138
 Чангул – 202
 Чатская (Чаты) вол. – 202
 Чебоксар – 82, 83
 Чебоксарский Преображенский монастырь – 312
 Чебоксарский у. – 48, 144, 194, 269, 307, 312, 321, 330-332
 Чебоксары – 145, 199, 200, 268, 270, 277, 285, 330, 334, 343, 457, 476
 Чекаево – 299, 300

- Чекал – 303
Чекашево – 296
Челна, р. – 440
Челябинск – 477, 515,
Челябинский у. – 242, 578
Чемерцы – 440
Ченчурино – 316
Чепца, р. – 241, 296, 297, 305
Чепчуги – 497
Чердаклы – 307
Чердынский у. – 308
Чердынъ – 126
Черебатырево – 448
Черемша Малая – 187
Черемшан – 306, 316, 428
Черемшан Большой – 307
Черемшан Малый – 239
Черемшанский р-н – 533
Черемыш – 187, 428
Черемыш Большая – 187
Черемышево – 497
Черкасская обл. Украины – 167
Черкесия – 38
Чермишево – 300
Черная речка, д. – 213
Черное море – 36, 565
Черный городок – 130
Черный Яр – 199, 200, 477
Чертанла – 319
Чертушкино – 441
Черучево – 517
Четвертаково – 242
Четкас – 416
Четкас Верхний – 416, 445
Четкас Нижний – 445
Четово – 296
Чеча Новая – 187
Чечня – 526
Чибилнинский рудник – 502
Чигирин – 167, 172,
Чиликул, оз. – 133
Чимги-Тура – 130
Чимкент – 486
Чипчакова – 499
Чириково – 314
Чирпы – 497
Чистополь – 588, 591
Чистопольский р-н – 245
Чистопольский у. – 424, 436-442, 444, 446,
448, 451, 453, 458
Чита, д. – 556
Чиуш – 301
Чишма – 306
Чойская вол. – 202
Чубарова слобода – 139, 207, 254, 255
Чубар-тура – 254
Чувашия – 285, 330-335
Чувашская верхняя дорога – 201
Чувашская средняя дорога – 201
Чувашский край – 330, 332, 334
Чувашский мыс – 128, 130
Чугучак – 481
Чусовая, р. – 125, 126, 173, 308, 309
Чуфарово – 314
Чухломский у. – 92
Чюрилино – 187
Шадринск – 477
Шатрашан – 303
Шахны – 308
Шацк – 200, 295
Шацкий р-н – 301
Шацкий у. – 168, 172, 222, 238, 295, 300-302,
349
Швеция – 36, 47, 63, 102, 165, 174, 258, 270,
460, 492, 493
Шеланга, с. – 312
Шелдаис (Шелтаис) – 299, 300
Шемордан – 445, 447, 452
Шешедино – 299
Шешма, р. – 239, 307, 494
Шешминск – 316
Шигаева – 187
Шигаево – 418
Шигай – 424
Шигалеево – 301
Шигалеевская дорога – 201
Шигеватово – 303
Шикчинская вол. – 203
Шильвинский завод – 453
Шильна – 295
Шинар – 306
Ширдан Большой – 519
Ширданы (Ширдан) – 183, 498, 594
Ширлейская слобода – 298
Шишкеевский острог – 299
Шлиссельбургская крепость – 506, 507
Шубин Усад – 303
Шубино – 303
Шуватово – 299
Шукстров – 300
Шуман – 187
Шумбутский завод – 516

- Шуран – 497
 Шурбино – 296
 Шурма – 94
 Шуструй, р. – 299
 Шуя, г. – 95
 Щелканка – 309
 Щелкунское – 377
 Щербаково – 300
 Эльмэн – 594
 Эргет – 250
 Эстляндия – 342
 Югра – 202
 Южная Аравия – 289
 Южное Приуралье – 137, 295, 309, 310, 311, 321, 330
 Юзеево – 418, 513
 Юкали – 306
 Юкали (Ямансаз) – 306
 Юкачи – 308
 Юнка, р. – 300
 Юнусово – 497
 Юрмийская вол. – 307
 Юртуши – 479
 Юрьеvec-Повольской (Юрьеvec Польский, Юрьеvec-Польский) – 99, 142, 230, 343
 Ютазы – 243
 Юхмачи – 316
 Яблоков – 245
 Ява – 35
 Явас, р. – 299
 Ягодное – 456, 457
 Ядрин – 199, 200, 268, 330, 334, 343
 Ядринская вол. – 202
 Ядринский у. – 330-332, 360
 Ядыгер, д. – 452
 Языково – 314
 Яик см. *Урал*
 Яик, р. см. *Урал, р.*
 Я-Иртиш – 203
 Яксатово (Майлекуль) – 304
 Якутск – 347
 Ялым, г. – 131, 250
 Ялынская вол. – 202
 Ямашкино – 374
 Ямбаево – 589
 Ямбирина – 301
 Ямбургский у. – 342
 Ямбухтино – 306
 Ямгурчеева слобода – 106
 Ямская слобода – 196
 Ямурзино – 306
 Ямышевская крепость – 251
 Ямыш-озеро – 251-253
 Яна Сала – 565
 Янагушево – 309
 Янбахтино – 376, 436
 Янбулатово – 448
 Янбухтино – 420
 Янгаз-Нарат – 243
 Яндри – 286
 Янцева – 494
 Япанчинская вол. – 202, 203
 Яранск – 103, 199, 200, 270, 343
 Яранский у. – 321, 322, 327, 348, 368
 Яркенд – 484, 486
 Ярославль – 102, 137, 231, 270, 276, 278
 Ярославская губ. – 477
 Ярославская обл. – 158, 244
 Ярославский Спасский монастырь – 279
 Ярославский у. – 230, 245
 Ярыгино – 303
 Ясколба – 203
 Ягудельде – 594
 Яшерганово – 243

Список таблиц

1. Расселение «ясачных чувашей» по даругам Казанского уезда в начале XVII в. 221	5. Удельный вес угодий в дачах, принадлежавших татарскому крестьянству в уездах Среднего Поволжья (в %).....438
2. Динамика численности марийцев в XVIII в. (тысяч человек обоего пола).....322	6. Количество пашенной земли на одну душу м.п. в уездах Среднего Поволжья по материалам Генерального межевания (в десятинах).....439
3. Статистика христианизации народов России в 1740–1762 гг. 384	7. Соотношение площадей посевов культур в Свияжском уезде в 1767 и 1771 гг. (в десятинах) 443
4. Распределение земель по угодьям в уездах Среднего Поволжья (в десятинах и кв. саженях) 437	

Содержание

Введение (<i>И.А.Гулязов</i>).....	3
Историография и источники	
§ 1. Историографический обзор (<i>Б.И.Измайлов</i>).....	9
§ 2. Источники XVI–XVII вв. (<i>Д.А.Мустафина, И.А.Мустахимов</i>).....	27
§ 3. Источники XVIII в. (<i>Б.И.Измайлов</i>).....	49
Раздел I. Присоединение татарских государств к Московскому царству	
Глава 1. Завоевание Среднего Поволжья и его социально-политические последствия	
§ 1. Взятие Казани: причины, ход, последствия (<i>И.Л.Измайлов</i>)	62
§ 2. Казанская война 1552–1557 гг. (<i>И.П.Ермолаев, И.Л.Измайлов</i>).....	73
§ 3. Черемисские войны 70–90-х гг. XVI в. (<i>А.Г.Бахтин</i>).....	85
Глава 2. Присоединение Нижнего Поволжья к Московскому государству (<i>В.В.Трепавлов</i>)	104
Глава 3. Покорение Сибирского ханства и начало колонизации Сибири (<i>Д.М.Исхаков, З.А.Тычинских</i>)	120
Раздел II. Татарский народ в составе Русского государства во второй половине XVI – XVII вв.	
Глава 1. Государственная политика колонизации Волго-Уральского региона и Сибири во второй половине XVI – XVII вв.	
§ 1. Инкорпорация татар в российское правовое пространство во второй половине XVI – первой половине XVII вв. (<i>А.И.Ногманов</i>)	142
§ 2. Татарское население в российском законодательстве во второй половине XVII в. (<i>А.И.Ногманов</i>).....	159
§ 3. Религиозная политика Российского государства (<i>Ф.Г.Ислаев</i>)	181
§ 4. Организация административно-территориального и военного управления Казанским краем (<i>И.П.Ермолаев</i>)	189
§ 5. Формирование политики управления сибирскими татарами и Сибирью в конце XVI–XVII вв. (<i>Д.М.Исхаков, З.А.Тычинских</i>)	202
Глава 2. Экономическая, социальная и этнотерриториальная структура татарского общества и его эволюция	
§ 1. Этнотерриториальные и этнокультурные группы татар и их взаимодействие (<i>Д.М.Исхаков</i>).....	215
§ 2. Служилые татары Волго-Уральского региона	228
Служилые татары: правовое положение, численность и особенности хозяйственной деятельности (<i>А.В.Беляков</i>).....	228
Районы формирования служилых татар (<i>И.Р.Габдуллин</i>)	237
§ 3. Служилые татары в Сибири (<i>З.А.Тычинских</i>)	246
§ 4. Литовско-польские татары (<i>Я.Я.Гришин</i>).....	257
Глава 3. Служилые татары и российская власть: между мятежом и службой	
§ 1. Татары и Казанский край в Смутное время (<i>И.Л.Измайлов</i>)	267
§ 2. Служилые татары на военной и дипломатической службе	

Российского государства (<i>А.В.Беляков</i>)	280
§ 3. Восстания во второй половине XVII в. (<i>С.Х.Алишев</i>).....	284
Глава 4. Ислам и духовная культура в Поволжье в XVI–XVII вв. (<i>Г.Г.Идиятуллина</i>).....	287
Раздел III. Татарский народ в составе Российской империи в XVIII в.	
Глава 1. Демографические процессы в Волго-Уральском регионе и Сибири	
§ 1. Численность и основные направления расселения татар России (<i>Д.М.Исхаков</i>).....	294
§ 2. Народы Волго-Уральского региона.....	311
Русское население Среднего Поволжья в XVII – XVIII вв. (<i>Г.Р.Столярова</i>).....	311
Марийское население (<i>А.Г.Иванов</i>).....	320
Чувашское население (<i>В.П.Иванов</i>).....	330
Глава 2. Политика государства в Волго-Уральском регионе и Сибири в I половине XVIII в.	
§ 1. Переход от воеводской системы управления к губернской (<i>И.П.Ермолаев</i>).....	336
§ 2. Российское законодательство XVIII в. о татарах (<i>А.И.Ногманов</i>).....	344
§ 3. Религиозная политика государства в первой половине XVIII в. (<i>Ф.Г.Ислаев</i>).....	368
Глава 3. Татары в период просвещенного абсолютизма	
§ 1. Диалог властей: от теории к практике (<i>Г.В.Ибнеева</i>).....	385
§ 2. Татарские депутаты в Уложенной комиссии (<i>Ф.Г.Ислаев</i>).....	392
§ 3. Татары в законодательной политике Екатерины II (<i>А.И.Ногманов</i>).....	400
Глава 4. Социальный состав татарского общества	
§ 1. Татарское крестьянство (<i>И.А.Гилязов</i>).....	415
§ 2. Формирование татарского дворянского сословия (<i>Р.Р.Хайрутдинов</i>).....	422
§ 3. Социально-экономические предпосылки формирования татарского купечества (<i>Б.И.Измайлов</i>).....	429
Глава 5. Социально-экономическое развитие татарского общества в XVIII в.	
§ 1. Сельскохозяйственное производство (<i>И.А.Гилязов</i>).....	436
§ 2. Развитие мелких форм производства и мануфактуры (<i>И.З.Файзрахманов</i>).....	449
§ 3. Татары Среднего Поволжья на адмиралтейских работах (<i>А.И.Ногманов</i>).....	459
§ 4. Торговля.....	476
Участие татар во внутренней и внешней торговле России (<i>И.А.Гилязов, Г.Р.Зиннатов</i>).....	476
Татарские купцы Волго-Уральского региона и «Шелковый путь Нового времени» (<i>М.Хамамото</i>).....	484
§ 5. Горнозаводская промышленность Казанской губернии в XVIII в. (<i>С.Ю.Измайлова</i>).....	491
Глава 6. Участие татар в социальных протестах XVIII в.	
§ 1. Восстания начала XVIII в. (<i>С.Х.Алишев</i>).....	497

§ 2. Выступление Батырши.....	499
Причины, ход и последствия восстания (Ф.Г.Ислаев)	499
Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне (И.А.Гилязов)	507
§ 3. Участие татар в восстании Емельяна Пугачева (С.Х.Алишев, И.А.Гилязов)	510
Глава 7. Ислам в татарском обществе: поиск путей выживания и обновления	
§ 1. Учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания (Д.Д.Азаматов)	521
§ 2. Развитие богословской мысли в Волго-Уральском регионе во второй половине XVIII – начале XIX вв. (Г.Г.Идиятуллина).....	530
§ 3. Образ предков и идентичность татар: в контексте «Божьего града Болгара» (И.Л.Измайлов)	539
Глава 8. Развитие татарской культуры в XVII–XVIII в.	
§ 1. Татарская письменность (З.С.Миннуллин).....	545
§ 2. Татарский язык в восточной дипломатии России (Ф.М.Хисамова)	551
§ 3. Художественная литература (Х.Ю.Миннегулов)	554
§ 4. Просвещение (М.Н.Фархиаатов)	568
§ 5. Исторические знания у татар (А.Франк)	584
§ 6. Художественное ремесло и искусство (Г.Ф.Валеева-Сулейманова).....	588
§ 7. Архитектура (Н.Х.Халитов)	599
Заключение (И.А.Гилязов, И.Л.Измайлов)	609
Приложения	615
Организация управления, территория и население Волго-Уральского региона	616
Социально-экономическое развитие Волго-Уральского региона: сельское хозяйство, ремесло, промышленность, торговля.....	674
Религиозная жизнь и духовная культура	789
Социальные движения	821
Источники и литература.....	921
Список сокращений.....	979
Именной указатель	983
Политико-географический указатель.....	1006
Список таблиц.....	1028
Содержание	1029

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
в семи томах

том V

Татарский народ в составе Российского государства
(вторая половина XVI – XVIII вв.)

Компьютерная верстка – *Ф.А.Ибрагимова*
Корректор – *С.А.Ярмухаметова*

Подписано в печать 27.04.2015 г.
Формат 84x108/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печатных листов 64,5+5,0 цв.вкл. Тираж 500 экз.

Переиздание с готового оригинал-макета

Отпечатано в типографии Имак Офсет (İmak Ofset)
Стамбул, Турция. 2015 г.
<http://www.imakofset.com.tr>

Осада Казани. Миниатюры.
Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

Осада Казани. Миниатюры.
Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

И пошли во-
еводы: впер-
еди у воевод
пошли полки пешие,
стрельцы и казаки,
и пришли на высо-
кую гору к остро-
гу, а острог из валу
сружен городскими
и землею насыпан,
а в низком месте многи
ли засекали засечено,
и сады между не-
проходимы болот.

И пошли во ешоды на претолки . пошли
поудоеши шши не трблцы . и на заки .
и кляти прншли на войскоую гору по ше ро
гоу . а шет прокь нх вербденъ городи мн
и землен леы пилъ . а шов поит бете
многимн за сть имн за сть тено . а за бд
промежь непроходимы хъ болотъ .

**Осада татарского острога
на Арской стороне.**

Лицевой летописный свод.
Конец XVI в.

**Пушечное ядро, найденное на
территории Казанского Кремля.**

Известняк. XVI в.
Фото Б.И.Измайлова.

**Установка порохового заряда
под стены Казани. Лицевой
летописный свод.
Конец XVI в.**

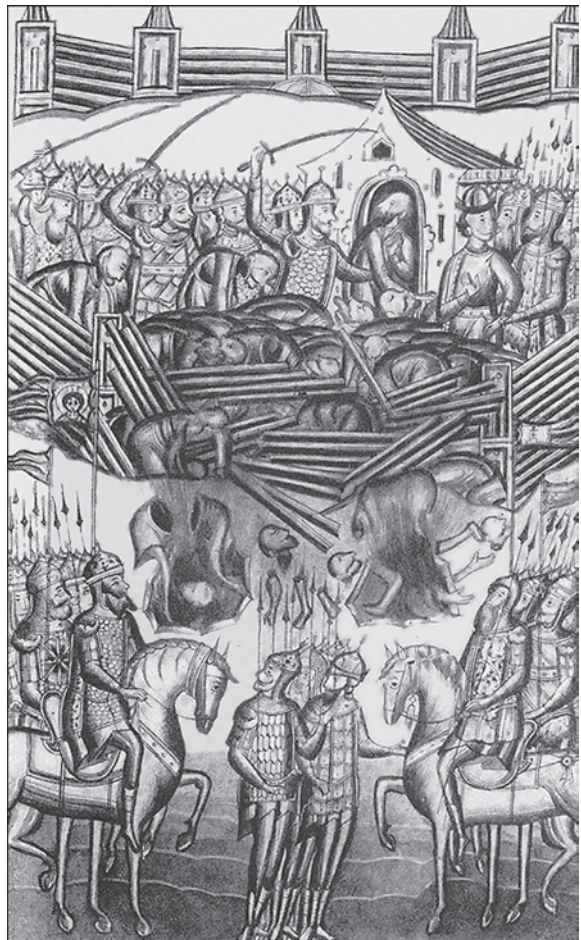

**Подрыв стены.
Лицевой летописный свод. Конец
XVI в.**

Взятие Казани.
Лицевой летописный свод.
Конец XVI в.

**Пленение казанского хана
Ядыгар-Мухаммада. Миниатюра.**
Список «Казанской истории».
Начало XVII в.

Затинная пищаль. Сталь, ковка. Вторая половина XVII. *НМ РТ.*

Орнаментированный боевой топорик.
Сталь, ковка. XV-XVI вв. *НМ РТ.*

Рогатина. Сталь,
ковка, золотая
плакировка.
XVI-XVII в.
НМ РТ.

Сабля. Сталь, ковка.
XV-XVI вв. *НМ РТ.*

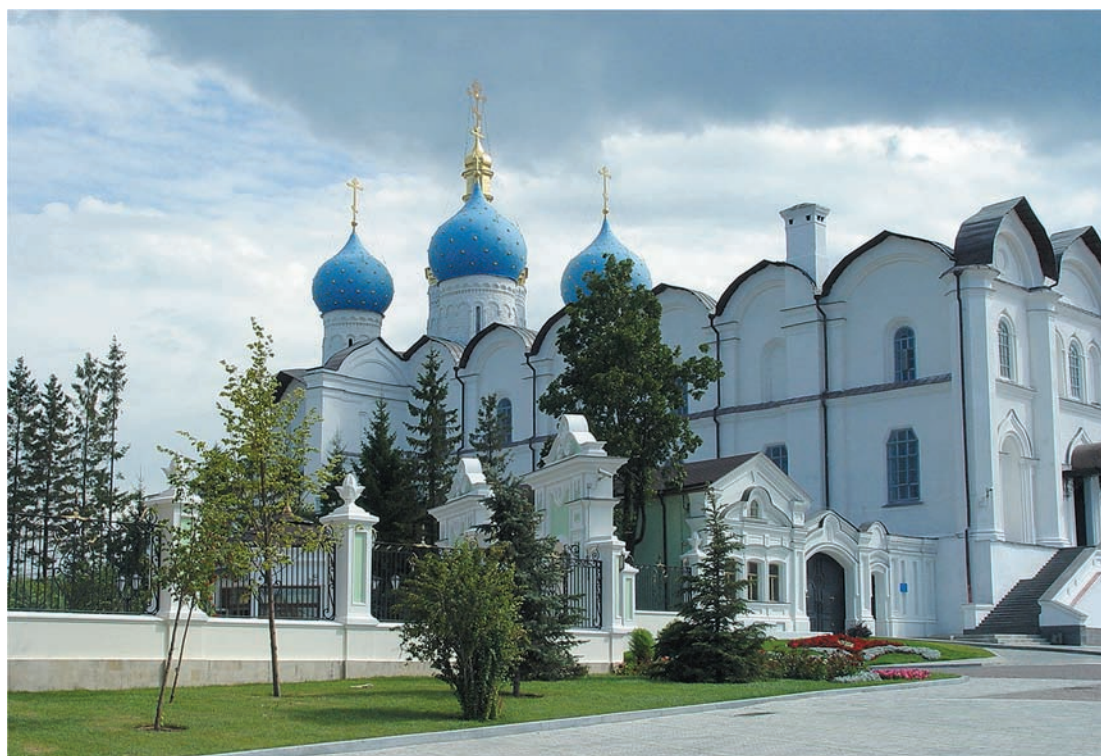

Кольчуга. Сталь, ковка. XVI-XVII вв. *НМ РТ.*

Стены Казанского Кремля. Конец XVI в. Фото Б.И.Измайлова.

**Благовещенский собор в Казанском Кремле.
Вторая половина XVI в. Фото Б.И.Измайлова.**

**Пелена подвесная к Казанской
иконе Божией Матери.**

Камка, шелк, тафта, золотные,
серебряные и шелковые нити.

Последняя треть XVI в.

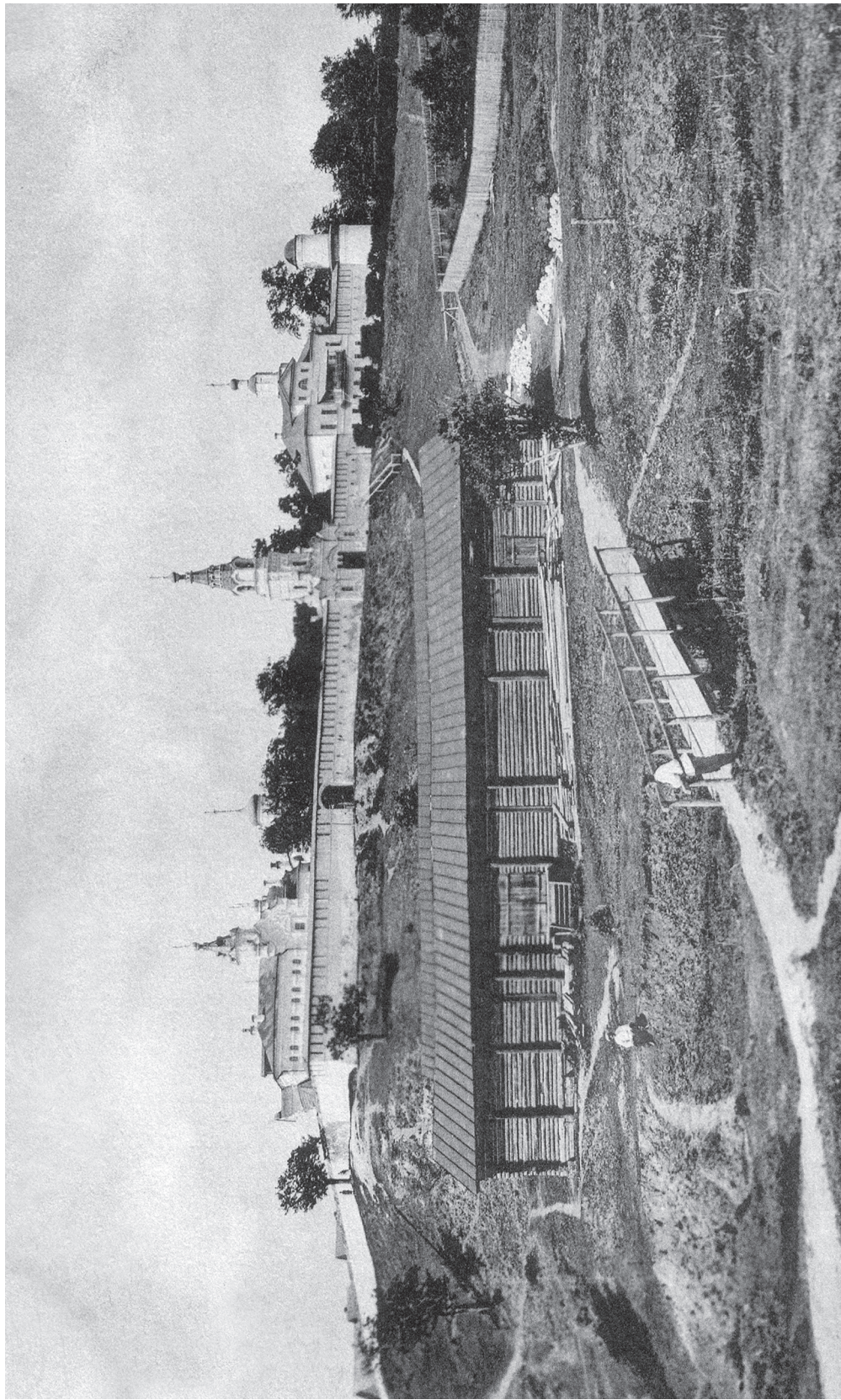
НМ РТ.

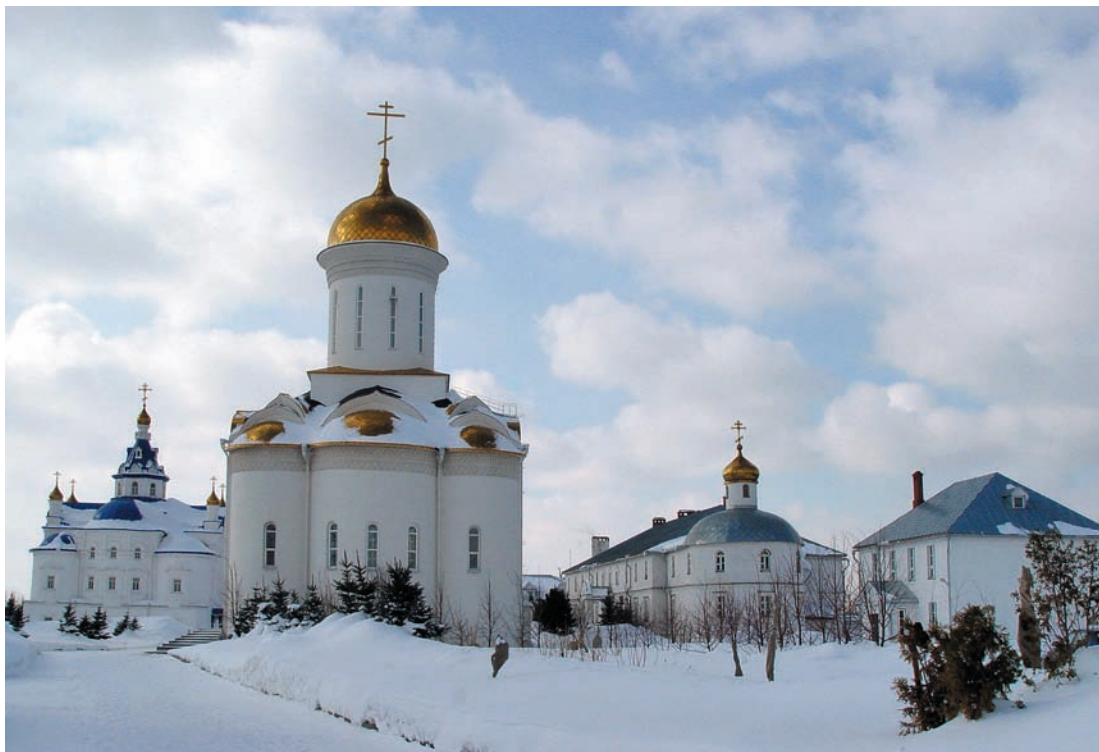
Памятник воинам, павшим при взятии Казани. Казань. Фото начала XX в.

Зилантов Свято-Успенский монастырь. Фото конца XIX – начала XX в. *ИМ РТ.*

Зилантов Свято-Успенский монастырь. Современный вид. *Фото Б.И.Измайлова.*

**Надвратная колокольня
и церковь Владимира
равноапостольного. Зи-
лантов Свято-Успенский
монастырь.**
Современный вид.
Фото Б.И.Измайлова.

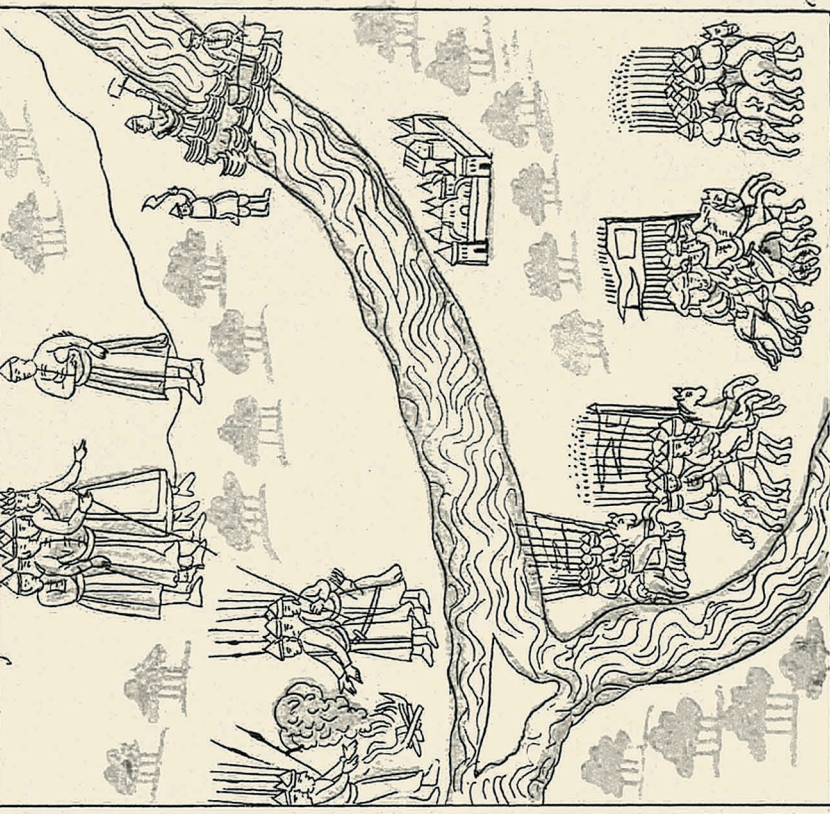

Срмаице ооуино мисленици (помни недресе недрити помие, полате вил ретевоб
 твие ле те рупоние дооселаси ахрзеи ледв ермаице ерпаунои етробе гуритиго жети
 ша бедманеи, крчими етробид Редвацие Шбаме Ирмими Пурформисе тесисоо пурпаго
 ро протисаице дандубе Фарубе аодине рете убаккеме вестеи Олимире Писоре разбешисаи
 Прамичеи Еликеи Хити стони аеритицеи Писоре непертису...

Собрание сра Дик Тривоиди Вузатиер Оури Лобляны Востани Ивие птатереве сдндр
 ле Ветиле Лидорде сподо с оме спомие Москайдолоид лотоголд джасте де Франсид
 сакрже Уиничеи Засфид а осчим Дамретише ратв Нисудеи акиотами Уиртимиаи Лич
 усте тоболи Рраиди, етратеи постасиамеи.

Поход Ермака. Миниатюры. Ремезовская летопись. XVII в.

Городище Искер близ Тобольска. Современный вид. Фото Б.И.Измайлова.

Вид на р. Иртыш со стороны Искера. *Фото Б.И.Измайлова.*

Памятник Ермаку. Современный вид. *Фото Б.И.Измайлова.*

Тобольский Кремль. Тобольск. XVI-XVII вв. *Фото Б.И.Измайлова.*

Тобольский Кремль.
Тобольск. XVI-XVII вв.
Фото Б.И.Измайлова.

**Софийско-Успенский собор
и колокольня в Тобольском
Кремле. XVII в.**
Фото Б.И.Измайлова.

Карта «Описание России, Московии и Тартарии» в издании А. Дженкинсона. Лондон. 1562 г. (Атлас Тартарика. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое издание. М., 2006. С.378-379).

Герб Царства Казанского.

Русский всадник. Гравюра. XVI в.
(Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908).

Русские всадники. Гравюра. XVI в.
(Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908).

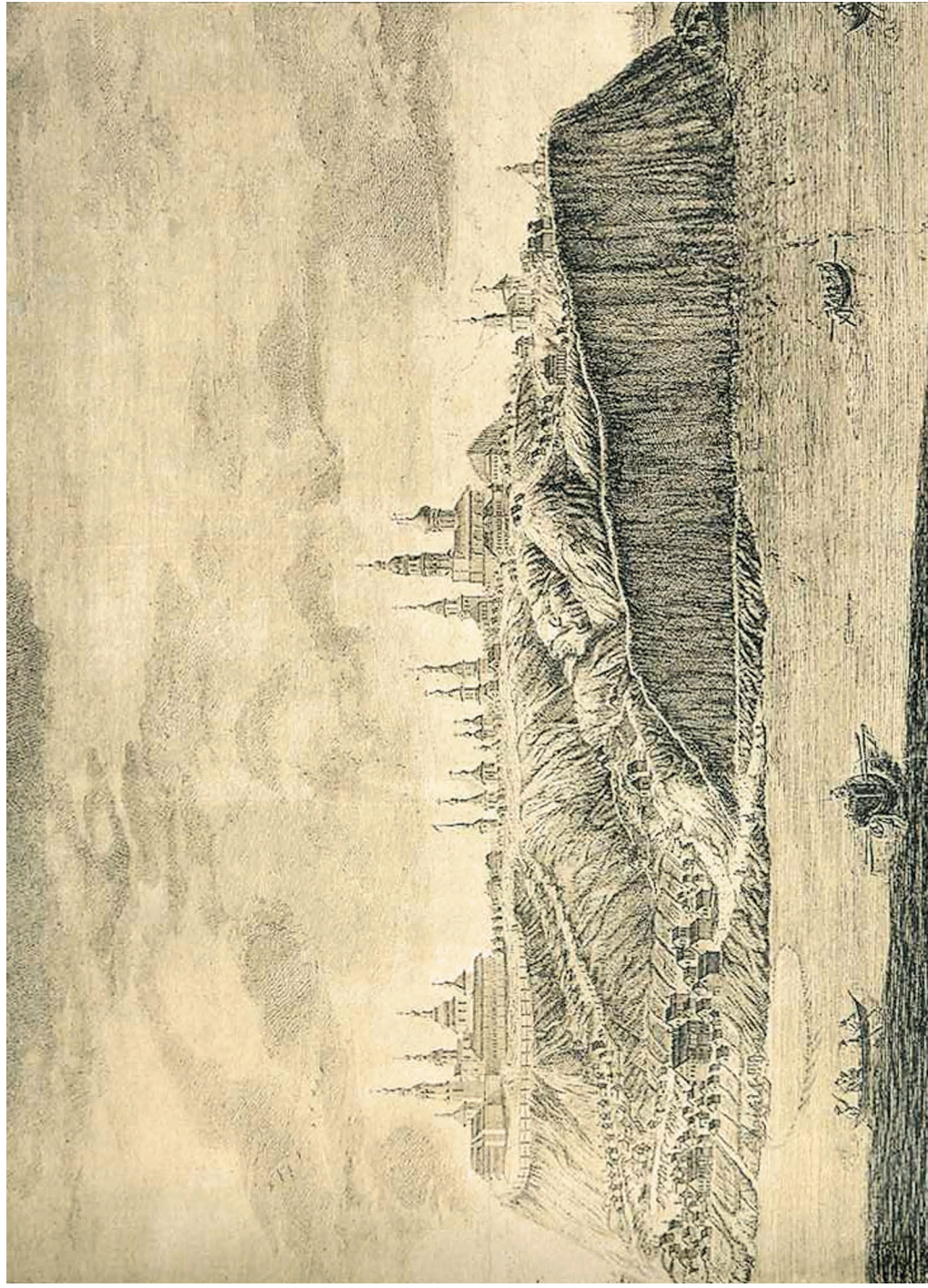

Casan Tartarorum

Вид Казани в середине XVII в. Гравюра О. Коха. Конец XVII в.

Свияжск – второй по значению город Казанского края во второй половине XVI – XVII вв.
Гравюра А.Г. Рудакова с рисунка М.И. Махаева. Петербург. 1769.

Русский и татарин в XVII в.
(Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах.
СПб., 1908).

Сабля «шемшир».
Иран. 1573 г. НМ РТ

**Князь Петр Урусов убивает Лжедмитрия II. Реконструкция М.В.Горелика
(Аблязов К.А. Историческая судьба татар. В 2 т.
Т.1: От племени к нации. Саратов, 2012).**

Василий Шуйский.
Царский титулярник. XVII в.

ЦАРЬ МИХАИЛЬ ФЕОДОРОВИЧЪ РОМАНОВЪ (1613)

Le Tsar Michael Fedorovitch Romanoff. (1613)

Царь Михаил Федорович Романов. НМ РТ.

**Портрет патриарха Московского и
Всея Руси Гермогена.**
Неизвестный художник.
Вторая половина XIX в. *НМ РТ.*

**Избранные святые
Гурий и Варсонофий
Казанские, Герман
Свияжский.**
Икона. XIX в. *НМ РТ.*

Ефремово Евангелие. Москва. 1606 г. *НМ РТ.*

Третье евангелие святаго Михаила Федоровича и епископа
деревяна

Данна до притче бже а собо а казани тна и канно едво а вощеня сего
и мисл глгоа ра рече на притолов свиряе е фро митрополит казанский и св
мий по дше саови дженатво поимени хбта а зрв онго же ебо а д
исаво а волншао чрвста и в чрв свеннн каз михаи Федорович епископа

Страница Евангелия с вкладной надписью митрополита Казанского и Свяжского Ефрема. Москва. 1606 г. ИМ РТ.

Разворот страниц Ефремова Евангелия. Мастер-печатник О.Радишевский, художник Парфений. Москва. 1606 г. *НМ РТ.*

Благовещенский собор Казанского Кремля.
Литография А. Дюрана. Лондон. 1840 г. *НМ РТ.*

Ж. Венне жинс?

В. Муссо ильс?

ЦАРЬ АЛЕКСИЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Czar Alexis Michaelowitch.

Царь Алексей Михайлович Романов. *HM PT.*

ESTATS du CZAR ou
 GRAND DVC de la RVSSIE
 BLANCHE ou MOSCOVIE.
 Par N. Sanson le fils Geographe du Roy, A Paris
 chez l'auteur avec privilège pour 20 ans.

Карта Н.Сансона «Государство царя и великого герцога Белой России или Московии». Вторая половина XVII в. (Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое издание. М., 2006. С.380-381).

Копейка. Русское государство.
Царь Михаил Федорович. 1613 – 1645 гг.
Серебро. *НМ РТ.*

Пуговица XV-XVI вв.
Серебро, позолота. *НМ РТ.*

Гостинный двор. Тобольск. Начало XVIII в. Фото Б.И.Измайлова.

Гостиный двор. Тобольск. Начало XVIII в. *Фото Б.И.Измайлова.*

Permiani et Condoriani aliquando Ethnici sunt: ut nunc à Russorum Imperio perdomiti, maxima ex parte Christianificati, compluresque per nives et hinc vitrea factum, quæ vel canes vel cervi alii in pluribus tractant. Cervina carnis hinc ex parte utilitatem panis usum adferunt: observatione candidant: vestitus illi ferri coria vel

Coloniae Mianchi hinc Confessionis Imperii Geographi: ut hinc nihil Tibi Extra Inveniantur...

Multis Persequi Mahometiani sunt: quibusdam cum Turcis Tartarisque pugna confusum, idque maxime propter differentes ceremonias: quibusque Imperialis seu Turci regis: ut Turci Tartarique factant. In his autem res gemibus maxime ferri copia est.

TVRB LACV
VZ
IOVGH
KITA
L
HORDA
T
HORDA
HORDA
MARE

DI LIBERI BARONIS AB HERBERSTEIN ITINERARIIS, NOVA DESCRIPTIO.

Новое описание северных районов Московии, русских, татар, а равно их орд.
 А.Дженкинсон, С.Герберштейн. Нидерланды. 1562-1572 гг. (Атлас Tartarica. История татар и на-
 родов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое издание.
 М., 2006. С.384-385).

In hac Tartaria descriptione omnem adhibuimus diligentiam ut res quae super ab Anglis vel a Belgis alijs detectae sunt quaeq; loco habentur quatenus nota ipsi non satisfecerunt, quae enim vestrum illud et in: cognita regnum vobis describit: ac ut possitis dum ut volumus non: licet. est. dum: multas quodam

Militeria Germanica communia

Карта Тартарии. И.Хондиус. Амстердам. 1606 г. (Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое издание. М., 2006. С.412-413).

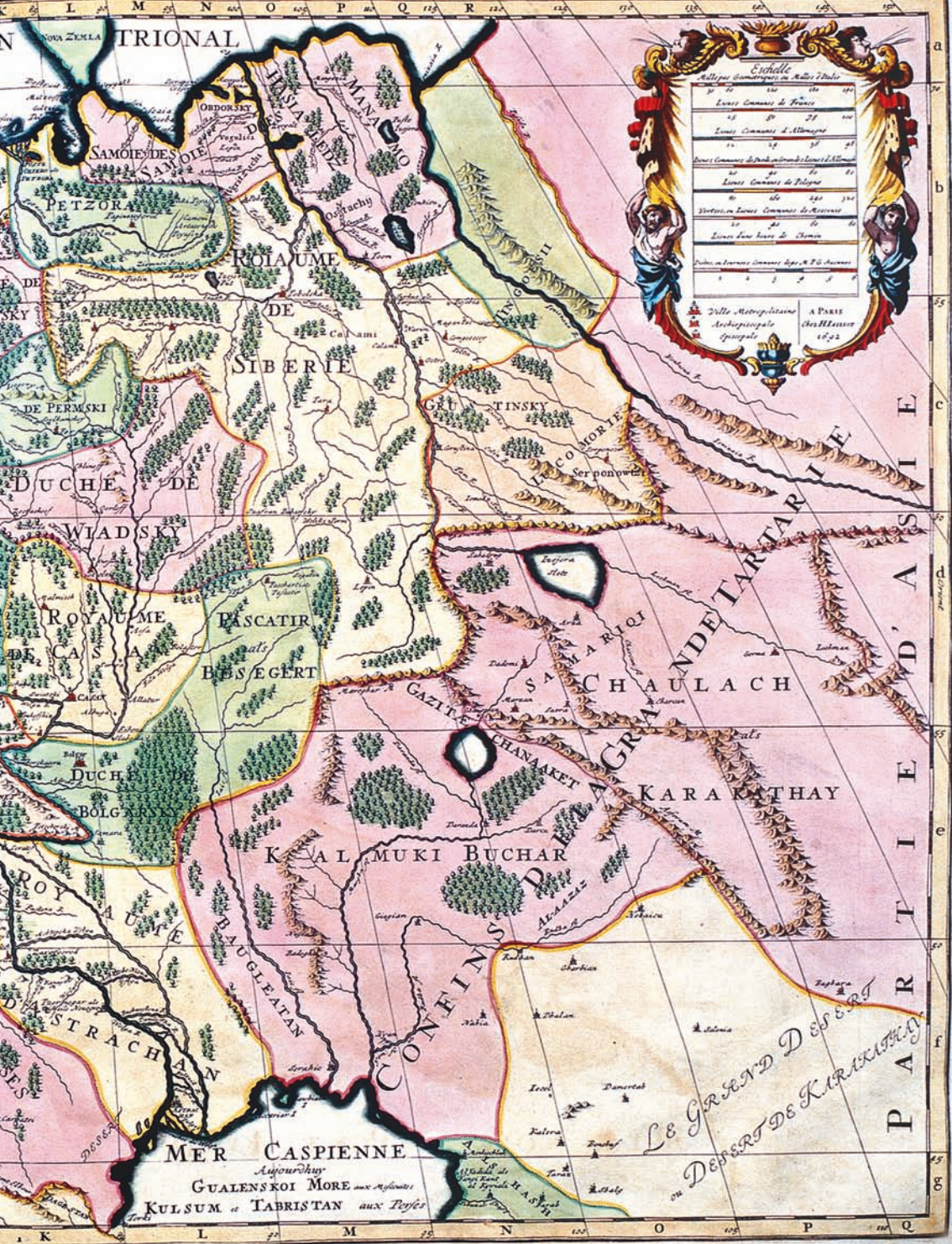
LES ESTATS DU CZAAR DE LA RUSSIE

LES DUCHÉS DE MOSKOW. WOLODIMER. REZANSKY. WOROTIN. NOVOGOROD. SEWIERSKY. CZERNIHOW. SMOLENSKO. RESCHOW. TWERSKY. NOVOGOROD. LES PRINCIPAUTÉS DE PLESKOW. BIELSKY. KABARDINSKY. CYRCASKY. LES PROVINCES DE DWINA. GARGAPOL. OUTIUGH. PETZORA. LUOMORIA. OCRAINA.

LANCHE ou GRAND DUC DE MOSCOVIE, ou Sont
 DWELIKY, BIELEIEZERSKY, WOLOGDSKY, IEROSLAWSKY, ROSTHOWSKY, SUSDAL, NISH, NOWOGOROD, BOLGARSKY, WIADSKY, PERMSKY, IUHORSKY, OBDOSKY
 ES PEUPLES L'APONS, SAMOIEDES, TINGOES, CZEREMISSES, MORDWA, LES ROYAUMES DE ASTRACHAN, CASAN, SIBERIE &c. Parle Sr Sanfon, Geographe du Roy

Государство царя Белой России или Великого княжества московского. С.Сансон. Париж. 1692 г. (Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое издание. М., 2006. С.434-435).

Турецкая сабля «кылыч».
Турция. XVIII в. *НМ РТ.*

Зерцало. XVIII в. НМ РТ.

Борель П.Ф. Портрет Петра I.
Москва. Вторая половина XIX в.
Литография. *НМ РТ.*

Петропавловский собор. Казань.
1723-1726 гг. Фото *Б.И.Измайлова.*

Петропавловский собор. Казань. 1723-1726 гг. Фото *Б.И.Измайлова.*

Петропавловский собор. Литография Э. Турнерелли. Казань. 1839 г. *ИМ РТ.*

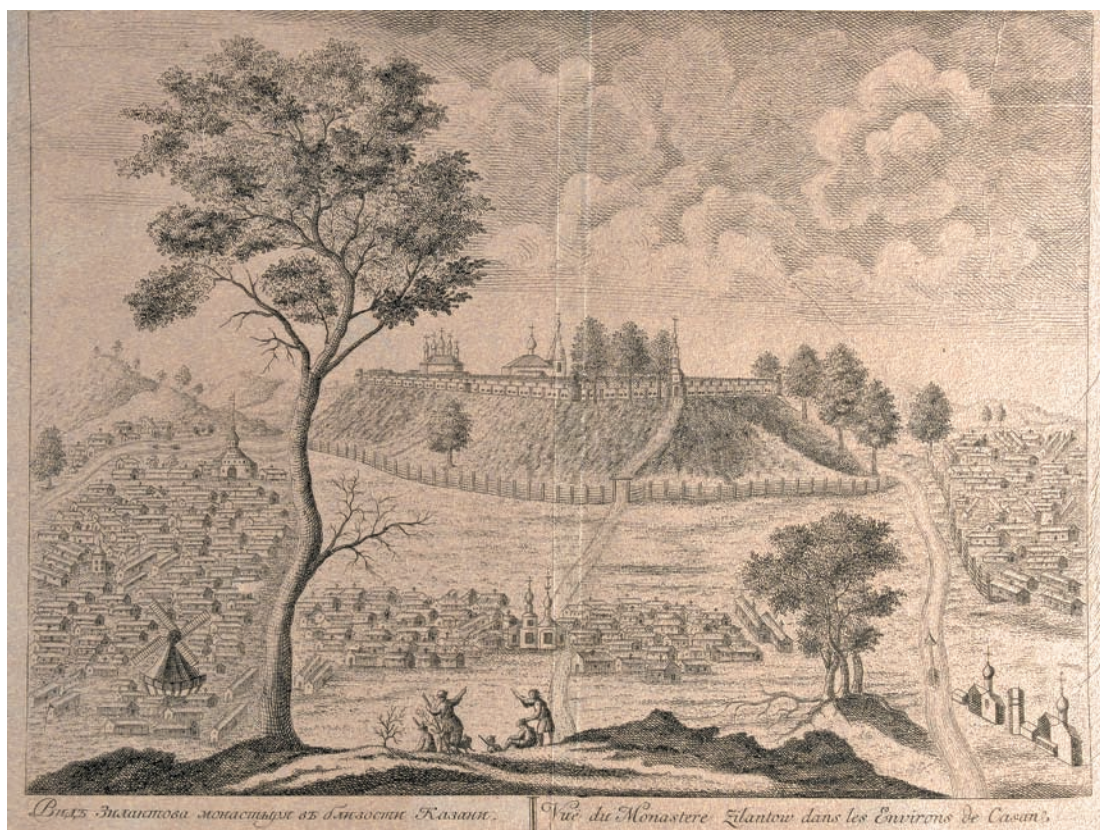

**Н.Н.Кудрявцев – обер-комиссар
Казанского адмиралтейства
в 1730-е гг.**

Копия Г.С.Галумова с портрета неизвестного художника первой половины XVIII в. *НМ РТ.*

**Малое здание Адмиралтейской конторы.
Казань. XVIII в. Фото Б.И.Измайлова.**

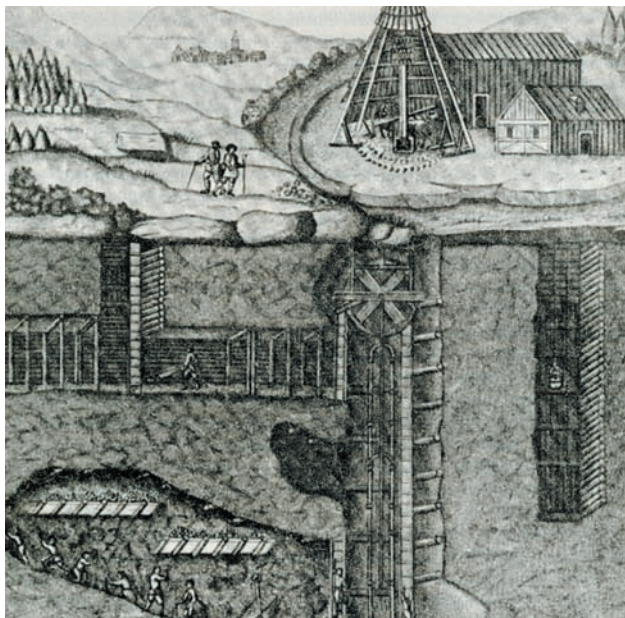

**Вид Зилантова монастыря и околележащих мест. Гравюра П.Т.Балабина с рисунка
И.В.Люрсениуса 1733 г. Петербург. 1770 г. *НМ РТ.***

**В.Н.Татищев – начальник
Горной канцелярии. С гравюры
XVIII в. НМ РТ.**

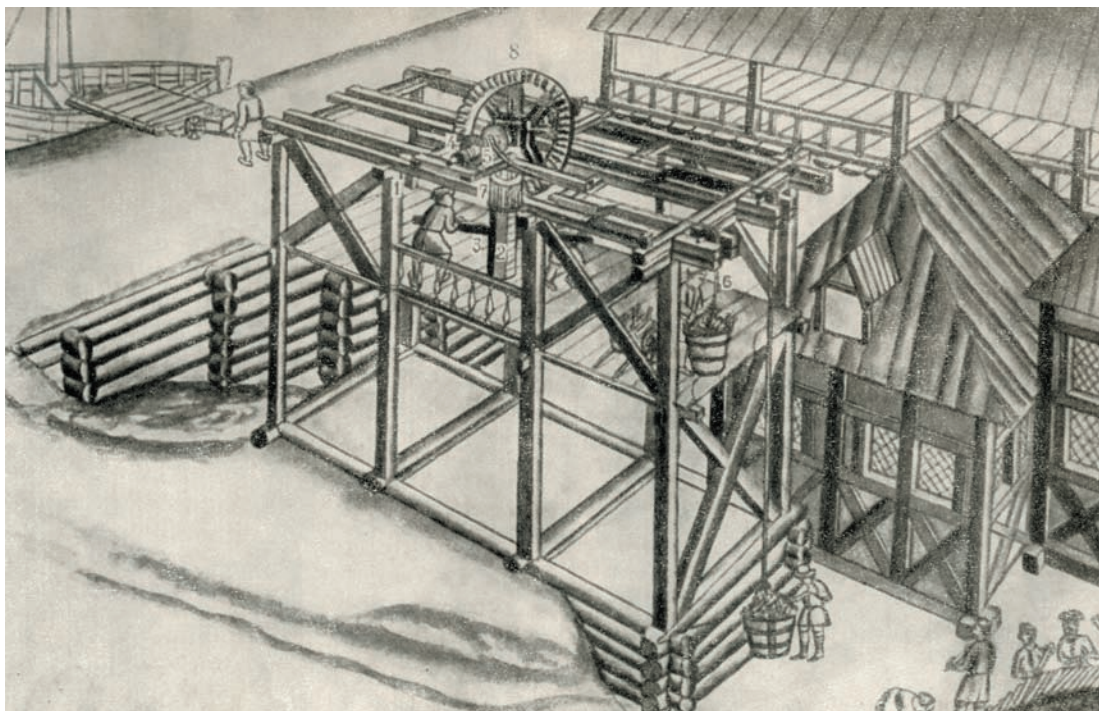

**Шахта для добычи руды.
С рисунка XVIII в. НМ РТ.**

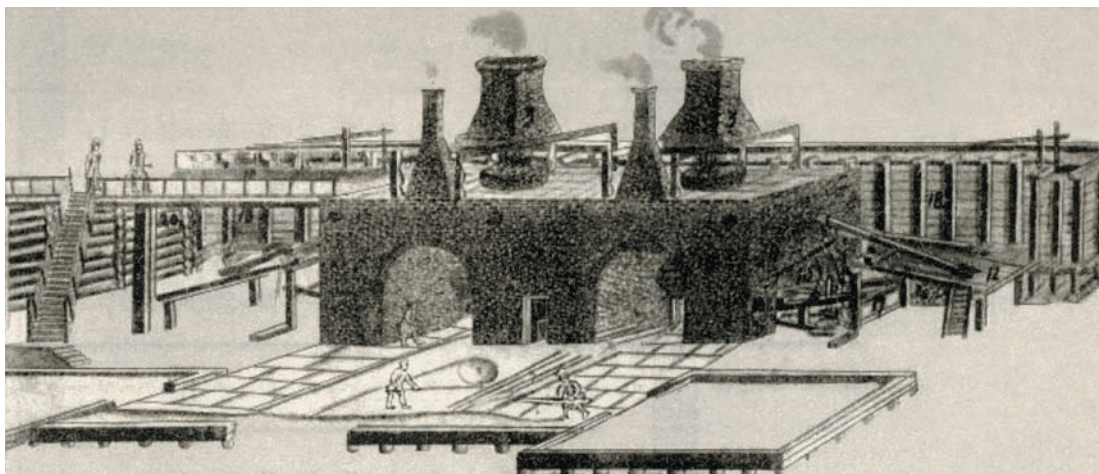

Горные разработки. С рисунка XVIII в. НМ РТ.

Шахта. С рисунка XVIII в. *НМ РТ.*

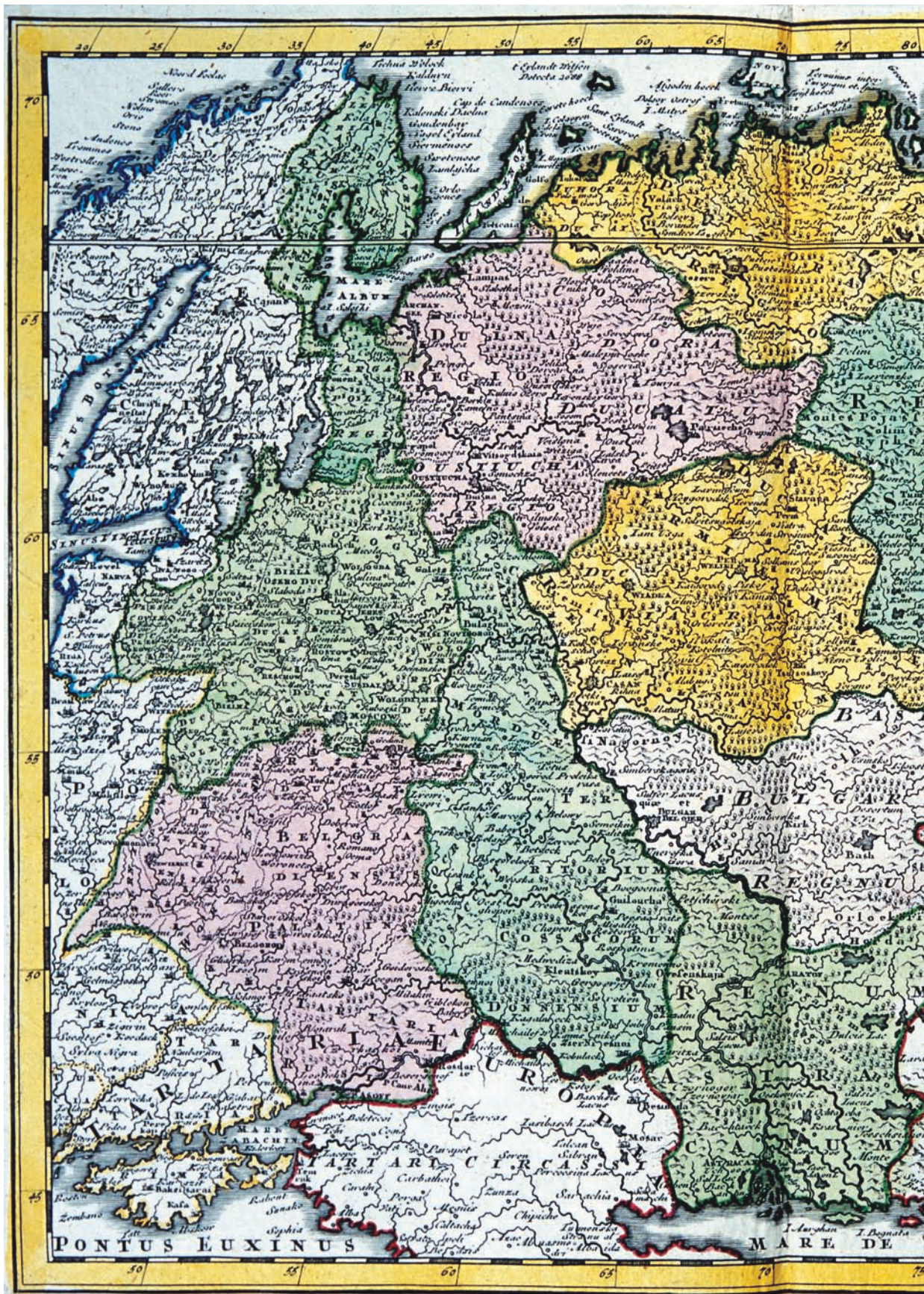

Доменные печи. С рисунка XVIII в. *НМ РТ.*

**Чайник, изготовленный на Иргинском заводе Ивана Осокина.
Урал. Середина XVIII в. Латунь. *НМ РТ.***

PONTUS EUXINUS

MARE DE

**Турецкие сабли
«КЫЛЫЧ».**
Турция. XVIII в. *НМ РТ.*

Пистолет двуствольный с кремневыми замками.
Мастер Иоганн Хоффер. Карлсбад. Первая половина XVIII в. *НМ РТ.*

Уткин Н. Портрет императрицы
Екатерины II.
С живописного оригинала
Д.Г.Левицкого. Россия. 1832 г.

Карета Екатерины II.
Вторая половина XVIII в. *НМ РТ.*

Галера «Тверь». Казань. Фотография Г.Ф.Локке. 1890-е гг. *НМ РТ.*

Развалины Белой палаты. Гравюра А.Дюрана. 1839 г.

Казанские татары. Гравюра из сочинения И.Георги.

(Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ и прочих достопамятностей. СПб., 1776).

Татары. Гравюра Ж.Б.Лепренса. 1768 г.

Молодая татарка.
Гравюра Ж.Б.Лепренса. 1768 г.

Казанские татары. Гравюра Х.-Г.Гейслера.
(Паллас П.С. Путешествие по разным
провинциям Российской империи». Ч.1-3. СПб., 1773-1778).

Мечеть Марджани. Казань.

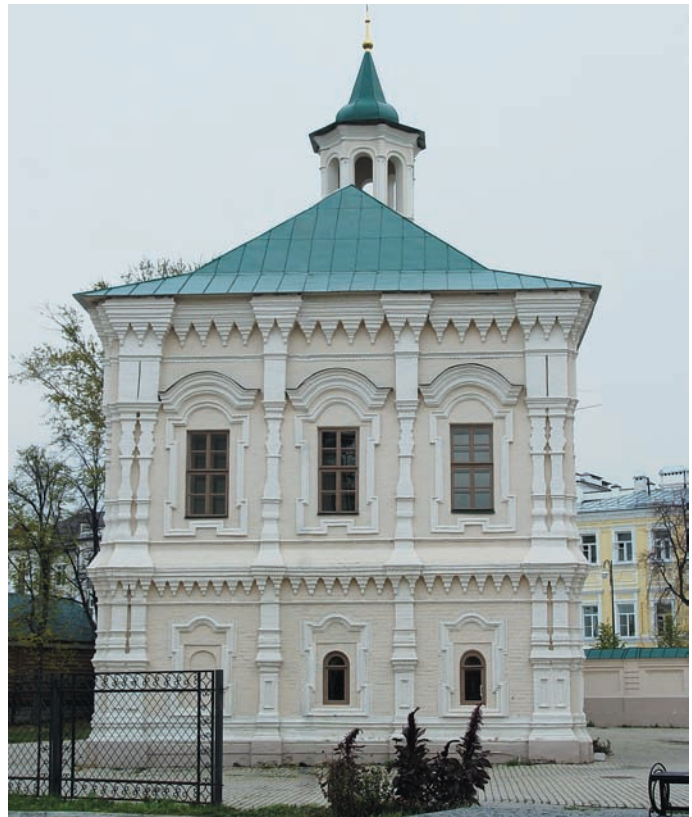
Мечеть Марджани. Казань. Фото Б.И.Измайлова.

Гипсовый лепной декор потолка молельной залы мечети Марджани. Казань. XVIII в. (Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969).

Апанаевская мечеть. Казань.
Конец XIX – начало XX в.

Апанаевская мечеть.
Казань. Современный вид.
Фото Б.И.Измайлова.

Татарская слобода. Казань. Современный вид. Фото Б.И.Измайлова.

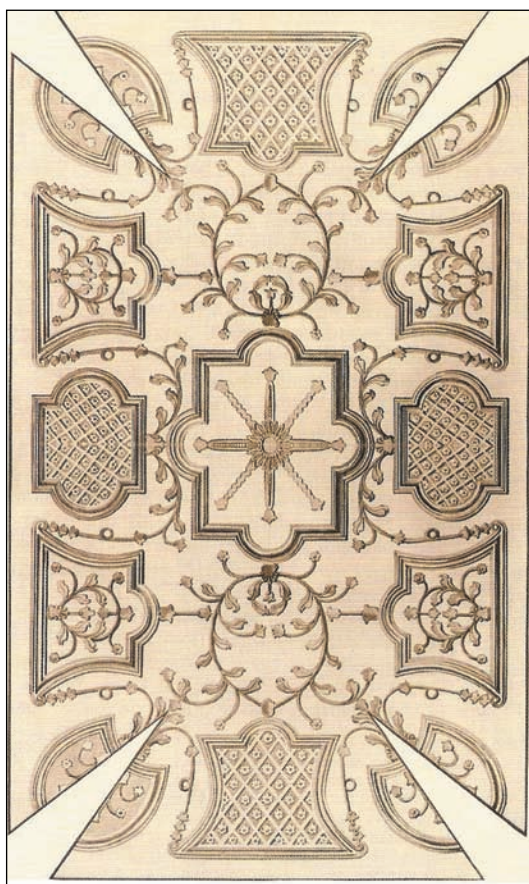

Мечеть в с. Кшкар. Арский район РТ. Вторая половина XVIII в. *Фото Б.И.Измайлова.*

Мечеть в с. Кшкар. Арский район РТ. Вторая половина XVIII в. Фото Б.И.Измайлова.

Графическая реконструкция
лепного декора потолка малой залы
мечети в с. Кшкар. Автор Ф.Х.Валеев.

کز اینم آینه آفرینش آفرینش
 هر که یک چشم بیدار توین آله
 چنگه توین آفرینش آفرینش
 شد اینم نقشه آفرینش آفرینش
 بلای بر نفس چشم نقاشی آفرینش
 بر کله شانه زین آفرینش آفرینش
 روح قد ستم شیشه آفرینش آفرینش
 سوزده شیشه نظم آفرینش آفرینش
 نهاد آفرینش آفرینش آفرینش آفرینش
 چنگی آفرینش آفرینش آفرینش آفرینش

عناکاران اسکندر در آخر جماد اول

تا نوشته بیدار آفرینش
 مخرمه سوزده چشم بیدار آفرینش
 دور بو عینیه آفرینش آفرینش
 طریح شکست آفرینش آفرینش
 کوزه آفرینش آفرینش آفرینش
 کیم آفرینش آفرینش آفرینش
 کم آفرینش آفرینش آفرینش
 کوه آفرینش آفرینش آفرینش
 چغری آفرینش آفرینش آفرینش
 کیم آفرینش آفرینش آفرینش

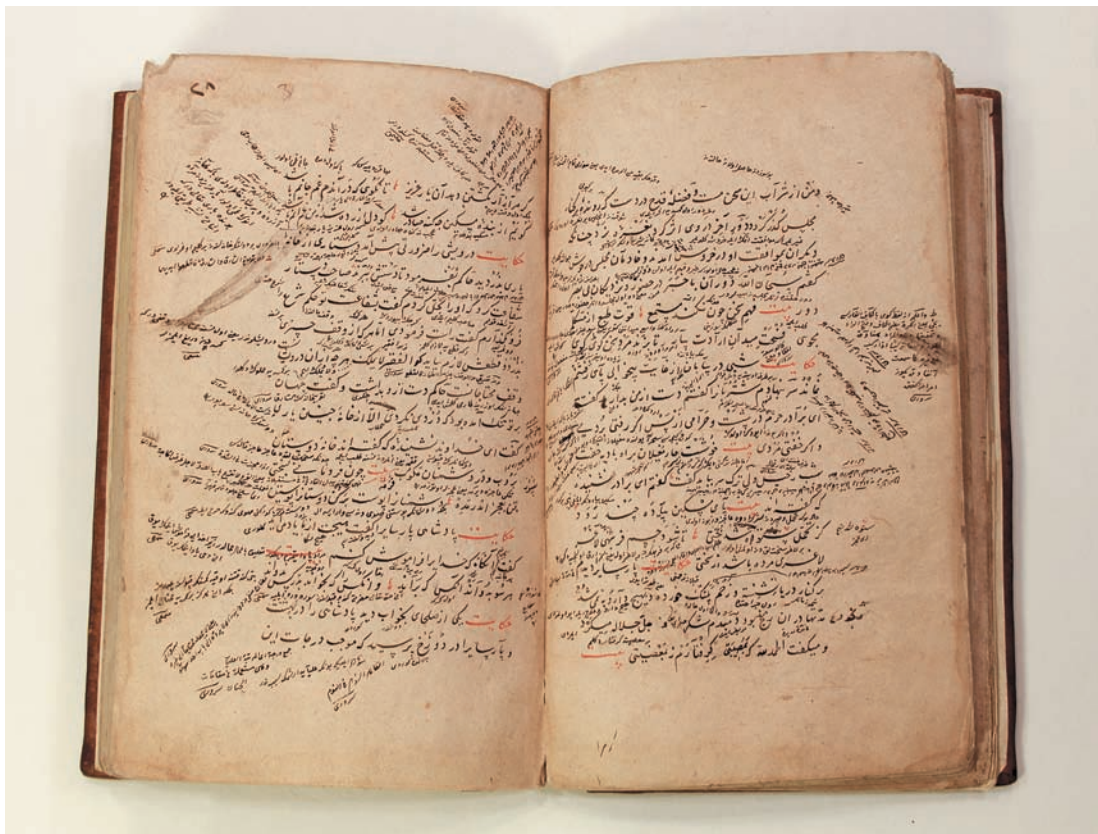
کیم شاعر آفرینش آفرینش
 حمله آفرینش آفرینش آفرینش

Ахмади. Поэма об Искандаре. Среднее Поволжье. XVIII в. Бумага, чернила, рукопись. ИМ РГ.

Муррадым бин Ибрагим. Разворот рукописной книги по мусульманскому праву – «фиqh». Бумага, чернила. XVIII в. Фонд рукописей ИЯЛИ АН РТ.

М. Сагди Ширази. Гулистан. 1554 г. Подстрочный перевод XVIII в. на тюркском языке.
Бумага, разноцветные чернила; рукопись, персидский язык. *НМ РТ.*

Сборник рукописей. Среднее Поволжье.
Конец XVIII – начало XX в. Бумага, чернила; рукопись. *ИМ РТ.*

Коран. Среднее Поволжье. Конец XVIII в.
Бумага, разноцветные чернила; рукопись. *НМ РТ.*

Нагрудная перевязь - хасите. Филигрань, глиптика, инкрустация самоцветами.
Конец XVIII – начало XIX вв. *НМ РТ.*

Калфак. Аппликация синелью.
Конец XVIII – начало XIX вв. *НМ РТ.*

Калфак. Аппликация синелью.
Конец XVIII – начало XIX вв. *НМ РТ.*

Височно-нагрудное украшение.
Казанская губерния. Конец XVIII - начало XIX в.
Серебро, золочение, бронза, рубины. *НМ РТ.*

Коранница миниатюрная.
Филигрань, инкрустация. XV-XVI вв.
Музей изобразительных искусств РТ.

Свадебное золотошвейное полотенце «Казан селгесе».
Конец XVIII – начало XIX вв. *НМ РТ.*

Накосник-чулка. Филigrань, зернь. Конец XVIII – начало XIX вв. *Музей изобразительных искусств РТ.*

Бляха. Бугорчатая филigrань, инкрустация самоцветами. Конец XVIII в. *НМ РТ.*

Серьги-алка. Филigrань. Конец XVIII – начало XIX вв. *Музей изобразительных искусств РТ.*

КАРТА
 КАЗАНСКАГО
 НАМЪСТНИЧЕСТВА
 раздѣленная
 на 13 Уѣздовъ

Симбирскъ

Чернильницы подвесные. XVII – XVIII вв.
Металл, чеканка. *НМ РТ.*